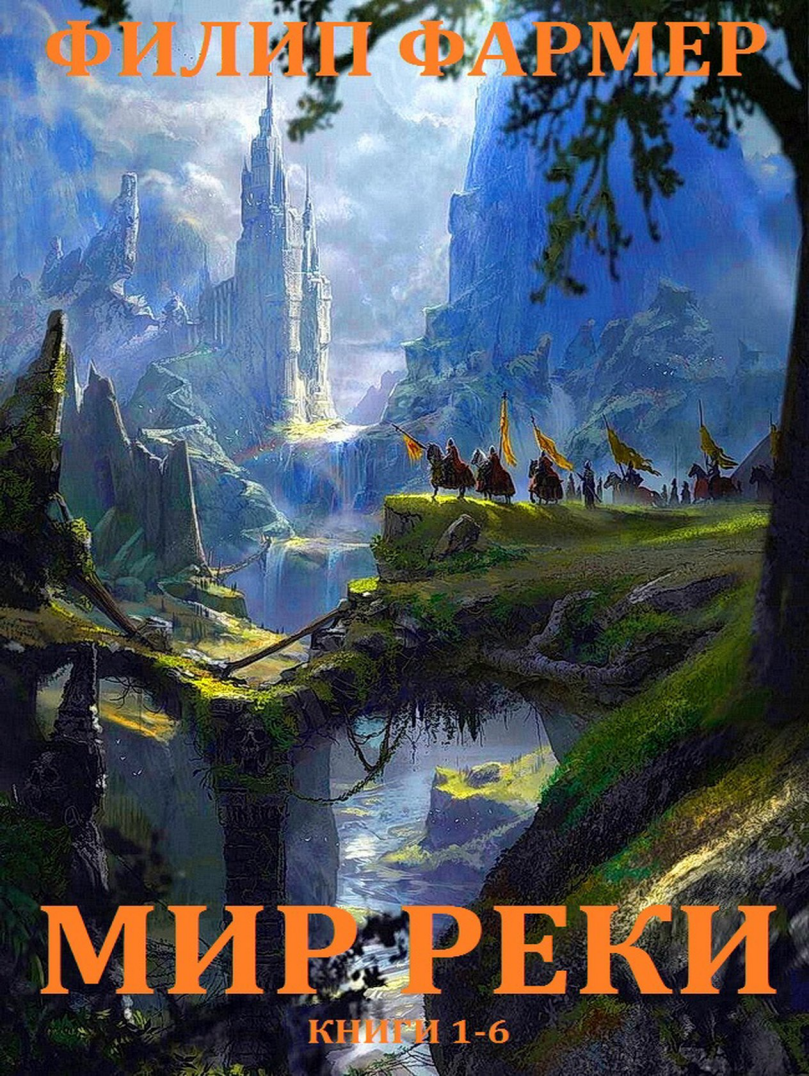
ФИЛИП ФАРМЕР



МИР РЕКИ

КНИГИ 1-6

Сборник "Мир реки". Компиляция. кн.1-6

Филип Хосе Фармер, Дэвид Бишоф

Аннотация
Филип Хосе Фармер. В свои разрушенные тела вернитесь
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30

Филип Хосе Фармер. Сказочный корабль

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12

13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
Филип Хосе Фармер. Темные замыслы
1
2
3
4
5
6
7
8
9

10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35

36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61

62
63
64
65
66
67
68
69
70
Филип Хосе Фармер. Магический лабиринт
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ
ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ
ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ
ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ
ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ
ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ
ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ
ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Филипп Хосе Фармер. Боги мира реки
Глава 1

Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27

Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
ПОСЛЕСЛОВИЕ
Филип Хосе Фармер. Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки
Легенды Мира Реки
Предисловие
Филип Хосе Фармер. Через темную Реку
1
2
3
4
5
6
7
8
Дэйн Хелстром. Дыра в Аду

Аллен Стил. Благословенная земля
1
2
3
4
5
6
Майк Резник, Барри Н. Мальзберг. Всяк человек Бог
Филип К. Дженнингс. Забавы Мира Реки
Гарри Тертлдав. Два вора
Эд Горман. Рай для дураков
1
2
3
4
5
6
7
Джон Грегори Бетанкур. Веселые молодцы Мира Реки
Роберт Вейнберг. Незаконченное дело
1
2
3
4

5
Б
7
Тайны Мира Реки
Филип Хосе Фармер. Вверх по светлой Реке
1
2
3
4
5
Джоди Линн Най. Коль не по нраву пьеса королю…
Джерри Олшен. Так уж мы устроены
Оул Гоинбэк. Край чудес
Роберт Шекли. Представления Дягилева
Роберт Сэмпсон. Тайные преступления
Брэд Стрикленд. Медаль героя
Джон Грегори Бетанкур. Дух человека, дух жука
Дэвид Бишоф. Дин Уэсли Смит. Не вернуть
1
2
3
4
5
6

7
8
Лоуренс Уотт-Эванс. Старые солдаты
Эстер М. Фриснер. Легенды
Рик Уилбер. Стивен обретает отвагу
Первая подача:. Когда кто-нибудь падает, собирается толпа
Вторая подача:. Открытая лодка
Третья подача:. Запрокинутое лицо
Четвертая подача: об Отваге
Пятая подана: девушка с улицы
Шестая подача: чудовище
Седьмая подача: невеста обретает Отвагу
Восьмая подача: военный эпизод
Девятая подача:. «Красные Чулки» Отваги
Роберт Вейнберг. Рулетка в Мире Реки
1
2
3
4
5
6
7
8
Филипп Хосе Фармер. Кода

Аннотация

В бесконечной речной долине неведомого мира пробудились умершие на Земле люди. Каждый человек отчетливо помнил свою земную жизнь, и очнуться в месте, чем-то напоминающем христианский рай, было для всех колоссальным потрясением. Ричарду Бартону удается пробудиться в предвоскресительном коконе перед всеобщим воскрешением в Мире Реки. Повсюду вокруг него были миллиарды таких же коконов с людьми. Слух о его пробуждении пошел по всей долине и некоторые люди начали понимать, что за всем этим стоит кто-то всемогущий с неведомыми целями.

Содержание:

1. **Филип Хосе Фармер**: В свои разрушенные тела вернитесь

2. **Филип Хосе Фармер**: Сказочный корабль

3. **Филип Хосе Фармер**: Темные замыслы

4. **Филип Хосе Фармер**: Магический лабиринт

5. **Филип Хосе Фармер**: Боги мира реки

(Перевод: Сергей Трофимов)

6. **Дэвид Бишоф**: Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки [Антология] *(Перевод: Татьяна Усова, Галина Усова)*

Филип Хосе Фармер
В свои разрушенные тела верните

1

Жена обнимала его, словно этим могла спасти его от смерти.

— О Боже, — воскликнул он. — Я умираю!

Дверь в комнату распахнулась, и он увидел огромного черного одногорбого верблюда и услышал, как от дуновения горячего ветра пустыни забренчали бубенцы в его сбруе. Затем в двери появилось черное лицо, увенчанное пышным черным тюрбаном. Вошел евнух, подобный черной туче, сжимая в руке гигантский ятаган. Смерть, Разрушительница Наслаждений и Всемогущая Разлучница, наконец пришла.

Наступила тьма. Пустота. Он так и не почувствовал, как его сердце навеки остановилось.

Только небытие.

Затем глаза открылись. Сердце забилось. Он вновь ощутил в себе силы, огромные силы! И нет больше мучительной боли в суставах ног, острых колик в печени, нестерпимой пытки, истязающей сердце.

Было так тихо, что он слышал, как кровь пульсирует в его голове. Он был один в мире безмолвия.

Пространство заполнял ровный, яркий свет, однако он никак не мог понять, что же он видит. Что за предметы над ним, по бокам, внизу? Где он находится?

Он попытался сесть и оцепенел в ужасе. Сесть было не на что — он висел в пустоте. Попытка сесть привела только к тому, что он всего лишь чуть-чуть сместился в сторону, как будто находился в бассейне, наполненном не слишком густой патокой. В полутора футах от кончиков пальцев он увидел стержень из ярко-красного металла. Стержень шел откуда-то сверху, казалось, из бесконечности, и простирался вниз, в бесконечность. Он попробовал было ухватиться за него, поскольку это был ближайший твердый предмет, но что-то невидимое помешало это сделать. Как будто какое-то силовое поле отталкивало его, мешая его движениям.

Мало-помалу он выполнил кувырок. Но невидимая сила остановила его, когда от кончиков пальцев до стержня оставалось всего каких-нибудь полфута. Выпрямившись, он выиграл еще несколько дюймов, но теперь его тело начало вращаться вокруг продольной оси. Он стал судорожно втягивать в себя воздух, хотя и знал, что это вряд ли поможет. Поддавшись панике, он

принялся молотить руками, пытаясь за что-нибудь зацепиться.

Теперь он находился лицом «вниз». Хотя это, пожалуй, с тем же успехом можно было назвать и «вверх». Однако, каким бы ни было это направление, оно было противоположным тому, куда он смотрел при пробуждении. Особой разницы, впрочем, не было. Что «над» ним, что «под» ним — вид был абсолютно одинаков. Он висел в пространстве, и какой-то невидимый и неощутимый кокон не давал ему упасть.

«Внизу», в двух ярдах от него, парило тело женщины с очень бледной кожей. Тело было обнажено и совершенно лишено волос. Казалось, что женщина спит. Глаза закрыты, грудь слегка то опускается, то подымается. Ноги сведены вместе и вытянуты, руки прижаты к туловищу. Она медленно поворачивалась, как цыпленок на вертеле.

Та же сила, что вращала его, поворачивала и ее. Он медленно перевел взор в сторону и увидел бесконечное число обнаженных тел, также без малейших следов растительности — тела мужчин, женщин и детей, простиравшиеся во все стороны от него безмолвными вращающимися рядами. Как раз над ним вращалось голое тело

негра.

Он опустил голову, чтобы взглянуть на свое собственное тело. Он тоже был обнажен и лишен волос. Кожа была гладкой, мышцы живота — упругими, молодые сильные мускулы буграми вздувались на бедрах. Исчезли набрякшие темно-синие вены. Тело больше не было телом изможденного и больного шестидесятилетнего старика, умершего всего мгновение назад. Исчезли и многочисленные шрамы, покрывавшие его тело.

Он заметил, что среди тел, окружавших его, не было тел стариков или старух. Всем, казалось, было лет по двадцать пять, хотя точно определить возраст было трудно — лишенные волос головы и гениталии делали людей и старше, и моложе одновременно.

Когда-то он похвалялся, что не ведает страха. Теперь же страх вспорол его горло, навалился на него и, казалось, выдавливает из него эту вновь обретенную жизнь.

Сначала он был ошеломлен тем, что все еще жив. Затем его местоположение в пространстве и новое окружение заставили замереть все чувства. Ощущение было таким, будто он смотрит и воспринимает все сквозь толстое полупрозрачное

стекло. Еще через несколько секунд что-то как бы щелкнуло внутри него. Он почти отчетливо услышал этот звук, словно внезапно распахнулось окно.

Мир принял очертания, которые он мог воспринять, но еще не был в состоянии постичь. Над ним, под ним, по бокам — всюду, насколько можно было видеть, плавали тела. Они располагались правильными вертикальными и горизонтальными рядами. Верхние ряды отделялись от нижних стержнями, тонкими, как прутики; один из стержней проходил в футе от ног спящих, другой — на таком же расстоянии от головы. Каждое тело размещалось в шести футах от другого, как вверх и вниз, так и в обе стороны.

Стержни поднимались из бездны, простиравшейся до бесконечности вниз, и пропадали в бесконечной бездне наверху. Серая мгла, в которой исчезали стержни и тела — вверху и внизу, слева и справа — не была ни небом, ни землей. Вдали тоже не было видно ничего, кроме тусклой бесконечности.

С одной стороны от него находился смуглый мужчина, похожий на итальянца, с другой — жительница Индии, а за ней — крупный мужчина с характерными нордическими чертами. Толь-

ко после третьего оборота ему удалось понять, почему этот мужчина показался ему странным. Его правая рука, начиная от самого локтя и до кончиков пальцев, была красной, словно на ней не было наружного слоя кожи.

Еще через несколько мгновений недалеко от себя он заметил тело мужчины, у которого на лице не было не только кожи, но и мускулов.

Были и другие тела, у которых чего-либо не доставало. Довольно далеко смутно виднелся скелет с клубком внутренностей меж ребер.

Он продолжал озираться, все так же вращаясь. Вдруг сердце в ужасе затрепетало у него в груди. Только сейчас он понял, что находится внутри какой-то колоссальной камеры и что металлические стержни излучают ту силу, которая непонятным образом поддерживает и вращает миллионы — если не биллионы — человеческих существ.

Где же расположено это место?

Во всяком случае, не в городе Триесте 1890 года, входящем в состав Австро-Венгерской Империи.

Оно нисколько не походило на ад или на небеса, о которых ему доводилось слышать либо читать, хотя он всегда считал себя знатоком всех версий загробной жизни.

Он умер. Теперь же он ожил. В течение всей жизни загробный мир вызывал в нем только усмешку. Теперь же он не мог отрицать его существования. И очень хорошо, что рядом не было никого, кто мог бы сказать с усмешкой: «А, что я говорил тебе, проклятый нечестивец!»

Из всех этих миллионов людей бодрствовал только он один.

Он прикинул, что один полный оборот совершается за девять секунд. Вдруг на глаза ему попалось нечто, от чего он чуть было не задохнулся в изумлении. В пяти рядах от него висело тело, которое только на первый взгляд казалось человеческим. Но ни один представитель рода «гомо сапиенс» не имел четырех пальцев на руках и ногах! Так же как и кожистого носа и тонких черных губ, как у собак. Да вдобавок мошонки со множеством мелких шишек и ушных раковин столь причудливой формы.

Страх понемногу отступил. Сердце стало биться ровнее, но все еще не вернулось к привычному ритму. Мозг понемногу приходил в нормальное состояние. Ему просто необходимо выбраться из этого положения, где он столь же беспомощен, как и кабан на вертеле.

Надо что-то делать.

Он должен найти кого-нибудь, кто знает, что он здесь делает, как сюда попал и почему? Вместе с решимостью к нему вернулась и способность действовать.

Он подтянул к себе колени и резко выпрямил ноги. Обнаружив, что это движение продвинуло его тело на полдюйма, он еще раз резко выбросил вперед ноги и снова ощутил, что преодолевает сопротивление неведомых сил. Но стоило ему остановиться, как его медленно повлекло назад, в первоначальное положение.

Неистово работая руками и ногами, словно пловец, он добился небольшого продвижения к стержню. Но чем ближе к нему он оказывался, тем мощнее становилась силовая паутина, в которой он беспомощно барахтался. Однако он не собирался сдаваться. Уступи — и снова окажешься в исходной точке, а сил начать все сначала уже не будет. Да и не в его характере было уступать, пока не израсходованы силы.

Он тяжело дышал, тело покрылось потом, ноги и руки двигались как бы в густом студне, и все же он перемещался! Наконец, кончиками пальцев левой руки он дотянулся до стержня. На ощупь тот был твердым и теплым.

Внезапно он ощутил свой вес, понял где нахо-

дится «низ» и… тут же начал опускаться.

Прикосновение к стержню как бы развеяло колдовские чары. Силовая паутина вокруг него беззвучно опала, и он стал медленно погружаться куда-то вниз.

Теперь он был настолько близок к стержню, что смог ухватится за него одной рукой. Внезапно появившееся ускорение рвануло его вниз, заставив инстинктивно, испытывая при этом жуткую боль, всем телом навалиться на стержень. Трение в скользящей по нему руке все более усиливало жар в ладони. Наконец, не вытерпев страшной боли, он ухватился за стержень и другой рукой, пытаясь остановить свое падение.

Впереди него, по другую сторону стержня, начали падать тела. Они опускались с земным ускорением свободного падения и при этом сохраняли свое положение и первоначальное расстояние между собой как сверху, так и снизу. Они даже не прекратили свое вращение.

Его вспотевшая спина ощутила движение сзади. Оглянувшись, он увидел, что и там начали падать спящие тела. Одно за другим, продолжая методично вращаться, они проносились мимо него. Их головы проходили лишь в нескольких дюймах от него. Ему просто повезло, что его не

сшибло со стержня и не увлекло вместе со всеми в зиявшую бездну.

Некоторое время он просто смотрел на эту процессию проносящихся мимо него тел. Затем он начал считать их. Он всегда любил точные цифры. Но когда он досчитал до трех тысяч его терпение лопнуло. Он только тупо смотрел на этот водоворот плоти. Где же, в какой невообразимой глубине начнется укладка этих людей? Сколько еще их будет? Он невольно обрек их на это падение в тот момент, когда его прикосновение к стержню оборвало излучаемую этим предметом энергию.

Он был не в состоянии подниматься вверх по стержню, но мог спускаться. Потихонечку он начал сползать вниз, но когда через некоторое время поднял голову и посмотрел вверх, то сразу же начисто забыл о телах, со свистом проносящихся мимо него. Где-то далеко вверху мощное гудение перекрыло свист падающих тел.

Узкий предмет из ярко-зеленого материала, по форме напоминающий каноэ, опускался между колонной падающих тел и вереницей продолжавших находиться в подвешенном состоянии. Это воздушное каноэ на первый взгляд не имело ничего, что могло бы держать его в воздухе, от-

метил он. Абсолютно ничего, словно волшебный ковер-самолет из сказок тысячи и одной ночи.

Над краем этого воздушного корабля появилось лицо. Лодка остановилась, и гудение прекратилось. За первым лицом показалось еще одно. У обоих были длинные прямые волосы. Затем лица исчезли, гудение возобновилось, и вместе с ним возобновилось движение каноэ. Лодка медленно и неотвратимо приближалась к нему. Когда до него оставалось что-то около пяти футов, аппарат вновь остановился. На его зеленом носу виднелся маленький символ — белая спираль, закрученная вправо. Один из находившихся в этой диковинной лодке людей заговорил на незнакомом языке со множеством гласных и отчетливыми часто повторяющимися гортанными звуками. В этом языке было что-то от полинезийского.

Внезапно невидимый силовой кокон снова обволок его. Скорость падающих тел вокруг него постепенно стала уменьшаться, и вскоре они совсем застыли на месте. Человек, вцепившийся обеими руками в стержень, ощутил, как какая-то невидимая сила схватила его и стала поднимать. И хотя ладонями он с отчаянием погибающего продолжал сжимать стержень, ноги его поднимались вверх. За ними последовало и тело. Теперь

он смотрел уже вниз. Руки невольно разжались. Ему показалось, что вместе с этим он снова стал терять контакт с жизнью, с сознанием, с окружающим миром. Снова вращаясь, он медленно поплыл вверх, мимо каноэ, и завис над ним. Сидевшие в лодке люди были обнажены. Они были довольно красивы: темнокожие, как арабы из Йемена, с нордическими чертами лица, какие он встречал у исландцев.

Один поднял руку с зажатым небольшим металлическим предметом размером с карандаш. Похоже, это было какое-то оружие, судя по тому, как он его держал.

Человек, повисший в воздухе, взвыл от ярости и нахлынувшей ненависти к незнакомцу. Ощущая полное бессилие, он тем не менее бешено замахал руками, стремясь приблизиться к неизвестной машине.

— Убью! — закричал он, захлебываясь от злости. — Убью! Убью!!!

И тут снова наступило забвение.

2

Бог возвышался над ним, а он лежал на траве под сенью плакучих ив с открытыми глазами и беспомощный, как новорожденный младенец. Бог тыкал ему под ребра концом металлического прута. Это был высокий человек среднего возраста с длинной черной раздвоенной бородой. Бог был одет как джентльмен в годы правления королевы Виктории.

— Ты опоздал, — произнес Бог. — Давно пора оплатить свой долг. Ты понял?

— Какой долг? — спросил Ричард Френсис Бартон. Он провел пальцами по ребрам, чтобы удостовериться в их целости.

— Ты обязан мне плотью, — ответил Бог и опять ткнул металлическим прутом под ребра. — Не говоря уже о духе. Ты задолжал мне за тело и душу, что в общем-то одно и то же.

Бартон изо всех сил пытался подняться на ноги. Никто, даже Бог, не смеет тыкать Ричарда Бартона в ребра и безнаказанно уйти после этого.

Не обращая внимания на эти тщетные попытки, Бог вытащил большие золотые часы из кармашка жилета, отщелкнул массивную резную

крышку, взглянул на них и произнес:

— Давно пора.

Бог протянул другую руку открытой ладонью вверх:

— Плати. В противном случае я буду вынужден лишить тебя права дальнейшего пользования.

— Пользования чем?

Наступила тьма. Бог начал растворяться во мгле. Именно тогда Бартон заметил, что Бог похож на него самого. У него были такие же темные прямые волосы, лицо с черными колючими глазами, высокие скулы, полные губы и выдвинутый вперед сильно раздвоенный подбородок. Тот же длинный шрам — след от сомалийского дротика, вонзившегося в его челюсть во время памятной схватки вблизи Берберы. Небольшие руки и ноги резко контрастировали с широкими плечами и мощной грудью. И еще у Бога были длинные черные усы; за эти самые усы бедуины прозвали его «Отцом Усатых».

— У тебя взгляд дьявола, а не Бога, — крикнул Бартон, обращаясь к ускользавшему во мгле Богу, но тот уже стал всего лишь еще одной тенью во мгле.

3

Бартон еще спал, но уже не крепко, осознавая, что пока еще спит. Свет заступал место уходящей ночи.

Затем глаза его открылись. И он опять не понял, где находится.

Над ним было голубое небо. Легкий ветерок обвевал его обнаженное тело. Лишенная волос голова, спина, ноги и ладони рук касались травы. Он повернул голову направо и увидел равнину, покрытую низкой ярко-зеленой и густой растительностью. Равнина плавно поднималась вверх на расстоянии около мили, а еще дальше простиралась гряда холмов — сначала пологих, затем все круче и круче, дальше форма их становилась беспорядочной, и в конце концов они превращались в горы. Холмы простирались мили на две с половиной. Они были покрыты деревьями, которые сверкали алыми, лазурными, ярко-зелеными и ярко-розовыми красками. Невообразимо высокие горы за холмами, вздымались круто — почти отвесно. Они были черные с бледно-зеленым, напоминая остекленевшие породы вулканического происхождения, с пятнами лишайника, покры-

вавшего не менее четверти их поверхности.

Между ним и холмами лежало множество человеческих тел. Ближе всех, всего лишь в ярде, лежала женщина с необычайно бледной кожей, которая прежде находилась в нижнем от него вертикальном ряду.

Ему захотелось подняться, но это у него не получилось, настолько он был вялым и оцепеневшим. Все, что ему удалось сделать, да и то большим усилием, это повернуть голову влево. На равнине, полого спускавшейся к реке, на протяжении примерно сотни ярдов лежало еще множество голых тел. Река была в милю шириной, а на другом ее берегу простиралась такая же равнина, тянувшаяся на расстояние около двух миль. Она также поднималась вверх к подножию холмов, сплошь покрытых деревьями. Еще дальше громоздились отвесные кручи гор. И над ними сияло только что взошедшее солнце. Там восток, с трудом сообразил Бартон.

Почти у самой кромки воды находилось необычное строение. Оно было из серого с красными крапинками гранита и по форме напоминало гриб не менее двух ярдов высотой, а шляпка — около пятнадцати ярдов в диаметре.

Ему все же удалось приподняться, оперевшись

на локти.

По обеим берегам реки виднелось много таких же гранитных грибов.

Повсюду на равнине лежали обнаженные человеческие тела без волос на голове. Друг от друга их отделяло не более двух ярдов. Большинство людей лежало на спине, устремив взор в небо. Некоторые начинали уже шевелиться, озираясь по сторонам, и даже привставать.

Он сел и ощупал руками голову и лицо. Они были гладкими.

Его тело не было высохшим, сморщенным, скрюченным телом шестидесятилетнего старика, лежавшего на смертном одре. Сейчас у него была гладкая кожа и могучее мускулистое тело. Такое тело у него было в двадцать пять лет… и в том сне, когда он висел между двумя стержнями. Во сне ли??? Слишком отчетливым и ярким он был, чтобы быть сном. Нет, то был не сон.

На своем запястье он обнаружил узкое кольцо из прозрачного материала, соединенное с ремешком из того же материала в полфута длиной. Другой конец ремешка был зажат в металлической дужке на рукоятке цилиндра из сероватого материала, плотно закрытого крышкой.

Лениво, не сосредотачиваясь, поскольку мозг

работал очень вяло, он поднял цилиндр. Сосуд весил не более фунта. Значит, материал, из которого он изготовлен, — не металл, даже если принять во внимание, что сосуд сейчас пуст. Диаметр цилиндра составлял почти полтора фута, а высота — более двух футов.

Точно такой же предмет был прикреплен к запястью каждого человека.

Пошатываясь, он поднялся на ноги. Сердце постепенно стало биться ровнее, чувства медленно возвращались.

Другие тоже начали подниматься. У многих были недоумевающие, изумленные лица, на некоторых явственно читался испуг. Глаза широко раскрыты и бегают в разные стороны. Дыхание учащено. Некоторые тряслись так, будто стояли на ледяном ветру, хотя было довольно тепло.

Странным, непостижимым и страшным было то, что вокруг стояла абсолютная тишина. Никто не произнес ни слова. Слышен был только свист от дыхания тех, кто находился вблизи.

Рты его соседей были открыты, как будто они хотели что-то сказать. Постепенно люди начали двигаться, заглядывать в лица, иногда протягивая руки, чтобы прикоснуться друг к другу. Они шаркали босыми ногами, поворачивались то в одну,

то в другую сторону, смотрели на холмы, деревья, усыпанные огромными, ярко окрашенными цветами, на покрытые лишайником, устремившиеся ввысь горные вершины, на искрящуюся зеленью реку, на грибовидные камни, на ремешки и прикрепленные к ним металлические контейнеры.

Многие уже заметили, что на голове и лице у них нет волос.

Люди вертелись, делая бессмысленные движения, и все это — в полной тишине.

Вдруг одна из женщин начала стонать. Она опустилась на колени, запрокинула назад плечи, голову и завыла. Мгновенно где-то у самого берега реки завыл еще кто-то.

Эти два крика послужили как бы сигналом. Или, скорее, двойным ключом, который отпер человеческие уста.

Мужчины, женщины и дети принялись кричать, плакать, царапать лица ногтями, бить себя в грудь, падать на колени и воздевать руки в молитве. Они бросались навзничь и зарывались лицом в траву, словно страусы, катались по земле, лаяли как собаки и выли как волки.

Ужас и истерия охватили и Бартона. Ему захотелось пасть на колени и молиться о спасении от Страшного Суда. Ему хотелось милосердия. Он

боялся увидеть ослепительное лицо Бога, которое могло появиться над вершинами этих гор, лицо, сияющее ярче тысячи солнц. Страшный Суд должен был быть столь ужасным, столь всецело окончательным, что он не смел даже подумать об этом.

Когда-то давно ему привиделось, что после того как он умрет, он предстанет перед Богом. В том кошмаре он был маленьким и голым, стоявшим посреди огромной равнины, напоминающей эту, но тогда он был совершенно один. И тогда Бог, огромный как гора, двинулся к нему. А он, Бартон, не сдвинулся с места. Он бросил вызов самому Богу.

Здесь же Бога не было, но тем не менее он позорно бежал. Он бежал по равнине, натыкаясь на одних, обегая других, перепрыгивая через третьих, катавшихся по земле. И на бегу он вопил:

— Нет! Нет! Нет!

Его руки вертелись, как крылья ветряной мельницы, в попытках отогнать невидимые ужасы. Цилиндр, прикрепленный к его запястью, бешено кружился в воздухе.

Затем, когда он настолько запыхался, что уже не мог больше вопить, руки и ноги налились свинцом, воздух начал жечь легкие, а сердце

— стучать как барабан, он рухнул на землю под первым же деревом.

Через некоторое время он сел и взглянул на равнину. Крики и стенания толпы превратились в один сплошной гул. Большинство людей пыталось что-то сказать своим соседям, хотя, казалось, никто никого не слышал. Бартону не удавалось различить ни единого отдельного слова. Некоторые мужчины и женщины обнимались и целовались, как будто они были знакомы в своей предшествующей жизни и теперь не отпускали друг друга, чтобы удостовериться в подлинности и реальности происходящего.

Среди огромной толпы было множество детей, но не было детей младше пяти лет. Так же, как и у взрослых, на их головах абсолютно не было волос. Половина детей плакала, не в силах двинуться со своего места. Другие тоже плакали, но при этом бегали, стараясь заглянуть в лица взрослых, очевидно, разыскивая родителей.

Дыхание Бартона стало более ровным. Он поднялся и осмотрелся. Дерево под которым он стоял, было красной сосной высотой в 1000 футов (иногда ее ошибочно называют норвежской сосной). Рядом росло дерево, которое прежде видеть ему не доводилось. У него был толстый,

покрытый наростами черный ствол и множество массивных веток с треугольными пятифутовыми листьями зеленого цвета с алыми прожилками. Оно было высотой примерно 1500 футов. Рядом росли деревья, похожие на светлый и темный дуб, ель, тис и кедр.

Повсюду были разбросаны группы похожих на бамбук растений, а там, где не было деревьев или бамбука, росла трава почти в ярд высотой. И не было видно ни животных, ни птиц, ни насекомых.

Он стал озираться в поисках хорошей палки или дубины. Он не знал, что дальше будет с человечеством, но если его оставить без контроля, то оно скоро обязательно вернется к своему обычному состоянию. Как только пройдет потрясение, люди вновь займутся собой, то есть примутся выяснять отношения друг с другом.

Он не нашел ничего похожего на оружие. Затем ему пришло в голову, что в качестве оружия можно использовать металлический цилиндр. Он ударил им по дереву, и хотя тот был очень легким, его корпус, на удивление, выдержал этот довольно сильный удар.

Бартон поднял крышку цилиндра, которая с одной стороны была на петлях. Внутренняя

часть имела шесть металлических колец, по три с каждой стороны. Они поддерживали высокую чашку и прямоугольный контейнер из голубого металла. Вся эта посуда была сейчас пустой. Он закрыл крышку и задумался. Не придумав ничего путного, он отбросил эти мысли, решив, что со временем он узнает, для чего нужен этот цилиндр.

Что бы там ни случилось, воскрешение из небытия не повлияло на хрупкое равновесие человеческого организма. Все было на своем месте — и кости, и кровь, и плоть.

Хотя он все же в какой-то степени еще чувствовал себя отрешенным от действительности, он уже вполне оправился от потрясения.

Ему хотелось пить! Ему нужно спуститься к реке и напиться. Надо надеяться, что вода в ней не ядовита. От этой мысли он криво ухмыльнулся и провел пальцем по верхней губе. На мгновение он опешил, но тут же понял, что исчезли и его пышные усы. О да, вода в реке наверняка не отравлена. Что за нелепая мысль! Зачем возвращать мертвому жизнь — неужели только для того, чтобы снова убить его??? И все же он еще долго стоял под деревом. Ему совсем не хотелось идти назад сквозь захлебывавшуюся в болтовне

истеричную толпу. Здесь, вдали от людей, он был почти что свободен от ужаса и паники, которые как море захлестнули воскресшее человечество. Если только он отважится вернуться туда, его снова захлестнет их эмоциями!

Вскоре он увидел, как кто-то отделился от толпы обнаженных и побрел к нему. Тут он разглядел, что это был не человек!

Только сейчас Бартон со всей уверенностью осознал, что этот День Воскрешения совершенно отличен от любого, который какая-либо религия предрекала дрожащему от ужаса человечеству.

Бартон не верил в Бога, изображаемого христианами, мусульманами, индусами, и вообще, приверженцами любой другой известной ему религии. По сути, он вообще не был уверен, что верит в существование какого-либо Создателя. Он верил только в Ричарда Френсиса Бартона и еще в некоторых своих друзей. И еще он твердо верил в то, что когда он умрет, мир прекратит свое существование.

4

Когда он пробудился после смерти в этой речной долине, ему нечем было опровергнуть сомнения, появляющиеся у каждого человека, как только он сталкивается либо с первыми этапами религиозной обработки, либо со зрелым обществом, не упускающим случая на каждом шагу промыть мозги своим членам.

Сейчас, глядя на приближающегося нечеловека, он был убежден в существовании какого-то объяснения всему случившемуся, но только не сверхъестественного. Была какая-то физическая, научно обоснованная причина тому, что он здесь находится! И нет надобности углубляться в иудейско-христианско-мусульманскую мифологию.

Оно, это существо, было… нет, скорее всего — он (в мужском естестве сомнений не возникало) был двуногим, ростом не более семи футов. Его бледно-розовое тело было очень хрупким на вид. На каждой из конечностей — по четыре очень длинных и тонких пальца, причем так же как и у человека, большой палец на руке отстоял от остальных. Ниже сосков на груди располагались два темно-красных пятна. Лицо было почти че-

ловеческим. Густые черные брови свисали на выдвинутые вперед скулы. Ноздри были окружены тонкой губчатой тканью. Хрящ на конце носа прорезала глубокая впадина. Губы были тонкие, кожистые и черные. Уши не имели мочек, а очертания ушной раковины очень сильно отличались от человеческой. Мошонка выглядела так, будто она содержала много маленьких яичек.

Он уже видел это существо, плававшее в одном из рядов в том кошмарном месте.

Существо остановилось в нескольких шагах от него, обнажив совершенно человеческие зубы, и произнесло:

— Надеюсь, вы говорите по-английски. Хотя я могу столь же бегло говорить по-русски, по-китайски или на хинди.

Бартону стало немного не по себе. Его охватило такое чувство, будто с ним заговорила собака или обезьяна.

— У вас среднезападный американский акцент, — произнес наконец Бартон. — Весьма недурно. Хотя и чересчур академично.

— Благодарю вас, — сказало существо. — Я последовал за вами, поскольку вы, как мне показалось, единственный, у кого нашлось достаточно здравого смысла, чтобы выбраться из этого хаоса.

Возможно, у вас есть какое-то объяснение этому… Как вы это называете?.. Воскрешение?

— Похоже, у нас с вами одинаковые возможности для оценки происходящего, — пожал плечами Бартон. — По сути, у меня нет никаких объяснений даже вашему существованию среди воскрешенного человечества.

Тяжелые надбровья нечеловека дернулись. Как решил Бартон, этот жест мог означать удивление или же недоумение.

— Нет? Очень странно. А я мог бы поклясться, что нет ни одного из шести миллиардов землян, кто бы не слышал обо мне или не видел меня по ТВ.

— По ТВ???

Брови существа снова дернулись.

— Вы не знаете, что такое ТВ, — растягивая слова, произнес нечеловек, но тут же улыбнулся. — Ну, конечно же, как это глупо с моей стороны. Вы, должно быть, умерли прежде, чем я прибыл на Землю?

— А когда это случилось?

Брови существа поднялись. Бартону показалось, что это эквивалент нахмуривания. Существо медленно вымолвило:

— Давайте разберемся по порядку. Я уверен, что

по вашему летоисчислению это было в 2008 году н. э. А когда же вы умерли?

— В 1890 году.

Слова существа снова пробудили в Бартоне ощущение нереальности происходящего. Он провел языком по внутренней стороне зубов. Коренные зубы, которые он потерял после памятного удара сомалийским дротиком, пронзившим обе его щеки, теперь были на месте.

— По крайней мере, — добавил он, — я ничего уже не помню после 20 октября 1890 года.

— О! — выдавило из себя существо. — Значит, я покинул свою родную планету за 200 лет до того, как вы умерли? Моя планета? Это спутник той звезды, которую вы, земляне, называете Тау Кита. Мы погрузили себя в состояние продолжительного охлаждения, и когда наш корабль приблизился к вашему солнцу, автоматы разморозили нас и… но вы понимаете, о чем я говорю?

— Не совсем. Все произошло так быстро. О подробностях мы могли бы поговорить и несколько позднее. А пока, не могли бы вы сказать мне, как вас зовут?

— Монат Граутат. А вас?

— Ричард Френсис Бартон, к вашим услугам.

Он слегка поклонился и улыбнулся. Несмотря

на необычную внешность этого существа и некоторые отталкивающие детали его физиологии, Бартон почувствовал к нему расположение.

— В прошлом капитан, сэр Ричард Френсис Бартон, — добавил он через мгновение. — В конце своих дней — консул Ее Величества в австро-венгерском порту Триест.

— Елизаветы?

— Я жил в девятнадцатом веке, а не в шестнадцатом.

— Королева Елизавета правила в Великобритании в двадцатом веке, — сказал Монат и обернулся, глядя на берег реки. — Почему они все так напуганы? Все люди, с которыми мне приходилось встречаться, были убеждены либо в том, что загробной жизни не существует, либо в том, что им в грядущем будет отдано предпочтение перед другими.

Бартон усмехнулся и произнес:

— Те, кто отрицал загробную жизнь, теперь убеждены, что они в аду из-за этого отрицания. Те же, что были уверены в том, что попадут на небеса, испытали, как мне кажется, потрясение, обнаружив себя обнаженными. Вы понимаете, на большинстве наших изображений загробного мира те, кто попал в ад — обнажены, а те, кто

вознесся на небеса — одеты. Так что если тебя воскресили с голым задом, значит, ты, скорее всего, в аду.

— Похоже, что вас это развлекает.

— Несколько минут назад мне было совсем не до смеха, — сказал Бартон. — Я тоже был очень потрясен. Очень потрясен. Но то, что я вижу здесь, наводит меня на мысль, что происходящее — совершенно не то, что предполагает большинство людей на этой равнине. Я полагаю, что этому существует объяснение, но пока что оно не укладывается ни в одну из известных на Земле гипотез.

— Я сомневаюсь в том, что мы находимся на Земле, — сказал Монат, подняв вверх длинные тонкие пальцы, на которых вместо ногтей были толстые хрящевые подушечки. — Если прищурившись очень долго смотреть в направлении солнца, то рядом с ним можно увидеть еще одно небесное тело. И это точно не Луна.

Бартон прикрыл глаза, пристроил металлический цилиндр на плечо и стал смотреть в указанном направлении. И он увидел едва светящееся тело размером в одну восьмую часть полной луны. Опустив руки, он спросил:

— Звезда?

— Полагаю, что да, — кивнул совсем по-человечески Монат. — Как мне кажется, и в других областях неба можно увидеть слабо светящиеся тела, но полной уверенности у меня пока нет. Когда наступит ночь, тогда и узнаем, насколько наши предположения верны.

— Но где же, по-вашему, мы находимся?

— Откуда мне знать. — Монат сделал жест в сторону солнца. — Сейчас оно поднимается, затем будет опускаться, и наступит ночь. Я думаю, что не мешало бы приготовиться к наступлению ночи. И… к другим событиям. Сейчас тепло, и становится еще теплее, но ночью, возможно, будет холодно, а кроме того, может пойти дождь. Поэтому неплохо было бы соорудить какое-нибудь убежище. И следует также подумать о еде. Хотя почему-то мне кажется, что вот эта штуковина, — он указал на цилиндр, — накормит нас.

— Почему вы так думаете?

— Я заглянул внутрь. Там есть тарелки и чашки, сейчас, правда, пустые, но очевидно, что они созданы для того, чтобы наполняться едой.

Ощущение нереальности, преследовавшее Бартона, несколько ослабло. Это существо — таукитянин — рассуждает столь прагматично, столь осмысленно, что смогло послужить тем якорем, к

которому Бартон сумел подцепить свои чувства, прежде чем их унесло от него прочь. И несмотря на некоторое отвращение, которое вызывала внешность этого создания, от него исходили дружелюбие и искренность, а это согревало душу Бартона. Более того, любое существо, представляющее цивилизацию, способную преодолеть многие миллионы миль межзвездного пространства, должно обладать очень ценными знаниями и способностями.

От толпы стали понемногу отделяться другие люди. Группа из десяти мужчин и женщин медленно приближалась к ним. Некоторые разговаривали, другие молча брели, широко раскрыв глаза. Не похоже было, чтобы на уме у них была какая-нибудь определенная цель. Их просто несло, будто облако, подгоняемое ветром. Очутившись рядом с Бартоном и Монатом, они остановились.

Мужчина, находившийся в хвосте группы, заставил Бартона особенно внимательно присмотреться к нему. Монат, конечно же, человеком не был, зато этот парень был чем-то вроде прачеловека. Он был пяти футов роста, приземист и очень мускулист. Голова его свешивалась вперед на очень могучей склоненной шее. Низкий,

скошенный лоб; узкий, продолговатый череп. За огромными мохнатыми веками прятались темно-коричневые глаза. Нос представлял собой комок плоти, окружающей ноздри. Выпирающие челюсти выворачивали наружу тонкие губы. Когда-то на нем было, наверное, столько же волос, как и на любой обезьяне, но сейчас, как и все, он был лишен волосяного покрова. Казалось, что его огромные руки могут выжать воду даже из камня — настолько впечатляюще выглядела его несокрушимая мощь.

Он непрерывно оглядывался, как будто опасался, что кто-то может наброситься на него сзади. Люди отходили от него, как только он к ним приближался.

Однако к нему все же подошел какой-то мужчина и заговорил по-английски. Было вполне очевидно, что мужчина и не лелеял мысли о том, что будет понят. Тут, очевидно, подумал Бартон, главное — дружеская интонация голоса. Тем не менее, неандерталец продолжал нервничать.

Подошедший был мускулистым юношей шести с лишним футов роста. Обращенное к Бартону, лицо его казалось красивым. В профиль же оно было до смешного плоским. Глаза незнакомца были зелеными.

Юноша вновь заговорил. Услышав новые слова, недочеловек подскочил. Он посмотрел на говорившего из-под низких выдающихся вперед надбровий, улыбнулся, обнажив огромные желтые зубы, и заговорил на незнакомом Бартону языке. Недочеловек показал на себя и произнес что-то вроде «Каззинтунтруалбемз». Позднее Бартон узнал, что это было его имя и что оно означало: «Человек, который убил длиннозубого».

Среди подошедших было пять мужчин и четыре женщины. Двое мужчин были знакомы друг с другом еще при жизни на Земле и один из них был женат на одной из присутствующих здесь женщин. Все они были итальянцами либо словенцами, жившими в Триесте где-то на рубеже девяностых годов девятнадцатого столетия.

— Эй вы, — обратился Бартон к юноше, единственному из мужчин говорившему по-английски. — Подойдите сюда. Как вас зовут?

Юноша нерешительно приблизился к нему и произнес с ярко выраженным акцентом, характерным для жителей среднезападных штатов:

— Вы англичанин, не так ли?

Бартон протянул руку.

— Да-а-а. Меня зовут Бартон.

Парень поднял лишенные волос брови.

— Бартон? — Он наклонился вперед и уставился в лицо Бартону. — Трудно сказать… Не может этого быть… — Затем он выпрямился. — Меня зовут Питер Фригейт, Ф-р-и-г-е-й-т!! — Он оглянулся, а затем еще более натянуто произнес: — Очень трудно сказать что-либо определенное. Все так потрясены, вы же видите. У меня такое ощущение, будто я распался на отдельные части. Но… мы вот здесь… снова живы… снова молоды… и не в аду… во всяком случае, пока. Я родился в 1916 году, а умер в 2008… все из-за того, что натворил этот проклятый пришелец… Я не виню в этом лично его… он только защищал себя, вы же знаете.

Голос Фригейта перешел в шепот. Он невольно улыбнулся Монату.

— Вы знакомы с этим существом? — спросил Бартон, указывая на Моната.

— Не совсем, — немного помявшись, ответил Фригейт. — Я видел его по телевидению и достаточно хорошо знаю его историю.

Он протянул руку так, будто ожидал, что она будет отвергнута. Монат улыбнулся, и они пожали друг другу руки.

— Мне кажется, было бы совсем неплохо держаться всем вместе. Нам, возможно, придется

защищаться.

— Зачем? — спросил Бартон, хотя причина ему была совершенно ясна.

— Вы же знаете, какими низкими могут быть люди в своем большинстве, — сказал Фригейт. — Как только они освоятся с тем, что воскрешены, тут же начнется борьба за женщин, еду и вообще за все, что кому-нибудь захочется. И я полагаю, что нам следовало бы подружиться с этим то ли неандертальцем, то ли другим нашим предком, как бы его не называли. В любом случае, он будет незаменим в драке.

Казз, так его стали называть в последствии, казалось, так и рвался в группу. Однако он всегда настораживался, как только кто-либо оказывался слишком близко к нему.

Мимо брела женщина, непрестанно бормоча себе под нос по-немецки:

— Боже мой! Что я такое сделала, что Ты обиделся?

Какой-то мужчина, размахивая кулаками, кричал по-еврейски:

— Борода! Моя борода!

Другой человек орал на сербском, показывая на свои половые органы:

— Меня сделали евреем! Евреем! Только пред-

ставьте себе! Нет, этого нельзя вынести!

Бартон ухмыльнулся и произнес:

— Этому человеку и в голову не приходит, что, может быть, его сделали магометанином или австралийским аборигеном, а то и древним египтянином! Ведь все эти народы тоже практиковали обрезание.

— А что он говорит? — поинтересовался Фригейт.

Бартон перевел, и молодой человек рассмеялся.

Какая-то женщина пробежала мимо них. Она трогательно пыталась прикрыть руками грудь и лобок, шепча при этом:

— Что они могут подумать. О Боже! Что они подумают.

Мимо прошли мужчина и женщина. Они разговаривали по-итальянски так громко, словно их разделяла широкая автострада.

— Не может быть, чтобы мы находились на небе… Я знаю, о Боже мой, я знаю! Я видела здесь Джузеппе Замеини, а ты знаешь, какой он порочный человек… Он должен был гореть в адском пламени! Я знаю… знаю. Он обкрадывал казну, был завсегдатаем всех борделей, часто напивался до смерти… а теперь он здесь… Здесь!.. Я знаю…

я знаю…

Другая женщина бежала, выкрикивая по-немецки:

— Папа! Папа! Где ты? Это же твоя дорогая Хильда!

Какой-то мужчина сердито смотрел на них, не переставая повторять по-венгерски:

— Я ничуть не хуже других и даже, наверное, лучше многих. И за что же, о Господи, ты поместил меня вместе с ними в ад?

Какая-то женщина кричала, причитая:

— Я потратила всю свою жизнь, всю свою жизнь. Я делала ради них, что угодно, и вот теперь…

Один мужчина, размахивая перед собой металлическим цилиндром, как кадилом, призывал:

— Идите за мной в горы! За мной! Мне открылась истина, люди добрые! За мной! Мы будем в безопасности там, как у Бога за пазухой! Не верьте — все это обман зрения! За мной! Я открою ваши глаза!

Другие несли всякую чушь или молчали, плотно сцепив губы, как будто опасаясь выпустить наружу то, что кипело у них внутри.

— Пройдет некоторое время, прежде чем все успокоятся, — заметил Бартон. Он чувствовал,

что пройдет немало времени, пока и для него мир обретет реальность!

— Возможно, они так никогда и не познают истину, — сказал Фригейт.

— Что вы имеете в виду?

— Им была неизвестна Истина — Истина с Большой Буквы — на Земле! Почему же они должны познать ее здесь? Что заставляет нас полагать, что нам станет доступным Откровение здесь?

Бартон пожал плечами и сказал:

— Не знаю. Но я все-таки думаю, что нам обязательно нужно определить, куда мы попали и как нам можно выжить в этом новом мире. Удача сопутствует тем, кто ищет. Дорогу осилит идущий!

Он сделал жест в сторону реки.

— Видите эти каменные грибы? Они, кажется, размещены с промежутками в милю. Интересно, каково их назначение?

— Если хорошенько присмотреться, — отметил Монат, — то видно, что поверхность каждого из них содержит около семисот круглых отверстий. Они, похоже, такого же размера, как и основания наших цилиндров, так что их можно вставлять в эти углубления. И еще, в центре поверхности шляпки каждого гриба помещен цилиндр. Обследовав этот цилиндр, мы сможем выяснить

назначение остальных. Я полагаю, что он помещен туда только для того, чтобы и мы поступили так же.

5

К ним подошла женщина среднего роста, превосходного сложения. Ее лицо с большими темными глазами было бы прелестным, если бы не отсутствие волос. Она не прикрывала руками свою наготу, но Бартона ничуть не возбуждало то, что он смотрел на обнаженную женщину. Все его чувства сейчас были притуплены.

Хорошо поставленный голос женщины имел оксфордский акцент:

— Я прошу извинить меня, джентльмены, но я невольно вас подслушала… Вы — единственные, кто говорит по-английски. Я — англичанка и ищу защиты. Поэтому я отдаю себя на вашу милость.

— К счастью для вас, мадам, — отвесил поклон Бартон, — вы обратились как раз к нужным людям. По меньшей мере, говоря за себя, я могу вас заверить, что вам будет оказана любая защита, которая в моих силах. Хотя будь я похож на нескольких знакомых мне английских джентльменов, вы бы, возможно, раскаялись в своем опрометчивом поступке. Кстати, этот джентльмен — не англичанин. Он — янки.

Что-то странное было в том, как спокойно го-

ворил он в этот день, в то время как все вокруг кричат и стонут, а вся долина заполнена голыми — в чем мать родила — людьми, начисто лишенными волос.

Женщина протянула руку Бартону.

— Меня зовут миссис Харгривс.

Бартон коснулся руки и поцеловал ее. Он чувствовал себя страшно глупо, но в то же время этот жест укрепил ощущение того, что он находится в здравом уме. Если можно будет сохранить правила хорошего тона, то, возможно, удастся восстановить и нормальный уклад жизни.

— Бывший капитан, сэр Ричард Френсис Бартон, — отрекомендовался он, слегка улыбнувшись, произнося слово «бывший». — Возможно, вы слышали обо мне?

Она убрала руку, но затем снова протянула ее.

— Да, я слышала о вас, сэр Ричард.

— Не может быть! — воскликнул кто-то.

Бартон взглянул на Фригейта, который раньше так спокойно разговаривал с ним.

— Почему это — «не может быть»? — недоуменно спросил он.

— Ричард Бартон! — сказал Фригейт. — Да, однако, совершенно без волос…

— Да-а-а? — нараспев произнес Бартон.

— Да! — кивнул Фригейт. — Точно, как говорится в книгах.

— О чем это вы?

Фригейт сделал глубокий вдох.

— Слушайте и не возражайте, мистер Бартон. Позже я все вам объясню. Теперь же вы должны понять только то, что я сейчас очень потрясен. Или, можно сказать, лишился здравого смысла. Вам это, конечно, пока не понятно. — Он внимательно посмотрел на миссис Харгривс, покачал головой и произнес: — Вас зовут Алиса?

— Конечно же! — кивнула женщина и улыбнулась, отчего стала еще более красивой, отсутствие волос ее ничуть не портило. — Но откуда это вам известно? Разве я встречалась с вами? Нет… я вас не знаю.

— Вы — Алиса Лидделл Харгривс?

— Да!

— Я должен сесть, — сказал американец. Он прошел под дерево и уселся, облокотясь спиной о ствол. Глаза его слегка блестели.

«Очевидно, последствия потрясения», — отметил про себя Бартон. Через некоторое время и от других можно ожидать подобного поведения и бессвязных речей. Он подумал, что и его поведение было в некоторой степени бессмысленным.

Сейчас было важно найти кров и пищу и разработать какой-нибудь план совместной защиты.

Бартон представился остальным сначала на итальянском, затем на сербском. Он предложил собравшимся спуститься к самой реке.

— Я уверен, всех нас мучает жажда, — сказал он. — Кроме того, мы должны обследовать этот каменный гриб.

Они побрели вслед за ним к прибрежной низменности. Повсюду люди сидели прямо на траве, расхаживали взад и вперед. Они прошли мимо громко спорящей пары с раскрасневшимися от гнева лицами. По-видимому, это были когда-то муж и жена, и теперь они возобновили продолжавшийся всю прежнюю жизнь спор. Вдруг мужчина повернулся и зашагал прочь. Не веря своим глазам, жена остолбенело смотрела на него, а затем с криком бросилась за ним. Он отшвырнул ее столь яростно, что она упала на траву, и быстро затерялся в толпе. Женщина же принялась искать его, выкрикивая его имя и угрожая устроить скандал, если муж не выйдет из своего укрытия.

На мгновение Бартон подумал о своей собственной жене, Изабелле. Он не заметил ее в этой толпе, хотя это вовсе не означало, что ее здесь не

было. Она-то уж наверняка будет искать его и не прекратит поисков, пока не найдет.

Он протиснулся сквозь толпу к самому берегу. Опустился на колени и зачерпнул воду ладонями. Вода была чистой, холодной и хорошо освежала. У него возникло такое ощущение, будто его желудок совершенно пуст. И сразу же, как только он утолил жажду, Бартон почувствовал голод.

— Воды Реки Жизни, — сказал Бартон. — Стикса? Леты? Хотя нет, не Леты. Я еще помню кое-что из своего земного существования.

— А я хотел бы позабыть кое-что! — почти выкрикнул Фригейт.

Алиса Харгривс посмотрела на своего соотечественника — Бартона, потом на янки — Фригейта, пожала плечами и опустилась на колени у воды. Оперевшись на руку, другой она черпала воду из реки. «У нее действительно прекрасная фигура, — отметил про себя Бартон. — Интересно, будет ли она блондинкой, когда ее волосы отрастут, если вообще отрастут. Вероятно, у Тех, кто поместил нас сюда, кто бы они не были, были причины, известные только им самим, чтобы сделать нас навечно лысыми».

Они взобрались на верхушку ближайшего к ним грибообразного сооружения. Оно было из

неполированного гранита, испещренного крупными красными вкраплениями. На его плоской поверхности было около семисот выемок, образующих что-то около пятидесяти концентрических окружностей. В центральном углублении находился металлический цилиндр. Его внимательно изучал темнокожий человек с большим носом и скошенным подбородком. Когда они приблизились к нему, он поднял голову и улыбнулся.

— Цилиндр не открывается, — сказал он на немецком. — Может быть, откроется позже. Я уверен, что он помещен сюда для примера. Мы должны поступить так же со своими контейнерами.

Он представился Львом Руахом и, как только Бартон, Фригейт и Харгривс назвали свои имена, тут же переключился на английский с сильным акцентом.

— Я был атеистом, — произнес он, обращаясь скорее к самому себе, чем к остальным. — Теперь же — не знаю! Происшедшее такое же страшное потрясение для атеиста, как и для фанатично верующих, рисовавших загробную жизнь совершенно иначе. Что ж, значит я не прав, и далеко не в первый раз!

Он довольно засмеялся и обратился к Монату.

— А я сразу же узнал вас. Вам очень повезло, что вы воскрешены среди людей, умерших, в основном, в девятнадцатом веке. Иначе бы вас сразу линчевали.

— За что же? — удивился Бартон.

— Он умертвил все человечество, — ответил Фригейт. — По крайней мере, я думаю, что это сделал он.

— Сканирующее устройство, — печально кивнул таукитянин, — было настроено только на вид «гомо сапиенс», так что весь остальной животный мир Земли остался в неприкосновенности. Кроме того, это устройство не могло истребить все человечество. По достижении заданного времени оно прекратило свое действие. К несчастью, это время довольно велико. Поверьте мне, друзья мои. Я не хотел совершать этого. Вы не представляете себе, скольких мучений стоило мне принятие решения о нажатии кнопки. Но я вынужден был защищаться и защищать свой народ. Земляне вынудили меня пойти на это преступление.

— Все началось с того, что Монат отвечал на вопросы во время телевизионной передачи, — пояснил Фригейт, видя недоумение Бартона. — Монат, к своему несчастью, неосторожно проговорился,

что их ученые располагают знаниями и возможностями предотвращать у людей старение. Теоретически, пользуясь техникой планеты Тау Кита, человек мог бы жить вечно. Но этим знанием не пользовались — оно было под строгим запретом. Интервьюер спросил, можно ли эту технику применить к обитателям Земли. Монат ответил, что нет причин, по которым нельзя было бы это сделать. Но его народу в вечной молодости отказано из самых благих побуждений, и в равной мере это должно относиться и к землянам. К тому времени как правительственный цензор осознал, что произошло, и отключил передачу, было уже слишком поздно.

— Позже, — подхватил объяснение Лев Руах, — американское правительство сообщило, что Монат неверно понял вопрос. Его плохое знание английского языка привело к тому, что он сделал неверное заявление. Но было поздно. Американцы, да и весь остальной мир, потребовали, чтобы Монат открыл тайну вечной молодости.

— А этого секрета у меня не было, — продолжил Монат. — И ни у одного из членов нашей экспедиции. По сути, даже на нашей планете этой тайной владеют считанные люди. Но мои правдивые слова ни к чему хорошему не привели. Все счита-

ли, что я лгу. Поднялся бунт, толпа смяла охрану нашего корабля и вломилась внутрь звездолета. На моих глазах мои друзья были разорваны на куски, несмотря на все их попытки образумить толпу. Какой там разум!

Но мои последующие действия не были продиктованы чувством мщения. Я руководствовался совсем другим. Я был уверен, что независимо от того, убьют ли нас всех или нет, правительство США восстановит порядок и тогда наш корабль окажется в полном распоряжении землян. Вашим ученым понадобилось бы не так уж много времени, чтобы разобраться в принципах его работы. А для того, чтобы узнать секрет долголетия, земляне не остановятся ни перед чем, вплоть до вторжения на нашу планету. Поэтому, чтобы быть уверенным в том, что Земля будет отброшена назад на много сотен, а может быть, даже и тысяч лет, я должен был сделать эту страшную вещь. Спасая свой родной мир, я дал сигнал сканирующему устройству выйти на околоземную орбиту. Я бы не сделал этого, будь у меня возможность добраться до кнопки взрыва нашего корабля. Но я не мог проникнуть в штурманскую, а поэтому активизировал сканирующее устройство. Через несколько мгновений после этого

толпа взломала дверь в каюту, где я укрылся. Больше ничего не помню…

— Я был в больнице на Западном Самоа, — сказал Фригейт, — и умирал от рака. Меня утешала одна мысль, что, может быть, хотя совсем необязательно, моя могила окажется рядом с прахом Роберта Льюиса Стивенсона. Ведь я все же перевел на самоанский язык «Илиаду» и «Одиссею»… Затем стали появляться сообщения, что по всему миру начали умирать люди. Неизбежность рокового конца стала очевидна. Спутник таукитян излучал что-то, что валило людей с ног. Последнее, что я слышал, было то, что США, Англия, Россия, Китай, Франция и Израиль запустили ракеты для уничтожения спутника. По подсчетам местных самоанских ученых таукитянский аппарат должен был пройти над островом через несколько часов. Я слишком переволновался, да еще учитывая мое плачевное состояние… Я потерял сознание. Это все, что я помню.

— Ракеты не долетели, — угрюмо произнес Руах. — Сканирующее устройство сбивало их, как только они приближались к нему.

Бартон понял, что ему нужно будет многое узнать из того, что произошло после 1890 года, но сейчас не время было говорить об этом.

— Я предлагаю отправиться в холмы, — сказал он. — Нам необходимо узнать, что там за растительность и каким образом ее можно использовать. Кроме того, вдруг там есть какие-нибудь твердые камни, ну хотя бы кремень. Мы могли бы обзавестись оружием. Этот парень из каменного века, должно быть, хорошо знаком с техникой обработки камня. Он и нас мог бы обучить.

Они пересекли равнинную часть долины. По дороге еще несколько человек присоединились к их группе. Среди них была небольшая девочка лет семи с темно-голубыми глазами и прелестным личиком. Она трогательно смотрела на Бартона, который спросил ее на двадцати языках, есть ли поблизости кто-либо из ее родственников. Она отвечала на незнакомом никому из присутствующих языке. Члены группы перепробовали все известные им языки — почти все европейские и многие афроазиатские — но все тщетно.

Когда Фригейт, немного знавший валлийский, а также шотландский языки, заговорил с нею, глазенки девчушки расширились, и она помрачнела. Казалось, что слова Фригейта чем-то ей знакомы или напоминают что-то, но не в такой степени, чтобы она могла что-либо понять.

— Судя по всему, — наконец произнес Фригейт,

выпрямляясь, — она из древних кельтов. Вы заметили, что в ее словах часто повторяется что-то похожее на «гвиневра»? Может быть, это ее имя?

— Мы обучим ее английскому! — твердо произнес Бартон. — И с этого мгновения будем звать Гвиневрой.

Он взял ребенка на руки и зашагал вперед. Девочка заплакала, но не пыталась освободиться. Этот плач, очевидно, был вызван облегчением после невыносимого напряжения. Она плакала от радости, что нашла защиту. Бартон склонил голову и уткнулся лицом в ее тельце. Ему не хотелось, чтобы другие видели на его глазах слезы.

Когда равнина кончилась и начались холмы, сразу же, как по команде, исчезла низкая трава и пошла густая, жесткая растительность почти до пояса высотой. Здесь росли корабельные сосны и развесистые дубы; тисовые деревья, покрытые наростами, стояли вперемежку с бамбуком, самых разных видов. У некоторых видов тонкие стебли были всего в два фута высотой, но попадались и огромные экземпляры в тридцать-сорок футов. Многие деревья покрывали лианы, с которых свисали большие зеленые, красные, оранжевые и синие цветы.

— Из бамбука можно сделать древки для ко-

пий, — сказал Бартон, — водопроводные трубы, корзины. Это отличный материал для постройки домов, изготовления мебели, лодок, древесного угля, из которого можно приготовить порох. А молодые стебли некоторых видов вполне можно употреблять в пищу. Но сейчас нам важнее камни для изготовления орудий, вот тогда мы сможем рубить и обрабатывать древесину.

По мере того, как приближались горы, высота холмов, по которым они взбирались, все более увеличивалась. Они быстро преодолели первые две мили, потом медленно, как гусеницы, тащились еще около восьми миль и уперлись в отвесную гору, сложенную из какой-то темно-синей вулканической породы. По ней были разбросаны огромные бледно-зеленые пятна лишайников. Высоту горы невозможно было точно определить, но Бартон подумал, что он не так уж будет далек от истины, оценив высоту в двадцать тысяч футов. Насколько они могли судить, как нижняя, так и верхняя части горы представляли собой неодолимое препятствие.

— Вы заметили полное отсутствие животных? — спросил Фригейт. — И к тому же ни единого насекомого.

— Сланец! — воскликнул Бартон, подойдя к

груде битых камней, и поднял зеленоватый булыжник размером с кулак. — Если его здесь достаточно, то мы сможем изготовить ножи, скребки, наконечники для копий, топоры. А с их помощью построим дома, лодки и многое другое.

— Орудия и оружие надо крепить к деревянным рукояткам, — заметил Фригейт. — Чем же мы воспользуемся в качестве веревки?

— Возможно, человеческой кожей, — ответил Бартон.

Присутствующие были ошеломлены. Бартон издал странный клокочущий смешок, совершенно неуместный для мужчины его могучей комплекции, и произнес:

— Если нам придется убивать в порядке самозащиты или если нам повезет и мы наткнемся на труп, который какой-нибудь убийца будет столь любезен приготовить для нас, то мы будем круглыми дураками, не воспользовавшись тем, в чем страшно нуждаемся. Однако, если кто-либо из вас чувствует в себе готовность к самопожертвованию, чтобы предложить кожу на благо группы, то — шаг вперед! Мы будем всегда помнить, что вы сделали это по своей собственной воле!

— Вы, конечно же, шутите, — воскликнула Алиса Харгривс. — Но должна вам сказать, что

такие шутки мне не нравятся!

— Когда вы поближе познакомитесь с ним, миссис Харгривс, — заметил Фригейт, — я уверен, что вы услышите гораздо худшие вещи.

Однако он не объяснил, почему он был в этом так уверен.

6

Бартон обследовал скалы у подножия горы. Темно-синий зернистый камень, из которого состояла сама гора, был одной из разновидностей базальта. Но по его поверхности были разбросаны куски сланца. Такие же куски валялись и на обнажениях скальной породы у основания горы. Было похоже, что они свалились с какого-то находящегося вверху выступа, и поэтому гора, наверное, не была единой массой базальта. Пользуясь куском сланца с острой кромкой, он соскреб пятно лишайника. Порода под ним была похожа на зеленоватый доломит. По-видимому, куски сланца выходили из-под доломита, хотя никаких признаков разрушения или выхода жилы не было.

Лишайник походил на один из земных видов, росший на старых костях, включая черепа, и, следовательно, из него по теории восточной медицины можно было приготовить лекарство от эпилепсии и целительную мазь для ран.

Услышав звуки ударов камня по камню, Бартон возвратился к группе. Все стояли вокруг неандертальца и американца, которые, присев на

корточки спиной друг к другу, обрабатывали куски сланца. Они пытались изготовить грубые ручные топоры. Пока остальные наблюдали за ними, они уже сделали шесть штук этих примитивных орудий. Затем каждый взял по крупному куску сланца и разбил его на две части молотком, если так можно было назвать более крупные куски доломита. Пользуясь одним из разбитых кусков, они стали отсекать длинные тонкие слои с внешнего края сланца. Вращая камень, они скололи с него почти по дюжине лезвий. Так они и продолжали работу, один — человек, что жил за сто тысяч лет до рождества Христова, другой же — рафинированный продукт человеческой эволюции, творение высочайшей (в технологическом отношении) цивилизации Земли и один из последних людей на Земле — если верить его собственным словам.

Вдруг Фригейт взвыл, подскочил и стал дико прыгать, держась за большой палец левой руки. Один из ударов пришелся мимо. Казз ухмыльнулся. Он тоже встал и пошел к зарослям травы своей удивительной походкой вразвалку. Вернулся он через несколько минут, неся шесть бамбуковых палок с заостренными концами и несколько с тупыми. Он сел и стал обрабатывать одну из палок,

пока не расщепил ее конец и не вставил в нее треугольный заостренный край топора. Затем, он привязал топор каким-то длинным травянистым стеблем.

Через полчаса группа была вооружена ручными топорами с бамбуковыми рукоятками, ножами и копьями, как с деревянными остриями, так и с каменными наконечниками.

К тому времени рука Фригейта уже перестала болеть и кровотечение остановилось. Бартон спросил у него, как случилось, что он стал столь искусен в обработке камня.

— Я был антропологом-любителем, — пожал плечами янки. — Очень много людей моего круга — относительно много — учились делать орудия или оружие из камня. Это было наше хобби. Некоторые достигли определенного совершенства, хотя не думаю, что кто-либо из моих современников мог бы превзойти в искусстве и скорости этого специалиста из неолита. Вы же знаете, что эти ребята занимались такой работой всю свою недолгую жизнь. Но все же и мы тоже кое-что умеем. К тому же, в свое время мы немного знали и о выделке бамбука. Поэтому я рад, что могу быть хоть в чем-нибудь полезен нашей группе.

Они снова двинулись к реке. На вершине одного

из высоких холмов они на мгновение остановились. Солнце стояло уже почти над головой. Перед ними в обе стороны простиралась река. Хорошо была видна и местность на другом ее берегу. Хотя они находились слишком далеко, чтобы разглядеть отдельные фигуры людей на другой стороне потока почти в милю шириной, они отчетливо различали и там грибовидные сооружения. Характер рельефа и растительности был такой же, как и на их стороне. Низменность шириной в милю, может быть, чуть больше полумили холмов, покрытых деревьями, а дальше — отвесная круча непреодолимого черного с бледно-зеленым гребня.

На юг и на север долина простиралась миль на десять прямо. Затем она поворачивала, и река пропадала из вида.

— Восход солнца здесь должен быть поздний, а заход ранний, — заметил Бартон. — Что ж, все свои дела нужно будет успевать заканчивать засветло.

В это мгновение все подскочили, а многие испустили испуганный вопль. Над верхушкой каждого из каменных сооружений поднялось голубое пламя, воспарило футов на двадцать, а затем исчезло. Еще через несколько секунд до них

дошел звук отдаленного грома. Раскаты ударились о гору позади них и отдались гулким эхом.

Бартон подхватил на руки девчушку и стал вприпрыжку спускаться с холма. И несмотря на то, что время от времени ему приходилось замедлять шаг, чтобы перевести дыхание, чувствовал он себя превосходно. Прошло так много лет с тех пор, когда он мог с такой же расточительностью пользоваться своими мышцами. Сейчас ему даже не хотелось останавливаться. Он упивался ощущением вновь обретенной силы и уже почти не верил, что лишь совсем недавно на его правой ноге были опухшие вены и черные тромбы, а сердце начинало бешено колотиться, стоило ему подняться на несколько ступенек.

Они спустились на равнину. Но Бартон продолжал бежать трусцой, так как увидел, что вокруг одного из сооружений собралась большая толпа. Ругаясь и расталкивая, Бартон прокладывал себе путь. На него бросали преисполненные злобы взгляды, но никто не пытался оттолкнуть его в ответ. Внезапно он очутился на свободном пространстве возле самого основания гриба и увидел то, что всех взволновало. И не только увидел, но и ощутил запах.

— О, Боже мой! — воскликнул бежавший за

ним Фригейт и схватился за живот.

Бартон многое повидал на своем веку, и на него мало действовали вызывающие ужас зрелища. Более того, он научился уходить от реальности, когда печаль или мучения становились невыносимыми. Иногда ему удавалось сделать это только усилием воли, хотя обычно это происходило автоматически, и в данном случае вся процедура произошла машинально.

Труп лежал на боку, половина его находилась под шляпкой гриба. Кожа мертвеца была почти полностью сожжена, и сейчас виднелись обнаженные обуглившиеся мышцы. Нос, уши, пальцы, половые органы или полностью сгорели, или превратились в бесформенные головешки.

Рядом с трупом какая-то женщина стоя на коленях бормотала молитву по-итальянски. Ее большие черные глаза можно было бы назвать красивыми, если бы они не были красными и отекшими от слез. У нее была хорошая фигура, которая при других обстоятельствах полностью завладела бы его вниманием.

— Что случилось? — спросил Бартон.

Женщина прекратила причитания и взглянула на него, затем поднялась на ноги и прошептала:

— Отец Джузеппе облокотился на скалу, он

сказал, что страшно голоден. И еще он сказал, что не видит смысла в том, что его воскресили только для того, чтобы потом уморить голодом. Я сказала, что мы не умрем, как такое может быть? Нас подняли из мертвых и поэтому о нас должны позаботиться! Тогда отец Джузеппе сказал, что если мы в аду, то о нас некому беспокоиться. Мы останемся обнаженными и голодными во веки веков! Я попросила его не богохульствовать, потому что из всех людей ему пристало бы богохульствовать в последнюю очередь. Но он сказал, что все произошло совсем не так, как он втолковывал каждому на протяжении сорока лет, а затем… а затем…

Бартон переждал несколько секунд и спросил:

— Что же… затем?

— Отец Джузеппе сказал, что во всяком случае никакого адского огня здесь нет. И что было бы лучше, если бы здесь была Геенна Огненная, чем умирать от голода. И вот сразу же после этих слов вспыхнуло пламя и обволокло его. Раздался звук, будто бы взорвалась бомба, после чего он был уже мертв. Сгорел почти дотла. Это было так ужасно, так ужасно!

Бартон подошел к трупу с наветренной стороны, но даже здесь зловоние вызывало тошноту. И

не столько запах, сколько сам факт смерти огорчил его. Прошло всего полдня после Воскрешения, а уже лежит мертвый человек! Означает ли это, что жизнь после Воскрешения столь же уязвима перед лицом смерти, как и в земной жизни? Если это так, то какой же смысл во всем этом?

Фригейт прекратил свои попытки облегчить и без того пустой желудок. Бледный и трясущийся, он поднялся и подошел к Бартону, стараясь повернуться к мертвецу спиной.

— Не лучше ли нам избавиться от этого? — спросил он, тыча через плечо своим большим пальцем.

— Полагаю, что да, — спокойно ответил Бартон. — Хотя и очень жалко, что кожа его испорчена.

И он ухмыльнулся американцу. Фригейт еще больше побледнел.

— Вот здесь, — сказал Бартон, — обхватите его ноги, а я возьмусь с другого конца. А потом швырнем труп в реку.

— В реку? — переспросил Фригейт.

— Да. Если только вам не хочется отнести его на холмы и выкопать там могилу.

— Я не могу, — покачал головой Фригейт и отошел прочь. Бартон презрительно посмотрел

ему вслед и махнул рукой Каззу. Неандерталец хмыкнул и пошлепал к трупу своей косолапой походкой. Он наклонился и, прежде чем Бартон успел ухватиться за обугленные головешки ног, поднял тело над головой и, сделав несколько шагов к воде, бросил труп в волны. Течение тут же подхватило тело и потащило его вдоль берега. Каззу показалось этого мало. Он вошел в воду по пояс и наклонился, отталкивая труп как можно дальше от берега.

Алиса Харгривс в ужасе наблюдала за происходящим. С дрожью в голосе она сказала:

— Но ведь это та же самая вода, которую нам придется пить!

— На вид река достаточно большая, — заметил Бартон. — В любом случае, у нас есть гораздо больше других поводов для беспокойства, чем соблюдение санитарных норм.

Он повернулся от прикосновения Моната, который указывал на воды реки.

В том месте, где должен был находиться труп, вода вскипала и бурлила. Внезапно серебристая с белыми плавниками спина вспорола поверхность воды.

— Похоже, что ваши беспокойства, леди, о заражении воды напрасны, — сказал Бартон,

показывая на водяное пиршество. — В реке есть пожиратели падали. Что? Интересно, безопасно ли в ней плавать, как вы думаете?

Алиса пожала плечами. А неандерталец поспешил выбраться из воды. Он остановился возле Бартона, стряхивая воду со своего безволосого тела и скаля в улыбке огромные зубы. Сейчас он был ужасающе уродлив. Но у него были знания первобытного человека, которые уже пригодились им в мире со столь примитивными условиями существования. И он будет чертовски приятным партнером, если стоять с ним бок о бок в сражении. Несмотря на небольшой рост, у него были невообразимо могучие мускулы. Чувствовалось, что по какой-то причине он привязался к Бартону, которому это было очень приятно. Бартону льстило, что дикарь вместе со всеми его дикарскими инстинктами интуитивно «знал», что он — Бартон — именно тот человек, за которым нужно идти, если хочешь выжить. Более того, не являясь еще человеком, он, очевидно, лучше чувствовал движения души, так как ближе был к животному, нежели к человеку. Поэтому он так хорошо разобрался, как хотелось думать Бартону, в его психических способностях и впредь будет испытывать к нему душевное влечение даже

несмотря на то, что Бартон — «гомо сапиенс».

Но затем Бартон признался себе, что его репутация человека, наделенного сверхъестественными психическими способностями, создана большей частью им самим. На самом деле он наполовину шарлатан. Он так много говорил о своих способностях и так часто слышал о них, особенно от жены, что поверил в них сам. Однако все же были мгновения, когда его «способности» оказывались фальшивы только наполовину.

Но несмотря ни на что, он был все же талантливым гипнотизером и искренне верил, что его глаза, когда он хочет что-нибудь внушить другим, излучают особую экстрасенсорную силу. Может быть, именно это и привлекло к нему этого предка человека.

— Камень выделил чрезвычайно большое количество энергии, — сказал Лев Руах. — Это, должно быть, электричество. Но зачем? Я не могу поверить, чтобы этот разряд энергии был бесцельным.

Бартон осмотрел грибообразный камень. Серый цилиндр в центральной выемке, казалось, не пострадал от разряда. Он притронулся к камню. Тот был теплым, но не теплее, чем можно было ожидать от простого нагрева на солнце.

— Не трогайте! — закричал Лев Руах. — Возможен еще один… — Но он осекся, увидев, что его предупреждение опоздало.

— Еще один разряд? — спросил Бартон. — Не думаю. Во всяком случае, не сразу. Может быть, через некоторое время. Этот цилиндр не зря был оставлен здесь. С его помощью мы должны что-то узнать.

Он протянул руку к верхнему краю грибообразного сооружения и подпрыгнул. Он взобрался на шляпку гриба с легкостью, которая невообразимо обрадовала его. Столько лет прошло с тех пор, когда он ощущал себя таким же молодым и сильным! И таким же голодным!

Несколько человек из толпы крикнули, чтобы он быстрее слезал, пока еще раз не вспыхнуло пламя. Другие смотрели, как бы ожидая, что сейчас разряд сметет его. Большинство же было довольно, что рискует он, а не они.

Ничего не произошло, хотя он не был на сто процентов уверен, что все кончится для него благополучно. Он ощущал приятную теплоту камня под босыми ступнями. Подойдя к цилиндру в центре камня, он засунул пальцы под обод крышки. Она легко откинулась. Сердце возбужденно забилось, когда его взгляд упал внутрь. Он ждал,

что произойдет чудо, и чудо произошло. Внутри цилиндра было шесть сосудов, и каждый из них был полон.

Он помахал своей группе, чтобы те поднялись к нему. Казз легко впрыгнул на шляпку гриба. Фригейт, оправившийся от приступов тошноты, также с гимнастической легкостью взлетел вверх. Если бы у парня было поменьше щепетильности, ему цены бы не было, отметил Бартон. Фригейт повернулся и, подав руку, помог Алисе Харгривс подняться наверх.

Все собрались вокруг него, склонив головы над содержимым цилиндра.

— Это истинный Грааль! Священная чаша! Смотрите! Жареное мясо — сочный, толстый кусок! Хлеб с маслом! Повидло! Салат! А это что? Пачка сигарет! Да-а-а! И сахар! И бокал виски. Судя по запаху, весьма недурного! Что-то еще… что это?

— Похоже на кусок резины, — сказал Фригейт. — А это, должно быть, зажигалка.

Бартон запустил руку в цилиндр и, не трогая сосуды, подхватил маленький серебристый прямоугольный предмет, лежавший на дне. Фригейт сказал, что это, возможно, зажигалка. Бартон не знал слово «зажигалка», но он предположил,

что она дает пламя для закуривания сигарет. Держа предмет в ладони одной рукой, другой он прикрыл крышку. Рот был наполнен слюной, а желудок урчал. Другим тоже было невтерпеж. Судя по выражению их лиц, они не понимали, почему же он не извлекает пищу.

Дюжий мужчина неистово закричал с акцентом жителя Триеста:

— Я голоден! Убью любого, кто помешает мне! Откройте эту штуку!

Остальные молчали, но было ясно, что все ждут от Бартона отпора. Однако вместо этого он произнес:

— Открывайте сами, — и отвернулся.

Остальные колебались. Они уже видели пищу и ощутили ее сладостный аромат. У Казза даже текли слюни из приоткрытого рта.

Но Бартон постарался успокоить своих товарищей.

— Посмотрите на толпу, — произнес он. — Через минуту начнется драка. Пусть дерутся за свой кусок. Поймите, я не боюсь драки, поймите, — добавил он, сердито глядя на своих приверженцев. — Просто я уверен, что у всех нас цилиндры будут полны пищи уже к вечеру. Эти цилиндры, назовем их чашами, если вы не воз-

ражаете, нужно только оставить в скале — и они наполнятся. Это же совершенно ясно. Именно для этого в центре камня была оставлена чаша.

Он подошел к краю шляпки гриба, нависшей почти над самой водой, и спрыгнул вниз. К этому времени вся верхушка гриба была до предела заполнена людьми, и еще больше пытались взобраться.

Здоровяк схватил кусок мяса и впился в него, но кто-то попытался вырвать сочащийся соком кусок прямо у него изо рта. Мужчина зарычал от ярости и, внезапно протаранив стоящих между ним и рекой, спрыгнул со шляпки и бросился в воду. Тем временем мужчины и женщины, крича и толкая друг друга, боролись за остатки пищи и вещей из цилиндра.

Здоровяк, прыгнувший в воду, дожевывал остатки мяса, лежа на спине в воде. Бартон внимательно наблюдал за ним, ожидая, что речные хищники не упустят такого мгновения. Но все было спокойно, и мужчину медленно относило вниз по течению.

Скалы к северу и югу по обеим берегам реки были заполнены дерущимися людьми.

Бартон двинулся в сторону, вышел из толпы и сел. Члены его группы собрались возле и наблюда-

ли за шумной, колышущейся массой дерущихся. Камень для чаш был сейчас похож на гриб-поганку, облепленную личинками навозных мух. Очень шумными личинками. Некоторые были красными, так как уже пролилась кровь!

Наиболее удручающим в этой сцене была реакция детей. Те, что были поменьше, держались вдали от камня, но понимали, что в чаше была пища. Они плакали от голода и страха, вызванного криками и дракой взрослых у камня. У девчушки, спутницы Бартона, глаза были сухими, но она тряслась от страха. Сидя у него на руках, она обвила ручонками его шею. Бартон погладил ее по спине и пробормотал слова поддержки, которые она не могла понять, но их тон помог ей успокоиться.

Солнце клонилось к закату. Через два часа оно наверняка спрячется за похожую на башню гору на западе. Хотя настоящие сумерки, вероятно, наступят гораздо позже. Сколько длится здесь день, пока определить было невозможно. Стало жарче, но даже на солнце можно было сидеть, не опасаясь перегрева. К тому же постоянно дул легкий прохладный ветерок.

Кazз начал знаками объяснять, что надо развести огонь, указывая при этом еще и на кончик

бамбукового копья. Очевидно, он хотел обжечь острие, чтобы оно стало тверже.

Бартон достал металлический предмет, взятый им из чаши, и внимательно осмотрел. Он был из твердого, обработанного металла цвета серебра, прямоугольной формы, плоский, длиной в два и толщиной в половину дюйма. На одном его конце было небольшое отверстие, на другом — что-то похожее на выступающую часть ползунка. Бартон надавил на этот выступ. Ползунок немного сместился вниз, и из отверстия на другом конце выскользнул проводок диаметром в пару сотых дюйма и длиной приблизительно в полдюйма. Даже при ярком солнечном свете он ослепительно сверкал. Бартон прикоснулся кончиком провода к стеблю травы, и тот сразу же сморщился. Когда Бартон приложил этот проводок к бамбуковому копью, в дереве образовалось крохотное отверстие. Бартон вернул ползунок в прежнее положение, и провод, подобно голове медной черепахи, спрятался в серебристый панцирь.

И Фригейт, и Руах не могли скрыть удивления при виде энергии, таившейся в столь крохотном брусочке. Для того, чтобы проводок раскалился добела, требовалось очень большое напряжение.

Сколько раз сможет сработать эта батарея или, может быть, миниатюрная ядерная установка? И можно ли ее перезарядить?

Было много вопросов, на которые нельзя было в данный момент ответить. Возможно, на них не удастся ответить никогда. Но сейчас был главным только один вопрос — каким образом удалось вернуть их к жизни в омоложенных телах??? И кто бы это ни сделал, в его распоряжении были средства, подобные божественным! Однако рассуждения об этом хотя и давали пищу для разговора, но ничего не проясняли.

Через некоторое время толпа рассеялась. Пустой опрокинутый цилиндр валялся на верхушке камня для чаш. Там же лежало и несколько тел, а многие мужчины и женщины, слезшие с камня, получили ранения. Бартон решил обойти толпу.

У одной женщины было расцарапано все лицо. Она всхлипывала, но никто не обращал на нее внимания. Мужчина сидел на земле, держась за поясницу, на которой были отчетливо видны следы острых ногтей.

Из четверых, оставшихся на шляпке гриба, трое пришли в сознание, когда на их лица плеснули водой из чаши. Четвертый же, невзрачный, ма-

ленький мужчина, был мертв — кто-то свернул ему шею.

Бартон вновь посмотрел на солнце и сказал:

— Я не знаю точно, когда наступит время ужина. Поэтому предлагаю вернуться сюда, как только солнце спрячется за горой. Мы установим наши чаши, или называйте их как хотите, в углубления. А затем будем ждать. А пока что…

Тело мертвеца можно было бы тоже выбросить в реку, но можно было использовать его и получше. Бартон сказал остальным о своих намерениях. Они сбросили труп с камня вниз и, подхватив его на руки, потащили через равнину. Фригейт и Галеацци, в прошлом купец из Триеста, несли труп первыми. Фригейт не напрашивался на эту работу, но когда Бартон попросил его, он утвердительно кивнул и, подхватив ноги мертвеца, пошел впереди. Галеацци же нес труп, держа его за подмышки. Алиса шагала рядом с Бартоном, ведя девочку за руку. Кое-кто из толпы бросал любопытные взгляды. Слышались замечания и вопросы, но Бартон не обращал на это внимания. Ярдов через семьсот труп перешел на руки Казза и Моната. Ребенка, казалось, вовсе не смущал мертвец. Девочка даже проявляла любопытство к первому трупу, совершенно не пугаясь

его обожженного вида.

— Если она действительно из древних кельтов, — заметил Фригейт, — то, скорее всего, привыкла видеть обожженные тела. Если только мне не изменяет память, кельты сжигали свои жертвы живьем в больших плетеных корзинах во время различных религиозных ритуалов. Я вот только не помню, в честь какого бога или богини проводились подобные церемонии. Жаль, что у меня нет библиотеки, куда я мог бы обратиться за справками по этому вопросу. Как вы думаете, у нас здесь будет хоть одна библиотека? Мне кажется, я свихнусь без чтения!

— Посмотрим, посмотрим, — успокоил его Бартон. — Если нас не обеспечат библиотекой, то мы создадим собственную. Если это вообще возможно сделать.

Он подумал, что Фригейт задал несколько глупый вопрос, видимо, он все еще не в себе.

Возле самых холмов двое мужчин, Рокко и Бронтич, сменили Казза и Моната. Группа, возглавляемая Бартоном, двигалась сквозь высокую, по пояс, траву. Он отрезал один стебель и проверил его на прочность и эластичность. Фригейт старался держаться поближе к Бартону и, похоже, от страха постоянно болтал. Наверное, чтобы не

думать об этих двух смертях, решил Бартон.

— Если каждый, кто когда-либо жил, воскрешен здесь, то подумать только, какие исследования можно провести! Подумайте о исторических тайнах и неразрешенных вопросах, которые теперь наконец-то можно выяснить. Можно будет поговорить с Джоном Уилксом Бутом и установить, на самом ли деле министр обороны Стентон был причастен к убийству Линкольна. Можно определить личность Джека-Потрошителя. Выяснить, действительно ли Жанна д'Арк была связана с ведьмами. Поговорить с наполеоновским маршалом Неем; проверить, действительно ли ему удалось избежать расстрела и он стал впоследствии школьным учителем в Америке. Заполучить истинную историю Пирл-Харбора. Увидеть лицо человека в Железной Маске, если таковой вообще существовал. Расспросить Лукрецию Борджиа и тех, кто был с ней знаком, действительно ли она была именно такой шлюхой-отравительницей, какой считало ее большинство людей до сих пор. Узнать, кто же на самом деле был убийцей двух малюток-принцев в Башне Смерти. Может быть, их на самом деле убил Ричард Третий.

Да и к вам, Ричард Френсис Бартон, есть много вопросов относительно вашей собственной жиз-

ни, на которые ваши биографы хотели бы иметь ответ. Была ли у вас на самом деле возлюбленная-персиянка, на которой вы собирались жениться и ради которой намеревались отречься от своей истинной веры и остаться жить в Иране? На самом ли деле она умерла до того, как вы смогли жениться на ней, и на самом ли деле ее смерть наполнила вас такой печалью, что избавиться от нее вы не могли до конца своих дней?

Бартон вспыхнул, глянул на Фригейта. Он только-только повстречался с этим человеком, а тот уже задает такие глубоко личные вопросы, столь бередящие душу. Ничто не может извинить его.

Фригейт пошел на попятную:

— Ну… ну… все это может подождать, неужели я не понимаю. Но знаете ли вы, что ваша жена экстренно провела над вами обряд помазания вскоре после вашей смерти. И вы были похоронены на католическом кладбище. И это вы! Неверующий!!!

Лев Руах, чьи глаза все больше расширялись от болтовни Фригейта, вмешался в разговор:

— Вы — Бартон, исследователь и языковед? Первооткрыватель озера Танганьика? Человек, совершивший паломничество в Мекку, переодевшись мусульманином? Переводчик «Тысячи и

одной ночи»?

— Я не хочу вам лгать. Впрочем, в этом нет никакой необходимости. Я — именно тот человек.

Еврей плюнул на Бартона, но ветер отнес плевок в сторону.

— Ты — сукин сын! — вскричал Лев Руах. — Вонючий нацист! Я читал о тебе! Я все знаю! Да, во многих отношениях тобой можно было восхищаться! Но ты же антисемит!!!

7

Бартон смутился.

— Мои враги, — покачал он головой, — распространяют эти нелепые и очень грязные слухи. Но те, кому известны факты или кто хоть немного знает меня, скажут, что это не так. А сейчас, я думаю, вам следовало бы…

— Так может быть, это не вы написали «Еврей, Цыган и Эль-Ислам»? — спросил Руах, насмешливо улыбаясь.

— Я, — ответил Бартон. Его лицо побагровело. А когда он опустил взгляд, то заметил, что тело тоже вспыхнуло. — А теперь — я уже начал говорить об этом, но вы перебили меня — я думаю, что вам лучше было бы уйти от нас. Как правило, в прошлой жизни на Земле я брал за горло своих обидчиков. Человек, который осмеливался говорить со мной подобным тоном, вынужден был подкреплять свои слова действием. Но мы сейчас в необычном положении и, возможно, слишком возбуждены. Не знаю точно, в чем здесь дело. Если вы немедленно не извинитесь или не уйдете прочь, то сейчас здесь будет еще один труп.

Руах сжал кулаки и свирепо посмотрел на Бар-

тона. Затем он повернулся и пошел прочь.

— Что такое нацист? — спросил Бартон у Фригейта.

Американец, как мог, объяснил.

— Мне нужно многое узнать о том, что случилось после моей смерти, — кивнул Бартон. — Относительно меня этот человек ошибается. Я — не нацист. Англия, вы говорите, стала второразрядной державой? Всего лишь через пятьдесят лет после моей смерти? Трудно в это поверить.

— Какой мне смысл лгать вам? — удивился янки. — Да вы не печальтесь. Перед самым концом двадцатого столетия она снова возвысилась, причем весьма любопытным образом, правда, было уже слишком поздно…

Слушая американца, Бартон испытывал гордость за свою страну. Хотя Англия часто в течение всей его жизни поступала с ним более чем подло, да и Бартон всегда старался вырваться из нее, но где бы он ни был, он всегда защищал ее до последней капли крови. И всегда был предан королеве.

Неожиданно он произнес:

— Если вы догадывались, кто я такой, почему вы ничего не сказали об этом?

— Я хотел удостовериться. Кроме того, у нас не было времени для разговора, — ответил

Фригейт. — Как, впрочем, и для чего-либо другого, — добавил он, кося взглядом на великолепную фигуру Алисы Харгривс.

— О ней я знаю тоже, — сказал он. — Если она именно та женщина, о которой я думаю…

— Мне лично ничего не известно, — ответил Бартон и остановился; они уже поднялись на вершину первого холма. Здесь носильщики опустили тело на землю рядом с огромной красной сосной.

Тотчас же Казз, зажав в ладони кремневый нож, присел на корточки перед трупом. Он поднял голову и произнес несколько фраз, видимо, молитву. Затем, прежде чем кто-либо успел что-то сказать, он вспорол мертвецу живот и вытащил его печень.

Почти вся группа вскрикнула от ужаса. Бартон крякнул. Монат не отводил глаз.

Казз впился огромными зубами в этот кусок мяса и оторвал большой ломоть. Затем массивными челюстями, снабженными мощными мышцами, стал жевать печень, прикрыв глаза в экстазе. Бартон подошел к нему и протянул руку, пытаясь остановить дикаря. Но Казз расплылся в широкой улыбке и, оторвав кусок мяса, протянул его Бартону. И был очень удивлен отказом.

— Людоед! — закричала Алиса Харгривс. — О, Боже мой!! Дикарь! Дикарь! Отвратительный людоед! И это дарованная нам загробная жизнь!

— Он ничуть не хуже наших собственных предков, — сказал Бартон. Он уже оправился от потрясения и даже несколько забавлялся реакцией остальных. — В местности, где мало пищи, его действия в высшей степени практичны. Что ж, проблема погребения трупа без надлежащих инструментов для копания разрешена. Более того, если мы окажемся неправы в том, что чаши являются источником еды, мы совсем скоро превзойдем Казза.

— Никогда! — закричала Алиса. — Лучше я умру!

— Вот это как раз и произойдет, если вы не откажетесь от своих земных убеждений, — спокойно произнес Бартон. — А сейчас я предлагаю всем отойти и оставить Казза наедине с едой. Хоть это никоим образом не повлияет на мой аппетит, я все же нахожу его застольные манеры столь же отвратительными, как и манеры пионеров-янки Дальнего Запада. Или деревенских священников, — добавил он, косясь на Алису.

Они отошли так, чтобы Казза не было видно, и остановились позади одного из покрытых наро-

стами деревьев.

— Я не хочу, чтобы он был рядом! — первой начала Алиса. — Он — животное, низкая тварь! Пока он находится рядом, я не могу чувствовать себя в безопасности ни одной минуты!

— Вы просили у меня защиты, — ответил Бартон. — И я обеспечу ее, пока вы остаетесь членом нашей группы. Но вам придется мириться с моими решениями, одно из которых заключается в том, что этот обезьяночеловек останется с нами до тех пор, пока он сам этого хочет. Нам нужна его сила и его навыки, которые, как оказалось, очень соответствуют нашему положению. Мы должны стать первобытными людьми, и поэтому нам надо учиться у первобытного человека. Он останется!

Алиса, ничего не говоря, умоляюще посмотрела на остальных членов группы. У Моната подергивались веки. Фригейт пожал плечами и сказал:

— Миссис Харгривс, если вы только можете это сделать, то забудьте все условности вашего времени. Мы сейчас не в высшем обществе викторианской эпохи. И вообще, ни в каком другом обществе, то есть приличном обществе. Сейчас нельзя мыслить и вести себя так, как прежде, на Земле. Вот, возьмите хотя бы то, что вы про-

исходите из кругов, где женщины прикрывали себя от шеи до пяток плотными одеждами и один только вид обнаженного колена был волнующим сексуальным откровением. Однако сейчас вы как будто не испытываете смущения от своей наготы. Вы держитесь столь же уравновешенно и достойно, будто на вас одеяние монахини.

— Мне это действительно не нравится, — кивнула Алиса Харгривс. — Но почему я должна ощущать стыд?! Там, где все голые, никто не голый. Только так нужно воспринимать все происшедшее. И если бы какой-нибудь ангел одарил бы меня любыми одеждами, я бы не взяла их. Я бы стала неуместной, выпадала бы из общей массы. К тому же у меня хорошая фигура. Если бы она была плохой, возможно, я страдала бы больше.

Двое мужчин рассмеялись, и Фригейт сказал:

— Вы просто женщина из сказки, Алиса. Можно вас называть Алисой? Миссис Харгривс звучит так официально, когда вы совершенно обнажены.

Женщина ничего не ответила, отошла от них и скрылась за большим деревом.

— В самое ближайшее время необходимо что-то предпринять для обеспечения надлежащей санитарии. Это означает, что кому-то придется

принимать решения относительно политики по охране здоровья и обладать властью для того, чтобы назначать правила и добиваться их выполнения. Как создать законодательные, судебные и исполнительные органы и выйти из нынешнего состояния анархии? — Бартон, казалось, не замечал того, что разговаривает практически сам с собой.

Члены группы были заняты самыми разнообразными делами. Один только Фригейт ответил:

— Займемся-ка лучше более неотложными делами. Что нам делать с этим мертвецом?

Он был почти так же бледен, как и чуть раньше, когда Казз произвел вскрытие трупа кремневым ножом.

— Я уверен, что человеческая кожа, подвергнутая дублению… или человеческие кишки после надлежащей обработки будут намного пригодней, чем трава, для изготовления веревок или ремней. Я намерен отрезать несколько полос. Не хотите ли мне помочь?

Только ветер, шелестевший в листве и стеблях травы, нарушал молчание. Солнце все еще пылало, но пот быстро высыхал на ветру. Не было слышно ни крика птиц, ни жужжания насекомых. Внезапно пронзительный крик девочки

вспорол тишину. Ей ответил голос Алисы, и девчушка побежала к ней за дерево.

— Я попытаюсь, — сказал американец. — Но не знаю, смогу ли. Не слишком ли много пришлось нам испытать для одного дня?

— Поступайте, как вам хочется, — заметил Бартон. — Но тот, кто мне поможет, будет первым, кто воспользуется кожей. Вы, возможно, захотите иметь немного кожи, чтобы привязать топор к рукояти?

Фригейт громко икнул и произнес:

— Я иду.

Казз все еще сидел на корточках возле трупа, держа в одной руке окровавленный кусок мяса и забрызганный кровью каменный нож в другой. Увидев Бартона, он ухмыльнулся, показав зубы, покрытые запекшейся кровью, и указал на мясо. Бартон покачал головой. Остальные: Галеацци, Бронтич, Мария Туцци, Филипс Рокко, Роза Палицци, Катарина Капоне, Фьеренца Фиорри, Бабич и Джунта удалились, чтобы не видеть этой омерзительной сцены. Они находились по другую сторону толстенной сосны и тихо перешептывались между собой по-итальянски.

Бартон присел на корточки перед мертвецом и приложил кончик ножа к телу, начав надрез

чуть выше правого колена и доведя до ключицы. Фригейт стоял рядом и смотрел. Он стал еще бледнее, а дрожь усилилась. Но стоял он твердо, пока две длинные полосы не отделились от тела.

— Так что? Попробуете? — спросил Бартон и перевернул тело на бок, так чтобы можно было снять другие, еще более длинные полосы. Фригейт взял нож, с кончика которого капала кровь, и, стуча зубами, принялся за работу.

— Не так глубоко, — начал поучать Бартон. — А теперь вы сделали слишком мелкий надрез. Нука, дайте мне нож. Смотрите!

— У меня был сосед, который частенько подвешивал убитых им кроликов у себя за гаражом. Как-то я наблюдал за ним. И одного раза оказалось достаточно.

— Нельзя позволять себе быть таким щепетильным и привередливым, — сказал Бартон. — Вы отныне живете в примитивном обществе. Нужно приспособиться к этому окружению, чтобы выжить, независимо от того, нравится вам или нет.

Бронтич, высокий, жилистый серб, который прежде был управляющим гостиницей, подбежал к ним.

— Мы только что нашли еще один камень в форме гриба. Ярдах в сорока отсюда. Он спрятан

за деревьями в ложбине.

Первый восторг Бартона от превосходства над Фригейтом прошел. Ему даже стало немного жаль этого парня.

— Слушайте, Питер, — сказал он. — Почему бы вам не пойти посмотреть на этот камень? Если это действительно так, то нам незачем будет спускаться вечером к реке.

Он передал Фригейту свою чашу.

— Поместите ее в отверстие гриба, но запомните точно, в какое. Пусть и другие сделают точно так же. Удостоверьтесь, что все точно помнят, куда поместили свои чаши. Вы понимаете, что нам нужно остерегаться всевозможных ссор.

Странно, но у Фригейта не было желания идти. Ему казалось, что он своей слабостью как-то опозорился. Он постоял еще мгновение, переминаясь с ноги на ногу, несколько раз вздохнул. Затем, пока Бартон продолжал соскребать остатки мяса и крови с внутренней стороны полоски кожи, он все же пошел прочь, неся в одной руке две чаши, а в другой каменный топор.

Бартон перестал работать, как только американец скрылся из виду. Он мог бы срезать еще полосы и рассечь туловище, чтобы вынуть внутренности. Но сейчас он не мог ничего сделать

для того, чтобы сохранить кожу и кишки. Может быть, кора вот этих, похожих на дуб деревьев, содержит танин, который можно использовать вместе с другими материалами для дубления свежесодранной человеческой кожи. Но к тому времени, как он приготовит все необходимые материалы, эти полосы сгниют. И все же, он не зря потерял время. Была доказана эффективность каменных ножей, и он восстановил в памяти знания о человеческой анатомии. Когда он был юношей и жил в Пизе, Ричард Бартон и его брат Эдвард дружили с итальянцами, студентами-медиками университета. Оба молодых Бартона многое почерпнули из этой дружбы, и ни один из них не ослаблял впоследствии интереса к анатомии. Эдвард стал хирургом, а Ричард посетил кучу лекций, как публичных, так и частных. Он очень часто присутствовал на публичных вскрытиях в Лондоне. Но позабыв многое из того, чему он когда-то учился, он начал действовать по принципу «познавать никогда не поздно».

Стемнело. Солнце спряталось за выступом горы. Бледная тень пала на его лицо, и в течение нескольких минут вся долина погрузилась в сумерки. Но небо еще довольно долго было ярко-голубым. Ветерок продолжал дуть все с той же

силой. Пропитанный влагой воздух стал немного прохладней. Бартон и неандерталец оставили тело и двинулись на голоса остальных членов группы. Все собрались возле камня для чаш, о котором говорил Бронтич. Бартона заинтересовало, имеются ли еще такие же камни у подножия горы? На этом камне, однако, не было чаши в центральном отверстии. Возможно, это означало, что он еще не готов к действию. Но Бартон отверг эту мысль. Скорее всего те, кто сооружал эти камни, поместили чашу в центральное углубление только у грибов возле реки. Так как знали, что воскресшие сначала воспользуются именно ими. К тому времени, когда они разыщут отдаленные от берега камни, они уже будут знать, как ими пользоваться.

Чаши были установлены в углубления, образующие внешнюю окружность. Их владельцы стояли или сидели вокруг, переговариваясь между собой, хотя все их помыслы были устремлены к чашам. Все ждали, когда же — если это вообще произойдет — возникнут голубые языки пламени. Почти все разговоры сводились к тому, что они очень проголодались. Некоторые предавались размышлениям о том, как они сюда попали, кто поместил их сюда, кто эти существа и какие

планы у них в отношении людей. И только совсем немногие говорили о своей жизни на Земле.

Бартон уселся под развесистыми ветвями железного дерева, толстый черный ствол которого был весь покрыт наростами. Он чувствовал себя усталым, как и все остальные, кроме, может быть, Казза. Пустой желудок и натянутые как струны нервы не давали возможности вздремнуть, хотя тихие голоса и шелест листьев склоняли ко сну… Ложбина, в которой собралась группа, была образована склонами четырех холмов, поросших деревьями. Хотя здесь было немного темнее, чем на вершинах холмов, но зато несколько теплее. Через некоторое время, когда сумерки еще более сгустились и усилился холод, Бартон организовал бригаду на поиски дров для костра.

Пользуясь ножами и топорами, они срезали большое количество бамбука и собрали несколько охапок травы. С помощью своей «зажигалки» Бартон разжег костер. Но поскольку собранного должно было хватить для поддержания огня на всю ночь, костер был не слишком велик. И все же игра пламени на сухом бамбуке успокаивающе действовала на нервы.

Внезапно раздавшийся взрыв заставил всех подскочить от испуга. Некоторые женщины за-

кричали. Занятые костром, они совсем забыли о камне для чаш. Бартон обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как голубые языки пламени взметнулись почти на двадцать футов ввысь. Даже с расстояния десятка ярдов от камня Бартон ощутил тепло от разряда.

Затем грохот прекратился, и все уставились на чаши. Бартон первым вскочил на камень. Большинство не отважилось подойти к камню сразу же после исчезновения огня. Он поднял крышку своей чаши, заглянул внутрь и завопил во все горло от восторга. Другие тоже стали залезать на камень и открывать чаши. Примерно через минуту они сидели возле костра и быстро ели, время от времени вскрикивая и показывая друг другу, что они обнаружили. «После всего случившегося дела не так уж и плохи». Похоже, эта мысль вертелась в голове у каждого. Те, что были в ответе за все случившееся, видимо, приняли на себя все заботы об их хлебе насущном.

Еды было вдоволь, даже несмотря на то, что они постились целый день или, в изложении Фригейта, «вероятно, постились добрую половину вечности». При этом он имел в виду, что неизвестно сколько времени прошло между 2008 годом н. э. и сегодняшним днем. Этот мир не мог

быть создан за один день, а подготовка человечества к Воскрешению определенно отняла больше семи дней. Конечно, если все это произведено с помощью науки и техники, а не каким-нибудь сверхъестественным образом.

Чаша Бартона принесла ему: кусок жареного мяса величиной с добрую ладонь, небольшой черный хлебец, масло, картошку с подливкой, салатные листья с незнакомым, но восхитительным вкусом. Вдобавок, там еще была полуфунтовая кружка отличного виски и еще одна маленькая чашечка с четырьмя кубиками льда.

Было и еще многое. Из-за полной неожиданности один предмет казался восхитительнее другого. Небольшая трубка, вырезанная из шиповника. Кисет с табаком. Три сигары. Пластиковая пачка с десятью сигаретами.

— Без фильтра! — воскликнул Фригейт.

Была также маленькая коричневая сигарета, понюхав которую Бартон и Фригейт одновременно воскликнули:

— Марихуана!

Алиса, вынимая маленькие металлические ножницы и черную расческу, произнесла:

— Очевидно, наши волосы отрастут. Иначе зачем эти вещи! Вы не поверите, но я так рада!

Но… неужели они… на самом деле ждут от меня, что я буду пользоваться этим?

Она держала в руках тюбик ярко-красной губной помады.

— Или я! — засмеялся Фригейт, рассматривая точно такой же предмет.

— Они в высшей степени практичны, — заметил Монат, вертя в руках пакет туалетной бумаги. Затем он вытащил круглое зеленое мыло.

Бифштекс Бартона был очень сочным, хотя он предпочитал более прожаренное мясо. С другой стороны, Фригейт пожаловался на то, что мясо у него оказалось пережаренным.

— Очевидно, эти чаши содержат меню, не учитывающее вкусы и привычки каждого, — сказал Фригейт. — Поэтому мужчинам досталась помада, а женщинам — трубки. Это массовое производство!

— Два чуда в один день, — сказал Бартон. — То есть, можно ли это назвать чудесами? Я предпочитаю рациональное объяснение и намерен получить его. Я не думаю, что сейчас кто-нибудь может рассказать мне, каким образом нас воскресили. Но, наверное, люди из двадцатого века имеют мало-мальски сносную теорию, объясняющую хоть приблизительно волшебное появление

всех этих предметов в пустом контейнере?

— Если сравнить внутренние и внешние размеры чаши, — сказал Монат, — то можно заметить разницу по глубине примерно в два дюйма. Ложное днище, возможно, скрывает молекулярные цепи, которые способны превращать энергию в материю. Энергия попадает сюда во время разряда. В дополнение к преобразователю «энергия-материя» в чаше должны быть также молекулярные шаблоны, содержащие различные сочетания элементов и составляющих. Мои рассуждения, скорее всего, верны, поскольку на нашей родной планете имелись подобные преобразователи. Но не таких миниатюрных размеров, как эти. В этом я абсолютно уверен!

— То же самое на Земле, — кивнул Фригейт. — Еще до 2008 года человечество научилось изготовлять материю из чистой энергии, но это был очень трудоемкий и очень дорогостоящий процесс с почти микроскопическим выходом готовой продукции.

— Хорошо! — сказал Бартон. — Но для нас пока все это ничего не стоит. Пока…

Он осекся, вспомнив о сне, который видел перед пробуждением.

«Плати! — говорил тогда Бог. — Ты задолжал

мне за плоть!»

Что все это могло означать? На Земле, в Триесте, в 1890 году он умирал на руках у жены и просил… что? Хлороформ? Что-то, чего он не мог вспомнить. А затем — Забвение…

И вот он проснулся в том кошмарном месте и увидел такое, что не могло существовать ни на Земле, ни, насколько ему было известно, на этой планете. Но он был уверен, что это не было сном!

8

Покончив с едой, они хотели было снова поместить цилиндры в углубления камня. Но прежде надо было вымыть посуду, хотя поскольку поблизости не было воды, пришлось бы ждать до утра. Однако Казз и Фригейт соорудили несколько ведер из секций гигантского бамбука, и американец вызвался пойти к реке, если будут еще желающие составить ему компанию, и принести воды. Бартон задумался, почему именно Фригейт вызвался пойти к реке, но затем, взглянув на Алису, он понял, в чем дело. Фригейт, должно быть, надеялся найти себе там, на берегу, подходящую подругу. Очевидно, он воспринял как само собой разумеющееся, что Алиса Харгривс предпочтет ему Бартона. А другие женщины: Туцци, Малини, Капоне и Фиорри уже сделали выбор раньше. Бабич откололся от группы вероятнее всего по той же причине, по какой и Фригейт пожелал пойти к реке.

Монат и Казз вызвались прогуляться вместе с янки.

Небо внезапно озарилось гигантскими искрами и светящимися облаками. Блеск огромного

числа теснящихся друг к другу звезд и сияние пылевых туманностей вселяло в людей ужас, чувство собственной ничтожности и убогости. Некоторые звезды были столь велики, что могли сойти за осколки земной Луны.

Бартон лежал на спине на охапке листьев и попыхивал сигаретой. Она была превосходна и в Лондоне его дней стоила бы по меньшей мере шиллинг. Сейчас он уже не чувствовал себя крохотным и ничтожным. Звезды, сиявшие на небе, были неодушевленной материей, а он — полон жизни. Никакой звезде не дано познать того чувственного экстаза, когда рядом с тобой находится теплая, хорошо сложенная женщина.

По другую сторону костра, наполовину или целиком скрытые травой и тенью, расположились жители Триеста. Спиртное оживило их, хотя чувство раскрепощенности, возможно, возникло и от сознания того, что они снова живы и молоды. Они громко и весело смеялись, катаясь по траве и целуясь. А затем пара за парой они отступили в темноту. Или по крайней мере, больше не издавали громких звуков.

Девочка заснула рядом с Алисой. Свет костра отражался на красивом аристократическом лице молодой женщины, на ее безволосой голове, на

великолепном теле и длинных ногах. Внезапно Бартон обнаружил, что в нем воскресло все его естество с неослабевающей силой. Он определенно уже не был стариком, который в течение последних шестнадцати лет своей жизни жестоко расплачивался за множество лихорадок и других болячек, выжавших его досуха уже в сорок лет. Теперь он снова был молод, здоров и одержим тем же неугомонным бесом.

Но он дал этой женщине обещание защищать ее. Он не мог предпринять какой-либо шаг или произнести слово, которое она могла бы истолковать как попытку соблазнить ее.

Что ж, она далеко не единственная женщина в этом мире. По сути, все женщины, если и не в его распоряжении, так, по крайней мере, доступны. Надо только попросить. Если все, кто когда-либо жил на Земле, теперь воскрешены на этой планете, она — лишь одна из многих миллиардов (из 36 миллиардов, если подсчеты Фригейта верны). Но что это именно так, пока еще не было достоверно известно.

Чертовски плохо было то, что Алиса сейчас была одной-единственной на целом свете. Он не может просто так подняться и уйти в темноту на поиски другой женщины, потому что она и ребе-

нок останутся без защиты. Алиса, конечно же, не будет чувствовать себя в безопасности, находясь рядом с Монатом и Каззом, и нельзя упрекать ее за это. Они были ужасающе безобразны. И не может он доверить ее Фригейту — если он только вернется этой ночью, в чем Бартон сомневался — потому что парень этот во многом был для него непонятен и, похоже, еще не раскрыл все свои качества.

Оценив создавшееся положение, Бартон неожиданно рассмеялся. Он подумал, что эти мысли он мог спокойно отложить на потом. Эта мысль в свою очередь вызвала смех, и он не мог остановиться, пока Алиса не спросила, все ли у него в порядке.

— Более, чем когда бы то ни было, — сказал он и повернулся к ней спиной. Он запустил руку в свою чашу и извлек оттуда последний предмет. Эта была маленькая плоская пластинка из похожего на кожу вещества. Фригейт, перед тем как уйти, заметил, что их неизвестные благодетели, должно быть, американцы. В противном случае, им и в голову бы не пришло снабжать воскресших жевательной резинкой.

Потушив сигару о землю, Бартон засунул пластинку в рот.

— Вкус хотя и странный, но довольно приятный, — отметил он. — И похоже, можно привыкнуть к ее употреблению.

Обратившись к женщине, он спросил:

— Пробовали ли вы эту сладкую конфетку, мисс?

— Мне хотелось, но я представила себе, что буду похожа на корову, жующую жвачку.

— Забудьте о том, что вы были на Земле леди, — рассмеялся Бартон. — Вы думаете, что у существ, располагающих могуществом воскресить вас, настолько грубые и низкие вкусы?

Алиса слегка скривилась и сказала:

— Не знаю, что и подумать. А впрочем…

С этими словами она вытащила пластинку и решительно положила ее в рот. Некоторое время они праздно жевали, глядя через костер друг на друга.

— Фригейт упомянул, что он знает вас, — сказал Бартон. — Вернее, знает о вас. Кто же вы, простите мне мое любопытство?

— Между покойниками не может быть секретов, — ответила она легкомысленно. — Так же как и среди бывших покойников.

Она была урожденной Алисой Лидделл и родилась 25 апреля 1852 года.

Бартон отметил, что ему тогда было уже тридцать лет.

…Она была одним из прямых потомков короля Эдуарда и его сына — Иоанна Худого. Отец ее был директором колледжа Церкви Христовой в Оксфорде и соавтором знаменитого греко-английского словаря («Лидделл и Скотт», отметил Бартон). У нее было счастливое детство, отличное образование, она встречалась со многими знаменитостями того времени: Гладстоном, Метью Арнольдом, принцем Уэльским, который был препоручен отцовской опеке на время обучения в Оксфорде. Мужем ее был Реджинальд Джарвис Харгривс, и она его очень любила. Он был «сельским джентльменом», любил охоту, рыбную ловлю, игру в крикет, садоводство и чтение французских романов. У нее было три сына, все офицеры, двое погибли в Великой Войне (во второй раз за этот день Бартон слышал о Великой Войне).

Она все говорила и говорила, как будто выпила вина и оно развязало ей язык. Или как будто она хотела возвести словесный барьер между собой и Бартоном.

Она рассказывала о своем котенке, которого очень любила, когда была ребенком, о могучих

деревьях в лесном питомнике своего мужа, о том, как ее отец, работая над словарем, всегда чихал ровно в двенадцать часов дня и никто не знал почему… В возрасте восьмидесяти лет ей присудили Почетную Грамоту одного из американских университетов, кажется, Колумбийского, за ту важную роль, которую она сыграла в создании знаменитой книги мистера Доджсона. (Алиса забыла упомянуть название, а Бартон, хотя и был ненасытным читателем, не помнил ни одной книги этого писателя)

— Это был самый великий день в моей жизни, — сказала Алиса. — Несмотря… Впрочем, был и еще один. — Алиса мечтательно прикрыла глаза. — Это было 4 июля 1862 года. Мне было тогда десять лет… На мне и на моих сестренках были черные туфельки, белые ажурные носочки, белые ситцевые платьица и шляпки с широкими полями.

Она то и дело вздрагивала, как будто внутри боролась сама с собой. И чтобы не выдавать этого, стала говорить еще быстрее:

— Мистер Доджсон и мистер Дакворт несли корзины с провизией для пикника… Мы уселись в лодку возле Фолли Бридж… На веслах сидел мистер Дакворт. Капли воды, подобно стеклян-

ным слезкам, падали с лопастей весел на гладкое зеркало воды.

Последние слова Бартон услышал так, будто они обрушились на него. Он удивленно посмотрел на Алису. Губы ее двигались с нормальной скоростью. Теперь она не могла оторвать взгляда от Бартона, ее глаза, казалось, высверливали в нем отверстия, ведущие куда-то за него, в глубины пространства и времени. Руки были слегка приподняты, казалось, она была чем-то изумлена и не могла ими шевельнуть.

Все звуки усилились. Он слышал дыхание девочки, биение ее сердца и сердца Алисы, урчание ее кишечника и шелест ветерка в ветвях деревьев. Откуда-то издалека донесся крик.

Он встал и прислушался. Что случилось? Почему так обострились чувства? Почему он в состоянии слышать стук их сердец, а своего нет? Он даже ощущал форму и шероховатость травы у себя под ногами. Он почти что чувствовал, как отдельные молекулы воздуха с грохотом ударяются о его тело.

Алиса тоже встала.

— Что происходит? — спросила она. Ее голос обрушился на него, словно порыв ураганного ветра.

Он не ответил, пристально глядя на нее. Теперь, как ему показалось, только теперь, по-настоящему, он рассмотрел ее тело.

Алиса подошла к нему, обмякла и закрыла глаза. На губах выступила влага, и она, раскачиваясь из стороны в сторону, почти что пела:

— Ричард! О, Ричард!

Затем она остановилась. Глаза ее округлились, когда она почувствовала, что объятия Бартона стали сильнее. А когда он наклонился и попытался ее поцеловать, она с криком «Нет! Нет!» отпрянула от него и скрылась во тьме среди деревьев.

Какое-то мгновение он неподвижно стоял. Для него казалось непостижимым, что она, которую он любит так, как никогда никого не любил, может не откликнуться на его призыв.

Она, наверное, дразнит его. Вот в чем дело. Поэтому он ринулся в темноту ночи, не переставая выкрикивать ее имя.

Прошло, должно быть, несколько часов, когда на них обрушился дождь. То ли действие наркотика ослабело, то ли холодная вода отрезвила их — но оба словно в одно и то же мгновение пробудились от этого, больше похожего на сон, наваждения. Она взглянула ему в лицо, осве-

щенное вспышкой молнии, закричала и яростно толкнула его.

Падая на траву, он резко выбросил вперед руку и поймал ее за лодыжку. Она упала на него и на четвереньках попыталась отползти.

— Что с вами? — закричал он.

Алиса как будто пришла в себя. Она села на траву и уткнулась лицом в колени. Тело ее начало сотрясаться от всхлипываний. Бартон встал, поднял ее подбородок и посмотрел в глаза. Где-то поблизости снова сверкнула молния, и Бартон увидел, что лицо женщины искажено мукой.

— Но вы же обещали защищать меня, сэр! — вскричала она.

— Судя по вашему поведению, — возразил Бартон, — вы вовсе не хотели, чтобы я вас защищал. И я не обещал защищать вас от естественных человеческих порывов.

— Порывов?! — заплакала она. — Порывов! Боже мой, я никогда в жизни не вела себя так! Я всегда, слышите, всегда была добропорядочной! Я была девственницей, когда вышла замуж! И всю жизнь я была верна своему мужу! А теперь… С абсолютно незнакомым!.. Только подумать! Не знаю, что это в меня вселилось.

— Значит, я потерпел полный провал, — спо-

койно сказал Бартон и рассмеялся. И все же в нем зашевелилось чувство раскаяния и горечи. Если бы все это произошло по ее собственному желанию, тогда бы у него не возникло ни малейших угрызений совести. Но эта резинка содержала в себе какой-то сильнодействующий наркотик, и именно он заставил их стать любовниками, страсть которых не имела границ. Этот наркотик сделал из Алисы очень пылкую и страстную женщину, словно это была не добропорядочная английская леди, а опытная наложница в гареме турецкого султана.

— Вы не должны ни в чем раскаиваться и упрекать себя, — нежно сказал он. — Считайте, что вы были одержимы. Во всем виноват дурман.

— Но ведь я допустила это! — воскликнула она. — Я… Я!!! Я хотела этого! О, какая я низкая, порочная девка!

— Что-то не припоминаю, чтобы я предлагал вам какие-нибудь деньги!

Ему вовсе не хотелось быть таким бессердечным, просто он пытался ее разозлить, чтобы она забыла свое унижение. И он преуспел в этом. Она вскочила на ноги и вцепилась ногтями в его грудь и лицо.

Она называла его такими именами, какие

высокородной и благовоспитанной леди викторианской эпохи совсем не следовало бы знать.

Бартон схватил ее за запястья, чтобы не допустить серьезных повреждений, и пока он держал ее, она поливала его всякой словесной дрянью. Наконец, она выдохлась и снова начала плакать. Он отвел ее к костру. От костра, конечно, остались только мокрые головешки. Бартон отгреб верхний слой и подбросил свежую охапку сухого сена, лежавшего во время дождя под деревьями. При свете янтарных угольков он увидел, что девочка спит, свернувшись калачиком между Каззом и Монатом, укрывшись сверху копной травы. Он вернулся к Алисе, которая сидела под другим деревом.

— Держитесь от меня подальше, — сказала Алиса. — Я вас больше не хочу видеть. Вы обесчестили меня! Вы испачкали меня в этой грязи! И это после того, как дали слово защищать меня!!!

— Если вы хотите замерзнуть, то пожалуйста. — Бартон пожал плечами. — Я подошел к вам просто предложить лечь вместе с остальными, чтобы хоть как-то сохранить тепло. Но если вам не хочется спать с такими удобствами, то пусть будет по-вашему. Но я еще раз повторяю, что все наше поведение было обусловлено воздействием

какого-то наркотика. Нет, нет, не обусловлено. Наркотики не могут порождать желания или поступки. Они просто позволяют им прорваться наружу из-под контроля нашего сознания. Обычные наши внутренние запреты падают, и никто не может за это винить себя или кого-либо другого.

И тем не менее, я был бы лжецом, если бы сказал, что это не доставило мне наслаждения. Да и вы солгали бы, сказав, что не получили удовольствия. Поэтому зачем терзать свою душу ржавыми ножами совести???

— Я не такое животное, как вы! Я — добрая христианка и богобоязненная, добродетельная женщина.

— В этом нет сомнений, — согласился Бартон. — Однако позвольте заметить еще вот что. Я сомневаюсь, что вы сделали бы это, если бы в глубине вашей души не было этого сокровенного желания. Наркотик подавил ограничения, которые вы сами на себя налагаете, но безусловно не вкладывал в ваш разум саму идею. Эта мысль была у вас уже раньше. Любой поступок, обусловленный принятием наркотика, исходит от вас, поскольку в глубине своей души вы хотели его совершить.

— Я понимаю это! — закричала она. — Неужели вы думаете, что я глупая служанка? У меня есть разум! Я отлично отдаю себе отчет в том, почему я это сделала! Мне просто никогда и не снилось, что я могу быть такой… такой… особой! Но, должно быть, я такая и есть на самом деле! А почему бы и нет!

Бартон пытался утешить ее, доказывая, что у любого человека в его естестве могут быть противные для его духа желания. Он указал на то, что понятие первородного греха именно и проистекает из этого: поскольку она — человек, следовательно, и у нее могут быть темные желания. И так далее.

Но чем больше он пытался успокоить ее, тем хуже она себя чувствовала. В конце концов, дрожа от холода и устав от бесполезных аргументов, он сдался. Растолкав Моната и Казза, Бартон залез между ними, обнял девочку и постарался заснуть.

Тепло трех тел и одеяло из травяной охапки успокоили его. Когда он засыпал, всхлипывания Алисы все еще доходили до его сознания, несмотря на то что он укрыл голову травой.

9

Проснулся он, когда небо уже было покрыто серым светом ложной зари, которую арабы называли «волчьим хвостом». Монат, Казз и девочка еще спали. Некоторое время он чесал тело, зудящее от жесткой травы, а затем выполз наружу. Костер прогорел. Капли росы свешивались с листьев деревьев и с венчиков стеблей высокой травы. Он поежился от холода. В теле не чувствовалось ни усталости, ни каких-либо других последствий действия наркотика, которых он опасался. В траве под одним из деревьев он обнаружил охапку сравнительно сухого бамбука. Бартон снова разжег костер, и через некоторое время ему стало тепло и уютно. Затем он увидел бамбуковые сосуды и напился. Алиса сидела в копне из травы и угрюмо смотрела в его сторону. По всему ее телу от холода выступила гусиная кожа.

— Подходите погреться, — предложил он.

Она выползла из своего гнезда, встала, подошла к ведру, наклонилась, зачерпнула воды и брызнула ею себе в лицо. Затем она села на корточки у огня, грея руки над слабым пламенем. «Когда

все вокруг голые, даже самые скромные очень быстро перестают быть застенчивыми», — подумал Бартон.

Чуть позже он услышал вблизи шелест травы. Повернув голову, он обнаружил Питера Фригейта. Тот выбрался из травы, а за ним показалась лысая голова женщины. Выйдя из травы, она явила взору Бартона хоть и мокрое, но красивое тело. У нее были большие темно-зеленые глаза, но толстоватые губы не позволяли назвать ее красавицей. Зато все остальное было прелестно.

Фригейт широко улыбнулся, обернулся и, взяв женщину за руку, подтащил ее к теплу костра.

— Вы сейчас похожи на кота, который только что закусил канарейкой, — засмеялся Бартон. — Что это с вашей рукой?

Питер Фригейт взглянул на костяшки пальцев правой руки. На них запеклась кровь. Тыльная сторона кисти была покрыта царапинами.

— Я ввязался в драку, — сказал он и указал пальцем на женщину, которая присела возле костра рядом с Алисой, молча греясь.

— Прошлым вечером у реки был сумасшедший дом. Видимо, в этой резинке содержится какой-то наркотик. Вы даже не представляете, что вытворяли там люди. Представляете? Ах да, ведь вы

же Ричард Френсис Бартон. Во всяком случае, все женщины, включая самых уродливых, так или иначе были разобраны. Сначала меня испугало то, что происходит, но затем я обезумел и сам. Я ударил двоих мужчин чашей, свалив их наземь. Представляете, они напали на десятилетнюю девочку. Возможно, что я даже убил их. Надеюсь, что это так. Я предложил девчушке свою защиту, но она с плачем скрылась в темноте.

Я решил вернуться, так как мне было не по себе от одной мысли, что я сделал с теми двумя, даже если они и заслуживали того. Во всем был виноват этот наркотик. Он, видимо, освобождает ярость и неудовлетворенные желания, накопившиеся за целую жизнь. Поэтому я пустился назад к реке и натолкнулся еще на двух мужчин, только что напавших на женщину. Вот на эту. Я полагаю, что она вовсе не противилась идее вступить с ними в связь, поэтому они и пристали к ней. Но двое одновременно… Вы понимаете, что я имею в виду… Во всяком случае, она стала кричать или только притворялась, что кричит и сопротивляется. Вот тут-то они и стали ее бить. Я бросился на них с кулаками, отшвырнул, а затем вышиб из них дух чашей.

Потом я взял эту женщину с собой. Ее имя —

Логу, и это все, что я о ней знаю, поскольку так и не смог понять ни единого словечка из ее языка. Она пошла за мной. — Он снова широко улыбнулся. — Но мы так никуда и не попали.

Он перестал улыбаться и вздрогнул.

— Нас разбудили дождь, молнии и гром, которые обрушились, как Гнев Господний. Я подумал, что это, может быть, — не смейтесь, пожалуйста, — наступил Судный День. Что Бог отпустил вожжи, удерживающие нас, отпустил на один день, чтобы позволить нам самим составить мнение о себе. А теперь нас побросают в преисподнюю. — Он слегка усмехнулся и продолжил. — Я был атеистом с четырнадцати лет да так им и умер в девяносто, хотя при смерти я подумывал позвать священника. Но тот ребенок, который боялся старого деда-Бога, Адского Огня и Вечных Мук в Аду, видимо, все еще здесь, даже в душе старика. Или в молодом человеке, воскресшем из мертвых.

— Что же случилось дальше? — спросил Бартон. — Мир ведь не кончился с грохотом и ударом молнии? Вы все еще здесь и, как я понимаю, вовсе не отреклись от прелестей греха в лице этой женщины.

— Мы нашли камень для чаш вблизи гор. Он в

миле к западу отсюда. Мы заблудились и бродили по окрестностям, замерзшие, мокрые, вздрагивая при каждом ударе молний. Тогда мы и наткнулись на этот «гриб». Вокруг него уже сгрудилось много людей, исключительно дружелюбно настроенных. Людей было так много, что мы почти согрелись, хотя шел довольно неприятный дождик. В конце концов, среди этого скопища мы и уснули. Когда я проснулся, то бросился на поиски Логу, потерявшейся ночью в толпе. И когда я ее наконец нашел, на ее лице мелькнула улыбка — она была рада, что опять увидела меня. Да и я был очень рад видеть прелестное личико. Вам не кажется, что между нами есть какое-то родство душ, а? В чем оно заключается, я, может быть, узнаю, когда она научится говорить по-английски. Я пробовал и французский, и немецкий, русский, литовский, финский, шотландский, все скандинавские языки, итальянский, еврейский, ирокезский, арабский, современный и античный греческий, еще дюжину других. И вы знаете, чего я добился? Да ничего! Один недоуменный взгляд!

— Вы, наверное, языковед? — удивился Бартон.

— Я не слишком бегло владею каждым из языков, — покачал головой Фригейт. — Я могу читать на большинстве, но устно — лишь составить пару

обыденных фраз. В отличие от вас, сэр, я не знаю тридцати языков, включая сюда и порнографию.

«Этот парень, кажется, знает обо мне слишком много, — подумал Бартон. — В свое время нужно будет узнать, что же ему известно на самом деле».

— Я буду искренен с вами, Питер, — громко произнес Бартон. — Ваша агрессивность удивила меня. У меня и мысли не было, что вы можете напасть и избить так много людей. Ваша привередливость…

— Это все жвачка! Она открыла дверь той клетки, в которой всю земную жизнь жил каждый из нас.

Фригейт присел на корточки рядом с Логу и стал тереться о нее плечом. Женщина взглянула на него слегка раскосыми глазами и рассмеялась.

«Да, она определенно будет красавицей, дай только времени отрасти волосам», — отметил Бартон.

— Я столь робкий и щепетильный потому, что боюсь выйти из себя, возжелать насилия — а это, как показала сегодняшняя ночь, лежит во мне не так уж и глубоко. Я боюсь насилия еще и потому, что по натуре я — насильник. Боюсь даже подумать о том, что произошло бы, не будь во

мне этого страха. Черт, я знал об этом сорок лет. Много же добра принесло мне это знание!

Он взглянул на Алису и сказал:

— Доброе утро, мисс.

Алиса достаточно бодро ответила и даже улыбнулась Логу, когда их познакомили. Она не прятала глаз от Бартона и отвечала на его прямые вопросы, но никогда не заговаривала сама. А при разговоре с ним ее лицо выражало только подчеркнутую строгость.

Зевая, к огню подошли Монат, Казз и девочка. Бартон обошел весь лагерь и обнаружил, что жители Триеста ушли. Некоторые оставили свои чаши. Он обругал их за небрежность и решил, что было бы неплохо проучить этих недотеп и оставить их чаши в траве. Но передумав, он поместил все чаши в углубления.

Если владельцы не возвратятся, то они останутся голодными, вряд ли кто-нибудь поделится с ними своей пищей. А в это время еда в их чашах останется нетронутой — он не может открыть чужой цилиндр. Еще вчера было обнаружено, что только владелец чаши может открыть ее. Эксперименты с длинной палкой показали, что для того, чтобы открыть крышку, владелец обязательно должен прикоснуться к чаше пальцами

либо другой частью тела. Согласно гипотезе Фригейта, механизм в чаше был настроен на индивидуальное строение поверхностного слоя кожи владельца. Либо она содержала в себе датчик личных биоволн.

Небо стало проясняться. Солнце еще не вышло из-за восточного хребта. Примерно через полчаса камень для чаш извергнул под раскат грома голубое пламя. Гром от камней, установленных вдоль реки, эхом отдавался в горах.

На этот раз в чашах оказались: бекон и яйца, ветчина, поджаренный хлеб, масло, джем, молоко, четвертушка дыни, сигареты и чашка, наполненная темно-коричневым порошком. Фригейт сказал, что это растворимый кофе. Он вылил молоко из одной чашки, прополоскал ее в бамбуковом ведре, наполнил холодной водой и поставил рядом с костром. Когда вода начала кипеть, он бросил горсть порошка в воду и размешал. Кофе получился восхитительным, и порошка хватило на шесть чашек. Алиса положила свою долю кофе в воду перед тем, как поставить чашку у огня, и внезапно обнаружила, что в огне не было необходимости. Вода в чашке сама закипела приблизительно секунд через пять после того, как порошок кофе был брошен в воду.

Поев, они вымыли посуду и вновь разместили ее в контейнерах. Бартон привязал чашу к запястью. Он собрался идти на разведку и не хотел оставлять единственное свое богатство в камне. Хотя воспользоваться содержимым чаши не мог никто, кроме него самого, однако низкие люди могли забрать ее только ради удовольствия посмотреть, как он будет мучиться от голода.

Бартон начал давать уроки языка девочке и Каззу, а Фригейт добавил к ним и Логу. Фригейт предложил употреблять универсальный язык, так как за несколько миллионов лет своего существования человечество использовало великое множество языков, примерно 50–60 тысяч, и теперь все они будут в ходу на берегах реки.

Конечно, если воскрешено все человечество. Пока же все, что ему было известно, касалось всего лишь десятка квадратных миль, доступных обозрению. Будет очень неплохо начать пропаганду эсперанто, искусственного языка, изобретенного в 1887 году польским окулистом, доктором Заменгофом. Этот язык отличала очень легкая грамматика, не знающая исключений. Звукосочетания хотя и не для всякого легки в произношении, но, во всяком случае, были сравнительно легки. Да и базой для словаря была

латынь с большим количеством слов английского, немецкого и других западноевропейских языков.

— Я слышал об этом перед смертью, — заметил Бартон, — но никогда не сталкивался с примерами этого языка. Возможно, он пригодится. Но пока что этих двоих я буду учить английскому.

— Но ведь большинство людей здесь говорит на итальянском и славянских языках! — возразил Фригейт.

— Ну, ну, не утверждайте этого слишком категорично. Вы что, провели доскональные исследования? А кроме того, я, а значит, и моя группа, не намерен оставаться здесь продолжительное время, будьте в этом уверены.

— Я мог бы об этом догадаться, — пробормотал Фригейт. — Вам всегда не сиделось на одном месте. Вам необходимо движение.

Бартон бросил свирепый взгляд на американца, а затем начал занятия. В течение пятнадцати минут он вдалбливал в учеников смысл и произношение девятнадцати существительных и нескольких глаголов — огонь, бамбук, чаша, мужчина, женщина, девочка, рука, нога, глаз, зубы, есть, ходить, бежать, говорить, опасность, я, ты, они, мы. Он еще хотел и сам понять их языки,

чтобы со временем говорить на них.

Солнце озарило вершины восточного хребта. Воздух потеплел, костер потух, оставленный без присмотра. Настал второй день Воскрешения. А они все еще почти ничего не знали об этом мире, о том, какова их дальнейшая судьба, о том, кто эту судьбу определяет.

Из травы высунулся громадный нос Льва Руаха.

— Можно к вам присоединиться?

Бартон кивнул, а Фригейт сказал:

— Конечно же, а почему нет?

Руах вышел из травы, оставив вопрос без ответа. За ним шла невысокая бледнокожая женщина с большими карими глазами и прелестными тонкими чертами лица. Руах представил ее, как Таню Каувиц. Он повстречался с ней прошлым вечером, и они остались вместе, поскольку между ними, как оказалась, было много общего. Девушка происходила из русско-еврейской семьи, родилась в Бронксе в 1958 году, стала учительницей английского языка, вышла замуж за бизнесмена, который сколотил миллион и скончался в сорок пять лет, предоставив ей возможность выйти замуж за замечательного человека, любовницей которого она была уже пятнадцать лет. Вместе

с любимым она прожила всего шесть месяцев. Смерть наступила от рака. Все эти сведения, притом на едином дыхании, выложила сама Таня.

— На равнине вчера вечером был сущий ад, — сказал Лев. — Нам пришлось убегать в лес. Поэтому я и решил разыскать вас и попроситься назад в группу. Я прошу прощения за свои опрометчивые вчерашние заявления, мистер Бартон. Думаю, что мои выводы обоснованы, но ваше отношение к теме, которую я вчера затронул, следует рассматривать в контексте с другими вашими высказываниями.

— Мы еще разберемся с этим как-нибудь, — кивнул Бартон. — В то время, когда я писал, ну… ту книгу, о которой вы так нелестно высказывались, я страдал от низкой и злобной клеветы заимодавцев из Дамаска, и они…

— Разумеется, разумеется, мистер Бартон, — поспешно проговорил Руах. — Как вы сказали? Позже? Чудесно! Я только хочу подчеркнуть, что считаю вас очень способным и сильным человеком и поэтому хочу присоединиться к вашей, именно к вашей, а не к какой-либо другой группе. Мы сейчас находимся в состоянии анархии, если только анархию можно назвать состоянием. И многие нуждаются в защите.

Бартон терпеть не мог, когда его перебивали. Он нахмурился и сказал:

— Позвольте, пожалуйста, мне самому объяснить. Я…

В это время Фригейт поднялся и произнес:

— Похоже, что к нам направляются сбежавшие итальянцы. Интересно, где они все это время были?

Однако пришли назад только четверо из девяти ушедших. Мария Туцци объяснила, что они ушли все вместе, нажевавшись резинки. Но прогулка вскоре оборвалась у одного из огромных костров, горевших на равнине. Затем произошло много всяких событий. Драки и нападения мужчин на женщин, мужчин на мужчин, женщин на женщин и даже нападения тех и других на детей. Группа растворилась в наступившем хаосе. Утром она, Мария, встретила троих других, когда искала среди холмов камень для чаш.

Лев добавил несколько подробностей:

— Последствия от употребления наркотической резинки были поистине трагичными… забавными… или упоительными… в зависимости, по-видимому, от индивидуальных особенностей организма. На многих резинка действовала возбуждающе, хотя были и другие реакции. На-

пример — мужа и жены, умерших в одном из пригородов Триеста в 1889 году.

Они воскресли в двух ярдах друг от друга. Они плакали от радости воссоединения, ведь так много пар было разлучено. Они благодарили Бога за ниспосланную удачу, хотя и делали кое-какие замечания вслух, что этот мир не такой, как им было обещано. Но они провели пятьдесят лет в счастливом браке и теперь собирались не разлучаться веки вечные.

Всего лишь через несколько минут после принятия наркотиков муж задушил жену, сбросил ее тело в реку и, подхватив на руки другую, убежал с ней в темноту леса.

Другой мужчина взобрался на камень для чаш и произнес речь, которая длилась всю ночь. Тем немногим, кто мог его услышать или хотел слушать его, он изложил принципы совершенного общества и как эти принципы осуществить на практике. К утру он настолько охрип, что смог лишь прокаркать несколько слов. По словам знавших его на Земле, там он не удосуживался принимать участия даже в голосованиях.

Какие-то мужчина и женщина, разъяренные публичным удовлетворением похоти, хотели силой разъединить несколько пар. И как следствие:

шрамы, окровавленные носы, разбитые губы и сотрясение мозга у обоих. Некоторые провели всю ночь на коленях, молясь и исповедуясь в своих грехах.

Руах описал также отчаяние и отвращение хорватского мусульманина и австрийского еврея, обнаруживших в своих чашах свинину. А индус выкрикивал ругательства, потому что его чаша предложила ему говядину. Один мужчина кричал, что они попали в пенаты дьявола, и выбрасывал в реку сигареты. Глядя на это, некоторые говорили:

— Почему же вы не отдали нам это курево, если сами не хотите насладиться им?

— Табак — выдумка дьявола! Это растение было взращено дьяволом в райском саду!!

— По крайней мере, вы обязаны были поделиться своим богатством с нами, разве не так? — заметил один мужчина. — Вам бы от этого не было никакого вреда.

— Я лучше выброшу это сатанинское зелье в реку! Ведь если я поделюсь этим дьявольским даром с ближним, то часть его греха падет и на меня! — крикнул святоша, брызгая слюной.

— Вы — фанатик и просто дурак, — засмеялось в толпе несколько мужчин.

Святоша, красный от религиозного усердия, подскочил было к ним, но был тут же встречен прямым в челюсть. И прежде чем он успел что-либо понять и подняться, на него набросились и жестоко избили ногами.

Позже табаконенавистник поднялся, сотрясаясь от плача и ярости, и принялся вопить:

— Что я такое сделал, о Господи, за что заслужил такое??? О Боже! Ведь я всегда был благонравным человеком! Я жертвовал тысячи фунтов на благотворительность. Всю жизнь я боролся против греха и коррупции… Трижды в неделю я поклонялся тебе, Боже, в твоем храме… я…

— А! Я вас узнала! — закричала какая-то женщина с голубыми глазами, красивым лицом и точеной фигурой. — Я узнала вас! Вы сэр Роберт Смитсон!

Мужчина замолчал и, моргая, уставился на женщину.

— Но я вас не знаю, мисс!

— Конечно же, не знаете! А следовало бы. Я одна из тех трех тысяч девушек, которые вынуждены были работать на вас по шестнадцать часов в день. Шесть с половиной дней в неделю ради того, чтобы вы могли жить в своем большом доме на холме. Чтобы вы могли одеваться в красивое

платье, а ваши лошади и собаки питались гораздо лучше, чем я и мне подобные! Я была одной из ваших фабричных девушек! Мой отец гнул на вас спину, моя мать гнула на вас спину, мои братья и сестры — те, что могли работать и не умерли от недостатка пищи, от грязных кроватей и закопченных окон или от укусов крыс — все они были вашими рабами. Одна из ваших машин отрезала моему отцу руку, и вы вышвырнули его на улицу без единого гроша. Моя мать умерла от чахотки. Я тоже медленно выкашливала свою жизнь, мой милый баронет, пока вы объедались изысканной пищей и отдыхали на диванах… а может быть, беззаботно дремали на роскошной церковной скамье и швыряли тысячи для того, чтобы прокормить бедных азиатов или снарядить миссионеров для обращения в истинную веру африканских язычников. Я выкашливала свои легкие и вынуждена была ходить на панель, чтобы прокормить своих младших братишек и сестренок. И я подхватила сифилис, вы, гнусный, набожный ублюдок, и все потому, что вы хотели выжать последние капли пота и крови из меня и мне подобных несчастных! Я умерла в тюрьме, потому что вы требовали от полиции, чтобы она покончила с проституцией. Вы… Вы!..

Смитсон сначала покраснел, а затем побледнел. Потом приосанился, хмуро взглянул на женщину и произнес:

— Вы, распутницы, всегда найдете, кого обвинить в том, что вы начали предаваться похоти. Обвинить в том, что вы начали предаваться столь гнусным вожделениям! Бог знает, что я стойко следовал его заповедям!

Он повернулся и пошел прочь, но женщина побежала за ним и замахнулась на него своей чашей. Все произошло очень быстро. Кто-то вскрикнул. Смитсон повернулся и присел. Чаша едва задела его макушку.

Смитсон быстро шмыгнул мимо женщины и, прежде чем та опомнилась, затерялся в толпе. К несчастью, отметил Руах, мало кто понял, что происходит, потому что там не было никого, кто понимал бы по-английски.

— Сэр Роберт Смитсон, — задумчиво произнес Бартон. — Насколько мне помнится, он владел хлопкопрядильными фабриками и металлургическими заводами в Манчестере. Он был известен своей благотворительностью и добрыми делами среди язычников. Умер он, как я помню, в 1870 году в возрасте что-то около восьмидесяти лет.

— И вероятно, в твердом убеждении, что за свои

дела будет вознагражден на небесах, — сказал Лев Руах. — Разумеется, ему и в голову никогда не приходило, что он убийца многих сотен людей.

— Если бы он не эксплуатировал рабочих, это делал бы кто-нибудь другой, уж будьте в этом уверены! — засмеялся Бартон.

— Вот! Вот! Именно этим оправдывались очень многие на протяжении всей истории человечества, — взорвался Руах. — Между прочим, в вашей стране были промышленники, которые следили за тем, чтобы зарплата и условия труда рабочих улучшались. Одним из таких идеалистов был… да, Роберт Оуэн.

10

— Не вижу особого смысла спорить о прошлом, — примиряюще произнес Питер Фригейт. — Мне кажется, нам следовало бы заняться нашим нынешним положением.

Бартон поднялся.

— Вы как всегда правы, янки! Нам нужен кров над головой, орудия и Бог знает что еще! Но прежде всего, я думаю, нам стоит взглянуть на стойбища людей на равнине и посмотреть, чем занимаются их обитатели.

В это мгновение из-за деревьев на холме, возвышавшемся над ними, показалась Алиса. Фригейт первым заметил ее и разразился хохотом:

— Последний крик моды в одежде высокородных леди!

Бартон повернулся и изумленно вытаращил глаза. Харгривс нарезала длинные травянистые прутики и сплела из них одежду из двух предметов, одним из которых было что-то вроде пончо, прикрывающее грудь, а другим — юбка, ниспадающая до икр.

Эффект был довольно странный, хотя именно его ей и следовало бы ожидать. Когда она была

нагая, лысая голова не так уж сильно вредила ее женственности и красоте. Но в этом зеленом, бесформенном, оттопыривающемся одеянии ее лицо сразу же стало мужеподобным и некрасивым.

Остальные женщины столпились возле нее и стали ощупывать пряжу из стеблей и пояс из травы, поддерживающий юбку.

— Самое большое неудобство — трава сильно раздражает кожу, и она все время чешется, — сказала наконец Алиса. — Но зато так приличнее. Вот все, что я хотела сказать по этому поводу.

— По-видимому, вы изменили свое мнение. Помните, вы как-то говорили, будто вам безразлично, что вы обнажены, если остальные также голые, — съязвил Бартон.

Алиса холодно посмотрела на него и заявила:

— Надеюсь, что теперь все будут одеты, как и я. Все! Каждый порядочный мужчина и женщина!

— Да… теперь я вижу, что для некоторых условности превыше всего! — покачал головой Бартон.

— Я сам был ошарашен, очутившись среди множества голых людей, — рассмеялся Фригейт. — Даже несмотря на то, что нагота на пляжах и дома стала обыденной в конце восьмидесятых годов. Однако здесь все довольно быстро

привыкли к нынешнему положению вещей, не так ли? Все, кроме, как мне кажется, безнадежных психопатов.

Бартон развернулся и обратился к другим женщинам:

— Ну, а как вы, дорогие дамы? Вы тоже оденете эти безобразные колючие копны сена только потому, что одна из представительниц женского пола вдруг решила, что у нее снова появились интимные части тела? Может ли то, что уже было публично обозреваемо, снова стать интимным?

Логу, Таня и Алиса ничего не поняли из его слов, поскольку он говорил по-итальянски. Но через мгновение он произнес те же самые слова на английском.

Алиса, вспыхнув, сказала:

— То, во что я одета — мое личное дело! Если кому-нибудь нравится ходить голым в то время, как я пристойно прикрыта — что ж!..

Логу опять не поняла ни слова, но, очевидно, сама сообразила, что происходит. Она рассмеялась, пожала плечами и отвернулась. Остальные женщины, казалось, старались предугадать, как намерены поступить другие. В этот момент их не интересовало ни уродство, ни неудобство этой новой одежды.

— Пока вы, женщины, определите, как вам поступить, — предложил Бартон, — было бы неплохо, если бы вы соизволили взять бамбуковые ведра и пройтись с ними к реке. Мы смогли бы выкупаться, наполнить ведра водой, посмотреть, каково положение на равнине, а затем вернуться сюда. До наступления ночи надо соорудить несколько домиков или хотя бы временных шалашей.

Они двинулись вниз, продираясь сквозь траву, волоча с собой чаши, оружие и ведра. Пройдя совсем немного, они повстречали довольно много людей. По-видимому, многие решили покинуть равнину. И кроме того, некоторые нашли сланцы и изготовили орудия и оружие. Возможно, они научились технике обработки камня у других первобытных людей, оказавшихся в этой местности. Пока Бартону повстречалось только два существа, не принадлежащих к виду «гомо сапиенс», и оба были в его группе. Но от кого бы люди ни научились технике обработки камня, она пошла им на пользу. Бартон с товарищами прошел мимо двух уже почти завершенных бамбуковых хижин. Они были круглые, с одной комнатой и конической крышей, покрытой листьями железных деревьев. Один мужчина,

пользуясь кремневым топором и скребком, делал бамбуковое ложе на невысоких ножках.

За исключением нескольких высоких, довольно грубых хижин или навесов, сооруженных без применения каменных орудий, да немногих купающихся, на равнине было пустынно. Останки погибших во время вечернего безумия исчезли.

До сих пор никто не носил юбок из травы, и многие встречные удивленно смотрели на Алису и даже смеялись, бросая хриплые реплики. Алиса поминутно краснела, но не пошевелила и пальцем, чтобы избавиться от своих одеяний. Солнце начало припекать, и она беспрестанно чесалась.

То, что Алиса, воспитанная в строгих правилах викторианских высших кругов, чесалась при всех, показывало степень ее раздражения.

И все же когда они добрались до реки, то увидели добрую дюжину охапок, которые оказались травяными платьями, оставленными у самой воды мужчинами и женщинами, которые сейчас смеясь плескались и плавали в реке.

Это было полной противоположностью тем пляжам, которые он знал. Те же люди, ранее пользовавшиеся закрытыми кабинами, пляжными костюмами, прикрывавшими их от лодыжек до шеи, и всеми другими аксессуарами при-

стойности, столь абсолютно нравственными и жизненно необходимыми для сохранения благопристойного общества. И всего лишь на другой день, очутившись здесь, они уже плавали нагишом и наслаждались этим.

Отчасти они смирились с наготой благодаря потрясению, вызванному Воскрешением. Кроме того, в первый день они мало что могли с этим поделать. К тому же здесь перемешались люди цивилизованные с дикарями или, другими словами, цивилизованные обитатели городов с цивилизованными жителями тропиков, а южан, как известно, нагота не очень смущает.

Бартон помахал рукой и окликнул женщину, стоявшую по пояс в воде. У нее было вульгарно-красивое лицо и сверкающие голубые глаза.

— Это как раз та женщина, что напала на сэра Смитсона, — тихо заметил из-за плеча Бартона Лев Руах. — Ее зовут, кажется, Вильфреда Олнорт.

Бартон с любопытством посмотрел на нее, особенно оценив роскошный бюст. Он еще раз окликнул ее:

— Ну как вода?

— Очень хорошая! — ответила она, улыбаясь. Он отстегнул свою чашу, поставил на землю

корзину, в которой нес кремневый нож и топор, и, взяв зеленое мыло, полученное вместе с едой, вошел в воду. Вода была градусов на пять ниже температуры человеческого тела. Намыливаясь, он возобновил разговор с Вильфредой. Если в ней и было еще какое-то чувство обиды на Смитсона, она его не выказывала. У нее был отчетливый акцент, характерный для уроженцев северных графств, скорее всего… Камберленда.

— Я слышал, как вы слегка отделали этого старого великого лицемера, — усмехаясь, произнес Бартон. — Но сейчас вы должны быть счастливы. Ведь вы теперь молоды, здоровы, красивы и вам не надо больше ишачить ради куска хлеба. И кроме того, вы теперь можете заниматься любовью ради любви, а не как раньше — ради денег.

Ходить вокруг да около фабричной девчонки было бесполезно. Вильфреда одарила его таким же холодным взглядом, как и любой из взглядов Алисы Харгривс.

— У вас что, с нервами не в порядке? Англичанин, не так ли? Что-то не могу понять, откуда. Судя по вашему акценту, из Лондона, не так ли? Или… что-то не наше…

— Вы очень близки к цели, — сказал он, смеясь. — Меня, между прочим, зовут Ричард Бартон.

Вы бы не хотели присоединиться к нашей группе? Мы объединились вместе для защиты и взаимопомощи.

Там, среди холмов, мы обнаружили камень для чаш, которым пользуемся пока только мы. Сейчас мы возвращаемся туда, чтобы построить несколько домиков.

Вильфреда внимательно посмотрела на таукитянина и неандертальца.

— Они что, тоже входят в вашу группу? Я уже слышала о них. Говорят, что одно из этих чудищ — человек, прибывший со звезд в... двухтысячном году.

— Он не причинит вам зла, дорогая. Так же как и неандерталец. Так что вы скажете на мое предложение?

— Я всего лишь женщина, — пожала плечами Вильфреда. — Что я могла бы предложить в качестве вступительного взноса?

— Все, что может предложить женщина, — ухмыльнулся Бартон.

К его удивлению она расхохоталась. Женщина подошла к Бартону, ощупала его грудь и произнесла:

— Разве вы не молодец? В чем же дело? Разве сами вы не в состоянии раздобыть себе девушку

по вкусу?

— Я уже имел одну и ту потерял, — скривился Бартон. Это было не совсем правдой. Он не знал, что намерена предпринять в дальнейшем Алиса. И не мог понять, почему она остается с группой, если чувствует к нему такой ужас и отвращение. Возможно, только потому, что предпочитает зло знакомое злу неизвестному. Сейчас его раздражала ее глупость, но все же ему не хотелось, чтобы она покинула группу. Любовь, которую он испытал ночью, возможно, и была обусловлена наркотиком, но все-таки безусловно что-то осталось в его сердце. Тогда почему же он просит эту женщину присоединиться к ним? Наверное, пытается вызвать ревность у Алисы. Наверное, хочет иметь в запасе женщину, если сегодня вечером Алиса ему откажет. Возможно… впрочем, он и сам не знает зачем…

Алиса стояла на берегу, почти касаясь воды пальцами ног. Берег здесь был всего лишь на дюйм выше кромки воды. Невысокая трава, та же, что и на равнине, росла и в воде. Он все время ощущал ее под ногами, пока ноги доставали до дна. Бросив мыло на берег, он отплыл ярдов на сорок и нырнул. Здесь неожиданно течение стало сильнее, а глубина — больше. Бартон погружался

с открытыми глазами, пока не стало совсем темно и не заломило в ушах. Но все же он превозмог себя и, наконец, пальцы коснулись дна. Здесь также была трава.

Сделав это открытие, он поплыл назад, туда, где вода была ему по пояс, и увидел, что Алиса сбросила с себя одежду. Она недалеко вошла в воду, но, присев на корточки, окунулась по самую шею и намылила голову и лицо.

Бартон окликнул Фригейта:

— А вы почему не заходите?

— Я охраняю чаши!

— Очень хорошо!

Бартон выругался про себя. Он должен был сам подумать об этом и назначить кого-нибудь сторожить вещи. По сути дела, он не был хорошим руководителем, он, пожалуй, любил, чтобы в жизни все шло естественным ходом, образовывалось само собой. Не надо забывать об этом. На Земле он был руководителем многих экспедиций, и ни одна из них не отличалась подготовленностью или умелым руководством. Но все же во время Крымской войны, когда он был одним из командиров, обучавших необузданных турок-кавалеристов, этих башибузуков, у него получалось совсем не плохо. По крайней мере, гораздо лучше, чем у

большинства. Поэтому ему не стоило особенно упрекать себя…

Лев Руах вылез из воды и стал обтирать руками свое тощее тело, стряхивая капли. Бартон тоже вышел на берег и присел на траву. Алиса повернулась к нему спиной, то ли нарочно, то ли нет, этого он, конечно, узнать не мог.

— Меня не так радует то, что я снова молод, — сказал Руах по-английски с сильным акцентом, — как то, что вот эта нога снова при мне.

Он похлопал по правому колену.

— Я потерял ее во время аварии на одной из магистралей в Нью-Джерси, когда мне было пятьдесят лет. — Он засмеялся и продолжил. — Была какая-то ирония в той ситуации, которую некоторые называют судьбой. За два года до этого меня схватили арабы во время геологической экспедиции в пустыне, как вы понимаете, в государстве Израиль…

— Вы имеете в виду Палестину? — удивился Бартон.

— В 1948 году евреи основали собственное государство, — гордо вымолвил Лев Руах. — Вам об этом, конечно, ничего не известно. Когда-нибудь я расскажу об этом. Итак, меня схватили и пытали арабские партизаны. Мне не хочется

вдаваться в подробности. При воспоминании об этом мне до сих пор становится дурно. Но в ту же ночь я бежал, хорошо саданув камнем по голове часового и еще двоих застрелив из его винтовки. Так я ушел. Можно считать, что мне повезло. Через несколько часов меня подобрал армейский патруль. Однако через два года, когда я уже был в Штатах и ехал по автостраде, большой грузовик, я вам потом опишу его, в лоб врезался в мою машину. Я получил тяжелые повреждения, и мою правую ногу ниже колена пришлось ампутировать. Но весь фокус в этой истории в том, что водитель грузовика был родом из Сирии. Так что, как видите, арабы мне отомстили, хотя им и не удалось разделаться со мной. Эту работу за них сделал наш друг с Тау Кита. Хотя я не могу сказать, что он что-либо изменил в судьбе человечества. Он просто ускорил то, что было суждено.

— Что вы этим хотите сказать?

— Миллионы умирали от голода. Даже в Штатах была введена система рационирования, а загрязнение окружающей среды убивало тысячи и тысячи людей ежедневно! Ученые говорили, что половина атмосферного кислорода на Земле исчезнет за десять следующих лет, потому что из-за загрязнения безнадежно погибал фито-

планктон океанов. А он обеспечивал, как вам известно, половину поступления кислорода.

— Океанов???

— Вы что, не верите? Ну да. Вы ведь умерли в 1890 году, поэтому вам так трудно поверить. Некоторые ученые еще в 1963 году предсказывали, что океаны превратятся в сточную канаву уже к 2008 году. И я этому верил, так как был биохимиком. Но большинство населения, особенно политиканы и те, с кем считаются массы, отказывались верить этому, пока это не стало очевидно, а затем и слишком поздно. Меры были приняты, когда положение стало еще хуже, но они были слабыми и к тому же слишком запоздалыми.

Да еще им противостояли некоторые группировки, которые могли потерять прибыль, будь приняты эффективные меры. Впрочем, это длинная и печальная история, и если мы будем строить хижины, то лучше начать сейчас же после обеда.

Алиса вышла из воды и стала стряхивать с себя воду. Солнце и ветер быстро высушили ее кожу. Она подобрала свои одежды из травы, но не стала одевать их. Вильфреда спросила, почему? Алиса ответила, что одежда вызывает очень сильный зуд. Но она сохранит ее, чтобы одеть вечером, ес-

ли станет чересчур холодно. Алиса была вежлива с Вильфредой, но открыто сторонилась ее. Она знала, кем была девушка в земной жизни. Вильфреда очевидно это поняла, потому что с улыбкой на лице принялась рассказывать о том, как стала продажной девкой и умерла от сифилиса. По крайней мере, она думала, что умерла от этой болезни. Так как она совершенно не помнила момента смерти.

— Несомненно одно, — сказала она, широко улыбаясь и глядя на Алису, — сначала я сошла с ума, а уже потом умерла.

Слушая все это, Алиса Харгривс отодвигалась еще дальше. Бартон усмехнулся, размышляя о том, как бы она повела себя, узнав, что он сам мучился от этой болезни, которую подцепил от девушки-рабыни в Каире во время своего паломничества в Мекку в 1853 году под видом мусульманина. Его «излечили», и мозг его физически не пострадал, хотя нравственные мучения были очень сильны. Но ведь главное состояло в том, что Воскрешение снабдило каждого свежим, молодым и здоровым телом, и то, что с кем-либо происходило на Земле, не должно влиять на их отношения здесь.

Но «не должно», однако, вовсе не означало «не

будет».

Он, по сути, не мог ни в чем упрекнуть Алису Харгривс. Она была продуктом своего общества и, подобно всем женщинам, являлась тем, чем сделали ее мужчины, и у нее был сильный характер и гибкость ума, позволявшие подняться над некоторыми предрассудками своего времени и своего класса. Она достаточно хорошо приспособилась к наготе, она не была открыто враждебна или высокомерна к несчастной девушке. Ночью она вела себя с Бартоном так, будто в ней не было никаких ограничений, ни явно, ни тайно внушенных за всю прожитую жизнь на Земле. И это случилось в первую ночь ее жизни после Воскрешения, когда она просто обязана была стоять на коленях и петь Осанну, потому что она «грешила», и обещать, что никогда больше не будет «грешить», и таким образом пытаться спастись от Геенны Огненной.

Все время, пока они шли по равнине, он думал о ней, время от времени поглядывая в ее сторону. Отсутствие волос на голове делало ее лицо гораздо старше, но отсутствие волос в области паха — похожей на ребенка. В них всех заложено это противоречие: старики и старухи выше шеи, дети — ниже пояса!

Он поотстал, пока не оказался рядом с Алисой.

Они шли за Фригейтом и Логу. Вид этой женщины доставлял определенное удовольствие, и это как-то скомпенсировало его огорчение, так как он догадывался, что разговор с Алисой ни к чему не приведет. У Логу была красиво округлая задняя часть тела, ее ягодицы — как два яйца. Она покачивала бедрами так же обворожительно, как и Алиса.

— Если прошлая ночь причинила вам такие сильные страдания, то почему вы остались со мой? — тихо спросил он.

Красивое лицо Алисы исказилось и стало уродливым.

— Я не осталась с вами! Я осталась с группой! Более того, я все обдумала, что касается прошлой ночи, хотя это было очень мучительно для меня. Но я должна быть честной. Это наркотик заставил нас вести себя как… ну так, как мы себя вели. И я не сомневаюсь, что и вы думаете точно так же, как и я.

— Значит, на повторение нет никакой надежды? Совсем никакой?

— Как вы можете еще говорить об этом! Конечно же, нет! Да как вы осмелились просить об этом?!

— Я вас не принуждал, — пожал плечами Бар-

тон. — Как я уже говорил, вы вели себя так, как и должны были вести, не сдерживай вас ваши внутренние запреты. Хотя эти запреты вовсе не такая плохая штука — при определенных обстоятельствах, таких как — ну… Допустим, вы являетесь законной женой человека, которого любите… человека, который живет на Земле, в Англии. Но не забывайте, что сейчас Земли для нас не существует и Англии больше нет. Так же как и английского общества. И если все человечество воскрешено и разбросано вдоль этой реки, вы все равно, скорее всего, больше никогда не увидите своего мужа. Так что считайте себя теперь незамужней. Помните? «…пока смерть нас не разлучит…» Но смерть вас разлучила — вы умерли. Кроме того, разве вы не произносили такие слова: «Нет браков на небесах!..»

— Вы богохульник, мистер Бартон. Я читала о вас в газетах и некоторые ваши книги об Африке и Индии и ту книгу о мормонах в Америке. Я также слышала рассказы. Большинству из них я не смела верить, настолько порочным вы были в них представлены. Реджинальд кипел от негодования, когда прочел вашу книгу «Касида». Он сказал, что не потерпит такой мерзкой, безбожной литературы в своем доме. Мы тогда сожгли в

печке вашу писанину.

— Если я настолько порочен, а вы себя ощущаете «падшей женщиной», то почему же вы не уходите?

— Неужели я должна снова все повторять? В другой группе могут оказаться мужчины еще хуже. И как вы уже любезно подчеркнули, вы не принуждали меня. В любом случае, я уверена, что у вас есть что-то вроде сердца под оболочкой циника и насмешника. Я видела, как вы плакали, неся рыдающую Гвиневру.

— Вы разгадали меня, — улыбнулся Бартон. — Ну что ж, очень хорошо. Пусть будет так. Я стану рыцарем. И поэтому оставлю все попытки соблазнить вас или каким-то образом приставать к вам. Но когда в следующий раз вы увидите, что я жую резину — прячьтесь. Во всех остальных случаях, я даю честное слово, вам нечего меня опасаться. Правда, до тех пор, пока я не нахожусь под влиянием этой жвачки.

Ее глаза округлились, и она остановилась.

— И вы намерены снова попробовать эту гадость?

— А почему бы и нет? Она, возможно, и превращает некоторых людей в диких зверей, на меня она так не действует. Я не чувствую тяги к этому

наркотику, и сомневаюсь, что привыкну к нему. Мне приходилось не раз курить опиум, вы это, должно быть, знаете, и у меня не выработалось привычки к нему. Видимо, у меня нет психологической предрасположенности к наркотикам.

— Я знаю, что вы не могли оторваться от рюмки, мистер Бартон. Вы и это тошнотворное создание — мистер Суинберн…

Она умолкла. Ее окликнул какой-то мужчина. И хотя она не понимала по-итальянски, она заметила непристойность его жестов. Алиса вся вспыхнула, но продолжала идти не останавливаясь. Бартон посмотрел на мужчину. Это был хорошо сложенный смуглый юноша с большим носом, маленьким подбородком и близко расположенными глазами. Его речь была насыщена словами из воровского жаргона Болоньи, где Бартон провел много времени, изучая гробницы и останки этрусков. За этим парнем стояло еще с десяток мужчин, которые вели себя так же вызывающе и были столь же зловеще неприятны. Еще дальше, немного в стороне, стояло несколько женщин. Было очевидно, что эти молодцы хотели пополнить свою группу женщинами, а также не прочь были получить каменное оружие группы Бартона. Сами они были вооружены только ча-

шами и бамбуковыми палками.

11

Бартон отрывисто скомандовал, и его люди сомкнулись вокруг него. Казз не понял слов, но сразу же сообразил, что происходит. Он чуть отстал и занял позицию с тыла. Его звериная внешность и огромный каменный топор несколько охладили пыл болонцев. Но они двинулись за группой Бартона, отпуская грубости и угрозы, хотя и не приближаясь. Однако, когда начались холмы, вожак подал команду, и они пошли в атаку.

Юноша с близко поставленными глазами, вопя и размахивая чашей, кинулся на Бартона. Тот оценил ситуацию и метнул свое бамбуковое копье в тот момент, когда чаша описывала дугу позади болонца. Каменный наконечник вошел в солнечное сплетение вожака, и тот завалился набок вместе с воткнувшимся в него копьем. Неандерталец ударил одного нападавшего по руке, выбив у него чашу. Затем отпрыгнул назад и ударил топором по макушке другого. Тот осел с окровавленным черепом.

Маленький Лев Руах метнул свою чашу в грудь одного из мужчин и прыгнул на него. Мужчина отшатнулся. Руах, изловчившись, ударил его в

плечо кремневым ножом, и тот с воплями побежал.

Фригейт действовал намного лучше, чем ожидал от него Бартон, поскольку в первый момент он побледнел и начал дрожать. Его чаша была привязана к левой руке, а в правой он держал каменный топор. Сначала он отступил назад, получив удар в грудь, однако ему удалось ослабить его, частично блокировав своей чашей. И все же он упал набок. Нападавший поднял бамбуковое копье обеими руками, намереваясь поточнее воткнуть его во Фригейта, но тот откатился в сторону, и удар копья опять пришелся в чашу. Затем американец вскочил и, низко опустив голову, бросился на болонца, ударив его головой в живот. Оба упали, но Фригейт оказался сверху и дважды ударил мужчину каменным топором в висок.

Алиса швырнула свою чашу прямо в лицо еще одному атакующему, а затем ударила его обожженным на огне концом своего копья. Тут откуда-то сбоку выскочила Логу и добавила болонцу палкой по голове, и притом так сильно, что тот упал на колени.

Все сражение длилось всего около минуты. Другие нападающие, оценив ситуацию, вместе со своими женщинами быстренько убрались

восвояси. Бартон перевернул стонущего вожака на спину и выдернул копье из раны. Оказалось, что конец оружия вошел в живот не более, чем на дюйм.

Мужчина поднялся на ноги и, зажав кровоточащую рану, побрел прочь. Трое бандитов остались лежать. Двое из них, похоже, были живы, напавший на Фригейта — мертв.

Американец сначала из бледного стал красным, затем снова побледнел. Однако было непохоже, что он сокрушается по убитому или что ему дурно. Если его лицо что-то и выражало, то это было торжество. И облегчение.

— Это первый человек, которого я убил! — сказал он. — Первый!

— Сомневаюсь, что последний, — заметил серьезно Бартон. — Правда, если вас не убьют раньше.

Руах, глядя на труп, медленно произнес:

— Мертвец здесь выглядит точно так же, как и на Земле. Интересно, что происходит с теми, кого уже успели убить в этой загробной жизни?

— Если мы проживем здесь достаточно долго, то, возможно, и узнаем это. Кстати, вы молодцы, женщины. Я не ожидал от вас такой прыти.

— Мы делали то, что надо было делать, — ска-

зала в ответ Алиса и отошла в сторону. Она была бледна и дрожала. Логу же, наоборот, — очень весела.

Примерно за полчаса до полудня они добрались до своего камня. Но там уже все изменилось. В их тихой ложбине теперь расположилось человек шестьдесят, причем многие из них возились со сланцевыми осколками. Один человек держался за окровавленный глаз, куда, очевидно, попал осколок от камня. У других кровь капала с лица или из разбитых пальцев.

Бартон расстроился, хотя и понимал, что он бессилен что-либо изменить. Единственная надежда на восстановление спокойствия в их убежище была в том, что пришельцев прогонит отсутствие воды. Но и эта надежда быстро исчезла. Какая-то женщина сказала, что примерно в полутора милях к западу есть небольшой водопад. Он течет с вершины горы через каньон в форме стрелы в большое и только наполовину заполненное углубление. В конце концов, это озеро должно будет переполниться, и ручеек потечет до самой реки. «Было бы очень хорошо, — отметил про себя Бартон, — соорудить для ручья канал из камня, выбитого из подножия горы».

И, словно угадав эти мысли, Питер Фригейт

произнес:

— Проблема с питьевой водой для нашей долины была бы решена, если бы мы сделали из гигантского бамбука трубы и проложили их от источника к нашим хижинам.

Бартон напомнил ему, что здесь, пожалуй, собралось и так довольно много народа, на что Фригейт пожал плечами и отвернулся. Бартон хотел было что-то сказать, но передумал и повел группу к чашному камню.

Они вставили чаши в камень — каждый хорошо запомнил расположение своей — и стали ждать. Бартон объяснил группе, что он намеревается уйти отсюда, как только будут наполнены чаши. Местность на полпути между водопадом и этим камнем была лучше, да и к тому же, возможно, не столь многолюдна.

Голубые языки пламени с грохотом взметнулись над камнем, когда солнце достигло зенита. На сей раз чаши выдали салат, итальянский черный хлеб с мелкими вкраплениями чеснока, масло, спагетти вперемешку с мясным фаршем, чашку сухого красного вина, виноград, снова кофейные гранулы, десять сигарет, палочку марихуаны, сигару, опять туалетную бумагу, кусок мыла и четыре шоколадных пирожных. Среди

присутствующих послышались жалобы, что им не нравится итальянская пища, но никто не отказывался от еды.

Выкурив по сигарете, они отправились к водопаду, расположенному у основания скалы. Он оказался в самом конце треугольного каньона, где вокруг провала уже расположилась лагерем довольно большая группа людей. Вода была ледяная. После того, как люди Бартона вымыли, высушили посуду и наполнили сосуды водой, группа двинулась в обратный путь. Ярдов через восемьсот они выбрали холм, поросший соснами. На самой верхушке росло гигантское железное дерево. Бамбук всех размеров рос вокруг в изобилии. Под руководством Казза и Фригейта, проведшего много лет в Малайзии, они нарезали стебли бамбука и соорудили из них хижины. Это были круглые строения с одной дверью и окном сзади, с конической крышей, покрытой травой. Они работали быстро и не стремились к совершенству строений, так что ко времени очередного приема пищи все, кроме крыши, было закончено. Фригейт и Монат остались возле хижин, остальные же взяли чаши и пошли к камню. Здесь они увидели около трехсот человек. Бартон предвидел это. Большинству не захочется

шагать две мили три раза в день за едой. Они предпочтут тесниться вокруг камней, только бы не сделать, упаси Господи, лишнего усилия. Теперь хижины были разбросаны беспорядочно и гораздо ближе друг к другу, чем это необходимо. Однако оставалась еще проблема свежей воды, и Бартон удивился, что так много людей собрались здесь, не продумав, как ее решить. Но тут же одна хорошенькая сербка сообщила ему, что днем был найден совсем рядом с камнем источник отличной питьевой воды. Ручей бежал из пещеры, расположенной прямо над одной из скал. Бартон тут же отправился его обследовать. Вода вырывалась из пещеры и тонкой струйкой стекала по отвесной скале в водоем, около пятидесяти футов шириной и глубиной около восьми.

Бартон отметил, что, похоже, это место характеризовало запоздалую мысль тех, кто создал все это великолепие.

Он возвратился как раз к вспышке голубого пламени. Кязз неожиданно встал и на виду у всех начал мочиться. Ему и в голову не пришло отойти в сторону. Логу хихикнула, Таня покраснела. Итальянки привыкли к тому, что мужчины жмутся к стенкам домов в любых местах, где только им приспичит, поэтому, казалось, не заметили про-

исходящего. Вильфреда привыкла и к гораздо худшему. Алиса, к удивлению Бартона, тоже не обратила внимания, как будто это был не человек (почему бы неандертальца и не назвать человеком?), а просто собака или кошка. Похоже, так и объяснялось ее отношение к происходящему. Для нее Казз не был человеком, и поэтому от него не следовало ожидать, что он в таких случаях будет поступать как человек.

Сейчас трудно было объяснить Каззу суть его проступка, тем более что он пока не понимал их языка. «Но выразить свое неодобрение, хотя бы жестом, необходимо, чтобы в будущем он не облегчался на виду у всех, тем более во время приема пищи, — подумал Бартон. — Каждый должен научиться определенным запретам, и все, что портит аппетит другим, когда они едят, должно быть запрещено. И сюда же должны быть включены перебранки во время еды». Честно говоря, за свою прошлую жизнь он принимал участие в обеденных диспутах более, чем достаточно.

Подойдя к Каззу, он похлопал по верхушке его похожего на буханку хлеба черепа. Казз вопросительно посмотрел на Бартона, и тот неодобрительно покачал головой. Казз поймет причину неодобрения, когда научится говорить

по-английски. Но вдруг Бартон позабыл о своем первоначальном намерении и, пытаясь вспомнить, что же он хотел сделать, погладил себя по голове. И тут он осознал, что на черепе стали пробиваться волосы.

Тогда он провел тыльной стороной ладони по лицу — оно было гладким, как и раньше. Но подмышками тоже оказался пух. Зато пах, как и лицо, пока еще не начал зарастать. Возможно, там волосы будут расти не так быстро, как на голове. Он поделился открытием с остальными, и все стали проверять себя и друг друга. Все было правильно. Волосяной покров к ним возвращался, по крайней мере, на голове и в подмышках. Лишь Казз был исключением. У него волосы росли повсюду, кроме лица.

Это открытие вызвало ликование. Смеясь и шутя, они шли в тени основания горы. Затем повернули на восток и, пройдя мимо четырех холмов, подошли к склону, за которым начиналось то, что они считали своим домом. Поднявшись до середины склона холма, они молча остановились. Фригейт и Монат не отзывались на их оклики.

Бартон распорядился рассеяться и замедлить шаг и только после этого вновь повел их к вершине холма. В хижинах никого не было,

некоторые, те что поменьше, были даже перевернуты или раздавлены. У Бартона мороз прошел по коже, словно пронесся ледяной ветер. Тишина, поврежденные хижины, отсутствие Моната и Фригейта — все предвещало нечто недоброе.

Минутой позже они услышали улюлюканье и обратили взоры к подножию холма. В траве возникли лысые головы двух охранников и вскоре оба быстро поднялись вверх по склону. Монат казался мрачным, зато американец улыбался вовсю. У него было исцарапано лицо, а костяшки пальцев были изодраны и кровоточили.

— Мы только-только прогнали четырех мужчин и трех женщин, которые хотели завладеть нашими хижинами, — сказал Фригейт. — Я говорил им, что они могли бы построить собственные дома, и, кроме того, неоднократно предупреждал, что вы вот-вот вернетесь. И если они не уберутся восвояси, вы им крепко намылите шеи. Они прекрасно все поняли — они говорили по-английски. Как я узнал из разговора, они были воскрешены у чашного камня в миле севернее нашего. Большинство народа там было из Триеста ваших дней, кроме десятка жителей Чикаго, умерших в районе 1985 года. Распределение мертвецов, несомненно, довольно забавное. Не правда ли? Я бы

сказал, что во многом просто случайный выбор.

Во всяком случае, я им сказал то, что Марк Твен вложил в уста одного дьявола: «Вы, жители Чикаго, думаете, что вы лучшие среди людей, в то время как истина заключается в том, что вы просто более многочисленны».

Это им, конечно, не понравилось. Они, кажется, думали, что я должен быть с ними потому, что я — американец. Одна женщина даже предложила мне себя, если я только переметнусь к ним и помогу отстоять эти хижины. Я отказался. И тогда янки заявили, что они все равно отберут их, и если надо, то через мой труп.

Но на словах они были храбрее, чем на деле. Монат напугал их одним только взглядом, и к тому же у нас было каменное оружие и бамбуковые копья. И все же предводитель подстрекал их напасть. Тут я внимательно присмотрелся к одному из их шайки.

Тогда его голова не была лысой. На ней была копна густых прямых черных волос. К тому же, когда я впервые с ним встретился там, на Земле, ему было уже лет тридцать пять и он носил толстые роговые очки. Я не видел его пятьдесят четыре года. Подойдя поближе, я постарался получше рассмотреть его лицо, улыбавшееся, как

и раньше. О, я хорошо запомнил эту вошедшую в поговорку улыбку скунса-вонючки. У меня вырвалось: «Лем? Лем Марко? Да ведь это Лем Марко, не так ли?»

Он сделал круглые глаза и еще больше расплылся в улыбке. Схватил мою руку (Понимаете, мою руку! И это после того, как он мне напакостил!) и закричал, как будто мы были потерявшими друг друга братьями: «Да, да! Это же Питер Фригейт! Здорово! Дружище!»

Я был почти рад, встретив его. Он, похоже, тоже обрадовался нашей встрече. Но затем я сказал себе: «Ведь это тот самый негодяй-издатель, который надул тебя на четыре тысячи долларов, а ты был еще начинающим писателем». Я сказал себе: «Не забудь Питер, этот тип надолго испортил твою карьеру. Этот лицемернейший и скользкий тип обобрал тебя и еще, по меньшей мере, четырех писателей. Оставил всех без гроша, а затем объявил себя банкротом и сбежал со всеми деньгами. Это как раз тот человек, о котором ты не должен забывать не только потому, что он сделал с тобой и другими, но и из-за многих других известных тебе издателей-мошенников».

Бартон усмехнулся и сказал:

— Я когда-то говорил — священники, поли-

тиканы и издатели никогда не пройдут через небесные врата. Я тогда ошибся, если, конечно, мы сейчас на Небе.

— Да, да, я помню, — кивнул Фригейт. — Я всегда помнил эти ваши слова. И вот тогда я отбросил невольную радость, вспыхнувшую при виде знакомого человека, и сказал: «Марко…»

— С таким-то именем он добился вашего доверия? — удивилась Алиса, перебив на полуслове Фригейта.

— Он сказал мне, что это чешское имя, означающее «достойный доверия». Как и все остальное, это была очередная ложь. Мне он очень много говорил и обещал, а я верил… Так вот, я почти что убедил себя, что нам с Монатом надо им уступить. Мы бы ушли, а затем все вместе, как только вы вернулись бы после прогулки к чашному камню, выгнали их. Это было бы наиболее разумное решение. Но когда я узнал Марко, я совершенно обезумел! Я сказал этому негодяю: «Дружочек, это действительно очень радостно — увидеть твою гнусную рожу после многих лет забвения, особенно здесь, где нет ни суда, ни фараонов!»

И я заехал ему прямо в нос! Он рухнул на землю, захлебываясь кровью. Мы с Монатом, не давая опомниться остальным, бросились на них.

Одного я ударил ногой, зато другой заехал мне своей чашей по щеке. У меня все поплыло перед глазами, но Монат вышиб дух у одного из них древком копья и сломал ребра другому — он хоть и тощий, но ужасно проворный. Марко к тому времени поднялся, и я еще раз приложился к нему кулаком. Удар пришелся в челюсть, и как мне показалось, мой кулак пострадал гораздо больше, чем его лицо. Он развернулся, этот подлый трус и побежал прочь. Я погнался за ним! Остальные, видя, что один начал бегство, тоже дали деру. Но Монат все же успел хорошенько отдубасить спины некоторых своим копьем. Я гнался за Марко до соседнего холма, поймал его на спуске и уж тут отделал его, как хотел! Он полз прочь, умоляя о пощаде, каковую я предоставил ему, дав на прощание пинка под зад, от которого он, вопя, покатился до самого подножия.

Фригейт все еще дрожал от возбуждения: он был очень доволен собой.

— Я боялся, что за столько лет я размягчусь, — сказал он. — Ведь это было так давно и на другой планете. Может быть, мы здесь для того, чтобы простить наших врагов и бывших друзей или чтобы простили нас. Но с другой стороны, я подумал: «Может, мы здесь для того, чтобы вернуть

себе кое-что, что упустили на Земле». Что вы на это скажете, Лев? Вы бы хотели получить возможность поджарить Гитлера? На очень медленном огне, а?

— Я не уверен, что можно ставить на одну доску плута-издателя и этого наци, — вспыхнул еврей. — Нет, я бы не хотел жарить этого негодяя на огне. Я бы скорее уморил бы его до смерти… Или кормил бы его так, чтоб он только не подох с голоду. Но, наверное, я бы и этого не стал делать. Что в этом хорошего? Разве это заставит подлеца хоть чуть-чуть измениться, разве он тогда поверит, что евреи тоже люди? Нет, я бы ничего не стал с ним делать, будь он в моей власти. Я бы просто убил его, чтобы он больше не смог причинять зло другим. Но я не уверен в том, что убийство означало бы, что он останется мертвецом навеки, тем более здесь.

— Вы настоящий христианин, — осклабился Бартон.

— Прошу вас, прекратите лицемерить и юродствовать, — твердо сказал Фригейт.

— Я знал, что вы настоящий друг, спасибо, — кивнул головой Руах. — Можете впредь на меня во всем полагаться, Питер.

12

Во второй раз Бартон услышал фамилию Гитлер. Он хотел бы все узнать об этом человеке, но сейчас нужно было отложить все разговоры до завершения строительства хижин.

Все дружно взялись за работу. Одни нарезали траву маленькими ножницами, которые они обнаружили в своих чашах. Другие залезли на железные деревья и срывали огромные треугольные зеленые с алым узором листья. Крыши, конечно, оставляли желать лучшего. Бартон взял себе на заметку найти профессионального кровельщика и научиться у него его искусству. Кроватями, как решили все, будут просто охапки травы, по верху которых будут укладываться связки мелких листьев железного дерева. Одеялами должны были служить другие охапки этих же листьев.

— Слава богу или кому там еще, что здесь нет насекомых, — заметил Бартон.

Он поднял серую металлическую кружку, в которой еще оставалось около ста граммов водки, напитка, лучше которого ему так и не доводилось пробовать.

— За того, кем бы Он ни был, — провозгласил

он тост. — Если бы Он поднял нас только для того, чтобы мы жили на точной копии Земли, то мы бы делили свое ложе с десятком тысяч разного рода кусающихся, царапающихся, жалящих, щекочущих, кровососущих паразитов.

Они выпили и еще некоторое время сидели у костра, курили и разговаривали. Тени сгущались, небо потеряло голубизну, и огромные звезды, которые до наступления сумерек были едва видны, теперь расцвели вовсю. Небо этой планеты сверкало на славу!

Бартон встал, прошел на другую сторону костра и сел на корточки рядом с Алисой. Она только что вернулась, уложив спать в одной из хижин Гвиневру.

Он протянул пластинку жвачки Алисе и произнес:

— Я только что взял себе половинку. Не угодно ли вам другую?

Она равнодушно посмотрела на Бартона и презрительно скривила губы:

— Нет, благодарю вас, сэр.

— Здесь восемь хижин, — усмехнулся Бартон, хотя его голос звучал без тени иронии. — Нет никаких сомнений, кто с кем будет разделять этой ночью постель. Кроме разве что Вильфреды,

вас и меня.

— Я не думаю, что в этом могут быть какие-то сомнения!

— Значит, вы спите с Гвиневрой?

Она даже не посмотрела в его сторону. Он посидел рядом еще несколько секунд, затем встал и вернулся на свое прежнее место, рядом с Вильфредой.

— Вы можете уйти отсюда, сэр Ричард? — поинтересовалась та, скривив губы. — Черт меня побери, но я не люблю быть второй на очереди. По крайней мере, вы могли бы поинтересоваться ее мнением, когда вас никто не видел. А так как у меня есть кое-какая гордость, то очень прошу вас, сэр, перебраться от меня куда-нибудь подальше.

Минуту Бартон молчал. Его первым побуждением было обругать ее изысканно грязными выражениями. Но потом он понял, что она права. Он слишком высокомерен с этой женщиной. Даже если там, на Земле, она и была продажной девкой, она имела право на человеческое обращение. Тем более, что, как она утверждала, до проституции ее довел голод. Правда, Бартон довольно скептически отнесся к этим словам, но не высказывать же громогласно свои сомнения по этому поводу? Очень многие проститутки нахо-

дили рациональные извинения своей профессии. У них всегда были оправдания относительно вступления на путь торговли своим телом. И все же ярость, с которой Вильфреда набросилась на Смитсона, и ее поведение с Бартоном говорили, что она в чем-то искренна…

Наконец, он встал и произнес:

— Я вовсе не хотел вас обидеть, поверьте мне.

— Вы в нее влюблены? — спросила Вильфреда, подняв на него взгляд.

— Только одной женщине я говорил, что люблю ее! — гордо заявил Бартон.

— Своей жене?

— Нет. Девушке, которая умерла прежде, чем я смог на ней жениться.

— А сколько лет вы были женаты?

— Тридцать девять лет, хотя вас это совершенно не касается.

— Черт меня побери! Столько времени вместе, и вы ни разу не сказали ей, что любите?

— В этом не было необходимости! — заявил он. И пошел прочь. Он выбрал себе для ночлега хижину, которую занимали Монат и Казз. Казз уже похрапывал. Монат курил марихуану, опершись на локоть. Монат предпочитал ее табаку, поскольку вкус этой травки напоминал ему табак

его родины. Однако марихуана почти не действовала на него, тогда как табак иногда давал мимолетные, но довольно яркие видения.

Бартон решил сохранить остаток, как он называл, «мечтательной резинки». Он соврал Алисе, что уже использовал жвачку, надеясь, что той ничего не останется делать, как согласиться на его предложение. Поэтому он закурил сигарету, хотя и знал, что марихуана, возможно, сделает его обиду и опустошенность еще более страшными. От нечего делать он стал расспрашивать Моната о его родной планете. Все это очень интересовало его, но марихуана не оправдала его опасений, и под все более слабеющий голос инопланетянина он поплыл далеко-далеко…

…прикройте сейчас же глаза, мальчики! — приказал Джилкрист в своей раскатистой шотландской манере.

Ричард взглянул на Эдварда. Тот ухмыльнулся и поднес руки к глазам. Он определенно подсматривал в щелочки между пальцами. Чтобы не отставать от брата, Ричард тоже прикрыл глаза руками, но продолжал стоять на кончиках пальцев. Хотя и он, и его брат стояли на ящиках, им все же нужно было вытягиваться, чтобы видеть поверх голов стоящих впереди взрослых.

Теперь на подпорке покоилась голова женщины. Ее длинные каштановые волосы свисали на лицо. Он хотел разобрать выражение ее лица, смотрящего вниз, на корзину, дожидавшуюся ее или, вернее, ее голову.

— Не подглядывайте, мальчики! — снова приказал Джилкрист.

Раздался рокот барабанов, один-единственный вскрик, и лезвие устремилось вниз. Из шеи захлестала кровь и казалось — она никогда не остановится. Раздался дружный вопль толпы, смешанный с чьим-то криком и стенаниями. Голова женщины медленно падала вниз. Кровь хлестала и хлестала из шеи, заливая толпу, и хотя он был на расстоянии не менее сотни футов от жертвы, кровь и ему брызнула на руки и стала капать сквозь растопыренные пальцы на лицо, заливая глаза и ослепляя его. Губы его слиплись, и он почувствовал на них соленый привкус. И тогда из его горла вырвался дикий крик…

— Проснитесь, сэр Ричард? Да проснитесь же наконец, Дик! — начал тормошить его Монат. — Проснитесь! У вас, должно быть, кошмар!

Бартон, всхлипывая и дрожа, сел. Он потер руки и осторожно потрогал лицо. И руки и лицо были влажными. Но от пота, а не от крови.

— Мне снился сон, — наконец вымолвил Бартон. — Тогда мне было всего шесть лет, и я жил в городе Тур, что во Франции. Мой наставник, Джон Джилкрист, взял нас, меня и моего брата Эдварда, посмотреть на казнь женщины, которая отравила свою семью. Я был страшно взволнован и подсматривал сквозь пальцы, хотя он запретил нам смотреть на последние секунды ее жизни, пока нож гильотины падал вниз. Но я смотрел! Я должен был это сделать. Я помню, что меня немного мутило, но это было единственное, чем подействовала на меня эта отвратительная сцена. Мне казалось — я отделился от самого себя, когда наблюдал за казнью. Как будто я все это рассматривал через толстое стекло, как будто все происходящее было абсолютно нереальным. А может быть, нереальным был я? Поэтому, по сути, эта сцена так и не привела меня в ужас.

Монат закурил еще одну сигарету с марихуаной. Ее огонька было достаточно для того, чтобы Бартон увидел, что инопланетянин качает головой.

— Как дико! Вы хотите сказать, что вы не просто убивали своих преступников — вы еще и отрезали им голову? На виду у всех? И вы позволяли еще и детям смотреть на этот ужас??

— Ну… В Англии поступали несколько человечнее. У нас преступников вешали.

— По крайней мере, французы разрешали людям осознать то, что именно они пролили кровь преступников, — сказал Монат. — На их руках была кровь. Но, по-видимому, этот аспект никому не приходил в голову. Во всяком случае, сознательно. А вот теперь, после многих лет — шестьдесят три года, не так ли? — вы закурили марихуану, и перед вашим взором оживает происшествие, которое, как вы всегда были убеждены, не оставило в вас никакого следа. Но от этого зрелища вы сейчас корчились в ужасе. Вы кричали, как напуганное дитя. Вы отреагировали так, как должны были бы реагировать в детстве. Я бы сказал, что марихуана вскрывает какие-то глубинные слои сдерживания и воскрешает страхи, которые были погребены там в течение шестидесяти трех долгих лет.

— Вполне возможно, — согласился Бартон.

Где-то вдали прогрохотал гром, сверкнула молния. Через минуту стремительно нахлынул звук падающих на крышу капель. Прошлой ночью дождь начался примерно в это же время, около трех часов утра. И в эту вторую ночь дождь пошел в то же самое время. Ливень стал проливным, но

крыша держалась, и ни одна капля не проникла внутрь хижины. Немного воды показалось все же из-под задней стенки, которая выходила в сторону вершины холма. Вода растеклась по полу, но не намочила лежащих людей, поскольку трава и листья под ними образовали матрас в добрый фут толщиной.

Бартон разговаривал с Монатом примерно еще полчаса, пока дождь не прекратился. Монат заснул, а Казз так ни разу и не проснулся. Бартон попытался было заснуть, но так и не смог. Он никогда не чувствовал еще себя таким одиноким… Он боялся, что опять во сне может соскользнуть в какой-то кошмар. Через некоторое время, поняв, что так и не уснет, он вышел из хижины и побрел туда, где спала Вильфреда. Еще до того, как он подошел ко входу в хижину, его ноздрей коснулся запах табака. В темноте возле хижины светился огонек сигареты. На фоне уже чистого звездного неба на копне из травы отчетливо вырисовывалась женская фигура.

— Привет! — произнесла она. — Как я и ожидала, вы появились.

— Обладание собственностью — это инстинкт, — сказал Бартон.

— Я очень сомневаюсь, что в человеке это —

инстинкт, — возразил Фригейт. — Некоторые люди в шестидесятых годах, я имею в виду в 1960-х годах, пытались доказать, что человеку присущ инстинкт, который они назвали «зовом земли». Но…

— Мне нравится это название. В нем ощущается какой-то звон, — отметил Бартон.

— Я догадывался, что оно вам понравится, — согласился Фригейт. — Но Ордри и другие пытались доказать, что человеку не только присущ инстинкт объявлять определенную часть земли своей собственностью, но также и то, что он произошел от обезьяны-убийцы. И что инстинкт убивать все еще очень силен в его наследственности. Этим они объясняли национальные границы, патриотизм (как общегосударственный, так и местный), капитализм, войны, убийства, преступления и так далее. Но другая философская школа утверждала, что все это плоды культуры, то есть общества. Что все дело в непрерывности общественных формаций, посвятивших себя с самых ранних времен племенной вражде, войне, убийству, преступлению и так далее. Измените культуру — и обезьяна-убийца исчезнет. Исчезнет потому, что ее никогда и не было подобно тому, как не было и карлика на лестнице. Убий-

цей было общество, и общество воспитывает новых убийц из подрастающих несмышленышей. Правда, были некоторые сообщества, образовавшиеся еще до изобретения письменности, это точно… которые так и не воспитали убийц. И это было их доказательством того, что человек не произошел от обезьяны-убийцы. Или я бы сказал, что он, вероятно, произошел от обезьяны, но уже не несет в себе гены убийства, либо несет, но не в большей мере, чем гены, определяющие тяжелые надбровные дуги, или шерсть на коже, или череп объемом в 260 кубических дюймов.

— Все, что вы говорите, довольно интересно, — заметил Бартон. — Мы еще займемся более глубоко разными теориями в другое время. Но пока позвольте все же заметить, что почти каждый член воскрешенного человечества происходит из культур, поддерживавших войны, убийства, преступления, насилие, разбой и безумие. Таковы люди, среди которых мы живем и с которыми имеем дело. Когда-нибудь, возможно, появится новое поколение. Не знаю, слишком рано о чем-то говорить, так как мы провели здесь всего лишь семь дней. Но, нравится нам это или нет, мы находимся в мире, населенном существами, которые очень часто поступают как обезьяны-убийцы.

А пока, давайте вернемся к нашей модели.

Они сидели на бамбуковых стульях перед хижиной Бартона. На небольшом бамбуковым столе стояла модель лодки, сделанная из сосны и бамбука. Она имела два параллельных корпуса, соединенных в верхней части площадкой с невысокими перилами. У нее была одна очень высокая мачта с передними и задними штагами, пузатый, быстро убирающийся парус и чуть приподнятый мостик со штурвалом. Эту модель катамарана изготовили Фригейт и Бартон, используя кремневые ножи и лезвия ножниц. Бартон решил: когда лодка будет построена, они назовут ее «Хаджи». Она отправится в долгое путешествие, целью которого будет не Мекка. Он намеревался пройти на ней как можно дальше вверх по Реке. (Теперь в разговорах река стала именоваться — Рекой!)

Разговор о «зове земли» зашел по поводу некоторых препятствий, которые, как они думали, возникнут при постройке лодки. К этому времени люди в округе кое-как осели и наладили свою жизнь. Они разметили границы владений и построили — или еще продолжали строить — жилища: от простых навесов до сравнительно крупных строений — некоторые имели четыре комнаты и два этажа. Изготовлялись они в основ-

ном из бамбуковых бревен и камня. Большинство теснилось вблизи чашных камней вдоль берегов Реки или у основания гор. Обследовав двумя днями раньше близлежащую местность, Бартон прикинул, что плотность населения составляет примерно 108–110 на квадратную милю. На одну квадратную милю равнины с каждой стороны Реки приходилось примерно две с половиной квадратной мили холмистой местности. Но холмы были столь высокими и разбросаны так беспорядочно, что фактически площадь, пригодная для жилья, составляла девять квадратных миль на каждую милю длины Реки. В обследованных им местах оказалось, что примерно две трети населения строили жилье вблизи прибрежных чашных камней и одна треть — около удаленных от воды.

Более сотни человек на одну квадратную милю было, по земным меркам, очень высокой плотностью, однако холмы покрывали такие густые леса, а долины были настолько извилистыми, что любая небольшая группа могла чувствовать себя в изоляции. Да и на равнине не так уж многолюдно, кроме разве что часов получения пищи. А все потому, что обитатели равнины большую часть времени проводили либо в лесу, либо на

берегу Реки, ловя рыбу. Многие выдалбливали челноки или строили бамбуковые лодки для рыбной ловли в водах Реки. А может, для экспедиций, подобных той, что решил осуществить Бартон.

Заросли бамбука исчезли, хотя было очевидно, что они скоро вырастут снова, так как это растение обладало феноменальной скоростью роста. По оценке Бартона растение высотой в 45 футов могло вырасти за десять дней.

Группа усердно трудилась и заготовляла все, что только можно было использовать для постройки лодки. Для защиты от воровства они возвели высокий забор, потратив на него большое количество леса. Его закончили в тот же день, когда была завершена работа над моделью. Больше всего их беспокоило то, что им, скорее всего, придется строить лодку на равнине, иначе ее вряд ли удастся протащить сквозь заросли и через холмы, отделяющие их поселение от Реки.

— Но если мы уйдем отсюда и попробуем заложить новое поселение, то обязательно встретим противодействие, — сказал Фригейт. — Сейчас уже нет ни одного дюйма на равнине, на который бы не было претензий. Следовательно, чтобы добраться до равнины, придется пойти на нарушение границ. Пока что еще никто не заикается

о своих правах на владения, но положение может измениться в любой момент. Однако, если мы будем строить свою лодку на границе между холмами и равниной, мы вполне сможем, хотя и с трудом, доставить ее к Реке. Но в этом случае нам придется установить круглосуточное дежурство для охраны стройки и материалов. Вы же знаете этих варваров!

Он имел в виду случаи повреждения хижин во время отсутствия их хозяев, а также крайне антисанитарные привычки многих людей.

— Мы возведем новые дома и верфь как можно ближе к границе, — подытожил сказанное Бартон. — А потом срубим любое дерево, которое окажется у нас на пути, и проложим себе дорогу силой, если кто-нибудь откажется пропустить нас миром.

Алиса была отправлена к людям, занимавшим облюбованное место на границе между равниной и холмами, с целью заключения сделки. Не рассказывая никому об истинной цели своей миссии, она нашла три пары, которые были недовольны своим местом — им не хватало уединения, и уговорила их переехать в хижины группы Бартона. Это случилось на двенадцатый день Воскрешения, в четверг. По всеобщему

согласию первый день стал воскресным, днем Воскрешения. Руах заметил по этому поводу, что он бы предпочел назвать первый день субботой, или еще лучше — просто Первым Днем. Но он попал в местность, где евреев почти не было, и ему пришлось уступить. Руах завел бамбуковую палку, на которой вел счет дням, делая зарубки каждое утро. Палка была воткнута в землю перед его хижиной, и каждый мог лицезреть этот примитивный календарь.

Транспортирование леса для постройки лодки заняло четыре дня тяжкого труда. К этому времени итальянские пары решили, что они уже достаточно «намяли мышцы до самых костей». А кроме того, начали задавать праздные вопросы — зачем нужна эта дурацкая лодка и зачем куда-то уезжать, когда любое другое место скорее всего такое же, как и это? Их несомненно воскресили из мертвых для того, чтобы вволю наслаждаться жизнью. Иначе зачем это спиртное, сигареты, марихуана, мечта-жвачка… и главное — нагота!!!

С такими мыслями итальянцы покинули группу Бартона, не тая, впрочем, ни на кого обиды. Фактически, они даже закатили пирушку на прощание.

На следующий день — двадцатый, года первого

— произошло два события, одно из которых приоткрыло тайну, другое — добавило новую, хотя и не особо важную.

На заре группа, перейдя равнину, вышла к чашному камню. Здесь они нашли двух новеньких, оба — спали. Их без труда разбудили. Но оба они оказались очень смущенными и встревоженными. Один новенький был высокий смуглый мужчина, говоривший на непонятном языке. Другой оказался красивым, хорошо сложенным, с серыми глазами и черными волосами, великаном. Бартон сразу же сообразил, что он говорит по-английски. Это был камберлендский диалект, на котором говорили во времена короля Эдуарда Первого, иногда называемого Длинноногим. Как только Бартон и Фригейт научились опознавать звуки и сделали определенные перестановки, они начали понимать незнакомца. Фригейт обладал большим запасом слов времени раннего английского средневековья, но и ему никогда не приходилось встречаться со многими словами или определенными грамматическими формами этого диалекта.

Джон де Грейсток родился в графстве Камберленд. Он сопровождал Эдуарда Первого во время похода во Францию, когда англичанам удалось

захватить Гасконь. Здесь, если верить его словам, он несколько раз отличился в рукопашном бою. Позже его призвали в парламент в качестве лорда Грейстока, а затем он снова принимал участие в военных действиях в Гаскони. Он был в свите епископа Энтони Бека, Патриарха Иерусалимского. Двадцать восьмой и двадцать девятый годы правления Эдуарда Первого он сражался с шотландцами. В 1305 году умер бездетным, оставив поместье и титул барона двоюродному брату Ральфу, сыну лорда Гримторна из Йоркшира.

Сэр Джон воскрес на берегу Реки среди людей, на девяносто процентов состоявших из англичан и шотландцев начала четырнадцатого века и на десять процентов из жителей древнегреческого города Сибарис, что располагался в свое время на юге Италии. По другую сторону Реки обитали монголы времен Кубла-хана и какие-то темнокожие люди, национальность которых Грейстон установить не мог. Судя по его описанию, это были североамериканские индейцы.

На девятнадцатый день после Воскрешения дикари с противоположного берега пересекли Реку и напали на мирных англичан. По-видимому, им просто хотелось хорошенько подраться. Сражение было очень жестоким. В качестве оружия

в ход были пущены палки и чаши, поскольку местность была очень бедна кремнием. Джон де Грейсток вывел из строя с десяток монголов, но затем сам получил по голове булыжником. Когда он упал на землю, ему в живот вонзили копье. И вот теперь, голый, он вновь проснулся у чашного камня, имея в распоряжении только чашу.

Второй мужчина изложил свою историю с помощью жестов и мимики. Он ловил рыбу, когда на крючок попалось что-то настолько крупное и сильное, что утащило его в воду. Выныривая, он стукнулся головой о днище лодки и, очевидно, потеряв сознание, утонул.

Таким образом, на вопрос о том, что случается с теми, кто был убит в этой послежизни, ответ был получен!!! Но почему они восставали из мертвых не в той же местности, где умерли — это уже совсем другой вопрос.

Вторым событием было то, что после полуденной зарядки чаш в них не оказалось еды. Вместо этого туда было запихано шесть кусков материи различного размера и разных оттенков. Четыре куска, очевидно, надо было носить в качестве кильта. Обвязав вокруг тела, их можно было закрепить изнутри с помощью магнитных кнопок. Два куска были из более тонкого, почти

прозрачного материала, скорее всего, их надо было использовать в качестве бюстгальтеров, хотя могли быть и другие применения. Материал был мягким и гигроскопичным, но выдерживал любые нагрузки, и его нельзя было разрезать ни острым камнем, ни бамбуковым ножом.

Человечество издало дружный возглас восторга, найдя эти «полотенца». Хотя мужчины и женщины к тому времени привыкли или, во всяком случае, смирились со своей наготой. Только большие эстеты или люди, неспособные адаптироваться, считали повсеместное зрелище человеческих половых органов некрасивым и даже отвратительным. Теперь у всех были кильты, бюстгальтеры и тюрбаны. Последние употреблялись, чтобы покрывать голову, пока не отросли волосы. Позже тюрбаны обещали стать обычным головным убором.

Волосы отрастали повсюду, кроме лица.

Бартон очень сожалел об этом. Он всегда испытывал особую гордость за свои длинные усы и раздвоенную бороду. Он заявил, что их отсутствие в большей степени вызывает у него чувство обнаженности, чем отсутствие трусов.

— А я рада, что они исчезли, — возразила Вильфреда. — Я терпеть не могла волосы на лицах

мужчин. Целовать мужчину с бородой все равно что засунуть лицо в рваный матрац.

13

Прошло шестьдесят дней. Лодку протащили через равнину на больших бамбуковых катках. Наступил день спуска на воду. «Хаджи» был почти 35 футов длиной и состоял из двух корпусов с заостренными носами, соединенных между собой платформой. Его единственная мачта несла паруса, сотканные из бамбукового волокна. Управлялся он с помощью огромного соснового весла, поскольку руль и штурвальное колесо были слишком сложны. Канаты были сделаны из единственно пригодного материала — травы, хотя вскоре можно было бы их сделать из продубленной кожи и внутренностей какой-нибудь крупной речной рыбы. К передней палубе был привязан челнок, выдолбленный Каззом из соснового бревна.

Они хотели спустить лодку на воду, но Казз стал им препятствовать. Теперь он уже мог выговаривать несколько фраз на ломанном английском языке и ругаться по-арабски, на хинди, суахили и итальянском, чему он научился, конечно, от Бартона.

— Нужно… Как это называется?.. Валлах!..

Что это такое?.. Убить кого-нибудь, прежде чем ставить лодку на воду… Мерда… Нет слов. Бартон-нак… ты дашь слово… слово… слово… убить человека, чтобы Бог Каббуркана-крубемц… водяной бог… не утопил лодку… Рассердится… утопит нас… пожрет нас.

— Принести жертву? — спросил Бартон.

— Благодарю кровью своей, Бартон-нак… Именно так, жертву! Перерезать горло… поставить лодку и тереть о дерево… Тогда водяной бог не будет на нас сердиться…

— Мы этого не будем делать, Казз, — покачал головой Бартон.

Казз еще некоторое время упирался, но в конце концов согласился сесть в лодку. При этом лицо его вытянулось — он очень нервничал. Бартон, чтобы его успокоить, сказал, что это не Земля, а совсем другой мир, и для того, чтобы убедиться в этом, достаточно просто внимательно осмотреться вокруг. Особенно взглянуть на звезды. Боги не обитают в этом мире, а поэтому нет причин бояться их гнева. Казз слушал и улыбался, но по нему было видно, что он ждал, что вот-вот из глубины Реки поднимется жуткое лицо с зеленой бородой и выпученными рыбьими глазами — Его Величество Бог Каббуркана-крубемц.

В это утро вокруг лодки столпилось очень много людей. Здесь собрались люди со всего близлежащего побережья Реки, поскольку все необычное было для людей развлечением. Люди кричали, смеялись, шутили. Хотя слышались иронические замечания, у всех было отличное настроение. Перед тем как лодку спустили с берега в Реку, Бартон вошел на чуть приподнятый мостик и поднял руку, требуя тишины. Болтовня в толпе стихла, и он заговорил по-итальянски:

— Дорогое друзья, обитатели долины в Земле Обетованной! Через несколько минут мы покидаем вас…

— Если только лодка не перевернется… — пробурчал Фригейт.

— …чтобы подняться вверх по Реке, против ветра и против течения. Мы предпринимаем это тяжелое путешествие потому, что трудности всегда вознаграждаются сторицей, если только верить земным моралистам. А вы знаете, насколько можно им верить!

Раздался смех, сопровождаемый неодобрительными взглядами твердолобых верующих.

— На Земле, как известно некоторым из вас, я когда-то возглавлял экспедицию в самые непроходимые дебри Африки с целью отыскать

верховья Нила. Я не нашел их, хотя и подошел очень близко. Обманом меня лишили заслуженного вознаграждения. Меня обманул человек, который был мне обязан всем — некий Джон Хеннинг Спеке. Если мне доведется с ним повстречаться во время этого путешествия, я знаю, что я с ним сделаю…

— Боже праведный! — пробормотал Фригейт. — Вы заставите его еще раз покончить с собой от угрызений совести и стыда?

— …но суть остается в том, что Река, похоже, длиннее, чем какой-то Нил, который — знаете вы или нет — является самой протяженной рекой земного шара. Хотя американцы ошибочно заявляют, что Амазонка и Миссисипи с Миссури длиннее.

Некоторые из вас могут спросить, зачем нам задаваться целью, которая находится неизвестно где, а может быть, и вовсе не существует. Я скажу вам, что мы отправляемся в путь, потому что есть Неизведанное. И наша цель сделать его Изведанным! И здесь, в отличие от нашего печального и сокрушающего планы опыта на Земле, не требуется денег для снаряжения и поддержки экспедиции. Король Наличмен, король Толстая Сума умер! Туда ему и дорога! Нам нет нужды

заполнять сотни прошений и бланков, ожидать аудиенции у влиятельных особ и мелких чинуш, умоляя о даровании милости пройти по Реке. Здесь нет национальных границ!

— Пока, — подсказал шепотом Фригейт.

— …Здесь нет паспортов, нет чиновников, вымогающих взятки. Мы только что построили лодку, не задумываясь над тем, нужно ли для этого разрешение. И мы отправляемся в путь безо всякого пропуска от какого-нибудь дерьма — высоко, средне или мелкопоставленного. Мы свободны впервые за всю историю человека. Свободны!!! И поэтому мы говорим вам «до свидания» — я не могу сказать такое унылое слово, как «прощайте»!

— Вы никогда не прощались… — снова вставил Фригейт.

— …Потому что, возможно, мы вернемся через какую-нибудь тысячу лет! Поэтому «до свидания» говорю я, «до свидания» говорит со мной и команда. Мы благодарим вас за помощь при строительстве лодки и при спуске ее на воду. При сем я препоручаю свою должность Консула Ее Британского Величества в Триесте любому, кто пожелает занять это место. На основании вышесказанного я провозглашаю себя Свободным

Гражданином Планеты Река! Я никому не буду платить дань, никому не буду присягать на верность. Отныне я буду верен только самому себе!

Фригейт гнусаво затянул:

Твори все, что обязывает делать твое мужское естество, не ожидая от кого-нибудь оваций.

Он благородно живет и благородно умрет, не нарушая установленных самим тобою правил!..

Бартон мельком посмотрел на американца, но не стал его перебивать. Фригейт цитировал строчки из написанной Бартоном поэмы «Деяния Хаджи Абду-аль-Язди». Это был уже не первый раз, когда он цитировал прозу или поэзию Бартона. И хотя иногда янки очень раздражал Бартона, он не мог гневаться на человека, восхищавшегося им настолько, что знал наизусть написанные им строки.

Через несколько минут, когда лодку столкнули на воду и толпа зааплодировала, Фригейт снова процитировал несколько строк из опусов Бартона. Он посмотрел на тысячи красивых молодых людей, собравшихся на берегу, на их покрывшуюся бронзой кожу, на юбки, лифчики и тюрбаны, красочно развевавшиеся на ветру, и произнес:

О! Веселый день. Сияло солнце, дул ветерок.

Толпу друзей я повстречал на берегу реки и веселился с ними, когда был молод я, когда был молод.

Бартон оттолкнулся шестом. Нос лодки развернуло ветром и течением в сторону низовий, но новоявленный капитан Бартон тут же отдал приказ поднять паруса. Подойдя к огромному рулевому веслу, он развернул лодку на полоборота, и паруса захлопали против ветра. «Хаджи» покачивался на волнах, с шипением рассекая воду двумя форштевнями. Солнце было ярким и теплым, дул приятный бриз. Все чувствовали себя счастливыми, хотя и немного смущенными от расставания с привычными берегами и лицами. У них не было ни карт, ни описаний путешественников, которые могли бы указать путь и предостеречь от опасностей. Новый мир открывался после каждой мили пути.

В тот вечер, когда они первый раз пристали к берегу, произошло событие, озадачившее Бартона. Казз только-только сошел на берег и, очутившись среди группы любопытных, вдруг сильно забеспокоился. Он начал что-то лопотать на своем родном языке и попытался схватить стоявшего рядом человека. Тот увернулся и моментально затерялся в толпе.

Когда Бартон поинтересовался, в чем дело, Казз ответил:

— У него не было… э… как это назвать?.. этого… это… — и он указал на свой лоб, затем начертил в воздухе несколько необычных символов.

Бартон намеревался докопаться до сути, но Алиса, внезапно завопив, подбежала к какому-то человеку. Очевидно, она подумала, что это ее сын, погибший во время Первой Мировой Войны. Началась небольшая суматоха. Вскоре Алиса убедилась в своей ошибке, и все успокоились. Наступила очередь других дел, и Бартон совсем забыл об этом странном инциденте, а Казз больше не упоминал об этом деле. Позже Бартон очень ругал себя за то, что не придал этому случаю большого значения.

Ровно через четыреста пятнадцать дней они прошли уже 24910 чашных камней по правому берегу Реки. Лавируя против ветра и энергично гребя против течения, делая в среднем по шестьдесят миль в день, останавливаясь днем, чтобы наполнить чаши, и ночью для сна. Иногда простаивая целый день для того, чтобы размять ноги и поговорить с кем-нибудь из прежних знаменитостей, они прошли почти 27000 миль, что равнялось длине земного экватора. Если со-

единить в одну реку Миссисипи, Миссури, Нил, Конго, Амазонку, Янцзы, Волгу, Амур, Ганг, Лену и Замбези, то ее гигантской протяженности не хватило бы, чтобы покрыть расстояние, пройденное ими по Реке. А Река все текла и текла, делая гигантские повороты, извиваясь то вправо, то влево. Повсюду вдоль русла тянулись низменности, за ними поросшие деревьями холмы, а дальше возвышалась непроходимая громада бесконечных гор.

Иногда низменность сужалась и холмы подходили к самой воде. Иногда Река расширялась и становилась озером шириной три, пять, семь миль. То здесь, то там горы сближались друг с другом, и лодка неслась по каньонам, где поток кипел в узком русле, небо превращалось в голубую полоску где-то очень высоко над ними, и черные стены, казалось, наваливались на путешественников.

И всегда повсюду были люди. День и ночь мужчины, женщины и дети толпились по берегам Реки и смотрели на проплывающих, оживленно размахивая руками и что-то крича.

К этому времени они поняли некоторую закономерность. Человечество было воскрешено вдоль Реки приблизительно в географической

и национальной последовательности. Лодка прошла мимо местностей, занимаемых словенцами, итальянцами и австрийцами, умершими в последнее десятилетие девятнадцатого века, прошла мимо венгров, норвежцев, финнов, греков, албанцев и ирландцев. Иногда они оказывались в областях, где люди были из других времен и мест. Одной из таких областей была двадцатимильная полоса, где обитали австралийские аборигены. Еще был отрезок в сотню миль, населенный неизвестным науке народом — точарами (это были соплеменники Логу). Они жили примерно во времена Христа, в местности, впоследствии названной Китайским Туркестаном или Синьцзяном. Они представляли собой самую восточную ветвь древних индоевропейцев. Их культура некоторое время процветала, но затем угасла под напором пустыни и кочевников.

С помощью доступных, поспешных и довольно неточных наблюдений Бартон определил, что каждая местность, в основном, была населена на шестьдесят процентов представителями какой-нибудь одной национальности или страны, на тридцать процентов другим народом, обычно из другого времени, и на десять процентов людьми из самых различных мест и времен.

Все мужчины пробуждались от смерти, подвергнутые обрезанию. Все женщины воскрешались девственницами. Для большинства особ женского пола, как отметил как-то Бартон, это состояние длилось не дольше первой ночи.

До сих пор им не встретилось и они не слышали ни об одной беременной женщине. Тот, кто поместил сюда человечество, должно быть, подверг его стерилизации, по-видимому, из благих намерений. Если бы жившее здесь человечество могло размножаться, то Речная Долина была бы закупорена человеческими телами всего лишь за столетие.

Сначала казалось, что здесь нет никаких животных. Но теперь стало известно, что несколько пород червей вылезает из почвы по ночам. И в Реке жила по крайней мере сотня видов рыб, от созданий величиной с ладонь до рыбин размером с кашалота — речных драконов, живущих у дна Реки, на глубине сотни футов. Фригейт заявил, что все эти животные приносят пользу. Рыбы, питаясь падалью и отбросами, очищают воды Реки. Некоторые виды червей также поедают отходы и трупы, другие выполняют обычные функции их земных собратьев.

За время путешествия Гвиневра немного под-

росла. Бартон заметил, что все дети здесь росли, и если в будущем ничего не изменится, то через двенадцать лет в долине не будет ни одного ребенка или подростка.

Подумав об этом, Бартон сказал Алисе:

— Ваш друг, преподобный Доджсон — человек, который любил только маленьких девочек — здесь оказался в совершенно безвыходном положении, не так ли?

— Доджсон не страдал извращениями, — возразил Фригейт. — А что будет с теми, у кого единственные сексуальные объекты — дети? Что они будут делать, когда детей здесь не останется? И что будет с теми, кто удовлетворял свои страсти, мучая животных или пользуясь ими? Вы знаете, раньше меня огорчало отсутствие животных. Я люблю кошек и собак, медведей, слонов, носорогов… в общем… почти всех животных. Правда, только не обезьян, уж очень они похожи на человека. Но теперь я рад, что здесь нет животных. Теперь их не будут мучить. Всех этих бедных, беспомощных существ, которые тоже чувствуют боль, голод или жажду… И все по вине порочных или просто легкомысленных людей.

Он провел рукой по светлым волосам Гвиневры, уже отросших примерно на полфута.

— Те же чувства я испытываю и к этим беспомощным и униженным малюткам.

— Что это за мир, если в нем нет детей? — воскликнула Алиса. — И нет животных! Если их нельзя мучить и унижать, то их нельзя и ласкать, любить!

— В этом мире одно уравновешивает другое, — сказал Бартон. — Нет любви без ненависти, добра без зла, мира без войны. Но в любом случае у нас нет выбора. Невидимые боги этого мира постановили, что здесь не будет животных, а женщины не будут рожать детей. Следовательно… быть по сему.

Утро четыреста шестнадцатого дня не было ничем примечательно. Солнце поднялось над вершиной хребта слева по ходу движения «Хаджи». Ветер с верховьев Реки как всегда дул со скоростью примерно пятнадцати миль в час. Температура воздуха поднималась по мере восхода солнца и к двум часам дня достигла уже градусов тридцати по Цельсию. Катамаран «Хаджи» качался на тихой воде. Бартон стоял на мостике, держась за длинный толстый сосновый румпель справа от себя, подставив солнцу и ветру свою сильно загоревшую кожу. На нем был красно-коричневый кильт, доходящий почти до колен, и

ожерелье из витых черных блестящих позвонков саргана — длинной шестифутовой рыбины с полуфутовым рогом, торчащим как у единорога прямо изо лба. Сарган жил на глубине девяноста футов, и поймать его было очень трудно. Но из его позвонков получались красивые ожерелья, его шкура, обработанная надлежащим образом, шла на сандалии, доспехи и щиты или могла быть переработана в прочные эластичные канаты и пояса. Мясо этой рогатой рыбы тоже было превосходным.

Но наибольшую ценность представлял рог. Он мог служить наконечником для копий и стрел или же, предварительно насаженный на деревянную рукоять, — кинжалом.

На подставке рядом с Бартоном стоял лук, зачехленный в прозрачный рыбий пузырь. Он был сделан из изогнутых костей, торчащих с каждой стороны рта речного дракона, по размерам не уступавшего киту. Снабженный тетивой, выделанной из кишок того же чудовища, лук мог натянуть только очень сильный мужчина. Бартон увидел его сорок дней назад и предложил владельцу за это сокровище почти полтора литра виски, сорок сигарет и десять сигар. Но предложение было отвергнуто. Тогда Бартон и Казз

вернулись туда поздней ночью и выкрали оружие. Или, вернее, поменяли, поскольку Бартон почувствовал непреодолимое желание оставить прежнему владельцу свой тисовый лук.

С той поры он придумал себе оправдание: он имел полное право украсть лук, так как его владелец хвастался, что ему пришлось убить человека, чтобы завладеть этим чудо-оружием. Так что украв у него лук, он отнял его у убийцы. И все же вспоминая об этом, Бартон страдал от угрызений совести. Поэтому он старался вспоминать как можно реже.

Бартон вел «Хаджи» по сужающемуся каналу. Еще за пять миль до этого Река была фактически широким озером, берега которого находились в добрых трех милях друг от друга. Но сейчас скалы обступили Реку, и ширина ее в самой широкой части не превышала от силы 2000 футов. Русло было извилистым и исчезало между стенами каньона.

Лодка медленно ползла, так как приходилось преодолевать сильное течение, а пространство для маневра было очень ограничено. Но они уже много раз проходили подобные ущелья, и Бартон не слишком беспокоился. И все же каждый раз, проходя подобные места, он не мог отделаться

от мысли, что лодка как бы рождается заново. Она выходила из озера, подобного утробе, через узкое влагалище и попадала в другое озеро. Вода бурлила, а впереди их ждали или неприятности, или сказочные открытия.

Катамаран сделал очередной поворот у самого чашного камня, всего лишь в двадцати футах от берега. На низменности справа они увидели большое скопление народа. Так как ширина Реки в этом месте была не более полумили, то можно было различить, что на берегу что-то кричали, размахивая руками, или трясли кулаками, выкрикивая какие-то резкие фразы, которых раньше Бартону не доводилось слышать. Но что это ругательства, ему было ясно, так как подобное повторялось уже много раз. Судно Бартона, как и вся его группа, было здесь чужим, и местные жители всегда приветствовали его каждый раз на свой манер. Жители этих мест были невысокими, худыми, темнокожими и темноволосыми людьми. Они говорили на языке, похожем, как заметил Руах, на протохамито-семитский. Они жили на Земле где-то в Северной Африке или Месопотамии, когда эти местности были более плодородными, чем в девятнадцатом или двадцатом веках. Они носили кильты, но женщины

ходили, не прикрывая грудь. Эти люди занимали берег протяженностью в шестьдесят чашных камней или, другими словами, что-то около 150 миль. На противоположной стороне Реки жили сингалезцы десятого столетия с небольшой примесью майя доколумбового периода.

— Расовый котел Времени, — назвал как-то Фригейт такое распределение человечества. И тут же продолжил свою мысль. — Кто-то ставит над нами величайший антропологический и социальный эксперимент.

Это заявление вовсе не было таким уж голословным. Похоже на то, что люди были перемешаны так, чтобы они могли учиться друг у друга. В некоторых случаях разным группам удавалось сожительствовать сравнительно дружелюбно. В других происходила резня между группировками до полного взаимоистребления либо порабощения побежденных.

Некоторое время после Воскрешения, как правило, царила анархия. Люди «перемешивались» и образовывали группки для взаимной защиты на небольших территориях. Затем на передний план выходили прирожденные вожди или авантюристы, а прирожденные последователи выстраивались за ними по своему усмотрению…

или во многих случаях по усмотрению вождя.

Одной из нескольких политических систем, возникших после Воскрешения, было «чашное рабство». Господствующая группа в какой-нибудь местности содержала более слабые группки на положении пленников. Рабу давали необходимое количество еды только потому, что чаша мертвого раба становилась совершенно бесполезной для хозяев. Но у пленника отбирали сигареты, сигары, марихуану, жвачку, спиртное и наиболее изысканную пищу.

По крайней мере раз тридцать во время приближения к чашным камням «Хаджи» едва не был захвачен чашными рабовладельцами. Но Бартон и остальные все время были начеку и внимательно следили за берегом. Часто их предупреждали соседние государства. Раз двадцать им наперехват высылались лодки, и «Хаджи» с трудом удавалось избежать абордажа. Пять раз Бартон был вынужден поворачивать назад и уходить от преследования вниз по течению. Его катамаран всегда уходил от погони. У преследователей обычно не было особой охоты следовать за ними за пределы своих границ. После этого «Хаджи» незаметно, обычно ночью, возвращался и проходил мимо рабовладельцев.

Бывало и так, что «Хаджи» не мог приставать к берегу, так как рабовладельческое государство занимало оба берега на довольно большом расстоянии. В этих случаях команда переходила на урезанный рацион и, если им везло, ловила рыбу, чтобы хоть как-то наполнить желудки.

Протохамиты-семиты этой местности стали достаточно дружелюбны, удостоверившись, что у команды «Хаджи» нет злых помыслов. Один русский восемнадцатого века предупредил их, что на другом берегу узкого русла есть рабовладельческие государства. Из-за отвесных скал русский не мог более подробно информировать путешественников. Некоторые пытались переправиться на другой берег, но почти никто из них не вернулся. Те же, кто вернулся, рассказывали о злобных людях на том берегу.

Поэтому «Хаджи» был загружен бамбуковыми побегами, сушеной рыбой и другим снаряжением с таким расчетом, чтобы не приближаться к берегам в течение двух недель.

Оставалось еще около получаса до входа лодки в узкий пролив. Бартон стоял у рулевого весла, управляя движением судна, но половина его мыслей была занята командой. Его люди лежали на передней палубе, греясь на солнце, или сидели,

прислонившись спиной к покрытому крышей комингсу, который они называли «передний замок», праздно рассматривая проплывающие берега. Джон де Грейсток прикреплял тонко нарезанные кости рогатой рыбы к хвостовику стрелы. Кости в этом мире, где не существовало птиц, прекрасно заменяли перья. Грейсток, или лорд Грейсток, как он просил себя называть — и Фригейт в этом его поддерживал (Бартон не мог понять почему) — был незаменим в сражении или когда требовалась тяжелая, упорная работа. Он был прекрасным рассказчиком, хотя и невообразимо похабным, был полон анекдотов о кампании в Гаскони и на шотландской границе. Мог без устали рассказывать о своих сердечных победах, сплетни об Эдварде Длинноногом, и, конечно же, он сообщал множество различных сведений о своем времени. Но он был очень практичен и переполнен предрассудками — с точки зрения последующих веков — и не очень чистоплотен. По его словам, в земной жизни он был очень набожным, и, скорее всего, это было правдой, потому что в противном случае его бы не удостоили чести пригласить в свиту патриарха Иерусалимского. Но теперь, когда вера поколебалась, он терпеть не мог попов. Своим презрением

он доводил до бешенства любого встречного священника, страстно надеясь, что тот первым поднимет на него руку. Некоторые попадались на эту удочку и потом жестоко жалели об этом.

Бартон как-то осторожно упрекнул его за это (резко разговаривать с ним было небезопасно — это грозило смертным боем с «обидчиком»), указав, что когда они находятся на незнакомой территории и у хозяев явно численный перевес, ему бы следовало вести себя как подобает вести гостю. Де Грейсток согласился с Бартоном, но все же не мог удержаться и не поиздеваться над каждым встречным священником. К счастью, сейчас они редко бывали в районах, где жили попы-христиане. Да к тому же оставалось все меньше попов, которые открыто заявляли, что некогда были служителями церкви.

Рядом с ним, если говорить честно, была очередная его женщина, урожденная Мери Резерфорд (1637), умершая будучи леди Уорвикспир (1674). Она была англичанкой, но жила на триста лет позже его, и в их отношениях и поступках было очень много разного. Поэтому Бартон старался не давать им возможности подолгу оставаться вместе.

Казз лежал на палубе, положив голову на ко-

лени Фатимы, турчанки, которую неандерталец повстречал несколько дней назад во время обеденной стоянки. Фатима, как сказал Фригейт, могла «повеситься ради мужского волосатого тела». Так он объяснял странную одержимость жены пекаря из Анкары, жившей в семнадцатом веке, этим получеловеком — Каззом. Он вообще возбуждал ее, но его волосатость доводила ее до экстаза. Обоим это доставляло удовольствие и особенно, конечно же, Каззу. В течение их долгого путешествия он так и не встретил ни одной женщины-соплеменницы, хотя о некоторых и слышал. Большинство женщин человеческого рода пугались его заросшей волосами звериной внешности. И у него не было постоянной женщины, пока он не встретил Фатиму.

Маленький Лев Руах оперся о передний край «замка», где он мастерил пращу из шкуры рогатой рыбы. У него в мешке лежало более тридцати камней, собранных им за последние двадцать дней. Рядом с ним что-то быстро говорила Эстер Родригес, непрерывно показывая длинные белые зубы. Она заняла место Тани, у которой до отплытия «Хаджи» Лев Руах находился под каблуком. Таня была очень привлекательной и к тому же миниатюрной женщиной, но она, как оказалось,

была не в состоянии удержать себя от того, чтобы не воспитывать близких ей мужчин. Лев узнал, что она в свое время «перевоспитала» отца, дядю, двух братьев и двух мужей. Она попыталась то же самое сделать и с ним, причем делала это достаточно громко для того, чтобы ее добродетельные советы слышали и другие находящиеся по соседству мужчины. В тот день, когда «Хаджи» отправлялся в плавание, Лев прыгнул на борт, обернулся и сказал:

— Прощай, Таня! Больше я не в состоянии выносить самый большой рот Бронкса. Поэтому поищи себе кого-нибудь другого — получше меня.

Таня задохнулась от неожиданности, побледнела, а затем стала кричать на Льва. Она продолжала кричать довольно долго, судя по жестикуляции, даже после того, как «Хаджи» вышел из зоны слышимости. Все смеялись и поздравляли Руаха, но тот только печально улыбался. Через две недели в местности, населенной преимущественно древними ливийцами, он повстречался с Эстер, испанской еврейкой пятнадцатого столетия.

— Почему бы вам не попробовать удачи с женщиной другой национальности? — как-то поинтересовался Фригейт.

— Я уже пробовал. Но рано или поздно слу-

чается крупная ссора, и они выходят из себя и называют меня «грязным жидом», а это я еще как-то могу стерпеть только от женщин-евреек.

— Послушайте, дружище, — рассмеялся американец и развел руками. — Но вдоль этой Реки есть миллиарды не-евреек, которые и понятия не имеют о евреях, так как в их времена тех просто не существовало. У этих женщин не может быть никаких предрассудков относительно вашей национальности. Что если вам попробовать с одной из них?

— Я привык выбирать зло, с которым знаком.

— Вы имеете в виду, что уже привыкли к этому? — спросил Фригейт.

Бартон иногда задумывался, почему Руах поплыл с ними. Он больше никогда не упоминал «Еврея, Цыгана и Эль-Ислама», хотя частенько спрашивал Бартона о других сторонах его прошлого. Он был достаточно дружелюбен, но казалось, что все-таки что-то скрывает. Хоть Руах и был малого роста, он хорошо зарекомендовал себя в бою и не имел цены, обучая Бартона дзюдо, карате и самбо. Отпечаток печали, который всегда лежал на его лице, подобно пуританскому ореолу, даже когда он смеялся или занимался любовью, по словам Тани имел корни в душев-

ных травмах, нанесенных ему на Земле. Таня как-то сказала, что он уже и родился печальным, унаследовав гены печали с тех времен, когда его предки сидели под ивами у вод вавилонских.

Монат был другим образцом грусти, хотя иногда он мог полностью отогнать ее от себя. Таукитянин все еще искал своих соплеменников, кого-нибудь из тридцати женщин и мужчин, разорванных на куски толпой линчевателей. Он понимал, что шансов у него немного. Тридцать среди примерно 30 или 35 миллиардов людей, разбросанных по берегам невообразимо длинной Реки. Вероятность встретить когда-нибудь хотя бы одного была практически равна нулю. Но надежда все же оставалась.

Алиса, как правило, сидела на носу судна. Она принималась разглядывать людей на берегу, как только лодка приближалась к нему настолько близко, что можно было различить отдельные лица. Она искала своего мужа, Реджинальда, а также троих сыновей, отца, мать, братьев и сестер — любое дорогое ей лицо. Подразумевалось, что она тотчас же покинет лодку, как только встретит кого-нибудь. Бартон ничего не говорил по этому поводу — он ощущал боль в груди при одной только мысли об этом. Он хотел, чтобы

она ушла, и одновременно не желал этого. С глаз долой — из сердца вон. Это было неизбежно. У него было к ней такое же чувство, как некогда к персиянке. Он боялся потерять эту женщину, помня о той вечной земной пытке.

Однако он ни разу даже словом не обмолвился о своих чувствах. Он заговаривал с ней, давая понять, что находит забавным, если она не отвечает на его вопросы. В конце концов он добился, что она начала довольно непринужденно разговаривать с ним, но только не наедине. Едва они оставались одни, она еще больше замыкалась.

С той первой ночи она никогда не пользовалась жвачкой. Он попробовал ее в третий раз, а затем весь свой запас обменял на более нужные предметы обихода. В последний раз, когда он жевал резинку, он надеялся на необычайно упоительное совокупление с Вильфредой. Однако он внезапно перенесся на Землю, в то время, когда заболел в экспедиции к озеру Танганьика страшной тропической болезнью, едва не стоившей ему жизни. Кроме того, в этом кошмаре был Спеке, и он убил его. На самом деле Спеке погиб во время «несчастного случая» на охоте, хотя все считали, что это самоубийство. Но никто не высказывал этого вслух. Спеке, терзаемый

угрызениями совести за то, что предал Бартона, застрелился сам. Но в кошмаре он задушил Спеке, когда тот наклонился к нему, чтобы спросить, как Бартон себя чувствует. Затем, ближе к концу кошмара, он целовал Спеке в мертвые губы.

14

Да, он понимал, что любил Спеке, но в то же время и ненавидел, причем ненавидел совершенно заслуженно. Но это понимание было мимолетным и редким и поэтому не оказывало на него большого воздействия. Во время же кошмара он понял, что глубоко под ненавистью в нем таится любовь к Спеке. Проснулся он от того, что Вильфреда трясла его за руку, спрашивая, что с ним. Раньше, на Земле, Вильфреда любила курить опиум или употребляла его растворенным в пиве, но здесь, после первой же пробы резинки, она отказалась от наркотиков. Ее ужас проистекал от того, что она снова стала свидетельницей смерти от туберкулеза своей младшей сестренки и в это же самое время вновь испытала все, что было связано с тем моментом, когда она впервые продала свое тело.

— Это довольно странное психоделическое средство, — сказал Руах Бартону. Он объяснил, что значит это слово. Дискуссия об этом шла уже давно. — Похоже на то, что оно воскрешает в памяти происшествия, во время которых были нанесены душевные травмы, смешивая их с действитель-

ностью и добавляя в эту смесь определенные символы. Но не всегда. Иногда это стимулирует сладострастие. Иногда, как говорят, оно увлекает индивидуума в красивое путешествие. Но мне кажется, что этой жвачкой нас снабжают, исходя из терапевтических соображений. Говоря другими словами, для самоочищения. И нам еще необходимо выяснить, как правильно пользоваться ею.

— Почему же вы тогда не так часто жуете ее? — поинтересовался Фригейт.

— По той же причине, по какой и многие люди отказываются пройти курс психотерапии или же бросают лечение, не доведя до конца. Я боюсь.

— Я тоже, — кивнул Фригейт. — Но когда-нибудь, когда мы остановимся надолго, я буду жевать ее каждый вечер. Даже если кошмары набросятся на меня. Разумеется, сейчас об этом легко говорить.

Питер Джайрус Фригейт родился всего лишь через двадцать восемь лет после смерти Бартона, но их миры очень сильно отличались друг от друга. На многие вещи они смотрели совершенно по-разному. Они могли бы яростно спорить друг с другом, если только Фригейт вообще мог с кем-нибудь яростно спорить! Не по поводу дисциплины в группе или вождения лодки. А по многим дру-

гим вопросам, касающимся взглядов на мир… И все же во многом Фригейт был похож на Бартона. И возможно, именно вследствие этого, он был так очарован им, еще на Земле. Фригейту в 1936 году попалась в руки книжонка в мятой обложке некоего Ферaкса Дауни, озаглавленная «Бартон — искатель приключений тысячи и одной ночи». На обложке была фотография Бартона в возрасте пятидесяти лет. Свирепое лицо, высокий лоб, выступающие надбровья, густые брови, прямой грубый нос, крупный шрам на лице, толстые «чувственные» губы, густые, свисающие вниз усы, пышная раздвоенная борода, а также черты, присущие только Бартону, какая-то особенная задумчивость и агрессивность — все это послужило причиной того, что он купил эту книгу.

— До этого я никогда не слышал о вас, Дик, — рассказывал Фригейт. — Но я залпом прочел эту книжонку и был очарован вами. В вас было что-то особое, даже если отбросить ваши очевидные достоинства и подвиги: мастерское владение холодным оружием и многими языками, перевоплощение в местного знахаря, то, что вы были первым европейцем, сумевшим выбраться живым из священного города Харар, первооткрывателем озера Танганьика и почти что открыли

истоки Нила. Вы были одним из основателей Королевского Антропологического Общества; вы первым ввели термин «внечувственные восприятия»; вам отлично удались переводы сказок «Тысячи и одной ночи»; вы были серьезным последователем восточной сексуальной практики и так далее…

Даже помимо всего этого, что само по себе достаточно привлекательно, я чувствовал в вас какую-то особую близость. Я пошел в публичную библиотеку, и хоть я жил тогда в маленьком городке, там было довольно много ваших книг и книг о вас самом. Эти книги были пожертвованы библиотеке одним вашим умершим почитателем. Я прочел все. Затем я стал собирать первые издания ваших книг и вам посвященных. Вскоре я сам стал писателем-беллетристом и у меня была мечта — написать огромную, самую полную вашу биографию, побывав всюду, где бывали вы, сделать фотоснимки этих мест и вести при этом путевые заметки. Я хотел даже основать общество по сохранению вашей могилы…

В первый раз в этом мире была упомянута его могила.

— Где? — озадаченно спросил Бартон. Затем спохватился. — Да, конечно же! На Мертвом

Озере, совсем забыл! Был ли там надгробный памятник в виде шатра бедуина, как планировали мы с Изабеллой?

— Конечно. Но кладбище поглотили трущобы, все поросло травой, а памятник был обезображен какими-то вандалами. Ходили слухи, что кладбище будет перенесено в более удаленный район Англии, хотя в то время уже довольно трудно было отыскать на самом деле удаленный район.

— Ну и как вы основали общество и сохранили мою могилу? — нетерпеливо спросил Бартон.

Он уже свыкся с мыслью, что был когда-то мертвецом. Но разговаривать с кем-нибудь, кто видел твою могилу! От этого у него прошел мороз по коже.

Фригейт глубоко вздохнул и произнес извиняющимся тоном:

— Нет. К тому времени, когда у меня появились возможности это сделать, я не имел морального права тратить время и деньги на мертвеца. В мире стояла такая кутерьма. Во внимание принимались только живые. Загрязнение окружающей среды, нищета, голод и так далее. Проблемы живых стали самыми важными в мире.

— А как же большая и самая полная биография?

Снова Фригейту пришлось говорить извиняющимся тоном.

— Когда я впервые прочел о вас, я думал, что только я один питаю к вам такой интерес или вообще знаю о вас. Но в шестидесятые годы интерес к вашей личности увеличился. О вас было написано немало книг и даже одна о вашей жене.

— Об Изабелле? Кто-то написал о ней книгу? Но зачем?

Фригейт улыбнулся.

— Это была весьма интересная женщина. Очень назойливая, должен признать. К тому же, похоже, шизофреничка, тешившая себя самолюбием. Очень немногие могли простить ей то, что она сожгла все ваши рукописи и путевые заметки…

— Что? — взревел Бартон. — Сжечь…

Фригейт кивнул и добавил:

— Ваш врач Гренфелл Бэйкер назвал это «безжалостной катастрофой, последовавшей за оплакиванием вашей смерти». Она сожгла ваш перевод «Благоуханного Сада», заявив, что вы не хотели его публиковать. И только крайняя необходимость в деньгах заставила вас отнести перевод в издательство. А так как теперь в них нет нужды, то, как она заявила, «пускай это уйдет вместе с ним!»

Бартон не мог произнести ни слова. За всю его земную жизнь он лишь однажды испытал такое нервное потрясение.

Фригейт искоса посмотрел на него и улыбнулся. Казалось, ему доставляло удовольствие видеть растерянность Бартона.

— Сожжение «Благоуханного Сада» хоть и было само по себе скверным актом, но это было не самое жуткое. Сжечь оба комплекта ваших дневников, личных записей, в которых, как предполагали, вы поверяли самые сокровенные мысли и наиболее жгучие неприязни — этого я бы никогда не смог простить. Не только для меня, но и для многих других это было невосполнимой потерей. Сохранилась только одна небольшая записная книжка, да и та сгорела при бомбежке Лондона во время Второй Мировой Войны.

Он помолчал немного, а потом спросил:

— Это правда, что на смертном ложе вы приняли католичество? Об этом заявила ваша жена.

— Не помню, — удивился Бартон. — Изабелла обхаживала меня с этой просьбой многие годы, хотя никогда не осмеливалась настаивать. А когда я в конце концов заболел, то, может быть, и обещал ей это, но только чтобы сделать ей приятное. Она была так расстроена, так удручена,

так напугана мыслью, что моя душа будет гореть вечным огнем в аду.

— Значит, вы любили ее? — удивился Фригейт.

— Я бы это сделал и для собаки.

— Для человека, который может быть в высшей степени искренним и непосредственным, вы иногда бываете очень двусмысленным.

Этот разговор состоялся через два месяца после Первого Дня Первого Года, на второй стадии их любопытных взаимоотношений. Фригейт стал ближе, но в то же время начал сильнее раздражать его. Американец всегда был сдержан в замечаниях относительно различных качеств Бартона, несомненно из-за того, что не хотел обидеть его. Фригейт сознательно избегал вызывать гнев у кого бы то ни было, но в то же время неосознанно пытался противостоять всем. Его настороженность, а иногда и враждебность, проявлялись в различных мало приметных, а порой и явных, поступках и словах. Бартону не нравилось это. Он всегда называл вещи своими именами и совсем не боялся собственного гнева. Возможно, как отметил как-то Фригейт, он излишне стремился к конфликтам.

Как-то вечером, когда они сидели у костра под чашным камнем, Фригейт заговорил о Карачи.

Эта деревушка, которая в последствии стала столицей созданного в 1947 году государства Пакистан, во времена Бартона имела всего лишь две тысячи жителей.

В 1977 году население Карачи было уже около двух миллионов. Разговор этот, хотя и не сразу, привел к тому, что Фригейт задал вопрос относительно доклада, составленного Бартоном для генерала сэра Роберта Вапира относительно домов терпимости этого города, в которых проституировали мужчины. Доклад этот предполагалось хранить среди прочих секретных документов Ост-Индской армии. Но один из многочисленных недругов Бартона все же вытащил его на свет божий. Хотя о том докладе публично никогда не упоминали, но использовали его против Бартона до конца его жизни. Суть дела была в том, что Бартон под видом местного жителя проник в публичный дом и увидел то, что не позволялось видеть ни одному европейцу. Бартон был очень горд тем, что избежал разоблачения. Он и взялся за ту неблаговидную работу только потому, что был единственным, кто мог бы ее выполнить, да и уговоры его обожаемого начальника Вапира сыграли свою роль.

Обычно, не желая ворошить прошлое, Бар-

тон с неохотой отвечал на расспросы Фригейта. Но в этот день, немного раньше, его разозлила Алиса, и он обдумывал, как досадить ей. И вот подходящая возможность, причем предложенная Фригейтом. Он разразился ничем не сдерживаемым перечислением того, что происходило в публичных домах Карачи. Руах вынужден был встать и уйти. Фригейту на вид было дурно, но он остался. Вильфреда хохотала до тех пор, пока не покатилась со смеха в траву. Казз и Монат сохраняли невозмутимость. Гвиневра спала в лодке, и Бартону не надо было ее стесняться. Логу, казалось, была очарована рассказом, хотя все же кое-что ей было противно.

Алиса, главная его цель, сначала побледнела, а затем залилась краской. В конце концов, она встала и произнесла гневную речь:

— Я и раньше, мистер Бартон, считала вас низким человеком. Но хвастаться такими… такими гнусностями… вы абсолютно развращенный, отвратительный и достойный всяческого презрения человек. И не потому, что я верю каждому вашему слову. Я просто не могу представить, что кто-нибудь мог вести себя так, как вы говорите, а затем хвастаться этим. За свою жизнь вы заработали репутацию человека, любящего шокировать

других, причем несмотря на вред, который вы себе этим наносите.

И она исчезла в темноте.

Фригейт усмехнулся:

— Когда-нибудь, может быть, вы скажете мне, сколько в этой вашей сказке правды. Я раньше тоже думал, как и она. Но позднее появились новые свидетельства относительно вас, а один из ваших биографов провел психоанализ вашей личности, основываясь на ваших же записях и на других документальных источниках.

— И каковы же выводы? — насмешливо спросил Бартон.

— Вывод таков, что вы просто Хулиган, — сказал Фригейт и отошел.

Теперь, стоя у руля и наблюдая за тем, как солнце поджаривает группу, прислушиваясь к журчанию воды, рассекаемой двумя острыми форштевнями, к скрипу рангоута, он думал о том, что лежит впереди, по другую сторону этого напоминающего каньон пролива. Конечно же, это еще не конец Реки. Она, вероятно, будет течь вечно. Но конец группы может наступить гораздо быстрее. Они уже и так слишком долго теснятся, как в курятнике, на узкой палубе, где почти нечем заняться, кроме разговоров да постановки

парусов. Они и так еле терпят друг друга — трения друг о друга уже начали задевать за живое. Даже Вильфреда стала тихой и безразличной. Да и его самого иногда охватывает апатия. Честно говоря, он устал от этого путешествия. И Вильфреда… У него нет к ней ненависти, он не желает ей зла. Он просто пресытился этой женщиной, и то, что он обладает ею, а не Алисой Харгривс, делало ее еще более постылой.

Лев Руах сторонился его и старался разговаривать с ним как можно меньше. Он все больше ссорился с Эстер по поводу привычек в еде, из-за того, что любил подремать днем, а она требовала все время разговаривать с ней.

Фригейт из-за чего-то был сильно обижен на Бартона. Но Фригейт — трус, он никогда не выйдет и не скажет прямо, в чем дело, пока его не загонишь в угол и не доведешь до белого каления. Логу сердилась и презирала Фригейта, потому что с ней он был таким же угрюмым, как и с другими. К тому же она злилась на Бартона из-за того, что он как-то отверг ее, когда они вдвоем собирали бамбук среди холмов. Он ответил ей отказом, добавив, что он не колеблясь позабавился бы с ней, но не хочет ради этого обманывать ни Фригейта, ни кого-либо другого из своей команды. Логу, на-

дув губы, ответила, что она отнюдь не перестала любить Фригейта. Просто ей время от времени нужна смена партнера. И между прочим, Фригейт именно так и поступает.

Алиса как-то сказала, что она уже почти отчаялась увидеть кого-нибудь из тех, кого она знала раньше. Они прошли мимо примерно 44 миллионов людей, а она так ни разу никого и не встретила. Но и из этих 44 миллионов она видела только ничтожное число людей, да и то издали. Но не в этом дело. Алиса устала от этой набитой битком палубы с единственными развлечениями: работа с рулем и парусом да открывание и закрывание рта при разговорах, причем большей частью глупых.

Бартон старался не допустить этого, но все же боялся, что она уйдет. На следующей стоянке она может просто встать, сойти на берег со своей чашей и жалкими пожитками и раскланяться. «Увидимся через сотню лет», — скажет она.

Главным, что удерживало ее на этой дурацкой лодке, была Гвиневра. Она воспитывала маленькую древнюю британку, как викторианскую леди эпохи после Возрождения. Это обещало быть прелюбопытнейшей смесью, но ничуть не более удивительной, чем все остальное, окружавшее

их на обоих берегах Реки.

Бартон и сам до чертиков устал от этого вечного путешествия. Ему хотелось подыскать какую-нибудь мирную местность и осесть там, чтобы отдохнуть. Потом он бы с радостью включился в местную политическую жизнь… Он вдоволь находился бы пешком и ждал, ждал бы того момента, когда тяга к перемене мест и странствиям снова возобладает в нем. Но все это он хотел осуществить только вместе с Алисой в качестве сожительницы по хижине.

— У того, кто сидит, удача тоже сидит, — часто бормотал он свою любимую поговорку, когда на него накатывали домоседные настроения.

Ему следовало бы предпринять более решительные действия в отношении Алисы. Он был с ней джентльменом уже более чем достаточно. Пора ее уговорить. Взять натиском. Когда он был молод, он был более агрессивным любовником. Затем привык к тому, что в него влюблялись, и даже перестал замечать это. И после этого он женился! Теперь же все его прежние привычки, все его нервные цепи — все осталось при нем. Он остался стариком, хотя и в молодом теле.

«Хаджи» вошел в темный бурный пролив. С обоих сторон высились сине-коричневые скали-

стые стены. Лодка шла по извилистому руслу, широкое озеро осталось позади. Теперь все были заняты, часто бросались к парусам, поскольку Бартону приходилось непрерывно изменять курс катамарана, идя против течения в потоке шириной не более 400 ярдов. Быстрое течение поднимало высокие волны, и лодка то поднималась, то с размаху ныряла вниз, а при резком изменении курса еще и давала сильный крен. Она часто проходила на расстоянии нескольких ярдов от стен каньона. О скалы тяжело шлепали волны. Но он достаточно поднаторел в управлении лодкой, слился с ней, стал одной из ее частей, да и команда так долго с ним работала, что могла предугадывать его распоряжения, хотя и никто не опережал события.

Прохождение этого каньона заняло около получаса. Возникло некоторое беспокойство. Это происшествие взволновало не только Руаха и Фригейта, но и встряхнуло, вселило бодрость в других. Скука и угрюмое настроение, пусть на время, но исчезли.

«Хаджи» вошел в большое озеро, залитое солнцем. Оно было не менее четырех миль шириной и простиралось на север насколько хватало глаз. Горы внезапно отступили. По обеим сторонам Ре-

ки открылся привычный равнинный ландшафт.

Впереди было видно около полусотни различных лодок, от долбленных челноков до двухмачтовых бамбуковых судов. Большинство было занято рыбной ловлей. Слева, в миле от них, располагался вездесущий чашный камень. На берегу виднелись темные фигуры, за ними, на равнине и среди холмов, стояли хижины, выполненные в обычном стиле. Фригейт называл его неополинезийским или посмертно-прибрежным.

Справа, примерно в полумиле от выхода из ущелья, высился большой деревянный форт. Перед ним с десяток массивных бревенчатых причалов с большим количеством крупных и мелких лодок. Через несколько минут после появления «Хаджи» раздалась барабанная дробь. Скорее всего это звучали полые стволы или барабаны из дубленной рыбьей кожи, а может, и из человеческой. Перед фортом собралась толпа, но еще больше людей повыскакивало из крепости и из нагромождения хижин, теснившихся за ней. Они прыгали в лодки и, отвязав их, отходили от причалов.

И на левом берегу темные фигуры прыгали в челноки, каноэ и одномачтовые лодки.

Было похоже, что с обоих берегов стартовали

соревнующиеся команды: кто первым захватит «Хаджи». Бартон несколько раз менял курс, пробивая брешь среди рыбацких лодок. Нападающие справа подходили все ближе и ближе. Это были хорошо вооруженные белые люди. Человек, стоящий на носу первой боевой пироги с многочисленными гребцами, крикнул им что-то по-немецки.

Бартон с деланным удивлением развел руками.

Немец опять закричал:

— Сдавайтесь! И вам не причинят вреда!

— Мы пришли к вам с миром! — во все горло крикнул Фригейт.

— Он это видит! — заметил Бартон. — Это же очевидно. Нас слишком мало для нападения!

Теперь барабаны гремели уже с двух сторон. Оба берега, казалось, содрогались от их рева. Появлялись все новые и новые люди, и притом отлично вооруженные. Еще одна пирога вышла на перехват. Оставшиеся позади лодки тоже бросились в погоню, но вряд ли они могли их догнать.

Бартон колебался. Не развернуть ли «Хаджи» обратно в ущелье, а затем быстро пройти мимо этих берегов ночью? Правда, ночью это будет

очень опасно, так как стены ущелья высотой около 20000 футов будут практически полностью заслонять свет звезд и газовых туманностей, и придется плыть почти что вслепую.

А кроме того, у их судна, казалось, было преимущество в скорости по сравнению с судами неприятеля. Да, пока это было так. Однако на горизонте виднелись высокие быстро увеличивающиеся паруса. Но эти суда шли при попутном ветре и по течению. Смогут ли они развернуться, если «Хаджи» вовремя совершит маневр?

Все суда, которые он до сих пор видел, были максимально нагружены людьми, что замедляло их ход.

Он решил продолжать двигаться вверх по течению.

Через десять минут, при очередной смене галса, их путь перерезала одна из боевых пирог. На ней было по шестнадцать гребцов с каждого борта, а на носу и корме на небольших площадках располагалось по катапульте с двумя заряжающими. Стоявшие у носовой катапульты поместили в ее гнездо какой-то круглый дымящийся предмет. Один из них потянул за защелку, и метательный рычаг, взметнувшись, ударился о перекладину. Пирога вздрогнула, и ритмичный хрип гребцов

на мгновение оборвался. Предмет, оставляя за собой дымный след, описал высокую дугу и на высоте десяти футов над поверхностью воды, не долетев двадцати футов до катамарана, громко взорвался, выпустив густые клубы черного дыма, тут же унесенного бризом.

Женщины вскрикнули. Бартон же с радостью отметил, что в этой местности есть месторождение серы, иначе нападающие не смогли бы изготовить порох.

Бартон позвал Логу и Эстер Родригес, чтобы те встали за руль. Обе женщины были бледны, но держались достаточно спокойно, хотя ни та, ни другая никогда не видели разрывающихся бомб.

Гвиневру поместили внутрь «замка». У Алисы за спиной уже болтался колчан со стрелами, а в руках появился тисовый лук. Ее бледное лицо шокирующе контрастировало с красной помадой и подведенными зеленой краской веками. За ее плечами было уже не менее десятка речных сражений, и ее нервы стали такими же крепкими, как меловые скалы Дувра. Более того, она стала отлично стрелять из лука. Бартон превосходно стрелял из огнестрельного оружия, но ему не доставало практики в стрельбе из лука. Казз мог натягивать лук из рогов речного дракона еще

сильнее, чем Бартон, но стрелял отвратительно. Фригейт предсказывал, что Казз так никогда и не научится хорошо стрелять. Как и у большинства неразвитых индивидуумов, у неандертальца было очень слабо развито чувство перспективы.

Стрелки из катапульты не стали закладывать другие бомбы. Очевидно, первый выстрел был предупредительным. Бартон не намеревался останавливаться ни при каких обстоятельствах. Их преследователи давно могли бы уже несколько раз убить каждого из команды «Хаджи» из лука. И то, что они не сделали этого, означало, что их хотят взять живьем.

Вода кипела под носом пироги, весла сверкали на солнце, гребцы в унисон издавали хрюкающие звуки. Лодка близко подошла к корме «Хаджи». Двое с передней площадки прыгнули на борт, и пирога закачалась. Один из них плюхнулся в воду, и его пальцы напрасно пытались ухватиться за край палубы катамарана. Другой допрыгнул до «Хаджи», но не удержался на ногах. У него в зубах был зажат бамбуковый нож, а на поясе болтались небольшой каменный топор и кинжал из рога саргана. Какую-то секунду, пока он, ухватившись за мокрую обшивку, пытался встать на ноги, Бартон смотрел ему в лицо. У него были пышные

соломенные волосы, бледно-голубые глаза и классически красивое лицо. Скорее всего, он намеревался ранить одного-двух членов команды, а затем прыгнуть в воду, предпочтительно захватив с собой одну из женщин. А пока он отвлекал внимание членов команды, его приятели должны были зацепиться за борт и пойти на абордаж.

У этого человека не было особых шансов осуществить этот план, и он, вероятно, знал это, но ему было все равно. Большинство людей все еще боялись смерти, так как этот страх сидел в каждой клеточке человеческого тела, побуждая людей спасать свою жизнь в экстремальных ситуациях. Кто мог, преодолевал этот страх, тогда как другие вообще никогда его не испытывали.

Бартон шагнул вперед и ударил человека топором с боку по голове. Тот открыл рот, выпустил нож и рухнул на палубу лицом вниз. Бартон подхватил нож, отвязал пояс и столкнул то ли раненного, то ли мертвеца ногой в воду. При виде этого находившиеся в пироге люди дико взревели. Тут же Бартон заметил быстро приближающийся берег и едва успел отдать команду сменить галс. «Хаджи» развернулся и опять понесся по Реке, преследуемый дюжиной лодок: три челнока, с четырьмя гребцами каждый, четыре

боевые пироги и пять двухмачтовых шхун. На последних было по нескольку катапульт и множество людей на палубах.

Точно на середине Реки Бартон опять приказал сделать поворот. Этот маневр позволил парусным судам сильно приблизиться, но Бартон на это и рассчитывал. Теперь «Хаджи», идя против ветра, рассекал воду между двумя шхунами. Они были так близко, что на их борту были отчетливо видны лица людей, обращенные в их сторону. В основном это были представители индоевропейской расы, хотя среди них виднелись и очень смуглые и даже черные люди. Какой-то человек, очевидно капитан шхуны, крикнул по-немецки:

— Мы не причиним вам вреда, если вы сдадитесь. Но замучаем вас до смерти, если вы будете сопротивляться.

Он говорил по-немецки с акцентом, который смахивал на венгерский.

В ответ Бартон и Алиса выпустили по стреле. Стрела женщины не попала в капитана, но ударила в рулевого. Тот отшатнулся назад и упал за борт. Судно немедленно развернуло, и парус потерял ветер. Капитан прыгнул к штурвалу, и вторая стрела — Бартона — попала ему в ногу чуть выше колена.

Обе шхуны столкнулись с диким грохотом. Во все стороны полетели щепки и бревна, люди с криками падали в воду и на палубу лодки.

— Даже если они и не утонут, они больше не опасны для «Хаджи», — удовлетворенно отметил Бартон.

Но перед тем, как лодки столкнулись, их лучники выпустили дюжину горящих стрел в бамбуковые паруса «Хаджи». Древки стрел, обвитые сухой травой, были, очевидно, пропитаны скипидаром, изготовленным из сосновой смолы. Пламя, подхваченное ветром, быстро распространялось по парусам катамарана.

Бартон отобрал у женщин руль и стал отдавать распоряжения. Члены команды стали заливать пламя, черпая воду из Реки сосудами из обожженной глины и открытыми чашами.

Логу, которая умела лазить как обезьяна, забралась на мачту с веревкой, обмотанной вокруг плеча. Она спустила ее вниз и поднимала сосуды с водой.

Пожар позволил остальным шхунам и нескольким пирогам значительно приблизиться к «Хаджи». Одна из них держала курс поперек движения катамарана. «Хаджи» снова совершил поворот, но он получился очень медленным

из-за веса Логу на верхушке мачты. Эта заминка позволила лучникам прицелиться, и еще несколько стрел угодило в парус. Пожар стал распространяться гораздо быстрее. Несколько стрел воткнулось в палубу. На мгновение Бартон подумал, что неприятель передумал и решил покончить с ними. Но он не успел додумать эту мысль, так как необходимо было совершить очередной маневр, чтобы не угодить в руки неприятеля.

И опять «Хаджи» проскользнул между двумя шхунами. Капитаны и команды обоих кораблей улыбались во весь рот. Возможно, они уже давно скучали и теперь были очень рады этой погоне. Правда, заметив в руках команды «Хаджи» луки, все спрятались за бортами, оставив под огнем только командиров, рулевых и лучников. Горящие стрелы с голубыми хвостами пронзили паруса «Хаджи» еще в двадцати местах. Много попало в мачту и такелаж, десятки шипели в воде, одна прошла в нескольких дюймах от головы Бартона.

Пока Эстер стояла у руля, Алиса, Руах, де Грейсток, Вильфреда и Бартон непрерывно вели стрельбу. Логу застыла на середине мачты, ожидая прекращения стрельбы. Пять стрел группы

нашли свои цели: капитана, рулевого и одного из матросов, высунувшего голову в самый неподходящий момент.

Эстер предостерегающе вскрикнула, и, повернувшись, Бартон увидел, что из-за шхуны всего лишь в пяти футах от носа «Хаджи» вынырнула боевая пирога. Избежать столкновения было уже невозможно. Двое стоявших на передней площадке пироги бросились за борт, а гребцы встали, чтобы точно так же покинуть судно. Через мгновение катамаран ударил в левый борт пироги около носа, расколол ее, перевернул и раскидал команду по Реке. Люди на «Хаджи» полетели вперед, а де Грейсток оказался даже в воде. Бартон упал лицом вниз на палубу и сильно ободрал кожу.

Эстер отшвырнуло от руля и, прокатившись по палубе, она врезалась в стенку надстройки, где и осталась лежать недвижимо.

Бартон посмотрел вверх. Парус разгорелся так, что уже не было надежды его спасти. Логу исчезла. Ее, должно быть, сбросило с мачты в момент столкновения. Поднявшись на ноги, он увидел ее и де Грейстока, плывущих к «Хаджи». Вода вокруг них кипела от всплесков гребцов, лишившихся пироги. Многие, судя по крикам, не

умели плавать.

Бартон крикнул, чтобы мужчины помогли Логу и британцу взобраться на борт. А сам тем временем бросился осматривать повреждения. Оба форштевня были сломаны и вода хлестала внутрь корпусов. Вокруг клубился дым от все более разгорающихся парусов и мачты. Женщины начали кашлять.

Еще одна боевая пирога приближалась с севера. Две шхуны шли к ним против ветра.

Они могут продолжать драться, пролить кровь своих врагов, не желающих убивать их. Но в любом случае исход битвы предрешен.

Логу и де Грейстока втащили в лодку. Фригейт сообщил, что Эстер невозможно привести в чувство. Руах пощупал ее пульс и, приблизившись к Бартону, сказал:

— Она еще не умерла, но похоже на то, что долго не протянет.

— Вы, женщины, наверно догадываетесь, что с вами будет, — сказал Бартон. — Это, конечно, ваше дело, но я предлагаю вам нырнуть как можно глубже и хорошенько наглотаться воды. И завтра вы проснетесь как ни в чем ни бывало, правда, уже в другом месте.

Гвиневра вылезла из-под надстройки. Она об-

няла его за пояс и испуганно смотрела на него, но глаза ее были сухими. Он крепко обнял девочку одной рукой, а затем сказал:

— Алиса! Возьмите ее с собой!

— Куда? — спросила англичанка. Она посмотрела на пирогу, приближающуюся к катамарану, затем снова на него. Она хотела что-то сказать, но закашлялась от дыма.

— Когда же вы, — сделал он жест в сторону Реки, — нач…

— Я не могу сделать такое! — воскликнула Алиса.

— Но вы же не хотите, чтобы эти негодяи издевались над девочкой? Или вы думаете, что ее возраст их остановит?

Алиса выглядела так, словно она вот-вот зальется слезами, но не заплакала.

— Хорошо, — спокойно согласилась она. — Сейчас это уже не грех — убить себя. Я только надеюсь…

— Да! — быстро ответил Бартон.

Сейчас не было времени на разговоры — пирога была в пятнадцати ярдах от них.

— Другое место может быть еще худшим, чем это, — сказала Алиса. — И Гвиневра проснется совсем одна. Вы же знаете, Бартон, насколько

ничтожны шансы воскреснуть в одном и том же месте!

— С этим ничего не поделаешь.

Она поджала губы и наконец вымолвила:

— Я буду биться до самого конца. Затем…

— Тогда, возможно, будет слишком поздно, — сказал он. И поднял лук. Он вытащил стрелу из колчана и прицелился. Де Грейсток, потерявший свой лук, отобрал оружие у Казза. Неандерталец зарядил пращу камнем и стал ее раскручивать. Руах тоже приготовил пращу и достал из мешка несколько круглых камней. Монат взял лук Эстер, так как тоже потерял свой.

Капитан пироги закричал по-немецки:

— Поднимайте руки! Вам не причинят вреда!

Но через секунду он валялся уже на площадке пироги со стрелой в груди. Алиса выполнила свое обещание и первая открыла огонь. Другая стрела, очевидно де Грейстока, свалила в воду человека, стоявшего на площадке пироги. Камень из пращи ударил одного из гребцов по плечу, и тот зашелся в крике. Еще один камень угодил в голову другому гребцу, заставив выронить весло.

Но пирога продолжала свой путь. Двое на кормовой платформе понукали команду приблизиться к «Хаджи». Но и они через мгновение тоже

пали под ударами стрел.

Бартон посмотрел назад. Две шхуны спустили паруса. Очевидно, они додрейфуют к «Хаджи», а потом матросы забросят крюки и полезут на абордаж. «Но, — тут же подумал Бартон, — если они подойдут близко, пламя может перекинуться и на них!»

Когда пирога уткнулась в катамаран, четырнадцать человек из ее команды были уже мертвы или тяжело ранены. Перед столкновением оставшиеся в живых побросали весла и подняли небольшие круглые щиты. Но все равно две стрелы минули эту незатейливую защиту и воткнулись в руки врагов. В живых осталось человек двадцать. И это против шестерых мужчин, пяти женщин и одного ребенка!!!

Но среди членов команды «Хаджи» был пятифутовый, заросший волосами человек чудовищной силы и с большим каменным топором. Казз за секунду до столкновения спрыгнул в пирогу. Его топор тут же размозжил два черепа, а затем проломил днище пироги. Вода начала заполнять судно, и де Грейсток, что-то крича на средневековом английском, прыгнул вниз и очутился рядом с неандертальцем. В одной руке он держал кинжал, в другой — огромную дубовую палицу с

острыми кремневыми шипами.

Остальные члены команды катамарана продолжали осыпать врага стрелами. Неожиданно Казз и де Грейсток снова перебрались на «Хаджи» — пирога вместе с трупами, умирающими и перепуганными уцелевшими начала тонуть. И очень многие утонули. Другие же или отплыли, или пытались взобраться на борт «Хаджи». Последние попадали за борт с отрубленными пальцами и раздробленными кистями.

Что-то неожиданно ударилось о палубу рядом с Бартоном, а затем обвилось вокруг него. Он повернулся и разрубил кожаный аркан, который набросили ему на шею. Бартон отпрыгнул в сторону, увернулся от другого аркана и отчаянно дернул за третий, стащив за борт матроса, державшего второй конец лассо. Тот, крича, упал на палубу катамарана, ударившись о нее плечом. Бартон развернулся и рубанул по его лицу топором.

Но теперь атакующие прыгали с палуб обеих шхун, и отовсюду взвивались арканы. «Похоже, что они не боятся поджариться вместе с нами», — отметил Бартон.

Дым и пламя усугубляли суматоху, но она больше помогала экипажу «Хаджи», чем атакующим.

Бартон крикнул Алисе, чтобы она хватала Гвиневру и бросалась в Реку. Он не мог найти ее глазами и поэтому был вынужден просто несколько раз прокричать в дым и смрад. Затем ему пришлось парировать удар копьем, нанесенный громадным негром. Казалось, что этот великан начисто забыл все приказы о взятии пленных. У него был такой вид, будто он намеревается поубивать всех. Бартон отвел в сторону удар и с размаху сделал выпад топором в шею негра.

Битва продолжалась. Несмотря на острую боль в ребрах и ключице, ему удалось сбить с ног еще двоих, а затем столкнуть их в воду. Он следом бросился в воду между двумя шхунами, нырнул и, выбросив топор, вынул из чехла нож.

Когда он всплыл, то увидел, что высокий костлявый пират высоко поднял над собой кричащую Гвиневру и швырнул ее далеко в воду.

Бартон снова нырнул и, поднимаясь на поверхность, увидел лицо девочки всего лишь в ярде от себя. Оно было серым, глаза полуприкрыты. Через мгновение он увидел, что вода вокруг нее темнеет от крови. Она исчезла прежде, чем он смог дотянуться до нее. Он нырнул, подхватил и вытащил ее наверх. Из ее спины торчал кинжал

из рыбьего рога.

Бартон осторожно разжал пальцы. Он никак не мог понять, зачем этому человеку надо было убивать такую маленькую девчушку. Ведь он мог запросто взять ее в плен. Наверное, это Алиса воткнула кинжал, а пират, увидев что удар смертелен, швырнул ее на корм рыбам.

Из дыма вылетело чье-то тело, затем еще одно. Первое было мертвым, со свернутой шеей. Второй был еще жив. Бартон обвил пирата за шею и нанес удар кинжалом между челюстью и ухом. Тот сейчас же прекратил сопротивление и ушел на глубину.

Затем из дыма вылетел Фригейт с окровавленным лицом. Он ударился боком о воду и глубоко вошел в нее. Бартон поплыл, чтобы помочь ему. Пытаться взобраться на лодку уже не имело никакого смысла. Она кишела борющимися телами, и к ней приближались другие пироги и челноки.

Голова Фригейта показалась над водой. Бартон подплыл к нему и спросил:

— Женщинам удалось покинуть лодку?

Фригейт покачал головой и тут же прокричал:

— Берегись!

Бартон инстинктивно нырнул. Что-то ударило его по ногам. Он продолжал погружаться, но был

не в состоянии выполнить свое намерение — наглотаться воды. Он будет сражаться, пока они не окажутся вынуждены сами прикончить его.

Вынырнув, он увидел, что вода бурлит от прыгавших в воду за ним и Фригейтом неприятелей.

Американца в полубессознательном состоянии уже привязывали к корме пироги. Его же окружили трое пловцов. Он ранил кинжалом двоих, но потом кто-то с приблизившегося челнока обрушил ему на голову дубинку и вышиб из него сознание.

15

Их выволокли на берег рядом с большим зданием, окруженном стеной из сосновых бревен. Голова Бартона гудела от боли при каждом шаге. Раны на плече и груди тоже причиняли неимоверную боль, но уже перестали кровоточить. Крепость была сооружена из сосновых колод. Она имела выступающий вперед второй этаж и множество бойниц. Пленников провели через вход, который закрывался огромными бревенчатыми воротами, через шестидесятифутовый мощеный двор и еще через одни ворота. Они оказались в зале размером примерно 30 на 45 футов. Все, кроме Фригейта, который был слишком слаб, стояли перед огромным круглым столом из дуба. В зале было прохладно и сумрачно. Только через некоторое время они смогли разглядеть, что за столом сидят два человека.

Часовые с копьями, дубинами и каменными топорами стояли повсюду. Деревянная лестница в конце зала вела к галерее, с которой на них смотрели женщины, опершись на высокие перила.

Один из сидевших за столом был невысок и мускулист. У него было волосатое тело, черные

курчавые волосы, ястребиный нос и свирепые, как у ястреба, карие глаза. Второй — повыше — имел светлые волосы, широкое тевтонское лицо, цвет глаз впотьмах было трудно разобрать, но скорее всего — голубые. Пузо и массивные челюсти красноречиво говорили о чревоугодии их хозяина. Не оставалось сомнений и в том, где он брал себе дополнительную пищу. Рабов, похоже, здесь хватало.

Фригейт опустился на пол, но по сигналу блондина его подняли на ноги. Фригейт посмотрел на толстяка и удивленно вымолвил:

— Вы похожи на Германа Геринга в молодости!

Затем он снова упал на колени и вскрикнул от удара древка копья по почкам.

Блондин что-то произнес, поворачиваясь к своему напарнику. Тот кивнул головой.

После этого он повернулся и произнес по-английски с сильным немецким акцентом:

— Больше так не делать, пока я не прикажу! Пусть говорят.

Несколько секунд он внимательно рассматривал каждого пленного, но поняв, что они ничего не скажут, кивнул головой и произнес:

— Да, я Герман Геринг.

— Кто это Геринг? — удивился Бартон.

— Ваш друг сможет рассказать вам об этом позже, — рассмеялся немец. — Если это «позже» все же наступит для вас. Я не сержусь за то великолепное сражение, которое вы дали. Я восхищаюсь людьми, которые умеют хорошо драться. Мне всегда нужны лишние копья, особенно если учесть, что вы убили много наших людей. Поэтому мужчинам я предлагаю выбор. Становитесь на мою сторону, и ваша жизнь будет заполнена пищей, спиртным, табаком и женщинами, которых вам наверняка захочется, как только вы очухаетесь. Ха-ха-ха! В противном же случае — будете работать на меня в качестве рабов.

— На нас! — поправил его по-английски второй мужчина, сидевший за столом. — Вы забыли, Герман, что я тоже мог бы повторить ваши слова.

Геринг улыбнулся, хихикнул и сказал:

— Ну конечно же! Просто под этим «я» надо подразумевать нас обоих. «Я» — это как бы единое целое двух наших индивидуальностей. Но если вам не нравится это «я», то давайте говорить «мы». Так вот, ребятки, — снова обратился он к пленникам, — если вы поклянетесь служить нам — а для вас будет гораздо лучше, если вы так поступите — вы принесете присягу на верность мне, Герману Герингу, и бывшему Императору

Древнего Рима — Туллу Гостилию.

Бартон присмотрелся. Мог ли это быть на самом деле легендарный Император Древнего Рима? Рима, когда он был еще маленькой деревенькой, которой угрожали племена италиков, сабин, аквы и вольски? Который по очереди подвергался нападению то со стороны умбрийцев, то со стороны более могущественных этрусков? Был ли это на самом деле Тулл Гостилий, воинственный преемник миролюбивого Нумы Помпилия? В этом человеке не было ничего, чем он мог бы выделиться среди тысяч мужчин, которых Бартон видел на улицах Сиены. И все же, если он тот, за кого себя выдает, то он был бы ценнейшей находкой для историков и лингвистов. Тулл был, скорее всего, этруском и знает этот язык вдобавок к доклассической латыни и языку сабинов и, возможно, даже знает язык греков Кампинии. Он мог знать Ромула, предполагаемого основателя Рима. Какие истории мог бы поведать этот человек!

— Ну? — прервал молчание Геринг.

— Что мы должны будем делать, если присоединимся к вам? — поинтересовался Бартон.

— Во-первых, я… мы должны быть уверены, что вы немедленно и без колебаний выполните все, что мы прикажем. Поэтому вам придется

выдержать небольшой экзамен.

Он отдал распоряжение, и через минуту вперед вывели группу изможденных и покалеченных людей.

— Они у нас были на тяжелой работе, ха-ха-ха. И поэтому слегка надорвались. Правда, вот те двое были пойманы при попытке к бегству. И поэтому должны быть наказаны. Эти двое — за побег, остальные — за то, что стали плохо работать. Мы постановили, что все они должны быть убиты. Они стали для нас бесполезны. Поэтому вам следует без колебаний убить всех этих людей и тем самым доказать свою решимость служить нам.

Должен также вам заметить, что этот сброд перед вами — евреи. А раз так, пусть ваши души ничем не омрачатся!

Рыжеголовый, который швырнул Гвиневру в Реку, протянул Бартону увесистую дубину с кремневыми лезвиями. Два стражника схватили раба и поставили его на колени. Это был крупный светловолосый человек с голубыми глазами и греческим профилем. Он бросил на Геринга полный ненависти взгляд и плюнул в его сторону.

Немец засмеялся.

— Он полон высокомерия, как и вся его раса. Я мог бы превратить его в груду корчащегося

вопящего мяса, умоляющего о смерти, если бы только захотел. Но я равнодушен к пыткам. Какой-нибудь другой мой соотечественник с удовольствием дал бы ему попробовать вкус огня, но я по натуре человеколюбив.

— Я могу убивать, только отстаивая свою жизнь или защищая тех, кто нуждается в этом, — сказал Бартон. — Но я не убийца!

— Убийством этого еврея вы как раз и спасете свою жизнь, — ответил Геринг. — Если вы этого не сделаете, то умрете сами. Только для этого придется немного подождать.

— Я отказываюсь!

Геринг тяжело вздохнул.

— Вы — англичанин! И этим сказано все. Что ж. Я бы очень хотел, чтобы вы были на моей стороне. Но раз вы не хотите совершить разумный поступок, то пеняйте на себя. Ну, а вы как? — спросил он, обращаясь к Фригейту.

Фригейт, который все еще испытывал сильные страдания от ран, покачал головой:

— Ваши останки были сожжены в Дахау и развеяны по ветру. Причиной этому были вы и ваши преступления. Неужели вы хотите все повторить на этой планете? Неужели вы не пресытились преступлениями там, на Земле?

Геринг засмеялся и сказал:

— Мне известно, что случилось со мной после моей смерти. Об этом мне подробно, даже слишком подробно, рассказали мои «друзья» — евреи.

Он указал на Моната.

— А это что за урод?

Бартон объяснил. Геринг сделал важный вид, а затем сказал:

— Я не могу ему доверять. Пусть отправляется в лагерь для рабов. А ты, обезьяночеловек? Что скажешь ты?

Казз к удивлению Бартона вышел вперед.

— Я убивать за нас! Я не хочу быть рабом!

Он взял дубину. Стражники подняли на перевес копья, чтобы опередить его, если только у него появится желание воспользоваться дубиной не по назначению. Неандерталец взглянул на них из-под нависших бровей и поднял оружие. Раздался хруст костей, и раб упал. Казз вернул дубину рыжему и отошел в сторону. Он так и не взглянул на Бартона.

— Сегодня вечером все рабы будут собраны, и им покажут, что с ними произойдет, если хоть один из них попытается бежать.

Беглецов сначала немного поджарят, а затем убьют. Мой выдающийся брат-соправитель, я

думаю, сам проведет это собрание. Ему нравятся подобного рода увеселения.

Он указал на Алису.

— А вот эту я беру себе.

Тулл вскочил.

— Нет! Нет! Она нравится мне. Забирай остальных, Герман, а эту женщину оставь мне. У нее вид, как это вы говорите… аристократки… нет… э… королевы!

Бартон взревел, вырвал дубинку из рук рыжего убийцы и прыгнул на стол. Геринг опрокинулся на спину, кончик дубины едва не задел его нос. Римлянин ткнул копьем Бартона и ранил его в плечо. Не выпуская дубины из рук, Бартон мгновенно повернулся и вышиб оружие из рук Тулла.

Рабы с криками набросились на стражников. Фригейт вырвал у кого-то копье и древком ударил Казза по голове. Неандерталец осел наземь. Монат лягнул одного из стражников в пах и схватил его копье.

Что произошло дальше, Бартон не помнил.

Он пришел в себя за несколько часов до наступления темноты. Голова болела еще больше, чем раньше. Ребра и оба плеча от боли онемели. Он лежал на траве в загоне из сосновых бревен, который огораживал примерно 50 на 50 футов

пустого пространства, а на высоте около 15 футов по всему периметру сосновой ограды тянулся балкон, по которому прохаживались вооруженные стражники.

Бартон приподнялся, пытаясь сесть, и застонал. Фригейт, сидевший на корточках рядом с ним, повернул голову и произнес:

— Я боялся, что вы так и не придете в себя.

— Где женщины?

Фригейт всхлипнул. Бартон покачал головой и сказал:

— Перестань реветь, как девчонка. Где они?

— Где же, черт возьми, они могут быть? О, Боже, Боже!

— Не думайте о женщинах. Все равно вы им ничем не можете помочь. Во всяком случае сейчас. Почему меня не убили после того, как я бросился на Геринга?

Фригейт вытер слезы и сказал:

— Убейте меня, не знаю. Может быть, они оставили вас и меня в живых для того, чтобы предать огню? Для примера. Жаль, что они сразу не убили нас.

— Вы же только-только обрели рай и уже так быстро желаете его потерять? — спросил Бартон. Он начал смеяться, но затем затих, так как боль

пронзила его голову.

Бартон разговорился с Робертом Спрюсом, англичанином, родившимся в 1945 году в Кенсингтоне. Спрюс сказал, что прошло не более месяца с тех пор, как Геринг и Тулл захватили власть. Пока они не тревожат своих соседей, но вскоре, конечно же, попытаются завоевать прилегающие территории, в том числе и земли индейцев онондаго на другом берегу Реки. До сих пор ни одному рабу не удалось убежать и поведать соседям о намерениях этих двух маньяков.

— Но люди, живущие у границ, сами в состоянии увидеть, что рабы возводят крепостные стены, — удивился Бартон.

Спрюс посмотрел на него и криво улыбнулся.

— Геринг распространил слухи о том, что это все из-за евреев. Его, видите ли, интересуют только евреи, и он только из них намерен набирать себе контингент рабов… Поэтому, дескать, соседям нечего беспокоиться. Но как вы сами могли убедиться, это абсолютная ложь. Половина рабов не являются евреями.

С наступлением сумерек Бартона, Руаха, де Грейстока и Моната вывели из загона и погнали к чашному камню. Здесь собралось уже около двухсот рабов, охраняемых семьюдесятью при-

верженцами Геринга. Чаши Бартона и его друзей поставили в камень и стали ждать. После того, как прогрохотало пламя, чаши были убраны. Каждый из рабов открыл свою, и стражники изъяли из них табак, спиртное и половину еды.

— Значит, мы — настоящие рабы! — чуть ли не с гордостью произнес Фригейт. — Дик, вы довольно долго размышляли об институте рабства. Что вы думаете о нем сейчас?

— Все, что мы знали на Земле можно было бы назвать «восточным» рабством. Здесь же у раба нет ни малейшей возможности стать свободным человеком. Здесь нет никаких личных чувств между рабом и рабовладельцем, кроме ненависти. На востоке же положение резко отличалось. Разумеется, как у любого человеческого института, там были свои злоупотребления.

— Вы упрямый человек, — произнес Фригейт. — Вы заметили, что по крайней мере половина рабов — евреи? Причем большинство из государства Израиль двадцатого века. Девушка возле чашного камня сказала мне, что Герингу удалось ввести чашное рабство, возбудив антисемитизм в этой местности. Разумеется, чтобы его можно было возбудить, он и раньше должен был существовать. Затем, после того как он с помощью

Тулла добился власти, он обратил в рабство многих своих бывших сторонников. Самое дьявольское во всем этом, — продолжал он, — это то, что Геринг на самом деле — не антисемит. Он неоднократно лично вмешивался в дела Гиммлера и других, чтобы спасти некоторых евреев. Но Геринг в чем-то даже хуже, чем искренние антисемиты. Он — оппортунист. Антисемитизм был приливной волной в Германии. Для того, чтобы заполучить приличное место, нужно было оседлать именно эту волну. Так же как Геринг воспользовался ею там, он воспользовался ею и здесь. Такие антисемиты, как Геббельс или Франко, верили в принципы, которые они проповедовали. Пусть это были извращенные, основанные на ненависти, но все же это были принципы. В то время «счастливчик» Геринг был по сути абсолютно равнодушен к евреям. Он просто использовал их.

— Все это хорошо, — согласился Бартон, — но какое это имеет ко мне отношение? О, я понимаю! Этот взгляд! Вы, я вижу, готовитесь поучать меня!

— Дик, я восхищаюсь вами в такой степени, как восхищался очень немногими. Вы мне нравитесь, как мужчина может нравиться мужчине.

Я очень счастлив, что мне повезло встретиться с вами. Так был бы счастлив Плутарх, доведись ему встретиться с Тесеем или Алкивиадом. Но я не слеп. Мне известны ваши недостатки, которых, кстати, у вас много. И поверьте мне, я очень огорчен этим.

— Каким же вы огорчены сейчас?

— Ну… допустим, хотя бы книгой «Еврей, Цыган и Эль-Ислам». Как вы только могли написать ее?

Как вы могли написать столь античеловечный документ, полный кровожадной чепухи, выдумок и суеверий? Взять только эти ритуальные убийства!

— Поверьте, я был обижен несправедливыми наговорами, от которых мне пришлось столько натерпеться в Дамаске. Не забывайте, что меня прямо-таки вышвырнули с должности консула из-за вранья, распространяемого моими недругами, среди которых…

— Это не может служить вам оправданием того, чтобы писать ложь в отношении всей нации, — перебил Бартона Фригейт.

— Ложь?! Я написал чистую правду!

— Может быть, вы только думали, что это чистая правда. Но я вырос в столетии, когда было определенно известно, что это все ложь. По сути,

даже в ваше время никто из здравомыслящих не верил в такую чушь!

— Факты таковы, — медленно выговаривая каждое слово, произнес Бартон, — что ростовщики-евреи там, в Дамаске, ссужали займы беднякам под тысячу процентов. Факты таковы, что они навязывали чудовищное лихоимство не только мусульманам и христианам, но и своим соплеменникам. Факты таковы, что когда мои недруги в Англии обвинили меня в антисемитизме, многие евреи в Дамаске встали на мою защиту. Общеизвестно, что я протестовал, когда турки продали здание синагоги евреев Дамаска православному епископу, который хотел превратить ее в церковь. Всем известно: я сумел убедить восемнадцать мусульман свидетельствовать в суде в пользу евреев. Факт и то, что я защищал христианских миссионеров от курдов. И именно я предупредил курдов, что этот жирный и льстивый турецкий боров — Рашид-паша — пытается толкнуть их на восстание, чтобы потом иметь возможность устроить резню. А когда меня отозвали с должности консула из-за лжи, распускаемой христианскими миссионерами, попами, Рашид-пашой и евреями-лихоимцами, тысячи христиан, мусульман и евреев встали на

мою защиту, хотя было уже поздно.

И наконец, фактом является то, что я не должен отвечать ни перед вами, ни перед любым другим человеком за свои действия!

На Фригейта это было похоже — затронуть неуместный вопрос в столь неподходящее время. Возможно, так он пытался уйти от угрызений совести, обратив собственный страх и гнев на Бартона. Или, может быть, он на самом деле почувствовал, что его кумир больше не оправдывает возложенных на него надежд.

Лев Руах сидел, уткнувшись в ладони. Он поднял голову и как бы в пустоту произнес:

— Добро пожаловать в концентрационный лагерь, Бартон! Вы впервые вкусили, что это такое. Для меня же это давным-давно забытая история. И я уже устал ее слушать. Я сидел в нацистском лагере — и сбежал оттуда! В Израиле меня схватили арабы — я опять спасся бегством. И теперь, наверное, мне удастся бежать! Но куда бежать? В другой лагерь? Похоже, им не будет конца. Человек во все времена строит их и помещает туда вечных узников, например — евреев. И даже здесь, где мы получили возможность начать все с самого начала, где все религии, все предрассудки должны быть разбиты вдребезги молотом

Воскрешения, мало что изменилось.

— Закройте, наконец, свой рот, — прошептал какой-то человек неподалеку от Руаха. У него были рыжие, очень курчавые волосы, голубые глаза и лицо, которое было бы красивым, если бы не перебитый нос. Он имел телосложение борца и более четырех с половиной футов роста.

— Меня зовут Дов Таргофф, — сказал он с четким оксфордским произношением. — Я бывший офицер израильских ВМС. Не обращайте внимания на этого человека, джентльмены… Он один из тех известных стародавних евреев, которые славились своим нытьем и пессимизмом. Он скорее возопит к стенам, чем поднимется на борьбу, как должно мужчине.

Руах, задохнувшись от негодования, просипел:

— Вы надменный сабра! Я дрался и я убивал! Убивал, как настоящий мужчина! Я не нытик! А что сейчас здесь делаете вы, бравый вояка? Разве вы не такой же раб, как все остальные???

— Это старая история, — произнесла одна из женщин. Она была высокой, черноволосой и тоже, возможно, была бы красавицей, если бы не крайняя степень изможденья. — Старая, как мир. Мы грызлись между собой до тех пор, пока наши враги не покорили нас. Так же, как во времена,

когда Тит осаждал Иерусалим. Мы грызлись между собой и убили тогда больше своих соотечественников, чем римлян. Так же, как…

Ей начали возражать двое мужчин. Все трое стали громко спорить, пока стражник не отколотил их, а заодно и остальных, палкой.

Позже, шлепая разбитыми губами, Таргофф сказал:

— Я не в силах переносить все это. Больше нет сил. Скоро… Ну, этот стражник — мой. Я убью его.

— У вас есть план? — нетерпеливо поинтересовался Фригейт.

Таргофф не ответил.

Незадолго до зари рабов разбудили и погнали к чашному камню. Снова им оставили небольшое количество пищи. После еды их разделили на группы и погнали на различные работы. Бартона и Фригейта повели к северной границе. Вместе с тысячью других рабов они гнули спину под лучами жгучего солнца. Единственным отдыхом был полуденный поход к чашному камню и обед возле него.

Геринг намеревался построить стены между горами и Рекой. Он намеревался также возвести еще одну стену, которая бы шла вдоль всех десяти

миль побережья озера. Планировалось и возведение третьей стены с юга…

Бартон вместе с остальными копал глубокую траншею, а затем из выкопанного грунта наваливал стену. Работа была тяжелой. Единственным инструментом, с помощью которого разрыхляли грунт, были каменные мотыги. Толстый слой плотного дерна, образованный переплетением корней трав, можно было разрушить только изрядно потрудившись. Грунт и корни с помощью деревянных совков ссыпались на бамбуковые носилки. Бригада за бригадой волокли, тащили, несли грунт на самый верх стены, где земля сбрасывалась, чтобы стена стала еще выше и толще.

Вечером рабов загнали назад, за частокол.

Большинство тотчас же завалилось спать. Но Таргофф, рыжий израильтянин, подсел к Бартону.

— Я слышал о сражении, которое устроили вы и ваш экипаж, слышал о вашем отказе присоединиться к Герингу.

— А вы слышали о моей печально знаменитой книге?

Таргофф улыбнулся:

— Я о ней ничего не знал до тех пор, пока Руах не рассказал мне о ней. Однако я больше пола-

гаюсь на ваши поступки, а они говорят сами за себя. Кроме того, Руах слишком чувствителен к подобным вещам. Но его нельзя за это упрекать. Особенно после того, что ему довелось испытать. Судя по вашим поступкам, вы не такой человек, каким вас описал Руах. Я полагаю — вы не плохой человек. Вы как раз такой человек, который, как я полагаю, нам нужен. Поэтому…

Дни и ночи тяжелой работы и урезанных рационов следовали друг за другом. Через систему тайной связи между рабами Бартон узнал, что Вильфреда и Фатима находятся в хоромах рыжего детины — убийцы Гвиневры. Логу была с Туллом. Геринг с неделю подержал Алису у себя, но затем передал ее одному из своих заместителей — некому Манфреду фон Кройфшафту. Ходил слух, что Геринг жаловался на холодность Алисы и хотел было отдать ее на забаву своим телохранителям, но фон Кройфшафт выпросил ее себе.

Бартон был в отчаянии. Он не мог вынести мысли о том, что она живет с другим человеком. Он должен сделать все для ее освобождения. Мысли об этом не давали ему спокойно спать.

Как-то ночью он выполз из большой хижины, которую занимал вместе с двадцатью пятью другими мужчинами, прокрался в хижину к Тар-

гоффу и разбудил его.

— Вы как-то говорили, что я подхожу вам, — зашептал Бартон. — Я хотел бы знать ваши планы. Но прежде хочу со всей серьезностью предупредить вас, если вы в ближайшее время ничего не предпримете, то я намерен подбить свою группу на мятеж, и к нам наверняка присоединятся и другие рабы.

— Руах много говорил мне о вас. Я не всему верю. И все же где гарантии того, что став нашим союзником сейчас, после победы над общим врагом вы не приметесь за евреев?

Бартон открыл было рот, собираясь наговорить грубостей, но все же сдержался. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Прежде всего, мои поступки на Земле говорят обо мне красноречивее, чем любые мои печатные слова. Я был другом и покровителем многих евреев. У меня было довольно много приятелей среди них.

— Последнее заявление обычно является предисловием перед нападками на евреев, — покачал головой Таргофф.

— Может быть. Однако даже если все, о чем вам говорил Руах, правда, то Ричард Бартон, которого вы сейчас, в этой долине, видите перед собой, уже

не тот Бартон, который жил на Земле. Каждый человек, как мне кажется, в чем-то изменился после воскрешения здесь. А если кто не изменился, то значит, он вообще не способен меняться и ему было бы лучше по-настоящему умереть. Я не отношу себя к этим людям.

За 476 дней, прожитых на этой Реке, я многое узнал. Я слушал Руаха и Фригейта, часто и горячо спорил с ними. И хотя не хочу в этом признаваться, довольно много думал о том, что они говорили.

— Ненависть к евреям — это нечто усвоенное с детства, — сказал Таргофф. — Она становится частью нервной системы, как безусловный рефлекс. От нее можно избавиться усилием воли только тогда, когда она неглубоко укоренилась или если у человека чрезвычайно сильная воля. Упомяните слово «еврей», и нервная система начинает брать верх над крепостью разума. Точно так же я реагирую на слово «араб», хотя у меня есть довольно веские причины для ненависти ко всем арабам.

— Я не буду больше просить, — спокойно произнес Бартон. — Или вы принимаете меня или отвергаете. В любом случае, вы знаете, что я предприму.

— Я принимаю вас, — произнес Таргофф. — Если ваше сознание способно изменяться, то и мое тоже. Скажите, если вы планируете мятеж, то каким образом намерены его осуществить?

Бартон начал объяснять, а Таргофф очень внимательно слушал. В конце разговора он кивнул Бартону и произнес:

— Это напоминает мой собственный план.

16

На следующий день, вскоре после завтрака, несколько стражников пришли за Бартоном и Фригейтом. Таргофф сурово посмотрел на Бартона, догадавшегося, о чем подумал рыжий еврей. Но делать было нечего, кроме как шагать во «дворец».

Геринг сидел в большом деревянном кресле и курил трубку. Он велел им сесть и предложил сигары и вино.

— Время от времени, — сказал немец, — я люблю расслабиться и поговорить с кем-нибудь помимо моих преданных коллег, которые, честно говоря, не слишком смышлены. Особенно мне нравится беседовать с теми, кто жил после моей смерти, и с людьми, бывшими на Земле знаменитостями. Пока что последних у меня совсем мало, впрочем, первых тоже.

— Многие ваши пленники-израильтяне жили после вас, — вставил Фригейт.

— Ох, уж эти евреи! — Геринг грациозно покачал трубкой. — С ними не оберешься хлопот. Они знают меня слишком хорошо. Когда я начинаю с ними беседовать, они сразу замыкаются. Кроме

того, слишком многие желают моей смерти. Поэтому я не чувствую себя свободно среди них. Не то, чтобы я что-то имел против них. Мне они не очень нравятся, но у меня было все же довольно много друзей-евреев…

Бартон покраснел.

Геринг, пососав трубку, продолжил:

— Фюрер был великим человеком, но, к несчастью, у него было несколько заскоков. Один из них — его отношение к евреям. Что же касается меня, то мне было все равно. Но в Германии тех лет настроения были антисемитскими, а если хочешь добиться чего-либо в жизни, нужно идти в ногу со временем. Но хватит об этом. Даже здесь эти жиды стоят у меня как кость в горле.

Он болтал еще некоторое время. Затем задал Фригейту ряд вопросов, касающихся судеб современников и истории послевоенной Германии.

— Если бы вы, американцы, имели хоть немного политического чутья, вы должны были бы сразу после нашей капитуляции объявить войну России. Если бы мы сражались против нее вместе, то несомненно одолели бы.

Фригейт ничего не ответил. Тогда Геринг рассказал несколько «смешных», то есть крайне непристойных анекдотов.

Он попросил Бартона рассказать о том, что с ним произошло перед тем, как он был воскрешен в долине.

Бартон удивился. Откуда Герингу об этом известно: от Казза или от какого-нибудь доносчика из рабов?

Он до мельчайших подробностей рассказал обо всем, что случилось от момента, когда он открыл глаза и обнаружил, что находится среди как бы плавающих в пространстве тел, и до момента, когда человек из летательного аппарата направил на него металлическую трубку.

— У пришельца, Моната, есть гипотеза, согласно которой некоторые существа, назовем их «Кем-то» или «Икс», вели наблюдения за человечеством с тех пор, как люди перестали быть обезьянами. На протяжении, по меньшей мере, двух миллионов лет. Эти сверхсущества каким-то образом кодировали и записывали каждую клетку тела каждого человека, который когда-либо существовал. Эта концепция поражает воображение, но не менее ошеломляющим является воскрешение всего человечества и переоборудование всей планеты в единую Речную Долину. Записи скорее всего велись, пока жили оригиналы. А может быть, эти сверхсущества

регистрировали какие-то колебания или волны из прошлого наподобие того, как мы видим свет звезд, какими они были за тысячу лет до момента наблюдения.

Монат однако склоняется к первой гипотезе. Он не верит в возможность путешествия во времени даже в самом ограниченном смысле.

Монат уверен, что эти «Икс» сохраняли произведенные ими записи. Каким образом — неизвестно. Затем была переоборудована эта планета. Очевидно, она представляет из себя единую Речную Долину. Во время нашего плавания вверх по Реке мы беседовали с десятками людей, их описания местности не оставляют сомнений, что они были воскрешены в самых разных районах планеты. Одни — на крайнем севере, другие — в высоких широтах южного полушария. Все описания хорошо стыкуются друг с другом, составляя единую картину планеты, переоборудованной в одну непрерывно петляющую долину Реки.

Люди, с которыми мы беседовали, были убиты или погибли во время несчастных случаев на этой планете и затем воскресли в тех местах, мимо которых нам довелось проплывать.

Монат объяснял это тем, что нас, воскресших, все еще продолжают сканировать и записывать.

И когда один из нас умирает, самые последние записи передаются в какое-то хранилище — может быть, под поверхностью планеты — и затем пропускаются через преобразователи «энергия-материя». Тела воспроизводятся такими, какими они были в момент смерти, а затем устройства омоложения реставрируют спящих. Возможно, как раз в этой камере я и проснулся. После этого снова молодые и неповрежденные тела записываются и уничтожаются. Записи опять прокручиваются, и преобразователи энергии воспроизводят нас на земле, около чашных камней. Не знаю почему, воскрешение во второй раз не производится в том же месте, где произошла смерть? Не знаю также, почему при этом уничтожаются все волосы и почему они не растут на лице? Почему всех мужчин подвергают обрезанию, а женщинам возвращают девственность? Или зачем нас вообще воскресили? С какой целью? Кому это надо? Те, кто нас сюда поместил, до сих пор не показываются и не объясняют нам этой причины.

— Главное, — заметил Фригейт, — главное в том, что мы уже не те люди, которыми мы были когда-то на Земле. Я умер. Бартон умер. Вы умерли, Герман Геринг. Умер каждый из нас. И нас

уже нельзя возвратить к жизни!

Геринг, чмокая, посасывал трубку, глядя на американца. Через несколько секунд он сказал:

— Но почему же нельзя? Ведь я снова живой! Понимаете, живой!!! Вы что, отрицаете это?

— Да! Я отрицаю это. В определенном смысле. Мы действительно сейчас живем. Но вы уже не тот Герман Геринг, родившийся в санатории «Мариенбад» в Розенхейме, Бавария, 12 августа 1893 года. Вы не тот Герман Геринг, крестным отцом которого был доктор Герман Эппенштейн, еврей, принявший христианство. Вы не тот Геринг, который стал преемником Рихтгофена после его смерти и продолжал посылать самолеты против союзников даже тогда, когда война по сути была уже закончена. Вы уже не рейхсмаршал гитлеровской Германии и не беглец, арестованный лейтенантом Джеромом Шапиро. Каково? Эппенштейн и Шапиро? Ха!!! И вы уже не Герман Геринг, который покончил с собой, проглотив цианистый калий во время трибунала, судившего его за все преступления, совершенные им против человечества!

Геринг набил трубку табаком и тихо произнес:

— Вы определенно очень много знаете обо мне. Я думаю, что я должен быть этим польщен. По

крайней мере, меня не забыли в грядущем.

— Вообще говоря, да, — кивнул Фригейт. — Вы действительно создали себе репутацию зловещего шута, банкрота и подхалима.

Бартон был поражен. Он не ожидал, что этот парень будет так держаться перед тем, кто властвует над его жизнью и смертью и кто так гнусно обращается с ним, держа его в рабстве. Но может быть, Фригейт надеялся, что его убьют? Или, вероятно, он играет на любопытстве немца?

— Растолкуйте-ка поподробнее ваше заявление, — попросил, улыбаясь, Геринг. — Вернее, ту его часть, которая касается моей репутации. Каждый выдающийся человек ждет того, что он будет обруган безмозглыми массами после своей смерти. Объясните, почему я не тот же человек?

Фригейт пожал плечами и произнес:

— Вы продукт-гибрид записывающего устройства и преобразователя «энергия-материя». Вы были воспроизведены с памятью мертвеца Германа Геринга. Ваши клетки — копии клеток его тела. У вас есть все, что было у него. Поэтому-то вы и полагаете, что вы Геринг. Но вы-то им не являетесь! Вы копия, дубликат — и в этом все дело! Настоящий Геринг — это молекулы вещества, поглощенные почвой и воздухом, оттуда — рас-

тениями, затем — животными, потом — плотью людей и снова вернувшиеся в почву в виде экскрементов — и так вечно.

Вы, стоящий предо мною человек, не более подлинник, чем запись на диске или ленте по сравнению с первоначальным голосом, чем при воспроизведении записи по сравнению с колебаниями, исторгнутыми ртом человека.

Бартон понимал, о чем идет речь, так как он видел как-то фонограф Эдисона. Это было в Париже в 1838 году. Сейчас он почувствовал себя глубоко оскорбленным, по сути изнасилованным, этими откровениями Фригейта.

Широко раскрытые от изумления глаза Геринга и раскрасневшееся лицо говорили о том, что эти слова глубоко обидели и его.

Заикаясь, немец выдавил:

— И зачем же этим существам доставлять себе такие хлопоты? Неужели только ради того, чтобы полюбоваться этими копиями?

Фригейт пожал плечами:

— Откуда мне знать.

Геринг, тяжело дыша, поднялся и, тыча черенком трубки в сторону американца, заорал по-немецки:

— Ты лжешь! Ты лжешь, грязная собака!

Фригейт сжался, словно ожидая, что его снова ударят по почкам, но все же нашел в себе силы, чтобы сказать:

— Я должен быть прав. Конечно, вы не обязаны верить этому — ведь доказательств у меня нет. И я прекрасно понимаю ваши чувства. Я знаю, что я — Питер Джайрус Фригейт, родившийся в 1918 году и умерший в 2008 году. Но логика подсказывает, и я вынужден этому верить, что по сути я всего лишь существо, располагающее воспоминаниями того Фригейта, который никогда не будет больше существовать. Он не может восстать из мертвых!!! В некотором смысле можно считать, что я сын того Фригейта. Не плоть от плоти, кровь от крови, а разум от разума! Ведь я — не человек, рожденный женщиной. Я — внебрачный ребенок науки и машины. Если только не…

— Что если только? — грозно спросил Геринг.

— Если только здесь не присутствует некоторое реально существующее «Нечто», прилагаемое к человеческому телу. Некоторое «Нечто», составляющее суть человеческого существа. Я имею в виду, что оно вмещает в себя все то, что делает личность такой, какая она есть, и когда тело разрушается, это «Нечто» продолжает существовать. Так что если тело еще раз будет воспроизведе-

но, это «Нечто», хранящее в себе суть личности, может быть снова приложено к телу. И тогда будет перезаписано все, что содержится в индивидуальности. И таким образом первоначальная особа будет живой снова. Она уже не будет просто дубликатом.

Бартон улыбнулся:

— Ради Бога, Фригейт! Неужели вы имеете в виду «душу»?

Фригейт кивнул головой и произнес:

— Или нечто аналогичное «душе». «Нечто», которое первобытные люди неосознанно ощущали и называли душой.

Геринг начал во все горло хохотать. Бартон тоже рассмеялся бы, но он не хотел оказывать немцу какую-либо поддержку — ни моральную, ни интеллектуальную.

Насмеявшись вдоволь, Геринг сказал:

— Даже здесь, в мире, который несомненно является продуктом науки, сторонники сверхъестественного не прекращают своей болтовни. Но хватит об этом! Перейдем к более практическим и насущным вопросам. Вы не передумали? Вы готовы перейти ко мне на службу?

Бартон ответил, сверкнув глазами:

— Я никогда не буду подчиняться человеку,

который насилует женщин. Более того, у меня есть одна неприятная, с вашей точки зрения, слабость: я уважаю евреев.

Геринг напыжился и хрипло закричал:

— Хорошо же! Я о многом размышлял. Я надеялся… что ж… у меня много хлопот с этим римлянином. Если дать ему волю, то вы увидели бы, как милосерден я по отношению к вам — к рабам. Вы не знаете этого римского волка. Только мое вмешательство спасает одного из вас от мучительной смерти каждый вечер ради его развлечения.

В полдень оба вернулись к своей работе среди холмов. В этот день им не представилось возможности переговорить ни с Таргоффом, ни с кем-нибудь из рабов, поскольку они работали отдельно от других невольников. Они даже не осмеливались окликнуть кого-нибудь из знакомых им рабов, так как за этим могло последовать жестокое избиение.

Вечером, вернувшись в загон, Бартон рассказал другим обо всем, что произошло.

— Скорее всего, Таргофф не поверит моему рассказу. Он будет думать, что мы провокаторы. В любом случае, даже если он не уверен в этом, он не будет нам доверять, дабы не рисковать. Поэто-

му сейчас между нами возникнут затруднения. Очень плохо, что все так получилось. Побег, намеченный на сегодняшний вечер, надо отменить.

Пока особых неприятностей не было. Израильтяне отходили от Бартона и Фригейта, как только те пытались заговорить с ними. Наступил вечер. Показались звезды, и загон рабов залил свет, почти такой же яркий, как свет полной луны на утраченной Земле.

Узники оставались внутри бараков и тихо переговаривались между собой. Несмотря на страшную усталость, никто не мог уснуть. Стражники, должно быть, тоже ощущали эту напряженность, хотя и не могли ни видеть, ни слышать людей внизу. Они прохаживались по балкону, разговаривали, собравшись вместе по нескольку человек, заглядывали внутрь загона, освещенного ночным небом и факелами.

— Таргофф ничего не предпримет, пока не пойдет дождь, — сказал Бартон и решил установить дежурство. Фригейт должен был дежурить в первую смену, Роберт Спрюс — во вторую. Бартон в третью.

Бартон лег на охапку листьев и заснул, не обращая внимания на глухой гул голосов и передвижения людей.

Казалось, он только-только закрыл глаза, как до него дотронулся Спрюс. Он быстро вскочил на ноги, зевнул и потянулся. Все остальные уже бодрствовали. Бартон выглянул наружу и посмотрел на небо. Звезд уже практически не было видно. В горах раздавались раскаты грома, и вспышки первых молний вспарывали ночное небо.

В свете этих вспышек Бартон увидел, что стражники сбились в кучи под крышами смотровых площадок в углах загона. Они укрылись покрывалами от дождя и холода.

Бартон ползком пробрался в соседний барак. Таргофф стоял внутри у самого входа. Бартон поднялся на ноги и спросил:

— План все еще в силе?

— Вам лучше об этом знать, — прошипел еврей. Вспышка молнии высветила его разгневанное лицо. — Вы — Иуда!

Он шагнул вперед, и дюжина молодцов (если можно было так назвать изможденных рабов) грозно двинулась за ним. Бартон не стал ждать — он бросился первым. Но в тот момент, когда он рванулся вперед, раздался страшный вой. Протолкавшись к двери, он выглянул на улицу. Еще одна вспышка высветила тело стражника, распростертого лицом вниз на траве под балконом.

Таргофф опустил кулаки и в недоумении обратился к англичанину:

— Бартон, что происходит?

— Подождите… — оттягивая время, ответил Бартон. Он не больше, чем израильтянин, понимал, что происходит. Но любая неожиданность давала ему преимущество.

Молния озарила приземистую фигуру Казза на балконе. Он размахивал огромным каменным топором среди целой кучи стражников, сгрудившихся в одном из углов балкона. Еще одна вспышка. Стражники уже были разметаны по балкону в разные стороны. Следующая вспышка — несколько сброшено с балкона. Оставшиеся разбегались в разные стороны по балкону.

Еще одна вспышка молнии высветила картину сражения, и стражники наконец-то поняли, что происходит. Они начали сбегаться, злобно крича и размахивая копьями.

Казз, не обращая на них никакого внимания, спустил в загон длинную бамбуковую лестницу и швырнул вниз связку копий. Во время следующей вспышки он уже двигался навстречу ближайшему к нему стражнику.

Бартон выскочил наружу, схватил копье и мгновенно взбежал по лестнице наверх. Осталь-

ные рабы последовали за ним. Схватка была кровавой и непродолжительной. После того, как охрана на балконе была уничтожена, остались только те, кто находился в сторожевых башнях. Напротив ворот установили лестницу, и через несколько минут люди перелезли наружу, спрыгнули вниз и распахнули ворота. Впервые за все время пребывания здесь у Бартона появилась возможность переговорить с Каззом.

— Я думал было, что ты продал нас.

— Нет. Не я, Казз, — произнес неандерталец с упреком. — Вы же знаете, как я люблю вас, Бартон. Вы — мой вождь. Я просто притворился, что присоединился к этим ублюдкам, чтобы ловко обмануть их. Я был удивлен, что вы не догадались сделать то же самое. Вы же не болван!

— Конечно, и ты не болван, — похлопал его по плечу Бартон. — Но я не мог заставить себя убить этих несчастных рабов.

Вспышка молнии высветила пожимающего плечами Казза.

— Меня это не беспокоило. Я не знал этих людей. А кроме того, вы же слышали Геринга. Он же сказал, что их все равно убьют.

— Очень хорошо, что ты выбрал именно эту ночь, — похвалил неандертальца Бартон. Он не

сказал ему почему, поскольку не хотел сбивать его с толка. А кроме того, необходимо было заняться более важными делами.

— Эта ночь очень хороша, — кивнул Казз. — Идет большая битва. Тулл и Геринг очень сильно напились и ссорятся. Они дерутся. Их люди дерутся. Коричневые люди с другой стороны Реки… как вы их называете?.. Онондаго? Их лодки появились, как только пошел дождь. Они напали чтобы захватить рабов, а может быть, просто от скуки. Поэтому, сказал я себе, сейчас самое хорошее время освободить своих друзей. Освободить Бартона-нака!

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Бартон услышал откуда-то издалека крики. Барабаны стучали вдоль всего берега со всех сторон. Бартон повернулся и сказал Таргоффу:

— Мы можем попытаться сбежать, и, вероятно, это нам удастся без труда, но может быть, нападем сами?

— Я намерен истребить этих зверей, порабощавших нас, — зло выкрикнул Таргофф. — Поблизости есть другие загоны. Я уже послал людей открыть их ворота. Некоторые, правда, слишком далеко, чтобы можно было быстро до них добраться. Насколько я знаю, загоны разбросаны

по всей стране с интервалом в полмили.

К этому времени уже был взят штурмом блок-гауз, где отдыхали свободные от дежурства стражники.

Группе Бартона отдали правый фланг. Они не прошли и пятисот ярдов, как стали натыкаться на убитых и раненых белых и онондаго.

Несмотря на прошедший сильный ливень, возник пожар. По разгорающемуся зареву было видно, что очаг огня находится возле резиденции Геринга. На фоне зарева были отчетливо видны силуэты сражающихся. Бывшие рабы бегом пересекли равнину. Вдруг фронт одной из сражающихся сторон был прорван, и ее приверженцы побежали навстречу рабам, преследуемые торжествующими криками победителей.

— Вон Геринг! — сказал Фригейт. — Живот этого борова не позволит ему убежать. Это уж точно! — Он указал рукой, и Бартон увидел Геринга, хоть и отчаянно работавшего ногами, но все же отставшего от остальных.

— Я не хочу, чтобы честь заколоть его досталась индейцам, — сказал Бартон, сжав кулаки. — Мой долг перед Алисой сделать это собственными руками!

Впереди всех мелькали длинные ноги рыжего

детины, убийцы Гвиневры. Именно в него метнул свое копье Бартон. Тому показалось, что снаряд возник как бы ниоткуда, из темноты. Ошеломленный, он так и не смог увернуться. Кремневый наконечник копья воткнулся глубоко в плоть, под левую ключицу, и он грузно упал на бок. Мгновением позже он попытался подняться, но снова был повержен на землю ударом Бартона. Глаза рыжего закатились, кровь, запузырившись, хлынула изо рта. Он показал на шрам, глубоко рассекший его бок.

— Ты… твоя женщина… Вильфреда… это сделала, — прохрипел он. — Но я убил ее… суку… — Дыхание прерывалось.

Бартон хотел спросить, где находится Алиса, но Казз, выкрикнув что-то на своем родном языке, обрушил дубину на голову рыжему шотландцу. Бартон подобрал копье и побежал вслед за неандертальцем.

— Не убивай Геринга! — кричал он. — Оставь его мне!

Казз не слышал его. Он был занят поединком с двумя индейцами. Внезапно Бартон увидел пробегавшую Алису. Он бросился к ней, сгреб ее в охапку и повернул к себе. Она закричала и стала вырываться. Бартон прикрикнул на нее.

Внезапно, узнав его, она обмякла в его руках и разрыдалась. Бартону хотелось утешить ее, но он боялся, что время будет потеряно и Геринг успеет скрыться.

Бартон отодвинул женщину в сторону и побежал вслед за Каззом. В свете огненных сполохов он внезапно увидел грузную фигуру немца. Брошенное Бартоном копье скользнуло по голове Геринга, он вскрикнул, остановился и поднял нож. Но Бартон уже налетел на него. Оба упали наземь и покатились. Каждый пытался задушить противника.

Что-то ударило Бартона по затылку. Он оттолкнул Геринга и упал. Геринг бросился в сторону за копьем. Схватив оружие, он сделал несколько шагов к распростертому телу Бартона. Бартон попытался подняться, но ноги у него стали как ватные, земля кружилась перед глазами. Внезапно Геринг пошатнулся и полетел вперед. Это Алиса схватила его сзади за ноги. Бартон сделал еще одну попытку встать. Шатаясь, он приподнялся и неуклюже навалился на Геринга. Они снова стали кататься по земле. Немцу все же удалось первому вцепиться в горло Бартона. Внезапно древко копья скользнуло по плечу Бартона, ободрав кожу, но каменный наконечник оружия

все же вонзился в горло Геринга.

Бартон встал, вытащил копье и воткнул его в жирное брюхо немца. Геринг дернулся, приподнялся, но тут же опять рухнул на траву и затих. Алиса тяжело опустилась на землю и заплакала.

Заря возвестила об окончании сражения. К этому времени рабы вырвались на свободу уже из всех загонов. Воины Геринга и Тулла были зажаты между онондаго и рабами, как шелуха между мельничными жерновами. Индейцы, совершившие набег скорее всего только ради грабежа и захвата рабов с чашами, отступили.

Они забрались в свои челноки и пироги и налегли на весла, чтобы поскорее пересечь озеро. Никто не был склонен их преследовать.

17

Последующие дни были до предела загружены. Приблизительные подсчеты показывали, что не менее половины из двадцати тысяч обитателей крохотного королевства Геринга были убиты, тяжело ранены, похищены онондаго или же попросту разбежались. Римлянин Тулл Гостилий, по-видимому, бежал. Оставшиеся в живых создали временное правительство. Таргофф, Бартон, Спрюс и еще двое вошли в Исполнительный Комитет, наделенный значительной, хотя и временной властью. Джон де Грейсток исчез. Его видели вначале сражения, а затем он выпал из поля зрения.

Алиса Харгривс, не сказав ни слова, перебралась в хижину Бартона.

Позже она рассказала:

— Фригейт говорил мне, что если вся планета устроена подобно тем местам, которые мы видели — а предполагать противное нет никаких причин — тогда Река должна иметь протяженность не менее двадцати миллионов миль. Это невероятно, но не более, чем наше Воскрешение и все остальное на этой планете. Кроме того, вдоль Ре-

ки живет, возможно, 36–37 миллиардов человек. Насколько же ничтожна вероятность того, что я хоть когда-нибудь найду своего земного мужа!

Кроме того, я люблю вас. Да, я понимаю, что я поступала не так, как должна была бы поступать любящая женщина. Но сейчас что-то изменилось во мне, по-видимому, из-за того, что случилось с нами. Не думаю, что на Земле у нас что-нибудь получилось бы. Может быть, я восхищалась бы вами, но многое в вас меня бы отталкивало и даже ужасало. Я не смогла бы на Земле стать вам хорошей женой. Здесь же, я уверена, смогу. Вернее, я буду вам хорошей подругой, потому что похоже, что здесь нет какой-либо власти или религиозного учреждения, которое могло бы соединить нас. Уже это само по себе показывает, насколько я изменилась. То, что я могу жить спокойно с человеком, с которым не связана узами брака!..

— Мы не в викторианской эпохе, милая! — засмеялся Бартон. — Кстати, как можно назвать время, в котором мы здесь живем? Эпоха Смешения? Смешанный Век? А может быть, уместнее назвать все это Речной Культурой, Прибрежным Миром… хотя, скорее, даже Речными Культурами…

— При условии, что все это скоро не закончит-

ся, — согласилась Алиса. — Не забывайте, что все началось внезапно, столь же быстро и неожиданно все может и кончиться.

«Конечно, — подумал Бартон, — зеленая Река и травянистая равнина, лесистые холмы и неприступные горы вовсе не кажутся иллюзорными шекспировскими видениями. Они основательны и реальны. Причем столь же реальны, как и люди, которые сейчас направляются к нам — Фригейт, Монат, Казз и Руах».

Он вышел из хижины и поздоровался с ними.

— Давным-давно, — первым заговорил Казз, — еще до того, как я научился хорошо говорить по-английски, я кое-что увидел. Я хотел было рассказать вам об этом, но вы меня так и не поняли. А увидел я человека, у которого на лбу не было вот этого.

Он указал на середину собственного лба и на это же место у остальных.

— Я знаю, — продолжал Казз, — что вы, люди, не можете видеть этого, так же как и Монат. Этого никто не видит. А я вижу. Это есть у всех, кроме того человека, которого я давно хочу поймать. Однажды я видел женщину, у которой тоже не было этого, но я ничего не сказал вам об этом. Теперь же я говорю вам, что сегодня видел человека, у

которого нет этого.

— Он имеет в виду, — пояснил Монат, видя недоумение на лице Бартона, — что он способен различать определенные символы или фигуры на лбу каждого человека. Он их видит только при ярком солнечном свете и строго под определенным углом. У всех, кого ему приходилось встречать, эти символы были — кроме троих, о ком он сейчас сказал.

— Он, должно быть, видит в более широкой полосе спектра, чем мы, — заметил Фригейт. — Очевидно, Те, Кто Запихнул Нас Сюда, проштемпелевали на лбу каждого из нас клеймо зверя, или как там вам будет угодно его называть, не догадываясь об этой особенности неандертальцев. Видимо, и они не всеведущи!

— Согласен! — энергично кивнул Бартон. — Следовательно, они могут допускать ошибки. Иначе я бы не проснулся в том месте перед Воскрешением. Так кто же это, у кого на лбу нет человеческого клейма?

Сердце его учащенно забилось. Если только Кадзз прав, то он, возможно, обнаружил агента существ, давших человечеству жизнь на берегах этой величавой Реки. Не переодетые ли это боги? Хотя вряд ли. Боги непогрешимы.

— Роберт Спрюс! — тихо произнес Фригейт в ответ на вопрос Бартона.

— Прежде чем мы что-нибудь решим, — вставил Монат, — надо учесть, что отсутствие такого клейма может быть просто случайностью.

— Мы это очень скоро выясним, — зловеще произнес Бартон. — Но мне очень хочется знать — для чего эти символы? Почему нас нужно клеймить?

— Наверное, с целью идентификации и нумерации, — сказал Монат. — Заметьте, что я тоже заклеймен. Значит, это не врожденная особенность человеческого рода… Впрочем, о целях клеймения могут знать только Те, Кто Поместил Нас Сюда.

— Давайте сюда Спрюса, — приказал Бартон.

— Сначала его нужно поймать, — ответил Фригейт. — Сегодня утром за завтраком Казз допустил ошибку, сказав Роберту, что он знает об этих символах. Меня там не было, но говорят, что, услышав это, Спрюс страшно побледнел. Через несколько минут он извинился перед присутствующими и вышел. Больше его не видели. Мы выслали уже поисковые группы вверх и вниз по Реке, на противоположный берег, а также в леса на холмах.

— Бегство означает признание вины! — констатировал Бартон. Он был зол. — Разве люди — скот, на котором можно по каким бы то ни было причинам выжигать клейма?

В полдень барабаны возвестили о том, что Спрюс пойман. Через три часа он уже стоял перед столом совета в заново отстроенном зале для собраний. За столом находились члены Комитета. Заседание происходило при закрытых дверях, поскольку члены Комитета чувствовали, что допрос вести лучше без лишних свидетелей, однако Монат, Казз и Фригейт были приглашены на заседание.

— Я должен заранее вас предупредить, — начал Бартон, — что мы готовы пойти на все, чтобы добиться от вас полной правды. Использование пыток противоречит принципам любого из присутствующих здесь. Мы презираем тех, кто прибегает к подобного рода аргументам. Но мы чувствуем, что сейчас перед нами возник вопрос, при рассмотрении которого принципы могут быть отброшены.

— Принципы никогда нельзя отбрасывать! — спокойно произнес Спрюс. — Цель не оправдывает средства! Даже если это равносильно поражению, смерти или вашему неведению.

— Не забывайте, что на кон поставлено слишком много, — возразил Таргофф. — Все мы были жертвами беспринципных людей: я, Руах, многократно подвергавшийся пыткам, да и остальные, и все согласны. И если возникнет необходимость, мы прибегнем и к огню, и к мечу по отношению к вам. Нам обязательно нужно узнать правду! А теперь скажите нам, являетесь ли вы одним из тех, кто ответственен за Воскрешение?

— Вы будете ничуть не лучше Геринга и его приспешников, если станете меня пытать, — покачал головой Спрюс. Голос его дрогнул. — Фактически же вы будете даже хуже его, поскольку вы принуждаете себя, чтобы заполучить нечто, чего может вообще не быть. Или есть, но для вас может не представлять никакой ценности.

— Скажите нам правду, — твердо произнес Таргофф. — И не лгите. Мы знаем, что вы агент. Возможно, даже один из тех, кто непосредственно принимал участие в Воскрешении.

— Вот там, в углу, пылает огонь, — тихо сказал Бартон в ответ на молчание Спрюса. — Если вы немедленно не начнете говорить, вас… Ну, об этом пока не стоит. Хочу только заметить, что когда вас начнут поджаривать, это будет наименее мучительным по сравнению с тем, что у нас

имеется в запасе. Я специалист по китайским и арабским методам пыток. И я вас заверяю, что среди них есть очень утонченные средства извлечения правды. А для того, чтобы вытянуть из вас правду — всю, я безо всяких угрызений совести применю все свои познания.

Спрюс, побледнев, прошептал:

— Вы лишите меня вечной жизни, если решитесь на это. Во всяком случае, это отбросит вас далеко назад в вашем путешествии и надолго отложит достижение конечной цели.

— Что такое? — удивился Бартон, но Спрюс не обратил внимание на это восклицание.

— Мы не можем переносить боль, — прошептал он. — Мы слишком чувствительны.

— Так вы будете говорить? — словно нехотя спросил Таргофф.

— Даже идея самоубийства мучительна для нас, и этого следует избегать, конечно, кроме тех случаев, когда это неизбежно необходимо, — промямлил Спрюс.

— Я не слышу вашего согласия? — нетерпеливо воскликнул Бартон.

— Мысль о смерти для нас мучительна, хотя мы знаем, что возродимся снова, — прошептал Спрюс.

— Поместите-ка его над огнем, — приказал Таргофф людям, державшим Спрюса.

— Подождите, — вмешался Монат, — одну минуту! Спрюс, наука моего народа намного опередила земную. Поэтому я более подготовлен к тому, чтобы делать научно обоснованные предположения. Возможно, мы сможем избавить вас от пытки огнем и от мучений совести, если вам не придется выдавать свои цели. Я буду говорить, а вы — подтверждать или отрицать мои предположения. Таким образом, вы не сможете себя упрекнуть в непосредственном предательстве.

— Я слушаю вас, — кивнул Спрюс.

— Согласно моей гипотезе, вы — землянин. Вы принадлежите времени, наступившему много позже 2008 года. Вы, должно быть, потомок тех немногих, кому удалось избежать воздействия моего сканирующего устройства. Судя по уровню технологии и энергетики, требуемой для переоборудования поверхности планеты в единую Речную Долину, ваша эпоха наступила через много столетий после двадцать первого века. Попробуем-ка сейчас угадать. Пятидесятое?

Спрюс посмотрел на огонь и медленно произнес:

— Добавьте еще две тысячи лет.

— Если эта планета таких же размеров, как Земля, то вместить она может не так уж много людей. А поэтому где все остальные — мертворожденные, дети, умершие до пяти лет, где слабоумные, сумасшедшие, где те, которые жили на Земле после двадцатого столетия?

— Где-нибудь в другом месте, — пожал плечами Спрюс. Он снова взглянул на огонь, губы его сжались.

— У моего народа, — заметил Монат, — существует гипотеза, что в будущем нам удастся заглянуть в прошлое. Я не буду вдаваться в подробности, но возможно, что прошедшие события можно будет обнаружить визуально, а затем записать. Путешествие во времени не такая уж фантастическая идея.

Но что, если ваша цивилизация способна совершить то, о чем мы сейчас теоретизируем? Что если вы записали каждое человеческое существо, когда-либо жившее? Отыскали эту планету и на ней создали Речную Долину? Где-то, может быть, под поверхностью планеты, вы установили преобразователи энергии, ну, скажем, энергии магмы планеты, и поместили какие-то устройства для воссоздания человеческих существ? Может быть, вы используете биотехнологию для

омоложения тел, для восстановления конечностей, глаз и так далее, а также для исправления физических недостатков?

Затем, — Монат перевел дыхание, — вы делаете новые записи заново созданных тел и храните в каком-то огромном запоминающем устройстве. Позже вы уничтожаете старые воссозданные тела и снова воссоздаете их с помощью проводящего материала, используемого также и в чашных камнях. Все, о чем я говорю, вполне можно спрятать под землей. Насколько я понимаю, в нашем Воскрешении нет ничего сверхъестественного? Но нас всех мучает только один главный вопрос: Зачем???

— Если бы у вас была такая возможность, не подумали бы вы о том, что это ваш этический долг? — спросил Спрюс.

— Да! Но я бы не воскрешал недостойных!

— А что если другие не согласятся с вашими критериями? — усмехнулся Спрюс. — Уж не думаете ли вы, что вы настолько мудры и добродетельны, чтобы судить? Не поставите ли вы себя в этом случае на один уровень с Богом? Нет, вторая возможность должна быть у всех, вне зависимости от таких качеств, как грубость, эгоизм, тупость или ничтожность. После этого это уже

будет не их дело…

Он замолчал, будто раскаиваясь в своей вспышке и показывая своим видом, что он разговаривать больше не намерен.

— Кроме того, — сказал Монат, как бы не замечая реакции Спрюса, — вы, наверное, хотели провести изучение человечества с точки зрения его истории. Записать все земные языки, обычаи людей, их мировоззрение, жизненный путь. Для этого вам нужны агенты, которые, смешавшись с людьми, делали бы записи, наблюдения, проводили исследования. Вопрос: сколько времени может занять воплощение этого замысла? Тысячу лет? Две тысячи лет? Десять? Миллион?

И как насчет нашей будущей ликвидации? Или нам суждено оставаться здесь вечно?

— Вы здесь будете оставаться столько, сколько понадобится для вашего выздоровления, — выкрикнул Спрюс. — И только после этого…

Он закрыл рот, сверкнул глазами, а затем все же, очевидно, пересилив себя, заявил:

— После длительного контакта с вами даже самые крепкие заражаются чертами, характерными вашему роду. После возвращения приходится проходить реабилитацию, чтобы избавиться от них. Я уже давно ощущаю себя запятнанным…

— Поместите его над огнем, — приказал Таргофф. — Мы вытянем из него всю правду.

— Нет, нет! Вам этого не удастся! — закричал Спрюс. — Не удастся! Мне давным-давно следовало это сделать! Но кто знает, может быть…

Он упал на землю, и кожа его стала быстро голубеть. Доктор Стейнберг, один из членов Комитета, осмотрел его. Но и без этого всем давно стало ясно, что этот человек умер.

— Нужно убрать его отсюда, — сказал Таргофф. — Я бы посоветовал сделать вскрытие. Мы будем ждать ваш отчет, доктор.

— Каменным ножом, без необходимых препаратов, без микроскопа? Какого рода отчет вы ожидаете? — вскричал Стейнберг. — Впрочем, было бы очень интересно, в самом деле, взглянуть на внутренности этого существа.

«Спрюса» унесли.

— Я рад, что он не заставил нас признаться в блефе, — сказал Бартон. — Если бы он молчал, то нам ничего не оставалось бы делать, как признать себя побежденными.

— Значит, вы действительно не собирались подвергать его пыткам? — удивился Фригейт. — Хотя я надеялся, что вы запугивали его. Правда, черт вас знает. Голова идет кругом. От вас всего

можно ожидать. По крайней мере, я бы сразу же ушел, скорее всего, навсегда бы ушел от вас.

— Ну, ну, Питер, — начал успокаивать американца Руах. — У нас никогда не было никаких кровожадных намерений относительно этого лже-Спрюса. Он прав, если бы мы применили пытки, то были бы ничуть не лучше Геринга и его приспешников. Но мы могли бы использовать против него другие средства. Например, гипноз. Если мне не изменяет память, вы, Бартон, на Земле были специалистом в этой области?

Бартон кивнул, но ничего не ответил.

— Но вот в чем неприятность, — начал Таргофф, — мы ведь так и не знаем, добрались ли мы до истины. Может быть, он нам все врал. Монат выдвигал предположения, и если они были неверны, Спрюс мог довольно легко увести нас в сторону, соглашаясь с этими выдумками. Я бы сказал, что сейчас ни в чем нельзя быть уверенным относительно этого дурацкого допроса. Надо было действовать как-то по другому.

Они согласились в одном. Теперь, когда Они, кем бы Они не были, знают о зрительных способностях Казза и его соплеменников, возможность обнаружить еще одного их агента отпадает. Они наверняка предпримут надлежащие меры для

исправления своей ошибки.

Стейнберг вернулся ровно через два часа.

— Нет ничего, чем бы он отличался от любого другого представителя вида «гомо сапиенс». Кроме вот этого небольшого устройства. — Он протянул черный блестящий шарик, размером со спичечную головку. — Я обнаружил это на поверхности лобной доли мозга. Он подсоединялся с помощью проволочек к некоторым областям мозга и был заметен только под определенным углом зрения. Мне просто повезло, что я это обнаружил. Я думаю, что Спрюс убил себя с помощью этого устройства, буквально подумав, что надо умереть. Каким-то образом шарик преобразует желание умереть в соответствующее действие. Возможно, он реагирует на мысль выделением какого-нибудь яда, распознать который у меня сейчас нет никакой возможности. — С этими словами он передал шарик членам Комитета.

18

Тридцатью днями позже, перед самым восходом солнца, Бартон, Фригейт, Руах и Казз возвращались из плавания вверх по Реке.

Вокруг них клубился густой холодный туман, поднимавшийся в эти последние часы ночи над Рекой на высоту до 5–8 футов. Ничего не было видно далее, чем на длину прыжка с места сильного мужчины. Бартон стоял на носу одномачтовой бамбуковой лодки. Он знал, что они находятся недалеко от западного берега, так как в относительно мелких местах течение заметно ослабевало, а они только что свернули с середины Реки к левому берегу.

Если его расчеты верны, они должны находиться поблизости от развалин «чертогов Геринга». В любое мгновение он ожидал увидеть полосу более интенсивной тьмы, возникающую из темных вод — берег земли, которую он теперь называл Домом. Дом для Бартона всегда был местом, из которого он отправлялся в очередное путешествие, местом отдыха, временной крепостью, где можно без помех писать книгу о своей последней экспедиции, берлогой, где зализывались раны, боевой

рубкой, из которой он высматривал новые земли, подлежащие обследованию.

Всего лишь через две недели после смерти Спрюса Бартон ощутил необходимость податься в какое-нибудь другое место. Он прослышал, что на западном берегу, примерно в 100 милях вверх по Реке, обнаружили медь. Это был берег, заселенный на протяжении пятнадцати миль сарматами пятого века до н. э. и голландцами из тринадцатого века н. э.

Бартон не очень-то верил в правдивость этого слуха, но это давало ему долгожданный повод отправиться в путь. Он пустился в плавание, не обращая внимания на мольбы Алисы взять ее с собой.

Теперь, месяц спустя, после многих приключений — некоторые из них были даже весьма приятными — они были почти дома. Слух оказался вовсе не беспочвенным. Медь была, но в ничтожных количествах. Поэтому четверка забралась в свою лодку, предвкушая легкое плавание вниз по течению с наполненными непрекращающимся ветром парусами. Днем они плыли, приставая к берегу во время еды повсюду, где встречались дружелюбные люди, позволявшие странникам воспользоваться сво-

ими чашными камнями. Ночью они или спали среди дружественных аборигенов, или плыли в темноте мимо враждебных берегов.

Последним этапом их поездки стал проход опасного участка Реки после захода солнца. Прежде чем попасть домой, нужно было пройти мимо сектора долины, в котором на одной стороне жили охочие до рабов мохауки восемнадцатого века, а на другой столь же алчные карфагеняне третьего века до н. э. Проскользнув мимо них под покровом тумана, они почувствовали себя почти что дома.

Внезапно Бартон произнес:

— Вот и берег! Пит, спускай мачту. Казз, Лев, за весла!

Через несколько минут после достижения берега они вытащили свое легкое судно из воды и затащили на пологий берег. Теперь, когда они выбрались из тумана, стало видно, как светлеет небо над восточными горами.

— Считавшиеся мертвыми возвращаются живыми! — продекламировал Бартон. — Мы в десяти шагах от чашного камня у развалин.

Он окинул взглядом бамбуковые хижины. Нигде не виднелось ни одной живой души. Долина спала.

— Вам не кажется, — удивился он, — странным то, что до сих пор никто еще не поднялся? По крайней мере, нас должны были окликнуть часовые!

Фригейт указал в сторону смотровой башни справа от них.

Бартон выругался:

— Черт побери, эти негодяи или спят, или бросили свой пост!

Но он уже почувствовал, что дело было не этом. Он ничего не сказал остальным, но только ступив на берег, он уже был уверен, что здесь что-то неладно.

Высоко поднимая ноги в высокой траве, он побежал к хижине, в которой жил вместе с Алисой.

Алиса спала на ложе из бамбука и травы справа от входа, завернувшись в одеяло из полотнищ, скрепленных магнитными застежками, так что виднелась только одна голова. Бартон откинул одеяло, встал на колени перед свернувшимся на низком ложе в калачик телом и приподнял ее за плечи. У нее был здоровый цвет лица и нормальное дыхание.

Бартон трижды окликнул ее по имени. Женщина продолжала спать. Он резко ударил ее по щекам, отчего на них быстро проступили крас-

ные пятна. Веки ее дрогнули, но через мгновение она снова спала крепким сном.

К этому времени подоспели Фригейт и Руах.

— Мы заглянули в несколько хижин, — сказал Фригейт. — Все спят. Я попробовал разбудить одну пару, но безрезультатно. Что-то здесь неладно!

— Кто, как вы думаете, усыпил их? И кому это может понадобиться? — спросил Бартон. — Что? Да! Именно, Спрюс! Спрюс и его шайка!

— Зачем? — В голосе Фригейта зазвучал испуг.

— Они ищут меня! Они, должно быть, пришли под покровом тумана и каким-то образом усыпили всю эту местность!

— Это несложно сделать усыпляющим газом, — заметил Руах. — Хотя люди, обладающие таким могуществом, как Они, могут иметь устройства, которые нам и не снились.

— Они ищут меня, — тихо повторил Бартон.

— Если это так, то Они, возможно, вернутся сюда следующей ночью, — кивнул Фригейт. — Но зачем Им искать вас?

За Бартона ответил Руах.

— Потому что он, насколько нам известно, единственный человек, проснувшийся на стадии, предшествовавшей Воскрешению. Почему такое случилось — неизвестно. Очевидно, произошло

что-то непредвиденное. Возможно, это тайна и для Них. Я склонен думать, что Они обсуждали этот случай и в конце концов решили похитить Бартона для наблюдений или какой-нибудь другой только им известной цели.

— Наверное, Они хотят стереть в моей памяти все, что я видел в той камере с плавающими телами, — пожал плечами Бартон. — И Они вполне могут сделать это. По крайней мере, мне кажется, что для их науки это не проблема.

— Но вы уже многим рассказали об этом, — удивился Фригейт. — Какой смысл Им ловить вас? Все равно Им не удастся выследить всех людей, с которыми вы поделились своими впечатлениями по этому поводу, а тем более убрать из их памяти ваш рассказ.

— Разве в этом есть необходимость? А кто поверил моему рассказу? Иногда я сам в нем сомневаюсь!

— Любые мудрствования сейчас бесплодны, — сказал Руах. — Нам следует что-то решительно предпринять!

— Ричард! — пронзительно вскрикнула Алиса, и все повернулись в ее сторону. Она сидела и с ужасом смотрела на них.

В течение нескольких минут они втолковыва-

ли ей, что же произошло. Наконец она сказала:

— Поэтому-то туман и покрыл землю! Мне тогда это показалось странным, но, разумеется, я никогда не смогла бы сообразить, что происходит на самом деле.

— Забирайте свои чаши. Все, что хотите взять, сложите в мешки. Мы уходим прямо сейчас. Я хочу убраться отсюда еще до того, как начнут просыпаться остальные, — решительно заявил Бартон.

Алиса еще шире раскрыла глаза:

— Но куда мы пойдем?

— Куда угодно! Нам нельзя здесь оставаться! Мне тоже не хочется уходить, поверьте мне, но оставаться здесь и бороться с Ними — пустая трата времени. Так я даю Им фору — Они ведь знают, где я нахожусь. Я уже говорил вам, что моя цель — найти истоки Реки. И даже если туда нет пути, я обязательно его найду — можете закладывать свои души!

Тем временем, я уверен, Они будут искать меня повсюду. Тот факт, что Они еще не нашли меня, позволяет предположить, что у Них нет средств для мгновенного обнаружения любого человеческого индивидуума. Они, может быть, и заклеймили нас как скотину, — он указал на

незримый символ на своем лбу, — но даже среди скота есть бродяги. А мы, к тому же, скот с мозгами!

Он повернулся к остальным:

— Я вас всех приглашаю идти. Идти вместе со мной. И если вы согласитесь, я буду очень польщен.

— Я должен взять Моната, — сказал Казз. — Думаю, что он не захотел бы оставаться.

Бартон поморщился:

— Старый милый Монат! Мне ужасно не хочется этого делать, но я не могу иначе! Он не может идти вместе со мной! Он слишком выделяется. Их агентам не составит особого труда определить местонахождение любого, кто обладает такой запоминающейся внешностью! Мне очень жаль, но он должен остаться здесь!

В глазах Казза застыли слезы. Надтреснутым голосом он произнес:

— Бартон-нак, значит, я тоже не могу идти? Ведь я тоже сильно выделяюсь среди людей!

Бартон почувствовал, что слезы наполняют его собственные глаза.

— В твоем случае мы можем рискнуть. В конце концов, твоих соплеменников здесь должно быть довольно много. Во время нашего путешествия

мы уже видели, если не ошибаюсь, человек тридцать или больше.

— Но до сих пор ни одной женщины, Бартон-нак, — печально покачал головой Казз. Но тут же улыбнулся. — Но может быть, мне все же повезет, если я пойду с вами, Бартон-нак, вверх по Реке?

Но улыбка тут же сбежала с его лица.

— Нет, черт побери! Я не пойду! Я не могу причинить боль Монату. Он и я... Другие считают, что мы уродливы как чудовища. Поэтому мы стали как братья. Он — не мой «нак», но ближе всех остальных к этому. Поэтому я остаюсь!

Он подошел к Бартону, сжал его в объятиях так, что тот едва не испустил дух, отпустил, пожал руки остальным, заставив их корчиться от боли. Повернулся и поплелся прочь.

Руах, держась за онемевшую руку, прошептал:

— Ваша затея бесплодна, Бартон. Разве вы не понимаете, что можно плыть по этой Реке хоть тысячу лет и все равно быть в миллионе миль, если не больше, от ее конца? Я тоже остаюсь здесь! Мои соплеменники нуждаются во мне! Кроме того, Спрюс четко дал понять, что мы должны стремиться к духовному совершенству, а не бороться с Теми, кто дал нам возможность существовать.

На смуглом лице Бартона сверкнули зубы, он поднял чашу, как будто она была оружием.

— Я не просил помещать меня сюда! Как и не просил рождения на Земле! И я не намерен раболепствовать перед чьими-то предписаниями! Я намерен во что бы то ни стало отыскать истоки этой Реки. Разве вам это не интересно? И даже если я не сделаю это, то, по крайней мере, получу удовольствие и очень многое узнаю по дороге.

Вскоре жители долины начали появляться из дверей своих хижин, спотыкаясь и позевывая, потирая опухшие лица. Руах не смотрел на них, он глядел на то, как тугой парус гнал против течения Реки небольшую бамбуковую лодку. За рулем стоял Бартон. Он обернулся только один раз и помахал чашей. Солнце заиграло на ней множеством сверкающих зайчиков.

Руах подумал, что Бартон, наверное, действительно счастлив тому, что его вынудили принять подобное решение. Теперь он сможет избежать проклятой ответственности — управлять этим маленьким государством. Бартон теперь волен поступать, как ему заблагорассудится! Теперь он волен выйти на путь величайшего из всех его приключений.

— Я полагаю, что так будет лучше, — прошептал

сам себе Руах. — Человек может найти в дороге спасение, если он к этому стремится… Впрочем, спасение можно найти и сидя дома. Это зависит только от человека. А тем временем я, подобно персонажу Вольтера — как там его звали?.. Земные имена начинают ускользать от меня… — буду ухаживать за своим маленьким садиком.

Он с затаенной завистью смотрел вслед Бартону, но боялся признаться себе в этом.

— Кто знает?.. Может быть, он когда-нибудь встретится с Вольтером?..

Он вздохнул, а затем улыбнулся:

— Но с другой стороны, Вольтер может в любой момент оказаться в моем государстве! В любой день он может объявиться возле меня!

19

— Я ненавижу тебя, Герман Геринг!

Голос то поднимался до крика, то застревал, словно зуб шестеренки его сна сцеплялся с зубцами сна другого человека, прокручивался по нему, а затем снова выходил из зацепления.

Покачиваясь на гребне пульсирующего гипнотического состояния, Ричард Френсис Бартон знал, что видит сон. Но ничего не мог поделать с этим.

К нему вернулся тот первый его сон.

Все было как в тумане. В свете вспыхнувшей молнии он увидел себя в невообразимой камере. В той необозримой камере с плавающими телами. Еще одна вспышка — безымянные Опекуны находят его и возвращают ко сну. Затем короткие обрывки сна, виденного им перед настоящим Воскрешением на берегах Реки.

Бог — красивый старик в одежде джентльмена средней руки викторианской эпохи с соответствующим достатком и воспитанием — тыкал ему под ребра стальной тростью и говорил, что он должен за плоть.

— Что? Какую плоть? — удивился Бартон, смут-

но сознавая, что он бормочет во сне.

— Плати! — приказал Бог. Его лицо расплылось, затем на нем начали проявляться черты самого Бартона.

Пять лет назад, в том первом сне, Бог не ответил. Теперь же он сказал:

— Сделай свое Воскрешение достойным потраченного мною времени, ты, болван! Мне стоило гигантских расходов и еще более гигантских страданий дать тебе и всем этим ничтожествам, этим ничего не стоящим идиотам, вторую возможность!

— Вторую возможность чего? — опять удивился Бартон. Он ощутил страх перед тем, что мог ответить Бог. И почувствовал огромное облегчение, когда тот, Кто всех отец не ответил ему. Один глаз этого Яхве-Одина пропал, и из пустой глазницы ослепительно сияло адское пламя. Затем Бог исчез, нет, не исчез, а трансформировался в какую-то огромную серую башню цилиндрической формы, возвышающуюся из серого тумана, ниже которого ревело море.

— Чаша! — Он снова увидел человека, который рассказал ему о Большой Чаше. Этот человек слышал об ней от другого, тому рассказала об этом женщина, которая в свою очередь услышала

это от… и так далее. Большая Чаша была одной из легенд, которые рассказывали миллиарды людей, живших на берегах Реки, извивающейся подобно змее вокруг планеты от полюса до полюса, вытекая из чего-то недостижимого и впадая в нечто недоступное.

Человеку или неандертальцу, неизвестно, удалось пройти через горы на северный полюс. И он увидел Большую Чашу, Черную Башню, Туманный Замок, как раз перед тем, как споткнуться. А может быть, его толкнули. Он упал в холодную речную воду, безумно крича. Упал в воду, скрытую до этого туманом… и умер. Но этот человек пробудился где-то на берегах Реки. Как известно, здесь не было вечной смерти, хотя жалила она столь же мучительно.

Он рассказал о том, что видел. И рассказ этот начал путешествовать вдоль Реки быстрее парусной лодки.

Вот поэтому Ричард Френсис Бартон, вечный пилигрим и странник, страстно желал взять штурмом этот таинственный бастион Большой Чаши. Он обязательно должен раскрыть тайну Воскрешения и тайну планеты, поскольку он был убежден, что существа, перестроившие эту планету, также возвели и Башню.

— Умри, Герман Геринг! Умри и оставь меня в покое! — кричал какой-то человек по-немецки.

Бартон открыл глаза. Он ничего не мог различить, кроме бледного сияния многочисленных звезд сквозь открытое окно в дальнем конце хижины.

Он перевел взор на что-то темное внутри помещения, где спал. Это были Питер Фригейт и Логу, спящие на циновках у противоположной стены. Он повернул голову и увидел белое полотнище, на котором спала Алиса. Ее бледное лицо было повернуто к нему, и темная копна волос разметалась по земле рядом с циновкой.

В этот вечер одномачтовая лодка, на которой он и трое его спутников плыли по Реке, причалила к мирному берегу. Маленькое государство Совьерия было населено большей частью англичанами шестнадцатого века, хотя главой его был американец, живший в конце восемнадцатого и начале девятнадцатого веков. Джон Совьер, основатель «потерянного штата» Франклина, ставший потом штатом Теннесси, встретил Бартона и его спутников с распростертыми объятиями.

Совьер и его народ не признавали рабства и не задерживали гостей дольше, чем они сами того хотели. После того, как он разрешил путе-

шественникам наполнить чаши и поесть, Совьер пригласил их на пирушку. Она была устроена в честь празднования Дня Воскрешения. После этого он провел их на постоялый двор для гостей.

Бартон обычно засыпал очень быстро, но сейчас никак не мог уснуть. Все остальные уже начали глубоко дышать и похрапывать, а его еще долго не могла сморить усталость. После ужасного кратковременного сна, показавшегося ему вечным, он проснулся, услышав голос, вплетавшийся в его сновидения.

«Герман Геринг», — подумал он. Он убил этого немца, но Геринг должен был воскреснуть где-то на берегах Реки. Человек, который сейчас стонет и кричит в соседней хижине, тоже, наверное, один из тех, кто страдал из-за притеснений Геринга. Но где? На Земле? Или в Речной Долине?

Бартон сбросил темное полотнище и быстро бесшумно встал. Он застегнул кильт магнитными кнопками, нацепил пояс из человеческой кожи и проверил, есть ли в ножнах кремневый нож. Взяв короткое массивное копье с каменным острием, он вышел из хижины.

Хотя у этой планеты не было луны, но было светло, как в полнолуние на Земле. Это сияли огромные многоцветные звезды и бледные ту-

манности межзвездного газа.

Постоялый двор располагался в полутора милях от Реки, на одном из холмов второго ряда, окаймлявших равнину. Он состоял из семи хижин, представлявших собой однокомнатные бамбуковые строения с крышей из листьев. На некотором удалении от них, под огромными ветвями железных деревьев, сосен и дубов находилось круглое огороженное строение — резиденция должностных лиц Совьерии.

Высокие башни из бамбука были расставлены через каждые полмили вдоль берега Реки. Всю ночь на площадках этих башен горели факелы, откуда часовые вели наблюдения во избежание неожиданных нападений.

Внимательно осмотревшись, Бартон подошел к хижине, из которой раздавались стоны и крики.

Он отодвинул в сторону занавес из травы. Свет звезд через открытое окно падал на лицо спящего. Бартон свистнул от изумления. Он узнал светлые волосы и массивные черты спящего молодого человека.

Бартон босиком осторожно начал подкрадываться к нему. Спящий застонал, закрыл лицо рукой и повернулся на другой бок. Бартон замер, но затем так же осторожно снова двинулся

вперед. Он положил копье на землю, вытащил кинжал и слегка прикоснулся кончиком оружия к впадине на горле спящего. Рука упала с лица, глаза открылись и посмотрели на Бартона. Англичанин кивнул и крепко прикрыл рукой рот немца.

— Слушай, Геринг! Попробуй только шелохнуться или заорать! Я снова убью тебя! — Светло-голубые глаза немца казались в полумраке темными, однако было видно, как его лицо побледнело от ужаса. Он затрепетал и попытался сесть, но тут же откинулся назад, так как кремень ножа впился в его горло.

— Сколько времени вы здесь находитесь? — тихо прошептал Бартон.

— Кто?.. — Геринг начал говорить по-английски, но затем его глаза раскрылись еще больше. — Вы? Ричард Бартон? Мне не снится? Это вы?

Бартон уловил запах жевательной резинки в дыхании немца и вонь от пропитанного потом матраца, на котором тот лежал. По сравнению с последней их встречей Геринг заметно похудел.

— Я не знаю, сколько я здесь пробыл, — промямлил Геринг. — Который сейчас час?

— Примерно час до рассвета. Вчера был день Праздника Воскрешения.

— Значит, я здесь уже целых три дня. Мне хотелось бы напиться воды. Можно? Мое горло пересохло, как у мумии!

— Неудивительно, — усмехнулся Бартон. — Вы сами как мумия — раз пристрастились к резинке.

Бартон встал, указал копьем на сосуд из обожженной глины на бамбуковом столике и произнес:

— Можете, если хотите, напиться. Но не пытайтесь сделать что-нибудь еще.

Геринг медленно поднялся и, шатаясь, направился к столику.

— Даже если бы я и хотел, я не могу оказать вам сопротивление — я слишком слаб. — Он с шумом напился и поставил сосуд на стол, взяв оттуда яблоко. Откусив кусок, он сказал: — Что вы здесь делаете? Я думал, что избавился от вас.

— Сначала ответьте на мои вопросы, — приказал Бартон, — и поживее. Вы поставили передо мной проблему, которая мне очень не нравится.

20

Геринг начал было жевать, но затем перестал, взглянул на Бартона и произнес:

— Какую проблему? У меня здесь нет никакой власти и я не могу ничего с вами сделать, даже если бы хотел. Я здесь просто гость. Чертовски скромные люди — эти наши хозяева. Они не беспокоят меня, если не считать того, что то и дело спрашивают, все ли у меня в порядке? Правда, я не знаю, сколько времени они позволят мне оставаться здесь, не отрабатывая содержание.

— Вы не выходили из хижины? — нетерпеливо оборвал его Бартон. — Тогда кто же наполнял для вас чашу? Откуда у вас столько наркотической резинки?

Геринг хитро улыбнулся.

— У меня были кое-какие припасы… примерно в тысяче миль отсюда выше по Реке.

— Конечно же, отнятые силой у каких-нибудь несчастных рабов, — зло прошипел Бартон. — Коли у вас так хорошо все получалось, зачем вам нужно было уходить оттуда?

Геринг всхлипнул:

— Я… мне пришлось убраться оттуда. Я больше

не был им нужен. Я утратил свое влияние на них, проведя очень много времени в пьянстве, курении марихуаны и жевании резинки. Они сказали, что я слишком размягчился. Они убили бы меня или сделали рабом, если бы я вовремя не удрал. Поэтому одной прекрасной ночью… на лодке… я благополучно смылся и плыл по течению, пока не попал сюда. Я обменял часть своих запасов на двухнедельное пребывание здесь, и вот из этого срока прошло три дня.

Бартон изумленно уставился на Геринга.

— Вы же знали, что случится, если злоупотреблять резинкой! — сказал он. — Кошмары, галлюцинации, иллюзии. Полный моральный и физический износ. Вы, должно быть, видели, что случалось с любителями этого наркотика?

— У меня и на Земле было пагубное пристрастие к морфию! — вскричал Геринг. — Я боролся с этим злом, и, представьте себе, на какое-то время мне удалось победить его. Затем, когда дела Третьего Рейха стали ухудшаться — а мои собственные тоже становились все хуже и хуже — когда Гитлер стал докучать мне, я снова пристрастился к наркотику. Но здесь, когда я очнулся для новой жизни в молодом теле, когда казалось, что передо мною вечность жизни и молодости,

когда здесь не оказалось ни сурового Бога на небесах, ни дьявола в аду, которые могли бы в чем-то остановить меня, я подумал, что могу поступать, как мне заблагорассудится. Здесь я мог бы стать даже более великим, чем фюрер там, на Земле! Эта маленькая страна, где вы встретили меня, была для меня только началом! Я уже видел перед собой Империю, простирающуюся на тысячи миль вверх и вниз по Реке, по обоим берегам! У меня было бы в десятки раз больше подданных, чем Гитлер даже мог мечтать!

Он снова заплакал, затем затих, чтобы опять выпить воды. После этого он вытер губы тыльной стороной ладони и положил в рот еще кусочек жвачки. Лицо его стало менее возбужденным; по мере того, как он жевал, на нем проступало выражение блаженства.

— Меня преследовали кошмары, в которых вы всаживали копье мне в живот. Когда я просыпался, мой живот болел так, будто кремень в самом деле проткнул мои кишки. Поэтому я стал прибегать к резинке, чтобы избавиться от боли и унижения. Сначала резинка помогала — я был Великим. Я был Хозяином Мира — Гитлером, Наполеоном, Цезарем, Чингиз-ханом, Александром Великим — одним человеком, объединившим

все эти образы в единый конгломерат. Я снова был командиром эскадрильи «Алая Смерть». Да, это были счастливые деньки — во многих отношениях самые счастливые в моей жизни. Но эйфория быстро уступила место омерзению. Я погружался в ад. Я видел себя, обвинявшего себя же самого, а позади обвинителя миллион других. Но не Герингов, а жертв «великого и славного героя», этого циничного безумца Гитлера, которого я так боготворил. Во имя которого я совершил так много преступлений.

— Вы признаете, что были преступником? — спросил Бартон. — Это уже что-то новое по сравнению с тем, что вы мне раньше рассказывали. Тогда вы говорили, что вас бы оправдали во всем, совершенном вами, и что вас предали…

На мгновение он замолчал, осознав, что отвлекся от своего первоначального намерения.

— То, что в вас пробудился призрак совести, довольно невероятно. Но, возможно, это объясняется тем, что особенно озадачивает пуритан — почему вместе с пищей чаши предлагают спиртное, марихуану и наркотическую жвачку. По крайней мере, наркотическая жвачка, видимо, является даром, в котором скрыта хитро замаскированная ловушка, опасная для злоупо-

требляющих этим наркотиком.

Бартон приблизился к Герингу. Глаза немца были полузакрыты, челюсть отвисла.

— Вы знаете, кто я. Я путешествую под чужим именем. У меня есть для этого свои причины. Вы помните Спрюса, одного из ваших рабов? После того, как вы были убиты, его разоблачили, причем совершенно случайно, как одного из тех, кто каким-то образом воскресил из мертвых все человечество. Из тех, кого мы стали называть этиками, от слова «этика», за неимением лучшего названия. Геринг, вы слышите меня?

Немец кивнул.

— Спрюс покончил с собой, — продолжал Бартон, — прежде чем нам удалось вытянуть из него все, что мы хотели узнать. Позже кто-то из его соплеменников появился в нашей местности и на время усыпил всех, вероятно, с помощью усыпляющего газа, намереваясь, очевидно, забрать меня в свою штаб-квартиру. Но они промахнулись. Меня тогда не было на месте, я путешествовал вверх по Реке. Когда же я вернулся, то сразу понял, что меня ищут, и вот с тех пор я, если можно так сказать, нахожусь в бегах. Геринг, вы поняли меня?

Бартон стал отчаянно шлепать по щекам бывшего рейхсмаршала. Через некоторое время

Геринг открыл глаза.

— Я слышал вас, Бартон, — прошептал немец. — Просто мне казалось, что на все это не стоило отвечать. Все это такая чепуха! Вот если бы уплыть отсюда куда-нибудь далеко-далеко…

— Молчите и слушайте, — зло прошипел Бартон. — У этиков повсюду есть свои агенты, которые разыскивают меня. Поэтому я не могу позволить себе оставить вас в живых. Вы понимаете это? Даже если бы вы были мне другом, я все равно не смог бы вам довериться. Да вы теперь и не человек. Вы — жвачное животное!

Геринг хихикнул, приблизился к Бартону и попытался обвить руками его шею. Бартон оттолкнул немца так, что тот споткнулся о столик и еле удержался от падения, вцепившись в его край.

— Это очень забавно, — усмехнулся немец. — В тот самый день, когда я попал сюда, какой-то человек спросил у меня, не видел ли я вас. Он подробно описал вас и назвал ваше имя. А я сказал ему, что когда-то очень хорошо вас знал — даже слишком хорошо — и я надеюсь, что никогда больше с вами не встречусь. Если только вы сами не окажетесь в моей власти. На что тот человек сказал, чтобы я сразу же известил его, как только

увижу вас. А еще он сказал, что за это мне будет вознаграждение.

Бартон все понял. Не теряя зря времени, он бросился на Геринга и схватил его обеими руками. Геринг завопил от боли.

— Что вы хотите? Еще раз убить меня? — прохрипел немец.

— Нет. Но только при одном условии. Мне нужно имя того человека, который расспрашивал обо мне. Иначе…

— Давайте! Давайте, убивайте меня! — закричал Геринг. — Что из этого? Я проснусь где-нибудь еще, в тысячах миль отсюда, уже вне вашей досягаемости.

Бартон указал на коробку из бамбука, стоявшую в углу хижины, догадываясь, что Геринг хранит в ней запас своей жвачки.

— Но вы же проснетесь без этого! Как вы сможете там добыть такое количество этой дряни?

— Черт бы вас побрал! — крикнул Геринг и попытался вырваться, чтобы схватить коробку.

— Скажите мне его имя! — встряхивая немца, прошипел Бартон. — Или я сейчас же заберу жвачку и вышвырну ее в Реку!

— Агню! Его имя Агню! Только отстаньте от меня! Его зовут Роджер Агню. Он спит в хижине

напротив Круглого Дома, — захныкал Геринг.

— Я еще займусь вами позже, — сказал Бартон и рубанул ладонью по шее немца.

Внезапно за его спиной возник какой-то шум, и Бартон резко обернулся. Он увидел человека, припавшего к земле перед входом в хижину. Человек понял, что его увидели, вскочил на ноги и бросился прочь. Бартон выбежал за ним, и через минуту оба скрылись среди высоких сосен и дубов, покрывавших холмы. Преследуемый Бартоном человек скрылся в высокой, по пояс, траве.

Бартон замедлил бег. Внезапно впереди мелькнуло белое пятно — отражение света звезд на белой коже. Погоня продолжилась. Бартон надеялся, что этик не убьет себя тотчас, как будет пойман. У Бартона был план, как извлечь из агента нужную ему информацию, если только удастся сразу вышибить из него сознание. Этот план включал в себя гипноз, но сперва нужно было поймать этика.

Возможно, у него в тело было встроено что-то для беспроволочной связи, и сейчас он общается со своими соотечественниками. Если это так, то Они прибудут на своих летающих машинах, и тогда он проиграл!

Бартон остановился. Он потерял добычу из виду, и единственное, что ему сейчас оставалось, это поднять Алису и остальных и бежать. Вероятно, на этот раз им лучше уйти в горы и на некоторое время спрятаться там.

Но сначала ему нужно было обязательно побывать в хижине Агню. Маловероятно, что Агню вернется туда, но попытаться нужно было обязательно.

21

Бартон вышел к хижине вовремя. Он заметил, как мелькнула спина входящего в нее человека. Бартон сделал круг, чтобы оказаться перед хижиной с той стороны, где в темноте холмов и деревьев он мог дольше находиться незамеченным. Пригнувшись к самой земле, он осторожно крался, пока не оказался перед входной дверью.

Вдруг позади раздался громкий крик, и, мгновенно обернувшись, Бартон увидел ковыляющего к нему Германа Геринга. Немец громко кричал по-немецки, предупреждая Агню о том, что Бартон находится у хижины. В одной руке немец держал длинное копье, замахиваясь им на англичанина.

Бартон развернулся и с размаху ударил в тонкую бамбуковую дверь. Его плечо проломило непрочную преграду, сорвав с деревянных петель. Дверь влетела внутрь, ударив стоявшего за ней Агню. Бартон, дверь и Агню упали на пол, причем Агню оказался под дверью. Бартон скатился с двери, вскочил и прыгнул на нее обеими ногами. Агню дико вскрикнул и больше не издавал ни звука. Бартон отодвинул дверь чуть в сторону и увидел свою жертву лежащей без сознания с раз-

битым носом, из которого текла кровь. Хорошо! Теперь, если шум не привлек внимания стражи и если ему удастся достаточно быстро управиться с Герингом, он сможет осуществить свой план.

Бартон поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть длинный черный предмет, со свистом летящий к нему. Он бросился в сторону, и копье воткнулось с чмокающим звуком в грязный пол хижины. Его древко дрожало, как тело гремучей змеи, изготовившейся к броску.

Бартон ступил на порог и, оценив расстояние до Геринга, метнул в него копье. Оно воткнулось в живот немца, и тот, взмахнув в воздухе руками, вскрикнул и упал на бок. Бартон вернулся в хижину, взвалил обмякшее тело Агню на плечо и вышел наружу.

Теперь стали слышны крики из Круглого Дома. Появились факелы. Истошно орал часовой с ближайшей сторожевой башни. Геринг сидел, скрючившись на земле, вцепившись в древко копья обеими руками. Широко разинув рот, он не сводил глаз с Бартона.

— Вы… вы снова это сделали! Вы…

Он повернулся лицом вниз и издал предсмертный горловой клекот.

Агню пришел в себя и, бешено извиваясь, осво-

бодился от захвата Бартона, упав при этом на землю. В отличие от Геринга, он не издавал ни звука. Видимо, у него было столько же причин не производить лишнего шума, как и у Бартона — а может быть, даже и больше. Бартон был настолько ошеломлен, что так и остался стоять с куском полотнища в руках, которым были обмотаны бедра Агню. Бартон хотел было швырнуть со злости материю о землю, но вдруг почувствовал что-то твердое и квадратное внутри подкладки полотнища. Он переложил материю в левую руку, выдернул свое копье из тела мертвого немца и побежал за Агню.

Этик спустил на воду одну из бамбуковых лодок, лежавших на пляже вдоль берега. Он отчаянно греб по залитой звездным светом Реке, часто оборачиваясь назад. Бартон поднял копье над плечом и метнул его. Это было короткое копье с толстым древком, предназначенное не для метания, а для рукопашного боя. Однако летело оно по прямой линии, и траектория полета окончилась в спине Агню. Этик упал вперед, накренив свое легкое суденышко. Лодка перевернулась, а Агню так больше и не появился из воды.

Бартон выругался. Он хотел поймать этика живым, но и не мог допустить, чтобы тот сбежал

живым. Оставался шанс, что Агню до сих пор не связался с другими этиками.

Он отправился назад, к хижинам гостей. Вдоль берега раздавался грохот барабанов, и люди с зажженными факелами спешили к Круглому Дому. Бартон остановил какую-то женщину и попросил у нее на минутку факел. Она передала ему факел и стала засыпать вопросами. Он отвечал, что, наверное, обитатели противоположного берега совершили набег. Женщина всплеснула руками и поспешила к собравшимся у ограды Круглого Дома.

Бартон воткнул факел в прибрежный ил и осмотрел полотнище, которое стащил с этика. В подкладке он обнаружил карман, закрытый двумя тонкими магнитными застежками, которые легко открылись; Бартон вынул из него какой-то предмет и при свете факела принялся осматривать его.

Он долго сидел на корточках, не в силах отвести взгляд, находясь в состоянии почти паралитического удивления. Фотография на этой планете, на которой не существовало фотокамер, была делом неслыханным. Но то, что на снимке оказался он, было еще более невероятным. Этот снимок нельзя было сделать здесь, на этой планете! Его

можно было сделать только на планете Земля, на той Земле, которая теперь затерялась в столпотворении звезд где-то на сверкающем небе, и одному Богу было известно, в скольких тысячах лет во времени.

Невероятность громоздилась на невероятности. Но снимок был сделан в такое время и в таком месте, где — он был абсолютно уверен — не могло быть нацеленного на него фотоаппарата. Его усы были убраны с лица, но тот, кто производил ретуширование негатива, не побеспокоился о том, чтобы убрать фон и одежду. Вот он, чудесным образом запечатленный по пояс и заточенный в плоский предмет из какого-то прозрачного вещества. Плоский? Когда он повернул снимок, то увидел, что его изображение поворачивается к нему в профиль. Если же он держал его прямо перед собой, то видел свое изображение в три четверти.

— В 1848 году, — прошептал он про себя, — когда я был двадцатисемилетним младшим офицером Ост-Индской армии. А это — голубые горы Гоа. Это, должно быть, сделано, когда я был там на отдыхе. Но, Бог мой, как? Кем? И каким образом этикам удалось заполучить этот снимок?

Агню, очевидно, носил этот снимок, чтобы

точно идентифицировать любого человека, похожего на Бартона. Вероятно, каждый из выслеживающих его охотников имеет такой же снимок. Его ищут вверх и вниз по Реке, наверное, десятки тысяч Их. Кто знает, сколько имеется в Их распоряжении агентов и как сильно Они жаждут его найти. И почему он Им так нужен?

Положив снимок на место, он направился к своей хижине. И в это мгновение Бартон мельком бросил взгляд в сторону горных вершин — непроходимых громадин, сжавших Речную Долину с обеих сторон. Что-то мелькнуло на фоне яркого покрывала межзвездного газа. Оно появилось всего лишь на миг, а затем исчезло.

Несколькими секундами позже оно возникло из ничего, оказавшись темным полукруглым предметом, но затем исчезло вновь.

Вскоре показался второй летательный аппарат, возникший на небольшой высоте, но, как и первый, через мгновение он исчез из вида.

«Этики заберут меня отсюда, а обитатели Совьерии удивятся, почему они заснули в столь тревожный час».

У Бартона не было времени возвращаться в хижину и будить своих друзей. Если он потеряет хоть одно мгновение, то непременно окажется

в западне.

Бартон повернулся, вбежал в Реку и поплыл к противоположному берегу, находившемуся в полутора-двух милях. Он не успел проплыть и сорока ярдов, как почувствовал над собой присутствие чего-то огромного. Бартон перевернулся на спину и посмотрел вверх. Над ним было только мягкое сияние звезд. Затем, возникнув прямо из воздуха примерно в пятидесяти футах, какой-то диск диаметром около тридцати футов закрыл целый сектор неба. Он исчез почти сразу же, но затем снова оказался в поле зрения Бартона всего лишь в пятнадцати-двадцати футах над ним.

«Значит, у Них есть какие-то средства, позволяющие Им видеть ночью на больших расстояниях!»

— У-у, шакалы! — закричал он Им. — Все равно я вам не достанусь!

Он перевернулся головой вниз, нырнул и поплыл вглубь. Вода стала холоднее. В ушах возникла боль. Хотя глаза его были открыты, он все равно ничего не мог разглядеть. Вдруг давление резко увеличилось. Он понял, что скачок давления вызван чем-то тяжелым, опустившимся в воду.

Аппарат погружался в воду вслед за ним!

Сейчас для Бартона был только один выход! Им достанется только его мертвое тело — и больше ничего! Он еще раз убежит от Них и снова окажется где-то на берегах Реки, чтобы опять перехитрить Их и нанести ответный удар.

Он открыл рот и вдохнул воду глубоко в себя, одновременно носом и ртом. Вода, хлынувшая внутрь его тела, заставила сработать инстинкт самосохранения. Однако огромным усилием воли он удержался от борьбы с наступающей смертью. Умом он понимал, что будет жить снова, но клетки его тела не хотели этого понимать. Они цеплялись за жизнь. Для них не существовало этого воображаемого будущего. Это они исторгли из его захлебнувшегося водой горла вопль отчаяния!

22

— Аааааааааааа!

Крик поднял его с травы. У него было такое ощущение, будто его подбросил какой-то трамплин. В отличие от первого воскрешения, он не почувствовал ни слабости, ни замешательства. Теперь Бартон знал, что его ждет. Он был готов к тому, что очнется на траве возле чашного камня. Но он не был готов к тому, что предстало перед его глазами. Рядом с ним шла битва гигантов.

Первым же его побуждением было найти какое-нибудь оружие. Но под рукой ничего не было, кроме чаши, которая всегда была рядом с воскресшим, и пачки полотнищ различного размера, цвета и толщины. Он поднялся, сделал шаг, схватил чашу и стал ждать. При необходимости чашей можно воспользоваться как дубиной. Она, правда, была легкой, но практически не повреждаемой и очень твердой.

Однако было похоже, что чудовища, ничего не чувствуя, могут дубасить друг друга весь день.

Большинство было не менее восьми футов роста, некоторые даже под девять футов. Их могучие мускулистые плечи были почти трех

футов ширины. У них были человеческие, а точнее, почти человеческие тела, белая кожа была покрыта длинными красноватыми или бурыми волосами. Гиганты не были столь заросшими, как шимпанзе, но волос у них больше, чем у любого из виденных Бартоном людей, а ведь он встречался с некоторыми на удивление волосатыми субъектами.

Однако выражение лиц у них было нечеловеческим, устрашающим, особенно это подчеркивалось их бешеным рычанием. Глаз почти не было видно под низко нависшим лбом. Огромные носы придавали гигантам вид обезьян с хоботом. Подбородок был резко скошен.

В какое-нибудь другое время они, возможно, позабавили бы Бартона. Но только не сейчас. Исторгаемый из их глоток рев был столь же жутким, как рычание льва, а огромные зубы заставили бы даже белого медведя дважды подумать, прежде чем напасть на них. В их кулаках размером с его голову были зажаты дубины — толстые и длинные, как оглобли. Они яростно размахивали этим оружием, и когда оно ударялось о плоть противника, кости ломались с таким хрустом, будто раскалывались сухие деревянные колоды. Правда, иногда ломались и сами дубины.

Бартон улучил мгновение, чтобы осмотреться. Освещение было тусклым. Солнце наполовину взошло над горными вершинами противоположного берега Реки. Воздух здесь был намного холоднее, чем в других местах на этой планете, даже холоднее, чем в горах, куда он взбирался во время тщетных попыток преодолеть круто поднимающийся хребет.

Один из победителей битвы в поисках очередного противника увидел Бартона.

Глаза великана расширились. Какую-то секунду у него был ошеломленный вид, такой же, как и у Бартона, когда тот впервые открыл глаза в этом месте. Возможно, он никогда раньше не видел такого создания, так же как Бартон не видел никого хоть отдаленно похожего на него. Но удивление продолжалось совсем недолго. Гигант взревел, перепрыгнул через искромсанное тело своего прежнего противника и побежал к Бартону, подняв над головой топор, которым можно было уложить и слона.

Бартон побежал прочь, сжимая чашу в руке. Если он потеряет ее, то лучше уж умереть сразу. Без нее он умрет с голоду или будет перебиваться рыбой и молодыми побегами бамбука.

Ему почти удалось убежать. Бартон сумел быст-

ро протиснуться в открывшуюся перед ним щель между двумя титанами, обхватившими руками друг друга и пытавшимися опрокинуть соперника, и еще одним, который пятился под ударами дубины четвертого. Но в последний момент двое борцов стали валиться в его сторону.

Отставленная назад рука одного из великанов зацепила Бартона за левую ногу. Удар был настолько силен, что вогнал ее в землю и мгновенно остановил его бег. Бартон упал навзничь и закричал. Его ступня была раздроблена, и почти все мышцы порваны.

Тем не менее, он попытался подняться — ему необходимо было добраться до Реки. Тогда он смог бы уплыть, если, конечно, прежде не потеряет сознание от боли. Он дважды подпрыгнул на правой ноге, но тут же кто-то схватил его сзади.

Он взлетел в воздух, перекувырнулся и был пойман прежде, чем начал падать.

Титан держал его на вытянутой руке; огромный, могучий кулак сомкнулся вокруг груди Бартона. Он едва дышал, так как ребра были туго стиснуты могучей хваткой.

Несмотря на все это, Бартон не выронил свою чашу, а стал бить ею по плечу гиганта.

Легко, будто смахнув муху, титан хлопнул по

чаше топором и выбил ее из рук Бартона.

Чудовище оскалило зубы и согнуло руку, чтобы получше рассмотреть человека. Бартон весил добрых 170 фунтов, но рука гиганта даже не напряглась.

Какое-то мгновение Бартон смотрел прямо в тускло-голубые глаза, утонувшие под надбровными дугами черепа гиганта. Затем титан взревел и поднял Бартона над головой. Бартон барабанил кулаками по его огромной руке, отлично сознавая, что все тщетно. Но он не желал сдаваться, подобно пойманному кролику. Несмотря на его безнадежное положение, в сознании Бартона запечатлелось несколько интересных наблюдений.

Когда он очнулся, солнце только поднималось над горными вершинами. И хотя с того момента прошло всего лишь несколько минут, солнце должно было уже полностью подняться из-за гор. Но оно висело на той же высоте.

Более того, склон долины позволял видеть не менее чем на четыре мили, и было видно, что чашный камень рядом с ним был последним. Дальше были только равнина и Река.

Это был конец обитаемой зоны — или… начало Реки.

У него не было ни времени, ни желания осмыслить, что это означало. Он просто заметил все это в то время, когда находился в железной хватке гиганта, охваченный болью, яростью и ужасом. Изготовив свой топор, чтобы расколоть череп Бартона, гигант почему-то окаменел и пронзительно закричал. Для Бартона это было чем-то вроде гудка локомотива. Хватка гиганта ослабла, и Бартон свалился на землю. На мгновение он потерял сознание от боли в ноге.

Когда сознание вернулось, ему пришлось скрежетать зубами, чтобы не завопить от ужасной боли.

Он застонал и сел. Тусклый свет дня померк у него в глазах. Вокруг него с прежней яростью продолжалось сражение, но похоже, сейчас он очутился в крохотной зоне относительного спокойствия. Рядом с ним лежал толстый, как ствол дерева, труп гиганта, едва не убившего его. Затылок великана, который на вид казался настолько массивным, что должен был выдержать удар парового молота, был расколот, как скорлупа ореха.

Вокруг слоноподобной туши ползал на четвереньках другой тяжелораненый человек. Взглянув на него, Бартон на мгновение позабыл

свою боль. Ужасно искалеченный человек был Германом Герингом.

Оба были воскрешены в одном и том же месте. Времени думать о том, что же означало это совпадение, не было. Боль начала возвращаться.

Геринг заговорил с ним.

Вид у него был такой, что не только что говорить — жить ему оставалось совсем немного. Он был весь окровавлен. Правого глаза не было. Угол рта разорван до самого уха. Одна из рук полностью расплющена. Из кожи на боку торчало ребро. Как ему удавалось при этом оставаться в живых и к тому же еще ползать — этого Бартон не мог постичь.

— Ты… ты! — хрипло начал Геринг по-немецки. Внезапно он обмяк. Из его рта на ноги Бартона брызнул фонтан крови, глаза остекленели.

Интересно, что хотел сказать ему Геринг. Но это сейчас не имело никакого значения. Ему нужно было думать о более жизненно важных вещах.

Примерно в 30 футах от Бартона, спиной к нему, стояли два гиганта. Они тяжело дышали, видимо, отдыхая, прежде чем снова броситься в битву. Затем один что-то сказал другому.

В этом не было никаких сомнений. Великан не просто издал рык, он пользовался языком.

Бартон, конечно, ничего не понял из сказанного. Он понял только одно — это речь!

И для подтверждения этого ему не нужно было слышать модулированный, членораздельный ответ другого.

Выходит, это не какая-то доисторическая обезьяна, а одна из рас первобытного человека. Они, должно быть, неведомы земной науке двадцатого столетия, поскольку Фригейт как-то описал ему все ископаемые расы, известные в 2008 году.

Он лежал, прислонившись спиной к готическим ребрам павшего великана. Бартон смахнул со своего лица рыжеватые длинные, пропитанные потом волосы титана. Он боролся со рвотой и болью в ноге. Если бы он начал стонать, то мог бы привлечь к себе внимание тех двоих, и они завершили бы работу над ним. Но если они и не обернутся, то каковы шансы у него выжить с его ранами в местности, населенной такими чудовищами?

Но еще хуже, чем мучительная боль в ноге, была мысль о том, что в первом же рейсе, как он это назвал, Самоубийственного Экспресса он достиг своей цели.

Он оценивал шансы попасть в эту местность как один к десяти миллионам, и он мог бы так и не

попасть сюда, даже утопив себя десять тысяч раз. Однако ему сопутствовала фантастическая удача. Такое, возможно, больше никогда не повторится. А он вынужден сейчас терять этот шанс, причем так быстро.

Солнце, наполовину высунувшись из-за гор на противоположном берегу Реки, скользило по их вершинам. Это место, о котором он только догадывался, существовало на самом деле. Он очутился здесь с первой же попытки! Теперь, когда зрение его стало ослабевать и боль уменьшилась, он понял, что умирает. Слабость была обусловлена не только раздробленными костями ноги. Должно быть, произошло и внутреннее кровоизлияние.

Он попытался еще раз подняться.

Он встанет, пусть всего лишь на одной ноге, и погрозит кулаком судьбе-насмешнице и проклянет ее. Он умрет с проклятиями на устах!

23

Алое крыло зари слегка коснулось его глаз. Он поднялся на ноги, зная, что раны должны быть исцелены и он снова здоров, хотя и не верил в это целиком и полностью.

Рядом с ним находилась чаша и пачка плотно уложенных полотнищ различных цветов, размеров и толщин.

В четырех ярдах от него из невысокой ярко-зеленой травы поднялся другой мужчина, тоже обнаженный. По коже Бартона пробежали мурашки. Светлые волосы, широкое лицо и светло-голубые глаза принадлежали Герману Герингу.

Немец был удивлен так же, как и Бартон. Медленно, как бы просыпаясь от глубокого сна, он произнес:

— Что-то здесь не так.

— Да, что-то непонятное, — согласился Бартон. Он знал о порядке воскрешения вдоль Реки не больше любого другого и никогда не видел самого Воскрешения, но был знаком с несколькими свидетелями этого процесса. На заре, как только солнце поднималось над неприступными гора-

ми, рядом с чашным камнем возникало в воздухе какое-то мерцание. В мгновение ока искаженное пространство застывало, и прямо ниоткуда в траве на берегу появлялся обнаженный человек. Рядом с ним всегда лежала чаша и полотнища.

Вдоль предполагаемых 20–30 миллионов миль Речной Долины, в которой обитало примерно 35–36 миллиардов людей, каждый день умирал добрый миллион человек. Как выяснилось, здесь не было никаких болезней, кроме душевных. Но хотя учет и не велся, миллион людей все же погибали каждые двадцать четыре часа в бесчисленных войнах между примерно миллионом крохотных государств, во время казней преступников или в порыве страсти или ревности. Многие погибали от несчастных случаев или совершали самоубийства. Всегда существовал постоянный и обширный поток так называемых «малых воскрешений».

Но Бартон никогда не слышал о том, чтобы умерших в одном и том же месте в одно и то же время воскрешали вместе. Процесс выбора местности для новой жизни был случайным — так во всяком случае он полагал.

Однако такое совпадение могло произойти, хотя вероятность его была равна одной двадца-

тимиллионной. Но два таких совпадения, одно за другим, было уже чудом.

Бартон не верил в чудеса. Он считал, что нет такого события, которое нельзя было бы объяснить физическими законами, если известны все факты.

Но их-то он как раз и не знал, поэтому сейчас его и не беспокоило это «совпадение». Требовалось скорейшее решение другой задачи. Она состояла в том, что ему делать с Герингом?

Этот человек знает, кто он такой, и поэтому может выдать его любому этику.

Бартон быстро осмотрелся и увидел, что к ним приближаются, как будто с дружественными намерениями, довольно много мужчин и женщин. Времени было только, чтобы перекинуться с немцем несколькими словами.

— Геринг, я могу сейчас убить вас или себя. Но я не хочу ни того, ни другого — во всяком случае, в данное время. Вы знаете, почему вы представляете для меня угрозу. Мне не следовало бы рисковать, доверяя вам, вероломный шакал. Но сейчас в вас ощущается нечто необычное, нечто такое, чего я еще не осознаю. Однако…

Геринг, имевший репутацию человека, быстро восстанавливающего свои физические и духов-

ные силы, казалось, уже оправился от потрясения. Он лукаво ухмыльнулся и сказал:

— Я застал вас врасплох, не правда ли?

Увидев, что Бартон напрягся, он поспешил поднять руку и добавил:

— Я клянусь, что никому не открою, кто вы такой! Я клянусь, что ничего не сделаю вам во вред! Возможно, мы с вами и не друзья, но по крайней мере мы знаем друг друга и находимся среди чужих. Хорошо иметь рядом с собой хотя бы одно знакомое лицо. Я знаю, что слишком долго страдал от одиночества, от душевной опустошенности. Я думал, что сойду с ума. В этом одна из причин, почему я прибегал к наркотику. Поверьте мне, я не продам вас, Бартон.

Бартон ему не поверил. Однако он подумал, что в течение некоторого времени ему можно будет доверять. Геринг хочет иметь здесь потенциального союзника, во всяком случае, пока он не определит для себя, что будет делать. Кроме того, возможно, и Геринг изменился в этом мире к лучшему.

«Нет, — тут же сказал сам себе Бартон. — Нет. Ты снова все такой же. Каким бы ты ни был на словах циником, ты всегда слишком быстро прощал, всегда был готов быстро забыть о нанесенном

тебе вреде и предоставить своему обидчику еще одну возможность. Не будь глупцом, Бартон».

Прошло три дня, а он все еще не знал, как ему поступить с Герингом.

Бартон выдал себя за Абдула ибн Гаруна, жителя Каира девятнадцатого века. У него было несколько причин взять себе это имя.

Одной из них было то, что он превосходно говорил по-арабски, знал каирский диалект этой эпохи и получил возможность прикрывать голову тюрбаном, в качестве которого он использовал одно из полотнищ. Он надеялся, что таким образом сможет хоть как-то изменить свой внешний вид. Геринг не сказал никому ни слова, которое могло бы поставить под сомнение эту маскировку, Бартон был уверен в этом, поскольку проводил с немцем все свое свободное время. Они жили в одной хижине, пока не освоились с местными обычаями. Это было время их испытательного срока. Частично оно было занято интенсивными воинскими тренировками. Бартон был одним из лучших фехтовальщиков девятнадцатого века, а также отлично разбирался во всех разновидностях боя как с оружием, так и голыми руками. После того, как он продемонстрировал свои способности в серии испытаний, его пригласили

стать новобранцем. По сути, ему обещали, что он будет инструктором, как только в достаточной мере овладеет языком.

Геринг также быстро добился уважения местных властей. При всех его недостатках, храбрости ему было не занимать. Он был силен и искусен в рукопашном бою, общителен, привлекателен, когда это было ему нужно, и почти не отставал от Бартона в овладении беглой речью. Он быстро продвигался к власти, приличествующей бывшему рейхсмаршалу гитлеровской Германии.

Эта часть западного берега была населена людьми, говорящими на языке, совершенно незнакомом Бартону. Когда он наконец изучил этот язык настолько, что смог задавать вопросы, то пришел к заключению, что эти люди, должно быть, жили когда-то в Центральной Европе, где-то в начале бронзового века. У них были некоторые странные обычаи, одним из которых было совокупление на виду у всех. Это было интересным даже для Бартона — одного из основателей в Лондоне Королевского Антропологического Общества в 1863 году — повидавшего много неожиданных обычаев во время экспедиций на Земле. Он не участвовал в отправлении этого обычая, но и не ужасался.

С радостью он воспринял обычай рисовать на лице бакенбарды и усы. Мужчины были возмущены фактом, что при Воскрешении их навсегда лишили волос на лице и крайней плоти. Они ничего не могли поделать с последним надругательством, но зато были в состоянии в некоторой степени компенсировать первое. Они мазали верхнюю губу и подбородок темной жидкостью, приготовляемой из древесного угля, рыбьего клея, дубильных веществ и еще нескольких компонентов. Особо фанатичные вместо раскраски татуировали себя, терпеливо снося многочисленные болезненные уколы острой бамбуковой иглой.

Теперь Бартон был вдвойне замаскирован, но все же он зависел от одного человека, который мог при первой же удобной для него возможности выдать его. Бартон надеялся поймать кого-либо из этиков, но так, чтобы остаться неузнанным.

Бартон хотел быть уверенным в том, что он сможет вовремя убраться — прежде, чем его засунут в сеть. Это была опасная игра, подобная ходьбе по канату, натянутому над волчьим логовом. Но он хотел в нее играть. Он побежит только в случае крайней необходимости. Остальное же время он сам будет охотником, а не преследуемой

жертвой.

Однако мечта о Темной Башне или Большой Чаше всегда присутствовала в каждом его помысле. Зачем играть в кошки-мышки, когда можно прорваться в самую цитадель замка, внутри которого, по его предположению, располагалась штаб-квартира этиков? Или, если прорваться — слишком сильно сказано, то хотя бы прокрасться. Пока коты ищут мышь повсюду, она прошмыгнет в Башню, а уж там мышь может превратиться в тигра.

От подобной мысли он рассмеялся и привлек к себе внимание двух своих сожителей по хижине — Геринга и англичанина семнадцатого века Джона Коллона. Его смех отчасти был вызван нелепостью сопоставления себя с образом тигра. Что питало его надежду на то, что один человек может хоть чем-то навредить этим Создателям планеты, Воскресителям миллиардов мертвых, Кормильцам и Покровителям воскрешенных? Он сжал кулаки и попытался убедить себя в том, что именно он и его мозг будут причиной свержения этиков. Почему эта мысль не покидала его разум, он не понимал? Но Они боялись его. Если бы он только мог узнать почему…

Другой причиной его смеха было то, что его

«я» действительно верило, что он — тигр среди людей. «Человек таков, каким он себя представляет», — вновь и вновь беззвучно повторял Бартон.

— У вас, друг мой, очень необычный смех, — заметил Геринг. — В нем чувствуется что-то женское… Это удивительно для такого мужественного человека, как вы. Он напоминает… звук камня, скользящего по замерзшему озеру. Или лай шакала…

— Во мне есть что-то и от шакала, и от гиены, — кивнул Бартон. — Именно это утверждали мои завистники — и они были правы. Но не более.

Он поднялся с постели и начал делать упражнения, стряхивая остатки сна. Через несколько минут он вместе с другими пойдет к чашному камню у Реки, чтобы наполнить свой желудок. После этого один час патрулирования местности. Затем муштра, после которой последует обучение владению копьем, дубиной, пращой, обсидиановым мечом, луком, кремневым топором и драка голыми руками и ногами. Час отдыха, бесед и полдника. Затем час обучения языку. Двухчасовая работа по строительству крепостей на границе этого маленького государства. Получасовой отдых, затем обязательный бег на милю, чтобы возбудить аппетит. Затем обед и свободный вечер

для тех, кто не занят на дежурстве по охране или по другим служебным поручениям.

Такой распорядок был введен и в других крохотных государствах вдоль Реки. Почти везде человечество или воевало, или готовилось к войнам. Граждане обязаны были поддерживать физическую форму и как можно лучше сражаться. Упражнения к тому же заполняли избыток свободного времени граждан. Как бы ни была однообразна военная жизнь, это было лучше, чем сидеть сложа руки, размышляя, чем бы поразвлечься. Свобода от забот о хлебе насущном, квартплате, деньгах и от других мелочных обязанностей, которые наполняли жизнь землян, вовсе не была благословенной. Шла грандиозная борьба со скукой. Руководители каждого государства только и были заняты в основном мучительными размышлениями, чем бы заполнить время граждан.

Речная Долина должна была стать раем, но стала ареной непрекращающихся войн, в которых находили себе выход жадность и агрессивность людей.

После обеда каждые мужчина и женщина были вольны делать все, что заблагорассудится, но не нарушая местные законы. Они могли обменять

сигареты и спиртное из своих чаш или рыбу, выловленную в Реке, на более совершенное оружие — лук и стрелы, хороший щит, на более тонко выполненные предметы домашнего обихода — чашки и тарелки, столы и стулья, или бамбуковые флейты, глиняные трубы, барабаны из человеческой кожи и шкур рыб, редкие камни (которые на самом деле были редкими), ожерелья, сделанные из красиво нанизанных и раскрашенных костей глубоководных рыб, из нефрита или резного дерева, обсидиановые зеркала, башмаки и сандалии, картины, написанные углем, редкую и потому дорогую бумагу из бамбука, чернила, перья из рыбьих костей, шляпы, изготовленные из длинных грубоволокнистых трав, росших среди холмов, маленькие тележки, арфы из дерева со струнами из кишок рыбы «драка», дубовые кольца на пальцы рук и ног и другие предметы, необходимые для жизни людей.

Позже, разумеется, наступало время для любовных утех, но пока что Бартону и его товарищам по хижине это было запрещено. Только когда они станут полноправными членами этого небольшого государства, им позволят жить в отдельных домах и обзавестись женщиной.

Джон Коллон был невысоким стройным юно-

шей с длинными соломенными волосами, узким, но приятным лицом и большими голубыми глазами с темными, загнутыми вверх длинными ресницами. При первом же после знакомства разговоре с Бартоном он сказал:

— Я был освобожден из тьмы материнского лона и увидел божий свет на Земле в 1625 году. И слишком быстро оказался опять в лоне матери-природы с твердой надеждой на Воскрешение и, как видите, не ошибся. Хотя я должен признаться, что эта загробная жизнь вовсе не такая, какую обещали нам проповедники. Но откуда им, этим бедным, слепым червям, поводырям таких же слепых, было знать истину.

Прошло совсем немного времени, и Коллон сказал ему, что он является представителем Церкви Второго Шанса. Бартон в недоумении поднял брови. Он уже встречался с этой новой религией во многих местах вдоль Реки. Бартон, хотя сам не был верующим, завел обыкновение тщательно изучать каждую религию. Зная веру человека, ты знаешь его по меньшей мере наполовину! Познай его жену — и будешь знать его вторую половину!

Церковь Второго Шанса опиралась на несколько простых догм, иные из которых были основаны на фактах, но большинство на предположениях.

В этом она не отличалась от религий грешной Земли. Но приверженцы Второго Шанса имели одно преимущество перед любой из земных религий. У них не было затруднений в доказательстве того, что мертвецы могут воскресать — и при этом не единожды, а постоянно!

— Так почему же человечеству предоставили эту Вторую Возможность? — Коллон говорил тихо и искренне. — Разве оно заслужило его?

Нет! За небольшим исключением люди нечестны, жалки, ничтожны, порочны, ограничены, в высшей степени эгоистичны, своенравны и омерзительны. Глядя на них, Богам — или Богу — хочется блевать. Но в этой божественной блевотине есть и сгусток жалости, надеюсь, вы меня извините за использование такого образа. Как бы ни был низок человек, в нем есть искорка божественности. Это не праздная фраза, что человек сотворен по образу божьему. Даже в самом худшем из нас есть что-то, что стоит спасать, и из этого чего-то может быть вылеплен новый человек.

Тем, кто дал нам новую возможность спасти свои души, известна эта истина. Нас поместили сюда, в Речную Долину — на этой чужой планете, под чужим солнцем — для того, чтобы мы

заработали себе спасение! Сколько нам для этого отпущено времени, этого я не знаю, а руководители моей Церкви даже не удосуживаются размышлять об этом. Может быть, перед нами вечность… а может быть, только сто лет или тысяча… Но мы должны использовать любое отведенное нам время, друг мой!

— Разве вас не принесли в жертву, — пожал плечами Бартон, — на алтаре Одина норвежцы, придерживающиеся своей древней религии, несмотря даже на то, что мир этот вовсе не та Валгалла, обещанная им их жрецами? Не кажется ли вам, что вы зря потратили свое время и одну жизнь, проповедуя свою Церковь Второго Шанса среди них? Они же веруют в тех же самых богов, правда, с некоторым отличием от старой теологии, обусловленным необходимостью приспособить их к здешним условиям. Так же как и вы, они в общем-то цепляются за свою старую веру.

— У норвежцев нет объяснения этому новому окружению, — покачал головой Коллон, — а у меня есть разумное объяснение, которое с течением времени вынуждены будут принять норвежцы и которое позволяет мне так страстно верить. Они убили меня, но к ним придет другой миссионер,

более красноречивый проповедник Новой Церкви и уговорит их, прежде чем они распнут его на деревянных коленях своего идола и проткнут его сердце. Если же и ему не удастся переубедить их, то это обязательно сделает следующий миссионер.

Святая истина на Земле заключалась в том, что кровь мучеников — это семена Церкви. И эта истина еще более оправдывается здесь. Если вы убьете человека, чтобы заткнуть ему рот, он восстанет в каком-нибудь другом месте вдоль Реки. И на место предыдущего мученика придет человек, замученный в сотнях тысячах миль от этого места. В конце концов, Церковь победит! И тогда люди прекратят бессмысленные, порождающие ненависть войны и примутся за настоящее, единственно достойное дело — спасение своей души.

— То, что вы сказали о мучениках, столь же приложимо и к любому человеку, одержимому какой-либо идеей, — возразил Бартон. — Порочный человек, которого убили, также восстанет, чтобы и дальше творить зло.

— Добро обязательно победит. Не забывайте, что Истина всегда торжествует, — горячо начал Коллон.

— Я не знаю, какая была у вас возможность

путешествовать на Земле и сколько лет вы прожили, — прервал его Бартон, — но, очевидно, и то, и другое у вас было столь ограничено, что вы так и остались слепы.

— Церковь основывается не только на вере, — закричал Коллон. — У нее есть нечто фактическое, материальное, на чем основывается ее учение. Скажите мне, друг мой, вы когда-нибудь слышали о ком-нибудь, кто после Воскрешения оставался мертвым?

— Да это же парадокс! — воскликнул Бартон. — Что вы имеете в виду? Мертвый после Воскрешения???

— Имеется по крайней мере три случая, подлинность которых удостоверена, и еще четыре, о которых Церковь слышала, но не в состоянии проверить это. Это были мужчины и женщины, убитые в одном месте на Реке и перенесенные в другое. Странно то, что их тела были воссозданы, но в них не было искры жизни. Так вот вопрос. Почему же так случилось?

— Не представляю себе, — пожал плечами Бартон. — Если у вас есть мысли по этому поводу, то говорите. Я слушаю. Вы говорите с уверенностью истинного знания.

Он знал об этих случаях, так как еще год назад

слышал подобный рассказ. И сейчас Бартон хотел сравнить с ним рассказ Коллона.

Но это была та же самая история. Даже вплоть до имен людей, воскрешенных мертвыми. Суть заключалась в том, что эти мужчины и женщины были опознаны хорошо знавшими их на Земле людьми. Все они были святыми или почти святыми. Один из них был на Земле даже причислен к лику святых официальной церковью. Существовала теория, что они приобрели такое состояние святости, уже более не требовавшее необходимости проходить через «чистилище» Речной Планеты. Их души навсегда отлетели… куда-то… оставив позади себя только излишний груз материальных тел.

Скоро, как утверждала Церковь, многие достигнут такого же состояния. И их тела также останутся позади. С течением времени, если только его будет достаточно, Речная Долина станет безлюдной. Все избавятся от своей порочности, ненависти и озарятся любовью к людям и Богу. Даже наиболее испорченные, те, кто, казалось, были полностью потеряны, станут способны покинуть свою материальную оболочку. А для достижения этой благодати нужна только любовь!

Бартон вздохнул, громко рассмеялся и сказал:

— Еще одна сказка, чтобы вселить в людей надежду. Старые религии оказались дискредитированы — хотя не все смогли честно признаться в этом — и приходится изобретать новые.

— В этом есть смысл, — согласился Коллон. — И если у вас есть лучшее объяснение тому, что мы здесь находимся, то…

— Вероятно, я тоже могу сочинять сказки.

По сути дела, у Бартона было объяснение. Однако он не мог рассказать об этом Коллону. Из допроса Спрюса Бартон кое-что понял о том, что из себя представляют этики и каковы их цели. Многое из этого не противоречило теологии Коллона.

Спрюс покончил с собой, так и не успев объяснить, что такое «душа». Можно было только предполагать, что «душа» должна быть частью общей организации Воскрешения. В противном случае, если человек обретает «спасение» и больше не воскресает, то что будет продолжать нести в себе сущность человека. Поскольку послеземная жизнь могла быть объяснена законами физики, то «душа» тоже должна быть физической единицей, не связанной ярлыком сверхъестественности, как это было на Земле.

Многого Бартон не знал. Но у него перед глазами

стояла подлинная картина того, как происходит Воскрешение на этой Речной Планете. Этой информацией никто из людей не располагал.

Это небольшое знание он планировал преумножить, из любопытства приоткрыть крышку и проникнуть в святая святых. Но для этого он должен достичь Темной Башни. И единственный способ быстро добраться туда — воспользоваться Экспрессом Самоубийств. Но сначала пусть его обнаружит кто-нибудь из этиков, и он должен будет одолеть его прежде, чем тот сможет убить себя, и каким-то образом извлечь из него дополнительную информацию.

А пока он продолжал играть роль Абдула ибн Гаруна, египетского врача, ныне гражданина государства Баргавдиза. К тому же, он решил присоединиться к Церкви Второго Шанса. Он объявил Коллону о своем разочаровании Магометом и его учением и о желании стать первым новообращенным в этой местности последователем Коллона.

— Тогда вы должны поклясться, что не поднимете оружия против любого из людей и даже не будете защищаться от нападения, мой дорогой друг, — заметил в ответ Коллон.

Бартон взбесился и заявил, что он никогда

никому не позволит ударить себя и тем более не простит обиды!

— Но я не требую ничего неестественного, — нежно заявил Коллон. — Хотя это и противоречит вашим прежним привычкам. Человек может стать в чем-то иным, в чем-то лучше, только если у него есть сила воли и желание.

Бартон ответил яростным отказом и ушел прочь. Коллон печально покачал головой, но продолжал так же дружелюбно относиться к Бартону, как и прежде. Не без чувства юмора он иногда называл Бартона своим «пятиминутным неофитом», имея в виду, разумеется, не время, в течение которого он обратил его в свою веру, а время, которое понадобилось Бартону, чтобы расстаться с ней.

К этому времени Коллон заполучил второго новообращенного — Геринга. Сначала немец только насмехался и глумился над миссионером. Но затем он вновь пристрастился к наркожвачке, и начались кошмары.

В течение двух ночей он не давал спать Коллону и Бартону своими стонами и криками. Вечером на третий день он спросил у Коллона, может ли тот принять его в свою Церковь. Однако наряду с согласием Коллон потребовал исповеди. Коллон

утверждал, что он должен знать, что за человек вступает в лоно его Церкви.

Выслушав смесь самоунижения и самовозвеличивания, миссионер сказал:

— Мой друг, мне сейчас все равно, кем вы были там, на Земле. Для меня важно только то, кто вы сейчас и кем вы будете! Я слушал вашу исповедь только потому, что она была бальзамом для вашей души. Вам нужно было выговориться. Я понимаю, что вы до глубины души растревожены, что вы испытываете мучительное сожаление и печаль от того, что вы совершили. Однако вам доставляет определенное удовольствие мысль о том, что вы были некогда могущественной фигурой среди людей. Многое из того, что вы мне рассказали, я не в состоянии постичь, поскольку я ничего не знаю о вашей эпохе. Да это и не имеет никакого значения. Сейчас имеют смысл только сегодня и завтра. Каждый будущий день сам позаботится о себе!

Бартону показалось, что Коллону далеко не безразлично, кем был Геринг, но он просто не мог поверить истории о его земной славе и падении. Здесь было так много самозванцев, что подлинные герои и злодеи обесценились. Бартон, например, встречал трех Иисусов Христов,

двух Авраамов, четырех королей Ричардов Львиное Сердце, шесть Аттил, добрую дюжину Иуд (только один из них мог говорить по-арамейски), нескольких Джорджей Вашингтонов, двух лордов Байронов, трех Джесси Джеймс, огромное количество Наполеонов, генералов Кастеров и и многих других, которые как могли, так и не могли быть теми, за кого они себя выдавали.

Кем бы человек ни был на Земле, ему нужно было приспособиться к здешней жизни. Это было не очень-то легко, поскольку условия коренным образом изменились. Великие и выдающиеся земляне здесь подвергались постоянным унижениям. И когда они заявляли о том, кем они были, им отказывали в возможности доказать свою подлинность.

Что касается Коллона, то он благословлял это унижение. «Сначала унижение, затем смирение, — частенько повторял он. — А затем, с течением времени, приходит и человечность!»

И Геринг попал в западню этого Великого Плана — как окрестил его Бартон — потому что ему было свойственно предаваться излишествам, особенно в отношении наркотиков. Понимая, что жвачка взывает к темным сторонам его души, вытаскивая их на свет божий, что он разрывается

на куски, дробится на мелкие составляющие, Геринг все же при первой возможности продолжал жевать резинку. После очередного воскрешения он временно исцелялся и некоторое время был в состоянии противостоять соблазну наркотика. Но через несколько дней он не выдерживал, и вскоре опять ночь вспарывалась его пронзительными выкриками: «Герман Геринг, я ненавижу тебя!»

— Если это будет продолжаться, — сказал как-то Бартон Коллону, — он сойдет с ума. Или снова убьет себя, или вынудит кого-нибудь это сделать, чтобы бежать от самого себя. Но все это будет бессмысленно, он никогда не сможет уйти от себя, и все повторится снова! Скажите мне честно, разве это не Ад?

— Скорее Чистилище! — сказал Коллон. — Не забывайте, что Чистилище — это Ад, где еще есть надежда!

24

Прошло два месяца — Бартон отмечал дни зарубками на сосновой палке. Это был четырнадцатый день седьмого месяца пятого года п.в. (после воскрешения). Бартон стремился поддерживать календарный счет, поскольку он, помимо всего прочего, еще и вел летопись. Но делать это было трудно. Время у Реки не имело особого значения. Ось планеты была наклонена к эклиптике ровно на девяносто градусов, поэтому здесь не было смены времен года, а звезды настолько близко располагались друг к другу, что не было возможности отличить одно светило от другого или хотя бы составить из них созвездия. Звезд было так много и они были такими яркими, что даже в полдень, когда солнце находилось в зените, оно не могло затмить самые яркие из них. Как призраки, не желающие отступать перед дневным светом, они ждали почти не таясь своего часа, ничуть не стесняясь пламенеющего дня.

Тем не менее, человеку нужно было время, как рыбе вода. Если бы у него не было его, то он бы его изобрел!

Так что для Бартона это было четырнадцатое

июля пятого года п.в.

Но Коллон, подобно многим другим, вел отсчет времени как продолжение его земной жизни. Для него это был 1667 год н. э. Он не верил в то, что милый его сердцу Иисус навеки исчез. Скорее всего, эта Река была рекой Иордан! И эта долина была долиной по ту сторону смертной тени. Он признавал, что загробная жизнь оказалась не такой, как он ожидал. Однако во многих отношениях это более величественное место, чем можно было себе представить. И это свидетельствует о всеобъемлющей любви Бога к своему творению. Он дал всем людям, даже тем, кто этого не заслуживает, еще одну возможность! И если эта планета и не новый Иерусалим, то во всяком случае это было место, подготовленное для его возведения. Любовь к Богу и Любовь к человеку — вот те кирпичи, которые должны быть вылеплены и обожжены в этой печи, в этой мастерской, название которой — Речная Долина.

Бартон был абсолютно не согласен с такой концепцией, но не мог не полюбить этого человека, который так настойчиво пытался утвердить ее правоту. Коллон был искренен! Он не поддерживал огонь в своей печке красноречия цитатами из книг или страницами теологических догм. Он

не действовал по чьему-либо принуждению. Он горел пламенем, которое питалось топливом его собственного существа, и сущностью этого была Любовь! Любовь даже к тому, что нельзя было любить — редчайшая и потому самая сложная разновидность любви.

Он рассказал Бартону кое-что из своей земной жизни. Он был врачом, фермером, либералом с непоколебимой верой в религию. И все же у него было полно вопросов. Вопросов в отношении веры и тогдашнего общества. Он написал воззвание, в котором призывал к веротерпимости, вызвавшее тогда и похвалы, и проклятия. Он был поэтом, хорошо известным своим современникам, но затем незаслуженно забытым.

Боже, пусть неверующие увидят, что прекратившиеся чудеса ожили во мне.

Прокаженные и слепые исцелятся, и мертвые воскреснут по воле твоей.

— Мои строчки, может быть, и умерли, но их правда не умерла, — сказал он Бартону. Он взмахнул рукой в сторону холмов, Реки, гор и людей. — Вы сможете увидеть ее, стоит только пошире открыть глаза и не упорствовать в своем мифе, что все это создали люди, подобные нам.

Даже если допустить, что вы правы, то все равно эти этики действуют по воле Создателя.

— Мне больше нравятся вот эти ваши строки, — перебил его Бартон.

Да воспарят глухие души.
Ты — не Земля, здесь горы круче.
И небеса свое сверканье, огонь свой возвращают им.

Коллону было приятно, что хоть один человек в Речной Долине все же помнит его, но он не предполагал, что Бартон совсем иначе, чем поэт, понимает смысл этих строк.

«Возвращают им огонь…»

Это означало, что нужно каким-то образом проникнуть в Темную Башню, раскрыть тайны этиков и повернуть их машинерию против них самих. Он не ощущал благодарности за то, что Они даровали ему вторую жизнь. Он был взбешен тем, что Они это сделали без его согласия. Если же Они хотят услышать от него спасибо, то почему Они не скажут, для чего нужна эта вторая возможность? Какова причина того, что Они вынуждены держать в тайне свои побуждения? Он обязательно должен отыскать эти «почему?». Искра, которую Они воскресили в нем, превра-

тится в неистовый огонь, который сожжет их!

Он проклинал судьбу, которая забросила его так близко к истоку Реки и, следовательно, к Башне и через несколько минут унесла его назад, куда-то к середине Реки, за миллионы миль от его цели. И все же, если он там однажды побывал, он сможет попасть туда и еще раз без помощи лодки, поскольку такое путешествие займет очень много времени. Да и при этом его могут тысячу раз поймать и превратить в раба. А если его убьют где-то на середине пути, то, возможно, он окажется воскрешенным гораздо дальше от цели, и ему придется начинать все с начала.

С другой стороны, если полагаться на кажущийся случайным выбор места воскрешения, то он может опять очутиться у истоков Реки. Именно это побуждало его вновь отправиться на Экспрессе Самоубийств. Однако, несмотря на то, что он знал о своем последующем воскрешении, ему было очень трудно совершить этот необходимый шаг. Разум убеждал его, что это всего лишь билет на экспресс, но тело восставало против этого. Яростная борьба клеток за существование превозмогала его волю.

Некоторое время он оправдывался перед собою тем, что ему интересно изучить обычаи и язык

доисторических людей, среди которых он сейчас жил. Затем честность к самому себе восторжествовала, и он понял, что яростно ищет предлог, чтобы отложить этот страшный момент. Но все же он продолжал бездействовать.

Бартон, Коллон и Геринг покинули свой холостяцкий барак, чтобы зажить нормальной жизнью граждан этого небольшого государства. Каждый из них стал жить в отдельной хижине и в течение недели нашел для себя женщину. Церковь Коллона вовсе не требовала безбрачия. Ее приверженец мог дать клятву целомудрия, если ему так нравилось. Но Церковь рассудила так: мужчины и женщины были воскрешены в телах, которые сохранили признаки своего первоначального пола (или, если на Земле они были утрачены, то здесь их восстановили). Было очевидно, что творцы намекали на то, что плотью можно пользоваться. Было хорошо известно, хотя некоторыми это и отрицалось, что плотская жизнь имеет и другие функции, кроме размножения. Поэтому «вперед юные, катайтесь в траве» — таков был негласный лозунг Церкви.

Другим выводом неумолимой логики этой новой религии, которая, между прочим, заявляла, что логики не следует доверять, было то, что раз-

решалась любая форма любви, но до тех пор, пока она была добровольной и не сопровождалась жестокостью и насилием. Использование детей в любви каралось рабством, ибо смертная казнь здесь ничего не значила. Правда, эта проблема со временем и сама исчезла бы, поскольку через несколько лет все дети вырастут.

Коллон отказывался иметь свою сожительницу только в качестве предмета для облегчения напряжения плоти. Он настаивал на необходимости любви к женщине, с которой живешь. Бартон смеялся над ним, говоря, что для Коллона это очень легко выполнимо. Ведь Коллон любил все человечество. Следовательно, теоретически он должен взять себе первую женщину, которая скажет ему «да».

— По сути, друг мой, — заметил в ответ на это Коллон, — именно это и случилось.

— Значит, это всего лишь совпадение, что она красивая, страстная и умная? — усмехнулся Бартон.

— Хотя я и стремлюсь стать лучшим человеком, я во многом еще просто человек, — серьезно ответил Коллон. — А вам бы больше понравилось, чтобы я преднамеренно мучил себя, выбрав в подруги уродливую каргу?

— Похоже, вы больший дурак, чем я думал раньше, — сказал Бартон. — Что же касается меня, то все, что мне требуется от женщины, это ее красота и привлекательность. Мне абсолютно все равно, какие у нее мозги. И я предпочитаю блондинок. Во мне есть какая-то струна, которая откликается только на прикосновение златокудрых женщин.

Геринг взял себе в хижину Валькирию, высокую широкоплечую шведку с огромным бюстом, жившую когда-то на Земле в восемнадцатом веке. Бартон подумал, что Геринг взял ее только из-за того, что она напоминала ему его первую жену, дочь шведского исследователя графа фон Розена. Немец как-то признался, что она не только внешне похожа на Корину, но и голос у нее почти такой же. Казалось, он был очень счастлив с ней, а она с ним…

Как-то ночью, во время неизменного предрассветного дождя, глубокий сон Бартона был неожиданно прерван.

Ему показалось, что он слышал крик, но все, что ему удалось услышать, когда он полностью проснулся, были раскаты грома и треск упавшей от удара молнии гигантской секвойи. Он только закрыл глаза, чтобы опять погрузиться в пучину

сна, как тут же снова услышал крик. В одной из соседних хижин пронзительно кричала женщина.

Он вскочил, отодвинул в сторону дверь из бамбука и высунул голову наружу. В лицо ему брызнул холодный дождь. Вокруг стояла ночная мгла, и только горы на западе освещались вспышками молний. Внезапно очень близко прозвучал удар грома, и сердце Бартона на мгновение затрепетало. Он был оглушен. Однако ему удалось разглядеть мельком две призрачные фигуры возле хижины Геринга. В свете молний Бартон успел разглядеть Геринга, сомкнувшего пальцы на горле Валькирии, в то время как женщина держала его запястья, пытаясь вырваться.

Бартон выбежал, поскользнулся на мокрой траве и упал. Как только он поднялся, еще одна вспышка молнии высветила выгнувшуюся назад фигуру женщины, стоявшей на коленях, и искаженное яростью лицо Геринга, склонившегося над ней. В этот момент из своей хижины выскочил Коллон, обернутый вокруг пояса куском материи. Бартон бросился к хижине немца, но Геринг уже исчез. Бартон опустился на колени перед лежавшей на земле женщиной. Пульса не было. Еще одна вспышка молнии озарила лицо трупа — открытый рот с отвисшей нижней челю-

стью и глаза, выскочившие из орбит.

Он поднялся и закричал:

— Геринг, где вы?

Что-то ударило его по затылку. Он упал лицом вниз. Оглушенный, он все же сумел подняться на колени, упираясь руками в землю, но следующий тяжелый удар вновь поверг его на землю. Находясь в полубессознательном состоянии, он тем не менее перекатился на спину и, защищаясь, поднял руки и ноги. Молния осветила лицо Геринга, стоявшего над ним с дубиной в руках. Это было лицо безумца.

В наступившей тьме что-то белое и туманное налетело на немца. Два бледных тела покатились по земле. Они кричали, как дерущиеся на крыше коты. Очередная вспышка молнии позволила Бартону увидеть, что они вцепились ногтями друг другу в лицо.

Бартон, шатаясь, поднялся и бросился к ним, но был сбит телом Коллона, которого отшвырнул Геринг. Снова Бартону пришлось подниматься. Коллон быстрее его вскочил на ноги и через мгновение снова дрался с Герингом. Раздался громкий хруст, и внезапно Коллон согнулся вдвое. Бартон поспешил на помощь товарищу, но поскользнулся. Очередной удар молнии и грохот грома — и

Бартон увидел, что Геринг, как на фотографии, застыл над ним, занеся дубину.

Бартон ощутил, как сразу же после удара дубиной онемела рука. Теперь не только ноги, но и левая рука отказалась ему служить. И все же он сжал в кулак правую руку и попытался замахнуться на Геринга. Опять раздался хруст, и ему показалось, что его ребра выбиты со своих мест и впились в легкие. Медленно теряя сознание, он катался от боли по мокрой траве.

Что-то упало на землю рядом с ним. Превозмогая боль, он протянул руку и нащупал дубину — должно быть, ее выронил Геринг. Вздрагивая от боли при каждом вздохе, он заставил себя приподняться на одно колено. Где этот безумец? Две тени плясали вокруг него, то соединяясь, то раздваиваясь. Хижина! Его глаза закрывались от мучительной боли, охватившей все его тело. Наверное, у него сотрясение мозга. Но тут же он забыл об этом, заметив Геринга в слабом свете далекой молнии. Вернее, двух Герингов! Один, казалось, сопровождал другого. Один стоял на земле одной ногой, другой Геринг шагал по воздуху.

У обоих руки были подняты к небу, как будто они пытались их вымыть. И когда эти двое повернулись и пошли к нему, он догадался о том, что

они старались сделать. Они кричали по-немецки (одним голосом):

— Смой кровь с моих рук! О, Боже! Омой их!

Бартон заковылял с высоко поднятой дубиной к безумцу. Он намеревался сбить его с ног, но Геринг вдруг развернулся и побежал. Бартон с трудом последовал за ним. Вниз по холму, вверх по другому, затем на равнину. Дождь прекратился, уже не было ни грома, ни молний и в течение пяти минут тучи как всегда разошлись. Свет звезд омыл белую кожу Геринга.

Подобно призраку, он легко и бесшумно передвигался впереди своего преследователя, намереваясь, как казалось, выйти к Реке. Бартон не отставал, хотя и не понимал, зачем он это делает. Сила вернулась к его ногам, и в глазах больше не двоилось. Вскоре он настиг Геринга, который, сидя у самой воды, напряженно всматривался в испещренные звездами воды Реки.

— У вас теперь все в порядке? — спросил задыхаясь Бартон.

Геринг от неожиданности вздрогнул. Он начал подниматься, но затем передумал. Застонав, он уткнулся головой в колени:

— Я помню, что я сделал. Но почему? О Боже, почему? Карла говорила мне, что утром, если

не ночью, уйдет от меня. Она сказала, что уже больше не в силах терпеть тот шум, который я произвожу ночью во время кошмаров…

«Карла? — удивившись, отметил про себя Бартон. — Вроде бы, Геринг говорил, что так звали его первую жену».

— …Я стал совершать довольно странные поступки, — тупо говорил Геринг. — Я умолял ее остаться. Я говорил, что очень ее люблю. Что я умру, если она меня покинет. Но она сказала, что уже не любит меня. И вдруг мне показалось, что если я хочу удержать ее, то должен убить. Она поняла, чего я хочу, и с криком бросилась из хижины. Все остальное вы знаете.

— Я хотел прикончить вас, — сказал Бартон. — Но теперь я понял, что вы, как сумасшедший, не отвечаете за свои поступки. Здешние люди, разумеется, не примут подобное извинение. Вы знаете, что они сделают с вами — они повесят вас за ноги головой вниз и оставят висеть, пока вы не умрете.

— Я не понимаю, что это! — вскричал Геринг. — Что случилось со мной? Эти кошмары! Поверьте мне, Бартон! Если я согрешил, то мне уже воздано. Но я не могу остановить расплату! Мои ночи превратились в ад, и скоро таким же адом станут

и мои дни! Значит, у меня остался только один способ обрести покой! Значит, я должен убить себя! Но ведь это не принесет мне никакого избавления! Я проснусь, и тогда снова наступит ад!

— Держитесь подальше от жвачки, — заметил Бартон. — Вам придется трудно, но вы должны избавиться от этой привычки. Как-то вы рассказывали, что на Земле вам уже удалось одолеть привычку к морфию!

Геринг поднялся и взглянул на Бартона.

— Я так и сделал! Я не прикасался к резинке с той минуты, как очутился здесь!

— Что?

— Но я клянусь! Вы полагали, что я пользуюсь этой дрянью, потому что меня постоянно преследуют ночные кошмары? Нет, у меня нет ни кусочка резинки. И как видите, от этого ничего не изменилось!

Несмотря на всю ненависть к Герингу, Бартон почувствовал к этому человеку жалость.

— Вы сами для себя стали Пандорой и теперь, похоже, не в состоянии закрыть крышку. Я не знаю, чем все это кончится, но мне не хотелось бы быть на вашем месте. Правда, нельзя сказать, что вы этого не заслуживаете.

— Я одолею их, — спокойно и решительно про-

изнес Геринг.

— Вы имеете в виду, что одолеете себя? — покачал головой Бартон. Он с трудом повернулся и собрался уже уйти, но остановился, чтобы сказать последнее слово:

— Что вы теперь будете делать?

Геринг махнул в сторону Реки.

— Утоплюсь! Попробую еще раз начать все с самого начала. Может быть, в следующем месте я смогу лучше собраться с силами. Да к тому же я определенно не хочу, чтобы меня подвесили за ноги, как цыпленка на витрине мясной лавки.

— Тогда, оревуар! — произнес Бартон. — Желаю удачи.

— Спасибо. Вы знаете — вы не такой уж плохой. Только одно слово в качестве совета.

— Что?

— Хочу вам дать один совет. Держитесь и сами подальше от резинки! До сих пор вам везло. Но когда-нибудь она вцепится в вас так же, как вцепилась в меня. И у вас появятся свои демоны, и они будут так же жестоки и чудовищны, как и мои.

— Чепуха! Мне нечего от себя утаивать! — громко рассмеялся Бартон. — Я достаточно нажевался этой дряни, чтобы понять это.

Он ушел прочь, но продолжал думать о предупреждении. Он пользовался этим наркотиком раз двадцать. И после каждого раза клялся себе, что больше никогда к нему не прикоснется.

На пути к холмам он оглянулся. Неясная белая фигура Геринга медленно таяла в серебристо-черных водах Реки. Бартон отдал честь, не в силах сдержать столь драматический жест. Чуть позже он уже позабыл о Геринге. Боль в затылке, на некоторое время утихшая, стала еще более острой, чем прежде. Колени стали подгибаться, и в нескольких ярдах от своей хижины он вынужден был опуститься на землю.

Затем он, должно быть, потерял сознание. Он не помнил ничего, что с ним происходило дальше. Очнулся он внутри своей хижины на бамбуковом ложе.

Было темно. Звезды — единственный источник света — пробивались в квадрат окна сквозь ветви деревьев. Он повернул голову и увидел в тени бледно-белое туловище сидящего рядом с ним на корточках мужчины. Перед глазами Бартона мужчина держал тонкий металлический предмет, мерцающий конец которого был направлен прямо на него.

25

Как только Бартон повернул голову, мужчина опустил предмет и заговорил по-английски:

— Долго же мне пришлось вас разыскивать, Ричард Бартон.

Бартон стал на ощупь левой рукой искать оружие. Он надеялся, что эта рука была вне поля зрения незнакомца. Но пальцы повсюду натыкались только на грязь.

— Теперь, когда ты нашел меня, проклятый этик, что ты намерен сделать со мной?

Мужчина немного изменил позу и усмехнулся:

— Ничего. — Он сделал паузу, а затем продолжал: — Я — не один из них. — Он снова засмеялся, когда у Бартона перехватило дух. — Это, конечно, не совсем так. Я с ними, но я не один из них.

Он поднял устройство, которое ранее было направлено на Бартона.

— Этот аппарат говорит мне, что у вас сломан череп и сотрясение мозга. Вы, должно быть, очень выносливы, потому что, судя по повреждениям, вы давно должны были умереть. Вы еще смогли бы выкарабкаться, но, к несчастью, у вас нет времени на выздоровление. Они знают, что вы

находитесь в этой местности, причем с точностью в тридцать миль. Через день или около того они уже смогут вас найти.

Бартон попытался сесть и обнаружил, что кости его стали мягкими, как шоколад на солнце, а в затылок будто вогнали штык. Застонав, он откинулся на спину.

— Кто вы такой?

— Я не хотел бы вам называть своего имени, Ричард Бартон. Если — а скорее всего когда — они вас поймают, они обязательно просмотрят всю вашу память вплоть до того момента, когда вы пробудились в предвоскресительной камере. Но они не смогут понять, что заставило вас проснуться раньше срока. Они обязательно узнают об этом разговоре, они даже смогут увидеть меня, но только так, как видите сейчас меня вы — бледную тень, без каких-либо отличительных признаков. Они будут слышать мой голос, но не узнают его. Так как сейчас я пользуюсь преобразователем голоса.

Тем не менее, они будут напуганы. То, что они медленно и неохотно предполагали, внезапно окажется правдой. То, что среди них имеется изменник, окажется очень чувствительным ударом.

— Я не понимаю, о чем это вы говорите? — проворчал Бартон.

— Я вам все постараюсь рассказать по порядку. Вам сказали чудовищную ложь о целях Воскрешения. То, что вам говорил Спрюс, и то, чему учит это творение этиков — Церковь Второго Шанса — ЛОЖЬ!!! Все ложь! Истина заключается в том, что вам, человеческим существам, жизнь дарована только для того, чтобы участвовать в научном эксперименте. Этики — трудно найти более неправильное применение понятию «этика» — переделали эту планету в одну Речную Долину, построили чашные камни и воскресили вас только с одной-единственной целью: записать все ваши обычаи и историю. И как побочный результат — произвести наблюдение за вашей реакцией на Воскрешение и узнать, что получится, если смешать различные расы и эпохи. Вот и все и ничего больше — научный эксперимент. И когда вы отслужите этим целям — все снова обратится в прах! Эта легенда о предоставлении вам еще одного шанса заработать вечную жизнь и спасение, так как в этом якобы заключается этический долг этиков — ЛОЖЬ!!! Фактически, люди, к которым принадлежу и я, не верят, что вы достойны спасения. Им безразлично, что у вас

тоже есть «души»!

Бартон все это время молчал. Человек казался искренним или, во всяком случае, судя по тяжелому дыханию, был сильно эмоционально возбужден.

Наконец, Бартон заговорил:

— Я не могу поверить, что кто-нибудь может пойти на такие расходы и затратить столько труда только для того, чтобы провести научный эксперимент или сделать исторические записи.

— Время медленно течет для бессмертных. Вы были бы очень удивлены, если бы узнали, чего только мы не делаем для того, чтобы разнообразить вечность. Кроме того, имея в своем распоряжении вечность, мы можем распоряжаться временем по своему усмотрению и нас не обескураживают даже в высшей степени сомнительные проекты. После того, как умер последний землянин, работа по подготовке Воскрешения продолжалась несколько тысяч лет, хотя последняя стадия подготовки к этому эксперименту длилась всего лишь один день.

— А вы? — спросил Бартон. — Что делаете вы? И зачем?

— Я — единственный настоящий этик среди всей этой чудовищной расы! Мне не нравится эта

игра. Словно вы просто куклы или подопытные животные в лаборатории! Ведь в конце концов, сколь бы примитивными вы не были, вы все же разумные существа. Вы, в определенном смысле, как… как…

Подобный тени, он сделал своей бесплотной рукой движение, как бы стараясь вытащить из темноты нужное слово.

— …Я вынужден использовать термин, которым вы сами себя называете, — продолжал он. — Вы такие же люди, как и мы. Так же, как и первобытные люди, которые впервые стали пользоваться языком, такие же люди, как и вы. И вы являетесь нашими предками. Насколько мне известно, я, возможно, ваш прямой потомок. Весь мой народ мог бы произойти от вас.

— Сомневаюсь в этом, — покачал головой Бартон. — У меня не было детей, то есть, о которых я бы знал.

У него возникло много вопросов, и он начал задавать их.

Но мужчина не обращал больше на него никакого внимания. Он держал свое устройство около своего лба. Внезапно он оторвал его и перебил Бартона прямо на середине предложения:

— Меня… у вас нет слова для этого… ну, ска-

жем… слушают. Они обнаружили мой… «ватан». Им известно только то, что он принадлежит этику. Они могут быть здесь уже минут… через пять. Поэтому я вынужден вас покинуть, Ричард Бартон.

Бледная фигура незнакомца поднялась.

— Вам тоже нужно покинуть эту местность, Ричард Бартон, — послышался голос незнакомца.

— Куда же? Вы возьмете меня с собой? — удивился Бартон.

— Я вас никуда не возьму! Вы должны умереть. Они должны найти только ваш труп! Поверьте, что я не могу взять вас с собой. Это просто невозможно. Но если вы сейчас умрете, то они снова на некоторое время потеряют вас. И тогда есть вероятность, что мы встретимся вновь. Тогда…

— Подождите! — вскричал Бартон. — Я ничего не понимаю. Почему Они не могут обнаружить нас? Ведь Они сами соорудили всю эту машинерию Воскрешения! Неужели Они не знают, где находится мой личный воскреситель?

— Нет! — Гость снова улыбнулся. — У них были только визуальные записи всех людей Земли. И размещение предназначенных к Воскрешению в предварительной фазе было случайным, поскольку они планировали рассеять людей вдоль Реки

примерно в хронологической последовательности, но с определенным процентом примеси. Перейти к индивидуальной базе они намеревались несколько позже. Конечно, они не имели тогда ни малейшего понятия, что я буду противостоять им. И что для провала этого кошмарного Плана я выберу себе помощников среди людей. Поэтому они и не знают, где находитесь вы или другие из выбранных мною людей. Сейчас вы могли бы спросить, почему я не могу настроить ваш воскреситель так, чтобы он перенес вас прямо к вашей цели? Прямо к верховьям Реки. Дело в том, что я уже настроил его один раз таким образом, что как только вы умрете, то на следующее утро окажетесь возле первого чашного камня. Но у вас тогда ничего не получилось. Должно быть, гигантопитеки убили вас. Поверьте, что для меня это был тяжелый удар, поскольку я больше не могу без риска близко подходить к предкамере. Это запрещено для всех, кроме обслуживающего персонала. А они подозрительны! Они подозревают тайное вмешательство. Так что это теперь становится чисто вашим делом, Ричард Бартон. Вам надо положиться на случай.

Что же касается других, то у меня никогда не было возможности перенастроить их воскресите-

ли. Все происходит сейчас только в соответствии с законами вероятности. Которая составляет один шанс на двадцать миллионов.

— Других? — удивился Бартон. — Каких других? Неужели есть такие же, как я? Но чем вы руководствовались, когда выбирали нас?

— У вас у всех нужная «эманация». Поверьте мне, я знаю, что делаю. И думаю, что мой выбор правилен.

— Но вы намекнули мне, что это вы разбудили меня до срока… в той камере. С какой целью? Чего вы хотели этим достичь?

— Это было единственным убедительным для вас доводом, что Воскрешение не является сверхъестественным событием. И это же послужило причиной для выслеживания вас со стороны этиков.

Вот. Возьмите это.

С этими словами этик передал Бартону крохотную ампулу.

— Проглотите. Вы умрете мгновенно и окажетесь вне пределов их досягаемости — на некоторое время. Клетки вашего мозга будут так разрушены, что они не смогут прочесть их содержимого. Спешите! И помните то, что я вам рассказал!

— А что, если я не приму ваш подарок? — тихо спросил Бартон. — Что, если я позволю Им поймать себя?

— У вас не та «эманация», чтобы допустить это. — Гость издал тихий чуть издевательский смешок.

Бартон уже почти решил не принимать капсулу. Почему он должен позволять этому высокомерному типу то и дело приказывать ему, Бартону?

Затем он сообразил, что злость — плохой советчик. Приняв эту капсулу, он получит еще одну возможность поиграть с этим незнакомцем и встретиться с Теми, о которых он только что упоминал.

— Хорошо, — согласился Бартон. — Но почему вы сами не убьете меня? Почему заставляете меня самого сделать это?

Незнакомец снова рассмеялся и произнес:

— У этой игры есть определенные правила, объяснять которые у меня нет времени. Но вы же умный человек, вы сами поймете большинство этих правил. Одно из них — это то, что мы этики. Мы в состоянии даровать жизнь, но не можем отбирать ее. Нельзя сказать, что это немыслимо для нас или что это лежит за пределами наших

физических или технических способностей. Просто это действие трудно выполнимо с психологической точки зрения…

Внезапно, на полуслове оборвав свою речь, незнакомец исчез. Бартон, не колеблясь, положил ампулу в рот и проглотил ее. Через мгновение над ним сверкнула ослепительная вспышка…

26

И глаза его снова наполнились светом только что взошедшего солнца. У него было время бросить взгляд вокруг, увидеть чашу, стопку плотно уложенного белья и… Германа Геринга.

Затем Бартон и Геринг были схвачены небольшими смуглыми человечками с крупными головами и кривыми ногами, вооруженными копьями и каменными топорами. На них были полотнища, но только как накидки, завязанные вокруг толстых коротких шей. Полоски кожи, несомненно человеческой, стягивали длинные лохматые черные волосы. Они были похожи на монголов и говорили на незнакомом Бартону языке. Пустую чашу нахлобучили ему на голову, руки связали за спиной кожаным ремнем. Слепого и беспомощного, Бартона погнали через равнину, подгоняя уколами каменных наконечников в спину. Где-то поблизости стучали барабаны и женские голоса протяжно выли какой-то мотив.

Он прошел что-то около сотни шагов, прежде чем его остановили. Прекратился стук барабанов, замолчали женщины. Он ничего больше не слышал, кроме стука крови в висках. Что за

чертовщина здесь происходит? Неужели он стал частью религиозной церемонии, требовавшей, чтобы жертва ничего не видела? А почему бы и нет? На Земле было много культур, где не хотели, чтобы те, кого приносили в жертву, видели своих убийц. Чтобы призрак мертвеца не захотел отомстить мучителям.

Но эти люди теперь должны были знать, что призраков не существует. Возможно, они считают такими призраками вторично воскрешенных и хотят прогнать их обратно, просто убив их?

Геринг! Он тоже был перенесен сюда! К этому же чашному камню! В первый раз это могло быть совпадением, хотя вероятность этого была слишком ничтожной. Но три раза — один за другим? Нет, это было…

Первый же удар по голове практически лишил его сознания. Он упал на колени, по всему телу прошел звон, и из глаз посыпались искры. Второй удар он не почувствовал и очнулся уже в каком-то другом месте…

27

Рядом с ним стоял Герман Геринг.

— Наши души, должно быть, близнецы, — сказал он. — Похоже на то, что мы всегда будем носить на себе этот крест, взваленный на нас этиками.

— Бык и осел в одной упряжке, — усмехнулся Бартон, оставив немцу решать, кем он его считает.

Через некоторое время оба были очень заняты тем, что представляли себя людям, среди которых оказались. Как выяснилось чуть позже, это были шумеры древнего или классического периода. Жили они в Месопотамии между 2500 и 2300 годами до н. э. Мужчины этого народа брили голову (такой обычай было непросто соблюдать с помощью каменных ножей), а женщины ходили обнаженными до пояса. Эти люди были в основном пучеглазыми, у них были (по мнению Бартона) уродливые лица и невысокие приземистые тела.

Но если степень красоты среди них была не очень высокой, то самоанцы доколумбового периода, составляющие здесь тридцать процентов

населения, были более чем привлекательны. И конечно же, здесь были пресловутые десять процентов людей из других мест и другого времени, причем обитатели двадцатого столетия были наиболее многочисленны. Это можно было объяснить, поскольку их общее число составляло почти четверть человечества. У Бартона не было, разумеется, точных статистических данных науки, но во время своих путешествий он убедился, что люди двадцатого века были умышленно рассеяны вдоль Реки, причем в соотношении с другими людьми даже большем, чем это можно было ожидать. Это было еще одной особенностью Речной Планеты, которую он никак не мог понять. Чего этики хотели этим добиться?

Вопросов было чересчур много. Ему необходимо было время, чтобы подумать, но его-то как раз и не было из-за частых «рейсов» на Экспрессе Смерти!

Эта местность, в отличие от большинства других, которые он посещал, обещала некоторый покой, что позволило бы ему многое осмыслить. Поэтому он решил задержаться здесь на некоторое время.

И кроме того, здесь был Герман Геринг! Бартону хотелось узнать, что с ним будет дальше. Одним

из многих вопросов, который он не успел задать Таинственному Незнакомцу (Бартон стал в мыслях называть его с большой буквы), был вопрос о роли наркотической жвачки. Какую роль она играла в общей картине всего происходящего? Является ли она еще одной составляющей Великого Эксперимента?

К несчастью, Геринг продержался недолго.

Он начал кричать в первую же ночь. Выскочив из хижины, Геринг побежал к Реке, то и дело останавливаясь, чтобы отмахнуться от чего-то невидимого в воздухе, или падая в траву, пытаясь кого-то схватить. Бартон последовал за ним до самой Реки. Здесь Геринг хотел уже было броситься в воду, наверное, чтобы утопиться, но вдруг замер, задрожал, а затем рухнул на землю и застыл неподвижный, как статуя. Глаза его были открыты, но смотрел он на окружающее невидящим взглядом. Все его зрение было обращено внутрь. Какие ужасы проходили перед его взором — определить было невозможно.

Губы его беззвучно двигались и уже не останавливались в течение тех десяти дней, которые он еще прожил. Бартон несколько раз безуспешно пытался накормить его. Челюсти Геринга были сведены. Он худел на глазах, плоть высыхала,

кожа западала, и сквозь нее стал проступать скелет. Однажды утром у него начались конвульсии, затем он привстал и закричал. Через мгновение он был мертв.

Бартон сделал вскрытие с помощью кремневого ножа и обсидиановых пилок. От первого же прикосновения вздутый мочевой пузырь немца лопнул и разлил мочу по всему телу.

Бартона это не остановило, и он вытащил зубы Геринга, перед тем как его похоронить. Зубы были предметом торговли, поскольку из них делались пользующиеся спросом ожерелья. Скальп Геринга тоже пошел в дело. Шумеры переняли у одного из индейских племен, жившего на противоположном берегу Реки, обычай сшивать скальпы вместе и использовать их для изготовления накидок, юбок и даже занавесок. Скальп, конечно, ценился гораздо меньше, чем зубы, но все же кое-что стоил.

Бартон копал могилу возле большого валуна у подножия горы. Сделав небольшой перерыв в работе, чтобы напиться, он случайно взглянул на труп Геринга и в его памяти вспыхнуло воспоминание. Полностью ободранная голова и безмятежное выражение лица Геринга, подстегнули память англичанина.

Он уже видел это лицо, проснувшись в той колоссальной камере в одном ряду с другими телами. Это лицо принадлежало телу в соседнем ряду. Тогда у Геринга, как и у всех спавших, была бритая голова. Бартон, всего лишь мельком увидел его перед тем, как Попечители заметили его самого. Позже, после Воскрешения, повстречавшись с немцем, он не заметил сходства между спавшим и этим человеком с копной светлых волос.

Но теперь он знал, что Геринг занимал в той камере место поблизости от него.

Возможно ли, чтобы два воскресителя, близко расположенные друг к другу, стали действовать синхронно? Если это так, то всякий раз, умирая примерно в одно время, они оба будут воскрешены у одного и того же чашного камня. Геринг как-то пошутил, что их души — близнецы, и, видимо, был не так уж далек от истины.

Бартон снова стал копать, отчаянно ругаясь. У него было очень много вопросов и очень мало ответов на них. Если ему представится еще одна возможность добраться до этика, он вырвет из него ответы любым способом.

Последующие три месяца Бартон был занят адаптацией к необычайному обществу этой

местности, он чувствовал себя буквально завороженным новым языком, возникшим в результате смешения шумерского с самоанским. Поскольку шумеры были более многочисленными, то возобладал их язык. Но как и всюду, это была «пиррова победа». Результатом смешения стал жаргон — речь с начисто отброшенными склонениями и упрощенным синтаксисом. За борт были выброшены категории грамматического рода, в словах пропускались звуки, вид и времена глаголов были сведены к простому настоящему. Прошедшее время определялось обстоятельствами времени. Тонкости языка были заменены выражениями, которые могли понять и шумеры и самоанцы, даже если они на первый взгляд казались неуклюжими и наивными. Самоанские слова с несколько измененным произношением изгнали из языка многие шумерские.

Подобное возникновение языков-жаргонов было широко распространенным явлением на берегах Реки. Бартон подумал, что если этики намеревались записать все человеческие языки, то им нужно спешить; старые языки отмирали или, вернее, видоизменялись. Но судя по всему, что было ему известно, Они уже завершили эту работу.

Тем временем по вечерам, когда ему удавалось побыть одному, он курил сигары, столь щедро поставляемые чашами, и пытался проанализировать ситуацию. Кому верить: этикам или Отступнику, Таинственному Незнакомцу? Или все они лгали?

Зачем Таинственному Незнакомцу было нужно, чтобы Бартон вставлял палки в колеса космической машинерии? Что мог он — обычный человек, заброшенный в эту долину, столь ограниченный собственным невежеством, — сделать, чтобы помочь этому Иуде?

Ясно было одно. Если бы Бартон не был нужен Незнакомцу, то тот не беспокоился бы о нем. Он хотел, чтобы Бартон попал в Башню у северного полюса планеты!!!

— Но зачем???

Две недели понадобилось Бартону, чтобы сделать предположение о единственно возможной причине.

Незнакомец сказал, что он, подобно другим этикам, не в состоянии сам отнять человеческую жизнь. Но у него не возникало угрызений совести, когда это делал кто-нибудь другой — доказательство тому яд, переданный Бартону. Поэтому, если ему нужно, чтобы Бартон оказался в Башне, то

только для того, чтобы Бартон убивал за него! Он выпустил тигра на своих соплеменников — он открыл окно для наемного убийцы!

Но убийца может потребовать платы! Что тогда Незнакомец предложит ему?

Бартон глубоко затянулся сигарой, выдохнул дым и сделал большой глоток доброго виски. Незнакомец пытается использовать его. Но пусть остерегается. Бартон также воспользуется Незнакомцем.

К исходу трех месяцев Бартон решил, что раздумий с него достаточно. Настало время уходить.

В этот момент он купался в Реке и, повинуясь какому-то импульсу, поплыл к ее середине. Он нырнул как можно глубже, чтобы воля его тела к жизни, которую невозможно было подавить, не смогла вынести его на поверхность и заставить вдохнуть драгоценный воздух. Нет, он не позволит этого! Рыбы — пожиратели падали — съедят его тело, а кости упадут в ил на дно Реки. Итак, чем глубже, тем лучше! Он не хотел, чтобы его тело попало в руки этиков. Если то, о чем говорил Незнакомец, правда, Они возможно, сумели бы извлечь из его мозга все, что он видел и слышал, если только его тело попадет к ним в руки до того, как будут разрушены клетки мозга.

В течение последующих семи лет, судя по всему, ему удавалось скрываться от этиков. Если Отступник и знал, где он находится, то не показывал вида. Бартон был почти уверен в том, что никто не знает этого. Он и сам не знал своего местонахождения, насколько далеко или насколько близко он находится от Башни. Но он не переставал идти, идти, идти. Он непрерывно был в движении. Однажды он вдруг осознал, что, должно быть, установил в некотором роде рекорд. Смерть стала его второй натурой. Если подсчеты были верны, то он совершил 777 рейсов на Экспрессе Смерти.

28

Временами Бартон представлялся себе планетарным кузнечиком, который сам прыгает во мрак смерти, приземляется, щиплет немного травки, одним глазком поглядывая, не появится ли внезапно тень хищного сорокапута — этиков. На этом обширном лугу человечества он повидал много разных травинок. Чуть-чуть попробует и — снова в путь.

Но иногда он представлял себя неводом, который то тут, то там выхватывает образцы в обширном человеческом море. Ему досталось несколько крупных рыбин и множество сардинок, но и у мелкой рыбешки можно было научиться не меньшему, чем у крупной.

Ему, однако, не нравилась аналогия с сетью, поскольку это наводило на мысль, что существует намного большая сеть, заброшенная на него самого.

Но какими бы сравнениями и аналогиями ни пользоваться, он был человеком, ставшим притчей во языцех. Причем настолько, что сам несколько раз сталкивался с легендой о Бартоне-цыгане или, в англоязычных местностях,

о Скитальце-Бартоне, в других — о Скачущем Лазаре. Это немного тревожило его, поскольку этики могли нащупать ключ к методу, с помощью которого он избегал ловушек, и принять соответствующие меры, чтобы изловить его. Или Они могли догадаться о его конечной цели и поставить охрану вблизи верховьев Реки.

К исходу седьмого года после множества наблюдений за видимыми днем звездами и обобщения тысяч бесед он смог нарисовать картину русла Реки.

Это была не река в привычном смысле этого слова. Это была змея с головой у северного полюса, телом, обвивающим тысячью колец всю планету, причем хвост этой змеи находился у нее во рту. Говоря простыми словами, Река вытекала из северного полярного моря, меридиональными зигзагами прокладывала себе путь по одному из полушарий, делала круг вокруг южного полюса и затем так же зигзагообразно устремлялась опять к северному полюсу, пока снова не впадала в полярное море.

И если верить одному из гигантопитеков, заявлявшему, что он видел Туманную Башню, то Башня вздымалась из покрытого туманом северного ледяного моря.

Сам Бартон лично не слышал этого рассказа. Но он видел этих первобытных псевдолюдей возле начала Реки при первом «прыжке». Казалось вполне допустимым, что кто-то из них действительно пересек горы и подобрался достаточно близко, чтобы увидеть это полярное море. А где прошел один человек, там непременно сможет пройти и другой!

Но как эта Река течет вверх?

Течение, казалось, оставалась постоянным даже там, где ему полагалось бы замедлиться или вовсе остановиться. Из этого Бартон сделал вывод о существовании ограниченных гравитационных полей, которые побуждали устремляться вверх могучий поток, пока он не достигал места, где начинало преобладать естественное тяготение. Где-то, скорее всего, под самой Рекой, находились устройства, обеспечивающие этот эффект. Их поля должны быть сильно локализованы, поскольку люди не замечают отличия силы тяжести в этих областях от силы тяжести в других местах.

Вопросов было слишком много. Он должен и дальше идти по этому пути, пока не попадет туда, где есть Кому на них ответить.

Через семь лет после первой смерти он наконец

достиг желанной местности.

Это был семьсот семьдесят седьмой «прыжок». Он верил, что «семь» было его счастливым числом. Бартон, несмотря на насмешки своих друзей из двадцатого столетия, незыблемо верил большинству суеверий, которые он приобрел еще на Земле. Он часто смеялся над суевериями других, но был уверен, что некоторые числа приносят ему удачу, что серебряные монеты, прикладываемые к глазам, снимают усталость с тела и обостряют «второе» зрение — чувство, которое заранее предупреждает его о будущих опасностях. Правда, было похоже, что на этой бедной минералами планете нет серебра, но если бы оно было, он не замедлил бы им воспользоваться.

Весь первый день он оставался на берегу Реки, не обращая особого внимания на тех, кто пытался втянуть его в разговор, ограничиваясь только любезной улыбкой. В отличие от большинства виденных им мест здешние жители не были настроены враждебно.

Солнце двигалось вдоль восточных вершин, едва-едва поднявшись над ними. Пламенный шар скользил вдоль долины, ниже, чем ему когда-либо приходилось видеть, кроме того случая, когда он очутился среди гигантопитеков. Солнце

некоторое время заливало долину светом и теплом, а затем поплыло чуть-чуть выше западных вершин.

На долину легли тени, стало холоднее, чем в любом другом месте, кроме, разумеется, того первого прыжка. Солнце двигалось по кругу, пока снова не оказалось в той же точке, где Бартон впервые увидел его, открыв глаза в этой местности.

Уставший после двадцатичетырехчасового бдения, но счастливый, он стал рассматривать тех, кто жил здесь. Теперь он знал, что находится в арктической местности, но не у верховьев Реки, как в первый раз, а у другого конца — у ее устья.

Повернувшись, он услышал голос, который показался ему знакомым:

— Абдул ибн Гарун!

— Джон Коллон? — изумился Бартон.

— Конечно, это я! А еще говорят, что чудес на свете не бывает. Что случилось с вами после того, как мы в последний раз с вами виделись?

— Я умер в ту же ночь, что и вы, — сказал Бартон. — Правда, с тех пор умирать мне приходилось еще несколько раз. На этой планете немало плохих людей.

— Это вполне естественно. Их было много на Земле. Но все же я отважусь заявить, что число

их уменьшилось, так как Церковь, слава Богу, оказалась способна сделать много добрых дел. Особенно в этой местности. Но идемте со мной, друг. Я познакомлю вас со своей подругой. Должен вам заметить, что это очень прелестная и верная женщина, и это в мире, который все еще не очень-то ценит супружескую верность и добродетель вообще. Она родилась в двадцатом веке и почти всю жизнь преподавала английский язык. Я даже иногда думаю, что она любит не столько меня как такового, а то, что я могу ее научить языку своего времени.

Коллон издал характерный нервный смешок, благодаря чему Бартон понял, что он шутит.

Они пересекли равнину и подошли к подножию холмов, где перед каждой хижиной на небольших каменных площадках горели костры. Большинство мужчин и женщин от холода завернулись в полотнища.

— Угрюмое и промозглое место, — сказал Бартон. — Почему они живут здесь?

— Большинство населения — финны или шведы конца двадцатого столетия. Они привыкли жить в высоких широтах. И все же вы, должно быть, счастливы, что очутились здесь. Я помню ваше жгучее любопытство к полярным районам

и ваши соображения относительно них. Здесь бывали и другие, которые подобно вам прошли вниз по Реке в поисках удачи или, извините меня за это выражение, в поисках презренного золота на кончике радуги. Но им всем либо не довелось вернуться, либо вернулись, испугавшись непреодолимых препятствий.

— Что за препятствия? — воскликнул Бартон, схватив Коллона за руку.

— Друг! Вы делаете мне больно! Первое препятствие: чашные камни кончаются и поэтому больше негде наполнить чаши едой. Второе: низменные равнины долины исчезают, и Река течет прямо среди гор, сквозь глубокие ущелья с обледенелыми стенами. Третье: это то, что находится дальше, оно мне неведомо, потому что никто оттуда не возвращался, чтобы поделиться впечатлениями. Но я боюсь, что их ждал один конец, всех, кому свойственен дух гордыни.

— Как далеко уходили те, кто не вернулся?

— Если следовать изгибам Реки, то примерно на 25 тысяч миль. Под парусом туда можно добраться за год, если не больше. Один всемогущий Бог знает, сколько нужно пройти, чтобы потом добраться до конца Реки. Вероятно, задолго до этого наступает голодная смерть, потому что в

лодку нельзя погрузить необходимое количество провизии.

— Есть только один способ определить, — заметил Бартон, — продолжительность пути.

— Значит, ничто не остановит вас, Ричард Бартон? — воскликнул Коллон. — Почему вы до сих пор не бросили эту бессмысленную погоню за мирским? Почему вы не стремитесь столь же ревностно к духовному?

Бартон снова схватил Коллона за руку:

— Вы сказали, Бартон???

— Да… я так сказал. Ваш друг, Геринг, поведал мне ваше истинное имя некоторое время назад. Он также рассказал о других вещах, касающихся вашего прошлого.

— Что? Геринг здесь?

Коллон кивнул:

— Он здесь уже около двух лет. Живет он в двух милях отсюда. Завтра, если вы не против, можно навестить его. Вам понравится, как он изменился, я уверен. Он победил распад своей личности, начатый наркожвачкой, и из осколков создал нового, гораздо лучшего человека. По сути, теперь он один из руководителей Церкви Второго Шанса в этой местности.

Пока вы, мой друг, искали какой-то непонят-

ный сосуд вне себя, он нашел священный сосуд внутри своего «я». Он почти что погубил себя безумием, едва не вернулся на злые круги своей земной жизни, но благодаря милости божьей и своему истинному желанию доказать, что он достоин того, что ему дали еще одну возможность прожить, он… ну, сами завтра убедитесь. И я молюсь, чтобы его пример пошел вам на пользу.

Коллон стал рассказывать подробности. Геринг умирал примерно столько же раз, сколько и Бартон, обычно кончая самоубийством. Не в силах перенести кошмары и отвращение к самому себе, он снова и снова добивался всего лишь кратковременной и бесполезной отсрочки. Но через день после смерти он снова оказывался один на один с самим собой. Однако после того, как он очутился здесь и стал искать помощи у Церкви, человек, которого он тщетно старался победить, перестал существовать.

— Я поражен! — усмехнулся Бартон.

Заметив, что Коллон скривился, Бартон быстро добавил:

— Нет, нет! Поверьте, что я действительно рад за Геринга. Но у меня иные цели. Вы должны обещать мне, что никому не расскажете о том, кто я на самом деле. Позвольте мне и дальше быть

Абдулом ибн Гаруном.

Коллон согласился молчать, хотя по нему было видно, что он разочарован тем, что Бартон не хочет повидать Геринга. И увидеть, что могут сделать с человеком вера и любовь. С человеком, казалось бы, самым безнадежным и развращенным.

Коллон повел Бартона к своей хижине и познакомил с женой — невысокой стройной брюнеткой. Она была очень приветлива и дружелюбна и настаивала на том, чтобы незамедлительно отправиться всем вместе к местному старосте.

Вилли Ахонен был огромным мужчиной с тихим голосом. Он очень терпеливо выслушал Бартона, приоткрывшего перед ним часть своего плана. Бартон сказал, что хотел бы соорудить лодку и пройти до конца Реки. Он не упомянул о том, что хочет провести лодку еще дальше. Но Ахонен, очевидно, уже встречался с такими, как он.

Он понимающе улыбнулся и сказал, что Бартон может построить лодку. Но люди в этой местности — сторонники охраны окружающей среды, и они не допустят разграбления леса. Дуб и сосна должны оставаться в неприкосновенности. Бамбук можно будет приобрести в обмен на сигареты и спиртное, так что потребуется некоторое время,

чтобы накопить все это.

Бартон поблагодарил старосту и вышел вон. Коллон помог ему устроиться на ночлег в одной из хижин поблизости от своей. Но хотя Бартон очень устал за этот день, уснуть он долго не мог.

Незадолго перед неизбежным на этой планете дождем Бартон вышел немного прогуляться. Он, пожалуй, пойдет в горы и переждет дождь под каким-нибудь выступом. Теперь, когда он столь близок к цели, он не хотел чтобы Они застигли его врасплох. Казалось весьма вероятным, что этики сосредоточили здесь немало своих агентов. Похоже, жена Коллона была одним из них.

Не прошел он и мили, как хлынул дождь. Молния ударила в землю совсем близко. При свете ослепительной вспышки он заметил, как что-то мелькнуло впереди на высоте примерно двадцати футов.

Резко повернувшись, он бросился к рощице, надеясь, что Они не заметили его и что он сможет укрыться среди деревьев. Если его не заметили, то он успеет подняться в горы. И когда Они погрузят здесь всех в сон, то обнаружат, что он опять улизнул…

29

— Вы заставили нас долго и упорно преследовать вас, Бартон, — сказал человек на чистом английском языке.

Бартон открыл глаза. Появление здесь было столь неожиданным для него, что у него закружилась голова. Но только на мгновение. Он сидел в кресле из какого-то мягкого материала. Помещение было правильной сферической формы; стены бледно-зеленого цвета, полупрозрачные. Сквозь них он видел другие сферические камеры — впереди, сзади, над собой, а если наклониться вперед, то и под собой. Он пришел в замешательство, поскольку другие помещения не просто громоздились на его сферу, а пересекались с ней. Секции других сфер проходили сквозь стены его сферы, но становились столь бесцветным и прозрачными, что он едва мог различать их.

На противоположной стене сферы располагался темно-зеленый овал, кривизна которого повторяла кривизну стены. В овале виднелся призрачный лес. Призрак молодого оленя скакал в овальной раме. От нее исходил запах сосны и кизила.

Напротив него, в таких же креслах, с другой стороны сферы сидело двенадцать человек. Шесть мужчин и шесть женщин довольно приятной внешности. У всех, кроме двоих, были черные или темно-коричневые волосы и очень смуглая кожа. Трое имели небольшую складку эпикантуса. Волосы одного из мужчин были настолько курчавы, что прическа казалась почти эксцентричной.

У одной из женщин были длинные волнистые светлые волосы, завязанные сзади узлом. Волосы одного мужчины были рыжими, как лисий мех. Его красивое лицо с темно-зелеными глазами несколько портили неправильные черты и большой изогнутый нос.

Все были одеты в серебристые или пурпурные блузы с короткими дутыми рукавами и гофрированными кружевными воротниками, с тонкими светящимися полосами на поясах. Кроме того, на них были кильты и сандалии. Как у женщин, так и у мужчин на руках и ногах был маникюр, губы подведены помадой, в ушах сверкали серьги и глаза ярко контрастировали на фоне подкрашенных век.

Над головой у каждого, почти касаясь волос, кружился разноцветный шар диаметром примерно в фут. Шары сверкали всеми цветами радуги.

Бартон глянул вниз. На нем было только черное полотнище с застежками на поясе.

— Чтобы вы не вздумали задавать вопрос о том, где мы находимся, я заявляю, что подобных сведений мы не сообщим!

Говорил рыжеволосый мужчина. Он улыбнулся Бартону, показав такие белые зубы, каких у обычных людей не бывает.

— Что ж, хорошо, — согласился Бартон. — А на какие же вопросы вы тогда будете отвечать? Может быть, вы ответите, как вам удалось найти меня?

— Меня зовут Лога, — представился рыжий. — Мы нашли вас благодаря сочетанию сыска и удачи. Процедура была довольно сложной, но я постараюсь ради вас упростить изложение. У нас было некоторое количество агентов, разыскивающих вас. К сожалению, очень небольшое, если учесть, что вдоль Реки живут 36 миллиардов, 6 миллионов, 9 тысяч 637 кандидатов.

«Кандидатов, — удивленно подумал Бартон. — Кандидатов на что? На вечную жизнь? Значит, Спрюс сказал правду о целях Воскрешения?»

— Нам и в голову не приходила мысль, что вы ускользаете от нас, используя самоубийство, — сказал Лога. — Даже тогда, когда вас находили в

местностях, столь удаленных друг от друга, что совершенно исключалась возможность того, что вы могли попасть туда иным образом, кроме Воскрешения, мы не подозревали этого. Мы думали, что вы были убиты и затем перенесены в эту местность. Шли годы. Мы понятия не имели, где вы находитесь. У нас было много других дел, поэтому мы сняли всех агентов с «дела Бартона», как мы назвали его, кроме нескольких, располагавшихся вблизи обоих концов Реки. Каким образом вы узнали о существовании полярной Башни? Немного позже мы обязательно определим, откуда у вас такие сведения. А сейчас я хотел бы еще сказать, что нам очень помогли ваши друзья, Бартон — Геринг и Коллон, хотя они, разумеется, не догадывались, что разговаривали с этиками.

— Кто уведомил вас о том, что я нахожусь вблизи устья Реки?

Лога улыбнулся и сказал:

— Вам не надо знать это. Все равно мы поймали бы вас. Вы понимаете, каждое место в воскресительной камере — место, где вы так необъяснимо пробудились на стадии перед Воскрешением — имеет автоматический счетчик. Счетчики эти были установлены для статистических и исследовательских целей. У нас принято сохранять

записи о том, что происходит. Например, любой кандидат, у которого число смертей превосходит среднюю величину, рано или поздно становится объектом тщательного изучения. Обычно позже, потому что у нас не хватает рук…

Только после вашей семьсот семьдесят седьмой смерти мы удосужились просмотреть случаи с высокой частотой воскрешения. Ваш показатель, Бартон, был самый высокий. Вас, я полагаю, можно поздравить с этим рекордом!

— Существуют и другие такие же?

— Их мы не разыскиваем, если это то, что вы имеете в виду. И таких, можно сказать, сравнительно немного. Мы не догадывались, что именно вы набрали это ошеломляюще большое число. Ваше место в камере предвоскрешения было свободным, когда мы заглянули туда, проводя статистическое обследование. Два техника, которые видели вас, когда вы проснулись в этой камере опознали вас по вашей… фотографии.

Мы настроили воскреситель так, что на следующий раз, когда ваше тело воссоздавалось, нас об этом оповестил сигнал, и мы смогли точно определить, куда вы попали, и привести вас сюда.

— Но предположим, я бы не умер еще раз?

— Вам было предопределено умереть, Бартон!

Вы же намеревались добраться до полярного моря? Вам безразлично, доберетесь вы до него через устье Реки или через верховья, не так ли? Так вот, через устье Реки это невозможно! Полагаю, присутствующие позволят мне приоткрыть вам маленькую тайну. Дело в том, что последние сто миль Река течет по подземному туннелю. И там любая лодка была бы разнесена в щепки. Подобно многим другим, которые отважились на похожие путешествия, вы погибли бы.

— Моя фотография — та, которую я взял у Агню, — заметил Бартон. — Она, очевидно, была сделана на Земле, когда я служил в Индии. Как это вам удалось?

— Изыскания, мистер Бартон, — засмеялся Лога, — изыскания…

Бартону захотелось сбить спесь с этого мерзкого типа. Казалось, ничто не удерживало его. Казалось, он мог свободно подойти к этому мужчине и ударить его. Но Бартон догадывался, что этики вряд ли сидели бы с ним в одном и том же месте, не приняв мер по защите. Они скорее выпустили бы на свободу бешеную гиену, чем рискнули остаться с ним наедине без подстраховки.

— Вы все-таки нашли причину, почему я очнулся в той камере раньше срока? — спросил

он. — Или что заставило тех других прийти в сознание?

Лога смутился. Несколько мужчин и женщин, затаив дыхание, невольно подались вперед в креслах. (По крайней мере, так Бартону показалось.)

Первым овладел собой Лога:

— Мы произвели тщательную проверку вашего тела, мистер Бартон. Вы даже себе не представляете, насколько тщательно мы это проделали. Мы проверили каждый компонент вашего… психического облика, как сказали бы вы. Или «эманации», если вам это слово нравится больше. — Он указал рукой на сферу над своей головой. — Мы так и не нашли разгадки.

Бартон откинул назад голову и засмеялся громко и счастливо…

— Значит, вы, ублюдки, ни черта не знаете!?

Лога натянуто улыбнулся.

— Нет. И думаю, что никогда не узнаем. Только Он один всемогущ!

С этими словами Лога прикоснулся ко лбу, губам, сердцу и половым органам тремя пальцами правой руки. Остальные сделали то же самое.

— Однако я скажу вам, что вы напугали нас, — продолжал через некоторое время этик, — если

вы от этого почувствуете себя хоть немного счастливее. Вы, должно быть, заметили, что и сейчас вы нас немного пугаете. Видите ли, мы практически уверены в том, что вы один из тех, о ком нас предупреждали.

— Предупреждали? Кто же? — изумленно воскликнул Бартон.

— Э… в некотором роде, гигантская логическая машина. И ее оператор… Это живая машина. — Этик снова сделал курьезный жест пальцем правой руки. — Это все, что я могу сказать вам, хотя через некоторое время вы ничего не будете помнить… о том, что произошло здесь, внизу.

— Что вы со мной сделаете? — совершенно спокойно спросил Бартон.

— Мы… отправим вас, мистер Бартон, обратно к Реке!

Гнев помутил рассудок Бартона, но не настолько, чтобы не заметить слов: «Здесь, внизу». Означало ли это, что вся машинерия воскрешения и логово этиков находились под поверхностью Речной Планеты?

— Имеющиеся у нас данные, — продолжал Лога, — показывают, что вы, возможно, располагаете определенным потенциалом, способным нарушить наши планы. Для чего вам это нужно

и как вы это сможете сделать, мы не знаем. Но мы доверяем нашему источнику информации, причем настолько, что вы даже представить себе не можете.

— Если вы верите этому, — изумился Бартон, — то почему же тогда вы просто не поместите меня в обыкновенный ледник? Или еще лучше, подвесьте меня между теми двумя прутьями. Оставьте меня висящим в пространстве этой вашей предкамеры, и я буду вращаться там вечно, как жаркое на вертеле, пока вы не завершите выполнение своих планов!

— Мы не можем сделать этого! — закричал Лога. — Одно только это уничтожило бы все остальное! А как же вы тогда достигнете своего спасения, если мы вас лишим второй возможности? Кроме того, это означало бы непростительное насилие с нашей стороны! Нет, это немыслимо!

— Вы уже прибегли к насилию, когда вынудили меня пуститься в бега и прятаться от вас, — усмехнулся Бартон. — Вы и сейчас творите насилие, держа меня здесь против моей воли. И совершите насилие, когда уничтожите память об этой маленькой встрече с вами «тет-а-тет».

Лога едва не выкрутил себе руку. Если именно он был Таинственным Незнакомцем, этиком-от-

ступником, то он был великим актером.

С печалью в голосе он сказал:

— Это только частично правда. Мы вынуждены применять определенные меры предосторожности, чтобы обезопасить себя. Будь это другой человек, а не вы, мы бы оставили его в покое. Это правда, мы сейчас нарушаем наши собственные этические принципы, заставив вас претерпеть этот ужас, но поверьте мне, мистер Бартон, мы платим за все это колоссальными душевными муками.

— Вы могли бы запросто избавиться от них, сказав мне, для чего вы воскресили меня и все человечество, когда-либо жившее на Земле? И каким образом вам это удалось совершить?

Лога посмотрел на собравшихся этиков и начал рассказывать. Время от времени его прерывал кто-нибудь из присутствующих. Наиболее часто это делала светловолосая женщина, и через некоторое время Бартон пришел к выводу, что она либо его жена, либо занимает более высокое положение, чем рыжий Лога.

Время от времени в разговор вмешивался другой мужчина.

Как только он начинал говорить, лица остальных принимали выражение сосредоточенного

внимания и уважения. Это навело Бартона на мысль, что он является главой этой группы. Однажды этот мужчина повернул голову так, что из одного его глаза сверкнул тонкий луч света. Это изумило Бартона, так как до этого он не замечал, что левый глаз незнакомца был заменен бриллиантом.

Бартон предположил, что это, вероятно, какое-то устройство, обеспечивающее ему некое чувство или восприятие, которым не располагали остальные. С этого мгновения Бартон неловко чувствовал себя каждый раз, когда фасеточный, сверкающий глаз поворачивался в его сторону. Что можно было увидеть с помощью этой многогранной призмы, Бартон не знал, но чувство неловкости не покидало его.

К концу объяснения Бартон понял, что он так ничего и не понял. Сейчас он знал не более того, что знал ранее. Этики могли просматривать прошлое чем-то вроде хроноскопа. С его помощью им удавалось производить записи любых нужных им существ. Пользуясь этими данными в качестве шаблонов, они затем осуществляли Воскрешение в преобразователях.

— Что случится, — спросил Бартон, — если вы воссоздадите одного человека в двух телах одно-

временно?

Лога криво улыбнулся и сказал, что такой эксперимент был однажды проведен. Живым при этом было только одно тело.

Бартон улыбнулся, как кот, сожравший только что мышь.

— Думаю, что вы говорите мне сейчас неправду, господа. Или, может быть, полуправду. В этом чувствуется обман. Если человеческие существа могут достичь настолько утонченного высоконравственного состояния и получить вечную жизнь, почему вы, этики, по общему мнению высшие существа, все еще здесь? Почему вы в самом деле не стали Богами?

Лица всех, кроме Логи, стали суровыми. Лога же рассмеялся и произнес:

— Очень проницательное замечание. Отличные умозаключения, Бартон. На вашем месте я бы гордился таким мозгом. Но сейчас на ваш вопрос я могу ответить только то, что некоторые из нас в самом деле «ушли дальше». Но от нас требуется больше, чем… в общем, больше, если говорить об этике, чем от вас, воскрешенных.

— Я все еще думаю, что вы *лжете*, — твердо сказал Бартон. — Однако с этим я ничего не могу поделать. — Он ухмыльнулся. — Пока…

— Если вы будете упорствовать в своем отношении к нам, вы никогда не сможете достичь высшего состояния, вы не сможете «идти дальше», — пожал плечами Лога. — Но мы чувствуем, что в долгу перед вами, Бартон, не объясняя наших действий. И поэтому обещаем вам отплатить этот долг наилучшим образом. Но только когда мы поймаем этих других, похожих на вас, мистер Бартон, которые как и вы пытаются нам помешать. И точно так же поступим и с ними.

— Среди вас есть Иуда, — сказал Бартон, наслаждаясь эффектом своих слов.

Но человек с бриллиантом в глазу быстро пришел в себя:

— Почему вы не говорите ему правду, Лога? Думаю, что она сотрет с его лица эту отвратительную самодовольную улыбку и поставит на место.

Лога задумался, колеблясь в нерешительности, а затем сказал:

— Хорошо, Танабар. Вам теперь нужно быть очень осторожным, Бартон. Вы не должны больше совершать самоубийств и должны изо всех сил бороться за то, чтобы оставаться в живых. Бороться за жизнь, как это делали на Земле, когда считали, что вам дана только одна жизнь.

Дело в том, что существует предел количеству раз, когда человека можно воскресить. После определенного числа — оно различно для каждого индивидуума и нет способов определения, сколько кому на роду написано — психоматрица уже не способна соединяться с телом. Каждая последующая смерть ослабляет силу взаимодействия между телом и психоматрицей. С течением времени психоматрица доходит до точки, откуда уже нет возврата. Он становится… что ж, если употребить ненаучный термин — «загубленной душой». Она начинает бесплодно странствовать по Вселенной. Мы можем обнаружить эти неприкрепленные психоматрицы без применения всяких инструментов, в отличие от тех, которые… ну как это сказать… «спасены» и полностью исчезли из нашего круга восприятия.

Поэтому, вы понимаете, вам надо отказаться от самоубийственной формы путешествия, вот так. Вот почему продолжение самоубийств теми несчастными, кто не в состоянии смотреть жизни в лицо, если и не является непростительным грехом, то, во всяком случае, отрезает дорогу назад.

Человек с бриллиантом вместо глаза кивнул головой и произнес:

— Этот грязный предатель, этот подонок, кото-

рый, как вы заявляете, помогает вам, на самом деле пользуется вами в своих корыстных целях. Он не сказал вам, что вы зря тратите свой шанс достичь вечной жизни, способствуя его замыслам. Он, или она, кем бы этот предатель ни был, является, поймите это, олицетворением зла! Зла, зла!!!

Поэтому, начиная с этого момента, вам следует быть очень осторожным. У вас, может быть, осталась всего лишь дюжина смертей. А возможно, что ваша следующая смерть станет для вас последней.

Бартон вскочил и закричал:

— Вы не хотите, чтобы я добрался до конца Реки! Но почему же? Почему?

— Прощайте, — спокойно произнес Лога. — И простите, если можете, нас за это насилие.

Бартон не видел, чтобы кто-нибудь из этих двенадцати направил на него какой-либо инструмент. Однако сознание покинуло его так же быстро, как выпущенная из лука стрела.

Правда, через мгновение, как ему показалось, он очнулся…

30

Первым, кто приветствовал его, был Питер Фригейт. Он утратил свою обычную сдержанность — при виде Бартона из его глаз полились слезы. Бартон и сам немного всплакнул. Ему с трудом удавалось отвечать на следующие один за другим вопросы. Бартону самому не терпелось узнать, что делали Фригейт, Логу и, конечно же, Алиса после его исчезновения. Фригейт ответил, что они втроем очень долго искали его, а затем отправились вверх по Реке в надежде отыскать его по дороге.

— А где ты был? — поинтересовался Фригейт.

— Рыскал по этому миру взад и вперед, то погружался вниз, то карабкался вверх, — ответил Бартон, коверкая строчки давно забытой поэмы. — Однако в отличие от сатаны, я действительно нашел несколько безупречных и честных людей, боящихся Бога и сторонящихся зла. Правда, их чертовски мало. Большинство мужчин и женщин все так же эгоистичны, лицемерны, невежественны, трусливы, как и на Земле. И в большинстве красноглазая обезьяна-убийца насмерть бьется со своим сторожем — обществом

и, вырвавшись иногда на свободу, обагряет руки кровью.

Фригейт болтал без умолку все время, пока они шли к большому зданию, где размещалось правительство государства Телем. Бартон слушал его вполуха. Он трепетал, сердце усиленно стучало, но не потому, что он вернулся к своим друзьям.

Он помнил все!!!

Вопреки тому, что обещал ему Лога, он помнил о своем пробуждении в предвоскресительной камере много лет назад и об этих двенадцати этиках-инквизиторах.

Этому могло быть только одно объяснение. Один из двенадцати предотвратил стирание памяти и сделал это в тайне от остальных.

И это мог быть только Таинственный Незнакомец; этим этиком мог быть только Отступник.

Но кто он? Сейчас уже не было никакой возможности определить это. Но когда-нибудь он обязательно узнает это. А пока что все это время у него будет друг при дворе, человек, который, возможно, использует его, Бартона, в своих собственных целях… Но придет время, когда он, Бартон, использует Его!

Были еще и другие люди, с которыми Незнакомец, по его словам, был тайно связан. Возможно,

он разыщет их, и они вместе пойдут на штурм Полярной Башни.

У Одиссея была Афина. Обычно, Одиссей сам выпутывался из рискованных ситуаций благодаря собственному уму и смелости. Но время от времени, в тех случаях, когда богиня была способна что-либо сделать, она подавала Одиссею руку помощи.

У Одиссея была его Афина, у Бартона его Таинственный Незнакомец.

— И что же ты намерен предпринять? — вежливо поинтересовался Фригейт, оборачиваясь на ходу.

— Я собираюсь построить корабль и пуститься в плавание вверх по Реке. До самого ее Конца!!! Хотите плыть со мною?

Филип Хосе Фармер
Сказочный корабль

1

— Воскрешение, подобно политике, сводит в кровати самых разных людей, — заметил Сэм Клеменс. — И я не могу сказать, что сон проходит уж очень спокойно.

С подзорной трубой подмышкой он пыхтел длинной зеленой сигарой, расхаживая взад-вперед по корме «Дрейрага» («Кровавого»). Рулевой Ари Гримальфссон, ничего не понимавший по-английски, мрачно посмотрел на Клеменса. Заметив этот взгляд, Сэм произнес свое изречение на ломанном древненорвежском. Рулевой тем не менее остался так же мрачен.

Клеменс громко обозвал его по-английски тупоголовым варваром. Уже три года он ежедневно и еженощно упражнялся в норвежском десятого столетия. Однако до сих пор мужчины и женщины на борту «Дрейрага» понимали едва ли половину из того, что он говорил.

— Как Гек Финн, в девяносто пять лет плюс-минус несколько тысячелетий, — сказал Клеменс, — я отправился на плоту вниз по Реке. А теперь на этом идиотском корабле викингов плыву вверх. Что дальше? Когда же я осуществлю свою Мечту?

Зажав драгоценную подзорную трубу в правой подмышке, так, чтобы не выронить ее, он рубанул правой рукой по ладони левой.

— Железо! Мне нужно железо! Но где оно на этой бедной металлами, но богатой людьми планете? Оно должно быть! Откуда же тогда взялся топор Эрика? И сколько его здесь, железа? Хватит ли его? Едва ли. Наверное, это был всего-навсего очень небольшой метеорит. Но может быть, все-таки для меня хватит? Но где же оно? Мой Бог, Река, возможно, тянется на 20000000 миль! Железо, если оно все-таки здесь есть, может находиться в противоположном конце.

Нет! Этого не может быть! Оно должно быть где-то рядом, где-нибудь в сотне тысяч миль. Но вдруг мы движемся не в том направлении. Неведение — мать истерии. А может быть, и наоборот.

Он посмотрел в трубу на правый берег и снова выругался. Несмотря на все мольбы Клеменса приблизить корабль к берегу, чтобы ему были лучше видны лица людей, его не слушали. Вожак флотилии скандинавов заявил, что это враждебная территория. И пока они не минуют ее, необходимо держаться ближе к середине Реки.

«Дрейраг» был флагманским кораблем флотилии, состоявшей из трех совершенно одинаковых

судов. Он имел в длину 80 футов и был построен в основном из бамбука, по образцу боевых драккаров викингов: вытянутый корпус, нос, украшенный головой дракона, вырезанной из дуба, загнутая крючком корма. На носу и возле кормы судна располагались приподнятые палубы, нависающие над водой. Две мачты — каждая оснащена передними и задними парусами, изготовленными из тонкой, но очень прочной и эластичной пленки, получаемой из желудка глубоководной рыбы-дракона. Рулевой штурвал был установлен на кормовой палубе.

По бортам ладьи висели изготовленные из дуба и кожи щиты, а рядом с ними штабелями сложены были огромные весла. «Дрейраг» шел под парусами против ветра, непрерывно лавируя. Искусство маневра было неведомо норвежцам на Земле в десятом веке, но здесь…

Мужчины и женщины из экипажа, не занятые работой с парусами, сидели на скамьях для гребцов, разговаривая или играя в кости либо в покер. Снизу, из помещения под кормовой палубой, доносились возбужденные крики и проклятья, а иногда даже и приглушенные звуки ударов. Кровавый Топор и его телохранитель разошлись вовсю, и это сильно нервировало Клеменса. Кро-

вавый Топор знал, что в трех милях выше по Реке собираются вражеские суда, чтобы перехватить его, а суда с обоих берегов, оставшихся позади, уже выходят за ним вдогонку. И все же вожак делал вид, будто он очень спокоен. Возможно, он на самом деле был столь же хладнокровен, как, вероятно, Дрейк перед битвой с Великой Армадой.

— Но здесь же совсем другие условия, — пробормотал Клеменс. — На реке шириной в полторы мили нет места для маневра. И не предвидится никакой бури, которая бы нас выручила.

Он осмотрел берег в подзорную трубу, как делал это вот уже три года с того дня, как флотилия пустилась в путь. Он был среднего роста с голубыми глазами, косматыми бровями, крупным носом и длинными каштановыми волосами, из-за крупной головы его не слишком широкие плечи казались еще уже. На лице его не было столь широко известных по земной жизни усов. (У всех мужчин после Воскрешения не росли волосы на лице.) Его грудь была морем коричнево-красных зарослей волос, завивавшихся колечками во впадине на горле, а кожа стала бронзовой под экваториальным солнцем. На нем было одно лишь полотнище, прикрывавшее ноги до колен и подвязанное на талии кожаным ремнем, на

котором висело оружие и чехол подзорной трубы. На ногах — кожаные тапочки.

Он отвел подзорную трубу от глаза и взглянул на вражеские суда, тащившиеся в миле за ними. И в это мгновение на небе что-то вспыхнуло. Как изогнутый белый меч, неожиданно вырванный из голубизны. Он пронзил атмосферу и исчез за горами.

Сэм был ошеломлен. Он видел много мелких метеоритов в ночном небе, но такого большого — никогда. Даже сейчас, днем, он был четко виден на фоне неба. Добрых несколько секунд после того, как он исчез, в глазах от него еще оставалось послесвечение. Затем оно поблекло, и Сэм забыл о падающей звезде и снова стал методично осматривать берег в трубу.

Это был типичный участок. По обе стороны Реки, шириной почти в полторы мили, тянулась такой же ширины низменность, покрытая травой. С интервалом в милю друг от друга на каждом из берегов располагались грибообразные чашные камни. На равнине деревьев было немного, но зато в предгорьях росли многочисленные дубы, сосны, тис и железные деревья. Последние представляли из себя деревья в полторы тысячи футов высотой с темной корой,

огромными, похожими на ухо слона листьями, сотнями могучих суковатых ветвей, с очень глубокими корнями и до того твердой древесиной, что ее невозможно было ни резать, ни жечь, ни выкорчевывать. Вокруг ветвей железного дерева обвивались лианы с крупными яркими цветами разнообразной окраски.

Предгорья тянулись одну-две мили, а затем сразу же вздымались крутые склоны гор высотой от 20 до 30 тысяч футов, совершенно неприступные после первых десяти тысяч футов.

Местность, мимо которой проходили корабли викингов, была населена большей частью немцами начала девятнадцатого века. Здесь были также обычные десять процентов населения из другого места и времени земной истории — в данной местности это были персы первого столетия — а также повсеместный один процент людей, случайно собранных из различных мест и эпох.

Подзорная труба скользила по бамбуковым хижинам на равнине и лицам людей, одетых в разнообразные куски полотен. На берегу собралось довольно много народа, скорее всего, чтобы поглазеть на сражение. У многих были копья с кремневыми наконечниками и луки со стрелами, однако они не строились в боевые порядки.

Клеменс неожиданно вскрикнул и задержал взгляд на лице одного из мужчин. С этого расстояния, да еще при столь малом увеличении он не мог четко различить черты его лица, однако широкие плечи и смуглое лицо были ему откуда-то знакомы. Где он мог видеть это лицо раньше?

Затем как будто молния ударила в него. Мужчина был удивительно похож на знаменитого английского исследователя сэра Ричарда Бартона, фотоснимки которого ему доводилось видеть на Земле. Клеменс вздохнул и перевел объектив на другие лица. Вскоре корабль был уже далеко. Кто это был на самом деле, он так никогда и не узнает.

Ему хотелось сойти на берег и переговорить с этим человеком, выяснить, действительно ли это Бартон. За двадцать лет жизни на этой Речной Планете он видел миллионы лиц, однако ни разу ему не доводилось повстречаться хоть с кем-нибудь, кого бы он лично знал на Земле. С Бартоном он не был знаком, но был уверен, что тот слышал о нем. Этот человек — если это на самом деле Бартон — стал бы пусть и тонкой, но все же ниточкой, которая связала бы его с умершей Землей.

А затем в поле зрения подзорной трубы попала какая-то неясная фигура. Клеменс вскричал, не

веря самому себе:

— Ливи! О мой Бог! Ливи!

В этом не было сомнения. Хотя и нельзя было четко рассмотреть черты лица, отрицать это было трудно. Голова, прическа, фигура, походка, столь же уникальные, как и отпечатки пальцев, кричали о том, что это была его земная жена.

— Ливи! — зарыдал он.

Корабль сменил галс, и она исчезла из виду. Клеменс лихорадочно стал водить объективом подзорной трубы.

Широко раскрыв глаза, он топнул ногой по палубе и взревел:

— Топор! Кровавый Топор! Сюда! Скорее!

Он бросился к рулевому и закричал, чтобы тот повернул корабль назад к берегу. Горячность Сэма поначалу застигла врасплох Гримальфссона. Но через мгновение он овладел собой, покачал головой и проворчал отказ.

— Я приказываю тебе! — заорал Клеменс, забыв, что рулевой не понимает по-английски. — Там моя жена! Ливи! Моя чудесная двадцатипятилетняя Ливи! Воскресшая из мертвых!

Что-то загрохотало сзади, и, обернувшись, Клеменс увидел, как над палубой показалась светлая голова с отрезанным левым ухом, затем широкие

плечи Эрика Кровавого Топора, могучая грудь и огромные бицепсы, после чего последовали похожие на тумбы бедра поднимавшегося по трапу вожака. На нем было клетчатое черно-зеленое полотнище, широкий пояс с несколькими кремневыми ножами и чехол с топором. Топор был из стали, с широким лезвием и дубовой рукояткой. Насколько знал Клеменс, этот топор был единственным на Речной Планете, где только камень и дерево могли служить материалом для оружия.

Глянув на Реку, Эрик нахмурился и, повернувшись к Клеменсу, сказал:

— В чем дело, сма-скитлигр? Когда ты закричал, как невеста Тора в первую брачную ночь, я допустил грубую ошибку. Из-за тебя я проиграл сигару Токи Нильссону.

Он вынул топор из чехла и замахнулся. Луч солнца сверкнул на голубоватой стали.

— У тебя должна была быть очень важная причина, чтобы беспокоить меня! Я многих убил и за гораздо меньшие проступки.

Кровь отхлынула от загорелого лица Клеменса, но вовсе не из-за угрозы Эрика. Он свирепо сверкнул глазами; волосы, растрепанные ветром, и орлиный профиль делали его похожим на

пустельгу.

— К черту тебя и твой топор! — закричал он. — Я только что видел свою жену! Там, на правом берегу! Я хочу… я требую… чтобы меня высадили на берег. Я хочу остаться с ней! О Боже! После стольких лет напрасных поисков! Это займет всего одну минуту, Эрик! Вы не можете отказать мне, это будет бесчеловечно!

Сверкнув, свистнул топор. Норвежец ухмыльнулся.

— Так вся эта суета из-за женщины? А как же она? — и он показал в сторону маленькой смуглой женщины, стоявшей возле массивного основания трубы ракетной установки.

Клеменс побледнел еще больше.

— Темах — чудесная девушка! Я ее очень люблю! Но она не Ливи!

— Хватит! — прервал его Кровавый Топор. — Ты что же, считаешь меня таким же дураком, как и ты? Если я подойду к берегу, то мы окажемся между берегом и вражескими судами, как зерно в мельнице Фрейра! Забудь о ней!

Клеменс издал соколиный клекот и с кулаками бросился на викинга. Эрик развернул топор и ударил его плоскостью по голове. Сэм рухнул на палубу и в течение нескольких минут непо-

движно лежал на спине с открытыми глазами, уставясь на яркое солнце. Кровь сочилась из-под его волос и текла по лицу. Через некоторое время он встал на четвереньки, и его вырвало.

Эрик раздраженно отдал какое-то указание. Темах, с опаской косясь на вожака, утопила в Реке ведро с привязанной к нему веревкой и вылила воду на Клеменса. Он сначала сел, затем, пошатываясь, поднялся на ноги. Темах набрала еще одно ведро воды и смыла кровь с палубы.

Клеменс заворчал, глядя на Эрика. Тот рассмеялся и произнес:

— Ты слишком долго говорил, мелкий трус! Теперь ты понял, что может случиться с тобой, если ты еще раз позволишь себе разговаривать с Эриком Кровавым Топором, как с простым рабом? Считай, что тебе сегодня повезло, ведь я мог убить тебя.

Клеменс отошел от Эрика, шатаясь, двинулся к борту и полез через ограждение.

— Ливи!

Кровавый Топор, чертыхаясь, побежал за ним. Он обхватил его вокруг талии и потащил назад. Затем с силой толкнул Клеменса на палубу.

— Не вздумай убежать от меня! — закричал Эрик. — Ты мне нужен, чтобы найти этот желез-

ный рудник!

— Этого рудника… — начал Клеменс, но затем, спохватившись, сжал зубы. Как только норвежец поймет, что он не знает, где находится этот рудник — если он здесь вообще есть — то тут же убьет его.

— Более того, — продолжал откровенничать Эрик. — После того, как мы отыщем железо, ты поможешь нам добраться до Полярной Башни, правда, я не думаю, что мы сможем просто доплыть до нее по Реке. Но ты знаешь много такого, что мне может понадобиться, да к тому же я смогу использовать этого мрачного великана — Джо Миллера.

— Джо! — позвал Клеменс хриплым голосом. Он пытался подняться на ноги. — Джо Миллер! Где Джо? Он убьет тебя!

Топор рассек воздух над головой Клеменса.

— Ты ничего не скажешь своему Джо! Слышишь? Иначе, клянусь слепыми глазницами Одина, я схвачу и убью тебя на месте прежде, чем вы доберетесь до меня. Ты слышишь?

Клеменс поднялся на ноги, покачнулся и позвал еще громче:

— Джо! Джо Миллер!

2

Из-под кормовой палубы раздалось ворчание до того утробное, что у всех присутствующих поднялись волосы на затылке. И это несмотря на то, что все слышали его уже по меньшей мере тысячу раз.

Крепкая бамбуковая лестница затрещала под тяжестью — затрещала так громко, что этот треск перекрыл свист ветра в кожаных снастях, скрежет деревянных шарниров, крики команды и шипение воды, разрезаемой корпусом корабля.

Голова, возникшая над краем палубы, была еще страшнее, чем нечеловеческий утробный голос. Она была огромна, как небольшой бочонок пива, и составлена из костей самой разнообразной формы, обтянутых свободно болтающейся розоватой кожей. Нос не соответствовал остальным чертам лица, поскольку был не плоским с раздувающимися ноздрями, а — чудовищной и одновременно смешной пародией на обычный человеческий нос, напоминая хобот носатой обезьяны. Из его тени выступала длинная верхняя губа наподобие губ шимпанзе или ирландцев, как их пародируют в газетах. При этом губы существа были тонкими

и далеко выступали вперед, как бы выталкиваемые наружу челюстями.

В сравнении с его плечами Эрик Кровавый Топор выглядел рассыпчатой соленой галетой для пива. Впереди выступал огромный живот, подобно воздушному шару стремящийся сорваться с якоря, закрепленного в теле. Руки и ноги казались короткими — настолько они были не соразмерны с длинным туловищем. Место сочленения бедер и туловища находилось на уровне подбородка Клеменса, а на вытянутых высоко поднятых руках он мог не дрогнув держать — и не раз держал — Сэма хоть целый час.

На нем не было никакой одежды, да он и не нуждался в ней, ибо не знал, что это неприлично, пока его не просветили представители «гомо сапиенс». Длинные ржаво-красные волосы, более густые, чем человеческие, покрывали все тело. Кожа между волосами была грязно-розоватой, как у светловолосых норвежцев.

Существо провело широкой, как лопата, кистью по волнистым ржаво-красным волосам, которые начинались всего лишь в нескольких дюймах выше глаз, и зевнул, показав огромные, похожие на человеческие, зубы.

— Я шпал, — прогрохотал он. — Мне шнилась

Жемля, мне шнился кравулхитменбафвин — вы наживаете его мамонтом. Да, добрые штарые деньки.

Он шагнул вперед, но тут же остановился.

— Шэм! Что шлучилошь? Ты окровавлен! Ты кажеща больным!

Эрик Кровавый Топор, пятясь назад от гигантопитека, взревел, созывая свою охрану.

— Твой друг сошел с ума! Ему показалось, что он увидел свою жену — это уже в тысячный раз — и он набросился на меня, потому что я не хотел отпускать его к ней на берег. Яйца Тора, Джо! Ты же знаешь, сколько раз ему казалось, что он видит ее, и сколько раз мы останавливались, и каждый раз это была какая-нибудь другая женщина, только похожая на его жену. Но не она! На этот раз я сказал — нет! Даже если бы это и была его женщина, я все равно бы сказал — нет! Мы бы сунули головы в волчьи пасти!

Эрик пригнулся с поднятым топором, готовый броситься на великана. Со средней части судна раздались крики, и огромный рыжий викинг с каменным топором в руке взбежал по лестнице. Рулевой сделал ему знак, чтобы он ушел. И рыжий, увидев, что Джо Миллер настроен весьма воинственно, не колеблясь убрался прочь.

— Что ты шкажешь, Шэм? — спросил Миллер. — Ражорвать его на кушки?

Клеменс, обхватив голову руками, сказал:

— Нет. Кажется, он прав. Я действительно не уверен, что это была Ливи. Возможно, просто какая-нибудь немецкая фрау. Не знаю! — Он застонал. — Не знаю! Может быть, это была она!

Протрубили горны из рыбьих костей, на средней палубе загремел огромный барабан. Сэм Клеменс вздохнул и произнес:

— Забудь об этом, Джо. Забудь обо всем, пока мы не выбрались отсюда — если вообще мы сможем выбраться. Если мы хотим выжить, нужно драться сообща. Позже…

— Ты вшегда говоришь пожже, Шэм, но это пожже никогда не наштупает. Почему?

— Если ты не можешь понять этого, Джо, значит, ты туп ровно настолько, насколько выглядишь! — огрызнулся Клеменс.

Слезы блеснули на глазах Джо, и его полные щеки увлажнились.

— Каждый раж, когда ты ишпуган, ты наживаешь меня тупым, — сказал он. — Жачем отыгрыватьшя на мне? Почему не на людях, которые тебя ишпугали, почему не на Кровавом Топоре?

— Извини меня, Джо, — умоляюще произнес Клеменс. — Устами младенца и обезьяночеловека… Ты не такой уж и тупой, ты весьма сообразительный. Забудь об этом, Джо. Извини меня.

Кровавый Топор осторожно приблизился к ним, держась вне досягаемости Джо. Он сиял, покачивая своим топором:

— Скоро будет встреча с металлом! — затем рассмеялся, сказав: — Тьфу, что я говорю? Битва теперь — встреча с камнем и деревом, кроме, конечно, моего звездного топора. Но какая разница? Я устал от этих шести месяцев мира. Мне нужны крики войны, свист камней, копий, чтобы лезвие моего топора кромсало плоть, чтобы брызгала кровь. Я горю нетерпением, как застоявшийся жеребец, почуявший кобылу в период течки. Сейчас я бы спарился со Смертью.

— Врешь! — выкрикнул Джо Миллер. — Тебе так же плохо, как и Шэму, но по-швоему. Ты тоже напуган, но шкрываешь швой ишпуг жа швоим большим ртом.

— Я что-то никак не могу понять твою корявую речь, — оскалился Кровавый Топор. — По мне, так лучше бы обезьяны и не пытались говорить на языке настоящих людей.

— Ты отлично понял меня, — заревел Джо.

— Успокойся, Джо, — примиряюще сказал Клеменс.

Он смотрел на верховья Реки. В двух милях от них долина Реки сужалась, горы сближались, образуя узкий, не шире четверти мили, пролив. Вода кипела у подножия утесов высотой около трех тысяч футов. На их вершинах по обе стороны Реки поблескивали на солнце какие-то непонятные предметы.

В полумиле от устья пролива тридцать галер образовали три серповидные линии. Подгоняемые быстрым течением и ударами шестидесяти весел на каждой галере, они неслись навстречу трем пришельцам. Клеменс оценивающе посмотрел на них в подзорную трубу и сказал:

— На борту каждой из галер около сорока воинов и по две ракетные установки. Мы в дьявольской западне. А наши собственные ракеты так долго хранились, что порох, наверное, давно кристаллизовался. Они застрянут в стволах и разнесут нас ко всем чертям.

Да еще эти штуковины на вершинах утесов. Может быть, аппараты для метания греческого огня?

Один воин принес доспехи вождя: трехслойный

кожаный шлем, кожаную кирасу, штаны и щит. Другой — колчан со стрелами, древка которых были сделаны из тиса, а наконечники из кремня.

Ракетная команда — сплошь женщины — вложила снаряд в поворотную пусковую трубу. Ракета длиной в шесть футов, не считая оперения, изготовленная из бамбука, выглядела точно, как ракеты, запускаемые Четвертого Июля. В ее боеголовке было десять фунтов черного пороха, перемешанного со множеством крохотных каменных осколков — шрапнель.

Джо Миллер сошел вниз за своими доспехами и оружием; палуба трещала под весом его восьмисот фунтов. Клеменс одел шлем и нацепил на плечо щит, но не надел ни кирасы, ни нагрудника. Хотя он и боялся ран, но еще больше он боялся утонуть, свалившись в тяжелых доспехах в воду.

Клеменс благодарил здешних богов за то, что ему посчастливилось подружиться с Джо Миллером. Теперь они были кровными братьями — хотя Клеменс упал в обморок во время этой церемонии, требовавшей не только смешения крови, но и кое-какой более болезненной и противной процедуры. Миллер должен был защищать Клеменса, а Клеменс — Миллера, до самой смерти. До сих пор во всех битвах участвовал только

гигантопитек. Но его одного было более чем достаточно.

Неприязнь Кровавого Топора к Миллеру была вызвана завистью. Кровавый Топор воображал, что он величайший в мире боец, но все же отдавал себе отчет, что причинил бы Джо Миллеру не больше хлопот, чем собака.

Даже, скорее, собачонка.

Эрик Кровавый Топор отдавал боевые распоряжения, которые передавались двум другим кораблям световыми сигналами с помощью обсидиановых зеркал. Корабли пытались под полными парусами проскользнуть меж галер. Выполнить этот маневр было трудно, поскольку в случае, если бы кораблю пришлось менять курс, чтобы избежать столкновения, легко можно было потерять ветер, а кроме того, каждый корабль трижды будет попадать под перекрестный огонь.

— Ветер играет на них, — заметил Клеменс. — Их ракеты будут лететь дальше.

— Поучи свою бабушку, как… — начал было Кровавый Топор и остановился.

Несколько ярко блестевших на солнце предметов на вершинах утесов покинули свои места и устремились вниз по траектории, которая прямиком вела к викингам. Норвежцы в смятении

и тревоге закричали, но Клеменс понял, что это планеры. Он как можно короче объяснил это Эрику, и вожак стал передавать полученные им сведения остальным викингам, но вынужден был прерваться, поскольку ближайшие галеры противника произвели первый ракетный залп. Виляя из стороны в сторону, оставляя за собой густой черный дым, десять ракет по дугам устремились к трем парусникам викингов. Те как можно быстрее постарались изменить курс, причем две ладьи чуть не столкнулись. Некоторые ракеты все же слегка зацепили мачты и паруса, но ни одна из них не попала в цель, и те, не взорвавшись, плюхнулись в воду.

В это время сделал заход первый планер. Изящный, длиннокрылый, с черными мальтийскими крестами на узком серебристом фюзеляже, он пикировал под углом в сорок пять градусов на «Дрейраг». Норвежские лучники натянули тисовые луки и по команде старшего выпустили стрелы.

Планер низко прошел над водой, несколько стрел ударило в его фюзеляж, и он приземлился на равнине. Ему не удалось поразить бомбами «Дрейраг» — они взорвались в воде.

Но теперь остальные планеры зависли над

тремя кораблями. Да и передовые галеры противника дали еще один ракетный залп. Клеменс взглянул на собственную ракетную установку. Здоровенные блондинки из женской команды под руководством маленькой темноволосой Темах возились у вертлюга установки, но Темах пока не собиралась вставлять запал — «Дрейраг» был еще довольно далеко от ближайшей галеры.

Затем в течение какой-то секунды все застыло, как на фотографии: два планера, расстояние между крыльями которых не превышало двух футов, вышедшие из пике, маленькие черные бомбы, падающие на цели, стрелы на полпути к планерам, немецкие ракеты на излете к кораблям викингов.

Клеменс ощутил внезапный порыв ветра позади себя, свист, громкий хлопок парусов, воспринявших напор ветра, из-за чего корабль резко развернулся поперек Реки. Раздался скрежет, будто разорвалась на части кора планеты, и треск, словно ее большая ось снесла мачты кораблей.

Бомбы, планеры, ракеты, стрелы — все перемешалось. Паруса и мачты были сорваны с корабля, будто ими выстрелили из орудийного ствола, и умчались прочь. Судно, оставшись без тяги парусов, опять повернулось почти на девяносто

градусов, встав параллельно береговой линии. Клеменса не унесло с палубы при первом порыве ветра только потому, что гигантопитек, вцепившись в штурвал одной рукой, крепко держал его второй. Рулевой тоже прилип к штурвалу. Ракетная команда — их визг несло ветром вверх по Реке, рты открыты, волосы развеваются — упорхнула, как стая птиц, с корабля и плюхнулась в Реку. Ракетная установка была сорвана с лафета и последовала за ними.

Кровавый Топор, вцепившись в поручни одной рукой, во второй продолжал сжимать свое драгоценное стальное оружие. Пока судно качалось из стороны в сторону, ему удалось засунуть топор в чехол и ухватиться за борт уже двумя руками. И очень вовремя, так как ветер, завизжав, как женщина, падающая со скалы, усилился, и через несколько секунд горячая взрывная волна обрушилась на судно. Клеменс был оглушен и опален, как будто он стоял рядом со взорвавшейся ракетой.

Могучая волна высоко подняла корабль. Клеменс разжал веки и закричал, но не услышал собственного голоса, так как ему заложило уши.

В четырех-пяти милях от них по руслу Реки катилась, повторяя все ее изгибы, стена грязно-

коричневой воды, не меньше пятидесяти футов высотой. Ему захотелось снова зажмурить глаза, но он не смог. Он тупо, с одеревеневшими веками, продолжал смотреть, пока вздыбленное море воды не оказалось в миле от него. Он мог различить отдельные деревья, гигантские сосны и дубы, разбросанные по переднему фронту волны, а когда она еще приблизилась — части деревянных и бамбуковых строений, совершенно неповрежденную крышу, раздробленный остов корабля с половиной мачты, темно-серое тело речного дракона размером с кашалота, выхваченное с пятисотфутовой глубины Реки.

Ужас поверг Сэма в оцепенение. Ему захотелось немедленно умереть, чтобы избежать подобной участи. Но, разумеется, желание его было неосуществимым, и он продолжал наблюдать остекленевшими глазами, с застывшим разумом, как судно вместо того, чтобы разбиться и утонуть под сотнями тысяч галлонов воды, подымалось все выше и выше по склону волны, вверх и вверх, к грязно-коричневым, грозящим разломать корабль в щепки, надвигающимся сверху скалам, к небу, превратившемуся из ярко-голубого в серое.

Затем они оказались на вершине, зависли над задним фронтом волны, покачнулись, зарылись

в воду и спустились к подошве волны. Меньшие, но тоже громадные волны перекатились через корабль. Какое-то тело шлепнулось на палубу рядом с Клеменсом — тело, выброшенное из ревущей пучины. Клеменс глядел на него, едва соображая. Он совершенно оцепенел от ужаса, ничего не ощущая. Это был его предел.

Вот так он и смотрел на тело Ливи, расплющенное с одной стороны и совершенно не тронутое с другой! Это была Ливи, его жена, которую он видел здесь, на берегу Реки.

Еще одна волна обрушилась на палубу, едва не оторвав от штурвала его и гиганта. Раздался крик рулевого — он не удержался и последовал за борт вслед за трупом женщины.

Корабль, скользя из глубины впадины между волнами, повернулся, подставив борт под волну, но продолжал карабкаться вверх, наклонившись так, что Миллер и Клеменс висели, держась за обломок основания штурвала и болтаясь, будто вцепились в ствол дерева, росшего на склоне горы. Затем судно заняло горизонтальное положение, после чего снова ринулось в следующую водную долину. Кровавый Топор, видимо, ослабил руки, и его бросило через всю палубу. Он оказался бы в воде, если бы как раз в этот момент

судно не выровнялось. Теперь он уцепился за снасти левого борта.

«Дрейраг» полетел с вершины третьей волны, словно по склону водяной горы, содрогнулся, столкнувшись с разбитым судном. От толчка Кровавый Топор выпустил поручень, пролетел вдоль борта, ударился об ограждение кормы, разбил его, отлетел назад и свалился вниз, к гребцам в средней части судна.

3

Только утром следующего дня Сэм Клеменс оправился от потрясения. Каким-то образом «Дрейраг» выдержал напор гигантских волн и вышел на более спокойную воду. Его несло мимо холмов, тащило через узкое ущелье среди гор. И когда вода окончательно спала, судно с треском ткнулось в грунт.

Вся команда лежала, объятая ужасом, пока Река и ветер неистовствовали и небо оставалось цвета холодного железа. Наконец, порывы ветра постепенно стихли. Точнее, стих ветер вниз по течению Реки, и снова подул обычный ровный ветер против течения.

Пятеро уцелевших на палубе зашевелились и стали задавать друг другу вопросы. Сэм с трудом выталкивал слова из онемевшего рта. Заикаясь, он рассказал о том, что видел вспышку на небе за пятнадцать минут до ураганного ветра. Где-то, возможно, милях в двухстах вниз по Реке, упал гигантский метеорит. Должно быть, это и вызвало горячий ветер и огромные волны. Но как бы они не были ужасны, это было лишь жалкой каплей того, что творилось в непосредственной

близости от места падения. По сути, «Дрейраг» оказался на самом краю светопреставления.

— Когда мы встретились с этим ураганом, он уже растратил большую часть своей энергии и стал весьма умеренным, — сказал Сэм.

Несколько норвежцев, шатаясь, поднялись на ноги и побрели нетвердой походкой по палубе. Кое-кто принялся, не поднимаясь на палубу, выглядывать наружу. Кровавый Топор получил несколько серьезных ушибов, когда его бросало по палубе, но тем не менее прорычал:

— Все на нижние палубы! Будут еще большие волны, намного страшнее, чем эта, и никто не знает сколько.

Сэм, мягко говоря, недолюбливал Кровавого Топора, но вынужден был признать, что норвежец достаточно умен во всем, что касалось водных стихий. Самому ему казалось, что первые волны будут и последними.

Команда залегла внизу, в местах, где было достаточно просторно и можно было за что-нибудь крепко ухватиться. Стали ждать. И ждать пришлось недолго! Земля загрохотала и затряслась, затем Река выгнулась со свистом и воем, как пятидесятифутовая кошка. Гонимого потоком воды «Дрейрага» бросало из стороны в сторону и вра-

щало вокруг оси. Сэм похолодел. Он был уверен, что будь сейчас день, было бы видно, что он, да и все остальные были серо-синие, как мертвецы.

Корабль поднимало все выше и выше, время от времени корпус его терся о стены каньона. И как раз в тот момент, когда Сэм мог поклясться, что «Дрейраг» достиг вершины каньона и вот-вот будет выброшен в водопад по другую сторону скал, судно рухнуло вниз. Оно быстро погрузилось. Вода с грохотом вырвалась из каньона почти с той же скоростью, как и вливалась в него. Раздался громкий треск, за которым последовал тяжелый вздох мужчин и женщин. Через секунду рев отступившей Реки стал слышен уже где-то вдалеке.

Но это было еще не все. Опять потянулись минуты ожидания в холодном ужасе, пока огромная масса воды не рванулась назад заполнить пространство, из которого была вытеснена многими сотнями тысяч тонн метеорита. Люди тряслись, как в трескучий мороз, хотя воздух был теплее, чем обычно в это время ночи. И в первый раз за двадцать лет на этой планете ночью не было дождя.

Перед тем как воды ударили опять, люди почувствовали сотрясение и грохот земли. Затем

последовал громкий свист и рев. И снова корабль поднялся, развернулся, ударяясь о стены каньона, а затем опустился. На этот раз удар был не столь сильным, как раньше, по всей вероятности из-за того, подумал Сэм, что судно ударилось о толстый слой грязи.

— Я не верю в чудеса, — прошептал Сэм, — но это поистине чудо! У нас не было никаких шансов остаться в живых.

Джо Миллер, пришедший в себя раньше остальных, вышел на получасовую разведку. Он вернулся, неся обнаженное тело мужчины. Ноша его, однако, была живой. У мужчины были светлые волосы, почти полностью покрытые грязью, красивое лицо и серо-голубые глаза. Он сказал что-то Клеменсу на немецком, а когда его осторожно уложили на палубу, улыбнулся.

— Я нашел его в планере, — сказал Джо. — То ешть, в том, что ошталошь от его аппарата. В ущелье полно трупов. Что ш ним делать?

— Подружитьшя, — прошепелявил Клеменс. — Весь его народ уничтожен. Похоже, что сейчас эта местность основательно очищена от людей.

Клеменс горько улыбнулся, перед его взором предстало тело Ливи, выброшенное на палубу как глумливый дар судьбы: мокрые волосы, при-

липшие к одной стороне разбитого лица, темный глаз, мрачно смотревший на него. Видение становилось все более реальным и мучительным. Ему захотелось рыдать, но он не мог выдавить ни слезинки и отчасти был рад этому. Если он заплачет, подумал Сэм, то тотчас же все его тело рассыплется в прах. Позже, когда у него будет достаточно сил, чтобы выдержать горе, он выплачется вволю. Быть так близко и…

Блондин сел на палубу. Он затрясся, не в силах унять дрожь, и сказал на английском:

— Мне холодно.

Миллер спустился в трюм и принес сушеную рыбу и хлеб из желудей, побеги молодого бамбука и сыр. Викинги запасали еду, когда им приходилось проплывать мимо враждебных территорий, где нельзя было пользоваться чашами.

— Этот глупый ошел, Кровавый Топор, вше еще жив, — произнес Джо, — у него шломано только нешколько ребер и вешь он в шиняках и порежах. Но его большой рот в отличном рабочем шоштоянии.

Клеменс начал плакать. Джо Миллер заплакал вместе с ним, шмыгая длинным, как хобот, носом.

— Шейчаш, — сказал он, — я чувштвую шебя

намного лучше. Жа вшю швою жижнь я никогда не был так напуган. Когда я увидел эту воду, мне пакажалошь, что мамонты шо вшего мира мчатшя, чтобы наш жатоптать. Я подумал, прощай, Джо, прощай, Шэм. Я прошнушь где-нибудь на берегу Реки в новом теле, но уже больше никогда не увижу швоего любимого друга Шэма. Только я был шлишком напуган, чтобы прочувштвовать это до конца.

Молодой незнакомец представился. Его имя — Лотар фон Рихтгофен, он пилот планера, капитан воздушного флота Его Императорского Величества кайзера Новой Пруссии Альфреда Первого.

— За последнюю тысячу миль мы проплыли мимо доброй сотни Новых Пруссий, — ухмыльнулся Клеменс. — Все они были такие крошечные, что став в центре одной и бросив камень, обязательно попадешь в середину другой. Но большинство из них не были столь воинственны, как ваша. Они всегда, или почти всегда, разрешали нам сходить на берег и наполнять чаши, особенно, если мы показывали им то, что мы можем предложить им в обмен на их гостеприимство.

— Вы торговали?

— Да. Но, разумеется, не товарами, ибо все грузовозы старой Земли не смогли бы взять груз,

достаточный для торговли даже на небольшом участке этой бесконечной Реки. Мы торговали идеями, например, мы показывали этим людям, как делать столы, изготовлять из рыбьего клея крем для укладки волос, лишенный характерного рыбьего запаха.

Лотар фон Рихтгофен сообщил, что кайзер этой местности в бытность свою на Земле был графом Вальдерзее, германским фельдмаршалом, родившимся в 1832, умершим в 1904.

Клеменс кивнул и произнес:

— Помню. Я еще прочел о его смерти в газетах и испытал тогда глубокое удовлетворение, что пережил еще одного своего современника. Это было для меня одной из немногих оставшихся подлинных и доступных радостей в жизни. Однако, поскольку вы можете управлять планером, то вы, должно быть, немец двадцатого века, не так ли?

Лотар кивнул и рассказал о своей жизни на старой Земле. Он летал на боевом самолете и участвовал в войне на стороне Германии. Его брат был величайшим асом этой войны среди летчиков обеих воевавших сторон.

— Мировая Война — Первая или Вторая? — спросил Клеменс. Он встречал достаточно людей

двадцатого века, чтобы быть в курсе всех фактов и домыслов, происшедших после его смерти в 1910 году.

Фон Рихтгофен добавил еще некоторые детали. Он участвовал в Первой Мировой Войне. Сражался под началом своего брата и имел на своем счету сорок сбитых аэропланов союзников. Но в 1922 году, когда он переправлял по воздуху какую-то американскую киноактрису вместе с ее импресарио из Гамбурга в Берлин, его самолет разбился и он погиб.

— Удача Лотара фон Рихтгофена оставила меня, — заметил он. — Так, во всяком случае, я подумал в последний миг своей жизни.

Немец рассмеялся.

— Но вот здесь мне снова двадцать пять лет и со мной нет тех печалей, когда ты стареешь, когда женщины больше не смотрят на тебя, когда вино вместо смеха вызывает только слезы и с каждым днем ты все ближе и ближе к смерти.

И на этот раз, когда упал метеорит, удача не покинула меня. Мой планер лишился крыльев уже при первом же ударе ветра, но вместо того, чтобы упасть, фюзеляж планера парил в воздухе, несчетное число раз переворачиваясь, падая, снова поднимаясь и опять падая, пока мягко, как

лист бумаги, не опустился на холм. А когда пришла обратная волна, мой фюзеляж был подхвачен водой, и я легко ткнулся в подножие горы! Чудо!

— Чудо, — согласился Клеменс. — Счастливый шанс, один на миллиард. Так вы считаете, этот потоп вызван падением гигантского метеорита?

— Я видел его вспышку и след в атмосфере. К счастью для нас, он, должно быть, упал очень далеко отсюда.

Они вылезли из корабля и с трудом двинулись по густой грязи к выходу из каньона. Джо Миллер отшвыривал с их пути стволы деревьев. Если бы не его сила, то для того, чтобы оттащить некоторые из них, понадобилась бы упряжка лошадей-тяжеловозов. Втроем они спустились с холмов на равнину. Остальные следовали за ними.

Шли молча. Местность была очищена от деревьев, за исключением железных исполинов. Они так глубоко пустили корни в почву, что многие из них продолжали возносить свои кроны прямо в серое небо планеты. Более того, там, где не было грязи, виднелась трава. Это свидетельствовало о ее поразительной жизнестойкости и крепости корней. Даже миллионы тонн воды не смогли вырвать ее из почвы.

Там и тут валялись оставленные обратной волной обломки, трупы мужчин и женщин, полотнища, чаши, лодки, разбитые стволы деревьев.

Огромные грибообразные чашные камни, расположенные по обоим берегам Реки с интервалом в милю друг от друга, также были невредимы и стояли прямо, хотя многие были почти полностью погребены под грязью.

— Со временем дожди позаботятся о том, чтобы убрать эту грязь, — заметил Клеменс, — поскольку местность понижается к Реке. — Он старался обходить трупы. При виде их сердце его наполнялось щемящим чувством утраты. Он боялся, что снова увидит тело Ливи. И полагал, что второй раз ему уже не выдержать этого зрелища и тогда он уж точно сойдет с ума.

— В одном можно быть твердо уверенным, — заметил он вслух, — что между нами и метеоритом не осталось никого. Мы первыми можем заявить о своих правах на этот кусок железа. Потом нам наверняка придется защищать эти права от волков, которые прибегут на запах железа. Не хотите ли присоединиться к нам? Если вы будете держаться со мной, то когда-нибудь у вас будет настоящий аэроплан, а не какой-то примитив-

ный планер.

Сэм разоткровенничался и рассказал немного о своей Мечте, кратко изложив заодно рассказ Джо Миллера о Туманной Башне.

— Все это возможно только при наличии большого количества железа, — заметил он в конце, — плюс масса упорного труда. Эти викинги не в силах помочь мне соорудить пароход. Я нуждаюсь в технических знаниях, которых у них, к сожалению, нет. Но я использую их, чтобы добраться до источника железа. Я надеялся, что для моих целей хватит руды, из которой когда-то был изготовлен топор Кровавого Эрика. Я воспользовался их жадностью к металлам, а также рассказом Миллера, чтобы заставить их предпринять эту экспедицию.

Теперь же нам не надо ничего искать. Мы знаем, где железа должно быть более, чем достаточно. Все, что от нас сейчас требуется — это выкопать его, расплавить, очистить и придать ему нужные формы. И защищать его. Я не намерен водить вас за нос, Лотар, утверждая, что это будет легко осуществить. Потребуется много лет, прежде чем мы построим пароход, и все эти годы будут заполнены тяжким трудом.

Лицо немца разгорелось от искры, брошенной

несколькими словами Клеменса.

— Это благородная, величественная мечта! — воскликнул он. — Да, я хотел бы присоединиться к вам. Клянусь честью, что буду следовать за вами, пока мы штурмом не возьмем эту Туманную Башню! Даю слово джентльмена и офицера, клянусь кровью баронов Рихтгофен!

— Дайте мне просто слово мужчины! — сухо сказал Сэм.

— Какое странное, немыслимое трио мы составляем! — заметил Лотар. — Гигантопитек, умерший скорее всего за добрые сотни тысяч лет до зарождения цивилизации. Прусский барон и авиатор двадцатого века. Великий американский юморист, родившийся в 1835 году. И наша команда, — Клеменс поднял брови при слове «наша», — викинги десятого столетия!

— Пока что у нас очень печальная участь, — сказал Сэм, глядя, как Кровавый Топор и другие норвежцы с трудом прокладывают себе путь по тоннам грязи среди завалов из деревьев.

Все они были с ног до головы покрыты ссадинами, и многие хромали.

— Я неважно себя сейчас чувствую. Вы когда-нибудь видели, как нежно обращается японец с мертвым осьминогом? Теперь я представляю,

какие чувства испытывает осьминог. Между прочим, я был не только юмористом, вам это должно быть известно. Я был еще и серьезным писателем.

— О, простите меня! — Лотар поклонился. — Я задел ваши чувства! Не обижайтесь! Позвольте, я исцелю ваши раны, мистер Клеменс, сказав, что, когда я был мальчиком, я очень много смеялся, читая ваши книги. И я считаю вашего «Гекльберри Финна» величайшей книгой. Хотя, должен признаться, мне не безразлично ваше глумление над аристократией в «Янки при дворе короля Артура». Ведь это же были англичане, а вы — американец.

Эрик Кровавый Топор решил, что они сейчас слишком побиты и устали для того, чтобы в этот же день начинать спуск корабля к Реке. Вечером они наполнят свои чаши, поедят, выспятся, позавтракают и только после этого примутся за эту тяжелейшую работу.

Они вернулись к кораблю, взяли из трюма чаши и вставили их в углубления на плоской вершине чашного камня. Как только солнце коснулось горных вершин на западе, люди стали ждать, когда с грохотом и жаром голубое пламя вырвется из камня. Электрический заряд наполнит энергией

преобразователь материи, спрятанный в двойном дне чаши, и, открыв крышку, люди найдут там жареное мясо, овощи, хлеб с маслом, фрукты, табак, наркотическую резинку, спиртное или медовуху.

Но когда тьма окутала долину, чашные камни остались молчаливыми и холодными. На противоположном берегу Реки замелькали вспышки, и до людей долетел слабый грохот.

Впервые за двадцать лет после Воскрешения камни на западном берегу не функционировали!

4

Мужчин и женщин охватило такое чувство, будто Бог покинул их. Производившееся три раза в день подношение пищи чашными камнями воспринималось ими явлением столь же естественным, как и восход солнца. Прошло немало времени, прежде чем они осознали, что на этот раз чувство пустоты в желудке придется утолить остатками рыбы, побегами бамбука и сыром.

Некоторое время Клеменс не мог скрыть испуга. Однако затем фон Рихтгофен предложил переправиться вместе с чашами на другой берег, чтобы хоть утром досыта поесть. Клеменс поднялся и уведомил об этом Кровавого Топора. Норвежец был в более скверном, чем обычно, настроении, но в конце концов согласился, что, видимо, так и придется сделать. Джо Миллер, немец и здоровенный рыжий швед по имени Токе Крокссон с трудом пробрались к кораблю и принесли несколько весел. Эти трое вместе с Клеменсом взяли чаши и на найденном долбленном челноке пересекли Реку. Затем Токе на веслах отправился назад, а Миллер, Клеменс и фон Рихтгофен устроились на ночлег на вер-

хушке чашного камня. Она была чистой, так как электрический разряд выжег всю грязь.

— Когда пойдет дождь, нам придется залезть под камень, — заметил Клеменс. Он лежал на спине, закинув руки под голову, и глядел в ночное небо. Это было не земное небо — на нем горело около двадцати тысяч звезд, более ярких, чем Венера, и сияли мерцающие нити щупалец газовых туманностей. Некоторые из звезд были настолько яркими, что их было видно в небе как бледные точки даже в полдень.

— Метеорит, должно быть, разбил несколько чашных камней на западном берегу, — нарушил тишину Клеменс, — и тем самым, скорее всего, разорвал цепь. Мой Бог, ну и цепь! В ней связаны, если верить расчетам некоторых людей, не менее двадцати миллионов камней.

— Из-за этого, наверное, произойдет ужасное столкновение, — сказал Лотар. — Жители западного берега нападут на жителей восточного, чтобы наполнить свои чаши. Какая будет война! В этой Речной Долине живет тридцать пять — тридцать семь миллиардов людей. И все будут драться насмерть ради пищи!

— Шамое штрашное иж вшего этого, — заметил Джо Миллер, — что даже ешли половина будет

убита, уже череж двадцать четыре чаша они опять оживут, и вше начнетшя ш начала.

— А вот в этом я не уверен, — ответил Сэм. — Насколько я помню, было установлено, что эти камни играют определенную роль в процессе Воскрешения. И если половина вышла из строя, то может быть значительное сокращение продукции на конвейере Лазаря. Этот метеорит — небесный диверсант.

— Я уже давно пришел к заключению, — сказал фон Рихтгофен, — что эта планета и наше Воскрешение не являются продуктом деяния сверхъестественных существ. Вы слышали легенду, которую передают их уст в уста вверх и вниз по Реке? В ней говорится, что один человек проснулся перед Днем Воскрешения и обнаружил, что находится в каком-то очень непонятном месте. Вокруг него в воздухе парили миллионы обнаженных тел мужчин, женщин и детей с бритыми головами, которые медленно вращались под действием какой-то невидимой силы. Этот человек, англичанин по фамилии Перкинс или Бартон, говорят, умер на Земле где-то около 1890 года. Он попытался освободиться, но его перехватили двое существ — людей по облику — и вернули его в состояние сна. Затем он пробудил-

ся, подобно всем остальным, на берегах Реки.

Кто бы ни стоял за всем этим, он может ошибаться. У них произошла промашка с Бартоном. Этому человеку мельком удалось увидеть стадию, предшествующую Воскрешению, стадию где-то между нашей смертью на Земле и подготовкой к жизни на этой планете. Все это звучит фантастично, как сказка об исполнении желаний, но тем не менее…

— Я слышал об этом, — перебил его Клеменс. Он хотел было рассказать о том, что видел лицо Бартона в подзорную трубу как раз перед тем, как заметил Ливи, но, вспомнив о Ливи, он испытал такую боль, что начисто забыл о своем намерении.

Он сел, выругался и, погрозив кулаком звездам, начал плакать. Джо Миллер, присев на корточки позади него, вытянул гигантскую руку и нежно дотронулся до него. Фон Рихтгофен, смутившись, отвернулся в другую сторону. Через некоторое время он сказал:

— Как я обрадуюсь, когда наши чаши наполнятся! Мне так хочется закурить!

Клеменс рассмеялся, вытер слезы и произнес:

— Мне нелегко расплакаться. Но я никогда не стыжусь, если это случается со мной.

Это очень жестокий мир. Такой же жестокий, как и там, на Земле. И все же здесь у нас молодые тела, нам не нужно трудиться ради куска хлеба и беспокоиться об уплате счетов. Нам не надо волноваться о том, что наши женщины забеременеют, мы не боимся заболеть. А если нас убивают, то на следующий день мы воскресаем живыми и здоровыми, правда, в тысячах миль от места смерти.

Но это вовсе не похоже на ту загробную жизнь, которую нам обещали проповедники. Это и неудивительно. И, наверное, хорошо, что это именно так. Кому бы хотелось летать на аэродинамически неустойчивых крыльях или выстаивать дни напролет, неумело играя на арфах и до хрипоты выкрикивая осанну.

Лотар засмеялся:

— Спросите у любого китайского кули, и он скажет вам, что этот мир значительно лучше прежнего. Это только мы, испорченные обитатели современного Запада, ворчим и доискиваемся первопричин. Мы не так уж много знали о космосе, окружавшем нашу Землю, и еще меньше знаем об этой планете. Но мы здесь и, может быть, со временем все же выясним, кто поместил нас сюда и с какой целью? Тем временем, пока здесь

есть красивые и охочие до любви женщины, — а такие здесь есть — сигары, наркотическая резинка, вино и хорошая потасовка, что еще нужно человеку? Я наслаждаюсь жизнью в этой Речной Долине — раз ее радости снова стали доступны мне. Живи в свое удовольствие, а после… не все ли равно, что будет после?

Затем они надолго замолчали, и Клеменс не мог заснуть до тех пор, пока не пошел дождь. Он спустился под гриб, чтобы переждать ливень. Поднявшись наверх после дождя, Клеменс отчаянно замерз и начал дрожать, хотя и укутался в длинные плотные полотнища. На заре из состояния полузабытья его вывела огромная ручища Миллера. Сэм поспешно слез с камня и расположился на безопасном удалении. Через пять минут из каменного гриба вырвалось голубое пламя, взметнувшееся вверх футов на тридцать с ревом, подобным львиному.

В это самое мгновение раздался грохот камней по ту сторону Реки.

Клеменс переглянулся с Лотаром.

— Кто-то устранил разрыв в цепи.

— У меня мурашки по коже пошли, — сказал Лотар. — Кто же этот кто-то?

Некоторое время он молчал, но еще до того,

как они добрались до западного берега, он начал смеяться и болтать, как на вечеринке. «Слишком весел этот немец», — подумал Клеменс.

— Насколько мне известно, они до сих пор ни разу не выдали своего присутствия, — заметил Сэм. — Однако на этот раз, мне кажется, они были вынуждены.

5

Следующие пять дней были заняты спуском корабля к Реке. Еще две недели ушли на его ремонт. И все время велось неустанное наблюдение за Рекой, но никто пока не показывался. Даже когда, наконец, корабль без мачт и парусов был спущен на воду и на веслах двинулся вниз по Реке, они не встретили ни одного человеческого существа.

Команде, привыкшей видеть вдоль берега толпы мужчин и женщин, было как-то не по себе. Тишина действовала угнетающе. На планете не было животных, кроме рыб в Реке и червей в почве, но люди всегда создавали достаточно шума.

— Скоро здесь будет предостаточно гиен, — сказал Клеменс Кровавому Топору. — Это железо представляет собой гораздо большую ценность, чем даже золото на Земле. Ты жаждешь битвы? Скоро тебя стошнит от этого добра.

Норвежец взмахнул топором, поморщившись от боли в ребрах.

— Пусть только сунутся! От бойни, которую мы им устроим, возрадуются сердца валькирий!

— Бык! — воскликнул Джо Миллер. Сэм улыбнулся и, отойдя, занял позицию за спиной гиганта.

Эрик Кровавый Топор на всей этой планете боялся только одного существа, однако когда-нибудь он все же мог потерять контроль над собой и, обезумев, уподобиться берсеркеру. И все же ему нужен был Миллер, стоивший в сражении дюжины бойцов.

Два дня в светлое время суток корабль неуклонно продвигался вперед. По ночам за рулем оставался всего один человек, а команда отсыпалась. Ранним утром третьего дня Джо, Клеменс и фон Рихтгофен сидели на носовой палубе, курили сигары и цедили сквозь зубы виски, дарованное им чашами на последней остановке.

— Почему вы зовете своего друга Джо Миллером? — поинтересовался у Сэма немец.

— Его подлинное имя может сломать человеку челюсть, — засмеялся Клеменс. — Оно длиннее любого технического термина, придуманного немецкими философами. Я не мог выговорить его ни при нашей первой встрече, ни потом. После того, как он научился говорить по-английски настолько, что мог сказать мне соленое словечко — он горел нетерпением и едва дождался этого момента, чтобы рассказать мне одну историю — вот тогда-то я и назвал его Джо Миллером. Он рассказал мне анекдот настолько древний, что

я с трудом поверил своим ушам. Я знал, что эта история существует очень давно. Впервые я услышал ее, правда, в несколько измененном виде, еще когда мальчишкой жил в городке Ганнибал, штат Миссури. Я и после до старости слышал ее к своему глубокому отвращению сотни тысяч раз. Но услышать подобную историю из уст существа, умершего около ста тысяч, может быть, даже за миллион лет до моего рождения!

— А что за история?

— Ну, один бродячий охотник шел по следам раненого оленя целый день. Наступила ночь и с ней яростная буря. Завидев свет костра, охотник остановился у входа в пещеру. Он спросил у старика-шамана, жившего в ней, можно ли провести здесь ночь. Старик-шаман ответил: «Конечно, но у нас здесь довольно тесно. Тебе придется спать с моей дочерью». Нужно продолжать дальше?

— Шэм тогда не рашшмеялшя, — прогрохотал Джо. — Иногда мне кажетшя, что он начишто лишен чувштва юмора.

Клеменс нежно ущипнул друга за заостренный кончик носа и произнес:

— Иногда мне кажетшя, что ты прав. Однако в действительности я самый большой юморист на свете, потому что я больше всех наполнен горем.

Все смешное корнями уходит в страдания.

Он занялся своей сигарой и стал смотреть на берег. Перед самым наступлением сумерек корабль вошел в зону теплового воздействия метеорита. За исключением нескольких железных деревьев, все было сметено бушующим пламенем. Огонь поглотил огромные листья железных деревьев, и даже чрезвычайно устойчивая кора была сожжена, но древесина под ней, более твердая, чем гранит, только обуглилась. Более того, ударная волна опрокинула и пригнула к земле множество железных деревьев, сломав их у самого основания. Чашные камни почернели и покосились, но все же сохранили свою форму.

— Лотар, — наконец произнес Клеменс, — сейчас для вас самое подходящее время узнать, ради чего затеяны эти поиски. Джо расскажет это своими словами. А я постараюсь объяснить то, что будет непонятно. Это странная история, но не более, чем все происходящее здесь с тех пор, как мы воскресли из мертвых.

— Меня мучает жажда, — сказал Джо. — Пожволь мне шначала выпить.

Темно-синие глаза, спрятанные в тени надкостницы, уставились в дно чашки. Он, казалось, всматривался туда, будто пытался воскресить

в памяти сцены, которые должен был описать. Звуки, издаваемые им при помощи заднего неба и движений языка, несомненно более гармоничные, чем все остальные, делали его английский более звонким, даже комичным из-за его шепелявости. Голосом, поднимавшимся из глубины груди и звучавшим, как речь дельфийского оракула, он начал рассказ о Туманной Башне.

— Где-то выше по Реке я прошнулшя голый, как и шейчаш. Я был в меште, которое должно находитьшя где-то на дальнем шевере этой планеты, потому что там было холоднее и швет был очень тушклый. Людей там не было, одни только мы… э-э… такие, как я. У наш были чаши, только гораждо больше, чем ваши, как видите. И у наш не было ни пива, ни вишки. Алкоголь был нам шовершенно неведом, поэтому его и не было в наших чашах. Мы пили воду иж Реки.

Мы шчитали, что находимшя в меште, куда вы попадаете пошле швоей шмерти, что… э… боги дали нам это мешто и вше, что нам нужно. Мы были шчаштливы и выбрали шебе подруг. Мы ели, шпали и билишь шо швоими врагами. И я тоже был бы шчаштлив там, ешли бы не шудно.

— Он имеет в виду судно, — пояснил Сэм.

— Я и говорю. Шудно. Пожалуйшта, не пере-

бивай, Шэм. Ты и так шделал меня доштаточно нешчаштным, шкажав, что богов нет. Даже нешмотря на то, что я шам их видел.

— Видел богов? — удивился Лотар.

— Ну, не шовшем. Я видел, где они живут. Я видел их шудно.

— Что? О чем ты говоришь? — удивился фон Рихтгофен.

Клеменс помахал сигарой.

— Пусть говорит. Он смущается, если его слишком часто перебивают.

— Там, откуда я родом, вы бы не ошмелилишь перебить говорящего. Иначе бы вам шражу же перебили бы нош.

— При таком большом носе, как у тебя, — рассмеялся Сэм, — это должно быть очень больно.

Миллер осторожно погладил свой хобот.

— Он у меня один-единштвенный, и я горжушь им. Нигде в этой чашти долины ни у одного карлика нет такого ноша, как у меня. Там, откуда я родом, величина ноша являетшя прижнаком длины… какое там у ваш шлово для этого, Шэм?

Сэм поперхнулся и вынул изо рта сигару.

— Ты нам рассказывай о корабле, Джо.

— Да. Нет! Я еще не подошел к этому. Как я уже говорил, однажды я лежал на берегу, наблюдая жа

игрой рыб. Я думал о том, чтобы вштать, шделать крючок и удочку, половить рыбки. И тут я вдруг ушлышал шум. Я пошмотрел вверх. Там, шледуя ижвилинам Реки, плыло ужашное чудовище.

Оно было штрашным. Я подпрыгнул и шобралшя было бежать, когда увидел на шпине этого чудища людей. Они выглядели как наштоящие люди, но когда чудовище приближилошь, я шмог ражглядеть, что они шовшем крохотные, а об их ношах вообще нечего говорить. Я мог бы убить их вшех одной рукой, и, тем не менее, они ошедлали эту чудовищную речную жмею, подобно блохам на шпине медведя. Поэтому…

Клеменс, слушая Джо, снова ощутил волнение, как и тогда, когда впервые услышал этот рассказ. Словно он сам стоял рядом с этим звероподобным предком человека. Несмотря на шепелявость и долгие паузы при подборе слов, гигант говорил довольно выразительно. Клеменс мог понять его панику, изумление и почти непреодолимое желание бежать, а также противодействующее всем этим чувствам любопытство примата — свойство, позволившее ему стать если не человеком, то, во всяком случае, его двоюродным братом. За далеко выступающими надбровьями находилось серое вещество, уже не удовлетворявшееся

единственно бытием, а требовавшее пищи в виде непонятных вещей в неизведанном мире.

Так что Джо Миллер стоял на берегу, хотя его кисть крепко сжимала ремешок чаши, готовая прихватить ее с собой, если придется спасаться бегством.

Чудовище подплыло ближе. Джо начал думать, что, возможно, оно не живое. Но если не живое, то почему впереди торчит огромная голова, как бы готовясь напасть? И все же оно не казалось живым. В нем ощущалась какая-то мертвенность. Конечно, это еще ничего не значило. Джо однажды довелось видеть, как раненый медведь очень убедительно притворялся мертвым, а затем, вскочив, разом оторвал руку его товарищу-охотнику.

Более того, хотя он собственными глазами видел, как этот охотник умер, он снова увидел его живым, когда проснулся на берегу Реки вместе с другими сородичами. А если он, да и сам Джо, смогли стать снова живыми, почему же эта окаменевшая змееподобная голова не может стряхнуть с себя чары смерти и схватить его своими зубами?

Но он подавил в себе страх и, дрожа, подошел к чудовищу. Ведь он — гигант, старший брат человека, с заложенной в нем дерзостью и при-

сущим приматам желанием понять до конца все происходящее.

Пигмей, такой же заморыш, как и другие, но со стеклянными кружками на глазах, отражавшими солнце, кивнул, подзывая Джо Миллера. Остальные стояли на спине деревянного зверя позади человека со стеклянными кругами на глазах и держали копья и странные устройства, которые, как впоследствии узнал Джо, были луки со стрелами. Они не казались испуганными видом исполина, возможно, из-за того, что очень устали безостановочно грести против течения и теперь мало обращали внимание на происходящее.

Вождю пигмеев понадобилось много времени, чтобы убедить Джо отойти от борта. Они сошли на берег наполнить свои чаши, как только Джо отошел подальше, поели, и Джо тоже поел, но на некотором удалении от пришельцев. Его соплеменники убежали в предгорья, охваченные паникой при виде корабля. Теперь же, увидев, что речная змея не угрожает Джо, они потихоньку стали возвращаться. Пигмеи ретировались к кораблю.

Затем вождь пигмеев вынул странный предмет из своей чаши, поднес светящуюся проволоку к его кончику, и из этого предмета и изо рта пиг-

мея повалил дым. При первом же выдохе Джо отпрянул; его сородичи снова рассеялись среди деревьев предгорья. Джо подумал, что эти коротконосые пигмеи, возможно, детеныши дракона. Вдруг это его детки на стадии личинки, и они уже могут, как мать, выдыхать огонь и дым?

— Но я не болван, — грохнул Джо, — шкоро я шоображил, что дым выходит иж предмета, на английшком он наживаетшя шигарой. Их вождь дал мне понять, что ешли я подымушь на шудно, я шмогу покурить шигару. Теперь я понимаю, что шошел ш ума, шоглашившишь, но мне хотелошь жакурить шигару. Может быть, я хотел проижвешти впечатление на швоих шоплеменников, не жнаю.

Он прыгнул на корабль, слегка накренив его, погрозил своей чашей, давая пришельцам понять, что если они осмелятся напасть на него, то он ею размозжит им черепа. Они поняли предостережение и не подходили близко. Вождь дал Джо сигару, и хотя гигант слегка закашлялся и нашел вкус табака довольно странным, ему понравилось. А когда он впервые попробовал пиво, то пришел в неописуемый восторг.

Итак, Джо решил подняться вверх по Реке на спине речной змеи вместе с пигмеями. Его поста-

вили работать огромным веслом и стали звать Джехути.

— Джехути? — переспросил фон Рихтгофен.

— Его греческое имя — Тот, — пояснил Клеменс. — Это были египтяне, и он чем-то напоминал им длинноклювого бога-ибиса. Я полагаю, он также мог напомнить им бога-бабуина Баст, но этот грандиозный нос перевесил в споре. Словом, он стал Тотом или Джехути.

Дни и ночи текли неумолимо, как сама Река. Однажды Джо сильно устал и потребовал высадить его на берег. Теперь он уже мог разговаривать на языке пигмеев, хотя и с трудом. Вождь согласился сделать все, что хотел Джо, поскольку было очевидно, что отказ повлечет за собой гибель всей команды. Но он печально заговорил о том, что образование Джехути на этом закончится, как раз когда он начал делать успехи. Он был зверем, хотя и с лицом бога мудрости, а скоро он стал бы человеком.

Зверь? Бог? Человек?

Кто они?

Порядок слов не совсем верен, сказал вождь. Правильная последовательность всегда по восходящей — Зверь, Человек, Бог. Правда, можно увидеть бога в облике зверя, а человека превра-

щающимся из зверя в божество. Но почти всегда человек находится между зверем и богом, время от времени опускаясь до уровня зверя или поднимаясь до уровня бога.

Все это было совершенно непонятно неразвитому мозгу Джехути. Он присел на корточки и мрачно оглядел ближайший берег. Там больше не будет ни сигар, ни пива. Люди на берегу были его рода, но уже не его племени и могли убить Джо. Кроме того, он начал впервые испытывать умственное возбуждение, а оно сразу исчезнет, едва он снова окажется среди своих соплеменников.

Поэтому он посмотрел на вождя-пигмея, улыбнулся, потряс головой и сказал, что остается на корабле. Он охотно сел за весло, когда наступила его очередь, и возобновил изучение наиболее чудесной из всех вещей — языка, способного выражать философские понятия. Он научился бегло говорить на языке пришельцев и начал понимать те замечательные слова, которые говорил ему вождь, хотя иногда это было мучительно. Если та или иная мысль ускользала от него, он гнался за ней, хватал ее, проглатывал и давился ею, возможно, бессчетное число раз. Вскоре он стал переваривать сложнейшие понятия и даже извлекать из них пищу для ума.

Река все текла. Они гребли, стараясь держаться ближе к берегу, где течение было помедленнее. Проходили дни и ночи, и теперь солнце уже не поднималось так высоко в небесах и с каждой неделей его наивысшая точка становилась все ниже, а воздух — все холоднее.

— Джо и его спутники, — произнес Сэм, — приближались к северному полюсу. Наклон экватора к плоскости эклиптики планеты равен нулю. Как вам известно, здесь нет смены времен года; день всегда равен ночи. Но Джо приближался к точке, где он мог видеть всегда только половину солнца над горизонтом. Вернее, видел бы, если бы не горы.

— Да. Там вшегда шумерки. Мне штановилошь вше холоднее, хотя и не так холодно, как людям. Они так тряшлишь, что кажалошь, вот-вот штряхнут ш шебя швои жадницы.

— Его крупное тело теряет тепло не так быстро, как наши тщедушные тела, — пояснил Клеменс.

— Пожалуйшта, пожалуйшта! Могу я продолжать рашшкаж или мне держать яжик жа жубами?

Лотар и Сэм рассмеялись.

Джо продолжил. Ветер становился сильнее, а воздух — туманнее. Джо стало не по себе. Ему

захотелось вернуться, но он не хотел терять уважение предводителя пигмеев. И он шел с ними, не отставая ни на дюйм, шел к неведомой цели.

— Ты не знал, куда они направляются? — спросил Лотар.

— Жнал, но не шовшем точно. Они хотели добратьшя до иштоков Реки. Они думали, что, может быть, там живут боги и что они примут их в наштоящую жагробную жижнь. Они говорили, что этот мир не наштоящий. Он одна иж штадий к наштоящему миру, каким бы он ни был.

Однажды Джо различил едва слышимый, но в то же время близкий гул, как будто газ выходит из его кишок. Немного погодя, когда шум стал подобен раскатам грома, он понял, что это грохот воды, падающей с огромной высоты.

Судно оставили покачиваться в заливе, защищенном вытянутым полуостровом. Вдоль Реки уже не было чашных камней. Приходилось ловить и сушить рыбу. На судне был также запас побегов бамбука, которые были собраны в более теплых регионах именно для этого случая.

Вождь и его люди помолились, и отряд начал взбираться на серию водопадов. Сверхчеловеческая сила Джехути — Джо Миллера — помогала им преодолевать препятствия, но, с другой сторо-

ны, его огромный вес иногда становился помехой и даже опасностью для отряда.

Чем выше по Реке они поднимались, тем влажнее становился воздух из-за вездесущей водяной пыли. Когда они достигли отвесного высотой в тысячу футов утеса, гладкого, как лед, их охватило отчаяние. Осмотревшись, они обнаружили веревку, болтающуюся на поверхности утеса. Она была связана из большого количества полотнищ. Джо попробовал ее на прочность и полез вверх, перебирая руками и упираясь ногами в поверхность утеса, пока не достиг вершины. Там он повернулся и стал наблюдать, как за ним лезут остальные. Вслед за Джо полез вождь, но на полпути к вершине силы покинули его и он не мог подниматься дальше. Тогда Джо втащил его вместе с огромного веса веревкой из полотнищ на самую вершину. Эту же операцию он проделал с каждым членом отряда.

— Откуда же, черт возьми, взялась эта веревка? — спросил фон Рихтгофен.

— Вероятно, кто-то подготовил для них путь, — ответил Клеменс. — Если принять во внимание низкий уровень техники на этой планете, то никто не мог бы найти способ поднять на вершину утеса конец этой веревки и закрепить его там.

Возможно, воздушный шар и мог бы поднять человека на такую высоту. Оболочку его можно было бы сделать из шкур речных драконов или из человеческой кожи. Можно было бы получить водород, пропуская пар над раскаленным древесным углем в присутствии подходящего катализатора. Но где найти такой катализатор на этой бедной металлами планете?

Водород можно получить и без катализатора, но при огромных затратах топлива. Однако там не было и следа печей, необходимых для производства водорода. Да к тому же, зачем оставлять за собой эту веревку, если она может понадобиться в дальнейшем. Нет, кто-то неизвестный, назовем его Таинственным Незнакомцем, оставил эту веревку для Джо и его спутников. Или для всякого, кто сможет добраться до этой скалы. Не спрашивайте меня, кто это был и каким образом он это сделал. Слушайте дальше. Джо еще не закончил.

Отряд, захватив с собой веревку, прошел по плато в туманных сумерках несколько миль. И вышел к подножию еще одного обрыва, где Река, расширяясь наверху, образовала огромный водопад. Он был настолько широк, что Джо показалось, будто в нем было столько воды, что

там могла бы плавать земная Луна. Он бы не удивился, если бы далеко вверху увидел на срезе водопада огромную серебристо-черную сферу, которая бы затем в грохоте воды полетела вниз и разбилась бы вдребезги о скалы в водовороте у подножия водопада.

Ветер становился все сильнее и завывал все громче, туман сгущался. Капли влаги оседали на полотнищах, которыми они теперь обернулись с ног до головы. Стена перед ними была гладкой, как зеркало, и такой же отвесной, как та, на которую они взобрались. Вершина ее терялась в тумане. Она могла быть высотой как в пятьдесят, так и в десять тысяч футов. Они стали обследовать подножие, надеясь на какую-нибудь расщелину. И они ее нашли! Она напоминала небольшую дверь в том месте, где плато соединялось со стеной. Проем был таким низким, что им пришлось опуститься на четвереньки и ползти. Плечи Джо постоянно терлись о каменные стены. Однако их поверхность была настолько гладкой, словно проход был проделан человеком и шлифовался до тех пор, пока не исчезли малейшие шероховатости.

Туннель шел вверх сквозь гору под углом чуть меньше сорока пяти градусов. Его протяженность

невозможно было определить. Когда Джо вылез с другого конца, его плечи, руки и колени были стерты до крови несмотря на то, что были защищены полотнищами.

— Я не понял, — сказал фон Рихтгофен. — Мне казалось, что здешние горы созданы, чтобы помешать людям добраться до истоков Реки. Зачем же тогда сквозь твердые скалы был просверлен этот туннель? Чтобы через него могли проникнуть незваные гости? И почему такой же туннель не был сделан в первом обрыве?

— Туннель в первом обрыве мог быть замечен каким-нибудь часовым или патрулем, находившимся в этой местности, — произнес Клеменс. — А второй обрыв был укутан туманом, не забывайте этого.

— Но связка белых полотнищ наверняка более заметна, — не унимался немец.

— Возможно, ее поместили там совсем незадолго до того, как туда добрался Джо.

Фон Рихтгофен пожал плечами.

— Черт побери, пожвольте мне рашшкаживать дальше! В конце концов — это моя иштория.

— И такая же большая, — сказал Клеменс, взглянув на огромные ягодицы Джо.

6

Отряд прошел около десяти миль еще по одному плоскогорью. Путники поспали, вернее, попытались это сделать, поели и начали подъем. Теперь, хотя горы и были очень крутыми и дикими, их все же можно было преодолеть. Сейчас их главным врагом стал недостаток кислорода. Люди задыхались и были вынуждены часто останавливаться для отдыха.

Вскоре у Джо начали болеть ноги, и он захромал. Но ему и в голову не приходило попросить об отдыхе. Пока шли другие, он старался не отставать.

— Джо не может так же долго, как и обычные люди, оставаться на ногах, — пояснил Клеменс. — Все его сородичи страдают плоскостопием. Для двуногих таких размеров у них очень большой вес. Я бы не удивился, узнав, что эта раса исчезла с лица Земли из-за того, что у них очень часто ломались кости стопы.

— Я жнаю одного предштавителя «гомо шапиенш», у которого будет шломан нош, ешли он не перештанет шовать его в чужие дела, — загрохотал Джо. — Не его дело рашшкаживать эту

ишторию!

Они подымались. Река, внизу все такая же широкая, превратилась в далекую нитку. Большую же часть времени из-за облаков они не могли видеть даже этой нити. Снег и лед делали восхождение еще более опасным. Затем они отыскали дорогу вниз еще на одно плато и стали на ощупь пробираться сквозь туман, преодолевая яростный встречный ветер.

Они очутились перед потрясающим отверстием в горах. Из этого отверстия стремительно вырывалась Река и с каждой стороны сразу же за узкими террасами высились крутые горы. Пройти дальше можно было только через это отверстие. Из него вырывался рев столь гулкий, что они не могли слышать друг друга. Это был голос Бога — громкий, как голос смерти.

Джо нашел узкий выступ, который вел в пещеру высоко над водой. Только сейчас он обратил внимание на то, что вождь пигмеев стал все время следовать за ним. Через некоторое время до гиганта дошло еще одно — все пигмеи смотрели на него как на своего проводника и помощника. Когда они кричали, чтобы перекрыть грохот воды, они называли его Джехути. В этом не было ничего необычного, однако раньше в этом

слышался оттенок иронии. Но только не теперь. Сейчас он действительно был их Джехути!

Клеменс снова перебил друга:

— Это похоже на то, как если бы мы называли деревенского дурачка Иеговой или чем-то вроде этого. Когда людям боги не требуются, они смеются над ними. Но как только их охватывает страх, они начинают относиться к ним с должным уважением. Теперь, можно сказать, сам бог Тот вел их сквозь отверстие в Подземный Мир.

Разумеется, я стараюсь быть снисходительным к человеческому пороку делать символы из простого совпадения. Но если почесать собаку, то вспугнешь блоху.

Джо Миллер тяжело сопел, его огромная грудь то вздымалась, то опадала, словно кузнечные мехи. Было ясно, что воспоминания об этом приключении оживили в нем старые страхи.

Выступ не был похож на туннель в горе. Он не был специально подготовлен: неровный, испещренный трещинами, он иногда так круто поднимался, что Джо приходилось ползти на четвереньках, чтобы протиснуться под потолком пещеры. Темень была такая, словно у него выкололи глаза. Присущий ему острый слух не помогал, ибо уши заложило от грохота. Только

осязание вело его дальше, но от огромного эмоционального возбуждения ему временами казалось, что и оно предает его. Ему захотелось бросить эту безумную затею, но тогда люди, шедшие за ним, были бы не в состоянии двигаться дальше.

— Мы два ража оштанавливалишь — поешть и пошпать, — сказал Джо. — Я уже начал думать, что мы можем полжти так до тех пор, пока не кончитшя пища, но вдруг впереди я увидел что-то шерое. Это был не швет. Прошто темнота штала менее гуштой.

Они вышли из пещеры на открытое место на склоне горы. В нескольких тысячах футах под ними плескалось море облаков. Горы закрывали солнце, но небо вверху еще не было темным. Узкий выступ шел дальше, и они теперь ползли вниз, опираясь на разбитые до крови колени и ладони. Выступ постепенно сужался и вскоре вообще исчез.

Дрожа, они цеплялись за мельчайшие углубления. Один из их товарищей поскользнулся и, падая, схватился за другого. Оба с криком исчезли в облаках.

Постепенно воздух стал теплее.

— Река отдавала свое тепло, — опять пояснил Клеменс. — Она не только берет начало на север-

ном полюсе, она и заканчивается там после того, как соберет тепло, петляя по поверхности всей планеты. Воздух на северном полюсе холоден, но не как на полюсе Земли. Правда, это только предположения.

Отряд взобрался еще на один выступ, где можно было стоять, прижавшись лицом к горе, и стал продвигаться боком, подобно крабам. Уступ вился вокруг горного склона. Джо остановился. Узкая долина расширялась, переходя в огромную низменность. Далеко внизу был слышен рокот прибоя о скалы.

В сумерках было видно, что море на северном полюсе окружают горы. Покрытые облаками воды образовали ложе около шестидесяти миль в диаметре. На противоположной стороне этого моря облака были более густыми. Джо не знал причины этого, но Сэм объяснил, что тучи скрывают устье Реки, где теплая вода соприкасается с холодным воздухом.

Джо сделал еще несколько шагов по кривому уступу.

И увидел перед собой серый металлический цилиндр, стоящий на его пути.

Сначала он не понял, что это такое, настолько странно было его здесь видеть. Это было так

неожиданно. Затем он различил привычные очертания и сообразил, что это чаша, оставленная человеком, прошедшим до него по этому опасному пути. Какой-то неизвестный странник преодолел те же препятствия, что и он. До этой самой точки. Он поставил чашу, чтобы перекусить. Крышка была открыта, и там еще лежали воняющие остатки рыбы и заплесневелый хлеб. Странник использовал чашу как сумку, вероятно, надеясь, что ему удастся наткнуться на чашный камень и вновь наполнить чашу едой.

Что-то случилось с ним. Он бы не оставил здесь чашу, если только не был убит или настолько напуган чем-либо, что убежал, бросив ее.

От этой мысли мороз прошел по телу Джо.

Он обошел выдававшийся гранитный выступ, который на мгновение закрыл от него море.

Он обошел выступ — и завопил.

Шедшие сзади закричали, спрашивая, что с ним случилось.

Он настолько был потрясен, что не мог ничего им ответить на только что освоенном языке пигмеев. Он ответил на своем родном.

Тучи, закрывавшие центральную часть моря, всего лишь на несколько секунд немного разошлись, и из-за облаков показалась верхняя часть

какого-то строения. Оно было цилиндрической формы, серое, как верхушка громадной чаши.

Туман то поднимался, то опускался, вокруг строения. То обнажая его, то скрывая из вида.

Где-то среди гор, окаймлявших полярное море, видимо, существовал промежуток. В это мгновение низкое солнце, должно быть, пробилось через эту прореху в могучем хребте, и луч света коснулся вершины башни.

Джо скосил глаза и попытался рассмотреть освещенное место.

Какой-то предмет появился над вершиной башни и стал опускаться на ее поверхность. Он был белый и яйцеобразной формы. Его поверхность, как искра, блестела на солнце. В следующее мгновение, как только солнце снова скрылось за горами, искра исчезла. И башня, и предмет над ней пропали во тьме и тумане. Джо, вскрикнув при виде летающего предмета, сделал шаг назад. Его нога задела чашу, оставленную неизвестным путником.

Он вскинул руки, пытаясь сохранить равновесие, но даже присущая ему обезьянья ловкость не могла уже спасти его от падения. Крича от ужаса, он опрокинулся назад и полетел вниз, кувыркаясь в воздухе. На миг мелькнули лица

его спутников — ряд темно-коричневых фигур, открывших в изумлении рот, смотревших на него, на то, как падает их бог, падает вниз, к облакам и воде.

— Я не помню удара о воду, — сказал Джо. — Пробудилшя я уже где-то милях в двадцати от того мешта, где жил Шэм. Там жили норвежцы дешятого века. Мне шнова пришлошь ижучать новый яжик. Маленькие шеверяне боялишь меня, но они хотели, чтобы я шражалшя на их шстороне. Тогда-то я и повштречал Шэма, и мы штали дружьями.

Наступила тишина. Джо поднял стакан к своим тонким, упругим, как у шимпанзе, губам и выпил до дна. Его слушатели угрюмо смотрели на него. Слышно было только потрескивание кончиков их сигар.

Затем фон Рихтгофен сказал:

— А тот человек, носивший стеклянные кружки, как, ты говорил, его звали?

— Я не говорил.

— Ну, все равно, как?

— Эхнатон. Шэм жнает о нем гораждо больше, чем я, хотя я и прожил рядом ш ним четыре года. Однако, — здесь Джо самодовольно улыбнулся, — я жнал человека, а вше, что жнает Шэм — это так

наживаемые ишторичешкие факты.

7

Фон Рихтгофен пожелал спокойной ночи и спустился на нижнюю палубу. Сэм принялся расхаживать взад-вперед, остановившись только один раз, чтобы дать прикурить рулевому. Он хотел спать, но сон никак не приходил. Уже многие годы его мучила бессонница, она вонзилась в самый центр его мозга, который вертелся на ней, как взбесившийся механизм, неподвластный телу, требовавшему отдыха.

Джо Миллер сидел, сгорбившись, у борта и ждал, когда его друг — человек, единственный из людей, кому он доверял и кого любил — спустится вниз. Вскоре его голова поникла, похожий на дубинку нос описал дугу, и он захрапел. Звук при этом был такой, словно где-то валили деревья. С треском и грохотом раскалывались могучие секвойи. А протяжные выдохи и бульканье ассоциировались с работой дровосека.

— Шпи крепко, малыш, — сказал Сэм, зная, что Джо снится давно потерянная для него Земля, где бродят мамонты, гигантские медведи и львы, где красивые (для него) женщины его племени томятся от любовной страсти к нему. Джо засто-

нал, а затем захныкал, и Сэм понял: Джо снова снится, как его схватил медведь и терзает его ногу. Нога Джо после этого случая ныла днем и ночью. Подобно всем гигантам его размеров, он был слишком велик и тяжел для передвижения на двух конечностях. Природа экспериментировала, создав расу поистине гигантских размеров, а затем уничтожила ее, как свою ошибку.

— «Взлет и падение плоскостопых», — произнес Сэм. — Статья, которую я никогда не напишу.

Сэм застонал — жалкое эхо Джо. Он снова увидел раздавленное тело Ливи, подаренное ему на краткий миг, а затем вновь отобранное волнами. Была ли эта женщина Ливи? Разве не добрую дюжину раз до этого видел он ее, глядя в подзорную трубу на скопище людей по берегам Реки? И каждый раз, когда ему удавалось уговорить Кровавого Топора пристать к берегу, чтобы удостовериться, его ждало разочарование. И теперь у него не было никаких причин считать, что это был труп его жены.

Он снова застонал. Как жестоко, если это была Ливи! Как жестока жизнь! Быть так близко, а затем разлучиться всего за несколько минут до того момента, как они могли бы воссоединиться. А затем ее труп попадает на палубу, будто Бог

или какие-то другие силы, которые правят этим миром, хотели посмеяться над ним: «Смотри, как близко ты был к ней! Мучайся, жалкое скопище атомов! Страдай и корчись от боли, несчастный! Ты должен заплатить страданиями и слезами!»

— Заплатить за что? — пробормотал Сэм, кусая сигару. — За какие преступления? Разве я не достаточно настрадался на Земле, настрадался за все, что я совершил, и даже более того, за то, чего я не совершал?

Когда на Земле за ним пришла смерть, он был рад ей, потому что это было концом всех его горестей. Ему не надо было больше ни оплакивать болезни и смерть своей жены и дочерей, ни мучиться чувством вины за смерть своего единственного сына, смерть из-за его небрежности. И была ли это простая невнимательность, из-за которой заболел и умер его сын? А разве он, пусть бессознательно, не допустил, чтобы одеяло соскользнуло с крошки Лэнгдона, когда он нес его к экипажу в тот холодный зимний день?

— Нет! — выпалил Сэм так громко, что Джо зашевелился, а рулевой что-то по-норвежски проворчал.

Он ударил кулаком по ладони, и Джо снова что-то забормотал.

— Боже, почему я должен мучиться из-за всего, что совершил? — зарыдал Сэм. — Теперь же это не имеет никакого значения! Все это безвозвратно прошло. Мы начали новую жизнь с чистыми душами.

И все же это имело значение. Не имело значения то, что все мертвые снова стали живыми, больные — здоровыми, а все плохие поступки отодвинулись далеко в прошлое. Все равно их нельзя было ни забыть, ни простить. Кем бы ни был человек на Земле и как бы он там ни думал, здесь он не изменился и мыслил точно так же.

Вдруг ему захотелось наркотической резинки. Она могла бы унести щемящую тоску и дать ему ощущение счастья.

Однако она могла и еще больше усилить его мучения. Его мог охватить такой ужас, что единственным его желанием будет — немедленно умереть. Когда он последний раз принимал резинку, ему угрожали такие чудовища, что больше он уже не осмеливался прикасаться к этому наркотику. Но, может быть, на этот раз… Нет!

Бедный сынок! Он больше никогда не увидит его, никогда! Ему было всего два годика, когда он умер, и это означало, что он не воскрешен в этой долине. Дети, которые умерли на Земле в

возрасте до пяти лет, здесь не воскресали. Предполагалось, что они ожили где-то в другом месте, возможно, на какой-то другой планете. Однако, почему-то те, кто сотворил все это, предпочли не воскрешать здесь малышей. И поэтому Сэм никогда не сможет найти своего малыша и исправить ошибку.

И не удастся найти Ливи и дочерей — Сару, Джин и Клару. Это было практически невозможно здесь, на Реке, имеющей протяженность, как говорят, в двадцать миллионов миль и на чьих берегах обитает примерно тридцать семь миллиардов человек. Даже если идти вверх от устья Реки по одному берегу, присматриваясь к каждому встречному, а затем проделать то же самое по противоположному берегу, никого не пропуская, то на это… сколько потребуется лет? Устный счет никогда не был в числе достоинств Сэма, но по самым грубым подсчетам на это ушло бы не более 109 тысяч лет.

И даже если бы человек мог совершить это, прошагать без устали все эти миллионы миль с уверенностью, что не пропускает ни единого лица, то к концу этого стотысячелетнего путешествия все равно существовала возможность не найти того, кого ищешь. Потому что столь

желанный человек мог за это время умереть там, куда ты еще не успел дойти, а затем воскреснуть где-то далеко за спиной.

Но, может быть, существуют другие способы найти человека? Существа, которые создали эту Речную Долину и воскресили человечество — возможно, они могут определить местонахождение любого нужного им человека. У них должна быть какая-нибудь центральная картотека или какие-нибудь средства для выяснения личности и местонахождения всех жителей долины Реки.

Либо, если они не в состоянии этого сделать, то во всяком случае их можно будет заставить ответить за все то, что они совершили!

Рассказ Джо Миллера вовсе не был плодом его воображения. В нем было много загадочного, но в нем было также и много полезных сведений. Хотя бы то, что некто безымянный хотел, чтобы обитатели долины узнали о башне, окутанной туманами в северном полярном море. Зачем это ему понадобилось? Этого Сэм не знал и не мог даже и догадываться. Но отверстие было проделано в скале явно с целью рассказать людям о существовании таинственной башни. И именно в этой башне должен заключаться свет, который бы рассеял тьму неведения. В этом Сэм

был абсолютно уверен. И повсюду можно было услышать рассказ об англичанине Перкинсе или Бартоне, скорее всего, Бартоне, преждевременно пробудившемся на стадии, предшествующей Воскрешению. И возможно, это пробуждение было не более случайным, чем существование искусственного туннеля в скале.

Вот так у Сэмюеля Клеменса зародилась его первая мечта, которая со временем стала Великой Мечтой. Чтобы осуществить ее, ему нужно было железо, много железа! Именно это побудило его уговорить Эрика Кровавого Топора отправиться в экспедицию на поиски железа. Сэм в действительности не ожидал, что металла хватит на постройку крупного корабля, но норвежец, по крайней мере, поможет ему подняться вверх по Реке, поближе к полярному морю!

Теперь же, благодаря удаче, которую он вовсе не заслужил — он на самом деле чувствовал, что недостоин чего-либо хорошего — в пределах его досягаемости было такое количество железа, о котором он не мог раньше и мечтать.

Ему нужны были знающие люди. Инженеры, которые знают, как обращаться с метеоритным железом, как извлечь его, как переплавить, как изготовить необходимые детали. Инженеры и

техники, знающие, как сделать сотни других необходимых вещей.

Он толкнул Джо Миллера ногой и сказал:

— Вставай, Джо. Скоро пойдет дождь.

Гигант что-то проворчал и поднялся, словно башня из тумана. Когда он шел вслед за Сэмом, бамбуковые планки палубы трещали под его 800-фунтовым телом. Внизу кто-то по-норвежски выругался.

Теперь горы по обеим сторонам Реки были скрыты тучами. Тьма окутала долину, затмив безумное сияние двадцати тысяч ослепительных звезд и мерцание газовых туманностей. Сильный ливень будет длиться около получаса, а затем тучи исчезнут.

На восточном берегу мелькнула молния, прогремел гром. Сэм остановился. Он всегда ощущал страх перед молнией или, вернее, этот страх ощущал ребенок, который все время жил в нем. Молния высвечивала лица преследующих его людей, кому он причинил вред, оскорбил или обесчестил, а за ними угадывались неясные лица тех, кто осуждал его за совершенные им бесчисленные преступления. Молния как бы пронизывала его; и он верил, что Бог в качестве возмездия хочет сжечь его живьем. Где-то среди

туч таилась Карающая Десница Господа, который искал Сэмюеля Клеменса.

— Гром где-то далеко внижу по Реке, — сказал Джо. — Нет! Это не гром! Шлушай, Шэм! Ражве не шлышишь!? В нем что-то штранное. Будто гром, но в то же время и не гром. Он какой-то не такой.

Сэм прислушался и похолодел. Снизу по течению доносилось слабое громыхание. Но он похолодел еще больше, услышав более сильное громыхание и сверху по течению Реки.

— Что за чертовщина?

— Не бойшя, Шэм. — Джо успокаивающе положил свою ручищу Клеменсу на плечо. — Я ш тобой.

Однако он и сам дрожал всем телом.

Молния на мгновение высветила восточный берег. Сэм вздрогнул и сказал:

— Господи Иисусе! Там что-то заблестело!

Джо поближе подвинулся к нему и проговорил:

— Я тоже это жаметил. Это корабль, который я видел над башней. Но он ишчеж!

Джо и Сэм молча стали вглядываться в темноту. Снова сверкнула молния, но на этот раз над Рекой уже не было белого яйцеобразного предмета.

— Он появился из ничего и снова нырнул в

ничто. Подобно миражу… — наконец произнес Сэм. — Если бы ты тоже не видел его, я бы считал, что мне это просто почудилось.

Проснулся Сэм на палубе. Закоченевший от холода и в полном замешательстве. Повернувшись, он увидел солнце, только что поднявшееся над восточным хребтом.

Джо лежал на спине рядом с ним, рулевой спал, привалившись к штурвалу.

Но не это заставило его вскочить, как ошпаренного. Переведя взгляд вниз от солнца, он увидел, что повсюду была зелень. Исчезла грязь, горы выкорчеванных деревьев и обломков. Равнина была покрыта низкой травой, холмы — высокими травами и бамбуком, среди которых повсюду возвышались обычные гигантские сосны, дубы, тисы и железные деревья.

— Обычное дело, — пробормотал Клеменс, невольно сострив, несмотря на огромное потрясение. Что-то усыпило всех на борту «Дрейрага», и пока люди лежали в беспамятстве, была проделана невообразимая работа по расчистке грязи и высадке растительности. Этот участок Реки снова возродился!

8

Он почувствовал себя ничтожеством, слабым и беспомощным щенком. Как мог он или какой-либо другой человек бороться с существами, чье могущество столь велико, кто может творить такие чудеса?

И все же должно было существовать объяснение, базирующееся на законах физики. Наука и способность управлять могучими силами природы совершили это. В этом не было ничего сверхъестественного.

Одна мысль утешала его. Одно из этих неизвестных существ, возможно, было на стороне человечества. Почему? В какой таинственной битве участвовали люди?

К тому времени все на корабле уже проснулись. Кровавый Топор и фон Рихтгофен одновременно поднялись на палубу. Эрик нахмурился, увидев здесь немца, поскольку он не давал ему разрешения подниматься на кормовую палубу. Однако зрелище растительности настолько потрясло его, что он позабыл приказать «пленнику» убраться.

Лучи солнца играли на поверхности серых грибообразных чашных камней. Неожиданно

над травой возле камня появились клубы тумана. Они плыли, как волны, резко набегая друг на друга. На траве лежали сотни обнаженных мужчин и женщин, рядом с каждым была стопка полотнищ и чаша.

— Оптовое переселение, — прошептал Сэм немцу. — Переселение тех, кто умер из-за отключения камней на западном берегу. Люди со всех мест. Что хорошо, так это то, что пройдет некоторое время, прежде чем они организуются. Кроме того, они не знают, что прямо под ногами у них железо.

— А как мы отыщем метеорит? — спросил Лотар. — Ведь не осталось ни одного следа его падения.

— Если он еще здесь, — произнес Сэм и выругался. — Для тех, кто смог проделать за одну ночь такую работу, видно, не составит большого труда убрать метеорит, даже таких гигантских размеров. — Он вздохнул и добавил: — А может быть, он упал прямо посредине Реки и теперь покоится на глубине тысячи футов!

— У вас очень удрученный вид, друг мой, — сказал Лотар. — Не расстраивайтесь! Во-первых, метеорит, может быть, и не забрали. Во-вторых, что из того, если его и забрали? Вам же не будет

хуже, чем прежде. У нас все еще есть вино, женщины, песни.

— Меня это не может удовлетворить, — покачал головой Сэм. — Более того, я никак не могу поверить, что нас воскресили только для того, чтобы мы могли вечно наслаждаться. В эту бессмыслицу трудно поверить.

— Но почему бы и нет? — Лотар улыбнулся. — Вы же не знаете, каковы мотивы этих таинственных существ, которые создали все это и поместили нас сюда. Может быть, они питаются нашими чувствами.

Сэм заинтересовался и почувствовал, что уныние покидает его. Новая идея, хоть и неприятная сама по себе, оживила его.

— Вы имеете в виду, что, возможно, мы являемся эмоциональным скотом? Что наши пастухи едят сочные бифштексы любви, ребрышки надежд, печенку отчаяния, грудинку смеха, сердца ненависти, пирожные оргазма?

— Это только гипотеза, — сказал Лотар. — И она ничуть не хуже любой из слышанных мною и гораздо лучше большинства из них. Я совсем не против того, чтобы кто-то питался моими чувствами. Возможно даже, что я являюсь, так сказать, одним из призовых быков. Вон, посмот-

рите, какая красавица, только подпустите меня к ней!

Ненадолго взбодренный гипотезой немца, Сэм снова погрузился в угрюмое раздумье. Возможно, немец прав. В этом случае у человека не больше шансов, чем у коровы, захотевшей провести своих хозяев. И все же бык может бодаться, может попытаться убить кого-нибудь перед тем, как потерпит неизбежное поражение.

Он объяснил создавшееся положение Эрику. На лице норвежца отразилось сомнение.

— Как же мы найдем эту упавшую звезду? Мы же не в состоянии здесь все перекопать? Ты же знаешь, какой здесь прочный дерн? С помощью каменных орудий за несколько дней можно выкопать лишь небольшую ямку. Да и трава немедленно отрастет снова.

— Но какой-то выход все же должен быть, — сказал Сэм. — Если бы у нас был какой-нибудь природный магнит или прибор для обнаружения металлов. Но здесь нет ничего подобного.

В это время Лотар был занят: он махал рукой величавой блондинке на берегу, но несмотря на это расслышал все, что говорил американец. Обернувшись, он сказал:

— С воздуха все выглядит иначе. Сорок поко-

лений крестьян могут перепахивать землю над древним строением и не догадываться об этом. А воздухоплаватель, пролетев над этой землей, сразу же увидит, что там что-то погребено. Существует определенная разница в окраске почвы, иногда растительности. Это нельзя обнаружить с земли. Земля открывает спрятанное в ней только тому, кто высоко летает. Над развалинами хорошо видны неровности почвы.

Сэм оживился.

— Вы имеете в виду, что если бы мы построили для вас планер, то вы смогли бы обнаружить то, что нужно?

— Это было бы замечательно! — воскликнул Лотар. — Когда-нибудь мы сможем построить его. Но для поисков вовсе нет необходимости летать. Достаточно залезть повыше на гору, откуда можно было бы обозревать долину.

Сэм от радости чертыхнулся.

— Какая удача, что мы встретили вас! Я бы сам никогда до этого не додумался. — Затем он нахмурился. — Но мы не сможем достаточно высоко забраться в горы. Взгляните-ка наверх. Горы крутые и гладкие, как речи политика, отказывающегося выполнять обещания, которые надавал во время предвыборной кампании.

Кровавый Топор нетерпеливо спросил, о чем это они говорят. Сэм ответил.

— Этот парень может быть нам полезен, — кивнул Эрик. — Это не такая трудная проблема; если добыть достаточно кремня, то можно было бы вырубить ступеньки хоть на тысячу футов. Это отнимет много времени, но ведь игра стоит свеч.

— А если в этой местности не окажется кремня? — спросил у него Сэм.

— Мы могли бы взрывами расчистить себе подъем, — сказал Кровавый Топор. — Мы можем сделать порох.

— Для этого понадобятся человеческие испражнения, в которых здесь нет недостатка, — подхватил Сэм. — А древесный уголь можно получить из бамбука и сосны. Но где взять серу? Ее может здесь не оказаться.

— Мы же знаем, что ее очень много в восьмистах милях вниз по Реке, — сказал Кровавый Топор. — Но сначала самое главное. Первое — надо разыскать метеорит. Второе — прежде чем приступать к раскопкам, надо построить укрепления для охраны местности. Поверьте мне, мы можем оказаться там первыми, но далеко не единственными. Пронюхав о железе, соберутся все волки как сверху, так и снизу по течению

Реки. Их будет много, и нам придется сражаться, чтобы удержать железо в своих руках. Итак — прежде всего нам нужно найти метеорит, затем окопаться, чтобы удержать его.

Сэм снова выругался.

— Может быть, мы сейчас как раз проходим мимо него!

— Тогда остановимся здесь, — сказал Эрик. — Все равно, откуда начинать. К тому же нам необходимо позавтракать.

Через три дня экипаж «Дрейрага» определил, что в ближайших окрестностях кремень отсутствует. Все, что могло быть здесь до этого, должно быть, выгорело при падении метеорита. А когда насыпали новую почву и сажали растения, то нужных каменных пород уже не было.

Как правило, что-нибудь пригодное для изготовления орудий и оружия можно было найти среди холмов, у подножья гор. Или же среди скальных пород попадались обнажения, пригодные для дальнейшей обработки. Здесь же все было опустошено.

— Удача покинула нас, — посетовал Сэм однажды вечером в разговоре с фон Рихтгофеном. — У нас нет никакой возможности найти этот чертов метеорит. И даже если бы мы нашли его, у нас не

было бы средств его откопать. И наконец, если мы откопаем его, как добыть из него железо? Железо-никелевый сплав — очень твердое и плотное вещество.

— Вы были величайшим юмористом в мире, — сказал Лотар. — Но, кажется, вы сильно изменились после Воскрешения.

— Какое это имеет отношение к нашим проблемам? Юморист — это человек с черной-пречерной душой, который превращает сгустки тьмы во вспышки света. Но когда свет гаснет, тьма возвращается вновь.

Некоторое время Сэм смотрел на костер. В языках пламени ему чудились лица, то сжимающиеся, то удлиняющиеся, то воспаряющие ввысь, как искры, и постепенно угасающие в ночной тьме. По спирали взметнулась вверх печальная Ливи. Его дочь, Джин; лицо ее было неподвижным и холодным, таким оно запомнилось ему, когда она лежала в гробу. Оно было огненным, но таким же ледяным. Веки закрыты. Оно дрожало в языках пламени и исчезло вверху вместе с дымом. Его отец в гробу. Брат Генри; лицо обожжено и изуродовано паром после взрыва котла. А затем возникло улыбающееся и лукавое лицо, лицо Тома Бланкеншипа, мальчишки — прообраза

Гекльберри Финна.

В Сэме всегда жил ребенок, которому хотелось вечно плыть с приключениями по Миссисипи на плоту и ни за что не отвечать. Теперь у него появилась эта возможность: вечно плыть на плоту. У него может быть неисчислимое множество захватывающих встреч, он может повидать столько королей, герцогов и графов, что пресытится даже самый ненасытный. Он может ничего не делать, может ловить рыбу, может без умолку болтать дни и ночи напролет. И никогда ему не придется гнуть спину ради куска хлеба, он может плыть тысячи лет, делая только то, что захочется.

Однако дело было в том, что он не мог делать все, что ему заблагорассудится: во многих местностях практиковалось чашное рабство. Негодяи брали людей в плен и лишали своих пленников всех благ, доставляемых их чашами — сигар, спиртного, наркотической резинки. Они держали узников на полуголодном пайке, давая им есть ровно столько, чтобы те не умерли с голоду, так как в случае смерти владельца чаши ею не могли воспользоваться другие люди. Руки и ноги рабов связывали вместе, будто цыплят, несомых на базар, чтобы пленники не могли покончить с собой. И если все же это кому-нибудь удавалось, то он

воскресал за тысячи миль, и единственное, чего он желал — это не попасть снова в руки чашных рабовладельцев.

К тому же, Сэм стал достаточно взрослым и уже не мог, как мальчишка, испытывать счастье от плавания на плоту. Нет, если ему и хотелось путешествовать по Реке, то ему нужна была защита, удобства и — он не мог отрицать этого — власть. Кроме того, еще одной его заветной мечтой было командовать речным пароходом. Она зародилась еще на Земле. Теперь же он непременно будет командовать самым большим и быстроходным речным пароходом, самым мощным из всех, когда-либо существовавших на величайшей во Вселенной реке, на реке, по сравнению с которой Миссисипи и Миссури со всеми притоками, Нил, Амазонка, Конго, Обь, Волга, Амур вместе взятые покажутся ручейком. У его парохода будет шесть палуб над ватерлинией, по бокам два огромных колеса, роскошные каюты для многочисленных пассажиров и членов команды, которые все будут знаменитыми в свое время людьми, а он, Сэмюель Легхорн Клеменс, Марк Твен — его капитаном. Судно будет идти безостановочно, пока не достигнет истоков Реки, где они сразятся с чудовищами, создавшими это место и воскре-

сившими все человечество со всеми его муками и разочарованиями, опустошенностью и печалью.

Путешествие займет сотню лет, может быть, два или три столетия, но его продолжительность особого значения не имеет. Чего-чего, а времени на этой бедной природными ресурсами планете было предостаточно.

Воображая себя капитаном этого могучего корабля, Сэм тешил себя тем, что его первым помощником будет Френсис Дрейк или Христофор Колумб, а капитаном команды — нет, не капитаном, ибо на борту этого судна титул капитана будет только у одного-единственного человека — у Сэмюеля Клеменса, а командиром будет, возможно, Александр Великий, или Юлий Цезарь, или Улисс Грант.

Только одна досадная мысль, как булавка, ты-калась в этот великолепный воздушный шар, гонимый ветром его мечты. Эти два древних негодяя, Александр и Цезарь, они не будут долго мириться со своим подчиненным положением. С самого начала они начнут плести сеть заговоров, чтобы захватить управление колесным гигантом. Да и будет ли такой великий человек, как Улисс Грант, подчиняться приказам Сэма Клеменса, простого юмориста, писателя, на планете, где не

существует письменности.

Горячий водород со свистом покинул оболочку его Мечты. Сэм обмяк, снова подумав о Ливи, столь уже, казалось, близкой и унесенной от него прочь именно тем, что могло осуществить все остальные его мечтания. Она на короткий миг была показана ему, скорее всего, каким-то жестоким богом и тут же исчезла снова. Да и осуществимы ли все его мечты? Он может даже не найти этот огромный источник железа, который должен быть где-то поблизости!

9

— Вы выглядите бледным и усталым, Сэм, — произнес Лотар.

Сэм поднялся и сказал:

— Я собираюсь лечь спать.

— И тем самым разочаровать эту венецианскую красавицу семнадцатого века, которая весь вечер строит вам глазки?

— Займитесь ею сами, — засмеялся Клеменс.

И он ушел прочь. В течение нескольких последних часов он не раз был готов уступить соблазну и взять ее в свою хижину, особенно после первого согревающего глотка виски. Но сейчас он был равнодушен к ней. Более того, он знал, что им вновь овладеет чувство вины, как только он возьмет к себе в постель Анджелу Сангеотти. За эти двадцать лет после Воскрешения он жил с десятком женщин и все время испытывал угрызения совести. А теперь, как ни странно, он чувствовал вину не только перед Ливи, но и перед Темах — его подругой из Индонезии, с которой не разлучался последние пять лет.

— Любопытно! — много раз говорил он сам себе. — Ведь нет никаких разумных причин,

почему я должен чувствовать себя виноватым перед Ливи. Мы были в разлуке так долго, что, наверное, стали совершенно чужими друг другу. Слишком многое произошло с каждым из нас за эти годы, прошедшие со Дня Воскрешения.

Однако от этих доводов легче не становилось. Он продолжал страдать. А почему должно быть иначе? Здравый рассудок не имеет ничего общего с подлинной логикой. Человек — иррациональное животное, чьи поступки находятся в строгом соответствии с его врожденным темпераментом и стимулами, к которым он особенно чувствителен.

Почему же я извожу себя тем, что не может быть вменено мне в вину, так как я не мог по своей природе поступить иначе?

Потому что в моей натуре мучиться из-за того, в чем я лично не виноват. Я вдвойне обречен. Первый атом только что возникшей Земли дал начало цепи событий, которые неизбежно, чисто механически, вели к моему появлению здесь, к тому, что я сейчас в темноте на странной планете среди престарелых юношей всех времен и народов бреду к бамбуковой хижине, где меня ждут по логике событий вовсе необязательные, но тем не менее неизбежные: одиночество, чувство вины и

самоосуждение.

Я мог бы утопиться, но здесь самоубийство лишено смысла. Все равно проснешься пусть в другом месте, но тем же самым человеком, который день назад прыгнул в Реку. Такой поступок ничего не решит, но, вероятно, сделает тебя еще более несчастным.

— Безжалостные изверги с каменными сердцами! — крикнул он и потряс кулаком. Затем печально засмеялся и добавил: — Но они ведь тоже не могут ничего поделать со своими суровыми сердцами и жестокостью, как и я со своими неприятностями. Мы ведь все здесь в одной упряжке!

Однако от этой мысли жажда мщения вовсе не ослабела. Сейчас он откусил бы эту руку, даровавшую ему вечную жизнь.

Его бамбуковая хижина была расположена среди холмов под огромным железным деревом. Хотя по земным меркам это была всего лишь лачуга, здесь она казалась роскошной, ибо здесь считались роскошью даже каменные орудия, необходимые для возведения домов. Тем, кто возродился здесь после падения метеорита, пришлось сооружать временные шалаши, связывая верхушки стеблей бамбука веревками из тра-

вы и покрывая их огромными, похожими на слоновьи уши, листьями железных деревьев. Из пятисот разновидностей бамбука, произраставших в долине, некоторые можно было даже, предварительно расщепив, превратить в ножи, которые, однако, очень быстро покрывались зазубринами.

Сэм вошел в хижину, лег на койку и укрылся несколькими полотнищами. Слабый шум отдаленного веселья тревожил его и, поворочавшись немного, он поддался искушению пожевать кусочек наркотической резинки. Ее эффект невозможно было предсказать — экстаз, яркие многоцветные, быстро сменяющиеся видения, ощущение того, что все хорошо в этом мире, желание любить и бездонное уныние, во время которого из тьмы выскакивают жуткие чудовища, призраки вины с далекой Земли, адский огонь, пожирающий грешников, и безликие дьяволы, со смехом слушающие их крики.

Он пожевал немного, проглотил слюну и тотчас же понял, что совершил ошибку. Но теперь уже было слишком поздно. Он продолжал жевать, пока не увидел перед собой, что он — мальчишка и утонул или, по крайней мере, близок к этому, и утонул бы, если бы его не вытащили из воды.

Это был первый раз, когда я умер, подумал он, но потом понял, что первый раз он был близок к смерти при рождении. Странно, мать мне никогда не говорила об этом.

Он видел мать, лежавшую на кровати с распущенными волосами. Она была бледной, веки полуприкрыты, челюсть опустилась. Врач возился с малышом — им самим, Сэмом — не выпуская изо рта сигару. Уголком рта он говорил отцу Сэма:

— Вряд ли стоит его спасать.

Отец пожал плечами:

— У вас есть выбор — спасти ребенка или спасти Джейн?

У врача была копна огненно-рыжих волос, густые свисающие усы и светло-голубые глаза. На его лице было какое-то странное, жестокое выражение.

Врач сказал:

— Вы слишком сильно беспокоитесь. Я спасу этот комочек плоти, хотя на самом деле он не стоит того. Женщину я тоже спасу.

Врач завернул его и положил на кровать, а затем сел и начал что-то записывать в маленькую черную книжку. Отец Сэма спросил:

— Как вы можете что-то писать в такой мо-

мент?

— Я должен вести записи, и если бы я не говорил так много, то записал бы гораздо больше. Этот журнал я завел на все души, которые родились на свет с моей помощью. Я собираюсь когда-нибудь написать большой отчет обо всех этих детях и выяснить, добился ли кто-нибудь из них чего-то в жизни. Если я помог выжить хотя бы одному гению, всего лишь одному, я буду считать, что не зря прожил свою жизнь. В противном случае я потратил ее, помогая родиться тысячам идиотов, лицемеров, стяжателей и тому подобным.

Маленький Сэм завопил, и врач пробурчал:

— Он кричит так, будто перед смертью из него дух выходит вон, не правда ли? Будто он взвалил на свои узкие плечи ответственность за все грехи мира.

— Вы странный человек, — произнес его отец. — И мне кажется, довольно злой. А кроме всего прочего, не богобоязненный.

— Да! Я поклоняюсь Князю Тьмы! — гордо сказал врач.

В комнате стоял запах крови, перегара изо рта доктора, табака и пота.

— Как вы собираетесь назвать его? Сэмюелем? Это и мое имя тоже! Оно означает «имя Бога». Вот

потеха! Два Сэмюеля, а?! Хилый дьяволенок, я сомневаюсь, что он выживет, но если выживет, то будет потом очень жалеть об этом.

— Убирайтесь из моего дома, вы, дьявольское отродье! — взревел его отец. — Ну что вы за человек! Убирайтесь! Я позову другого врача. Я даже не хочу, чтобы кто-нибудь знал, что вы прикасались к моей жене и были в этом доме. Избавьте этот дом от вашей скверны.

Врач, пошатываясь, побросал свои грязные инструменты в саквояж и защелкнул его.

— Очень хорошо, — зловеще проговорил он. — Но вы задержали меня в этой идиотской деревне. У меня есть более срочные и важные дела, мой деревенский друг. Только из-за своего доброго сердца я сжалился над вами, так как лекаря, обслуживающего эту дыру, не было в городе. Я отказался от мирного ужина в таверне ради того, чтобы прийти сюда и спасти дитя, которому гораздо лучше было бы умереть… да, да, уж поверьте мне, гораздо лучше. Кстати, почему бы вам не расплатиться со мной?

— Мне следовало бы вышвырнуть вас из дома и расплатиться с вами проклятиями! — крикнул отец Сэма. — Но долги нужно платить независимо от обстоятельств. Вот ваши тридцать

сребреников.

— Это для меня всего лишь бумажки, — сказал врач. — Вы можете вызывать вашего фармацевта, но вы должны помнить о том, что именно доктор Экс вытащил вашу жену и ребенка из пасти смерти. Экс, никому не известный врач, вечный странник, таинственный незнакомец, дьявол, посвятивший свою жизнь тому, чтобы давать жизнь другим дьяволятам, который обожает виски, поскольку терпеть не может ром.

— Вон! Вон! — завопил отец Сэма. — Вон отсюда, пока я не убил вас.

— В этом мире трудно рассчитывать на благодарность, — тихо произнес врач и покачал головой. — Из ничего возник, жил среди ослов и распадусь во прах. Из нуля вышел, в нуль превращусь!

Покрываясь потом, с широко открытыми, неподвижными глазами, Сэм смотрел этот спектакль. Сцена и актеры находились в круге бледно-желтого света, сквозь который вспыхивали и гасли красные прожилки.

Доктор еще раз повернулся к Сэму лицом, прежде чем выйти за дверь дома в деревушке Флорида, штат Миссури, 30 ноября 1835 года. Он вынул изо рта сигару и насмешливо улыбнулся,

обнажив длинные желтые зубы, среди которых выдавались два необыкновенно белых и длинных клыка.

Все это померкло, как будто закончилась демонстрация фильма. Через дверь, которая была в воображении Сэма и одновременно являлась дверью его хижины, вошла другая фигура. Она обозначилась в свете звезд, а затем скрылась в тени. Сэм закрыл глаза и напрягся, готовясь еще к одному ужасному испытанию. Он застонал и пожалел, что прибег к жвачке. И все же он понимал, что вместе с ужасом она принесла и некоторую долю восторга. Он ненавидел и наслаждался этим. Драма рождения была плодом его фантазии, призванная объяснить, почему он был именно таким человеком. Но что это за неясная фигура, двигавшаяся бесшумно и решительно, как сама смерть? Из какой глубокой пещеры его разума поднялось это создание?

Раздался низкий сочный голос.

— Сэм Клеменс! Лежите спокойно! Я не сделаю вам ничего плохого. Я пришел сюда, чтобы помочь вам.

— И что же вы хотите получить взамен своей помощи? — спросил Сэм.

Человек хихикнул и произнес:

— Вы именно тот человек, который мне нужен. Мой выбор оказался правильным.

— Вы имеете в виду, что я выбрал вас, потому что вы выбрали меня? — усмехнулся Сэм.

Наступила небольшая пауза, а затем неизвестный ответил:

— Ну, не совсем так. Вы, наверное, полагаете, что я еще один фантом, вызванный жевательной резинкой? Нет, это не так. Прикоснитесь ко мне!

— Зачем? Как вызванный наркотиком призрак, вы, разумеется, позаботились о том, чтобы вас можно было не только видеть и слышать, но и осязать. Выкладывайте, с чем пришли!

— Если говорить все, то это будет слишком долго. Я не рискну провести с вами слишком много времени. Это могут заметить наши, которые находятся в этой местности. Для меня это очень нежелательно, поскольку они подозрительны. Они знают, что среди них есть изменник, но не знают, кто именно!

— Они? Изменник? — удивился Сэм.

— Они, то есть мы, этики, проводим обследование этой местности, — произнесло существо. — Создалось совершенно уникальное положение — впервые собран вместе абсолютно разнородный состав людей. Благодаря этому представилась

редчайшая возможность для изучения. И мы регистрируем абсолютно все. Я здесь в качестве главного администратора, поскольку я один из Двенадцати.

— Мне придется гадать, кто вы, когда я проснусь, — усмехнулся Сэм.

— Вы сейчас бодрствуете, и я существую на самом деле. Я — объективная реальность. И я повторяю, у меня очень мало времени.

Сэм попытался было приподняться, но рука, в которой чувствовалась громадная как физическая, так и психическая сила, толкнула его назад. Ощутив эту силу, Сэм содрогнулся.

— Вы один из Них, — прошептал он. — Один из Них!

Он отказался от мысли схватить этого человека и позвать на помощь.

— Из Них, но не с Ними, — согласился незнакомец. — Я на вашей стороне, люди, и я намерен сделать все, чтобы мои соплеменники не завершили это свое гнусное начинание. У меня есть план, но он потребует много времени, громадного терпения, медленного и осторожного выполнения всего намеченного. Я установил контакт с тремя людьми. Вы — четвертый. Каждому из вас известны отдельные этапы этого плана, но

не весь целиком. Если кто-нибудь из вас будет разоблачен и подвергнут допросу, он сможет выдать этикам лишь малую его часть. План должен осуществляться постепенно, и все должно казаться случайным и непреднамеренным. Вот, например, как это падение метеорита.

Сэм снова начал приподниматься, но овладел собой, прежде чем рука незнакомца коснулась его.

— Это не было случайностью?

— Нет. С некоторого времени мне известна ваша мечта о постройке парохода и путешествии на нем к истокам Реки. Осуществление ее невозможно без железа. Поэтому я отклонил траекторию одного небольшого астероида так, чтобы он вошел в зону притяжения этой планеты, и скорректировал эту траекторию так, чтобы он упал поблизости от вас. Конечно, не слишком близко, чтобы вы не погибли и вас не перенесло далеко отсюда. Однако существуют устройства, предотвращающие падение космических тел на планету, но мне удалось отключить их на время, достаточное для того, чтобы астероид мог упасть в эту долину. К несчастью, охрана успела вовремя включить отталкивающую систему, и, заработав, она отклонила метеорит от рассчитанной мною

траектории. В результате мы — я имею в виду вас — едва не были убиты. Это просто счастливая случайность, что вы остались живы. Только узнав об этом, я осознал, что то, что вы называете удачей, на моей стороне!

— Значит, падающая звезда?..

— Да, она упала преднамеренно.

Сэм подумал о том, что если этому незнакомцу так много известно, то он, скорее всего, член экипажа «Дрейрага».

Если только он не в состоянии быть невидимым. Такая возможность тоже не исключается. Ведь было же невидимым то яйцеобразное тело, которое я видел в воздухе. Я увидел его только потому, что по какой-то причине оно на очень короткое время стало видимым. Может быть, грозовой разряд каким-то образом нарушил нормальное функционирование аппаратуры, делавшей его невидимым.

Значит… так, о чем это я думаю? Ведь это всего лишь еще одна галлюцинация, вызванная жвачкой.

— Поблизости один из наших агентов, — прервал молчание незнакомец. — Слушайте внимательнее. Метеорит не убрали, так как у нас не было на это времени. Таково было, по крайней

мере, мое решение. Он погребен под равниной и холмами в десяти милях отсюда. Нужно пройти десять чашных камней вниз по течению Реки, и вы окажетесь на краю первоначального кратера, в котором осталось несколько крупных осколков и множество мелких. Копайте там. Все остальное — за вами. Я буду помогать вам при первой же возможности, но учтите, что я ничего не могу совершать такого, что могло бы привлечь внимание.

Сердце Сэма стучало так сильно, что он даже плохо услышал собственный голос:

— Почему вы поддерживаете меня в моем стремлении построить корабль?

— Со временем вы это узнаете. А сейчас будьте довольны тем, что вам дали то, в чем вы более всего нуждались. Слушайте! Всего в пяти милях отсюда вверх по Реке имеется огромное месторождение бокситов у подножия гор. И рядом с ним небольшая жила платины. В двух милях от них выше по Реке — жила киновари.

— Бокситы? Платина?

— Вы глупец, Клеменс!

Незнакомец тяжело дышал. Сэм почти ощущал внутреннюю борьбу, которую ведет незнакомец, чтобы сдержать свою злость и отвращение. Затем

снова голос незнакомца стал спокойным:

— Бокситы нужны вам для производства алюминия, а платину можно использовать в качестве катализатора для изготовления различных вещей, которые вам понадобятся на вашем судне. У меня уже нет времени для разъяснений. В этой местности есть несколько инженеров, которые расскажут вам, как можно использовать платину и киноварь. Сейчас я должен уходить. Он приближается сюда! Поступайте так, как я вам сказал. Да, а кремень есть в тридцати милях отсюда вверх по Реке.

— Однако… — начал Клеменс. На мгновение снова в проеме хижины возникли и тут же исчезли очертания человека. Сэм неуверенно встал и подошел к двери. На берегу все еще горели костры и возле них виднелись фигурки людей. Незнакомец ушел. Сэм обошел вокруг хижины, но нигде никого не было. Он взглянул на небо, на котором бледно мерцали газовые туманности и ослепительно сверкали белые, голубые, красные и желтые звезды. Клеменс надеялся, страстно надеялся, что и на этот раз ему удастся хоть на миг увидеть странный, то появляющийся, то исчезающий летательный аппарат.

Но он ничего не увидел.

10

Возвратившись в хижину, он натолкнулся на огромную темную и неподвижную фигуру перед дверью. Сердце его снова застучало, как молот.

— Джо?

— Да, — ответил гулкий, как большой барабан, голос. — Ждешь был кто-то, но не человек. Я почуял его. У него какой-то жабавный жапах, не такой, как у ваш, людей. Ты жнаешь, это напоминает мне…

На некоторое время гигант замолчал. Сэм терпеливо ждал, понимая, что огромные жернова перемалывают муку мысли. Затем Джо сказал:

— Будь я проклят!

— Что такое, Джо!

— Это было очень давно, еще на Жемле. Жа некоторое время перед тем, как я был убит. Нет, этого не может быть. Гошподи Иишуше, ешли то, что ты рашшкаживаешь, правда, о том, школько лет нажад я жил, то это, должно быть, проижошло што тышяч лет нажад!

— Не тяни, Джо! Не мучай меня! — воскликнул Сэм.

— Ты не поверишь этому. Но ты должен пом-

нить, что у моего ноша тоже ешть швоя память.

— Должна быть, — согласно кивнул Сэм, — ведь он у тебя гораздо больше мозга. Высмаркивай из него все, что ты знаешь, не то я умру от неудовлетворенного любопытства.

— Хорошо, Шэм. Так вот. Я вышлеживал одного парня иж шошеднего племени, которое жило недалеко от наш, по другую шторону большого холма, похожего на…

— К чему такие подробности! — вспылил Сэм.

— Хорошо. Было уже пождно, и я жнал, что догоняю швоего противника, потому что его шледы штали шовшем швежими. Вдруг я ушлыхал какой-то жвук, который жаштавил меня подумать, что, может быть, парень, которого я прешледовал, окажалшя жа моей шпиной и теперь я, а не он, могу неожиданно получить по башке. Поэтому я упал на жемлю и пополж на жвук. Догадайшя, друг Шэм, что я увидел? Почему я не рашшкаживал тебе об этом? Каким болваном я был!

— Вполне согласен с этим. Так что же было там дальше. Давай, не тяни.

— Хорошо. Жначит, парень, которого я прешледовал, учуял меня, хотя и не жнаю, каким ображом, потому что я шел тихо, как хорек, подкрадывающийшя к птичке, и это нешмотря на то,

что я такой большой. И вше-таки он окажалшя пожади меня и мог бы напашть на меня… мог бы. Но он лежал на жемле, неподвижный, как труп. Вожле него штояли два человека. Это шейчаш я такой шмелый, как и другие, даже шмелее, но тогда я впервые увидел людей и, ражумеетшя, ишпугалшя их. Но тем не менее я притаилшя.

На них была одежда, то ешть то, что ты опишивал мне как одежду. В руках у них были какие-то шмешные штуковины, длиною в фут, похожие на толштые черные палки, но не иж дерева, а шкорее иж штали, такой же, иж которой шделан топор Эрика.

Я был хорошо шпрятан, но эти ублюдки какимто ображом учуяли меня. Один иж них направил на меня палку, и я потерял шожнание. Выключилшя. Когда я пришел в шебя, двое людей и мой недруг ишчежли. Я не жабуду жапах этих людей, даже когда попаду в ад.

— Это все? — спросил Сэм.

Джо кивнул.

— Черт побери! Да ведь это означает, что эти… эти люди… не спускали с нас глаз добрых полмиллиона лет. Или даже больше. Но были ли это те же самые люди?

— Что ты имеешь в виду, друг Шэм?

Сэм предупредил Джо, что он не должен никому рассказывать о том, что сейчас услышит. Он знал, что великану можно доверять, и все-таки у него возникло беспокойство после того, как он все рассказал. Неизвестный (Сэм назвал его Иксом) потребовал от него, чтобы он ни слова никому не говорил.

— Вше это очень хорошо вяжетшя друг ш другом. — Джо так сильно закивал головой, что его нос стал похож на бревно, болтающееся в разбушевавшемся море. — Какое шовпадение! Я видел их на Жемле, жатем с отрядом Эхнатона я видел башню и вождушный корабль, а теперь вот этот Икш выбрал тебя, чтобы ты поштроил швой пароход. Что ты на это шкажешь?

Сэм так разволновался, что заснул только перед самой зарей, да и то ненадолго. Он заставил себя подняться и пойти позавтракать, хотя с большим удовольствием остался бы в постели. Пока викинги, немец и Джо поглощали содержимое своих чаш, он рассказал им тщательно откорректированную версию того, что произошло с ним ночью. Он рассказал им, будто это был сон. Если бы обоняние Джо не подтвердило присутствие Таинственного Незнакомца, он и сам бы считал это всего лишь сном.

Фон Рихтгофен, разумеется, поднял его на смех, однако норвежцы верили в откровения посредством сновидений. Скорее, большинство из них верило в это. Среди неминуемых скептиков, к несчастью, был Эрик Кровавый Топор.

— Ты хочешь, чтобы мы тащились десять миль и копали землю только из-за того, что тебя посетил кошмар? — зарычал он. — Я всегда думал, что твой ум настолько же ничтожен, как и твоя смелость, Клеменс. Теперь я уверен в этом! Забудь о своих бреднях!

Сэм сидел на земле и ел. После этих слов он вскочил и, сверкая глазами из-за густых бровей, сказал:

— Тогда мы с Джо пойдем туда. Организуем местных жителей, чтобы они помогли нам копать, и когда мы отыщем железо — а мы его обязательно отыщем — вам не купить места в организации ни деньгами, ни любовью. Первого здесь просто не существует, а второго, между прочим, у вас не было ни здесь, ни на Земле.

Кровавый Топор начал кричать, размахивая топором, плюясь непрожеванным хлебом и мясом.

— Ты, жалкий раб, как ты разговариваешь со мной! Ты ничего не выкопаешь, негодяй, кроме своей могилы!

Джо, который уже возник рядом с Клеменсом, издал воинственный клич и вытащил из-за пояса свой каменный топор. Викинги прекратили еду и отошли в сторону, расположившись за своим вожаком. Фон Рихтгофен ухмылялся во время рассказа Клеменса, но сейчас он с той же застывшей ухмылкой задрожал. Но вовсе не от страха. Он поднялся и не проронив ни слова, встал справа от Клеменса.

— Вы насмехались над смелостью и умением драться германцев, мой норвежский друг, — сказал он викингу. — Теперь у вас этот смех станет поперек глотки.

Кровавый Топор громко рассмеялся.

— Вы только посмотрите! — вопил он. — Два бойцовых петушка и горилла! Ваша смерть не будет легкой! Уж я позабочусь о том, чтобы прошло много дней, прежде чем вы испытаете радость смерти! Вы будете меня умолять прекратить ваши муки, но напрасно.

— Джо! — позвал Клеменс. — Непременно убей Топора первым, и тогда тебе не придется сильно потеть, чтобы одолеть остальных.

Джо поднял свой пятидесятифунтовый топор над плечом и стал вращать им по дуге с такой легкостью, будто тот был пушинкой.

— Я могу проломить его грудную клетку одним ударом и, наверное, жашибу еще нешкольких жа ним.

Норвежцы хорошо знали, что это не пустое хвастовство. Им доводилось уже видеть достаточное количество размозженных им черепов. Этот гигант был способен убить половину из них, прежде чем они расправятся с ним. А может быть, даже останется в живых, сокрушив всех. Но они поклялись до самой смерти защищать Кровавого Топора и, хотя многие его недолюбливали, нарушать свою клятву не собирались.

В Речной Долине не должно было бы быть трусов, а храбрость должна была стать всеобщей. Ведь смерть была не навсегда, убитый воскресал снова. Но те, кто был храбрым на Земле, как правило, были храбрыми и здесь, а кто был труслив на родной планете, так и остался трусом. Умом можно было понять, что смерть длится всего лишь день, но все клетки организма, подсознание, весь комплекс эмоций, все то, что составляло сущность человека, не признавало этот факт. Сэм Клеменс как мог старался избегать насилия и следующих за этим душевных мучений, которых он боялся сильнее насильственной смерти. Он не раз сражался в рядах викингов, размахивая топо-

ром, метая копье и стрелы. Он наносил и получал раны, а один раз даже убил человека, хотя, скорее всего, это было случайностью, а не результатом его мастерства. Но он не был воином. Во время битвы полностью открывались все клапаны его сердца, и силы быстро покидали его.

Сэму это было хорошо известно, но он не стыдился этого и не упрекал себя.

Эрик Кровавый Топор был вне себя от ярости и ничего не боялся. Но если он умрет — и скорее всего так и случится — он уже никогда не сможет принять участие в путешествии на гигантском пароходе-мечте Клеменса и не пойдет на приступ цитадели на северном полюсе планеты. И хотя он смеялся над сном Сэма, какая-то его часть все же продолжала верить, что сновидения могут быть откровениями, посылаемыми богами. Вдруг он сам себя ограбит, лишившись такого славного будущего.

Сэм Клеменс знал викинга и готов был спорить, что честолюбие одолеет гнев Эрика. Так и произошло. Вожак опустил топор и заставил себя улыбнуться.

— Нехорошо сомневаться в том, что посылают боги, пока не удостоверишься сам, — произнес он. — У меня были знакомые жрецы, которым

Один и Хеймдаль открывали истину в снах. Однако они были малодушными и частенько лгали от имени говоривших с ними богов. Поэтому, мы будем копать железо. И если найдем его, то хорошо. Но если же нет… Вот тогда-то и продолжим наш спор, который отложили сегодня…

Сэм облегченно вздохнул и постарался поскорее унять свою дрожь. Его мочевой пузырь и кишки причиняли ему страдания своим упорным желанием освободиться от содержимого. Но в этот момент он не осмеливался удалиться. Он должен играть роль человека, который всегда побеждает. Через десять минут, уже не в силах больше терпеть, он побежал к своей хижине.

Икс, этот Таинственный Незнакомец, сказал, что копать нужно где-то около десятого чашного камня вверх по Реке. Однако будущим рудокопам нужно было выяснить отношения с главарями местных жителей. Это были: гангстер из Чикаго 20-30-х годов по имени Альфонсо Джилбретто, бельгийский угольный и стальной магнат конца девятнадцатого века и один из турецких султанов середины восемнадцатого века. Вокруг этого триумвирата сложилось по ставшей уже классической схеме ядро банды из тех, кто был безжалостным эксплуататором своих ближних

в преступном и деловом мире Земли. Тех, кто возражал против новых самозваных правителей, постарались убрать, и банда определила, какую долю из содержимого чаш каждого «гражданина» следует выплачивать за «защиту». Джилбретто завел себе гарем из пяти женщин, две из которых согласились добровольно, а одна уже успела умереть, разбив себе голову чашей, когда он прошлой ночью вошел в ее хижину.

Клеменс узнал обо всем этом по системе тайной сигнализации. Он понял, что викингам будет противостоять две сотни головорезов и не меньше тысячи человек так называемой милиции. Они же могут выставить сорок мужчин и двадцать женщин. Но местные жители вооружены только бамбуковыми копьями с обожженными для твердости концами, в то время как у нападавших были щиты из кожи речного дракона, кремневые топоры, копья и стрелы с каменными наконечниками. И наконец, это нельзя сбрасывать со счетов, с ними был Джо Миллер.

Кровавый Топор объявил с корабля о намерениях норвежцев. Если местные жители захотят принять участие, они могут присоединиться, но главенствующая роль без сомнения будет принадлежать викингам. Однако никому уже

не придется платить дань содержимым своей чаши и ни одна женщина больше не будет взята силой.

Джилбретто метнул в Эрика копье и выкрикнул сицилийское ругательство. Норвежца не задело ни то, ни другое, и он в свою очередь метнул свой топор. Его лезвие глубоко вошло в грудь гангстера, и Эрик выпрыгнул с корабля и бросился к своему драгоценному стальному оружию с кремневым топором в руке. Джо Миллер и еще тридцать мужчин последовали за ним. Женщины стали стрелять из луков и выпустили по бандитам последнюю ракету. Она попала точно в цель, возле последней шеренги головорезов Джилбретто. Около сорока человек были убиты или ранены.

В течение минуты бельгийский магнат и турок были убиты, их головы искрошил топор Джо, остальные же были либо ранены, либо пустились наутек.

Однако никому не удалось уйти. Милиция осознала, что наконец-то представилась возможность взять реванш. И те, кто спасся от топоров и копий норвежцев, пали от рук своих же «граждан». Оставшихся в живых десятерых бандитов распяли, проткнув горящими бамбуковыми

палками. Клеменс терпел их крики. Он не хотел повредить своей популярности, слишком быстро закончив это увлекательное зрелище. Поэтому он старался не обращать внимание, насколько мог, на этот спектакль. Лотар фон Рихтгофен сказал, что ему понятно желание поиздеваться над бандитами со стороны тех, кого они недавно мучили. Но он не мог допустить, чтобы это варварство продолжалось слишком долго, и, подойдя к ближайшему из бандитов, успокоил его одним ударом топора. Затем он приказал, чтобы немедленно и с остальными поступили точно так же. Эрик мог бы помешать выполнению этого приказа, поскольку полагал, что своих противников надо подвергать долгим мучениям в качестве урока как для них, так и для всех остальных. Иными словами — в назидание! Но он был оглушен осколком скалы, попавшим в него после взрыва ракеты, и некоторое время не принимал участие в спектакле.

Милиция неохотно повиновалась приказу Лотара, правда, выполнив его по-своему. Девять еще живых бандитов были брошены в Реку, где огонь погас, но боль не утихла. Некоторые из них, прежде чем утонуть, еще несколько минут барахтались в воде. И это было странным, так

как мучительные боли можно было унять, тут же пойдя ко дну. Ведь через сутки они опять оживут. Но таков был инстинкт самосохранения. Это он заставлял их из последних сил держаться на плаву, высоко подняв голову над водой.

11

Земляные работы начались не сразу. Сначала надо было организовать местных жителей, создать административные и законодательные органы и сформировать войско. Нужно было установить точные границы нового государства. Клеменс и Кровавый Топор долго спорили по этому поводу, пока не решили, что можно будет эффективно управлять территорией, ограниченной трехмильной зоной с каждой стороны от места раскопок вверх и вниз по Реке. На границах было устроено нечто, похожее на линию Мажино. Это была двадцатифутовая полоса заостренных на конце бамбуковых столбов, торчащих из земли на два фута под разными углами. Линия шла от самых гор вплоть до берега Реки. Рядом с нею были построены хижины, где жили стражники и их женщины.

Еще один заслон был сооружен вдоль берега. Когда строительство было закончено, корабль викингов отправился вверх по Реке, туда, где, если верить Таинственному Незнакомцу, находились месторождения кремня. Кровавый Топор остался вместе со своими пятнадцатью викингами на

берегу. Во главе экспедиции он поставил своего помощника Снорри Рагнарссона. Снорри должен был заключить сделку с обитателями тех мест, пообещав за кремень долю железа, когда оно будет добыто. Если же местные жители откажутся, то ему следовало пригрозить им. Кровавый Топор считал, что Джо Миллеру необходимо отправиться с этой экспедицией, ибо гигантские размеры и гротескные черты гигантопитека обязательно внушат страх местным обитателям.

Сэм Клеменс согласился с рассуждениями норвежца по этому вопросу, но ему не нравилось, что он будет разлучен со своим другом. Но и самому отправляться на судне вместе с Джо тоже не хотелось. Он опасался, что Эрик может что-нибудь натворить в его отсутствие. Вожак имел несносный характер и был крайне высокомерен. Если он начнет унижать только что покоренных людей, это может стать причиной бунта, который наверняка погубит немногих оставшихся викингов.

Сэм задумчиво расхаживал возле своей хижины и курил. Под этой травой находилось железо. Его было более чем достаточно для осуществления его Мечты, но тем не менее, пока не будут выполнены подготовительные работы, он не может даже начать копать. И каждый шаг, который,

по его мнению, необходимо было предпринять, откладывался из-за вновь и вновь возникающих проблем. Он настолько расстроился из-за этого, что чуть не перекусил сигару. Людям, жившим в районе месторождения кремня, надо было показать страшилище, подобное Джо, чтобы склонить их к сотрудничеству. Но в этом случае Эрик может воспользоваться его отсутствием и убить Сэма. Он не сделает этого открыто из-за страха перед Джо, который может отомстить по возвращении, но ведь он легко может и подстроить несчастный случай…

Клеменс остановился и выругался.

— Если я умру, меня воскресят где-то в другом месте, так далеко отсюда, что придется добираться сюда на лодке добрую сотню, если не тысячу лет. А тем временем другие извлекут железо и построят мой пароход! Мой! Мой! Не их, а мой!!!

В это мгновение к нему подбежал Лотар фон Рихтгофен.

— Я только что обнаружил двоих нужных вам людей, Клеменс, — начал он, запыхавшись. — Только один из них не мужчина! Можете себе представить, женщина-инженер!

Мужчина, Джон О'Брайен, был инженером-металлургом середины двадцатого века. Женщина,

наполовину монголка, наполовину русская, прожила всю свою жизнь в шахтерских поселках в Сибири.

Сэм Клеменс обменялся с ними рукопожатиями и кратко рассказал, что он хочет сделать сейчас и что позднее.

— Если неподалеку отсюда есть крупные залежи бокситов, — сказал О'Брайен, — то мы, наверное, сможем построить такой, как вы хотите, корабль.

Он очень разволновался, как и любой другой на его месте, оставивший давно всякую надежду на то, что сможет здесь заниматься своим земным делом. Таких, как он, было очень много, мужчин и женщин, которые хотели работать, а не просто убивать время. Здесь были врачи, которым совершенно нечего было делать, кроме лечения переломов, печатники, у которых не было ни типографий, ни бумаги, почтовые работники, которые не могли доставлять почту, кузнецы, у которых не было расковавшихся лошадей, фермеры, которым нечего было выращивать, домохозяйки, у которых не было детей для присмотра, пища была уже приготовлена, а уборка занимала не более пятнадцати минут. Негде было делать покупки. Здесь были проповедники,

религии которых были полностью дискредитированы самим фактом существования этого мира, самогонщики, которым не из чего было гнать свое зелье, сутенеры и проститутки, чья профессия была уничтожена избытком любителей; здесь было вдоволь механиков, которым так недоставало автомобилей, рекламных агентов, для которых не было рекламных бюро, ковбоев без лошадей и скота, пианистов без фортепиано, железнодорожников без железных дорог, биржевых маклеров без биржи и так далее.

— Вы, однако, хотите, построить пароход, — продолжал О'Брайен. — Но это очень нерационально. Вам придется останавливаться, как минимум, раз в день, чтобы нарубить дров, что будет означать длительные задержки даже в тех случаях, когда местные жители разрешат вам забрать их ограниченные запасы бамбука и сосны. Более того, ваши котлы, валы и другие детали износятся задолго до того, как вы достигнете цели путешествия, и вам не хватит места, чтобы везти достаточное количество железа для изготовления запасных частей. Нет, вам нужны электрические двигатели.

В этой местности я мельком видел одного человека. Я не знаю, где он сейчас находится, но он

должен быть где-то поблизости. Я его обязательно разыщу. Он кудесник электричества. Он жил в конце двадцатого века и знает, как изготовить нужные вам двигатели.

— Постойте, а откуда вы возьмете огромное количество электроэнергии, которое нам понадобится? Неужели вам придется соорудить свой собственный Ниагарский водопад и таскать его за собой?

О'Брайен был невысоким, худеньким юношей с рыжими волосами и с такими тонкими чертами лица, что напоминал девушку. У него была кривая усмешка, но тем не менее почти все находили его достаточно симпатичным.

— Эта энергия будет у вас под рукой. — Он указал на грибообразные чашные камни. — Трижды в день эти камни выделяют огромное количество электроэнергии. Что нам мешает подцепить к нескольким камням силовые кабели и запасать электроэнергию разряда для питания двигателей?

Сэм от удивления выпучил глаза и сказал:

— Ну и тупой же я! Ведь это прямо перед моим носом, и я ни разу не подумал! Конечно же! — Затем он прищурился и опустил свои густые брови: — А как же, черт возьми, вы запасете всю эту энер-

гию? Я не слишком разбираюсь в электричестве, однако знаю, что вам понадобится аккумуляторная батарея повыше Эйфелевой башни или же конденсатор размером с Эверест.

О'Брайен покачал головой.

— Я думал точно так же, но этот парень, мулат, наполовину зулус, наполовину африканер, Вобенгула ван Бум, сказал, что будь у него материалы, он мог бы построить аккумуляторное устройство — он назвал его дельтатроном — в виде тридцатифутового куба, которое смогло бы запасать десять мегакиловатт энергии и выдавать их по одной десятой вольта в секунду или все сразу.

Если нам удастся раскопать бокситы и изготовить алюминиевую проволоку, а даже это зависит от успешного разрешения многочисленных проблем, мы сможем использовать алюминий для кабелей и электродвигателей. Алюминий, правда, не столь хорош, как медь, но ее у нас нет, так что для наших нужд сойдет и алюминий.

Злость и усталость Сэма как рукой сняло. Он ухмыльнулся, щелкнул пальцами и даже немного подпрыгнул:

— Найдите мне этого ван Бума! Я хочу поговорить с ним!

Сэм выпустил дым от сигары, кончик которой

вспыхнул, как воображаемая картина в его мозгу. Он представил себе огромный белый пароход (нет — электроход), плывущий вверх по Реке с Сэмом Клеменсом в фуражке речного капитана, сделанной из кожи речного дракона, Сэмом Клеменсом — капитаном легендарного, уникального колесного судна, совершающего путешествие в миллионы миль. Никогда не было ни такого корабля, ни такой Реки, ни такого путешествия! Воет сирена, позвякивает колокол, команда составлена из великих людей всех времен. От недочеловека-охотника на мамонтов Джо Миллера, жившего за миллион лет до нашей эры, до хрупкого телом, но очень умного ученого конца двадцатого века.

Фон Рихтгофен вернул его к действительности.

— Я готов начать копать железо. Но что вы решили в отношении Джо?

Сэм застонал и произнес:

— Я никак не могу решить, что делать. Я волнуюсь, как шлифовщик алмазов перед первым заходом своего инструмента. Одно неверное движение — и «Кохинор» раскалывается! О'кей! Я посылаю Джо. Придется рискнуть. Но без него я ощущаю себя беспомощным ребенком. Я уведомлю Эрика и Джо о своем решении, и вы можете

начинать копать. Только надо провести определенную церемонию: мы все выпьем по рюмочке, и я выкопаю первую лопату!

Через несколько минут, прогрев желудок большой порцией виски, Сэм, не выпуская изо рта сигары, произнес короткую речь и начал копать. У бамбуковой лопаты был довольно острый конец, однако трава оказалась настолько жесткой и густой, что лопату пришлось использовать в качестве мачете. Потея и ругаясь, заявляя, что он всегда ненавидел физические упражнения и не был рожден землекопом, Сэм все же срубил траву. Попытавшись затем вогнать в землю теперь уже затупившуюся лопату, он обнаружил, что не может углубиться даже наполовину. Швырнув лопату на землю, он сказал:

— Ложка с длинной ручкой! Только рожденный для такой работы крестьянин может здесь копать! Я — человек умственного труда!

Толпа засмеялась и начала орудовать кремневыми ножами и топорами.

— Даже если это железо находится на глубине десяти футов, то понадобится добрый десяток лет, чтобы раскопать его. Джо, бери побольше кремня и скорей возвращайся, не то у нас ничего не выйдет, — сказал Сэм, обернувшись к Джо Миллеру.

— Жначит, я должен шобиратьшя в путь? — спросил Джо. — Мне будет очень не хватать тебя, Шэм.

— Да, тебе нужно отправляться за кремнем вместе с другими. А обо мне не беспокойся.

12

В течение следующих трех дней была выкопана яма в фут глубиной и десяти футов в диаметре. Фон Рихтгофен так организовал работу, что одна бригада меняла другую каждые пятнадцать минут. Нехватки свежих и сильных землекопов не было, но задержки были вызваны тем, что быстро тупился инструмент и его часто приходилось менять. Эрик ворчал, глядя на поврежденные орудия, и говорил, что если на них нападут, то оставшимся у них каменным оружием нельзя будет разрезать даже детскую кожу. Клеменс десятки раз умолял его, чтобы он позволил использовать стальной топор, но норвежец отказывался.

— Был бы здесь Джо, я бы точно отобрал у него топор, — заметил Клеменс Лотару. — Но где же все-таки Джо? Он уже давно должен был вернуться. Вернуться или с дарами, или с пустыми руками.

— Мне кажется, нам следует послать кого-нибудь на разведку, — заметил фон Рихтгофен. — Я бы отправился сам, но, как мне кажется, вы все еще нуждаетесь во мне, чтобы защищаться от

Кровавого Топора.

— Если что-нибудь случилось с Джо, нам обоим будет нужна защита, — кивнул Сэм. — Я с вами согласен. Нашим шпионом может быть этот афганец Абдул. Он может незамеченным проскользнуть даже в корзину с гремучими змеями.

Абдул вернулся на рассвете через два дня. Он разбудил Сэма и Лотара, которые спали в одной хижине. Так было безопаснее. На ломаном английском он объяснил, что Джо сидит связанный в прочно сколоченной бамбуковой клетке. Абдул пытался освободить его, но клетка круглосуточно очень бдительно охраняется.

Викингов встретили дружелюбно и радушно. Главарь местных жителей, казалось, был восхищен удачной сделкой: обменом кремня на железо. Он устроил большой пир, чтобы отметить соглашение, и неограниченно угощал своих гостей спиртным и жвачкой. Когда пьяные норвежцы захрапели, их связали. Джо тоже заснул, но когда его стали вязать, проснулся. Исключительно голыми руками он убил двадцать человек и покалечил еще пятнадцать, пока главарь не оглушил его ударом дубины по затылку. От этого удара любой другой был бы убит наповал. Джо же только стал драться менее ожесточенно, и

это позволило его врагам навалиться на него и придержать, дав возможность своему главарю еще дважды ударить гиганта по голове.

— Главарь понимает, что Джо — могучий воин, — говорил Абдул. — Более великий, чем даже сам Рустам. Я подслушал разговоры некоторых людей и узнал, что их главарь намерен использовать Джо в качестве заложника. Он хочет стать партнером по добыче железа. Если ему в этом откажут, он не убьет Джо, нет, он сделает его рабом, хотя я очень сомневаюсь, что это возможно. Затем нападает на нас, перебьет всех и сам будет добывать железо.

И он может это сделать. Сейчас он строит огромный флот, много небольших судов, на каждом из которых может разместиться сорок человек. Суда строятся в большой спешке, но перевезти его армию этот флот все же может. Он предпримет решительное нападение. Его воины вооружены кремневым оружием, луками и стрелами, тяжелыми боевыми бумерангами.

— И кто же этот будущий Наполеон? — спросил Сэм.

— Его люди называют его король Джон. Они рассказывают, что он правил Англией, когда воины носили доспехи и сражались мечами. Это

было во времена Саладина. Брат его был очень известным воином, его звали Ричардом Львиное Сердце.

Сэм выругался и воскликнул:

— Джон Безземельный! Злой и коварный принц Джон! Настолько гнусный, что англичане поклялись, что у них больше никогда не будет короля по имени Джон! Уж лучше бы нам противостояли такие негодяи, как бельгийский Леопольд или Джим Фиск.

Через полчаса Сэма охватило еще большее уныние. На этот раз прошел слух, что в тридцати милях ниже по Реке к ним направляется огромный парусный флот, состоящий из шестидесяти больших одномачтовых кораблей, на каждом из которых находилось не менее сорока воинов. Возглавляет эту армаду король местности, расположенной сразу же за зоной разрушения от падения метеорита. Имя его — Джозеф Мария фон Радович.

— Я читал о нем в школе! — воскликнул Лотар. — Этот человек родился в 1797 году, а умер, насколько я помню, где-то в районе 1853 года. Он был артиллерийским специалистом и хорошим приятелем прусского короля Фридриха-Вильгельма IV. Его прозвали «воинствующим монахом»,

потому что он был генералом с твердыми религиозными убеждениями. Умер он в 50 лет разочарованным человеком, так как перестал числиться в фаворитах короля. Теперь, значит, он снова жив, молод и несомненно пытается навязать свое пуританство другим, уничтожая тех, кто с ним не согласен.

Еще через час пришло известие о том, что в путь отправился и флот короля Джона.

— Англичанин будет здесь первым, — сказал Сэм Эрику. — Они идут быстрее, так как их подгоняет и ветер, и течение.

— Яйца учат курицу! — огрызнулся Кровавый Топор.

— Так что же ты намерен предпринять?

— Сначала разбить этого Джона, а затем уничтожить и германцев, — ответил норвежец. Он взмахнул топором и торжественно произнес: — Да поможет нам невеста Тора! Ребра мои все еще болят, но мне эта боль нипочем!

Сэм не стал спорить. Но оставшись наедине с Лотаром, он заметил:

— Сражаться до последнего, не имея никаких шансов на победу! Это, конечно, достойно восхищения. Но выгоды от этого никакой. Теперь, Лотар, я знаю, что вы подумаете обо мне как о

бесхребетном таракане, но у меня есть Мечта, и она превыше обычных понятий о верности и долге. Мне нужен этот корабль, Лотар, и я хочу довести его до истоков Реки во что бы то ни стало! Если бы у нас были хоть какие-нибудь шансы на победу, я бы даже не стал заикаться. Но у нас их нет. Нас очень мало и у нас гораздо хуже оружие. Поэтому я предлагаю заключить соглашение.

— С кем? — спросил Рихтгофен. Он был бледен и хмур.

— С Джоном. Может быть, он и самый вероломный король на свете, хотя конкурентов у него было хоть отбавляй, но из этих двоих он скорее объединится с нами. У Радовича флот побольше, чем у него, и даже если Джону удастся каким-то образом победить, он будет так ослаблен, что мы сможем прибрать его к рукам. Но если мы объединимся с Джоном в одну шайку, то сможем отлупить Радовича так, что тот будет бежать отсюда, поджав хвост как шелудивый пес.

Фон Рихтгофен рассмеялся:

— Какое-то мгновение назад мне показалось, что вы хотите попробовать спрятаться в горах, а затем предложить свои услуги победителю. Я бы не смог играть роль труса, оставив этих людей одних сражаться с пришельцами.

— Буду честным до конца, — кивнул Клеменс. — Я бы поступил так, если бы это было единственным выходом. Нет, я предлагаю каким-нибудь образом избавиться от Кровавого Топора. Он никогда и ни за что не возьмет Джона в партнеры.

— Вам придется следить за англичанином, как за ядовитой змеей, — заметил фон Рихтгофен. — Но другого выхода я не вижу. Так же как и не считаю предательством убийство Кровавого Топора. Это только страховка. При первом же удобном случае он сам избавится от нас.

— И мы же не убьем его, — добавил Сэм, — а просто уберем со сцены действий.

Клеменсу еще хотелось поговорить о том, что им необходимо сделать, но немец сказал, что довольно болтать. Сэм как всегда хотел оттянуть момент решительных действий. Но дело надо было уладить именно сейчас.

Сэм тяжело вздохнул и произнес:

— Пожалуй, вы правы.

— Так за чем же остановка? — спросил Лотар.

— Я уже страдаю от чувства вины, хотя ничего еще и не совершил, — усмехнулся Сэм. — Я уже чувствую себя подлецом, хотя для этого нет никаких оснований. Ни малейших! С самого рождения

чувствую себя в ответе за все, даже за сам факт своего рождения.

Лотар неодобрительно всплеснул руками и зашагал прочь, бросив через плечо:

— Следуйте за мной, господин Клеменс, или оставайтесь. Но тогда не рассчитывайте на то, что я буду думать о вас, как о капитане. Капитаны не плетутся в хвосте.

Сэм скорчил гримасу, но все же поплелся за ним. Лотар поделился своими намерениями с двенадцатью местными жителями, которым он доверял. Солнце уже начало спускаться к горизонту, когда были оговорены все детали и заговорщики разошлись вооружаться. Из своих хижин они вернулись с бамбуковыми копьями и ножами. У одного из них был лук из бамбука с шестью стрелами, эффективный только на близком расстоянии.

Группа во главе с Лотаром фон Рихтгофеном и Сэмом Клеменсом направилась к хижине вожака норвежцев. Снаружи ее охраняли шестеро викингов.

— Мы хотим поговорить с Кровавым Топором, — сказал Сэм, стараясь унять дрожь в голосе.

— Он с женщиной, — покачал головой один из

охранников, Уве Гримарссон.

Сэм поднял руку. Лотар проскочил мимо него и ударил норвежца по голове. Над плечом Клеменса просвистела стрела и застряла в горле еще одного охранника. В течение десяти секунд остальные были или убиты, или тяжело ранены и прекратили сопротивление. Раздались отдаленные крики еще дюжины викингов, бросившихся на выручку. Эрик с поднятым топором выскочил из хижины. Фон Рихтгофен нанес удар копьем и пронзил обнаженное тело норвежца. Кровавый Топор выронил стальное оружие и под напором немца, шатаясь, стал пятиться, пока не уперся спиной в стену хижины. Он не сводил с немца глаз, рот его шевелился, кровь сочилась с губ, кожа стала серо-синей.

Затем немец выдернул копье из живота норвежца, и Кровавый Топор рухнул наземь.

В последовавшем сражении шестеро из людей Клеменса были убиты и четверо ранены. Викинги не сдавались до тех пор, пока их всех не пришлось утихомирить таким же образом, как и их вожака.

Сэм Клеменс, тяжело дыша, забрызганный чужой и своей кровью из раны на плече, оперся на копье. Он убил одного из викингов, Гуннлара

Торффинссона, проткнув ему почки ударом сзади, когда тот бросился на фон Рихтгофена.

Ему было жаль Гуннлара. Из всех норвежцев он лучше всех понимал шутки Сэма. Теперь он получил удар в спину от своего друга.

«Я сражался в тридцати восьми битвах, — подумал Клеменс, — но убил всего двоих». Вторым был тяжелораненый турок, пытавшийся подняться на ноги. Сэм Клеменс, могучий воин, великодушный герой. Подумав об этом, он оцепенел от ужаса. Перед его мысленным взором предстали эти два трупа, и он осознал, что от этого видения ему не избавиться и за десять тысяч лет жизни.

Затем он пронзительно вскрикнул и испуганно задергал левой лодыжкой, пытаясь поспешно освободиться от обхватившей ее руки. Чувствуя, что ничего не получается, он поднял копье, чтобы вонзить его в схватившего его человека. Снизу на него смотрели бледно-голубые глаза Эрика. На какое-то мгновение жизнь вернулась к викингу. Его взор оживился и кожа слегка порозовела. Голос был слабым, но все же достаточно четким, чтобы Сэм и находившиеся поблизости люди могли слышать его:

— Слушай! Я не отпущу тебя, пока не скажу всего! Боги послали мне дар пророчества. Они

жаждут мести за твое предательство. Слушай! Я знаю, что под этой пропитанной кровью травой есть железо. Я ощущаю его. Я чувствую это железо, которое струится вместе с кровью по моим жилам. От него моя кровь становится еще гуще и холоднее. Здесь железа достаточно и даже больше, чем необходимо для твоего огромного белого корабля. Ты выкопаешь это железо и построишь корабль, бросив вызов богам этого мира.

Ты будешь капитаном этого судна, сука Клеменс, и твой корабль быстро понесет тебя вверх по Реке, то на север, то на юг, то на восток, то на запад. Ты много раз обогнешь планету.

Но строительство этого корабля и последующее плавание будет наполнено печалью и горечью. Пройдет много лет, на Земле за это время сменилось бы два поколения, после великих страданий и незначительных радостей, когда ты уже будешь считать, что твое длинное-предлинное плавание наконец-то заканчивается, вот тогда-то ты встретишь меня!

Вернее, я отыщу тебя! Я буду поджидать тебя на своей узкой ладье для дальних походов. И вот тогда-то я убью тебя! И ты никогда не доберешься до истоков Реки и не будешь штурмовать Ворота Валгаллы!

Сэм похолодел и напрягся. Хотя он и почувствовал, что хватка норвежца ослабевает, он никак не мог заставить себя пошевелиться.

— Я подожду!.. — слабо произнес Эрик и отпустил ногу Сэма.

Клеменс с трудом заставил себя сделать шаг в сторону, опасаясь, что может сломать свои остекленевшие от ужаса кости. Затем он посмотрел на фон Рихтгофена и произнес шепотом:

— Мистика… Человеку не дано заглянуть в будущее…

— Я тоже так думаю, — беспечно произнес Лотар. — Но если мир устроен так, как считаете вы, Сэм, что все происходит чисто механически, что все в мире запрограммировано, то тогда будущее строго предопределено. А если все подготовлено и заранее предрешено, то почему будущее не может на мгновение открыться сквозь туннель времени, а человек не может увидеть его отблеск?

Сэм промолчал. Фон Рихтгофен рассмеялся, показывая, что он просто пошутил, и хлопнул Клеменса по плечу.

— Мне нужно напиться, Лотар, — сказал Сэм. — Что-то тяжело у меня на душе. Однако я и цента не поставил бы за эту суеверную труху.

Но на самом деле он верил в то, что эти уми-

рающие глаза заглянули в будущее, и поверил в предсказание.

13

Король Джон появился за час до наступления сумерек, Сэм Клеменс послал к нему гонца, чтобы передать, что с ним хотят обсудить условия возможного сотрудничества. Джон всегда охотно соглашался переговорить, прежде чем пустить в ход нож, и на этот раз тоже дал свое согласие. Сэм стоял у самой воды, когда увидел Джона Безземельного, облокотившегося о борт своей галеры. Клеменс, выпивший для смелости целую дюжину рюмок виски, изложил ситуацию и с жаром стал описывать, какой великолепный корабль можно будет построить.

Джон был невысокий, смуглый, голубоглазый мужчина с копной густых черных волос и очень широкий в плечах. Он часто улыбался и говорил на хорошем английском языке, мало отличающемся от наиболее распространенного, так что его легко можно было понять. Прежде чем он попал в эту местность, он прожил десять лет среди виргинцев конца восемнадцатого века. Тонко чувствуя язык, он освободил свою речь от характерных оборотов английского и французского языка двенадцатого столетия.

Он хорошо понимал, почему ему выгодно объединиться с Клеменсом против Радовича. Несомненно также, что он сразу же решил, что будет после того, как они разделаются с Радовичем. Но, тем не менее, он сошел на берег, чтобы поклясться в вечной дружбе и сотрудничестве. После выпивки были улажены все детали договора, а затем король Джон велел выпустить Джо Миллера из клетки, которая была установлена на флагманском судне.

Сэма непросто было довести до слез, но как только он увидел гиганта, несколько слезинок покатились по его щекам. Джо же рыдал как Ниагарский водопад и едва не сломал Сэму ребра в своих объятиях.

Чуть позже фон Рихтгофен все же сказал Клеменсу:

— С Кровавым Топором, по крайней мере, вы четко знали, каково ваше положение. Но сейчас, при Джоне… Похоже, что вы совершили плохую сделку, Сэм.

— Я — из Миссури! — ответил Клеменс. — Но с торговлей лошадьми не очень-то знаком. Однако, когда бегством спасаешь свою жизнь, когда волчья стая щелкает зубами у тебя за спиной, то поневоле поменяешь загнанную клячу на дикого

мустанга, чтобы он унес тебя от смертельной опасности. А вот как соскочить с него, не сломав себе при этом шеи, об этом уже думаешь потом.

Битва, начавшаяся на заре следующего дня, длилась долго. Несколько раз Клеменс и король Джон были на краю поражения. Флот англичанина притаился в утреннем тумане возле восточного берега, а затем зашел в тыл прошедшему немецкому флоту. Горящие сосновые факелы, брошенные матросами Джона, подожгли множество судов Радовича. Но нападавшие говорили на одном языке, были хорошо обучены и уже долго сражались плечом к плечу. Кроме того, они были гораздо лучше вооружены.

Их ракеты потопили довольно много судов Джона и проделали отверстия в укреплениях на берегу. Затем, под прикрытием града стрел, немцы устремились в атаку. Во время высадки одна из их ракет взорвалась прямо в яме, выкопанной в поисках железа. Сэм был сбит с ног и оглушен. Он едва смог подняться на ноги. И вдруг понял, что рядом с ним стоит человек, которого он никогда прежде не видел. Сэм был уверен, что никогда раньше здесь, в этой местности, его не было.

Незнакомец был ростом около пяти с половиной футов, но коренастый и сильный на вид.

«Он похож на старый, красный от ржавчины таран, — подумал Сэм, — хотя на вид ему, разумеется, не более двадцати пяти лет». Его курчавые темно-рыжие волосы спадали на спину до самого пояса, а черные брови были так же густы, как и у Сэма. У него были большие, темно-карие глаза со светло-зелеными прожилками. Лицо — орлиное, с выступающим подбородком, а крупные уши торчали почти под прямым углом.

«Тело ржавого тарана, — подумал Сэм, — с головой огромной рогатой совы».

У него был лук из материала, хотя и очень редкого, но все же известного Клеменсу. Это были две соединенные вместе изогнутые кости, окружавшие ранее пасть рыбы-дракона. Такой лук был мощнейшим оружием и мог служить очень долго, но у него был только один недостаток — чтобы натянуть его, нужны были чрезвычайно сильные руки.

В кожаном колчане незнакомца было около двадцати стрел с кремневыми наконечниками. Древка их были старательно вырезаны из плавниковых костей речного дракона и оперены такими тонкими косточками, что они просвечивали на солнце.

Он заговорил с Клеменсом по-немецки, но с

явным акцентом, происхождение которого определить было невозможно:

— Похоже, вы и есть Сэм Клеменс.

— Да, — ответил Сэм. — Вернее, то, что осталось от меня. Но каким образом вы?..

— Мне вас описал, — незнакомец запнулся, — один из Них.

Сэм сначала не сообразил, о чем говорит этот человек. Глухота после взрыва, вопли людей, убивающих друг друга всего в двадцати ярдах от него, другие более отдаленные взрывы ракет и неожиданное появление этого человека придавали всему происходящему ощущение нереальности.

— Он послал… Таинственный Незнакомец… он послал вас?! Вы один из двенадцати?

— Что? Он? Нет, не он! Она послала меня!

У Сэма не было времени на расспросы. Он едва сдерживался, чтобы не спросить, насколько хорошо незнакомец владеет своим оружием. У этого человека был такой вид, будто он мог использовать все возможности этого лука вплоть до последнего атома. Вместо этого Сэм взобрался на кучу грунта, вынутого из ямы, и указал на ближайший корабль противника, повернутый носом к берегу. Стоявший там человек громко выкрикивал распоряжения.

— Фон Радович, предводитель нападающих, — указал на него Сэм. — Он вне пределов досягаемости стрел наших слабых луков.

Быстро прицелившись и даже не удосужившись сделать поправку на ветер, который в это время дул со скоростью около шести миль в час, лучник выпустил черную стрелу. Ее полет завершился в солнечном сплетении фон Радовича. Силой удара немца отбросило назад. Он повернулся, так что стало видно торчащее из его спины окровавленное острие, а затем упал за борт в воду между судном и берегом.

Его заместитель стал сплачивать ряды атакующих, и лучник тоже пронзил его своей стрелой. Джо Миллер, облаченный в доспехи из кожи речного дракона, опустошал ряды немцев своей огромной дубовой палицей прямо в самой гуще битвы. Он был подобен восьмисотфунтовому льву с мозгом человека. Смерть и панический ужас шли рядом с ним. Он раскраивал ежеминутно по двадцать черепов и время от времени хватал кого-нибудь своей огромной рукой и швырял с такой силой, что валились с ног еще пять-шесть бойцов.

Пять раз врагам удавалось подкрасться к нему сзади, но всякий раз черные костяные стрелы

нового союзника навсегда останавливали их.

Ряды атакующих постепенно смешались, они стали пробираться к своим судам. Перед Сэмом вырос окровавленный фон Рихтгофен и радостно закричал:

— Мы победили! Мы победили!

— Значит, вас ждет впереди ваш летательный аппарат, — спокойно улыбнулся в ответ Клеменс и повернулся к незнакомцу. — Как вас зовут, приятель?

— У меня было много имен, но когда мой дед держал меня на руках, он назвал меня Одиссеем.

Все, что удалось вымолвить потрясенному Сэму, это:

— Нам о многом нужно поговорить.

Неужели это мог быть человек, воспетый Гомером?

Настоящий Улисс, то есть — историческая личность. Улисс, который сражался у стен Трои, о котором впоследствии было сложено столько песен и легенд? А почему бы и нет??? Скрывающийся в тени Незнакомец, говоривший с Сэмом в его хижине, сказал, что он выбрал двенадцать человек из миллиардов людей, бывших в его распоряжении. С помощью каких средств он сделал свой выбор, Сэм не знал, но полагал, что при-

чины для этого были благие. Об одном из таких избранников, Ричарде Френсисе Бартоне, Таинственный Незнакомец ему рассказал. Неужели вокруг каждого из этих двенадцати была какая-то аура, позволяющая Отступнику определить, что именно этот человек в силах воплотить задуманное им? Какая-то определенная окраска души?

Только поздно вечером Сэм, Джо, Лотар и ахеец Одиссей разошлись по своим хижинам после празднования победы. От разговоров горло Сэма пересохло. Он пытался выжать из ахейца все, что тот знал об осаде Трои и о его последующих странствиях. То, что он услышал, не только не разъяснило, а скорее еще больше все запутало.

Троя, известная Одиссею, вовсе не была городом вблизи Мраморного моря, руины которого земные археологи называли Троей. Та Троя, которую осаждали Одиссей, Агамемнон и Диомед, была намного южнее, напротив острова Лесбос и в глубине Малой Азии. Она была населена этрусками, которые в то время жили в Малой Азии и впоследствии ушли в Италию под натиском эллинских завоевателей. Одиссею был известен город, который последующие поколения считали Троей. Жители этого города имели родственные связи с Троей, которую штурмовал Одиссей. Он

пал за пять лет до Троянской Войны, уничтоженный варварами с севера.

Через три года после осады настоящей Трои, которая длилась всего два года, Одиссей участвовал в большом набеге данайцев или ахейцев на Египет, где в то время правил Рамзес III. Набег окончился плачевно. Одиссей спас свою жизнь, бежав в открытое море, и провел в странствиях три года, посетив Мальту, Сицилию и некоторые области Италии — земли, в те времена совершенно неизвестные грекам. Не было ни листригонов, ни Эола, ни Калипсо, ни Цирцеи, ни Полифема. Жену его звали действительно Пенелопой, но соискателей на ее руку не было и ему некого было убивать по возвращении домой.

Что касается Ахиллеса и Гектора, Одиссей знал о них только понаслышке, как о героях песен. Он предполагал, что они оба были из пеласгов — народа, жившего на Эллинском полуострове до того, как с севера пришли ахейские завоеватели. Ахейцы адаптировали песни пеласгов для своих собственных целей, а позднее барды, должно быть, включили их в «Илиаду». Одиссей слышал «Илиаду» и «Одиссею», поскольку ему здесь однажды повстречался ученый, который мог прочесть обе эти поэмы наизусть.

— А как же деревянный конь? — спросил Сэм, совершенно уверенный, что и этот вопрос задается впустую. Но к его удивлению Одиссей сказал, что не только знает об этом, но и что он действительно был инициатором подобной затеи. Этот обманный трюк был порожден отчаянием и безумием и, по логике, был обречен на неудачу.

И это для Сэма было самым ошеломляющим из всего, что он услышал. Всех ученых объединяло единодушное отрицание правдоподобности этой истории, все они заявляли об очевидной невероятности этого. Было абсолютно нереально, как они утверждали, что ахейцы были настолько глупы, чтобы построить коня, а троянцы — настолько глупы, чтобы дать себя обмануть. Но деревянный конь на самом деле существовал, и ахейцы, спрятавшись внутри него, проникли в город.

Фон Рихтгофен и Джо молча слушали их беседу. Сэм решил, что несмотря на предупреждение этика никому о нем не говорить, Джо и Лотару следует все же о нем знать. Иначе многое из того, что станет затевать Сэм, будет непонятно даже близким его сообщникам. Кроме того, Сэм чувствовал, что если он приобщит других к этой тайне, то это покажет этику, что он, Сэм,

действительно управляет ходом событий. Это было, конечно, ребячеством, но тем не менее Сэм совершил это.

Он пожелал спокойной ночи всем, кроме Джо, и лег на койку. Но несмотря на сильную усталость, он никак не мог заснуть. Храп Джо, доносившийся сквозь замочную скважину, был подобен вихрю и вовсе не способствовал сну. Кроме того, он сильно возбудился в преддверии завтрашних событий, и его била нервная дрожь и стучало в висках. Завтрашний день будет историческим, если только этому миру суждено иметь историю. Вскоре здесь появится бумага и чернила. Будут перья и, возможно, даже печатный станок. На борту великого речного судна будет еженедельно выходить журнал. Появится книга, в которой будет рассказано о том, как благодаря ракете, пущенной с судна Радовича, была углублена яма, из которой начнется добыча железа. Возможно, что железо будет найдено завтра же! Оно должно быть найдено.

Кроме того, из головы никак не шел король Джон. Этот коварный плут. Один Бог знает, что замышляет его хитрый мозг. Вряд ли Джон затеет какое-нибудь вероломство, пока не будет построен корабль, а для этого понадобятся годы. Так что

пока нет нужды волноваться. Но несмотря ни на что, беспокойство все же не покидало Сэма.

14

Сэм проснулся неожиданно, сердце его стучало так, будто его схватило какое-то чудовище из его кошмаров. Влажный воздух проникал внутрь сквозь щели в бамбуковых стенах и через циновку, прикрывавшую вход в хижину. Дождь барабанил по покрытой листьями крыше, с гор доносились раскаты грома. Джо продолжал храпеть, подобно грому.

Сэм потянулся, а затем вскрикнул и сел в своей постели. Его рука коснулась чьей-то плоти. Через мгновение в свете далекой молнии он увидел силуэт, присевший на корточки возле его койки.

Послышался знакомый баритон.

— Не стоит звать на помощь Джо Миллера, Клеменс. Он не проснется до утра.

Сэм понял, что этик может видеть в полной темноте. Он взял с небольшого складного столика сигару и произнес:

— Не возражаете, если я закурю?

Таинственный Незнакомец не отвечал так долго, что Сэма это удивило. Свет зажигалки не позволил бы различить черты лица гостя, и к тому же, скорее всего, на нем была маска или

что-то в этом роде. По всей видимости, Незнакомцу был противен запах сигар, возможно, табака вообще. И все же он не решался сказать об этом, потому что с помощью такой характерной черты его можно было бы легко опознать. Но кем? Другими этиками, которые знают, что среди них есть предатель? Их было двенадцать, так во всяком случае сказал Незнакомец. Если они узнают, что он, Сэм Клеменс, встречался с одним из них, и узнают о его отвращении к табаку, то, может быть, они сразу же поймут, кто из них предатель? Но Клеменс не высказал вслух свои подозрения. Он оставил их при себе, чтобы воспользоваться ими при случае.

— Курите, — наконец произнес Незнакомец.

И хотя Сэм не мог ни видеть его, ни слышать его движений, у него сложилось впечатление, что гость немного отодвинулся от него.

— Чем я обязан этому неожиданному визиту? — поинтересовался Сэм.

— Я пришел на встречу, чтобы сказать вам, что в течение долгого времени не буду с вами видеться. Я не хочу, чтобы вы подумали, будто я покинул вас. Меня отзывают отсюда по причине, которой вам все равно не понять, даже если бы я все подробно объяснил. В течение продолжитель-

ного времени вам придется полагаться только на самого себя. Поэтому запомните, если даже ваши дела будут очень плохи, я ни малейшим способом не смогу вмешаться, чтобы что-то изменить.

Однако, пока что у вас есть в наличии все, что вам нужно для работы на добрый десяток лет. Вам придется употребить свою собственную изобретательность для решения многих технических проблем, которые возникнут перед вами. Я больше не смогу снабжать вас сведениями о металлах или материалах, которые вам понадобятся. Я также не смогу ограждать вас от завоевателей. Я и так очень сильно рисковал, дав возможность метеориту упасть вблизи вас и рассказав вам, где находятся месторождения бокситов и платины.

За вами будут следить другие этики — не из Двенадцати, нет, а ниже рангом, — но вмешиваться в ваши дела они не будут. Они не думают, что ваш корабль может представлять опасность для реализации их Плана. Хотя, думаю, им очень не понравится тот факт, что у вас будет железо. И думаю, что они совсем расстроятся, когда вы «наткнетесь» на бокситы и платину. Они хотят, чтобы вы, земляне, были заняты только психическим совершенствованием, а отнюдь не развитием технологии. Но они не будут совать

свой нос в ваши дела.

Сэм ощутил, что его постепенно охватывает паника. Впервые он понял, что как бы он ни ненавидел этика, он очень сильно зависит от его моральной и материальной поддержки.

— Надеюсь, что ничего плохого не произойдет за ваше отсутствие, — спокойно произнес Сэм. — Сегодня я почти потерял всякую надежду найти железо. Если бы не Джо и не этот парень Одиссей... Постойте! Одиссей сказал мне, что этик, который говорил с ним, был женщиной!

В темноте раздался смешок.

— А какое это имеет значение?

— Или вы не единственный изменник, или вы можете менять свой голос. Или, может быть, вы вообще не говорите мне правду! Может быть, мы все вовлечены в какой-то план и вы ради своих целей кормите нас всякой ложью! Может быть, мы просто орудия в ваших руках!

— Нет, я не лгу! Я ничего не могу сказать относительно других ваших предположений. Если вас или кого-нибудь из тех, кого я выбрал, разоблачат и подвергнут допросу, то ваши показания легко запутают моих коллег.

Послышался какой-то шорох.

— Я должен уходить. Теперь вам придется по-

лагаться только на самого себя. Желаю удачи, мистер Клеменс.

— Подождите! А что если у меня ничего не получится?

— Корабль построит кто-нибудь другой. Но у меня немало причин надеяться на то, что вам все же удастся ваша затея.

— Значит, я просто инструмент в ваших руках. Если инструмент ломается, его выбрасывают и достают новый.

— Я не могу гарантировать вам успех вашего начинания. Я не Бог.

— Черт бы вас всех побрал! — воскликнул Сэм. — Почему бы вам не оставить все, как было на Земле? У нас был вечный покой смерти. Конец всем мучениям и печалям. Окончание никогда не прекращающегося тяжелого труда и всех забот. Все это мы оставляли позади. Мы были свободны от цепей плоти. Но вы надели на нас новые цепи и сделали так, что мы не можем даже убить себя. Вы отодвинули смерть за пределы нашей досягаемости. Вы будто навеки поместили нас в ад!

— Но здесь не так уж и плохо, — возразил этик. — Большинству из вас здесь гораздо лучше, чем когда бы то ни было. Или, по крайней мере, не хуже. Увечные, слепые, больные, голодные

— здесь все они здоровы и молоды. Вам не нужно потеть, беспокоиться о хлебе насущном. Большинство из вас питается здесь гораздо лучше, чем на Земле. Однако по большому счету я согласен с вами. Ваше Воскрешение — это преступление, величайшее из всех преступлений. Поэтому…

— Я хочу, чтобы мне вернули Ливи! — воскликнул Сэм. — И я хочу видеть своих дочерей. Не все ли равно, умерли ли мы друг для друга или разлучены навеки? По мне так уж лучше, чтобы они умерли! По крайней мере, я не мучился бы все это время, терзаясь от того, что они могут страдать, причем от самых жутких мучений. Как мне узнать, что их не насилуют, не бьют, не пытают? На этой планете чересчур много зла. Это неизбежно, ибо здесь живут все, кто когда-либо жил на Земле!

— Я мог бы вам помочь, — произнес этик. — Но мне, возможно, потребуются годы, чтобы разыскать их. Я не буду объяснять, как я смогу это сделать, потому что это очень сложно, а кроме того, я должен покинуть вас, пока не прекратился дождь.

Сэм поднялся и, вытянув руки, сделал несколько шагов вперед.

— Стойте! — приказал этик. — Ко мне не стоит

прикасаться!

Сэм остановился.

— Так вы могли бы разыскать мне Ливи? И моих девочек?

— Я сделаю это, обещаю. Только… только на это потребуются годы, учтите. Предположим, что к тому времени вы построите корабль и будете находиться в добрых двух миллионах миль выше по Реке. И вот тогда-то, предположим, я скажу вам, что наконец-то разыскал вашу жену и что она находится в трех миллионах миль вниз по Реке. А так как я могу только сообщить вам о ее местонахождении, но никак не могу привезти ее к вам, то вам придется добираться к ней самому. Что же вы тогда сделаете? Повернете назад и потратите двадцать лет на то, чтобы встретиться с женой? Вы думаете, ваша команда позволит вам это сделать, позволит повернуть назад? Сомневаюсь! Более того, даже если вы все же убедите их и поступите по-своему, нет никакой уверенности в том, что ваша жена будет находиться в том месте, где я обнаружил ее. Не забывайте, что она может умереть и воскреснуть где-то в другом месте, может быть, еще дальше от вас…

— Черт побери! — завопил Клеменс.

— А кроме того, — невозмутимо продолжал

этик, — не забывайте, мистер Клеменс, что люди меняются. Может быть, когда вы найдете ее, она вам уже не понравится!

— Я убью вас! — закричал Сэм. — Ну помогите же мне!..

Бамбуковая циновка поднялась. На какое-то мгновение показался силуэт Незнакомца — фигура, обтянутая плащом с надетым на голову капюшоном. Сэм сжал кулаки и заставил себя стоять, подобно глыбе льда, ожидая, когда уляжется его гнев. Затем он стал расхаживать по хижине, пока не докурил сигару до самого кончика, от чего во рту появился привкус горечи.

— Черт с ними! Черт с ним! Я построю судно, и доберусь до северного полюса, и выясню, что здесь происходит! И я убью его! Убью их всех!

Дождь прекратился. Где-то далеко раздались крики. Сэм вышел наружу, встревоженный, что схватили Незнакомца, хотя это было маловероятно. И тогда он понял, что корабль ему дороже всего и он не хочет, чтобы случилось хоть что-нибудь, что могло бы помешать его постройке, даже возможность немедленно отомстить этику. Месть можно отложить.

Пересекая долину, к нему приближались факелы. Вскоре, по мере их приближения, он

смог различить лица нескольких стражников и фон Рихтгофена. Вместе с ними были трое неизвестных. Их одеяния из больших полотнищ бесформенно ниспадали вдоль тел.

Капюшон скрывал лицо самого маленького из незнакомцев. Самым высоким был мужчина с длинным худым смуглым лицом и огромным крючковатым носом.

Сэм сказал:

— Вы можете принять участие в состязании. Дело в том, что в моей хижине есть некто, чей нос превосходит ваш по всем статьям.

— Неужели, куда бы я ни попал, меня всюду будут оскорблять? — сказал высокий мужчина. — Вот как вы встречаете гостей! Стоило ли преодолевать десятки тысяч миль тяжелейшего пути к человеку, который может снова вложить в мою руку добрый стальной клинок, только для того, чтобы он насмехался над моим носом? Так знайте же, дерзкий невежа, что Савиньен Сирано де Бержерак не подставляет другую щеку. Если вы не извинитесь сейчас же самым искренним и вежливым образом, я проткну вас вот этим самым носом, над которым вы только что изволили насмехаться!

Сэм попросил извинения, сказав, что у него

шалят нервы после сражения. Он с удивлением смотрел на этого легендарного человека и задавался вопросом, а не мог ли он быть одним из двенадцати избранных?

Второй, светловолосый и голубоглазый юноша, представился как Герман Геринг. Спиралевидная кость одной из речных рыб висела на тесемке вокруг его шеи. Благодаря этому Сэм понял, что этот человек является адептом Церкви Второго Шанса. Это предвещало неприятности, ибо приверженцы Духовного Возрождения проповедовали абсолютный пацифизм.

Третий незнакомец отбросил назад капюшон, открыв хорошенькое личико, обрамленное длинными черными волосами, завязанными в узел.

Сэм пошатнулся и едва не лишился чувств.

— Ливи!

Женщина вздрогнула, подошла поближе и молча взглянула ему в лицо. Свет факела играл на ее побледневшем лице. Она тоже закачалась, столь же потрясенная, как и он.

— Сэм… — тихо прошептала она.

Он сделал шаг к ней, но она повернулась и приникла к де Бержераку, как бы ища у него защиты. Француз обвил ее рукой и твердо посмотрел на Сэма Клеменса.

— Не бойся, мой ягненочек! Он не обидит тебя, пока я здесь! Кто он тебе?

Она подняла на него взор, в значении которого Сэм никак не мог ошибиться. Он взвыл и потряс кулаком звездам, только что выглянувшим из-за туч.

15

Речное судно плыло в его сновидении, как сверкающий бриллиант в двадцать миллионов каратов.

Подобного судна никогда не было и никогда не будет.

На нем будет сверкать название «Ненаемный». Никто не сможет отобрать его у него — так сильно оно будет вооружено. И никто не сможет купить его или взять в аренду.

Название сверкало огромными блестящими буквами на белом корпусе парохода. «НЕНАЕМНЫЙ»!

Легендарный речной пароход будет иметь четыре палубы: машинную, главную, легкую навесную и посадочную для летательного аппарата. Его общая длина должна быть четыреста сорок футов и шесть дюймов. Траверз над гребным колесом — девяносто три фута. Средняя осадка при полной загрузке — двенадцать футов. Корпус будет изготовлен из магналия или, возможно, из пластика. Огромные трубы время от времени будут извергать дым, поскольку на борту будет установлен хотя бы один паровой котел, предна-

значенный только для снабжения паром паровых пулеметов, стреляющих крупнокалиберными пластиковыми пулями. Гигантские гребные колеса по бокам речного судна будут приводиться во вращение огромными электродвигателями.

«Ненаемный» будет единственным металлическим судном на Реке, единственным, приводимым в движение не веслами или ветром, а силой подчиненной человеку энергии, и его вид заставит любого человека, независимо от того, когда он родился, в двухмиллионном году до нашей эры или в двухтысячном нашей эры, вскочить и уставиться во все глаза.

И он, Сэм Клеменс, будет капитаном, Капитаном с Большой Буквы, ибо на борту этого корабля с командой из ста двадцати человек будет только один Капитан!

Король Англии Джон может назвать себя хоть адмиралом, если ему захочется, хотя, если бы это зависело от Сэма Клеменса, он был бы не адмиралом, а первым помощником. А если бы это на самом деле зависело только от Сэма, то короля Джона — Джона Безземельного, Кровавого Джона, Грязного Джона — вообще не пустили бы на борт корабля. Сэм Клеменс с большой зеленой сигарой в зубах, в белой фуражке, в белом кителе

с накидкой через плечо высунется из иллюминатора правого борта огромного капитанского мостика и крикнет: «Стойте, вы, увальни! Схватите этого бессмертного предателя и швырните его с трапа! Мне все равно, упадет ли он на берег или плюхнется в Реку! Освободите корабль от этого человеческого мусора и поживее!»

И принц Джон полетит вниз, ругаясь, изрыгая проклятия на своем средневековом английском языке с французским прононсом или на англо-нормандском французском, а может быть, и на эсперанто. Затем трап поднимут наверх, зазвенит колокол, раздастся пронзительный гудок, и Сэм Клеменс, стоя рядом с рулевым, прикажет отдать швартовы.

Путешествие! Вверх по Реке, возможно, на десять или на двадцать миллионов миль, продолжительностью в сорок лет, а может быть, и в целое столетие. На Земле, на давно умершей для них Земле, никто и мечтать не мог ни о чем подобном. Никто не мог мечтать о таком Судне, о такой Реке, а тем более, о таком Путешествии! Вверх по Реке — единственной на этой планете, на единственном судне под командованием Капитана Сэма Клеменса, которого разрешено будет называть боссом!

Он был так счастлив!

А затем, когда они направлялись к середине Реки для того, чтобы испытать корабль на самом сильном течении в центре этого могучего потока, когда тысячи людей вдоль обоих берегов махали им руками, приветствуя их или плача им вслед, сожалея, что они не могут последовать за ним, Сэмюелем Легхорном Клеменсом, известным как «Марк Твен» — Капитан-босс, он увидел человека с длинными желтыми волосами и широченными плечами, протискивающегося сквозь толпу.

На нем было одеяние из полотнищ, застегнутое на магнитные кнопки. Его кожаные сандалии сделаны были из шкуры речного дракона; вокруг массивной мускулистой шеи — ожерелье из ярко раскрашенных позвонков рогатой рыбы. В огромной могучей руке этот человек сжимал деревянную рукоятку огромного боевого топора из стали. Его светло-голубые глаза были устремлены прямо на Сэма Клеменса, а его лицо с ястребиным носом было печально.

Сэм Клеменс закричал рулевому:

— Быстрее! Быстрее! Полный вперед!

Огромные гребные колеса стали еще сильнее молотить по Реке. Палуба задрожала, несмотря на фиберглассовую виброизоляцию. И вдруг этот

светловолосый человек, Эрик Кровавый Топор, король викингов десятого века, оказался на капитанском мостике.

Он закричал Сэму по-норвежски:

— Предатель! Я же сказал тебе, что мы еще встретимся! Ты предал меня ради того, чтобы добыть железо из упавшей звезды и построить свой великий речной корабль!

Сэм выскочил из капитанской рубки и стал по трапам сбегать вниз, с одной палубы на другую, пока не очутился в темном чреве трюма, но здесь тоже оказался Эрик Кровавый Топор!

Сэм Клеменс пробежал мимо колоссальных вращающихся валов электромоторов и очутился в химической лаборатории, где инженеры получали нитрат калия из человеческих экскрементов и, смешивая его с серой и древесным углем, приготовляли порох. Сэм схватил подвернувшийся под руку запал, быстро поджег его от одной из лабораторных горелок и закричал:

— Стой или я взорву весь корабль!

Эрик остановился, но продолжал размахивать над головой своим огромным топором. Он ухмыльнулся и сказал:

— Ну, попробуй! У тебя на это не хватит духу! Больше всего на свете ты любишь свой корабль,

даже больше, чем свою неверную, но от этого не менее драгоценную Ливи! Его ты никогда не взорвешь. Поэтому я разрублю тебя до самого пояса и сам стану капитаном!

— Нет, нет! — кричал Сэм. — Ты не посмеешь! Ты не сможешь! Не сможешь, слышишь! Это же моя Мечта, моя! Это моя страсть, моя жизнь, это весь мой мир! Ты не сможешь!

Норвежец подошел к нему ближе. Топор засвистел у Сэма над головой.

— Я не смогу? Стой здесь и смотри!

За его плечом Сэм увидел тень. Она быстро приближалась и превратилась в высокую фигуру без лица. Это был Икс, Таинственный Незнакомец, этик-отступник, который направил метеорит в Речную Долину, чтобы Сэм мог извлечь из него железо и никель, а потом построить свое Судно. Чтобы он мог пройти вверх по этой Реке до северного полюса, где возвышалась Таинственная Башня, Великий Грааль (называйте ее, как хотите), спрятанная в холодном тумане. И там Сэм, в сопровождении одиннадцати человек, отобранных Иксом для осуществления до сих пор еще не ясного плана, возьмет штурмом башню и найдет… что же он там найдет? То, что будет внутри нее, что бы это ни было.

— Незнакомец! — вскричал Сэм. — Спаси меня! Спаси!

Смех был подобен ветру с ледяного полярного моря, от которого холодеют внутренности.

— Спасай себя сам, Сэм!

— Нет! Нет! Ты же обещал! — кричал Сэм. А затем глаза его открылись и стоны смолкли. Или ему это приснилось, что он стонал?

Он сел на кровати. Она была сделана из бамбука. Из бамбуковых же волокон был соткан матрац, набитый листьями железного дерева. Одеяло было составлено из пяти полотнищ, скрепленных магнитными кнопками. Кровать стояла у стены комнаты площадью в двадцать квадратных футов. В комнате были также письменный стол, круглый столик, около дюжины стульев из бамбука и сосны и ночной горшок из глины. Еще там стояли бамбуковое ведро, наполовину наполненное водой, большой высокий ларь со множеством отделений для бумажных рулонов, подставка для копий. Лежал лук со стрелами, боевой топор из никелевой стали и четыре длинных стальных ножа. На стене — большое количество крючков, с которых свисали белые полотнища. На колышке для головных уборов висела офицерская фуражка флотского образца, изготовленная

из кожи и обтянутая тонкой белой материей.

На столе стояла его чаша — серый металлический цилиндр с рукояткой.

На письменном столе было несколько бутылок с черными как сажа чернилами, лежали ручки с костяными перьями и одна с железоникелевым. Бумага, лежавшая на столе, была из бамбука, но там было и несколько метров тонкого пергамента, изготовленного из внутренней оболочки желудка рогатой рыбы.

Застекленные окна (или иллюминаторы, как он их называл) были проделаны во всех стенах комнаты. Насколько Сэм знал, во всей Речной Долине это был единственный дом с застекленными окнами. Во всяком случае, единственный на 10000 миль по обе стороны от этой местности.

Единственным источником света было небо. Хотя рассвет еще не наступил, в комнате было светлее, чем в полнолуние на Земле. Гигантские звезды самого разного цвета, некоторые такие огромные, что походили на осколки Луны, заполняли небосвод. Яркие полосы светящихся туманностей сияли между звездами, за ними и даже, как казалось, перед несколькими особенно яркими звездами. Это были облака космического газа, великолепие которых никогда не перестава-

ло глубоко волновать наиболее чувствительных людей долины Реки.

На губах Сэма все еще ощущалась горечь от выпитого накануне спиртного и еще большая горечь от пережитого сновидения. Пошатываясь, он побрел к письменному столу, взял с него горелку и зажег лампу с рыбьим жиром, затем открыл иллюминатор и стал смотреть в сторону Реки. Всего лишь год назад он увидел бы только плоскую ровную местность шириной в полторы мили, покрытую ярко-зеленой жесткой травой. Теперь здесь были страшные завалы отработанного грунта и множество строений из сосны и бамбука, внутри которых располагались кирпичные печи. Это были его (так называемые) металлургические заводы, стекольная фабрика, его сталеплавильни, цементные заводы, его кузницы, его оружейные и слесарные мастерские, его лаборатории и заводы по производству азотной и серной кислоты. Менее чем в миле отсюда высокая стена из сосновых бревен окружала первое металлическое судно, сооружаемое им.

Слева от него ярко пылали факелы. Даже ночью не прекращались раскопки осколков железного метеорита, состоявшего из шпатового железняка и никелевого железа.

Позади него у подножия холмов раньше был лес, в котором росли тысячефутовые железные деревья, несколько пород сосны и дуба, тис и бамбук. Холмы все еще оставались на своих местах, а вот деревья, за исключением железных, исчезли полностью так же, как и заросли бамбука. Только железные великаны устояли перед стальными топорами людей Клеменса. Высокие травы были скошены, и из их волокон после химической обработки изготовлялись веревка и бумага, однако их корни были настолько прочны и перепутаны между собой, что не было никакого смысла корчевать их. Материалы и труд по выкорчевыванию травы при раскопке металла стоили здесь очень дорого. Разумеется, не в деньгах, поскольку их здесь не существовало, а в количестве пролитого пота, искрошившихся каменных орудий и затупившейся стали.

Там, где всего год назад была красивая местность со множеством деревьев, ярко-зеленой травой и красочными лианами, обвивавшими стволы деревьев, теперь было поле битвы. Этот уродливый пейзаж пришлось создать для того, чтобы построить великолепный корабль.

Сэм ежился под влажным прохладным ветром, который всегда дул перед рассветом с верховьев

Реки. При мысли об опустошении этой местности он задрожал еще сильнее. Клеменс любил красоту и упорядоченность в природе, поэтому ему нравилось похожее на парковое устройство долины независимо от того, что он думал об этой планете. Теперь же он изуродовал природу этой части планеты из-за своей Мечты, из-за того, что его фабрикам и заводам нужно было все больше и больше древесины на топливо, на порох, на бумагу. Были израсходованы все запасы сырья, которыми располагало его государство, и почти все, что продали ему соседние с севера и юга территории. Если ему понадобится еще больше, то ему придется либо воевать со своими соседями, либо заключать торговые соглашения с более отдаленными государствами или с государствами на противоположном берегу Реки. Или торговать, или завоевать их и забрать у побежденных дерево. Ему не хотелось этого. Он питал принципиальную ненависть к войне и вряд ли бы смог вынести ее.

Но если ему нужно было его Судно, то для заводов, в качестве топлива, надо было много древесины.

А еще нужны были бокситы, криолит и платина для постройки генераторов и двигателей.

Ближайшим источником всех этих веществ был Соул-сити, государство в двадцати шести милях вниз по Реке, где правил Элвуд Хаскинг, ненавидящий всех белых.

Пока что Сэму удавалось обменивать железное оружие на бокситы, криолит, киноварь и платину. Однако оружие было крайне необходимо его собственному государству — Пароландо. И к тому же, Хаскинг настаивал, чтобы Пароландо использовало собственных граждан для добычи и транспортировки руды.

Сэм глубоко вздохнул. Почему же Таинственный Незнакомец не направил метеорит так, чтобы он упал рядом с месторождением бокситов? Тогда, прибыв в эту местность сразу же после падения метеорита, Сэм и викинги могли бы претендовать на земли, которые теперь принадлежат Соул-сити. И когда бы там появился Хаскинг, он вынужден был бы присоединиться к Сэму либо уйти с пустыми руками.

И все же, даже обладая могуществом Незнакомца, нелегко было отклонить железоникелевый метеорит весом в добрую сотню тысяч тонн от его первоначального курса и заставить его упасть всего лишь в двадцати шести милях от залежей бокситов и других полезных ископаемых.

Незнакомец же полагал, что он попал точно в «десятку». Прежде чем уйти, он сказал Сэму, что минералы находятся в радиусе семи миль вверх по Реке. Но он ошибся. И это расстроило и одновременно обрадовало Сэма. Он расстроился из-за того, что не все минералы оказались в пределах его досягаемости, а обрадовался потому, что этик допустил ошибку.

Однако это ничем не могло помочь людям, навечно заточенным в долине шириной в среднем 9,9 мили между отвесными кручами высотой в 20000 футов. Они могли быть заточены там на тысячи лет, а может быть, навсегда, если только Сэмюель Легхорн Клеменс не соорудит свое Судно…

Сэм подошел к сосновому встроенному шкафу, открыл дверцу и вынул темную стеклянную бутылку. В ней было около литра виски, подаренного ему непьющими. Он отлил чуть больше ста грамм, поморщился, выпил, хлопнул себя по груди и поставил бутылку на место. Ха! Что может быть лучше для начала нового дня, особенно после того, как проснешься от кошмара, который по идее должен был бы отвергнуть Великий Цензор Сновидений. Если, конечно, этот Судья хоть сколько-нибудь любит и уважает своего люби-

мого мечтателя Сэма Клеменса. А может быть, Великий Цензор вовсе и не любит его. Казалось, что очень немногие еще любят Сэма. Ему приходилось совершать много поступков против своей воли ради сооружения его Судна.

И наконец, здесь была Ливи, его земная жена, с которой он прожил тридцать четыре года!

Он чертыхнулся, пригладил несуществующие усы, снова потянулся к дверце шкафа и еще раз вытащил на свет божий темную бутылочку. Он выпил еще рюмочку. Глаза подернулись слезинками, но было ли это вызвано виски или мыслью о Ливи, он не знал. Вероятно, в этом мире непонятных явлений и таинственных действующих лиц слезы могли появиться от этих причин и от многих других тоже, заглянуть в которые его подсознание пока не позволяло. Оно ждет, пока сознание исчерпает свои интеллектуальные возможности, и тогда подсознание займет его место.

Сэм прошел к левому окну и выглянул наружу. Там, в двухстах ярдах, под ветвями железного дерева стояла круглая двухкомнатная хижина с конической крышей. В ее спальне должны были сейчас находиться Оливия Ленгдон Клеменс, его жена — вернее, его бывшая жена — и долговязый

длинноносый Савиньен Сирано де Бержерак, шпажист, вольнодумец, писатель.

— Ливи! Как ты могла? — тихо прошептали его губы. — Как ты могла разбить мое сердце, сердце своей молодости?

Прошел год, как она объявилась вместе с этим французом. Он был ошеломлен, потрясен и взволнован, как никогда раньше за все свои семьдесят четыре года, проведенных на Земле, и двадцать один год, прожитый на этой Речной Планете. Но он уже оправился от этого потрясения. Или, вернее, он оправился бы, если бы не случилось еще одно потрясение, хотя и не такое страшное. Ничто уже не могло превзойти первое. Ведь в конце концов он не мог рассчитывать на то, что Ливи будет обходиться без мужчин двадцать один год, особенно если она снова молода, красива и такая же пылкая. Ведь у нее не было надежды на то, чтобы снова увидеть его. Он сам за это время жил с доброй полудюжиной женщин и не мог, да и не хотел требовать от нее ни целомудрия, ни супружеской верности. Но он думал, что она бросит своего дружка, как только опять увидит его.

Но этого не произошло. Она любила этого французишку.

Он виделся с ней почти каждый день с той

ночи, когда она впервые возникла из речного тумана. Они разговаривали достаточно вежливо и иногда даже настолько набирались духу, что могли позволить себе смеяться и шутить, как когда-то на Земле.

Иногда, пусть на мгновение, но их глаза несомненно говорили друг другу, что старая любовь все еще живет в них. Однако, когда он, больше уже не в силах сдерживаться — смеяться, когда хотелось плакать — делал шаг ей навстречу, она отступала ближе к Сирано, если он был рядом, или оглядывалась, разыскивая его глазами, когда его не оказывалось близко.

Каждую ночь она была рядом с этим грязным, грубоватым, носатым, с безвольным подбородком и все же ярким, энергичным, умным, талантливым французом.

— Жалкая лягушка, — пробормотал Сэм. Он представил его прыгающим, квакая от вожделения, к белой, четко очерченной фигуре Ливи; прыгающий, квакающий…

От этой мысли его передернуло. Нет, не стоит об этом так думать. Однако, даже когда он тайно приводил к себе женщин — хотя ему и не нужно было ни от кого прятаться — он не был в состоянии забыть о своей Ливи. Он не мог позабыть ее,

даже когда жевал наркотическую резинку. Она всегда возникала в море его возбужденного наркотиками сознания, как парусник, подгоняемый ветром желания. Прекрасный корабль под названием «Ливи» с наполненными ветром белыми парусами и стройным белоснежным корпусом…

И он слышал ее смех, ее прелестный смех. Это выдержать было тяжелее всего.

Он отошел от этого окна и стал смотреть в окно напротив. Он стоял около дубовой подставки, на которой был укреплен штурвал его речного корабля с массивными резными рукоятками. Эта комната была его «капитанским мостиком», а две задние — палубной надстройкой. Все здание было расположено на склоне самого близкого к равнине холма. Оно стояло на столбах высотой в 30 футов и войти в него можно было только по лестнице, а точнее, по трапу (если использовать корабельную терминологию, на чем настаивал Клеменс) с правого борта или через иллюминатор прямо с холма за крайней каютой палубной надстройки.

Наверху этого «мостика» висел огромный колокол — единственный, насколько ему известно, колокол на этой планете. Как только водяные часы в углу комнаты покажут шесть часов, он

зазвонит в него. И темная долина постепенно наполнится жизнью.

16

Туман все еще висел над Рекой и над ее берегами, но он мог видеть огромный чашный камень в полутора милях ниже по равнинному склону, как раз у берега Реки. Мгновение спустя он увидел лодку, вынырнувшую из тумана. Из нее выскочили двое, вытащили свое суденышко на берег и побежали вправо по берегу. Света было уже достаточно, чтобы различать их, хотя иногда они скрывались за зданиями. После того, как они обошли двухэтажную гончарную мастерскую, они свернули и устремились к холмам. Теперь их уже не было видно, но Сэм без труда определил, что направлялись они к бревенчатому «дворцу» Джона Плантагенета.

Это называется сторожевая служба Пароландо? Ведь каждая четверть мили должна была охраняться с помощью системы сторожевых вышек, на каждой из которых должно дежурить четыре человека! Если они замечали что-либо подозрительное, они должны были бить в барабан, дуть в сигнальные горны и зажигать факел.

Двое проскользнули в тумане, чтобы передать какое-то известие королю Джону, бывшему ко-

ролю Англии!

Через 15 минут Сэм увидел тень, крадущуюся в серой утренней мгле. Раздался звон колокольчика у входа в его дом. Он выглянул в окно с правой стороны. На него смотрело бледное лицо его собственного шпиона — Уильяма Грейвела, знаменитого торговца шерстью, умершего в Лондоне в 1401 году. Здесь, на этой планете, не было овец или других животных, кроме людей. Но у бывшего купца проявились выдающиеся способности к слежке, и ему нравилось не спать по ночам, тайно пробираясь по окрестностям.

Сэм кивнул ему и пригласил войти. Грейвел взбежал по «трапу» и прошел внутрь дома, как только Сэм отворил массивную дубовую дверь.

— Привет, лейтенант Грейвел, — сказал Сэм на эсперанто. — Что произошло?

Грейвел ответил:

— Доброе утро, босс. Этот жирный негодяй, король Джон, только что принял двух лазутчиков.

Ни Сэм, ни Грейвел не понимали английский язык, на котором изъяснялся каждый из них в отдельности. Однако в большинстве случаев прекрасно могли объясняться друг с другом с помощью эсперанто.

Сэм ухмыльнулся. Билл Грейвел, не замечен-

ный часовыми, опустился по веревке, наброшенной на ветку железного дерева, на крышу двухэтажного здания. Он прошел в спальню, где спали три женщины, а затем взобрался на верхнюю лестничную площадку, откуда мог видеть сидевших за столом Джона и его шпионов — итальянца из двадцатого века и венгра из шестнадцатого.

Прибывшие отчитались о своей поездке вверх по Реке. Джон был взбешен, причем с его точки зрения совершенно справедливо.

Слушая рассказ Грейвела, Сэм также пришел в ярость.

— Он пытался убить Артура из Новой Британии? Что он хочет? Погубить нас всех?

Он стал расхаживать по комнате, остановился, закурил большую сигару и снова стал ходить. Опять остановился, чтобы угостить Грейвела куском сыра и стаканом вина.

Иронией Судьбы или, вернее, этиков — так как они знали, что делали — было то, что король Джон и его племянник, которого он когда-то вероломно убил, оказались на расстоянии всего лишь тридцати двух миль друг от друга. Артур, принц Британии на старой Земле, организовал людей, среди которых он воскрес, в государство,

которое было названо Новой Британией. И хотя там было очень мало настоящих бретонцев, на территории берега в 10 миль, где он властвовал, Новая Британия все-таки существовала.

Прошло всего восемь месяцев, и Артур обнаружил, что его дядя стал его соседом. Он инкогнито пробрался в Пароландо, чтобы собственными глазами удостовериться, что это на самом деле тот его дядя, который собственноручно перерезал ему горло и швырнул его тело в Сену. Артур жаждал мести — он хотел поймать Джона и как можно дольше утонченно пытать его, не давая умереть, ибо смерть негодяя избавила бы его, возможно навсегда, от возмездия. На следующий день Джон воскрес бы где-нибудь за 1000 миль от этого места.

Артур направил послов, требуя выдачи Джона. Эти требования были отклонены, хотя только честность Сэма и его страх перед Джоном удержали его от удовлетворения требований Артура. Теперь Джон в свою очередь послал четверых людей, чтобы убить Артура. Двое из них были убиты, остальные, отделавшись легкими ранениями, скрылись. Это означало войну. Артур хотел не только отомстить Джону, но и заполучить железный метеорит.

Между Пароландо и Новой Британией по правому берегу Реки лежало 14 миль так называемой Земли Черского. Черский был украинским кавалерийским полковником, жившим на Земле в шестнадцатом веке. Он отказался заключить союз с Артуром. Но люди, жившие к северу от Новой Британии, имели своим правителем Иеясу. Это был могущественный и честолюбивый человек, основавший в 1600 году сегунат Токугава со столицей в Иедо, позднее названной Токио. Шпионы Сэма сообщали, что японцы и бретонец шесть раз проводили военные совещания.

Более того, еще севернее земель Иеясу находилось государство Клеомена, правителем которого был Клеомен, спартанский царь и сводный брат Леонида, который удерживал Фермопильский проход. Клеомен трижды встречался с Иеясу и Артуром.

К югу от Пароландо тянулось одиннадцать миль Публии, названной так в честь ее правителя Публия Красса. Публий был некогда военачальником в войсках Цезаря во времена его войн в Галлии. Он был настроен дружелюбно к Пароландо, хотя и заламывал высокую цену за вырубаемый Сэмом на его территории лес.

Южнее Публии было расположено государство

Тайфана, которым управлял Тай Фанг, один из военачальников Кублай-хана, погибший на Земле, с перепою упав с коня.

А еще южнее Тайфаны был расположен уже известный Соул-сити, который возглавляли Элвуд Хаскинг и Милтон Файбрас.

Сэм остановился и взглянул из-под косматых бровей на Грейвела.

— Самое страшное во всем этом, Билл, то, что я сейчас ничего не могу сделать. Если я скажу Джону, что мне известно о его попытке убить Артура, который, возможно, вполне этого заслуживает, судя по всему, что я о нем знаю, то тогда Джон поймет, что у него в доме есть мои шпионы. И он будет все отрицать, требуя, чтобы я предъявил доказательства — и вы знаете, что тогда случится с вами, если я их предоставлю.

Грейвел побледнел.

— Успокойтесь, успокойтесь, мой друг, — махнул рукой Сэм. — Я никогда не сделаю этого. Нет. Единственное, что мне сейчас остается, это сидеть тихо и наблюдать за развитием событий. Но я уже сыт по горло такой тактикой. Это самый презренный из всех людей, встречавшихся мне. О, если бы вы только знали, насколько обширен был круг моих знакомств, включая всех издате-

лей, вы бы почувствовали глубину моих слов.

— Джон мог бы быть сборщиком податей, — сказал Грейвел, что было в его устах страшнейшим оскорблением.

— Это был самый дрянной день в моей жизни, когда я решил взять Джона в компаньоны, — пробормотал Сэм, загасив сигарету. — Но если бы я не сделал этого, то был бы сейчас лишен возможности добывать железо.

Поблагодарив Грейвела, он отпустил его.

Небо над вершинами гор по ту сторону Реки уже покраснело. Скоро небосвод станет розовым у горизонта, а вверху голубым, но пройдет еще некоторое время, прежде чем из-за гор появится солнце. Перед его восходом произойдет разряд чашных камней.

Он вымыл лицо в тазу, зачесал назад густую гриву рыжих волос, поводил кончиком пальца, обмазанным зубной пастой, по зубам и деснам и выплюнул пену. Затем он прикрепил к поясу две пары ножен и сумку на ремешке и одел его. Вместо накидки он набросил на себя длинное полотнище, в одну руку взял дубовую трость со стальным наконечником, а в другую — чашу и спустился по лестнице. Каждую ночь ровно в три часа в течение получаса шел дождь, и долина

не успевала просохнуть, пока не показывалось солнце. Если бы не отсутствие болезнетворных микробов и вирусов, половина обитателей долины давно бы вымерла от воспаления легких или от гриппа.

Сейчас Сэм был снова молод и энергичен, но, как и прежде, недолюбливал физические упражнения. По дороге он размышлял о том, что неплохо было бы построить небольшую железную дорогу от его дома к берегу Реки. Но это было бы частичным решением вопроса. Почему бы не построить автомобиль, двигатель которого работал бы на древесном спирте?

К нему стали присоединяться другие люди, и ход его мыслей был прерван приветственными возгласами. В конце прогулки он передал свою чашу человеку, который поместил ее в углубление на вершине серой гранитной скалы в форме гриба. Там было в общей сложности около шестисот серых чаш-контейнеров. Толпа отодвинулась от чашного камня на почтительное расстояние. Пятнадцатью минутами позже скала с ревом разрядилась. Голубое пламя взметнулось вверх почти на 25 футов, гром эхом пронесся по горам. Специально выделенные дежурные взобрались на камень и стали раздавать чаши. Сэм забрал

свой завтрак и отправился назад, размышляя над тем, почему бы ему не посылать кого-нибудь со своей чашей на берег, чтобы доставлять ему еду на дом. Ответ, правда, не был секретом: каждый человек настолько зависел от своей чаши, что был просто не в состоянии доверить ее кому-либо другому.

Вернувшись домой, он поднял крышку чаши. В шести отделениях был завтрак и различные мелочи, столь необходимые для жизни.

В двойном дне чаши был спрятан преобразователь энергии и программное устройство.

На этот раз в чаше оказалась яичница с ветчиной, бутерброд с маслом и джемом, стакан молока, ломтик дыни, десяток сигарет, палочка марихуаны, пластинка наркотической резинки, сигара и бутылка отличного вина.

Он расположился, чтобы с наслаждением позавтракать, но, выглянув в окно, испортил себе аппетит. Перед соседней с его домом хижиной на коленях стоял юноша. Он молился, закрыв глаза и вознеся руки над головой. На нем была только шотландская юбка и спиральная рыбья кость на кожаном шнурке вокруг шеи. Он был широколиц, светловолос, с хорошо развитой мускулатурой. Однако вследствие худобы сквозь

кожу выдавались ребра.

Это был Герман Геринг.

Сэм выругался и вскочил со стула, резко отодвинув его назад. Он подхватил свой завтрак и пересел за круглый стол, стоявший в центре комнаты. Уже не раз этот молодой человек портил ему аппетит. Единственное в мире, чего терпеть не мог Сэм, так это раскаявшихся грешников, а Герман Геринг грешил раньше гораздо больше других и теперь, как бы компенсируя это, был самым набожным. Или это казалось Сэму, хотя сам Геринг заявлял, что он, в некотором роде, самый недостойный из недостойных.

«Черт бы побрал это твое самонадеянное смирение», — подумал Сэм.

Если бы Клеменс не провозгласил Великую Хартию Вольностей (несмотря на протесты короля Джона — история повторялась), он давно бы уже вышвырнул вон этого Геринга вместе с его приятелями-святошами. Однако Хартия — Конституция Государства Пароландо, самая демократичная Конституция в истории человечества — предоставляла полную свободу вероисповедания и полную свободу слова. Почти полную… Ведь без некоторых ограничений все же обойтись было нельзя.

Теперь же собственный документ не позволял Сэму запретить проповеди миссионеров Церкви Второго Шанса.

Однако, если Геринг будет продолжать протестовать и произносить повсюду речи, в которых он проповедовал доктрину мирного сопротивления, Сэму никогда не увидеть своего Судна. Герман Геринг сделал это судно символом человеческого тщеславия, жадности, жажды насилия и попирания божественных планов устройства мира людей.

Человек не должен строить пароходы. Он должен воздвигать величайшие дворцы духа. Все, что теперь нужно было человеку — это крыша над головой, чтобы укрыться от дождя и, время от времени, тонкие стены, чтобы укрыть от постороннего взгляда личную жизнь. Человеку больше уже не нужно в поте лица своего зарабатывать хлеб. Пища и вино безвозмездно предоставлялись ему, не требовалось даже благодарности. У человека достаточно времени, чтобы определить свою судьбу. И он не должен поступать во зло другим, ни отбирать их имущество, ни посягать на их любовь или достоинство. Он должен уважать других и себя. Однако на пути к этому стоят воровство, грабеж, насилие, презрение…

Он должен…

Сэм отвернулся. Конечно, он не мог просто так отвергнуть многое из того, о чем говорил Геринг. Но Геринг заблуждается, думая, что Утопии, либо спасения души можно достичь, вылизывая ноги тех, кто поместил их сюда. Человечество снова было обмануто — им просто воспользовались, им злоупотребили и обманули. Все-все: Воскрешение, омоложение, еда, избавление от болезней, тяжелой работы или экономической нужды — все это было иллюзией, шоколадкой, которую показывали ребенку-человечеству, чтобы заманить в какой-то темный переулок, где… Где что? Этого Сэм не знал. Однако, Таинственный Незнакомец сказал, что человечество стало жертвой самого гнусного надувательства, которое было еще более жестоким, чем первый обман — пресловутая земная жизнь. Человек был воскрешен и помещен на эту планету в качестве объекта какого-то чудовищного научного эксперимента. Вот и все. И когда исследования будут завершены, Человек снова исчезнет в пучине темноты и забвения. Снова обманутым!

Но какие цели преследовал Незнакомец, рассказывая об этом своим избранникам? Почему он предпочел набрать небольшое количество

помощников в борьбе против своих соплеменников-этиков?

К чему стремится Незнакомец?

Говорил ли он правду Сэму, Одиссею, Сирано и всем остальным, кого Сэм еще не встретил?

Этого Сэм Клеменс не знал. Здесь он был в таком же неведении, как и на Земле. Но одно он знал абсолютно точно. Ему очень нужно было речное Судно.

Туман рассеялся, время завтрака истекло. Он взглянул на водяные часы и зазвонил в большой колокол, установленный в рулевой рубке. Как только звон затих, раздались пронзительные свистки старшин. Они звучали по всей десятимильной зоне речной долины Пароландо. Затем застучали барабаны, и начался новый трудовой день.

17

В Пароландо было тысяча жителей, а Судно могло бы вместить всего человек сто двадцать. Двадцать человек знали точно, что они будут на борту его корабля. Кроме самого Сэма, там должны быть, в соответствии с его обещаниями, Джо Миллер, Лотар фон Рихтгофен, ван Бум, де Бержерак, Одиссей, трое инженеров, король Джон и их подруги. Остальные узнают о том, будут ли они приглашены в Путешествие, только за несколько дней до отплытия судна. Для этого их имена напишут на клочках бумаги, которые поместят в большую проволочную клетку. Клетка будет приведена во вращение, а затем Сэм с завязанными глазами остановит ее и вытащит одно за другим сто имен счастливцев, которые и составят команду легендарного речного Судна.

Судну предстояло пройти, если верить Незнакомцу, около пяти миллионов миль. При средней скорости 335 миль в сутки истоков Реки можно будет достичь за сорок два года. Однако вряд ли удастся удержать такую скорость. Придется давать команде продолжительный отдых на берегу, проводить ремонт. За это время Судно может

износиться, хотя Сэм собирался взять с собой запасные детали. Как только корабль отправится в путь, они уже не смогут возвратиться назад за деталями или раздобыть их еще где-нибудь по пути. А уж о том, чтобы найти подходящий металл, вообще не могло быть и речи.

Сама мысль о том, что ему будет около 140 лет, когда он доберется до верховьев Реки, была странной и непривычной. Но какое это имеет значение, если впереди еще, возможно, тысячи лет молодости.

Он взглянул в иллюминатор. Равнина была заполнена людьми, направляющимися с холмов к мастерским. Позади него такие же толпы людей направлялись к мастерским, расположенным у подножья гор. Целая маленькая армия будет работать на строительстве большой дамбы к северо-западу, у подножия гор. Большая стена возводилась между двумя высокими холмами, чтобы запрудить воду из ручья, текущего с горы. Когда водохранилище за дамбой будет наполнено, напор воды приведет в действие электрические генераторы, от которых будут питаться электроэнергией предприятия Пароландо.

Пока что источником электроэнергии были чашные камни. Трижды в день они запитыва-

ли огромный понижающий трансформатор с алюминиевыми обмотками, который передавал энергию по колоссальным алюминиевым проводникам в устройство размером с двухэтажный дом, называвшееся дельтатроном. Оно было изобретено в самом конце XX-го века и могло в течение доли микросекунды заряжаться до нескольких сотен киловатт, а затем выдавать электроэнергию любого необходимого напряжения в диапазоне от одной десятой вольта до ста киловольт. Это был прототип дельтатрона, который будет установлен на судне. Пока же этой энергией в основном запитывалась установка для резки никелевого железа раскопанной части метеорита. Эту установку сконструировал ван Бум. Ее можно было также использовать для плавки металла. Алюминий для проводников и дельтатрона ценой огромных усилий добывался из силиката алюминия, получаемого из глинозема, добытого непосредственно под слоем дерна у подножия гор на территории Пароландо. Но этот источник алюминия был быстро исчерпан, и теперь единственным его поставщиком оставался Соул-сити.

Сэм сел за письменный стол, выдвинув один из ящиков, и вытащил книгу в переплете из рыбьей

кожи, страницы которой были изготовлены из бамбуковой бумаги. Это был его дневник («Мемуары воскрешенного»). Пока что ему приходилось пользоваться чернилами, приготовленными на растворе вяжущих веществ из коры дуба и хорошо очищенного древесного угля. Когда технология Пароландо поднимется до больших высот, для записи событий дня и своих собственных мыслей он будет использовать электронное устройство, которое обещал ему ван Бум.

Застучали барабаны, и Сэм сразу же начал записывать.

Удар большого барабана означал тире, удары маленького — точки. Передача велась кодом Морзе на языке эсперанто.

«Через несколько минут сойдет на берег фон Рихтгофен».

Сэм приподнялся, чтобы еще раз выглянуть наружу. Почти в миле отсюда виднелся бамбуковый катамаран, на котором Лотар всего десять дней тому назад отправился вниз по Реке. Через правый ряд иллюминаторов Сэм увидел коренастую фигуру с копной густых волос, выходящую из ворот бревенчатого дворца короля Джона. За ним следовали его телохранители и прихлебатели.

Король Джон хотел лично удостовериться в

том, что фон Рихтгофен не передаст Сэму Клеменсу какое-либо тайное послание от Элвуда Хаскинга.

Экс-монарх Англии, нынешний соправитель Пароландо, был одет в красно-черную клетчатую юбку и накидку, наподобие пончо. На его ногах были высокие, до колен, кожаные сапоги, вокруг толстого туловища — широкий пояс с несколькими ножнами для стальных кинжалов, короткого меча и стального топорика. В одной руке он держал стальную корону — один из многих источников разногласий между ним и Сэмом. Клеменс не хотел зря тратить металл на подобный бесполезный анахронизм, однако Джон настоял на своем, и Сэму пришлось уступить.

Определенное утешение Сэм находил, размышляя о названии своего маленького государства. На эсперанто это означало «парная земля» и стало названием государства, потому что управляли им двое. Но Сэм не сказал Джону, что другим переводом слова Пароландо могло быть «Земля Твена».

Обогнув длинное низкое фабричное здание, Джон оказался у лестницы в обиталище Сэма. Его телохранитель, здоровенный головорез по имени Шарки, потянул за веревку колокольчика, и раздался высокий мелодичный звон.

Сэм высунул наружу голову и удивленно закричал:

— Добро пожаловать, Джон!

Англичанин поднял взгляд своих бледно-голубых глаз и дал знак Шарки пройти вперед. Джон очень боялся убийц и имел на это довольно веские причины. Кроме того, он был возмущен, что ему пришлось идти к Сэму, но он знал, что фон Рихтгофен сначала доложит обо всем Клеменсу.

Шарки вошел в рубку, осмотрел ее, заглянул во все три примыкающие к ней комнаты. Из задней спальни раздались низкие рычащие звуки, не хуже львиных. Шарки быстро отпрянул назад и притворил дверь.

Сэм заметил его испуг и сказал:

— Хоть Джо Миллер и болен, но он все же в состоянии закусить за завтраком десятком лучших бойцов Джона, да еще и попросить добавки.

Шарки ничего не ответил и через иллюминатор подал знак своему хозяину, что тот может подняться, не опасаясь засады.

К этому времени катамаран уже причалил, и на равнине показалась тонкая фигурка фон Рихтгофена с чашей в одной руке и с деревянным посольским жезлом с крылышками — в другой. В соседний иллюминатор была видна долговязая

фигура де Бержерака, возглавлявшего отделение стражников, идущих к южной стене. Ливи поблизости не было видно.

Джон вошел внутрь.

— Доброе утро, Джон!

Англичанин был очень уязвлен тем, что Сэм категорически отказывался обращаться к нему со словами «Ваше Величество». Их официальным титулом был «Консул», но даже этот титул Сэм произносил очень неохотно, подстрекая других, чтобы те называли его боссом, поскольку это еще больше досаждало Джону.

Англичанин хмыкнул и сел за круглый стол. Другой телохранитель, огромный темнокожий протомонгол с массивными кистями и невообразимо мощными мускулами по имени Закскромб, умерший примерно в тридцатитысячном году до н. э., зажег для Джона огромную коричневую сигару. Зак, как его обычно называли, был, если не считать Джо Миллера, самым сильным человеком в Пароландо. К тому же Джо Миллер не был человеком, по крайней мере, не был «гомо сапиенс».

Сэму очень хотелось, чтобы Джо поднялся с постели. Присутствие Зака действовало ему на нервы. Однако Джо накачался большой дозой же-

вательной резинки, так как двумя днями раньше крупный скол железа выпал из захвата крана как раз в тот момент, когда Джо Миллер проходил под ним. Крановщик клялся, что это было просто несчастным случаем, но Сэм подозревал, что это не так.

Сэм раскурил сигару и сказал:

— Есть какие-нибудь сведения о вашем племяннике?

Джон ответил не сразу, глаза его слегка расширились, когда он бросил взгляд на Сэма, сидевшего по другую сторону стола.

— Нет… и к тому же какое мне до него дело?

— Я просто так поинтересовался, — пожал плечами Клеменс. — Мне пришло в голову пригласить сюда Артура для того, чтобы посовещаться. По-моему, сейчас у вас нет особых причин для того, чтобы пытаться убить друг друга. Это же, как вам известно, не Земля. Почему бы не забыть старые распри? Что из того, что вы сбросили его в реку? Что было, то было. Мы бы могли пользоваться его древесиной, к тому же у него очень много столь необходимого для нас известняка.

Джон вспыхнул, затем прищурился и улыбнулся.

«Коварный Джон, — подумал Сэм. — Льстивый

Джон. Презренный Джон».

— За дерево и известняк нам придется платить стальным оружием, — заметил Джон. — А я не склонен позволять своему дорогому племяннику обзаводиться большим количеством стали.

— Я подумал было, что лучше сперва обсудить этот вопрос с вами, — кивнул Сэм, — ибо днем…

Джон напрягся.

— Да?

— Что ж, я подниму этот вопрос в Совете. Возможно, придется голосовать.

Джон успокоился.

«Ты думаешь, что ты в безопасности, — подумал Клеменс. — Конечно, на твоей стороне такие члены совета, как Педро Анзерец и Фредерик Рольф, а результат голосования пять против трех считается отрицательным…»

Он в очередной раз подумал об изменении Великой Хартии Вольностей, чтобы можно было предпринимать необходимые шаги, но это могло означать гражданскую войну, а заодно и конец его Мечты.

Он стал расхаживать по комнате, пока Джон громко описывал в мельчайших подробностях, как он завоевал свою очередную блондинку. Сэм старался не обращать внимания на слова

англичанина. До сих пор хвастовство Джона приводило его в бешенство, хотя теперь любая женщина, принявшая Джона, могла жаловаться только на себя.

Зазвонил дверной колокольчик. В рубку вошел Лотар фон Рихтгофен. Он снова отрастил длинные волосы и теперь со своими красивыми, в чем-то славянскими чертами лица, был похож на Геринга, который, правда, был не такой коренастый. Они были хорошо знакомы друг с другом во время Первой Мировой Войны, поскольку оба служили под началом старшего брата Лотара барона Манфреда фон Рихтгофена. Лотар был более непринужденным, более дерзким и по существу более нравственным человеком, но в это утро его улыбки и его добродушие исчезли.

— Что? Плохие новости? — заволновался Сэм.

Лотар взял чашу вина, предложенную Сэмом, выпил ее одним махом и сказал:

— Сеньор Хаскинг вот-вот закончит возведение укреплений. Стены Соул-сити имеют в высоту около 12 футов и в толщину ярда три по всей длине. Хаскинг держал себя со мною отвратительно, даже омерзительно. Он называл меня «офейо» и «хонки», словами для меня новыми. Я не удосужился спросить у него, что они означают.

— «Офейо», возможно, от английского «offal». Но второго слова я не слышал, — сказал Сэм.

— Еще услышите и довольно часто, в будущем, — сказал Лотар. — Если будете иметь дело с Хаскингом. А иметь дело с ним придется непременно. В конце концов, Хаскинг все-таки снизошел до разговора о делах, но сначала обрушил на меня целый поток брани, главным образом, из-за моих предков-нацистов. На Земле, как вам известно, я даже ничего не слышал о них, так как погиб в авиакатастрофе еще в 1922 году. Казалось, что-то раздражает его, возможно даже, что гнев его был вызван вовсе не моим происхождением. Однако главное в его речах — это то, что он, возможно, ограничит нам поставки бокситов и других минералов.

Сэм оперся на стол и сосредоточился. Затем сказал:

— Велика храбрость — измываться над послом.

— Похоже на то, — продолжал фон Рихтгофен, — что Хаскингу не очень-то по душе состав населения его государства. На одну четверть это негры Гарлема, умершие где-то между 1960 и 1980 годами, и на одну восьмую — негры из Дагомеи восемнадцатого века. Но у него целая четверть

нечерного населения, состоящая из арабов-бедуинов XIV-го века из Судана, которые до сих пор фанатично провозглашают Магомета своим пророком и считают, что здесь они отбывают всего лишь небольшой испытательный срок. Затем еще четверть населения представляют дравиды из Южной Индии XVII-го века. Наконец, одна восьмая его людей — из разных времен и эпох. Незначительное большинство в этой восьмой части составляют люди двадцатого века.

Сэм кивнул. Хотя воскрешенное человечество состояло из лиц, живших от двух миллионов лет до нашей эры и до 2008 года нашей эры, одна четвертая часть его — если верить оценкам специалистов — родилась после 1899 года.

— Хаскингу хочется, чтобы его Соул-сити был населен исключительно черными. Он говорит, что верил в возможность интеграции, когда жил на Земле. Молодые белые люди тех лет были свободны от расовых предрассудков своих отцов, и у него была надежда. Но сейчас на его территории не очень-то много его белых современников. Прежде всего, его сводят с ума бедуины. На Земле Хаскинг был мусульманином, вам это известно? Сначала он был Черным Мусульманином американского доморощенного толка. Затем он стал

настоящим мусульманином, совершил паломничество в Мекку и был совершенно уверен, что арабы, несмотря на то, что они белые, не являются расистами.

Однако резня суданских негров, учиненная суданскими арабами, и история порабощения арабами негров встревожили его. Но все же эти бедуины девятнадцатого века не расисты — они просто религиозные фанатики и все сводят к своему веротолкованию. Он не сказал этого прямо, но я пробыл там десять дней и видел достаточно. Бедуины хотят обратить весь Соул-сити в свою ветвь магометанства, и если им это не удастся сделать мирным путем, они не остановятся перед кровопролитием. Хаскинг хочет избавиться от них, а также от дравидов, которые, похоже, считают себя выше африканцев любого цвета кожи. Во всяком случае, Хаскинг будет продолжать снабжать нас бокситами, если мы пришлем ему всех своих черных граждан в обмен на бедуинов и дравидов. Плюс повышенное количество стали из метеоритного железа.

Сэм застонал. Король Джон плюнул на пол. Сэм нахмурился и сказал:

— Даже Плантагенет не имеет права харкать на пол моего дома! Пользуйтесь плевательницей

или вон отсюда!

Но через мгновение он заставил себя подавить приступ ярости, увидев, как ощетинился король Джон. Сейчас не время для конфронтации, успокаивал себя Клеменс. Печально прославившийся монарх никогда не уступит в подобном вопросе, пусть он и пустяковый.

Сэм сделал извиняющийся жест.

— Забудьте об этом, Джон! Плюйте, сколько вам вздумается! — но все же не удержался, чтобы не добавить: — Конечно, пока мне в вашем доме будет предоставляться такая же привилегия.

Джон заворчал и затолкал в рот шоколад. Он ворчал, чтобы показать, что тоже сильно разгневан, но, в отличие от Сэма, держит себя в руках.

— Этот сарацин, Хаскинг, и так уже получает очень много. Я бы сказал, что мы уже достаточно целовали его черную лапу. Эти требования, выдвигаемые им, сильно замедлят постройку ладьи…

— Судна, Джон, — перебил англичанина Клеменс. — Судна! Какая же это ладья!

— Не все ли равно. Я говорю: давайте завоюем Соул-сити, предадим всех его жителей мечу и возьмем минералы. Тогда мы сможем получать алюминий прямо на месте добычи. По сути, мы

могли бы там построить корабль. И чтобы застраховаться от вмешательства в наши дела, нам следует заодно покорить и все другие государства, лежащие между нами и Соул-сити.

Безумный властолюбец Джон!

И все же Сэм склонялся к тому, что, возможно, в этом единственном случае он прав. Через месяц или около того Пароландо будет располагать оружием, которое сделает возможным предложение Джона. Если только не учитывать того, что Публия была дружественным государством и ее требования невысоки, а Тайфана хотя и заламывала довольно высокую цену, все же позволяла вырубать свои деревья. Однако существовала возможность, что оба эти государства намеревались использовать полученное ими в обмен на дрова железо для изготовления оружия, чтобы затем напасть на Пароландо.

Дикари на противоположном берегу Реки, вероятно, имели такие же намерения.

— Я еще не кончил, — сказал фон Рихтгофен. — Хаскинг выставил требование, чтобы обмен гражданами проходил в соотношении один к одному. Но он не заключит никакого соглашения, пока мы не вышлем для переговоров с ним кого-либо из черных. Он сказал, будто оскорблен

тем, что вы послали меня, поскольку я — пруссак и юнкер до мозга костей. Но он прощает нам это, поскольку мы не знали, при условии, что в следующий раз мы пришлем члена Совета с черным цветом кожи.

Сэм едва не выронил изо рта сигару.

— У нас нет негров среди членов Совета!

— Правильно. Хаскинг как раз и говорит, что нам нужно избрать в Совет хотя бы одного негра.

Джон запустил обе руки в свою длинную рыжую шевелюру и встал. Его бледно-голубые глаза гневно сверкали под белыми бровями.

— Этот сарацин смеет учить нас, как нам вести себя в нашем собственном государстве?! Я говорю: война!!!

— Подождите минутку, Ваше Величество! — прервал его Сэм. — Я понимаю, у вас достаточно оснований для того, чтобы прийти в бешенство, но по правде говоря, мы в состоянии защитить себя, но не можем напасть и захватить большую территорию.

— Захватить? — крикнул Джон. — Да! Мы вырежем одну половину, а другую закуем в цепи!

— Мир сильно изменился после вашей смерти, Джон… ох, Ваше Величество. Общеизвестно, что существуют и другие формы рабства, кроме обыч-

ного, но мне не хочется затевать здесь сейчас спор относительно определений. Не надо поднимать шум, сказала лиса, забравшись в курятник. Мы просто назначим еще одного советника. Назначим на время. И пошлем его к Хаскингу.

— В Хартии нет статьи, допускающей временное кооптирование в члены Совета, — заметил Лотар.

— Тогда изменим Хартию, — спокойно ответил Сэм.

— Для этого нужно проводить референдум.

Джон поморщился. Сколько раз они с Сэмом ожесточенно спорили о правах народа.

— Кроме того, — сказал Лотар, все еще улыбаясь, но с отчаянием в голосе, — Хаскинг требует, чтобы сюда был допущен Файбрас с целью осмотра. Особенно его интересует наш аэроплан.

Джон прямо вскипел.

— Он требует, чтобы мы разрешили заслать сюда шпиона!

— Не знаю, — протянул Клеменс. — Файбрас у Хаскинга начальник штаба. Возможно, у него другое отношение к нам. Он инженер, кроме того, если я не ошибаюсь, он еще и доктор физических наук. Я о нем слышал раньше. А что вы выяснили о нем, Лотар?

— Он произвел на меня большое впечатление, — ответил фон Рихтгофен. — Родился он в 1974 году, в Сиракузах, штат Нью-Йорк. Отец его — негр, мать — наполовину ирландка, наполовину индеанка из племени ирокезов. Он был участником второй марсианской экспедиции и первой, выведенной на орбиту вокруг Юпитера.

Сэм задумался. Сколько фантастических свершений увидел мир после его смерти. Высадка на Луну, а затем на Марс. Как в книгах Жюля Верна, но, однако, не более фантастично, чем этот мир, в котором они теперь находятся. Все это настолько невероятно, что никакие существующие объяснения не удовлетворят ни одного разумного человека.

— Мы вынесем сегодня этот вопрос на обсуждение Совета, Джон, — наконец вымолвил Клеменс. — Если у вас, конечно, нет возражений. И сегодня же проведем всеобщие выборы временного советника. Я лично склоняюсь к кандидатуре Айзи Кабера.

— Кабер? Уж не тот ли это Кабер, который был рабом? — заметил Лотар. — Должен сказать, что по этому поводу Хаскинг сказал, что «дядя Том» ему не нужен.

Стоит родиться рабом, рабом и останешься

навсегда, подумал Сэм. Даже когда раб восстает, убивает своих угнетателей, погибает и воскресает здесь формально свободным, он все равно не мыслит себя свободным человеком. Кабер родился в 1841 году, в Монтгомери, штат Алабама. Его научили читать и писать, он служил в доме своего хозяина в качестве секретаря. Но в 1863 году убил сына владельца имения, бежал на Запад, был ковбоем, а затем шахтером. Копье индейца из племени сиу настигло его в 1876 году. Бывший раб был убит человеком, которому еще предстояло испытать рабство. Кабер был в восхищении от этого мира — так, во всяком случае, он говорил — потому что здесь никто не может поработить его. Но в своей душе он все же остался рабом — у него были рефлексы раба. Даже когда он стоял, высоко подняв голову, стоило рядом кому-нибудь внезапно щелкнуть бичом, он мог подпрыгнуть от страха, машинально пригнув при этом голову.

Для чего, для чего здесь вернули жизнь людям? Мужчины и женщины уже загублены тем, что с ними произошло на Земле, и им уже никогда не оправиться от перенесенных унижений. Приверженцы Церкви Второго Шанса кричат о том, что человек может измениться, измениться настолько, что перевоплотится полностью. Но ведь это

всего-навсего лишь кучка кретинов, наглотавшихся наркотической резинки.

— Пусть только Хаскинг назовет Кабера «дядей Томом», бьюсь об заклад, что Кабер прибьет его, — сказал Сэм. — А поэтому давайте пошлем именно этого негра.

Джон поднял свои косматые брови. Сэм догадывался, о чем он думает. Вероятно, о том, как использовать Кабера в своих целях.

— Время инспекционного обхода, — сказал Сэм, взглянув на водяные часы. — Не возражаете, чтобы пройтись, Джон? Я догоню вас через минуту.

И он уселся за письменный стол, чтобы сделать еще несколько записей в своем дневнике. Это дало возможность Джону первым покинуть рубку, как и приличествовало бывшему королю Англии и почти половины Франции. Сэм подумал о том, насколько любопытна эта забота о том, кто за кем должен идти, но он настолько недолюбливал Джона, что не мог вынести даже такого мелкого потворства желаниям экс-монарха. Однако вместо того, чтобы спорить о том, кто из них главнее, или попробовать выйти первым и тем самым привести Джона в ярость, он притворился, что у него есть кое-какие неотложные дела.

Сэм догнал группу, состоявшую из шести со-

ветников, около цеха по производству азотной кислоты. Группа быстро переходила из одного цеха в другой. Запахи, исходившие от различных кислот, алкоголя, ацетона, креозота, скипидара, уксуса и формальдегида, продуктов переработки человеческих экскрементов с лишайником, который соскребали со скал в горах для получения нитрата калия — все это всякого бы лишило аппетита. Советники были прожарены и оглушены в прокатном и сталелитейном цехах, на мельнице для измельчения известняка и в кузнечных мастерских. Они были покрыты известковой пылью, а лица перепачканы сажей. В алюминиевом цехе они поджарились, оглохли и быстро вылетели наружу.

Расположенная среди холмов оружейная мастерская в это время не работала, и поэтому здесь было очень тихо, если не считать отдаленного шума от других цехов. Однако пейзаж совсем нельзя было назвать красивым. Земля была перекопана, деревья вырублены, и черный едкий дым цехов, расположенных выше по Реке, собирался у подножия гор.

Их встретил ван Бум, главный инженер, наполовину зулус, наполовину бур, живший в конце двадцатого века. Это был красивый мужчина с

бронзовой кожей и курчавыми волосами, ростом около шести с половиной футов, весивший добрых 200 фунтов. Он родился в канаве в Кровавые Годы.

Прием был весьма сердечный (Сэм ему нравился, а Джона он терпел), но ван Бум сейчас не улыбался, как обычно.

— Все готово, — начал он, — но я хочу, чтобы мои возражения были внесены в протокол. Это — отличная игрушка, она может наделать много шума и выглядит она довольно внушительно. Из нее можно даже убить человека. Но в общем-то это напрасная трата сил на такое неэффективное средство.

— Вы говорите сейчас, как конгрессмен, — сказал Сэм.

Ван Бум провел их через высокую дверь в дом из бамбука, внутри которого на столе лежал пистолет. Ван Бум взял его. Даже в его огромной ручище оружие было слишком велико. Инженер прошел мимо собравшихся наружу, на солнце. Сэм был разъярен. Он протянул руку к пистолету, но ван Бум не обратил на него никакого внимания. Если он собирается продемонстрировать эффективность этого пистолета во дворе, то почему бы не сказать об этом сразу?

— Ох, уж эти мне инженеры, — пробормотал Сэм и пожал плечами. Пытаться вмешиваться в то, что делает ван Бум — все равно, что тыкать мула из Миссури палкой между глаз.

Ван Бум поднял пистолет так, что солнце засверкало на серебристой полированной поверхности ствола.

— Это пистолет системы Марк-1, — сказал он. — Название дано в честь босса, который изобрел его.

Гнев Сэма тут же растаял, как лед на Миссисипи во время оттепели.

— Это однозарядное, одноствольное, кремневое ручное оружие с нарезным стволом. — Он взял пистолет в правую руку и продолжил: — Заряжается оно так: вы выдвигаете затвор — открывается отверстие для пули. Затем вы левой рукой прижимаете ствол, тем самым ставя курок на предохранитель спуска. — Он засунул руку в мешочек, пристегнутый к его поясу, и вытащил оттуда крупный полусферический предмет. — Это бакелитовая пуля шестого калибра. Вставьте ее в отверстие и надавите, пока она не ляжет на дно ствола.

Он достал из этого же мешочка небольшой пакетик, в котором было какое-то черное вещество.

— Это черный дымный порох, завернутый в нитроцеллюлозу. Когда-нибудь, в будущем, у нас обязательно будет и бездымный порох. Теперь я помещаю патрон передним концом в патронник, где и находится завернутый в нитроцеллюлозу порох. Затем я возвращаю ствол левой рукой в первоначальное положение. Марк-1 готов к стрельбе. На всякий случай, если заряд не воспламенится, вы можете высыпать порох через специальное отверстие. В случае осечки оружие можно перезарядить правым большим пальцем. Запомните, что вспышка происходит справа для защиты лица стреляющего.

Вынесли большую деревянную мишень и установили ее на подставке на расстоянии около двадцати ярдов от инженера. Ван Бум повернулся к ней, поднял пистолет, охватил его двумя руками и прицелился.

— Встаньте позади меня, джентльмены, — произнес он. — Тепло от трения о воздух вызывает обгорание поверхности пули, из-за чего остается дымный след, который вы можете легко увидеть. Пластиковая пуля изготовлена такого большого калибра из-за ее малой массы. Но увеличение калибра повышает сопротивление воздуха. Если мы решим все-таки использовать этот пистолет

— против чего я решительным образом возражаю — мы сможем увеличить калибр до 7,5 в системе Марк-2. Эффективная дальность стрельбы около пятидесяти ярдов, но на расстоянии больше, чем тридцать ярдов, точность стрельбы резко снижается.

Пистолет был заряжен. Когда ван Бум потянет курок, ударник затвора приведет в движение спусковой механизм, и оболочка, в которую помещен порох, разорвется.

Раздалось щелканье курка, вспышка пороха и оглушительный грохот. Все это произошло за доли секунды, но за это время ван Бум успел вернуть слегка дернувшийся пистолет в первоначальное положение. Пуля действительно оставляла за собой очень слабый дымный след, который быстро рассеивался ветром. Сэм внимательно следил за траекторией пули и заметил, что она сильно отклонилась боковым ветром. Но ван Бум, видимо, неплохо натренировался в стрельбе из этого оружия, так как пуля все же попала почти в самый центр мишени. Она наполовину ушла в мягкую сосновую древесину, разорвалась и пробила в дереве крупное отверстие.

— В человека пуля войдет неглубоко, — пояснил ван Бум, — но дырка будет большая. В том же

случае, если она войдет рядом с костью, осколки пули непременно раздробят ее.

Следующий час пролетел незаметно. Довольные советники и консулы по очереди стреляли из пистолета. Король Джон был в особом восторге, так как он никогда прежде не видел огнестрельного оружия. Его первое знакомство с порохом состоялось через несколько лет после Воскрешения, но до сих пор он видел только бомбы и деревянные ракеты.

В конце концов ван Бум сказал:

— Итак, джентльмены, если вы будете продолжать стрельбу, то израсходуете весь запас наших пуль, а ведь для того, чтобы их изготовить, понадобилась уйма материалов и труда. Это одна из причин, по которым я выступаю против изготовления таких пистолетов. Остальные причины: первая — точная стрельба возможна только с близкого расстояния; вторая — заряжание и стрельба отнимают слишком много времени, и хороший лучник уложит за это время троих с пистолетами и при этом останется на безопасном от них расстоянии. Более того, пластиковую пулю можно использовать только один раз, тогда как стрелу — многократно.

— Все это чепуха! — воскликнул Сэм. — Один

только факт, что мы располагаем таким оружием, продемонстрирует наше техническое и военное превосходство. Мы испугаем противника до полусмерти еще до того, как начнется битва. Кроме того, вы забыли еще о том, как долго надо тренироваться, чтобы стать опытным лучником, а из этого пистолета любой научится стрелять после сравнительно непродолжительного обучения.

— Это правда, — кивнул ван Бум. — Но смогут ли они кого-нибудь убить из него. Кроме того, я сейчас думаю над тем, чтобы изготавливать стальные арбалеты. Конечно, стрельба из них не такая быстрая, как из обычных луков, но для того, чтобы научиться метко стрелять из арбалета, времени нужно не больше, чем для обучения стрельбе из этого пистолета. К тому же, стрелами опять-таки можно пользоваться неоднократно. Да они и гораздо более смертоносны, чем эти шумные зловонные пугачи.

— Нет, сэр! — твердо сказал Сэм. — Нет! Я настаиваю на том, чтобы мы изготовили не менее двухсот подобных пистолетов! Мы снабдим ими специальную бригаду Стрелков Пароландо. Они будут наводить ужас на всех обитателей берегов Реки — вы еще увидите это! Вы обязательно увидите!

18

Как ни странно, но король Джон поддержал Сэма. Он настаивал на том, чтобы первые два пистолета были изготовлены для него и Клеменса, а следующая дюжина — для их телохранителей. И только потом можно будет организовать пистолетные отряды и приступить к тренировкам.

Сэм был благодарен англичанину за поддержку, но про себя решил, что нужно внимательно проследить за людьми, которым будут вручены пистолеты. Он не хотел, чтобы этот отряд был сформирован в основном из людей Джона.

Ван Бум не скрывал своего неодобрения.

— Вот что я скажу вам! Сейчас я возьму хороший лук и двенадцать стрел, отойду на расстояние в пятьдесят ярдов, и по сигналу вы все — восемь человек — станете приближаться ко мне, стреляя сколько вам будет угодно из вашего Марка-1. И клянусь, что я уложу всех вас, восьмерых, прежде чем вы приблизитесь ко мне на расстояние, с которого сможете убить меня! Идет? Ставкой является моя жизнь!

— Не будьте ребенком! — оборвал его Сэм.

Ван Бум закатил глаза.

— Это я — ребенок? Это вы ставите под угрозу судьбу Пароландо и вашего Судна. И все потому, что вам сильно захотелось поиграть с этими пистолетиками!

— Как только вы изготовите достаточное количество пистолетов, тотчас же можете приниматься за производство арбалетов, — твердо произнес Сэм. — Слушайте! Ведь можно изготовить также и броню для Стрелков! Это должно снять ваши возражения, не так ли, ван Бум? Почему я не подумал об этом раньше? Постойте, постойте, наши люди будут таким образом облачены в стальные доспехи, которые защитят их от оружия каменного века, коим будет пользоваться противник. Пусть себе враг пускает стрелы с кремневыми наконечниками! Они будут отскакивать от стали, а это даст Стрелкам возможность спокойно пускать в ход свое оружие, сметая ряды противника!!!

— Вы забыли о том, что мы вынуждены обменивать нашу руду и даже металлическое оружие на древесину и другие необходимые нам материалы, — возразил инженер. — Противник будет иметь стрелы со стальными наконечниками, которые легко смогут пробить вашу броню. Вспомните о битвах при Кресси и Пуатье.

— С вами невозможно иметь дело! — возмутился Клеменс. — Вы, должно быть, наполовину голландец — судя по вашей несговорчивости!

— А если ваше мышление характерно для представителей белой расы, то я рад, что наполовину зулус, — отпарировал ван Бум.

— Не кипятитесь, — примиряюще произнес Сэм. — Лучше примите поздравления с изготовлением пистолета! Знаете, мы назовем его Ван-Бум-Марк-1. Ну как?

— Я не хочу, чтобы мое имя фигурировало в его названии, — покачал головой инженер. — Пусть будет по-вашему. Я сделаю вам двести пистолетов. Но мне бы хотелось сделать все же улучшенную модель Марк-2, о которой мы говорили.

— Сначала сделайте двести экземпляров первой модели, а затем можете заниматься и Марком-2, — сказал Сэм. — А то мы настолько увлечемся улучшением, что вовсе окажемся без огнестрельного оружия. Все же…

И он заговорил о Марке-2. У него была страсть к механическим устройствам. На Земле он изобрел большое количество различных вещей, каждая из которых, по его мнению, могла бы принести ему состояние. Среди них была небольшая наборная машина, в которую он вложил все, что

заработал на книгах — и в которой все это безвозвратно кануло.

Сэм вспомнил об этом наборном чудовище и о том, как эта замечательная машина довела его до банкротства. На какую-то секунду в его воображении ван Бум слился с Пейджем, его компаньоном по разработке этой машины, и он почувствовал себя виноватым перед ним. Ему даже стало чуточку страшно.

Затем ван Бум стал говорить о том, сколько материала и труда было вложено в АМП-1, опытный образец летательного аппарата. Сэм игнорировал эти жалобы. Вместе с другими он пошел к ангару, который находился на равнине в миле от резиденции Сэма. Аппарат был закончен лишь частично и казался хрупким и незавершенным.

— Он похож на некоторые аэропланы, построенные в 1910 году, — отметил фон Рихтгофен. — Сидя в этой кабине, я выше пояса буду открыт, как на ладони. Вся эта машина больше всего похожа на летающего дракона. Главная цель, которую мы преследуем, — испытать эффективность двигателя, работающего на древесном спирте, а также очень интересно будет выяснить возможности наших материалов.

Фон Рихтгофен обещал, что первый полет состо-

ится примерно через три недели. Он показал Сэму наброски установок для запуска ракет, которые будут установлены под крыльями аэроплана.

— Самолет сможет нести до шести небольших ракет, но лучше всего было бы использовать его в качестве разведчика. Скорость его будет не более 40 миль в час против ветра, летать в нем будет огромным удовольствием.

Сэм расстроился из-за того, что аэроплан не будет двухместным. Он страстно желал полетать на нем, полетать в первый раз в своей жизни — вернее, во второй жизни. Фон Рихтгофен успокоил его, что следующая модель несомненно будет двухместной и Сэм будет первым ее пассажиром.

— После того, как вы ее испытаете, — улыбнулся Клеменс. Он ждал, что Джон будет протестовать и настаивать на том, чтобы первым взяли его. Но, очевидно, англичанин не очень-то стремился оторваться от земли.

Последняя остановка была на верфи, расположенной на полпути между ангаром и домом Сэма. Сооружение корабля, со всех сторон укрытого лесами, должно было быть завершено через неделю. «Огненный Дракон — 1» был амфибийным прототипом судна, на нем будут отрабатываться основные технические решения для большого па-

рохода. Это была великолепная машина длиной в 32 фута, изготовленная из толстого листового алюминия и имевшая форму крейсера с колесами. На палубе было установлено три башни. Модель приводилась в движение паровой машиной, котел которой работал на древесном спирте. Она могла действовать как на суше, так и в воде. «Огненный Дракон — 1» имел одиннадцать человек команды и был, по словам Сэма, непобедим.

Клеменс похлопал по холодному остову и сказал:

— К чему нам беспокоиться о лучниках или еще о чем-то? Этот джаггернаут сам по себе может сокрушить королевство. Ничего подобного его паровой пушке не видели ни на Земле, ни на этой планете. Именно для нее на «Драконе» установлена паровая машина и такой огромный котел.

После завершения обхода Сэм был счастлив в полном смысле этого слова. Конечно, проектирование великого Судна только-только началось и для его завершения нужно время и жизненно необходимо, чтобы государство было хорошо защищено. Но одна только подготовка к строительству приносила немалое удовлетворение. Он довольно потер руки и раскурил новую сигару, глубоко втянув в легкие крупную дозу зеленого

дыма.

И тут он увидел Ливи.

Свою любимую Ливи, которая так долго болела и в конце концов в 1904 году умерла в Италии.

Ставшую снова молодой и красивой, но, увы, не для него.

Она шла к нему, держа в руке чашу. На ней была белая с алой окантовкой юбка, которая всего лишь наполовину закрывала ее бедра, и тонкий белый шарф вместо лифа. У нее была отличная фигура, хорошие ноги, красивое лицо. Широкий атласно-белый лоб. Большие светящиеся глаза. Красивые полные губы. Привлекательная улыбка, маленькие, очень белые зубы. Волосы гладко причесаны и сзади заплетены в косу. За ухом огромный алый, похожий на розу, цветок лианы, обвивавшей железные деревья. На ее шее висело красное ожерелье из спиральных позвонков рогатой рыбы.

Сердце Сэма подпрыгнуло, как будто его царапнула кошачья лапа.

Приближаясь к нему, она раскачивалась всем телом, и ее груди подпрыгивали под полупрозрачной тканью. И это его Ливи, которая всегда была такой скромной, носила плотную одежду, скрывавшую ее тело от шеи до лодыжек, и ни-

когда не раздевалась перед ним на свету. Теперь она напоминала ему полуобнаженных женщин Гавайских островов. Он чувствовал себя как-то неловко и знал почему. Его щепетильность по отношению к туземцам в равной степени вызывалась как их нежелательной привлекательностью, так и антипатией, питаемой к ним, причем оба эти чувства переплетались и сами по себе не имели никакого отношения к туземцам.

Ливи была воспитана в пуританском духе, но при этом все-таки не была полностью испорчена. На Земле она научилась пить пиво, оно нравилось ей, она даже закуривала несколько раз и, наверное, даже изменяла ему, во всяком случае, ее поведение несколько раз вызывало некоторое сомнение в ее честности. Она терпела его постоянное сквернословие и даже сама иногда крепко выражалась, когда поблизости не было девочек. Обвинения в том, что она подвергала цензуре его книги и выхолащивала все пикантные места, были беспочвенны. Он сам был цензором всех своих книг.

Да, Ливи всегда умела адаптироваться.

И очень хорошо адаптировалась. Теперь, после двадцати лет разлуки, она влюбилась в Сирано де Бержерака. И Сэму было неловко от того, что

буйный француз разбудил в ней нечто такое, что мог бы разбудить и Сэм, не будь он столь сдержан. Но после этих лет жизни у Реки и изрядного количества наркотической резинки он тоже растерял многие из своих внутренних запретов.

Но уже было поздно.

Если только Сирано не покинет сцену…

— Хэлло, Сэм, — сказала она по-английски. — Не правда ли, чудесный день?

— Здесь каждый день чудесный, — пробормотал он. — Здесь не приходится говорить о погоде, не говоря уже о том, что мы бессильны что-либо сделать с ней!

Она очаровательно засмеялась.

— Пойдем вместе к чашному камню, — предложила она. — Скоро время обеда.

Каждый день он клялся, что не будет даже близко подходить к ней, ибо это причиняло ему огромную боль. И каждый день он использовал малейшую возможность, чтобы приблизиться к ней.

— Как там Сирано?

— О, он наверху блаженства, потому что наконец-то раздобудет себе рапиру. Билдрон, оружейник, обещал, что он будет первым на очереди, разумеется, после тебя и других советников.

Сирано никак не мог смириться с тем, что никогда больше в его руке не будет стального клинка. Затем он прослышал о метеорите и пришел сюда. Теперь величайший в мире фехтовальщик получит возможность любому доказать, что у него абсолютно заслуженная репутация, вопреки утверждениям некоторых лжецов.

— Ну, Ливи, — произнес Клеменс, — ты преувеличиваешь. Я ведь не говорил, что люди лгут относительно его репутации. Я просто говорил, что они, возможно, немного преувеличивают. Я до сих пор не верю рассказу о том, что он в одиночку продержался против двухсот шпажистов.

— Битва у Порт-де-Несл была на самом деле! И не было двухсот! Ты, Сэм, как обычно, сам раздул эту историю. Там была толпа наемных головорезов, а сколько — может быть, сотня, а может быть, и больше. Но даже если их было всего 25, тот факт, что Сирано в одиночку бросился на них, чтобы спасти своего друга, шевалье де Линьи, говорит сам за себя. Он убил двоих, семерых ранил, а остальных обратил в бегство. Это истинная правда!

— Я не желаю вступать с тобою в спор относительно достоинств твоего избранника, — усмехнулся Клеменс. — Так же, впрочем, как и о

чем-либо другом. Давай просто поговорим так, как мы беседовали бывало с тобою до того, как ты заболела.

Она остановилась. Лицо ее подернулось грустью.

— Я всегда знала, что ты негодовал из-за этой моей болезни.

— Нет. Совсем нет, — запротестовал он. — Я думаю, что я чувствовал себя виноватым в том, что ты болела, как будто меня можно было в чем-то обвинить. Но я никогда не обижался на тебя из-за твоей болезни! Я обвинял только самого себя.

— Я и не говорила, что ты обвинял во всем меня, — поправила она его, — я сказала, что ты негодовал по поводу моей болезни и часто выдавал свое негодование. О, ты, возможно, думал, что ты всегда нежен, благороден и полон любви. И, в основном, так это и было. Но не столь уж и редко ты так смотрел, так говорил, так ворчал, так жестикулировал, — ну, как это описать? Не могу, но я знала, что ты обижен на меня, иногда даже ненавидишь меня за мою болезнь.

— Нет!!! — закричал он так громко, что многие оглянулись в его сторону.

— К чему спорить об этом. Так это было или иначе, сейчас это уже не имеет никакого зна-

чения. Я любила тебя тогда, Сэм, и, в некотором смысле, люблю до сих пор. Но не так, как тогда.

Всю остальную часть пути по равнине к чашному камню он молчал, кусая горькую до отвращения сигару.

Сирано здесь не было. Он руководил возведением стены, которая вскоре защитит берег от нападения со стороны Реки. Сэм был рад этому. Ему и так было достаточно тяжело видеть Ливи одну, но когда рядом с ней был этот французишка, он едва переносил эту пытку.

Разошлись они также молча.

Навстречу ему приближалась красавица с медовыми волосами, и ему удалось на некоторое время забыть о своих чувствах к Ливи. Эту красавицу звали Гвиневра. Она умерла в возрасте семи лет в местности, бывшей, скорее всего, Корнуоллом, во времена, когда финикийцы устроили там оловянные копи. Воскресла она среди людей, не говоривших на древнекельтском языке, и была принята в группу, где говорили по-английски. Судя по ее описанию, одним из членов этой группы был тот самый сэр Ричард Френсис Бартон, которого, как ему казалось, он видел как раз перед падением метеорита. Бартон со своими друзьями построил небольшую парусную лодку и отпра-

вился на ней к верховьям Реки — именно этого и следовало ожидать от человека, проведшего полжизни в исследовании дебрей Африки и других континентов. На Земле Бартон искал истоки Нила, а вместо этого открыл озеро Танганьика. На этой планете он снова стал искать истоки Реки — величайшей из всех рек — не обескураженный тем, что длина ее, возможно, десять или даже и все двадцать миллионов миль.

Через год его лодка была атакована дикарями и один из них ударил малютку Гвиневру каменным ножом и швырнул в Реку, где она и утонула. Она ожила на следующий день где-то в очень высоких широтах северного полушария. Было очень холодно. Солнце едва грело, и жившие там люди говорили, что для того, чтобы попасть в местность, где солнце всегда наполовину спрятано за горами, нужно пройти больше чем двадцать тысяч чашных камней, и что там живут волосатые люди с лицами, как у обезьян. Люди десяти футов ростом и весом в 700–800 фунтов.

(Это было правдой — Джо Миллер, как раз, и был одним из таких обезьянолюдей!)

Люди, принявшие ее к себе, говорили на суоми, то есть на финском. Чуть ниже их жили шведы, мирные люди двадцатого века. Детство Гвиневры

было сравнительно счастливым — у нее были отличные приемные родители. Она выучилась говорить по-фински, шведски, английски. Владела также китайским диалектом четвертого века до нашей эры, ну и знала эсперанто.

Однажды она случайно утонула и пробудилась в этой местности. Гвиневра до сих пор помнила Бартона — детское увлечение не покидало ее. Но будучи реалисткой, она была готова любить и других мужчин. Что она и делала — до Сэма дошел слух, будто она только что рассталась с одним из членов Совета. Она хотела иметь мужчину, который был бы ей верен, а верность не так уж просто было найти на этой планете.

Клеменса очень сильно влекло к этой женщине. И единственное, что удерживало его от того, чтобы сделать ей предложение, был страх перед гневом Ливи.

Трудно было отыскать источник этого страха, ведь Ливи не предъявляла сейчас на него никаких прав. И она ясно дала ему понять, что ей безразлична его личная жизнь и его положение в обществе. И тем не менее, вопреки всякой логике, он боялся привести к себе другую женщину. Он не хотел перерубать последнее тонкое звено, связывавшее их.

Он поболтал немного с Гвиневрой, выяснив, что она все еще ни с кем не связана.

19

Обед расстроил Сэма. Рулетка, спрятанная где-то в ложном днище чаши, с помощью какого-то безумного игрока в кости на этот раз приготовила такой обед, что его мог бы проглотить разве что изголодавшийся бушмен, да и то поперхнулся бы. Сэм вышвырнул вон всю эту пищу, но нашел все же небольшое утешение в двух сигарах и шести унциях незнакомого, но восхитительного спиртного. Один только запах этого напитка вызвал пляску вкусовых окончаний его языка.

Встреча с Джоном и заседание Совета заняли три часа. После долгих пререканий и множества голосований было принято решение вынести вопрос о внесении поправки в Хартию — поправки, которая допускала избрание временного советника. Джон целый час упирался, настаивая на том, что в голосовании нет необходимости. Почему нельзя Совету просто заявить, что принята поправка, и делу конец? Никакие объяснения не могли убедить его. Дело было не в том, что у англичанина не хватало мозгов. Он просто был не в состоянии постичь, что такое демократия.

Затем единогласно проголосовали за то, чтобы

принять Файбраса в качестве официального посланника Хаскинга, но было решено не спускать с него глаз.

После всего этого Джон поднялся и разразился речью, время от времени, когда терял контроль над своими эмоциями, переходя с эсперанто на нормандский диалект французского языка. Он считал, что Пароландо должно покорить Соулсити, пока оно само не стало первой жертвой Хаскинга. Нападение нужно будет организовать сразу же, как только будет готово ручное оружие — пистолеты и бронированный вездеход «Огненный Дракон — 1». Однако, считал он, возможно, лучше сначала испытать храбрость войск и силу нового оружия на Новой Британии. Шпионы ведь уверяют, что Артур сам намеревается напасть на них.

Двое приспешников Джона поддержали его, но остальные, включая Сэма, проголосовали против. Джон покраснел, стал ругаться и стучать кулаком по дубовому столу, но никто не собирался изменять своего решения.

После ужина барабаны передали послание Хаскинга, содержащее сообщение, что посол Файбрас прибудет завтра, где-то чуть раньше полудня.

Сэм вернулся к себе. При свете ламп, в которых

горел рыбий жир — вскоре у них обязательно будет электричество — он, ван Бум, двое инженеров — Таня Величко и Джон Лесли О'Брайен — обсуждали вопросы, связанные с Судном, и делали кое-какие наброски на бумаге, которая все еще была здесь редкостью. Однако им требовалось огромное количество бумаги для чертежей. Ван Бум все еще говорил, что нужно немного обождать, вот-вот можно будет начать производить специальный пластик. Чертить на нем можно будет магнитными перьями, а размагничивая его, можно будет без труда вносить коррективы в написанное. Сэм ответил, что все это прекрасно, однако он хочет начать постройку своего Судна, как только будет закончен вездеход «Огненный Дракон». Ван Бум сказал, что он не может с этим согласиться, так как еще не решено множество разнообразных проблем.

Прежде чем это собрание закончилось, ван Бум вытащил из большой сумки Марк-1.

— Теперь у нас их десять, — сказал он. — Это — ваш, подарок «Ассоциации инженеров Пароландо». А вот двадцать пакетов пороха и двадцать пластиковых пуль. Теперь вы можете спать, положив его под подушку.

Сэм поблагодарил, инженеры ушли, и Клеменс

закрыл дверь на засовы. Затем он прошел в заднюю комнату, чтобы поговорить немного с Джо Миллером. Гигант все еще бодрствовал и сказал, что сегодня вечером он не принимал ничего успокоительного и, наверное, завтра поднимется. Сэм пожелал великану доброй ночи и прошел к себе в спальню. Он выпил два глотка вина и лег. Через некоторое время ему удалось задремать, хотя он и боялся, что трехчасовой дождь как обычно разбудит его и он с трудом сможет потом заснуть.

Когда он проснулся, дождь уже давно закончился. Откуда-то доносились крики, а затем его «капитанский мостик» содрогнулся от взрыва. Сэм соскочил с кровати, накинул на себя одежду, схватил топор и бросился в рубку. Внезапно он вспомнил о пистолете, но тут же решил, что обязательно вернется за ним, как только выяснит, что происходит.

Река была еще окутана туманом, и из него выскакивали сотни темных фигур, а над туманной поверхностью Реки торчали верхушки высоких мачт. Повсюду на равнине и среди холмов мелькали факелы и били барабаны.

Раздался еще один взрыв. При свете озарившей ночную тьму вспышки было видно, как разлетаются во все стороны тела.

Он выглянул в иллюминатор. Ворота в бревенчатой стене, окружавшей дворец короля Джона, были распахнуты, и из них выскакивало множество людей, среди которых выделялась могучая фигура Джона.

Однако из тумана, стелющегося над Рекой, людей появлялось еще больше. В свете звезд было видно, как они строились и ряд за рядом продвигались вперед. К этому времени передовые отряды нападавших были уже среди больших цехов и быстро приближались к холмам. Раздалось несколько взрывов внутри заводских помещений — это, очевидно, рвались бомбы, брошенные туда, чтобы подавить сопротивление защищавшихся. Затем Клеменс увидел яркий след на фоне черного неба, и что-то огромное черное понеслось прямо на него. Он бросился на пол, и тотчас же под ним раздался грохот, пол затрясся, посыпались стекла иллюминаторов. Он почувствовал едкий запах горящего пластика.

Сэм понимал, что нужно вскочить и бежать, но никак не мог заставить себя подняться. Он был оглушен и от страха парализован. За первой ракетой может последовать вторая, и на этот раз она могла взорваться гораздо ближе.

Внезапно гигантская рука схватила его плечо

и потянула вверх. Другая рука обхватила ноги, и гигант вынес его наружу.

Руки и грудь великана, покрытые густыми волосами, были мощными и теплыми, как у гориллы. Голос, зычный, как из дальнего конца туннеля, проревел:

— Шпокойнее, шпокойнее, бошш!

— Поставь меня сейчас же, Джо! — приказал Клеменс. — Со мной ничего не случилось. Единственное, от чего я сейчас страдаю, так это от стыда. И поделом, мне надо сгореть от стыда.

Первое потрясение уже улеглось, и появилось ощущение относительного спокойствия. Один только вид гиганта действовал на него успокаивающе. Старый добрый Джо — может, он и туповат, может, он и недочеловек и в данный момент болен, но все равно стоит целого батальона обычных людей!

Джо стоял перед ним, облаченный в кожаные доспехи. В руке его блестел огромный двуручный стальной топор.

— Кто это? — проревел он. — Иж Шоул-шити?

— Не знаю, — пожал плечами Сэм. — Как ты себя чувствуешь? Ты можешь драться? Как твоя голова?

— Болит, но дратьшя я могу. Куда идем?

Сэм повел его к подножию холма, к людям, собравшимся вокруг Джона. Он услыхал свое имя и увидел долговязую фигуру де Бержерака и рядом с ним Ливи. У нее был маленький дубовый щит, обшитый кожей, в руке она держала дротик со стальным наконечником. Француз держал в руке длинный тускло поблескивающий клинок. Глаза Сэма округлились. Это была шпага.

Бержерак заметил недоумение Клеменса и пояснил:

— Ваш кузнец дал мне ее сразу же после ужина. Он сказал, что нечего больше ждать.

Сирано взмахнул шпагой, со свистом рассекая воздух.

— Теперь я снова живу. Ведь это сталь — острая сталь!

Близкий взрыв заставил их всех прильнуть к земле. Сэм выждал, пока не удостоверился, что еще одной ракеты не предвидится, и посмотрел в сторону своего капитанского мостика. Попадание было прямым. Передняя часть строения была разворочена и объята пламенем, огонь подступал к верхней палубе. Пропал дневник, но чашу он сможет потом забрать. Она была неразрушаемой. Еще через несколько минут из деревянных базук со спин ракетчиков Пароландо полете-

ли деревянные снаряды с горящими хвостами. Снаряды падали поблизости и только иногда среди противника. Они взрывались, взметнув языки пламени и клубы черного дыма, который быстро уносился ветром. Поступили сообщения от трех гонцов. Нападение совершено в трех местах вдоль Реки. Основные силы нападавших были сосредоточены здесь, по-видимому, чтобы захватить руководителей Пароландо, самые крупные цеха и вездеход «Огненный Дракон». Другие две армии атакующих вели бои в миле по обе стороны отсюда. Нападавшими были жители Новой Британии, а также ольмеки и клеоменцы с противоположного берега Реки. Ольмеки были дикарями, жившими в Сибири за 30000 лет до н. э., их потомки пересекли Берингов пролив и стали американскими индейцами.

«Вот тебе и шпионская сеть короля Джона, — подумал Сэм. — Если только… если только он сам не организовал этот набег. Но будь это так, он не стоял бы здесь, где его могут в любой момент убить…»

К тому же Артур из Новой Британии ни за что не вступил бы в соглашение с дядей, который когда-то убил его.

Обе стороны продолжали запускать ракеты.

Пятифунтовые ракеты, начиненные осколками горных пород, наносили большой урон. Защитники Пароландо имели преимущество в том, что могли, лежа на земле, запускать ракеты в противника. Атакующим же надо было непрерывно продвигаться вперед, иначе они могли с таким же успехом отправляться домой.

Тем не менее было очень страшно лежать на земле и ждать каждый новый взрыв, надеясь, что он не ближе, чем предыдущий. Слышались крики раненых, которые, однако, не казались Сэму особенно душераздирающими, так как он был оглушен и плохо слышал, а к тому же сейчас ему было не до других. Затем неожиданно взрывы ракет перестали сотрясать землю. Огромная рука потрясла Сэма за плечо. Он поднял голову и увидел, что все вокруг вскакивают на ноги. Старшины что есть мочи начали кричать своим подчиненным, чтобы те занимали боевые позиции. Либо противники настолько сблизились, что боялись запускать ракеты, либо истощились запасы ракет.

Впереди показалась темная масса кричащих врагов. Они взбежали на холмы… и их первые три ряда пали, пронзенные стрелами. Бежавшие за ними не нарушили строй и, перепрыгивая через

трупы, прорвались к лучникам и в мгновение ока измолотили их палицами и топорами.

Сэм старался держаться поближе к Джо Миллеру, который медленно продвигался вперед, методично обрушивая удары своего топора на противников. И все же великана сбили с ног, и враги принялись топтать его тело, как стая шакалов, набросившихся на льва. Сэм пытался пробиться к другу. Его топор проломил чей-то щит и голову, но сам он через мгновение ощутил острую боль в ребрах. Его теснили, он отбивался топором, пока оружие не выскочило из его рук, глубоко засев в чьем-то черепе. Сэм споткнулся о бревно. Прямо над ним горел его разрушенный дом, пока еще держащийся на трех горящих пилонах.

Он перекатился на бок и увидел свой пистолет. Свой Марк-1! Который он забыл на столике рядом с кроватью. Рядом валялись три пакета с порохом, несколько фитилей и пластиковых пуль. Очевидно, взрыв выбросил их из дома.

Рядом с ним в каком-то диком танце, схватив друг друга руками, кружили двое сражавшихся. Они дрожали от напряжения и смотрели прямо в окровавленные лица друг друга. Они замерли, и Сэм узнал в одном из них короля Джона. Его

противник был выше, но не такой коренастый. Он потерял шлем, и на его голове оказалась копна рыжих волос, а глаза тоже были голубыми.

Сэм открыл патронник, вставил пулю и заряд, как он уже делал это утром, закрыл ствол и приподнялся. Те двое продолжали бороться, стараясь повалить друг друга на землю. В правой руке Джона был стальной нож, у второго — стальной топор. Каждый из борющихся держал левой рукой правую руку противника, в которой было оружие.

Сэм осмотрелся. На него никто не бросался. Он сделал шаг вперед и поднял пистолет, обхватив рукоятку обеими руками. Прицелившись, он нажал на курок. Сверкнула вспышка, пистолет едва не вырвало из рук, и сквозь дым Клеменс увидел, как противник короля Джона отлетел в сторону с почти начисто снесенной правой частью черепа.

Англичанин, пыхтя, осел на землю, но тут же поднялся, увидев, что Сэм перезаряжает свой пистолет.

— Премного благодарен вам, партнер! Этот человек — мой племянник!

Клеменс ничего не ответил. Если бы он был более хладнокровен, то подождал бы, пока Артур убьет Джона, а уже после этого разнес бы череп

победителю. Забавно было то, что Сэм, который многое бы приобрел, избавившись от Джона, спас его от гибели. Более того, он вряд ли мог ожидать благодарности от Джона. Такого чувства не было в душе экс-монарха.

Клеменс перезарядил пистолет и пошел прочь, надеясь разыскать Джо Миллера. Вместо этого он увидел Ливи, теснимую высоким ольмеком, левая рука которого бессильно свисала вниз и кровоточила. Он бил топором по ее щиту. Копье Ливи сломалось, еще несколько секунд, и дикарь повалит ее на землю и разнесет ее щит. Сэм снова поднял свое оружие и рукояткой проломил ольмеку череп. Ливи в изнеможении упала на землю и расплакалась. Ему бы сейчас опуститься рядом и утешить ее, но увидев, что с ней как будто ничего серьезного не произошло, он снова бросился на поиски своего друга. Он ринулся в самую гущу сражавшихся и увидел Миллера, который сносил головы, руки и туловища противников мощными ударами своего огромного топора.

Сэм остановился в нескольких шагах от подкрадывающегося сзади к Миллеру человека, держащего двумя руками рукоять топора, и тотчас же выстрелил. Пуля вырвала большую часть грудной клетки воина.

Через минуту захватчики уже спасались бегством. Небо посветлело, и стало отчетливо видно, что и с севера, и с юга наступают воины Пароландо. Две другие армии противника были разбиты, и подкрепление превосходило численностью нападающих. Более того, защитники Пароландо начали расстреливать ракетами лодки и каноэ, ожидающие отступавших.

Сэм чувствовал себя настолько бодрым, что еще не ощущал горечи от понесенных потерь и разрушений. Впервые он сбросил с себя пелену страха, которая всегда обволакивала его во время битвы. В течение последних десяти минут он по-настоящему наслаждался боем.

Однако через минуту от этого чувства наслаждения ничего не осталось. На поле битвы с бешеными глазами появился обнаженный Герман Геринг, его голова была покрыта спекшейся кровью. Он воздевал руки к небу и кричал:

— О, братья и сестры! Стыд! Стыд! Вы убивали, вы ненавидели, вы жаждали крови и экстаза убийства! Почему вы не подняли руки и не протянули их с любовью своим врагам? Почему вы не дали им возможность делать с вами все, что им захочется? Вы бы умерли, но конечная победа была бы за вами! Враг ощутил бы вашу любовь

— и в следующий раз он, может быть, заколебался бы, прежде чем начать новую войну! Он еще и еще раз спросил бы себя: «Что же я делаю? Что в этом хорошего? Я ничего не добьюсь этим!» Ваша любовь подточила бы камень, лежащий у этих людей на сердце и…

Джон подошел к Герингу сзади и ударил его по затылку рукояткой кинжала. Геринг упал и остался лежать без движения лицом вниз.

— С предателями покончено! — вопил Джон, дико озираясь по сторонам. — Где Тримальдио и Мордаунт, мои послы?

— Они не так глупы, — усмехнулся Сэм, — чтобы околачиваться здесь. Вы их теперь не поймаете. Они отлично понимают, что вы догадаетесь об их предательстве.

То, что Джон ударил Геринга, было нарушением закона, так как свобода слова гарантировалась любому человеку в Пароландо. Однако Сэм не думал, что было бы правильно сейчас же арестовать Джона. У него тоже возникло желание хорошенько стукнуть немца.

Мимо, шатаясь, прошла Ливи, все еще плача. Сэм последовал за ней туда, где на штабеле трупов восседал Сирано. Тело француза было покрыто десятком ран, хотя и не очень серьезных. Шпага

была вся в крови. Результат его действий великолепно говорил сам за себя.

Ливи прильнула к Бержераку. Сэм отвернулся. Она даже не поблагодарила его за то, что он спас ей жизнь.

Сзади послышался какой-то треск. Клеменс обернулся и увидел, что рухнула оставшаяся часть его дома вместе с пилонами, поддерживавшими ее.

Он совсем выбился из сил, но сегодня отдыха для него не предвиделось. Нужно было определить людские потери и размер нанесенного ущерба, мертвых — отнести на переработку, поскольку их жир мог понадобиться для изготовления глицерина. Такая практика была отвратительной, но необходимой, однако владельцы тел не возражали. Завтра они снова будут живыми и невредимыми где-то далеко отсюда.

Вдобавок все население Пароландо должно быть готово снова взяться за оружие, надо ускорить работы по возведению оборонительной стены вдоль берега Реки. Нужно разослать разведчиков и гонцов, чтобы выяснить создавшуюся военную обстановку.

Ольмеки, клеоменцы и новые бретонцы могли начать новое наступление.

Один из командиров сообщил, что Клеомен, вождь Клеомены, был найден мертвым у самого берега Реки. Осколок камня проломил ему череп.

Так закончилась одна из здешних жизней сводного брата великого спартанца Леонида, оборонявшего когда-то Фермопильский проход.

Он позвал несколько своих людей и приказал им отправляться по Реке в страны, только что осуществившие акт агрессии. Необходимо сообщить, что Пароландо не будет мстить, если новые лидеры этих стран, заменившие павших в бою Артура и Клеомена, дадут гарантии дружественных отношений с Пароландо. Джон тут же пожаловался, что Сэм должен был проконсультироваться с ним, и между ними завязалась короткая, но ожесточенная перепалка. Сэм в конце концов согласился с тем, что в принципе Джон прав, но сейчас совсем нет времени обсуждать все вопросы. Джон напомнил Клеменсу, что по закону Сэм не имеет права спешить и любое решение должно приниматься по обоюдному согласию.

Сэму страшно не хотелось соглашаться с этим, но Джон был прав. Они не должны отдавать противоречивых распоряжений.

Они вместе отправились осматривать цеха.

Особо сильных разрушений не было. Захватчики, конечно же, не хотели разрушать их, так как сами намеревались воспользоваться ими. Вездеход остался нетронутым. Сэм содрогнулся от одной только мысли о том, что случилось бы, если бы он был закончен и попал бы в руки противника. С его помощью они могли бы прорваться в самый центр Пароландо и, окопавшись, ожидать подкрепления. «Надо будет установить вокруг него усиленную охрану», — отметил про себя Сэм.

После обеда он завалился спать в хижине одного из советников. Казалось, что он едва успел закрыть глаза, когда его растормошил Джо, от которого за милю несло перегаром.

— Делегация иж Шоул-шити, Шэм. Только что она шошла на берег.

— Файбрас! — воскликнул Сэм, вставая с кровати. — О Боже! Я ведь начисто забыл о нем! Ну и времечко он выбрал для визита!

Он спустился к Реке, где у самого чашного камня к берегу причалил катамаран. Джон был уже там, приветствуя делегацию, состоявшую из шести негров, двух арабов и двух индусов. Файбрас был невысоким, бронзовокожим курчавым мужчиной с большими карими глазами. Его крупный лоб, широкие плечи и толстые мускулистые

руки резко контрастировали с худыми ногами. Сначала он заговорил на эсперанто, однако затем перешел на английский, причем очень странный, полный терминов и сленга, совершенно непонятных Сэму. Но в нем было что-то приятное и открытое, что сразу же вызвало расположение Клеменса.

— Давайте лучше вернемся к эсперанто, — предложил Сэм, улыбаясь и подливая виски в чашку посла. — Это что, жаргон космонавтов или диалект Соул-сити?

— Марсиан, — ответил Файбрас. — Английский язык в Соул-сити широко распространен, но официальным языком, разумеется, является эсперанто, хотя Хаскинг склоняется к арабскому. Но свои арабы не доставляют ему особой радости, — добавил Файбрас тихо, глянув на Абд-ар-Рахмана и Али Фазгули, членов его делегации.

— Как вы понимаете, — начал Клеменс, — мы сейчас не в состоянии вести длительное совещание. Нам необходимо ликвидировать последствия нападения, выяснить, что происходит за пределами Пароландо, и укрепить свою оборону. Но мы, конечно же, рады принять вас у себя и приступим к делам через несколько дней.

— Я не возражаю, — сказал Файбрас. — Если вы

не против, я хотел бы осмотреться.

— Я не против, но свое согласие должен дать мой со-консул.

Джон, криво улыбаясь, будто у него страшно разболелись зубы, сказал, что также рад считать Файбраса своим гостем. Однако посла должен будет сопровождать почетный эскорт всякий раз, как только он покинет предоставленное ему жилище.

Файбрас поблагодарил его, но другой делегат, Абдулла Акмаль, стал громко протестовать, прибегая время от времени к непристойным выражениям. Файбрас помолчал минуту, а затем велел арабу быть повежливее, поскольку они — гости. Сэм был ему благодарен за это, хотя у него появилось ощущение, что эта речь и замечание Файбраса были заготовлены заранее.

Было совсем нелегко сидеть и выслушивать слова, полные сарказма, в адрес белой расы в целом, не затрагивающие кого-либо в отдельности. Это вызывало в нем беспокойство, хотя Сэм вынужден был согласиться с Абдуллой, который был прав относительно земных событий. Но здесь была не Земля, а абсолютно другая планета.

Сэм лично довел послов до трех расположенных рядом хижин, хозяева которых были убиты про-

шлой ночью. А сам прошел в одну из соседних.

Раздались звуки барабанов у чашного камня. Через минуту им ответили барабаны с противоположного берега. Новый вождь ольмеков запрашивал мира. Старый вождь, Шрубграйн, был казнен, и если будет подписан мир, то его голова через час будет доставлена на каноэ. Шрубграйн предал свой народ, приведя его к поражению в этой войне.

Сэм отдал распоряжение передать предложение о начале переговоров с новым вождем, Трильбурмом.

Барабаны из Земли Черского передали, что Иеясу, правивший двадцатимильной полосой берега между Новой Британией и Клеоменой, напал на Британию. Это известие означало, что новых осложнений с Новой Британией не предвидится. Правда, это все же немного обеспокоило Сэма. Иеясу был очень честолюбивым человеком. Если он объединит свое государство с Новой Британией, тогда, возможно, он решит, что достаточно силен для того, чтобы покорить и Пароландо.

Опять загрохотали барабаны — на этот раз прислал свои поздравления и наилучшие пожелания Публий Красс. Он намеревался завтра же посетить Пароландо, чтобы лично осмотреть, чем он

мог бы помочь своим друзьям.

«А также оценить, какой ущерб нанесен нам этим набегом и не являемся ли мы теперь легкой добычей», — подумал Сэм. Пока что Публий был настроен дружелюбно к Пароландо, но человек, который служил под началом Юлия Цезаря, несомненно был заражен идеями самодержавия.

Мимо, шатаясь, прошел Геринг. Голова его была обмотана окровавленным тряпьем. Его поддерживали двое его последователей. Сэм надеялся, что этот святоша правильно понял все происшедшее с ним и поскорее уберется из Пароландо. Правда, он не очень верил в сообразительность немца.

Когда Клеменс ложился спать, повсюду на территории Пароландо горели факелы и стражники бдительно вглядывались в туманную мглу. Несмотря на чрезмерную усталость, сон его был неспокоен. Он долго ворочался и метался и даже один раз проснулся, будучи точно уверенным, что в хижине есть кто-то третий. Тело его покрыл холодный пот, сердце учащенно забилось. Он ожидал увидеть неясную фигуру Таинственного Незнакомца, опустившегося около его кровати. Но рядом никого не было, кроме чудовищного тела Джо Миллера, распростершегося на огромном

бамбуковом ложе рядом с ним.

20

На следующее утро он проснулся совершенно не отдохнувшим в отдохнувшем мире. Дождь в три часа ночи смыл кровь и запах гари. Тела убитых были уже убраны, небо — голубое и безоблачное. Возобновились все обычные дела, но без четырехсот пятидесяти мужчин и женщин. Половина из них была отправлена в утилизацию, остальные — в госпиталь. Тем, кто хотел, помогали избавиться от мучений. В былое время единственным средством избавления от мучений был топор, однако теперь, благодаря прогрессу техники в Пароландо, тот же эффект достигался пилюлей цианистого калия.

Некоторые предпочитали держаться до конца. Со временем они, видимо, надеялись на выздоровление. Те же, кто уже не мог больше выносить мучений, кончали самоубийством, и их тела направлялись в утилизацию.

Секретарша Сэма оказалась в числе убитых, и он спросил у Гвиневры, не хочет ли она занять место Милли. Девушка, казалось, была очень польщена. Новая должность значительно повышала ее статус, и она не делала тайны из того,

что ей хотелось быть поближе к Сэму. Лотар фон Рихтгофен, однако, казалось, был недоволен.

— А почему бы ей не стать моей секретаршей независимо от ваших взаимоотношений? — спросил Сэм.

— Взаимоотношений пока нет, — ответил немец, — но я имел бы гораздо больше шансов завоевать ее расположение, если бы она не проводила столько времени возле вас.

— «Пусть победит достойнейший!», — усмехнулся Клеменс.

— Я тоже так думаю, но мне не нравится, что вы будете зря тратить ее время, водя ее за нос. Вы же знаете, что не сблизитесь ни с одной женщиной, пока рядом будет жить Ливи.

— Ливи нечего сказать по этому поводу! — твердо выговорил Сэм. — Не забывайте об этом!

Лотар слегка улыбнулся и произнес:

— Конечно, конечно, Сэм.

Гвиневра обычно следовала за ним по пятам, делая записи, отсылая и получая послания. Она составляла расписание его рабочего дня и назначала время встреч. Несмотря на то, что он был очень занят, он всегда находил возможность поговорить и пошутить с ней, и каждый раз, когда смотрел на нее, у него становилось теплее на ду-

ше. Гвиневра же, казалось, просто обожала его.

Прошло два дня. Круглосуточные работы по завершению вездехода дали свои результаты. Еще два дня, и боевая машина будет готова. Делегация из Соул-сити шныряла вокруг под наблюдением двух человек из окружения короля Джона. Гигант, вынужденный слечь после битвы, заявил, что он снова здоров. Теперь рядом с Сэмом всегда находились Гвиневра и Джо Миллер, и мир стал казаться Клеменсу гораздо уютнее, хотя до Утопии еще было очень далеко. Барабанный телеграф принес сообщение о том, что Одиссей загрузил свои суда кремнем и вернется через месяц. Он был командиром флота из десяти судов, который отправился к владычице Селинайо, надеясь выменять у нее кремень. На Земле она была графиней Хантингтон, Селиной Гастингс, родившейся в 1707 и умершей в 1791 году. На этой планете она стала приверженцем Церкви Второго Шанса и торговала кремнем с Пароландо только потому, что там разрешалась деятельность миссионеров Геринга. В обмен на кремень ей был обещан металлический пароходик, на котором она предполагала путешествовать по Реке, проповедуя свою религию. Сэм считал, что она выжила из ума. В первом же месте, где она

причалит к берегу, ей перережут глотку и завладеют судном. Но это было ее личным делом.

Члены Совета встретились с делегацией из Соул-сити за круглым столом в самой большой комнате дворца короля Джона. Сэму хотелось бы отложить эту встречу, поскольку у Джона было куда более мрачное, чем обычно, настроение. Одна из его женщин пыталась убить его, так, во всяком случае, он заявил. Она ударила его ножом в бок, прежде чем он сломал ей челюсть и проломил голову об угол стола. Женщина умерла через час, не приходя в сознание, и пришлось поверить Джону на слово, что она первая напала на него. Сэму хотелось бы иметь показания непредвзятых свидетелей, но таковых не было.

Джона страшно мучила боль от раны в боку, он надрался виски для обезболивания и тяжко мучился из-за того, что женщина посмела оказать ему неповиновение. Он тяжело опустился в большое дубовое кресло с высокой резной спинкой, обитое красной кожей. Одна рука его сжимала глиняную чашку, наполненную виски, с губ свисала недокуренная сигарета. Он был зол на все и вся. Файбрас заговорил.

— Некогда Хаскинг верил в полную сегрегацию белых и цветных. Он был убежден, яростно

убежден в том, что белые никогда не смогут, во всяком случае в глубине души, воспринять как равных себе небелых — то есть, негров, монголов, полинезийцев, индейцев. Единственный путь к достижению достойной жизни, к тому, чтобы не терять собственное достоинство и ощущать себя личностями — это путь сегрегации, полного обособления. Путь равенства, но отдельного.

Но вскоре его идейный руководитель, Малкольм Акмаль, покинул Черных Мусульман. Он понял, что ошибался. Не все белые были дьяволами и извергами-расистами. Хаскинг внял слову своего учителя и тоже покинул Штаты. Он отправился в Алжир и там увидел, что корни расизма лежат в образе мыслей, а не в цвете кожи. И он понял это.

«Едва ли это было оригинальное или даже неожиданное открытие», — отметил про себя Сэм. Но вслух он ничего не сказал, решив не перебивать посла.

— А затем белая молодежь США или, вернее, ее значительная часть отвергла предрассудки родителей и стала поддерживать черных в их борьбе за равенство. Они выходили на улицы и участвовали в демонстрациях, мятежах. Они даже отдавали свои жизни ради черных друзей.

Они, казалось, искренне относились к неграм, не потому, что просто внушили себе, будто так следует поступать, а потому, что поняли, что черные — такие же люди и их тоже можно возлюбить.

Несмотря на это, Хаскинг все же не мог чувствовать себя непринужденным в присутствии белых, хотя и старался изо всех сил думать о них, как просто о людях. Он был испорчен. Его уже нельзя было переделать, так же, впрочем, как и большинство белых, особенно пожилых, которых уже нельзя было заставить любить черных. Но он старался любить тех белых, которые были на его стороне. Он уважал молодых людей, которые говорили своим родителям, своему белому расистскому обществу, чтобы оно убиралось ко всем чертям. Через некоторое время, как и все, независимо от цвета кожи, он умер. Здесь он оказался среди древних китайцев и был несчастлив, поскольку оказалось, что эти люди считали всех, кроме китайцев, низшими существами.

Сэму вспомнились китайцы из Невады и Калифорнии начала шестидесятых годов, выполняющие самую тяжелую работу. Бережливые, кроткие, добродушные маленькие мужчины и женщины. Они терпеливо переносили брань, с которой большинство людей не обращалось бы

даже к ослу. На них плевали, их проклинали, мучили, били камнями, грабили, насиловали, приписывали им всяческие пороки и преступления. Они были абсолютно бесправны, и никто никогда их не защищал. А они никогда не роптали, никогда не бунтовали. Они просто терпели. Какие мысли скрывались за их непроницаемыми, похожими на маски лицами? Они тоже были убеждены в превосходстве китайца над любым белым дьяволом? Если так, то почему же они не сопротивлялись, ни разу не нанесли ответного удара? Их, конечно, вырезали бы всех до единого, но зато они, как и подобает людям, хоть некоторое время стояли бы с высоко поднятой головой!

Но китайцы верили во время. Время было их союзником. Если не хватит времени у отца сколотить состояние, то хватит у сына. Или у внука…

— Поэтому, — продолжил Файбрас, — Хаскинг взял челнок и отправился вниз по Реке. Проплыв много тысяч миль, он осел среди каких-то черных африканцев семнадцатого века. Это были предки зулусов до их переселения в Южную Африку. Через некоторое время он покинул их, так как их обычаи были слишком отталкивающими, а сами они слишком кровожадными, и он не смог этого вытерпеть.

Затем он жил в местности, где смешались гунны и смуглые белые из неолита. Жители этих мест приняли Хаскинга вполне прилично, но ему очень не хватало своих сородичей — африканских негров. Поэтому он снова пустился в путь. Вскоре его захватили в плен и обратили в рабство древние моавиты. Он бежал. Затем был схвачен древними евреями, стал чашным рабом, снова бежал, нашел небольшую общину негров, бывших рабов в США перед Гражданской Войной. Там он некоторое время жил счастливо. Но их мировоззрение в стиле дяди Тома и суеверия действовали ему на нервы. Он покинул и их. Недолго Хаскинг прожил среди представителей некоторых других народов. Затем, однажды, на людей, среди которых он жил, напали огромные светловолосые белые — кто-то вроде древних германцев. Он сражался и был убит.

Воскрес Хаскинг здесь. Теперь он убежден в том, что по-настоящему счастливые государства на Реке могут быть созданы только людьми одного и того же цвета кожи, с одинаковыми вкусами и из одного и того же периода земной истории. Все остальное не срабатывает. Люди на этой планете не хотят меняться. Когда-то на Земле он мог верить в прогресс, поскольку умы молодежи

были более гибкими. Старики постепенно умирали, а дети молодых белых были еще в большей степени свободны от расовых предрассудков. Но здесь этот процесс был попросту неосуществим. Каждый человек живет по-своему, сохранив приобретенный на Земле склад ума. Поэтому, если только Хаскингу не посчастливится найти общину белых людей конца двадцатого века, он никогда не отыщет белых без расовой ненависти или предубеждений. Конечно, древние белые ничего не имеют против черных, но они слишком чужды цивилизованному человеку.

— К чему такое длинное предисловие? — перебил посла Сэм.

— Мы хотим создать на этой планете однородную нацию. Мы не можем собрать здесь всех негров конца двадцатого века, но мы можем, насколько это возможно, создать государство только чернокожих. Нам известно, что в настоящее время в Пароландо проживает около трех тысяч негров. Мы бы хотели обменять наших дравидов, арабов и всех других нечерных на ваших негров. Хаскинг сделал аналогичные предложения вашим соседям, но пока не получил от них никаких известий. Пока что ему нечем на них воздействовать.

Король Джон приподнялся и громко произнес:

— Вы имеете в виду, что ему нечего предложить им в обмен?

Файбрас спокойно посмотрел на него:

— Примерно так. — Он кивнул головой. — Но когда-нибудь у нас будет такой рычаг, который на них подействует.

— Вы имеете в виду то время, когда у вас будет достаточно стального оружия? — уточнил Сэм.

Файбрас пожал плечами.

Джон стукнул о стол пустой чашей.

— Так вот, нам не нужны ни ваши арабы, ни ваши дравиды, никакие другие ошметки вашего Соул-сити! — закричал он. — Но я скажу вам, что мы сделаем! За каждую тонну бокситов или криолита, или за каждую унцию платины мы дадим вам одного из наших черных граждан! А своих неверных сарацинов можете оставить себе, выслать или даже утопить — нам это безразлично.

— Подождите-ка минутку, — вмешался Сэм. — Мы не можем просто отдавать своих граждан. Если они захотят добровольно, то пожалуйста. Но мы не будем заниматься торговлей людьми. Не забывайте, что мы — демократическое государство.

— Я же не предлагаю, чтобы вы кого-нибудь

продавали! — воскликнул Файбрас. — Мы не работорговцы, вы же это знаете. Мы хотим одного — добровольного обмена одного за одного. Арабы, которых представляют ар-Рахман и Фазгули, ощущают в Соул-сити прохладное отношение, и им хотелось бы отправиться куда-нибудь, где они могли бы создать свою собственную общину типа Казбаха.

Сэму показалось это весьма подозрительным. С таким же успехом они могли бы создать подобную общину в своем Соул-сити? Или почему они не могут просто собраться и уехать оттуда? Одной из прелестей этого мира было то, что здесь не существовало уз собственности или зависимости от источника дохода. Любой человек может унести все, что ему принадлежит, на своей спине, а соорудить новый дом на планете, где бамбук отрастает со скоростью двух дюймов в день, не составляло особого труда.

Возможно, Хаскинг хотел внедрить своих людей в Пароландо, чтобы те шпионили здесь. А когда они нападут, то и подняли бы восстание!

— Мы доведем ваше предложение об обмене до каждого из наших граждан, — кивнул Сэм. — Это пока все, что мы можем сделать. А теперь скажите, намерен ли сеньор Хаскинг продолжать

снабжать нас минералами и древесиной?

— До тех пор, пока вы будете продолжать посылать нам руду и стальное оружие, — ответил Файбрас. — Но он сейчас размышляет над тем, чтобы поднять цену.

Кулак Джона снова обрушился на стол.

— Мы не позволим, чтобы нас грабили! Мы и так платим слишком много! Не вынуждайте нас, сеньор Файбрас, силой забрать у вас все, что нам нужно! Включая и ваши жизни!

— Спокойнее, Ваше Величество, — тихо произнес Сэм.

Обернувшись к послу, он сказал:

— Джон неважно себя чувствует. Извините его, пожалуйста. Но тем не менее, он прав. Не вынуждайте нас принимать крайние меры.

Абдулла Акмаль, очень высокий и очень черный негр, вскочил на ноги и указывая большим пальцем на Клеменса, сказал по-английски:

— Вам самим было бы лучше не раздражать нас своими грязными словами. Мы не верим ни единому вашему слову, Мистер Белый! Ни единому!!! Особенно из уст человека, который написал книгу о ниггере Джиме! Мы терпеть не можем белых расистов и имеем с ними дело только потому, что к этому нас вынуждают обстоятельства.

— Успокойся, Абдулла, — остановил его Файбрас. — Успокойся.

Он улыбнулся, и Сэму снова пришло в голову: а не является ли речь Абдуллы вторым номером хорошо отрепетированной программы? Вероятно, Файбрас подобным же образом задумывается — а не являются ли заранее подготовленными яростные вспышки Джона. Актерам не нужно быть политиками, а вот политикам приходится быть актерами.

Сэм тяжело вздохнул и сказал:

— Вы читали «Гекльберри Финна», сеньор Акмаль?

Абдулла, поморщившись, ответил:

— Я не читаю макулатуру.

— Значит, вы не знаете, о чем говорите, не так ли?

Лицо Акмаля помрачнело. Файбрас ухмыльнулся.

— Мне не нужно было читать весь этот расистский вздор! — закричал Абдулла. — Хаскинг рассказал мне. И этого для меня вполне достаточно.

— Вы все же прочтите эту книгу. И тогда возвращайтесь, и мы обсудим ее, — предложил Клеменс.

— Вы что, сумасшедший? — удивился Абдулла. — Вы же знаете, что на этой планете нет книг!

— Значит, вы проиграли, не так ли? — произнес Сэм. Он чуточку дрожал, ему было очень непривычно разговаривать в такой манере с негром. — В любом случае, мы не группа критиков, обсуждающая за чашкой чая вопросы литературы. Давайте вернемся к главному.

Однако Абдулла продолжал кричать о книгах, которые написал Сэм. И тогда Джон, потеряв контроль над собой, вскочил и заревел:

— А ну, замолчи, черномазый!???

Джон использовал для обращения к негру слово на эсперанто, прибавив к нему пренебрежительный суффикс. И проделал это великолепно.

На какое-то мгновенье все были потрясены и притихли. Рот Абдуллы Акмаля при этом остался открытым. Через некоторое время он его закрыл и взгляд его стал торжествующим, почти счастливым. Файбрас прикусил губу. Джон облокотился кулаками о стол и бросил сердитый взгляд. Сэм сделал несколько глубоких затяжек сигаретой. Он знал, что это слово Джону подсказало присущее ему презрение ко всему человечеству. У него не было расовых предрассудков, да и за всю

свою жизнь на Земле он вряд ли видел более полудюжины негров. Но он определенно знал, как можно унизить и оскорбить другого человека. И это знание было его второй натурой.

— Я ухожу! — произнес Абдулла Акмаль. — Возможно, я отправлюсь домой, и тогда можете быть уверены, что вам придется чертовски дорого платить за то, чтобы получить хоть немного алюминия или платины, Мистер Чарли!

Сэм поспешно встал:

— Одну минуту! Если вы жаждете извинений, то я приношу их от имени всего Пароландо!

Абдулла посмотрел в сторону Файбраса, но тот отвел взгляд.

— Я хочу извинения от него и сейчас же!

Он указал на короля Джона.

Сэм склонился над англичанином и мягко сказал:

— Слишком большие ставки, чтобы разыгрывать из себя гордого монарха, Ваше Величество. Своей вспышкой вы, возможно, играете им на руку. Бьюсь об заклад, что они что-то замышляют. Извинитесь.

Джон выпрямился и произнес:

— Еще ни перед одним человеком король Джон не извинялся, тем более перед простолюдином. К

тому же перед сарацином!

Сэм фыркнул и заговорил, размахивая сигаретой:

— Неужели до вашей толстокожей башки Плантагенета до сих пор не дошло, что больше не существует таких понятий, как королевская кровь или священные права королей. Что теперь мы все здесь простолюдины! Или, может быть, все короли?

Джон ничего не ответил и вышел из комнаты. Абдулла посмотрел на Файбраса, и тот кивнул. Тогда негр тоже вышел.

— Ну, сеньор посол, что дальше? — спросил Клеменс. — Вы все возвращаетесь домой?

Файбрас покачал головой.

— Нет, я не сторонник поспешных решений. Однако наша делегация приостанавливает конференцию. Пока Джон Безземельный не извинится. Я дам вам срок подумать до завтрашнего обеда.

И Файбрас повернулся, чтобы выйти.

— Я поговорю с Джоном, — поспешно согласился Сэм, — но он упрям, как мул из Миссури.

— Мне очень не хотелось, чтобы наши переговоры прервались только потому, что один человек не может держать свои оскорбления при

себе. Мне также не хотелось бы, чтобы прекратилась наша торговля, ибо это означает, что вы не построите свое Судно.

— Не выводите меня из себя, сеньор Файбрас. Я не собираюсь вам угрожать. Но меня ничто не остановит, учтите это. Я добуду алюминий, даже если для этого мне собственноручно придется вышвырнуть Джона из этой страны. Или — как другой выход из создавшегося положения — я вынужден буду отправиться в Соул-сити и постараюсь сам добыть нужные минералы.

— Я отлично понимаю вас, мистер Клеменс. Но вы не учитываете то, что Хаскинг вовсе не стремится к власти. Он только хочет создать хорошо укрепленное государство, граждане которого могли бы наслаждаться жизнью. И все они будут довольны этой жизнью, поскольку у них будут схожие вкусы и одни и те же цели. Другими словами — все они будут неграми.

Сэм проворчал:

— Очень хорошо. — Он замолчал, но прежде чем посол вышел, окликнул его: — Одну минуту, скажите, вы читали «Гекльберри Финна»?

Файбрас обернулся.

— Конечно. Мальчишкой я думал, что это одна из самых замечательных книг. Я перечитывал

ее, даже когда учился в колледже. Правда, тогда я мог видеть и ее недостатки. Но несмотря на это, я получил от нее еще большее удовольствие.

— И вас сильно беспокоил тот факт, что Джим назывался «ниггером Джимом»?

— Вам следует вспомнить, что я родился в 1975 году на ферме поблизости от Сиракуз, штат Нью-Йорк. К тому времени положение в расовом вопросе сильно изменилось. Я вырос на ферме, первоначально принадлежавшей моему пра-пра-прадеду, который переехал из Джорджии по так называемой «подпольной железной дороге» и после Гражданской Войны приобрел эту ферму. Нет, я не был оскорблен тем, что вы в своей книге употребляли это слово. В те времена, о которых вы писали, негров открыто называли ниггерами и никто не обращал на это внимание, хотя, конечно, это было оскорбительно. Но, описывая людей того времени, вы, естественно, наделяли их той речью, какой они говорили на самом деле. А этической концепцией вашего романа — борьбой гражданского долга Гека с его чувствами к Джиму как к человеку и, в конечном итоге, победой именно человеческих чувств — я был просто очарован. Вся ваша книга была обвинительным актом против рабовладения, против того полу-

феодального общества, которое в те времена расцветало на Миссисипи. Это была книга против суеверий и всех глупостей того времени! Почему же эта книга должна была меня оскорбить?

— Тогда почему…

— Абдулла — его настоящее имя Джордж Роберт Ли — родился в 1925 году, а Хаскинг в 1938! Для множества белых в те времена чернокожие были только ниггерами, хотя, если говорить правду, не для всех. Негры того времени считали, что насилие или угроза насилия — то, что использовали белые для подавления негров — это единственный способ получить реальные права наравне с остальными гражданами США. Вы умерли в 1910 году, не так ли? Но вам, должно быть, многие рассказывали о том, что произошло с миром после вашей смерти.

Сэм кивнул.

— В это трудно поверить. Не в ярость бунтов. И при моей жизни было много бунтов, и я думаю, что ничто не может сравниться с известным бунтом в Нью-Йорке во время Гражданской Войны. Нет, я имею в виду, что даже трудно вообразить себе падение нравов в конце двадцатого века.

Файбрас рассмеялся:

— Сейчас вы живете в обществе, которое более

свободно и распущено с точки зрения девятнадцатого столетия, чем любое другое общество в двадцатом веке. И тем не менее вы адаптировались к нему.

— Вы, пожалуй, правы, — согласился Клеменс. — Но первые две недели абсолютной наготы после Воскрешения дали понять, что человечество больше уже никогда не будет таким, как прежде. И сам факт Воскрешения, который нельзя отрицать, расшатал многие сложившиеся представления и системы взаимоотношений. Хотя до сих пор среди нас еще есть особо консервативные люди, вроде ваших мусульман.

— Скажите мне, сеньор Клеменс, только одно. Вы были одним из самых первых либералов. Вы во многом довольно сильно опережали свое время. Вы подняли голос против рабства и ратовали за равенство. И когда вы подписывали Великую Хартию Вольностей для Пароландо, вы настаивали, что политическое равенство должно быть обеспечено для всех людей независимо от цвета кожи и пола. Я заметил, что почти рядом с вами живут вместе черный мужчина и белая женщина. Будьте честным — не беспокоит ли вас это зрелище?

Сэм затянулся, выдохнул дым и сказал:

— Если честно, то да. Это очень беспокоит меня! Однако то, что говорил мне мой разум, и то, что говорили мне мои рефлексы — это совершенно разные вещи. Я ненавидел это. Но взял себя в руки и познакомился с этой парой. И я научился хорошо относиться к ним. И вот теперь, через год, это меня почти не беспокоит. Еще немного — и это чувство исчезнет бесследно.

— Разница между вами, представителями белых либералов, и молодежью эпохи Хаскинга и моей в том, что нас это не беспокоило вообще. Мы допускали подобное.

Файбрас вышел из комнаты. Сэм остался один. Еще довольно долго он сидел задумавшись, потом встал и вышел наружу. Первым, кого он встретил, был Герман Геринг. Его голова все еще была обмотана полотнищем, но лицо уже не было таким бледным, да и глаза приобрели обычное выражение.

— Ну, как ваша голова? — поинтересовался Сэм.

— Все еще болит. Но я теперь могу ходить, не ощущая, будто при каждом шаге меня протыкают раскаленным острием.

— Я очень не люблю видеть, как люди страдают, — покачал головой Клеменс. — Поэтому я

предлагаю вам покинуть Пароландо. Чтобы вы могли избежать новых страданий в будущем, а может, даже и просто физических мучений.

— Вы мне угрожаете?

— Лично я против вас ничего не предприму. Но здесь есть множество людей, которым вы до того намозолили глаза, что они готовы гнать вас отсюда палкой. Они жаждут оттащить вас к Реке и утопить. Почти каждому из них вы уже успели досадить своими проповедями. Наше государство основано только ради одной цели — постройки Судна. Сейчас любой человек, не нарушая закона, может говорить все, что ему взбредет в голову. Но у нас есть люди, иногда пренебрегающие законом, и мне очень не хотелось бы их наказывать из-за того, что вы спровоцировали их на необдуманные действия. Я предлагаю вам исполнить свой долг христианина и перестать искушать людей. Я не хочу, что вы искушали добропорядочных мужчин и женщин совершить над вами насилие.

— Но я не христианин! — твердо сказал Геринг.

— Я восхищен человеком, который может признаться в этом, и не думаю, что когда-нибудь встречу проповедника, который скажет мне это

столь красноречиво.

— Сеньор Клеменс! Я читал ваши книги, когда был молодым, сначала на немецком, а затем и на английском. Но легкомысленность и мягкая ирония вряд ли помогут нам куда-нибудь прийти. Я не христианин, хотя стараюсь соблюдать лучшие добродетели учения Христа. Я — миссионер Церкви Второго Шанса! Все земные религии дискредитированы, хотя некоторые из них не признают этого. Наша Церковь — первая религия, возникшая на этой планете. Она одна имеет шанс выжить. Она…

— Избавьте меня от лекций, — сказал Сэм. — Я их достаточно наслушался и от вас и от ваших предшественников. То, что я говорил вам, я говорил по доброте душевной и из желания уберечь вас от возможных страданий и, если говорить честно, то и из желания больше никогда вас не видеть среди своих людей. Вам следует убраться отсюда подобру-поздорову. Прямо сейчас. Иначе вас убьют.

— В этом случае завтра я воскресну где-нибудь в другом месте и буду там проповедовать Истину! Понимаете, здесь, так же как и на Земле, кровь мученика — это семя Церкви. Человек, убивающий одного из нас, только способствует тому,

что Истина — возможность вечного спасения — будет услышана большим числом людей. Убийство разносит нашу веру по берегам этой Реки быстрее, чем любое доступное для нас средство передвижения.

— Поздравляю вас, — раздраженно бросил Сэм, перейдя на английский, как он делал всегда, когда был рассержен. — И все же скажите, разве вас не беспокоит тот факт, что ваших миссионеров беспрестанно убивают? Разве вы не боитесь оторваться от тела?

— Что вы имеете в виду?

— Вашу доктрину. — Ответом был лишь удивленный взгляд. — Одним из ваших главных принципов, если мне не изменяет память, является то, что Человек воскрешен вовсе не для того, чтобы наслаждаться здесь вечной жизнью. Ему дан ограниченный срок, хотя большинству он может показаться долгим. Особенно тем, кто не получает удовольствия от здешней жизни. Вы утверждаете, что существует нечто подобное душе, то, что вы называете «психоморфом», правильно? Или иногда как называли это древние египтяне — «ка». Вам приходится делать такое допущение, в противном случае нечего говорить о целостности личности человека. Без «души»

человек, который умер, просто мертв, даже если его тело точно воспроизведено и снова живет. Но второе тело — это только копия. У воскресшего разум и память умершего человека и поэтому он думает, что он и есть тот человек, который умер. Но он им не является. Он просто живая копия. Смерть вычеркивает вас навечно из жизни. С вами покончено.

Однако ваша религия пытается разрешить эту проблему, постулируя существование души, или психоморфа, или «ка» — зовите это как вам угодно. Это нечто такое, что рождается вместе с телом, сопровождая его всю жизнь, регистрируя и записывая все, что совершает тело. Это нечто должно быть бестелесным единым целым с телом человека. И вот когда тело умирает, «ка» продолжает существовать. Оно существует в каком-то четвертом измерении. А может быть, оно, это нечто, поляризовано таким образом, что наши глаза не могут его видеть, а механические устройства не могут его обнаружить. Правильно?

— Вы близки к истине. Грубо, но правильно.

— Давайте дальше. — Сэм выпустил сигарой клуб зеленоватого дыма. — До сих пор мы имеем — а точнее вы — данные нам изначально души христианина, или мусульманина, или кого-либо

другого. Но вы заявляете, что душа не отправляется в ад или рай. Она порхает в каком-то преддверии, в четвертом измерении, и будет там вечно, если не вмешаются другие существа. Эти неземляне появились задолго до возникновения человечества. Эти сверхсущества посетили Землю, когда человечества фактически не существовало, они, возможно, посетили каждую планету во Вселенной, на которой когда-либо могла возникнуть разумная жизнь.

— Ваше изложение отличается от нашего, — перебил его Геринг. — Мы утверждаем, что в каждой Галактике есть одна, а может быть, и несколько древних рас, населяющих определенные планеты. Возникли ли эти существа в нашей Галактике или, может быть, в какой-то другой, более старой, теперь уже не существующей Галактике или Вселенной — в любом случае эти мудрые существа знали, что на Земле появится разумная жизнь. Они знали это задолго до того, как это произошло. Они установили специальные устройства, которые регистрировали все, что касалось этой разумной жизни с момента ее зарождения. Эти устройства не могут быть обнаружены разумными существами Земли.

В какое-то время, заранее предопределенное

этими Древними, как мы их называем, записи были отправлены в определенное место. Где все умершие были воскрешены во плоти с помощью преобразователей энергия-материя. Умершие стали снова молодыми. С них были сделаны новые записи тел. Не забудьте — молодых тел! Следующий шаг: уничтожение этих молодых тел и затем воскрешение умерших на новой планете, например, на этой, снова теми же преобразователями энергия-материя.

Психоморфам или «ка» свойственно влечение к своим близнецам из протоплазмы. Как только произведен дубликат мертвого тела, «ка» тут же присоединяется к нему и начинается запись. Так что если тело убивают, его можно дублировать хоть сотню раз — «ка» продолжает хранить в себе личность, сознание и память всех тел. Так что, в этом случае это не просто воспроизведение очередной копии. Суть состоит в сохранении изначальной индивидуальности с записью всего, что произошло в непосредственном окружении всех воплощений «ка» в телах.

— Однако! — воскликнул Сэм, размахивая своей сигарой у самого лица Геринга. — Однако! Вы утверждаете, что человек не может быть убит бесконечное число раз. Вы говорите, что после

нескольких сотен раз смерть все-таки наступает окончательно. Многократно повторяющийся процесс умирания ослабляет связь между телом и душой. В конце концов дублирование тела не побуждает «ка» воссоединяться с ним. Душа уходит куда-то прочь, бесцельно бродя по извилистым коридорам четвертого измерения. Она становится, по сути, привидением, потерянной душой. Фактически, ее уже больше нет.

— В этом суть нашей веры, — кивнул Геринг. — Или лучше сказать, нашего знания, ибо мы знаем, что оно истинно.

Сэм поднял свои косматые брови.

— Да ну? Знаете?

— Да! Наш основатель услышал Истину через год после Воскрешения, через год с того дня, когда все человечество восстало из мертвых. Ночью к нему явился какой-то человек, когда он молил об откровении высоко в горах. Незнакомец рассказал и продемонстрировал ему такое, что не мог бы рассказать или показать ни один из смертных с Земли. Этот человек был посланником Древних, и он открыл Истину, и он велел нашему основателю покинуть свою горную обитель и проповедовать доктрину Второго Шанса.

На самом деле, термин Второй Шанс является

неточным. По сути это наш Первый Шанс, потому что пока мы были на Земле, у нас не было никаких шансов ни на спасение, ни на вечную жизнь. Но жизнь на Земле была необходимой прелюдией жизни на этой Речной Планете. Бог создал Вселенную, а Древние — сохранили человечество. И не только его — всех разумных существ во Вселенной. Они сохранили! Но спасение уготовано только человечеству!

Спасение дано каждому человеку. Оно зависит только от него самого. Сейчас, когда ему предоставлена эта возможность!

— И только с помощью Церкви Второго Шанса, я полагаю, — усмехнулся Сэм. Ему не хотелось глумиться над только что сказанным, но он не мог удержаться.

— Именно в это мы верим! — воскликнул Геринг, не заметив иронии в словах Клеменса.

— А какие были верительные грамоты у этого таинственного незнакомца? — поинтересовался Клеменс, тут же вспомнив о своем Таинственном Незнакомце. Его начала охватывать паника. А вдруг это один и тот же человек? Или, может быть, они оба из тех существ, которые называют себя этиками? Его Незнакомец, человек, который направил сюда железо-никелевый метеорит и

который дал возможность Джо Миллеру увидеть Башню в далеком туманном Северном Полярном Море, был Отступником среди этиков. Если, разумеется, верить ему.

— Верительные грамоты? — удивился Геринг. — Разве нужны какие-то бумаги от Господа Бога, да? — Немец рассмеялся. — Наш учитель понял, что его гость не мог быть простым человеком, потому что он знал о нем такое, что мог знать только Бог или Высшее Существо. И он показал ему такое, что он не мог не поверить. И он рассказал ему, каким образом мы были воскрешены и для чего. Но учителю тогда было рассказано не все. О некоторых вещах нам расскажут позже. Многое мы должны узнать сами.

— Как зовут вашего учителя? — спросил Сэм. — А может быть, вы не знаете? Может быть, это является тайной?

— Этого никто не знает, — сказал Геринг. — Нам нет нужды знать об этом. Что есть имя? Он называл себя Виро, то есть «человеком» на эсперанто. Мы называем его Основателем, или Ла Виро, или же просто Человеком.

— Вы когда-нибудь встречались с ним?

— Нет, но я встречался с двумя людьми, которые хорошо знали его. Один из них присутствовал на

самой первой проповеди Ла Виро, состоявшейся через семь дней после встречи с незнакомцем.

— Вы уверены, что Ла Виро мужчина? Может быть, это женщина?

— Конечно же, мужчина!

Сэм глубоко вздохнул и произнес:

— Большой груз свалился с моей души. Если бы ваш учитель оказался бы вдруг Мэри Бейкер Эдди, то я бы свалился от удара и умер.

— Что?

— Ничего особенного. — Сэм усмехнулся. — Некогда я написал о ней книгу. Мне не хотелось бы повстречаться с нею здесь. Она бы оскальпировала меня живьем. А почему я о ней подумал? Дело в том, что некоторые из тех диких мистических понятий, о которых вы мне сейчас рассказывали, напомнили мне о ней.

— Кроме «ка», все в наших объяснениях согласуется с законами физики. Да и «ка» является физическим феноменом, но перпендикулярным, так сказать, к нашей действительности. Мы верим в то, что это наука, наука Древних, обеспечила наше физическое Воскрешение. Здесь нигде нет ничего сверхъестественного, кроме, разумеется, нашей веры в Создателя. Все остальное — наука!

— Точно как религия Мэри Бейкер Эдди? — спросил Клеменс.

— Я ничего не слыхал о ней.

— Так как же мы обретем спасение?

— Возлюбив. Под этим словом подразумевается, конечно, что мы отвергаем насилие, даже с целью самозащиты. Мы верим в то, что сможем достичь любви в определенном трансцендентном состоянии, а оно придет только через самосознание. Пока что большинство человечества не научилось правильно пользоваться наркотической жевательной резинкой. Человек злоупотребляет ею, так же как злоупотребляет и всем остальным.

— И вы думаете, что вы уже возлюбили. Или что вы подразумеваете под этим?

— Пока еще нет. Но я уже на пути.

— С помощью жвачки?

— Не только. Она помогает. Но необходимо также и действовать. Нужно проповедовать, нужно страдать за свои убеждения. И научиться терпимости. Надо научиться любить.

— Так вот почему вы против моего Судна. Вы считаете, что мы зря тратим свое время, сооружая его?

— Эта цель никому не принесет добра. Пока что

ради этого опустошена значительная часть этой местности. Все вокруг пропиталось жадностью, мучениями, кровью и предательством. Здесь везде ненависть, ненависть, ненависть! И все ради чего? Чтобы у вас было то, чего нет ни у кого! Чтобы у вас был гигантский корабль из металла, приводимый в движение электричеством. Триумф техники на этой планете! Корабль дураков! Чтобы вы могли совершить на нем путешествие к верховьям Реки. А когда вы туда доберетесь, что тогда? Не кажется ли вам, мистер Клеменс, что лучше было бы путешествовать к истокам души?

— Вы многого не знаете, — покачал головой Клеменс. Однако его самодовольство подтачивало видение некоего дьявола, крадущегося во мгле и нашептывающего ему на ухо. Но ведь кто-то же таился в темноте и шептал на ухо и основателю Церкви тоже! Был ли дьяволом тот незнакомец, что сделал так много для создания этой Церкви? Существо, которое посетило Сэмюеля Клеменса, утверждало, что дьяволы — все остальные и только оно одно хочет спасти человечество.

Конечно, настоящий дьявол говорил бы именно нечто подобное.

— Неужели мои слова совсем не тронули вашего сердца? — спросил Герман Геринг.

Сэм постучал себя кулаком по груди и сказал:

— Да, я истинно верую… что у меня началось расстройство желудка.

Геринг сжал кулаки и надул губы.

— Будьте внимательны, а то потеряете свою любовь! — сказал Сэм и ушел.

Правда, особого торжества он не ощущал. У него на самом деле было небольшое расстройство желудка. Неистребимое невежество всегда расстраивало его, хотя он прекрасно понимал, что над этим надо смеяться.

21

Наступил полдень следующего дня. Сэм Клеменс и Джон Безземельный проспорили все утро. В конце концов Сэм, доведенный до белого каления, отбросив всякую осторожность и благоразумие, сказал:

— Мы не можем допустить, чтобы Хаскинг лишил нас бокситов! Мы не можем позволить, чтобы что-либо приостановило постройку Судна! Может быть, вы так упрямитесь, чтобы спровоцировать войну с Соул-сити? Не выйдет, Ваше Величество!

Он взволнованно расхаживал по комнате, размахивая рукой с зажатой сигаретой. Джон развалился за круглым дубовым столом в рубке Клеменса. Джо Миллер сидел в углу на огромном стуле, сооруженном специально для него. Могучий монгол из палеолита, Закскромб, стоял позади Джона.

Вдруг Сэм быстро развернулся и положил оба кулака на стол. Опершись о его полированную поверхность, с сигарой во рту и нахмуренными бровями, он зарычал на Джона:

— Однажды вы уступили, в Раннимиде, под-

писав Великую Хартию Вольностей. Это было единственным хорошим делом, которое вы совершили за время своего правления — да и то некоторые говорили, что при этом вы плюнули три раза через плечо. Что ж, сейчас перед вами другой подходящий случай. Вы извинитесь перед Абдуллой, который имеет на это полное право, или я созову специальное заседание Совета и мы определим вашу пригодность занимать должность со-консула!

Король Джон не менее минуты свирепо смотрел на Клеменса.

— Ваши угрозы меня не пугают, — наконец произнес он. — Но совершенно очевидно, что вы скорее втянете нашу страну в гражданскую войну, чем начнете войну с Соул-сити. Я никак не могу понять этого безумия. Благоразумному человеку всегда трудно понять подобное безрассудство. Поэтому я извинюсь. А почему бы и нет? Король может позволить себе великодушие по отношению к простолюдину. Это ничего не будет стоить, а только возвеличит его.

С этими словами он встал и проковылял к выходу, сопровождаемый своим телохранителем.

Десятью минутами позже Сэм услышал, как Джон остановился у резиденции гостей и принес

свои извинения. Абдулла Акмаль принял их, хотя и остался при этом весьма хмурым. Было очевидно, что он подчинился приказу.

Как раз перед тем, как гудки возвестили конец часового обеденного перерыва, в комнату вошел Кабер. Он сел, не дожидаясь приглашения со стороны Сэма. Клеменс поднял в удивлении брови, ибо подобное случилось впервые. Было что-то необъяснимое в таком поведении. Он внимательно посмотрел на Кабера и начал прислушиваться к каждой его интонации. Это было поведение раба, который решил больше не быть рабом.

Кабер знал, что назначен эмиссаром в Соул-сити. Он сидел, нагнувшись вперед, облокотившись могучими черными руками о дубовый стол. Он говорил на эсперанто и, как большинство людей, преимущественно в настоящем времени, используя для обозначения будущего или прошедшего времени соответствующие наречия. Люди Кабера переговорили с каждым из примерно трех тысяч не вызывающих сомнения негров (была определенная неясность в классификации некоторых доисторических племен). Треть из них была согласна, хотя и без особого рвения, переехать в Соул-сити в обмен на нежелательных для Хаскинга собственных граждан. В основном это были

негры конца двадцатого века. Остальные же говорили, что здесь у них есть работа, приносящая им удовлетворение, что им нравится быть здесь на равных с белыми и что они не хотят упустить своего шанса попасть на Судно.

Последнее было, очевидно, решающим фактором, отметил Сэм. Не один он мечтал о Судне.

Он плыл во сне перед глазами многих людей, сверкая как драгоценный камень со светлячком внутри.

Файбрасу и его людям предложили прийти в зал заседаний. Файбрас опоздал, так как осматривал аэроплан. Он высмеивал его причудливость, хрупкость и медлительность, но все же судя по всему завидовал фон Рихтгофену, который будет летать на нем.

— Вам тоже непременно будет предоставлена возможность полетать на нем, — сказал Сэм. — Если, конечно, вы пробудете здесь до тех пор…

Лицо посла стало серьезным.

— Так каково же ваше решение, джентльмены, относительно предложения моего правительства?

Сэм взглянул на Джона, и тот жестом показал, чтобы говорил Сэм. Очевидно, он надеялся на то, что если и возникнет какое-либо недовольство,

то оно будет направлено на Сэма.

— У нас демократия, — начал Сэм. — И мы не можем приказать своим гражданам убираться вон, если только речь не идет о нарушении ими наших законов. Поэтому, как я понимаю, вернее, как мы все понимаем, любой гражданин Пароландо может по собственному желанию выехать в Соул-сити. Я полагаю, что в основном мы договорились об этом во время нашей последней встречи. Договориться же с каждым из наших граждан — это уже забота вашего правительства. Что же касается принятия в нашу семью ваших арабов, дравидов и тому подобное, мы предоставим им возможность присоединиться к нам, если они того захотят. Однако мы оставляем за собой право избавиться от них, если они не сработаются с нами. Куда они пойдут после этого — это их личное дело!

— Хорошо, — кивнул Файбрас. — Я уверен, что Хаскинг не хочет, чтобы кто-нибудь жил в нашем Соул-сити против своей воли, независимо от цвета кожи.

— А как насчет поставки минералов? — спросил Сэм. — Будут ли они прерваны на время переговоров?

— Я… ничего не могу вам сказать, — пожал

плечами Файбрас. — Мне нужно обговорить этот вопрос с Хаскингом. Разумеется, вы должны будете получить последнюю оплаченную вами поставку руды, перед тем как поднимется цена.

— Так значит, цена точно поднимется? — спросил Сэм.

— Все, что я сейчас говорю, может быть утверждено или отвергнуто только в Соул-сити, — сказал, улыбаясь, Файбрас.

Затем было принято соглашение о том, что Кабер поедет в Соул-сити в качестве посла Пароландо благодаря изменению в Конституции специально для этого случая. Все остальное осталось пока неопределенным. У Клеменса начало складываться впечатление, что Файбрас вовсе не намерен ускорять решение этих вопросов. Даже наоборот, он хотел оттянуть их выполнение или даже затормозить, если появится хоть малейший намек на продвижение в их решении. Он, очевидно, хотел как можно дольше оставаться в Пароландо, и Сэм мог только предполагать, что основная цель посла — шпионаж. А может быть, он даже хочет вызвать здесь беспорядки.

Позже он обсудил итоги встречи с Джоном. Король согласился с тем, что Файбрас — шпион, но никак не мог понять, каким образом посол

может вызвать в стране беспорядки.

— Ему хочется, чтобы судно было построено как можно быстрее. И чем скорее оно будет завершено, тем быстрее Хаскинг попытается его захватить. Разве вы допускаете хоть на мгновение, что Хаскинг не хочет заполучить корабль? Разве вам непонятно, что у нас здесь нет ни одного соседа, который бы не хотел захватить его? Артур сделал бесплодную и преждевременную попытку только из ненависти ко мне. Ему следовало бы немного подождать, когда судно будет практически завершено, и тогда вместе с Клеоменом и ольмеками бросить на нас все свои силы. А так вышло, что и он и Клеомен убиты, а Иеясу напал на их страны, пока их наследники враждовали между собой.

— По сообщениям наших шпионов он побеждает, — заметил Клеменс.

— Если он объединит свое государство с этими двумя, то нам придется иметь дело с очень опасным противником.

«Таким же, как и ты, Джон Безземельный, — подумал Сэм. — Из всех людей, за которыми мне нужно будет следить после того, как корабль будет построен, тебе надо уделить самое пристальное внимание…»

Файбрас наконец объявил, что на то время, пока будут проходить переговоры, он и его делегация открывают посольство Соул-сити в Пароландо.

— Это хорошо, — заметил на это Сэм, — что вы остаетесь здесь. Но у Соул-сити есть своя собственная промышленность. Мне известно, что нашу руду используют у вас для изготовления оружия и других вещей, каких именно, наши шпионы никак не могут выяснить.

Файбрас удивленно посмотрел на него и рассмеялся.

— Что ж, почему нам не быть искренними. Мне это даже нравится. Да, нам известно, что вы имеете у нас шпионов — так же как и вам известно, что и у нас здесь есть шпионы. Да и у кого нет своих людей в соседних землях? Но на что вы намекаете?

— Вы самый технически грамотный человек, которым располагает Хаскинг. Вы доктор физики. Вы заведуете мастерскими, научными исследованиями и всем прочим, имеющим отношение к техническому прогрессу. Так почему же Хаскинг посылает вас сюда, если вы необходимы там?

— Я наладил работу, и все теперь идет там как по маслу. Сейчас я практически не нужен в Соул-сити и мне стало скучно. Мне захотелось

посмотреть на ваше государство. Вот почему мы и прибыли сюда.

— Чтобы увидеть все наши достижения, вроде пистолета Марк-1, аэроплана, вездехода с паровой пушкой?

Файбрас ухмыльнулся и кивнул:

— И это тоже. А почему бы и нет? Если не я, то все равно это увидит кто-нибудь другой.

Сэм расслабился.

— Хотите сигару? Вы можете осмотреть все, что пожелаете. Мы не делаем здесь ничего такого, что вы не смогли бы делать сами, кроме разве, пожалуй, парового орудия. Это, между прочим, мое изобретение. Пойдемте со мной. Я очень горжусь этим и хочу, чтобы вы сами все увидели. Оно почти готово.

«Огненный Дракон — 1» покоился внутри поддерживающей его рамы из бревен. Он был серебристо-серый и по форме напоминал плоскодонную лодку, однако с каждой стороны его было по семь огромных металлических колес с пластиковыми шинами. Под кормой были расположены два гребных винта, защищенные экранами. В длину он был 30, в ширину — 10 и в высоту — 12 футов. На верхней палубе были расположены три башенки. В одной размещались водитель,

капитан и радист, хотя рации в Пароландо еще не было. Центральная башенка была выше двух других и из нее торчало короткое тупоносое дуло, облицованное деревом. Задняя башня предназначалась для стрелков, которые будут вооружены пистолетами Марк-1, а возможно, и ружьями.

— Вездеход работает на древесном спирте, — начал свои пояснения Сэм. — Давайте залезем внутрь, через боковой люк, и вы увидите, что котел занимает почти треть его объема. И это вполне обосновано.

Они взобрались по лестнице внутрь центральной башни, освещенной электрической лампой. Увидев ее, Файбрас вскрикнул. Это была первая электролампа, которую ему довелось увидеть на этой планете. Сэм объяснил, что она запитывается от химической батареи.

— А вот и паровая сверхпушка, — сказал он и указал на цилиндр, торчащий из серого корпуса башни. В нижней части цилиндра была расположена ручка, напоминавшая рукоятку пистолета и спусковой механизм. Файбрас подошел, положил палец на спусковой крючок и заглянул в отверстие над стволом. Затем он поднял снаряд пушки, а затем положил его на место.

— Вот здесь будет кресло для оператора, —

сказал Сэм. — Нажимая на педали, он сможет вращать башню по своему усмотрению, а также поднимать или опускать ствол пушки на целых двадцать градусов. Пар из котла — движущая сила для пластиковых снарядов 80-го калибра. Оружие начинает стрелять при открытом казеннике, поэтому когда тянешь за спусковое устройство, заряда в стволе еще нет. Нажимая на спусковое устройство, вы выдвигаете казенник, он захватывает снаряд из обоймы и помещает его в ствол. Потом казенник закрывается. Вы слушаете меня?

Файбрас кивнул.

— Хорошо. Пар находится под давлением и нагрет до 400 градусов по Фаренгейту. Затем он попадает в патронник и выталкивает снаряд. После этого подача пара прекращается и все возвращается на свои исходные позиции.

Файбрас кивнул:

— Я потрясен. Но не будет ли оружие работать более эффективно, если его температура будет такой же, как температура сжатого пара? Тогда на нагрев орудия будет расходоваться меньше энергии пара, а значит, большая сила будет выталкивать снаряд. А-а, я вижу! Вы сделали на ствол чехол, и пар идет сначала по нему, не

так ли?

— Да. Это гипсовый чехол, обшитый деревом. Обратите внимание на клапан, он позволяет орудию нагреться за несколько секунд до выстрела. Без этого его может заклинить. А поскольку температура такая же, как у пара, то нет опасности возгорания ствола. Пушку можно использовать как огненный брандспойт, так как точность отдельных выстрелов невелика.

Файбрас вовсе не был удручен тем военным превосходством, которое вездеход давал Пароландо. Вероятно, это было обусловлено тем, что он намеревался построить точно такую же машину для Соул-сити, а может быть, даже и две. В этом случае Пароландо придется строить три!

Нельзя допустить, чтобы Соул-сити перегнало Пароландо! Но Пароландо не могло уменьшить поставки в Соул-сити, ибо Хаскинг тут же приостановит продажу бокситов, криолита, платины и иридия.

От демонстрации своего изобретения Сэма охватило приятное возбуждение.

Единственное решение проблемы, которая возникнет, если Соул-сити начнет гонку вооружений — это сокрушить Соул-сити и взять добычу минералов под свой непосредственный контроль.

Но это означало бы отсрочку строительства и угрозу двум соседним государствам — Публии и Тайфане — расположенным между Пароландо и Соул-сити. Если эти два государства объединятся, то станут внушительной силой, поскольку у них много оружия, получаемого из Пароландо в обмен на древесину.

Сэм уже давно пришел к выводу, что такое решение ни к чему хорошему не приведет. Но несколькими днями позже Иеясу завершил завоевание соседних с ним стран и прислал миссию в Пароландо. Особых требований он не предъявлял, а фактически же его предложения с одной стороны были даже выгодны. Он говорил, что в его стране деревьев осталось очень мало и ему хотелось бы дать им снова вырасти, однако, если Пароландо увеличит поставки оружия, он с охотой обеспечит большое количество древесины и экскрементов, необходимых для производства пороха. Для этого он готов немедленно напасть на государства, расположенные на противоположном берегу Реки, и начать там лесоразработки!

Это означало, что Пароландо будет платить Иеясу за лес, который тот силой отберет у соседей. Это будет дешевле и менее хлопотно для Пароландо, которому не придется нападать, убивать

и порабощать.

А у Сэма Клеменса появится еще одна мука, которая надолго лишит его сна.

Джон Безземельный был просто в восторге от такого предложения.

— Наши предприятия по выпуску оружия работают очень производительно, — сказал он. — Мы можем увеличить его экспорт и должны построить целую флотилию «Огненных Драконов», чтобы мечи, которые мы продадим, не шли ни в какое сравнение с боевой мощью нашей техники.

— А когда же мы приступим к строительству Судна? — поинтересовался Сэм.

Никто не смог ответить на вопрос Сэма, но на следующий день ван Бум, Величко и О'Брайен — их главные инженеры — принесли первые черновые наброски. Они были начерчены на белых пластиковых досках специальным магнитным карандашом. Магнитное поле на кончике карандаша намагничивало тонкий магнитный слой на досках, оставляя на них видимый след. Линии оставались видимыми, пока их не размагнитит обратное магнитное поле. Таким образом, чертежи могли неоднократно исправляться. Файбрас выразил желание помочь в сооружении знаме-

нитого судна. Такое разрешение ему было дано, хотя поначалу Джон возражал. Сэм ответил на это, что чем большую помощь они получат, тем быстрее будет продвигаться работа. Он никак не мог понять того, как участие Файбраса в строительстве может позволить ему украсть судно. У Сэма появились некоторые планы относительно посла, но он ничего не сказал об этом Джону. Нужно было так увлечь посла работой, чтобы впоследствии он принял предложение занять место на корабле.

Оборудование, необходимое для прокатки первых листов корпуса, было почти готово. Неделю назад была сооружена дамба, и вода наполнила водохранилище. Были изготовлены из алюминиевого провода обмотки генераторов, которые будут вращаться водой, накопленной в искусственном водохранилище. Если хватит материала, то через месяц будет закончено сооружение опытного образца дельтатрона высотой не меньше четырехэтажного здания.

Через несколько дней пятьсот приверженцев Церкви Второго Шанса попросили убежища в Пароландо. Иеясу вышвырнул их из своего нового государства, пригрозив применить к ним изощренные пытки, если только они попробуют

сунуться назад. Сэм не сразу узнал об этом, поскольку был на плотине.

Они отказались уйти, когда Джон отдал приказ немедленно очистить территорию Пароландо. Узнав об этом, Джон зловеще улыбнулся, дернул себя за волосы и выпалил свое любимое ругательство.

В это время Сэм следил за установкой нескольких тонн динамита внутрь плотины. Это было еще одним из его козырей, которые следовало бы вытащить только в случае крайней необходимости. Использовать это средство было бы самоубийством и могло быть оправдано только в том случае, если нашествие противника окажется удачным.

Фон Рихтгофен, раскрасневшийся и запыхавшийся после подъема, рассказал Клеменсу о прибытии церковников и об их отказе уйти. Он и словом не обмолвился о поведении Джона.

Сэм сказал Лотару, чтобы тот передал изгоям, что он только вечером спустится с плотины. Пусть они его ждут, но не удаляются дальше чем на двадцать ярдов от чашного камня, к которому они причалили. Какое-то мгновение Клеменс размышлял о том, а не приказать ли им убраться тот же час и не велеть ли солдатам, чтобы те

слегка подтолкнули их широкой поверхностью мечей в случае сопротивления. Ему было жарко, он был весь покрыт потом и цементной пылью и ощущал сейчас какую-то особую ненависть к церковникам. Благословением этой планеты было отсутствие мух и комаров, но люди, в данном случае церковники, пытались изо всех сил заполнить эту брешь.

Грохот бетономешалок, крики мастеров и скрежет лопат и ручных тачек не позволили Сэму услышать выстрелы, раздавшиеся через полчаса после посещения Рихтгофена. Он ничего не знал о том, что произошло на берегу Реки, пока к нему снова не прибежал Лотар.

У Клеменса возникло такое ощущение, будто все его суставы сломались и он рухнул в грязную яму. Джон испытал новые пистолеты на святошах. Сотня Марков-1 с кремневыми затворами за три минуты лишила жизни почти пятьсот мужчин и женщин. Джон лично перезаряжал оружие и стрелял более десятка раз, использовав несколько последних пуль для того, чтобы прикончить раненых.

Около тридцати наиболее красивых женщин были схвачены и уведены во дворец Джона.

Задолго до того, как он достиг берега Реки, Кле-

менс увидел толпу, собравшуюся вокруг чашного камня. Он пропустил вперед немца, чтобы тот расчистил ему дорогу. Толпа расступалась перед ним, как Красное Море перед Моисеем, подумал Сэм, но настоящее Красное Море предстало перед ним, когда он прошел сквозь толпу. Тела были набросаны одно на другое, покрыты кровью и клочьями оторванной плоти, их кости были раздроблены пулями крупного калибра. За свои девяносто семь лет жизни Сэм так и не привык к гробовой тишине. Казалось, она висела над трупами как невидимое и холодное облако. Рты, которые уже никогда не будут произносить слова, мозги, которые больше уже ничего не будут думать…

И то, что завтра эти люди со свежими и здоровыми телами вернутся к жизни где-то в других местах на берегах Реки, не приносило никакого утешения. Потрясение от вида смерти нельзя ослабить никаким умствованием.

Джон находился здесь же и отдавал распоряжения о переноске тел в мыловаренные и кожевенные цеха. Увидев Сэма, он ухмыльнулся, как нашкодивший мальчишка, которого поймали за ухо, когда он тащил за хвост кошку.

— Ведь это же настоящая бойня! — вскричал

Сэм. — Как вы допустили такую резню? Неоправданная и непростительная резня! Для нее не было никаких причин, кровожадный зверь!!! Вы были им всегда, подлая собака, таким и останетесь! Свинья! Свинья! Свинья!

Ухмылка сошла с лица Джона, и он сделал шаг назад, увидев, что Сэм, сжав кулаки, направился к нему. Могучий Закскромб, подняв в руке огромную палицу со стальными шипами на конце, двинулся навстречу Клеменсу.

— Не сметь! — закричал Лотар фон Рихтгофен. — Не трогайте его или я позову Джо! Я пристрелю каждого, кто приблизится к Сэму.

Сэм оглянулся. Лотар держал в руке пистолет, дуло которого было направлено на Джона.

Он посмотрел на короля и увидел, что его смуглое лицо побледнело, глаза округлились. Даже голубой цвет глаз, казалось, потускнел. Позже Клеменс жалел, что он не велел Рихтгофену стрелять. Хотя Стрелки и были людьми Джона, возможно, они не решились бы стрелять, если бы их начальник был убит первым же выстрелом, поскольку сейчас они были окружены вооруженными людьми, большинство из которых недолюбливали Джона, и почти все были потрясены учиненной им бойней. Но даже если бы

они и решились, то Сэм и остальные могли бы в момент залпа броситься на землю и пули бы просвистели мимо. А после этого, кто знает, что могло бы произойти после этого?

Но теперь было уже бесполезно фантазировать! Этот приказ он так и не отдал!

Тем не менее, Сэму надо было что-то предпринять. Если он допустит, чтобы Джону это сошло с рук, то он может потерять уважение людей, да и сам перестанет уважать себя. После такого ему оставалось бы только одно — сложить с себя полномочия со-консула, а это означало, что он потеряет Судно!

Он слегка повернул голову, но так, чтобы не терять из виду Джона, и увидел бледное лицо и большие темные глаза Ливи. Вид у нее был такой, будто ее вот-вот стошнит. Он сделал вид, что не обратил на нее внимания, и позвал Сирано де Бержерака, который стоял в первом ряду окружавшей их толпы, держа в руке длинную шпагу.

— Капитан де Бержерак! — Сэм указал на Джона. — Арестуйте со-консула!

В руке у Джона был пистолет, но он не поднял дуло.

— Я протестую! — вскричал англичанин. — Я велел им немедленно уйти, но они отказались.

Я предупредил их, но они продолжали упорствовать. И только после этого я приказал стрелять. И к чему весь этот шум — завтра они все равно оживут!

Сирано торжественно подошел к Джону, остановился, отдал честь и произнес:

— Ваше оружие, сэр!

Закскромб взревел и поднял утыканную шипами палицу.

— Не нужно, Зак, — махнул рукой Джон Безземельный. — Согласно Хартии один консул имеет полное право арестовать другого, если считает, что тот действует в нарушение Хартии. Но я недолго пробуду под арестом.

Он вручил Сирано свой пистолет, рукояткой вперед, затем отстегнул пояс и передал его французу. На поясе были ножны с длинным кинжалом и коротким мечом.

— Я вернусь в свой дворец, пока вы и Совет будете решать мою судьбу, — сказал он. — В соответствии с Хартией вы обязаны собраться в течение часа после ареста и вынести решение через два часа, если только этому не помешают какие-либо чрезвычайные обстоятельства, связанные с безопасностью государства.

Он пошел прочь, и Сирано двинулся сразу же

за ним. Люди Джона какое-то мгновение колебались, а затем после громоподобного приказа Закскромба последовали за своим хозяином. Сэм, глядя, как они уходят, удивился, что не было особого сопротивления, и ему пришло в голову, что Джон четко понял, что Сэм вынужден так поступить, чтобы не потерять свое лицо. И Джон прекрасно понимал, что Сэм постарается избежать принятия решения, которое могло бы привести к гражданской войне, но в то же время он примет его, если возникнет угроза Судну.

Поэтому Джон решил не мешать Сэму. Ему не хотелось раскрывать карты. Во всяком случае сейчас. Он уже удовлетворил свою кровожадность. А когда советники соберутся, они выяснят, что Джон действовал в рамках закона, в соответствии со своими полномочиями. Хотя и не имел на это морального права. Но тогда его сторонники начнут пылко оправдывать его действия и с точки зрения морали. Ведь в конце концов, все мертвые завтра воскреснут, а урок, который он преподал Церкви Второго Шанса, в высшей степени полезен для государства. Теперь церковники долго будут обходить Пароландо стороной. И конечно же, Сэм Клеменс вынужден будет признать, что их присутствие в стране крайне нежелательно.

Если эти святоши будут продолжать обращать в свою веру граждан Пароландо, Судно так никогда и не будет построено. Более того, другие государства, в меньшей степени ослабленные тлетворным влиянием философии Церкви Второго Шанса, начнут нападать на Пароландо.

И он, Сэм Клеменс, на это ответит, что в следующий раз сторонники Джона оправдают и пытки. В них нет ничего плохого. Ведь мучения длятся только до тех пор, пока человек жив, а любые телесные повреждения легко можно исцелить простым умерщвлением жертвы. Затем будет оправдано изнасилование, ибо в конечном счете женщине не нужно бояться, что она забеременеет или подхватит какую-нибудь заразу. А если она будет после этой процедуры мучиться, то лучше ее убить, ведь на следующее утро она снова станет целой и невредимой. Что же касается связанных с этим душевных мучений, то от них легко избавиться с помощью небольшой дозы наркотической резинки.

Нет, скажет Сэм, дело не в самом убийстве, как в таковом, а в правах. Если убивают человека, то его тем самым перемещают вопреки его желанию в такое удаленное место, откуда ему не вернуться пешком и за тысячу лет. Его удаляют

от его любви, от его друзей, от его родного дома. Насилие есть насилие, и оно всегда было…

Надо быть начеку.

— Сэм! — раздался хорошо знакомый ему голос.

Он обернулся. Ливи была все еще бледна, но ее глаза приобрели спокойное выражение.

— Сэм! А как же женщины, которых он увел?

— О мой Бог! — воскликнул Клеменс, стукнув себя ладонью по лбу. — Идемте, Лотар!

Увидев поблизости Джо Миллера, он помахал ему рукой, а Лотар приказал следовать за ними только что подошедшей сотне лучников.

Возле огромного бревенчатого дома Сэм замедлил шаг. Судя по всему, Джон думал, что его со-консул забыл о насильно уведенных женщинах. Но, наверняка, он не сомневался в том, что очень скоро Сэм вспомнит об этом. Клеменс был уверен, что Джон в душе был готов подчиниться Сэму в вопросе о бойне, поскольку по букве закона он действовал в рамках своих прав. Но возвращение женщин — слишком большой удар для англичанина. Его подлый характер может выйти из под контроля, и тогда в Пароландо вспыхнет гражданская война.

22

Когда Сэм увидел примерно тридцать женщин, выходящих из открытых ворот, он понял, что Джон решил исправить свою ошибку. Однако его все равно можно было обвинить в похищении, в преступлении гораздо более серьезном, чем убийство, в этом вывернутом наизнанку мире. Но если женщинам не было причинено вреда, то подобное обвинение будет трудно выдвинуть.

Он остановился, и ему показалось, что и сердце его сейчас остановится. Среди женщин была Гвиневра!

Лотар побежал к ней, выкрикивая ее имя. Она бросилась к нему навстречу, вытянув руки, и они обнялись.

После минуты страстных объятий и лобзаний она отпрянула от Лотара и подошла к Сэму. Он мысленно обругал себя, так как поблизости не было кого-либо другого, на ком можно было бы выместить злость. Если бы он дал ей понять, что желает ее, когда она всем своим видом показывала ему, что он может обладать ею, то она, возможно, не приняла бы ухаживаний фон Рихтгофена. Почему же он не взял ее? Почему он

никак не может отвязаться от мысли о том, что Ливи в конце концов вернется к нему? В том же случае, если он возьмет себе другую женщину, Ливи настолько этим оскорбится, что больше никогда не захочет иметь с ним ничего общего.

Его рассуждения были нелогичны. Но что бы ни заявляли философы, главная польза от логики — оправдание эмоций.

Гвиневра поцеловала его, и ее слезы капнули ему на обнаженную грудь. Затем она отпрянула от него и вернулась к Лотару, оставив Сэма Клеменса решать задачу Джона Беззеельного.

Он прошел в ворота. За ним тяжело шествовал Джо Миллер. Через мгновение к ним присоединился и фон Рихтгофен. Он чертыхался и бормотал по-немецки:

— Я убью его!

Сэм остановился.

— Уходите отсюда сейчас же! Я и сам достаточно разъярен, но еще могу владеть собой. Вы находитесь в логове льва, не забывайте этого! И если вы сейчас что-нибудь попытаетесь предпринять, он тут же прикажет убить вас, а потом заявит, что это было сделано в целях самообороны. Поймите, что он только этого и ждет. Возможно, он и затеял все это для того, чтобы организовать наше

убийство.

— Но вы взяли с собой лишь Джо! — удивился немец.

— Я бы не сказал, что этого мало. Но если бы вы не были так заняты лобзанием с Гвиневрой, то, наверное, услышали бы мой приказ войскам начать штурм дворца и убить всех, кто там находится, если я не вернусь через пятнадцать минут.

Лотар удивленно посмотрел на Клеменса.

— Вы определенно стали гораздо агрессивнее.

— Чем больше у меня неприятностей и чем дальше отодвигается постройка Судна, тем решительнее я становлюсь, — кивнул Сэм.

Сэм не мог объяснить немцу, что он перенес на Джона весь свой гнев по поводу его связи с Гвиневрой, который и без того был столь велик, что будь на этой планете хоть немного справедливости, Джону давно бы уже надо было уползти, поджав хвост.

Он прошел внутрь самого большого дома за изгородью из высоких сосновых столбов и проскользнул мимо Шарки. Головорез попытался было преградить ему дорогу, но у Сэма за спиной раздался пещерный рев, исходивший от огромной волосатой фигуры Джо. Шарки тихо

выругался и допустил оплошность, не сумев вовремя увернуться. Огромная с рыжими волосами нога откинула громилу весом в 280 фунтов, будто куклу.

— Я когда-нибудь прибью тебя! — прорычал Шарки по-английски.

Джо медленно повернул голову, будто это была башня броненосца, а ее орудием — огромный хобот его носа.

— Да? И ш какой армией ты шобираешься это шделать?

— Джо, ты стал слишком часто огрызаться по пустякам, — пробормотал Сэм. — И в этом, несомненно, чувствуется мое влияние.

— Я не такой уж и тупой, как шчитает меня большинштво людей, — сказал Джо.

Приступ гнева Сэма перешел в тихую ярость. Даже с таким телохранителем, как Джо, он не мог чувствовать себя в полной безопасности, но Сэм был уверен, что Джон не пойдет сейчас на конфликт с ним, так как, наверняка, он хочет завладеть кораблем.

Король сидел за большим круглым дубовым столом вместе с дюжиной своих молодчиков. У всех в руках были глиняные кружки. Здоровенный Зак стоял у него за спиной. Вся комната

провоняла табаком и алкоголем. Глаза Джона были красными, правда, они у него всегда были такими. Свет еле пробивался в окна, так как прямые солнечные лучи не проходили сквозь сосновый частокол. Горело несколько факелов.

Сэм остановился, вынул сигару из коробочки в сумке, привязанной к поясу, и начал раскуривать ее. Его руки тряслись. Это раздражало его, и его гнев на Джона усилился.

— Прекрасно, Ваше Величество, — сказал он. — Вы не имели никакого права забирать этих чужих женщин ради удовлетворения своих низменных потребностей! Но забрать Гвиневру!? Она — гражданин нашего государства! Вы по сути дела засунули свою шею в петлю, Джон, и я сейчас выражаюсь отнюдь не фигурально!

Джон налил себе виски в пивную кружку и аккуратно поставил бутыль на стол. Затем он произнес кротким голосом:

— Я взял этих женщин к себе во дворец ради их же безопасности. Толпа была агрессивно настроена по отношению к ним. Они хотели их растерзать. А Гвиневру взяли по ошибке. Я лично выясню, кто виноват в этом, и накажу.

— Джон, — пожал плечами Клеменс. — Мне, конечно, следовало бы отвергнуть эти ваши

голословные утверждения по поводу вашего неведения. Они ни на чем не основаны, но я вынужден отступить… Рядом с таким бесстыдным лжецом, как вы, покраснел бы и сам дьявол. Вы — отец лжи, гроссмейстер обмана, всегда были, есть и будете. Абсолютное отсутствие стыда является отличительным признаком величайшего из лжецов, все остальные лжецы на вашем фоне настолько же безобидны, как Дед Мороз на елке.

Лицо Джона побагровело. Закскромб шевельнулся и приподнял свою дубину. Джо зарычал.

Джон глубоко вздохнул и, улыбаясь, сказал:

— Вы расстроились, увидев так много крови, мой друг. Скоро вы придете в себя. Вы не можете опровергнуть ничего из того, что только что я сказал, не так ли? Между прочим, вы уже объявили о заседании Совета? Ведь вам известно, что закон этой страны требует этого?

Самым ужасным было то, что Джону сойдет это с рук. Все, включая и его приспешников, знают, что он лжет. Но с этим ничего нельзя поделать, кроме того разве, что начать гражданскую войну. А это означало, что остальные волки — Иеясу, Хаскинг и, возможно, даже предполагаемые нейтралы: Красс, Черский, Тай Фанг и дикари с противоположного берега Реки — нападут на

Пароландо.

Сэм презрительно фыркнул и вышел вон. Через два часа все, чего он ожидал, стало реальностью. Советники проголосовали за официальное порицание Джона за то, что он неправильно оценил положение и действовал поспешно. Ему было указано, что в следующий раз он должен будет предварительно посовещаться со своим со-консулом.

Без сомнения англичанин будет оглушительно хохотать, когда ему огласят это решение. Наверняка, он потребует еще виски, табака, марихуаны и женщин, чтобы отпраздновать победу.

Однако эта победа не была полной. Все жители Пароландо видели, что Сэм не побоялся выступить против Джона, ворвался в его дворец всего лишь с одним помощником, освободил женщин и в присутствии его сторонников оскорбил Джона. И король знал это. Триумф его держался на шатких подпорках.

Сэм попросил Совет изгнать из Пароландо всех последователей Церкви Второго Шанса ради их же собственной безопасности. Однако несколько советников указали ему, что это противозаконно, для этого придется изменить Хартию. Кроме того, вряд ли Джон предпримет что-либо против них

после полученного предупреждения.

Все понимали, почему Сэм хочет воспользоваться случаем, чтобы выдворить из страны этих проповедников. Но в Совете было несколько упрямцев. Возможно, они были рассержены тем, что не удалось наказать Джона, а здесь они могли, по крайней мере, настоять на своем.

Сэм готов был поспорить, что уцелевшие после побоища сами захотят немедленно покинуть страну. Но к его удивлению церковники настаивали на том, чтобы им разрешили остаться. Учиненная бойня еще больше убедила их, что их присутствие в Пароландо крайне необходимо. Геринг начал строить для них хижины. Сэм отдал распоряжение прекратить это строительство. Пароландо и так уже испытывало острую нехватку древесины. Геринг в ответ просил передать, что он и его товарищи сойдут к Реке и будут спать под чашными камнями. Сэм выругался и выпустил дым прямо в лицо посланнику церковников, а затем добавил, что он очень жалеет о том, что на этой планете не болеют воспалением легких. Впоследствии ему стало стыдно за себя, но он не отступил. Он не собирался ограничивать топливо ради того, чтобы люди, присутствие которых здесь было крайне нежелательно, могли спать

под крышей.

Он и так уже был достаточно расстроен в этот день, когда вечером пришло два донесения, после которых ему показалось, что земля разверзлась под его ногами. В одном говорилось, что по пути в Пароландо ночью со своей лодки исчез Одиссей. Никто не знал, что с ним случилось. Он просто пропал. Другое сообщало, что Вильям Грейвел, человек, который шпионил за Джоном, найден у подножия гор с проломленным черепом.

Каким-то образом Джон разоблачил его и убрал. Сэм был уверен, что англичанин будет долго хохотать над тем, что он, Сэм, не сможет не только доказать его причастность к этому убийству, но и признаться в том, что Грейвел работал на него.

Клеменс позвал к себе Рихтгофена, де Бержерака и еще некоторых, кому мог доверять. Конечно, у него была определенная враждебность в отношениях с Сирано из-за Ливи, но де Бержерак предпочитал Клеменса Джону, с которым он не раз обменивался крепкими словечками.

— Возможно, исчезновение Одиссея — случайность, — сказал Сэм, — но прибавившаяся к этому смерть Грейвела заставила меня задуматься над тем, а не удар ли это Джона, который хочет лишить меня настоящих друзей. Возможно, он

планирует избавиться от вас поодиночке, не бросая при этом тень на себя. Он очень хитер. Возможно, теперь некоторое время он ничего не предпримет. Однако от Одиссея избавились в таком месте, где расследование, вероятнее всего, ничего не даст. И я не могу также обвинить Джона в убийстве Грейвела, не признав, что тот шпионил за ним. Поэтому будьте очень внимательны в ситуациях, когда вероятен несчастный случай. И будьте осторожны, когда остаетесь одни.

— Черт побери! — взорвался де Бержерак. — Если бы не этот пресловутый закон, запрещающий дуэли, я бы вызвал Джона на поединок и покончил бы с ним. А автор этого закона вы, сеньор Клеменс!

— Я вырос в стране, где дуэли были широко распространены, — произнес Сэм. — И сама идея вызывает у меня отвращение. Если бы вы только видели трагедии… Я полагаю, что вы их, конечно же, видели, но это, кажется, не повлияло на вас. А кроме того, вы думаете, Джон допустит, чтобы вы вызвали его на дуэль? Нет, могу побиться об заклад, вы просто исчезнете или с вами произойдет несчастный случай.

— Почему же нешчаштный шлучай не может проижойти ш Джоном? — вставил Джо Миллер.

— А как пройти через живую стену его телохранителей? — поинтересовался Клеменс. — Нет, если с Джоном и случится несчастный случай, то это будет действительно несчастный случай.

Он отпустил всех, кроме де Бержерака и Джо Миллера; впрочем, Джо и так никогда не оставлял Сэма, если только не был болен или если Сэму не нужно было уединиться.

— Незнакомец сказал, что он выбрал двенадцать человек для финального штурма Туманной Башни, — начал Клеменс. — Это Джо, вы, Ричард Френсис Бартон, Одиссей, я, итого: пятеро. Никто из нас не знает, кто остальные семь. Теперь Одиссей исчез и Бог знает, увидим ли мы его снова. Незнакомец намекнул, что все двенадцать человек должны собраться на Судне по пути к полюсу. Но если Одиссей будет воскрешен где-то к югу, ниже по Реке, так далеко, что не успеет вернуться к окончанию строительства судна, значит, ему не повезло.

Сирано пожал плечами и потер свой длинный нос.

— Зачем попусту беспокоиться? Или это в вашей натуре? Из всего, что нам известно, нельзя сказать, что Одиссей погиб. Возможно, его посетил этот ваш Таинственный Незнакомец,

который, кстати, по утверждениям самого Одиссея — женщина и поэтому его посетитель не тот, кого встретили вы и я. Простите, я отклонился от темы. Как я уже сказал, возможно, Одиссей был неожиданно куда-то отозван этим Незнакомцем, и мы только со временем сможем выяснить, что же произошло на самом деле. Пусть этот призрачный ангел, или демон, сам позаботится обо всем. Мы должны сейчас сосредоточить все наши усилия на постройке этого сказочного корабля и пронзать клинком каждого, кто окажется у нас на пути.

— В этом ешть шмышл, — кивнул Джо. — Ешли бы у Шэма отраштал хотя бы один волош каждый раж, когда его что-то тревожит, то он был бы похож на дикобража.

— Устами младенца… и бесхвостой обезьяны глаголет… — сказал Клеменс. — Что ж, если все пойдет хорошо, а пока что нам в этом отношении не очень-то везло, то мы начнем клепать металлические листы обшивки корпуса через тридцать дней. Это будет самый счастливый день в моей жизни, кроме, конечно, того дня, когда мы спустим корабль на воду. Я буду даже счастливее, чем в то день, когда Ливи приняла мое…

Он мог бы и раньше прекратить свое словоиз-

лияние, но ему хотелось хоть немного досадить Сирано. Француз, однако, не обратил на это никакого внимания. И почему он должен был обращать внимание на болтовню Сэма? Ведь Ливи принадлежала сейчас только ему. И говорила ему «да» всякий раз…

— Что касается меня, то вся эта затея не вызывает у меня особенного восторга, — сказал де Бержерак. — Ибо я мирный человек. Мне хотелось бы иметь достаточно досуга, чтобы предаваться радостям жизни, покончить со всеми войнами, но если без кровопролития все-таки не обойтись, то пусть оно будет между джентльменами, которые хорошо владеют шпагой. Однако мы не можем без помех соорудить корабль, потому что те, у кого нет железа, жаждут его и не остановятся ни перед чем, пока не получат его. Поэтому я считаю, что Джон Безземельный в одном все-таки прав. Вероятно, нам следует провести тотальную войну, как только у нас будет достаточно оружия. Тогда мы смогли бы очистить берега Реки от любых потенциальных очагов сопротивления на 30 миль с каждой стороны от Пароландо. И тогда у нас будет неограниченный доступ к древесине, бокситам, платине…

— Но если сделать так, — тут же перебил его

Сэм, — если убить всех жителей, то на следующий день ваши страны опять будут заполнены людьми. Вы же знаете, как действует механизм Воскрешения. Посмотрите только, как быстро была заселена эта местность после того, как метеорит убил здесь всех прежних жителей.

Сирано поднял длинный и грязный палец. Сэм понял, что Ливи постепенно проигрывает битву за чистоту.

— Но эти люди будут неорганизованы, — произнес он. — А мы — тут как тут, организуем их, примем их гражданами расширившего свои владения государства Пароландо. Мы даже можем допустить их к жеребьевке при наборе в команду. Если смотреть с перспективой, то было бы лучше приостановить сейчас сооружение корабля и сделать так, как я предлагаю.

«И я пошлю тебя в первых рядах», — подумал Сэм.

— А я думаю иначе, — покачал головой Клеменс. — С одной стороны, наши граждане будут драться как дьяволы, чтобы защитить себя, поскольку все они связывают свои надежды с кораблем. Но с другой стороны, они вряд ли будут в восторге от завоевательной войны, особенно, когда поймут, что участие новых жителей в же-

ребьевке существенно уменьшит их собственные шансы. Кроме того, это несправедливо.

Де Бержерак встал и положил руку на эфес шпаги.

— Вероятно, вы правы. Но тот день, когда вы заключили соглашение с Джоном Безземельным, убив ради этого Эрика, стал днем спуска вашего корабля в море крови, жестокости и предательства. Нет, я не упрекаю вас. То, что вы совершили, было неизбежным — раз вы задались целью построить корабль. Но вы не сможете, начав таким образом, в дальнейшем избегать подобных, или даже более жестоких, действий. Не сможете, если вам нужен корабль. А пока, спокойной ночи.

Он поклонился и вышел. Сэм выпустил дым от сигары, а затем со злостью сказал:

— Терпеть не могу этого человека! Но он говорит сущую правду!

Джо поднялся и пол заскрипел под его ногами — как-никак 800 фунтов!

— Я иду шпать. У меня болит голова от ваших ражговоров и ломит в пояшнице. Либо вы шделаете это, либо нет. Это ведь так прошто.

— Ешли бы мой можг был у меня в жаднице, — передразнил друга Сэм, — я бы повторил бы то же шамое! Джо, я тебя люблю. Ты прекрасен! Мир

для тебя такой простой! Трудности клонят тебя ко сну и ты отправляешься спать! А вот я...

— Шпокойной ночи, Шэм! — сказал Джо и прошел в свою пристройку. Сэм удостоверился, что все засовы на месте и что охрана, расставленная вокруг дома, бодрствует, и отправился спать.

Ему приснился Эрик Кровавый Топор, который гонялся за ним по палубам и трюму Судна. Проснулся он от собственных воплей. Джо склонился над ним, тряся за плечо. Дождь барабанил по крыше и где-то в горах грохотал гром.

Джо остался посидеть с Сэмом, приготовил кофе. Он положил ложку сухих кристаллов в холодную воду, и кофейные кристаллы за 3 секунды нагрели напиток. Они пили кофе, Сэм курил сигару и говорил о тех днях, когда они вдвоем плыли вместе с викингами вниз по Реке в поисках железа.

— Во вшяком шлучае нам тогда было гораждо вешелее, — сказал Джо. — Теперь нам приходитшя работать до шедьмого пота и дрожать жа швою шкуру — очень многие не прочь шодрать ее ш наш. Да тут еще появилашь твоя жена ш этим длинноношим Ширано.

Сэм расхохотался и произнес:

— Спасибо, ты впервые рассмешил меня за

последние несколько дней, Джо. Так значит, длинноносым? Ну и ну!

— Иногда я шлишком непонятен для тебя, Шэм, — обиженно сказал Джо. Он встал из-за стола и пошел к себе в комнату.

После этого они немного поспали. Сэм всегда любил поваляться в постели, даже если он высыпался за ночь. Теперь же каждую ночь он спал не более пяти часов, хотя иногда ему удавалось немного вздремнуть и днем. Ему казалось, что с ним рядом постоянно находится кто-то, кому надо что-то объяснять или отвечать на какие-нибудь вопросы. Его главные инженеры очень часто спорили между собой по любому пустяку, и это очень беспокоило Сэма. Проектирование всегда казалось ему простым делом: перед вами стоит задача и вы решаете ее наилучшим образом. Но ван Бум, Величко и О'Брайен, казалось, жили в мирах, которые почти не пересекались друг с другом. В конце концов, чтобы зря не нервничать и не тратить на решение очередного спора целые часы, он предоставил право окончательного решения ван Буму. Они не должны были ничем его беспокоить до тех пор, пока не требовалось его специальное разрешение.

И тем не менее, находилось огромное количе-

ство вопросов, которые, как он всегда считал, относились к чисто инженерным проблемам, требовавших его разрешения.

Иеясу завоевал не только территорию бушменов и готтентотов на противоположном от себя берегу Реки, но и еще 9 миль территории ольмеков. Затем он отправил флотилию кораблей вниз по течению, где на протяжении трех миль сразу же за ольмеками жили индейцы семнадцатого века, и завоевал и ее, вырезав половину жителей. После этого он начал требовать с Пароландо более высокую цену за свою древесину. Кроме того, он захотел иметь точно такой же вездеход, как «Огненный Дракон».

К этому времени второй «Дракон» был уже почти построен. Кроме того, пятьсот негров из Пароландо были обменены на равное количество дравидов. Сэм упорно отказывался от арабов и требовал, чтобы, по крайней мере сначала, шли обитатели Южной Индии. Хаскингу это явно не нравилось, но в соглашении ничего не говорилось о том, какой группе нужно отдавать приоритет.

Хаскинг, прослышав от своих шпионов о требованиях Иеясу, направил в Пароландо послание. Он также потребовал себе один «Дракон» и

обещал в обмен на него огромное количество минералов.

Публий Красс и Тай Фанг заключили союз, чтобы овладеть местностью на противоположном берегу. Она была заселена случайными людьми Каменного Века из разных мест и простиралась на 14 миль. Имея стальное оружие и большое число воинов, захватчики убили половину людей, остальных поработили. Публий Красс от своего имени и от имени своего друга Фанга также повысил цену на лес. Но она была ниже, чем у Иеясу.

Шпионы доносили, что Черский, который правил полосой берега в 14 миль севернее Пароландо, посетил Соул-сити. О том, что там происходило, можно было только догадываться, так как Хаскинг так хорошо организовал службу безопасности, что, казалось, она была эффективной на все сто процентов. Сэм внедрил к Хаскингу восемь негров, и у него были сведения, что Джон заслал не менее дюжины. Однако, головы всех их были разбросаны с лодок поздно ночью, в тумане, вдоль берега Реки.

В один из вечеров ван Бум довольно поздно зашел к Сэму и рассказал, что Файбрас стал осторожно подбирать к нему ключи.

— Он предложил мне должность главного ин-

женера корабля.

— Он вам предложил? — От удивления Сэм чуть не выронил изо рта сигару.

— Да! Он был немногословен, но я понял ход его мыслей. Граждане Соул-сити хотят захватить Судно, как только его постройка завершится, и я стану его главным инженером.

— И что же вы ответили на это шикарное предложение? Ведь вы в любом случае ничего не теряете!

— Я сказал ему, чтобы он не шел в обход, а подошел к вам и все рассказал сам. Он ухмыльнулся и, конечно же, не последовал моему совету. Я сказал ему, что я не приносил вам никакой присяги, а просто принял предложение, расценив его как очень хорошее. Я также ответил, что не собираюсь вас предавать и даже, если Соул-сити нападет на Пароландо, я буду не щадя своей жизни защищать его.

— Прекрасно! Превосходно! — воскликнул Сэм. — Вот, выпейте-ка виски! И возьмите сигару! Я горжусь вами и горжусь собой, тем, что у меня есть такие преданные люди! Но я хочу… я хочу…

Ван Бум поднял взор.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы немного поводили его за

нос. Мы бы могли многое выяснить через вас.

Ван Бум поставил чашку и встал. Его красивое лицо исказила гримаса гнева.

— Я не грязный шпион!!!

— Вернитесь! — крикнул ему вслед Клеменс, но инженер не обратил на этот окрик никакого внимания. Сэм на минуту обхватил голову руками, а затем взял чашку ван Бума. Никто не сможет сказать, что Сэмюель Легхорн Клеменс выбрасывает доброе виски. Или даже плохое. Хотя чаши всегда поставляли только отличное.

Сэма раздражало отсутствие реализма в этом человеке. И в то же самое время он ощутил к нему теплое чувство. Очень приятно узнать, что еще существуют неподкупные люди. Во всяком случае, за ван Бума он мог быть спокоен.

23

Проснувшись посреди ночи, он все же задумался над тем, что таки он не зря беспокоился. Что, если ван Бум вовсе не такой честный, как говорит? Что, если умница Файбрас подговорил его пойти к Клеменсу с этим рассказом? Как лучше всего усыпить чью-либо бдительность? Но в этом случае для Файбраса было бы желательнее, если бы ван Бум притворился перед Сэмом, что он согласен водить за нос Файбраса…

— Я начинаю рассуждать, как король Джон! — сказал Сэм.

В конце концов он решил, что должен доверять инженеру. Он был временами замкнутым, немного чудаковатым, что в общем-то можно было ожидать от инженера, но морально он был устойчив, как ископаемые динозавры на своих четырех огромных лапах.

Работы по сооружению Судна не прекращались ни днем, ни ночью. Завершилась обшивка корпуса и установка траверзов. Были изготовлены дельтатрон и огромные электрические двигатели. Заканчивались работы по строительству подъездных путей и кранов, с помощью кото-

рых Судно будет перевезено к воде. Эти краны представляли из себя огромные сооружения на мощных рельсах и приводились в движение электроэнергией, получаемой от опытного образца дельтатрона. Для того, чтобы взглянуть на эти неслыханные работы, люди стекались в Пароландо на лодках, каноэ, катамаранах и галерах из местностей, отстоящих порой за тысячи миль.

Сэм и король Джон пришли к соглашению, что такое огромное количество шныряющих людей может затормозить ход работ и облегчит работу шпионам.

— Кроме того, у многих возникает искушение что-нибудь украсть, и мы не хотим нести ответственность за это искушение. У нас и так забот хватает, — сказал Сэм.

Джон не улыбнулся. Он подписал приказ, изгонявший всех чужеземцев, кроме послов и гонцов, тем самым запрещая допуск чужих людей на территорию Пароландо. Но это вовсе не мешало зевакам глазеть на Пароландо с лодок. К этому времени возведение земляной насыпи и каменной стены вдоль берега было закончено. Однако в стене были ворота для лодок, привозивших древесину, руду и кремень. Через эти ворота любопытные и подсматривали. Кроме того, по-

скольку местность ближе к холмам поднималась, туристы могли видеть многочисленные цеха и подъемные краны, а огромное здание судоверфи было видно в радиусе нескольких миль.

Через некоторое время туристы перестали появляться. Очень многие из них были схвачены по дороге чашными рабовладельцами. Прошел слух, что в этой части Реки стало очень опасно путешествовать.

Прошло шесть месяцев. Запасы древесины совершенно иссякли. Бамбук отрастал до максимальной высоты за 3–6 недель. Деревьям для достижения зрелости требовалось шесть месяцев. Во всех государствах на расстоянии почти пятидесяти миль от Пароландо дерева теперь едва хватало для покрытия своих собственных нужд.

Представители Пароландо заключили договоры с более отдаленными государствами, обменивая железную руду и оружие на древесину. Запасы железа были огромны, и Сэма не беспокоило то, что они скоро могут истощиться. Но добыча руды требовала огромного количества людей и материалов. В результате вся центральная часть Пароландо была разворочена, как после жестокого артиллерийского обстрела. И чем больше дерева ввозилось, тем большее ко-

личество людей и материалов отвлекалось от постройки судна на изготовление оружия для обмена. Более того, увеличение объема перевозок вызвало еще большую потребность в лесе для строительства грузовых судов. И все большее число людей нужно было обучать и отправлять в качестве матросов и стражников на парусные флотилии, перевозившие лес и руду. Дело дошло до того, что приходилось арендовать суда у соседних государств и в уплату за это шли, как всегда, железо-никелевая руда и готовое оружие.

Сэму хотелось быть на судоверфи от зари до зари, так как ему доставляла удовольствие каждая минута продвижения в строительстве огромного судна. Но у Клеменса было столько административных обязанностей, не связанных со строительством судна, что он мог находиться на судоверфи всего два-три часа и то, если повезет. Он пытался привлечь к административным вопросам Джона, но тот принимался только за те обязанности, которые увеличивали его власть над вооруженными силами или позволяли нажать на нужных ему людей.

Ожидавшихся ранее попыток убийства приближенных к Сэму людей не было. Тщательная охрана и ночные вахты продолжались. «Но судя

по всему, — думал Клеменс, — Джон решил отложить на некоторое время осуществление своих замыслов. Он, вероятно, понял, что для достижения задуманного лучше всего подождать до тех пор, пока судно не будет почти построено».

Однажды Джо Миллер сказал:

— Шэм, не кажетшя ли тебе, что, вожможно, ты ошибаешьшя отношительно короля Джона? Может быть, он намерен шмиритьшя ш тем, что будет вторым человеком на твоем Судне?

— Джо, саблезубый тигр поделился бы с тобой своей добычей?

— Что?

— Джон развращен до самой сердцевины. Все короли средневековой Англии, если говорить об их морали, не были особенно щепетильны. Единственным их отличием от Джека-потрошителя было то, что они орудовали открыто, с санкции церкви и государства. Но Джон был настолько безнравственным монархом, что возникла даже традиция не давать английским королям имени Джон. И даже церковь, которая весьма снисходительно относилась к порокам высших слоев, не смогла вынести Джона. Папа Римский наложил отлучение на весь народ и заставил Джона корчиться и ползать у своих ног, как нашкодившего

побитого плеткой щенка. Но я предполагаю, что даже тогда, когда он целовал ноги папы, ему удавалось высосать немного крови из его большого пальца. И папе Римскому нужно было обязательно проверить свои карманы после того, как он обнимал Джона.

Мне хотелось сказать вот что: Джон не смог бы измениться в лучшую сторону, даже если бы он сам этого хотел. Он всегда будет хорьком в облике человека, гиеной, шакалом, скунсом.

Джо, попыхивая сигарой, гораздо более длинной, чем его нос, произнес:

— Не жнаю. Люди могут ижменятьшя. Пошмотри, что делает Церковь Второго Шанша. Пошмотри на Геринга. Пошмотри на шебя. Ты говорил мне, что в твое время женщины ношили одежды, которые покрывали их от шеи до пят, и тебя вожбуждало, ешли ты видел крашивые коленки, не говоря уже о бедрах! Теперь же тебя не шлишком тревожит, ешли ты видишь…

— Знаю! Знаю! — отмахнулся Клеменс. — Прежние отношения и то, что психологи называют условными рефлексами, можно изменить. Вот почему я говорю, что каждый, кто все еще носит в себе расовые и сексуальные предубеждения, которые были у него на Земле, не использует в

корыстных целях блага, предоставляемые Рекой. Человек может изменяться, однако…

— Может? — перебил его Джо. — Но ты вшегда говорил мне, что вше в жижни, даже то, как человек дейштвует и думает, предопределено тем, что проишходило жадолго до его рождения. Что это? Да, это детермиништшкая филошофия, вот что это. Но ешли ты убежден в том, что жижнь жапрограммирована, что люди — машины, то как же ты можешь поверить в то, что люди шпошобны ижменять шебя?

— Что ж, — растягивая слова, заговорил Сэм, сердито глядя из-под нависших бровей; его голубоватые глаза ярко горели над орлиным носом. — Что ж, даже мои теории механически предопределены, и если это противоречит друг другу, тут уж ничего не поделаешь.

— Тогда, ради Бога, — удивился Джо, воздевая свои огромные руки, — жачем же говорить об этом? А тем более что-то делать? Почему ты не брошаешь вше, чтобы вше шло так, как предопределено?

— Потому что я ничего не могу с собой поделать! — сказал Сэм. — Потому что как только первый атом в этой Вселенной столкнулся со вторым атомом, вот тогда и была установлена

моя судьба, мой образ мышления и поступки.

— Тогда ты, жначит, не отвечаешь жа то, что делаешь, так?

— Да, так, — сказал Сэм. Он чувствовал себя очень неуютно.

— Тогда Джон ничего не может ш шобой поделать, раж ему шуждено быть убийцей, предателем, вшеми прежираемой швиньей?

— Нет! Но я ничего не могу с собой поделать, презирая его за его скотское поведение.

— И предположим, что кто-нибудь умнее меня появитшя и докажет тебе пошредштвом штрогих неопровержимых рашшуждений, что ты неправ в швоей филошофии, на это ты тоже шкажешь, что ему тоже предопределено думать, что ты неправ? Именно потому, что он тоже предопределен, механичешки думая так, как он думает.

— Я прав, и я знаю это! — начал выходить из себя Сэм. Он выпустил клубы табачного дыма. — Этот гипотетический человек не смог бы убедить меня, поскольку его ход рассуждений не исходит от свободной воли, которая, подобно тигру-вегетарианцу, просто не может существовать.

— Но и твой шобштвенный ход рашшуждений не проиштекает иж швободной воли.

— Правильно! Мы все чокнутые. Мы верим в

то, во что нужно верить.

— Ты шмеешьшя над теми людьми, у которых ешть, как ты наживаешь, непроходимое невежество, Шэм. Но ты шам полон его, полон им до краев.

— Боже, избавь нас от обезьян, которые возомнили себя философами.

— Шмотри! Ты опушкаешьшя до ошкорблений, когда не жнаешь, что ответить. Прижнайшя в этом, друг Шэм! В тебе нет никакой логики, на которую ты мог бы оперетьшя!

— Ты просто не в состоянии уяснить себе, что я имею в виду, по той причине, что ты такой, какой есть, — отпарировал Сэм.

— Тебе нужно побольше бешедовать ш Ширано де Бержераком, Шэм. Он такой же циник, как и ты, хотя он не жаходит так далеко, как ты шо швоим детерминижмом.

— А я-то думал, что вы неспособны разговаривать друг с другом. Разве вы не раздражаете друг друга, вы ведь так похожи! Как вы можете стоять нос к носу и не хохотать при этом? Вы как два муравьеда…

— Опять ошкорбления, Шэм! Какая тебе от них польжа?

— Очень большая! — сказал Сэм.

Джо, не пожелав другу спокойной ночи, ушел. Клеменс не окликнул его.

Сэм был уязвлен до предела. На вид гигант казался очень тупым благодаря его очень низкому лбу, глубоко спрятанным глазам, коническому длинному носу, гориллоподобному телосложению и страшной волосатости. Однако за этими маленькими голубенькими глазками и невыразительной речью несомненно скрывался разум.

Что беспокоило Сэма больше всего, так это вывод Джо о том, что все его детерминистские убеждения были придуманы для оправдания собственной вины. Вины за что? Вины почти за все то, что случилось с теми, кого он любил.

Но ведь все это было философским лабиринтом, в конце которого — трясина. Неужели он был убежден в механистическом детерминизме только потому, что не хотел чувствовать себя виновным? Или он ощущал свою вину даже в тех случаях, когда не следовало, потому что механистическая Вселенная предопределила, что он должен чувствовать себя виноватым?

Джо был прав. Не было никакого смысла размышлять об этом. Но если образ мышления каждого человека был предопределен столкновением первых двух атомов, тогда как же ему не

размышлять об этом, если он был Сэмюелем Легхорном Клеменсом или, иначе, Марком Твеном?

Он засиделся в этот вечер позже, чем обычно, и при этом не принимался ни за какую работу. Он выпил не меньше одной пятой запаса винного спирта, смешанного с фруктовыми соками.

Двумя месяцами раньше Файбрас сказал, что он никак не может понять, почему в Пароландо не делают винный спирт. Сэма это задело. Он не знал, что можно делать водку. Он думал, что единственным источником спиртных напитков будет только то ограниченное количество, которое дают чаши. Нет, сказал Файбрас. Разве никто из инженеров не говорил ему об этом? Если есть уксус, светильный газ или ацетальдегид и соответствующий катализатор, то древесную целлюлозу можно перегонять в этиловый спирт. Ведь это общеизвестно. Однако Пароландо с недавних пор стало единственным, насколько он знал, местом на Реке, где есть все исходные компоненты для изготовления водки.

Сэм тотчас же обратился к ван Буму, и тот ответил, что у него и без того достаточно хлопот, чтобы еще способствовать попойкам тех людей, которым мало того, что дают чаши.

Но Сэм все же настоял на своем, и впервые в ис-

тории этой планеты в большом количестве был получен питьевой спирт. Благодаря этому граждане Пароландо не только стали более счастливы, кроме, разумеется, церковников, но и появилась новая отрасль промышленности, поставляющая свою продукцию на экспорт в обмен на дерево и бокситы.

Сэм завалился спать и на следующее утро впервые за все время отказался вставать с рассветом.

Но уже на следующий день он встал как обычно.

Сэм и Джон составили и отослали Иеясу письмо, в котором они предупреждали его, что расценят его действия как враждебные, если он предпримет попытку захватить остаток территории ольмеков или Землю Черского.

Через некоторое время пришло письмо, в котором Иеясу отвечал, что у него нет намерений захватывать эти земли и он доказал это тем, что начал свою военную экспансию на север, захватив государство, созданное Шешубом, ассирийцем, родившимся в седьмом веке до н. э. Это был один из военачальников Саргона II-го и подобно большинству сильных людей на Земле стал руководителем и на этой Речной Планете. Он дал Иеясу решительный отпор, но захватчики

были многочисленнее.

Иеясу был одним из источников беспокойства. Было еще и множество других, которые вынуждали Сэма оставаться на ногах днем и ночью. Хаскинг, наконец, передал через Файбраса послание, в котором потребовал, чтобы Пароландо прекратило увиливать и выслало ему давно обещанный вездеход. Сэм продолжал жаловаться на технические трудности, но Файбрас сказал ему, что никакие отговорки больше не помогут. «Огненный Дракон — 3» с большой неохотой пришлось все же отгрузить.

Сэм нанес визит Черскому, чтобы заверить его, что Пароландо будет защищать его страну. Возвращаясь, он чуть не задохнулся, очутившись в полумиле от цехов. Он так долго прожил в задымленной и наполненной кислотными испарениями атмосфере, что привык к ней. Но эта передышка от дыма очистила его легкие, и после поездки атмосфера Пароландо напоминала ему серный завод. И хотя дул довольно сильный бриз, он не мог достаточно быстро уносить дым. Воздух определенно был загрязнен. «Неудивительно, — подумал он, — что жалуются граждане Публии, расположенного южнее Пароландо».

Но строительство судна продолжалось. Вы-

глядывая каждое утро из иллюминатора своего дома, он находил оправдание своей усталости, хлопотам и разрушению окружающей природы.

Через шесть месяцев предполагалось завершить постройку трех палуб, после чего будут установлены гигантские гребные колеса. Затем ту часть корпуса, которая будет соприкасаться с водой, покроют пластиком. Он будет не только предохранять алюминиевый сплав обшивки от электролиза, но и значительно уменьшит сопротивление воды, добавив к скорости судна еще 10 миль в час.

За это время Сэм получил и несколько хороших известий. Вольфрам и иридий были обнаружены в Селинайо, в государстве к югу от Соул-сити. Сообщение это было принесено самим старателем, который не доверил эту тайну кому-либо другому. Но он же принес и некоторые дурные известия. Селина Гастингс отказалась разрешить Пароландо добывать руду на территории своего государства. По сути, если бы она узнала, что гражданин Пароландо ведет геологическую разведку у подножия ее гор, она тут же вышвырнула бы его вон. Тем не менее, она хотела сохранить дружественные отношения с Пароландо, так как ей нравился Сэм Клеменс, поскольку он

был настоящим человеком. Но она не одобряла постройку Судна и не могла позволить, чтобы ресурсы ее страны помогали строительству судна.

Вольфрам был крайне необходим для получения лучших сортов стали, особенно для производства инструмента, а также для создания радио и телевизионной сети. Иридий нужен был для упрочнения платины и изготовления различных научных и хирургических инструментов.

Таинственный Незнакомец сказал Сэму, что он устроил так, чтобы здесь оказались залежи полезных ископаемых, и его что коллеги-этики не знали об этом. Вместе с бокситами, криолитом и платиной должны были быть и вольфрам с иридием. Однако была допущена ошибка, и два последних металла оказались в нескольких милях южнее первых трех.

Сэм не сообщил об этом сразу же Джону, ибо ему нужно было время, чтобы обдумать создавшееся положение. Джон, конечно же, сразу захочет выставить требование, чтобы металлы продавались Пароландо, или, в противном случае, будет объявлена война.

Когда он ходил взад-вперед по комнате, наполняя ее клубами зеленого дыма, раздался барабанный бой. Код не был ему знаком, но уже

через минуту он догадался, что это был код, которым пользовался Соул-сити. Еще через несколько минут у лестницы оказался Файбрас.

— Сеньору Хаскингу известно об открытии в Селинайо вольфрама и иридия. Он просил передать, что если вам удастся договориться с Селиной, то отлично. Но не вздумайте нападать на ее земли. Сеньор Хаскинг расценит это как объявление войны Соул-сити.

Сэм взглянул в иллюминатор через плечо посла.

— Сюда спешит Джон, — наконец произнес он. — Видимо, он тоже прослышал об этой новости. Его шпионская сеть почти так же хороша, как и ваша. Я бы сказал, что она всего на каплю хуже. Я не знаю, где утечки в моей сети, но они настолько значительны, что я мгновенно утонул бы, будь это лодка.

В комнату поднялся Джон, пыхтя и потея, с раскрасневшимся лицом и горящими глазами. После того, как появилась водка, он стал еще жирнее и, казалось, все время был навеселе.

Сэма рассердил и в то же время позабавил его приход. Англичанина, конечно, больше устроило бы вызывать его к себе во дворец, сохранив достоинство бывшего короля. Но он знал, что

Сэм не будет к нему торопиться, а возможно, и вообще не придет, а тем временем этот плут Файбрас и Сэм могли бы тайком неизвестно о чем договориться.

— Что здесь происходит? — свирепо озираясь, спросил Джон.

— Это вы должны мне рассказать, — спокойно заметил Сэм. — Вы, кажется, знаете гораздо больше, чем я, о скрытой стороне дел.

— Нечего умничать! — оборвал его Джон. Не спрашивая, он налил себе в кружку водки. — Я знаю, о чем идет речь, хоть код мне и неизвестен!

— В этом я не сомневаюсь, — усмехнулся Сэм. — А теперь я вас проинформирую, если вы что-то пропустили… — и он рассказал Джону Безземельному все, что сообщил ему Файбрас.

— Высокомерие чернокожих становится нестерпимым! — загремел Джон. — Нас учат тому, как Пароландо, суверенное государство, должно вести жизненно важные для него дела! Ну что ж, я говорю — хватит! Мы заполучим металлы тем или иным способом! Они не нужны в Селинайо, а нам просто необходимы! Никакого вреда не будет, если нам уступят эту руду! Мы же готовы за нее хорошо заплатить!

— Чем? — не вытерпел посол. — Селинайо не нужно ни оружие, ни спирт. Что же еще вы можете предложить?

— Мир! Разве этого так мало?

Файбрас ухмыльнулся и пожал плечами, еще больше разъярив англичанина.

— Конечно, — произнес посол. — Вы вправе сделать такое предложение. Однако предупреждение моего правительства остается в силе.

— Хаскинг недолюбливает Селинайо, — сказал Сэм. — Он вышвырнул из своего государства всех сторонников Церкви Второго Шанса независимо от того, белые они или черные.

— Только вследствие того, что они проповедуют немедленный пацифизм. Кроме того, жители Селинайо проповедуют и практикуют любовь ко всем, независимо от цвета кожи, и поэтому Хаскинг утверждает, что они представляют угрозу для государства. Черным необходимо себя защищать, иначе они снова будут порабощены!

— Черным? — В голосе Сэма послышалась издевка.

— Да, нам, черным! — ухмыляясь, ответил Файбрас.

Уже не в первый раз у Сэма складывалось впечатление, что этого посла не так уж глубоко

трогает вопрос цвета кожи. Он, видимо, довольно слабо отождествлял себя с неграми. Его жизнь не была особенно затронута расовыми предрассудками. И он время от времени говорил такое, из чего можно было понять, что ему очень хочется оказаться на судне.

Все это, разумеется, могло быть простой маскировкой.

— Мы вступим в переговоры с сеньорой Гастингс, — сказал Сэм. — Было бы очень неплохо иметь на Судне радио и телевидение, а в мастерских пользоваться вольфрамовой сталью. Но мы можем обойтись и без всего этого.

Он подмигнул Джону, чтобы тот поддержал его. Но англичанин был, как и всегда, твердолоб.

— Как мы поступим с Селинайо, касается только нас и никого больше!

— Я передам ваши слова своему господину, — пообещал Файбрас. — Но не забывайте, что Хаскинг человек твердый. Его трудно провести, а особенно белым капиталистическим империалистам.

Сэм поперхнулся, и Джон недоуменно посмотрел на него.

— Именно ими он вас и считает! — сказал Файбрас. — В соответствии с принятой им тер-

минологией.

— Только потому, что я очень хочу построить Судно? — вскричал Сэм. — Да вы знаете, для чего оно предназначается? Какова его конечная цель?

Он с трудом подавил свой гнев. У него закружилась голова. В возбуждении он едва не проболтался о Незнакомце.

— Какая же? — поинтересовался Файбрас.

— Никакая, — буркнул Клеменс. — Да, никакая. Я просто хочу добраться на нем до истоков Реки, вот и все. Может быть, именно там находится тайна этого грандиозного притона? Кто знает? Но мне определенно не нравится критика со стороны тех, кто хочет просто сидеть сложа руки на своей черной заднице, как приклеенный, и собирать своих духовных братьев. Если ему это нравится, пусть наберется побольше сил, мой же идеал — интеграция. Я — белый и родился в Миссури в 1835 году! Дело обстоит следующим образом: если я не использую эту руду для постройки судна, предназначенного только для путешествий, а не для агрессии, то ее использует кто-нибудь другой. И он может применить ее для завоеваний и порабощения народов, а не для туризма.

До сих пор мы удовлетворяли требования Хаскинга. Платили ему бешеные цены за то, что

могли бы взять силой. Джон даже извинился за то, что обозвал вас и Хаскинга, и если вы думаете, что Плантагенету это было легко, то вы совсем не знаете истории. Очень скверно, что у вашего правителя такой образ мыслей. Мне, правда, трудно упрекать его за это. Конечно, он ненавидит белых! Но ведь это не Земля! Условия жизни на этой планете совершенно другие!

— Однако люди вместе с собой принесли сюда и свой образ мысли, — возразил Файбрас. — Свою ненависть и любовь, привязанности и неприязни, предрассудки, свои отношения, в общем, все!

— Но они могут измениться!

Файбрас улыбнулся.

— Но это же соответствует вашей философии. Если только какие-то заранее обусловленные силы не изменят людей. Поэтому ничто не заставит Хаскинга изменить свое мировоззрение. И для этого нет причин. Он испытал здесь такую же эксплуатацию и презрение, как и там, на Земле!

— Мне не хотелось бы спорить с вами по этому поводу, — покачал головой Сэм. — Я только скажу вам, что, на мой взгляд, нам нужно делать в создавшейся обстановке!

Он замолчал и выглянул в окно. Беловато-серый корпус и надстройки корабля сверкали на

солнце. Какая красота! И все это его! Нет, это судно стоит всего, через что ему еще предстоит перешагнуть!

— Я скажу вам вот что, господин посол, — произнес он, делая паузы между словами. — Почему бы вашему Хаскингу не приехать сюда? Почему бы ему не нанести нам короткий визит? Он мог бы на все поглядеть сам и понять, что мы делаем. Увидеть наши проблемы. Может быть, он оценит их и увидит, что мы вовсе не голубоглазые бестии, которые только и жаждут обратить его в рабство. Фактически, чем больше он нам будет помогать, тем быстрее он от нас избавится.

— Я передам ему ваше приглашение, — кивнул Файбрас. — Вполне возможно, что он его примет.

— Мы с радостью примем его у себя, — улыбнулся Сэм. — И в его честь дадим салют из 21-го орудия. Мы устроим грандиозный прием с яствами, вином и подарками. Он увидит, что мы не такие уж плохие ребята.

Джон сплюнул. Но больше ничего не сказал. Очевидно, понимая, что предложение Сэма лучшее из всего, что они могли бы сейчас предпринять.

Через три дня Файбрас передал ответ своего государя. Хаскинг обещал приехать только после

того, как Пароландо и Селинайо договорятся о купле-продаже металлов.

Сэму показалось, что он старый проржавевший котел, установленный на пароходе, плывущем по Миссури. Еще одна атмосфера, и он взлетит на воздух.

— Временами я думаю, что вы правы, — сказал он Джону. — Может быть, нам просто завоевать эти страны и делу конец!

— Конечно же, — вкрадчиво произнес англичанин. — Теперь уже совершенно очевидно, что эта бывшая графиня Хантингтон — она, должно быть, потомок моего старого врага герцога Хантингтонского — не собирается уступать. Она — религиозный фанатик, психически ненормальная, как сказали бы вы. Соул-сити объявит нам войну, если только мы нападем на Селинайо. Хаскинг ни за что не откажется от своих слов. Теперь он стал сильнее, особенно после того, как мы отдали ему третьего «Дракона». Но я об этом не распространяюсь. И я не упрекаю вас. Я много размышлял.

Сэм остановился и взглянул на Джона. Джон «много размышлял»? Тени будут сгущаться; кинжалы будут вынуты из ножен; воздух станет серым и холодным от хитростей и интриг; кровь

закипит в жилах; тревожен будет сон.

— Не скажу, что я связывался с Иеясу, нашим сильным северным соседом, — начал Джон. Он тяжело опустился на обтянутое красной кожей кресло с высокой спинкой и пристально смотрел в кружку, наполненную водкой. — Но у меня есть информация или, точнее, возможность ее получить. Я уверен, что Иеясу, который считает себя очень сильным, склонен к тому, чтобы еще больше расширить свои владения. И ему хочется сделать нам одолжение. Разумеется, за определенную плату. Ну, скажем, за вездеход-амфибию или за летательный аппарат! Ему до чертиков хотелось бы полетать в воздухе! Разве вам это неизвестно?

Если он нападет на Селинайо, Хаскинг не сможет обвинить нас ни в чем. И если Соул-сити и Иеясу передерутся и Соул-сити будет разрушен, а Иеясу — ослаблен, то это нам крайне выгодно. Более того, мне случайно стало известно, что Черский заключил тайный договор с Соул-сити и Тайфаной о военной помощи, если любое из этих государств подвергнется нападению со стороны Иеясу. При любом исходе резни все эти государства будут ослаблены и мы получим перевес над ними. Тогда мы сможем победить их или,

во всяком случае, делать все, что нам нужно, не опасаясь никаких помех. В любом случае, это нам обеспечит свободный доступ к бокситам и вольфраму.

«В этом черепе, покрытом копной рыжих волос, должно быть, помещается ночной горшок, полный червей, — подумал Клеменс. — Червей, питающихся продажностью, интригами и бесчестием. Этот человек настолько извращен, что заслуживает восхищения».

— А не случалось вам натыкаться на самого себя, зайдя за угол? — спросил Сэм.

— Что? — не понял Джон. — Это еще одно из ваших глупых оскорблений?

— Поверьте мне, Джон, это наивысший комплимент, который вам когда-либо приходилось слышать из моих уст. Хорошо, давайте предположим, что Иеясу нападет на Селинайо. Какое у него будет оправдание? Селинайо почти никогда не задевало его, кроме того, оно находится почти в 60 милях от него на нашей стороне Реки.

— А когда какому-нибудь государству нужно было разумное оправдание для нападения? — спросил Джон. — А повод такой: Селинайо продолжает засылать своих миссионеров к Иеясу. Хотя он выдворил от себя всех церковников. И

так как графиня не прекратит это делать, тогда…

— Что ж, — пожал плечами Клеменс, — я не позволил бы, чтобы Пароландо оказалось втянутым в подобную затею. Но если Иеясу сам примет решение воевать, то здесь мы ничего не можем поделать.

— И вы еще называете меня бесчестным! — рассмеялся Джон.

— Но я же в самом деле ничего не могу поделать! — воскликнул Сэм, сжимая свою сигару. — Понимаете, ничего! И если все обернется благоприятно для корабля, то мы воспользуемся этим преимуществом.

— Не забывайте, что пока будет идти война, Соул-сити не будет поставлять руду, — заметил Джон.

— У нас есть достаточный запас, чтобы обойтись без поставок в течение недели. Больше всего хлопот доставит нам дерево. Возможно, Иеясу сможет продолжать поставлять нам древесину, несмотря на войну. И поскольку боевые действия будут проходить к югу от нас, то мы могли бы сами организовать рубку и транспортировку леса. Если же он отложит нападение на пару недель, то мы сможем создать дополнительный запас бокситов из Соул-сити, предложив более высокую

цену. Может быть, пообещав Хаскингу аэроплан? Теперь, когда мы уже почти закончили свой первый гидросамолет, это всего лишь игрушка. Конечно, все это, как вы понимаете, только мои предположения.

— Понимаю, — кивнул Джон, даже не пытаясь скрыть своего презрения.

Сэму хотелось накричать на него. Хотелось сказать, что у него нет никакого права проявлять к нему такое высокомерие. В конце концов, чей это был план?

На следующий день погибли три ведущих инженера проекта.

Сэм был в это время на месте происшествия. Он стоял на лесах с левого борта корабля и смотрел вниз, внутрь корпуса. Огромный паровой кран поднимал громадный электрический двигатель левого гребного колеса. Двигатель перевозили ночью из большого здания, где осуществлялась его сборка. Транспортировка заняла более восьми часов и завершилась с помощью большой лебедки подъемного крана. Эта лебедка и еще сотня человек, натягивающих тросы, положили двигатель на большую вагонетку, которая перемещалась по стальным рельсам.

Сэм встал с рассветом, чтобы посмотреть заклю-

чительный этап работы — установку двигателя внутрь корпуса и крепление его к оси колеса. Трое инженеров стояли внизу, на дне корпуса. Сэм крикнул им, чтобы они отошли, поскольку могли пострадать, если двигатель сорвется. Однако инженеры расположились в трех различных местах, чтобы сигнализировать людям на лесах, которые в свою очередь передавали сигналы крановщику. Ван Бум закинул голову, чтобы посмотреть на Клеменса, и его белые зубы сверкнули на темном лице. Его кожа казалась фиолетовой в свете ярких электрических ламп.

А затем это произошло. С треском порвался один из тросов, затем еще один, и двигатель качнулся в сторону. Инженеры на мгновение замерли, затем побежали, но было уже поздно. Двигатель завалился на бок и обрушился на них.

Удар потряс огромный корпус корабля. И помост, на котором стоял Сэм, задрожал, будто во время землетрясения.

Сэм нагнулся и посмотрел вниз. Из-под двигателя медленно сочилась кровь.

24

Пять часов ушло на то, чтобы завести на лебедку новые тросы, прикрепить их к двигателю и снова поднять его. Тела погибших были убраны, остов вымыт и двигатель опущен вниз. Тщательное обследование показало, что повреждения корпуса двигателя не должны были сказаться на его работе.

Сэм был настолько удручен случившимся, что у него осталось только одно желание — броситься на кровать и не вставать с нее целую неделю. Но он не мог позволить себе этого. Работа должна продолжаться. Кроме того, Сэм не хотел, чтобы окружающие заметили, насколько он потрясен случившимся. У Клеменса было много инженеров, но только ван Бум и Величко были из двадцатого века. И хотя он устно и по барабанной связи передал приглашение всем специалистам, жившим поблизости, перейти к нему на работу, никто так и не отозвался.

На третий день после несчастного случая он пригласил Файбраса к себе, чтобы переговорить с ним с глазу на глаз. Предложив послу сигару и виски, он попросил его стать главным инжене-

ром проекта.

Сигара едва не выпала изо рта у негра. Файбрас заговорил на своем диалекте английского, который совершенно нельзя было разобрать.

— Может, мы будем говорить на эсперанто, — сказал Сэм.

— Хорошо, — ответил Файбрас. — Проще говоря. Что вы хотите?

— Мне хотелось, чтобы вы получили временное разрешение работать на меня.

— Временное?

— Если хотите, то эта должность будет постоянной. В тот день, когда судно отправится в длительное плавание, вы сможете стать его главным инженером.

Файбрас долго сидел молча. Сэм встал и начал расхаживать по комнате. Время от времени он поглядывал в иллюминатор. Кран уже установил внутрь корпуса двигатель левого гребного колеса и теперь опускал детали дельтатрона. Полная его высота после сборки должна была быть 36 футов. После того, как он будет установлен, будет проведено пробное включение двигателей и дельтатрона. Двойной кабель толщиной в шесть дюймов и длиной около 300 футов соединит дельтатрон с огромной полой полусферой, которая

накроет верхушку ближайшего чашного камня. Чудовищная энергия, выделяемая при его разряде, будет по кабелю передаваться в дельтатрон и там запасаться. А затем извлекаться из него со строго контролируемой скоростью для питания электродвигателей.

Сэм отвернулся от иллюминатора.

— Я вовсе не призываю вас изменить своей стране, — сказал он. — Для начала все, что от вас нужно — это получить разрешение Хаскинга на то, чтобы работать у меня на строительстве корабля. Позже вы сможете сами решать, как вам поступить. Что для вас лучше? Оставаться в Соул-сити, где практически нечего делать, и предаваться удовольствиям. Или принять участие в величайшем из начинаний?

— Если я приму ваше предложение, — медленно начал Файбрас, — я подчеркиваю, если — то я никоим образом не хочу быть главным инженером. Я бы предпочел руководить авиацией.

— Но ведь это гораздо менее значительная должность, чем должность главного инженера!!!

— Но она требует гораздо больше труда и более ответственна! Мне бы так хотелось снова летать…

— Вы сможете летать! Вы сможете! Но вам

придется служить под началом фон Рихтгофена. Поймите, я обещал ему, что он будет главой нашей авиации, которая в конце концов будет состоять всего из двух аэропланов. Не все ли вам равно, будете ли вы ею командовать или нет, если снова сможете летать?

— Это вопрос моей профессиональной чести. Я налетал на многие тысячи часов больше, чем Рихтгофен, на гораздо более сложных крупных и скоростных самолетах. И я был астронавтом! Я побывал на Луне, на Марсе, на Ганимеде и облетел Юпитер.

— Это ничего не значит, — покачал головой Клеменс. — Самолеты, на которых вам придется летать, очень примитивны. Они очень похожи на те, на которых когда-то летал Лотар в Первую Мировую Войну.

— Почему черный всегда должен быть вторым?

— Это несправедливо! — вскричал Сэм. — Я же предлагаю вам стать главным инженером! У вас будет под началом тридцать пять человек! Послушайте, если бы я не дал обещание Лотару, командующим авиацией были бы вы, поверьте мне!

Файбрас поднялся.

— Вот что я вам скажу. Я буду помогать вам строить это судно и займусь подготовкой ваших инженеров. Но мне в течение этого времени должно быть разрешено летать, и когда придет время, мы еще раз поговорим о том, кому быть командиром авиации.

— Я не могу нарушить обещание, данное Лотару, — сказал Сэм.

— Да, но к тому времени многое может измениться.

В некотором смысле Сэму стало легче, однако появились и новые заботы. Хаскинг по барабанной связи дал разрешение использовать Файбраса. Это говорило о том, что он хочет, чтобы Файбрас знал устройство корабля, поскольку когда-нибудь он будет главным инженером у Хаскинга. И если даже Файбрас не принимал это во внимание, то у него, возможно, был план до отплытия корабля убрать Рихтгофена. Файбрас не был похож на хладнокровного убийцу, но внешность мало что значит, в чем убеждается всякий, кто наделен разумом и прожил хотя бы несколько лет среди представителей человеческой расы.

Через несколько дней Хаскинг сообщил, что он согласен на увеличение поставок минералов в Пароландо в обмен на аэроплан. Файбрас отгонит

его по воздуху на 30 миль к северной границе территории Соул-сити, где передаст его другому летчику, негру, бывшему генералу ВВС США. Сам же Файбрас вернется через несколько дней на паруснике.

Дельтатрон и электродвигатели работали превосходно. Гребные колеса сначала медленно поворачивались в воздухе, а затем ускорились до такой степени, что лопасти со свистом стали рассекать воздух.

Когда придет время, от берега Реки до судоверфи будет прокопан канал и судно пойдет в Реку своим ходом!

Лотар фон Рихтгофен и Гвиневра совсем охладели друг к другу. Лотар всегда был волокитой и, казалось, не мог не флиртовать с другими женщинами. В большинстве случаев его заигрывания доводились до логического завершения. В принципе Лотар соглашался с Гвиневрой относительно ее понятия верности, однако, на практике все было наоборот.

Хаскинг сообщил, что намерен лично посетить Пароландо через два дня. Он хотел провести серию совещаний по вопросам торговли, проверить благосостояние черных граждан Пароландо и увидеть большое Судно.

В ответном послании Сэм сообщил, что он будет счастлив принять Хаскинга. Конечно, это было не так, но сутью дипломатии всегда было лицемерие. Подготовка резиденции для Хаскинга и его многочисленного окружения, а также подготовка к совещаниям настолько отвлекли Клеменса, что у него почти не осталось времени на то, чтобы осуществлять надзор за постройкой судна.

Кроме того, необходимо было принимать дополнительные меры для разгрузки огромного количества руды из Соул-сити. Хаскинг втрое увеличил поставки, желая показать свое искреннее стремление к миру и взаимопониманию. Сэм предпочитал, чтобы грузы шли рассредоточенно, но в то же время надо было за минимальное время ввезти в Пароландо как можно больше руды. Шпионы сообщали, что Иеясу собирает несколько крупных флотилий и огромное количество воинов по обоим берегам Реки. И что он уже послал несколько требований, чтобы Селинайо прекратило засылку миссионеров на его территорию.

Примерно за час до полудня причалило судно с Хаскингом. Это было крупное двухмачтовое судно около 100 футов длиной. Личная охрана Хаскинга, высокие мускулистые негры со стальными боевыми топорами в руках (и с пистолетами Марк-1

в кобурах на поясе), промаршировала по трапу на берег. На них были абсолютно черные юбки, а также черные кожаные шлемы, кирасы и сапоги. Они построились рядами по шесть человек с каждой стороны трапа, только после этого на берег сошел сам Хаскинг.

Это был высокий, хорошо сложенный мужчина с темно-коричневой кожей, со слегка раскосыми глазами, широким приплюснутым носом, толстыми губами и выступающим подбородком. Его прическа была в стиле «первобытный». Сэм никак не мог привыкнуть к этим высоким шапкам курчавых волос на головах негров, в этом было что-то непристойное. Волосы негров должны быть подстрижены как можно короче (по крайней мере, так было в его время). Недоумение его не прошло даже после того, как Файбрас объяснил, что американские негры конца двадцатого века считали такие прически символом борьбы за свободу. Низкая стрижка символизировала для них выхолащивание негров.

На Хаскинге была черная накидка из полотнища, черная юбка и кожаные сандалии. Единственное его оружие — шпага — висело в ножнах на широком кожаном поясе.

Сэм подал знак, и орудие, установленное на

вершине ближайшего к Реке холма, прогрохотало двадцать один раз. Это было произведено не только для приветствия Хаскинга, но и с целью его устрашения. Только Пароландо сейчас располагало артиллерией, пусть состоящей пока только из одного орудия 75-го калибра.

Затем последовала церемония представления. Хаскинг не протянул руку для рукопожатия, так же, впрочем, как и Сэм с Джоном. Файбрас предупредил их, что Хаскинг ни за что не пожмет кому-либо руку, пока не убедится, что это надежный друг.

Затем, пока чаши людей Хаскинга водружали в ближайший чашный камень, состоялась краткая беседа. После разряда точно в полдень чаши были вынуты, и руководители государств, сопровождаемые своими телохранителями и почетным караулом, двинулись ко дворцу Джона.

Джон настоял на том, чтобы первая встреча состоялась именно у него, несомненно в надежде внушить Хаскингу мысль о первенстве Джона. На этот раз Сэм не стал спорить. Хаскинг, вероятно, уже знал по сообщениям Файбраса о взаимоотношениях между со-консулами.

Позже Сэм получил некоторое удовлетворение от замешательства Джона, когда его обругали в

его же собственном доме. Во время обеда Хаскинг захватил инициативу и разразился длинной, полной сарказма речью о зле, которое белые причиняли неграм. Самое неприятное было в том, что все обвинения Хаскинга были обоснованы. Все, о чем он говорил, было правдой. Сэм вынужден был признать это. Черт побери, он видел рабство и знает, что это такое; он видел последствия Гражданской Войны; он был рожден и воспитан рабовладельческим строем. Причем все это было задолго до того, как родился сам Хаскинг. Черт возьми, это ведь он написал «Гекльберри Финна», «Болвана Вильсона» и «Янки при дворе короля Артура».

Не было смысла даже пытаться говорить об этом Хаскингу. Властитель Соул-сити не обращал на него никакого внимания. Его высокий голос не умолкал, факты вперемежку с непристойностями, преувеличения вперемежку с фактами, да плюс еще трагические истории о нищете, унижениях, телесных наказаниях, убийствах, голодных смертях и так далее.

Сэм чувствовал себя виноватым и пристыженным, однако в то же самое время в нем копился гнев. Почему он нападает именно на него?

— К чему все эти огульные обвинения?

— Вы виноваты все! — кричал Хаскинг. — Каждый белый человек виновен!

— До своей смерти я видел не более дюжины негров! — пожал плечами Джон. — Так какое же отношение я имею к вашим рассказам о несправедливости?

— Если бы вы родились на 500 лет позже, то стали бы самым большим мерзавцем среди всех мерзавцев, угнетавших негров! — закричал Хаскинг. — Мне известно о вас абсолютно все, Ваше Величество!

Сэм неожиданно вскочил и закричал:

— Вы что, приехали сюда для того, чтобы рассказывать нам о том, что творилось на Земле? Мы и сами знаем это! Но это все в прошлом! Земли давно уже нет! Давайте исходить только из того, что происходит сейчас!

— То, что происходит здесь, сейчас, это то же самое, что происходило на славной старой Земле! — сказал Хаскинг. — Ничего не изменилось! Нисколечко!!! Вот я смотрю вокруг себя и кого же я вижу руководителями этого государства? Двух расистов! Где же ваши чернокожие, позвольте вас спросить? Ведь они составляют почти одну десятую часть вашего населения, и поэтому в вашем Совете из десяти человек должен быть

хотя бы один негр! А вижу ли я хоть одного? Всего лишь одного?

— А Кабер? — воскликнул Сэм.

— Ха-ха! Временный член и только потому, что я потребовал от вас, чтобы ко мне был назначен посол-негр!

— Арабы составляют почти шестую часть вашего государства, — сказал в ответ Клеменс, — однако в вашем Совете нет ни одного араба!

— Потому что они белые!!! И я избавлюсь от них! Поймите меня правильно! Есть очень много арабов — хороших, непредубежденных людей! Я встречал их, когда скитался по Северной Африке. Но здешние арабы — религиозные фанатики и постоянно мутят воду! Так пусть же уходят! Чего мы, негры, хотим — так это крепкого, негритянского государства, где все люди — братья! Где мы можем жить в мире и понимании! У нас будет свой собственный мир, а у вас белых — свой! Сегрегация с большой буквы «С»! Здесь, на этой планете, сегрегация с большой буквы возможна, ибо мы не зависим от белых ни в работе, ни в еде, ни в защите, ни в чем-либо другом! Мы достигли этого! Все, что нам нужно сделать — это сказать, чтобы вы убирались ко всем чертям и держались подальше от нас, и мы добились этого!

Файбрас сидел за столом, склонив голову, потупив взор и закрыв лицо бронзовыми руками. У Сэма возникло ощущение, что этот человек изо всех сил старается сдержать смех. Но смеется ли он в душе над Хаскингом или над теми, кого тот только что изобличал, Клеменс догадаться не мог. Возможно, он смеялся и над теми и над другими.

Джон продолжал потягивать виски и постепенно багровел. Казалось, что он может взорваться в любую минуту. Очень трудно глотать оскорбления за несправедливости по отношению к неграм, зная, что ты невиновен. Однако Джон был повинен в стольких омерзительных преступлениях, что мог бы немного и пострадать за преступления, которых не совершал. И, как сказал Хаскинг, он был бы виновен в этом, если б только ему предоставилась возможность.

Но чего Хаскинг хотел достичь подобными разговорами? Безусловно, если он хотел более теплых отношений с Пароландо, то он избрал весьма своеобразный путь.

Возможно, он чувствовал необходимость поставить любого белого, кем бы он ни был, на свое место, дать совершенно ясно понять, что он, Элвуд Хаскинг, негр, ничем не хуже любого белого.

Хаскинг был испорчен той же системой, что

испортила почти всех американцев, черных, белых, красных или желтых, в той или иной форме, в большей или меньшей степени.

Неужели так будет всегда? Навечно обманутые, ненавидящие друг друга на все эти тысячи лет, которые им, возможно, придется прожить у этой Реки?

В это мгновение, только в это единственное мгновение, Сэм подумал над тем, а не правы ли приверженцы Церкви Второго Шанса?

Если им известен путь, ведущий к избавлению от ненависти, они должны быть единственными, к кому следовало бы прислушаться. А не к Хаскингу, Джону Безземельному, Сэму Клеменсу, к любому, кто страдает отсутствием мира и любви. Пусть приверженцы Церкви Второго Шанса…

Но он не верит им, напомнил он себе. Они такие же, как и другие целители верой на Земле. Некоторые из них, безусловно, имеют самые добрые намерения, но не подкрепляют свои слова авторитетом истины, хотя и часто провозглашают ее.

Хаскинг неожиданно замолчал.

— Что ж, — тут же начал Клеменс, — мы не планировали произнесение каких-либо речей за обедом, сеньор Хаскинг. Но я благодарю вас за вашу добровольную инициативу. Мы все бла-

годарны вам, если вы не требуете за это платы. Наше финансовое положение в данный момент довольно плачевное.

— Вы все хотите обратить в шутку, не так ли? — сказал Хаскинг. — Что ж, а как насчет прогулки? Мне очень хочется посмотреть на этот ваш большой корабль!

Остаток дня прошел весьма спокойно. Гнев и негодование Сэма прошли, пока Хаскинга водили по цехам, мастерским и, наконец, по кораблю. Даже еще недостроенный, он был великолепен. Для Сэма это было самое красивое зрелище, когда либо виденное им. Даже, подумал он, даже… да, даже прекраснее, чем лицо Ливи, когда она в первый раз призналась ему в любви.

Хаскинг, разумеется, не был в восторге от увиденного, хотя, несомненно, все это произвело на него большое впечатление. Тем не менее, он не мог удержаться от замечаний по поводу загрязнения воздуха и опустошения территории.

Незадолго перед ужином Сэма отозвали в сторону. Человек, который сошел на берег из маленькой лодки, потребовал встречи с правителем. А поскольку его встретил человек Сэма, ему он и доложил. Клеменс сразу же сел в работавший на спирту «джип», который был изготовлен

только две недели назад, и они поехали. Стройный красивый белокурый юноша, сидевший в караульном помещении, встал и представился на эсперанто Вольфгангом Амадеем Моцартом.

Сэм говорил с ним по-немецки, заметив, что его собеседник, независимо от того, кем он был на самом деле, говорит на австрийском диалекте. Некоторых слов Клеменс не знал и не мог понять, то ли это были чисто австрийские слова, то ли вышедшие из употребления слова XVIII века.

Человек, назвавшийся Моцартом, сказал, что он жил выше по Реке почти в 20000 миль отсюда. Он прослышал о Судне, но не это заставило его пуститься в столь рискованное путешествие. Прошел слух, что на судне будет оркестр для развлечения пассажиров. Моцарт двадцать три года мучился на этой планете, где из музыкальных инструментов были только барабаны, свистки, деревянные флейты и грубые арфы из костей и кишок речных рыб. Он узнал о добыче железа, постройке огромного судна и его оркестре, состоящем из скрипок, флейт, фортепиано, труб и других великолепных инструментов, которые были известны ему на Земле, плюс другие прекрасные инструменты, изобретенные после его смерти в 1791 году. И вот он здесь и его

интересует, найдется ли для него место среди оркестрантов судна?

Сэм был ценителем, но не страстным поклонником классической музыки. Однако встреча с Моцартом лицом к лицу глубоко взволновала его. Если, конечно, этот человек на самом деле был тем, за кого себя выдавал. На Реке было столь много самозванцев, выдававших себя от самого истинного и единственного Иисуса Христа до фокусника Барнума, что Сэм давно уже перестал верить людям на слово. Ему даже встретилось трое людей, выдававших себя за Марка Твена!

— Случилось так, что прежний архиепископ Зальцбурга является гражданином Пароландо, — заметил Клеменс. — И хотя, насколько мне помнится, вы были не в ладах с ним, я уверен, что он обрадуется вам.

Моцарт ничуть не смутился.

— Наконец-то хоть кто-нибудь, с кем я был знаком! — вскричал он. — Вы мне не поверите, но…

Сэм охотно верил Моцарту, что тот не встречал ни одного знакомого ему на Земле человека. Пока что он сам встретил только троих, кого знал раньше, да и то благодаря своим многочисленным, длившимся почти всю здешнюю жизнь путешествиям. То, что Ливи была одной из них,

было простой случайностью, событием практически невероятным. Он даже подозревал, что это подстроил ему Таинственный Незнакомец. Однако, даже желание Моцарта встретиться с архиепископом еще не подтверждало, что это был на самом деле Моцарт. Во-первых, самозванцы, встречавшиеся Сэму, часто настаивали на том, что те, кто, как предполагалось, были их старыми друзьями, либо ошибаются, либо — мошенники. У них хватало на это наглости. Во-вторых, архиепископа Зальцбурга не было в Пароландо, и Сэм не имел ни малейшего представления о его местонахождении. Он сказал о нем только для того, чтобы увидеть реакцию этого человека.

Клеменс объяснил, что Моцарт может обратиться с просьбой о предоставлении ему гражданства. Но сначала он рассеял заблуждения этого человека относительно музыкальных инструментов. Таковых здесь не изготовляли. Но даже если они и будут изготовляться, то материалом для них будет не дерево и не медь. Это будут электронные устройства, которые смогут точно воспроизводить звуки всех музыкальных инструментов. Однако, если герр Моцарт действительно тот человек, за которого он себя выдает, то у него появляются неплохие шансы на то, чтобы стать

дирижером оркестра. И у него будет сколь угодно времени для того, чтобы писать новые произведения.

Сэм не дал ему заверений, что он обязательно станет дирижером. У него был уже горький опыт раздачи обещаний.

В честь Хаскинга во дворце Джона был устроен большой пир. Казалось, что Хаскинг израсходовал всю свою дневную дозу яда во время первой встречи. Сэм беседовал с ним уже больше часа и обнаружил, что это очень умный и знающий человек, занимающийся самообразованием и не лишенный искры воображения и поэтического дара.

И это было печально, поскольку такой талант трагически пропадал зря.

Около полуночи Сэм проводил Хаскинга и его окружение к большому двухэтажному зданию из камня и бамбука, имевшему тридцать комнат и расположенному между жильем Сэма и дворцом Джона. Этот дом стоял особняком и предназначался для почетных гостей государства.

Затем он проехал на джипе 300 ярдов до своего дома. Джо слегка обиделся на него, так как хотел сам вести машину, несмотря на то, что его ноги были слишком длинны для этого.

Они взобрались наверх по лестнице и, как обычно, закрыли дверь на засовы. Джо прошел в свою комнату и плюхнулся в постель с таким грохотом, что дом задрожал на сваях. Сэм выглянул в иллюминатор как раз в тот момент, когда Сирано и Ливи, обняв друг друга, проскользнули в дверь своей хижины. Слева от них и чуть повыше была хижина фон Рихтгофена, где он и Гвиневра уже лежали в постели.

Он пробормотал «Спокойной ночи!», не имея никого конкретного в виду, и свалился в кровать. Это был долгий, шумный и трудный день, завершившийся грандиозной попойкой, где все выпили дикое количество водки, накурились табаку и марихуаны и вволю нажевались наркотической резинки.

Он проснулся от того, что ему показалось, будто он находится в Калифорнии 4 июля, в день всем памятного землетрясения.

Он вскочил с кровати и по содрогающемуся полу подбежал к иллюминатору. Но еще не добежав до него, он уже понял, что сотрясение земли и взрывы вызваны нападением.

Клеменс так и не успел выглянуть наружу, так как ракета со свистом ударила в одну из свай дома. Его оглушил грохот взрыва. Сквозь выбитые

стекла комната наполнилась дымом. Сэм подался вперед. Дом стал обваливаться, и передняя его часть рухнула вниз.

История повторялась.

25

Его засыпало деревянными и стеклянными обломками и землей. Когда он попытался высвободиться, его подхватила огромная рука. Яркая вспышка от взрыва высветила лицо Джо. Гигант спустился вниз с дверного проема своей комнаты и стал расшвыривать обломки, пока не нашел Сэма. В левой руке он за рукоятки держал их чаши.

— Никак не пойму, это просто чудо, но я почти не пострадал, — пробормотал Клеменс. — Всего несколько ссадин и порезов от стекла.

— У меня не было времени одеть дошпехи, — сказал Джо. — Вше, что я ушпел шхватить, это топор. А вот твой меч, пиштолет и подшумок ш пулями и порохом.

— Кто же это может быть, Джо? — начал Сэм. — Кто напал на нас?

— Не жнаю. Шмотри! Они лежут шквожь проемы в штенах на приштани.

Звезды светили ярко. Тучи, которые приносили с собой каждую ночь в три часа ливень, еще не окутали небо, но над Рекой уже повис густой туман. Из этого тумана нескончаемым потоком лились захватчики, вливаясь в людскую массу,

затопившую равнину. За стенами, в густом тумане, должно быть, скрывался целый флот.

Единственными судами, которые могли подойти так близко, не вызвав при этом тревоги, могли быть суда из Соул-сити. Любые другие суда, приближающиеся к Пароландо в такое время суток, попали бы в поле зрения наблюдателей, расставленных Сэмом и Джоном Беззеельным вдоль Реки даже на территории враждебных государств. И это не флот Иеясу. Перед самой полночью было получено сообщение, что суда Иеясу находятся у своих причалов.

Джо выглянул из-за груды бревен и сказал:

— Штрашная битва идет вожле дворца Джона. Дом для гоштей, где был Хаскинг шо швоими парнями, охвачен огнем.

В свете пламени были видны множество тел на земле и крохотные фигурки сражавшихся вокруг бревенчатой изгороди дворца Джона. Затем к изгороди подтащили орудие и ящики с зарядами.

— Это же «джип» Джона! — закричал Сэм, показывая на машину, подъезжавшую к пушке.

— Да, и это наша пушка! — закричал Джо. — И вожле нее люди Хаскинга. Они шобираютшя вжорвать Джона вмеште ш его любимым гнеждышком.

— Давай выбираться отсюда! — крикнул Сэм. Он пролез через бревна и пополз в противоположном направлении. Он никак не мог понять, почему нападавшие еще не послали людей к его дому. Ракета, которая разрушила его дом, была скорее всего запущена с равнины. И если Хаскинг и его люди тайком выбрались из резиденции для гостей и неожиданно напали, взаимодействуя с воинами, прятавшимися в судах, якобы привезших бокситы, то тогда он, Сэм, наряду с Джоном, должен был стать их главной целью.

«Это придется выяснить позже, — подумал он. — Если только это „позже“ наступит».

То, что люди Хаскинга завладели орудием, было тяжелым ударом для Пароландо. Едва Сэм подумал об этом, раздался оглушительный выстрел, затем второй, третий. Было видно, как разлетаются во все стороны бревна. Стена вокруг дворца англичанина была сметена. Еще несколько снарядов — и от всего дворца останутся лишь руины.

Единственным утешением было только то, что запас снарядов был пока что ограничен. До сих пор, несмотря на многие тонны железа, лежавшего в земле, его еще не было добыто столько, чтобы тратить на разрывающиеся снаряды. Дверь в

хижину Сирано и Ливи была открыта. Внутри никого не было. Сэм поднял глаза на холм. Оттуда к нему сбегал Лотар фон Рихтгофен, успевший набросить только кильт. В одной руке он держал шпагу, а в другой — пистолет. В нескольких шагах сзади него бежала Гвиневра с пистолетом и сумкой с пулями и пакетами пороха.

Увидев его, к нему начали сбегаться и другие мужчины и женщины, в том числе и несколько лучников.

Он крикнул Лотару, чтобы тот построил людей, а сам оглядел равнину. Возле причалов было черным-черно от людей. Если бы можно было повернуть орудие и ударить по ним, пока они так густо сосредоточены в одном месте… Однако орудие теперь было отвернуто от объятого пламенем дворца Джона и обстреливало бегущих к холмам жителей Пароландо.

Затем через широкий пролом в стене прошла огромная темная машина. Клеменс даже вскрикнул от страха. Это был «Огненный Дракон — 3», переданный Хаскингу. А где же три вездехода-амфибии Пароландо???

Вскоре он обнаружил два из них, приближающиеся к холмам. Неожиданно загрохотали паровые пулеметы, установленные в башнях, и

стали падать его люди — люди Сэма!

Негры из Соул-сити захватили вездеходы!

Всюду, куда бы он ни посмотрел, шло ожесточенное сражение. Многие сражались в непосредственной близости от судоверфи. Сэм вскрикнул, не в силах смириться с мыслью о том, что могут повредить Судно. Однако орудийные снаряды не вспахивали землю возле него. По-видимому, противника эта мысль тревожила не меньше, чем Сэма.

Ракеты, запущенные с холмов, перелетали через его голову и взрывались среди нападавших. В ответ летели вражеские ракеты; следы огненных вспышек зависали над ними. Некоторые ракеты пролетали так близко, что можно было различить их цилиндрические тела, а одна, издав оглушительный свист, пролетела в десяти футах над их головами и с грохотом взорвалась на другой стороне холма. Со стоящего рядом железного дерева посыпались листья.

В течение следующего получаса — а может быть, и двух часов — вокруг царил полнейший хаос из порохового дыма, огня, криков раненых, запаха крови. Раз за разом воины из Соул-сити атаковали гряду холмов и раз за разом их отбрасывали назад ракеты, пластиковые пули и стрелы

из луков и арбалетов. Вскоре нападавшим удалось все-таки прорваться к холмам, но и на этот раз они были отброшены назад шпагами, мечами, топорами, палицами, пиками и кинжалами.

Десятифутовый и восьмисотфунтовый Джо Миллер, весь в крови своей и чужой, без устали размахивал почти восьмидесятифунтовым топором с шестифутовой рукояткой, крушил дубовые щиты и кожаные доспехи, расшвыривал шпаги и копья, ломал грудные клетки, отсекал руки и головы, раскалывал черепа. А когда враги уже не решались больше нападать на него, он сам бросался на них. Он отбил не одну атаку, каждая из которых, если бы не он, могла увенчаться успехом.

По нему велся огонь из множества пистолетов Марк-1, однако стрелки настолько были подавлены его видом, что стреляли со слишком большого расстояния, и пули не долетали. И все же его левое предплечье пронзила стрела, и какой-то воин, более смелый, чем остальные, а скорее даже безрассудно смелый, бросился прямо под его топор и пронзил шпагой бедро гиганта. Джо сначала рукояткой топора сломал челюсть смельчака, а потом топором размозжил ему череп. Джо все еще оставался на ногах, однако быстро терял кровь.

Сэм приказал ему отступить за ближайший холм, где оказывали помощь тяжелораненым.

— Нет! Я не уйду! — сказал Джо и со стоном упал на колени.

— Уходи сейчас же! Это приказ! — закричал Сэм. Он быстро наклонил голову и все-таки чуть опоздал — пуля просвистела рядом с его ухом и ударилась в ствол железного дерева. Последовал рикошет, и будто жало впилось в его руку и в икру.

Джо удалось все-таки подняться, подобно большому слону, и покинуть поле битвы. Из тьмы возник Сирано де Бержерак. Он был покрыт пороховой копотью и залит кровью. В одной руке у него была длинная, тонкая, окровавленная шпага, в другой — пистолет. Рядом с ним была такая же грязная и окровавленная Ливи, ее длинные волосы развевались по ветру. Она несла пистолет и сумку с амуницией. В ее обязанности входило перезаряжать пистолеты. Увидев Сэма, она улыбнулась, ее белые зубы резко выделились на черном от пороха лице.

— Боже мой, Сэм! Я думала, что ты погиб! Эта ракета, попавшая в твой дом…

— Мне бы хотелось, чтобы ты сейчас была рядом со мной.

Это было все, что он успел сказать, хотя все равно больше он ничего бы и не сказал. Противник снова бросился в атаку, перелезая и перепрыгивая через упавших. К этому времени у лучников кончились стрелы, а у стрелков осталось совсем мало пороха. Но противник тоже почти израсходовал свой порох, хотя еще и не испытывал недостатка в стрелах.

Джо Миллер покинул поле боя, однако Сирано пытался заменить его и почти преуспел в этом. Это был демон, а не человек, такой же худой и упругий, как и его длинная шпага. Время от времени он стрелял из пистолета левой рукой прямо в лицо очередного противника, а затем делал выпад шпагой, пронзая другого. После выстрела он бросал пистолет назад, и Ливи поднимала его и перезаряжала. Сэм на мгновение подумал о той перемене, которая произошла с Ливи. Он никогда даже не подозревал, что она может так смело вести себя в подобной обстановке. Эта хрупкая болезненная женщина, всем сердцем ненавидевшая насилие, хладнокровно выполняла обязанности, которые оказались бы не по плечу многим мужчинам.

«И среди них, — подумал он, — оказался бы я сам, будь у меня хоть немного времени на раз-

мышление». И особенно сейчас, когда рядом не было Джо Миллера, который всегда был готов защитить его физически и оказать моральную поддержку, в чем он сейчас очень нуждался.

Сирано ударил шпагой ниже щита вопящего араба, который слишком высоко поднял его, и тут Ливи сделала то, чего не смог сделать Сирано. Она схватила пистолет обеими руками и выстрелила. Силой выстрела ствол отклонило в сторону, и она вернула его в исходное положение; пламя и дым взметнулись вверх, и араб упал на землю с развороченным плечом.

Могучий негр перепрыгнул через араба и, подняв топор обеими руками, ринулся на Сирано. Тот успел вытащить шпагу из тела араба и проткнул горло нападавшего.

Противник снова откатился к подножию холма и теперь ждал, когда дорогу для него расчистит огромный темно-серый вездеход, похожий на броненосец «Мерримак» времен Гражданской Войны. Сэм отошел в сторону, пропустив вперед Лотара фон Рихтгофена, несшего трубу из алюминиевого сплава и ракету с десятифунтовой боеголовкой. Помощник Лотара опустился на колено и, когда тот зарядил ракету в базуку, навел ее на цель. Лотар стрелял хорошо, и ракета

попала прямо в амфибию. Дым покрыл вездеход, но ветер развеял его. Амфибия остановилась, но потом снова пошла, паровое орудие на ней ожило и стало разворачиваться.

— Это была последняя боеголовка, — сказал Лотар. — Теперь нам здесь нечего делать. Нам нечем с ним бороться. Кому, как не нам, знать об этом?

Позади бронированного гиганта противник производил перестроение. Многие воины Хаскинга издавали улюлюкающие звуки, подобные боевому кличу ольмеков или индейцев. По-видимому, Хаскинг набрал в свою армию тех индейцев, которые еще не были покорены Иеясу.

Внезапно видимость резко ухудшилась. Только огни горящих зданий и все еще действующие печи и котлы в различных цехах позволяли Сэму что-то разглядеть. Густые тучи, будто стая волков, гнавшаяся за звездами, быстро заволокли небо. Через несколько минут должен был хлынуть ливень.

Сэм огляделся: с каждой атакой ряды защитников редели. Он сомневался в том, что они смогут выдержать следующую атаку, даже если амфибия не вступит в бой.

К северу и к югу, как на равнине, так и на примыкающих к ней холмах, сражение продол-

жалось, однако выстрелов и криков стало гораздо меньше. Местность, казалось, еще больше почернела от наводнивших ее противников. Сэм подумал, не присоединились ли Публия и Тайфана к нападавшим.

Он бросил последний взгляд на гигантский корпус Судна с двумя гребными колесами, наполовину скрытый строительными лесами и гигантскими кранами. Затем быстро отвернулся. Ему хотелось плакать, но он был слишком потрясен. Пройдет еще некоторое время, прежде чем появятся слезы. Но скорее всего сначала прольется его кровь, после чего уже не будет слез, по крайней мере, в этом теле.

Ориентируясь в темноте по дюжине горящих хижин, он, спотыкаясь, спустился по другой стороне холма. И тут разразился ливень. И одновременно слева к ним ринулись враги. Клеменс повернулся и спустил курок своего пистолета, однако дождь, конечно, погасил искру. Но пистолеты противника тоже оказались бесполезны.

Враги набросились на граждан Пароландо, размахивая мечами, копьями и топорами. Джо Миллер рванулся вперед и издал зычный рев, подобный рыку вылезающего из берлоги медведя. Несмотря на то, что он был ранен, он все

еще оставался грозным, наводящим ужас бойцом. При свете вспышек молний и под раскаты грома его топор крушил противника. Остальные бросились ему на помощь, и те, из Соул-сити, что к этому моменту остались живы, решили, что с них хватит. Они пустились наутек в надежде на подкрепление. К чему рисковать жизнью, когда победа и так была уже на их стороне?

Сэм пересек еще два холма. Противник теперь нападал справа. Часть воинов бросилась наперерез оставшимся в живых сторонникам Сэма, чтобы отсечь мужчин и захватить в плен женщин. Джо Миллер и Сирано смело встретили их, и атакующие повернули назад, скользя и спотыкаясь о мокрые корни срезанной травы.

Сэм пересчитал спасшихся. Он был потрясен. Всего около пятнадцати человек. Куда же девались остальные? Он мог поклясться, что всего лишь несколько минут назад с ним было около сотни.

Ливи была рядом с Сирано. Поскольку пистолет теперь использовать было невозможно, она стояла у него за спиной и, по возможности, помогала ему, атакуя врагов копьем.

Клеменсу было очень холодно. Он ощущал себя таким же несчастным, каким, по-видимо-

му, ощущал себя Наполеон во время бегства из России. Все, все пропало! Его небольшое гордое государство, железные рудники и предприятия, его неуязвимые вездеходы-амфибии с паровыми пушками, два самолета и легендарное Судно!!! Пропало все! Чудеса технического прогресса и Великая Хартия Вольностей, наиболее демократичная конституция, какую еще не имело ни одно из известных ему государств, и величайшее в истории Путешествие! Все пропало!

И каким образом? Из-за предательства! Из-за подлого вероломства!

По крайней мере, король Джон не был причастен к этому предательству. Его дворец был уничтожен и, по всей вероятности, он вместе с ним. Великий Предатель сам был предан!

Но уже через минуту Клеменс перестал оплакивать свою судьбу. Он все еще был слишком ошеломлен, чтобы думать о чем-либо другом, кроме спасения.

Когда они добрались до гор, он повел своих людей на север вдоль подножия, пока они не оказались напротив плотины. Перед ними простиралось водохранилище длиной в четверть мили и чуть менее полумили шириной. Они пошли вдоль плотины и через некоторое время

достигли толстой бетонной стены. Перебравшись через нее, они оказались на вершине дамбы.

Сэм стал рыскать по ней туда-сюда, пока не нашел отметину в бетоне.

— Сюда, сюда! — позвал он. — Нашел! Только бы нас никто не выдал или шпионы не обнаружили бы это место.

Сэм опустился в холодную воду, сверкнула молния, вдалеке прогремел гром. Он дрожал от холода, но продолжал спускаться ниже, и когда вода дошла ему до подмышек, он нащупал ногами ступеньку. Он глубоко вдохнул, закрыл глаза и погрузился в воду, шаря рукой по бетону, пока она не наткнулась на ступень. После этого он продвинулся дальше до шестой ступени, зная, что вход должен быть в нескольких дюймах ниже ее. Он прошел под ней, поднялся и оказался на воздухе.

Перед ним была платформа, на несколько дюймов выступавшая из воды. Над ней был купол, верхняя точка которого находилась на высоте 10 футов от платформы. За платформой был вход в помещение, которое освещалось шестью электролампами.

Задыхаясь и дрожа от холода, он вылез на платформу и пошел ко входу. Джо последовал за ним

минуту спустя. Он слабо позвал, и Сэм вынужден был вернуться и помочь Джо выбраться на платформу. Он весь истекал кровью. Затем один за другим появились остальные. Они помогли Сэму протащить гигантопитека через вход и спустить его вниз, в большое помещение. Здесь были кровати, одежда, пища, вино, оружие и медикаменты.

Сэм приготовил это помещение на крайний случай. Тогда он думал, что это перестраховка. Об этом месте знали только руководители государства и рабочие-строители.

Второй вход у подножия плотины был скрыт потоком воды, вращавшей колеса, связанные с генераторами. Он вел в туннель, добраться до которого можно было только по совершенно гладкой стене. Однако существовало потайное устройство, открывающее проход в стене.

Вся эта затея, как он понимал, была плодом романтической глупости, от которой он так и не избавился. Замысел сооружения потайных помещений с выходами под водопадом и в водохранилище, где он мог бы отдохнуть и подумать о том, как взять реванш, пока враги будут тщетно искать его, был очень соблазнителен, и он не устоял. Он не раз смеялся над собой за то, что

построил это убежище. Теперь он был рад этому. Романтика все-таки оказалась полезной!

Здесь же был спрятан детонатор. Для того, чтобы взорвать несколько тонн динамита, уложенных под фундаментом плотины, достаточно было соединить два провода. Плотина будет разрушена, и вода с ревом устремится вниз и смоет всю центральную часть Пароландо в Реку.

Сэм Клеменс и его Судно будут тоже уничтожены, но это будет цена за месть!

Раненым была оказана помощь и даны анестезирующие средства в виде виски или наркотической резинки. Резинка иногда снимала боль, хотя бывали случаи, что и усиливала ее. Единственным надежным способом уменьшить страдания была хорошая доза спиртного.

Они поели и немного поспали, пока часовые бдительно стерегли оба входа. Джо Миллер почти все это время находился в полусознательном состоянии, и Сэм не отходил от него, стараясь, насколько это было в его силах, облегчить страдания друга. Сирано сменился с дежурства у входа под водопадом и сообщил о наступлении ночи. Это было все, что он знал о том, что происходило снаружи. Сквозь водопад нельзя было ничего ни увидеть, ни услышать.

Лотар и Сэм были ранены меньше остальных. И Сэм решил, что им надо пойти на разведку через выход под водопадом. Сирано запротестовал, заявляя, что он тоже хочет пойти, но Сэм ему отказал. Ливи промолчала, но в ее взгляде чувствовалась благодарность. Сэм отвернулся. Клеменсу не нужна была ее благодарность за безопасность ее друга.

Он подумал о Гвиневре, погибла ли она или попала в плен? Лотар сказал, что он потерял ее из вида во время последней атаки. Он пытался к ней пробраться, но его оттеснили. Теперь ему было стыдно за самого себя, за то, что он не попытался совершить большего, хотя это и было не в его силах.

Они обмазали свои тела черной краской, а затем спустились по стальным ступеням туннеля. Стены здесь были сырыми и скользкими от влаги. Туннель освещало несколько электрических лампочек.

Они вышли за водопадом, который с ревом обрушивался рядом с ними. Выступ, на котором они оказались, огибал нижнюю половину плотины и обрывался за 20 ярдов до ее конца. Здесь они по ступенькам спустились на фундамент плотины и осторожно пошли по берегу канала, отделен-

ного от суши заграждением. Из стен канала все еще торчали корни травы, которые уходили в землю так глубоко, что выкорчевать их было невозможно.

Все небо было усеяно скоплениями гигантских звезд и обширными светящимися газовыми туманностями.

Благодаря этому свету они шли быстро и, пройдя около полумили, вышли перпендикулярно дороге, ведущей к разрушенному дворцу короля Джона. Прячась в тени крон железных деревьев, они смотрели на раскинувшуюся внизу равнину. В разбросанных по ней хижинах находились мужчины и женщины. Мужчины были победителями, а женщины — их добычей. Сэм вздрогнул, когда услыхал крики и призывы о помощи, но затем постарался выбросить все это из головы. Бросившись в хижину спасать всего лишь одну женщину, он ставил бы под угрозу саму возможность помочь чем-нибудь Пароландо. В конечном счете они будут взяты в рабство или убиты.

И все же, если бы он услышал голос Гвиневры, то непременно, в этом он был уверен, бросился бы ей на помощь. Бросился бы???

Печи в цехах все еще горели, и возле них работали люди. Очевидно, Хаскинг уже выгнал на

работу своих рабов. Вокруг цехов стояло много стражников, но все они пили виски или водку.

Повсюду равнина была освещена гигантскими кострами. Вокруг них, выпивая и смеясь, сидело множество мужчин и женщин. Время от времени сопротивляющуюся женщину относили в тень. А иногда даже и не уводили от костра.

Сэм и Лотар спустились с холма совершенно спокойно, как будто он им принадлежал, однако они не решались подходить слишком близко к зданиям и кострам.

Никто их не окликал, хотя они проходили мимо множества патрулей, иногда всего на расстоянии двадцати ярдов. Казалось, что большинство врагов отмечают свою победу водкой или любыми другими спиртными напитками, которые им удалось достать из запасов побежденных. Исключение составляли арабы, чья религия запрещала им пить спиртное, а также небольшое количество негров, которые хотя и не несли дежурство, но тоже воздерживались. Это были последователи Хаскинга, ведь их вождь не брал в рот спиртного.

Но какая бы ни была сейчас распущенность, в течение дня дисциплина все же поддерживалась. Трупы были убраны, а большие колья от заборов

вокруг зданий собраны, и ими было огорожено пространство у подножия первого от Реки холма. Хотя Сэм и не смог разглядеть, что находится внутри, но из того, что вокруг были установлены сторожевые башни, он заключил, что в этом загоне содержатся пленники.

Сэм и Лотар прошли, шатаясь, будто пьяные, в 20 футах от трех темнокожих людей небольшого роста, говоривших что-то на непонятном языке. Сэм не смог разобрать, что это за язык, хотя он походил на африканский. Он подумал, не дагомейцы ли это XVIII века.

Они смело прошли между цехом азотной кислоты и зданием, где перерабатывались экскременты, и вышли на равнину. Здесь они остановились. В нескольких ярдах перед ними в столь узкой бамбуковой клетке, что нельзя было даже сидеть, стоял Файбрас. Его руки были связаны за спиной.

На сбитых крест-накрест досках был распят Геринг. Его ноги были привязаны к верхним концам досок, а руки — к нижним: он висел вверх ногами.

Сэм осмотрелся. Несколько человек, выпивая и переговариваясь, стояли возле огромных ворот цеха по переработке экскрементов. Сэм не решился подойти ближе и поговорить с Файбрасом. Ему

не терпелось узнать, почему этот человек оказался в клетке, но он так и не осмелился спросить у него. Нужно было разузнать как можно больше и затем вернуться в убежище. Пока ситуация казалась практически безвыходной. Наилучшим выходом из нее было бы выбраться из убежища во время ливня и покинуть страну. Он мог бы взорвать плотину и смыть все, включая армию Соул-сити, хлынувшей водой, но он не хотел потерять свое Судно. Пока у него оставалась хоть какая-то надежда вернуть его себе, он оставит плотину в покое.

Они прошмыгнули мимо клетки Файбраса, надеясь на то, что тот не заметит их и не окликнет. Он стоял согнувшись, прижав лицо к бамбуковым прутьям. Геринг застонал. Они продолжали идти и вскоре завернули за угол здания.

Их медленное и на вид пьяное блуждание привело к большому дому, который некогда занимал Фред Рольф, сторонник короля Джона в Совете. Множество вооруженных часовых вокруг него убедило Сэма, что Хаскинг занял именно этот дом.

Это был одноэтажный дом из сосновых бревен и бамбука. Окна его были не занавешены и внутри можно было различить людей. Неожиданно

Лотар схватил Сэма за руку и прошептал:

— Она здесь! Гвиневра!

Свет факела играл на ее длинных медовых волосах и очень белой коже. Она стояла у окна и с кем-то разговаривала. Через минуту она отошла и в квадрате окна промелькнуло черное лицо и курчавые волосы Хаскинга. Ноги Сэма подкосились. Хаскинг взял ее себе на эту ночь.

Гвиневра не выглядела испуганной. Казалось, что она вела себя даже непринужденно. Когда требовали обстоятельства, самообладание не покидало ее, хотя обычно большую часть времени она бывала несдержанной и легко меняла свое настроение.

Сэм оттащил Лотара.

— Сейчас мы бессильны и только навредим ей.

Они еще некоторое время бродили, осматривая другие цеха, и заметили, что костры простираются в обе стороны вдоль стены, насколько хватало глаз. Кроме жителей Соул-сити здесь были ольмеки и немного азиатов. Сэм решил, что это, возможно, бирманцы, таиландцы и цейлонцы из неолита, жившие на противоположном от Селинайо берегу Реки.

Для того, чтобы выбраться из Пароландо, нужно было перелезть через стену, а чтобы спуститься

по Реке в Селинайо, нужно украсть несколько небольших лодок. Они понятия не имели, что произошло с Публией или Тайфаной, но предполагали, что эти страны были следующими в списке Хаскинга. Бежать на север, в Землю Черского, было бы глупо. Иеясу двинется туда, как только узнает о захвате Пароландо, если уже не сделал этого.

Вся ирония их положения заключалась в том, что они вынуждены бежать в ту страну, гражданам которой был запрещен доступ в Пароландо.

Они решили возвращаться к плотине и рассказать об увиденном оставшимся членам группы. Необходимо было обдумать дальнейшие шаги. Наилучшие шансы убраться отсюда были во время ночного ливня.

Они побрели, обходя жилища, где расположились враги и пленные женщины.

Как только они вошли в тень гигантского железного дерева, кто-то обхватил Сэма сзади за шею. Он попытался кричать, повернулся, начал сопротивляться, но огромная рука сдавила его горло, и он потерял сознание.

26

Он пришел в себя под тем же железным деревом и долго не мог отдышаться и откашляться. Он начал подниматься, но раздался низкий голос:

— Не сметь! Сидите спокойно или я проломлю вам череп вот этим топором!

Сэм огляделся. Лотар сидел под молодой елью в 60 футах от него со связанными за спиной руками и кляпом во рту. Говоривший был очень крупным мужчиной с чрезмерно широкими плечами, огромной грудью и могучими руками. На нем был черный кильт, черная накидка; в руке — средних размеров топор. На поясе висел стальной томагавк и стальной нож — оба в ножнах — и пистолет Марк-1.

— Вы Сэм Клеменс? — спросил гигант.

— Да, — тихо сказал Клеменс. — Но что все это значит? Кто вы?

Мужчина тряхнул густо заросшей головой в сторону Лотара:

— Я убрал его подальше, чтобы он не услышал, о чем мы будем с вами говорить. Меня послал человек, знакомый нам обоим.

Сэм помолчал минуту, а затем сказал:

— Таинственный Незнакомец???

— Да, — кивнул силач. — Именно так, он сказал, вы его называете. Достаточно называть его просто Незнакомцем. Я полагаю, вы догадываетесь, о чем идет речь, поэтому нам нечего об этом говорить. Вам достаточно того, что я беседовал с ним?

— Куда мне деваться? — сказал Сэм. — Ясно, что вы с ним говорили. Вы — один из двенадцати, которых он выбрал. Это был мужчина, не так ли?

— Я его не проверял, — оскалился великан. — Скажу вам, что с самого детства меня не мог напугать ни один человек, будь то белый, негр или краснокожий. Но этот Незнакомец — единственный, кто заставил бы и гризли убежать от одного своего взгляда. Не то, чтобы я испугался его, понимаете, просто у меня возникло какое-то… странное ощущение. Будто я ощипанный петух.

Но хватит об этом. Я — Джонстон. Неплохо бы сразу же рассказать о себе, чтобы не тратить время на разговоры потом. Итак, меня зовут Джон Джонстон. Родился я в Нью-Джерси в 1827 году, умер в госпитале для ветеранов в Лос-Анжелесе в 1900-м. В промежутке между этими годами был охотником в Скалистых горах. До того времени, как попал на эту Реку, убил не одну сотню ин-

дейцев, но ни разу мне не приходилось убивать белого человека, даже француза. Пока не попал сюда. После этого я собрал немалую коллекцию белых людей.

Человек встал и вышел на освещенное звездами место. Волосы у него были темные, но казалось, что на свету они будут ярко-красными.

— Что-то я не в меру разговорился, — сказал он. — В этой долине невозможно спрятаться от людей. От них и дурные привычки.

Они подошли к Лотару. По дороге Сэм спросил:

— Как вы очутились здесь? И в такое время?

— Незнакомец сказал мне, где вас можно найти. Он рассказал мне о вас и о вашем большом корабле, о Туманной Башне и обо всем остальном. Вы понимаете, что нет смысла это скрывать. Я согласился разыскать вас и отправиться на вашем судне. А почему бы и нет? Я не люблю сидеть на одном месте. Здесь всюду слишком тесно. Чуть повернешься — и сталкиваешься с кем-нибудь носом. Я находился выше по Реке в 30000 миль отсюда, когда кто-то разбудил меня ночью. Это был ваш Незнакомец. Мы долго беседовали с ним, вернее, говорил, в основном, он. Затем я снялся со своего места и двинулся сюда. По пути я кое-что слышал о том, что здесь происходит.

Сюда я пробрался, когда еще шло сражение, и с тех пор разыскиваю вас. Я подслушал, как эти негры говорили, что никак не могут найти ваше тело. Поэтому я стал бродить вокруг, ко всему присматриваясь. Один раз мне пришлось убить одного из арабов, потому что он натолкнулся на меня. К тому же я был голоден.

Они подошли к Лотару, но Сэм распрямился, услышав последние слова великана.

— Голоден? — переспросил он. — Вы имеете в виду?..

Человек ничего не ответил.

— Эге, — произнес Клеменс. — Уж не тот ли вы самый Джонстон, которого называли «Джонстон — пожиратель печени»? Или «убийцей негров»?

Раздался громкий голос:

— Я давно с неграми в мире и стал им братом, а потом я перестал есть человеческую печень. Но надо же человеку есть.

Сэм вздрогнул. Он нагнулся, развязал фон Рихтгофена и вынул кляп изо рта. Лотар был вне себя от ярости, но его также и раздирало любопытство. И так же, как и Сэму, Джонстон показался ему немного странноватым. Этот человек как бы источал особую необузданную силу. «Должно быть, он страшен в деле», — подумал Сэм.

Они вернулись к плотине. Джонстон почти все время молчал. Один раз он исчез, отчего Сэм странно похолодел. Джонстон был ростом около 6,5 футов и на вид весил куда больше 280 фунтов, причем казалось, что состоял он только из костей и мышц, но вместе с тем двигался бесшумно, как тигр.

Сэм подпрыгнул — Джонстон снова оказался сзади.

— Что случилось? — тихо произнес Сэм. — Почему вы пропали?

— Не обращайте внимания. Вы сказали, что не так уж много разузнали за свою разведку. Я лучше вас знаю положение — я тут все облазил. Многие из ваших людей выбрались через стену к северу и к югу отсюда. Если бы они продолжали сражаться, возможно, они бы и одолели негров. Но и негры недолго будут праздновать победу. Иеясу готов двинуться на них. Я не удивлюсь, если он нападет сегодня ночью. Я рыскал по его территории, прежде чем попал сюда. Он не собирается сидеть, сложа руки, и наблюдать, как негры будут владеть всем этим железом и судном. Наверняка, он отберет у них все это.

Сэм застонал. Если он не сможет вернуть себе корабль, то ему будет уже все равно, кому он до-

станется, Хаскингу или Иеясу. Но к тому времени, когда они очутились внутри плотины, он почувствовал некоторое облегчение. Возможно, эти две силы уничтожат друг друга, и разбежавшиеся жители Пароландо вернутся и добьют и тех, и других. Еще не все потеряно.

Более того, один только вид этого Геркулеса-Джонстона утешал его. Значит, Таинственный Незнакомец не покинул его. Он все еще готов осуществить свой замысел и послал сюда отличного бойца, если только верить легендам о нем. Джонстон был шестым из тех, кого выбрал Незнакомец, остальные шесть еще, наверное, появятся. Затем один из них затерялся. Да, Одиссей исчез.

Однако он еще мог объявиться. На Реке может случиться все, что угодно. А эти двенадцать кое-кому были опасны. Для соплеменников Незнакомца, для этиков.

Внутри плотины Джонстон был представлен остальным. Джо Миллер поднялся ему навстречу, завернувшись в свое одеяние, и пожал руку Джонстону. И Джонстон с трепетом в голосе произнес:

— Я много видел необычного за свою жизнь. Но никогда не видел такого человека, как вы. А вы не должны уложить мою руку, приятель.

— Надо попробовать, — ответил Джо. — Вы

выглядите довольно большим и шильным. Но, к шожалению, я болен.

За полчаса до начала ливня они двинулись в путь. Все вокруг было сравнительно тихо. Участники пиршеств улеглись спать, все, кто сидел вокруг костров, попрятались по хижинам в ожидании дождя. Однако сторожевые вышки и цеха были полны часовых, которые почти не пили. Очевидно, Хаскинг приказал им не увлекаться спиртным.

Когда они пробирались вдоль стены цеха серной кислоты, Джонстон, подобно гигантскому призраку, отделился от них. Через десять минут он так же неожиданно появился.

— Я немного послушал, о чем говорят эти негры. Этот Хаскинг — очень ловкий ниггер. Вся эта пьянка и галдеж прекратились из-за того, что шпионы Хаскинга, засланные к Иеясу, сообщили, что сегодня ночью японцы намереваются напасть. Хаскинг пытается успокоить людей, но они очень обеспокоены тем, что у них совсем мало пороха.

Сэм был удивлен этой новостью и попросил рассказать все, что удалось подслушать Джонстону.

— Я слышал, как несколько негров говорили о том, почему Хаскинг решил напасть на вас.

Он знал, что Иеясу собирается сделать это, и решил опередить его. Если бы он этого не сделал, японец завладел бы металлом, вездеходами и всем остальным. После этого он легко овладел бы Соул-сити. Эти шакалы стоят друг друга. Они еще говорили, что это король Джон договорился с Хаскингом о нападении. А Хаскинг взорвал короля Джона в его собственном дворце, потому что не доверял ему. Властитель Соул-сити сказал, что Джон — предатель, и даже если это не так, то все равно он белый и ему нельзя доверять.

— Но зачем Джону понадобилось это предательство? Чего он хотел этим добиться? — спросил Сэм.

— Хаскинг и Джон намеревались покорить все земли вдоль Реки на сто миль, а затем поделить их между собой. Джон собирался править белой половиной жителей, а Хаскинг — черной. Оба, имея равные части, были бы равны. Они собирались строить два судна и все остальное поровну каждому.

— А что с Файбрасом? Почему он в клетке?

— Не знаю, но его называли предателем. А этот фриц, как его там, Херинг…

— Геринг!

— Да. Так вот, Хаскинг не виновен в том, что

его мучили. Это сделали какие-то арабы. Они охотились на приверженцев Церкви Второго Шанса, схватили его и стали пытать с помощью африканских негров, дагомейцев, у которых был обычай зверски убивать перед завтраком дюжину людей. К тому времени, когда Хаскинг узнал об этом и приказал прекратить пытки, Геринг уже умирал. Но он заговорил с Хаскингом, назвал его братом по духу и сказал, что прощает его. Сказал, что он когда-нибудь еще встретится с ним. Хаскинг был очень потрясен этим, во всяком случае, так говорят его люди.

Сэм с дрожью переваривал новости. Он был так расстроен, что его нисколько не позабавило, что рекордсмен среди мошенников — король Джон — был вчистую надут Хаскингом. Однако он не мог не восхищаться способностями Хаскинга, как руководителя государства, и его пониманием обстановки. Хаскинг понял, что это единственный способ вести дела с Джоном, и, не колеблясь, осуществил свои намерения. Но вот совести Сэма Клеменса у Хаскинга не было.

Эти новости круто изменили все. По-видимому, Иеясу уже был в пути, это означало, что им не удастся, как планировал Сэм, улизнуть отсюда во время дождя. Граждане Соул-сити были на-

стороже.

— В чем дело, Сэм? — спросила Ливи. Она сидела рядом с ним и печально смотрела на него.

— Мне кажется, что все кончено.

— О, Сэм! — воскликнула она. — Где же твое мужество? Для нас еще далеко не все потеряно. Ты всегда впадал в отчаяние, когда события оборачивались не так, как тебе хотелось! Сейчас прекрасная возможность вернуть корабль. Пусть Хаскинг и Иеясу перебьют друг друга, а затем появимся мы. Надо просто сидеть в лесу, пока они не перегрызут друг друга, а затем, когда они будут при последнем издыхании, наброситься на них!

— О чем ты говоришь? — сердито произнес Клеменс. — Пятнадцать мужчин и женщин набросятся на победителей, да?

— Ну и дурак же ты, Сэм! У них только в одном загоне не менее пятисот пленных, и только один Бог знает, сколько таких загонов. И у тебя есть еще тысячи беженцев, скрывшихся у Черского и в Публии.

— А как я с ними свяжусь? — удивился Сэм. — Слишком поздно! Я могу поспорить, что нападение произойдет через несколько часов! Кроме того, беженцев, наверное, тоже держат в загонах. Насколько я могу судить, Черский и Публий,

возможно, тоже в сговоре с Хаскингом!

— Ты все такой же бездеятельный пессимист, каким я знала тебя на Земле, — печально сказала она. — О, Сэм, я все еще люблю тебя. Ты все еще нравишься мне… как друг.

— Друг?! — закричал Клеменс так громко, что все собравшиеся подпрыгнули от испуга.

— Заткнитесь! — прошипел Джонстон. — Вы что, хотите, чтобы эти негритосы схватили нас?

— Там, на Земле, мы любили друг друга много лет, — сказал Сэм.

— Если уж по большому счету, то не всегда, — заметила шепотом Ливи. — Но это не место для выяснения наших отношений. Я не намерена обсуждать это. Слишком поздно. Вопрос стоит так — хочешь ты вернуть себе Судно или нет?

— Конечно же, хочу, — со злостью сказал он. — Ты что, думаешь..

— Тогда оторви свою задницу! — воскликнула она.

Если бы это сказал кто-нибудь другой, то, возможно, он оставил бы это незамеченным. Но то, что эти слова произнесла хрупкая Ливи, которая всегда говорила мягко и изысканно — это было немыслимо. Но она произнесла их — и он подумал о том, что бывали на Земле минуты, которые

он старался вычеркнуть из памяти, когда…

— Леди мыслит очень здраво! — отметил Джонстон.

Сейчас надо было думать о более важных вещах, но подсознание само определяло эти вещи и оно послало ему следующую мысль: впервые он понял, действительно осознал каждой клеткой своего тела, всем своим мозгом, что Ливи изменилась. Она уже не была его Ливи! Она уже давно изменилась, скорее всего, еще на Земле за последние несколько лет перед смертью.

— Так что же вы скажете на предложение мисс, — спросил человек-великан.

Сэм тяжело вздохнул, будто стараясь выдохнуть последние остатки Оливии Ленгдон Клеменс де Бержерак, и сказал:

— Что ж, так и поступим.

Ливень обрушился на землю, гром и молнии сделали на полчаса все вокруг неузнаваемым. Джонстон тут же исчез и вынырнул из-за дождевой завесы со связкой из двух базук и четырех ракет, неся оружие на своей широкой спине. Затем он снова растворился в струях воды и вернулся через полчаса, швырнув на землю целую груду стальных ножей и томагавков. Его грудь и руки были забрызганы кровью, но было абсолют-

но ясно, что не его кровью.

Грозовые тучи ушли. Земля серебрилась в свете больших, как яблоки, и многочисленных, как вишни на дереве, звезд, сверкающих, будто драгоценный камень в свете лампы. Затем похолодало, и они дрожали, стоя под железным деревом. В течение пятнадцати минут густой туман окутал Реку, так что не стало видно ни чашных камней, ни высоких стен вдоль берега. Еще через полчаса Иеясу нанес удар. С противоположного берега Реки, оттуда, где раньше жили мирные ольмеки, бушмены и готтентоты, появились переполненные людьми большие и маленькие лодки. Основная масса атакующих была с правого берега Реки, с тех трех земель, где теперь владыкой стал Иеясу. Он нападал в десяти точках вдоль прибрежной стены. Воины устремлялись в проемы, образованные взрывами ракет. В первые же десять минут атаки было выпущено огромное число ракет. Иеясу, по-видимому, очень долго накапливал их. Три вездехода защитников гремели, не умолкая, поливая как из шланга ряды атакующих струями пластиковых путь. Бойня, которую они учинили, была грандиозной, но Иеясу подготовил сюрприз. По вездеходам было выпущено множество ракет с деревянными

боеголовками, начиненными желеобразным спиртом (изготовленным из мыла и спирта). В каждый из них попало как минимум две ракеты. Примитивный напалм быстро растекался по броне амфибий, и, хотя горючая жидкость и не проникала внутрь вездеходов, дым сжигал легкие находящихся внутри людей.

Сэм был заворожен зрелищем битвы. И все же он попросил Лотара вспомнить этот сюрприз Иеясу потом, когда все будет позади, если только они останутся в живых.

— Их нужно делать более герметичными и с замкнутой системой воздухообеспечения. Вроде той, которую описывал нам Файбрас.

Джонстон возник так неожиданно, будто вышел из двери, и рядом с ним стоял Файбрас. Похоже, он был предельно измучен и сильно дрожал, но все же ему удалось улыбнуться Сэму.

— Хаскингу сказали, что я предал его, — произнес он. — И он поверил своему осведомителю, которым был, между прочим, наш высокоуважаемый и заслуживающий всякого доверия король Джон. Джон сказал ему, что я выдал все, что знал, для того, чтобы стать командиром авиации. Хаскинг не поверил, что я торгуюсь с вами только для того, чтобы водить вас за нос. Я не могу упрекать

его за это. Мне следовало бы раньше уведомить его, что я заигрываю с вами. То, что я не смог убедить его в том, что не собираюсь плутовать, меня не удивило.

— Вы на самом деле просто водили меня за нос? — воскликнул Сэм.

Файбрас улыбнулся.

— Конечно же. Зачем мне было, несмотря на весь соблазн, предавать Хаскинга, если мне было обещано, что я буду главным летчиком после захвата судна Хаскингом. Дело в том, что он хотел верить Джону. Он недолюбливал меня, потому что я не соответствовал его идеалам брата по духу. Его возмущало, что я никогда не жил в гетто и всегда имел те блага, которых он был лишен.

— Должность главного инженера по-прежнему может быть вашей, — заметил Сэм. — И вы сможете летать, если захотите. Однако я испытываю, должен признаться, огромное облегчение, что не обещал вам руководство авиацией.

— Это лучшее предложение из всех, что были мне сделаны после смерти. Я принимаю его.

Он пододвинулся поближе к Сэму и шепнул на ухо:

— Вы все равно должны будете взять меня на борт в любой должности. Потому что я один из

двенадцати.

27

Сэм подскочил, будто его ткнули раскаленным прутом.

— Этик? Незнакомец?

— Да. Он сказал, что вы называете его Таинственный Незнакомец!

— Значит, вы все-таки предали Хаскинга!

— Эту маленькую речь я произнес для общественности, — сказал Файбрас. — Да, я на самом деле предал Хаскинга, если вам так больше нравится. Но я считаю себя агентом более высокой власти. У меня нет намерений ломать себе голову мыслями относительно абсолютно белых или абсолютно черных государств на берегах Реки, если я могу выяснить, как и почему мы, то есть все человечество, очутились здесь. Я хочу получить ответы на свои вопросы, как некогда сказал Карамазов. Вся эта черно-белая кутерьма на этой планете — пустяк, я подчеркиваю: именно на этой планете! Это было важно только на Земле, но не здесь. Хаскинг, должно быть, чувствовал, что я мыслю именно так, хотя и скрываю это.

Сэм никак не мог оправиться от потрясения. Тем временем на равнине шло ожесточенное сра-

жение, причем жителям Соул-сити становилось все хуже и хуже. Хотя их и было больше, но за полчаса они были отброшены назад. Сэм решил, что пришло время действовать, и все они бросились к загону, где содержали пленных граждан Пароландо. Лотар высадил ворота двумя ракетами, и еще не успел дым рассеяться, как пятнадцать оставшихся на свободе приверженцев Сэма устремились внутрь загона. Сирано и Джонстон всю работу по уничтожению охраны взяли на себя. Де Бержерак, как молнией, поражал врагов своей шпагой, а Джонстон, метнув томагавки, уложил четверых и еще троих, метнув ножи. Твердыми, как сталь, ногами он ломал конечности и ребра.

Пленников отвели на склад оружия, где еще оставались мечи и луки со стрелами.

Сэм послал гонцов на север и на юг, чтобы те установили контакт с беженцами из Пароландо. Затем он повел остальных за холмы, поближе к плотине, где они должны были разбить лагерь, ожидая исхода битвы. Сэм не имел ни малейшего представления о том, что делать дальше. Он сказал Сирано, что дальше придется играть на слух, без нот, и подавил желание заметить, что играть придется даже несмотря на то, что слуха нет ни у одного из них.

Впоследствии Клеменс благодарил небо, что он не расположился на самой плотине, а сидел на бугре над ней, чуть левее. Отсюда были лучше видны и холмы, и равнина, где все еще взрывались ракеты, хотя и не так часто, как вначале. По другую сторону плотины звезды безмятежно глядели в зеркальную гладь водохранилища, как будто вокруг все было тихо и мирно.

Вдруг Джонстон вскочил и крикнул:

— Смотрите туда! Вон туда! На вершину дамбы!

На плотину из воды вылезли три темные фигуры. Они побежали к холму. Сэм тут же распорядился всем спрятаться за стволы железных деревьев. Как только трое неизвестных поравнялись с деревом, за которым прятались Джо Миллер и Джонстон, они были тут же схвачены. Один из них попытался ранить Джо, и гигант так сдавил его горло, что кровь хлынула из лопнувших вен и артерий пленника. Двое других во время пленения потеряли сознание. Когда они пришли в себя, им уже не надо было рассказывать Сэму, что они совершили. И он догадался, что сделали они это по приказу короля Джона.

Земля затряслась у них под ногами, и листья железного дерева загремели, как тарелки в буфете.

Белая стена плотины, укутанная черным дымом, медленно оседала. От грохота заложило уши. Во все стороны разлетались огромные бетонные глыбы, подобно птицам над фабричной трубой. Они падали и падали, ударяясь о землю, перелетая через водохранилище, поверхность которого уже не была гладкой и спокойной. Казалось, она вся подалась вперед, чтобы хлынуть в долину. Рев, с которым вода ринулась в каньон, выкопанный когда-то жителями Пароландо, снова оглушил наблюдателей. Сотни тысяч тонн воды хлынули в каньон, смывая земляные насыпи, вырывая из них куски дерна. Стремительный отток воды привел к оседанию берегов вокруг водохранилища, и наблюдатели вынуждены были забраться повыше. Через несколько мгновений давшее им приют тысячефутовое железное дерево с корнями, уходившими в скальный грунт на глубину не менее 200 футов, было практически вырвано из земли и опрокинуто. Зрелище рвущихся корней и ломающихся веток, свист падающих деревьев и лиан, обвивших их, ужаснуло людей. Они думали, что находятся достаточно далеко, но несмотря на то, что гигантское дерево падало в противоположную сторону, угрозу могли представлять и выворачиваемые из земли корни.

Дерево с треском свалилось в сторону водохранилища, обрушив нависший грунт, и упало в воду. Его корни оторвались от берега, и оно устремилось в водный поток. Водоворот подхватил огромное дерево, как щепку, и поток воды пронес его по ущелью около полумили, пока оно не застряло между стенами каньона.

Когда вода достигла равнины, это был водяной вал высотой почти в 300 футов. Впереди него несся гигантский клубок из деревьев, бамбука, хижин, обломков и людей. Он мигом пронесся по полутора милям равнинной части, расширился и на несколько мгновений был остановлен циклопической стеной, возведенной Сэмом для защиты цехов и Судна, но не устоявшей перед двумя нападениями.

Все, что оказалось на пути потока, было подхвачено и вынесено в Реку. Цеха рушились, как карточные домики. Огромное Судно было поднято, словно игрушечная лодочка, брошенная в гигантский прибой. Его вынесло в Реку и швыряло из стороны в сторону, а затем он исчез во тьме и хаосе. Сэм бросился на землю и вцепился в траву. Его Судно погибло!!! Погибло все — цеха, рудники, вездеходы, аэропланы, кузнечные и оружейные мастерские и команда. Но, что хуже

всего, погибло Судно. Его Мечта была разбита, как хрупкий сияющий алмаз!

Трава была холодной и влажной. Казалось, что его лицо и пальцы впились в плоть земли и уже никогда не оторвутся от нее. Однако огромная рука Джо подняла его и усадила, будто он был манекеном. Чудовищное волосатое тело гиганта прижалось к нему, согревая. И нелепое лицо Джо с низкими бровями и абсурдно длинным носом прижалось к его лицу.

— Вше погибли! — сказал Джо. — Боже! Ничего не ошталошь! Шэм!

Пятнадцать минут стихия бушевала на равнине Пароландо, после чего Река приняла свой первоначальный вид. Хотя вниз по течению неслись вещественные доказательства катастрофы.

С лица земли исчезли огромные здания и судно вместе с кранами и строительными лесами. Исчезли гигантские стены почти на протяжении мили. Там, где еще недавно были рудники и подвалы цехов, плескались маленькие озерца. Потоки воды размыли часть равнины в тех местах, где велись разработки. Однако вся эта гигантская масса воды так и не смогла соскрести траву с поверхности земли — настолько она была жесткой и столь глубоки и переплетены между

собой были корни. Но каменные и земляные укрепления вдоль берега были смыты, будто сделанные из песка.

Небо стало бледнеть, постепенно гасли ослепительные звезды. Гигантский флот захватчиков исчез, унесенный куда-то вниз по течению или погребенный на дне Реки, разбитый в щепки. Повсюду были видны разбросанные бревна и щепки, в которые рассыпались многие из судов. Обе армии на суше и матросы на судах погибли под ударом водяного вала — утонули или были раздавлены.

Однако Пароландо простиралось вдоль берега Реки на 10 миль, а вода, запасенная в водохранилище, бушевала только в двухмильной полосе. Ущерб был нанесен лишь центральной части Пароландо, где было сметено все в полосе шириной в полмили. То же, что находилось по краям этой зоны, утонуло, а здания обвалились и покосились.

С рассветом приплыла тысяча человек с севера, из Земли Черского. Во главе их был… король Джон.

Сэм построил своих людей в боевые порядки с Джо Миллером в центре, однако король Джон, прихрамывая, бросился навстречу, вытянув впе-

ред руки в знак мира. Сэм вышел вперед, чтобы переговорить с ним. Даже после того, как Джон объяснил свои действия, Сэм не переставал опасаться, что его убьют. Однако позже он понял, что Джон нуждался в нем и Файбрасе, да и в остальных тоже, так как хотел, чтобы Судно было снова построено. Кроме того, ему доставляло извращенное удовольствие оставлять Сэма в живых, держа его в постоянном страхе перед ударом наемного убийцы.

Как выяснилось, не все нужно было начинать сначала. Почти неповрежденное судно было найдено возле холма на противоположном берегу Реки, в двух милях ниже по течению. Оно было мягко опущено на грунт убывающей водой. Работы по возвращению корабля были не из легких, но на это требовалось гораздо меньше времени, чем на постройку нового.

Джон вновь и вновь пытался втолковать Клеменсу, что же он совершил на самом деле. Но хитрость и извращенное мошенничество, возведенное в четвертую степень, были столь запутаны, что Сэму никак не удавалось охватить всю картину в целом. Джон заключил договор, чтобы предать Сэма, прекрасно понимая, что Хаскинг предаст его самого при первом же удоб-

ном случае!

Джон был бы разочарован, если бы Хаскинг не попытался ударить его в спину. Он потерял бы всякую веру в человеческую природу.

Джон заключил договор с Иеясу, чтобы тот помог ему напасть на Хаскинга после его вторжения в Пароландо. Иеясу понравился этот замысел, поскольку захват Пароландо значительно ослабил бы силы Хаскинга. В самый последний момент Джон заключил договор с Публием Крассом, Тай Фангом и Черским, чтобы они помогли ему побороть Иеясу, силы которого будут подорваны водами, хлынувшими из взорванной плотины.

Джон выслал трех людей, чтобы уничтожить плотину, когда наибольшее количество нападающих и защищающихся будет сосредоточено между рядами защитных стен. Но прежде чем что-либо произошло, Джон сбежал на лодке под прикрытием тумана.

— Значит, вас не было во дворце, когда его обстреливали из пушки? — спросил Клеменс.

— Нет, — хитро улыбнулся Джон. — Я был уже к тому времени в нескольких милях к северу, плывя навстречу Иеясу. Вы никогда не были обо мне высокого мнения, Сэм. Но теперь вам следовало бы упасть предо мной на колени и, в знак

благодарности, поцеловать мою руку. Без меня вы бы все начисто потеряли.

— Если бы вы сказали мне, что следует ожидать нападения Хаскинга, то я вне всякого сомнения все бы сохранил, — зло выкрикнул Сэм. — По крайней мере, Хаскинг угодил бы в засаду.

Взошедшее солнце весело играло в рыжих волосах и серо-голубых глазах Джона.

— Конечно же! Но разве была бы решена проблема Иеясу?! Теперь же и ее не стало. Не осталось почти ничего, что мешало править необходимой нам территорией, включая бокситы и платину Соул-сити и иридий и вольфрам Селинайо. Я полагаю, что у вас нет возражений против покорения этих двух государств.

Все, что произошло позже, можно было назвать удачей. Хаскинг был взят в плен, Гвиневру нашли живой и невредимой. Их во время сражения загнали на холмы к западу, откуда Хаскинг готовился нанести ответный удар. Когда поток затопил эту местность, Гвиневре удалось бежать, хотя она едва не захлебнулась. Хаскинга швырнуло о ствол дерева. У него были перебиты обе ноги и рука и произошло внутреннее кровоизлияние.

Сэм и Джон поспешили туда, где под железным деревом лежал Хаскинг. Гвиневра всплакнула,

увидев их, и обняла Сэма и Лотара. Казалось, Сэма она обнимала гораздо дольше, чем немца, что в общем-то не было неожиданностью, поскольку последние несколько месяцев она и Лотар почти непрерывно ссорились.

Джону не терпелось как можно быстрее с помощью изощренных пыток прикончить Хаскинга. Сэм яростно возражал против этого. Он понимал, что Джон мог бы добиться своего, если бы более решительно настоял на своем, поскольку число его людей впятеро превышало число сторонников Сэма. Но Клеменс потерял всякую осторожность, и Джон уступил. Ему еще нужны были и Сэм, и его приверженцы.

— У вас была Мечта, белый Сэм, — произнес Хаскинг слабым голосом. — Она была и у меня. О земле, где братья и сестры могли бы наслаждаться жизнью и открывать свои души друг перед другом. Где мы все были бы черными. Вам не понять, что это такое. Никаких белых дьяволов, никаких белых! Только черные братья по духу. Это было бы настолько близко к раю, насколько это возможно на этой адской планете. Нельзя сказать, что у нас не было бы проблем. Такое невозможно среди людей. Но это были бы совершенно не те проблемы, которые бывают у белых. Это были бы

наши проблемы! Но теперь эта мечта никогда не сбудется.

— Вы могли бы осуществить свою мечту, — произнес Сэм, — если бы подождали. После того, как судно было бы построено, мы оставили бы железо любому, кто захотел. И тогда…

Лицо Хаскинга исказилось. Его черная кожа покрылась испариной и тело скорчилось от боли.

— Приятель! Ты, должно быть, рехнулся! Ты на самом деле думаешь, что я поверил этой твоей истории о плавании в поисках Великого Грааля? Я знал, что ты собираешься воспользоваться этим громадным судном, чтобы покорить нас, черных, и снова надеть на нас кандалы! Старый белый южанин вроде тебя…

Он закрыл глаза.

— Но вы неправы! Чудовищно неправы! — закричал Сэм. — Если бы вы лучше знали меня, если бы вы удосужились понять меня вместо того, чтобы отождествлять…

Хаскинг приоткрыл глаза и прошептал:

— Вы *лжете* ниггеру, даже когда он находится на смертном ложе? Послушайте, этот нацист Геринг, вот кто по-настоящему потряс меня! Я не приказывал мучить его, я приказал просто убить его, но эти фанатики-арабы, вы знаете их. И все

же слова этого немца дошли до меня. «Привет тебе и прощай, духовный брат» или что-то вроде этого. И еще. «Я прощаю тебя, ибо ты не ведаешь, что творишь». Это ли не парадокс? Призыв к любви из уст гнусного нациста? Вы понимаете, он изменился! И возможно, он прав. Возможно, последователи Церкви Второго Шанса правы. Кто знает? Несомненно, кажется глупым воскресить нас из мертвых, вернуть нам молодость только для того, чтобы мы могли снова измываться и лягать друг друга. Глупо, не так ли?

Он долго смотрел на Сэма, а потом попросил:

— Застрелите меня, пожалуйста. Избавьте меня от мучений. Я на самом деле страдаю.

Лотар стал рядом с Клеменсом:

— После того, что вы сделали с Гвиневрой, я согласен быть палачом.

Он направил дуло кремневого пистолета в голову негра. Хаскинг мучительно улыбнулся и прошептал:

— Насилие из принципа? На Земле я поклялся никогда не совершать насилие, но эта женщина пробудила во мне дьявола. А кроме того, что здесь такого? Вспомните обо всех черных рабынях, которых вы, белые, насиловали???

Как только Сэм отошел, прогремел выстрел.

Его передернуло, но он продолжил свой путь. Это было самое доброе, что Лотар мог сделать для Хаскинга. Завтра он снова будет шагать по берегу Реки, где-то далеко отсюда. Возможно, Сэм еще встретится с ним, хотя этого ему не очень-то и хотелось.

Удовлетворенный, Лотар догнал его. От него пахло порохом.

— Мне надо было бы продлить мучения Хаскинга. От старых привычек тяжело избавляться. Я хотел убить его, и я это сделал. Этот черный дьявол только улыбнулся мне.

— Помолчите, — сказал Клеменс. — Мне и без того тошно. У меня вот-вот возникнет желание все бросить и стать миссионером. Единственные люди, чьи страдания сейчас имеют какой-то смысл — это сторонники Церкви Второго Шанса.

— Это пройдет, — сказал Лотар и оказался прав. Но для этого понадобилось целых три года.

Земля снова стала похожа на изрытое взрывами поле сражения; она провоняла копотью и стала черной от дыма. Но великое Судно все же было построено. Оставалось только испытать его. Был сделан даже последний штрих — огромные черные буквы на белом корпусе. По обоим бортам в десяти футах от ватерлинии шла надпись:

«НЕНАЕМНЫЙ».

— Что это значит, Сэм? — спрашивали его многие.

— Именно то, что написано, — смеялся Клеменс. — В отличие от большинства напечатанных или произнесенных слов. Ни один человек не сможет нанять это судно. Это свободный корабль, и члены его команды — свободные люди, а не чья-то собственность.

— А что означает надпись на стапеле «Вывешивать объявления запрещается!»?

— Мне приснилось, — отвечал Сэм, — что кто-то пытался вывесить здесь объявление, а я сказал ему, что стапель построен не для коммерческих целей. «Вы думаете, что я рекламный агент?» — спросил я их.

В этом сне было еще кое-что, о чем он рассказал только Джо.

— Человек, который расклеивал объявления, сообщавшие о прибытии величайшего Судна, тоже был я един в двух лицах, — говорил Сэм.

— Я ничего не понимаю, Шэм, — произнес Джо.

Сэм не стал ничего объяснять.

28

В день двадцать шестой годовщины Воскрешения впервые заработали колеса огромного судна, примерно через час после того, как разрядились чашные камни, заполняя чаши едой. Кабели и насадка, находившаяся на чашном камне, были убраны, кабели свернуты и уложены в трюм через отверстие в передней части правого борта. Чаши были наполнены чашным камнем в миле к северу и доставлены на корабль амфибией, приводимой в движение паровым двигателем. Легендарный речной корабль, сверкая своим великолепием, двинулся по каналу в Реку к гигантскому волнорезу с правой стороны, который изменял течение таким образом, что корабль не попадал сразу во власть течения, а оставался в устье канала.

Раздался свисток, прозвенел судовой колокол, пассажиры, перегнувшись через перила, ликовали; люди, стоящие на берегу, радостно кричали; огромные гребные колеса заработали, и корабль медленно двинулся в путь.

Судно имело в длину 440 футов 6 дюймов и максимальную ширину — 93 фута. Гигантские

электромоторы привода гребных колес развивали мощность в десять тысяч лошадиных сил и еще оставалась электроэнергия для многих других нужд. Теоретическая максимальная скорость судна в спокойной воде составляла около 45 миль в час. Идя против течения, скорость которого составляла 15 миль в час, оно могло развивать 30 миль в час. По течению же его скорость могла быть почти 60 миль в час. Большую часть времени судно будет идти вверх по Реке со скоростью 15 миль в час относительно суши.

На судне было четыре палубы: так называемая машинная палуба, главная палуба, легкая навесная палуба и посадочная палуба. Капитанский мостик располагался в передней части навесной палубы. За ним находилась длинная надстройка, в которой были расположены каюты капитана и старших офицеров. Рулевая рубка была двухпалубной и располагалась перед двумя высокими и тонкими дымовыми трубами высотой почти в 30 футов. Файбрас возражал против труб, так как дым от больших котлов (необходимых только для нагрева воды и для привода пулеметов) можно было выпускать сбоку. Но Сэм фыркнул и закричал:

— Какое мне дело до сопротивления воздуха?

Мне нужна красота! А красота — единственное, к чему мы стремимся! Кто-нибудь видел колесный пароход без высоких, стройных, внушительных дымовых труб, разве у вас нет души, друг мой?

На судне было шестьдесят пять кают, каждая размером 12 на 12 футов. Здесь были убирающиеся койки, столы и складные стулья. Каждая каюта имела туалет и умывальник с холодной и горячей водой. На каждые шесть кают полагался один душ.

Три просторных кают-компании располагались в надстройке, на навесной и главной палубах. Здесь были общие столы, столики для игры в карты, гимнастическое оборудование, различные аттракционы, киноэкран и сцена для драматических спектаклей и мюзиклов. В кают-компании главной палубы было еще устроено возвышение для оркестра.

Верхняя палуба рулевой рубки была роскошно обставлена резными дубовыми креслами и столами, обтянутыми красной, белой и черной кожей. Штурман сидел в просторном комфортабельном вращающемся кресле перед панелью с приборами. На ней были небольшие экраны проводной телевизионной сети, по которым транслировалось изображение наиболее важных

мест корабля. Перед ним был установлен микрофон, с помощью которого он мог разговаривать с любым пассажиром судна. Управление кораблем осуществлялось двумя небольшими рычагами на подвижном пульте. Левая рукоятка управляла колесом левого борта, правая — соответственно, правого. Здесь же располагался экран радара, включаемого по ночам. Еще на одном экране происходила индикация глубины воды, измеряемая гидролокатором. Тумблер на панели управления мог переключать управление на автоматический режим, хотя по правилам штурман должен был нести круглосуточную вахту.

На Клеменсе были белые сандалии из рыбьей кожи, белый кильт, белая накидка и белая офицерская фуражка из кожи и пластика. К поясу была прикреплена кобура с огромным четырехзарядным пистолетом Марк-2 69-го калибра и ножны с кортиком длиной 10 дюймов.

Он расхаживал по рубке управления с большой зеленой сигарой во рту, опустив руки по швам, и следил за штурманом Робертом Стайлсом, впервые управлявшим судном. Стайлс был красивым парнем, опытнейшим рулевым, некогда плававшим по Миссисипи. Когда он появился, чуть более двух лет назад, Сэм подпрыгнул от

радости и всплакнул, а это случалось с ним всего несколько раз. Он был знаком со Стайлсом, когда они оба были рулевыми на Миссисипи.

Стайлс нервничал, как и всякий бы на его месте, впервые за столько лет вынужденного бездействия взявший в руки рычаги управления. В подобной ситуации нервничал бы и самый прославленный из капитанов на Миссисипи, даже капитан со стальными нервами — Исайя Селлерс.

Управление судном не требовало особого усилия. С этим мог бы справиться и любой одноглазый учитель воскресной школы в полупьяном состоянии. Мог справиться даже шестилетний ребенок, если бы он дотянулся до рычагов. Рычаг вперед — увеличение скорости вращения колес, в среднем положении — остановка, а перемещение рычага назад означало задний ход. Чтобы повернуть влево, нужно было чуть-чуть оттянуть назад левый рычаг и слегка продвинуть вперед правый. Чтобы повернуть вправо — наоборот.

Однако, чтобы достичь надлежащей координации движений, нужно было немного попрактиковаться.

К счастью, для того, чтобы управлять судном на этой Реке, не надо было обладать хорошей

памятью. На ней не было ни островов, ни отмелей, и почти не было коряг. Как только корабль слишком близко приближался к мелководью, гидролокатор включал предупреждающую сигнализацию. Если ночью по курсу оказывалась лодка или затопленное бревно, локатор или радар высвечивали препятствие на своих экранах и загорался красный сигнал опасности.

Сэм с полчаса наблюдал за Стайлсом, пока мимо проплывали берега, заполненные тысячами людей, приветствовавших или проклинавших их, поскольку было очень много разочарованных, которым не повезло при жеребьевке. Но проклятия не доходили до его ушей.

Затем Клеменс взял управление на себя. Через полчаса он спросил у Джона, не угодно ли и ему попробовать? Англичанин был одет во все черное, как бы противопоставляя себя одетому во все белое Сэму. Он взял в руки рычаги управления и справился с вождением судна вполне сносно для бывшего монарха, который никогда не занимался каким-либо трудом и всегда оставлял своим подчиненным всю черновую работу по управлению государством.

Судно проплыло мимо пришедшего в полный упадок государства Иеясу, ныне снова разделив-

шегося на три суверенных территории, и вскоре Клеменс отдал приказ повернуть назад. Роб Стайлс воспользовался случаем, чтобы показать маневренность судна, и развернул его, как он выразился, буквально «на пятачке». Пока левое колесо поворачивалось назад, правое вращалось на полной скорости, и корабль разворачивался на месте. Развернувшись, он поплыл вниз по течению. Подгоняемый ветром и течением, с быстро вращающимися гребными колесами, он шел со скоростью 60 миль в час. Но это продолжалось недолго. Сэм и Стайлс подвели судно к самому берегу, где локатор показал глубину всего в 1 фут. Даже сквозь шум от работы гребных колес, плеск воды, свистки и звон колокола они слышали возгласы толпы на берегу. Лица людей проносились мимо, как во сне.

Сэм открыл иллюминатор в рулевой рубке, чтобы они могли почувствовать ветер, усиливая тем самым ощущение скорости.

«Ненаемный» проследовал вниз по течению до Селинайо, затем снова развернулся. Сэму, конечно, хотелось, чтобы было еще одно судно, с которым можно было бы посостязаться. Но он и так был на верху блаженства от обладания единственным железным работающим на элек-

тричестве судном. Человек не может иметь все, даже на том свете.

Во время обратного рейса на корме открылся огромный люк и из него соскользнул в воду паровой катер. Он то на огромной скорости догонял Судно, то останавливался, дожидаясь, когда корабль почти скроется из виду. Время от времени он выпускал параллельно воде пулеметные очереди, и ему начинали вторить тридцать паровых пулеметов главного судна.

Из отверстия в корме выкатился большой трехместный гидросамолет-моноплан, крылья которого распрямились, и он взмыл вверх. Управлял им Файбрас, пассажирами были его подруга и Гвиневра.

Мгновением позже с вершины палубной надстройки из паровой катапульты был запущен узкий одноместный разведчик-истребитель с открытой кабиной. Его пилотировал Лотар фон Рихтгофен; работающий на древесном спирте мотор самолета гудел ровно и без перебоев. Самолет быстро набрал скорость и скрылся из виду. Затем он вернулся, набрал высоту и впервые — насколько это было известно Сэму — в небе этой планеты, над Рекой, были выполнены фигуры высшего пилотажа.

Свой полет Лотар закончил глубоким пике, в конце которого он выпустил в воду четыре ракеты и дал несколько очередей из спаренного пулемета, стрелявшего алюминиевыми пулями. Гильзы также были алюминиевыми. На борту судна был запас в сто тысяч таких патронов, и когда они будут все израсходованы, их уже нельзя будет ничем заменить.

Лотар посадил узкий моноплан на посадочную палубу, расположенную над надстройкой, и специальные тросы подхватили крюк, выпущенный самолетом при посадке. Однако вращающийся пропеллер остановился всего лишь в трех ярдах от дымовых труб. Лотар еще раз поднял и посадил моноплан. Затем на гидроплане вернулся и Файбрас. Позже он тоже совершил полет на моноплане.

Сэм смотрел через левый иллюминатор на матросов, маршировавших по передней части широкой машинной палубы. Под лучами полуденного солнца, нагревшего воздух до 80 градусов по Фаренгейту, они ходили строем, выполняя сложные маневры под командованием Сирано. Их серебристые, украшенные перьями шлемы из дюралюминия были похожи на шлемы древних римлян. На них были полосатые кольчуги, дохо-

дящие до середины бедер. На ногах — кожаные ботинки. Их вооружение составляли шпаги, кортики и пистолеты Марк-2. Это были Стрелки. Еще большее число моряков наблюдало за спектаклем. Это были лучники и ракетчики.

Увидев в толпе на главной палубе медовую голову Гвиневры, он испытал блаженство. Но заметив рядом с ней темную головку Ливи, тут же впал в уныние.

Гвиневра после шести месяцев заполненной ревностью жизни с Рихтгофеном приняла предложение Сэма и перебралась к нему. Однако Сэм не мог глядеть на Ливи, не испытывая некоторой горечи утраты.

Если бы не Ливи и Джон, он, наверное, был бы на верху блаженства, о котором только мог мечтать. Однако Ливи, возможно, будет сопровождать его все сорок лет Путешествия. А один лишь вид Джона приводил его в уныние и преследовал в кошмарах.

Джон столь охотно позволил Сэму стать капитаном и, не колеблясь, занял должность первого помощника, что Клеменс понял, что он замышляет что-то недоброе. «Но когда же все-таки, — думал Сэм, — произойдет мятеж???». Джон неминуемо должен попытаться захватить всю

полноту власти на Судне, и любой разумный человек, понимая это, тем или иным образом убрал бы Джона со своего пути.

Однако на совести Сэма уже было убийство Эрика Кровавого Топора, и он не мог совершить еще одно убийство, даже зная, что смерть Джона будет временной и завтра же он снова где-нибудь воскреснет. Труп есть труп, и вероломство есть вероломство.

Вопрос состоял в том, когда Джон нанесет удар? В самом начале или гораздо позже, когда бдительность Клеменса ослабнет?

Положение было практически невыносимым. Удивительно, сколько невыносимого может вынести человек!

На капитанский мостик взошел светловолосый верзила. Его звали Август Страбвелл, он был адъютантом Джона. Он был подобран Джоном во время их совместного посещения территории Иеясу после нападения Хаскинга. Этот блондин родился в 1971 году в Сан-Диего, штат Калифорния, и он был защитником сборной США по футболу, капитаном американской морской пехоты, за храбрость, проявленную на Ближнем Востоке и в Южной Америке, был награжден орденом, а затем сделал карьеру в кино и на телевидении.

Он казался весьма приятным парнем, если не считать того, что, подобно Джону, хвастал своими победами над женщинами. Сэм не доверял ему. Всякий, кто служил у Джона Безземельного, имел какие-нибудь пороки.

Сэм пожал плечами. Сейчас он мог бы быть доволен собой. Но почему что-то портит ему настроение в величайший день его жизни?

Он высунулся из окна и стал наблюдать за упражнениями десантников и толпой зевак. Солнце поблескивало на волнах, дул прохладный бриз. Если станет слишком жарко, он может закрыть окна и включить кондиционеры. На высоком флагштоке, установленном на носу судна, ветер трепал флаг. Алый феникс, вышитый на голубом прямоугольнике, символизировал возрождение человечества.

Он помахал людям, толпившимся на берегу, и нажал кнопку. Раздалась серия протяжных гудков и ударов корабельного колокола.

Он сильно затянулся отличной сигарой, выпятил грудь и стал торжественно прохаживаться по капитанской рубке. Страбвелл вручил Джону полный бокал виски, затем такой же предложил Сэму. Все, находившиеся в рубке: Стайлс, шестеро матросов, Джо Миллер, фон Рихтгофен, Файбрас,

Публий Красс, Моцарт, Джон Безземельный, Страбвелл и три других адъютанта, взяли по бокалу.

— Джентльмены, тост! — воскликнул Джон на эсперанто. — За долгое и счастливое Путешествие, за то, чтобы мы добились всего, что заслуживаем!

Джо Миллер стоял рядом с Сэмом, слегка касаясь головой потолка рубки, и держал бокал, в котором было добрых поллитра виски. Он понюхал янтарную жидкость своим чудовищным хоботом, затем попробовал ее кончиком языка.

Сэм уже собирался опрокинуть свои сто пятьдесят граммов, когда увидел гримасу на обезьяньем лице гиганта.

— В чем дело, Джо? — спросил Клеменс.

— В этом пойле ешть что-то не то!

Сэм принюхался, но ничего не смог обнаружить кроме того, что это было отличное виски, не хуже некогда изготовлявшегося в Кентукки.

Однако, когда Джон, Страбвелл и остальные схватились за оружие, он плеснул виски в лицо англичанина и с воплем «Это яд!» бросился на пол.

Прогремел пистолет Марк-2 Страбвелла. Пластиковая пуля врезалась в пуленепробиваемое стекло иллюминатора над головой Сэма.

Джо взревел, будто лев, неожиданно выпущенный из клетки, и швырнул свой бокал в лицо Страбвелла.

Остальные адъютанты выстрелили, потом еще раз. Пистолеты Марк-2 были четырехзарядными. Порох в алюминиевых патронах воспламенялся с помощью электрической искры. Это оружие было еще больше и тяжелее, чем система Марк-1, однако могло стрелять гораздо чаще, и в нем применялся бездымный порох.

Капитанский мостик стал ареной яростного сражения. Его заполнили оглушительные взрывы, скрежет пуль, рикошетом отскакивающих от стен и пластика, крики и вопли людей и рев Джо Миллера.

Сэм перекувырнулся, вскочил, переключил управление судном на автоматический режим. Роб Стайлс валялся на полу с простреленной рукой. Напротив него умирал один из адъютантов короля Джона. Страбвелл перелетел через Клеменса, ударился о стекло и сполз на пол. Джон исчез, очевидно, удрав вниз по лестнице.

Сэм выбрался из-под Страбвелла. Четверо его матросов и все адъютанты Джона были убиты, кроме Страбвелла, который еще был жив, но лежал на полу без сознания. Одним адъютантам

Джо свернул шеи, другим раздробил челюсти. Моцарт, скорчившись, дрыгался в углу. Файбрас истекал кровью, израненный мелкими осколками пластика, у Лотара шла кровь из раны на руке. Один из адъютантов Джона успел ударить его ножом, после чего Джо Миллер повернул его голову на сто восемьдесят градусов.

Сэм, шатаясь, поднялся и выглянул наружу. Толпа, глазевшая на десантников, рассеялась, оставив на палубе несколько трупов. Десантники на машинной палубе отстреливались от людей, паливших по ним с главной палубы. Стреляли также и из некоторых иллюминаторов кают, расположенных на главной палубе.

Сирано не покидал своей быстро сокращавшейся роты десантников, постоянно отдавая распоряжения. Но вскоре люди Джона стали метить в него, и Сирано пригнулся. Через мгновение он вновь поднялся. Его серебристая шпага окрасилась кровью. Противник дрогнул и обратился в бегство. Сирано бросился за ними.

— Дурак! Немедленно вернись! — закричал ему Клеменс, но француз его, конечно же, не слышал.

Сэм попытался оправиться от потрясения. Итак, Джон подсыпал что-то в их бокалы (яд или, может

быть, снотворное), и только чувствительный нос первобытного человека спас их от гибели, сорвав планы англичанина: без хлопот завладеть капитанским мостиком. Он выглянул в иллюминатор правого борта. Всего в полумиле впереди был огромный волнорез, за которым корабль должен был на ночь стать на якорь. Завтра должно будет официально начаться долгое плаванье. «Должно было бы начаться!» — с горечью подумал Клеменс.

Он выключил тумблер автоматического управления и взялся за рычаги управления.

— Джо! — позвал он. — Я намерен вести судно почти возле самого берега, может быть, даже посадить его на мель. Достань мегафон. Я скажу людям на берегу о том, что произошло, и нам должны помочь.

Он потянул на себя правый рычаг и отодвинул левый.

— Что такое? — внезапно завопил он.

Судно продолжало идти тем же курсом вверх по Реке на расстоянии примерно сотни ярдов от берега.

Клеменс начал лихорадочно перемещать рычаги управления, но судно не меняло курса.

Затем из динамика внутренней связи донесся

голос Джона.

— Ваши усилия бесполезны, Сэмюель. Босс, Капитан, Свинья! Я контролирую ход судна. Мой инженер — человек, которому я обещал должность главного инженера — продублировал все органы управления… спрятав их, разумеется, в тайном месте. Я отключил управление из рубки, и судно пойдет только туда, куда захочу я. Поэтому у вас нет ни малейшего преимущества. Сейчас мои люди штурмом овладеют капитанским мостиком и захватят вас в плен. Но я предпочитаю, чтобы вам было нанесено как можно меньше повреждений. Поэтому, если вы сейчас же покинете корабль, я отпущу вас подобру-поздорову. При условии, конечно, что вы сможете проплыть сотню ярдов.

Сэм выругался и в бешенстве стал колотить кулаками по приборной панели. Однако судно продолжало идти мимо пристани, в то время как толпа на берегу приветствовала их, размахивая руками и удивляясь, почему корабль не останавливается.

Лотар посмотрел в задний иллюминатор и сказал:

— Они собираются наброситься на нас! — Он выстрелил в человека, внезапно появившегося

из-за дальнего угла надстройки на навесной палубе.

— Долго мы не продержимся! — отметил Файбрас. — У нас очень мало боеприпасов.

Сэм осторожно выглянул в передний иллюминатор. Несколько мужчин и женщин выскочили на машинную палубу, а затем остановились.

Среди них Клеменс узнал Ливи.

Вновь завязалась схватка. Пока Сирано пронзал шпагой ближайшего к нему противника, другой бросился на него сзади. Ливи попыталась было отвести удар меча своим пистолетом, который, вероятно, был разряжен, но меч скользнул по оружию и ушел ей в живот. Она упала на спину. Меч торчал из ее тела. Человек, убивший ее, погиб секундой позже, когда шпага Сирано пронзила его горло.

Сэм закричал:

— Ливи! Ливи! — и, выскочив из рубки, побежал вниз по трапу. Пули свистели вокруг него, ударялись в перила и лестницу. Он ощутил ожог, услышал за спиной крики, но не остановился. Он вряд ли соображал, что Джо Миллер и остальные выскочили вслед за ним. Вероятно, они решили спасти его либо спастись самим, чтобы не погибнуть в рубке.

Повсюду валялись убитые и раненые. Людей Джона было довольно мало. Англичанин, очевидно, рассчитывал на неожиданность, и он достиг своего. Десятки людей были убиты первыми же залпами, многие погибли во время паники, многие, у кого не было оружия, поняв, что спрятаться негде, попрыгали в воду.

Теперь корабль повернул к берегу. Его колеса на полных оборотах шлепали по воде, палуба сотрясалась. Джон повернул корабль к берегу, где его поджидала толпа вооруженных мужчин и женщин.

Это были недовольные, несмирившиеся с тем, что жребий лишил их возможности стать членами экипажа судна. Окажись они на борту, они тут же сметут оставшихся на судне сторонников Сэма.

Сэм бежал вдоль навесной палубы, держа в руках шпагу и пистолет, в котором оставалось еще два патрона. Он не помнил, каким образом оружие оказалось у него в руках. Он не помнил, когда он расстегнул кобуру и ножны.

На краю палубы, впереди, у трапа, возникло лицо. Он выстрелил прямо в него, и лицо исчезло. Клеменс оказался на самом краю палубы и, взглянув вниз, выстрелил. На этот раз он снова не

промахнулся. Грудь человека, загораживающего спуск по трапу, окрасилась кровью, и он упал вниз, потянув за собой еще двоих. Но остальные подняли пистолеты, и ему пришлось отскочить назад. Первый залп миновал его, хотя несколько осколков попало ему по ногам.

— Шэм! Шэм! — кричал бежавший сзади Джо Миллер. — Нужно прыгать. Мы окружены!

Внизу Сирано, не выпуская из рук шпаги, отбивался сразу от троих и отступал к перилам у борта. Затем его шпага со свистом рассекла воздух в последний раз, противник свалился с пронзенной глоткой, а Сирано мгновенно повернулся и перепрыгнул через перила. Вынырнув, он энергично заработал руками, чтобы отплыть подальше от гребного колеса.

Пули вонзались в стенки кают позади Клеменса, и Лотар крикнул:

— Прыгайте, Сэм! Прыгайте!!!

Но они не могли прыгать. Им еще нужно было пробиться на нижнюю машинную палубу, а затем на главную.

Джо повернулся и уже бежал к людям, стреляющим из-за дальних кают на навесной палубе, сжимая в руке свой большущий топор. Пули свистели вокруг него, оставляя тонкий дымный след,

но он был слишком далеко, чтобы они могли в него попасть. Кроме того, он надеялся на свой устрашающий вид и отвагу, о чем противник отлично знал, и это всегда вызывало панику.

Так они очутились возле кожуха гребного колеса. Это было в 10 футах от края навесной палубы, и если бы они встали на перила и прыгнули, то могли бы схватиться за большие железные кольца, через которые продевали канаты, когда кожух с помощью крана опускали на колесо.

Они прыгнули один за другим, пока вокруг свистели пули, и схватились за кольца. Тела их гулко ударились о металлический кожух. Они подтянулись и взобрались на кожух, перелезли через него и прыгнули. Вода была в 30 футах внизу. В другой ситуации Сэм бы дважды подумал перед прыжком, но сейчас, зажав нос, он, не размышляя, прыгнул в воду.

Когда Клеменс вынырнул, то увидел, что Джо тоже спрыгнул, но не с кожуха колеса, а с главной палубы. Ему удалось прорваться по трапу вниз, разбрасывая на своем пути пигмеев, пытавшихся помешать ему. Все его тело было в крови. Он прыгнул в воду под пулями и градом стрел, летевших ему в спину.

Сэм снова нырнул, так как застрекотало

несколько паровых пулеметов и вокруг него вода закипела фонтанчиками от пуль семьдесят пятого калибра.

Примерно через две минуты корабль стал разворачиваться. Джон, должно быть, обнаружил, что его главный противник бежал. Однако к этому времени Сэм был уже на берегу и бежал что есть мочи, хотя ему казалось, что его ноги вот-вот подкосятся и он рухнет наземь. Стрельба больше не возобновлялась.

Вероятно, Джон решил не убивать его. Он хотел причинить Сэму как можно больше страданий. А самые большие страдания, вне всякого сомнения, принесет Клеменсу сознание своего поражения.

Из мегафона загремел голос Джона:

— Прощайте, Сэмюель! Вы — идиот! Спасибо за то, что построили для меня Судно! Я переименую его, дав название, которое меня больше устроит! Теперь я пожну плоды ваших трудов! Вспоминайте обо мне как можно чаще, мой друг! Прощайте!

Усиленный мегафоном голос англичанина, казалось, разрывал уши Сэма.

Он вышел из своего убежища в первой же попавшейся хижине и взобрался на стену у самой воды. Корабль остановился и перекинул прикрепленные тросами сходни на берег, чтобы дать

возможность взойти на борт предателям. Внизу, у подножья стены, раздался чей-то голос. Он посмотрел вниз и увидел Джо. Его рыжие волосы были темными от воды, кроме тех мест, где у него сочилась кровь.

— Лотар, Файрбрашш, Ширано и Джонштон тоже живы, Шэм! — кричал он. — Как ты шебя чувштвуешь?

— Если бы это хоть чуть-чуть помогло, я бы убил себя! Но эта планета — сущий ад, Джо, истинный ад! Здесь нельзя даже как следует покончить с собой! На следующее утро ты снова просыпаешься, и все твои неприятности продолжают торчать у тебя поперек горла.

— Что же мы теперь будем делать, Шэм?

Клеменс долго не отвечал. Теперь не только он, но и Сирано тоже потерял Ливи. Сейчас, не видя ее, он мог переносить мысль о том, что потерял ее. Позже придет раскаяние за это злорадство над потерей Сирано.

Но не теперь. Сейчас он был слишком потрясен. Потеря судна была для него еще большим потрясением, чем зрелище убийства Ливи!

После всех этих лет тяжелой работы, печалей, хитроумных интриг…

Вынести все это было невозможно.

Джо был глубоко опечален видом плачущего Сэма, но он сидел терпеливо, пока не увидел, что слезы на щеках его друга стали высыхать. Только тогда он подал голос:

— Шэм, мы начнем делать еще одно Судно?

Сэм поднялся на ноги. Электромеханическая машина его легендарного речного Судна подняла сходни, раздались протяжные гудки и звон судового колокола. Как хохочет сейчас Джон! О Боже! Возможно, он даже следит за Сэмом в подзорную трубу.

Клеменс помахал кулаком, надеясь, что Джон видит его.

— Я еще доберусь до тебя, предатель Джон! — взвыл он в ярости. — Я построю другое судно и изловлю тебя! Независимо от того, сколько препятствий будет у меня на пути! Я догоню тебя и уничтожу украденное тобой судно. Я смету его с поверхности этой Реки! Никто, слышишь ты, никто, абсолютно никто, ни Незнакомец, ни Дьявол, ни Бог, несмотря на все их могущество, не сможет остановить меня!

Когда-нибудь, Джон! Когда-нибудь!

Филип Хосе Фармер
Темные замыслы

1

Сны окутали Мир Реки.

Сон, Пандора ночи, здесь был щедрее, чем на Земле. Там сегодня он был одним у вас, другим — у вашего соседа. Завтра же соседский сон переходил в ваш дом, а ваш — в соседский. Но здесь, на бескрайних равнинах нескончаемых берегов Реки, он каждого наделял грудой сокровищ, выплескивая все свои дары: кошмары и наслаждения, воспоминания и надежды, тайны и откровения.

Миллиарды людей ворочались, бормотали, стенали, вздыхали, смеялись, вскрикивали и на пороге пробуждения вновь проваливались во тьму беспамятства. Все преграды подсознания падали перед мощными силами, что-то уносилось прочь и зачастую никогда не возвращалось. Оставались лишь фантомы; но и те исчезали с рассветом. Здесь сны повторялись чаще, чем на родной планете. Содержатели ночного Театра Абсурда снова и снова ставили все те же комедии и драмы — и, хотя авторство пьес им не принадлежало, они самовластно распоряжались и репертуаром, и зрителями. Публика не

могла освистать или одарить аплодисментами спектакль, забросать сцену яйцами и гнилой капустой, с шумом покинуть зал или продремать весь вечер.

Среди полоненных зрителей был и Ричард Фрэнсис Бартон.

2

Клубившийся серый туман вдруг замер и повернул вспять. Бартон стоял на возвышении, напоминавшем ступеньку елизаветинского трона. Над ним, плавая в тумане, в расположенных полукругом креслах сидели двенадцать человек — и еще один, напротив, лицом к остальным. Это был он сам — Ричард Бартон.

Поодаль, в облаках, парил силуэт четырнадцатого. Он был виден лишь Бартону — темная мрачная фигура, издававшая странные бессмысленные звуки. Нечто подобное уже случалось прежде: однажды — в действительности, и множество раз — в снах. Правда, кто мог знать, где явь, а где — наваждение? Перед двенадцатью, называвшими себя этиками, сидел человек, умиравший семьсот семьдесят семь раз.

Шестеро мужчин, шестеро женщин. Почти все, за исключением одной пары, были темнокожими или смуглыми. У двух мужчин и женщины — едва заметная складка эпикантуса на веках. Если эти существа происходили с Земли, их родиной, скорее всего, была Евразия.

Только двоих из двенадцати называли по име-

нам в течение допроса — Логу и Танабара. Ни в одном из известных Бартону языков — а он знал их около сотни — не существовало имен, звучавших подобным образом. Правда, со временем языки меняются, а этот, возможно, принадлежал пятьдесят второму веку нашей эры. Один из агентов, Спрюс, утверждал, что он — выходец из той эпохи. Впрочем, ему тогда грозили пыткой, и он мог солгать.

Одним из светлокожих был Лога. Он не поднимался с кресла (как раньше, так и теперь), поэтому Бартон не мог судить о его росте, однако тело этика казалось мускулистым и плотным. На его плечи падали рыжие волосы — ярко-рыжие, как лисья шкура. Черты лица казались резкими, словно вырубленными из камня — выступающий вперед подбородок с глубокой ямкой, массивные челюсти, крупный орлиный нос, толстые губы. Глаза были темно-зелеными.

Другой светлокожий человек, Танабар, по всей видимости являлся их предводителем. Сложением и обличьем он так напоминал Логу, что два этика казались братьями. У него были темно-каштановые волосы, один глаз горел странным светом — зелень с примесью янтарной желтизны.

Когда Танабар впервые обратил к Бартону другую половину лица, тот вздрогнул. Во второй глазнице сверкал сотнями фасеток драгоценный камень — чудовищный зрачок насекомого, напоминавший огромный бриллиант. Это искусственное око, нацеленное на Бартона, внушало ему какую-то смутную тревогу; возможно, оно воспринимало то, что недоступно живому глазу?

Только трое из двенадцати говорили с ним: Лога, Танабар и стройная, полногрудая блондинка с большими голубыми глазами. По тому, как женщина обращалась к Логе, Бартон заключил, что они — супруги.

Над головой каждого из сидящих, в том числе — и двойника Бартона, висели туманные сферы. Они вращались, непрерывно меняя цвет и время от времени, пронизывая пространство иглами лучей — зеленых, голубых, черных и белых. Иногда лучи исчезали, потом появлялись вновь.

Бартон пытался установить связь между вращением сфер, сменой лучей и поведением трех этиков, а также своего второго «я» — с различием внешности, со смыслом произносимых слов, их эмоциональностью. Однако пока ему не удалось обнаружить никакой зависимости.

Правда, в том, давнем, эпизоде он не видел

собственной ауры. Другим было и направление разговора, будто Создатель Снов переписал старый сценарий.

Лога, человек с рыжими волосами, произнес:

— Наши агенты давно разыскивали вас. К сожалению, их слишком мало — ведь на берегах Реки проживает тридцать шесть миллиардов шесть миллионов девять тысяч шестьсот тридцать семь кандидатов.

— Кандидатов — на что? — спросил Бартон со своего возвышения.

В предыдущей встрече он не пытался проникнуть в эту тайну.

— Это известно лишь нам; вы же попытайтесь разгадать, — ответил Лога, сверкнув белыми зубами, и продолжал: — Нам не приходило в голову, что вы попытаетесь ускользнуть, раз за разом совершая самоубийство. Так тянулось годами. У нас хватало других забот, поэтому пришлось снять всех агентов с дела Бартона, как мы его называли — кроме немногих, ожидавших у истока и в устье Реки. Каким-то образом вам удалось узнать о Башне на полюсе. Позднее мы с этим разберемся…

Наблюдая за ним, Бартон подумал: «Значит, они не сумели обнаружить Икса».

Он попытался приблизиться к актерам этого странного спектакля и разглядеть их внимательней. Кто же из них был тем этиком, который разбудил его в предвоскресительный период? Неведомым Пришельцем, навестившим его в грозовую, сверкающую молниями ночь? Кто должен спасти его? Кто же тот изменник, таинственный ренегат, которого Бартон называл про себя Иксом?

Он с трудом сопротивлялся ветру и холодному туману, летучему и твердому одновременно, сковавшему его словно волшебная цепь, что по велению богов связывала Рагнорука с волком-великаном Фенриром.

— Мы все равно нашли бы вас, — продолжал Лога. — Видите ли, каждая капсула в восстановительной камере — там, где вы столь неожиданно пробудились на стадии, предшествующей воскрешению, — снабжена автоматическим счетчиком. Любой кандидат, у которого число актов гибели намного превосходит среднестатистическую величину, рано или поздно подвергается более пристальному изучению. Точнее — будет подвергнут; сейчас нам не хватает для этого людей. — Сегодня мы не имеем представления, каким образом вы достигли такого ошеломля-

ющего результата — семьсот семьдесят семь актов смерти; при очередном обследовании ваша предвоскресительная капсула была пуста. Но два техника, видевших вас в момент первого пробуждения, смогли вас опознать — по… скажем, по фотографии. Мы настроили ПВ-капсулу таким образом, чтобы в следующий раз, когда ваше тело окажется в ней, был дан сигнал. В конце концов, вы все равно оказались бы здесь.

Но на этот раз Бартон не умер; они обнаружили его живым. Если бы он попытался убежать, его все равно схватили бы. А, может быть, и нет? Но в случае ночного побега его могла убить молния, а они уже поджидали его в ПВ-камере… Бартон предполагал, что она находится под поверхностью планеты или в Башне северного моря.

— Мы тщательно исследовали ваше тело, а также проанализировали каждый компонент вашего… психоморфа или ауры, если вы предпочитаете этот термин, — Лога указал на сферу, переливающуюся над головой Бартона.

Вдруг этик повел себя весьма странно. Он обернулся и ткнул пальцем в Бартона-наблюдателя:

— Мы не нашли разгадки!

Со своего места на возвышении Бартон выкрикнул:

— Вы считаете, что вас только двенадцать! Но здесь есть тринадцатый! Роковое число!

— Важно не количество, а качество, — произнес кто-то невидимый.

— Вы ничего не сможете вспомнить о том, что здесь произошло, когда вернетесь на берег Реки, — предупредил Лога.

Как и на первом допросе, тот, второй, Бартон хранил молчание.

Но Бартон-наблюдатель поинтересовался:

— Как вы заставите меня забыть?

— Мы можем стереть из вашей памяти все, как с магнитной ленты, — Танабар словно читал лекцию. (Может быть, он и есть Икс и сейчас предупредит его? — мелькнуло в голове у Бартона). — Тогда у вас не останется и следа воспоминаний о семи годах, проведенных в долине. Правда, для этого нужна огромная энергия… Но мы уничтожим лишь некоторые эпизоды. Компьютер, сканирующий память в ускоренном режиме, оказался бессильным только в тот момент, когда вас посетил этот грязный ренегат. Все остальное просматривалось вполне отчетливо. Мы знаем обо всем, что случилось с вами. Мы видели то, что видели вы, слушали и чувствовали вместе с вами, даже ощущали окружавшие вас запахи.

Мы сопереживали происходившее с вами.

— К сожалению, предатель пришел к вам ночью и идентифицировать его — или ее — не удалось, хотя мы пропустили запись голоса через акустический дистортер. Я говорю — его или ее — потому что вы видели лишь бледный силуэт и не могли различить ни черт лица, ни пола, ни других характерных особенностей. Голос казался мужским, но женщина могла имитировать его с помощью несложных устройств. Запах тела тоже оказался фальшивым. При анализе мы обнаружили только молекулы некоего искусственном химическом соединения.

— Короче, Бартон, мы не выяснили, кто предатель, и не понимаем, почему он — или она — действует против нас. Совершенно непостижимо! Познавший истинный мир пытается предать нас! Единственный вывод — он безумец, хотя это тоже невозможно.

Бартон, стоявший на возвышении-ступеньке, каким-то образом знал, что Танабар не произносил этих слов на первом представлении спектакля. Он знал также, что спит и приписывает эти слова Танабару. Речь этика родилась в мыслях Бартона, это были его собственные рассуждения, фантазия, пришедшая в голову позже.

Теперь заговорил Бартон, сидевший в кресле:

— Если вы можете читать мысли и записывать их, то почему бы вам не прочитать свои? Тогда вы обнаружите предателя.

Лога смущенно взглянул на него.

— Конечно, мы подвергались проверке, однако… — он пожал плечами и поднял вверх ладони.

— Однако, — вмешался Танабар, — человек, котором вы зовете Иксом, лгал вам. Он — не один из нас; всего лишь второстепенный агент. Мы соберем всех для сканирования памяти — но со временем; их слишком много. В конце концов, мы найдем предателя.

— А если выяснится, что никто из них не виновен? — спросил сидевший в кресле Бартон.

— Не будьте наивным и не беспокойтесь об этом, — мягко произнес Лога. — Перед пробуждением в предвоскресительной капсуле можно стереть из памяти любое событие. Вы забудете о визите отступника, — он сделал паузу, потом нерешительно продолжил: — Мы искренне удручены тем, что приходится прибегнуть к насилию. Но сейчас это неизбежно, а со временем мы искупим вину и восстановим справедливость.

— Но, — отозвался Бартон из кресла, — у меня

еще есть воспоминания о том месте… о ПВ-капсуле. Вы забываете, что я часто думаю о минутах, предшествующих появлению Икса. И, наконец, мне удалось многим рассказать об этом.

— Полагаете, они вам действительно поверили? — спросил Танабар. — Но даже если и так, то что они могут сделать? Нет, мы не хотим вас полностью лишить памяти о жизни здесь; слишком большая потеря, вы забудете своих близких, своих друзей… И, кроме того, — он запнулся, — это может замедлить ваше продвижение к цели.

— К цели? К какой цели?

— Пора вам все знать. Тот безумец, что предложил вам свою помощь, на самом деле только использует вас. Он скрыл, что, выполняя его замыслы, вы можете лишиться шанса достичь вечной жизни. Поймите, он или она — кем бы ни был предатель, — это воплощение зла! Да, зла!

— Теперь, — добавил Лога, — мы убедились окончательно — ваш незнакомец поражен болезнью.

— Его болезнь в определенном смысле и есть зло, — произнес человек с кристаллом в глазнице.

Откинувшись в кресле, Бартон вызывающе расхохотался.

— Значит, вы, ублюдки, ровно ничего не знаете?

Он вскочил на ноги, опираясь на туман, как на твердь, и закричал:

— Вы просто не хотите, чтобы я добрался до истоков Реки! Но почему? Почему?

— О'ревуар, — сказал Лога, — и простите нас за то, что мы прибегаем к насилию.

Женщина направила на Бартона синий блестящий жезл, и он рухнул. Двое мужчин в белых кильтах, выплыв из тумана, подхватили бесчувственное тело и погрузили его в облако.

Бартон-наблюдатель вновь попытался разглядеть паривших в кресле людей. Низвергаясь в туманную пропасть, он погрозил им кулаком:

— Вы, ублюдки, никогда меня не поймаете!

Темные силуэты беззвучно зааплодировали.

Бартон считал, что вернется туда же, где его застали этики. Однако он очнулся в Телеме, в той самой крошечной стране, которую когда-то основал.

Он был изумлен — ему сохранили память. Он помнил все, даже инквизиторский допрос с участием двенадцати этиков.

Каким-то образом Икс сумел обмануть всех.

Позднее Бартон не раз гадал, не пытались ли

Они обмануть и запугать его. Похоже, в этом не было смысла, но кто мог знать Их истинные намерения?

Он вынужден был одновременно вести вслепую два шахматных поединка. Это требовало мастерства, знания правил игры, умения манипулировать фигурами на доске. Он же не знал ни правил, ни уровня подготовки своих соперников.

Их замыслы были темны и непредсказуемы.

3

Застонав, Бартон очнулся, пребывая в состоянии полусна, на грани реального и призрачного миров.

Он не знал, где сейчас находится. Его окружала темнота, мрак столь плотный, что, казалось, он пропитывал насквозь и тело, и разум.

Его успокоили привычные звуки. Корабль терся о стенку причала, вода перехлестывала через палубу. Возле него слышалось легкое дыхание Алисы. Он коснулся ее теплого мягкого плеча. Снаружи долетел звук шагов Питера Фригейта, несущего ночную вахту. Видимо, он собирался будить капитана. Бартон же не имел представления о времени.

Затем он расслышал другие домашние звуки: сквозь деревянную перегородку проникал густой храп Казза и посапывание его подруги Бест. Из каюты напротив доносился голос Моната. Он что-то бормотал на родном языке, но Бартон не различил слов.

Очевидно, Монат видел сны о далекой Атакау, планете с «бурной роковой судьбой», кружившей около оранжевой звезды Тау Кита.

Еще мгновение он лежал неподвижно, как труп, повторяя в уме: «Я — Ричард Бартон. Человек, которому сто один год, в теле двадцатипятилетнего».

Этики сумели сделать эластичными сосуды претендентов на вечную жизнь, но перебороть атеросклероз души им не удалось. Ее омоложение не коснулось.

Он снова соскользнул в беспамятство — к новому сну и новому допросу. Но теперь память прокручивала то давнее, самое первое видение, посетившее его за миг до Трубного Гласа. Он как бы со стороны наблюдал за собой, являясь одновременно и зрителем, и актером.

Бартон — участник пьесы лежал на траве, беспомощный, как ребенок, а над ним возвышался Бог. На этот раз Он не подавлял ростом; борода у него отсутствовала, а одежда ничем не напоминала костюм английского джентльмена времен королевы Виктории. Его единственным одеянием было голубое полотнище, обернутое вокруг чресел. В отличие от прошлого явления, Бог выглядел невысоким юношей с мускулистым и крепким телом. На груди курчавились рыжие завитки.

В первый момент Бартону казалось, что он видит свое отражение: те же густые волосы, то

же лицо семитского типа с черными, глубоко посаженными глазами, высокими скулами, полными губами и упрямым, слегка раздвоенным подбородком. Отсутствовали только длинные шрамы, следы сомалийского дротика, пронзившего челюсть Бартона при схватке в пустыне.

Он присмотрелся. Да, лицо выглядело знакомым, однако оно не было лицом Ричарда Френсиса Бартона.

Бог держал в руке железный посох и, как в прежнем сне, тыкал концом в ребра Бартона.

— Ты опоздал, опоздал с выплатой своего долга! Ты понял?

— Какого долга? — спросил человек, лежавший в траве.

Бартон-зритель внезапно обнаружил клубящийся туман, который окутывал тех двоих. Нависшая серая кулиса вздымалась и опускалась, словно грудь неведомого тяжело дышащего зверя.

— Ты обязан мне плотью, — произнес Бог, вновь вонзая свой посох в распростертое тело. Но Бартон-наблюдатель тоже ощутил резкую боль в боку.

— Ты обязан мне плотью, — повторил Бог, — и душой, что, впрочем, одно и то же.

Лежащий Бартон попытался встать на ноги. Задыхаясь, он произнес:

— Никто не посмеет безнаказанно бить меня по ребрам!

В стороне раздался чей-то смешок, и Бартон, наблюдавший за этой сценой, заметил в клубах дыма темную высокую фигуру.

— Платите, сэр, — настаивал Бог. — В противном случае, я буду вынужден лишить вас права пользования.

— Проклятый долг! — выругался лежащий Бартон. — Похоже, мне грозит что-то вроде второго Дамаска!

— Да, это — путь в Дамаск. Возможно, он еще предстоит тебе.

Темная фигура вновь разразилась странным хихиканьем. Туман заполонил все вокруг. Поймав свой последний всхлип, Бартон проснулся весь в поту.

Алиса повернулась к нему и сквозь сон пробормотала:

— Тебе приснилось что-то страшное, Дик?

— Нет, все в порядке. Спи, спи.

— У тебя же не было кошмаров последнее время?

— Не больше, чем на Земле.

— Тебе хочется поговорить?

— Я и разговариваю. Во сне.

— С самим собой?

— А кто знает меня лучше, чем я сам? — он рассмеялся.

— И кто может лучше себя обмануть? — с легкой иронией шепнула она.

Бартон не ответил. Через несколько секунд Алиса уже дышала ровно и спокойно, но разговор мог сохраниться в ее памяти. Ему не хотелось начинать утром очередную ссору.

Он любил спорить, это давало необходимую разрядку. Но их споры стали постоянными, и эта вечная борьба все больше раздражала его.

На крохотном судне слышно каждое громко сказанное слово, и их перепалки было трудно не заметить. Алиса очень изменилась за проведенные с ним годы, но сохранила отвращение благовоспитанной леди к стирке грязного белья на людях. Зная это, он нередко заканчивал спор окриком, со странным торжеством наблюдая, как она замыкается, уходит в себя. Правда, оскорбив ее, он потом стыдился своих побед.

Весь этот клубок вызывал у Бартона еще большее раздражение.

Палуба поскрипывала под шагами Фригейта.

Бартон решил сменить его пораньше; заснуть он все равно не мог. Всю жизнь на Земле он страдал от бессонницы, а здесь она усилилась. Фригейт же будет счастлив отправиться на боковую. Во время ночной вахты он всегда боролся со сном.

Бартон прикрыл глаза, и темнота сменилась серыми сумерками. Сейчас он увидел себя в огромном помещении без стен, пола и потолка. Он был наг и плавал в пустоте, медленно поворачиваясь, будто его подвесили на невидимом и неосязаемом стержне. Вращаясь, он заметил вокруг множество нагих тел, лишенных, как и он сам, волос. Рядом с ним плыл человек, его правая рука от локтя до кончиков пальцев казалась куском красной сырой плоти. У другого на лице не было не только кожи, но и мышц. Еще дальше вращался скелет, внутри которого виднелись лишь серые меха легких да свернутый клубком кишечник.

Повсюду, меж красноватых, отсвечивающих металлом стержней, за руки и за ноги были подвешены тела. Они возвышались над невидимым полом и опускались с невидимого потолка. Насколько хватало глаз, он видел только бесконечные ряды тел, разделенных по вертикали стержнями; они были везде — сверху, снизу,

сбоку.

Стержни тянулись вверх и вниз, пропадая в серой бесконечности.

Итак, сэр Ричард Френсис Бартон, капитан и консул Ее Величества в городе Триесте Австро-Венгерской Империи, умер 19 октября 1890 года.

Но теперь он снова жив и пребывает неизвестно где: ни на рай, ни на ад, насколько ему известно, все это не походило.

Перед ним миллионы тел, но жив и бодрствует только он один.

Парящему среди стержней Бартону следовало бы удивиться, почему именно ему досталась эта незаслуженная честь.

Но Бартон-наблюдатель уже твердо знал, почему.

Его разбудил тот этик, которого он называл Иксом; тот предатель.

Висевший в пустоте человек дотянулся до одного из стержней, и все тела вместе с ним начали падать вниз.

Наблюдавший Бартон испытал такой же ужас, как и в первый раз. Это был первородный кошмар, присущий всему человечеству, — сон о падении. Несомненно, он унаследован от первого человека, полуобезьяны, для которой падение не сон, а

устрашающая реальность. Она перепрыгивала с ветви на ветвь, гордясь, что может преодолеть пропасть. И падала именно из-за своей гордыни, мешавшей здраво судить о реальности.

Падение Люцифера — тоже след гордыни.

Сейчас тот, другой, Бартон судорожно ухватился за стержень и повис; мимо него, медленно вращаясь и сталкиваясь, сплошным водопадом плоти скользили вниз тела.

В этот момент он заметил воздушный аппарат в форме каноэ, опускающийся между стержнями. Эта летающая лодка не имела ни крыльев, ни пропеллера, ни других известных Бартону приспособлений, способных поддерживать ее в воздухе.

На носу аппарата виднелось символическое изображение белой спирали, от которой исходил яркий свет. Над бортом показались две фигуры, и внезапно падение тел стало замедляться. Невидимая сила подхватила Бартона и оторвала от стержня. Его понесло вверх, перевернуло, он поплыл и замер около каноэ. Один из мужчин направил на него металлический стержень размером с карандаш. Охваченный ужасом, в приступе яростного бессилия, Бартон взревел:

— Убью! Убью!

Угроза была пустой — как темнота, погасившая его сознание.

Сейчас только одно лицо виднелось над краем аппарата. И хотя Бартон-зритель не мог отчетливо различить черты, оно показалось ему знакомым: это было лицо Икса.

Этик глумливо усмехался.

4

Бартон потянулся, пытаясь схватить Икса за горло.

— Ради Бога, Дик! Это же я, Пит!

Он разомкнул руки и выпустил горло Фригейта. Свет звезд, ярких, как в полнолуние на Земле, падал сквозь открытую дверь, освещая фигуру Питера.

— Ваша очередь дежурить, Дик.

— Потише, пожалуйста, — пробормотала Алиса.

Бартон скатился с кровати и нащупал одежду, висевшую на гвозде. Несмотря на выступивший пот, он весь дрожал. Маленькая каюта, нагревшаяся от человеческого тепла, сейчас остывала, заполняясь холодным туманом.

Алиса произнесла: «Брр!» — и потянула на себя тонкое покрывало. Он бросил быстрый взгляд на обнаженное тело, потом — на Фригейта, но американец отвернулся и шагнул к лестнице. При всех своих недостатках Бартон не был ревнив; не станет же он попрекать парня за нескромный взгляд, догадываясь, к тому же, что тот увлечен Алисой. Об этом не говорили, но знали все — и

Бартон, и сама Алиса, и Логу, подруга Фригейта. Пожалуй, никого, кроме Алисы, это не касалось. За долгие годы она утратила изрядную часть своего викторианского целомудрия и временами — конечно, подсознательно — поощряла Фригейта, хотя потом отрицала все начисто.

Бартон решил не обсуждать этот эпизод, хотя сердился и на Фригейта, и на Алису. Если он обронит хоть слово, то будет выглядеть идиотом — ведь Алиса, как и все остальные, купались в Реке нагишом, не обращая внимания на окружающих. Фригейт сотни раз имел возможность видеть ее без одежды.

Ночью они устраивались под кипой покрывал, скрепленных магнитными застежками. Бартон отстегнул и накинул на себя одно из них, опоясался ремнем из рыбьей кожи, прикрепив к нему ножны с кремневым кинжалом и каменным топором, и повесил через плечо деревянный меч. Его кромки были усажены кремнем, вместо острия торчал рог речного дракона. Наконец, он вынул из стойки тяжелое копье и пошел к трапу.

На палубе он окунулся в густой туман. Фригейт был одного роста с ним, и Бартону казалось, что голова американца, лишенная туловища, плавает в клубящейся дымке. Сверху струился

свет, хотя небеса над Рекой не знали луны. Над головой все сияло от ярких звезд и гигантских сверкающих газовых облаков. Фригейт полагал, что этот мир находится вблизи центра галактики. Но истинное местоположение планеты знали только ее таинственные хозяева.

Прошло немало лет с тех пор, как Бартон и его друзья построили новое судно и уплыли из Телема. «Хаджи-2» не был копией своего предшественника, а представлял из себя одномачтовый тендер с косым парусным оснащением. На борту находились Бартон, Алиса Харгривс, Фригейт, Логу, Казз, Бест, Монат Граутат и Оуэнон. Об этой женщине было известно лишь то, что она происходит из древнего доэллинистического племени пеласгов и не возражает делить ложе с инопланетянином. Вместе с этой неизменной командой (Бартон обладал счастливейшим даром объединять вокруг себя самых разнообразных людей) он двадцать пять лет плыл вверх по Реке. В Телеме остался лишь Лев Руах, один из участников прежней эскапады.

Но «Хаджи-2» не оправдал надежд Бартона на долгое путешествие: на маленьком судне члены команды страдали от неизбежной тесноты и толкотни. Снять постоянную напряженность мог

лишь длительный отдых на берегу.

Бартон решил сделать очередную остановку. К тому времени судно достигло широкой части Реки, где она разливалась в озеро длиной около двадцати миль и втрое меньшей ширины. В западной части озеро сужалось, образуя пролив в четверть мили. Течение там было бурным, но, к счастью, дул попутный ветер. При противном ветре «Хаджи-2» не смог бы маневрировать в таком узком канале.

Вместо того, чтобы пристать к берегу, Бартон направил тендер к одному из утесов, выступавших посередине озера. За скалой тянулась коса, высоко приподнятая над урезом воды. На ней виднелось несколько грейлстоунов, в стороне стояли хижины. На острове были причалы, удобные для стоянки, но они находились выше по течению, и Бартон поставил судно у ближайшего. Команда завела канаты, затем по борту навесили мешки из кожи меч-рыбы, набитые травой. Со всех сторон к ним начали осторожно сходиться туземцы. Бартон поспешил заверить их в мирных намерениях своего экипажа и вежливо осведомился, можно ли воспользоваться их каменными граалями.

На острове обитали два десятка низкорослых темнокожих людей, язык которых был незнаком

Бартону. Но они говорили на испорченном эсперанто, и языковой барьер был преодолен.

Возвышавшийся неподалеку от деревушки грейлстоун представлял обычное грибообразное сооружение из серого гранита с красными вкраплениями. Камень был Бартону по грудь и на его плоской вершине находилось примерно семьсот выемок — такого же размера, как днища цилиндрических чаш.

Незадолго до рассвета все жители на обоих берегах Реки ставили в углубления камней-граалей свои чаши из серого металла. Говорившие по-английски называли эти цилиндры чашами, пандорами, кормушками и тому подобными прозвищами, но общепринятым названием стало пандоро. Этот термин на эсперанто распространили миссионеры Церкви Второго Шанса. Тонкие, не толще листа бумаги, металлические стенки цилиндров отличались необыкновенной прочностью, их нельзя было ни согнуть, ни разломать, ни разбить.

Островитяне отступили шагов на пятьдесят и остановились в ожидании. Вдруг голубые языки пламени взметнулись вверх почти на двадцать футов, и тут же по всему берегу раскатился громовой удар.

Через минуту темнокожие туземцы бросились к грейлстоуну и достали свои цилиндры. Усевшись у костров под бамбуковыми навесами, они открыли крышки. Внутри на креплениях располагались сосуды и глубокие тарелки с пищей, спиртным, кристалликами чая и кофе. Туда же были вложены сигары и сигареты.

Бартон впервые очнулся там, где большую часть населения составляли выходцы из Триеста, и чаши обычно были наполнены привычными им словенскими и итальянскими блюдами. Однако первые десять дней пища была самой разнообразной — из английской, французской, русской, персидской кухни. Иногда появлялось нечто изысканное, экзотическое — вроде мяса кенгуру, обжаренного сверху и сырого внутри, или огромных живых гусениц. Как-то Бартону довелось попробовать это любимое лакомство австралийских аборигенов.

На этот раз в одной из кружек было пиво. Он его не терпел и обменялся с Фригейтом на вино. Сама пища напоминала Бартону мексиканскую кухню, однако на лепешках-тортильях вместо говядины лежало мясо черепахи. Впрочем, оно оказалось вполне съедобным.

За едой Бартон принялся расспрашивать тузем-

цев. По их рассказам он заключил, что эти люди являлись предками мексиканских индейцев и когда-то населяли долины северо-западной части страны. На острове обитали представители двух племен, говоривших на близких наречиях примитивного языка. Они жили в мире между собой и создали общую культуру.

По гипотезе Бартона, именно этих людей в его время индейцы пима называли хохокамами — старейшими. Они процветали в местах, которые белые переселенцы знали как Долину Солнца. Там, в Аризоне, была основана деревушка Финикс, превратившаяся в конце двадцатого столетия, как слышал Бартон, в город с миллионным населением.

Сами индейцы называли себя «ганопо». В своей земной жизни они были весьма трудолюбивы. Этот народ строил длинные ирригационные каналы с каменными и деревянными трубами и сумел превратить засушливую пустыню в цветущий сад. Затем они неожиданно исчезли, и археологи не могли понять причин. Выдвигались самые различные теории; наиболее распространенная предполагала нападение с севера воинственных племен, уничтоживших всю популяцию хохокамов. Но подтверждения найти не удалось.

В свое время Бартон тоже надеялся решить эту загадку, однако ему, как и прочим, не повезло. Островитяне не многое могли ему поведать — они жили и умерли раньше, чем их страну постигла катастрофа.

Той ночью они долго сидели у костра, рассказывали свои легенды, порой — непристойные или нелепые, и покатывались при этом со смеху. Бартон поведал им пару арабских сказок, предельно упростив свои истории и избегая непонятных подробностей. Но этим людям был чужд смысл приключений Аладдина с его волшебной лампой. Тогда он рассказал им историю про Абу Гасана, испортившего воздух.

Арабы-кочевники очень любили эту сказку. Бартон частенько сиживал с ними у костра, в котором пылал кизяк, и слушал о приключениях незадачливого купца.

Абу Гасан был бедуином, порвавшим с жизнью кочевника ради карьеры торговца в йеменском городе Каукабан. Он разбогател, а после смерти первой супруги друзья уговорили его вновь жениться. Сопротивлялся он недолго и дал согласие на свадьбу с молодой красивой женщиной. Пир был на славу, угощали и пловом, и шербетами, подавали ягнят, фаршированных орехами и мин-

далем, и целиком зажаренных верблюдов.

В конце концов жениха пригласили в покои, где его ожидала наряженная в роскошные одежды невеста. Он с достоинством поднялся с дивана — но, увы! Сытый и пьяный до отвала жених — о, ужас! — издал чудовищный звук — пустил ветры.

Услышав такое, гости быстро и громко заговорили между собой, делая вид, что не заметили публичного срама. Но Абу Гасан не снес позора, вышел вон, вскочил на лошадь и ускакал, бросив на произвол судьбы и дом, и состояние, и друзей, и невесту.

Он уплыл в Индию, где стал капитаном королевских телохранителей. Через десять лет его охватила такая жестокая тоска по дому, что он чуть было не умер. Тогда он отправился на родину под видом нищего факира. После долгих и опасных странствий Абу Гасан достиг своего родного города и сквозь слезы воззрился с холма на его башни и стены. Однако он не рискнул войти в него, желая прежде убедиться, что его позор забыт. Семь дней и семь ночей бродил он по предместьям, прислушиваясь к разговорам на улицах и рынках.

В конце концов он присел у дверей какой-то

лачуги, раздумывая, не вернуться ли ему в город под своим именем. И тут Гасан услышал, как некая девушка спросила:

— О, матушка, назовите мне день моего рождения. Одна из моих подруг хочет предсказать мое будущее.

Мать ответила:

— О, дочь моя, ты родилась в ту ночь, когда Абу Гасан пустил ветры.

Больше несчастный ничего не слышал; он вскочил на ноги и бросился бежать, повторяя: «Здесь никогда не забудут день моего срама!»

И вновь он долго странствовал, вернулся в Индию и жил там как изгнанник, пока не умер, и была с ним милость Аллаха.

Эта сказка имела грандиозный успех. Бартон, однако, был вынужден предварить свой рассказ объяснением, почему бедуины считают позором вполне естественную физиологическую реакцию. По их обычаям все, кто слышал этот звук, должны притвориться, что ничего не произошло — иначе обесчещенный убьет любого из насмешников.

Поглядывая на Алису, Бартон заметил, что рассказ понравился и ей. Она выросла в консервативной и глубоко религиозной семье викторианской эпохи, ее отец был епископом, брат — бароном.

По мужской линии Лидделы вели свой род от Иоанна Долговязого, сына короля Эдуарда; мать Алисы была правнучкой эрла. Но жизнь в Мире Реки и долгая связь с Бартоном заставили ее отказаться от многих предрассудков.

Затем он пересказал историю о Синдбаде-Мореходе, хотя и здесь пришлось приспосабливаться к жизненному опыту ганопо: они никогда не видели моря, поэтому Бартон превратил его в реку, а птица Рух, унесшая Синдбада, стала огромным золотым орлом.

Ганопо не остались в долгу, выложив легенды о совершенно непристойных приключениях своего героя — старого пройдохи Койота.

Бартон расспрашивал туземцев, пытаясь понять, как они связывают свою религию с реальностями здешнего мира.

— О, Бартон, — отвечал предводитель, — это вовсе не тот мир, в котором мы должны были очутиться после смерти. Это не та страна, где маис вырастает за день выше головы мужчины, где есть хорошая охота на кроликов, которых всегда настигают стрелы. Здесь мы не соединились ни с нашими женами, ни с детьми, ни с предками. Здесь нет духов гор и рек, скал и кустарников, они не бродят тут и не говорят с нами.

— Но мы не жалуемся. Здесь мы счастливее, чем в мире, из которого ушли. У нас много еды — еды лучшей, чем была там, и мы не должны тяжко трудиться, чтобы добыть ее. А ведь в прежние времена нам приходилось не раз вступать в бой, чтобы защитить свои поля. Нам хватает воды, мы ловим рыбу, не знаем лихорадки, убивавшей нас прежде. И потом, здесь нет болезней и старости, от которых мы теряли силы.

5

Тут предводитель островитян нахмурился, с его лица сошла улыбка и голос дрогнул от беспокойства.

— Скажи мне, странник, слышал ли ты о возврате смерти? Я говорю о вечной смерти. Мы живем на маленьком острове, и сюда приходит мало людей. Но от тех, кто здесь бывает, и от тех, с кем мы беседуем на берегу, мы слышим странные и тревожные вести. Люди говорят, что вот уже некоторое время ни один из умерших не поднимается вновь. Если человек убит, то он больше не проснется на далеком берегу рядом со своей чашей. Скажи, это правда или одна из сказок, которыми люди любят пугать других?

— Не знаю, — честно ответил Бартон. — Мы проплыли сотни миль, видели на своем пути несчетное число граалей и заметили то, о чем ты ведешь речь.

Бартон замолк, размышляя. Буквально на второй день после Великого Воскрешения начались воскрешения малые — или перемещения, как их обычно называли. Если человека убивали, если он кончал самоубийством или погибал от

несчастном случая, то неизбежно на следующий день вновь оказывался живым — всегда в другом месте, не там, где обитал раньше, часто очень далеко, даже в другой климатической зоне.

Многие приписывали воскрешения вмешательству сверхъестественных сил, но большинство, в том числе и сам Бартон, жаждали более рациональных объяснений. Все разговоры о чудесах следовало отбросить. «Не к духам нужно обращаться!» — говаривал бессмертный Шерлок Холмс. Достаточно обратиться к законам физики.

По своему собственному опыту, вероятно — уникальному, Бартон знал, что тело умершего человека воспроизводилось со скрупулезной точностью. Оно воссоздавалось по проведенным ранее записям; раны исцелялись, пораженные ткани возрождались, утраченные конечности восстанавливались.

Где-то под поверхностью этого мира находился огромный термоионный конвертер, преобразующий энергию в материю. Очевидно, он использовал тепло железо-никелевого ядра планеты. Миллионы грейлстоунов, основание которых уходило в глубину, являлись терминалами этого механизма. Они образовывали сложнейшую си-

стему, при мысли о которой у человека начинала кружиться голова.

Связаны ли с ней устройства для записи на клеточном уровне структуры мозга? Или, как полагал Фригейт, она осуществляется с невидимых орбитальных спутников, наблюдавших, подобно Богу, за каждым живым существом, видевших все и вся, даже гибель ничтожного червя в земле?

Никто ничего не знал; а если и знал, то хранил эту тайну в себе.

Преобразование энергии в материю системой грейлстоунов объясняло ежедневную трехразовую выдачу пищи для всех жителей речной долины. По-видимому, в днище металлических цилиндров был скрыт миниатюрный конвертер с электронным меню. Энергия передавалась цилиндру через камень-грааль и преобразовывалась в сложные вещества: так на свет появлялись мясо, хлеб, салат, табак, марихуана, виски, ножницы, гребни, зажигалки, губная помада и Жвачка Сновидений.

Одежду из полотнищ ткани также создавала система грейлстоунов. Рядом с возродившимся телом всегда появлялись стопка покрывал и цилиндр. В глубине, под каменными грибами, было скрыто устройство, способное каким-то образом

переносить с необыкновенной точностью сквозь многокилометровую толщу почвы сложнейшую конфигурацию человеческой плоти, цилиндры и одежду. Люди и вещи возникали из воздуха — в буквальном смысле слова.

Бартон иногда задумывался: может ли случиться так, что перемещенное после смерти тело окажется в месте, занятом другим человеком? Фригейт утверждал, что это вызвало бы мощный взрыв. Но подобного не случалось — во всяком случае на памяти Бартона. Видимо, механизм переноса исключал возможность взаимопроникновения молекулярных структур. Однако Фригейт настаивал, что ту часть атмосферной среды, в которой формируется тело, необходимо удалить. Каким же образом предотвращалось неизбежное перемешивание молекул воздуха и плоти?

Кто знает? Значит, наука этиков располагала способами отвода воздуха и создания локального вакуума именно там, где появлялись тело, цилиндр, ткани — причем вакуума идеального, какого наука Земли за последнее столетие достичь не смогла. И при этом все происходило в полной тишине, без взрыва внезапно вытесняемых воздушных масс.

Загадкой оставался и вопрос о сканировании тел. Много лет назад захваченный в плен агент этиков по имени Спрюс рассказал о хроноскопе, приборе, позволяющем заглянуть в прошлое. С его помощью проводились исследования и запись всех человеческих существ, обитавших на Земле в период с 2 000 000 года до н. э. и до 2008 года н. э.

Для Бартона это было непостижимо. Он не мог представить себе телесный или визуальный возврат в прошлое. Фригейт разделял его сомнения, предположив, что слово «хроноскоп» Спрюс употребил иносказательно. Возможно, агент лгал.

Но, как бы то ни было, истину о воскрешении и сотворении пищи в грейлстоунах можно познать, обратившись к разумному толкованию физических законов; тут не требовалась магия и прочие чудеса.

— Что с тобой, Бартон? — осторожно прервал его молчание вождь островитян. — Тебя захватили духи?

— Нет, — Бартон очнулся. — Я просто вспоминал. Многие люди рассказывали нам, что в течение года никого не переносили в места, далекие от их прежнего обитания. Возможно, мы странствовали там, где этого просто не случалось.

В конце концов, Река так…

Он замолчал. Сумеет ли он объяснить людям, не знающим числа больше двадцати, что такое десять миллионов миль?

— Река может оказаться такой длинной, что для путешествия по ней из конца в конец понадобится время, прожитое на Земле твоим дедом, отцом и тобой. Поэтому, если смертей даже будет больше, чем травинок между двумя грейлстоунами, все равно это несравнимо с числом живущих в долине. Возможно, еще есть места, где погибшие восстают опять.

— К тому же, сейчас умирает гораздо меньше людей, чем в первые двадцать лет. Мало осталось стран, где еще есть рабство. Люди создают государства, в которых охраняется порядок и покой их граждан, где их защищают от врагов. Убивают только жестоких людей, стремящихся захватить власть, женщин, еду. Правда, такие еще есть, но им трудно найти сторонников. Сейчас на Реке водворился порядок. Конечно, случаются раздоры, по большей части из-за рыбной ловли. Убийства тоже бывают — гнев и зависть не покинули человеческую душу. Однако смерть превратилась в редкого гостя… Может быть, там, где мы проплывали, не случалось ни убийств, ни перемещений.

— Ты действительно в это веришь? — спросил островитянин. — Или говоришь так, чтобы мы чувствовали себя счастливыми?

Бартон улыбнулся.

— Не знаю.

— Возможно, ты прав, — предводитель покачал головой. — Шаманы Второго Шанса утверждали то же самое. Еще они сказали, что этот мир — лишь ступенька, остановка для перехода в другой, лучший. Шаманы говорят, что если человек здесь становится лучше, чем он был на Земле, он уходит туда, где обитают великие духи. Правда, они считают, что есть только один великий дух. Я в это не могу поверить. Каждый знает — есть много разных духов, и высших, и, низших.

— Да, они так говорят, — согласился Бартон, — хотя могут ли они знать больше, чем ты или я?

— Они еще говорят, что один из духов, создавших этот мир, предстал перед человеком, пророком их церкви. И дух повелел ему нести истину людям.

— Я скорее поверю, что он был сумасшедшим или лжецом. Хотелось бы мне потолковать с этим духом… и ознакомиться с доказательствами его потустороннего происхождения.

— Сам я не слишком много думаю о подобных

вещах. Лучше оставить духов в покое. Надо принимать жизнь такой, какова она есть; стараться, чтобы племя считало тебя разумным и добрым человеком.

— Возможно, это самый мудрый путь, — признал Бартон.

Сам он, однако, не был в этом убежден. Иначе зачем так стремиться к истокам Реки и далекому морю у северного полюса, где высилась Башня, обитель создателей и вершителей судеб этого мира?

— Не хочу обидеть тебя, Бартон, — вновь заговорил вождь, — но мне дано видеть души людей. Ты смеешься и рассказываешь веселые истории, но внутри нетерпелив и сердит. Почему ты не можешь спокойно поплавать на своей лодке, а потом где-нибудь обосноваться? У тебя добрая жена, а это — все, что нужно мужчине. Здесь хорошее место. У нас мир, тут нет воровства, если только не придут с Реки плохие люди. Иногда кто-нибудь из мужчин захочет показать, что он сильней других. Иногда повздорят мужчина с женщиной. Других бед мы не знаем. — Он помолчал, неторопливо затянулся сигарой, и задумчиво произнес: — Любому разумному человеку здесь понравилось бы.

— Нет, ты меня не обидел, — тихо ответил Бартон. — Но можно ли судить обо мне, не зная истории моей жизни — тут и на Земле? И все равно тебе бы это не удалось. Сумеешь ли ты понять меня, когда я сам себя не понимаю?

Он замолк, вспомнив другого вождя первобытного племени, сказавшего ему то же самое. Это было в 1863 году, когда Бартон, консул Ее Величества на западных африканских островах Фернандо По и Биафра Байт, посетил короля Дагомеи Желеле. Целью его миссии были переговоры о прекращении в стране человеческих жертвоприношений и торговли рабами. Он потерпел неудачу, зато собрал материалов на две книги.

Пьяный, кровожадный, распутный король держался с ним весьма высокомерно, в отличие от владыки Бенина, окрестившем в его честь одного из своих подданных. В те времена бенинцы относились к белым очень дружелюбно. В свой предыдущий визит Бартон даже получил звание почетного капитана королевской гвардии.

Что касается Желеле, то король как-то заявил Бартону, что он — хороший человек, но слишком сердитый и неспокойный.

Да, первобытные люди умели читать в душах. По-видимому, чтобы уцелеть среди них, нужно

самому быть провидцем.

Заметив отрешенность Бартона, в разговор вмешался Монат, пришелец со звезды Тау Кита, и начал рассказывать о своей родине. Вначале островитяне посматривали на инопланетянина со страхом, но он сумел растопить их недоверие. Он хорошо знал, как расположить к себе людей. В Мире Реки ему приходилось это делать каждодневно.

Вскоре Бартон поднялся и сказал, что команде пора устраиваться на ночь. Поблагодарив ганопо за их гостеприимство, он добавил, что утром судно тронется в путь. Его намерение провести тут несколько дней изменилось, жгучий интерес, который он поначалу испытывал к этому народу, пропал.

— Нам бы очень хотелось, чтобы ты остался, — повторил вождь, — хоть на несколько дней, хоть на годы. Как ты пожелаешь.

— Благодарю тебя, — поклонился Бартон и с невеселой улыбкой повторил слова Синдбада-морехода: — «Аллах наделил меня страстью к странствиям». — Затем, задумчиво пробормотав: — Путешественники, как и поэты — племя безумцев, — он направился к судну, размышляя, верно ли процитировал свою книгу.

Теплые доски палубы скрипнули под его босыми ногами, и Бартон почувствовал, как проходит, отлетает прочь мрачное настроение. Прежде чем отправиться спать, он распорядился выставить охрану. Фригейт возразил: уединение их стоянки и доброжелательность островитян гарантировали безопасность. Но возражения приняты не были. Бартон считал стяжательство главной движущей силой человеческой природы, и Фригейту, в наказание за легкомыслие, досталась первая смена.

6

Прислонив к мачте копье, Бартон раскурил сигару. Фригейт остался с ним; они молча смотрели на меркнущие скопления звезд и рассеивающуюся пелену облаков. Прошло около получаса. Бледный свет — предвестник зари — размывал очертания небесных светил. Он расплывался все шире и шире, пока первые лучи солнца не упали на северную гряду гор.

Легкая вуаль тумана покрывала Реку и ее берега, окутывала деревья на холмах, где все еще виднелись огни. За холмами высились горные склоны; вначале пологие, они затем круто вздымались вверх, достигая десяти тысяч футов.

В первые годы Бартон полагал, что их высота по крайней мере вдвое больше. Потом он изготовил примитивный угломер и выяснил, что ошибался — крутизна серо-голубых и черных утесов обманывала глаз. Да, вокруг лежал мир иллюзий — физических, метафизических, психологических; впрочем, так было и на Земле.

Фригейт тоже закурил. Почти год он не прикасался к сигаретам, но сейчас «впал во грех из-за царившей вокруг благодати». Ростом америка-

нец почти не уступал Бартону. Зеленоглазый, темноволосый, с выразительным подвижным лицом, он невольно привлекал взгляд. Хотя его физиономия не отличалась правильностью черт — резкие складки у рта, полные губы, упрямый подбородок — она внушала людям доверие.

На Земле Фригейт, перепробовавший множество занятий, увлекался литературой и пытался написать беллетризированную биографию Бартона, озаглавленную «Неистовый рыцарь королевы». К сожалению — или к счастью, — ему не удалось закончить этот труд.

При первой встрече американец озадачил Бартона, отрекомендовавшись автором научно-фантастических романов. В своей прошлой жизни Бартон не встречался с подобным термином и только удивленно поднял брови. Теперь они снова вернулись к разговору, который длился годами.

Попыхивая сигарой, Бартон сказал:

— Помните, мы толковали о научной фантастике? Вы десятилетиями занимались этой дьявольщиной, Пит, но я до сих пор не понимаю, чем вы зарабатывали на хлеб насущный.

Фригейт ухмыльнулся.

— Только не пытайтесь выжать из меня точное

определение; боюсь, на это не способен никто. Скажем, так: я работал в области литературного жанра, описывающего вымышленные события будущего. Этот жанр называется научно-фантастическим, поскольку наука играет в нем значительную роль. Вернее, развитие науки в грядущие века. Причем не только физики или химии, но и социологических, философских и психологических воззрений, существовавших при жизни автора.

— Фактически, любой рассказ о будущем — уже научная фантастика. Причем заметьте — роман, написанный, предположим, в 1960-м и обращенный к году 1984-му, будет восприниматься как фантастический и через четверть века. Более того, предметом научной фантастики может быть и настоящее, и прошлое — если в основе произведения лежит передовая наука соответствующей эпохи, и писатель способен более или менее точно определить пути ее развития.

— Я вынужден заметить, — добавил Фригейт, — что сделанное мной определение слишком широко: сюда попадают вещи, в которых и не пахнет наукой. Существует множество историй, в которых идет речь о явлениях и событиях абсолютно нереальных, поскольку они научно не

обоснованы. Возьмите, к примеру, перемещение во времени, параллельные миры, ракеты, что мчатся со сверхсветовой скоростью, пришествие Господа нашего на Землю, всемирный потоп, порабощение человечества с помощью телепатии и многие другое — перечень их бесконечен.

— Почему же всю эту мешанину назвали научной фантастикой?

— Видите ли, фантастика существовала задолго до того, как некий человек по имени Хьюго Гернсбек придумал этот термин. Вы ведь читали Жюля Верна или «Франкенштейна» Мэри Шелли? Это тоже научная фантастика.

— Скорее просто фантастика, — отозвался Бартон.

— Но, собственно, вся беллетристика — это фантазия, выдумка. Разница между обычной выдумкой, именуемой реалистической литературой, и научной фантастикой заключается лишь в том, что в первой речь идет о возможном, о событиях, которые могут произойти, обо всем, что было и существует в прошлом и настоящем. В научной же фантастике рассказывается о невозможном или даже совершенно немыслимом. Некоторые критики предлагали назвать ее искусственной литературой, но этот термин не

привился.

Бартон, однако, никак не мог понять, причем здесь наука, к которой он относился с большим уважением. Путаные речи Фригейта не проясняли сути дела.

— Вы можете считать, — с отчаянием заявил американец, — что научная фантастика — одно из множества несуществующих явлений, имеющих, тем не менее, свое обозначение. А теперь давайте потолкуем о чем-нибудь другом.

Но Бартон не собирался менять тему.

— Значит, ваше занятие было чем-то совершенно нереальным?

— Нет, профессия писателя-фантаста безусловно существует. Не существует, собственно, самой научной фантастики. Простите, Дик, но наша беседа стала напоминать диалог из «Алисы в стране чудес».

— Можете ли вы заработать деньги на писаниях, которые не существуют? — гнул свое Бартон.

— Почему же нет. Я не умирал от голодной смерти на чердаке. Правда, позолоченного «Кадиллака» у меня тоже не было, — добавил Фригейт, помолчав.

— Какого «Кадиллака»?

Вопрос слетел с уст Бартона, но он подумал о

другом, о странном совпадении: женщина, с которой он спит, — та самая Алиса, вдохновившая Льюиса Кэрролла на создание его шедевра.

Внезапно Фригейт воскликнул:

— Что это?

Бартон обернулся к востоку. Там поток сжимали отвесные утесы; вода кипела меж скалистых стен. Вниз по течению к ним двигалась какая-то громада — вернее, целых две. Они словно висели над туманом. Ближняя походила на деревянную вышку, на которой, похоже, виднелась человеческая фигура. Дальняя казалась огромным круглым приплюснутым шатром. Основание этих сооружений скрывал туман.

Бартон залез на веревочный трап, растянутый между реей и бортом, и уставился на непонятный объект. Спустя минуту он крикнул Фригейту:

— Пит, по-моему, это плот! Невероятно большой! Они идут по течению, прямо на нас. Там вышка, и на ней — рулевой. Стоит столбом! Похоже, он…

Невероятно! Человек на вышке не шевелился. Но если он жив, то должен же видеть, что столкновение неминуемо! Бартон быстро соскользнул вниз. Фигура на плоту по-прежнему оставалась недвижимой.

— Будите всех! — закричал он Фригейту. — Живее! Нужно спасать судно!

Очутившись на палубе, Бартон вновь погрузился в густую пелену предрассветного тумана. Он перепрыгнул на причал и, придерживаясь рукой за борт, стал пробираться вперед, к носу, пока не нащупал швартовый кнехт. Ему удалось разделаться с тугим узлом, когда на палубе послышались голоса. Крикнув Каззу и Монату, чтобы они отцепили кормовой конец, Бартон в спешке задел коленом массивное бревно кнехта и несколько секунд скакал на одной ноге, шипя от боли. Затем он сбросил канат с бревна, добрался до трапа и поднял его на борт. Рядом возникли встрепанная женская головка и лицо Фригейта.

— Что случилось? — недоуменно спросила Алиса.

— Достали шесты? — Бартон повернулся к американцу.

— Да.

Он снова залез на веревочную лестницу. Плот неуклонно двигался к причалу. Человек на вышке был все так же недвижим.

С острова послышались голоса. Ганопо проснулись и тревожно окликали их.

Из густого тумана проступили голова и плечи

Моната. Он выглядел химерой, чудовищем из готических сказаний. Очертания черепа походили на человеческие, но лицо… Лицо выдавало его неземное происхождение. Густые черные брови нависали над резко выступающими скулами, вокруг ноздрей колыхались губчатые складки плоти, плотный хрящ на конце носа прорезала глубокая впадина. Рот с тонкими черными кожистыми губами напоминал собачью пасть, огромные уши — морские раковины.

Где-то возле Моната находился Казз. Бартон не мог разглядеть его в тумане: неандерталец был коротышкой. Лишь когда он подошел совсем близко, стала видна его приземистая могучая фигура.

— Берите шесты и весла, отталкивайте судно от берега, — распорядился Бартон.

— Что происходит, черт возьми? — крикнула Бест.

— Они только собрались завтракать, — пояснил Фригейт.

— Ступайте за мной, — коротко кинул Бартон и выругался, уткнувшись лицом во что-то мягкое. Нащупав округлое плечо, он понял, что перед ним торчит Бест.

После некоторой суматохи они расположились

по обоим бортам с шестами в руках. По сигналу Бартона команда дружно навалилась на них, упираясь в причал и в темную поверхность утеса. Оттолкнуться от дна им не удалось бы — корпус судна был так плотно зажат скалами в узком заливчике, что даже мужчины не могли протиснуть вниз шесты. Преодолевая течение, они выбрались из этой расселины и теперь, опустив шесты в воду, изо всех сил отталкивались от основания утеса. Дерево скользило по гладкому камню, тендер едва двигался.

До слуха Бартона долетел незнакомый голос. Он обернулся; темная фигура на вышке зашевелилась и испускала дикие крики. Сквозь туман доносились и другие слабые голоса. Круглая темная махина росла на глазах, сейчас она казалась головой какого-то гиганта. Бартон прикинул, что между ней и вышкой было не меньше ста ярдов. Значит, несущийся на них плот огромен. Он не мог представить его ширины и надеялся, что «Хаджи» успеет до столкновения проскочить к другой стороне острова и скрыться за скалой.

Теперь он заметил на вышке второго человека. Тот махал рукой и орал еще громче первом.

— Они совсем рядом! — со страхом воскликнул Фригейт.

Охваченный ужасом Бартон даже не обратил внимания на его панический вопль. Громадный плот всей массой неумолимо надвигался на крохотный тендер.

— Жмите во всю! — закричал Бартон. — Или нас раздавят!

Бушприт «Хаджи» уже достиг стрелки мыса. Еще десяток гребков, и судно отнесет течением за поворот. Тогда они спасены.

Крики с плота становились все слышнее, он приближался. Бартон бросил взгляд на вышку и свирепо выругался. Между вышкой и кормовой надстройкой появилась щель, которая продолжала расширяться. Это могло означать только одно — плот свернул с курса, чтобы избежать столкновения с островом, и шел влево, прямо на них. Вышка маячила сквозь туман в полутора сотнях ярдов.

— Взяли разом! — скомандовал Бартон.

Он не имел понятия, где на плоту находилась вышка — на носу или посередине. Если посередине, то изрядная часть палубы была впереди — и, следовательно, совсем рядом с судном. Из туманной мглы до него доносился голос человека на вышке, отдающего команды на незнакомом языке.

«Хаджи-2» уже обходил стрелку, но сильное течение относило тендер к скалистому склону. Они пытались оттолкнуться, но шесты лишь скользили по каменному утесу.

— Толкайте, сучьи дети, толкайте! — вопил Бартон.

Раздался треск, палуба взмыла кверху, кораблик откачнулся в сторону скалы.

Бартона швырнуло к борту; он ударился головой и начал проваливаться в темноту, смутно понимая, что лежит на палубе и пытается приподняться. Вокруг него раздавались истошные крики. Треск оснастки, рухнувшей под напором плота, был последним услышанным им звуком.

7

Джил Галбира пробиралась в густом тумане вслепую.

Прижимаясь к правому берегу Реки, она едва различала контуры изредка попадавшихся грейлстоунов. В сумрачной дали они казались зловещими гигантскими грибами.

Здесь, думала она, закончится, наконец, ее одиссея. Подобно призраку в волшебном каноэ, она плыла в белесой дымке, пересчитывая один за другим камни-граали. Ветер стих, но, преодолевая течение, каноэ и фигура женщины создавали слабый воздушный поток, тянувшийся следом. Тяжелые капли росы влажным покровом оседали на лице.

Она разглядела впереди слабый отсвет пламени. Так вот где будет ее прибежище! Свет разгорался, сверкая, словно дух огня. Оттуда донеслись звуки человеческих голосов, но людей не было видно. Только голоса. Голоса вне плоти.

Сама она тоже выглядела призраком — призраком монахини. Ее фигуру окутывали белые полотнища. Одно лежало капюшоном на голове, затеняя лицо, казавшееся смазанным серым

пятном.

На дне каноэ грудились ее пожитки — словно два покоившихся в сырой мгле зверька, белый и серый. Сразу у ног лежал серый металлический цилиндр, ее «кормушка»; подальше — белый узел с самыми разными вещами: бамбуковой флейтой, дубовым кольцом с зеленым камнем — подарком ее исчезнувшего возлюбленного (для нее теперь — покойного), сумкой из рыбьей кожи, набитой всякими поделками. В привязанном к узлу чехле хранились лук и колчан со стрелами. Под сиденьем были спрятаны бамбуковый меч с наконечником из рога речного дракона, два тяжелых дубовых боевых бумеранга и мешок с камнями.

Огонь и голоса приближались. Кто эти люди? Стража? Пьяные весельчаки? Охотники за рабами, готовые схватить одинокого путника? Ночные ловцы любой добычи? Она угрюмо усмехнулась. Что ж, пусть сунутся! Старушка Джил сумеет постоять за себя!

Однако гомон скорее походил на звуки веселой пирушки. Она вспомнила рассказы о мирных землях низовья Реки. Ни в Пароландо, ни в соседних государствах рабства не было, и она открыто плыла в своем каноэ при свете дня. Люди на

берегу встречали ее приветливо; здесь путник мог свободно знакомиться с окрестностями и, в урочный час, наполнить свою чашу у любого грейлстоуна. Хорошие места для жизни, но одна мысль неотступно преследовала ее: в Пароландо построен воздушный корабль — дирижабль.

Она слышала о нем от многих, но отнеслась к новости недоверчиво. Подозрительность была присуща Джил — правда, если принять во внимание ее поистине чудовищный жизненный опыт, можно ли было поставить это ей в вину? Она предпочла вначале все разузнать, затратив массу сил и изворотливости на проверку слухов, и лишь потом решилась отправиться в путь к желанной цели. И, вероятно, впереди ей предстоял выбор между жизнью и свершением — хотя сама жизнь, собственно, и есть высшее свершение. Чего же этот выбор потребует от нее?

Смерть уже не была проходным эпизодом в Мире Реки. Казалось, воскрешения прекратились, и древний ужас вновь вернулся к людям, вселяя страх перед неминуемым концом.

При свете огня она разглядела очертания огромного каменного гриба, вокруг которого двигались четыре темных силуэта. Уже можно было уловить запахи тлеющего бамбука и, как показалось

ей, дымка сигар. О, небо! К чему Таинственный Благодетель подбрасывает людям эти омерзительные сигары?

Разговор шел на испорченном английском. Эти люди, наверно, крепко выпили, или английский для них не был родным языком. Впрочем, нет — самый пронзительный голос, доносившийся из тумана, явно принадлежал американцу.

— Ни в коем случае, — гремел он, — клянусь священным огненным кольцом этого педераста Сатурна! Здесь нет ни капли эгоцентризма, ни крохи отвратительной жажды стать центром вселенной! Я хочу построить самый большой дирижабль из когда-либо существовавших, сказочный корабль, который станет истинным владыкой неба. Это будет колосс, Левиафан! Грандиозней всех, что видели или увидят Земля и Мир Реки. Этот корабль должен поразить всех, заставить гордиться принадлежностью к роду человеческому. Красавец! Воздушное чудо! Уникум! Ничего похожего на созданное прежде! Что? Не прерывайте меня, Дейв! Я мечтаю о нем и не остановлюсь, пока не достигну желаемого. И достигну! Да!

— Но, Милт…

— Никаких «но»! Элементарная логика требует

создания громаднейшего, грандиознейшего судна. Господи, он должен летать дальше и выше, чем любой из существовавших дирижаблей! Бог знает, куда нас занесет — пусть даже это будет лишь один рейс. Слышите, вы, Дэйв, Зик, Сирано? Даже, если он сделает только один рейс!

Ее сердце бешено забилось. «Дэйв» говорил с немецким акцентом. Да, это были люди, которых она искала! Какая удача! Нет, не только удача. Она безошибочно отсчитывала расстояние, отмеряла по грейлстоунам, торчавшим по берегу; она знала, куда держит путь. Ей совершенно точно указали, где пребывает Милтон Файбрас. А Давид Шварц, инженер-австриец, был его помощником.

— Но на это уйдет слишком много времени и материалов, — прозвучал другой мужской голос. Это была речь уроженца Мэйна. Возможно, ее воображение слишком разыгралось, но в этом голосе ей почудился свист ветра в снастях, скрежет талей, поскрипывание качающегося на волнах судна, грохот прибоя, плеск парусов. О, конечно, это лишь воображение!

«Не увлекайся, Джил!» — сказала она себе. Если бы Файбрас не назвал его по имени — Зик, — перед ней, наверно, не появился бы образ плывущего в

открытом море корабля. По всей видимости, это был Иезекиил Харди, капитан китобойного судна, погибшего от нападения кашалота у берегов Японии в… в 1833 году? Вероятно, он смог убедить Файбраса, что после надлежащей подготовки сумеет стать прекрасным рулевым или штурманом дирижабля. Да, Файбрас, видимо, набирал команду с бору по сосенке, если решился принять человека, в глаза не видевшего аэростата, а возможно, и парохода.

Она уже слышала, что Файбрас мало преуспел по части поисков опытных воздухоплавателей — мужчин, конечно. Как всегда и везде — мужчины! Он подбирал кандидатов, казавшихся ему более или менее подходящими для обучения: пилотов, аэронавтов, моряков. На тысячи миль вверх и вниз по Реке шли слухи, что он ищет мужчин легче воздуха.

Что он понимал в строительстве и управлении дирижаблями? Он мог летать на Марс или Ганимед, достигнуть орбит Юпитера или Сатурна, но разве он имеет хоть какое-то представление об этих воздушных судах? Их знал Давид Шварц, изобретатель и конструктор цельнометаллического дирижабля. Он первым создал корпус и покрытие из алюминия. Это было в 1893 году,

за шестьдесят лет до ее рождения. Он даже приступил к строительству воздушного корабля в Берлине, кажется, в 1895 году, но работы остановились с его смертью. Вроде бы Шварц умер в январе 1897… Сейчас она не помнила точной даты. За тридцать лет жизни на Реке многое выветрилось из памяти.

Если бы Шварц знал, что случилось после его смерти! Наверно, ему кое-что поведал этот пустозвон, профан, любитель дирижаблей. Вдова Шварца продолжила его дело. Джил не знала ее девичьей фамилии, ни в одной из прочитанных книг она не упоминалась, везде речь шла лишь о фрау Шварц. Она добилась постройки второго воздушного судна, хотя и была только ЖЕНЩИНОЙ. На этих алюминиевых аппаратах (больше смахивающих на баллоны термоса) летали пижоны-мужчины; и в трудные минуты они теряли самообладание, ударялись в панику и разбивали их вдребезги.

От замыслов Шварца и самоотверженности его жены осталась лишь груда перекореженного серебристого металла. Великую идею пустили по ветру цыплячьи мозги, огромные фаллосы, да заячья храбрость. Но если теперь асом станет женщина, ее имя не забудется. Посмотрим, что

случится с миром, когда женщина покинет кухню. Бог предполагает, а…

От резкой боли в груди Джил вздрогнула. «Держись! — пробормотала она. — Ты просто замерзла».

Она очнулась от воспоминаний о фрау Шварц, преследовавших ее во время странствий по Реке, и заметила, что уже миновала костер. Огонь уменьшился, и голоса были слышны не так отчетливо. Нужно сосредоточиться! Она всегда должна держать ухо востро, иначе ей не добиться успеха; а для нее успех — стать членом экипажа воздушного судна. Или его капитаном?

— Сейчас или никогда! — распинался Файбрас. — Мы свободны от правительственных контрактов, финансовых сложностей, конкурирующих проектов. Сэм достигнет устья Реки не раньше, чем лет за тридцать, а то и больше. Нам же потребуется два-три года, чтобы построить это чудо. Начнем с тренировок, а потом махнем все выше и дальше, над дикими горами, над синими просторами туманного моря и северного полюса — туда, где некое существо, почти всемогущее, пожалует нам такие дары, что Санта Клаус прослывет самым большим скупердяем на свете. Мы окажемся у Таинственной Башни, у истинного

Великого Грааля!

Разговор прервался. Когда замолкали люди, в долине Реки воцарялась полная тишина. Здесь не было ни птиц, ни зверей, ни ревущих, громыхающих, свистящих, скрипящих механических чудовищ, ни орущего радио. Слышался лишь шорох воды, всплеск играющей у поверхности рыбы да треск дерева в костре.

— А-ах… — сладко протянул Файбрас, — какая выпивка! На Земле такой не было. И еще сколько угодно!

Шварц тоже причмокнул. Казалось, Джил видела бутылку у его губ.

Она пристала к берегу и, выпрыгнув наугад, попала в воду, окунувшись до пояса. Она даже не почувствовала холода — магнитные застежки плотно прижимали к телу одежду. Пришлось тащиться к берегу, волоча за собой длинное тяжелое каноэ. Ступив на сушу, Джил с трудом сделала несколько шагов, вытянув лодку подальше от воды. На минуту она остановилась в задумчивости, потом решила идти безоружной.

Снова раздался голос Файбраса:

— Нам нужны летчики, опытные пилоты, специалисты по дирижаблям… Где же они, где? Мы разослали гонцов на сотни миль…

Джил подошла ближе. Густая трава заглушала звук шагов.

— Я — одна из тех, кого вы ищете.

Мужчины резко обернулись, один из них, покачнувшись, ухватился за руку соседа. Они вытаращили глаза и разинули рты. Все четверо тоже были с головой закутаны в полотнища ткани, но ярких тонов. Будь перед ней враги, она успела бы выпустить дюжину стрел раньше, чем они схватились за оружие, которое валялось наверху грейлстоуна.

Да, там лежали пистолеты! Металлические! Значит, ее не обманули — все было правдой!

Джил увидела долговязого человека с длинной стальной рапирой в руке. Другой рукой он откинул капюшон, открыв сухощавое смуглое лицо с огромным носом. Несомненно, это легендарный Сирано де Бержерак. Он что-то быстро пробормотал на старофранцузском, она смогла уловить лишь несколько знакомых слов.

Файбрас тоже откинул капюшон.

— Совсем запутался в своих одежках… Почему же вы не предупредили нас о своем прибытии?

Она опустила край капюшона. Файбрас подошел ближе, вглядываясь в ее лицо.

— Это женщина!

— Считайте, что для вас я — мужчина.

— Как вы сказали?

— Вы что, не понимаете по-английски?

Джил опомнилась, сообразив, что от волнения незаметно для себя перешла на диалект тувумба. Вообще-то она изъяснялась на великом языке Шекспира и Диккенса не хуже, чем с помощью знакомого с детства наречия маленького австралийского племени, но сейчас обычный среднезападный американский сленг показался ей более уместным.

— Считайте, что я мужчина, — повторила она. — Кстати, меня зовут Джил Галбира.

Файбрас, склонив голову, представился, скороговоркой перечислил имена своих собутыльников и глубоко вздохнул.

— Нет, после такого потрясения я должен выпить.

— Я бы тоже не отказалась. Мне нужно согреться. Правда, то, что алкоголь согревает — чистая фикция, но почему-то все в этом уверены.

Файбрас приложился к бутылке. Впервые за многие годы Джил вновь увидела стекло. Он оторвался от горлышка и с поклоном подал ей объемистую бутыль. Джил хлебнула, не коснувшись губами краев — скорее по привычке, чем

из брезгливости. Файбрас — потомок индейцев и негров, но разве ее бабушка не была австралийской туземкой? Правда, аборигены Австралии — не негры, они — темнокожие представители древних кавказских племен, но Джил не страдала расовыми предрассудками.

Сирано, выпрямив спину, прошелся вокруг, покачал головой и произнес:

— Черт побери, да у нее волосы короче моих! И даже глаза не подведены! Вы уверены, Милтон, что это женщина?

Джил снова поднесла бутылку к губам и еще раз хлебнула. Это было замечательно, все внутри согрелось.

— Посмотрим, — француз положил руку ей на грудь и легонько сжал.

В тот же миг Джил нанесла удар ему в живот. Сирано судорожно согнулся, и она ткнула его коленом в подбородок. Француз рухнул, как подкошенный.

— Какого черта? — закричал Файбрас и уставился на нее.

— Ну, а если я пощупаю вас промеж ног, дабы убедиться, что имею дело с мужчиной, как вы будете реагировать?

— Это подействовало бы на меня крайне воз-

буждающе, милочка, — Файбрас захохотал и начал пританцовывать от избытка чувств. Двое мужчин смотрели на него как на сумасшедшего.

Сирано оперся на руки, привстал на колени и медленно поднялся. Лицо его побагровело, он изрыгал проклятья. Бросив взгляд на его шпагу, Джил хотела отойти в сторону, но гордо не сдвинулась с места. Чеканя слова, она заявила французу:

— Вы всегда позволяете себе подобную фамильярность с незнакомыми женщинами?

Сирано встрепенулся. С лица спала краснота, оно осветилось улыбкой.

— О, нет, мадам. Примите мои извинения за столь непозволительные манеры. У меня нет привычки пить, и я не люблю дурманить мозг и превращаться в животное. Но, понимаете, сегодня мы праздновали годовщину с начала путешествия Сэма по Реке.

— Не трудитесь оправдываться, — прервала его Джил. — Я готова простить вас — при условии, что ничего подобного впредь не повторится.

Она улыбнулась, хотя была недовольна собой: какое отвратительное начало знакомства с человеком, всегда восхищавшим ее! Конечно, он сам виноват, но можно ли теперь рассчитывать на

приязнь, когда она так унизила его перед друзьями? Мужчины подобного не забывают.

8

Туман редел. Лица людей уже можно было разглядеть без обманчивого света костра, однако внизу еще клубилась белесая дымка. Небо светлело, но солнце еще не показывалось над горами. Сияние облаков газа и мелких звезд погасло, крупные еще переливались всеми цветами радуги — красным, зеленым, голубым — но мало-помалу бледнели и они.

На западной стороне сквозь уходящий туман проступили очертания гигантских сооружений. Глаза Джил широко раскрылись, хотя людская молва подготовила ее к любым неожиданностям. Четыре или пять высоченных строений из листового железа и алюминия — заводы! Но окончательно поразил ее воображение огромный — просто колоссальный — алюминиевый ангар.

— В жизни не видела ничего подобного, — пробормотала она.

— Вы вообще еще ничего не видели, — отозвался Файбрас и, помолчав, удивленно спросил: — Вы на самом деле приехали сюда работать?

— Я уже сказала об этом.

Он был Мужчиной. В его власти принять ее

или изгнать, но он не заставит ее примириться с тупостью. Повторять — излишне, а потому глупо. Перед ней стоял доктор натурфилософии, специалист по астрофизике и электронике. Соединенные Штаты не посылали в космос болванов, хотя, возможно, гениями их астронавты тоже не были. Очевидно, он отупел от спиртного — с мужчинами такое бывает. Но, как истая женщина, она не смогла смолчать и напомнила ему: будь на высоте.

Файбрас покачивался на носках, дыша винным перегаром ей в лицо. Он был невысок — на голову ниже ее, — но широкоплеч, с мускулистыми руками и длинными худыми ногами. Крупная голова с квадратным подбородком, вьющиеся каштановые волосы, карие глаза и красновато-бронзовая кожа… Несомненно, кровь индейцев и белых преобладала над африканской. Джил подумала, что среди его предков наверняка были выходцы из Южной Европы — откуда-нибудь из Прованса или Каталонии.

Он осматривал ее с ног до головы и молчал. Не подозревает ли он ее в криминальных намерениях? Боится получить удар в живот, как Сирано?

— О чем вы задумались? — спросила Джил. — О моей квалификации аэронавта? Или о том, какое

тело скрывается под этими тряпками?

Файбрас разразился хохотом.

— И о том, и о другом.

Шварц смущенно кашлянул. Невысокий хрупкий шатен с карими глазами опустил голову, поймав на себе взгляд Джил. Четвертый из собутыльников, Иезекиил Харди, не уступал ей в росте — равно, как и Сирано. Черноволосый, с узким лицом и высокими скулами, он откровенно разглядывал ее.

— Готова повторить еще раз, — вновь заговорила Джил. — Я не хуже любого мужчины и могу это доказать. У меня диплом инженера, большой опыт проектных работ и восемь тысяч часов в воздухе… — она остановилась и потом решительно добавила:

— Я летала на всех типах дирижаблей и могу занять любой пост… включая командирский.

— У вас есть какие-нибудь доказательства? — спросил Харди. — А вдруг вы лжете?

— Ну, а где ваши документы? — возразила Джил. — Да если б они и были… Вы — шкипер китобойного судна. Разве это дает вам право стать пилотом дирижабля?

— Ну, ну, — вмешался Файбрас, — не лезьте в бутылку. Я-то вам верю, Галбира, и совсем не

считаю вас обманщицей. Но должен заметить сразу: возможно, вы лучше всех подходите на пост капитана, но командую тут все-таки я. А значит, я — хозяин, босс! В свое время я отказался от должности главного инженера при постройке судна Клеменса; мне просто не хватало знаний для этого проекта. Но сейчас и здесь я — КАПИТАН ФАЙБРАС, и прошу об этом не забывать! Если вам такое подходит, мы скрепим кровью контракт, и я даже готов запрыгать от восторга. Возможно, вы станете у нас одним из ведущих сотрудников, — без оглядки на принадлежность к женскому полу, клянусь вам, — но сейчас я ничего не обещаю. Делить портфели еще рано.

Он помолчал, тряхнул головой и прищурился.

— Главное сказано. И еще. Вы должны поклясться своей честью и именем Бога, что полностью подчинитесь законам Пароландо. Без всяких «если» и «но».

Галбира колебалась. Она облизнула запекшиеся губы. Ее вожделенная мечта — дирижабль — видением возник перед нею. Он парил под солнцем, как серебряная птица, отбрасывая тень на нее и Файбраса.

— Хорошо… Но должна предупредить вас, что не собираюсь пожертвовать своими принципа-

ми… — она заговорила так громко, что мужчины вздрогнули.

— Я… я…

Файбрас усмехнулся.

— Принципы! О, эти принципы, которыми никто не хочет поступиться! Вы не одиноки, Галбира, в таком положении многие. Но я хотел бы видеть вас в своей команде. Давайте договоримся так: я остаюсь верен своим принципам, вы — своим, и мы оба уважаем конституцию этой страны.

Он ткнул пальцем в сторону Шварца и Харди.

— Взгляните на них. Они оба из девятнадцатого века, один — австриец, другой — американец. Но они признают меня капитаном и командиром; к тому же они — мои друзья. Может быть, в глубине души они и считают меня наглым негром, но проткнут каждого, кто осмелится это сказать. Правда, парни?

Мужчины согласно кивнули.

— Тридцать один год жизни в Мире Реки изменяет человека — если он вообще способен меняться. Итак, ваше слово? Хотите услышать конституцию Пароландо?

— Конечно! Не могу же я принять решения, не узнав, на что иду.

— Она составлена великим Сэмом Клеменсом.

Год назад он уплыл от нас на судне «Марк Твен».

— «Марк Твен»? Какая самовлюбленность!

— Название выбрано всеобщим голосованием. Сэм возражал, правда, не очень настойчиво… — В глазах Файбраса сверкнули насмешливые искорки. — Так слушайте! «Мы, народ Пароландо, нижеследующим заявляем…»

Он произносил длинный текст без запинки, без единой ошибки; видимо, хартия была запечатлена в памяти каждого. Дар, присущий людям, не знавшим письменности, да еще — актерам, стал в Пароландо всеобщим.

Торжественные слова возносились к светлевшему, наливавшемуся голубизной небу. Туман опустился до колен, и казалось, что долина утопает под снежным покровом, тянувшимся до подножия холмов. Их склоны, заросшие кустарником, над которым возносились сосны, тисы, бамбук и гигантские стволы железных деревьев, обрели ясные очертания и больше не выглядели загадочными далекими силуэтами с японских картин. На лианах, обвивавших железные деревья, распустились и засияли в первых лучах зари огромные цветы. На западе, словно фон этого яркого полотна, возносился темный каменистый обрыв, покрытый синевато-серыми пятнами ли-

шайника. Повсюду с гор струились серебристые потоки водопадов.

Все это было уже знакомо Джил Галбира — и, однако, вызывало трепет страха и удивления. Кто же создал эту долину, протянувшуюся на много миллионов миль? И зачем? Каким образом и во имя чего были воскрешены на этой планете она сама и еще тридцать шесть или тридцать семь миллиардов человеческих существ? Каждый из живших на Земле с 2 000 000 года до нашей эры вплоть до начала третьего тысячелетия земной цивилизации воскрес после смерти. Исключение составляли лишь дети до пяти лет, умственно отсталые и безнадежно больные — больные душевно, не телесно.

Кто это совершил? Для чего?

В Мире Реки ходило много странных, волнующих, безумных толков и легенд о таинственных созданиях, что появлялись на краткий миг под видом нищих странников или пророков.

— Вы слушаете меня? — прервал ее размышления Файбрас.

— Могу повторить от слова до слова всю вашу речь, — парировала Джил.

Она немного лукавила слушая вполуха и воспринимая лишь самое существенное — как

антенна, настроенная на нужную волну.

Повсюду из хижин появлялись люди. Они потягивались, кашляли, закуривали сигареты, шли в отхожие места, расположенные за бамбуковыми перегородками. Некоторые, держа в руках цилиндры, торопились к Реке. Одни, без страха перед утренней прохладой, выходили лишь в набедренных повязках; другие, закутанные с ног до головы, походили на бедуинов или привидений.

— Ну, — вновь обратился Файбрас к Джил, — вы готовы дать присягу? Или хотите поразмыслить?

— Я никогда не отказываюсь от своих слов. А вы? Относительно меня, конечно.

— Сейчас речь идет не обо мне, — он вновь усмехнулся, — а о вас. Дав клятву, вы три месяца будете проходить испытание; затем народ решает, предоставить вам право гражданства или нет. Только после этого вы становитесь жителем Пароландо — если я не наложу «вето» на решение народного собрания. Ну, как?

— Идет!

Описанная Файбрасом процедура ей не понравилась, но что могла она поделать? Уходить отсюда Джил не собиралась; к тому же все это время они, ничего не подозревая, тоже будут у нее на испытании.

В воздухе теплело. Небо на востоке разгоралось, и свет больших звезд померк. Раздались звуки трубы. В центре равнины возвышалась шестиярусная башня из бамбука; на ее вершине стоял высокий чернокожий горнист в пунцовом набедреннике.

— Настоящая медь, — гордо объявил Файбрас. — Недалеко от нас, вверх по Реке, есть месторождения меди и цинка. Мы бы, конечно, сумели их отвоевать, но Сэм не любил пускать в ход силу. Собственно, если не считать мелких стычек, мы воевали по-настоящему только один раз, — лицо Файбраса стало задумчивым. — Там, на юге, — он махнул рукой, — было государство Соул Сити с большими залежами криолита и бокситов… Они меняли руду только на оружие, и дело кончилось плохо. Словом, нам пришлось захватить те места, и теперь Пароландо простирается на сорок миль по обеим берегам Реки.

Мужчины понемногу разоблачались, пока не сбросили все, кроме обернутых вокруг талии пестрых кильтов, превратившись из арабов-кочевников в полинезийцев. Джил последовала их примеру. На ней была светло-серая юбочка; легкая полупрозрачная полоска ткани прикрывала грудь.

Обитатели равнины и предгорий собирались у Реки, сбрасывали одежду и прыгали в воду, вскрикивали от холода, вздымая тучу брызг.

Джил пребывала в сомнении. Она гребла день и ночь, с нее сошло семь потов, и Река манила к себе обещанием свежести. Что ж, рано или поздно ей придется разоблачиться у всех на глазах. Решившись, она сбросила кильт и повязку, стремглав помчалась к берегу и нырнула в воду. Когда стремительное движение помогло преодолеть первый озноб, она попросила у одной из купальщиц кусок мыла и принялась за дело всерьез. Несколько раз смыв пену, она вышла на берег, отряхнулась и энергично растерла тело.

Мужчины откровенно разглядывали высокую длинноногую смуглую женщину с маленькой грудью и широкими бедрами. У нее были короткие рыжеватые волосы и карие глаза. Она знала, что не блистает красотой: слишком длинный нос, чуть загнутый, как клюв ястреба, крупные, выступающие вперед зубы, доставшиеся ей, по-видимому, в наследство от темнокожей бабки. Но что тут поделаешь — да и стоит ли об этом задумываться?

Харди устремил взгляд на ее лобок с густыми золотистыми волосками. Кажется, он намерен ее

добиваться; вид у шкипера был такой, словно он готов приступить к немедленной атаке.

Файбрас обошел грейлстоун и вернулся с копьем в руках. У рукоятки торчала огромная кость меч-рыбы. Он метнул копье, вонзившееся в почву рядом с каноэ, и пояснил:

— Знак для береговой охраны — теперь вы можете не беспокоиться о своей лодке. Ну, а сейчас Шварц подберет вам подходящее жилище и покажет окрестности. Встретимся в полдень вон у того железного дерева.

До него была сотня ярдов. Ствол, покрытый толстой корой с грубыми наростами, возносился к небесам на тысячефутовую высоту, мощные ветви тянулись на три сотни футов, огромные листья с красными и серыми прожилками походили на слоновьи уши. Корни пронизывали почву до скального основания равнины. Против этого гиганта были бессильны бури, огонь и стальные пилы.

— Мы зовем его Хозяином. Ждите меня там.

Вновь зазвучал горн. Файбрас кивнул головой и направился к людям, которые строились ровными шеренгами под присмотром командиров. Джил изумленно подняла брови — кажется, в этой стране дисциплину ценили превыше всего.

Ее плеча коснулась тонкая рука Шварца:

— Дайте-ка мне свою чашу, Галбира.

Джил вынула из каноэ и протянула австрийцу серый металлический цилиндр. Он весил около полукилограмма; в метрической системе мер его высота составляла ровно 76 сантиметров, диаметр — 45,72. Закрытую крышку мог снять только его владелец. К ней крепилась ручка, к которой Джил привязала крошечный глиняный дирижабль со своими инициалами.

Шварц передал цилиндр одному из толпившихся вокруг грейлстоуна мужчин. Тот поспешно забрался наверх и тотчас спрыгнул обратно, с опаской поглядывая на вершины восточных гор; в запасе у него оставалось лишь две минуты. Над грядой показалось солнце, и сразу же поверх каменного гриба взметнулось футов на тридцать голубое пламя. Оглушительный треск электрического разряда смешался с грохотом других граалей по обоим берегам Реки. За многие годы Джил так и не привыкла к этим ежедневным взрывам — она вздрогнула и зажала уши ладонями. Отраженный от горного хребта гром раскатился гулким эхом. Еще несколько глухих раскатов — и все затихло.

Люди уселись завтракать.

9

Низко скошенная трава колола ноги. Здесь, у подножья холма, в прохладной тени железного дерева, расположилась маленькая деревушка с квадратными и круглыми хижинами. С нижней ветки колосса спускалась веревочная лестница. Она вела к домику-гнезду, торчавшему, словно елочная игрушка, на подмостье меж двух огромных сучьев. В темно-зеленой кроне виднелось множество таких же воздушных жилищ; каждое — со своей лесенкой.

— После испытательного срока вы можете выбрать что-нибудь подходящее на втором этаже, — Шварц кивнул в сторону дерева. — А пока — вот ваш дом.

Джил перешагнула порог. Наконец-то ей не нужно кланяться каждый раз дверной притолоке! Большинство людей делают в своих жилищах слишком низкие двери — по росту. Она положила на пол свой узел и цилиндр. Шварц вошел следом.

— Дом принадлежал чете, погибшей в пасти речного дракона, — сказал он. — Эта тварь выскочила из воды так, будто ею выстрелили из

пушки, и пробила головой корму рыболовного судна. К несчастью, там стояла эта пара. Дракон проглотил их вместе с лаем. Это случилось уже после прекращения воскрешений, — он сделал паузу, подняв глаза к потолку, и задумчиво закончил: — По-моему, они прекратились всюду. А вы ничего не слышали о новых воскрешениях за последнее время?

— Нет, не слышала.

— Как вы думаете, почему они прекратились после стольких лет?

— Не имею ни малейшего представления, — она страшилась говорить на эту тему. Действительно, почему их лишили дара бессмертия? — Да и черт с ними, — добавила она вслух.

Джил огляделась. Пол в доме зарос жесткой травой, доходившей ей до бедер и нещадно коловшей ноги. Надо будет скосить ее до основания, а потом засыпать пол песком. Впрочем, все равно с одном раза не удастся с ней покончить. Корни уходили в глубину, переплетаясь между собой, и трава лезла вверх даже без солнечного света. Ее придется выдирать вместе с корнями.

На стене висел металлический серп. Здесь, в Пароландо, к металлу уже привыкли, и никто не позаимствовал орудие, столь нужное в каждом

доме.

Она двигалась медленно, стараясь не оцарапать ноги острыми стеблями. На бамбуковом столе стояла кружка; рядом — пара позеленевших глиняных кувшинов, большой и поменьше. На крючке висело ожерелье из рыбьей кости. Две бамбуковые койки с подушками и матрасами из полотнищ, скрепленных магнитными кнопками и набитых сухой листвой, едва виднелись в густой траве. К стене была прислонена арфа, своеобразный инструмент из панциря черепахи и рыбьих кишок.

— Все это выглядит не очень заманчиво, — заметила Джил. — Надеюсь, что мне не придется тут долго жить.

— Зато здесь просторно, — улыбнулся Шварц. — Места хватит и для вас, и для вашего будущего друга.

Джил схватила серп и обрушила его на траву. Стебли сыпались как головы — «вжик — ааах, вжик — ааах!»

Шварц смотрел на нее, словно опасаясь, что тоже падет жертвой ее атаки.

— Почему вы так уверены, что мне нужен любовник?

— Почему, почему? Да потому, что это всем

нужно.

— Не всем! — она повесила серп на крюк и огляделась. Кому еще грозит участь капитана Кука?

Она полагала, что Шварц потянет ее в постель — все мужчины одинаковы. Но, видно, этому не хватало смелости. Джил облегченно вздохнула, но чуть заметная презрительная улыбка появилась на ее губах. Эта двойственность ей показалась странной: стоило ли презирать человека, который ведет себя пристойно и в соответствии с ее желаниями?

Но досада осталась. Обычно, если поклонник становился слишком агрессивным, Джил не задумывалась. Жестокий удар в пах, в живот или ребром ладони по шее отрезвлял многих. Кое-кто потом пытался ее убить, но она искусно владела ножом — да и любым другим оружием. Нет, врасплох ее не застанешь!

Давид Шварц даже не подозревал, что находился так близко к инвалидной коляске или к полной утрате мужском естества.

— Вы можете спокойно оставить тут свои вещи. У нас никогда не бывает краж.

— Все-таки я прихвачу чашу. Когда она не на глазах, чувствуешь себя как-то неуютно.

Он пожал плечами и достал из висевшей на

плече кожаной сумки сигару.

— Не здесь, — предупредила она. — Это мой дом, и я не желаю, чтобы тут дымили.

Австриец удивленно взглянул на Джил и вновь пожал плечами. Выйдя из хижины, он тут же закурил и всю дорогу энергично пускал дым в ее сторону.

Джил решила воздержаться от резких замечаний. Не стоило его беспрестанно одергивать и раздражать. Она здесь на испытании, и она — женщина; к тому же, Шварц занимает высокое положение и близок с Файбрасом. Нужно смириться, спрятать гордость в карман.

Стоит ли? На Земле, стремясь к своей единственной цели — стать командиром дирижабля, — она получала достаточно оплеух. Потом, вернувшись домой, в ярости била посуду и размалевывала стены ругательствами. Конечно, все это ребячество, но после дюжины тарелок спокойствие возвращалось к ней. Однако здесь будет еще хуже. Уйти отсюда невозможно — другого места для нее нет. Только в Пароландо будет построен дирижабль, уникальный аппарат, единственная ее надежда.

Шварц остановился у подножья холма. Он показал на аллею раскидистых сосен, в конце которой маячил длинный сарай.

— Ближайшее к вам отхожее место. Здесь будете по утрам опоражнивать свой ночной горшок. В одно отверстие — мочу, в другое — экскременты.

Он помолчал и добавил:

— Обычно нужники чистят те, у кого не кончился испытательный срок. Содержимое доставляется на пороховой завод для переработки и подается на шнек. Конечный продукт пищеварения — калиевая селитра и…

— Да знаю я, — процедила она сквозь зубы, — не дурочка же. Всюду, где производят серу, используют такой же процесс.

Шварц приподнялся на носках, с удовольствием пыхнул сигарой, потянулся. Будь у него подтяжки, он бы щелкнул ими.

— Большинство испытуемых работает на этом заводе не меньше месяца. Малоприятное занятие, но прекрасно дисциплинирует. Кроме того, отсеиваются непригодные.

— Нон карборундум иллегитиматус, — произнесла Джил.

— Что такое? — небрежно переспросил он.

— Это латынь. Правда, несколько вульгарная. А переводится так: «Не позволяй невеждам поучать себя». Зарубите себе на носу — ради серьезного дела я могу собирать любое дерьмо.

— Да вы грубиянка!

— Конечно. Но если вы — мужчина, а не одуванчик, то должны быть таким же. Впрочем, в этой стране могут быть другие порядки. Слишком много цивилизации…

— Как мы здесь изменились, — он говорил медленно и горько. — Не всегда, правда, к лучшему. Если бы мне в 1893 году сказали, что я буду выслушивать от женщины, — не проститутки или фабричной девчонки, а от женщины из общества — грубые непристойности и мятежный…

— А вы чего хотели? Восхищенного сюсюканья? — резко бросила она.

— Позвольте, я закончу: и мятежный суфражистский вздор.

Если бы мне сказали, что это нисколько не поразит и не оскорбит меня, я бы назвал того человека лжецом. Но век живи, век учись… вернее, — умри и учись.

Он замолчал и посмотрел на нее. У Джил дернулся уголок рта, глаза сузились.

— Стоило бы как следует отделать вас… но мне тут жить. Что ж, перетерплю.

— Вы совершенно не поняли меня. Я сказал: век живи, век учись. Я уже не Давид Шварц образца 1893 года. Думаю, что и вы не та Джил Галбира…

когда вы умерли?

— В тысяча девятьсот восемьдесят третьем.

Они продолжали путь в молчании. У Джил на плече лежал бамбуковый посох, к которому она подвесила чашу. Шварц показал на ручей, бравший начало от горного водопада. Меж двух холмов он разливался в крошечное озерцо. Посередине в лодке застыл человек с бамбуковой удочкой в руках. Ей показалось, что рыбак похож на японца.

— Ваш сосед, — произнес Шварц. — Его настоящее имя — Охара, но он называет себя Пискатором. Слегка помешан на Исааке Уолтоне, которого может цитировать страницами. Утверждает, что каждому человеку нужно лишь одно имя, поэтому и выбрал себе — Пискатор… Рыбарь… Впрочем, латынь вы, кажется, знаете. Рыбак он действительно страстный, и потому в Пароландо его обязанность — охота на речных драконов. Но сегодня он свободен.

— Очень интересно, — отозвалась Джил. Похоже, сейчас ей сообщат нечто малоприятное — уж очень саркастической была усмешка Шварца.

— Возможно, он станет первым членом экипажа дирижабля. В Японии он был морским офицером, а во время первой мировой войны

служил в британском флоте наблюдателем и инструктором по подготовке пилотов дирижаблей. Затем — в том же качестве — работал в морской авиации Италии, бомбившей австрийские базы. Как видите, у него достаточно опыта, чтобы занять высокий пост.

— К тому же, он — мужчина, — Джил улыбалась, скрывая кипевшую внутри ярость. — И хотя опыта у меня намного больше, его пол — изрядное преимущество.

Шварц отвернулся.

— Я уверен, что Файбрас будет отбирать людей в команду, руководствуясь лишь их квалификацией.

Она не ответила.

Шварц помахал рукой человеку в лодке. Улыбаясь, тот привстал с сиденья и поклонился. Затем сел обратно, бросив взгляд на женщину. Джил показалось, что ее пронзили лучом радара. Она была мгновенно взвешена, измерена и оценена — от кончиков пальцев до самых тайных закоулков души.

Воображение, конечно, не больше. Но Шварц, добавивший: «Эмт Пискатор — человек необыкновенный» — был по-видимому, прав.

Она удалялась от озера, чувствуя на своей спине

обжигающий взгляд черных глаз.

10

Темнота поглотила все, внутри царила ночь с бледными змейками — проблесками света. Затем в пустыне безвременья вспыхнул, словно из кинопроектора, яркий луч. Вспышка, на самом деле — бесшумная, громом отозвалась в ее мозгу. На экране, появившемся неведомо откуда, замелькали обрывки картин и слов — словно символы какого-то нерасшифрованного кода.

Самое страшное, что изображение, кажется, шло вспять, неслось в прошлое галопом бешеного мустанга. Это был документальный телевизионный фильм для сонма глупцов — зрителей дурацкого ящика. Но крутившаяся обратно лента в техническом отношении оставалась великолепной. Яркие кадры вспыхивали и менялись со сказочной быстротой, взывая к воспоминаниям, словно картинки иллюстрированной книжки, когда их листают от конца к началу. Но где же текст? Разве это ее мысли? Нет, она не узнавала ни прообразов, ни сюжета. Впрочем, сюжет был, но как бы нахватанный из разных пьес, сведенных воедино. Да, из множества пьес. Она почти уловила смысл — тут же опять ускользнувший

от нее.

Застонав, Джил проснулась, открыла глаза и услышала стук дождя по тростниковой крыше.

Сейчас она припомнила начало сна. Это был сон во сне, или она вообразила все сновидением, хотя не испытывала в том уверенности. Тоже шел дождь, она внезапно очнулась… кажется, так было на самом деле? Та, другая хижина — далеко, за двадцать тысяч миль отсюда, но все здесь похоже, и мир за стенами ее домика не сильно отличался от прежнего. Она перевернулась на бок, протянула руку… Рядом была только пустота.

Вскочив, она в панике огляделась. Яркая вспышка молнии осветила комнату, и она поняла, что Джека с ней нет. Джил выбежала под дождь, но и там не было никого. Он ушел, но куда, почему?

Только один человек мог объяснить ей все, но он тоже исчез этой ночью, бросив свою подругу. Джил поняла, что мужчины, случайные приятели, бежали вместе.

Почему Джек так безжалостно покинул ее? Чем она провинилась? Тем ли, что он больше не хотел терпеть женщину, не желавшую быть в их содружестве на вторых ролях? Или его вновь охватила жажда странствий? Как бы то ни было, но его нет, он бросил ее, ушел — решительно и

бесповоротно, как истый американец.

С тех пор она жила без мужчины. Джек был лучшим из них; последний — всегда лучший, но тоже далек от идеала.

В состоянии полной подавленности она встретилась с Фатимой, молоденькой турчанкой с миндалевидными глазами. Девушка была одной из многочисленных наложниц Магомета Четвертого (правившего Турцией в 1648-87 годах), но никогда не делила ложа со своим повелителем. В серале было полно других пленниц, и они предпочитали любить себе подобных. Она стала фавориткой Касимы, бабушки Магомета, но их отношения оставались платоническими, без лесбиянства.

Мать правителя — Туркан-хатун — всеми силами стремилась лишить Касиму власти. Однажды старую владычицу схватили подосланные Туркан убийцы и задушили в спальне шнурами от занавесей. Фатима разделила участь своей покровительницы.

Джил подобрала Фатиму и сделала своей подругой после ссоры турчанки с ее возлюбленным — французским танцовщиком, умершим в 1873 году. Вначале она относилась к девушке довольно равнодушно, но будучи натурой страстной,

легко возбудимой, со временем увлеклась ею. Фатима, совершенно невежественная и, что еще хуже, невосприимчивая к любому влиянию, была особой самовлюбленной и инфантильной. Джил прожила с ней около года. Однажды девушку схватили три пьяных пенджабца (родившиеся за 1000 лет до н. э.), изнасиловали и убили. Джил впала в отчаяние. Она не верила в ее гибель. Однако к тому времени воскрешения прекратились, и уже никто не возвращался к жизни на каком-нибудь другого, далеком берегу бесконечной Реки.

Но раньше, чем предаться скорби, Джил поразила стрелами убийц. Эти тоже не воскреснут.

Годом позже до нее дошли слухи о строящемся где-то на Реке громадном дирижабле. Поверив в это сразу и безоговорочно, она, тем не менее, долгие месяцы жадно ловила все новости с Низовья. Потом ринулась на поиски.

Путь оказался долгим и тяжелым, но теперь она была у цели.

11

В газете «Ежедневные вести» (владелец — государство Пароландо, издатель — С.К.Бегг) на первой странице помещена «Памятка читателю».

«В соответствии с законом читатель обязан по прочтении номера на следующий же день вернуть его для общественного пользования. При необходимости газету можно употребить в качестве туалетной бумаги. В этих целях мы весьма рекомендуем страничку писем к издателю. Невыполнение закона влечет за собой первое наказание — общественное порицание, второе — конфискацию недельной выпивки, третье — вечное изгнание».

В разделе «Новоприбывшие» крупным шрифтом было набрано: «Джил Галбира».

«Вопреки мнению некоторых лиц, мы сердечно приветствуем прибывшую к нам женщину — кандидата на гражданство в нашей стране. В это воскресенье перед четырьмя нашими крупными общественными деятелями из предутреннего тумана предстала великанша. Несмотря на легкое опьянение и связанную с этим определенную

расплывчатость мыслей, квартет все же догадался, что гостья проделала путешествие длиной в двадцать тысяч миль, чтобы достигнуть наших благословенных берегов. Она совершила этот путь одна в каноэ, будучи в здравом рассудке и абсолютно трезвой. Единственная цель ее одиссеи — воочию убедиться в истинности нашего проекта — строительства дирижабля. Пока неизвестно, станет ли она капитаном воздушного корабля, но, по ее мнению, это необходимо для общественного блага.

Несколько глотков божественного напитка дали возможность нашему квартету в какой-то мере выдержать атаку незнакомки. (Один из очевидцев так описывает ее: „Она подобна закованной в броню Минерве со стальными нервами и потрясающей самоуверенностью“).

Знаменитая четверка потребовала от нее верительных грамот. Подтверждение было достаточно веским и впечатляющим. Один из наших уважаемых сограждан, у которого ваш бесстрашный корреспондент Роджер Блай взял по этому поводу интервью, утверждает, что предполагаемая мисс Галбира — безусловно, та, за которую себя выдает. Хотя они не встречались в земной жизни, тем не менее ему приходилось читать о

ней в различных журналах и даже однажды лицезреть по телевидению (изобретение середины двадцатого века, до которого ваш корреспондент, к счастью, не дожил).

Эта женщина сейчас мало похожа на прежнюю Джил Галбира, но она явно не из тех многочисленных самозванцев, что разгуливают в долине Реки.

Бюро статистики рождаемости (или, вернее, — смертности) предоставило нам следующую информацию: Галбира Джил (псевдоним). Женщина. Урожденная Дженет Ред. Появилась на свет 12 февраля 1953 года в Тумумбе, Квинсленд, Австралия. Отец — Джон Джордж Ред. Мать — Мэри Броунз Ред. Происхождение — шотландско-ирландское, французское (с примесью еврейской крови), австралийское (аборигены). На Земле замужем не была. Училась в школах Канберры и Мельбурна. Окончила Массачусетский Технологический Институт по специальности аэронавтика со степенью магистра. Имеет права гражданского пилота (реактивные и турбовинтовые лайнеры) и права аэронавта (все виды аэростатов). Штурман-инженер дирижабля Западно-германской грузовой службы при правительстве Нигерии (1977-78). Пилот дирижабля

Геофизической Службы Соединенных Штатов (1978). Пилот дирижабля шаха Кувейта (1980-81). Инструктор флотилии дирижаблей Британских воздушных сил (1982). В 1983 году — единственная женщина-капитан в западном мире. Провела в воздухе 8342 часа.

Погибла 1 апреля 1983 года при автомобильной катастрофе (Хоуден, Англия) накануне вступления в должность командира нового цельнометаллического дирижабля „Виллоуз-Гуденз“.

Профессия: очевидна из вышеизложенного.

Имеет навыки: игры на флейте, стрельбы из лука, фехтования, кендо, верховой езды, преподавательской работы, специалист в области военных наук.

Если судить по ее встрече с достопочтеннейшим Сирано де Бержераком, на Земле она весьма мило обходилась со своими поклонниками: кулаком в живот, коленом в челюсть, одно мгновение — и Сирано — „ор де комба“.[1] Этот демарш последовал без промедления за несанкционированным манипулированием ее бюстом. Разъяренный француз немедленно вызвал бы на дуэль любого обидчика, но бороться с дамой

---

[1] notes: 1
вне боя (франц.)

— стать „эмбисиль“,[2] — таков закон его времени и нации. Кстати, оплошность Сирано усугубляется тем, что он не получал никаких авансов — ни взглядом, ни словом.

Вчера после ужина ваш неустрашимый и предприимчивый корреспондент подошел к двери Джил и постучал. Из хижины донеслись некие недвусмысленные звуки вместе с раздраженным голосом: „Какого черта вам надо?“ Очевидно, предмету нашего интервью была известна личность гостя.

— Мисс Галбира, я — Роджер Блай, репортер „Ежедневных вестей“. Мне бы хотелось взять у вас интервью.

— Ладно, только придется подождать. Я сижу на горшке.

Коротая время, ваш корреспондент закурил сигару, которую позже надеялся использовать для освежения воздуха в хижине. Там раздался плеск воды, затем послышался голос:

— Входите, но не закрывайте двери.

— Охотно, — согласился ваш храбрец.

Предмет интервью располагался у стола, покуривая травку. Букет запахов сигары, продукта

---

[2] notes: 2
глупцом (франц.)

недавней деятельности хозяйки, дыма нескольких восковых свечей создавали неописуемый аромат.

— Мисс Галбира?

— Нет — миз.

— Что это значит?

— Вы хотите знать мое мнение по этому поводу или действительно не понимаете? Здесь вполне достаточно людей моего времени. Вы что, никогда не слышали раньше — миз!

Ваш корреспондент сознался в своем невежестве, но объект, не тратя времени на просвещение мистера Блая, вопросил:

— Каково положение женщин в Пароландо?

— Днем или ночью? — поинтересовался мистер Блай.

— Пожалуйста, без острот, — прервала миз Галбира. — Лучше позвольте мне сформулировать свою мысль в доступной для вас форме. По законам, то есть теоретически, женщины здесь имеют равные права с мужчинами. А практически — каковы между ними отношения?

— Боюсь, что весьма разнузданные, — ответил интервьюер.

— Я дам вам еще один шанс, — сурово заявила хозяйка. — Но только один, а потом вы, болван

этакий, вылетите отсюда вместе со своей вонючей сигарой.

— Тысячу извинений, — не уступал неустрашимый корреспондент, — но дело в том, что это я пришел у вас брать интервью, а не „вице верса“.[3] Почему бы вам не попросить самих женщин задуматься об их отношениях с мужчинами? Или возглавить крестовый поход суфражисток? Или подвигнуть женскую часть населения на постройку собственного, совершенно отдельного дирижабля?

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Это мне и в голову не приходило, — не дрогнув, возразил мистер Блай. — Здесь собрались люди нового времени, хотя из двадцатого века их не так много. Цель Пароландо — строительство дирижабля, для чего в рабочее время установлена железная дисциплина. Но в свободные часы граждане могут заниматься чем угодно, кроме нанесения вреда окружающим. Однако вернемся к основной теме. Дабы нам впоследствии не запутаться, объясните, что означает „миз“?

— Вы опять ломаете передо мной комедию?

— Нет, готов поклясться на Библии, если бы она

---

[3] notes: 3
противоположным образом, наоборот (лат.)

здесь была.

— Коротко говоря, это обращение, принятое членами женского освободительного движения в шестидесятые годы. Термин „мисс“ или „миссис“ подчеркивает лишь сексуальные взаимоотношения с мужской половиной. Быть мисс — значит, быть незамужней, и если женщина уже в брачном возрасте, то это вызывает презрительное отношение со стороны мужчин. Кроме того, им нужны жены — в силу чего мисс должна умереть, обратившись в миссис. Таким образом, женщина, лишенная значения как личность, рассматривается в качестве принадлежности своего супруга и становится гражданином второго сорта. Например, с какой стати мисс должна носить имя своего отца, а не матери?

— В этом случае, — отважился заметить интервьюер, — она все равно носит мужское имя — своем деда по матери.

— Совершенно верно. Вот почему я поменяла свое — Дженет Рей — на Джил Галбира. Отец при этом встал на дыбы, да и мать серьезно протестовала. Впрочем, она — типичная тетушка Дора, совершенно безмозглая.

— Очень интересно, — заметил мистер Блай. — Галбира? Что же это за имя? Славянское? Почему

вы его выбрали?

— Вы просто невежда. Оно заимствовано у австралийских аборигенов. Галбира — вид кенгуру. Они ловят собак и пожирают их.

— Кенгуру, которые питаются собаками? А я-то думал, что они все вегетарианцы.

— Да, сейчас таких нет. Но аборигены рассказывали, что когда-то они жили в глухих местах континента. Возможно, это миф, но какая разница? Будем считать мое имя символическим.

— Значит, мы должны отождествлять вас с собакоядным кенгуру — галбира? Могу себе представить, кто выступает в качестве собак!

Тут миз Галбира улыбнулась столь зловеще, что ваш корреспондент почувствовал необходимость поддержать свое мужество глотком горячительного из фляги, которая, как и перо с бумагой, всегда при нем.

— Я выбрала свое имя совсем не из симпатий к австралийской культуре, — заявила миз. — Да, я на четверть аборигенка, так что же? Это насквозь мужская шовинистическая идеология. Женщины у австралийцев — объект подавления, рабства, на них лежали все тяжелые работы, их избивали отцы и мужья. Многим мужчинам исчезновение культуры аборигенов казалось трагедией, но я по-

лагаю, что это прекрасно. Правда, я сочувствовала испытаниям, сопутствующим дезинтеграции.

— Дезинтеграция, как и дефлорация, обычно не обходятся без боли, — вставил мистер Блай.

— Девственность? Еще один миф, выдуманный мужчинами для самовозвеличивания, — едко заметила миз Галбира. — К счастью, за годы моей земной жизни отношение к этому вопросу коренным образом изменилось. Но вокруг еще полно свиней, ископаемых кабанов, как я их называю, которые…

— Все это чрезвычайно интересно, — осмелился прервать тираду ваш храбрец, — но я полагаю, мы сохраним эти соображения для странички „Писем к издателю“. Мистер Бегг печатает любые заметки в оригинальном исполнении, не меняя стиля и крепких выражений. А сейчас читателям хотелось бы узнать о ваших профессиональных планах. Как вы намерены содействовать проекту „Дирижабль“? И как представляете свое положение в его иерархии?

К этому времени тяжелый едкий дым марихуаны заглушил все остальные запахи. Глаза миз, расширенные наркотиком, сверкали мрачным огнем. Ваш корреспондент вновь почувствовал необходимость поддержать стремительно убыва-

ющую отвагу еще одним глотком божественного напитка.

— Рассуждая логически и учитывая мои знания, опыт и способности, — она заговорила медленно, но громко, — мне следует поручить все руководство проектом. И я должна стать капитаном дирижабля! Мне удалось выяснить квалификацию некоторых деятелей, связанных с проектом, и я ни минуты не сомневаюсь, что превосхожу их по всем статьям. Но почему-то мне не доверили руководство. Мою кандидатуру на пост капитана даже не рассматривали! Почему?

— Не объясняйте мне, — прервал ее ваш неустрашимый. Возможно, он слишком расхрабрился от жидкости, струившейся в его жилах и притупившей свойственное ему чувство самосохранения. — Не объясняйте! Позвольте мне отважиться на догадку. Я, кажется, нашел причину. Вероятно, она связана с основной вашей позицией: все это происходит потому, что вы всего лишь женщина.

Объект интервью одарил вашего корреспондента гипнотическим взглядом и сделал еще одну затяжку, глубоко втянув дым в легкие и выпустив его через ноздри. Мистеру Блаю эти зловещие манипуляции напомнили картину с драконами,

виденную им в земной жизни. Однако он не рискнул обратить внимание собеседницы на сходство.

— Да, вы догадались правильно. Возможно, вы не такой идиот, как мне показалось вначале.

Затем, ухватившись за край стола — так, что скрипнула дубовая доска — она выпрямилась на стуле.

— Но что вы имели в виду, сказав „всего лишь женщина“?

— О, это только словесный оборот, — поспешил заверить ваш корреспондент, внутренне содрогнувшись. — У меня, видите ли, иронический склад ума и…

— Будь я мужчиной, — ответила миз, — от чего Господь меня уберег, то в два счета стала бы первым номером… и вы, алкоголик вшивый, не посмели надо мной насмехаться!

— О, вы ошибаетесь, — заявил ваш храбрец, — я совсем не смеюсь над вами. Но есть один момент, который вы не приняли во внимание. Еще задолго до постройки второго судна (первое захватил король Джон) было решено, что во главе проекта встанет Файбрас. Нынешняя ситуация полностью соответствует конституции Пароландо, которую вы должны знать, поскольку он лично вам ее

продекламировал. Вы ее усвоили и, дав клятву, приняли ее. Так к чему же все это чириканье?

— Значит, вы, клоун несчастный, так ничего и не поняли! Суть в том, что от вашей хартии разит мужским шовинизмом. Следовательно, она может быть нарушена.

Ваш корреспондент еще раз хлебнул самую малость бодрящего напитка.

— Но ведь все не только уже решено, но и выполнено. Даже если некто, столь опытный, как вы, и будет допущен к работам, то все равно он может стать только вторым — помощником руководителя проекта капитана Файбраса и первым членом экипажа. Но не больше.

— Но ни у кого из них нет опыта офицера с „Графа Цеппелина“. Послушайте, я сейчас вам все объясню…

— Здесь слишком жарко и накурено для научных дискуссий, — заметил ваш корреспондент, вытирая пот со лба. — Я, собственно, хотел бы побольше узнать о вашем происхождении и о некоторых подробностях прежней жизни. Вы же представляете, что такое людское любопытство. Скажем, весьма интересно выяснить ваше состояние после Дня Воскрешения, а также…

— Вы надеетесь, что ваше мужское обаяние за-

ставит меня вывернуться наизнанку? Может, вы еще хотите воспользоваться удобным случаем?

— Боже сохрани, — заверил мистер Блай, — это чисто профессиональный интерес и…

— Та-ак! — Она сделала еще одну затяжку. — Кажется, я вас вспугнула! Да, вы все одинаковы. Встретив женщину, у которой ума и воли побольше ваших, вы сразу же выпускаете пары и превращаетесь в проколотый шар! Да, в шар с дыркой!

— Истинная правда, миз Гилбора, — заспешил ваш бесстрашный, чувствуя, как пылает его лицо.

— А теперь — вон отсюда, ничтожество!

Ваш корреспондент счел благоразумным подчиниться этому приказу. Так прошло незавершенное интервью!»

12

Утром Джил вынула из газетного ящика вчерашний выпуск «Вестей». По-видимому, кое-кто уже читал его и теперь вдоволь потешается над ней. Она раздраженно развернула газету на странице «Новоприбывшие», подозревая, что чтение не доставит ей радости.

Трясущимися руками Джил быстро листала страницы. Еще во время прежней жизни ей следовало привыкнуть к мысли, что люди типа Бегга способны печатать всякую чушь, но это интервью было просто омерзительным! Чего же иного можно было ждать от издателя грязного желтого листка из аризонского захолустья? Файбрас кое-что о нем порассказал.

Больше всего ее возмутила фотография. Она и не подозревала, что ее успели сфотографировать в то первое утро в Пароландо. Объектив увековечил ее в глупой, почти непристойной позе. Совершенно нагая, Джил сушила свою одежду, согнувшись так, что ее груди свисали словно коровье вымя, руки были растопырены и на каждой развевалось по длинному полотнищу. Она уставилась куда-то вверх, из разинутого рта

торчали огромные зубы.

Конечно, фотограф сделал несколько снимков, но Бегг выбрал именно этот, чтобы сделать из нее посмешище.

Джил пришла в такую ярость, что чуть не забыла захватить свой цилиндр. Она повесила его на руку, словно оружие, которым собиралась раскроить голову Беггу, в другой зажала газету — тоже пригодится, как кляп, — и устремилась на штурм редакции. Однако, подойдя к двери сего почтенного заведения, она опомнилась и замерла у порога.

«Приди в себя, Джил! — подумала она. — Ты делаешь сейчас как раз то, на что рассчитывает он и вся эта грязная компания. Спокойней, думай головой, а не кулаками. Конечно, отхлестать его по щекам прямо в редакции было бы огромным удовольствием. Но тогда все задуманное рухнет. Нужно смириться. Нужно вытерпеть все».

Держа в руке чашу, Джил медленно побрела домой и по пути дочитала газету. Оказывается, Бегг злословил, клеветал и порочил не только ее. Сам Файбрас, весьма благородно отозвавшийся о ней, тоже подвергся нападкам — и издателя, и читателей. Страничка «Вокс попули» была заполнена их письмами, критикующими политику

главы государства.

Джил уже миновала лощинку меж двух возвышенностей и поднималась извилистой дорожкой на следующий холм, когда сзади послышался чей-то голос. Обернувшись, она увидела Пискатора. Широко улыбаясь, японец догонял ее. Он заговорил на превосходном английском, как истый питомец Оксфорда.

— Добрый вечер, гражданка. Позвольте мне сопутствовать вам. Совместный путь будет короче и приятнее, не так ли?

Джил натянуто улыбнулась. Он говорил очень серьезно, с изысканной вежливостью семнадцатого столетия. Водруженный на голове цилиндр из рыбьей кожи с загнутыми вверх полями, похожий на убор пилигрима из Новой Англии, довершал общее впечатление старомодности. На полях шляпы светлыми мушками сверкали ряды мелких алюминиевых фигурок. С плеч Пискатора спускалась черная закрытая блуза, темно-серый кильт и красные сандалии завершали его туалет. На плече он нес бамбуковую удочку, в руке держал цилиндр-кормушку, прижимая локтем к боку несколько свернутых в трубку газет.

Для японца он был довольно высокого роста — его макушка доставала почти до носа Джил.

Правильные и тонкие черты лица напоминали скорее европейца, чем азиата.

— Полагаю, вы уже прочитали газету? — спросила Джил.

— К сожалению, целых три. Но ничуть не удручен. Как предупреждал Соломон в Притче XX14-9: «То — мерзость человеческая!»

— Я бы предпочла сказать — людская, — заметила она.

Он посмотрел на нее с недоумением.

— Но ведь?.. Ах, да, понимаю. Вы, очевидно, подразумеваете под человеком мужчину. Но это слово обозначает и мужчин, и женщин, и детей.

— Да, я знаю, — она стояла на своем. — Я знаю. Тем не менее, говорящие всегда относят его к особам мужского пола. А когда речь идет о людях, то действительно имеют в виду и женщин, и мужчин.

Пискатор глубоко вздохнул. Джил ожидала нейтральное — «Ах, так!», но вместо этого он неожиданно сказал:

— У меня в сумке три отличные рыбины. Не знаю, как они называются здесь, но по виду очень напоминают земных линей. Правда, те не так вкусны, как хариусы. Водятся они в быстрых речках, очень верткие и сильные рыбки.

Джил заподозрила, что английский он изучал по «Руководству для рыболовов».

— У вас нет желания разделить со мной трапезу? К закату я приготовлю рыбу, и мы съедим ее прямо с пылу, с жару. А к ней у меня найдется бутылка-другая скулблума.

Так называлось местное вино, приготовленное из растущего на склонах гор лишайника. Его заливали водой в пропорции один к трем, добавляли высушенные и измельченные цветы железного дерева и все это перемешивали. Смесь настаивалась несколько дней, приобретая пурпурный оттенок; тогда вино считалось готовым.

Джил была в нерешительности. Обычно она предпочитала одиночество и, в отличие от своих современниц, полагалась лишь на собственные силы. Но сейчас ей пришлось вкусить уединения с избытком — ее одинокое путешествие по Реке заняло четыреста двадцать дней. Лишь вечерами она ужинала и разговаривала с случайными, совершенно чужими людьми. На берегах, мимо которых шел ее путь, обитали десятки миллионов — но она не увидела ни одного знакомого лица. Ни одного!

Правда, в течение дня она редко приставала к берегу и рассматривала людей лишь издалека.

Вечерние контакты также были весьма ограниченными. В том состоянии душевного смятения, что терзало ее, она могла так легко пропустить, не заметить людей, которых любила или отличала на Земле. А кое с кем Джил была бы не прочь здесь встретиться.

Больше всего она тосковала по Марии. Что чувствовала девушка, узнав о смерти Джил — своей любовницы (любовника?) — вызванной ее беспричинной ревностью? Не привело ли Марию ощущение вины к собственной гибели? Она была подвержена мании самоубийства и неоднократно угрожала покончить с собой, принимала какие-то пилюли, но каждый раз ухитрялась вовремя получить врачебную помощь. За их совместную жизнь она трижды была близка к смерти.

Нет, скорбь и самобичевание вряд ли тянулись у нее дольше трех дней. В последний раз она проглотила таблеток двадцать барбитурата и тут же вызвала к себе одного из близких друзей (Джил полагала — любовника). У нее мучительно сдавило сердце — вот сучка! Тот отправил ее в больницу, ей сделали промывание желудка, дали противоядие. Джил часами дежурила у постели что-то бессвязно бормотавшей Марии; девушка

казалась одурманенной лекарствами — и, тем не менее, обдуманно манипулировала чувствами своей подруги. Никакой благодарности к Джил она, конечно, не испытывала. Эта сучка-садистка не раз позволяла себе оскорбительные выпады, а потом клялась, что ничего не помнит.

После больницы Джил решилась забрать ее к себе, даже не подозревая, чем это кончится. Она нежно ухаживала за ней, а потом… Разве она могла это вообразить! Сейчас Джил лишь посмеивалась над собой, хотя и не без горечи. Тогда же, тридцать один год назад, после жесточайшей ссоры, она в ярости выскочила из дома, села в машину и помчалась по дороге, не обращая внимания на красный свет. И вдруг… слепящие огни, пронзительный гудок огромного грузовика — и ее «Мерседес-Бенц» отброшен на обочину шоссе. Она ощутила жгучую, невыносимую боль, чудовищные силы смяли и сокрушили ее.

Потом… Потом она проснулась обнаженной на берегу Реки среди множества других людей. Ее тело тридцатилетней женщины было юным, как у девушки, без всяких следов ранений. И начался кошмар. Кошмар в раю? Но существует ли этот рай, если люди сделали все, чтобы превратить его в ад?

Тридцать один год. Время смягчило все горести, но не эту. До сих пор воспоминания о Марии вызывают странную смесь тоски, гнева и печали. Пора бы относиться к прошлому более объективно. Разве Мария заслужила добрую память о себе? Тем не менее, она продолжала существовать в сердце Джил.

Внезапно она почувствовала взгляд Пискатора. Очевидно, он ждал ответа.

— Извините, — вздохнула она, — иногда меня уносит в прошлое.

— Нет, это я должен просить прощения. Но послушайте… Чтобы избавиться от тяжелых воспоминаний, люди прибегают к наркотикам, и это кончается гибелью. Есть другие пути…

— Нет, нет, — Джил старалась сдержать охватившее ее раздражение. — Просто я слишком долго жила одна и приобрела привычку часто уходить в себя. Во время путешествия по Реке случалось так, что я теряла представление о времени и расстоянии. Проплыву миль десять и не могу вспомнить, что за места остались позади… все изменилось. Но работа требует постоянной сосредоточенности, тут нельзя зевать.

Она добавила последнюю фразу на всякий случай. Что, если Пискатор передаст ее слова

Файбрасу? Рассеянность недопустима для пилота дирижабля.

— Не сомневаюсь в этом, — Пискатор улыбнулся. — Что же касается меня, то вы можете не опасаться соперничества. Амбиций я лишен начисто и вполне доволен своим положением, так как трезво оцениваю и мои знания, и способности. А Файбрас — человек справедливый. Меня значительно больше занимают мысли о цели нашего будущем полета — Таинственной Башне или Большой Чаше, как ее еще именуют. Я хочу отправиться туда и приобщиться к тайнам этого мира. Да, я не прочь пуститься в дорогу, но не горю желанием командовать. Мне не важно, в каком качестве я там окажусь. Бесспорно, я не обладаю вашей квалификацией и готов довольствоваться меньшим чином.

Джил помолчала. Этот человек принадлежал к нации, поработившей своих женщин; по крайней мере, так было в его время — в 1886–1965 годы. Правда, после первой мировой войны там произошли некоторые сдвиги… Но теоретически он должен был разделять традиционное отношение японца к женщинам — чудовищное отношение. С другой стороны, люди менялись в мире Реки… пусть только некоторые…

Вы действительно так думаете? — спросила она. — Это ваше искреннее мнение?

— Я редко говорю неправду… разве только щадя чьи-то чувства или пытаясь избавиться от навязчивых дураков. Понимаю, о чем вы сейчас думаете. Может быть, вам удастся скорее понять меня, если я признаюсь, что одним из моих наставников была женщина. Я провел с ней десять лет… пока она не решила, что я немного поумнел, и могу отправляться к следующему учителю.

— Чем же вы занимались?

— Буду счастлив объяснить вам, но в другой раз. А сейчас позвольте вас заверить, что во мне нет предубеждения ни против женщин, ни против не-японцев. Все это со мной было, но подобная ерунда выветрилась много лет назад. Например, какое-то время после войны я был монахом секты Дзен. Кстати, вы имеете представление об учении дзен-буддистов?

— После 1969 года о нем вышло много книг. Я кое-что читала.

— Ну, и что вы извлекли из этом чтения?

— Весьма немногое.

— Это естественно. Как я уже сказал, вернувшись с войны после демобилизации из флота, я обосновался в монастыре. К нам пришел новый

послушник — белый человек, венгр. И когда я увидел, как к нему относятся, то внезапно осознал то, что до этой поры ощущал лишь подспудно, в чем боялся признаться самому себе: никто из последователей учения — ни ученики, ни наставники, — не избавлены от расовых предрассудков. Свободен от них только я. У них вызывали неприязнь и китайцы, и вьетнамцы, и монголы. Я понял, что учение Дзен никому ничего не дает. Видите ли, в нем отсутствует цель. Точнее, его единственная задача — разрушить попытки достижения любой целью. Парадокс, не правда ли? Но это именно так.

— Другая бессмыслица — обязательное голодание. Возможно, состояние голода и просветляет разум, но способы его достижения я не мог принять. Я покинул монастырь и сел на судно, идущее в Китай. Какой-то внутренний голос звал меня в Центральную Азию. Потом начались долгие годы скитаний… — он замолчал, в раздумье опустив голову, и махнул рукой: — Впрочем, на сегодня хватит. Если вам угодно, мы продолжим в другой раз, а теперь… теперь мы уже дома. Адье, до вечера. Перед нашей встречей я зажгу два факела. Они будут видны из ваших окон.

— Но я же не сказала, что приду.

— Однако, вы уже согласились. Разве не так?

— Да, но как вы это поняли?

— Без всякой телепатии, — улыбнулся он. — Поза, движения, взмах ресниц, тон голоса обычно незаметны, но тренированный глаз может уловить, что вы готовы прийти сегодня вечером.

Джил не ответила. Она и сама не знала, рада ли приглашению. Даже сейчас. Но как ее раскусил Пискатор?

13

Метрах в двухстах от хижины Джил, на вершине холма, тянуло к небу чудовищные ветви железное дерево. Чуть ниже вершины, между двумя ручейками, уютно примостилось жилище Пискатора. Тыльная сторона здания врезалась в крутой склон холма, фасад опирался на колонны.

Дом был велик — три комнаты внизу, две — наверху. Прежде его занимала целая община выходцев с востока, но вскоре она распалась, и здесь поселился Пискатор. Джил не могла понять, зачем одинокому мужчине нужны такие хоромы. Может быть, как символ престижа? Но на японца это было не похоже.

По бамбуковой лестнице, тянувшейся вдоль фасада, она поднялась наверх. Вдоль перил, под разноцветными прозрачными абажурами, мерцали ацетиленовые светильники. На верхней ступеньке в пестром одеянии, похожем на кимоно, стоял улыбающийся хозяин дома. Он протянул Джил букет крупных цветов, сорванных с лозы, обвивающей железное дерево.

— Добро пожаловать, Джил Галбира.

Она поблагодарила и вдохнула аромат, напомнивший ей запах жимолости с легким душком старой кожи, — странное, но приятное сочетание.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, они оказались в самой просторной комнате дома. С высокого потолка — в три ее роста — свешивалось множество светильников в японском стиле. Мебель — тоже бамбуковая — была легкой и светлой. На простых стульях лежали мягкие подушки. Ножки столов и кресел, выточенных из дуба и тиса, покрывала прекрасная резьба, изображавшая головы животных, чертей, речных рыб и даже людей. Очевидно, резьба являлась делом рук кого-то из прежних обитателей дома — в ней не чувствовалось японском колорита.

На полу стояли высокие вазы; их узкие горловины расширялись кверху, как распустившийся цветок. На столах с витыми ножками красовались майоликовые блюда — гладкие глазурованные или расписные. Одни пестрели геометрическим узором, на других были изображены морские сюжеты из земной истории. Джил пригляделась. Римские триремы, переполненные матросами и воинами. Синие дельфины, играющие в зеленых волнах. Огромное чудовище разевает пасть, со-

бираясь поглотить корабль. Оно до странности напоминало речного дракона — очевидно, художник не остался глух к впечатлениям местной жизни.

В проемах дверей висели, покачиваясь, нити с нанизанными белыми и красными позвонками меч-рыбы; когда их касались рукой, они издавали мелодичный звон. Стены покрывали циновки, сплетенные из тонких лиан. Окна затягивала прозрачная пленка из высушенных кишок речного дракона.

Подобной меблировки Джил здесь не видела ни у кого. Все было выдержано в том зародившемся в долине стиле, который многие называли культурой речной Полинезии.

Свет ламп с трудом пробивался сквозь густое облако табачного дыма. В углу, на невысоких подмостках, играл небольшой оркестр. Музыканты работали за плату — выпивку, но было ясно, что и сами артисты получают истинное удовольствие от игры. Они колотили по самодельным барабанам, дули в бамбуковые флейты и окарины, перебирали струны арф из рыбьих кишок, натянутых на панцири черепах; один пиликал на скрипке из тиса и тех же рыбьих кишок, терзая ее смычком, на который пошел ус синего речного

дельфина. Звенел ксилофон, гудела труба, саксофонист выводил причудливые трели.

Музыка была незнакомой для Джил — вероятно, напевы американских индейцев.

— Будь мы с вами вдвоем, моя дорогая, — обратился к ней Пискатор, — я предложил бы вам чаю. Но здесь много народа, и это, к сожалению, невыполнимо. Моя «кормушка» выдает мне раз в неделю лишь крошечный пакетик.

Вероятно, он до сих пор сохранял приверженность к чайной церемонии — любимой традиции японцев. Джил огорчилась. Не выпив в положенное время чашку чая, она, как и большинство ее соотечественников, чувствовала упадок сил.

Стеклянным стаканом Пискатор зачерпнул из огромной чаши скулблум и подал ей. Джил потихоньку потягивала терпкое вино. Стоя рядом, японец говорил, как счастлив видеть ее у себя. Похоже, он не лукавил. Она тоже чувствовала к нему симпатию, хотя ни на минуту не забывала о его прошлом. Родиной Пискатора была страна, где мужчины видели в женщине лишь предмет сексуальных утех или рабочую лошадку; следовательно… Но тут она одернула себя (в который уже раз?): не будь как все, не поддавайся предубеждениям; узнай, пойми, а лишь потом — суди.

Хозяин вел ее по комнате, представляя гостям. Издали кивнул Файбрас. Тонко улыбаясь, поклонился Сирано. Сегодня она уже не раз с ним встречалась, но француз явно избегал ее, хотя и держался с безупречной и холодной вежливостью. Джил была огорчена; ей очень хотелось преодолеть возникшую между ними отчужденность и сблизиться с этим легендарным человеком — блистательной загадкой семнадцатого века.

Она кивнула Иезекиилу Харди и Давиду Шварцу, с которыми виделась в бюро и на заводе. Эти двое вели себя достаточно дружелюбно, полностью признав превосходство ее знаний и опыта. Но сама Джил, наблюдая их невежество и самонадеянность, часто приходила в ярость. Она старалась сдерживаться — пока. Но когда-нибудь ее терпению придет конец.

— Держись, Джил, — повторяла она, — не лезь в бутылку!

В жизни ей часто приходилось смирять свой нрав, и не всегда эти попытки завершались успехом. Сейчас даже японец вызывал у нее раздражение — этот Охара, придумавший себе такое глупое имя — Пискатор. В его спокойной вежливости есть что-то оскорбительное для

ее самолюбия. Может быть, высмеять этого божьего рыбаря — ну, хотя бы для собственного удовольствия? Нет, не удастся. В нем так сильна уверенность в своей правоте.

14

Джил представили женщине по имени Жанна Жюган. Пискатор рассказал, что она была служанкой в родной Франции, но позже стала одной из основательниц католического Ордена сестер бедноты, возникшего в 1839 году в Бретани.

— Я его ученица, — сказала Жюган, указывая на Пискатора.

Джил удивленно подняла брови: — «О-о!». Ей не удалось продолжить разговор, хозяин увел ее от собеседницы.

Поразительно, к скольким религиям, сектам и философским учениям был причастен Пискатор! Но он не принадлежал к последователям Церкви Второго Шанса. Ее члены носили на шее шнурок со спиральным позвонком меч-рыбы; иногда — деревянную плашку с указанием должности в церковной иерархии.

Такая эмблема висела на груди следующего ее собеседника, что свидетельствовало о его высоком сане епископа. Смуглый низкорослый Самуил, человек с лицом ястреба, родился примерно в середине второго века нашей эры. По словам Пискатора, он был раввином еврейской

диаспоры в Нихардии, в Вавилонии, и славился как толкователь религиозных догм и традиций. Самчил также знал толк в различных науках и создал календарь по еврейскому летоисчислению. Кроме того, ему удалось привести в соответствие законы Торы с законами страны, где обитала его община. Этот нелегкий труд прославил его имя.

— Его принцип — законы государства незыблемы, — пояснил Пискатор.

Самуил представил свою жену — Рахиль, маленькую широкобедрую женщину с короткими ногами. Ее кожа была довольно светлой, а лицо поражало выражением неприкрытой чувственности. Отвечая на вопросы Джил, она рассказала, что родилась в краковском гетто в четырнадцатом веке. Позже Пискатор добавил интересную подробность: ее, уже замужнюю, похитил какой-то польский вельможа и на целый год заточил в своем поместье. Потом Рахиль наскучила ему, и поляк выгнал любовницу, хорошо набив ее кошелек. Но муж не собирался прощать бесчестья; бедную женщину ждал нож.

Несколько раз Самуил отсылал Рахиль за соком, плескавшимся в большом кувшине на столе; однажды он жестом велел ей зажечь ему сигару. Она беспрекословно подчинялась, затем вновь

занимала место за спиной мужа.

Джил молча наблюдала за ними, думая, что Рахили давно следовало бы избавиться от вековечного рабства, а Самуилу — от врожденного ощущения превосходства. Она живо представила его возносящим благодарственную молитву Богу за то, что он не родился женщиной.

Позже Пискатор скажет ей:

— По-моему, вас просто взбесили епископ и его супруга.

Она не поинтересовалась, каким образом японец догадался об этом. Задумчиво кивнув, Джил пробормотала:

— Должно быть, он испытал дьявольское потрясение, когда очнулся в этом мире и понял, что наш рай принадлежит не только богоизбранному народу. Здесь все — Божьи дети и Его избранники: идолопоклонники и каннибалы, пожиратели свинины и неверные необрезанные псы.

— Мы все были в потрясении и ужасе, не правда ли? — мягко заметил Пискатор.

Она взглянула на него и улыбнулась.

— Да, конечно. Я — атеистка; и там, на Земле, всегда считала, что оставлю после себя только здоровую кучу праха. Очнувшись здесь, я почувствовала мучительный страх. Тогда — и позже,

когда я уже успокоилась, — мне пришлось наблюдать столько странного и непонятного в этом мире, не похожем ни на рай, ни на преисподнюю…

— Я понимаю, — он тоже улыбнулся. — Интересно, что подумал Самчил, увидев, что все необрезанные воскресли тут без крайней плоти? Факт не менее поразительный, чем то, что у мужчин здесь не растет борода. С одной стороны, Бог совершил обрезание у всех неевреев, и это — правильно; значит Он — еврейский Бог. Но разве может истинный Господь лишить мужчину бороды? Подобные противоречия меняют, меняли и будут менять наш образ мыслей.

Он подошел ближе, глядя на нее черными раскосыми глазами.

— Видите, твердокаменный рабби сменил религию. Я его понимаю. Ведь у приверженцев Церкви Второго Шанса есть великолепное объяснение, почему мы восстали из мертвых, кто и зачем это совершил. И должен заметить, они не так далеки от истины, когда считают, что вожделенная цель человечества и путь к ней открыты для нас неизвестными благодетелями. Но правда должна быть заключена в четких формулировках, а церковь с ее расплывчатыми догмами уводит

с основного или, вернее, с правильного пути. Однако же, этот путь — не единственный.

— О чем вы толкуете? — с недоумением спросила Джил. — Совершенно, как в проповедях Церкви Второго Шанса.

— Вы поймете, если захотите, — ответил Пискатор и, извинившись, отошел к новому гостю.

Джил направилась к Жанне Жюган, собираясь расспросить ее, почему она именует себя ученицей Пискатора. Однако к ней подошел де Бержерак. Он приветливо улыбался.

— Ах, мисс Галбира. Я вновь должен извиниться перед вами за тот злополучный инцидент. Во всем виновато вино. Оно послужило причиной столь непростительного поведения… Впрочем, нет, — я все же надеюсь на прощение. Я редко бываю пьян; это случалось со мной лишь дважды. Алкоголь туманит рассудок и превращает человека в свинью, а я ненавижу это животное… и признаю его только в жареном виде. Но в ту ночь, когда мы ловили рыбу…

— Что-то я не заметила у вас рыболовных снастей, — возразила она.

— Они лежали за камнем. К тому же, если вы помните, мадам, был очень густой туман.

— Мисс…

— Мы вспоминали Землю, памятные нам места, друзей, пришедших к печальной кончине, умерших детей, не понимавших нас родителей, наших врагов… говорили о том, почему мы оказались здесь… ну, вы представляете эти ночные беседы. Меня расстроили воспоминания о земных делах, о моей кузине Мадлен… мне следовало быть тогда разумнее… А потому…

— А потому вы напились, — она сурово смотрела на него.

— Но я виню и вас, мисс. Клянусь, я не был уверен, что вы женщина! Туман, мешковатая одежда, сумятица в голове…

— Забудьте об этом, — прервала она его, — хотя я уверена, что вы никогда не простите женщину, положившую вас на обе лопатки.

— Не надо судить по обычным меркам! — горячо воскликнул Сирано.

— Вы правы. Я часто непроизвольно совершаю эту ошибку и всегда раскаиваюсь. Но признайтесь, ведь поведение большинства людей подчиняется стереотипам…

Они еще долго болтали. Время от времени Джил прихлебывала из стакана темно-красную жидкость, чувствуя, как ее согревает живительное тепло. Голоса вокруг раздавались все громче,

смех становился все оживленнее. Несколько пар томно танцевали, руки мужчин с хозяйской властностью касались обнаженных женских плеч.

Похоже, Пискатор и Жюган были единственными в доме, кто не притронулся к спиртному. Японец закурил первую за вечер сигарету.

Сочетание вина и марихуаны начало обволакивать сознание Джил сияющим ореолом. Она вдруг ощутила, что ее тело излучает красноватый свет. Уплывавшие клубы дыма вдруг приобрели четко очерченные формы. Иногда уголком глаза она улавливала фигуры то ли драконов, то ли рыб, и даже — дирижабля. Но когда она поворачивалась лицом к этим странным силуэтам, перед ней возникали расплывчатые круги. Наконец, увидев огромное металлическое колесо, она поняла, что дело плохо. Все, больше ни глотка вина, ни капли травки! Правда, видение чудовищного колеса было вызвано рассказом Сирано о способах экзекуции, существовавших во Франции в его времена. Преступника распинали на огромном колесе, а затем палач железным прутом переламывал ему руки и ноги, превращая их в кровавое месиво. Тела казненных подвешивали в цепях на торговых площадях, они гнили и плоть падала

наземь. Внутренности бросали в огромные чаны, дабы напомнить грешникам о неминуемом возмездии.

— На улицах стоял смрад от нечистот, мисс Галбира. Неудивительно, что богатые люди с ног до головы орошали себя духами.

— Мне кажется, скорее потому, что они редко мылись.

— Может быть, — согласился француз. — Кажется, они действительно мылись не очень часто. Бытовало мнение, что это вредно для здоровья и не по-христиански… И я жил там, как все — бездумно и естественно, как рыба в воде. Но здесь — элас! — где носят так мало одежды, где вода всегда под рукой, где люди живут так тесно, — здесь не выносят запаха немытого тела и приходится приобретать новые привычки. Должен признаться, что я сам не очень привередлив, но несколько лет назад я встретил женщину, которую полюбил страстно… так же, как когда-то кузину Мадлен. Ее звали Оливия Ленгдон…

— Вы имеете в виду жену Сэма Клеменса?

— Да. Но ни теперь, ни тогда это обстоятельство меня не смущает. Я знал, что он был великим писателем Нового Света — Оливия порассказала мне многое из того, что случилось на Земле

после моей смерти — но какое отношение это имело к нам? Мы отправились с ней вниз по Реке и внезапно попали в классическую ситуацию, погубившую многих: мы встретили ее земного супруга.

— И вот, с этого момента, хотя я еще был увлечен ею, страсть моя начала остывать. Мы уже докучали друг другу, раздражались, но так и должно быть, ведь верно? Здесь зачастую встречаются мужчины и женщины не только разных национальностей, но и разных эпох. Что может быть общего у человека семнадцатого столетия с выходцем из девятнадцатого? Правда, иногда такие пары хорошо ладят друг с другом, но бывает, что ко всему добавляется еще и различие темпераментов. Чаще всего они расстаются.

— Мы с Ливи находились далеко отсюда, когда я узнал о постройке судна. Толковали об упавшем железном метеорите, но я даже не мог вообразить, что он попал в руки Сэма Клеменса. Мне захотелось примкнуть к этим людям… я мечтал вновь почувствовать в ладонях холод стального клинка… Вот поэтому, дорогая мисс Галбира, мы прибыли в эти места. Потрясение оказалось чудовищным, особенно для Сэма. В какой-то момент я даже испытывал к нему сострадание и жалел,

что разрушил этот союз. Но, говоря по правде, он и на Земле не был прочным и безоблачным. Оливия не высказала желания оставить меня ради Клеменса, хотя наша привязанность друг к другу уже остывала. И тем не менее… тем не менее, она мучилась, словно была повинна в том, что не любила его. Как странно — там, на Земле, их соединяло глубокое чувство… потом они оказались во власти столь же глубоко скрытой враждебности. Она рассказывала, что во время своей болезни — последней болезни — она не позволила ему навестить ее в госпитале. Она жаловалась на невнимательность Сэма… его преступную небрежность, послужившую причиной смерти их сына. Я заметил, что все это было давно и на другой планете. Почему же она так долго таит в сердце эту боль? И какое значение это имеет сейчас? Не мог же малыш… Забыл его имя…

— Ленгдон, — напомнила Джил.

— Малыш не мог воскреснуть здесь после смерти… Да, говорила она, ей с ним никогда не увидеться. Ему было только два года, а тут воскресали дети старше пяти лет. Может быть, малютки находятся где-то в другом месте, в другом мире? Но если бы даже он очутился здесь, разве могли они встретиться? А если бы встретились, то что

тогда? Представьте, он — уже взрослый человек и совершенно забыл о ней. Она для него чужая… И один Бог знает, что бы из него вышло. За эти годы он мог превратиться в каннибала или индейца… который не знает ни слова на английском и не умеет вести себя за столом.

— Так мог сказать Марк Твен, — усмехнулась Джил, — но не его жена.

Сирано тоже усмехнулся.

— Да, она этого не говорила. Я пересказал на свой лад. Но, кроме неожиданной смерти малыша, было много другого. Сейчас я не виню Клеменса. Он — писатель, витающий в мире своих фантазий, а это часто уводит от действительности. Я и сам таков. В тот роковой день он не заметил, что с мальчика упало одеяльце, и он открыт ледяному ветру. Сэм машинально правил лошадьми, что везли их сани, и пребывал в стране своего воображения… Оливия же уверена, что дело не в рассеянности. Он никогда не думал и не заботился о малыше. Еще до его рождения он мечтал о дочерях. Странная прихоть для мужчины, не правда ли?

— Что ж, эта прихоть делает ему честь, — живо отозвалась Джил. — Но справедливости ради замечу, что стремление иметь детей всего лишь

невропатологическое средство от одиночества. Однако в нем, по крайней мере, нет ненавистного мужского шовинизма…

— Вы должны понять, — перебил ее Сирано, — что Оливия не осознала полностью все то, что случилось с ней на Земле. Во всяком случае, так она утверждает. Я же думаю, что она стыдится своего прошлого и потому скрывает его в самых глубоких тайниках души. Здесь она стала почти наркоманкой… Жвачка Сновидений, вы понимаете… Жвачка возвращала ее в мир естественных чувств… И в результате любовь к Клеменсу превратилась в ненависть.

— Она еще не отказалась от наркотиков?

— Отказалась. Теперь Жвачка только выводит ее из равновесия. Чудовищный опыт! У нее и сейчас бывают страшные и фантастические галлюцинации.

— С наркотиками лучше покончить, — заметила Джил, — но только по своей воле. Хотя…

— Да?

Джил поджала губы.

— Мне не подобает быть слишком суровым критиком. У меня была гуру — прекрасная, умнейшая и лучшая женщина из всех, кого я знала — но и она не могла меня удержать от стремления

к… — Джил вздрогнула. — Лучше не вспоминать; слишком все это было страшно, нет — даже чудовищно. Вот почему я не могу никого и ни за что осуждать. А вдруг меня снова потянет к Жвачке? Я не верю проповедникам Церкви Второго Шанса, которые утверждают, что она абсолютно безопасна. Я вообще не верю людям, признающим истиной только собственные религиозные убеждения и не уважающим чужих.

— Я был вольнодумцем, либертином, как мы себя называли, но сейчас — не знаю… — задумчиво произнес Сирано. — Возможно, Бог все-таки существует. Ведь кто-то должен нести ответственность за этот мир?

— На сей счет имеется множество гипотез, — ответила Джил. — Не сомневаюсь, что вы уже обо всех наслышаны.

— Да, им нет конца, — согласился Сирано. — Но я надеюсь услышать от вас новую.

15

В разговор вмешались подошедшие гости. Джил замолчала, отошла в сторону, высматривая новых собеседников. Все коктейли и вечеринки — что на Земле, что в Мире Реки — похожи друг на друга: в гаме музыки и чужих разговоров болтаешь то с одним, то с другим, пока не обойдешь всех; если же наткнешься на интересного собеседника, то приходится идти на всякие ухищрения, чтобы поговорить с ним без помех.

В молодости на таких вечеринках Джил зачастую кем-то увлекалась. Правда, это чаще происходило под хмельком или в легком дурмане от травки, когда легко поддаешься обаянию ума или красивой внешности. Похмелье кончалось, наступало разочарование.

Вокруг нее все были молоды — в этом мире все выглядели двадцатипятилетними. На самом деле, ей уже шестьдесят один, а некоторым — за сто тридцать. Самым юным — не меньше тридцати шести.

Если верно, что с возрастом приходит мудрость, то это качество должно было проявиться здесь во всем блеске. Правда, на Земле данный

постулат не подтвердился. Трудно не ощущать воздействия жизненного опыта, однако многие ухитрялись воспользоваться им лишь в минимальной степени. Кое-кто из стариков, которых она знавала, обитал в том же мире безусловных рефлексов, что и пятнадцатилетние подростки.

Можно было рассчитывать, что в долине Реки люди, наконец, осознают благо жизненного опыта. Но беспощадный стресс смерти и воскрешения словно рассек логические связи сознания.

Именно поэтому никто не ожидал увидеть здесь ТАКУЮ загробную жизнь. Ни одна из религий не предсказывала ни подобного места, ни подобных обстоятельств; впрочем, они обычно не вдавались в детали описания рая или преисподней. Тем не менее, многие люди на Земле утверждали, что хорошо представляют себе загробный мир.

Очевидно, как планета Реки, так и воскрешения из мертвых не относятся к миру сверхъестественного. Все, или почти все, можно объяснить с точки зрения физических, а не метафизических законов. Однако люди опять неукротимо стремились к созданию новых религий или преобразованию старых.

В этих новых верованиях отсутствовали эсхатологические идеи воскрешения или бессмертия

в том виде, в каком они провозглашались в религиях Запада. Буддизм, индуизм, конфуцианство, противопоставлявшие загробной жизни концепцию вечных перерождений, были развенчаны. Но и христианство, иудаизм, ислам — все учения, сулившие рай праведникам и ад — неверным, тоже дискредитировали себя. Как и на Земле, гибель старой религии вызвала появление в родовых муках новой. Конечно, сохранилось и упорное меньшинство не верящих глазам своим.

Джил остановилась возле Самуила, бывшего раввина, ныне епископа Церкви Второго Шанса. Насколько он изменился в этом мире? Здесь не было Мессии, пришедшего спасти богоизбранный народ, и не было богоизбранного народа, воссоединившегося в Иерусалиме на Земле. Но, очевидно, крах прежней веры Самуила не разрушил его личности. Он нашел в себе силы признать ее ошибочность — сверхортодоксальный раввин обладал гибким умом.

Выполнявшая роль хозяйки Жанна Жюган предложила Самуилу и Рахили филе из рыбы, приправленное молодыми побегами бамбука.

— Что это? — спросил он, указывая на рыбу.

— Угорь, — ответила Жанна.

Он сжал зубы и отрицательно покачал головой.

Жанна взглянула на него с удивлением. Епископ был явно голоден, он уже протянул руку за едой. Джил знала, что побеги бамбука не запрещены законами Моисея, но они лежали на одном блюде с запретной рыбой без чешуи и потому были осквернены.

Джил рассмеялась. Подумать только — легче сменить религию, чем привычки в еде! Правоверный еврей или мусульманин скорее предаст вероучение, чем проглотит кусочек поганой свинины. Один знакомый ей индуист превратился в Мире Реки в неверящего, но по-прежнему предпочитал индийскую кухню. Хотя в ее жилах текла частица крови австралийских аборигенов, она не могла заставить себя есть червей. Не гены определяли вкусовые привязанности, а социальные корни. Некоторые же люди легко адаптировались к новой пище, но здесь главную роль играли их индивидуальные, а не привитые обществом вкусы. Покинув родительский дом, Джил сразу же перестала есть баранину — она ее ненавидела и предпочитала жаркому гамбургер.

Временами она утрачивала ход мысли, потом опять возвращалась к ней: мы есть то, что мы едим; мы едим то, что создаем; мы создаем то, что едим. И то, что мы из себя представляем, создано

частично нашим окружением, частично нашей генетической структурой.

Кроме нее, вся семья обожала баранину. Нет, кажется, еще одна из сестер разделяла ее ненависть к баранине и любовь к гамбургерам.

Или взять сексуальные привычки. Насколько она знала, все ее братья и сестры были гетеросексуальны, и только для нее одной пол партнера не имел значения. Это не нравилось ей; она жаждала определенности и не хотела походить на флюгер, вертящийся по воле ветра эмоций. Ее внутренний ветер дул то с востока на запад, то наоборот, заставляя флюгер крутиться в разные стороны.

Да, Джил не стремилась к этой двойственности. Если бы она могла выбирать, то предпочла бы любить только женщин. Любить женщин! Почему же не признаться себе самой: значит, стать лесбиянкой? Да, именно так — и она ничуть этого не стыдится. Но тогда — что связывало ее с Джеком? Она любила и его? А почему…

Джил очнулась от своих мыслей и обежала взглядом толпившееся в комнате общество.

Переходя от одной группы гостей к другой, Файбрас не переставал поглядывать на нее. Обратил ли он внимание на ее привычку отстраняться,

превращаясь в неподвижную статую, начисто лишенную контактов с окружающим миром? В такие моменты ее голова слегка склонялась влево, веки опускались, стекленели. Пожалуй, Файбрас может решить, что она слишком легко поддается настроениям…

При этой мысли Джил ударилась в панику. О, Господи, неужели он способен отвести ее кандидатуру только потому, что она часто впадает в задумчивость? Нет, нужно взять себя в руки и убедить Файбраса в собственной незаменимости. Теперь она всегда будет начеку, будет деятельной, собранной, уверенной, как герл-скаут.

Джил направилась к группе, в центре которой Самуил рассказывал о Ла Виро. Она уже неоднократно слышала эту историю от миссионеров Церкви. Если перевести с эсперанто, Ла Виро значит «человек». Его еще называли Ла Фондинто — «Основатель». Никто не знал его земного имени; впрочем, оно и не интересовало его последователей.

Самуил рассказывал о незнакомце, явившемся Ла Виро в грозовую ночь в горной пещере и поведавшем, что он переселился с некоей планеты в долину Реки и воскресил земное человечество. Он повелел Ла Виро основать Церковь Второго

Шанса, изложив основные догмы, которые должна проповедовать новая религия. Позже, сказал незнакомец, придет полное откровение. Но, как было известно Джил, пока никаких новых истин не было провозглашено.

Учение быстро распространилось по всей долине. Его миссионеры странствовали пешком и в лодках. Ходили слухи, что некоторые летали на воздушных шарах. Но самым быстрым способом преодоления огромных расстояний была смерть с последующим воскрешением. Убийцы проповедников оказывали Церкви добрую услугу — гибель миссионеров только ускоряла распространение веры.

Мученичество оказалось самым удобным способом странствования, подумала Джил. Сейчас же, когда УМИРАЮТ НАВСЕГДА, нужно было обладать великим мужеством, чтобы отдать жизнь за веру. Ей говорили, что от Церкви многие отшатнулись, но она не знала, было ли это результатом необратимости смерти или просто движение утратило свою силу.

Среди слушателей оказался незнакомый Джил гость. Пискатор кивнул на него, заметив:

— Это Джон Грейсток. Он жил при Эдуарде II Английском. Кажется, тринадцатый век? Я

подзабыл британскую историю — с тех пор, как расстался с кадетским корпусом.

— Мне помнится, что Эдуард царствовал с 1270 года до начала четырнадцатого века, — заметила Джил. — Знаю точно, что он правил тридцать пять лет и умер в возрасте шестидесяти шести. Долгая жизнь для англичанина той эпохи — вы представляете их ледяные замки, в которых гуляли сквозняки?

— Эдуард сделал Грейстока бароном, и наш рыцарь участвовал в походах на Гасконию и Шотландию, — рассказывал Пискатор. — Тут, в долине, он был губернатором в Ла Сивито де ла Анимай, в Соул Сити по-английски — это маленькая страна милях в тридцати вниз по Реке. Он прибыл сюда после того, как король Джон захватил судно Сэма, и его зачислили в армию Пароландо. Грейсток быстро продвинулся в чинах, отличившись при вторжении в Соул Сити…

— А почему Пароландо захватил Соул Сити?

— Войска Соул Сити совершили подлое нападение на Пароландо. Их вождь, Хаскинг, хотел установить контроль над поставками метеоритного железа и захватить «Ненаемный». Это почти удалось. Но Сэм Клеменс с друзьями взорвал огромную дамбу водохранилища, созданного для

сбора воды горных ручьев. Поток уничтожил захватчиков — правда, вместе с тысячами жителей Пароландо. В Реку смыло заводы, производившие сталь и алюминий. Снесло и судно, но его быстро отыскали почти неповрежденным. Клеменсу пришлось многое строить заново. В этот трудный для страны период жители Соул Сити объединились с несколькими государствами и вновь напали на нас. Они были отбиты, но с большими потерями. Промышленность Пароландо продолжала испытывать крайнюю нужду в бокситах, криолите, ртути и платине, а единственное месторождение этих минералов находилось в Соул Сити. Бокситы и криолит необходимы в производстве алюминия, а алюминий — основа…

— Да, я все это знаю, — прервала его Джил.

— Простите, пожалуйста, — улыбнулся Пискатор. — После неудавшегося нападения Грейстока сделали полковником, а когда армия Пароландо захватила Соул Сити, он был назначен губернатором. Клеменс нуждался в жестком, безжалостном человеке, именно таком, как барон Грейсток. Несколько недель спустя Соул Сити добровольно вступил в Объединенные Штаты Пароландо на условиях полного равенства.

— Сейчас, — усмехнулся Пискатор, — все эти

события уже стали историей. Поставка ископаемых почти прекратилась, копи истощены. Строительство больше не нуждается в богатствах Соул Сити. Кроме того, в результате некоторых трений, как говорит Грейсток, хотя этот термин — чистой воды эвфемизм — там сильно изменился первоначальный состав населения. В Соул Сити, в основном жили чернокожие середины девятнадцатого века с примесью средневековых арабов-ваххабитов и дравидов — чернокожих из древней Индии. Сейчас, после войн и сурового правления Грейстока, половина населения состоит из белых.

— Он высказывается весьма категорично, — Джил прислушалась к словам высокого рыцаря. — Мне не нравится, когда так оправдывают жестокость.

— Он подавил несколько мятежей. Вы же знаете, Клеменс не допускал рабства, поэтому никого не принуждали силой оставаться в Соул Сити. Каждый мог мирно уйти, забрав свое имущество. Тем не менее многие остались там, присягнули Пароландо и начали саботаж.

— Шла партизанская война?

— О, нет, — возразил Пискатор. — Местный ландшафт не приспособлен для партизанских

действий. Просто большинство бывших жителей Соул Сити усматривали в саботаже некую разновидность отдыха.

— Вот как?

— Бездельничать легче, чем путешествовать по Реке. Кроме того, некоторые жаждали мщения. Грейсток хватал саботажников, выдворял их из штата или просто выбрасывал в воду. Сейчас все это в прошлом, эти события разворачивались до моего прихода. Сам Грейсток появился здесь, чтобы стать членом экипажа дирижабля.

— Английский рыцарь тринадцатого века? У него же нет ни знаний, ни опыта!

— В известном смысле — да. Его эпоху не назовешь вершиной технического прогресса. Но Грейсток умен и любознателен, и многому здесь научился. Несмотря на свой баронский титул и губернаторский пост, он готов занять в команде последнее место. Его захватила сама идея полета — для него это сродни волшебству. Файбрас обещал его взять, если не хватит опытных специалистов. А откуда они появятся? Разве что случайно прилетит полная команда «Графа Цеппелина» или «Шенандо»...

Пискатор улыбнулся.

Грейсток был довольно высоким для своего

времени — около шести футов. Черные, длинные, совершенно прямые волосы, большие серые глаза под густыми, горделиво изогнутыми бровями, орлиный нос — все в его облике гармонировало с понятием «красивый мужчина». Широкие мощные плечи контрастировали с тонкой талией, ноги были длинными, мускулистыми. Он беседовал с Самуилом; усмешка и тон барона казались весьма язвительными. Пискатор знал, что Грейсток ненавидит духовенство, хотя на Земле отличался изрядным благочестием. Мир Реки изменил его; он не мог простить попам их претензий на обладание истинами о загробной жизни.

Грейсток говорил на эсперанто.

— Вы имеете хоть какое-нибудь представление о том, кем был Ла Виро на Земле? Какой он расы и национальности? Когда родился и умер? Жил ли в доисторическую эру, в древние или средние века или в эпоху, которую люди позже назвали новым временем? Был ли он на Земле верующим человеком, агностиком или атеистом? Каково его занятие, профессия, образование? Был ли он женат, имел ли детей? А вдруг, он — гомосексуалист? Пользовался ли он известностью? Может, он был Иисусом Христом и хочет сохранить здесь

свое инкогнито, понимая, что теперь никто не поверит его лжи.

Самуил нахмурился.

— Я знаю о Христе очень мало, лишь по рассказам. О Ла Виро я тоже только слышал. Говорят, он очень высокого роста, принадлежит к белой расе, но довольно смугл — возможно, на Земле был персом. Но все это не имеет никакого значения. Дело не в его происхождении. Важна его проповедь.

— Я их досыта наслушался от миссионеров вашей Церкви, — воинственно прервал его Грейсток, — и поверил им не больше, чем в свое время вонючей лжи вонючих попов, толковавших о великих истинах Господа Бога.

— В этом ваша сила, но не правота.

Грейсток был несколько озадачен.

— Все ваши попы — идолопоклонники.

Пискатор улыбнулся.

— Опасный тип, но занятный. Вы бы расспросили его о путешествии с инопланетянином…

Джил удивленно подняла брови.

— Да, он знал одно существо, прилетевшее на Землю со звезды Тау Кита. По-видимому, тот появился вместе с другими пришельцами в 2002 году нашей эры. Он пытался уничтожить все

человечество и погиб сам. История фантастическая, но истинная. Детали вам может уточнить Файбрас, он жил в те годы.

16

В надежде поговорить с Грейстоком Джил стала пробираться к нему сквозь толпу гостей, но ее остановил Файбрас.

— Мне сейчас доложили, что восстановлена радиосвязь с «Марком Твеном». Не хотите поехать с нами? У вас будет возможность поговорить с великим Сэмом Клеменсом.

— Ну, конечно, — оживилась она. — Благодарю за приглашение.

Джил пошла следом за ним к джипу, стоявшему у подножья лестницы, к машине из стали и алюминия с нейлоновыми шинами. Шестицилиндровый двигатель работал на древесном спирте. В автомобиле свободно разместились пять пассажиров: Файбрас, Галбира, де Бержерак, Шварц и Харди. Джип быстро сорвался с места и покатил по узкой лощине, зажатой между холмами. Яркие фары освещали низко скошенную траву, разбросанные на их пути хижины, частично скрытые высокими зарослями бамбука. Миновав холмы, они выехали на открытую равнину, спускавшуюся к Реке.

Джил увидела огни алюминиевого и стале-

плавильного заводов, фабрики по производству спирта, сварочного цеха, оружейных мастерских и цементного комбината; вдали сияла громада административного здания, где кроме управленческих ведомств, размещались издательство газеты и радиоцентр. Ниже по Реке высился колоссальный ангар и еще какие-то массивные сооружения. Наверху, в горах, тоже тянулась цепочка огней — это была дамба, построенная на месте прежней, взорванной Клеменсом.

Джип проезжал мимо ангара. Навстречу им, пыхтя, двигался паровой локомотив, также работавший на спирту. Он тянул за собой три платформы, груженные огромными алюминиевыми болванками. Состав въехал в залитый светом ангар, остановился, и над одной из платформ навис подъемный кран. Вокруг суетились рабочие, готовые подвести крюки под стальные тросы, обвивающие болванки.

«Сити Холл» был крайним строением на северной стороне. Машина остановилась у подъезда, украшенного двумя массивными дорическими колоннами. Джил подумала, насколько не соответствует эта помпезная архитектура окружающему пейзажу. Издали ей почудилось, что в отдаленный уголок Таити перенесена некая

помесь Парфенона с Руром.

Кабинет и приемная Файбраса располагались слева от огромного вестибюля. Перед входом стояли шестеро охранников, вооруженных однозарядными ружьями, стрелявшими пластиковыми пулями восьмидесятого калибра, тесаками и кинжалами. Радиоцентр находился рядом с конференц-залом и считался «святая святых» правителя Пароландо. Они вошли и увидели нескольких человек, сгрудившихся вокруг радиста; тот сосредоточенно крутил верньер настройки. На резкий стук двери радист обернулся.

— Я только что говорил с Сэмом, — сказал он, — и потерял его. Подождите немного, думаю, что сейчас опять его поймаю.

Из наушников доносился непрерывный свист и треск. Вдруг помехи исчезли, и сквозь шум послышался чей-то голос. Радист настроил поточнее прием и уступил Файбрасу свое место.

— Говорит Файбрас. Это вы, Сэм?

— Нет, минуточку.

— Сэм слушает, — приятно растягивая слова заговорил Клеменс. — Это вы, Милт?

— Конечно. Здравствуйте, Сэм. Как дела?

— Электронный лаг показал, что на сегодня мы прошли 792014 миль. Если угодно, Милт, пере-

ведите в километры. Я-то предпочитаю старую систему, хотя… ну, да ладно, вы знаете, что я хочу сказать. Неплохой результат за эти годы, верно? Но я недоволен. Напрямую даже улитка успела бы уже добраться до северного полюса. За это время там можно было построить для нас гостиницу и нажить целое состояние, сдавая предназначенные нам номера. Что же касается… — снова шумы, треск помех.

Файбрас переждал, прием улучшился, и он заговорил вновь.

— Что нового, Сэм?

— Да, все ерунда, — ответил Клеменс. — Ничего существенного, кроме сплошных неожиданностей, аварий и разных волнений. Но с командой все в порядке, не бунтуют, хотя кое-кого и пришлось списать на берег. Похоже, я скоро останусь единственным на судне, кто отправился в путь из Пароландо.

Снова треск. Затем Джил услышала голос, идущий из каких-то неведомых глубин. Сэм переспросил:

— Что? Нет, все нормально. Я забыл, что вам после выпивки трудно до меня докричаться. Джо говорит, что он здесь рядом и хочет с вами поздороваться. Давай, Джо!

— Привет, Милт. — Словно раскат грома в пустой бочке. — Как дела? Надеюсь, хорошо. У нас тоже хорошо, потому что Тэмова подружка его бросила. Впрочем, думаю, она вернется. У него снова плохие мысли об Эрике Кровавом Топоре. Я говорю, выкинь из головы, тогда все будет хорошо. Он не пьет много возбуждающего… правда, все время ругает меня… говорит, что я — образец трезвости.

Джил посмотрела на Харди.

— Что это за?

— Это Джо Миллер. Он громаден, как два вместе взятых Голиафа, но зато сепелявит, — засмеялся Харди. — Джо принадлежит к существам, которых Сэм назвал Титантропус Клеменси. На самом деле он из рода гигантских Гомо Сапиенс. Они вымерли за пятьдесят тысяч лет до Рождества Христова. Сэм и Джо встретились почти так же давно и не расстаются все эти годы. Дамон и Пифий. Роланд и Оливье.

— Больше, чем Матт и Джеф или Лорель и Харди, — добавил кто-то.

— Что там насчет Харди? — переспросил шкипер.

— А ну, заткнитесь, — оборвал их Файбрас. — Ладно, Сэм. Наше дело тоже двигается. Мы

заполучили новом сотрудника, первоклассного аэронавта. Она из Австралии, зовут Джил Галбира. Она налетала на дирижабле около восьми тысяч часов и имеет инженерное образование. Как вам это нравится?

Треск разрядов и затем:

— Женщина?

— Да, Сэм. Я знаю, что в ваши дни не было женщин-капитанов или инженеров. Но в мое время женщины могли стать кем угодно — летчиками, жокеями и даже астронавтами.

Потеряв над собой контроль, Джил ринулась к микрофону.

— Ну-ка, дайте мне с ним поговорить! Я скажу этому сукиному сыну…

— Джил, это он от неожиданности, — Файбрас посмотрел на нее. — Успокойтесь! Что вы разволновались? Он же ничего изменить не в силах. Здесь командую я. Сэм, она говорит, что с удовольствием побеседует с вами.

— Я слушаю ее, — отозвался Клеменс и хихикнул. — Послушайте… — снова треск, писк, — когда я…

— Черт бы побрал эти атмосферные помехи! Вас еле слышно, Сэм. Мне кажется, связь скоро прервется, поэтому вот вам основные новости.

Моя команда еще не скомплектована, но впереди целый год. К тому времени я постараюсь набрать людей — иначе вся работа пойдет к черту. Летчики и авиамеханики — большая редкость, а для управления дирижаблем нужна особая выучка… Послушайте, — он помолчал, потом оглянулся вокруг — Джил не поняла, зачем — и медленно спросил: — Что-нибудь слышно от Икса? Есть ли у вас…

Помехи заглушили его голос. Несколько минут он пытался поймать Клеменса, но того не было слышно. Файбрас встал.

Джил обратилась к Харди.

— Что это значит — про Икса?

— Не знаю, — ответил шкипер. — Файбрас говорит, что это одна из шуток Сэма.

Файбрас выключил передатчик и отошел от установки.

— Уже поздно, а завтра уйма дел. Джил, вы не хотите, чтобы Вилли отвез вас домой?

— Я не нуждаюсь ни в чьей помощи, — отрезала она, — и с удовольствием пройдусь одна. Пожалуйста, не благодарите!

Завернувшись плотнее в свои одежды, она шла через долину. Еще не достигнув холмов, Джил увидела несущиеся по мерцавшему небу темные

тучи. Достав из наплечной сумки кусок Жвачки, она отломила половину и сунула в рот. Много лет ее не тянуло к наркотику. Сейчас, ощутив на языке шоколадный привкус, она не могла понять, откуда вдруг возникла эта неосознанная потребность, что ее подтолкнуло? Этот порыв был почти инстинктивным.

На севере сверкнула яркая вспышка, и сразу, как из ведра, хлынул дождь. Она натянула на голову капюшон и согнулась. Голые ноги тотчас промокли, но тело, защищенное одеждой, оставалось сухим.

Джил отворила дверь своей хижины и, поставив сумку на пол, вынула оттуда тяжелую металлическую зажигалку — подарок, который ее чаша приносила дважды в году. Она пыталась нащупать на столе спиртовую лампу — и, наконец, разглядела ее при вспышке молнии.

Что-то коснулось плеча Джил.

Она вскрикнула и завертелась во все стороны, выбрасывая вперед кулаки, бешено молотя воздух. Чья-то рука ухватила ее за запястье. Резко согнув ногу, она попыталась попасть коленом в пах, но тут же была схвачена за другую руку. Джил перевела дух, и нападающий ослабил хватку, хихикнул и притянул ее к себе. В темноте она

не могла его рассмотреть. Его нос коснулся губ Джил; значит, нападающий был ниже ее ростом. Она наклонила голову и вцепилась зубами в кончик носа. Человек вскрикнул, разжал руки и схватился за лицо. Он отступал. Она двинулась за ним, при каждом шаге ударяя его коленом в пах, пока он не рухнул на пол, сжимая ладонями гениталии.

Джил прыгала вокруг, продолжая наносить удары ногами по бокам. Его ребра затрещали. Она наклонилась и схватила его за уши. Он попытался высвободиться, но Джил вцепилась еще крепче и со всей силы дернула их в стороны.

Несмотря на дикую боль в гениталиях и в отбитых ребрах, человек приподнялся с пола. Ударив его ребром ладони по горлу, она опять повалила его; теперь мужчина лежал неподвижно. Джил подошла к столу и дрожащими руками зажгла лампу. Фитиль слабо разгорался, пришлось подвернуть колесико и прибавить света. Услышав шорох, она обернулась и пронзительно вскрикнула.

Человек поднялся на ноги и стоял, направив на нее острие копья, выхваченного из стойки у двери. Ее реакция была молниеносной: лампа полетела ему в голову, попала в лицо, разбилась,

и спирт потек на пол.

Вспыхнуло яркое пламя. Мужчина, взревев от боли в глазах, вслепую ринулся к ней. Только сейчас она разглядела и узнала его: «Джек!»

Он обхватил ее горящими руками, опрокинул на спину, надавил грудью. На секунду у нее перехватило дыхание, но неистово рванувшись из горящих рук, она откатилась в сторону. Одежда из огнеупорной ткани защищала ее от ожогов.

Джил не успела еще подняться, как он ухватился за край ее одеяния и резко дернул. Магнитные застежки разомкнулись. Она вскочила, обнаженная, и, путаясь ногами в валявшемся на полу плаще, бросилась к копью. Она нагнулась за ним, но Джек обхватил ее плечи, повалил, вцепившись горящими руками в груди. Пылающий пенис вонзился в нее; их вопли разносились по хижине, отдаваясь громким эхом. Сейчас она была обожжена, опалена вся — от ягодиц до груди. Казалось, горели даже уши, словно обожженные их криками. Высвободившись неимоверным усилием, Джил подползла к стене и обернулась. С почерневшей кожей, обгоревшими волосами, Джек стоял на четвереньках, выгнув спину и извиваясь всем телом. Сквозь потрескавшуюся плоть капала густая красная кровь и проступали

темно-серые очертания костей. Огонь уничтожал его лицо, грудь, живот, вгрызаясь в тело ярко-алыми клыками.

Она поднялась на ноги и побежала к двери. Только дождь мог загасить ее пылающую кожу и огонь, пожиравший мозг. Джек ухватил ее за лодыжку, и она упала, сильно ударившись грудью. Он снова лежал на ней, испуская странные каркающие звуки; теперь они оба были охвачены пламенем.

Она испустила неистовый вопль, вой агонизирующего зверя. Ее подхватило и понесло к стремительно приближающейся пропасти. Она провалилась в нее, и чудовищный ураган понес измученное тело к центру мира, к сердцевине всего сущего.

17

Над ней нависало лицо Джека. Его голова отделилась от плеч и свободно плавала в пространстве, как воздушный шар. Вьющиеся рыжеватые волосы, красивые черты, блестящие голубые глаза, мужественный подбородок, пухлые улыбающиеся губы.

— Джек! — пробормотала она, но его лицо куда-то уплыло, а появилось другое, тоже красивое, однако с высокими скулами и черными раскосыми глазами. Темные волосы падали прямыми прядями.

— Пискатор!

— Я услышал ваши крики. — Он наклонился и взял ее за руку. — Вы можете встать?

— Думаю, да.

С его помощью она поднялась. Снаружи царила тишина, гром и сверканье молний прекратились, лишь капли воды иногда срывались с крыши. Дверь зияла черным провалом, распахнутая в темноту ночи. Джил померещились низко нависшие облака, но это были силуэты холмов, проступавших сквозь белый покров тумана. В небе сверкали гигантские звезды.

Внезапно Джил поняла, что стоит перед ним обнаженной. Ее груди пылали, словно обожженные пламенем костра; опустив голову, она увидела, как медленно тает краснота вокруг сосков.

— Мне кажется, — заметил Пискатор, — вы словно обгорели на солнце. Грудь, плечи, низ живота… Откуда здесь огонь?

— Огонь был внутри меня, — призналась Джил. — Жвачка.

— Ах, вот что! — Он поднял брови.

Она засмеялась.

Он подвел ее к постели, и она со вздохом растянулась на простыне. Жар медленно утихал. Пискатор суетился вокруг нее, укутывал покрывалами, дал выпить дождевой воды из бамбукового бочонка, стоявшего за дверью. Джил пила, опираясь на локоть.

— Спасибо, — устало произнесла она. — Мне следовало знать, к чему приводит Жвачка. Я была сильно расстроена, а в таком состоянии она действует на меня странным образом. Мне все кажется абсолютно реальным и… и чудовищным. Я никогда не задавалась вопросом о природе возникающих видений, да эти и невозможно понять.

— Последователи Церкви Второго Шанса используют наркотик как лекарство, но всегда

держат больного под наблюдением. Говорят, что это дает ощутимый результат. Мы им почти не пользуемся… лишь иногда, на первой стадии обучения.

— Кто это — мы?

— Аль Ахл аль-Хакк — люди Истины, те, кого в западных странах называли суфиями.

— Я так и думала.

— Да, ведь мы с вами уже это обсуждали.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Это все наркотик, — призналась она. — Нет, с этим нужно кончать. Все, больше ни крохи этого зелья!

Она резко поднялась в постели.

— Вы не расскажете об этом Файбрасу?

Он уже не улыбался.

— Какое сильное психическое воздействие вы испытали! Вызвать мысленно ожоги и пятна на теле — это…

— Больше я не прикоснусь к этой гадости! Вы знаете, я не даю пустых обещаний. Я не наркоманка!

— Вы сейчас сильно взволнованы, — мягко возразил он. — Но будьте со мной честны, Джил. Вы позволите так вас называть? А если у вас

повторится подобный приступ? Как вы из него выберетесь?

— Никаких новых приступов!

— Ну, хорошо. Сейчас я никому не скажу. Но если это повторится, то ничего не могу обещать. Будьте со мной откровенны, постарайтесь не скрывать подобное состояние. Вы так безудержно стремитесь попасть в команду дирижабля… а если такое случится с вами в полете?

— Больше этого не будет, — с трудом выдавила она.

— Ну, тогда разговор закончен — во всяком случае, на время.

Она вновь приподнялась на локте, не обращая внимания на соскользнувшее покрывало и нагую грудь.

— Послушайте, Пискатор, давайте начистоту. Если Файбрас распределит чины в соответствии с нашей квалификацией, и вы окажетесь у меня в подчинении, вас это не обидит?

— Нисколько, — улыбнулся он.

Она легла и натянула на себя покрывало.

— Вы вышли из мира, где женщина занимает самое незавидное положение, едва ли не на уровне животного. Она…

— Это все в прошлом, в далеком прошлом, — от-

ветил он. — Однако, независимо от того, японец я или нет, я — типичный представитель рода мужского. А вам… вам, Джил, стоило бы избегать расхожих мнений. То, что вы так ненавидите, с чем боретесь всю жизнь, — всего лишь фантом, стереотип.

— Вы правы, у меня это уже стало условным рефлексом.

— Я уверен, что разговор на эту тему у нас не повторится. Хотя повторение — мать учения. Вам надо переключиться… заставить себя мыслить иначе.

— Ну и как же мне этого достичь?

Он колебался.

— Вы поймете, когда сами поразмыслите и попытаетесь понять свои заблуждения.

Джил отдавала себе отчет, что он надеется видеть ее в числе обращенных. Она ничего не имела против подобных бесед, но догматические религии отпугивали ее. Правда, суфизм — не религия, но последователи учения были религиозны. Другое дело суфии-атеисты.

Сама Джил была убежденной атеисткой. Даже воскрешение не заставило ее поверить в Создателя. Кроме того, она сильно сомневалась, что Создатель способен проявить интерес к ее судьбе

— как, впрочем, и к судьбам всех остальных обитателей долины.

— Сейчас вы заснете, — сказал Пискатор. — Если я понадоблюсь, не стесняйтесь, позовите меня.

— Вы же не врач, — возразила она. — Как же вы сможете…

— Постарайтесь сами преодолеть новый приступ. Любой может совершить безумный поступок, но нельзя всех считать сумасшедшими. Человек способен властвовать над эмоциями. Покойной ночи.

Японец поклонился и быстро исчез, притворив за собой дверь. Джил собралась было окликнуть его и спросить, каким образом он оказался у ее хижины в такой поздний час. Что он здесь делал? Собирался ее соблазнить? О насилии не могло быть и речи. Она крупней его, и даже если он прекрасно тренирован, то и ее закалка не хуже. Кроме того, ее разоблачения серьезно повредили бы летной карьере Пискатора.

Нет, он не производил впечатления насильника или соблазнителя. С другой стороны, важно не впечатление о человеке, а его сущность. Но тут, казалось, все было в порядке — токи, исходившие от него, не несли в себе отрицательных зарядов.

Она вспомнила, что Пискатор не стал расспрашивать ее о кошмаре. Будь он полюбопытней, то сумел бы все выжать. Вероятно, он рассчитывал, что она сама захочет ему открыться. Да, Пискатор — человек тонкий и остро воспринимает чувства тех, кто ему небезразличен.

Но что же означала эта чудовищная схватка с Джеком? Почему он так напугал ее? Может быть, в тот миг ее охватило отвращение ко всему мужскому роду? Она не могла разобраться. Где коренилась причина ненависти — в ужасной и неожиданной галлюцинации, в обмане чувств, страхе перед карой? Она подожгла его — но, в определенном смысле, она сжигала и насиловала саму себя. В чем же дело? Она была уверена, что не испытывает подсознательного желания подвергнуться насилию. Это бывает лишь с душевнобольными женщинами. Ненависть к себе? Да, время от времени она ее испытывала, но с кем не случается такого?

Вскоре она заснула и во сне увидела Сирано де Бержерака. Они фехтовали на шпагах. Ее ослепило стремительное вращение его клинка. Удар, выпад — и наконечник рапиры глубоко вонзился ей в живот. Она с изумлением смотрела на полоску стали, потом выдернула ее, не заметив

ни капли крови. Живот вспух, раздулся, а чуть позже из ранки выскользнул крошечный кусочек металла.

18

Голод привел Бартона в чувство. Он оказался под водой и, потеряв ориентировку, не мог сообразить, где поверхность. Он двинулся куда-то во тьму, почувствовал, что вода сильнее давит на уши, и сменил направление. Вскоре давление ослабло, но он стал задыхаться. Последний рывок — и он выбрался на поверхность.

Вдруг сзади что-то сильно ударило его по голове, и Бартон вновь едва не потерял сознания, но успел схватиться руками за какой-то предмет. Хотя в тумане не было видно ни зги, он сообразил, что держится за огромное бревно.

Вокруг царило безумие: вопли, шум, крики. Он оттолкнул бревно и поспешил к взывавшей о помощи женщине. Приблизившись, он узнал голос Логу. Несколько взмахов, и Бартон увидел ее лицо.

— Спокойно, это я, Дик!

Логу ухватила его за плечи, и оба погрузились в воду. Он оторвал от себя руки женщины, вытолкнул ее вверх и вынырнул сам.

Захлебываясь словами, она что-то говорила на своем родном наречии. Бартон повторил:

— Без паники. Все в порядке.

Кажется, Логу пришла в себя; дрожащим голосом она сообщила:

— Я за что-то все время держалась, Дик, и потому не утонула.

Бартон отпустил ее и хотел поплыть рядом, но наткнулся на другое бревно. Если рядом плавает еще одно, то как бы их не затерло стволами… А где же судно, где плот? И где находятся они с Логу? Возможно, их швырнуло в пролом между разметавшимися бревнами, и сейчас течение несет к утесу сохранившуюся часть плота? Тогда они будут просто размазаны на скале…

Логу застонала.

— Кажется, у меня сломана нога, Дик. Очень больно.

Бревно, за которое они цеплялись, было невероятно толстым и длинным; он не мог разглядеть в тумане его конец. Хватаясь за выступы коры, Бартон понимал, что долго так не продержаться.

Внезапно из темноты раздался голос Моната.

— Дик, Логу, где вы?

Бартон отозвался. В этот момент что-то стукнуло по бревну и ударило его по пальцам. Он вскрикнул от боли и соскользнул вглубь, потом из последних сил выбрался на поверхность. Из

тумана вынырнул конец шеста, задев его щеку. Чуть правей — и дело кончилось бы разбитой головой. Он ухватился за шест, притянул его к себе и окликнул Моната.

— Логу тоже здесь. Только осторожнее с шестом.

Монат подтащил его к плоту, и Казз одним рывком вытянул Бартона наверх. Через минуту на борту оказалась и Логу. Она была в полубессознательном состоянии.

— Найди сухую одежду, переодень и согрей ее, — велел Бартон Каззу.

— Будет сделано, Бартон-нак, — ответил неандерталец и исчез в тумане.

Бартон опустился на сырую скользкую палубу.

— Где остальные? Что с Алисой?

— Все здесь, за исключением Оуэнон, — ответил Монат. — У Алисы, похоже, сломано несколько ребер. А судно наше пропало.

Бартон еще толком не осознал всей тяжести свалившихся на них несчастий, когда увидел вдали пылающие факелы. Они приближались, и вскоре он разглядел и самих факелоносцев — дюжину невысоких темнолицых мужчин с огромными крючковатыми носами, закутанных с головы до ног в полосатые бурнусы. Единственным их

оружием были кремневые ножи на перевязях.

Один из них заговорил на языке, принадлежавшем, по догадке Бартона, к древним наречиям семитской группы. Он даже уловил несколько знакомых слов, однако ответил на эсперанто. К счастью, собеседник сразу понял его.

Как оказалось, заснувший на вышке часовой был совершенно пьян. Бартон видел, как тот свалился с плота в момент столкновения, но затем вылез на берег. Второму вахтенному не повезло — он сломал шею и скончался. Что касается рулевого, находившегося на дальнем конце плота, то он не пострадал — если не считать того, что рассвирепевшая команда выбросила его за борт.

Скрежет, который Бартон услышал перед катастрофой, был вызван ударом носовых бревен о причал и скалу, повредившим переднюю часть плота и порвавшим в клочья крепежные канаты. Основной корпус уцелел, хотя левый борт, чиркнувший по прибрежным камням, был тоже разбит. Месиво оторвавшихся бревен протаранило «Хаджи» насквозь. Нос сразу же ушел под воду; корма, затертая бревнами, провалилась в образовавшуюся между ними полынью.

При столкновении Бартона выбросило вперед, он рухнул на палубу и скатился в воду. К счастью,

никто из команды не погиб и не был серьезно ранен. Правда, пока они не смогли обнаружить Оуэнон.

На Бартона обрушилась целая лавина проблем, но, прежде всего нужно было позаботиться о пострадавших. Он направился к освещенному факелами помосту, где лежали его друзья. Алиса, увидев его, протянула руки, но вскрикнула, когда он ее обнял.

— Осторожнее, Дик! Мои ребра…

К ним подошел один из крючконосых, сказав, что его прислали за ранеными. Затем появилось еще несколько человек из команды плота; они понесли на руках двух женщин. Фригейт хромал рядом, опираясь на Казза, постанывая и извергая ругательства; Бест шла сама. В темноте путь показался очень долгим. Пройдя ярдов шестьдесят они остановились перед большой бамбуковой постройкой, крытой листьями железного дерева. Ее стены крепились кожаными канатами, привязанными к торчащим в палубе крючьям.

Внутри помещения на высоком каменном основании горел огонь. Пострадавших разместили вокруг очага, уложив на койки.

Туман понемногу рассеивался, на Реке заметно посветлело. Внезапный грохот, будто салют из

тысячи пушек, возвестил наступление рассвета. Все вздрогнули, хотя слышали его ежедневно.

Грейлстоуны извергли свою энергию.

— Для нас завтрака нет, — Бартон резко поднял голову. — Кстати, где наши цилиндры? Остался хоть один у кого-нибудь?

— Нет, все пропали вместе с судном. — Лицо Моната сморщилось, в глазах застыло горе. — Неужели Оуэнон утонула?

Они посмотрели друг на друга при свете дня. Казалось, все краски жизни покинули их лица.

Кто-то застонал. Бартон выругался. Конечно, он сожалел об утрате Оуэнон, но сейчас его ужаснуло другое — отныне он сам и его команда обречены на нищенство. Их жизнь теперь зависела от человеческих благодеяний: в этом мире смерть предпочтительнее существования без цилиндра-кормушки. В былые дни люди, потерявшие чашу, кончали жизнь самоубийством. На следующий день они просыпались вдали от дома, от друзей и подруг, зато рядом стоял серый цилиндр — источник всех благ, дарованных человеку в этом мире.

— Ничего, — мягко произнес Фригейт, стараясь не встречаться с Бартоном взглядом. — Мы можем есть рыбу и желудевый хлеб.

— Всю оставшуюся жизнь? — горько усмех-

нулся тот. — Ну, и сколько веков вы способны продержаться на такой диете?

Поднявшись на ноги, Бартон вышел наружу в сопровождении Моната и Казза. Солнце уже рассеяло туман, и открывшаяся глазам картина ужаснула их.

Весь берег был завален бревнами, причалы и лодки, принадлежавшие ганопо, разнесены в щепки. Уцелевшая часть плота на треть оказалась на суше, окруженная валом вздыбленной, перемешанной с травой почвы. Слева в воде виднелись груды стволов с обрывками веревок, прижатых течением к скалистому мысу; волны с грохотом швыряли их на камни. Но нигде на поверхности Реки не было ни следов «Хаджи», ни тела Оуэнон. Надежды Бартона спасти хоть несколько чаш рухнули.

Он осмотрел плот. Даже без передней части он поражал своими размерами — около двухсот ярдов в длину при вдвое меньшей ширине. В центре, за вышкой, громоздилась черная статуя тридцатифутовой высоты. Огромный идол сидел, скрестив ноги; по спине ящерицей вилась высверленная косица. Пронзительный стеклянный блеск глаз, оскаленный рот, торчащие из пасти акульи зубы — это был лик древнего демона,

владыки смерти. В его брюхе зияла круглая дыра каменного очага, в которой металось пламя. Дым уходил внутрь истукана, клубами вырываясь из ушей.

Повсюду на палубе были разбросаны хижины, большие и поменьше, одни — совершенно искореженные и разбитые, другие — покосившиеся, но устоявшие при ударе о берег. Бартон насчитал десяток мачт с прямым парусным вооружением и штук двадцать — с косыми латинскими парусами; все они были убраны. Вдоль бортов лежало множество лодок разных форм и размеров, привязанных к массивным деревянным стоякам.

Сразу за идолом находилось самое высокое строение на борту — дом вождя или храм, как предположил Бартон. Именно его крышу, темную и округлую, он видел перед катастрофой.

Внезапно забили барабаны, загудели трубы, и множество людей устремилось к храму, образовав полукруг перед идолом. Бартон подошел ближе и украдкой царапнул статую ножом. К его изумлению, он обнаружил кирпич, покрытый черной краской. Откуда ее достали — и в таком количестве? Здесь, на Реке, любые краски являлись большой редкостью — к великому огорчению художников.

Вождь и главный жрец был довольно крупным мужчиной, только на полголовы ниже Бартона. Облаченный в полосатую накидку и килы, с деревянным остроконечным венцом на голове и дубовым посохом в руках, он взгромоздился на небольшое возвышение перед храмом и начал с необыкновенной страстностью что-то вещать своей пастве. Его посох грозил небесам, глаза яростно горели; он извергал поток слов, в котором Бартон не уловил ни одного знакомого. Спустя полчаса патриарх сошел с возвышения, и толпа начала распадаться на отдельные группы.

Часть людей сошла на остров и принялась разбирать завалы из бревен, другие направились к левому борту, где разрушения выглядели особенно значительными, третьи занялись лодками — видимо, им было поручено выловить из воды стволы. Через полчаса с обоих бортов спустили весла и несколько десятков гребцов навалились на них. Очевидно, они хотели поставить корму по течению, чтобы затем сдвинуть весь плот и снять его с мели.

Но не все задуманное осуществляется, и прекрасный замысел не оправдал себя на практике. Вскоре стало ясно, что столкнуть носовую часть в воду можно лишь разобрав вначале завалы

бревен.

Бартону не терпелось потолковать с предводителем, но тот кружил около статуи, быстро кланялся и что-то пел. Прервать молитвенный ритуал Бартон не рискнул, по опыту зная, насколько это опасно. Ему оставалось лишь слоняться вокруг, рассматривая лодки и строения на борту. Убедившись, что хозяева не наблюдают за ним, он заглянул внутрь нескольких хижин.

Две из них оказались складами сушеной рыбы и желудевого хлеба, еще одна была набита оружием. Под навесом стояли два выдолбленных челнока и сосновая рама будущего каноэ, которую со временем обтянут рыбьей кожей. В пятом строении хранились самые различные предметы: ящики с дубовыми кольцами на продажу; бивни и позвонки меч-рыбы; кипы кож — человеческой и речного дракона; барабаны, бамбуковые дудки и арфы со струнами из рыбьих кишок; сосуды из черепов; канаты и веревки из рыбьей кожи; каменные светильники; коробки с зажигалками, косметикой, марихуаной, сигарами и сигаретами; около пятидесяти ритуальных масок и множество других вещей. Видимо, все это добро предназначалось для торговли или выплаты дани во время странствий у чужих и

враждебных берегов.

Заглянув в очередную хижину, Бартон расплылся в улыбке — здесь хранились чаши. В ожидании своих владельцев, серые цилиндры стояли на высоких стеллажах. Он пересчитал их — ровно триста пятьдесят. По его прикидкам на плоту находилось чуть больше трехсот человек; значит, тридцать-сорок штук — явно лишние. Даже при беглом осмотре Бартон обнаружил, что все чаши, кроме тридцати, помечены. На их ручках висели обожженные глиняные таблички с клинописными знаками. Внимательно рассмотрев их, он решил, что надписи имеют сходство с вавилонскими и ассирийскими письменами, знакомыми ему по копиям.

Бартон попытался приподнять крышки помеченных цилиндров; конечно, это ему не удалось. Каждая чаша была снабжена особым запорным устройством; открыть ее мог только владелец. Существовало несколько гипотез о природе этих замков; согласно одной из них, внутри цилиндра находилось нечто вроде реле, настроенного на электрофизическое поле хозяина и срабатывающего в нужный момент. Что касается непомеченных чаш, то они были свободными — именно так называли их в долине.

Когда тридцать шесть миллиардов умерших пробудились к новой жизни на бесконечных просторах Мира Реки, каждый обнаружил возле себя персональный цилиндр. На вершинах грейлстоунов для них были сделаны углубления, и в центральном стояла свободная чаша. Очевидно, неведомые благодетели хотели подсказать воскрешенным, как нужно пользоваться их даром.

В определенный час над каменными грибами впервые взревело пламя. Едва утихли громы и молнии, заинтригованные люди взобрались наверх и раскрыли стоявшие цилиндры. На этих чашах не было замков, и перед восхищенными взорами любопытных предстали наполненные едой сосуды. Пища появлялась в мисках, закрепленных наподобие судков внутри чаш; в других контейнерах, похожих на стаканы, было вино, табак и мелкие предметы — зажигалки, расчески, зеркала, ножницы, косметика и даже туалетная бумага.

Перед следующей материализацией все чаши уже стояли на грейлстоунах, и они вновь одарили людей питьем и едой. Однако человек всегда недоволен тем, что имеет; прошла неделя — и многие уже жаловались на однообразие блюд, слишком умеренное число сигарет или

недостаток выпивки. Расторопные счастливцы, прихватившие с грейлстоуна вторую чашу, имели все в двойном количестве — пока другие руки, более сильные и жестокие, не отняли их богатства. Ибо свободные цилиндры являлись величайшим сокровищем в этом мире — ради них убивали, их отнимали силой или похищали.

У Бартона никогда не было свободной чаши, и ему еще не доводилось видеть такого впечатляющего их собрания. Тридцать цилиндров! Племя, обитавшее на плоту, оказалось богатым, очень богатым! И если он сможет уговорить вождя поделиться этим сокровищем, то проблема пропитания будет решена. В конце концов, крючконосые в долгу перед экипажем «Хаджи»; по их вине потеряно все — судно, оружие, одежда и чаши, а с ними — и право на жизнь.

Бартон покинул хранилище, осторожно притворив дверь.

У него вдруг возникли опасения, что оказанное им гостеприимство имеет свои границы. Свободные цилиндры являлись слишком большой ценностью; они приносили команде плота немалый доход и могли служить выкупом у тех берегов, где скорость судна и сила оружия не обеспечивали безопасного плавания. Если он

попросит у вождя семь чаш и получит отказ, то за цилиндрами наверняка станут приглядывать. Пожалуй, не следовало распространяться на эту тему и возбуждать излишнюю подозрительность. Их могут в любой момент выкинуть с плота.

Проходя мимо статуи, Бартон увидел, что вождь кончил возносить молитвы и направился на остров; очевидно, он хотел понаблюдать за ходом работ. Бартон в нерешительности остановился, потом, упрямо вздернув голову, зашагал следом. Он все-таки решил потолковать о свободных чашах — вне зависимости от исхода.

Когда человек бездействует, удача его спит.

19

На родном языке вождя звали Муту-ша-или, что означало «Божий человек» — Мафусаил.

Как-то во сне Бартон возмечтал встретиться с патриархом-долгожителем из Ветхого Завета. Нет, этот Мафусаил не имел к нему никакого отношения. Он родился в Вавилоне и никогда даже не слышал о евреях. На Земле он был надсмотрщиком в зернохранилище, а здесь превратился в создателя и главу новой религии, капитана огромного плота.

— Это случилось много лет назад. Ночью в грозу я спал, и во сне ко мне явился Бог по имени Рашхаб. Я никогда о нем не слышал. Он сказал мне, что был могущественным Богом моих предков. Потомки забыли о нем, и в мое время его почитали лишь в одном далеком поселении.

— Но Боги не умирают, а лишь меняются, приобретая иные имена или оставаясь безымянными; и Рашхаб тоже жил — в снах многих поколений. Но пришло время, когда он смог покинуть мир снов. Он повелел мне встать и отправиться в путь — чтобы нести людям слово истины во имя Его и по воле Его. Я должен был объединиться с едино-

верцами, построить большой плот и поплыть с моими людьми вниз по Реке.

— Рашхаб предрек, что спустя много лет — на Земле это жизнь нескольких поколений, — мы достигнем конца Реки, где она падает в дыру у подножия гор. Это будет Вершина Мира. Там мы минуем преисподнюю, огромную мрачную пещеру, потом светлое море и окажемся в благословенных землях, где будем жить вечно в мире и счастье вместе с богами и богинями.

Бартон подумал, что перед ним — безумец. Да, он попал со своей командой в руки фанатиков! К счастью, поклонники Рашхаба, по словам Мафусаила, никому не причиняли намеренного вреда, разве только при самозащите. Но Бартон знал по собственному опыту, как растяжимо это понятие.

— Рашхаб повелел, чтобы перед входом в преисподнюю его статуя была разбита на куски и брошена в Реку. Он не объяснил мне, почему надо так поступить; только заметил, что к тому времени мы все поймем сами.

— Что ж, ваши намерения прекрасны и благочестивы, — произнес Бартон. — Но вы виноваты в гибели моего судна и в том, что мы лишились чаш.

— Конечно, я прошу у вас прощения, но ничего не могу поделать — все произошло по воле Рашхаба.

Бартон увидел перед собой окаменевшее лицо собеседника. Едва сдерживаясь, он продолжал:

— Трое моих людей ранены и не могут продолжать путь пешком. Дайте нам хотя бы лодку, чтобы добраться до берега.

Сверкнув черными глазами, Мафусаил показал на остров.

— Вот он, берег, и там есть кормящий камень. Я прослежу, чтобы ваших раненых перенесли туда, дам сушеной рыбы и желудевого хлеба. Это все, чем я могу вам помочь. Пойми, я должен заниматься своими делами. Нам нужно сдвинуть плот в Реку. Рашхаб наказал не терять ни дня пути — что бы ни случилось. Если мы задержимся, то найдем врата в страну богов запертыми навеки… тогда нам останутся лишь скорбь, отчаяние и сожаление об утрате веры и цели свершенного странствия.

Бартон понял, что бы он сам ни свершил, — все оправданно. Эти люди в долгу перед ним; он же им ничем не обязан.

Мафусаил отвернулся. Вдруг в его глазах мелькнуло изумление, и, указывая на Моната,

выходившего из хижины, он спросил:

— Кто это?

Бартон шагнул ближе к вавилонянину.

— Это существо из другого мира. Он со своими спутниками прибыл на Землю с далекой звезды. Это случилось лет через сто после моей смерти, вождь. Они пришли с миром, но земные люди узнали, что у них есть… лекарство — такое лекарство, которое может предохранить человека от старости. И люди потребовали открыть им секрет, но пришельцы отказались. Земля и так была очень перенаселена, а даже самый достойный человек не может жить вечно.

— Ты заблуждаешься, — возразил Мафусаил. — Вечную жизнь нам дали боги.

— Возможно; но согласно вашей религии бессмертным может стать лишь малая часть людей — например, те, что на плоту. Верно?

— Да. Это кажется жестоким, но пути к мысли богов неисповедимы.

— Ты прав. Мы знаем о богах лишь то, что они милостивы к тем человеческим существам, которые их славят. Я же никогда не встречал человека, чья жизнь была бы безупречна.

— И здесь ты заблуждаешься.

Бартон с трудом скрывал свое раздражение;

спорить с этим фанатиком было бесполезно.

— На Моната и его спутников со звезды Тау Кита напала разъяренная толпа; они все погибли. Но перед этим Монат послал смерть почти всем людям на Земле.

Он замолк. Как объяснить этому невежественному существу суть событий, которые он сам плохо понимал? Пришельцы оставили свой звездный корабль на орбите около Земли, и за миг до смерти Монат подал туда радиосигнал. В ответ был исторгнут энергетический залп такой мощности, что почти все живое и разумное на Земле погибло. В этой истории многое оставалось для Бартона неясным — ведь в его время не было ни радио, ни космических кораблей.

Мафусаил широко раскрыл глаза. Глядя на Моната, вавилонянин спросил:

— Он великий волшебник? Он так могуществен, что смог убить сразу всех людей?

В какой-то момент Бартон решил обратить в свою пользу мифическое могущество Моната — как отмычку для получения лодки и нескольких чаш. Но Мафусаила, невежду и безумца, никак нельзя было считать глупцом; конечно, он тут же задался бы вопросом, почему Монат, такой великий чародей, не предотвратил крушения

«Хаджи», или почему он не наградил своих спутников чудесной способностью летать по воздуху.

— Да, он убил их, — продолжал Бартон, — и сам очнулся на здешних берегах, не зная, где и почему он тут оказался. Естественно, его магические орудия остались на Земле; но он утверждает, что готов сделать новые и возродить свое могущество, такое же беспредельное, как прежде. Вот почему тем, кто смеется сейчас над ним, стоит подумать о будущем.

Пусть теперь Мафусаил поразмыслит над его словами; угроза была недвусмысленной. Но вавилонянин только усмехнулся:

— Ну, к тому времени…

Бартон понял: плот будет далеко.

— И Рашбах защитит свой народ, ведь бог всегда могущественнее человека, даже демона с других звезд.

— Почему же Рашбах не захотел предотвратить это крушение? — спросил Бартон.

— Не знаю, но уверен, что он посетит меня во сне и даст объяснения. Без его воли ничего не происходит.

Мафусаил ушел, и Бартон вернулся к своим. Когда он вошел в хижину, Казз стоял у порога. На нем был одет лишь килы, оставляющий от-

крытым волосатый ширококостный могучий торс. Продолговатая голова с рыжей клочковатой порослью на темени казалась слегка опущенной из-за толстой, короткой шеи. Широкое лицо с проницательными маленькими темно-коричневыми глазками было почти человеческим — кроме носа, чудовищного комка плоти с вывороченными ноздрями, и рта — огромного, с серыми тонкими губами. Его руки, казалось, могли растереть камень в порошок.

Однако, будь неандерталец одет попристойней, во времена Бартона вряд ли он вызвал удивление на Ист Энд; разве только — любопытный взгляд.

Его полное имя, «Каззинтуйтруаабама», означало «Человек-Который-Убил Длиннозубого». Бартон не раз думал, что Длиннозубому явно не повезло, когда он встретился с Каззом.

— Что случилось, Бартон-нак?

— Ты и Монат отправитесь со мной.

Он поинтересовался самочувствием остальных. Алиса и Фригейт заявили, что способны передвигаться самостоятельно, но бежать не могут. С Логу было сложнее. После приема наркотика она не страдала от боли, но полное выздоровление наступит только через четыре-пять дней, когда срастется сломанная кость. Возможно, такая

фантастическая быстрота исцеления вызывалась какими-то неизвестными им веществами, входившими в пищу. Но, какой бы ни была причина, люди долго не могли привыкнуть к тому, как быстро тут исчезали всякие следы переломов, росли зубы, восстанавливалось зрение, обновлялись обожженные ткани, срастались раны и царапины. Сейчас, три десятилетия спустя, все это уже стало естественным.

Бартон еще не успел поведать о своих переговорах, как появились двенадцать вооруженных мужчин. Старший заявил, что ему приказано сопровождать их на остров. Двое положили Логу на носилки и вышли с ними из хижины. Следом захромал Фригейт, опираясь на руки Моната и Казза. Они еле шли, с трудом перебираясь через завалы из бревен. На берегу их встретили люди ганопо, взбешенные потерей лодок и причалов, но совершенно беспомощные.

Логу перенесли в одну из свободных хижин, и охрана удалилась. Перед уходом старший предупредил Бартона, что его команда больше не должна появляться на плоту.

— А если мы не подчинимся? — спросил Бартон.

— Тогда вас сбросят в Реку, причем с привя-

занными к ногам камнями. Всемогущий Рашбах повелел нам не проливать крови, пока нашей жизни не угрожает опасность. Но он ничего не говорил про воду, веревку и огонь.

Перед полуднем загрохотали грейлстоуны, а Бартону доставили с плота немного сухой рыбы и желудевого хлеба.

— Мафусаил сказал, что это спасет вас от голода, пока вы не наловите побольше рыбы и не приготовите хлеба из желудей, — передали посланцы.

— Ну, что ж, я отблагодарю его за все… хотя не знаю, понравится ли ему моя благодарность, — задумчиво произнес Бартон после того, как носильщики покинули хижину.

— Это пустая угроза или у вас есть план мести? — спросил Монат.

— Мстить — не в моих правилах, но без чаш мы отсюда не уйдем.

Прошло два дня. Плот все еще лежал на берегу. Завалы из бревен разобрали, и его удалось сдвинуть на несколько метров к воде. Это была изнурительная работа. Все обитатели плота, за исключением вождя, трудились на носу, отталкиваясь шестами и веслами от берега. Целыми днями, от зари до заката, из сотен глоток неслось: «Взяли! Раз, два, три! Взяли!»

Каждый рывок передвигал тяжеленный плот лишь на десятую часть дюйма. Корма скользила по камням, и набегавшие волны иногда выталкивали огромную махину обратно на берег, сводя на нет труд долгих часов.

К вечеру третьего дня плот удалось сдвинуть на пару ярдов. С такой скоростью, прикинул Бартон, им удастся освободиться лишь дней через семь.

Тем временем ганопо тоже не сидели без дела. Они не смогли выпросить у предводителя вавилонян ни одной лодки взамен разбитых, и послали на правый берег четырех хороших пловцов. Те объяснили ситуацию соседям и вернулись с целой флотилией из двадцати лодок, набитых воинами. Высадившись на берег, их вождь осмотрел место катастрофы и уселся совещаться с ганопо. Бартон и Монат приняли участие во встрече.

Разговоров было много: жалобы ганопо, множество советов соседей и речь Бартона. Он рассказал о большом складе продуктов и товаров на плоту (не упомянув, конечно, о свободных цилиндрах). Возможно, стоит предложить вавилонянам помощь — если они поделятся частью своих запасов? Вождь соседей решил, что это неплохая мысль и отправился на переговоры с Мафусаилом. Тот был с ним весьма вежлив, но от помощи

отказался. Парламентер вернулся на остров в большом разочаровании.

— У этих крючконосых никакого соображения, — заявил он. — Неужели они не понимают, что мы можем все у них отобрать, ничего не дав взамен? Они разбили судно чужестранцев, которое строилось целый год. Они виноваты в смерти члена их команды. Из-за них чужестранцы потеряли свои цилиндры! А если у человека нет кормушки, он умрет! Что они предлагают в уплату? Да ничего! Они издеваются и над ганопо, и над чужестранцами. Они — злые люди и должны быть наказаны.

— Хитрец! Ни слова о ценностях, которые его воины могут там раздобыть, — пробормотал Бартон по-английски Монату.

— Что ты сказал? — насторожился вождь.

— Я говорю моему другу, человеку со звезды, что ты обладаешь большой мудростью и понимаешь, где правда и где ложь. Поэтому все, что ты совершишь с крючконосыми, — правильно и справедливо, и на тебя снизойдет благоволение великого духа.

— Как много можно сказать на твоем языке несколькими словами!

— Язык моего народа — язык правды.

«Да простит мне Бог это преувеличение», — добавил про себя Бартон.

Вождь не раскрыл своих планов, но было очевидно, что задуманный набег может состояться буквально в эту же ночь.

Бартон собрал свою команду в хижине.

— Не унывайте — я надеюсь, мы раздобудем чаши и не превратимся в нищих. Но надо не зевать и провернуть операцию сегодня же ночью. Логу, Пит, Алиса, вы можете двигаться? Нам будут нужны все силы.

Трое раненых ответили, что идти смогут, но бежать — вряд ли.

— Прекрасно. Значит, возражений нет, и мы принимаемся за дело. На этот раз мы возьмем свое!

20

Вечером они с отвращением поужинали рыбой и хлебом, со страхом представляя, что впереди их ждут многие месяцы — или годы — полуголодного существования. Правда, добряки-ганопо снабдили их сигаретами и вином из лишайника.

Перед тем, как забраться в хижину, Бартон прошел по берегу. Вавилоняне уже спали в своих жилищах, десятка два еще болтались на плоту. Трехдневная тяжкая работа совершенно измотала их, и вскоре все разошлись, спеша погрузиться в сон. Лишь несколько часовых расхаживали по палубе, зажигая сосновые факелы, смоченные рыбьим жиром.

Большая часть стражников собралась на носу — видимо, Мафусаил опасался, что люди Бартона заберутся на борт и похитят его добро. Маленькие темнокожие люди зорко следили за его прогулкой. На свое приветствие он не получил ответа.

Разведав обстановку, Бартон повернул к хижине. По пути он увидел вождя ганопо, сидевшего у костра с трубкой в зубах. Он присел рядом с индейцем.

— Думаю, что нынче ночью люди на плоту

будут немало удивлены.

Вождь пыхнул трубочкой.

— Что ты имеешь в виду?

— Возможно, вождь народа с северного берега совершит набег на плот. Ты что-нибудь слышал об этом?

— Ни слова. Великий вождь шааванвааков не доверился мне. Но я не удивлюсь, если он и его воины не простят обид и оскорблений, нанесенных крючконосыми народу ганопо, находящемуся под их защитой.

— А как ты думаешь, когда они начнут атаку?

— В прежние дни, когда шааванвааки воевали с народом на южном берегу Реки, они переплывали ее перед рассветом — в час густого тумана их приближение было трудно заметить. Вскоре после высадки поднималось солнце и воины видели, куда нанести удар.

— Так я и думал, — кивнул Бартон. — Но вот что меня удивляет. Перебраться через Реку на другой берег нетрудно, а вот найти в тумане небольшой островок — задача не из легких. Хотя утес на нем очень высокий, ночью его можно не разглядеть.

Вождь вытряхнул уголек из трубки.

— Меня это не касается.

— На стрелке есть бухточка, обращенная к

северному берегу, которая может прикрыть нападающих от людей с плота. Им не будет виден и костер, но его легко разглядеть даже в тумане с северного берега. Не для этого ли костра ганопо целый день носили в бухту бамбук и хворост?

Вождь усмехнулся.

— Ты любопытен, как дикая кошка, и зорок, как ястреб, но я обещал вождю шааванвааков не проронить ни слова.

Бартон прикусил язык.

— Понимаю. Не знаю, вождь, увидимся ли мы еще, но я благодарю тебя за гостеприимство.

— Увидимся, — не здесь, так в другом мире.

Бартон долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок, пока сон не сморил его. Он очнулся лишь когда Монат начал расталкивать его. Протирая глаза, Бартон поднялся. На планете Моната смена суток тоже занимала двадцать четыре часа, и Бартон полностью доверял его биологическому хронометру.

Остальные уже поднялись. Они тихо переговаривались и пили кофе. Темно-коричневые кристаллы, подарок островитян, мгновенно вскипали и растворялись в воде. Обсудив еще раз все детали похода, путники вышли наружу. Их хижина стояла высоко, и сквозь дымку тумана,

им был виден слабый огонек, мерцавший на стрелке. Шааванвааки тоже смогут разглядеть его тусклый отблеск. Это все, что им было нужно от ганопо.

У Бартона и Фригейта были кремневые ножи, Казз держал в руках дубинку, вырезанную из сосновой ветви; остальные шли без оружия.

Вскоре они достигли края плота. До стражей с факелами оставалось ярдов пятнадцать, и нападающие поползли вдоль борта, уверенные, что заметить их невозможно.

Миновав часовых, Бартон поднялся на плот; остальные скользили за ним, словно тени в тумане. Наконец, он увидел стены и острую крышу склада — оттуда неслись громкие голоса и шаги стражи. Касаясь рукой стены, он обогнул строение сзади и остановился, доставая из-под одежды свернутую веревку, выпрошенную им у вождя (тот даже не поинтересовался, зачем она ему понадобилась). Веревки были также у Моната и Фригейта. Бартон связал их вместе и, протянув Алисе один конец, вместе с Монатом, Фригейтом, Логу, Бест и Каззом пошел дальше; он помнил, что как раз за складом лежали лодки.

В полном молчании они спустили на воду большое каноэ. Поднять лодку, выдолбленную из

светлой сосны и обтянутую рыбьей кожей, было по силам лишь десятку человек, но они сумели справиться. Затем мужчины повернули обратно, оставив в каноэ Логу и Бест.

Держась за веревку, все четверо вернулись к складу. Казз проворчал:

— Тут еще кого-то принесло!

Они увидели пылающие факелы.

— Смена караула, — шепнул Бартон.

Они юркнули за угол, выжидая, когда пройдут часовые.

Бартон взглянул вверх: туман рассеивается или ему показалось? Они выжидали, стоя на холодном ветру, но обливаясь потом от напряжения. Стражники обменялись несколькими фразами, кто-то из них отпустил шутку, раздался смех, и они разошлись. По движению факелов было ясно, что двое направились к носу, а двое повернули к корме.

Наблюдавший за ними Бартон шепотом спросил:

— Эти двое, на корме… Казз, берешь на себя одного?

Неандерталец утвердительно буркнул.

Факелы удалялись, потом один из них исчез. Через минуту он показался уже невдалеке от них,

словно один из стражников повернул в их сторону. Бартон жестом приказал всем спрятаться за постройку.

Это был Казз — его огромные зубы сверкнули бликами пламени. В руке он держал тяжелое дубовое копье с наконечником из рога меч-рыбы, на ремне висели сланцевый нож, насаженный на деревянную рукоятку, и кремневый топор. Он направился к Фригейту и Алисе, протянув свою дубину Монату.

— Надеюсь, ты его не убил? — прошептал тот.

— Смотря какой толщины у него череп, — отозвался Казз. Монат поморщился. Он испытывал органическое отвращение к любому насилию, хотя в минуты опасности оказывался настоящим бойцом.

— Вас не подведет больная нога? — спросил Бартон Фригейта. — Сумеете точно метнуть топор?

— Об этом я сейчас и думаю, — Фригейт весь дрожал, хотя ему следовало держать себя в руках перед предстоящей схваткой. Он, как и Монат, страшился физической расправы.

Бартон наскоро объяснил своим бойцам задачу и повел Казза с Алисой вдоль стены к фасаду склада. Монат и Фригейт обходили его с другой стороны.

Они добрались до угла. Четверо стражников, собравшись в кружок, разговаривали. Бартон зажег свой фонарь и, быстро шагнув вперед, направил свет им в глаза.

В накинутом на голову капюшоне к часовым приближался Казз. Его не узнали сразу — видимо, стражники решили, что вернулся один из ушедших. Исправить свой промах они не успели. Казз резко взмахнул копьем и обрушил его как дубину на голову одного из вавилонян. Подскочивший Бартон поднес свой нож к шее другого. Он не хотел доводить дело до убийства и не позволил кровожадному Каззу заколоть свою жертву копьем. В стороне мелькнул топор Фригейта, он обрушил его на грудь третьего человека. Американец так боялся стать убийцей, что попал не совсем точно, однако сильный удар обухом топора свалил противника с ног. Тот попытался подняться, но рухнул под кулаками подоспевшего Бартона. Четвертый, побывав в руках Моната, уже корчился на полу.

Все произошло мгновенно и в полном молчании — без криков и шума. Никто не услышал их возни. Фригейт с Каззом подняли упавшие факелы, и Бартон открыл дверь склада. Стражников втянули внутрь, затем Монат быстро осмотрел

их.

— Все в порядке, живы, — сообщил он.

— Они могут скоро прийти в себя. Казз, последи.

Бартон поднес фонарь к чашам, осветив их.

— Ну, все, мы не нищие!

Его раздирали сомнения. Должны ли они ограничиться семью цилиндрами или следует забрать все? В этом случае лишние можно обменять на древесину и паруса для нового судна. Конечно, его девиз — «Честь, не выгода!» — но в данном случае он не занимается воровством, а лишь возмещает потери. Наконец, он принял решение и велел забирать все тридцать цилиндров. Повесив их на шею, взяв по паре в каждую руку, они покинули склад и замкнули дверь. Держась за веревку, все двинулись в сторону каноэ, оставив факелы на палубе возле входа.

— Когда же индейцы начнут атаку? — спросил Монат.

— Я думаю, попозже, — ответил Бартон.

Спустившись в каноэ, они навалились на весла. Им нужно было добраться до южного берега и как можно дальше уплыть вверх по Реке. Бартона беспокоила сохранность лишних чаш. Их могли отобрать местные вожди, да и любой завистник

наверняка бы покусился на такое сокровище.

Наконец, он придумал надежное укрытие. Двадцать три цилиндра наполнили водой и спустили под днище лодки, привязав к кожаному ремню. Ход каноэ сразу замедлился, но на их счастье берег был почти рядом.

Они причалили напротив грейлстоуна и, в ожидании завтрака, уселись на берегу. Со всех сторон сюда подходили местные жители. Бартон знакомился, представлял своих спутников, просил разрешения воспользоваться граалем. Туземцы не возражали. Они были весьма миролюбивы и благоволили чужестранцам, которые приносят свежие новости и слухи.

Туман спал. Бартон залез на вершину камня и осмотрелся. Отсюда он мог видеть примерно мили на четыре. Ему удалось разглядеть большие строения и идола на палубе; очаг в его брюхе не горел. Очевидно, вавилоняне опасались пожара на плоту, застрявшем у берега и зажатом со всех сторон бревнами.

Бартон понимал, что после напряжения прошедшей ночи, его команде необходим хороший отдых. Около полудня сюда прибыли вождь с несколькими воинами ганопо, и он принялся их расспрашивать.

— Эти тупоголовые шааванвааки не заметили плота и промахнули мимо. Не понимаю, как они умудрились не разглядеть наш костер! Плавали вокруг до рассвета, а когда туман рассеялся, обнаружилось, что их отнесло течением на пять миль ниже острова. Вот куча болванов!

— А что говорят на плоту о пропаже каноэ? Не жалуются, что мы помяли охрану?

Бартон предпочел не упоминать о цилиндрах. Вождь рассмеялся.

— Да, перед вспышкой камня-кормильца они бушевали на берегу! Очень были сердиты, но почему — не сказали. Неужели из-за лодки? Цеплялись к нам, правда, дело обошлось без драки. Но мы рады, что эти скупцы остались в дураках. Они облазили весь остров, но вас, конечно, не нашли. Обнаружили пепел костра, спросили нас. Я объяснил, что здесь мы зажигаем огонь в честь Великого Духа, но они мне не поверили. Думаю, скоро они догадаются, где вы. Но не беспокойтесь, сейчас у них нет свободных людей — все, даже их шаман, трудятся на плоту. Раньше вечера они не нападут. Но шааванвааки могут их опередить…

Бартон так никогда не узнал, что случилось с поклонниками Рашбаха. Во избежание неожиданностей, он решил сразу же двинуться в путь.

Оставив за кормой пару миль, путники вытащили из-под воды чаши и сложили их на дно каноэ. Странствие продолжалось.

21

Через двести миль Бартон обнаружил место, пригодное для строительства судна. Здесь на берегах густо росли сосны, дубы, тис и бамбук; за ними простиралась открытая равнина. К тому же, в предгорьях еще оставался кремень и сланец, необходимые для изготовления топоров — это было сейчас большой редкостью. В некоторых государствах запасы подходящего камня совершенно истощились. В былые дни из-за таких месторождений часто вспыхивали жестокие войны.

К концу 32 года п.д.в. (После Дня Воскрешения) окончилась эпоха строительства судов. Это произошло во всех государствах, которые миновал Бартон за время своих странствий, но он полагал, что так было повсюду.

Страна, где они остановились, принадлежала к числу немногих, сохранивших запасы кремня и сланца. Местные жители — предшественники индейцев-алгонкинов с примесью древних пиктов — очень хорошо понимали ценность своих залежей. Их вождь по имени Оскас свирепо торговался с Бартоном. В конце концов, он

заломил невероятную цену: семь тысяч обычных сигарет, пятьсот — с марихуаной, двадцать пять сотен сигар, сорок пачек трубочного табака и восемь тысяч чашек вина. Кроме того, он полагал, что неплохо было бы раз пять переспать с блондинкой — Логу. Он, конечно, предпочел бы заниматься этим каждую ночь, но боялся вызвать недовольство своих трех жен.

Бартон несколько минут не мог прийти в себя от изумления, затем сказал:

— Ну, это может решить только сама женщина. Но полагаю, что ни она, ни ее друг не согласятся. К тому же, ты просишь слишком много. Столько табака и марихуаны нам не набрать и за год.

Оскас пожал плечами.

— Ну, как хочешь…

Бартон собрал всех на совет и рассказал о требованиях вождя.

Казз возмутился.

— Бартон-нак, я прожил на Земле сорок пять зим без виски и табака, но здесь попал на крючок. И если я не получу и того, и другого хотя бы неделю, то чувствую себя как медведь с занозой в лапе.

— Ну, или две порции индейки к обеду или судно, — решил Бартон. — Выхода у нас нет, поэтому

пожертвуем лишними цилиндрами.

Он вернулся к Оскасу, они сели, закурили трубки и приступили к новым переговорам.

— Женщина с желтыми волосами и голубыми глазами сказала, что ты можешь получить только одну часть ее тела — ногу; но и ту до колена. Боюсь, вождь, тебе придется трудновато.

Оскас долго смеялся, хлопая себя по бедрам и вытирая выступившие на глазах слезы.

— Вот неудача! Люблю умных женщин, но это уж слишком!

Бартон почесал нос, изображая нерешительность.

— Случилось так, что нам достался свободный цилиндр. Мне хотелось бы передать его тебе — в обмен на место, где мы могли бы построить судно, и на материалы для него.

Оскас не задал вопроса, где и как гость приобрел такую ценность; видимо, предположил кражу.

— Ну, что же, — засмеялся он, — сделку мы заключим, но сперва я должен взглянуть на эту кормушку. Ты не думаешь, что блондинка уж слишком поскупилась?

Вождь забрал цилиндр и отнес его в укрепленный дом совета племени, где хранились еще двадцать свободных цилиндров, собранных за

многие годы. Их дары шли только вождю и его близким; как и повсюду, привилегии доставались лишь избранным.

Постройка судна заняла около года. Когда дело шло к концу, Бартон задумался о названии. Он не хотел давать ему имя предшественников — «Хаджи-1» и «Хаджи-2», плохо кончивших свой век; Бартон был слегка суеверен. По согласию с командой корабль окрестили «Снарком». Алисе очень нравилось это название, связанное с воспоминаниями о Льюисе Кэрролле, и она поддержала Фригейта, также считавшего его весьма удачным.

Улыбаясь, она прочитала вслух «Речь Белмена» из «Охоты на Снарка»:

Он с собою взял в плаванье карту морей,

На которой земли — ни следа:

И команда, с восторгом склонившись над ней,

Дружным хором воскликнула: «Да!»

Для чего, в самом деле, полюса, параллели,

Зоны, тропики и зодиаки?

И команда в ответ: «В жизни этого

нет,

Это чисто условные знаки.

На обыденных картах — слова, острова,

Все сплелось, перепуталось — жуть!

А на нашей, как в море, одна синева,

Вот так карта — приятно взглянуть!»

Бартон улыбался, но в глубине души был сердит на Алису: пусть иносказательно и метафорически, она оскорбила его как капитана. Дальше разговор пошел еще хуже.

— Будем надеяться, что путешествие на новой лодке не кончится новой катастрофой, — заявила Алиса.

— Ну, что же, — свирепо усмехнулся в ответ Бартон, — этот Белмен — капитан не лучше меня, если взял в путь вместо карты раскрашенную синим бумажку. — Он подумал и добавил: — Кроме того, в «Своде Морских Правил» существует статья 42, гласящая: «Никто не спорит с капитаном».

— А у Белмена она звучит так: «Капитан не спорит ни с кем».

Воцарилось молчание. Все ощутили напряже-

ние, возникшее между ними и, неловко переглядываясь, в страхе ожидали гневной вспышки Бартона.

Монат поспешил исправить положение. Он улыбнулся.

— Я помню эти стихи. Особенно меня восхищает «Вопль шестой. Сон адвоката». Дайте-ка припомнить… Ах, да — там еще есть коза, которую судят за осквернение реки, и Снарк — в мантии, лентах и парике:

Снарк (защитник) в конце выступления взмок —
Говорил он четыре часа;
Но никто из собравшихся так и не смог
Догадаться, при чем тут коза.

Он помолчал, поднял глаза вверх,
— Да, вот еще мое любимое четверостишие:

Но тюремщик, роняя слезу на паркет,
Поуменьшил восторженность их,
Сообщив, что козы уже несколько лет,
К сожалению, нету в живых.

Все засмеялись, и Монат добавил:
— Эти строчки — квинтэссенция земного пра-

восудия: буква закона не отражает его сути.

— Я поражен, — вмешался Бартон. — За ваше краткое пребывание на Земле вы сумели не только многое прочитать, но и запомнить.

— Видите ли, «Охота на Снарка» — стихи, а я решил, что скорее пойму сущность людей Земли через их поэзию и беллетристику, чем из научной литературы. Вот почему мне запомнились эти стихи. Мой земной друг показал мне их, сказав, что это одно из величайших метафизических произведений, которым может гордиться человечество. Он, кстати, поинтересовался, есть ли у людей Тау Кита произведения, подобные этому.

— Ну уж вы, конечно, распустили хвост, расхвастались, — предположила Алиса.

— Ничего подобного! Уверен, что у нас такого нет.

Бартон удивленно покачал головой. Он был всегда ненасытным читателем и обладал почти фотографической памятью. Но он-то прожил на Земле шестьдесят девять лет, а Монат — лишь с 2002 по 2008 год! Однако здесь, за время их совместного плавания, Монат обнаружил познания, которые ни один человек не мог приобрести за столетие.

Разговор закончился мирно, и они приступили

к работе на судне.

Но Бартон не мог отделаться от воспоминаний о колкостях Алисы и, когда они отправились спать, обрушился на нее с упреками. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, застывшими и безжизненными. При его атаках Алиса замыкалась, уходила в себя, что доводило Бартона до бешенства.

— Нет, Дик, я совсем не хотела тебя оскорбить. Если это и случилось, то совершенно бессознательно.

— Ах, бессознательно? Еще хуже! Неосознанные чувства — истинная суть человеческая! Ты можешь контролировать мысль, выраженную в словах… Можешь даже избавиться от нее! Но то, что лежит на дне подсознания… то, что смутной тенью мелькает в голове…

Он принялся вышагивать взад и вперед, его лицо в слабом свете костра казалось маской демона.

— Изабелла молилась на меня, но, когда я был неправ, спорила — яростно, упрямо! Ты же… от обиды ты, словно пес, залезаешь в свою конуру и сидишь там, затаившись. А в результате мы страдаем оба! Что дурного в спорах? Они, как гроза, очищают воздух!

— Вся беда в том, что тебя воспитали как леди. Ты никогда в гневе не повысила голоса, ты всегда ровна, холодна, спокойна. Но твое подсознание, доставшееся от прародителей-обезьян, бьется и бушует, как барс в клетке.

Глаза Алисы вспыхнули, она крикнула во весь голос:

— Ты лжец! И не смей попрекать меня своей женой! Мы же договорились никогда не вспоминать прежних супругов, а ты каждый раз толкуешь о ней и доводишь меня до исступления! Неправда, я — не каменная статуя… и не только в постели, ты-то прекрасно это знаешь! Да, я не стану скандалить при каждом неудачном слове и выхожу из себя лишь в самых крайних случаях. А ты… ты живешь в непрестанной ярости!

— Ложь!

— Я не лгу!

— Ну, хватит, — сдался Бартон, меняя тему. — Так чем же я не устраиваю тебя в роли капитана?

Алиса закусила губу.

— Речь не о том, как ты управляешь судном или обращаешься с командой; это все ты делаешь прекрасно. Нет, я о другом: ты не в силах справиться с самим собой.

Бартон присел.

— Ну, давай, давай. Только о чем ты?

Алиса наклонилась вперед. Ее лицо скрылось в тени.

— Прежде всего, ты не можешь прожить на одном месте больше недели. Через три дня ты уже взвинчен. К седьмому — мечешься, как тигр в клетке.

— Избавь меня от зоологических сравнений, — прервал он ее. — Ведь ты же прекрасно знаешь — только что я просидел на одном месте больше года.

— Да, пока строилась лодка. Но и сейчас ты выбрал такой проект, который позволил как можно быстрее ее закончить. К тому же, ты постоянно уезжал куда-то, оставляя нас работать на судне. Тебя тянет побывать всюду, узнать новости, изучить редкие обычаи и все еще незнакомые тебе языки — неважно что, был бы предлог удрать.

— Это болезнь души, Дик. И я сказала только об одном ее проявлении. Тебе невыносима любая остановка, но дело не только в этом… ты сам себя не выносишь, сам от себя пытаешься сбежать.

Он встал и принялся вышагивать взад и вперед.

— Значит, ты утверждаешь, что я сам себя не

выношу. Какое жалкое существо! Он не любит даже себя — значит, другие тоже не могут его любить.

— Ерунда! Этого я не говорила!

— Все, что ты несешь, — чистой воды вздор!

— Вздорные мысли в твоей голове, а не в моих словах!

По ее щекам потекли слезы.

— Но я… я люблю тебя, Дик!

— Видимо, не настолько, чтобы выносить мою никчемную эксцентричность.

Она всплеснула руками.

— Никчемную?

— Меня одолевает жажда странствий. Так что же? Надо ли над этим потешаться? Достоин ли осмеяния бегун, который чувствует зуд в ногах?

Она слабо улыбнулась.

— Нет. Я лишь заклинаю тебя избавиться от него. Это не зуд, не жажда странствий, Дик. Это обреченность.

Алиса встала, закурила сигарету и, размахивая ею перед носом Бартона, продолжала:

— Посмотри! В свое время на Земле я бы никогда не осмелилась закурить. Леди не могла себе этого позволить… особенно, если ее муж — эсквайр, а отец — епископ англиканской церк-

ви. Леди не могла выпить больше допустимого приличиями… не могла, наконец, выругаться! Я уж не говорю о том, чтобы лезть в воду голой или проткнуть копьем человека!

— И вот я, Алиса Лиддел Харгривс из поместья Кафнеллс, истинная аристократка, позволяю себе все это — и много большее… веду себя в постели так, что покраснели бы обложки французских романов, которые любил почитывать мой бывший супруг. Я изменилась! Почему же не можешь измениться ты? Сказать по правде, Дик, я устала от бесконечных странствий, от вечной тесноты на маленьких судах, от неуверенности в завтрашнем дне. Ты же знаешь, я — не трусиха. Все, что мне нужно, — найти место, где говорят по-английски, где собрались подобные мне люди, где царит мир; место, где мы могли бы осесть и иметь крышу над головой. Я так устала вечно скитаться!

Бартона тронули ее слезы. Он положил ей руки на плечи.

— Но что же делать? Я должен продолжать свой путь. Вот моя…

— Изабелла? Но я-то — не она! Я — Алиса, и я люблю тебя, Дик, но не могу быть вечной твоей тенью, что волочится следом при свете дня и

исчезает ночью.

Она отшвырнула наполовину выкуренную сигарету и повернулась к нему.

— Но это еще не все! Есть одна вещь, которая волнует значительно больше. Ты не доверяешь мне! У тебя есть тайна, Дик… по-моему, страшная тайна…

— Может быть, ты скажешь — какая? Лично мне ничего не известно.

— Не лги! Я же слышу, как ты разговариваешь во сне! Это связано с этиками, да? С тобой что-то произошло, о чем ты молчал все годы. Я слышу, как ты бормочешь о коконе, о своих семистах семидесяти семи смертях. Я слышу имена, о которых ты не упоминаешь наяву, — Лога, Танабар. Ты говоришь о каком-то таинственном пришельце… Кто они, эти люди?

— Да, секреты могут хранить лишь мужчины, спящие в одинокой постели, — улыбнулся Бартон.

— Почему ты не хочешь рассказать мне? Неужели после стольких лет ты не можешь быть со мной откровенным?

— Если бы я только рискнул… я рассказал бы обо всем, но это слишком опасно. Поверь мне, Алиса, я молчу, потому что ничего не смею сказать. Ради

нашего общего блага не требуй никаких объяснений. Ты только разозлишь меня.

— Ну, ладно. Но ночью руки, пожалуйста, не распускай.

Он долго не мог заснуть, а перед рассветом, внезапно пробудившись, в страхе спрашивал себя: не разговаривал ли он вслух?

Алиса сидела на постели, пристально вглядываясь в него.

22

Во время завтрака к Бартону явился Оскас, изрядно под хмельком. Он вручил ему мех, в котором плескалось с полгаллона спиртного.

— Слышал ли ты о большой белой лодке, плывущей с низовий Реки? — спросил вождь.

— Ну, об этом не слышал только глухой, — Бартон отхлебнул добрый глоток. У вина был прекрасный аромат — грейлстоуны никогда не выдавали второсортную продукцию. — А-а-ах! — Помолчав он добавил: — Мне трудно поверить всем этим россказням. Говорят, что корабль приводится в движение гребными колесами; значит, у них двигатели из металла. Но где удалось его добыть? Кроме того, я слышал, что и корпус металлический. Столько металла не собрать на всей планете — а судно не маленькое.

— Ты полон сомнений, — важно сказал Оскас, — и это очень вредно для печени. Если слухи правдивы, то большая лодка прибудет к нам через несколько дней. Мне бы очень хотелось иметь такую лодку.

— Не только тебе. Но если кто-то соорудил такое судно, то он имеет и подходящее оружие для его

защиты — конечно, огнестрельное. Ты никогда не видел такого. Оно похоже на трубки из железа, выбрасывающие кусочки металла — их называют пули. Некоторые трубки могут выпустить десяток пуль, пока воин натягивает лук… И бьют они дальше тех холмов.

Бартон сделал еще глоток и скользнул взглядом по красному возбужденному лицу Оскаса.

— Будь уверен, многие хотели захватить эту лодку и поплатились жизнью, не успев даже выпустить своих стрел. Ну, а если ты ее даже получишь, то что станешь с ней делать? Управлять таким судном могут только умелые люди.

— Это можно устроить. Вот ты, например, мог бы с ней справиться?

— Возможно.

— Ты согласен помочь мне ее захватить? Я был бы благодарен и сделал тебя своим первым помощником.

— Я человек не воинственный и не жадный, — ответил Бартон. Однако твоя идея мне нравится. Я готов. А сделать нужно вот что.

Оскас с увлечением выслушал фантастические планы Бартона, потом заявил, что пришлет еще вина. Они потолковали с полчаса, и Оскас, широко улыбаясь и сильно пошатываясь, удалился.

Бартон смотрел вслед доверчивому индейцу. Он не собирался участвовать в его игре; насчет судна у него имелись свои планы.

По слухам, этот корабль двигался быстрее парусников. Он должен попасть на него. Он еще не знал, каким образом, но понимал, что здесь нужна не сила, а хитрость.

Прежде всего, путешественники могли здесь не остановиться. Да и есть ли у них место, чтобы принять новых людей? Захочет ли капитан взять его на борт со всей командой?

Целый день он молчал, погруженный в свои мысли. Даже лежа в постели, Бартон продолжал обдумывать самые различные варианты. В какой-то момент он было решил действовать совместно с Оскасом. В конце концов, можно выдать планы вождя и этим заслужить расположение капитана. Но он тут же отказался от подобных замыслов. Пусть Оскас жаден и вероломен, но он, Бартон, предав его, станет бесчестным подлецом. Кроме того, погибнут и люди Оскаса, а ему не хотелось бы отягощать свою совесть подобной ношей.

Нет, надо искать другой путь.

В конце концов, он его нашел. Успех зависел от того, остановится ли здесь судно. Как это устроить? К утру план был готов, и Бартон, успо-

коившись, заснул.

Прошло два месяца и появились первые признаки приближения большого корабля — сигналы, которые подавали соседи вспышками слюдяных зеркал, дымом, огнями и барабанным боем. Бартон пытался представить, как выглядит плывущий к ним левиафан. Конечно, он больше любого колесного судна, плававшего по Миссисипи в его времена. У корабля металлический корпус, скорость — около пятнадцати миль в час. Бартон полагал, что у нет паровые двигатели, но, по слухам экипаж редко брал на борт дрова — по-видимому, лишь для подогрева воды в душах и подачи пара на орудия. Ему трудно было представить, как пар выталкивает пули и снаряды, но Монат утверждал, что это вполне возможно.

Вскоре информация стала более определенной. Двигатели судна питало электричество, получаемое при разряде грейлстоунов.

— Значит, у них есть не только сталь, но и медь для обмоток электромоторов, — заключил Бартон. — Но где они добыли столько металла?

— Возможно, они использовали алюминий, — предположил Фригейт. — Он вполне годится для обмоток, хотя медь, конечно, эффективней.

Поступали все новые и новые сведения. На

борту корабля красовалось латинское название «Рекс Грандиссимус», что в переводе означало «Величайший король». Называли и имя его капитана, короля Джона Ланкастера, сына Генриха II и Элеоноры, дочери герцога Аквитанского. После смерти своего знаменитого брата, Ричарда Львиное Сердце, Джон стал Иоанном, королем Англии, владыкой Ирландии и сопредельных земель. За время своего правления он заработал столь скверную репутацию, что ни один повелитель Британского королевства больше не называл своего наследника презренным именем Джон.

Услышав эти новости, Бартон обратился к Алисе.

— Один из твоих предков командует колесным судном. Может, стоит воззвать к родственным чувствам, чтобы попасть на борт? Правда, как следует из истории, он не обращал внимания на такие мелочи. Он поднял мятеж против отца и прикончил своего племянника Артура, которого Ричард провозгласил наследником короны.

— Джон не хуже и не лучше любого короля тех времен, — возразила Алиса. — И, несмотря на людские толки, он сделал много полезного: реформировал денежную систему, развивал мореплавание, покровительствовал торговле,

помог достроить Лондонский мост. Джон был образованным и неглупым человеком, читал книги на латинском и французском языках и никогда не расставался со своей библиотекой.

— Ничего себе! — воскликнул Бартон. — У тебя он выглядит просто святым.

— Ну, до этого ему далеко. Джона мало трогали интересы Англии и благополучие ее народа — впрочем, как и остальных Ланкастеров. Он…

— Ладно, бог с ним! Сейчас мы стоим перед фактом — средневековый монарх каким-то образом получил власть над грандиознейшим сооружением, самым мощным механизмом в этом мире. Мне нужно попасть на судно. Каким образом это сделать?

— Ты хочешь сказать — *нам* нужно попасть на борт?

— Ты права. Тысяча извинений, именно — *нам*.

Спуск «Снарка» на воду сопровождался множеством поздравлений и возлияний. Но Бартон не чувствовал радости. Он потерял к суденышку всякий интерес.

На пиршестве Оскас обратился к нему:

— Надеюсь, ты не собираешься уехать отсюда? Я рассчитываю на твою помощь в том деле с

большой лодкой.

Бартон жаждал послать индейца ко всем чертям, но был вынужден вести себя дипломатично. Вождь мог отнять у них «Снарк» или, что еще хуже, силой увести Логу. В течение года он доставлял ей немало хлопот, но до прямого насилия дело не дошло. Когда он напивался — а это происходило часто — то открыто спрашивал Логу, когда она пойдет с ним в постель.

Фригейт, не лишенный по натуре воинственности, даже хотел вызвать его на дуэль, хотя и понимал всю абсурдность своего намерения. Нередко ночами им с Логу приходилось скрываться, и его мужское достоинство взывало к отмщению. Однако он не допускал и мысли, чтобы сбежать отсюда и бросить людей, с которыми он был близок много лет.

Однажды Логу заявила:

— Ты не коснешься этого дикаря даже пальцем. Если ты это сделаешь, его люди убьют тебя. Предоставь мне самой с ним разобраться.

Затем она потрясла всех, а больше всего — Оскаса, вызвав его на смертельный поединок.

Оправившись от изумления, вождь загоготал:

— Что? Мне драться с женщиной? Я луплю своих жен, когда они меня рассердят, но не дерусь с

ними. Если я на это пойду и убью тебя, мне плохо придется. Надо мной станут смеяться, я перестану быть Оскасом Медвежьей Лапой, и меня назовут Мужчиной-Который-Боролся-с-Женщиной.

— Ну, как же мы будем сражаться? — не отступала Логу. — На томагавках? На ножах? Или голыми руками? Ты уже видел в состязаниях, что я владею любым оружием. Правда, ты выше и сильней, зато я знаю много боевых приемов.

Она не добавила, что он пьян, тучен и явно пережил свою славу непобедимого бойца.

Если бы с Оскасом так разговаривал мужчина, он знал, как ответить. Но сейчас, в пьяном дурмане, вождь никак не мог найти достойного выхода. Если он убьет эту женщину, то станет всеобщим посмешищем, а если не примет ее вызова, его сочтут трусом.

Вперед выступил улыбающийся Монат.

— О вождь! Логу — мой лучший друг; ты — мой друг тоже. Почему бы вам не оставить эту затею? В тебе сейчас говорит вино, а не твой собственный разум. Оскас — вождь и могучий воин. Разве может унизить его отказ от борьбы с женщиной? — Монат пристально уставился в непроницаемые глаза индейца и продолжал: — Тебя больше не волнует эта женщина. Тебе

это только кажется сейчас, потому что ты полон виски. С сегодняшнего дня ты будешь обходится с Логу, как с женой другого мужчины.

— Думаю, Бартон тебе рассказывал, что когда-то я был великим волшебником. Я еще сохранил былое могущество и мне придется пустить в ход чары, если ты оскорбишь Логу. Я сделаю это без желания, так как весьма почитаю тебя. Но если что-то произойдет, то пеняй на себя.

Лицо Оскаса, смуглое, с багровым румянцем на щеках, побледнело. Он кивнул головой.

— Да, во всем виновато виски. Забудем о том, что случилось.

Больше Оскас не произнес ни слова, но на следующий день заявил, что был накануне сильно пьян и ничего не помнит.

Несколько месяцев он проявлял к Логу лишь вежливую холодность, потом опять вернулся к старым разговорам. Сейчас, когда близилось время отъезда, он неотступно преследовал ее.

Беседуя с Оскасом, Бартон учитывал деликатность ситуации и старался внушить вождю, что теперь у него должны быть другие заботы.

— Нет, пока мы не уезжаем, и я собираюсь действовать, как мы договорились — вместе с тобой захватить лодку. Но вот что важно: она должна

остановиться у одного из кормящих камней на твоем берегу, чтобы получить силу для дальнейшего путешествия. Если она пройдет мимо — все пропало. Я примерно рассчитал место, где она может причалить — где-то у четвертого или пятого грейлстоуна. Завтра наш парусник должен сделать первый рейс. Мы отправимся туда, где остановится большое судно, и осмотрим местность. Надо все предусмотреть для успеха дела. Не хочешь ли поплыть с нами?

Оскас посмотрел на него прищуренными глазами и засмеялся.

— Конечно, хочу. Нельзя в битву вступать слепым.

Вождь ни словом не обмолвился о своих подозрениях насчет того, что «Снарк» может не вернуться, но они были очевидны. Этим вечером он оставил четырех воинов присматривать за суденышком и его экипажем, но Бартон спал сном младенца — вместе с остальными подозреваемыми.

На следующее утро вождь появился на борту вместе с семью лучшими бойцами племени. На палубе негде было повернуться, но Бартон, казалось, ничего не имел против. Он стал потчевать гостей настойкой из лишайника и листьев

железного дерева; его команда благоразумно воздерживалась от алкоголя. К полудню и Оскас, и воины начали громко хохотать и вести бессвязную беседу; их не отрезвил даже плотный обед. Бартон удвоил порции спиртного, и через час индейцы, шатаясь, бродили по палубе или валялись мертвецки пьяными.

Теперь справиться с ними не составляло труда. Тех, кто еще стоял на ногах, столкнули в Реку, остальных побросали следом. Холодная вода мигом привела их в чувство. Барахтаясь у берега, Оскас грозил кулаком и ругался сразу на двух языках — своем родном и эсперанто. Бартон расхохотался и приложил ко лбу расставленные на манер рогов пальцы. Оскас впал в неистовство; еще больше изощряясь в ругани, он в самых сильных выражениях расписывал будущую месть.

Прицелившись, Кязз метнул в вождя его собственный цилиндр и угодил в голову. Два индейца нырнули за погрузившимся под воду Оскасом и придерживали его, пока тот приходил в чувство. Неандертальцу эта шутка показалась очень забавной; было бы еще интересней, если бы вождь утонул. Кязз не был жесток и за долгие годы скитаний перенял у своих спутников и компаньонов пристойные манеры. Но в душе он

оставался первобытным дикарем, а потому обладал сильным чувством причастности к племени, к своему роду. Только члены его рода расценивались как человеческие существа; все остальные — и друзья, и враги — не были для него настоящими людьми. Он утратил своих соплеменников на Земле, но обрел новых среди команды «Снарка». Они стали его семьей, его родом.

23

«Снарк» не причалил в том месте, которое Бартон назвал Оскасу. Он обманул вождя — тот мог вернуться с воинами, чтобы отомстить за свой позор.

Два дня они плыли вниз по Реке до предполагаемой стоянки большого судна, непрерывно наблюдая сигналы Оскаса, посылаемые то с помощью гелиографа, то вспышками огня и клубами дыма, то стуком барабанов. Вождь объявлял всем и вся, что Бартон украл у него табак и спиртное, а также пытался похитить его самого. Он обещал награду любому, кто схватит «преступников».

Бартону пришлось обдумать ответные меры, хотя он сомневался, что правители мелких государств рискнут остановить «Снарк». Оскаса не жаловали в тех краях. Все эти годы он слишком досаждал соседям своей воинственностью. Но кто мог гарантировать, что не найдется желающих поживиться за их счет?

Бартон сошел на берег с большим ящиком табака и вина, и целым набором дубовых колец. Все это он уплатил местным властям за передачу его послания. В нем утверждалось, что Оскас — лжец,

что на самом деле он хотел силой овладеть женщиной из их команды, поэтому ей со спутниками пришлось спасаться бегством. Их преследовали на боевом каноэ, которое перевернулось при нападении на «Снарк». Еще он добавил, что у вождя и его сподвижников — огромные богатства: чуть ли не сотня свободных цилиндров.

Конечно, все это было чистой воды враньем. Как-то в подпитии Оскас проговорился Бартону о припрятанных двадцати цилиндрах. Но сейчас важно было отвлечь от себя внимание и переключить его на вождя. Услышав о лишних чашах, племя, несомненно, ополчится на него и потребует отдавать излишки в общий котел. Оскас будет втянут в свару со своими подданными; возможно, к ней примкнут и соседние государства. На осуществление мести у него не хватит ни сил, ни времени.

Размышляя о своей проделке, Бартон потирал руки и довольно посмеивался.

«Снарк» миновал участок, где Река низвергалась вниз, образуя озеро. На Земле подобный водоем, окруженный высокими берегами, не мог бы породить даже крохотного ручья. Но здесь, миновав стоячие воды, они опять вышли на стремнину; Река все так же мчалась к далекому

устью, к сказочной гигантской пещере, открывавшейся в северное море. Существовало множество гипотез о происхождении этого феномена, но разгадки не знал никто.

Одна из версий предполагала наличие локальных колебаний гравитационном поля, поднимавшего водный поток до уровня, с которого Река снова стекала по уклону местности. Ее сторонники считали, что творцы этого мира установили подземные устройства, создававшие дополнительное поле тяготения в определенных районах планеты.

Другие утверждали, что вода нагнетается под высоким давлением из труб, заложенных глубоко под руслом Реки.

Третий вариант предполагал одновременное воздействие сверхмощных насосов и гравитационного генератора, обеспечивающих непрерывный ток воды.

Четвертые не видели во всем этом никакого чуда, а лишь исполнение божьей воли.

Большинство же не пыталось ломать голову над подобными загадками.

Как бы то ни было, по всему руслу Реки, на протяжении миллионов миль, вода нигде не застаивалась и не останавливалась.

К концу второго дня «Снарк» причалил в местности, где предполагалась стоянка «Рекса». Неожиданно путники узнали, что металлический левиафан уже несколько дней стоит неподалеку, и его экипаж высадился на берег.

— Великолепно! — воскликнул Бартон. — Значит, завтра мы сможем до них добраться, потолковать с капитаном Джоном и заручиться его поддержкой.

Все это звучало оптимистически, но на самом деле он отнюдь не был уверен в успехе. Как примут их на судне? Если верить историческим хроникам и преданиям, Джон был капризным человеком… Бартон решил не гадать, а дождаться утра, которое, как известно, мудренее вечера.

Большинство местных жителей были датчанами шестнадцатого столетия, меньшая часть — древние фракийцы, остальные — выходцы из разных стран и эпох. Бартон встретил здесь Флеминга, знававшего и Вена Джонсона, и Шекспира, и других знаменитостей своего времени. Во время оживленной беседы с ним к костру подошел худощавый голубоглазый блондин. Он стоял, пристально разглядывая Фригейта, и вдруг, широко улыбаясь, бросился к нему.

— Пит! — закричал он. — Боже правый, Пит! Я

— Билл Оуэн! Пит Фригейт, господи боже! Ты же — Пит, правда?

Фригейт озадаченно смотрел на него.

— Да. Но откуда вы… простите, как вас зовут?

— Билл Оуэн! Господи, ты меня совсем не помнишь? Я же Билл Оуэн, твой старинный приятель! Ты изменился, Пит. Я тебя едва узнал. Я — Билл Оуэн, вспомни! Как давно мы не виделись, старина!

Фригейт хлопнул себя по лбу. Они обнялись и оживленно заговорили, перебивая друг друга и поминутно громко смеясь. Немного успокоившись, Фригейт представил Оуэна своим спутникам.

— Это мой однокашник. Мы знаем друг друга с четвертого класса, вместе кончали школу в Пеории, а потом дружили несколько лет. Даже когда я остался в Пеории один, мы время от времени встречались… не часто, конечно — у каждого уже была своя жизнь и свой круг знакомых.

— И все же, — упрекнул Оуэн, — не понимаю, почему ты не смог узнать меня. Впрочем, я тоже не был уверен. Мне ты запомнился другим: нос был длиннее, глаза — не такие светлые, рот и подбородок — больше. А голос? Помнишь, все шутили, что голос у тебя — точная копия Гарри

Купера? Теперь он совсем другой. Ну, неплохая у меня память?

— Да, ничего не скажешь! Но мы помним друг друга пожилыми людьми, а сейчас опять выглядим двадцатипятилетними. К тому же, наши одеяния сильно изменились… знаешь, в них лучше не показываться на глаза старым знакомым.

— Да, верно! Слушай, ты — первый встретившийся мне человек из тех, кого я знал на Земле.

— А ты для меня — второй. Одного я повстречал тридцать два года назад, но лучше о нем не вспоминать.

Бартон знал, что речь идет о человеке по имени Шарко, чикагском издателе научной фантастики, который впутал Фригейта в довольно сомнительную сделку. Эта история тянулась несколько лет и едва не привела к полному краху его писательской карьеры. Именно на этого типа Пит и наткнулся почти сразу же после воскрешения. Бартон не был свидетелем их встречи, но с любопытством выслушал рассказ Фригейта о проведенной над Шарко экзекуции.

Сам Бартон лишь однажды увидел знакомое лицо, хотя на Земле общался с огромным кругом самых разных людей по всему миру. Пожалуй, он тоже не испытал большой радости. Тот человек

был носильщиком в экспедиции к истокам Нила. По дороге на озеро Танганьика (Бартон являлся первым добравшимся туда европейцем) араб купил рабыню — девочку лет пятнадцати. Она оказалась больной, и он отрубил ей голову.

Предотвратить убийство Бартону не удалось — в тот момент его не было поблизости. По местным законам он не мог покарать убийцу, который имел все права на рабыню. Но, однажды, придравшись к арабу, Бартон нещадно избил его и выгнал — якобы за леность и воровство.

Потягивая вино из лишайника, Оуэн и Фригейт с увлечением вспоминали былые дни. Бартон обратил внимание, насколько Билл лучше помнит друзей и события прошлого. Странно, подумал он, ведь у Пита всегда была хорошая память.

— Помнишь, мы не могли пропустить ни одного фильма в этих старых киношках — «Принцессе», «Колумбии», «Аполлоне»? — увлеченно говорил Оуэн. — В субботу мы решали, сколько лент нам удастся посмотреть за день. Мы шли на два сеанса в «Принцессу», потом еще на два — в «Колумбию» и на три — в «Аполлон», да еще умудрялись попасть на ночной фильм в «Мэдисон».

Фригейт смеялся и поддакивал, но по выражению его лица было ясно, что многого не

припоминает.

— А помнишь поездку в Сент-Луис вместе с Элом Эверхардом, Джеком Диркманом и Дэном Дабином? Нас отдали на попечение кузине Эла, мы еще гуляли по кладбищу… как оно называлось?

— Совсем не помню, черт меня побери.

— Держу пари, ты не мог забыть, как вы с нашей опекуншей бегали по всему кладбищу, прыгали через могилы, целовались сквозь венки и расцарапали носы о жестяные листья… Нет, такое не забывается!

— Господи, неужели это было на самом деле? — криво усмехнулся Фригейт.

— Тебе вскружил голову ветер свободы! И кое-кто еще! Хо-хо!

Воспоминания продолжались. Затем разговор переключился на дни Великого Воскрешения и стал общим. Это являлось излюбленной темой. Никто не мог забыть тот страшный, неповторимый день, в каждом до сих пор жили его ужас и смятение. Бартон вначале удивлялся, что об этом не перестают толковать, но потом понял — возвращение к тому дню сродни исповеди. Люди, выплескивая свой страх в словах, надеялись в конце концов избавиться от потрясения.

На этот раз все пришли к общему мнению, что каждый из них вел себя достаточно глупо.

— Я припоминаю, как пыталась сохранить достоинство благородной леди, — улыбнулась Алиса. — И не только я одна. Но большую часть людей охватила истерика — естественно, все испытали сильнейший шок. Даже странно, что никто вновь не умер от сердечного приступа. Одна мысль, что ты разгуливаешь после своей смерти, способна убить любого.

— Я совершенно уверен, — заявил Монат, — что перед воскрешением неизвестные благодетели ввели нам какой-то препарат для смягчения шока. До сих пор мы находим в своих чашах Жвачку Сновидений, своем рода психический депрессант. Правда, она часто провоцирует людей на чудовищные поступки.

Алиса взглянула на Бартона. Даже после стольких лет при воспоминании о том, что произошло между ними в первую же ночь, ее лицо заалело. Тогда в несколько минут рухнули все созданные прошлой жизнью барьеры, и они вели себя как настоящие животные. Все тайные помыслы и желания внезапно вырвались на свободу.

Беседой завладел Монат. Несмотря на свою мягкую обходительность, он при первой встрече

обычно вызывал неприязнь. Людей отпугивала его странная внешность и неземное происхождение.

Ему часто приходилось рассказывать о жизни на родной планете и на Земле. Лишь немногие знали, что именно Монат уничтожил почти весь род людской. Никто из присутствующих, за исключением Фригейта, не жил на Земле в то время, когда космический корабль с Тау Кита прилетел на нашу планету.

— Все это очень странно, — заметил Бартон. — По словам Пита, в 2008 году на Земле обитало около восьми миллиардов человек. Из них я никого здесь не встретил, кроме Моната и Пита. А вы?

Не посчастливилось и остальным. Из местных после семидесятых годов двадцатого столетия жили лишь Оуэн и еще одна женщина. Она умерла в 1982 году, он — в 1981.

— На Реке обитает не меньше тридцати шести миллиардов. Из них, по-видимому, многие жили в период между 1983 и 2008 годами. Но где они?

— Возможно, у соседнего грейлстоуна, — предположил Фригейт, — или того, мимо которого мы проплыли вчера. Никто же здесь не проводил переписи, да она и невозможна. Мы видели на берегах сотни тысяч людей, но могли поговорить

лишь с десятком в день.

Какое-то время они обсуждали причины воскрешения и его загадочных организаторов. Потом разговор зашел об отсутствии растительности на лицах мужчин и восстановлении девственной плевы у женщин перед воскрешением. Половина мужчин осталась чрезвычайно довольной тем, что исчезла необходимость бриться; другая — негодовала при мысли о потере усов и бород.

Весьма удивительной казалась и та щедрость, с которой грейлстоуны снабжали губной помадой и косметикой одинаково и мужчин, и женщин. По мнению Фригейта, это означало, что их неведомые покровители не любят бриться, но широко используют макияж — причем не взирая на пол.

Алиса перевела разговор на пребывание Бартона в предвоскресительном коконе. Эта история всех заинтересовала, но Бартон отказался говорить на эту тему, сославшись на потерю памяти; после удара по голове его мучили сильные боли. Он заметил недоверчивую улыбку Моната и заподозрил, что инопланетянин ясно видит его лукавство. Но тот не проронил ни слова. Не зная причин, заставлявших Бартона молчать, он, признавал его право на скрытность.

Фригейт и Алиса пересказали его историю

— так, как она им запомнилась. Кое-что они напутали, но он ничего не стал поправлять.

— Если все так, — заметил один из сидевших у костра мужчин, — то наше воскрешение не является сверхъестественным событием. Оно — результат — научного знания. Занятно!

— Да, действительно, — согласилась Алиса. — Но почему же воскрешения прекратились? Почему мы вновь обречены на смерть, на вечную смерть?

Воцарилось угрюмое молчание. Его прервал Казз.

— Бьюсь об заклад, что Бартон-нак не забыл ту историю со Спрюсом, шпионом этиков.

Со всех сторон посыпались вопросы.

Бартон хлебнул хороший глоток спиртного и начал рассказ. Однажды, поведал он, его вместе с друзьями захватили в плен. Они превратились в рабов, в живое приложение к своим чашам. Слушателям не надо было объяснять смысл этих слов — почти каждый испытал и плен, и рабство. Захватчики атаковали судно Бартона и, после ожесточенной схватки, его команда оказалась в концлагере. У них забирали весь табак, вино, марихуану и Жвачку Сновидений — вместе с половиной пищи. Пленники вели полуголодное

существование.

Прошло несколько месяцев и Бартон, вместе с человеком по имени Таргоф, поднял мятеж и одержал победу.

24

— Через пару дней после того, как мы вновь обрели свободу, — продолжал свою историю Бартон, — ко мне подошел Кадзз. Он был сильно возбужден. «Помнишь, я говорил тебе, что вижу знаки? — сказал он. — Ты не понял и не обратил внимания, хотя я пытался объяснить… но тогда я совсем плохо говорил по-английски. Теперь я опять встретил человека, который не имеет на лбу ЭТОГО!»

— И мой друг, мой нак, как он говорит, показал на середину своего лба. Затем Кадзз продолжал: «Я знаю, ты не видишь ЭТОГО, как не видят ни Пит, ни Монат. А я могу разглядеть знак на лбу каждого, кроме одного человека, о котором как-то пытался тебе сказать. Я видел еще женщину без ЭТОГО, но промолчал. И сегодня я встретил третьего, тоже без знака».

— Я ничего не понял, но Монат объяснил мне: «Кадзз хочет сказать, что он различает какие-то символы или знаки на лбу каждого из нас. Он может увидеть их только при ярком солнечном свете и под определенным углом. Все встречавшиеся ему люди имели эти метки, кроме троих».

— Фригейт добавил, что, по-видимому, Казз способен видеть в более широком спектральном диапазоне, чем люди позднейших эпох. Очевидно, в ультрафиолете, так как метки голубоватые. Во всяком случае, так он их описывал. Мы, за редкими исключениями, помечены, как скотина. Все это время Казз и его подруга Бест видели их на лбах людей — только при ярком свете, разумеется.

Эти слова вызвали у присутствующих изумление и даже некоторый шок. Бартон переждал, пока утихнут страсти.

— Люди двадцатого столетия, возможно, знают о новом взгляде антропологов на положение неандертальцев в истории человечества. Установлено, что они являются не какими-то особыми существами, а подвидом Гомо Сапиенс. От нас их отличают физическое строение и форма зубов, а также способность видеть в ультрафиолетовом диапазоне спектра.

— Очевидно, наши неведомые благодетели создавшие этот мир и пометившие нас, как скотов, не подозревали об особенностях зрения гомо неандерталис, — Бартон усмехнулся. — Вот вам доказательство, что они не всеведущи. Я спросил, у кого же нет на лбу знака, и Казз ответил: «У

Роберта Спрюса!»

— Спрюс жил среди рабов. Он представлялся англичанином, родившимся в 1945 году. Больше о нем ничего не было известно.

— Я сказал, что его нужно допросить, но Фригейт заметил, что сначала его следует поймать; Спрюс сбежал. Казз, по наивности, спросил его насчет метки — Спрюс побледнел и через несколько минут скрылся. Фригейт и Монат разослали поисковые отряды, но его пока не обнаружили.

— Его нашли в холмах через несколько часов и привели к членам Совета этого государства. Спрюс был бледен, весь дрожал, но бесстрашно смотрел нам в глаза.

— Я выложил ему все: что мы подозреваем в нем агента этиков и что применим даже пытку, чтобы узнать правду. Тут я солгал — вряд ли мы стали бы его пытать. Но Спрюс поверил угрозе и сказал: «Если вы начнете мучить меня, то потеряете шанс на вечную жизнь или, как минимум, будете отброшены далеко назад на вашем пути к конечной цели». Я поинтересовался, о какой цели идет речь, но он не ответил, прошептав: «Мы слишком чувствительны и не в силах переносить боль».

— Он перестал отвечать на наши вопросы, и

один из членов Совета пригрозил, что его подвесят над костром. Тут вмешался Монат, сказав, что наука его родного мира намного опередила земную, а потому он более подготовлен к анализу и пониманию конечной цели этиков. Кроме того, добавил он, допрос под пыткой не даст никаких результатов — Спрюс может исказить истину. Лучше сделать так: он, Монат, поделится некоторыми соображениями об этиках и их агентах, а дело Спрюса — подтвердить или опровергнуть их. Таким образом, Спрюсу не надо ничего говорить самому, и он не предаст своих хозяев.

— Весьма своеобразное соглашение, — заметил Оуэн.

— Именно так. Монат надеялся выудить какую-нибудь информацию. Повторяю, мы не собирались пытать Спрюса и, скорее, прибегли бы к гипнозу. И Монат, и я довольно опытные гипнотизеры. Однако дело обернулось совсем иначе.

Монат сказал: «Согласно моим предположениям, ваша раса — земного происхождения. Хронологически вы принадлежите к эпохе, наступившей много позже 2008 года, и являетесь потомками тех немногих, кто избежал воздействия деструктора нашего орбитального корабля. Судя по уровню технологии и энергетической

мощи, понадобившихся для преобразования поверхности этой планеты в огромную долину Реки, вас отделяет от названного года большой временной промежуток. Мне думается, ваше время — пятидесятый век новой эры». Спрюс ответил, что надо прибавить еще два тысячелетия.

— Дальше Монат предположил, что воскрешению подверглось не все человечество. Для этого даже здесь не хватило бы места. Известно, что в долине нет детей, умерших до пяти лет, нет слабоумных и сумасшедших. Нет и тех, кто жил на Земле после двадцатого века. Так где же все эти люди?

— Спрюс ответил, что они где-то в другом месте, и это все, что он может сказать.

— Монат стал его расспрашивать, каким образом производилась запись каждого человеческого существа на Земле, что за устройства, с помощью которых этики сканируют тела и разумы. Спрюс заявил, что в них нет ничего сверхъестественного; для нашего воскрешения применялись лишь научные методы — все обитатели Земли от каменного века до 2008 года были подвергнуты наблюдению, структура каждой клетки человеческих тел сканировалась, данные накапливались — с тем, чтобы позднее использовать их при

воссоздании каждого индивидуума.

— По мнению Моната, эти записи помещали в энергопреобразующие конвертеры, способные воспроизвести по ним новое тело, но — в улучшенном варианте. При материализации исчезали следы старых ран и болезней, восстанавливались утраченные конечности и другие органы. Когда я был в предвоскресительной камере, то сам наблюдал этот регенерационный процесс.

— Монат предположил, что грейлстоуны являются терминалами огромной системы, использующей энергию расплавленного ядра планеты. Вот почему мы появились рядом с ними — в тот великий день, когда произошло первое Воскрешение. Но больше всего его занимал вопрос — зачем все это нужно? Спрюс ответил: «Если в вашей власти даровать людям новую жизнь, разве вы не сочтете это своим этическим долгом?» Монат заметил, что он воскресил бы лишь достойных.

— И тут Спрюс взорвался. Он закричал, что Монат готов поставить себя вровень с Богом. Они, этики, считают, что всем людям, независимо от их качеств — жестокости, глупости, эгоизма — надо предоставить второй шанс на спасение. Однако нельзя ничего решать за них; каждый,

в процессе духовного самосовершенствования, должен подавить животное начало, очиститься и возвыситься.

— Монат прервал его, спросив, как долго продлится этот процесс: тысячу лет? две тысячи? миллион? И Спрюс воскликнул: «Вы будете здесь столько времени, сколько необходимо для излечения! И только затем… — он помолчал, с ненавистью глядя на нас, затем прошептал: — Даже самые стойкие из нас деградируют после общения с вами… Потом нас самих надо лечить… Я чувствую себя покрытым грязью».

— Один из советников опять пригрозил ему пыткой огнем, чтобы вытянуть правду. Спрюс закричал: «Нет, нет, вам это не удастся! Мне давно следовало так поступить… Но кто знает, возможно, что…»

Бартон сделал эффектную паузу.

— И тут Спрюс упал замертво!

Раздались возгласы изумления, и чей-то голос произнес; «Майн готт!»

— Да, вот так! Но это еще не конец истории. Тело Спрюса отдали врачу; нам казалось, что вряд ли он умер от сердечного приступа, причина в чем-то другом. Пока шло вскрытие, мы обсуждали произошедшее. В одном мы были единодушны:

в этом мире существовали агенты этиков или сами этики, которые не были отмечены метками, но теперь нам не удастся их обнаружить даже с помощью Казза. Спрюс воскреснет и расскажет все, что мы знаем, и они, без сомнения, поставят знаки на лбах своих агентов.

— Но для этого требовалось определенное время, а пока, возможно, Казз сумел бы распознать их. Но так не вышло. Ни он, ни Бест больше никогда не встречали людей без меток на лбу. Впрочем, это уже не имело значения.

— Три часа спустя хирург доложил о результатах вскрытия. Оказалось, что тело Спрюса ничем не отличалось от любого другого представителя рода Гомо Сапиенс…

И вновь Бартон выдержал паузу.

— Кроме одного крошечного устройства! Это был черный блестящий шарик — врач обнаружил его в поверхностных тканях лобной доли мозга. Он был подсоединен к нервным окончаниям тончайшими проволочками. Чтобы умереть, Спрюсу достаточно было подумать о смерти. Каким-то образом этот шарик выполнял мысленную команду. Возможно, он выделил мгновенно действующий яд, который врач не сумел распознать без необходимых для анализа химикалий и

инструментов. Во всяком случае, в теле Спрюса он не нашел никакой патологии. Вероятно, остановилось сердце — но почему? Никаких очевидных свидетельств подобной кончины не было.

— Но, может быть, и среди нас есть такие люди? — спросила какая-то женщина. — Здесь и сейчас!

Бартон кивнул головой, и все заговорили одновременно. Гомон продолжался минут пятнадцать. Наконец, он встал и знаком приказал своей команде отправляться на судно. По дороге Казз отвел его в сторону.

— Бартон-нак, ты сказал, что вы с Монатом можете гипнотизировать. Я вот что подумал… может в этом нет ничего странного, однако…

— В чем дело?

— Да так, ничего особенного. Когда я сказал Спрюсу, что у него нет знаков на лбу, он исчез через несколько минут, но я учуял запах пота от страха. За завтраком были Таргоф, доктор Штейнберг, Монат, Пит и другие. Таргоф предложил собрать Совет, хотя Спрюса уже не было. Монат и Пит согласились. И тут они сказали, что хотят меня немного еще порасспросить. Как выглядят эти знаки? Они разные или одинаковые? Я ответил — разные. Многие из них… как это ска-

зать? — похожие, да, так. Но каждый… черт, не могу объяснить, какие они. Лучше нарисовать картинку.

Неандерталец присел и начал чертить пальцем по песку. Бартон смотрел.

— Некоторые напоминают китайские иероглифы, — сказал он, — но вообще эти символы ни на что не похожи. По-моему, это обозначения числовой системы.

— Да, может быть. Но не в том главное. Понимаешь, Монат и Пит увели меня в сторону еще до того, как мы пришли тебе рассказать, что случилось. Сначала мы направились в хижину Моната.

Казз замолчал. Бартон нетерпеливо кинул:

— Ну и?..

— Я очень стараюсь вспомнить, но не могу. Я вошел в хижину и… и все.

— Что значит — все?

— Бартон-нак, это значит — все. Я ничего не помню после тот, как туда вошел. Вошел в дверь. А затем — мы уже идем с Питом и Монатом и другими советниками в твою хижину.

Бартон испытал легкий шок, все еще не сознавая до конца серьезности рассказанного Каззом.

— Ты имеешь в виду, что ничего не помнишь с

того момента, как перешагнул порог хижины и до выхода из нее?

— Я даже не помню, как вышел. Я очнулся в ста шагах от дома Моната.

Бартон нахмурился. Алиса и Бест уже стояли на палубе. Они обернулись, удивляясь, почему отстали мужчины.

— Это весьма странно, Казз. Почему ты мне раньше не рассказал? Ведь прошло много лет… Разве ты об этом никогда не думал?

— Нет, никогда. Странно, да? Ни одной мысли. Я бы и про хижину не вспомнил, но мне потом сказала Логу. Она видела, как я туда входил. За завтраком ее не было, и она не знала, что произошло. Логу сидела у дверей хижины… их с Питом. Пит, Монат и я направились туда, потом они ее увидели и пошли к Монату. Она сказала мне об этом на следующий день. Спрашивала, почему мы не захотели разговаривать при ней. Она же любопытная, как все женщины. Мужчины, те…

— У женщин любопытство кошки, — усмехнулся Бартон, — а у мужчин — обезьяны.

— Да? Как это?

— Звучит глубокомысленно, верно? Потом объясню. Ну, так что же? Логу заставила тебя вспомнить все, что было до и после входа в дом

Моната?

— Не совсем так, Бартон-нак. Я удивился, когда она мне сказала. Я напряг голову… мозг едва не лопнул. В конце концов, я смутно вспомнил, что мы подошли к дому Пита и там была Логу. Тогда Монат велел идти в его хижину. А потом… я с трудом припоминаю, что мы двинулись к ней.

У Казза был низкий лоб, и за тридцать лет он, определенно, не стал мыслителем, однако факты лежали на поверхности.

— Ты думаешь, что они — обманщики?

— Не знаю, — медленно ответил Бартон. — Мне ненавистна даже мысль об этом. Ведь многие годы… мы были друзьями. И, наконец…

— А я думаю не так, — возразил Казз; чувствовалось, как трудно дались ему эти слова.

— А как?

— Я не знаю, но мне кажется, что здесь есть что-то плохое.

— Не знаю, — повторил Бартон. — Я пытаюсь найти какое-нибудь здравое объяснение, но… Ладно, как бы то ни было, об этом — никому ни слова.

— Я не скажу. Только… послушай. Эти двое имеют знаки на голове, и они у них были всегда, я видел. Значит, если у агентов когда-то знаков

не было, то Пит и Монат не могут быть агентами.

Бартон улыбнулся. Так думал и он, но следовало разобраться в странном клубке. Как же это сделать, не возбудив подозрений?

— Да, я знаю. И не забудь, что Бест тоже может разглядеть символы. Значит, у нас имеется двойное подтверждение. Но пока об этом ни слова!

Они направились к «Снарку». Казз не мог успокоиться.

— Не знаю почему, но у меня дурное предчувствие. Рот свой я закрою, хотя считаю, что Логу должна узнать об этом.

25

В густом тумане Бартон шагал взад и вперед по палубе. Закутанное в плотные одежды тело согрелось, но лицо его мерзло. На Реку опустились непривычно холодные массы воздуха. Туман поднимался до середины мачт. Он не мог разглядеть ничего на расстоянии вытянутой руки.

На судне все спали. Он был наедине со своими сомнениями и мыслями, судорожно метавшимися в голове, словно заблудшие в горах овцы. Ему нужно собраться с силами, успокоить обезумевшее стадо и добраться до подножного корма. А сейчас во рту у него — лишь горькая полынь подозрений.

В памяти проносились тридцать три года его второй жизни, но отчетливо выплывали лишь воспоминания, связанные с Монатом и Фригейтом. Что в них подозрительно, какие поступки, какие слова? Что можно подставить в туманную картинку-загадку?

В тот чудовищный и счастливый день Воскрешения первым он встретил инопланетянина. Среди всех окружающих лишь Монат вел себя спокойно и рассудительно. Он довольно быстро

оценил ситуацию, осмотрел окрестности и понял назначение грейлстоунов.

Вторым запомнившимся Бартону персонажем был Казз. Сначала это странное существо не пыталось заговорить с ним. Он просто ходил за Бартоном по пятам. Заговорил же с неандертальцем Фригейт. Бартон подумал, что американец всегда легко, непринужденно общался с людьми, хотя считал себя слишком нервным, даже истеричным человеком. Позже это проявлялось неоднократно, но за последние двадцать лет Фригейт как будто преодолел свою нервозность… хотя, кто знает? — обрел ли он самообладание или перестал играть некую роль?

Какое совпадение, что второй заговоривший с ним человек пытался написать когда-то его биографию! Сколько у него биографов — десять, двенадцать? Какова же вероятность встречи с одним из них при воскрешении? Двенадцать к тридцати шести миллиардам? Что ж, теоретически возможно и такое…

Вчера, когда Казз стоял у руля, Бартон снова расспрашивал его. Он хотел знать, что видел неандерталец сразу после Воскрешения.

— В тот день ты замечал знаки на лбах людей?

— Да, у некоторых. Когда солнце стояло вы-

соко.

— А у Моната и Фригейта?

— Не помню, у кого смотрел в тот день… даже у тебя — не помню. Ведь свет должен падать под определенным углом.

Из висевшей на плече сумки Бартон достал пачку бумаги из бамбука, остро заточенную рыбью кость и деревянную бутылочку с чернилами. Он взялся за руль, а Казз принялся рисовать знаки инопланетянина и американца: три параллельные горизонтальные линии, пересеченные тремя вертикалями; эта решетка была заключена в круг. Линии, тонкие и длинные, имели на концах утолщения, причем в знаке Моната они расширялись справа, а у Фригейта — слева.

— Ну, а мой знак?

Казз изобразил волнистые параллельные вертикали, подчеркнутые снизу коротким тонким горизонтальным штрихом.

— Знаки Моната и Фригейта весьма похожи, — отметил Бартон.

По его просьбе Казз нарисовал ему символы всех членов команды. Больше ни один не напоминал другой.

— А ты помнишь знак Льва Руаха?

Казз сделал рисунок и протянул его Бартону.

Тот ощутил разочарование: символ Руаха отличался от знаков Моната и Фригейта. Ничто не подтверждало зародившихся в нем подозрений.

Шагая сейчас по палубе, Бартон размышлял, почему он надеялся, что эти знаки будут похожи. Что-то мелькало у него в подсознании, неясное и туманное; он никак не мог уловить смысла. Между этими тремя людьми существовала связь, пока недоступная его пониманию.

Ладно, хватит размышлять, пора действовать!

У порога каюты валялся белый ворох одежд. Бартон перешагнул через него, вошел и коснулся мускулистого плеча. Казз тотчас открыл глаза.

— Пора?

— Пора.

Казз вышел на палубу и помочился через борт. Бартон зажег фонарь. Они спустились по сходням на причал и пошли вдоль берега к стоявшей неподалеку пустой хижине. В темноте они пропустили ее, повернули обратно и сразу же наткнулись на стену. Перешагнув порог, Бартон прикрыл за собой дверь. Возле каменного очага лежали дрова и стружка, принесенные вчера Каззом. Через минуту запылал огонь. Казз уселся рядом на плетеный бамбуковый стул и закашлялся от дыма: тяга была слабой.

Погрузить Казза в гипнотический транс не составляло труда. Многие годы неандерталец служил Бартону одним из подопытных объектов, на котором временами он демонстрировал свои способности гипнотизера. При этом всегда присутствовали Монат и Фригейт. Интересно, нервничали ли они? Если да, то оба очень искусно скрывали свое волнение.

Бартон вернул Казза к тому моменту, когда за завтраком он объявил, что у Спрюса на лбу нет метки; затем воспоминания неандертальца были направлены на хижину Моната. Здесь Бартон наткнулся на первое сопротивление.

— Ты сейчас в хижине?

Казалось, Казз обратил свой взгляд в прошлое.

— Я — в дверях.

— Входи!

Могучее тело едва дрогнуло.

— Не могу, Бартон-нак!

— Почему же?

— Не знаю.

— Тебя что-то пугает в хижине?

— Не знаю.

— Тебя предупредили, что в хижине опасность?

— Нет.

— Тогда ничего не бойся. Ты же храбрый человек, Казз, верно?

— Ты меня хорошо знаешь, Бартон-нак…

— Тогда почему ты не входишь?

Казз дернул головой.

— Я не понимаю, но что-то…

— Что же?

— Что-то… что-то говорит мне… не могу вспомнить.

Бартон прикусил губу. Горящие дрова зашипели и затрещали.

— Кто с тобой говорит — Монат? Фригейт?

— Не знаю.

— Думай.

Лоб Казза взмок. Пот ручьями лил по его лицу. Вновь затрещали дрова. Бартон улыбнулся.

— Казз!

— Да?

— Казз, там в хижине Бест, она кричит. Слышишь?

Казз дернулся вперед, оглядываясь по сторонам, его глаза широко раскрылись, ноздри трепетали, губы дрожали.

— Я слышу ее! Что случилось?

— Казз, в хижине медведь, он сейчас нападет на Бест! Хватай копье! Убей его! Казз, спасай Бест!

Казз вскочил, его руки сжимали воображаемое копье, он прыгнул вперед. Бартон еле успел ускользнуть в сторону. Неандерталец споткнулся о стул и упал лицом вниз.

Бартон нахмурился, опасаясь, что от удара его подопечный может выйти из транса.

— Казз! Ты в хижине! Здесь медведь! Убей его! Убей, Казз!

Со страшным рычанием Казз схватил обеими руками копье-призрак и вонзил его во врага.

— Э-эй! Э-эй! — казавшийся бессвязным поток звуков рвался из его глотки, но Бартон уже давно знал этот язык — хриплую нечленораздельную речь, рожденную на заре времен.

— Я-Человек-Который-Убил-Длиннозубого! Умри-Спящий-Всю-Зиму! Умри, но запомни меня! Умри!

Бартон громко крикнул:

— Казз! Он убежал! Медведь убежал из хижины! Бест спасена!

Неандерталец остановился, сжимая свое копье. Он стоял прямо, оглядываясь по сторонам.

— Казз, прошло несколько минут. Бест уже ушла. Ты снова в хижине. Тебе нечего бояться. Ты вошел, и здесь нет ничего страшного. Кто тут с тобой?

Лицо неандертальца успокаивалось, свирепое выражение исчезло. Он тупо уставился на Бартона.

— Кто? Ну, конечно, — Монат и Пит.

— Очень хорошо. Кто с тобой заговорил первым?

— Монат.

— Повтори мне, что он сказал… что он говорит.

— Монат говорит: «Казз, забудь все, что было в этой хижине. Мы немного побеседуем, потом уйдем, и ты забудешь, что был здесь и о чем мы говорили. Если кто-нибудь тебя об этом спросит, ты ответишь, что не запомнил ничего. И ты не солжешь, потому что все, о чем мы сейчас говорим, уйдет из твоей памяти. Понял, Казз?»

Неандерталец кивнул.

— «Ты забудешь, Казз, еще об одном. О том дне, когда ты первый раз заметил, что у меня и Фригейта нет знаков. Ты еще помнишь это?»

Неандерталец покачал головой.

— «Нет, Монат».

Потом он облегченно вздохнул.

— Кто вздохнул? — спросил Бартон. — Ты?

— Фригейт.

Да, несомненно, это был вздох облегчения.

— Что еще говорит Монат?

— «Казз, ты помнишь, я велел передавать мне все, что рассказывает Бартон о встрече с таинственным человеком, этиком?»

— А-а-а! — протянул Бартон.

— «Ты помнишь об этом, Казз?»

— «Нет».

— «Правильно. Потом я велел тебе забыть об этом приказе. А сейчас вспомни! Ты помнишь, Казз?»

На несколько минут воцарилось молчание. Затем неандерталец вздохнул.

— «Да, сейчас помню».

— «А теперь скажи, Казз, говорил ли тебе Бартон об этом этике? Или о ком-нибудь еще — мужчине или женщине, кто утверждает, что он — один из вернувших нас к жизни?»

— «Нет, никогда Бартон-нак ни о чем подобном не говорил».

— «Если когда-нибудь он заговорит об этом, ты должен прийти ко мне и все рассказать. Ты понял меня?»

— «Да, Монат».

— «Если тебе не удастся увидеться со мной, если я вдруг умру или отправлюсь путешествовать, ты должен все рассказать Фригейту или Льву Руаху. Понял меня?»

— Руаху тоже! — еле выдохнул Бартон.

— «Да, понял. Вместо тебя передам Питеру Фригейту и Льву Руаху».

— «Рассказывать можно лишь тогда, когда никого нет рядом. Никто не должен подслушать. Понял?»

— «Да».

— «Прекрасно, Казз! Замечательно! Сейчас мы выйдем отсюда, и когда я дважды щелкну пальцами, ты забудешь об этом разговоре».

— «Я понял».

— «Казз, и еще ты… О-о! Нас кто-то зовет. Времени не осталось, пошли!»

Бартон прекрасно понял подоплеку оборванной фразы. Монат собирался внушить Каззу другую версию событий в хижине на случай расспросов. Но, к счастью для Бартона, его прервали — ведь если бы у Казза была правдоподобная история, то не возникло бы никаких подозрений.

26

— Сядь, Казз, — приказал Бартон. — Устраивайся поудобней и немного подожди. Сейчас я уйду, и придет Монат. Он с тобой поговорит.

— Хорошо.

Бартон вышел из хижины и несколько минут постоял у двери. Сейчас он вновь приступит к сеансу, выдав себя за Моната. Таким образом ему удастся быстрее преодолеть сопротивление Казза, не прибегая к трюку с медведем и Бест.

Он вновь вошел в хижину.

— Привет, Казз. Как поживаешь?

— Прекрасно, Монат. А ты?

— Великолепно. Так вот, Казз, начнем с того, на чем остановился наш друг Бартон. Вернемся к тому моменту, когда ты заметил, что у меня и Фригейта нет знаков на лбу. Сейчас ты это вспомнишь. Я, Монат, приказываю тебе вспомнить.

— Да.

— Где мы тогда находились с тобой и Фригейтом?

— Возле грейлстоуна.

— В какой день это произошло?

— Не понял.

— Я имею в виду, на какой день после Воскрешения?

— На третий.

— Расскажи мне, что произошло, когда ты дал понять, что не видишь знаков?

Монотонным голосом Казз излагал события. Монат и Фригейт сказали, что хотели бы поговорить с ним с глазу на глаз. Они пошли через долину к холмам. Там, возле огромного грейлстоуна, Монат вперил свой взгляд в зрачки Казза. Не прибегая ни к жестам, ни к словам, он мгновенно загипнотизировал неандертальца.

— От него исходило что-то темное и давящее.

Бартон кивнул головой. Ему приходилось наблюдать проявление внутренней силы Моната — то, что в его времена называли «животным магнетизмом». Гипнотические способности инопланетянина были сильнее, чем у Бартона, которому приходилось принимать меры предосторожности, чтобы его не застигли врасплох. Он даже прибегал к самогипнозу, опасаясь, что Монат способен подавить его волю. Правда, пришелец со звезд всегда мог разрушить этот барьер, и англичанин, оставаясь с ним наедине, вел себя предельно осторожно.

Больше всего Бартон боялся, что тот сумеет

узнать о его встрече с этиком. Это было его тайной, о которой никто не должен знать. Но разве он подозревал, что Монат является одним из Них?

А Фригейт? Был ли он опытным гипнотизером? Этот человек никогда не проявлял подобных способностей, но он упрямо не соглашался участвовать в гипнотических опытах Бартона. Он говорил, что его ужасает даже мысль о потере самоконтроля.

Каззу удалось припомнить, что во время сеанса Монат обратил внимание Фригейта на его способность видеть символы.

«Мы не имели понятия об этом. Как только представится возможность, надо тут же сообщить».

Отсюда Бартон сделал вывод, что и Монат и Фригейт лишь временами встречаются с этиками. Как же осуществляется их контакт? Возможно, с помощью летающих аппаратов, которые он видел как-то мельком?

Очевидно, эта пара вела за ним непрерывное наблюдение. Теперь становилась понятной и осторожность Таинственного Пришельца, посетившего его лишь ночью. Этик, несомненно, знал об их присутствии среди команды, хотя ни словом не упомянул об этом. Возможно, он просто

не успел его предупредить… Тогда, ночью, он сказал, что вскоре появятся его соплеменники, и внезапно исчез. Нет, все-таки он был обязан упомянуть о столь важном обстоятельстве! Почему же он промолчал? Неужели ему ничего не было известно про Моната и Фригейта? И про Руаха — о нем тоже не следует забывать!

Зачем к нему приставили трех агентов? Одного, значит, недостаточно? Но почему же лишь инопланетянин имел дело с Каззом?

Что бы за этим ни таилось, самым важным было отсутствие знаков на лбах трех агентов. Очевидно, все этики, как руководители, так и подчиненные, их не имели. Но, узнав о способности неандертальца, они постарались сделать все, чтобы он не проболтался. Кроме того, Монат убедил Казза, что теперь он будет видеть метки у него и двух его сотоварищей.

Почему же тогда он не внушил Каззу, что тот должен видеть знаки всегда — даже у тех, у кого их нет? Может быть, решил, что в этом нет необходимости? Просто положился на удачу? Ведь встреча с агентом очень маловероятна… Существовало и другое объяснение: Монату пришлось бы описывать знаки всех агентов, а так как их, по предположению Бартона, была не одна сотня, то

это оказалось невозможным.

Однако, кроме Казза, существовала еще и Бест.

Бартон попытался припомнить обстоятельства их встречи. Три года назад они пристали вечером к берегу. В тех местах обосновались китайцы четырнадцатого века и древние славяне. Бест жила с китайцем, но сразу же дала понять, что совсем не прочь перебраться на судно к Каззу. Было уже темно, и она вряд ли могла разглядеть что-то странное в лицах Фригейта и Моната — разумеется кроме необыкновенной внешности последнего.

В тот вечер они сидели и разговаривали на берегу. В конце концов, приятель Бест велел ей возвращаться в хижину. Она резко отказалась. В воздухе запахло скандалом. Казалось, китаец вот-вот нападет на Казза, но благоразумие возобладало. Он был выше неандертальца, но явно слабее его. При небольшом росте Казз был широкоплеч, мускулист и, конечно, более силен, чем любой человек цивилизованной эпохи. А его свирепое лицо! Эта физиономия могла напугать каждого!

Казз и Бест пришли на судно перед рассветом. Сумел ли Монат увидеться с ней наедине? Весьма возможно — ведь она никогда не упоминала об

отсутствии знаков у Фригейта и Моната.

Казз кончил говорить, подтвердив худшие опасения Бартона, и был немедленно послан за Бест. Вскоре пара неандертальцев появилась в хижине. Подруга Казза сонным голосом дала согласие подвергнуться гипнозу и уселась на стул.

Заверив ее, что он — Монат, Бартон вернул Бест к событиям трехлетней давности. Как он и предполагал, все случилось по дороге на судно. Монат просто описал ей знаки трех агентов, ранее внушенные Каззу, и велел всегда видеть эти символы на своем лбу и лбах Фригейта и Руаха. Все произошло тихо и спокойно.

Выведя Бест из транса, Бартон сел и задумался. Неандертальцы с трудом приходили в себя, обмениваясь недоумевающими взглядами.

Наконец, он решил, что больше не станет ничего скрывать. Таинственный Незнакомец исчез на долгие годы — одно это снимало с Бартона обет молчания. Он был скрытным человеком, но сейчас жаждал разделить с другими груз навалившихся забот.

В размышлениях прошел час. К тому времени Бест и Казз полностью очнулись и приступили к нему с расспросами. Но Бартон предостерегающе поднял руку.

— Потом, потом! Прежде всего мы должны их допросить. Инопланетянин — крепкий орешек, поэтому мы сперва примемся за Фригейта.

— А может быть, — предположил Казз, — как следует стукнуть Моната и связать? Вдруг он проснется, когда мы придем к Питу?

— Никакого шума! Алиса и Логу услышат, и начнется тарарам.

— Что начнется?

— Ну, суматоха. Пошли.

Они возвращались в густом тумане. Бартон прикидывал в уме вопросы, которые он задаст Фригейту. Его мучила одна загадка. Несомненно, Монат, Фригейт и Руах знали, кто такой Спрюс, — у них была масса возможностей переговорить с ним еще до восстания. Во время сеанса в хижине Монат мог внушить Каззу, что тот видит знак на лбу Спрюса. Почему же он не сделал этого?

Кроме того, Монат, знавший о способностях Казза и Бест, мог посоветовать Спрюсу исчезнуть сразу после освобождения из концлагеря. Однако где гарантия, что они оба служили одному хозяину — точнее, хозяевам?

Бартон остановился, пораженный этой идеей, и глубоко вдохнул холодный воздух.

Таинственный Незнакомец не упомянул, что

имеет собственных агентов. Да, он был ренегатом, предателем, однако мог привлечь на свою сторону кого-нибудь еще. Ему стоило бы назвать Бартону своих людей. Теперь он должен гадать, кто играет на стороне Икса. Не был ли Спрюс одним из них? Вдруг Монат это обнаружил и решил от него избавиться с помощью Казза?

Нет, маловероятно. Если Монат каким-то образом раскрыл, на чьей стороне Спрюс, то почему он его не загипнотизировал? Он мог бы выяснить, кто такой Пришелец, если, конечно, его агент знал правду.

Другое предположение: Монат знал, что Спрюс в любой момент может покончить с собой при помощи вживленного в мозг устройства. Значит, Спрюс не наболтает лишнего, а после завершающего эпизода допроса его душа отправится прямиком в главный центр этиков со свежей информацией.

Монат принимал участие в допросе Спрюса и, наверно, весьма забавлялся ситуацией. Недаром он вызвался задавать вопросы! Возможно, его диалог с пленником был подготовлен заранее? И они оба лгали?

Но зачем вся эта ложь? Зачем нужно держать воскресших в неведении?

Существовал еще и третий вариант — по приказу Моната Спрюс намеренно позволил Каззу заметить свою особенность. Бартон подозревал, что до завтрака сможет придумать еще с полдюжины гипотез.

Вскоре все трое поднялись на борт «Снарка». Неандертальцы остались наверху, Бартон спустился вниз и, отсчитав двери, остановился перед каютой Фригейта и Логу. Он тихо приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. В крошечной клетушке помещались одна над другой две койки, оставляя узкий проход у стены. Лишь в этой жалкой конуре человек мог обрести относительное уединение; здесь стояли бамбуковые ночные горшки и, в ящике под нижней полкой, валялся скарб Логу.

Обычно Фригейт спал наверху. Вытянув руки, Бартон двинулся вперед. Он хотел тихо разбудить его, шепнуть, что пора на вахту, и проводить на палубу. Там сработает кулак Каззa, после чего они отнесут пленника в хижину.

Чтобы исключить возможность самоубийства, Бартон решил вести допрос под гипнозом. По этому поводу у него возникли некоторые сомнения. Что, если Фригейт, в отличие от Спрюса, не захочет покончить с собой — теперь, когда воскрешения прекратились? Однако для агентов

этиков такая возможность могла сохраниться, и Бартон не хотел рисковать.

Его пальцы коснулись края койки. Он ощупал матрас, одеяло, но больше там не было ничего. Бартон снова и снова судорожно водил руками по постели, словно надеялся на чудо. На мгновение он замер. Может быть, Фригейт поднялся потихоньку наверх помочиться? Может быть, он уже встал и вышел поболтать с вахтенным перед своим дежурством? А возможно, он... Бартон пришел в ярость. Вдруг Фригейт прокрался в его каюту и сейчас там с Алисой?

Он подавил гнев. Нет, Алиса не станет вести нечестную игру и никогда не опустится до тайной измены. Если она полюбит другого, то он будет первым, кто узнает об этом. Да и сам Фригейт, как бы он ни относился к Бартону, не способен на такую подлость.

Он нагнулся и ощупал покрывало на нижней койке. Его пальцы скользнули по плечу Логу, потом по ее округлой груди. Бартон повернулся и вышел из каюты.

Сердце у него билось так, что его стук, казалось, был слышен по всему судну. Он направился к каюте Моната. Приникнув ухом к двери, он прислушался. Тишина. Бартон выпрямился, открыл

дверь и заглянул на верхнюю койку. Моната там не было. Может быть, он спит на нижней? Но Бартон не слышал даже дыхания. Его руки нащупали покрывало, под которым никто не лежал.

Ругаясь на чем свет, он поплелся на палубу.

Казз с поднятым кулаком шагнул навстречу.

— В чем дело, Бартон-нак?

— Они удрали.

— Но… как же так?

— Не знаю. Если только Монат что-то заподозрил? Временами он бывает невероятно чутким… следит за выражением лица, тоном, жестами… Возможно, он услышал, как ты будил Бест, пошел за вами и подслушал под дверью хижины.

— Но мы с Бест не шумели. Мы молчали, словно ласка, выслеживающая кролика.

— Да, я верю тебе. А сейчас осмотри палубу. Проверь, не исчез ли ялик.

Он встретил Казза на полпути.

— На борту все на месте.

27

Бартон поднял на ноги Алису и Логу и рассказал им все. Женщины в изумлении внимали ему; когда он кончил, на него обрушился град вопросов. Бартон, однако, решил отложить ответы до более подходящего времени — сейчас им надо было торопиться к грейлстоуну. Наступало время завтрака.

Взгляд Алисы был холоднее льда, глаза — прищурены, губы — поджаты. Бартон понял, что она в ярости.

— Прости мою скрытность, — шепнул он по дороге, — но ты должна понять — иного выхода не было. Предположим, я все рассказал бы, а потом ты попала Им в руки. Они исследовали бы твой мозг и обнаружили бы, что моя память хранит запретные сведения.

— Но Они же этого не сделали? Да и зачем я им нужна?

— Откуда ты знаешь? Впрочем, если бы Они действительно сделали это, ты ничего не могла бы вспомнить.

Это заявление так потрясло Алису, что вопросы на время прекратились.

Погода в тот день выдалась странная. Обычно солнце быстро разгоняло туман, небо очищалось, светлело. Иногда набегали тучки, минут пятнадцать моросил дождь, затем наступал обычный жаркий день. Этим же утром черные массы облаков полностью затянули небосвод. Сквозь темную пелену сверкали молнии, удары грома будили в горах глухое ворчание, будто невидимый великан прочищал спросонок горло. В тусклом, коричневато-желтом свете лица людей казались измученными, как после тяжелой болезни.

Кazз и Бест быстро ели, поминутно оглядываясь вокруг, словно ожидая непрошенного гостя. Неандерталец пробормотал на своем хриплом наречии: «Идет-Медведь-Который-Приносит-Несчастье».

Бест едва не расплакалась.

— Нам нужно найти пустую хижину и спрятаться! Когда Он придет, нехорошо сидеть у воды.

Остальные тоже были не прочь где-нибудь укрыться — надвигалась гроза. Бартон встал.

— Друзья, прошу минуту подождать, — обратился он к собравшимся около грейлстоуна. — Проверьте, не пропала ли у кого-нибудь лодка.

— А в чем дело? — спросил рослый светловолосый парень.

— Двое из моей команды сбежали этой ночью; может быть, им пришло в голову украсть лодку.

Не обращая внимания на непогоду, люди бросились вдоль берега. Вскоре к Бартону подошел человек и заявил, что у него исчез челнок.

— Ну, значит, теперь они далеко, — решил Казз. — Вот только куда они отправились — вверх или вниз по Реке?

— В любом случае мы сможем их найти — в этих краях отличная сигнальная система, — ответил Бартон. — Правда, если они высадятся где-нибудь и незаметно уйдут в горы…

— Как же быть, Дик? — прервала его Алиса. — Нам нельзя тут задерживаться, мы не успеем попасть на «Рекс»!

Бартон пожал плечами. Все и так было ясно.

— Мы будем выслеживать их? — с надеждой спросил Казз. Его беспокойство прошло, глаза горели охотничьим азартом.

— Не знаю, — Бартон в задумчивости потер висок. — Они тоже могут захватить нас врасплох… могут убить или просто наврать с три короба… Пройдет немало времени, пока мы доберемся до Башни. Все может случиться…

Алиса медленно продекламировала, ее глаза загадочно мерцали:

Не ведая, правдив его совет
И в той ли Черный Замок стороне,
Я повернул безвольно, как во сне:
Ведь гордости в душе давно уж нет,
И для меня померк надежды свет,
И лишь любой конец желанен мне.
Так много лет я в поисках бродил,
Так много стран успел я обойти,
Что коль успех сумею обрести,
Им насладиться мне не хватит сил,
И я себя почти не осудил
За то, что радуюсь концу пути.
Но вдруг поднялся гул былых времен,
И встали все, как рамой огневой
Вкруг новой жертвы замыкая дол.
Я всех узнал, я всех их перечел,
Но безоглядно в миг тот роковой
Я поднял рог и вызов бросил свой:
«Роланд до Замка Черного дошел!»[4]

Бартон усмехнулся.

---

[4] notes: 4
Р.Броунинг «Роланд в Черном Замке», пер. В.Давиденковой

— Броунингу стоило бы задуматься, насколько реальность далека от изысканного мира его поэзии. Но я готов последовать его совету. Итак, мы двинемся к Черному Замку.

— Не знаю, о чем вы толкуете, — вмешался Казз, — главное — как нам попасть в большую лодку.

— Если у короля Джона найдется для нас место, я предложу ему в благодарность наш золотой запас — свободные цилиндры. Такой дар тронет самое бескорыстное сердце.

— А если у него для нас места нет?

Бартон промолчал. Уже не раз где-то в глубине сознания у него мелькала смутная мысль, что он проглядел некое важное звено, объединяющее агентов. Сейчас, когда Алиса читала стихи, он вдруг осознал, что может представить всю цепочку их связи.

Как они узнают друг друга? Монат — особый случай, его не спутаешь ни с кем. Но по какому тайному знаку узнают друг друга остальные?

Обладая зрением неандертальцев, агенты легко распознавали бы своих. Но, видимо, такой способности им не дано. Спрюс явно не имел представления о даре Казза; он был испуган и поражен. Значит, они не видели меток нево-

оруженным глазом — и, следовательно, у них существуют другие способы опознания.

Можно ли предположить, что все дело в хронологии? Откуда известно, что в долине воскрешены все, умершие не позже 2008 года? Эту дату называли Монат, Фригейт, Руах и Спрюс… Все четверо — агенты! Возможно, это ложь, и все кончилось раньше?

Бартон совершенно не представлял себе более реальной даты, но вспомнил, что никогда не встречал людей, за исключением упомянутой четверки, живших после 1983 года. Но если этот год был последним, то его и следовало принять за точку отсчета.

По-видимому, этики выбрали наиболее простой и безошибочный способ, который позволял опознать своих — агенты были людьми, якобы обитавшими за гранью 1983 года. Отсюда вытекало, что вся земная история между 1983 и 2008 годами являлась чистой фикцией — включая и уничтожение человечества инопланетянами. Все, о чем ему рассказывали Монат, Руах и Фригейт — фантазия, ловкая инсценировка! Правда, Монат не был землянином, но кто мог подтвердить, что он действительно прилетел с Тау Кита? Все те же Руах и Фригейт? Необъясни-

мым оставался только один факт — присутствие инопланетянина в Мире Реки.

Но, возможно, Монат, Раух и Фригейт говорили правду, и все события, случившиеся на грани второго тысячелетия, на самом деле имели место. Возможно, все трое жили в это время и, возможно, они не лгут… Однако это значило лишь одно — этики вербуют своих агентов среди людей, обитавших на Земле после 1983 года. Собственно, все они — агенты… Все? Сколько их там было? Шесть или восемь миллиардов? Бартон почувствовал легкое головокружение.

А если предположить, что агенты только выдавали себя за людей, якобы живших на Земле в конце двадцатом века? Существовал ли в том мире подлинный Питер Джайрус Фригейт, писатель-беллетрист, оседлавший загадочного Пегаса научной фантастики? Фригейт, которого он, Бартон, встретил в долине, мог быть подделкой, а интерес, проявленный этим писакой к его жизни — хитрым капканом, попыткой сблизиться с ним. Действительно, кто останется равнодушным к собственному биографу, посвятившему жизнь прославлению своего кумира!

Нет, вряд ли необходимо подобное перевоплощение. Скорее всего, Фригейт действительно

является тем человеком, за которого выдает себя. В сложившейся ситуации использование реальной личности представлялось более естественным и эффективным.

Вопросы росли, как снежный ком, им не было конца — но кто ответит на них?

— Дик! — окликнула Бартона Алиса. — Что с тобой?

Он опомнился, вынырнув из потока мучительных раздумий. Люди разошлись, возле него стояли только его спутники да человек, у которого пропала лодка. Его взгляд блуждал по лицу Бартона; может быть, он намеревался требовать возмещения убытков — но у кого?

Ветер гнал волны по Реке, трепал тростниковые крыши хижин. До их слуха доносились мерные глухие удары — борт «Снарка» бился о причал. Все вокруг было сумрачным, лишь изредка вспыхивали багровые молнии, освещавшие бледные лица людей. Раскаты грома походили на рычание взбесившегося медведя. Казз и Бест не решались нарушить молчание, но явно жаждали скрыться от бури. У остальных погода тоже не вызывала энтузиазма.

— Я думаю о том, — произнес Бартон, — найдется ли у короля Джона место для нас. И я уверен

— если монарх пожелает, то место найдется. А если не пожелает, то я все равно попаду на борт «Рекса». Ничто и никто меня не остановит!

Молния вспыхнула совсем рядом, раздался страшный треск, будто мир раскололся надвое. Сломя голову, Казз и Бест помчались к ближайшей хижине. Дождь полил как из ведра.

Неподвижно стоя под ливнем, Бартон смеялся, глядя им вслед, и вдруг громко, пронзительно выкрикнул:

— Вперед, к Темной Башне!

28

Во сне Питер Джайрус Фригейт голым пробирался в тумане. Его одежду украли, и теперь ему необходимо попасть домой до восхода солнца, дабы не стать посмешищем в глазах людей. Мокрая трава хлестала по коленям. Он вышел на обочину дороги и пошел по асфальту. Но идти все равно было трудно, а туман быстро редел. Вскоре справа он увидел купы деревьев.

Фригейт понимал, что находится где-то далеко за городом и до дома еще долгий путь. Следовало идти побыстрее, тогда он сможет проскользнуть незамеченным, не потревожив родителей. Конечно, двери уже заперты, но он бросит камешек в верхнее окно и разбудит Рузвельта. Его брату исполнилось лишь восемнадцать, но он уже превратился в завзятого пьяницу и бабника, гонял на мотоцикле по округе со своими затянутыми в кожу дружками. Сегодня воскресенье, и сейчас, распространяя запах виски, он храпит в комнате, которую делит с Питером.

Рузвельтом его назвали в честь Теодора, а не Франклина Делано. Джеймс Фригейт питал отвращение к «этому типу из Белого Дома» и обожал

«Чикаго Трибюн», которую каждое воскресенье ему вручали на пороге дома. Его старший сын не терпел ни газет, ни газетных писак, и признавал лишь комиксы. Когда он научился читать, то каждый выходной, после какао, оладий, бекона и яиц, с нетерпением ждал очередную книжицу с приключениями Честера Гампа и его друзей, разыскивающих золотой город, волшебника-великана Панджаба, крошки Энни и ее громады-отца, злодея Эспа и мистера Эма, похожего на Санта-Клауса и древнего, как сама Земля, способного путешествовать во времени. А потом были Барней Гугл, и Смеющийся Джек, и Терри, и пираты. Упоительно!

Что заставляло его вспоминать великих героев комиксов, пока он, голым, в темноте и сырости пробирался по деревенским дорогам? Нетрудно представить. Они давали ему ощущение тепла и уюта, даже счастья, наполнявшем его в часы, когда живот бывал набит вкусной маминой стряпней, когда тихонько наигрывало радио, а отец посиживал с газетой на стуле и читал статьи полковника Блимпа. Пока мама суетилась на кухне, готовя завтрак двум его младшим братьям и маленькой сестренке, он устраивался на полу в гостиной, наслаждаясь страницами комиксов.

Потом его сестра, нежно любимая Джаннета, очень быстро выросла, сменила трех мужей и бесчисленное количество любовников, поглотила сотни бутылок виски — проклятие семьи Фригейтов.

Но это все еще впереди, и образ, возникший в его мозгу, тотчас исчез. А сейчас он в комнате, совершенно счастливый… нет, и это исчезло… он не в доме, а на заднем дворе — голый, дрожащий от холода и ужаса перед грядущим позором. Он бросил камешек в окно крошечной спальни под самой крышей, надеясь разбудить брата.

Они жили в доме при деревенской школе близ города Пеория, Южный Иллинойс. Город рос, дома расползались все дальше, и сейчас его границы находились в полумиле от дома. Тогда-то у них появился водопровод и даже уборная, первая в его жизни уборная в доме. Затем каким-то образом этот дом превратился в миссурийскую ферму, где он жил с отцом, матерью и братьями в двух комнатах, сданных фермером их семье.

Его отец — инженер-строитель и электрик (год учебы в политехническом институте города Терре-Хот и диплом Интернешнл Корреспонденс Скул) некоторое время работал на электростанции в Мехико, штат Миссури. На ферме был

птичий двор, где Питера потрясло и ужаснуло открытие: куры поедают живность, а он ест кур, которые питаются живыми существами! Это было первое осознание каннибализма как основы окружающего его мира.

Нет, неправда, подумал он, каннибал — это существо, пожирающее себе подобных. Он повернулся на другой бок, вновь проваливаясь в сон и совершенно отчетливо сознавая свое полупробуждение между двумя сериями видений. Иногда он просматривал этот бред сразу и целиком. За ночь сон мог неоднократно вернуться к нему; бывало, он преследовал Фригейта несколько лет подряд.

Да, и в снах, и в творчестве над ним довлела цикличность. На протяжении писательской карьеры ему пришлось работать над двадцать одной серией романов. Десять были готовы, остальные — еще не завершены, когда великий небесный издатель внезапно призвал его к себе.

Как в жизни, так и в смерти. Он никогда (никогда? — ну, ладно, почти никогда) не мог что-либо закончить. Вечная Великая Незавершенность! Впервые он почувствовал ее груз еще в мятежной юности, когда изливал свои волнения и муки коллеге-первокурснику, сыгравшему случайную

роль его духовного наставника.

Как его звали — О'Брайен? Худенький коротышка с резкими манерами и огненно-рыжей шевелюрой, всегда носивший пестрые галстуки.

И вот сейчас Питер Джайрус Фригейт бредет в тумане; вокруг ни звука, кроме дальнего уханья совы. Вдруг в тишине послышалось ворчание двигателя, возник слабый свет фар, он разгорался, сиял, затем совсем рядом рявкнул гудок. Он бросился в сторону, пытаясь скрыться в тумане и переждать, пока черная громада автомобиля проплывет мимо. При свете фар он увидел великолепный «Дюзенберг» — в точности такой, каким правил Горри Грант в фильме «Цилиндр», который ему удалось посмотреть на прошлой неделе. За рулем громоздилась некая бестелесная, бесформенная масса; он видел лишь глаза — светло-серые, как у его немецкой бабушки по матери, Вильгельмины Кайзер.

Внезапно Фригейт испустил истошный крик: машина резко повернула и двинулась к нему. Он замер, не в силах шевельнуться, отскочить в сторону, а темная громада надвигалась все ближе и ближе…

Застонав, он проснулся. Ева сонно пробормотала: «Ты видел плохой сон?..» и вновь провалилась

в дрему, слегка посапывая.

Питер сел в постели. Бамбуковая рама на низких ножках скрипнула под его тяжестью, матрас — два покрывала, скрепленные магнитными застежками и набитые листьями — просел. Земляной пол покрывали циновки; в окнах, затянутых полупрозрачными пленками из рыбьих внутренностей, мерцал слабый свет ночного неба. Он встал, направился к двери, вышел и помолился. С крыши еще капало. Сквозь расщелину между холмами ему был виден огонь над крышей сторожевой башни и силуэт часового, облокотившегося на перила; он глядел на Реку. Показались и другие огни — на мачтах судна, которого он прежде не видел. Второго стражника на вышке не было — наверное, он спустился к Реке, чтобы допросить рулевого. Опасности он там явно не усмотрел, иначе барабаны уже забили бы тревогу.

Вернувшись в постель, Фригейт вспоминал свой сон. В нем была обычная хронологическая путаница. В 1937 году Рузвельту было только шестнадцать, а мотоцикл и крашеные блондинки появились двумя годами позже. Семья уже жила в новом большом доме с несколькими комнатами.

В машине он увидел бесформенную мрачную

фигуру с глазами его бабушки. Что бы это значило? В первую минуту его безумно напугало это видение. Почему бабка явилась в столь устрашающем обличье?

Он знал, что она приехала перед его рождением из Канзаса в Терре-Хот помочь его матери в уходе за ребенком. По маминым рассказам, она прожила с ними пять лет, но он совсем не помнил ее, хотя и видел еще раз — в двенадцатилетнем возрасте. В нем сохранилась убежденность, что в детстве она совершила с ним нечто ужасное, хотя была добродушной старушкой, правда, несколько склонной к истерии. Когда дети ее дочерей ушли из-под ее опеки, она потеряла с ними всякую связь.

Так где же она сейчас? Бабка умерла в возрасте семидесяти семи лет от рака желудка после долгой и мучительной агонии. Он видел ее фотографии, где она была снята двадцатилетней — миниатюрная блондинка с очень светлыми, видимо, голубыми глазами, с тонкими и плотно сжатыми губами, фамильной чертой Кайзеров. На этих старых фотографиях люди выглядели так, словно перенесли все тяготы жизни, но не согнулись под ее ударами.

Да, у людей викторианской эпохи были трудные

судьбы. Семья его бабки тоже прошла тернистый путь. Они принадлежали к баптистской церкви, в Тюрингии их преследовали, травили, так что им пришлось сменить Германию на землю обетованную. Странно, подумал Фригейт, его родственники с обеих сторон всегда выбирали религию меньшинства, часто весьма причудливую. Возможно, жаждали потрясений?

Много лет они скитались, переезжая с места на место, но нигде не обрели златых гор. После долгих лет изнурительной работы, иссушающей душу бедности, смерти детей, а затем и родителей, Кайзеры нашли свою судьбу. Одни стали преуспевающими фермерами, другие — владельцами механической мастерской в Канзас-Сити.

Стоило ли это уплаченной цены? Потомки утверждали — да, стоило.

Когда они приехали в Америку, Вильгельмина была прелестной голубоглазой десятилетней девочкой. В восемнадцать она вышла замуж за человека на двадцать лет ее старше — возможно, в его жилах текла индейская кровь; кажется, он участвовал в кантрильском мятеже. Так ли это — неизвестно, в родне Фригейта с обеих сторон было достаточно бахвалов. Все они пытались выглядеть лучше или хуже, чем на самом деле. Мать

Питера никогда не говорила о прошлом своего отца. Возможно, он был просто конокрадом.

Где же сейчас Вильгельмина? Она уже не морщинистая, согбенная годами старуха, которую он знал, а очаровательная девушка с точеной фигуркой. Но взгляд ее голубых глаз, наверное, остался таким же рассеянным, как и раньше, а по-английски она по-прежнему говорит с сильным немецким акцентом. Встреться он с ней сейчас, узнал ли бы он ее? Определенно — нет. Да и что он мог ей сказать? Что он помнил о душевной травме, нанесенной его маленькому внуку? Ничего. Наверняка, она тоже забыла об этом пустячном для взрослого человека инциденте. А если бы и вспомнила, то даже под угрозой смерти не призналась, что дурно поступила с ребенком.

Предаваясь психоанализу, Питер попробовал пробиться сквозь сумеречные дебри полузабытого к той давней драме, в которой его бабушка сыграла столь важную роль. Но попытка не удалась. Он вновь и вновь возвращался к предыдущим жизням, соскальзывая в прошлое, как обезьяна по навощенному столбу. Он снова был женщиной, обитавшей в средневековом замке, ихтиозавром в палеозойском океане, кучером дилижанса, индейцем, крадущимся

через девственный лес… Посетив еще ряд своих предыдущих ипостасей, он закончил с экскурсом в историю. Как, однако, интересны эти фантазии — каждая открывает что-то новое в его характере. Вильгельмина, однако, больше не появлялась, несмотря на все его усилия.

Пытаясь здесь, в Мире Реки, пробиться сквозь туман прошлого, Фригейт прибегал к Жвачке Сновидений. Под руководством гуру он раз за разом нырял в глубины своего подсознания в поисках жемчужин воспоминаний — пока однажды, очнувшись от страшных видений, не обнаружил своего наставника избитым и окровавленным. Было совершенно очевидно, что это — дело его, Фригейта, рук. Убедившись в том, что гуру не получил серьезных ран, Питер ушел из тех мест навсегда; его гнало предчувствие, что при виде этого человека он будет испытывать жгучее ощущение вины и нестерпимый стыд. А сам пострадавший не помнил зла и был готов продолжать сеансы.

Насилие казалось Фригейту омерзительным; он испытывал панический страх перед ним — и перед каждым, кто нес его в своей душе. И, в то же время, он знал, чувствовал, что насилие гнездится в тайниках его сознания, как червь в

сердцевине яблока. Но что с этим можно было поделать! Не звезды наносят нам поражение, а наши собственные гены, наши бесплодные попытки преодолеть себя…

Следующим, почти неизбежным видением, была попытка обольщения Вильгельмины. Как легко разыгрывалась фантазия — словно он действительно встретился с ней! Можно представить, как, после взаимных расспросов, будут выяснены их родственные связи. Последует долгий разговор и рассказ о судьбе ее дочери и зятя — отца Питера — о ее внуках и правнуках. Интересно, ужаснулась бы она, узнав, что одна из ее правнучек стала женой еврея? Несомненно. В деревенской ветви семьи все были полны предрассудков. А что, если признаться ей, что его сестра вышла замуж за японца, а брат и кузина сочетались браком с католиками? Или что праправнучка стала католичкой, а праправнук принял буддизм?

Возможно, жизнь в долине Реки изменила ее взгляды. Это случалось с многими; большинство, однако, были такими же закостенелыми ретроградами, как на Земле.

Чем продлить игру воображения? Что последует за разговором? Вино, марихуана, Жвачка — и,

наконец, апофеоз — постель?

По здравом размышлении не каждый рискнет переспать со своей бабушкой. Но размышляет ли человек в подобных обстоятельствах? Пожалуй, о родстве лучше поговорить после постели…

На этом пункте вся фантазия распадалась. Как она поведет себя, что скажет? Этого Питер представить не мог, хотя предполагал, что ночь любви с собственным внуком нанесла бы жестокий удар по целомудрию Вильгельмины — или тому, что от него осталось.

Впрочем, он знал, что не способен реализовать на практике эту возбуждающую мечту; его тянуло к тонким, умным женщинам, а Вильгельмина была невежественной крестьянкой.

Но, может быть, она все-таки изменилась? Как многие другие?

«К дьяволу их всех», — пробормотал Фригейт про себя и повернулся на бок, погружаясь в сон.

29

Забили барабаны, загудели деревянные трубы. Питер Фригейт проснулся и попал в разгар другого сна. Время — три месяца после Пирл-Харбора; он — курсант летного училища в Рандолф-Филд, жертва придирок пилота-инструктора. Этот лейтенант, высокий молодой человек с тонкими усиками и огромными ногами, был таким же истериком, как и бабка Кайзер.

— В следующий раз вы повернете влево, Фригейт, а сейчас я приказываю лечь на правое крыло! Я немедленно прекращу этот проклятый полет и откажусь обучать вас! Можете взять инструктора, которому наплевать, погубит его этакий курсант или нет. Господи Иисусе, Фригейт, мы же разобьемся! Вы что, не видите — машина берет влево? Вы — самоубийца! Ладно, сейчас вы со мной, а когда рядом никого не будет? Можете вытворять свои штучки где и когда угодно, но только не на самолете ВВС США! Какой дьявол в вас сидит, Фригейт? Вы что — собираетесь угробить меня?

— Я вас не слышу, сэр, — выдавил из себя Питер. Сидя в душном помещении тренажерной,

упакованный в тяжелый летный костюм, он был влажен от пота и едва сдерживал острые позывы помочиться. — Мне кажется, что по этим трубкам ничего не слышно.

— Ларингофон в порядке. Я же хорошо вас слышу. И ничего не случилось с вашими ушами. Неделю назад вы прошли медицинское освидетельствование. Вас, засранцев, всех осматривали при переводе сюда.

— Да, сэр, именно так, — кивнул головой Питер.

— На что это вы намекаете? — побагровел лейтенант. — Что я — засранец?

— О, нет, сэр, — Питер чувствовал, как пот ручьями стекает по спине. — Я никогда не мог бы сказать о вас «засранец».

— Тогда что вам полагается сделать? — лейтенант почти визжал.

Питер скосил глаза на других курсантов и инструкторов. Большинство из них не обращали ни малейшего внимания на перепалку, но кое-кто ухмылялся.

— Мне никогда не следует упоминать о вас.

— Что? Я даже не заслуживаю упоминания? Фригейт, не выводите меня из терпения! Вы ни черта не стоите ни на земле, ни в воздухе. Но вер-

немся к делу. Почему вы меня не слышите, когда я прекрасно вас слышу? Потому, что не хотите слышать? Это очень опасная штука, Фригейт, просто настораживающая. Меня это пугает. Знаете, сколько этих БТ-12 входит в штопор за неделю? Даже когда инструктор вдолбит тупоголовому курсанту, как осторожно надо входить в штопор, а сам держит руку на запасном управлении, и то эти чертовы машины трудно выровнять. Так вот, сейчас же поворачивайте вправо. Вам толкуют о штопоре и осторожности. Я даже за парашют не успею схватиться, как вы вобьете нас обоих на двадцать футов под землю! Что там за чертовщина с вашими ушами?

— Не знаю, — жалобно ответил Питер. — Может быть, пробки забили уши. — Разве доктор вас не проверял? Конечно, проверял! Так что не болтайте ерунды. Просто не желаете меня слушать. А почему? Да Бог его знает! Или вы меня ненавидите так, что готовы и сами погибнуть, да?

Питер нисколько не удивился, если бы лейтенант начал пускать пену.

— Нет, сэр.

— Что — нет, сэр?

— Нет, сэр, совсем не так.

— Значит, от всего отпираетесь? Вы повернули

влево, когда вам было велено сделать правый поворот! Разве не так? Теперь вы скажете, что я еще и лжец?

— Нет, сэр.

Лейтенант помолчал и снова завелся.

— Чему вы улыбаетесь, Фригейт?

— Разве я улыбнулся? — Питер был в состоянии полной физической и умственной прострации; весьма возможно, что на его губах играла бессмысленная улыбка.

— Да вы сумасшедший, Фригейт! — заорал инструктор. Проходивший мимо капитан вздрогнул, но не сделал попытки вмешаться. — Пока не принесете мне справку от врача, что ваши уши в порядке, и на глаза мне не показывайтесь! Слышите — вы, идиот!

— Да, сэр, слышу.

— Я вас отстраняю от полета. Но завтра справка должна быть передо мной. Тогда я возьму вас в воздух, и да поможет мне Бог!

— Да, сэр, — Питер отдал честь, хотя это не было принято в учебном зале. Проверяя парашют, он обернулся. Капитан о чем-то серьезно толковал с лейтенантом. Что они о нем говорят? Собираются его убрать? Возможно, это и к лучшему. Он больше не мог выносить своего инструктора. Дело

оказалось совсем не в пробках; позднее Питер понял, что он действительно не хотел его слышать.

— Он был прав, — признался Фригейт.

— Кто прав? — завернувшись в одеяние из разноцветных полотнищ, Ева устроилась на краю постели, пристально разглядывая его лицо. Питер сел и потянулся. В хижине было темно. Звуки барабанов и рожков слышались слабее. Но вдруг рядом забил в барабан сосед — с такой силой, будто желал разбудить весь мир.

— Никто.

— Ты бормотал и ругался во сне.

— Земля всегда с нами, — он предоставил ей догадываться о смысле недосказанного и, прихватив ночной горшок, отправился туда, где полагалось его опоражнивать. Там уже была целая толпа. Люди опрокидывали содержимое в специальные бочки; после завтрака дежурная команда перетащит их к подножию гор. Экскременты предназначались для переработки на поташ. Два раза в неделю Фригейт сам работал в этой команде, четыре дня стоял на сторожевой вышке.

Грейлстоун, куда они с Евой обычно ставили свои цилиндры, находился за холмом. Но сегодня Фригейт хотел встретиться с командой прибыв-

шего ночью судна и отправился к берегу. Ева не возражала; она собиралась заняться изготовлением бус из рыбьих позвонков. Эти украшения пользовались тут большим спросом, и они обменивали их на табак, вино и кремень. Фригейт вытачивал бумеранги, иногда строил челноки и каноэ.

Взяв в одну руку чашу, в другую — копье из тиса с кремневым наконечником, он собрался уходить. На поясе у него висели ножны с топориком, на плече — колчан с остроконечными стрелами и тисовый лук.

Он жил в маленьком мирном государстве — Руритании, давно не знавшем войн. Но закон, сохранившийся с мятежных времен, обязывал каждого иметь под рукой оружие. Закон устарел, но действовал, как часто бывало и на Земле; здесь царила та же косность.

Фригейт шел вдоль разбросанных по долине хижин. Вместе с ним двигались сотни людей; все — закутанные с головы до ног, как и он сам. После восхода солнца станет тепло, и они скинут свои одежды. Поглощая завтрак, Питер присматривался к вновь прибывшим. Их оказалось пятнадцать человек, полная команда причалившей вчера

шхуны «Раззл-Даззл».[5] Он подсел к окружавшей их группе, слушая разговоры и рассматривая незнакомцев.

Капитан шхуны — Мартин Фарингтон, также известный под именем Фриско Кид, невысокий, мускулистый человек, — напоминал выходца из Ирландии. Голубоглазый, рыжеволосый, курчавый крепыш разговаривал весьма энергично, часто улыбался и отпускал занятные шутки. На эсперанто он говорил довольно бегло, но с ошибками, и явно предпочитал английский язык. Его помощника, Тома Райдера, товарищи называли Текс. Он не уступал ростом Фригейту и отличался «суровой красотой», как в свое время писали в бульварных романах; в его быстрых движениях сквозили изящество и грация, покорившие Пита. Черные волосы, падавшие прямыми прядями, и темная, дубленная солнцем кожа наводили на мысль об индейских предках. Его эсперанто было безупречным, но, подобно Фарингтону, он был рад поговорить на родном языке.

Из их болтовни Фригейт выцедил массу интересных подробностей. На судне собралась пестрая компанию. Подруга капитана, уроженка девятна-

---

[5] notes: 5
Раззл-Даззл — суета, суматоха (англ.)

дцатого века, происходила из Южной Америки. Приятельница помощника когда-то обитала в одном из римских поселений второго века нашей эры, носившего название Афродита. Фригейт припомнил о его раскопках в семидесятых годах.

Двое из команды были арабами. Мужчину звали Нур-эль-Музафир, то есть «Странник». Его спутница в земной жизни была супругой капитана арабского судна, торговавшего с африканскими странами в двенадцатом веке.

На борту находился и моряк-китаец; Чанг утонул при гибели флота Кубла Хана, направлявшегося в Японию. Другой моряк, уроженец семнадцатого века Эдмунд Тресселиан из Корнуэлла в 1759 году потерял ногу при захвате французского судна «Беллона» у мыса Финистер. Он остался с женой и семью детьми без пенсии и вынужден был бродяжничать. Как-то в отчаянии он украл кошелек; его схватили и посадили в тюрьму, где он умер от лихорадки, так и не дождавшись судебного разбирательства. Его современник — рыжий Казенс — еще гардемарином участвовал в кругосветной экспедиции адмирала Энсона. Их судно потерпело крушение у берегов Патагонии. С невероятными трудностями и мучениями часть команды добралась до берега, где была захвачена

в плен чилийскими властями. Через несколько дней после освобождения несчастный Казенс был расстрелян капитаном Чипом по ложному обвинению в мятеже.

Остальные члены команды тоже были весьма примечательными типами: Бинс, миллионер и яхтсмен-любитель из двадцатого века; турок Мустафа, умерший на Земле от сифилиса — болезни, весьма распространенной среди моряков в восемнадцатом веке; Абигайл Райс — жена матроса-китобоя девятнадцатого столетия. Фригейту показалось, что Бинс и турок жили в мужском союзе, а Казенс, Трессельян и Чанг делили между собой любовь Абигайл Райс. Ему пришло в голову, что она, вероятно, и на Земле не теряла времени даром, пока ее муж ловил китов.

Еще среди них был Умслапогас или просто Погас, сын вождя африканского племени свази, извечного врага зулусов. Он жил во времена буров, британской экспансии и кровавых битв. На Земле он зарубил в схватках человек двадцать, здесь — не меньше пятидесяти. Кроме воинских подвигов, он был известен своей причастностью к миссии сэра Теофила Шепстона. В его штаб входил и молодой человек по имени Райдер Хаггард, весьма заинтересовавшийся личностью и

живописными рассказами старого свази. Впоследствии он обессмертил Умслапогаса в трех своих романах — «Нэда и Лили», «Она и Аллан» и «Аллан Квотермейн» — правда, превратив там его в зулуса.

Сейчас Погас сидел у судна, опершись на массивную рукоять своего боевого топора. Высокий и стройный, с очень длинными ногами, лицом он скорее напоминал человека хамидского, а не негроидного типа: тонкие губы, орлиный нос, высокие приподнятые скулы. Выглядел он довольно миролюбиво, но чувствовалось, что шутить с ним опасно.

Фригейт пришел в неописуемый восторг, узнав, что перед ним тот самый Умслапогас. Подумать только — тот самый!

Из разговоров с людьми «Раззл-Даззл» он понял, что их путешествие не имеет точной цели. Правда, как заметил капитан, они хотят достичь истоков Реки, но это может случиться и через сто, и через двести лет.

Фригейт долго болтал с ними, расспрашивая о земной жизни. Фарингтон родился где-то в Калифорнии; он не уточнил ни места, ни даты рождения. Райдер был родом из Пенсильвании; он появился на свет в 1880 году и всю жизнь про-

вел на Западе.

Пит подумал, что здесь он выглядит весьма заурядно. А если водрузить на голову Райдера широкополую шляпу, обрядить его в костюм ковбоя с бриджами и расшитыми сапогами, да посадить на лошадь?[6]

Ребенком Фригейт видел его именно в таком обличье и верхом на лошади. Это было на параде перед цирком — кажется, Селлс и Флото? Фригейт стоял со своим отцом у здания суда на Адамс Стрит и нетерпеливо ждал появления всадника — любимого героя вестернов. Герой появился, но вдрызг пьяный, и на глазах у публики свалился с коня. Под громкий хохот и крики толпы Райдер вмиг отрезвел, вскочил в седло и с блеском продемонстрировал целое представление в духе «Дикого Запада» — все ковбойские трюки и потрясающе точные броски лассо.

Тогда Пит считал пьянство моральной проказой, и этот эпизод мог полностью развенчать Райдера в его глазах. Но восхищение героем было

---

[6] notes: 6

Под именем Тома Райдера на «Раззл-Даззл» путешествует известный американский актер немого кино Том Микс. В 1912 г. Микс, служивший в конной полиции штата Техас, подписал свой первый контракт со студией «Селидж», Голливуд. Он снимался в многочисленных фильмах о Диком Западе; вершина его карьеры пришлась на 1925 г. Это был человек, который пережил больше приключений, чем его киногерои.

столь велико, что он отпустил ему все грехи. Каким же маленьким фарисеем был он в те годы!

Что касается Фарингтона,[7] то по портретам на суперобложках биографических книг Фригейт хорошо запомнил его внешность. Он читал его рассказы и романы с десяти лет, а в пятьдесят семь написал предисловие к его собранию сочинений.

В силу каких-то непонятных причин они оба — Райдер и Фарингтон — путешествовали под вымышленными именами. Фригейт не пытался проникнуть в их тайну, во всяком случае — пока. Но он загорелся желанием во что бы то ни стало попасть на борт «Раззл-Даззл».

В этот момент Фриско Кид заявил во всеуслышание, что он и Текс готовы вести переговоры со всяким, кто пожелает записаться в команду. На палубу вынесли два складных стула, и перед усевшимися офицерами немедленно стала выстраиваться очередь желающих. Питер встал следом за тремя мужчинами и одной женщиной. Он внимательно прислушивался к задаваемым вопросам и прикидывал, что же ему следует отвечать своим нанимателям.

---

[7] notes: 7
Джек Лондон

30

Сидя на бамбуковом стуле и покуривая сигарету, Фриско Кид внимательно осматривал Фригейта с ног до головы.

— Питер Джайрус Фригейт, э? Американец. Средний Запад. Правильно? Вы смотритесь достаточно выносливым парнем. Когда-нибудь плавали?

— На Земле — немного, обычно на небольших судах по реке Иллинойс. Но здесь — вполне достаточно: три года на катамаране и год — на двухмачтовой шхуне вроде вашей.

Все это было совершеннейшим враньем. Ему удалось лишь три месяца попутешествовать на паруснике; времени хватило лишь для того, чтобы запомнить терминологию.

— Гмм... А что — эти суда ходили в короткое или долгое плавание?

— Некоторые — в долгое, — Фригейт обрадовался, что его не спросили о разнице между шхуной и катамараном; моряки очень любили это выяснять. Для Фригейта все, что плавало по реке, называлось лодкой; Фарингтон же был истинным мореплавателем, хотя и лишенным здесь моря.

— В этих краях, — добавил Питер, — ветер обычно дует вверх по Реке. Поэтому большей частью мы шли против ветра.

— Ну, некоторые ходят и по ветру, — отозвался Фарингтон.

— Что вас заставляет наниматься на судно? — спросил Райдер.

— Я по горло сыт здешней жизнью. Мне больше невмоготу это монотонное существование. Я…

— Но на судне не легче, вы же прекрасно знаете, — прервал его Фарингтон. — Теснота, скученность, людей мало, но со всеми нужно уживаться. То же самое однообразие.

— Конечно, я понимаю. Но мне хотелось бы добраться до конца Реки. Катамаран, на котором я плавал, сгорел, когда его команду пытались захватить в рабство. Шхуну потопил речной дракон…

— Так. А капитаны этих двух судов? Кто они?

— Катамараном командовал француз, де Грасс. А капитаном шхуны был сукин сын Ларсен, не то норвежец, не то датчанин. По-моему, на Земле он занимался охотой на тюленей.

В том, что он сказал о Ларсене, не было ни слова правды, но надо отбивать атаки Фарингтона. Тот улыбнулся, прищурился и медленно спросил:

— У Ларсена было прозвище — Волк?

Питер сохранял полную невозмутимость. Нет, он не попадет в эту ловушку и не станет выкручиваться. Стоит Фарингтону уловить хоть малейшую фальшь, он ни за что не возьмет его на судно.

— Нет, его прозвали Ублюдок. Ростом он был шести с половиной футов и слишком темноволос для скандинава. А глаза у него черные, как у араба. Вы его знали?

Фарингтон отмолчался. Он придавил в пепельнице сигарету и прикурил другую.

— Владеете ли вы луком? — спросил Райдер.

— Конечно, я не Робин Гуд, но за двадцать секунд выпущу шесть стрел с весьма приличной точностью. Я изучал это искусство два десятилетия. Не стану выдавать себя за великого воина, однако я участвовал примерно в сорока крупных операциях и множестве мелких. Четырежды тяжело ранен.

— Когда вы родились? — продолжал Райдер.

— В 1918 году.

Мартин Фарингтон посмотрел на своего помощника.

— Полагаю, в детстве вы посмотрели множество фильмов?

— Не больше других.

— А ваше образование?

— Я получил степень бакалавра по английской литературе, занимался философией, но читал лишь временами, от случая к случаю. Боже, как я всегда старался уклониться от чтения!

— Я тоже, — бросил Фарингтон.

Наступило молчание, и Райдер медленно произнес:

— Да, наши земные воспоминания с каждым днем тускнеют.

Это означало, что даже если Фригейт и видел Райдера в его фильмах, а портреты Фарингтона на его книгах, он должен об этом забыть. Вопрос капитана о его образовании, возможно, был связан с желанием иметь на судне достойного собеседника. На Земле его товарищи по плаванию обычно являлись людьми грубыми, необразованными и не могли разделять его духовных интересов.

— Нам остается еще поговорить примерно с двадцатью претендентами, — сказал Фарингтон, — а потом сделать выбор. Решение вы узнаете к вечеру.

Фригейту нестерпимо хотелось попасть на судно, но он боялся, что излишняя настойчивость отпугнет капитана и его помощника. Они

странствовали под чужими именами, а потому осторожно подбирали людей. Чем это было вызвано, он еще не понимал.

— Мы забыли еще кое о чем, — заметил Райдер. — На судне есть лишь одно место, и вашу подругу мы принять не можем. Это вам подходит?

— Вполне.

— Попытайтесь закрутить роман с Абигайл, — посоветовал Райдер, — если не имеете ничего против трех остальных ее поклонников и если, разумеется, она вам понравится. Пока что она не проявляла слишком большой неприступности.

— Абигайл — женщина привлекательная, — ответил Питер, — но она не в моем вкусе.

— Может быть, в вашем вкусе Мустафа? — усмехнулся Фарингтон. — Во всяком случае, сам он на вас посматривает.

Фригейт бросил взгляд на подмигнувшего ему турка и, вспыхнув, отрезал:

— А это меня привлекает еще меньше!

— Тогда, чтобы избавиться от посягательств Бинса и Мустафы, дайте им это понять. — Фарингтон заговорил серьезно. — Я — не гомик, хотя это участь многих моряков. Любое судно — военное или торговое — змеиное гнездо содомского греха.

Эти двое — настоящие мужчины, но совершенно безразличны к прекрасному полу. Они отличные моряки. Если вы уверены, что сумеете их отвадить, мы оставим вас в списке претендентов. Но предупреждаю заранее, на судне — никаких свар и грызни. Можете сводить счеты на берегу, и если мы кого-то потеряем, вы прихватите любую бабенку, которая вам приглянется. Но она обязательно должна быть хорошим матросом — на судне нет места для балласта.

— Ну, если как следует приглядеться, то Абигайл выглядит вполне заманчиво, — ответил на это Питер.

Все рассмеялись, и Фригейт отошел.

Вскоре он оказался возле причала, тянувшегося вдоль мелкой искусственной бухты. Ее с большим трудом вырубили в плотном прибрежном дерне и выложили по краям каменными глыбами. Обычно здесь стояли мелкие суденышки и катамараны, но сейчас на воде покачивались два огромных плота, предназначенных для охоты на речных драконов. Вдоль берега тянулся ряд боевых каноэ, принимавших на борт до сорока человек, но служивших в настоящее время рыболовецкими судами. Повсюду на Реке виднелось множество малых и крупных лодок.

«Раззл-Даззл» не могла подойти к пирсу. Она стояла на якоре у входа в бухту, за выступом огромных черных скал. Это было прекрасное, длинное и низкое судно, построенное из дуба и сосны без единого металлического гвоздя. Тонкие, но прочные паруса из шкуры речного дракона просвечивали на солнце. На носу вздымалась фигура сирены с факелом в руке. Шхуна казалась диковинной игрушкой. Как экипажу удалось сберечь ее? Большинство судов, плавающих на дальние расстояния, рано или поздно становились добычей мародеров.

Подгоняемый беспокойством, Питер вернулся к Фарингтону и Райдеру. Переговоры шли полным ходом; около двух десятков мужчин и женщин дожидались своей очереди. Если так пойдет дело, то на болтовню будет потрачен весь день. Ничего не попишешь, придется идти домой.

Он заглянул в хижину; на его счастье, Ева еще не вернулась, и Фригейту не пришлось с нею объясняться.

Сегодня утром его ждала рабочая смена на фабрике по производству спирта. Прекрасный повод отвлечься от снедающих его мыслей! Фригейт направился туда по тропинке, что извивалась меж холмов. Деревья редели, хижин здесь почти

не было. Поднявшись по склону самого высокого холма, он остановился у подножия горы; скалистая стена круто вздымалась над ним на высоту более трех тысяч футов. Сверху низвергался водопад, его прозрачные чистые струи наполняли вырубленный в камне бассейн. В просторном сарае, расположенном между бассейном и утесами, находилась фабрика.

Фригейт миновал ее, поглядывая на множество перегонных аппаратов из стекла и бамбуковых трубок. Здесь стояла нестерпимая жара, от невыветрившегося запаха спирта было трудно дышать. Поднявшись выше, к поросшим лишайником склонам, Питер подошел к мастеру, чтобы получить скребок и разграфленную сосновую планку, на которой были выжжены его инициалы. На ней отмечались отработанные дни.

— Скоро будем скрести камень деревяшками, — угрюмо пробурчал мастер. — Сланец и кремень придется оставить для оружия.

Да, запасы кремня истощались. В долине Реки развитие техники шло в обратном направлении: от каменного века к деревянному. Человечество повернуло вспять.

Фригейт подумал, сумеет ли он вывезти отсюда свое оружие с кремневыми наконечниками. Ес-

ли его возьмут на шхуну, то по законам страны кремень нужно сдать.

Пару часов он усердно трудился, соскребая зеленовато-серые стебли с каменистой почвы и складывая их в бамбуковые корзины. Другие рабочие спускали их вниз и опрокидывали содержимое в чаны. К полудню они прервали работу; близилось время обеда. Прежде чем спуститься вниз, Фригейт бросил взгляд на берег — там виднелся белый корпус шхуны, залитый солнечным светом.

Нет, ни за что на свете он не упустит такого случая!

Питер направился в хижину. Она была пуста. Ева пока не вернулась, и он вновь поспешил к берегу. За время его отсутствия очередь не стала короче. Он прошел до края равнины, где у подножий холмов короткую жесткую траву внезапно сменяли непролазные заросли. Кто провел эту демаркационную линию? Казалось, земля на склонах холмов ничем не отличается от почвы низины, но на возвышенностях трава доходила ему до груди.

В полумиле от причала находилось стрельбище. Минут тридцать Фригейт стрелял из лука в травяную мишень, торчавшую на бамбуковом

треножнике, затем перешел на гимнастическую площадку. Он сделал несколько коротких пробежек, потом долго прыгал и почти два часа упражнялся в каратэ и дзюдо. В конце концов, он совершенно выбился из сил, но зато вновь обрел уверенность и вкус к жизни. Его юное тело не знало, что такое ревматизм, ожирение, одышка; тут он избавился от всех болезней, что мучили его на Земле в зрелые годы.

В прошлой жизни с тридцати семи лет и до пятидесяти он просидел за столом. Кабинетная работа почти прикончила его. Зря он расстался с местом на сталеплавильном заводе. Труд там был монотонным и нелегким, но он хорошо переносил жару и тяжелые нагрузки. Его мозг непрерывно генерировал новые сюжеты, он мог писать целыми ночами. Но стоило ему бросить завод и плотно усесться за письменный стол, как он начал пить. После восьми часов выстукивания на пишущей машинке проще всего было просидеть весь вечер перед телевизором, потягивая бурбон или виски. Воистину, телевизор — это худшее, что изобрело человечество в двадцатом веке, если не считать атомную бомбу и демографический взрыв! Он понимал это, и все же не мог оторваться от дурацкого ящика, торчал перед

ним, как замороженный.

31

Вытирая с лица пот, Фригейт быстро спускался к Реке. Он миновал пустынный участок побережья и вышел к причалу, где протолкался до обеда, болтая со знакомыми. В толпе ему встретились два матроса с судна; там все еще шли переговоры. Когда же, наконец, кончится эта очередь?

В назначенный час Фарингтон встал и громко объявил, что прием окончен. В очереди зашумели, но капитан остался непреклонен. К нему подошел глава Руритании «барон» Томас Буллит с помощниками. Буллит не удостоился большой славы на Земле. В 1775 году он исследовал водопады на реке Огайо в Кентукки — вблизи тех мест, где позднее вырос Луисвилл; потом его имя забылось. С Буллитом пришел его помощник Пауль Байс, датчанин шестнадцатого века. Согласно обычаю, они пригласили команду «Раззл-Даззл» на вечеринку, устраиваемую в честь прибытия судна. Повсюду на Реке люди с удовольствием принимали путников, приносивших свежие новости, слухи и занятные истории — лучшую плату за гостеприимство.

Фарингтон принял приглашение, но заметил,

что четверо членов экипажа останутся охранять судно. Вслед за толпой Фригейт направился к площадке с навесной крышей — местной ратуше. Фарингтон и Текс стояли в окружении власть имущих, болтая с их женами. Питер не был приобщен к избранному кругу, но знал, что позже строгий этикет нарушится — виски и вино уравняют всех. Он занял очередь за спиртным и тут увидел свою подругу.

Ева Беллингтон стояла неподалеку от него. Она была высокой, черноволосой и голубоглазой женщиной — типичной красавицей из южных штатов. Ева родилась в 1850 году и умерла, не дожив лишь двух лет до своего столетия. Ее отец, богатый помещик-южанин, в годы войны служил в кавалерии Конфедерации в звании майора. Во время похода Шермана на Джорджию их плантация сгорела, и Беллингтон разорился. Он уехал в Калифорнию и стал там компаньоном богатого судовладельца. Ева вновь жила в достатке, но вскоре отец бросил семью — чего она не могла простить ему никогда.

Женщины поселились у брата отца, красивого мужчины лишь на десять лет старше своей племянницы. Когда Еве стукнуло пятнадцать, он изнасиловал девушку — правда, как она сама

признавалась, без большого сопротивления с ее стороны. Мать, узнав о беременности дочери, выстрелила в насильника, целясь в гениталии. Он прожил евнухом несколько лет в тюрьме и там же скончался.

Стыдясь огласки, миссис Беллингтон переехала в Ричмонд, где ее нашел раскаявшийся муж. Сын Евы, которого она обожала, вырос красивым и стройным малым. После жесточайшей ссоры с дедом, он покинул Ричмонд и отправился на Запад в поисках удачи. Последнюю весточку от него Ева получила из Силвер-Сити; затем он пропал навсегда — во всяком случае, ни одно сыскное агентство не смогло обнаружить его следов. Вскоре миссис Беллингтон погибла при пожаре, а отец Евы, пытавшийся спасти ее, тут же умер от сердечного приступа. Ее первый муж скончался от холеры вскоре после этого несчастья. К пятидесяти годам она потеряла двух супругов и семерых из десяти детей. Если бы Маргарет Митчел и Уильям Тенесси сочинили в соавторстве роман, то вполне могли бы выбрать ее своей героиней. Питер часто повторял эту шутку, но Ева не находила ее забавной.

За семь лет жизни в долине Ева избавилась от презрения к неграм и ненависти к северянам. Она

даже полюбила одного из мерзких янки, однако Пит, дабы не подвергать ее любовь излишним испытаниям, воздерживался от рассказа о своем прадеде, участнике «подлого» марша Шермана.

Получив свою порцию спиртного, он направился к Еве, все еще стоявшей в очереди. Питер спросил, где она пропадала целый день. Оказывается, ей нужно было о многом подумать, и она отправилась прогуляться.

Предмет ее размышлений не был секретом для Фригейта — между ними назревал разрыв; уже несколько месяцев они, внезапно охладев, все больше отдалялись друг от друга. Питер тоже задумывался об их отношениях, но пока не начинал решающего разговора.

Предупредив Еву, что они увидятся позже, он стал кружить около Фарингтона. Райдер отправился танцевать; он лихо отплясывал с женой Буллита и распевал во все горло.

Питер покорно ждал, пока капитан кончит рассказ о своих злоключениях на золотых приисках Юкона в 1899 году. Поведав о потере нескольких зубов от цинги, он перешел к более веселым подробностям. Наконец, Фригейту удалось спросить:

— Мистер Фарингтон, вы пришли к какому-то

решению?

На языке у капитана уже вертелась следующая история, и он недоуменно моргнул покрасневшими веками.

— О-о! Да, да. Вас… ммм… зовут Фригейт, верно? Питер Фригейт. Тот, что много читал. Да, у нас с Томом все решено. В конце вечеринки мы объявим о своем выборе.

— Надеюсь, я вам подошел. Мне действительно очень хочется отправиться с вами.

— Энтузиазм — весьма ценное качество, — отозвался Фарингтон, — но опытность еще дороже. Нам нужен человек, в котором сочеталось бы и то, и другое.

Питер глубоко вздохнул и с отчаянием произнес:

— Значит, меня отвергли. Ну, а если бы я был неграмотным, то что бы вы сказали? Мне остается только пожалеть, что я такой, какой есть.

— Вам на самом деле это так важно? — улыбнулся капитан. — Но почему?

— Потому, что я хочу добраться до конца Реки.

— Вот как? И вы надеетесь найти там решение всех ваших проблем?

— «Мне не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить», — сказал Фригейт. — Это сло-

ва одного из персонажей «Братьев Карамазовых» Достоевского.

— Грандиозно! Я много слышал о Достоевском, но мне не довелось его читать. Думаю, в мое время еще не было английских переводов его романов.

— Ницше утверждал, что русские романы многое открыли ему в психологии, — добавил Питер.

— Э-э, Ницше? Вы хорошо его знаете?

— Я читал его на английском и на немецком… Он — великий поэт. Немецкие философы писали обычно водянистой, размытой прозой; а читая Шопенгауэра и добираясь до сути, рискуешь или заснуть или получить нервное расстройство. Но Ницше — другое дело. «Человек — это мостик над пропастью, лежащей между животным и сверхчеловеком», — процитировал он. — Возможно, я что-то уже забыл; я читал «Так говорил Заратустра» черт знает когда… Пожалуй, я готов поверить в эту концепцию, но сверхчеловека я понимаю иначе, чем Ницше. Истинный сверхчеловек, мужчина или женщина — неважно, — это личность, которая полностью реализовала свои возможности и живет по законам добра, сострадания, любви. Личность, независимая в своих суждениях и лишенная стадности. Только тогда это истинный и несгибаемый сверхчеловек.

— Наверное, вы считаете воплощением идей Ницше роман Джека Лондона «Морской волк»?

Питер на минуту замолк.

— А вы его разве читали?

— Неоднократно, — усмехнулся Фарингтон. — Так как же насчет Волка Ларсена?

— Мне думается, что он — сверхчеловек скорее в понимании Лондона, чем Ницше. Это воплощение его идеала. Ницше отпугнула бы жестокость Ларсена. Помните, Лондон заставил его умереть от опухоли мозга — возможно, он хотел внушить читателям мысль, что сверхчеловек Волк Ларсен изначально обречен. Но Лондон явно переоценил способности литературных критиков — они просто не заметили эту деталь. Кроме того, он показал человека — пусть, сверхчеловека — сущностью которого являлось животное начало. Он — часть Природы и, несмотря на свой ум, не может избежать воздействия своих страстей. Он — животное, зверь, а потому и подвержен такой болезни, как опухоль мозга. «Так рушится могущество».

— Однако, — продолжал Фригейт, — в Ларсене было и то, что ценил сам автор. Лондон жил в жестоком мире и считал, что выжить в нем можно лишь с помощью сверхжестокости. Но

он был и провидцем. Изыскивая возможности для людей вырваться из пропасти инферно, он видел выход в социализме и надеялся, что в нем человечество обретет избавление от страданий. В то же время, Лондон — крайний индивидуалист, и эта его особенность всегда вступала в противоречие с идейными убеждениями. В конце концов, он утратил веру в социализм — за что был осужден собственной дочерью в ее книге воспоминаний.[8]

— Этого я не знал, — задумчиво произнес Фарингтон. По-видимому, она написала ее после моей смерти. А что еще вы знаете о ней?

Кажется, клюнуло, подумал Фригейт, судорожно вспоминая все, что знал о судьбе Джоан.

— Она являлась активным членом социалистической партии и умерла, по-моему, в 1971 году. Ее книга об отце написана весьма откровенно… она даже не скрывает, что отец ревновал ее мать к молодым женщинам. Что же касается самого Лондона, то я думаю, ему хотелось стать Волком Ларсеном, чтобы избавиться от сопереживания скорбям людским. Ему представлялось, что человек, свободный от сострадания, неуязвим. Но сам

---

[8] notes: 8

Джоан Лондон «Джек Лондон и его время», 1968 г., на русский не переводилась

он всю жизнь нес в себе это чувство, хотя готов был им пожертвовать, пусть даже ценой умерщвления души. Как и прочих людей, писателей тоже раздирают противоречия; и величайшие из них — всегда загадка для критиков. «Когда небес разверзнется покров и разольются воды широко, лишь человек единственной загадкой станет».

— Это мне нравится! — воскликнул Фарингтон. — Кто это написал?

— Каммингс. А вот моя любимая строчка: «Послушай! Вселенной двери распахнулись в ад… Войдем же!»

Питеру показалось, что он выразился слишком туманно, но, похоже, Фарингтон хорошо его понял.

Если он окажется на судне, то подобные темы могут вызвать раздражение капитана. Сведения Фарингтона об учении Ницше получены, в основном, из бесед с одним из его друзей — Страун-Гамильтоном. Он пытался читать Ницше, но внимание писателя задерживалось на поэтических образах, смысла же философии он так и не постиг. Как Гитлер, он выхватывал из учения немецкого философа лишь то, что ему импонировало, и отбрасывал остальное. Правда, Фарингтон — не чета Гитлеру…

— Ну, что еще рассказать вам о Лондоне? — продолжал Фригейт. — Пожалуй, лучше всех написал о нем Льюис Петтон: «Его можно критиковать, но обойтись без него нельзя».

Это очень понравилось Фарингтону, однако он пожелал сменить тему.

— Закончим с Лондоном… в другой раз мы еще потолкуем о нем, — он приложился к своей кружке, потом пристально взглянул на Фригейта. — Послушайте! Ваши идеи о сверхчеловеке весьма похожи на то, что проповедует Церковь Второго Шанса. Звучат они, правда, получше, чем у одного из наших матросов. Да вы его знаете — маленький араб… точнее, — испанский мавр двенадцатого века. Но он не относится к миссионерам Церкви.

Фарингтон указал на человека, уже знакомого Фригейту. Тот сидел в кружке руританцев, прихлебывая вино и покуривая сигарету. Его рассказы, видимо, забавляли окружающих — они от души смеялись. Невысокого роста, но сильный и гибкий, этот человек напоминал юного Джимми Дюранта.

— Нур-эд-дин-эль-Музафир, — назвал его капитан. — Для краткости — Нур.

— Это значит — Странник Светоча Веры, — пе-

ревел с арабского Фригейт.

— Вы знаете арабский? Я вот никогда не сумел выучить ни одного языка… разве только эсперанто.

— Я просто нахватался слов из «Арабских сказок» Бартона, — Фригейт помолчал. — Так что же будет со мной? Вы меня не берете?

— И да, и нет, — Фарингтон расхохотался, взглянув на растерянное лицо Питера, и хлопнул его по плечу. — Умеете держать язык за зубами?

— Как траппистский монах.

— Тогда вот что я вам скажу, Пит. Мы с Томом хотим здесь избавиться от Канака. — Он указал на громадного полинезийца, облаченного в белые одежды, с огромным красным цветком в черных курчавых волосах. — В свое время он был лучшим гарпунером на китобойном судне. Но мне нужны образованные люди, а он, конечно, книги в руках не держал. Возможно, мое требование попахивает снобизмом, но что поделаешь? Так вот, вас примут на судно… во всяком случае, таково мое решение. Нет, подождите ликовать! Мне еще нужно поговорить с Томом. Минутку, я сейчас вернусь.

Он нырнул в толпу танцующих, схватил Райдера за руку и, не обращая внимания на сопротив-

ление, потащил в сторону. Фригейт мог только гадать, что ждет его впереди. У этих двоих была какая-то важная причина путешествовать под чужими именами. Опасаясь разоблачения, они могут исчезнуть, оставив его здесь, но могут и взять с собой, если убедятся, что он не из болтливых. Сейчас, вероятно, Фарингтон наверняка желает выяснить, почему человек, так хорошо знакомый с произведениями Лондона, не узнал его самого. Возможно, капитан ведет какую-то игру, подозревая, что Фригейт питает некие темные замыслы… Во всяком случае, физическая расправа ему не грозит — ни Фарингтон, ни Райдер не были убийцами. Правда, в этом мире люди менялись — и не всегда к лучшему.

К нему подошел Райдер, пожал руку и сказал, что будет рад видеть его на судне. Через несколько минут Фарингтон остановил музыкантов, чтобы во всеуслышание объявить о выборе нового матроса. Лишь после этого Фригейт собрался с силами, отвел Еву в сторонку и сказал о своем отъезде.

— Да, я знаю, что ты хочешь уйти на этом судне, — довольно спокойно сказала она. — Здесь трудно сохранить что-нибудь в тайне, Питер. Мне только больно, что ты скрыл это от меня.

— Я пытался предупредить тебя, но ты ушла из дома… Я не знал где тебя найти.

Ева расплакалась. Глаза Питера тоже увлажнились. Потом женщина быстро вытерла слезы.

— Я плачу не из-за твоего отъезда. Мне горько, что умерла наша любовь, хотя я понимаю, что со временем все проходит.

— Я все еще люблю тебя.

— Но не так уж сильно, верно? Мне не следует упрекать тебя, Пит, я и сама не лучше. А мне так хотелось, чтобы мы оба любили друг друга… как прежде…

— Ты встретишь другого. И мы расстаемся не врагами…

— Да, все к лучшему. Хуже жить с человеком, который тебя не любит. Сейчас, когда любовь ушла, мне было бы тяжело с тобой.

Он привлек Еву к себе, собираясь поцеловать, но она подставила лишь щеку.

— Прощай, Пит.

— Я тебя никогда не забуду.

— У нас было много хорошего, — и Ева ушла.

Питер вернулся в толпу. Его поздравляли, но он не ощущал радости. Прощание с Евой не выходило из головы, и общее внимание становилось ему в тягость. Буллит торжественно пожал его руку.

— Мне очень жаль, что вы уезжаете, Фригейт, — заявил он. — Вы были образцовым гражданином. Осталась небольшая формальность. — Он обернулся к стоявшему рядом чиновнику. — Мистер Армстронг, пожалуйста, примите оружие у мистера Фригейта.

Питер не протестовал. В свое время он дал клятву вернуть оружие в случае отъезда. Но свой меч он не принес, припрятав его еще утром. Последняя память о жизни в Руритании… о Еве, украсившей вышивкой перевязь… Он заберет меч с собой.

Этой ночью он снова вернулся в прошлое, к прежнему сну, когда, стоя голышом перед домом, он бросал камешки в окно спальни в тщетной надежде разбудить Рузвельта. Он обогнул дом, пытаясь открыть какое-нибудь окно, и вдруг обнаружил распахнутую дверь. Ему удалось тихо проскользнуть через переднюю в кухню; теперь оставалось сделать лишь пару шагов до противоположной двери, откуда шел коридор к лестнице, что вела на второй этаж. Ступеньки скрипели, он старался наступать на самый краешек. В этот момент он заметил, что дверь в спальню родителей, где спали и младшие дети, открыта; комнату заливал лунный свет. Старомодная постель отца

и матери зияла пустотой; пусты были кроватки сестры и брата.

Не оказалось на месте и Рузвельта. В смятении Питер обернулся к окну: перед ним зияла пустотой собачья будка.

Все, даже пес, исчезли без следа. Что за таинственное преступление произошло здесь?

32

— Учебный дирижабль будет готов через месяц, — объявил однажды Файбрас. — Первый полет совершит Джил Галбира, наш самый опытный пилот. Я назначаю ее командиром этого корабля. Ну, как, Джил? Теперь уж вам не удастся обвинить меня в пристрастности.

Окружившие Джил мужчины принялись поздравлять ее, хотя с довольно кислыми минами. Казалось, искреннюю радость испытывал лишь Сирано; только опасение рассердить ее удержало француза от поцелуя. Но, повинуясь внезапному порыву, Джил притянула его к себе и крепко обняла.

Через двадцать минут Файбрас, Мессне, Пискатор, Джил и десяток инженеров вновь склонились над чертежами дирижабля. За три недели изнурительной работы они составили всю техническую документацию, от расчетов до чертежей, с помощью компьютера. Машина дала возможность предельно ускорить проектирование, выявить допущенные ошибки, внести поправки, а главное, — перепроверить все математические выкладки, сделанные ранее вручную.

Напряжение этих недель не прошло даром. Джил чувствовала, что стоит на пороге нервного срыва, и начала по два часа в день заниматься фехтованием. Она увлекалась этим видом спорта еще на Земле, но здесь пришлось приобретать совсем новые навыки. Рапиры в Пароландо были легкими и гибкими, а мишенью считалась любая точка тела.

— Вы еще не научились правильно парировать быстрые удары, — говорил ей Сирано, — но придет время, и вы можете стать серьезным соперником.

А когда-то она отлично фехтовала. Ее великий учитель, олимпийский чемпион, уверял, что при постоянных тренировках она могла бы претендовать на самые высокие награды в мировых чемпионатах. Однако работа отнимала все время, и на занятия в спортивном зале его почти не оставалось. Но Джил обожала фехтование. Ей казалось, что в нем есть какое-то сходство с шахматами, еще одной ее любовью.

Она испытывала удовольствие, просто касаясь клинка и вспоминая полузабытые навыки. Но настоящую радость ей приносили победы над большинством ее противников-мужчин. Джил считали неуклюжей из-за высокого роста, но, взяв

в руки рапиру, она преображалась, приобретала ловкость и даже известное изящество.

Она не могла победить лишь двоих. Одним был Раделли, итальянский мастер, автор «Руководства по фехтованию на рапирах и саблях», опубликованного в 1885 году. Другим — бесспорный чемпион Савиньен Сирано де Бержерак. Он поражал ее… Сирано умер в середине семнадцатого века, когда техника фехтования только начала развиваться. Итальянцы закладывали основы современного боевого искусства, и лишь к началу девятнадцатого столетия сформировалась настоящая школа. Репутация Сирано как величайшего фехтовальщика всех времен сложилась вне конкуренции с серьезными противниками позднейших столетий, и Джил всегда казалось, что она сильно преувеличена. Истинной правды о схватке у Нэльской башни не знал никто, кроме француза, а сам он о ней помалкивал.

Здесь Сирано обучился всем тонкостям современного поединка у Раделли и Борсоди. Через четыре месяца непрерывных занятий он превзошел своих учителей, через пять — был вновь, как некогда, непобедим.

Постепенно Джил преодолела скованность и даже приобрела некоторый блеск в бою. Ей не раз

удавалось выигрывать шестиминутные схватки у опытных мастеров с преимуществом в одно очко. Но Бержераку она всегда проигрывала — ей не хватало быстроты, стремительности. Пока она наносила один укол, он успевал сделать пять выпадов. Но даже этот один он словно допускал из милости, стараясь смягчить горечь поражения. Однажды после боя она в раздражении запретила ему щадить ее самолюбие.

— Даже если бы я был влюблен в вас и желал оградить от боли, — возмутился он, — то и тогда не играл бы в поддавки! Это бесчестно! Считается, что в любви и на войне все средства хороши, но этот девиз не для меня. Нет, у вас хороший удар, есть быстрота и уменье.

— Однако, если бы мы сражались всерьез, вы могли убить меня первым же ударом.

Он поднял маску и вытер лоб, мокрый от пота.

— Верно. Не собираетесь ли вы вызвать меня на дуэль? Все еще сердитесь на меня?

— За то, что случилось на берегу? Нет.

— Тогда из-за чего же, осмелюсь вас спросить?

Она не ответила, и Сирано, подняв бровь, истинно галльским жестом пожал плечами.

Да, он превосходил ее как фехтовальщик. Сколько бы она ни тренировалась, сколько ни

тратила усилий, чтобы превзойти его — мужчину! — все равно она проиграет, как проигрывала до сих пор. Она попыталась взять реванш в другом. Однажды во время схватки Джил начала издеваться над его невежеством и суевериями. Сирано ответил яростной атакой. Однако он не потерял головы: хладнокровно, с фантастической точностью предугадывая каждое ее движение, он нанес ей пять уколов за полторы минуты. Джил была покорена и извинилась перед ним.

— Как глупо смеяться над пробелами в ваших познаниях и над вашими религиозными заблуждениями, — покаялась она. — В конце концов, вы же не виноваты, что родились в 1619 году. Мне не надо было доводить вас до бешенства. Это никогда не повторится; прошу вас — простите меня.

— Значит, все гадости, что вы наговорили, — только уловка? Лишь способ взять верх в поединке? Здесь ничего не направлено против меня лично?

— Должна признаться: я хотела, чтобы вы потеряли самообладание. В тот момент мне действительно казалось, что вы — невежественный простофиля, живое ископаемое. Во мне все кипело… — После минутного молчания она робко поинтересовалась: — Это правда, что на смерт-

ном одре вы покаялись в своих грехах?

Француз побагровел, его глаза гневно блеснули.

— Да, мисс Галбира. Действительно, я заявил, что виновен в богохульстве и безверии, и просил Господа о прощении. Я сделал это! Я, ненавидевший разжиревших, самодовольных, невежественных, лицемерных попов и их бесчувственного, беспощадного Бога! Поймите… вы жили в мире, свободном от предрассудков, и даже представить себе не можете ужас перед вечным огнем, вечными муками в аду… Вы не в силах вообразить этот треклятый, въевшийся в душу страх… С самого детства он начинал пропитывать нашу плоть и наш мозг… Вот почему в свой смертный час, в диком страхе перед геенной огненной, я уступил сестре, этой беззубой суке, и доброму верному другу Ле Брэ, сказав, что покаюсь и спасу свою душу… а вы, моя дорогая сестра и дорогой друг, можете радоваться и молиться за меня, чтобы я попал в чистилище.

— Что мне оставалось? Кому могло повредить мое покаяние? Ведь если Христос действительно Спаситель, и спасти тебя ему ничего не стоит, если существует и рай, и ад, то нужно быть последним болваном, чтобы не позаботиться о

своей никчемной шкуре и бессмертной душе. С другой стороны, если после смерти — лишь пустота небытия, то что я теряю? А так я осчастливил свою сестру и добросердечного Ле Брэ.

— Через два года после вашей смерти он написал вам блестящий панегирик, — сказала Джил, — предисловие к «Путешествию на Луну».

— Надеюсь, он не сделал из меня святого, — воскликнул Сирано.

— Нет, он создал прекрасный образ, благородный, но не благостный. Правда, другие писатели… впрочем, у вас было множество врагов.

— Которые все сделали, чтобы очернить мое имя и репутацию, когда я был мертв и не мог защитить себя? Вот свиньи, воронье!

— Мне не вспомнить их имена, — сказала Джил, — да и какое сейчас это имеет значение? Только литературоведы знают, как звали ваших злопыхателей, а большинству людей вы известны лишь как романтический, остроумный и трогательный герой пьесы Ростана. Долгое время ваши творения — «Путешествие на Луну» и «Путешествие к Солнцу» — считали плодом безумца, их подвергали жесточайшей цензуре. Церковные власти резали ваши тексты, выбрасывая огромные куски и доводя содержание до полнейшей

бессмыслицы. Но со временем книги возрождались, и я уже смогла прочесть их полностью в английском переводе.

— Счастлив это слышать. Мне довелось узнать от Клеменса и других, что я вознесен на литературный Олимп и стал там если не Зевсом, то Ганимедом… — он нахмурился. — Но меня чрезвычайно больно задела ваша ядовитая насмешка над моими суевериями, мадам. Да, я верил, что убивающая луна поглощает костный мозг животных. Вы утверждаете, что это явный вздор. Хорошо, я согласен… Но это же мелкое безобидное заблуждение! Кому оно повредило? А вот настоящее суеверие — это уже серьезно. Оно нанесло огромный ущерб многим миллионам человеческих существ. В мире царила тупая варварская вера в колдовство, в способность человека заклинаниями изгнать бесов или, наоборот, призывать силы ада. Я написал письмо, осуждавшее порочное невежество. Мне было ясно, что все эти абсурдные приговоры, жестокие пытки и казни, на которые обрекали безумных или невинных людей в борьбе с Дьяволом и во имя Бога, сами несли в себе дьявольское начало. Правда, при моей жизни это письмо «Против колдунов» не было напечатано — за него меня могли бы отправить

на костер. Но оно ходило по рукам в списках… Вот вам доказательство, что я не таков, каким вы меня представляете!

— Да, я знаю, — Джил понурила голову, — и уже извинилась перед вами. Могу это сделать еще раз.

— О, нет! Вполне достаточно, — он усмехнулся и, потирая кончик длинного носа, добавил: — Конечно, вы, люди двадцатого века, можете считать меня невеждой. Однако в нашей компании был кое-кто… человек весьма древних времен, который знал побольше ваших ученых. Вы слышали про Одиссея из Итаки?

Одиссей! Конечно, Джил не раз рассказывали о нем. Он внезапно появился во время сражения объединенных войск Клеменса и короля Джона с флотом фон Радовитца, предводителя германцев, пытавшегося захватить главное сокровище Пароландо — железный метеорит. Одиссей на самом деле оказался легендарным стрелком: он поразил из лука фон Радовитца, перебил его помощников и обеспечил победу. После таких подвигов ни у кого не оставалось сомнений в подлинности имени, которое назвал этот коренастый, плотный человек — редкий случай в долине Реки, заполненной десятками Наполеонов, Юлиев Цезарей

и Александров Македонских. Да, странник был Одиссеем из гомеровского эпоса, вождем Итаки и одним из предводителей ахейцев, разрушивших древнюю Трою. Правда, он утверждал, что Илион, столица Приама, располагался совсем не там, где считали археологи нового времени, а значительно южнее.

Он исчез так же таинственно и внезапно, как появился. Клеменс полагал, что грека убили по приказу короля Джона, и долго пытался обнаружить его следы. После того, как «Марк Твен» отправился в свой нескончаемый путь, поиски продолжил Файбрас — но так же безрезультатно. Правда, одному из его разведчиков, Джиму Сорли, удалось выяснить, что король Джон не связан с исчезновением Одиссея. Это было все.

Джил весьма занимали причины, по которым Одиссей вступил в бой на стороне Клеменса. Зачем чужаку ввязываться в военные распри в Пароландо? Какую выгоду он преследовал, что надеялся получить от победителей? Она не раз мучила вопросами Файбраса, но он не знал ничего. Только Сэм Клеменс мог бы дать объяснения, однако он никогда не распространялся об этом предмете.

— Возможно, у Одиссея были те же причи-

ны, что у нас с Бержераком, — заметил как-то Файбрас. — А мы хотим добраться до северного полюса.

«Странно, — размышляла Джил, — почему до конца строительства второго судна никто не подумал о дирижабле? Ведь на нем до северных широт можно добраться за несколько дней, а странствие по Реке требует десятилетий».

— Одна из житейских загадок, — усмехнулся Файбрас, когда она спросила его об этом. — Как всегда, человечество не видит дальше своего носа. Нужно, чтобы со стороны ему поднесли зеркало.

Это зеркало поднес человек по имени Август фон Парсефаль, майор немецкой армии и конструктор дирижаблей. В период между 1906 и 1914 годами Англия и Германия строили дирижабли только по его проектам.

Он появился в Пароландо перед отплытием «Марка Твена» и искренне изумился, что никому не пришла в голову мысль о воздушном корабле, который обеспечивал наибольшую скорость передвижения. Файбрас обругал себя за недомыслие и поспешил изложить эту идею Клеменсу. К своему удивлению, он узнал, что Сэм давно размышляет о постройке дирижабля. Впрочем,

разве не Клеменс написал роман «Том Сойер за границей»? Тот самый, в котором Том, Джим и Гекльберри совершили путешествие от Миссури до Сахары на воздушном шаре?

Пораженный Файбрас поинтересовался, почему Сэм ни разу не упомянул о подобном проекте.

— Да потому, что я предчувствовал появление какого-нибудь восторженного болвана, который предложит забросить все работы на судне, а материалы и специалистов передать на строительство дирижабля. Нет уж, дудки! Ковчег — прежде всего, сказал Ной жене, когда она вместо работы пустилась в пляс под ливнем всемирного потопа. Так вот, друг мой, Народ и Парламент постановляют: никаких дирижаблей! Это дьявольская, опасная машина. Я не смогу там даже выкурить сигару! Ну, посудите сами, почему я должен из-за этого чудовища отказывать себе в невинном развлечении? Ради чего тогда жить?

Когда у Сэма кончился запас острот, он привел другие, уже серьезные доводы. Но Файбрас чувствовал, что он не коснулся главной причины. Клеменса интересовала не столько Башня, сколько само путешествие. Построить огромное судно, стать его капитаном и плыть на нем по Реке миллионы миль и десятки лет, восхищая и

изумляя миллиарды людей… Именно это было его мечтой!

Однако он имел еще одну цель — мщение. Он лелеял мысль о том, что взыщет долг с короля Джона, расплатится с ним за потерю первого судна — «Ненаемного», своей первой любви. Догнать, захватить и сокрушить — вот возмездие, которое он мечтал обрушить на обидчика.

Чтобы добраться от Пароландо до гор, окружающих северное море, требовалось не меньше сорока лет. Но Сэма не беспокоил срок. Сорок лет? Ерунда! Колумба и Магеллана такие пустяки не волновали!

Он жаждал увидеть новые лица, потолковать с тысячами тысяч встречных. Любопытство переполняло его, словно женщину перед соседской дверью с замочной скважиной величиной с ладонь. А путешествуя на воздушном корабле разве можно заглянуть во все эти соблазнительные отверстия? И как говорить с людьми, проплывая в миле над их головами?

Файбрас, столь же общительный, как Клеменс, тем не менее не мог его понять. Экс-астронавта интересовала цель, а не путь ее достижения; а цель — Великая Чаша, Туманный Замок, Темная Башня — продолжала маячить на севере неразга-

данной тайной. Там был ключ ко всем секретам этого мира, с неодолимой силой притягивающий Файбраса.

Он не стал спорить с Клеменсом, подозревая, что тот прекрасно понимает слабость своих доводов. Действительно, месяца за два — до отплытия «Марка Твена» его будущий капитан сам вернулся к этой теме.

— Если вы еще не разочаровались в своем огнеопасном капризе, то после моего отъезда можете вернуться к проекту «Дирижабль». Я полагаю, что воздушное судно надо использовать только с разведывательными целями.

— Но почему?

— А на что еще годятся эти надутые шары пылающего Ваала? Дирижабль не может сесть на Башню, не может даже приземлиться где-то рядом. По словам Джо Миллера, там повсюду отвесные скалы и совсем нет пологих берегов. Да и…

— Откуда Джо знает, какие там берега? Море было покрыто густым туманом, и он видел лишь верхушку Башни.

Сэм выдохнул клуб дыма, напомнив Файбрасу разгневанного дракона.

— Это и так ясно! Зачем этикам создавать

удобный плацдарм для высадки? Конечно, его не существует. Но я хочу, чтобы вы изучили местность. Посмотрите, нет ли другого прохода в горах, кроме того, которым прошел Джо.

И на этот раз Файбрас не стал с ним спорить. Если дирижабль доберется до полюса, он поступит так, как сочтет нужным; до Клеменса с его советами будет достаточно далеко.

— Корабль ушел, я был свободен и счастлив, как пес, которого спустили с поводка, — Файбрас усмехнулся внимательно слушавшей Джил. — Я рассказал новость фон Парсефалю, и мы с ним хорошо отметили это событие. Но через два месяца бедняга Август угодил в пасть речного дракона. Мне с трудом удалось спастись…

Файбрас поглядел на Джил, поглаживая висок тонкими смуглыми пальцами; казалось, он колеблется.

— Я открою вам одну тайну. Но поклянитесь, что никогда, ни при каких обстоятельствах вы…

Джил с готовностью кивнула.

— Ну, ладно… У нас был один инженер, специалист из Калифорнийского технологического… Ему удалось построить лазер, действующий в пределах пятисот ярдов. На таком расстоянии он может перерезать «Рекс» пополам. Сейчас он

уже у Сэма. Это совершенно секретное дело, о нем знают на «Марке Твене» лишь шесть человек; даже Джо не посвящен в тайну. Когда они догонят «Рекс», будет нанесен мгновенный удар. Сэм победит, Джону придет конец, и обе команды будут избавлены от кровопролития.

— Я был одним из разработчиков этого оружия, и когда мы, наконец, испытали его, поговорил с Сэмом. Я просил его оставить лазер для дирижабля — ведь надо как-то вскрыть стены Башни. Но он отказал наотрез… заявил, что, случись с дирижаблем авария, лазер пропадет, а потому его нужно установить на судне. Впервые я спорил с ним, как бешеный… но бесполезно. Сэм бывает очень упрям. И теперь самое мощное средство, которым мы располагали, болтается в трюме его корабля.

33

Джил хотела спросить, не собирается ли ее шеф отправить экспедицию в поисках материалов для нового лазера, но в дверь постучала секретарша, Агата Ренник: не примет ли мистер Файбрас Пискатора? Файбрас кивнул, и японец тут же появился на пороге кабинета. Учтиво осведомившись о здоровье, он сообщил, что принес хорошие новости. Химики, которые трудились над синтетическим топливом для двигателя, готовы поставить первую партию на следующей неделе.

— Грандиозно! — Файбрас подмигнул Джил. — Значит, вы можете провести наземные испытания «Минервы» завтра же, а старт состоится через семь дней. Великолепно!

Джил почувствовала себя совершенно счастливой. Файбрас решил, что по этому поводу не грех выпить, но прекрасная идея увяла в самом зародыше — секретарша появилась вновь.

— Я не хотела мешать вам, — девушка широко улыбнулась, — но у нас гость. Кажется, мы можем заполучить нового и весьма опытного летчика. Он только что прибыл.

Восторженность Джил улетучилась, как дым, сердце упало. Она почувствовала, что капитанские регалии могут уплыть от нее во мгновение ока. Если тут появится мужчина — и более опытный, чем она… Но, главное — мужчина! Возможно, он служил офицером на «Графе Цеппелине» или на «Гинденбурге», летал на жестких дирижаблях… В глазах Файбраса это тоже будет несомненным преимуществом! Когда она увидела человека, вошедшего вслед за секретаршей, сердце ее учащенно забилось. Нет, она его не знала. Он мог работать в какой-нибудь частной компании… мог служить на воздушных кораблях ранних лет. На старых фотографиях, попадавших в руки Джил, она видела солидных мужчин в форме — любого из них было бы нелегко узнать в обличье юноши.

— Мистер Файбрас, — представила Агата, — это Барри Торн.

Незнакомец, одетый в черную, закрытую до горла блузу и яркий килы в красную, синюю и белую полосы, держал в одной руке металлический цилиндр, в другой — большой мешок из рыбьей кожи. Среднего роста, плотного телосложения, он чем-то неуловимым напомнил Джил быка. Длинные ноги делали его фигуру

более пропорциональной. Странное впечатление оставляли руки — длинные, как у обезьяны, с гибкими пальцами. Густые рыжеватые волосы вились крутыми прядями вокруг широкого лица с темно-голубыми глазами, прямым длинным носом, полными губами и мощной челюстью. Маленькие уши были плотно прижаты к черепу.

Войдя, он сверкнул белозубой улыбкой, и, отставив цилиндр с мешком в сторонку, стал растирать пальцы. Вероятно, он долго тащил тяжелый груз или греб на каноэ.

Оказавшись перед незнакомыми людьми, которые с пристрастием расспрашивали его о прошлой профессии, Торн держался свободно и непринужденно, излучая флюиды благожелательности и некоего магнетизма, который, правда, был бессилен перед ревнивой настороженностью Джил. Позднее она подметила в нем любопытную способность мгновенно отключаться от окружающего — так гаснет свет в выключенной лампе; Торн также предпочитал держаться в тени, на втором плане, несмотря на незаурядную внешность.

Поглядывая на Пискатора, Джил обратила внимание, что тот весьма заинтересовался личностью новичка. Сощурив глаза и склонив на бок

голову, японец внимательно прислушивался к мягким звукам его голоса.

Файбрас пожал Торну руку.

— Ого! Ну и хватка! Если Агата вас правильно представила, сэр, то мы рады вас здесь видеть. Садитесь, дайте отдых ногам. Давно к нам добираетесь? Сколько? Сорок тысяч грейлстоунов? Хотите чего-нибудь выпить? Чай, кофе, пиво или виски?

Торн отказался от всего и сел на стул. У него был приятный баритон, звучавший весьма уверенно; он говорил без обычных пауз, начиная новую фразу в момент, когда еще не разделался с предыдущей. Обнаружив, что Торн — канадец, Файбрас перешел с эсперанто на английский. Через несколько минут они уже знали биографию гостя.

Барри Торн родился в 1929 году на отцовской ферме под городом Реджайна провинции Саскачеван. Получив диплом инженера-электромеханика, он пошел служить в Британские военно-морские силы. Во время войны командовал дирижаблем. Затем женился на американке и уехал с ней в Огайо, так как она захотела жить поближе к родителям. Там перед ним открылись значительно большие возможности, чем в пе-

риод военной карьеры. Он получил лицензию летчика коммерческих авиалиний, развелся, уехал на Аляску и работал несколько лет пилотом полярной авиации. Затем он снова вернулся в Штаты и женился второй раз. Он получил место в недавно открытой Британско-Западногерманской авиакомпании и водил дирижабли, буксирующие надувные контейнеры с газом со Среднего Востока в Европу.

Джил задала ему несколько вопросов о тех его сослуживцах, с которыми была знакома. Торн помнил лишь одного из них, остальные канули во тьму забвения.

Он умер в 1982 году во время отпуска в Фридрихсхафене. Причины смерти Торн не знал; очевидно — сердечный приступ: вечером лег спать, а очнулся нагим уже на берегу Реки. Здесь он много бродяжничал. Однажды, услышав рассказ о строительстве громадного дирижабля, решил отыскать его.

— Какая удача! — сверкнул улыбкой Файбрас. — Мы очень рады видеть вас у себя. Агата, вы распорядились о доме для мистера Торна?

Покидая кабинет, Торн обменялся со всеми рукопожатиями. Файбрас только что не танцевал от восторга.

— Какая удача!

— А она меняет что-нибудь в моем положении? — сухо спросила Джил.

— Почему же? — изумился Файбрас. — Я сказал, что вы будете капитаном «Минервы», а Файбрас всегда держит слово! Ну, почти всегда… если говорить начистоту. Вас, вероятно, беспокоит, что ничего не сказано о кандидатуре первого помощника на «Парсефале». Так вот, вы — один из претендентов на это место, но это все, что я уполномочен сегодня сказать. Решение еще не принято; в конкурсе может победить мужчина, но может — и женщина.

Пискатор тихонько похлопал ее по руке. В другое время она вознегодовала бы от такой фамильярности, но сейчас даже растрогалась. Они вместе вышли из кабинета.

— Я не уверен, что Торн до конца искренен, — заметил Пискатор, — его рассказ, может быть, и правдив, но в тоне слышится фальшь. По-моему, он что-то скрывает.

— Вы меня иногда пугаете, — посмотрела на него Джил.

— Впрочем, я тоже могу ошибаться.

Но у Джил создалось впечатление, что это лишь отговорка,

34

Каждое утро перед рассветом «Минерва» поднималась для учебных полетов. Иногда они продолжались до полудня, иногда тянулись весь день. Первую неделю Джил летала одна, затем начала брать с собой пилотов-стажеров и наблюдателей. Барри Торн не допускался к рукояткам управления целый месяц — Джил потребовала, чтобы он вначале поработал на тренажере. Конечно, он был опытным аэронавтом, но не летал уже тридцать два года и, по собственному признанию, многое позабыл. Торн не возражал против ее приказа.

Когда канадец впервые занял кресло пилота, Джил наблюдала за ним с особым пристрастием. В чем бы ни подозревал его Пискатор, Торн явно не был самозванцем; он вел дирижабль так, словно еще вчера сидел у штурвала. Скорость, с которой он восстановил летные навыки, прекрасная реакция и завидное умение выходить из критических ситуаций не радовали Джил. У нее появился серьезный конкурент — этот Торн был из породы капитанов.

Однако он оказался весьма странным субъек-

том. Легко сходился с людьми, любил хорошую шутку, но никогда не шутил сам и вне работы держался особняком. Его хижина стояла в двадцати ярдах от жилища Джил, но он ни разу не заглянул к ней. Впрочем, ей это было на руку — не хватало только, чтобы соперник начал ухаживать за ней! Но он избегал и других женщин, дав повод к подозрениям в гомосексуализме. Но, похоже, вопросы пола совершенно не занимали Торна. Он был сам по себе — наподобие кошки из сказки Киплинга, — хотя при желании мог очаровать любого. Затем внезапно, часто — в середине разговора, он замыкался, переставал реагировать на окружающих.

— Странности человека в обычной жизни совершенно не исключают выдающихся летных качеств, — заявил Файбрас.

И он сам, и де Бержерак также оказались необыкновенно способными пилотами. Американец никого не удивил; он налетал тысячи часов на реактивных самолетах, вертолетах и космических кораблях. Но француз являлся сыном эпохи, в которую даже не мечтали о воздушных судах; самым сложным механизмом, который он держал в руках, был мушкет с фитильным запалом. Однако он быстро усвоил все премудрости летно-

го дела и даже не испытывал особых трудностей с теорией.

Хотя Файбрас был отличным пилотом, но де Бержерак скоро превзошел его. Даже Джил — правда, без большой радости — признала его превосходство. Француз обладал молниеносной реакцией и потрясающим хладнокровием; он работал с быстротой и надежностью компьютера.

Аналогичный сюрприз преподнес и другой кандидат — Джон де Грейсток. Барон выразил желание стать членом экипажа «Минервы», которой предстояло атаковать «Рекс». Джил скептически отнеслась к его намерению, но через три месяца полетов и она, и Файбрас уже считали его одним из лучших в команде. Он обладал воинской сметкой, беспощадностью и безудержной отвагой — превосходными качествами боевого летчика. Но, главное, Грейсток ненавидел короля Джона. При абордаже «Ненаемного» его ранили, и он жаждал отмщения.

Джил прибыла в Пароландо к концу месяца, именуемого на эсперанто «дектра», — тринадцатый по-английски. В стране был принят тринадцатимесячный календарь, поскольку ни времен года, ни луны в Мире Реки не существовало. Из чисто сентиментальных соображений,

год по-прежнему состоял из трехсот шестидесяти пяти дней. Каждый месяц включал четыре семидневные недели, то есть двадцать восемь дней. Так как в двенадцати месяцах заключалось лишь 336 дней, добавили еще один. Но оставался лишний день, и его объявили новогодним праздником. Джил высадилась за три дня до наступления 31 года После Воскрешения.

Сейчас шел январь тридцать третьего эры п.в. Для подготовки полета к полюсу требовалось еще не меньше года. Часто возникали непредвиденные осложнения в работе, да и грандиозность намерений Файбраса не позволяла сократить сроки. Первоначальные планы срывались, назначались новые даты.

К этому времени состав экипажа определился, однако еще не было ясности с назначением главных фигур — первого и второго помощников капитана; одни предпочитали Торна, другие — Джил. Она сама теперь стала спокойней, волнения улеглись, изредка тревожа ее в ночных кошмарах. Что касается Торна, то его, как будто, совсем не заботили вопросы карьеры.

В ту среду января, или первого месяца, работы шли так успешно, что Джил решила пораньше уйти домой и немного отдохнуть. Настроение

было прекрасным, и она, взяв удочки, направилась к ближайшему озеру. На вершине холма она нагнала Пискатора — тоже с рыболовными принадлежностями и плетеной корзиной. Джил окликнула его, японец обернулся и поклонился, не одарив ее, однако, обычной приветливой улыбкой.

— У вас такой вид, словно вы ждете какой-то беды.

— Вы правы, но я беспокоюсь не за себя, а за человека, которого, льщу себя надеждой, могу считать своим другом.

— Тогда ничего мне не рассказывайте.

— Нет, придется — ведь это касается вас.

Она остановилась.

— В чем дело?

— Все пилоты регулярно проходят медицинские и психологические проверки. Я узнал от Файбраса, что предстоит еще одно испытание — для всех, без исключения, членов команды.

— Мне грозят какие-то неприятности в связи с ним?

— Этот тест включает глубокий гипноз. Он должен выявить потенциальную психологическую неустойчивость, которую могли пропустить при предыдущих анализах.

— Да, но я…

— Меня пугает, что могут обнаружить… э-э-э… вашу склонность к галлюцинациям, пугающим вас временами.

Джил почувствовала приступ дурноты. На какой-то момент в глазах у нее потемнело. Пискатор подхватил ее под руку.

— Простите за плохую новость, но мне хотелось предупредить вас.

Она отодвинулась от него.

— Мне уже лучше, все в порядке… — Джил вытерла вспотевший лоб. — Боже милостивый, у меня не было ЭТОГО уже восемь месяцев! Жвачку я не употребляла ни разу после того приступа, когда вы были в моей хижине… Собственно, раньше у меня никогда и не было галлюцинаций. Вы думаете, что Файбрас отстранит меня? Но почему?

— Я не знаю, — Пискатор говорил очень медленно, — может быть, гипноз и не выявит этих приступов. Простите меня за попытку вмешаться в ваши дела, но мне кажется, вам нужно пойти к Файбрасу и откровенно все ему рассказать. Но это надо сделать до испытания.

— Что это даст?

— Если он обнаружит, что вы что-то от него скрыли, то непременно снимет вас. Но если вы

будете с ним откровенны, откроетесь ему до официального диагноза, он может прислушаться к вашим словам. Я не думаю, что кошмары, которые изредка вас тревожат, несут серьезную опасность, но мое мнение ничего не значит.

— Я не стану просить!

— Не забудьте, что ваша гордость может привести к плачевному результату.

Джил глубоко вздохнула и оглянулась вокруг, будто в поисках выхода. Лишь пять минут назад она было так уверена в себе, так счастлива!

— Ладно. У меня нет привычки откладывать важные дела на завтра.

— Весьма похвально, — заметил Пискатор, — и благоразумно. Желаю удачи. Тем не менее, поднимаясь на третий этаж к кабинету Файбраса, Джил задыхалась от волнения. Секретарша сказала, что он ушел к себе — возможно, отдохнуть. Она спустилась этажом ниже, к дверям его квартиры. Перед ними стояла охрана — четыре человека, обычно сопровождавшие его повсюду; эта предосторожность была вызвана парой покушений за последние полгода. Преступников не обнаружили — скорее всего, они покончили с собой. Никто не знал достоверно, откуда взялись эти люди; подозревали происки одного из враждебных

государств, расположенных вниз по Реке, откуда могли заслать убийц. Файбрас полагал, что там еще не расстались с надеждами захватить месторождения руды, невиданные машины и оружие Пароландо, предварительно прикончив его самого. Однако это были лишь предположения.

Джил подошла к старшему охраннику.

— Мне нужно поговорить с шефом.

— Извините, — отрезал верзила по имени Смизерс, — но он распорядился не беспокоить его.

— Почему?

— Не могу знать, мэм, — Смизерс взглянул на нее с любопытством.

— У него там, наверное, женщина! — раздражение победило в ней осторожность.

— Нет, не женщина и никто из своих, мэм. — Охранник ехидно усмехнулся. — У него гость, который прибыл сюда час назад — немец, Фриц Штерн, один из пилотов дирижаблей. Слышал, что он командор НДЕЛАГ… не знаю, что это такое. Но летал-то он побольше вашего!

Джил едва удержалась, чтобы не стукнуть его по физиономии. Она знала, что Смизерс не терпит ее; без сомнения, он с удовольствием преподносил эти новости.

— НДЕЛАГ, — она осудила себя за дрогнувший

голос, — это «Нойе Дейч Люфтшиффартс Актиен Гезельтшафт». Перед первой мировой войной была компания ДЕЛАГ. Ее дирижабли перевозили в Германии грузы и пассажиров. Но о НДЕЛАГ я никогда не слышала.

— По-видимому, ее создали после вашей смерти, — Смизерс откровенно наслаждался происходящим. — Я еще разобрал, как он говорил капитану, что кончил академию в Фридрихсхафене в 1984 году… он дослужился до командира супердирижабля «Виктория».

Джил окончательно пала духом: сначала — Торн, теперь — Штерн! Нет, здесь ей нечего делать! Пожав плечами, она сказала дрогнувшим от ярости голосом:

— Я… я повидаюсь с ним позже.

— Да, мэм. Извините, мэм, — Смизерс криво усмехался.

Джил уже шла вниз по лестнице, когда сзади раздался стук захлопнувшейся двери. Она резко обернулась. Из квартиры Файбраса вышел незнакомец. Он остановился, холодно разглядывая стражу. Парни потянулись за своими пистолетами. Перед ними стоял высокий широкоплечий человек, длинноногий, с удивительно тонкой талией. Светлые волосы вьющимися прядями

падали на лоб; лицо, красивое, но иссеченное морщинами, поражало нездоровой бледностью. В левой руке он держал окровавленный кинжал, правой выхватил из ножен меч. Вновь резко хлопнула дверь, и на пороге появился Файбрас, стиснув в кулаке рапиру. По его подбородку струилась кровь.

— Штерн? — выкрикнул Смизерс.

Немец метнулся в сторону. Путь вниз по лестнице, к двери, загораживала Джил, и он побежал к окну.

— Не стрелять! Ему не уйти! — закричал Смизерс.

Штерн прыгнул на подоконник и попытался кинжалом разбить окно. Толстое стекло не поддавалось, он бил по нему изо всей силы, потом, пошатнувшись, упал. Файбрас с охраной бросились к нему, следом спешила Джил.

Штерн поднялся на ноги, посмотрел на бежавших к нему людей, затем перевел взгляд на выпавшее из его рук оружие, закрыл глаза и рухнул на пол.

35

Джил подбежала, когда Файбрас щупал пульс распростертого на полу человека.

— Он мертв!

— Что произошло, сэр? — спросил Смизерс.

— Я могу лишь сказать, каким образом все случилось… объясняй сам, если сможешь. Мы мирно болтали с ним за рюмкой. Все шло нормально. Вдруг он вскочил, выхватил кинжал и попытался прикончить меня. Он выглядел так, словно в него вселился дьявол… но до того, пока мы выпивали — клянусь, я не встречал более уравновешенного человека! Но что с ним произошло? Похоже, он умер от сердечного приступа?

— От сердечного приступа? — переспросила Джил. — Никогда не слышала тут о чем-то подобном. А вы?

— Всегда что-то происходит впервые, — пожал плечами Файбрас, — особенно теперь, когда прекратились воскрешения.

— Кожа на лице посинела, — заметила Джил. — Не похоже на инфаркт… А он не мог принять яд? Правда, я не заметила, чтобы он подносил руки ко рту…

— Интересно, где он мог достать цианистый калий или синильную кислоту? — возразил Файбрас. Он взглянул на Смизерса. — Заверните тело и отнесите ко мне в спальню. Ночью спустите в Реку.

— Да, сэр, — вытянулся Смизерс. — А как же ваш подбородок, сэр? Вызвать врача?

— Не надо, я заклею пластырем сам… И никому ни слова! Ты понял, Смизерс? К вам это тоже относится, Галбира. Ни одного слова! Не надо будоражить людей.

Все покорно кивнули.

— Как вы думаете, — спросил Смизерс, — этого подонка тоже подослал Барр?

— Не знаю. Меня это не интересует… Займитесь им.

Он повернулся к Джил.

— А вы что здесь делаете?

— Я хотела с вами поговорить, но лучше попозже. Сейчас вам не до меня.

— Глупости, — поморщился Файбрас. — Со мной все о'кей. Пошли, Джил, я только заклею царапину, и мы побеседуем.

Джил шагнула в роскошно обставленную гостиную и уселась в мягкое кресло. Файбрас исчез в ванной; через несколько минут вернулся с белой

нашлепкой пластыря на подбородке.

Беззаботно улыбаясь, будто ничего не произошло, он обратился к Джил:

— Выпьем чего-нибудь? Вам нужно успокоить нервы.

— Вы уверены, что только мне?

— Ну, хорошо — и вам, и мне. Вы правы, я слегка взбудоражен. Хотя я и удостоился славы супермена, но это не так.

Он плеснул в наполненные льдом бокалы пурпурного вина. Нигде, кроме Пароландо, не было ни льда, ни изделий из стекла, ни пластыря. Во всяком случае, в других местах Джил не встречала этих атрибутов цивилизации. Несколько минут они молча потягивали холодный напиток. Их глаза встретились, но ни один не произнес ни слова. Наконец, Файбрас нарушил молчание.

— Ну-с, церемониал можно считать законченным. Так почему вы хотели со мной встретиться?

Джил с трудом выдавливала слова. Казалось, они застревали у нее в горле, едва пробиваясь сквозь преграду. Она замолчала и отхлебнула большой глоток; теперь речь полилась свободнее. Файбрас не прерывал ее исповеди. Он сидел неподвижно, устремив на нее пристальный взгляд.

— Вот почему я здесь, — закончила Джил. — Я должна была вам все рассказать, и поверьте — далось мне это непросто.

— Ну, и в связи с чем вы решили вывалить свои тайны? Узнали о гипнозе?

Ей захотелось слукавить. Пискатор ничего не скажет Файбрасу, в этом она была уверена.

Джил поборола искушение.

— Да, узнала. Вначале я не собиралась признаваться… но… мне даже страшно подумать о такой… таком исходе, как отстранение от должности, — у нее перехватило горло.

— Если у вас случится приступ во время полета, хорошего мало, — задумчиво произнес Файбрас. — С другой стороны, не считая Торна, вы наш лучший специалист. Конечно, Торн — опытный летчик, но вы… вы не просто аэронавт — вы фанатично преданы делу. Таких людей немного, и мне ни в коем случае не хотелось бы отстранять вас. Да я на это и не рискну, зная вас… не хватает только, чтобы вы покончили самоубийством! Нет, не возражайте! — Файбрас повелительно поднял ладонь. — В гневе и отчаянии вы на все способны! Однако я должен побеспокоиться о безопасности дирижабля и его команды. И поэтому предлагаю вам следующее: если с сегодняшнего

дня и до момента отлета у вас больше не будет приступов, вы остаетесь на своем месте, — он задумчиво посмотрел на Джил. — Единственное осложнение — поверить вам на слово. Ну, что же, придется! Я даже не смогу подвергнуть вас гипнозу, чтобы узнать, говорите ли вы правду. Если я это сделаю, получится, что я вам не доверяю. А мне неприятно работать с людьми, которым я не доверял хотя бы на сотую долю процента.

Джил была готова броситься к нему с объятиями. Ее глаза увлажнились, она едва не всхлипнула от радости, но взяла себя в руки. Подчиненному не подобает обниматься с начальством. К тому же, начальство может превратно истолковать ее порыв и увлечь в свою спальню. Но тут же она одернула себя: Файбрас всегда весьма корректно держался с женщинами.

— Но как же быть с этой проверкой под гипнозом? — спросила она. — Разве можно без нее обойтись, когда все члены экипажа обязаны пройти испытание?

— Есть другой выход.

Файбрас встал, подошел к письменному столу, что-то черкнул на листе бумаги и протянул ей записку.

— Отдайте это доктору Грейвсу. Он сделает вам

рентген.

— Зачем? — удивилась Джил.

— Это приказ командира, и извольте ему подчиняться. Однако, чтобы вы не чувствовали себя обиженной, я кое-что скажу вам. Речь идет об анализе особого рода… психологическом исследовании, для которого я сам спроектировал аппаратуру. Все остальные его тоже пройдут, однако вам предоставляется первая очередь.

— Ничего не поняла, — пробормотала Джил, вставая. — Но я все сделаю. Благодарю вас.

— Не стоит благодарности. А теперь — прямиком к доку Грейвсу.

Когда она вошла в кабинет врача, тот, хмуря брови и свирепо теребя сигару, говорил по телефону.

— Ну, ладно, Милт, я все сделаю! Но вы явно что-то не договариваете, и это мне не нравится!

Он повесил трубку и повернулся к Джил.

— Привет! Вам придется подождать начальника охраны Смизерса. Он сразу же возьмет ваш снимок и отнесет Файбрасу.

Доктор начал мерить шагами комнату, раздраженно попыхивая сигарой.

— Вот черт! Он не позволил мне даже взглянуть на снимок. Интересно, почему?

— Он говорил о психологическом исследовании… Возможно, это условие является его частью.

— Да разве может рентген головы показать изменения в человеческой психике? Он что, меня самого принимает за психа?

— Хороший вопрос! — ухмыльнулась Джил.

Доктор бросил на нее грозный взгляд из-под нахмуренных бровей.

— Ладно, красавица. Я не желаю мучиться ночами из-за всяких загадок и тайн. Мое единственное желание — обрести тут немного тишины и покоя… Я покинул грешную Землю в 1980 году и, конечно, не знаком с позднейшими открытиями в медицине. Подозреваю, что оно к лучшему. Если шеф надеется обнаружить неврастению и психоз с помощью рентгена, это его личное дело.

Он резко повернулся к Джил, наставив на нее сигару словно дуло пистолета.

— Однако меня интересует один вопрос… и я хотел бы узнать у вас кое-что. Скажите, Джил, вы встречали людей, живших позже 1983 года — за исключением Файбраса, разумеется?

Джил удивленно подняла брови.

— Не-ет, — нерешительно протянула она, — пожалуй, не встречала. Странно, не так ли?

Она едва не проговорилась о Штерне, но вовремя прикусила язык.

— Я тоже, — кивнул Грейвс. — И я согласен с вами, что это выглядит чертовски странно.

— Впрочем, хотя я проехала сотни тысяч миль и видела тысячи людей, я не могла поговорить со всеми. Насколько мне известно, уроженцы двадцатом века нигде не образуют большую группу, они рассеяны среди других людей, растворились в их массе. Поэтому нет ничего удивительном, что далеко не каждому удается встретить человека, жившего после 1983 года.

— Да? Все может быть… А вот и Смизерс со своими парнями! Ну, моя дорогая, как сказал лис курице, приготовьтесь демонстрировать свои внутренности.

36

Газета «Ежедневные вести» (владелец — государство Пароландо, издатель — С.К.Бегг), выдержки из разных номеров.

«Дмитрий („Митя“) Иванович Никитин, в настоящее время третий пилот „Парсефаля“. Родился в 1885 году в городе Гомеле, Россия, в семье предпринимателя. Его отец был владельцем кожевенной фабрики, мать — учительницей музыки. Никитин включен в команду в связи с тем, что он был первым пилотом дирижабля „Россия“, построенного французской фирмой „Лебоди-Жийо“ в 1905 году по заказу русского правительства.

Главный инструктор полетов мисс Джил Галбира утверждает, что, по ее мнению, опыт Мити недостаточен, но в процессе тренировок он проявил великолепные способности. Однако, по слухам, он — большой любитель спиртного. Прислушайтесь к нашему совету, Митя! Подальше от бутылки!».

«…Издатель не собирается подавать в суд на Никитина. В кратком интервью, которое мистер Бегг дал в больнице, он заявил: „Я бы предпочел, что-

бы меня вывел из строя кто-нибудь поприличнее этого подонка. Когда в следующий раз он явится в мой кабинет, я буду начеку. Но арестовать его не дам! Не потому, что жалею, нет! Я сам хочу вправить ему мозги, и палка у меня наготове!“»

«…Этторе Ардуино — итальянец (а кем же еще ему быть?), но он — блондин с голубыми глазами, и при его молчаливости и неприязни к чесноку, может сойти за шведа. Как известно, он появился в Пароландо два месяца назад и сразу же был включен в группу, проходящую тренировочные полеты. Его прошлое связано со знаменитой и трагической эпопеей Умберто Нобиле (см. на стр.6 биографию этого славного сына Рима). Ардуино служил главным механиком на дирижаблях „Норвегия“ и „Италия“. „Норвегия“ совершила свой первый перелет через северный полюс 12 мая 1926 года. Во время этой экспедиции было установлено отсутствие обширных земель между полюсом и Аляской, что опровергло гипотезу великого путешественника и исследователя Роберта Е.Пири (1856–1920), первого человека, достигшего северного полюса в 1909 году. (Надо добавить, что Пири сопровождали негр Мэтью Хэнсон и четыре эскимоса, чьи имена остались неизвестными; в действительности, Хэнсон пер-

вым ступил на полюс)».

«Италия», миновав северный полюс, столкнулась с сильнейшим встречным ветром. Корпус судна мгновенно обледенел. Казалось, катастрофа неминуема; но вскоре лед растаял, и полет продолжался. Однако спустя некоторое время корабль начал медленно снижаться. Команда пыталась противостоять обледенению, но ветер сорвал запасную гондолу, она зацепилась за дирижабль и своей тяжестью потянула его вниз. Люди с ужасом следили за падением; затем гондола рухнула и освобожденный корабль вновь взмыл в небеса.

В последний раз Этторе Ардуино видели стоявшим на мостках у правого двигателя падающей гондолы. Как рассказывал один из членов экспедиции, доктор Френсис Бегоунек из Пражского института связи (Чехословакия), лицо Ардуино с выражением страшного отчаяния мелькнуло перед ними как трагическая маска. «Италия» улетела, и больше его никто не видел — на Земле, разумеется.

Ардуино рассказывает, что он погиб от холода уже после падения «Италии» на лед. Его история, вместе с чудовищными подробностями гибели экспедиции Нобиле, будет опубликована в

четверг. После подобных испытаний никто из здравомыслящих людей не решился бы предложить Этторе вновь подняться в воздух. Но этот отважный человек сам выразил желание участвовать еще в одной полярной экспедиции. Что бы там ни толковали об итальянцах, но бесстрашия у них не отнимешь. Правда, они скорее храбры, чем мудры; но тем более вероятно, что Этторе станет самым блистательным членом команды «Парсефаля».

«…в отчаянии налегал на весла, пытаясь пересечь Реку, пока сеньор Ардуино целился в него из пистолета „Марк-4“. Но то ли оружие было не в порядке, то ли рука сеньора Ардуино дрогнула — наш незабвенный издатель, по словам очевидцев, лишился только мочки правого уха…»

«…новый издатель попытается учесть просьбу президента Файбраса и не допускать излишней вольности выражений в газете».

«…Сеньора Ардуино освободили из-под стражи, взяв с него слово улаживать в дальнейшем свои проблемы ненасильственными методами. Вновь созданная Коллегия гражданскою суда намерена впредь с подобными делами апеллировать к президенту Файбрасу как к верховной инстанции. Правда, мы запамятовали о мистере Бегге, и

должны признать, что…»

«…Метцинг был в 1913 году командиром эскадрильи морской авиации Германской империи и летал на дирижабле „Цеппелин Л-1“. Девятого сентября 1913 года, во время маневров, он поднялся в воздух вместе со своим экипажем. Здесь-то и произошла гибель первого морского дирижабля, вызванная отнюдь не промахами команды, а незнанием метеорологических условий в верхних слоях атмосферы; в те времена наука о предсказании погоды была в зачаточном состоянии. Бешеный шквал швырнул „Л-1“ вверх, затем опрокинул в воду. Дирижабль с крутящимся пропеллером погрузился в Гельголандскую бухту, и Метцинг погиб вместе со своими людьми… Мы приветствуем в Пароландо опытнейшего командира и очаровательного человека, но надеемся, что он не потянет за собой шлейф своих злоключений».

«…В последнюю минуту! Только что с верховьев Реки к нам прибыла еще одна опытнейшая женщина-аэронавт — Анна Карловна Обренова. Из краткой беседы, предшествующей ее встрече с президентом Файбрасом, мы узнали, что она была капитаном грузовом дирижабля „Лермонтов“, принадлежавшего СССР. Она налетала 8584 часа,

что больше 8342 полето-часов мисс Галбиры и 8452 часов мистера Торна. Подробный рассказ об Обреновой будет помещен в завтрашнем номере. А сейчас можем лишь сказать, что она — просто персик, румяное яблочко!»

37

Все это было весьма забавно, но не смешно.

В свое время появление мужчины, налетавшего больше часов, погрузило Джил в отчаяние. К счастью, Торн не обладал властолюбием и напористостью; канадец хотел только попасть в команду дирижабля — в любом качестве. Но могла ли она предполагать, что очередной соперницей станет женщина? В семидесятых годах двадцатого столетия женщины-пилоты еще были величайшей редкостью. По словам Файбраса, после 1983 года наступила эра огромных цельнометаллических дирижаблей; эта дата являлась рубежом между поколениями аэронавтов, и Джил не могла конкурировать с теми, кому посчастливилось родиться позже. Однако лишь один из этих властелинов воздуха сумел добраться в Пароландо — но вряд ли его появление можно было считать удачным.

И тут — эта женщина, Обренова! Она обладала не только большим летным стажем; она провела в воздухе восемьсот шестьдесят часов в качестве командира огромного советского дирижабля!

До сих пор командный состав «Парсефаля» еще

не был объявлен, но Джил понимала, что миниатюрная блондинка может стать для нее самым серьезным конкурентом. Собственно, уже стала. На месте Файбраса Джил выбрала бы именно ее. Но, с другой стороны, до полярной экспедиции «Парсефаля» оставалось лишь два месяца, и вряд ли эта русская успеет пройти достаточную подготовку. За тридцать четыре года, проведенных на Реке, она многое утратила. Ей предстоит месяц тренировочных полетов с Джил на «Минерве» и месяц работы на большом дирижабле. Сможет ли она восстановить забытые навыки? Вероятно. Во всяком случае, сама Джил сумела бы.

Она сидела вместе с сослуживцами в конференц-зале, когда Агата привела туда Обренову. При взгляде на нее сердце Джил судорожно забилось. Анна, маленькая, стройная женщина с длинными ногами и высокой грудью, была, что называется, красоткой с обложки журнала: вьющиеся светлые волосы, огромные темно-голубые глаза, высокие скулы, чувственные полные губы, бронзовый загар. Необыкновенно изящна и женственна! Увы, но это так! Сейчас все мужчины бросятся опекать ее, а потом тащить в постель.

Файбрас быстро встал и с разгоревшимся лицом двинулся ей навстречу. В его глазах явно

светилось вожделение. Это не удивило Джил; ее поразила реакция Торна. Увидев Обренову, канадец вскочил со стула, открыл рот, закрыл, вытер выступивший на лбу пот и побледнел, как мрамор.

— Вы ее знаете? — мягко спросила Джил.

Он тяжело опустился на стул и закрыл лицо руками. Потом, подняв голову, Торн медленно произнес:

— Нет! Вначале ее лицо показалось мне знакомым. Она невероятно похожа на мою первую жену… ту, что бросила меня.

Торн остался сидеть, остальные мужчины окружили Обренову. Лишь после того, как все представились прелестной блондинке, он подошел и пожал ей руку, заметив, что она напоминает его жену, Обренова одарила канадца улыбкой, которую обычно называют «ослепительной» (в данном случае это соответствовало действительности), и спросила по-английски, с сильным акцентом: «Вы любили вашу жену?» Странный вопрос!

Торн отступил на шаг.

— Да, очень. Но она оставила меня.

— Простите…

Больше они не обменялись ни словом.

Файбрас усадил Анну в кресло и предложил на выбор закуску, сигареты и вино. Она согласилась лишь немного перекусить.

— Означает ли это, что у вас нет пороков? — усмехнувшись, спросил экс-астронавт. — Может быть, найдется хоть один?

Обренова промолчала, Файбрас пожал плечами и стал расспрашивать о ее жизни. Выслушав эту историю, Джил совсем сникла. Анна родилась в Смоленске в 1970 году. Получив диплом инженера-авиамеханика, она в 1994 стала пилотом-инструктором, а в 2001 году была назначена капитаном грузопассажирского дирижабля «Лермонтов».

Наконец, Файбрас решил, что гостья утомилась и велел Агате подобрать ей жилье.

— Лучше в этом здании, — добавил он.

Агата возразила, что в доме правительства Пароландо уже нет свободных помещений; придется выделить госпоже Обреновой хижину неподалеку от жилища мисс Галбира и мистера Торна.

— Ну, ладно, — недовольно проворчал Файбрас, — потом мы что-нибудь здесь подыщем. А сейчас пойдемте вместе, Анна, а то вас пихнут на какую-нибудь помойку.

Джил совсем пала духом. На что же рассчитывать ей, если он так откровенно увивается вокруг этой русской? В голове у нее стали роиться всякие бредовые замыслы: может, похитить Анну и спрятать в потайном месте до отлета «Парсефаля»? Не отложит же Файбрас полет? И Джил Галбира станет его первым помощником… Ну, а если проделать эту операцию с самим Файбрасом? Тогда она возглавит команду…

Мысли путались, скакали, но грели душу. Впрочем, очнулась Джил, бесполезно предаваться фантазиям; она не вправе посягать ни на свободу, ни на достоинство других людей.

Следующая неделя запомнилась ей разбитыми в кровь костяшками пальцев и сорванным голосом; по вечерам ее охватывали приступы истерическом бешенства — плача навзрыд, она молотила кулаками по столу, не думая о том, что может привлечь внимание соседей. Она пыталась заставить себя смириться с неизбежным. В конце концов, ей не отказывают в праве участвовать в экспедиции; так ли важно, станет она первым помощником или нет? Ей хотелось бы обуздать гнев, подавить негодование и обиду, избавиться от гнетущего чувства неуверенности… О Боже, почему другие люди способны доволь-

ствоваться тем, что имеют!

Пискатор, видимо, разгадал ее состояние. Она нередко замечала обращенный на нее пристальный взгляд, но в ответ японец лишь улыбался и быстро отводил глаза. Конечно, он понимал все.

Прошло полгода; вылет «Парсефаля» был задержан, Файбрас неоднократно предлагал Обреновой переселиться поближе к нему; его намерения — как и явное безразличие Анны — ни для кого не были секретом.

— Рядом с ней вы в чем-то выигрываете и что-то теряете, — с кривой улыбочкой обратился он как-то к Джил. — Возможно, ей вообще не нужны мужчины. Вокруг нее вьется целая туча поклонников, а она холодна, словно Венера Милосская.

— Я уверена, что она не лесбиянка.

— Похоже, вы в этом хорошо разбираетесь? Ха-ха!

— Ну вас к черту! Вы же знаете — мои вкусы разнообразны.

— А вернее сказать — непостоянны, — бросил Файбрас ей вслед.

Несколько последних месяцев Джил прожила с Абелем Парком, красивым, стройным и неглупым юношей. Он был воспитан Рекой — одним из многих миллионов детей, умерших на Зем-

ле в пятилетнем возрасте. Абель не помнил ни страны, где он родился, ни родного языка. В этом мире его усыновила шотландская чета из семнадцатого века. В прошлой жизни его приемный отец, несмотря на бедность, сумел стать врачом в Эдинбурге.

Родителей Абеля убили, он отправился вниз по Реке и добрался до Пароландо. Юноша вызвал симпатию у Джил, и она пригласила его в свою хижину. Они прожили несколько месяцев в идиллическом согласии. Но его невежество ужасало Джил, и она принялась учить его всему — истории, философии, поэзии и даже арифметике. Он многое постигал легко, но, в конце концов, упрекнул свою подругу в высокомерии.

— Но я всего лишь хочу дать тебе знания, восполнить то, чего тебя лишила ранняя смерть.

— Да, однако, ты слишком нетерпелива и забываешь, что у меня нет никакой подготовки. Вещи, простые и естественные для тебя, меня сбивают с толка. — Он помолчал. — Ты какой-то воинствующий эрудит… просто… как это называется? — сноб!

Это ее поразило, и хотя Джил пыталась протестовать, в глубине души она понимала его правоту. В их отношениях уже ничего нельзя

было изменить, и он ушел к другой женщине.

Джил убеждала себя, что ее бывший приятель заражен идеей мужского превосходства и не в силах воспринимать ее как равного партнера. Но вскоре ей стало ясно, что в этом лишь часть правды. Да, на подсознательном уровне она презирала его за невежество, за то, что он не мог сравняться с ней в интеллектуальном плане. Лишь сейчас она уловила подоплеку событий и, сожалея о случившемся, одновременно стыдилась его.

В дальнейшем она уже не прилагала усилий, чтобы сохранить распадавшиеся связи. Ее партнерами были и мужчины, и женщины, которые, подобно ей, стремились лишь снять напряжение плоти. Но внутренняя тревога нарастала, и Джил все больше нуждалась в постоянной привязанности.

Она обратила внимание, что ни один гость не переступал порог хижин Торна и Обреновой. В их отношениях с людьми не замечалось и следа того, что можно было бы истолковать как сексуальное влечение — даже случайных встреч на одну ночь.

По-видимому, Торну нравилось общество Обреновой; Джил часто являлась свидетелем их оживленных бесед. Возможно, он домогался ее

любви, а она уклонялась, не желая становиться вынужденной заменой его первой жены?

За три дня до старта большого дирижабля состоялся праздник. Вдоль берега толкалась масса народа; стоял такой шум и гам, что Джил просидела весь день у себя в хижине. На следующее утро она направилась к небольшому озеру, чтобы порыбачить в покое и тишине. Часа через полтора за ее спиной послышались чьи-то шаги. Джил раздраженно обернулась и с облегчением перевела дух — это был Пискатор. Как обычно, он нес в руках удочку и большую плетеную корзину. Подойдя к ней, японец устроился рядом и протянул сигарету. Джил покачала головой. Они сидели молча, поглядывая на поверхность воды, которую едва рябил легкий ветерок.

Наконец, Пискатор прервал молчание.

— Скоро мне предстоит расставание с моими учениками и любимым занятием, — он погладил бамбуковое удилище.

— Вас это огорчает?

— А вы как думаете? Придется сменить приятную жизнь на тяготы экспедиции, которая может привести всех нас к гибели. Я не пророк и не знаю, что ждет впереди… — Он помолчал. — Ну, а вы? Больше не было таких случаев, как той ночью?

— Нет, все в порядке.

— Однако, носите в сердце занозу?

— Что вы имеете в виду? — Джил повернулась к японцу, надеясь, что он не заметит ее замешательства.

— Я бы сказал, даже три занозы: честолюбивые мечты, эта русская и, прежде всего, вы сами, Джил.

— Да, конечно, у меня есть свои проблемы… Но у кого их нет? У вас? Разве вы не такой же человек, как все?

— О, да, — улыбнулся Пискатор, — еще в большей степени, чем другие, и я говорю об этом без излишней скромности. Почему в большей? Потому, что я реализовал свои человеческие возможности почти во всей их полноте. Не могу настаивать, чтобы вы сейчас поверили мне. Быть может, когда-нибудь… или такой день вообще не наступит… — он проследил взглядом мелькнувшую в воде рыбешку. — Так вот, к вопросу о человечности. Я часто задумываюсь — все ли, кто встретился мне здесь, принадлежат к роду человеческому? Я имею в виду — к роду Гомо сапиенс.

— Весьма возможно, что среди нас действуют Их агенты… тех, кто создал этот мир и несет за

него ответственность. Трудно сказать, зачем они здесь. Я бы предположил, что они действуют как катализаторы нашей жизнедеятельности. Я подразумеваю не физическую деятельность — строительство судна или дирижабля, хотя и здесь их вмешательство тоже допустимо — нет, я говорю о психическом воздействии. Я бы назвал его гуманизирующим влиянием, причем направленным к цели, сходной с постулатами Церкви Второго Шанса, — очищению человеческого духа. Или, если воспользоваться христианской метафорой, — отделением овец от козлищ.

Он помолчал и вытащил новую сигарету.

— Развивая дальше этот метафорический религиозный подход, мы можем заподозрить наличие двух сил — силы зла и силы добра, причем первая из них работает против осуществления упомянутой мной цели.

— Что? — Джил резко повернулась к японцу. — У вас есть доказательства?

— Нет, только предположения. Поймите меня правильно — я не считаю, что Шайтан вкупе с Люцифером действительно ведут холодную войну против Аллаха или христианского Бога, которого мы, суфи, предпочитаем называть Истиной. Иногда мне кажется, что эти силы на-

правлены параллельно друг другу. Но это лишь мои домыслы. Если агенты существуют, то они должны действовать в человеческом обличье.

— Вам что-нибудь известно?

— Я стараюсь приглядываться, наблюдать. Вот у вас, например, тоже двойственная сущность, не укладывающаяся в обычную схему… причем сущность достаточно мрачная. Правда, может быть, я уловил только одну ее сторону, тогда как другая полна света.

— Мне хочется понять, к чему вы клоните. Вы хотите постигнуть эту… эту схему?

Пискатор встал, бросил окурок в озеро. Из воды вынырнула рыбка, сглотнула его и вновь исчезла в глубине.

— Под водой идет деятельная жизнь, — он показал на озеро. — Мы ничего не в силах там разглядеть, вода — иная субстанция, чем воздух. Можно лишь спустить туда наши крючки и надеяться выловить что-нибудь интересное. Как-то я читал рассказ о рыбе, устроившейся в темноте на дне глубокого озера и забросившей на берег свою удочку. Она ловила людей.

— Это все, что вы находите нужным мне сказать?

Пискатор кивнул головой.

— Я полагаю, что сегодня вы отправитесь на прощальный вечер к Файбрасу.

— Да, приглашение было достаточно категоричным… скорее, это приказ. Но даже мысль о вечеринке мне невыносима. Все выльется в пьяный скандал.

— А вы не марайтесь в этом свинарнике. Будьте с ними, но не одной из них. Пусть мысль о своем превосходстве подкрепит вас.

— Вы просто осел! — Она тут же осеклась: — Простите меня, Пискатор, я говорю глупости. Конечно, вы правы… и вы раскусили меня.

— Мне кажется, Файбрас вечером объявит о назначении пилотов.

— Мне тоже… Но для себя я не жду ничего хорошего.

— Вы получите высокую должность — да вы и сами это понимаете… Во всяком случае, все шансы на вашей стороне.

— Надеюсь!

Она встала и дернула леску; наживки на крючке не было.

— Пожалуй, я пойду домой и чуточку поразмышляю.

— Только спокойнее. По минному полю нельзя идти напрямик.

Она фыркнула в ответ и отправилась к себе. Проходя мимо хижины Торна, она услышала громкие голоса хозяина и Обреновой. Значит, они, наконец, сошлись.

Преодолев минутное колебание, Джил подошла поближе. Она могла отчетливо различить слова, но не смысл спора — Торн что-то резко говорил на незнакомом ей языке. Странно… Он явно не походил на русский. Послышался мягкий голос Обреновой; похоже, она просила его говорить тише. Джил прекрасно ее слышала, но тоже не поняла ничего. Потом наступила тишина.

Джил на цыпочках направилась к себе, стараясь двигаться бесшумно, чтобы не привлечь внимания соседей. Она вошла в хижину, размышляя о происшедшем. Торн знал английский, французский, немецкий и эсперанто. В своих странствиях по Реке он мог изучить множество других наречий.

Почему же они не говорили на одном из родных языков или эсперанто? Значит, оба знали еще какой-то, который здесь никто не мог понять?

Об этом надо рассказать Пискатору. У него, наверное, найдется разумное объяснение.

Однако события обернулись таким образом, что она не сумела поговорить с ним до подъема

«Парсефаля», а потом совершенно забыла о происшествии.

38

Реминисценции в ре-минор.

26 января 20 года эры п.в. От Питера Джарвиса Фригейта, борт «Раззл-Даззл», южный умеренный пояс, Мир Реки. Роберту Ф.Роригу, Низовья Реки (предположительно)

Дорогой Боб!

За тринадцать лет, проведенных на этом судне, мне довелось отправить тебе двадцать одно послание. Письмо из Пизаны. Телеграмму из Телема. Записку из Сапоскана. Рукопись из Рура. Сетования из Сет-на-Н'ока. Аллегории из аль-Гората. Стенания из Стикса. Исповедь из Испеда.

Все это был чистой воды треп, достойный, в лучшем случае, студента-второкурсника. Три года назад я выбросил в воду очередную «радиограмму из Раджастана», описав в ней все значительные события, что произошли после моей смерти на Земле, в Сент-Луисе. Вряд ли ты ее получишь, но вдруг нам улыбнется счастье?

Сегодня, в яркий солнечный день, я сижу на верхней палубе шхуны и строчу на бамбуковой бумаге пером из рыбьей кости письмо. Окончив, я скручу страницы, оберну их рыбьим пузырем и

запихаю в бамбуковый пенал. Суну в отверстие заглушку, вознесу молитву неведомым богам и швырну свое творение в воду — авось донесет куда-нибудь по речной почте.

У руля стоит капитан — Мартин Фарингтон, он же — Фриско Кид. Его темно-каштановые волосы блестят на солнце и развеваются по ветру. Выглядит он наполовину полинезийцем, наполовину — кельтом; в действительности, наш шкипер — американец англо-валлийского происхождения, родившийся в Окленде, штат Калифорния, в 1876 году. Сам о себе он помалкивает, но я о нем знаю все — даже то, кем он является на самом деле. Мне довелось так часто видеть его портреты, что не узнать это лицо я не мог. Я не смею назвать его настоящее имя — серьезнейшие причины заставляют его путешествовать инкогнито, под псевдонимом, составленным из имен двух его персонажей. Да, это он — знаменитый писатель. Возможно, ты поймешь, о ком идет речь, хотя я сильно в этом сомневаюсь. Когда-то ты признался, что читал лишь одно его произведение — «Рассказы рыбачьего патруля» — и нашел его отвратительным. Жаль; его лучшие сочинения признаны классическими.

Из первоначальной команды на судне остались

лишь сам капитан, его первый помощник Том Райдер — Текс, араб по имени Нур, да двое-трое других. Остальные исчезли по самым разным причинам — смерть, психологическая несовместимость, разочарование и тому подобное. Текс и Кид — две земные знаменитости, встретившиеся мне в этом мире. Как-то у меня появился шанс увидеться с Георгом Симоном Омом (ты же слышал об «омах»), но встреча, увы, не состоялась. И вдруг, о чудо! Райдер и Фарингтон стояли во главе списка из двадцати персон, о свидании с которыми я мечтал. Список, конечно, выглядит довольно странно, но я всегда был несколько эксцентричен.

У Райдера, помощника капитана, тоже чужое имя. Но его лицо незабываемо, хотя и сказывается отсутствие на голове белого сомбреро емкостью этак галлонов десять. Он — знаменитейший герой фильмов моего детства; он — Тарзан, Джон Хартер из Барсума, Шерлок Холмс и Одиссей. Мне посчастливилось увидеть не менее сорока из двухсот картин, в которых он снимался. Эти ленты шли во второразрядных киношках Пеории — «Гранд», «Принцесса», «Колумбия», «Аполлон», бесследно исчезнувших задолго до моего пятидесятилетия. С его фильмами связаны золотые часы

моего детства. Но сейчас я не могу вспомнить ни подробностей, ни содержания хотя бы одного из них; все они слились в один блестящий кадр с гигантской фигурой Райдера.

Мне было пятьдесят два года, когда я задумал написать несколько беллетризированных биографий. Ты знаешь, что я много лет собирался воссоздать историю нелегкой жизни сэра Ричарда Френсиса Бартона, прославленного и ославленного путешественника девятнадцатого века, писателя, переводчика, антрополога и авантюриста. Меня часто отвлекали от работы над «Неистовым рыцарем королевы» мои финансовые заботы, а когда я смог вплотную заняться книгой, в свет вышла великолепная биография Бартона, написанная Байроном Фаруэлом. Решив переждать, чтобы рынок сумел проглотить вторую книгу о нем, я работал еще несколько лет, но тут Фоун Броди опубликовал свое жизнеописание подвигов сего мужа.

Так десять лет откладывалось осуществление моего замысла. В конце концов, я решил написать биографию упоминавшегося выше любимого киногероя моего детства (хотя я ставлю Дугласа Фербенкса-старшего не ниже его). Я прочитал уйму статей о моем избраннике.

Жизнь, которая в них описывалась, была наполнена приключениями покруче киношных. Мне хотелось встретиться с людьми, которые знали моего героя, но денег по-прежнему не хватало; я не мог полностью отдаться работе и поездить по стране, собирая материал о нем. Правда, какие-то сведения мне удалось найти; теперь я более ясно мог представить себе этого техасского бродягу, полицейского инспектора из Нью-Мехико, шерифа из Оклахомы, участника гражданской войны на Филиппинах, объездчика лошадей, наемника, сражавшегося в Южной Африке и в Мексике, исполнителя ролей в шоу Дикого Запада, восседающего на своем неизменном Рузвельте, самого высокооплачиваемого актера кино в те времена.

Доверять написанным о нем статьям не приходилось; они наполнены противоречиями, путаницу внесли даже в некролог. Множество воспоминаний о нем опубликовали кинокомпании «Фокс» и «Юниверсал», но там довлели личные симпатии и антипатии. Все это мало чего стоило.

Женщина, считавшаяся его первой женой, написала его биографию, не упомянув ни об их разводе, ни о его последующих женах, ни о двух дочерях еще от какой-то женщины. Она умолчала

о его любви к выпивке, о незаконном сыне, ставшем ювелиром в Лондоне. К тому же, она лишь вообразила себя его первой женой, а на самом деле была не то второй, не то третьей — точно никто не знал.

Мой приятель Кориэлл Веролл (ты должен его помнить — цирковой акробат, жонглер, канатоходец, грандиозный выпивоха и поклонник Тарзана) написал мне о нем (примерно в 1964 году, я думаю):

«…Помню, впервые встретившись с ним, я решил, что увидел самого Бога… Позднее мы частенько бывали вместе; благоговение и трепет исчезли, но я его обожал, а для подростков он навсегда остался кумиром… Он тогда сильно выпивал. Трезвый — великолепен, но лишь выпьет, начинает драться и вести себя чертовски безобразно. (Впрочем, что же сказать о всех нас?..) Я храню в памяти дюжину историй о нем, но никогда ничего не опубликую. Когда мы с тобой встретимся в следующий раз, я готов тебе их поведать».

Но почему-то Кори этого не сделал.

Сомнения вызывал даже год его рождения. Биографы и жены называли тысяча восемьсот восьмидесятый. На памятнике, неподалеку от

Флоренса в Аризоне, где он погиб на скверной дороге, мчась со скоростью восемьдесят миль в час, указана та же дата. Но есть свидетельства, что годом его появления на свет нужно считать 1870-й. Как бы то ни было, в шестьдесят (или в семьдесят?) лет он выглядел великолепно, много моложе пятидесятилетних. Форму он держал всю жизнь.

Его друг, встретившийся с ним на той последней, роковой дороге, утверждал, что он сидел за рулем желтого форда. Жена друга клялась, что машина была белой… Верь после этого очевидцам! Считается, что он уроженец Техаса, но это тоже миф. Место его рождения — Микс Ран, Пенсильвания; там он вырос и уехал оттуда лишь в восемнадцать лет, уйдя по призыву в армию.

Я было собрался написать в министерство обороны и попросить копию его личного дела (меня особенно интересовала его военная карьера), как в свет вышел роман Дэррил Пониксен. Меня вновь обскакали. Книга была беллетризированной, но автор использовал много документальных материалов, к которым и я сам хотел обратиться.

Итак, мой герой — не внук вождя племени ирокезов, и он не родился в техасском Эль-Пасо. Он действительно служил в армии, но не был

серьезно ранен под Сан Хуан Хиллом, да и на Филиппинах обошлось без ущерба. Он поступил на военную службу, когда только что началась испано-американская война. Я совершенно уверен — впрочем, как и Пониксен, — что он стремился принять участие в военных действиях; сомнений в его храбрости никогда не возникало, всю жизнь этого парня влекло туда, где стреляют. Но его оставили в казармах, а потом демобилизовали. Он вновь вербуется, но опять не может попасть на фронт, и в 1902 году покидает армию.

По утверждениям его биографов, после армии он отправился в Южную Африку, но это тоже вымысел. На самом деле, он женится на молоденькой школьной учительнице, и они уезжают в Оклахому. Вскоре то ли она сама его бросила, то ли их разлучил ее папаша, но они расходятся, не оформив развода.

Некоторое время он работает где-то буфетчиком, вновь женится и вскоре расстается с новой женой.

Я убедился теперь, что большинство сведений, опубликованных службой прессы киностудии (да и самим Райдером), были выдумкой. Все эти статьи имели целью восславить человека, уже не нуждавшегося в славе. Весьма возможно, что

часть историй придумана самим героем. В конце концов, он и сам в них поверил. Я слышал, как он их пересказывает — но всегда уклончиво, с недомолвками, — и понял, что они вошли в его плоть и кровь.

Это не помешало ему, однако, отвергнуть попытки компании «Фока» превратить его в незаконного сына Буффало Билла. Полагаю, ему и так хватало известности. Но здесь он ни разу не упомянул о своем блистательном прошлом.

Почему он живет под чужим именем? Не понимаю.

Третья жена (та, что считала себя первой) описала его внешность: высокий, красивый, смуглый человек. Думаю, в начале века он действительно выглядел высоким мужчиной, хотя оказался ниже меня. Мускулы у него поистине стальные. Фарингтон ниже его ростом и на вид более мускулистый, но в индейской борьбе он обычно проигрывает Тому — особенно, когда бывает навеселе. Они ставят локти на стол, сцепляют ладони и пытаются положить руку противника плашмя. Состязание идет долго и упорно, и в результате, как правило, побеждает Том.

Я боролся с обоими и половину схваток выигрывал. Обставить их вчистую мне удавалось лишь в

беге и прыжках в длину, но когда дело доходило до бокса, побежденным оказывался я. У меня отсутствует то, что называют «инстинктом убийцы», да и ощущение мужского превосходства я не стремлюсь испытать. Том же щедро наделен и тем, и другим, хотя обычно держит себя в руках.

Как бы то ни было, оба они создают атмосферу некой напряженности и не допускают особой близости с остальными.

Том Райдер знает Реку вниз и вверх на тысячи миль. Его трижды убивали. Однажды он воскрес вблизи устья — правда, эта близость составляла тысяч двадцать миль. Исток Реки сближается с устьем в районе северного полюса, но оба потока текут в диаметрально противоположных направлениях. Воды, изливающиеся с гор, устремляются в западное полушарие, а возвращаются с востока.

Я слышал о существовании у северного полюса большого водного бассейна — моря, опоясанного кольцом гор. Из этого моря к подножью хребта изливается Река, гигантскими зигзагами пересекает одно из полушарий, полукольцом охватывает южный полюс и такими же зигзагами возвращается по другому полушарию. Она вьется между Антарктикой и Арктикой этого мира и,

наконец, пропадает среди северных гор.

Если бы мне удалось нарисовать схему Реки, то ее контуры напомнили бы змея Мидгарда из скандинавских саг, опоясывающего мир и держащего свой хвост во рту.

Том рассказывал, что земли вблизи устья заселены выходцами из ледникового периода, древней Сибири и эскимосами, но среди них попадаются и современные жители Аляски, Северной Канады, России и других стран.

Том, вечный искатель приключений, не раздумывая, решился на путешествие к устью. Вместе с шестью энтузиастами он построил несколько каяков, и вся компания отправилась вниз про Реке из царства жизни в пустыню, окутанную саваном тумана. К их изумлению, несмотря на все возраставший мрак, там имелась какая-то растительность. Другой неожиданностью были грейлстоуны, которые тянулись в густом тумане на сотни миль. В конце концов, их цепочка оборвалась, и дальше путники питались сухой рыбой и желудевым хлебом, взятыми про запас. Течение становилось все стремительнее; на последней сотне миль Река неслась с такой скоростью, что повернуть обратно или пристать к берегу было невозможно. Вокруг высились

отвесные стены каменного ущелья и путники вынуждены были спать в лодках. Казалось, им пришел конец. А потом это произошло на самом деле. Они провалились в огромную пещеру. Свет факела Тома не достигал ни ее стен, ни свода. Отсюда Река со страшным ревом устремлялась в туннель. Их несло по узкому и низкому ущелью. Тому пришлось лечь в лодке, чтобы не разбить головы. Больше он ничего не помнил. По-видимому, каяк разнесло в щепы.

На следующий день он пробудился неподалеку от южного полюса.

39

Продолжение письма Фригейта.

— Посреди моря, окруженного северными горами, стоит Башня, — сказал Том.

— Башня? — переспросил я. — Что вы имеете в виду?

— Разве вы о ней не слышали? Мне казалось, что про Башню знают все.

— Мне о ней никогда не говорили.

— Да ну? До чего же велика Река! Наверно, есть еще масса мест, где не слыхивали этих сказок.

И он начал рассказывать мне то, что, по справедливости, можно назвать мифом — доказательств не было никаких. Человек, поведавший Тому эту историю, вполне мог оказаться лгуном. Но зато она не являлась пересказом из вторых, третьих — и так далее — уст. О нет! Том действительно разговаривал с тем, кто утверждал, что ему удалось лицезреть Башню своими глазами.

Они давно были знакомы, однако его приятель никогда и словом не обмолвился об увиденном. Но однажды, ночью, после грандиозной попойки, он выложил эту историю Тому. Правда, протрезвев, он стал все отрицать.

Этот человек был родом из Древнего Египта и служил фараону Аменхотепу или, как его еще называли, Эхнатону. Ты, наверное, помнишь, что в тринадцатом веке до нашей эры этот владыка Египта пытался создать монотеистическую религию. После воскрешения он оказался среди людей своей эпохи. Рассказчик, которого звали Пахери, знатный египтянин, примкнул к Эхнатону вместе с сорока соплеменниками. Они построили лодку и отправились в путь, совершенно не представляя, как долго он продлится, с единственной целью — достичь истоков Реки. Там, по мнению фараона, должен пребывать бог солнца Атон, который примет под свое покровительство странников и перенесет их в рай, в место, значительно более приемлемое для них, чем Мир Реки.

В отличие от Эхнатона, Пахери оставался политеистом. Он верил в «истинных» богов — Ра, Гора, Изиду — в «старую гвардию», так сказать. Египтянин отправился вместе с фараоном, убежденный, что тот приведет их к божественной обители и там откажется от своей ложной веры. В этом он видел торжество справедливости и ждал вознаграждения от богов за проявленную верность.

К счастью для египтян, их воскрешение произошло в северном полушарии, довольно близко

к истокам Реки. Удачей являлось и то, что их соседями были миролюбивые скандинавы, не захватившие путников в плен; они разрешали им пользоваться грейлстоунами.

Приблизившись к северным горам, египтяне попали в районы, населенные гигантскими человекообразными существами, никогда не виданными на Земле. Поверишь ли, их рост достигал восьми или даже десяти футов! Их огромные носы походили на хоботы. Они умели говорить — впрочем, на весьма примитивном языке.

Конечно, поодиночке эти великаны, заросшие рыжим волосом, не могли бы справиться с многочисленной командой судна. Однако сыны Та Кем пришли в ужас: воистину, двери обители мертвых распахнулись перед ними и чудовищные демоны Сета охраняли вход! Но Эхнатону удалось привлечь внимание одного из гигантов, а затем подружиться с ним. Это создание с длинноклювой головой ибиса даже пожелало присоединиться к команде. Египтяне прозвали его Техати — в честь бога, известного грекам под именем Тота.

Дальше Река резко сужалась, вода бурлила в скалистых берегах, грести против течения не хватало сил. Но ничто не могло остановить егип-

тян. С помощью кремневых и железных топоров (железные орудия они умудрились выменять на табак и алкоголь во время странствий) они вырубили в скале узкий выступ в десяти футах над водой, разобрали лодку и обошли узкий участок. Это заняло шесть месяцев.

Судно продолжало свой путь, но вскоре ряд грейлстоунов оборвался. Дальше началось царство вечного тумана. Несмотря на то, что Река отдавала морю массу тепла, она еще могла согреть холодный воздух, наполняя его сырой белесой мглой.

А теперь начинается самая странная часть рассказа.

Путники вышли к утесу, показавшемуся им непреодолимым. Но у его основания египтяне обнаружили прорытый кем-то туннель. Ползком, согнувшись, они миновали его, и дальше увидели конец веревки — связанные вместе полотнища ткани, свисавшие — с другого утеса. Они поднялись наверх и без каких-либо осложнений очутились за грядой гор, у полярного моря.

Кто же прорыл туннель и оставил веревку? И зачем? Мне представляется очевидным, что людям это не под силу. Основная горная порода здесь — твердый кварц, и вырубить в нем тун-

нель можно лишь стальными орудиями. Да и сколько времени заняла бы такая работа? Для нас это неосуществимо. К тому же Пахери сказал, что около туннеля не было никаких следов — ни остатков лагеря, ни кусков породы, ни обломков. Поразительно! Нельзя же унести с собой все, вплоть до камешка!

А как забраться на второй утес без каната? Положим, что таинственные предшественники египтян запустили туда ракету, привязав к ней веревку. Но наверху был лишь один выступ — длинный тонкий пик скалы, за который можно зацепить гипотетическую веревку с гипотетическими крючьями. Попасть в него практически невозможно — выступ снизу не виден, да и рядом с ним египтяне ничего не нашли. Значит, кто-то должен был привязать этот канат и спустить его вниз! Все выглядело так, словно один из неведомых властителей этого мира решил облегчить землянам путь.

С невероятным трудом путники пробрались по краю глубокого ущелья, продуваемого ледяным ветром, и вышли к морю. Над поверхностью воды до самом горизонта висели густые клубы туч. На другой стороне между горами виднелась расселина. Первым заметил ее Техати, уловив

мелькнувший в просвете лучик солнца. Он быстро обогнул выступ горы, исчезнув за ним. Потом египтяне услышали крик, за ним — долгий замирающий вопль. Они бросились следом и успели заметить, как тело Техати катится вниз, в туман, по почти отвесному склону.

Позднее они сумели представить себе случившееся. Гигант завернул за утес и в нескольких шагах от себя увидел чашу. Да, представь себе — цилиндр! Значит, кто-то уже побывал там! Техати прошел мимо него, и в этот момент сквозь брешь в хребте блеснул яркий луч солнца. Видимо, ослепленный им, великан в испуге шагнул назад, оступился, споткнувшись о цилиндр, и рухнул со скалы.

Луч высветил посреди водного бассейна колоссальное цилиндрическое сооружение, вершина котором тонула в волнах тумана. Это продолжалось не больше минуты, затем солнце исчезло и вокруг вновь все затянулось серой дымкой.

Ты, наверное, усомнишься, что египтянам удалось увидеть солнце. Даже если это ущелье в горах простирается до горизонта, тучи все равно должны затянуть ее. Очевидно, сильный порыв ветра на миг развеял марево, и это совпало с появлением над расщелиной солнца. Редкий случай,

оказавшийся для Техати роковым.

Да, ветры там причудливы. Они еще дважды разгоняли тучи, и египтянам удалось рассмотреть верх Башни. Если бы прямые лучи солнца не осветили ее, они увидели бы лишь темную бесформенную массу; сейчас же перед ними было огромное сооружение в виде цилиндра, поставленного на торец. Вряд ли эту чудовищную конструкцию создали человеческие руки; однако я подозреваю, что творцы и властители нашего мира могли бы принять и облик людей, если на то будет их воля.

Еще одна странность. Через несколько часов египтяне увидели, как из окутавшем Башню тумана возникло нечто округлое и огромное: На их глазах оно стремительно вознеслось вверх, отражая свет солнца, и вскоре исчезло из глаз.

Меня охватило безумное волнение.

— Эта Башня, несомненно, главный штаб, пристанище Тех, кто правит в нашем мире!

— Мы с Фриско того же мнения.

В пути египтяне очень привязались к Техати. Несмотря на устрашающую внешность, гигант обладал добрым сердцем и любил пошутить. Он быстро изучил язык, иногда удивляя своих спутников неожиданными каламбурами, что

свидетельствовало о его несомненном уме. В царстве живых лишь человеку, дана способность к игре словами. Только homo agnomenatio,[9] так, кажется? Не помню, совсем забыл латынь. Попадись мне ее знаток, я с удовольствием восстановил бы свои знания.

Но вернемся к Пахери и Техати. Египтянам удалось пройти тяжкий путь через горы лишь благодаря его силе и обезьяньей ловкости. На месте гибели гиганта они вознесли молитвы и двинулись дальше. Узкая тропка косо нависала над ущельем под углом сорок пять градусов; влажная и скользкая, она была так узка, что путникам пришлось идти цепочкой друг за другом, касаясь плечами отвесной стены утеса. В некоторых местах она сужалась еще больше, и люди передвигались боком, прижавшись грудью и лицом к скале, судорожно цепляясь за малейшие неровности.

На полпути Эхнатон, который шел первым, едва не сорвался — он увидел скелет. Да, там лежал скелет; без сомнения, скелет человека, погибшего от голода в этом краю, где не было грейлстоунов. Фараон прочитал над костями

---

[9] notes: 9
названный человеком (лат.)

молитву и столкнул их в воду. Они продолжали свой путь и вскоре добрались до конца тропы. Казалось, она исчезала в море, и люди пришли в полное отчаяние. Эхнатон, уцепившись одной рукой за выступ скалы и держа в другой факел, стал осматриваться вокруг. Неподалеку он увидел темный провал — вход в пещеру; видимо, тропа вела к нему. Он оттолкнулся от выступа и шагнул в свинцовые волны. Вода доходила до колен; египтяне брели за своим вождем, осторожно нащупывая каждый шаг.

Их охватил смертельный холод, зубы стучали, они еле двигались. Пахери, содрогаясь от ужаса, шел последним. Что их ждет? Может быть, перед ними дверь в жилище богов? Не ожидает ли их там песоголовый Анубис, дабы отвести к Великому Судье, который каждому отпустит по его деяниям? Пахери вспоминал о совершенных им несправедливостях, о мелочности и жестокости, алчности и вероломстве. В предчувствии неизбежной кары он замер; остальные ушли вперед, а он все стоял в ледяном холоде и мраке, обуреваемый страхом. Наконец, он поспешил за своими товарищами.

Пещера окончилась туннелем, явно искусственным. Через сотню ярдов он расширился, и

люди оказались в круглом зале, освещенном девятью лампами в форме сфер; установленные на высоких треножниках, они излучали холодный ровный свет.

Первое впечатление было устрашающим — они вновь увидели скелет. Его правая рука была вытянута, будто человек старался что-то достать. Рядом валялся цилиндр. Но египтян больше поразило то, что скелет оказался женским. По черепу и остаткам волос они определили, что незнакомка принадлежала к негроидной расе. Вероятно, женщина тоже умерла от голода. По трагической иронии судьбы это произошло в нескольких футах от запасов пищи.

После смерти своего спутника, на останки которого египтяне наткнулись раньше, она сумела пройти — или проползти — весь путь в эту подземную камеру и погибла, когда спасение было рядом.

Меня чрезвычайно заинтриговала ее судьба. Что толкнуло ее на это гибельное странствие? Сколько было у нее спутников? Кто из них погиб, а кто вернулся, не дойдя до пещеры, через порог которой перекатываются волны северного моря? Каким образом им удалось миновать земли длинноносых гигантов? Как ее звали и почему ей

выпал столь страшный конец?

Может быть, она оставила записку в своей чаше? Но цилиндр был заперт, и открыть крышку могла лишь его владелица. Да и вряд ли египтяне смогли бы прочесть послание. Все это случилось до того, как усилиями миссионеров Церкви Второго Шанса на Реке был внедрен эсперанто. Кроме того, миллиарды людей, научившихся говорить на этом языке, писать на нем не умеют.

Египтяне прочли заупокойную молитву над останками и в молчании принялись осматривать зал. Они обнаружили одиннадцать металлических лодок разного размера, покоящихся на У-образных металлических опорах.

Здесь же были запасы пищи в пластмассовых коробках. Вначале Эхнатон и его спутники не могли понять, что это такое; потом они разглядели на банках рисунки, поясняющие, как их открыть. Откупорив сосуды, люди обнаружили там мясо, хлеб и овощи. Они с жадностью набросились на еду, насытились, и от усталости их сразу же сморил глубокий и долгий сон.

Теперь египтяне твердо уверовали, что боги (по мнению Эхнатона — бог) им покровительствует. Это для них была подготовлена тропа — пусть тяжкая, но путь к бессмертию не дается легко

и преодолеть его можно лишь добродетелью и усердным трудом. Вот Техати, несомненно, грешил в своей жизни, и боги за это сбросили его со скалы.

На лодках также были нанесены схемы, из которых стало ясно, как ими управлять. Египтяне внимательно изучили их и выбрали себе одно из самых вместительных суденышек. Четыре человека легко подняли лодку и донесли до моря. Спустив ее на воду, они разместились в ней. Возле руля находился щиток с кнопками. Хотя фараону не подобало заниматься мирскими трудами, Эхнатон решил сам вести кораблик. Сверяясь с рисунком-схемой, он надавил клавишу на щитке. Засветился экран, на нем возник оранжевый силуэт башни. Он нажал другую кнопку, и лодка двинулась вперед.

Среди египтян возникла паника, но их вождь не дрогнул и сохранил невозмутимость. Потом люди успокоились. Они знали, что сделали все правильно и не нарушили божественной воли. Металлическое суденышко представлялось им баркой, на которой, по их верованиям, умерших перевозят по водам в иной мир — Аменти, Страну Заката. Пищу, найденную в пещере, они сочли даром богов, а сама гигантская Башня — что ж,

она походила на огромную круглую колонну; в своей стране они привыкли лицезреть громадные сооружения.

Подобно многим народам, египтяне после воскрешения в мире Реки испытали потрясение, даже гнев. Их жрецы рассказывали совсем другие истории о загробной жизни. Правда, они по-прежнему обитали в прибрежной стране, как раньше на Ниле, но на этом сходство кончалось. Однако сейчас боги вели их в самое сердце Иного Мира.

И то, что окружало их, было действительно похоже на Страну Заката. Сейчас, когда они уже пребывали в жилище Озириса, это особенно бросалось в глаза. Наверное, долина Реки — промежуточная стадия между миром живых и миром мертвых. О ней тоже рассказывали жрецы, но они во многом заблуждались, и это понятно — лишь боги владеют истиной. Конечно, колонноподобная Башня не похожа на Двойной Дворец Великого Судии, но боги могут менять все. В Мире Реки тоже все постоянно менялось, потому что менялись сами души богов.

Эхнатон повернул руль, и оранжевое изображение башни на экране надвое пересекла темная черта. Время от времени он сжимал круглую рукоять справа от штурвала, регулируя скорость.

Кораблик несся по волнам затянутого туманом моря с такой быстротой, что пассажиры онемели от страха. Через два часа изображение Башни разрослось до огромных размеров, и вдруг экран осветился ярким всполохом. Эхнатон резко снизил скорость. Он нажал еще одну кнопку, и египтяне закричали от ужаса и изумления: из двух овальных стояков на носу судна вырвались блестящие снопы света.

Гигантский монолит Башни нависал над ними.

Эхнатон коснулся следующей клавиши. Гладкие, без единого шва стены медленно разошлись, образовав огромные круглые ворота. Лучи прожекторов осветили просторный зал с металлическими стенами. Фараон направил лодку к самому входу, выключил двигатель и встал на борт, пытаясь дотянуться до порога, возвышавшегося над ними. Рывок — и он прыгнул в зал, держа в руках конец каната; крюки, торчавшие из стен, подсказывали, где следует его закрепить. Недоверчиво, в полном молчании, за ним последовали остальные.

Все — за исключением Пахери. Его обуял такой ужас, что он не мог заставить себя сдвинуться с места. У него стучали зубы, тряслись колени,

испуганной птицей билось в груди сердце. В голове царил полный сумбур. Он не находил сил подняться и догнать остальных. Там, в глубинах чудовищной Башни, ему уготовано предстать перед Судией и ждать кары!

Тут я должен вступиться за Пахери. Он рискнул поведать Тому Райдеру о своей трусости, а это уже мужественный поступок.

Что касается Эхнатона, то он не опасался своего Единого Бога и смело направился вперед по проходу. Кучка египтян следовала за ним, отставая лишь на несколько шагов. Один из них с удивлением обернулся к сидящему в лодке Пахери, махнул рукой, приглашая поспешить за ними, и двинулся дальше.

Внезапно в конце прохода египтяне без единого звука рухнули на колени. Они пытались подняться, опираясь на руки, но неведомая сила прижала их к полу. Они лежали, распластавшись, словно восковые фигурки.

Медленно сдвинулись створки ворот; ни следа, ни тонкой щелки не осталось от них на гладкой поверхности стены. В густом тумане холодного моря Пахери был один.

Не теряя времени он нажал кнопку, и лодка двинулась с прежней скоростью. Но теперь на

экране не было никакого изображения, никакой картинки, подсказывающей путь. Он долго метался взад и вперед вдоль отвесной скалы, пытаясь найти пещеру. В конце концов, Пахери выбрал одно направление и вскоре добрался до провала, под сводом которого море пробивалось сквозь горы. Направив туда лодку, он попал в громадную вытянутую пещеру; в дальнем конце ее раздавался грохот водопада. Египтянин попробовал найти место, чтобы пристать, но течение стремительно несло его лодку к пропасти. Рев падающей воды стал громоподобным, суденышко перевернулось, Пахери рухнул куда-то вниз… и больше он не помнил ничего.

Очнувшись, Пахери обнаружил, что лежит, совершенно нагой, у какого-то грейлстоуна. Рядом стояла чаша — конечно, новая, — и громоздилась стопка полотнищ. Он услышал голоса. Темные фигуры с цилиндрами в руках двигались к грейлстоуну. Египтянин был здоров и невредим, но переполнен чудовищными воспоминаниями об обители богов.

Том Райдер встретился с Пахери в этих местах, пробудившись после того, как его прикончил какой-то средневековый фанатик-христианин. Он вновь избрал солдатское ремесло и попал в

один отряд с египтянином. Вскоре ему удалось услышать этот рассказ. Райдер дослужился до звания капитана и вновь был убит. На следующий день он проснулся в местности, где жил Фарингтон. Через несколько месяцев они вместе отправились вверх по Реке на выдолбленном из сосны челне. Позже вернулись обратно, построили «Раззл-Даззл» и набрали экипаж.

Как я отнесся к этой истории? Ну, прежде всего, я решил, что до истины нужно добраться самому. Если Пахери ничего не выдумал — а Том, считал, что у него воображения не больше, чем в дубовом топорище, — то стоит поискать пути на север. Этот мир, столь непохожий на Землю, может дать ответы на великие вопросы; он — отражение подлинной сути вещей.

Эй, там, на Башне! Ждите!

40

Продолжение письма Фригейта.

Недавно к рассказу Райдера добавились новые подробности. Несколько дней назад мне довелось быть невидимым свидетелем разговора между Фриско и Томом. Они беседовали в большой каюте, я сидел снаружи у ее стенки, покуривая сигарету. Занятый размышлениями о недавнем споре с Нур эль-Музафиром, я не обращал внимания на доносившиеся из каюты голоса, как вдруг уловил слова капитана:

— Да, но каким образом выяснить, не использует ли он нас в своих собственных целях? И что они сулят нам? Как узнать, сможем ли мы попасть в Башню? Есть ли там еще один вход? А если есть, то почему он не сказал о нем? Правда, он обещал объяснить все позже, но прошло уже столько времени, а мы его больше не видели. Вернее, не видел ты, я-то с ним никогда не встречался. Вдруг что-то произошло — его могли схватить, или мы стали ему больше не нужны.

Райдер что-то ответил, но я не расслышал; видимо, он сидел спиной к стене. Снова раздался голос Фарингтона:

— Да, конечно… Но я думаю вот о чем. Мне кажется, что к моменту вашей встречи он даже не подозревал, что египтяне добрались до Башни, а один из них вернулся сюда.

Опять ответ Райдера и реплика Фарингтона:

— Согласен. Туннель, канат, лодки, да и сама тропа — все подготовлено для нас, но прежде туда проникли другие.

Усилился ветер, и несколько минут я не мог разобрать ни слова. Я подсел к стенке вплотную и вновь услышал голос Фриско.

— Ты подозреваешь, что кто-то из Них оказался на нашем судне? Все может быть, Текс, но к чему это? Нам же не объяснили, как мы узнаем посвященных. Когда нам об этом скажут и где мы встретимся? В устье Реки? Представь себе — мы туда добрались, а там никого нет. Сколько нам придется ждать — сто лет? А если…

Райдер прервал его длинной тирадой. Я навострил уши, пылая любопытством так, словно от меня исходили огни святого Эльма. Стоявший у штурвала Мустафа странно на меня поглядывал. Он мог сообразить, что я подслушиваю, и меня это сильно встревожило: если турок расскажет капитану, меня в два счета выставят с судна. Но вряд ли он догадывался, что речь идет о ве-

щах, которые мне не следует знать. Я продолжал попыхивать сигаретой, а когда она потухла, притворился спящим.

Все происходящее сильно напоминало сцену из «Острова сокровищ», когда, сидя в бочке из-под яблок, Джим Хокинс узнает о сговоре Джона Сильвера с дружками-пиратами насчет захвата «Эспаньолы». Но в данном случае ни Фарингтон, ни Райдер не плели интриг. Похоже, они были их жертвами.

— Меня больше всего интересует, — говорил Фарингтон, — зачем мы ему нужны? Могущество этого существа превосходит силу дюжины богов. Он борется против себе подобных, а мы — пешки в его руках. Если он хочет видеть нас в Башне, то почему сам не переправит туда?

Наступило молчание, нарушаемое лишь стуком кружек, потом послышался голос Райдера:

— Но должны же быть, черт возьми, какие-то разумные причины! Когда-нибудь мы узнаем о них. А сейчас — что мы можем поделать?

— Верно! — горько рассмеялся Фарингтон. — Что мы можем? Уж скорее бы добраться до конца — хорошего или плохого… Я все время ощущаю, что мной вертят словно куклой… я сыт этим по горло! В молодости из меня выжимали соки и

богачи, и люди победнее. Стал знаменит — на мне наживались мои издатели, а потом — родные и друзья. Но здесь, в этом мире, я не допущу, чтобы меня эксплуатировали как бессловесного скота, годного лишь сгребать уголь да ловить рыбу!

— Да ты и сам себя эксплуатировал, как и все мы, — возразил Райдер. — Я греб деньги кучами, ты — тоже. Ну, и чего мы добились? Понастроили дурацких домов, накупили машин, выпивки, шлюх… разную ерунду… И сдохли! А могли бы жить красиво и прилично, сберечь свои денежки, дотянуть до старости…

Фарингтон вновь разразился смехом.

— Да разве это наша стихия, Текс? Жить на всю катушку, жечь свечу с обоих концов — вот наш удел! Стоит ли крутиться в беличьем колесе обыденности, стать тупым животным на жирном пастбище, вести серую, тусклую жизнь в преддверии столь же серого будущего?

Снова звон кружек. Тут Фарингтон принялся рассказывать Райдеру о своей поездке из Сан-Франциско в Чикаго. В поезде ехала прелестная женщина с ребенком и служанкой. Уже через час после знакомства она перебралась в его купе, и трое суток подряд они наслаждались друг другом — словно обезумевшие в брачную пору

животные.

Я понял, что мне пора отойти, и перебрался к фок-мачте, где болтали Абигайл Райс и Нур. Похоже, Мустафа не догадался, что я подслушивал чужой разговор.

С этого часа меня охватило необоримое желание узнать, кто же был Он, о котором шла речь в каюте. По-видимому, кто-то из создателей этого мира, кто-то из могущественных существ, воскресивших нас. Как это могло стать реальностью? Сама идея казалась столь грандиозной и устрашающей, что я с трудом мог ее осознать. Да, был Некто, а вернее — Некие, осуществившие этот невероятный проект. И Они были истинными богами.

Если история Райдера правдива, то Башня в северном море, по-видимому, является цитаделью, главным штабом Творцов этого мира, наших тайных владык. Я понимаю, что это звучит как бред — или сюжет фантастического романа, большинство которых ничем не отличается от бреда. Правда, авторы, создававшие эту галиматью, считали владыками своих издателей. Вдруг в Башне собралась клика этаких супер-издателей? Живот надорвешь от смеха — верно, Боб?

А если Райдер лжет или лжет его информатор

— Пахери? Нет, не думаю. По-моему, Райдер и Фарингтон связаны с кем-то из таинственных владык. Их разговор явно не преследовал цель разыграть подслушивающего. Хотя… Оба они — парни с юмором.

Тут впору совсем свихнуться!

Нет, конечно, они обсуждали реальные события и разговаривали открыто лишь по одной причине. Кого им опасаться на собственном судне после стольких лет? Кто станет следить за ними, да и зачем?

Мысли путались, метались, как муравьи в разворошенном муравейнике. Сколько невероятных гипотез, предположений, противоречий! И какова фабула! Жаль, что во времена моей литературной карьеры подобный сюжет не приходил мне в голову. Но как вместить в одну книгу историю планеты, опоясанной огромной, бесконечной рекой, в долине которой обитают почти все разумные существа, когда-либо видевшие свет земного солнца! Тут понадобится дюжина книг! Нет, даже к лучшему, что эта идея у меня на Земле не возникла!

Как поступить сейчас? Отправить письмо или порвать его? В твои руки оно, конечно, не попадет, а в чьих окажется? Дай Бог, оно достанется

тому, кто не знает английского языка.

Чего я опасаюсь? Трудно сказать… Но наша, на первый взгляд незатейливая жизнь в долине Реки имеет оборотную сторону. Там, в мрачной тени, идет какая-то тайная борьба и внутренний голос подсказывает мне: не зная всего, держись подальше!

Кому предназначены эти послания? Конечно, мне самому, хотя я и надеюсь, что, при невероятном стечении обстоятельств, они попадут в руки тех, кого я знаю, люблю, к кому питаю симпатии.

Сейчас, восседая с пером в руке на палубе судна, я пытаюсь разглядеть лица людей на берегу и увидеть того, кому я адресовал эти письма. Но мы плывем посреди Реки, и я вижу лишь крохотные темные фигурки.

Великий Боже, сколько лиц промелькнуло здесь передо мной за двадцать лет! Миллионы — значительно больше, чем на Земле! Некоторые из них вынырнули из далеких тысячелетий; несомненно, я встречал и своих предков, не ведая о том. Если принять во внимание приливы и отливы великих миграций, военные вторжения, странствия отдельных людей и прочие обстоятельства, то среди моих предков я отыщу и монголоидов, и американских индейцев, и

австралийцев, и негров.

Вот поразмысли. С каждым поколением назад число твоих предков удваивается. Предположим, ты родился в 1925, а твои родители — в 1900 году (конечно, я прекрасно помню твой год рождения — 1923, — как и то, что твоей матери тогда было уже под сорок, но я беру средние цифры). Итак, родители твоих родителей появились на свет в 1875. Таким образом, предков уже четверо. Удвоение их количества происходит каждые 25 лет. К 1800 году их будет уже тридцать два. Большинство из них даже не знакомы друг с другом, но им предначертано стать твоими пра-пра-пра-прародителями.

В 1700 году у тебя было пятьсот двенадцать предков, в 1600–8192, в 1500 — 131 072, в 1400 — 2 097 152, в 1300 — 33 554 432. К 1200 году н. э. у тебя 536 870 912 предков.

То же самое можно сказать обо мне и о любом из нас. Если в 1925 население Земли составляло два миллиарда (точной цифры не помню), то умножь это число на количество твоих предков в 1200 году. Получится квадрильон. Невозможно? Правильно.

Мне удалось припомнить, что историки оценивали население в 1600 году в пятьсот миллионов,

а в первом веке н. э. — в сто тридцать восемь миллионов. Вывод совершенно ясен. В прошлом, начиная с зари человечества, происходило невероятное множество кровосмешений среди близких и дальних родственников. Я уж не говорю о настоящем. Значит, и мы с тобой состоим в родстве, причем наверняка — многократном. Сколько же китайцев и черных африканцев, родившихся в 1925 году, являются нашими отдаленными братьями? Несть им числа!

И вот по обоим берегам мелькают лица моих далеких кузенов: «Хелло, Хань Чу, Яйа, Балабула! Как дела, Гайавата? Здравствуй Ог, Сын огня!» Но даже зная о родстве, вряд ли они станут дружелюбнее; может быть, даже наоборот. Самые непримиримые ссоры и жестокие кровопускания происходят именно среди близких.

Гражданские войны — жесточайшие из всех. Но ведь мы все — братья, следовательно, любая война — гражданская. Таков парадокс человеческих взаимоотношений, брат мой!

Прав был Марк Твен. Ты читал его «Путешествие капитана Стормфильда в рай»? Старина Стормфильд, пройдя сквозь Жемчужные Врата, обнаружил там множество чернокожих. Подобно любому из нас, он представлял себе рай набитым

белолицыми соплеменниками, среди которых изредка встречаются желтые, смуглые и черные физиономии. Но это не так! Он запамятовал, что темнокожих всегда было больше, чем белых. На каждого белого приходятся двое цветных. Та же история и здесь. Я снимаю перед вами шляпу, мистер Клеменс! Вы предсказали нашу жизнь после смерти.

Итак, мы в долине Реки, но неизвестно, каким образом и зачем мы здесь оказались. Впрочем, как и на Земле.

Правда, существуют люди, утверждающие, что они-де об этом знают из первых рук. Прежде всего, это миссионеры Церкви Второго Шанса, сотни сект различных реформаторов христианства, мусульманства, иудаизма, буддизма, индуизма и Бог знает, чего еще. Бывшие таоисты и конфуцианцы полностью принимают здешнюю жизнь — она лучше их прежней. Тотемисты утратили множество связей с миром — ведь в долине Реки нет животных, — но дух и смысл тотема сохранился. Однако многие из них осознали примитивность собственных верований и примкнули к более «возвышенным» религиям.

Среди нас оказался суфи — Нур эль-Музафир. После воскрешения он был ошеломлен Миром

Реки, но предпочел не переделывать себя, а сохранить привычный образ мыслей. Он утверждает, что, где бы ни возник новый мир, люди всегда сохранят в нем свою извечную тягу к добру. Зачем же тогда волноваться и суетиться?

«К чему нам знать, Кто и Как создал этот мир; следует лишь понять — Зачем!» — говорит Нур. В этом он близок Церкви Второго Шанса.

Я полагаю, что мне пора заканчивать свои писания, а потому — адье, адиос, амен, салам, шалом и со-лонг.

Прими в недрах неведомого мои дружеские наставления. Питер Джайрус Фригейт.

P.S. Боюсь, что в полном виде свою писанину не отошлю: часть подвергну цензуре и пущу в обиход как туалетную бумагу.

41

По ширине Река в среднем достигала полутора миль. Местами она сужалась, пробиваясь в узком ущелье между отвесными горами, местами разливалась широким озером. Глубина ее доходила до тысячи футов.

Кое-где у берегов она зацвела. Вначале на поверхности, потом все глубже и глубже, до самого дна. Корни спутались и переплелись в плотную массу, не поддающуюся даже ножу.

Полчища рыб кормятся в этих джунглях. Прожорливые породы обитают в верхних слоях, залитых лучами солнца. Другие заполняют средние уровни. В глубине суетятся, ползают, вьются загадочные, таинственные существа. Они питаются полуразложившимися, похожими на цветы корневищами и отбросами, что падают с верхних этажей. Однако в водах Реки живут и иные создания, большие и малые, которые непрерывно снуют вверх и вниз с разинутыми пастями в поисках пищи.

Самое огромное из них (больше земного голубого кита) — плотоядное чудище, которое здесь прозвали речным драконом. Он без труда выдер-

живает любое давление и плавает и в глубине, и в мелких водах.

Другая крупная тварь — амфибия величиной с приличного сома. Ее называют по-разному, чаще — «ворчуном». Это на удивление медлительная тварь, главный санитар Реки, поедающая, как свинья, все без разбора; главная ее пища — человеческие фекалии.

Часто на берегу в густом тумане люди приходили в ужас, споткнувшись о склизкую рыбину с огромными выпученными глазами, роющуюся в требухе и человеческих испражнениях. Подстать ее отвратительному виду и мерзкие, похожие на карканье звуки, которые она издает.

В тот день 25 года п.в. одна из подобных вонючих тварей подплыла близко к берегу, где течение слабее, чем на середине. Ее плавники-лапы еле двигались. Нос нацелился на мертвую рыбью тушку, покачивающуюся у самой травы. Ворчун разинул пасть, ожидая, когда рыбу прибьет поближе. Вместе с ней в пасть попал и другой предмет, плывущий следом. Рыбка проскользнула легко, но та, другая добыча на минуту застряла в глотке и лишь с большим усилием была проглочена.

Пять лет плыл по течению водонепроницае-

мый бамбуковый футляр с письмом Фригейта Роригу. И пятью днями раньше он миновал берег, где жил долгожданный адресат. Но в тот момент Рориг сидел у себя в хижине, среди каменных и деревянных фигурок, изготовленных им для обмена на вино и сигареты. То ли по случайному совпадению, то ли в силу каких-то психических законов, но между отправителем и адресатом протянулась тонкая связующая нить, — этим утром Рориг вспоминал о Фригейте, вернувшись памятью к 1950 году. Он был студентом-выпускником, существующим за счет государственных льгот для демобилизованных и заработка жены.

В тот теплый майский день он сидел в крошечной комнатке лицом к лицу с тремя профессорами. Пришел миг расплаты. После пяти лет напряженного труда он, наконец, сможет получить — или потерять — звание магистра гуманитарных наук в области английской литературы. При удачном раскладе он выйдет в мир преподавателем колледжа; если провалится — ему предстоит корпеть еще полгода и вторично рискнуть на защиту.

Сейчас он являлся мишенью для трех инквизиторов, обстреливающих его залпами нескончаемых вопросов. Боб переносил атаки спокойно;

вряд ли его тема — валлийская поэзия — хорошо знакома преподавателям. Но среди них была Элла Разерфорд, интересная сорокашестилетняя дама с ранней сединой, затаившая на него злобу. Несколько лет назад они были любовниками и дважды в неделю встречались у нее дома. Однажды вечером между ними разгорелся нелепый и яростный спор о поэтическом даре Байрона. Рориг равнодушно относился к творчеству великого барда, но восхищался его человеческими качествами и считал, что подобной судьбе может завидовать любой поэт. Элла вела себя довольно едко; он разбушевался, наговорил ей гадостей и заявил, что больше не желает с ней встречаться.

Элла была уверена, что он вступил в связь с ней ради высокой отметки по ее курсу и сейчас использовал спор как повод для разрыва. Но она ошибалась. Рориг искренне привязался к стареющей женщине. Правда, вскоре она утомила его излишними любовными притязаниями; он больше не мог одновременно выполнять обязательства перед ней, своей женой, двумя сокурсницами, двумя женами своих друзей и привратницей дома, где он жил. С пятью он бы справился, но с семью — нет, ему не по силам. Рориг терял время, энергию и сперму, проваливаясь

в сон во время занятий. Поэтому он решительно порвал с «миссис профессор», с одной из сокурсниц (прошел слух, что она больна триппером) и женой друга (сплошная похоть).

Зло сощурив глаза, миссис Разерфорд произнесла:

— Ну, что же, пока вы хорошо отбивались, мистер Рориг. Пока!

Она сделала паузу. Рориг замер, что-то сдавило в желудке, пот заструился по лицу и спине. Ему представилось, что Элла опять хочет овладеть им, но каким-то чудовищным и унизительным способом.

Доктор Дьюрхем и доктор Парр с интересом уставились на них. Ситуация становилась занятной. Их коллега тигром бросалась на привязанного к креслу ягненка. Сейчас ударит молния, а незадачливый кандидат, похоже, не позаботился о заземлении.

Рориг стиснул ручки кресла. Пот струился по лбу, рубашка у подмышек взмокла. Черт, что происходит?

— Мне кажется, — вновь начала Разерфорд, — вы хорошо знаете свою тему и проявили достаточные познания в малоизученной области поэзии. Мы гордимся вами, Рориг. Видимо, наши

усилия — по крайней мере на лекциях — не пропали даром.

Эта вероломная сучка намекала, что зря потратила на него время вне занятий. Но она нанесла лишь предупредительный удар, способный ранить, но не убить, и теперь готовилась разобраться с ним до конца. Что за пытка! Может быть, кафедра все-таки за него проголосует, и он проскочит?

— А теперь… скажите мне, — она опять помолчала, — ответьте только на один вопрос, мистер Рориг: где находится Уэльс?

В нем что-то оборвалось и провалилось в желудок. Сжав пальцами подбородок, Рориг выругался:

— Матерь Божья! Ну и влип! Вот дерьмо-то!

Доктор Парр, настоятель женской общины, побелел от ужаса. Впервые в жизни он услышал подобную мерзость! Доктор Дьюрхем, обливавшийся слезами при чтении стихов студентам, был близок к обмороку. А доктор Разерфорд, вызвавшая гром среди ясного неба, безмятежно улыбалась — без всяких следов сочувствия к своей жертве.

Рориг взял себя в руки. Нет, он не унизится и отступит с поднятыми знаменами, под звуки ор-

кестра, играющего «С нами Бог». Вскинув голову, он ясно улыбнулся.

— Не знаю, как вам удалось, но вы меня добили! Ладно, я никогда не утверждал, что являюсь знатоком географии. Так что меня ждет?

Вердикт: не защитил. Приговор: шесть месяцев работы над другой темой и новая инквизиция в конце срока.

Когда позже в вестибюле они остались вдвоем с Эллой, она мило улыбнулась:

— Я-то полагала, что вы учили географию, Рориг. Так вот, Уэльс — это возле Англии. Сомневаюсь только, что вам это поможет. Вы потеряли свой шанс, хотя вам его преподнесли на блюдечке.

В стороне маялся в ожидании его друг — Пит Фригейт. Он также принадлежал к группе старших студентов, прозванных «бородачами». Все они учились в колледже после демобилизации и, вместе с женами и подругами, вели весьма богемный образ жизни, став предтечами будущих битников и хиппи. Сейчас Пит пристально смотрел на приближающегося к нему Рорига.

У злосчастного соискателя глаза были полны слез, но он широко улыбался и, подойдя ближе, разразился истерическим смехом.

— Пит, ты ни за что не поверишь!

Конечно, трудно было поверить, что, после шести лет обучения в колледже, можно не знать, где находится Уэльс. Фригейт тоже смеялся взахлеб.

— Нет, — кричал Рориг, — как эта старая лиса умудрилась нащупать мое уязвимое место?

— Не знаю, — смеялся Пит, — но она молодец! Послушай, Боб, не переживай. Я знаю выдающегося хирурга, который никак не мог вспомнить: то ли солнце кружит вокруг Земли, то ли — Земля вокруг солнца. Он заявил, что когда ему приходится копаться в человеческих внутренностях, это не важно. Однако, скажу тебе, если профилирующий предмет — английская литература, то следовало бы знать кое-что и об Англии… о-о-о… ха-ха-ха!

Рориг встретился с Питом в одном из своих странных снов, рожденных фантазией неведомых сценаристов. Он блуждал в тумане, преследуя великолепную бабочку. Ее непременно надо было поймать — другой такой Рориг не встречал. На крылышках у нее перемежались голубые и золотистые полоски, торчали пурпурные усики, глаза горели изумрудным блеском. Не иначе, как предводитель гномов вылепил ее в своей пещере Черногорья, а волшебник из страны Оз окропил

живой водой.

Сейчас она порхала в дюйме от вытянутой руки и уводила его все дальше и дальше.

— Стой, сучья дочь, стой!

Он бросался за ней раз за разом; казалось, что проделано уже много миль, но бабочка не давалась в руки. На бегу краем глаза Рориг уловил едва просвечивающие сквозь туман силуэты, недвижные и безмолвные, словно выточенные из кости. Дважды он разглядел их более отчетливо — голова одного увенчана короной, у другого вместо лица вытянутая лошадиная морда.

Внезапно он натолкнулся на какое-то препятствие. Рориг замер, сообразив, что не в силах его обойти. Бабочка на минуту зависла в воздухе, потом опустилась ниже. Ее изумрудные глаза сверкали, передние лапки насмешливо теребили усики.

Медленно двинувшись вперед, Рориг разглядел, что дорогу ему загородил Фригейт.

— Не вздумай ее тронуть, — свирепо зашипел Рориг. — Она моя!

Лицо Фригейта осталось неподвижным. Такое безразличие всегда приводило Боба в ярость, и сейчас он был на грани бешенства.

— Прочь с дороги, Фригейт, или я тебя двину!

Бабочка встрепенулась и отлетела в сторону.

— Я не могу, — отозвался Питер.

— Это почему? — Рориг в нетерпении переминался с ноги на ногу.

Фригейт протянул руку вниз. Он стоял в центре большого красного квадрата, вокруг — другие квадраты, красные и черные.

— Меня сюда поставили. Я не знаю, что меня ожидает. Это совершенно против правил — держать меня в красном квадрате. Но разве кто-нибудь думает о правилах? Кроме старых дев, разумеется…

— Могу я тебе помочь? — спросил Рориг, остывая.

Фригейт указал на что-то поверх его плеча.

— Тебя сейчас тоже поймают. Пока ты ловил бабочку, тебя самого готовились схватить.

Рорига охватил смертельный страх. Сзади надвигалась опасность! В отчаянии он попытался сдвинуться с места, обойти Фригейта, но красный квадрат держал его цепко, как и однокашника.

— Ну и влип!

Он еще видел улетающую бабочку; она превратилась в точку, в пылинку и исчезла. Навсегда.

Туман сгущался, и Фригейт проступал в нем неясным пятном.

— Я живу по собственным законам! — закричал Рориг.

Из мрака донесся еле слышный шепот:

— Тише! Тебя могут услышать.

Внезапно он проснулся. Его подруга пошевелилась.

— Что случилось, Боб?

— Меня уносит прибоем, и ему нет конца.

— Что?

— Нет, вот он — конец.

Рориг погружался на дно первозданного океана, туда, где затонувшие боги нелепо барахтались в тине, тараща холодные рыбьи глаза под торчащими венцами корон.

Фригейт не знал, что его приятель мог бы ответить на один из вопросов письма. При воскрешении Рориг очнулся на далеком севере. Его соседями оказались доисторические скандинавы, индейцы из Патагонии, монголоиды ледникового периода и сибиряки двадцатого века. Он отличался необыкновенной способностью к языкам и вскоре бегло болтал на доброй дюжине наречий; правда, с чудовищным произношением и абсолютным пренебрежением к синтаксису. У него повсюду были друзья; за недолгое время он снискал славу шамана. Но шаманство требует

серьезной подготовки, а Рориг увлекался лишь своими занятиями скульптурой. Кроме того, его безумно тяготил холод. По своей природе Рориг был солнцепоклонником. Самые счастливые дни выпали ему в Мексике, куда он приплыл со своей подругой на маленьком каботажном судне, перевозившем мороженых креветок из Юкатана в Браунсвиль, Техас. Там он оказался замешанным в дела шайки контрабандистов и даже провел несколько дней в мексиканской тюрьме.

Рориг уже был готов уплыть в челноке вниз по Реке в теплые края, когда появилась Агата Крумс, чернокожая женщина, родившаяся в 1713 и умершая в 1783 году. Она была рабыней, которой гражданская война принесла освобождение; затем стала баптистским проповедником, четырежды выходила замуж, родила десятерых детей. Славная толстушка Агата любила выкурить трубочку, прикладываясь между делом к чарке. После воскрешения она оказалась за много тысяч грейлстоунов от этих мест, но получила божественное откровение — Господь призвал ее в свою обитель на северном полюсе, где посулил распахнуть врата Его царства. Там она станет вечно прославлять Его, познавать сущность времени и вечности, пространства и бесконечности,

созидания и разрушения, жизни и смерти. Она станет одной из тех, кому удастся низвергнуть дьявола в преисподнюю, запереть его там и выбросить ключ.

Рориг решил, что Агата сумасшедшая, но заинтересовался ею. К тому же он подозревал, что главные тайны этого мира скрыты у истоков Реки.

Он знал, что еще никто не отважился проникнуть в подернутые вечным туманом северные земли. Если он примкнет к Агате и одиннадцати ее спутникам, то будет одним из первых, кто доберется до северного полюса; возможно — даже первым. Завидев полюс, он бросится вперед бегом и поставит там каменную статуэтку, на которой высечено его имя. Любой, кто потом доберется сюда, обнаружит, что первым здесь побывал Роберт Ф.Рориг.

Агата не хотела брать его с собой — он не верил в Бога и Священное Писание; Рориг ненавидел ложь и чистосердечно признался ей в своих атеистических грехах. Правда, в глубине души он почитал Бога, хотя колебался в том, как правильно его назвать: Иегова или Р.Ф.Рориг. Библия же, как и всякая книга, содержит лишь ту правду, которую исповедует ее автор. Еще не кончилась

цепь грейлстоунов, как пятеро их спутников повернули обратно. Еще четверо отказались продолжать путь у входа в огромную пещеру, из которой изливалась Река. Рориг двинулся дальше вместе с Агатой и Винглатом, выходцем из древнего сибирского племени, в каменном веке перебравшегося на Аляску. Иногда он и сам подумывал о возвращении, но не мог допустить мысли, что у сумасшедшей чернокожей бабенки и дикаря из палеолита больше храбрости, чем у него. К тому же, проповеднический дар Агаты постепенно подталкивал твердыню его неверия; может быть, он действительно должен предстать перед всемогущим Богом и милосердным Иисусом в положенный ему срок?

Когда они пробирались по узенькой тропке к пещере, Винглат поскользнулся и полетел в Реку. Теперь Рориг окончательно понял, что он такой же безумец, как Агата, — и решил продолжать путь.

Они добрались до места, где тропка резко спускалась и пропадала в тумане, скрывавшем море; из белесого марева доносился едва слышный плеск. Рориг с Агатой еле держались на ногах от голода. Если сегодня они не найдут еды, то завтра их не будет в живых. Но Агата заявила, что

пища ждет их впереди — в пророческом сне ей привиделась пещера, забитая хлебом, овощами и мясом.

Рориг смотрел, как она уползала от него вниз по тропе. Собрав последние силы, он двинулся следом, оставив свою чашу, в которой лежала заветная статуэтка. На миг он замер в нерешительности — не вернуться ли за ней? Но страшная слабость охватила его, тело налилось тяжестью, и Рориг понял, что не сможет сделать назад ни шага.

Его убил не голод, а жажда. Какая ирония судьбы! Внизу мчалась многоводная Река, а у него не было веревки, чтобы спуститься к потоку. Море билось у подножья скал, но он уже не имел сил подползти к его холодным волнам.

«Это смог бы понять лишь Колридж, — мелькнуло у него в голове, и еще: — Ну вот, я уже никогда не получу ответов на свои вопросы. Возможно, и к лучшему: они могли бы меня не устроить».

Сейчас Рориг спал в хижине на берегу Реки в экваториальной зоне. А Фригейт, стоя на теплых, нагретых солнцем досках палубы весело хохотал — ему вспомнилась диссертация Боба и фиаско, которое его приятель потерпел на защите.

Что вызвало у них одновременно это воспоминание? Телепатия? Память о прошлом не исчезает; она, как лезвие Оккама, становится острее с каждым годом. Впрочем, совпадение их мыслей было, скорее всего, простой случайностью.

Ворчун перегородил путь дохлой рыбешке. Ее тельце скользнуло в широкую пасть амфибии, за ним последовал футляр с письмом Фригейта. Чудище легко справлялось с требухой, экскрементами и разложившейся плотью, но бамбуковую фибру переварить не смогло. Долгое время ворчун корчился в муках и подох в тщетных попытках исторгнуть из желудка инородное тело.

Письма зачастую убивают; иногда это удается и конверту.

42

Со всех сторон к Джил неслись поздравления. Ее окружили, обнимали, целовали — и, странное дело, она впервые этому не противилась. Правда, подобный взрыв чувств следовало частично отнести за счет обильных возлияний, однако в нем ощущалась истинная приязнь, а не прикрытая лицемерием враждебность. Сама Джил пребывала в приподнятом настроении; даже Давид Шварц, обычно называвший ее «дикой собакой динго», подошел с поздравлениями.

Анна Обренова стояла поодаль с Барри Торном. Они почти не разговаривали. Анна улыбалась; чужой успех как будто радовал ее, хотя Джил подозревала, что внутри она кипит от ярости. Джил ошиблась — Обренова разумно оценивала ситуацию. Она была здесь новичком, а Голбира вложила много труда и в разработку проекта, и в подготовку команды.

Великое событие свершилось четверть часа назад. Сначала Файбрас потребовал тишины. Громкая болтовня и пение затихли, и он сообщил, что сейчас будет зачитан список офицеров «Парсефаля». Его ухмылка в сторону Джил не

предвещала ничего хорошего; она побледнела, стиснув переплетенные пальцы. Теперь он отплатит ей за несговорчивость, размолвки и споры! Пусть! Она готова спорить хоть до утра, если считает себя правой! И никому из мужчин не позволит себя унизить!

Файбрас начал зачитывать список. Он был мужчиной, но Джил не могла отказать ему в справедливости. Возможно, он являлся исключением?

Улыбаясь, она двинулась сквозь толпу, подошла к Файбрасу, обняла его и разразилась слезами. Американец без церемоний чмокнул ее в губы, похлопав по спине. Джил не противилась этой непрошеной фамильярности. Все-таки он не остался равнодушным к ее чарам, а что касается размолвок… Всякое бывает во время работы.

С улыбкой подошла Анна и протянула ей руку.

— Примите мои самые искренние поздравления, Джил.

Пожимая холодные тонкие пальцы, Джил почувствовала почти непреодолимое желание стиснуть их изо всей силы. Вздрогнув, она постаралась ответить спокойно:

— Чрезвычайно вам признательна, Анна.

Торн обернулся и что-то крикнул — видимо,

тоже поздравил ее. Однако канадец не двинулся с места.

Сейчас Джил ненавидела себя за слезы, за проявленную минутную слабость. Никогда в жизни не плакала она на людях, даже на похоронах своих родителей.

Слезы высохли, и мысли ее неожиданно обратились к матери и отцу. Где они сейчас? Чем заняты? Как чудесно было бы повидать их… но только ненадолго. Жить рядом с ними она уже не сможет. Джил запомнила их старыми, седыми и морщинистыми; казалось, этот возраст соответствовал их основному предназначению — нянчить детей своего многочисленного потомства. Здесь они выглядят столь же молодо, как сама Джил; тем не менее, между ними лежит пропасть — ее жизненный опыт, столь не похожий на их тусклое существование. Прошло бы два-три дня, и они надоели бы друг другу. Да, видимо, нельзя навеки сохранить связи между родителями и детьми…

Мать всегда казалась лишь придатком своего мужа, а он был сильным, шумным, волевым человеком. Джил никогда не стремилась ни понять, ни полюбить отца, хотя и горевала после его смерти.

Она знала, что в Мире Реки они умерли для нее вновь.

Так в чем же дело? Откуда новый поток слез?

43

Репортаж специального радиокорреспондента «Ежедневных Вестей».

— Ну, люди, вот мы, наконец, собрались здесь. Сегодня — великий день, день грандиозном рывка! Теперь нам нипочем Великая Чаша, Туманный Замок, Башня Санта Клауса на северном полюсе, пославшего нам от щедрот своих воскрешение, вечную молодость, хлеб насущный, а также — отличную выпивку и курево.

— Народу здесь — не меньше миллиона. Посмотрите-ка — трибуны полны, на холмах — толпы, с деревьев люди валятся пачками. Полиции сегодня придется хорошо повертеться. Прекрасный день, никогда такого не было, верно? Ну и гам! Похоже, вы ни одном моего слова не слышите, несмотря на микрофон.

— Ага! Некоторые все же слышат. Люди, теперь постарайтесь сосредоточиться, я расскажу вам о «Парсефале». Правда, в ваших руках проспекты с его описанием, но большинство, я полагаю, не умеет читать. Это не ваша вина. Вы все говорите на эсперанто, но выучиться читать — совсем другое дело… Минуточку! Я только смочу глотку

каплей спиртного.

— А — ах! Это прекрасно. Беда только, что я начал прикладываться еще с рассвета… не знаю, что меня ждет впереди. Ну, неважно! Ненавижу загадывать. Что будет, то будет! В этом мире за удовольствие надо платить; впрочем, во всех остальных — тоже.

— Вот он — наш «Парсефаль»! Так назвал его Файбрас, первый человек, задумавший построить дирижабль и написавший это гордое имя на его серебряной гондоле.

— Второй помощник, Метцинг, предлагал назвать его «Граф Цеппелин-3», в честь человека, впервые построившего гражданский дирижабль. Первый помощник капитана мисс Галбира считала, что его надо назвать «Адам и Ева» — как дань уважения всему человечеству… ведь он предназначен для всех нас. Другие ее предложения — «Королева неба» и «Титания». Ну, здесь явно замешаны женские амбиции, к тому же «Титания» звучит почти как «Титаник», а вам известно, что случилось с этим судном. Простите, я забыл, что многие из вас никогда не слышали этого названия.

— Кто-то из команды, — забыл его имя, — предложил «Серебряное яблоко»… помните — как в

книге «Том Свифт и его огромный корабль».

— Кто-то еще предложил назвать судно «Анри Жиффар» — в честь француза, впервые взлетевшего на аппарате легче воздуха. Как жаль, что старина Анри не сможет увидеть своими глазами этот воздушный корабль — вершину дирижаблестроения, последний и величайший из всех, когда либо построенных. И как жаль, что все человечество не станет свидетелем этого вызова богам — перчатки, брошенной им в лицо.

— Люди, извините меня! Опять придется оросить высохшую глотку, иначе я рухну.

— А-а-а! Великий Боже! Ну, пейте же, люди, только залпом! Выпивки сегодня — море разливанное. Мы не поскупились — этого требует честь нашего дома и народа Пароландо.

— Итак, люди, наш уважаемый экс-президент Милтон Файбрас, экс-американец и экс-астронавт, решил назвать этот колосс «Парсефалем», а поскольку он — начальник, хозяин, босс, — то предложение было принято единогласно.

— А теперь немного статистики. Капитан Файбрас пожелал построить самый большой корабль всех времен, и он это совершил. Наше воздушное судно не только величайшее из когда-либо существовавших, но, скорее всего, второго такого

никогда не будет… так что я предложил бы название — «Последний — значит, наилучший».

— Так вот, длина «Парсефаля» — 820 метров или 2680 футов, максимальный диаметр — 328 метров или 1112 футов. Его объем — 6 300 000 кубических метров или 120 000 000 кубических футов. Обшивка — из сверхпрочного дюралюминия. В нем восемь крупных газовых отсеков и еще несколько мелких — на носу и в хвосте.

— На корпусе закреплены тринадцать внешних гондол и двенадцать двигательных отсеков, каждый — с двумя подвесными моторами. Наружное расположение двигателей снижает опасность возгорания водорода. При испытании материалов для газовых отсеков выяснилось, что пленки, полученные из внутренностей речного дракона, пропускают водород. Тогда Файбрас предложил ученым создать такое вещество, пленка из которого — извините за красное словцо! — не позволяла бы испортить воздух.

— И, представьте себе, он подпрыгнул на десять футов, когда один из спецов тут же предложил новую идею… Что? Мой помощник Рэнди утверждает, что никто не может сходу установить новый рекорд в прыжках в высоту… Ну так что? Кого это волнует? Главное, что утечка водорода

была сведена к нулю.

— Водород — чистый на 99,999 процентов.

— «Парсефаль» несет команду из девяноста восьми мужчин и двух женщин, два вертолета, каждый вместимостью на тридцать два человека, и двухместный планер. Парашютов для этой сотни храбрецов на нем нет — слишком тяжелый груз, и от них решили отказаться. Как видите, я с вами полностью откровенен.

— Посмотрите на него, люди! Каков? Он сверкает на солнце, как божий нимб! Как он прекрасен и величествен! Сегодня у человечества великий день. Оркестры играют увертюру к «Одинокому Страннику»... Ха-ха! Тут я слегка пошутил... ладно, долго объяснять. На самом деле это увертюра к «Вильгельму Теллю» Россини. Эту пламенную музыку выбрал сам Файбрас, столь же пламенный ее поклонник. Думаю, среди вас немало людей, восхищавшихся ею в былые дни.

— Рэнди, дай-ка мне еще стаканчик этой амброзии. Кстати, Рэнди — мой помощник на радиоцентре, бывший автор фантастических романов, а ныне, в Пароландо, — главный инспектор качества спиртных напитков. На мой взгляд, пустили козла в огород...

— А, великий момент приближается! Наш «Пар-

сефаль» выруливает из ангара! Через несколько минут состоится взлет. Сквозь ветровое стекло мне виден пульт управления в штурманской рубке.

— Человек, сидящий у пульта, — вы все видите его — наш первый пилот Сирано де Бержерак. В свое время он тоже был писателем-фантастом и создал романы о путешествии на луну и солнце. А сейчас он управляет воздушным кораблем, которого даже вообразить не мог, и отправляется в настоящий полет. Его путь лежит к северному полюсу планеты, которую, насколько мне известно, не живописала ни одна живая душа в самых невероятных фантазиях; он направится туда, словно рыцарь воздуха, потомок земного Галахада, странствующего в поисках гигантской Чаши Грааля.

— Всю работу в полете Сирано может выполнить один. Дирижабль полностью автоматизирован — его моторы, штурвал, руль высоты соединены с пультом управления электромеханическим приводом. На борту не нужны ни инженер, ни радист, ни штурман, как это было на прежних дирижаблях. Если Сирано способен бодрствовать трое с половиной суток — столько времени займет путь до полюса — то ему не пона-

добятся помощники. Теоретически судно может лететь без единой живой души на борту.

— Справа от Сирано — капитан Милтон Файбрас. Сейчас он направляется к человеку, сменившему его на посту президента, всем известному Джуду П.Бенджамену, экс-министру юстиции утраченной и вечно оплакиваемой Конфедерации Штатов Америки.

— Ну-ка, друг, убери лапы. Не смей оскорблять экс-гражданина Конфедерации! Полиция, заберите, этого пьянчугу!

— А вот там, слева, третий пилот — Митя Никитин. Он поклялся в абсолютной трезвости на время полета и даже не припрятал бутылочку в дальних отсеках. Ха-ха!

— Справа от Никитина — первый помощник Джил Галбира. Вам здесь пришлось нелегко, мисс Галбира, но мы в восхищении…

— О-о, загудели моторы! Какой рев! Нам машет капитан Файбрас! Пока, мой капитан, бон вояж! Держите с нами радиосвязь!

— Вот отпустили тросы с хвоста. Дирижабль чуть подпрыгнул и опустился вновь. Пару часов назад я наблюдал за его балансировкой. Его так экви — либ — либ… ну, уравновесили, что, стоя под этой махиной, один человек может поднять

его одной рукой.

— А сейчас отвели в сторону передвижную мачту и начали выпускать водяной балласт. Эй, джентльмен в сером! Отойдите немного, если не желаете принять душ!

— Вот он начал подниматься. Ветер относит его назад — к югу. Но уже крутятся винты, сейчас дирижабль взметнет вверх и направится к северу.

— Пошел! Больше горы, легче перышка! Вперед, к северному полюсу, к таинственной Башне!

— Господи, да никак я плачу? Видимо, этот стакан был лишним.

44

Высоко в небе парил дирижабль. Лишь острый глаз мог уловить мерцание металлического корпуса в голубом просторе.

С высоты двадцати тысяч футов команда «Парсефаля» обозревала просторы мира Реки. Стоя у ветрового стекла, Джил любовалась серебристой нитью водного потока, продернутой меж зеленых полосок берегов. В ста милях впереди река делала крутой изгиб к западу, затем извивалась, как лезвие малайского кинжала, и сворачивала на север.

Повсюду на воде трепетали солнечные блики. Отсюда, с высоты, нельзя было разглядеть миллионы людей, обитавших на побережье. Даже большие суда казались спинами вынырнувших на поверхность речных драконов. Долина Реки выглядела безлюдной, как до Дня Воскрешения.

На носу суетился фотограф, выполняя первые в этом мире аэрофотосъемки. И последние. Снимки сопоставят с данными о течении Реки, полученными с борта «Марка Твена». Но на карте «Парсефаля» все равно останутся белые пятна. Курс корабля шел к южной оконечности север-

ного района, и у картографа накопятся данные лишь о части северного полушария. Однако преимущества перед наблюдениями с речного судна несомненны — на каждом снимке зафиксирован участок, доступный «Марку Твену» лишь по истечении нескольких дней.

Радар определил высоту гор. Самые высокие достигали пятнадцати тысяч футов, большинство — десяти тысяч, но кое-где хребты опускались вдвое ниже.

До прибытия в Пароландо Джил, как и большинство окружающих, полагала, что высота гор составляет от пятнадцати до двадцати тысяч футов. Но это являлось лишь гипотезой, прикидкой на глазок; точные измерения никогда не проводились. Только в Пароландо, где были приборы двадцатого века, она узнала их истинные размеры.

Очевидно, сравнительная близость гор обманывала человеческие чувства. Они поднимались гладкой стеной на тысячу футов, затем шли отвесные и столь же неприступные голые скалы. Зачастую их вершины были шире подножья и образовывали выступ, на который впору забраться лишь змеям. Поперечный размер вершин достигал в среднем полутора тысяч футов, но даже при

относительно небольшой толщине скалы были непробиваемы — твердые породы поддавались лишь стальным бурам и динамиту.

В экваториальной зоне «Парсефалю» пришлось бороться с северо-восточным бризом. В средних широтах он шел в полосе попутного ветра. За сутки дирижабль преодолел путь, примерно равный расстоянию от Мехико до Гудзонова залива в Канаде. В конце второго дня полета с полярных широт вдруг подул встречный ветер. Путешественники не знали, насколько он устойчив. С земными условиями сравнивать было нельзя, поскольку здесь отсутствовал перепад температур на границе водных и континентальных масс.

С высоты бросалась в глаза разница между экваториальной и умеренной зонами. Долины к северу сужались, горы вздымались выше, ландшафт напоминал природу Шотландии. Дождь шел здесь в три часа пополудни, тогда как на юге грозы с сильнейшими ливнями разражались в три часа ночи. Трудно представить, что это было природным явлением. Ученые Пароландо предполагали, что в горах скрыты климатические установки, вызывавшие регулярное выпадение осадков; видимо, они поглощали колоссальную энергию. Но никто не сомневался, что существа,

сумевшие превратить эту планету в долину гигантской Реки и способные обеспечить пропитанием тридцать шесть миллиардов человек, в силах управлять погодой.

Что же являлось источником энергии? Достоверно это не было известно; общепризнанная гипотеза гласила, что чудовищные механизмы используют тепло планетарного ядра.

Существовало также предположение о некоем металлическом щите, пролегавшем между земной корой и глубинными слоями. Эта гипотеза объясняла отсутствие на планете вулканической деятельности и землетрясений.

Поскольку здесь не было ни обширных ледяных полей, ни водных пространств, подобных земным, следовало ожидать и различия в режиме воздушных потоков. Но пока они не отличались от привычных аэронавтам на Земле.

Файбрас решился опустить дирижабль до двенадцати тысяч футов, рассчитывая, что ниже ветер ослабеет. До вершин гор оставалось только пару тысяч футов, и в это время дня воздушные потоки были довольно устойчивы. Его предположение оказалось верным — скорость полета возросла.

В три часа пополудни капитан приказал под-

нять корабль над дождевыми облаками. Через час они снова снизились; «Парсефаль» величественно парил над долинами, сверкая серебром обшивки. С заходом солнца ветер стих, чехарда вертикальных и горизонтальных воздушных потоков прекратилась. Полет продолжался без помех.

Наступила ночь, водород в отсеках начал остывать. Опасаясь потерять подъемную силу, пилот направил нос корабля вверх.

В герметизированной рубке управления включили электрические обогреватели. В воздухе потеплело, но все оставались в плотных одеждах. Файбрас и Пискатор закурили сигары, остальные — сигареты. Курильщики наслаждались ароматным табаком, стараясь отмахнуть дым от Джил.

Все газовые отсеки были снабжены детекторами, сигнализирующими о малейшей утечке газа. Курение в дирижабле разрешалось лишь в носовой рубке управления, во вспомогательном хвостовом отсеке и в жилых каютах.

Барри Торн, старший офицер хвостовой секции, доложил о показаниях магнетометра. Северный полюс Мира Реки совпадал с его магнитным полюсом. Магнитное поле здесь оказалось значительно слабее земного — измерить его удалось

лишь с помощью приборов повышенной чувствительности, известных с семидесятых годов двадцатого века.

— Итак, — засмеялся Файбрас, — в одной точке сосредоточены все три полюса — северный, магнитный и магический — я имею в виду Башню. Значит, если только один человек доберется туда, придется засчитать ему тройной рекорд.

В этот день наладилась отличная радиосвязь. Сигналы «Марка Твена» принимались через антенну, закрепленную на буксируемом аэростате.

Аукусо, радист, подозвал капитана:

— Можете говорить, сэр.

Тот сел на его место.

— Сэм, говорит Файбрас. Только что получили радиограмму с «Минервы» от Грейстока. Он направляется на северо-восток и готов изменить курс, как только узнает о местонахождении «Рекса».

— Надеюсь, вам не удастся достать Кровавого Джона, — ответил Сэм. — Я должен сам разделаться с ним… утопить собственными руками в бочке с дерьмом. Вряд ли это осуществимо, но весьма заманчиво. Я — не мстительный человек, Милт, но эта гиена ожесточила бы и святого Франциска.

— На «Минерве» полтонны бомб и шесть ракет с девятикилограммовыми боеголовками, — заметил Файбрас. — При прямом попадании двух снарядов судно будет потоплено.

— Этот ворюга-нормандец вывернется из любой переделки, — пробормотал Сэм. — Ему дьявольски везет. Как же быть? Я непременно хочу полюбоваться на его труп. Если его схватят живым, я сам сверну ему шею.

— Ну, Сэм, — рассмеялся Файбрас, — если нужно кому-нибудь открутить голову, то лучше Джо никто не справится.

В рубке зарокотал низкий голос:

— Нет, я оторву ему сперва руки и ноги, а потом уж Тэм пусть вертит ему голову во все стороны, как ему нравится.

— Ты меня насмерть оглушил, приятель, — Файбрас отпрянул от передатчика. — Уж если старина Джо до меня добирается, то бьет наповал.

— По нашим расчетам, до «Рекса» всего час полета, — продолжал Файбрас. — Вы находитесь примерно в том же районе, миль на сто к западу. Насколько нам известно, Джонни не спешит и путешествует довольно медленно. Не то он уверен в своей безопасности, не то судно уже нуждается в ремонте.

Разговор продолжался не менее часа. Клеменс поговорил еще с несколькими знакомыми из команды, но Джил обратила внимание, что он не подозвал де Бержерака.

Они кончали связь, когда оператор радара сообщил, что «Рекс Грандиссимус» находится в зоне видимости.

45

«Парсефаль» кружил над судном на высоте тысячи футов. Отсюда «Рекс» казался детской игрушкой, но фотограф быстро увеличил снимок, так что корабль Джона можно было разглядеть во всех подробностях. Выглядел он великолепно. Джил подумала, что разрушать такое прекрасное творение рук человеческих просто преступно, но вслух ничего не сказала. У Файбраса и де Бержерака были давние счеты с человеком, захватившим этот волшебный корабль.

Аукусо передал Грейстоку данные о местонахождении «Рекса». Тот ответил, что «Минерва» доберется до него на следующий день и запросил сведения о курсе «Марка Твена».

— Мне бы хотелось над ним пролететь. Пусть Сэм полюбуется на воздушный корабль, который идет топить «Рекса», — заявил Грейсток.

— Ну, это вам как раз по пути, — ответил Файбрас, — а Сэму не помешает хороший заряд бодрости.

После разговора он заметил:

— По-моему, полет Грейстока — просто самоубийство. На «Рексе» стоят ракеты, есть два

самолета, тоже вооруженных ракетами и пулеметами. Все будет зависеть от случая — сумеет ли он захватить их врасплох или нет. Единственная надежда, что радары Джона не засекут «Минерву».

— Да, — вмешался Пискатор, — но на «Рексе» разглядят нас — и, конечно, включат радары, чтобы выяснить, кто мы такие.

— Вы правы, — поддержала его Джил. — Думаю, они легко сообразят, что дирижабль могли построить только в Пароландо.

— Все может быть. Посмотрим. К тому времени, когда подойдет «Минерва», мы будем уже за северными горами. Вряд ли оттуда нам удастся связаться с Грейстоком; следовательно, новости мы узнаем лишь после возвращения.

Выражение лица Файбраса всем показалось странным — будто он сомневался, что «Парсефаль» вернется.

Солнце опустилось за горизонт, но его отблески еще долго освещали плывущие в вышине облака. Наконец, наступила ночь, сквозь туманную пелену засверкали звезды. Прежде чем уйти в свою каюту, Джил обменялась несколькими словами с Анной Обреновой. Маленькая женщина держалась приветливо, но в поведении ее сквозила какая-то скованность. Может быть, она расстрое-

на тем, как Файбрас распределил должности?

Джил прошла по длинному проходу в хвостовой отсек — выпить кофе и поболтать с членами команды. Там был и Барри Торн. Он тоже показался ей несколько взволнованным и еще более молчаливым, чем обычно. Джил подумала, что он, наверно, переживает свою размолвку с Обреновой. Впрочем, причина могла заключаться и в другом.

Неожиданно ей вспомнился их громкий разговор — скорее даже, спор — на неведомом языке. Хорошо бы расспросить его, но страх признаться в том, что она подслушивала, останавливал Джил. Правда, если сказать, что она случайно шла мимо (именно так все и было!) и услышала несколько фраз… Можно ли считать подслушанным разговор, в котором не понятно ни слова?

Джил добралась до своей каюты, рухнула на койку и провалилась в сон. В два часа пополудни ее разбудил свисток, раздавшийся по внутренней связи. Она прошла в рубку управления сменить Метцинга, второго помощника. Он немного постоял рядом, рассказывая о своих полетах на «ЛЦ-1», потом ушел. Вахта начиналась спокойно. Атмосферные условия были нормальными, и она вполне могла полагаться на опыт сидевшего у

штурвала Пискатора. Японец включил автоматическое управление, но продолжал внимательно следить за показаниями приборов.

В стороне работали радист и оператор радиолокатора.

— Мы достигнем гор около двадцати трех часов, — заметила Джил.

Пискатор поинтересовался, правда ли, что этот северный хребет, как рассказывал Джо Миллер, достигает двадцати тысяч футов? Вряд ли гигант мог точно определить их высоту — он не сильно разбирался в метрической и английской системах.

— Попадем туда и все узнаем, — ответила она.

— Интересно, выпустят ли нас обратно таинственные обитатели Башни, — продолжал рассуждать японец. — Впрочем, позволят ли они нам вообще проникнуть туда?

На этот вопрос можно было ответить так же, как и на предыдущий. Джил промолчала.

— И если нам это удастся, — не унимался Пискатор, — получим ли мы возможность осмотреть их загадочную обитель?

Джил закурила сигарету. Она была сейчас совершенно спокойна, предчувствуя, что с приближением к горам и к тайне, которую они

охраняли, ей вряд ли удастся сохранить душевное равновесие.

Пискатор улыбнулся, в его черных глазах сверкнул огонек.

— Вы никогда не допускали мысли, что на борту может оказаться кто-нибудь из Них?

От неожиданности Джил подавилась дымом. Откашлявшись, она хрипло спросила:

— Как это пришло вам в голову?

— Они вполне способны заслать на «Парсефаль» своих агентов.

— И что же натолкнуло вас на эту мысль?

— Это лишь мое предположение, не больше… но вполне допустимо, что за нами следят.

— Я полагаю, это не только предположение. Что вас побудило так думать? Признайтесь мне, Пискатор!

— Ничего конкретного… ничего, кроме праздных размышлений.

— Возможно, ваши праздные размышления касаются какой-то личности? Кого же?

— Если даже и так, то называть ее было бы совершенно неблагоразумно. Вы хотите, чтобы я ткнул пальцем в кого-то… скорее всего — в совершенно невинного человека?

— А меня вы не подозреваете?

— Нужно быть последним глупцом для этого. Я просто размышляю вслух. Прискорбная привычка, от которой не мешало бы избавиться.

— Что-то я не припомню за вами обыкновения думать вслух.

Джил прекратила разговор, понимая, что он ничего не прибавит к сказанному. Остаток дежурства она пыталась обдумать слова Пискатора и привести все в какую-то систему. В конце концов, голова у нее разболелась, и она в совершеннейшем изнеможении отправилась спать. Может быть, он все-таки имел в виду ее?

Ближе к полуночи показались северные горы. В своем прогнозе Джил ошиблась лишь на две минуты. Хребет был скрыт облаками, но радары обрисовали его очертания — сплошная горная цепь, окружающая море. Файбрас, узнав ее истинную высоту, громко выругался.

— Тридцать две тысячи футов! Выше Эвереста!

Все выглядели озабоченными. Дирижабль не мог подняться выше тридцати тысяч, и Файбрас страшился даже такой высоты — в этом случае давление в газовых камерах приближалось к критическому, срабатывали аварийные клапаны и начиналась утечка водорода.

Капитан остерегался максимальных высот

и по другой причине. Если судно неожиданно попадет там в поток теплого воздуха, объем водорода увеличится. Правда, это создаст большую подъемную силу, но также будет грозить безопасности полета. «Парсефаль» стремительно взовьется вверх; в подобных условиях пилот должен отреагировать молниеносно и заставить корабль снизиться в холодные слои атмосферы. Если запоздать с маневром, то увеличившийся в объеме газ способен разорвать стенки камер.

— Если придется переваливать через эту стену, — вздохнул Файбрас, — нас хорошо прижмет. Правда, Джо говорил…

Он замолчал, пытаясь разглядеть впереди темную гряду гор. Под ними тянулась извилистая лента долины, вечно окутанная туманом. Грейлстоуны уже давно исчезли. Но радары и инфраскоп показывали, что холмы внизу покрыты растительностью. Новая загадка: как удалось вырасти деревьям в этом холодном мареве?

— Сирано, — обратился к французу Файбрас, — опускайтесь до десяти тысяч футов. Мне нужно хорошенько осмотреть верховья.

«Осмотреть» их можно было лишь с помощью радара. Сквозь массивные клубящиеся слои туч никто не смог бы заметить огромный разлом у

подножья гор, о котором говорил Джо. Вскоре на экране обозначился зев колоссальной пещеры трехмильной ширины, из которой вытекала Река. Чудовищный свод вздымался на высоту десяти тысяч футов.

— Джо явно преувеличивал, утверждая, что здесь может пройти луна, — ухмыльнулся Файбрас, — но это все равно впечатляет.

— Грандиозное зрелище, — отозвался Сирано. — Но воздух здесь очень холодный и тяжелый.

Файбрас приказал поднять корабль выше и идти курсом, параллельным горам, на расстоянии восьми миль. Чтобы избежать сноса из-за южного ветра, Сирано был вынужден сделать крен; затем, уравновесив дирижабль, он стал набирать высоту.

Тем временем радист пытался найти в эфире позывные «Марка Твена».

— Вызывай их, вызывай, — приказал ему Файбрас. — Сэм, наверное, хочет знать, что с нами происходит. А мне интересно, добралась ли до них «Минерва».

Он повернулся к остальным.

— Я ищу расщелину в горах. Здесь непременно должен быть разлом. Джо говорил, что сквозь

него на минуту сверкнуло солнце. Возможно, ему померещилось — солнце здесь поднимается над горизонтом вдвое ниже, чем в средних широтах, и не может осветить ущелье, если оно не рассекает хребет почти до самого основания.

В 15.15 экран радара высветил вертикальную брешь. Дирижабль летел выше и несколько в стороне от основной гряды. Вблизи ущелья горы были невысоки, лишь отдельные вершины вздымались до десяти тысяч футов. Вскоре «Парсефаль» приблизился к разлому, и они увидели огромную долину, прорезавшую хребет насквозь.

— Похоже на Большой Каньон, насколько я помню ваши рассказы, — заметил Сирано. — Колоссальное ущелье! Стены тысячефутовой высоты… без длинного каната туда не спуститься! И скалы тут гладкие, как женский зад!

За невысокими горами вздымался новый каменный барьер, ограждавший Реку. Но если бы путешественники преодолели это препятствие и пересекли долину, то перед ними выросла бы другая отвесная каменная стена, тянувшаяся на пятьдесят миль. Да, если Клеменс собирается преодолеть этот путь по суше, его команде придется нелегко!

— Гинунгагап, — пробормотала Джил.

— Что? — удивился Файбрас.

— В норвежских сказаниях — первичный хаос, где родился Имир, первое живое существо, предок племени злых гигантов.

Файбрас фыркнул.

— Теперь вы мне скажете, что море населено демонами!

Он казался совершенно спокойным, но Джил понимала, — его выручает лишь привычка держать себя в руках. Однако не пора ли доверить штурвал более опытному пилоту? Конечно, у Сирано великолепные рефлексы и быстрота реакции, но он совершенно не имеет летного опыта. Что ему известно об аэронавтике в полярных условиях?

Здесь, на вершине мира, слабые солнечные лучи почти не грели, в воздухе сильно похолодало. За каменной преградой Река низвергалась в полярное море, отдавая тепло, собранное за тысячи миль пути. При контакте холодного воздуха с теплой водой вверх поднимались плотные массы тумана — о нем рассказывал Джо. Но воздух не согревался, и тут было значительно холоднее, чем за горами. Высокое давление внутри каменного пояса вытесняло холодный воздух наружу.

Джо вспоминал, какой пронзительный ветер преследовал их по дороге к морю.

В полном отчаянии Джил была готова попросить Файбраса, чтобы он сменил Сирано. Пусть к рулю встанет она сама, Анна или Барри Торн, кто-нибудь из опытных пилотов…

Возможно, Файбрас тоже так считал, но он не собирался этого делать. Неписаный закон воздуха! Сменять сейчас Сирано — значит, подчеркнуть недоверие к нему, унизить его мужское достоинство.

Как это нелепо! Совершенно нелепо! На карту поставлены успех их дела и жизнь людей!

Но Джил не произнесла ни слова. Подобно другим, она молчаливо подчинялась традиции и, наверно, была бы оскорблена сама, если бы кто-то попытался намекнуть на неопытность француза.

Наконец, судно поравнялось с каньоном. Как они и предполагали, ущелье расширялось в сторону моря; из гигантского двухмильного разлома, как из аэродинамической трубы вырывались подгоняемые ветром облака. Казалось, вой урагана проникает даже сквозь обшивку дирижабля. Сирано направил корабль прямо в ущелье, стараясь, чтобы его не отнесло к югу. Двигатели работали на полную мощность, но «Парсефаль»

шел со скоростью не больше десяти узлов.

— Ну и ветер! — воскликнул Файбрас. Его обуревали сомнения. — Возможно, стоит подняться выше… Воздушные потоки с гор могли бы помочь нам пробиться через расщелину. Не думаю, что толщина хребта здесь больше, чем в долине, — пробормотал он сквозь зубы. — Наверху мы проскочим через эту дыру быстрее, чем пес сквозь обруч. Только вот…

Он откусил кончик сигары и чиркнул зажигалкой.

— Поскорее бы пробиться сквозь эти адские ворота!

46

Фригейту не давала покоя мысль о переплетении человеческих судеб.

Сам он появился на свет по воле чистой случайности. Неожиданное стечение обстоятельств сделало возможное реальным.

Его отец родился и вырос в городе Терра-Хот штата Индианы, мать — в маленьком канзасском городке Галена. Вряд ли у них были шансы встретиться в те времена, когда люди вообще редко путешествовали. Но его деда, бонвивана и азартного дельца, любителя вина и женщин, обстоятельства вынудили отправиться в деловую поездку в Канзас-Сити. Он решил взять с собой старшего сына — двадцатилетнего Джеймса, которому пора было приобщаться к бизнесу. Оставив в гараже новехонький «паккард», они отправились поездом.

Мать Питера училась в коммерческой школе Канзас-Сити и жила у своих немецких родственников. Ничего общего у двух семей не было — разве лишь то, что они жили на Среднем Западе — территории, равной иной европейской стране.

Итак, в один прекрасный день, его будущая мать отправилась с подружками в кафе полакомиться молочным коктейлем и мороженым. Его будущий отец притомился от деловых переговоров родителя с фабрикантом сельскохозяйственных машин. Когда наступило время ленча, оба старца направили свои стопы в бар. Джеймсу не улыбалось напиваться с утра, и он повернул к кафе. Его привели в восторг аппетитные запахи мороженого, ванилина и шоколада, жужжание вентиляторов под потолком, длинная мраморная стойка и три хорошенькие девушки, сидевшие в плетеных креслицах возле маленького столика. Как истый мужчина, он окинул их с головы до ног оценивающим взглядом и уселся неподалеку, заказав шоколадный коктейль и гамбургер. В ожидании юноша небрежно листал страницы газет, разглядывая лишь рекламу фантастических и приключенческих романов. Надо сказать, они мало его интересовали. Он пытался читать Уэллса, Жюля Верна, Хаггарда, Фрэнка Рида, но трезвому уму торговца оставался чужд полет их фантазий.

Джеймс отправился к стойке за порцией мороженого. Когда он проходил мимо столика девушек, одна из них, увлеченная пересказом

какой-то истории, опрокинула стакан с коктейлем. Он отпрыгнул в сторону. Не будь Джеймс столь проворен, его панталоны могли сильно пострадать. Брызги попали на сапоги. Девушка извинилась. Джеймс ответил, что на это не стоит обращать внимания, и попросил разрешения присесть рядом. Юные особы были рады поболтать с интересным молодым человеком, прибывшим из далекого штата Индиана. К тому времени, когда они отправились в свое училище, Джеймс уже немало знал о Тэдди Грифитс. В этом трио она выделялась спокойствием и миловидностью; сочетание тевтонских и индейских черт придавало ее лицу особую прелесть. Иссиня-черные волосы и огромные темные глаза произвели на Джеймса сильное впечатление.

В те времена ухаживание за девушками было делом непростым. Джеймсу пришлось нанести визит в резиденцию Кайзеров на Локуст Стрит, претерпеть долгую поездку в экипаже, представление дядюшке и тетушке, обед со стариками с неизменным домашним мороженым и печеньем. Около девяти часов их с Тедди отпустили на прогулку вокруг квартала. По возвращении Джеймс поблагодарил хозяев за гостеприимство и попрощался с Тедди, даже не поцеловав ее.

Они стали переписываться, через два месяца он предпринял другую поездку в Канзас-Сити, уже на отцовской машине. На этот раз они сумели вкусить скромные радости любви, сидя в последнем ряду местной киношки.

Когда Джеймс приехал в третий раз, они с Тедди поженились. После венчания молодые сразу же отправились поездом в Терра-Хот. Джеймс любил рассказывать своему старшему сыну, что его следовало бы назвать Пулмен:[10] «Ты был зачат в поезде, Пит, и я собирался назвать тебя соответственно обстоятельствам, но твоя мать воспротивилась». Питер не знал, стоит ли верить ему — отец любил приврать.

Но он никогда не слышал, чтобы мать возражала ему. Коротышка Джеймс, задира и забияка, управлял своим курятником с твердостью домашнего Наполеона.

Таково стечение обстоятельств, сделавшее реальностью появление Питера Фригейта. Если бы старый Уильям не взял своего сына в Канзас-Сити, если бы Джеймс не соблазнился коктейлем, предпочтя его пиву, если бы девушка не уронила стакан, то не было бы и Питера Фригейта. Не было

---

[10] notes: 10
имеется в виду спальный пульмановский вагон

бы личности, носившей это имя. Могло случиться и так, что отец проспал бы пьяным сном ту ночь в поезде или, несмотря на его старания, зачатия не произошло. В любом случае Питер не появился бы на свет.

Но случилось так, что один сперматозоид — один из трехсот миллионов — сумел опередить другие на пути к яйцеклетке. Да, побеждает сильнейший, думал в утешение Фригейт.

Ниточка воспоминаний раскручивалась дальше; перед ним проплывали лица сестры и братьев. Они умерли, ничего не оставив после себя. Пустая порода, шлак, плоть без духа. Нес ли в себе тот сперматозоид будущий дар воображения и писательского таланта? Или это было заложено в яйцеклетке? Возможно, лишь их комбинация образовала нужные гены? Его братья не были творческими людьми. У сестры воображение, несомненно, присутствовало, но в пассивной форме. Она любила фантастические романы, но склонностью к творчеству, к писательству не обладала. Что сделало их столь различными?

Этого не объяснить влиянием среды, все они находились в одинаковых условиях. Отец покупал книги в красных обложках под кожу. В детстве у них была домашняя библиотека из

дешевых изданий (вспомнить бы, как они назывались?). Но книги не интересовали младших. Они не увлекались приключениями Шерлока Холмса, не сочувствовали несчастному чудовищу из «Франкенштейна», не сражались под стенами Трои вместе с Ахиллесом, не отправлялись с Одиссеем в его долгий путь к Итаке, не спускались в ледяные глубины в поисках Грендола с Беовульфом, не путешествовали с машиной времени Уэллса, не посещали таинственные звезды Олива Шнейдера, не прятались от ирокезов в компании Натти Бумпо. Они прошли мимо «Странствий пилигрима», «Тома Сойера» и «Гекльберри Финна», «Острова сокровищ», сказок «Тысячи и одной ночи», «Путешествия Гулливера». Они не рылись на полках домашней библиотеки, где он открыл для себя Фрэнка Баума, Ганса Андерсена, Эндрю Ланга, Джека Лондона, Конан Дойла, Эдгара Райса Берроуза, Редьярда Киплинга, Райдера Хаггарда. Не забыть ему и менее славных: Ирвинга Грампа, Дж. Хенти, Роя Роквуда, Оливера Кервуда, Дж. Фарнола, Роберта Сервиса, Энтони Хопа и Хайатта Верилла. В пантеоне его воспоминаний неандерталец Ог и Рудольф Рессендайл навсегда останутся рядом с Тарзаном, Джоном Картером из Барнума, Одиссеем, Челленджером, Джимом

Хокинсом, Алланом Квотермейном и Умслапогасом.

Сейчас Питер плыл на одном судне с человеком, который являлся прообразом фантастического Умслапогаса; он служил матросом у создателя Бэка и Белого Клыка, Волка Ларсена и Смока Белью; он ежедневно запросто болтал с кумиром своего детства, несравненным искателем приключений — и в фильмах, и в жизни. Добавить бы к ним еще и Конан Дойла, и Твена, и Сервантеса… и, конечно, Бартона. Особенно Бартона! Однако судно легко перегрузить. Будь доволен и этим! Но человеку никогда не хватает того, что он имеет.

Как же его сюда занесло? О, да! Простая случайность — синоним судьбы.

В отличие от Марка Твена, он не верил, что все события жизни детерминированы, определены раз и навсегда. «С того момента, когда первый атом Великой Пустоты космоса столкнулся с другим атомом, — наши судьбы предопределены». Твен сказал нечто подобное — кажется, в своем довольно пессимистическом произведении «Что есть человек?» Этой философией он прикрывал грех бегства от действительности. Он прятался за ней, как цапля, сунувшая голову в кусты.

Фригейт не разделял и мнение Курта Вон-

негута — этого Марка Твена двадцатого века — утверждавшего примат химических реакций организма в человеческой судьбе. Творец — не Великий автомеханик и не Божественный игрок в бильярд. Впрочем, о Боге стоит говорить, если Он действительно существует, в чем Фригейт часто сомневался.

Но если Бога нет, то тогда все определяет собственная воля. Правда, это ограниченная сила, зависящая от случайных обстоятельств, болезней мозга, воздействия лекарств, лоботомии. Но человеческое существо — не протеиновый робот, который не способен изменить свое мышление.

Мы рождаемся с самыми различными сочетаниями генов. Они определяют развитие нашего ума, способностей, реакций, короче говоря — наш характер. А как говаривал старик Гераклит — характер создает судьбу. Любая личность способна на самопреобразование. Скрытые в нас силы позволяют заявить: «Я этого делать не стану!» Или — «Никто меня не остановит!» Или — «Я был теленком, а стал свирепым тигром!».

Наша мысль способна изменить душевный строй человека. Фригейт свято верил в это, но его жизненная практика всегда расходилась с теорией.

Его семья пребывала в лоне «Христианской науки». Но когда ему было одиннадцать лет, отец, в состоянии полной религиозной апатии, послал его в пресвитерианскую школу. Мать не вмешивалась; она с головой ушла в хозяйственные заботы — ей было важнее вымыть кухню и накормить детей вкусным завтраком, пока отец изучает «Чикаго Трибюн». Питер стал ходить на воскресные занятия и слушать проповеди.

Так в нем соединились два религиозных начала.

В одной из религий зло и материя — лишь мираж, единственная реальность — душа.

В другой — вера в предопределенность. Немногих избирает Бог во спасение, остальных отправляет в ад. В этом нет ни поэзии, ни высокого смысла — осуществляется лишь однажды сделанный божественный отбор. Можно жить чистой жизнью, проводить дни и ночи в молитвах, но в конце концов вас отправят в единственное уготованное вам прибежище. Агнец, овца, которую неизвестно почему Бог отметил своей милостью, приближен и посажен одесную Его. Таинственно отвергнутый козлище низвергается в геенну огненную.

В двенадцать лет Питера мучили ночные

кошмары, в которых Мэри Беккер-Эдди и Жан Кальвин[11] сражались за его душу. Неудивительно, что в четырнадцать он решил порвать с обеими религиями, да и с остальными тоже. Тем не менее, он сохранил в себе следы стыдливого пуританства: не осквернял себя грязным словом, краснел при соленых шутках, не выносил даже запаха вина или пива, с презрением отвергая любые попытки подпоить его. Но зато какое восхитительное чувство превосходства переполняло его при этом!

Источником мучения для Пита стала его ранняя половая зрелость. Когда в седьмом классе его вызывали отвечать, он безумно краснел, терялся. При виде пышного бюста учительницы его пенис трепетал. Никто не замечал этого, но каждый раз Пит был уверен, что теперь он опозорен до конца дней. Сидя с родителями в кино, на фильме, где у героини было излишне открытое платье или видна подвязка, он прятал в карманы дрожащие руки. После сеанса он боялся взглянуть в лицо родителям.

Отец дважды говорил с ним о сексе. Однажды,

---

[11] notes: 11

Мэри Беккер-Эдди (1821–1910) — основоположница «Христианской науки», религиозной организации протестантского толка в США. Жан Кальвин (1509–1564) — основатель кальвинизма

когда ему было двенадцать, мать заметила кровь на его полотенце и рассказала отцу. Запинаясь и невнятно бормоча, Джеймс Фригейт с трудом выдавил из себя вопрос, не было ли у Пита мастурбации. Тот ужаснулся и все отрицал. При расследовании выяснилось, что принимая душ, он случайно повредил кожицу крайней плоти и там образовался нарыв. Он вовсе не теребил пенис, а просто тщательно мылся. Отец стал объяснять ему, что если он будет терзать свой член, то тронется умом; в качестве назидательного примера Фригейт-старший упомянул деревенского дурачка из Норд Терра-Хат, у которого мастурбации происходили на глазах у людей. С серьезным лицом он убеждал сына оставить дурную привычку, дабы не стать полным идиотом. Может быть, папаша Джеймс на самом деле верил в это — во всяком случае, люди его поколения не сомневались в подобных вещах.

Возможно, он просто хотел запугать сына.

47

Это случилось много лет назад. Изрядно набравшись, Питер привел женщину в пустой католический храм и уложил ее на алтарь. Она была еврейкой и яростно ненавидела католицизм (в бостонской школе мальчишки, польские католики, поколачивали ее только за то, что она — еврейка). Питер был так пьян, что согласился на эту эскападу. Мысль осквернить церковь пришлась ему по душе, хотя уже на следующий день он горько сожалел о своей выходке. Он ни за что не пошел бы в пресвитерианский храм, казавшийся ему нищенским и тоскливым, — там и самому Богу приткнуться негде. То ли дело католический костел, где все восхваляет Его могущество! Так почему бы не осквернить это место, где Он якобы присутствует?

После церкви они с Саррой решили добавить и направились в меблированные номера огромного дома — на улице, название которой он так и не мог припомнить. Это был богатый район с громадными, безвкусными особняками. Здесь жили состоятельные старики, вдовы и пожилые пары. Из-за плотно закрытых дверей не доносилось ни

звука. Когда они уходили оттуда, на площадке третьего этажа Сарра встала перед ним на колени. В этот момент распахнулась дверь, из-за которой выглянула какая-то старуха. Увидев их, она вскрикнула и в панике скрылась; раздался щелчок замка, потом — грохот засова. Они с хохотом выскочили на улицу. Позже Питер с ужасом представил себе, что старуха могла вызвать полицию; его ожидали публичный позор, потеря места в «Дженерал Электрик», скандалы в семье… А если у пожилой леди случился сердечный приступ? Он начал судорожно просматривать колонку некрологов, но не обнаружил никого, кто умер бы ночью на этой улице. Странно! Сарра, жившая напротив, говорила, что стоит ей выглянуть в окно, она обязательно увидит похоронную процессию.

Он твердо сказал себе, что тридцатишестилетнему мужчине не подобает пускаться в такие авантюры. Все, баста! Шалостям конец! Прошли годы, и теперь он лишь посмеивался, вспоминая этот случай.

Став в юности атеистом, Фригейт, однако, не избавился от разъедающих душу сомнений. В девятнадцать лет он повстречал Боба Олвуда, парня из религиозной семьи, тоже пришедшего

к безбожию. Родители Боба умерли от рака. Потрясение, вызванное их смертью, склонило его к мыслям о бессмертии. Он не мог представить, что отец и мать ушли навсегда, что он больше их не увидит. Боб стал посещать религиозные собрания и вновь обратился к вере.

В те годы Питер и Боб встречались довольно часто и не раз беседовали о религии, обсуждая достоверность библейских событий. Однажды Боб уговорил Пита пойти на собрание, где выступал с проповедью преподобный Роберт Рэнсом. Там, к своему собственному изумлению, молодой Фригейт ощутил глубокое волнение; он даже опустился перед пастором на колени, признавая Христа своим Господом.

Правда, через месяц от его благочестия ничего не осталось. По выражению Олвуда он «впал в ересь» и «лишился благодати». Питер уверял Боба, что от неистовства веры его оттолкнула детская религиозная раздвоенность и излишняя эмоциональность новообращенных. Олвуд же продолжал убеждать его «бороться за спасение своей души».

Когда Питеру исполнилось шестьдесят, никого из его соучеников и друзей юности уже не было в живых, да он и сам прихварывал. Смерть бы-

ла не за горами. В юности он часто обращался мыслью к судьбам миллиардов людей, живших до него, — они рождались, страдали, любили, смеялись, плакали, умирали. И те, что будут жить потом, тоже уйдут в небытие — вместе со своей скорбью, ненавистью, любовью… А с гибелью Земли все станут прахом — да, собственно, и праха не останется.

Тогда к чему все, что было, есть и будет? Если нет бессмертия, жизнь лишена смысла. Существовали люди, утверждавшие, что сама жизнь является оправданием жизни — в этом ее единственный смысл. Питеру подобные мысли казались глупым самообманом.

Неужели у человечества нет другой альтернативы, кроме загробного мира? Неужели люди — только безвольные, лицемерные, себялюбивые бедолаги? Впрочем, и звери тоже… Он не встретил ни одного человека, прожившего без греха, хотя и допускал их существование; несомненно, им надлежит получить бессмертие. Но Питер не верил тем, кого традиция и общество увенчали нимбом святости.

К примеру, святой Августин. Все, что он сделал — это выдавил из себя одно-единственное: «Покайтесь мне!» Вопиющее себялюбие и само-

обман!

Святой Франциск, по-видимому, прожил действительно безгрешную жизнь, но был явным психопатом — целовал прокаженных лишь для того, чтобы продемонстрировать самоуничижение.

Значит, как говаривала жена Питера, нет на Земле совершенства.

Да, был еще Иисус. Но его безгрешность тоже сомнительна. Из Нового Завета следует, что именно он положил конец спасению евреев, за что они и предали его. Поэтому святой Павел счел израильтян недостойными религии, прошедшей сквозь муки и страдания, и обратил свою проповедь к другим народам. Христианство, которое следовало бы назвать «павелизмом», распространилось по всему миру. Но в те времена половое воздержание считалось извращением; значит, и Иисус, и Павел стали по законам своего века сексуальными извращенцами, ренегатами.

Правда, всегда существовали люди, не обладающие достаточной сексуальной энергией. Может быть, к ним относились Иисус и Павел? Или же они сублимировали свою половую потенцию в нечто более значительное — в стремление обратить души людей к Истине?

Весьма вероятно, что святую жизнь прожил Будда. Судьба даровала ему все — трон, богатство, могущество, любимую женщину, детей. Но в странствиях по Индии ему открылись несчастье и бесправие бедноты, неизбежность голодной смерти. Так он достиг Истины. Он основал буддизм, но индусы, народ, которому он хотел помочь, отвергли его. Подобно Павлу, который понес учение Иисуса в чужие земли и насаждал его среди чужих племен, последователи Будды тоже ушли к другим, покинув свой народ-страдалец.

Учения Иисуса и Будды начали вырождаться, когда тела их основателей еще не остыли в могилах. Орден святого Франциска стал разлагаться до того, как разложилось его тело.

48

В один из дней плавания Фригейт поведал свои сомнения Нур эль-Музафиру. Они сидели на палубе, покуривая сигары и лениво разглядывая людей на берегу. У руля стоял Фриско Кид, остальные болтали или играли в шахматы.

— То, что мучает вас, Пит, волнует и других людей. Дело в том, что, исповедуя высокие идеалы, вы даже не пытаетесь жить в соответствии с ними.

— Я не знаю, как приняться за это, а потому и не пытаюсь. Но есть люди, провозглашающие подобные истины, которые уверены, что живут в полном соответствии с ними. Когда я говорю им, что это — заблуждение, они приходят в ярость.

— Естественно, — хмыкнул мавр. — Ваш скептицизм угрожает разрушить созданный ими образ праведника. Они полагают, что стоит ему рухнуть, как их души тоже погибнут.

— Это я понимаю, — ответил Фригейт, — и всегда в спорах стараюсь сохранять спокойствие. Тем не менее, праведники приходят в бешенство и даже готовы к насилию. Я же не могу быть сторонником насилия и зла.

— Однако по характеру вы весьма вспыльчивы. Мне кажется, ваше отвращение к насилию вызвано только страхом перед вспышкой страстей. Вы боитесь нанести этим кому-нибудь вред, обиду, а потому всячески подавляете их в душе… Но вы — писатель, Пит, и вы могли бы выплеснуть все это… по крайней мере — на бумагу.

— Да, я знаю.

— Но почему вы не поможете себе?

— Я пытался… Я прибегал к различным видам духовной терапии… ко многим учениям и религиям: психоанализу, оккультным наукам, учению Дзен, трансцендентальной медитации, Христианской науке и традиционному христианству… Одно время меня весьма привлекал католицизм…

— О некоторых из этих учений я даже не слышал, — прервал его Нур. — Однако, сколь ни были бы они основательны, им не исцелить вашей болезни. Она заложена в вас самом, в основе вашей натуры. Вы признались сейчас, что не смогли ничего выбрать — а потому не сумели и помочь себе.

— Увы! В каждом учении я видел его уязвимое место. Мне пришлось наблюдать людей, верящих, что они живут в мире с исповедуемыми ими

истинами. Да, большинство учений и религий оказывает благотворное воздействие на души своих последователей, но весьма незначительное. Люди просто обманывают себя, прячась в раковину догм.

— И все-таки вы непоследовательны. Вы желаете перемен, даже мечтаете о них, но боитесь при этом лишиться своего «я».

— И это я понимаю, — печально признался Фригейт.

— Тогда почему же вы не пытаетесь преодолеть эту боязнь?

— Ну, я все-таки пытаюсь…

— Ваших усилий недостаточно.

— Не сомневаюсь. Но с возрастом я сделал некоторые успехи, а здесь продвинулся еще дальше.

— И все-таки недостаточно?

— Несомненно, так.

— Тогда — что пользы в самопознании, если нет желания действовать?

— Вы правы — немного.

— Вам нужно найти путь к действию, преодолев свой страх и внутреннее сопротивление, — Нур помолчал, улыбнулся, его темные глаза блеснули. — Конечно, вы скажете, что все это вам известно, а затем попросите меня указать путь. И

я отвечу, что вы еще не готовы вступить на него… Хотя, возможно, вы полагаете обратное. Может случиться так, что вы никогда не будете готовы — вот в чем беда. В вас заложена лишь потенция к действию.

— Все люди в мире обладают этой потенцией.

— В каком-то смысле да, в другом — нет.

— Этому есть разумное объяснение?

Маленькой крепкой рукой Нур потер нос, потушил сигару о палубу и бросил в воду. Он поднял лежащую рядом бамбуковую флейту, осмотрел ее, но положил обратно.

— Всему свое время, — он взглянул на Фригейта. — Вы чувствуете себя отвергнутым? Я знаю, вас это всегда серьезно ранит, и вы стараетесь избегать подобных ситуаций. Разве не так? Скажем, когда вы стремились попасть на наше судно и встретили отказ… — он погладил флейту и задумчиво продолжал: — Пусть все идет своим чередом. Сегодня вам трудно смириться с моими словами. Но попытайтесь еще раз. Вы сами поймете, когда наступит час.

Фригейт отмолчался. Нур приложил к губам флейту, и в воздухе задрожали печальные звуки, изменчивые, как взлеты и падения судьбы.

Отдыхая, Нур никогда не расставался с ин-

струментом. Случалось, он довольствовался короткими лирическими мелодиями. Иногда он часами не прикасался к флейте; сидел, скрестив ноги и закрыв глаза. Никто не решался обеспокоить его. Фригейт понимал, что маленький араб пребывает в некоем трансе, но лишь однажды осмелился спросить его об этом.

— Вы не поймете… во всяком случае — пока.

Нур-эд-дин ибн Али эль-Халлаг (Свет веры, сын Али-цирюльника) совершенно очаровал Фригейта. Он родился в 1164 году в Кордове, принадлежавшей мусульманам с 711 года. В мавританской Иберии арабская культура достигла невиданного расцвета. По сравнению с мусульманской цивилизацией христианская Европа прозябала во мраке средневековья. Расцветали искусство, наука, философия, медицина. Западные центры арабской диаспоры — Кордова, Севилья, Гренада, как восточные — Багдад и Александрия — не знали соперников в христианском мире; лишь в далекой Азии с ними могли сравниться города Китая.

Богатые христиане посылали своих отпрысков получать образование в иберийских университетах, а не в Лондон, Париж или Рим. Сыновья бедняков тоже отправлялись туда и учились,

перебиваясь милостыней.

Мавританская Иберия, великолепная страна, чуждая Европе, управлялась различными людьми. Одни славились фанатизмом и жестокой непримиримостью к иноверцам, других отличала определенная широта взглядов; эти эмиры были достаточно терпимы к христианам и евреям, назначали их своими визирями. Они приветливо встречали чужестранцев, приезжавших к ним в поисках мудрости.

Отец Нура занимался своим ремеслом в громадном дворце городка Медина-аз-Захра, неподалеку от Кордовы. В те времена дворец славился по всей Европе; позже от него не осталось и следа. Нур родился там и подростком постигал под наблюдением отца искусство цирюльника. Юноша был очень смышлен, отличался склонностью к литературе, математике, алхимии, теологии. Отец решил обратиться за помощью к своим богатым хозяевам. Нура отправили в лучшую школу Кордовы. Здесь он общался с богатыми и бедными, знатными и безродными, с христианами и черными нубийцами.

Среди других он встретил Мюида-эд-дина аль-Араби, молодого человека, которому предстояло стать величайшим лирическим поэтом свое-

го времени. Отголоски его стихов обнаружат в поэзии трубадуров Прованса и миннезингеров Германии. Богатому и красивому юноше пришелся по душе бедный и некрасивый сын цирюльника, и в 1202 году он пригласил его в странствие к Мекке. При переходе через северную Африку они повстречались с группой персидских беженцев-суфиев. Нур уже кое-что знал о суфизме и, поговорив с персами, решил стать их учеником. Но среди них он не нашел себе наставника. Вместе с эль-Араби он продолжал путь до Египта. Там местные фанатики обвинили их в ереси, и иберийцы едва не погибли.

После завершения хаджжа они отправились в Палестину, Сирию, Персию и Индию; они странствовали четыре года, затем еще год добирались в родной город. Какое-то время они провели в обители женщины-суфии Фатимы Валейи. Суфизм полагал мужчин и женщин равными. Это возмущало правоверных мусульман, считавших, что неравенство полов закреплено в Коране, и женщина создана лишь для ублаготворения плоти.

Фатима послала Нура в Багдад, к знаменитому духовному наставнику. Через несколько месяцев тот направил своего ученика в Кордову, к другому великому суфию. Когда христиане, в результате

жестокой войны, захватили Кордову, Нур вместе с учителем бежал в Гранаду.

Через несколько лет он отправляется в новое странствие и получает «лакаб» — прозвище эль-Музафир, то есть «Странник». После Рима, куда Нур прибыл с рекомендательными письмами Фатимы и эль-Араби, он путешествует по Греции, Персии, Афганистану, Индии, Цейлону, Индонезии, Китаю и Японии.

На несколько лет Нур обосновался в священном Дамаске и зарабатывал себе на жизнь как музыкант и тазавуф — учитель суфизма. Вскоре он снова пустился в путь, добрался до Волги, повернул на запад, пересек Финляндию и Швецию, перебрался через Балтийское море и попал в страну идолопоклонников — диких пруссов… Там он чуть не погиб, его хотели принести в жертву деревянному идолу, но, к счастью, ему удалось избежать опасности. Дальнейший его путь лежал через Германию, северную Францию и Англию в Ирландию.

В те времена королем Англии был Ричард Львиное Сердце. Когда этот неистовый рыцарь был убит случайной стрелой во время осады французского замка Шалю, на престол вступил его брат Джон. Позднее Нур удостоился аудиенции

у нового короля. Он нашел его весьма приятным и остроумным человеком, живо интересовавшимся исламской культурой и суфизмом. Джона очаровали рассказы Нура о далеких землях.

— Путешествия в вашу эпоху являлись делом весьма трудным и опасным, — заметил Фригейт. — Их нельзя было назвать развлечением — повсюду царила религиозная нетерпимость. Как же удавалось вам, мусульманину, без денег и защиты пробираться по христианским землям, особенно в те годы крестовых походов и вспышек религиозного фанатизма?

— Обычно мне оказывали покровительство сами церковные власти, а это обеспечивало и гражданскую защиту. Князья церкви больше боролись с собственными еретиками, чем с неверными. В некоторых случаях меня спасала нищета — грабителям нечем было поживиться. Странствуя по деревням, я зарабатывал игрой на флейте или представлениями; мне случалось бывать жонглером, акробатом и заклинателем. У меня хорошие способности к языкам — я быстро осваивал местный диалект и часто развлекал людей рассказами и шутками… Чаще всего, меня встречали приветливо. Людей не интересовала моя вера; главное — я сочувствовал их бедам и

приносил им радость.

Вернувшись в Гранаду и обнаружив, что к суфиям там относятся с предубеждением, Нур отправился в Хоросан, где несколько лет проповедовал, а затем вновь совершил странствие в Мекку. Из южной Аравии на торговой шхуне он перебрался к берегам Занзибара, а оттуда — в юго-восточную Африку. Остаток дней своих он прожил в Багдаде, где и был убит в возрасте девяноста четырех лет.

В тот год монголы, под предводительством внука Чингисхана Хулагу, захватили Багдад, разграбили и потопили в крови прекрасный город. За сорок дней сотни тысяч жителей были истреблены. Так погиб и Нур. Он сидел в своей крошечной комнатушке и играл на флейте, когда туда ворвались приземистые, раскосые, выпачканные кровью воины. Нур продолжал играть, и тогда монгол мечом проткнул ему горло.

— Монголы завоевали весь Средний Восток, — пояснил Фригейт. — Во всей истории не припомнить подобного молниеносного разорения земель. Они разрушили все — от оросительных каналов до крестьянских хижин. Даже в мое время, спустя семь столетий, эти места еще до конца не возродились.

— То было карой Аллаха, — кивнул головой Нур. — Но даже среди них встречались добрые люди, и мужчины, и женщины.

Сейчас, сидя рядом с маленьким арабом и поглядывая на берег, Фригейт размышлял о воле случая. Какая сила переплела пути американца из двадцатого века и испанского мусульманина, родившегося в 1164 году? Случайность ли это? На Земле подобное событие было бы невероятным; здесь — стало осуществившейся реальностью.

После разговора с Нуром вечером все собрались в каюте капитана. Судно стояло на якоре. Они играли в карты при свете лампы, заправленной рыбьим жиром. Райдер сорвал первый же банк (ставка — сигареты), игра прервалась, и завязалась оживленная беседа. Нур рассказал две истории о Ходже Насреддине, персонаже мусульманского фольклора, дервише и чудаке. Притчи о нем слыли уроками мудрости.

Нур хлебнул шотландского виски — он никогда не пил больше двух унций в день — и начал:

— Капитан, вы рассказали мне как-то историю о Пэте и Майке. Занятная побасенка и поучительная — в ней проявляется образ мышления людей Запада. Позвольте представить вам восточную притчу…

Нур коснулся виска и начал:

«Однажды какой-то человек подошел к дому Ходжи Насреддина и увидел, что тот бродит по двору, разбрасывая кусочки хлеба.

— Что вы делаете, мулла? — спросил он.

— Отпугиваю тигров.

— Но здесь же нет тигров!

— Да, правильно. Тогда это наверняка поможет».

Они посмеялись, а Фригейт спросил:

— Это очень старая притча?

— Не меньше двух тысяч лет. Она возникла в среде суфиев. А почему вы спросили?

— Да потому, что я слышал нечто подобное, но в слегка измененном варианте в пятидесятых годах двадцатого века. Только там действовал англичанин: он стоял посреди улицы на коленях и очерчивал мелом круг. Подошедший к нему приятель спросил, чем он занимается.

«Отгоняю львов.

— В Англии же нет львов!

— Неужели?»

Вмешался Фарингтон.

— Господи, да я ее слышал еще мальчишкой во Фриско. Только героем был ирландец.

— Большинство поучительных историй о

Насреддине стали позднее просто анекдотами; — пояснил Нур. — Их начали рассказывать ради забавы, но первоначальный смысл этих басен весьма серьезен. Ну, а теперь другая притча.

«Множество раз Насреддин пересекал границу между Персией и Индией. Из Персии осел тащил на себе огромные мешки. Когда же Насреддин возвращался обратно, при нем не было ни клади, ни осла. Стражник всегда обыскивал Насреддина, но никогда не мог обнаружить контрабанды. Он спрашивал его, что тот везет, и неизменно получал ответ: „Контрабанду“.

Через много лет Насреддин возвращался из Египта. Стражник спросил его:

— Скажи мне, Насреддин, какую ты провозил тогда контрабанду? Сейчас тебе уже нечего опасаться.

— Ослов».

Все снова засмеялись, а Фригейт сказал:

— Я эту историю слышал в Аризоне. Только контрабандиста звали Панно, а переходил он границу между Мексикой и Соединенными Штатами.

— По-моему, все анекдоты возникли в глубокой древности, — предположил Том Райдер, — и исходят они от пещерного человека.

— Все может быть, — отозвался Нур. — Но принято считать, что эти сказания созданы суфиями задолго до рождения Магомета. Они хотели научить людей мыслить не по шаблонам. К тому же притчи еще и забавны. Обычно ими пользовались на начальных ступенях обучения. Со временем эти истории распространились и на востоке, и на западе. Меня очень позабавило, когда я столкнулся с некоторыми видоизмененными вариантами в Ирландии, где их рассказывали на гэльском наречии. За много веков великое множество людей передавало от Персии до Иберии сказания о Насреддине.

— Если суфизм возник еще до Магомета, — сказал Фригейт, — то суфии должны быть последователями Заратустры.

— Суфизм не является монополией ислама, хотя в современном виде был создан мусульманами, — возразил Нур. — Каждый верующий в Бога может стать суфием. Это гибкое учение, оно меняет доктрину, приспосабливаясь к определенной культуре. То, что воздействует на персидского мусульманина в Хоросане, не имеет успеха в Судане. Цель и приемы наставника-суфи определяются местом и временем.

Позже Нур и Фригейт спустились на берег и

подошли к огромному костру, окруженному веселящимися дравидами.

— Скажите, — спросил Фригейт, — каким образом удастся приспособить здесь ваш иберийско-мавританский метод? Народ на Реке — смесь разных эпох и стран. Здесь нет монолитной культуры.

— Я об этом сейчас размышляю, — ответил Нур.

— Значит, одна из причин, по которой я не принят учеником, состоит в том, что вы сами к этому не готовы?

— Ну, что же, — улыбнулся Нур, — пусть эта мысль утешит вас. Однако вы назвали лишь одну из причин. Учитель должен учиться всегда.

49

Серые клубы тумана окутали судно, пропитав насквозь каждую каюту и коридор.

Сэм Клеменс громко произнес: «Господи, только не это!» — почему, он не знал сам. Туман скользил по переборкам, насыщая все, что было способно впитывать влагу. Белесые пары проникали в его горло, обволакивали сердце. Вода сочилась, капала в желудок, стекала в пах, по ногам к коленям.

Его охватил страх — животный ужас, пришедший из прошлого.

Он был один в рубке. И один на всем судне. Он стоял у приборной панели, всматриваясь в ветровое стекло, затянутое туманом, и мог разглядеть что-либо лишь на расстоянии вытянутой руки, однако каким-то образом знал, что на берегах Реки нет жизни. Там — никого, и здесь, на огромном судне — ни души. И он тут не нужен; корабль шел в автоматическом режиме. Когда судно достигнет истоков Реки, он не сможет его остановить, и нет никого в мире, кто сумел бы помочь ему.

Сэм повернулся и начал ходить взад-вперед. Долго ли еще продлится это путешествие? Рассеется ли туман, засветит ли когда-нибудь солнце и

покажутся ли горы, окружающие полярное море? Услышит ли он еще человеческий голос? Увидит ли чье-нибудь лицо?

— Сейчас! — раздался громовой голос.

Сэм подскочил, словно подброшенный пружиной. Его сердце птицей забилось в груди, исторгая из него воду. Вокруг его ног образовалась целая лужа. Он закрутился волчком и оказался лицом к лицу с обладателем голоса. Сквозь клубы тумана у ветрового стекла чернел неясный силуэт. Эта тень приблизилась к нему, остановилась и вытянула огромную руку, щелкнув тумблером на панели.

Сэм силился крикнуть: — «Нет, нет!», — но слова цеплялись одно за другое, застревали, словно не могли пробиться сквозь стекло.

Хотя он не видел, какого рычажка коснулась рука незнакомца, но знал, что судно на полной скорости движется к левому берегу. Он с трудом выдавил из себя:

— Вы не сделаете этого!

В полном молчании темная фигура двинулась вперед. Незнакомец был его роста, но значительно плотнее и шире. На одном плече у него покачивалось деревянное топорище со стальным треугольником лезвия на конце.

— Эрик Кровавый Топор! — в ужасе закричал он.

И началась чудовищная охота. Спасаясь бегством, Сэм мчался по кораблю — через рулевую рубку, по взлетной площадке к ангару, по штормовой палубе, вниз по лестнице, через все каюты главной палубы, потом по трапу в машинное отделение. Сознавая, что он ниже уровня Реки, что вода может раздавить корпус, Сэм ринулся мимо огромных электродвигателей, вращавших гребные колеса, которые сейчас несли судно навстречу гибели. В отчаянии он бросился в огромный отсек для моторных лодок. Он сорвал канат с крюка. Еще немного — и он скользнет в Реку, избавившись от рокового преследования. Но дверь шлюза оказалась запертой.

Он согнулся, пытаясь восстановить дыхание. Внезапно сверху грохнула крышка люка, и в тумане показался Эрик Кровавый Топор. Он медленно шагнул к Сэму, держа обеими руками свое страшное оружие.

— Я же предупреждал тебя, — и Эрик поднял топор. Сэм оцепенел, не в силах ни двинуться с места, ни сопротивляться. Да, он виновен и должен понести кару.

50

Застонав, он проснулся. В залитой светом каюте над ним склонилось прекрасное лицо Гвиневры, опутанное золотистым ореолом волос.

— Сэм! Проснись! Тебя опять мучают кошмары.

— Они у меня всегда в эту пору, — пробормотал он.

Клеменс сел в постели. С палубы раздался свист. Через минуту забормотало судовое радио. Вскоре судно должно остановиться у ближайшего грейлстоуна для завтрака. Сэм не любил вставать рано и всегда был готов пожертвовать завтраком, но долг капитана заставлял его подниматься вместе с командой.

Он направился в душ, вымылся, почистил зубы. Гвиневра уже оделась и выглядела эскимоской, сменившей меха на полотна. Сэм тоже набросил плащ и приготовил свою капитанскую фуражку. Он зажег сигару; голубой дымок потянулся по каюте.

— У тебя опять был страшный сон про Эрика? — спросила Гвиневра.

— Да. Немного кофе было бы очень кстати.

Гвиневра кинула в чашку несколько темных кристалликов. Вода мгновенно забурлила. Он взял чашку и с благодарностью кивнул.

Она коснулась плеча Сэма.

— Ты ни в чем не виноват перед ним.

— Я повторяю это себе бесконечно, — сказал Сэм. — И без всякого результата! Нами владеет иррациональное начало. У Создателя Снов мозги как у дикобраза. Он — великий художник и неразумен, как все художники, которых мне довелось знать. Вероятно, включая и вашего покорного слугу.

— Кровавый Топор никогда не сможет разыскать тебя.

— Я-то знаю. Попробуй внушить это Творцу Иллюзий.

Мигнула лампочка, со щитка на переборке раздался сигнал. Сэм нажал кнопку.

— Капитан? Это Детвейлер. Через пять минут подойдем к назначенному грейлстоуну.

— О'кей, Хэнк. Я готов.

Вместе с Гвиневрой он покинул каюту. Они прошли узким коридором и поднялись в штурманскую рубку, находившуюся на верхней палубе. Каюты остальных офицеров располагались ниже.

Их встретили трое: Детвейлер, бывший когда-то лоцманом, капитаном, а затем владельцем пароходства на Миссисипи; старший офицер — Джон Байрон, экс-адмирал Британского Королевского флота; и командир морской пехоты Жан-Батист Антуан Марселен де Марбо, бывший генерал наполеоновской армии.

Де Марбо, невысокий, стройный человек, отличался необыкновенным добродушием. Его голубые глаза ярко блестели на смуглом лице. Он откозырял Клеменсу и доложил на эсперанто:

— Вахта прошла без происшествий, мой капитан.

— Прекрасно, Марк. Можете сдавать дежурство.

Француз поклонился, вышел из рубки и спустился на освещенную солнцем взлетную площадку. Посреди палубы замерли в боевом строю шеренги морской пехоты. Знаменосец вздымал флаг корабля — светло-синий квадрат с изображением алого феникса. За ним тянулись ряды мужчин и женщин в металлических шлемах, увенчанных султанами из человеческих волос, в пластмассовых кирасах, в высоких, до колен, кожаных сапогах. На широких поясах висели револьверы «Марк-4». Следом за ними стояли

копьеносцы, сзади — стрелки с базуками.

На правом фланге возвышался гигант, закованный в доспехи; дубовая палица, которую Сэм с трудом приподнимал обеими руками, покоилась на его плече. Официально Джо Миллер был личным охранником Клеменса, но на утренней поверке всегда вставал в строй. Его главная функция заключалась в том, чтобы вызывать у местных зрителей благоговейный трепет.

— Джо, по обыкновению, слегка перебирает, — любил говорить Сэм. — Ему достаточно только появиться, чтобы запугать кого угодно.

День начался как обычно, но ему суждено было войти в историю — сегодня «Минерва» намеревалась атаковать судно «Рекс Грандиссимус». Сэму следовало бы чувствовать себя именинником, но подъема он не ощущал. Сладость мести меркла перед мыслью о разрушении прекраснейшего корабля, в который он вложил душу.

С другой стороны, иного выхода не существовало.

В полумиле от них на правом берегу показался костер. Проступили очертания грибообразного грейлстоуна, окруженного фигурками людей в белых одеждах. Тонкой вуалью туман покрывал Реку, среди облаков в небе сверкали звезды.

Как обычно, впереди судна шла амфибия «Огненный Дракон-3» с вооруженной командой. Когда они приближались к месту, намеченному для очередной подзарядки аккумуляторов «Марка Твена», ее командир вступал в переговоры с местными властями, испрашивая разрешения воспользоваться двумя грейлстоунами. Чаще всего они приходили к согласию: плата была весьма внушительной, да и сам вид гигантского судна побуждал к мирному исходу дела. Но все же конфликты иногда возникали. Они, естественно, кончались в пользу путешественников; копье и лук не могли противостоять судовой артиллерии. Правда, Клеменс старался не допускать открытых столкновений или, тем более, бойни. В этих случаях с амфибии давали поверх голов пулеметную очередь; пластиковые пули восьмидесятого калибра являлись наилучшим аргументом в споре. Толпа разбегалась, убитых не было никогда.

В конце концов, что теряют местные, если однажды воспользоваться двумя их грейлстоунами? Никто не лишится пищи. Всегда поблизости находились камни, где полно неиспользованных отверстий для чаш. Поэтому люди предпочитали мирно уступить пару граалей прибывшим и всласть насмотреться на поражающий вообра-

жение корабль.

Четыре огромных электродвигателя требовали невероятных затрат энергии. Раз в день судно подходило к берегу и на один из граалей насаживался гигантский металлический колпак; к соседнему катер подвозил цилиндры команды. Когда происходил разряд, его энергия по проводам передавалась в батакайтор — огромный накопитель, заполнявший пространство между машинным отделением и главной палубой.

Сэм Клеменс сошел на берег, чтобы перебросится парой слов с местными властями. Здесь понимали эсперанто, и хотя язык был несколько искажен, он смог поддержать разговор. Сэм поблагодарил за гостеприимство и вернулся на свой личный катер, доставивший его на судно. Через десять минут к борту подошел «Огненный Дракон-4» с наполненными цилиндрами.

Свистки и звон колокола, раздавшиеся при отплытии корабля, привели туземцев в неистовый восторг. «Марк Твен» величественно двинулся вверх по Реке.

В кают-кампании за большим столом, накрытом на десять персон, сидели Сэм и Гвиневра. С ними завтракали старшие офицеры — кроме тех, кто стоял на вахте. Отдав распоряжения на день,

Сэм направился к бильярдному столу сыграть партию с Джо. Гигантопитек не очень ловко владел кием, и Сэм почти всегда побивал его. Вторую партию он обычно играл с более опытным партнером.

Как всегда, в семь утра Клеменс отправился в обход судна. Он терпеть не мог пешей ходьбы, но физические нагрузки были необходимы, и он заставлял себя совершать утренний моцион. Кроме того, появление капитана поддерживало порядок на корабле. Если пренебречь дисциплиной, команда могла разболтаться и выйти из повиновения.

— Судно у меня надежное, — любил повторять Сэм. — Во всяком случае, что касается команды. Я еще ни разу не видел на вахте пьяного.

Сегодня инспекционный обход не состоялся. Сэма вызвали в штурманскую рубку, так как радист получил сообщение с «Минервы». Не успел он войти, как на радаре появилось изображение объекта, движущегося над горами по направлению к «Марку Твену».

51

Дирижабль вынырнул из-за гор огромным серебряным яйцом, будто снесенным солнцем. Люди на берегах Реки, никогда не видевшие воздушного корабля, могли принять его за жуткое чудовище. Но многие прониклись убеждением, что в небесах появились Те, Кто пробудил их после смерти; в порыве счастливого неведения они стали взывать к неведомым богам, уверенные, что сейчас им откроются все тайны их мира.

Как же «Минерве» удалось так быстро обнаружить судно? На высоте нескольких тысяч футов над «Марком Твеном» парил привязной аэростат — антенна мощного передатчика, посылавшего непрерывный сигнал. Харди, штурман «Минервы», представлял курс судна; данные о его передвижении регулярно поступали в Пароландо и наносились на карту. Самая свежая информация была передана с «Парсефаля» — она позволила установить точное местоположение. Теперь на «Минерве» также знали, что расстояние между «Рексом» и «Марком Твеном» по прямой составляло только сотню миль, но с учетом прихотливого течения Реки эта сотня превращалась в четыре.

Грейсток по радио запросил разрешения пролететь над судном. В голосе Сэма послышалось сомнение:

— Зачем?

— Хотим вас приветствовать, — ответил англичанин. — Кроме того, мне кажется, что и вам, и команде будет приятно взглянуть на тех, что собирается покончить с Кровавым Джоном. А нашему экипажу хотелось бы полюбоваться прекрасным судном. — Помолчав, он добавил: — Может быть, в последний раз.

Сэм тоже примолк, затем заговорил с трудом, словно едва сдерживал слезы:

— Ну, ладно, Грейсток. Можете спуститься, но только рядом с нами. Считайте меня параноиком, но я не желаю, чтобы над моей головой висел дирижабль с четырьмя огромными бомбами на борту. А если они по несчастной случайности оторвутся?

Грейсток поднял глаза к небу и свирепо усмехнулся.

— Да ничего подобного произойти не может.

— Так ли? Нет, Грейсток, пусть будет по-моему.

С явным неудовольствием Грейсток ответил, что подчиняется.

— Мы облетим вокруг судна и отправимся на

дело.

— Ну, удачи вам, — пожелал Сэм. — Я хорошо понимаю, что ваши чудесные парни… могут и не…

Окончить фразу у нем не хватило сил.

— Мы прекрасно отдаем себе отчет, что можем не вернуться, — ответил Грейсток, — но рассчитываем захватить их врасплох.

— Я тоже надеюсь на это. Только не забудьте, что на «Рексе» два самолета. Первым делом следует разбомбить их взлетную площадку, чтобы они не сумели взлететь.

— Я не нуждаюсь в советах, — холодно отрезал Грейсток.

Наступила долгая пауза, потом раздался громкий голос Сэма.

— Вот подошел Лотар фон Рихтгофен, чтобы с вами поздороваться, Джон. Он хочет подняться в воздух и сопровождать вас. Мне это совсем не улыбается, и я потратил уйму времени, чтобы отговорить его от этой затеи, но он жаждет участвовать в атаке. Дело в том, что потолок наших самолетов только десять тысяч футов, над горами могут произойти любые неожиданности. С горючим у него все в порядке, на обратную дорогу хватит.

Голос Лотара прервал Сэма.

— Я сказал ему, что вам тоже хватит горючего на обратный путь, если не жечь его напропалую. Мы с вами вернемся вместе, Джон.

— Ничего не имею против.

Грейсток посмотрел в сторону судна. Издали ему был хорошо виден аэростат. Чтобы его опустить, понадобится не меньше двадцати минут.

Гигантский корабль, прекрасное творение рук человеческих, был на четверть длиннее «Рекса» и несколько уже. Джил Галбира как-то заявила, что «Парсефаль» является самым прекрасным и грандиозным сооружением мира Реки; ничего подобного Земля не знала. Но Грейсток предпочитал корабль, который, по словам Сэма, в любом соревновании выиграл бы «Голубую ленту длиной в милю».

Он снова бросил взгляд вниз. Самолет Лотара уже стоял на взлетной площадке; вокруг суетились люди, подготавливая к запуску катапульту.

Ледяным взглядом англичанин осмотрел штурманскую кабину. Пилот Ньютон, летчик второй мировой войны, сидел у штурвала. Штурман Харди и ирландец Семрад, первый помощник, стояли у бортового экрана. Шестеро остальных находились у двигателей.

Грейсток быстро подошел к оружейному боксу, открыл его и достал два револьвера «Марк-4», четырехзарядное оружие с пулями шестьдесят девятого калибра. Он взял в левую руку рукоятку одного из них, ствол другого — в правую; затем, внимательно следя за Харди и Семрадом, прошел за их спинами к креслу пилота. Остановившись позади Ньютона, он поднял правую руку и сильно ударил его рукояткой по голове. Пилот рухнул на пол. Грейсток быстро щелкнул тумблерами, отключая передатчик. Харди и Семрад обернулись на шум и оцепенели от неожиданности, увидев направленные на них стволы.

— Не двигаться! — резко кинул Грейсток. — А теперь — руки за шею!

Харди еле выдавил:

— Грейсток! Что с тобой?

— Спокойно! — он ткнул пистолетом в сторону коридора. — Туда! Надеть парашюты! И не вздумайте помешать мне — уложу на месте обоих!

Семрад побагровел.

— Ты… ты… — он заикался, не находя слов, — ты… ублюдок! Предатель!

— Не-е-е-т! — протянул Грейсток. — Я — верноподданный короля Англии Джона, — он улыбнулся. — А кроме того, мне обещано место

первого помощника на «Рексе», когда я приведу этот дирижабль Его Величеству. Это подкрепило мою преданность.

Семрад взглянул на дверь, за которой находился машинный отсек дирижабля.

— Полчаса назад я выходил проверить работу инженеров, помните? Так вот, они все связаны и вам уже не помогут.

Двое мужчин подошли к шкафу, открыли его и стали надевать парашюты.

— Что будет с ним? — спросил Харди, кивнув на неподвижного пилота.

— Вы натянете на Ньютона его парашют и столкнете перед прыжком.

— А инженеры?

— Им будет предоставлен выбор, кому служить.

— А если они откажутся?

— Тем хуже для них.

Застегнув на груди Ньютона лямки парашюта, Семрад и Харди перенесли его на середину гондолы. Грейсток шел следом, держа в обеих руках по револьверу; он локтем нажал кнопку, и боковой люк распахнулся. Стонущего, не пришедшего в сознание пилота подтащили к борту. Дернув вытяжной трос, Семрад столкнул его вниз

и прыгнул следом. Харди на минуту задержался в дверном проеме.

— Если мы когда-нибудь встретимся с тобой, Грейсток, я убью тебя.

— Не выйдет, — ухмыльнулся тот. — Прыгай, пока я не передумал.

Он вернулся в кабину и включил радио. Раздался рев Клеменса:

— Что у вас там происходит? Откуда эти голубые вспышки?

— Троим из моей команды пришлось покинуть дирижабль, — бесцветным голосом сообщил Грейсток. — Мы решили его облегчить… скорость и маневренность будут выше.

— Что за чертовщину вы несете? — Клеменс был вне себя. — Теперь нам придется искать их и вылавливать из воды!

— Что поделаешь, — вздохнул Грейсток.

Он взглянул на экран. «Минерва» зависла позади «Марка Твена». На его палубах толпился народ, разглядывая дирижабль. Одноместный моноплан Рихтгофена уже стоял на катапульте.

Грейсток уселся на место пилота. За несколько минут он опустил дирижабль до трехсот футов над поверхностью воды, повернул его и направил прямо на судно.

Огромный белый корабль замер посреди Реки; его четыре колеса взбивали фонтаны пены, уравновешивая течение. Из люка на корме показалась моторная лодка; она упала вниз и заскользила вдоль борта к парашютистам, барахтающимся в воде.

Оба берега усеивали толпы любопытных, не меньше сотни челноков и пирог спешили к голубым полотнищам парашютов.

Катапульта пыхнула паром, и моноплан взмыл в воздух. Его серебряный фюзеляж и винты ярко светились на солнце, он начал набирать высоту, устремившись к дирижаблю.

Из приемника донесся яростный голос Сэма:

— Какого черта-дьявола вы там выделываете, Джон?

— Я только хочу посмотреть, спасены ли мои люди.

— Тупица! — заорал Клеменс. — Не знаю, сколько мозгов нужно добавить тебе в башку, чтобы выдать за осла! Да легче норковую шапку засунуть в зад свинье! Говорил же я Файбрасу, что ни баронов, ни графов, ни герцогов нельзя и близко подпускать к дирижаблю. Ха, Грейсток? Порождение самого подлого и тупого клана — средневекового дворянства! Господи Иисусе,

Милт еще спорил со мной! Это, видите ли, социальный эксперимент — сумеет ли средневековый недоносок приспособиться к эпохе индустрии! Сумел, нечего сказать!

— Успокойся, Тэм! — зарокотал голос Джо. — Если ты станешь ругать его, он не атакует корабль Джона.

— Лутше помолтши, — передразнил его раздраженный Сэм. — Когда мне понадобятся советы палеоантропуса, я скажу сам.

— Ну, ну, Тэм, не надо никого откорблять, ты товтсем тумашедший, — успокаивал его Миллер. — Лутше подумай, а не дурачит ли натс Грейтсток? Может, он уже сговорился с королем Джоном?

Грейсток выругался. Этот волосатый ублюдок поумней великого Клеменса! Однако разъяренный Сэм пропустил его слова мимо ушей.

Грейсток положил руки на штурвал и дирижабль, послушно наклонившись на десять градусов к горизонту, двинулся к судну. Моноплан фон Рихтгофена промелькнул мимо ярдах в пятнадцати от него. Лотар приветственно махнул рукой, но лицо его сохраняло недоуменное выражение. Без сомнения, он слышал разговор по радио от слова до слова.

Грейсток нажал кнопку. Из расположенного под носовым люком пускового устройства вырвалась ракета. Дирижабль взметнуло вверх. Длинная узкая трубка с бьющим из хвоста пламенем и голубым дымом от носового выхлопа устремилась к серебристому самолетику. Грейсток уже не мог разглядеть лица Рихтгофена, но ясно представил, как ужас сменил на нем недоумение. У немца оставалось лишь шесть секунд, чтобы натянуть парашют. Но если он даже сделает это, при такой высоте купол не успеет раскрыться. Нет, похоже, ему не спастись.

Рихтгофен не стал прыгать; он направил самолет вниз, пытаясь спикировать на воду. Моноплан стремительно падал, но ракета была быстрее. Удар, взрыв! Самолет и смертоносный снаряд исчезли в ослепительной вспышке пламени.

Команда судна торопливо устанавливала на катапульту второй самолет. Услышав вой сирен и рожков, люди, занятые спуском аэростата, приостановили работу. Грейсток надеялся, что они не догадаются обрезать канаты, и аэростат станет тормозом при маневре судна.

Из радиоприемника был слышен вой сирен и приглушенный голос Клеменса. Судно начало набирать скорость, одновременно разворачи-

ваясь по течению. Грейсток улыбнулся. Теперь «Марк Твен» подставил ему свой борт. Он нажал кнопку, и дирижабль содрогнулся, выпустив две тяжелые торпеды. Грейсток дернул руль высоты, приподнимая облегченный нос «Минервы», и до предела открыл дроссельные клапаны; сейчас ему понадобится вся скорость, которую можно выжать из моторов.

С громким всплеском торпеды вошли в воду и устремились к кораблю, взбивая две белые дорожки пены. Из динамика доносился отчаянный голос Клеменса. Гигантский корабль, не закончив поворот, под углом двинулся к левому берегу. С палубных орудий открыли огонь по торпедам и дирижаблю.

Грейсток сыпал нормандскими проклятиями. Он не успевал справляться с пилотированием, стрельбой и наблюдением за кораблем. Но он должен сделать свое дело — потопить судно ради милости короля Джона и награды, которая его ждет! Он не собирался погибать здесь, не выполнив свое предназначение!

Он допустил промах — наверно, надо было спуститься, пройти прямо над «Марком Твеном» и сбросить бомбы… Он не рискнул взять курс на корабль после запрещения Сэма… Дьявол! Поче-

му ему не удалось убедить Клеменса, что экипаж «Минервы» просто хочет рассмотреть судно?

Мысли метались в голове Грейстока, пока он продолжал автоматически нажимать кнопки, выпуская одну ракету за другой. Они устремились навстречу снарядам «Марка Твена»; тепловые детекторы, расположенные в головной части, вели их к выхлопам пламени, бившего из ракет противника. Впрочем, ракетная артиллерия корабля тоже была оснащена такими же устройствами.

Взрыв столкнувшихся ракет встряхнул дирижабль. Воздух заволокло дымом, окутавшим белый корпус корабля. Сквозь темное облако Грейсток с трудом различил, что висит почти над «Марком Твеном».

О, раны Божьи! Одна торпеда проскочила справа от кормы… но, кажется, сейчас их настигнет вторая! Нет, она лишь чуть задела борт и, сменив направление от толчка, двинулась к берегу. Промах! Снова промах!

Сейчас Клеменс сдавленным голосом заклинал его прекратить стрельбу. Он боялся взрыва дирижабля — горящая оболочка могла рухнуть на палубу. Похоже, он совсем забыл, что на борту «Минервы» есть еще запас бомб.

Второй самолет — двухместная амфибия —

наконец поднялся в воздух. Пилот напряженно смотрел вверх, выжидая удобный момент для атаки. Но они находились слишком близко друг к другу и двигались очень быстро; летчик не успел выстрелить. Кормовой стрелок, сидевший позади него, развернул свои пулеметы. Каждая десятая пуля была трассирующей, с фосфорной головкой. Одной вполне достаточно, чтобы взорвать топливный бак «Минервы». Дирижабль был уже в ста пятидесяти ярдах от судна и стремительно приближался к нему. Сильный ветер и волочившийся за кораблем аэростат могли помешать быстрому маневру «Марка Твена».

Только бы успеть выпустить бомбы до разрыва трассирующих пуль! Может быть, стрелок промахнется, может, не успеет развернуть пулеметы…

Стремительно надвигался борт судна. Теперь уже нельзя сбрасывать бомбы; они взорвутся оба — и дирижабль, и судно. «Минерва» висела прямо над гребным колесом. Грейсток повернул бомбометатель, быстро поднялся и прыгнул в открытый люк. У него не оставалось времени, чтобы надеть парашют; к тому же, поверхность воды была слишком близко. Удар воздуха могучим Мальстремом закрутил его и швырнул

вверх. Грейсток потерял сознание, не успев даже вспомнить о навсегда потерянном месте в команде «Рекса» и о своих мечтах когда-нибудь одолеть его капитана и стать полновластным владыкой прекрасного, как сон, корабля.

52

Питер Фригейт вступил на борт «Раззл-Даззл» в первую неделю седьмого года после Воскрешения. Через двадцать шесть лет плавания он ощущал сильное утомление и был изрядно разочарован. Доберется ли когда-нибудь их шхуна до верховьев Реки? За эти годы они миновали 810 000 грейлстоунов — восемьсот десять тысяч миль или миллион триста тысяч километров!

Он поднялся на палубу судна в экваториальной зоне и через полтора года оказался в северном поясе. Они двигались не по прямой, как птицы, а ползли вдоль зигзагов огромной змеи. Если бы Река текла прямо, их путешествие заняло бы полгода — даже за пять месяцев! — но она извивалась, словно продажный политик во время выборов.

Когда судно впервые попало в высокие широты, к сгибу Реки, откуда поток опять поворачивал к югу, Фригейт предположил, что теперь они двинутся к полюсу пешком. Правда, полярные горы еще не были видны, но, вероятно, до них можно добраться сравнительно быстро. Искушение непрерывно терзало его, но все уговоры

были тщетны.

— Ну и как же мы переберемся через вон ту преграду? — Фарингтон показал на вертикальную каменную стену высотой не меньше двенадцати тысяч футов.

— На аэростате.

— Вы с своем уме? Ветер здесь дует на юг, нас просто отбросит от гор!

— Да, но только вблизи поверхности. Если метеоусловия здесь совпадают с земными, в верхних слоях ветер направлен к северу. Когда аэростат поднимется до нужной высоты, его понесет к полюсу. Мы доберемся до гор, которые окружают море, и там опустимся. Если верить слухам, полярный хребет слишком высок и на аэростате его не преодолеть. Затем…

Слушая рассуждения Фригейта, Фарингтон даже побледнел.

Райдер усмехнулся.

— Разве вы не знаете, что Фриско Киду отвратительна даже мысль о путешествии по воздуху?

— Неправда! — свирепо глянул на него Мартин. — Если бы только была хоть какая-то возможность добраться туда, я первый полез бы в корзину аэростата! Но это невозможно! А, кроме того, из чего мы соорудим его — из дерьма,

что ли?

Фригейт вынужден был признать его правоту. Тут они не могли ничего поделать. У них нет материалов для изготовления воздушного шара и нет водорода.

Но стоило обдумать другой вариант. Например, попытаться заполнить аэростат горячим воздухом. Он взлетит до вершины горы, а там они спустят вниз канат.

Выпалив новую идею, он сам первый расхохотался. Да разве можно изготовить канат длиной в тысячи футов, причем настолько прочный, что он не порвется от собственного веса? Какого же размера должен быть аэростат, способный его поднять, — не меньше «Гинденбурга»? И как без человеческих рук закрепить веревку на вершине горы?

Этот вариант отпал, но у Фригейта уже был готов следующий: послать человека на привязном аэростате; он доберется до вершины и лебедкой втянет канат наверх.

— Выбросьте все это из головы, — сердито фыркнул Фарингтон.

Фригейт примолк.

«Раззл-Даззл» плыла к югу. Дул попутный ветер, и команда, поскучневшая в мрачных, сырых

местах, наслаждалась теплом. Через несколько месяцев судно пересекло экватор и девятый раз вступило в южное полушарие.

Однажды во время завтрака Фригейта подстерегала приятная неожиданность — исполнились два его заветных желания. Один подарок ему преподнес цилиндр; уже десяток лет Питер мечтал получить одновременно ореховое масло и банан. Сейчас, открыв крышку, он узрел долгожданный сюрприз — кружку, наполненную мягким, благоухающим ореховым маслом, и несколько желтых в коричневых пятнышках бананов.

Полный предвкушения, Фригейт тщательно почистил банан, окунул его кончик в масло и сунул в рот. Ну разве не стоило воскресать хотя бы ради этого?

Тут он заметил проходившую мимо женщину, весьма недурную собой. Но его внимание привлекла не хорошенькая мордашка, а браслет на ее руке. Глаза Фригейта широко открылись, он вскочил и, догнав незнакомку, произнес на эсперанто:

— Пардону мин, синьорино. Не могу ли я посмотреть ваш необыкновенный браслет? Он похож на медный. — От волнения он перешел на английский.

— Естас бразо — действительно, медный, — обернувшись, она улыбнулась ему.

Женщина взяла предложенную ей сигарету, пробормотав — «Данке!» — и закурила. При ближайшем рассмотрении она оказалась столь же привлекательной, как и браслет; Фригейт удивился, узрев такую красотку в одиночестве. Однако в тот же миг за ее спиной возник хмурый темноволосый субъект и Питеру пришлось пуститься в поспешные объяснения, что его заинтересовал лишь браслет, а не его владелица. Мужчина, казалось, успокоился, но на лице женщины проступило выражение явного разочарования. Она пожала плечами и ограничилась краткой справкой:

— Его привезли с верховьев Реки, и стоил он всего сто сигарет и два рога меч-рыбы.

— Конечно, ей уступили в цене, но никто не имел на нее видов, — добавил мужчина.

— О, Эмиль, но это все было еще до тебя.

— А вы не знаете, из какой страны эта штука? — продолжал расспросы Фригейт. — Где его сделали?

— Продавец сказал, что он приехал из Новой Богемии.

Фригейт предложил сигарету мужчине, оконча-

тельно развеяв его подозрения. Эмиль сказал, что Новая Богемия — довольно крупное государство; отсюда до него около девятисот грейлстоунов вверх по Реке. Большинство его граждан — чехи двадцатого столетия; с ними живет какое-то древнее галльское племя. Остальные, как обычно, относились к разным народам и разным эпохам.

Еще три года тому назад Новая Богемия была маленькой страной со смешанным славянско-галльским населением.

— Но их вождь, Ладислав Подебрад, шесть лет назад начал один проект. Почему-то он решил, что в недрах его страны много металла, особенно — железа. Люди принялись копать у подножия гор и прорыли огромную, глубокую шахту. Они пробились сквозь дерн и почву, а вы знаете, как это трудно.

Фригейт кивнул. Переплетенные корни травы уходили глубоко в землю, предохраняя верхний слой от эрозии. Возможно, они образовывали единый конгломерат, тянувшийся по обеим берегам Реки и под нею.

— Они очень долго долбили грунт, пока на глубине шестидесяти ярдов не наткнулись на скалу. Думаю, это был известняк. Народ взбунтовался и решил бросить работу, но Подебрад заявил, что

видел вещий сон… якобы под камнем кроются огромные залежи железа. Люди поверили ему.

— Ну и ну, — покачала головой женщина, — уж тебя-то он не уговорил бы потрудиться.

— Тебя тоже, крошка!

Фригейт подумал, что им вряд ли стоит жить вместе, но предусмотрительно оставил свое мнение при себе.

Впрочем, ему и раньше встречались пары, терзавшие друг друга со дня свадьбы и до самой смерти. Удивительно, что их соединяло?

Три года назад предсказание Подебрада сбылось, и труд его народа был вознагражден: они наткнулись на огромнейшие запасы полезных ископаемых — железную руду, сульфид цинка, уголь, соль, серу, свинец, даже платину и ванадий.

— Все в одном месте? — Фригейт недоуменно моргнул. — Но такие залежи не могут образоваться естественным путем!

— Так рассказывал тот человек Марии. Я слышал и от других жителей Новой Богемии, что все это походило на гигантскую свалку, устроенную Теми, Кто создал этот мир. Казалось, там поработал огромный бульдозер, нагромоздивший всякой всячины… а потом все завалили громад-

ной скалой и слоем почвы.

Подебрад начал добывать руду, и вскоре у его людей появилось стальное оружие и инструменты. В результате Новая Богемия, до того владевшая лишь семью милями побережья, теперь простиралась на сорок миль по обеим берегам Реки. Подебрад ни с кем не воевал и не захватывал чужих земель; соседние страны сами пожелали присоединиться, и он не отказывал никому.

Окружающие Новую Богемию государства заразились золотой лихорадкой, но на их долю выпал лишь тяжкий труд, поломанный инструмент и горькое разочарование. Видимо, клад залегал лишь на небольшом участке первоначальной Новой Богемии, скрываясь в глубинах планеты.

Эмиль показал на холмы.

— У нас тоже пробили шахту в двести футов, но все пришлось бросить, — под слоем почвы мы наткнулись на доломит. Подебрад — счастливчик, у него был мягкий известняк!

Фригейт поблагодарил словоохотливого собеседника и помчался с новостями на судно. В результате уже через одиннадцать дней они бросили якорь у столицы Подебрада.

За полдня пути до южных берегов Новой Боге-

мии команда уже ощутила запахи серы и угля. По берегу тянулись высоченные земляные насыпи, на Реке патрулировали четыре больших паровых корабля, вооруженных пушками, и множество судов помельче. Часовые со стальным оружием в руках стояли на вышках.

Команда «Раззл-Даззл» осматривала окрестности в полном изумлении и даже подавленности. Они привыкли к чистому воздуху, ясным голубым небесам, зеленой растительности; здесь же цивилизация сокрушила долину.

Нур поинтересовался у одного из местных жителей, стоило ли так истощать недра. И к чему им столько оружия?

— Конечно, это необходимо, — с полной убежденностью ответил тот. — Если мы не будем вооружаться, наши шахты захватят другие государства. Так что оружие нам нужно для самообороны, — он немного подумал и добавил; — но мы производим и другие изделия из металла — для обмена на табак, сигареты, украшения и продовольствие.

— Зачем? Ведь грейлстоуны снабжают нас всем необходимым… иногда даже балуют нас, — улыбнулся Нур. — К чему терзать землю и заражать воздух?

— Я же объяснил вам!

— Закопали бы вы свою шахту, — сказал Нур. — А еще лучше — вообще не принимались за нее.

Человек молча пожал плечами. Вдруг он обернулся и в изумлении уставился на Райдера.

— Скажите, вы — не Том Микс, киноактер?

— Нет, дружище, — засмеялся Том, — но мне уже не однажды говорили, что я на него похож.

— Я видел вас… его, когда он приехал в Париж. Мне пришлось тогда посетить Париж по делу… Я стоял в толпе и любовался на вас… на него, когда он ехал верхом на Тони, своей лошади… Незабываемое зрелище! Микс был моим любимым актером.

— И моим тоже, — Том повернулся и отошел в сторону.

Фригейт, вместе с капитаном, направился к нему.

— У меня такое впечатление, что вы весьма взволнованы, Пит, — заметил Фарингтон. — И, вероятно, думаете о том же, о чем мы с Томом только что толковали.

— Не понимаю, — Фригейт поднял на капитана затуманенный взгляд. — Что вы имеете в виду?

— Как — что? — Фарингтон посмотрел на Тома. — Только то, что неплохо бы заполучить один

из паровых катеров.

Фригейт в изумлении поднял брови.

— Но я думал совсем не об этом! Вы полагаете, его нужно украсть?

— Что-то в этом роде, — протянул Том. — Они же всегда могут соорудить другой, а мы на таком суденышке гораздо быстрее доберемся к верховьям Реки.

— Но это же аморально! — воскликнул Фригейт. — И, к тому же, опасно. Я уверен, что их сторожат днем и ночью.

— Кто тут толкует о морали? — прервал его Мартин. — Помнится мне, как в Руритании один парень завербовался к нам на шхуну… и прихватил с собой казенный меч!

Фригейт побагровел.

— Неправда! Я сам его сделал!

— А потом украл, — Мартин усмехнулся своей чудесной улыбкой и хлопнул Фригейта по плечу. — Не заводитесь, Пит. Если вам очень хочется, тащите, что плохо лежит. Так вот: нам нужно быстроходное судно, чтобы поскорее добраться до истоков.

— Не говоря о том, что оно обладает и некоторым комфортом, — ухмыльнулся Том.

— Вы толкаете нас на большой риск… может

быть — на смерть.

— Я никого не тяну и никому не приказываю. Если не страшно, присоединяйтесь, идет?

— Я вовсе не трушу, — Фригейт опять вспыхнул. — Была бы необходимость, я пошел на это. Но тут можно раздобыть кое-что побыстрее допотопного парохода!

— Вы полагаете, Подебрад построит вам личный скоростной катер? — насмешливо спросил Мартин. — Паровую яхту?

— Нет, я думаю не о том, как проплыть Реку из конца в конец. Наша задача — перебраться через горы.

— Ну-ка, подтяни подпруги, приятель, — осадил его Том. — Это что — самолет?

Мартин побледнел.

— Нет, его нам не построить. И с самолетом много возни — надо садиться, откуда-то брать горючее… Нет, нам нужен другой аппарат — но тоже способный к полету. Такой, которому не нужен ни двигатель, ни бензин, ни спирт…

— Вы говорите об аэростате?

— Почему бы и нет? Аэростат или еще лучше — дирижабль.

53

Том Райдер идею одобрил сразу же, но Фарингтон запротестовал.

— Нет! Слишком опасный проект! Я не верю в этот мешок, начиненный водородом! Газ взорвется, и мы все сгорим!

Он хрустнул пальцами.

— К тому же, он целиком зависит от ветра… игрушка урагана — ничего более! А где мы найдем пилота? Обычного летчика еще можно откопать, я даже был знаком с двумя-тремя… Но опытного аэронавта? А команда? Надо подобрать людей, обучить их… Разве это нам под силу? И еще одно…

— Побаиваешься? — улыбнулся Том.

Мартин густо покраснел и сцепил руки.

— Хочешь расстаться с парой зубов?

— К этому мне не привыкать, — Райдер снова ухмыльнулся, потом глаза его стали серьезными. — Успокойся, Фриско. Если о чем и стоит поразмыслить, так только о причинах, по которым этот проект неосуществим.

Фригейт знал, что Джек Лондон никогда не интересовался путешествиями по воздуху. Стран-

но! Казалось бы, человек, чья жизнь была столь бурной и полной приключений, мужчина, исполненный воинственной отваги и жажды нового, должен с восторгом согласиться на подобный полет.

Неужели он боится высоты?

Все может быть! Существует множество храбрых людей, которые ничего не страшатся на земле, но впадают в панику, стоит им только оторваться от нее. Вряд ли следует их осуждать — здесь виновата одна из причуд человеческого характера. Но Мартину было стыдно показать свой страх.

Фригейт признался себе, что и ему ведома эта стыдливость. В какой-то степени с годами он избавился от нее, но способно ли время так глубоко перекроить душу человека? Когда иррациональное начало вступает в игру, оно подавляет разум; мозг бессилен ему противостоять.

Фригейт понимал, что в реакции Фарингтона есть своя логика. Полет на дирижабле — дело опасное и непростое; здесь нужно взвесить все обстоятельства.

К обсуждению решили привлечь Нура и Погаса. Фригейт изложил им свою идею, не скрывая риска предприятия.

— И все же полет на дирижабле даст нам огромный выигрыш во времени. А опасность… что ж, может быть, воздушное путешествие менее опасно, чем путь по воде и предстоящий пеший переход через горы у полюса.

— Черт вас побери, да не опасностей я боюсь! Вы же это знаете, Пит! Дело в том…

Голос Мартина дрогнул. Том улыбнулся.

— Ну, что ты все скалишься? — рявкнул Фарингтон.

Погас тоже усмехнулся.

— Да не распаляй ты себя, — сказал Том. — Сейчас нам надо наживить крючок для местного босса, пана Подебрада. С какой стати такая большая шишка согласится нам помочь? Скорее всего, он откажет. Но почему бы не попробовать? Пошли к нему домой и поговорим начистоту.

Нур и Погас согласились, что не стоит откладывать дело в долгий ящик, а потому капитан, его помощник и матрос Фригейт направились к большому строению из известняка, на который указал им один из прохожих.

— Вы все-таки хотите выкрасть катер? — спросил Пит.

— Ну, все зависит от развития событий, — уклончиво отозвался Том.

— Нур на это никогда не пойдет, — убежденно заявил Фригейт. — Да и остальные тоже будут против.

— Тогда придется действовать без них, — Том стоял на своем.

Дом Подебрада возвышался на холме; его островерхая бамбуковая крыша почти касалась нижних ветвей огромной сосны. Охранники провели их в приемную. Внимательно оглядев каждого из путников, секретарь вышел из комнаты, потом быстро вернулся и объявил, что через два дня Подебрад примет их после завтрака.

Остаток дня они решили порыбачить. Райдер и Фарингтон поймали несколько полосатых окуньков; в основном же они были заняты обсуждением способов похищения катера.

Ладислав Подебрад, невысокий рыжеволосый человек, с головой, плотно посаженной на бычьей шее, и массивным подбородком, славился непреклонным характером и ледяной невозмутимостью. Разговор с ним шел долгий и закончился совершенно неожиданно для трех визитеров.

— Ну что вас так тянет к северному полюсу? Я слышал, что Башня расположена за непроходимыми горами. Не знаю, можно ли верить этим россказням, но я охотно допускаю такую

возможность.

— Я также готов согласиться, что этот мир, в его первозданном виде, был действительно создан Богом. Однако любому здравомыслящему человеку ясно, что затем планета была преобразована разумными существами, и Бог здесь совершенно ни при чем. Как ученый, я понимаю — наше воскрешение совершилось на основе законов физики и биологии, а не по воле сверхъестественных существ. Но во имя чего это сделано, я не могу представить. Церковь Второго Шанса выдвинула весьма логичную гипотезу, но ей не достает точности и определенности доказательства.

Подебрад встал, подошел к шкафу и вынул оттуда спиралевидную кость речного дракона.

— Вы, конечно, знаете, что это такое — священный символ сторонников Церкви Второго Шанса. Однако в их вере отсутствует рациональное зерно, знание основ мироздания. Правда, излишек знаний мешает людям истинно верить… В этом смысле Церковь подобна остальным религиям на Земле и Мире Реки.

— Здесь нам открылась истина о существовании после жизни… во всяком случае, в первые годы после Великого Пробуждения. Теперь, когда прекратились воскрешения, мы утратили веру

в будущее. Даже Церковь не знает, почему люди опять стали смертны. Ее проповедники говорят, что нам был отпущен достаточный срок для того, чтобы обрести спасение; он истек, и больше воскрешений не будет.

— Не думаю, что здесь скрыта истина. Джентльмены, на Земле я был атеистом, членом чехословацкой коммунистической партии. Но здесь я встретил человека, убедившего меня, что религия и вера не имеют ничего общего с рациональным началом, во всяком случае, в момент их зарождения. Осознание веры, ее псевдологическое обоснование, приходит позднее. Ни Иисус, ни Маркс, ни Будда, ни Магомет не знали правды о загробном мире. Они допустили больше ошибок в его толковании, чем любой из нас, возродившихся на этой планете, в этой вселенной.

Он подошел к письменному столу, сел в кресло и положил перед собой спиралевидную кость.

— Джентльмены, на днях я собирался объявить о моем обращении в лоно Церкви Второго Шанса. Кроме того, я покидаю пост главы государства Новая Богемия. Я хочу отправиться в Вироландо и искренне надеюсь, что эта страна — не миф, не сказка. Мне хотелось бы задать несколько вопросов основателю Церкви — Ла Виро. Если его

ответы удовлетворят меня, или он признает, что не может дать ответов на все вопросы, я посвящу свою жизнь служению ему — пойду, куда он повелит, и буду делать то, что он сочтет возможным доверить мне. — Если мои сведения верны — а я располагаю довольно точной информацией — то Вироландо находится отсюда на расстоянии миллионов миль. Чтобы добраться туда, мне потребуется половина моей земной жизни.

— И вот в этот момент передо мной появляетесь вы со своим предложением. Удивительно, что подобная мысль не пришла мне в голову раньше! Возможно потому, что меня больше занимал сам путь, чем его окончание… Ведь этот путь — только еще один способ познать себя, не правда ли?

— Да, джентльмены, я построю вам дирижабль — но при условии, что вы возьмете меня в полет.

54

Наступило долгое молчание. Наконец, Фарингтон произнес:

— Я согласен, пан Подебрад, но что скажут мои спутники?

Фригейт и Райдер с готовностью кивнули.

— Да, неожиданная ситуация, — протянул Фарингтон. — Дело не в том, что вы хотите лететь с нами, — поспешно добавил капитан. — Этому-то я очень рад. Но где мы найдем опытных пилотов? Только сумасшедший поднимется в воздух с людьми, которые не знают, с какой стороны взяться за руль и как запустить машину.

— Конечно, вы правы. Однако строительство дирижабля — долгое дело. Нам еще предстоит разыскать инженеров, способных спроектировать его и сделать все расчеты. Придется начинать с нуля. Постепенно мы найдем и пилотов. Конечно, это непросто, но где-то в долине, пусть за две тысячи миль от нас, обитает хоть один аэронавт!

— Мне приходилось летать на воздушном шаре, — вмешался Фригейт, — и я довольно много читал о них. Кроме того, я дважды поднимался на

дирижабле. Правда, не могу считать себя специалистом, однако…

— Мы можем и сами изучить это искусство, мистер Фригейт. Ваши познания весьма помогут нам в тренировках.

— Это было так давно… Невероятно давно!

— Вы не внушаете мне доверия, Пит, — свирепо заявил Фарингтон.

— Доверие придет с опытом, — подвел итог Подебрад. — А теперь, джентльмены, я сразу приступаю к делу. Мне придется отложить свою отставку и все религиозные проблемы до окончания строительства дирижабля. Пост главы государства не может занимать сторонник Церкви, проповедующей непротивление насилию.

Фригейта поразила его глубокая убежденность и последовательность. Ему казалось, что ни один приверженец Церкви Второго Шанса, искренне поверивший в ее догматы, не способен к таким решительным действиям.

— Как только мы закончим совещание, я сразу же займусь поиском сырья и оборудования для производства водорода, — продолжал чех. — Самыми подходящими материалами мне представляются серная кислота и цинк. И то, и другое у нас есть; производство кислоты уже на-

лажено. Хотелось бы получить алюминий, но…

— Дирижабли Шютте-Ланца были деревянными, — вспомнил Фригейт. — Дерева нужно совсем немного.

— Дерево! — подскочил Фарингтон. — Вы что — хотите лететь на деревянном дирижабле?

— Нет, деревянным будет лишь каркас; обшивку можно сделать из внутренностей речного дракона.

— Мы перебьем всех драконов на сто миль в окрестности, — улыбнулся Подебрад и встал. — Ладно! У меня сегодня еще масса дел. Увидимся завтра утром и обсудим детали. Итак, до свидания.

Когда они вышли из дома, Фарингтон мрачно буркнул:

— Все это чистое безумие!

— Сказать по правде, я уже устал плыть по Реке, — заявил Том.

— Значит, ты предпочитаешь убиться насмерть, пока научишься летать на этой проклятой штуковине? Или, представь себе, мы ее построим, а она не взлетит? Потеряем зря уйму времени!

— Не могу поверить — вмешался Фригейт, — что слышу это от человека, который перегонял

лодки через Белую Лошадь[12] и подвизался в качестве устричного пирата…

Он остановился и побледнел. Райдер и Фарингтон встали перед ним с окаменелыми лицами.

— Я рассказывал массу историй о приключениях на Аляске, — медленно заговорил Фарингтон — но ни словом не упоминал о Белой Лошади… во всяком случае — при всех. Значит, вы нас подслушивали?

Фригейт глубоко вздохнул.

— Черт побери, я никогда не был шпионом! Просто я узнал вас с первого взгляда.

Райдер быстро зашел ему за спину. Фарингтон стиснул рукоять ножа.

— Кто бы вы ни были, — ровным голосом приказал Райдер, — идите вперед и прямо на судно. Никаких шуточек, пожалуйста!

— Я не скрываюсь под чужим именем, как вы оба! — отпарировал Фригейт.

— Делайте, что вам велят!

Фригейт пожал плечами и попытался усмехнуться.

— Очевидно, у вас много чего на совести, если вы не хотите открыть свои настоящие имена.

---

[12] notes: 12

пороги на Юконе; драматический эпизод переправы через них описан в романе Джека Лондона «Смок Беллью»

Ладно, я подчиняюсь. Вы же не собираетесь прикончить меня?

— Посмотрим, — сухо ответил Райдер.

Они спустились с холма, направляясь к Реке. На палубе Нур разговаривал с какой-то женщиной, Райдер шепнул:

— Ни слова Пит, и улыбайтесь. Улыбайтесь, дьявол вас побери!

Фригейт бросил взгляд на маленького араба и подмигнул ему. Он надеялся, что тот заметит неладное, — суфии умели улавливать малейшие перемены в выражении лица. Но Нур не обратил на них внимания. Когда они вошли в каюту капитана, Фриско подтолкнул Фригейта к койке.

— Я прожил с вами двадцать шесть лет, — произнес Фригейт, — Двадцать шесть! И ни разу не вспомнил ваших настоящих имен!

Фарингтон сел на стул. Поигрывая ножом, он посмотрел на пленника.

— Это кажется противоестественным. Как же вам удалось держать язык за зубами столько лет? И почему?

— Главное — почему? — Райдер навис над ним; стилет из бивня речного дракона сверкнул перед глазами Фригейта.

— Только потому, что уважал ваше инкогни-

то. Поверьте, я не враг вам. Если вы не хотели быть узнанными… что ж, ваше право. Но меня всегда интересовала причина… Почему вы оба затаились?

Фарингтон посмотрел на Райдера.

— Что ты думаешь об этом, Том?

Актер пожал плечами.

— Мы промахнулись. Надо было обратить все в шутку… сказать Питу, кто мы, и преподнести какую-нибудь развесистую байку. Теперь он знает — нам есть что скрывать.

Фарингтон отложил нож и зажег сигарету.

— Да, мы совершили ошибку. Что будем делать?

Райдер вложил стилет в ножны и тоже закурил. Фригейт незаметно присматривался к ним. Сумеет ли он отбиться? Сомнительно; оба были сильными и проворными людьми. К тому же, попытка к бегству будет расценена как признак вины. Вины в чем?

— Ладно, — выдавил из себя Том. — Попробуем выбросить все из головы. Расслабьтесь, Пит.

— Пока вы соображаете, с какого бока лучше выпустить мне кишки?

— Полагаю, — усмехнулся Райдер, — за долгие годы вы убедились, что хладнокровное убийство

не в нашем стиле. Мы не подымем руки даже на чужака… а к вам — к вам, Пит, мы испытываем известную привязанность.

— Если я что-то значу для вас, то что же вы намерены делать?

— В ярости убиваешь с легким сердцем, — задумчиво сообщил Том. — Даже того, кто дорог.

— Но почему?!

— Если вы не настоящий Питер Фригейт, то скоро узнаете об этом.

— Кем же еще, черт возьми, я могу быть?

Наступило долгое молчание. Фарингтон бросил сигарету в пепельницу, прикрепленную к столу.

— Все дело в том, Райдер, — начал капитан, — что мы прожили с ним больше времени, чем с любой из наших подружек. Если он — один из Них, то зачем возится с нами так долго? Тем более, что он сразу нас узнал. Мы в два счета попали бы на крючок.

— Весьма вероятно. Но учти — мы не знаем и четверти, даже одной восьмой правды. Может быть, все вокруг — ложь, а мы — просто марионетки.

— Один из Них? О чем вы? — не понял Фригейт.

Мартин Фарингтон хмуро взглянул на него.

— Что же делать? Мы не в состоянии доказать, что он — Их соглядатай… как, впрочем, и обратного. Мы в тупике… Ты был прав, Том — надо было наврать ему с три короба. А сейчас, похоже, придется доводить дело до конца.

— Если он — один из Них, то все знает сам, — рассудил Том. — Мы ничего нового ему не скажем. Разве лишь про того этика. И если Пит — Их агент, то ты догадываешься, почему его послали следить за нами. Они подозревают, что мы связаны с Ним.

— Но если Пит — шпион, на кой черт ему дирижабль? Зачем ему тащить нас в Башню?

— Да, это верно. И все же…

— Не тяни!

— Возможно, у этих парней из Башни началась какая-то неразбериха, и он сейчас в таком же неведении, как и мы сами.

— Что ты имеешь в виду? Послушай, Том, мне кажется, что происходит нечто странное… дела идут совсем не так, как обещал твой этик. Скажем, почему прекратились воскрешения?

— Возможно, изменился первоначальный план? Или действительно что-то случилось?

— Думаешь, нашелся ловкач, который бросил в их механику гаечный ключ и поломал все ко-

лесики?

— Да. И агенты знают об этом не больше, чем мы с тобой.

— Отсюда следует, что Пит — агент и хочет вернуться к Ним. Поэтому он нашел нас, подкинул мысль о дирижабле, который поможет быстро туда добраться… Ему, а не нам!

— Что-то в этом роде.

— Тогда вернемся к исходной точке. Пит может быть одним из Них. Если так, мы не сообщим ему ничего нового.

— Да, но он сам может нам все рассказать. Все, полностью!

— И ты готов это «все» выбить из него? А если он только Фригейт?

— Дьявольщина! — Райдер сжал кулаки. — Развязать язык нетрудно — я знаю пару-другую хороших трюков… Но… но… у меня никогда рука не поднимется!

— Тогда мы отплываем, а Пита оставим здесь, — решил Фарингтон.

— Вот как? — криво усмехнулся Том. — Тебя устраивает такой оборот? Значит, ты не рискнешь вверить свою дрожащую плоть и трепещущее сердце небесному кораблю?

— Ты меня выведешь из себя, Том!

— Ладно, молчу, молчу… Я знаю, Фриско, в твоей душе нет страха… — Райдер потер лоб ладонью. — Но как же нам действовать дальше? Если мы продолжим плавание по Реке, то Пит окажется у северного полюса куда быстрее нас… Представляю, какой прием нас ждет!

— Послушай, что мы морочим друг другу головы! Разве Пит может быть одним из Них? Эти существа превосходят людей, а он совсем не супермен. Не обижайтесь, Пит.

Том прищурился, всматриваясь в лицо Фригейта.

— Может, он притворяется… Сомнительно, конечно чтобы, он мог морочить нас четверть века…

— Давай расскажем ему все. Что мы теряем? Я хранил эту тайну двадцать девять лет.

— Ты уже наговорил слишком много!

— Нет, посмотрите-ка на него! Ты бы уж помалкивал, старый болтун!

Фарингтон зажег еще одну сигарету, Райдер последовал его примеру, затем спросил:

— Хотите закурить, Пит?

— А вы не попытаетесь прикончить меня в дыму? — Фригейт достал из сумки сигару. — Послушайте, мне пора выпить.

— Нам тоже. Том, похозяйничай… вот в этом шкафу… А потом мы поговорим. Господи, точно камень с души свалился!

55

— Это случилось в темную и бурную ночь, — Том улыбнулся — видимо, припомнил классическое начало историй о привидениях. — Джек и я…

— Давай оставим прежнее, Мартин. Как договаривались. Даже когда мы только вдвоем.

— Ладно, но тогда ты был Джеком. Я познакомился с Фриско тут, в долине, но друзьями мы стали не сразу. Наши хижины стояли бок-о-бок, мы оба служили в береговой охране местного лорда. Однажды ночью, когда я был свободен от дежурства и спал у себя в хижине, кто-то разбудил меня, тронув за плечо. Я было подумал, что это Говардайн, моя подружка. Ты помнишь ее, Кид?

— Красавица, — подмигнул Мартин Фригейту. — Рыжая шотландка!

— Не сбивай меня! Одним словом, это была не Варди — она крепко спала, я слышал ее ровное дыхание. Тут отблески света упали на темную фигуру, что стояла рядом с постелью. Я хотел схватить томагавк, но не смог шевельнуть даже пальцем. Лежу я и размышляю о том, как вредно баловаться с наркотиками и какое представление меня ждет. Впрочем, реальность была бы еще ху-

же — тот малый мог запросто обрезать мне уши.

— При новых вспышках молний я разглядел затаившегося незнакомца и совсем запаниковал. Он был закутан в широкий черный плащ. А голова? Ее вовсе не было… то-есть я хочу сказать, она скрывалась под огромным шаром. Лица я не разглядел, но он-то видел меня прекрасно — даже в темноте.

— Двигаться я не мог, но дара речи не потерял и говорю ему: «Кто вы такой? Что вам нужно?» Я почти кричал — надеялся разбудить Варди, — но она так и не проснулась. Я думаю, ее тоже напичкали наркотиками… или загипнотизировали.

— Низким голосом незнакомец ответил мне по-английски: «У меня мало времени, поэтому подробности придется опустить. Имя мое значения не имеет — в любом случае я не мог бы назвать его вам, потому что Они сумели бы извлечь из вашей памяти все, что Им нужно.»

— Я поинтересовался, что значит «извлечь из памяти». Происходящее все больше поражало меня. Теперь я отчетливо понимал, что не сплю.

«Они могут узнать обо всем, что здесь говорится и делается, — ответил пришелец. — Понимаете, в вашем мозгу прокручивается что-то вроде… вроде киноленты. Они даже имеют возможность

вырезать из нее кусок — и все, что хранили эти кадры, исчезнет из вашей памяти. Но если это произойдет, я встречусь с вами и повторю еще раз».

— Кто такие «Они»? — спросил я.

— «Люди, преобразовавшие эту планету и воскресившие вас. А теперь слушайте меня и не перебивайте».

— Вы меня хорошо знаете, парни — я не стану возводить напраслину на человека… но этот тип разговаривал так, словно весь мир — его собственное ранчо, а я — нищий ковбой… Но что я мог поделать?

— Незнакомец продолжал: «Они живут в Башне, расположенной в центре северного моря. Вы, наверное, уже слышали о ней — нескольким людям удалось добраться до окружающих море гор».

— Тут мне бы спросить его, не он ли подвесил в тех краях веревку для спуска с обрыва и прорыл туннель. Но тогда я еще не знал о них.

«Но люди не сумели попасть в Башню, — рассказывал он. — Один из них умер, сорвавшись со скалы в море. Его опять вернули в долину… без всяких потерь».

Том помолчал, потом задумчиво произнес:

— Очевидно, он каким-то образом узнал об

этом. Затем он добавил: «Но остальные… они не помнят ничего». Похоже, этот тип пропустил кое-какие подробности о египтянах — во всяком случае, о том, что Пахери удалось смыться. А может, он все знал, только не успел мне сказать… Но я так не думаю.

— Тем временем пришелец продолжал: «Скорость, с которой распространяются новости по Долине, просто поражает. Тот человек, что упал с горы, после возвращения многим рассказывал свою историю; ее теперь знают повсюду. Вы ее слышали?»

— Еще нет, — ответил я.

— «Без сомнения, скоро услышите. Если поплывете вверх по Реке, то вам изложат какой-нибудь из вариантов, — он сделал паузу, потом неожиданно спросил: — Вас, конечно, интересует, почему людей воскресили после смерти и перенесли в этот мир?»

— Я подтвердил, и он принялся объяснять мне: «Мой народ, этики, осуществляет научный эксперимент. Вас поселили здесь, перемешав все расы и нации, времена и эпохи, только затем, чтобы изучить ваши реакции и зафиксировать их для последующей классификации. Затем, — в его голосе зазвучало негодование, — после окон-

чания эксперимента, после того, как вас поманят надеждой на вечную жизнь, проект завершится. Они покончат и с ним, и с вами. Вы умрете — умрете навсегда. Вас более не воскресят; вы превратитесь в прах, вечный и безвозвратный!»

— Чудовищная жестокость! — воскликнул я, забыв, что он не дал мне разрешения говорить. — «Нечеловеческая, — подтвердил он. — В их власти подарить вам вечную жизнь, пока существует солнце! Даже дольше — весь род людской можно перенести на другую планету, к юной звезде… Но нет! Они считают людей недостойными бессмертия!»

— Если не ошибаюсь, «этик» происходит от слова «этический», — сказал я. — Но то, что вы рассказали — безнравственно!

Тут он замолк на мгновенье, а затем сказал:

— «Они считают безнравственным давать вечную жизнь тем, кто ее не заслужил».

— У них не лучшее мнение о нас.

— «У меня тоже. Но мнение — хорошее или плохое, как и теоретические домыслы по этому поводу, — не имеют ничего общего с аспектами нравственности».

— Как же вы можете любить тех, кого презираете?

— «Это нелегко… истинно нравственное деяние всегда трудно дается».

При вспышке молнии я увидел его правую руку с каким-то прибором на запястье, напоминавшим мужские часы; он испускал мерцающее сияние. Я не мог разглядеть его как следует, но слышал доносившийся оттуда мягкий голос, словно из приглушенного радиоприемника. Язык был мне незнаком… такого я никогда не слышал. Его кисть казалась широкой, но пальцы — длинными, тонкими.

— «Мое время истекло, — сказал он, пряча руку под плащ, и хижина вновь погрузилась во мрак; блеск молний лишь изредка разрывал темноту. — Я не могу сейчас открыть причины, по которым выбрал именно вас. Скажу лишь, что ваша аура позволяет мне надеяться, что вы — подходящий кандидат».

«Какая аура? — подумал я. Значение этого слова мне было известно, но, казалось, он вкладывал в него еще особый смысл. — И для какого дела набирает он кандидатов?»

— Внезапно, словно прочитав мои мысли, он вновь вытянул руку из-под плаща. Искрящийся свет на миг ослепил меня, но мне удалось разглядеть, как он приподнял над плечами шар. Ни

контура головы, ни лица! Я видел лишь большую вращающуюся сферу; она бросала во все стороны световые лучи всех цветов радуги. Время от времени они словно уходили внутрь, потом появлялись опять. Я уже не испытывал страха — мне казалось, я стою перед лицом ангела. А разве можно страшиться божьего посланца?

— Но Люцифер тоже был ангелом, — заметил Фригейт.

— Да, знаю. Библию я читал. Мильтона — тоже.

Мартин фыркнул.

— Вы, два идиота… вы действительно верите в ангелов?

— Я-то нет, — ответил Том. — Я говорю, он показался мне похожим на ангела. Это свечение… Я решил, что оно исходит от прибора на его запястье. Оно меня ослепило, и лица его я так и не разглядел. А при одной из вспышек увидел, что шар опять на его голове.

— Теперь мне было ясно, что он называл «аурой». Вероятно, нечто подобное окружало и мою голову, только этот ореол оставался невидимым.

— Следующим ангелом мы объявим тебя, — хмыкнул Мартин.

— Потом пришелец сказал: «Вы можете и должны мне помочь. Я хочу, чтобы вы отправились к верховьям Реки, к Башне. Но перед этим вам надо рассказать все Джеку Лондону, вашему соседу, и убедить его отправиться вместе с вами. Но больше не открывайтесь никому, ни одному человеку! Мы, этики, редко покидаем Башню. Однако в долине действуют агенты моих врагов, неотличимые от людей; их не очень много, но они существуют. И они ищут предателя. Они не знают, кто он, но факт измены для них не тайна. Они подозревают, что кто-то из этиков набирает себе помощников среди обитателей долины, и этих людей они тоже пытаются разыскать. Если вы попадетесь, то будете доставлены в Башню; там считают ваши воспоминания и сотрут все, что относится ко мне. Потом вас вернут в долину».

— «У Лондона тоже подходящая аура, вот почему надо убедить его пойти с вами. Передайте ему, что мы еще встретимся. Я должен многое рассказать вам обоим».

— Он поднялся и произнес: «Ждите следующего раза».

— Я наблюдал за ним при вспышках молнии, освещавших темную фигуру, плащ и шар, размышляя, не сошел ли я с ума. Оцепенение

отпустило меня лишь через полчаса. Я вышел из хижины. Гроза прошла, тучи расплывались по небу; нигде никаких следов этого странного существа…

Рассказ продолжил Мартин. Том пришел к нему на следующий вечер и поведал эту невероятную историю, взяв слово, что она не уйдет дальше порога хижины. Фарингтона охватили сомнения. Возможно, Том лгал или собирался над ним подшутить? Но зачем? Или Райдер сам стал объектом розыгрыша? Но кто мог обладать стеклянным шаром или таинственным прибором? Кто в силах создать вокруг себя сверкающую ауру?

Фарингтон предпочел поверить; мысль о постройке судна и предстоящем плавании захватила его. Он больше не интересовался тем, была ли эта история подлинной или иллюзорной; главное, она побудила его к действию, наполнила смыслом жизнь. Том разделял эти чувства; Башня казалась подобием Святого Грааля.

— Я покинул Варди как последний мерзавец, без единого слова, — сказал Райдер. — Киду было проще. Не знаю, где ему удалось выкопать ту бабенку, что жила с ним, но он ее бросил без малейшего сожаления.

— Мы отшагали вверх по Реке пару сотен грейл-

стоунов и занялись строительством шхуны. Потом к нам присоединился Нур — единственный, кто остался с нами из первой команды.

Вдруг Том коснулся губ пальцем, на цыпочках подошел к двери и приложил к ней ухо. Минуту он прислушивался, затем резко дернул на себя ручку.

За дверью стоял маленький мавр Нур эль-Музафир.

56

На лице Нура не было и тени испуга или растерянности. Он спросил по-английски:

— Можно войти?

— Черт побери! — заорал Том — но даже в сильном раздражении он не рискнул тронуть Нура и пальцем. В этом невысоком, щуплом человеке таилось нечто такое, что ставило преграду между ним и остальными людьми.

Нур вошел. Взбешенный Фарингтон вскочил со стула.

— Вы нас подслушивали?

— Это же очевидно.

— Почему?

— Потому, что, когда вы вернулись на судно, я прочел на ваших лицах, что произошла беда и Питер в опасности.

— Благодарю вас, Нур, — с чувством произнес Фригейт.

Том плотно закрыл дверь.

— Нет, я должен еще выпить, — вздохнул Мартин.

Нур присел на край ящика. Мартин опрокинул в себя два стаканчика виски.

— Вы все слышали?

— Да, — Нур был немногословен.

— С тем же успехом мы могли стоять на палубе и вещать в мегафон, — Мартин с горечью расхохотался.

— Господи, еще один камень на наши шеи! — Том глубоко вздохнул.

— Вам нет нужды убивать меня — как, впрочем, и Пита, — Нур вынул из сумки сигару и закурил. — Но и мы должны спешить, — скоро вернутся женщины.

— Как хладнокровен, а? — бросил Том Мартину.

— Похож на опытного агента.

— О, нет, — улыбнулся Нур, — скорее на человека, тоже избранного Им. Вы удивлены? А почему вы не поинтересовались в свое время, из-за чего я первым примкнул к вам и столько лет делил с вами это тяжелейшее странствие?

Мартин и Том одновременно открыли рты, но мавр их перебил:

— Да, я знаю, что вы думаете: если я — агент, то мне лучше всего выдать себя за избранника этика. Но поверьте мне — я не агент.

— Почему мы должны этому верить? Какие у вас доказательства?

— А как вы можете доказать, что не являетесь агентами? Вы, оба?

Капитан и его помощник онемели.

— Когда с вами разговаривал таинственный незнакомец? И почему он ничего не сказал вам о Томе? — лишь Фригейт мог рассуждать здраво.

Нур пожал плечами.

— По моим прикидкам, он появился вскоре после того, как посетил Тома; когда именно — не помню. Что касается второго вопроса, на него я ответить не могу. Подозреваю, что этик не был с нами искренним. В его словах — лишь часть правды… я чувствую, что он смешал истину с ложью, белое с черным. Почему? Не знаю. Однако это весьма занимает меня.

— Может быть, нам лучше выставить с судна и того, и другого? — Мартин, наконец, обрел дар речи.

— Если вы это сделаете, — ответил Нур, — то мы с Питером сами «тяжкий путь преодолеем и к башне все равно поспеем».

Райдер рассмеялся.

— Он перефразировал песню Роберта Бернса, которую ты так часто напеваешь, — сказал он Мартину.

Тот задумчиво кивнул головой, потом произ-

нес.

— Нет, не могут они быть шпионами. Столько лет вместе… Нет, Том. Время — вот что меня убеждает. И я не понимаю лишь одного — почему этик не предупредил нас о Нуре?

Вопрос повис в воздухе.

Том предложил тост за новоявленный союз, и они выпили. Тут на палубе послышались женские голоса, и заговорщики прервали затянувшееся совещание. Их подруги, оживленные и раскрасневшиеся, появились в каюте; Мартин, по своему обыкновению, отпустил какую-то шутку. Все расхохотались.

На следующий день была назначена встреча с Подебрадом, который познакомил их с инженерами. Они уже приступили к делу — подготовке технической документации для строительства дирижабля.

Фригейт изложил свои предложения. Поскольку они хотят добраться до истоков Реки, им нужен большой воздушный корабль, способный нести достаточный запас топлива. Средняя высота полета — около пятнадцати тысяч футов. Однако, если они захотят преодолеть на дирижабле полярный хребет, судно должно подняться вдвое выше. Фригейт мог только строить предположе-

ния на этот счет; точной информации о северных районах не было.

Эти требования чрезвычайно усложняли проект. Стало ясно, что для путешествия к полюсу надо строить жесткий дирижабль, для управления которым необходим большой и опытный экипаж. Полеты на высоте тридцати тысяч футов требуют создания двигателей с наддувом, а также запасов кислорода для людей и оборудования; это сильно утяжелит судно. Кроме того, возникают проблемы, связанные с обледенением на больших высотах.

Выслушав всех, Подебрад твердо заявил, что даже не желает обсуждать вопрос о постройке крупного цельнометаллического дирижабля. Ему надо всего лишь небольшое воздушное судно, способное подняться на десять-двенадцать тысяч футов. Если оно не сможет преодолеть высокие хребты, значит, придется искать места, где они понижаются.

— Тогда нужно больше горючего — полет будет длительным, — возразил Фригейт.

— Несомненно. Но проще увеличить грузоподъемность судна, чем его потолок, — это было сказано таким тоном, что всем было ясно: хозяин здесь — Подебрад.

Работа над проектом началась на следующий же день. Она потребовала восьми месяцев и закончилась раньше предполагаемого срока. Подебрад был хорошим погонщиком.

Однажды Нур спросил чеха, как он собирается найти Вироландо без карты. Тот признался, что беседовал со многими миссионерами из этой легендарной страны. Судя по их рассказам, Святая Земля Виро находилась недалеко от арктической зоны, где расположено устье Реки, и с воздуха ее легко обнаружить. Она простирается вдоль берегов огромного озера, напоминающего песочные часы. Другим характерным признаком были островерхие скалы — их насчитывалось около сотни. При таких ориентирах ошибиться невозможно.

— Как-то мне не верится, что наш хозяин действительно примкнул к Церкви Второго Шанса, — заметил Фригейт. — Миссионеры и прозелиты обычно люди мягкие и сердечные. А этот малый больше похож на глыбу арктического льда. — Не агент ли он? — тихо сказал Нур.

При этой мысли все оцепенели.

— Нет, не может быть, — продолжал араб, покачав головой. — Зачем тогда он согласился строить воздушный корабль?

Как бы то ни было, Подебрад действовал весьма активно. Чеху не удалось разыскать опытных аэронавтов, но из инженеров, работавших над проектом, можно было набрать хоть дюжину экипажей. Он решил готовить из них пилотов.

Были сформированы три команды, предназначенные подменять друг друга, и пятерку с «Раззл-Даззл» — Фригейта, Нура, Фарингтона, Райдера и Погаса — включили в первую из них. Однако в ходе наземной подготовки у Питера начали возникать серьезные сомнения. Ни один из них не имел опыта работы с машинами. Зачем Подебраду брать с собой балласт, когда в его распоряжении были опытные инженеры и механики? Ведь дирижабль был рассчитан только на восьмерых.

Во время первой воздушной тренировки Фригейт сильно нервничал, однако опыт полетов на аэростате помог ему довольно быстро освоиться. Постепенно и остальные приобрели навыки пилотирования. Большой полужесткий дирижабль налетал уже четыреста миль и прошел над четырьмя цепями гор. Впервые людям удалось увидеть скрытые за ними долины; раньше они были недоступны, хотя находились на расстоянии вытянутой руки.

Вечером перед вылетом команду пригласили на вечеринку.

Пятеро с «Раззл-Даззл» пришли без своих подруг. Их оставили на судне, что весьма разгневало женщин, — хотя они давно уже присмотрели замену. Лишь Нур был избавлен от семейных неприятностей; он прибыл в Новую Богемию в одиночестве.

Незадолго до полуночи Подебрад отправил всех по домам. Вылет предполагался ранний — еще затемно, и людям надо было хорошенько выспаться. Группа Фарингтона осталась ночевать в хижине неподалеку от ангара. Они немного поболтали, обсуждая вечеринку. Их удивляло, что Подебрад так и не объявил о своей отставке и отъезде; по-видимому, он собирался сделать это перед самым отлетом.

— Наверно, испугался, что подданные его линчуют, — усмехнулся Мартин.

Наконец, они улеглись. Фарингтон уснул довольно быстро — несмотря на мучившую его неуверенность и тщательно скрываемый страх перед высотой. Фригейт долго вертелся в постели; напряжение не оставляло его. Всю жизнь он плохо спал перед любыми серьезными событиями — даже перед футбольным матчем или сорев-

нованием по бегу. Часто бессонница мучила его после трудного дня, и утром он вставал без сил. Сейчас перед его мысленным взором чередой выстраивались все предстоящие испытания. Благодаря своему опыту пилота — в молодости он служил в военно-воздушных силах США, а в зрелом возрасте летал на аэростатах — Питер мог трезво оценить рискованность их предприятия.

Едва он забылся неглубоким сном, как его разбудил приглушенный расстоянием рев мотора. Фригейт кубарем скатился с постели, открыл дверь и выглянул наружу. Сквозь туман не было видно ни зги, но он понимал, что возможен лишь один источник этого грохота. В одно мгновение он поднял остальных. Натянув кильты, набросив на плечи плащи, они кинулись к ангару. Спотыкаясь и падая, сбиваясь в темноте с дороги, пятерка несостоявшихся аэронавтов набрела, в конце концов, на подъем к холмам, и их головы вынырнули из тумана.

При ярком свете звезд они увидели то, чего больше всего опасались.

Толпа мужчин и женщин тянула на канатах дирижабль; воздушное судно величественно парило над ними, гудя моторами. Вдруг на людей обрушился поток выпущенного водного бал-

ласта, и они разбежались. Серебряная сигара, развернувшись к верховьям, стала набирать высоту. Сверкнул свет в пилотской рубке, и все ясно увидели в ней профиль Подебрада.

С проклятиями и воплями пятерка мчалась к дирижаблю, но было уже поздно.

Фарингтон схватил прислоненное к стене ангара копье и с силой метнул его в сторону улетающего корабля, но оружие упало на землю, чуть не задев какую-то женщину. Мартин рухнул в траву; он катался в ней с пронзительным криком, исступленно колотя руками пропитанный влагой дерн.

Райдер выругался и погрозил вслед дирижаблю.

Нур молчал, изредка страдальчески покачивая головой.

Погас изрыгал проклятия на родном языке.

Фригейт плакал. Из-за него потеряно девять месяцев. Без этой затеи с дирижаблем они были бы сейчас на тридцать тысяч миль ближе к цели. И самое ужасное — они продали «Раззл-Даззл», причем за бесценок: за пять сотен сигарет, спиртное и благосклонность нескольких дам.

Позже они мрачно сидели возле грейлстоуна в ожидании завтрака. Вокруг них толпились

местные жители, шумно обсуждавшие новости; многие ругали своего исчезнувшего правителя. Экс-команда «Раззл-Даззл» хранила молчание.

Наконец, Мартин выдавил:

— Что ж, нам остается только забрать назад свое судно.

— Это будет нечестно, — заметил Нур.

— Что значит «нечестно»? Я не собираюсь красть его! Мы вернем все, что нам заплатили.

— Они никогда не пойдут на такую сделку, — сказал Том.

— Выбора нет — ни у них, ни у нас.

Снова воцарилось молчание. Внезапно толпа около грейлстоуна зашевелилась, пропуская группу людей. Один из них, светловолосый чех, объявил, что избран Советом на пост главы государства. Послышались отдельные возгласы, но большого воодушевления не ощущалась; все были еще слишком подавлены последними событиями.

— Почему он надул нас? — вопросил Мартин. — Наша команда не хуже других… к тому же, между нами была договоренность…

— Вы не правы, — голос Фригейта дрогнул. — Хренов и Железны более опытные пилоты, чем я. Подебрад понимал, что вы его пошлете подальше,

если он попробует меня отставить. И он решил полететь без нас.

— Он — подлый негодяй! — взревел Том. — Дело совсем не в вас. Вы прекрасно справлялись с управлением!

— Ну, правды мы никогда не узнаем, — прервал его Мартин. — Может быть, Подебрад все-таки был Их агентом? Но как он сумел добраться до нашего секрета?

— Да хотя бы через женщин, — сказал Фригейт. — Иногда Надя или Элоиза могли услышать… Прекрасная возможность для мести! Кто-то из них рассказал все Подебраду, и тот решил от нас отделаться.

— Сначала они бы все выложили нам, — покачал головой Том. — Ни одна из них не умеет держать язык за зубами. Да вся округа давно уже обсуждала бы наши тайны!

— Мы никогда ничего не узнаем, — мрачно повторил Мартин.

— Ты так думаешь? — голос Тома был полон ярости. — Ну, попадется он мне когда-нибудь… все зубы пересчитаю!

— Сначала я переломаю ему ноги, — оживился Мартин.

— Нет, я бы сделал иначе… — мечтательно

произнес Фригейт. — Я построил бы дом этажей в шесть и с единственным окном на чердаке… и потом бы устроил ему дефенестрацию.

— Как, как? — заинтересовался Том.

— Выбросил бы в это окно.

— Самый лучший способ избавиться от гнева — помечтать об отмщении, — улыбнулся Нур. — Но нам сейчас нужно действовать, а не выпускать пар.

Вдруг Фригейт вскочил на ноги.

— У меня родилась идея! Нур, поставьте мою чашу на камень. Я должен срочно увидеться с Новаком.

— Подите вы с вашими идеями! — заорал Мартин. — Хотите новых неприятностей? Сейчас же вернитесь! Вернитесь, Пит!

Но Фригейт уже был далеко.

57

«Парсефаль», с задранным кверху носом и поднятыми под углом пропеллерами, медленно летел над ущельем. Ветер рвался из глубины каньона, грозя снести судно. Сирано приходилось маневрировать с предельной точностью. Малейшая ошибка могла привести к катастрофе.

Стоя у обтекаемого прозрачного колпака гондолы, Джил думала, что на месте капитана она не рискнула бы углубиться в этот узкий проход. Лучше двинуться вдоль хребта и поискать другую лазейку. Правда, это требовало большого расхода горючего, а его нужно экономить — им предстояло возвращение в Пароландо.

От напряжения Сирано покрылся потом, но глаза его сияли, а на лице отражалась полная безмятежность. Испытывал ли он страх? По нему это было незаметно. Джил признала про себя, что француз незаменим в подобной ситуации: молниеносная реакция, полнейшее хладнокровие, ни следа паники. Для него этот полет — словно дуэль на рапирах; ветер атакует — он отбивает, ветер слабеет — он наносит контрудар.

Дирижабль пронизал гущу облаков, нависших

над ущельем, и неожиданно вырвался на простор. На экране радарной установки показалось раскинувшееся внизу море. Вокруг кольцом громоздились горы. Впереди, в центре водного бассейна, милях в тридцати от берега, возвышалась темная массивная громада.

Сирано, бросив взгляд на экран панели управления, бесстрастно произнес: «Башня по курсу!» Тотчас откликнулся оператор радиолокационной установки — контуры Великой Чаши высветились на его мониторе.

Файбрас приказал поднять корабль на высоту десяти тысяч футов; ветер там был слабее, воздушное судно двигалось со скоростью пятидесяти узлов.

Бледные лучи солнца и скопления звезд освещали тусклое северное небо.

На такой высоте радар уже мог охватить все пространство моря и даже дальнюю кромку гор. Водный бассейн достигал в диаметре почти шестидесяти миль. Горный хребет на противоположной стороне возносился в небеса на двадцать-тридцать тысяч футов.

— Башня! — вырвалось у Файбраса; голос его был хриплым. — Ну и чудовище!

Да, Великая Чаша потрясала; ее высота была

больше мили, ширина — почти десять миль.

Старший бортинженер Хакконен доложил, что корпус судна покрылся ледяной коркой. Колпак гондолы, изготовленный из специального пластика, оставался прозрачным. Файбрас распорядился снизиться до пяти тысяч футов — там воздух был несколько теплее.

Миновав арктическую зону, Река все еще сохраняла жар южных широт и здесь отдавала его водам глубокой холодной впадины. До пяти тысяч футов температура держалась около двух градусов выше нуля, но наверху влажный воздух замерзал, ледяным панцирем покрывая стенки газовых отсеков.

Дирижабль снижался. Оператор радиолокатора, не отрываясь от экрана, доложил, что со стороны моря горы имеют другую структуру, чем на внешних склонах. Их рассекало множество провалов, выступы и остроконечные шпили усеивали утесы, словно их создатели не успели кончить отделку. Радар показал и узкий карниз, о котором рассказывал Джо Миллер. Он тянулся над морем и исчезал в темной дыре размером в рост человека.

Это не вызвало особого удивления. Но зачем сделан пролом в горах, через который проник

дирижабль?

Внезапно Джил обнаружила, что задает этот вопрос вслух.

— Может быть, у них есть летательные аппараты, — предположил Файбрас, — и ущелье пробили специально для них.

Что ж, гипотеза не хуже прочих!

— Возможно, вы правы, — заговорил Пискатор. — Но испугавшая Джо Миллера вспышка света вряд ли была отблеском солнца. Ущелье почти всегда окутано облаками. И если бы даже солнечный луч пробился сквозь них, он не мог осветить верх Башни — скорее, подножие или середину.

— А если эта световая вспышка была связана с воздушным судном? — предположил Файбрас. — Представьте себе — корабль снижался, тормозил, и выхлоп двигателя показался Джо солнечным бликом.

— Не лишено смысла, — согласился Сирано. — Но я думаю, что свет был сигналом с Башни. Джо находился слишком далеко — он не мог разглядеть корабль за тридцать миль.

— А вот это зависит от его размеров, — заметил Файбрас.

На мгновение все примолкли. Джил мысленно

попыталась прикинуть габариты воздушного судна, которое можно было бы увидеть с такого расстояния. Похоже, ширина его должна приближаться к полумиле…

— Не хочу даже думать об этом, — тряхнул головой Сирано.

Файбрас приказал облететь Башню по кругу. Столпившись у экрана радара, офицеры «Парсефаля» внимательно рассматривали мощные гладкие стены гигантского цилиндра. По верху, примерно на расстоянии восьмисот футов от края Чаши, тянулся ряд отверстий. На такую же высоту стены здания выдавались над торцом, окружая плоскую посадочную площадку миль девяти в поперечнике. Внимательно изучив ее, путешественники обнаружили на южной оконечности какое-то возвышение — полусферу диаметром пятьдесят и высотой двадцать пять футов.

— Я готов сжевать свои башмаки, если это не вход, — покачал головой Файбрас. — Сэм сильно разочаруется, когда узнает, что в Башню можно попасть лишь с воздуха.

— Пока мы в нее не попали, — пробормотал Пискатор.

— Ну и что? Попробуем, черт возьми! — Файбрас повернулся к офицерам. — Слушайте все!

Мы договорились с Сэмом, что совершим разведывательный полет. Я полагаю, что это включает и внутренний осмотр Башни.

Экс-астронавт трепетал от возбуждения, его лицо горело. Казалось, он излучает столь мощную нервную энергию, что воздух в рубке наэлектризовался. — У них могут быть любые средства защиты, ручные или автоматические. Единственная возможность проверить это — спуститься вниз. Но я не намерен подвергать опасности дирижабль. Джил, я отправляюсь туда на вертолете с полудюжиной надежных парней. Вы остаетесь капитаном и, что бы ни случилось, завершите дело. Держите корабль на высоте полумили над торцом Башни и примерно столько же вбок. Если с нами что-то произойдет, возвращайтесь к Сэму. Это приказ.

Он замолк на секунду и добавил:

— В случае затруднений я сразу же вызываю вас. Снижайтесь и помогите нам вернуться на судно. Идет?

— Да, сэр, — Джил не тратила лишних слов.

— Если в этом сооружении есть вход, — Файбрас ткнул пальцем в полусферу на экране радара, — он может быть снабжен электронным или механическим замком. А, может быть, там нет

запоров — если они твердо уверены, что сюда никто не доберется. Думаю, они выжидают и ничего не станут предпринимать, пока не разберутся в наших намерениях. Так что будем надеяться на лучшее.

— Я бы хотел отправиться с вами, мой капитан, — обратился к Файбрасу Сирано.

— Вам придется остаться — вы наш лучший пилот. Я беру вас, Анна, Халдорссона — он поведет вертолет, Метцинга, Ардуино, Чонга и Сингха. Если, конечно, они согласны.

Обренова оповестила по внутренней связи всех членов группы, отказавшихся не было.

Файбрас уже собирался выйти, когда раздался звонок телефона — капитана вызывал Торн. После минутной паузы Файбрас произнес:

— Нет, Барри, добровольцев вполне достаточно. — Положив трубку, он пояснил: — Торн горит желанием пойти с нами. Весьма расстроился, когда я ему отказал. Не понимаю, почему он был так настойчив.

Джил позвонила в ангар Чентесу, авиамеханику, и приказала подготовить к полету вертолет.

Файбрас пожал руки мужчинам и крепко обнял Джил. Она встревожилась — все это слишком походило на прощание. Неужели он сомневается

в успехе? Или ее собственное волнение придает событиям другую окраску?

Противоречивые чувства обуревали Джил. Она негодовала на Файбраса за то, что этим непрошенным объятием он словно выделил ее среди других, однако сердце ее затрепетало от нежности и тревоги. Удивительно, что она еще не забыла, что в мире существует нежность и ласка… Если припомнить все, выпавшее ей и здесь, и на Земле…

Через минуту Джил уже не помнила об обиде. Сирано попросил Пискатора подменить его, поднялся с кресла и обнял капитана. По его щекам текли слезы.

— Мой дорогой друг, не глядите так печально. И пусть опасности не страшат вас! Я, Савиньен де Сирано де Бержерак, мысленно буду с вами!

Файбрас легко вздохнул, потряс француза за плечи и засмеялся.

— Ну, я не собираюсь никому внушать, что дело плохо. Я не скажу даже «прощайте»… пока, друзья! Черт побери! Не могу же я… Ладно, Сирано, отправляйтесь на свое место!

Сверкнув белозубой улыбкой, он поклонился:

— Пока!

Анна, серьезная и сосредоточенная, шагнула за

ним к выходу; остальные гурьбой шли позади.

Джил отдала приказ, и «Парсефаль» начал снижаться. Дирижабль погрузился в туман, белые клочья стремительно скользили по прозрачному колпаку гондолы. Четыре световых конуса с трудом пронзали плотное марево, рассеиваясь и пропадая в двухстах ярдах от судна.

Башня оставалась невидимой, но казалось, что токи неведомой угрозы исходят от нее; Великая Чаша в ненасытной жадности все плотнее охватывала корабль щупальцами тумана.

В рубке царило молчание. Сирано закурил; Пискатор, стоя за спиной оператора радара, внимательно следил за изображением. Радист настраивал приемник, гоняя верньеры по всему диапазону. Джил не могла понять, что он надеется выудить в эфире.

Прошли пятнадцать минут, показавшиеся им часами. Чентес доложил, что нижний люк открыт, вертолет готов к полету, старт — через минуту.

— Еще одно, мисс Галбира. Сюда заходил Торн и пытался убедить капитана взять его в десантную группу. Капитан велел ему вернуться на место.

— Он ушел?

— Да, мэм. Но капитан приказал проверить,

выполнено ли его распоряжение. Мистер Торн вышел только что и еще не добрался до хвостового отсека.

— Хорошо, Чентес, я проверю.

Она отключила связь и тихонько чертыхнулась: пятнадцать минут в должности — и уже нарушения дисциплины. Что это Торну втемяшилось в голову? Нет, если она сразу же не поведет жесткую линию, то утратит контроль над командой. Джил позвонила в хвостовой отсек. Ответил Саломо Коппенейм, уроженец Суринама.

— Немедленно арестовать мистера Торна, проводить его в каюту и держать под стражей.

Коппенейм, очевидно, был поражен, но не задал ни одного вопроса.

— Сообщите мне, как только он появится.

— Да, мэм.

На панели управления замигал красный огонек: закрылся нижний люк. Радар отметил появление в воздухе вертолета, направлявшегося в сторону Башни.

Внезапно из приемника раздался голос:

— Говорит Файбрас.

— Мы вас прекрасно слышим, сэр, — отозвался радист.

— Хорошо, я тоже. Мы собираемся сесть при-

мерно в ста ярдах от купола. Наш радар работает в режиме А-ОК. Думаю, никаких осложнений не возникнет. Джил, где вы?

— Здесь, капитан.

— Что с Торном?

Джил сообщила о своем приказе.

— Теперь слушайте меня, — сказал Файбрас. — Мы должны выяснить, почему он так горел желанием попасть в десантную группу. Если… если я почему-то не вернусь, допросите Торна сами. Держите его под стражей до окончания операции в Башне.

Джил велела Аукусо включить внутреннюю трансляцию, чтобы каждый слышал слова капитана.

— Мы опускаемся. Ветер здесь слабее. Джил, я…

— Открывается нижний люк! — прервал капитана Сирано.

Красная лампочка на пульте начала мигать.

— Мон дье! — француз вытянул руку, указывая на ветровое стекло кабины. Но все, кто находился в рубке, уже видели разгоравшийся во мраке огненный шар.

У Джил вырвался стон.

Аукусо закричал в микрофон:

— Капитан! Капитан, отзовитесь!
Но ответа они не услышали.

58

Резко прозвенел звонок внутренней связи. С трудом протянув руку, Джил нажала кнопку.

— Мэм, — прозвучал взволнованный голос Чентеса, — Торн только что похитил второй вертолет. Но, кажется, я ранил этого сукина сына! Я выпустил в него всю обойму!

— Его вертолет на экране, — доложил Сирано.

— Чентес, что случилось?

— По приказу капитана Торн ушел из ангара. Но, как только вылетел первый вертолет, он вернулся. В руках у него был револьвер. Он загнал нас в подсобный отсек, отключил связь и запер дверь. Но там хранилось оружие… видимо, он забыл про это или решил, что успеет покинуть корабль. Мы взломали дверь и выскочили в ангар. Торн уже сидел в вертолете, люк был распахнут. Я начал стрелять, но вертолет вылетел. Стреляли все. Что делать, мэм?

— Я отдам приказ, когда разберусь сама, — резко ответила Джил.

— Капитан?

— Да?

— Вот какая странная штука… Торн плакал, за-

пирая нас в подсобке… даже тогда, когда грозился нас перестрелять, если мы его остановим.

— Конец связи, — Джил с силой надавила на клавишу.

Техник, сидевший у экрана инфракрасного контроля, произнес:

— Огонь еще горит, капитан.

Его перебил оператор радара; его смуглое лицо посерело.

— Это вертолет, мэм… он на посадочной площадке Башни.

Джил вглядывалась в туман, но не могла разглядеть ничего, кроме туч.

— Я поймал второй вертолет, — быстро заговорил оператор, — он спускается к основанию Башни. — Через минуту он добавил: — Аппарат почти у поверхности воды.

— Аукусо, вызовите Торна.

Постепенно мужество и решимость возвратились к Джил. Она еще чувствовала себя подавленной, но не сомневалась, что сумеет овладеть ситуацией.

— Торн не отвечает, — доложил Аукусо.

Радар показывал, что вертолет-амфибия приводнился примерно ярдах в тридцати от основания Башни.

— Попробуйте еще раз, Аукусо.

Скорее всего, Файбрас уже мертв. Вот она и стала капитаном…

— Боже мой, но не такой же ценой!

Хриплым голосом Джил вызвала Коппенейма и приказала ему явиться в рулевую рубку, чтобы принять обязанности первого помощника. Затем она повернулась к де Бержераку.

— Сирано, мы займемся Торном позже. Сейчас нужно выяснить, что произошло с Файбрасом… и остальными, — Джил замолкла на мгновение. — Вы сможете посадить корабль на вершину Башни?

— Если надо, сядем, — Сирано не замедлил с ответом.

Он был бледен, но владел собой безукоризненно.

«Парсефаль» двинулся вниз сквозь тучи. На круглом экране радара четко обозначились очертания огромного цилиндра, но изображение расплылось, когда дирижабль приблизился к верхнему торцу Чаши.

Лучи прожекторов осветили раскинувшуюся под ними тускло-серую металлическую площадку. Из кабины были видны огненные сполохи, но разглядеть вертолет не удавалось. Дирижабль

медленно проплыл над тусклым пламенем костра; пропеллеры встали горизонтально, выравнивая гигантский корабль.

Сирано осторожно опускал «Парсефаль». Условия для посадки были идеальными — почти полное безветрие. Сотни сквозных отверстий у основания стен, окружавших торец Башни, создавали ветровой поток примерно до пяти узлов — легкий бриз по шкале Бофорта. Такой ветерок не смог бы даже шевельнуть листву на деревьях, и неопытный аэронавт вряд ли бы обратил на него внимание. Но Сирано, видимо, понимал, что это слабое дуновение может прижать огромный дирижабль к стене; виртуозно маневрируя двигателями, он уравновесил давление ветра на носовую часть «Парсефаля» и продолжал спуск.

Джил не вмешивалась в действия пилота; сейчас в его руках была и жизнь экипажа, и судьба экспедиции. Скорчившись над пультом управления, Савиньен де Сирано де Бержерак, поэт и дуэлянт, вел труднейший в своей жизни поединок. И он не нуждался ни в помощи, ни в сочувствии.

Дирижабль резко сбросил скорость, красный огонек мигнул на панели, открылся нижний люк. Вниз сбросили стропы, и четыре десятка аэронав-

тов скользнули по ним в туманную мглу. Потеряв лишний груз, корабль начал приподниматься, и Джил приказала выпустить часть водорода. Ей не хотелось зря расходовать газ, но сейчас не было другой возможности удержать воздушное судно от немедленного взлета.

С носа и кормы сбросили другие стропы; люди, находившиеся внизу, повисли на них, пытаясь сбалансировать огромную серебристую сигару. Сирано медленно подвел «Парсефаль» к стене и выключил моторы; теперь судно дрейфовало на небольшой высоте.

Двое из наземной команды метнулись к отверстиям, чтобы выяснить источник ветра. Через минуту они доложили по рации, что эти круглые дыры действительно порождают воздушный поток, направленный к центру площадки; он был слаб, но устойчив, и дирижаблю не грозил внезапный удар о стену. Остальные аэронавты подтащили сброшенные с носа и кормы канаты и, протянув их сквозь отверстия, закрепили судно. «Парсефаль» завис в двадцати ярдах от стены.

Джил надеялась, что ветер не изменится — малейший порыв грозил катастрофой. Удар о стену — и лопасти пропеллеров будут сломаны, моторы выведены из строя, двигательные отсеки

искорежены.

Из среднего люка спустили лестницу. Джил и Пискатор торопливо вышли из рубки, миновали центральный коридор и спустились вниз. Их ждал доктор Грейвс с белой сумкой в руках.

Вертолет разбился в тридцати ярдах от купола. Они направились сквозь туман к тускло мерцавшему огню; подойдя ближе к обломкам, Джил содрогнулась. Она не могла себе представить Файбраса мертвым… мужественного, блестящего Файбраса!

Он лежал в нескольких ярдах от пылающего корпуса, на том месте, где его настиг удар. Почерневшие останки его спутников громоздились в кабине вертолета.

Грейвс отдал свой фонарь Пискатору и склонился над телом капитана. Дым смешивался с туманом и темными хлопьями уносился вверх. Тошнотворный запах горящего бензина и обугленной человеческой плоти ударил в лицо, и Джил, ощутив мгновенный приступ дурноты, пошатнулась.

— Держите прямо лампу! — резко бросил Грейвс.

Опомнившись, она заставила себя взглянуть на тело: порванная одежда, кожа обгорела с го-

ловы до ног. Но лицо Файбраса почти не было обезображено; он недолго оставался в пламени. Успел ли он выскочить? Или взрыв выбросил его из машины?

Джил не могла понять, почему доктор так долго и тщательно осматривает труп; она хотел уже задать вопрос, как вдруг Грейвс выпрямился и спросил:

— Как вы собираетесь поступить с останками?

— У нас нет пенных пламегасителей, чтобы сбить огонь с вертолета, — ответила Джил безжизненным голосом, и махнула рукой старшему наземной команды:

— Петерсон, доставьте тело на борт. Только сначала укройте его. Остальные пусть идут со мной.

Через несколько минут они стояли перед куполом. В свете направленных на него прожекторов, он показался Джил похожим на эскимосское иглу. Внимательно рассмотрев серый колпак, она поняла, что его оболочкой служил тот же металл, из которого была воздвигнута Башня. Нигде никаких следов сварки, ни одного шва; казалось, полусферу просто выдули на поверхности, словно огромный пузырь.

Весь десантный отряд собрался неподалеку от арочного входа в купол; люди ожидали распоря-

жений Джил. Лучи света от их фонарей терялись в похожем на пещеру проходе. Он тянулся ярдов на десять, затем поворачивал, образуя коридор десятифутовой ширины; свод его находился примерно на такой же высоте.

Над аркой входа виднелись два горельефа с эмблемами. Вверху — полукругом — символическая радуга; ниже — полный круг с изломанным крестом внутри. Джил узнала его — то был египетский анк.

— Радуга символизирует жизнь и воскрешение, — задумчиво произнесла она.

— Простите, что перебиваю, — вмешался Пискатор. — Крест внутри круга является еще и астрологическим символом Земли… Правда, тот крест обычный.

— Ну, а радуга — символ надежды. Если вы помните Ветхий Завет, это знак Божий избранному народу.

Пискатор взглянул на нее с любопытством.

Джил помолчала, стараясь подавить охвативший ее благоговейный страх, в тайной надежде, что он останется незамеченным для окружающих. Затем она твердым тоном распорядилась:

— Я войду туда. Вы, Пискатор, останетесь здесь. Когда я окажусь в конце прохода, то подам сигнал,

и вы направитесь ко мне — если я не обнаружу ничего опасного. В противном случае вы с людьми вернетесь на корабль и улетите. Это приказ, Пискатор. Я оставляю вас капитаном. Коппенейм — славный малый, но он неопытен, да и характер у вас потверже.

Пискатор улыбнулся.

— Файбрас не давал нам разрешения садиться — и тем не менее вы на это пошли. Могу ли я бросить вас в опасности?

— А я не могу подвергать опасности судно и жизнь ста человек.

— Что ж, понимаю вас. Я буду действовать сообразно обстоятельствам. Согласитесь, что это разумно. И не забудьте, у нас еще есть Торн.

— Ну, проблемы надо решать по очереди.

Джил повернулась и пошла к входной арке. В проходе за ней замерцал слабый свет.

После некоторого замешательства она двинулась дальше. Когда Джил шагнула в коридор, яркая вспышка света осветила ее с ног до головы.

59

Джил остановилась. Пискатор окликнул ее.

— Что там за свет?

Она повернулась к нему.

— Не знаю. Непонятно, откуда он падает… смотрите, у меня нет тени!

— В чем же дело? Вы…

— Ничего не понимаю. Как будто я окунулась в густое месиво. Дышать не могу… и нет сил сдвинуться с места.

Наклонившись вперед, словно преодолевая невидимый барьер, она с трудом сделала три шага и замерла как вкопанная.

— Должно быть, это какое-то силовое поле. Ничего ощутимого и видимого нет, но я чувствую себя мухой, попавшей в паутину.

— Возможно, поле действует на металлические застежки?

— Не думаю, они бы разомкнулись. Но сейчас я попробую…

Ощущая неловкость под взглядами толпы мужчин, она расстегнула кнопки и одежда свалилась к ногам. В воздухе было морозно. Передергиваясь от холода, стуча зубами, Джил вновь попыталась

продолжить путь, но не смогла преодолеть невидимую преграду. Она нагнулась, чтобы поднять платье, удивившись, как легко ей далось это движение. По-видимому, неведомая сила действовала лишь в горизонтальном направлении. Джил отошла на пару шагов и набросила одежду. Затем начала отступать — медленно, осторожно, пока снова не миновала арку, у которой столпились люди.

Она повернулась к Пискатору.

— Попробуйте теперь вы.

— Думаете, мне больше повезет? Ну, что же, попытаюсь.

Японец скинул одежду и нагим вступил в проход. Джил с удивлением заметила, что поле не действует на него — по крайней мере на ближнем участке. Он почти добрался до поворота и крикнул, что ощущает какое-то противодействие; теперь он шагал медленней, лоб его покрылся каплями пота. Наконец, Пискатор дошел до поворота и остановился, переводя дыхание.

— Я вижу открытый подъемник — сообщил он. — Коридор кончается у него.

— Вы можете пройти туда? — спросила Джил.

— Кажется, да…

Двигаясь, как актер в кадрах замедленного

фильма, он с трудом шагнул вперед и скрылся за поворотом.

Прошла минута, две. Джил стремительно бросилась под арку.

— Пискатор! Пискатор!

Ее голос звучал незнакомо и странно, будто внутри коридора действовали неведомые законы акустики. Ответа не было.

Там, за поворотом, он мог ее не услышать, но Джил продолжала кричать. Вокруг царило молчание, невидимый барьер сдавливал грудь. Ей оставалось одно — вернуться к своим спутникам и предложить им попытать счастья.

Мужчины пошли парами. Одни продвигались быстрее, другие — с трудом; до поворота никто не смог добраться.

Включив портативный передатчик, Джил приказала оставшимся на судне покинуть «Парсефаль» и подойти к полусфере. Полсотни человек потерпели неудачу; но, может быть, повезет одному из сорока двух, идущих им на смену.

Сейчас ее люди столпились у входа, похожие на призраков в густом тумане. Джил смотрела на них, ощущая свою отстраненность, полное одиночество — может быть, самое мучительное в ее жизни, хотя ей довелось изведать немало

часов отчаяния и скорби. Туман оседал на лице ледяной маской, перед глазами стояла картина погребального костра с телами Обреновой, Метцинга и других. А Пискатор, исчезнувший в этом странном коридоре — где он? Что с ним? В силах ли он вернуться или продолжить путь? Для нее и остальных возвращение оказалось нетрудным. Так почему же он не возвращается? Впрочем, она и представить себе не могла, с чем столкнулся он там — за поворотом.

Она пробормотала строку Вергилия — «Не труден доступ к Аверну…» Как там дальше? После стольких лет трудно припомнить. Если бы в этом мире существовали книги! Вдруг стихи всплыли в ее памяти:

«Не труден доступ к Аверну; Ночи раскрыты и дни ворота черного Дита; Но шаги обратить и на вышний вырваться воздух — Это есть труд, — это подвиг».

Да, есть одно существенное расхождение с реальностью: войти туда трудно всем, кроме одного; но выбраться удалось всем, и лишь одному — не под силу.

Она вызвала по рации Сирано.

— Капитан на связи.

— Слушаю, мой капитан…

— Сирано, вы плачете?

— Да, да! Я нежно любил Файбраса и не стыжусь своих слез. Ведь я не бесстрастный англосакс!

— Выбросьте все из головы и возьмите себя в руки. Нам нужно заниматься делом.

Сирано всхлипнул.

— Я понимаю вас и готов работать. Каковы ваши приказания?

— Пусть вас подменит Никитин. Я хочу, чтобы вы доставили сюда двадцать пять килограммов взрывчатки.

— Слушаюсь. Вы собираетесь подорвать Башню?

— Только вход.

Прошло полчаса. Люди с судна должны были вот-вот подойти. Они спускались по одному, соблюдая строгую очередность. Если сорок два человека покинут судно одновременно, оно взмоет вверх. Джил вглядывалась в туман; наконец, она увидела свет фонарей и услышала голоса. Окликнув людей из новой смены, она коротко ввела их в курс дела.

Ни один не отказался повторить попытку первой группы; аэронавты дружно направились к арке, но пройти по коридору не смог никто.

— Ладно, ничего не поделаешь, — решила

Джил.

Взрывчатку заложили у купола с противоположной стороны от входа — Джил боялась, что взрыв повредит подъемник и может погубить Пискатора.

Все отошли к дирижаблю, и техник нажал кнопку взрывного устройства. Раздался оглушительный грохот. Задыхаясь и кашляя от едкого дыма, люди бросились вперед. Когда темная пелена рассеялась, Джил с тревогой взглянула на купол. Он был невредим.

— Этого следовало ожидать, — пробормотала она.

Джил снова принялась звать Пискатора; ни звука в ответ. В ней еще тлела слабая надежда, что японец жив. Она вновь вошла под арку, но, как и в первый раз, далеко продвинуться не удалось.

Если бы у них был перископ, чтобы с его помощью осмотреть участок коридора за поворотом! Возможно, это решило бы дело. Но в их судовом хозяйстве ничего подобного не имелось. Джил, однако, не хотела сдаваться. На «Парсефале» имелась маленькая мастерская. Если собрать тележку и установить на ней фотокамеру с дистанционным управлением, то они получат хотя бы снимки… Не слишком много, но лучше, чем

ничего. Главный механик полагал, что он сумеет за час соорудить такое устройство. Она отослала его на корабль и распорядилась, чтобы три человека заняли пост у входа в купол.

— Радируйте мне, если появится Пискатор.

Возвратившись на судно, она позвонила в мастерскую.

— Вы сможете работать в полете? Даже при сильном ветре?

— Без сомнения, мэм. Будет чуть трудней, но это неважно.

Отвязать судно и подняться в воздух — это заняло не больше пятнадцати минут. Никитин пролетел над Башней, потом опустился к ее подножью — туда, где дрейфовал похищенный вертолет. Море было неспокойно, мелкие, но сильные волны бились о подножье Великой Чаши. Вероятно, вертолет ударился о стену. На первый взгляд, если судить по экрану локатора, машина почти не пострадала.

Аукусо продолжал вызывать Торна по радио, но безуспешно.

Приблизиться к вертолету они не рискнули — дирижабль мог удариться о стену. Никитин держал судно на небольшой высоте, направляя его против ветра. Был открыт нижний люк, и

на воду спустили надувную лодку с подвесным мотором; ее экипаж состоял из трех человек.

Лодка двинулась к Башне. Минут через десять Бойнтон, старший в команде, доложил:

— Мы рядом с вертолетом. Он врезался в стену, но понтоны предохранили аппарат. Лопасти винта целы. Сами понтоны тоже не пострадали. Подождите… Сейчас мы справимся с этой чертовой качкой и осмотрим кабину.

Через пару минут вновь раздался его голос:

— Пропп и я перешли в вертолет. Торн здесь! Он весь в крови. Похоже, получил пулю в грудь… Лицо тоже задето. Но он жив!

— Есть ли там что-нибудь похожее на вход?

— Сейчас, нужно зажечь фонарь. Он, правда, слабоват… Нет, ничего не видно, сплошной металл.

— Интересно, почему он опустился там? — Джил повернулась к Сирано.

— Нам остается только гадать. Возможно, торопился… боялся умереть.

— Куда же он летел?

— Да, сплошные загадки… И ответы мы получим только применив самые жесткие методы допроса.

— Пытка?

Длинное смуглое лицо Сирано посуровело.

— Да, хоть это бесчеловечно. Цель никогда не оправдывает средства… ложный, но соблазнительный тезис, который лишь помогает уйти от ответственности… Знаете, мне никого не приходилось пытать — и, дай Бог, не придется. Может быть, Торн даст добровольные показания, когда поймет, что у него нет другого выхода. Но я сомневаюсь. Этот тип выглядит весьма неподатливым.

Вновь зазвучал голос Бойнтона.

— С вашего разрешения, мисс Галбира, я поднимету вертолет. С ним все в порядке. Мы доставим Торна в дирижабль.

— Действуйте, Бойнтон, — ответила Джил. — Если вертолет в рабочем состоянии, поднимитесь потом к вершине Башни. Мы будем там чуть позже.

Через десять минут оператор радарной установки доложил, что вертолет в воздухе. По словам Бойнтона, все шло нормально.

Оставив Коппенейма в рулевой рубке, Джил направилась в грузовой отсек. Торн, закутанный в полотнища, был уже на борту, но еще не пришел в сознание. Она пошла вслед за людьми, которые несли раненого в медицинский отсек, где им сразу занялся доктор Грейвс.

— Он в шоке, но думаю, что я его приведу в чувство, — сказал врач. Потом он бросил острый взгляд на Джил. — Однако учтите, сразу допрашивать его нельзя.

Джил оставила у двери двух охранников и вернулась в рубку управления. Дирижабль уже набирал высоту, направляясь к вершине Башни. Через полчаса «Парсефаль», лениво вращая пропеллерами, вновь завис над посадочной площадкой в двухстах ярдах от купола. Механики выкатили из мастерской сооруженную ими тележку. Ее спустили вниз, прикрепили к ручкам стержни-удлинители и протолкнули в коридор до поворота. Быстро сделав шесть снимков, аэронавты вытянули тележку назад.

Джил схватила снимки, проявленные аппаратом в момент съемки; руки ее дрожали.

— Его там нет!

Она протянула снимки Сирано.

— А это что? Небольшое возвышение и дверь в конце прохода… Похоже на подъемник, но без кабины и тросов.

— Не думаю, чтобы Они нуждались в таких примитивных устройствах, — заметила Джил. — Очевидно, Пискатор преодолел силовое поле и вошел в лифт.

— Но почему он не вернулся? Он же знает, как мы беспокоимся.

Сирано сделал паузу и добавил:

— Он так же знает, что мы не можем оставаться здесь вечно.

Теперь перед ними стояла другая задача.

60

Джил вновь приказала поднять дирижабль вверх и распорядилась, чтобы команду собрали в грузовом отсеке, самом большом на корабле. Затем она прошла туда сама, и коротко обрисовала людям ситуацию. Фотографии переходили из рук в руки.

— Мы останемся здесь на неделю, затем улетаем. По своей воле Пискатор не пробудет там так долго. Если он не вернется через… скажем, двенадцать часов, будем считать, что он в плену. Или произошел несчастный случай, и Пискатор ранен или погиб. Мы не можем выяснить, в чем дело. Единственное, что в наших силах, — ждать.

Ни у кого из членов экипажа не возникло мысли бросить Пискатора на произвол судьбы. Но Джил почувствовала напряжение; людей пугала необходимость провести еще семь дней в этом зловещем и мрачном месте, в преддверии адских врат.

Однако впереди было немало дел. Вертолет Файбраса уже чуть дымился; из него вынесли тела погибших, затем механики приступили к осмотру машины, чтобы установить причину

взрыва. Другая группа извлекла пули из пробоин в корпусе второго вертолета. Трое часовых продолжали дежурить у входа в Башню.

Перед тем, как уйти в кают-компанию, Джил переговорила с доктором Грейвсом.

— Торн начинает приходить в себя, ему явно лучше, — сообщил врач. Он в раздумье потер лоб длинными пальцами и произнес: — Вот что еще… Я сделал вскрытие и осмотрел мозг Файбраса… вернее, то, что он него осталось. Хотя осмотр был чисто внешним, мне удалось обнаружить небольшой черный шарик, вживленный в лобные доли. Сначала я принял его за осколок, попавший в голову Файбраса при взрыве… но он совершенно гладкий, и механики говорят, что в машине не было ничего подобного.

— Вы полагаете, что шарик хирургическим путем имплантирован в его мозг?

— Возможно… Но пока я не осмотрю другие тела, ничего определенного сказать не могу. Для этого требуется время, а я не должен спускать глаз с Торна.

Сдерживая дрожь в голосе, Джил спросила:

— Значит, вы все-таки допускаете возможность имплантации?

— Мне надо еще поразмыслить. Я не могу

понять, что бы это значило, хотя сознаю всю серьезность находки. Знаете, Джил, за многие годы я сделал массу вскрытий, но ни разу не обнаружил ничего необычного. И вот что еще я хочу сказать — теперь мне ясно, почему Файбрас хотел сделать всей команде рентгеновские снимки черепа: он искал эти шарики. Кстати, помните Штерна? Он велел бросить его тело в Реку, потому что знал — у Штерна в мозгу тоже такой шарик. Как говорила Алиса — «Все страньше и страньше», верно?

Ее сердце судорожно забилось, дыхание перехватило от ужаса. В полном смятении она взглянула на доктора.

Итак, Файбрас был одним из Них.

Через долгую, бесконечную минуту Джил вновь пришла в себя, и голос начал ей повиноваться.

— Файбрас обещал объяснить нам, почему он настаивает на рентгеновских снимках. Но мне, во всяком случае, он ничего не говорил. А вам?

— Нет. Я спрашивал его, но он отшутился.

— Сейчас мы не знаем, есть ли у Торна этот шарик. Но, если он умрет, нужно сделать вскрытие, док.

— Обязательно. Я проведу исследования в любом случае, но не сейчас. Ему нужно набраться

сил.

— А это не убьет его? Я знаю, что при таких операциях удаляют макушку черепа, чтобы добраться до мозга.

— Я сделаю все возможное.

Прошли сутки. Джил старалась занять команду делом, но сейчас они могли лишь прибираться в отсеках, есть да спать. Она жалела, что не догадалась прихватить из Пароландо кинопроектор и несколько фильмов — они лучше бы отвлекали людей, чем болтовня, шахматы, карточная игра и метание стрел в мишень.

С каждым часом темнота и холод все больше угнетали путешественников. В нервном напряжении держала и мысль о том, что внизу, под ними, притаились создавшие этот мир таинственные существа. Что они замышляют? Почему не показываются людям? А главное — где же Пискатор?

Сирано пребывал в совершеннейшем потрясении. Он молчал, замкнулся; по-видимому, мысли о гибели Файбраса преследовали его. Но Джил казалось, что у француза есть и какой-то другой повод для волнений.

Доктор Грейвс попросил ее зайти к нему. Когда она шагнула в медицинский отсек, врач сидел

на краю стола, покачивая ногой. Не говоря ни слова, он протянул Джил ладонь: на ней лежал крошечный черный шарик.

— Они все так страшно обгорели, что при осмотре мне было трудно их идентифицировать. Но Обренову я не мог спутать ни с кем. Ее мозг я исследовал первым и обнаружил вот это. Но прежде, чем вызвать вас, я вскрыл все трупы.

— Шарик был лишь у нее?

— Нет, еще у двоих.

— Та-ак! Теперь меня интересует Торн.

Джил тяжело опустилась на стул, взяла трясущимися руками сигарету.

— Послушайте, — обратился к ней Грейвс, — у меня в шкафчике есть медицинский спирт. Вам сейчас просто необходимо подкрепиться.

Пока доктор доставал бутылку, Джил рассказала ему о споре между Обреновой и Торном. Грейвс плеснул в кружку пахучей жидкости.

— Не связано ли это с ее отказом работать вместе с Торном?

— Не думаю. Но истинная причина совершенно непонятна.

— А кому она понятна? Кроме Торна, разумеется. Ну, будьте здоровы!

Она выпила обжигающую жидкость.

— Мы не найдем ничего подозрительного в спорах между Файбрасом, Торном и Обреновой. Чаще всего они касались работы, — Джил помолчала. — Но есть одно обстоятельство, которое сначала не привлекло моего внимания… Я, знаете ли, как Шерлок Холмс, который вдруг вспомнил, что собака-то не лаяла. Дело в том, что в каюте Торна не нашли его чашу. Я велела обыскать весь вертолет — тоже ничего. Вы сказали, он пришел в себя. Можно с ним поговорить?

— Не слишком долго, хотя я посоветовал бы еще подождать. Он очень слаб и, если не захочет отвечать, может притвориться потерявшим сознание.

Зазвонил внутренний телефон. Грейвс нажал кнопку.

— Доктор, это Когсвел. Можно поговорить с капитаном?

— Я слушаю, — отозвалась Джил.

— Капитан, во втором вертолете мы обнаружили бомбу. Около четырех фунтов на вид, взрыватель подсоединен к рации. Расположена возле оружейного ящика.

— До моего прихода ничего не предпринимайте. Я хочу взглянуть на нее.

Джил поднялась.

— Вряд ли стоит сомневаться, что Торн подложил бомбу и в вертолет Файбраса. Инженеры еще не определили причину взрыва, но их старший считает, что, скорее всего, это была бомба.

— Та-ак! — протянул Грейвс. — Весь вопрос в том, зачем ему это понадобилось.

Джил шагнула к двери, но вдруг остановилась.

— Мой Бог! Если Торн заминировал оба вертолета, то он мог начинить бомбами и весь дирижабль! Мы не нашли передатчика в его каюте — наверняка, он спрятан где-то в другом месте!

Она приказала объявить тревогу. Пока Коппенейм формировал поисковые группы и давал им задание, Джил прошла в ангар. Да, взрывное устройство было там, где его обнаружил Когсвел. Она опустилась на колени и, направив на серую массу луч ручного фонарика, внимательно ее осмотрела. Пластиковая взрывчатка! Покинув кабину вертолета, она приказала старшему группы:

— Немедленно удалите взрыватель и отключите приемник. И вызовите радиоинженера — пусть выяснит на какую волну он настроен. Впрочем, нет! Я поговорю с ним сама.

Исследование нужно проводить в тщательно

экранированном помещении, сообразила Джил. Если Торн действительно подложил бомбы, то он мог настроить приемник на различные волны для каждой, чтобы избежать случайного срыва. И сейчас любые необдуманные действия могут привести к катастрофе.

Сирано неподвижно сидел в кресле пилота, вперив глаза в ветровое стекло. Он оглянулся, когда Джил подошла к нему.

— Позвольте спросить, что обнаружил доктор Грейвс?

Она больше не могла скрывать от него правду и рассказала все.

Когда она закончила, француз не произнес ни слова. Его пальцы нервно постукивали по щитку, глаза уставились в потолок, как будто он читал там неведомые письмена. Наконец, Сирано встал.

— Мне бы нужно поговорить с вами наедине. Если возможно, то немедленно. Не пройти ли нам в штурманскую рубку?

Он пропустил ее впереди себя и запер дверь. Джил села и закурила сигарету. Сирано принялся нервно расхаживать взад и вперед, скрестив руки на груди.

— Совершенно ясно, что Файбрас, Торн и Обре-

нова — Их агенты. Мне трудно представить Файбраса в роли шпиона. Он был достойным человеком… Впрочем, насколько мне известно, и этики, и их агенты утверждают, что насилие им ненавистно. Хотя должен сказать, что Файбрас умел проявить твердость… и не всегда он действовал мирными средствами. Вспомните эту историю со Штерном… Мне кажется, вы рассказывали, что Файбрас вынужден был защищаться, когда тот напал на него.

— Не помню такого разговора, — твердо сказала Джил. — И давайте лучше начнем с самого начала.

— Прекрасно. Сейчас я сообщу вам то, что обещал хранить в тайне. Пожалуй, впервые в жизни я не сдержу своего слова, — губы Сирано искривились в горькой усмешке. — И меня оправдывает лишь то, что я, возможно, был вынужден дать обещание врагу… таинственному и грозному.

Это случилось семнадцать лет назад. Господи, как давно и как недавно все это было! В те годы я жил в стране на правом берегу Реки, где большинство жителей — мои соотечественники и современники. На левом берегу обитали смуглокожие дикари-индейцы с Кубы еще доколумбовых времен — весьма миролюбивый народ.

Правда, поначалу не обошлось без столкновений, но вскоре мы зажили с ними дружно.

— Нашим маленьким государством управлял принц Конти — великий Конти, под началом которого я имел честь сражаться под Аррасом. Получив в той битве сильный удар в горло, мою вторую серьезную рану, и в придачу к ней несколько мелких, я осознал весь ужас и мерзость войны. В тот год мне стало ясно, что Марс — глупейший из богов. Мои увлечения переменились; я восторгался лишь моим другом и учителем — знаменитейшим Гассенди. Он, как вам, без сомнения, известно, был противником презренного Декарта и возродил во Франции учение Эпикура. Его философские взгляды произвели огромное воздействие на моих друзей — Мольера, Шапеля и Дено. Он убедил их перевести труды Лукреция, божественного римского атомиста…

— Прекратите болтовню, Сирано! Мне нужны лишь факты!

— Тогда, если перефразировать другого великого римлянина…

— Сирано!

61

— Ну, хорошо, перейдем к делу. Это случилось ночью. Я спал возле своей любимой Ливи и вдруг пробудился. Хижина была освещена лишь слабым светом, струившимся в открытое окно. Надо мной склонилась высокая фигура с огромной круглой головой наподобие полной луны. Я быстро сел и потянулся к мечу, но вдруг незнакомец заговорил.

— На каком языке?

— А? Есть только один-единственный прекраснейший язык на Земле, которому, увы, я изменил, — мой родной французский. Он говорил плохо, с ошибками, но я его понимал.

«Савиньен де Сирано де Бержерак», — он назвал мой полный титул.

«У вас есть передо мной преимущество, сэр, — с достоинством отозвался я. — Мне ваше имя неизвестно». Не бахвалясь, скажу, что держался я великолепно, несмотря на сильные позывы помочиться. При слабом свете звезд мне удалось разглядеть, что он безоружен. Если у него и было припрятано кое-что, то лишь под его широким плащом. Совершенно поглощенный неожидан-

ным визитером, я, тем не менее, удивился, что не проснулась Ливи, — у нее всегда такой чуткий сон.

«Вы можете называть меня как вам угодно, — сказал незнакомец, — мое имя не имеет никакого значения. Вас, кажется, удивляет крепкий сон вашей подруги? Я сделал так, что она не проснется. О, нет, она в полной безопасности, — поспешно добавил он, заметив, как я судорожно дернулся. — Утром она встанет, как всегда, ничего не зная о нашей ночной беседе».

— В этот момент я понял, что тоже нахожусь под каким-то странным воздействием; внезапно у меня перестали двигаться ноги, будто у парализованного. Они не оцепенели и не отяжелели — просто не шевелились. Хотя я рассвирепел от этакого бесцеремонного обращения с моей особой, но проявить негодование смог бы только на словах. А здесь требовалось кое-что покрепче — и поострей.

— Незнакомец взял стул и уселся возле постели.

«Выслушайте меня внимательно и постарайтесь во всем разобраться».

— И он рассказал мне самую поразительную историю, которую я когда-либо слышал. Пред-

ставьте, Джил, он утверждал, что является одним из тех существ, которые воскресили нас. Они называют себя этиками. Мой гость не коснулся ни их происхождения, ни внешности, — у него не хватило времени. Видите ли, если бы он попал в руки своих, ему пришлось бы плохо.

— Мне хотелось о многом его расспросить, но едва я раскрывал рот, как он перебивал меня, заставляя слушать. Правда, он обещал навестить меня — и даже не единожды — с тем, чтобы ответить на мои вопросы. Но главное я понял! Нам подарили жизнь, однако не вечную. Мы — лишь объекты научных экспериментов; по их завершении с нами будет покончено, и мы умрем уже навсегда.

— Что это за эксперименты?

— Исторические изыскания. Его народ собирает данные по истории, антропологии, языкам и тому подобному. Их интересует, какое общество могут создать люди, если их собрать воедино, и как они будут меняться в таких условиях. Мой гость заявил, что многие группы способны развиваться в нужном направлении и без вмешательства его народа. Но некоторые нуждаются в воздействии, иногда скрытом, а порой и непосредственно. Проект рассчитан на долгие годы; возможно, на

несколько столетий. Затем работа завершится, равно как и наша жизнь. Мы станем прахом навечно.

— Я сказал ему: «Как же можно отказать нам в том, чем обладает ваш народ — в праве на вечную жизнь?»

— Он ответил, что они — не истинные этики, а жестокие существа, подобные ученым, мучающим животных во имя будущего науки. Однако эти последние имеют оправдание, разумное объяснение своей деятельности. Ученый приносит обществу благо, а потому его действия моральны. В данном же случае польза весьма сомнительна. Правда, в результате некоторые из нас обретут бессмертие, но лишь немногие.

«Как же этого достичь?» — спросил я. Тогда он объяснил мне сущность того, что Церковь Второго Шанса именует «ка». Вы слышали об этом, Джил?

— Я часто бывала на их проповедях.

— Ну, тогда вы знаете, что такое «ка», «акх» и прочие их штуки. Незнакомец рассказал, что доктрины Церкви истинны лишь отчасти. И сама Церковь создана по воле этиков, разыскавших человека по имени Ла Виро, который стал ее основателем.

— Мне всегда казалось, что эта религия — один из миров, выдуманных мистиками, — задумчиво произнесла Джил. — Я никогда не доверяла бредовым идеям земных проповедников — Моисея, Иисуса, Заратустры, Магомета, Будды, Смита, Эдди и всей этой компании.

— Я тоже, — кивнул головой Сирано. — Но вы помните — когда я был при смерти, то принял покаяние, — в основном, чтобы осчастливить мою бедную сестру и верного друга Ле Брэ. Хотя должен признаться, что тогда и я сам не считал это излишним. Дело в том, что я безумно страшился вечного огня в аду. В конце концов…

— Этот ужас был заложен в вас с детства.

— Совершенно верно. Но представьте — появляется некто, утверждающий, что душа действительно существует — как и вечная жизнь. На миг мне показалось, что это шутка. Вдруг один из моих соседей разыграл из себя посланца богов? И завтра я буду выглядеть посмешищем в собственных глазах? Как же, де Бержерак, рационалист и атеист, пал жертвой неумного розыгрыша! Но кому могло прийти в голову устроить такой фарс? И зачем? Наконец, почему при этом не проснулась Ливи, а у меня парализовало ноги? Где можно раздобыть обволакивающую голову сферу? Даже

при слабом свете я разглядел ее тускло-черную окраску. И еще… Он, вероятно, почувствовал мои сомнения, и протянул мне ладонь. На ней лежали очки — странные очки из неведомого мне материала, «Наденьте их, — сказал он, — взгляните на Ливи».

— Я послушался и разинул от изумления рот. Над головой моей спящей подруги возник многоцветный шар; он сверкал, источая яркий свет, вращался, пульсировал и время от времени выбрасывал откуда-то изнутри лучи-щупальца. Одни втягивались внутрь, вслед за ними появлялись другие. Незнакомец отодвинулся и велел положить очки на его ладонь. Мне показалось, что он не хочет меня коснуться. Я вернул этот поразительный прибор, и он тут же исчез в складках его плаща.

«То, что вы видели, — объяснил он, — это атман, бессмертная часть вашей личности. Можете называть ее душой. — Он сделал паузу и продолжил: — Я выбрал несколько человек, которые должны помочь мне в борьбе с чудовищным злом, с преступлением, которое совершил мой народ. Ваш атман свидетельствует, что вы достойны стать избранником. — Мой гость на миг задумался, потом пояснил: — Мы умеем читать в

душах людских как в книгах. Характер человека выражается в его атмане, вернее, — характер и есть атман. У меня нет времени объяснить вам это более подробно. Скажу главное — за отпущенный вам срок лишь малая часть человечества достигнет высшей цели».

Затем он повторил то, что толкует и Церковь Второго Шанса: грешные души умерших вечно блуждают в мировом пространстве; они сохраняют в себе все человеческое, но лишены познания высшей сущности. Лишь те, чей атман прошел все стадии совершенствования, способен ее постичь. Особенно близки к этому те, кто уже при жизни достиг нравственной чистоты.

«Что?! — возмутился я. — На пути к вечности человек должен подобно неприкаянному духу скитаться в мировом пространстве, отскакивая мячиком от стенок вселенной, осознавая ужас своего положения и не имея возможности общаться с себе подобными? Разве о такой участи мы мечтали всю жизнь?»

«Не перебивайте, — остановил меня незнакомец, — я еще должен многое вам объяснить. Существо, достигшее совершенства атмана или акха, уходит из этого мира в запредельность».

«Что значит — запредельность?»

«Уйти в запредельность — значит, соединиться, слиться со Сверхдушой, прийти к подлинной сущности или Богу, если вы предпочитаете это слово, стать одной из частиц Его и познать в том вечное и беспредельное блаженство».

— Я почти уверился, что имею дело с безумным пантеистом, но решился спросить: «Означает ли это слияние потерю собственной индивидуальности?»

«Да, — ответил он. — Но зато вы становитесь Сверхдушой, Богом! Отвергнуть свою индивидуальность и самосознание ради возможности стать Высшим Существом — разве это потеря? Это величайший дар, венец существования!»

«Чудовищно! — воскликнул я. — В какую же дьявольскую игру Бог вовлек свои создания? Чем тогда бессмертие и загробная жизнь лучше смерти?

— О, нет! Во всем этом нет ни капли смысла! Логически рассуждая, зачем же создавать атман — душу, если большая часть душ будет развеяна, словно песок ураганом? К желанному пределу допустят лишь тех, кто приблизился к совершенству или, если хотите, к святости… И ради этого утратить свою индивидуальность, свое самосознание, исчезнуть? Нет, уж если мне суждено

бессмертие, то я желаю остаться самим собой — Савиньеном Сирано де Бержераком! Мне не нужно это фальшивое бессмертие, существование в виде безымянной и безмозглой частицы Божьей плоти! Да — безымянной и безмозглой!»

«Вы, как и все ваше племя, слишком много разговариваете, — прервал меня незнакомец, — но тем не менее… — он минуту колебался, затем продолжил: — Существует третья альтернатива, которая вам больше придется по душе. Я не хотел говорить, но… все-таки скажу… правда, не сейчас. У меня нет времени, да сегодня это было бы и некстати. Возможно, я объясню вам кое-что еще — в следующий раз. А сейчас мне пора уходить. Итак, вы готовы помочь мне?»

«Но как я могу обещать вам поддержку, если не знаю, заслуживаете ли вы ее? Сейчас вы мне кажетесь Сатаной!»

— Он хмыкнул.

«Вы же не верите ни в Бога, ни в Дьявола. Я — не дьявол и не подобие его. Я — ваш союзник, сторонник обманутого, страдающего человечества. Доказать это я вам ничем не могу, во всяком случае — сейчас… Но задумайтесь вот над чем: разве кто-нибудь еще из моих соплеменников пришел к вам? Разве сделали они хоть что-ни-

будь, чтобы отвести от вас смерть, насылаемую во имя неведомых целей, которые даже не удосужились объяснить? Разве я избрал вас не для того, чтобы бороться против их темных замыслов? Да, из миллиардов людей я выбрал вас и еще одиннадцать человек, способных помочь мне. Ваш атман подтверждает, что вы будете моим сторонником».

«Значит, все уже предопределено? — спросил я. — Но я не верю в предопределенность».

«И правильно делаете — ее не существует. Выбор за вами. Я могу только повторить, что являюсь вашим сторонником. Доверьтесь мне».

«Но, — вскричал я, — что можем сделать мы — жалкие людишки?! Вы хотите стравить нас с могущественнейшими существами, обладающими нечеловеческими возможностями!»

— Он пояснил, что мы, двенадцать, ничего одни не сможем сделать. Нам нужен лазутчик во вражеском стане — им будет он, наш друг. Мы же должны объединиться и отправиться к северному полюсу, к Башне посреди моря. В пути мы можем рассчитывать только на свои силы; он не сумеет ни предоставить нам транспортные средства, ни оказать помощь.

«Я вынужден действовать очень осмотритель-

но, — заявил мой гость. — И вам тоже следует молчать об этом разговоре. Вы можете открыться только одиннадцати избранникам».

«Но как же мне их узнать? — недоуменно подумал я. — Как до них добраться? Где они?»

— Задаваясь этими вопросами, я в то же время испытывал волнение и гордость. Подумать только — один из Тех, кто пробудил нас от смерти и создал этот мир, просит меня о помощи! Я — Савиньен Сирано де Бержерак, слабый человек, отмечен и избран среди миллиардов!

«Вы сделаете то, о чем я вас прошу?» — произнес незнакомец.

«Непременно, — ответил я. — Даю слово! А свое слово я не нарушаю никогда!»

— Джил, не буду больше вдаваться в подробности нашего разговора. Скажу лишь, что он велел мне передать Сэму Клеменсу приказ найти человека по имени Ричард Френсис Бартон, одного из избранных. Мы должны отправиться с ним в Вироландо и в течение года поджидать остальных. Если даже соберутся не все, нам нужно через год отправиться в путь. Сам незнакомец обещал появиться в ближайшее время.

— Итак, мне предстояло разыскать Клеменса, жившего где-то за тысячи лье, и помогать ему

в строительстве большом корабля. Я уже знал, кто такой Клеменс, хотя он родился спустя сто восемьдесят один год после моей смерти. Кому же знать, как не мне? Ведь я спал с его женой… Когда я заикнулся об этом, незнакомец пробормотал: «Да, я знаю».

«Но это обстоятельство запутывает все дело, — сказал я. — Что будет с Ливи? И захочет ли великий Клеменс взять нас на борт своего судна в такой ситуации?»

«Что для вас важнее, — с оттенком нетерпения прервал он, — женщина или спасение мира?»

«Все зависит от моего отношения к этой женщине. Правда, с позиции великой и гуманной миссии по спасению мира это, конечно не аргумент. Увы! Я гуманист, но совсем не хочу терять Ливи».

«Отправляйтесь к нему, и будь что будет. Возможно, женщина предпочтет именно вас».

«В делах любви Сирано де Бержерак не подчиняется чужим приказам, — гордо заявил я. — Лишь сердце — мой вожатый!»

Он встал и со словами: «Мы еще увидимся», вышел из хижины. Я подполз к порогу (онемевшие ноги еще не держали меня) и распахнул дверь. Там не было никого. Полумрак, звезды в небесах

— и ни единого следа моего странного гостя.

— На следующее утро я заявил Ливи, что мне надоели здешние места и я жажду полюбоваться этим новым славным миром. Хотя еще в земной жизни ей наскучили странствия, она не оставила меня; мы отправились в путь. Дальнейшее вам известно.

Джил охватило ощущение ирреальности происходящего. Она верила рассказу Сирано, одновременно ощущая себя героиней фильма ужасов… актрисой, которая не знает ни своей роли, ни текста. Она покачала головой.

— Нет, о дальнейшем я ничего не знаю. Что произошло между вами и Клеменсом? Он знал больше вас? Появились ли остальные избранники этика?

— Этик встречался с Клеменсом дважды. Сэм называл его Икс или Таинственный Незнакомец.

— Да, у него есть книга с таким названием, — вспомнила Джил. — Очень грустная и горькая история, исполненная пессимизма. А Незнакомец — это Люцифер.

— Он мне о ней говорил. Ну, а знал он не больше меня. Единственное, что еще сказал ему Незнакомец, касалось метеорита, который он сбросил с небес на землю будущего Пароландо. — Сирано

задумчиво уставился в иллюминатор, за которым неслись клочья белесого тумана. — Но Сэм нарушил слово. Он рассказал все Джо Миллеру и Лотару фон Рихтгофену… Эти двое очень близки к нему… Они не сумели бы понять ни его поведения, ни поступков.

— Со временем в Пароландо появились и другие избранники — рыжий гигант по имени Джонстон и… Файбрас.

Джил смяла сигарету:

— Файбрас! Но он…

— Совершенно верно, — кивнул Сирано. — Оказалось, что он один из агентов, о которых предупреждал этик.

К сожалению, больше встреч с Незнакомцем у нас не было, и многого я так и не выяснил. Мне кажется, наш Икс был бы весьма удивлен, узнав, что Файбрас представился Сэму как один из двенадцати избранных. Увы! Скорее всего, он был шпионом. Но кто же такие Торн и Обренова?

— Джонстон и Файбрас добавили что-нибудь к рассказу Сэма?

— Об этике? Нет. К Джонстону он явился лишь однажды, а Файбрас вообще не любил говорить на эту тему. Может быть, он действительно принадлежал к двенадцати избранникам? Этик мог

не распознать агента… Файбрас хорошо играл свою роль. Но лишнего он не болтал, — Сирано сделал паузу, потом с тоскливым вздохом произнес: — На самом деле меня тревожит лишь одно: почему наш Икс так и не появился…

Неожиданно Джил вся напряглась.

— А вдруг… вдруг Пискатор — тоже агент?

Сирано пожал плечами, недоуменно приподняв брови:

— Пока он не вернется, мы можем только гадать.

— Игра, контригра, игра против контригры… — медленно произнесла Джил. — И семь покровов Майи — барьер иллюзий, разделяющий Их и нас…

— Что? А, вы говорите об индуистском учении иллюзорности…

Сирано снова бросил взгляд в иллюминатор и после паузы сказал:

— Знаете, я не думаю, что Пискатор — их агент. Он делился со мной своими подозрениями… он считал, что на нас надвигается нечто таинственное и темное…

В дверь постучали.

— Капитан? Это Грисон, старший третьей поисковой группы. Мы осмотрели все помещения,

кроме штурманской рубки. Нам подождать?

— Входите, — велела Джил и, повернувшись к Сирано, добавила: — Мы еще поговорим с вами. Слишком много загадок свалилось нам на голову.

— Сомневаюсь, что у меня есть разгадки к ним.

62

Прошло трое суток.

Они похоронили погибших в море. Их тела, завернутые, словно египетские мумии, в белые полотнища, скользнули одно за другим вниз через отверстия в стене. Джил стояла в густом тумане, наблюдая, как исчезают белые коконы, и тщетно пытаясь уловить всплеск. Страх смерти терзал ее душу.

Смерть опять стала неотвратимой реальностью, неотъемлемой частью бытия. Надежда на вечную жизнь покинула мир. Здесь, в этом мрачном и таинственном месте, смерть витала незримой тенью и ужасала не меньше холода, сырых ветров и вздымающихся темных туч. Джил отошла на несколько шагов в сторону, и туман сразу поглотил фигуры и голоса ее спутников. Она даже не слышала звука собственных шагов.

Подойдя к отверстию в стене и просунув туда плечи, она прислушалась. Ни звука; даже рев морских волн у подножия Башни не долетал сюда. Здесь все было далеким, даже то, что находилось на расстоянии вытянутой руки. Пустыня, настоящая пустыня! Отсюда нужно бежать — бе-

жать, чтобы вновь обрести себя.

Но Пискатор не вернулся. Она полагала, что японец застрял там не по своей воле: он или мертв, или тяжело ранен, или захвачен в плен. В любом случае они не в силах ему помочь и недельное ожидание лишено смысла. Джил объявила команде, что они улетают в конце пятого дня.

Люди приняли это известие с явным облегчением. Страх и неуверенность терзали их, нервы были натянуты до предела. Четырехчасовую вахту у купола пришлось сократить до двух часов. У некоторых начались галлюцинации, они видели в тумане тени, слышали чьи-то голоса. Один из стражей даже поднял стрельбу, утверждая, что из тумана на него надвигалась огромная фигура.

При первом осмотре судна на нем не нашли ни бомб, ни передатчика. Опасаясь ошибки, Джил приказала повторить поиск. К тому же, ей хотелось занять людей делом. На этот раз осмотрели и наружную поверхность корпуса, проверили все, просветив фонарями каждый квадратный фут от носа до кормы. Торн еще до отлета мог припрятать взрывчатку внутри наполненной газом оболочки. Для ее проверки требовалось выпустить водород, запасы которого пополнить здесь было невозможно. Ну, а пока не обнару-

жен передатчик, надо было продолжать поиски. Конечно, Торн, находившийся в медицинском отсеке под неусыпным наблюдением, не мог сейчас до него добраться; однако лучше исключить любые неожиданности.

Джил тревожилась и по другому поводу.

— Сэм расстроится, когда узнает, что с моря нельзя попасть в Башню, — сказала она Сирано. — Но, допустим, кто-то из его людей проберется наверх и сумеет преодолеть коридор. А дальше… дальше с ним может произойти то же, что и с Пискатором.

— Вполне возможно, — хмуро ответил Сирано. Он любил японца не меньше Файбраса.

— Скажите, Файбрас ничего не говорил вам о лазере, установленном на «Марке Твене»?

— А-а! — оживился Сирано. — Как же я мог забыть! Лазер! Конечно, Файбрас рассказывал мне про это чудо. Вы думаете, он способен пробить стены Башни?

— Не знаю. Этот металл обладает фантастической прочностью… Но надо попробовать.

Француз опять впал в уныние.

— А как быть с горючим? Мы не можем лететь к Клеменсу за лазером и потом возвращаться сюда. В этом случае нам не хватит топлива на

обратный путь в Пароландо.

— Надо забрать у Сэма лазер, потом отправиться за горючим в Пароландо и подготовить новую экспедицию.

— Большая потеря времени. К тому же, есть еще одно обстоятельство: упрямец Клеменс может не отдать нам лазер.

— У меня даже мысли об этом не возникает, — медленно сказала Джил. — Похоже, другого способа проникнуть в Башню не существует.

— Вы совершенно правы. Но вы рассуждаете логически, а Клеменс иногда не в ладах с логикой. Хорошо, поживем — увидим.

Захваченная новой идеей, Джил решила не тратить время в бесплодном ожидании Пискатора. Если японец ранен или захвачен в плен живыми существами или роботами, они ничем не могут ему помочь; для этого, как минимум, требовалось проникнуть в Башню. Или получить какую-то принципиально новую информацию.

С этой мыслью Джил, в сопровождении Сирано, направилась в медицинский отсек, чтобы допросить Торна. Канадец сидел в постели; его левая нога была прикована цепью к металлическому стояку. При виде посетителей он не проронил ни слова. Джил тоже молчала, вни-

мательно разглядывая его. Торн прикрыл глаза; лицо его выражало странную смесь непримиримого упорства и покорности судьбе. Люцифер был повержен, но не утратил ни гордости, ни силы духа.

Джил обратилась к нему:

— Не хотите ли вы объяснить свои действия?

Торн молчал.

— Нам известно, что вы подложили бомбу в вертолет. Вы убийца, Торн. Файбрас, Обренова и их спутники погибли при взрыве.

Он широко раскрыл глаза, но выражение лица не изменилось. Слабая улыбка — скорее, только намек на улыбку — скользнула по его губам. Или ей только почудилось?

— Вы обвиняетесь в преднамеренном убийстве, и я обязана отдать приказ о вашем расстреле. Однако мы хотим избежать ошибки. Вы можете признаться или привести любые доводы в свою защиту.

Он смотрел на нее неотрывно, тяжелым и холодным взглядом.

— Конечно, вы знаете о шариках… крохотных черных шариках? Мы нашли их у Файбраса и Обреновой.

В его глазах мелькнул страх. Или только вол-

нение? Он побледнел, мучительная гримаса исказила лицо.

— В вашем мозгу тоже есть такой шарик?

Торн выругался и сказал:

— Мне делали рентгеновский снимок головы. Разве Файбрас взял бы меня, обнаружив что-нибудь?

— Не знаю, — возразила Джил. — Принял же он Обренову, так почему он должен был отвергнуть вас?

Торн покачал головой.

— Послушайте, я буду вынуждена приказать Грейвсу сделать вам трепанацию черепа.

— Только потеряете время, — ответил он. — У меня в голове нет этой штуки.

— Полагаю, вы лжете. Зачем имплантируют этот шарик?

Молчание.

— Вы ответите или нет?

Вмешался Сирано.

— Куда вы собирались лететь на похищенном вертолете?

Торн крепко сжал губы, потом спросил:

— Я думаю, вы так и не смогли попасть в Башню?

— Один из нас прошел.

Торн вздрогнул, его лицо покрылось мертвенной бледностью.

— Один? Кто же это?

— Я отвечу вам лишь тогда, когда вы все выложите.

Торн упрямо вздернул подбородок и перевел дыхание.

— Я не стану ничего говорить, пока мы не попадем на «Марк Твен». Я расскажу все лишь Сэму Клеменсу; здесь — ни слова. Если вы хотите, можете вскрыть мой череп. Это жестоко… и это будет стоить мне жизни, но вы не узнаете ничего.

Джил увела Сирано в соседнюю каюту.

— На борту «Марка Твена» есть рентгеновский аппарат?

— Не помню. Спросим их, как только возобновится связь.

Они возвратились к Торну. С минуту он пристально смотрел им в глаза, потом с трудом, словно презирая себя за слабость спросил:

— Этот человек… он вернулся?

— Не все ли вам равно?

Торн, видимо, колебался, собираясь что-то сказать, но неожиданно тишину разорвал его хриплый хохот. Он смеялся!

— Ну, что ж, — решила Джил, — летим к судну. Поговорим там, если вы не надумаете сделать это раньше.

Проверка оборудования дирижабля заняла не более часа. Затем отвязали канаты и последние члены экипажа взошли на борт. В кресле пилота сидел Сирано. Медленно, осторожно, он начал поднимать «Парсефаль» в воздух, развернув пропеллеры вверх. Из баков выпустили водный балласт, и дирижабль круто взмыл в небо. Через десять миль Сирано стал постепенно снижать высоту полета, направляя дирижабль к расщелине, через которую они проникли в этот туманный ад.

Джил стояла у ветрового стекла, напряженно вглядываясь в белесую пелену. На миг ей показалось, что она слышит рокот волн, свист ветра и заунывные стоны неприкаянных душ.

— До свидания, Пискатор, — пробормотала она. — Мы еще вернемся…

Поток воздуха швырнул дирижабль в узкое ущелье и с силой вытолкнул наружу. По словам Сирано, они вылетели словно новорожденный из чрева матери, жаждущей отделаться от него. Свет, сверкающее солнце и вид зелени внизу привели всех в экстаз. Из отсека в отсек неслись

восторженные крики, песни и смех.

Как только «Парсефаль» поднялся на достаточную высоту, Аукусо начал налаживать связь с «Марком Твеном». Через час ему удалось нащупать в эфире Клеменса.

Джил только начала свой доклад, как Сэм в возбуждении прервал ее и принялся рассказывать о предательском нападении Грейстока. Она молчала, потрясенная дурной вестью; вскоре пространные и подробные описания Сэма начали ее раздражать. Главное было уже ясно — корабль уцелел.

Наконец, Клеменс выложил все.

— Ну, я отчитался вчистую. Теперь ваша очередь. А где Файбрас?

— Погодите… я же не успела сказать вам и двух слов.

Она подробно изложила все, что случилось за последние пять дней. Сэм слушал с огромным напряжением, лишь изредка прерывая ее невнятными восклицаниями.

— Итак, Файбрас мертв, и вы полагаете, что он — один из Них? — дрогнувшим голосом произнес он, когда Джил закончила. — Может быть, это слишком поспешный вывод? Предположим, черный шарик имплантирован и другим людям

в каких-то научных целях… Ну, скажем, одному из тысячи или из десяти тысяч… Не знаю, зачем… Возможно, шарик излучает волны, которые Они регистрируют в процессе исследований, или он дает возможность следить за выбранными объектами.

— Не думаю, — возразила Джил. — Хотя мне бы очень хотелось согласиться с вами. То, что Файбрас — один из Них… — она судорожно сглотнула и добавила едва слышно: — Мне ненавистна даже мысль об этом…

— Мне тоже. Но сейчас самое важное — ваш вывод о том, что наземная экспедиция бессмысленна. Я построил два судна напрасно, — он горько рассмеялся. — Впрочем, не совсем так. Я строил их ради самого долгого путешествия — даже если это путешествие в никуда… К тому же, у меня осталась другая цель — король Джон! Я должен схватить его и расквитаться за все!

— Но вы заблуждаетесь, Сэм. Я уверена, что мы сумеем попасть в Башню… Правда, для этот нужен лазер.

Клеменс замолчал, и Джил поняла, что он пытается совладать с охватившим его удивлением.

— Вы имеете в виду?… — Сэм был явно смущен. — Значит, Файбрас вам все рассказал? Ну

что за безрассудный, беспринципный тип! Я же просил его молчать! И он прекрасно знал, как важно сохранить это в тайне! А теперь в рубке все уже в курсе дела — они здесь ловят каждое ваше слово. Придется мне взять с них клятву молчать, но я не уверен, что это помешает распространению слухов. Ну, Файбрас, попадись он мне!

Помолчав, Сэм добавил:

— Давайте продолжим наш разговор на судне, чтобы не сболтнуть лишнего. Как вы понимаете, нас постоянно подслушивают радисты Джона. Можете себе представить их восторг, если они узнают о наших планах! Да они будут облизываться как свиньи, нашедшие свежую коровью лепешку!

— Извините, что так получилось, — голос Джил был полон раскаяния, — но нам необходимо посоветоваться. Желательно поднять лазер на борт дирижабля без посадки. — Она помолчала. — Только с его помощью мы можем проникнуть в Башню, мистер Клеменс. Иначе вся наша работа и смерть людей теряют смысл.

— А мне он нужен, чтобы уничтожить Джона!

Джил пыталась сдержать раздражение.

— Подумайте, Клеменс, что важнее — свести счеты с Джоном или разгадать тайны этого мира?

В конце концов, мы можем оба использовать лазер. Я верну его вам.

— Черта с два — вернете! Если вернетесь сами, в чем я не совсем уверен! При следующей попытке вас могут схватить. До сих пор Они сидели в своей Башне как мыши, посмеиваясь над кошкой, что тычется в узкую нору. И что же вы думаете, мыши останутся мышами, когда лазер начнет сокрушать стены Башни? До они тут же прихватят вас, как Пискатора! И что дальше? — Сэм закашлялся, послышалось проклятье и щелчок зажигалки — он прикуривал сигару. — Ну, а теперь представьте, что металл не поддается лазеру?

— Все может быть… попробуем. Это единственный способ закончить дело.

— Ну, хорошо, хорошо. Вы рассуждаете логично, вы совершенно правы, поэтому не будем продолжать спор. — Я человек здравомыслящий; отсюда следует, что лазер вы получите. Однако здесь есть одно большое «но», как однажды сказала испанская королева: сначала вы доберетесь до короля Джона.

— Не понимаю… Что вы имеете в виду, Сэм?

— А вот что: я хочу совершить налет на «Рекс». Ночью пошлем туда вертолет и выдернем Джона с постели как морковку с грядки! Желательно

взять его живым, но если это не удастся, я не буду сильно расстроен.

— Это глупо! Глупо и отвратительно! — возмутилась Джил. — Ради вашей авантюры мы должны рисковать вертолетом и жизнью людей! Мы можем потерять и то и другое — а вертолет у нас остался только один.

Сэм тяжело задышал. Наконец, справившись с гневом, он заговорил ледяным тоном.

— Это выглядит глупостью только в ваших глазах. Напомню — если удастся схватить Джона, отпадет необходимость думать о «Рексе» как о противнике. Сколько будет спасено жизней! Покончим с Джоном, и пусть его место займет первый помощник. Кто бы он ни был — я желаю ему удачи! А мое самое большое желание — чтобы Джон не избежал кары за свои преступления… чтобы он не властвовал над моим прекрасным кораблем, ради которого я работал как вол, сражался, интриговал, лил кровь и пот… который я выстрадал! Мне надо только одно — чтобы этот мерзавец, выдающий себя за человека, стоял передо мной! И я скажу этой мрази, этому ничтожеству все, что думаю о нем! Я даже не стану его убивать — высажу на берег и раскочегарю топку… не больше… разве что на этом берегу

случайно окажется племя каннибалов или компания рабовладельцев.

— А если его убьют во время нападения?

— Я примирюсь с подобной неудачей.

— Однако я не могу заставлять своих людей участвовать в таком рискованном деле.

— И не надо. Вызовите добровольцев. Если никто не согласится — тем хуже для вас: лазера вы не получите. Учтите, я никого насильно не толкаю на героическую смерть. Просто мне известна человеческая натура.

Сирано крикнул:

— Почту за честь участвовать в атаке, Сэм!

— Сирано? Что ж, хотя вы не относитесь к числу моих задушевных друзей, добрый вам путь! От всего сердца желаю удачи.

Джил так изумилась, что на минуту потеряла дар речи: это заявил человек, уверовавший, что Марс — глупейший из богов!

— Сирано, почему вы на это идете?

— Почему? Не забудьте — я тоже был на «Ненаемном», когда его захватил Джон со своей шайкой… меня чуть не убили! Я тоже жажду мщения, мечтаю увидеть физиономию этого бастарда, когда он попадется в капкан… Да, войны — отвратительны! Но речь идет не о той войне,

что развязана алчными, жаждущими славы безумцами, которым наплевать на тысячи убитых, покалеченных, замерзших и погибших от голода… Нет, эта война — наше личное дело. И я знаю человека, вместе с которым буду вести свою собственную, крошечную, но абсолютно справедливую войну. Это Сэм Клеменс, питающий к войнам такое же отвращение, как и я.

Джил не стала спорить с ним. Сирано казался ей ребенком — глупым ребенком, которому все еще хотелось играть в солдатики, хотя он прекрасно знал, что эти кровавые игры не доводят до добра.

Теперь она была вынуждена согласиться с условием, которое поставил Клеменс. Вначале ей казалось, что немногие рискнут принять участие в этой авантюре; затем Джил припомнила чувство тягостного бессилия, охватившее экипаж «Парсефаля» перед вратами Башни. Клеменс был прав; он действительно знал человеческую натуру — вернее, натуру мужчин. Сейчас ее команда была готова схватиться с любым реально существующим и зримым врагом.

Переговоры длились еще около часа. Сирано утверждал, что помнит расположение всех кают на «Рексе»; он рвался в бой с не меньшей горячностью, чем Клеменс. Обсудили последние детали,

и Сэм прервал связь, получив твердые заверения, что узнает результаты рейда сразу же по возвращении вертолета.

— Если он вернется, — тихо добавила Джил, печально глядя на умолкнувшую рацию.

63

Казалось, судну не удастся избежать смертельного удара торпед, но через минуту наблюдатели доложили, что оба снаряда прошли мимо. Теперь перед Сэмом возникли очертания дирижабля; он стремительно приближался, словно сверкающее серебром копье Немезиды. Неужели Грейсток решил идти на таран? Высунувшись из рубки, Клеменс пронзительно закричал, приказывая открыть огонь. Но прежде чем канониры услышали его команду, из распахнувшихся люков дирижабля выпали четыре бомбы; затем «Минерва» с грохотом взорвалась.

Огромный корабль дрогнул. Люди падали, катились по палубе, и только потерявший сознание рулевой, пристегнутый ремнями к креслу, оставался недвижим. Со звоном лопнуло ветровое стекло, в лицо Байрона, первого помощника, полетели осколки. Вскрикнув, он упал, прикрывая ладонями глаза.

Сэм поднялся на ноги; из рулевой рубки валил дым. Задыхаясь в этом темном зловонном облаке, ничего не видя и не слыша, он пробрался к щиту управления. Приборы были целы. Ему пришлось

низко склониться над пультом, чтобы разглядеть показания шкал и убедиться, что корабль продолжает идти по курсу.

Сэм расстегнул ремни, опустил безвольное тело Детвейлера на пол и уселся на место рулевого. Теперь он уже мог кое-что видеть. Дирижабль — вернее то, что от него осталось, — бесформенным комом плавал в воде; его горящие обломки были раскиданы на сотни ярдов. Вокруг клубился дым, но ветер постепенно относил его от «Марка Твена». Сэм взялся за штурвал и развернул судно против течения. Включив автопилот и убедившись в его исправности, он вышел из рубки и направился к правому борту, чтобы оценить повреждения.

Неподалеку он увидел Джо; тот что-то кричал и яростно жестикулировал. Сэм энергично потер уши, потом развел руками, показывая гиганту, что ничего не слышит. Джо продолжал вопить. По его груди, покрытой царапинами и порезами, стекали струйки крови.

Убитых на судне не оказалось, но раненых было много. Самое серьезное повреждение получил Детвейлер — острый осколок стекла попал ему в шею, едва не задев сонную артерию. Однако уже на третий день он был на ногах. Из команды

«Минервы» спаслись только трое — Гемрад, Харди и Ньютон, однако пилот дирижабля еще не пришел в сознание.

Да, на палубах «Марка Твена» все остались живы, однако один член экипажа погиб в воздухе. Лотар фон Рихтгофен, превосходный летчик, один из самых близких Сэму людей, уже никогда не возьмет в руки штурвал самолета. Когда его тело, завернутое в белый саван, опускали в воды Реки, Сэм не мог удержаться от слез. С этим живым, энергичным человеком он прожил бок о бок почти пятнадцать лет — и с ним, с Лотаром, разделил свою тайну.

— Теперь мне понятно, почему Грейсток решился атаковать нас, — сказал Сэм Марселину де Марбо после похорон. — Джон Ланкастер сделал ему слишком соблазнительное предложение. Грейсток — жестокий и вероломный тип… впрочем, как и все люди его эпохи, относившие себя к благородному сословию. Если вы изучали историю Англии, Марк, то помните, что эти живодеры из средневековой знати всегда были склонны к изменам. Они поклонялись лишь удаче и наживе и плевали на церковь, хотя и строили храмы во славу Божию… Гиены, сущие гиены, без морали и чести!

— Ну, не все же, — возразил де Марбо. — Скажем, Вильям Маршал! Он был поистине благородным воином!

— К его счастью, он не служил королю Джону… бедняге Вильяму понадобился бы крепкий желудок, чтобы переварить приказы этого изверга! Вы только посмотрите — шпионы его скотского величества повсюду! Вот почему я всегда настаивал на том, чтобы корабль тщательно охранялся!

— Тэм, ты тсрадаешь… как это?.. манией претследования. Потому ночные кошмары и мучают тебя. А меня — меня они не бетспокоят.

— Неудивительно! Я — капитан, а ты — мой телохранитель, и должен бетспокоиться только об охране моей персоны.

— Ну, вот еще! Я бетспокоюсь, когда запаздывает обед!

Старший радист доложил о возобновлении радиосвязи с «Парсефалем». Беседуя с Джил Галбира, Сэм чувствовал себя путником на минном поле измены, лжи, лицемерия и обмана. В течение всего разговора он ждал, что одна из мин вот-вот взорвется под его ногами.

Пуская клубы дыма, Клеменс раздраженно шагал взад и вперед по палубе. Сигара отдавала горечью. Итак, кроме него, теперь лишь двое на

судне были посвящены в тайну визита Икса — Джо Миллер и Джон Джонстон. Всего же их было восемь — Миллер, Джонстон, он сам, Файбрас (ныне покойный), де Бержерак, Одиссей (давно пропавший), фон Рихтгофен (тоже покойный) и Ричард Френсис Бартон. Некто, кого он, Клеменс, именовал Иксом или Таинственным Незнакомцем (в те давние годы, когда этот провокатор еще не был для него «сукиным сыном» и «ублюдком»), намеревался отобрать двенадцать человек для штурма Великой Чаши на полюсе. Он обещал Сэму вернуться через несколько лет и поведать многие тайны. Однако и разгадка тайн, и сам этик, похоже, канули в небытие.

А если его разоблачили? Где он может быть теперь?

Вечные вопросы продолжали терзать Сэма. Джо Миллер и фон Рихтгофен узнали об этике от него. Значит, кроме известной ему шестерки, где-то странствует еще полдюжины избранников… Может быть, все они находятся здесь, на судне! Почему незнакомец не сообщил какого-нибудь знака или пароля, чтобы они могли узнать друг друга? Если Икс и собирался объединить их в одну команду, то он явно не торопится… Его намерения были так же непредсказуемы и зыбки,

как расписание мексиканских железных дорог.

Сирано передавал ему слухи о Бартоне, вечном страннике, бродившем вверх и вниз по Реке. Но еще на Земле Сэм читал о нем. Газеты были полны описаниями его подвигов. Он знал и его книги — «Одинокое странствие пилигрима в Эль-Медину», «Первые шаги по Восточной Африке», «Великие озера Центральной Африки», а также перевод сказок «Тысячи и одной ночи».

Бартона знала Гвиневра. Она не раз рассказывала Сэму свою историю. В момент Великого Воскрешения ей было только семь лет. Ричард Бартон взял девочку под свое покровительство, и она целый год плыла с ним по Реке на небольшом катамаране. Затем на них напали охотники за рабами, и Гвиневра погибла. Прошло больше тридцати лет, но она так и не смогла забыть этого энергичного смуглого человека.

В экипаже Бартона был и Джон Грейсток. Но Гвиневра не слышала, чтобы они с Бартоном хоть словом обмолвились о Незнакомце. Возможно, Грейсток являлся агентом?

Он вновь вернулся к мыслям о Бартоне. На Земле англичанин руководил экспедицией, искавшей истоки Нила. Здесь он так же неистово стремился к истокам великой Реки, но по другим

причинам. Если верить рассказу Сирано, Икс предупредил его, что Бартону грозит амнезия… возможно, все сведения об этиках будут стерты из его памяти. Поэтому де Бержерак и Клеменс должны сообщить ему все, что им известно о повелителях этого мира — и выслушать его историю. Если будет не слишком поздно… Забавная ситуация!

Тут были еще Штерн, Обренова, Торн… И Файбрас! Их роль столь же таинственна, как намерения Икса. Кто эти люди? На чьей они стороне?

Нет, он не в силах развязать все узлы, распутать все петли, расплести уток и основу этой паутины интриг! Необходимо посоветоваться.

Сэм пригласил в свою каюту Джо и Джона Джонстона и тщательно запер за ними дверь. Джонстон, семифутовый великан, широкоплечий и мускулистый, с красивым, но грубоватым лицом, выглядел рядом с Джо чуть ли не карликом.

Сэм выложил им новости. Джонстон молчал. Как истый горец, он был немногословен и нарушал молчание лишь в самых крайних случаях. Заговорил Джо.

— Что же втсе это значит? Почему только Питскатор тсмог пройти в дверь?

— Это мы выясним у Торна. Меня мучает дру-

гое: имел ли отношение Торн и прочая братия с «Парсефаля» к атаке «Минервы»?

— Ха! Никогда не поверю, что Грейсток был шпиком этиков, — вступил, наконец, в разговор Джонстон. — Этот вонючий скунс годится только в лакеи королю Джону!

— Однако он мог совмещать обе должности, — возразил Сэм.

— Как? — спросил Джо.

— Ты хочешь сказать — почему? Именно это спросил разбойник у Иисуса, когда его прибивали к кресту. Почему? Вот о чем следует поразмыслить! Я думаю, что Грейсток был агентом; просто цели короля Джона отвечали его собственным интересам.

— Но их шпики боятся жестокости, — настаивал Джонстон. — Ты мне сам рассказывал, как Икс проболтался об этом. Добрая потасовка не для них — они никого не тронут даже пальцем.

— Нет, этого я не говорил. Просто этики считают насилие аморальным. Так сказал Икс; впрочем, он мог и солгать. Вспомните библию! Князь Тьмы является и Князем Лжи!

— Тогда зачем же мы подчиняемся ему? — угрюмо произнес Джонстон.

— Затем, что я не знаю, действительно ли он

лжет. Его коллеги — если таковые имеются — не проявили достаточной любезности и не снизошли до разговора с нами. Он обещал раскрыть все тайны, но, кажется, я его несколько раздражаю… Он похож на аболициониста, который пригласил негра к обеду, а потом проветрил гостиную… Но Их агенты тоже не святые. Во всяком случае, за Файбраса могу поручиться. Я вспоминаю, как Джо почуял запах Икса… особый запах. Он пришел ко мне в хижину сразу после того, как этот ублюдок удалился — и сказал, что человек так не пахнет. А я свято верю Джо и его носу.

— Тсам Тэм пахнет тсовтсем не лучше, — усмехнулся Джо.

— Это тснаешь только ты, верно? — передразнил его Сэм. — И больше Джо никогда не встречался с подобным запахом. Вот почему я считаю, что агенты этиков — обычные люди.

— Тэм тсмолит тсигары целыми днями, — пожаловался гигант. — В этом дыму я нитчего не вижу, тем более — не могу унюхать.

— Если ты не прекратишь агитацию против курения, я отправлю тебя назад — скакать по ветвям банановых деревьев.

— В жизни не тскакал на деревьях и не ел бананов! Я попробовал их впервые только тсесь!

— А ну, заткнитесь! — рявкнул Джонстон.

Брови Сэма поползли вверх, извиваясь, словно гусеницы.

— Заткнуться? Я надеюсь…

— Ближе к делу!

— Да, да, конечно. Я совершенно уверен, друзья мои, что нас окружают агенты… Они кишат на судне, как черви в трупе жирного конгрессмена. Весь вопрос, чьи они — Икса или тех, других? Или же служат всем сразу?

— Чушь! — пробурчал Джонстон. — К чему им теперь сечь за нами? Вот когда мы приблизимся к верховьям…

— Кто знает? Их влияние может простираться очень далеко. Возьми хотя бы Икса… этого сукина сына! Я думаю, что он прорыл тоннель в северных горах и подвесил там канат для Джо и его египтян. Что касается остальных шакалов, им как будто плевать, доберемся ли мы до их конуры на полюсе. Правда, они не собираются облегчать для нас работу… а так — почему бы и нет?

Сэм пустил к потолку кольцо сизого дыма, послал вдогонку второе и признался:

— После этой истории с Файбрасом ни в чем нельзя быть уверенным. Вот, скажем, Одиссей… так скоропалительно покинувший нас. Он за-

явил, что принадлежит к двенадцати избранным, и я не сомневался, что его послал Икс. Нет, оказывается, к нему приходила женщина! Значит, у Икса есть союзник? Кто она? Прекрасная Незнакомка, подруга нашего Незнакомца? А, может, она — этик, подославший к нам лже-Одиссея? Есть у меня подозрения на его счет… Как-то я столкнулся с двумя микенцами, утверждавшими, что они сражались под Троей. Так вот, их Троя находилась совсем не там, где указывал Одиссей. Он говорил, что Троя расположена в Малой Азии — значит, археологи раскопали какой-то другой город. А по словам микенцев, столица Приама лежала неподалеку от Геллеспонта, там где позднее построили Гиссарлык.

— Если этот грек был шпиком, зачем ему плести такие байки? — Джонстон пожал могучими плечами.

— Ну… не знаю! Возможно, он хотел убедить меня, что на самом деле является Одиссеем…

Сэм запустил пальцы в густую шевелюру и с силой дернул себя за волосы. Ложь, помноженная на ложь, поднялась ложью; он прекрасно понимал, что следующий шаг в поисках агентов выведет его прямиком на Джонстона и Джо Миллера. Кому верить?

— Да, мы попали в серьезную переделку, сказал Шерлок Холмс Ватсону, падая в Ниагарский водопад… — шепот Сэма был едва слышен, но Джо навострил уши.

— А это что за типы? — поинтересовался он.

Горец глухо заворчал.

— Ладно, ладно, Джон, извини, — Сэм задумчиво посасывал сигару. — Надеюсь, мы все-таки вытянем конец ниточки из этого хитрого клубка… Черт, но где найти этот кончик?

— Может быть, потсоветоватся с Гвиневрой? — предложил Джо. — Она — женщина, они втсе вокруг замечают, Тэм. Ты говорил, что женщины лучше втсе вотспринимают, чем мужчины… У них — как это? — женская интуиция. Они нитчего не пропутстят и догадываются, когда от них что-то тскрывают. Вот тсейчас твоя Гвиневра дуется, тсидит в большой комнате в плохом натстроении, потому что мы здесь тсекретничаем.

— Не верю я в женскую интуицию, — досадливо отмахнулся Сэм. — Они способны подмечать лишь обычное… факты и слова, жесты и интонации, на которые мужчины не обращают внимания. Они острее воспринимают лишь мелочи.

— Это нам и нужно, — настаивал Джо. — Мы тут

ломаем тсебе головы, и мы — как ты говоришь? — зашились… Пора вводить нового игрока.

— Слишком много болтовни, — опять вмешался Джонстон.

— По-твоему, все изрядно болтают. Ладно! Пожалуй, Гвен подойдет здесь больше, чем кто-либо.

— Дело кончится тем, что у каждого костра на берегу будут трепаться о наших секретах, — заключил Джонстон.

— Вот и хорошо, — бодро заявил Сэм. — Почему бы не рассказать всем эту историю? Она всех касается — и тех, кто плывет с нами на корабле, и тех, кто жжет костры на побережье.

— У того парня, вероятно, были причины, когда он просил нас помалкивать.

— Думаешь — благие? — спросил Сэм. — К Башне народ устремился уже целыми толпами… и их не остановит дурной пример золотой лихорадки сорок девятого года! Сотни и тысячи людей жаждут добраться до полюса, а миллионы готовы им помочь.

— Давайте проголосуем за Гвен. Это будет дем… демонкратично.

— Ты когда-нибудь видел женщину на военном совете? Она тут же подберет юбчонку и пойдет

трепать на всех углах…

— Наши женщины не носят юбок, — ухмыльнулся Сэм, — да и всего остального тоже, как ты мог заметить.

Они проголосовали: два — один в пользу Гвиневры.

— Ладно, — покорился неизбежному Джонстон. — Но когда она здесь рассядется, Сэм, пусть хотя бы скрестит ноги.

— Гвен весьма предусмотрительная дама. Она натянет свой килы до самых колен, хотя купается нагишом. Но, в конечном счете, мир не перевернется, если она продемонстрирует лишний дюйм своей плоти.

— Это не плоть… это… это… кое-что другое. Тебе что, плевать на ее вид?

— Как правило. Не будь таким пуританином, Джон. Уже тридцать четыре года мы живем на планете, где сама королева Виктория выглядит не лучше римской куртизанки. Но если бы она в своей первой жизни увидела одежды наших женщин, ее наверняка хватил бы удар с поносом впридачу. Здесь же нагота естественна, как сон в церкви, друг мой.

64

Предупрежденная Сэмом, Гвиневра явилась в каюту с ног до головы завернутая в плотное сари. Неподвижно восседая на стуле и широко раскрыв глаза, она слушала рассказ о событиях, послуживших поводом для совета.

Когда Сэм закончил, она долго молчала, прихлебывая из кружки чай.

— Я знаю значительно больше, чем ты воображаешь, — наконец, сказала она. — Многие — из твоего сонного бормотания… Я догадывалась, что у тебя есть какая-то тайна… что часть твоей жизни остается скрытой от меня. Это обидно, Сэм, очень обидно… Иногда я была готова потребовать объяснений… или просто уйти, бросить тебя.

— Почему же ты молчала? Я понятия не имел о том, что с тобой происходит!

— Потому, что понимала — тебя удерживают весьма серьезные причины. Мне не хотелось ничего выпытывать у тебя. Сэм, ты слепец! Неужели ты совсем не замечал, как порой у меня менялся нрав — вдруг я начинала капризничать, спорить с тобой?

— Замечал, конечно… мне казалось, что у тебя

плохое настроение… знаешь, одна из вечных женских загадок. Ладно, здесь не место выяснять отношения.

— Тогда — где и когда? Женщины не более загадочны, чем оловянные копи. Зажги фонарь, освети темную шахту — и ты увидишь все. Только вам, мужчинам, нравится выискивать в женщинах вечную загадку. Это спасает вас от лишнего беспокойства, бесполезных вопросов, от траты времени и сил.

— Короче, от вечных разговоров, — усмехнулся Сэм. — С вами до конца никогда не договоришься.

— Ну и болтуны вы оба! — нахмурился Джонстон.

— Нет, здесь другая крайность, — косо глянула на него Гвиневра. — Впрочем, ты прав. Скажите мне, что за человек Пискатор?

— Гм-м! — задумался Сэм. — Ты имеешь в виду, почему именно он сумел пройти в Башню, тогда как другим это не удалось? Ну, прежде всего, потому, что он — агент, я полагаю. Правда, возникает вопрос, почему этого не смог сделать Торн? И зачем ему вообще нужен «Парсефаль»? Этики и их агенты имеют другие средства передвижения — какие-то невидимые летательные аппараты.

— Ну, этого я не знаю, — Гвиневру явно интересовало другое. — Давайте лучше поговорим о Пискаторе. Чем он отличался от остальных? Не было ли у него каких-то внешних особенностей — в одежде, например, — послуживших ключом к дверям Башни? Кроме того, очень важно, какой путь каждый сумел пройти по коридору. Какие отличия дали возможность одним продвинуться дальше других?

— У нас нет компьютера, чтобы рассчитать и сравнить их пути, — возразил Сэм. — Но Галбира хорошо знает членов команды и, когда она появится, мы получим все данные. Итак, если узнаем точный путь каждого, то сможем сопоставить его с особенностями человека. Правда, я сомневаюсь, что они сделали там необходимые замеры…

— Тогда остановимся на Пискаторе.

— Он же из этих желтопузых, — буркнул Джонстон.

— Не думаю, что его национальность имела значение, — Сэм повернулся к великану. — Если считать агентами всех монголоидов, то наше дело труба. Их больше, чем остальных, вместе взятых… Но подумаем вот о чем. Торн не хотел допустить в Башню Файбраса и Обренову — он

хладнокровно подорвал вертолет с ними и прочими ни в чем не повинными людьми. Возможно, он не знал, что Файбрас — тоже агент. Значит, за Обренову он заплатил жизнями семи человек.

— А если их там было больше? — предположила Гвен. — Если у кого-то еще были эти шарики?

— Новый номер! Да не усложняй ты все, нам и так не разобраться!

— Да, неудачно получилось… Если бы эти двое прошли внутрь Башни, мы могли бы сравнить их с Пискатором.

— Я дотстатошно тчасто виделтся с Файбратсом, и он пахнет так же, как любой человек, — сообщил Джо. — Этик отставил тсвой запах в хижине Тэма — не человечетский. Питскатор — тоже человек, хотя у него немного тругой запах. Я могу различать запахи разных племен, потому что их люди едят разное.

— Но ты же больше никого не встречал с нечеловеческим запахом. Трудно сказать, являются их агенты людьми или нет. Выглядят они как люди.

— Нет, такие никогда не попадались. Ни у кого не было нечеловечетского запаха, втсе пахли нормально. Наверно, эти агенты втсе-таки люди.

— Ну, может быть, — согласился Джонстон. — Тогда любой дьявол сойдет за человека, коли у

него знакомый запах.

Джо засмеялся.

— А не поветсить ли нам объявление в главной кающе: «Втсем этикам и их агентам явиться к капитану Клементсу!»

Гвиневра беспокойно заерзала на своем стуле и нахмурилась.

— Ну почему вас все время заносит в сторону? Вернемся к Пискатору.

— Да, мы как лилипуты в цирке, — все время ищем башмак великана под кроватью жены, — засмеялся Сэм, — а спросить боимся! Так вот. Я мало знаком с этим джентльменом из Чипанго — он появился лишь за два месяца до отплытия «Марка Твена». Судя по отзывам, это весьма спокойный и приветливый человек. Он никого не сторонился, но и никому не навязывался, ладил со всеми. С моей точки зрения это весьма подозрительно. Однако он не соглашатель, не угодник. Я вспоминаю, как он спорил с Файбрасом по поводу размера строившегося дирижабля. Пискатор считал его слишком громоздким и не соглашался с доводами Милтона. Но боссом был Файбрас, и последнее слово осталось за ним.

— У Пискатора были какие-то странности? — спросила Гвиневра.

— Он — страстный рыбак… трудно считать это странностью. Скажи, Гвен, что ты меня расспрашиваешь? Ты же сама с ним знакома.

— Мне хотелось узнать твое мнение. Когда здесь появится Галбира, мы и ее расспросим. Тем более что она знала его лучше нас.

— Не забудь Тсирано, — вмешался Джо, — он его тоже знал.

— Джо обожает Сирано, — ядовито заметил Сэм. — У француза такой нос, что Джо считает его своим соплеменником.

— Он да я — хорошая пара. А у тсебя не нотс, а ручка от чашки… похватстать нетчем! Можешь бротсаться на меня, как гиена во время тслучки, Тсирано втсе равно будет мне нравиться.

— Что-то ты нынче речист, как Эзоп, — холодно отозвался Сэм. — Так что ты думаешь о Пискаторе, Гвен?

— В нем есть нечто… не знаю, как сказать… Бартон называл это магнетизмом… Какая-то притягательность, лишенная сексуального оттенка. Всегда понимаешь, что нравишься ему, хотя открыто он этого не проявляет. Его тяготит глупость. До каких-то пор он терпит ее, потом избавляется от собеседника, но в самой милой манере.

— Он верующий, мусульманин… однако, не ортодокс и не фанатик. По его словам, Коран следует понимать как аллегорию, да и Библию нельзя трактовать буквально. Помню, он цитировал из обеих книг на память огромные пассажи. Мне пришлось с ним часто разговаривать, и однажды он поразил меня, сказав, что Иисус был величайшим пророком после Магомета… А ты, Сэм, утверждал, что мусульмане ненавидят Иисуса.

— Не Иисуса, а христиан, детка. Ну, впрочем, неважно. Одним словом, Пискатор выглядит в моих глазах мудрым и добрым человеком. И он… кажется, что он живет в этом мире, но сам — не от мира сего. И если подвести итог всему, что ты наговорила, он — не обычный моралист, а выдающийся духовник, наставник, — задумчиво произнес Сэм.

— Он никогда себя так не называл, но думаю, ты прав.

— Как жаль, что я не узнал его поближе!

— Но, Сэм, ты же был так занят строительством судна!

65

Фригейт возвратился в хижину лишь перед ужином. На вопрос Нура, где он пропадал, Питер объяснил, что весь день провел в ожидании Новака, а к вечеру секретарша отправила его домой, пообещав назавтра краткую аудиенцию. По-видимому, Фригейт был сильно захвачен возникшей у него идеей, и потеря времени нервировала его. Поделиться своими планами он отказался.

— Когда мне ответят «да», я вам все расскажу.

Фарингтон, Райдер и Погас почти не обратили на него внимания. Они по-прежнему обсуждали, как им вернуть «Раззл-Даззл», время от времени обращаясь то к Питеру, то к Нуру. Фригейт не отвечал ничего; Нур улыбался и советовал сперва подумать о моральном аспекте предприятия.

Наконец, он заявил, что все их разговоры носят отвлеченный характер. Дело в том, что новые владельцы набили шхуну товаром и еще засветло ушли вниз по Реке.

Мартин рассвирепел.

— Почему же вы не предупредили нас?

— Я опасался, что вы со своей опрометчивостью и стремительностью броситесь в драку и тогда бе-

ды не миновать — местные бы вас не пощадили.

— Мы не так глупы!

— Но слишком импульсивны. А это тоже разновидность глупости.

— Чрезвычайно благодарен, — поклонился Том. — Хотя все к лучшему! Тем скорее я готов претендовать на одно из их патрульных суденышек. На первое время нас пятерых достаточно, а потом наберем еще людей.

Но дело оказалось значительно сложней. Государственный чиновник, к которому они обратились, заявил, что за судно они обязаны отработать определенное время. Если это их не устраивает, пусть убираются вон.

Фригейта с командой не было, он умчался по своим таинственным делам. В хижину он возвратился с улыбкой на лице. Казалось, добрые вести переполняют его, излучаясь во все стороны.

— Я договорился с Новаком!

— Что значит — договорился? — хмуро спросил Фарингтон.

Фригейт сел на бамбуковый стул и закурил сигарету.

— Так вот! Сначала я спросил, не угодно ли ему построить другой дирижабль. На согласие я не надеялся, да Новак его и не дал. Он заявил,

что будет построено еще несколько дирижаблей — но не для нас, а для их патрульной службы, на случай войны.

— Вы хотите, чтобы мы стянули дирижабль? — заворчал Фарингтон. Взбешенный коварством Подебрада, он, тем не менее, чувствовал некоторое облегчение; воздушное судно по-прежнему доверия ему не внушало.

— Ни в коем случае. Мы с Нуром решительно против кражи чьей-либо собственности… это у вас, двух фантазеров, чешутся руки на чужое. После того, как моя первая просьба была отвергнута, я изложил вторую. Новак заикался, мялся, но, в конце концов, обещал ее выполнить. Для этого потребуется меньше материалов и времени, чем для строительства дирижабля. Ему было явно неловко перед нами из-за мошенничества Подебрада, и он считал себя обязанным как-то нам помочь. Кроме того, его чрезвычайно заинтересовала сама идея воздушного шара: у него был сын — аэронавт.

— Воздушный шар? — выдохнул Фарингтон. — Вы все еще носитесь с этой бредовой идеей?

Зато Тома эта мысль явно заинтересовала, но его одолевали сомнения.

— А как быть с ветрами над горами? Нас же

может отнести к югу.

— Верно. Но мы находимся севернее экватора, и если циркуляция воздушных потоков вверху происходит так же, как на Земле, то шар полетит на северо-восток. Труднее миновать штилевую зону. Но я попытаюсь сконструировать такой воздушный шар, который гарантирует нам достижение полярной зоны.

— Безумец, безумец! — качал головой Мартин.

— Вы отказываетесь участвовать в постройке?

— Нет, я этого не сказал. Но мне нужно вначале все обдумать. Что касается ветра, то вряд ли он будет попутным. Нет, все-таки нам лучше построить обычное судно!

Фарингтон ошибался или лукавил: на предполагаемой высоте их полета северо-восточные ветры были достаточно устойчивы.

Когда Фригейт рассказал о конструкции задуманного аэростата, на него со всех сторон посыпались вопросы и возражения.

— Конечно, я знаю, что никто и никогда не пытался построить такой воздушный шар, — отбивался Фригейт, — но это наш единственный шанс на успех!

— Да, — признал Мартин, — но Жюль Верн выдвинул эту идею еще в 1862 году. Если она так

хороша, почему же никто ее не осуществил?

— Вот этого я не знаю. Если бы у меня на Земле завелись лишние деньги, я бы его непременно построил. Нам предстоит преодолеть огромные пространства, и мы можем сделать это лишь таким путем. Воздушный шар обеспечит нужную скорость — миль триста в день. По Реке нам придется совершить путешествие в миллион миль, а с помощью «Жюля Верна» и удачи мы десятикратно сократим путь.

Они долго спорили, но, в конце концов, согласились с предложенным планом. Началась работа. Больше всех нервничал Фригейт. Его волнение возрастало по мере приближения срока первого подъема. В ночных кошмарах ему постоянно мерещился разбитый аэростат и трупы его друзей, изуродованные, с переломанными костями. Но на людях он старался не проявлять слабости и работал не покладая рук.

В романе «Пять недель на воздушном шаре» Жюль Верн предложил достаточно простое, но опасное решение. Фригейт, однако, прекрасно понимал, что буквальное воплощение в реальность литературного образца чревато провалом.

Вскоре шар был готов и команда совершила на нем двенадцать пробных полетов. К общему

удивлению (Фригейта — в особенности), лишь один из них оказался не вполне удачным. Правда, все полеты проходили на небольшой высоте, шар не поднимался до вершин гор, окружавших долину. Они остерегались далеко удаляться от Новой Богемии, чтобы не опоздать к намеченному сроку окончательного вылета.

Доктор Фергюссон, герой Жюля Верна, сконструировал воздушный шар, используя способность водорода расширяться при нагреве. Этот принцип применили дважды, в 1785 и 1810 годах, но оба шара разбились. Верн придумал нагревающее устройство, весьма мощное и эффективное, но оно существовало лишь на бумаге. У Фригейта в резерве была передовая технология, не сравнимая с существовавшей во времена французского фантаста, и на ее основе он добавил много усовершенствований. Позднее он хвастался, что подобное сооружение создано впервые за всю историю человечества.

Фриско заявил, что никто не собирался буквально следовать рекомендациям Жюля Верна, для этого нужно быть последним безумцем. Фригейт охотно согласился с капитаном, но продолжал стоять на своем: только на воздушном шаре им удастся преодолеть огромные пространства. Он

не откажется от задуманного ни за какие блага. В двух мирах, где прошла его жизнь, ему часто приходилось что-то начинать, но никогда он не видел своего дела завершенным. Сейчас он доведет его до конца.

Вылет назначили перед рассветом. Над огромной толпой сверкали дуговые лампы и факелы. Сплющенная алюминиевая оболочка шара колыхалась, словно сморщенная колбаса, подвешенная на невидимом крюке. Непосвященным «Жюль Верн» казался странным обрубком, совершенно непохожим на готовый взлететь шар. Но он станет шаром — когда под влиянием тепла баллон раздуется, раздастся, преодолевая сопротивление окружающего воздуха.

Произнесли подобающие речи, подняли и осушили бокалы. Фригейт заметил, что Мартин приложился дважды, пробормотав: «Для храбрости». Когда Фарингтон с некоторым трудом залез в гондолу, он уже улыбался во весь рот и весело помахивал рукой провожающим.

Легкая алюминиевая гондола тыквообразной формы была подвешена под сморщенной сейчас оболочкой. В центре гондолы помещалась нагревательная колонка, из верхней части которой сквозь специальные отверстия выходили две

мягкие пластиковые трубки, пропущенные в оболочку шара и прикрепленные к ней жесткими кольцами. Одна тянулась до вершины купола; другая, с широким металлическим раструбом на конце, достигала только нижней части оболочки.

Все члены команды выглядели чрезвычайно возбужденными. Сгрудившись в гондоле и оживленно болтая, они с нетерпением поглядывали на Фригейта.

— Закрыть главный клапан, — негромко приказал он. Началась предстартовая суета.

Фригейт взглянул на манометр, проверил запорные вентили нагревателя и приоткрыл затвор в его верхней части. Он подкрутил другой запорный вентиль, прислушиваясь, не доносится ли из подводящих труб шипение газа, затем вставил электрический запал в горелку. Форсунка внизу нагревательной колонки выбросила тонкий язычок огня. Фригейт повернул вентиль, увеличивая пламя, и стал подкручивать две другие рукоятки, регулируя подачу кислорода и водорода. Пламя начало подогревать основание большого диска, над которым в колонке располагался змеевик, соединенный с уходившими в оболочку пластиковыми трубками. Теплый водород наполнил

верхнюю часть шара, начавшего медленно раздуваться. В нижней его половине холодный газ под воздействием всасывающего эффекта потек через широкий раструб короткой трубки в нагреватель. Цепь замкнулась.

В одной из секций основания нагревателя находилась электрическая батарея. Она была значительно легче и мощнее описанной Жюлем Верном и расщепляла воду на элементы — водород и кислород, которые поступали в две камеры. Затем они подавались в смеситель, питая горелку.

Одним из усовершенствований, которые Фригейт внес в конструкцию Жюля Верна, являлась отводная трубка, соединяющая камеру с водородом с оболочкой. В случае утечки газа из шара, аэронавт, манипулируя двумя вентилями, мог пополнить запас за счет разложения воды. При этом, во избежание пожара, горелку отключали.

Прошло пятнадцать минут. Вдруг, без рывков и толчков, шар медленно поплыл вверх. Через несколько секунд Фригейт слегка прикрутил горелку. Шумные крики провожающих слабели, и вскоре снизу не доносилось ни звука. С высоты огромный ангар казался игрушечным домиком. В этот момент над горами встало солнце, и они

услышали рев грейлстоунов, тянувшихся по обоим берегам Реки.

— Салют из тысячи орудий в нашу честь, — улыбнулся Фригейт. Никто не откликнулся ни единым словом, даже не шевельнулся. В гондоле царила глубокая тишина — как в глухом погребе, хотя стены ее не были обшиты звуконепроницаемым материалом. Фарингтон, кашлянул; звук прозвучал раскатом грома.

Неожиданно сменилось направление ветра, и шар стало относить к югу. Погас приоткрыл дверцу гондолы и высунул голову. Поскольку аэростат летел со скоростью ветра, он не ощутил ни малейшего дуновения. Воздух был неподвижен, словно путешественники оказались в запертой комнате. Пламя газовой горелки не колебалось.

Фригейт все еще ощущал эйфорический восторг первых минут полета. Многократные тренировочные подъемы не притупили новизны ощущений; он испытывал сейчас несравненно более сильное чувство — полет души, освобожденной от телесной оболочки, преодолевшей оковы гравитации, тяготы немощной плоти и ума. Пусть это только иллюзия, сладкий сон в предрассветный час — он всеми силами старался продлить прекрасное мгновение.

Но работа не ждала, и Фригейт встряхнулся, как мокрый пес после купания. Он проверил по альтиметру высоту — почти шесть тысяч футов. Спидометр показывал возрастание скорости подъема по мере того, как оболочка нагревалась лучами солнца. Убедившись, что камеры с водородом и кислородом полны, он отключил батарею, подававшую энергию для расщепления воды. Основные операции кончились, оставалось лишь следить за показаниями альтиметра и спидометра.

Долина Реки сужалась; горы, покрытые серо-зелеными пятнами лишайника, понижались. Легкая дымка тумана, извиваясь змеей, заполняла низину с быстротой мыши, учуявшей близость кошки.

Их продолжало относить к югу. «Отступаем», — пробормотал Мартин, словно хотел этим замечанием разрядить не отпускавшее его напряжение. По некоторым признакам ветер должен был скоро смениться на северо-западный.

— Ну что ж, закурим по последней, — предложил Фригейт. Все, кроме Нура, задымили. Вообще курение на «Жюле Верне» запрещалось, но на небольших высотах и при выключенной горелке, иногда можно было отвести душу.

Воздушный шар парил над долиной, экипаж с интересом разглядывал скользившую под ними местность. Еще недавно они проплывали эти места на «Раззл-Даззл», но сейчас все представало по-иному. Горизонт стремительно отодвинулся вдаль, ушел из поля зрения. Подобную панораму Фригейт и Райдер уже наблюдали на Земле, но для остальных зрелище было новым и волнующим. Погас быстро произнес что-то на свази. Нур пробормотал: «Будто Бог расстелил скатерть перед нами».

Закрыв все дверцы гондолы, Фригейт повернул вентиль подачи кислорода и включил маленький вентилятор, гнавший воздух в абсорбент-поглотитель двуокиси углерода. На высоте десяти миль «Жюль Верн» вошел в тропопаузу — переходную зону между тропосферой и стратосферой. Температура за стенами гондолы упала до минус сорока градусов по Цельсию.

Поднялся встречный ветер, и аэростат слегка покрутило — воздухоплавателям казалось, что они попали в коляску гигантской карусели. Наступило время дежурства Нура. Его сменил Погас, за ним последовала вахта Райдера. Когда пришла очередь Фарингтона, он сразу взял себя в руки; его нервозность прошла, сменившись, как

всегда в трудные минуты, полным самообладанием. Сейчас на него можно было положиться, словно на каменную стену. Фригейт вспомнил рассказ Мартина о диком ликовании, охватившем его, семнадцатилетнего юнца, впервые допущенного к штурвалу шхуны. Капитан ушел вниз, в каюту, и Фарингтон остался один-одинешенек на палубе. Ему доверили жизнь людей и безопасность судна! Никогда в жизни, полной опаснейших приключений, не пережил он вновь такой острой радости риска.

Однако, как только Фригейт сменил его на вахте, Мартин вновь сник, погас, перестал улыбаться. Казалось, покончив с делом, он не мог найти себе места.

Солнце продолжало ползти вверх по небосводу, его прямые лучи все больше нагревали шар. В отличие от стандартных конструкций, его входная горловина была плотно закупорена, и при нагреве возникала опасность чрезмерного давления и разрыва оболочки. Последствия были очевидны: стремительный спуск с последующим анатомическим вскрытием. Но главный проектировщик предусмотрел необходимые меры.

Он проверил по альтиметру высоту и потянул канат, соединенный с деревянной задвижкой

горловины. Клапан открылся, выпустив излишки газа; аэростат стал снижаться. Вскоре шар опять поднимется, и придется выпускать газ снова. Эта операция требовала большой точности, чтобы избежать слишком резкого спуска.

На верхушке шара был установлен еще один предохранительный клапан, открывавшийся автоматически в аварийных ситуациях — например, при возгорании водорода, — но на больших высотах он мог примерзнуть к оболочке.

Пилоту приходилось непрерывно наблюдать за сменой слоев воздуха. Шар мог внезапно попасть в теплую или холодную струю; теплый поток подбрасывал аэростат вверх, в холодном слое начинался неожиданный спуск. В последнем случае следовало немедленно выбросить за борт балласт, но при этом шар могло сильно закрутить. Кроме того, балласт надо было беречь до последней крайности.

Однако день прошел без больших треволнений. Солнце село, и «Жюль Верн» медленно охлаждался. Фригейт включил горелку, чтобы поднять аэростат в область над тропопаузой. Остальные, свободные от дежурства, уютно свернулись под тяжелыми покрывалами и погрузились в сон.

Одинокое ночное бодрствование изменило

настроение Фригейта, вселив в его сердце какой-то суеверный страх. Гондола едва освещалась светом звезд, проникавшим в иллюминаторы, да маленькими лампочками над запорными вентилями. В металлическом корпусе гулко резонировал каждый шорох, каждый звук. Любое прикосновение спящих к стенкам отдавалась в ушах Фригейта яростным звоном. Погас что-то бормотал на свази, Фриско скрипел зубами, Райдер сопел и фыркал, как застоявшийся мустанг. Непрерывно жужжал вентилятор.

Фригейт зажег горелку. Внезапное гудение и вспышка разбудили спящих, но вскоре они успокоились и снова задремали.

Наступил рассвет. Четверо мужчин поднялись, посетили снабженный химическими поглотителями туалет, выпили кофе, позавтракали. Испражнения за борт не выбрасывались — давлением воздуха их могло занести обратно в открытые дверцы гондолы. Кроме того, любое уменьшение веса грозило резким рывком вверх.

Фарингтон, обладавший редким чувством скорости, определил ее равной пятидесяти узлам.

Перед полуднем ветер переменил направление, и несколько часов их несло к югу. Затем они вновь повернули на северо-восток. Три часа

спустя южный дрейф повторился.

— Если так будет продолжаться, то мы обречены на вечную болтанку, — мрачно заявил Фригейт. — Ничего не могу понять!

Вечером они опять летели в нужном направлении. Опасаясь нового разворота к югу, Фригейт предложил опуститься и попытать удачи при низовом северо-восточном ветре полярных широт, к которым они уже достаточно приблизились. Привернули пламя, газ стал медленно охлаждаться. Сначала плавно, потом все быстрей и быстрей аэростат шел на снижение. Нур на несколько минут включил горелку, замедляя спуск.

Наконец, шар оказался примерно в полутора милях над вершинами гор. Они двигались, пересекая под углом долину, что тянулась в этих местах с севера на юг.

— Теперь мы идем точно на северо-восток! — довольно сообщил Фригейт.

На третий день они дрейфовали к северу со скоростью пятнадцати узлов. Ни у кого уже не оставалось сомнений, что воздушный шар такой конструкции, как «Жюль Верн», способен подняться в стратосферу и спуститься до поверхностных слоев с самой незначительной потерей газа.

Открыли дверцы, впустив свежий, прохладный воздух. Все ежились от сквозняка, но особенно сильно их мучил перепад давления — уши заложило, они начали зевать и сглатывать слюну.

В середине следующего дня разразилась гроза. Стоявший на вахте Фарингтон увидел вдалеке черные облака, из которых потоком хлынул дождь. Вначале казалось, что гроза не затронет их, пройдя ниже, но внезапно вверх от облаков потянулись тонкие нити, похожие на щупальца осьминога, и вся темная масса послушно двинулась следом. Аэростат окутало мглой, рассекаемой вспышками молний, закрутило, словно блесну на спиннинге.

— Сейчас мы рухнем вниз, как кирпич, — спокойно произнес Мартин. Он приказал выбросить часть балласта, но шар продолжал падать. Совсем рядом непрерывно сверкали молнии, освещая лица людей зеленоватыми отблесками; раскаты грома ревели в гондоле с утроенной силой, дождь хлестал в открытые дверцы, заливая пол.

— Задраить люки! Том, Нур! Бросайте мешок с балластом!

Райдер и мавр бросились выполнять приказ. Они ощущали необыкновенную легкость движений. Аэростат стремительно падал, и им казалось,

что они парят в воздухе. Новая вспышка молнии и удар грома. При ярком свете люди с ужасом увидели под собой черный пик горы.

— Еще мешок!

Выглянув в иллюминатор, Нур крикнул, перекрывая грохот:

— Мешки падают не быстрей, чем мы!

— Два мешка за борт!

Еще одна огненная змея сверкнула рядом в темном небе.

— Поворачивайтесь! — орал Фарингтон. — Быстро — еще два мешка! Остальное — придержать!

Край оболочки аэростата чиркнул по выступу на вершине горы. Гондола содрогнулась, люди повалились на пол. К счастью, канаты, крепившие гондолу к оболочке, были невредимы; они ослабли лишь на мгновение и вновь натянулись. Аэронавты вскочили на ноги. Никто не представлял себе размеров повреждений, но каждый думал о худшем. Они находились рядом со склоном горы, и падение продолжалось. Остроконечная вершина гигантского железного дерева набегала со скоростью выпущенного копья.

Использовать горелку было бесполезно; она уже не успеет разогреть газ. Только бы избежать

столкновения с горой — от удара лопнут трубы, и тогда достаточно одной искры, чтобы шар охватило пламя!

— Весь балласт за борт! — загремел голос Фарингтона.

Неожиданно их вынесло, вырвало из густых черных облаков, и они оказались в серой дымке легкого тумана. Теперь им были видны верхушки деревьев, несущиеся навстречу. Мартин подскочил к остальным, помогая выбрасывать мешки с балластом и контейнеры с водой. Однако они не успели подтащить к дверям и половины груза, как гондола обрушилась на крону железного дерева. Аэронавты покатились на пол. Но ветви лишь прогнулись под тяжестью, затем, распрямившись, подняли гондолу к оболочке шара. Через мгновение она снова осела, раскачиваясь на несокрушимых ветвях; люди перекатывались внутри от стены к стене, словно игральные кости в стакане, зажатом в кулаке великана.

Фригейт был оглушен, его тело покрывали ссадины и синяки, но в голове крутилось лишь одно: что с трубами, насколько сильно их сдавило при ударе?

— О, Господи, помоги нам! Не допусти… не допусти, чтобы треснули трубы… чтобы ветви

порвали оболочку… Только бы задержаться на дереве!

И вдруг гондола поплыла вверх.

Поднимется ли аэростат прямо или его понесет над Рекой? А вдруг ветер отбросит шар к горам, прямо на острые скалы?

66

Ночью разразилась гроза; молнии чертили зигзаги на темном небе. Паря высоко над горами, дирижабль удалялся на юг, покидая полярные широты. Его радиолокатор был нацелен на огромное судно, но судовые радары не работали. Скорее всего, «Рекс» стоял на якоре, и его экипаж считал себя в полной безопасности.

В брюхе дирижабля распахнулся огромный люк, лопасти винтов стоявшего на платформе вертолета начали вращаться. Машина несла тридцать одного десантника; ее вел Бойнтон, рядом с ним сидел де Бержерак. В центре кабины было свалено оружие и ящики с взрывчаткой.

Как только двигатели разогрелись, Бойнтон подал знак. Чентес, прижав к уху трубку, слушал по внутренней связи последние распоряжения. Наконец, он взмахнул флажком: «Пошел!»

Вертолет чуть приподнялся вверх, сдвинулся с площадки и повис над открытым люком. Зажглись бортовые огни, осветив концы лопастей, затем машина камнем рухнула вниз. Де Бержерак вскинул голову и сквозь ветровое стекло едва успел разглядеть колоссальный дирижабль,

мгновенно исчезнувший в черных тучах. Он знал, что через минуту за ними последует двухместный планер. Его поведет Боб Уинкельмайер; пассажиром летел Джейс Мак-Парлан. Уинкельмайер окончил Вест-Пойнт; его самолет сбили японцы во время разведывательного полета над островами, лежавшими к северу от Австралии. Мак-Парлан стал знаменитостью в 1870 году. Ему, детективу агентства Пинкертона, удалось проникнуть в ряды «Молли Мегайрс», тайной террористической организации ирландских шахтеров в Пенсильвании. В результате организация была разгромлена, члены ее схвачены и девятнадцать из них приговорены к повешению, после чего владельцы угольных шахт смогли спокойно продолжать эксплуатировать своих рабочих.

Уинкельмайер и Мак-Парлан получили задание сесть на Реке и утопить свой планер. Следующая их цель — попасть на борт «Рекса». По-видимому, там требовались специалисты; вряд ли за столь долгий рейс удалось сохранить команду в полном составе. Сэм достаточно подробно разъяснил задачу своим агентам.

— Надо лишить этого подонка Джона монополии на шпионаж. Вам придется подлизаться к нему, ребята, втереться в доверие. Но действо-

вать вы начнете лишь в том случае, если рейд закончится неудачно.

Вертолет летел в густых облаках. Молнии раскалывали мир, сверкая пылающими клинками между твердью и небом. Непрерывно гремел гром. Дождь заливал ветровое стекло, ограничивая видимость. Но радар уже засек местонахождение судна, и через несколько минут вдали слабо мигнули его огни.

Накренив вертолет под углом в сорок пять градусов, Бойнтон направил его к «Рексу», затем резко бросил вниз, к воде. При свете мелькавших молний он мчался на полной скорости в нескольких ярдах над поверхностью Реки; палубные огни приближались с каждой секундой. Наконец, вертолет взмыл над палубой, пронесся вдоль борта, завис и опустился на посадочную площадку. Колеса стукнулись о деревянный настил, машина слегка подпрыгнула и замерла. Лопасти винтов еще вращались, когда в распахнутые люки начали выпрыгивать десантники.

В одно мгновение Бержерак оказался на палубе, жестом приказав выносить ящики с взрывчаткой. Он бросил взгляд в сторону рулевой рубки — кажется, она была пуста. Неужели на судне не заметили их появления? Невероятно! На палубе

не было даже вахтенных! Может быть, они чувствуют себя в этих местах в полной безопасности, и большая часть команды сошла на берег? А часовые тем временем бездельничают — спят, выпивают или занимаются любовью?

Де Бержерак вынул пистолет «Марк-4» и сжал рукоять шпаги: «За мной!» Пять человек ринулись следом. Еще две группы направились в другую сторону. Бойнтон остался в вертолете; он был готов включить двигатели в любую минуту.

Взлетная палуба казалась бесконечной. Француз бежал к рулевой рубке, за ним по дубовому настилу гремели шаги спутников. У трапа Сирано остановился; с мостика послышался чей-то окрик. Не обращая внимания, он открыл дверь и стал подниматься наверх. Когда последний из его пятерки переступил через комингс, раздался выстрел. Сирано обернулся:

— Кого-нибудь задело?

— Похоже, целились в меня — но промахнулись! — крикнул в ответ Когсвел.

Зазвенел сигнал тревоги, через минуту завыла сирена, за ней — другие.

Сирано уже был в ярко освещенном коридоре, куда выходили каюты старших офицеров и их подруг. Клеменс считал, что король Джон будет

в одной из них — слева от трапа, ведущего на капитанский мостик. В свое время Сэм выбрал ее для себя как самую большую; вряд ли Джон удовлетворится меньшей.

С каждой стороны коридора находились по четыре двери. Одна была открыта, и Сирано бросился к ней. Оттуда высунулась голова мужчины; француз поднял пистолет, и она мгновенно исчезла.

Действуя по разработанному плану, все шестеро достали специальные затворы, изготовленные в мастерской «Парсефаля». Это были толстые дюралюминиевые пластины, с двух сторон оканчивающиеся шипами. Заработали молотки и запоры, прибитые к дверям и переборкам, блокировали выходы из кают. Возможно, кому-нибудь из местной команды потом удастся их выбить и освободить офицеров «Рекса», но в ближайший час им придется посидеть под замком.

Из кают неслись истошные крики и вопли. В одной кто-то попытался открыть дверь, пока Когсвел дубасил по ней молотком; десантник, не целясь выстрелил в узкую щель, и створка захлопнулась.

По-видимому, Джону уже сообщили по внутренней связи о нападении на судно, но шум в

коридоре являлся знаком, что атакующие уже рядом. Все было понятно и без предупредительных выстрелов.

Три десантника отправились в рулевую рубку; Сирано прикинул, что они вот-вот будут там. Он поднял голову — на трапе появился один из вахтенных. Белое, как мел лицо, раскрытый рот… Увидев Сирано, он стал медленно отступать назад, трясущимися руками поднимая револьвер.

— Дьявол меня побери! Откуда…

Сирано выстрелил. Ему не нравилось убивать людей, которых он до того в глаза не видел, но в данном случае выбирать не приходилось.

— Мерд! Дерьмо!

К счастью, он промахнулся. Пластиковая пуля вонзилась в переборку рядом с вахтенным, в лицо ему посыпались осколки. Человек вскрикнул и бросился назад, прижав ладонь к глазам. Сирано был не очень хорошим стрелком, но сейчас не испытывал сожалений. Он не прикончил этого парня и даже не нанес ему серьезного увечья… Хвала Создателю!

Из рулевой рубки донеслись выстрелы и неистовые крики. Так, значит, троица десантников уже там и всерьез занялась вахтенными!

Сирано шагнул к двери, что находилась слева

от трапа. Должно быть, его величество уже почуял неладное и трясется от страха… Нет, пожалуй, нет. Этот человек, владевший некогда Англией и половиной Франции в придачу, несомненно, последний мерзавец, но не трус. Впрочем, его каюта может оказаться пустой — на берегу много соблазнов. Вино и девки всегда были слабым местом Джона…

Сирано улыбнулся и тронул ручку двери — заперто. Так, хозяин в своих королевских апартаментах, но прием на сегодня закончен.

Мужской голос выкрикнул на эсперанто:

— Эй! Что там случилось?

Знакомый баритон Джона! Сирано довольно потер нос и крикнул в ответ:

— Капитан, откройте! Скорей! На нас напали!

Он ждал, прижавшись плечом к переборке. Попадется ли Джон на крючок? Вспомнит ли его голос?

Раздался резкий хлопок выстрела; если бы Сирано стоял перед дверью, пуля уложила бы его наповал. Что ж, предусмотрительность не менее важна, чем храбрость — особенно, когда имеешь дело с Джоном. Он стрелял не пластмассовой пулей, которая застревала в дубовой доске; его пулька была сделана из драгоценного свинца, и

она пробила в двери дыру внушительных размеров.

Сирано кивнул одному из своих людей, и тот вытащил из сумки пакет пластиковой взрывчатки. Француз стоял в стороне, ожидая, пока Шехан залепит вязкой массой замочную скважину. Парень скорчился у двери, стараясь протолкнуть взрывчатку поглубже.

Снова раздался выстрел: пуля попала Шехану в переносицу. Он упал навзничь и остался лежать с широко раскрытыми глазами. Лоб был залит кровью, белая полоска зубов поблескивала в электрическом свете.

— Кель домаж!

Шехан был отличным малым. Какая обида! Вместо вечной жизни ему досталось лишь восклицание — «Как жаль!» Но он сам виноват — много храбрости, мало осторожности.

Подскочил Когсвел, присоединил взрыватель и быстро ринулся прочь, разматывая кабель. К счастью, Шехан успел закончить с взрывчаткой, это дало им несколько секунд выигрыша. Здесь все решала внезапность и быстрота. Выигранные или потерянные мгновения означали успех или провал.

Сирано оттащил тело под лестницу, положив

вдоль переборки, и осторожно прикрыл веками незрячие глаза Шехана. Отсюда он не видел Когсвела, но знал, что тот сейчас подсоединяет конец кабеля к батарее. Стоит повернуть рубильник, и…

Грохнул взрыв, клубы едкого дыма заполнили коридор. Полуоглушенный, почти ослепший Сирано скользнул вдоль стены, нашарил выщербленную притолоку и метнулся в каюту. Мгновенно упав на пол, француз откатился в сторону, оказавшись у ножек высокой кровати. Она не пустовала; вопли лежавшей в ней женщины могли, казалось, просверлить в черепе дыру. Но где же Джон Ланкастер?

Раздался выстрел. В дыму перед глазами Сирано мелькнула короткая яркая вспышка. Он вскочил на ноги и прыгнул вперед, вцепившись, словно клещами, в толстые обнаженные плечи. Яростно засопев, человек попытался вывернуться, его кулаки замолотили по голове Сирано — впрочем, без особого успеха. Француз прижал к его горлу острие кинжала:

— Только шевельнись — перережу глотку!

Никакого ответа. Что с этим типом? Оцепенел от ужаса или просто дурачит ему голову? Свободной рукой Сирано провел по шее, подбородку и

губам мужчины — дыхание было едва заметным. А-а! Он в обмороке! Вероятно, ударился головой о спинку кровати и потерял сознание.

Сирано выпрямился, провел рукой по стене, нащупал выключатель. Вспыхнувшие под потолком лампы осветили просторную, роскошно обставленную комнату. Дым развеялся, и он увидел хорошенькую обнаженную женщину, в ужасе замершую посреди постели. Она уже не кричала, но, прижав к губам ладонь, со страхом уставилась на него огромными голубыми глазами.

— Прикройтесь покрывалом, сударыня, и не шевелитесь. Вам ничего не грозит — Бержерак не воюет с женщинами.

Лежавший на полу рыжеватый человек был небольшого роста, но плотного и мускулистого сложения. Неподвижно устремив в одну точку взгляд, он что-то невнятно пробормотал. Похоже, сейчас придет в себя. Сирано обернулся и только теперь понял, в кого Джон разрядил свой пистолет. Хойджес лежал на спине с развороченной пулей грудью.

— Черт побери!

По-видимому, парень проскользнул в дверь сразу за ним, и Джон, разглядев в дыму лишь один силуэт, выпалил с трех ярдов.

Итак, Шехан и Хойджес мертвы. Где же трое остальных? Почему они медлят?

А, наконец-то — Когсвел и Пропп появились на пороге.

Вдруг его словно что-то ударило, швырнуло на пол, придавив к лакированным дубовым доскам. Он лежал лицом вниз, в ушах звенело, огромные невидимые ладони то сжимали, то растягивали череп словно меха аккордеона. Тяжелые клубы дыма заполнили каюту, и Сирано зашелся в тяжелом кашле.

Спустя некоторое время он нашел в себе силы встать на колени, потом поднялся на ноги. Вероятно, в коридоре взорвалась граната. Кто метнул ее? Вахтенные из рубки?

С Когсвелом и Проппом все кончено. И он сам, Савиньен де Сирано де Бержерак, был на волосок от смерти.

Он увидел, что Джон стоит на коленях, раскачиваясь из стороны в сторону; помутневшие глаза были широко раскрыты. Пистолет лежал рядом с его рукой, но, казалось, он не сознает этого. Нужно торопиться; Ланкастеры — живучая порода!

Сирано выхватил из ножен шпагу и обрушил клинок на голову Джона. Тот рухнул навзничь и замер.

Женщина лежала ничком в постели, зажимая уши ладонями. Ее плечи мелко тряслись.

Сирано начал пробираться к выходу сквозь слепящий дым и споткнулся о тело Проппа. Он обошел труп и остановился у дверного проема. Слух вернулся к нему, и теперь он различил слабые отзвуки далекой стрельбы. Опустившись на колени, Сирано замер на мгновение; в голове гудели, бились медные колокола. Дым вытягивался из коридора в распахнутый люк, темными клубами скользил над трапом. На нижней его ступеньке неподвижно распластался человек. Кто-то из людей Джона? Сирано не видел его лица. В дальнем конце коридора двое парней, прижавшись к стенам, палили вверх. Он узнал их — Стьюртевен и Велкас. По трапу спустились двое десантников — Риган и Синг, их лица были темными от гари. Они должны были очистить рулевую рубку, а затем прийти на помощь группе захвата. Сейчас их помощь оказалась весьма кстати.

Махнув рукой, Сирано подозвал парней к себе; они вошли в каюту и подхватили обмякшее тело Джона. Женщина по-прежнему лежала в постели, уткнувшись лицом в подушку и тихо всхлипывая. Сирано вложил шпагу в ножны и последовал

за десантниками.

Ни Велкаса, ни Стьюртевена уже не было в коридоре; они сделали свое дело — расчистили путь для отступления. Риган и гигант Синг, тащившие Джона, ступили на трап.

Внезапно Сирано увидел Велкаса; тот мчался к нему, что-то выкрикивая на бегу. Приблизившись, он уже внятно доложил, что несколько человек из команды судна сумели пробраться к пушке, но их можно подстрелить с тыла — из каюты Джона.

Они вернулись в каюту и выглянули в иллюминатор. Справа на взлетной площадке виднелся поворотный круг, над ним торчал ствол парового орудия. За его щитом скорчились два человека; навалившись на массивную станину, они разворачивали пушку в сторону вертолета.

Стьюртевен и те двое, что несли Джона, показались на палубе; они бежали к вертолету и были сейчас прямо на линии выстрела.

Сирано открыл иллюминатор, опер о кромку ствол своего пистолета и выстрелил. Оружие Велкаса грохнуло над ухом. Они стреляли, не переставая, полностью опустошив обоймы. На таком расстоянии из «Марка-4» было трудно поразить цель, да еще при стрельбе пластиковыми

пулями шестьдесят девятого калибра, что приводило к сильнейшей отдаче.

Два первых залпа никого не задели. При третьем один из канониров повалился на бок; второй занял его место, но чуть позже тоже упал. Вероятно, их поразили не пули, а осколки пластмассы, рикошетировавшие от щита.

Стьюртевен и двое с телом Джона уже добрались до середины палубы. Над площадкой крутились лопасти вертолета — Бойнтон был готов взлететь. Сирано видел медленное вращение пропеллеров, но не слышал ничего — вой сирен перекрывал все звуки.

Схватив за руку Велкаса, француз притянул его к себе и крикнул, чтобы тот добрался до пушки и никого к ней не подпускал. Из люка в дальнем конце палубы появилась группа вооруженных людей. Велкас кивнул и скрылся за дверью.

Сирано вновь выглянул в иллюминатор. Где же его люди, которые должны были заминировать машинное отделение и погреб с боеприпасами? Что с ними? Удалось ли им выполнить задачу, или их атаковали, и они не могут прорваться на палубу?

Француз выскочил из каюты и побежал вверх по трапу в рулевую рубку. В ней валялись три

мертвых тела — один десантник, двое — люди Джона. Лампы бросали яркий свет на мертвенно бледные лица, остекленевшие глаза, приоткрытые рты.

Он отключил сирены и кинул взгляд сквозь ветровое стекло. На носу никого не было, лишь в дальнем конце палубы распростерлось несколько тел.

Судно стояло в длинном и узком заливе — удачная находка на Реке, где редко встречались большие заводи. Здесь оборудовали док; по-видимому, капитан решил предоставить команде долгий отдых и заодно отремонтировать судно. В конце концов, не важно, почему Джон решил тут пришвартоваться; в результате отряду Сирано выпала редкая удача — они атаковали почти пустой корабль, без команды, лишь с вахтенными да несколькими офицерами. Сам Джон пребывал на борту, желая спокойно вкусить от радостей любви, но, похоже, он просчитался.

На берегу царила суматоха. Люди выскакивали из хижин и мчались к доку. Сирано не сомневался, что это были, в основном, члены экипажа «Рекса» — почти у всех в руках сверкали стальные клинки.

В план атаки не входил полный захват судна,

но сейчас обстоятельства этому благоприятствовали. Однако следовало торопиться. С минуты на минуту толпа с берега могла хлынуть на борт «Рекса» и разделаться с остатками десантного отряда.

Сирано сел в кресло рулевого, отжал рубильник пуска двигателей и довольно усмехнулся, увидев вспыхнувший на пульте сигнал готовности. До этой минуты он не был уверен в том, что «Рекс» способен тронуться с места. Плохо, конечно, что его парни не успели отдать швартовы — но у корабля мощнейшие двигатели, они как-нибудь справятся с канатами.

Сирано двинул правую и левую ручки длинных рычагов, и гребные колеса завертелись. Судно дрогнуло, но колеса вращались еще слишком медленно, чтобы порвать тросы. Тогда он оттянул рычаги до предела, и лопасти колес начали бешено взбивать воду. Толстые канаты мгновенно натянулись, но не лопнули, а потащили за собой вертикальные сваи дока. Какой-то миг прочные крепления еще держали причал; толпа на нем заметалась и бросилась врассыпную, многие стали прыгать в узкую щель между судном и стенкой дока. С раздирающим уши скрежетом и треском сваи рухнули, за ними последовала

передняя часть дока, подминая под себя людей. Лишь одному из них удалось перепрыгнуть на палубу судна.

Задним ходом «Рекс» медленно удалялся от берега, таща за собой сваи, привязанные к концам мощных тросов. Сирано расхохотался во все горло, нажал кнопку, и неистовый рев гудка глумливо понесся над Рекой.

— Ну, как тебе это нравится, Джон? — орал он. — Украли не только тебя, но и твое судно! Ну, теперь мы расквитаемся за все!

Он нажал пусковую кнопку переднего хода, и громадное судно двинулось вниз по Реке. Направив его по течению, Сирано включил автопилот. Гидролокаторы показывали глубину потока и дистанцию до обоих берегов. Теперь требовалось лишь одно — держать курс точно по середине Реки, избегая аварийных ситуаций.

Мужчина, прыгнувший с дока на судно, быстро исчез с нижней палубы. Вскоре он поднялся по трапу наверх. Очевидно, он хотел попасть в рулевую рубку.

В этот момент дождь прекратился.

Сирано выглянул за дверь и разрядил пистолет в человека, бегущего по палубе. Тот скрылся за выступом надстройки; затем, высунув голову,

выстрелил в Бержерака. Пуля застряла в ступеньке трапа.

Француз повернулся и бросил взгляд назад. Вертолет стоял на взлетной площадке, Джон и три десантника уже находились внутри, еще четверо из его отряда бежали по палубе к рубке. Он опустил заднее стекло и махнул им рукой. Люди остановились, на их потных грязных лицах расцвели улыбки. Помахав ему в ответ, они повернули обратно к вертолету.

В дальнем конце взлетной палубы за крышкой люка засела группа, продолжавшая вести огонь по машине. Но им приходилось стрелять против ветра, и пластиковые пули падали на палубу, не достигая цели. Сирано не видел стрелков, но ему показалось, что их не более трех-четырех человек. Вероятно, в машинном отделении и на нижних палубах было еще десятка полтора.

Вдруг судно задрожало. Огромный столб дыма взметнулся неподалеку от рулевой рубки, и сразу же грохнул второй, более мощный взрыв у правого борта. В воздух полетели деревянные обломки. Они дождем падали обратно на палубу, на вертолет, в воду. Когда рассеялся дым, рядом с правым гребным колесом открылась огромная дыра.

Сигнальные лампочки потухли, но сработала

аварийная система, и пульт вновь ожил. Однако двигатели заглохли; судно начало медленно разворачиваться носом к правому берегу. Сейчас оно ляжет в дрейф, но пока это ничем не грозит. Течение пронесет корабль много миль, прежде чем он врежется в берег.

Стьюртевен вышел из вертолета, жестами показывая Сирано, чтобы он поторопился.

У правого борта верхней палубы появилось четверо десантников; еще двое поднимались снизу по трапу. Сирано разразился ругательствами. Неужели из команды подрывников выжили только они?

Дым взрыва поднимался из люка, откуда стреляли по вертолету. Сирано увидел, как упал один из его людей, и сразу же раздался залп заградительного огня. Под его прикрытием двое подхватили упавшего и оттащили в сторону. Один из них тоже упал. Его подняли двое других. Кто-то из парней был ранен и ковылял, опираясь на плечо товарища; тот, сгибаясь под тяжестью, тянул его к вертолету.

Сирано выглянул с другой стороны рубки. Этот настырный тип, прыгнувший с дока на борт, уже был совсем рядом. Сунув за пояс разряженный пистолет, француз потянул шпагу. Внезапно он

уловил какое-то движение на ступеньках ведущего в рубку трапа. Кажется, один из его парней… из тех, кого он счел мертвыми.

Сирано не колебался ни секунды. Да, он получил приказ бросить убитых, но никто не говорил, что можно оставлять раненых! Он бы посчитал это подлостью!

Француз стремительно ринулся по трапу, перескакивая через несколько ступенек, съезжая на руках по поручням. Он приподнял Тсаукаса за плечи, голова парня упала, он дернулся.

Сирано стоял перед ним на коленях.

— Не волнуйтесь, мой друг, я с вами!

Тсаукас захрипел и опрокинулся в лужу крови.

— Мордье! Черт побери!

Он пощупал пульс.

— О, дьявол!

Парень был мертв. Но неподалеку лежало двое других… может быть, они… Но бросив на тела беглый взгляд, он понял, что ошибся, — жизнь в них уже не теплилась.

Сирано встал, его рука потянулась к кобуре. Этот шустрый парень добрался и сюда! Храбрец, вероятно, но слишком назойливый. Почему бы ему не прыгнуть в воду и уберечь Сирано от греха убийства?

— А-а-а-а!

Обойма пуста, он же забыл зарядить пистолет! И нет времени схватить другой, оброненный мертвецом… Ладно, ему хватит шпаги, чтобы прикончить этого наглеца. Придется Бойнтону подождать еще немного.

— Ан гардэ! Защищайтесь!

Противник был ниже его, но жилистый и плотный, как рукоять боевой секиры, широкоплечий, с сильными мускулистыми руками. Лицом он походил на арабского корсара — резкие черты, тонкие губы, быстрый взгляд темных глаз, хищный оскал…

Сильные запястья, подумал Сирано, с такими он стал бы прекрасным саблистом. Правда, к силе еще нужна и голова. А вот на рапирах ему не фехтовать. Тут главное быстрота, а не мощный удар.

Но уже после первых секунд схватки француз понял, что никогда не встречался с подобным противником. Его удары, выпады и уколы парировались блестяще. К счастью, парень не обладал достаточной реакцией, но Сирано было ясно, что он встретил настоящего мастера. К тому же, наглец сохранял полное самообладание и бесстрашно улыбался, прикрывая маской лихого удальца точный расчет; малейший промах гро-

зил французу смертью.

Время работало на этого смуглого человека. Ему некуда было торопиться — он мог фехтовать бесконечно, а Сирано следовало спешить к вертолету. Конечно, Бойнтон знал, что он жив; пилот видел его только что в окне рубки. Станет ли он ждать или решит, что Сирано мертв? Улетит ли он или пошлет кого-нибудь на розыски? Раздумывать было некогда. Этот парень отбивал все его выпады, упорно загоняя в угол. Клинки с лязгом скрещивались, сверкала сталь.

А! Он сменил ритм! Однажды выбранная ритмичность давала противнику возможность установить определенную последовательность ударов. При ее нарушении даже опытный фехтовальщик может замешкаться и пропустить очередной выпад.

Кажется, он все еще недооценивал этого типа. Ему пришлось прибегнуть к двойному финту клинком, и лишь этот маневр спас его от серьезной раны — только кончик лезвия задел правую руку Сирано. Он шагнул назад и сделал выпад. Противник отбил удар, но с трудом, — на его руке тоже проступила кровь.

— Вам принадлежит честь первой крови, — произнес Сирано на эсперанто. — Несомненно,

большой успех для вас. Со мной такого еще никому не удавалось.

Вступать в разговор во время поединка с риском потерять дыхание — чистый идиотизм. Но Сирано хотел узнать, кто его соперник. Такие мастера не рождаются каждый день.

— Как вас зовут?

Смуглый человек не ответил. Возможно, он считал, что его клинок скажет сам за себя. Он острее, чем язык рыночной торговки.

— Обо мне вы могли слышать — Савиньен де Сирано де Бержерак.

Усмешка соперника стала еще свирепей, и он усилил натиск. Громкое имя не произвело на него впечатления. Он не желал тратить времени на пустую болтовню. Впрочем, весьма возможно, он никогда и не слышал имени Сирано де Бержерака.

Внезапно с палубы долетел чей-то крик. То ли звук отвлек внимание противника, то ли его все-таки потрясло громкое имя врага, но на миг он приоткрылся. Приемом Жарнака Сирано всадил ему клинок в бедро и получил в ответ чувствительный укол в предплечье. Шпага выпала у него из рук, и в тот же момент противник рухнул лицом вниз. Он попытался приподняться, но кровь

заливала ему ноги.

Услышав грохот шагов, Сирано резко обернулся. К нему бежали Стьюртевен и Кейбел, с пистолетами наготове.

— Не стрелять! — закричал он.

Оба остановились, держа незнакомца под прицелом. Левой рукой Сирано поднял свою шпагу. Правая мучительно ныла, кровь хлестала, как вино из пробитой бочки.

— Если бы нас не прервали, матч мог кончится по-иному, — сказал Сирано.

Лежащий человек, по-видимому, испытывал сильную боль, но лицо его не дрогнуло. Темные глаза горели зловещим огнем, и Сирано казалось, что перед ним поверженный дьявол.

— Бросьте вашу шпагу, сэр, я перевяжу вашу рану.

— Пошел ты к черту!

— Прекрасно, сэр. Тогда желаю вам скорейшего выздоровления.

— Пошли, Сирано, — позвал его Кейбел.

Впервые Сирано явственно услышал выстрел — он долетел с кормы, из люка. Корабельная команда вновь пробивала себе путь к вертолету.

— Они уже предприняли несколько атак, — продолжал Кейбел. — Нам придется бежать к

вертолету под обстрелом.

— Ну что же, Ричард, — Сирано показал на рацию, висевшую на поясе Стьюртевена, — почему бы вам, мой друг, не вызвать Бойнтона сюда? Мы спокойно поднимемся в машину.

— Точно! Мне надо было и самому догадаться!

Куском ткани, отодранной от полы, Кейбел перевязал раненую руку французу. У лежавшего на полу незнакомца смуглое лицо выцветало, серело; широко раскрытые глаза тускнели, утратив выражение свирепости.

Рядом с ними на палубу сел вертолет. Прежде чем подняться в кабину, Сирано шагнул к своему поверженному сопернику и наступил на его шпагу, опасаясь, что тот схватится за оружие. Но он даже не шевельнулся, пока Сирано наскоро бинтовал его рану. — Скоро здесь будут ваши и сделают все, как следует… Я могу оказать вам лишь первую помощь… — Сирано задыхался от усилий.

Он подошел к вертолету, влез в кабину и тяжело опустился на ближайшее сиденье. Бойнтон резко поднял аппарат, не успев даже захлопнуть люк, и начал разворачивать его к верховьям. Позади Сирано полулежал в кресле совершенно голый Джон.

— Прикройте его. И свяжите руки и ноги, — приказал француз.

Он посмотрел на корабль. По посадочной палубе металось человек двадцать. Откуда они взялись? Люди беспорядочно палили вверх, огоньки выстрелов вспыхивали светящимися облачками, но причинить вред не могли — вертолет уже поднялся ярдов на тридцать. Интересно, догадывались ли они, что их капитан здесь, в кабине?

Что-то сильно ударило его по затылку. Он осел в кресле, погружаясь в серую муть беспамятства, едва различая чьи-то голоса, крики… Перед ним поплыли странные, искаженные образы прошлого: уродливое лицо его школьного учителя, смутный силуэт деревенского кюре. Этот грубый мужлан поколачивал своих учеников, прикладывался палкой и к его спине. Лет в двенадцать Сирано, придя в неистовство, напал на священника, свалил с ног и отдубасил его же собственной палкой… Раздувшиеся, гротескно искаженные лица надвигались и уплывали. Понемногу он стал приходить в себя и расслышал крики.

— Невероятно! Он сумел удрать! — голос Бойнтона.

— Он врезал мне, локтем под ребра, а Сира-

но стукнул по голове, — взволнованно частил Кейбел.

Вертолет повернулся, слегка накренившись, и Сирано разглядел сквозь открытую дверцу судно. Отблески бортовых огней скользнули по палубе, осветив распластанное обнаженное тело короля. Он молотил кулаками по настилу, пытаясь приподняться. Эта картина промелькнула мимолетным кадром, и все скрылось во мгле.

— Ему не выжить! — воскликнул Бойнтон. — Любой, свалившись с высоты ста футов, переломает все кости!

Повернуть назад, чтобы убедиться в его смерти, слишком рискованно. Их противники могли пустить в ход не только пистолеты, но и ракетные установки, а их снаряды были опасны на любой высоте.

Бойнтон, однако, оказался парнем не из пугливых. Разъяренный исчезновением пленника, он вновь повернул к судну. Не долетев сотни ярдов до кормы, вертолет завис в воздухе. Правую ракетную батарею охватило пламя, над ней взвивались клубы дыма. Палуба была завалена телами, и частями деревянной обшивки.

— С ними покончено! — выдохнул Бойнтон.

— Может быть, разнести их подчистую? — пред-

ложил Стьюртевен.

— Чем? Пулеметами? — спросил Сирано. — Нет, лучше убраться отсюда. Если выжил хоть один из команды, он может пустить в ход оставшуюся целой ракетную установку и разнести нас. Мы и так провалили дело.

— Не согласен, — возразил Бойнтон. — Да, мы не можем забрать труп Джона, но он же мертв! И корабль поврежден так, что восстановить его непросто.

— Вы полагаете, Джон умер? — усмехнулся Сирано. — Хочется верить… Но я не стал бы делать рискованных утверждений, пока не увижу его останки собственными глазами.

67

Чертыхаясь и скрипя зубами от боли, пятеро на «Жюле Верне» осматривали раны друг друга. У троих были повреждены ребра; трещины или переломы — сказать мог только врач. Фригейт отделался растяжением мышц. Фарингтон и Райдер ощупывали свои окровавленные носы, к тому же у Мартина мучительно ныло колено. Погас проехал лицом по полу; у него была сорвана кожа на лбу, и рана сильно кровоточила. Один Нур остался невредим.

Но у них не было времени привести себя в порядок — взлетевший вверх шар то относило к Реке, то снова бросало к горам. Грозовые тучи исчезали со скоростью удирающего от полиции громилы. К счастью, система освещения аэростата не пострадала, и Мартин принялся осматривать приборы. Нур, вооружившись фонарем, проверил все патрубки, обмазывая их герметизирующей пастой. Вновь осмотрев их сквозь лупу, он сообщил, что утечки газа нет — пузырьки в соединениях не показывались.

Фарингтон отнесся к его словам скептически.

— Ну да! Слишком уж нам везет! Вот сядем и вы-

пустим газ, тогда и поглядим, как обстоят дела.

— Мы останемся в воздухе до тех пор, пока шар сохраняет подъемную силу, — возразил Фригейт. — Не думаю, что нам удастся сесть, пока нас несет северный ветер. К тому же при посадке мы рискуем потерять аэростат — кто знает, как к нему отнесутся местные жители. Стоит попасть к каким-нибудь дикарям, и наша песенка спета.

«Жюль Верн» летел над долиной, ветер нес его на северо-восток. Они продолжали подниматься. Фригейт, встав на вахту, сверился с альтиметром, — шар достиг шестнадцати тысяч футов. Чтобы прекратить подъем, он стал понемногу выпускать из оболочки водород. Аэростат резко пошел вниз, и ему пришлось включить горелку. Им нужно было удержаться на высоте шести-семи тысяч футов; это давало возможность экономить газ и минимально пользоваться горелкой.

Хотя Фригейта сильно мучили боли в шее и плече, он чувствовал себя счастливым. Им удалось взлететь и вырваться из туч! Поистине счастливое спасение! Судьба оказалась благосклонной к воздушным странникам.

Стоя у нагревательной колонки в холодном свете звезд и отблесках лампочек, едва тлевших над шкалами приборов, Фригейт вдруг с пронзитель-

ной остротой ощутил их безмерное одиночество в темных небесах этого мира. Но переполнявшая его радость была сильней. Аэростат, творение его рук и ума, уже преодолел три тысячи миль — на Земле это считалось бы рекордом.

Подумать только — такое путешествие совершено пятью неопытными любителями! Кроме него, никто из них не поднимался в воздух, да и он сам… Если говорить откровенно, семьдесят часов, которые он налетал на воздушных шарах за свою прошлую жизнь, не сделали из него ветерана аэронавтики. Тут он уже провел в воздухе больше времени, чем прежде, на родной планете.

Команда, совершившая подобный перелет, на Земле вошла бы в анналы воздухоплавания. Там их ожидала бы слава — интервью, банкеты, лекции и, как заключительный апофеоз, книги воспоминаний, фильмы… Да, там им воздали бы королевские почести!

Но здесь о них узнают немногие, и большинство из них даже не поверит в случившееся. А если им суждено погибнуть, то и те, кто мог бы поверить, останутся в неведении.

Он открыл дверцу. В небе сверкали звезды, внизу змеей извивалась Река. Молчали звезды, молчала Река — все замерло, застыло, как уста

мертвеца. Какое мрачное сравнение! Ну, хорошо, — как крылья бабочки!

В памяти всплыли картины летних дней на Земле в пору его детства. Зеленеющие поля, темные бугристые стволы дубов и вязов, пестрые цветы их сада... Особенно был хорош подсолнечник — высокий желтый подсолнечник! А пение птиц! А вкусные запахи, наполнявшие кухню — ростбиф, мамин вишневый пирог! А папина игра на рояле!

Он вспомнил одну из любимых песенок отца. Прошло без малого сто лет — Боже, какая тьма времени! — но звуки музыки и низкий баритон до сих пор звучали у него в ушах. В его душе разгорался свет, подобный отблеску далекой звезды, манящей к неясной, но столь желанной цели.

Звезда вечерняя в высоких небесах,
Какой покой в твоих серебряных лучах,
Когда стремишься ты неведомо куда,
Звезда вечерняя, блаженная звезда,
Сияй, сияй, звезда божественной любви!
И наши души оживи и обнови
Мечтой любви, чтобы с тобой взойти туда,

Звезда вечерняя, блаженная звезда.[13]

Внезапно он разразился слезами. Он оплакивал все бывшее и несбывшееся, светлые и темные страницы своей жизни, — все, что случилось, и все, чего не должно было случиться.

Осушив слезы, Фригейт принялся за дело — проверил показания приборов и разбудил маленького мавра. Нур сменил его на вахте. Питер завернулся в покрывало, но боли в шее и спине не давали покоя. После напрасных попыток уснуть, он окликнул Нура. Они вступили в беседу, которая шла между ними годами — денно и нощно.

[13] notes: 13
Дж. Сейлз, пер. О.Седаковой

68

— В некоторых аспектах, — говорил Нур, — Церковь Второго Шанса и учение суфи совпадают. Сторонников Церкви, однако, подводит терминология — часто в понятия суфизма они вкладывают совсем другое содержание.

— Конечно, цель сторонников Церкви и суфиев — одна. Если отвлечься от разного понимания терминов, то можно сказать, что те и другие стремятся к поглощению индивидуальной личности Мировой Душой. Это может быть Аллах, Бог, Создатель — называйте Его как хотите.

— Означает ли это уничтожение человеческой личности?

— Нет, лишь поглощение. Уничтожение есть разрушение. При поглощении же душа индивидуума, его «ка» или «брахман», становится частью всеобщей Мировой Души.

— Значит ли, что в этом случае личность утрачивает самосознание, собственную индивидуальность, что она теряет представление о собственном «я»?

— Да, но она становится частью Высшего «Я». Разве можно сравнивать утрату осознания себя

как личности с приобщением к Божественной Душе?

— Меня это ужасает… По-моему, это — смерть. Если ты больше себя не осознаешь, значит, ты умер. Нет, не могу понять, почему буддисты, индуисты, суфии и Церковь считают это желанной целью.

— Вы правы, без самосознания человек мертв. Но если бы вам удалось испытать восторг, который ощущают суфии на каждом этапе самосовершенствования, вы отнеслись бы к этому иначе.

— Да, пожалуй, — согласился Фригейт. — У меня был опыт мистических откровений. Даже трижды.

— Впервые это случилось со мной в возрасте двадцати шести лет. Я работал на сталелитейном заводе, в литейном цехе. Кран подавал туда стальные болванки — прямо из форм плавильных печей. После обдирки охлажденные болванки поступали в чаны, где они повторно нагревались, и затем шли в прокат. Я работал у чанов и воображал, что болванки — это спасенные души, затерянные до того в пламени чистилища. Их калили в этом пламени, потом бросали под прессы, где им придавалась форма, угодная небесам. На прокатном стане их обжимали, выдавливая всю

грязь, все вредные примеси. Оттуда они выходили с новой, очищенной душой…

— Вы понимаете меня, Нур, правда? Так вот, однажды я стоял у огромной раскрытой двери цеха и глазел на заводской двор. Не помню, о чем я тогда размышлял. Возможно, о том, что на мою долю выпала тяжкая работа в чудовищной жаре, да еще за столь мизерную плату. А, может быть, о своем намерении стать преуспевающим писателем. У меня не приняли еще ни одной вещи, хотя многие издатели отзывались о них одобрительно. Например, Вит Барнет, владелец «Сториз», дважды был готов взять мои рассказы, но оба раза его отговорила жена. Этот журнал считался весьма престижным, но платил ничтожные гонорары.

— Итак, я разглядывал немыслимо уродливый двор, вид которого никоим образом не способствовал возвышенным мыслям или мистическому экстазу; скорее, я был подавлен. Меня приводило в уныние все: теснившиеся на подъездных путях платформы, темная металлическая пыль, покрывшая и механизмы, и здания, огромные печи, едкий запах дыма, стелющегося по земле. И вдруг в одно мгновение все изменилось. Нет, все оставалось таким же серым и безобразным, таким же уродливым, однако…

— Каким-то образом я внезапно ощутил, что мир, Вселенная устроены правильно и разумно. И все, что было и будет, — тоже разумно. В моем видении произошел некий перелом, сдвиг. Сейчас я постараюсь объяснить вам… Мне всегда представлялось, что мир — это бесконечность стеклянных кирпичиков. Их едва можно разглядеть… Я видел лишь их грани, но как-то смутно… только чуть заметные призрачные контуры.

— Обычно я воспринимал эти кирпичики в виде искривленной стены — словно Бог, сложивший ее, был под хмельком. Но сейчас я увидел, что кирпичи сдвинулись и поверхность кладки стала ровной. Вселенная не выглядела больше наспех построенным зданием, способным вызвать у зрителя лишь осуждение.

— Я был вне себя от счастья. Мне удалось, пусть на миг, заглянуть в основы мироздания, проникнуть сквозь внешний слой штукатурки, небрежно нанесенной на стены, и увидеть их гладкими и ровными.

— Теперь я знал, что мир устроен стройно и разумно, что у меня есть в нем свое место. Оно определено точно и правильно. Да, я — живое существо, но я еще и один из кирпичиков, что лежит на уготованном ему месте. Вернее сказать,

я осознал себя на своем месте. До этого мне казалось, что я так и не нашел его… что я выбиваюсь из стены Мироздания. Да и как могло быть иначе, если все кирпичики сложены в беспорядке? В этом заключалась моя ошибка. Все на свете имеет свое, уготованное ему место… Я был счастлив. Порядок и гармония мира внезапно открылись мне.

— И как долго длилось это ваше состояние? — спросил Нур.

— Несколько минут. Но весь день я чувствовал себя прекрасно! Когда же я снова попытался повторить это… это откровение… ничего не вышло. Я продолжал жить по-прежнему. Мир вновь стал созданием неумелого строителя… вернее — злого обманщика. Но были и еще моменты…

— Другие случаи?

— Да. Второй раз это произошло под воздействием марихуаны. Я все-таки выкурил за свою жизнь полдюжины сигарет с травкой… Это случилось в 1955 году, еще до того, как молодое поколение повсеместно пристрастилось к наркотикам. В те времена марихуану и гашиш потребляли лишь в больших городах и только в богемных компаниях. Ну, еще среди черных и цветных в гетто.

— Мы с женой жили в Пеории, штат Иллинойс,

и встретили там одну супружескую пару, типичных выходцев из Грин Вилледж. Они уговорили меня попробовать марихуану. Мне не хотелось. Я представлял, как нас схватит полиция… потом — скандал, суд, суровый приговор, тюрьма… Что станет с нашими детьми? Но алкоголь добавил мне храбрости, и я предался греху. Делая первые затяжки, я безумно волновался. Но вот это произошло — и ничего страшного не случилось.

— До того вечера — как, впрочем, и потом — я не испытывал тяги к наркотикам. Но в тот раз мир представился мне раствором, насыщенным мельчайшими кристалликами. Вновь произошел какой-то сдвиг в сознании. Кристаллики зашевелились, заметались и начали мало-помалу выстраиваться в определенном порядке, будто ангелы на параде. Но этот порядок был бессмысленным… вернее, не столь разумным, как в первый раз. Я не ощущал в нем своего места — места, казавшегося справедливым и естественным.

— Ну, а третий случай? — заинтересованно спросил Нур.

— Тогда мне уже исполнилось пятьдесят семь. Я был единственным пассажиром воздушного шара, парящем над кукурузными полями Иллинойса. Солнце садилось, яркий свет дня

понемногу тускнел. Мы парили в недвижном воздухе словно на ковре-самолете. Знаете, если в открытой гондоле зажечь свечу, даже при сильном ветре она не погаснет и будет гореть так же ровно, как в наглухо изолированном подземелье…

— Внезапно мне начало казаться, что солнце вновь встает над горизонтом. Все вокруг зажглось ярким слепящим светом — и он исходил от меня! Я превратился в пламя, и мир воспринимал мой свет и тепло. Спустя секунду — может быть, позже, — свет исчез… он не побледнел, не обесцветился, а просто исчез… Но прежнее ощущение вернулось ко мне… то, самое первое… Мне казалось, что мир, разумен и упорядочен, и все, что происходит со мной и любым другим человеком — естественно и закономерно.

— Пилот ничего не заметил. Очевидно, внешне транс никак не проявился… Тот случай был последним, Нур.

— Эти мистические откровения, по-видимому, не имели большого влияния на вашу жизнь? — спросил араб.

— Вы имеете в виду — стал ли я лучше? Нет… Пожалуй, нет.

Нур задумчиво потер лоб.

— Эти эпизоды напоминают мне то, что мы называем «таджали», откровение… Однако они отличаются от истинного таджали, ибо проявились случайно, а не в результате осознанного стремления к самосовершенствованию. Да, у вас были ложные откровения.

— Значит, я не могу испытать настоящего?

— Конечно, можете — и в самых различных формах.

На миг воцарилось молчание. Закутанный в покрывала Фарингтон что-то пробормотал во сне.

Неожиданно Фригейт спросил:

— Нур, меня давно мучает вопрос… не возьмете ли вы меня в ученики?

— Почему же вы не задали его раньше?

— Я боялся отказа.

Вновь молчание. Нур смотрел на альтиметр. Погас заворочался, открыл глаза и потянулся за сигаретой. Он чиркнул зажигалкой, и мелькнувший огонек отбросил странные блики на темную физиономию свази, исказив привычные черты, превратив его лицо в маску священного ястреба, высеченного из черного дерева резцом древнеегипетского скульптора.

— Так что же? — у Фригейта дрогнул голос.

— Однако вы всегда считали, что способны

сами прийти к истине.

— И я никогда не доходил до конца… я был слишком пассивен, меня носило, как воздушный шар. Обычно я принимал жизнь такой, какой она была или представлялась мне. Лишь временами меня охватывала тяга приобщиться к какому-либо учению, доктрине или религии. Но она проходила — рано или поздно, — и я вновь искал желанную цель. Так, день за днем, я плыл по течению, проклиная свою лень.

— Вы пытались достигнуть отрешенности?

— Да… Хотя бы в интеллектуальном отношении… несмотря на обуревавшие меня страсти.

— Чтобы обрести полную отрешенность, нужно освободиться и от эмоций, и от интеллекта, что выглядит нелепо… — Нур помолчал, потом остро взглянул на Фригейта. — Если я возьму вас в ученики, вы окажетесь в моей власти. Готовы ли вы к этому? Например, если я попрошу вас выпрыгнуть из гондолы, вы подчинитесь?

— Нет, черт возьми!

— Но вы должны! Теперь представьте, что я заставляю вас совершить то, что в интеллектуальном и эмоциональном смысле равно такому прыжку… то, что покажется вам умственным или эмоциональным самоубийством…

— Пока вы не скажете, что именно, я не могу ответить.

— Ладно. Я никогда не отдам такой приказ, пока не пойму, что вы готовы его выполнить. Если это когда-нибудь произойдет.

Погас выглянул в дверь.

— Там какой-то свет! Он движется!

Фригейт и Нур подошли к нему. Разбуженные восклицанием свази, Фарингтон и Райдер, вскочив, прильнули к иллюминаторам.

Вдали, высоко в небе, вырисовывался продолговатый силуэт.

— Это дирижабль! — воскликнул Фригейт.

О чудо! Самая необычайная встреча, которая могла произойти в мире Реки!

— По-моему, я вижу носовые огни, — заявил Райдер.

— Он не из Новой Богемии, — уверенно сказал Фригейт.

— Значит, в долине есть еще одно место, где используют металл, — голос Нура был спокоен.

— Если только эта штука не создана Ими, — предположил Мартин. — Однако вряд ли Их аппарат оказался бы похожим на земную конструкцию.

Один из бортовых огней мигал. Присмотрев-

шись, Фригейт произнес:

— Это азбука Морзе!

— Что они сообщают? — спросил Райдер.

— Но я не знаю кода! — Фригейт был в отчаянии.

Нур отошел от двери, вернулся к нагревателю и приоткрыл вентиль. Ничто не нарушало тишины, слышалось лишь тяжелое дыхание людей. Огонек продолжал мигать. На двадцать секунд Нур увеличил пламя горелки, потом вновь шагнул к дверям и, внезапно застыв, бросил: «Тише!» Все с изумлением уставились на него. Мавр склонился над отводными трубками.

— Что такое? — спросил Фарингтон.

— Мне показалось, я услышал шипение, — Нур взглянул на Погаса. — Брось сигарету!

Он приложил ухо к патрубку и замер.

Погас швырнул сигарету на пол и придавил ногой.

69

Пока вертолет возвращался, Джил выслушала по радио отчет Сирано о результатах рейда. Число убитых и жестокость схватки потрясли ее, хотя с самого начала она понимала всю рискованность экспедиции. Всему виной ее мягкотелость… но как иначе они могли получить этот проклятый лазер? Атаковать «Марка Твена» вместо «Рекса»?

Когда вертолет вернулся в ангар, Джил приказала взять курс на юго-запад — туда, где их поджидал Клеменс. Сирано и его люди были в медотсеке на перевязке; затем француз явился с докладом в рулевую рубку. Джил выслушала его подробный рассказ и вызвала по рации судно.

Как она и ожидала, Сэм был вне себя от счастья.

— Значит, вы полагаете, что с Его Мерзейшим Величеством покончено? Вы уверены на сто процентов?

— Не сомневаюсь. Мы сделали то, о чем вы просили. Надеюсь, теперь я получу лазер?

— Можете его забирать. Жду ваш вертолет.

Их прервал голос оператора радара:

— НЛО по правому борту, капитан. Примерно

на нашей высоте.

Клеменс тоже расслышал рапорт.

— Что такое? Что за НЛО?

Джил, не обращая на него внимания, бросила взгляд на экран локатора. Ей показалось, что она видит два объекта, один под другим, но вдруг ей все стало ясно.

— Это воздушный шар! Шар с гондолой!

— Что? Воздушный шар? — взволнованно спросил Клеменс. — Надеюсь, это не Их аппарат?

— Может быть, еще одна экспедиция к Башне? — предположил Сирано. — Наши неведомые соратники?

Джил приказала включить прожектор и просигналить азбукой Морзе следующий текст:

«Здесь дирижабль „Парсефаль“! Здесь дирижабль „Парсефаль“! Назовите себя. Назовите себя».

Тот же текст передали по радио. Никакого ответа.

Джил обратилась к Никитину.

— Курс на воздушный шар. Попробуем взглянуть на него вблизи.

— Да, капитан.

Русский развернул судно на новый курс и вдруг вскрикнул — на панели управления мигала крас-

ная лампочка.

— Люк ангара! Он открывается!

Старший помощник бросился к внутреннему телефону.

— Ангар! Ангар! Здесь Коппенейм! Зачем открыли люк?

Динамик молчал.

Джил нажала кнопку сигнала тревоги. По всему дирижаблю раздался вой сирены.

— Говорит капитан! Говорит капитан! Тревога! Тревога!

Отозвался начальник электронной службы Катамура.

— Капитан, слушаю вас!

— Немедленно направьте людей в ангар. Быстро! Кажется, бежал Торн.

— Вы думаете, это его рук дело? — спросил Сирано.

— Не знаю, но весьма вероятно. Если… если не появился кто-то еще.

Она вызвала медицинский отсек. Там не отвечали.

— Да, это Торн! Дьявол! Говорила же я, что надо спроектировать автоматический запор нижнего люка!

Она быстро распорядилась отправить еще одну

группу — в медицинский отсек.

— Однако, — Сирано с недоумением приподнял брови, — как же он мог сбежать? Еще не оправившись от ран… Его, прикованного в постели, стерегли четверо, и дверь была заперта снаружи… Ничего не понимаю!

— Это не обычный человек! Следовало надеть на него наручники, но мне не хотелось обращаться с ним так жестоко!

— Может быть, вертолет не заправлен?

— Сомневаюсь. Чентес весьма пунктуален.

— Люк открыт полностью, — доложил Никитин, взглянув на пульт.

По внутренней связи донесся голос Грейвса.

— Джил, это Торн…

— Как он умудрился улизнуть? — крикнула Джил.

— Я не все видел… я сидел у себя в каюте. Вдруг услышал шум, какие-то крики, стук упавшего тела. Я вскочил, но Торн был уже у двери, от его лодыжки тянулась разорванная цепь. По-видимому, он голыми руками ухитрился разомкнуть одно звено. Он так меня толкнул, что я ударился о стену и не смог сразу встать. Потом он сорвал с переборки телефон. Представляете — голыми руками! Я попробовал приподняться, и он тут же

связал мне руки ремнем, снятым с кого-то из часовых. Я весь в синяках… Он мог меня придушить как цыпленка…

— В конце концов, я высвободился и выскочил из каюты. Все четверо охранников лежали на полу без сознания. Внутренняя связь повреждена. Дверь была закрыта, ее взломали из коридора. Если бы не помощь наших людей, я до сих пор сидел взаперти. Я тут же бросился к ближайшему телефону.

— Давно он освободился?

— Уже минут двадцать пять.

— Двадцать пять?!

Джил ужаснулась. Что же Торн делал все это время в дирижабле?

— Займитесь ранеными, — коротко приказала она и отключила связь.

— У него был где-то спрятан передатчик, — сказала она Сирано.

— Откуда вы знаете?

— Я не уверена, но он явно что-то искал. Никитин, начинайте снижаться — и побыстрее!

Она услышала голос Катамуры:

— Капитан, вертолет покинул ангар!

Сирано разразился французскими проклятиями.

Никитин включил общую связь и сообщил команде, что судно находится в состоянии опасного маневрирования. Весь личный состав должен позаботиться о собственной безопасности.

— Курс — сорок пять градусов, Никитин, — приказала Джил, — и полный ход!

Дежурный оператор доложил, что на локаторе появилось изображение вертолета. На максимальной скорости он двигался к югу и быстро снижался.

Пол рулевой рубки перекосило, и все поспешно стали пристегиваться ремнями к переборкам и креслам. Джил осталась стоять за спиной Никитина. Ей хотелось самой вести корабль, но даже в экстремальных обстоятельствах правила запрещали сменить пилота. Впрочем, она знала, что этот русский выполнит маневр не хуже ее — он работал четко.

— Если у Торна есть передатчик, — заговорил Сирано, — то он в любой момент пустит его в дело. Мы ничего не успеем предпринять.

Француз был бледен, как полотно, но нашел в себе силы ободряюще улыбнуться Джил.

Джил отвела глаза и посмотрела на приборы. Судно шло параллельно Реке, обходя горы. Долина под ними казалась узкой щелью, которая,

по мере снижения, стремительно раздвигалась. Внизу замерцали огни костров, вокруг которых обычно собиралась прибрежная стража или любители полуночных бдений. Облака рассеялись, над горами мелькнул слабый свет звезд. Следит ли за ними кто-нибудь с равнин и холмов? И если следит, то, наверно, преисполнен ужаса перед громадой, стремительно несущейся с небес…

Но для нее время тянулось бесконечно.

Сирано прав: если Торн собирается взорвать «Парсефаль», он сделает это сейчас. Или… или подождет, когда дирижабль приземлится? Пощадил же он Грейвса и своих стражников!

Поглядывая на экран локатора, она вызвала ангарный отсек. Отозвался Чентес.

— Все разошлись по своим каютам, мэм. Я здесь один.

— Понятно. Тогда быстро расскажите, что произошло.

— Торн ворвался в отсек и наставил на нас пистолет. Потом захлопнул дверь, разбил телефон внутренней связи и сказал, что за порогом — бомба. Если мы дотронемся до двери, она пустит на воздух весь корабль. Мы не поверили, но поначалу рисковать никто не хотел. Потом Катамура открыл дверь из коридора, бомбы там не было.

Торн нас просто запугал. Простите, капитан…

— Вы все сделали правильно, Чентес.

Она велела радисту передать о случившемся на борт «Марка Твена».

На высоте трех тысяч футов она приказала Никитину наклонить винты и приподнять нос дирижабля на три градуса — они шли вниз слишком стремительно. Ее взгляд скользнул по шкалам приборов, и тут же последовал приказ поднять нос еще на семь градусов.

Что делать, что предпринять? Ее мысли метались в поисках выхода, как загнанное в смертельную ловушку стадо оленей.

Посадить дирижабль? Удержаться на якорях не удастся, значит, нужно спускать водород. Но, когда экипаж покинет судно, оно может взлететь… И, если кто-нибудь не успеет выскочить, его унесет…

Может быть, у Торна нет никакого передатчика — как не оказалось бомбы под дверью? Зачем тогда бросать дирижабль?

— Слишком быстро! Спускаемся слишком быстро! — повторял Никитин.

Джил резко наклонилась вперед и нажала кнопку выброса водного балласта. Корабль стремительно взмыл вверх.

— Извините, Никитин, — пробормотала она. — Я не могла ждать.

Локатор показывал, что вертолет летит к северу на высоте тысячи футов. Выжидал ли Торн их дальнейших действий или собирался взорвать заряд после посадки?

Что предпринять? От напряжения у нее заныли зубы. Она была не в силах примириться с мыслью о потере этого красавца — самого мощного, совершенного дирижабля в мире!

И, все-таки, главное — спасение людей.

Винты развернуты до предела, их лопасти вспарывают воздух. С обеих сторон угрожающе дыбятся горы. Внизу повсюду жилища, хрупкие бамбуковые строения, в которых спят люди, не ведая о мелькнувшей в вышине смерти… Если дирижабль рухнет, он раздавит сотни и сотни… Если взорвется — погибнут тысячи…

Джил приказал Никитину вести судно точно над Рекой.

Но что делать дальше?

В ту ночь немного людей бодрствовало на берегах Реки и еще меньше вглядывалось в сияющее звездное небо. Но они увидели там два силуэта, один — значительно больше другого. Меньший состоял из двух слегка сплюснутых шаров —

нижнего и верхнего; более крупный имел форму длинной сигары. Они двигались навстречу друг другу. От меньшего небесного тела исходил слабый свет, от большего — тянулись яркие лучи, то вспыхивающие, то гаснущие через определенные промежутки времени.

Внезапно огромная сигара опустила нос и быстро пошла вниз. Приближаясь к земле, она исторгала странный гул.

Мало кто смог узнать в них воздушный шар или дирижабль. Большинство местных жили и умерли до того, как на Земле появились летательные аппараты; остальные если и видели нечто подобное, то лишь на картинках.

Только ничтожная часть наблюдателей поняла, что находится перед ними.

Однако это чудо вызвало необычайное волнение. Люди побежали будить своих подруг, друзей, соседей. На сторожевой башне ударил сигнал тревоги.

Внезапно в небе появился вертолет — еще одно гудящее фантастическое чудовище — и люди застыли в тревожном недоумении.

Барабаны загрохотали с новой силой. Обитатели равнины и холмов выбегали из хижин, дома опустели. Все стояли, запрокинув головы,

не спуская глаз с трех парящих в вышине объектов, полных неведомой угрозы. Вдруг общий вопль вырвался из тысяч глоток — одно из небесных видений вспыхнуло с протяжным гулом. Пронзительный крик взмыл над Рекой, пока поверженный ангел сверкающим огненным факелом несся вниз.

70

Одеяние Тай Пенга состояло только из листвы железного дерева да ярких цветов, сорванных с лиан. Вздымая левой рукой кружку с вином, он двигался со стремительностью струящегося с холма потока, импровизируя на ходу поэму. Стихи больше годились для чтения при дворе династии Тан; в ушах тех, кто не принадлежал к избранному народу синов, они звучали перестуком костяшек. Для здешних невежд он потом переведет их на эсперанто. Правда, в результате исчезнет множество тонких нюансов и метафор, однако он все равно заставит их смеяться и плакать.

Подруга Тай Пенга — Вен Чин — наигрывала на флейте. Обычно она говорила зычным и скрипучим голосом, но при случае умела его смягчить. На эсперанто ее речь всегда звучала мелодично.

Тай Пенг был достаточно высок для человека своей расы и эпохи (он родился в восьмом веке нашей эры), гибок, но широкоплеч и мускулист. Длинные волосы тускло отсвечивали на солнце. Светло-зеленые глаза сверкали тигриным блеском.

Он был потомком императорской наложницы, но с тех пор прошло уже девять поколений и его ближайшие предки стояли не слишком высоко; говоря откровенно, они были степными ворами и убийцами. Кто-то из его дедов происходил из племени диких кочевников; по-видимому, он и передал Тай Пенгу этот яростный блеск зеленых глаз.

Вместе со своими слушателями поэт расположился на вершине холма, с которого виднелись Река, равнина и горная цепь. Люди сидели полукругом, оставив ему свободное пространство для моциона; Тай Пенг не терпел никаких ограничений и преград. Он страдал, пребывая в четырех стенах, а тюремные засовы приводили его в неистовство.

Половину аудитории составляли выходцы из Китая пятнадцатого века; остальные — случайные пришельцы, перелетные птицы.

Тай Пенг закончил импровизацию и начал читать стихи Чен Цзы Ана. Вначале он обратился к судьбе поэта, который умер за несколько лет до его рождения в тюрьме в возрасте сорока двух лет. Он промотал состояние отца, за что и был осужден местным мандарином.

«Как люди горды уменьем своим лавировать

в бездне дел! Но кто из них ведает судьбы душ и вечные тайны тел? Наивна их вера, что разум всегда откроет истинный путь. Ведь только Тао таит во мгле событий скрытую суть. Укажет дорогу сейчас верней владеющий правдой рок! Но Темных Истин суровый страж не пустит глупцов на порог».[14]

Тай Пенг замолк, осушил кружку и подошел, чтобы наполнить ее вновь. Один из слушателей, чернокожий по имени Том Тярпин, предупредил:

— Вина больше нет. Может быть, сока?

— Нет напитка богов? Но я не желаю вашего варварского питья! От него тупеешь. Бодрит лишь вино.

Он улыбнулся, повернул голову, сверкнув взглядом ищущего подругу тигра, и схватил за руку Вен Чин. Они направились к хижине.

— Когда кончается время вина, наступает время женщины!

В такт его стремительным шагам шелестели сверкающие листья и цветы. Вен Чин с трудом поспевала следом. Он казался фавном, увлекающим нимфу в лесную сень.

---

[14] notes: 14
пер. М.Нахмансона

Люди начали расходиться. Один из них обогнул холм и неторопливо поднялся к своему жилищу. Войдя, он запер дверь и опустил бамбуковые шторы на окнах. Нашарив в полумраке стул, человек опустился на него, откинул крышку своего цилиндра и стал пристально всматриваться внутрь.

Мимо его двери прошла парочка. Мужчина и женщина громко обсуждали событие, случившееся почти месяц назад. Ночью огромное грохочущее чудовище, вылетевшее из-за западных гор, опустилось на поверхность Реки. Смельчаки из местных жителей на лодках направились к нему. Но оно исчезло в воде и больше не показывалось. Никто не успел до него добраться.

Что это было — не дракон ли? Некоторые люди (неверующие выродки девятнадцатого и двадцатого веков) утверждают, что драконы — всего лишь сказка, но любой самый глупый китаец знает — они действительно существуют.

Правда, это могла быть и летающая машина тех существ, которые создали этот мир. Говорят, что люди видели человекообразную фигуру, которая плавала вокруг места, где затонул дракон.

Человек в хижине улыбнулся. Он подумал о Тай Пенге, чье истинное имя было совсем другим.

Тай Пенг означает «Великий Феникс», а на Земле поэт частенько похвалялся, что феникс — его истинная сущность.

Он встретился с Тай Пенгом впервые много лет назад, но тот не подозревает о столь давнем знакомстве.

Человек, сидевший на стуле, произнес пароль, и внутри чаши вспыхнул свет. Комната оставалась в полутьме, но у стенок цилиндра засияли два круга. Они становились все более выпуклыми, превращаясь в полусферы, внутри которых вспыхнули тысячи тонких мерцающих извивающихся линий. Они пересекали крошечные плоские пустые кружочки. Лишь один был заполнен; а он заключал в себе пентаграмму — пятиконечную звезду. Пустые кружки излучали световые точки и штрихи.

Это была карта, но особая, необычная. Зигзагообразные линии обозначали долины, кружочки — людей, мужчин и женщин. Пульсирующие частицы являлись их опознавательными кодами.

Икс отобрал себе двенадцать помощников, как было сказано Клеменсу и Бартону. Но на линиях повторялось двенадцать раз по двенадцать кружков; в целом — сто сорок четыре человека.

Некоторые кружки были собраны в группы.

Другие излучали в одинаковом ритме. Человек долго всматривался, потом произнес кодовую фразу-команду. Внезапно исчезли все кружки, излучавшие три штриха и точку.

Еще одна фраза. У вершины цилиндра возникли два мерцающих знака.

Только семьдесят посвященных остались в живых — меньше половины.

Сколько же их будет через сорок лет? Сколько исчезнет еще раньше?

Однако существовали сотни, тысячи непосвященных, знавших о Башне. Некоторым из них Клеменс рассказал о Таинственном Незнакомце, об Иксе. Тайна раскрыта, и те, кто узнали о ней из чужих уст, будут так же неистово стремиться к ледяным волнам полярного моря.

Он произнес еще одну фразу. Среди кружочков вдруг появились другие символы — треугольники и пентаграммы. Среди них одиноко сияла гексаграмма, шестиконечная звезда. Треугольники обозначали этиков второго ранга, агентов.

Гексаграмма являлась символом Оператора.

Он вновь заговорил. Прямо перед ним, в центре одной из полусфер, появился световой квадрат. Он начал быстро расширяться и вскоре заполнил собой все пространство, занятое тремя звездами

и несколькими кружочками.

Еще одна фраза вызвала появление над квадратом четырех мерцающих ответвлений. Шестиконечная звезда находилась ниже по течению, за много тысяч миль. Итак, Оператор потерпел неудачу на борту «Рекса». Но по Реке движется еще одно судно; правда, оно значительно отстало.

В соседней долине, на востоке, был Ричард Френсис Бартон. Так близко и так далеко! Если бы плоть, подобно духу, обладала способностью проникать сквозь каменную толщу скал, между ними лежал бы лишь день пути.

Несомненно, Бартон был на том судне — «Рекс Грандиссимус». Его кружок очень быстро двигался по линии, ведущей к кораблю.

Оператор… Как же он поведет себя, попав на борт «Марка Твена»? Откроет часть правды Клеменсу? А, может быть, всю правду? Или будет хранить молчание?

Предугадать нельзя. Слишком резко меняется ситуация. Даже компьютер Главного Центра лишь в малой степени способен предугадать будущее.

До сих пор на борту «Рекса» был лишь один агент. В экипаж «Марка Твена» пытались внед-

рить десятерых, но вряд ли хоть один достиг успеха. Скорее всего, там никого нет.

Пятьдесят треугольников находились на линии между «Рексом» и Вироландо.

Из этих шестидесяти ему удалось опознать лишь десятерых. Это верхний эшелон, руководители групп. Весьма вероятно, что он ни с кем из них не столкнется.

Но… если ему не удастся попасть на борт судна?

Он почувствовал приступ дурноты.

Нет, он должен добиться этого во что бы то ни стало. Он должен! Однако, если не заниматься самообманом, он может потерпеть неудачу. Такое уже случалось.

Когда-то он полагал, что может действовать как человек и совершить то, чего человек сделать не в силах. Но он ошибся, и это открытие потрясло его.

Возможно, он слишком долго прожил среди людей Мира Реки. Здесь было много бродяг, которых подталкивала к странствиям извечная любовь к перемене мест. Большинство из них слышали историю Джо Миллера — из сотых уст, искаженную почти до неузнаваемости. Но все они жаждали найти тот канат, который поможет

преодолеть пропасть, а за ним — тропку, что вела по склону ущелья.

Но всего этого уже нет. Нет тоннеля, пробитого в скале, нет тропы, сметенной лавиной…

Он вновь взглянул на световой квадрат, в котором сияли звезды. Близко, слишком близко. В сложившейся ситуации, чреватой любыми неожиданностями, это грозит опасностью.

Кто знает, как все обернется?

До него донесся голос Тай Пенга. Позабавившись со своей женщиной, он покинул хижину и теперь выкрикивал что-то нечленораздельное, обращаясь к небесам. О, сколько шума приносят люди в этот мир, сколько нелепой суматохи!

— Пусть мне не удастся сокрушить богов в вышине, зато я устрою переполох в преисподней!

Его голос становился все громче; по-видимому, он приближался к хижине.

— Я ем как тигр! Я оправляюсь как слон! Я могу выпить триста кружек вина за один присест! У меня три жены, я делил ложе с тысячью женщин! Я всех переиграю на лютне и флейте! Я пишу тысячи бессмертных стихов, но закончив, бросаю в реку и любуюсь, как воды, ветры и духи воздуха поглощают их!

— Вода и цветы! Вода и цветы! Вот что я люблю

больше всего на свете!

— Перемены и недолговечность! Вот что ужасает, ранит и мучает меня!

— Разве перемены несут красоту? Но может ли существовать красота без угасания и смерти?

— Красота остается красотой, пока она обречена на гибель!

— Но так ли это?

— Я, Тай Пенг, однажды вообразил себя текущей рекой, распустившимся цветком. И драконом.

— Цветы и драконы! Драконы и цветы во плоти! Красота жива, пока цветы рождаются и погибают! Цветение становится прахом! Погибают даже драконы! Они расцветают и становятся прахом.

— Белый человек, бледный, как привидение, с голубыми глазами дьявола, однажды сказал мне, что драконы жили в незапамятные времена! В незапамятные, непостижимые умом времена! Но… все они погибли миллионы лет назад, задолго до того, как Нукуа создал из желтой глины первого мужчину и первую женщину!

— Все, что гордится красотой, умирает!

— Вода! Цветы! Драконы!

Голос Тай Пенга затихал, он возвращался к себе. Но до человека в хижине донеслась еще одна сентенция:

— Какой же злодей вернул к жизни нас и наши желания, лишь затем, чтобы умертвить навсегда?

Человек в хижине произнес: «А-а!»

В стихах Тай Пенга много говорилось о краткости жизни мужчин, женщин и цветов, но никогда не упоминалось слово «смерть». Но сейчас он заговорил о ней открыто — и с какой яростью!

Человек в хижине задумался. До сих пор ему казалось, что он счастлив — как только может быть счастлив обитатель этого мира. Он прожил шесть лет в крохотном государстве на берегу Реки, и у него не возникало желания покинуть его.

Готов ли он к этому сейчас?

Такой тип, как Тай Пенг, был бы неплохим спутником в странствиях по Реке. Он напорист, находчив, превосходный фехтовальщик. Если бы только он не докучал своими проповедями!

Что же все-таки может произойти за грядущие десятилетия?

Сейчас, когда он превратился из ткача лишь в ниточку в паутине темных замыслов, ему удастся предсказать немногое: кто-то сумеет добраться до Вироландо, кто-то — нет.

Самые стойкие обнаружат там послание. Некоторые даже расшифруют его. Среди них будут и

избранники Икса, и агенты этиков.

Кому удастся первым добраться до Башни?

Это должен совершить он.

Ему придется пережить все опасности похода. Пожалуй, самая большая из них — неизбежная битва двух грандиозных кораблей. Клеменсу суждено схватиться с королем Джоном, убить его или захватить в плен. Возможно, весьма возможно, что оба судна и их экипажи погибнут.

Какая жестокость! Какое безрассудство!

И все — из-за бешеной жажды мести, которая охватила Клеменса. Как могло это случиться с самым миролюбивым из людей?

Почему ему не объяснили, что это всего лишь детский каприз?

Иногда ему хотелось согласиться со словами, произнесенными Оператором в дурном расположении духа:

«Человечество — кость, застрявшая в глотке Бога».

Но… «С благословения дьявола и лед возгорится!»

Владыка Темных Истин держит нити событий в своих руках.

— Что? Что Это?!

Мерцающие линии и знаки исчезли.

Приоткрыв рот, он несколько секунд всматривался в глубину чаши, потом пробормотал череду коротких команд. Внутренность цилиндра оставалась серой, мертвой.

Он стиснул зубы. Итак… произошло самое страшное. Вышли из строя какие-то элементы в сложнейшем комплексе сателлита! Ничего удивительного… После тысяч лет непрерывного функционирования вся система нуждалась в проверке, но кому это по силам?

Теперь он останется в неведении о судьбах людей. Он слеп и бредет во мраке, окутанный ночным туманом… Внезапно он почувствовал себя будто пилигрим, брошенный на пустынном берегу спутниками… Он стал тенью среди теней…

Какие препятствия ждут его в пути? Что может случиться? О… лишь бы не… Но если это случилось, он должен спешить.

Он встал, распрямил плечи.

Пора отправляться!

Тень среди теней, выпавшая из времени своей реальности…

Как каждый избранник или агент, как каждый живущий в Мире Реки, как каждое разумное существо, он обязан возжечь свой свет.

Да будет так!

Филип Хосе Фармер
Магический лабиринт

Харлану Эллисону, Лесли Фидлеру. Норману Спинреду — самым живым из всех живых

Один лишь ум судья, лишь он способен
Магический осилить Лабиринт...
И там лишь человек увидит слитно,
Что на Земле он видит по частям...

Касиды Хаджи Абду аль-Язди

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

ГЛАВА 1

«Каждому следовало бы бояться только одного человека — самого себя».

Это было любимое изречение Оператора.

Еще Оператор много говорил о любви — мол, того, кого боишься больше всех, надо также очень любить.

Человек, известный некоторым как Икс, или Таинственный Незнакомец, не питал к самому себе ни повышенного страха, ни большой любви.

Было трое человек, которых он любил больше себя и всех остальных.

Он любил свою жену, ныне покойную — но не так глубоко, как двух других.

Свою приемную мать и Оператора он любил с равной силой — по крайней мере, так ему казалось раньше.

Приемная мать находилась за много световых лет от него, и ему пока не нужно было о ней беспокоиться — а возможно, и никогда не при-

дется. Знай она, что он творит, она испытала бы глубокий стыд и горе. Он же горевал от того, что не может объяснить ей, зачем он это делает, и оправдать себя.

Оператора он любил по-прежнему, но в то же время ненавидел.

Теперь Икс ожидал — когда терпеливо, когда нетерпеливо и гневно — легендарного, однако реального парохода. Он пропустил «Рекс грандиссимус», и единственной его надеждой оставался «Марк Твен».

Если он и на этот пароход не попадет… Нет, сама эта мысль была невыносима. Он должен попасть.

Однако, взойдя на борт, он может оказаться в самой большой за всю свою жизнь опасности — не считая одного, самого страшного испытания. Он знал, что Оператор находится в низовьях реки. Грааль показывал ему местонахождение Оператора. Но это была последняя информация, которую Икс получил по карте. Раньше спутник все время следил за Оператором, другими этиками и агентами, передавая их сообщения Граалю Икса, который был не только Граалем. Потом карта исчезла с серой поверхности — тогда Икс понял, что на спутнике что-то разладилось.

Теперь его могли захватить врасплох и Оператор, и агенты, и другие этики.

Это он, Икс, когда-то смонтировал на спутнике тайный механизм для слежки за всеми обитателями башни и подземелий. Они, конечно, тоже следили за ним. Но деформатор ауры надул аппаратуру, и тот же деформатор позволил Иксу лгать Совету двенадцати: теперь Икс стал таким же несведущим и беспомощным, как все остальные.

Между тем если и. есть в этом мире кто-то, кого Клеменс взял бы на борт даже при полном комплекте, то это Оператор. Стоит только взглянуть на него — и Клеменс остановит пароход и возьмет этого человека.

Когда же пароход подойдет и он, Икс, ухитрится стать членом команды, ему придется всячески избегать Оператора, пока не представится случая захватить того врасплох.

Маскировка, достаточно хорошая, чтобы надуть даже других странствующих этиков, тот великий ум не обманет. Оператор сразу узнает Икса, и тогда у Икса не останется никаких шансов. Пусть Икс силен и ловок — Оператор сильнее и ловчее его.

Кроме того, у Оператора будет и психологическое преимущество. Икс, оказавшись лицом

к лицу с любимым и ненавидимым человеком, может замешкаться, и ему недостанет ярости и напора, нужных для атаки.

Так что, каким бы трусливым и низким это ни казалось, придется напасть на Оператора сзади. Икс позволил себе уже много низостей с тех пор, как пошел против других, — сумеет совершить и эту.

Ему с детства внушали отвращение к насилию, но учили и тому, что насилие оправдано, когда твоя жизнь в опасности. Воскресительная энергия, делавшая каждого в Мире Реки практически бессмертным, здесь в расчет не принималась. Теперь воскрешения прекратились, но даже когда они шли своим чередом, Икс должен был принуждать себя к насилию. Что бы там ни говорили его наставники, цель все-таки оправдывает средства. Кроме того, все убитые им умирали не навсегда. Так, по крайней мере, думал Икс. Он не предвидел настоящей ситуации.

Икс жил в бамбуковой, крытой листьями хижине на берегу Реки — на правом, если смотреть против течения. Прожил он здесь недолго.

Теперь он сидел над рекой на густой короткой траве. Вокруг расположились еще человек пятьсот, и все ждали обеда. Раньше здесь собрались

бы все семьсот — но, когда воскрешения прекратились, населения поубавилось. Смертность проистекала в основном от несчастных случаев — зачастую это были столкновения с крушащими лодки и пожирающими людей «речными драконами», — в результате самоубийств и убийств. Когда-то больше всего народу гибло на войне. Но войн в этом районе уже много лет не случалось. Всех потенциальных завоевателей перебили, и теперь уж они не появятся нигде на Реке, чтобы опять сеять смуту.

Сохранению мира способствовало также влияние Церкви Второго Шанса, нихиренитов, суфи и прочих пацифистских религий.

Рядом стоял гриб из гранита с красными вкраплениями. Такие сооружения назывались питающими камнями. Высота ножки составляла пять футов, а диаметр шляпки — футов пятьдесят. На ее поверхности имелось семьсот углублений. В каждом стоял цилиндр из серого металла, преобразующий энергию, подаваемую на питающий камень, в еду, спиртное и прочие блага. Эти контейнеры и кормили огромное население Реки, составлявшее тридцать пять— тридцать шесть биллионов. То, что обеспечивали Граали, можно было дополнить рыбой, желудевым хлебом и

побегами молодого бамбука — но этого было бы недостаточно для прокорма жителей узкой долины, по которой протекала Река длиной десять миллионов миль.

Люди, собравшиеся у камня, болтали, смеялись и дурачились. Икс не разговаривал с соседями, занятый своими мыслями. Ему пришло в голову, что неисправность на спутнике, возможно, проистекает не из естественных причин. Ведь аппаратура, установленная им, была рассчитана на тысячу лет. Может, она отказала оттого, что Пискатор — японец, называвшийся ранее Охара, что-то напортил в башне?

Теоретически Пискатор должен был погибнуть в одной из ловушек, устроенных Иксом, или же попасть в стазисное поле Оператора. Однако Пискатор был суфи, и у него могло хватить ума и проницательности, чтобы избежать западни. Одно то, что он сумел войти в башню, свидетельствовало о его высоком этическом развитии. Больше ни один из пяти миллионов кандидатов, воскрешенных землян, не прошел бы сквозь верхний ход. Икс позаботился только о нижнем, и только двое знали об этом ходе, пока до него не добралась экспедиция древних египтян.

Икс был расстроен и обескуражен, найдя их те-

ла в секретной комнате. Тогда он еще не знал, что один египтянин ушел, утонул и был потом опять перенесен в долину — не знал, пока не услышал рассказа об этом путешествии, дошедшего до Икса в искаженном виде кто знает через сколько рук. До агентов этот рассказ, должно быть, не дошел вовремя а потом уж поздно было передавать его этикам в башне.

Теперь Икса беспокоило то, что, если Пискатор и впрямь случайно повредил механизм слежки, тот же Пискатор мог оживить этиков… а тогда ему. Иксу, конец.

Он смотрел через долину на холмы предгорий, поросшие высокой травой и деревьями, радующие глаз всеми красками цветов «железного» дерева, — а дальше высились неприступные горы, ограждающие долину. Мучимый страхом и досадой, Икс снова впал в гнев, но быстро взял себя в руки с помощью ментальной техники. От этого приступа, он знал, температура его: тела на несколько секунд подскочила до ста градусов Цельсия. Сейчас Икс разрядился и чувствовал некоторое облегчение, но знал, что вскоре гнев снова охватит его. Техника, к сожалению, бессильна подавить сам источник гнева. Иксу никогда его не преодолеть, хотя он и делал вид

перед наставниками, будто одержал над гневом победу.

Икс, заслонив рукой глаза, взглянул на солнце. Через несколько минут «гриб» изрыгнет гром и молнию, как и миллионы других питающих камней на обоих берегах. Икс отодвинулся от камня и зажал пальцами уши. Шум будет оглушительный, а от разряда всегда подскакиваешь, хотя и ждешь его.

Солнце достигло зенита.

Прокатился гром, и засверкали голубовато-белые электровспышки.

На левом берегу, но не на правом.

Однажды камни правого берега уже отказывали. Жители правого берега ждали в тревоге, с растущим страхом, но энергия так и не поступила, и обеда не последовало. Когда же люди не дождались и завтрака, их испуг и беспокойство превратились в панику.

На следующий день голодное население правого берега хлынуло на левый.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА БОРТУ «НЕНАЁМНОГО»

ГЛАВА 2

В первый раз сэр Томас Мэлори умер на Земле, в 1471 году от Рождества Христова.

После Дня Воскрешения сей английский рыцарь пережил несколько ужасных недель, страдая не столько от телесных ран, сколько от душевного потрясения. Впрочем, пищу, которую подавал ему «граалец», он нашел восхитительной. Прямо как в его «Книге о короле Артуре», где Галахад и его сподвижники «вкусили у того стола яств, коих никто из рыцарей еще не вкушал».

Временами Мэлори казалось, что он сошел с ума. Его всегда занимало безумие, состояние, в котором человек приобщается к Богу, отрешаясь от мирских забот и скорбей, не говоря уже о своих собственных. Но у человека, который столько лет просидел на Земле в тюрьме и не Тронулся разумом, голова, должно быть, весьма крепкая. В тюрьме сэра Томаса поддерживало отчасти и то, что он создавал первый английский эпос в

прозе. Он знал, что читатели его будут немногочисленны, да и тем его творение не придется по вкусу, но это ничуть его не беспокоило. В отличие от первого своего труда, который был основан на повестях великих французских авторов о древнебританском короле Артуре, свой новый труд Мэлори посвятил мытарствам и конечной победе сладчайшего Иисуса. Не в пример многим изверившимся христианам Мэлори держался за свою веру, упрямо Отметая все «факты», — что само по себе, если верить его критикам, было признаком безумия.

Дважды убитый уже на Реке свирепыми неверными, Мэлори наконец нашел приют в местности, с одной стороны заселенной парфянами, с другой — англичанами.

Парфяне были нацией древних всадников, известные привычкой пускать стрелы на скаку при отступлении. Отсюда — «парфянская стрела».

Кто-то объяснил Мэлори, что они называются так из-за того, что сражаться с ними было паршиво. Мэлори подозревал, что этот молодчик над ним посмеялся, — а почему бы и нет, раз это остроумно?

Англичане происходили в основном из семнадцатого века и говорили на языке, который

Мэлори понимал с трудом. Но после стольких лет все они овладели также и эсперанто, который миссионеры Церкви Второго Шанса использовали как язык универсального общения. В этой стране, известной ныне как Новая Надежда, царил мир, хотя так было не всегда. Когда-то здесь было множество мелких государств, ведших отчаянные бои со средневековыми германцами и испанцами на севере. Предводителем врагов был Крамер, прозванный Хаммер, Молот. Когда его убили, настали мирные времена, и государства постепенно слились в одно. Мэлори пустил там корни и взял к себе в хижину Филиппу Хобарт, дочь сэра Генри Хобарта. Хотя венчание больше не практиковалось, Мэлори настоял на нем и попросил своего друга, бывшего католического священника, совершить этот старинный обряд. Позднее Мэлори вернул и жену, и священника в католичество.

Он несколько опешил, узнав, что в их краях объявлялся настоящий Иисус Христос вместе с некой еврейкой, знавшей Моисея в Египте и во время Исхода. Иисуса сопровождал также некто Томас Микс, американец, потомок европейцев, эмигрировавших на континент, который был открыт только через двадцать один год после

смерти Мэлори. Но Крамер сжег на костре и Иисуса, и Микса.

Сначала Мэлори отрицал, что человек, называвший себя Иешуа, был истинным Христом. Он мог быть евреем, современником Христа, но не им самим.

Затем Мэлори, собрав все доступные ему сведения о высказываниях Иешуа и о его мученической кончине, пришел к выводу, что это, возможно, все же был истинный Христос. Поэтому Мэлори объединил предания, услышанные от местных жителей, в единый эпос, который и записывал при помощи чернил и пера, сделанного из рыбьей кости, на бамбуковой бумаге. Заодно он решил канонизировать и американца, который стал у него стойким святым Фомой по прозванию «Белая шапка».

Со временем Мэлори и его ученики, забыв, что все жития святых вымышлены, искренне уверовали в то, что святой Фома и вправду странствовал вместе с Господом своим Иисусом по этому миру, который есть чистилище, хотя и не похож на ту обитель между землей и небом, что изображалась когда-то священниками на Земле.

Тот, кто обвенчал Томаса и Филиппу, был на Земле епископом, а стало быть, преемником

святого Петра, и поэтому мог учить других и посвящать их в сан. Однако кучка католиков оставила некоторые свои земные привычки. Они стали терпимыми, не пытались восстановить инквизицию и не сжигали ведьм. Если бы они продолжали придерживаться старых обычаев, их быстро изгнали бы, а то и убили.

Однажды поздней ночью Томас Мэлори лежал без сна, обдумывая очередную главу своего труда. Внезапно снаружи поднялся крик и беготня. Мэлори сел и разбудил Филиппу, испуганную и дрожащую спросонья. Вдвоем они вышли посмотреть, что происходит. Люди показывали на безоблачное небо, где было светло, как в полнолуние, от скопища звезд и от светящихся газовых туманностей.

Высоко на фоне сияющего неба темнели два странных объекта. Один был меньше другого и состоял из двух частей: большой сферы и привеска внизу. Хотя с земли не было видно связи между этими двумя частями, создавалось впечатление, что они все же связаны, поскольку движутся с одинаковой скоростью. Одна женщина, знающая толк в таких вещах, сказала, что это похоже на воздушный шар.

Мэлори таких шаров никогда не видел, но

слышал о них от пришельцев из девятнадцатого и двадцатого веков — похоже было, что в небе действительно плывет один из них.

Второй объект, гораздо больше первого, походил на гигантскую сигару.

Та же женщина сказала, что это аэростат или дирижабль, а возможно, корабль неизвестных существ, создавших эту планету.

— Ангелов, что ли? — буркнул Мэлори. — Зачем им воздушный корабль? У них есть крылья.

Внезапно огромное воздушное судно накренилось — и Мэлори, забыв обо всем, закричал в один голос со всеми. И присоединился к общему воплю, когда оно взорвалось. Горящий корабль стал падать в Реку. Воздушный шар продолжал лететь на северо-восток и вскоре пропал из виду. Тем временем пылающий корабль рухнул в воду. Его скелетообразная основа затонула почти сразу, но куски обшивки еще горели несколько минут, пока не погасли.

ГЛАВА 3

На небесном корабле путешествовали не ангелы и не демоны. Тот, кого Мэлори с женой вытащили из воды и доставили на берег в своей лодке, был точно таким же человеком, как они.

Длинный и тощий, как шпага, чернявый, с большим носом и слабым подбородком, он таращил на спасителей черные глазищи при свете факела, не говоря ни слова. Когда его внесли в общинный дом, вытерли, укрыли теплыми одеялами и напоили горячим кофе, он произнес что-то по-французски, а потом заговорил на эсперанто:

— Сколько еще спаслось?

— Пока неизвестно, — ответил Мэлори.

Несколько минут спустя к берегу прибило первое из двадцати двух тел — многие из них сильно обгорели. Один труп был женский. Поиски вели всю ночь и часть утра, но никого больше не обнаружили. В живых остался только француз. Хотя он был слаб и еще не вышел из шока, он захотел встать и принять участие в поисках. Увидев тела, сложенные у питающего камня, он разразился слезами и долго плакал. Мэлори счел это добрым знаком. Значит, незнакомец был не настолько потрясен, чтобы не мочь выразить свое горе.

— Куда делись те, другие? — спросил француз. После ответа его горе превратилось в ярость, он погрозил кулаком небесам и прорычал проклятие какому-то Торну. Позже он спросил, не видел ли кто-нибудь здесь еще одну воздушную машину, вертолет. Многие видели.

— А он куда направился? — спросил незнакомец.

Кто-то сказал, что машина, издававшая громкий стрекот, ушла вниз по Реке. Другие — что вверх. Спустя несколько дней пришло известие, что машина упала в Реку на двести миль выше по течению, во время грозы. Видел это только один человек, и он утверждал, что из тонущей машины кто-то выплыл. В ту местность по барабанной связи послали запрос: не появлялись ли там неизвестные? Оттуда ответили, что нет.

В Реке плавало небольшое количество Граалей, их выловили и принесли спасенному. Один он опознал как свой и в полдень уже ел из него. Несколько Граалей были «свободными», то есть открыть их мог любой, и государство Новая Надежда реквизировало их.

Потом француз спросил, не проплывали ли мимо гигантские суда с гребными колесами. Да, одно прошло, «Рекс грандиссимус», управляемое бесчестным Иоанном, королем английским.

— Хорошо, — сказал француз, подумал и добавил: — Я мог бы остаться здесь и подождать, когда придет «Марк Твен». Но я, пожалуй, отправлюсь вслед за Торном.

Он уже достаточно оправился, чтобы расска-

зать о себе. И как он о себе говорил!

— Я — Савиньен де Сирано Второй де Бержерак. Я предпочитаю, чтобы меня называли Савиньен, но все почему-то зовут меня Сирано. И я позволяю людям эту маленькую вольность. Ведь в последующих веках меня знают как Сирано, хотя это неверно, и я столь знаменит, что люди уже не могут привыкнуть к другому имени. Им кажется, что они лучше знают, как меня называть. Вы, разумеется, слышали обо мне.

И он оглядел своих спасителей, словно давая понять, какая честь для них принимать у себя столь великого человека.

— С прискорбием должен сознаться, что не слышал, — сказал Мэлори.

— Что? Я был величайшим фехтовальщиком своего времени. Да что там своего — всех времен. К чему понапрасну скромничать? Я был также автором нескольких замечательных трудов. Я написал острые сатиры о путешествии на Солнце и на Луну. Мою пьесу «Обманутый педант» некий мсье Мольер позднее, кажется; выдал за свою, внеся в нее некоторые изменения. Ну, возможно, я несколько преувеличиваю, но он, безусловно, использовал мою комедию. И, как я понимаю, англичанин по имени Джонатан Свифт также

использовал некоторые мои идеи в своих «Путешествиях Гулливера». Я их не упрекаю, поскольку и сам порой использовал чужие идеи — усовершенствуя их, разумеется.

— Все это очень хорошо, сэр, — сказал Мэлори, воздержавшись от упоминания о собственных работах. — Но, если для вас это не слишком утомительно, вы могли бы рассказать нам, как очутились на воздушном корабле и отчего этот корабль загорелся.

Де Бержерак жил у Мэлори в ожидании времени, когда ему найдут пустую хижину или дадут инструменты, чтобы он сам построил себе дом. В тот момент он, его хозяева и еще человек сто сидели или стояли у большого костра перед хижиной.

Рассказ получился длинный и еще более фантастический, чем повести самого рассказчика или Мэлори. Сэр Томас, однако, чувствовал, что француз рассказывает не все. Когда тот закончил, Мэлори произнес, словно размышляя вслух:

— Так, значит, это правда, что есть башня посреди северного полярного моря, — того самого, из которого берет начало Река, впадая потом в него же? И правда, что создатели этого мира, кто бы они ни были, живут в этой башне? Хотелось

бы мне знать, что стало с тем японцем, Пискатором. Приняли ли обитатели башни — а это, безусловно, ангелы — его к себе, ибо он прошел сквозь врата рая? Или они отослали его куда-то — возможно, в отдаленную часть Реки? И этот Тори, что могло толкнуть его на преступление? Быть может, он демон в человеческом обличье.

Де Бержерак громко и презрительно рассмеялся.

— Ни ангелов, ни демонов не существует, друг мой. На Земле я говорил, что нет и Бога, но сейчас этого не утверждаю. Но, признавая существование Творца, не обязательно верить в сказки об ангелах и демонах.

Мэлори стал горячо настаивать на своем. Завязался спор, во время которого француз ушел прочь. Ночь он провел, как слышал Мэлори, у одной женщины, считавшей, что столь непревзойденный фехтовальщик должен и любовником быть непревзойденным. По ее словам, он оправдал ожидания, хотя оказался, пожалуй, чересчур привержен тому способу любви, который, по общему мнению, достиг высот — или, скорее, бездн во Франции. Мэлори охватило отвращение. Но позднее в тот же день де Бержерак пришел, чтобы извиниться за свою неблагодарность по

отношению к тому, кто спас ему жизнь.

— Я не должен был насмехаться над вами, мой спаситель, принявший меня под свой кров. Приношу вам тысячу извинений, надеясь получить взамен одно прощение. — Я вам прощаю, — искренне сказал Мэлори. — И хотя вы отвергали нашу церковь на Земле и кощунственно высказывались о Боге — возможно, сегодня вы не откажетесь посетить вечернюю мессу за упокой души ваших товарищей?

— Это самое меньшее, что я могу сделать, — сказал де Бержерак.

Во время службы он обливался слезами так, что потом Мэлори, пользуясь возвышенным настроем Бержерака, спросил его, не хочет ли тот вернуться к Богу.

— Я, пожалуй, никогда и не покидал его, если он существует, — ответил француз. — Я оплакивал тех, кого любил на борту «Парсеваля», и тех, кого уважал, хотя и не любил. Я плакал от злости на Торна — или как его там зовут по-настоящему? А еще я плакал оттого, что столько мужчин и женщин еще так невежественны и суеверны, что верят во всю эту чушь.

— Вы говорите о мессе? — ледяным тоном осведомился Мэлори.

— Да, уж простите мне и эту вину! — крикнул де Бержерак.

— Не прощу, пока вы искренне не покаетесь и не принесете свое покаяние Богу, которого столь тяжко оскорбили.

— Quelle merdet!![15] — сказал Бержерак, но тут же обнял Мэлори и расцеловал его в обе щеки. — Как я хотел бы, чтобы то, во что вы верите, было правдой! Но будь это так, как мог бы я простить Бога.

Он простился с Мэлори, сказав, что они, быть может, больше никогда не увидятся. Завтра поутру он отправляется вверх по Реке. Мэлори заподозрил, что для этого Бержераку придется украсть лодку — так оно и оказалось.

Потом Мэлори часто думал о человеке, выпрыгнувшем из горящего дирижабля, о человеке, побывавшем в башне, о которой говорили многие, но которую не видел никто, кроме француза и его спутников. Или, если верить рассказу Бержерака, кроме них, кучки древних египтян и одного лохматого получеловека.

Не прошло и трех лет, как мимо прошел второй огромный корабль. Он был даже больше «Рекса»,

---

[15] notes: 15
Экое дерьмо! [фр.]

богаче его, быстрее, лучше оснащен и вооружен. Но назывался он не «Марк Твен». Его капитан, американец Сэмюэль Клеменс, переименовал корабль, назвав его «Внаем не сдается».

Капитан, очевидно, слышал, что король Иоанн назвал свой корабль, бывший «Внаем не сдается», «Рекс грандиссимус». Поэтому Клеменс взял старое название, торжественно написав его на борту.

Пароход остановился, чтобы подзарядить свой батацитор и Граали. Мэлори не представилось случая поговорить с капитаном, но он видел и его, и его удивительного стража. Джо Миллер и правда был великаном десятифутового роста и весил восемьсот фунтов. Но он был не столь космат, как представлялось Мэлори по рассказам. Он оказался не более волосатым, чем многие известные Мэлори мужчины, хотя у Джо волосы были длиннее. Челюсти у него действительно выдавались вперед, а нос был точно у обезьяны-носача и походил на здоровенный огурец. Однако вид у великана был разумный.

ГЛАВА 4

Преследователь двигался по Реке.

До полудня оставался час. Через час леген-

дарный пароход бросит якорь, и толстенный алюминиевый кабель с медным наконечником соединит батацитор судна с питающим камнем на берегу. Мощный импульс энергии, который поступит на камень, подзарядит батацитор, а Граали, расставленные на медной пластине на борту корабля, наполнятся пищей, спиртным и прочим. Пароход был весь белый, только над четырьмя колесными кожухами крупными черными буквами значилось: «НЕНАЁМНЫЙ». Ниже помельче: «Капитан Сэмюэль Клеменс». Ниже еще мельче: «Владельцы „Мстители, Инкорпорейтед“».

Над рубкой развевался голубой флаг с алым фениксом.

Такой же флаг был поднят на кормовом флагштоке, наклоненном под углом сорок пять градусов с кормы нижней палубы. В длину пароход Сэма насчитывал пятьсот пятьдесят футов восемь дюймов. В ширину между колесными кожухами — сто пятнадцать футов. Осадка при полной нагрузке составляла восемнадцать футов.

На пароходе было пять палуб. На нижней, «А», или котельной размещались разные склады, огромный батацитор, чья шахта уходила вверх на следующую палубу, четыре электромотора, приводящие в движение колеса, и огромный котел.

Батацитор представлял собой громадный аппарат пятидесяти футов в ширину и сорока трех в высоту. Один из инженеров Сэма утверждал, что это изобретение относится к концу двадцатого века. Поскольку этот инженер якобы жил после 1983 года, Сэм подозревал в нем агента. (Инженер давно уже умер.)

Батацитор (батарея-конденсатор) мог принять высоковольтный разряд питающего камня за секунду и распределить всю энергию за секунду или меньше, если требовалось. Он служил источником энергии для четырех мощных электродвигателей и прочих систем корабля, включая кондиционирование воздуха.

Подогреваемый электричеством котел шестидесяти футов диаметром и. тридцать высотой снабжал горячей водой душевые, отапливал каюты, обеспечивал производство спирта, приводил в действие паровые пулеметы и самолетные катапульты, подавая сжатый воздух к пушке, озвучивал свистки и поставлял бутафорию для обеих дымовых труб. Трубы назывались дымовыми по старинке — на самом деле из них выходил пар, окрашенный под дым, и то когда. Сэму приходила охота устроить представление.

В задней части котельной палубы на уровне

воды находился большой люк для двух катеров и торпедоносца.

На следующей палубе, «Б», были устроены по бокам крытые проходы, и она называлась прогулочной.

На пароходах, которые в молодости водил по Миссисипи Сэм, как раз нижняя палуба называлась главной, а та, что над ней, — котельной.

Но поскольку на «Ненаёмный» котел помещался на нижней палубе, Сэм соответственно назвал и ее. А вторую палубу стал именовать главной. Сначала это путало его помощников, привыкших к земной терминологии, но потом они привыкли.

Иногда, если пароход становился на якорь в мирной местности, Сэм отпускал команду на берег (кроме вахтенных, разумеется). И устраивал экскурсию для местных высокопоставленных лиц. Одетый в белый китель из рыбьей кожи, длинный белый кильт, белые, до колен, сапоги, в белой капитанской фуражке, он проводил своих гостей по судну сверху донизу. При этом, разумеется, он и несколько десантников не спускали с экскурсантов глаз, поскольку на «Внаем не сдается» имелось немало соблазнов для сухопутной публики.

Попыхивая сигарой между фразами, Сэм объяснял все — или почти все — любопытным визитерам.

Закончив осмотр нижней, котельной, палубы, Сэм вел их наверх на главную палубу «Б».

— Моряки назвали бы эти ступеньки трапом, — говорил он. — Но поскольку почти вся моя команда состоит из сухопутных крыс и у нас имеется несколько настоящих трапов, то я решил: пусть лестницы так и зовутся лестницами. В конце концов, они состоят из ступенек, а не из перекладин. По той же причине я постановил, невзирая на яростные протесты ветеранов флота, именовать стены не переборками, а стенами. Однако разницу между обычной дверью и люком я оставил. Люк — это толстая, водо— и воздухонепроницаемая дверь, которая задраивается с помощью рычажного механизма. — А что это за орудие? — спрашивал кто-нибудь из туристов, показывая на длинную дюралюминиевую трубу, похожую на пушку и стоящую на лафете. С казенной части в нее входили широкие пластмассовые трубки.

— Это паровой пулемет восьмидесятого калибра. Его сложный механизм позволяет выбрасывать на большой скорости поток пластмассовых

пуль, поступающих снизу. Движущей силой служит пар из котла.

Однажды некто, побывавший на «Рексе», сказал:

— У короля Иоанна есть несколько паровых пулеметов семьдесят пятого калибра.

— Да. Я сам их проектировал. Но этот сукин сын увел у меня пароход, и я, когда строил новый, установил более мощные пулеметы.

Сэм показывал гостям окна (не иллюминаторы, а именно окна) вдоль крытого прохода, «который некоторые члены моей команды с невиданной наглостью и неслыханным бесстыдством называют коридором. За моей спиной, разумеется».

Он показывал туристам каюты, поражая их удобствами и роскошью.

— У нас здесь сто двадцать восемь кают, каждая рассчитана на двоих. Обратите внимание на медную откидную койку. Оцените фаянсовые унитазы, душевую с горячей и холодной водой, умывальник с латунной арматурой, зеркала в латунных рамах, дубовые письменные столы. Шкафы не очень велики, но мы ведь не возим с собой большой запас одежды. Обратите также внимание на оружейную стойку, где можно держать пистолеты, винтовки, копья, мечи и луки.

Ковры на полу сделаны из человеческих волос. А поглядите-ка на стенную роспись. Это все оригиналы кисти Мотонобу, жившего с 1476 по 1559 год, великого японского художника, основавшего живописный стиль «кано».

А в соседней каюте имеются картины Зевсиса из Гераклеи. Их десять. Собственно говоря, это каюта самого Зевсиса. Он, как вам известно, а может, и неизвестно, был великим художником пятого века до нашей эры, уроженцем Гераклеи, греческой колонии в Южной Италии. О нем говорили, что он, выписывает виноградную кисть так похоже, что птицы слетаются ее клевать. Зевсис не подтверждает этого, но и не отрицает. Я лично предпочитаю фотографии, но и в моей каюте есть картины. Одну написал Питер де Хох, голландский художник семнадцатого века. Другую — итальянец, Джованни Фаттори, 1825–1908. Бедняга. Это была, очевидно, его последняя работа, так как он упал за борт во время вечеринки, и колесо размололо его на куски. Даже если его воскресили, что маловероятно, он нигде не сможет найти краски — они имеются только здесь и на «Рексе».

Потом Сэм вел всех вдоль прогулочной палубы на нос, к установленной там 88-миллиметровой

пушке. Она еще не опробована в деле, говорил Сэм, и запас пороха пора уже менять.

— Зато, когда мы нагоним «Рекса», подлый Иоанн взлетит на воздух.

На променаде находились еще и ракетные батареи — самонаводящиеся снаряды стреляли на полторы мили, а их боеголовки из пластиковой взрывчатки весили сорок фунтов.

— Если пушки подведут, ракеты точно разнесут его задницу. Одна из туристок была хорошо знакома с книгами Клеменса и биографическими трудами о нем. Она тихо сказала своему спутнику:

— Никогда бы не подумала, что Марк Твен такой кровожадный.

— Сударыня, — сказал Сэм, услышавший эти слова, — я вовсе не кровожаден! Я самый мирный человек на свете! Я не выношу насилия, и при мысли о войне у меня все нутро переворачивается.

Если вы читали мои очерки о войне и о тех, кому она по вкусу, вы должны это знать.

Но эту ситуацию, как и многие другие, мне просто навязали. Чтобы выжить, приходится лгать лжецам, обманывать обманщиков и убивать убийц, пока они не убили тебя! Для меня это

лишь вынужденная, хотя и оправданная, необходимость. Что бы сделали вы, если бы король Иоанн увел у вас пароход, и это после того, как вы годами разыскивали железо и прочие металлы, чтобы осуществить свою мечту! А потом годами сражались с теми, кто хотел отнять у вас вашу находку, и вас со всех сторон подстерегали убийство и измена! Как бы вы поступили, если бы Иоанн убил ваших близких друзей, вашу жену и ушел, оставив вас в дураках? Позволили бы вы, чтобы это сошло ему с рук? Думаю, что нет, если в вас есть хоть капля мужества.

— Мне отмщение, и аз воздам, сказал Господь, — заметил мужчина.

— Да. Возможно. Но если Господь существует и как-то осуществляет свою месть, как он может делать это без участия людей? Слыхали вы, чтобы злодеев поражала молния? Ну, бывает иногда. Однако молния поражает ежегодно и тысячи невинных. Нет уж, Господь вынужден использовать простых смертных в качестве своих орудий, а кто больше годится на это, чем я? Из кого еще обстоятельства выковали столь острое и пригодное для дела Господне оружие?

Сэм так расстроился, что пришлось послать десантника в большой салон за четырьмя унциями

бурбона ради успокоения нервов. Еще до того как прибыло виски, кто-то из туристов пробурчал:

— Чушь собачья!

— Выкиньте его с парохода! — крикнул Сэм. Так и сделали.

— Какой вы сердитый, — сказала его читательница.

— Да, мэм, я сердит. И есть отчего. Я был сердит на Земле, сержусь и здесь.

Десантник принес Сэму виски. Тот мигом выпил порцию и продолжал экскурсию, вновь обретя хорошее настроение.

Он повел группу по широкой лестнице в большой салон. Они остановились у входа, и послышались охи и ахи. Салон имел двести футов в длину, пятьдесят в ширину и двадцать в высоту. На потолке висели в ряд пять огромных хрустальных люстр. Салон, кроме множества окон, освещали потолочные и настенные светильники, а также торшеры из фасонно отлитой меди.

В дальнем конце была сцена — на ней, пояснил Клеменс, ставились спектакли или помещался оркестр. Имелся там и большой экран, который опускали, когда показывали кино. — Химически обработанную пленку мы не применяем, — говорил Сэм. — У нас электронные камеры. Мы

снимаем оригинальные фильмы или повторно экранизируем земную классику.

Сегодня, например, будет показываться «Мальтийский сокол». Из прежнего состава у нас нет никого, кроме Мэри Астор — ее настоящее имя Люсиль Лангеханке, и она играет секретаршу Сэма Спейда. В том фильме, как мне говорили, она играла не свою роль. Впрочем, вряд ли кто-то из вас понимает, о чем я толкую.

— Я понимаю, — сказала читательница Марка Твена. — А кто же играет ее прежнюю роль в вашем фильме?

— Американская актриса Элис Брэйди.

— А Сэма Спейда? Не могу себе представить в этой роли никого, кроме Хэмфри Богарта.

— Говард да Сильва, тоже американец. Настоящее его имя Говард Гольдблат, если я не ошибаюсь. Он очень благодарен за то, что ему дали эту роль, хотя и утверждает, что на Земле у него не было случая раскрыться полностью. Но он сожалеет, что его аудитория будет столь малочисленна.

— А режиссер кто? Уж не Джон ли Форд?

— Никогда о таком не слыхал. Наш режиссер — Александр Зингер.

— А я никогда не слыхала о нем.

— Возможно. Но он, кажется, в свое время был известен в голливудских кругах.

Несколько раздраженный этим, ненужным, по его мнению, вмешательством, Сэм стал показывать шестидесятифутовый, из полированного дуба бар по левому борту, с выстроенными в ряд бутылками и графинами. На группу произвели большое впечатление и напитки, и хрустальные бокалы. Еще больше поразили всех четыре больших рояля. Сэм сказал, что у него на борту есть по меньшей мере десять знаменитых пианистов и пятеро композиторов. Например, Селим Пальмгрен (1878–1951), финский композитор и пианист, известный тем, что основал школу финской национальной музыки. Имеется также Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (1525–1594), автор знаменитых мадригалов и мотетов.

— Раньше с нами плавал Амадей Моцарт, — сказал Сэм. — Он действительно великий композитор, некоторые считают — величайший из всех. Однако он оказался таким скверным человечишкой, таким ябедой, распутником и трусом, что я выкинул его с корабля.

— Моцарт? — сказала все та же женщина. — Боже мой, Моцарт! Вы просто скотина — как вы посмели так поступить с замечательным компо-

зитором, с гением, с божеством?

— Мэм, поверьте мне — он сам меня до этого довел. Если вам не нравится мое поведение, можете уйти. Десантник проводит вас на берег.

— Хреновый из вас джентльмен.

— Как сказать.

ГЛАВА 5

Группа шла вдоль прохода к носу мимо дверей кают. Последней справа была каюта Клеменса, и он показал ее туристам. ИХ удивленные и восторженные возгласы доставляли ему удовольствие. Наискосок, сказал он, живет его телохранитель Джо Миллер со своей подругой.

За капитанской каютой помещалась клетушка с лифтом, идущим на нижний из трех этажей рубки. Этот уровень назывался палубой «Е», или наблюдательным пунктом — там стояли мягкие стулья, кресла и небольшой бар. В окнах имелись опоры для пулеметов, стреляющих пластиковыми или деревянными пулями.

Следующий этаж мостика именовался палубой «Ж», или артиллерийской палубой, поскольку там стояли четыре двадцатимиллиметровых паровых орудия. Снаряды к ним подавались через загрузочные шахты с котельной палубы.

Последняя палуба, «Ж», собственно рубка, была вдвое больше предпоследней.

— Хоть танцуй, — говорил Клеменс, ничего не имевший против преувеличений, особенно когда преувеличивал он сам.

Он представлял гостям радистов и операторов радара, первого помощника, офицера по связи и рулевого. Последним был Генри Детвейлер, француз, эмигрировавший на Средний Запад Америки в начале девятнадцатого века. Сначала он стал рулевым на речных судах, потом капитаном, а в конце концов — владельцем нескольких пароходных компаний. Умер он в Пеории, штат Иллинойс, в своем похожем на дворец особняке.

Первый помощник, Джон Байрон, был англичанин (1723–1786). Мичманом он участвовал в знаменитом, кругосветном походе Энсона, но потерпел крушение у чилийского побережья. Став адмиралом, он заслужил прозвище «Джек-Ненастье», ибо его флот, выходя в море, каждый раз попадал в сильный шторм… — А еще он приходится дедом знаменитому или печально знаменитому поэту, лорду Байрону, — сказал Сэм. — Верно, адмирал?

Байрон, невысокий блондин с холодными голубыми глазами, кивнул.

— Адмирал? — удивилась женщина, все время цеплявшаяся к Клеменсу. — Но если вы капитан…

Сэм, затянувшись сигарой, ответил:

— Да, я единственный капитан на борту. Остальные у нас — от адмирала и ниже. Моими воздушными силами, которые состоят из четырех пилотов и шести механиков, командует генерал. Десантниками тоже. Последний, между прочим, служил генералом в армии Соединенных Штатов во время гражданской воины. Он чистокровный индеец, вождь племени сенека. Зовут его Эли С. Паркер, а по-ирокезски Днехогава, что означает «Хранитель Западных Ворот». Он получил хорошее образование и на Земле был инженером-строителем. В гражданскую войну он состоял при штабе генерала Улисса С. Гранта.

Дальше Сэм показал, как управляется судно. Рулевой сидит в кресле, по обеим сторонам которого из пола торчат металлические рычаги. Эти рычаги регулируют задний или передний ход колес, а также скорость их вращения. Впереди, на контрольной панели, имеется множество приборов, среди них несколько генераторов колебаний.

— Вот это сонароскоп. С его помощью рулевой

определяет глубину Реки, расстояние от берега и следит, нет ли в воде крупных, представляющих опасность предметов. Когда рулевой включает автоматическое управление — вот этот диск, — ему только и дел остается, что следить за сонароскопом да наблюдать за берегами. Если автоматика вдруг откажет, можно включить запасную систему и в это время наладить основную.

— Выходит, управлять пароходом легко? — спросил кто-то из мужчин.

— В общем, да. Но только опытный рулевой способен справиться с непредвиденными трудностями, вот почему почти все они — ветераны-речники с Миссисипи. Сэм обратил общее внимание на то, что рубка находится в девяноста футах над поверхностью Реки, а также на то, что мостик, в отличие от земных судов, расположен по правому борту, а не в центре палубы.

— От этого «Внаем не сдается» еще больше походит на авианосец.

Гости наблюдали, как тренируются десантники на летной палубе и как множество мужчин и женщин практикуются в боевых искусствах: борьбе на мечах, копьях, ножах, топорах, в стрельбе из лука.

— Каждый член команды, включая меня, обя-

зан владеть всеми видами оружия. Кроме того, каждый должен уметь заменить любого другого. Их всех обучают электротехнике, электронике, слесарному делу, умению командовать и править судном. Половина команды научилась играть на фортепиано Или на других инструментах. На этом судне больше людей, владеющих множеством профессий и ремесел, чем где-либо еще на планете.

— А капитаном тоже бывают все по очереди? — спросила надоедливая женщина.

— Нет. Это единственное исключение, — ответил Сэм, хмуря густые брови. — Всем свою голову не приделаешь.

Он нажал одну из кнопок на панели. Завыли сирены, и Джон Байрон велел офицеру по связи отдать через селектор команду «Мостки готовь». Сэм перешел на правый борт, пригласив с собой туристов. Те ахнули, увидев длинные и толстые металлические брусья, выдвинувшиеся из трех нижних палуб.

— Если мы не сумеем потопить «Рекс», — сказал Клеменс, — то перейдем на него вот по этим мосткам.

— Прекрасно, — сказала женщина. — Но ведь команда «Рекса» тоже может перейти к вам на

борт по своим мосткам.

Голубовато-зеленые глаза Сэма сверкнули над ястребиным носом.

Однако другие туристы были так изумлены и так трепетали, что Сэм напыжился, словно индюк. Он всегда восхищался разными механическими штучками и любил, когда другие разделяли его энтузиазм. На Земле он обанкротился как раз из-за своего интереса к новомодной технике, вложив средства в не оправдавшую себя буквопечатающую машину Пейджа. Женщина не унималась:

— Что вы скажете о железе, алюминии и прочих металлах? Эта планета крайне бедна минералами. Где вы их взяли?

— Случилось так, — начал Сэм, довольный, что может похвастаться своими подвигами, — что в долину упал гигантский никелево-железный метеорит. Помните, как много лет назад все питающие камни на правом берегу вдруг отказали? Именно падение метеорита прервало подачу энергии. Как вам известно, через сутки подача возобновилась. И вот…

— Но кто ее восстановил? — спросил турист. — Я слышал разное, но… — Я находился, можно сказать, по соседству, — продолжал Сэм. — Разлив

Реки и взрывная волна чуть было не погубили меня и моих спутников.

Сказав это, он мысленно поморщился — не потому, что едва избежал тогда гибели, а потому, что вспомнил, как поступил потом с одним из этих спутников — с Эриком Кровавым Топором.

— Поэтому я могу засвидетельствовать тот потрясающий, но непреложный факт, что не только энерголиния восстановилась за одну ночь, но и пострадавшая от взрыва почва. Трава, деревья, вывороченная земля — все вернулось на место.

— Но кто это сделал?

— Должно быть, те, кто создал эту долину и воскресил нас. Я слышал, будто они люди, такие же, как мы, земляне, пришедшие из далекого будущего. Однако…

— Нет, они не люди, — сказал турист. — Определенно нет. Все это создал Бог.

— Если вы так хорошо с ним знакомы, — сказал Клеменс, — дайте мне его адрес. Я хотел бы ему написать. Мы были первыми, — продолжал он, — кто добрался до места падения метеорита. Воронка — наверное, не менее широкая и глубокая, чем знаменитый аризонский кратер, — была уже засыпана, но мы застолбили участок и начали копать. Чуть позже мы узнали, что в одном

государстве ниже по Реке имеются большие залежи бокситов и криолитов. Однако тамошнее население не имело орудий для их добычи и последующей переплавки. Мы же в Пароландо получили возможность выплавлять алюминий после того, как изготовили железные орудия. То государство, Душевный Город, напало на нас, чтобы отнять у нас железо. Мы побили их и забрали бокситы и криолиты.

Выяснилось также, что в кое-каких относительно ближних странах есть залежи меди и олова, равно как ванадия и вольфрама. Мы обменяли свои железные изделия на эти металлы. Женщина, нахмурясь, сказала:

— Не странно ли, что в этом районе оказалось столько металлов, в то время как в других почти ничего нету? И вероятно, просто так совпало, что вы, разыскивая эти металлы, оказались рядом с упавшим метеоритом?

— Может, это Бог направил меня туда, — ехидно ответил Сэм. Нет, не Бог, сказал он про себя. А Таинственный Незнакомец, этик, назвавшийся Иксом, который еще несколько тысяч лет назад расположил месторождения именно в этом районе. И который направил туда метеорит.

С какой целью? Чтобы Сэм построил корабль,

обзавелся оружием и поднялся вверх по Реке миллионов на десять миль, до самого моря. И добрался до башни, что высится среди полярных туманов.

И что же потом?

Сэм не знал. Предполагалось, что этик придет к нему еще раз — ночью, во время грозы, как приходил всегда. Должно быть, он предпочитал грозу потому, что разряды молний мешали тонким приборам этиков выследить ренегата. Этик должен был дать Сэму дальнейшие указания. Тем временем другие выбранные Иксом бойцы должны были отыскать Сэтаа, чтобы отправиться вверх по Реке на его корабле.

Но все получилось не так, как было задумано.

Сэм больше ни разу не видел Таинственного Незнакомца и не слышал о нем. Сэм построил свой корабль, но его компаньон, король Иоанн Безземельный, угнал пароход. А несколько лет спустя прекратились «малые воскрешения», или «переносы», и жители долины вновь стали умирать бесповоротно.

Что-то случилось с обитателями башни, с этиками. И с Таинственным Незнакомцем, как видно, тоже.

Но он, Клеменс, все равно плывет к истокам

Реки, чтобы попытаться проникнуть в башню. Теперь он уже знает, как трудно будет преодолеть горы, опоясывающие море. Джо Миллер, титан-троп, видел башню с карниза неприступного кряжа, когда сопровождал фараона Эхнатона. Еще Джо видел, как на вершину башни садилась какая-то гигантская воздушная машина. Потом Джо споткнулся о Грааль, оставленный каким-то неведомым предшественником, упал и разбился насмерть. Воскреснув где-то в долине, он встретил Сэма и рассказал ему свою невероятную историю.

— А что это за дирижабль, о котором ходило столько слухов? — спросила женщина. — Почему вы не отправились на нем вместо парохода? Тогда вы могли бы добраться до истоков за несколько дней, а не за тридцать-сорок лет.

На эту тему Сэм не любил говорить. Правда заключалась в том, что никто даже не подумал о воздушном корабле до тех пор, когда «Ненаёмный» был уже готов к отплытию. А вот тогда к Сэму явился немецкий инженер фон Парсеваль и спросил, почему Сэм не построил воздушный корабль вместо водного.

Главный инженер Клеменса, Милтон Фаербрасс, бывший астронавт, загорелся новой идеей,

остался с Парсевалем и построил-таки дирижабль. Он поддерживал радиосвязь с пароходом и, долетев до башни, сообщил, что ее высота — чуть больше мили, а диаметр — миль десять. «Парсеваль» сел на ее вершину, но лишь один из команды, японец-суфи, называвший себя Пискатором (он летал прежде на малом дирижабле), сумел, пройти внутрь. Другим помешала некая незримая, но ощутимая сила. Еще до этого офицер по имени Барри Торн заложил бомбу в вертолет, в котором Фаербрасс с несколькими людьми летел на пробную посадку. Торн взорвал бомбу по радио, а потом улетел с дирижабля на другом вертолете. Но его тоже ранило, и вертолет разбился об основание башни.

Торна доставили обратно на дирижабль и допросили. Он отказался отвечать, но был заметно поражен, узнав, что Пискатор прошел в башню.

Клеменс подозревал, что Тори либо этик, либо один из помощников этиков, или агент, как называли таких людей рекруты Икса.

В том же Клеменс подозревал и Фаербрасса. Возможно, что и женщина, Анна Обренова, погибшая при взрыве вертолета, тоже была либо этиком, либо агентом.

Сэм на основании доступных ему фактов

пришел к выводу, что давным-давно в долине почему-то осталось некоторое количество агентов и, возможно, несколько этиков. Икс, вероятно, — один из них.

А значит, агенты и этики стараются добраться до башни тем же образом, что и жители долины. И на его корабле, возможно, тоже есть агенты или этики, или те и другие. Как и на «Рексе».

Почему этики и агенты не сумели вернуться в башню воздушным. путем, Сэм не знал.

Он считал, что всякий, кто утверждает, что жил после.1983 года, относится к числу создателей Мира Реки. Вся история после 1983 года, по его мнению, была ложной — это только код, по которому посвященные распознают друг друга. Возможно, они уже догадались, что рекруты Икса раскусили этот их код, и больше не станут к нему прибегать.

— Дирижабль предназначался для разведывательных целей, — пояснил женщине Клеменс, — для съемки местности. Однако его капитан имел приказ проникнуть в башню, если представится возможность. Затем он должен был вернуться к пароходу и захватить с собой меня и еще нескольких человек. Но войти туда не смог никто, кроме философа-суфи Пискатора, да и тот не вышел

обратно. На обратном пути капитан, женщина по имени Джилл Галбирра, взявшая на себя командование после гибели Фаербрасса, выслала на вертолете десант против «Рекса». Король Иоанн был взят в плен, но бежал, спрыгнув с вертолета. Не знаю, остался он в живых или нет. Вертолет вернулся на «Парсеваль», продолжавший полет к нашему пароходу. Затем Галбирра сообщила, что ею замечен большой воздушный шар, и направилась к нему, но тут Торн снова вырвался на волю и похитил вертолет. Галбирра, подозревая, что он оставил на борту бомбу, организовала поиски. Бомбу не нашли, но Галбирра не могла успокоиться и повела дирижабль вниз, желая на всякий случай высадить команду. Потом она сообщила, что произошел взрыв — и больше мы о «Парсевале» ничего не слышали. — Ходят, слухи, — сказала женщина, — что он разбился выше по Реке за много тысяч миль отсюда. Спасся только один человек.

— Только один? Боже, кто же он? Или она?

— Имени его я не знаю, но слышала, что он француз. Сэм застонал. На дирижабле был только один француз, Сирано де Бержерак, в которого была влюблена жена Сэма. Его одного из всей команды Сэм не стал бы оплакивать.

ГЛАВА 6

День клонился к вечеру, когда Сэм увидел создание еще чуднее Джо Миллера. Джо был хотя бы человеком, этот же явно родился не на Земле. Сэм сразу сообразил, что незнакомец относится к небольшой группе выходцев из созвездия Тау Кита. Информатор Сэма, покойный барон Джон де Грейсток, знавал одного из них. По словам барона, в начале двадцать первого века на околоземной орбите появился небольшой тау-китянский корабль — пришельцы выслали его перед посадкой большого звездолета. Инопланетянам оказали теплый прием, но затем один из них, Монат, заявил, выступая по телевидению, что тау-китяне способны продлевать свою жизнь до нескольких сот лет. Земляне потребовали, чтобы пришельцы поделились этой наукой с ними. Когда тау-китяне отказались, мотивируя это тем, что долголетие ничего, кроме зла, землянам не принесет, людские толпы линчевали почти всех инопланетян и захватили их космический корабль. Монат с большим сожалением включил сканер на спутнике, и ударивший оттуда луч истребил почти все человечество. Так, по крайней мере, полагал Монат. Сам он не видел последствий своего по-

ступка. Толпа и его растерзала на части.

К лучам смерти он прибег, потому что боялся, что земляне используют захваченный корабль для постройки новых, а потом. отправятся на родную планету Моната, навяжут ей войну и, возможно, перебьют всех ее жителей. Он не знал, произойдет это или нет, но предпочел не рисковать.

Сейчас тау-китянин стоял в узком челноке, который в любой момент мог перевернуться, и отчаянно махал руками в сторону парохода, прося, как видно, чтобы его взяли на борт. Многие просились, подумал Сэм, но мало кому это удавалось. Однако таких еще не было — ишь какое двуногое чудо: не то человек, не то птица. Сэм приказал рулевому описать круг и подойти к челноку.

Любопытствующая команда столпилась в крытом проходе, а тау-китянин влез по короткому трапу на котельную палубу. За ним следовал его спутник, обыкновенный человек. Челнок отнесло течением на радость тому, кто первый его заметит.

Двое десантников и сам генерал Эли С. Паркер сопроводили обоих в рубку. Сэм пожал им руки, представился, говоря на эсперанто, сам и представил своих помощников. Настала очередь

незнакомцев.

— Я Монат Гррaутут, — глубоким низким голосом сказал двуногий. — Мать честная! — воскликнул Сэм. — Тот самый! Монат улыбнулся, показав вполне человеческие зубы.

— Значит, вы слышали обо мне.

— Вы единственный тау-китянин, кого я знаю по имени. Я годами обшаривал берега в поисках кого-нибудь из вас и ни разу в глаза ни одного не видел. И вдруг на тебе — сам Монат!

— Я не с Тау Кита. Высадившись на Земле, мы дали неверную информацию. На самом деле я с одной из планет Арктура. Мы обманули землян, опасаясь, что они окажутся воинственными и…

— Правильная мысль. Хотя потом вы, пожалуй, разделались с ними несколько круто. Но почему вы продолжали твердить, что явились с Тау Кита, когда, помимо своей воли, воскресли здесь?

Монат пожал плечами. Совсем как человек, подумал Сэм.

— По привычке, я полагаю. Притом мне хотелось убедиться, что земляне больше не представляют опасности для моего народа.

— Я вас не упрекаю.

— Когда я в этом удостоверился, то начал говорить правду.

— Ясно, — засмеялся Сэм. — Вот сигары, угощайтесь оба.

Ростом Монат был шесть футов восемь дюймов, тощий и розовокожий. Кильт, его единственная одежда, позволял рассмотреть почти Все тело, но скрывал то, что для некоторых было интереснее всего. Грейсток говорил, что член инопланетянина может сойти за человеческий и обрезан, как у всех мужчин их мира. Зато мошонка представляет собой узловатый мешочек, набитый множеством мелких яичек.

Лицом инопланетянин тоже напоминал человека. Бритый череп, очень высокий лоб, ниже густые, черные, курчавые брови спускаются до сильно выступающих скул. Глаза темно-карие. Нос красивее, чем у многих Людей. Только ноздри обрамляет тонкая перепончатая оборка длиной в одну шестнадцатую дюйма, а заканчивается нос толстым хрящом с вмятиной посередке. Губы как у собаки — тонкие и черные. Раковина лишенного мочки уха абсолютно не похожа на человеческую.

На руках по четыре пальца, включая длинный большой, и на ногах тоже.

Ну что ж, в забегаловке от такого никто бы не шарахался, подумал Сэм. И в конгрессе тоже.

Сопровождал Моната американец, родившийся в 1918 году и почивший в 2008-м, когда тау-китянский или арктурианский луч очистил Землю от всего живого. Звали его Питер Джейрус Фрайгейт, ростом шесть футов, крепкого сложения, с черными волосами, зелеными глазами и в фас не лишенный привлекательности — в профиль его портил слишком короткий подбородок. Как и Монат, он имел при себе Грааль и сверток с пожитками, а также каменный нож, топор, лук и колчан со стрелами.

Сэм сильно сомневался, что Монат сказал правду о месте, откуда он прибыл, и что Фрайгейт назвался своим настоящим именем. Сэм сомневался во всех, кто утверждал, что жил после 1983 года. Однако он не собирался ничего говорить на этот счет, пока не познакомится с двумя пришельцами получше.

Когда они выпили по бокалу, Сэм лично проводил их в офицерскую каюту рядом со своей. — Мне как раз не хватает трех человек до комплекта, — сказал он. — Есть свободная каюта на котельной палубе, но там не слишком удобно, поэтому я переведу двух младших офицеров отсюда вниз, а вы займете эту.

Мужчина и женщина, занимавшие каюту, не

слишком обрадовались такому приказу, но подчинились беспрекословно.

Вечером новоприбывшие ужинали за капитанским столом, ели с фарфоровых тарелок, расписанных древнекитайским художником, и пили из резных хрустальных кубков. Столовые приборы были из серебряного сплава.

Сэм и все остальные, включая гиганта Джо Миллера, внимательно слушали рассказы новичков об их приключениях в Мире Реки. Услышав, что они совершили длинное путешествие с Ричардом Фрэнсисом Бартоном, знаменитым исследователем девятнадцатого века, лингвистом, переводчиком и писателем, Сэм испытал потрясение. Этик говорил ему, что завербовал также и Бартона.

— Не знаете, где он сейчас? — спокойно спросил Сэм.

— Нет, — ответил Монат. — Мы потеряли его во время боя и потом не нашли, хотя и искали.

Сэм велел Джо Миллеру рассказать о египетской экспедиции. Капитану уже наскучила роль вежливого слушателя и хозяина. Он любил сам руководить беседой, но ему хотелось посмотреть, какое впечатление произведет рассказ Миллера на этих двоих. Когда Джо закончил, Монат

сказал:

— Так! Значит, в полярном море действительно есть башня!

— А я что говорю, черт возьми, — подтвердил Джо. Сэм собирался выждать еще неделю и послушать, что еще эти двое скажут о себе. А там он подвергнет их куда более строгому допросу.

Через два дня, когда в полдень пароход бросил якорь у правого берега для подзарядки, питающие камни остались немы, и разряда энергии не последовало.

— С нами крестная сила! — сказал Сэм. — Опять метеорит, что ли?

По-настоящему он не считал, что авария произошла по этой причине. Этик говорил ему, что в космосе установлены отражатели метеоритов и тот, единственный, проскочил только потому, что он, Икс, в нужный момент отключил защиту. Отражатели должны и сейчас плавать в космосе, выполняя свою задачу.

Но если авария случилась не из-за метеорита, то из-за чего же тогда?

Новая неисправность в системе этиков? Раз люди больше не воскресают, значит, что-то разладилось в механизме, преобразующем тепло планетарного ядра в энергию, снабжающую пита-

ющие камни. Хорошо еще, что камни соединены параллельно, а не последовательно. Иначе голод бы настал повсюду, не только на правом берегу.

Сэм немедленно распорядился следовать дальше. Ближе к сумеркам пароход остановился у левого берега, но местные жители, как и следовало ожидать, не разрешили воспользоваться их камнем. Произошло кровавое побоище, от которого Сэму стало дурно. Фрайгейт в числе других погиб от маленькой ракеты, пущенной с берега.

Потом отчаявшиеся жители правого берега вторглись на левый. Они прибывали толпами, и остановить их было невозможно, пока с обеих сторон не перебили столько народу, что освободилось место для Граалей оставшихся в живых.

Сэм отдал приказ к отплытию не раньше, чем трупы перестали загромождать Реку. Несколько дней спустя он сделал долгую остановку, чтобы восполнить потери, понесенные в бою.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НА БОРТУ «РЕКСА»: НИТЬ РАЗУМА

ГЛАВА 7

Это Логу и Алиса помогли Бартону и остальным попасть на корабль короля Иоанна.

Их отряд добрался вверх по Реке До места, где «Рекс» сделал стоянку, чтобы дать команде отдохнуть и произвести ремонт. Народу туда сбежалось видимо-невидимо — кто хотел поглазеть вблизи на большой корабль, кто лелеял честолюбивые замыслы записаться в команду. Имелось несколько вакансий — по слухам, после того, как капитан чересчур сурово покарал шестерых человек, пренебрегавших своими обязанностями. Однако заменять их он не спешил.

Король Иоанн сходил на берег в окружении двенадцати десантников. Но ни для кого не было тайной, что король не пропускает красивых женщин. И Логу, необычайно красивая белокурая тохарка, прогулялась перед ним в одной коротенькой юбочке. Иоанн велел охране остановиться и заговорил с Логу. Очень скоро он уже

пригласил ее осмотреть пароход, намекнув при этом, что капитанская каюта — наиболее интересный предмет для осмотра и осматривать ее следует только вдвоем.

Логу засмеялась и сказала, что охотно поднимется на борт, но только вместе со своими друзьями. Что же до свидания с глазу на глаз, то она подумает, но не даст окончательного ответа, пока не увидит все судно.

Король Иоанн огорчился, но потом рассмеялся и пообещал показать Логу то, что другим обычно не показывает. Логу была неглупа и догадалась, что он имеет в виду, — но она знала, что им до зарезу нужно попасть на «Рекс».

Тогда Алису, Бартона, Казза и Бесст тоже пригласили на экскурсию.

Бартон весь кипел, не желая получать доступ к Иоанну ценой легкомысленного поведения Логу. Однако иного пути не было. Предыдущие заявления Бартона о том, что он найдет способ пробраться на борт, несмотря на все препятствия, так и остались словами, не воплотившись в дела.

Если Бартону хотелось хоть как-то зацепиться на «Рексе», ничего другого не оставалось.

Поэтому Логу прибегла к старой как мир, но по-

прежнему эффективной уловке. Не говоря ничего прямо, она дала понять, что, возможно, и ляжет с Иоанном в постель. Бартону это не понравилось. Он чувствовал себя сутенером, и его злило, что женщина сумела добиться того, чего не смог он. Однако он терзался все же меньше, чем терзался бы на Земле и даже здесь некоторое время назад. В этом мире он хорошо усвоил, на что способна женщина, освобожденная от оков и условностей земного общества. Он ведь сам писал когда-то: «Женщина повсюду в мире есть то, чем позволяет ей быть мужчина». Если это было истиной в викторианские времена, то теперь уже устарело.

По пути на пароход Логу представила всех остальных. Все, кроме Бартона, назвались настоящими именами. Бартон решил на сей раз не прибегать к своей старой полуарабской, полуафганской личине и не называться ни Мирзой Абдуллой Буширы, ни Абдулхасаном, ни прочими именами, которыми пользовался и на Земле, и здесь. Теперь, по причине, которую он не объяснил своим спутникам, Бартон предстал Гвалхгвинном, древним валлийцем, жившим во времена, когда бритты старались устоять против вторгшихся к ним англов, саксов и ютов.

— Это означает «Белый Ястреб», ваше величе-

ство, — пояснил он.

— Да ну? Уж больно ты черен, чтобы так называться. Неандерталец Казз пробасил:

— Он отменно владеет мечом и стреляет в цель, ваше величество. В его лице вы приобретете хорошего бойца.

— Что ж, возможно, я как-нибудь дам ему случай проявить свое мастерство, — ответил Иоанн, разглядывая Казза из-под приспущенных век.

Король, рост которого был всего пять футов четыре дюйма, рядом с неандертальцем казался высоким. Казз был приземистым и ширококостным, как все жители раннего каменного века. Квадратная голова, низкий покатый лоб, нависшие надбровные дуги, широкий расплющенный нос и торчащие вперед челюсти не делали его красавцем. Однако он не походил на тех полулюдей, какими изображались неандертальцы на иллюстрациях или на ранних скульптурных реконструкциях. Он был волосат, но не более, чем волосатые представители гомо сапиенс.

Его подруга, Бесст, была на несколько дюймов ниже и столь же малопривлекательна.

Однако Иоанна заинтересовала эта пара. Хотя и малого роста, они обладали невероятной силой и оба могли стать хорошими воинами. А низкие

лбы — не обязательно признак скудоумия: по уму неандертальцы разнятся между собой точно так же, как современные люди.

Половина команды Иоанна происходила из раннего палеолита.

Иоанн, прозванный Безземельным за то, что долго не мог войти во владение землями, на которые претендовал, приходился младшим братом королю Ричарду Львиное Сердце — монарху, которому хранил верность легендарный Робин Гуд, пока Иоанн правил Англией в качестве регента. Иоанн был широкоплеч, атлетического сложения, с тяжелым подбородком, рыжеватыми волосами, голубыми глазами и ужасным характером, хотя для средневекового короля это не диво. При жизни он заслужил себе скверную репутацию, оставшуюся за ним и после смерти, хотя он был не хуже многих королей до и после него и лучше своего брата. Летописцы, и современные, и последующие, единодушно старались его очернить. Из Иоанна сделали столь отвратительную фигуру, что ни одного принца в британской династии не называли больше Иоанном.

Ричард назначил наследником престола своего племянника, Артура Бретонского. Иоанн воспротивился этому, завязал с Артуром войну, взял его

в плен и заключил в замке Фалэз, а позднее — в Руане. Позже Артур пропал без вести, и большинство современников верило, что это Иоанн убил его, а труп, привесив груз, бросил в Сену. Иоанн не отрицал и не подтверждал этих обвинений.

Следующим пятном на его биографии — хотя оно было не больше и не чернее, чем пятна на биографиях многих других монархов, — явился тот неоспоримый факт, что Иоанн уморил голодом жену и сына своего врага, барона де Браоза.

Ходило еще множество историй — и правдивых, и нет — о его дурных делах. Но прошло много веков, прежде чем объективные историки установили, что он сделал и немало доброго для Англии.

Бартон мало что знал о жизни Иоанна в Мире Реки — только то, что тот увел у Сэмюэля Клеменса пароход. И то, что говорить об этом при Иоанне было бы неразумно.

По кораблю их водил сам монарх. Он показал им почти все снизу доверху, котельную, главную, ураганную, летную и техасскую палубы; последняя соответствовала нижнему этажу двухэтажного мостика. В рубке Алиса сказала королю, что происходит по прямой линии от его сына, Джона Тощего.

— Вот как? Значит, прежде вы были принцессой или королевой?

— Нет, я даже титула не имела, хотя принадлежала к дворянству. Мой отец приходился родственником барону Равенсворту. Я родилась в 1852 году от Рождества Христова, во времена королевы Виктории, которая тоже происходит от вас.

Король вскинул рыжие брови:

— Вы первый мой потомок, с которым я встречаюсь. И весьма пригожий, надо сказать.

— Благодарю вас, сир.

Бартон озлился еще пуще. Уж не собирается ли Иоанн совершить акт кровосмешения, хотя их общая кровь изрядно разбавлена чужой?

Иоанн, видимо, раздумывал, зачислять их в команду или нет; отдаленное родство с Алисой решило дело. Когда все отправились в большой салон, чтобы выпить, Иоанн сказал, что они могут, если пожелают, плыть вместе с ним. Он подробно разъяснил им, в чем состоят обязанности команды в целом и каковы правила дисциплины, а после потребовал, чтобы они принесли ему вассальную клятву.

Он пока что не настаивал на том, чтобы Логу выполнила свое негласное обещание, но явно

собирался. Бартон попросил разрешения переговорить со своими спутниками. Иоанн милостиво согласился, И пятеро отошли в уголок.

— Я не против, — заявила Логу. — Может, мне даже понравится. Никогда еще не бывала под королем. И потом, у меня не было мужчины с тех пор, как этот мерзавец Фрайгейт от нас сбежал. Иоанн совсем неплох на вид, хотя и ниже меня ростом.

На Земле Алиса пришла бы в ужас. Но с тех пор она многое повидала, сильно изменилась и давно избавилась почти от всех своих викторианских предрассудков.

— Что ж, если это совершается добровольно, ничего плохого в этом нет, — рассудила она.

— А хоть бы и было, — ответила Логу. — Слишком многое поставлено на карту, чтобы жеманничать.

— Мне это не нравится, — заявил Бартон. У него отлегло от сердца, но он не— показывал виду. — Но если мы упустим этот пароход, то и на другой можем не попасть. Я бы сказал, что на «Марк Твен» нам будет пройти не менее тяжело, чем политику в царство небесное. Но если он вздумает дурно обращаться с тобой…

— Ну, я сумею за себя постоять, — сказала Логу

— Если я не швырну этого коротышку через всю каюту, значит, рука у меня уже не та. В крайнем случае заеду ему промеж ног.

Алиса изменилась не настолько сильно, чтобы не покраснеть. — Может, он даже сделает тебя первой фавориткой, — предположил Казз. — Это все равно что королева. Слава королеве Логу!

— Меня как раз больше беспокоит его нынешняя фаворитка, чем он сам, — заметила Логу — Иоанн, если и попытается зайти сзади, нож мне в спину не воткнет, а вот его женщина может

— Я все равно чувствую себя последним сводником, — сознался Бартон.

— С чего бы? Ведь я тебе не принадлежу.

Они вернулись к Иоанну и сказали, что согласны принести присягу.

Иоанн велел подать выпивку ради такого случая. И велел своему первому помощнику, здоровенному янки из второй половины двадцатого века по имени Огастес Струбвелл, вечером приготовить все для торжественной присяги.

Два дня спустя «Рекс» поднял якорь и двинулся вверх по Реке. Алису назначили сестрой милосердия к одному из корабельных врачей, доктору Дойлу. Логу послали обучаться на рулевого — после этого она официально станет запасным

рулевым второго класса. Ее обязанности будут состоять только в том, чтобы заменять кого-то из постоянных рулевых второго класса в случае надобности. У нее будет масса свободного времени, если не считать неурочных занятии в каюте Иоанна, которые король не замедлил начать. Женщина, отстраненная Логу, делала вид, что сердится, но это была неправда. Иоанн надоел ей не меньше, чем она ему.

Казза и Бартона назначили в десант. Каззу вручили боевой топор, Бартону — пистолет и шпагу. Бесст зачислили в лучницы.

Первой задачей Бартона было выяснить, кто на борту якобы жил после 1983 года. Таких оказалось четверо, в том числе Струбвелл, бывший при Иоанне, когда тот уводил пароход.

ГЛАВА 8

Преподобный мистер Доджсон, более известный как Льюис Кэрролл, предпослал своей книге «Алиса в Стране Чудес» стихотворный эпиграф. «Июльский полдень золотой сияет так светло», — так начинаются эти стихи, описывающие знаменитую поездку на лодке по реке Айзйс, во время которой настоящая живая Алиса и подбила Доджсона записать сказку, сочиненную им по

просьбе «безжалостной троицы».

В тот день, 4 июля 1862 года, золотой только в памяти, а на деле хмурый и дождливый, Доджсона, впоследствии Додо в первой книге и Белого Рыцаря из «Алисы в Зазеркалье», сопровождали: преподобный Дакворт, ставший в книге Гусем; Лорина, тринадцати лет, ставшая попугайчиком Лори; десятилетняя Алиса, Алисой и оставшаяся, и восьмилетняя Эдит, младшая сестра, ставшая орленком Эдом.

Три эти девочки были дочерьми епископа Лидделла. Буйные оксфордские студенты в своих песенках рифмовали «Лидделл» с «обидел». Доджсон в своих стихах называет девочек по возрасту: Первая, Вторая и Третья.

Теперь Алисе, стоящей посреди их с Ричардом каюты, казалось, что она и вправду всю свою земную жизнь играла роль Второй. А уж в этом мире и подавно. Ричард Бартон полагал, что лишь немногие мужчины могут с ним сравниться, а в женщинах, даже в своей жене — особенно в своей жене, — равных себе он не видел.

Алиса не спорила — всегда мягкая, мечтательная, погруженная в себя. Не зря же Доджсон сказал о ней:

И Алиса — только сон

Дивных, давних тех времен.
Днем, увы, не снится он.

Но даже Доджсону не снилось, насколько он был прав. Теперь Алиса живет в призрачном мире, где даже среди бела дня над горными вершинами заметно свечение звезд-гигантов. А в безлунные ночи газовые туманности и огромные звезды светят ярко, как полная луна.

Под этим вечно сияющим небом Алиса всегда была довольна и даже счастлива тем, что решения принимает Ричард. В результате им часто приходилось, воевать, и Алиса, вопреки своей натуре, сражалась, как амазонка. Не обладая силой Пентесилеи, она в полной мере обладала ее мужеством.

Жизнь в Мире Реки была трудной, жестокой и кровавой. После, смерти на Земле Алиса внезапно очнулась — нагая, с гладко выбритым телом; телу было лет двадцать пять, хотя умерла она в восемьдесят два года. Очнулась она не в комнате, где умерла — не у своей сестры Роды в Вестерхэме, графство Кент. Вокруг высились неприступные горы, ограждая речную долину. На берегах реки, насколько хватал глаз, стояли люди — все нагие, гладко выбритые и молодые;

они кричали, рыдали, истерически смеялись или молчали, пораженные ужасом.

Никого вокруг не зная, Алиса импульсивно потянулась к Бартону. В ее Граале помимо всего прочего оказалась жевательная резинка, содержащая какое-то психоделическое вещество. Пожевав ее, Алиса отдалась Бартону, и они всю ночь предавались бурной любви, совершая то, что тогда казалось ей извращенным, и то, что казалось ей извращенным даже теперь.

Утром она испытала отвращение к себе и такое чувство, будто она себя убила. Бартона же она возненавидела так, как никого до этого. Однако осталась с ним, полагая, что другой был бы еще хуже. Кроме того, следовало признать, что и он тогда находился под влиянием наркотика — больше он не побуждал Алису возобновить, как тогда выражалась она, их телесное знакомство. Бартон обозначил бы это более откровенным выражением.

Со временем она полюбила его — по сути, она любила его уже в ту ночь, — и они стали жить вместе. Половину этой совместной жизни Алиса проводила в хижине одна. Бартон был самым беспокойным мужчиной из всех, кого она знала. Он и недели не мог усидеть на одном месте.

Время от времени они ссорились — зачинщиком в основном был он, но потом и Алиса перестала ему уступать. Вскоре Бартон исчез на несколько лет и вернулся к ней с чистейшей воды небылицей, как выяснилось потом. Алиса была больно задета, когда узнала наконец, что Бартон столько лет скрывал от нее свою тайну. Однажды ночью его посетил некто в маске, сказавший, что принадлежит к этикам — к Совету, правящему теми, кто воскресил тридцать пять биллионов землян.

По словам неизвестного, этики оживили человечество ради какого-то эксперимента. Со временем люди умрут окончательно и никогда уже не воскреснут. Неизвестный же, Икс, тайно восстал против этого.

Бартон отнесся к его словам скептически. Но когда другие этики попытались схватить Бартона, он бежал. Несколько раз он был вынужден убить себя, чтобы, воскреснув в другом месте, оторваться от преследования. Позднее он ввел это в систему. После семьсот семьдесят седьмого самоубийства он очнулся в зале Совета двенадцати. Они сказали ему то, что Бартон и сам знал: что среди них имеется ренегат. Пока что они не обнаружили, кем является он или она. Но непременно обнаружат.

Теперь, когда Бартон попал им в руки, они будут постоянно следить за ним. При этом все, что касается приходов этика, и все, что Бартон знает о нем, будет стерто из его памяти.

Однако Бартон, вновь очнувшись на берегу Реки, обнаружил, что помнит все. Икс как-то ухитрился воспрепятствовать уничтожению воспоминаний и надуть своих собратьев.

Икс, как рассудил Бартон, принял также меры, чтобы помешать этикам найти его, Бартона, в случае нужды. И англичанин отправился вверх по Реке, разыскивая других рекрутов Икса. Какой помощи от них можно ждать. Икс не сказал — обещал лишь открыть позднее, что и когда им нужно будет сделать.

На деле все вышло не так. Икс больше не появлялся, и воскрешения внезапно прекратились.

Потом Бартон открыл, что Питер Джейрус Фрайгейт и тау-китянин, бывшие с ним с самого начала, — либо этики, либо их агенты. Но схватить их он не успел — они бежали.

Бартон не мог больше скрывать тайну от своих спутников. Алису его рассказ сначала ошеломил, потом она пришла в ярость. Почему он сразу не сказал ей правду? Бартон объяснил, что поступил так ради ее же блага. Если бы она знала правду,

этики могли бы похитить ее, чтобы подвергнуть допросу и Бог знает чему еще.

С тех пор гнев постоянно тлел в груди Алисы, то и дело вырываясь наружу и обжигая Бартона. Он, со свойственной ему вспыльчивостью, в долгу не оставался. И хотя потом они каждый раз мирились, Алиса знала, что день их расставания недалек.

Ей следовало бы порвать с Ричардом еще до их поступления на «Рекс», но ей тоже хотелось проникнуть в тайны Мира Реки. Оставшись на берегу, она всю жизнь жалела бы об этом. Поэтому она села с Ричардом на корабль и вот теперь стоит в их общей каюте, не зная, что делать дальше.

Приходится сознаться, что она здесь не только ради того, чтобы раскрыть тайны. Впервые за свою жизнь в этом мире она обрела водопровод с холодной и горячей водой, комфортабельный туалет, мягкую постель, кондиционер и большой салон, где показывают фильмы и спектакли и где оркестры исполняют классическую и популярную музыку на настоящих земных инструментах, а не на тех изделиях из глины, кожи и бамбука, которыми пользуются на берегах. Там играют также в бридж, вист и другие игры. И весь этот комфорт, материальный и душевный, — к ее

услугам. Трудно было бы от него отказаться.

Да, в странном положении оказалась она, дочь епископа, рожденная 4 мая 1852 года близ Вестминстерского аббатства. Ее отец, будучи деканом колледжа Крайст Черч в Оксфорде, прославился также как соавтор «Греко-английского лексикона» Лидделла и Скотта. Мать Алисы была красивой и образованной женщиной, похожей на испанку. Алиса Плэзнс Лидделл приехала в Оксфорд, когда ей было четыре года, и почти сразу же подружилась с застенчивым, заикающимся преподавателем математики, имеющим духовный сан и не совсем обычное чувство юмора. Оба жили при колледже, в одном дворе, и потому часто встречались.

Алисе и ее сестрам, как дочерям епископа, в жилах которого текла королевская кровь, почти не разрешалось играть с другими детьми. Их образованием занималась в основном гувернантка, мисс Прикетт — она очень старалась воспитать девочек как следует, но и сама не отличалась большой ученостью. Однако Алиса пользовалась всеми преимуществами ребенка из привилегированной викторианской семьи. Рисованию ее обучал сам Джон Рескин. Частенько ей удавалось подслушать беседы отца с пришедшими к обеду

гостями, а в доме бывали и принц Уэльский, и Гладстон, и Мэтью Арнольд, и прочие знаменитости.

Алиса была хорошенькой девочкой с темными прямыми волосами, подстриженными впереди в челку. Лицо отражало тихую, мечтательную натуру, но задумчивость сочеталась в Алисе с живостью — особенно веселили девочку причудливые сказки Доджсона. Она много читала и получила хорошее домашнее образование.

Она любила играть со своей черной кошкой Диной и рассказывать ей сказки, хоть и не такие интересные, как у доктора. Ее любимой песней была «Вечерняя звезда», которую Доджсон спародировал, вложив в уста Черепахи как бы:

Еда вечерняя, блаженная еда!

Сама Алиса больше всего любила главу о Чеширском Коте. Она любила кошек — и даже когда выросла, порой говорила со своим очередным любимцем, как с человеком, если никто не слышал.

Выросла она в привлекательную девушку, прекрасно сложенную и наделенную каким-то неуловимым очарованием — этот таинственный флер отмечали в ее детские годы и Доджсон, и Рескин, и другие. Для них она была «дитя с чистым,

ничем не омраченным челом и мечтательными, полными веры в чудо глазами».

И все же Алиса вышла замуж только в двадцать восемь лет, в 1880 году, будучи уже старой девой по викторианским, понятиям. Ее муж, Реджинальд Джервис Харгривз, владел поместьем Каффнелз близ Линдхерста в Гэмпшире. Получив образование в Итоне и Оксфорде, он стал мировым судьей и вел в своем поместье очень тихую жизнь вместе с Алисой и их тремя сыновьями. Он любил чтение, особенно французских авторов, верховую езду и охоту, имел он также огромный дендрарий, где росли сосны Дугласа и Мамонтово дерево.

Несмотря на некоторую заторможенность и неловкость в первое время, Алиса привыкла к физической любви и стала находить в ней удовольствие. Она любила своего мужа, его смерть в 1926 году причинила ей глубокое горе.

Но Бартона она любила со страстью, какую никогда не питала к Реджинальду.

Любила, но больше не люблю, твердила она себе. Она не могла смириться с его вечной непоседливостью — хотя теперь, похоже, ему придется просидеть на одном месте много лет. Правда, это место движется. Его вспышки ярости, всегдаш-

няя готовность затеять ссору, его постоянная ревность давно уже утомляли Алису. Те самые черты, которые раньше привлекали ее в Бартоне, поскольку ей самой их недоставало, теперь отталкивали ее. Больше всего ее раздражало то, что он так долго скрывал Тайну. Но теперь ей некуда уйти. Все каюты заняты. В некоторых, правда, проживают одинокие мужчины, но Алиса не собиралась уходить к человеку, которого не любит.

Ричард посмеялся бы над ней. Он заявлял, что в женщине ему нужна лишь красота и преданность. Еще он предпочитал блондинок, хотя и отказался от своего предпочтения ради нее. Он посоветовал бы Алисе найти себе какого-нибудь недурного на вид парня с приемлемыми манерами и уйти жить к нему. Нет, неправда. Он пригрозил бы убить ее, если она уйдет к другому. Или нет? Уж конечно, она надоела ему не меньше, чем он ей.

Алиса села и закурила сигарету — на Земле ей это и в голову бы не пришло, — раздумывая, как же ей быть. Не найдя ответа, она вышла из каюты и направилась в салон — там всегда происходит что-то интересное.

Несколько минут она бродила там, рассматривая картины и статуэтки и слушая, как играет на

рояле Лист.

Когда она почувствовала себя одинокой и ей захотелось, чтобы кто-нибудь развеял ее тоску, к ней подошла женщина ростом около пяти футов, стройная и длинноногая. Ее небольшие заостренные груди с торчащими сосками едва прикрывала тонкая ткань. Лицо было красивым, несмотря на несколько длинноватый нос.

Блондинка сказала на эсперанто, показав очень белые и ровные зубы:

— Здравствуйте, я Афра Бен, одна из стрелков и бывших любовниц его величества — впрочем, он порой не прочь вспомните старое. А вы Алиса Лидделл, не так ли? Женщина этого свирепого притягательно-уродливого валлийца, Гвалхг-винна.

Алиса ответила утвердительно и тут же спросила:

— А вы — автор «Ороноко»?

— Да, и нескольких пьес, — улыбнулась Афра. — Приятно знати что в двадцатом столетии меня не забыли. Вы играете в бридж? Нам нужен четвертый.

— Вот уж тридцать четыре года, как не играла. Но раньше любила. Если вы простите мне небольшие промахи вначале…

— Ну, мы быстро вернем вам былую форму, хотя это будет небезболезненно, — засмеялась Афра и под руку подвела Алису к столу, над которым висели огромное полотно, изображавшее Тезея, входящего в лабиринт Миноса, где поджидает его Минотавр. Нить Ариадны была привязана к колоссальному мужскому органу героя.

Афра, видя лицо Алисы, усмехнулась:

— В первый раз невольно вздрагиваешь, верно? Прямо ад знаешь, чем Тезей вознамерился убить человекобыка — мечом или чем-то другим.

— Если он остановится на последнем, — заметила Алиса, — то нить порвется и он не найдет дорогу к Ариадне.

— На ее же счастье. Она так и умерла бы, думая, что он ее любит, не зная, что он собирается бросить ее при первой возможности.

Итак, это Афра Эмис Бен — романистка, поэтесса и сочинительница пьес, которую в Лондоне звали Несравненной Астреей, в честь девы-звезды, почитавшейся в Древней Греции. Незадолго до смерти, постигшей Афру в 1689 году, когда ей было сорок девять лет, она написала роман «Ороноко», ставший сенсацией того времени; его переиздали в 1930 году, дав Алисе возможность прочесть его перед смертью.

Эта книга имела большое влияние на развитие английского романа, и современники сравнивали лучшие вещи Афры с трудами Дефо. Пьесы ее, непристойные, но остроумные, приводили зрителей в восторг. Она стала первой англичанкой, зарабатывающей себе на жизнь литературным трудом, а еще она была шпионкой Карла II во время войны с Голландией.

Поведение ее было скандальным даже во времена Реставрации, однако похоронили ее в Вестминстерском аббатстве — честь, в которой позднее отказали известному столь же скандальным (Поведением и куда более знаменитому лорду Байрону.

Двое мужчин у стола нетерпеливо ожидали начала игры. Афра представила их Алисе, кратко рассказав о каждом.

На западном конце стола сидел Лаззаро Спалланцани, родившийся в 1729 году и умерший в 1799-м. Он был одним из самых выдающихся естествоиспытателей своего времени— особенно большую известность получили его опыты с летучими мышами, с целью выяснить, как они могут летать в полной темноте. Он пришел к выводу, что они делают это с помощью ультразвука, хотя этот термин в те дни еще не был

известен. Спалланцани был мал ростом, строен, черен — настоящий итальянец, хотя изъяснялся на эсперанто.

Северный конец стола занимал чех Ладислав Подебрад, среднего роста (по меркам второй половины двадцатого века), очень широкий в плечах, мускулистый, с толстой шеей, желтыми волосами и холодными голубыми глазами. У него были очень густые, тоже желтые брови, большой орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Несмотря на большие ручищи — точно медвежьи лапы, подумала склонная преувеличивать Алиса — и сравнительно короткие пальцы, карты он раздавал с ловкостью миссисипского пароходного шулера.

Афра пояснила, что его взяли на борт всего восемь дней назад и что он — инженер-электромеханик с докторской степенью. Афра сказала еще — вызвав внезапный интерес Алисы, — что король Иоанн приметил Подебрада, когда тот стоял у обломков воздушной машины на левом берегу. Выслушав рассказ чеха и узнав, кто он по профессии, Иоанн пригласил его в качестве второго механика в машинное отделение. Дюралюминиевый киль и гондолу полужесткого дирижабля разрезали на части и поместили на

склад «Рекса».

Подебрад был немногословен, — видимо, он принадлежал к числу игроков, которые все внимание отдают бриджу. Но Алиса, пользуясь трескотней Бен и Спалланцани, все же отважилась задать ему несколько вопросов. Отвечал он кратко, однако раздражения не выказывал. Это еще ничего не значило — он всю игру просидел с каменным лицом.

Подебрад, по его словам, был здесь главой государства, расположенного много ниже по Реке и носящего название Нова Бохемуйо — то есть Новая Богемия на эсперанто. Его избрали на этот пост потому, что в Чехословакии он тоже состоял в правительстве и занимал видный пост в коммунистической партии. Теперь он перестал быть коммунистом, поскольку это учение годилось здесь не больше, чем капитализм. Зато его очень привлекала Церковь Второго Шанса, хотя он так в нее и не вступил.

Подебраду стал постоянно сниться сон о том, что глубоко под Нова Бохемуйо будто бы имеются залежи железа и других минералов. В конце концов Подебрад убедил своих сограждан заняться поисками. Это был долгий, утомительный труд, во время которого сломалось множество

кремневых, сланцевых и деревянных орудий, но энтузиазм Подебрада не давал людям пасть духом. Кроме того, у них появилось какое-то занятие.

— Поймите, я человек совсем не суеверный, — глубоким басом говорил Подебрад. — Я не верю в сны и не стал бы обращать внимания даже на этот, каким бы назойливым и убедительным он ни был. Не стал бы почти ни при каких обстоятельствах. Мне казалось, что этот сон отражает мое — подсознание — я не люблю этот термин, поскольку отвергаю фрейдизм, но он точно отражает то, что я испытывал. Так проявлялись мои желания найти металл; как мне тогда казалось. Потом я начал считать, что сон можно объяснить и по-другому. Может, между мной и металлом есть какое-то притяжение, и какие-то земные токи идут от него ко мне — ну, скажем, металл — один полюс, а я — другой.

А еще говорит, что не суеверен, подумала Алиса. Смеется он надо мной, что ли?

Впрочем, Ричарду эта чушь пришлась бы по вкусу. Он сам верил в притяжение между собой и серебром. В Индии он, когда болел офтальмией, клал серебряные монеты себе на веки, а в старости, когда стал страдать подагрой, — на ступни.

— Хотя я не верю в сны как проявление подсознательного, я верю, что они могут служить телепатической или иной формой сверхчувственного восприятия, — продолжал Подебрад. — В Советском Союзе широко проводились эксперименты с СЧВ. Как бы там ни было, я чувствовал, что под Нова Бохемуйо залегают металлы. Так и оказалось. Железо, боксит, криолит, ванадий, платина, вольфрам и так далее. Вместе, не отдельными пластами. Очевидно, те, кто переделывал эту планету, свалили все руды в одну кучу.

Все это, разумеется, говорилось в промежутках между торговлей. Подебрад каждый раз начинал оттуда, где остановился, словно его и не прерывали.

Он индустриализировал свое государство. Народ вооружился стальными мечами, а также луками и огнестрельным оружием из стекловолокна. Подебрад построил два военных парохода — не такие, конечно, громадные, как «Рекс».

— Не для агрессии, а для обороны. Другие страны завидовали нашему богатству и хотели бы отнять у нас минералы, но не осмеливались нападать. Моей конечной целью, однако, была постройка большого винтового судна, на котором я мог бы добраться до истоков Реки. Я не знал

тогда, что по Реке уже движутся два гигантских корабля. А если бы даже и знал, все равно бы построил свой.

Потом я связался с некими авантюристами, предлагавшими долететь до истока на воздушном корабле. Эта мысль показалась мне заманчивой, я построил малый дирижабль и отправился на нем в путь. Однако он попал в шторм и разбился. Вся моя команда уцелела, и тут как раз подошел «Рекс».

Через несколько минут игра кончилась. Подебрад и Алиса остались в выигрыше, а Спалланцани сердито вопрошал Подебрада, почему тот заявил бубны, а не трефы. Подебрад не дал ответа, предложив итальянцу самому поразмыслить над этим. И поздравил Алису по случаю ее корректной игры. Алиса поблагодарила, хотя не больше Спалланцани понимала, как чеху удалось выиграть. Перед тем как расстаться, она сказала:

— Синьорина Бен забыла назвать точные даты вашего рождения и смерти на Земле.

Подебрад бросил на нее проницательный взгляд.

— Скорее всего они ей неизвестны. К чему вам это знать?

— Просто меня интересуют такие вещи.

— Родился в 1912-м, умер в 1980-м, — пожал плечами Подебрад.

Прежде чем заступить на дежурство, Алиса поспешила отыскать Бартона (ей предстояло сегодня учиться вправлять вывихи и накладывать гипсовые повязки). Бартона она поймала в коридоре на пути в их каюту. Он вспотел, и его. смуглая кожа блестела, как. намасленная бронза. Два часа он занимался борьбой на палках и фехтованием — сейчас у него был получасовой перерыв перед следующим занятием.

По дороге в каюту Алиса рассказала ему про Подебрада. Он спросил, почему этот чех так взволновал ее.

— Его рассказы про сон — просто чушь, — сказала Алиса. — Я вот что думаю на этот счет: по-моему, он агент, заброшенный в долину и знавший, где находятся залежи руд. Сон послужил ему только предлогом, чтобы заставить своих людей копать. Потом он построил дирижабль, чтобы долететь не просто до истока, а до самой башни. Это наверняка так!

— Да-а, — протянул Бартон в свойственной ему и бесившей ее манере. — Как насчет других доказательств, пусть даже самых слабых? Все-таки этот парень не жил после 1983 года.

— Это он так говорит! Откуда нам знать: может, некоторые агенты — ты сам говорил — изменили свои биографии? И потом… Алиса умолкла, но все ее существо выражало нетерпение.

— Да?

— Вот ты описывал нам членов Совета двенадцати. Мне кажется, Подебрад похож либо на того, кого звали Танабур, либо на того, кого звали Лога!

Это попало в цель, и Бартон, помолчав, сказал:

— Опиши-ка мне еще раз этого человека. — Выслушав Алису, он потряс головой. — Нет. И у Логи, и у Танабура глаза зеленые. У Логи волосы рыжие, у Танабура — каштановые. А у твоего Подебрада желтые волосы и голубые глаза. Может, он и похож на тех двух, но таких похожих, наверно, миллионы.

— Но, Ричард, цвет волос ведь можно изменить! Пластиковые линзы, меняющие цвет глаз, о которых рассказывал нам Фрайгейт, Подебрад не носит — но не думаешь ли ты, что у этиков имеются и не столь заметные средства, для изменения цвета глаз?

— Возможно. Я сам посмотрю на этого парня. Приняв душ, Бартон побежал в салон. Не найдя там Подебрада, он отправился в машинное отде-

ление и позднее сказал Алисе:

— Поживем — увидим. Он действительно похож на Танабура и на Логу Если один может быть хамелеоном, может и другой. Но прошло уже двадцать восемь лет с тех пор, как я их видел, и наша встреча была очень краткой. Не могу ничего сказать определенно.

— И ничего не собираешься предпринимать?

— Не могу же я арестовать его тут, на судне Иоанна! Будем просто наблюдать за ним, а найдется что-нибудь, подтверждающее наши подозрения, — тогда посмотрим. Вспомни агента Спрюса. Когда мы схватили его, он убил себя, просто произнеся мысленно какой-то код — и в его организм поступил яд из того черного шарика в мозгу. Надо будет действовать крайне осторожно и лишь тогда, когда у нас появится уверенность. Я лично думаю, что это только совпадение. А вот относительно Струбвелла у нас сомнений нет. Ну, почти нет. В конце концов то, что каждый, кто будто бы жил после 1983 года, агент — только теория. Возможно, нам просто редко встречались такие люди.

— Ну что ж, буду почаще играть с Подебрадом в бридж — лишь бы только не осрамиться. И послежу за ним.

— Будь осторожна, Алиса. Если он — один из них, он очень наблюдателен. Не надо было спрашивать его о датах его жизни. Возможно, это его насторожило. Надо было узнать у кого-нибудь другого.

— Можешь ты хоть раз в жизни довериться мне полностью? — сказала Алиса и ушла.

ГЛАВА 9

Логу лишилась звания фаворитки короля.

Короля Иоанна так поразила рыжеволосая красавица с большими голубыми глазами, увиденная им на берегу, что он решил продлить стоянку. Пароход стал на якорь у большого причала, построенного местными жителями. Через два дня, убедившись в непритворной дружественности населения, Иоанн разрешил команде сойти на берег. О приступе внезапной страсти он умалчивал, но все и так было ясно из его поведения.

Логу не особенно опечалил вынужденный уход из капитанских апартаментов после того, как Иоанн уговорил ту женщину переспать с ним — ведь Логу не была влюблена в короля. Кроме того, она прониклась большим интересом к одному из местных, большому смуглому тохару. Он происходил из другого века, но все-таки был

ее соплеменником, и им было о чем поговорить между любовными играми. Однако Логу считала унизительным для себя, что так недолго продержалась при монархе, и грозила во всеуслышание как-нибудь темной ночью спихнуть его за борт. Было, есть и будет немало людей, желающих разделаться с Иоанном.

В первую ночь Бартон стоял на карауле. В следующую он ночевал с Алисой в хижине около причала. Здешние жители, в большинстве своем критяне минойской эпохи, были гостеприимны и любили повеселиться. Ночью они пели и плясали у костров, пока не выпивали весь запас лишайникового самогона, и лишь тогда валились в постель поодиночке, попарно или «плюралистично», как выражался Бартон. Он радовался случаю пожить здесь несколько недель и добавить новый язык к длинному списку тех, которые уже знал. Основными правилами грамматики и начальным запасом слов Бартон овладел быстро благодаря близкому родству языка с финикийским и древнееврейским. Однако этимология многих слов не была семитской — они остались от аборигенов Крита, растворившихся среди завоевателей с Ближнего Востока. Все местные, разумеется, говорили на эсперанто, хотя и отличающемся

несколько от того, что изобрел доктор Заменгоф.

Для Иоанна не составило труда уговорить свою новую пассию стать его любовницей. Трудность заключалась в другом:.Логу негде стало жить, а списать ее на берег Иоанн без веской причины не мог. Каким бы он ни был самодержцем, права человека ему не позволили бы нарушать.

Памятуя о Великой хартии вольностей, Иоанн не хотел раздражать свою команду, что не мешало ему обдумывать, как бы избавиться от Логу на законном основании.

На четвертую ночь стоянки, когда Иоанн пребывал с Голубоглазой в своей роскошной каюте, а Бартон с Алисой — в своей небольшой, но удобной, с неба спустился вертолет и сел на летную палубу «Рекса».

Немного позже Бартон выяснил, что этот десант был послан с дирижабля «Парсеваль» с приказом взять короля Иоанна в плен или убить его, если такой возможности не представится. Тогда Бартон понял одно: на «Рексе» стреляют, стало быть, дело неладно. Он обмотал вокруг пояса повязку, закрепив ее магнитными застежками, схватил со стола шпагу и заряженный пистолет и выскочил наружу, не обращая внимания на недоуменные крики Алисы.

На борту слышались вопли вперемежку со стрельбой, а потом раздался сильный взрыв — по всей видимости, в машинном отделении. Бартон во всю прыть бросился к пароходу. В рубке горел свет — там кто-то был. Колеса начали вращаться. «Рекс» дал задний ход, но Бартон перескочил на променад котельной палубы еще до того, как чалочные канаты натянулись, вывернув тумбы, и обрушился причал.

Миг спустя к Бартону с. мостика сошел незнакомец. Бартон разрядил в него пистолет, но промахнулся. Выругавшись, он отшвырнул оружие и устремился к противнику. Тот встретил его со шпагой в руке.

Никогда еще Бартон не сходился в поединке с подобным демоном! И неудивительно. Этот длинный тощий демон был Сирано Де Бержерак. Он шутливо представился Бартону во время краткой передышки, англичанин же предпочел не тратить дыхания. Оба уже получили легкие раны — верное свидетельство того, что их силы были равны. Тут поблизости кто-то закричал, Бартон отвлекся, и этого оказалось достаточно. Шпага француза пронзила ему бедро.

Бертон кулем свалился на палубу. Боль пришла несколько секунд спустя, и ему пришлось

стиснуть зубы, чтобы не закричать. Де Бержерак проявил благородство. Он не стал убивать Бартона и запретил своему человеку, который как раз появился, стрелять в поверженного врага.

Вертолет вскоре поднялся в воздух, поливаемый огнем с палубы.

Но не успел он набрать и ста футов, как чье-то нагое белое тело, мелькнув в луче прожектора, упало с него во мрак. Кто-то не то спрыгнул, не то был сброшен. Король Иоанн, догадался Бартон.

Англичанин со стонами туго обвязал обильно кровоточащую рану куском материи и заставил себя доползти до лестницы, ведущей на мостик. «Рекс» дрейфовал вниз по течению, и с этим ничего нельзя было поделать. Иоанна подняли на борт несколько секунд спустя, без сознания, со сломанной рукой и ногой.

Через пять миль «Рекса» прибило к берегу, и десять минут спустя подоспели первые люди короля, все это время бежавшие по берегу вслед за пароходом.

Доктор Дойл сложил вместе сломанные кости Иоанна и напоил его «ирландским кофе», виски, против шока.

Когда Иоанн оправился достаточно, чтобы ругаться и бушевать, он сразу занялся этим. Однако

он был рад, что остался в живых, а мотор можно было починить, благо на складе имелся запас драгоценного алюминиевого провода. Правда, на ремонт уйдет не меньше месяца, а пароход Клеменса между, тем медленно, но верно приближается.

Поскольку двенадцать человек из охраны было убито, освободилась каюта для Логу. Погибших нужно было заменить, но король с этим не спешил. Потратив несколько дней на беседы с кандидатами и проведя с некоторыми психофизические испытания, он отобрал только двоих. — Спешить некуда, — говорил он. — Я не стану брать кого попало. Здесь такой народ, что и выбирать-то не из кого.

Худа без добра не бывает: после десанта Иоанн полюбил Бартона, считая, что обязан жизнью главным образом ему. Назначить Бартона командиром десантников король не мог, зато назначил его своим личным телохранителем. И обещал повысить Бартона в чине, как только станет возможно. Бартон с Алисой перебрались в соседнюю с Иоанном каюту.

Бартон, с одной стороны, не слишком обрадовался этому, поскольку не любил угождать никому. Зато теперь он много времени проводил

со Струбвеллом и мог присмотреться к нему. Бартон внимательно вслушивался в речь первого помощника, стараясь уловить в ней посторонний акцент. Но если Струбвелл и был агентом, он вполне овладел американским среднезападным выговором.

Алиса за бриджем и при иных светских оказиях следила за Подебрадом, навострив глаза и уши. Логу положила глаз на одного из предполагаемых агентов, здоровенного Артура. Пала, венгерского инженера-электромеханика, и перебралась к нему, когда от него ушла подруга. Подозрения Бартона еще более возросли, когда Логу заметила, что Пал часто общается с Подебрадом. Попытки Логу уличить Пала во лжи не принесли успеха, но Бартон заверил, что со временем ей это непременно удастся. Пусть агенты затвердили свои биографии наизусть, они все же (надо полагать) люди и могут ошибаться. Довольно будет одного противоречия.

Алиса так и не смогла заставить себя порвать с Бартоном. Она все надеялась, что он изменит свое отношение к ней и это как-то оправдает их совместную жизнь. То, что их обязанности почти не давали им видеться, облегчало дело. В конце дня Бартон так радовался встрече с Алисой, что

она смягчилась и убедила себя в том, что былая страсть снова вернулась к ним. Во многих отношениях они походили на старую супружескую пару: у них бывали мимолетные порывы нежности, но их пересиливало взаимное раздражение, вызванное теми чертами характера, которые они когда-то охотно прощали друг другу.

Да они и были стариками, хотя им вернули их молодые тела. Она дожила на Земле до восьмидесяти двух лет, он — до шестидесяти девяти. «Знаменательный возраст, если учесть мои сексуальные предпочтения», — заметил как-то Бартон. От долгой жизни костенеют не только артерии, но и привычки, и взгляды. Старикам гораздо труднее приспособиться, изменить себя к лучшему. Воскрешение из мертвых и Мир Реки поколебали веру многих и многим помогли измениться. Окостенение прошло у кого полностью, у кого частично, но много было и таких, которые совершенно не сумели приспособиться.

Алиса подверглась метаморфозам во многих отношениях, хотя основа ее характера осталась прежней. Все осталось по-прежнему в глубинах души, в тех безднах, по сравнению с которыми межзвездные пространства — лишь прыжок, через лужу. Так же обстояло дело и с Бартоном.

И Алиса осталась с ним, продолжая надеяться, хотя и знала, что надежды нет.

Временами она мечтала о встрече с Реджинальдом, сознавая, однако, что это было бы еще более безнадежно. Она ни за что не вернулась бы к нему, ни к прежнему, ни к изменившемуся. Вряд ли он, впрочем, изменился. Он был хорошим человеком, но, как все хорошие люди, имел недостатки, в том числе и крупные, и был чересчур упрям, чтобы исправлять их.

Беда в том, что ни одна гусеница не в силах помочь другой измениться. Если гусенице нужно превратиться в бабочку, она должна сделать это сама. Вся разница между человеком и гусеницей заключается в том, что насекомое запрограммировано заранее, а человек должен сам себя программировать.

В таких раздумьях проходили дни Алисы, хотя у нее было достаточно занятий и кроме раздумий.

И вот однажды, когда «Рекс» вознамерился подзарядить свой батацитор и Граали на правом берегу, камень не сработал.

ГЛАВА 10

Шок и паника.

Пятнадцать лет назад правобережные камни

уже отказывали, но сутки спустя возобновили работу. Клеменс говорил королю Иоанну, что подачу энергии прервал крупный метеорит, но линию восстановили и весь ущерб ликвидировали в вышеназванный краткий срок. Должно быть, это сделали этики, хотя очевидцы отсутствовали: все, кто жил в том районе, были усыплены — вероятно, газом — и все сутки проспали.

Теперь вопрос стоял так: будет ли линия восстановлена, как в тот раз? И еще: что вызвало аварию? Снова метеорит? Или это очередной этап разрушения Мира Реки?

Король Иоанн, хотя и был ошарашен поначалу, оправился быстро. Он послал офицеров успокоить команду и распорядился раздать всем смесь из самодельного спирта, воды и сушеных цветов «железного» дерева, называемую на «Рексе» грогом.

Когда все как следует накачались напитком, придающим бодрость и отвагу, король приказал принять кабель с медным питающим наконечником обратно на борт, и «Рекс» двинулся к отмелям у левого берега. В батациторе осталось достаточно энергии, чтобы пароход мог идти вперед до часа следующей трапезы. За два часа до сумерек Иоанн велел остановиться и вновь протянуть,

кабель к камню на берегу.

Как и следовало ожидать, местные жители отказались «одолжить» свой камень «Рексу». Один из паровых пулеметов начал поливать толпу на берегу градом пластиковых пуль, и местные в панике отступили подальше на равнину. Два катера-амфибии, прежде именовавшиеся «Дракон-1» и «Дракон-2», а ныне «Элеонора» и «Генрих», с ревом подошли к берегу и стали там, пока кабель подсоединялся к камню. Через час, однако, к местным подошло подкрепление от камней, отстоящих на милю от здешнего — включая и те, что находились в предгорьях. Тысячи мужчин и женщин с громкими боевыми кликами напали на катера и на пароход. Одновременно пятьсот человек на лодках предприняли атаку с Реки.

Сотни людей полегли под разрывными снарядами и ракетами «Рекса», сотни — под огнем пулеметов. Десантники и вся остальная команда, выстроившись у бортов, палили из винтовок, пистолетов, базук и пускали стрелы.

Берег и Река вокруг «Рекса» скоро стали красными от крови, покрылись трупами и кусками тел. Камень наконец разрядился, но большие и малые ракеты, пущенные местными, уже ско-

сили многих на борту и причинили кое-какой ущерб судну.

Бартон все еще передвигался с трудом, хотя его рана заживала быстрее, чем на Земле. Но он все же дотащился до борта техасской палубы и стал стрелять деревянными пулями из винтовки сорок восьмого калибра. Он поразил не меньше трети суденышек, осаждавших «Рекс» с Реки. Когда все лодки, челноки, каноэ, боевые челны и парусные лодки потонули, Бартон заковылял к другому борту.

Он подоспел как раз к началу третьей и последней атаки. Вражеские командиры, готовя ее, произносили зажигательные речи, барабаны гремели, рога ревели, и вот местные с криками ринулись, в бой. К тому времени катера расстреляли все боеприпасы и вернулись в свой док на корабле. Зато в воздух поднялись оба истребителя, разведчик, торпедный бомбардировщик и вертолет.

Несколько вражеских бойцов уже почти добежали до кромки воды. Но под огнем авиации ряды дрогнули, и неприятель побежал. Вскоре после этого загремели и засверкали камни, и «Рекс» подзарядился.

— Зубы Господни! — выругался Иоанн с безуми-

ем во взоре. — Если уже сегодня творится такое, что же будет завтра? Спаси нас, Боже!

Он был прав. Перед рассветом орды оголодавших правобережников хлынули на Реку. Все имевшиеся в наличии лодки, включая двухмачтовые шхуны, были до отказа забиты мужчинами и женщинами. За ними следовала орда пловцов. Когда взошло солнце, стало видно, что Река, насколько хватает глаз, усеяна судами и пловцами. Первый вал, лодки, защитники встретили градом ракет и стрел. Однако почти все лодки причаливали, и правобережники выскакивали из них.

«Рекс», попавший меж двух огней, отчаянно сражался. Огонь с борта расчистил пространство вокруг камней, и амфибии, изрыгая пламя, двинулись на своих не оставляющих следов гусеницах к камню. Пока они сдерживали лезущих со всех сторон защитников и захватчиков, подъемный кран «Генриха» водрузил наконечник на камень.

Камни разрядились, тогда «Генрих» тут же снял колпак и втянул стрелу крана обратно.

Когда катера вернулись на корабль, Иоанн приказал поднять якорь.

— А потом — полный вперед! Эту команду легче было отдать, чем выполнить. Мелкие суда так

кишели вокруг «Рекса», что он мог идти лишь на самой малой скорости. Колеса шлепали по воде, нос крушил большие парусные лодки и лодчонки помельче, а правобережники поливали «Рекс» огнем. Атакующие лезли на котельную палубу, но долго там не задерживались.

Наконец «Рекс» прорвался и двинулся к другому берегу. Там он вошел в более слабое прибрежное течение и устремился вверх по Реке.

На том берегу все еще кипел бой.

Иоанну предстояло решить, подзаряжаться им в полдень или нет.

Определившись, король велел стать на якорь у длинного причала.

— Пусть поубивают друг друга, — сказал он. — У нас хватит у копченых и сушеных продуктов, чтобы дотянуть до завтра. А послезавтра подзарядимся. К тому времени побоище уже кончится.

Правый берег являл собой поистине странное зрелище. На «Рексе» так привыкли к шумным, говорливым, смеющимся толпам, что безлюдье казалось чем-то нереальным. Здесь не осталось никого, кроме очень немногих — слишком разумных или слишком робких, чтобы решиться набить свой живот за счет левобережников. Хижины, бараки и бревенчатые общественные

здания опустели, пусто стало на равнине и в предгорьях. Животных, птиц, насекомых и пресмыкающихся на этой планете не водилось, и только ветер, шуршащий в листве редких, деревьев на равнине, нарушал тишину.

За Рекой воюющие стороны расстреляли уже весь порох, и до «Рекса» лишь изредка долетали слабые отголоски — одиночные и слитные крики ярости, голода, страха, боли и смерти.

Потери «Рекса» за два дня составили тридцать человек убитыми и шестьдесят ранеными, из них двадцать тяжело — впрочем, все пострадавшие считали свои раны тяжелыми. Мертвых положили в мешки из рыбьей кожи с привязанным грузом и после краткой церемонии бросили в воду на середине Реки. Мешками воспользовались лишь ради того, чтобы пощадить чувства живых — рыбы раздерут мертвецов в клочья — и пожрут их прежде, чем те достигнут дна.

У левого берега, трупы плавали тесными рядами, стукаясь друг о друга, и хищные рыбы кишели меж ними в кровавой воде. Целый месяц Реку уродовал затор из мертвых тел. Бои, как видно, шли повсюду, и нужно было долгое время, чтобы трупы исчезли окончательно. Рыба жирела, и громадные «речные драконы», всплывая

из глубин, глотали раздувшиеся тела целиком, набивали желудки до отказа. Переварив и извергнув добычу, они всплывали снова, чтобы есть, переваривать и извергать.

— Это Армагеддон, Апокалипсис, — со стоном говорил Бартон Алисе.

Алиса часто плакала, и по ночам ей снились кошмары. Но утешения Бартона вселяли в нее чувство, что они снова стали близки друг другу.

На следующий полдень «Рекс» отважился пересечь Реку, чтобы подзарядиться. Но дальше он не пошел, а вновь причалил к правому берегу Нужно было восполнить запас, пороха и отремонтировать повреждения.

На это ушел месяц, и за это время Бартон окончательно оправился от своей раны.

Когда пароход снова тронулся в путь, несколько человек из команды получили задание провести учет оставшихся в живых в некоторых, выборочно взятых, районах. Результат показал, что погибло около половины населения, если предположить, что столь же тяжелые бои шли повсюду. За сутки было перебито семнадцать с половиной биллионов человек.

Много времени прошло, прежде чем на «Рекс» вновь вернулось веселье, а люди на берегу похо-

дили на призраков. Страшнее бойни была мысль: а что, если оставшиеся питающие камни тоже откажут?

Самое время взяться за подозреваемых, думал Бартон. Но если прижать предполагаемых агентов к стенке, они могут убить себя, даже зная, что воскрешения не последует. Кроме того, возможно, что люди, жившие после 1983 года, ни в чем не повинны.

Надо ждать. Ничего другого не остается.

Тем временем Логу ненавязчиво расспрашивала своего сожителя, Алиса же, не столь ненавязчиво, старалась расколоть Подебрада. Бартон ждал, когда выдаст себя Струбвелл.

Через несколько дней после возобновления плавания Иоанн решил, что пора пополнить команду. Во время полуденной трапезы «Рекс» остановился, и король сошел на берег объявить, что проводит набор рекрутов.

Бартон, или сержант Гвалхгвинн, наравне с другими должен был высматривать в толпе возможных злоумышленников. Однако он позабыл на время свои обязанности, увидев явного представителя раннего палеолита, приземистого, ширококостного, похожего на монгола той эпохи, когда эта раса еще не смешалась с другими.

Нгангчунгдинг не отказался вкратце преподать Бартону азы своего языка, с которым тот еще не сталкивался. Потом Бартон, уже на эсперанто, стал уговаривать своего собеседника записаться на «Рекс». Тот мог бы стать ценным приобретением для отряда десантников, а заодно Бартон выучил бы его язык. Нгангчунгдинг отказался, сказав, что он нихиренит, приверженец буддистского учения, которое исповедовало не менее рьяный пацифизм, чем его главный конкурент, Церковь Второго Шанса. Бартон, хотя и был разочарован, дал первобытному пацифисту сигарету в знак того, что не обиделся, и вернулся к столу короля Иоанна.

Иоанн расспрашивал кавказца, которого от Бартона загораживал высокий, тонконогий, длиннорукий и широкоплечий негр. Бартон прошел мимо них, чтобы занять место позади Иоанна, и услышал, как белый говорит: — Меня зовут Питер Джейрус Фрайгейт. Бартон резко обернулся, бросился на Фрайгейта и повалил его на землю, схватив его за горло и крича:

— Убью!

В этот момент кто-то треснул Бартона по затылку.

ГЛАВА 11

Придя в себя, он увидел, что негр и еще четверо, стоявших около, сцепились с охраной Иоанна. Сам король вскочил на стол и выкрикивал приказания, багровея от натуги. Свалка продолжалась с минуту, потом все улеглось. Фрайгейт, кашляя, поднялся на ноги, встал и Бартон, чувствуя боль в затылке. Его, как видно, съездили дубинкой, которую чернокожий носил на ремне у пояса — теперь она валялась на траве.

Бартон, хотя не совсем еще обрел ясность мысли, понял, что ошибся. Этот человек действительно очень походил на того Фрайгейта, которого знал Бартон, и голос был похож. Однако это был все-таки не тот Фрайгейт, к тому же ниже того ростом. И все же… одно и то же имя?

— Прошу прощения, синьоро Фрайгейт, — сказал Бартон. — Я принял вас за человека, к которому питаю вполне заслуженную неприязнь. Он причинил мне огромный вред… впрочем, неважно. Я искренне сожалею, и если могу чем-то возместить…

«Да какого черта? — подумал он. — Или, точнее. Кой черт?» Бартон, хотя это был не его Фрайгейт, невольно оглянулся, ища глазами Моната.

— Вы меня чертовски напугали, — сказал Фрайгейт. — Ну да ничего, все в порядке. Притом вы сполна расплатились за свою ошибку. У Умслопогааса рука тяжелая.

— Я его совсем легко ударил, — сказал негр.

— Да уж. — И Бартон засмеялся, хотя от этого голова заболела еще больше.

— Счастье твое и твоих друзей, что вас не убили на месте! — проревел Иоанн, снова усаживаясь за стол. — Ну, в чем же дело?

Бартон стал объяснять, радуясь про себя, что Фрайгейт оказался не тот и, значит, не сможет назвать Иоанну настоящее имя Бартона. Иоанн, получив от Фрайгейта и его четверых спутников заверения, что они не держат на Бартона зла, велел своим людям отпустить их. Перед тем как продолжить допрос, король потребовал у Бартона рассказать, почему тот напал на Фрайгейта. Бартон тут же на месте сочинил какую-то историю, которой король, кажется, остался доволен.

— Как ты объяснишь это поразительное сходство? — спросил Иоанн Фрайгейта.

— Никак, — пожал плечами тот. — Со мной и раньше такое случалось. Покуда на меня, правда, никто не бросался, но я встречал людей, которым казалось, что они меня знают — хотя лицо у меня

не такое уж заурядное. Я еще мог бы это объяснить, будь мой отец коммивояжером — однако он был инженером-строителем, электротехником и почти не выезжал из Пеории.

Фрайгейт, похоже, не обладал никакими особыми качествами для зачисления в команду. Он был ростом шесть футов и мускулист, но и только. Он заявил, что хорошо стреляет из лука, но таких лучников были сотни и тысячи. Иоанн отказал бы Фрайгейту, если бы тот не упомянул, что поднимался на сто миль по Реке на воздушном шаре. И что он видел огромный дирижабль. Иоанн понял, что это был «Парсеваль», и воздушным шаром тоже заинтересовался.

Фрайгейт сказал, что они с товарищами плыли по Реке, желая добраться до истока. Устав от медленного продвижения на своей парусной лодке, они, попав в местность, где имелся металл, уговорили тамошнего правителя построить им полужесткий дирижабль.

— Ага, — сказал Иоанн. — И как же этого правителя звали?

— Это был чех, Ладислав Подебрад, — недоуменно ответил Фрайгейт.

Ответ насмешил Иоанна до слез.

— Хорошее дело. Он теперь служит у меня ме-

хаником.

— Да, — сказал один из спутников Фрайгейта. — У нас с ним имеются кое-какие счеты. — Этот человек был ростом пять футов десять дюймов, стройный, мускулистый, темноглазый и темноволосый, с сильным, красивым и запоминающимся лицом. На нем была ковбойская десятигаллоновая шляпа и сапоги на высоких каблуках, всю же остальную одежду заменял белый кильт. — Том Микс, к услугам вашего величества, — представился он, по-техасски растягивая слова. И, затянувшись сигаретой, добавил: — Специалист по лассо и бумерангу. В свое время я был кинозвездой, сир, если вам известно, что это такое.

— Ты слышал о нем? — спросил король у Струбвелла.

— Читал, — ответил тот. — Он жил задолго до меня, но был действительно очень знаменит в двадцатые и тридцатые годы. Снимался в фильмах, которые назывались вестерны.

«Интересно, может ли агент это знать?» — подумал Бартон.

— Мы на «Рексе» тоже снимаем кино, — улыбнулся Иоанн. — Только вот лошадей у нас нет

— Что ж поделаешь.

Король стал расспрашивать Фрайгейта об их

путешествии. Американец рассказал, что они, заметив большой дирижабль, одновременно обнаружили течь в подогревателе водорода. Пытаясь залепить течь быстросохнущим клеем, они спустили немного газа из оболочки, чтобы быстро снизиться в более густые и теплые слои воздуха и открыть там окошки гондолы.

Течь они залатали, но ветер стал относить их назад, а батареи, поставлявшие свежий водород, отказали. Решено было идти на посадку. Услышав, что Иоанн присылал катер с объявлением о наборе рекрутов, путешественники сели на парусник и поспешно поплыли вниз.

— На Земле чем занимался?

— Разными вещами, как и большинство людей. В середине жизни и под старость лет писал фантастику и детективы. Нельзя сказать, чтобы я был совсем неизвестен, но такой славой, как он, никогда не пользовался. Фрайгейт кивнул на невысокого, но крепкого человека с кудрявыми волосами и красивым лицом ирландского типа:
— Это Джек Лондон, великий писатель начала двадцатого века.

— Я не слишком-то жалую писателей, — сказал Иоанн. — У меня их уже есть несколько на корабле, и от них, как правило, одни неприятности. А

вот что это за негр, который стукнул моего сержанта по голове без моего на то разрешения.

— Это Умслопогаас, свази, он уроженец Южной Африки из девятнадцатого века. Он великий воин и особенно ловко орудует своим топором, который называет «Дятел». Знаменит еще и тем, что послужил прототипом известного героя-зулуса, из романа Райдера Хаггарда.

— А этот? — Иоанн показал на смуглого, черноволосого и большеносого человека. Он стоял чуть поодаль, и на голове у него была большая зеленая чалма.

— Нурэддин эль-Музафир, иберийский мавр и славный путешественник. Он современник вашего величества и исповедует учение суфи. Ваше величество могли видеть его при своем дворе в Лондоне.

— Что? — Иоанн встал. Внимательно посмотрев на маленького мавра, он закрыл глаза и, открыв их вновь, сказал: — Да, я хорошо его помню! — Король обошел вокруг стола, раскрыв, объятия, улыбаясь и быстро говоря что-то на английском языке своего времени.

Все изумились, глядя, как он обнял мавра и расцеловал его в обе щеки.

— Француз, да и только! — ухмыльнулся Микс…

Поговорив с мавром некоторое время, Иоанн сказал:

— Мне ясно одно: Нур эль-Музафир совершил с вами долгое путешествие и по-прежнему считает вас своими друзьями. Струбвелл, запиши их и введи в курс дела. Сержант Гвалхгвинн, размести их по каютам. С тобой, мой добрый друг и наставник, мы поговорим после, когда я закончу опрос.

Направляясь по коридору в каюты, они наткнулись на Логу. Она побледнела, потом покраснела и с криком: «Питер, сволочь ты этакая!» кинулась на Фрайгейта. Тот упал, а она вцепилась ему в горло. Негр и Микс со смехом оттащили ее.

— Ты сегодня определенно имеешь успех, — сказал Микс Фрайгейту.

— Вас опять не за того приняли. — И Бартон объяснил Логу, в чем дело.

Фрайгейт, кашляя и ощупывая расцарапанную шею, сказал:

— Не знаю, кто тот другой Фрайгейт, но человек он явно неприятный.

Логу неохотно извинилась, все еще не совсем уверенная в том, что этот Фрайгейт — не ее прежний любовник.

— Меня она могла бы хватать, когда ей угодно, — пробормотал Микс. — Только не за шею.

Логу, услышав, ответила:

— Если инструмент у тебя такой же большой, как шляпа, могу ухватиться за него.

Микс покраснел до ушей, а когда она удалилась, покачивая бедрами, сказал:

— Чересчур большая нахалка, на мой вкус.

Два дня спустя они с Логу стали жить вместе.

Бартону не верилось в то, что сходство обоих Фрайгейтов — всего лишь совпадение. При каждом удобном случае он вступал с американцем в разговор, стараясь копнуть поглубже. И был поражен, узнав, что этот Фрайгейт, как и тот, изучал его, Бартона, жизнь.

Фрайгейт, в свою очередь, наблюдал за Бартоном, но скрытно. Бартон то и дело ловил на себе его взгляд. Однажды вечером, в салоне, убедившись, что их никто не слышит, Фрайгейт перешел прямо к делу. Говорил он по-английски.

— Я видел множество портретов Ричарда Фрэнсиса Бартона. Его большое фото, где он снят в пятьдесят лет, даже висело на стене у меня в кабинете. Так что я, пожалуй, узнал бы его и без усов и раздвоенной бородки.

— Да?

— Я хорошо помню его фотографию в тридцатилетнем возрасте. Тогда у него были только усы,

очень пышные, правда. Так вот, если их убрать…

— Да?

— Тот Бартон будет очень похож на одного средневекового валлийца. Этот знакомый мне валлиец именует себя Гвалхгвинн, что в переводе означает «белый ястреб». Гвалхгвинн — это старинное валлийское имя, которое много позднее стало произноситься как Гавейн. А Гавейн — это рыцарь, который, в ранних легендах о короле Артуре, первым отправился на поиски Святого Грааля. Те металлические рога изобилия, что зовутся Граалями у нас, по форме очень похожи на башню, которая будто бы стоит посреди северного полярного моря — так я слышал. Значит, ее можно назвать Большим Граалем.

— Как интересно, — сказал Бартон, пригубив свой грог. — Сколько совпадений.

Пристальный взгляд Фрайгейта чуточку смущал его. Черт бы побрал этого парня. Он так похож на того, другого, что мог бы быть его братом. Может, он и есть его брат. Может, они оба агенты, и этот играет с ним точно так же, как тот.

— Бартон должен прекрасно знать все циклы о короле Артуре и более ранние народные предания, на которых они основаны. Выло бы очень похоже на него, если бы он выдал себя за другого

— а на Земле он часто к этому прибегал, — взяв себе имя Гвалхгвинн. Сам он знал бы, что это имя искателя Святого Грааля, но полагал бы, что больше никто этого не знает.

— Я не настолько туп, чтобы не понять вас. Вы думаете, что я и есть тот самый Бартон. Но я никогда о нем не слыхивал и буду вам обязан, если вы оставите эту тему, как бы она вас ни занимала. Я вашего интереса не разделяю. — Бартон поднес бокал к губам и выпил.

— Нур говорил мне: этик, посетив его, сказал, что среди его избранников находится капитан, сэр Ричард Фрэнсис Бартон, знаменитый путешественник девятнадцатого века.

Бартон владел собой настолько, что ухитрился не пролить напиток. Он медленно поставил бокал на стойку.

— Нур?

— Вы его знаете. Мистер Бартон, остальные ждут нас в реквизиторской. Я вам открою кое-что, только чтобы показать, как я уверен в том, что вы — Бартон. Микс и Лондон тоже пользовались вымышленными именами, но теперь решили — хватит. Итак, мистер Бартон, идете вы со мной?

Бартон размышлял. Вдруг Фрайгейт и его спутники — агенты? Вдруг они намерены схватить его

и допросить, как он сам намеревался поступить с мнимыми агентами?

Он оглядел людный и шумный салон и, увидев Казза, сказал:

— Что ж, если вы продолжаете настаивать на этой чепухе, я пойду, только прихвачу с собой своего друга-неандертальца. И мы будем вооружены.

Когда Бартон десять минут спустя вошел в реквизиторскую, его сопровождали также Алиса и Логу.

Микс, увидев Логу, изумленно разинул рот.

— Ты тоже посвящена?

ГЛАВА 12

Они условились никогда не говорить об этике или о чем-то связанном с ним в своих каютах. Там может быть подслушивающая аппаратура. В следующий раз они встретились за игрой в покер. Присутствовали Бартон, Алиса, Фрайгейт, Нур, Микс и Лондон. Логу и Умслопогаас несли вахту.

Выслушав рассказы Нура и Микса о визитах этика, Бартон поверил в то, что они действительно рекруты Икса. И только тогда открыл им, кто он на самом деле, а потом рассказал свою историю, ничего не утаивая.

— Добавляю до десяти, — говорил он теперь. — Нет, по-моему, не нужно ставить «жучки» в каютах подозреваемых. Может, мы и узнали бы что-то ценное, но если бы они нашли хоть один, то поняли бы, что на борту, есть агенты Икса думаю, нас можно называть так. Слишком опасно.

— Я согласен, — сказал маленький мавр. — А вы? Согласились все, даже Микс, который и предложил поставить «жучки».

— А как быть с Подебрадом? Когда я его вижу, он говорит мне «здрасьте» и идет себе мимо, скалясь, точно пастор, который только что узнал, что его подружка не беременна. Меня это бесит. Так бы и врезал ему.

— Я тоже, — сказал Лондон. — Он воображает, что, раз он оставил нас в дураках, ему это так и сойдет.

— Если вы начнете сводить с ним счеты, вас просто вышвырнут с парохода, — заметил Нур. — Кроме того, он необычайно силен Как бы он сам вам не врезал.

— Да слабо ему! — хором сказали Микс и Лондон.

— У вас имеется чертовски хороший повод ему отомстить, — вмешался Бартон. — Однако на время этот вопрос снимается Возражений нет?

— Но почему он пообещал взять нас с собой на дирижабле, а потом бросил в таких обстоятельствах?

— Я думал об этом, — сказал Нурэддин. — Единственное разумное объяснение в том, что он как-то заподозрил в нас агентов Икса. И это еще раз доказывает, что сам он — агент этиков.

— А по мне, он просто садист, — заявил Лондон.

— Нет.

— Если он вас подозревает, вам следует быть начеку, — сказал Бартон. — Мы тоже будем остерегаться. Предположение Нура— открытие для меня, иначе я не стал бы предлагать собраться в салоне.

— Теперь уж поздно беспокоиться, — сказала Алиса. — Если он и агент, он ничего не станет предпринимать, пока не окажется у истока Реки. Так же, как и мы.

Бартон сорвал банк, имея на руках трех валетов и две десятки Алиса сдала. Нур думал явно о чем-то другом, а не о покере, и все-таки половина выигрышей осталась за ним. Бартон подозревал, что мавр огреб бы еще больше, если бы сосредоточился. Нур по одному виду своих партнеров угадывал, что у них на руках.

— Что ж, насладимся хотя бы прогулкой по Реке, — сказал Фрайгейт.

Бартон наблюдал за ним из-под приспущенных век. Этот Фрайгейт постоянно льстил ему, как и тот — то ли притворно, то ли искренне. При каждом удобном случае Фрайгейт приставал к Бартону с вопросами— они касались в основном тех периодов его жизни, о которых биографы могли только гадать. Обоих Фрайгейтов интересовали также взгляды, верования и нравственные ценности Бартона. Например, его отношение к женщинам, к цветным, его вера в телепатию. Бартон устал объяснять, что далеко не все свои земные верования сохранил в этом мире. Что он слишком много повидал, слишком много испытал и во многом изменился Теперь Бартон счел момент подходящим, чтобы заняться делом двойного Фрайгейта.

— Такие совпадения случайными не бывают — должна быть какая-то причина.

— Я тоже думал об этом, — сказал Фрайгейт. — К счастью, я всегда увлекался фантастикой и сам ее писал. Поэтому воображение у меня гибкое — придется и вам напрячь свое, ибо я уверен: тот Фрайгейт, которого знали вы, — это мой брат Джеймс, скончавшийся в возрасте одного года!

Подумайте о всех детях, умерших на Земле. Рассудите: если бы они росли здесь, на планете не хватило бы места. Ведь дети, умершие до пяти лет, составили бы подавляющее большинство всего здешнего населения.

Куда же этики девали их? Да просто воскресили на другой планете — возможно, такой же, как эта, возможно, и нет. Могли понадобиться даже две планеты, чтобы разместить их всех.

Давайте предположим, что так все и было. Впрочем, — поднял палец Фрайгейт, — впрочем, могло быть и так, что детей по какой-то причине еще вообще не воскрешали. Возможно, их воскресят здесь, когда нас не станет. Кто знает?

Во всяком случае, не я. Я могу лишь догадываться. Итак, допустим, что младенцев оживили на другой планете. Не всех сразу — должны ведь быть и взрослые, чтобы заботиться о них… Для такого количества даже Земли не хватило бы. Значит, их воскрешают постепенно, по стольку-то за такой-то срок. Они вырастают и становятся няньками, учителями, приемными родителями для следующей партии. Так оно и идет. Либо все происходит одновременно на нескольких планетах. Но в этом я сомневаюсь. На переустройство планеты должна затрачиваться колоссальная

энергия. Разве что они используют планеты, которые нет нужды переустраивать.

— А играть кто будет? — спросил Лондон. — Окружающие скоро заинтересуются, о чем это мы толкуем.

— Я готов открыть, — сказал Микс. С минуту они занимались только игрой. Потом Фрайгейт продолжил:

— Если мое предположение верно, будем рассуждать дальше. Так вот: я был старшим ребенком в семье. Старшим из тех, кто выжил. Передо мной был еще Джеймс — он умер в год, а я родился через шесть месяцев после этого. Допустим, его воскрешают. Он вырастает и становится агентом этиков.

В День Воскрешения его засылают сюда, чтобы следить за Бартоном. Почему? Потому что этикам известно, что Бартон очнулся в той камере, полной плавающих тел, еще до Дня-Воскрешения, в который должен был ожить. Они догадываются, что это произошло не случайно, что кто-то оживил Бартона намеренно. Об этом нам и гадать незачем. Именно так сказали Бартону на Совете двенадцати. Память об этом собирались стереть из его мозга, но Икс воспрепятствовал этому.

В общем, у этиков возникли подозрения. И они

приставили к Дику мнимого — вернее, настоящего — Фрайгейта. Мой брат должен был следить за Бартоном и сообщать обо всем подозрительном. Но попал впросак, как и все в долине.

— Беру две, — сказал Бартон. — Очень занимательно, Питер. Гипотеза на первый взгляд безумная, однако может быть верной.

Но если твой брат агент — кто же тогда Монат, этот тау-китянин, арктурианин или откуда он еще взялся? Уж он-то наверняка агент, несколько странно, конечно, но все же…

— Может, он этик? — спросила Алиса.

— Я это и хотел сказать, — сердито сказал Бартон, не любивший, когда его прерывали. — Не думаю, чтобы Монат был этиком, иначе он присутствовал бы на Совете… Или нет, клянусь Аллахом! Будь он там, я узнал бы его, и он бы не смог следовать за мной. Я вообще не пойму, зачем он ко мне привязался. Во всяком случае, присутствие Моната означает, что в этом деле замешаны разные виды… расы… семейства… инопланетяне, одним словом.

— Беру одну, — сказал Фрайгейт. — Я как раз собирался сказать…

— Извини, — перебил Лондон. — Но откуда твой брат столько знает о Бартоне?

— Думаю, воскрешенные дети получают образование получше, чем на Земле. И возможно — предположим это, — Джеймс знает, что я его брат. Разве способны мы постичь объем знаний, которыми обладают этики? Вспомните фото Бартона, которое тот нашел в кармане агента Аньо. На ней Дик снят в двадцать восемь лет, когда служил субалтерном в Восточно-Индийской армии. Не доказывает ли это, что этики присутствовали на Земле в 1848 году? Кто знает, как долго они ходили по Земле, собирая информацию? И с какой целью?

— Но почему Джеймс назвался твоим именем? — спросил Нур.

— Потому что я — страстный поклонник Бартона. Я даже написал о нем роман. Может, так проявилось у Джеймса чувство юмора. У меня оно тоже имеется. Вся наша семья известна… несколько странным чувством юмора. И Джеймсу показалось забавным сделаться собственным братом, тем Питером, которого он никогда не видел. Может, он хотел прожить таким образом жизнь, в которой ему было отказано на Земле. Может, он думал, что сойдет за меня, встретившись с каким-нибудь знакомым Фрайгейтов. А может, верны все причины, которые я перечислил Уверен, что

он разделался с мошенником-издателем Шарко, чтобы отомстить за меня — это доказывает, что ему многое известно о моей земной жизни.

— Но как отнестись к рассказу агента Спрюса? — спросила Алиса. — Он говорил, что явился из семьдесят второго века, и что-то толковал о хроноскопе, с помощью которого можно видеть прошлое.

— Спрюс мог и солгать, — сказал Бартон.

— Я лично не верю ни в хроноскоп, ни в какие бы то ни было путешествия во времени, — заявил Фрайгейт. — Впрочем, это я зря. Мы все путешествуем во времени. Но только вперед — иного пути нет.

— Никто из вас не сказал, — заметил Нур, — что детей кто-то должен был воскресить. Возможно, это были люди из семьдесят второго века, а возможно, и нет. Скорее это сделали сопланетяне Моната. Вспомните: Спрюса допрашивал в основном Монат. Может быть, это он научил Спрюса, что говорить.

— Но зачем? — спросила Алиса.

На этот вопрос нельзя было ответить, если не принять рассказ Икса за истину. Пока что его рекруты склонялись к тому, что он такой же лжец, как и его собратья.

Нур закончил партию замечанием, что агенты, севшие на пароход в самом начале, не скрывали, что жили после 1983 года. Агенты же, попавшие на борт позже, знают, что это подозрительно, и не прибегают к этой легенде. Так, здоровенный галл Мегалосос (что значит «великий») заявляет, что жил во времена Цезаря, но это только его слова. К тому же галл, кажется, сдружился с Подебрадом — Нур никогда бы не подумал, что такое возможно. Есть вероятность, что Мегалосос тоже агент.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НА БОРТУ «НЕНАЁМНЫЙ». НОВОБРАНЦЫ И КОШМАРЫ КЛЕМЕНСА

ГЛАВА 13

Глаза де Марбо доказывали, что механика воскрешения не всегда работала как надо.

Жан Батист Антуан Марселен, барон де Марбо, родился в 1782 году с карими глазами. И лишь долгое время спустя после Дня Воскрешения обнаружил, что их цвет изменился — когда одна женщина назвала его голубоглазым.

— Sacre blue! — выругался он. — Неужели?

Он позаимствовал у кого-то слюдяное зеркальце, недавно привезенное торговцем по Реке — слюда была редкостью, — и впервые за десять лет увидел свое лицо. Лицо было все то же — веселое, круглое, с вздернутым носом, улыбчивое, отнюдь не лишенное привлекательности.

Только глаза светились голубизной.

— Merde! — опять выругался он и перешел на эсперанто: — Попадись мне только эти отвратительные создания, проделавшие это со мной — я

нанижу их на шпагу!

Он вернулся, кипя гневом, к своей сожительнице и повторил ей свою угрозу.

— Но у тебя же нет шпаги, — сказала она.

— Ты все понимаешь слишком буквально! А шпага у меня когда-нибудь будет. На такой каменистой планете должно быть железо.

В ту же ночь ему приснилась огромная птица с ржавыми перьями и клювом стервятника — она глотала камни и испражнялась стальными катышками. Но в этом мире не было птиц, тем более oiseau de fer.[16]

Теперь у де Марбо были сабля, кортик, Шпага, стилет, длинный нож, топор, копье, пистолеты и винтовка. Он был генералом десантной бригады и вынашивал честолюбивый замысел стать полным генералом. При этом к политике он питал отвращение и не имел ни интереса, ни склонности к бесчестному интриганству. Однако командиром десантников он мог бы стать лишь после смерти Эли С. Паркера, которая очень опечалила бы его. Де Марбо любил славного индейца-сенеку.

Все первобытные воины на борту ростом

---

[16] notes: 16
железные

превышали шесть футов, а некоторые были настоящие великаны. Даже те, что были пониже, не нуждались в высоком росте, поскольку обладали мощными костяком и мускулами… Де Марбо среди них выглядел настоящим пигмеем, будучи росточком пять футов четыре дюйма, но Сэм Клеменс любил его, восхищаясь задором и отвагой француза. Сэму нравилось слушать рассказы о походах де Марбо, нравилось иметь у себя под началом бывших генералов, адмиралов, государственных мужей. — Им полезно подчинение, оно закаляет их характер, — говорил Сэм. — Этот французик — первоклассный военачальник, и я забавляюсь, глядя, как он командует своими большими обезьянами.

Де Марбо, бесспорно, был опытным и одаренным воином. Вступив во Французскую республиканскую армию в возрасте семнадцати лет, он быстро продвинулся, став адъютантом маршала Огро, который командовал Седьмым корпусом во время войны 1806–1807 годов против Пруссии и России. Де Марбо сражался в Испании под началом Ланна и Массены, участвовал в русской кампании 1812 года, пережив страшное отступление из Москвы, а после принимал участие в германской кампании 1813 года. Он был ранен

одиннадцать раз, при Ганау и Лейпциге тяжело. Наполеон, вернувшись с острова Эльбы сделал де Марбо бригадным генералом, и тот получил очередную рану в кровавой битве при Ватерлоо. Бурбон отправил де Марбо в изгнание, но в 1817 году он вернулся на родину. При Июльской монархии он участвовал в: осаде Антверпена и несколько лет спустя получил за это чин генерал-лейтенанта. С 1835 по 1840 год де Марбо служил в алжирских войсках и в свои шестьдесят лет был ранен в последний раз. После падения короля Луи Филиппа в 1848 году де Марбо ушел в отставку и написал свои мемуары, которые так восхитили Артура Конан Доила, что он создал на их основе «Похождения бригадира Жерара». Главная разница между вымышленным персонажем и его прототипом заключалась в том, что де Марбо был умен и проницателен, тогда как Жерар, при всей своей храбрости, умом не блистал.

В семьдесят два года бравый наполеоновский солдат скончался в Париже, в своей постели.

Мерой привязанности к нему Клеменса служило то, что Сэм рассказал де Марбо о Таинственном Незнакомце, этике-ренегате.

Пароход стоял на якоре, и Клеменс набирал рекрутов. Со времени кровавых беспорядков после

Отказа питающих камней на правом берегу прошло два месяца, и Река освободилась от затора зловонных трупов.

Де Марбо в дюралюминиевом шлеме с плюмажем из вздыбленных клеем полосок рыбьей кожи и в дюралюминиевой кирасе, похожий на троянского воина с картинки, прохаживался вдоль длинной шеренги кандидатов. Ему было поручено провести предварительный опрос, чтобы отсеять неподходящих и сберечь капитану время и силы.

В середине ряда де Марбо заметил четверых мужчин, которые, похоже, хорошо знали друг друга. Он остановился около первого, высокого, мускулистого и темнокожего, с огромными руками. Судя по цвету кожи и курчавым волосам, это был квартерон — так и оказалось.

На вежливые расспросы де Марбо он ответил, что зовут его Томас Миллион Терпин. Родился он в Джорджии году в 1873-м — точно он не знает, — но вскоре его родители переехали в Сент-Луис, штат Миссури.

Отец держал таверну «Серебряный доллар» в квартале Красных фонарей. В молодости Том с братом Чарльзом купили себе пай на шахте «Большая луковица» близ Серчлайта, Небраска, и

стали ее разрабатывать; не найдя золота в течение двух лет, они откочевали на запад, но потом вернулись в Сент-Луис.

Терпин обосновался в родном квартале, работая по совместительству вышибалой и пианистом. К 1899 году он стал там самым важным лицом, контролируя музыку, спиртное и игру. Его кафе «Розовый бутон», центр его маленькой империи, славилось на всю страну. Внизу помещался бар-ресторан, а наверху «отель», то есть публичный дом.

Однако Терпин был не только боссом темного бизнеса. Он, по его словам, был великим пианистом, хотя и признавал, что до Луи Шовена все-таки не дотягивал. Пионер синкопированной музыки, он прославился в Сент-Луисе как отец рэгтайма, и его «Гарлемский рэг», вышедший в 1897 году, стал первым рэгтаймом, который сочинил и опубликовал негр. Терпин написал еще знаменитый «Сент-Луисский рэг» к открытию в городе всемирной ярмарки, но этот уже в свет. не вышел. Умер Терпин в 1922 году и всю свою жизнь в Мире Реки бродил с места на место.

— Я слыхал, у вас на пароходе есть рояль, — с ухмылкой сказал он. — Здорово было бы побренчать по костяшкам.

— У нас их десять, — ответил де Марбо. — Вот, возьми. — И он вручил Терпину дощечку длиной в шесть дюймов с буквами М. Т. — Когда подойдешь к столу, отдай это капитану.

Сэм будет счастлив. Он любит рэгтайм и как-то говорил, что у них недостаточно исполнителей популярной музыки. И потом, Терпин крупный и, как видно, крутой мужчина — иначе не стал бы боссом в квартале Красных фонарей.

За ним стоял свирепого вида китаец по имени Тай-Пен, ростом примерно пять футов десять дюймов, с большими горящими зелеными глазами и демоническим лицом. Его черные волосы, украшенные тремя цветками «железного» дерева, доходили до пояса. Китаец заявил пронзительным голосом, что он — прославленный фехтовальщик, любовник и поэт своего времени, то есть династии Тан, правившей в восьмом веке.

— Я был одним из Шести Бездельников Бамбукового Ручья и одним из Восьми Бессмертных Винной Чаши. Я могу слагать стихи экспромтом на турецком языке, на китайском, корейском, английском, французском и на эсперанто. В сражении на мечах я скор, как колибри, и опасен, как гадюка.

Де Марбо рассмеялся и пояснил, что сам рекрутов не набирает. Однако он дал китайцу табличку и перешел к следующему.

Этот был мал ростом, хотя и выше де Марбо, темнокожий, черноглазый и толстый, с животом, как у Будды. У него были чуть раскосые глаза, орлиный нос и массивный подбородок с глубокой выемкой. Он сказал, что зовут его Ах-К'ак, а родом он с восточного побережья страны, которую де Марбо назвал бы Мексикой, а народ Ах-К'ака называл Страной Дождя. Ах-К'ак не знал точно, в какое время по христианскому календарю он жил, но один сведущий человек сказал ему, что это было лет за сто до новой эры. Его родным языком был майя, и он принадлежал к народу, который более поздние культуры называли ольмеками.

— Да, я слышал об ольмеках, — сказал де Марбо. — У нас за капитанским столом имеются очень ученые люди.

Де Марбо усвоил, что ольмеки основали первую цивилизацию в Центральной Америке, а все остальные доколумбовы племена произошли от них — и майя, и тольтеки, и ацтеки, и прочие. У этого человека, хотя он и древний майя, голова не сплющена искусственно и глаза не скошены,

как было у них принято в те времена — однако де Марбо по здравом размышлении решил, что этики, конечно, все это исправили.

— Давненько не встречал я такого толстяка, — сказал де Марбо. — Мы на «Внаем не сдается» ведем очень активную жизнь, и у нас нет места лодырям и обжорам. Кроме того, кандидат должен выделяться чем-то из общего ряда. Ах-К'ак ответил высоким, хотя и не таким тонким, как у китайца, голосом:

— Жирный кот, когда надо, бывает сильным и скорым. Сейчас я тебе покажу.

Он взял свой кремневый топор, насаженный на рукоятку из дуба восемнадцати дюймов длиной и двух в толщину и переломил эту рукоять, как леденец. Потом предложил французу прикинуть кремень на вес.

— Фунтов десять, — сказал де Марбо.

— Смотри! — И Ах-К'ак метнул топор, точно бейсбольный мяч. Де Марбо следил за его полетом, вытаращив глаза — топор взмыл очень высоко и упал вдали на траву.

— Mon Dieu! Никто, кроме Джо Миллера, не сделал бы такого броска! Поздравляю, синьоро. Держи.

— Еще я прекрасно стреляю из лука и дерусь

на топорах, — спокойно сказал Ах-К'ак. — Вы не пожалеете, если возьмете меня.

Человек рядом с Ах-К'аком был такого же роста, приземист и сложен, как Геркулес. Он даже внешне походил на Ах-К'ака орлиным носом и круглым раздвоенным подбородком. Но жира на нем не было, и он не принадлежал к американским индейцам, хотя имел почти столь же темную кожу. Назвался он Гильгамешем.

— Мы с Ах-К'аком соревновались, кто кому прижмет руку, — сказал он, — и никто не смог победить. Еще я превосходный лучник и боец на топорах.

— Отлично! И капитан с удовольствием послушает твои рассказы о древнем Шумере — у тебя их, я уверен, в достатке. Ему приятно будет иметь на борту царя и бога. Царей он уже встречал, хотя ему с ними, как правило, не везло. Боги — другое дело. Боги капитану пока не попадались! На, держи.

Де Марбо двинулся дальше и, отойдя туда, где шумер — если он был таковым — уже не мог видеть и слышать его, со смеху повалился на траву. Потом встал, вытер слезы и продолжил опрос.

Четверо этих и еще шесть других были приняты. Взойдя по трапу на котельную палубу,

они увидели Моната-инопланетянина, который стоял у борта и сверлил их взором. Новобранцы испугались, но де Марбо велел им следовать дальше. Позже он объяснит им, что это за странное существо.

Но вечером новичкам не пришлось познакомиться с Монатом, как было задумано. Две женщины не поделили мужчину и принялись палить друг в друга. Прежде чем их разняли, одна получила тяжелую рану, а вторая прыгнула за борт с Граалем в одной руке и своими пожитками — в другой. Мужчина тоже решил уйти, поскольку предпочитал беглянку. Пароход остановили, и он сошел. Сэм так расстроился, что отложил церемонию презентации в большом салоне до завтра.

А ночью Монат Гррaутут исчез.

Никто не слышал крика, никто не заметил ничего подозрительного.

Осталось только кровавое пятно на кормовых поручнях палубы «А», которое могло сохраниться по недосмотру команды уборщиков после боев за камни левого берега.

Клеменс подозревал, что к исчезновению приложил руку кто-то из четырех новобранцев — однако они твердили, что ночью спали в своих

койках, а улик против них не было.

Пока Сэм разбирал дело, жалея, что на борту нет Шерлока Холмса, «Ненаёмный» шел вперед. Через три дня после пропажи Моната на Реке объявился Сирано де Бержерак и подал сигнал, чтобы его приняли на борт. Сэм выругался, увидев его. Он надеялся, что они пройдут мимо Сирано ночью — однако вот он, француз, и его видели человек пятьдесят из команды.

Француз весело взошел на борт и перецеловал всех своих друзей: мужчин в обе щеки, а женщин неспешно в губы. Войдя в рубку, он воскликнул:

— Капитан! Что я вам расскажу!

«Вот разуважишь, если расскажешь», — сердито подумал Клеменс.

ГЛАВА 14

Мужчина и женщина лежали рядом. Тела их соприкасались, но сны блуждали за много световых лет друг от друга.

Сэму Клеменсу снова снилось, как он убил Эрика Кровавого Топора. Или, точнее, взбудоражил других, один из которых и вонзил копье в живот норвежцу.

Упавший метеорит нужен был Сэму, поскольку состоял из никеля и стали. Без них Сэм не по-

строил бы огромный пароход, который так часто виделся ему во сне. Сэм давал указания Лотару фон Рихтхофену. Джо Миллер не присутствовал — его предательски захватил в плен бывший король Англии. Неприятельский флот плыл с низовьев Реки, чтобы завладеть упавшей звездой. Король Иоанн готовил свой флот в верховьях для той же цели.

Армия Сэма оказалась меж двух огней и была слабее обеих. Враги обещали размолоть ее, как жерновами. Победить можно было, лишь заключив союз с Иоанном. Союз нужен был и для того, чтобы спасти жизнь Джо Миллеру.

Но Эрик Кровавый Топор, компаньон Сэма, наотрез отказался вступать в сделку. Он ненавидел Джо Миллера, единственного человека, к которому испытывал страх — если считать Джо человеком. Кровавый Топор заявил, что его и Сэма люди встанут насмерть и одержат блистательную победу над обоими войсками. Это была глупая похвальба, хотя сам норвежец, возможно, и верил в нее.

Эрик Кровавый Топор был сыном Харальда Хаарфагера (Харальда Пышноволосого), который впервые объединил Норвегию и чьи победы привели к массовым миграциям в Англию и

Исландию. Со смертью Харальда, последовавшей около 918 года, Эрик стал королем. Но популярностью он не пользовался, считаясь суровым и жестоким государем даже по тем временам. Его кровный брат Хокон, которому в ту пору было пятнадцать, с годовалого возраста воспитывался при дворе английского короля Ательстана. При поддержке англичан Хокон поднял норвежское войско против своего брата. Эрик бежал в Англию, в Нортумберленд, где передал права на свое королевство Ательстану, но недолго прожил после этого.

Норвежские хроники повествуют, что он погиб в 954 году, совершая набег на Южную Англию. Английская же летопись гласит, что Эрик был изгнан из Нортумберленда и убит в битве при Стэйнморе.

Эрик сказал Клеменсу, что верна первая версия.

Клеменс объединился с норвежцем потому, что тот владел редчайшим оружием — стальным топором — и разыскивал руду, из которой топор был сделан. Клеменс надеялся, что руды хватит и на то, чтобы построить большой пароход, на котором он доплывет до истоков Реки. Эрик был невысокого мнения о Сэме и взял его к себе толь-

ко из-за Джо Миллера. Эрик не любил Джо, но признавал, что в бою титантроп незаменим. А потом король Иоанн захватил Джо в заложники. Отчаявшийся Сэм, боясь, что король убьет Джо и метеорит будет потерян, обсудил ситуацию с Лотаром, младшим братом «Красного барона». Сэм предложил убить Эрика и его викингов — тогда можно будет вступить в переговоры с Иоанном, который должен понять, что ему выгодно объединиться с Клеменсом. Вместе они могут выстоять против сил фон Радовица, идущих вверх по Реке.

Сэм подкрепил свои аргументы тем, что Кровавый Топор скорее всего намерен убить его самого после победы над врагом. Кто-то из них неизбежно должен умереть.

Лотар фон Рихтхофен согласился с Сэмом. Расправиться с предателем не значит совершить предательство. Кроме того, логика не оставляет иного выхода. Будь Кровавый Топор истинным другом — дело другое. Однако доверять ему можно не больше, чем гремучей змее, у которой болят зубы.

И злодеяние совершилось.

Да, это было злодеяние, как бы ни оправдывали его обстоятельства.

Сэм так и не смог избавиться от сознания своей

вины. В конце концов, можно было просто плюнуть на метеорит и отказаться от своей мечты.

Сэм с Лотаром и несколькими надежными людьми пришли к хижине, где Кровавый Топор занимался любовью с женщиной. Бой с охраной длился всего минуту — превосходящие силы захватили викингов врасплох.

Голый Эрик выскочил наружу со своим большим топором, и Лотар пригвоздил его копьем к стене хижины.

Сэма чуть не вырвало, но его поддержала мысль о том, что все по крайней мере кончено. И когда сильная рука схватила его за лодыжку, он едва не лишился чувств от ужаса. Сэм посмотрел вниз: умирающий Эрик держал его мертвой хваткой.

— Bikkja, — чуть слышно, но ясно выговорил викинг. Это значило «сука» — Эрик часто обзывал так Клеменса, которого считал женоподобным.

— Кал Рататока, — добавил Эрик. Рататок — это гигантская белка, скачущая по ветвям мирового дерева Иггдрасила — космической оси, связывающей вместе землю, обитель богов и преисподнюю.

А потом Кровавый Топор предсказал, что Клеменс построит-таки свой корабль. И поведет его вверх по Реке. Но и постройка корабля, и само

путешествие принесут Клеменсу одно только горе вместо ожидаемой радости. И когда Клеменс наконец приблизится к истокам Реки, он. Кровавый Топор, будет ждать его там.

Слова умирающего врезались Сэму в память, и теперь, во сне, он слышал их опять из уст темной фигуры, которая вцепилась ему в ногу, высунув руку из-под земли. Горящие глаза смотрели из ямы на Клеменса.

— Я достану тебя! Я буду поджидать тебя в лодке, а после убью. Ты не доберешься до конца Реки и не пройдешь во врата Валгаллы!

Хватка ослабла, но Сэм, окоченевший от ужаса, не мог отойти прочь. Призрак хрипел в агонии, а Сэм стоял недвижимо, хотя внутри у него все ходило ходуном.

— Я жду!

Таковы были последние слова Эрика, отдававшиеся эхом в снах Клеменса все эти годы.

После Сэм посмеялся над пророчеством Эрика. Видеть будущее не дано никому. Это суеверная чушь. Может, Кровавый Топор и живет сейчас где-то в верховьях Реки — но если это и так, это только совпадение. Такова же вероятность того, что он оказался в нижнем течении Реки. И даже если викинг ждет своего часа, чтобы отомстить,

вряд ли ему представится для этого случай. Пароход останавливается только три раза в день, если не считать редких недельных стоянок. Скорее всего пароход пройдет мимо Эрика. Ни бегом, ни в весельной лодке, ни под парусом Кровавому Топору не догнать быстроходное судно.

Эти здравые мысли, однако, не мешали Эрику являться Сэму в страшных снах. Возможно, потому, что в душе Сэм признавал себя виновным в убийстве. А виновный должен нести наказание.

Владыка Снов с присущей ему легкостью сменил кадр, и Сэм оказался в хижине. Была ночь, лил дождь, гремел гром, и молния хлестала во тьме, как плетка-девятихвостка. Ее вспышки слабо освещали хижину. Рядом с Сэмом присела темная фигура в плаще с капюшоном.

— Чем обязан столь неожиданному визиту? — спросил Сэм, как тогда, при втором посещении Таинственного Незнакомца.

— Мы со Сфинксом играем в покер с жеребьевкой, — ответил Незнакомец. — Не хочешь ли присоединиться?

Сэм проснулся. На его стенном хронометре светились цифры 03:03.

Бог троицу любит. Рядом Гвенафра простонала во сне: «Ричард». Так ей снится Ричард Бартон. Ей

было всего лет семь, когда она с ним познакомилась, и знала она его только год, а вот забыть не может. Детская любовь не прошла.

Теперь ничто не нарушало тишины, кроме дыхания Гвенафры и отдаленного шлепанья колес по воде. От их вращения пароход слегка вибрировал. Держа руку на дюралюминиевой раме кровати, Клеменс чувствовал эту легкую дрожь. Четыре колеса, движимые мощными электромоторами, гнали судно к цели.

На берегах Реки спали люди. Над полушарием стоит ночь, и около 8,75 миллиона человек спят и видят сны. Что им видится? Кому-то Земля, кому-то этот мир.

А пещерный человек, быть может, стонет и мечется, видя, как саблезубый зверь крадется к огню у входа. Джо Миллеру часто снились мамонты, лохматые, с загнутыми бивнями левиафаны его времени — их мясом он набивал свой объемистый живот, из их шкур делал шатры, бивнями подпирал эти шатры, из зубов низал громадные ожерелья. Еще Джо снился его тотем, его предок — гигантский пещерный медведь; могучий и косматый, он приходил и давал Джо советы по разным трудным делам.

А иногда Джо снилось, что враги бьют его палка-

ми по пяткам. Джо, весивший восемьсот фунтов, страдал плоскостопием и не мог оставаться на ногах весь день, как пигмеи гомо сапиенс; ему то и дело приходилось садиться и давать отдых своим несчастным ногам.

У Джо бывали поллюции по ночам, когда ему снилась женщина его породы. Теперь он спал с красоткой ростом шесть футов семь дюймов, со славянкой-кашубкой из третьего века. Ей нравилась огромность Джо, его волосатость, его здоровенный нос, его колоссальный член и его мягкосердечие. Возможно, она получала извращенное наслаждение, предаваясь любви с тем, кто был не совсем человеком. Джо тоже любил ее, но это не мешало ему грезить о своей земной жене и других женщинах своего племени. Или скорее, как грезят все живые, о подруге, созданной Владыкой Снов, об идеале, что существует только в подсознании.

«Каждый человек, как луна, имеет темную сторону, которую не показывает никому».

Так писал Сэм Клеменс. И это правда. Но Владыка Снов, этот шталмейстер причудливых цирков, каждую ночь выводит на арену хищников и акробатов, канатоходцев и карликов.

В своем последнем за ночь сне Сэмюэль Лен-

гхорн Клеменс оказался заперт в одном помещении с огромной машиной, которой управлял Марк Твен, его второе «я». Машина была чудовищная, приземистая, с круглым верхом — какой-то тысяченогий, тысячезубый таракан. Вместо зубов у нее в пасти были пузырьки с патентованным средством «змеиное масло», а вместо ног — металлические штыри с буквами алфавита на конце. Она ползла на Клеменса, лязгая зубами и скрипя несмазанными сочленениями. Марк Твен сидел у нее на спине в золотом, усыпанном бриллиантами слоновьем седле и управлял ею, двигая рычагами. Это был старик с пышными белыми волосами и пышными белыми усами, и костюм на нем был белый. Сначала он скалился, а потом сердито глянул на Сэма и заработал рычагами, стараясь отрезать Сэму путь к бегству.

Сэму было всего восемнадцать, и его знаменитые усы еще не отросли. В руке он сжимал ручку коврового саквояжа.

Сэм бегал кругами по комнате, а машина с лязгом и скрежетом преследовала его, то наступая, то отступая. Марк Твен все время кричал ему: «Вот страничка из твоей книги, Сэм», или «Твой издатель шлет тебе наилучшие пожелания, Сэм, и просит еще денег».

Сэм верещал не хуже машины, чувствуя себя мышью, которую ловит механическая кошка. Как бы быстро он ни бегал, как бы ни вертелся, ни прыгал и ни изворачивался, его неизбежно поймают.

Вдруг по металлическому панцирю чудища прошла дрожь. Оно остановилось и застонало. Потом лязгнуло зубами и присело, подогнув ноги. Из заднего отверстия хлынул поток зеленых бумажек — это были тысячедолларовые купюры, скоро целая куча их выросла у стены и стала сыпаться на машину. Гора все росла и наконец обрушилась на Марка Твена, который ругал машину на чем свет стоит.

Завороженный Сэм пополз вперед, настороженно поглядывая на машину, и подобрал одну из бумажек. «Наконец-то, — подумал он, — наконец-то сбылось».

Но купюра у него в руке превратилась в человеческий кал.

И все ассигнации, что были в комнате, тоже.

Затем в глухой стене отворилась дверь.

В комнату заглянул Г. Г. Роджерс. Этот состоятельный человек поддерживал Сэма в трудные времена, когда тот нападал на крупные нефтяные тресты. Сэм бросился к нему с криком: «Помоги-

те! Помогите!» Вошел Роджерс в одних красных подштанниках — их задний клапан болтался незастегнутым. На груди у него золотыми буквами значилось: «НА „СТАНДАРД ОЙЛ“ УПОВАЕМ — НА БОГА ПУСТЬ УПОВАЮТ ДРУГИЕ».

«Вы спасли меня, Генри!» — выдохнул Сэм.

Роджерс ненадолго обернулся к нему спиной, показав надпись на ягодицах: «ОПУСТИТЕ ДОЛЛАР И НАЖМИТЕ НА РЫЧАЖОК».

Потом сказал: «Минутку» — и вытащил откуда-то сзади документ. «Подпишите это, и я вас выпущу».

«Но у меня нет ручки!» — ответил Сэм. За спиной у него опять зашевелилась машина. Сэм не видел ее, но знал, что она опять ползет к нему. В проеме двери за Роджерсом Сэм видел прекрасный сад. Лев и ягненок сидели там бок о бок, а рядом с ними стояла Ливи и улыбалась.

На ней совсем не было одежды, а над головой она держала громадный зонтик. Из цветов и кустов выглядывали лица. Одна была Сюзи, его любимая дочь. Но что она там делает? Сэм чуял неладное. Кажется, из куста, за которым она прячется, торчит босая мужская нога?

«У меня нет ручки», — снова сказал Сэм.

«Я приму вашу тень в качестве расписки».

«Я уже продал ее».

За Роджерсом захлопнулась дверь, Сэм застонал, и на этом кошмар кончился.

Где-то теперь его жена Ливи, где его дочки Клара, Джин и Сюзи? Какие сны снятся им? Является ли им он? Если да, то как? Где Орион, его брат? Недотепа, путаник, невезучий оптимист Орион. Сэм любил его. Где брат Генри, получивший такие тяжкие ожоги при взрыве парохода «Пенсильвания» и протянувший еще шесть мучительных дней в походном госпитале Мемфиса? Сэм был с ним, разделял его муки и видел, как его вынесли в палату для безнадежных.

Воскрешение восстановило обгорелую кожу Генри, но его душевных ран оно не залечит, как не залечило душевных ран Сэма.

А где тот несчастный проспиртованный бродяга, сгоревший во время пожара в тюрьме города Ганнибала? Сэму тогда было десять. Его разбудил набат, он побежал к тюрьме и увидел того человека — он держался за решетку и кричал, черный на фоне красного пламени. Судебного исполнителя никак не могли найти, а ключи от камеры были только у него. Несколько человек пытались высадить дубовую дверь, но безуспешно.

Незадолго до того как бродягу забрали, Сэм дал

ему спичек раскурить трубку. От спички и загорелся соломенный тюфяк в камере. Сэм знал, что это он повинен в ужасной смерти бродяги. Если бы Сэм не пожалел его и не сбегал домой за спичками, бродяга был бы жив. Милосердный жест, минутное сочувствие — и он сгорел живьем.

Где Нина, внучка Сэма? Она родилась уже после его смерти, но Сэм узнал о ней от человека, который читал ее некролог в «Лос-Анджелес Таймс» от 18 января 1966 года.

«ПОХОРОНЫ НИНЫ КЛЕМЕНС, ПОСЛЕДНЕГО ПОТОМКА МАРКА ТВЕНА».

У того парня была очень хорошая память, да и его интерес к Марку Твену помог ему запомнить некролог.

— Ей было пятьдесят пять; под вечер воскресенья ее нашли мертвой в комнате мотеля на Норт-Хайленд-авеню — номер двадцать, кажется. В комнате было полно пузырьков с лекарствами и бутылок со спиртным.

Записки не осталось, и назначили вскрытие, чтобы определить причину смерти. Результатов я не видел.

Она умерла через улицу от своего роскошного пентхауза с тремя спальнями в Хайленд-Тауэрс. Ее друзья сказали, что она часто селилась в моте-

ле на выходные, когда ей надоедало быть одной. В газете писали, что она почти всю жизнь провела в одиночестве. Она взяла фамилию Клеменс, когда развелась с художником Ратгерсом. Вышла она за него, кажется, в 1935 году, и брак продлился недолго. В газете сказано, что она была дочерью Клары Габрилович, вашей единственной дочери, — то есть единственной, оставшейся в живых. Клара вышла за некоего Жака Самоссуда после смерти своего первого мужа, то есть в 1935-м, кажется. Она была приверженкой христианской науки, как вам известно.

— Мне это неизвестно! — сказал Сэм.

Рассказчик, знавший, что Сэм был ярым противником христианской науки и написал памфлет о Мэри Бейкер-Эдди, ухмыльнулся:

— Думаете, она хотела этим насолить вам?

— Избавьте меня от вашего психоанализа, — сказал Сэм. — Клара боготворила меня. Как все мои дети.

— Короче, Клара умерла в 1962 году, а незадолго до этого дала разрешение опубликовать ваши неизданные «Письма на Землю».

— Неужто напечатали? И какая же последовала реакция?

— Книга хорошо продавалась. Но впечатление

произвела довольно слабое. Никто не приходил в ярость и— не заявлял, что это богохульство. Кстати, ваш «1601-й» тоже напечатали. В мои молодые годы его можно было достать только подпольным путем, но в конце 60-х годов он продавался повсюду.

Сэм потряс головой:

— И даже дети могли это купить?

— Купить нет, а прочесть — сколько угодно.

— Как же все изменилось!

— Все ваши вещи напечатаны — ну почти все. Еще в статье говорилось, что ваша внучка занималась как любительница живописью, пением и актерством. Она была также страстным фотографом и беспрестанно снимала своих друзей, барменов, официантов, даже прохожих на улице. Писала автобиографию «Одинокая жизнь» — название говорит само за себя. Бедняжка. Ее друзья говорили, что книга «весьма сумбурна», но местами в ней видны проблески вашего гения.

— Я всегда говорил, что мы с Ливи слишком большие сумасброды, чтобы иметь детей.

— Впрочем, от недостатка денег Нина не страдала. Она унаследовала капиталы своей матери — около восьмисот тысяч долларов. Все это выручка от продажи ваших книг. Перед смертью

Нина стоила полтора миллиона долларов. И все же была несчастна и одинока. Что еще? Да. Тело отправили в Эльмиру, штат Нью-Йорк… «чтобы похоронить на семейном участке близ прославленного деда, чью фамилию она носила».

— Я за ее характер ответственности не несу, — сказал Сэм. — Это все Клара с Осипом.

— Но вы и ваша жена сформировали характеры ваших детей, — пожал плечами собеседник, — в том числе и Клары.

— Да, но мой характер сформировали мои родители. А их создали их родители. Что ж нам теперь, взвалить всю ответственность на Адама и Еву? Не выйдет — ведь их характеры создал Бог. Вот он пусть за все и отвечает.

— Я тоже верю в свободу воли, — сказал собеседник.

— Вот послушайте: «Когда первый живой атом зародился в огромном море Лаврентия, первый поступок этого первого атома привел ко второму поступку — так оно и шло на протяжении всех веков, и если проследить все шаг за шагом, можно доказать, что первый поступок первого живого атома привел неизбежно к тому, что я сейчас стою тут в своем кильте и разговариваю с вами». Это слегка перефразированная цитата

из моего эссе «Что есть человек?». Что вы об этом думаете?

— Полная чушь.

— Вы ответили так, потому что это предопределено. Вы не могли ответить по-иному.

— Вы представляете собой печальный случай, мистер Клеменс, с позволения сказать.

— С позволения, без позволения — не сказать этого вы не могли. Скажите, кто вы были по профессии?

— Какое это имеет отношение к делу? — удивился тот. — Я занимался продажей недвижимости и много лет состоял в школьном комитете.

— Позвольте мне еще раз процитировать самого себя: «Сначала Бог создал идиотов — ради практики. Затем он создал школьные комитеты».

Сэм и сейчас ухмылялся, вспоминая, какое лицо сделалось у его собеседника.

Сэр сел в постели. Гвен все спала. Он зажег ночник и увидел на ее лице легкую улыбку. Гвен казалась по-детски невинной, но полные губы и округлая, почти полностью открытая грудь возбуждали Сэма.

Он хотел разбудить ее, но раздумал и надел кильт, накидку и высокую фуражку из рыбьей

кожи. Взял сигару и вышел, тихо прикрыв за собой дверь. В коридоре было тепло и горел яркий свет В дальнем конце у запертой двери стояли двое вооруженных часовых и еще двое у лифта. Сэм закурил сигару и пошел к лифту Поболтав минутку с часовыми, он вошел в кабину.

Он нажал кнопку с буквой «Р». Дверцы закрылись, но Сэм успел заметить, что часовой звонит в рубку предупредить, что Ла Боссо, Босс, едет Лифт миновал летную палубу «Г», где располагались офицерские каюты, прошел через круглые узкие помещения под мостиком и поднялся на верхний этаж надстройки. Последовала небольшая задержка — это офицер третьей вахты проверял кабину с помощью замкнутой телесистемы. Потом дверцы открылись, и Сэм оказался в рубке.

— Все в порядке, ребята. Это я решил насладиться бессонницей.

В рубке несли вахту трое. Ночной рулевой дымил большой сигарой, апатично глядя на приборы. Это Аканде Эрин, крепыш-дагомеец — он тридцать лет водил пароход в джунглях. Самый бессовестный лгун, известный Сэму, а Сэм был знаком с лгунами мирового класса. Третий помощник Калвин Крегар, шотландец, сорок лет прослуживший на австралийском каботажном

судне. Мичман-десантник Диего Сантьяго, венесуэлец из семнадцатого века.

— Я только поглядеть, — сказал Сэм. — Занимайтесь своим делом.

Безоблачное небо светилось, точно подожженное великим пиротехником — Богом. Долина здесь была широка, и в мягком свете виднелись постройки и лодки на обоих берегах. За ними стояла густая тьма. В ней горели глаза нескольких сторожевых костров. Все, кроме них, спало. На холмах темнели деревья — гигантские стволы «железного» дерева вздымались там на тысячу футов в вышину из задушенных ими собратьев. Позади чернели горы. Звездный свет лежал на воде.

Сэм вышел в смотровой проход, окружающий рубку. Ветер был прохладным, но не холодным. Сэм пальцами причесал пышную шевелюру. Стоя здесь на палубе, Сэм чувствовал себя живой частью судна, его органом. Пароход бодро шел вперед, шлепая колесами, помахивая флагами — храбрый, как тигр, огромный и гладкий, как кашалот, красивый, как женщина; он шел, преодолевая течение, к стержню мира, к пупу планеты, к Темной Башне. Сэм чувствовал, как его ноги, пустив корни, превращаются в щупаль-

ца, — они пронизывают корпус, уходят в темные воды, трогают чудищ, живущих там, погружаются в ил на глубине трех миль, прорастают сквозь землю, разрастаются со скоростью мысли, пробиваются из почвы, проникают в плоть каждого человека на планете, обвиваются вокруг стен и крыш хижин, взвиваются в небеса, оплетают каждую планету, где есть животная и разумная жизнь, исследуя и познавая, а потом пускают побеги во тьму, где нет материи, где есть только Бог.

В этот миг Сэм Клеменс ощущал себя если не слившимся со Вселенной, то по крайней мере родственным ей. В этот миг он верил в Бога.

И в этот миг Сэмюэль Клеменс и Марк Твен слились воедино в одной телесной оболочке.

Потом волнующее видение вспыхнуло, скорчилось, ушло обратно в Сэма.

Он засмеялся. На несколько секунд он познал экстаз, перед которым бледнеет даже сексуальное наслаждение — высшее, что до сих пор было доступно ему и всему человечеству, хотя зачастую и разочаровывающее.

Теперь он опять был сам по себе, а Вселенная сама по себе. Сэм вернулся в рубку. Эрин, черный рулевой, взглянул на него и сказал:

— Тебя посещали духи.

— А что, это так заметно? Да, посещали.

— Что они сказали?

— Что я — все и ничто. Однажды я слышал, как это сказал деревенский дурачок.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

МОНОЛОГ БАРТОНА

ГЛАВА 15

Поздней ночью, когда необычайно густой туман заволок все вплоть до мостика, Бартон бродил по судну.

Ему не спалось, и он блуждал с места на место без определенной цели — лишь бы уйти от себя.

«Черт побери! Всю жизнь я пытаюсь сбежать от себя! Будь у меня хоть столько ума, как у коровы, я остался бы и сразился с собой. Но мое „я“ того и гляди переборет меня, как Иаков ангела. Но я ведь и Иаков тоже. Только сломано у меня не бедро, а шестеренка. Я автоматический Иаков, механический ангел, робот-дьявол. Лестница, ведущая на небо, все еще прислонена к окну, но я не могу найти ее.

Судьба — это случай. Нет, не так. Я сам строил свою судьбу. Только это был не я, а некто, кто движет мной, — дьявол, которым я одержим. Он ждет, ухмыляясь, в темном углу, и как только я протягиваю руку за наградой, он выскакивает и

отнимает у меня мой приз.

Мой неуправляемый характер. Он надувает меня, насмехается надо мной и удирает, чтобы затаиться и опять вылезти в урочный час.

Ах, Ричард Фрэнсис Бартон, Негодный Дик, Черномазый Дик, как называли тебя в Индии. Эти ничтожества, эти роботы, катящиеся по викторианским рельсам… туземцы не интересовали их, они только спали с их женщинами, ели досыта, пили допьяна и по возможности сколачивали себе состояния. Они не умели даже говорить на местном языке, проторчав тридцать лет в этой стране, украшении королевской короны. Украшение, как же! Зловонный чумной бубон! Холера и иже с ней! Черная чума и компания! Индусы и мусульмане, смеющиеся за спиной у пукка-сахиба. Англичане даже и трахаться не умели как следует. Женщины смеялись над ними и искали удовлетворения у своих темнокожих любовников, когда сахиб уходил домой.

Я предупреждал правительство за два года до синайского восстания, что восстание будет, а надо мной посмеялись! Надо мной, единственным человеком в Индии, знавшим индусов и мусульман!»

Бартон задержался на верхней площадке боль-

шой лестницы. Блеснул свет, и шум пирушки хлынул в туман, не рассеяв его. Это не тот занавес, что колышется от дыхания.

«Черт их дери! Они смеются и флиртуют, а судьба подстерегает их. Весь мир распадается. Всадник на черном верблюде ждет их за следующим поворотом Реки. Глупцы! Да и я не умнее.

Однако на этом Narboot, этом большом корабле дураков, спят мужчины и женщины, которые в часы бодрствования строят козни против меня и против всех туземных жителей Земли. Хотя мы все туземцы в этой Вселенной. Граждане космоса. Вот я плюю за борт В туман. Там внизу течет Река. Она примет эту частицу моего естества, которая никогда больше не вернется ко мне, разве что в иной форме. Водой. H2O. Аж два нуля. Что за странная мысль? Но разве не все мысли странные? Разве они не странствуют, словно бутылки с посланиями, брошенные в море потерпевшим кораблекрушение? И если они заплывают в чей-то ум, например мой, мне кажется, что это я создал их. А может, есть какой-то магнетизм между определенными душами и определенными мыслями и к каждому притягиваются лишь те мысли, что соответствуют его полю? Потом индивидуум приспосабливает их к себе и думает

гордо — если он вообще думает, хотя бы на уровне коровы, — что это он создал их. Мои мысли — обломки кораблекрушения, а я риф.

Подебрад. Что тебе снится? Башня? Твой дом? Принадлежишь ты к их числу или ты простой чешский инженер? Или одно другому не мешает?

Четырнадцать лет я провел на этом пароходе, а пароход шлепает колесами по Реке вот уж тридцать три года. Теперь я капитан десантников этого взвинченного ублюдка и царственного засранца, короля Иоанна. Это ли не доказательство того, что я умею обуздывать свой характер?

Еще год — и мы придем в Вироландо. Там «Рекс» сделает остановку, и мы побеседуем с Ла Виро, Ла Фондинто, папой опупелых прихожан Церкви Второго Шанса. Второй шанс, клянусь благочестивой задницей моей тетушки! У тех, кто дал его нам, больше нет ни единого шанса.

Они попались в собственную ловушку! Взорвали собственную петарду — так говорят французы, желая сказать, что кто-то пукнул. Как говорит Микс, шансов у нас не больше, чем у вышеупомянутого газового облака во время шторма.

Там, на берегах, спят биллионы. Где Эдвард, мой любимый брат?

Блестящий был человек, но шайка тугов повредила ему мозги, и он за сорок лет не произнес ни слова. Не надо было тебе в тот день охотиться на тигра, Эдвард. Тигром оказался индус, не упустивший случая избить и ограбить ненавистного англичанина. Хотя они и со своими не лучше обходятся.

Но разве это важно теперь, Эдвард? Твое страшное увечье прошло, и ты снова заговорил, как бывало. Если только не умолк опять, навеки. Лазарь! Тело твое гниет. Христос не приходит. Никто не скажет: «Встань и иди!»

А мать, где она? Глупая женщина, уговорившая деда отказать ее беспутному брату, его сыну, немалую часть своего состояния. Дед передумал было и собрался к своему поверенному, чтобы переписать все на меня, но в этот самый час упал мертвым, а мой дядя спустил все деньги во французских игорных домах. Я же не смог купить себе приличного чина в действующей армии, не смог финансировать свои экспедиции, как надлежало, и потому так и не стал тем, кем мне надлежало стать.

Спик! Змеиный язык! Ты приписал себе открытие истоков Нила, жалкий трус, навозная куча больного верблюда. Ты улизнул в Англию, пообе-

щав не обнародовать наши открытия, пока и я туда не прибуду, а сам оболгал меня. Ты заплатил за это — ты сам пустил себе пулю в лоб. Совесть наконец настигла тебя. Как я плакал тогда. Я любил тебя, Спик, хотя и ненавидел тоже. Как я плакал!

Если бы мы случайно встретились теперь — что произошло бы? Ты бы убежал? У тебя явно не хватило бы извращенного мужества протянуть мне руку. Иуда! А я — поцеловал бы я тебя, как Иисус предателя?

Нет уж — я дал бы тебе такого пинка, что ты взлетел бы до половины горы!

Африканская хворь одолела меня, впустила в меня свои железные когти. Но я поправился, и это я открыл истоки Нила! А не гиена Спик, не шакал Спик! Прошу прощения, сестрица Гиена и братец Шакал. Вы только животные и приносите какую-то пользу в мироздании. Спик недостоин поцеловать ваши грязные зады.

Но как же я плакал тогда!

Истоки Нила. Истоки Реки. Я так и не добрался до тех — доберусь ли до этих?

Мать никогда не проявляла к нам нежности — ни ко мне, ни к Эдварду, ни к Марии. С тем же успехом она могла быть нашей гувернанткой.

Нет. Наши няни проявляли к нам больше любви и отдавали нам больше времени, чем она.

Мужчина есть то, что сделала из него его мать.

Нет! Есть еще что-то в душе, что, презрев недостаток любви, все гонит и гонит меня… куда?

Отец, если можно тебя так назвать. Нет, не отец — виновник существования. Одышливый, себялюбивый, лишенный юмора ипохондрик. Добровольный изгнанник, вечный путешественник. Где был наш дом? В дюжине чужих стран. Ты ездил с места на место в поисках здоровья, которого, как полагал, был лишен. И нас таскал за собой. С невежественными няньками и пьяными ирландскими попами в качестве наставников.

Чтоб ты задохся наконец! Но нет. Тебя излечили неведомые создатели этого мира. Ведь так? Или ты все-таки изыскал предлог спрятаться в ипохондрию? Это твоя душа поражена астмой, а не бронхи.

У озера Танганьика, в стране Уйийи, болезнь стиснула меня в дьявольском кулаке. В бреду я видел самого себя, который насмехался, издевался, глумился надо мной. Того, другого Бартона, который смеется над всем миром, но больше всего надо мной.

Но меня это не остановило, и я пошел дальше…

нет. Это Спик пошел дальше и ушел далеко… хо, хо! Я смеюсь, хотя это пугает бодрствующих и будит спящих. Смейся, Бартон, смейся, паяц! Этот дурак янки, Фрайгейт, говорит, что это мне досталась слава великого первооткрывателя, а тебе — одно бесчестье. Я прославился, а не ты, змеиный язык! Я был оправдан, не ты.

Все мое несчастье в том, что я не француз. Будь я им, не пришлось бы мне бороться с английскими предрассудками, английской чопорностью, английской глупостью. Но я не родился французом, хотя и происхожу от незаконного отпрыска Луи XIV, Короля-Солнца. Вот кровь и сказывается.

Экая чушь! Сказывается кровь Бартонов, а не Короля-Солнца.

Я странствовал, не находя себе покоя, по всему свету. Но omni solum forte patria. Сильному везде родина. Я стал первым европейцем, проникшим в запретный священный город Харар и вышедшим из этого эфиопского ада живым. Я совершил паломничество в Мекку под видом Мирзы Абдуллы Бушири и написал об этом подробную, правдивую, ставшую знаменитой повесть — меня разорвали бы там на куски, если бы разоблачили. Я открыл озеро Танганьика. Я написал первое руководство по штыковому бою для британской

армии. Я…

Но зачем перечислять вновь эти пустые победы? Не то важно, что мужчина сделал, а то, что он намерен сделать.

Айша! Айша! Моя персианочка, моя первая истинная любовь! Я мог бы отречься от всего мира, от британского подданства, стать персом и жить с тобой до смертного часа. Тебя подло убили, Айша! Я отомстил за тебя, я покарал отравителя собственными руками, я медленно удушил его, выдавив из него жизнь, и зарыл его тело в пустыне. Где ты теперь, Айша?

Ты где-то здесь. Но если бы мы встретились снова… Моя безумная любовь стала теперь мертвым львом.

Изабел. Моя жена. Женщина, которую… да любил ли я ее? Любил, но не так, как тогда Айшу, а теперь Алису. «Расплачивайся, укладывайся и езжай за мной», — говорил я ей, отправляясь в путешествие, и она подчинялась — послушно и безропотно, как рабыня. Она говорила, что я ее герой, ее бог, и составила себе свод правил идеальной жены. Но когда я стал старым и сварливым, позабытым всеми неудачником, она сделалась моей сиделкой, моей опекуншей, моим надзирателем, моим тюремщиком.

Что, если я встречу ее снова — женщину, которая говорила, что никогда не полюбит другого ни на земле, ни на небе? Правда, этот мир небом не назовешь. Я скажу: «Здравствуй, Изабел. Давненько не виделись».

Где там — я удеру, как последний трус. И спрячусь. Хотя…

Вот вход в машинное отделение. Несет ли Подебрад этой ночью вахту? А если да, то что? Я не могу прижать его к стенке, пока мы не доплывем до истоков.

Кто-то маячит в тумане. Агент этиков? Или сам Икс, ренегат? Он всегда то здесь, то там, неуловимый, как понятие времени и вечности, несуществующего и существующего.

«Кто идет?» — следовало бы крикнуть мне. Но он — она — оно уже ушло.

Оказавшись между сном и явью, между смертью и воскрешением, я увидел Бога. «Ты должен мне за плоть», — сказал этот старый бородатый джентльмен, одетый по моде 1890 года, а в другом сне он молвил: «Плати».

Чем платить? Сколько это стоит?

Я не просил о воплощении, не требовал, чтобы меня родили на свет. Плоть и жизнь должны даваться бесплатно.

Надо было задержать его. Надо было спросить, обладает ли человек свободой воли или все, что он совершает или не совершает, предопределено заранее? Записано ли во всемирном справочнике Брэдшо, что такой-то прибудет туда-то в 10.32, а в 10.40 отправится с двенадцатого пути? Если я — один из составов его железной дороги, то за свои деяния я не отвечаю. Не от меня зависит, добро или зло я творю.

Да и что такое добро и зло? Без свободы воли их не существует Но он не стал бы задерживаться. А если бы и стал, понял бы я из его объяснений, что такое смерть и бессмертие, детерминизм и нондетерминизм, предопределимость и непредопределимость?

Человеческий разум не способен это постичь. И в этом тоже вина Бога — если он есть, Бог.

Исследуя район Зинда в Индии, я стал суфи, мастером-суфи. Но, наблюдая их в Зинде и в Египте и видя, как они в конечном итоге объявляют себя Богом, я пришел к выводу, что крайний мистицизм сродни безумию.

Нурэддин эль-Музафир, тоже суфи, говорит, что я ничего не понимаю. Во-первых, есть ложные или галлюцинирующие суфи, дегенераты великого учения. Во-вторых, если суфи объявляет себя

Богом, это не следует понимать буквально. Он имеет в виду, что стал един с Богом.

Бог-Вседержитель! Я постигну его суть, суть великой тайны и всех прочих тайн. Я — живой меч, но до сих пор я рубил, а не колол острием. Самое смертельное в мече — его острие. Отныне я, буду сражаться только им.

Но, входя в магический лабиринт, я должен иметь нить, чтобы добраться до чудовища, обитающего в глубине. Где же она? И Ариадны нет. Я сам себе нить, Ариадна и Тезей, и даже… как я раньше не подумал об этом? — сам себе лабиринт.

Это не совсем верно, А что верно совсем? Ничего. Но в человеческих и божественных делах близкое попадание порой не хуже прямого. Чем крупнее снаряд, тем меньше значит, попал он в яблочко или нет.

А вот меч хорош лишь тогда, когда он хорошо уравновешен. Обо мне, по словам широко осведомленного Фрайгейта, писали, что природа выкинула со мной редкий фортель, одарив меня не одним, а тридцатью талантами. Пишут еще, что при этом мне недоставало уравновешенности и целеустремленности. Я был точно оркестр без дирижера, точно великолепный корабль,

которому не хватает одной мелочи: компаса. Я сам отзывался о себе, как о несфокусированном пучке света.

Если я не мог сделать что-то первым, я этого и не делал.

Пишут, что в людях меня притягивал не божественный элемент, а все ненормальное, извращенное и дикое.

Пишут, что я, несмотря на свои обширные познания, никогда не понимал, что мудрость имеет мало общего со знанием и книгами и ничего общего с образованием.

И все это неправда! Хоть бы слово правды!»

Бартон все бродил и бродил, сам не зная, что он ищет. В тускло освещенном коридоре он задержался у одной из дверей. Внутри должна быть Логу, если она не на танцах в салоне, и Фрайгейт. Они снова вместе, оба сменив за эти четырнадцать лет двух-трех любовников. Она долго на дух не выносила Фрайгейта, но он добился-таки ее — а может быть, она не переставала любить другого Фрайгейта — и вот теперь они живут вместе. Как бывало.

Бартон пошел дальше и увидел у выхода темный силуэт. Икс? Еще кто-то, мучимый бессонницей? Он сам?

Бартон вышел на техасскую палубу и остановился, глядя, как часовые шагают взад и вперед. Что слышно, караульщики? Вот именно что?

Ну, пойдем дальше. Сколько же ты прошагал — но не по гигантскому Миру Реки, а по пигмейскому мирку парохода?

Алиса снова жила в его каюте — в самом начале плавания она дважды уходила от него и дважды возвращалась. Теперь-то уж они, пожалуй, никогда не расстанутся. Бартон был рад, что она опять с ним.

Он вышел на летную палубу и взглянул на слабо освещенную рубку. Ее часы пробили четырнадцать раз. Два часа ночи.

Пора вернуться в постель и предпринять еще один штурм цитадели сна.

Бартон поднял взгляд к небу, и в это время холодный ветер, налетевший с севера, сдул с верхней палубы туман — всего на миг. Где-то там, на севере, в холодных и серых туманах, высится башня.

А в ней живут, или жили, этики, существа, считающие, что они вправе воскрешать мертвых без их разрешения.

У них ли ключи от всех тайн? Ну не от всех, конечно. Тайны жизни, создания материи, тайны

пространства и бесконечности, времени и вечности никогда не будут разрешены.

Или когда-нибудь будут?

Может быть, в башне или ее подземельях существует машина, преобразующая метафизическое в физическое? Человек способен управлять физической материей, и что из того, что ему неведома истинная природа материи потусторонней? Истинной природы электричества он тоже не знает, однако поставил же электричество себе на службу.

Бартон погрозил кулаком в сторону севера и отправился в постель.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

НА БОРТУ «НЕНАЁМНЫЙ»: НИТЬ РАЗУМА

ГЛАВА 16

Сначала Сэмюэль Клеменс старался по возможности избегать Сирано де Бержерака. Проницательный француз быстро подметил это, но возмущения не выказал. Если в душе он и возмущался, то умело это скрывал. Он всегда встречал Клеменса улыбкой или смехом, был всегда вежлив, но без холодности. Он вел себя так, словно Клеменс питал к нему симпатию и никаких причин для антипатии у капитана не было.

Прошло несколько лет, и Сэм начал понемногу оттаивать по отношению к былому любовнику своей земной жены. У них было много общего: острый интерес к людям и к механическим устройствам, любовь к литературе, неутихающее стремление к историческим изысканиям, ненависть к лицемерию и самодовольству и глубокий агностицизм. Сирано, хоть был родом и не из Миссури, разделял позицию Сэма, выражавшуюся в словах: «А покажите-ка мне».

Кроме того, Сирано мог украсить любое общество, не стремясь при этом завладеть беседой.

Так что однажды Сэм решил наедине со своим вторым «я», Марком Твеном, разобраться в своих чувствах к Сирано. В результате Сэм понял, — видимо, в душе он всегда это сознавал, — что относился к Сирано весьма нечестно. Француз не виноват, что Ливи влюбилась в него и отказалась его оставить ради своего прежнего мужа. Да и Ливи ни в чем не виновата. Она поступала так по велению своего врожденного темперамента и предопределенных заранее обстоятельств. И Сэм тоже подчинялся своему врожденному темпераменту, своей «ватерлинии» и обстоятельствам. Теперь же, следуя другим, глубоко запрятанным чертам своего характера и подчиняясь давлению новых обстоятельств, он изменил свое отношение к Сирано. Француз, в конце концов, хороший парень, тем более когда научился регулярно принимать душ, следить за чистотой ногтей и перестал мочиться в коридорах.

Сэм сам не знал, верит ли по-настоящему в то, что представляет собой запрограммированный заранее автомат. Иногда ему казалось, что его вера в предопределение — лишь попытка избежать ответственности за некоторые свои поступки.

Но если так — тогда это свобода воли побуждает его искать оправдания всему содеянному им, хорошему или дурному. С другой стороны, детерминизм как раз и дает людям иллюзию, что им присуща свобода воли.

Как бы там ни было, Сэм принял Сирано в свой кружок и простил ему все, хотя и прощать, собственно, было нечего.

Сегодня Сэм пригласил Сирано в числе других обсудить некоторые загадочные аспекты того, что называл «делом Икса». Присутствовали Гвенафра, сожительница Сэма, Джо Миллер, де Марбо и Джон Джонстон. Последний был огромен — ростом он превышал шесть футов два дюйма и весил двести шестьдесят фунтов, не имея ни унции лишнего жира. Волосы на голове и на груди у него были рыжевато-золотистые, а руки необычайно длинные и походили на лапы медведя-гризли. Голубовато-серые глаза часто смотрели холодно или отрешенно, но теплели в кругу друзей.

Американец шотландского происхождения, он родился около 1828 года в Нью-Джерси и в 1843-м отправился на Запад, чтобы охотиться в горах. Он стал легендой даже среди легендарных горных жителей, хотя слава пришла к нему не сразу.

Когда бродячий отряд молодых, еще не окрещенных кровью воинов сиу убил жену Джонстона, индианку из племени плоскоголовых, вместе с нерожденным младенцем, Джонстон поклялся отомстить. Он перебил столько сиу, что те послали двадцать молодых воинов выследить его и убить, запретив им возвращаться, пока они не выполнят свою задачу. Один за другим они нападали на след Джонстона, но! в итоге он убивал их. Сделав это, он вырезал у них печень и съедал ее сырой, капая кровью на рыжую бороду. За это его прозвали «Пожирателем печени» и «Убийцей сиу». Но вообще-то сиу были: достойным племенем — их отличала порядочность и высокие боевые качества; поэтому Джонстон решил прекратить войну с ними, оповестил их о своем решении и стал их добрым другом. Еще он был вождем в племени шошони.

Умер он в 1900 году в лос-анджелесском госпитале ветеранов и, был похоронен на тесном больничном кладбище. Но в семидесятых годах группа людей, понимавших, что ему не найти там покоя — ведь он привык жить в пятидесяти милях от ближайшего соседа, — перенесла его прах на горный склон в Колорадо и погребла там.

«Пожиратель печени» Джонстон не раз говорил

на пароходе, что ему ни разу не пришлось убить белого — хотя бы и француза. От этих слов де Марбо и Сирано сначала делалось несколько не по себе, но потом они полюбили огромного горца и прониклись к нему восхищением.

Когда все выпили по нескольку бокалов, покурили и поболтали на общие темы, Сэм перешел к предмету, который желал обсудить.

— Я много думал о том, кто называл себя Одиссеем, — начал он. — Помните, я говорил вам о нем? Он пришел нам на помощь, когда мы сражались с фон Радовицем, и это его лучники разделались с генералом и его офицерами. Он утверждал, что он — настоящий Одиссей, историческое лицо, чье имя позднее обросло легендами и вымыслами и чьи подвиги послужили Гомеру материалом для «Одиссеи».

— Я о нем никогда не слыхал, — сказал Джонстон, — но полагаюсь на твое слово.

— Да. Так вот, он говорил, что к нему тоже приходил этик и послал его вниз по Реке нам на помощь. После боя Одиссей еще немного побыл с нами, но потом уплыл вверх с торговой экспедицией и пропал, точно сквозь землю провалился.

Самое главное заключается в том, что он сказал об этике одну странную вещь. Этик, который

говорил со мной, Икс, или Таинственный Незнакомец, был мужчиной. Во всяком случае, голос у него был мужской, хотя голос можно изменить. А вот Одиссей заявил, что его этик был женщиной!

Сэм выпустил облако зеленого дыма и уставился на медные арабески потолка, словно это были иероглифы, содержащие ответ на все его вопросы.

— Что бы это значило?

— Что он либо говорил правду, либо лгал, — сказала Гвенафра.

— Верно! Дайте этой красавице большую сигару! Либо имеются два этика-ренегата, либо самозваный Одиссей солгал. А если он солгал, то это не кто иной, как мой этик. Икс. Лично я склоняюсь к мысли, что так и было — наш с вами этик, Сирано и Джон, солгал мне. В противном случае разве стал бы Икс скрывать, что их двое и одна из двоих — женщина? Он обязательно сказал бы об этом. Я знаю, у него было немного времени на разговоры с нами, поскольку другие этики следили за ним и дышали ему в затылок. Но уж такую информацию он не преминул бы сообщить.

— Но зачем ему было лгать? — спросил де Марбо.

— А вот зачем. — Сэм ткнул сигарой в сторону потолка. — Он знал, что другие этики могут схватить нас. И получить от нас эту ложную информацию. Тогда они всполошились бы еще пуще. Как? Сразу два предателя в их среде? Батюшки! Проверив нас на чем-то вроде детектора лжи, они убедились бы, что мы не лжем. Мы ведь верили в то, что сказал нам Одиссей. Точнее, в то, что сказал нам Икс. Это как раз похоже на него — запутать дело еще больше! Ну, что вы на это скажете?

После короткой паузы Сирано сказал:

— Но если это верно, то мы видели этика! И знаем, как он выглядит!

— Не обязательно, — возразила Гвенафра. — Он, конечно же, умеет менять свой облик.

— Несомненно, — согласился Сирано. — Но способен ли он изменить свой рост и сложение? Цвет глаз и волос одно дело, но…

— Думаю, можно принять за основу, что он мал ростом и очень мускулист, — сказал Клеменс. — Но таких, как он, мужчин несколько биллионов. Во всяком случае, мы сейчас исключили возможность существования еще одного этика-ренегата — этика-женщины. Хочется верить, что исключили.

— А может, — сказал Джонстон, — Одиссей был агент, узнавший, что мы встречались с Иксом, и желавший нас запутать.

— Не думаю, — сказал Сэм. — Если бы кто-то из агентов так много знал, этики бы сцапали нас быстрее, чем конгрессмен успел бы продать свою мать за несколько голосов. Нет. Одиссей был мистер Икс.

— Тогда… тогда придется копнуть поглубже, — сказала Гвенафра. — Помните, как Галбирра описывала Барри Торна? Он а чем-то походил на Одиссея. Не мог ли он быть Иксом? А тот так называемый немец, Штерн, пытавшийся убить Фаербрасса? Кто был он? Не агент, ведь он был коллегой Фаербрасса. А вот Фаербрасс мог быть агентом, и Икс взорвал его, чтобы Фаербрасс не оказался в башне первым. Фаербрасс лгал нам, говоря, чти входит в число рекрутов Икса. Он…

— Нет, — прервал ее Сирано. — То есть да. Похоже, он был агентом других этиков. Но если он столько о нас знал, почему тогда не уведомил этиков и не навел их на нас?

— Да потому что он по какой-то причине не мог их уведомить, — сказал Сэм. — Думаю, по той, что как раз тогда в башне началось что-то неладное, не знаю что. Но сдается мне, что как

раз в то время, когда исчез Одиссей или, скорее. Икс, весь проект этикой потерпел крах. Тогда мы ничего не заметили, но вскоре после этого воскрешения прекратились. Лишь когда «Внаем не сдается» прошел некоторое расстояние, мы стали получать донесения о том, что воскрешений больше нет. Будучи в Пароландо, мы тоже обратили на это внимание, но сочли это чисто местным явлением.

— Хм-м, — сказал Сирано. — Хотел бы я знать, воскрес ли Герман Геринг, тот миссионер, убитый людьми Хакинга. Странный был тип.

— Смутьян, — сказал Сэм. — А может, Фаербрасс и сообщил этикам, что выявил нескольких рекрутов Икса. Но этики сказали ему, что пока ничего предпринимать не станут. И поручили Фаербрассу тем временем узнать о нас все, что можно. А если бы он увидел кого-то похожего на Икса, он тоже сообщил бы этикам, чтобы те могли схватить его незамедлительно. Откуда нам знать? Может, Фаербрасс и «жучков» нам насовал, чтобы знать, когда Икс придет в следующий раз. Только Икс так и не пришел.

— По-моему, — сказал Сирано, — Икс застрял в долине, уйдя от нас под видом Одиссея.

— Тогда почему он не вернулся к нам, как тот

же Одиссей? Сирано пожал плечами.

— Потому что пропустил «Внаем не сдается», — решительно отрезал Сэм. — Мы прошли мимо него ночью. Однако Икс услышал, что Фаербрасс строит дирижабль для полета к башне. Это устроило бы Икса еще больше, чем «Внаем не сдается». Но Одиссея, древнего эллина, не взяли бы на воздушный корабль. Поэтому он преобразился в Барри Торна, опытного канадского аэронавта.

— Я тоже из семнадцатого века, — заметил Сирано, — но меня ведь взяли пилотом на «Парсеваль». А Джон де Грейсток, хотя происходит из еще более ранней эпохи, был назначен капитаном мягкого дирижабля.

— И все-таки, — не сдавался Сэм, — шансы Икса намного увеличились бы, назовись он опытным специалистом. Одно меня удивляет — откуда у него подобный опыт? Откуда этику знать о дирижаблях?

— Если бы ты жил очень долго или был бессмертен, то, наверно, изучил бы все науки, какие есть, лишь бы скоротать время, — сказала Гвенафра.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

ПРОШЛОЕ ГЕРИНГА

ГЛАВА 17

Герман Геринг проснулся весь в поту от собственного стона. Ja, mein Furer! Ja, mein Furer! Ja, mein Furer! Ja, ja, ja!

Орущее лицо поблекло. Исчез черный пороховой дым, валивший сквозь выбитые окна и проломленные стены. Исчезли сами окна и стены. Басовые раскаты русской артиллерии, аккомпанировавшие альто-сопрано фюрера, заглохли вдали. Зудящий гул, сопровождавший речь безумца, тоже утих — Геринг смутно осознал, что это гудели моторы американских и британских бомбардировщиков.

Мрак кошмара сменился ночью Мира Реки.

Но эта ночь была мирной и успокаивающей. Герман лежал навзничь на бамбуковой койке, касаясь теплой руки Крен. Крен пошевелилась и пробормотала что-то — наверно, разговаривала с кем-то во сне. Уж ей-то не приснится ничего, что вызвало бы горе, растерянность или ужас. Она

видит только хорошие сны. Крен — дитя Реки, она умерла на Земле в шестилетнем возрасте и ничего не помнит о своей родной планете. Ее первые смутные воспоминания относятся к пробуждению в этой долине, без родителей, вдали от всего, что было ей знакомо.

Германа согрели прикосновение к спящей и приятные воспоминания о годах, прожитых вместе с ней. Он встал, накинул свою утреннюю хламиду и вышел на бамбуковый помост. Вокруг теснились многочисленные хижины их яруса. Чуть выше начинался следующий ярус, а за ним другой. Ниже помещалось три яруса. Все это были мостки, тянувшиеся, насколько видел глаз, с юга на север. Опорами служили обыкновенно тонкие столбы из камня или «железного» дерева; длина пролетов, как правило, разнилась от ста пятидесяти до трехсот с лишним футов. Там, где требовались добавочные подпорки, ставились дубовые или сложенные из камней колонны.

Ширина долины здесь составляла тридцать миль, а Река образовывала озеро десять миль шириной и сорок длиной. Горы не превышали шести тысяч футов, к счастью для жителей — здесь был уже дальний север, и в долину поступало не слишком много света. На западном конце озера

горы входили в Реку, и Река там, бурля, вливалась в узкую теснину. В теплые часы дня восточный ветер несся по ущелью со скоростью пятнадцать миль в час. На выходе он терял часть своей силы, но рельеф местности создавал там восходящие потоки, которые местные жители использовали в своих целях.

Повсюду на суше высились скальные столбы со множеством вырезанных в них скульптурных изображений. Между ними на разных уровнях были переброшены подвесные мосты из бамбука, сосны, дуба и тиса. На них через равные промежутки, зависящие от выносливости моста, стояли хижины. На верхушках более широких столбов хранились планеры и оболочки воздушных шаров.

В округе гремели барабаны, завывали рыбьи рога. На порогах хижин начинали появляться зевающие, потягивающиеся жители Над горами показался край солнечного диска — это означало официальное начало дня. Температура воздуха скоро поднимется до 60 градусов по Фаренгейту — еще тридцать, и было бы как в тропиках. Через пятнадцать часов солнце закатится за горы, а еще через девять взойдет снова. Продолжительность его пребывания на небе почти возмещает его

слабое тепло.

С двумя Граалями в закинутой за спину сетке Герман слез на пятьдесят футов вниз. Крен сегодня не работала и могла поспать подольше. Позже она спустится, возьмет свой Грааль из кладовой, устроенной у камня, и съест свой завтрак.

По дороге Герман здоровался со знакомыми — из здешнего двухсотсорокавосьмитысячного населения он тысяч десять знал по именам. Из-за недостатка бумаги в долине приходилось напрягать и тренировать память — впрочем, Геринг и на Земле отличался феноменальной памятью. Изъяснялся он на урезанном, облегчен ном эсперанто, принятом в Вироландо:

— Bon ten, eskop (Доброе утро, епископ).

— Tre bon ten a vi, Fenikso. Pass ess via (И тебе доброе утро, Феникс. Мир тебе). Здесь Герман держал себя учтиво, но со следующими встречными шутил.

Герман Геринг переживал счастливую пору своей жизни. Но он не всегда был счастлив. История его была длинной, почти всегда печальной и бурной, хотя и не без веселья и мирных промежутков и далеко не всегда поучительной.

Вот его земная биография.

Родился он в Розенхейме, в Баварии, 12 января

1893 года. Отец его, офицер колониальных войск, стал первым губернатором немецкой Юго-Западной Африки. В возрасте трех месяцев Герман расстался с родителями, уехавшими на три года на Гаити, где отцу дали пост генерального консула. Длинная разлука с матерью в столь нежном возрасте плохо отразилась на Германе. Тоска и одиночество того времени так и не изгладились из его памяти.

Когда же в детстве он понял, что у матери роман с его крестным отцом, он почувствовал к ней глубокое презрение, смешанное с яростью. Но открыто свои чувства не проявил.

К отцу Герман относился с молчаливым презрением, но открыто этого опять-таки не выказывал. Однако на похоронах отца Герман плакал.

В десять лет мальчик заболел тяжелой ангиной. В 1915 году, через месяц после смерти отца, Герман стал лейтенантом 112-го пехотного полка принца Вильгельма. Голубоглазый, светловолосый, стройный и недурной собой лейтенант пользовался большой популярностью в обществе. Он любил потанцевать, выпить и вообще повеселиться. Его крестный, перешедший в христианство еврей, помогал ему деньгами.

Вскоре после начала первой мировой войны

тяжелый артрит коленных суставов приковал молодого офицера к больничной койке. Герману не терпелось повоевать — он ушел из госпиталя и стал летать наблюдателем на самолете своего приятеля Лорцера. Три недели он находился в самовольной отлучке из армии. Его признали негодным для службы в пехоте, и Геринг поступил в люфтваффе. Его энергичный и нешаблонный язык забавлял кронпринца, командовавшего 25-м подразделением Пятой армии. Осенью 1915 года Геринг ускоренно закончил Фрейбургскую летную школу, получив удостоверение пилота. В 1916-м, в Норвегии он был сбит, тяжело ранен и выбыл из строя на полгода. И все-таки снова стал летать. Он быстро продвигался по службе, поскольку был не только отличным офицером и летчиком, но и выдающимся организатором.

В 1917-м Герман получил орден «За отвагу» (германский эквивалент Креста Виктории); это была награда за его командирские заслуги и за то, что сбил пятнадцать вражеских самолетов. Получил он также Золотую медаль авиатора. 7 июля 1918 года его назначили командиром Geschwader вместо Рихтхофена, погибшего в своем восемьдесят первом бою. Интерес Геринга к технике и вопросам снабжения вполне оправдывал это

назначение. Доскональные познания во всех областях военной авиации оказали ему большую услугу в последующие годы.

К моменту капитуляции Германии на счету у Геринга было тридцать вражеских самолетов. Но это мало чем помогло ему в послевоенный период. Асов на рынке был переизбыток.

В 1920 году, после скитаний по Дании и Швеции, он стал начальником полетов «Свенска Люфттрафик» в Стокгольме. Там он встретился с Карин фон Кантцнов, родственницей шведского исследователя графа фон Розена. Герман женился на ней, хотя она была разведена и имела восьмилетнего сына. Он был ей хорошим мужем до самой ее смерти. Несмотря на свою дальнейшую карьеру в организации, известной отсутствием всякой морали, Геринг хранил верность и Карин, и своей второй жене. В вопросах пола он был пуританин. Да и в политике тоже. Дав однажды присягу на верность, он ее не нарушал.

Чудо, что он вообще чего-то достиг. Он все время мечтал о высоких чинах и богатстве, а сам плыл по течению. Не имея никакой путеводной звезды, он отдавался на волю случайных людей и событий.

На свое счастье — или несчастье — он встретил

Адольфа Гитлера.

Во время неудавшегося Мюнхенского путча в 1923 году Геринг был ранен. Ему удалось уйти от полиции и укрыться в доме фрау Ильзе Баллин, жены еврейского коммерсанта. Геринг не забыл этого. Когда Гитлер стал главой государства и начались преследования евреев, Геринг помог фрау Ильзе с семьей бежать в Англию.

Тогда в двадцать третьем его все-таки арестовали. Нарушив данное им честное слово, он бежал в Австрию. Здесь воспалившаяся рана уложила его в постель и вынудила прибегнуть к морфию. Больной, без денег, с мужеством, пошатнувшимся после нескольких операций, Геринг впал в депрессию. В то же время пошатнулось и здоровье его жены, всегда бывшее не слишком крепким.

Привыкший к наркотикам Геринг уехал в Швецию, где полгода провел в санатории. Выписавшись, он вернулся к жене. Казалось бы, никакой надежды не осталось — но, достигнув дна, Геринг воспрянул духом и начал бороться. Это было характерно для него. Не раз в минуты полного поражения у него неведомо откуда вдруг бралась энергия для борьбы.

Он вернулся в Германию и снова примкнул к Гитлеру, который, как он верил, был един-

ственным, способным вновь сделать Германию великой державой. Карин умерла в Швеции в октябре 1931 года. Герман тогда был в Берлине и вместе с Гитлером посещал Гинденбурга, который решил сделать Гитлера своим преемником на посту главы государства. Геринга всегда мучила совесть за то, что он тогда был с Гитлером, а не с Карин в час ее смерти. Горе заставило его на время вернуться к морфию. Потом он встретил актрису Эмму Зоннеманн и женился на ней.

Несмотря на свои организаторские таланты, Геринг был склонен к сентиментальности. А горячность иногда побуждала его говорить не то, что следует. На процессе по делу о поджоге рейхстага он городил ни с чем не сообразные обвинения. Болгарский коммунист Димитров хладнокровно изобличал незаконные методы и нелогичность обвинения. Неудача Геринга на суде испортила весь эффект от процесса и обнажила всю фальшь нацистской пропагандистской машины.

Несмотря на это, Герингу поручили сформировать новые воздушные силы рейха. Прежний стройный ас теперь сильно располнел. И его двойственная натура принесла ему два новых прозвища: Der Dicke (Толстяк) и Der Eiserne (Же-

лезный человек). Он страдал ревматическими болями в ногах и принимал наркотики (в основном паракодеин).

Не будучи ученым или писателем, он все же продиктовал книгу «Возрожденная Германия», опубликованную в Лондоне. Он имел пристрастие к Джорджу Бернарду Шоу и мог приводить из него длинные цитаты. Был он знаком и с немецкой классикой — Гете, Шиллером, Шлегелем и так далее. Хорошо известна его любовь к живописи. Он обожал детективы и разные механические игрушки.

Теперь он мечтал о династии Герингов, которая будет жить тысячу лет и навсегда впишет свое имя в историю. Было весьма вероятно, что у Гитлера детей не будет, и своим преемником фюрер назначит Геринга. Мечта рухнула с рождением дочери Эдды. Эмми не могла больше иметь детей, а Геринг и подумать не мог о том, чтобы развестись с ней и взять другую жену, которая родила бы ему сыновей. Он должен был испытать горькое разочарование, но виду не показал. Он любил Эдду, и она до самой смерти любила отца.

Еще одна сторона загадочной личности Геринга проявилась, когда он совершил дипломатический визит в Италию. Король и кронпринц

устроили в его честь охоту на оленей. Все трое стояли на высоком помосте, и на них гнали сотни оленей. Августейшие особы устроили настоящую бойню — король убил сто тринадцать животных. Геринг, охваченный отвращением, стрелять не стал.

Он был также против захвата Австрии и Чехословакии и особенно возражал против вторжения в Польшу. Мысль о войне угнетала его — он испытывал упадок духа и перед первой, и перед второй мировыми войнами. Однако он и здесь остался верен своему любимому вождю. Так было и раньше, когда Геринг не выступал публично против преследования евреев, но по просьбам жены спасал десятки евреев от заключения.

В 1939-м Гитлер назначил Германа фельдмаршалом и сделал его министром экономики. Геринг остался министром военно-воздушных сил и, следовательно, их главнокомандующим. Он носился с проектом постройки стратобомбардировщика, который мог бы подниматься на двадцатимильную высоту и долетать до Америки, но не преуспел.

Несмотря на все свои высокие посты, он был склонен отворачиваться от реальности. В 1939-м он заявил во всеуслышание: «Если хоть один

вражеский бомбардировщик долетит до Рура, зовите меня не Германом Герингом, а Майером». (Майером в немецком фольклоре звался простофиля-неудачник.)

Вскоре Геринга и в высших нацистских кругах, и в народе стали звать Майером. И это прозвище не имело любовного оттенка, в отличие от Der Dicke. Британские и американские бомбардировщики превращали немецкие города в руины. Люфтваффе не удалось усмирить Англию перед предполагаемым вторжением, а теперь не удавалось отогнать орды железных птиц, роняющих на рейх свои смертоносные яйца. Гитлер винил Геринга и за то и за другое, хотя это Гитлер решил бомбить английские города, вместо того чтобы подавить сначала базы королевских воздушных сил, теперь уничтожающих Германию. Решение же Гитлера о нападении на нейтральную Россию перед покорением Англии в конечном счете привело к падению Германии.

Гитлер намеревался еще вторгнуться в Швецию после взятия Норвегии. Но Геринг, любивший Швецию, пригрозил в этом случае уйти в отставку. При этом он внушал Гитлеру, как полезна им будет нейтральная Швеция.

Здоровье его перед войной ухудшилось. В

конфликтных ситуациях болезнь и волнения, связанные с потерей престижа, заставляли его прибегать к наркотикам. Геринг терзался, нервничал, впадал в меланхолию и скатывался все ниже, не в силах остановиться. А его любимая страна погружалась в Сумерки Богов — это ужасало Геринга, но приносило какое-то странное удовлетворение Гитлеру.

Когда союзники начали наступление на Германию по всем фронтам, Геринг решил, что пора ему возглавить правительство. Фюрер, однако, лишил его всех чинов и званий и выгнал из партии. Злейший враг Геринга Мартин Борман отдал приказ об его аресте.

В конце войны, при попытке уйти от русских, Геринг был взят в плен американским лейтенантом, по иронии судьбы евреем. На Нюрнбергском процессе Геринг защищал себя сам, но неубедительно. Несмотря на все содеянное Гитлером, он защищал и его, верный ему до конца.

Приговор был предрешен. Осужденный на казнь через повешение, Геринг накануне, 15 октября 1946 года, проглотил одну из капсул с цианидом, спрятанных им в камере, и умер. Его кремировали, и пепел, согласно одной версии, высыпали в мусорную кучу лагеря Дахау. Другие,

более авторитетные источники утверждают, что прах рассыпали по грунтовой проселочной дороге близ Мюнхена.

Таков был конец земного существования Геринга. Он умер охотно, радуясь, что избавится от телесных и душевных страданий, от сознания, что потерпел полный крах, и от клейма нацистского военного преступника. Сожалел он только об одном — что его Эмму и маленькую Эдду некому теперь защитить.

ГЛАВА 18

Но это был еще не конец. Геринг помимо своей воли воскрес на этой планете, снова став стройным молодым человеком. Как это произошло, он не понимал. Он избавился от своего ревматизма, от опухших лимфоузлов и от пристрастия к паракодеину.

Он решил разыскать Эмму и Эдду. А заодно и Карин. Как он ухитрится поладить с обеими женами, он не думал. Поиски продлятся достаточно долго, чтобы обдумать это.

Никого из них он так и не нашел.

Старый Герман Геринг, честолюбивый и беззастенчивый оппортунист, все еще жил в нем. Он сделал много такого, чего глубоко стыдился и в

чем раскаивался потом, когда после множества приключений и долгих скитаний* примкнул к Церкви Второго Шанса. Его обращение совершилось быстро и драматично, подобно обращению Савла из Тарса на дороге в Дамаск — Геринг находился тогда в маленьком суверенном государстве Тамоанкан. Жили там в основном мексиканцы десятого века, говорившие на индейском диалекте, и индейцы навахо из двадцатого века. Герман жил в странноприимном доме, усваивая догматы и требования Церкви.

Потом он перебрался в освободившуюся хижину. Вскоре с ним поселилась женщина по имени Чопилотль. Она тоже была шансером, но настояла на том, чтобы поставить в хижине идола из мыльного камня, безобразное изваяние сантиметров тридцать высотой, изображающее Ксочикетцаль, богиню физической любви и деторождения. Чопилотль поклонялась ей так истово, что требовала, чтобы Герман занимался с ней любовью перед идолом, при свете двух факелов. Герман не возражал, но частота этих сеансов утомляла его.

Ему казалось также, что он напрасно позволяет своей подруге поклоняться языческому божеству. И он пошел к епископу — к навахо, который на

Земле был мормоном.

— Да, я знаю, что она держит у себя это изваяние, — сказал епископ Чъягии. — Наша церковь не одобряет идолопоклонства и политеизма, Герман. Тебе это известно. Однако разрешает своей пастве держать дома идолов — при условии, если верующий понимает, что это всего лишь символ. Согласен, опасность есть, поскольку верующие слишком легко путают символику с реальностью. И этим страдают не только дикари. Даже так называемые цивилизованные люди попадаются в эту психологическую ловушку.

Чопилотль не умеет мыслить отвлеченно, но женщина она хорошая. Если мы будем чересчур упорствовать и потребуем, чтобы она выбросила своего идола, она может вернуться к настоящему язычеству. Лучше, скажем так, отлучать ее от груди постепенно. Ты ведь видел, сколько здесь идолов? Многим из них в свое время усиленно поклонялись. Но постепенно мы отучили от этого людей путем терпеливого и мягкого убеждения. Теперь каменные боги стали для многих своих прежних почитателей лишь произведениями искусства.

Со временем Чопилотль станет так же смотреть на свою богиню. Я возлагаю на тебя обязанность

помочь ей преодолеть свое прискорбное заблуждение.

— То есть подсунуть ей теологическую соску? — сказал Герман. Епископ засмеялся:

— Я получил степень доктора философии в Чикагском университете. Слишком напыщенно выражаюсь, да? Выпей, сын мой, и расскажи мне еще что-нибудь о себе.

В конце года Герман принял крещение вместе с другими нагими, трясущимися и стучащими зубами неофитами. Потом он вытер полотенцем какую-то женщину, а та — его. Им всем дали длинные одежды, и епископ повесил на шею каждому спиральный позвонок «рогатой рыбы». Это не означало посвящения в сан — каждый просто стал называться Insrtuisto, Учитель.

Герман чувствовал себя обманщиком. Кто он такой, чтобы наставлять других и быть, по сути дела, священником? Он не был даже уверен, что искренне верует в Бога или в церковь. Хотя нет, это уж слишком. Он веровал — большую часть времени.

— Твои сомнения относятся к себе самому, — сказал ему епископ. — Ты полагаешь, что далек от идеала. Считаешь себя недостойным. Нужно преодолеть это в себе, Герман. Каждый может

стать достойным и спастись. И ты, и я, и все чада Божьи. — Епископ засмеялся. — Обрати внимание на две крайности, к которым ты склонен. Порой ты проявляешь высокомерие и считаешь себя выше других. Но чаще ты впадаешь в смирение. Чрезмерное смирение. Я сказал бы даже, тошнотворное смирение. Это лишь оборотная сторона высокомерия. Истинное смирение состоит в том, чтобы сознавать свое истинное место в масштабе космоса.

Я сам постоянно учусь. И молюсь о продлении своей жизни на такой срок, чтобы успеть избавиться от всяческого самообмана. Но нельзя все время заниматься только самокопанием. Мы должны работать и с людьми. Монашеский постриг, уход от мира, затворничество — все это чушь собачья. Итак, куда ты хотел бы отправиться? Вверх по Реке или вниз?

— Мне очень не хочется уезжать отсюда, — сказал Герман. — Здесь я был счастлив. Впервые за долгое время я чувствовал себя членом большой семьи.

— Твоя семья живет от одного конца Реки до другого. Да, в ней есть и неприятные родственники. Но в какой семье их нету? Твоя работа в том и состоит, чтобы научить их верно мыслить.

Впрочем, это уже вторая ступень. Первая — это открыть людям глаза на то, что они мыслят неверно.

— Вот в том-то и беда. Я не уверен, что сам преодолел эту первую ступень.

— Если бы я сомневался в этом, то не позволил бы тебе принять посвящение. Так куда же? Вверх или вниз?

— Вниз, — сказал Герман.

— Хорошо, — поднял брови Чъягии. — Но неофиты, как правило, предпочитают отправляться вверх по Реке. Где-то там, как говорят, живет Ла Виро, и они жаждут увидеть его и побеседовать с ним.

— Вот потому-то я и выбрал другое направление. Я недостоин.

— Я иногда сожалею о том, что нам запрещено всякое насилие, — вздохнул епископ. — Мне страшно хочется дать тебе пинка в зад. Что ж, хорошо — отправляйся вниз, мой худосочный Моисей. Но я обязываю тебя передать кое-что епископу той местности, где ты поселишься. Скажи ему или ей, что епископ Чъягии шлет свой привет. А еще скажи так: «Некоторые птицы думают, что они черви».

— Что это значит?

— Надеюсь, что когда-нибудь ты это поймешь. — И Чъягиц благословил Германа, взмахнув тремя вытянутыми пальцами правой руки. Потом обнял его и поцеловал в губы. — Ступай, сын мой, и пусть твоя ка претворится в акх.

— Да воспарят наши акхи рядом, — ответил подобающей формулой Герман и вышел из хижины, заливаясь слезами.

Он всегда был сентиментален, но убедил себя, что плачет из-за любви к этому маленькому, смуглому, изрекающему сентенции человеку. В семинарии Герману хорошо вдолбили разницу между сантиментами и любовью. И это любовь вызвала прилив его чувства или нет?

Епископ говорил на уроке, что ученики постигнут разницу лишь тогда, когда приобретут практический опыт в обращении с этими чувствами. И даже тогда без помощи разума им не отличить одни от другого.

Плот, на котором Герман должен был плыть, строил он сад вместе с семерыми своими спутниками. Среди них была и Чопилотль. Герман зашел в их хижину за ней и за немногими своими пожитками. Чопилотль с двумя соседками укладывала идола на деревянные салазки.

— Уж не думаешь ли ты тащить эту штуковину

с собой? — спросил Герман.

— Конечно. Бросить ее здесь — все равно что оставить свою ка. И никакая это не штуковина. Это Ксочикетцаль.

— Это только символ, в сотый раз тебе говорю, — нахмурился Герман.

— Пускай символ. Если я брошу ее, не видать мне удачи. Он! очень рассердится.

Герман ощутил тоску и беспокойство. В первый же день своей миссии он сталкивается с ситуацией, правильного решения которой не знает.

«Помни о конце своем, сын мой, и будь мудр», — говорил ему епископ, цитируя Екклезиаста.

Нужно действовать так, чтобы это событие привело к правильному результату.

— Вот что, Чопилотль. Пока ты держала идола здесь, все было хорошо — во всяком случае, не так уж плохо. Местные жители тебя понимали. Но жители других мест не поймут. Мы миссионеры, посвятившие себя обращению других в веру, которую считаем истинной. Мы опираемся на учение Ла Виро, получившего откровение от одного из создателей этого мира.

Но как мы сумеем кого-то убедить, если среди нас есть идолопоклонница? Та, что поклоняется каменной статуе? Притом не очень приглядной

статуе, должен добавить, хотя это несущественно. Люди только посмеются над нами. Скажут, что мы — невежественные, суеверные язычники. И на нас ляжет тяжкий грех, ибо мы выставим свою церковь в совершенно неверном свете.

— А ты им скажи, что она — только символ, — хмуро предложила Чопилотль.

— Говорю тебе, они не поймут! — повысил голос Герман. — Кроме того, это будет ложь. Видно же, что эта вещь для тебя гораздо больше, чем просто символ.

— А ты бы выбросил свой позвонок?

— Это совсем другое. Это знак моей веры, моей принадлежности к Церкви. Я ему не поклоняюсь.

На ее темном лице в сардонической усмешке сверкнули белые зубы.

— Выброси его, тогда и я оставлю ту, кого люблю.

— Чепуха! Ты же знаешь, я не могу! Хватит вздор городить, сучка этакая.

— Как ты покраснел. Где твое любящее понимание? Герман сделал глубокий вдох.

— Ладно. Бери ее, — сказал он и пошел прочь.

— А разве ты мне не поможешь?

— Чтобы я стал соучастником святотатства? —

обернулся он.

— Раз ты согласился, чтобы она плыла с нами, ты уже соучастник.

Чопилотль вообще-то была неглупа, но страдала эмоциональной тупостью. Герман с легкой улыбкой продолжал идти своей дорогой. Придя к плоту, он сообщил другим, что их ожидает.

— Почему ты позволяешь ей это, брат? — спросил Флейскац. Родным языком этого рыжеволосого великана был старогерманский, одно из наречий Центральной Европы во втором тысячелетии до нашей эры. От старогерманского отпочковались позднее норвежский, шведский, датский, исландский, немецкий, голландский и английский языки. Раньше Флейскац прозывался Вульфац, то есть Волк, как воин, вселяющий страх во врагов.

Но в Мире Реки, вступив в Церковь, Вульфац переименовал себя во Флейскаца, что на его языке значило «клок мяса». Никто не знал, почему он назвал себя именно так — скорее всего потому, что считал себя куском здоровой плоти в дурном теле. Этот кусок, вырванный из старого тела, способен, в духовном смысле, вырасти в совершенно новое, полностью здоровое тело.

— Ты мне, главное, не противоречь, — сказал

Герман Флейскацу. — Вопрос решится раньше, чем мы успеем отплыть на пятьдесят метров от берега.

Они сели и закурили, наблюдая, как Чопилотль тащит салазки со своей ношей. Наконец она, красная, потная и запыхавшаяся, пересекла широкую равнину и принялась ругать Германа, сказав в заключение, что ему теперь долго придется спать в одиночестве.

— Эта женщина не может служить хорошим примером, брат, — сказал Флейскац.

— Терпение, брат, — спокойно ответил Герман. Плот стоял у берега на якоре, которым служил камень, привязанный к бечевке из рыбьей кожи. Чопилотль попросила сидящих на плоту помочь ей втянуть туда салазки. Те улыбнулись, но не двинулись с места. Бурча под нос ругательства, она сама втащила свой груз. Ко всеобщему удивлению, Герман помог ей отвязать идола и дотащить его до середины плота.

Они подняли якорь и отчалили, махая тем, кто собрался на берегу пожелать им доброго пути. На мачте подняли квадратный парус и потравили брасы так, чтобы выйти на середину Реки. Здесь течение и ветер подхватили плот; парус выровняли, и он надулся до отказа. Брат Флейскац стоял

у руля.

Надутая Чопилотль удалилась в шатер, устроенный у мачты. Герман потихоньку перекатил идола на правый борт под вопросительными взглядами остальных, ухмыляясь и знаком призывая их к молчанию. Чопилотль не ведала, что происходит, но, когда идол оказался на самом краю, плот слегка накренился. Чопилотль выглянула наружу и завопила. Герман уже поставил статую торчком.

— Я делаю это для твоего блага и для блага Церкви! — крикнул он и столкнул глыбу за борт. Чопилотль с криком бросилась к нему. Идол бухнулся в воду и затонул.

Позднее попутчики сообщили Герману, что Чопилотль треснула его в висок своим Граалем.

Он все же сохранил достаточно сознания, чтобы увидеть, как она, держась за Грааль, плывет к берегу. Бесса, женщина Флейскаца, сплавала за Граалем Германа, который Чопилотль швырнула за борт.

— Насилие порождает насилие, — сказала Бесса, вручая Герману контейнер.

— Спасибо, что выловила его, — сказал он. И сел, мучимый болью в голове и муками совести. Ясно было, почему Бесса сказала так.

Утопив идола, он совершил насилие. Он не имел права лишать Чопилотль ее святыни. И даже если бы он имел это право, не следовало бы им пользоваться.

Надо было показать ей, в чем ее ошибка, и заложить в ее ум закваску доброго примера, на которой мог бы потом взойти дух. А Герман только разгневал ее и толкнул к насилию. Теперь она, вероятно, попросит кого-то изваять ей нового идола.

Такое начало не назовешь удачным.

Он продолжал думать о Чопилотль. Почему он ее выбрал? Она красива и очень соблазнительна, но она индианка, и Германа слегка коробила мысль о союзе с цветной женщиной. Может, он для того и взял ее, чтобы доказать себе, что свободен от предрассудков? Неужто им двигали столь недостойные побуждения?

А будь она черной, курчавой, толстогубой американкой, смог бы он хотя бы помыслить о сожительстве с ней? По правде говоря, нет. Теперь Герману вспоминалось, что поначалу он искал себе еврейку. Но их, насколько он знал, в округе было только двое и они уже были заняты. Притом они жили во времена Ахава и Августа и были черны, как йеменские арабки, приземисты,

большеносы, суеверны и склонны к насилию. К Церкви, во всяком случае, они не принадлежали, хотя, если подумать, Чопилотль тоже суеверна и склонна к насилию.

Но она была прихожанкой Церкви, и это означало, что она еще способна духовно возвыситься.

Герман направил свои мысли к предмету, от которого они уворачивались.

Он искал еврейку и взял себе индианку лишь для того, чтобы успокоить свою совесть. Чтобы показать самому себе, как он вырос духом. Так ли это на самом деле? Пусть Герман не любил Чопилотль — он был к ней привязан. Преодолев первоначальное отвращение к физическому контакту с ней, он испытывал только наслаждение от их любовных актов.

Однако во время их нечастых, но бурных ссор у него так и рвались с языка расистские оскорбления.

Истинное совершенство, истинная любовь придут к нему лишь тогда, когда он в таких случаях перестанет сдерживаться и будет выкрикивать вслух, что хочется. Преграда исчезнет, потому что он не станет трястись над каждым своим словом.

Перед тобой еще долгий путь, Герман, сказал

он себе.

Но почему же тогда епископ допустил его в миссионеры? Ведь Чъягии должен был видеть, что Герман еще не готов.

ГЛАВА 19

Когда много лет спустя Геринг оказался вблизи от Пароландо, никого из его прежних спутников с ним уже не было. Одних убили, другие остались где-то на Реке, чтобы заниматься миссионерской деятельностью там. Еще в нескольких тысячах миль от Пароландо Геринг услышал об упавшей там звезде, о большом метеорите. Говорили, что метеорит и поднятая им волна убили сотни тысяч человек, искорежив долину на шестьдесят миль в обе стороны. Но как только опасность минула, множество отрядов устремилось туда, чтобы поживиться никелем и сталью. После свирепого побоища восторжествовали две группировки. Теперь они объединились и удерживали поле за собой.

Другие слухи гласили, что из метеорита уже добывают металлы и строят гигантский корабль, а всем этим руководят два знаменитых человека. Один из них — американский писатель Сэм Клеменс. Другой — король Иоанн Английский, брат

Ричарда Львиное Сердце. У Германа непонятно почему от этих россказней взыграло сердце.

Ему стало казаться, что он, сам того не зная, всегда стремился в тот край, где упала звезда.

Проделав длинный путь, он прибыл в Пароландо. Слухи оправдались.

Сэм Клеменс и король Иоанн, прозванный Безземельным, совместно правили страной, скрывавшей под собой сокровища метеорита. К тому времени металл уже добывался вовсю, и округа напоминала маленький Рур.

Повсюду виднелись сталеплавильные печи, прокатные станы, чаны с азотной кислотой, а из боксита и криолита изготовлялся алюминий.

Однако эти руды доставлялись уже из другого государства, и не без сложностей.

Душевный Город находился в двадцати милях ниже по Реке от Пароландо. Там имелись огромные залежи криолита, боксита, киновари и небольшой запас платины. Клеменс и Иоанн нуждались во всем этом, но правители Душевного Города, Элвуд Хакинг и Милтон Фаербрасс, заламывали несусветную цену. И были явно не прочь прибрать к рукам никель и сталь метеорита.

Местные политические интриги мало занимали Германа. Его задачей было обращать людей в

веру Второго Шанса. А другая его задача, решил он вскоре, — воспрепятствовать строительству большого парохода. Клеменс и Иоанн, одержимые этой идеей, готовы были превратить Пароландо в индустриальный район, лишив его всякой растительности, кроме несокрушимых «железных» деревьев. Они загрязняли воздух дымом и вонью заводов.

Хуже того, они губили свои ка, а это уж напрямую касалось Германа Геринга. Церковь учила, что человечество воскрешено ради того, чтобы получить еще одну возможность спасти свои ка. Людям дали молодость и избавили их от болезней для того, чтобы они могли сосредоточиться на спасении.

Спустя примерно неделю после прибытия Германа в Пароландо он и еще несколько миссионеров устроили большое собрание, Собрались все вечером, как только стемнело. Десятки костров загорелись вокруг освещенного факелами помоста. На помосте стоял Герман с местным епископом и дюжиной самых достойных шансеров. Внизу скопилось тысячи три народу, где обращенные составляли меньшинство — остальные пришли поразвлечься. Последние принесли с собой выпивку и все время норовили прервать

оратора.

Когда оркестр проиграл гимн, сочиненный будто бы самим Ла Виро, епископ произнес короткую молитву, а потом представил Германа. В толпе заулюлюкали. Как видно, кое-кто из присутствующих жил во времена Германа — а возможно, здесь просто не любили шансеров.

Герман вскинул руки, призывая к молчанию, и заговорил на эсперанто.

— Братья и сестры! Выслушайте меня с той же любовью, с какой я обращаюсь к вам. Герман Геринг, что перед вами, — не тот человек, который жил под этим именем на Земле. Тот Геринг, тот злодей, внушает нынешнему ужас.

И то, что я стою здесь перед вами, новый и. возродившийся, свидетельствует о возможности победы над злом. Человек способен измениться к лучшему. Я заплатил за все, что совершил. Заплатил единственно возможной монетой: чувством вины, стыдом и ненавистью к себе. Заплатил, дав обет уничтожить в себе прежнего человека, похоронить его и начать жизнь сначала.

Но я здесь не для того, чтобы рассказывать вам, какой я негодяй.

Я пришел, чтобы рассказать вам о Церкви Второго Шанса. Как она возникла, каков ее символ

веры и в чем ее принципы.

Я знаю, те из вас, что выросли в иудейско-христианских или мусульманских странах, и те жители Востока, что сталкивались с христианами и мусульманами, посещавшими или оккупировавшими их страны, ждут, что я буду взывать к вашей вере.

Нет! Именем Господа, который среди нас, я не сделаю этого! Моя Церковь не просит вас уверовать безоговорочно. Моя Церковь несет не веру, но знание! Повторяю — не веру! Знание!

Церковь не призывает вас поверить в то, что должно быть и, возможно, когда-нибудь будет. Церковь просит вас ознакомиться с фактами и действовать в соответствии с ними. Она просит вас поверить лишь в то, что с фактами не расходится.

Судите сами. Никто не станет оспаривать, что мы все родились на Земле и там же умерли. Может кто-нибудь что-то на это возразить?

Нет? Тогда будем рассуждать дальше. Человек рождается для горя и зла, как птица для полета. Может ли кто-то из вас, вспомнив свою жизнь на Земле и здесь, сказать, что это не так?

Все земные религии давали нам ложные обещания. Доказательством служит то, что мы с вами

не в аду и не в раю. Не получили мы и нового воплощения, если не считать наших новых дел и новой жизни в случае смерти.

Первое воскрешение стало для нас огромным, почти непреодолимым шоком. Каждый, будь то верующий, агностик или атеист, оказался не там, где полагал оказаться после конца своего земного существования.

Однако мы здесь, нравится нам это или нет. И из этого мира нельзя уйти так, как можно было с Земли. Если вас убивают или вы кончаете с собой, назавтра вы воскресаете. Может ли кто-нибудь это отрицать?

— Нет, но меня это чертовски не устраивает! — крикнул кто-то. Последовал общий смех, а Герман посмотрел на человека, который это сказал. Это был Сэм Клеменс собственной персоной. Посреди толпы было сделано возвышение, на нем стоял стул, а на стуле Сэм.

— Прошу вас, брат Клеменс, не прерывайте меня, — сказал Герман. — Благодарю. Пока что я излагал только факты. А может ли кто-нибудь отрицать, что этот мир создался не естественным путем? Я говорю не о самой планете, о солнце или звездах. Планету создал Бог. Но Река и долина созданы искусственно. А в воскрешении ничего

сверхъестественного нет.

— Откуда вы знаете? — крикнула какая-то женщина. — Это уже не факты, а только ваши предположения. Вы вступаете в область догадок.

— И не только в нее! — крикнул мужчина. Герман подождал, пока не утих смех.

— Сестра, я могу доказать тебе, что Бог в нашем воскрешении непосредственного участия не принимал. Оно совершилось и совершается такими же, как мы, людьми. Возможно, они не земляне. Нет сомнений, что они выше нас по мудрости и знанию. Но они очень на нас похожи. И некоторые из нас встречались с ними лицом, к лицу!

Толпа загудела. Не потому, что услышала нечто новое — все это уже говорилось, хотя, возможно, и не в таких выражениях. Неверующие просто хотели разрядить напряжение.

Герман выпил воды. Когда он отставил чашу, восстановилась относительная тишина.

— И этот мир, и воскрешение — дело если не человеческих рук, то рук, напоминающих человеческие. Есть два человека, которые могут это засвидетельствовать. То есть это мне известны двое — возможно, их гораздо больше. Один из них — англичанин, Ричард Фрэнсис Бартон. В свое время он был небезызвестен на Земле, даже

знаменит. Он жил с 1821 по 1890 год и был путешественником, антропологом, изобретателем, писателем и выдающимся лингвистом. Может быть, кто-нибудь из вас слышал о нем? Если так — поднимите, пожалуйста, руки.

Ага, я насчитал не менее сорока человек, и среди них ваш консул, Сэмюэль Клеменс.

Сэму, похоже, не нравилось то, что он слышал. Он хмурился и яростно жевал сигару.

Герман стал рассказывать о своем знакомстве с Бартоном и о том, что Бартон рассказал ему. Толпу это захватило — установилась полная тишина. Эго было что-то новенькое — ни один шансианский миссионер такого еще не говорил.

— Бартон называл это таинственное существо этиком. По его словам, этик, который говорил с ним, был не согласен со своими собратьями. Очевидно, даже между теми, кто в нашем понимании боги, существуют расхождения. Так было и на Олимпе, если позволительно провести такую параллель. Хотя я не считаю так называемых этиков богами, ангелами или демонами. Они люди, такие же, как мы, только их этический уровень намного выше. В чем они разошлись, я, откровенно говоря, не знаю. Возможно, в вопросе о средствах, которыми они воспользовались ради

достижения цели.

Но цель у них одна! Не сомневайтесь в этом. Что же это за цель? Позвольте мне сначала рассказать вам о другом свидетеле. Я реалист, и…

— А я думал, ты Герман! — крикнул кто-то.

— Зовите меня Майером, — сказал Герман и без дальнейших объяснений продолжил: — Через год после Дня Воскрешения мой свидетель сидел в хижине на краю очень высокого холма далеко к северу отсюда. Его имя Жак Жийо, но мы, прихожане Церкви, обычно зовем его Ла Виро, то есть Человек, и Ла Фондинто — Основатель. На Земле всю свою долгую жизнь он был глубоко верующим человеком. Но теперь его вера разбилась, потерпев полный крах. Он был растерян и горевал.

Этот человек всегда старался вести добродетельную жизнь согласно учению своей церкви, выступавшей от имени Бога. Он не считал себя хорошим человеком. Ведь сам Иисус сказал, что никто не благ, включая и его самого.

И все-таки в относительном смысле Жак Жийо был хорошим человеком. Он не был совершенен: он лгал, но лишь для того, чтобы пощадить чьи-то чувства — никогда для того, чтобы избежать ответственности за свои поступки. Он никогда не

говорил о ближнем заглазно того, чего не сказал бы ему в лицо. Он никогда не изменял своей жене. Он относился к жене и детям с неослабным вниманием и любовью, не портя их при этом. Он ни разу не отказался посадить кого-то за свой стол по социальным, политическим, расовым или религиозным мотивам. Несколько раз он поступил несправедливо, но лишь от поспешности или неведения — после он всегда извинялся и старался исправить ошибку. Его грабили и предавали, но он оставлял отмщение Богу. Однако никому не позволял попирать себя ногами.

Умер он, получив отпущение грехов и выполнив подобающие обряды.

И где же он оказался? Среди политиканов, убийц из-за угла, обидчиков детей, бесчестных дельцов, продажных законников, алчных врачей, прелюбодеев, насильников, воров, палачей, террористов, лицемеров, мошенников, клятвопреступников, паразитов, среди негодяев, хапуг, порочных и бессердечных!

Сидя в своей хижине у самого подножия гор, слыша, как стучит дождь, воет ветер и гремит гром, подобный шагам гневного бога, он размышлял об этой кажущейся несправедливости. И, сам того не желая, пришел к заключению, что в гла-

зах Всевышнего он немногим лучше тех, других.

Ему не делалось легче от сознания, что все тут находятся в том же положении, что и он. Когда лодка тонет, тебе не легче оттого, что все, кто сидит в ней с тобой, потонут тоже.

Но что он мог поделать? Он не знал даже, что от него требуется. В этот миг, глядя на огонек в очаге, он услышал стук в дверь. Он встал и взял копье. Тогда, как и теперь, всюду блуждали злоумышленники в поисках легкой добычи. Красть у него было нечего, но есть ведь и такие, что убивают ради одного лишь извращенного удовольствия.

— Кто там? — спросил он на своем родном языке.

— Ты меня не знаешь, — ответил кто-то на квебекском французском диалекте, но с иностранным акцентом. — Однако я не причиню тебе вреда. Копье не понадобится.

Это изумило Ла Виро. Дверь и окна были закрыты. Никто не мог видеть, что делается внутри.

Он отомкнул дверь. Молния вспыхнула за спиной у пришельца — он был среднего роста, в плаще с капюшоном. Ла Виро впустил незнакомца, и тот вошел; Ла Виро закрыл дверь. Вошедший откинул капюшон, и при свете огня стало видно, что он белый, рыжеволосый, с голубыми глаза-

ми и приятным лицом. Под плащом он носил облегающий, без швов, костюм из серебристого материала. На серебряном шнуре вокруг шеи висела золотая спираль.

По одежде Ла Виро сразу понял, что этот человек не из Мира Реки. Он походил на ангела, а возможно, им и был. Ведь в Библии сказано, что ангелы видом как люди. Так, по крайней мере, говорили священники. Ангелы, входившие к дочерям человеческим во времена патриархов, ангелы, спасшие Лота, ангел, боровшийся с Иаковом — все они были как люди.

Но и Библия, и священники, толковавшие ее, во многом ошибались.

Глядя на гостя, Ла Виро испытывал трепет и в то же время восторг. Отчего ангел почтил приходом именно его среди всех людей?

Потом ему вспомнилось, что Сатана тоже был ангелом и все демоны — падшие ангелы.

Из каких же его гость?

Или он вовсе не ангел? Ла Виро, несмотря на недостаток образования и свое скромное положений, был совсем не глуп. Ему подумалось, что есть и третий вариант. Тут ему сразу полегчало, хотя все еще было не по себе.

Спросив у хозяина разрешения, незнакомец

сел. Ла Виро, поколебавшись, тоже присел на стул. Какой-то миг они молча смотрели друг на друга. Гость сложил вместе кончики пальцев и нахмурился, словно не знал, как начать. Странно — он ведь знал, зачем пришел, и должен был подготовиться.

Ла Виро предложил ему выпить. Тот сказал, что предпочел бы чай. Ла Виро стал растворять порошок в воде. Гость поблагодарил и, отпив глоток, сказал:

— Жак Жийо, если бы я стал объяснять, кто я, откуда взялся и зачем прибыл сюда, это заняло бы всю ночь и весь день.

То немногое, что я скажу тебе, будет правдой — той, какую ты способен понять на этой стадии. Я — один из тех, кто подготовил эту планету, чтобы воскресить всех вас. Есть и другие планеты, подготовленные для других землян, но это пока тебя не касается. Некоторые из них уже используются, другие ждут своего часа.

Этот мир — для тех, кто нуждается во втором шансе. Что такое второй шанс? И что такое первый? Теперь ты должен признать, что твоя религия, как, впрочем, и все земные религии, неверно представляла себе загробную жизнь. Все только строили догадки, а потом превращали их

в догматы веры. Некоторые, положим, были недалеки от истины, если понимать их откровения символически.

А потом гость сказал, что такие, как он, зовутся этиками, хотя между собой называют себя по-другому. Их этический уровень выше, чем у большинства землян. Заметьте, он сказал «у большинства». Значит, среди нас есть и такие, что достигли уровня этиков.

Они далеко не первые этики, уточнил гость. Первые не были людьми и происходили с планеты более древней, чем Земля.

Те намеренно удерживали себя в телесной оболочке вместо того, чтобы подняться еще выше и совершить Продвижение. Обнаружив, что есть один вид — тоже не люди, — способный продолжить дело, этики передали все им и ушли в небытие.

Этих преемников гость называл Древними, хотя по сравнению со своими наставниками они были очень юны.

И вот чему, сказал гость, нынешние этики научились от Древних. Творец, Бог, Единый Дух, называйте как хотите, создает все. Все — это Вселенная. Однако она соткана из двух элементов. Один — это материя; другой, за неимением луч-

шего слова, — нематерия.

Мы все знаем, что такое материя. Философам и ученым не удалось дать ей точное определение, тем не менее каждый знает, что такое материя, на основе своего непосредственного опыта.

Но что такое нематерия?

ГЛАВА 20

— Вакуум! — крикнул какой-то остряк. — Который у тебя в голове!

Клеменс встал и рявкнул:

— Тихо, вы! Дайте ему сказать. — И добавил с ухмылкой: — Даже если его речь не имеет смысла!

— Благодарю вас, мистер Клеменс. Да, абсолютный вакуум есть абсолютное отсутствие материи. Но один ученый сказал мне, что абсолютного вакуума в природе не существует. Это лишь отвлеченное понятие. И вакуум — тоже материя.

Нематерия же — это душа, выражаясь на языке старых земных религий. Однако определения, даваемые душе, всегда были очень расплывчатыми, лишенными конкретности. Люди античных времен и их темные предки считали, что это тень, призрачная субстанция, смутное отражение материи, к которой она была привязана до окончания срока жизни.

Позднее, с ростом просвещения, душу стали считать невидимой субстанцией, также связанной с телом. После смерти она будто бы воплощается заново, получая новое, бессмертное тело. Некоторые восточные религии учат, что душа, после множества земных воплощений, приобретя хорошую карму, вновь сольется с Божественным Началом.

Во всех этих учениях есть доля правды, все они видели долю, не видя целого.

Но нам эти философские изыскания ни к чему. Нам нужны только факты. И вот факт: всякое живое существо, от самого простого до самого сложного, имеет своего нематериального двойника. Даже амеба.

Но я не хотел бы в этот раз запутывать вас, приводя слишком много подробностей.

Гость Ла Виро сказал:

— Нематерия не подлежит уничтожению. Это значит, что у твоего земного тела есть неуничтожимый нематериальный двойник.

Тут Ла Виро, до сих пор молчавший, прервал пришельца:

— Но сколько же двойников у живого существа? Ведь человек с годами меняется. Он стареет, может лишиться глаза или ноги. У него начинает

болеть печень. Что же, этот нематериальный образ похож на ряд фотографий, снятых с человека? Если да, как часто делаются снимки? Каждую секунду или раз в месяц? И что происходит со старыми снимками?

Гость улыбнулся и ответил:

— Образ, как ты называешь его, нерушим. Но в нем записываются все перемены, происходящие с телом.

— Значит, и смерть тоже, и разложение? Ла Виро, как я уже говорил, был неграмотен и ни разу не бывал в большом городе, но голова у него варила.

— Нет, — сказал гость. — Забудем пока обо всей материи и нематерии, кроме тех, из которых состоит человечество. Все остальное для нас не имеет значения. Но сначала назовем то, что ты зовешь душой, по-иному. «Душа» для людей понятие слишком расплывчатое, с ним связано слишком много словесных образов, слишком много противоречивых определений.

Стоит только сказать «душа» — и неверующие сразу делаются глухи к тому, что следует дальше. Верящие же в бессмертие души услышат вас сквозь все умственные построения, нагроможденные на Земле. Назовем этот нематериальный

двойник «ка». Это древнеегипетское слово, обозначавшее в их религии один из нескольких видов души. Дополнительные значения это слово имеет только для египтян — а они уж как-нибудь приспособятся.

Отсюда мы можем заключить, что гость имел понятие о земной истории. Кроме того, он говорил на франко-канадском диалекте, а стало быть, заранее готовился к этой встрече. Этик, который говорил с Бартоном, в свою очередь выучил английский.

— Итак, — продолжал гость, — у нас есть ка. Насколько нам известно, формируется она в момент зачатия, когда сперма сливается с яйцеклеткой. А потом меняется вместе с телом.

Различие между телом и ка в момент смерти проявляется так. Тело в течение всей жизни создает свою ауру. Простым глазом она не видна — это доступно лишь немногим избранным — и представляет собой ореол вокруг головы живого человека. Увидеть ее можно с помощью специального прибора — тогда она предстает как многоцветный переливчатый шар, который вертится, раздувается, убывает, меняет цвета, выпускает и вновь втягивает отростки. Это чудо, это буйство красок надо увидеть, чтобы оценить.

Назовем эту ауру «ватан».

Человек теряет свой ватан или свою ка в момент смерти, то есть когда тело уже невозможно оживить. Куда же девается ка? С помощью нашего прибора, назовем его каскопом, видно, что она, как правило, тут же уплывает прочь, несомая эфирным течением, природа которого нам неизвестна. Иногда ка задерживается по неведомой нам причине. Но обычно она отделяется от тела и уплывает.

Вселенная полна ими, однако они никогда не заполняют все пространство. Они способны пересекаться, проходить одна сквозь другую, и в одном месте может поместиться бесчисленное их множество.

Мы полагаем, что ка лишена сознания, хотя в ней содержатся разум и память умершего. Она блуждает в вечности и бесконечности, неся с собой этот умственный потенциал. Замороженная душа, так сказать.

Когда же тело умершего восстанавливается, ка возвращается в это тело. Как бы далеко в пространственном отношении она ни находилась, она моментально является в первый же миг жизни восстановленного тела. Притяжение между ними не знает преград. Но когда соединение про-

изойдет, ка ничего не будет знать об интервале, прошедшем с момента смерти первого тела до момента пробуждения сознания во втором.

Некоторые, однако, придерживаются мнения, что ка, возможно, обладает и сознанием в свои бестелесный период. Это подтверждается некоторыми явлениями, зарегистрированными, кажется, в 1970-х годах.

Насколько я помню, речь шла о значительном количестве мужчин и женщин, реанимированных после клинической смерти. Они свидетельствовали, что в момент смерти покидали свое тело, видели, как скорбят их родные, а потом их возвращали обратно. Но обладает ка в этот период памятью или нет — мы имеем дело только с ее воплощениями, с ее телесным состоянием.

Ла Виро, ошеломленный и одновременно охваченный экстазом, все же прервал гостя снова — очевидно, свойство прерывать неотделимо от человека.

Геринг помолчал и добавил:

— Как мне слишком хорошо известно. — Раздался смех.

— Простите меня, — сказал Ла Виро. — Но как можно восстановить умершее тело?

Он смотрел на свое собственное тело и не мог

понять, как оно, бывшее прахом, восстало вновь.

— У нас есть инструменты, обнаруживающие и исследующие ка, — сказал гость. — Они способны уловить любую нематериальную молекулу. А потом происходит процесс преобразования энергии в материю.

— И вы можете воспроизвести любую ка на любой стадии? Вот, скажем, кто-то умер в восемьдесят лет. Можете вы воспроизвести его двадцатилетнюю ка?

— Нет. В природе существует только одна ка — ка восьмидесятилетнего. Поэтому, пока разум еще не начал действовать, тело, восстановленное по записи, омолаживается до двадцатилетнего возраста. Все его дефекты исправляются. При первом воскрешении на этой планете энергия снова преобразуется в материю. Все это время тела находятся в бессознательном состоянии.

— А если сделать два одинаковых тела? В которое из них войдет ка?

— Предположительно в то, которое оживят первым. Как бы синхронно ни проводились воскрешения, всегда будет разница хотя бы в микросекунду. Наши машины не могут оживлять разные тела в абсолютно одинаковое время. Кроме того, мы никогда не пошли бы на такой

эксперимент. Это было бы дурно. Неэтично.

— Да — но предположим?

— Тело, лишенное ка, разовьет, полагаю, свою собственную. И хотя второе тело является копией первого, оно уже не будет тем, что прежде. Другая среда и другой опыт сделают и тело другим. Воскресший, хотя и будет всегда похож на умершего, станет другим человеком.

Однако не будем отвлекаться на мелочи. Важно другое. Большинство лишенных тела ка так и пребывают вечно в бессознательном состоянии. Так мы, по крайней мере, надеемся. Какой это ад — быть заключенным в неосязаемой оболочке, не имея возможности управлять ею, без связи с другими — и при этом все сознавать. Такой муки не заслуживают самые закоренелые грешники. Даже подумать страшно.

Во всяком случае, никто из воскрешенных не помнит ни о чем между смертью и новой жизнью.

И гость сказал Ла Виро, что из тех биллионов, что умерли на Земле, лишь ничтожно малая часть не входит в эту орду блуждающих ка. Эта часть выбыла. Исчезла. Неведомо куда, неведомо зачем. Древние сказали этикам лишь одно: эти немногие «продвинулись». Слились с Творцом

или по крайней мере составляют ему компанию.

Гость сказал, что понимает, сколько вопросов возникло у Ла Виро. Он ответит, но лишь на те, что касаются самой сути дела. Откуда этики знают, что некоторые ка «продвинулись»? Как можно вычислить, что не хватает одной из биллионов ка?

— Ты должен уже представлять себе, какого развития достигла наша наука и техника. Ведь даже силы, создавшие этот мир и вернувшие тебя к жизни, недоступны твоему пониманию. Но то, что видел здесь ты, — лишь малая часть того, что нам доступно. И я говорю тебе, что у нас на учете все ка, когда-либо существовавшие на Земле. На это ушло больше ста лет, но мы сочли их все.

Наука, и только она, позволила осуществить то, что раньше казалось доступным лишь для сверхъестественных сил. Разум человека сделал то, чего не намеревался делать сам Создатель. Не намеревался, полагаю я, как раз потому, что знал: мыслящие существа сделают это за него. Возможно, способность мыслить есть ка Бога.

Позволь и мне сделать небольшое отступление, имеющее, впрочем, отношение к делу. Ты, я вижу, смотришь на меня если не как на бога, то как на его кузена. Ты тяжело дышишь, от тебя пахнет

страхом, на лице у тебя написано благоговение. Не бойся. Я действительно выше тебя в этическом смысле, но гордиться тут нечем. Ты можешь сравняться со мной и даже превзойти меня.

Я обладаю властью, по сравнению с которой наука твоего времени годится разве что для обезьян. Однако я не умнее наиболее умных жителей Реки. И тоже могу ошибаться.

Запомни еще вот что — и, когда начнешь проповедовать, всякий раз говори об этом. Тот, кто лезет вверх, может скатиться вниз. Другими словами, бойся регресса. Тебе незнакомо это слово? Бойся скатиться вниз. Покуда ка не расправит крылья и не улетит в неведомые пределы, регресс всегда будет угрожать ей. Кто живет во плоти, живет под угрозой.

Это точно так же относится ко мне, как и к тебе.

В этот миг Ла Виро протянул к пришельцу руку, желая дотронуться до него и убедиться, что он и вправду из плоти и крови.

Гость отпрянул и крикнул:

— Не делай этого!

Ла Виро убрал руку, но явно обиделся. Гость сказал:

— Мне очень жаль, ты не представляешь се-

бе, как жаль, но пожалуйста — не трогай меня. Больше я ничего говорить не буду Но когда ты достигнешь черты, за которой я смогу тебя обнять, ты меня поймешь.

И тогда, братья и сестры, гость стал говорить, почему Ла Виро должен основать эту новую религию. Название для церкви придумал сам Ла Виро, и гость ни к чему его не принуждал, просто сказал, что это следовало бы сделать. Но, очевидно, пришелец знал, к кому обратиться, ибо Ла Виро пообещал все исполнить.

Принципы Церкви Второго Шанса и способы воплощения их в жизнь мы теперь обсуждать не будем. Слишком много времени нужно, чтобы выдвинуть и обосновать их. Отложим это до будущей ночи.

Под конец Ла Виро спросил этика, почему тот выбрал именно его в основатели Церкви.

— Ведь я — невежественный полукровка. Вырос в глухом канадском лесу. Мой отец был белый траппер, а мать — индианка. Британцы, правившие нашей страной, смотрели свысока на них обоих. Мать почти отвергло собственное племя, потому что она вышла за белого. А отца англичане, на которых он работал, обзывали мужем скво, грязным французишкой.

Я был очень велик для своего возраста и в четырнадцать уже стал лесорубом. В двадцать из-за несчастного случая я стал калекой и всю оставшуюся жизнь стряпал в лагерях дровосеков. Моя жена, тоже метиска, подрабатывала стиркой. У нас было семеро детей — четверо рано умерли, а остальные стыдились своих родителей. Но мы жертвовали для них всем, любили их и старались хорошо воспитать. Два моих сына уехали работать в Монреаль, а потом погибли во Франции, сражаясь на стороне англичан, которые их презирали. Дочь стала шлюхой, заболела и умерла — так я слышал. А жена умерла от разбитого сердца.

Я рассказываю тебе это не потому, что ищу сочувствия. Я просто хочу, чтобы ты знал, кто я и что я. Как ты можешь просить, чтобы я проповедовал другим, если я родных детей не сумел убедить в правоте своей веры? Если моя собственная жена умерла, проклиная Бога? Как же я смогу говорить с людьми, которые были раньше учеными, государственными деятелями и священниками?

— Я вижу по твоему ватану, что сможешь, — улыбнулся гость. Он встал, снял с шеи золотую спираль на серебряном шнурке и надел ее на шею Ла Виро. — Это тебе, Жак Жийо. Носи ее с

честью. Прощай. Возможно, мы еще увидимся в этом мире, а возможно, и нет.

— Подожди! — сказал Ла Виро. — У меня еще столько вопросов!

— Ты знаешь достаточно. Благослови тебя Бог. И гость ушел. Снаружи по-прежнему бушевали дождь, гром и молния. Миг спустя Жийо тоже вышел, но гостя и след простыл. Ла Виро обвел взором грозовое небо и вернулся в хижину. Там он сидел, пока не прогремели питающие камни и не настал день. Тогда он спустился на равнину и рассказал, что с ним случилось. Как он и сказал, все, кто услышал его рассказ, сочли его безумцем. Но со временем появились и такие, что поверили ему.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

ПАРОХОДЫ ПРИБЫВАЮТ В ВИРОЛАНДО

ГЛАВА 21

Около тридцати трех лет назад Герман приплыл в Вироландо. Он собирался задержаться там лишь на время, нужное для нескольких бесед с Ла Виро, если тот допустит его к себе. А там он снова отправится туда, куда пошлет его Церковь. Но Ла Виро попросил его остаться здесь, не сказав, для чего и как долго. Прожив здесь год, Герман взял себе имя Фениксо.

Это были счастливейшие годы его жизни. И не было повода думать, что он скоро покинет этот край.

Этот день будет похож на много других, но эта похожесть сладка, а небольшое разнообразие украсит ее.

После завтрака Герман поднялся к большому дому, построенному на вершине скального столба, и прочел там лекцию своим семинаристам, закончив ее за полчаса до полудня. Потом быстро сошел вниз и встретился у питающего камня

с Крен. После они поднялись на другую скалу, привязали к себе дельтапланы и прыгнули в шестисотфутовую пропасть.

Над Вироландо сверкали тысячи планеров — они парили вверх и вниз, описывали круги, ныряли, взмывали, падали, танцевали. Герман чувствовал себя птицей, нет — вольным духом. Пусть это иллюзия свободы — ведь всякая свобода иллюзия — но эта самая лучшая.

Дельтаплан у Германа был ярко-красный, в память об эскадрилье, которой он командовал после гибели Манфреда фон Рихтхофена. Алый цвет символизировал также кровь, пролитую мучениками Церкви. В небе было много таких красных птиц вперемешку с белыми, черными, желтыми, оранжевыми, зелеными, синими и пурпурными. В этой благословенной земле залегали гематит и другие руды, из которых делались красители. И не только этим она была благословенна.

Герман вился в проеме между скалами, огибая мосты, где стояли дома, порой в опасной близости от каменных и деревянных опор. Грешно так рисковать своей жизнью, но он не мог устоять. Прежний волнующий трепет земных полетов вернулся к нему, став вдвое острее. Тут в ушах не ревели моторы, в ноздри не бил запах горелого

масла, не было ощущения, что ты заперт.

Иногда он проплывал мимо воздушных шаров, махая людям в плетеных корзинах. На каникулах они с Крен тоже сядут на воздушный шар, поднимутся на тысячу метров и предоставят ветру нести их по долине. Бывало, они плыли так целыми днями, болтали, ели, занимались любовью в тесноте, двигаясь без толчков, без единого дуновения ветра — ведь они летели с той же скоростью, что и он.

Выпустив в сумерках водород, они приземлялись на берегу, клали свернутую оболочку в корзину и наутро, взяв лодку, плыли обратно вверх по Реке.

Через полчаса Герман устремился вниз вдоль Реки, спустился и побежал по берегу. Как сотни других летунов, он отвязал свой дельтаплан и с этой громоздкой ношей на спине пошел к скале, с которой взлетел.

Его остановил посыльный в красно-желтой шапочке.

— Брат Фениксо, Ла Виро хочет тебя видеть.

— Спасибо, — сказал Герман, но в душе содрогнулся. Неужели верховный епископ решил, что пришло время отослать его прочь?

Тот, кто звался Человек, ждал его в своей квар-

тире, в храме из красного и черного камня. Из высоких палат Германа провели в небольшую комнату, и дубовая дверь закрылась за ним. Там стояла простая мебель: большой письменный стол, несколько стульев, обтянутых рыбьей кожей, бамбуковые стульчики, две кровати, стол, где помещались кувшины с водой и небольшой выбор спиртных напитков, чашки, сигары, сигареты, зажигалки и спички. Обстановку довершали ночной горшок, два Грааля и одежда, висящая на колышках, вбитых в стену. Имелся туалетный столик перед слюдяным зеркалом на стене и еще один, где лежали помада, ножнички и гребенки, которые порой поставлялись Граалями. Пол покрывали циновки из бамбукового волокна и среди них звезда из рыбьей кожи. В гнездах на стенах горели четыре факела. Дверь во внешней стене была открыта. Через отдушины в потолке поступал воздух.

При появлении Германа Ла Виро встал — огромный, ростом шесть футов шесть дюймов, и очень смуглый. Нос у него напоминал клюв исполинского орла.

— Добро пожаловать, Фениксо, — пробасил он. — Садись. Выпьешь чего-нибудь? Хочешь сигару?

— Нет, Жак, благодарю. — Герман сел на указанный ему мягкий стул.

Верховный епископ занял свое место.

— Ты, конечно, слышал о гигантском железном корабле, идущем вверх по Реке? Барабаны передают, что он сейчас в восьмистах километрах от нашей южной границы. Значит, дня через два он эту границу пересечет.

Ты рассказал мне все, что знал, об этом Клеменсе и о его компаньоне, Иоанне Безземельном. О том, что случилось после того, как тебя убили, ты, конечно, знать не мог. Но эти двое, очевидно, отбили своих врагов и построили свой корабль. Скоро они пройдут через нашу территорию. Насколько я слышал, они не воинственны, и нам можно их не бояться. Они сами нуждаются в содействии тех, кому принадлежат прибрежные питающие камни. Они могут и силой взять то, что им нужно, но идут на это лишь в крайнем случае. Однако я слышал тревожные вести о поведении части команды, когда ее — как это? — да, увольняют на берег. Имели место безобразные случаи, в основном связанные с пьянством и женщинами.

— Прости, Жак, но я не думаю, чтобы Клеменс стал держать у себя на борту таких людей. Он был одержим своей идеей и порой делал то, чего не

следовало бы делать, чтобы построить корабль. Но он не тот человек — во всяком случае, раньше был не тот, — чтобы мириться с подобным поведением.

— Кто знает, как он изменился с тех пор? Притом корабль называется не так, как ты говорил, а «Рекс грандиесимус».

— Странно. Такое название выбрал бы скорее король Иоанн.

— По твоим рассказам об этом Иоанне можно предположить, что он убил Клеменса и забрал корабль себе. Так это или нет, но я хочу, чтобы ты встретил этот корабль на границе.

— Я?

— Ты знал тех, кто его строил. Я хочу, чтобы ты на границе поднялся к ним на борт. Выясни, что там за ситуация, что за люди. Прикинь также, каков их военный потенциал.

Герман принял удивленный вид.

— Ты, Фениксо, передал мне историю, которую тот носатый великан — Джо Миллер? — рассказал Клеменсу, а тот рассказал другим. Если это правда, то посреди полярного моря на севере стоит некая башня. Эти люди намерены добраться до нее. И я считаю это намерение дурным.

— Дурным?

— Ведь эту башню явно воздвигли этики. А эти корабельщики вознамерились проникнуть в нее, раскрыть ее тайны — а возможно, захватить этиков в плен или даже убить их.

— Ты не можешь этого знать.

— Нет, но здравый смысл заставляет это предположить.

— Клеменс при мне никогда не говорил, что хочет власти. Он хотел только доплыть до истоков Реки.

— Публично он мог говорить совсем не то, что в узком кругу.

— Послушай, Жак. Ну какое нам дело, если они даже и впрямь доберутся до башни? Не думаешь ли ты, что их жалкая техника и оружие позволят им сладить с этиками? Люди для этиков — что черви. Кроме того, что мы-то можем поделать? Нельзя же нам задержать их силой.

Епископ подался вперед, схватившись коричневыми ручищами за края стола, и впился взглядом в Германа, словно желая снять с него шелуху слой за слоем и добраться до ядра.

— Неладно что-то в этом мире, куда как неладно! Сначала прекратились малые воскрешения. Мне сдается, это случилось вскоре после того, как ты ожил в последний раз. Помнишь ты ужас,

который вызвала эта новость?

— Я и сам мучился тогда, — кивнул Герман. — Меня обуревали сомнения и отчаяние.

— Меня тоже. Но я, как архиепископ, обязан был успокоить свою паству. Не владея при этом никакими фактами, которые могли бы вселить надежду. Выглядело так, будто срок, отпущенный нам, уже истек и те, что могли достичь Продвижения, уже достигли его. Остальные же умрут, и их ка будут вечно блуждать по Вселенной, не зная искупления.

Но я все-таки так не думал. Я ведь знал, что сам к Продвижению не готов. Для этого мне предстояло пройти долгий, возможно, очень долгий, путь.

А разве этик выбрал бы меня в основатели Церкви, если бы не знал, что у меня есть все возможности для Продвижения?

Неужели я — ты не можешь представить, как мучила меня эта мысль, — неужели я оказался недостоин? Неужто я, избранный, чтобы указать другим путь к спасению, сам остался позади? Как Моисеи, приведший евреев к земле обетованной, но сам не получивший дозволения умереть на ней.

— О нет! — тихо произнес Герман. — Не может такого быть!

— Может. Я только человек, не бог. Я даже подумывал уйти со своего поста. Мне казалось, что я запустил собственный этический рост оттого, что слишком занят делами Церкви. Я стал высокомерен; власть, данная мне, исподволь портила меня. Я хотел, чтобы епископы избрали нового главу. А я бы сменил имя и уплыл вниз по Реке миссионером. Нет, не возражай. Я всерьез размышлял об этом. Но потом сказал себе, что так я предал бы этиков, оказавших мне доверие. И, возможно, то страшное, что случилось с нами, объясняется чем-нибудь другим. Тем временем я должен был как-то объяснить это людям. Ты знаешь, как я это сделал; ты услышал это одним из первых.

Герман кивнул. Тогда епископ доверил ему нести слово пастыря вниз по Реке на целых две тысячи миль. Это означало годовую разлуку с любимой страной, но Герман рад был послужить Ла Вира и Церкви. Не бойтесь, гласило слово. Будьте тверды в своей вере. Последние дни еще не пришли. Испытание не окончено. Мы сейчас в растерянности, но долго это не продлится. Однажды мертвые восстанут снова, как обещано. Те, что создали этот мир и дали вам бессмертие, не оставят вас. Нынешнее положение вещей послано, чтобы вас испытать. Не бойтесь и верьте.

Многие спрашивали Германа, для чего послано это испытание. Он мог ответить только, что ему это неведомо. Быть может, Ла Виро знает об этом от этиков. Быть может, испытание потеряет свой смысл, если все будут знать, в чем оно состоит.

Кое-кого этот ответ не удовлетворял, и они в озлоблении отрекались от Церкви. Но большинство осталось верными, и в их ряды, как ни странно, прибыло много новообращенных. Этих привел к Церкви страх: а вдруг действительно есть второй шанс на бессмертие, и теперь остается совсем мало времени, чтобы им воспользоваться. Такая позиция не была рациональной — ведь Ла Виро сказал, что воскрешения возобновятся. Но люди не собирались упускать свой шанс.

Страха надолго не хватит, но главное — вступить на верный путь.

Возможно, позднее человек обретет истинную веру.

— Единственное, что было не совсем правдиво в моем послании, — сказал Ла Виро, — это слова о посланном нам испытании. Я не имел прямого указания — мой гость не говорил мне, что так будет. Но не было в моих словах и лжи, пусть даже спасительной. Прекращение воскрешений — действительно испытание. Испытание нашего

мужества и веры. Все мы подверглись пробе.

В то время я думал, что этики предприняли это с какой-то благой целью. Очень возможно, что так оно и есть. Но ведь гость говорил мне, что он и его собратья — только люди, хотя и наделенные огромной силой. Что они могут ошибаться. А значит, и несокрушимостью они не обладают. Х ними может случиться несчастье, и враги способны причинить им вред.

— Какие враги? — встрепенулся Герман.

— Я не знаю, кто они, и не знаю, есть ли они вообще. Но подумай. Тот получеловек — нет, не стану так его называть, он все же человек, несмотря на свою внешность — тот Джо Миллер со своими египтянами добрался же до полярного моря, несмотря на все опасности. А перед ними там прошли другие. Кто-то мог прийти туда и после египтян. Откуда нам знать, не проник ли кто-нибудь из них в башню? И не натворил ли там каких-нибудь страшных дел, сам, возможно, того не желая?

— Мне трудно поверить, что у этиков нет сверхнадежной обороны.

— Ах! — поднял палец Ла Виро. — Ты забываешь зловещий смысл туннеля и веревки, найденных партией Миллера. Кто-то ведь пробил гору и

привязал там веревку. Весь вопрос в том, кто и зачем?

— Возможно, это сделал кто-то из этиков второго порядка, агент-ренегат. Ведь гость говорил тебе, что и они могут деградировать. А если это происходит с ними, то уж с агентами тем более.

— Да… как я не подумал об этом! — ужаснулся Ла Виро. — Но это просто немыслимо… и очень опасно!

— Опасно?

— Да. Агенты должны быть лучше нас, однако и они… погоди.

Ла Виро закрыл глаза и поднял вверх правую руку, сложив большой и указательный пальцы в букву «О». Герман молчал. Ла Виро произносил про себя формулу принятия неизбежного, применяемую Церковью и изобретенную им самим. По истечении двух минут он открыл глаза и улыбнулся.

— Если так суждено, мы должны принять все и быть готовыми. Реальность да будет с тобой… и с нами. Однако вернемся к тому, из-за чего я послал за тобой. Я хочу, чтобы ты взошел на этот корабль и высмотрел там все, что возможно. Выясни, как настроен капитан, этот король Иоанн и вся его команда. Разберись, предоставляют ли они угрозу

для этиков. Иначе говоря, есть ли у них такая техника и оружие, которые могли бы обеспечить им доступ в башню. — Ла Виро нахмурился и добавил: — Пора нам вмешаться!

— Не хочешь ли ты сказать, что мы должны прибегнуть к насилию?

— Что касается людей — нет. Но ненасилие и пассивное сопротивление — это понятия, применяемые лишь к живым существам. Герман, если так надо, мы потопим этот пароход! Но лишь а самом крайнем случае, если не останется ничего другого. И только имея уверенность, что никто не пострадает.

— Я… я не знаю. Мне кажется, мы, сделав это, проявили бы неверие в этиков. Они вполне способны справиться с простыми людьми вроде нас.

— Ты попался в ловушку, против которой постоянно остерегает Церковь и ты сам не раз остерегал других. Этики не боги. Бог только один.

— Хорошо. — Герман встал. — Я тотчас же отправляюсь.

— Ты бледен, Фениксо. Не бойся так. Может быть, уничтожать корабль не понадобится. И в любом случае мы сделаем это, лишь будучи уверены на сто процентов, что никто не будет ранен или убит.

— Меня пугает не это. А то, что какая-то часть меня жаждет влезть в эту интригу и радостно трепещет при мысли о потоплений судна. Старый Герман Геринг до сих пор живет во мне, а я-то думал, что разделался с ним навеки.

ГЛАВА 22

«Рекс грандиссимус» поистине был прекрасным и величественным судном.

Он шел, бороздя воды на середине Реки, Огромный и белый, воздев к небу черные дымовые трубы, работая двумя гигантскими колесами. Над мостиком вился флаг, показывая временами трех золотых львов на алом поле.

Герман Геринг, ожидавший на палубе трехмачтовой шхуны, поднял брови. Это был явно не алый феникс на голубом поле, задуманный Клеменсом.

В небе над пароходом парило множество дельтапланов, а на Реке кишели суда всякого рода — официальные и любопытствующие.

Пароход замедлял ход — его капитан верно истолковал значение ракет, пущенных Герингом со шхуны. Притом нельзя было пробиться сквозь загромождающие путь суденышки, не раздавив их.

Наконец «Рекс» остановился, подрабатывая колесами лишь настолько, чтобы его не сносило течением.

Шхуна поравнялась с ним, и капитан проревел в рупор из рыбьего рога свое сообщение. Человек на нижней палубе «Рекса» тут же соединился по телефону, висевшему на переборке, с мостиком. Из рубки высунулся некто, тоже с рупором, и рявкнул так, что Герман вздрогнул и решил: тут не обошлось без электроусилителя.

— Поднимайтесь на борт!

Хотя капитан «Рекса» находился футах в пятидесяти пяти над водой и в ста, если считать по горизонтали, Герман узнал его. Рыжие волосы, широкие плечи, узкое лицо принадлежали Иоанну Безземельному, бывшему королю Англии, Ирландии и прочая, и прочая. Через несколько минут Герман взошел на «Рекс», и два вооруженных до зубов стража подняли его в небольшом лифте на верхний этаж мостика. По пути он спросил их:

— А что стряслось с Сэмом Клеменсом?

Они удивились, и один ответил вопросом на вопрос:

— Откуда вы его знаете?

— Слухи путешествуют быстрее, чем ваш паро-

ход. — Это было правдой, и если он не сказал всей правды, то и не солгал.

Они вошли в рубку. Иоанн стоял около рулевого и смотрел вдаль.

Он обернулся на звук закрывшегося лифта. Он был ростом пять футов пять дюймов, красивой и мужественной наружности, с широко поставленными голубыми глазами. Черную форму, бывшую на нем, он надевал, очевидно, лишь когда хотел произвести впечатление на местных жителей. Китель, брюки и сапоги были сшиты из кожи «речного дракона». Китель украшали золотые пуговицы, а с фуражки беззвучно рычал золотой лев. Интересно, подумал Герман, где он взял столь редкий металл? Возможно, отнял у какого-нибудь бедняги.

Грудь у капитана была голая. Рыжие волосы, на пару тонов темнее, чем на голове, вились вокруг знака V на лацкане.

Один из офицеров, сопровождавших Германа, отдал честь.

— Посланник из Вироландо, сир!

Ишь ты, подумал Герман — сир, а не сэр.

Иоанн его явно не узнал, и Герман удивился, когда король с улыбкой подошел и протянул ему руку. Герман пожаднее. Почему бы и нет? Он

пришел сюда не мстить, а выполнить свой долг.

— Добро пожаловать на «Рекс». Я его капитан, Иоанн Безземельный. Хотя, как видите, если земли у меня и нет, то есть нечто более ценное — этот корабль. — И Иоанн добавил со смехом: — Когда-то я был королем Англии и Ирландии, если вам это о чем-то говорит.

— А я — брат Фениксо, священник Церкви Второго Шанса и секретарь Ла Виро. От его имени приветствую вас в Вироландо. Да, ваше величество, я читал о вас. Я родился в двадцатом веке, в Баварии.

Джон вскинул густые рыжие брови:

— Я, конечно же, слышал о Ла Виро, и нам говорили, что он живет чуть выше по Реке. Король представил остальных — Герман не знал никого, кроме первого помощника Огастеса Струбвелла, очень высокого, белокурого, красивого американца. Он пожал гостю руку и сказал: «Добро пожаловать, епископ». Похоже, и он не узнал Германа. Тот мысленно пожал плечами. В конце концов, он пробыл в Пароландо недолго, и было это больше тридцати трех лет назад.

— Выпьете что-нибудь? — спросил Иоанн.

— Нет, благодарю вас. Надеюсь, вы позволите мне остаться на борту, капитан. Я прибыл сюда,

чтобы сопровождать вас до нашей столицы. Мы приветствуем вас с миром и любовью и надеемся, чти вы пришли к нам с теми же чувствами. Ла Виро хочет встретиться с вами и благословить вас. Быть может, вам захочется немного побыть у нас и размять ноги на берегу. Вы можете оставаться столько, сколько вам будет угодно.

— Я, как вам известно, не вашего вероисповедания, — сказал Иоанн, принимая от денщика чашу с виски. — Но к вашей Церкви отношусь с глубоким уважением. Она оказала огромное цивилизующее влияние на Реку. Это больше, чем я могу сказать о церкви, к которой когда-то принадлежал. Деятельность Церкви очень облегчила нам путь, уменьшив воинственность населения. Впрочем, напасть на нас отважились бы немногие.

— Я рад это слышать. — Герман счел за благо не заговаривать о том, что Иоанн совершил в Пароландо. Возможно, король изменился. Сомнение трактуется в пользу обвиняемого.

Капитан распорядился о помещении для Геринга. Его поместили на техасской палубе, служащей продолжением камеры под мостиком и занимавшей переднее правое крыло посадочной палубы. Там жили старшие офицеры.

Иоанн спросил Геринга о его земной жизни. Тот ответил, что о прошлом не стоит говорить. Только настоящее имеет значение.

— Возможно, — сказал Иоанн, — но настоящее — это итог прошлого. Если вы не хотите говорить о себе, то, быть может, расскажете о Вироландо?

Вопрос был законный, хотя неясно было, не хочет ли Иоанн выведать, каков военный потенциал государства. Геринг не собирался сообщать, что такового не имеется вообще. Пусть сам выясняет. Однако он дал понять, что никому из команды «Рекса» не разрешат сойти на берег с оружием.

— Будь это в другом месте, я бы не послушался, — улыбнулся Иоанн. — Но я уверен, что в сердце Церкви мы будем в безопасности.

— Этот край, насколько мне известно, уникален, — сказал Герман. — И рельеф, и население — все здесь не такое, как везде Первое вы можете видеть сами. — И он показал на скальные столбы.

Да, это поистине страна колонн. Но чем же ваши граждане отличаются от других?

— Почти все они — дети Реки. При первом воскрешении этот район заселили детьми, умершими в возрасте пяти-семи лет. Их было около

двадцати на каждого взрослого. Нигде больше я не слыхал о такой пропорции. Дети были собраны из разных мест и времен, принадлежали к разным нациям и расам. Лишь одно у них было общее — испуг. К счастью, взрослые происходили в основном из мирных и прогрессивных стран — из Скандинавии, Исландии, Швейцарии двадцатого века. Эта страна не знала ожесточенной борьбы за власть, шедшей в других местах. Пролив на западе служит преградой между нами и титантропами, живущими за ним Люди, обитающие ниже по Реке, отличаются столь же мирным нравом. Поэтому взрослые сумели посвятить все свое время заботе о детях.

Потом Ла Виро стал рассказывать повсюду о своей встрече с одним из таинственных существ, создавших этот мир. Его постигла бы судьба всех пророков в начале их пути — то есть осмеяние со стороны многих и признание немногих. Но Ла Виро имел при себе нечто больше слов и убеждений — веское, осязаемое доказательство. Такого не было больше ни у кого — стало быть, эту вещь произвели этики.

Это был Дар, как его обычно называют. Вы увидите его в Храме Это золотая спираль. И вот Ла Виро обосновался здесь.

Дети воспитывались в строгости и любви, и это они создали культуру, которую вы видите вокруг.

— Если ваши граждане столь же прекрасны духовно, как их страна на вид, — сказал Иоанн, — то они, должно быть, ангелы.

— Они люди — и поэтому здесь не Утопия и не рай. Однако я убежден, что нигде больше вы не встретите столько искренне дружелюбных, открытых, щедрых и любящих людей. Здесь очень приятно жить тому, кто им близок по духу.

— Пожалуй, можно будет устроить здесь длительную стоянку У нас моторы нуждаются в перемотке, а на это нужно время.

— Срок вашего пребывания здесь зависит только от вас. Иоанн бросил на Геринга проницательный взгляд. Тот улыбнулся. «Прикидываешь, какую бы пользу извлечь из вироландцев? Или просто надеешься здесь отдохнуть, не опасаясь, что твой пароход захватят?»

В это время в рубку вошел человек ростом около шести футов, покрытый бронзовым загаром, широкоплечий и с выпуклой грудью. Его прямые волосы были черны как смоль и густые черные брови нависали над свирепыми черными глазами. Герингу редко доводилось видеть

такие сильные лица. Вошедший излучал то, что в детские годы Геринга называлось «животным магнетизмом».

— А вот и Гвалхгвинн, — сказал Иоанн, — капитан моих десантников. Познакомьтесь. Превосходный парень, отменный фехтовальщик и стрелок из пистолета, величайший игрок в покер. Он валлиец и по обеим линиям происходит от королей, коли не врет.

У Геринга вся кровь отхлынула от сердца.

— Бартон! — прошептал он.

ГЛАВА 23

Никто, похоже, не расслышал, что он сказал.

Увидев пораженное, но тут же невозмутимо застывшее лицо Бартона, Геринг понял, что тот узнал его. Бартон, услышав, что перед ним брат Фениксо, посланник Ла Виро и священнослужитель, поклонился и проговорил с насмешливой улыбкой:

— Ваше преподобие…

— У нас в Церкви не приняты такие обращения, капитан, — заметил Геринг. Бартон знал это, конечно, — он просто издевался.

Пусть его. Главное то, что он, похоже, не собирается открывать, что брат Фениксо — на самом

деле Геринг. Не потому, что так любит Геринга, а потому, что в случае разоблачения Геринг назовет настоящее имя Бартона. А ставка Бартона, как видно, гораздо крупнее, чем у Геринга. Геринг мог бы и не скрываться — ему просто не хотелось объяснять, почему он теперь принял новую веру. Такой рассказ занял бы слишком много времени, и все равно многие не поверили бы в искренность его обращения.

Король Иоанн усердно занимал своего гостя, решительно, по всей видимости, не признавая в нем того, кого когда-то огрел по голове рукояткой пистолета. Геринга такое положение дел очень устраивало. Если Иоанну думается, что он запросто сможет запугать и ограбить местное население, лучше ему не знать, что здесь присутствует его давняя жертва. Полагая, что Фениксо — просто безобидный священник, король может в чем-то раскрыть свои замыслы.

Возможно, конечно, и то, что Иоанн переменился к лучшему. Разве стал бы Бартон в противном случае служить королю?

Да, стал бы, если бы очень хотел доплыть до истоков.

И все же, быть может, Иоанн уже не та гиена в человеческом облике. Впрочем, к чему так оби-

жать гиен?

Поживем — увидим.

Иоанн предложил показать гостю пароход. Геринг охотно согласился. Он уже осматривал корабль в Пароландо, еще до завершения отделки, и даже после стольких лет хорошо помнил его устройство. Но теперь он увидит судно полностью отделанным и вооруженным. Он сможет представить подробный отчет Ла Виро Пусть владыка решает, возможно ли затопить такой пароход в случае надобности. Геринг, впрочем, и не принимал всерьез заявление Ла Виро. Такая операция без кровопролития неосуществима Однако свое мнение он пока что оставил при себе.

Бартон исчез в самом начале экскурсии, но через десять минут явился снова и преспокойно присоединился к хозяину с гостем Они как раз входили в большой салон. Геринг сразу увидел американца, Питера Джейруса Фрайгейта, и англичанку, Алису Харгривз, — они играли на бильярде. Он испытал шок и невнятно ответил на какой-то вопрос Иоанна. Вспомнив, как он поступил с ними, особенно с женщиной, Геринг ощутил всю тяжесть своей вины.

Ну, теперь-то его опознают. Тогда и Иоанн, и Струбвелл тоже вспомнят его. И Иоанн утратит к

нему всякое доверие.

Геринг пожалел, что сразу не назвал своего настоящего имени Но кто мог предугадать, что при населении тридцать пять — тридцать шесть биллионов на борту окажутся как раз те, кто его слишком хорошо знает? Да не один, целых трое!

Gott! А где же остальные? Где неандерталец Казз, боготворивший Бартона? Где тот — не то арктурианин, не то тау-китянин? Где тохарка Логу? Где еврей Руах?

Двое Игроков, как и все в салоне, посмотрели на вошедших Даже чернокожий, игравший на рояле рэгтайм «Котенок на клавишах», прервал игру и опустил руки.

Струбвелл громко призвал всех к тишине и вниманию и представил брата Фениксо, посланца Ла Виро, сказав, что тот поплывет с ними до Аглейо. К нему следует относиться со всей предупредительностью, но сейчас подходить не надо. Его величество водит гостя по «Рексу».

Музыка и беседы возобновились. Фрайгейт и Харгривз, посмотрев на визитера чуть дольше остальных, вернулись к своей игре. Кажется, они его не узнали. Ну что ж, прошло ведь шесть лет с тех пор, как они расстались. Они уже не слишком хорошо помнят его. Хотя после таких событий

Герман мог бы поручиться, что они вовек его не забудут Притом Фрайгейт на Земле видел много его фотографий в молодые годы, что, казалось бы, должно освежить память.

Ничего они не забыли. Это Бартон, отстав от экскурсии, предупредил их. Это он велел им вести себя как ни в чем не бывало.

Но зачем?

Чтобы отпустить Герингу вину, молчаливо сказав ему: «Мы прощаем тебя теперь, когда ты так изменился. Сделаем вид, будто видим друг друга впервые?»

Маловероятно, разве только и с Бартоном произошли большие перемены. Скорей всего это сделано для того, чтобы разоблаченный Геринг не разоблачил, в свою очередь, Бартона. Очень возможно, что и Фрайгейт с Харгривз числятся здесь под фальшивыми именами.

Но обдумать все это как следует Герингу было некогда. Король Иоанн, как гостеприимный хозяин, неутомимо водил гостя по всему «Рексу», знакомя его с разными людьми, которые в свое время были знамениты, пользовались скандальной славой или, по крайней мере, известностью. Иоанн, плывя по Реке столько лет, имел возможность подобрать себе такую коллекцию.

Приходилось, как видно, выгонять безвестных, чтобы освободить место для знаменитостей.

Это не произвело на Геринга ожидаемого Иоанном впечатления. В том, кто был вторым лицом в германской империи и встречался с деятелями мирового масштаба, не так-то легко вызвать почтительный трепет. Более того, опыт общения с великими и сходящими за великих в обоих мирах открыл Герингу, что образ, предъявляемый публике, и человек, который под ним скрывается, часто самым жалким или отвратительным образом отличаются друг от друга.

Больше всего Геринга в этом мире поразил человек, который на Земле считался бы полным ничтожеством и неудачником: Жак Жийо, Ла Виро, Ла Фондинто.

И в земной жизни Германа тоже был человек, вызывавший у него почтение, покорявший, даже порабощавший его силой своей личности: Адольф Гитлер. Только однажды Герман воспротивился своему фюреру, хотя много раз полагал, что фюрер не прав — да и тогда быстро пошел на попятный. Теперь, пробыв много лет в Мире Реки и многому научившись в Церкви, Герман утратил всякое уважение к этому безумцу. Равно как и к тогдашнему Герингу. Даже думать о нем

было противно.

Однако ненависть к себе была не настолько сильна, чтобы счесть себя погибшим навеки. Думать так значило поставить себя особняком, преисполниться преступной гордыни и спеси, черпая в этом некое странное самодовольство.

Была, однако, и опасность впасть в гордыню, не совершая вышеназванных грехов. Возгордиться тем, что ты так смирен.

Этот христианский грех почитался таковым и в ряде других религий. Но Ла Виро, будучи примерным католиком всю свою земную жизнь, в ту пору о подобном грехе не слыхивал. Священник никогда не упоминал о нем во время своих долгих, наводящих сон проповедей. О существовании этого старого, но малоизвестного греха Жийо узнал только в Мире Реки.

Геринг, убедившись в конце войны, что Гитлер безумен, остался все же верен ему. Верность, одна из добродетелей Геринга, порой так шла вразрез с разумом, что превращалась в порок. На Нюрнбергском процессе Геринг, в отличие от большинства обвиняемых, не отрекался от фюрера и не валил всю вину на него.

Желал бы он теперь, чтобы у него хватило тогда мужества выступить против вождя — пусть даже

его, Геринга, падение из-за этого последовало бы намного раньше, чем в действительности, пусть даже это стоило бы ему жизни. Если бы можно было начать сначала… Но Ла Виро сказал ему

— Ты и так каждый день начинаешь все сначала. Просто обстоятельства изменились, вот и все.

Третьим человеком, поразившим Геринга, был Ричард Фрэнсис Бартон.

Геринг не сомневался, что Бартон на его месте не побоялся бы сказать Гитлеру: «Нет!» или «Вы не правы!» И как только Бартона не вышибли с «Рекса» за все эти годы? Ведь король Иоанн — тиран, надменный и нетерпимый ко всем, кто ему возражает.

Выходит, Иоанн изменился? И Бартон тоже? До такой степени, что стали способны ладить друг с другом?

— Вот как раз семеро моих пилотов играют в покер, — сказал Иоанн. — Пойдемте, я представлю вас.

Геринг вздрогнул при виде Вернера Фосса, вставшего и протянувшего ему руку. Они встречались когда-то, но Фосс, очевидно, его не узнал.

Геринг был превосходным пилотом, но охотно признал бы, что до Фосса ему далеко. Фосс сбил свои первые два самолета в ноябре 1916-го. 23

сентября 1917 года, недавно отпраздновав свое двадцатилетие, Фосс был сбит сам, выйдя в полете «одинокого волка» против семерых лучших британских истребителей. Меньше чем за год боевой деятельности Фосс уничтожил сорок восемь самолетов, что сделало его четвертым по величине асом имперских воздушных сил. Притом его много раз отзывали с фронта по разным административным делам. Это происходило почему-то тогда, когда его счет приближался к счету Манфреда фон Рихтхофена. Барон пользовался большим влиянием, и Фосс был не единственный, кого он удалял порой из зоны боевых действий. С лихими пилотами Карлом Шефером и Карлом Альменродером Рихтхофен поступал так же.

Иоанн объяснил, что Фосс у него — старший лейтенант воздушных сил, второй по старшинству. А капитан — Кеньи Окаба, прославленный японский ас. Коричневый человечек, осклабясь, поклонился Герингу, и тот вернул поклон. Геринг раньше не слышал о нем, поскольку Германия мало что знала о своем союзнике во время второй мировой войны. Но, как видно, счет у Окабы впечатляющий, раз Иоанн поставил его над славным Фоссом. А возможно, Окаба поступил на службу раньше Фосса, потому и получил более высокое

звание.

Остальные летчики — два сменных пилота истребителя, пилот торпедного бомбардировщика и вертолетчик — Герингу не были известны.

Ему хотелось бы поговорить с Фоссом о старых добрых временах первой мировой. И он со вздохом последовал за Иоанном на ураганную палубу «В». Завершив экскурсию, они вернулись в салон отведать напитков со льдом. Геринг выпил только один бокал, а Иоанн за короткое время осушил два. От этого лицо у него покраснело, но говорил он по-прежнему складно, забрасывая Геринга вопросами о Ла Виро. Тот отвечал правдиво. Что тут скрывать?

Не может ли брат Фениксо сказать, разрешит ли Ла Виро поставить пароход в его столице для длительного ремонта?

— Я не могу отвечать за Ла Виро, но думаю, он согласится. Ведь есть надежда обратить вас в веру Второго Шанса.

— Зубы Господни, — ухмыльнулся Иоанн, — мне все равно, скольких из команды вы подцепите на крючок, дайте только потопить пароход Клеменса! Вы, наверное, не знаете, что Клеменс пытался убить меня и моих верных людей, чтобы пароход достался только ему и его свиньям

приспешникам. Да поразит Бог молнией этого хорька! Но я со своими храбрецами одолел его и едва не убил. А после мы увели пароход, Клеменс же стоял на берегу, и ярился, и сыпал проклятиями, грозил нам кулаком. Я смеялся тогда, думая, что вижу его в последний раз. Но я ошибался.

— А вам известно, как далеко от вас Клеменс?

— По моим расчетам, он будет отставать всего на несколько дней, когда мы починим моторы. В свое время нас сильно задержали повреждения, причиненные их десантом.

— И это значит… — Герингу не хотелось облекать свою мысль в слова.

— Да, это значит, что будет бой! — свирепо осклабился Иоанн.

Герингу было ясно, что их широкое и длинное озеро превосходно подходит Иоанну. Там много места для маневра. Только король пока не считает нужным говорить об этом вслух.

Иоанн принялся ругать Клеменса, обзывая его лживым предателем, кровожадным и алчным чудовищем. Он — настоящее исчадие ада, а Иоанн — его невинная жертва.

Но Геринга он этим не одурачил. Зная и Клеменса, и Иоанна, Геринг был уверен, что как раз последний — лжец, предатель и захватчик.

Интересно, как это тем, кто участвовал в угоне, удалось утаить правду от тех, кто вступил в команду после?

— Ваше величество, — сказал Геринг, — ваше путешествие было очень длинным, многотрудным и опасным. Вы, должно быть, понесли большие потери. Сколько из вашей первоначальной команды осталось в живых?

— Странный вопрос. — Иоанн прищурился. — Отчего вы задали его?

— Не имеет значения, — пожал плечами Геринг. — Просто из любопытства. На Реке так много дикого населения, и я уверен, у вас не раз пытались отнять пароход. Ведь он…

— Это сокровище стоит куда дороже, чем весит в алмазах! — улыбнулся Иоанн. — Да. Это так. Клянусь Господним задом, я мог бы многое порассказать о битвах, которые мы вели, спасая «Рекс» от вражеских покушений. По правде сказать, из тех пятидесяти, что вышли из Пароландо, осталось только двое. Я и Огастес Струбвелл.

Значит, Иоанн постарался, подумал Геринг, чтобы ничей длинный язык не рассказал правду новобранцам. Скинь человека за борт ночью во время грозы, и всплеска никто не услышит. А не то капитан или помощник вызывают матроса на

ссору и отчисляют его за неумелость или неподчинение. Мало ли способов убить человека или отделаться от него? А если прибавить еще войну, несчастные случаи и дезертирство…

Теперь Геринг понял, что у Бартона есть еще одна причина не говорить, кто такой брат Фениксо в действительности. Если бы Иоанн узнал Геринга, королю стало бы ясно, что Геринг знает цену его рассказам. И тогда, возможно, король устроил бы Герингу «несчастный случай» до прибытия в Аглейо, чтобы Ла Виро не получил о короле неблагоприятных известий.

«Не слишком ли я подозрителен?» — подумал Геринг. Но в душе он знал, что не слишком.

ГЛАВА 24

Они, покинули салон и перешли в комнату на носу техасской палубы, полукруглую, со стенами из небьющегося стекла. Часть задней стены составляла шахта лифта, ведущая в рубку. Здесь стояли столы и стулья, несколько диванов и небольшой бар. Здесь, как почти повсюду на пароходе, звучала музыка из радиоузла, но ее можно было выключить. После разговора о перемотке, которая должна занять не меньше двух месяцев, Геринг завел беседу о предстоящем сражении.

Ему хотелось бы сказать: «Кому нужен этот бой? И для какой цели? Неужели ваши люди и люди Клеменса должны гибнуть, получать увечья и терпеть жестокую боль из-за того, что случилось несколько десятилетий назад? Мне думается, что вы с Клеменсом оба не в своем уме. Почему бы вам не прекратить эту распрю? Ведь у Клеменса есть теперь свой пароход. Зачем ему два? Да двух у него и не будет, потому что один пароход предполагается уничтожить, и я подозреваю, что это будет ваш, ваше величество. Зная размеры и потенциал корабля Клеменса, сомневаться не приходится».

Вслух он сказал:

— Может быть, сражаться с Клеменсом еще и не придется. Неужто он спустя столько лет все еще жаждет мести? И неужели вы до сих пор хотите ему отомстить за попытку убить вас? Время часто охлаждает страсти и дает власть холодному рассудку. Быть может…

Иоанн повел широкими, массивными плечами и вскинул руки ладонями вверх.

— Поверьте, брат Фениксо, я возблагодарил бы Бога, если бы Клеменс образумился и стал мирным человеком. Мне война ни к чему. Я — сторонник всеобщего братства. Я ни на кого

не поднял бы руку, если бы никто не поднимал руку на меня.

— Я искренне счастлив это слышать. И знаю, что Ла Виро счастлив будет стать посредником, чтобы уладить все ваши споры миром. Ла Виро, как и все мы здесь, жаждет предотвратить кровопролитие и добиться того, чтобы в ваших с Клеменсом отношениях восторжествовала добрая воля, а быть может, и любовь.

— Сомневаюсь, — нахмурился Иоанн, — чтобы этот одержимый демоном, кровожадный злодей согласился хотя бы на встречу со мной… разве что для того, чтобы меня убить.

— Мы приложим все усилия, чтобы устроить такую встречу.

— Меня тревожит, что Клеменс никогда не перестанет меня ненавидеть, и вот из-за чего: в битве за этот пароход случайно была убита его жена — скорее, бывшая жена. Они расстались, но он по-прежнему любил ее. И он считает, что я виновен в ее смерти.

— Но ведь это случилось еще до прекращения воскрешений. Ее могли перенести в другое место.

— Не имеет значения. Вероятно, он ее больше никогда не увидит, поэтому она для него все

равно что мертва. Собственно говоря, она умерла для него еще до своей кончины. Как вам, может быть, известно, она влюбилась в одного носатого француза, де Бержерака. — Иоанн громко рассмеялся. — Этот француз был в числе десантников, напавших на «Реке». И я двинул его ногой по затылку, когда прыгнул с их мясорубки. Он же проткнул шпагой бедро капитану Гвалхгвинну. Он единственный, кто одержал над Гвалхгвинном верх в битве холодным оружием. Гвалхгвинн утверждает, что его отвлекли, иначе де Бержерак никогда бы не пробил его защиту. Гвалхгвинну не понравится, если мы с Клеменсом заключим мир. Он жаждет поквитаться.

Герману захотелось посмотреть, так ли думает Бартон на самом деле, но оказалось, что англичанин ушел.

В это время два матроса внесли бочонки с разбавленным спиртом. Геринг узнал одного из них. Этот пароход просто кишел его старыми знакомыми.

Это был человек приятной внешности, среднего роста, стройный, но крепко сложенный, с короткими, песочного цвета волосами и светло-карими глазами. Звали его Джеймс Мак-Парлан, и он приехал в Пароландо на следующий день

после Германа. Герман говорил с ним о Церкви Второго Шанса и встретил вежливое, но решительное сопротивление.

А запомнился Герману Мак-Парлан потому, что на Земле он служил детективом у Пинкертона и в ранних 1870-х годах проник в ряды «Молли Мэгайрз», а позднее способствовал ее уничтожению. «Молли Мэгайрз» была тайной террористической организацией ирландских шахтеров и действовала в пенсильванских графствах Шуйлкилл, Карбон, Колумбия и Люцерн. Геринг, немец и житель двадцатого века, никогда, возможно, не узнал бы об этом, не будь он страстным любителем историй о Шерлоке Холмсе. Из книг же он узнал, что прототипами «Скаутеров», Вермиссы и Мак-Мурдо из романа Конан Доила «Долина страха» послужили соответственно «Молли Мэгайрз», пенсильванские угольные графства и Мак-Парлан.

Это побудило Германа прочесть книгу Алана Пинкертона «Молли Мэгайрз», где описывались подвиги Мак-Парлана.

В октябре 1873 года Мак-Парлан под именем Джеймса Маккенны сумел проникнуть в тайное общество. Молодой детектив много раз был на волосок от гибели, но избегал ее благодаря своему

мужеству, агрессивности и остроте ума. Пробыв три года в этом опасном месте, он раскрыл пружины деятельности «Мэгайрз» и имена ее членов. Руководители были повешены, власть «Молли Мэгайрз» пала, и владельцы шахт еще многие годы обращались с шахтерами, как с крепостными.

Мак-Парлан, проходя мимо Германа, взглянул на него. Лицо бывшего сыщика осталось невозмутимым, но Герману показалось, что Мак-Парлан его узнал. Уж слишком быстро тот отвел взгляд. Притом этот парень опытный сыщик и когда-то говорил Герингу, что никогда не забывает лиц.

Почему же Мак-Парлан не напомнил, что они знакомы — потому что десантнику на вахте это не положено или по другой причине.

Вошел Бартон и присоединился к обществу. Через несколько минут он удалился в туалет у лифта. Герман, извинившись, последовал за ним. Бартон стоял у писсуара в дальнем конце, и рядом никого не было. Герман стал около, пустил струю и тихо сказал по-немецки:

— Спасибо, что не выдали меня своему командиру.

— Я поступил так не из любви к вам. — Бартон опустил кильт и пошел мыть руки. Герман быст-

ро присоединился к нему и под шум льющейся воды сказал:

— Я уже не тот Геринг, которого вы знали.

— Возможно. Один, сдается мне, не лучше другого.

Герману очень хотелось объяснить, в чем разница, но он не посмел отсутствовать слишком долго и вернулся в наблюдательную.

Иоанн ждал его, чтобы выйти на палубу, откуда можно было лучше увидеть озеро, куда как раз входил пароход.

Повсюду, насколько видел глаз, торчали скальные шпили, вырастая порой прямо из воды. Скалы в основном были розовые, но среди них встречались черные, коричневые, пурпурные, зеленые, алые, оранжевые и синие. Примерно одна из двадцати была покрыта горизонтальными полосами разной ширины — красными, зелеными, белыми и синими.

Герман объяснил, что на западном конце озера горы сужаются, образуя узкий пролив около двухсот футов шириной, окруженный гладкими отвесными стенами семитысячефутовой высоты. Сила течения столь велика, что ни одно гребное или парусное судно не может его преодолеть. Лодки здесь движутся лишь в одну сторону — вниз

— и движение это невелико. Однако некие путешественники много лет назад пробили узкую тропу вдоль южной стены. Она пролегает футах в пятистах над проливом и тянется на полторы мили, до самого конца ущелья. Так что пешком там пройти можно.

— Сразу за проливом долина довольно узка, хотя ширина Реки там составляет милю. Там есть питающие камни, но никто не живет. Наверное, из-за течения — оно там так сильно, что рыбачить или ходить под парусом можно лишь по ту сторону пролива. Притом в долину проникает мало света. Однако через полмили вверх имеется залив, где можно стать на якорь.

В нескольких милях выше этого залива долина значительно расширяется. Там начинается страна носачей, волосатых великанов — титантропов. Я слышал, что многих из них перебили, так что половину населения там сейчас составляют обычные люди. — Геринг сделал паузу, зная, что дальнейшие его слова очень заинтересуют — или должны заинтересовать — его слушателей. — Предполагают, что всего в двенадцати тысячах миль от пролива находятся истоки Реки.

Он пытался внушить Иоанну, что лучше продолжить путь. Если истоки так близко, зачем

задерживаться здесь ради боя? Особенно если есть вероятность потерпеть поражение. Почему бы не доплыть до истоков и не снарядить экспедицию к таинственной башне?

— Вот как, — сказал Иоанн.

Если он и клюнул на это, то виду не подал. Казалось, его интересует только пролив и то, что находится сразу за ним.

Ответив на несколько вопросов Иоанна касательно этих мест, Герман понял, что король размышляет. Залив прекрасно подошел бы для перемотки моторов. Пролив просто создан для того, чтобы подкараулить «Внаем не сдается». Застигнув противника в ущелье, «Рекс» может обстрелять его торпедами — только они должны дистанционно управляться, поскольку в проливе не меньше трех поворотов.

Кроме того, если Иоанн причалит в заливе, он убережет свою команду от пацифистского влияния шансеров.

Геринг правильно разгадал ход мыслей Иоанна. Нанеся однодневный визит Ла Виро, король поднял якорь и повел «Рекс» через пролив.

Пароход стал на прикол в заливе, и между судном и берегом соорудили плавучий причал. Время от времени король Иоанн со своими офи-

церами или одни офицеры без него являлись в Аглейо к завтраку — но, когда их приглашали заночевать или погостить дольше, они никогда не соглашались.

Иоанн заверил Ла Виро, что вести бой на озере не намерен.

Ла Виро умолял его попробовать договориться о почетном мире при его, Ла Виро, посредничестве.

При первых двух встречах с Ла Виро Иоанн отказывался. Во время третьей он, к удивлению Ла Виро и Геринга, дал согласие. — Но я считаю это напрасной потерей времени и усилий, — заметил он. — Клеменс — маньяк. Я уверен, у него на уме только две вещи: вернуть свой пароход и убить меня.

Ла Виро был счастлив, что Иоанн согласился хотя бы попытаться.

Герман такого счастья не испытывал. Поступки Иоанна зачастую расходились с его словами. Несмотря на просьбы Ла Виро, Иоанн отказался допустить миссионеров Церкви к своей команде. И поставил часовых в конце скальной тропы, чтобы преградить миссионерам дорогу. У него для этого был хороший предлог — он, мол, не хочет, чтобы его внезапно атаковали десантники

Клеменса. Ла Виро сказал ему, что препятствовать проходу мирных жителей он не имеет права. Иоанн ответил, что никакого соглашения относительно прохода по тропе не подписывал. Он взял тропу под свой контроль — значит, и права устанавливает он.

Прошло три месяца. Герман тщетно ждал случая отозвать в сторонку Бартона и Фрайгейта, когда те придут в Аглейо. Они бывали здесь редко, а если и бывали, ему никак не удавалось застать их одних.

Однажды утром Германа вызвали в Храм. Ла Виро сообщил ему новости, только что переданные барабанами. «Внаем не сдается» придет в Аглейо через две недели, и Герингу поручается встретить их в том же месте, что и «Рекс».

Клеменс в Пароландо относился к Герману не слишком дружелюбно, но хотя бы убить его не пробовал. Геринг, поднявшись в рубку, сам удивился своей радости при виде Клеменса и гиганта-титантропа Джо Миллера. И американец тут же узнал его. Миллер заявил, что опознал гостя еще раньше — по запаху.

— Только ты пахнешь не так, как раньше, — добавил он. — Лучше.

— Может, это запах святости, — засмеялся

Герман.

— Значит, у порока и добродетели своя химия? — ухмыльнулся Клеменс. — А почему бы и нет? Ну а от меня как пахнет после сорокалетних странствий, Джо?

— Как от зтарых пантерьих какашек.

Ну прямо старые друзья встретились после долгой разлуки! Герман чувствовал, что им почему-то так же приятно видеть его, как ему — их. Возможно, это какая-то извращенная ностальгия. Или чувство вины сыграло здесь свою роль. Они, наверное, чувствовали себя ответственными за то, что случилось с ним в Пароландо. Хотя не с чего как будто — Клеменс очень старался удалить его из страны до начала насильственных действий.

Они вкратце рассказали Герману о том, что произошло у них за время их разлуки. А он рассказал о своих приключениях.

Потом все спустились в салон, чтобы выпить и представить Германа разным выдающимся личностям. Сирано де Бержерака вызвали с летной палубы, где он упражнялся в фехтовании.

Француз тоже помнил Германа, хотя и не слишком хорошо. Клеменс еще раз кратко рассказал о деятельности Германа, и тогда де Бержерак

вспомнил его проповедь.

Герман подумал, что время определенно изменило и Клеменса, и де Бержерака. Американец, кажется, преодолел свою острую неприязнь к французу, простив ему то, что тот увел у него Оливию Клеменс. Видно, что оба теперь ладят — они болтают, шутят и смеются.

Однако все хорошее когда-нибудь кончается. Герман сказал:

— Вы, наверное, уже слышали, что пароход короля Иоанна пришел в Аглейо три месяца назад? И что он поджидает вас за проливом на западном конце озера?

Клеменс выругался.

— Мы знали, что расстояние между нами быстро сокращается. Но что он остановился — не знали.

Герман рассказал им, как встречал «Рекс» и что случилось потом.

— Ла Виро продолжает надеяться, что вы с Иоанном сможете простить друг другу обиды. Он говорит, что после столь долгого времени уже не важно, кто начал первым. Он говорит…

Клеменс покраснел и насупился.

— Легко ему говорить о прощении! Ну и пусть толкует о нем хоть до Судного дня — его дело! От

проповедей еще никому вреда не бывало, бывает даже и польза — если охота вздремнуть.

Но я не затем проделал такой путь, преодолев все трудности, душевные муки и измены, чтобы погладить Иоанна по головке и признать, что он, в сущности, хороший мальчик, несмотря на все свои пакости — а потом поцеловать его и помириться.

«Ты, Иоанн, потрудился на славу, чтобы уберечь мой пароход от всех злодеев-грабителей, что пытались отнять у тебя столь дорого доставшееся тебе судно. Какого черта, Иоанн — я ненавидел, презирал и проклинал тебя, но все это в прошлом. Я не злопамятен — я добродушный простачок».

— Черта с два! — взревел Клеменс. — Я потоплю его пароход, который так любил когда-то! Теперь он мне не нужен! Иоанн обесчестил его, превратил в бордель, провонял его! Я потоплю его, чтобы не видеть больше. И так ли, этак ли, но избавлю мир от Иоанна Беземельного. Когда я покончу с ним, он станет Иоанном Бездыханным!

— Мы надеялись, — сказал Герман, — что после стольких лет — через два поколения, как считали раньше — ваша ненависть остыла, а то и угасла совсем.

— Еще бы, — саркастически отозвался Кле-

менс. — Бывали такие минуты, дни, недели, месяцы, да что там — и годы, когда я не думал об Иоанне. Но когда я уставал от бесконечного странствия по Реке и мне хотелось сойти на берег и остаться там, чтобы отдохнуть от шума колес, от всей этой рутины, от трехразовой ежедневной подзарядки Граалей и батацитора, от вечных споров, которые надо улаживать, и вопросов, которые надо решать, когда мое сердце останавливалось при виде женщин, похожих на мою любимую Ливи, или Сюзи, или Джин, или Клару — но это были не они… Тогда я, невыразимо усталый, уже готов был сказать: «Принимай судно, Сирано, а я сойду на берег, отдохну, развлекусь и позабуду об этом прекрасном чудовище — уведи его вверх по Реке н не приводи обратно…» И вот тут я вспоминал об Иоанне, о том, что он сделал со мной, и о том, что я сделаю с ним.

И я, собравшись с силами, кричал: «Вперед без страха и сомненья! Вперед, пока не схватим Иоанна-злодея и не отправим его на дно Реки!» Мысль о моем долге и самое горячее мое желание — услышать, как будет визжать Иоанн, прежде чем я сверну ему шею — вот что поддерживало меня на протяжении, как вы изволили выразиться, двух поколений!

— Мне грустно это слышать, — только и сказал Герман. Продолжать разговор на эту тему было бесполезно.

ГЛАВА 25

Бартон, снова мучаясь проклятой бессонницей, тихо вышел из каюты, Алиса не проснулась. Он прошел тускло освещенным коридором с техасской палубы на летную. Туман подбирался к палубе «Б». Палубу «А» уже затопило. Небо над головой сияло звездами, но с запада быстро надвигались тучи. Небо здесь было узким — его закрывали горы по обе стороны долины. «Рекс» стоял в заливе двумя милями выше ущелья, но долина тут была немногим шире. Холодное, мрачное, наводящее тоску место. Иоанну стоило трудов поддерживать в команде боевой дух.

Бартон зевнул, потянулся и подумал, не закурить ли ему сигарету, а то и сигару. Черт бы драл эту бессонницу! За шестьдесят лет жизни в этом мире пора бы научиться бороться с этим бедствием, от которого он пятьдесят лет страдал на Земле. (Ему было девятнадцать, когда его поразил этот страшный недуг.)

Ему предлагали множество способов излечиться. У индусов дюжина таких средств, у мусульман

не меньше. У диких племен Танганьики существуют свои испытанные методы. Да и в этом мире он уже перепробовал с десяток. Нур эль-Музафир, суфи, обучил его методике, которая оказалась несколько поэффективнее прочих. Но за три года, продвигаясь на дюйм-другой ночь за ночью, старая ведьма-бессонница вновь отвоевала свой плацдарм. Порой Бартон почитал себя счастливцем, если ему удавалось проспать две ночи из семи.

— Ты мог бы победить бессонницу, — сказал ему Нур, — если бы знал, что ее вызывает. Бороться нужно с первопричиной.

— Да. Знай я, в чем она, первопричина, и как ее искоренить — я бы не только бессонницу победил, но и весь мир в придачу.

— Сначала тебе нужно победить самого себя. Но когда это произойдет, ты увидишь, что завоевывать мир не стоит.

Двое часовых у заднего входа на техаску двинулись в обход по полутемной летной палубе, сошлись на середине, отсалютовали винтовками друг другу, повернулись, снова зашагали в конец палубы, повернулись и начали все сначала.

Здесь несли свой четырехчасовой караул Том Микс и Грапшинк. Бартон заговорил с ними без

опаски, зная, что в передней части техаски есть еще двое часовых, двое в рубке и еще множество по всему пароходу. После налета Клеменса Иоанн по ночам ставил часовых везде.

Бартон поболтал немного с Грапшинком, американским индейцем, на его родном языке, желая выучить и этот. Том Микс внес свой вклад, рассказав сальный анекдот. Все посмеялись, а Бартон сказал, что слышал другую версию в эфиопском городе Хараре. Грапшинк сознался, что и он слышал нечто подобное на Земле — а было это за тридцать тысяч лет до Рождества Христова.

Бартон сказал, что проверит другие посты, спустился на главную палубу «Б» и пошел на корму. Проходя мимо светлого пятна в тумане, он краем левого глаза уловил какое-то движение. Не успел он обернуться, как получил удар по голове.

Очнулся он, лежа на спине и глядя в туман. Выли сирены, некоторые совсем близко. Затылок страшно болел. Бартон ощупал шишку, поморщился и поскорей убрал руку. Шатаясь, он поднялся на ноги и увидел, что по всему пароходу зажглись огни. Люди с криками пробегали мимо. Кто-то остановился — это была Алиса.

— Что случилось? — крикнула она.

— Я знаю только, что меня кто-то оглушил. — И

он двинулся на нос, но принужден был ухватиться за стенку.

— Пойдем, я отведу тебя в лазарет.

— К черту лазарет! Веди меня в рубку. Надо доложить королю.

— С ума сошел. А если у тебя контузия или череп поврежден? Тебе даже ходить нельзя. Нужно лечь на носилки.

— Чепуха, — буркнул он и заковылял дальше.

Она заставила его опереться на нее, и они вместе зашагали на нос. Бартон слышал, как поднимают якоря и скрежещут цепи в клюзах. У паровых пулеметов и ракетных установок выстроились расчеты.

— Что случилось? — спросила у кого-то Алиса.

— Не знаю! Говорят, большой катер увели. Вверх по Реке. Тогда, подумал Бартон, меня огрел тот, кто стоял на стреме. Он был уверен, что кражу совершили свои же. Вряд ли кто-то мог пробраться на борт незамеченным. Со времен налета по ночам здесь всегда работают сонары, радар, инфракрасные детекторы. Операторы не смеют глаз сомкнуть. Последнего, кто уснул на посту десять лет назад, скинули в Реку через две минуты после разоблачения.

В рубке Бартону пришлось подождать, пока ко-

роль найдет минуту и для него. Выслушав доклад о происшедшем, Иоанн не проявил никакого сочувствия: он был вне себя, бранился, отдавал приказы, топотал по рубке.

— Ступай в лазарет, Гвалхгвинн, — велел он. — Если доктор сочтет тебя негодным для службы, пусть тебя заменит Демагтс. Все равно от десантников теперь толку чуть.

— Да, сир, — сказал Бартон и отправился в госпиталь на палубе «В».

Доктор Доил просветил ему череп рентгеном, очистил и перевязал рану на голове и велел полежать.

— Ни контузии, ни трещины нет. Нужен только покой. Бартон лег. Вскоре в динамиках раздался голос Струбвелла. Отсутствует двенадцать человек: семеро мужчин и пятеро женщин.

Тут включился Иоанн, слишком злой, как видно, чтобы позволить перечислить их имена первому помощнику. Трясущимся голосом он аттестовал пропавших как «неверных собак, мятежных свиней, подлых вонючих хорьков, трусливых шакалов и желтобрюхих гиен».

— Прямо зверинец, — сказал Бартон Алисе.

Последовал список имен. Все они были предполагаемые агенты, все говорили, что жили после

1983 года.

Иоанн считал, что они сбежали из страха перед боем.

Не будь он так взбешен, он сообразил бы, что эти двенадцать не раз доказывали свое мужество на деле.

Бартон-то знал, почему они сбежали. Они хотят побыстрей добраться до башни и не хотят участвовать в ненужном им бою. Поэтому они угнали катер и несутся вверх по Реке со всей возможной скоростью. И надеются, конечно, при этом, что Иоанн не погонится за ними, опасаясь Клеменса.

Иоанн действительно боялся, как бы «Ненаёмный» не прошел через пролив, пока «Рекс» будет гоняться за катером. Однако у часовых на тропе над проливом была рация, и они сразу доложили бы, если бы противник вошел в ущелье. Но если «Рекс» уйдет слишком далеко вверх, он не успеет вернуться, чтобы блокировать Клеменса.

Учитывая все это, Иоанн все же решил рискнуть. Он не даст дезертирам уйти безнаказанно. Катер нужен ему для боя. Кроме того, королю отчаянно хочется догнать и покарать беглецов.

В былые времена на Земле он велел бы их пытать. Он бы и сейчас охотно предал их дыбе, колесу и огню, но знал, что его команда — боль-

шинство ее во всяком случае — такого варварства не потерпит.

Ему позволят разве что расстрелять этих двенадцать, хотя и с тяжелым сердцем — надо же поддерживать дисциплину. Да и кража катера усугубила вину беглецов.

Бартон застонал.

— Что с тобой, милый? — спросила Алиса.

— Ничего, уже прошло.

Здесь были другие сестры, поэтому он не сказал ей о том, что только сейчас пришло ему в голову: ведь Струбвелл-то остался на борту. Почему? Почему он не ушел с другими агентами?

А Подебрад? Подебрад, чешский инженер, главный подозреваемый? Его тоже не было в списке.

Вот еще один вопрос из тех многих, которые Бартон задаст когда-нибудь схваченному агенту. Может, и не нужно ждать этого «когда-нибудь». Почему бы не пойти к Иоанну теперь же и не сказать ему всю правду? Иоанн посадит Струбвелла и Подебрада под замок и подвергнет их допросу без всякого там крючкотворства и проволочек.

Нет. Сейчас нельзя. Иоанн не успеет допросить их. Надо подождать, пока не кончится бой. Кроме того, эти двое могут просто покончить с собой.

Пойдут ли они на это — теперь, когда воскре-

шений больше нет?

Все возможно. Если жители долины больше не оживают, это еще не значит, что не оживают агенты. Они могут воскреснуть далеко отсюда, в обширных подземельях башни.

Но Бартон в это не верил. Если бы агенты воскресали там, они сразу бы прибегли к самоубийству, а не садились бы на колесный пароход, чтобы доехать до башни.

Бартон собирался, если переживет бой вместе со Струбвеллом и Подебрадом, захватить их врасплох и оглушить, не дав им включить мысленный код, выпускающий яд из черного шарика в мозгу — а когда они начнут приходить в себя, гипнотизировать их.

Все это хорошо. Но пока остается вопрос: почему те двенадцать сбежали, а эти двое остались?

Не для того ли, чтобы совершить диверсию в случае, если Иоанн погонится за беглецами?

Похоже, это единственное объяснение. Значит, надо идти к Иоанну и разоблачать их.

Но поверит ли ему Иоанн? Не подумает ли, что удар по голове повредил Бартону мозги?

Возможно — но он поверит, когда Бартон призовет в свидетели Алису, Казза, Лоху, Фрайгейта, Нура, Лондона и Умслопогааса.

К тому времени, однако, Струбвелл и Подебрад могут догадаться о происходящем и скрыться. Хуже того, они могут взорвать пароход — или что они там еще замышляют.

Бартон поманил пальцем Алису и тихо велел ей передать Нуру эль-Музафиру, чтобы тот приставил кого-нибудь из их группы к Подебраду в котельной и к Струбвеллу в рубке. При подозрительных действиях, угрожающих судну, подозреваемых следует оглушить ударом по голове. А если такой возможности не представится, то застрелить их или заколоть.

— Но почему? — округлила глаза Алиса.

— После объясню! — рявкнул Бартон. — Иди, не то поздно будет!

Нур поймет, что означает этот приказ. И постарается его выполнить. Не так-то легко будет послать кого-то в котельную и в рубку. Сейчас все стоят на своих местах. Уйти с поста без разрешения было бы тяжким преступлением. Нуру придется придумать что-нибудь, и быстро.

— Есть! — сказал вдруг Бартон. И соединился по госпитальному телефону с рубкой. Связист хотел позвать Струбвелла, но Бартон настоял на разговоре с королем. Иоанн, придя в большое раздражение, все же внял просьбе Бартона и

спустился в наблюдательную. Там он отключил связь с рубкой — теперь их никто не услышит, если на линии нет подслушивающих «жучков».

— Сир, — сказал Бартон, — вот что я думаю. А вдруг дезертиры заложили бомбу где-то на пароходе? Если они увидят, что мы их вот-вот схватим, они передадут по радио кодированный сигнал, и бомба взорвется.

Иоанн помолчал и спросил голосом чуть выше обычного:

— Думаешь, такая возможность есть?

— Если я додумался до этого, почему не могли додуматься они?

— Я сейчас же объявлю поиск. Если ты в силах, присоединяйся. Иоанн повесил трубку. Минутой позже в динамиках загремел голос Струбвелла, приказывающего обследовать каждый дюйм судна на предмет взрывных устройств. Офицерам предписывалось немедленно организовать поисковые партии. Струбвелл назначил каждому свой участок.

Бартон улыбнулся. Вот и не пришлось ничего открывать Иоанну; пусть-ка теперь Струбвелл с Подебрадом займутся поиском тех самых бомб, которые, возможно, сами же и заложили.

ГЛАВА 26

Бартон вышел из лазарета. Поскольку ему не назначили определенного сектора, он решил действовать в качестве вольного стрелка: пойти на котельную палубу и обследовать машинное отделение и склады боеприпасов.

Спускаясь по лестнице на палубу, он услышал пистолетную стрельбу и крики. Шум, похоже, доносился снизу, и Бартон заспешил, морщась от боли на каждой ступеньке. На середине палубы «А» у борта толпился народ. Бартон подошел и стал проталкиваться к предмету всеобщего внимания.

Это был смазчик Джеймс Маккенна. Он лежал на боку, с пистолетом у раскрытой руки. В голове у него торчал томагавк.

Огромный ирокез Дойийи вышел вперед, нагнулся и выдернул томагавк.

— Он стрелял в меня, но промахнулся, — сказал он.

Королю следовало бы отдавать приказы лично, а не по селектору. Тогда Маккенну, возможно, поймали бы с поличным, когда он прилаживал десять фунтов пластиковой взрывчатки к корпусу в темном углу машинного отделения. Впрочем,

какая разница. Маккенна ушел оттуда, как только услышал по радио, что объявлен поиск. Он сохранял хладнокровие и вел себя как ни в чем не бывало. Но помощник электрика заметил его и окликнул, и тогда Маккенна выстрелил в него. Потом побежал и убил двоих, мужчину и женщину, стараясь прорваться к борту. Поисковая партия, бегущая в его сторону, обстреляла его, но без успеха. Маккенна ранил еще одного, но в Дойийи не попал. Теперь Маккенна лежал мертвый и уже не мог сказать, почему пытался взорвать пароход.

Король Иоанн спустился посмотреть на бомбу. К запалу были присоединены проводами часы и блок взрывчатки. Стрелка стояла на десяти — через двадцать минут произошел бы взрыв.

— Этого хватило бы, чтобы проделать дыру шире, чем весь правый борт, — весело сказал эксперт-взрывник. — Прикажете убрать, сир?

— Да, и немедленно, — спокойно ответил Иоанн. — Постой. Ведь радио при ней нет?

— Нет, ваше величество.

— Странно. Ничего не понимаю, — нахмурился Иоанн. — Почему дезертиры поручили одному из своих заложить бомбу с часовым механизмом, если ее куда проще взорвать по радио? А Маккенна

мог бы уйти с ними, не подвергаясь опасности. Бессмыслица какая-то.

Бартон, примкнув к группе офицеров, сопровождавших Иоанна, молчал.

Стоит ли раскрывать Иоанну глаза, если можно назвать раскрытием глаз то, что он, Бартон, скажет?

Маккенна явился к ним сразу после десанта с «Парсеваля», вызвавшись заменить одного из убитых. Теперь Бартону представлялось очевидным — во всяком случае, очень возможным, что Маккенну сбросили на парашюте или планере с борта «Парсеваля». Как это называли таких людей в двадцатом веке? Да… «пятая колонна». Клеменс заслал к ним своего человека в ожидании того дня, когда «Внаем не сдается» сойдется с «Рексом», и с приказом взорвать судно, когда день настанет.

Бартон не понимал одного — почему Клеменс приказал Маккенне так долго ждать. Почему было не взорвать корабль при первом удобном случае? Зачем было тянуть сорок лет? Существовала ведь возможность, что Маккенна, сжившись за столько лет с «Рексом», перейдет на сторону врага. Он не имел никакой связи с «Внаем не сдается» — трудно хранить верность тем, кто

существует только в воспоминаниях.

Но, возможно, Клеменс об этом не подумал.

Странно. Всякому, кто читал книги Клеменса, известно, какой он тонкий психолог.

Тогда, быть может, Клеменс приказал Маккенне не уничтожать «Рекс» без крайней на то необходимости?

— Выкиньте эту дрянь в Реку, — сказал Иоанн, кивнув на труп. Так и сделали. Бартон не нашел предлога, чтобы попросить перенести тело в морг. Там он мог бы вскрыть череп и посмотреть, нет ли в мозгу черного шарика. Но теперь уж поздно. Теперь Маккенну вскроют рыбы.

Как бы ни обстояли дела, для Маккенны все кончено. Поиск продолжался — одна бомба нашлась, но могли быть и другие. Через некоторое время выяснилось, что на судне нет больше взрывных устройств — ни внутри, ни снаружи. Водолазы обследовали каждый дюйм обшивки.

Бартон подумал, что дезертирам, будь у них голова на плечах, следовало бы позаботиться о потоплении судна перед своим отплытием. Тогда ни сам пароход, ни его авиация не смогли бы преследовать их. Но они агенты и не выносят насилия, хотя и прибегают к нему в крайних случаях.

И был один верный способ выяснить, кто такой Маккенна: агент этиков или агент Клеменса.

Одно, во всяком случае, ясно: Подебрад и Струбвелл — не диверсанты.

Зачем же они тогда остались на борту?

Бартон долго думал об этом и наконец воскликнул: «Ха!»

Они остались добровольно. Вызвались сами, поскольку на «Ненаёмный» есть один или несколько человек, с которыми им надо связаться. Друзья там плывут или враги, у этих двоих есть веская причина для встречи с ними. Поэтому они и приняли рискованное решение остаться на «Рексе» во время боя. Если «Рекс» победит, что возможно — хотя шансы, казалось бы, против него — и если эти двое выживут, им представится случай заполучить любого, кто плавал с Клеменсом.

Но вот откуда они могут знать, что нужные им лица находятся на «Внаем не сдается»?

Возможно, у них имеется какая-то тайная техника связи — Бартон не представлял себе, что это может быть.

Он стал думать о дезертирах. Известно ли им о лодках в пещере на берегу полярного моря и о двери у подножия башни?

Он надеялся, что они не слышали рассказа Пахери. Насколько Бартону было известно, только он, Алиса, Фрайгейт, Логу, Нур, Лондон, Микс, Казз и Умслопогаас знали об открытии древних египтян. Во всяком случае, здесь, на пароходе. За его пределами, конечно, полно таких, что слышали Пахери из первых рук, а также из вторых, третьих и четвертых.

Но Икс, по всей вероятности, тоже среди дезертиров, и он сообщит агентам о тайном ходе.

Хотя не обязательно. Икс, наверное, тоже выдает себя за агента. Он использует своих спутников, чтобы добраться до башни, а там сделает так, чтобы они, как Эхнатон и его люди, лишились сознания или умерли.

А вдруг Подебраду и Струбвеллу стало известно, что Икс плывет на «Внаем не сдается»?

Впрочем, Иксом может быть и любой из них.

Бартон пожал плечами. Придется разрешить событиям идти своим чередом, пока он не найдет случая повлиять на них. А уж тогда он сверзится, как сова на мышь.

Малоудачное сравнение. Агенты и этики больше смахивают на тигров.

Но ему это все равно. Когда придет нужда, он атакует.

Бартон снова подумал, не рассказать ли обо всем Иоанну. Тогда взятые в плен агенты будут застрахованы от казни на месте. Правда, их нужно будет оглушить, чтобы помешать им покончить с собой. Но среди двенадцати-четырнадцати схваченных, включая Струбвелла и Подебрада, кто-то один непременно будет без сознания. Ладно, подождем еще немного. Может, и не придется ничего открывать Иоанну.

Пароход снова был поставлен на якорь, пока водолазы обследовали корпус. Потом он опять двинулся вверх по Реке на предельной скорости. Вскоре пришлось подойти к берегу, чтобы подзарядиться от питающего камня. Настал рассвет; камни громыхнули и разрядились. Кабель втянули обратно, и «Рекс» опять устремился в погоню. После завтрака у трех самолетов прогрели моторы. Затем Фосс и Окаба на своих бипланах и торпедный бомбардировщик с ревом поднялись с откидной кормы летной палубы.

Предполагалось, что пилоты засекут катер через час-другой. Дальнейшие действия оставлялись на их усмотрение в установленных Иоанном пределах. Король не желал топить или выводить из строя катер, нужный ему для боя. Самолеты могли обстрелять катер, помешав ему плыть

дальше, и задержать его до подхода «Рекса».

Через час и двадцать две минуты после взлета вышел на связь Окаба, доложив, что катер замечен и что предпринята попытка связаться с дезертирами по радио. Ответа они не дали. Сейчас три самолета поочередно снизятся над катером и обстреляют его из пулеметов. Атаки будут короткими — свинцовые пули имеют слишком большую ценность и слишком нужны для боя против «Ненаёмный». Если через несколько заходов дезертиры не сдадутся, не повернут обратно или не покинут катер, рядом с судном будут сброшены бомбы.

Окаба сообщил еще, что катер находится в нескольких милях выше места, где долина внезапно расширяется. Катер уже ходил в этот район два месяца назад во время перемотки. Его экипаж вел переговоры с титантропами — на эсперанто, разумеется— с целью завербовать человек сорок в десант. Король Иоанн, в случае встречи с Клеменсом борт о борт, предполагал поставить этих великанов во главе абордажников. Два десятка таких, как Джо Миллер, могли в короткий срок очистить все палубы Клеменса. И один Миллер не сумел бы выстоять против натиска столь многих своих собратьев.

Но, как выяснилось к горькому разочарованию Иоанна, все опрошенные титантропы принадлежали к Церкви Второго Шанса. Они отказались сражаться да еще попытались обратить экипаж катера в свою веру.

Были, возможно, и такие титантропы, что не поддались на проповеди миссионеров, но некогда было их отыскивать.

Самолеты устремились к катеру, и население — частью обыкновенные гомо сапиенс, частью настоящие великаны — высыпало на берег, чтобы поглазеть на них. Внезапно Окаба сообщил:

— Катер направляется к правому берегу!

Японец спикировал, но стрелять не стал. Он не мог вести огонь по катеру, не рискуя зацепить местных жителей — а у него был строгий приказ не раздражать их без крайней нужды. Иоанн не хотел плыть через враждебно настроенные края после потопления «Внаем не сдается».

— Дезертиры прыгают в воду и плывут к берегу! — докладывал Окаба. — Катер дрейфует вниз по течению!

Иоанн выругался и приказал торпедному бомбардировщику сесть на Реку. Пусть его стрелок подцепит катер, чтобы доставить его на «Рекс». Да поскорей, пока не подплыл кто-нибудь из

местных и не присвоил катер себе.

— Дезертиры смешались с толпой, — сообщил Окаба. — Предполагаю, что после нашего отлета они уйдут в холмы.

— Зубы Господни! — вскричал Иоанн. — Мы никогда их там не найдем!

Бартон, бывший в то время в рубке, промолчал. Он знал, что позднее агенты уведут парусник и снова пустятся вверх по Реке. И «Рекс» сможет захватить их, если не потонет и не получит серьезных повреждений.

Через несколько минут после того, как катер водворили на «Рекс» и оба истребителя приземлились, на пароходной рации зажегся оранжевый огонек. Радист выпучил глаза и на миг потерял дар речи. Тридцать лет он и его сменщики ждали, когда это случится, не веря, что это все-таки произойдет. Наконец он опомнился и выговорил:

— Сир! Сир! Частота Клеменса!

Частота, которой пользовался «Ненаёный», была давно известна. Клеменс мог бы изменить ее — тогда радисты «Рекса» прочесали бы весь диапазон, пока не засекли бы ее опять. Но Клеменс, как видно, не видел никакой причины менять длину волны. Все его немногие передачи, перехваченные до сих пор «Рексом», были

зашифрованы.

Но не эта. Эта передача не предназначалась для «Парсеваля», для катеров или аэропланов Клеменса. Она велась открытым текстом на эсперанто и предназначалась для «Рекса».

Говорил не сам Клеменс, а Джон Байрон, его старший помощник — и желал он говорить не с королем, а с его первым офицером.

Иоанна, который удалился к себе то ли поспать, то ли позабавиться с очередной сожительницей, вызвали обратно. Струбвелл не осмеливался разговаривать с Байроном, без разрешения капитана. Иоанн вознамерился поговорить с Клеменсом напрямую, но тот через Байрона отказался, не объяснив причины отказа.

Иоанн через своего помощника ответил, что тогда вообще никаких переговоров не будет. Но Байрон через минуту, сквозь шум и треск, заявил, что имеет одно предложение. Его командир так и не решился вступить с Иоанном в прямой разговор, боясь выйти из себя и обругать короля так, как еще никто никого не ругал во Вселенной. Включая Иегову, проклявшего Сатану перед тем, как свергнуть его с небес.

Клеменс имел к Иоанну честное предложение, но его — и придется Иоанну это понять — следо-

вало передать через посредника. Через полчаса, в которые Клеменс бранился, кипел и не находил себе места, Иоанн при посредстве Струбвелла согласился выслушать, что ему предлагают.

Бартон был опять в рубке, слышал все с самого начала, и предложение Клеменса ошеломило его.

Иоанн выслушал все до конца и ответил, что должен переговорить со своими летчиками-истребителями Вернером Фоссом и Кеньи Окабой. Приказывать им в данной ситуации он не может. Кстати, как зовут пилотов Клеменса?

Байрон ответил: Уильям Баркер, канадец, и Жорж Гинеме, француз — оба асы первой мировой.

После краткого изложения биографий неприятельских пилотов Иоанн вызвал в рубку Фосса и Окабу и объяснил им положение дел.

Поначалу их это ошарашило. Придя в себя, они переговорили друг с другом, и Окаба сказал:

— Сир, мы летаем у вас двадцать лет. В основном это была нудная, малоопасная служба. Мы давно ждали этого момента — мы знали, что он настанет. И нам не придется сражаться с бывшими соотечественниками или с былыми союзниками — хотя, кажется, в первую мировую

моя страна была союзницей Англии и Франции. Мы согласны. И горим нетерпением.

«Кто же мы такие? — подумал Бартон. — Рыцари короля Артура? Идиоты? Или все вместе?»

Однако он сам отчасти одобрял решение летчиков и был глубоко взволнован.

ГЛАВА 27

«Ненаёмный» стоял на якоре у правого берега, на несколько миль выше входа в озеро. Геринга доставили в Аглейо на катере под названием «Афиш не расклеивать». Клеменс передал извинения Ла Виро за то, что не явился к нему немедленно. К несчастью, его задерживает прежняя договоренность, сказал он. Но к завтрашнему вечеру, а возможно, послезавтра, он прибудет в собор.

Геринг стал упрашивать Клеменса обратиться с предложениями о мире к королю Иоанну. Клеменс, как и ожидал Герман, отказался.

— Заключительный акт этой драмы чересчур долго откладывался. Чертов антракт затянулся на сорок лет. Теперь ничто не может помешать постановке.

— Это не театр. Прольется настоящая кровь. Будет ощущаться настоящая боль. И смерть будет

настоящей. И чего же ради?

— Есть ради чего. Я больше не хочу говорить об этом.

Клеменс сердито затянулся большой зеленой сигарой. Геринг молча благословил его троеперстным знамением и вышел из рубки.

Весь день на корабле шла подготовка. На окна ставились толстые дюралюминиевые щиты с амбразурами. В концах коридоров и проходов устанавливались толстые дюралюминиевые двери. Проверялись боеприпасы. Производилась пристрелка паровых пулеметов. Испытывались вертикальные и горизонтальные платформы и подъемники 88-миллиметровых пушек.

В пусковые установки закладывались ракеты, и проверялись системы доставки новых из недр палубы «А». Испытывалось орудие, работающее на сжатом воздухе. Поднимались в воздух аэропланы с полным вооружением на борту. Катера тоже вооружались. Подвергались пробе радар, сонар и инфракрасные детекторы. Выпускались и убирались абордажные мосты.

Каждый пост провел не менее дюжины учений.

Зарядив вечером батацитор и Граали, «Ненаёмный» совершил пятимильный круиз, продолжая

вести учения. Радар, обследовав озеро, «Рекса» на нем не нашел.

Перед тем как объявить отбой, Клеменс собрал почти всю команду в салоне. Вахтенным его краткая, почти серьезная речь передавалась по радио.

— Мы проделали фантастически долгий рейс по Реке — возможно, самой длинной реке во Вселенной. У нас были взлеты и падения, были трагедии, была боль, была скука, были комедии, были трусливые дела, были и героические. Много раз мы смотрели в лицо смерти. Чья-то смерть радовала нас, но мы расплачивались за это смертью дорогих нам людей.

Долгий был рейс, очень долгий. Мы прошли семь миллионов двести тысяч двадцать миль. Это почти половина Реки, чья предполагаемая длина — четырнадцать миллионов пятьсот тысяч миль. Долгий путь.

Но мы, пройдя его, пойдем дальше. Еще сто двадцать семь тысяч пятьсот миль — и останется каких-нибудь семь миллионов.

Каждый, кто записывался к нам, знал, чего ему будет стоить путешествие на этом огромном, роскошном судне. Ему или ей разъясняли цену билета. За этот рейс расплачиваются в конце, а

не в начале.

Я знаю каждого из вас так, как только один человек может знать другого. Вы все подверглись строгому отбору и все оправдали мои ожидания. Вы прошли через множество испытаний и вышли из них с высокой оценкой. Поэтому я полностью уверен, что и завтрашнее, последнее, самое тяжкое испытание вы тоже выдержите.

Я говорю так, будто нам предстоит экзамен по арифметике в средней школе, или так, будто я футбольный тренер, натаскивающий команду перед матчем. Сожалею но наш экзамен, наш матч, будет смертельным, и некоторые из вас не доживут до конца завтрашнего дня. Но вы знали цену, когда подписывали контракт, так что не помышляйте о том, чтобы смыться.

Но когда завтрашний день кончится…

Клеменс обвел глазами аудиторию. Джо Миллер, сидящий на огромном стуле на возвышении, запечалился, и слезы текли по его корявым щекам.

Маленький де Марбо вскочил, поднял бокал и крикнул:

— Троекратное ура нашему командиру — и выпьем за него! Раздались громкие «ура». Когда вино было выпито, поднялся носатый, тощий как

шпага де Бержерак:

— А теперь за победу! Не говоря уж о погибели Иоанна Безземельного, да будет он проклят навеки!

В ту ночь Сэм долго не ложился спать, шагая взад-вперед по рубке. Хотя пароход стоял на якоре, вахту нес полный состав. «Ненаёмный» мог бы поднять якорь и отплыть, развив предельную скорость, в течение трех минут. Если Иоанн попытается напасть ночью, несмотря на свое обещание не делать этого, он не застанет Сэма врасплох.

В рубке почти не разговаривали. Сэм пожелал всем доброй ночи, вышел и несколько минут ходил по летной палубе. На берегу горело множество огней. Вироландцы знали, что намечено на завтра, и были слишком возбуждены и встревожены, чтобы улечься спать в свое обычное время. Несколько раньше у берега появился сам Ла Виро в рыбачьей лодке, прося разрешения подняться на борт. Клеменс ответил в рупор, что рад его видеть, но отказывается что-либо обсуждать до послезавтра. Он сожалеет, но иначе нельзя.

Высокий смуглый человек с мрачным лицом отплыл, но прежде благословил Сэма. Сэм устыдился.

Теперь он прошел по всем палубам с обеих сторон, проверяя часовых. Результатами он остался доволен и решил, что хватит шататься по судну. Гвенафра уже, наверное, ждет его в постели. Возможно, она захочет заняться любовью — вдруг завтра кого-то из них или их обоих не останется в живых. Сэм пока что не чувствовал себя в настроении, но она владела удивительным умением поднимать его дух — помимо всего прочего.

Он правильно угадал. Она действительно настаивала, но недостаток энтузиазма с его стороны был налицо, и она, отчаявшись восполнить его, отступилась. И не стала упрекать Сэма. Просто попросила, чтобы он обнял ее и поговорил с ней. Поговорить Сэм отказывался редко, и они беседовали добрых два часа. Перед тем как уснуть, Гвенафра сказала:

— Хотела бы я знать, нет ли Бартона на «Рексе»? Вот было бы забавно, да? Не в смысле смешно, а в смысле удивительно. Нет, это было бы ужасно.

— Ты так и не преодолела свою девчоночью влюбленность в него, да? Как видно, это была фигура — для тебя, по крайней мере.

— Нет, не преодолела — хотя не уверена, конечно, понравился бы он мне сейчас или нет. И все-таки — вдруг он служит у короля Иоанна

и мы его убьем? Я бы чувствовала себя ужасно. Представь, что на «Рексе» плавает кто-нибудь, кого любишь ты.

— Весьма маловероятно. Меня это как-то не беспокоит.

Его беспокоило это. Дыхание Гвенафры давно уже стало ровным и глубоким, а он все лежал без сна. Что, если на «Рексе» плавает Ливи? Нет, быть не может. Ведь это один из людей Иоанна убил ее в Пароландо. Она никогда не села бы на его корабль. Разве только с намерением убить его и тем отомстить за себя. Нет, это на нее непохоже. Для этого у нее слишком мягкий характер, хотя она и способна яростно сражаться за тех, кого любит. Но мстить она не стала бы.

Клара? Джин? Сюзи? Может ли на «Рексе» быть кто-то из них? Шансы ничтожно малы. И все-таки… порой случается даже то, что невероятно с математической точки зрения. И снаряд, пущенный с его парохода, убьет его дочь. И она будет навсегда потеряна для него — ведь воскрешений больше нет.

Он чуть было не встал с постели, не пошел в рубку и не велел радисту передать на «Рекс», что хочет заключить мир, отказаться от боя, от ненависти и от жажды мести.

Чуть было.

Все равно Иоанн не согласится.

Но откуда он, Сэм, может это знать, пока не попробует?

Нет. Иоанн неисправим. Так же упрям, как его враг Сэм Клеменс.

— Как же мне плохо, — сказал Сэм.

И вскоре провалился в сон.

Эрик погнался за ним со своим обоюдоострым топором. И Сэм побежал от страшного норвежца, как столько раз уже бегал в кошмарных снах. Эрик кричал позади: «Bikkja! Кал Рататока! Я говорил тебе, что буду тебя ждать у истоков Реки! Умри, презренный предатель! Умри!»

Сэм застонал и проснулся в поту, с колотящимся сердцем.

Какая это будет ирония, какой поэтический сюжет, какое возмездие, если Эрик окажется на «Рексе».

Гвенафра проговорила что-то сквозь сон. Сэм погладил ее по голой спине и тихо сказал:

— Спи, невинное дитя. Ты-то никого не убивала — надеюсь, и не убьешь.

Но разве ее не призвали завтра заняться именно этим?

— Это уж слишком, — сказал он себе. — Надо

поспать. Надо завтра быть в хорошей физической и душевной форме. Иначе… ошибка с моей стороны… усталость… кто знает?

Но ведь «Ненаёмный» гораздо больше «Рекса», гораздо лучше укреплен и вооружен — он не может не победить.

Надо спать.

Внезапно он сел, вперив глаза во тьму. Завыли сирены, и третий помощник Крегар закричал из селектора на стене:

— Капитан! Капитан! Просыпайтесь!

Клеменс вылез из постели и подошел к селектору.

— Да, в чем дело?

Неужто Иоанн все-таки атаковал? Вот подлый сукин сын!

— Операторы ночного видения докладывают, что семь человек прыгнули за борт. Видимо, дезертиры!

Итак, Сэм ошибался, заявив в своей речи, что все здесь люди испытанные, доказавшие свое мужество. Кое-кому не хватило храбрости. Или здравый смысл у них возобладал. И они ушли. В точности как он, Сэм, когда в Америке началась война между штатами. Пробыв две недели в добровольном миссурийском ополчении кон-

федератов и увидев, как один из его товарищей застрелил безвинного прохожего, Сэм дезертировал и ушел на запад.

И на этих семерых он по-настоящему не гневался. Но другим этого показывать было нельзя. Надо было принять свирепый вид, побушевать как подобает, предать проклятию подлых крыс и так далее. Ради поддержания дисциплины и боевого духа.

Он уже вошел в лифт, чтобы подняться в рубку, и тут его осенило.

Эти семеро — не трусы. Они агенты.

У них не было резона оставаться на борту и, возможно, погибнуть. У них есть более высокий долг, чем верность Клеменсу и его судну.

Он вошел в рубку. По всему пароходу горели огни. Прожектора высвечивали на берегу горстку мужчин и женщин с Граалями, бежавших так, будто самые затаенные их страхи ожили и вот-вот схватят их.

— Будем стрелять? — спросил Крегар.

— Нет. Еще попадем в кого-то из местных. Пусть бегут. Они еще попадутся нам после боя.

Беглые, безусловно, попросят убежища в храме. Ла Виро их не выдаст.

Сэм приказал Крегару произвести переклич-

ку. Определились имена отсутствующих, и Сэм прочел их список на экране. Четверо мужчин и три женщины, все будто бы жившие после 1983 года. Подозрения Сэма относительно таких людей подтвердились, но было поздно что-либо предпринимать.

Да. Теперь поздно, но после боя он уж найдет какой-нибудь способ заполучить беглецов и допросить их. Они должны знать хотя бы половину тайн, не дающих ему покоя. А может быть, знают все тайны.

— Выключи сирены, — сказал он Крегару. — Объяви всем, что это была ложная тревога и можно ложиться спать. Спокойной ночи.

Однако ночь спокойной не была. Он много раз просыпался, и его мучили кошмары.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ВОЗДУШНЫЙ БОЙ В МИРЕ РЕКИ

ГЛАВА 28

В долине Вироландо полдень.

Вот уже тридцать лет, как небо в этот час пестрит разноцветными планерами и воздушными шарами. Сегодня небо чисто, как взор младенца. Гладь Реки, всегда усеянная лодками с белыми, красными, черными, зелеными, фиолетовыми, пурпурными, оранжевыми и желтыми парусами, пуста — сплошная зеленовато-синяя равнина.

По обоим берегам бьют барабаны, наказывая всем не подниматься в воздух, не выходить на Реку и держаться подальше от берегов.

Несмотря на это, на левом берегу собрались толпы народу. Большинство, правда, заняло места на скалах и на мостах между ними. Всем хочется посмотреть бой, и любопытство пересиливает страх. Призывы Ла Виро отойти в предгорья не помогли — слишком заманчиво предстоящее зрелище. Никого нельзя убедить отойти на без-

опасное расстояние. Люди, не знающие, что такое оружие двадцатого века — не видевшие никакого оружия, кроме самого примитивного — не понимают, что им грозит. Мало кто из них сталкивался даже с легкими проявлениями насилия. И вот эти невинные души запрудили всю равнину и влезли на скалы.

Ла Виро молился, стоя на коленях в храме.

Герман Геринг, отчаявшись утешить его, поднялся по лестнице на верхушку одной из скал. Предстоящее злое дело было ненавистно ему, но он хотел это видеть. И, надо сознаться, волновался, как ребенок перед началом циркового представления. Это прискорбно — значит, со старым Герингом далеко еще не покончено. Но Герман не мог остаться в стороне от боя и сопряженного с ним кровопролития. Он не сомневался, что горько об этом пожалеет — но ведь в Мире Реки такого еще не бывало. И не будет.

Разве можно такое пропустить? Герман даже пожалел на миг, что не он ведет один из самолетов.

Да, ему еще далеко до совершенства. Ну что ж, он насладится зрелищем в полной мере, а после расплатится за это душевными муками.

Гигантские корабли, «Ненаёмный» и «Рекс

грандиссимус», бороздили Реку, двигаясь навстречу друг другу. В этот момент их разделяло шесть миль. Соглашение обязывало их остановиться на расстоянии пяти. В случае, если воздушный бой не кончится раньше. После его окончания все ограничения снимаются, и побеждает сильнейший.

Сэм Клеменс расхаживал по мостику. За предыдущий час он проверил все посты и прикинул план сражения. Расчет секретного оружия ожидал на палубе «А». По сигналу они поднимут свое орудие и установят его за толстым стальным щитом, который прежде прикрывал носовой пулемет. Теперь пулемет убран, и его платформа готова принять секретное оружие.

Пулеметный расчет был поражен, получив приказ о снятии пулемета. Ответа на свои вопросы они не получили. Слухи полетели с носа на корму, с палубы на палубу. Зачем капитан предпринял этот странный маневр? Что происходит?

Тем временем Клеменс успел три раза поговорить с лейтенантом-десантником Уильямом Фермером, командиром секретного расчета, постаравшись внушить ему всю важность его задания.

— Меня по-прежнему беспокоят агенты Ио-

анна, — сказал Сэм. — Я знаю, у нас все проверены-перепроверены. Но это мало что меняет. В диверсанте, подосланном Иоанном, хитрости должно быть, что навоза на миссурийском заднем дворе. Останавливайте каждого, кто приблизится к орудийной камере.

— Но что они могут сделать? — Фермер имел в виду свой расчет. — Они все безоружны. Я даже под кильтами у них посмотрел — ничего. Должен сказать, им это не понравилось. Они считают, что им должны доверять безоговорочно.

— Они должны понять, что это необходимо.

Хронометр в рубке показывал 11.30. Клеменс посмотрел в задний иллюминатор. На летной палубе было все готово. Самолеты подняли из ангаров, и один как раз ставили на паровую катапульту в дальнем конце палубы. Самолетов было два — единственные одноместные аэропланы, пережившие это долгое путешествие, да и они уже ремонтировались несколько раз.

Два прежних истребителя, монопланы, давно погибли — один в бою, другой в аварии. Эти, собранные из запчастей, были бипланы со спиртовыми двигателями, способными развивать до ста пятидесяти миль в час на уровне грунта. Первоначально они работали на синтетическом

бензине, но его запас давно уже кончился. На носу перед открытой кабиной стояли сдвоенные 56-калиберные ленточные пулеметы, стреляющие свинцовыми пулями из медных патронов со скоростью пятьсот очередей в минуту. Боеприпасы сберегались в течение всего рейса для такого вот случая. Патроны несколько дней назад перезарядили и проверили каждый на длину, ширину и ровность, чтобы пулеметы не заклинило.

Сэм снова сверился с хронометром, сел в лифт и спустился на летную палубу. Маленький джип отвез его к самолетам, где ожидали механики, запасной состав и два пилота.

Оба самолета были окрашены в белый цвет, а на руле и на тыльной части нижних крыльев красовался алый феникс.

На корпусе одного был изображен красный журавль в полете, а под кабиной черными буквами значилось: Vieux Charles. Старина Чарли. Так Жорж Гинеме называл самолеты, на которых летал первую мировую.

На другом самолете по обоим бортам были нарисованы черные головы лающих собак.

Оба летчика были одеты в белую рыбью кожу. Высокие, по колено, ботинки имели красную отделку, как и бриджи. Левую сторону кителя

украшал алый феникс. Кожаные летные шлемы оканчивались небольшой пикой — острием рыбьего рога. Очки были в красной оправе, перчатки белые, но с красными раструбами. Летчики стояли у «Старого Чарли» и вели серьезный разговор, когда подъехал Клеменс. Когда он приблизился, они отдали честь.

Какой-то миг он молчал, разглядывая их. Они совершали своя подвиги уже после его смерти, но он хорошо знал обоих.

Жорж Гинеме был щуплый человек среднего роста с черными горящими глазами и почти по-женски красивым лицом. Он постоянно — во всяком случае, когда не сидел в кабине, — был напряжен, как скрипичная струна или оттяжка мачты. Французы называли его «асом среди асов». Другие — Нунгессер, Дорм и Фонк — сбили, правда, больше бошей, но они и летали дольше; а карьера Жоржа оборвалась сравнительно рано.

Француз был из тех прирожденных летчиков, которые автоматически становятся частью машины — воздушный кентавр. Был он также превосходным механиком и так же тщательно проверял перед вылетом свой самолет, оружие и приборы, как знаменитые Маннок и Рикенбакер. В войну он, казалось, жил только полетами и бо-

ями. Любовных связей, насколько было известно, он не заводил — единственной его привязанностью была сестра Ивонна. Мастер воздушной акробатики, он нечасто пользовался ею в воздухе, всегда бросаясь в лобовую атаку. Он был столь же свиреп и неосторожен, как его английский соперник, великий Альберт Болл. Как и он, Гинеме любил летать в одиночку, а когда встречал врага — неважно, в каком количестве — сразу атаковал.

Редко случалось, чтобы его «ньюпорт» или «спад» по возвращении не был изрешечен пулями.

Мог ли он так долго протянуть на войне, где средний век пилота составлял три недели? Однако он успел одержать пятьдесят три победы.

Один из его товарищей писал, что, когда Гинеме перед вылетом садился в кабину, «на него было страшно смотреть. Глаза у него были как удары».

А ведь этого самого человека французская наземная армия признала негодным. Он был хрупкого сложения, легко простужался, постоянно кашлял и не умел отводить душу за дружеской пирушкой в конце боевого дня. Он походил на чахоточного и, возможно, действительно болел.

Но французы любили его, и в день его гибели, 11

апреля 1917 года, вся нация погрузилась в траур. Поколение спустя французским детям в школе говорили, что Гинеме залетел так высоко, что ангелы не позволили ему вернуться на землю.

Реальная же версия тех дней звучала так: Гинеме, как обычно, вылетел один, и лейтенант Виссеман, куда более слабый летчик, каким-то образом сумел его сбить. Самолет рухнул в грязь, в полосу сильного артобстрела. Тысячи снарядов разнесли машину Гинеме на куски, смешали с грязью так, что и следа не осталось. Плоть и металл превратились не в прах — в грязное месиво.

В Мире Реки Жорж прояснил эту тайну. Рыская в облаках в поисках одного или дюжины бошей — ему было все равно, сколько их — он начал кашлять. Кашель бил его все сильнее, и вдруг кровь хлынула изо рта на кожаный, подбитый мехом комбинезон. Подтвердились его страхи о туберкулезе. Помочь себе он ничем не мог.

Когда силы покидали его и зрение меркло, он увидел приближающийся немецкий самолет. Умирая или думая, что умирает, Гинеме все же устремился навстречу врагу. Затарахтели пулеметы, но прославленный меткий глаз Гинеме изменил ему. Немец пошел вверх, и Гинеме бро-

сил «Старого Чарли» ему вдогонку. На миг он потерял врага, потом пули прошили его ветровое стекло сзади… и сознание угасло.

Очнулся он нагим на берегу Реки.

Теперь он уже не страдал «белой чумой» и немного прибавил в весе. Но всегдашняя напряженность осталась при нем, хотя несколько ослабла по сравнению с семнадцатым годом. Он делил каюту с женщиной, которая сейчас сидела там и плакала.

Уильям Джордж Баркер, канадец, тоже был прирожденный летчик, удививший всех своим мастерством после какого-нибудь часа обучения.

27 октября 1918 года он, будучи майором 201-й эскадрильи британских воздушных сил, вылетел один в новом «сопвит снайп». В двадцати тысячах футов над Мармальским лесом он сбил двухместного разведчика. Один из экипажа выпрыгнул с парашютом. Баркера это зрелище заинтересовало, а возможно, и рассердило немного — в союзной авиации парашюты были запрещены.

Откуда ни возьмись появился «фоккер», и пуля угодила Баркеру в правое бедро. «Снайп» вошел в штопор, Баркер выровнял его — и увидел себя в окружении пятнадцати «фоккеров». Двоих он отогнал, осыпав градом пуль, третий, поражен-

ный с расстояния десяти ярдов, загорелся. Но Баркера опять ранило, на этот раз в левую ногу.

Он потерял сознание и пришел в себя как раз вовремя, чтобы вывести самолет из повторного штопора. Вокруг вилось больше дюжины «фоккеров». Он отстрелил одному хвост с каких-нибудь пяти ярдов, но его левый локоть раздробила пуля из пулемета «шпандау».

Баркер снова потерял сознание, снова пришел в себя и увидел вокруг двенадцать немцев. Из «снайпа» валил дым. Видя, что он горит, и считая себя обреченным, Баркер решил протаранить хоть одного боша. Перед самым столкновением он передумал и вместо тарана поджег неприятельскую машину, обстреляв ее.

Потом нырнул вниз, дотянул до британских линий, чуть не врезался в наблюдательный аэростат, но остался жив.

Это был последний вылет Баркера, единодушно провозглашенный авторитетами лучшим примером сражения летчика-одиночки с превосходящими силами противника за всю первую мировую. Баркер две недели пробыл в коме, а когда пришел в себя, война кончилась. За подвиг его наградили Крестом Виктории, но он долго еще ходил на костылях и с рукой на перевязи. Не-

смотря на свои увечья, он вернулся в авиацию и стал одним из организаторов канадских воздушных сил. Потом он совместно со славным асом Уильямом Бишопом основал первую крупную канадскую авиалинию.

Он погиб в 1930 году, испытывая новый самолет, разбившийся по непонятной причине. Официальный его счет составлял пятьдесят вражеских самолетов, хотя по некоторым источникам их было пятьдесят три.

Столько же, сколько у Гинеме.

Клеменс пожал обоим руки.

— Вы хорошо знаете, что я противник дуэлей, — сказал он. — Я высмеивал этот обычай в своих книгах и не раз говорил вам, как противен мне был старый южный обычай улаживать споры смертоубийством. Впрочем, того, кто настолько глуп, что считает такой способ разбирательства правильным, действительно следует убить.

Этой воздушной дуэли я бы не противился, будь я уверен, что вы сегодня умрете, а завтра оживете, как в былые времена. Ну а, теперь все будет по-настоящему. Некоторые возражения у меня имеются, как сказал Сидячий Бык Кастеру, но вы оба так рвались в драку, точно боевые кони при звуке трубы, что я не стад отказывать Иоанну.

Но неизвестно еще, что кроется за этим предложением. Возможно, Иоанн-злодей планирует какое-нибудь предательство. Я согласился, потому что говорил с одним из его офицеров — я их всех знаю или слыхал о них, и все они честные, порядочные люди. Хотя как могут, скажем, Вильям Гоффе или Педер Торденскьолд служить такому, как Иоанн, мне непонятно. Он, должно быть, изменил свое поведение, хотя я не верю, чтобы он изменился внутренне.

Во всяком случае, меня заверили, что все пройдет на высшем уровне.

Их летчики собираются взлететь в одно время с вами. И на борту у них будут только пулеметы, без ракет.

— Мы все это обсудили, Сэм, — сказал Баркер. — И считаем, что наше дело правое. Ведь это Иоанн увел у вас пароход и пытался убить вас. И нам известно, что он за человек. Кроме того…

— Кроме того, вы не можете устоять, когда вам подвернулся случай снова сразиться. Вас мучает ностальгия. Вы уже забыли, каким жестоким и кровавым было то время, так ведь?

— Хорошие люди не стали бы плавать на «Рексе», — с нетерпением ответил Гинеме. — А мы проявили бы трусость, если бы не приняли их

вызов.

— Пора прогревать моторы, — сказал Баркер.

— Мне не стоило заговаривать об этом, — сказал Сэм Клеменс. — Пока, ребята. И удачи вам. Пусть победят сильнейшие, и я уверен, что ими будете вы!

Он еще раз пожал им руки и отошел в сторону. Это и смело, и глупо в то же время, подумал он, однако я дал согласие. Подводить итоги в последнюю минуту его побудила одна только нервозность. Не надо было ничего говорить. Но он, по правде сказать, давно предвкушал этот миг. Похоже на рыцарский турнир былых времен. Сэм терпеть не мог рыцарей — ведь они, согласно истории, угнетали крестьян, подавляли низшие классы, да и свой-то класс истребляли почем зря; просто бандиты какие-то. Но реальность — это одно, а миф — другое. Миф всегда надевает шоры на глаза, и это, возможно, к лучшему. Идеал светел, реальность мрачна. Вот два необычайно одаренных и отважных человека отправляются драться до смертельного исхода на заранее назначенной дуэли. И чего ради? Им ничего не надо доказывать — они все и всем доказали давным-давно.

Что же это такое? Махизм, культ мужества? Определенно нет.

Их мотивы, какими бы они ни были, тайно радовали Клеменса. Опять-таки если они одолеют истребителей Иоанна, то смогут атаковать «Рекс» с бреющего полета. Ясное дело — если они проиграют, то вражеские летчики атакуют «Внаем не сдается». Лучше уж об этом не думать.

Но главное удовольствие заключалось в зрелище предстоящего боя.

Это было детское чувство — незрелое, во всяком случае. Но Сэм, как большинство мужчин и женщин, был заядлым поклонником спорта в качестве болельщика. А это тоже спорт, хоть и фатальный для участников матча. Римляне знали, что делали, устраивая бои гладиаторов.

Сэм вздрогнул от звука трубы. Вслед за ним зазвучала бодрящая мелодия «Там, в высокой синеве», написанная Джакомо Россини для корабельных воздушных сил, но исполняемая, правда, с помощью электроники.

Баркер, как командир звена, первым сел в кабину. Пропеллер медленно повернулся, заныл и завертелся. Гинеме сел в свой самолет. Люди, стоящие вдоль летной палубы и столпившиеся на двух нижних этажах мостика, разразились криками «ура», заглушив рев включенного двигателя.

Сэм Клеменс посмотрел вверх. Там у кормового иллюминатора рубки стоял первый помощник Джон Байрон, готовый дать капитану сигнал. Как только хронометр покажет двенадцать, Байрон уронит вниз алый платок.

Из рядов, стоящих вдоль палубы, выбежала женщина и бросила в кабины по букету цветов «железного» дерева. Гинеме, в летных очках, улыбнулся и помахал своим букетом. Баркер, похоже, собрался выкинуть свой, но передумал.

Сэм посмотрел на часы. Красный платок полетел вниз. Сэм повернулся и дал знак включить катапульту. Зашипел пар, освобожденный самолет Баркера рванулся вперед и в пятидесяти футах от края палубы взлетел.

Через восемьдесят секунд после него взлетел француз.

Толпа хлынула на летную палубу, а Клеменс поспешил на мостик. Из рубки он поднялся через люк на крышу надстройки. Там были привинчены для него стол и стул. Наблюдая за боем, Сэм будет пить бурбон и курить сигару. Король Иоанн не переставал его беспокоить. Иоанн точно задумал какую-нибудь каверзу — это неизбежно, как отрыжка после пива.

ГЛАВА 29

«Рекс грандиссимус» шел по середине озера, носом по ветру, вращая колесами и делая десять миль в час; Благодаря попутному ветру, дующему со скоростью пять миль в час, самолетам обеспечивалась пятнадцатимильная скорость при взлете.

Король Иоанн, в синем кильте, алой накидке и черных сапогах, стоял на летной палубе и говорил с пилотами, пока взлетная команда готовила машины. Пилоты были одеты в черную кожу. Их самолеты тоже были бипланы, с чуть более тупыми носами, чем у противника. Крылья и фюзеляж одного самолета были расписаны синими и серебряными шахматными квадратами, на которых выделялись три золотых королевских льва. На бордовом носу белел череп со скрещенными костями. Вторая машина была вся белая, со львами на крыльях и руле и с красными кругами на бортах и на днище — японскими знаками восходящего солнца.

Из нескольких сотен кандидатов, опрошенных за последние семь лет, Иоанн выбрал этих двоих — им и выпало сражаться в этот долгожданный день. Кеньи Окаба, низенький и коренастый,

всем существом излучал решимость. Обычно он проявлял дружелюбие и охотно общался с людьми. Сейчас он был мрачен.

Фосс, наравне с Баркером, был знаменит своими одиночными боями с превосходящими силами врага.

23 сентября 1917 года Фосс, уже уничтоживший сорок восемь самолетов противника, летел один на новом фоккеровском триплане и повстречался с семерыми «сеснами» 56-й британской эскадрильи. Их пилоты принадлежали к числу лучших британских истребителей. Пятеро были асы, и среди них выделялись трое: Мак-Кадден, Рис-Дэвидс и Сесил Льюис. Мак-Кадден, командир, немедленно повел звено в круговую атаку. Казалось, что гибель Фосса под дулами четырнадцати пулеметов неизбежна. Но Фосс управлял своим самолетом, как волчком. Дважды, когда МакКадден брал его на прицел, он входил в плоский полуштопор — маневр, с которым британцы еще не сталкивались. Выделывая головоломные, но тщательно выверенные трюки и одновременно поливая противников огнем, Фосс ушел из кольца. Тогда Рис-Дэвидс, превосходный стрелок, поймал его на прицел и держал, пока не расстрелял весь боезапас своих 50-калиберных

«льюисов». Самолет Фосса упал, к чему британцы отнеслись не без сожаления. Они предпочли бы захватить Фосса живым. Он был лучший истребитель из всех, с кем они встречались.

В Фоссе была доля еврейской крови. Несмотря на предрассудки, с которыми он столкнулся в немецких воздушных силах, его мастерство и решимость обеспечили ему заслуженное признание. Он даже служил одно время под началом у Рихтхофена, Красного Барона, который назначил его начальником полетов и поручал ему прикрывать строй сверху.

Кеньи Окаба, капитан воздушных сил «Рекса», во время второй мировой носил звание пилота первого класса морской авиации. Он был одним из лучших японских истребителей и побил рекорд своего флота, сбив над Рабаулом в архипелаге Бисмарка семь американских самолетов в один день. Но однажды, когда он атаковал бомбардировщик над Бугенвилем на Соломоновых островах, на него с большой высоты спикировал американец, отстрелил крыло у его «зеро» и поджег самолет. Пылающий Окаба упал.

Иоанн поговорил со своими асами несколько минут, потом пожал руку Фоссу, отдал поклон Окабе, и летчики сели в кабины. Встретиться

было назначено на середине промежутка между судами, в пяти тысячах футах над скалой с луковичным верхом.

Все четыре биплана пошли по спирали вверх. Достигнув назначенной высоты по альтиметру, они выровнялись. Никто не помышлял обмануть противника — все летчики были порядочными людьми. Иоанн даже не предлагал своим пилотам подняться выше, чтобы получить преимущество — для этого он слишком хорошо их знал.

Теперь противники пошли на сближение. Солнце было справа от Фосса с Окабой и слева от Баркера с Гинеме. Все четверо предпочли бы, чтобы солнце светило им в спину, а неприятелю в глаза. Это была классическая позиция для атаки: затаиться против солнца в облаках, а потом, увидев внизу жертву, пасть на нее камнем и захватить врасплох. Обе пары, оказавшись на условленной высоте в двух милях одна от другой, сближались со скоростью триста миль в час. Тысяч пять зрителей следили за этим последним воздушным боем землян.

Вернер Фосс шел на Билла Баркера, Окаба — на Жоржа Гинеме.

Это был смелый, граничащий с самоубийством маневр. Машина идет на противника в лоб. Огонь

не открывается. Только на расстоянии менее 1700 футов нажимается гашетка на рычаге и выпускается около десяти очередей. При этом есть надежда, что попадешь в пропеллер, перебьешь маслопровод или электропроводку. Можно задеть и пилота, пробив колпак или ветровое стекло.

В самую последнюю секунду машину отворачивают вправо. Если не рассчитаешь или если другой пилот не станет отворачивать, наступит конец.

Черные горящие глаза Гинеме смотрели прямо сквозь очки, прицел и ветровое стекло. Белый самолет надвигался ровно, без отклонений. Сквозь размытый круг пропеллера ясно виден был пилот; на солнце блеснули его белые зубы. Самолет рос, делаясь громадным, со скоростью, которая испугала бы многих. Француз нажал на гашетку, и в тот же миг вражеский пулемет плюнул красным.

Оба самолета отвернули одновременно, едва не столкнувшись своими шасси — вправо и вверх, так резко, что у обоих пилотов кровь отхлынула от головы.

Делая этот поворот, Гинеме на секунду поймал на прицел самолет в шахматную клетку, но не стал тратить пули — противник сразу исчез.

Баркер и Окаба прошли рядом, едва не столкнувшись — так близко, что видели друг друга в лицо.

Теперь все стремились вверх под углом, граничащим с потерей скорости. Моторы выли от напряжения.

Окаба первым пошел вниз и, поймав на прицел Гинеме, выпустил очередь из четырех пуль.

Француз невольно пригнулся, увидев дыру в ветровом стекле. Сделав вираж, он последовал за Окабой вниз, надеясь зайти ему в хвост. Пилот с красным кругом на борту рискнул и почти добился успеха — но теперь он оказался ниже Гинеме, и расплата была неминуема.

Японец сделал тугую петлю, почти поставив свой самолет на хвост, и, выйдя из нее вниз головой, опять обстрелял Гинеме. Француз, в свою очередь, сделал «бочку». Пули прошили его фюзеляж, не задев его. Бак для горючего был пробит, но обладал способностью самозаделываться — старый «спец» Гинеме этим похвалиться не мог. Окаба выровнял самолет и вновь стал набирать высоту. Гинеме, разгоняясь, описал кривую и, опустив нос, выпустил четыре пули. Одна прошла через кабину, зацепив руку Окабы на рычаге. Японец, зарычав от боли, дернул рукой, и самолет

на миг накренился вправо, потеряв управление.

Гинеме вошел в штопор, но быстро вышел из него.

Француз и немец случайно оказались бок о бок, набирая высоту.

Затем Гинеме сделал вираж в сторону Фосса, а тот отклонился, чтобы избежать столкновения. Но не в сторону, как ожидал Гинеме, а по направлению к французу и вниз.

Конец крыла Фосса прошел в полудюйме от руля высоты Гинеме.

Нырнув вниз, немец вернулся обратно, сделав петлю — маневр, не рекомендуемый, когда враг у вас на хвосте. Поднявшись, он сделал «бочку» и спикировал.

Гинеме, когда Шахматная Доска устремилась на него, подумал было, что все кончено. Но быстро оправился и, не думая больше о том, что спасся чудом, пошел вверх, глядя через плечо. На миг он потерял из виду Шахматную Доску, а потом увидел и ее, и машину Баркера. Его друг висел у немца на хвосте. Шахматная Доска сделала «бочку», потеряв скорость, и перешла в плоский полуштопор. Фосс управлял самолетом с кошачьей ловкостью. Вот он уже устремился в противоположном направлении, и Баркер про-

несся мимо, едва не зацепив его крылом.

Гинеме было некогда следить за ними — надо было найти самолет с красным кругом. Тот оказался сзади, но ниже Гинеме. Он лихорадочно набирал высоту, но пока не успел сократить расстояние, составлявшее, по оценке Гинеме, футов семьсот. Уже можно стрелять, но слишком далеко для точного попадания.

Красный Круг все-таки выпустил очередь. Пули прошили правое крыло Гинеме, приподнятое для поворота. Красный Круг тоже повернул, наводя прицел на пилота. Гинеме открыл дроссель так, что он почти лег на панель. Будь у него мотор сильнее, чем у японца, он медленно оторвался бы от Красного Круга даже на таком крутом подъеме. Но нет. В этом отношении они были равны.

Гинеме с плавной свирепостью подал рычаг на себя, уменьшив угол подъема и тем позволив Красному Кругу сократить разрыв между ними. Но перевернуться вниз головой на такой тяге было нельзя. Этот маневр без выравнивания наклона к горизонту грозил потерей скорости. Секунд тридцать приходилось рисковать тем, что вражеский огонь поразит жизненно важную часть машины.

Окаба приближался, недоумевая по поводу

того, почему «Старый Чарли» снизил скорость. Теперь он уже понял, что его противник — Гинеме. Окаба, как все летчики, хорошо знал историю француза. Увидев название, он испытал странное чувство. Зачем он пытается сбить знаменитого француза, уничтожить «Старого Чарли»?

Окаба посмотрел в прицел. Оказавшись в пятидесяти ярдах, он откроет огонь. Сейчас, сейчас… Окаба нажал гашетку, и пулемет затрясся, а с ним и весь самолет. Японец был недостаточно близко, чтобы видеть, попал ли он в цель, но сомневался, что попал. Белый самолет с красным журавлем задрал нос кверху, встал на хвост, перевернулся через крыло и открыл огонь по Окабе.

Но тот нажал на педаль руля и отвел рычаг. На подъеме самолет подчинился не так быстро, как при прямом полете, но все же выполнил полупереворот и ушел вниз. Окаба оглянулся и увидел, что «Старый Чарли» выходит из пике в противоположном направлении.

Окаба круто развернулся и направился к нему, надеясь перехватить до того, как тот окажется сверху.

У Фосса, заметившего сзади самолет с собачьей головой, немного было времени для выбора маневра, который мог бы стряхнуть неприятеля с

хвоста. Фосс сомневался, что добьется этого методами обычной акробатики. Противник просто повторит его маневр или, чуть отступив, атакует Фосса, когда тот выйдет из фигуры.

Фосс дернул дроссель до половины на себя.

Баркер удивился столь быстрому и внезапному приближению к противнику, но не стал задумываться над этим. Шахматная Доска была на виду, и расстояние в пятьдесят ярдов быстро сокращалось. Поймав в кольцо прицела шлем пилота, Баркер нажал на гашетку.

Шахматная Доска, точно прочтя его мысли, вдруг прибавила газу и в тот же миг совершила полуоборот. Пули Баркера, направленные в пилота, прошлись по днищу, отскочив от хвостового костыля.

Канадец тут же повторил фигуру противника. Что ж делать, придется стрелять, лежа на боку.

Шахматная Доска выровнялась, но тут же сделала полубочку вправо. Собачья Голова последовала за ней. Шахматная Доска вернулась в горизонтальное положение, и Собачья Голова нажали на гашетку.

Но Шахматная Доска ушла в крутой штопор. Должно быть отчаялся уже, подумал Баркер. Ведь я тут же последую за ним. Еще он подумал, что в

Шахматной Доске сидит Фосс — больше некому.

Но Шахматная Доска быстро задрала нос, сделала «бочку» и опять ушла вниз. Баркер не стал повторять этот маневр. Ой толкнул рычаг от себя, держа большой палец на гашетке и прилипнув к Шахматной Доске, как утенок к матери.

Гинеме, выйдя из пике, оказался на линии огня Фосса. И Фосс молниеносно прикинув векторы обоих самолетов, ветер и расстояние, выпустил очередь. В ней было всего шесть пуль, и Гинеме ушел — но одна пуля сверху прошила ему бедро.

Баркер не знал, что Фосс стреляет, пока не увидел, как Жорж дернул рукой и откинул голову назад. Тогда канадец нажал на гашетку, но Фосс взвился вверх и ушел в плоский полуштопор, самоубийственно вращая крыльями — Баркеру пришлось сделать вираж, чтобы избежать столкновения.

Но он тут же развернулся — быстро, как леопард, который боится, что дикая собака перекусит ему сухожилие. Фосс ушел от него, хотя и небезнаказанно. Вынужденный спикировать, чтобы набрать скорость, он опять оказался ниже Баркера.

Баркер скользнул за ним, одновременно оглянувшись в поисках Красного Круга.

И увидел. Японец несся на него сверху, спеша на помощь своему товарищу, пользуясь тем, что Гинеме на время, а возможно, и навсегда, вышел из строя.

Баркеру волей-неволей пришлось забыть о Фоссе. Он повернул самолет вверх, в той же плоскости и в том же направлении, что и Окаба. Курс на столкновение.

Но вынужденный подъем поставил его в невыгодное положение. Враг не обязан был оставаться на том же уровне. Окаба сделал легкий вираж влево. Баркер тоже. Окаба сделал «бочку» вправо и выровнялся. Он, как видно, пытался зайти Баркеру в хвост. Канадец посмотрел вниз. Гинеме набирал высоту, удаляясь от них. Он был не так тяжело ранен, чтобы выйти из боя. А немец направлялся к Гинеме, бывшему почти на одном уровне с ним. Сейчас он оказался под Баркером, и канадец находился в самой выгодной для атаки позиции — но, к несчастью, Окаба угрожал Баркеру так же, как Баркер Фоссу.

Баркер развернул самолет, продолжая набирать высоту. Секунд через тридцать Окаба ринется вниз и зайдет ему в тыл.

К черту Окабу. Все равно надо атаковать Фосса.

Самолет Баркера пошел вниз по длинной дуге.

Крылья дрожали от быстрого спуска. Баркер взглянул на спидометр. Двести шестьдесят миль в час. Еще на десять миль быстрее — и крылья не выдержат.

Баркер оглянулся. Окаба следовал за ним, но не так уж близко. У его крыльев, наверное, тот же предел выносливости. Баркер немного выровнялся, снизив скорость падения. Это позволит Окабе сократить промежуток. Но Баркеру хотелось выйти на Фосса со скоростью, которая позволила бы дать длинную очередь.

Фосс, видя, что Баркер пикирует и что он, Фосс, — единственная мишень, развернул машину навстречу несущейся на него судьбе. На несколько секунд они поравнялись, и пулеметы Фосса изрыгнули огонь. Шансы его на расстоянии четырехсот ярдов были невелики, но что еще он мог предпринять?

Если он каким-то чудом и попал в самолет, Баркер явно остался цел. И делал вираж в сторону, слегка меняя курс. Потом устремился назад, оглядываясь через плечо. Окаба приближался, но был еще слишком далеко, чтобы стрелять.

Баркер, слыша, как воет ветер над лобовым стеклом, обошел Фосса сзади. Немец не оглядывался, но должен был видеть Баркера в зеркале

заднего обзора.

И увидел, по всей вероятности, потому что сделал полубочку назад, желая уйти. Баркер совершил тот же маневр и заметил, что Гинеме вот-вот выйдет на линию огня Фосса, подставившись ему на пару секунд. Гинеме уже второй раз подворачивался Фоссу — и оба раза случайно.

Баркер до сих пор не знал, ранен его друг или нет. Баркер с Фоссом пронеслись мимо Гинеме; Баркер видел затылок немца и быстро сокращал пятидесятиярдовое расстояние между ними.

Взгляд в зеркало. Окаба тоже был ярдах в пятидесяти за Баркером. И быстро приближался. Так быстро, что у него останется всего несколько секунд на стрельбу, если он не замедлит ход. Так он, конечно, и поступит — разве что очень уж уверен в своей меткости.

Баркер нажал гашетку. Пули прошили фюзеляж во всю длину, раздробили голову пилота, лопнувшую, как шар, полный крови, и застучали по мотору.

Глазам собравшихся на берегу предстало странное зрелище. Три самолета летели друг за другом, а потом их стало четыре. Гинеме зашел в хвост Окабе. Он не был сверху, что было бы предпочтительней, и не имел той скорости, которую Окаба

набрал в пике. Когда череп Фосса разлетелся на части, когда Баркеру прошило позвоночник и снесло макушку, Гинеме дал три очереди. Одна вошла снизу Окабе в поясницу, рикошетировала от позвоночника и порвала солнечное сплетение.

После этого зрение Гинеме померкло, и он повалился вперед, невольно отжав рычаг, а кровь лилась из его руки и бока. Две пули Фосса попали-таки в цель.

Самолет, расписанный в шахматную клетку, летел вниз — он миновал вершину скалы, сокрушил несколько ярусов бамбуковых мостов и врезался в хижину. Оттуда взвился огненный столб, пламя горящего спирта охватило соседние хижины, и ветер нес его дальше.

Так вспыхнул пожар, которому предстояло выжечь всю округу.

Самолет с собачьей головой ударился о скалу, загорелся и рухнул вниз, ломая мосты и хижины, расшвыривая куски горячего металла и брызги горючего на много ярдов вокруг.

Самолет с красным кругом рухнул, крутясь, на пляж, прямо на головы не успевших разбежаться людей, пропахал путь через толпу и врезался в танцевальную площадку. Теперь там затанцевал

огонь, мигом превратив все сооружение в оранжево-алый костер.

«Старый Чарли», проделав длинное пике, перевернулся и упал на кромку берега, пробил траншею в поросшей травой земле, сокрушил пятерых человек и уткнулся в ствол «железного» дерева.

Геринг, бледный и дрожащий, подумал: этот бой не доказал ничего, кроме того, что мужество и мастерство никого не спасают, что Фортуна разыгрывает свои карты; что эта война равно губительна для солдат и мирных жителей, для воюющих и нейтралов.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

АРМАГЕДДОН: «НЕНАЁМНЫЙ» ПРОТИВ «РЕКСА»

ГЛАВА 30

Король Иоанн не стал тянуть.

Еще до того как четверка летчиков образовала свое смертельное звено, он сказал в микрофон на контрольной панели рубки:

— Тайши!

— Да, капитан.

— Вперед! И да поможет тебе Бог.

За пятнадцать минут до этого открыли огромный люк на корме и спустили на воду большой двухместный самолет со складными крыльями. Он плавал на понтонах, а крылья в это время раскладывали и закрепляли.

Потом Сакануэ Тайши, сев на переднее пилотское место, запустил оба двигателя. Он прогревал их, следя за воздушным боем из своей открытой кабины. Место стрелка в хвосте занял Габриэл Герлихи.

Оба они были ветераны: японец — второй ми-

ровой, австралиец, ирландец родом — корейской войны. Тайши летал на торпедных бомбардировщиках имперского флота и встретил свой конец в битве за пролив Лейте.

О'Герлихи был пулеметчиком в пехоте и в авиации не служил, однако его назначили бортстрелком за исключительно меткую стрельбу. Говорили, что он играет на пулемете, как Харпо Маркс — на арфе.

И вот капитан, как и ожидал Тайши, отдал приказ вступить в бой. Тайши через шлемофон велел О'Герлихи сесть на место, и самолет заскользил с попутным ветром вверх по Реке. Разбег был длинный, поскольку они несли десять ракет, каждая со стофунтовой боеголовкой, под крыльями и торпеду под фюзеляжем. Торпеда была снабжена электромотором и заряжена семьюстами фунтами кордита.

Самолет наконец оторвался от воды. Тайши поднялся на пятьдесят футов и сбросил понтоны. Шасси с двумя большими понтонами упало вниз, и самолет набрал скорость.

О'Герлихи, глядевший назад и вверх, видел, как разбились четыре истребителя, но ничего не сказал Тайши. Пилот был занят — он разворачивал машину на малой высоте к левому берегу. Потом

Тайши провел самолет между двумя скалами, над самым верхним мостом. По плану следовало, держась над деревьями, пробраться, где возможно, между холмами и у самых гор повернуть по ветру.

Потом лететь вдоль гряды, по-прежнему над самыми деревьями, потом свернуть направо, пересечь холмы, срезать угол над верхними крышами селения и нанести удар по «Внаем не сдается», выйдя на него с борта.

Тайши знал, что радар Клеменса будет вести их, пока они не покинут Реку, но надеялся впоследствии уйти от него и затем появиться внезапно из-за холмов.

Селектор упорно пытался привлечь внимание Клеменса, но капитан как будто не слышал. Он стоял с горящей сигарой во рту и со слезами на глазах шептал:

— Жорж! Билл!

Рядом стоял Джо Миллер в боевых доспехах, в стальном шлеме с тяжелым проволочным забралом, снабженным колбасообразным отростком для носа, в кольчуге, в перчатках из рыбьей кожи, пластиковый щиток защищал пах, алюминиевые — бедра и голени. В своей великанской деснице Джо держал обоюдоострый стальной топор весом

в сотню фунтов.

Глаза титантропа тоже были влажны.

— Хорошие были ребята, — пробасил он.

— Капитан! — послышалось из селектора. — Радар докладывает: с «Рекса» снялся большой самолет!

— Что? — встрепенулся Сэм.

— Двухмоторный, понтонного типа. Взял направление на север, говорит радар.

Сэм уже полностью сосредоточился.

— На север? За каким чертом? Ага! Он делает крюк, чтобы атаковать нас с борта!

Он велел всем идти вниз, сам спустился по трапу в рубку и крикнул Джону Байрону:

— Отдали вы «Гусю» приказ о взлете?

— Да, сэр. В тот же момент, как радар засек их бомбардировщик! Они нарушили соглашение!

— Молодец. — Сэм выглянул в иллюминатор левого борта «Гусь», большой торпедный бомбардировщик, шел по Реке носом у нему и как раз в этот миг оторвался, капая водой с белых понтонов. Минутой позже оба понтона упали в Реку, и течение унесло их.

— По местам стоять! — сказал Клеменс. Байрон нажал на кнопку. Завыли сирены, но собравшиеся на палубе уже и так расходились по своим

постам.

— Полный вперед!

Детвейлер, сидящий у руля, двинул оба рычага вперед до отказа. Мощные электромоторы заработали, и движимые ими колеса вспенили воду. Пароход точно прыгнул вперед. — А неплохо придумал старина Иоанн, — сказал Клеменс. — Радируйте «Гусю» — пусть тоже выйдет на «Рекса» с борта.

Байрон передал, как было сказано. Сэм обратился к де Марбо, облаченному в дюралюминиевый шлем наподобие ведерка для угля, кольчужную рубаху и кильт и в кожаные сапоги. На поясе у него висела кобура с пистолетом «Марк-Г» и ножны с абордажной саблей.

— Скажите своим людям, пусть поднимают секретное оружие. Спешно!

Француз нажал кнопку селектора, связывающую с арсеналом.

— Вражеский самолет еще виден на радаре? — спросил Сэм оператора.

— Сейчас нет, — ответил Шиндлер. — Он ушел за холмы, к самым горам.

— Спорю на свое право голоса, что он пойдет над самыми деревьями и вот-вот выскочит на нас. Де Марбо застонал.

— Что такое? — спросил Клеменс, видя его бледное лицо.

— Не знаю. Я, кажется, слышал взрыв. И на том конце никто не отвечает!

Лицо Сэма тоже приобрело серый цвет.

— О Боже! Взрыв. Ступай вниз и выясни, что там стряслось! Байрон, стоявший у другого селектора, сказал:

— Двадцать пятый пост докладывает: на двадцать шестом произошел взрыв.

Француз вошел в лифт и уехал.

— Сэр, вражеский самолет! — сказал оператор радара. — Приближается с левого борта, над самыми крышами, между вон теми скалами.

Сэм подбежал к окну и выглянул. Серебристо-синий нос самолета сверкал на солнце.

— Чисто летучая мышь из преисподней!

Сэм стиснул поручни, заставляя себя успокоиться, и обернулся. Байрон уже отдавал команду, да люди и сами должны были заметить самолет.

— Огонь не открывать, пока самолет не приблизится на пятьсот ярдов, — говорил Байрон. — Тогда дать ракетный залп. Орудия и стрелковое оружие открывают огонь на расстоянии двести пятьдесят ярдов.

— Нечего было ждать, — буркнул Сэм. — Надо

было поднять лазер, как только эта птичка снялась. Не успел бы самолет сбросить торпеду, как луч разрезал бы его пополам. Еще один недочет в полной недочетов жизни.

И какого черта стряслось там, внизу?

— Вон он! — сказал Джо Миллер.

Бомбардировщик, оставив за собой мосты у края холмов, мчался над травянистой равниной. Пилот, кто бы он ни был, вел свою тяжелую машину, словно легкий истребитель.

Теперь события развивались быстро. Самолет шел со скоростью не меньше пятидесяти миль в час. От берега до его цели — всего одна миля, но торпеду он сбросит футах в шестистах — даже ближе, если хватит смелости. Чем ближе, тем меньше шансы «Ненаёмному» увернуться.

— Хорошо бы развернуть пароход носом, чтобы сузить площадь попадания. Но тогда сила заградительного огня снизится до минимума.

Сэм ждал. В тот момент, когда серебристое веретено отделится от носителя, он отдаст Детвейлеру приказ развернуть судно. Тогда самолет будет представлять меньшую угрозу, чем торпеда. Если батареи судна не собьют его раньше, он сам поторопится убраться прочь.

— Пятьсот ярдов, — сказал Байрон, глядя на

экран через плечо оператора. И скомандовал в селектор: — Ракеты — залп!

Двадцать серебристых заостренных цилиндров с огненными хвостами взвились в воздух, точно стая кошек, ловящая одинокую мышь.

Но пилот тоже обладал кошачьей реакцией. Из-под крыльев самолета вылетели двадцать ракет, более мелких, чем корабельные. Оба залпа, сойдясь, высекли облако огня, смешанного с дымом. Самолет вынырнул из этого облака так низко над Рекой, что казалось, будто он задевает брюхом волны.

— Вторая ракетная батарея — залп! — крикнул Байрон. — Орудия, стрелки — огонь!

Вылетела новая стая ракет. Паровые пулеметы излили поток 80-калиберных пластиковых пуль. 88-миллиметровая пушка на левом борту грохнула, изрыгнув пламя и серый дым. Десантники, размещенные между лафетами, палили из винтовок.

Акулье туловище торпеды отделилось от самолета, на высоте ста футов упало вниз и ушло под воду. Виден был только белый, пенный след.

— Лево руля! — сказал Сэм.

Детвейлер рванул на себя левый рычаг. Чудовищные колеса левого борта застопорили,

остановились и стали пенить воду в обратном направлении. Пароход медленно развернулся.

Тайши, почувствовав, как легко стало самолету без торпеды, взял рычаг на себя. Нос машины задрался вверх, и двойная мощь двигателей вознесла ее над судном. Тайши перегнулся через борт кабины, и ветер с силой ударил ему в лицо. Несмотря на чистую воду, торпеды пилот не увидел — она осталась позади.

Впереди блеснули на солнце ракеты с дымовыми хвостами. Опять залп! Самонаводящиеся к тому же.

Если бы все обернулось по-другому, Тайши прошел бы над летной палубой, развернулся и вернулся обратно на бреющем полете. О'Герлихи стоял, держась одной рукой за край кабины, выжидая, когда самолет снизится на нужную для пулеметного огня высоту. Но ему так и не пришлось разрядить свой сдвоенный 50-калиберный пулемет.

Самолет, Тайши и О'Герлихи исчезли в облаке дыма, из которого во все стороны брызнули металл, плоть, кости и кровь.

Один из моторов, описав дугу, рухнул на летную палубу около пушки; потом он перекатился через борт и упал на ураганную палубу, задавив

двух человек.

Кто-то кричал, вызывая пожарную команду.

Сэм Клеменс из левого окна увидел взрыв, мельком заметил темный предмет и почувствовал сильный толчок.

— Что там за черт? — буркнул он, не спуская глаз со следа торпеды — она приближалась, зловещая, как акула, и куда более быстрая.

Хоть бы пароход разворачивался быстрее — экая махина.

Геометрическая задачка со смертельным ответом. Торпеда чертит прямую линию, которая есть кратчайшее расстояние между двумя точками — в этом случае определенно. А пароход описывает круг, чтобы не оказаться на конце этой линии.

Сэм ухватился за поручни и так яростно закусил сигару, что перегрыз ее — конец, откушенный не полностью, повис и обжег Сэму подбородок. Сэм взвыл от боли лишь несколько секунд спустя. Когда торпеда царапнула о корпус, он не чувствовал ничего, кроме предельной тревоги.

Потом она ушла дальше, к берегу, и Сэм, нащупав сигару и обжегши руку, выбросил сигару.

— Выровняй судно, — сказал он Детвейлеру. — Курс прежний, полный вперед.

Байрон, глядя в правое окно, сказал:

— Торпеда врезалась в берег, капитан. Мотор еще работает, но она завязла в иле и стала торчком.

— Пускай они и беспокоятся, — сказал Сэм, имея в виду людей на берегу. — Ох ты! — Он спохватился, что совсем забыл о взрыве близ камеры секретного оружия. — Байрон! Марбо ни о чем не докладывал?

— Нет, сэр.

Аппарат на переборке загудел. Байрон ответил, а Клеменс стоял рядом.

— Говорит де Марбо. Капитан занят?

— Я слушаю, Марк! — сказал Сэм. — Что случилось?

— Лазер взорван! Полностью уничтожен! Вся охрана, включая Фермера, перебита, как и четверо солдат, подоспевших на место происшествия. Расчет стал жертвой взрыва, а те четверо застрелены! Капитан, у нас на борту диверсант или диверсанты!

Сэм застонал, и на миг ему показалось, что он падает в обморок. Он удержался, опершись рукой о стену.

— Вам нехорошо, сэр? — спросил Байрон, не менее бледный, чем, по мнению Сэма, был он сам, но не поддавшийся истерике. Сэм выпрямился,

глубоко вздохнул и сказал:

— Я в порядке. Проклятый сукин сын! Надо было поставить туда двадцать человек! Надо было поднять его сразу! А теперь прощай наш туз в рукаве! С ним бы у Иоанна не осталось никаких шансов. Нельзя недооценивать человеческий фактор, Байрон!

— Да, сэр. Я предлагаю…

— Снарядить людей на розыски этого ублюдка? Или ублюдков? Они давно уж вернулись на свои места. Если только не замышляют повредить генераторы. Пошлите людей в машинное отделение для усиленной охраны. И проверьте посты. Проверьте, не уходил ли кто с поста по какой бы то ни было причине. Может, среди таких есть и невиноватые, но рисковать нельзя. Всех, кто уходил с поста, поместить в арестантскую! Даже офицеров и даже если причина была веская. Нельзя вести бой с Иоанном, опасаясь ежеминутно удара в спину!

— Есть, сэр! — И Байрон начал вызывать посты по порядку номеров.

— Вражеское судно в пяти милях от нас, капитан, — доложил главный оператор радара. — Двигается со скоростью пятьдесят пять миль в час.

Предельная скорость «Рекса» в спокойной воде

и без попутного ветра была сорок пять миль. Только с помощью течения и ветра он мог развивать такую же скорость, как «Ненаёмный».

— «Гуся» не видно пока?

— Нет, сэр.

Сэм взглянул на хронометр. Самолет, вероятно, все еще летит вдоль горной гряды над самыми верхушками деревьев и даже ниже, если возможно. Но «Рекса» в одиночку он атаковать не будет. Ему приказано дождаться момента, когда «Рекс» вступит в схватку с его кораблем. Вот когда команда Иоанна будет вести огонь по врагу, «Гусь» выскочит из-за деревьев, промчится над Рекой и атакует «Рекса» сбоку. Будь у Иоанна хоть что-то в голове, он и свой бомбардировщик придержал бы до настоящего боя.

Он, видно, полагал, что люди Клеменса будут так заняты воздушным боем, что налет захватит их врасплох.

— Вражеское судно в четырех милях, капитан. Прямо по курсу. Сэм закурил новую сигару и попросил медика смазать чем-нибудь ожог на подбородке. Смоллетт помазал, и Клеменс стал у правого иллюминатора, глядя на дым пожара на левом берегу, В четверти мили впереди. Огонь пожирал бамбук, сосну и тис. Куски горящего дерева

летели по ветру, падая на мосты и дома. Люди суетились, вынося пожитки из хижин и спасаясь по лестницам от пожара. Другие выстраивались в цепочки, передавая от Реки Граали и глиняные ведра с водой и заливая огонь. Это была безнадежная затея — ничто не помешает огню взять свое. Половина жителей, похоже, придерживалась как раз такого мнения — эти сгрудились на равнине, около немногих уцелевших домов, и ждали, когда сойдутся в бою корабли.

— Для начала мы сравняли с землей Виролландо, — сказал Сэм неизвестно кому. — Популярности нам здесь не видать.

— Враг в трех милях, сэр.

Сэм подошел к селектору, где Байрон все еще опрашивал посты. Позади маячила огромная туша Джо, и Сэм улавливал аромат бурбона, источаемый титантропом. Джо любил выпить глоток перед боем. Не потому, что это требуется ему для храбрости, объяснял он. Просто это полезно для желудка: брожение унимается.

— Кроме того, Зэм, мне требуетзя много энергии. Ты зам говоришь, что алкоголь дает энергию. А я ее зжигаю, как мотор — горючее. И я вон какой большой.

— Да, но не целую же четверть?

— Пока с поста никто не отлучался, — сообщил Байрон.

— А езли кто попизать отходил? — сказал Джо. — Мне взегда охота пизать перед боем. Даже замый большой храбрец — а я такой — чувзтвует напряжение. Это не нервы — прозто напряжение.

— И количество выпитого тут, конечно, ни при чем, — сказал Сэм. — Будь во мне четверть виски, я из гальюна бы не вылазил. И мне бы еще повезло, если б я его нашел.

— Визки прочищает мне почки. А когда почки чизтые, то и голова чизтая. Ничего, гальюн выдержит.

— У вас с гальюном много общего. У обоих недержание.

— Ты говоришь гадозти, потому что нервничаешь. — И Джо потрепал Сэма по плечу ручищей с пальцами, как бананы.

— Не фамильярничай с капитаном, — велел Сэм, но ему полегчало. Джо любит его и никогда не подведет. Ну что может случиться с Сэмом Клеменсом, когда его охраняет этакое страшилище? Может кое-что. Пароход могут потопить, будь таких Джо хоть десяток.

ГЛАВА 31

«Рекс грандиссимус» стал виден и походил на белую расплывчатую глыбу, идущую навстречу. Шли минуты, и его контуры делались четче. На миг Сэм Клеменс ощутил боль в груди. «Рекс» был его первым кораблем, первой любовью. Сэм сражался за металл для него, убивал, расправился даже со своим сторонником — где-то теперь Эрик Кровавый Топор? — помогал разрабатывать его проект до последнего болтика — и вся борьба, вся пролитая кровь пропала впустую, когда король Иоанн увел корабль. И вот теперь «Рекс» воюет против Сэма. Жалко губить корабль — ведь таких всего два на целой планете.

Сэм еще сильнее ненавидел Иоанна за то, что тот вынуждает его топить такого красавца. Но, может быть, еще удастся взять «Рекс» на абордаж. Тогда корабли поплывут до истока Реки вдвоем.

Сэму всегда было свойственно перескакивать от глубочайшего пессимизма к глупейшему оптимизму.

— Две с половиной мили, — доложил оператор радара.

— «Гусь» не просматривается?

— Нет… да, сэр! Появился! В трех милях от пра-

вого борта, над самыми холмами! Вражеское судно разворачивается правым бортом, сэр, — добавил оператор.

Сэм посмотрел в носовой иллюминатор. Точно — «Рекс» разворачивался, показывая подходящему «Ненаёмному» корму.

— Какого дьявола он делает? Ведь не драпать же он собрался? Каким бы ублюдком ни был Иоанн, трусом его не назовешь. Да и команда не позволила бы ему. Нет, он задумал какую-то пакость.

— Может, у него какие-то неполадки? — предположил Детвейлер.

— Если и так, нам они неизвестны. На радаре — определить его скорость.

— Вражеское судно идет при тридцати пяти милях в час, курсом на вест, сэр.

— Это его предельная скорость против течения и ветра. У них все в порядке — на глаз по крайней мере. С какой же такой стати они бегут? Спрятаться-то им все равно негде. — Сэм закатил глаза, ища ответа. — Сонар! Посторонних объектов не замечено? Вроде мины, скажем.

— Нет, сэр. Под водой все чисто, не считая рыбьих косяков.

— Это как раз в духе Иоанна — понаделать мин и раскидать их у нас на пути. Я бы и сам это сде-

лал на их месте.

— Да, но ведь он знает, что у наз езть зонар.

— Я бы все равно попробовал. Спаркс, передайте Андерсону — пусть не подходит, пока мы не вступим в бой или не передадим дальнейших указаний.

Радист передал распоряжение пилоту «Гуся», Йену Андерсону — шотландцу, летавшему на британском торпедном бомбардировщике во время второй мировой войны. Его стрелок Теодор Заимис, грек, летал в том же качестве на «галифаксах», совершая ночные налеты на Францию и Германию — тоже во вторую мировую.

Андерсон доложил, что понял приказ. Радар продолжал следить за «Гусем», идущим примерно на том же уровне на восток.

Солнце медленно клонилось к закату, а «Ненаёмный» сокращал расстояние между собой и «Рексом».

— Может, Иоанн не знает, как быстро ходит наш пароход, — бормотал Сэм, шагая взад-вперед и глядя на толпы, собравшиеся по обоим берегам, облепившие скалы и мосты. — Ну чего они тут торчат? Не знают, что ли, что на них вот-вот посыплются ракеты и снаряды? Иоанн мог бы хоть предупредить их!

Показался огромный красно-черный собор, приблизился и снова стал уменьшаться. Теперь между преследователем и бегущим осталось всего полмили. Сэм приказал Детвейлеру сбавить ход.

— Я не знаю, что он замышляет. Того и гляди влетим на полном ходу в какую-нибудь западню.

— Он, похоже, направляется в пролив, — сказал Детвейлер.

— Следовало ожидать.

Горы сужались, почти смыкаясь в миле по ходу судна. Там черные и белые, меченные красным утесы образовывали отвесные стены, между которыми бурлила Река. «Рекс», хотя и шел, видимо, на полной мощности, стал делать всего двадцать миль в час. Он будет продвигаться еще медленнее, войдя в этот узкий и темный проем.

— Ты действительно думаешь, что он намерен провести пароход на ту сторону? — Сэм хлопнул кулаком о ладонь. — Разрази его гром, так и есть! Он хочет подкараулить нас на выходе из пролива!

— Но ты же не настолько глуп? — отозвался Джо Миллер. Сэм, не обращая на него внимания, велел радисту:

— Вызови мне Андерсона!

Пилот «Гуся» изъяснялся с сильным нижнешотландским акцентом.

— Ладно, сейчас слетаем поглядим, что там этот поганец задумал. Только нам понадобится время, чтобы перевалить через гору.

— А ты не переваливай — лети прямо через пролив. И если представится случай — атакуй! Есть что-нибудь новое? — спросил Сэм у Байрона.

— Я сообщу, как только будет, — немного раздраженно ответил тот.

— Извините, Джон, — рассмеялся Клеменс. — Но от одной мысли, что кто-то закладывает взрывчатку внизу… как-то неуютно. Продолжайте.

— Вот оно, — сказал Байрон, слушая рапорт офицера двадцать шестого поста. Сэм подошел и стал рядом.

— Мичман Сантьяго отлучался около получаса назад, сэр, — говорил Шиндлер. — Он назначил меня ответственным, сказал, что у него понос на нервной почве и надо скорее облегчиться, иначе сраму не оберешься. Сказал, что сразу вернется. Но вернулся только через десять минут, хотя я ничего такого не подумал, сэр — он сказал, что не мог остановиться. Он выглядел, точно вылез из-под душа, сэр — весь мокрый. И объяснил, что

запачкался, поэтому пришлось наскоро принять душ. Потом, сразу после переклички, он отлучился опять. И больше не вернулся.

— Двадцать седьмой, доложите обстановку! Может быть, он не единственный, — объяснил Байрон Сэму.

После опроса всех тридцати пяти постов выяснилось, что больше никто не отлучался даже на минуту.

— Он или прячется где-нибудь, или сиганул за борт, — заметил Сэм.

— Сомневаюсь, чтобы ему удалось покинуть корабль незамеченным, — возразил Байрон. Сэм вызвал де Марбо:

— Соберите всех своих десантников, всех до единого, и пусть ищут Сантьяго. В случае сопротивления стреляйте. Однако я хотел бы побеседовать с ним, если это возможно. Сантьяго плавает с нами с самого начала, — сказал Сэм Байрону. — Его мог подослать к нам Иоанн, хотя откуда он проведал о лазере, мне непонятно. Мы думать не думали о таком оружии, пока Иоанн не увел пароход. И откуда, ради всего святого, узнал о лазере Сантьяго? Даже сексуальную жизнь королевы Виктории не держали в таком секрете.

— У него было достаточно времени, чтобы это

разведать. Он хитрая бестия. Никогда не доверял латинянам.

— А мне он нравился. Всегда проявлял дружелюбие, отлично исполнял свои обязанности и чертовски здорово играл в покер.

Сантьяго был венесуэльским моряком семнадцатого века и десять лет водил боевой фрегат. Потерпев крушение у неизвестного карибского острова и выбравшись на берег, он погиб под копьями индейцев. Но это лишь ненамного ускорило его смерть — сифилис изглодал Сантьяго до последней степени.

— Он, конечно, жутко ревновал своих женщин, — продолжал Сэм, — и страдал этим дурацким латиноамериканским махизмом. Но когда одна из женщин, чемпионка дзюдо из двадцатого века, его побила, он переменил свои взгляды и стал ценить своих дам на вес золота.

Однако характер Сантьяго анализировать было некогда — имелись вопросы поважнее. Например, как мог Иоанн узнать, что его агент добился успеха? О лазере Иоанн ничего не знал. Он мог, правда, заранее поручить Сантьяго взорвать какую-нибудь жизненно важную систему корабля, но тот не сумел выполнить приказ, поскольку генераторы и электромеханический пульт слиш-

ком хорошо охранялись.

Но если взрыв не был виден издалека — откуда Иоанну знать, что агент выполнил свою работу? Может, у них разработана система сигналов? Но Сантьяго никаких сигналов не посылал.

Разве что у него где-то на судне спрятана рация. Работающая на частоте, которую пароход не…

Сэм ощутил слабую вибрацию — не ту, что создавали колеса.

Он выглянул в кормовой иллюминатор. С правого борта виднелись струйки дыма, идущие, похоже, с ураганной палубы, Сэм ринулся к селектору и рявкнул:

— Посты пятнадцать и шестнадцать! Что у вас там?

— Докладывает старшина Анита Гарибальди, семнадцатый пост! — ответил спокойный голос. — Произошел взрыв, сэр! Пробита переборка, и проводка на ней повреждена!

Детвейлер выругался.

— В чем дело? — обернулся к нему Сэм.

— Управление отказало.

Сэм уже и сам это видел. Колеса замедляли ход и скоро остановились, как увидел он с кормы. Нос парохода, сносимый течением, медленно поворачивался вправо.

Детвейлер нажал на клавишу, около которой вспыхнул огонек, и снова взялся за рычаги. Колеса завертелись, набирая скорость. Корабль вернулся на прежний курс.

— Запасная система сработала, — сказал Детвейлер. Сэм усмехнулся краем рта, хотя веселья не испытывал.

— Сантьяго, наверно, не знает о ее существовании. А ведь это Иоанн подал мне мысль установить ее! Подорвался на собственной мине! — Нажав клавишу «всем постам», он заорал в селектор: — Эй ты, убогий микроцефал-недоумок! Будь у тебя в сто раз больше мозгов, они и то уместились бы в заду у комара! Найти Сантьяго немедленно!

— Прямо по курсу пролив, капитан, — доложил Детвейлер. Над рубкой мелькнула тень и прокатился рев моторов. Это пронесся на двухсотфутовой высоте «Гусь». Светя прожектором, он вошел в темный проход, уменьшаясь во мраке, и пропал за поворотом.

— Можем мы держать связь с «Гусем»? — спросил Сэм у радиста.

— Возможность есть, сэр. Длинные волны проникнут за поворот.

Сэм отошел было, но тут же вернулся на возглас радиста:

— Боже! Пилот сообщил, что в них попали. Горит правый мотор! Ракета! — Радист поднял бледное, вытянувшееся лицо. — Это все, капитан.

Сэм выругался.

— Иоанн, как видно, поджидал самолет! Он знал, что я пошлю его на разведку!

Ну зачем он не позволил Андерсону, как хотел тот, лететь через гору? Тогда ракеты не достали бы самолет или пилот успел бы ускользнуть. Но нет, Иоанн хорошо знает своего бывшего компаньона, знает, как Сэм нетерпелив. Иоанн ждал — и вот вывел из строя торпедный бомбардировщик.

Но «Рекс» ушел в пролив не только затем, чтобы сбить самолет. Он…

— Капитан! — раздался надтреснутый голос де Марбо. — Мы только что нашли Сантьяго! Он прятался за переборкой, а потом кинулся в проход и почти уже добрался до борта. Джонстон остановил его выстрелом в голову.

— Подробности после, — сказал Сэм. — Продолжайте поиск других агентов. Ищите…

— Ракеты! — завопил Детвейлер.

ГЛАВА 32

Сэм оглянулся и увидел, как серебристая тень сверху ударила в основание мостика. Раздался оглушительный взрыв; палуба закачалась. Сверху снова несся вой. Мостик затрясся. Окна со всех сторон заволокло дымом, но ветер вскоре унес его.

— Какого черта! — беспрестанно повторял Сэм.

— Это оттуда. — Детвейлер, отпустив ненадолго рычаг, показал вверх и направо.

— Уводи пароход! — заорал Сэм! — Вниз! Рулевой уже дал полный ход. Крутой мужик этот Детвейлер. Снова серебристая вспышка. Дюжины вспышек. Взрывы. Ракетная батарея правого борта исчезла в облаке огня и дыма. Прямое попадание — и неизвестно, кто и откуда стреляет!

— Зигзагом иди! — крикнул Сэм.

Еще три прямых попадания, не считая ракет, упавших в воду по обоим бортам и за кормой.

— Радар поврежден, — сказал Байрон. Он дал команду корабельным батареям отвечать огнем, ведя его на глаз.

— Да где же они? — недоумевал Сэм.

— На скале! — в один голос ответили Байрон и Детвейлер.

— Вон, гляди! — сказал Джо, указывая в кормовой иллюминатор.

Пока Байрон опрашивал посты о повреждениях и потерях, Сэм взглянул туда, куда указывал массивный палец титантропа. Футах в пятистах над ними, там, где раньше была гладкая стена, в скале виднелось углубление футов тридцать в длину и семь в высоту. Оттуда выглядывали крохотные лица, и солнце сверкало на ракетах и пусковых установках.

— Боже ж ты мой!

Стало быть, люди Иоанна обнаружили в скале пещеру и перетащили туда ракеты, а вход замаскировали, к примеру, куском папье-маше, расписанным под лишайник. Ракетчики сидели там в засаде, а Иоанн тем временем ушел в пролив.

— Обманули дурака! — простонал Сэм.

Прошла минута, как пароход свернул вниз по течению. Сэм, хотя уже видел опасность, подскочил, когда из отверстия вылетело с дюжину больших ракет, на миг осветив пещеру.

— Лево руля! — взревел он.

В цель попала только одна ракета, разбив паровой пулемет — оттуда взвились в воздух куски тел и металла. Когда рассеялся дым, стала видна

зияющая дыра там, где были лафет, пулемет, трое мужчин и две женщины.

На миг Сэм оцепенел, не в силах двинуться, а из головы исчезли все мысли, кроме одной: война — не моя стихия. Ни один мыслящий человек не создан для войны. Надо было подумать об этом заранее и предоставить командование Байрону. А я возомнил о себе. А Джон хитер, очень хитер — и притом у него в советниках прославленный датчанин Торденскьолд.

Потом Сэм сообразил, что пароход движется к берегу. Байрон, словно издалека, спрашивал;

— Вернуть корабль на курс, капитан?

— Зэм, Зэм, — рокотал Джо. — Гозподи, мы же зейчаз врежемзя в берег!

Сэм заставил себя подать голос.

— Курс меняется. Направьте его вниз по Реке и вернитесь на середину.

На главной палубе лежали убитые: Янгблад, Черни, де Гроот. И верхняя часть красавицы Анн Мэти, бывшей голливудской звезды. Точно китайская кукла, изувеченная злобным ребенком.

Сэм и раньше видел трупы и кровь — он уже не тот юнец, что играл в солдата Конфедерации. И нет здесь Дикого Запада, куда можно сбежать, оставив гражданскую войну тем, кому она по

вкусу. Тут дезертировать некуда.

Страх в нем сменился гневом. Чаша бурбона, поданная Джо — славным старым Джо, — еще подогрела злость. Будь проклят Иоанн и его подлые выдумки! Он, Сэм, отправит его в ад и сам последует за ним, если надо.

— Нельзя ли нам вышибить этих ублюдков из пещеры? — спросил он Байрона.

— Думаю, можно, — поразмыслив, сказал тот. — И если у них кончились снаряды, незачем тратить на них наш запас.

— На установках ракет не видно, — сказал Сэм. — Но они могут прятать их, дожидаясь нашей атаки. Давайте-ка вернемся и проверим. Не хочу, чтобы эти гиены смеялись над нами.

Байрон вскинул брови, считая, как видно, глупым снова идти на риск, однако ответил: «Да, сэр» и вернулся к селектору. Сэм отдал команду Детвейлеру. И пока «Ненаёмный» поворачивал обратно, ракетные расчеты готовились выполнить свою задачу.

Байрон ровным голосом доложил: двенадцать убитых, тридцать два тяжелораненых. Одиннадцать раненых можно быстро починить и вернуть на места. Один паровой пулемет, одна ракетная батарея, одно орудие выведены из строя.

При этом взорвались ракеты и снаряды, нанеся больше вреда, чем неприятельский обстрел. В летной палубе имеются две большие пробоины, и сорваны каюты на нижнем ярусе мостика. Сам мостик пока держится, но если в него попадет еще одна ракета, ничего гарантировать нельзя. Огневая мощь снизилась, но сам пароход полностью в норме.

Хуже всего то, что разбиты радарные антенны.

Посмотрев на пещеру, Сэм увидел, что сидящие там люди заряжают установку новыми ракетами.

— Байрон, по моему приказу открывайте огонь! — сказал он. Байрон дал батареям команду приготовиться. Пароход находился в восьмистах ярдах от подножия скалы. Сэм приказал Детвейлеру повернуться к утесу правым бортом и предоставить судно течению, пока не отстреляются корабельные, батареи. На правом борту была 88-миллиметровая пушка, стреляющая гораздо точнее ракет, и пневматическая пушка.

Получив приказ Сэма, 88-миллиметровая изрыгнула огонь, дым и гром, пневматическая же ухнула. Один снаряд попал чуть выше пещеры, другой чуть ниже. Второго залпа не понадобилось. Ракеты в пещере взорвались — должно

быть, от нижнего попадания — и утес окутало облако, из которого полетели осколки и разорванные тела.

Дым рассеялся, в пещере остался только покореженный металл.

— Ну, думаю, им там всем каюк, — удовлетворенно сказал Сэм. Враги — не люди. Это орудия, которые могут убить его и которых поэтому надо убивать заблаговременно. — Выведи ее опять на середину за четверть мили от пролива. Байрон, поднимайте вертолет.

— Король Иоанн тоже поднял свой, — сказал помощник, указывая в ущелье.

Сэм увидел на высоте двух тысяч футов крошечную машинку на фоне темных ворот пролива.

— Я не хочу, чтобы Иоанн видел, что мы делаем, — сказал он. — Надо, чтобы Петроский избавился от соглядатая.

Сэм вызвал де Марбо. Инструкции заняли две минуты, затем де Марбо отдал честь и отправился выполнять задуманное.

Петроский, вертолетчик, прогрел мотор и взлетел с двумя стрелками на борту. К его фюзеляжу были прикреплены десять мелких самонаводящихся снарядов — частью их планировалось сбить вражескую машину, остальными нанести

удар по «Рексу».

Сэм следил, как вертолет медленно поднимается, отягощенный своим смертоносным грузом. Потребовалось некоторое время, чтобы он набрал ту же высоту, что вертолет у входа в ущелье. Сэм спросил де Марбо, как дела у него. Француз ответил с кормы, что оба катера уже почти загружены ракетами и можно отправляться через несколько минут.

— Я скажу, когда станет чисто, — предупредил Сэм. Машина Петроского достигла наконец нужной высоты. Другой вертолет сохранял прежнее положение. Но когда его пилот увидел, что белая неприятельская машина продолжает подниматься, он развернул свой вертолет и устремился прочь.

Оператор радара, теперь поставленный впередсмотрящим, сказал:

— Скорость вражеского вертолета примерно восемьдесят пять миль в час.

— Значит, он идет быстрее нашего, — заметил Сэм. — Потому что несет гораздо меньше груза. Байрон, скажите де Марбо — пусть отправляется.

Огромный люк на корме открылся. Более крупный катер, «Афиши не расклеивать», выскользнул из наполненного водой отсека и,

оставляя за собой белый след, пошел к берегу. За ним двинулся второй, «После вас, гасконец». Оба были нагружены ракетами, разобранными пусковыми установками и десантниками.

Из приемника послышался голос Петроского:

— Враг ушел за поворот. Поднимаюсь еще на две тысячи футов, прежде чем следовать за ним.

В ожидании следующего донесения Сэм следил за катерами. Они уже уткнулись носами в низкий берег, и люди прыгали в воду, разгружая оружие и технику. Каждый должен был прихватить с собой сорокафунтовый снаряд или часть установки.

— Иоанн, наверное, послал вперед команду с крючьями и веревками, — сказал Сэм. — Потом они подняли талями тяжелые ракеты с палубы «Рекса». Это, конечно, делалось ночью, чтобы вироландцы не видели. Та еще, поди, была работенка. Жаль, что у нас нет времени на установку тяжелых ракет. Но и легкие наделают много вреда, если попадут в нужные узлы «Рекса». — Сэм потер руки и выпустил облако дыма. — Славно будет поменяться местами со стариной Иоанном. Поймать его в его же ловушку.

— Если успеем, — сказал Байрон. — Вдруг «Рекс» вывалится из пролива прежде, чем мы разместим батарею?

— Возможно, но маловероятно, — нахмурился Сэм. — Войдя в пролив, Иоанн сможет двигаться только вперед. Развернуться там негде, хотя бы и на одном колесе. И он знает, что мы скорее всего поджидаем его у выхода — там, где радар не видит и сонар не слышит. И что мы оторвем ему задницу, как только он покажется.

— А может, он дазт задний ход, — сказал Джо.

— Ага — когда два орудия и пятьдесят ракет выпалят ему по мостику, а четыре торпеды — по корпусу? — фыркнул Сэм. — И хотел бы я посмотреть, как он даст задний ход против такого течения, когда по сторонам у него всего тридцать футов. Детвейлер не смог бы. Даже я бы не смог!

Ожидание длилось. Сэм наблюдал за длинной вереницей десантников, каждый с серебристым цилиндром или с частью установки. Внезапно вышел на связь де Марбо:

— Я нашел тропу.

— Я видел, как вы машете рукой, — сказал Сэм. — Вам понадобится около часа, чтобы добраться до пещеры. Она не так уж высоко, но по тропе, наверное, долго идти.

— Постараемся побыстрее. Но совсем быстро не получится — тропка узкая.

— Я полагаюсь на вас.

— Петроский на связи, — сказал радист.

Сэм услышал пилота, не успев еще дойти до радио.

— Мы спустились к самой воде. Я решил выйти из пролива на высоте их рубки. Их радар засечет нас, как только мы обогнем последний поворот, но я рассчитываю сбить им наводку. Шесть ракет в мостик, шесть для вертолета, где бы он ни был — в воздухе или на летной палубе.

Голос у Петроского был счастливый. Этот неистовый поляк летал в британской авиации, сражаясь с Гитлером. После войны он не захотел возвращаться в коммунистическую Польшу и эмигрировал в Канаду, где сначала водил кукурузник, а потом полицейский вертолет.

— А, черт! — рявкнул он. — Пароход болтается прямо у выхода, носом ко мне! И четверти мили не будет! Пожелайте мне удачи! Мотор и винт ревели вовсю, но голос Петроского перекрыл их.

— Первые шесть пошли! — Две секунды, и затем: — Есть! В рубку не попал, зато дымовые трубы рухнули к черту! Иду наверх! Сильный заградительный огонь. Ничего не вижу в дыму. Ага! Вот и вертолет, на летной палубе! Сейчас…

Радист посмотрел на Сэма:

— Сожалею, капитан. Связь оборвалась. Сэм

свирепо загасил свою сигару о приемник и швырнул ее на палубу.

— В него, наверно, ракета попала.

— Возможно. — Глаза радиста были влажны. Он десять лет дружил с Петроским.

— И неизвестно, разбомбил он вертолет Иоанна или нет. — Сэм вытер глаза костяшками пальцев. — Черт, я опять вляпался, а расплатился он…

Байрон снова поднял брови, видя столь непрофессиональную реакцию.

— Ну да, я знаю, — сказал Сэм. — Мы попались в его ловушку. Пускай. И я знаю, о чем еще вы думаете. Нам следовало бы поберечь свою разведтехнику, выражаясь по-военному. Теперь вертолет Иоанна будет следить за нами, если Петроский его не уничтожил.

— Мы пошли на риск, и это, возможно, оправдалось, — сказал Байрон. — Возможно, Петроский поразил и рубку, и вертолет. У него не было времени, чтобы доложить точно.

Сэм опять стал шагать взад и вперед, дымя так яростно, что кондиционер не успевал справляться. Потом остановился и бросил сигару, точно метя острогой в мысль — и, кажется, попал.

— Иоанн не пойдет обратно, пока не будет

знать, где мы. Поэтому он вышлет на разведку либо вертолет, либо катер. Мы в любом случае стрелять не будем. Байрон, прикажите де Марбо не стрелять, что бы ни вышло из пролива. И затаиться. Детвейлер, поворачивайте к питающему камню около храма. Там причалим и займемся ремонтом.

— Почему, Зэм?

— Почему? Чтобы шпионы Иоанна увидели нас там. Чтобы Иоанн, если он намерен атаковать, знал, что засады нет. Скорей всего он подумает, что ракеты со скалы так потрепали нас, что дело наше плохо. И будет знать, что успеет пройти через пролив, прежде чем мы его перехватим. Тогда-то мы и разыграем последний роббер, причем ройял-фпэш будет на руках у нас — так я надеюсь.

— Зэм, а езли Петрозкий взе-таки взорвал рубку? И Иоанн-злодей убит? Может, они не могут больше дратьзя.

— Я пока не вижу никого под белым флагом. Отступим и будем надеяться, что Иоанн клюнет. А тем временем проведем свою разведку. Байрон, пошлите «Гасконца». Скажите Плакетту — пусть пройдет через пролив на предельной скорости, быстро глянет, что там и как, и скорее чешет

обратно.

— Могу ли я внести предложение? — спросил Байрон. — На «Гасконце» есть торпеды.

— Нет, гром и молния! Я не стану больше посылать своих ребят на верную смерть! Дело и так достаточно опасно, как сказал старый холостяк старой деве, сделавшей ему предложение. Их может атаковать вертолет, хотя вертолет и «Гасконец», в общем, равные противники. Если вертолет погонится за катером, пусть де Марбо открывает огонь. Мы получим свои данные, а Иоанн пусть себе ломает голову, куда девался его вертолет. Он, конечно, не утерпит и пошлет катер — а катер мы не тронем. В любом случае Иоанн не двинется с места, пока не стемнеет — так я думаю.

Байрон передал приказания. Белоснежный «Гасконец» отчалил от берега и направился в пролив. Его командир, младший сын ирландского барона, был когда-то флотским адъютантом короля Георга V, а затем адмиралом. Ветеран сражений при Гелиголанде, Доггер-Бэнке и Ютландии, он был кавалером Большого Креста, голландского ордена Оранского-Нассау и российского Св. Станислава второй степени с мечами. Он также приходился сродни знаменитому писа-

телю-фантасту лорду Дунеени, а через Дунсени — знаменитому первооткрывателю Ричарду Фрэнсису Бартону.

— Сэр, — сказал Джон Байрон, — мы, кажется, не все предусмотрели. Десантники еще далеко не завершили установку ракет. Если вражеский вертолет или катер погонится за «Гасконцем», де Марбо не сумеет прикрыть наш катер. Притом противник может заметить наших людей на горной тропе. И поймет, что мы готовим засаду.

— Вы правы, — неохотно признал Сэм. — Ладно. Скажите его светлости, пусть поворачивает и остается на месте, пока де Марбо не устроится. Ни к чему тратить горючее, делая круги впустую.

— Да, сэр. — Байрон переговорил по радио с Планкеттом и заметил: — Только именовать адмирала его светлостью не совсем правильно. Как младший сын пэра, он не имеет права на титул. А поскольку его отец барон, низший по титулу среди пэров, адмирал не может называться даже «достопочтенным».

— Я пошутил, — сказал Сэм. — Избави меня, Боже, от британской чопорности!

Во взгляде маленького англичанина читалось, что в рубке шутливость неуместна. Возможно, он и прав, подумал Сэм. Но без острого словца

тоже нельзя. Только оно способно разрядить обстановку. Если Сэм не будет острить, его котелок взорвется. Глядите, какие красивые осколки. Это от Сэма Клеменса.

А вот Байрон тверд и хранит спокойствие в любой ситуации, как человек, распродавший свои акции перед биржевым крахом.

Пароход все еще оставался на середине озера, хотя уже направился к берегу. На севере все заволакивала черная пелена — дым от пожара, зажженного упавшими самолетами. Похоже, пожар разгорится еще сильнее, если только дождь не потушит его. Местные жители определенно не должны питать любви ни к короли Иоанну, ни к Сэму. Хорошо, что здесь живут пацифисты. Иначе они могли бы всерьез воспротивиться, когда вечером к их питающему камню подошли бы те, в ком они видят убийц и поджигателей. Гигантский батацитор необходимо подзарядить, хотя в нем еще имеется запас энергии, а команде нужно наполнить свои Граали. Вряд ли «Рекс» появится именно тогда. У «Рекса» те же нужды.

Разве только Иоанн решит застать противника врасплох. Он может попытаться. Запас энергии у него не истощен — «Рекс» не весь день находился в движении. Заряда может хватить еще на много

часов.

Нет, не станет Иоанн этого делать. Он ведь не знает, что противник лишился радара, и будет опасаться, что «Рекса» обнаружат, как только он покажет нос. А до «Ненаёмного» три мили по озеру. Пока «Рекс» дойдет, кабель с наконечником втянут обратно, и «Внаем» двинется навстречу врагу.

Вот если бы у Сэма осталась авиация, чтобы разведать, когда будет подзаряжаться Иоанн! Подойди «Рекс» к камню около самого пролива, «Ненаёмный» мог бы застукать его. Нет, Иоанн не так прост. Он отойдет подальше, чтобы не попасться. И сообразит, что Сэм Клеменс примет те же меры предосторожности.

Но если Иоанн вправду думает так, почему бы, подзарядившись не свалиться Иоанну как снег на голову?

Эх, знать бы топографию, знать бы ширину Реки по ту сторону ущелья. Но Плакетт добудет необходимые сведения.

— Не заняться ли нам похоронами, сэр? — предложил Байрон.

ГЛАВА 33

— А? Да-да, лучше покончить с этим теперь же. Позже не будет времени. Хватит у нас десантников, чтобы собрать похоронную команду?

— Осталось сорок два человека, сэр, — ответил Байрон, довольный своей предусмотрительностью.

— Хорошо — этого хватит, чтобы похоронить всех, включая себя. Пожалуй, обойдемся тремя винтовками. Порох надо беречь.

Служба продолжалась недолго. Мертвых, завернутых в полотно и снабженных грузами, выложили в ряд на корме летной палубы. Собралась половина команды — остальные несли вахту.

— ...ибо теперь мы знаем, что воскрешение возможно, ибо все мы испытали его. Мы вверяем тела ваши глубинам Реки в надежде, что вы восстанете вновь не в этом, так в ином мире. Да благословит Бог тех, кто в него верил. До встречи!

Прозвучал салют, и тела, одно за другим, стали раскачивать в воздухе и бросать за борт. Камни увлекут их вглубь, на поживу большим и малым рыбам, рыщущим там, во мраке, в тысячах футов

внизу.

«Внаем не сдается» подошел к берегу и отдал якоря. Сэм сошел на берег, где ждал его разгневанный Ла Виро. Темнокожий, с ястребиным лицом архиепископ разразился бурной речью, обличая глупость и жестокость обеих сторон. Сэм слушал с каменным лицом. Не время было дискутировать. Но когда Ла Виро потребовал немедленно уйти из этих мест, Сэм ответил:

— Столкновения избежать нельзя. Кто-то из нас должен уйти на дно. Вы разрешаете мне воспользоваться питающим камнем?

— Нет! Не разрешаю!

— В таком случае мне очень жаль, но я все равно им воспользуюсь, Если вы вознамеритесь нам помешать, мы будем стрелять.

Ла Виро на минуту утратил дар речи. Потом его дыхание стало ровнее и краска исчезла с лица.

— Хорошо. Мы не станем прибегать к силе. Вы знали, что мы не станем. Все, что я могу, — это воззвать к вашему человеколюбию. Я сделал это и не добился успеха. Пусть же последствия падут на вашу голову.

— Вы не понимаете. Мы хотим дойти до полярного моря. Наша миссия имеет первостепенное значение для этого мира. Не могу объяснить по-

чему, но верьте мне — это так.

Сэм посмотрел на солнце. Еще час, и оно коснется вершин западных гор.

Подошел Герман Геринг и сказал что-то на ухо Ла Виро. Тот ответил громко:

— Хорошо. Эвакуируй их.

Геринг громким голосом обратился к толпе:

— Вы слышали, что сказал Ла Виро! Мы все уйдем на восток, прочь от этого адского зрелища. Передайте это всем! Уходим на восток! Мартин, подними сигнальный шар! Теперь вы видите, — сказал Герман Клеменсу, — не можете не видеть, как прав я был! Я возражал против строительства вашего парохода, поскольку строился он с дурной целью! Не для того нас воскресили из мертвых и поселили здесь, чтобы мы предавались бездумному разврату, лелеяли ненависть и проливали кровь! Мы…

Сэм отвернулся и, сопровождаемый Миллером, взошел по сходням на ураганную палубу.

— Вот зукин зын, — сказал Джо. — И чего он к тебе привязалзя?

— Слабо ему, — ответил Сэм. — Меня и не такие обличали. Послушал бы ты мою мать. Или жену. Они могли бы дать ему фору в тысячу слов и опередить его через десять секунд. Бог с ним.

Что он может знать? Я делаю это ради него и ради прочих сладкоречивых шансеров. Ради всех — заслуживают они этого или нет.

— Ну! А я-то думал, что ты это делаешь для зебя.

— Больно умный ты стал. Разве можно так разговаривать с капитаном?

— Что вижу, то и говорю, — ухмыльнулся Джо. — Не как матроз капитану, а как твой друг Джо Миллер.

Как только они вошли в рубку, Байрон доложил:

— Сэр, де Марбо сообщает, что ракеты установлены.

— Хорошо. Скажите ему, чтобы спустился к катеру. А Планкетт пусть отправляется.

«Гасконец» тут же устремился в пролив. На черно-синем камне, покрытом темно-зеленой растительностью, виднелись крошечные фигурки десантников, идущих по скальному карнизу. Еще задолго до спуска вниз им придется зажечь фонарики. «Афиш не расклеивать» шел вдоль берега. Шипели сварочные аппараты — это механики ремонтировали расшатанные опоры мостика. На носу светилось голубое пламя горелок, срезавших останки парового пулемета. На

его месте устанавливалась ракетная батарея. Еще одна команда спешно меняла радарную антенну.

Прошло полчаса. Главный врач доложил, что пятеро раненых скончались. Сэм распорядился погрузить тела в шлюпку и сбросить на середине Реки. Это было сделано без помпы — Сэм не желал больше подрывать дух команды. Он даже заупокойную молитву отказался прочесть — это сделал один из медиков.

Сэм взглянул на хронометр:

— Пора бы уже Планкетту пройти пролив.

— Если так, то минут через десять мы увидим, как он возвращается, — сказал помощник.

Сэм взглянул на десантников, идущих по тропе.

— Сказали вы де Марбо, чтобы его отряд залег, если появится вертолет или катер Иоанна?

— Разумеется, — сухо ответил Байрон. Сэм посмотрел на берег, где тысячи мужчин и женщин плотной толпой уходили на восток. Шума они почти не производили. Люди несли узлы, горшки, вазы, статуэтки, стулья, удочки, плотницкие орудия, разборные планеры и, разумеется, Граали. Проходя мимо парохода, многие благословляли его тремя перстами. Это бесили Сэма, заставляя чувствовать себя виноватым.

— Какой кразивый шар, — сказал Джо. Над домом с сорванной крышей поднялась огромная ярко-желтая надувная груша и взвилась вверх, гонимая ветром к востоку. На высоте четырех тысяч футов шар стал совсем крошечным, но Сэм ясно разглядел, как он вспыхнул огнем.

— Взорвался! Вот он, настоящий сигнал.

Горящий шар, хорошо видный на много миль вверх и вниз по Реке, начал падать и скоро свалился в воду.

— Что ж, теперь, по крайней мере, можно не беспокоиться о мирном населении, — сказал Байрон.

— Не уверен, — возразил Детвейлер. — Мне кажется, Ла Виро и еще некоторые остались.

Он был прав — небольшая кучка людей возвращалась в храм.

— Никак помолиться за нас собрались! — фыркнул Сэм.

— Вижу «Гасконца»! — сказал впередсмотрящий. Катер, сверкая белизной на солнце, несся полным ходом. А в пятистах футах над ним, почти нагнав, летел вражеский вертолет. Он кренился, чтобы пулеметчики могли обстрелять катер.

— Байрон, скомандуйте де Марбо — огонь по вертолету! — громко крикнул Сэм, но раскат

разрядившихся питающих камней заглушил его слова.

Когда утихло эхо, Сэм повторил приказ.

— Вижу вражеский катер! — объявил впередсмотрящий.

— Где? — Но Сэм уже тоже увидел острый красный нос, круглый бронированный верх и оружейные башенки бывшего «Афиш не расклеивать», похищенного Иоанном. Катер выходил из ущелья.

Из отверстия в скале вылетела одинокая ракета, вонзившись прямо в раскаленную выхлопную трубу вертолета. Она сверкнула в воздухе, словно линия, проведенная огненным карандашом от черной горы, и вместе с вертолетом превратилась в клуб алого пламени.

— Последний летательный аппарат этого мира, — сказал Сэм.

— Лучше подождать, сэр, пока вертолет не упадет в Реку, — заметил не теряющий хладнокровия Байрон. — Иначе его жар притянет к нему все ракеты.

Горящий корпус и его осколки падали как-то неестественно медленно. Наконец они погрузились в воду и затонули.

— Залп по вражескому катеру, — передал по

радио Байрон. — О Господи, сэр! — воскликнул впередсмотрящий. — Сам «Рекс» идет сюда!

Байрон, взглянув в ту сторону, нажал на кнопку тревоги. Завыли сирены, и толпа, скопившаяся на летной палубе, мигом разбежалась.

Сэм заставил себя говорить спокойно, хотя сердце бешено колотилось.

— Снять зарядный колпак. Втянуть стрелу. Байрон уже распорядился отдать концы. Детвейлер ждал указаний, держась за рычаги. Байрон посмотрел в иллюминатор.

— Чисто концы, сэр!

— Выводи на середку, рулевой, — сказал Сэм. Детвейлер освободил рычаги и взял их на себя. Колеса завертелись, и пароход отошел от причала.

Катер «Рекса» заволокло дымом. Ветер уносил дым, открывая почернелый корпус. Катер стоял на месте, получив, как видно, серьезное повреждение. Но ведь он покрыт трехдюймовой дюралюминиевой броней и не такое еще может выдержать. Быть может, команда оглушена взрывом.

«Рекс грандиссимус» наполовину вышел из темного ущелья, сияя белизной, и побледнел, когда солнце закатилось за горы. Сумерки окутали озеро. Небо померкло. На нем все ярче проявля-

лись скопища звезд и газовые туманности. Когда совсем стемнеет, небесный свет будет так же ярок, как в ясную ночь полнолуния на Земле.

Катера смутно белели на воде, а «Рекс» казался белой глыбой, точно кит-альбинос под водой.

Итак, Иоанн все-таки решил атаковать «Ненаёмный» во время подзарядки. Ну что ж, сейчас он свое получит.

Откуда Иоанн узнал, что противник стоит на приколе? Чего проще. Где-то на горе над проливом у него сидит наблюдатель с рацией. Этим объясняется и то, почему «Рекс» так легко отразил атаку Петроского.

Подчиняясь спокойному приказу Клеменса, Детвейлер задержал судно, развернул его навстречу «Рексу» и полным ходом двинулся вперед. Байрон спросил:

— Какие указания дать «Афишам»?

Сэм не сразу ответил, следя за ракетным залпом из пещеры. Но внезапности не получилось. Иоанн сразу понял, что стреляют из их бывшей пещеры. Ракеты не пролетели и половины пути, как на «Рексе» полыхнул ответный залп и взвились огненные хвосты. Оба залпа встретились футах в пятидесяти над пароходом, и по Реке прокатился грохот. Судно заволок дым, который

вскоре отнесло прочь.

Если «Рекс» и пострадал, на расстоянии этого не было заметно.

Ракеты Иоанна не сбили бы столько ракет Клеменса, если бы сами не были самонаводящимися. Значит, у врага имеется соответствующая аппаратура. Возможно, собственного производства. Но в каком количестве? Сколько бы таких ракет ни было, Иоанн пожертвовал несколькими, чтобы отразить атаку.

Из пещеры грянул второй залп. В этот раз ракеты сбили на полдороге, вызвав быстро тающее облако огня и дыма. «Рекс» незамедлительно дал третий залп. Ракеты, ударив в утес, попали в пещеру. Пламя хлынуло оттуда, словно из пасти дракона. Конец двадцати славным ребятам, мужчинам и женщинам.

Левиафаны сближались. В рубке «Рекса» светился единственный огонь — там соблюдалось затемнение, как и у Клеменса.

Впередсмотрящий доложил, что вражеский катер возобновил движение.

— Раньше на его катерах торпедных установок не было, сказал Сэм Байрону. — Но Иоанн мог смонтировать их. Держу пари, он так и сделал. Где его второй катер, кстати сказать?

Мгновение спустя впередсмотрящий заметил и его — катер, должно быть, только что вышел из кормового отсека.

«Афиш не расклеивать» мчался к «Рексу», изготовив две торпеды — еще четыре ждали очереди.

«Гасконец» спешил на свой корабль, чтобы, согласно приказу, взять торпеды. Сэм опасался, что его не удастся сразу принять на борт.

— Мелкий вражеский катер идет к «Афишам», сэр, — доложил впередсмотрящий.

Сэм через Байрона передал «Гасконцу» приказ помочь товарищу.

С «Рекса» взвились четыре ракеты, и взрыв дал понять, что одна завершила свой путь. Миг спустя на связь вышел адмирал Андерсон.

— Клюнула нас дурная птичка, сэр. Но мы на ходу, и повреждений, на мой взгляд, нет.

«Гасконец», обстреливая ракетами вражеский катер, свернул к нему. По вспышкам было видно, как работают его пулеметы. Второй вражеский катер упорно шел к «Афишам», сходным образом изрыгая ракеты и пули. Дистанция между большими судами на глаз составляла пятьсот футов. Ракет ни тот ни другой пока не тратил, приберегая их для более тесной встречи.

«Гасконец» обходил противника сзади.

— Иду на таран, — сообщил Планкетт.

— Не дури! — в страхе крикнул Сэм, опередив Байрона.

— Это приказ, сэр? — спокойно осведомился Планкетт. — Команда покинула катер — по моему приказу, сэр. Постараюсь повредить гребной винт противника.

— Говорит капитан! — сказал Сэм. — Я запрещаю тебе делать это! Я не хочу твоей гибели!

Ответа не последовало. Одно из белых пятен — то, что поменьше, — зашло за корму более крупного. Казалось, оно ползет совсем медленно. На самом деле «Гасконец» нагонял более медленный катер на скорости пятнадцать миль в час. Скорость небольшая, но бронированный катер даже и при такой мог нанести сокрушительный удар.

— «Гасконец» и вражеский катер сошлись, сэр, — доложил впередсмотрящий.

— Сам вижу — и слышу, — сказал Сэм, глядя в бинокль. «Гасконец» с неработающим двигателем дрейфовал по течению. Второй катер замедлял ход и вскоре остановился.

— Он все-таки сделал это! Бедняга!

— Может, он еще и не ранен, — сказал Джо. — И

мы его подберем.

«Афиш не расклеивать» был футах в ста от своей цели. Вот он быстро отвернул в сторону, а через несколько секунд вражеский катер взвился вверх в водяном столбе, вспыхнул и развалился на куски.

— Он торпедировал его! — восторженно заорал Сэм. — Славный старина Андерсон! Торпедировал!

— Хорошая работа, — сдержанно отозвался Байрон.

— Андерсон вызывает «ВНС»! Какие будут указания?

— Проверь, как там дела у Планкетта, — сказал Сам. — И годится ли еще «Гасконец». Подбери тех, кто прыгнул за борт.

— «Рекс» в пятистах двадцати футах от нас, — сказал впередсмотрящий.

— Ну что ж, адмирал, — сказал Сэм Байрону, — командуйте артиллерией.

— Да, сэр. — Байрон стал отдавать по селектору команды лейтенанту левого носового расчета, а Сэм не сводил глаз с катеров. Если «Гасконец» на ходу, пусть изводит «Рекса» своими мелкими ракетами. Оснащать его торпедами некогда. Байрон повторял в селектор расстояние, называемое

впередсмотрящим.

— Четыреста девяносто футов. Четыреста семьдесят. Четыреста пятьдесят.

— Иоанна ждет недурной шок, — сказал Сэм Джо Миллеру. Он не знает, что у нас есть орудия.

— Огонь!

Сэм, считавший секунды, выругался. Первый снаряд ушел мимо цели. Второй попал где-то у ватерлинии в носовой части — но «Рекс» все так же двигался навстречу врагу.

— Разверните судно, чтобы мы могли дать широкий залп с левого борта, — сказал Сэм Детвейлеру.

Теперь громыхнули оба орудия. «Рекс» задымился. На его летной палубе полыхал огонь. Но он продолжал идти вперед и на таком расстоянии мог уже пустить в ход большие ракеты.

— Враг в двухстах шестидесяти футах, — последовало донесение.

— Большие пташки готовы? — спросил Сэм у Байрона. — Готовы, сэр.

— Прикажите офицерам стрелять, как только выстрелит «Рекс». Байрон передал приказ. Не успел он договорить, как Сэм увидел на «Рексе» вспышку. Ракеты обоих судов встретились в воздухе на высоте четырехсот пятидесяти футов, и

взрывы оглушили Сэма.

— Гозподи! — сказал Джо Миллер.

Снова выпалили орудия. На «Рексе» загорелся правый колесный кожух, и дым заволок рубку. Вдоль всего правого борта заплясали языки пламени. Снаряд попал в ракетную батарею, и ракета начали взрываться одна за другой.

— А, черт! — сказал Сэм.

Дым вокруг мостика постепенно рассеивался. Но ветер утих, и «Рекс» значительно потерял в скорости.

— Он поворачивается к нам левым бортом! — сказал Сэм.

Снова взлетели ракеты, теперь с другого борта, и ракеты Клеменса снова встретили их в воздухе. Корабль содрогнулся от взрыва, но не пострадал.

Сэм видел, что на «Рексе» дела плохи. Все палубы с правого борта пылали, и «Рекс» отворачивал прочь.

На миг Сэму показалось, что «Рекс» бежит. Но нет. Он продолжал разворачиваться, описывая круг.

— Правое колесо у них повреждено или разбито, — заметил Сэм. — Они не могут маневрировать.

Это несколько утешило его. Теперь все, что

нужно, — это подойти к «Рексу» на подходящее расстояние и расстрелять его в упор из орудий.

Такой приказ Сэм и отдал. Детвейлер повернул судно, чтобы подойти к жертве на нужную дистанцию.

— А мы неплохо сработали, — возбужденно сказал Сэм Байрону.

— Пока неплохо, сэр.

— Да ведь уже почти конец! Неужели вы никогда не проявляете человеческих эмоций?

— Не на службе.

— Господи! — опять произнес Джо Миллер.

— Что такое? — вскрикнул Сэм, схватившись за его ручищу. Титантроп, выкатив глаза и издавая сдавленные звуки, показывал куда-то за корму. Сэм хотел обойти его, чтобы посмотреть, но не успел.

Взрыв вышиб из заднего иллюминатора пуленепробиваемое стекло, и оно обрушилось на Сэма.

ГЛАВА 34

Кошка попалась в поставленную мышкой ловушку.

Когда «Ненаёмный» был на расстоянии двух дней пути, команда «Рекса» извлекла из трюма

оболочку небольшого аэростата, изготовленную из кишечных прокладок «речного дракона» пару лет назад. На берегу установили нагнетатель водорода и надули оболочку в заранее построенном из бамбука и сосны ангаре.

«Азазель», как окрестил его Иоанн, был полужестким дирижаблем. Оболочку держало давление газа, но к ней был прикреплен металлический киль, а к килю — кабина управления и две моторные гондолы, спасенные из-под обломков Подебрадовского дирижабля. Контрольная и моторная гондолы, рули высоты и направления соединялись электропроводкой и механическими сцеплениями. В баки был залит метиловый спирт. Бомба и торпеда привешивались в люльках под днищем корабля.

После надувки бомбардир с пилотом сели в дирижабль и произвели пробный рейс. Все работало как надо. Когда «Рекс» отправился на бой с «Ненаёмным», дирижабль кружил на большой высоте и только с приходом темноты прошел вверху через пролив.

Пока «Рекс» изображал из себя подбитую утку, дирижабль обошел неприятельское судно сзади — сначала «Азазель» миновал пролив, затем свернул направо и двинулся вдоль горной цепи,

однако не слишком близко к ней. Черный цвет оболочки не позволял врагу заметить дирижабль. Его мог засечь вражеский радар — но Иоанн надеялся, что прибор будет целиком сосредоточен на «Рексе». Клеменс, полагая, что у Иоанна больше не осталось авиации, вряд ли станет проверять радаром воздушную сферу.

Сбив радарную антенну противника, Иоанн возликовал. Несмотря на страшный урон, понесенный его командой и судном, он плясал от радости. Теперь-то «Азазель» подойдет к врагу, не опасаясь ничего, кроме случайного взгляда. В сумерках, когда все внимание неприятеля приковано к «Рексу», у дирижабля есть хороший шанс выйти на нужную для удара дистанцию.

Так и получилось. Дирижабль прошел вдоль гор на север, иногда опускаясь ниже наиболее высоких холмов, потом отклонился на восток и полетел над самыми деревьями к Реке. А там устремился вперед полным ходом, неся контрольную гондолу в каком-нибудь футе над водой.

Вот он уже за вражеским судном. Громада «Ненаёмного» загораживала дирижабль, и радар «Рекса» его не обнаруживал.

Бартон, стоя рядом с Иоанном, слышал, как король бормочет:

— Чресла Господни! Сейчас мы увидим, настолько ли скор дирижабль, чтобы догнать Сэма! Только бы инженеры не ошиблись! Вот будет насмешка, если он, после стольких трудов и, надежд, окажется тихоходным!

Орудийные залпы противника повредили правый борт «Рекса». Грохот оглушил Бартона, палуба под ногами закачалась, из иллюминатора вылетело стекло. У окружающих был не менее ошеломленный вид. Иоанн кричал, требуя от Струбвелла отчета о повреждениях и потерях — по крайней мере, следовало предположить, что кричит он именно это.

Струбвелл понял и стал что-то говорить в селектор. Вскоре он сумел представить капитану кое-какие данные. К Бартону уже частично вернулся слух, хотя не в той степени, в какой ему бы хотелось.

Это был самый тяжкий удар, нанесенный им с начала боя. На всех палубах зияли многочисленные пробоины, и стены проходов, где толпился народ, тоже были сорваны. На борту взорвалось множество стоявших на установках ракет и рухнуло несколько пулеметных лафетов.

Двумя снарядами почти сорвало правый колесный кожух, но само колесо по-прежнему работало

со стопроцентной отдачей.

— Клеменс, конечно, видел, что снаряды попали в кожух, — сказал Иоанн. — И думает, поди, что здорово подбил нас! Сейчас мы, в Господа Бога, убедим его в этом!

Он приказал рулевому сделать круг на месте. Правое колесо вращалось медленно, а левое, внешнее, работало в две трети своей мощности.

— Он кинется к нам, словно пес, которому не терпится доконать раненого оленя! — сказал Иоанн, потирая руки и ухмыляясь. — Точно: лезет на нас, как зверь из Апокалипсиса. И не знает того, что у самого на хвосте висит зверь пострашнее, готовый изрыгнуть на него смерть и адово пламя! Вот оно, отмщение Божье!

Бартон почувствовал отвращение. Уж не равняет ли Иоанн себя с Создателем? Может, у короля мозги слегка съехали набок от снарядов и ракет? А может, он всегда втайне полагал, что Бог в союзе с ним?

— Дистанцию им придется определять на глазок, а при таком освещении немудрено и ошибиться, — говорил Иоанн. — А по сонару расстояние тоже не определишь!

Операторы вражеских сонаров запутаются в ответных импульсах. Эти импульсы поступят из

четырех разных мест — по озеру циркулируют маленькие, дистанционно управляемые лодочки, и каждая посылает сигнал одинаковой частоты. Имеются на них и шумовые генераторы, имитирующие плюханье колес «Рекса».

Бартон увидел силуэт «Ненаёмного» на озаренном звездами и туманностями небе.

А прямо над ним обрисовался темный полукруг — верхняя часть «Азазеля».

— Кидайте же торпеду! — громко сказал Иоанн. — Чего ждете, дурни?

Педер Торденскьолд, командующий артиллерией, сказал:

— Дистанция обманчива, сэр. Но, думаю, дирижабль уже пустил торпеду.

Все посмотрели на панельный хронометр. Если так, то торпеда должна сработать через тридцать секунд. Но настолько ли дирижабль близок к цели, как кажется? «Азазель» должен был пустить торпеду, будучи всего в нескольких футах над Рекой, и затем быстро подняться — а освобождение от груза еще ускорило бы подъем. Раз «Азазель» висит почти над самым судном — значит, торпеда вот-вот вылетит.

Вражескому пароходу пора маневрировать. Если они даже до сих пор не заметили дирижабль,

торпеду их сонары должны засечь, определив ее местонахождение, скорость и размер. Враг должен уже знать, что торпеда летит в его корму, или, как выразился Иоанн, «прямо в задний проход Сэму Клеменсу».

Лицо Иоанна являло разнообразные оттенки бешенства.

— Зубы Господни, ну как можно промахнуться на таком расстоянии?

— Промах невозможен, — сказал Струбвелл. — Разве что ее заело-заклинило в люльке.

Как бы там ни было, торпеда не сработала. Над пароходом снова возник исчезнувший было полукруг «Азазеля». Пилот с бомбардиром должны уже либо спрыгнуть, либо готовиться к прыжку. Их парашюты, снабженные пневматическим устройством, раскрываются только при полном отделении от гондолы, в случае же помех развернутся только в Реке.

Да, сейчас, по оценке Бартона, летчикам самое время покинуть дирижабль, поставив его на автопилот и включив часовой механизм бомбы. Другой механизм должен постепенно спускать водород, заставляя машину снижаться. Когда бомба упадет, дирижабль, освобожденный от тяжести, поднимется — но невысоко. Если газ в

оболочке не вспыхнет от взрыва, еще один механизм взорвет на борту малую бомбу.

Бартон посмотрел в левый иллюминатор. Палубы «Рекса» пылали в дюжине мест. Пожарники в огнеупорных костюмах заливали огонь водой и пеной. Еще две-три минуты, и пожар будет потушен.

— Ха! — сказал капитан.

Бартон оглянулся. Все, кроме рулевого, глядели на колбасу дирижабля, зависшую прямо над «Ненаёмным» — нос «Азазеля» почти касался мостика.

— Невероятно! — сказал Бартон.

— Что? — спросил капитан.

— Да то, что они до сих пор его не заметили.

— Бог на моей стороне. Теперь если они и увидят его — будет поздно. Его нельзя сбить, не подвергая опасности судно.

— Что-то не в порядке с пусковым механизмом торпеды, — сказал Торденскьолд. — Но если бомба отделится, то и торпеда сработает.

— Приготовься развернуть судно, — сказал Иоанн рулевому. — Когда я скажу, правь прямо на врага.

— Оба их катера направляются к нам, сэр, — сообщил оператор радара.

— Уж они-то должны увидеть «Азазель»! Нет, похоже, не видят!

— Может, на «Ненаёмном» и радио отказало, — предположил Бартон.

— Значит, Бог и правда за нас!

Бартон поморщился. Впередсмотрящий доложил:

— Сэр, вражеские катера приближаются с кормы по левому борту.

Радар показывал, что катера находятся в четырехстах ярдах, а дистанция между ними — сто двадцать футов.

— Собираются напасть на нас с правого, борта, когда мы окажемся по ту сторону нашего круга, — сказал Струбвелл. — Полагают, что их корабль в это время откроет по «Рексу» огонь.

— Вижу, — буркнул Иоанн. — Но почему же они не подадут сигнал Клеменсу? Пусть у них радио не работает, но вспышками-то можно просигналить?

— Вот пустили ракету, — сказал Струбвелл, показывая на яркий голубовато-белый огонь в небе.

— Ну, теперь они точно увидят «Азазель»!

Дирижабль висел футах в тридцати над летной палубой врага — так, по крайней мере, казалось;

трудно было судить на таком расстоянии.

С мостиком он еще не поравнялся, это ясно — иначе он столкнулся бы с надстройкой.

Какой-то небольшой предмет, темный на ярком небе, отделился от дирижабля и упал на «Ненаёмного».

— Вот она, бомба! — крикнул Иоанн.

Бартону показалось, что бомба упала на корму летной палубы — возможно, на самый край. Бомбардир, наверное, включил автоматический сброс, а потом выпрыгнул вместе с пилотом. Но расчет оказался неверен. Сброс должен был сработать на середине палубы. А еще лучше поближе к мостику.

Грянул взрыв, и на фоне пламени четко обрисовалась рубка с крошечными фигурками внутри.

Дирижабль взмыл кверху килем, покореженным взрывом. Оболочка вспыхнула, превратившись в огненный шар.

— Торпеда! — крикнул Иоанн. — Торпеда! Почему она не отделилась?

Возможно, она и отделилась, но с «Рекса» этого не было видно. Но тогда ей пора уже взорваться.

Пылающий дирижабль уплывал прочь. Его передняя часть упала на корму «Внаем не сдается» и съехала в Реку сквозь дыру, пробитую соро-

кафунтовой бомбой. «Ненаёмный» продолжал идти вперед, оставив за собой горящую, распластанную на воде оболочку. Корма парохода тоже горела, а деревянная летная палуба занялась вся.

— Чтоб этих двоих на куски разодрали в преисподней! — заорал Иоанн. — Не могли еще пару секунд подождать, трусы!

Бартон считал, что пилот и бомбардир как раз очень смелые люди и что они медлили с прыжком до последней, на их взгляд, секунды. В таких обстоятельствах нельзя их винить, если они чуть-чуть и ошиблись. И не их вина, что торпеда не взорвалась. Они проделали несколько пробных вылетов с манекеном, и пусковой механизм тогда работал нормально. Механизмы часто заедает — и летчикам, а заодно и их товарищам просто не повезло, что его заело именно теперь.

Но торпеда еще может сработать — если только она не упала за корму вместе с обломками.

Иоанн немного воспрянул духом, увидев, что взрывом снесло две нижние палубы мостика — остались только две вертикальные метрические опоры и шахта лифта. Опоры постепенно кренились вперед под тяжестью рубки.

Однако те, кто был в рубке, остались живы. Их силуэты виднелись на фоне пожара, бушующего

на летной палубе.

— Ядра Господни! — крикнул Иоанн. — Он пощадил Клеменса, чтобы отдать его мне в руки живым! Теперь они не смогут править, — добавил он. — Попались, голубчики. Подойди к ним с левого борта на расстояние прямой наводки! — велел он рулевому. Рулевой вытаращил на капитана глаза, однако ответил:

— Есть, сэр.

Иоанн отдал приказ Струбвеллу и Торденскьолду приготовиться сначала к бортовому залпу, а затем к абордажу.

Бартон надеялся, что и его назначат в абордажную команду. Его десантники теперь сидели, запертые под ураганной палубой, и ждали своего часа. В течение всего боя они не знали, что происходит наверху — только чувствовали временами, как содрогается корабль, да слышали взрывы. Их, конечно, прошиб пот, нервы их натянуты, и им не терпится принять участие в сражении.

«Рекс», бороздя Реку, шел к разбитому судну, и расстояние быстро сокращалось.

— Батареям Б-2, В-2 и Г-2 взять на прицел верхнюю палубу мостика, — распорядился Иоанн.

Струбвелл передал приказ и доложил:

— Батарея В-2 не отвечает, сэр. Линия либо пе-

перезана, либо вышла из строя.

— Тогда пусть В-3 возьмет на прицел рубку.

— Вы забыли, сэр — В-3 не действует после последнего залпа.

— Тогда это сделает Б-2. — Иоанн повернулся к Бартону. Лицо короля в сумерках казалось багровым. — Ступай к своим людям, капитан. Будь готов возглавить абордажную партию с середины левого борта.

Бартон козырнул и побежал вниз по винтовому трапу. Потом свернул в коридор ураганной палубы. Его люди, мужчины и женщины, сидели в помещении, примыкающем к арсеналу. Люк охранял лейтенант Гай Фламиний с двумя часовыми. При виде Бартона он просиял.

— Мы вступаем в бой?

— Да. И очень скоро. Выводи всех в коридор.

Пока Фламиний выкрикивал команды, Бартон стал на перекрестке двух коридоров. Сейчас он поведет свой отряд к выходу, и там они будут ждать команды взять на абордаж «Ненаёмного». Если же связь откажет, Бартону придется решать самому, когда начинать атаку.

Десантники строились в коридоре, когда с судна Клеменса ударил бортовой залп. От грохота у Бартона зазвенело в ушах. Переборка в коридоре

прогнулась, и отовсюду повалил дым, вызвав общий приступ кашля. Новый раскат потряс палубу, и у всех еще сильнее заложило уши.

На мостике Иоанн вцепился в поручни, содрогаясь вместе с кораблем. Ракетные батареи на левом борту всех четырех палуб «Рекса», с одной стороны, и уцелевшие ракеты, орудия и пулеметы на правом борту «Ненаёмного» — с другой плевались огнем через тридцатифутовое пространство.

В воздухе летали куски обшивки. Ракетные батареи и их расчеты исчезали в клубах пламени и дыма. Два оставшихся орудия Клеменса сорвало с лафетов взрывами собственных боеприпасов, подожженных ракетами. Пулеметные башни на обоих судах вскрылись, словно консервные банки, и развалились окончательно под огнем ракет и снарядов.

Огромные суда напоминали раненых зверей — их внутренности обнажились, и кровь хлестала из ран.

Вдобавок батареи каждого судна целили в рубки, в мозг соперника. Снаряды свистели рядом, уходя в воду или зажигая новые пожары на берегу. Прямого попадания ни в одну из рубок не произошло. Непонятно, как этого не случилось

на таком расстоянии, но и такое бывает в бою. Заведомо неудачные выстрелы попадают в цель, а верные на все сто уходят в пространство.

Острый нос «Ненаёмного» повернулся — Иоанн так и не понял, случайно или намеренно, — и сокрушил левый гребной кожух «Рекса», сорвал его многотонную громаду и свалил в Реку. А потом продолжил свое дело, круша лопасти, коверкая обод колеса, срывая массивную ось. Оба корабля остановились среди оглушающих взрывов, скрежета рвущегося металла, воплей мужчин и женщин, гула горящего водорода. От столкновения все, кто не был привязан, покатились на палубу. Нос продолжал свое движение вверх и внутрь, и в пробоины корпуса хлынула вода.

В то же время мостик «Ненаёмного» обрушился. Байрону, Миллеру и Клеменсу — единственным живым, кто остался внутри, — казалось, что он падает медленно. Но он падал быстро, подвластный законам тяжести. Он рухнул на фордек летной палубы, и оттуда вылетели Клеменс и Миллер. Сэм упал на великана, падение которого, в свою очередь, немного смягчили подбитые мягким доспехи и шлем.

Так они лежали несколько минут — оглушенные, побитые, окровавленные, не сознавая еще,

что им посчастливилось остаться в живых.

ГЛАВА 35

Сэм Клеменс и Джо Миллер слезли по трапу с летной палубы Позади бушевал огонь. На ураганной палубе Джо, не выпускавший из рук свой исполинский топор, спросил:

— Ты как, Зэм?

Сэм, не отвечая, ухватил титантропа за палец и увлек его за угол. Пуля ударила в переборку, и вокруг засвистели осколки пластика, не задев, однако, двух друзей.

— «Рекс» подошел к нам вплотную! — сказал Сэм.

— Да уж вижу На абордаж, наверно, пойдут.

— Я не могу больше командовать своим кораблем! — вскричал Сэм с таким видом, точно вот-вот расплачется.

Но Джо казался спокойным и несокрушимым, как гора. Он потрепал Сэма по плечу:

— Не волнуйзя. Корабль прибьет к берегу, вот и взе. Он не утонет. А Иоанна з его ублюдками мы еще побьем.

Потом обоих швырнуло на палубу. Сэм лежал, стеная, и не знал, что «Внаем» крушит гребное колесо «Рекса». Во время перестрелки, последо-

вавшей за остановкой кораблей, он продолжал лежать, уткнувшись лицом в холодную твердую палубу. Потом его ухватили за плечо и подняли на ноги. Сэм завопил от боли.

— Извини, Зэм, — пробасил Джо. — Не раззчитал. Сэм держался за плечо.

— Вот болван, я же теперь рукой не смогу шевельнуть!

— Ты, как обычно, преувеличиваешь. Главное, ты живой, хотя по взем законам живым быть не должен. И я тоже. Вдвоем мы зправимзя, Зэм. Пошли, надо дело делать.

Сэм посмотрел на летную палубу. Она вся была в огне, который перекинулся уже и на ангары. Ну, особенно гореть там нечему. Бочонки с метанолом, хранившиеся там, переправили на нижнюю палубу еще перед боем. А водород, хотя и дает сильное пламя, скоро выгорит дотла.

И тут, на глазах у Сэма, летная палуба провалилась. С того места, где он стоял, ему видны были только торчащие края, но грохот и полетевшие вниз куски подсказывали, что рухнуло не меньше половины. Пламя дыхнуло оттуда, словно из пасти дракона.

— Гозподи! — Джо метнулся к Сэму, схватил его и понес, поставив на самом краю палубы. — Зэм,

я, кажетзя, обжегзя!

— Повернись-ка. — Сэм осмотрел его спину. — Ах ты, обормот! Твои доспехи спасли тебя. Может, под ними тебя малость и припекает, но ты цел.

Джо вернулся подобрать свой топор. Сэм взглянул на громаду «Рекса», стоящую левым бортом к их правому. И с той и с другой стороны на три нижние палубы забрасывались абордажные концы и перекрывались мосты. В проходах, иллюминаторах и люках кишели мужчины и женщины, стреляющие или готовящиеся к атаке, как только будут закреплены концы. Того и гляди захватчики побегут по мосткам.

У Сэма не было огнестрельного оружия — к счастью, оно в изобилии валялось на палубе. Сэм подобрал пистолет, проверил его магазин, снял патронташ с мертвеца, надел на себя и зарядил оружие. Джо вывалился из-за угла, напугав Сэма. Капитан не стал его ругать — Джо был прав, двигаясь бесшумно, но сердце у Сэма едва не остановилось.

— Что делать будем, Зэм?

— Пойдем к нашим — пусть видят, что мы живы-здоровы. Это поднимет их дух.

Они подоспели как раз вовремя — большой отряд ворвался на ураганную палубу с «Рекса».

Внизу люди Иоанна отражали абордажников с «Ненаёмного», а абордажники «Рекса» упорно продвигались по мосткам.

Сэм перегнулся через борт и разрядил пистолет в арьергард одной из групп. Двое упали — один провалился в щель между судами. Но абордажник, еще не покинувший «Рекс», в свою очередь выстрелил в Сэма. Сэм пригнулся, когда первая пуля свистнула около его уха. Остальные застучали по борту ниже поручней.

Джо хотел заглянуть через поручни, но Сэм крикнул, чтобы он не делал этого — голову снесут.

Лишь дождавшись момента, когда абордажные мостки под ним наверняка должны были опустеть, Сэм посмотрел вниз. На палубе кипел бой, слышались крики и звон металла. Сэм дал указания Джо. Тот кивнул, и его носище заходил вверх и. вниз, точно бревно, плывущее по бурному морю.

Они оба перебежали абордажный мост. Джо ревел, оповещая всех, что идет капитан.

Люди «Рекса» пятились под напором превосходящей силы и дрогнули, увидев над отрядом Клеменса голову и плечи титантропа. Они бросились врассыпную, ныряя в люки, прыгая через

поручни и пробоины в Реку.

— Этак мы бызтро управимзя, а, Зэм?

— Да. Хорошо бы и дальше все шло так легко. Ладно, Джо — командуй.

Джо проревел команду, перекрыв общий гвалт. Его наверняка было слышно на обоих кораблях — бойцы на нижних палубах даже замерли на миг.

Те, кто загораживал Джо дорогу, отскочили в сторону, и гигант двинулся к ближайшему трапу, а Сэм и остальные — за ним. Спустившись на ураганную палубу, они пробежали по ней до мостков. Там люди выстроились по двое в ряд у каждого из восьми переходов.

Сэм оглядел ряды. Предстоящая атака на Иоанна с тыла, с его же собственного корабля, щекотала ему нервы. Враги придут в смятение, когда сзади на них кинется титантроп со своим исполинским топором.

— Давай, Джо! — прокричал Сэм. — Задай им жару!

Джо, испустив боевой клич на родном языке, рванул через мост Сэм бежал за ним — не рядом, так как Джо занимал весь мост. Притом сзади было как-то безопаснее.

Потом все пошло так быстро, что Сэм лишь позднее сумел разобраться в том, что случилось.

Раздался оглушительный грохот, мост затрясся, и Сэм повалился на него. Сразу вслед за этим дальний конец моста задрался вверх, и крюки, державшие его на поручнях, со скрежетом лопнули. Сэм, вцепившись распростертыми руками в края моста, глянул вверх.

Джо выронил свой великанский топор, который скатился со скособоченного моста и упал в провал между судами. Сам Джо удержался и ревел от ярости. Или от страха? Разница невелика. Он ревел потому, что обе его руки и туловище захлестнуло веревочной петлей.

Другой конец веревки обматывал вокруг поручней верхней палубы человек в ковбойском сомбреро, смутно белевшем в потемках. Под шляпой в усмешке сверкнули зубы.

Джо упал, но не провалился сразу в щель между пароходами, а повис, раскачиваясь, и ударился о корпус «Ненаёмного». Он умолк, голова его свесилась набок, и Джо затих, как гигантская муха, пойманная в сеть еще более огромным пауком.

— Джо! Джо! — закричал Сэм.

Он никогда бы не поверил, что с Джо Миллером может случиться несчастье. Джо был так громаден, так силен, так… несокрушим. Разве может человек величиной с пещерного льва или

медведя быть смертным… быть уязвимым?

Но предаваться раздумьям было некогда.

Мост все больше задирался вверх — это опрокидывался «Рекс». Сэм, цепляясь за края, отвернулся от Джо — люди на других мостах, разжимая руки, с криком падали в темную пропасть между судами.

Ну не ирония ли, что легендарный «Рекс», построенный Сэмом, станет причиной гибели своего творца? Надо же было оказаться в западне между обоими своими пароходами. Повиснуть меж ними, как Мухаммед между небом и землей.

Сэм съехал с моста назад, упал между вертикальной палубой и горизонтальной переборкой, вскарабкался по ней и повалился ничком на корпус. Изловчившись, он встал и побежал вниз, к Реке. Потом поскользнулся, покатился вниз и ухнул в воду.

Он погружался все глубже и глубже, силясь избавиться от кирасы. Шлем он потерял где-то в свалке. Теперь его ужасали мысль, что он не успеет освободиться от брони и его засосет в свою воронку тонущий «Рекс». Гигантское судно неизбежно образует огромный водоворот, который унесет с собой все обломки крушения, одушевлен-

ные и неодушевленные, И он, Сэм, отягощенный броней и оружием, тоже утонет. Даже если он освободится от груза, опасность не исчезнет.

Наконец он сбросил с себя пояс, патронташ и кольчужную рубаху с короткой юбкой внизу, и стал всплывать; грудь разрывалась, старинный страх утонуть терзал стучащее сердце, зов глубин гудел в ушах. Сэм противился потребности вздохнуть. Там внизу — ил, столь же черный и зловещий, как на Миссисипи, но куда глубже, а вокруг — вода, давящая, как мягкая «железная дева», а вверху — далеко ли еще? — воздух.

Кругом было чересчур темно, чтобы разглядеть что-то. Сэм был почти уверен, что идет вниз, а не вверх, заблудившись во тьме. Но нет — он чувствовал бы боль в ушах, если бы погружался.

Больше ему не выдержать. Еще несколько секунд, а там… смерть, которую детство на Миссисипи сделало для него страшнее любой другой. Кроме одной. Уж лучше умереть в воде, чем в огне.

На полсекунды — или с какой там скоростью они приходят, мысли — перед ним возник Эрик Кровавый Топор.

Хотя бы этой судьбы он избежал. Викинг в качестве пророка, возмездия, живой машины мщения

потерпел крах. Все эти многолетние кошмары были напрасной пыткой. Конечно — разве может человек предугадать будущее? Суеверие, и больше ничего.

Жители Ганнибала, предрекавшие Клеменсу, что его повесят, были дважды не правы.

Странно — как такие веселые мысли могут возникать в уме у человека, который, казалось бы, должен помышлять только о глотке воздуха. Или он вправду тонет и почти уже мертв, и не страшится больше втянуть в себя воду; его посещают предсмертные мысли обмякшее, тело опускается на дно, глаза остекленели, рот открыт, как у всякого подводного жителя, и от жизни в нем остались лишь электрические искры, пробегающие по клеткам мозга?

Тут его голова выскочила на поверхность — Сэм пил кислород и радовался, радовался, радовался тому, что не умер.

Его бешено гребущая рука наткнулась на веревку, отпрянула, вернулась обратно. Веревка была Привязана к пиллерсу на главной палубе его парохода. Сэм всплыл около кормы. Еще несколько секунд — и его бы отнесло далеко от судна.

Ему повезло, что он сразу нашел конец. Течение тянуло Сэма прочь, вынуждая цепляться за

веревку, как раньше за мост. На месте, где был «Рекс», возникла широкая и глубокая воронка с бурлящей водой. Водоворот тянул к себе Сэма еще сильнее, чем течение.

Что же потопило «Рекс»? Торпеда с «Афиш не расклеивать»?

Сэм посмотрел вверх. Висящего Джо не было видно. Возможно, он все еще там, но слишком высоко, чтобы Сэм разглядел его с поверхности Реки. Или человек, захлестнувший Джо петлей лассо, перерезал веревку? В таком случае Джо должен был упасть на нижнюю палубу — тяжелое падение, но все-таки это лучше, чем в воду. А быть может, Джо уже мертв или умирает. Ударившись с размаха о железный корпус, он мог поломать себе ребра, раскроить череп.

Что бы там ни случилось с Джо, сейчас надо спасать себя.

Сэм держался за веревку, а наверху слышались крики и пальба; то и дело кто-то падал через поручни и с плеском уходил под воду. Потом шум боя как-то вдруг стих, и Сэм полез вверх. Это было нелегко — силы почти оставили Сэма. Наконец он уперся ногами в корпус и, отклонившись назад, еле переводя дух, с болью в мускулах, стал подтягиваться и скоро оказался у борта. Тогда он

сполз немного вниз и стал подниматься на одних руках. Теперь он жалел о том, что пренебрегал гимнастикой. Несколько минут, когда он отдыхал, будучи не в силах двигаться и переводя дух, ему казалось, что руки вот-вот разожмутся, он упадет в Реку, и этим все кончится.

Наконец он ухватился одной рукой за стойку поручней, а там зацепился и второй рукой. После долгого, мучительного подтягивания он перекинул одну ногу на палубу, перелез совсем и повалился навзничь, стараясь вобрать в легкие весь воздух мира.

Вскоре его узкая грудь перестала ходить ходуном, точно изношенные кузнечные мехи. Сэм посмотрел вдоль палубы и вверх, но Джо не увидел.

Возможно, титантроп был слишком далеко или Сэм смотрел под слишком косым углом. Надо либо отойти от судна, что невозможно, либо пройти дальше по палубе.

Но для начала надо вооружиться. И раздобыть себе хотя бы кильт. Пока Сэм барахтался в воде, одежда на магнитных застежках свалилась с него. Нагим я пришел в этот мир, и нагим… ну нет, уходить он пока не собирался.

Пошатываясь, Сэм поднялся на ноги. На палу-

бе валялись тела и части тел. Части тел и ноги торчали из люков. Одежды и оружия имелось в избытке.

Дрожа от изнурения, страха или всего вместе, Сэм раздел чей-то труп и облачился в длинный кильт и короткую накидку. Потом опоясался, перекинул через плечо патронташ, сунул заряженный пистолет в кобуру, взял саблю. Он вооружился, но это еще не значило, что он готов к бою. Хватит с него на сегодня — да и на весь остаток жизни, проживи он хоть тысячу лет.

Он хотел одного — найти Джо. Вдвоем они соберут отряд или примкнут к кому-нибудь. Тогда Сэм снова будет в безопасности — в относительной, учитывая обстоятельства.

На миг он подумал, не скрыться ли где-нибудь в каюте, а потом выйти, когда судно очистят от людей Иоанна.

Это была хорошая мысль, достойная человека с логическим и здравым умом.

Впереди на палубе послышался лязг металла и кто-то выругался. В ответ на тихую брань прозвучал еще чей-то голос — тоже тихий, но резкий, выговаривающий. Сэм остановился, упершись плечом в холодную переборку. Ближе к носу с ураганной палубы спускались люди, числом

около двадцати.

Сэм стал отступать назад, скользя плечом по металлу, и шаря позади левой рукой. Нащупав открытую дверь, он тихо прошел в нее и оказался в темном проходе, ведущем к двери на другом конце. Та дверь тоже была открыта — в нее проникал звездный свет и отблески пожара на летной палубе. Решив перейти на ту сторону, Сэм припустил было рысцой, но остановился.

Долг обязывает его разузнать, кто эти люди и что они здесь делают. Он выкажет себя полным дураком, если это свои. Если же это враги, надо посмотреть, что они замышляют.

Они, конечно, будут заглядывать в каждую открытую дверь, прежде чем пройти мимо. Сэм вошел в одну из кают и стал смотреть в щелку с порога. Под этим углом он их разглядит, а они его в темноте не заметят. Он открыл и другую каюту, через коридор, чтобы перебежать туда в случае опасности — он не хотел оказаться в ловушке.

Больше он пока ничего сделать не мог. Человек, шедший во главе отряда, вошел в коридор, встал сбоку у двери и навел пистолет в проход, За ним проскочил второй и стал по ту сторону двери, тоже с пистолетом наготове.

Сэм не стрелял — возможно, они только бросят

взгляд в коридор. Так и вышло. Через пару секунд один сказал: «Чисто!»

Оба вышли наружу, и мимо двери замелькали фигуры. Вот прошел четвертый — и Сэм ахнул, увидев в неверном свете звезд невысокий плечистый силуэт. Человек шел походкой Иоанна. Сэм расстался с бывшим монархом тридцать три года назад, но прекрасно его помнил.

ГЛАВА 36

Ярость пересилила страх — она вобрала в себя всю ярость, которую Сэм когда-либо испытывал на Земле или здесь. Он больше не думал о последствиях. Наконец-то! Вот оно, мщение!

Он вышел из каюты и тихо двинулся по коридору. Хотя прилив торжества вызвал у Сэма головокружение, благоразумия он не потерял. Не хватало еще, чтоб его пристрелили, не дав разделаться с Иоанном.

Одно плохо: придется стрелять Иоанну в спину. И этот ублюдок так а не узнает, кто его убил. Ну что ж, нельзя иметь все сразу. Сэм испытывал острое желание окликнуть Иоанна, назваться и лишь потом нажать на курок. Но люди Иоанна пристрелили бы его секундой раньше.

Когда Сэм дошел до двери на палубу, снаружи

поднялся тарарам. Загремели выстрелы, и Сэм распластался на переборке, как пришпиленная булавкой двуногая бабочка. Трепещущее сердце заменяло ему крылья.

Еще выстрелы. Крики и вопли. Кто-то ввалился в коридор. Сэм прыгнул в открытую каюту, захлопнул за собой дверь и приоткрыл снова.

В щелку он увидел, как в коридор входят еще люди. Один, коренастый, был определенно Иоанн — его силуэт мелькнул на фоне двери.

Сэм распахнул дверь настежь (слава Богу, петли были хорошо смазаны), высунулся наружу и стукнул Иоанна рукояткой пистолета по голове. Король зарычал и упал. Сэм уронил пистолет на грудь упавшему, схватил его за длинные волосы и втащил в каюту. Как только ноги Иоанна оказались за порогом, Сэм закрыл дверь и нажал защелку замка. Снаружи трещали выстрелы, но в дверь никто не стрелял. Как видно, похищение предводителя произошло так быстро, в такой темноте и суматохе, что его пока еще не хватились. А когда хватятся, то сочтут, возможно, что он остался лежать в коридоре.

Сэм дрожал от восторга. Ему угрожала опасность, но сейчас это не имело никакого значения. Провидение, хотя его и нет, устроило все как

нельзя лучше. Ради этой минуты стоило перенести все страдания — ну почти все. Ради того, чтобы заполучить злейшего своего врага, единственного человека, которого Сэм по-настоящему ненавидел! Да еще при столь странных обстоятельствах! Даже Иоанн, когда придет в себя, не будет удивлен больше Сэма. Правда действительно бывает причудливее любой выдумки — и что там еще говорят в подобных случаях.

Сэм нашел одной рукой выключатель, держа в другой пистолет. Светильники на потолке загорелись мерцающим светом. Иоанн застонал, и его веки затрепетали. Сэм снова, довольно увесисто, стукнул его по голове. Сэм не хотел убивать Иоанна или портить ему мозги. Иоанн должен быть в сознании на все сто процентов. Иначе он не воспримет в полной мере того, что с ним происходит.

Сэм выдвинул ящики прикрепленного к переборке комода и вытащил тонкие полупрозрачные тряпочки, служившие бюстгальтерами. Ими он связал Иоанну ноги и руки за спиной. Потом, отдуваясь и кряхтя, взвалил бесчувственное тело на привинченный к палубе стул и привязал руки Иоанна к спинке. Прошел в гальюн, выпил две чашки воды и наполнил третью. Тут кран

захрипел, и вода потекла тонкой струйкой. Насос почему-то отказал. Сэм вернулся в каюту и плеснул водой в лицо Иоанну. Тот вздрогнул и приоткрыл глаза. Казалось, он не сознает, где находится. Потом он узнал Сэма Клеменса, выпучил глаза и глотнул воздуха с таким звуком, словно получил удар под ложечку. Кожа в местах, не покрытых копотью, сделалась синевато-бледной.

— Да, это я, Иоанн, — широко усмехнулся Сэм. — Не верится, да? Ничего, скоро ты привыкнешь к этой мысли — хотя и без удовольствия.

— Воды! — прохрипел Иоанн.

Сэм заглянул в его налитые кровью глаза. Несмотря ни на что, Сэму было жаль Иоанна. Это было не сочувствие, а именно жалость.

Впрочем, Сэм и бешеную собаку не заставил бы страдать.

— Нет воды, — сказал он.

— Я умираю от жажды.

— И это все, что ты можешь сказать после того, что сделал со мной? — рявкнул Сэм. — Через столько лет?

— Утоли мою жажду, — сказал Иоанн, — и я утолю твою. На лицо его вернулись живые краски, и глаза твердо смотрели в глаза Сэма. Зная Иоанна, Сэм понял уже, какую тактику избрал

его коварный противник. Иоанн будет говорить разумно, спокойно и логично, будет взывать к человечности Сэма — ив конце концов избежит казни.

И самое скверное заключалось в том, что Сэм знал — так и будет.

Гнев уже покидал его. Тридцатитрехлетние фантазии о мести развеивались, как шелуха на ветру.

Оставался человек, по сути своей христианин, хотя и воинствующий атеист, как обозвал его один из его земных врагов.

Надо было выстрелить в голову Иоанну сразу же, включив свет. Сэму следовало знать, что произойдет, если он этого не сделает. Но он не мог убить человека в бессознательном состоянии — даже короля Иоанна, чьей крови жаждал все эти годы и которого в своих грезах подвергал всевозможным утонченным пыткам. В дневных грезах — в снах он этого не делал. Ночью как раз Иоанн угрожал оцепеневшему, беспомощному Сэму Клеменсу — Иоанн, а еще чаще Эрик Кровавый Топор.

Сэм, сморщившись, снова направился в гальюн. Как он и полагал, в душевых трубах сохранилось несколько чашек воды. Он выпил одну и налил

другую. Вернувшись в каюту, он поднес чашку к губам пленника и напоил его. Иоанн облизнул губы и вздохнул.

— Еще, пожалуйста.

— Еще? Рехнулся ты, что ли? Я и эту дал тебе, чтобы ты выдержал то, что тебе предстоит!

Иоанн слабо улыбнулся — он тоже не заблуждался на счет Сэма. Видя это, Сэм обозлился так, что стал почти способен выполнить свою угрозу. Но гнев быстро прошел, и Сэм так и остался стоять, подняв пистолет. Иоанн перестал улыбаться, но лишь потому, что не желал доводить Сэма до крайности.

— Почему ты так уверен в себе, во мне? — спросил Сэм. — Думаешь, я не взорвал бы твое корыто, не смотрел бы, как ты тонешь, и не спихнул бы тебя, если б ты попробовал взобраться на борт?

— Да, ты был бы способен на это. Но только в пылу боя. Пытать меня ты не станешь, как бы тебе этого ни хотелось. И застрелить хладнокровно не сможешь;

— Не то что ты на моем месте, так ведь, бессердечный ублюдок?

Иоанн улыбнулся.

Сэм хотел сказать что-то и осекся. Шум в коридоре прекратился, как отрезало. Иоанн тоже

открыл рот, но умолк, повинуясь знаку Сэма. Он понимал, как видно, что пожалеет, если вздумает кричать. Его враг был не настолько уж мягкотел.

Шли минуты. Сэм приложил ухо к двери, глядя одним глазом на Иоанна. Он слышал слабые голоса. Стены кают были звуконепроницаемы, и он не мог определить, далеко ли говорят. Он вернулся к Иоанну и завязал ему тряпкой рот, туго затянув ее на затылке.

— На всякий случай, — сказал он. — Но если ты все-таки ухитришься позвать на помощь, я буду вынужден тебя застрелить. Помни это.

Хоть бы ты в самом деле закричал, подумал он.

Сэм выключил свет, отпер дверь и медленно распахнул ее, держа в другой руке пистолет. Прошло несколько секунд, прежде чем его глаза привыкли к темноте. В коридоре прибавилось трупов. Сэм осторожно выглянул за дверь и посмотрел вдоль прохода. Еще трупы. Похоже, бой прокатился до противоположной двери и вышел наружу.

Перестрелка давно уже прекратилась, и ее сменил звон клинков. Теперь в отдалении тоже слышались только голоса и звон оружия. Видно, обе стороны расстреливали свой боезапас.

Сэм не понимал, как небольшой отряд абор-

дажников может так долго держаться против его людей. Придется подождать еще немного, чтобы выйти без опаски вместе с пленником.

Однако чего же он медлит? Разве не обязывает его долг выйти и возглавить своих людей? Обязывает, точно. Но как быть с пленным?

Ну, это просто. Он запрет Иоанна в каюте — вот и ключ висит у двери. А потом поищет своих. Найти их будет нетрудно. Большая их часть там, где слышен шум.

Сэм вернулся в каюту, закрыл дверь и включил свет. Иоанн посмотрел на него с любопытством.

— Скоро все кончится, — сказал Сэм. — Твоих людей теснят. Я ухожу, но скоро вернусь. И в недалеком будущем ты предстанешь перед судом.

Сэм помолчал. Иоанн смотрел на него с тем же выражением. Из-под кляпа слышались булькающие звуки — пленник, очевидно, что-то хотел сказать. Но что он может сказать? Зачем терять время?

— Я не хочу, чтобы говорили, будто я поступаю нечестно или что личные счеты мешают мне быть справедливым, — продолжил Сэм. — Поэтому тебя будут судить. Не августейшие особы, правда — где я наберу столько королей? Обычные присяжные — двенадцать порядочных людей. Ле-

ди, разумеется, тоже будут участвовать. Короче, суд будет честным, и ты сам сможешь выбрать себе защитника. Я подчинюсь приговору и даже в судьи не собираюсь себя предлагать. Какой бы вердикт присяжные ни вынесли, я соглашусь с ним.

Иоанн бубнил что-то сквозь кляп.

— Выскажешься, когда придет время, — сказал Сэм. — А пока что сиди тут и размышляй о своих грехах.

Он вышел, запер дверь, потом отпер ее снова и выключил свет. Иоанн будет больше мучиться, если останется в темноте.

Сэму следовало бы ликовать, но ликования не было. Его старый враг каким-то необъяснимым образом одержал над ним верх.

Разочаровываешься во всем, но это — это должно было стать одним из самых радостных событий в его жизни. Между тем его победа имела такой же вкус, как дымящаяся собачья куча, поданная под стеклянной крышкой.

Где бы спрятать ключ? Вот тут, пожалуй — в первой же незапертой каюте, через три двери от Иоанна. Сэм бросил ключ на пол и закрыл дверь. А теперь — найти Джо. Только сначала надо собрать побольше народу.

Сэм двинулся по коридору, идущему вдоль судна. Там было темно, и он отважился ненадолго включить свет. Пробежав сотню футов, он остановился на углу другого коридора. Там была лестница на ураганную палубу. Сэм выключил свет и полез наверх, к бледному квадрату выхода. Выйдя на палубу, он перешел на правый борт. Шум слышался где-то далеко. Сэм выглянул за угол. Джо должен быть где-то тут.

«Ну чего ты тут болтаешься, Джо? Делать тебе, что ли, нечего? — Автобуза жду, Зэм. — Какого еще автобуса? — Такого. З колезами и мотором. Откуда я знаю, какой он? Я никогда его не видал. А ну, вытащи меня отзюда, пока я не разозлилзя и не врезал тебе».

Сэм представил себе этот разговор, похожий на множество других. Но никакого Джо, висящего на веревке, здесь не было. Валялась на палубе только сама веревка, на одном конце она была обрезана, на другом осталась петля.

Сэм обрадовался. Значит, Джо жив-здоров и сейчас, конечно, дает врагам прикурить.

Сэм повернулся, собираясь уйти, но остановился. С Реки донесся рев, который на Земле можно было приписать только льву или тигру. Но Сэм-то знал, кому он принадлежит. Он кинулся вниз по

лестнице, перескакивая через две ступеньки и цепляясь за перила. На главной палубе он остановился, здесь следовало опасаться врагов. Но схватки шли далеко — одна на носу, другая на корме. Без выстрелов, только при звоне клинков. Сэм перегнулся через борт.

— Джо! Ты где, Джо?

— Зэм! Я тут, Зэм!

— Я тебя не вижу! — крикнул Сэм, вглядываясь в темноту. Там плавало много всего — куски дерева, трупы. Пароход дрейфовал по течению — на южном берегу ярко горели огни, но правый борт был сейчас обращен к темному северному берегу. Звездного света было недостаточно.

— Я тебя тоже не вижу, Зэм!

Сэм оглянулся по сторонам, проверяя, не подкрадывается ли кто к нему. И снова обернулся к Реке.

— Ты не можешь доплыть до парохода?

— Нет! — проревел Джо. — Но на воде держузь! Деревяшка меня держит! У меня левая рука зломана, Зэм!

— Я тебя вытащу, Джо! Держись! Я тебя спасу!

Сэм не имел понятия, как он это сделает, но решил, что изобретет какой-нибудь способ. Мысль, что Джо может утонуть, вызывала у него панику.

— Джо, ты все еще в доспехах?

— Нет, дуралей. Я был бы уже на дне и кормил рыб, будь на мне это железо. Я зкинул его зразу, как упал, хотя рука меня чуть не доконала. Гозподи! Какая боль! Тебя когда-нибудь били по яйцам, Зэм? Ну так это ерунда — вот попробовал бы ты раздетьзя зломанной рукой.

— Ладно, Джо! — Сэм снова нервно оглянулся кругом. Кто-то бежал с носа в его сторону, за бегущим гнались двое других — но это происходило слишком далеко, чтобы Сэм мог опознать их. Вокруг было тихо.

На корме бой все еще шел, хотя и утихал как будто.

— Кто-то перерезал мою веревку! — орал Джо. — И я озвободилзя. Тогда я взял пожарный топор и зтал рубить, и разогнал взех, кто был на главной палубе. А потом кто-то возьми да зпихни меня за борт! Вот зилы-то в зазранце!

Джо говорил еще что-то, но Сэм не слушал. Он присел у борта, не зная, что делать. Трое бегущих быстро приближались, а Сэм все не мог различить их в темноте. Вот несчастье — как бы свои же не набросились на него в этой суматохе.

Сэм поднял левой рукой пистолет, держа в правой саблю. Стрелять он мог любой рукой,

хотя не столь метко. Ну, на таком расстоянии не промахнешься. Только надо ли стрелять?

Ему так и не суждено было прийти к решению. Пока он пялил глаза во мрак, держа палец на курке, кто-то подхватил его и швырнул за борт.

Ошеломленный, Сэм не сразу понял, что с ним произошло. Он барахтался, захлебываясь, в воде, но не соображал, как и почему оказался там.

Ему подвернулось что-то мягкое и холодное. Труп. Сэм отпихнул его и снял с себя тяжелый патронташ.

Пароход маячил в шестидесяти футах от Сэма. Когда его успело отнести так далеко? Течением, что ли? Или он плыл? Неважно. Сэм тут, а пароход там. Сейчас Сэм к нему вернется. Вот уже второй раз Сэм оказывается в Реке. Бог троицу любит.

Гребя обратно к судну, Сэм заметил, что поручни нижней палубы находятся ближе к воде, чем следует. Пароход тонул!

Теперь Сэм знал, что смахнуло его с палубы. Так лошадь стряхивает овода — беда только, что у Сэма крыльев нет. Это был взрыв под ватерлинией, на котельной палубе, где хранились боеприпасы. А устроили взрыв, разумеется, люди Иоанна.

Сэм пережил сегодня столько, что даже скорая потеря прекрасного «Ненаёмного», в иное вре-

мя повергнувшая бы его в неутешное горе, не слишком взволновала его. Он слишком устал и совсем отчаялся. Точнее, слишком устал, чтобы отчаиваться, поправил он себя.

Плывя к пароходу, он ударился обо что-то правой рукой, вскрикнул от боли и снова протянул руку. Пальцы нащупали скользкое дерево. Сэм, задыхаясь от радости, подтянул деревяшку поближе. Что бы это ни было — обломок каноэ или челнока, на воде оно его удержит.

Где же Джо?

Сэм позвал его. Ответа не было. Позвал опять — и снова не получил отклика.

Не пострадал ли Джо от взрыва? По воде должна была пройти сильная волна. Те, кто был близко, возможно, убиты. Но Джо был не так уж близко. Или его все-таки зацепило? Грохнуло-то, поди, будь здоров.

А может, Джо просто потерял сознание от боли в руке и ушел под воду.

Сэм позвал еще два раза. Издали откликнулась какая-то женщина. Еще какая-то несчастная душа плавает в Реке.

Пароход оседал на глазах. Там внутри много больших и малых отсеков с закрытыми дверями и люками — возможно, заключенный в них

воздух даже удержит пароход на плаву. А потом «Внаем» прибьет к берегу — или же его могут взять на буксир парусники и гребные лодки.

Для глубокого пессимиста Сэм был невероятно оптимистичен.

Лезть на пароход он не собирался. Мимо промелькнул нос судна, сносимый назад. Потом Сэм увидел катер «Афиш не расклеивать» — он шел медленно, высматривая, как видно, утопающих. Прожектор катера, шаривший по воде, наткнулся на что-то и остановился. Было слишком далеко, чтобы увидеть, что он освещает, и слишком далеко; чтобы на катере услышали крики Сэма.

Сэм вдруг вспомнил о короле Иоанне, связанном и беспомощном в запертой каюте. Он обречен, если кто-нибудь не найдет его вовремя. Кричать он не может, а если бы и мог — сомнительно, чтобы кто-нибудь оказался поблизости и услышал его. А хоть бы кто-то и услышал — ключа-то нет. Правда, замок можно прострелить, но… зачем ломать себе над этим голову? Иоанн обречен. Он сидит там и не знает даже, что пароход тонет. Вода уже зальет главную палубу, а он по-прежнему не будет ничего знать. Каюты водонепроницаемы. Лишь когда воздух начнет портиться, Иоанн поймет, что происходит. То-

гда он начнет отчаянно бороться, извиваться, корчиться, звать на помощь сквозь кляп. Воздух будет делаться все хуже и хуже, и Иоанн медленно задохнется.

Последние его минуты будут ужасны.

В былые времена Сэм смаковал бы в уме эту картину.

Теперь он жалел, что не может попасть на пароход и спасти Иоанна. Нет, он, конечно, не отпустил бы короля на все четыре стороны. Он позаботился бы о том, чтобы обещанный суд состоялся. Но он не хотел, чтобы Иоанн умер такой страшной смертью. Он никому не пожелал бы такого.

Какой у него все же мягкий характер — вот Иоанн только радовался бы, представляя Сэма в такой ситуации. Что ж поделаешь. Он не Иоанн и рад этому.

Тут катер снова тронулся с места, и Сэм позабыл об Иоанне. Катер зашел за пароход и скрылся с глаз. Может быть, Андерсон собрался теперь снимать людей с тонущего судна? Если так, придется сначала прикончить последних абордажников с «Рекса», недоумков, не сумевших вовремя унести ноги. Разве что теперь у них хватит ума сдаться.

— Зэм! — раздалось позади.

Сэм обернулся, обхватив одной рукой свою деревяшку.

— Джо! Ты где?

— Тут я, Зэм! Я отключилзя. Только что очнулзя, но не знаю, надолго ли.

— Держись, Джо! Я плыву к тебе! Кричи все время! Я скоро! Кричи, чтобы я знал, где ты!

Не так-то легко оказалось развернуть большой кусок дерева и направить его к берегу. Приходилось держаться одной рукой и грести другой, помогая ногами. Порой Сэм останавливался перевести дыхание и кричал:

— Джо! Ты где! Джо, не молчи, чтобы я тебя слышал!

Тишина. Может, Джо опять потерял сознание? Тогда он, верно, привязан к тому, что держит его на плаву. Иначе он утонул бы сразу, лишившись чувств. Или он на чем-то лежит.

Сэм, пользуясь мгновением передышки, оглянулся назад. Пароход снесло еще дальше по течению. Река подбиралась к стенам главной палубы. Скоро каюта Иоанна окажется под водой.

Сэм толкал свою деревяшку к берегу. Пожар на суше бросал слабый отсвет на воду. Там плавало множество обломков, но Джо Сэм не видел.

Зато видел, как люди на берегу спускают на

воду лодки и каноэ. Там светили сотни факелов. Снаряжают помощь — хотя с чего бы им помогать тем, кто сжег их поселок?

И все-таки они спешат на помощь поджигателям, как Сэм поспешил бы к Иоанну, если б мог. Притом у вироландцев нет причины ненавидеть корабельщиков так, как Сэм ненавидел Иоанна.

Берег был гораздо ближе, чем представлялось Сэму — всего в какой-нибудь полумиле. Спасательные лодки приближались быстро, если учесть, что двигались они на веслах. Быстро, но недостаточно быстро. Сэм уже начал замерзать. Вода, хотя и теплее воздуха, все-таки была недостаточно теплой. В этом районе ее температура должна быть сорок пять по Фаренгейту, если он правильно помнил.

Река потеряла большое количество тепла, пройдя через Северный полюс, и еще не успела нагреться. Сэм устал до крайности, а шок, полученный в бою, и холодная вода совсем лишили его сил. Вот будет смешно, если он погибнет перед самым подходом спасателей.

Смешно, как всякая жизнь. Смешно, как всякая смерть.

Как было бы хорошо перестать плыть, отдаться на волю течения — пусть теперь поработают

другие. Но надо найти Джо. Притом, если не барахтаться, тело еще быстрей потеряет тепло. А как хорошо бы…

Сэм потряс головой, сделал глубокий вдох и вновь привел в действие свои свинцовые члены.

Внезапно — нет, не внезапно, а много времени спустя — рядом возникла лодка. На ней горело множество факелов. Сильные руки втянули Сэма через борт и уложили, дрожащего, на доски. Его укрыли чем-то теплым и стали поить горячим кофе. Сэм сел и сразу затрясся — покрывала упали, и ночной холод охватил его.

— Джо! Найдите Джо!

— Что он говорит? — спросил кто-то на эсперанто.

— Это по-английски, — сказала женщина. — Говорит, чтобы мы нашли Джо. Кто это Джо? — спросила она Клеменса, наклонившись к нему.

— Мой лучший друг. И даже не человек при этом. Может, в этом все дело. — Сэм устало рассмеялся: — Хо-хо-хо! В этом все и дело.

— А где он, твой Джо? — спросила женщина, обладавшая острым зрением. В свете факелов виднелось ее овальное, сердечком, лицо, большие глаза, широкий большой лоб, вздернутый нос, широкие полные губы. Длинные желтые

волосы вились.

Не хватало еще в такой момент глазеть на женщин. Вспомнил бы лучше… о Гвенафре.

Сэм ощутил смутный стыд за то, что ни разу с начала боя не подумал о ней. Где она? И почему он о ней не побеспокоился? Он ведь любил ее по-настоящему.

— Так где же? — снова спросила женщина.

— Он титантроп, человек-обезьяна. Волосатый гигант со здоровенным носярой. Он где-то тут, близко. Спасите его!

Женщина встала и сказала что-то на эсперанто. Мужчина рядом с ней поднял факел и стал глядеть в темноту. На лодке имелось много факелов, но проку от них было мало. Тучи заволакивали небо, гася звездный свет.

Сэм осмотрелся. Он сидел на палубе баркаса. Под ним с обеих сторон помещалось по дюжине гребцов.

— Вон там что-то плавает, — сказал человек с факелом. — Большое что-то. Может, и титантроп.

Человек стоял спиной к Сэму. Белый эскимосский наряд скрывал его голову, тело и ноги. Человек был невелик ростом, но очень плечист. И голос его был смутно знаком Сэму, когда-то давно Сэм уже слышал его.

Человек окликнул ближние лодки, сказав им, кого искать. Потом раздался крик. Сэм взглянул в ту сторону — люди на другом баркасе вытягивали из воды нечто громадное.

— Джо! — прохрипел Сэм.

Тогда человек в белом обернулся к нему. Пылающий сосновый сук ярко освещал его лицо.

И Сэм увидел широкие скулы, густые соломенные брови, квадратную массивную челюсть и ровные белые зубы в злобной усмешке.

— Кровавый Топор!

— Да, — сказал человек. И добавил на эсперанто: — Долго я ждал тебя, Сэм Клеменс.

Сэм с воплем вскочил и прыгнул за борт.

Холодные темные воды сомкнулись над ним. Он погружался все глубже и глубже, потом выпрямился и стал всплывать. Далеко ли еще до поверхности, где воздух? И сможет ли он спастись от своей судьбы на другой лодке? Но ведь вироландцы не позволят Эрику убить его. Это против их принципов. Ну что ж — Эрик выждет случай и нанесет свой удар.

Джо! Вот кто защитит Сэма! Не только защитит, но и убьет норвежца. Сэм высунул голову на поверхность, ловя ртом воздух. Перед ним была лодка с людьми, хорошо видными в свете факе-

лов. Все смотрели на него. Сзади к Сэму кто-то подплывал.

Сэм обернулся и увидел Эрика в нескольких футах от себя.

Сэм снова испустил вопль и нырнул. Только бы всплыть по ту сторону этой лодки, успеть подняться на борт…

Чужая рука сомкнулась вокруг его лодыжки.

Сэм вырывался, но норвежец был больше его и куда сильнее. Сейчас Эрик утопит его без свидетелей, а потом заявит, что пытался спасти бедного безумца.

Локоть зацепил Сэма за шею. Сэм бился, как рыба, пойманная в сеть, но знал, что это конец. Столько раз избежать верной гибели — и умереть вот так…

Очнулся Сэм на палубе баркаса, кашляя и задыхаясь. Изо рта и носа лилась вода. Две сильные, теплые руки поддерживали его.

Сэм взглянул вверх — это были руки Эрика Кровавого Топора.

— Не убивай меня! — сказал Сэм.

Голый и мокрый Эрик весь блестел в свете факелов, и виден был белый предмет, висящий у него на шее. — Спиральный позвонок «рогатой рыбы», символ Церкви Второго Шанса.

ГЛАВА 37

Два человека пришли к одному заключению.

Довольно этого бессмысленного кровопролития. Пора сделать то, что каждый из них сделал бы давно, не будь он уверен, что другой плывет на вражеском пароходе. Однако за весь этот долгий бой ни один из них не видел другого. Стало быть, другого не было на пароходе, либо он благоразумно покинул его перед боем, либо его разорвало на куски, либо он утонул.

Каждый верил, что, если он погибнет, великий проект потерпит крах, хотя каждому этот крах виделся по-своему.

Теперь каждому представился случай сбежать. В пылу боя никто их дезертирства не заметит. А если и заметит, то ничего не сможет сделать. Каждый намеревался прыгнуть в Реку, доплыть до берега и продолжить свое долгое-долгое путешествие. Оба лишились своих Граалей — один остался на затонувшем «Рексе», другой — в запертой кладовой «Ненаёмного». Придется украсть запасные Граали у вироландцев и отправиться вверх по Реке на паруснике.

Один из двоих сбросил доспехи, сложил оружие на палубу и уже собрался перескочить через по-

ручни, как услышал позади голос другого. Тогда первый резко обернулся и подобрал свою саблю. Он не слышал этого голоса сорок лет, но узнал его сразу.

Но того, кто был связан в его памяти с этим голосом, он не узнал.

Человек, только что выбравшийся из люка, обратился к первому на языке, который на борту понимали только они двое. Тон его был резок.

— Да, это я, хотя и не похож на себя.

— Зачем ты это сделал? — спросил человек у борта. — Зачем?

— Тебе не понять. Ты дурной человек. Такими были и все остальные, даже…

— Были? — повторил человек у борта.

— Да. Были.

— Значит, все они мертвы… Я так и подозревал. Первый взглянул на шлем и саблю, лежащие на палубе. Жаль, что второй не окликнул его прежде, чем он их снял. Теперь его враг имеет преимущество. Человек у борта знал, что, если он попытается сейчас прыгнуть через поручни или перевалиться через них спиной, другой с присущим ему мастерством пронзит его, метнув кинжал.

— А теперь ты хочешь убить и меня, — сказал

первый. — Дальше падать некуда — ты погиб навеки.

— Мне пришлось убить Оператора, — бесстрастно сказал другой.

— Я бы не смог и помыслить о таком злодеянии, — сказал первый.

— Я не злодей! — крикнул другой. — Это ты… — Он переборол себя и вымолвил: — Что пользы спорить.

— Еще ничего не потеряно даже для тебя, — сказал первый. — Тебя простят и пошлют лечиться в Мир Садов. Ты мог бы вернуться в башню вместе со мной и агентами…

— Нет, — сказал второй. — Не говори глупостей. Он вскинул свою саблю и подступил к первому, который занял оборонительную позицию. Краткий и бурный поединок завершился тем, что безоружный, весь залитый кровью из многочисленных ран, упал с перерезанным горлом.

Убийца подтащил мертвого к борту, поднял его, поцеловал в губы и швырнул в воду. Слезы лились у него по щекам; он сотрясался от рыданий.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ: БАРТОН ПРОТИВ БЕРЖЕРАКА

ГЛАВА 38

После взрыва на котельной палубе, устроенного группой Бартона, события стали развиваться быстро и хаотически. Бартон либо гнался за кем-то, либо сам убегал, атаковал и отступал. В основном отступал, поскольку численное преимущество было за врагом. Когда группу Бартона оттеснили в помещение арсенала, она стала больше, чем была вначале. Восьмерых они потеряли, но к ним пристали другие, и теперь у них насчитывалось тринадцать мужчин и десять женщин. Насколько Бартон знал, больше никого с «Рекса» в живых не осталось.

Боеприпасы и у той и у другой стороны кончились — оставалось надеяться только на холодную сталь. Враг отошел, чтобы отдохнуть и перевести дух, а также посовещаться. Вход в арсенал был шириной в два с половиной человеческих корпуса, и его штурм представлялся нелегким делом.

Бартон, оглядев хранящееся здесь оружие, решил сменить саблю на шпагу, имевшую клинок с тупыми краями и треугольным острием в три фута длиной. Эфес был хорошей формы: слегка выгнутая рукоятка с двумя деревянными выступами для лучшего упора. Бартон опробовал упругость клинка, приставив его конец к деревянной балке и согнув. Шпага образовала дугу около фута высотой и вновь распрямилась, когда давление ослабло.

В арсенале разило потом и кровью с примесью мочи и кала. Кроме того, здесь стояла невероятная духота. Бартон снял с себя все доспехи, оставив только шлем, и предложил остальным последовать его примеру, хотя приказывать не стал.

— Когда мы пробьемся на палубу, некогда будет скидывать с себя железо, — сказал он. — Придется прыгать в Реку как есть. Проще снять доспехи здесь, чем в Реке.

Среди женщин была прелестная Афра Бен, утратившая некоторую долю своей прелести. Лицо ее, покрытое пороховой копотью, было все в подтеках крови и пота; глаза покраснели от дыма и усталости; одно веко дергалось.

— Пароход-то ведь тонет, — сказала она. — Если мы не выберемся отсюда быстро, пойдем на дно.

Вид у нее был истерический, но голос звучал довольно спокойно.

— Да-а, я знаю, — протянул Бартон и поразмышлял с минуту. Они находились на палубе «Б», а палуба «А», вероятно, уже под водой. Скоро вода должна дойти и до них.

Он подошел к люку и выглянул. В коридоре горел свет. Почему бы ему не гореть — сеть ведь питается от батацитора. Она даже под водой будет работать.

Однако ни одной живой души в коридоре не было. Враг, должно быть, укрылся в близлежащих помещениях и ждет, когда люди с «Рекса» пойдут на прорыв.

— Я капитан десантников с «Рекса», Гвалхгвинн! — громко произнес он. — Хочу поговорить с вашим командиром!.

Никто не ответил. Бартон еще раз прокричал свое предложение, потом вышел в коридор. Если кто-то и сидит за открытой дверью рядом с арсеналом, ему их не видно.

А может, противники разошлись в оба конца коридора и ждут за тем и другим углом, чтобы захватить диверсантов врасплох?

В этот момент Бартон увидел бегущую по полу воду — пока она покрывала коридор тонким

слоем, но скоро начнет прибывать. Он крикнул караульным у двери:

— Скажите всем — пусть выходят! Люди Клеменса ушли! Ему не пришлось долго объяснять своим, в чем дело, они тоже увидели воду.

— Спасайся, кто может, — сказал Бартон. — Гребите к берегу в меру своих сил. Я следом.

Он проводил их до борта, попрощался и пожелал всем удачи.

— Дик, — сказала Афра, — зачем ты остаешься?

— Поищу Алису.

— Если пароход затонет внезапно, ты окажешься в ловушке.

— Знаю.

Он не стал ждать, пока Афра прыгнет, а сразу пустился на поиски. Он бегал по коридорам и звал Алису, временами останавливаясь и слушая, нет ли ответа. Обежав всю палубу, он поднялся по лестнице в большой салон, занимавший четверть кормовой площади на ураганной палубе, как и салон «Рекса». Но здешний был куда больше. Его освещали потолочные светильники и люстры, хотя и разбитые местами во время боя. Несмотря на все повреждения и несколько валяющихся на полу изувеченных тел, салон производил внушительное впечатление.

Бартон вошел и осмотрелся. Алисы тут не было, если она только не лежала за длиннющим баром, за разбитыми роялями или бильярдными столами. Задерживаться здесь было незачем, и все же Бартон медлил, завороженный масштабами зала. Здесь, как и в салоне «Рекса», много лет шутили, смеялись, флиртовали, плели интриги, играли — для забавы, а то и на полном серьезе; здесь назначали свидания любящие и ненавидящие, здесь великие мастера Земли сочиняли и исполняли музыку, здесь играли на подмостках драмы и комедии. А теперь… Постыдный конец, достойный горьких сожалений.

Бартон пошел через салон, но остановился. Какой-то человек вошел в противоположную дверь. Он увидел Бартона и тоже остановился. Потом, улыбаясь, двинулся навстречу. Он был на пару дюймов выше Бартона, тонкий, как борзая, с необычайно длинными руками. Кожа у него почернела от копоти, нос был очень большой, а подбородок— слабый. Но улыбка делала лицо почти красивым.

Блестящие черные волосы кольцами падали на плечи. На нем был только черный кильт и красные, до колен, сапоги из кожи «речного дракона», а правая рука сжимала эфес шпаги.

Бартон испытал приступ «дежа вю» — чувство, что он уже встречался с этим человеком при сходных обстоятельствах. Нет, он действительно когда-то встречался с ним и надеялся, что встретится опять. Долго не заживавшая рана на бедре отпечаталась в памяти.

Человек остановился в двадцати пяти футах от Бартона и заговорил на эсперанто с легким французским и едва уловимым англо-американским акцентом:

— Ах, синьоро, это вы! Одареннейший, возможно, даже гениальный фехтовальщик, с которым я скрестил шпагу во время десанта на ваше судно столь много лет назад! Тогда я представился вам, как подобает благородному человеку. Вы же угрюмо отказались назвать себя. Возможно, вы поступили так, полагая, что ваше имя мне неизвестно. Но теперь…

Бартон сделал шаг вперед, держа шпагу почти отвесно, и сказал по-французски, с чисто парижским выговором времен 1650 года: — Я не был уверен, мсье, когда вы представились, что вы тот, за кого себя выдаете. Вы могли быть и самозванцем. Но теперь я признаю, что вы действительно великий маньяк Савиньен де Сирано Второй де Бержерак, либо его брат-близнец, столь же искус-

ный в фехтовании.

Бартон, поколебавшись, решил, что с тем же успехом может назваться своим настоящим именем — в псевдониме больше не было нужды.

— Знайте же, мсье, что я Ричард Фрэнсис Бартон, капитан десантников корабля «Рекс грандиссимус». На Земле я был посвящен в рыцари ее величеством Викторией, королевой Британской империи. И не за то, что я нажил себе состояние коммерческими операциями, а за мои исследования отдаленных частей Земли и за многочисленные заслуги перед своей страной и всем человечеством. Был я также небезызвестен среди фехтовальщиков своего времени — девятнадцатого века.

— А красноречием своим вы не были известны?

— Нет — и нос меня также не прославил.

На закопченном лице де Бержерака блеснули зубы.

— О, я так и знал, что без ссылки на нос не обойдется. Но знайте, мсье, что хотя мой суверен Людовик XIII не посвящал меня в рыцари, меня посвятила королева, стоящая выше вашей — сама Фортуна. Я написал несколько философских романов, которые читались, как мне стало

известно, и много позже моей смерти — и, как должно быть известно вам, выделялся среди величайших фехтовальщиков своего времени, от которых произошли великие фехтовальщики всех времен. — Француз снова улыбнулся, а Бартон сказал:

— Не хотите ли вручить мне вашу шпагу? У меня нет желания вас убивать, мсье.

— Я как раз собирался предложить вам, мсье, отдать мне ваше оружие и сдаться мне в плен. Но вижу, что вам, как и мне, хочется выяснить, кто же из нас сильнее в фехтовании. Я много думал о вас, капитан Бартон, с тех пор как пронзил шпагой ваше бедро. Из сотен, а возможно, и тысяч тех, с кем я сражался, вы были лучшим. Готов признать, что наш небольшой спор мог бы обернуться и по-иному, если бы вы не отвлеклись. Во всяком случае, вы продержались бы дольше.

— Сейчас увидим, — сказал Бартон.

— О да, увидим, если пароход затонет не слишком быстро. Я, мсье, медлил с уходом, желая напоследок выпить за души славных мужчин и женщин, павших в бою за это некогда великолепное судно, последнее из величайших достижений человеческой науки и техники. Quel dommage! Когда-нибудь я сочиню на это оду. По-французски,

разумеется — ведь эсперанто не создан для высокой поэзии и ни в коей мере не может сравниться с моим родным языком. Давайте же вместе поднимем тост за тех, кого мы любили и кого уж больше нет. С воскрешениями покончено, мой друг. Умершие останутся мертвыми навеки.

— Возможно. Во всяком случае, я выпью с вами. Необъятные буфеты с напитками за баром были заперты перед боем, но ключ лежал в одном из ящиков, и де Бержерак, зайдя за стойку, отпер буфет, оглядел ряд бутылок, достав затем из углубления одну.

— Эта бутылка была сделана в Пароландо. и уцелела во множестве боев и множестве попоек. Она наполнена отменным бургундским, которое время от времени находили в разных Граалях, но не пили, а сливали сюда ради особого случая. Я полагаю, теперь этот случай настал — хотя торжество получилось весьма печальным.

Бержерак отпер другой буфет, резной, где стояли хрустальные кубки, и поставил два на стойку, куда положил и шпагу. Бартон тоже положил свою справа от себя. Француз налил кубки до краев и поднял свой, а Бартон — свой.

— За дорогих усопших! — сказал де Бержерак.

— За них, — сказал Бартон, и оба выпили немно-

го вина.

— Я небольшой приверженец спиртного, — сказал де Бержерак. — Оно низводит человека до уровня скота, я же предпочитаю постоянно помнить о том, что я — человек. Но теперь действительно особый случай. Еще один тост, мой друг, а затем приступим к делу.

— За раскрытие тайны этого мира, — сказал Бартон, и они снова выпили. Сирано поставил свой кубок.

— Что ж, мсье Бартон, капитан бывших десантников бывшего «Рекса» — я ненавижу войну и кровопролитие, но долг свой знаю и выполняю его, когда нужно. Мы оба с вами — прекрасные люди, и стыдно будет, если один из нас умрет, стараясь доказать, что он лучше другого. Платить за истину ценой своей гибели противоречит здравому смыслу. Поэтому я предлагаю считать победителем того, кто первый пустит другому кровь. И если, о чем молю Творца, которого нет, первая рана не будет роковой, победитель возьмет побежденного в плен, после чего мы спешно, но с достоинством покинем это судно, пока оно не затонуло.

— Клянусь честью, так и будет, — сказал Бартон.

— Прекрасно? Защищайтесь же!

Отсалютовав друг другу, оба приняли классическую оборонительную позицию: левая нога позади правой под прямым углом к ней, колени. согнуты, тело повернуто боком, чтобы уменьшить площадь попадания, левая рука приподнята, плечо параллельно земле, предплечье под прямым углом к нему, кисть свободна; правая рука опущена, и шпага служит ее непосредственным продолжением. Круглая coquille, чашка эфеса, в этой позиции защищает предплечье.

Де Бержерак с возгласом, соответствующим английскому «ха», прыгнул вперед. Двигался он быстро, как молния, как было известно Бартону из его биографии и из прошлой дуэли с ним. Но и Бартон отличался необычайной быстротой. После многолетней практики на Земле и здесь он на каждый вид атаки отвечал почти автоматически.

Бержерак метил Бартону в плечо. Бартон отразил удар и перешел в контратаку. Бержерак тоже отразил и сделал выпад поверх шпаги Бартона, но тот совершил встречный выпад, отведя чашкой острие противника и почти одновременно направив свое острие противнику в плечо.

Де Бержерак снова парировал и сделал быст-

рый выпад в обход эфеса Бартона, снова целя ему в руку. Этот прием назывался «тычок» или «клевок».

Бартон отклонил острие — при этом край клинка проехался ему по руке, но кровь не выступила.

Дуэль на рапирах или шпагах напоминает попытки продеть нитку в движущуюся иглу. Острие шпаги атакующего — это конец нити, а шпага обороняющегося — ушко иглы. Ушко должно быть как можно уже и в данном случае таким и было. Но проходит секунда — и вот игла с ниткой меняются ролями. В защите двух славных фехтовальщиков почти не было просветов — она приоткрывалась лишь на миг, когда шпага, переходя в атаку, описывала небольшой круг.

В спортивном фехтовании не разрешается целить в голову, руки, ноги, но выпады ниже пояса допускаются. В настоящем же бою наносят удары и в голову, и по всему телу. Проткнуть можно что угодно, даже большой палец ноги — лишь бы противник не насадил тебя при этом на шпагу.

Считается аксиомой, что фехтовальщик с безупречной защитой проиграть не может. Ну а если. защита безупречна у обоих дуэлянтов? Что же тогда — нашла коса на камень? Нет. Человек — не

коса и не камень. Один из противников непременно устанет раньше другого, или обстановка будет помогать одному из бойцов. Всегда можно поскользнуться на полу, а в данном случае — на щепке от мебели, на бутылке или споткнуться о мертвое тело. Чей-нибудь крик, как было при первой дуэли Бартона с Бержераком, может на долю секунды отвлечь бойца — и его быстрому, как кошка, и зоркому, как орел, противнику этой доли хватит.

Бартон думал об этом краем сознания, основная часть которого была занята пляской клинков. Противник был выше его и руки имел длиннее. Но это еще не означало, что Бартон был в невыгодном положении. Если поединок пойдет на более близкой дистанции, длинная рука француза утратит свое значение, а Бартон получит преимущество.

Бержерак это знал — он все знал о фехтовании — и держал выгодную для себя дистанцию.

Звенела сталь, и дыхание со свистом вырывалось из груди бойцов. Бержерак, продолжая вести бой выпрямленной рукой, сосредоточил свои атаки на кисти и предплечье Бартона, чтобы тот не мог достать его шпагой.

Англичанин держал руку согнутой, делая

наклонные выпады, стараясь связать шпагу противника, «обойти» ее. Для этого шпагу нужно было отклонить в сторону боковым ударом. При «обходах» конец шпаги Бартона описывал полный круг.

Тем временем он искал слабые места Бержерака, точно так же как француз изучал его. Искал и не находил. И надеялся, что де Бержерак, в свою очередь, не найдет никакого изъяна.

Как и в первом поединке, они установили ровный ритм атаки и парирования, рипоста и контрпарирования. Даже финты стали частью ритма, поскольку ни один не поддавался на них и не открывался.

Оба ждали момента, когда противник откроется и недостаточно быстро загородится. По лицу де Бержерака лился пот, промывая ручейки в копоти. И Бартону пот ел глаза. Когда становилось невмоготу, он отскакивал назад и быстро вытирал лоб и глаза левой рукой. Француз пользовался этими перерывами, чтобы самому утереть пот платочком, засунутым за пояс кильта. Перерывы делались все чаще — не только чтобы утереть пот, но и чтобы отдышаться.

В одну из таких передышек Бартон сорвал нагрудную повязку с мертвой женщины, чтобы

промокнуть ею пот. Потом, следя, не предпримет ли де Бержерак «флеш» — атаку с разбега, — он обвязал эту тряпицу вокруг головы. Де Бержерак, следуя его примеру, снял повязку с другого тела и обвязал себе голову.

У Бартона пересохло во рту, и язык сделался большим и шершавым, как огурец.

— Минутное перемирие, мсье де Бержерак, — прохрипел он. — Выпьем чего-нибудь, пока не померли от жажды.

— Согласен.

Бартон зашел за стойку, но в кранах не было воды. Тогда он достал из открытого французом буфета бутылку «пурпурной страсти» и вытащил зубами пластмассовую пробку. Первый глоток он предложил де Бержераку, но тот отказался. Тогда Бартон напился и передал бутылку через стойку французу. Напиток обжег ему горло, согрел грудь и нутро и немного утолил жажду — полностью утолить ее могла только вода.

Де Бержерак посмотрел сквозь бутылку на свет:

— Ага! Вы проглотили три унции, мой друг. Я выпью столько же, чтобы степень нашего опьянения была одинаковой. Будет нехорошо, если я убью вас из-за того, что вы окажетесь пьянее

меня. Вы могли бы тогда пожаловаться на мое нечестное поведение, и вопрос о том, кто же лучше фехтует, так и остался бы без ответа.

Бартон рассмеялся по-своему — сквозь зубы. Де Бержерак вздрогнул.

— Вы точно кот, мой друг.

Он выпил и поставил бутылку, кашляя и обливаясь слезами.

— Mordioux! Нет, это не французское вино! Такое пьют только северные варвары — англичане!

— Неужели вы ни разу его не пробовали? За все длинное путешествие?

— Я же говорил вам, что очень мало пью. Helas! Ни разу в жизни я не дрался на дуэли, не будучи трезвым, как стеклышко. А теперь я чувствую, как поет во мне кровь, как возвращаются силы — и знаю, что все это фальшь, обман, вызванный спиртным. Ну что ж. Если я несколько навеселе, отчего реакция у меня стала медленнее и глаз слабее, то ведь и вы в том же положении.

— На алкоголь все реагируют по-разному, — заметил Бартон. — Очень возможно, что я, любящий крепкие напитки, больше привык к ним. И теперь получу преимущество.

— Посмотрим, — улыбнулся де Бержерак. — А

теперь, мсье, не выйдете ли вы из-за стойки, чтобы мы могли возобновить наш маленький спор?

— Разумеется, — Бартон обошел бар. Почему бы сейчас не попробовать флеш? Если он промахнется или его удар с налету будет отражен, он потеряет равновесие и станет легкой добычей для Бержерака. Есть, однако, возможность прорвать защиту француза.

Нет, нет. Пришла бы ему в голову эта мысль, не влей он в себя три унции пятнадцатиградусной «пурпурной страсти»? Нет. Нельзя.

Ну а если взять бутылку и швырнуть ее, одновременно предприняв флеш? Противнику придется пригнуться, и это он утратит равновесие.

Бартон остановился рядом с винной бутылкой. Де Бержерак ждал. Бартон разжал левую руку и вздохнул. Француз с улыбкой отвесил ему легкий поклон.

— Мои поздравления, мсье. Я надеялся, что вы не поддадитесь искушению и не прибегнете к бесчестному приему. Это разногласие должно улаживать одной лишь шпагой. Я салютую вам за то, что вы это понимаете. И салютую, как лучшему противнику из всех, что мне встречались, а встречались мне сильнейшие из сильных. Как

это прискорбно, какая это жалость, что при этой дуэли, великолепнейшей дуэли всех времен и мест, присутствуем только мы с вами. Какая драма! Нет, не драма — трагедия, величайшая потеря для человечества!

Бартон заметил, что француз стал говорить несколько бессвязно. Следовало ожидать. Или он, хитрец, преувеличивает свое опьянение, чтобы усыпить бдительность Бартона?

— В принципе я с вами согласен, — сказал Бартон, — и благодарю вас за комплименты. Я тоже должен сказать, что вы — лучший фехтовальщик, которого я встречал. Однако, мсье, незадолго до этого вы намекнули на мое красноречие. Так вот, если в фехтовании мы и равны, то в умении трепать языком вы меня превосходите.

— Языком я орудую столь же легко, сколь и шпагой, — улыбнулся француз. — Мои читатели и мои слушатели получали не меньше удовольствия, чем свидетели моих поединков. Я забыл о вашей англосаксонской сдержанности, мсье. Пусть же за меня впредь говорит моя шпага.

— Пусть. Защищайтесь!

Шпаги скрестились снова — атака, отражение, рипост, контррипост. Оба были безупречны в точности дистанции, в ритме, в расчете, в тактике и

в координации.

Усталость и хмель одолевали Бартона — он знал, что из-за них движется медленнее и глазомер у него уже не тот. Однако противник должен испытывать то же, если не в большей степени.

И вот, когда Бартон отразил выпад, направленный в его левое плечо, и ответил выпадом, метящим в живот Бержераку, он увидел что-то на пороге у главной лестницы. Бартон отскочил назад и крикнул:

— Стойте!

Де Бержерак, видя, что Бартон смотрит ему за спину, тоже отскочил подальше, чтобы не быть застигнутым врасплох. И увидел воду, тонкой струйкой текущую через порог.

— Итак, мсье Бартон, — сказал он, тяжело дыша, — вода поднялась до нашей палубы. Времени у нас немного. Пора заканчивать, да поскорее.

Бартон очень устал и с трудом переводил дух, его точно ножами кололи под ребра.

Он подступил к французу, собравшись атаковать с разбега. Но де Бержерак опередил его и ринулся вперед, невесть откуда почерпнув энергию в своем щуплом теле. Возможно, он наконец-то заметил брешь в защите Бартона. Или решил, что его противник обессилел больше,

чем он сам.

Как бы там ни было, он просчитался. Точнее, расчет его был, возможно, и верен, но Бартон вдруг понял — по телесному языку Бержерака, по сокращению некоторых мускулов, по легкому прищуру глаз, — что намерен сделать француз. Понял еще и потому, что сам готовился к тому же и подавлял сигналы своего тела, чтобы не выдать себя.

Де Бержерак бросился вперед, стараясь отжать в сторону шпагу Бартона. Этот прием иногда использовался при внезапных атаках и мог бы удаться, если бы Бартон не ждал его, если бы Бартон, так сказать, не видел перед собой своего зеркального отражения, выполняющего тот же маневр.

Для успешного флеша требуется внезапность, быстрота и преодоление защиты противника. Быстрота у Бержерака была, но внезапности не получилось, поэтому защиту преодолеть он не смог.

Знающий зритель отметил бы, что де Бержерак пользуется преимуществом. Он держался прямее Бартона, рука его была выше, что позволяло более сильной половине его клинка, от эфеса до середины, отвести в сторону более слабую половину

клинка Бартона — от середины до острия.

Но Бартон подставил верхнюю часть шпаги, сбил шпагу де Бержерака вниз и тут же пронзил противнику левое плечо. Лицо де Бержерака в не покрытых копотью местах сделалось серым, но шпаги он не выпустил. Бартон мог бы убить его в тот момент.

Бержерак в шоке, покачиваясь, все же нашел в себе силы улыбнуться.

— Первая кровь за вами, мсье. Вы победили. Я признаю, что победа за вами, однако не стыжусь…

— Позвольте мне помочь вам, — сказал Бартон, и тут кто-то с порога выстрелил из пистолета.

Бержерак споткнулся и тяжело упал лицом вниз. Пуля попала ему в спину около поясницы.

Бартон взглянул в сторону двери.

Там стояла Алиса с дымящимся пистолетом в руке.

— Боже! — вскрикнул Бартон. — Зачем ты это сделала, Алиса? Алиса бросилась к нему, шлепая по воде. Бартон присел и перевернул француза, положив его голову себе на колени. Алиса стала рядом.

— В чем дело? Ведь это же враг?

— Да, но он только что сдался. Знаешь, кто это?

Сирано де Бержерак!

— О Господи!

Де Бержерак открыл глаза и взглянул на Алису:

— Вам следило бы сначала выяснить, как обстоят дела, мадам. Впрочем… люди так редко дают себе этот труд. Вода быстро прибывала, и палуба перекашивалась — этак де Бержерака — скоро покроет с головой. Он закрыл глаза и открыл их снова.

— Бартон?

— Да?

— Теперь я вспомнил. Как же глупы мы были оба. Ведь вы тот самый Бартон… Клеменс говорил, что вас… завербовал этик.

— Да.

— Зачем же мы…тогда дрались? Я… слишком поздно вспомнил… нам… следовало бы отправиться… в башню… вместе. Теперь… я…

Бартон наклонился, чтобы расслышать угасающий голос.

— Что вы говорите?

— …ненавидел войну… и глупость… Бартону показалось, что де Бержерак умер, но француз вымолвил еще:

— Констанс! — потом вздохнул, и его не стало.

Бартон заплакал.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЕ 20 000 МИЛЬ

ГЛАВА 39

Бартону и Харгривз, наряду с другими оставшимися в живых пришлось выдержать гнев Ла Виро. Высокий, темнолицый, большеносый епископ бушевал битый час, расхаживая перед шеренгой «преступников». Они стояли у почернелого собора, огромного и крайне нелепого сооружения.

Греческий портик с ионическими колоннами венчал луковичный купол с гигантской каменной спиралью на макушке. Все это были символы Церкви Второго Шанса, что не мешало Бартону и прочим находить собор безобразным и смешным. Как ни странно, но именно дурной вкус Ла Виро, создателя этого архитектурного чуда, помог им выдержать гневную речь. Он был во многом прав, но нагородил и немало глупостей.

Что ж делать — только он мог дать им Граали, одежду, кров. Поэтому спасенные не защищались, но давали выход своему гневу, втихомолку посмеиваясь над уродливым храмом и его стро-

ителем.

Наконец Ла Виро устал живописать глупость, черствость, жестокость, кровожадность и эгоизм тех, кто стоял перед ним. Он воздел руки и заявил, что ему тошно на них смотреть. Он вернется в храм и помолится за ка убитых ими вироландцев. А также за живых и мертвых грешников, хотя они этого не заслуживают Корабельщиков он передает брату Фениксо, известному ранее как Герман Геринг.

— Вид у вас как у наказанных за дело детей, — сказал Геринг. — Надеюсь, вы так себя и чувствуете. Но пока что я не питаю на ваш счет особых надежд. Это потому, что я зол на вас. Но я преодолею свой гнев и тогда сделаю все, чтобы помочь вам измениться к лучшему.

Он провел всех в заднее помещение храма, где вручил каждому Грааль и одежду, включая и теплые вещи.

— Все остальное, что вам понадобится, придется добывать самим, — сказал он и отпустил всех, попросив остаться одного Бартона.

— Вы слышали, что Сэмюэль Клеменс умер от сердечного приступа?

Бартон кивнул.

— Очевидно, он думал, что брат Эрик по-преж-

нему намерен свести с ним старые счеты. Это оказалось последней каплей после того, что он пережил во время боя. Последняя соломинка сломала спину верблюда — и сердце человека.

— Джо Миллер рассказал мне об этом утром, — сказал Бартон.

— Да-а. Если кто-то не займется этим титантропом, он тоже умрет от разбитого сердца. Он по-настоящему любил Клеменса.

Геринг спросил Бартона, намерен ли тот продолжать свой пути к истокам. Бартон ответил, что не затем шел так далеко, чтобы отказаться. И намерен отправиться к башне как можно скорее.

— Придется вам построить себе парусник. Люди Клеменса, конечно, не разрешат вам плыть вместе с ними на «Афиш не расклеивать».

— Кто знает.

— Вы хотите сказать, что похитите катер в случае отказа? Бартон промолчал.

— Есть ли предел насилию, которое вы творите?

— Я не говорил, что прибегну к насилию. Я только намеревался в ближайшее время поговорить с Андерсоном.

— Андерсон убит. Предупреждаю вас, Бартон — не лейте больше здесь крови!

— Я сделаю все, чтобы этого избежать. Право же, мне это нравится не больше, чем вам. Однако я реалист.

Маленький катер «После вас, гасконец» пропал вместе со всей командой. Никто не знал, что с ним сталось, хотя некоторые вироландцы будто бы видели, как он взорвался.

— На катере, если идти хорошим ходом, до истока можно добраться дней за тридцать, — сказал Геринг. — Но агенты этиков окажутся там раньше вас.

— Так вы о них знаете? — опешил Бартон.

— Да. Я говорил ночью с Фрайгейтом и с Миллером, стараясь облегчить их горе. Я и раньше знал больше, чем вы думаете, и многое подозревал. С полным основанием, как выяснилось. Ни один из двоих не счел нужным скрыть от меня существование этика-ренегата. Я рассказал об этом Ла Виро, и он теперь погружен в тяжкие раздумья. Это стало для него большим потрясением, хотя нисколько не отразилось на его вере.

— А на вашей?

— Не вижу причин ее менять. Я никогда не считал создателей этого мира ни ангелами, ни демонами. Однако две истории, услышанные мною, содержат немало загадок. Самая интригу-

ющая и самая печальная из них касается участи, постигшей инопланетянина с корабля Клеменса — кажется, его звали Монат.

— Как? В первый раз слышу об этом.

Геринг передал ему рассказ Миллера и спросил:

— Так вы говорите, что его спутник, Фрайгейт, тоже исчез?

— Тот Питер Джейрус Фрайгейт был агентом. Он не был точной копией Фрайгейта, о котором вы говорите, но очень на него походил. Он мог бы быть братом Фрайгейта.

— Возможно, когда вы попадете в башню — если попадете, — вы найдете ответ.

— Я нашел бы ответ еще скорее, если бы догнал агентов, ушедших на катере, — мрачно сказал Бартон.

Поговорив с Герингом еще немного, он ушел, так и не сказав Герману, что означают новости о Монате и мнимом Фрайгейте. А означают они, что этик Икс, Таинственный. Незнакомец, плавал на «Внаем не сдается». И что он избавился от Моната часов восемь спустя после своего появления на судне. Почему? Потому что. Монат узнал бы его. Икс сменил свой облик, но Монат опознал бы его рано или поздно. Скорее рано. Поэтому

этику пришлось действовать быстро. Хотелось бы Бартону знать…

Итак, Икс плавал у Клеменса. Остался ли он в живых после боя? Если да, он должен быть где-то здесь, в горстке спасшихся с «Внаем не сдается».

Если только он не уплыл сразу вверх по Реке или не перебрался на другой берег.

Бартон вернулся к Герингу и спросил, нет ли спасенных на той стороне озера и не ушел ли кто-нибудь по скальной тропе через пролив.

— Нет, — сказал тот. — Если бы были такие, я бы знал, Бартон постарался не выказать своего волнения, но Геринг спросил с улыбкой:

— Вы думаете, что Икс здесь, не так ли? Близкий, но неузнаваемый?

— Вы чертовски догадливы. Да, я так думаю — если только он жив. Струбвелл и Подебрад были агентами — теперь об этом можно сказать, — но они убиты. Возможно, та же участь постигла и Икса.

— А видел ли кто-нибудь, как погибли Струбвелл и Подебрад? Да, знаю — Джо Миллер считает Струбвелла убитым, поскольку тот не вышел из рубки, когда она обвалилась. Но Струбвелл мог выйти и позже. А о Подебраде известно лишь то, что его никто не видел после столкновения

судов.

— Хотел бы я заполучить их живыми. Уж я бы вызнал у них правду. Однако я все же думаю, что они мертвы. Веским доказательством служит то, что вы, местные жители, их не видели. Что же до Икса — не знаю.

Бартон простился с Герингом и пошел к полуобгоревшему причалу, где стоял «Афиш не расклеивать», похожий на чудовищную черную черепаху. Круглый верх был панцирем, а длинный узкий нос — вылезающей из него головой. Дуло торчащего на носу парового пулемета было языком, а дуло, торчащее на корме, — хвостом.

Бартон слышал от кого-то из команды, что катер имеет на борту большой батацитор и может разместить с удобствами пятнадцать человек, а если потесниться, то и двадцать. Он делает тридцати пять миль в час против десятимильного течения и десятимильного же ветра. На катере есть пятнадцать винтовок и пятнадцать пистолетов, стреляющих пороховыми патронами, десять пневматические винтовок и еще много разного оружия.

На причале стояли Джо Миллер, с ручищей в гипсе, несколько членов команды и несколько спасшихся с «Внаем не сдается» Бартону описали

нового капитана «Афиш», и он узнал Кимона без труда.

Кимон, невысокий, коренастый, смуглый, с внимательными карими глазами, был древним греком, чьи деяния Бартон изучал и в школе, и после нее. Кимон, крупный военачальник, флотоводец и государственный деятель, был одним из создателей афинского государства после персидских войн. Родился он в 505 году до н. э. если Бартон правильно помнил. Консерватор Кимон стоял за союз со Спартой, что шло вразрез с политикой Перикла. Отцом его был знаменитый Мильтиад, победитель в битве при Марафоне, где греки. обратили вспять орды Ксеркса. Кимон участвовал в морской битве при Саламине, и которой афиняне потопили двести вражеских судов, сами потеряли только сорок, и навсегда покончили с господством персиан на море.

В 475 году Кимон изгнал пиратов со Скироса, нашел и перевез в Афины кости Тезея, легендарного основателя аттического государства, убившего Минотавра в лабиринтах Кносса. Кимон был в числе судей, давших Софоклу первый приз за его трагедию на состязаниях в Дионисии, в 468 году.

В 450-м Кимон возглавил экспедицию против Кипра и погиб во время осады Китиума. Его тело

отвезли в Афины и похоронили там.

Сейчас он был вполне живой и очень вредный. Он громко спорил с группой людей Клеменса. Бартон, изображая из себя вироландца, стоял и слушал.

Спор, видимо, шел о том, кого катер возьмет в дальнейшее путешествие вверх по Реке, а также о старшинстве. Кроме одиннадцати членов команды «Афиш» в живых осталось еще десять человек с корабля Клеменса. Трое из них были старше Кимона по званию, но Кимон настаивал на том, что командир катера он и каждый, кто взойдет на борт, будет ему подчиняться. Кроме того, он не возьмет в рейс больше одиннадцати человек, и ими станет команда «Афиш». Впрочем, он готов взять и посторонних, если кто-то из его людей не пожелает плыть дальше.

Кимон и остальные вскоре ушли на катер, но их громкие голоса доносились сквозь открытые иллюминаторы.

Титантроп не пошел внутрь. Он стоял на месте, тихо бормоча что-то себе под нос. Глаза у него были красные, и видно было, что он в глубоком горе.

Бартон подошел к нему и представился.

Джо Миллер густым басом пророкотал по-ан-

глийски:

— Да, я злышал про ваз, мизтер Бартон. Зэм говорил мне. Как вы здезь оказализь?

— Я плыл на «Рексе», — неохотно сознался Бартон.

— Какого черта вы там делали? Ведь вы — один из людей этика, так?

— Да. Но я не знал до вчерашнего дня, что и на «Внаем не сдается» есть его рекруты. Хотя, по правде сказать, подозрения у меня были.

— А кто зказал вам вчера?

— Сирано де Бержерак.

— Зирано! — просветлел Джо. — Так он жив? Я думал, нет. Где он?

— Нет, он убит. Но он узнал меня и сказал, что к нему и Клеменсу тоже приходил этик.

Бартон счел за благо умолчать о том, что это его женщина убила де Бержерака.

Титантроп, казалось, переживал какую-то внутреннюю борьбу. Потом он успокоился, едва заметно улыбнулся и протянул Бартону свою здоровенную лапу.

— На, держи. Я на тебя зла не держу. Взе мы хороши. Превратнозти войны, как говаривал Зэм.

Рука Бартона исчезла в ладони титантропа. Джо с умеренной силой пожал ее и отпустил.

— Не надо бы тут разговаривать, — сказал Бартон. — Слишком много народу. Пойдем со мной, и я представлю тебя людям, которые знают про этика.

Они пошли к холму за храмом, где Алиса и остальные строили хижины. Бартон отозвал в сторону ее, Фрайгейта, Нура и Афру Бен. Представив им Миллера, Бартон попросил Джо рассказать все, что ему известно об Иксе и его рекрутах. Рассказ получился длинный, часто прерывался вопросами и закончился лишь, когда ужин давно прошел. Не достроив свои хижины, пятеро улеглись спать в портике храма, укрывшись одеждой.

После завтрака они снова занялись стройкой, и к вечеру две хижины были готовы. Миллер ненадолго спустился к катеру посмотреть, что там происходит. Когда он вернулся, Бартон стал рассказывать свою историю. Рассказ пришлось прервать ради погребальной церемонии — хоронили тех, кто не потонул. До похорон их держали в спирту, а теперь уложили на деревянный помост. Миллер оплакивая Сэма Клеменса и свою подругу, огромную, рыжую древнюю киммерийку.

Когда Бартон, представляющий «Рекс», и Ки-

мон, представляющий «Ненаёмный», произнесли несколько слов в память о своих павших товарищах, Ла Виро сказал краткую, но страстную речь о бесполезности их гибели. После этого мертвых возложили на огромный костер и сожгли. Лишь к шести утра, когда пошел дождь, Бартон и его спутника досказали свое.

— Я не зобиралзя плыть дальше. — сказал им Джо. — То езть хотел проплыть еще немного, чтобы найти звоих и бзтатьзя з ними Хотя я не уверен, что был бы зчазтлив з ними теперь. Я злишком много видел, злишком много зтранзтвовал, зтал злишком цивилизованным, чтобы мне там было хорошо. Но взе равно к башне я плыть не хотел. Зачем она мне? А теперь, когда я взтретил ваз, я пожалуй, поплыву. Иначе и гибель Зэма, и зтрадания, и гибель взех этих людей будут напразны. И еще я хочу узнать, кто такой этик. Езли он нас дурачил, как подозревали мы з Зэмом, я его на кузочки разорву, шкуру здеру полозками.

— Полосками? — спросил Бартон. — Это как же?

— Так говорят в моем племени. Что тут непонятного?

— Кто еще с вашего судна знает об этике?

— Один маленький француз, Маршелен, или

барон де Марбо. Зэм ему раззказал. Зэм зчитал, что ему можно доверять. Потом еще этот бедный китаец Тай-Пен — по-настоящему его звать Ли По Потом чернозадый вышибала Том Терпин — он еще здорово бацает по клавишам. К Тому этик не приходил, но Тай-Пен как-то брякнул ему по пьянке, что, мол, небожитель, наверно, давным-давно помер от цирроза печени, поэтому нам пришлозь принять и Тома. Но он хороший мужик. Еще Эли Паркер — к нему этик тоже не при ходил, но Зэм зказал ему, потому что на Земле Эли был хорошим другом генерала Улизза Гранта и злужил в его штабе в гражданзкую войну. На пароходе Эли злужил механиком. Он индеец ирокез из племени зенека. И еще древний шумер, Гильгамеш.

— Гильгамеш?

— А я что говорю. Зэм говорил — кто знает, может, он настоящий царь города Урука, который жил в третьем тызячелетии до нашей эры. Вряд ли нам мог взтретитьзя кто-то, кто знал настоящего Гильгамеша, поэтому точно мы не знали. Ну, и еще древний майя, Ах-К'ак. Он ужазно зильный, хотя и коротышка.

— Ах-К'ак на языке майя значит «огонь», — заметил Бартон.

— Ага. Но от огня в нем ничего нет, он больше змахивает на колобок. Жирный, как звинья. Но очень зильный, как зказал. Зтреляет из лука дальше взех, кого я знаю — кроме меня, конечно. Дальше даже, чем жители каменного века, которые з нами плавали. У него на верхней губе татуировка — узы, как у дикаря з Борнео.

— Значит, Кимон и все прочие ничего не знают об Иксе и агентах? — спросил Бартон.

— Езли бы знали, я бы так и зказал.

— Однако среди них могут быть агенты, — заметил Нур эль-Музафир.

— Мне бы хотелось поговорить со всеми, кого ты назвал, — сказал Бартон. Помолчав, он добавил: — Если бы все мы, знающие об этике, сели на катер, остальным бы пришлось остаться здесь, уступив нам место. Как ты думаешь, возможно это?

— А как же, — ухмыльнулся титант-роп, показав огромные зубищи — Очень даже возможно. Взе равно что найти ледышку в козтре.

— Тогда нам придется захватить катер. Угнать его.

— Я так и думал. И почему это мы делаем зтолько неэтичных вещей, чтобы помочь этику?

ГЛАВА 40

В группе было одиннадцать человек. Пятерых из них завербовал сам этик-ренегат, Это были Ричард Фрэнсис Бартон, Нурэддин эль-Музафир, Тай-Пен, Гильгамеш и Ах-К'ак. Так они, по крайней мере, утверждали. Но Бартон мог быть уверен только в самом себе. В группе могли быть и агенты, и даже этики.

Джо Миллеру об Иксе рассказал Сэмюэль Клеменс. Алисе — Бартон. Афра Бен не знала об этике до вчерашнего дня, но горела желанием участвовать в экспедиции. Ей рассказал о Незнакомце де Марбо, слышавший о нем от Клеменса. Поскольку эти двое когдато были любовниками и опять стали ими, все остальные согласились взять с собой Афру.

Эли Паркер, сенека, тоже узнавший об Иксе от Клеменса, сначала собрался с ними, но передумал.

— Пусть черти возьмут башню, этиков и все прочее, — сказал он Бартону. — Я останусь здесь и попробую поднять «Внаем». Он лежит на глубине каких-нибудь сорока футов. Подниму его, починю и уплыву вниз по Реке. Что толку гибнуть, пытаясь доказать то, что доказать нельзя?

Этики не желают, чтобы мы совали нос в их дела. По-моему, все несчастья произошли как раз из-за нашего вмешательства. Пискатор мог что-то напортить в башне. А Подебрад говорил Сэму, что правобережную линию могли повредить люди, которых он оставил в Нова Бохемуйо. Его офицеры собирались подрыться под питающий камень и посмотреть, нельзя ли использовать его как постоянный источник энергии. Подебрад не велел им это делать и, когда улетал, взял с них слово. Но опасался, что они нарушили обещание и каким-то образом повредили цепь. Если так, вся та местность должна была взлететь на воздух и получиться такая дыра, что справа от Реки образовалось бы новое озеро. Нова Бохемуйо исчезла бы с лица земли. Там были залежи ископаемых — но, если правда то, что говорил Подебрад, теперь конец и рудникам, и новым богемам. Короче, мне неохота связываться с этиками. Я не трус, и все, кто меня знает, подтвердят это. Просто я считаю неправильным вмешиваться в то, в чем мы ничего. не смыслим.

Кроме того, подумал Бартон, тебе хочется стать капитаном парохода и зажить на широкую ногу.

— От местных большой помощи тебе не видать, — сказал он Паркеру, показывая на берег,

откуда одни лодки отчаливали, а другие готовились к отплытию. — Через месяц тут почти никого не останется. Ла Виро отсылает всех вниз — поддержать веру Второго Шанса, внести поправки в учение и привести в Церковь новообращенных. События последних лет пошатнули веру многих.

— Угу. — Паркер скривил широкое бронзовое лицо в сардонической ухмылке. — Ла Виро и сам пошатнулся. Он, сдается мне, все время молится, стоя на коленях. Он теперь уже не так уверен в себе.

Бартон не стал уговаривать индейца идти с ними и на прощание пожелал Паркеру удачи, хотя никакой удачи ему не будет. «Внаем не сдается» останется там, где лежит, пока течение не столкнет его с мели и он не уйдет на дно, на глубину трех тысяч футов.

Когда же и «Афиш не расклеивать» потонет или износится, настанет конец всей технике Мира Реки. Металлические инструменты и оружие со временем тоже износятся, и хорошо, если у жителей долины останутся каменные орудия. Вся планета вернется в деревянный век.

То, что рассказал Паркер о Подебраде, конечно, интересно. Виновна Нова Бохемуйо в разрыве ли-

нии или нет, Подебрад определенно был агентом или этиком. Лишь будучи одним из НИХ мог он знать, где залегают металлы. Или что попытки подключиться к линии чреваты катастрофой.

Но Подебрад, или как там его звали по-настоящему, умер.

Кто знает, может он-то и был Иксом?

Услышав позади знакомый голос, Бартон обернулся. Его догнав Герман Геринг, сильно похудевший, хотя и прежде был худ, с мрачным выражением на широком лице и с темными кругами под глазами.

— Синьоро Бартон!

— Хотите сопровождать меня? Но почему?

— По той же причине, которая движет вами. Мне необходимо знать, почему у нас все разладилось. Я всегда хотел это знать, но мне казалось, что гораздо важнее поднять этический уровень наших ка. А теперь… не знаю. Нет, знаю! Кроме веры, мы должны обладать и знанием. То есть… только вера может поддержать нас, если мы чего-то не знаем. Но теперь… быть может, мы сумеет узнать?

— А что думает об этом Ла Виро?

— Мы с ним поссорились — не думал я, что такое возможно. Он настаивает, чтобы я отплыл

вниз по Реке. Сам он намерен доплыть до устья, хотя бы на это ушло триста лет, и все это время проповедовать. Хочет восстановить пошатнувшуюся веру…

— Почему он думает, что ее необходимо восстанавливать?

— Ему известно, что происходит за сто тысяч миль ниже нас. А что происходит там, то, вероятно, происходит повсюду. И разве вы сами не замечали по пути сюда, сколько в людях сомнений, сколькие отошли от Церкви?

— Замечал, но не слишком об этом задумывался. Этого, в сущности, следовало ожидать.

— Да. Даже некоторые вироландцы усомнились, а ведь у них есть Ла Виро, способный поддержать их. И я верю, что лучший выход — это добраться до башни и выяснить, что же там случилось. Тогда всем станет ясно, что Церковь права; ни у кого больше не останется сомнений, и все как один примкнут к ней.

— А вдруг вы узнаете нечто такое, — протянул Бартон, — что разобьет вашу веру на куски?

Геринг содрогнулся и закрыл глаза.

— И такое возможно. Но моя вера так сильна, что я готов рискнуть.

— Буду с вами откровенен. Вы мне не нрави-

тесь. И никогда не нравились. Вы изменились, это верно. Но я не могу простить вам того, что вы сделали со мной и с моими друзьями. Точнее, простил, но не забыл. И полагаю, что оба Геринга по сути своей одинаковы.

Геринг умоляюще протянул к Бартону руки:

— Да, это мой крест. Я заслужил его и буду нести его, пока каждый, кто знает о моих злодеяниях, не простит меня от всего сердца. Но сейчас не в этом дело. А в том, что я могу быть очень полезен вам. Я человек быстрый, сильный, решительный, к тому же неглуп. Притом…

— Притом вы шансер, пацифист. Что, если нам придется сражаться?

— Я. не поступлюсь своими принципами! — с жаром сказал Геринг. — И не стану проливать людскую кровь! Однако я очень сомневаюсь, что вам придется драться. Местность выше по Реке мало населена, и ее населенность становится все меньше. Вы ведь видели, сколько лодок идет через пролив? Распространился слух, что вироландцы уезжают, и жители верхних областей покидают свои холодные края, чтобы обосноваться здесь.

— Однако бой все же возможен. Вдруг мы догоним агентов, и надо будет заставить их говорить,

И кто знает, что ждет нас в башне? Возможно, нам придется бороться за свою жизнь. — Вы согласны взять меня?

— Нет. Это решение окончательное, и я не намерен более его обсуждать.

Геринг прокричал вслед Бартону:

— Если вы меня не возьмете, я отправлюсь один!

Бартон оглянулся. Геринг, весь красный, потрясал кулаком. Бартон улыбнулся: даже этически развитые священники Церкви способны злиться.

Оглянувшись еще раз, он увидел, что Геринг быстро и решительно шагает к храму. Подался, наверно, к Ла Виро — сказать, что не подчинится приказу и не поедет вниз по Реке.

Ночью все одиннадцать с Бартоном во главе обезоружили часовых катера. Они тихо подплыли от берега и взобрались на катер с левого борта. Двое часовых сидели на поручнях правого борта и разговаривали. Налетчики схватили их сзади, заткнув им нос и рот, пока те не потеряли сознания. В тот же миг Джо Миллер проник на судно с берега, окликнул оставшегося часового, схватил его, утащил, как тот ни брыкался, на нос и швырнул в воду.

— О Гозподи! — сказал он своей вопящей жерт-

ве. — Мне очень неохота это делать, Змит, но долг зовет! Передай Кимону, что зожалею.

Разделавшись с часовыми, группа Бартона перенесла на катер свои Граали и прочие пожитки, а также связки веревок и разный инструмент, добытый ныряльщиками с «Внаем не сдается». Афра Бен включила свет и, как только весь багаж загрузили на палубу и отдали концы, увела катер от причала. Скоро он уже шел на полной скорости, а позади пылали факелы и слышались вопли.

Лишь когда катер прошел через пролив, Бартон ощутил, что они в самом деле вступили в предпоследнюю стадию своего долгого, долгого путешествия.

Бартон мельком подумал об Иксе. Судя по словам Сирано, Икс сказал, чтобы рекруты год ждали его в Вироландо. Но ни Бартон, ни его спутники ждать не желали. Теперь или никогда.

Двигаясь против прибрежного течения при тридцати милях в час и останавливаясь только на два часа в день, катер проходил в сутки около шестисот шестидесяти миль. Когда путники покинут катер, им останется самая трудная часть пути. А до этого нужно наловить и закоптить рыбы, напечь желудевого хлеба и насобирать

бамбуковых побегов.

Но их рацион не ограничится этим. Они везли с собой двадцать «свободных» Граалей, отчасти принадлежавших им, отчасти похищенных. И собирались наполнить их у последнего камня, создав добавочный запас провизии. Скоропортящиеся продукты они поместят в холодильник или положат в ящик и потащат за собой на буксире.

По мере продвижения на север Река становилась шире. Очевидно, ее расширили этики, чтобы сюда поступало больше скудного здесь солнечного света. Температура днем была терпима — день здесь был длиннее, чем в оставшихся позади областях, — и достигала шестидесяти двух градусов по Фаренгейту. Но чем дальше на север, тем холоднее будет. Кроме того, здесь долго держится туман.

Геринг верно говорил о малонаселенности этих мест. На квадратную милю здесь приходилось около ста человек, да и это число постоянно сокращалось, о чем свидетельствовало множество лодок, плывущих вниз по Реке.

Джо Миллер, стоя на носу, с тоской глядел на береговых титантропов. Когда катер остановился для подзарядки, Джо сошел на берег поговорить с ними. Беседа шла на эсперанто, поскольку наре-

чия Джо никто не знал.

— Ну и ладно, — сказал Джо. — Взе равно я его почти забыл. Ах ты, Гозподи! Неужто я не увижу больше звоих родителей и друзей, взе мое племя?

К счастью, здешние титантропы отнеслись к нему доброжелательно. Теперь их тут жило гораздо меньше, чем «пигмеев», и почти все они приняли веру Второго Шанса. Бартон с Джо пробовали завербовать кого-нибудь, но потерпели неудачу. Великаны не хотели иметь ничего общего с живущими в башне.

— Они все боятся дальнего севера, — сказал Бартон. — И ты, наверное, тоже боялся. Как это ты решился пойти с египтянами? Джо выпятил свою мощную, как у гориллы, грудь.

— Это потому, что я храбрее других. И умнее. Хотя, езли по правде, я чуть не обделалзя, увидев башню. Но это изпытал бы любой на моем мезте. Погоди, позмотрим, что ты зкажешь, когда зам ее увидишь.

На десятый день пути они устроили стоянку, продлив ее на несколько суток. Население здесь, с небольшой примесью титантропов, состояло из скандинавов — древних, средневековых и современных. Были здесь, однако, люди также

из других времен и стран. Мужчины с катера, не имевшие подруг, тут же принялись приискивать себе компанию на ночь. Бартон расхаживал повсюду и расспрашивал, не видел ли кто здесь мужчин и женщин, угнавших с «Рекса» катер, а затем бросивших его. Видели их многие, и все утверждали, что они снова отправились вверх по Реке в украденных лодках.

— А не проходили здесь другие люди, говорившие, что они с «Внаем не сдается»? Это такой же, как «Рекс», гигантский железный корабль с колесами, которые движут электрические моторы.

— Нет, таких тут не видали.

Бартон и не ожидал, что дезертиры станут объявлять, кто они такие. Однако, судя по описаниям тех, кто отправился на север за последние несколько недель, среди них были и дезертиры с «Рекса», и дезертиры с «Внаем не сдается» — последних опознал де Марбо.

— Скоро мы их догоним, — сказал Бартон.

— Если повезет, — заметил француз. — Мы можем пройти мимо них ночью. Или они услышат о нашем приближении и спрячутся, пока мы не пройдем мимо.

— Во всяком случае, в башню мы попадем первыми. Прошло двадцать дней. Теперь агенты с

обоих пароходов наверняка должны были остаться позади. Хотя Бартон останавливал катер через каждые двадцать миль и расспрашивал местных, след агентов пропал. Тем временем Бартон изучал свою команду. Только двое, благодаря своему плотному сложению и чертам лица, могли бы быть этиками Танабуром и Логой: Гильгамеш и Ах-К'ак. Однако оба они были темнокожи, с темно-карими глазами. У Гильгамеша были вьющиеся, почти курчавые волосы, а у Ах-К'ака — слегка раскосый разрез глаз, точно его ближайшие предки были монголы. Каждый бегло говорил на своем будто бы родном языке. Не то что агент Спрюс, выдававший себя за англичанина двадцатого века и разоблачивший себя в глазах Бартона легким иностранным акцентом. Бартон не слишком хорошо знал шумерский или язык майя, но чуждое этим языкам произношение и интонацию различил бы.

Это означало одно из двух: либо один из них, а возможно, и оба в совершенстве овладели своими языками, либо они невинны и действительно являются теми, за кого себя выдают.

На двадцать второй день пути в местности, где на один питающий камень приходилось не более пятидесяти человек, к Бартону подошла высо-

кая костлявая женщина с большими глазами и большим ртом. На черном африканском лице сверкали белые зубы.

Она говорила на эсперанто, густо приправленном захолустным акцентом штата Джорджия. Звали ее Блессид Грумз, и она желала проплыть как можно дальше на север на катере. А там она пешком пойдет к истокам.

— Туда ушла моя мать, Агата Грумз. Я ищу ее. Должно быть, она обрела Господа и теперь, сидя по правую руку от него, ожидает меня! Аллилуйя!

ГЛАВА 41

Сквозь поток ее слов пробиться было нелегко, но Бартон наконец, говоря громко и сурово, призвал ее ответить на его вопросы.

— Ладно, — сказала она. — Мудрые речи отчего не послушать. Наделен ли ты мудростью?

— В достаточной степени — и многое пережил, а это то же; самое, если ты не дурак. Начнем сначала. Где ты родилась и кем была на Земле?

Блессид сказала, что родилась рабыней в Джорджии, в 1734 году, в доме своего господина. Роды начались раньше срока — мать в это время готовила на кухне ужин. Блессид воспитали, как

домашнюю рабыню и окрестили в вере ее отца и матери. Когда отец умер, мать сделалась проповедницей. Она была очень благочестивой и сильной женщиной, и паства побаивалась ее, но и любила. Мать умерла в 1783 году, а Блессид — в 1821-м, но обе воскресли у одного и того же питающего камня.

— Она, конечно, не была уж больше старухой. Странно мне было увидеть свою старую маму молодой женщиной. А ей это было все одно. Она осталась такой же святой, и безгрешной, и полной благости, какой была на Земле. Говорю тебе — когда она проповедовала в нашей церкви там, в Джорджии, белые приезжали за много миль послушать ее. Белая голытьба по большей части — она их обратит в свою веру, а у них потом хлопоты из-за этого…

— Ты опять отвлеклась. О своем происхождении ты рассказала достаточно. Почему ты хочешь ехать со мной?

— Потому что у тебя есть лодка, которая летит быстрее птицы.

— Но зачем тебе ехать до конца Реки?

— Я уж давно объяснила бы тебе, кабы ты меня не прерывал. Когда моя мать оказалась тут, вера ее ничуть не поколебалась. Она сказала мне, что

все мы здесь потому, что на Земле были грешниками и некоторые грешили больше других. На самом деле это рай — окраины рая. Благой Иисус хочет, чтобы истинно верующие поднялись по Реке, по великому Иордану, и нашли его там, где она кончается. Он будет там, чтобы принять в свои объятия истинно верующих в него — тех, кто не убоялся трудностей пути. И она ушла.

Она хотела, чтобы я пошла с ней, но я испугалась. И я совсем не была уверена, что она знает, о чем говорит. Ей я этого не сказала. Это было бы все равно что ударить ее по лицу, а на такое ни у кого бы духу не хватило. Да и не только из-за этого я с ней не пошла. Уж больно мужик у меня был хороший, а он идти не хотел. Сказал, что ему и тут нравится. Я тогда думала не головой, а другим местом, вот и осталась с ним.

А потом у нас с ним разладилось. Он начал бегать за другими бабами, а я стала думать, что это мне наказание за то, что матушку не послушалась. Может, она была права, может, Иисус и правда ждет истинно верующих. И потом, я очень скучала по маме, хоть мы и цапались иногда, как дикие кошки. Я пожила еще маленько с другим, но он был не лучше первого. И вот раз ночью я молилась, и было мне видение. Будто сидит

Иисус на своем троне из алмазов и жемчуга, ангелы поют позади него, и божественный свет его озаряет. И говорит он мне, чтобы я перестала грешить, и шла вслед за своей матерью — тогда я попаду в рай.

Я пошла, и вот я здесь. Я иду много лет, брат, и настрадалась почище великомученицы. Кости мои ноют. И плоть немощна, однако я здесь! Этой ночью я снова молилась и увидела свою мать — всего на миг — и она велела мне ехать с вами. Она сказала, что ты человек не так чтобы хороший, но и не плохой. Что-то среднее. И что это я приведу тебя к свету, спасу тебя, и мы вместе войдем в царствие небесное, где Иисус примет нас в объятия и допустит к своему пресветлому трону. Аллилуйя!

— Аллилуйя, сестра! — Бартон всегда охотно подражал обрядам разных религий, посмеиваясь над ними в душе.

— Перед нами еще долгий, долгий путь, брат мой. У меня спина устала грести против течения, и я слышала, что там, впереди, холод и туман и ни души живой нет. Человеку там очень одиноко — вот почему я хочу ехать с тобой и твоими друзьями.

А почему бы и нет, подумал Бартон.

— Для одного человека место у нас найдется. Но пацифисты нам не нужны — вдруг придется сражаться. Так что балласт мы не берем.

— Обо мне не беспокойся, брат. Я буду сражаться за тебя, словно ангел-мститель Господень, если дело твое правое.

Через несколько минут она перетащила свои пожитки на катер. Том Терпин, черный пианист, обрадовался ей, но вскоре выяснил, что она дала обет целомудрия.

— Она не в своем уме, капитан, — сказал он Бартону. — И зачем вы ее взяли? У нее такое красивое тело, а она не дает до себя дотронуться — я этак рехнусь.

— Может, она и тебя уговорит принести обет, — засмеялся Бартон.

Терпин не нашел в этом ничего смешного.

Когда катер, простояв четыре дня вместо планировавшихся двух, наконец отчалил, Блессид запела гимн, а потом заявила:

— Я нужна была тебе, чтобы восполнить ваше число, брат Бартон. Вас было только одиннадцать, а теперь двенадцать! Это святое число. И апостолов Господних было двенадцать.

— Да-а, — согласился Бартон. — Но среди них был Иуда.

И он посмотрел на Ах-К'ака, воина майя, несостоявшегося Геркулеса карманных размеров. Ах-К'ак сам редко вступал в разговор, но, если к нему обращались, говорил охотно. И не шарахался, если кто-то к нему прикасался. А Джо Миллер говорил, что Икс, придя к Клеменсу, избегал прикосновений и вел себя так, точно Клеменс был прокаженный. По мнению Клеменса, Икс, хоть и искал помощи жителей долины, считал себя морально выше их и боялся осквернить себя их прикосновением.

Но ни Ах-К'ак, ни Гильгамеш не сторонились других. Наоборот, шумер при разговоре старался держаться поближе к собеседнику, чуть ли не нос к носу, и часто трогал его, словно нуждался не только в словесном, но и в телесном контакте.

Возможно, Икс таким образом ударился теперь в другую крайность. Он понял, что рекруты заметили его отвращение к чужой близости, и стал принуждать себя к ней.

Когда-то агент Спрюс говорил, что он и его собратья ненавидят насилие, что прибегать к нему для них унизительно. Но если это и правда, то они научились не выказывать при этом никакого отвращения.

Агенты с обоих судов сражались не хуже дру-

гих. И Икс, и Одиссей, и Барри Тори поубивали столько народу, что и Джек Потрошитель был бы доволен.

Возможно, Икс избегал прикосновений вовсе не из личных соображений. Возможно, он боялся, что чужое прикосновение оставит на нем какой-то отпечаток. Психический отпечаток — хотя «психический» не совсем верное слово. Ватаны, или ауры, излучаемые всеми разумными существами, могут, по словам того же Икса, оставлять нечто вроде отпечатков пальцев, причем эти следы держатся некоторое время. Если так, то Икс не смог бы вернуться в башню до исчезновения отпечатков.

Его товарищи заметили бы их и поинтересовались, откуда они взялись.

Нет, что-то уж слишком заковыристо. Икс мог бы сказать, что был в долине с какой-то миссией и там к нему нечаянно кто-то прикоснулся.

Ага! Ну а если Иксу не полагалось бывать в долине? Что, если он подобрал для своих отлучек какое-то алиби, исключающее визиты в долину? Тогда он не смог бы объяснить, откуда на его ватане чужой отпечаток.

Отсюда следует, что отпечатки агентов или этиков отличаются от отпечатков воскрешенных

и последние можно сразу же распознать.

Бартон потряс головой. Порой у него ум за разум заходил от попыток проникнуть во все эти тайны.

Оставив блуждания по умственным лабиринтам, он пошел к Гильгамешу. Тот, хотя и отрицал все приключения, приписываемые мифическому царю Урука, своими неписаными подвигами похвастаться любил. В его черных глазах тогда зажигался огонек, и он с улыбкой плел свои небылицы. Подобно жителям американского пограничья и Марку Твену, преувеличивал он до невероятной степени. Он понимал, что слушатель знает, что он врет, но не беспокоился. Это входило в программу.

Дни шли, и становилось все холоднее. Туманы были густы и рассеивались не раньше одиннадцати утра. Путешественники все чаще останавливались, чтобы закоптить рыбу, которую ловили на блесну, и напечь желудевого хлеба. Несмотря на скудное тепло, трава и деревья здесь были так же зелены, как и в южных областях.

Настал день, когда они доплыли до конца линии. Дальше питающих камней не было.

Холодный ветер приносил с севера слабый рокот.

Люди стояли на фордеке, вслушиваясь в зловещий гул. Присущий этим местам сумеречный свет и туман подавляли. Небо светилось над черными стенами скал, но далеко не так ярко, как на юге. Молчание нарушил Джо:

— Это шумит первый порог, через который нам придетзя пройти. Здоровый черт, но по зравнению з тем, который около пещеры, — прозто тьфу и разтереть. До него еще пилить и пилить.

Путешественники, все в тяжелых плащах с капюшонами, в редком тумане походили на призраков. Влага оседала на руках и лицах.

Бартон отдал команду, и катер привязали к подножию питающего камня. Разгрузку закончили через час. Поставив на камень Граали, путники стали ждать разряда. Прошел еще час, и он грянул, оставив долгое эхо.

— Наедайтесь, — сказал Бартон. — Это в последний раз мы едим горячее.

— Может, мы вообще едим в последний раз? — со смехом сказала Афра.

— Это мезто похоже на чизтилище, — сказал Джо. — Ад еще впереди.

— Я там не раз бывал и всегда возвращался, — заверил Бартон. Они развели большой костер из сухих дров, которые везли с собой на катере, и

грелись в его тепле, прислонясь спинами к камню. Джо рассказывал титантропские анекдоты, в которых фигурировал странствующий торговец, а также жена и две дочки охотника на медведей.

Нур рассказал несколько суфийских притчей, направленных на развитие иного мышления, но легких и занимательных. Бартон — несколько сказок из «Тысячи и одной ночи». Алиса — парадоксальные сказки, которые сочинял для нее, восьмилетней, мистер Доджсон. Блессид Грумз вовлекла всех в хоровое пение гимнов и сердилась, когда Бартон вставлял не совсем подобающие строчки.

В общем, было весело, и все улеглись спать, значительно приободрившись. Выпивка тоже способствовала поднятию настроения.

Встав, они опять развели костер и позавтракали. Потом взвалили на себя тяжелую поклажу и отправились в путь. Бартон оглянулся в последний раз на катер и питающий камень, пока те не исчезли в тумане. Это были последние звенья, связывавшие его с миром, который он знал, хотя и не всегда любил. Увидит ли он когда-нибудь еще катер и камень? Не суждено ли его глазам вскоре закрыться навеки?

Громоподобный глас Джо вывел его из задум-

чивости.

— Мать честная! Вы поглядите только, зколько я тащу! В три раза больше ваз! Ишь, нашли зебе Замзона! — Ты белый носатый ниггер, — смеялся Терпин.

— Я не ниггер. Я вьючное животное, вот я кто.

— А в чем разница? — И Терпин со смехом побежал от Джо, который грозил ему громадным кулачищем. При резком взмахе тяжелая поклажа перевесила, и титантроп шлепнулся ничком.

Взрыв смеха отразился эхом от стен каньона.

— Спорить могу, впервые этим горам так весело, — сказал Бартон.

Но вскоре все умолкли и потянулись вперед, точно заблудшие души в одном из кругов ада.

Они пришли к первому порогу, более мелкому, по словам Джо Миллера. Он был так широк, что не видно было другого края — раз в десять шире водопада Виктория. Так, во всяком случае, казалось. Водопад низвергался из тумана с таким ревом, что разговаривать было нельзя — даже если кричать в самое ухо.

Титантроп показывал дорогу. Они прошли верхом мимо водопада, то и дело орошаемые брызгами. Это был медленный, но не такой уж опасный процесс. Поднявшись футов на двести,

все остановились на широком карнизе и сложили свою ношу, а Джо полез дальше один. Через час из тумана, как дохлая змея, выпал конец длинной веревки. К веревке привязывали по два мешка зараз, и Джо уволакивал их в туман, раскачивая и стукая о камни. Переправив весь груз на плато, путники осторожно двинулись вверх сами. Наверху они разобрали свои мешки и пошли дальше, часто останавливаясь передохнуть.

Тай-Пен рассказывал о своих приключениях на родине, вызывая общий смех. Потом они пришли ко второму порогу, и смех утих. Взобравшись на скалу у водопада, все решили, что на сегодня хватит. Джо облил дрова спиртом, сокрушаясь, что добро пропадает, и путники разожгли костер. Через четыре дня дрова у них кончились, зато последний из «мелких» порогов тоже остался позади.

После часового подъема по каменистому пологому склону путешественники пришли к подножию большого утеса.

— Вот оно, — взволнованно сказал Джо. — Мезто, где мы нашли зплетенную из тряпок веревку. Ее оставил Икз.

Бартон посветил фонариком вверх. Первые десять футов — были неровными, а дальше, на-

сколько видел глаз, подымалась гладкая отвесная стена.

— Где же твоя веревка?

— Тут была, черт ее возьми!

Разделившись на две партии, они двинулись в обход утеса, светя себе фонариками и придерживаясь за камень. Но веревки так и не нашли.

— Ах ты черт! В чем же дело?

— Думаю, что другие этики нашли веревку и отвязали, — предположил Бартон.

Посовещавшись, они решили заночевать здесь. Поели овощей, оставшихся от граалевых времен, сушеной рыбы и хлеба. Всех уже тошнило от такой диеты, но никто не жаловался. Пока еще можно было согреться спиртным, но и оно должно было кончиться через несколько дней.

— У меня пиво езть, — сказал Джо. — Устроим пирушку напозледок.

Бартон поморщился — он не любил пива.

Утром обе группы снова двинулись вокруг утеса. Бартон вел ту, которая шла вроде бы на восток — трудно было определить направление в этой туманной мгле. Они пришли к подножию огромного водопада — перебраться через него не было возможности.

По возвращении Бартон спросил Джо:

— А веревка была справа от Реки или слева?

— Тут, — ответил Джо, освещенный лучом фонаря.

— Сдается мне, что Икс мог оставить веревку и на правом берегу. Откуда ему было знать, справа или слева придут его союзники?

— Мне взе-таки кажетзя, мы шли по левому берегу. Но зтолько лет прошло… Черт, теперь я не уверен!

Маленький носатый Нур эль-Музафир сказал:

— Раз мы все равно не можем перебраться на тот берег, вопрос теряет свою остроту. Там, на западе, есть, по-моему, место, где я мог бы взобраться наверх.

После завтрака все вместе прошли пять миль до места, где утес сближался с горой под углом около тридцати шести градусов, словно одна стена неумело выстроенной комнаты с другой. Нур обвязал вокруг пояса тонкую веревку.

— Джо говорит, что до плато около тысячи футов. Так отложилось у него в памяти, а в то время Джо еще не знал английской системы мер. Возможно, до вершины меньше, чем ему помнится. Будем надеяться. — Езли узтанешь, зпузкайзя, — сказал Джо. — Я не хочу, чтобы ты упал.

— На всякий случай отойдите подальше, чтобы

я на вас не свалился, — улыбнулся Нур. — Меня бы мучила совесть, Джо, если б я упал на тебя и мы бы погибли оба. Впрочем, ты, я думаю, пострадал бы не больше, если б на тебя уронил кляксу орел.

— От орла я бы пострадал, — сказал Джо. — Орлы и их помет в моем племени табу. — Ну, считай, что я воробей.

Нур уперся спиной в одну стену угла, а ногами в другую и медленно полез вверх, вытягивая левую ногу чуть дальше правой. Прочно уперевшись ногами, он скользил по стене спиной так, чтобы не потерять равновесия, и снова двигал одну ногу так, что колено почти упиралось в подбородок. Потом подтягивал другую ногу, потом спину и так далее. В скором времени он скрылся в тумане. Оставшиеся внизу могли судить о его продвижении только по тому, как уходила вверх тонкая веревка — а это происходило очень медленно.

— Нужна невероятная выносливость, чтобы добраться до вершины, — сказала Алиса. — И если он не найдет, куда привязать веревку, то может с тем же успехом слезать обратно.

— Будем надеяться, что утес не столь высок, — сказала Афра. — И что угол вверху не расширяется, — добавил Ах-К'ак. Прошло двадцать, восемь минут по часам Бартона, и сверху донесся крик

Нура:

— Удача! Тут есть карниз! Достаточно широкий для двоих, если один из них не Джо! И есть выступ, к которому можно привязать веревку.

— Видишь, утес не такой уж гладкий, — сказал Бартон титантропу.

— Да. Я и вправду, наверно, поднималзя тогда з правого берега, Дик. Тот был гладкий до самого конца. Там, где я лез, зтена точно была вылизана, как кошачья задница.

Этики не удосужились отполировать весь утес. Нижнюю часть они сделали гладкой, но верх, невидимый в тумане, оставили в первозданном виде.

Не Икс ли принял такое решение?

И не он ли устроил скальный угол здесь, а возможно, и за Рекой, так, чтобы по нему мог подняться человек небольшого роста?

Весьма вероятно.

Если так, Икс задумал этот угол заранее. Угол образовался не сам по себе. Этики спроектировали и создали эти горы с помощью каких-то исполинских машин.

Нур крикнул своим спутникам, чтобы они привязали к его тонкой веревке более толстую. Когда они это. сделали, он вскоре оповестил их,

что привязал и вторую веревку.

Бартон ухватился за нее и полез, упираясь в утес ногами и держась почти под прямым углом к нему. К концу подъема он стал задыхаться, и ладони у него горели. Нур, удивительно сильный для такого маленького, худенького человечка, помог ему взобраться на карниз.

Потом они втащили мешки, и Нур взглянул вверх сквозь туман.

— Скала тут неровная. Я, пожалуй, влезу по ней с помощью костылей.

Он достал из котомки молоток и костыли. Это были стальные колышки, которые вгонялись в скалу. В некоторых имелись отверстия для веревки.

Нур исчез в тумане. Бартон слышал только стук его молотка. Вскоре мавр крикнул Бартону, чтобы тот поднимался — Нур добрался до другого карниза.

— Вообще-то тут такие выступы, что можно лезть без всякой страховки. Но мы этого делать не будем!

Алиса к тому времени уже взобралась к Бартону. Бартон поцеловал ее и отправился вслед за Нуром.

Через десять часов вся группа уже сидела на—

верхушке утеса. Отдышавшись, путники стали искать укрытие от ветра, но нашли его только через три мили. Здесь стоял, как Джо и говорил, другой утес. Внизу, в нескольких милях от них, ревела Река, падая через порог.

Джо осветил скалу фонарем.

— Черт! Езли я и впрямь шел тогда по правому берегу, мы влипли. Туннель-то з той зтороны, а через Реку нам не перебратьзя!

— Если этики нашли веревку Икса, они должны были. найти и туннель, — заметил Бартон.

Теперь все слишком устали, чтобы искать трещину, служащую входом в туннель. Они отыскали каменный навес, Джо с помощью немногих оставшихся у него полешек развел костерок, и они поужинали. Огонь быстро погас. Путники подстелили под себя половину теплой одежды, укрылись другой половиной и улеглись спать, а внизу грохотала Река.

Утром, когда все жевали сушеную рыбу, пеммикан и хлеб, Нур сказал:

— Дик верно подметил: Икс не мог знать, с какой стороны придут его рекруты, поэтому должен был оставить две веревки. И прорыть два туннеля. Мы должны найти туннель и на этом берегу.

Бартон хотел было сказать, что туннель, если

он и был, могли завалить, но Нур жестом остановил его.

— Да, я знаю. Но если он завален не по всей длине, мы можем все же найти его и прорыть ход.

И точно — одна из поисковых партий, отойдя всего на двадцать футов от лагеря, наткнулась на завал. Он закупоривал трещину, в которую мог пролезть даже Джо.

Нужна была очень высокая температура, чтобы вплавить эту — круглую затычку в кварц.

— Ах ты, зараза! — сказал Джо. — Пожалуй, у наз взе-таки езть шанз!

— Ну а если весь туннель закупорен? — усомнился де Марбо.

— Тогда полезем по скале. У Икс достало бы ума догадаться, что его туннели могут найти. Он должен был устроить здесь такой же угол, как и на нижнем утесе.

Бартон осмотрел скалу, сверля туман своим фонарем. В десяти футах от подножия она была шероховата и испещрена трещинами, но потом внезапно, насколько было видно, делалась гладкой, как зеркало.

Джо стукнул молотком по затычке. Бартон, приложив ухо к скале, сказал:

— Там пустота!

— Отлично. — Джо достал из мешка несколько вольфрамовых костылей и начал долбить. Когда он пробил в кварце шесть отверстий, они с Бартоном заложили туда пластиковую взрывчатку. Бартон предпочел бы замазать отверстия глиной, но глины не было.

Он закрепил в пластике шнуры и стал отходить назад вдоль скалы, таща шнуры за собой. Когда все отошли достаточно далеко, он соединил полюса своей карманной батарейки. Раздались оглушительные взрывы, и вокруг засвистели осколки кварца.

— Ну что ж, — сказал Джо, — меньше незти буду хотя бы, без жезтянок з плазтиком и батареи. Конец им пришел.

Они вернулись к трещине, и Бартон посветил в нее. Дыры, проделанные Джо, стали шире, и сквозь них виднелся туннель.

— Тут еще работы часиков на двенадцать, Джо.

— А, черт! Ну что ж поделаешь.

Вскоре после завтрака титантроп отбил последний кусок камня, и пробка выпала.

— А теперь начинаетзя замое трудное, — сказал Джо, утирая пот с лица и длиннющего носа.

Джо мог с грехом пополам ползти по туннелю,

но все время задевал плечами за стены и стукался головой о потолок. Туннель поднимался кверху под углом около сорока пяти градусов.

— Оберните чем-нибудь руки и колени, — сказал Джо. — Иначе обдеретезь в кровь. Даже з обмотками можете ободратьзя.

Фрайгейт, Алиса, Афра и Блессид как раз вернулись с наполненными в Реке флягами. Джо осушил свою наполовину.

— Теперь, — сказал он, — надо подождать, пока взе не опорожнитзя как зледует. Когда я шел с египтянами, мы этим пренебрегли. На полпути я не змог больше терпеть и облегчилзя. — Он оглушительно расхохотался. — Слышали бы вы, как ругализь эти безнозые малявки! Дальше-то ползти надо, а это дело никак не обойдешь! Хо, хо! — Джо утер слезы. — Гозподи! Ну и воняло от них, когда они наконец вылезли наружу! И они еще больше обозлилизь, когда пришлозь мытьзя в Реке — вода-то тут холодная, точно задница копателя колодцев, как говорил Зэм.

При упоминании о Клеменсе у Джо опять потекли слезы. Он шмыгнул носом и вытер свой хобот рукавом.

Джо не преувеличивал трудностей пути. Туннель был длиной не меньше мили, причем все

время шел вверх, и воздух становился все более разреженным, хотя поступал исправно, а им еще приходилось тащить за собой свои тяжелые мешки. Вдобавок другой конец тоже мог быть забит. Придется тогда возвращаться обратно.

Радость по поводу того, что туннель оказался не закупорен, ненадолго прибавила им сил. Однако ладони, колени, пальцы рук и ног у всех были ободраны в кровь, и первое время никто не мог нормально ходить.

Ветер здесь был крепче и холоднее, несмотря на разреженный воздух. Джо жадно втягивал скудный кислород в свои большие легкие.

— Одно хорошо, — сказал он. — Выпьешь по одной, и сразу с катушек долой.

Все хотели разбить лагерь прямо здесь, но место было уж слишком открытое.

— Веселее, — сказал Бартон. — Джо говорит, что до следующего порога всего ничего — миль десять.

— Это позледний, замый большой. Те, по-вашему, были шумные? Вот погодите, узлышите этот.

Бартон взвалил на себя мешок и поплелся дальше — колени у него точно заржавели. Джо шел за ним по пятам. К счастью, плато было относительно ровное и свободное от осыпи. Но сквозь

туман Бартона вел только оглушительный грохот водопада. Когда грохот становился громче, Бартон поворачивал влево. Когда шум слабел, он отклонялся вправо. Несмотря на это, им, возможно, придется проделать все пятнадцать миль вместо десяти.

Путешественники часто останавливались из-за недостатка кислорода и чтобы убедиться, что никто не отстал. Каждый четвертый в линии светил фонариком, пока Бартон, остановившись, не выругался.

— В чем дело?

— У нас в этом воздухе мозги не работают, — задыхаясь, сказал Бартон. — Достаточно одного фонаря. Мы зря тратим электричество. Лучше свяжемся все веревкой.

Он обвязал веревку вокруг пояса, и все остальные, держась за нее, потянулись за ним в холодную серую мглу.

Но скоро все так ослабели, что и шагу не могли больше ступить. Не обращая внимания на ветер, они легли, подстелив под себя одежду, укрылись и постарались уснуть. Бартон проснулся от кошмара и включил подсветку на часах. Они проспали десять часов.

Он поднял всех, они съели свой скудный паек

и двинулись дальше. Час спустя из тумана выступила черная стена. Они пришли к очередному препятствию.

ГЛАВА 42

Джо Миллер почти не жаловался вслух, но стонал втихомолку всю последнюю половину пути. Титантроп, ростом десять футов, весил восемьсот фунтов и был силен, как десять гомо сапиенс, вместе взятых. Но его гигантизм имел и свои минусы. Прежде всего — плоскостопие. Сэм часто называл Джо Великим Плосконогим, и с полным основанием. Ноги Джо не выносили долгой ходьбы, и даже во время отдыха боль не проходила.

— Зэм взегда говорил, что мы завоевали бы везь мир, езли б не наши ноги, — сказал Джо, растирая правую подошву. — Говорил, что мы и вымерли-то из-за зплющенного звода зтупни. Может, это и правда.

Было ясно, что титантропу необходимо отдохнуть и подлечиться хотя бы двое суток. Бартон и Нур в качестве лекарей-любителей остались ухаживать за Джо, а остальные, разделившись на две партии, ушли вперед. Через несколько часов они вернулись.

— Мы не нашли места, о котором говорил

Джо, — сказал Тай-Пен, командир первого отряда.

— Мы его нашли, — сказал Ах-К'ак, командир другого. — Во всяком случае, там как будто можно подняться наверх. Но это совсем близко от водопада.

— Так близко, — сказала Алиса, — что это место замечаешь, только когда подойдешь к нему вплотную. И восхождение будет опасным. Влага делает камень скользким.

— Взпомнил! — со стоном сказал Джо. — Мы точно шли тогда по правому берегу. Египтяне пошли там, потому что левая зторона принозит незчазтье. А эту тропу Икз, наверно, узтроил на взякий злучай…

— Тропой я бы это не назвал, — сказал майя.

— Ну, езли это мезто такое же, как то, поднятьзя можно.

Так и оказалось.

Семь дней спустя они взошли на вершину горы. Снег и лед делали переход еще опаснее, чем им представлялось, а воздух вызывал у всех слабость. И все-таки они поднялись на следующее плато. Река осталась далеко внизу, за туманом.

Через несколько миль начался спуск, гораздо легче подъема. Воздух внизу был гуще и теплее,

хотя все еще холодный. Преодолевая усиливающийся ветер, путники пришли к новой горе.

— На эту лезть и думать нечего. Но нам повезло. Большая пещера должна быть взего в незколько милях зправа. Вот дойдем и увидим, повезло или нет. Только не зейчаз. Чертовы ноги опять отказали.

Река здесь бурным потоком стекала вниз. От рева воды и ветра закладывало уши, но зато было чуть теплее, чем раньше. Джо, уже проделавший однажды этот путь, шел первым. Он обвязался веревкой вокруг пояса, а остальные — вокруг запястий.

Предупрежденные Джо, чтобы держались крепче, все начали спускаться вереницей в исполинскую дыру. Алиса поскользнулась на карнизе и с криком упала, но ее тут же втянули обратно. Потом сдуло Нура, который был еще легче, чем она, но и его вернули на карниз.

Факелы египтян загасило ветром, когда Джо вел их сквозь ревущую бездну. Теперь он видел, что впереди, хотя всего на несколько шагов. И карниз, как крикнул Джо Бартону, был шире, чем на правом берегу.

— Вот обидно-то будет, езли окажетзя, что этики разплавили карниз! Ну, авозь они решили,

что никто не доберетзя так далеко, раз убрали веревки и закупорили туннель!

Бартон слышал только половину слов, но угадал остальные.

Дважды им пришлось сделать привал, чтобы поесть и поспать. Река между тем уходила все дальше вниз и скоро совсем исчезла. Бартон, любопытствуя, насколько глубоко внизу, зажег запасной фонарь и кинул его вниз. Он считал секунды, пока огонек падал вниз; луч превратился в тонкую нить и совсем исчез во тьме. В пропасти было не менее трех тысяч футов.

Наконец вокруг стало светлеть, что предвещало близость выхода. Путешественники выбрались на воздух, где стоял туман, но было не так темно. В небе сияли гигантские звезды и газовые туманности. Тонкая пелена тумана позволяла разглядеть справа скальную стену. Люди стояли на самом краю бездны, по дну которой текла Река.

— Мы не на той зтороне, — сказал Джо. — Здезь нам путь зкоро преградит гора. Как бы перебратьзя на ту зторону? Хотя, может, этик и на этой зделал нам ход?

— Сомневаюсь, — сказал Бартон. — Тогда бы нам пришлось огибать с внутренней стороны окружающие море горы, чтобы дойти до пещеры.

Разве только…

— Что?

— Разве только Икс сделал две пещеры и оставил лодки в обеих.

— Один карниз этики могли просмотреть, — сказал Нур. — Но два?

— Злушайте. Края долины в конце почти зходятзя. Между ними не должно быть больше двадцати футов. Зейчаз я вам покажу.

Джо медленно пошел вперед и футов через шестьдесят остановился. Луч его фонаря, слившись с другими лучами, осветил противоположный край пропасти.

— Боже правый! — сказала Афра. — Неужели этик полагал, что мы перепрыгнем через этот провал?

— Другим этикам и в голову бы не пришло, что это возможно, — сказал Нур. — Но я думаю, что Икс ожидал от нас именно этого. Он знал, что хотя бы один из партии, дошедшей до этого места, сможет это сделать. Ведь он отбирал себе настоящих атлетов. Потом тот, кто прыгнет, привяжет к скале веревку, и по ней переправятся остальные.

Бартон знал, что так далеко прыгнуть не сможет. Чуть-чуть бы поближе…

Джо силен, как два Геркулеса, но чересчур

тяжел. Ах-К'ак и Гильгамеш тоже силачи, но слишком малы ростом и грузны. Хорошие прыгуны в длину не так устроены. Терпин рослый, но слишком мускулистый. Нур очень легок и на удивление жилист и силен, но слишком мал. Обе белые женщины и де Марбо тоже малы, да и прыгают неважно. Остаются Фрайгейт, Грумз и Тай-Пен.

Американец, зная, что на уме у Бартона, побледнел. Здесь он стал прыгать в длину еще лучше, чем на Земле, и его наивысший неофициальный результат составлял двадцать пять футов — правда, тогда ветер дул ему в спину. Средним его достижением было двадцать два фута на Земле и двадцать три здесь. Но в таких неблагоприятных условиях он еще не прыгал.

— Надо было прихватить с собой Джесса Оуэнса, — пробормотал он.

— Аллилуйя! — завопила вдруг Грумз, заставив всех вздрогнуть. — Аллилуйя! Господу было угодно сделать меня замечательной прыгуньей! Я в числе тех, кого он избрал! Я создана так, что могу прыгать, как коза, и плясать, как царь Давид, во славу его. А теперь он дает мне случай перенестись через адову бездну! Благодарю тебя, Господи!

Бартон тихо сказал Фрайгейту:

— Неужто ты уступишь женщине? Покажи себя!

— Не в первый раз я им уступаю, — пожал плечами Фрайгейт. — Почему бы и нет? Тут вопрос не в половой принадлежности, а в том, кто лучше прыгает.

— Боишься!

— А то нет. Тут каждый испугался бы, если он не психопат. И Фрайгейт стал расспрашивать Блессид о ее достижениях. Она сказала, что на Земле не очень-то много прыгала, но здесь, живя в стране под названием Вендиша, не раз показывала результат двадцать два фута.

— Откуда ты можешь это знать? У нас на «Рексе» были точный измерительные приборы, но в большинстве других мест их нет.

— Фут мы определяли на глаз, — сказала Блессид. — И, по-моему, довольно точно. Я знаю, что могу это сделать, вот и все! Господь перенесет меня на крыльях моей веры, и я перелечу через бездну, словно его легкая газель!

— Перелетишь и не допрыгнешь, и расколешь себе череп о тот край, — сказал Фрайгейт.

— Может, отмерим нужное расстояние? — предложил Нур. — Вы бы потренировались, а мы бы

посмотрели, кто лучше.

— На камне-то? Для этого нужна яма с песком! Грумз предложила перекинуть на ту сторону фонарь, чтобы измерить дистанцию. Фрайгейт привязал фонарь к веревке и метнул — тот упал недалеко от края, откатился и остановился в нескольких дюймах от провала, светя им через черную бездну.

Фрайгейт забрал фонарь обратно и снова бросил — на этот раз он, потравив веревку, удержал фонарь в вертикальном положении, и свет дошел до них под прямым углом.

— Ладно, значит, в принципе это возможно, — сказал Фрайгейт. — Но я забираю фонарь. Никто не сможет прыгнуть, не выспавшись как следует. Я, во всяком случае, слишком устал, чтобы состязаться.

— Давайте отметим фонарями дорожку для разбега, — сказала Блессид. — Я хочу посмотреть, как это будет выглядеть.

Дорожку отметили, и Фрайгейт с Грумз вычислили, откуда начинать разбег. Толчковой чертой служил фонарь в нескольких дюймах от края.

— Попытка будет первой и единственной, — сказал Фрайгейт. — Сначала нам действительно придется разогреться. Тут так холодно… С другой

стороны, воздух тут разрежен, а значит, и сопротивление меньше. Может, это и помогло тому черному спортсмену — как же его звали? Вот она, слава — показать фантастический результат двадцать семь футов четыре с половиной дюйма на олимпиаде в Мехико. Но мы-то не успели акклиматизироваться на высокогорье. И не тренировались, само собой.

Бартон ничего не говорил Тай-Пену, давая китайцу шанс вызваться самому. Тай-Пен, внимательно наблюдавший за всей процедурой, внезапно сказал:

— Я тоже великий прыгун! И хотя я упражнялся прискорбно мало, но — не позволю женщине оказаться храбрее меня! Первым прыгну я.

Его зеленые глаза сверкали в луче фонаря. Бартон спросил его, насколько далеко он прыгает.

— Дальше, чем здесь! — сказал Тай-Пен. Фрайгейт бросал клочки бумаги в воздух, чтобы определить силу ветра. Он сказал Бартону:

— Дует слева, так что нас слегка снесет вправо. Но гора загораживает ему дорогу. Скорость его — миль шесть или семь в час.

— Спасибо, — сказал Бартон, продолжая смотреть на китайца. Тай-Пен — хороший атлет, но не такой хороший, как сам утверждает. Таких просто

не бывает. Впрочем, китаец сам вызвался рискнуть своей жизнью — никто его не заставлял.

— Ну вот что! — громко сказал Фрайгейт. — Я в самом деле наиболее опытный прыгун, так что прыгать следует мне — и я прыгну!. — Ты преодолел свой страх?

— Черта с два! Просто у меня не хватает духу позволить прыгнуть кому-то другому. Вы все сочтете, что я трус, а если даже нет, я сам буду так считать. Я действовал нерационально и нелогично, — сказал он Нуру. — Я недостоин тебя.

Нур невесело улыбнулся своему ученику:

— Не меня ты. недостоин, а себя. Но тут надо учесть многое… а прыгать действительно должен ты. — Маленький мавр подошел к Джо и задрал голову, не достающую до огромного хобота титантропа. — Но, возможно, прыгать никому и не понадобится. Джо, будет во мне столько же весу, сколько в твоем мешке? Джо, нахмурясь, поднял Нура одной рукой под ягодицы, подержал на вытянутой руке и сказал:

— Ты куда легче.

— А мог бы ты перекинуть свой мешок на ту сторону? — спросил поставленный на землю Нур. Джо потрогал подбородок.

— Кто его знает. Я вижу, куда ты клонишь! А

почему бы не попробовать? Какая разница, езли мешок окажетзя там, а мы тут? Взе равно ведь мы будем перебиратьзя.

Он поднял громадный мешок над головой, стал у края, примерился, трижды качнул грузом в воздухе и метнул его. Мешок упал за фут от противоположного края.

— Я так и думал, — сказал Нур. — А теперь меня перекинь. Джо.

Титантроп поднял мавра, держа его одной рукой под ягодицы, другой за грудь, и стал раскачивать, приговаривая:

— Раз, два, три!

Нур пролетел над бездной и приземлился на ноги в ярде от края, а потом отбежал дальше и заплясал от радости.

Джо перебросил мавру фонарь на веревке. Нур поймал его, чуть-чуть качнувшись, и ушел в туман. Через несколько минут он вернулся.

— Я нашел большой валун, к которому можно привязать веревку, но не могу сдвинуть его один! Тут требуется пять сильных мужчин!

— Раз-два, взяли! — говорил Джо, раскачивая Бартона. Тот хотел было крикнуть, что он гораздо тяжелее Нура, но удержался. Пропасть казалась ему вдвое шире, чем была на самом деле. Потом

он полетел вперед и вверх, а Джо заорал ему вслед:

— Побереги задницу, Дик! — и громогласно заржал.

Бездонная пропасть мелькнула под Бартоном на одну страшную секунду, потом он упал на ноги, и его шатнуло вперед. Он откатился от края, больно ушибшись о камень.

Миг спустя его мешок последовал за ним. Джо перекидал все мешки, потом бросил Фрайгейта.

За ним поочередно последовали все, пока при Джо не остался один Ах-К'ак. С криком: «Пока, толзтяк!» — Джо швырнул и его. Майя упал ближе всех к краю, но все же с запасом в целый фут.

— А теперь чего? — крикнул Джо.

— Там есть валун почти с тебя весом, Джо, — сказал Бартон. — Кати его сюда и привяжи к нему веревку.

— Да он же в полумиле отзюда. Взяли бы и помогли мне, пока я ваз взех не переправил.

— Я не хотел, чтобы ты катил этот камень, а потом, устав, бросал нас.

— О Гозподи! Взя тяжелая работа мне дозтаетзя.

И Джо ушел с фонарем в туман.

Хотя кое-кто ушибся и ободрал кожу, все как

один. пошли за Нуром к валуну и, отдохнув как следует, покатили его по ровному плоскогорью. Это было нелегко, поскольку камень имел неправильную форму и весил, наверное, больше их всех, вместе взятых. Приходилось делать частые передышки из-за разреженного воздуха. Наконец они подкатили камень к пропасти и сами повалились рядом.

Минуту спустя Джо выкатил из тумана свой валун.

— А я-то надеялзя, что приду первым, — крикнул он. — Да и пришел бы, езли б мой камень лежал близко, как ваш. — Он сел, чтобы передохнуть.

Блессид Грумз жаловалась, что ей так и не дали прыгнуть, доказав— тем, как сильна ее вера.

— Никто тебе не запрещал, — сказал Фрайгейт. — Хотя, по правде сказать, я тоже разочарован. Меня остановило только то, что группа, если я не допрыгну, потеряет одного человека. Может, попробовать все-таки, чтобы доказать, что я могу? — Он взглянул на Тай-Пена, и оба расхохотались.

— Дудки, не обманете, — сказала Грумз по-английски. — Вы, двое мужиков, струсили, а женщина не побоялась.

— Ну, мы-то не сумасшедшие в отличие от тебя. Восстановив силы, они обвязали оба валуна прочным канатом и подперли их камнями помельче. Джо ухватился за провисший канат и переправился на руках через пропасть. Остальные держали канат, опасаясь, как бы валун не сдвинулся под тяжестью титантропа — но это оказалось излишним. Несколько пар рук подхватили Джо у края и помогли ему встать.

— Ох! — выдохнул он. — Надеюзь, мне больше не придетзя этого делать. Раньше я вам не говорил — но на большой вызоте меня взегда одолевает желание прыгнуть вниз.

ГЛАВА 43

Через десять часов они добрались до карниза, идущего вдоль склона горы к морю.

— Он и тут узкий — а уж в том мезте, где звалилизь двое египтян, и вовзе кошмар.

В нескольких тысячах футах внизу под ними клубились облака. Путники проспали восемь часов и после всегдашнего унылого завтрака двинулись дальше. Египтяне здесь пробирались ползком, но наши путники шли лицом к скале, цепляясь за неровности камня.

Стало чуть теплее. Вода здесь еще хранила

немного тепла после долгого пути через арктические области и полярное море.

Благополучно миновав карниз, группа вышла на следующее плато, откуда, по словам Джо, должна была спуститься к морю. Джо, с трудом ковыляя, осветил своим фонарем другой горный карниз.

Он начинался в шести футах от края утеса, в ширину имел около двух футов и вел вниз, в пелену редких облаков. Он был наклонен к горизонту под— углом в сорок пять градусов — только горизонта не было видно.

— Придется оставить кое-что здесь и сделать мешки поменьше, — сказал Бартон. — Иначе мы их тут не пронесем.

— Знаю. Что меня безпокоит, так это — не зломали ли этики карниз. О Гозподи, Дик! А вдруг они нашли нижнюю пещеру?

— Тогда придется надуть каяк и отправить в башню двоих. Я уже говорил об этом.

— Да, я знаю. Но взе равно поговорить охота. Поговоришь — я вроде легче.

Солнце здесь никогда не поднималось выше гор, но освещение, хоть и сумрачное, присутствовало. — Я звалилзя з этого карниза, не узпев отойти далеко, — сказал Джо. — И не знаю, долго

ли надо идти по этой тропе — ничего зебе тропочка! Может, день, а может, и больше, пока не зпузтиззя.

— Египтянин Пахери рассказывал Тому Миксу, что им во время спуска пришлось один раз остановиться, чтобы поесть, — сказал Бартон. — Но это еще ничего не доказывает. Путь был утомительный, и они могли проголодаться раньше обычного.

Они нашли небольшой грот. Джо с помощью остальных подкатил ко входу большой камень, чтобы укрыться от — ветра; все сели внутри и поели. Грот освещали два фонаря, но их тусклый свет не вселял бодрости. Что им было нужно — так это костер, древнее потрескивающее пламя, веселившее их предков в каменном веке и все последующие поколения.

Один Тай-Пен не терял присутствия духа, рассказывая друзьям о своих проделках и о проделках Восьми Бессмертных Винной Чаши, товарищей его старости, перемежая рассказ китайскими шуточками. Последние много теряли в переводе на эсперанто, что не мешало некоторым, особенно Джо Миллеру, ржать во все горло и хлопать себя по ляжкам. Потом Тай-Пен стал импровизировать стихи и в заключение погро-

зил мечом башне, затаившейся где-то впереди.

— Скоро мы окажемся в твердыне Большого Грааля! Пусть стерегутся те, кто распоряжался нашей жизнью! Мы одолеем их, будь они хоть демонами! Старый Кун Фу Цзе предупреждал нас, что людям негоже связываться с духами, но я никогда не обращал внимания на этого старикашку! Я никогда никого не слушал, кроме себя самого! Я Тай-Пен и не признаю власти над собой! Берегитесь, вы, что прячетесь, и таитесь, и не желаете встречаться с нами! Берегитесь! Тай-Пен идет! Бартон идет! Джо Миллер идет! — Он перечислил всех.

— Пустить бы его вперед указывать нам дорогу, — шепнул Джо Бартону. — Зколько энергии зря пропадает.

Бартон наблюдал за Гильгамешем и Ах-К'аком. Они вели себя так же, как все — смеялись и хлопали Тай-Пену, но они могли просто хорошо разыгрывать свою роль. Эти двое беспокоили Бартона. Когда они все доберутся до пещеры — если доберутся — придется с ними что-то решать. Пусть даже оба ни при чем — придется выяснить, не Икс ли один из них. Любой мог быть и Логой, и Танабуром.

Но как это выяснишь?

И что замышляют эти двое — или один из них?

Бартон составил план. Когда они тронутся в путь, надо сделать так, чтобы Джо Миллер пошел во главе. Он, Бартон, пойдет вторым. Ах-К'ак и Гильгамеш будут замыкающими. Он не хочет, чтобы они попали в пещеру первыми — если пещера еще на месте и не закупорена. Майя и шумер — или кто они там на самом деле? — пойдут последними, и, как только они войдут в пещеру, их обезоружат. У них при себе длинные ножи и 69-калиберные пистолеты с пластиковыми пулями. Де Марбо и Джо отберут у них все это. Бартон предупредит также Нура и Фрайгейта, но не станет впутывать их в это дело. Он до сих пор не уверен до конца ни в американке, ни в мавре. Общение с агентом, мнимым Питером Джейрусом Фрайгейтом, настроило его крайне подозрительно по отношению к настоящему Фрайгейту, если он и правда настоящий. Нур, похоже, действительно был тем, за кого себя выдавал, но Бартон не доверял никому. Даже титантроп мог быть агентом. А что? Джо умен и способен, несмотря на свои гротескные размеры и внешность.

Однако кому-то верить все же надо. Бартон верил двоим — себе самому и Алисе, которую

знал много лет. А другие — что другие? За ними нужен глаз да глаз — но инстинкты, что бы ни означало это затрепанное слово, подсказывали Бартону, что все, кроме двоих, действительно те, кем представляются.

Сильно облегчив свои мешки — Джо по-прежнему нес самый большой, — экспедиция взошла на последний карниз. Передвигаясь боком, они ступали на носок, распластавшись по скале и цепляясь за каждый выступ. Они обошли гору всего часа за два, но это время показалось им очень долгим. Джо остановился и повернул голову назад.

— Тихо взе. Тут уже злышно, как бьется море у подножия горы.

Все стали вслушиваться, но только Бартон, Нур и Тай-Пен услышали плеск волн о камень — да и то, возможно, в воображении.

Однако, обойдя гору, все увидели сравнительно ясное небо и громады гор, окружающих море с той стороны.

Башни не было видно даже издали. И все же она там, где-то в середине моря, если верить рассказу Джо и донесениям с дирижабля «Парсеваль».

— Здезь я наступил на оставленный кем-то Грааль, — сказав Джо. — Отзюда я видел взпышку

звета, когда машина этиков зела на башню. И здезь я назтупил на этот Грааль, упал и разбилзя назмерть. А теперь его тут нет.

— Чего нет?

— Грааля.

— Наверно, этики убрали.

— Надеюзь, что нет. Езли это они, то они знают, что отзюда могут прийти люди — и может быть, они прошли по карнизу до конца и нашли пещеру. Будем надеятьзя, что Грааль убрал кто-то другой. Может, египтяне после моего падения.

Они двинулись дальше по узкому, скользкому от влаги карнизу. Туман сделался гуще, и Бартон не видел дальше двадцати футов даже с фонарем, который приходилось снимать с пояса, если хотелось лучше рассмотреть дорогу.

Джо внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Бартон.

— Черт! Карниз кончилзя. Погоди. На вид и на ощупь похоже, что его разплавили. Точно! Это этики оборвали карниз! Что делать будем?

— Велик ли разрыв?

— Да. Футов зорок, назколько мне видно. А может, и взя миля.

— А на сколько оплавлена гора вверху и внизу?

— Назколько моей руки хватает, — через минуту сказал Джо. — Погоди. Я позвечу. — Прошло еще несколько секунд. — Езть зледы в четырех футах выше кончиков моих пальцев.

Бартон снял свой мешок и опустился на четвереньки. Нур, шедший следом, осторожно перелез через него и исполнил акробатический номер, взобравшись титантропу на плечи. Оглядев скалу, он сказал:

— Выше есть трещины, которые тянутся вдаль. Можно будет вбить костыли.

Бартон передал стальные клинья и молоток Джо, а тот Нуру. Джо крепко держал мавра за ноги, а Нур вбивал первые два. клина. Бартон подал Нуру конец веревки, тонкой, но прочной. Тот продел ее в ушки костылей и закрепил на том, что был дальше.

Потом Нур слез на карниз и стал надевать на себя сбрую, похожую на парашютную, а Бартон в это время его страховал. Эта портупея из рыбьей кожи и металла хранилась на катере. На груди были пряжки, к которым прикреплялись прочные пластмассовые ленты. На конце каждой ленты имелся металлический наконечник с колесиком.

Нур снова влез на плечи Джо и, расцепив

наконечник, защелкнул его вокруг веревки, пропущенной горизонтально сквозь ушки клиньев. Теперь он мог скользить по веревке. Добравшись до первого клина, Нур защелкнул левый блок на веревке за ним и скользнул ко второму.

Там он уперся ногами в скалу, откинулся назад и стал вбивать в трещину третий клин. Это была тяжелая работа, требовавшая частых передышек. Пора было поесть, но все слишком волновались за Нура, чтобы испытывать аппетит.

Пять часов Нур терпеливо вбивал клинья и наконец добрался до места, где снова начинался карниз. К тому времени он совершенно обессилел и едва сумел съехать по скале на выступ.

Бартон двинулся следом за ним, взобравшись на плечи Джо — небезопасный трюк. Не будь Джо таким рослым и сильным, всем пришлось бы повернуть обратно несолоно хлебавши. И умереть с голоду, потому что у них не хватило бы продуктов на обратный путь. Бартон, передвигаясь по веревке, как Нур, благополучно достиг другого края. Нур поймал и удержал Бартона, а тот отстегнул блок и съехал вниз, притормаживая раскинутыми по скале руками. К счастью, карниз здесь был шире, чем по ту сторону провала.

Главной проблемой была переправка тяжелых

мешков. Оставалось, похоже, одно: выкинуть из них все, кроме самого необходимого. Но распаковать их на узком выступе было не так легко. Прибегли к взаимовыручке: один держался за скалу, а другой или другая разгружали его поклажу. При этом одни вещи летели в море, а другие складывались на карниз.

Выбрасывалось все, кроме ножей, огнестрельного оружия, боеприпасов, теплой одежды, продуктов и фляг. Часть всего этого укладывалась в Граали. Алисе и Афре, как самым легким, предстояло перенести в своих котомках оставшиеся вещи Бартона и Нура.

Джо спросил Бартона, брать с собой надувной каяк или нет. Бартон сказал — брать. Но поскольку вес Джо слишком велик, пусть его мешок возьмет де Марбо. А француз разделит свой багаж между Грумз и Тай-Пеном.

Бартону хотелось, чтобы титантроп переправлялся без груза. Пока что клинья сидели крепко, но неизвестно, как они поведут себя при нагрузке в восемьсот фунтов.

Все, один за другим, постепенно переправились на ту сторону — остались только Ах-К'ак и Джо. Майя, совершая переход, вбил каждый клин покрепче.

Джо осушил свою громадную флягу, положил ее на карниз и крикнул:

— Я хочу перейти побызтрей! Не зтану возитьзя з портупеей!

Переправлюзь на руках. — Он ухватился за веревку у первого клина и двинулся вперед, быстро перебирая своими длинными руками и упираясь коленями в скалу.

На середине пути раздался треск, и один клин выпал из гнезда. Джо на миг застыл, потом протянул руку к следующему клину и ухнул вниз, держась за веревку и раскачиваясь, как маятник, что вот-вот остановится.

— Держись, Джо! — крикнул Бартон.

Раздался общий вопль — это выпал второй клин, а за ним посыпались остальные.

Ревущий Джо Миллер в белом, как саван, плаще опять, как когда-то, упал в темные морские воды.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

В ТЕМНОЙ БАШНЕ

ГЛАВА 44

Бартон плакал наравне с другими. Он был привязан к великану, даже любил его. Со смертью Джо группа лишилась солидной доли мужества, бодрости и силы.

Через некоторое время все осторожно развернулись и продолжили свой медленный, опасный спуск. Спустя шесть часов они остановились для еды и сна. Спать было трудно — приходилось лежать на боку, опасаясь скатиться вниз. Все подложили себе под спину пистолеты, надеясь проснуться от этого в случае перемены положения. Справлять нужду тоже было нелегко. Мужчины еще могли помочиться, став лицом к пропасти, хотя ветер постоянно относил брызги назад. Женщинам приходилось свешивать заднюю часть за край, надеясь на лучшее.

Стыдливость при этом проявляла одна только Алиса, требуя, чтобы другие отворачивались, пока она облегчается. И даже тогда чужое при-

сутствие стесняло ее. Но туман порой сгущался, обеспечивая ей уединение.

У всех было невесело на душе — смерть Джо Миллера по-прежнему тяготела над ними. Нельзя было не думать и о том, что этики, возможно, нашли пещеру и запечатали ее.

Шум волн у подножия горы стал громче. Путешественники спускались вниз в сплошных облаках; скала и карниз стали еще мокрее. Наконец Бартона, шедшего во, главе, окатило пеной, и грохот прибоя ударил в уши.

Бартон остановился и посветил вокруг фонариком. Карниз уходил в темную воду. Впереди виднелась осыпь — а за ней, если верить Пахери, должен находиться вход в пещеру.

Он сообщил остальным о своем открытии и вошел в воду до колен. Как видно, выступ здесь выдавался далеко, поскольку прибой был слаб, а неподалеку бушевал вовсю. Вода была очень холодная — ноги сразу окоченели.

Бартон обошел черный язык осыпи, Алиса шла за ним по пятам.

— Есть там пещера? — Ее голос дрожал.

Бартон направил луч фонаря вперед и вправо. Сердце у него колотилось — и не от одной холодной воды.

— Ага! — Вот оно, столько раз представлявшееся ему отверстие у подножия горы. Ход низкий — даже Нуру придется пригнуться, чтобы пройти, но достаточно широкий для лодок, как говорил Пахери.

Бартон передал по цепи великую новость. Грумз, пятая в ряду, завопила:

— Аллилуйя!

Но проявляемое Бартоном ликование не совсем совпадало с его истинными чувствами. Пещера-то на месте, но лодок в ней может не быть.

Ведя за собой Алису на веревке, все еще прикрепленной к его поясу, он пригнулся и вошел в устье. В нескольких футах от входа гладкий каменный пол начал подниматься вверх под углом в тридцать градусов, стены расступились, а потолок поднялся на двадцать футов. Когда все собрались в пещере, Бартон велел отвязать веревку — больше она им не понадобится.

Он осветил фонариком лица — бледные и усталые, но горящие нетерпением. Гильгамеш стоял с правого края, а Ах-К'ак — слева, позади остальных. Если Бартон все-таки намерен схватить их, то этот момент недалек. Но он решил подождать и действовать, как подскажут обстоятельства.

Бартон повернулся и повел всех вверх по тун-

нелю. Ход постепенно забирал вправо, делая дугу окружностью футов в триста, и по мере продвижения становилось все теплее. В конце туннеля показался свет.

Бартон невольно перешел на бег и, влетев в огромный, под куполом, зал, едва не споткнулся о человеческий скелет. Скелет лежал лицом вниз, выбросив вперед правую руку. Бартон подобрал череп, заглянул в него и осмотрел пол. Черного шарика не было.

Свет шел от огромных металлических сфер — их было девять, водруженных на черные металлические треножники двенадцатифутовой высоты. Свет казался холодным.

Десять черных железных лодок стояли на У-образных подставках. Одна подставка была пустая. Раньше здесь стояла лодка, на которой египтяне доплыли до башни.

Лодки были разного размера — самая большая могла вместить тридцать человек.

Слева тянулись металлические полки с серыми банками — жестянками, как сказали бы американцы, — каждая дюймов десять в высоту и шесть в ширину.

— Все так, как говорил Пахери.

Но о трех скелетах в синей одежде, лежащих в

одной из больших лодок, он ничего не говорил.

Вслед за Бартоном, тихо переговариваясь, вошли остальные. Это место бесспорно вселяло трепет, но Бартон, пренебрегая эффектом, поспешил осмотреть неизвестные останки.

Они были одеты в нечто вроде комбинезонов — без карманов, без швов и без пуговиц. Материал был гладкий и вздувался при сжатии.

Бартон откатил в сторону черепа и вытряс кости из одежды. У одного из покойников был крупный, тяжелый костяк, толстые надбровные дуги и массивные челюсти — возможно, он происходил из раннего палеолита. Два других скелета имели современное строение, а у одного был женский таз.

В каждом из трех черепов находился крошечный черный шарик. Если бы Бартон не искал их, он бы их не заметил.

Следов насилия на скелетах не было видно. Что же погубило этих трех агентов?

И каким образом они оказались здесь?

Может, прилетели на одной из воздушных машин, которые Бартон видел мельком много лет назад? Но около входа в пещеру никаких машин не было. Или ее унесло прочь волнами?

Как эти трое нашли свой конец? И почему ни-

кто из башни не пришел за ними?

Очевидно, обитателям башни не до того было. Или они сами мертвы, умерли той же смертью, что и эти трое.

И в этом повинен не иначе как Икс.

Бартон пришел к выводу, что Икс и все прочие агенты и этики застряли в долине вследствие того же события, из-за которого эти трое расстались с жизнью.

Ни одна машина не могла больше прилететь из башни, чтобы забрать их. И ренегат тоже не. мог добраться до башни на спрятанных им где-то транспортных средствах. Ему пришлось под именем Барри Торна лететь туда на дирижабле, построенном Фаербрассом, и в башню ему попасть не удалось.

Впрочем, это загадочное событие, с точки зрения Бартона, сыграло даже на руку и ему, и Иксу. Погибшие агенты, очевидно, обнаружили и веревки, свисающие со скал, и туннели, обнаружили они также, что жители долины пользовались для прохода узким карнизом. Пещеру они, наверное, нашли уже под конец, после того как позаботились, чтобы нежеланные гости не могли больше пройти к морю.

Не произойди какой-то катастрофы, эти трое

закупорили бы пещеру.

Бартон перешел к полкам с консервами. Пластиковая табличка размером двенадцать на двенадцать дюймов, имевшаяся на каждой полке, наглядно показывала, как открывать банки. Бартон в картинках не нуждался — он еще по рассказу Пахери помнил, что надо делать. Обведя пальцем вокруг крышки, он стал ждать. Через несколько секунд крышка, сделанная из прочного металла, дрогнула, замерцала и превратилась в желеобразный покров, легко протыкающийся пальцем.

— Икс позабыл о посуде и приборах, — сказал вслух Бартон. — Ну, ничего! Можно и руками есть!

Его изголодавшиеся спутники бросили осматривать пещеру и последовали его примеру. Все черпали пальцами говяжье жаркое оно было теплое — и доставали хлеб из жестянок с изображением хлебной буханки. Наелись до отвала. Ограничивать себя не было нужды — запасы были обширны.

Бартон, сидя на полу спиной к стене, наблюдал за остальными.

Будь один из них Иксом, разве он не открылся бы к этому времени?

Или он вербовал людей из долины только на крайний случай? Чтобы они таскали ему каштаны из огня, когда он окажется критической ситуации?

Если так, почему он не сказал сразу, чего от них ожидает?

Может быть, он и собирался, но события приняли неожиданный и слишком быстрый оборот. А теперь помощь рекрутов ему больше не нужна. Напротив — они ему только мешают.

И почему он стал на путь измены?

Бартон не верил версии Икса, объясняющей, зачем другие этики воскресили землян.

И не был уверен, что не связался с кем-то, чьи истинные цели были бы ему омерзительны, если бы он их знал.

Вот почему, возможно. Таинственный Незнакомец вел себя так загадочно, почему не рассказывал им правды, почему до сих пор скрывается — если скрывается.

Как бы там ни было, этику давно пора открыть себя. Разве только… разве только Иксу известно, что в группе есть агенты или другие этики. Тогда он будет хранить инкогнито до самой башни Почему до башни? Да потому, что здесь он не в состоянии перебороть или убить своих врагов и

вообще кого бы то ни было, кто мог бы помешать его планам, к добру они направлены или ко злу.

Возможно, его планы требуют, чтобы Икс избавился заодно и от рекрутов. Он нуждался в них, только чтобы добраться до башни.

Что вообще заставляло Икса предполагать, что ему когда-нибудь понадобится их помощь?

Да… Спрюс на допросе говорил что-то об Операторе гигантского компьютера. Бартон не знал, кто этот Оператор, но Икс, наверное, тайно использовал компьютер в начале или еще до начала осуществления проекта воскрешения. Икс мог заложить в машину все вероятности, касающиеся его незаконных замыслов, и просчитать, возможно ли их осуществление. Компьютер мог подсказать ему даже нечто такое, о чем сам Икс не подумал.

Например, представить такую ситуацию или ситуации, где Иксу могут понадобиться рекруты.

Бартон не мог представить себе, что это за ситуация — разве что вот эта, нынешняя.

Что ж, возможно.

Итак, Икс набрал себе рекрутов и стер из компьютера все свои запросы и ответы на них. Каким-то образом он проделал это без ведома Оператора. В том случае, конечно, если Спрюс не

солгал и такие вещи, как Оператор и компьютер, действительно существовали.

Больше всего заботило Бартона то, что Икс ему так и не назвался. Значит, этик скоро начнет действовать — и не заодно с рекрутами, а против них.

Бартон подумал, что надо бы поспать, прежде чем отправляться дальше на лодках. Все согласились с ним, постлали теплую одежду на пол, а часть использовали вместо подушек. Здесь было тепло, и укрываться не понадобилось. Горячий воздух шел из щелей у основания стен.

— Отопление, наверное, обеспечивает атомный реактор, — заметил Фрайгейт. — И освещение тоже.

Бартон решил установить ночные дежурства и нести их по двое, каждая пара по два часа.

— Зачем? — возразил Тай-Пен. — Ясно же, что мы тут единственные люди на двадцать тысяч миль.

— Это неизвестно. Нельзя нам сейчас терять бдительность.

Кое-кто согласился с китайцем, но в конце концов решили, что лишняя предосторожность не повредит. Бартон распределил вахты, назначив Нура напарником Гильгамеша, а себя — напар-

ником Ах-К'ака.

Мавра трудно застать врасплох — он прекрасно ориентируется в чужих намерениях и чувствах и часто по едва уловимым телесным проявлениям догадывается, что сейчас сделает человек. Возможно, конечно, что Нур — агент или что Гильгамеш в сговоре с Ах-К'аком. Пока один будет дежурить, второй притворится спящим и в нужный момент поможет первому обезвредить его напарника.

Возможно было все, но приходилось идти на риск. Нельзя же совсем не спать.

Больше всего. Бартон беспокоился о том, как бы Икс, если он здесь, не взял ночью маленькую лодку и не попал в башню раньше остальных. Тогда он запрет нижний вход — и конец.

Первыми дежурили де Марбо с Алисой, и Бартон дал французу свои наручные часы. Потом лег на свою подстилку около входа в туннель и сунул под подушку заряженный пистолет. Уснуть ему удалось с трудом, и не ему одному, если судить по многочисленным вздохам и бормотаниям. Первая вахта уже почти истекла, когда он погрузился в тревожный сон. Он то и дело просыпался, и ему снились кошмары, отражавшие события последних тридцати лет Бог, одетый как джентльмен

поздней викторианской эпохи, тыкал его в ребра тяжелой тростью: «Ты должен мне за плоть. Плати».

Бартон открыл глаза и посмотрел вокруг. Теперь дежурили Тай-Пен с Блессид Грумз. Китаец, всего футах в десяти от Бартона, что-то тихо говорил негритянке. Потом Грумз влепила ему пощечину и отошла. — Желаю, чтобы в следующий раз тебе больше повезло, Тай-Пен, — сказал Бартон и опять уснул.

Когда дежурили Нур и Гильгамеш, он проснулся снова и лишь чуть-чуть приоткрыл глаза, чтобы его считали спящим. Оба дежурных сидели в одной из больших лодок у приборной доски. Шумер, похоже, рассказывал мавру что-то смешное, потому что Нур улыбался. Бартону не понравилось, что они сидят рядом. Силачу Гильгамешу ничего не стоило схватить Нура за горло.

Нур, однако, чувствовал себя вполне вольготно. Бартон еще немного последил за ними и задремал. В следующий раз он проснулся оттого, что Нур его тряс.

Бартон встал, зевая. Ах-К'ак стоял у полок и ел тушенку с хлебом. Он жестом предложил Бартону присоединиться. Тот потряс головой, не желая подходить к нему ближе, чем необходимо. Взяв

пистолет из-под подушки, Бартон положил его в кобуру. Он заметил, что Ах-К'ак тоже при оружии. Ничего примечательного в этом не было — какой же смысл нести караул без оружия.

Бартон, стоя футах в шести от Ах-К'ака, сказал, что выйдет помочиться. Майя, с набитым ртом, кивнул. Он похудел за это трудное путешествие и теперь, похоже, вознамерился вернуть утраченное.

Если этот обжора действительно Икс, подумал Бартон, то он превосходный актер.

Бартон шел по туннелю, то и дело оглядываясь и прислушиваясь, не раздадутся ли сзади шаги. Фонарь он зажег только у выхода из пещеры, поставив его на покатый дол. Луч устремился в мокрый, тяжелый туман. Быстро покончив со своим делом, Бартон вернулся в пещеру.

Вот подходящий случай для Ах-К'ака, чтобы напасть. Но Бартон ничего не слышал, кроме шума волн, дробящихся о скалы неподалеку. Когда он вернулся, Ах-К'ак сидел, прислонясь к стене, закрыв глаза и повесив голову.

Бартон прислонился к противоположной стене. Вскоре майя встал, потянулся и показал знаком, что хочет выйти. Бартон кивнул. Ах-К'ак, болтая отвисшим подбородком, пошел в туннель. Бартон

решил, что был излишне подозрителен. Через минуту ему стало казаться, что он был недостаточно подозрителен. Что, если майя все-таки Икс и у него где-то поблизости спрятана лодка? В какой-нибудь щели, до которой можно дойти по мелководью.

Прошло десять минут — не такой уж долгий срок. Может, пойти следом за Ах-К'аком?

Не зная, на чем остановиться, Бартон увидел, что майя возвращается, и вздохнул с облегчением. Прошла уже половина их вахты, остальные спят уже не так крепко, и их легче будет разбудить а случае чего. Да и для Икса логичнее было бы дождаться прибытия в башню. Там, на своей территории, ему будет легче с ними справиться.

После шестичасового сна Бартон разбудил всех. Они прогулялись наружу — мужчины отдельно, женщины отдельно — и вернулись, жалуясь на холод. Бартон и Ах-К'ак к тому времени разлили воду из фляг по чашкам, взятым из Граалей, приготовясь добавить туда растворимый кофе, одновременно нагревавший воду. Все попили кофе и сели завтракать. Некоторые опять вышли к морю. Грумз заявила, что нехорошо оставлять скелеты без погребения, и подняла такой шум, что Бартон счел за лучшее уступить ей. Какая

теперь разница — чуть раньше или чуть позже?

Кости вынесли и бросили в море после прочтенной Грумз пространной молитвы. Скелет, лежавший ближе к туннелю, определенно принадлежал матери Билссид, но никто не сказал ей об этом, чтобы не причинить горя. Бартон и еще несколько человек помнили рассказ Пахери: когда египтяне вошли сюда, на черепе сохранились еще остатки скальпа с черными курчавыми волосами.

Вернувшись, они загрузили одну из тридцатиместных лодок своими пожитками и поставили туда шестьдесят банок с консервами. Четверо мужчин подняли большую, но очень легкую лодку и вынесли через туннель к морю. Следом двое мужчин и двое женщин несли лодку поменьше, которой предстояло идти за первой на буксире.

Бартон, спрошенный, зачем им лишняя лодка, ответил:

— На всякий случай.

Он сам не знал, какой это может быть случай. Но лишняя предосторожность не помешает.

Выходя последним, он оглянулся в последний раз. Было очень тихо, а горящие светильники и пустые лодки создавали странное впечатление. Будут ли у группы Бартона последователи? Он

сомневался в этом. Их экспедиция третья и пока что самая успешная. Все делается три раза. Бартон подумал о Джо Миллере, дважды упавшем в море. Уж тут-то третьего раза не будет?

Может, и будет, если мы постараемся, подумал он.

Все, кроме Ах-К'ака и Гильгамеша, сели в большую лодку, столкнули ее на воду, влезли и принялись вытирать ноги. Бартон досконально изучил табличку-карту, запомнив ее наизусть. Стоя на помосте у штурвала, он нажал одну из клавиш, и панель осветилась. Обозначений под клавишами не было, но на схеме показывалось, для чего они предназначены.

Одновременно с подсветкой на экране вспыхнул ярко-оранжевый цилиндр — башня.

— Можно трогаться, — сказал Бартон, нажимая вторую клавишу. — Ну что — вперед?

— Вперед, на встречу с мудрецом из страны Оз, Королем-рыбаком! — сказал Фрайгейт. — К Священному Граалю!

— Если Грааль и вправду священный, — засмеялся Бартон, — что мы-то тогда здесь делаем?

Что бы ни двигало лодку — не было ни вибрации, ни следа за кормой, — она быстро шла вперед. Скорость регулировалась с помощью

пластиковой груши, прикрепленной к штурвалу справа Для этого грушу следовало сжать или отпустить. Бартон, повернув штурвал так, чтобы изображение башни передвинулось из правого угла экрана в его центр, начал жать грушу. Лодка резала волны, идя по морю наискосок. Брызги мочили сидящих сзади, но Бартон не сбавлял хода.

Он то и дело оглядывался. В темноте и тумане он не видел даже кормы, а пассажиры жались в кучку, напоминая в своих белых одеяниях души, перевозимые в ладье Харона.

Все молчали, точно и впрямь души усопших.

По словам Пахери, лодке Эхнатона потребовалось часа два, чтобы дойти до башни. Это потому, что фараон боялся вести ее на предельной скорости. Согласно показаниям радара «Парсеваля», диаметр моря составляет тридцать миль. А диаметр башни — миль десять. Так что от пещеры до нее — всего двадцать миль. Лодка фараона, наверно, ползла, делая не больше десяти миль в час.

Башня на экране быстро увеличивалась — и вдруг вспыхнула огнем.

Значит, цель совсем близко.

По инструкции теперь следовало нажать очередную клавишу. Бартон так и сделал, и два необычайно ярких носовых прожектора ударили

в туман, осветив огромную закругленную стену.

Бартон отпустил грушу — лодка сразу сбавила скорость и начала дрейфовать. Снова включив энергию, Бартон развернул ее в направил к темной громаде. Он нажал еще одну кнопку и на гладкой на вид стене открылась большая овальная дверь, толстая, как в подвале банка.

Из нее лился свет.

Бартон сбросил тягу и повернул штурвал. Лодка стукнулась бортом о порог. Множество рук ухватилось за дверь, удержав лодку на месте.

— Аллилуйя! — завопила Блессид Грумз. — Мама, скоро я приду к тебе и воссяду по правую руку от Господа нашего!

Все остальные вздрогнули. Тишина, нарушаемая только легким стуком лодки о металл, была так глубока и всех так потрясло то, что башня наконец открылась перед ними, что вопль Блессид показался им чуть ли не святотатством.

— Тихо! — крикнул Фрайгейт и тут же засмеялся — Блессид легко его заглушила.

— Мама, я иду! — вопила она.

— Заткнись, Грумз! — сказал Бартон. — Не то я, ей-Богу же, вышвырну тебя за борт! Нашла место истерику закатывать!

— Это не истерика! Я ликую! Благодать Господ-

ня наполняет меня!

— Ну так держи ее при себе. Грумз сказала, что Бартону прямая дорога в ад, но подчинилась.

— Может, ты и права, — сказал он. — Однако мы все идем одной дорогой. Если там, внутри, рай, мы будем с тобой. Если ад…

— Не говори так! Это кощунство!

Бартон вздохнул. В общем и целом Блессид нормальна, но религиозный фанатизм заслоняет от нее и факты, и все противоречия ее веры. В этом она очень похожа на его жену Изабел, правоверную католичку, которая, однако, ухитрялась одновременно верить и в спиритизм. А ведь Грумз — сильная женщина, выносливая, никогда не жалуется и приносила большую пользу в пути, когда не пыталась обратить остальных в свою веру.

За дверью виднелся серый металлический коридор, описанный Пахери. От спутников египтянина, пораженных в этом коридоре неведомой силой, не осталось и следа. Сам Пахери побоялся идти с остальными и остался в лодке. Эхнатон и его люди упали на пол, и дверь закрылась так же бесшумно, как и открылась. Пахери не смог отыскать путь в пещеру, попытался спуститься на лодке через первый порог и очнулся на дальнем

берегу Реки. Но теперь воскрешений больше нет.

Бартон расстегнул кобуру и сказал:

— Я пойду первым.

Он шагнул через порог. Теплое дуновение согрело ему лицо и руки. Бестеневой свет исходил, казалось, из стен, пола и потолка. В конце коридора виднелась закрытая дверь. Входная дверь открывалась с помощью стержней из серого металла, уходивших в серый же, шестифутовый куб у наружной стены. Основание куба сливалось с полом без всяких сварочных швов или болтов.

Бартон подождал, пока войдут Алиса, Афра, Нур и де Марбо, и не велел им отходить дальше десяти футов от двери. Потом крикнул:

— Давайте-ка сюда маленькую лодку!

— Зачем? — спросил Тай-Пен.

— Заклиним ею дверь, чтобы не закрылась.

— Но ее же раздавит, — сказала Алиса.

— Не думаю. Лодка сделана из того же материала, что Граали и башня.

— Но выглядит она ужасно хрупкой.

— У Граалей тоже тонкие стенки, и инженеры в Пароландо пытались взорвать их, разрезать, расплющить падающим молотом Ничего не вышло.

Свет из коридора падал на лица оставшихся в лодке — удивленные, восхищенные, бесстраст-

ные. Попробуй определи по их реакции, кто из них Икс.

Вопрос задал один Тай-Пен, но это еще ничего не значит Китайцу всегда надо знать, отчего да почему.

Общими усилиями маленькую лодку подняли и просунули в дверь. Она плотно вошла в середину овала, и под ней осталось достаточно места, чтобы проползти тем, кто был в лодке, когда они передадут внутрь тюки и консервы.

Бартон отходил все дальше, уступая место вновь входящим Держа пистолет в руке, он велел Алисе достать свой. Остальные, увидев направленное на них дуло, остолбенели. Еще сильнее, они изумились, когда Бартон приказал им заложить руки за голову.

— Ты Икс! — сказал Фрайгейт.

— Ничего подобного! — смеясь, как гиена, сказал Бартон. Но сейчас я выведу Икса на чистую воду!

ГЛАВА 45

— Ты подозреваешь всех, кроме Алисы, да? — спросил Нур.

— Нет. Среди вас могут быть агенты — если это так, я предлагаю им назваться. Но я видел этиков

во время их совета, и только двое в нашей группе напоминают своим сложением того, кто, как я думаю, может быть Иксом!

Бартон подождал. Было ясно, что, если здесь и есть агенты, сознаваться они не собираются.

— Прекрасно. Я объясню. Представляется очевидным, что Икс и Барри Торн, а возможно, и Одиссей — одно лицо. Тори и Одиссей были малы ростом и очень мускулисты. Лицом они тоже походили друг на друга, хотя у Одиссея торчали уши и он был намного смуглее. Но эти черты можно изменить искусственно. Этиков похожей наружности звали Лога и Танабур. Двое из нашей группы могут быть и тем и другим. Однако мне кажется, что инженер Подебрад, убитый на «Рексе», был Танабуром. Или Логой. Во всяком случае, мы и шагу не ступим дальше, пока я не допрошу с пристрастием этих двоих. — Бартон сделал паузу и сказал: — Это Гильгамеш, называющий себя древним шумером, царем Урука, и Ах-К'ак, так называемый индеец-майя!

— Но, Ричард. — тихо сказала Алиса. — Если ты слишком круто за них возьмешься, они могут просто покончить с собой.

— Слыхали, что она сказала? — гаркнул Бартон. — Нет? Что Иксу легко избежать допроса,

покончив с собой! Но я-то знаю, что он этого не сделает! Иначе ему пришлось бы отказаться от своих планов, какими бы они ни были! Воскрешения из мертвых больше не будет! Итак… я решил наконец действовать, потому что дальше мы без него ничего не сможем сделать. Только Икс знает, как отключить газ или ультразвук, или что там еще сразило египтян. И еще я жду ответов на свои вопросы!

— Опомнись, приятель! — сказал Том Терпин. — А вдруг Икса среди нас нет? С огнем играешь!

— Я убежден, что он здесь. И вот что я намерен сделать. Если никто не сознается, я оглушу тебя, Гильгамеш, и тебя, Ах-К'ак. Вы мои главные подозреваемые. А когда вы начнете приходить в себя, я вас загипнотизирую. Монат Грраутут, арктурианин, а с ним мнимый Питер Джейрус Фрайгейт и Лев Руах когда-то загипнотизировали моего друга Казза. Не одни они умеют играть в эту игру. Я признанный мастер гипноза, и если вам есть что скрывать, я это из вас вытяну. В наступившей тишине все опасливо смотрели друг на друга.

— Ты злой человек, Бартон! — сказала Грумз. — Мы стоим у райских врат, а у тебя смертоубийство на уме!

— Убивать я никого не собираюсь — хотя готов

это сделать, если придется. Хочу я одного — раскрыть эту тайну. Среди вас могут быть агенты. Я призываю их сознаться. Терять им нечего, а приобрести они могут многое. Поздно пытаться скрыть что-то от нас.

— Но… но, дорогой мой Бартон! — вскипел де Марбо. — Вы оскорбляете меня! Я никакой не агент и не этик! Я тот, кто я есть, и я ударю всякого, кто назовет меня лжецом!

— Если один из них или оба неповинны, — сказал Нур, — вина ляжет на тебя. Нельзя безнаказанно оскорблять невиновных. Кроме того, ты можешь превратить друзей во врагов. Нельзя ли загипнотизировать их, не прибегая к насилию?

— Мне это так же неприятно, как и тебе, — сказал Бартон. — Поверь мне. Но, возможно, этик и сам превосходный гипнотизер — и уж безусловно обладает повышенной сопротивляемостью. Я должен оглушить их, чтобы они не воспользовались этими своими способностями, и захватить их, когда они будут еще не совсем в себе.

— Но это так жестоко, Ричард, — тихо сказала Алиса.

— А теперь, — сказал Бартон, — бросьте свое оружие на пол. По одному и медленно. Ты первый, Нур.

Ножи и пистолеты заклацали о серый металл. Когда все разоружились, Бартон велел им отойти назад, а Алиса собрала оружие и сложила его в кучку у него за спиной.

— Руки не опускать.

Почти на всех лицах читался гнев, негодование, уязвленное самолюбие. Лица Гильгамеша и Ах-К'ака превратились в каменные маски.

— Подойди ко мне, Гильгамеш, — сказал Бартон. — В пяти футах от меня остановись и повернись спиной.

Шумер медленно двинулся к нему Сквозь его маску невозмутимости пробился гнев.

— Если ты ударишь меня, Бартон, я твой враг навеки. Я был когда-то царем Урука и происхожу от богов! Никто не смеет тронуть меня безнаказанно. Я убью тебя!

— Мне искренне жаль это делать, — сказал Бартон. — Но ты должен понимать, что дело идет о судьбе целого мира. Будь я на твоем месте, а ты на моем, я не стал бы тебя упрекать. Я возмущался бы, да, но я бы понял!

— Когда ты выяснишь, что я невиновен, уж лучше убей меня! Иначе сам будешь убит! Я правду говорю!

— Там видно будет. Бартон собирался в том

случае, если окажется, что шумер не Икс, дать Гильгамешу под гипнозом команду простить его, Бартона, по выходе из транса. Он мог бы приказать забыть обо всем, но другие, несомненно, не преминут напомнить Гильгамешу.

— Руки за голову, — сказал Бартон. — Теперь повернись. Не волнуйся, очень больно не будет. Я точно знаю, с какой силой следует бить. Ты потеряешь сознание всего на несколько секунд..

Бартон занес пистолет над головой шумера, но тот с криком «Нет!» обернулся и выбил у Бартона оружие.

Алисе следовало бы выстрелить, но она вместо этого принялась лупить шумера по спине своим собственным пистолетом. Бартон, несмотря на всю свою силу, не устоял против геркулесовой мощи, Гильгамеша и был поднят на воздух. Он ударил шумера по лицу, пустив ему кровь и поставив синяк, а шумер вскинул его высоко над головой и швырнул об стену. Оглушенный Бартон сполз на пол.

Все подняли крик, а Алиса громче всех. Это не помешало ей наконец угодить рукояткой своего пистолета Гильгамешу по голове. Он пошатнулся и начал оседать.

Тут Ах-К'ак, проворный, несмотря на свою

толщину, подскочив к Алисе, выхватил у нее пистолет и побежал в конец коридора.

Бартон попытался встать, крича:

— Держите его! Держите! Это этик! Икс! Икс!

Ноги у него были, точно надувные шары, из которых выходит воздух. Он снова опустился на пол.

Майя — нет, какой там майя! — хлопнул ладонью по стене слева от себя, и дверь в дальнем конце коридора сразу же ушла вбок.

Бартон попытался заметить место, куда ударил Икс. При нажатии на него, несомненно, включается какая-то аппаратура, не только открывающая дверь, но и обезвреживающая оружие, уложившее египтян.

Маленький тощий Нур, быстрый, как молния, схватил из кучи оружия пистолет и поднял его, держа обеими руками. Прогремел выстрел. Пуля ударила в дверь, за которой спрятался Икс, и в воздухе засвистели осколки пластика. Икс упал по ту сторону двери, мелькнув обутыми в черное ногами. Потом ноги исчезли.

Нур бросился за ним, но на пороге остановился, осторожно выглянул и сразу убрал голову. Пуля Икса расплющилась о стену около двери. Нур опустился на колени и снова выглянул. Снова

грянул выстрел, но Нур, кажется, не пострадал.

К тому времени и другие, разобрав свое оружие, устремились к двери.

При всей бесполезности сожалений Бартон не мог не пожалеть, что не взялся сначала за Ах-К'ака.

Он крикнул Алисе, склонившейся над Гильгамешем. Она помогла ему встать. Плача, она подошла к Бартону и взяла его за руки.

В голове у него прояснилось, и ноги как будто стали потверже. Через минуту он совсем оправится.

— Фрайгейт! Тай-Пен! Терпин! — крикнул он. — Возьмите Гильгамеша! Все остальные — вперед! Вперед, пока он не запер дверь!

— Да он ушел! — прокричал Нур.

Трое названных подбежали, подняли тяжелого шумера и вынесли его за дверь. Бартон оперся на Алису, обняв ее рукой за шею, и они последовали за остальными. Добравшись до двери, он уже почувствовал, что может идти сам.

Терпин оставил на пороге свой Грааль, чтобы помешать двери закрыться… Как только Бартон с Алисой прошли, дверь поехала назад, наткнулась на Грааль и остановилась.

Нур показал им кровавые пятна на полу.

— Пуля ударила в стену, но осколки зацепили его.

Оба конца коридора тянулись куда-то в бесконечность. Свет был резкий, бестеневой. Ширина коридора на глаз составляла футов сорок, а высота — пятьдесят. Он едва заметно изгибался, следуя за кривизной башни. Интересно, что находится между коридором и наружной стеной? Возможно, там пустота, а возможно, кое-где размещены машины или склады. По стенам, через неправильные промежутки, на уровне глаз виднелись выпуклые буквы или символы — одни из них на первый взгляд напоминали руны, а другие — письмо хинди.

Бартон оставил на полу пулю, чтобы отметить выход, если дверь все же закроется.

Кровавый след прервался на площадке, с круглым отверстием диаметром футов сто в центре. Бартон подошел к краю и посмотрел вниз… Темная шахта была освещена через равные промежутки, где в нее выходили другие этажи. Бартон не знал, какова глубина шахты, но она, по всей видимости, составляла несколько миль. Он опустился на колени, вцепившись в края, и посмотрел вверх — там было то же самое.

Но вверх шахта уходит не больше чем на милю

— такова высота башни над уровнем моря.

Гильгамеш тем временем очнулся. Он сидел на полу, держась за голову, и стонал.

— Что со мной случилось? — спросил он. Бартон объяснил.

— Так это не ты ударил меня? — простонал шумер. — Это была женщина?

— Да, и я приношу тебе свои извинения, если они тебе нужны. Но я должен был убедиться.

— Она защищала своего мужчину. Если ты меня не ударил, то оскорбления нет. Но есть телесные повреждения.

— Ничего, скоро все пройдет, — сказал Бартон. Он умолчал о том, что съездил Гильгамешу по морде. В данном случае лучше всей правды не открывать. В прошлой жизни Бартон нажил множество врагов — и это не пугало его, а даже доставляло известное удовлетворение. Но за последние двадцать лет он понял, что вел себя в этом смысле иррационально. Мудрый суфи Нур дал ему это понять, хотя и не напрямую. Бартон сам дошел до этого, слушая беседы Нура с его учеником Фрайгейтом.

— По-моему, Икс уехал на лифте, — сказал Бартон. — Но лифта здесь не видно. И какой-либо аппаратуры вызова тоже.

— Может, это потому, что никакой кабины и нет, — сказал Фрайгейт.

Бартон вытаращил глаза. Фрайгейт достал из кошелька на поясе пластиковую пулю и бросил ее в пустоту. Она остановилась на уровне пола, точно завязла в чем-то.

— Ах ты, черт! Смотри-ка, угадал!

— Что угадал?

— Что в шахте существует какое-то поле. Но вот как попасть, куда тебе надо? Может, нужен код, чтобы управлять полем?

— Ты правильно мыслишь, — сказал Нур.

— Спасибо, учитель. А вдруг одному нужно вниз, а другому вверх? Может ли поле работать одновременно в обоих направлениях?

Если с этажа на этаж можно попасть только через такие шахты — эта, надо думать, не единственная, — то путешественники оказались в ловушке. Этику остается только подождать, пока они не перемрут с голоду.

Бартон разозлился. Всю жизнь он чувствовал себя в клетке — некоторые решетки он разламывал, но самые крепкие остались незыблемыми.

И вот сейчас, на пороге открытия великой тайны, он снова попал в клетку, из которой, похоже, выхода нет.

Он медленно опустил одну ногу в пустоту и почувствовал сопротивление. Решив, что неведомая сила должна выдержать его вес, он ступил в шахту обеими ногами. Он был на грани паники — любой на его месте чувствовал бы то же самое. Однако вот он стоит на воздухе, и под ногами у него бездна.

Он поднял пулю и бросил ее Фрайгейту.

— Что же теперь? — спросил Нур. Бартон посмотрел вверх и вниз.

— Не знаю. Тут не просто воздух. Эта среда оказывает легкое сопротивление, когда я двигаюсь. Но дышу я свободно.

Стоять там было все-таки, мягко говоря, неуютно, и Бартон вернулся на твердый пол.

— Там такого ощущения нет. То, что под ногами, немного пружинит подо мной. — Настало молчание, и он предложил: — Ну что ж, пошли дальше?

ГЛАВА 46

Вскоре они пришли к другой лифтовой площадке, помеченной выпуклыми знаками. Бартон снова заглянул вниз и вверх, ища каких-нибудь указаний, — но эта шахта была так же пуста, как и первая.

Когда они ушли оттуда, Фрайгейт сказал:

— Интересно, жив ли еще Пискатор? Вот если бы он нам встретился…

— Если бы? Мы не можем полагаться на «если бы», как бы это ни было свойственно человеку, — сказал Бартон. Фрайгейт надулся.

— Пискатор, как я понимаю, был суфи, — сказал Нур. — Этим объясняется то, что он прошел через верхний ход. Насколько я слышал, там имеется какое-то силовое поле, сродни электромагнитному, не допускающее внутрь тех, кто не достиг определенного этического уровня.

— Он, должно быть, здорово отличался от всех известных мне суфи, за исключением тебя, — сказал Бартон. — Все египетские суфи были жулики.

— Есть истинные суфи и ложные суфи, — ответил Нур, оставшись глухим к насмешке. — Я полагаю, что ватан отражает этическое и духовное развитие личности — и силовое поле, смотря по тому, что показывает ватан, открывает или преграждает вход в башню.

— Как же тогда Икс ходил этим путем? Его этика очевидно, не так высока, как у других.

— Как знать. Если то, что он говорил о других этиках, правда… Но, возможно, Икс проделал свой тайный ход именно для того, чтобы не поль-

зоваться верхним. Но он должен был сделать это, когда башня только еще строилась — значит, задумал свой план заранее. Он еще тогда знал, что поле его не пропустит.

— Нет. Другие-то видели его ватан. И могли понять, что Икс деградировал — изменился, во всяком случае. Могли даже понять, что он им изменил.

— Может, Икс приспособился как-то подделывать свой ватан. Ну… заставлять его выглядеть иначе, чем на самом деле. Тогда он мог не только сходить за своего, но и силовое поле надуть.

— Возможно, — согласился Нур. — Но ведь его товарищи могли об этом догадаться?

— Может, они не знали, что такое возможно. Может, Икс сам изобрел такой прибор.

— А по тайному ходу, — подхватил Бартон, — он мог покидать башню так, что никто об этом не знал.

— Выходит, в башне не было радаров?

— Ну и что ж? Если б радары были, они обнаружили бы и первую, и вторую экспедиции, когда те еще только спускались по карнизу, — заметил Бартон. — И пещеру засекли бы — хотя на пещеру, возможно, операторы не обратили бы внимания. Не было здесь радара, сканирующего море и горы.

Да и зачем? Этики не верили, что кто-нибудь может забраться так далеко.

— У нас у всех имеются ватаны, — сказал Нур, — если правда то, что сказали тебе на Совете Двенадцати. Их ватаны ты видел сам. Чего я не понимаю — так это почему этики не выследили тебя задолго до того времени. Снимок твоего ватана должен был храниться в том гигантском компьютере, о котором говорил Спрюс. Как и снимки всех наших ватанов, вероятно.

— Возможно, Икс подменил снимок моего ватана. Это объясняет, почему агент Аньо имел при себе мою обычную фотографию.

— Мне кажется, у этиков имелись наверху поисковые спутники, — сказал Фрайгейт. — Но они не смогли найти тебя по ватану, потому что ватан был изменен.

— Хм-м, — произнес Нур. — Интересно, влияет ли искажение ватана на духовную сущность его носителя?

— Помните, де Марбо рассказывал, как Клеменс анализировал связь между ватаном, ка или душой — называйте, как хотите — и телом? — сказал Бартон. — Клеменс пришел к выводу, что ватан действительно отражает личность человека. Для этого он и нужен. Бесполезно пытаться

приделать ватан к копии чьего-то тела, поскольку копия отличается от оригинала. В ничтожно малой степени, но отличается. И если ватан или душа действительно суть человека, вместилище самосознания, то мозг человека самосознанием не обладает. Без ватана человеческое тело будет обладать разумом, но не самосознанием. Понятие своего «я» будет отсутствовать. Для ватана человеческий организм — то же, что для человека лошадь или автомобиль.

Ну возможно, это не совсем верное сравнение. Комбинация ватана и тела больше напоминает кентавра. Это сплав. И человеческая, и конская половины не могут существовать одна без Другой.

Возможно, ватану тоже необходимо тело, чтобы обрести самосознание: ведь, по словам этиков, ватаны без тел блуждают в пространстве, лишенные не только самосознания, но и сознания вообще.

Согласно же нашей теории, это тело генерирует ватан. Как — я не знаю, у меня нет даже гипотезы на этот счет. Но ватан без тела возникнуть не может. У эмбрионов имеются эмбриональные ватаны, у младенцев — младенческие. Ватан взрослеет вместе с телом.

Но существуют две стадии взрослости. Назовем высшую стадию суперватанностью. Ватан, не достигший определенного этически духовного уровня, обречен после смерти тела вечно блуждать в пространстве, лишенный сознания.

Если только, как здесь, не будет создана копия тела и ватан не вернется к ней, повинуясь некоему притяжению, это тело-дубликат будет обладать разумом, но не концепцией своего «я». Этой концепцией обладает ватан, но лишь при условии воссоединения с телом.

Без ватанов люди бы тоже стали из обезьян людьми, разработали бы язык, развили науку и технику — но религии бы у них не было, и они не больше сознавали бы свои «я», чем муравьи.

— И что у них был бы за язык? — сказал Фрайгейт. — Попробуйте представить себе язык, в котором отсутствует местоимение «я». А возможно, также и «ты», «вы». Я не уверен, что такие люди могли бы создать язык — в вашем понимании. Они так и остались бы разумными животными. Или скорее живыми машинами, не столь зависящими от инстинкта, как животные.

— Поговорим об этом подробнее как-нибудь в другой раз.;— Ну а как же шимпанзе?

— Возможно, у них есть рудиментарные вата-

ны с низким уровнем самосознания. Никто ведь не доказал, что у обезьян нет своего языка или самосознания. Сам ватан, без тела, самосознания развить не может. Если у человека не развит мозг, то и ватан будет недоразвитый — а следовательно, способный достичь лишь самого низкого этического уровня.

— Э нет! — сказал Фрайгейт. — Ты путаешь интеллект с моралью. Мы оба знали слишком много людей с высоким умственным развитием и низким этическим, да и наоборот, чтобы поверить, что высокий интеллектуальный коэффициент обеспечивает столь же высокий моральный уровень.

— Да-а, но ты забываешь о воле.

Они пришли к следующей площадке, и Бартон осмотрел шахту.

— Все то же самое.

Отряд двинулся дальше, и Бартон вернулся к своей роли Сократа.

— Итак, воля. Мы должны признать, что полной свободой она не обладает. На нее влияют внешние события — внешняя среда, — а также внутренняя жизнь тела — внутренняя среда. Физические и душевные повреждения, болезни, химические процессы и прочее — все это влияет

на волю человека. Маньяк был бы хорошим человеком, если бы болезнь или травма не сделали из него мучителя и убийцу. Психологические или химические факторы приводят к расщеплению личности, создают моральных калек и уродов.

Ватан, я полагаю, столь тесно связан с телом, что отражает все его умственные перемены. У идиота или слабоумного и ватан идиотский или слабоумный.

Вот почему этики воскресили идиотов и слабоумных где-то в другом месте — если наши рассуждения верны, — где их можно лечить без помех. Медицина этиков позволяет полностью развить недоразвитый мозг. И ватаны этих больных тоже становятся высокоразвитыми, в полной мере способными выбирать между добром и злом.

— И получают возможность стать суперватанами и воссоединиться с Богом, — добавил Нур. — Я внимательно слушал тебя, Бартон. И не согласен с многим. Прежде всего с тем, что Бог не заботится о своих душах. Бог не дал бы им блуждать без смысла и цели. Бог дал бы им всем приют.

— Возможно, Бог — если он есть — действительно о них не заботится, — сказал Бартон. — Никаких свидетельств обратному нет. Как бы

там ни было, я не согласен, что человек без ватана не обладает свободой воли — то есть лишен способности выбирать между моральными альтернативами. Он не способен превозмочь требования тела, окружающей среды или личные склонности. Он не способен сам себя поднять за волосы. Только ватан обладает свободой воли и самосознанием. Но я признаю, что выражать он их может лишь через посредство тела. И признаю, что ватан тесно взаимодействует с телом и подвержен его влиянию. Ватан должен иметь личностные свойства, но большую их часть он черпает от тела.

— Прекрасно, — сказал Фрайгейт. — А не пришли ли мы опять к тому, с чего начинали? Мы так и не сумели провести четкую грань между ватаном и телом. Если ватан поставляет самосознание и свободу воли, он все же зависит от тела в части характера, генетических свойств и нервной системы. Он, так сказать, поглощает эти качества или делает с них фотоснимки. Значит, в определенном смысле ватан лишь копия, а не оригинал.

Когда тело умирает, оно расстается с жизнью бесповоротно. Ватан покидает его, что бы это ни означало, унося с собой копии эмоций и мыслей

— все, что составляет личность. Он проявляет свободу воли и самосознание, если его присоединяют к телу-дубликату. Но личность получается несколько иной.

— Он только что доказал, — сказала Афра Бен, — что души нет — в том смысле, как это всегда понимали. А если и есть, то так — мелочь, никакого отношения к бессмертию человека не имеющая.

Тай-Пен заговорил впервые с тех пор, как Бартон поднял эту тему.

— А я сказал бы, что ватан — это главное. Из всего, что есть в человеке, только он и бессмертен, только его этики и могут сохранить. Он — то же самое, что шансеры называют «ка».

— Что ж это тогда за половинчатость такая? — вскричал Фрайгейт. — Ватан — только часть меня, умершего на Земле существа! Я не могу быть воскрешен, пока не воскресят мое тело!

— Это та твоя часть, которая принадлежит Богу и которую он возьмет к себе, — сказал Нур.

— Да кому это надо? Я хочу быть собой — цельным, полноценным существом!

— Ты достигнешь блаженства, слившись с Богом.

— Ну и что? Собой-то ведь я уже не буду!

— Но и на Земле в тридцать лет ты был не таким, как в пятьдесят. Все твое существо ежесекундно подвергалось и подвергается переменам. Атомы, из которых состоит твое тело при рождении, не те, из которых оно состоит в восемь лет. Их заменяют другие атомы — так же будет и в сорок лет, и в пятьдесят.

Твое тело меняется, а с ним и мысли, и запас воспоминаний, и верования, и взгляды, и реакции. Ты никогда не был одним и тем же.

Когда же — если ты, творение, — вернешься к Творцу, ты тоже подвергнешься перемене. Уже последней перед тем, как стать неизменным. Он неизменен, ибо ему нет нужды меняться. Он совершенен.

— Чушь! — ответил Фрайгейт, покраснев и сжав кулаки. — Я хочу жить вечно, будучи самим собой, хотя бы и несовершенным. Стремясь при этом к совершенству. Пусть оно и недостижимо! Все дело в стремлении к нему — это оно помогает нам выносить невыносимую порой жизнь. Я хочу быть собой всегда, вечно! Как бы я ни менялся, есть во мне нечто неизменное, душа или что-то еще, что противится смерти, отвергает ее, считает чем-то неестественным. Смерть — это оскорбление действием, самая мысль о котором

не укладывается в голове.

Если Творец строит относительно нас какие-то планы, почему он не поделится ими с нами? Неужто мы так глупы, что не поймем? Сказал бы прямо! Книги, которые пишут пророки, провидцы и ревизионисты, заявляющие, что сам Бог вдохновил их на это, — все сплошная ложь! Никакого смысла в них нет, и одна противоречит другой. Разве Бог может делать противоречивые заявления?

— Они лишь кажутся противоречивыми, — сказал Нур. — Когда ты достигнешь высшей стадии мышления, ты поймешь, что эти противоречия совсем не то, чем тебе представлялись.

— Тезис, антитеза и синтез — это хорошо для человеческой логики! Но я стою на том, что нельзя оставлять нас в неведении. Нужно ознакомить нас с Планом. А тогда мы посмотрим, согласиться с этим Планом или отвергнуть его!

— Ты все еще находишься на низшей стадии развития и не желаешь двигаться вперед, — сказал Нур. — Вспомни о шимпанзе. Они достигли определенного уровня, но дальше так и не пошли. Они сделали неверный выбор, и…

— Я не обезьяна! Я человек, мыслящее существо!

— А мог бы стать кем-то большим.

Они пришли к следующей площадке — уже не с шахтой, а с огромной аркой, за которой оказался зал, поразивший всех своими размерами. Он был добрых полмили в длину и ширину, и в нем стояли тысячи столов с приборами неизвестного назначения.

Сотни скелетов валялись на полу, а еще сотни сидели за столами, упираясь костями ног в пол. Смерть поразила их внезапно и всех разом.

И ни на ком ни клочка одежды. Люди, проводившие здесь какие-то эксперименты, работали обнаженными.

— Члены Совета Двенадцати, допрашивавшие меня, были одеты, — сказал Бартон. — Возможно, они оделись, чтобы не оскорблять мою скромность — что показывает, как мало они меня знали. А может, правила обязывали их одеваться во время заседаний.

Кое-какая аппаратура на столах еще работала. Рядом с Бартоном находилась прозрачная сфера размером с его голову. На вид в ней не было никаких отверстий, однако большие разноцветные пузыри поднимались из нее к потолку и лопались там. Рядом со сферой стоял прозрачный куб, в котором с выходом пузырей вспыхивали

какие-то знаки.

Все тихо переговаривались о странностях этого места. Когда они прошли с полмили, Фрайгейт сказал:

— Поглядите-ка! — Это относилось к креслу на колесах, стоявшему в широком проходе между столами. На сиденье лежали куча костей и череп, а кости ног покоились на подножке.

ГЛАВА 47

Кресло, очень мягкое, было покрыто тканью с узором из тонких, зигзагообразных линий, бледно-красных и бледно-зеленых. Бартон небрежно смахнул кости с сиденья, вызвав протест со стороны Грумз, и сел, заметив вслух, что кресло приняло очертания его тела. В конце его массивных подлокотников имелись большие металлические круги.

Бартон осторожно нажал на черную середку белого диска справа. Ничего не произошло.

Но при нажатии на центр левого круга оттуда вышел длинный, тонкий металлический стержень.

— Ага! — Бартон медленно потянул стержень на себя.

— Под креслом загорелся свет, — сказал Нур.

Кресло бесшумно поднялось на несколько дюймов над полом.

— Нажми на передний край правого диска, — посоветовал Фрайгейт. — Может, так регулируется скорость.

Бартон нахмурился — он не любил, когда ему указывали, что делать. Однако все же послушался. Кресло стало очень медленно подниматься к потолку.

Не обращая внимания на восклицания и новые предложения, Бартон поставил рычаг точно по центру. Кресло двинулось вперед по горизонтали. Бартон прибавил скорость, потом отвел рычаг вправо. Кресло повернуло в ту же сторону, не меняя плоскости движения и не кренясь, как сделал бы самолет, и направилось к дальней стене. Поводив кресло вверх и вниз, крутнув его несколько раз и доведя его скорость миль до десяти в час, Бартон совершил посадку.

Он улыбался, и его черные глаза возбужденно блестели.

— Может, эта штука поднимет нас по шахте? — крикнул он. Фрайгейта и еще некоторых демонстрация не удовлетворила.

— Оно, наверно, способно двигаться гораздо быстрее, — сказал американец. — И что будет,

если остановишься внезапно — вылетишь из кресла или нет?

— Сейчас проверим. — Бартон поднял кресло на несколько дюймов и послал его, набирая скорость, к дальней стене в полумиле от них. В двадцати ярдах от нее он убрал руку с правого диска Кресло сразу замедлило ход, но не настолько резко, чтобы пассажир мог вылететь. В пяти футах от стены оно остановилось Вернувшись, Бартон сказал:

— В нем, наверно, имеются разные датчики. Я пытался протаранить им стену, но оно не пошло.

— Отлично, — сказал Фрайгейт. — Попробуем его в шахте. Но что, если этик наблюдает за нами? Возьмет и отключит энергию. Тогда мы разобьемся или застрянем между этажами.

— Будем подниматься по одному. Один выходит на очередном этаже, за ним следует другой. Этик сможет захватить врасплох только одного из нас, и остальные тогда будут предупреждены.

Про себя Бартон думал, что Фрайгейт несколько преувеличивает, но не мог не признать, что тот рассуждает здраво.

— Оба кресла, которые находятся здесь, — продолжал американец, — должны были двигаться, когда их пассажиры погибли. Что же их оста-

новило?

— Автоматика, наверно, — протянул Бартон.

— Ну и отлично. Сядем каждый в свое и попрактикуемся в управлении. А что потом? Вверх или вниз?

— Попробуем сначала подняться на верхний этаж. Мне сдается, что штаб, нервный центр башни, находится там.

— Раз тебе так сдается, надо ехать вниз, — ухмыльнулся Фрайгейт. — Ты ведь— точно Мосейлима — что ни предскажешь, все получается наоборот.

Фрайгейт не упускал случая подцепить его. Этот парень слишком много знал о земной жизни Бартона, о его неудачах и провалах.

— Вот и неправда, — сказал Бартон. — Я предупреждал британское правительство о синайском восстании за два года до его начала, но меня не послушали. Тогда я был скорее Кассандрой.

— Туширован! — сказал Фрайгейт, С Бартоном поравнялся Гильгамеш, тоже в кресле. Вид у него был неважный.

— Голова еще здорово болит, и в глазах то и дело двоится.

— Ну и как ты, выдержишь? Или лучше останешься здесь и отдохнешь?

Шумер покачал своей бычьей головой:

— Нет. Я потом вас не найду. Я хотел только, чтобы ты знал, как мне плохо.

Алиса, как видно, огрела его сильнее, чем намеревалась.

— Эй, я разобрался, откуда они брали еду, — воскликнул Том Терпин. — Глядите!

Перед Терпином на столе стоял большой металлический ящик с множеством дисков и кнопок. От него тянулся черный провод к розетке на полу.

Терпин открыл стеклянную дверцу. Внутри оказались блюда с едой, чаши с напитками и столовые приборы.

— Это ихний Грааль, — сказал Терпин, улыбаясь во всю свою желтую физиономию. — Не знаю, как тут что работает, но я нажал все кнопки подряд, и пожалуйста — кушать подано.

Он стал извлекать из ящика содержимое.

— Ух ты! Бифштекс-то как пахнет! А хлеб-то!

Бартон решил, что лучше поесть сейчас. Такие устройства, возможно, есть повсюду, но кто их знает. И все уже проголодались.

Терпин попробовал нажать кнопки в иной последовательности и получил смесь из блюд французской, итальянской и арабской кухни.

Все блюда были превосходны, хотя некоторые не совсем поспели, а филе из верблюжьего горба показалось большинству присутствующих чересчур острым. Разнообразные комбинации давали самые удивительные результаты, но все было вкусно. Терпин экспериментальным путем нашел диск, регулирующий степень готовности блюд, позволявший получить пищу в готовом, полуготовом, полусыром и сыром виде. Все, кроме Гильгамеша, наелись до отвала, немного выпили и закурили сигары и сигареты, также предоставленные ящиком. В воде недостатка не было — повсюду имелись краны.

После все принялись за поиски туалета. Он обнаружился в громадном помещении, где, по общему предположению, раньше стояла— какая-то техника. Там не было смывных устройств — только отверстия, в которых испражнения исчезали, не достигнув дна.

Гильгамеш съел немного хлеба, и его вырвало.

— Не могу я идти с вами, — сказал он, вытирая подбородок и полоща рот над раковиной. — Очень уж мне худо.

Бартону хотелось бы знать, так ли уж болен шумер на самом деле. Вдруг Гильгамеш — агент и ищет случая, чтобы ускользнуть.

— Нет уж, поехали с нами, — сказал Бартон. — Вдруг мы не найдем дорогу обратно к тебе. Сиди себе в кресле, и все.

Бартон привел всех к шахте. Повиснув в кресле над пустотой, он вытянул ногу и пощупал воздух под собой. Сопротивления не ощущалось. Возможно, наличие кресла автоматически снимает поле.

Бартон отвел рычаг назад и нажал на диск. Кресло пошло вверх — сначала медленно, потом быстрее, когда он посильнее нажал. На этажах мелькали коридоры и комнаты, порой наполненные неизвестным оборудованием, но скелетов нигде не было вплоть до десятого этажа. Там Бартон поравнялся с комнатой, небольшой по сравнению с нижним залом. В ней стояли двенадцать больших столов на двенадцать приборов каждый. А на них, на сиденьях стульев и под ними громоздились черепа и кости.

На углу одного стола стоял громадный пищевой ящик.

Бартон продолжал ехать вверх, то и дело останавливаясь, пока не добрался до конца шахты. Весь путь занял у него пятнадцать минут. Наверху была обычная площадка, от которой шел коридор. Слева маленький коридорчик перехо-

дил в огромное, площадью футов сто, помещение. Поставив кресло на пол, Бартон наклонился над шахтой и мигнул фонариком три раза. В ответ снизу замелькали крошечные, но яркие огоньки. Следующий по порядку, Нур, останавливаться не станет и доберется до Бартона минут через двенадцать.

Бартон проявлял терпение только в крайне требующих того ситуациях, да и то не всегда. Он снова сел в кресло и поехал по коридору. После шестиминутной поездки он вернулся к шахте.

Он проезжал мимо открытых дверей в большие и маленькие комнаты — одни с аппаратурой, другие, как видно, жилые. Где-то было много скелетов, где-то мало, где-то ни одного. Коридор тянулся не меньше чем на две мили. Когда пришло время поворачивать назад, Бартон увидел справа закрытую дверь. Остановив кресло, он слез, достал пистолет и осторожно приблизился к ней. Над дверью был круг из двенадцати спиралей с солнечным диском в середине. Ручка отсутствовала — на ее месте была металлическая модель человеческой руки с полусогнутыми пальцами, словно пожимающей другую руку.

Бартон повернул ее и открыл дверь.

Внутри открылась очень большая сферическая

комната с бледно-зелеными полупрозрачными стенами, окруженная и пересеченная множеством других зеленых пузырей. На стене центральной сферы был овал чуть более темного оттенка, заключающий в себе какую-то движущуюся картину. От деревьев на ее заднем плане пахло сосной и кизилом, а на переднем призрачная лиса преследовала призрачного зайца. На полу большой сферы, или пузыря, стояли в круг двенадцать стульев. На десяти из них лежали рассыпанные кости, на двух не было ничего, даже пыли.

Бартон перевел дыхание — эта комната оживила в нем жуткие воспоминания. Это здесь он очнулся после своего семьсот семьдесят седьмого самоубийства, предпринятого с целью уйти от этиков. Это здесь он предстал перед Советом.

А теперь существа, казавшиеся ему тогда богами, обратились в прах. Он занес ногу через порог и прошел сквозь пузырь, оказавший едва уловимое сопротивление. Потом перенес вторую ногу и стал на пружинящей пустоте — на том, что казалось пустотой.

Сунув пистолет в кобуру, он прошел еще через два пузыря, которые смыкались за ним, но пропускали воздух, и вступил в «Зал Совета».

Подойдя к невесомым на вид стульям, он увидел, что ошибался. На одном из пустых сидений лежала очень тонкая выпуклая линза. Бартон поднял ее и узнал фасеточный «глаз» предполагаемого главы Совета, Танабура.

Это было не украшение и не искусственный глаз, как считал Бартон тогда. Просто линза, сквозь которую можно смотреть, жирная на ощупь. Это, должно быть, смазка, чтобы не раздражалось глазное яблоко.

Бартон с некоторым трудом и брезгливостью вставил линзу под веко.

В левом глазу сразу помутнело, и Бартон прикрыл правый.

— 0-о-о-хх!

Он поспешил открыть правый глаз.

Он только что плавал в космосе, во тьме, где сияли отдаленные звезды и газовые туманности, где угадывался, хотя и не ощущался напрямую, великий холод. Но Бартон знал, что он здесь не один. Он чувствовал вокруг присутствие бесчисленных душ — их были триллионы, если не больше. Потом он устремился к солнцу, растущему ему навстречу, и вдруг увидел, что это пылающее тело — не звезда, а скопище других душ. Они горели, но не в адском огне, а в экстазе,

которого Бартон никогда не испытывал и который тщетно пытались описать мистики.

Он был потрясен и напуган, но блаженное пламя властно тянуло его к себе. Да и не мог Бартон поддаться страху — ведь он всегда хвастался, что ничего не боится.

Он снова закрыл правый глаз и вновь оказался в космосе на том же самом «месте». И снова понесся, опережая свет, к солнцу. И снова почувствовал неисчислимые орды за собой. Звезда обрисовалась впереди, сделалась большой, потом огромной, и он увидел, что ее пламя состоит из огней несметных триллионов душ.

Потом он услышал беззвучный крик, полный невыразимого экстаза и призыва, и ринулся прямо в солнце, в пылающий рой, не видя ничего и в то же время видя все. Он перестал быть собой. Он сделался чем-то, что не делится на части и само не является частью, а сливается в едином экстазе с другими, хотя других здесь нет.

Бартон испустил вопль и открыл правый глаз. Алиса, Нур, Фрайгейт и остальные смотрели на него с порога. Дрожа, он направился к ним сквозь пузыри. Он был, однако, не так потрясен. чтобы не заметить, что шумера с ними нет, а Алиса плачет.

— Где Гильгамеш? — спросил он, не отвечая на вопросы.

— Он умер по пути наверх, — сказала Алиса.

— Мы оставили его на кресле в одной из комнат, — сказал Нур. — Сильное сотрясение мозга, должно быть.

— Я убила его! — рыдала Алиса.

— Мне очень жаль, — сказал Бартон, — но ничего не поделаешь. Не нужно было ему сопротивляться, раз он был невинен. Возможно, он все-таки был агентом. — Он обнял Алису. — Ты сделала то, что должна была сделать. Иначе он мог бы убить меня.

— Да, я знаю. Я и раньше убивала, но то были чужие люди нападавшие на нас. А Гильгамеша я любила, и вот…

Бартон подумал, что уж лучше дать ей выплакать свою вину я горе. Он отпустил Алису, а Нур спросил его, что он делал в этой комнате. Бартон рассказал про линзу.

— Ты пробыл тут не меньше часа, — сказал Фрайгейт.

— Знаю — но мне показалось, что это длилось всего одну минуту.

— А что ты чувствуешь теперь? — спросил Нур. Поколебавшись, Бартон сказал:

— Помимо потрясения, я чувствую… чувствую… огромную близость ко всем вам. О, я и раньше был кое к кому привязан, но теперь… я люблю вас всех!

— Шок, не иначе, — пробормотал Фрайгейт. Бартон не обратил на него внимания.

Мавр взял граненую линзу и посмотрел сквозь нее, зажмурив правый глаз.

— Ничего не вижу. Она действует, лишь когда ее вставишь в глаз.

— Я думал, — сказал Бартон, — что ее может носить только председатель Совета, Танабур. Я полагал, что это ритуальный символ или эмблема главенства, нечто традиционное. Но, как видно, я ошибался. Возможно, во время заседаний Совета она переходила к каждому поочередно. И давала каждому такое, же чувство, которое испытал я, — чувство близости и любви ко всем, кто есть в комнате. — В таком случае Икс преодолел это чувство, — сказал Тай-Пен.

— Одного я не понимаю, — сказал Бартон. — Почему линза погрузила меня в транс, а Танабура как будто нет?

— Возможно, советники уже привыкли к ней, — предположил Нур. — После многоразового использования ее действие на них ослабло.

Нур вставил линзу в левый глаз и закрыл правый. Его лицо сразу приобрело экстатическое выражение, хотя тело осталось неподвижным. По прошествии двух минут Бартон потряс Нура за плечо. Тот вышел из транса и разрыдался. Успокоившись и вынув линзу, он сказал:

— Да, она действительно вызывает состояние, которое Столько раз пытались описать святые. — Он отдал линзу Бартону. — Но состояние это ложное, ибо вызывается искусственно. Лишь духовное совершенствование ведет к истинному блаженству.

Все стали просить попробовать, но Бартон сказал:

— После. Нам нельзя терять времени. Надо найти Икса, пока он не нашел нас.

ГЛАВА 48

У огромной закрытой двери, помеченной еще какими-то непонятными знаками, Бартон остановил караван кресел и сошел со своего. Дверь, похоже, открывалась с помощью кнопки рядом — больше никаких приспособлений для этого не было. Бартон нажал на кнопку, и обе половинки двери разъехались по сторонам. В просторный холл выходили еще одни огромные двери. Бартон

и их открыл с помощью такой же кнопки.

За ними оказался крытый куполом зал с полмили в поперечнике. Полом ему служила земля, поросшая короткой ярко-зеленой травой, а чуть дальше росли деревья. По ней там и сям бежали ручьи, истоком которых служили водопады высотой в сорок — пятьдесят футов. Повсюду были рассажены цветущие кусты, а плоские валуны служили столами, судя по тарелкам и приборам на них.

Потолок был голубой, с перистыми облаками, и на нем стояло в зените искусственное солнце.

Все вошли внутрь и стали осматриваться. Человеческие кости лежали повсюду, самый ближний скелет обнимал валун. Были тут еще кости птиц, оленей и каких-то животных, похожих на кошек, собак и енотов.

— Они тут приобщались к природе, — сказал Фрайгейт. — Что ж, превосходная имитация, ничего не скажешь.

Напрашивался вывод, что Икс передал по радио код, разбивший черные шарики в головах обитателей башни и давший выход яду Но от чего умерли животные?

Да с голоду.

Путешественники покинули зал и, не проехав

и мили, наткнулись на следующую достопримечательность, самую загадочную и пугающую из всего, что им встречалось. За косой прозрачной стеной слева от них помещалась исполинская шахта. Снизу ее освещал яркий мерцающий свет. Все сошли с кресел, чтобы заглянуть в колодец, — и вскричали от изумления.

В пятистах футах под ними, словно в большой печи, пылало множество разноцветных форм, плотно стиснутых вместе, но свободно проходящих одна сквозь другую.

Бартон, заслонив рукой глаза, стал приглядываться к ним., Вскоре он начал различать отдельные огни — они крутились, сновали вверх, вниз и по сторонам. Потом он почувствовал резь в глазах и отвернулся.

— Это ватаны. Такие же я видел над головами двенадцати членов Совета. Стена сделана из материала, позволяющего нам их видеть.

Нур протянул ему темные очки.

— Возьми. Я нашел их на полке тут рядом.

Бартон и остальные надели очки и воззрились в бездонный колодец. Теперь стало лучше видно, как переливаются всеми цветами то расширяющиеся, то сжимающиеся фигуры, как они выбрасывают из себя шестигранные щупальца, и

шарят ими, и втягивают обратно.

Бартон, прижавшись спиной к стене, посмотрел вверх. В сотне футов над головой виднелся серый металлический потолок. Бартон попытался разглядеть, что по ту сторону колодца, но не смог, Далеко-далеко внизу тоже просматривалась серая твердь. Воображение было тому виной или игра светящихся орд, но ему показалось, что эта твердь пульсирует. Он отступил назад, снял очки и потер слезящиеся глаза.

— Я не знаю, что это такое, но оставаться здесь дольше мы не можем.

Они проехали еще несколько лифтовых площадок с шахтами, ведущими только вниз, но через четверть мили увидели такую, где был выход и наверх.

— Эта, должно быть, ведет ко входу.

Каждый снова ждал, пока его предшественник не прибудет благополучно на место, и лишь тогда отправлялся сам.

Вверху площадка выходила в коридор с тринадцатью дверьми, и каждая служила входом в анфиладу роскошно обставленных покоев. В одной комнате на столе из блестящего красноватого дерева стояла прозрачная сфера, и в ней болтались три кукольных фигурки.

— Похоже на Моната и еще двух его сородичей, — сказал Бартон.

— Что-то вроде трехмерной фотографии, — добавил Фрайгейт.

— Не знаю, конечно, — сказала Алиса, — но, по-моему, это семейный портрет. Я понимаю, что для человека иной расы они все на одно лицо. Но все-таки…

Грумз давно уже не говорила ни слова, и ее мрачное лицо показывало, как тяжело ей освоиться с этим местом. Все здесь было не таким, как она ожидала: ни приветственного хора ангелов, ни Бога, восседающего на троне в сиянии славы своей с матерью Грумз по правую руку.

— Может, эти двое — его родители, — сказала она теперь. В покоях было на что посмотреть, но Бартон гнал всех дальше. Через двести футов показалась площадка — первая, которую они увидели в правой стене. Бартон слез и осмотрел шахту. Ее дно приходилось вровень с полом, а верхушка была не дальше чем в пятидесяти футах. В ней плавали прядки тумана, проникающие снаружи и через вентиляцию. Бартон убрал голову.

— Думаю, она выводит в наружный купол, через который прошел Пискатор.

Японец, умный и смелый, поступил, возможно, так же, как Бартон: убедился, что невидимое поле в шахте держит его, и спустился вниз. Но как он мог включить поле, не зная кодового слова — или что там приводит «лифт» в движение?

Шахта, впрочем, не похожа на все другие — она очень коротка и ведет только вниз, если смотреть сверху. Возможно, поле включается, как только кто-нибудь ступает в нее. А вот чтобы подняться отсюда наверх, нужен код. Или нет? Или дно действует так же, как и вершина, только в противоположном направлении?

И где сейчас Пискатор?

Чтобы проверить свою теорию, Бартон ступил в шахту. Через три секунды он начал медленно подниматься вверх. На вершине он вышел в короткий металлический коридор, который загибался на конце и, несомненно, выходил в купол.

Из-за угла валил туман, но яркий свет. обеспечивал хорошую видимость.

Бартон пошел по коридору и сразу ощутил едва заметное сопротивление, которое росло по мере его продвижения.

Наконец, убедившись, что не сможет ступить дальше ни шагу, он повернул назад и беспрепятственно дошел до шахты. Спустившись вниз, он

сделал краткий отчет.

— Поле действует в обоих направлениях, — заключил он.

— Судя по рапорту «Парсеваля», вход там только один, — сказал Нур. — Но ведь должно же быть еще какое-то отверстие — для аэропланов. А его на вершине башни нет — но, возможно, оно просто невидимо? И в нем тоже должно быть установлено этическое поле. Иначе туда мог бы проникнуть кто угодно. Включая Икса. Уж конечно, он не раз вполне легально вылетал отсюда на аэроплане.

— Ты забываешь о гипотетическом исказителе ватана, — сказал Бартон. — Он-то и помогал Иксу проходить сквозь купол.

— Да, я знаю. Я хочу только сказать, что мы могли бы найти ангар для самолетов, научиться ими управлять и улететь отсюда, когда нам будет удобно.

— Неплохо было бы, чтобы их машины оказались легче в управлении, чем наши самолеты, — заметил Фрайгейт.

— Я не сомневаюсь, что так и есть.

— Слушайте, у меня идея, — ухмыльнулся Фрайгейт. — Пискатор был суфи и вошел сюда без труда. Ты тоже суфи с высоким этическим

уровнем. Почему бы тебе не выйти наружу и не попробовать вернуться через купол?

Мавр усмехнулся ему в ответ:

— Ты хотел бы посмотреть, действительно ли я так праведен, как следует быть, да? Ну а вдруг я не смогу выйти? Или вернуться обратно? Нет уж, Питер. Это было бы напрасной тратой времени в проявлением гордыни с моей стороны. Ты это знаешь и все же подзуживаешь меня. Дразнишь. Тебе, как ученику, недостает порой уважения к учителю.

Все вернулись в свои кресла и медленно двинулись вдоль закругленного коридора. Бартону начинало казаться, что их экскурсия, занимательная сама по себе, ни к чему так и не приведет Икса им не найти.

Но что же делать? Указателей на стенах нет, а если бы они и были, никто не смог бы их прочесть. Досадно и утомительно колесить вот так по коридорам, но нельзя же сидеть на одном месте и надеяться, что Икс найдет их сам. Он, может, и придет, но с оружием, против которого они бессильны. Это уж наверняка.

Им и так уже повезло найти зал Совета Двенадцати, резиденцию Моната Гррауту та и верхний вход. Возможно, лаборатория Икса или его кон-

трольный пульт находятся рядом с его жильем.

Караван проехал мимо закрытой двери. Здесь таких тысячи. Нет времени открывать каждую.

Но футах в тридцати за ней Бартон вскинул руку, дав сигнал остановиться.

— В чем дело? — спросила Алиса.

— Да так, чутье.

Он опустил свое кресло на пол.

— Проверить недолго.

Он нажал кнопку у двери, и дверь бесшумно скользнула вбок. За ней была громадная комната с бесчисленным оборудованием на столах и множеством шкафов вдоль стен. Здесь лежал всего один скелет — и этот человек, очевидно, погиб при взрыве, когда проходил мимо одного из шкафов или работал там. Со шкафа снесло верхушку, если судить по искореженному металлу, кускам какого-то стеклянистого вещества на полу и осколкам металла внутри скелета. Он лежал в двадцати футах от разбитого шкафа, и под ним на полу виднелись темные кровяные пятна.

Рядом лежала сбитая взрывом со стола металлическая конструкция в форме звезды, испуская нечто похожее на разноцветные тепловые волны.

Прямо перед Бартоном, ближе к центру комна-

ты, стояло на полу пустое летающее кресло. Оно стояло боком, и на его подлокотнике виднелся свежий кровавый след.

Сразу за креслом на цилиндре двухфутовой высоты вращался большой диск. По его периметру располагались шкафы и пульты. В центре диска находилась неподвижная платформа, а на ней, на стуле из какого-то полупрозрачного материала, сидел человек. Перед ним, на пульте с наклонной панелью, светилось несколько экранов. Сидя к Бартону боком, человек поворачивал какой-то тумблер, сосредоточив все внимание на самом большом экране.

Бартон, приложив палец к губам, другой рукой сделал знак своим спутникам слезть с кресел. Потом достал револьвер и жестом же велел остальным сделать то же самое.

У оператора были длинные ярко-рыжие волосы, белая кожа, и повернутый к Бартону глаз не был раскосым. Не будь он так толст, Бартон мог бы и не узнать его. Но жир за столь короткое время убрать нельзя.

Бартон медленно вошел в дверь и направился к нему. Остальные рассыпались позади, держа оружие наготове.

Когда они подошли к человеку на шестьде-

сят футов, он увидел их. Он вскочил со стула, скривился и сел обратно. Его рука, нырнув в углубление под панелью, извлекла оттуда прибор с пистолетной рукояткой, дулом длиной в фут и окружностью в три дюйма и сферой размером с большое яблоко на конце дула.

Бартон крикнул:

— Лога! — И бросился вперед.

ГЛАВА 49

Этик снова встал и выкрикнул:

— Стой! Буду стрелять!

Никто не остановился. Этик прицелился, глядя сквозь прозрачную сферу, и из нее бесшумно вышел тонкий алый луч. На металлическом полу перед бегущими появился дымящийся полукруг.

Все замерли. Оружие, способное расплавить этот металл, вызывало уважение.

— Я мог бы разрезать вас всех пополам за один раз, — сказал Лога. — Но я не хочу. Довольно насилия — мне тошно от него. Но я убью вас, если буду вынужден. А теперь — повернитесь все разом и отбросьте свое оружие как можно дальше к двери.

— На тебя направлено девять стволов, — сказал Бартон. — Может, ты и уложишь одного-двоих,

но остальные превратят тебя в сито.

— Похоже на мексиканскую ничью, так, что ли? — угрюмо улыбнулся этик. — Похоже, да не совсем, вы уж мне поверьте!

— Поверить тебе? — вскричала Грумз. — Ты сатана, исчадие ада!

Ее пистолет выстрелил, восемь других — за ним, а из оружия Логи сверкнул алый луч.

Лога повалился навзничь. Бартон подбежал, вскочил на диск, прыгнул на платформу и нацелил револьвер в распростертого этика. Остальные столпились вокруг. Пока Терпин и Тай-Пен поднимали окровавленного, серовато-бледного Логу, Бартон схватил пистолет со сферой на конце. Логу грубо водрузили на стул. Он зажал рукой глубокую рану на правом бицепсе.

— Он попал в Грумз! — сказала Алиса.

Бартон взглянул на раскромсанное тело и отвернулся.

Лога посмотрел вокруг, точно не веря в случившееся, и сказал:

— В правом верхнем ящике моего пульта лежат три коробочки. Принесите их мне, и я через несколько минут приду в норму.

— А нет ли тут подвоха? — спросил Бартон.

— Нет! Клянусь! Довольно уже хитрить и уби-

вать. Я не хотел причинять вам зла! Просто хотел обезоружить вас, чтобы объясниться с вами без опасений. Вы так склонны к насилию!

— Кто бы говорил, — сказал Бартон.

— Я сделал это не потому, что мне это нравится.

— Мы тоже, — сказал Бартон, не совсем, однако, уверенный в правоте своих слов. Он открыл каждую из трех серебряных, украшенных изумрудами коробочек и проверил их содержимое. Как и сказал этик, в каждой лежал флакон — два с жидкостью, один с каким-то розовым веществом.

— Откуда мне знать — вдруг они источают какой-нибудь газ? — сказал Бартон. — Или в них яды?

— Непохоже, — засомневался Нур — Он не хочет пока умирать:

— Это верно, — подтвердил Лога. — Может случиться нечто ужасное, и только я могу это предотвратить. Возможно, мне понадобится ваша помощь.

— Ты мог бы воспользоваться ею сразу, — сказал Бартон, — если бы сказал нам правду.

— У меня были причины не делать этого. Очень веские причины. А потом все пошло вкривь и вкось.

Этик, сдавив один флакон, брызнул себе на руку прозрачной жидкостью. Втер ее в рану на плече, морщась от боли, и отпил глоток из второго. Из третьего он налил себе на ладонь густую розовую субстанцию и смазал ею рану.

— Первое лекарство стерилизует рану, — объяснил он. — Второе снимает шок и придает сил. Третье залечит рану в короткий срок — всего за три дня.

— А куда мы ранили тебя в первый раз? — спросил Бартон.

— Единственная тяжелая рана у меня на левом бедре. Его ставшая серой кожа через минуту обрела нормальные краски. Лога попросил воды, и Фрайгейт принес ему. Бартон закурил сигарету. Вопросы теснились у него в горле. Который выплюнуть первым?

Но прежде чем приступать к допросу, надо было сделать еще кое-что. Бартон держал Логу под прицелом, а другие тем временем привели свои кресла — Фрайгейт вернулся еще раз за креслом Бартона. Их расставили около диска так, чтобы не видеть тела Грумз. После этого Логе разрешили поднять свое кресло на установленную высоту. Все расселись полукругом лицом к этику.

— Думаю, нам всем не помешает выпить, —

сказал Бартон. Лога подсказал им, что нужно набрать на Граале, чтобы получить требуемое. Сам он заказал светлое вино, которое остальные ни разу не обнаруживали в своих Граалях. Бартон повторил заказ Логи и попробовал вино. Оно не шло в сравнение ни с чем, что он пил раньше, отличаясь тонким, но пряным букетом. Его вкус почему-то вызвал в уме картину темно-зеленых вод в час отлива и огромных белых птиц с багровыми клювами, кружащих над ними.

Бартон держал на коленях оружие Логи, и первый его вопрос был о том, как оно действует Лога показал ему предохранитель и спуск, о назначении которых Бартон и сам догадывался.

— Ну а теперь, — сказал он, — начнем с самого начала. Не знаю, правда, что считать началом.

— Извините, что прерываю вас, — сказал мавр, — но кое-что надо выяснить сразу. Ах-К'ак… Лога… ведь у тебя есть в башне личная воскресительная камера, верно?

— Да. — Этик помедлил. — Она не только моя. Трингу тоже пользовался ею. Он был моим лучшим другом: мы вместе росли в Мире Садов. Он был единственный, кому я мог доверять.

— Не Стерн ли это, который пытался убить Фаербрасса перед тем, как «Парсеваль» снялся

с башни?

— Да, это он. Как вам известно, ему это не удалось. Поэтому, когда я понял, что Фаербрасс попадет в башню раньше меня… и Сигген тоже… мне пришлось убить их обоих. Сигген не сказала Фаербрассу, кто я такой. Она поверила в то, что я будто бы отказываюсь от своих планов и отдаюсь на милость Совета — но для этого надо попасть в башню и воскресить Совет Она никогда бы не согласилась, если бы я не солгал, не сказал ей, что заблокировал связь с компьютером и что только я могу снять запрет. Она обещала не говорить обо мне Фаербрассу, пока мы не окажемся в башне. Но при этом готовилась вместе с Фаербрассом опередить меня. Чтобы проверить, правду ли я говорю. Помимо всего прочего, я боялся, что в вертолете по пути в башню она передумает и выдаст меня Фаербрассу. И я… взорвал бомбу, которую на всякий случай заложил в вертолет.

— Кто такая Сигген? — спросила Алиса.

— Моя жена. Она выдавала себя за Аню Обренову, русскую летчицу.

— О, — сказала Алиса.

По щекам Логи потекли слезы.

— Ясно, что твои товарищи обнаружили твой личный воскреситель и отключили его. Иначе

ты бы совершил самоубийство и таким путем перенесся в башню. Сейчас он действует?

— Да. У меня их, собственно, было два — но оба нашли и отключили.

— Значит, если бы мы сейчас убили тебя, ты ушел бы от нас, — сказал Бартон. — Почему же ты не позволил нам этого сделать? Или сам не убил себя?

— Потому что, как я уже сказал, вы мне можете понадобиться. Потому что меня тошнит от насилия. Потому что я перед вами в долгу. — Лога помолчал. — Общий воскреситель я заблокировал уже давно. Он мог включиться только по моему сигналу — и этот же сигнал должен был одновременно убить всех в башне, в подземельях и в районе всего моря. Но у нас с Трингу были свои линии. Одна камера помещалась у подножия башни. Шармун, женщина, замещавшая Моната и Танабура в их отсутствие, сказала мне, что обе камеры обнаружены. Сказала, чтобы я не трудился совершать самоубийство в надежде воскреснуть в башне и продолжить свои злодеяния. Я — и злодеяния!

— Что-то мы запутались, — сказал Бартон. — Начни сначала.

— Хорошо. Но я буду по возможности краток.

Кстати, где Гильгамеш?

Бартон объяснил.

— Жаль, — сказал этик. — Ему, как и его мифическому тезке, не удалось проникнуть в тайну бессмертия. — Он встал, сказав: — Я только взгляну на экраны. Подходить к ним не буду.

Все наставили на Логу пистолеты, пока он ковылял к краю платформы. «А зачем, собственно?» — подумал Бартон. Если этик сказал правду, он в любое время может уйти от них, дав себя убить.

Лога дотащился до кресла и сел.

— Может, нам и удастся что-то сделать. Не знаю. Время у нас еще есть. Итак…

И он начал сначала.

Когда вселенная была юной, когда после взрыва первичного сгустка энергии-материи сформировались первые обитаемые планеты, на одной из этих планет в процессе эволюции возник народ, отличавшийся от других. Не только в физическом отношении. Все разумные существа обладали двуногим или кентаврическим строением, руками, стереоскопическим зрением и так далее. Но все они, хотя и были разумными, не имели самосознания, концепции своего «я».

— Мы размышляли об этом, — сказал Фрайгейт, — но…

— Постарайтесь по возможности не прерывать меня. Это правда: все разумные существа, обитавшие во вселенной, были лишены самосознания — насколько известно нам. Понимаю, в это очень трудно поверить. Вы себе не можете этого представить. Однако это было и есть правдой — только сейчас появились исключения.

Раса, отличная от других, была точно так же лишена самосознания в начале своей истории. Однако у них была наука, только они распоряжались ею не так, как сознающие свое «я» существа.

У них не было религии, не было концепции богов или единого Бога. Она появляется лишь на развитой стадии самосознания.

И вот, к счастью для этой расы, названной ее последователями Первыми, один из их ученых во время эксперимента случайно получил ватан.

Так Первые получили первое свидетельство существования экстрафизической энергии. Я пользуюсь термином «экстрафизический», чтобы избежать аналогии с «парапсихическим» — понятием, объединяющим реально существующие, но неконтролируемые и. неуловимые силы вроде телепатии, телекинеза и прочих явлений сверхчувственного восприятия.

Бартон воздержался от замечания, что это он ввел на Земле термин «сверхчувственное восприятие».

— Возможно, ватан тоже относится к области парапсихического — если так, то это единственное в ней управляемое явление. Безымянный ученый, случайно генерировавший ватан из экстрафизической энергии, не знал, что это такое. Однако он — или она — продолжил эксперимент и создал новые ватаны. Именно создал, сформировал из экстрафизической энергии. Извлек их из поля, существующего в одном пространстве с материей, но обычно не взаимодействующего с ней.

Первые ватаны, по всей видимости, подключились к живым существам, оказавшимся поблизости.

— К любым? — тихо спросил Нур.

— К любым. К насекомым, деревьям, морским звездам. После миллионов лет научной работы мы так и не знаем, почему ватаны привлекает энергия живых организмов. Одна из сотен теорий предполагает, что жизнь тоже форма экстрафизической энергии. Или скорее средство связи.

Эффект подобных подключений был замечен далеко не сразу. Ватан является источником

самосознания, но осуществляет его лишь через посредство живых существ, причем существо для обретения самосознания должно иметь высокоразвитую нервную систему. Причем ватан подключается к человеческому существу лишь в момент зачатия. В момент слияния сперматозоидов с яйцеклеткой. Не спрашивайте меня, почему, но это правда. Очевидно, позже зародыш «затвердевает», оказывает сопротивление контакту.

Из лаборатории неизвестного ученого вылетали биллионы ватанов, из них миллионы подключались к зиготам разумных существ. И вот так, насколько известно, во вселенной впервые зародилось самосознание. Дети, наделенные им, подрастали, и ни старшее, ни последующее поколения не могли понять, что же в них необычного. Самосознательным детям и молодежи всегда трудно понять взрослых, но тогда пропасть была особенно глубока и всякое понимание отсутствовало.

Постепенно не обладавшие самосознанием особи вымерли. И лишь лет через двадцать пять после появления первого ватана был открыт источник самосознания. Тогда производство ватанов было признано необходимостью.

Шли века. Появились ракетные космические

корабли. Спустя еще несколько столетий была открыта новая движущая сила, найден способ обмануть материю и стали возможны межзвездные перелеты на невиданных дотоле скоростях. Но даже и теперь для преодоления одного светового года требовалось семь земных дней.

— Видимо, реализовали старую научно-фантастическую идею о переходе в другие измерения? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Но сейчас у нас нет времени вдаваться в объяснения. К тому времени Первые стали считать, что их этический долг — дать через ватаны бессмертие и самосознание всем разумным существам. С этой целью отправлялось множество экспедиций. Когда одна из них обнаружила планету с обитателями, чей мозг был способен развить самосознание, там поместили ватанные генераторы — их зарыли глубоко под землей, чтобы аборигены не смогли до них добраться.

— Зачем же их спрятали? — спросил Нур. Он был бледен, точно откровения Логи причиняли ему боль.

— Почему спрятали? Почему просто не отдали генераторы первому же самосознательному поколению? Ты сам знаешь почему. Представь, что генераторы попали в человеческие руки. Сразу

же началась бы борьба за то, чтобы монополизировать их и получить возможность бессовестно эксплуатировать других. Нет — нельзя доверять ватанные генераторы расе, не достигшей определенного этического уровня.

Бартон не стал спрашивать, почему Первые не установили на каждой планете свои гарнизон, чтобы закрепить общественное использование ватанов. Со своим уровнем науки и этики Первые могли бы скорее развить аборигенов. Но они не считали это этичным. Кроме того, им не хватило бы персонала, чтобы управлять всеми планетами.

На лицах его спутников отражалась мучительная борьба — наименее затронутым казался Фрайгейт. Нур, всегда такой гибкий, такой устойчивый перед психологическим шоком, страдал больше всех. Он не мог смириться с синтетическим происхождением ватанов — тех же душ. С тем, что их создали такие же, как люди, существа с помощью техники. Что не Аллах распределяет их А Нур верил в божественную природу души куда крепче, чем многие религиозные люди.

Лога, должно быть, это сознавал.

— Творца нет, — сказал он, — есть только творение — вселенная. И Первые, и мы принимаем

ее как свидетельство его существования. Но нет никаких свидетельств тому, что создавшее нас существо проявляет какой-то интерес к своим созданиям. Оно…

— Оно? — хором воскликнули Алиса и де Марбо.

— Да. У Творца, насколько нам известно, нет пола. На языке Моната он среднего рода.

— Монат принадлежал к Первым? — спросил Тай-Пен.

— Нет. Первые давным-давно совершили Продвижение. Сородичи Моната — преемники Первых, но не прямые, а через пятые руки. Все их предшественники, прежде чем «продвинуться», передавали свой факел другим. Сам Монат — один из десяти тысяч своих соплеменников, оставшихся пока в живых. Все остальные «продвинулись».

Некоторые теологи полагают, что само Созидающее Начало не сделало ничего, чтобы дать своим разумным созданиям ватаны. По его божественному плану нам, смертным, надлежит самим позаботиться о своем спасении. Но это как-то нелогично — ведь ватаны были получены чисто случайно, и многие биллионы умерли, так и не обретя ни самосознания, ни бессмертия.

И еще многие биллионы, если не триллионы, умрут и погибнут навеки, прежде чем мы, этики, доставим им ватаны. Так что, похоже, Созидающему Началу нет дела до нашего самосознания и бессмертия.

И остается самим смертным, где бы они ни жили, исполнить то, что примитивные религии считали прерогативой Творца.

ГЛАВА 50

Бартон испытал сильное потрясение — хотя, возможно, и не такое, как все другие, исключая Фрайгейта. Бартон всегда живо интересовался религией Он изучил много вероисповеданий, особенно восточных. Он перешел в католичество не только потому, что эта религия его увлекала, но и чтобы угодить своей жене Изабел. Он был посвящен в тайны мусульманского суфизма, заслужил красную нить брамина, бывал сикхом и парси и чуть было не стал мормоном, обманув бдительность Бригема Янга. Однако, ведя себя, как истинно верующий, а иной раз на удивление глубоко входя в эту роль, он каждый раз оставлял за собой лазейку, оставаясь еретиком в душе.

Еще в ранней юности он отказался принять заветы англиканской церкви, приведя этим в

ярость своих родителей — но никакие громы, молнии и трепки, задаваемые ему отцом, не наставили его на путь истинный. Все это лишь научило Бартона держать свои мнения и вопросы при себе, пока он не повзрослел настолько, что отец больше не смел задеть его ни словом, ни кулаком.

Несмотря на это, ортодоксальное понятие о душе и о Дающем ее вошло в плоть и кровь Бартона. Он не верил в эту догму, но не мог представить себе никакой другой и ни о чем другом не слышал до недавнего времени.

Бартон, как не раз говорил ему Фрайгейт, доводя его до белого каления, обладал широким, но не глубоким умом. Однако логическое рассуждение о том, что есть душа, услышанное им когда-то вместе с Фрайгейтом, произвело на Бартона глубокое впечатление и убедило его.

Рассказ же Логи явился для него шоком. Но не первым и не единственным из тех, что затрагивали самые глубины его разума. Поэтому Бартон, наряду с Фрайгейтом, выдержал это испытание лучше других.

— Именно народ Моната, — продолжал Лога, — явился на Землю и установил там ватанные генераторы. Было это около ста тысяч лет до

новой эры.

— А те, что жили раньше? — простонал Фрайгейт — Неужто им нет спасенья и они ушли навсегда?

— Как ни горько думать об этом. Мы ничем не можем им помочь, так не будем заниматься самоистязанием. Пропащее дело, как говорят у вас в Америке. Это, может, и жестоко, но только такую позицию следует принять, чтобы не истязать себя понапрасну. Лучше спасти хоть кого-то, чем никого вообще.

Ватанные генераторы погребли глубоко, в слоях, чья температура способна расплавить никель-железо Там же установили и ватаноуловители.

— Уловители? — переспросила Афра Бен.

— Да. Такой есть и в башне. Вы ведь видели его по пути сюда?

— Видели, — сказал Бартон.

— С ним связана одна серьезная, жизненно важная проблема, к которой я скоро перейду.

С того времени ватаны начали совмещаться с человеческими зиготами. Когда эмбрион или человек любого возраста умирал, его ватан улавливался подземной автоматикой

— Значит, то, что проповедует Церковь Второго

Шанса, не совсем верно? — спросил Бартон.

— Не совсем. Это я приходил к Жаку Жийо, будущему Ла Виро, и рассказал ему то, что ему, с моей точки зрения, следовало знать. Я открыл ему лишь половину правды, а кое о чем солгал. Это было оправданно, поскольку вы, жители долины, были еще не готовы воспринять всю правду.

— Ну, это спорно, — сказал Бартон.

— Да. А что бесспорно? Однако я сказал Жийо, что спасение ватана зависит от достижения им определенного этического уровня. Это не было ложью. Предки Моната прилетели с планеты, чье солнце не называется ни тау Кита, ни Арктур. Они нашли планету, на которой еще не было разумной жизни, и преобразовали ее в Мир Садов. Где-то через десять тысяч лет они начали воскрешать в нем умерших детей Земли.

— Включая недоношенных, выкидыши, аборты? — спросил Бартон.

— Да. Такие эмбрионы доводились до уровня доношенных младенцев. Доводились и доводятся, следовало бы сказать. Когда я покидал Сады, были воскрешены все умершие в возрасте до пяти лет, а по времени — до 1925 года.

Проект «Мир Садов» начал осуществляться где-то в десятом веке до новой эры. Проект «Мир

Реки» вступил в действие в позднем двадцать втором веке.

— А который теперь век по земной хронологии? — спросил Фрайгейт.

— Когда я отправлялся сюда из Садов, был 2009 год. Чтобы добраться сюда, мне потребовалось сто шестьдесят земных лет. Пятьдесят лет ушло на переустройство планеты. День всеобщего воскрешения настал через двадцать семь лет после этого срока, то есть в 2246 году. Стало быть, сейчас примерно 2307 год.

— Боже мой! — сказала Алиса. — Сколько же тебе лет?

— Это, право же, не имеет значения. Но родился я где-то в двенадцатом веке до новой эры. В городе, который вы называете Троя. Я был внуком царя, которого Гомер назвал Приамом. Мне не было еще пяти лет, когда ахейцы и данайцы взяли город, ограбили его, сожгли и перебили почти все население. Меня бы, наверное, взяли в рабство, не вступись я за свою мать. Я вонзил свое копьецо в ногу какого-то воина и так его разозлил, что он тут же убил меня своим бронзовым мечом. — Лога содрогнулся. — Зато я не видел, как насиловали мать и сестер и убивали отца и братьев.

Пришельцы, среди которых был и Монат, вы-

растили несколько поколений земных детей, а потом перешли на другие планеты. Монат и некоторые другие остались наблюдать за выросшими питомцами, которые теперь, в свою очередь, растили новые поколения. Но потом Монат оставил Мир Садов, чтобы сопровождать людей в Мир Реки. Иногда мы называли его Оператором, потому что он возглавлял проект и был главным инженером биокомпьютера.

— Того самого, о котором говорил Спрюс? — спросил Бартон. — Гигантского протеинового компьютера?

— Да.

— Однако в другом Спрюс нам лгал. Он говорил, что родился в пятьдесят втором веке и что для снятия копий с тел умерших используется какой-то хроноскоп. — У нас у всех были заготовлены такие легенды на случай, если нас схватят и заставят говорить. Конечно, мы могли убить себя, но, если бывал шанс спастись бегством, предпочитали этого не делать. Притом при допросе Спрюса присутствовал Монат, и Спрюс знал, как отвечать на вопросы, которые тот задавал.

— Мы это сообразили потом, — сказал Бартон.

— А как вы снимаете копии с мертвых тел? — спросил Нур.

— В ватанах содержится все, что нужно, включая, разумеется, и мозговую деятельность — с них-то и снимаются копии.

— Но тогда, — воскликнул Фрайгейт, — воскрешенный не совсем то же, что умерший. Он только дубликат!

— Нет. Ватан — не копия. Это источник и вместилище самосознания. Ватан, покидая мертвое тело, уносит с собой его самосознание. Но сам он, как правило, сознанием не обладает. Есть, однако, указания, что ватаны на короткий срок и в определенных условиях способны обретать сознание после расставания с телом. У нас пока недостаточно фактов, чтобы утверждать это определенно. Ватаны, получающие новое тело, возможно, галлюцинируют.

Как бы там ни было, ватан содержит всю нужную информацию для изготовления нового тела — а потом он подключается к дубликату.

Интересно, подумал Бартон, сколько раз надо это повторить, чтобы дошло наконец до всей группы?

— Что же заставило тебя начать свой собственный проект? — спросил Нур.

Лога поморщился.

— Об этом я скажу после.

Планету переформировали в речную долину длиной в миллионы миль. Одновременно возводилась башня с подземными помещениями. Ватаны подавались к телам-дубликатам, производимым в подземельях. Физические дефекты тел исправлялись, нарушения обмена корректировались, карлики и лилипуты обретали нормальный рост, но пигмеям рост не меняли.

Ватаны поступали к телам во время этого процесса, но самосознание не включалось, поскольку мозг дубликата пребывал в бессознательном состоянии. Однако ватаны регистрировали все происходящие с телом перемены. Затем дубликаты уничтожались, но к Дню Воскрешения изготавливались снова, но уже на берегах Реки.

— Мое преждевременное пробуждение в подземной камере было случайностью? — спросил Бартон.

— Не совсем. Это я устроил. Ты был одним из тех, кого я выбрал для осуществления своего плана — на случай, если мне понадобится ваша помощь. Я разбудил тебя, чтобы хоть один из вас имел представление, что с вами тут проделывают. Это могло также укрепить твою решимость. Ты очень любопытен и не нашел бы себе покоя, пока не проник бы в суть этой тайны.

— Да, но ты лгал, когда приходил к нам, — сказал Нур. — Ты говорил, что отобрал всего двенадцать человек. А потом оказалось, что нас гораздо больше.

— Во-первых, я был не единственным, кто посещал вас. Иногда это делал Трингу. Он полностью поддерживал меня в моих расхождениях с некоторыми сторонами проекта. Он был единственный, кому я мог доверять. Я даже Сигген не говорил о том, чем я занимаюсь.

Во-вторых, я никогда не ограничивал группу до двенадцати человек. Не было шансов, что такой маленький отряд доберется до башни в случае надобности. Поэтому в общей сложности я набрал сто двадцать четыре человека. А лгал я вам, чтобы вы, если вас схватят мои сотрудники, не открыли им полной правды.

По этой же причине я ничем не делился с вами и лгал еще кое о чем. Если бы вас схватили и прочли вашу память, там не было бы полного плана, и ваши версии противоречили бы друг другу.

Потому же я, под именем Одиссея, сказал Клеменсу, что приходивший ко мне этик будто бы был женщиной.

Лога разбудил прежде времени только одного из своих рекрутов, потому что единичное про-

буждение могло сойти у этиков за случайность. Будь таких случаев несколько, возникли бы подозрения. Но он совершил ошибку, разбудив даже одного. Монат расследовал случай с Бартоном и, хотя не смог доказать, что кто-то манипулировал с воскресительной техникой, стал ожидать новых «случайностей».

Логу крайне обеспокоило намерение Моната воскреснуть около Бартона и попутешествовать с ним какое-то время. Заодно Монат хотел поближе познакомиться с «лазарями», для чего требовалось сочинить подходящую легенду. Так почему бы не сделать два дела зараз?

Лога не предупредил Бартона об этом, боясь, что тот, зная, кто такой Монат на самом деле, будет вести себя настороженно или даже попытается взять дело в свои руки.

— И попытался бы, — подтвердил Бартон.

— Я так и подумал.

— Не люблю перебивать, — сказал Нур, — но не знаешь ли ты, что стало с японцем, с Пискатором?

Лога снова сморщился и показал на скелет, лежавший в обломках у стены.

— Вот все, что осталось от Пискатора. — Он сглотнул. — Я не думал, что кому-либо из жите-

лей долины удастся проникнуть в башню через вершину. Вероятность этого была ничтожно мала, хотя и не исключалась. Я знал, что пароландцы строят дирижабль, но каким образом они собирались попасть в башню? Лишь человек с высокоразвитой этикой мог пройти там. Это было крайне маловероятно, но все же возможно. И случилось так, что один человек с «Парсеваля» все-таки прошел.

Но я на тот случай, если кто-то вроде Пискатора придет-таки сюда, разместил бомбы и в стенных шкафах, и в шкафах на платформе. Не только в этой комнате. Их еще больше в другом контрольном центре, что находится за квартирами. Бомбам придан вид контрольных панелей. В каком бы направлении ни пошел непрошеный гость, в контрольный центр он зайдет непременно. Любопытство его заставит. Он увидит действующие экраны и скелеты тех, кто работал за ними. А бомбы взорвутся лишь в том случае, если в мозгу того, кто сюда вторгся, нет черного шарика, обеспечивающего самоубийство.

— Пискатор ведь не принадлежал к числу твоих рекрутов? — спросил Нур.

— Нет.

— Если бы я летел на дирижабле и вошел

внутрь, меня бы тоже убило.

Бартон спросил себя, почему Лога не заложил бомбы и у нижнего входа. Но потом сообразил, что Лога, придя сюда с экспедицией, как и случилось на деле, в таком случае тоже был бы убит.

— Ты деактивировал бомбы, когда вошел сюда? — спросил Бартон.

Он думал о контрольном центре с открытой дверью, который они миновали, не доходя до квартир.

— В этой комнате — да.

Лога продолжил свой рассказ. Он изобрел исказитель ватана, чтобы входить в башню и обманывать следящие спутники. И перестроил компьютер так, чтобы тот не мог оповещать Совет о смерти Бартона и изготовлении для него нового тела.

— Вот почему ты убивал себя столько раз и все же уходил от Совета. Но Монат передал через агента в то место, где изготавливалось твое очередное тело, чтобы твои смертельные раны залечили. Сигналы были прослежены и обнаружена блокировка, которую я поставил. Вот почему при твоем последнем самоубийстве тебя схватили.

В отчаянном стремлении обнаружить предате-

ля Совет согласился прибегнуть к сканированию памяти. Лога, предвидя это, наладил компьютер так, чтобы он дал ложную информацию.

— Ты понимаешь, конечно, что всю память я не мог охватить. Сканировались только те ее секторы, которые соответствовали нашим отлучкам из башни. Их подделка тоже отняла много времени и труда, но я это сделал.

И вот настал час, которого Лога так боялся, надеясь, что он не придет никогда. Лога подготовился к нему, но не хотел осуществлять свои приготовления. Ему это было очень тяжело.

— Монат распорядился, чтобы в одну из ближайших ночей за ним прислали и доставили его в башню. Одновременно должны были взять тебя, Бартон, чтобы проверить все время, проведенное тобой в долине. Мне думается, Монат подозревал, что ренегат, то есть я, не дал стереть из памяти Бартона его допрос на Совете. Кроме того, Монату делалось все хуже от насилия, окружавшего его в долине. Он нуждался в отдыхе.

ГЛАВА 51

Лога летел, в башню, завершив свою легальную миссию, когда были обнаружены два его тайных воскресителя. Одновременно инженеры

раскрыли некоторые манипуляции Логи с компьютером.

Монат, Танабур и Сигген были тогда в долине. Другие советники послали аэромашину забрать их и сообщить им новости. Но Совет допустил одну ошибку. Вместо того чтобы дать Логе вернуться и затем изобличить его, они послали ему предупреждение об ожидающем его дома аресте.

— У меня ушло полчаса, чтобы набраться духу сделать то, что я давно замышлял, зная, что мне придется когда-нибудь это сделать, но я надеялся, что сам буду в башне в этот момент.

Он передал сигнал, разбивающий черные шарики в мозгу всех обитателей башни и моря. Этики просчитались, прибегнув к единому коду вместо индивидуальных.

— Но и я сделал ошибку, не передав код в долину. Я думал об этом, но не хотел убивать больше, чем было необходимо. Мне казалось, что этики, оставшиеся в долине, теперь станут беспомощны. До башни им не добраться — мой сигнал также дезактивировал всю авиацию. Остается тяжкий путь — сначала на лодке вверх по Реке, потом пешком через горы. Я успел бы совершить задуманное задолго до этого.

— А если их воздушные машины упали бы в

долину? — спросил Нур.

— Нет. Они сгорели бы, не успев коснуться земли. И те, что стояли на горах вдоль долины, тоже сгорели. Я позаботился об этом.

— Каким образом их пилоты спускались с гор и поднимались обратно к машинам?

— Машинами можно было управлять дистанционно. Пилоты высаживались у подножия холмов в грозу или сильный ливень, а машины возвращались на вершины гор. Пилот, если намеревался задержаться в том районе, закапывал контрольное устройство или носил его с собой в Граале. Оно имело вид чашки, которые есть во всех Граалях.

Ничто, казалось, не могло помешать Логе долететь до башни — но он недооценил коварство Моната.

— Мне, по крайней мере, думается, что это он предпринял встречные меры. Он, должно быть, заложил в компьютер все предыдущие события и получил список вероятностных прогнозов. Компьютер меня не выдал, будучи блокированным, но задание Моната выполнил — я так думаю. Быть может, Монат и сам до всего додумался.

Лога замолчал так надолго, что Бартон поторопил его:

— До чего додумался?

— Поместить автопилот в мою аэромашину. Когда я передал свой сигнал, все в башне и вокруг нее упали мертвыми, авиация сгорела, и воскресительная техника остановилась. Включиться снова она могла только по моей команде.

Но и о моей машине позаботились. Я обнаружил, что больше не могу ею управлять. Ее вел автопилот. Что бы я ни делал, она следовала к горному хребту. И голос с магнитофонной пленки, приказывал мне ждать в горах, пока меня не подберут.

Это был голос Моната.

Он установил автопилоты, прежде чем отправиться в долину на встречу с тобой, Бартон. Вне всякого сомнения, он поместил их во все машины. Если бы он подозревал одного меня, то допросил бы меня самым тщательным образом.

Но он не учел того, что не останется ни машин, ни пилотов, чтобы меня подобрать. Я обречен был умереть с голоду на горной вершине, если не найду и не удалю автопилот.

Хотя Монат предполагал, что машина из башни тут же отправится за виновным, он принял также меры к тому, чтобы преступник не мог удалить аппарат. За несколько минут до посадки

голос сообщил мне, что аппарат сгорит в момент контакта с землей, а вместе с ним и двигатель.

Лога сыпал проклятиями в бессильной ярости. Он уже предвидел что будет дальше. Он умрет и не сможет передать ложного донесения в Мир Садов. Через сто шестьдесят лет обитатели Садов должны принять автоматический корабль с последними новостями. Если он не придет, Сады снарядят поисковую экспедицию, которая прибудет в башню через триста двадцать лет после несостоявшегося прибытия почтового корабля.

— С одной стороны, это было хорошо. Я всегда хотел, чтобы проект продолжался дольше предполагаемых ста двадцати лет, хотя не осмеливался предложить это прямо. Мои сотрудники считали этот срок более чем достаточным для отсеивания людей, которые никогда не достигнут необходимого для «продвижения» уровня. А теперь проект продлится гораздо больше, чем планировалось. И, возможно, моих родителей, братьев, сестер и прочих родичей удастся все же спасти.

— Что? — воскликнул Бартон.

У Логи из глаз хлынули слезы, и он сказал сдавленным голосом:

— Нам всем строго воспрещалось разыскивать своих родственников, воскрешенных в долине.

Так распорядились соплеменники Моната. Их опыт показывал, что этики, нашедшие среди лазарей своих близких, слишком расстраиваются, если те оказываются бесперспективными. Этики начинают вмешиваться в ход событий и спешат открыть своим то, что им пока знать не надо. В предыдущем проекте одна Женщина спрятала своих родителей в подземной лаборатории и пыталась насильственно ускорить их этическое развитие.

Я знал это еще подростком в Мире Садов и верил, что так надо. Но потом не смог удержаться от искушения разыскать своих. Меня все время мучила мысль о том, что они могут не «продвинуться». И вот я, задолго до отлета из Мира Садов, составил свой план, хотя и не был уверен, что выполню его. Однако я выследил своих родных с помощью компьютера — это заняло у меня очень много времени, поверьте — и навестил их в долине. Под чужим именем, конечно, и узнать меня было невозможно. Я устроил так, что их всех воскресили в одном месте. А если бы они переехали или были убиты, я бы все равно знал, где они.

У меня почти фотографическая память. Хотя я погиб на Земле, не дожив и до пяти лет, я прекрасно помнил своих родителей и всех других

родственников.

Мне было очень тяжело скрывать от них, кто я такой. Но я должен был это скрыть. Я подружился с ними и даже притворился, будто учу их язык. Все это время, как вы понимаете, я занимался официальным проектом.

Я нежно любил свою приемную мать в Мире Садов. Но свою родную мать я любил еще больше, хотя по духовному развитию ей было далеко до приемной.

В последующие годы, посещая их, я узнал, что мои родичи приняли веру Второго Шанса. Но одного этого было недостаточно, и они далеко еще не достигли той стадии, в которой я мог бы быть спокоен за них.

Но я верил и продолжаю верить, что они достигли бы ее, если бы им дали достаточно времени.

— Ты рассказывал, как твоя машина шла на посадку, — мягко напомнил Бартон.

— Да, но то, что я сказал о своих родных, крайне важно. И поймите — я горевал не только о своей семье. Я страдал и за всех других, за биллионы обреченных. Но не мог и заикнуться об этом своим коллегам.

Кроме Трингу, конечно, — и с ним я стал говорить лишь тогда, Когда абсолютно в нем уверился.

Если бы я говорил об этом с другими, меня заподозрили бы сразу, как только стало бы известно о существовании ренегата.

Каким бы самоубийственным ни было его решение, Лога сделал единственное, что могло помешать его машине прибыть в назначенное место: отключил подачу энергии.

— Если бы Монат предвидел, что кто-нибудь пойдет на это, он сделал бы такой маневр невозможным. Но он такого не ожидал. Да и с чего? Ведь преступник должен знать, что, если он погибнет, в башне его воскресят.

Машина тут же упала, врезавшись в склон горы чуть ниже вершины. До этого она шла на малой скорости, а на Логе был противоударный костюм. Машина, сделанная из почти несокрушимого серого металла, не получила при столкновении даже царапины.

— Тем не менее я бы при падении погиб. Но я опять включил энергию, пролетев сотню футов вниз, и автопилот снова повернул к вершине горы. Потом я снова выключил мотор и через пятьдесят футов включил. Потом опять — так далее.

Совершив несколько таких костоломных скачков. Лога привел машину почти на уровень грун-

та. Когда он счел, что земля достаточно близка, он выпрыгнул из открытого загодя иллюминатора, прихватив с собой Грааль. Вокруг бушевала гроза Лога ударился обо что-то и потерял сознание.

Очнувшись, он увидел, что висит поперек живота на ветке «железного» дерева. Был день, и его Грааль валялся в сотне футов внизу у подножия ствола. Лога, весь исцарапанный, получивший внешние и внутренние ушибы, сломавший одну ногу, все же умудрился слезть.

— Остальное я вам уже рассказывал — или вам и без того ясно.

— Не все, — сказал Бартон. — Ты говорил, что должно случиться нечто ужасное, и приберегал это под конец.

— И еще мы не знаем, что означает «продвижение», — добавил Нур.

— «Продвижение»? Когда тело высокоразвитого этически человека умирает, его ватан исчезает. Наши приборы не могут его обнаружить. И если изготавливается дубликат тела, ватан не возвращается к нему.

— Что же происходит с лишенным ватана телом?

— Был проделан лишь один такой эксперимент, и женщине без ватана позволили прожить

ее естественный жизненный срок. Это сделали предшественники Моната —. с людьми таких опытов не ставили.

Существует теория, что, если Создающее Начало и равнодушно к своим созданиям, оно принимает к себе исчезнувшие ватаны. Какое еще объяснение можно подобрать?

— Возможно, — сказал Фрайгейт, — в экстрафизической вселенной есть нечто, что притягивает ватаны, достигшие определенной степени развития. Какое-нибудь экстрафизическое магнитное поле, кто его знает.

— Такая теория тоже выдвигалась. Мы предпочитаем верить, что это делает Создающее Начало. Хотя оно может пользоваться обычными физическими или экстрафизическими методами, не прибегая к сверхъестественным.

— Значит, научного объяснения этому явлению у вас нет, — сказал Бартон. — Есть только вера.

— Да, но, когда дело доходит до конечного и бесконечного, вечности и времени, до Первопричины — остается полагаться лишь на веру.

— Которая обрекла на гибель столько биллионов и принесла столько страданий, — сказал Фрайгейт.

— В данном случае все обстоит не так.

— Давайте-ка вернемся к событиям этого мира, — буркнул Тай-Пен:

— Я набирал себе рекрутов, потому что существовала некоторая вероятность того, что в итоге и случилось. Я заложил все варианты, которые только мог придумать, в компьютер и дал ему задание оценить вероятность каждого. К сожалению, компьютер не может предугадать, что подумают и как в конечном счете поступят разумные существа если только не обладает всеми данными, что невозможно. Даже если бы он имел их, с точностью на сто процентов ничего предсказать нельзя.

Монат и остальные, к примеру, каждый раз делали то, чего я не ожидал. А я делал то, чего не ожидали они. Человеческий разум — любой разум — до сих пор остается неразгаданной тайной.

— Хоть бы ее никогда не разгадали, — пожелал Бартон.

— Да. Вот почему нельзя предугадать, насколько развит тот или иной ватан. Один вроде бы достиг довольно высокой ступени, но дальше не идет. Другой находится на низкой стадии и вдруг, чуть ли не за одну ночь, поднимается куда выше, чем более совершенные. Совершает квантовый

этический скачок. Случается также, что люди деградируют.

— Как ты, например? — спросил Бартон.

— Нет! Именно в этом обвиняла меня Сигген, когда мы жили в той хижине в Пароландо. На самом деле я стою гораздо выше, чем кто-либо из занятых в проекте. Разве не самый этичный выбор — дать каждому столько времени, сколько требуется ему для роста? Конечно, самый этичный. Этого же нельзя отрицать.

— Он сумасшедший, — шепнула Алиса.

Бартон не был в этом уверен. Лога рассуждал, в общем, разумно. Но то, как он осуществляет свой план, разумным не назовешь. Впрочем, если он посылает ложные донесения, из Мира Садов сюда никто не явится. Лога может выиграть так добрую тысячу лет. Уж за это-то время все достигнут желаемой стадии.

Впрочем, кто знает, возразило Бартону его пессимистическое начало Интересно, какой стадии достиг он сам?

И хотелось бы ему достичь такой стадии, на которой основа его существа просто исчезнет?

Почему бы и нет? Это было бы приключение еще почище этого, самое большое приключение в его жизни.

— Прекрасно, — сказал он. — Теперь как будто все понятно. Но ты говорил, что твои планы могут и не осуществиться, даже если больше некому тебе помешать. Что там за ужасная вещь случилась?

— Это моя вина, только моя! — Лога встал и, несмотря на хромоту, начал шагать взад-вперед, морщась и потея. — Из-за того, что я сделал, биллионы могут погибнуть навеки! Почти все люди! А возможно, и все до одного! Навеки!

ГЛАВА 52

Наступило молчание. Лога продолжал хромать взад-вперед. Наконец Бартон сказал:

— Расскажи-ка все по порядку. Лога вернулся в свое кресло.

— Мой сигнал заблокировал линию воскрешения. Я не желал, чтобы кто-то из этиков совершил самоубийство и оказался в башне раньше меня. Я не знал, что другой этик прекратил воскрешение еще тогда, когда меня разоблачили.

Это сделали потому, объяснил Лога, что Монат хотел преградить неизвестному предателю доступ в башню, где тот или та мог осуществить свои планы, в чем бы они ни заключались, не обнаруживая своего присутствия.

Команда Моната отменяла все прочие команды.

— Ведь он был Оператором.

Кроме того, Монат через заместителя передал компьютеру команду не подчиняться никому, кроме него, Оператора, до восстановления нормальных функций.

— Я уверен — если бы он знал, что произойдет потом, то ни за что не отдал бы такую команду. Но он не больше меня догадывался, какой оборот примут события.

— Вселенная бесконечно разнообразна, как и события в ней, — сказал Нур.

— Возможно. Дело в том, что компьютер использует ватаны в качестве… как бы это сказать? — чертежей для производства тел. Раньше делались снимки с самих тел, но применять ватаны более экономично, как я уже объяснял. Других записей, кроме них, не существует. И если ватаны будут утеряны, мы не сможем больше дублировать тела.

Бартон обдумал эту мысль.

— Но ватаны-то на месте. Мы видели их в той шахте посреди башни

— Да, но, когда компьютер умрет, ватаны освободятся! И тогда невозможно будет воскресить

мертвых. Они погибнут навеки!

Опять наступило молчание. Через минуту или две Алиса спросила:

— Значит, компьютер… умирает?

— Да, — с трудом выговорил Лога. — Это потому, что он столько лет оставался без присмотра. Он был рассчитан на то, чтобы работать веками без всякого ремонта или замены запчастей. Однако отдельные его узлы время от времени разлаживались. Поэтому техники регулярно проверяли его, а сам компьютер обладал обширными возможностями самовосстановления. Но всем известно необъяснимое упрямство— машин, когда они вдруг ломаются будто по собственной воле или отказываются работать. Ходила шутка, что и у них, возможно, есть свои ватаны, причем крайне зловредного свойства.

Во время долгого человеческого отсутствия в компьютере отказал какой-то клапан.

— Не механический, конечно. Клапаном служит нечто вроде силового поля, которое то обеспечивает, то отсекает приток морской воды в питательную камеру компьютера. Компьютер питается дистиллированной водой с добавками сахара и минералов. Кроме этого клапана, есть еще запасной. Если основной отказывает, вклю-

чается он. Тем временем техники налаживают генератор поля, и основной клапан возобновляет работу.

К несчастью, запасной клапан долгое время недодавал воду — и теперь биокомпьютер умирает.

— Я мог бы, пользуясь банком памяти, изготовить дубликат компьютера. Но компьютер отказывается дать мне информацию, которую я мог бы заложить в материально-энергетический преобразователь.

— А почему ты не наладишь генератор поля? — спросил Фрайгейт.

— Да все потому же — компьютер не позволяет. Монат, наверное, давно еще распорядился установить защиту на этом узле, и она включилась, когда меня раскрыли.

Опять наступило долгое молчание, которое нарушила Алиса:

— А почему бы не использовать ватаноуловитель из таких, о которых ты нам рассказывал? Когда компьютер умрет и освободит ватаны, ловушка их удержит.

— Хорошая мысль, — мрачно усмехнулся Лога. — Мне она тоже приходила в голову. Но единственная ловушка — это сам компьютер.

А вся информация, на основе которой я мог бы построить другую, содержится в его памяти.

— И эта защита абсолютно непреодолима? — спросил Бартон.

— Дело на первый взгляд очень простое. Надо всего лишь вынуть неисправный генератор поля и заменить его другим. Но меня убьет, прежде чем я успею это сделать. Компьютер срежет меня лучом. Таким же, которым стреляет мой лучемет.

— Ты пользовался компьютером наравне с другими, — сказал Нур. — Как получилось, что они об этом не знали?

— Я, так сказать, сделал компьютер шизофреником. Одна его часть не знала, что творит другая.

— Вот оно! — торжествующе вскричал Нур, но тут же нахмурился. — Нет. Ты об этом уже думал.

— Да. Инженеры, как видно, обнаружили это расщепление сознания. Теперь доминирует основная часть.

— Ты сказал «доминирует» — значит, единства сознания все-таки нет?

— Нет. Инженеры не успели заменить схемы, вызывающие шизофрению Но поставили временные шунты, чтобы обеспечить победу «здравого рассудка». Потом они сделали бы полный ремонт, но до этого не дошло — они погибли.

— Откуда тебе это известно? — спросил Бартон.

— От компьютера. Общаться с ним можно. Только командам он не подчиняется, соблюдая запрет Моната.

— А нельзя ли разгадать, каким кодом пользовался он?

— Нет, если Монат его где-то не записал. А я сомневаюсь, что он это сделал. И потом, код должен быть введен только голосом Моната или его помощника.

— Может, никакого кода и нет, — сказал Фрайгейт. — Может, достаточно только голоса.

— Нет. Монат это предусмотрел бы. Было бы довольно легко, выделив фоны из записей его речи, синтезировать несколько новых фраз. Монат скорее всего обусловил и зрительное опознание.

— А ты мог бы замаскироваться под Моната? — спросил Терпин.

— Наверное. Но лучше использовать лучевые имитаторы. У Лога был очень усталый вид. Бартону казалось, что не рана тому причиной, а чувство безнадежности и вины.

— Мы не знаем, достаточно ли будет голосового и зрительного опознания, — сказал Бартон, — но придется попытаться надуть компьютер, даже если наши труды пропадут даром.

— А ты сказал компьютеру, что он умирает?. — с жаром спросила Алиса Логу.

— О да. Но он и без меня это знал.

— Я думаю, человек все же способен прорвать защиту компьютера, — сказал Бартон, пристально глядя на Логу.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказал, чуть распрямившись, этик. — Поскольку я виновник всего этого ужаса, я и должен идти заменять генератор. Даже если ясно почти на сто процентов, что это будет напрасная жертва Я и пошел бы, если б от этого была хоть какая-то польза. Ну а если я сделаю это и все-таки погибну? Никто из вас не умеет управляться со здешней техникой. Вы ничего не решите без меня. Ну, не умрет компьютер, и что дальше? Ситуация останется той же, только за ватаны можно будет не опасаться.

Бартон сказал, что Лога должен показать им, как работать с разными приборами на случай, если с ним что-то произойдет. Успеет он это сделать, пока еще жив компьютер?

Возможно, ответил этик. Он покажет им все обозначения. Учить их языку общения с компьютером — слишком долгое дело: это язык Моната, на котором говорят в Мире Садов. Лучше он перестроит трансляторы, чтобы говорить с

компьютером на эсперанто.

— Отлично, — сказал Бартон. — А теперь, мне кажется, всем пора спать. Встанем освеженные и соображать будем лучше. Может, тогда и придумаем, как одолеть компьютер.

Они перешли в жилые покои советников. Лога занял свою квартиру, Афра Бен и де Марбо другую, Алиса с Бартоном — третью. В соседних устроились Тай-Пен с Терпином и Нур с Фрайгейтом. Бартон счел, что поодиночке лучше не ночевать. Он все еще не доверял полностью этику.

Перед сном Алиса сказала:

— Ричард, должен быть какой-то способ перехитрить компьютер. Его построили люди, так неужели люди не сумеют его обуздать?

— Почему бы тебе не воззвать к его чувствам? У вас, женщин, это здорово получается.

— Не лучше, чем у мужчин, ослиная ты задница! С чего бы я стала взывать к чувствам там, где их нет. А вдруг хоть какие-нибудь, да есть? Или их аналоги. Но если компьютер руководствуется исключительно логикой, почему бы не обратить ту же логику против него? Ведь люди вложили в него нашу, человеческую логику. Вот мы и должны с ее помощью побить его или уговорить.

— Я уверен, что Лога об этом уже думал.

Бартон поцеловал Алису в щеку и повернулся на бок.

— Спокойной ночи, Алиса.

— Спокойной ночи, Ричард.

Проснувшись несколько часов спустя, он увидел, что она смотрит в потолок, где движутся картины.

ГЛАВА 53

Утром, приняв душ и переодевшись в чистое, все собрались в комнате, служащей столовой. Проходя мимо контрольного центра, они заметили, что тела Грумз там нет, исчезли кровавые следы на полу и все скелеты тоже убраны.

— Роботы, — пояснил Лога. — Одного я послал убрать тело Гильгамеша.

— Я тут никаких роботов не видел, — сказал Фрайгейт.

— Видел, просто они выглядят, как большие шкафы. Наши кровати — тоже роботы. Они потихоньку массируют мышцы и врачуют спинной мозг.

— Я ничего такого не чувствовал, когда просыпался ночью, — сказал Бартон.

— Я тоже, — подтвердила Алиса.

— Они очень деликатны и работают, только ко-

гда вы спите. Но если вам нужен массаж и наяву, стоит только дать команду. Я покажу как.

После превосходного завтрака Алиса поделилась с другими идеей побить компьютер его же логикой.

Лога покачал головой:

— Звучит заманчиво, но ничего не выйдет.

— Но попытаться-то можно, — сказала Алиса.

— Мы испробуем все методы, и умственные, и физические. Но поверь мне — я уже обо всем подумал;

— Я не сомневаюсь в твоем уме, — сказала Алиса. — Но девять голов все же, лучше, чем одна.

— Девятиглавый дракон! — вскричал Тай-Пен. Лицо его пылало — за едой он все время пил вино.

— Сейчас я налажу связь с помощью одного из электронных компьютеров, — сказал Лога. — Но не думаю, чтобы большой компьютер удалось победить его же логикой. Компьютеры способны вычислять куда быстрее человека, если дать им нужные данные. Но воображения у них нет, и творческой жилки тоже. Ну что ж, может быть, в памяти нашего есть что-то, чего я не учел. И комбинировать он может очень быстро — у меня бы на это ушли целые годы. Да и прогнозировать

он, как-никак, способен.

Зайдя к себе в квартиру. Лога повел всех в контрольный центр, занял место на платформе. Очень скоро он подозвал остальных к себе.

— Я не удержался и запросил главный компьютер, сколько ватанов на данный момент содержится в шахте. — И сколько же? — спросил Нур. Лога сверился с экраном.

— Восемнадцать биллионов двадцать восемь штук. Нет — вот еще три прибавилось.

— Больше половины населения долины, — сказал Фрайгейт.

— Да. Вот еще два прибавилось. — Лога выключил экран. — Люди умирают ежечасно, и их ватаны поступают сюда. Когда компьютер умрет…

Лога умолк. Нужно было обладать огромным мужеством, терпением, решимостью и быстротой ума, чтобы совершить то, что совершил он.

Однако груз его вины был слишком тяжел даже для него.

— А не выбросить ли тебе полотенце на ринг? — предложил Терпин. — То есть не убить ли компьютер прямо сейчас? Так ты никого больше не потеряешь и сможешь продолжать свой проект

— Нет! — отрезал Лога, проявив горячность

впервые с начала их знакомства. — Нет! Это было бы чудовищно! Я должен спасти их всех! Всех!

— А в итоге потеряешь миллионы. А то и всех, кто живет на этой планете.

— Нет! Я не могу!

— Ну, я больше ничего не придумаю. Все это больно умственно для меня, — сказал Терпин и пошел в ближний зал поиграть на рояле.

— Я ему неприятен, — сказал Лога. — Знал бы он, до чего я сам себе противен.

— Ну, нечего самоедством заниматься! — сказал Тай-Пен, помахивая бутылкой. — Том, пожалуй, прав. Пойду-ка я к нему и тоже развлекусь малость. У меня голова болит от раздумий! — От них ли? — мягко спросила Алиса. Тай-Пен только ухмыльнулся, поцеловал ее в щеку и ушел. Нур напомнил этику, что надо бы обезвредить бомбы, спрятанные в другом контрольном центре.

— Я просто запру туда дверь, — сказал Лога. — А теперь займемся программой «логика против логики». Даже если это будет только потерей времени.

Оставшиеся перешли в языковую лабораторию. Этик показал им, как пользоваться оборудованием, обучающим языку Мира Садов, или гхууркскому. В их распоряжении была также

эсперанто-гхууркская грамматика и словари.

Алиса сжала руку Бартона.

— Ужасно, правда? — сказала она, глядя ему в глаза своими большими темными глазами. — Все эти души, которые погибнут, утратив свой шанс на бессмертие! Страшно даже думать об этом!

— Ну так и не думай. Они не перестанут быть бессмертными, даже если улетят. Просто не будут знать об этом.

— Да, — пожала плечами она. — Но ведь и мы могли бы быть среди них. Как по-твоему, ты готов к «продвижению»? Мне хотелось бы верить, что я готова, но для этого, наверное, надо быть чуть ли не святым!

Ну в святости меня еще никто не обвинял, разве что моя жена — усмехнулся Бартон. — А кому и знать, как не ей.

Но Алису ему обмануть не удалось. Она знала, что он в таком же отчаянии, как и она сама.

Прошло два дня. Лога в присутствии всех прогнал результаты на компьютере и выключил экран.

— Бесполезно.

Снова стали совещаться и строить планы, отвергая один за другим из-за погрешностей в логике или непреодолимых препятствий.

На четвертый день их пребывания в башне Фрайгейт весело воскликнул:

— Ну и дураки же мы! Ведь ответ-то у нас под носом! Почему ты не пошлешь роботов заменить модуль?

— Я думал об этом, — вздохнул Лога. — Это было в числе первых мыслей, которые приходили мне в голову. Но, хотя роботы и сделаны из чарузза (так назывался серый металл), лучи компьютера все равно разрежут их.

Разочарованный Фрайгейт почувствовал себя несколько глупо.

— Да… но, если послать их побольше, они могли бы подавить лучеметы?

— Их функции не предусматривают стрельбы по лучеметам.

— А ты не можешь переделать их и запрограммировать заново?

— Это займет у меня десять дней. Если бы я занялся этим сразу, как только явился сюда, то даже одного не успел бы переделать. Я только что проверил, сколько осталось жить компьютеру, — скорбно добавил он. — Пять дней!

Все, хотя и ожидали такого сообщения, испытали шок.

— Ну что ж, хоть голова болеть не будет, — ска-

зал Том Терпин. — Души улетят, и дело с концом. Зато ты сможешь посвятить больше времени оставшимся.

Лога, повернув несколько тумблеров, нажал клавишу. На экране зажглись тхууркские цифры. Все подошли поближе, чтобы посмотреть.

— Восемнадцать биллионов сто два, — прочла Афра.

— Мне следовало бы прикончить этот компьютер, — сказал Лога. — Я и так слишком долго ждал. Кто знает — вдруг сегодня он взял душу моей матери.

— Погодите! — сказал Фрайгейт. — У меня идея! Ты говорил, что включил свои личные воскресители, когда пришел сюда. А нас, например, в них можно воскресить?

— Отчего же, можно. Уловители воскресителя работают на несколько иной частоте, чем компьютер. Наши с Трингу ватаны были настроены на нее. То же самое я могу сделать для вас. Только зачем?

Фрайгейт начал объяснять, но Лога, Бартон и Нур уже поняли, что он имел в виду.

Они предпримут штурм компьютерного зала, оставив несколько человек в резерве. И хотя атакующие будут гибнуть раз за разом, в конце

концов они подавят лучеметы компьютера.

— Как ты додумался до этого, Пит? — спросил Терпин.

— Я как-никак фантаст. Жаль только, что сразу не додумался.

— Мне бы тоже следовало подумать об этом, — сказал Лога. — Но уж очень велик эмоциональный стресс.

— Ты можешь наделать побольше таких? — спросил Бартон, имея в виду ручной лучемет.

— Сколько угодно.

Через две минуты он вооружил всю группу. И сделал распечатки, показывающие, как добраться в клапанную из контрольного центра и от воскресителей. Все внимательно изучили маршрут.

— В том районе на всех стенах видеокамеры, и в клапанной тоже.

Вот ее фотография.

Фотографию тоже досконально исследовали, заучив наизусть, где что находится. Потом Лога снял несколько дубликатов с запасного модуля и разъяснил, как вынуть старый модуль и вставить новый.

К сожалению, этик не смог получить информацию об огневых точках компьютера.

— Она заперта в банке памяти.

— А ты попроси компьютер выдать ее тебе, — сказал Нур. Лога удивленно засмеялся — ему это не пришло в голову. Секундой позже он получил ответ, но не тот, какой ему хотелось бы. Компьютер отказался сообщить, где расположены его лучеметы.

— Ну что ж, попытка не пытка.

Все сели на кресла, поехали за этаком к шахте лифта и спустились по ней гораздо быстрее, чем отваживались раньше. Проехав около мили вниз, этик остановился на одном из этажей. Через несколько минут Бартон, обладавший превосходным чувством ориентации, сообразил, что они направляются к секретному входу в башню. Вскоре они оказались там.

Этик взглянул на дверь, все еще заклиненную Граалем Бартона, и побагровел.

— Почему вы не сказали, что оставили дверь открытой?

— Я хотел, но не придал этому значения, — сказал Бартон.

— Через нее могли войти агенты!

— Не могли они нас догнать за такое короткое время. Они ведь плывут на парусниках.

— Я не могу допустить ни малейшего риска, —

Лога развернулся лицом к спутникам. — Уберите ту лодку из двери, пока меня не будет.

— А ты куда?

— К пульту — пошлю автоматический летательный аппарат окончательно расплавить карниз и закупорить вход в пещеру.

— Идите с ним, — сказал Бартон Тай-Пену и де Марбо. Лога рассердился, но промолчал и полетел в кресле по коридору.

Бартон повел остальных в затянутую туманом комнату, где они, после многих трудов, спихнули лодку в море. Потом все вернулись в коридор, протискиваясь в щель, оставленную Граалем.

— Надо было попросить Логу открыть ее как следует, — сказал Фрайгейт.

— Ему, наверное, не хочется, чтобы мы знали, как он это делает, — заметил Бартон.

— По-твоему, он все еще нам не доверяет?

— Живя так, как он жил, он научился не доверять никому. Но Бартон заблуждался. Лога, вернувшись через пятнадцать минут вместе с китайцем и французом, слез с кресла и стукнул кулаком по стене в нескольких дюймах от двери. При этом он четко произнес:

— Ах-К'ак! — И дверь открылась до конца. Бартон заметил место удара.

— Откуда ты мог знать, пользуясь этим ходом, что не наткнешься на кого-нибудь?

— Эта дверь представляет собой большой видеоэкран. У меня есть другие, которые выглядят, как часть стены. Отсюда я могу видеть коридор в пределах нескольких поворотов.

В передней комнате Лога остановился у стены и снова произнес кодовое слово. Часть гладкой на вид стены отошла в сторону. Открылась хорошо освещенная комната с разным лабораторным оборудованием на столах, большим шкафом и двумя скелетами. Последние лежали головами к двери, словно как раз собрались выйти. Около костлявых пальцев одного валялся металлический ящичек с дисками, шкалами, кнопками, маленьким видеоэкраном с одной стороны и соединительными стержнями — с другой.

— Жаль, что я не передал сигнал несколькими секундами раньше, — сказал Лога. — Они не успели бы вынуть контрольный блок.

— Ты все равно не мог знать, вынули они его или нет, — заметил Бартон. — И не мог идти на риск самоубийства. Кстати, почему дверь сюда закрыта? Ведь эти двое должны были открыть ее, когда входили.

— И как они могли войти, не зная кода? — до-

бавил Нур.

— Через семьдесят пять секунд дверь закрывается автоматически, если не дать ей нужной команды. Дело в том, что эту комнату нашли, следуя вдоль энергетической линии. Долгая и трудоемкая это была работа — ведь компьютер для этой цели они использовать не могли.

А применяли, наверное, магнитометры. С их помощью они обнаружили источник энергии, а с ним и программное кодовое устройство. Ну а код разгадать было недолго.

— А место нажатия на стену? Как…

— Они и его вычислили, хотя это заняло больше времени. — Лога указал на шкаф. — Это воскреситель. — Он вошел, а Фрайгейт за ним.

— А ты не мог использовать свой собственный источник энергии? — спросил американец.

Лога подобрал с пола контрольный блок, подошел к шкафу и вставил штыри ящичка в отверстия на его боку.

— Нет, не мог — хотя в случае пользования собственным атомным конвертором меня не выследили бы по проводке. Но преображение энергии в материю и улавливание ватанов требует огромных мощностей. Один только физико-экстрафизический обмен берет столько энергии,

сколько потребовалось бы для снабжения половины земных городов в конце двадцатого столетия.

— Как же ты устроил, чтобы такой расход не регистрировался счетчиками? — спросил Фрайгейт.

— Да уж устроил. Но вернемся к первому вопросу: если бы инженеры удалили кодовое устройство, я не смог бы выйти из потайной комнаты в коридор. Дверь, выходящая на море, открывается с помощью другого кодера-декодера. К счастью, инженеры погибли раньше. Генератор сигналов я потерял вместе с аэромашиной — но в лодках, стоящих в пещере, тоже есть такие генераторы. Они включаются автоматически, когда датчики докладывают им о подходе к башне.

— Дверные механизмы не должны расходовать много энергии. Почему ты не установил для них отдельные источники?

— Да, следовало бы. Но проще и экономичнее было подключиться к главному энергоблоку. — Лога улыбнулся краем губ. — Интересно, что вынесли инженеры из моего кода? Ах — это майанский артикль мужского рода, К'ак — огонь. А «Лога» — Огонь по-гхууркски. Так они, возможно, меня и раскрыли. Вложили майанское слово

в компьютер и через секунду получили ответ. Я, что называется, перемудрил. — Он положил палец на кнопку. — Подойдите сюда. Я покажу эту простую операцию дважды, чтобы все было ясно. Обозначения читать вы умеете. Когда я нажму на эту кнопку, вот этот маленький диск должен загореться. Значит, установка включена. А большой диск около индикатора служит частотомером. — Лога нажал на кнопку. Загорелся оранжевый огонек. — А теперь…

Огонек погас.

— Кхатуух! Это еще что…

Лога приложил руку к шкафу, открыл его дверцу и заглянул внутрь. Оттуда хлынул жар.

— Бегите! — крикнул Лога и сам во всю прыть захромал к выходу.

У двери Бартон оглянулся на шкаф. Контрольный блок плавился, а сам шкаф изнутри раскалился докрасна.

Лога ругался по-гхууркски.

— Эти… эти! Они запрограммировали конвертор так, чтобы он плавился при включении энергии!

Остальные, кроме Лога и Бартона, которые умирали столько раз, что больше не боялись смерти, испытали немалое облегчение. Бартон видел

это по их лицам. Они знали, что воскреснут, но все-таки страшились умирать.

— Есть ведь еще и другой воскреситель, — сказал Бартон.

— С ним будет то же самое, — ответил пепельно-бледный Лога.

— А ты не можешь сделать так, чтобы он не плавился?

— Попытаюсь.

Но из этой попытки ничего не вышло.

Бартон, глядя на расплавленный аппарат, решил, что настала пора сообщить Логе новость, которую он до сих пор откладывал, — воскресители были важнее.

— Лога, — сказал он, — когда мы гнались за тобой, я положил у двери пулю, чтобы не заблудиться. Теперь пули нет. — Возможно, ее забрал робот-уборщик, — после краткого молчания предположил Фрайгейт.

— Нет, — сказал Лога. — Будь роботы запрограммированы на это, они давно убрали бы все кости.

— Значит, в башню проник кто-то еще!

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИГРА
ВТРОЕМ: КЭРРОЛЛ — АЛИСА — КОМПЬЮТЕР

ГЛАВА 54

Они вернулись в лабораторию. Лога сел перед компьютером и взялся за работу. В короткий срок он задействовал все камеры в башне. Еще через две секунды на экране появилось изображение. Бартон присвистнул:

— Брат Фениксо! Герман Геринг!

Геринг сидел за столом и ел что-то из Грааля. По его предельной худобе и темным кругам под впалыми глазами было видно, что эта еда пришлась как нельзя более. кстати.

— Понять не могу, как он так скоро нагнал нас, — сказал Лога. — Компьютер докладывает, что больше никто не обнаружен, но остальные могут быть вне поля зрения камер. И если это агенты, кто-то может знать код. Монат мог передать его им в долине.

— Спросим Геринга, — предложил Бартон.

— Ясное дело. Только выясню у компьютера,

где он находится. Компьютер дал ответ, и все вылетели на креслах из комнаты. Оказавшись в коридоре, идущем от тайника Логи, они мягко посадили кресла и направились дальше пешком. Геринг был безоружен, но оставалось неясным, нет ли с ним других.

— Ахтунг! — рявкнул Бартон и громко рассмеялся, когда Геринг вскочил, едва не подавившись, замахав руками и опрокинув стул. Серый, с вытаращенными глазами, он попытался что-то сказать, но покраснел и схватился за горло.

— О Господи, он поперхнулся! — сказала Алиса. Геринг уже посинел и рухнул на колени, когда Бартон хватил его по спине, выбив из горла застрявший кусок.

— Ничего смешного нет, Ричард, — сказала Алиса. — Перестань смеяться. Ты мог убить его.

— Прошу прощения, Геринг, — сказал Бартон, утирая слезы. — Мне, наверно, просто захотелось отплатить тебе за то, что ты сделал со мной.

Геринг жадно выпил стакан воды, поданный Афрой Бен.

— Что ж, не могу тебя упрекнуть.

— У тебя голодный вид, — сказал Нур. — Нельзя есть так быстро. После такой долгой голодовки еда может тебя убить.

— Я не настолько уж изголодался. И у меня, кажется, пропал аппетит. — Он оглядел всех. — А где остальные?

— Мертвы.

— Да помилует Бог их души.

— Не помилует, если мы ему не поможем — и быстро.

— Геринг! — резко сказал Лога. — Ты пришел один.

— Да, — ответил Герман, недоуменно разглядывая его.

— Давно ли ты здесь?

— Около часа.

— Кто-нибудь еще шел за тобой в горах?

— Нет — я, по крайней мере, никого не видел.

— Как ты сумел добраться сюда так быстро?

Геринг вместе с другими вироландцами нырял в трюм «Внаем не сдается», пока пароход не смыло с отмели в бездну. Ныряльщики извлекли оттуда запасные части батацитора, собрали аппарат и установили его на деревянном паруснике. Еще наверх вынесли два небольших электромотора, запасной винт маленького катера «Гасконца» и прочие запчасти. Работа шла споро, и четверо человек отплыли на преобразованном парусник через две недели после отхода «Афиш не

расклеивать».

В отличие от группы Бартона, они не тратили дни на отдых.

— Где же твои спутники? — спросил Лога, уже догадываясь об их судьбе.

— Двое оставили нас и вернулись назад. Я поплыл дальше с моей женой, но она поскользнулась и сорвалась с горы. Геринг сделал знак благословения, обычный у шансеров.

— Ты бы сел, — мягко сказал Бартон. — Мы многое должны тебе рассказать.

Выслушав рассказ Логи и Бартона, Геринг пришел в ужас.

— Столько ватанов! И моя жена среди них!

— Да — и мы не знаем, что делать. Убить компьютер, чтобы он не улавливал лишних ватанов, или придумывать дальше, как отменить данную ему команду.

— Есть и третий выход, — сказал Герман.

— Какой?

— Позвольте мне попробовать сменить модуль.

— Ты с ума сошел!

— Нет. За мной есть долг.

Бартону вспомнился его повторяющийся сон о Боге. «Ты должен мне за плоть. Плати».

— Если ты умрешь, твой ватан будет обречен.

— Кто знает, — спокойно ответил Герман. — Вдруг я уже созрел для «продвижения». Я не знаю, так ли это. Видит Бог, я далеко не святой. Но если я спасу все эти души… ватаны… мне это зачтется.

Никто не стал с ним спорить.

— Прекрасно, — сказал Лога. — Ты самый мужественный человек из всех, кого я встречал, Думаю, ты ясно представляешь себе, как малы твои шансы на успех. Но вот что мы сделаем.

Бартон раскаивался, что подшутил над немцем. Герман рискует своей душой, рискует вечной гибелью в случае неудачи. Лога прав. Геринг самый смелый человек из всех, кого встречал Бартон. Может, раньше он таким и не был, но сейчас он такой.

Лога решил вернуться на верхний этаж, в жилые помещения. По дороге они остановились, чтобы показать Герингу плененные ватаны.

Он несколько минут смотрел на их мерцающий, изменчивый круговорот и отвернулся.

— Самое прекрасное, самое потрясающее, самое жуткое зрелище на свете. — Он снова сделал свой круговой знак, и Бартону показалось, что в нем заключено не только благословение, но и молитва о спасении, об укреплении духа.

В контрольном центре Лога сразу сел к пульту на платформе и через пять минут велел Герингу войти в один из шкафов, где его обмерили лучевые приборы. Лога ввел в компьютер новые данные и через час закончил работу.

Выждав несколько секунд, он нажал какую-то клавишу, слез с платформы и заковылял к большому энергоматериальному преобразователю. Остальные столпились позади. Лога открыл дверцу.

Внутри лежали доспехи. Лога взял их и кинул остальным. Геринга облачили в броню, после чего он стал больше похож на робота, чем на рыцаря в доспехах. Когда же ему на спину привесили ранец с дыхательным аппаратом, он стал точно астронавт.

Скафандр был сделан из сплошного серого металла, только в лицевой части круглого шлема имелся длинный узкий просвет. Эта толстая броня весила всего девять фунтов.

— Окошко не обладает сопротивляемостью металла, — сказал Лога. — А лучи режут и металл, будучи направлены в одно место дольше десяти секунд. Поэтому ты все время должен двигаться.

Геринг проверил на гибкость плечевые, кистевые, пальцевые, коленные и лодыжечные

сочленения. Побегал и попрыгал, взад-вперед. Потом поупражнялся в обращении с лучеметом, изучив все возможности этого оружия.

С него сняли скафандр, и он снова поел.

Когда Герман пошел в одну из квартир прилечь, Лога слетал на кресле на один из этажей ниже уровня моря и через час вернулся, ведя за собой в воздухе двухместную исследовательскую субмарину.

— Мне это пришло в голову только часа два назад. Это позволит ему пробиться сквозь первый порог защиты. Ну а дальше придется пешком — проходы там недостаточно широкие для лодки.

В его отсутствие другие занимались делом, прикрепляя лучеметы к гробообразным роботам-чистильщикам и сверля отверстия для проводов. Лога установил видеотехнику и спусковые устройства, запрограммировал и поставил навигационные блоки.

Бартон, пришедший будить Германа, увидел, что тот стоит на коленях около кровати и молится.

— Ты бы лучше поспал, — сказал Бартон.

— Я употребил это время с большей пользой.

Они вернулись в контрольный центр, где Герман слегка перекусил, а потом стал изучать

маршрут и осваивать управление субмариной. Лога показал ему, как вынуть старый модуль и вставить новый. Это был кусочек серого металла, размером и формой похожий на игральную карту. В него были впечатаны сложнейшие схемы, но поверхность была гладкой. Один уголок был помечен птичкой — этим углом модуль и надлежало вставить в нужную прорезь — так, чтобы выпуклое кодовое число оказалось сверху.

— Что же может испортиться в подобном модуле? — спросил Фрайгейт.

— Ничего — если он правильно вставлен. Я подозреваю здесь человеческую ошибку. Если вставить модуль вверх ногами, он все равно будет работать — но при каждом приливе напряжения одна из схем будет постепенно портиться. Такую ошибку заметили бы давным-давно, будь техники живы.

Лога положил карточку в металлический куб, который прикрепил к скафандру Германа чуть выше колена.

— Ему нужно будет только нажать вот эту кнопку на кубе — магнитное поле отключится, и карточка выйдет. Куб достаточно толст, чтобы выдержать многочисленные попадания лучей.

На Германа надели все части скафандра, за

исключением круглого шлема. Лога разлил золотистое вино в изящные кубки, которые принес из своей квартиры, высоко поднял свой кубок и сказал:

— За твой успех, Герман Геринг. Да будет с тобой Творец!

— Как и со всеми нами, — сказал Герман.

Все выпили, и шлем водрузили на голову Геринга. Тот взобрался по лесенке на верхушку субмарины и с некоторым трудом пролез в люк. Лога последовал за ним, чтобы еще раз повторить свои инструкции, а потом закрыл люк.

Лога, как руководитель операции, занял место на крутящейся платформе, а другие, сев перед разными пультами начали делать то, чему научил их этик.

Первый из бронированных гробов-роботов поднялся в воздух и двинулся к двери. Им управлял Бартон. За ним шел робот Алисы, за ним другие. Роботы вереницей прошли в дверь и повернули направо.

Когда вышли все, субмарина поднялась над полом и последовала за ними.

Спуск ниже уровня моря занял у каравана пятнадцать минут. Бартон остановил своего робота перед закрытой дверью с выпуклой надписью,

включил лучеметы — и дверь с одной стороны разрезало сверху донизу. Переместив робота, Бартон разрезал дверь с другой стороны, потом двинул робота в середину, и вырезанный кусок упал внутрь.

Бартон увидел гигантское, заставленное техникой помещение и направил робота к закрытой двери в противоположной стене. Стена при этом в нескольких местах разошлась, и высунулись сферические дула лучеметов. Из них вылетели алые линии.

Бартон, двигая рычаги у себя на панели, повернул робота вверх и вправо, задержал его там и нажал на клавишу спуска. По краям экрана сверкнули алые линии, и Бартон с удовлетворением отметил, как что-то взорвалось. Казалось, что осколки стучат прямо по экрану.

Еще через несколько секунд экран погас. Компьютер уничтожил камеру на корпусе робота. Бартон выругался и прекратил огонь. Теперь ему оставалось только наблюдать. Он переключил свой терминал на одну из камер Логи, помещенную на стене над дверью, и увидел, что все роботы уже вошли. Его робот висел в десяти футах над полом, наведя передний конец на лучеметы компьютера. Остальные расположились полукругом,

чтобы не натыкаться друг на дружку.

Взорвался последний в комнате лучемет, и кадр начал перемещаться — роботы двинулись дальше, завоевывая комнату за комнатой. Робот Алисы расплавился, у де Марбо разбили камеру, робот Тай-Пена пронзили сразу три луча, и он упал, лишившись какого-то жизненно важного узла.

Роботы падали один за другим, и осталась одна субмарина. Ее сигарообразное тело проплыло еще через двое дверей, принимая на себя лучи компьютерных лучеметов.

Очередной дверной проем был достаточно широк, но в нем скрещивались лучи десяти орудий. Герман все-таки проскочил, заплатив за это кормой, которую срезало, и корпусом, который весь изрешетило.

У следующей двери он должен был оставить свою машину. Герман разогнал ее, сбавил ход в нескольких футах от двери и вылез, пока алые лучи сверлили ее корпус. Лучеметы сразу перевели огонь на него. Герман упал на пол — от половины орудий его прикрывала лодка, но у другой половины он был на виду. Он медленно встал и прошел в дверь. Лучеметы вели его, пока он бежал к следующей двери, ведущей в клапан-

ную. Дверь внезапно закрылась, преградив ему путь. Герман, не обращая внимания на лучеметы, стал резать ее. Проделав небольшое отверстие, он отстегнул куб с модулем и бросил его внутрь, а потом пролез сам, держа свой лучемет в руке.

Бартон и остальные слышали, как тяжело он дышит.

Потом раздался крик боли:

— Нога!

— Ты почти на месте! — крикнул Лога.

Из прорезанной дыры повалил красноватый пар.

— Отравляющий газ, — сказал Лога.

Кадр переместился в клапанную. Помещение было большое, а справа от Германа из стены, футах в десяти над полом, выступала загибающаяся вниз металлическая труба. Рядом на столе стоял металлический ящичек, от которого тянулись провода к другому ящику. Из прорезей на его передней панели выступали концы модулей.

Геринг полз к кубу, и не меньше сотни лучеметов поливало его огнем.

— Я не могу больше эыдержать, — услышали наблюдатели. — Теряю сознание.

— Держись, Геринг, — сказал Лога. — Еще минута, и все будет сделано.

Неуклюжая серая фигура на экране схватила куб и вытряхнула из него карточку. Герман подобрал ее и пополз к модульному ящику. Потом раздался вопль, и Герман упал ничком. Модуль выпал из его руки и лег у стола.

Алые линии сосредоточились на упавшем и не исчезли, пока не изрешетили скафандр.

Наступило долгое молчание.

Бартон с тяжелым вздохом выключил свой терминал. Другие последовали его примеру. Бартон взошел на платформу и встал за спиной у Лога. На экране этика теперь пульсировал многоцветный шар, выпуская и втягивая щупальца.

Лога оперся локтями о панель, закрыв лицо руками.

— Что это? — спросил Бартон.

Он знал, что это ватан, но не понимал, отчего его изображение появилось на экране. Лога убрал ладони от лица.

— Я настроил на Геринга частотный детектор.

— Так это он?

— Да.

— Значит, «продвижения» не произошло?

— Нет. Он там, где все остальные.

Что же делать теперь?

Этот вопрос задавал себе каждый.

Лога хотел убить компьютер, чтобы тот не захватывал больше ватаны, а потом сделать его дубликат на предпрограммной стадии. Но как было отказаться от надежды — безнадежной надежды, — что кто-то что-то придумает и не даст улететь захваченным ватанам. Лога впал в умственный паралич, и ожидать от него можно было лишь одного — что он под влиянием импульса нажмет-таки на роковую кнопку.

Остальные не переставая ломали голову, делясь своими рассуждениями и вопросами с компьютерами. Но в планах каждый раз обнаруживался какой-нибудь изъян.

Бартон несколько раз спускался на нижний этаж и часами стоял или ходил, глядя на бесконечный круговорот ватанов. Есть ли среди них его родители? Айша? Изабел? Вальтер Скотт, племянник сэра Вальтера Скотта; писателя, друг Бартона по Индии? Доктор Штейнхаузер? Жорж Сала? Суинберн? Брат и сестра? Спик? Дедушка Бейкер, подведший внука, отдав концы перед самым изменением завещания? Кровожадный и жестокий Гелеле, король Дагомеи, который не знал, что он кровожаден и жесток, — он ведь делал только то, чего требовало от него общество. Но этим никого оправдать нельзя.

Бартон отправился спать измученным и подавленным. Ему хотелось поговорить с Алисой, но она была какой-то далекой, погруженной в собственные мысли. На этот раз ее явно занимала не мечта, способная унести от ранящей или неприглядной реальности — Алиса думала над их общей проблемой.

Наконец Бартон уплыл в сон и проснулся спустя шесть часов. Над ним в полумраке стояла Алиса.

— Что стряслось? — сонно спросил он.

— Надеюсь, ничего. Я только что пришла из контрольного центра.

— Что ты там делала? Алиса легла рядом с ним.

— Мне не спалось, и я все думала о том о сем — мысли мелькали, как ватаны. Я старалась удержать их на компьютере, но они без конца уходили в сторону, распадаясь на тысячу других вещей. Передо мной прошла чуть ли не вся моя жизнь — и здесь, и на Земле. Помню, я думала о мистере Доджсоне, когда наконец уснула. Мне снились самые разные сны — и чудесные, и очень страшные. Ты не слышал, как я закричала?

— Нет.

— Значит ты спал мертвым сном. Я проснулась, вся дрожа и в поту, но не смогла вспомнить, что

меня так напугало.

— Нетрудно вообразить, что это было.

Алиса встала выпить воды, а вернувшись в постель, опять не смогла заснуть. Помимо прочего она думала о преподобном Чарльзе Латвиже Доджсоне, о счастье быть знакомой с ним и о двух книгах, на которые она его вдохновила. Алиса перечитывала их столько раз, что ей было совсем нетрудно представить себе их содержание и иллюстрации Тэнниэла.

— Первой сценой, которая представилась мне, было Безумное Чаепитие.

За столом сидели Болванщик, Мартовский Заяц и Мышь-Соня. Алиса села с ними без приглашения, и Мартовский Заяц после нескольких пустых фраз предложил ей выпить вина.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ничего, кроме чая.

— Вообще-то это не совсем верно, — сказала Алиса Бартону. — Там было еще молоко, хлеб и масло. Книжная же Алиса сказала:

— Я что-то не вижу здесь вина.

— А его здесь и нет, — ответил Мартовский Заяц. Потом Алиса долго пыталась разрешить загадку, чем ворон похож на конторку От этого ее отвлек Болванщик, спросивший, какое сегодня

число. Он достал из кармана часы, с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху Алиса подумала и ответила:

— Четвертое.

Настоящая Алиса сказала Бартону:

— Мистер Доджсон выбрал это число потому, что у них в книге был май, а четвертое мая — мой день рождения.

— Отстают на два дня! — вздохнул Болванщик. — Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом!

— Масло было самое свежее, — робко возразил Заяц. Бартон встал и начал шагать взад-вперед.

— А нельзя ли обойтись без этих подробностей, Алиса?

— Нет. Это важно.

Следующая сцена, которую она увидела или, скорее, пережила, сделавшись семилетней Алисой из книжки, относилась к главе «Вода и Вязание» из «Алисы в Зазеркалье». Алиса, разговаривая с Белой Королевой, спросила:

— Разве, когда думаешь, не плачешь?

— Конечно, нет, — решительно отвечала Королева. — Ведь невозможно делать две вещи сразу.

— Алиса! — сказал Бартон. — Ну к чему ты рассказываешь всю эту чепуху?

— Это не чепуха. Слушай дальше.

От Белой Королевы Алиса перенеслась к Шалтай-Болтаю.

— Возможно, это Лога своей толщиной напомнил мне о нем. Книжная Алиса обсуждала с громадным человекоподобным яйцом, сидящим на стене, значения слов.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, — презрительно произнес Шалтай-Болтай.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам, — сказала Алиса. — Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, — сказал Шалтай-Болтай.

Потом реальная Алиса (впрочем, намного ли она реальнее той, другой? — спросил себя Бартон) перенеслась в сцену, где Черная Королева спросила ее, знает ли она вычитание.

— Отними от восьми девять.

— Этого я не знаю, но… — ответила Алиса.

— Вычитания не знает, — сказала Белая Королева Черной. — А деление? Раздели буханку хлеба ножом, что будет?

— Много ли тебе еще представлялось? — спросил Бартон.

— Больше ничего. Я не придала этому значения. Просто это были мои любимые отрывки.

Алиса уснула снова, но вдруг проснулась, широко раскрыв глаза. Ей показалось, что кто-то позвал ее.

— Откуда-то с горизонта моего разума.

Ей показалось, что это мистер Доджсон, но уверена она не была.

Сон у нее прошел, и сердце сильно билось. Она встала и пошла в контрольную комнату.

— Зачем? — спросил Бартон.

— Мне подумалось, что в каждой сцене была своя ключевая фраза. «Самое свежее масло», «Кто здесь хозяин?», «Знаешь ли ты деление?».

— Ладно, Алиса, — вздохнул Бартон. — Рассказывай, как знаешь. Алиса села на место Лога и наладила прямую связь с компьютером.

— Ты понимаешь, что через каких-нибудь два дня умрешь? — спросила она.

— Да. Это избыточная информация. Нет необходимости мне ее сообщать.

— Монат дал тебе команду никого не воскрешать, пока он не даст другого распоряжения. В какой форме должно быть отдано это распоряжение?

— Лога уже спрашивал его об этом, — прервал ее Бартон.

— Да, знаю. Но мне показалось, что не повредит

попробовать еще раз.

— И что он тебе ответил?

— Компьютер, как и раньше, промолчал.

Тогда Алиса сказала, что есть высшая команда, отодвигающая запрет Моната на второй план.

«В чем она заключается? — вспыхнуло на экране. — Я получал много команд».

— Самая главная твоя задача — улавливать ватаны и направлять их к дубликатам тел. В этом и заключается суть проекта. Если бы Монат предвидел, к чему приведет его запрет, он никогда не наложил бы его.

Компьютер молчал.

— Свяжи меня с секцией, которой пользовался Лога, — попросила Алиса. — С той частью тебя, где Лога был хозяином.

Компьютер, видимо, не имел никаких запретов на этот счет. Но до Алисы о таком шаге никто не подумал.

— Бог мой! — сказал Бартон. — Ну а дальше что?

— Я сказала той доле компьютера, что она должна умереть. Она ответила, что знает. Ну и что? Тогда я повторила аргумент, названный в споре с доминирующей властью.

А потом отдала области Лога команду вернуть-

ся в прежнее, независимое состояние.

— А доминанта не вмешивалась?

— Нет. Да и с чего бы? Лога не зря назвал ее талантливой идиоткой.

— А потом что?

— Я сказала доминанте, что ее долг — воскресить Моната, чтобы тот мог подтвердить или отменить свой приказ никого не оживлять.

— Ну?

— Экран погас. Я пробовала и так и сяк — он не отвечал. Бартон помрачнел.

— И все?

— И все.

— Но почему он прервал связь? Он обязан отвечать оператору.

— Я надеюсь, — сказала Алиса, — что это свидетельствует об его внутренней борьбе. Что область Лога борется с доминантой.

— Чепуха! — крикнул Бартон. — Не может такого быть, насколько я разбираюсь в компьютерах.

— Ты забываешь, что это не совсем компьютер. Необычный, во всяком случае. Он сделан из протеина, как и человеческий мозг.

— Надо бы разбудить Логу. Скорей всего ничего опять не выйдет, но он единственный, кто в этом смыслит.

Этик проснулся сразу, как будто и не спал. Он выслушал Алису, не задавая вопросов, и сказал:

— Борьбы быть не должно. Приказ Моната должен был поступить и в доминирующую часть, и в мою.

— Это смотря когда приказ был отдан, — сказала Алиса. — Если доминирующие схемы были поставлены после, твоя часть его не получила.

— Но доминанта передала бы его отщепленной доле.

— А может, и нет!

— Если все пойдет, как ты задумала — а я не вижу ни малейшего шанса, — то Монат воскреснет.

— Но я же дала такую команду доминанте. Лога перестал хмуриться.

— Хорошо! Если это единственный способ спасти ватаны, так и должно быть. Даже если…

Даже если мне придется худо, следовало понимать. Все позавтракали в столовой, кроме Логи, который ел у себя за пультом. Несмотря на все усилия, он так и не сумел добиться от компьютера прямого ответа. Один из экранов показывал шахту с ватанами.

— Когда она опустеет, мы поймем, что их… больше нет. — Лога сверился с другим экраном. — Еще два поступили. Нет — уже три.

За невеселой трапезой, прерываемой лишь редкими угрюмыми замечаниями, Фрайгейт сказал:

— Нам надо обсудить одно важное дело. Все молча посмотрели на него.

— Что мы будем делать, когда компьютер умрет? Лога не считает нас достаточно развитыми этически, чтобы позволить нам остаться здесь. По его мнению, мы не способны работать над проектом. И он, по-моему, прав — я исключил бы разве одного Кура. Если Нур пройдет через верхний вход, Лога разрешит ему остаться.

— Я там уже прошел, — сказал мавр. Все уставились на него.

— Когда? — спросил Фрайгейт.

— Этой ночью. Я решил, что если смогу оттуда выйти, то и вернуться сумею. И вернулся, хотя мне пришлось нелегко. Я не прошел сквозь поле запросто, как сделал бы этик.

— Твое счастье, — проворчал Бартон. — Я приношу извинения за то, что называл суфи шарлатанами. Ну а мы, все остальные? Что, если нам не хочется возвращаться в долину? Но коли уж мы вернемся туда, мы скажем людям всю правду. Не все, конечно, нам поверят. Там немало еще христиан, мусульман и прочих, кто держится за старую веру. Да и многие шансеры, вероятно,

останутся верны своим догмам.

— Это уж их забота, — сказал Нур. — Только я не хочу оставаться здесь. Я охотно вернусь в долину. У меня там еще много дел. Буду работать до самого «продвижения».

— Продвижение еще не означает, что ты окажешься у Творца за пазухой, — заметил Бартон. — С научной точки зрения оно означает всего лишь, что приборы этиков больше не обнаруживают твой ватан.

— На все воля Аллаха.

Бартон стал думать, хотелось бы ему остаться здесь. Он получил бы такую власть, которой не имел никто на земле и очень мало кто в Мире Реки.

Но для этого ему пришлось бы убрать Логу. Убить его или заключить в тюрьму. Поддержали бы его, Бартона, остальные? Если нет, пришлось бы и их убрать. Он мог бы воскресить их потом в долине, куда они все равно собираются. Но он остался бы один. Алиса не пошла бы с ним. Хотя — почему один? Он мог бы воскресить в башне кого угодно — и мужчин, и женщин.

Бартон содрогнулся. Наваждение пришло и миновало, будто кошмар. Он не хотел такой власти и не хотел чувствовать себя предателем. Кроме

того, он ясно понимал, что ему такую власть доверить нельзя.

Ну а Лога? Разве он не предатель?

В каком-то смысле — да. Бартон, однако, был согласен с ним в том, что кандидатам в долине нужно дать гораздо, гораздо больше времени, чем планировали другие этики. Бартон чувствовал, что и ему самому придется очень кстати продление срока.

Он посмотрел на сидящих за столом. Не скрывают ли эти замкнутые лица такие же мысли? Не борется ли кто-то еще с искушением?

Надо будет последить за ними. Убедиться, что они не замышляют ничего предосудительного.

Бартон выпил золотистого вина и сказал:

— Все ли согласны вернуться в долину? Поднимите, пожалуйста, руки.

Подняли все, кроме Тома Терпина. Остальные мрачно уставились на него. Он ухмыльнулся и тоже поднял руку.

— Уж больно здесь хорошо. Но нет, не хочу тут оставаться Я бы не выдержал. Попросить, что ли, Логу — может, даст мне с собой рояль?

Алиса разразилась слезами.

— Все эти души! Я думала, что нашла ответ, но. На стенном экране возник улыбающийся Лога.

— Идите все сюда! — со смехом крикнул он. — Доминанта сдалась, и я только что получил сообщение от другой половины. Алиса, ты была права! О, как права!

Все вбежали в контрольную комнату и столпились вокруг этика. На экране светилось последнее сообщение.

Все радостно завопили и стали обниматься, прыгать и плясать.

Но Лога потребовал внимания.

— Не забудьте, компьютер все еще в опасности! Но он разрешил мне сменить модуль. Я должен идти.

Вот будет насмешка судьбы, подумал Бартон, если компьютер умрет, не дождавшись, когда Лога это сделает.

Но через десять минут перед ними, собравшимися в столовой, опять явился на экране веселый Лога.

— Дело сделано! Сделано! Я уже дал команду возобновить воскрешения.

Все снова принялись прыгать, кричать и обниматься. Терпин сел за рояль и заиграл «Сент-Луисский рэг»

— Это была длинная, длинная Река, но мы прошли ее до конца! — кричала Алиса. Ее большие

темные глаза светились, как экраны, и все ее существо излучало радость. Никогда она еще не была так красива.

— Да, — сказал Бартон, снова и снова целуя ее. — Нам придется вернуться на эту Реку, но это теперь не важно.

Как все странно и непредсказуемо! Этот мир спасли не вожди и государственные деятели, не мистики, не святые, не пророки и не мессии, не священные книги — его спасли эксцентричный интраверт, автор математических учебников и детских книжек, и вдохновившее его дитя.

Девочка, выросшая потом во взрослую мечтательницу Алису, вызвала к жизни поток чепухи, которая вовсе не была чепухой, — и это Алисино свойство, развиваясь по спирали, позволило ей сделать то, что не удалось другим, и спасти восемнадцать биллионов душ и целый мир в придачу.

Думая об этом, Бартон случайно увидел, как Фрайгейт устремился к двери, описывая при этом круги и бормоча что-то несуразное. Потом, нахмурясь, повернул назад.

Бартон отошел от Алисы и спросил его.

— Ты чего?

Фрайгейт перестал хмуриться и усмехнулся:

— Да ничего. Мне послышались шаги в коридо-

ре. Выглянул, а там никого нет. Померещилось, наверное.

Филипп Хосе Фармер
Боги мира реки

Все племена Земли и их судьбы — в Твоих руках;
Их цвета кожи и многочисленные языки — Твои;
Мы же — горсть из тех многих, коих Ты,
О великий Владыка хаоса, сделал разными.

Древний египетский гимн

Между прочим, ад больше половины рая.

«Люк Хэвергол»
Эдвин Арлингтон Робинсон

Когда же Моисей ударил посохом в скалу, он забыл отступить с пути потока и потому едва не утонул в его водах.

Книга Зохар

Глава 1

Лога трескался как яйцо.

В 10.02 изображение этика появилось на больших настенных экранах в комнатах его восьми гостей. Видеокамера находилась где-то под потолком, и они видели Логу только от голого пупка и выше — вплоть до точки в нескольких дюймах над его головой. Края стола почти совмещались с боковыми гранями экрана, поэтому за фигурой просматривались лишь узкие полоски пола и небольшая часть задней стены.

Лога походил на рыжего зеленоглазого Будду, который, прожив десяток лет на фабрике мороженого, давно перестал сопротивляться притягательности этого сладкого продукта. И хотя он потерял за последние три недели около двадцати фунтов, его торс по-прежнему бугрился от излишков жировых отложений.

Тем не менее, это был радостный Будда. Его лицо сияло от счастья, когда он обратился к своим гостям на эсперанто:

— Я только что сделал удивительное открытие! Оно решит проблему…Лога замолчал и встревоженно посмотрел направо. — Извините. Кажется,

я что-то услышал.

— Вы и Фрайгейт становитесь параноиками, — проворчал Бертон. Мы обыскали башню вдоль и поперек, и ни в одной из 35793 комнат…

Экраны мигнули. Фигура Логи дернулась, вытянулась в длину, а затем сжалась до карликовых размеров. Бертон даже удивился. До сих пор он еще ни разу не замечал на экранах каких-либо помех и искажений. Однако через пять секунд изображение вновь стало устойчивым и четким.

— Яас? — спросил Бертон на языке этиков. — Чем вы так взволнованы?

Электронное изображение загадочно мигнуло.

Бертон испугался. Он сжал руками подлокотники кресла, и их неподатливая прочность убедила его в реальности происходивших событий. Хотя то, что он видел на экране, казалось абсолютно невозможным.

По лицу Логи поползли зигзагообразные трещины. Они тянулись от уголков губ и, пересекая щеки, уходили в волосы. Черные глубокие изломы проникали сквозь кожу и плоть, обнажая полость рта и кости черепной коробки.

Бертон вскочил с кресла.

— Лога! Что происходит?

Трещины побежали по шее, по плечам и рукам,

по груди и выпиравшему животу. Кровь брызнула на стол и заструилась по лопавшейся коже.

А потом, по-прежнему улыбаясь, Лога начал разваливаться на куски. Он упал на бок справа от стула, и Бертон услышал звук, будто разбилось стекло.

Теперь на экране виднелась лишь рука Логи — вернее, несколько ее частей, похожих на бутылочные осколки с каплями вина. Плоть и кровь пузырились и с шипением превращались в прозрачные лужицы. Бертон оцепенел от ужаса, но крик Логи заставил его вскочить с кресла.

— Ай цаб ю!

После крика послышался глухой удар, словно на пол упало тяжелое тело.

Бертон активировал голосом другие видеокамеры, однако комната Логи оказалась пустой. У стола поблескивали красноватые лужи с останками этика.

Англичанин судорожно вздохнул.

На стене засветились квадраты экранов, и на них появились изумленные лица остальных семи землян. Темные глаза побледневшей Алисы расширились от испуга.

— Дик? Неужели это кричал Лога? Мне показалось, что я узнала его голос!

— Ты и сама видела, что с ним произошло! — ответил Бертон. Как же он мог кричать? В то время Лога был уже мертв!

Все заговорили, перебивая друг друга, и потрясение оказалось настолько большим, что каждый перешел на свой родной язык. Даже невозмутимый Нур сбился на арабские фразы.

— Тихо! — рявкнул Бертон, вскидывая вверх руки.

До него дошло, что он говорит по-английски. Но это не имело большого значения, поскольку его команду поняли все.

— Я знаю о происходящем не больше вашего. Однако ясно одно: кто-то пытается ввести нас в заблуждение. Предлагаю всем немедленно собраться у входа в апартаменты Логи. И прихватите с собой оружие!

Бертон вытащил из шкафа два небольших лучемета. Еще час назад он мог бы поклясться, что они ему больше никогда не пригодятся. Каждый из лучеметов имел обычную пистолетную рукоятку и толстый ствол, на конце которого располагалась сфера размером с большое яблоко.

С экрана донесся голос Алисы:

— Неужели этот кошмар никогда не кончится?

— Кошмары долго не длятся, — ответил он.

Ее большие темные глаза затуманились, и на заостренном лице появилось отрешенное выражение, которое с некоторых пор выводило Бертона из себя.

— Кончай, Алиса! — резко прикрикнул он. — Сейчас не время распускать нюни.

— Со мной все в порядке, — ответила она. — И ты это прекрасно знаешь.

— Я еще не встречал таких людей, у которых было бы все в порядке.

Бертон направился к выходу, и сенсорные датчики, узнав его, мигнули зелеными огоньками. Тем не менее, дверь оставалась закрытой до тех пор, пока он не произнес на классическом арабском языке особый пароль, означавший «Сезам, откройся!». Примерно в то же время Алиса в своей комнате шептала на английском:

— «„Кто ты?“ — спросила гусеница».

Бертон вышел в коридор, и дверь за ним бесшумно закрылась. Рядом находилось большое кресло из серого металла с мягкой обивкой алого цвета.

Как только он опустился на сиденье, спинка плавно изменила форму в соответствии с контурами его тела. Бертон ткнул пальцем в черный центр белого диска, расположенного на левом

подлокотнике, и из такого же диска на правом подлокотнике появилась тонкая металлическая рукоятка. Едва он потянул ее на себя, как под массивным остовом вспыхнуло белое сияние. Кресло начало подниматься над полом и зависло на уровне двух футов. Легким движением управляющей рукоятки Бертон развернул транспортное средство в противоположном направлении, а затем, меняя скорость нажатием на черное пятно левого диска, полетел вперед по длинному коридору.

Он быстро промчался мимо настенных анимационных картин и присоединился к своим коллегам, которые, ожидая его, парили над полом в летающих креслах.

Бертон возглавил отряд и, слегка замедлив скорость, влетел в огромную вертикальную шахту, входное отверстие которой находилось в конце коридора. С легкостью, выработанной в результате большой практики, он поднялся по пологой дуге на следующий уровень, вылетел в другой коридор и через сотню футов остановился у входа в жилище Логи. Мягко опустив кресло на пол, Бертон встал и подошел к двери. Вскоре появились остальные. Встревоженно переговариваясь друг с другом, они неохотно покидали

свои транспортные средства.

В трехстах футах от шахты коридор пересекался с другим проходом. На поверхности стен и на потолке располагались подвижные картины с имитацией трехмерного пространства. Над головой сияло безоблачное небо. Вдали темнела горная гряда. Джунгли на переднем плане расступались в стороны, и взору зрителей открывалась широкая прогалина, на которой находилась деревушка с дюжиной глиняных хижин. Около домов виднелись фигуры смуглых людей, одетых в просторные одежды, которые индусы носили около 500 года до нашей эры.

Неподалеку под деревом сидел стройный юноша в набедренной повязке. Вокруг него собралась дюжина мужчин и женщин, которые с восторгом слушали речи об истинном просветлении. Эта сцена не являлась выдумкой и изображала реального исторического Будду. Фильм был отснят агентом этиков — одним из тех мужчин и женщин, которые сидели рядом с великим мудрецом. По всей вероятности, видеокамера и система звукозаписи маскировались под видом перстней или бус.

И хотя беседа казалась едва различимым бормотанием, словесные команды зрителя могли не

только сделать разговор слышимым, но и обеспечить перевод хиндустани на любой известный этикам язык.

По особой команде картина могла источать запахи, которые окружали агента во время съемок. Однако зрители обычно предпочитали обходиться без них и имели на то веские причины.

Прямо перед Бертоном находился пенек, на котором был нарисован священный символ — зеленый глаз внутри бледно-желтой пирамиды. В оригинальном фильме этот символ отсутствовал; он лишь отмечал вход в апартаменты этика.

— Если Лога заменил пароль для запоров двери, мы просто зря теряем время, — сказал Фрайгейт. — Нам никогда не пробраться внутрь.

— Но кто-то же к нему вошел, — напомнил Бертон.

— Возможно, вошел, — добавил Нур.

Бертон громко произнес имя этика — так громко, словно хотел активировать открывающие механизмы силой своего голоса. На стене появилась круговая трещина, достигавшая в диаметре десяти футов. Выделенный круг слегка подался внутрь, потом закрутился колесом и вкатился в широкий паз.

Фрагмент картины на нем, не теряя четкости

изображения, вращался вместе с поверхностью двери.

— Значит, туда мог войти кто угодно! — вскричала Алиса.

— Какая фатальная небрежность, — согласился Бертон.

Смуглый мавр поморщил длинный нос и назидательно сказал:

— Человек, проникший в жилище Логи, мог изменить пароль и перенастроить механизмы замка.

— Как же это ему удалось? — спросил Бертон. — И для каких целей?

— А как и для каких целей делались все эти приборы?

Бертон осторожно прошел в отверстие, и остальные последовали за ним.

Комната представляла собой куб со стороной в сорок футов. Стена за столом сохраняла бледно-зеленую окраску, но на трех других мелькали сцены подвижных картин: на левой демонстрировалась планета, которую этики назвали Миром Садов; на правой — один из тропических островов погибшей Земли; на передней стене бушевала гроза, снятая на пленку с большой высоты. Темные грозовые тучи клубились, как штормящее море.

Стрелы молний беззвучно носились от облака к облаку и исчезали во мгле.

Посреди картины, совершенно неуместные на фоне молний и туч, мерцали экраны мониторов. Они по-прежнему показывали комнаты восьми землян. На паркетном полу и полированном столе виднелись красноватые лужицы и мокрые пятна.

Бертон повернулся к Фрайгейту:

— Надо сделать анализ жидкости. Пусть компьютер определит состав.

Американец, недовольно фыркнув, направился к секретеру и начал искать какую-нибудь емкость, чтобы набрать немного жидкости. Бертон несколько раз обошел комнату по кругу, но не обнаружил ничего подозрительного. Его спутники проверили записи других видеокамер, однако тот, кто убил Логу, предусмотрительно отключил всю аппаратуру слежения.

Нур, Бен и Терпин приступили к осмотру ближайших помещений. Бертон велел компьютеру показать эти комнаты на экранах. Там никого не было, но поскольку трое его коллег направлялись туда на поиски улик, он хотел, чтобы они оставались под постоянным наблюдением. Убийца превратил Логу в жидкость, так почему бы ему

не сделать то же самое и с остальными?

Бертон остановился около лужицы на полу и макнул палец в жидкость.

Осмотрев кончик пальца, он выпрямился и поднес руку к лицу.

— Неужели ты хочешь попробовать это на вкус? — спросила Алиса.

— Сказать по правде, не очень. В каком-то смысле Лога был довольно ядовитым существом. К тому же, это может показаться разновидностью каннибализма… или христианского причастия. Лизнув палец, он скривил губы и произнес:

— Масса мессы обратно пропорциональна вере, возведенной в квадрат.

Его поступок не произвел на Алису большого впечатления — в этом мире ей довелось повидать и более омерзительные вещи. Тем не менее, она поморщилась от отвращения, вызванного, в основном, его богохульными словами.

— На вкус, как обычная человеческая кровь, — добавил Бертон.

В комнату вошли Нур, Бен и Ли По.

— Мы никого не нашли, — сказал китаец. — Убийца исчез словно призрак.

— Дик, а что именно прокричал напоследок Лога? — спросила Афра Бен.

— Вряд ли этот крик принадлежал ему. Ты же видела, как он трескался и плавился. Покойники обычно не кричат и ведут себя довольно тихо.

— Но я узнала его голос, — возразила Бен. — Ладно, давай не будем спорить.

Мне просто хочется понять, что означает эта фраза?

— «Ай цаб ю.» На языке этиков она означает: «Кто ты?»

— То же самое спросила и гусеница, — прошептала Алиса.

— На что Алиса в Стране Чудес так и не нашла ответа, произнес Бертон. Все это смахивает на сумасшествие.

Фрайгейт подозвал их к приборной консоли в углу комнаты.

— Я поместил образец в прорезь идентификатора и велел компьютеру опознать человека по этим останкам. Вот, смотрите сами. В 1983 году наши криминалисты могли определять только группу крови, но этики…

По требованию Фрайгейта все ответы компьютера выдавались на английском языке. На экране появилась надпись. «СУЩЕСТВО ОПОЗНАНО: ЛОГА».

Ниже приводились результаты анализа. Веще-

ство, взятое на пробу, имело те же элементы, что и человеческая плоть. Все пропорции совпадали, и единственное отличие заключалось в том, что некогда плотное тело находилось теперь в жидком состоянии.

— Я думаю, нам не следует слепо доверять компьютеру, произнес Нур.

Бертон повернулся и посмотрел на него.

— Что ты этим хочешь сказать?

— В программу компьютера можно вносить изменения. Кто-то мог сфабриковать результаты анализа и подсунуть их нам как ответ машины.

— То есть ты подозреваешь, что это сделал сам Лога?

Нур пожал худощавыми плечами.

— Или Лога, или тот неизвестный нам человек, который находится в башне.

Вспомни, что Питу послышался какой-то шум, когда мы праздновали нашу победу.

— Точно! — воскликнул Бертон. — Шаги в коридоре! Но Фрайгейт сказал, что это ему только показалось!

— А если не показалось?

Необходимость в использовании консоли отпала. Диалог с главным компьютером можно было вести в любом месте башни, поэтому Бертон зада-

вал свои вопросы, стоя посреди комнаты. Часть стены перед ним превратилась в овальный экран, и бегущая строка сообщила, что никаких несанкционированных вторжений в жилище Логи не происходило. Это опровергало их предположение об изменении пароля и перепрограммировании дверного замка.

— В общем, я того же мнения, — сказал Бертон. — Хотя наш предполагаемый незнакомец мог ввести в компьютер и этот ответ. Но если он просчитал даже такой вопрос, тогда… о Боже, мы получили большую проблему!

— Я надеялся, что все прояснится само собой, — бормотал Фрайгейт. — Я думал, все станет простым и логичным. Хотя кому как не мне знать, что так никогда не бывает. — Он замолчал, а затем тихо добавил:

— Лога рассыпался на куски, словно Шалтай-Болтай. Но в отличие от него Шалтай-Болтай развалился на части уже после падения. И потом он превратился в воду, как злая Ведьма Запада.

Бертон, чья смерть приходилась на 1890 год, не понял последней ссылки.

Ему захотелось задать американцу несколько вопросов, но он отложил их до более спокойных времен.

Алиса предложила вызвать робота-уборщика, чтобы привести помещение в порядок. Однако Бертон, подумав немного, решил оставить комнату в том виде, в каком они ее нашли. Когда все вышли в коридор, он настроил механизмы замка на слово, известное лишь ему одному, и тщательно закрыл за собою дверь.

Отныне, если бы она оказалась открытой…

«И что бы ты тогда делал? — спросил себя Бертон. — В том-то и дело, что ничего!»

Тем не менее, он знал бы, что сюда кто-то входил.

— Мы должны притвориться, что поверили ответам компьютера, сказал Нур.

— Ты считаешь, что он выдает нам ложную информацию? — спросил Фрайгейт.

— Это вполне возможно.

— А что ты скажешь по поводу жидкости? — спросил его Бертон. — Между прочим, у нее вкус настоящей крови.

— Жидкость могли синтезировать в конвертере как ложную улику. Что касается крика Логи, то это, скорее всего, запись, которую воспроизвели для того, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Но зачем тогда понадобилось убивать Логу в момент общей связи? — спросила Алиса. — Разве

не логичнее было бы похитить его тайком? Мы бы подумали, что он просто покинул башню и улетел куда-то по своим делам.

— А с какой стати ему отсюда улетать? — вскричал Бертон.

— Не забывайте, что послезавтра мы хотели вернуться в долину, — сказал Ли По. — Если Лога планировал избавиться от нас, то ему оставалось подождать лишь два дня. Нет, эта жидкость… и вся история… В башне есть кто-то еще.

— Значит, нас теперь здесь десять, — с усмешкой произнес Нур.

— Десять? — удивленно переспросил Бертон.

— Считайте сами: мы, плюс неизвестный, который расправился с Логой — хотя я не представляю, как он это сделал в одиночку; плюс страх. Поэтому нас здесь по меньшей мере десять.

Глава 2

— В каком-то смысле мы сейчас как боги, — сказал Фрайгейт.

— Боги, заключенные в тюрьму, — ответил Бертон.

Кем бы они себя ни считали, их унылые физиономии абсолютно не походили на счастливые и самодовольные лики богов. Осмотрев жилище Логи, отряд землян отправился на верхний этаж башни, где в огромном ангаре располагалась стоянка воздушного и космического транспорта этиков. Здесь находилось около двухсот самолетов и кораблей, каждый из которых мог бы доставить людей в любое место долины. Однако для взлета им требовалось раздвинуть створки огромного люка, а компьютер, несмотря на все их приказы, упорно отказывался выполнять эту команду. К сожалению, механизмы люка не имели ручного управления.

Таинственный Незнакомец, превративший Логу в жидкость, внес в программу компьютера серьезные изменения. И теперь он контролировал не только транспорт башни, но и все входы и выходы.

Отряд землян остановился в углу огромного ангара. Монотонный серый цвет потолка, пола и стен навевал невеселые мысли о тюремных камерах. Перед ними возвышались мощные машины, похожие на блюдца, сосиски и жуков. Они словно замерли в задумчивом молчании, тоскуя о полетах и синему небу. Им тоже хотелось на волю. Но вот только с кем?

У противоположной стены, в тысяче футах от них, стояло самое большое космическое судно. Максимальный диаметр сигарообразного пятисотфутового корпуса равнялся двум пятым его длины. Этот корабль использовался для полетов на планету Садов, куда, по словам Логи, надо было лететь около ста лет по земному времени. Этик рассказывал, что благодаря компьютерам и автоматизации кораблем мог управлять любой человек среднего уровня развития, с начальными знаниями в науке и технике.

— Итак, у нас возникли серьезные и неотложные проблемы, произнес наконец Бертон. — Мы должны выяснить, кто расправился с Логой, а затем отменить изменения, внесенные в программу главного компьютера.

— Все верно, — сказал Нур. — Но прежде чем мы займемся этими вопросами, нам не мешало бы

узнать свои пределы в работе с искусственным мозгом. Когда воин готовится к бою, он оценивает свои сильные и слабые стороны с той же тщательностью, с какой женщина рассматривает в зеркале лицо. Поступая таким образом, мы одолеем не только силу врага, но и его слабости.

— Если только он наш враг, — добавил Фрайгейт.

Остальные посмотрели на него с удивлением.

— Он прав, — заступился за американца Нур. — Не надо мыслить старыми категориями. Пришла пора научиться новому подходу.

— Но кем же еще может быть этот незнакомец? — спросила Афра Бен.

— Не знаю, — ответил Фрайгейт. — После всех хитростей и уловок Логи я даже на сотую часть процента не уверен в том, что он действовал на благо людей и поступал с нами по-честному. Этот неизвестный нам человек… мог покончить с ним по вполне обоснованной причине. Хотя…

— Если ему мешал только Лога, то теперь незнакомцу не о чем беспокоиться, — сказал Бертон. — Но тогда почему он скрывается от нас, как будто боится нашей мести? Неужели он не понимает, что на самом деле мы беспомощны как дети. Нам доступна невероятная технология, однако

мы не знаем даже доли своих возможностей.

— Это не совсем так, — возразил Нур. — К тому же, Пит предлагает другой подход к оценке событий. Тем не менее, его вариант до поры до времени бесполезен, и нам следует считать незнакомца своим врагом, пока мы не убедимся в обратном. У кого-нибудь есть другие предложения?

Все молча пожали плечами.

— Я целиком согласен с тем, о чем вы говорили, — произнес Том Терпин. Однако мне кажется, что прежде мы должны защитить себя и создать надежную оборону, чтобы случай с Логой не повторился еще раз.

— Пожалуй, мы так и поступим, — сказал Бертон. — Но если незнакомец может аннулировать любую нашу команду…

— Нам надо держаться вместе! — перебила его Алиса. — Восемь против одного — это реальная сила! Мы просто должны не упускать друг друга из виду!

— Возможно, ты права, — ответил Бертон. — Во всяком случае нам следует обсудить твое предложение. Но сначала я предлагаю покинуть это мрачное и унылое место. Давайте вернемся в мой кабинет.

Внутренняя дверь ангара открылась. Они вылетели в коридор и направились к ближайшей вертикальной шахте. Следующий уровень располагался в пятистах футах ниже, и Бертон всю дорогу гадал о том, что могло находиться между двумя верхними этажами башни. В конце концов он решил спросить об этом у главного компьютера.

Открыв дверь своим паролем, Бертон пригласил спутников в комнату и приступил к обязанностям хозяина. Часть стены скользнула в паз, и большой складной стол, спрятанный в нише, перенесся в центр зала. Столешница раскрылась в круг, ножки вытянулись и зафиксировались в нужном положении, а затем стол плавно опустился на пол. Восемь человек расставили вокруг него стулья, и Бертон принес напитки, приготовленные конвертером, который преобразовывал энергию в любые материальные предметы. Чуть позже хозяин занял свое место, где мог бы сидеть король Артур, если бы этот круглый стол находился в тронном зале Камелота.

Бертон отпил глоток черного кофе и сказал:

— Идея Алисы довольно хороша. Однако она предполагает, что мы все какое-то время будем жить в одном помещении. Причем, это поме-

щение не должно быть слишком большим. Я предлагаю перейти в тот многокомнатный номер, который находится около вертикальной шахты. В нем есть десять спален, лаборатория, компьютерный зал и большая столовая. Таким образом мы можем работать, отдыхать и присматривать друг за другом.

— А заодно действовать друг другу на нервы, — добавил Фрайгейт.

— Жить так близко от женщин — это большое искушение, — сказал Ли По. — Я ведь могу и не удержаться.

— Мы все соскучились по своим подругам, кроме Марцелина и, возможно, Нура, — отозвался Терпин. — И знаете, парни, это действительно будет непростой и трудный период!

— Между прочим, Алиса в таком же положении, — сказала Афра Бен. — Ей тоже нужен мужчина.

— Мы собрались здесь не для того, чтобы обсуждать мои проблемы, — резко оборвала ее Алиса.

Бертон постучал кулаком по столешнице и сердито прокричал:

— Давайте сначала о главном! — Когда наступила тишина, он тихо добавил:

— Несмотря на все неудобства и стесненность,

мы должны выступить общим фронтом и создать сплоченный отряд. Поэтому я предлагаю не тратить время на ерунду, а приступить к разработке конкретных действий. Мы пережили вместе много бед и испытаний. И наша команда не раз справлялась с серьезными затруднениями. К сожалению, среди нас недавно возникли некоторые трения, но мы должны переступить через свои гордость и амбиции, поскольку, сражаясь в одиночку, нам не выжить в битве с опытным и хитрым противником. Есть ли такие, кто против предложенного сотрудничества?

— Но ведь любой, кто будет настаивать на жизни порознь, тут же навлечет на себя всеобщее подозрение, — напомнил Нур.

Бертон вновь ударил кулаком о стол, прерывая возникший ропот.

— Я понимаю, что никому из вас не нравится эта толчея в небольшом и закрытом пространстве. Однако мы терпели и худшее. Все зависит только от нас самих. Чем больше будет вклад каждого в общее дело, тем быстрее мы вернемся к своим личным интересам.

Алиса нахмурилась, и он понял, о чем она подумала. После их финального разрыва она избегала его общества, как только могла. И вот теперь…

— Считайте, что вас сажают в лучшую тюрьму, какая только есть в двух мирах, — пошутил Фрайгейт.

— Тюрьма всегда остается тюрьмой, какой бы хорошей она ни была, ответил Терпин. — Слушай, Пит, а ты когда-нибудь сидел по-настоящему?

— Только один раз в жизни, — ответил Фрайгейт. — Да и то несерьезно.

Бертон знал, что Питер говорил не правду. Фрайгейт оказывался в тюрьмах Мира Реки несколько раз — включая, мучительное рабство у Германа Геринга.

Впрочем, он опять мог ссылаться на какую-то метафору, о которой Бертон ничего не слышал. Фрайгейт был любителем метафор и веселых каламбуров — изворотливый остряк и милый лжец, который, оправдывая себя, обычно цитировал фразу Эмили Дикинсон: «Успех в потоке лжи». Хотя порою он говорил о себе, как о «писаке, который за неимением нужных слов описывает реальность тем, что привычно умещается в руке».

— Ладно, капитан, что мы будем делать дальше? — спросил Фрайгейт.

Прежде всего они решили осмотреть свои новые апартаменты и перенести туда вещи,

которые считали необходимыми. Чтобы не расходиться по одному, осмотр проводили вместе, по ходу дела выбирая себе спальные комнаты. Алиса облюбовала самую дальнюю от Бертона комнату, и тот лишь свирепо усмехнулся, узнав, что рядом с ней поселится Питер Фрайгейт.

Американец никогда не скрывал своей влюбленности в Алису Плэзнс Лидделл Харгривз, и его безответное чувство считалось в их группе общеизвестным фактом. Между тем он влюбился в нее еще в 1964 году, когда, просматривая книгу о Льюисе Кэрроле, увидел две ее фотографии в возрасте десяти и восемнадцати лет. Позже Фрайгейт написал мистический рассказ «Валет червей», в котором тридцатилетняя Алиса изображалась в роли детектива-любителя. В 1983 году он организовал сбор публичных пожертвований для установления монумента на семейном кладбище Харгривзов в Линдхарсте, где находилась ее неприметная могила. Однако времена тогда были тяжелые, сбор дал лишь незначительную сумму, а потом Фрайгейт умер, так и не дождавшись завершения проекта. Тем не менее, он надеялся, что теперь над могилой Алисы возвышалось мраморное изваяние, на котором она изображалась сидящей за чайным столом в одной компании

с Мартовским Зайцем, Соней и Болванщиком. Выше нее светило только солнце и сияла улыбка Чеширского Кота.

Встреча с реальной Алисой еще больше разожгла его любовь, вопреки тому, что могли бы ожидать циники. Чувства, навеянные грезами, обрели телесную основу, но он и словом не обмолвился о своей страсти ни самой Алисе, ни Бертону. Фрайгейт уважал и любил этих двух людей так сильно, что боялся необдуманным поступком бросить тень на их статус и честь. Тем более что Алиса не проявляла к нему ни малейшего расположения, хотя, в принципе, это ничего не значило, поскольку она в подобных случаях предпочитала скрывать свои чувства. В ней уживались две противоречивые личности — Алиса на людях и Алиса в личной жизни. Возможно, существовала и третья персона, но о ней она ничего не знала и не желала знать.

Несмотря на тревогу, вызванную утренними событиями, они обустроились на новом месте еще за два часа до ленча. Решив не выдвигать из ниши приборную панель, Бертон велел компьютеру воспроизвести экран и клавиатуру на голой стене. При желании он мог бы затребовать их на полу или на потолке, но это создало бы только

дополнительные трудности. Кроме того, на полу лежал толстый ковер, который несведущий человек посчитал бы персидским или сирийским. Его смоделировали в Мире Садов, после чего информационная копия была отправлена в башню, где главный компьютер воспроизвел оригинал в масс-энергетическом конвертере.

Экран возник на ближайшей стене — примерно на уровне лица. Если бы Бертон ходил по комнате, изображение следовало бы за ним, перемещаясь на другие стены.

Назвав имя и идентификационный код Логи, Бертон потребовал указать то место, где находилось живое тело этика. Компьютер тут же ответил, что его тело, как таковое, нигде не обнаружено.

— Значит, он все-таки умер! — прошептала Алиса.

— Где информационная копия, снятая с тела Логи? — спросил Бертон.

Чтобы просканировать тридцать пять миллиардов записей, хранившихся в глубинах башни, компьютеру потребовалось всего лишь шесть секунд.

— Оно не обнаружено.

— О, мой Бог! — воскликнул Фрайгейт. — Не-

ужели его запись стерли?

— Необязательно, — ответил Нур. — Компьютер мог дать нам такой ответ по указанию незнакомца.

Если мавр был прав, опрос компьютера не имел никакого смысла. Тем не менее, Бертон задал еще один вопрос:

— Кто-нибудь может приказать тебе не подчиняться последним приоритетным командам?

Нур засмеялся. Фрайгейт покачал головой и тихо произнес:

— Ну, ты, парень, и даешь!

На экране появился ответ: «НЕТ».

— Я приказываю тебе считать все мои будущие команды приоритетными, продолжал Бертон. — С настоящего времени все предыдущие команды отменяются.

«ОТКАЗАНО. НЕФУНКЦИОНАЛЬНО».

— Кто имеет право на изменение директив и команд? — спросил Бертон.

«ЛОГА. КГР-12У-373-Н».

— Но Лога мертв!

Надпись на экране не изменилась.

— Можешь ли ты подтвердить, что Лога мертв? — повторил Бертон.

«ОТВЕТ ВНЕ ОБЛАСТИ ПАМЯТИ».

— Кто может командовать тобой во время отсутствия Логи?

На экране появились имена восьми людей и их идентификационные коды.

Ниже каждого имени мигала надпись: «ДОСТУП ОГРАНИЧЕН».

— И насколько же нас ограничили?

Ответа не последовало, поэтому Бертон сформулировал вопрос по-другому.

— Укажи пределы доступа для восьми операторов, список которых ты только что представил.

Экран потемнел и через шесть секунд заполнился перечнем команд, которые компьютер соглашался принимать от каждого из них. Мерцающие буквы оставались на стене около минуты. Через шестьдесят секунд новая страница текста сменилась следующей, и к тому времени, когда на экране появилась строка под номером 89, Бертон понял, к чему привело его указание.

— Это может продолжаться часами, — сказал он остальным. Машина выдает нам подробный список всех доступных команд.

Приказав остановить показ, Бертон велел компьютеру отпечатать перечень в восьми экземплярах.

— Я даже не смею спрашивать о списке запре-

тов. Боюсь, он может оказаться бесконечным.

Бертон потребовал проверить все 35793 помещения, и через пару минут компьютер доложил, что, кроме восьми землян, в башне не обнаружено ни одного живого существа. Как, впрочем, и мертвого тоже.

— Однако мы знаем, что Лога имел несколько тайных убежищ, незарегистрированных в памяти компьютера, — задумчиво произнес Бертон. — Он о них почти ничего не говорил, но одна из этих комнат нам все же известна. Вот только где искать остальные?

— Ты думаешь, что незнакомец прячется в одной из них?спросил Нур.

— Не знаю. Во всяком случае, это вполне возможно. Надо попробовать найти его тайные норы.

— Мы можем сравнить реальные размеры башни с теми параметрами, которые указаны на схемах, — сказал Фрайгейт. — Но, мой Бог! Такая работа займет несколько месяцев, и комнаты могут оказаться настолько хитро запрятанными, что мы их все равно не найдем.

— Кроме того, это почти также интересно, как очистка плевательниц, добавил Терпин.

Устроившись на круглом стуле у большого

пианино, он начал наигрывать «Рэгтайм ночных кошмаров». Бертон подошел к нему и встал рядом.

— Нам очень нравится слушать твою игру, — сказал он, хотя на самом деле его раздражала музыка подобного типа. — Но сейчас мы обсуждаем жизненно важный вопрос, в буквальном смысле этого слова. Теперь не время развлекаться и переключаться на что-то другое. Нам необходим ум каждого из нас. Иначе мы все можем погибнуть из-за того, что кто-то не принял участия в обсуждении.

Руки Тома продолжали бегать по клавишам, как два больших паука. Он взглянул на Бертона, и его губы растянулись в улыбке. Долгое, утомительное и опасное путешествие уменьшило вес музыканта до ста семидесяти пяти фунтов.

Однако, попав в башню, он упорно поглощал еду и спиртное, и теперь его лицо снова сияло, как полная луна. Большие зубы казались ослепительно белыми на фоне темной кожи, которая, кстати, выглядела немного светлее, чем у самого Бертона. Темно-коричневые волосы не завивались маленькими кольцами, а ниспадали на плечи волнами. На Земле он мог бы сойти за белого, но вместо этого предпочел остаться в черном мире

американских негров.

«Я простой ниггер, которого вы можете пнуть, когда захотите, как он иногда шутил, говоря о себе. — И даже в Хорошей Книге сказано, что, если белая нога бьет по черной заднице, в этом нет никакого греха, ибо то творится лишь пользы ради».

После этого он обычно заливался веселым смехом, совершенно не заботясь о том, как относился к его словам собеседник.

— Мне показалось, что легкое музыкальное сопровождение лишь украсит ваши умные речи. Сам-то я не очень рассудителен.

— У тебя прекрасные мозги, и они нам могут здорово помочь, ответил Бертон. — Кроме того, в нашей маленькой армии на счету каждый солдат. Если мы начнем разбредаться по углам, игнорируя реальную опасность, наш отряд превратится в дезорганизованную толпу.

— А ты, значит, будешь нашим командиром, верно? — с усмешкой спросил Терпин. — Ладно, парень, ты меня убедил.

Резко оборвав мелодию, он убрал руки с клавиш и поднялся.

— Веди нас, славный Макдафф.

Подавив вспышку гнева, Бертон отошел к столу.

Терпин следовал за ним по пятам, вероятно, строя за его спиной смешные гримасы. Как только Бертон остановился у кресла, музыкант самодовольно занял свое место и с улыбкой уставился в потолок.

— Я предлагаю отложить обсуждение ситуации до того момента, когда мы все ознакомимся с содержанием списка, — произнес Бертон, указывая на устройство, которое складывало и брошюровало листы, вылетавшие из прорези в стене. — Мы можем составить реальный план действий только после того, как поймем свои возможности и ограничения.

— На это уйдет немало времени, — сказал де Марбо. — Похоже, здесь даже не книга, а целая библиотека.

— Тем не менее, нам придется с ней ознакомиться.

— Ты говоришь об ограничениях, и в этом есть резон, — произнес Нур. — Но даже при ограниченном доступе к компьютеру мы обладаем огромными силами, которые не снились даже величайшим королям Земли. Такие силы создают большие возможности, и потому их следует рассматривать как собственную слабость. Они будут подталкивать нас к злоупотреблениям и

небрежности. И я молю Бога, чтобы нам хватило твердости противостоять их соблазнам.

— В каком-то смысле мы действительно подобны богам, — сказал мечтательно Бертон. — Люди, наделенные божественными силами, или, вернее, полубоги.

— Полудурочные боги, — поправил его Фрайгейт.

Бертон взглянул на него и с улыбкой сказал:

— Мы через многое прошли на Реке, и она молотила нас, как зерно, отсеивая мякину. Я надеюсь, нам удастся одолеть и это испытание. Хотя… поживем — увидим.

— Поэтому ищите врага не среди чужаков, а в самих себе, подытожил Нур.

И смысл его слов был понятен каждому.

Глава 3

Древнегреческий философ Гераклит утверждал, что судьбу определяет характер.

Бертон вспомнил об этом, расхаживая взад и вперед по своей спальне.

Впрочем, Гераклит немного ошибался, поскольку, несмотря на бесспорное своеобразие, характер каждого человека формировался под влиянием окружения.

Любое окружение тоже являлось уникальным, и каждое место во вселенной по-своему отличалось от других. Более того, характер человека можно было рассматривать как часть среды его обитания. Таким образом, судьбы людей зависели не столько от их характера, сколько от частных возможностей и воздействий окружения, которое включало в себя и весь человеческий род. Эго человека содержало в себе память о каждом месте, в котором тот когда-либо обитал. В каком-то смысле эти воспоминания состояли из более плотной эктоплазмы, и поэтому именно они определяли направления и пути, по которым двигался их передвижное обиталище, то есть человек, считавший себя независимым.

Еще один мудрец, на этот раз еврей, сказал, что «нет ничего нового под солнцем».

Древний проповедник никогда не слышал об эволюции и не знал, что под этим самым солнцем время от времени возникали все новые и новые виды. Кроме того, он не учитывал уникальности каждого новорожденного ребенка — существа доселе невиданного под солнцем и луной. Как и все мудрецы, проповедник говорил лишь полуистины.

И все же, он сказал правду, заявив, что есть время для действия и время для бездействия. Хотя некоторые греческие философы не согласились бы с ним, настаивая на том, что бездействие уже само по себя является действием.

Философские разногласия греков и евреев определялись их отношением к миру.

Гераклита интересовала абстрактная этика, а проповедника — ее практическое приложение. Первого озадачивал вопрос «почему», второго — вопрос «как».

Бертон решил, что в этом мире проще жить под лозунгом «как». Но для понимания всего потенциала человечества им требовалось исследовать «как» и «почему». Отбросив второе, они вели бы себя неверно и с первым.

Вместе с семью другими землянами он пробрался в башню, возведенную на полюсе посреди северного моря. Этот огромный водоем, диаметром в шестьдесят миль, окружала горная гряда, высота которой достигала двадцати тысяч футов.

Великая Река, впадая в море, отдавала ему почти все свое тепло, а затем вытекала с другой стороны, чтобы вновь продолжить свой бег по планете.

Густой туман, подобный мгле у входа в ад, скрывал башню до самой вершины, несмотря на то что она возносилась на десять миль от поверхности моря.

Основание башни находилось ниже вод — глубоко под землей на уровне пяти-шести миль.

Центральная шахта башни вмещала в данный момент несколько миллиардов ватанов. Этот термин, обозначавший искусственные души, этики заимствовали у существ, которые исчезли миллионы лет назад. Неподалеку от башни, глубоко под землей, располагались огромные помещения, где хранились записи тел тридцати пяти миллиардов землян, которые жили между 100000 годом до нашей эры и 1983 годом от Рождества Христова.

Когда в этом мире умирал кто-нибудь из людей, главный компьютер направлял соответствую-

щую запись в конвертер, и тот воспроизводил воскрешенное тело на берегу Реки. Ватан, или невидимая синтетическая душа, которая содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, притягивалась к телу, как железо к магниту. В момент их соединения мужчина или женщина, умершие сутки назад, оживали.

Из тридцати пяти миллиардов людей Бертон умирал, пожалуй, чаще всех.

Как человек, переживший семьсот семьдесят семь смертей, он мог бы считать себя рекордсменом. Лишь несколько других отчаянных храбрецов вели на Земле и в Мире Реки такую же активную жизнь, как он. Ему явно недоставало триумфов и сладких мгновений, но зато с избытком хватало неудач и тревог. И хотя он любил говорить, что плохого и хорошего случалось с ним поровну, книга его жизни писалась, в основном, красными чернилами, то есть цветом крови. Весы его судьбы все время склонялись в сторону бед, но, несмотря на это, он отказывался объявлять себя неудачником. Бертон и сам не знал, что заставляло его сражаться и цепляться за жизнь. Возможно, он все еще надеялся выправить судьбу и внести в нее провозглашенное равновесие.

А что потом?

Он даже представить не мог своего будущего. Однако это «что потом?» питало пламя его свечи.

И вот, после сотен воскрешений, подгоняемый силами, которые ускользали от его понимания, Бертон оказался в огромной башне на вершине мира.

Насколько он знал, это здание воздвигли для того, чтобы дать землянам какой-то шанс бессмертия — не физической вечности, а возвращения к Творцу или, вернее, растворения в том, что породило их сознание.

Создатель, если таковой действительно имелся, по каким-то причинам не наделил разумные существа бессмертными душами. На самом деле это понятие, которое так долго фигурировало в религиях, оставалось прекрасной мечтой, то есть желанным, но нереальным явлением. Однако разум превратил сказку в быль, и этики создали души. По правде говоря, Бертон и другие земляне не возражали против их проекта. Людей возмущало лишь тот факт, что у них не спросили согласия. Этики никому не оставили выбора. Нравилось это человеку или нет, он все равно становился Лазарем. Более того, ему никто не объяснял причин и способа воскрешения.

По словам Логи, им просто не хватило бы вре-

мени для таких предварительных бесед. Если бы, к примеру, тысяча их агентов тратили по часу на опрос тысячи человек, то на все мероприятие потребовалось бы тридцать пять миллиардов часов. При увеличении числа агентов до пятидесяти тысяч на подобные интервью ушло бы полмиллиона часов. Причем, их людям пришлось бы работать по двадцать четыре часа в сутки примерно пятьдесят семь лет.

А что бы изменил подобный опрос? Почти ничего. От воскрешения отказалось бы, максимум, десять или двенадцать миллионов. Даже такой пессимист, как Сэм Клеменс, не задумываясь, выбрал бы жизнь, несмотря на свои заверения, что он нуждается лишь в вечном покое и безмолвии смерти. Ему наверняка захотелось бы взглянуть на другую планету, условия которой отличались от земных, а сотня различных доводов заставила бы его изменить свои взгляды на тщетность и суетность существования. То же самое касалось и всех других людей, которые по тем или иным причинам считали, что их жизнь на Земле была неудачной, жалкой и недостойной воспоминания.

— Нам приходилось рассматривать все человечество как однородную массу, рассказывал

Лога. — Иначе мы просто не управились бы с таким количеством людей. Тем не менее, я настоял на нескольких исключениях, одним из которых стал ты. Много лет назад мы дали тебе возможность увидеть тела людей перед их воскрешением, и твой рассказ положил начало первому мифу в истории Мира Реки. Чуть позже наш человек посетил канадца Ла Виро и поделился с ним сведениями, на основе которых возникла Церковь Второго Шанса. Ее миссионеры, распространяя учение, раскрывали людям некоторые истины относительно их нового положения. Они ставили акцент на этических причинах воскрешения в этом мире и утверждали, что только духовное и моральное развитие личности может привести человека к окончательной свободе и бессмертию.

— Почему же вы сами не сказали нам правду? — спросил его Бертон.

И прежде чем Лога заговорил, он уже нашел ответ на свой вопрос.

— А-а, понимаю! По той же причине, по которой вы не могли провести предварительный опрос.

— Все верно. Но даже если бы мы появились в долине и рассказали вам об истинном положении дел, нам поверило бы только несколько

процентов от общего числа людей. Более того, наши учения были бы извращены и по этой причине отвергнуты почти каждым человеком. Я не спорю, данный подход имел свои плюсы и минусы. Тем не менее, мы считали его наилучшим, поскольку помнили об ошибках, совершенных нашими предшественниками во время таких же процедур на других планетах. Помимо прочего, в День Воскрешения нам пришлось бы говорить с землянами на сотне тысяч языков, но и тогда нас многие просто бы не поняли. Весть об истинном пути развития разошлась по Миру Реки лишь после того, как Церковь Второго Шанса сделала эсперанто общим языком планеты.

— Я даже боюсь спрашивать о предыдущих проектах… — замялся Бертон. — Но все-таки скажи, какой вы имели там процент «продвинувшихся».

— В Мире Садов он составил три четверти от числа перенесенных туда людей, — ответил Лога. — Оставшуюся четверть… Одним словом, их записи были изъяты из памяти компьютера, когда отведенный им период подошел к концу.

— Они умерли, или их убили? — спросил Бертон.

— Многие из них действительно убили друг

друга или покончили жизнь самоубийством.

— Многие, но не большинство. Я правильно тебя понял?

Лога пропустил это замечание мимо ушей.

— Всего в предыдущих проектах на стадию «продвижения» перешла одна шестнадцатая часть воскрешенных. Я имею в виду взрослых, а не детей. Каждый из этих проектов имел, по крайней мере, две фазы. Здесь мы оживили сначала тех, кто умер до 1983 года. Второй и заключительной фазой должна была стать работа с оставшейся частью человечества.

— Но после твоего вмешательства первая фаза растянется на более долгий срок, чем планировалось в начале эксперимента, напомнил Бертон.

— Мне кажется… Я уверен, что процент «продвинувшихся» будет намного выше, если воскрешенным дать больше времени. Я не мог примириться с духовной гибелью, на которую обрекались миллиарды претендентов, и, чтобы отсрочить их смерть, мне пришлось стать отступником и убийцей. Я предал своих товарищей, приговорив себя к тому, что уже никогда не буду «продвинувшимся». И моим единственным оправданием является тот факт, что я сделал это из любви к людям.

В физическое воскрешение верили и христиане и мусульмане. И вот оно действительно наступило. Однако замысел этиков больше соответствовал буддизму — они добивались слияния души с Всесущим Первоначалом.

Во время того разговора Лога уловил ход его мыслей и с улыбкой спросил:

— Скажи мне, Дик, только честно… Неужели ты действительно не веришь, что можешь стать «продвинувшимся»? Неужели надежды на это нет даже в самом сокровенном уголке твоего ума?

Бертон с удивлением посмотрел на Логу и, помолчав, задумчиво ответил:

— Вера есть, но не в то, о чем ты говоришь. Я просто не могу принять такие вещи, как переход на новый уровень бытия. Кроме того, нет никаких доказательств, что стадия «продвижения» существует.

— Она существует, Дик! Когда разумное существо умирает, достигнув особой стадии — давай назовем ее добротой, а не этическим совершенством, наши приборы больше не воспринимают его ватан, или то, что вы считаете душой.

— Это означает только исчезновение ватана, — произнес Бертон. — На самом деле ты не знаешь, что с ним происходит дальше.

— В конце концов мы снова возвращаемся к вере, не так ли? — с улыбкой спросил Лога.

— На Земле я часто видел, к чему приводит слепая вера, но это были, в основном, неприятные впечатления, — ответил Бертон. И вообще, почему бы нам не предположить, что ватан просто истощается? Каждая искусственная вещь имеет свой предел, и вряд ли ватан отличается в этом отношении от природных явлений. Кроме того, он может представлять собой какую-то особую и неизвестную нам форму материи. Почему же тогда не допустить, что ее видоизменение выходит за допустимые пределы вашей измерительной аппаратуры?

— Пойми, ватан действительно может переходить на другой уровень бытия! — настаивал Лога. — И он может сливаться с Неопознаваемым! Как, например, ты объяснишь, что ватан исчезает только тогда, когда его обладатель достигает высшей стадии этического продвижения? Почему остальные существа могут умирать хоть каждый день, а их ватаны всегда возвращаются в воскрешаемые тела?

— Здесь могут быть объяснения, о которых ты даже не подозреваешь.

— Сотни тысяч умов, более великих, чем наши,

пытались найти другое объяснение! Но им не удалось этого сделать!

— Всегда может найтись умник, который сделает то, что не удалось другим.

— И все же тебе теперь придется полагаться на веру, — сказал Лога.

— Нет. Я буду полагаться на исторический опыт, логику и свои возможности.

Лога расстроился. Его глубокая вера в этический путь развития не допускала никаких сомнений, но он тревожился о том, что Бертон может упустить свой шанс и не выйти на стадию «продвижения».

И вот теперь оказалось, что на эту стадию не вышел сам Лога. Его телесная матрица была уничтожена, и он потерял любую возможность добиться финальной цели. Хотя вся вина за такой печальный конец ложилась на него самого. Если бы Лога не менял сроки проекта, его жизни ничто бы не угрожало, а матрица, записанная в памяти компьютера, гарантировала бы ему дальнейшее продвижение к тому мистическому событию, которое называлось «Великим продвижением».

Незнакомец, осудивший Логу на смерть и забвение, мог оказаться этиком, который уцелел во время массового убийства, когда Лога расправ-

лялся со своими коллегами. Но почему тогда этот праведный мститель по-прежнему скрывался от землян? Неужели он их боялся? Или просто выжидал благоприятный момент, чтобы перестрелять их по одиночке и отправить в долину, где они больше не будут мешать выполнению первоначального проекта?

При полном контроле над работой компьютера этот человек мог сделать с восемью землянами что угодно. Но, возможно, его оборона имела какой-то изъян, о котором гости башни пока ничего не знали. Пока! И значит, незнакомец не будет рисковать. Он попытается избавиться от них как можно быстрее.

А что если исчезновению Логи способствовал один из них? Или двое, что более возможно?

Едва Бертон подумал об этом, как на экране появилось лицо Нура.

— Я хотел бы поговорить с тобой, — произнес мавр.

Бертон велел компьютеру наладить двустороннюю связь и встревоженно спросил:

— Что случилось?

Зеленый тюрбан мавра свидетельствовал о том, что его владелец совершил паломничество в Мекку. Конечно, выбор цвета мог оказаться

случайным, но Нур был не из тех людей, которые относились к таким вещами небрежно. Его длинные черные волосы ниспадали на худощавые коричневые плечи. На узком лице застыла напряженная улыбка.

— Как я и ожидал, программа воскрешения Моната, всех этиков и их агентов по-прежнему задерживается. Однако случилось нечто непредвиденное и важное!

Он замолчал и посмотрел на Бертона.

— Так говори же! Не томи! — вскричал тот.

— Три недели назад Лога пообещал нам начать воскрешение восемнадцати миллиардов человек, чьи телесные матрицы дожидались этого. Мы все считали, что он действительно отдал такой приказ. Но это не так! По той или иной причине Лога изменил свое решение. Возможно, он хотел дождаться момента, когда мы покинем башню. В любом случае компьютер не воскресил еще ни одного человека.

На секунду Бертон потерял дар речи. Оправившись от изумления, он быстро спросил:

— Сколько там этих телесных матриц?

— В данный момент 18001337199. Хотя нет… Теперь еще на восемь человек больше.

— Мне кажется, ты…

Как это часто случалось и прежде, Нур уловил его мысль с полуслова.

— Да. Я убежден, что главный компьютер находится в подчинении незнакомца. Именно он и возобновил задержку воскрешения.

— Подумать только! Еще три недели назад мы считали, что долгая и тяжелая битва подошла к концу. Но вот мечты рассеялись, как дым. И с этих пор все наши проблемы могут иметь только личный характер.

Нур ничего не ответил.

— Ладно, — хрипло произнес Бертон. — Прежде всего мы должны проверить друг друга на «детекторе лжи». Пока мы не убедимся в надежности каждого из нас, все предположения о существовании незнакомца будут, мягко говоря, необоснованными.

— Это не понравится нашим друзьям, — с усмешкой сказал Нур.

— Но такой шаг диктует логика!

— Людям не нравится логика, когда она беспокоит их и становится опасной, — ответил Нур. — Однако нашим друзьям придется подчиниться и согласиться на проверку. Они не захотят попасть под подозрение.

Глава 4

Если человек не лгал, а говорил только правду, тест давал положительный результат. Если же человек лгал даже для того, чтобы выразить истину, результаты были отрицательными.

Несмотря на различие ответов, все восемь доказали свою непричастность к исчезновению Логи.

Каждый из них по очереди входил в небольшую комнату с прозрачными стенами и отвечал на вопросы Бертона или Нура. Электромагнитное поле, генерируемое внутри кубического помещения, выявляло ватан опрашиваемого человека, который крепился к макушке нитью алого света и парил над его головой. Сияющая сфера ватана раздувалась и сокращалась, вращалась, скручивалась в жгут и переливалась радугой ярких красок. Она сопутствовала телу с момента воскрешения и не оставляла его до самой смерти. Эта невидимая часть содержала в себе все, что делало человека чувствующим существом, дублируя содержание мыслей и наделяя разум тела так называемым самосознанием.

Бертон проходил тест первым и, как ему казалось, правдиво отвечал на вопросы Нура.

— Ты родился в Англии в городе Торки 19 марта 1821 года?

— Да, — ответил Бертон, и в тот же миг компьютер сделал снимок его ватана.

— Когда и где ты умер в первый раз?

— Я умер в Триесте воскресным днем 19 октября 1890 года. Эта часть Италии в ту пору принадлежала Австро-венгерской империи.

Компьютер сделал еще один снимок и сравнил обе фотографии. Вся процедура проверки проходила так же, как много лет назад, когда Бертона допрашивал Совет Двенадцати.

Нур взглянул на экран дисплея и сказал:

— Твой ответ подтверждает, что ты убежден в своих словах. Но как нам узнать, насколько он верен?

Здесь и коренился один из недостатков теста — если человек верил в правдивость своих слов, ватан указывал, что он говорил правду.

— Пока все точно, — произнес Фрайгейт. — Я читал биографию Дика, когда жил на Земле.

— Ты когда-нибудь обманывал других людей? — спросил Нур.

— Нет, — с усмешкой ответил Бертон.

На поверхности ватана возникла черная извилистая полоса.

— Субъект говорит не правду, — сообщил Нур компьютеру.

На экране появилась надпись: «ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОДТВЕРЖДАЮ».

— Ты когда-нибудь лгал другим людям? — еще раз спросил Нур.

— Да.

Черная полоса, похожая на молнию, исчезла.

— Это ты способствовал исчезновению Логи?

— Нет.

— Ты знал о том, что кто-то планирует уничтожить Логу?

— Я ничего об этом не знал.

— Пока твоя искренность не вызывает сомнений, — сказал Нур, взглянув на экран. — Ты догадываешься о том, кто мог убить Логу?

— Нет.

— Ты рад, что Лога исчез?

— Вот же дьявол! — воскликнул Бертон.

Он мог видеть на экране изображение своего ватана. При последнем вопросе тот засиял оранжевым цветом, который на миг перекрыл все остальные оттенки.

— Ты не должен задавать такие вопросы! — сказала Афра Бен.

— Да, черт возьми, здесь ты перегибаешь палку! — возмущенно добавил Бертон. — Нур, ты такой же негодяй, как и все другие суфии!

— Итак, ты рад исчезновению Логи, — спокойно констатировал Нур. — Я это подозревал. Но твои чувства разделяют многие. Когда мы поменяемся местами, ты смело можешь задать мне этот вопрос. Возможно, где-то глубоко в своем животном уме я тоже рад его смерти.

— Ты, наверное, хотел сказать, в подсознании, — шепотом поправил его Фрайгейт.

— Как его ни называй, суть одна и та же — животный ум.

— А я не понимаю, чему здесь можно радоваться, — сказала Алиса.

— Так уж и не понимаешь? — язвительно вскричал Бертон.

Алиса отшатнулась и поспешно отошла в сторону.

Доказав свою непричастность к убийству, Бертон вышел из стеклянного куба и приступил к допросу Нура. Когда мавр очистил себя от подозрений, в комнату с прозрачными стенами вошла Алиса. Бертон не осмелился спрашивать ее о чувствах, вызванных смертью Логи. Но он сомневался, что гибель этика доставила ей какую-то

радость. Скорее всего, она еще не задумывалась об огромных возможностях, которые сулила им башня, иначе ей стало бы ясно, почему некоторые из ее спутников к своему стыду находились в приподнятом настроении.

Когда остальные поочередно ответили на предложенные вопросы, Нур покачал головой и бесстрастно сказал:

— Во время допроса Лога тоже прошел этот тест, хотя он лгал налево и направо, словно заправский дипломат. Возможно, один из нас знает, как управлять своим ватаном?

— Я в это не верю, — ответил Терпин. — Чтобы обмануть тестирующие устройства, необходимы навыки и знания, которых у нас нет. Нам не удалось изменить ни одной команды в компьютере. Так что уж тут говорить об управлении ватаном! Я думаю, мы просто теряем время, оскорбляя друг друга беспочвенными подозрениями.

— Если я тебя правильно понял, ты сетуешь на то, что мы недостаточно умны, — сказал Нур. — Однако это не совсем верно. Мы умны и сообразительны, но нам не хватает определенных знаний.

— Об этом я и говорил. Мы пока еще тут ничему не научились.

— Три недели — это большой срок, — произнес Бертон. — За такое время усердный человек мог многое узнать от главного компьютера.

— Я не верю во всю эту чепуху, — ответил Терпин. — Компьютер не стал бы учить тому, как хитрить и переделывать команды Логи.

— Мы можем пройти сканирование наших мыслей за последние три недели, сказал Фрайгейт. — Оно займет много время, но, возможно, ответит на некоторые вопросы.

— Нет, я не согласна! — страстно возразила Алиса. — Это осквернение чувств, еще более мерзкое, чем изнасилование! Мне даже противно думать о таких вещах. И я не позволю рыться в своих мыслях!

— Мы понимаем ваши страхи, — сказал Нур. — Но…

Компьютер мог отобразить их воспоминания в виде непрерывного фильма, который прокручивался бы в обратном направлении вплоть до момента зачатия.

Процесс имел некоторые ограничения, поскольку мысли воспроизводились на экране как неопределенные образы и символы. Кроме того, память вела селекцию событий и часто исключала информацию, которую считала неважной

для человека.

Тем не менее, такой пересмотр отражал почти все, что субъект проверки видел, говорил и слышал. При желании особые устройства передавали зрителю запахи, вкусовые и тактильные ощущения, а также эмоциональный настрой, которой присутствовал в воспоминании.

— Я не хочу, чтобы вы рассматривали меня, сидящую на унитазе, продолжала возражать Алиса.

— Никто из нас не хочет видеть там ни тебя, ни себя, — ответил Бертон и смущенно засмеялся.

Его смех напоминал шлепание камня, который прыгал по воде.

— Каждый из нас время от времени издает интимные и порою неприличные звуки, а некоторые, возможно, занимаются онанизмом от тоски. Я думаю, Марцелин и Афра тоже будут против демонстрации их ратных подвигов в постели.

Но нам и необязательно на все это смотреть. Мы прикажем компьютеру выбирать для просмотра только то, что нас интересует, а все остальное будет опущено как ненужный материал.

— Это пустая трата времени, — сказал Фрайгейт. — Судя по предыдущим действиям незнакомца, он наверняка предусмотрел сканирование

воспоминаний.

— Я согласен с тобой, — ответил Бертон, — хотя наши мнения редко совпадают. Тем не менее, нам надо провести эту рутинную процедуру на тот случай, если убийца Логи понадеялся, что мы сочтем ее бесполезной.

— Он не стал бы так рисковать, — возразил Ли По.

— И все же я настаиваю на просмотре воспоминаний, — сурово произнес Бертон. — Нам придется выполнить его, если мы не хотим и дальше подозревать друг друга.

— Никакое сканирование доверию не научит, — угрюмо проворчал Фрайгейт. Впрочем, если это так необходимо…

Поначалу проверку решили проводить одновременно в восьми кубах. Однако возник вопрос: кто будет присматривать за каждым из них, чтобы предполагаемый злоумышленник не внес в компьютер очередные изменения и не скрыл факты, касавшиеся убийства Логи? Предложив поочередное тестирование, Бертон первым прошел процедуру. Компьютеру понадобилось три часа, чтобы просканировать его воспоминания за последние три недели. На протяжении всей проверки экран оставался пустым.

Такой же результат показало сканирование и остальных семи землян.

Последним кубическую комнату покинул Ли По. Поскольку проверка заняла двадцать пять часов, большинство ее участников успели выспаться и отдохнуть.

Бертон и Нур наблюдали за процедурой от начала до конца. Когда они решили отправиться спать, остальные уже вышли в общий зал. Прежде чем удалиться в свою спальню, Бертон сделал все возможное, чтобы предотвратить вторжение из коридора.

— Наш неизвестный противник может подобрать пароль и войти.

— Ты предлагаешь забаррикадировать дверь? — сладко зевая, спросил Фрайгейт. — Мы можем подпереть ее кроватью, а затем навалить сверху побольше мебели.

— Дверь открывается внутрь, поэтому идея с кроватью неплохая. Однако я планирую заказать у компьютера датчики и оборудовать входной проем тревожной сигнализацией.

Бертон сделал заказ и через пять минут вытащил из конвертора дюжину небольших предметов. Прикрепив датчики к двери и косяку, он подключил к ним провода, потом отрегулиро-

вал диск на одном из приборов и отступил на несколько шагов.

— Вот! — сказал он, любуясь своей работой. — Любой, кто войдет сюда, запустит в действие чертовски громкую сирену. Надеюсь, я все подключил правильно, но нам не мешало бы ее испытать. Пит, ты можешь выйти наружу, закрыть за собой дверь, а потом вернуться обратно?

— Конечно, могу. Главное, чтобы меня не утащил незнакомец, пока я буду стоять в коридоре.

Нажав кнопку, Бертон отключил прибор. Фрайгейт произнес пароль и вышел, закрыв за собою дверь. Бертон вновь нажал на кнопку и подкрутил регулятор громкости. Через несколько секунд дверь начала открываться. В тот же миг по комнате заметались ярко-оранжевые лучи, и тишину разорвал оглушительный вой.

В зал вбежали Афра Бен и де Марбо. Том Терпин, который мирно доедал свой завтрак, выскочил из-за стола и что-то закричал, размахивая руками. Из его рта вылетали кусочки пищи, но слова тонули в душераздирающих переливах сирены. Выключив прибор, Бертон услышал только завершение фразы:

— …вашу мать, совсем сдурели?

— Рано или поздно, используя компьютер,

наш противник узнал бы пароль для открытия двери, — объяснял Фрайгейту Бертон. Поэтому я заказал прибор, который мы можем программировать сами. При введении кода наши тела будут загораживать от видеокамер наборное устройство. Таким образом, компьютер не получит данных о выбранной комбинации, и незнакомец останется с носом.

— Великолепно, — сказал Фрайгейт. — Но наши спальные комнаты имеют звуконепроницаемую изоляцию. Как мы услышим оттуда сирену?

Пол, стены и потолки были пронизаны проводами и кабелями, большая часть которых обычно не использовалась. Бертон мог приказать компьютеру произвести необходимую реконструкцию, чтобы звук сирены проникал во все комнаты. Однако это давало незнакомцу огромное преимущество. В один из дней он мог восстановить звукоизоляцию стен и захватить землян врасплох.

Бертон тяжело вздохнул, и Фрайгейт попытался его немного успокоить:

— Мы затребуем аппаратуру, которая будет реагировать на передвижение протеиновых тел. Датчики можно установить в дверях наших спальных комнат, и в случае вторжения каждый

из нас получит сигнал тревоги. Для большего удобства мы предусмотрим дистанционное управление и будем включать и выключать приборы не голосом, а жестами. Я хочу напомнить, что незнакомец может подслушивать нас через компьютер. И если это так, он наверняка сейчас слышит наш разговор. Хотя, насколько мне известно, для получения изображения ему требуются видеокамеры. Поэтому нам остается лишь покрыть линзы краской или обернуть их материей.

— Да, без видеокамер он ничего не увидит, — ответил Бертон. Но объективы могут оказаться такими крошечными, что мы их просто не заметим.

— Скорее всего, так оно и будет. Я почти ничего не знаю о науке этиков и не могу судить о возможностях незнакомца.

— Тогда мы будем считать, что он может наблюдать за нами.

— А что если нам установить в этой комнате небольшую палатку. Мы могли бы вести там переписку, скрывая от незнакомца свои замыслы. Или пусть компьютер сделает нам звуконепроницаемый куб! И даже пол пусть будет покрыт звукоизоляцией! Но тут тоже есть слабое зве-

но. В стены могут быть внедрены передающие устройства, которые невозможно обнаружить при поверхностном осмотре. Между прочим, видеоаппаратура может находиться и в ткани палатки.

— Неужели мы так беззащитны? — сердито рявкнул Бертон.

— Надо сделать все, что в наших силах. Возможно, этого будет достаточно.

— Ладно. Сигнализацию на двери мы все-таки оставим. Я запишу комбинацию на листке бумаги, и когда вы ее запомните, мы уничтожим запись.

— Бумагу надо уничтожить лучеметом, — подхватил его мысль Фрайгейт. Если ее просто сжечь или разорвать на части, компьютер может отыскать куски и пепел среди мусора, а затем реконструировать комбинацию шифра.

Бертон решил сделать особую накидку, которую следовало надевать каждому, кто набирал шифр. А чтобы на ней не оказалось микрообъективов, он предложил сшить ее из простыней.

— К сожалению, мы не можем полагаться на датчики биомассы, добавил Бертон. — Компьютер будет делать их под надзором незнакомца. И тот наверняка прикажет внедрить туда устрой-

ства отключения.

— Ты прав, — сказал Фрайгейт. — Но тогда он внедрит их и в твою сигнализацию на двери.

— Вот же черт! Значит, все, что нам дает компьютер, может в критический момент обернуться против нас?

— Еще как может! Включая и еду. Что если незнакомец прикажет компьютеру подсыпать в нее яд?

— О Боже! — воскликнул Бертон. — Неужели нет никакого способа справиться с этим дьяволом?

Нур, который уже несколько минут слушал их разговор, с улыбкой похлопал его по плечу.

— Если бы незнакомец хотел нас убить, он сделал бы это давным-давно.

Учитывая его мастерство в обращении с компьютером, я сначала думал, что он такой же этик, как и Лога. Но потом у меня появились сомнения. Почему он, например, не воскресил Моната и остальных обитателей башни? Любой этик посчитал бы это своим долгом. Приняв пассивную оборону, мы тем самым предоставили ему полную свободу, однако он и пальцем не пошевелил для того, чтобы вернуть проект в прежнее русло. Все это доказывает, что он…

Мавр замолчал, и Бертон, подождав немного, нетерпеливо спросил:

— Так что же это доказывает? О чем ты нам хотел сказать?

— Разве стал бы какой-нибудь этик уничтожать телесную матрицу Логи?

Определенно, нет. Значит, мы имеем дело с таким же человеком, как вы и я.

Если только…

— Что только?

— Терпение, мой друг. Мы не на конкурсе быстрых ответов. Я хотел сказать, что за всем этим может стоять сам Лога.

— Мы уже обсуждали такой вариант событий! — раздраженно проворчал Бертон. — Зачем бы он стал затевать весь этот переполох?

Нур пожал худощавыми плечами и поднял вверх длинные ладони.

— Я не знаю. И вряд ли Лога стер бы из памяти компьютера всю информацию о своем теле.

— Он мог оборудовать в одной из потайных комнат персональную камеру воскрешения, — произнес Фрайгейт.

— Вот это я и хотел сказать, — ответил Нур. — Однако такое поведение Логи не подается логическому объяснению. Кроме того, мне не дают

покоя шаги, которые послышались Питу в коридоре. Кто мог проходить мимо той комнаты, где мы праздновали свою победу после починки компьютера? А вспомните, как забеспокоился Лога, когда Пит рассказал ему о шагах. Он выбежал в коридор, осмотрел все помещения и снизу доверху проверил вертикальную шахту. Вы сами видели, как он потом расспрашивал компьютер на своем языке. К сожалению, его речь была слишком быстрой, и мы не поняли сути вопросов.

— Чуть позже я спросил его, почему он так встревожился, добавил Бертон. Лога ответил, что он просто хотел успокоить Фрайгейта. По его мнению, тяжелые испытания сделали Пита параноиком, и именно поэтому он услышал шаги, которых на самом деле не существовало. Одним словом, Лога свалил всю вину на Пита и сказал, что его подозрительность заразна.

— Да-да, кто бы говорил! — ответил Фрайгейт. — Я еще не видел большего параноика, чем Лога!

— В таком случае мы сражались не на той стороне, — спокойно заявил Нур. Те, кто идут за безумцем, так же безрассудны, как и он. Впрочем, после драки кулаками не машут. Что мы будем делать в данный момент?

Саркастическое предложение Фрайгейта — на-

валить у двери баррикаду из мебели — по сути оказалось лучшим из возможных. Если бы они часто пользовались дверью, это стало бы досадным неудобством, но пока у них не было большого желания выходить из своего убежища.

Вскоре они избавились и от страха, что незнакомец отравит их воду или пищу. Получив упрощенные схемы конвертора, Фрайгейт и Нур приступили к их изучению. В принципе, противник мог отключить от преобразователей электрическое питание и тем самым обречь землян на голодную смерть. Однако сама еда производилась в конверторе без использования программ, которые могли бы подвергаться изменению. Короче говоря, подсыпать яд в блюда было невозможно. Тем не менее, вода для питья и ванных комнат поступала через трубы, проложенные в стенах. Это позволяло незнакомцу ввести в нее отравляющие и наркотические вещества.

Фрайгейт и Нур произвели реконструкцию систем водоснабжения, и теперь в качестве источника воды можно было использовать конверторы в спальных комнатах. Компьютер без заминок выполнил заказ на поставку необходимого оборудования, и все восемь землян приняли

участие в прокладке гибких труб.

Советы компьютера и заказанные брошюры помогли разобраться в этом непривычном деле, и уже через несколько часов в их бачки и бокалы полилась вода, попадание яда в которую начисто исключалось.

— По-моему, мы начинаем впадать в детство, — сказал Ли По. Эта глупая затея абсолютно бесполезна. Незнакомец может прижать нас к ногтю тысячью и одним способом.

— Тем не менее, мы должны сделать все возможное, чтобы избежать его трюков, — ответил Нур. — Если только он их для нас готовит. И если он действительно существует.

Глава 5

— Пойду немного посплю, — сказал Бертон.

— А я сначала поем, — ответил Нур.

Маленький мавр выглядел таким же свежим, как после восьми часов сна. К тому времени в большой комнате собрались все, кроме де Марбо и Бен. Бертон поручил Нуру возведение баррикады, а сам, миновав небольшой коридор, вошел в свою комнату. Она состояла из трех обособленных частей: гостиной в двадцать четыре квадратных фута, роскошной спальни, совмещенной с кабинетом, и очень практичной душевой.

Вытащив из кобуры лучемет, Бертон расстегнул пояс и снял алый кильт, украшенный ярко-желтыми фигурами львов. Его ноги утопали в ковре, который не уступал по качеству лучшим персидским изделиям. Разноцветные узоры из трех сцепленных кругов создавали приятное и ненавязчивое сочетание. Стены имели светло-кремовый оттенок, но компьютер мог менять их цвет в соответствии с желанием жильца, а также воспроизводить и перемещать на основном фоне любые символы. Оформляя интерьер, Бертон заказал себе несколько картин, которые выглядели

полотнами великих мастеров и совпадали с подлинниками вплоть до молекулярного уровня. Во всяком случае ни один искусствовед не отличил бы копии от оригиналов.

Немного поворочавшись в постели, Бертон уснул. Когда он открыл глаза, в его затуманенном мозгу остались лишь смутные обрывки ужасного кошмара. Ему приснилась гиена в два человеческих роста, с огромными клыками, которые выглядели как стальные изогнутые сабли. Бертон вспомнил, что сжимал в руке рапиру и отбивал атаки свирепого чудовища, а гиена хохотала ему в лицо, и в ее ухмылке он видел свою собственную усмешку.

— Что уж тут оправдываться, — прошептал он, опуская ноги на пол. — Эта гиена живет во мне, и она все чаще срывает с себя маску человека.

Он сам заправил постель, хотя такую работу мог сделать любой андроид.

По общей договоренности люди решили не впускать в свое жилище протеиновых роботов. Эти безмозглые создания подчинялись указаниям компьютера, а значит, незнакомец мог использовать их как оружие против землян.

Потратив час на энергичную зарядку, Бертон подошел к конвертеру и заказал себе завтрак.

Через миг на подносе появилось кофе из лучших зерен, когда-либо произраставших на Земле, вареные яйца от несушек-медалисток, фрукты, напоминавшие по вкусу мускусную дыню, и в меру прожаренный тост из кисло-сладкого хлеба, покрытый восхитительным маслом и джемом, от которого вкусовые пупырышки входили в экстаз.

Реконструкция водоснабжения почти на сто процентов уменьшала вероятность отравления, но не исключала ее полностью. По мнению Фрайгейта, им следовало ожидать неприятностей в самое ближайшее время — если только незнакомец действительно намеревался их убить. Подумав об этом, Бертон тяжело вздохнул, а затем почистил зубы и принял холодный душ.

Открыв гардероб, он выбрал темно-зеленый кильт и широкую накидку с рисунком двух желтых экзотических птиц. Активировав настенный экран, Бертон осмотрел большую комнату. Ли По, Нур, Бен и Терпин сидели в креслах и изучали списки с перечнем доступных команд. Перед дверью громоздилась мебель, сваленная в кучу.

Бертон вышел в зал и после приветствия спросил у Нура о тех, кто отсутствовал. Мавр ответил, что они время от времени выходили в зал, а те-

перь, вероятно, отдыхают. Бертон устроился за пультом вспомогательного компьютера и активировал экраны Алисы, де Марбо и Фрайгейта. Сам он их видеть не мог, но этого пока и не требовалось. Все трое отозвались на его вызов и через несколько минут присоединились к остальным. Алиса появилась в алой китайской мантии, из-под каймы которой выглядывали загнутые носки зеленых парчовых туфель. Ее короткие темные волосы блестели, будто покрытые лаком. Из косметики она признавал только розовую губную помаду. Однако на этот раз ей пришлось припудрить лицо, чтобы скрыть темные пятна под глазами.

— Я плохо спала, — сказала она, усаживаясь в кресло. — Мне все время кажется, что за мной кто-то наблюдает. Я никак не могу успокоить себя и расслабиться.

— Будь андроиды под нашим контролем, мы могли бы заставить их обклеить спальни обоями, — произнес Фрайгейт. — Это блокировало бы видеокамеры, если только…

— Если… если… — заворчал Бертон. — Меня уже тошнит от этих бесконечных «если». Я по горло сыт жизнью в клетке, которую приходится делить… Как только нам станут известны наши

ограничения в работе с компьютером, мы устроим тотальную облаву. Я больше не хочу прятаться в этой норе, как кролик. Мы люди, а не кролики! И людей не держат взаперти, как индюшек!

— То кролики, то индюшки, — прошептал Фрайгейт.

Бертон повернулся и сердито взглянул на него:

— Что ты, черт возьми, хотел этим сказать?

— Кролики и индюшки не имеют ни малейшего понятия о том, почему они оказались в клетке. Им и в голову не приходит, что их откармливают только для того, чтобы съесть. А ведь мы тоже не знаем, что хотел от нас Лога или что планирует сейчас тот, кто его убил. У кроликов и индюшек есть преимущество — они счастливы в своей наивности и глупости. А наша глупость ведет только к разочарованию и боли.

— Ладно, хватит плакаться, — сказал Нур. — Давайте вернемся к делу. На мой взгляд, этот перечень может оказаться неполным. Я думаю, что здесь имелись команды, которые незнакомец по тем или иным причинам удалил из списка.

Наступило долгое молчание. Китаец встал, подошел к конвертеру и заказал себе огромный бокал ржаного виски. Бертон поморщился, но ничего не сказал.

Упреки ни к чему бы не привели, а неповиновение Ли По лишь подорвало бы его авторитет.

Пригубив напиток, китаец рыгнул в знак одобрения и вернулся к своему креслу.

— Мне нужна женщина! — заявил он.

Бертон думал, что Алиса уже забыла о том, как краснеют. Но он оказался не прав.

— Ты опять начинаешь создавать проблемы, — заворчал англичанин. — Неужели нам сейчас надо все бросить и приступить к воскрешению женщин, которые умерили бы твой похотливый зуд?

Лицо Алисы покраснело. Афра Бен откинулась на спинку кресла и захохотала.

— Мы живем неестественной жизнью, — возразил Ли По. — Мой ян нуждается в инь.

Бертон усмехнулся, вспомнив, что слово «ян» в западноафриканских языках означало «человеческие экскременты». Китаец нахмурился и спросил его о причинах усмешки. В ответ на объяснение Бертона он хрипло рассмеялся и с вызовом сказал:

— Хорошо. Если тебя так позабавили мои сексуальные желания, то, возможно, и ты порадуешь меня небольшим поединком. Может быть мы потренируемся часок-другой на саблях или ра-

пирах?

— Я с радостью размял бы кости, но, к сожалению, ты пьян, ответил Бертон. — Это будет неравный поединок.

Ли По начал крикливо хвастаться, что победит Бертона любым оружием — даже если напьется в два раза сильнее, чем теперь. Англичанин брезгливо отвернулся, и китаец, рухнув в кресло, заснул мертвецким сном. Чтобы избавить себя и других от его гнусавого храпа, Фрайгейт и Терпин потащили китайца в спальню. Им пришлось уложить его на полу в небольшом коридоре, поскольку дверь оказалась закрытой, а пароль мог произнести только обитатель комнаты.

— Еще пара дней в этой мышеловке, и мы все будем вести себя, как Ли По, сказал Терпин, вернувшись в зал.

Он подошел к конвертеру и заказал себе высокий стакан джина с ломтиком лимона. Афра, которая уже держала в руках бокал, поднялась с кресла и сказала:

— Предлагаю тост за сумасшествие! Вы называете это место тюрьмой, но оно в тысячу раз лучше Ньюгейта <Имеется в виду ньюгейтская долговая тюрьма в окрестностях Лондона.>. — Она знала, о чем говорила, поскольку дважды отбывала

там срок.

Взглянув на француза, Бен подмигнула ему, и барон с улыбкой кивнул ей в ответ. Она действительно могла чувствовать себя счастливой, имея такого любовника, как де Марбо. Ее окружала роскошь, о которой она даже понятия не имела на Земле. У Бен было все, за исключением свободы. Но, похоже, о свободе эта веселая и уживчивая дама пока не беспокоилась.

Огромные возможности, указанные в перечне команд, настолько очаровали некоторых землян, что они и думать забыли об опасности. Там, где им следовало искать ограничения, они видели только высоты власти. Бертон понимал восторг и возбуждение своих друзей, но его беспокоило отсутствие интереса к тому, что могло поджидать их буквально за углом.

Очевидно, лишь Нур еще помнил о неизвестном враге. Остальные смеялись и радостно делились впечатлениями. При взгляде на их лица Бертону захотелось дать им всем хорошего пинка. Вместо этого, пытаясь вывести коллег из мира прекрасных грез, он звонко хлопнул в ладоши.

— Довольно резвиться, господа. Мы с вами находимся в смертельной опасности. Сейчас не время думать о чем-то другом, кроме сражения с

противником. После победы можете заниматься чем угодно. Но повторяю — лишь после победы! Контролируя главный компьютер, незнакомец имеет огромное преимущество. Однако, узнав, как использовать команды против нашего врага, мы можем превратить искусственный мозг в своего союзника. Позвольте напомнить, что компьютер состоит не только из огромной кучи протеина, сваленного на дне центральной шахты. Компьютер — это еще и башня, в глубинах которой мы обитаем. Протеиновый мозг выполняет роль распределителя, однако основная часть схемы располагается в перекрытиях пола, потолка и стен. Мы находимся в сердце и нервах врага. И теперь нам остается найти лишь способ, чтобы нанести удары по этим нервам и сердцу. Или, наоборот, овладеть и воспользоваться ими, как своим оружием.

— Чтобы брать быка за рога, нужен бык, — с усмешкой произнесла Алиса. — А мы пока даже не знаем, где находится этот пресловутый незнакомец.

— Если только он вообще не окажется мышью, которую мы с перепугу приняли за быка, — добавил Нур.

— Если… если… — передразнил его Бертон. —

Давайте наконец забудем об этих «если». И вообще, сколько можно болтать? Пора начинать действовать.

— Прекрасно, — ответил Нур. — Но каким образом? Все, о чем мы говорим или будем говорить, в конце концов дойдет до ушей незнакомца. Возможно, он следит за нами даже сейчас.

— А я сказал, хватит этих «если» и «возможно»! — взревел Бертон.

— Нам не удастся отказаться от этих слов, — со смехом отозвался Фрайгейт. — Мы не можем изменить себя, потому что сошли здесь с ума. Я со сдвигом, и ты со сдвигом. Но так и должно быть, иначе бы мы не попали сюда.

— Что за бред ты несешь? — спросил Бертон.

— Он цитирует беседу между Чеширским Котом и Алисой в Стране Чудес, ответила Алиса.

— Упоминание о невидимом быке напомнило мне улыбку Чеширского Кота, сказал Фрайгейт. — В каком-то смысле наш незнакомец и является этой улыбкой.

— Хотел бы я посмотреть на вас всех в армии! — проворчал Бертон и возмущенно махнул рукой.

Все замолчали. Но он знал, что это не продлится долго. Во всяком случае, не в этой компании.

— А ведь она нам может сейчас пригодиться, —

произнес Фрайгейт.

— О чем ты говоришь?

— Об армии. Мы можем заказать у компьютера целую армию роботов и андроидов. Мы настроим их так, чтобы они не подчинялись командам Снарка, то есть нашего таинственного противника. Армия роботов будет защищать нас и охотиться за Снарком. Нам останется только произнести приказ, и они начнут хватать и убивать любого, кто не входит в нашу группу. Простая директива — кто не с нами, тот против нас. За пару дней андроиды и роботы сделают то, на что нам потребовались бы годы.

Бертон с удивлением посмотрел на американца и покачал головой.

— Ты слишком долго писал — как ее там… научную фантастику. От нее у тебя прокисли мозги.

— Но аппаратура башни способна и не на такое! — вскричал Фрайгейт. — А чтобы победить врага, нам понадобится сила и мощь! Я знаю, мои слова могут показаться странными, но мы можем и должны создать себе армию — хотя бы численностью в сотню тысяч солдат!

Послышался смех. Фрайгейт обиженно усмехнулся и сказал:

— Я, между прочим, серьезно.

Он подошел к пульту компьютера и, нажав на несколько клавиш, произвел серию простых вычислений. На экране появилось число: «107379».

— Я исхожу из расчета, что на каждую комнату нам потребуется по три андроида. Эту армию компьютер изготовит за несколько дней. Мы расставим роботов в помещениях и коридорах башни, и они будут наблюдать за теми местами, где могут оказаться тайники.

Нур с улыбкой похлопал его плечу.

— О, Пит! Я восхищаюсь твоей фантазией, но сожалею о том, что тебе недостает сдержанности и реального взгляда на вещи.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Фрайгейт. Сдержанность хороша там, где она необходима. Разве не так? А что касается реальных взглядов, то армию можно сделать без особых проблем.

Компьютер мог изготовить и большее число солдат — с этим мавр не спорил. Но андроиды не имели разума, и каждое их действие требовалось программировать. По мнению Нура, армию пришлось бы разделить на маленькие отряды, чьи функции определялись бы отдельными программами. Для их управления понадобилось бы создать звено сержантов и офицеров, которые

брали бы на себя инициативу в неучтенных ситуациях. Однако они тоже не знали бы, что им делать и следует ли что-то делать вообще.

— Кроме того, мы по-прежнему боялись бы за свою безопасность, — добавил Бертон. — Если незнакомец может менять команды компьютера, то вряд ли мозг робота будет для него большим секретом. Почему бы ему, немного подумав, не повернуть твою армию против нас?

— Возможно, незнакомец уже думает над этим, — сказала Алиса. Мне кажется, он наблюдает за каждым нашим шагом.

Она поежилась и испуганно осмотрелась по сторонам.

— У меня есть ответ на ваши возражения, — гордо произнес Фрайгейт. — Мы внесем изменения в невральную систему андроидов! Мы сделаем их частично механическими. То есть нам надо будет вставить в них механические устройства — типа наборной панели или клавиатуры — чтобы роботы принимали наши команды только механическим образом.

Мы приступим к программированию солдат уже после того, как получим от компьютера необходимое оснащение. Это устранит любую возможность вмешательства, и Снарк лишится

своего главного козыря. Хотя… Вот же черт!

Он может ввести в тела андроидов особые нейронные устройства, которое будут отменять наши команды, набранные на клавиатуре.

— Хотите вы этого или нет, но нам надо признать, что мы находимся во власти этого Снарка, — сказал Нур. — Ему даже необязательно нападать на нас и подвергать себя риску. Отключив энергию от конвертеров, он мог бы уморить нас голодом. И если бы Снарк хотел нашей смерти, он давно бы покончил с каждым из нас. Тем не менее, мы до сих пор живы. Следовательно, можно ожидать, что это продлится и впредь. Более того, ограничив в какой-то мере наши возможности, незнакомец оставил нам доступ к большинству программ. В их перечне есть даже то, что может ему повредить, хотя он мог просто не заметить эти команды. Возможно, тем самым Снарк показывает нам, как мало мы для него значим.

— Но зачем это ему понадобилось?

— Здесь мы можем только гадать, — подытожил Фрайгейт. — Все ответы у него, а он нам вряд ли их скажет.

— Согласен, — произнес Нур. — Но пока вы все спали, я велел компьютеру отобразить на

схеме тайный вход, который Лога предусмотрел во время строительства башни. Я имею в виду ту лазейку, которой мы воспользовались, чтобы пробраться сюда. По каким-то причинам Снарк не позволил нам улететь в долину. Возможно, он вообще не хотел, чтобы мы покидали башню. Решив выяснить этот вопрос, я попросил компьютер открыть потайную дверь, но он отказался выполнить мою просьбу. Моя догадка оказалась верной, и по воле незнакомца мы стали пленниками башни.

Вероятно, он когда-нибудь сам захочет, чтобы мы ушли. Однако до той поры путь на волю останется закрытым. И все же, эта огромная тюрьма предлагает нам больше сокровищ, чем Земля и долина вместе взятые. Я говорю не столько о физических предметах, сколько о знании и морально-духовных ценностях. Очевидно, нас оставили здесь в качестве учеников, чтобы мы могли воспользоваться этим богатством. И вместо того чтобы строить вокруг себя баррикады, нам надо просто принять предложенный дар.

Тем не менее, мы должны обрести полную свободу. Мы должны снять ограничения, которые внес в программу наш противник. К тому же, ломать — не строить. А незнакомец — не Бог.

— То есть ты предлагаешь нам вернуться в свои жилища и на время забыть о существовании незнакомца? — спросил Бертон.

— Да, пора перейти из этой маленькой тюрьмы в большую. Хотя Земля и Мир Реки — тоже в своем роде тюрьмы. Странно, но, попадая в достаточно большое пространство, люди уже не считают себя пленниками. Иллюзия свободы затмевает им разум. Они не понимают, что свободным является только тот, кто знает о всех ограничениях и возможностях своей тюрьмы.

— Ох, уж эта мудрость суфиев, — с презрительной усмешкой произнес Бертон. — А тебе не кажется, что твое предложение выглядит немного нелепо?

Сначала мы спрятались в нору, потом нам эта нора надоела, и тогда ты решил, что бояться некого и можно выползать наружу.

— Мы следовали своим инстинктам, — ответил Нур. — И это, конечно, плохо.

Но нам хотелось найти место, где бы мы чувствовали себя защищенными. В тот момент нам казалось, что опасность действительно велика. Однако, успокоившись, мы сделали переоценку ситуации.

— Которая снова лишила нас покоя, — добавил

англичанин. Ладно, после твоих речей мне стало лучше, и я перестал считать себя пленником. Кроме того, меня уже тошнит от этой кучи у двери. Давайте расставим мебель по местам.

Он встал и направился к баррикаде.

— Прежде чем мы займемся этим, мне хотелось бы вам кое-что сказать, произнес Фрайгейт. — Нур не единственный, кто вел опрос компьютера.

Бертон остановился и повернулся к американцу.

— Как вы знаете, Лога приостановил воскрешение Моната, продолжал тот, — и позже Снарк подтвердил его команду. Тем не менее, телесная запись Моната по-прежнему находится в памяти компьютера. Я попытался отыскать его ватан в шахте, но он, как оказалось, исчез. А вам известно, что это означает. Монат перешел на следующий этап и стал «продвинувшимся».

По щекам Бертона покатились слезы, и внезапный порыв печали привел его в удивление. Только теперь он начал понимать, какие чувства испытывал к Монату.

Они встретились с ним после первого воскрешения, и с той поры этот странный на вид инопланетянин стал его спутником и верным другом. Он поражал Бертона своей душевной

добротой, своим состраданием и мудростью. Несмотря на нечеловеческий облик, он был в сотню раз человечнее других людей, и, наверное, поэтому Бертон относился к нему, как к отцу, — вернее, как к мудрому учителю. Не мудрено, что Монат достиг стадии «продвижения». Но отныне их пути разошлись навеки.

Так зачем эти слезы и грусть? Он должен радоваться успеху друга. Разбив оковы плоти, Монат превратился в вольный дух. Он обрел абсолютное счастье и свободу.

Чем же вызвано это чувство потери? Неужели где-то глубоко в подсознании ему все еще верилось, что, несмотря на команду Логи, Монат воскреснет и выручит их из беды? Неужели он надеялся, что его наставник выйдет из конвертера, как Иисус из могилы или король Артур из глубин холодного озера?

Какие нелепые мечты. И все же, они жили в нем, ожидая своего часа, чтобы вырваться наружу.

Так уж случилось, что он не нашел в своем отце мудрого друга. Это место в его сердце занял Монат. И за все свои многие жизни Бертон не встречал более верного и искреннего существа, чем этот пришелец из другого мира. Он был…

как бы лучше сказать… непорочным. Довольно странное слово, но именно оно вдруг выпрыгнуло из его сознания.

В любом случае Монат навсегда покинул этот мир, и более никто не мог предъявить ему каких-то претензий. Он достиг стадии «продвижения». Но что он там продолжал?

Пытаясь скрыть свои чувства, Бертон подошел к куче мебели и начал отодвигать большой тяжелый стол. К тому времени, когда к нему присоединились остальные, его слезы уже успели высохнуть.

Открыв дверь, он сделал глубокий вдох. Воздух в коридоре был таким же, как и в их убежище, но свобода делала его слаще.

Глава 6

Неподалеку от их комнат находилось помещение с плавательным бассейном, длина которого составляла шестьдесят, а ширина — тридцать метров. При отсутствии людей здесь царила абсолютная темнота, но стоило хотя бы одному человеку войти под высокие своды, как инфракрасные датчики тут же включали освещение. Над головой возникало безоблачное голубое небо, и жаркое солнце в полуденном зените роняло лучи на лес, в оправе которого плавательный бассейн казался лесным озерком. Вдали виднелись заснеженные вершины гор. Иллюзия была настолько полной, что, даже стоя в дюйме от стены, человек воспринимал деревья, как настоящие. Такими же реальными выглядели и птицы, которые летали среди ветвей, доставляя своим щебетом и свистом райское наслаждение.

Иногда между деревьями пробегали кролик или лиса, а в полумраке чащи скользили силуэты пантеры или медведя.

Проточная вода сохраняла температуру шестидесяти восьми градусов по Фаренгейту. Дно бассейна плавно понижалось от одного конца

к другому, и глубина доходила до двенадцати метров. Землянам нравилось это место. Они часто собирались здесь, чтобы поплавать после завтрака.

Бертон изучал список доступных команд почти до одиннадцати утра. Войдя в огромное гулкое помещение, наполненное плеском воды и криками людей, он на секунду остановился у двери. В бассейне находились все, кроме Нура. Женщины были в бикини, мужчины — в плавках. На первый взгляд могло показаться, что они потеряли бдительность и не приняли никаких мер безопасности. Однако на краю бассейна лежали лучеметы, а на дне виднелось несколько лучевых винтовок, едва заметных на фоне красных, черных и зеленых извивов мозаичного пола.

Бертон нырнул в воду, переплыл бассейн туда и обратно, затем сел на ступеньку лестницы и подождал немного, пока рядом с ним не оказался де Марбо. Он окликнул его, и француз подплыл ближе. Пригладив мокрые черные волосы, барон сморщил вздернутый нос и прищурил веселые синие глаза. Бертон склонился к нему и прошептал:

— Я собираюсь совершить небольшой рейд по башне. Не хочешь присоединиться?

— Звучит привлекательно, — с улыбкой ответил де Марбо. Надеешься застать этого Снарка врасплох?

— Вряд ли у меня это получится, но чем черт не шутит. Чтобы вынудить его к каким-то действиям, я придумал план с подсадными утками. И роли уток будем выполнять мы.

— Я к твоим услугам, — произнес француз, вылезая из бассейна.

При своих пяти футах пяти дюймах он оспаривал у Нура право считаться самым маленьким мужчиной в группе. Тем не менее Бертон выбрал себе в спутники именно его. Француз отличался исключительной храбростью и имел огромный опыт в военных компаниях. Под началом Наполеона он участвовал во всех великих битвах императора и, проведя несколько сотен дуэлей, получил семнадцать ранений. Его отважная жизнь настолько воодушевила Артура Конан-Дойля, что тот написал серию рассказов, основанных на подвигах де Марбо. Барон прекрасно владел шпагой, отлично стрелял и обладал выдающимся хладнокровием.

Обсохнув под струями теплого воздуха, они сменили плавки на шорты и безрукавки. Бертон вложил в кобуру лучемет и, подойдя к краю бас-

сейна, известил Терпина о том, что они решили совершить небольшую вылазку.

— Когда планируешь вернуться? — с набитым ртом невнятно спросил негр, поедая фаршированную куропатку в черничном соусе.

— Около шести вечера.

— Может, вам лучше ежечасно выходить на связь?

— Я так не думаю, — тихо ответил Бертон, взглянув на стену, будто та имела уши. — Незнакомец попытается вести за нами слежку. И мы не собираемся облегчать его задачу.

— Да-да, ты прав, — с улыбкой произнес Терпин. — Надеюсь, мы еще увидимся.

Он захохотал, и из его рта полетели кусочки мяса и хлеба. Бертон неодобрительно покачал головой. Во время трудного и опасного перехода к северному морю негр значительно сбавил в весе. Теперь же он, казалось, вновь хотел стать таким, каким был на Земле, — толстяком, чей вес приближался к тремстам фунтам. Терпин ел беспрерывно, и его страсть к еде не уступала пьянству Ли По.

— Мы полетим наугад. У меня нет ни малейшей идеи, куда заведут нас поиски.

— Желаю удачи, — ответил Терпин.

Бертон направился к двери и вдруг обнаружил, что француз куда-то пропал. Осмотревшись, он увидел его рядом с Афрой. Очевидно, барон объяснял ей причину намечавшейся отлучки, и, судя по их жестам, они уже о чем-то спорили. В отличие от остальных де Марбо повезло — он имел любовницу. Но это предполагало и некоторые неудобства. Ему приходилось отчитываться перед ней в свои делах, и теперь он отговаривал Афру лететь вместе с ними. В любое другое время Бертон не возражал бы против ее компании. Она могла дать фору многим мужчинам в ловкости, храбрости и хладнокровии. Но в данный момент он не хотел брать с собой больше одного спутника.

Через минуту расстроенный барон присоединился к Бертону.

— Она мне сказала довольно странную фразу, — печально поделился он. — Я никогда еще не слышал такого на английском. «Чтобы тебе всю жизнь трахаться с удирающей гусыней». Внезапно он рассмеялся и спросил:

— Забавно, правда? И разве такое можно сделать?

— Все зависит от синхронизации движений, — ухмыляясь, ответил Бертон.

Они покинули бассейн, и дверь за ними закрылась. Шум и голоса исчезли.

Огромный коридор наполнился безмолвием. Испуганное воображение рисовало за углом бесформенные фигуры, которые поджидали их, присев для быстрого и фатального прыжка.

Выполняя приказ Бертона, маленький француз наполнил кармашки кресел силовыми батареями для лучеметов. Устроившись в своих летательных аппаратах, они поднялись в воздух, и Бертон полетел к вертикальной шахте, которая находилась в конце коридора. Де Марбо держался в двенадцати футах позади него. С ловкостью, приобретенной за три недели практики, англичанин, немного притормозив, влетел в огромное отверстие и помчался вверх на следующий уровень.

Кресло вылетело из шахты на такой скорости, что Бертон едва не задел головой потолок. Когда он снизился до безопасной высоты, его ноги заскользили в двенадцати дюймах от пола. С обеих сторон на стенах мелькали подвижные картины. Остановив кресло у пересечения коридоров, Бертон предложил барону лететь вперед.

— Будем надеяться на твою интуицию.

Они осмотрели каждый коридор на этом этаже, но все двери оказались закрытыми. За одной из

них мог скрываться Снарк. Хотя Бертон не верил в такую возможность. Компьютер должен был предупредить незнакомца о вылазке двух людей, и тот наверняка удрал бы на другой этаж, если бы они начали приближаться к его убежищу. Скорее всего, за ними сейчас следила сотня видеокамер.

Прочесав все коридоры, де Марбо остановил свое кресло у вертикальной шахты.

— Восхитительно! — воскликнул он. — Ветер бьет в лицо, и кресло летит вперед мимо декораций! Пусть наша погоня далека от скачки на лошадях, но она имеет и некоторые преимущества. Ни одной лошади не удалось бы взобраться вверх по этой шахте.

Бертон принял руководство на себя и поднялся на самый верхний этаж. В конце коридора располагался ангар, который они недавно посещали. Пролетев широкие ворота, оба землянина оказались на огромной стоянке, заполненной воздушными и космическими кораблями. Тщательный осмотр показал, что все они оставались на своих местах. Незнакомец по-прежнему находился в башне. Если только он не имел какого-то корабля, который размешался в потайном ангаре.

Бертон выругался и топнул ногой, поймав себя

на вездесущем «если».

— Мы могли бы изъять из бортовых компьютеров навигационные карты, сказал он, — и это помешало бы Снарку воспользоваться космическим кораблем. Но я уверен, что у каждого файла есть свой дубликат. Незнакомцу потребуется лишь запросить у компьютера новые копии.

— Ты думаешь, он воспользуется космическим кораблем?

— Не знаю. Но мне хотелось бы подпортить его планы и тем самым хоть немного расстроить Снарка.

— Укус москита.

— Да. Боюсь, это все, на что мы способны. Однако москит иногда может довести человека до смерти, заразив его малярией.

В его словах не было никакой бравады. Он действительно верил, что в обороне Снарка имелись слабые места — по крайней мере, одна, пусть и небольшая, лазейка.

Вернувшись к вертикальной шахте, они спустились на следующий этаж и оказались в круглом зале, диаметр которого составлял сто пятьдесят, а высота — пятьсот футов. Сюда выходило двенадцать прямоугольных дверей, которые располагались на равных расстояниях друг от

друга. Судя по схеме компьютера, каждая из них служила входом в треугольное помещение, по форме напоминавшее кусок пирога. Высота этих гигантских комнат равнялась четыремстам одному футу, а длина доходила до пяти целых четырех десятых мили. Острие заканчивалось дверью в стенах центрального круга.

Несколько дней назад, рассматривая схемы этажа, Бертон пообещал себе выяснить назначение двенадцати помещений. В тот момент он был занят другими делами, а потом забыл поговорить с компьютером на эту тему. Теперь же, находясь рядом с огромными комнатами, он и сам мог узнать, что в них находилось.

В центре каждой двери изображался золотой символ, который указывал на то, что данная собственность принадлежала члену Совета Двенадцати. Знак на ближайшей двери состоял из двух горизонтальных полос, пересеченных двумя длинными вертикальными линиями. Бертон знал, что это подобие двойного креста являлось символом Логи. Он произнес свой опознавательный код, и на двери засветился экран.

— Я хочу войти в комнату, — сказал Бертон. — Для этого нужен пароль?

На экране возник ответ: «ДА».

— Какой пароль необходим для того, чтобы открыть дверь?

Он ожидал, что компьютер откажет ему в доступе к этой информации.

Однако на экране появились надпись: «ТАК ГОВОРИТ ЛОГА».

— Пока все достаточно просто, — прошептал де Марбо.

Кодовый замок мог быть настроен только на голос Логи. Тем не менее, Бертон, надеясь на лучшее, четко произнес фразу на языке этиков.

Дверь открылась. Они вошли в небольшую, хорошо освещенную комнату. У дальней стены виднелась маленькая транспортная платформа, к которой вела лестница, покрытая ковром. Бертон и де Марбо поднялись на нее, и платформа плавно заскользила к большой прямоугольной двери. Створки входного проема разъехались в стороны; в тот же миг пространство перед ними озарилось мягким светом весеннего дня, и люди застыли в изумлении, не веря своим глазам.

Они находились в вершине треугольного сектора, но создавалась впечатление, что стены тянулись на несколько миль вправо и влево. Вдали за полоской нарисованного леса просматривался горизонт. Но пространство перед ними

было действительно огромным, и расстояние до дальней стороны равнялось пяти целым четырем десятым мили.

— Это маленький мир, — тихо сказал де Марбо.

— Не такой уж и маленький.

Большую часть площади занимал огромный, хорошо ухоженный парк с постриженными газонами и тенистыми аллеями. Впереди, примерно в двух с половиной милях, возвышался высокий холм, на вершине которого находилось здание, сиявшее под лучами полуденного солнца. Вилла, скорее всего, существовала на самом деле, но иллюзия солнца, вне всяких сомнений, создавалась осветительной аппаратурой.

— Напоминает римский стиль, — произнес Бертон, рассматривая здание. — Но я готов держать пари, что, подлетев поближе, мы увидели бы множество структурных различий.

Их летающие кресла без труда прошли бы через дверь, однако Бертон решил не рисковать. Они вернулись в центральный зал и запросили у компьютера пароль на доступ в следующее помещение, которое принадлежало жене Логи.

Передняя комната ничем не отличалась от первой. Но внутренний вид смутил обоих людей. Ландшафт этого маленького мира представлял

собой огромный лабиринт — непонятную и запутанную композицию из больших и малых зеркал.

Фигуры Бертона и де Марбо отражались в них на всем обозримом пространстве.

Свет, не имевший определенного источника, изливался отовсюду и фокусировался на далеком круге колонн, которые едва просматривались среди зеркал. Колонны тоже отражались, и оптическая систем помещала крошечные фигуры людей внутри странного и загадочного круга.

— И зачем все это нужно? — спросил де Марбо.

— Не знаю, — пожимая плечами, ответил Бертон. — Когда-нибудь мы это выясним, но только не теперь.

Следующий маленький мир воспроизводил ландшафт арабской пустыни. Под жарким солнцем тянулась огромная песчаная равнина с вереницей каменистых прогалин и барханов. Сухой воздух обжигал легкие и не шел ни в какое сравнение с приятной атмосферой двух первых помещений. Вдали, на расстоянии трех миль, виднелся большой оазис. Из густой травы поднимались высокие пальмы, посреди которых в лучах утреннего солнца сияли ручьи и голубое озеро. Неподалеку от двери на песке белели ске-

леты трех животных. Подойдя поближе, Бертон определил, что один из черепов принадлежал африканскому льву.

— C`est remarquable! <Потрясающе! (фр.)> — прошептал де Марбо, переходя от удивления на родной язык. — Три разных мира — лилипутских, но вполне достаточных для каких-то особых целей. И все же у меня нет ни малейшего представления об их предназначении.

— Мне кажется, они задуманы для того… чтобы члены Совета могли проводить здесь время в уединении, — сказал Бертон. В некотором роде это места для отпусков и отдыха. Каждый из них оформил свой мир по собственному желанию, исходя из склонностей характера и навеянных грез. Они удалялись сюда для духовных и, конечно же, физических наслаждений.

Де Марбо захотел осмотреть остальные помещения, но Бертон сказал, что им следовало бы продолжить свой рейд. Достопримечательности башни могли подождать, а вот с незнакомцем шутить не стоило. Барон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Бертон оборвал его на полуслове:

— Да, я понимаю твои чувства. Но мне хочется как можно быстрее разведать обстановку. В принципе, мы могли бы осмотреть всю башню,

не выходя из своих комнат. Компьютер показал бы нам на экране любое помещение. Но я не уверен, что он давал бы полную информацию, и мы все время подозревали бы вмешательство и противодействие Снарка. Именно поэтому я и задумал наш рейд.

Мы немного полетаем по этажам, составим общее представлении о планировке башни, а позже перейдем к осмотру тех мест, которые заслуживают более пристального внимания.

— Ты меня не так понял, — ответил де Марбо. — Я просто хотел пожаловаться на свой желудок. Он, как мать-природа, не терпит пустоты и уже ворчит на меня от голода.

Они вернулись в центральную шахту, спустились на следующий этаж, пролетели по коридору до ближайшей двери и, открыв ее, вошли внутрь. В комнате у стены располагался небольшой конвертер. Де Марбо потребовал себе на ленч escargots bourguignonne <Улитки по-бургундски (фр.)>, французский хлеб и бокал белого вина.

Через тридцать секунд перед ним появился поднос, на котором рядом с заказанным блюдом находились серебряные столовые принадлежности, накрахмаленная салфетка и бокал. Когда аппетитный аромат достиг ноздрей барона, его

голубые глаза расширились от восхищения.

— Sacree merde! <Вот же дерьмо! (фр.)> Я никогда еще не пробовал такой прекрасной пищи. От нее можно прийти в экстаз! Очевидно, этики использовали для своего эталона самое лучшее творение какого-то парижского повара. Ах, почему история не сохранила имени этого гения? Я воскресил бы его, чтобы поблагодарить за доставленное удовольствие!

— Да, еда у них отменная, — согласился Бертон. — Вершина кулинарного искусства! Однажды для разнообразия я даже заказал себе плохо приготовленное блюдо. А ты не находишь всю эту изысканность немного утомительной?

— Я? О, нет! — ответил де Марбо.

Взглянув на поднос Бертона, он трагически закатил глаза. Выбор был действительно незатейливым — пахта с печеньем, пирог с бараниной в сметане и высокий бокал холодного пива.

— Варвар! Мне казалось, что тебе не нравится пиво.

— Я пью его лишь под ветчину и мясные пироги.

— De gustibus non disputandum. <О вкусах не спорят (лат.)> Хотя такое мог сказать только идиот.

Бертон произнес условную фразу; из стены

выдвинулся стол, и они приступили к еде.

— Delicieux! <Восхитительно! (фр.)> — вскричал де Марбо и громко почмокал губами.

Еще три недели назад он выглядел как скелет, обтянутый кожей. Теперь же его лицо округлилось, как полная луна. На пояс нависали небольшие жировые складки.

— Надо будет попробовать glace de viande, — произнес он с набитым ртом.

— Прямо сейчас?

— Нет. Я не свинья. Немного позже. Вечером.

На десерт француз заказал суфле из инжира и стакан красного вина.

— Чудесно! Просто чудесно!

Они освежились под душем и вернулись в свои кресла.

— После такого ленча нам следовало бы пройтись, — сказал Бертон.

— Ничего страшного. Перед ужином поработаем с саблями, и все обойдется.

Глава 7

Они пролетали коридоры, свет в которых включался за несколько секунд до их появления. Инфракрасные датчики, установленные в стенах, реагировали на тепло человеческих тел и запускали в действие особые реле, которые включали свет перед ними и отключали его при пролете кресел. Между прочим, эта система могла выдать незнакомцу их маршрут. Ему оставалось лишь вывести на экран структурную схему башни, а затем отобразить на ней освещенные участки коридоров. Но Снарк не мог наблюдать за экранами все двадцать четыре часа в сутки. Ему требовалось время на сон, еду и удовлетворение естественных нужд.

Хотя все тот же компьютер мог бы разбудить незнакомца в случае опасности, когда люди стали бы приближаться к его потаенной обители.

Спустившись по вертикальной шахте на один из нижних этажей, Бертон и де Марбо остановились посреди коридора. Они вылезли из кресел и подошли к прозрачной выгнутой стене, которая окружала огромный колодец. Его верхняя часть оставалась пустой, но в паре сотен футов под ни-

ми сияла и переливалась красками феерическая иллюминация, в центре которой находилась текучая масса, состоящая из крохотных светил. Де Марбо достал из ящика на стене две пары темных очков и протянул одни своему спутнику. Бертон надел их и в двенадцатый раз взглянул на самое великолепное зрелище, которое когда-либо видел. Под ним искрилось и блистало более восемнадцати миллиардов душ, собранных в одном месте.

Этики называли их ватанами — термином более точным, чем английское слово «душа». Каждый ватан являлся сущностью искусственного происхождения, которая притягивалась к своему физическому двойнику в момент зачатия, когда сперма и яйцеклетка объединялись и формировали зиготу человека. В течение всей жизни бессмертный ватан сохранял свою связь с гомо сапиенс и наделял того способностью самосознания.

Любой ватан оставался невидимым, пока не попадал в зону действия особой аппаратуры, которая в данном случае размещалась в поляризационном материале на стенках колодца. «Души» выглядели как разноцветные сияющие сферы, чьи протуберанцы вытягивались и со-

кращались, раскручивая внутренние ядра то в одну, то в другую сторону. Все это напоминало вихрь света, хотя на самом деле зрители видели не реальную картину, а лишь то, что мог охватить разум — подобие истины, воспринятой их нервными системами.

Ватаны парили, кружились, изменяли цвета, просачивались друг в друга и срастались, образуя «сверхдушу», которая через несколько секунд рассыпалась на отдельные сферы.

Сохраняли ли они сознание, когда обретали свободу от физических тел?

Могли ли они думать, паря и вращаясь в огненном вихре? Этого никто не знал.

А воскрешенные люди ничего не помнили о том времени, когда их ватаны отсоединялись от макушек голов.

Де Марбо и Бертон восхищенно смотрели на самое чудесное и неповторимое зрелище во всей вселенной.

— Мне даже трудно представить, что я сотни раз участвовал в этом спектакле, — прошептал англичанин.

— Хорошо, что этики догадались их сделать, — добавил француз. — В противном случае наши тела стали бы прахом тысячелетий, а после гибе-

ли Земли превратились бы в космическую пыль.

Далеко внизу виднелась огромная темная масса, едва заметная в сияющем зареве ватанов. Она казалась бесформенной, но Лога уверял их, что это не так.

— Вы видите вершину гигантской массы организованного протеина, объяснял он им суть вещей. — Это центральная часть нашего компьютера или, иными словами, живой, но неосознающий себя мозг, телом которого являются питающие камни, башня и камеры воскрешения.

Форма «мозга» не имела ничего общего с серым веществом, извлеченным из черепа человека.

— В какой-то мере он напоминает один из ваших готических соборов, с контрфорсами и шпилями, дверями и окнами, резьбой и декорациями внешнего оформления. Красивая вещь, на которую стоит взглянуть, поэтому обязательно полюбуйтесь им, если вам представится такой случай. Протеин находится в водном растворе с большим содержанием сахара. Если удалить этот раствор, мозг разрушится и превратится в серую вязкую жидкость.

Несмотря на сияние ватанов, огромные размеры мозга впечатляли даже на таком расстоянии.

Его вершина располагалась тремя милями ниже, и два человека видели лишь маленький кусочек купола. По словам Логи, мозг занимал широкую часть «колбы», а ее «горлышком» являлся колодец.

Ни французу, ни англичанину пока не доводилось спускаться на уровень, откуда они могли бы рассмотреть весь мозг. Но это не входило в планы Бертона и теперь. Развернув кресло, он помчался на другую сторону башни и, влетев в шахту, на всей скорости понесся вниз. Де Марбо едва поспевал за ним. Во время своего первого подъема по шахте Бертон догадался посчитать этажи, которые они пролетали. Поэтому он знал, где находилась потайная комната Логи. Влетев в коридор, англичанин остановил кресло и подождал отставшего спутника. Француз, возбужденный быстрым полетом, весело прокричал:

— Что случилось, приятель? Потерял шпоры?

Бертон покачал головой и приложил палец к губам. Он не видел линз видеокамер, но незнакомец мог предусмотреть особые способы наблюдения. И даже если он не следил за ними сейчас, компьютер наверняка записывал их действия для дальнейшего просмотра.

Они вошли в большую лабораторию, оборудо-

ванную странными и непонятными приборами. Среди консолей и пультов Бертон увидел четыре огромных конвертера, чьи толстые стенки содержали все необходимые электрические цепи.

Фактически, нутро этих шкафов из них и состояло. Питание к преобразователям материи подавалось по оранжевым кабелям, которые стыковались со штеккерами в нижней части шкафов. Два конвертера намертво крепились к полу, в то время как другая пара имела небольшие колеса и могла перемещаться по лаборатории.

Бертон и де Марбо попытались сдвинуть один из шкафов с места, но у них не хватило сил.

Англичанин поманил за собой француза и, сев в кресло, полетел по коридору к шахте. Когда они промчались мимо того места, где скрывалась потайная комната Логи, де Марбо удивленно взглянул на своего спутника, но воздержался от вопросов. Значительно позже, после того как они дюжину раз поднимались и опускались по шахтам, носились по коридорам, выбранным наугад, и заглядывали в пустые залы и комнаты, барон уже не казался удивленным. Он выглядел усталым.

Тем не менее, при возвращении на их этаж, де Марбо вытащил из кармана кресла небольшой

блокнот и что-то написал на листке. Бертон взял записку и, почти прижимая ее к груди, прочитал следующую фразу: «Когда ты мне расскажешь о своем плане?»

Вытащив из встроенного пенала карандаш, Бертон написал ответ: «Этим вечером».

Барон прочитал записку и с улыбкой прошептал:

— Значит, можно ожидать какого-то стоящего дела!

Он разорвал листок на мелкие клочки, положил их на пол и сжег огнем лучемета. После этого француз растер пепел ногой и, набрав в легкие побольше воздуха, сдул его остатки.

В тот же миг в стене открылся проем, и оттуда выкатилась цилиндрическая машина на колесах. Она без колебаний направилась к пятну золы, выдвигая из передней части суставчатую конечность, которая походила на совок. Машина обрызгала испачканное место особой жидкостью, и та, высохнув за несколько секунд, превратилась в множество крохотных шариков, которые «совок» втянул в себя, как пылесос. Через минуту машина вернулась в нишу, проем закрылся, а пятно на полу исчезло.

Решив еще раз посмотреть на работу автома-

тического уборщика, де Марбо плюнул на пол. Агрегат вновь выполз в коридор и, очистив ковер, начал возвращаться в свое логово. Француз пнул машину ногой. Та ускорила ход и невозмутимо исчезла в нише.

— По правде говоря, я предпочитаю роботов из протеина и костей, — сказал барон. — Эти механические штуки вызывают у меня дрожь и отвращение.

— А меня, наоборот, тревожат андроиды, — ответил Бертон.

— А-а, понимаю! Чтобы сорвать гнев или выразить эмоции, иногда полезно пнуть кого-нибудь под зад. Если это обычный робот, ты считаешь, что тут нет ничего плохого, но когда перед тобой андроид, тебе становится стыдно за свое желание. Несмотря на плоть и кровь, он всего лишь безмозглое существо, которое не имеет понятия об оскорблении и несправедливости. Ты знаешь, что он не ответит ударом на удар и даже не подумает о возмездии.

— Мне не нравятся их глаза, — сказал Бертон.

Де Марбо засмеялся.

— Они выглядят такими же мертвыми, как глаза моих гусар в конце долгой компании. Ты чувствуешь в них отсутствие жизни, которого на

самом деле не существует. Андроиды абсолютно бестолковы, и, чтобы действовать, они используют лишь крохотную часть своих мозгов. Тем не менее, можно говорить о том, что мы видим перед собой людей, а не машины.

— Ты прав, — ответил Бертон. — Можно говорить о чем угодно и сколько угодно. Не хочешь присоединиться к остальным?

Француз посмотрел на часы.

— До ужина еще час. Возможно, я успею помириться с Афрой. Ты же знаешь, что мрачный сосед за столом портит не только настроение, но и аппетит. А для меня это самое страшное на свете.

— Скажи ей, что она тоже может поучаствовать в следующей фазе нашего плана. Я думаю, такое предложение улучшит настроение Афры. Только не говори ей о том, что мы делали, и постарайся обойтись без этого. — Бертон указал на блокнот.

Де Марбо поморщился и кивнул.

— Наш надзиратель пойдет на все, чтобы узнать о твоем замысле, произнес барон. — Но разве мы можем что-то от него скрыть? Едва ты бзднешь, как он уже об этом знает.

— Тогда мы заставим его наложить в свои штаны, — с усмешкой ответил Бертон, — образно выражаясь.

По общему согласию, каждый из восьми землян поочередно устраивал у себя прием гостей. Этим вечером ужин проходил у Алисы, и она встречала их в зеленом вечернем платье с глубоким декольте по моде 1890 года. Впрочем, Бертон сомневался, что она надела и те бесчисленные нижние юбки, которые дамы носили во времена ее земной молодости. Алиса уже привыкла к удобным одеждам речной долины — к широкому полотенцу, которое служило короткой юбкой, и легкому тонкому покрывалу, заменявшему бюстгальтер. Ее платье украшали драгоценности, воспроизведенные конвертером. В ушах поблескивали золотые серьги с жемчужными подвесками, а на руке виднелось золотое кольцо с большим изумрудом. Наряд завершали шелковые чулки, доходившие, вероятно, до колен, и элегантные зеленые туфли на высоких каблуках.

— Ты прекрасно выглядишь, — сказал он, склоняя голову и целуя ее руку. Конец девятнадцатого века, верно? Год моей смерти. Может быть, ты так тактично пытаешься намекнуть, что решила отметить это событие?

— Поверь, я не имела в виду ничего подобного, — ответила она. — И давай обойдемся сегодня без колкостей?

— Колкостей? — вклинился в разговор Фрайгейт. — Это слово вошло в обиход в 1934 году. Год твоей смерти, не так ли, Алиса?

— Слава Богу, первой и последней, — ответила она. — Но неужели нам обязательно говорить о таких вещах?

Фрайгейт склонился и поцеловал ее вытянутую руку.

— Мне ли спорить с тобой, Алиса? Скажи слово, и я отдам за тебя жизнь.

Нет, лучше ничего не говори. Я и так весь в твоей власти.

— Ты сегодня очень галантен, — сказала она. — И очень настойчив.

— Вот настойчивости ему как раз и не хватает, — фыркнув, ответил Бертон. Кроме тех случаев, когда он пьян. Голландская отвага.

— In bourbono veritas <Истина в бурбоне (пародия на латынь).>, — ответил американец. — Но ты ошибаешься, Дик. Я робок даже во хмелю. Не так ли, Алиса?

— Наша милая хозяйка — это замок на высоком холме, пошутил Бертон. Вернее, мощная крепость, окруженная широким рвом. Поэтому не пытайся ее минировать.

Бери штурмом!

Американец покраснел. Алиса, все еще улыбаясь, сказала:

— Прошу тебя, Дик. Не будь таким гадким.

— Хорошо, обещаю вести себя прилично, — ответил Бертон.

Холодно кивнув, он направился к столу.

— О Боже! Кто это?..

Стол накрывали два человека в ливреях слуг — хотя нет, два андроида. У одного из них было лицо Гладстона, у другого — Дизраэли.

— Дорогие гости! — сказала Алиса. — Сегодня вас будут обслуживать два премьер-министра Великобритании!

Бертон резко развернулся на каблуках. Его лицо пылало от возмущения; брови сердито нахмурились.

— Алиса! Мы ведь говорили об этой опасности! Снарк мог запрограммировать их на нападение!

Она спокойно встретила его вспышку гнева.

— Да, мы говорили об этом. Но ты сам сказал, что Снарк может добраться до нас тысячью и одним способом. Если бы незнакомец хотел нашей смерти, мы бы давно уже были мертвы. Однако он не сделал нам еще ничего плохого. Я считаю, что в такой ситуации два андроида не изменят положения.

— Совершенно верно! — громко прокричал китаец. — Браво, Алиса! Прими мои поздравления! Это воистину решительный шаг! Я и сам имел кое-какие планы насчет андроидов. И осуществлю их сегодня вечером! О, что это будет за ночь!

Ты больше не будешь мучиться, Ли По!

В глубине души Бертон признавал правоту Алисы. Однако она не имела права поступать так без предварительного и общего одобрения всей восьмерки.

По крайней мере, она могла бы посоветоваться с ним.

Возможно, если бы лидером группы был не он, а кто-то другой, Алиса так бы и поступила. Бертону казалось, что она использовала каждую возможность, чтобы навредить ему и бросить вызов. За тихими и мягкими манерами скрывалась сильная и упрямая натура.

В комнату вошли де Марбо и Бен. Судя по их потным и покрасневшим лицам, они либо только что покинули постель, либо оборвали бурную ссору. При втором варианте им довольно хорошо удавалось скрывать свои чувства. Оба шутили, пощипывали друг друга и непринужденно улыбались.

Поприветствовав их, Бертон отошел к столу, на

котором вокруг чаши со льдом стояли бутылки и бокалы. Он отмахнулся от андроида с лицом Гладстона, когда тот приблизился к нему и предложил приготовить какой-нибудь напиток.

Следовало признать, что, воссоздавая по памяти черты премьер-министра, Алиса сделала очень хорошую работу. И она могла это сделать, поскольку министр часто обедал в доме ее родителей. Впрочем, Алиса, скорее всего, поступила по-другому. Она могла отыскать фотографию Гладстона в файлах компьютера, после чего конвертер, получив исходные данные, за несколько секунд воспроизвел бы это живое, но безмозглое существо.

— О Господи! — прошептал Бертон. — Она скопировала даже голос.

Попробовав виски, он нашел напиток просто великолепным. Как видно, для образца использовался лучший продукт, когда-либо созданный на Земле.

Бертон подошел к Нуру. Маленький иберийский мавр налил себе бокал светло-желтого вина, который, возможно, мог стать первым и последним за этот вечер. Заметив взгляд англичанина, Нур с улыбкой сказал:

— Пророк позволял любые алкогольные напит-

ки, кроме финикового вина.

Позже его ретивые и усердные ученики распространили этот запрет на все спиртное. Лично я не вижу для себя вреда в крепленых напитках и не желаю подчиняться предписаниям упрямых фундаменталистов. Мне нравится китайское вино. Кроме того, будь я даже горьким пьяницей, Аллах не наказал бы меня так, как мне уже удалось наказать самого себя. Что же касается Магомета, то где он теперь?

Они заговорили о Мекке, и в этот момент андроид, похожий на Дизраэли, объявил, что ужин подан. Поскольку утром каждый гость заказал Алисе свои любимые яства, меню уже находилось в памяти компьютера. За долю секунды большой конвертер выполнил заказ, и расторопные слуги расставили на столе аппетитные блюда. Перед Бертоном появился овощной салат, осетрина по-московски и два пирога с ревенем. Напитки и вина подавались по мере надобности.

Чуть позже Бертон, Бен, Фрайгейт и Ли По закурили кубинские сигары. Нур довольствовался тонкой ароматной сигаретой. Англичанин подошел к французу, но тот, замахав руками, отступил назад.

— Избавь мои драгоценные легкие от этой от-

вратительной отравы!вскричал барон.

— Вдыхая ее, человек умирает счастливым, — с усмешкой ответил Бертон. Однако, как ты недавно говорил, non disputandum de gustibus. Как себя чувствует Афра? Ты сказал ей, что она может принять участие в предстоящей вылазке?

— Да, сказал, — ответил де Марбо. — К сожалению, все ее вопросы остались без ответов, так как я и сам не знаю, что это будет за вылазка.

Бертон передал ему записку. Француз прочитал ее и с удивлением взглянул на своего собеседника:

— Что?..

Он замолчал, затем поднялся на цыпочки, и его губы коснулись уха Бертона, который в свою очередь пригнулся к нему.

— Как я и говорил, мы готовы. Но… не мог бы ты намекнуть мне, что у тебя на уме?

— Лучше этого не делать.

— О-о! Как интригующе! — воскликнул де Марбо. — Возможно, твой план превзойдет все мои ожидания. Опасность, романтика и военная хитрость; открытая атака или внезапное окружение; угроза плена, неопределенность и сложная задача, требующая отваги, выдержки и стальных нервов.

— Можешь не волноваться, — ответил Бертон. — Как раз все это нас и ожидает.

Глава 8

Примерно около часу ночи Бертон припарковал свое кресло у апартаментов де Марбо и Бен. Как они и договаривались, барон оставил дверь открытой.

Бертон вошел в большую гостиную, в которой тут же вспыхнул свет, и, миновав небольшой коридор, постучал в дверь спальни. Оттуда раздался сиплый голос француза:

— Quelle? <Кто там? (фр.)>

— C`est moi, naturellement <Конечно же, я. (фр.)>, — ответил Бертон.

Через минуту, сонно потирая глаза, англичанка и француз вышли из спальни.

— Ты будешь должен мне шесть часов сна, — сказал де Марбо. Кстати, у тебя есть чем оплатить этот долг?

— Конечно, есть, дорогой барон. Шестью часами, потерянными мной. Но поскольку ты сам напросился на дело, я тебе ничего не должен.

Де Марбо успел надеть кильт, но на Афре были только кружевные трусики и бюстгальтер.

— Эй, моя капусточка! Ты собираешься идти в бой в этом наряде?

— А что? — задорно ответила она. — Для полуночных встреч это самая подходящая амуниция.

Француз засмеялся, обнял ее и поцеловал в щеку.

— Ах, моя дикая английская розочка! Ты всегда такая неожиданная и восхитительная!

Однако она ввела его в заблуждение. Афра вернулась в спальню и вскоре вышла оттуда в короткой юбке, тонкой блузке и высоких ботинках. К тому времени Бертон вытащил из конвертера три большие кружки бразильского кофе.

Глотая горячий напиток, он туманно и кратко намекнул своим друзьям на то, что им предстояло сделать.

— Сказать по правде, я ничего не понял, — признался де Марбо. — Но это хорошо, потому что тогда тебя не понял и наш враг — если он только наблюдает за нами. В каком-то смысле мы похожи на кота с колокольчиком на шее.

— Поэтому, прежде чем охотиться на Снарка, мы должны лишить его глаз и ушей, — ответил Бертон.

Он улыбнулся, увидев, как взметнулись вверх брови де Марбо.

— Ага! — взревел француз. — Мои предчувствия сбываются! О Господи! Я трепещу от возбужде-

ния.

— Сначала нам придется потрудиться, — предупредил его Бертон. — И прежде чем мы закончим эту работу, вы оба будете валиться с ног от усталости.

— Только не я! В былые дни меня называли «человеком из железа»! Что касается Афры, то она крепка, как платина, и в два раза дороже кучи бриллиантов ее веса.

— Между прочим, этот вес становится все больше и больше, проворчала она, похлопав себя по бедрам.

Бертон сделал нетерпеливый жест, и влюбленная пара последовала за ним в коридор. По пути они на всякий случай прихватили два лучемета и ножи. Когда Бен и де Марбо устроились в своих креслах, Бертон махнул рукой, и их маленький отряд влетел в вертикальную шахту. Через несколько минут они уже мчались по коридорам этажа, который находился на одном уровне с поверхностью моря.

Вскоре Бертон остановил кресло, и де Марбо, подлетев к нему, прошептал:

— Мы почти рядом с потайной комнатой Логи. Куда теперь?

Бертон кивнул и указал на дверь ближайшего

помещения — той самой лаборатории, которую они посещали днем. Афра осмотрелась и тихо сказала:

— Наверное, он сейчас удивляется, зачем мы сюда прилетели. Между прочим, я задаю себе тот же вопрос.

— Ричард — наш генерал, — ответил де Марбо, — и поэтому он не считает нужным объяснять нам, простым солдатам, свои мудрые планы. Это старая традиция настоящих полководцев.

Бертон игнорировал их ироничные замечания. Подойдя к большому конвертеру, он заказал три стремянки, пятьсот распылителей с черной краской, дюжину мощных ламп и небольшой генератор воздуха, работающий на атомной батарее.

— Mon Dieu! — воскликнул де Марбо. — Он решил превратить нас в маляров!

Что же тогда ожидать от него дальше?

Вытащив из раздаточной камеры первую партию деталей, Бертон закрыл дверь конвертера, подождал несколько секунд и, повторив процедуру разгрузки, вывалил на пол остатки заказанного снаряжения. Покончив с этим, он велел своим помощникам приступить к приему распылителей, а сам начал собирать стремянки.

Барон приподнял брови и взглянул на Афру, словно спрашивая: «Что дальше?» Она пожала плечами и принялась за работу. Де Марбо последовал ее примеру. Чуть позже, пропотев до последней нитки, он вытащил очередную партию баллончиков и устало сказал:

— Эй, моя капусточка! Неужели мы должны оплачивать своим потом ту божественную еду и изысканные вина, которые нам посчастливилось отведать вечером?

— Да, — переведя дыхание, ответила она. — Ты заплатишь нам за все!

Афра выпрямилась и внимательно осмотрела стену.

— Снарк, как Бог, следит за каждым нашим шагом, — сказала она. — Ему известно все, что мы тут делаем. И я лишь надеюсь, что, подобно Всевышнему, он будет безразличен к нашим забавам.

— В отличие от Бога, Снарк иногда должен спать, — возразил Бертон. Кроме того, он, как и все мы, ограничен своим телом. Его разум может быть великим, но это разум смертного, имеющий пределы.

— А возможно, его, как и Бога, просто не существует, — добавил де Марбо.

— Вполне вероятно, — ответил Бертон. — Вот! Твоя стремянка готова.

— Почему ты не привлек к этой работе андроидов? — спросил француз. — Они красили бы стены, а мы наблюдали бы за ними, сидя в креслах, как и подобает хозяевам, за которых потеют рабы.

— Мне не хотелось рисковать, — ответил Бертон. — Ладно, приступим к делу.

Начинайте покраску с этого угла и следуйте к дальнему концу стены.

Он велел компьютеру определить, какое количество распылителей понадобится им для окраски всего помещения. Заказав в конвертере две тачки, Бертон нагрузил одну из них баллончиками с краской и оставил ее около стремянок, с которых де Марбо и его леди красили потолок. Обеспечив коллег необходимым снаряжением, он запросил у компьютера двенадцать канистр с быстро твердеющим цементным раствором. Получив их в камере конвертера, Бертон перенес канистры в коридор, вернулся к пульту и сделал заказ на партию кирпичей, количество которых он подсчитал заранее.

Де Марбо, наблюдая за ним, покачал головой.

— Он обещал кровавую схватку, но я уже ему

почему-то не верю.

Прежде чем браться за дело, Бертон решил открыть дверь в комнату Логи, хотя будь она даже трижды закрытой, он все равно закончил бы первую часть своего проекта. Постучав по стене, англичанин громко сказал: «Ах-К, ак!», и круг двери бесшумно вкатился в паз стены. Бертон полагал, что Снарк вмешается в ход операции, и поэтому, для большей уверенности, оставил кресло в отверстии. Теперь, если бы даже незнакомец захотел закупорить этот вход навсегда, дверь осталась бы открытой.

На старой и доброй Земле Бертону доводилось заниматься многими делами.

Однако кладка кирпичей в их число не входила. Тем не менее он часто наблюдал за арабскими рабочими, которые возводили кирпичные стены. В принципе, ничего сложного в этом не было. Выбрав место в нескольких футах от двери в комнату Логи, Бертон начал укладывать поперек коридора первый ряд. Раствор накрепко соединял кирпичи друг с другом. И к тому времени, когда он положил последний верхний ряд, построенная им стена превратилась в сплошной монолит.

Сделав лишь два небольших перерыва, чтобы попить воды, Бертон замуровал коридор в этом

месте снизу доверху и от стены до стены. Затем он подкатил тачку с кирпичами ко входу в лабораторию и принялся за возведение следующей перегородки.

Афра вышла в коридор и доложила, что они с бароном завершили окраску стен. С ее лица стекал пот, и одежду покрывали мокрые пятна. Бертон последовал за ней в комнату.

— Сейчас проверим, что вы тут сделали, — сказал он, осматриваясь вокруг. Мы должны быть абсолютно уверены, что каждый квадратный дюйм стен покрыт краской. Хорошо, теперь разберитесь с потолком и полом, а когда все закончите, сообщите мне.

Издав шутливый стон, француз передвинул стремянку в угол и вскарабкался на нее. Бертон вернулся к кирпичной кладке. Работа шла споро, он укладывал ряд за рядом, и вскоре возведенная им стена перекрыла эту часть коридора. К тому времени, когда он клал последний кирпич, к нему подошел де Марбо.

— Все сделано, босс. Мы залили краской и пол, и стены, и потолок.

Видеокамеры незнакомца обезврежены. Снарк может глазеть на пустые экраны, сколько хочет. Отныне твои замыслы будут загадкой не только

для меня, но и для него тоже.

Бертон вошел в лабораторию.

— Теперь надо покрасить окна на дверях конвертеров. Передвиньте всю мебель, которая двигается, и покройте краской те места, где она стояла.

— Под ними тоже? — спросил француз, указывая на два передвижных конвертера.

— Да.

— А как мы их столкнем с места? Возможно, я и похож на Самсона из Газы, но у меня нет его силы.

— Воспользуйтесь летающими креслами, — подсказал Бертон.

Барон хлопнул себя ладонью по лбу.

— О Господи! Какой же я тупой! Но это все от того, что я не привык к лакейской работе! Она иссушила мой разум до последней капли!

— Не печалься, — сказал Бертон. — Я уверен, что эта мысль пришла бы тебе в голову.

— Ты прав! Это не ратный труд, — ответил француз, словно его слова объясняли что-то.

Афра вышла в коридор вместе с Бертоном и осмотрела построенные стены.

— А как мы отсюда улетим?

— Кирпичики обычные. Сделаны из глины.

Бен взглянула на него и указала пальцем на лучемет. Бертон кивнул.

— После того как мы поймаем Снарка?

— Вряд ли.

Он посмотрел на часы.

— Нам еще многое надо сделать.

Афра вздохнула и покачала головой.

— Интересно, что же ты все-таки задумал?

— Ты все увидишь сама. Со временем.

Он установил стремянку, поднялся по ней к потолку и начал закрашивать верхний угол кирпичной стены. Закончив с этим делом, Бертон покрыл краской пол и стены коридора, а затем заглянул в дверь лаборатории. К тому времени Бен и де Марбо отсоединили силовые кабели от двух передвижных конвертеров, сдвинули шкафы и закрасили пустые места на полу. Прислонившись спинами к стене, его помощники сидели рядом с кучей пустых баллончиков и пили воду.

Афра курила сигару.

— Когда отдохнете, помогите мне докрасить коридор, — попросил Бертон.

Де Марбо тут же поднялся на ноги. Увидев работу англичанина, он замер на месте, и его глаза расширились.

— Клянусь голубой кровью великих королей!

Ты покрасил даже кирпичную стену!

— Да. Кирпичи сделаны из простой глины — я специально проверил это в самом начале. Но Снарк мог вставить в некоторые из них свою аппаратуру наблюдения. Поэтому я хочу увериться, что он нас больше не увидит.

— Просто невероятно! — сказал де Марбо.

— Мы не можем рисковать.

— Ох, уж эти хитроумные британцы! Не удивительно, что мы проиграли вам войну.

Слова де Марбо следовало расценивать как комплимент. На самом деле он был искренне убежден, что к крушению империи привели ошибки и предательство корсиканских маршалов, которые окружали Наполеона. Если бы французскими войсками командовали честные и умные полководцы, империя никогда не знала бы поражений. То же самое, наверное, говорили и солдаты всех других армий, но, слушая доводы де Марбо, Бертон обычно старался не упоминать об этом.

К пяти часам утра они покрасили коридор и комнату Логи. К тому времени прекратилась подача света и воздуха, которые прежде исходили из стен и крошечных вентиляционных отверстий. Бертон предусмотрел такой вариант, заранее

заказав мощные лампы и генератор воздуха.

— Voila! C`est fini! <Вот и все кончено! (фр.)> — воскликнул француз.

— Не совсем, — ответил Бертон. — Теперь нам надо передвинуть один из конвертеров в потайную комнату.

Они сделали это с помощью летающего кресла. Бертон, стоя рядом, управлял рычагами, а барон и Афра корректировали направление. Через десять минут вершина и бока конвертера со скрипом прошли сквозь круглое отверстие — в чем Бертон и не сомневался, поскольку днем он предусмотрительно сравнил размеры шкафа и двери. Установив конвертер в потайной комнате, они подсоединили к его к силовому кабелю.

— Дик, ты закрасил звуковые датчики, которые распознавали пароль на вход, — сказала Афра. — Что если нам еще раз понадобится сюда войти? Или ты решил оставить эту дверь открытой?

— В случае необходимости краску можно легко соскрести, ответил Бертон.

Осмотрев стены, француз удовлетворенно потер ладони.

— Мы вывели из строя все линзы и микрофоны. Снарк больше не видит и не слышит нас. Может быть, теперь ты скажешь нам, что собираешься

делать дальше?

Свет ламп отбрасывал на их лица густые тени, и те выглядели странными и застывшими, как маски. Маски утомленных, но решительных людей. Голубые глаза де Марбо и Бен, казалось, сияли своим собственным светом. Их воля не знала усталости.

— Силовой кабель конвертера подведен к основной сети питания, — объяснял им Бертон. — Так как он не указан на схемах башни, любая мощность, потребляемая через него, не будет регистрироваться компьютером. Во всяком случае, пока Снарк не изменит программу. Таким образом, мы можем делать тут все, что угодно, а незнакомец ничего не будет знать. Но ведь он ожидает от нас какого-то подвоха. Возможно, он уже сейчас грызет ногти и гадает, чем мы тут занимаемся. В конце концов Снарк захочет взглянуть на все своими глазами. Он не выдержит и придет сюда.

— Не думаю, — возразила Афра. — Он может послать к нам андроидов.

— Не забывай, что человек любопытен, как обезьяна. Снарк сам захочет оценить серьезность наших намерений.

— Хм-м… Вполне возможно.

— Почему ты ничего не рассказал об этом остальным? — спросил де Марбо.

— Лишние слова часто мешают делу.

Француз взглянул на часы.

— Через два с половиной часа наши друзья встретятся за завтраком. В отличие от нас ты всегда участвовал в таких мероприятиях. Что если они начнут тебя искать?

— Наши коллеги ворвутся в мое жилье, перевернут там все вверх дном и наконец поймут, что я куда-то исчез. Потом обнаружится и ваше исчезновение.

— Они подумают, что нас схватил Снарк! — воскликнула Афра. Я представляю себе их чувства!

— Ничего страшного, — ответил Бертон. — Это вытряхнет их из летаргической дремоты. По крайней мере, они не будут скучать.

— Довольно грубо с нашей стороны, — заметила Афра.

— И они начнут нас разыскивать, — произнес де Марбо.

— Да, найти нас будет непросто, — ответил Бертон. — Учитывая, что им придется осмотреть 35793 комнат…

— Но они могут использовать компьютер, — прервал его барон. Машина просканирует все

помещения и, обнаружив затемненный участок, сообщит им…Он замолчал, потер подбородок и с улыбкой закивал. — Теперь я все понял! Снарк не позволит этой информации попасть на экраны наших друзей.

— Если они воспользуются компьютером, ему придется как-то дезориентировать их, — согласился Бертон. — Во всяком случае я надеюсь, что они отвлекут его внимание на какое-то время.

— Да, но наши друзья сделали бы то же самое, попроси мы их об этом, сказала Афра. — И они не волновались бы так о нас.

— Их тревога и недоумение пойдут нам только на пользу. Ложь легко определить, и они вряд ли ввели бы Снарка в заблуждение. Я уже не говорю о том, что он может пропустить их голоса через детектор эмоций и просканировать ватаны. Такая техника позволит ему уловить каждое неискреннее слово.

— Он прямо как Бог на Страшном суде, — проворчала Афра.

— Зря ты так думаешь, — отозвался Бертон. — Снарк — не бог. И вы еще увидите, какой мы нанесем ему урон.

— Черт возьми! — вскричал де Марбо. — А что если он не придет? Что если мы просидим здесь

целый день, как крысы, попавшие в ловушку?

— Когда в твою ловушку попадает крыса, ты ее можешь видеть. А Снарк нас больше не видит и не слышит.

Они устроились у стены в самом темном углу. Теперь им оставалось только ждать, во всем полагаясь на свое терпение. В апартаментах Логи имелся туалет и еще один находился в лаборатории. Предусмотрительный Бертон подключил конвертер к небольшому автономному компьютеру, поэтому они могли заказывать себе не только пищу, но и любые другие вещи.

Наступило семь часов. Их беседы стали редкими и немногословными. Свет ламп, глубокие тени и ожидание все больше и больше действовали на нервы. В семь тридцать Бертон предложил своим спутникам позавтракать и выспаться на большой постели, пока он будет охранять их покой.

В восемь часов Бен и де Марбо согласились на его уговоры. Они заказали себе легкий завтрак и, поев, отправились спать. Перед уходом француз принес Бертону поднос с едой и тихо сказал:

— Если хочешь, я останусь с тобой. В хорошей компании и время летит быстрее.

— Не беспокойся обо мне, — ответил Бертон. — Вряд ли Снарк предпримет что-нибудь в

ближайшие два-три часа.

— Ты слишком самоуверен. Незнакомец может придерживаться другого мнения.

— Ладно, будем надеяться на лучшее.

Англичанин занял позицию у входной двери. Чтобы отогнать сон, он шагал взад и вперед вдоль стены, размышляя над планом операции. Бертон не знал, что могло произойти, и, наверное, это было его преимуществом. Тем не менее, он готовил себя к любой неожиданности.

Возможно, он действовал глупо и недальновидно, но ему нравились поступки, а не сытое бездействие. В уме роились верткие вопросы, на которые Бертон пытался найти один ответ. Что бы он делал на месте незнакомца?

Неужели оставил бы трех своих врагов без наблюдения? А как же его человеческое любопытство? Любопытство и страх? Разве он не гадал бы об их замыслах? Разве не запрашивал бы у компьютера список всего того, чем они могли навредить ему? Вернее, ему и башне?

Впрочем, нет. Снарк не стал бы запрашивать компьютер. Любая машина, даже самая умная, не имела творческого воображения. Информация на выходе никогда не превышала данных на входе. И на самом деле компьютер башни был глупее и

слабее людей. Не всех, конечно, но многих.

"Ты слишком циничен, — сказал себе Бертон. — Но разве это не так? Разве миллионы и миллиарды людей не являются копией протеиновых роботов? Они отличаются от них только тем, что могут чувствовать печаль, разочарование и горе, любовь, веселье и радость, амбиции, гнев или жалость… Хотя на жалость и сочувствие способны немногие. Да и воображение есть не у всех.

Vive la difference!" <Фраза совершенно не к месту, поскольку в конце XIX века она являлась лозунгом, который провозглашал превосходство мужчин над женщинами. «Да здравствует разница!» (фр.)>.

Фрайгейт однажды сказал, что на звание людей могла претендовать лишь незначительная часть человечества. Желая остальным успеха, он не питал на их счет больших надежд. «И я первым согласен признать, что еще не дотягиваю до статуса человека».

Американец много говорил о принципах совершенства, но редко придерживался их сам. Нур тоже любил поболтать на такие темы и, надо признать, действительно следовал своей философии. А что он сам, Ричард Фрэнсис Бертон?

Попробовав заняться самоанализом, он усмехнулся и покачал головой.

Слишком огромными казались континенты и острова этой дикой Бертонии, населенной легионами дьяволов.

— Есть только одно великое путешествие, — говорил Фрайгейт, и оно является спуском в самого себя.

Он повторял мысль Генри Миллера, писателя из двадцатого века, который восхищал американских современников своим презрением к человеческим слабостям и недостаткам.

— Самая черная Африка, самый высокий Эверест и самая глубокая бездна Мирового океана находятся в нашем собственном уме. Так почему лишь немногие достигают этих высот и глубин?

— А почему рыбы, плавая в воде, не знают, что она мокрая?передразнил его Бертон.

Разговоры, разговоры, разговоры. Они ведут себя как болтливые попугаи.

Неужели язык — это оперение людей? И неужели кто-то может разрушить свои внутренние барьеры?

Внезапно раздался сильный грохот. Послышались треск и низкое гудение.

Бертон вскочил, быстро разворачиваясь в на-

правлении шума. Его сердце заколотилось в груди, заглушая остальные звуки.

Выглянув в темный коридор, он увидел две полоски света, которые пробивались из комнаты Логи и приоткрытой двери лаборатории. Впрочем, нет!

Еще один луч света исходил из большой дыры в кирпичной стене. Посмотрев в отверстие, он мельком разглядел огромный механизм, похожий на опрокинутый цилиндр с коническим носом. Его темная масса неслась прямо на стену.

Глава 9

Бертон отпрыгнул в комнату и высунул голову из двери, пытаясь рассмотреть предмет. Механическое чудовище за большой дырой быстро катилось на десяти колесах по освещенному коридору. Тем не менее, для тарана кирпичной стены этой скорости явно не хватало. Возможно, Снарк не знал, что Бертон пользовался чудо-раствором, о котором строители на старой Земле могли только мечтать.

Англичанин прицелился в пятно за острым носом машины. Алый луч, похожий на длинный посох, уперся в серую броню. За пять секунд лучемет мог пробить двенадцатидюймовую стальную пластину, однако на поверхности цилиндра не осталось ни малейшего следа. Бертон быстро отступил назад и прижался к стене. В проем двери ворвался фиолетовый луч. За ним последовала целая россыпь алых и зеленых световых полос, а потом машина проехала мимо двери.

Осмелившись выглянуть в коридор, Бертон увидел, что стволы по бокам цилиндра стреляли вслепую под разными углами, выжигая на окрашенных стенах и черном потолке большие

белые пятна.

Приблизившись ко второй кирпичной стене, машина остановилась и медленно двинулась назад. Залпы лучей из боковых орудий полыхали с интервалом в несколько секунд. Угол атаки постоянно менялся. Краска на стенах надувалась пузырями, лопалась и выгорала.

Бертон снова отступил под прикрытие стены. Луч скользнул в дверной проем и выжег белое пятно на потолке. За ним последовал сноп разноцветных лучей, которые под разными углами разрушали окраску перекрытий.

— Дик, как ты там? — прокричал де Марбо.

— Со мной все в порядке! — ответил Бертон. — Не подставляйся под огонь!

— Я не так глуп! — отозвался француз.

Однако он совершил невероятную глупость — по крайней мере, с точки зрения англичанина. Выбежав в коридор, де Марбо бросился к машине. Бертон велел ему вернуться, но барон без колебаний запрыгнул на заднюю часть самоходного устройства и ухватился за выступ на вершине цилиндра. Бертон со страхом ожидал очередного залпа. К счастью или, возможно, по приказу Снарка, стрельба прекратилась в тот момент, когда француз выбежал из двери. Позже Бертон пришел

к выводу, что луч, выпущенный в него в самом начале, был только мерой устрашения, чтобы он не приближался и не преследовал машину.

По-прежнему отъезжая назад, машина миновала дверной проем в потайную комнату Логи. Де Марбо, цепляясь одной рукой за выступ, послал англичанину воздушный поцелуй.

— Прыгай вниз! — закричал Бертон. — Ты ничего с ней не сделаешь! Прыгай, пока она тебя не убила!

— Куда она, туда и я! — прокричал в ответ барон.

Однако уже через миг его браваде пришел конец. Машина резко остановилась. Ее колеса завизжали на мраморном полу, и она помчалась вперед.

Носовое орудие выпустило мощный луч. Фиолетовое копье вонзилось в кирпичную кладку и, пробив в ней большую дыру, расширилось и превратилось в конус.

Стена потрескалась и местами оплавилась. В ней возникло широкое отверстие, в которое могла пройти машина.

Де Марбо попытался спрыгнуть на пол, но сила инерции швырнула его на стену. Он с криком ударился о кирпичи и упал на мелкое крошево

осколков.

— Сумасшедший лягушатник! — проворчал Бертон.

Машина скрылась за дальним поворотом. Как оказалось, она состояла из гибких сочленений, которые позволяли ей поворачивать в стороны почти под прямым углом.

Де Марбо приподнялся и сел, держась руками за голову. Бертон и Афра поспешили к нему на помощь.

— Ты ранен?

Француз поморщился от боли и печально улыбнулся.

— Ранена только моя гордость. О Боже! Я испугался! Мне показалось, что я даже кричал от страха!

Бертон помог ему подняться на ноги.

— Ерунда! — шутил де Марбо. — Всего лишь несколько синяков и шишек. Знали бы вы, сколько раз мне доводилось падать с лошади, сражаясь за нашего славного императора. Хотя надо признать, я еще никогда не вылетал из седла так быстро!

Афра обвила его шею руками и нежно зашептала:

— Упрямый сукин сын! Я перепугалась за тебя

до смерти!

— О, нет! Ты такая мягкая и тепленькая, что я не могу назвать тебя трупом, — ответил он, прижимаясь к ней. — Только не дави на руку! Прости, что я не в силах обнять тебя, моя капусточка, хотя кому как не тебе знать мою огромную любовь и всеми признанную силу!

Она выскользнула из его объятий и кончиком пальца смахнула слезу.

— Ты опять называешь меня капустой, черт бы тебя побрал? Запомни, я не овощ, а женщина! Женщина, которая сердита на тебя и твой идиотский героизм!

— О-о! У розы появились шипы! Но ты простишь меня, не так ли?

Бертон осмотрел коридор, а затем повернулся к французу.

— Зачем ты запрыгнул на эту машину? — спросил он. — Я так и не понял смысла твоего поступка.

— Мне захотелось прокатиться на ней до берлоги нашего друга, чтобы познакомиться с ним и предложить ему сдаться в плен. Однако в пылу азарта я не заметил, что эта стальная гусеница сделала дыру в стене только для себя.

Для меня там места уже не хватало.

— Тебе повезло, что твои мозги не размазались по кирпичам, сердито сказал Бертон.

Он разделял гнев Афры, но его восхищала отвага француза.

— Зрелище было великолепным, но такой опытный солдат, как ты, мог бы вести себя немного поосмотрительнее.

— Вам обоим просто завидно — вот вы и ругаетесь. И ты, Дик, поступил бы точно так же, если бы додумался до этого.

— Возможно, ты прав, — с улыбкой ответил Бертон.

Указав на пятна обгоревшей краски, он многозначительно поднял брови.

— Снарк снова нас видит и слышит.

— Вот же черт! — воскликнула Афра. — Он еще раз показал, насколько мы слабы и беспомощны по сравнению с ним. Нам даже не удалось от него спрятаться!

— Да, но мы заставили Снарка действовать, — возразил Бертон. Он испугался и послал сюда управляемого робота, чтобы выяснить наши планы. А если он боится нас, то, значит, уважает.

— И ради этого я, как раб, красил стены? — возмутился де Марбо. Выходит, мои старания оказались напрасными?

— Твоя скачка выглядела потрясающе.

Француз самодовольно усмехнулся.

— Да. В общем-то, она заслуживает того!

Между тем Бертон не считал исход операции успешным. С помощью видеокамер, установленных на машине, Снарк мог увидеть открытую дверь в секретное убежище Логи.

— Что мы будем делать дальше? — спросила Афра. — Тихо разойдемся по своим комнатам, как плохие дети после порки?

Бертон не успел ничего ответить, так как справа от них послышался шум.

На пересечении коридоров появилось летающее кресло, оборудованное странным куполом из прозрачного пластика. Внутри него виднелась фигура мужчины, который сидел на корточках в смешной и нелепой позе. Он помахал рукой и что-то прокричал.

— Кто это? — спросил де Марбо.

— Фрайгейт, — ответила Афра, узнавшая американца по голосу.

Кресло подлетело к ним и опустилось на пол. Фрайгейт выбрался из своей крошечной кабины. Осмотревшись по сторонам, он удивленно присвистнул и спросил:

— Что тут у вас происходило?

Бертон вкратце объяснил ему суть дела. В свою очередь американец рассказал де Марбо и Бен, почему и с какой целью он соорудил на кресле защитный купол.

— Дик попросил меня прилететь сюда к восьми часам утра. А это хитроумное приспособление не позволяет инфракрасным датчикам улавливать тепло моего тела. Пока я нахожусь под куполом, компьютер не знает, где меня искать.

Француз укоризненно посмотрел на Бертона.

— Ты же говорил, что в деле участвуем только мы…

— Правда не всегда бывает полезной, — ответил Бертон. — Я решил привлечь еще двух помощников, но на всякий случай сохранил это в тайне. Мне не хотелось, чтобы вы с Афрой сболтнули что-то, обсуждая наши дела.

— Двух помощников? — спросил де Марбо. — А где второй?

— Согласно моему плану, Нур обследует коридоры с другой стороны, ответил Бертон, махнув рукой в том направлении, куда уехала машина.

— И какой в этом толк? — спросил француз. — Думаешь, ему удастся проследить путь машины до логова Снарка?

— Поживем — увидим.

Бертон повернулся к Фрайгейту:

— Раз уж ты ни о чем не докладываешь, сказать тебе, видимо, нечего.

— Я не заметил ничего подозрительного.

— Здесь целый лабиринт коридоров, и машина могла уехать в любом направлении. Давайте дождемся Нура.

— Если только его не поймает Снарк, — добавил Фрайгейт.

— Ах, как оптимистично! — заметила Афра.

— Пойми, мне только хочется учесть любую возможность, — начал оправдываться американец. — Разве я виноват, что плохих вариантов намного больше, чем хороших.

— На самом деле это не так. Просто ты привык замечать лишь темные стороны жизни.

Бертон взглянул на часы. Прошло уже пять минут с тех пор, как машина проломила стены и исчезла за поворотом. Он решил подождать еще полчаса, а затем вернуться на свой этаж, независимо от того, появится Нур или нет.

Бертон сомневался, что Ли По, Алиса и Терпин отправились их искать. Скорее всего, ожидая остальных, они заняли оборону в каком-нибудь небольшом помещении.

Из-за кирпичной стены раздался голос мавра:

— Не стреляйте! Это я! У меня для вас хорошие новости.

— Все в порядке, Нур. Можешь идти, — ответил Бертон.

Мавр прошел в широкое отверстие, на ходу снимая с себя колпак, перчатки и куртку, сделанные из пластика.

— Жарко!

Бертон заглянул в оплавленную дыру. Кресло Нура, оборудованное защитным куполом, стояло по другую сторону у стены. Судя по широкой улыбке мавра, он действительно принес хорошие вести.

— Я настиг Снарка у двери в потайную комнату. Мое кресло вылетело из темной части коридора, и мы увидели друг друга почти одновременно. Я приказал ей сдаться, но несмотря на мое предупреждение, она вытащила лучемет из кобуры. Мне пришлось нажать на курок, и луч попал ей в горло.

— Снарк оказался женщиной? — воскликнул удивленный Бертон.

— И довольно симпатичной, — ответил мавр. — Как вы знаете, незнакомцы бывают двух полов, но мы почему-то считали ее мужчиной. Вернее, вы. Я-то знал, что надо рассматривать обе воз-

можности.

Нур предложил друзьям отправиться к месту событий, где он мог бы подробно объяснить им все, что там произошло. Они пролетели на своих креслах через пролом в стене, свернули направо и остановились в сотне футов от следующего пересечения коридоров. Незнакомка лежала на спине. Ее рот и глаза были открыты. На горле виднелась узкая сквозная рана с запекшимися краями.

Наряд женщины состоял из алой блузы, голубых шаровар и желтых сандалий.

Рядом с небольшим худощавым телом на полу лежал лучемет.

— Она относится к расе монголоидов, — сказал Нур дрожащим голосом, который выдавал его волнение. — Я не знаю, китаянка она или японка, вьетнамка или монголка, но вряд ли это имеет какое-то значение. Впрочем, ее национальность может определить Ли По.

Перед ними находился круглый дверной проем, запорная пластина которого скрывалась в пазу стены. Сквозь широкое отверстие просматривался зал, а дальше начинались комнаты, где незнакомка скрывалась от них, оставаясь прекрасно информированной обо всех пере-

движениях восьми гостей Туманной башни. Настенные экраны показывали каждое из восьми жилищ. На самом большом экране Бертон увидел Алису, Тома Терпина и Ли По. Они играли в карты в гостиной музыканта и, судя по выражениям их лиц, не слишком тревожились об отсутствии пяти друзей. Очевидно, они понимали, что Бертон претворял в жизнь какой-то тайный план, но на всякий случай в целях безопасности оставались вместе. Позже он узнал, что не ошибся в своих предположениях.

Конечно, после окончания операции его ожидали их упреки и слова обиды.

Но у него теперь имелся веский аргумент — победа над незнакомкой.

Накануне вечером Питер Фрайгейт и Нурэддин эль-Музафир ушли в свои спальни. Они полагали, что Снарк тоже отправится спать, велев компьютеру будить его лишь в тех случаях, когда кто-то из землян покинет пределы жилищ.

По мнению Фрайгейта, компьютер мог использовать для этого только инфракрасные датчики. Во всяком случае они надеялись на то, что в коридоре не окажется видеокамер, направленных на двери их жилищ.

Под утро Пит и Нур заказали в конвертерах

защитные купола, а также пластиковые костюмы и накидки. В дневное время компьютер доложил бы об этом Снарку, но в такой час он просто занес информацию в память, чтобы его хозяин мог просмотреть составленное донесение за завтраком или за первой чашечкой кофе.

Одевшись в пластиковые костюмы, Нур и Пит покинули квартиры и установили на креслах защитные купола. Инфракрасные датчики на них не реагировали. Незнакомка упустила такую возможность и не предприняла мер против подобных трюков. В отличие от компьютера, она умела соображать, но по каким-то причинам не додумалась до этого.

— Нам просто повезло, и мы схватили удачу за хвост, подытожил Бертон. События могли принять и другой оборот. На самом деле наши шансы были не так велики.

— Значит, ты тоже считаешь это везение подозрительным?спросил Нур.

Бертон ожидал, что мавр разовьет свою мысль, но тот сказал:

— Когда я ее убил, хотя хотел только ранить… мне подумалось, что она могла настроить камеру воскрешения на автоматическое и немедленное воспроизводство. Идите сюда и взгляните на

это...

Они вошли вслед за мавром в одну из комнат. В дальнем углу помещения находился конвертер, а в нескольких футах от него на полу лежало еще одно тело той же самой женщины. Консоль конвертера со встроенным автономным компьютером была разрушена огнем лучемета.

— Убив ее в коридоре, я тут же вбежал сюда, но тело незнакомки уже сформировалось, — рассказывал Нур. — Она метнулась к столу и начала искать оружие в выдвижных ящиках. Я приказал ей остановиться, но женщина нацелила на меня лучемет. Мне снова пришлось ее убить, и тогда, чтобы воспрепятствовать третьему воскрешению, я разрушил компьютер конвертера. К сожалению, луч уничтожил и ее телесную матрицу.

Он подвел Бертона к обломкам аппаратуры и показал ему оплавленный конус. Внутри виднелся почерневший предмет размером с клюкву. Полчаса назад он содержал в себе всю необходимую информацию для дубликации тела на субмолекулярном уровне.

— Меня терзают горькие мысли о том, что я навсегда лишил незнакомку возможности воскреснуть. Но, вероятно, в памяти компьютера

есть копия ее телесной матрицы. Я даже уверен, что она там есть, но нам вряд ли удастся получить к ней доступ. По всей вероятности, женщина приказала машине не выдавать нам эту информацию.

— Мы проверим твою догадку, — сказал Бертон. — Хотя, наверное, ты прав.

— Но кто она? — спросил Фрайгейт. — И что она, черт возьми, здесь делала?

Лога говорил, что все этики и их агенты мертвы. Если это действительно так, то незнакомка относилась к какой-то третьей силе. Кем же она тогда могла быть?

— Одним из врагов Логи, — ответил Нур. — Иначе она не стала бы убивать его. С другой стороны, если незнакомка не имела ничего общего с этиками и агентами, зачем ей понадобилось совершать убийство? Возможно, она хотела завладеть башней и получить власть над всей планетой. Но почему в таком случае она решила расправиться и с нами?

— А что если Монат оказался более дальновидным, чем ожидал Лога? — медленно сказала Афра. — Что если он настроил аппаратуру с таким расчетом, чтобы незнакомка, его агент, воскресла после некоторых событий? Я имею в виду

убийство этиков. Хотя вряд ли он мог предвидеть события с подобной точностью.

Бертон велел компьютеру опознать мертвую женщину, и тот ответил, что информация о ней недоступна. Машина затруднялась сказать, на каком основании появился этот запрет. Бертон попытался обнаружить телесную матрицу незнакомки, но компьютер отказался выполнять его команду.

— Еще одна тайна, — со стоном сказал Фрайгейт.

Затребовав схему этажа, Бертон попросил указать на ней помещение, в котором находилась цилиндрическая машина, таранившая их стены. Как он и ожидал, на экране появилась надпись, что информация по данному вопросу недоступна.

— Я просмотрел рисунки всех роботов, которые содержатся в башне, сказал Бертон. — Вернее, рисунки их моделей. Той машины среди них не оказалось.

— Незнакомка могла создать ее в каком-то гигантском конвертере — причем, специально для разрушения стен.

Нур и Фрайгейт принесли из коридора труп женщины и положили его рядом с телом у шка-

фа. Со стороны казалось, что на полу лежат две женщины-близняшки.

— Может быть, расщепить их в конвертере? — спросил Нур.

— Только одну, — ответил Бертон. — На второй мы проведем компьютерный экспресс-анализ.

— Хочешь посмотреть, есть ли в ее мозгу черный шарик?

Бертон поморщился. Нур словно читал его мысли.

— Да.

Американец и мавр уложили одно тело в конвертер и ввели программу расщепления. Камеру заполнило белое сияние, и когда они взглянули в окно двери, шкаф уже был пуст. Не осталось даже пепла.

Второй труп положили на стол, над которым нависло большое куполообразное устройство. Не излучая никаких видимых выбросов энергии, оно отобразило на экране тестовую серию снимков с внутренними органами незнакомки. Через минуту Бертон нашел среди них то, что хотел. На снимке в зоне лба виднелась крошечная черная сфера, которую этики вживляли в мозг каждого из своих агентов. После произнесения особого пароля она впрыскивала яд в тело носителя, и тот

мгновенно умирал.

— Итак, незнакомка являлась… агентом.

— Однако мы все еще не знаем, как она здесь оказалась и с какой целью, сказал Фрайгейт.

— Пока нам это действительно неизвестно, — ответил Бертон. Но мы избавились от Снарка. Мы снова ни от кого не зависим!

Тем не менее, их свобода по-прежнему имела ограничения. Бертон потребовал изъять те команды, которые внесла в программу женщина, но компьютер ответил, что это невозможно.

— А когда ее указания потеряют свой приоритет?

Компьютер затруднился что-либо ответить.

— Мы загнаны в угол, — сказал Фрайгейт.

— Это лишь временная трудность, — успокоил его Бертон.

Хотя он и сам не верил в свои последние слова.

Глава 10

На той навсегда потерянной Земле, такой далекой во времени и пространстве, одно из лондонских издательств выпустило в 1880 году небольшую книгу с довольно странным названием: «Касиды Хаджи Абду аль-Язди, или изложение Высшего Закона». Перевод и предисловие принадлежали перу некоего Ф. Б. — друга и ученика великого восточного мастера. Позже выяснилось, что Ф. Б. являлись инициалами Фрэнка Бекера — литературного псевдонима капитана английской армии Ричарда Фрэнсиса Бертона. «Фрэнка» он взял из своего имени, а «Бекера» — от девичьей фамилии матери. При следующем переиздании книга вышла под его настоящим именем, но это случилось уже после смерти Бертона.

Поэма, написанная двустишиями, — как того требовала классическая арабская форма — предположительно являлась работой персидского суфия Хаджи Абду из города Язди. Титул «хаджи» мусульмане получали только после паломничества в Мекку, и поэтому Бертон, совершив рискованное путешествие в священный город,

тоже мог бы называть себя хаджи. Переводя и комментируя эту поэму, он насытил ее своими огромными знаниями и агностицизмом, мудростью и пессимизмом, бертоновскими взглядами на мир и боли мира. Выступая под именем Фрэнка Бекера, он снабдил поэму примечаниями и послесловием, в которых излил свою циничность и язвительность. Однако его шутки и смех получились печальными и безысходными.

Предисловие книги — это итог философии, сформированной за пятьдесят девять лет скитаний по той единственной планете, которую он тогда знал. Во всяком случае Бертон так думал в то время.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

На свой страх и риск переводчик назвал это произведение «Изложением Высшего Закона», имея в виду, что оно намного опередило свое время. Он не побоялся опасностей сравнения с такими неприятными словосочетаниями, как «высшая раса» или «высшая культура». Его оправданием может служить цитата из поэмы, где автор утверждает, что радости и беды людей равным образом рассеяны по миру.

(Фрайгейт выразил по этому поводу довольно обоснованные замечания. По его мнению, Бертон

ошибался, полагая, что радости и беды имели в жизни людей равную долю. Взять, к примеру, тех горемык, которые, шатаясь под бременем бед, почти не видели светлых дней, или тех немногих, кто не ведал нужды и поражений. Кроме того, Бертон не определил понятий, которыми оперировал, как будто каждый знал, что такое радости и беды. Но что он сам понимал под словом «счастье»? Свободу от боли и проблем? Или это более возвышенное качество? Что нужно человеку для счастья? И нужно ли оно ему на самом деле?).

Относясь с должным почтением к другим приложениям разума, автор считает саморазвитие личности единственным самодостаточным объектом человеческой жизни.

(-А как же дети? — спросила его Алиса. — Если тебе хочется, чтобы они жили гармонично и счастливо, ты должен научить их этому. Каждое поколение опирается на опыт своих предшественников, улучшая тем самым уровень жизни.

Да, ты прав. В истории такое случалось редко. Но, видимо, нельзя научить детей счастью, если сам его не имеешь. Впрочем, что я говорю тебе о детях.

Ты, наверное, даже не знаешь, что это такое.

— Саморазвитие является основным и важным

принципом жизни, сказал Нур. Упоминая о нем, суфии подразумевали не только обретение новых знаний, но также сострадание и рассудительность. Однако большинство людей превращают саморазвитие в эгоизм. И это неудивительно. Люди могут довести до крайности все, что угодно. Вернее, так поступают многие.).

Автор полагает, что влечения, симпатии и «божественный дар сострадания» являются высшими человеческими наслаждениями.

(-Щепотка сострадания придает супу жизни особый вкус, сказал Нур. — Но ее излишек может все испортить. Сострадание часто ведет к самосожалению и сентиментальности.

— Сострадание вскармливает манию величия, — поддержал его Фрайгейт. — Но я не порицаю жалости к себе. В ней есть какая-то утонченная радость — если только не зацикливаться на этом. Однако после самосожаления должен следовать смех — смех на самим собой.

— Дик, ты забыл включить в свой список секс, — сказала Афра Бен. — Хотя я признаю, что секс можно отнести к разряду влечений и симпатий.

— А мне кажется, что высшим наслаждением людей является творчество, добавил Фрайгейт. — Я включаю сюда живопись, поэзию и прозу,

создание скульптур и резьбу по дереву, воспитание детей и все, из чего состоит культурная жизнь человеческого общества. Хотя многие отдают предпочтение наскальным рисункам.).

Автор рекомендует не осуждать явления жизни, памятуя о том, что «факты — это самые необоснованные предрассудки».

(-Однако иногда наше прошлое заслуживает осуждения, возразил Нур. — Хотя прежде чем судить его, человек должен спросить себя, имеет ли он на это право. И потом он должен честно ответить на свой вопрос.

— То, что один человек считает истиной, может выглядеть для других нелепым предрассудком, — добавил Фрайгейт. — Кстати, что ты этим хотел сказать?

— Верить можно только тому, что видишь своими глазами, сказал Ли По. — И даже тогда бывают ошибки. Но когда людям не нравится реальность, они начинают верить в воображаемые вещи. Вот почему мы так часто говорим о феях и драконах. Скала — это факт, хотя в каком-то отношении она тоже является плодом моего воображения.).

На первый взгляд его суждения могут показаться разрушительными, но по своей сути они способствуют воссозданию мира и гармонии.

(-Люди думают о том, что должно быть, а не о том, что уже есть, сказал Нур. — Вот почему, в отличие от животных, человек изменяет свое окружение, подгоняя его под себя. К сожалению, из-за глупости и крайностей он портит все, к чему прикасаются его руки. Хотя конечно, бывают и исключения.

— Прекрасное утверждение, — добавила Алиса. — Жаль, что слова не вяжутся с делом. Когда это Дик Бертон переставал разрушать себя и других?).

Дополнительные сведения, связанные с поэтом и его поэмой, приведены в конце книги, куда я и отсылаю любознательных читателей. Вена, ноябрь 1880 года. Ф. Б.

(-Теперь ты находишься в конце книги под названием «Ричард Фрэнсис Бертон», — пошутил Нур. — Она написана в двух томах: о земном Бертоне и Бертоне из Мира Реки. Эта башня может стать завершающей главой.

— Любая философия признает, что надо жить так, словно через час умрешь, сказал Фрайгейт. — С этим может согласится каждый, но так живут лишь те, кто знает о своей неминуемой смерти. Вернее, только немногие из них.

— Именно поэтому я и не упускаю ни одной воз-

можности затянуть мужчину в постель, — добавила Афра. — Марцелин, ты как — в настроении?

— Даже самому храброму и сильному солдату иногда нужны покой и отдых, ответил де Марбо. — В данный момент я старый и уставший от скачки ветеран.).

Глава 11

Бертон тоже чувствовал себя усталым ветераном. Слишком долго он пришпоривал себя и других. Но теперь, взяв последний барьер на этой безумной полосе препятствий, он мог отдохнуть и набраться сил. К сожалению, компьютер по-прежнему создавал проблемы. Но Бертон, посчитав их не столь важными, решил разобраться с ним позже.

«Однако я не выгляжу на свои шестьдесят девять земных и шестьдесят семь местных лет, — размышлял он, рассматривая себя в зеркало. — Мне сто тридцать шесть, но я был таким в двадцатипятилетнем возрасте. Вот только нет вислых усов».

Этики лишили воскрешенных мужчин их былой растительности на лице. И Бертон не переставал возмущаться по этому поводу. Конечно, такое нововведение позволяло людям обходиться без бритья, но ущемляло чувства и права тех, кто привык носить усы и бороды.

«А почему бы мне не изменить это деспотическое новшество? Скажу компьютеру, и он придумает, как возобновить рост волос на моем

лице».

При жизни на Земле его тело имело физический дефект. Хотя слово «дефект», пожалуй, было слишком выразительным для такого легкого отклонения от нормы, как «блуждающий взгляд». Воскрешая его из мертвых на берегах Реки, компьютер исправил этот недостаток и тем самым возместил ему потерю бороды.

Но разве Бертон не мог получить ко всему прочему и ее тоже?

Он достал блокнот и сделал пометку рассмотреть этот вопрос.

«Бровь бога и челюсть дьявола», как написал о нем какой-то впечатлительный биограф. Довольно точное описание. Кроме того, оно подчеркивало его двойственность его натуры. Одна его половинка постоянно жаждала успеха, в то время как вторая искала поражений. Во всяком случае, так говорилось в книгах, посвященных жизни Бертона.

Некоторые из них лежали теперь на его столе. Он запомнил несколько названий, которые ему продиктовал Фрайгейт, и компьютер воспроизвел копии этих книг, отпечатав и сброшюровав листы. По мнению Фрайгейта, лучшими являлась «Дьявольские поездки». Эту книгу, впервые из-

данную в 1967 году, написала американка Фовн М. Броуди.

— Мне тоже хотелось написать твою биографию, — рассказывал Фрайгейт, но, прочитав «Дьявольские поездки», я отказался от своего намерения. Тем не менее, превосходный стиль Броуди и изобилие использованного материала не удержали других литераторов от дальнейшего описания твоей жизни. И если тебе не понравится книга моей соотечественницы, ты можешь выбрать себе кого-нибудь из них. Книгу Броуди немного портит излишний акцент на фрейдовском анализе. С другой стороны, ты, возможно, скажешь мне, что она была абсолютно права. Так или иначе, только ты можешь судить об истинности того, что написано в этих книгах.

Однако Бертона интересовали фотографии, а не текст. Одна из них воспроизводила его портрет, нарисованный сэром Фредериком Лейтоном. Позже картина этого известного художника выставлялась в Лондонской Национальной галерее. Бертон выглядел на ней довольно неприятно — как пират елизаветинских времен. Лейтон изобразил его немного в профиль, пытаясь подчеркнуть высокий лоб, широкие надбровные дуги, густые брови и проницательный взгяд. На

высокой скуле рельефно выступал шрам от копья сомалийца. Лейтон говорил, что такая деталь лишь украсит портрет, и Бертон не возражал. Шрам, полученный с честью, заменял медаль, а он, имея множество настоящих наград, относился к медалям с пренебрежением.

— Отчасти это твой недостаток, — сказал Фрайгейт. — Хотя мне понятны подобные чувства. Я и сам иногда потворствую себе в самоуничижении.

— Моя семья придерживалась девиза: «Честь, а не награды».

На той же странице располагалась фотография его жены Изабел, сделанная в 1869 году, когда ей исполнилось тридцать восемь лет. Она выглядела царственной и красивой женщиной. «Как добрая, но властная мать», — подумал он. За несколько страниц до этого имелся ее портрет, сделанный французским художником Луи Десангесом в 1861 году. В тот год она и вышла замуж за Бертона. Прекрасная, молодая и задорная. Рядом находился портрет Бертона, который Десангес сделал почти в то же время. Какой контраст! Тридцатилетняя Изабел и ее сорокалетний супруг. Его усы свисали чуть не до ключиц; он выглядел мрачным и свирепым. Губы казались излишне толстыми,

но, по словам биографа, это говорило лишь о его чувственной натуре. А вот губы Изабел получились тонкими и чопорно поджатыми — словно трещина на лице красивой куклы. Тонкие губы и толстые губы. Любовь, веселье и нежность по соседству со свирепостью, амбициозностью и пессимизмом. Светлая Изабел и ее мрачный супруг.

Он вернулся к странице, где находилась фотография, сделанная в 1890 году их семейным врачом — доктором Бекером. Бертону тогда исполнилось шестьдесят девять лет. В то время они с Изабел жили в Триесте, и на снимке виднелся их задний дворик с высоким тенистым деревом, под которым Бертон любил вспоминать о прошлом. Там он и сидел, сжимая одной рукой набалдашник железной трости; другая рука лежала на запястье. Пальцы, как у скелета. Руки смерти. Высокий цилиндр, стоячий воротник и серый широкий плащ. Впалые глаза на изможденном лице, как у голодного узника. Впрочем, он тогда и чувствовал себя в тюрьме своих болезней и тела. Хотя во взгляде все еще пылали угольки былой свирепости.

Сбоку, ласково посматривая на него, стояла леди Изабел. Она приподняла белую ручку с вытянутым пальцем, словно грозила ему, как

маленькому ребенку.

Толстая проказница-Изабел. Пока он превращался в скелет, она раздавалась вширь. Однако в ту пору, как сказал Фрайгейт, Изабел уже носила в себе семя смерти. Она знала о своей раковой опухоли, но ни слова не говорила об этом Бертону, стараясь не тревожить его перед смертью.

В черном платье и капоре она походила на монахиню-сиделку. Добрая и ласковая, но строгая и непререкаемая Изабел. И чтобы никаких причуд, мистер Бертон!

Он сравнил свое отражение в зеркале с безжизненным лицом на фотографии.

Все те же усталые глаза старика — запавшие и больные от отчаяния и потерь.

Он так и остался пленником, потерявшим последнюю надежду на свободу. Два лица. Две луны в полной фазе затмения.

Бертон вспомнил тот теплый сентябрь в Триесте — сентябрь, который стал последним месяцем его жизни. В ожидании смерти он покупал на рынке пойманных птиц, приносил их домой, а затем выпускал на волю. Однажды его внимание привлекла обезьяна в клетке. Он даже заплакал от обиды за нее. «Неужели в своей прошлой жизни ты совершила такое тяжкое преступление,

что теперь тебя посадили в клетку и заставили пройти через это чистилище?» Качая головой, он побрел домой. С его губ слетали чуть слышные слова: «Что же такого она могла сделать? Неужели тоже пыталась жить по-своему?»

Если верить этикам на слово, Мир Реки являлся чистилищем. А оно было самым страшным из трех посмертных миров — небес, чистилища и ада. На небесах душа обретала свободу и радовалась, сознавая, что ее будущее всегда будет хорошим. В аду, несмотря на страдания и боль, душа уже знала, что ждет ее впереди. Ей больше не требовалось прилагать усилий и рваться из цепей, поскольку она навек теряла право на волю. Однако чистилище оставалось перепутьем, и только от вас зависел выбор направления — к свободе небес или к безверию ада. В теории вы знали, как получают билет на небеса, но на практике… На практике люди избегали рая. Они выковыривали его из себя всеми правдами и не правдами.

Земля изобиловала ловушками для души: физическими и духовными, политическими и интеллектуальными. Но основной, если не самой главной, являлся секс.

Фрайгейт однажды написал рассказ, в кото-

ром Бог сотворил всех животных, в том числе и людей, однополыми существами. Каждый вид состоял только из женских особей, и они размножались с помощью особых фруктов, которые произрастали на спермодеревьях. Перекрестное оплодотворение представляло собой очень сложную процедуру. Так, например, женщины, рассеивая свои гены, мочились под сенью спермодеревьев на голые корни. Те же, в свою очередь, заменяли мужчин, которых Фрайгейт так и не включил в параллельный мир своих фантазий.

Каждые три года женщины заболевали древесным бешенством и после интенсивного поедания фруктов становились беременными. Во всех других отношениях они жили, как обычные люди: любили друг друга, ссорились и ревновали, совершали измены и, конечно же, предавались эротическим изллишествам. Самыми распространенными считались любовные интрижки с определенным деревом и поедание фруктов не в сезон беременности.

Основной сюжетной линией стала безумная ревность женщины, которая, поймав свое любимое дерево на измене, срубила его топором под корень. В конце рассказа она сошла с ума от горя, и ее отправили в клинику.

Наиболее удачным персонажем оказалась молодая писательница, сочинявшая историю о мире, в котором не было спермодеревьев. Вместо корней и фруктов героини ее рассказа использовали мужчин, во всем похожих на них самих, за исключением двух-трех деталей. Эти существа не имели молочных желез, но зато обладали корневидным органом, который при эрекции выстреливал семя в матки своих любимых женщин.

Подобный метод, по мнению писательницы и, очевидно, Фрайгейта, превосходил корнеплодный подход — причем не только по уровню гигиены. Кроме того, он устранял конкуренцию за обладание деревьями. В отличие от неподвижных растений, мужчины с палочками могли составить приятную компанию и в деловой поездке, и в домашней обстановке. После секса их можно было использовать на полях; они с радостью выполняли домашнюю работу и заботились о детях, пока женщины играли в карты или проводили политические мероприятия.

Однако история молодой фантастки завершилась трагедией. Эти парни с палочками оказались хитрее деревьев. Воспользовавшись своей физической силой, они восстали, захватили власть и

превратили женщин в рабынь.

Когда Бертон вволю посмеялся над этим рассказом, он предложил Фрайгейту немного измененный вариант, где однополая цивилизация состояла из мужчин, оплодотворявших деревья. В его параллельном мире хватало и фруктов и другой пищи, но властолюбивые мужчины сражались за деревья и вели нескончаемые войны. Победители захватывали огромные рощи-гаремы, а побежденных либо убивали, либо изгоняли в заросли непригодной растительности. Несчастным отщепенцам приходилось удовлетворять свои нужды с колючими кустами, которые сопротивлялись и выкручивались, не желая вынашивать детей.

— Идея хорошая, — ответил Фрайгейт, — но кто бы там заботился о потомстве?

Владельцы растительных гаремов охраняли бы свои рощи от других мужчин, и им просто не хватало бы времени на воспитание детей. Большая часть новорожденных младенцев погибала бы от голода и болезней. А представь себе, что рощу захватил бы очередной победитель! Разве он стал бы мириться с чужими детьми? При таком исходе все потомство прежнего владельца ожидала бы неминуемая гибель.

— Только женщина может создать для детей необходимые условия жизни, и только мужчина может обеспечить ей безопасность и уют, — подвел итог американец. — Очевидно, Бог знал, что делал, создавая Адама и Еву.

— Возможно, он имел ограниченный выбор, и поэтому ему пришлось воспользовался не самым лучшим вариантом. Недаром мудрец сказал, что во вселенной нет ничего совершенного. Хотя, на мой взгляд, любое совершенство остановило бы прогресс. Амебы идеальны по своему строению, но они не могут развиться во что-то другое. Вернее, они отказались от дальнейшего развития ради тех преимуществ, которыми наделило их данная структура.

Так или иначе, двуполое разделение гомо сапиенс и причуды судьбы связали педантичного генерал-лейтенанта Джозефа Неттервилла Бертона с кокетливой, избалованной, но морально устойчивой Мартой Бекер. После непродолжительного знакомства они вступили в брак, и злые языки распустили сплетни, что отставной офицер, устав от пенсионных крох, женился на Марте только из-за денег. Свое состояние генерал спустил на фондовой бирже. Он презирал картежников и игроков, но считал спекуляции на рынке

вполне приемлемым и христианским делом.

В ночь на 19 июня 1820 года отставной генерал-лейтенант произвел залп из своей корабельной пушки, и миллионы сперматозоидов накрыли прицельным огнем осажденную матку супруги. Какой-то проныра, опередив других собратьев, пробрался в яйцеклетку, которая ожидала его в своем темном логове. Случайная комбинация генов привела к рождению Ричарда Бертона — старшего из трех детей этой пары. Вот так он и появился на свет 19 марта 1821 года в девонширском Торки старой и доброй Англии. Его матери повезло; она не подцепила родильной горячки, которая в те дни губила многих женщин. И Ричарду тоже повезло, что судьба избавила его от детских болезней, которые в то время заполняли семейные кладбища маленькими трупами. Корь почти пригнула его к земле, но он уцелел.

Отец его матери пришел в восторг при виде рыжего голубоглазого внука.

Он даже захотел переписать свое завещание и передать основную долю Ричарду, а не единокровному брату Марты. Миссис Бертон начала протестовать — и позже Ричард не раз сожалел об этом. В конце концов дед отмел все аргументы дочери и объявил, что его наследником станет

любимый внук. К несчастью, ему потребовалась подпись нотариуса, и, усаживаясь в экипаж, мистер Бекер скончался от сердечного приступа. Его состояние унаследовал брат Марты.

Доверив деньги прожженным жуликам, он потерял все до последнего цента и провел остаток жизни в безысходной бедности. Что касается Ричарда, то его рыжие волосы почернели, голубые глаза превратились в карие, и он впервые изменил свой облик — хотя в данном случае и ненамеренно.

Безрассудная любовь матери к своему инфантильному брату стала бедствием для юного Бертона. По крайней мере, он в этом никогда не сомневался. Будь Ричард богат, ему не пришлось бы проводить в армии лучшие годы жизни. Кроме того, наличие денег сделало бы его африканские экспедиции более продолжительными и успешными.

По решению родителей Ричард отправился на континент, где он мог излечить свои реальные и воображаемые недуги. Его отец не пожелал воспользоваться старыми связями, хотя друзья не раз предлагали ему содействие в карьере сына. Нелегкая жизнь вдали от Англии и семьи превратила Бертона в скитальца. С тех пор, и это верно

подметил Фрайгейт, он уже нигде не чувствовал себя как дома.

Бертон старался не засиживаться на одном месте больше недели.

Необъяснимый внутренний зуд все время толкал его в дорогу. Он начинал страдать, если цепь обстоятельств приковывала его к какому-нибудь дому или городу. И теперь он тоже не находил себе покоя.

— Ты можешь перебираться из одной комнаты в другую, предложил ему Нур. Хотя вряд ли это удовлетворит твою жажду перемен. Какой бы большой ни казалась башня, все путешествия здесь будут кончаться полетами с этажа на этаж. Но зачем тебе это вечное движение? Разве ты не можешь превращать в иные миры свое жилье? Когда тебе надоест вид твоих стен, закажи у компьютера незнакомый антураж. Не вставая с кресла, ты будешь путешествовать из Африки в Америку, из мира снегов в страны жарких пустынь.

— Твоим знаком Зодиака являются Рыбы, — сказал Фрайгейт. Они относятся к двенадцатому дому и находятся под управлением Нептуна и Юпитера. Принцип Нептуна — идеализм; принцип Юпитера — экспансия. Рыбы стремятся к

гармонии.

Их положительные качества делают тебя интуитивным, симпатичным и артистичным человеком, в то время как отрицательные качества превращают в мученика и пессимистичного меланхолика. Характерными чертами двенадцатого дома являются бессознательный ум, учеба, тайные враги, интуиция, вдохновение, поиск уединения, пребывание и работа в банках, тюрьмах, университетах, библиотеках и больницах, сны и сновидения, а также склонность к обидам.

— Я всегда считал астрологию лженаукой и одним из самых темных предрассудков человечества, — ответил Бертон.

— Тем не менее, ты — рыба, выброшенная из воды. Идеалист в броне цинизма с открытым, как забрало, характером. Ты стремишься побывать везде, и тебя влечет омут многих наук, куда тебе хотелось бы привнести гармонию и синтез.

Ты интуитивный и симпатичный человек. И, естественно, самый настоящий мученик. Что касается меланхолии, то почитай свои книги — они пронизаны печалью и тоской.

Твое бессознательное начало побуждает тебя исследовать не только чужие страны, но и неизведанные континенты человеческого разума.

Ты имеешь множество тайных и явных врагов, часто полагаешься на интуицию и предчувствия, любишь одиночество и хорошие книги. Тебя не привлекают банки и учебные заведения, но ты там бывал. А сны, насколько я знаю, занимают большое место в твоей жизни. Кроме того, благодаря врожденным способностям ты стал неплохим гипнотизером.

Тезис о склонности к обидам мне кажется неверным. Твоя натура напоминает некую смесь из бультерьера, бойцовского петуха и обезьяны. Хотя я знаю, что из животных тебе нравятся только лошади.

— Под меня можно подогнать любой зодиакальный знак, усмехаясь сказал Бертон. — Я могу на пальцах доказать, что каждый из них подходит и ко мне, и к тебе, и к Нуру.

— Возможно, ты прав, — ответил Фрайгейт. — Но все-таки забавно покопаться в астрологии… хотя бы для того, чтобы убедить кого-то в ее несостоятельности.

Тем не менее, Нур и Фрайгейт представляли вселенную в виде большой космической паутины. Любая муха, севшая на одну из ее липких нитей, вызывала отклик или дрожь в пределах всего мироздания. Кто-то чихнул на планете

Мишраб, и это заставило китайского крестьянина оступиться на скользком камне.

— Окружающее нас пространство имеет такую же важность, как гены, но оно более огромно, чем думают люди.

— Оно является всем, — ответил Бертон.

Он вспоминал этот разговор, отдыхая в своей гостиной после ленча.

Внезапно на стене возник экран. Сначала он занял почти всю стену, но затем уменьшился до десяти футов по диагонали. Бертон выпрямился и сжал подлокотники кресла. Его удивило, что экран остался пустым.

— В чем дело? — воскликнул он, на миг подумав, что это шутки одного из землян.

Экран потемнел и превратился в черный прямоугольник на серой стене. Из динамиков донесся слабый шум.

Приказав компьютеру усилить звук, Бертон напряженно склонился вперед.

Громкость не изменилась. Он повторил команду, однако компьютер вновь не подчинился.

Внезапно в центре экрана появилась светлая трещина. Звуки усилились, но Бертон по-прежнему не мог понять, что происходит. Трещина расширилась, превратилась в рваный овал, и он

увидел что-то белое, забрызганное кровью.

Да-да. Какой-то мокрый белый предмет.

— Уже выходит, чертенок, — раздался чей-то голос.

Бертон вскочил с кресла.

— О Боже!

Изображение прояснилось, и он начал узнавать детали картины: белую простыню с красными полосками крови и остатки вод, которые отошли перед родами. Голоса казались невнятными и незнакомыми. Потом раздался пронзительный вопль, и Бертон, вздрогнув, понял, что это кричала его мать.

Внезапно появилась новая, пока еще смутная картина. Он увидел большую комнату и нескольких гигантов. Экран потемнел, на нем промелькнул какой-то предмет, а затем все пришло в движение и стремительно закрутилось. Бертон мельком заметил руки гиганта — обнаженные до локтей, с закатанными рукавами.

На большой железной кровати лежала его мать — усталая, потная, со слипшимися волосами. И, Господи, какая же она была молодая! Гигантская рука набросила простыню на ее голый живот и ноги, прикрывая волосатый окровавленный домик, из которого только что вытащили мла-

денца.

Изображение перевернулось вверх ногами. Или, вернее, малыша перевернули вниз головой. Послышался резкий шлепок, за ним тоненький вопль, и его первый, самый первый вздох.

— Здоровый чертенок, верно? — произнес мужской бас.

Бертон стал свидетелем своего собственного рождения.

Глава 12

Он видел и слышал все, что происходило с новорожденным, то есть с ним.

Но Бертон не чувствовал ощущений ребенка. Он даже не понял, когда ему перерезали пуповину, и лишь мельком увидел свой окровавленный пупок.

Представив, как его будут очищать, Бертон содрогнулся и вытер пот с лица. В тот же миг на его глаза, глаза ребенка, опустилось полотенце. Чуть позже малыша завернули в одеяло и положили на широкую кровать. Оттуда он видел только нянечку в белом переднике, грудь матери и ее усталое лицо. Все остальное закрывало одеяло.

В комнату вошел отец. На его смуглом молодом лице сияла счастливая улыбка. Такое обычно случалось редко — лишь в те моменты, когда мистер Бертон получал на бирже солидную прибыль.

А как отец вздрогнул, увидев руки доктора. Тот вытер их полотенцем, но, наверное, не совсем тщательно. Возможно, доктор не мыл их даже перед принятием родов. И скорее всего, действительно не мыл. Тем не менее, его личное участие в операции почти не поддавалось объяснению.

В те времена, насколько помнил Бертон, врачи лишь изредка прикасались к роженицам и, в основном, обеспечивали контроль за действиями медицинских сестер. Некоторые из них вообще не осматривали гениталии матерей и в процессе родов руководствовались только отчетами акушерок.

На экране мелькнула огромная рука — рука его отца. Она что-то приподняла. Наверное, край одеяла.

— Я счастлив, — сказал отец, обращаясь к матери. — Ты подарила мне прекрасного сына.

— Он такой милый, правда? — ответила мать осипшим голосом.

— А теперь я попрошу всех удалиться, — раздался глуховатый бас доктора. Миссис Бертон устала, и ей нужно отдохнуть. Да и ваш чертенок уже проголодался.

В этот момент малыш, очевидно, заснул. Его следующим впечатлением стали маленькие вытянутые ручки и большая мягкая грудь с розовым соском. У верхней части экрана появилось лицо кормилицы. Миссис Бертон, будучи светской дамой, не пожелала кормить ребенка собственной грудью.

— Интересно, кем она была? — прошептал

Бертон. — Скорее всего, какая-нибудь бедная ирландка.

Он смутно помнил, что однажды мать называла ему имя кормилицы. Миссис Рили? Или Кили?

Эта сцена потрясла его, но не настолько, чтобы он потерял самообладание. Бертон знал, откуда компьютер вытягивал воспоминания его детства. Дублировав телесную матрицу в отдельном файле, машина потрошила ее, как рыбак форель. Она прокручивала на экране фильм о его жизни.

Несведущий человек мог бы полагать, что полный показ такого фильма занял бы время, равное этой жизни. Но память любого человека не хранила всего того, что тот видел, слышал и ощущал, обонял, осязал и думал. Она действовала выборочно и имела огромные бреши в моменты сна, если только человек не видел ярких сновидений. Поэтому для демонстрации ее содержимого требовалось не так много времени, как можно было бы ожидать. Кроме того, компьютер позволял ускорять просмотр фильма, замедлять его или прокручивать какие-то куски по несколько раз.

Пропустив короткий и самый первый сон малыша, Бертон наблюдал за тем, как горничная меняла пеленки. Он не мог понять, почему его воспоминания демонстрировались на экране.

Кто приказал компьютеру сделать это?

Как только он приступил к допросу машины, на стене засветились несколько экранов. Взглянув на ошеломленные лица Фрайгейта, Терпина и де Марбо, Бертон с усмешкой покачал головой.

— Да, — сказал он прежде, чем они заговорили. — Меня тоже навестило мое прошлое — начиная от родов, окровавленного пупка и дальше.

— Это ужасно! — воскликнула Алиса. — И в то же время замечательно! Но какое потрясение! Мне даже хотелось заплакать.

— Я свяжусь с остальными, — сказал Фрайгейт. — Возможно, они тоже прошли через это.

Его экран превратился в серый прямоугольник. Том Терпин все еще утирал слезы.

— Я увидел маму, отца и нашу старую лачугу… Мне казалось, что мое сердце разорвется на куски!

Бертон взглянул на большой экран. Маленького Ричарда вновь прижимали к огромной груди. Он услышал голодный плач и жадное причмокивание младенца.

Изображение дрогнуло и потускнело — его положили в колыбель, а затем задернули над ним голубой полупрозрачный полог. Комната начала

медленно крениться то в одну, то в другую сторону. Время от времени он видел большую пухлую руку, которая качала его колыбель.

К каналу общей связи подключились Афра, Ли По и Фрайгейт. Теперь на Бертона смотрели семь разных лиц, но в глазах у всех читался один и тот же вопрос.

— Конечно, поэта не удивишь картиной, где он сосет грудь своей матери, с усмешкой сказал китаец, — но… Кто велел компьютеру сделать это?

— Если вы все согласны подождать, я спрошу машину, — ответил Бертон.

— Можешь не утруждаться, я уже спрашивал, — произнес Нур. Компьютер ответил, что у нас нет доступа к подобной информации. Нам отказали в праве задавать вопросы со словами «кто» и «почему». К счастью, слово «когда» в запретный список не входит. Я узнал, что два дня назад кто-то приказал машине начать этим утром принудительный показ наших воспоминаний.

— Значит, во всем виновата женщина, которую вы убили, сказал Бертон.

— Она наиболее вероятный кандидат.

— Но я не понимаю, зачем ей понадобилась такой пересмотр нашей памяти, проворчал англичанин.

— Очевидно, для того, чтобы ускорить наше этическое развитие, — ответил Нур. — Погрузившись в прошлое, мы станем свидетелями своих и чужих поступков; мы поймем наши пороки, а значит, и избавимся от них. Нравится вам это или нет, но вы увидите себя такими, какие вы есть. И я надеюсь, что, наблюдая за чередой комедий и драм, каждый из нас предпримет определенные шаги для устранения нежелательных черт своего характера. Возможно, этот принудительный показ поможет нам стать людьми — настоящими людьми…

— Или он сведет нас с ума, — добавил Фрайгейт.

— Скорее всего, мы просто найдем способ приостановить эту чертову программу, — сказал Бертон. — Нур, ты не пытался отменить просмотр воспоминаний?

— Конечно, пытался, но любая команда незнакомки воспринимается компьютером как директива, не подлежащая цензуре.

— Прошу меня извинить, но мне надо кое-что выяснить, произнес Бертон. Подождите меня минуту.

Он вышел из комнаты и открыл входную дверь. Экран, на котором мелькала грудь кормилицы,

заскользил рядом с ним, а затем возник на стене коридора.

Бертон выругался, развернулся на каблуках и вернулся в зал с семью экранами.

Восьмой неотступно следовал впереди, все время оставаясь перед глазами.

Рассказав коллегам о результатах своего маленького эксперимента, англичанин грустно добавил:

— Просто так нам от него не избавиться. Он, как альбатрос, привязанный шнурком к шее старого моряка.

Бертон закрыл лицо руками и тут же услышал детский плач. Взглянув на экран, он увидел полупрозрачный полог, за которым мелькали неясные тени. До него донесся сердитый шепот служанки: «Святые угодники. Что там еще?»

— В принципе, мы можем избавиться от этих навязчивых картин. Нам надо только покрасить стены. Если компьютер откажется выполнять такую работу, мы привлечем андроидов или сделаем ее сами. Кроме того, запаситесь ушными затычками — они помогут вам спать по ночам И подумайте над тем, как убрать экраны в коридорах.

— Нет, мы точно сойдем с ума! — воскликнул

Фрайгейт.

— Я не думаю, что незнакомка хотела довести нас до безумия, сказал Нур. Вполне возможно, она предусмотрела отдых по несколько часов в день и, конечно же, перерывы на сон.

Бертон спросил де Марбо и Бен, где расположены их экраны.

— Один на правой стене, другой — на левой, — ответил француз. — Я подглядываю за своим маленьким алмазиком, а она за мной. Скажу без хвастовства, мы в детстве были просто очаровашками.

— Но как же нам понять, что происходит? — задумчиво проворчал Бертон.

Он договорился о встрече у бассейна и отключил канал общей связи. По его команде компьютер сделал пару наушников, которые могли бы заглушить любой звук. Чтобы не смотреть на экран, Бертон начал изучать доступные файлы компьютера, но любопытство мешало ему сосредоточиться на работе. Он вновь и вновь поднимал голову, стараясь не упустить ни одной сцены, однако их однообразие навевало скуку и все больше притупляло первоначальный интерес.

Не так уж и много событий случалось с ребен-

ком в первые дни его жизни, а разговоры молодых родителей быстро теряли эффект новизны. Стоя рядом с колыбелью, они говорили только о нем или с ним, поэтому через несколько часов их агукание надоело ему до чертиков. Хотя сам малыш казался вполне счастливым и, не понимая речи, реагировал только на лицо матери и тон ее голоса. Впрочем, она не баловала его своими визитами. В основном, он видел только кормилицу и двух горничных, которые по очереди мыли его и носили на руках по дому.

В одиннадцать часов утра Бертон направился к плавательному бассейну.

Экран, скользивший перед ним по стенам коридора, присоединился к семи другим прямоугольникам, и картинки из прошлого разместились сначала на одной стене, а затем рассредоточились по периметру бассейна на равных расстояниях друг от друга.

— Мы скоро к этому привыкнем, — сказал Афра, вылезая из воды рядом с Бертоном. — Насколько я знаю, близкое знакомство вызывает глухоту и слепоту.

— Ты забываешь очень важную вещь, — ответил он. — Пока все наши воспоминания связаны только с пеленками и сосками, но со временем

они будут пробуждать в нас стыд, вину и гнев. Кому захочется смотреть на свои унижения и обиды, на собственную подлость и легкомыслие?

— Лично я никогда не вела себя подло. И ни перед кем не унижалась. Хотя унизить меня пытались многие.

Бертон знал, что на самом деле ее слова лишь прикрывали душевную рану.

Никто из них не был ангелом — и уж тем более Афра Бен. Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, он плавал, шутил и болтал о пустяках, но его взгляд все чаще и чаще возвращался к окнам в зияющее прошлое.

Рядом с ним вынырнул Фрайгейт.

— Ты только посмотри на это чудо, — произнес американец. — Я даже могу осмотреть себя со стороны.

Его мать, худощавая женщина с черными как смоль волосами, держала ребенка перед зеркалом. Маленький и голенький Питер хихикал от удовольствия, и его плоское лицо с широким ртом напоминало физиономию лягушонка.

— Как странно смотреть на себя в таком возрасте! А ты представь, сколько отражений нас ждет впереди — от хихикающего младенца до пожилого мужчины на смертном одре. О Иисус

Христос!

Тем же вечером Фрайгейт приступил к самостоятельным исследованиям.

Прежде всего он выяснил у компьютера, что сканирование памяти могло начинаться с момента зачатия. Однако машина отказалась отвечать на вопрос, почему они наблюдали себя только после родов. Как и многие другие, американец считал, что люди проводили свои первые девять месяцев в безмолвии и темноте. При таком варианте просмотр действительно не имел никакого смысла и требовал переноса на более поздний срок.

На всякий случай Фрайгейт велел прокрутить свой предродовой период и отобразить на экране те моменты, когда эмбрион воспринимал посторонние звуки. К его удивлению, такое случалось много раз. Он даже мог слышать голоса людей, которые беседовали с его матерью. А сколько тут было различных звуков: шум моторов и свистки поездов, плеск речных волн и треск хлопушек, бурчание в животе и выделение газов, звон упавших стаканов и громкий смех.

Но больше всего Фрайгейта смутили стоны и возгласы родителей, когда они занимались любовью. Послушав все это пару часов, он приказал

компьютеру остановить просмотр и вернуться к первоначальной программе.

— Я полагаю, что незнакомка хотела нам только добра, — сказал он маленькому мавру. — Она намеревалась показать нам слабости и предрассудки, себялюбие, суетность и ложь, которые закрывают свет наших душ. И она сделала это только для того, чтобы мы могли измениться к лучшему — подняться на новую ступень этического развития.

— Наверное, ты прав, — ответил Нур. — Но зачем она скрывалась от нас? И почему она убила Логу?

— Мы постараемся это узнать, — заверил его Бертон.

Как оказалось, незнакомка действительно имела сострадание. Отдавая приказ о принудительной демонстрации воспоминаний, она предусмотрела паузу для отдыха и сна. В восемь вечера экраны отключились, и люди получили передышку до восьми часов утра.

Покинув пораньше дружеский ужин, Бертон удалился в свое жилище. Он лег в постель, но старая бессонница вцепилась в него, как голодный волк.

Утомленный ум наполнился обрывками сцен

из показанного прошлого. Ему вспоминались беседы матери и отца. После двух часов напрасных метаний он оделся и вышел в коридор. Сев в летающее кресло, Бертон отправился в бесцельный полет по бесчисленным этажам. Он проносился через сотни комнат и десятки подъемных шахт. В конце концов его блуждания превратились в организованный осмотр помещений. Запросив у компьютера план этажей, Бертон отправился на верхний уровень башни. Он и сам не знал, что пыталось найти его подсознательное начало. Но оно толкало его вперед, словно предчувствуя встречу с чем-то новым и, возможно, даже полезным.

Так и не долетев до ангара, он передумал и помчался к двенадцати огромным комнатам, в которых располагались личные миры Совета Двенадцати.

Устав от монотонной череды коридоров и шахт, Бертон захотел увидеть что-нибудь иное. Его путешествие продолжалось четыре часа. Когда оно закончилось, англичанин решил рассказать о нем другим, чтобы они тоже осмотрели эти сказочно красивые помещения.

Прилетев в ангар, он убедился, что там ничего не изменилось. Число кораблей осталось прежним, и все они находились на своих местах. Хотя

это еще ни о чем не говорило. Со времени его последней проверки прошло несколько дней, то есть женщина-агент могла воспользоваться любым из этих воздушных и космических аппаратов.

Бертон вернулся в свои апартаменты около четырех часов утра и проспал от четырех тридцати до половины восьмого. Приняв душ, он вызвал на связь Ли По. Прошлым вечером китаец предложил друзьям собраться у него на общий завтрак, и Бертон хотел убедиться, что планы Ли По не изменились. На экране возникло красивое мефистофельское лицо, расплывшееся в улыбке.

— Да, я буду рад увидеть тебя своим гостем. У меня есть для всех вас сюрприз.

Он повернул голову и что-то сказал по-китайски. Рядом с ним появилось другое лицо. Бертон вздрогнул и отступил на шаг. На него смотрела женщина удивительной красоты.

Глава 13

Многие мужчины и женщины напоминают паровозы, которые мчатся по рельсам, замедляя ход на подъемах и разгоняясь на пологих спусках. Другие, словно автомобили с двигателем внутреннего сгорания, выбирают себе дороги по желанию, но время от времени сбрасывают скорость и ожидают дозаправки.

Ли По казался ракетой с неиссякаемым запасом горючего. Он взрывался огненным вихрем, метался, как комета, шумел, создавал проблемы и давал всем понять, что игнорировать его просто невозможно. Поведение, речь и жесты китайца вызывали в памяти Бертона последнюю станцу из «Кубла-хана»

Кольриджа:

И все закричали: "Осторожно! Ты в беде!
Берегись его сверкающих глаз и трепещущих волос!
Трижды очерти вокруг него круг
И опусти свой взор в священном страхе,
Ибо вскормлен он на божественном нектаре
И молоке, что бывает лишь в раю!"

Ли По, известный также под именами Ли Тай-

По и Тай-Пен, родился в 701 году в оазисе Яркенд. В те времена огромная пустыня между Персией и Китаем никому не принадлежала, и поэтому Яркенд, стоявший на Великом торговом пути, считался вольным городом. Согласно семейному преданию, прадед Ли По бежал сюда после неудачной политической интриги. Спасаясь от гнева императора, он привез с собой жену и детей, и позже его старший сын взял в жены уйгурскую женщину, говорившую на тюркском языке. Один из внуков бывшего придворного женился на китаянке, а другой — на гордой и непокорной афганке.

Через пять лет после рождения Ли По его родители решили вернуться на родину. Они поселились в Сычуане — юго-западной провинции Китая. В городе, приютившем их, обитало множество чужестранцев: зороастрийских персов, индусов, евреев, несторианских христиан и мусульман из Персии, Афганистана и Месопотамии. Выучив языки всех этих народов, Ли По позже добавил к их числу корейский и японский.

Благодаря доли инородной крови его рост достигал шести футов одного дюйма. В юности он пристрастился к поэзии и вину, поэтому слава стихотворца и горького пьяницы пришла к нему

довольно рано. В те времена вино считалось уделом высших классов, и никто не порицал людей, которые вкушали его без меры. Опьянение воспринимали как помощь для открытия врат божественного вдохновения. Однако скорость, с которой пьяный Ли По мог написать поэму, поражала всех его современников. Многие из стихов были настолько хороши, что литераторы той эпохи ставили Ли По в один ряд с величайшими поэтами Китая.

Когда ему исполнилось двадцать лет, он отправился странствовать по белу свету. Так поступали тогда почти все уважающие себя поэты, государственные деятели и художники. Они, словно странствующие рыцари, пытались избавить страну от зла, восхваляя добро своим искусством и защищая его острыми мечами. Убив в неравных стычках нескольких воинов, Ли По прославился как «демон, скачущий на клинке». Однажды его даже посадили в тюрьму за убийство человека в кабацкой ссоре. К счастью, ему удалось бежать за день до назначенной казни.

Несмотря на разгульную жизнь, он имел прекрасное образование и, среди прочих вещей, разбирался в физике и химии.

Во многих отношениях Ли По походил на Бай-

рона своей эпохи и напоминал непоседу Бертона. Он тоже любил путешествовать, прекрасно владел искусством фехтования, сочинял стихи на многих языках и в то же время считался грубым бесцеремонным человеком.

В отличие от многих китайских мужчин он сочувствовал рабской доле женщин. Однако это не мешало ему эксплуатировать их и удовлетворять свои непомерные аппетиты. Даже делая поправку на обычное мужское хвастовство, Ли По действительно мог претендовать на звание незаурядного любовника. «Три женщины за раз? Но это же мало!»

Устав от странствий и рыцарских подвигов, он поселился на горе Мин, округа Шу, у старого отшельника, которого звали Тан Йен-цзю. Углубляя свои знания в секретных даосских техниках, этот мудрец являлся неким подобием Святого Франциска. Вместе с Ли По он приручал и выращивал диких птиц, учил их прилетать на зов и кормил с рук небесных питомцев.

Между тем китайские «отшельники» во многом отличались от своих западных собратьев. В основном, это были обычные люди, уставшие от мирской суеты. Они жили в горах вместе с семьями и свитой слуг, в окружении множества

друзей и случайных знакомых.

Когда Ли По исполнилось двадцать пять лет, он покинул округ Шу и начал путешествовать по восточным и северным провинциям. Осев на какое-то время в Аньлу, провинции Хубэй, молодой поэт влюбился в девушку по имени Ху. Она стала его первой женой и родила ему несколько детей, но затем умерла от неизвестной болезни.

С тех пор смерть подружилась с Ли По и сопровождала его повсюду.

Однажды он путешествовал с другом к знаменитому горному озеру. Там его товарищ заболел и скоропостижно скончался. Слуги похоронили несчастного на берегу, но поскольку тот хотел быть погребенным на родовом кладбище, Ли По выкопал его из земли, завернул в свой плащ и пронес на спине сотню миль в далекий город Вучань провинции Хубэй.

— У меня не осталось денег, чтобы купить лошадь. Я все раздавал беднякам.

Услышав о подвигах и поэмах Ли По, танский император Сюнь Цун пригласил стихотворца ко двору. И хотя надменный поэт отказался сдавать экзамены на должность государственного чиновника, в 742 году он прибыл пред тусклые очи императора. Пожив во дворце, Ли По написал

несколько колких стихов о лени Сюнь Цуна, о разврате и продажности придворных и нищете страдающего народа.

Однажды, когда ему приказали явиться к императору и прочитать одну из своих поэм, Ли По прикинулся пьяным и потребовал, чтобы главный евнух, одна из самых важных фигур при дворе, помог стащить с него грязные сапоги. Эти дерзкие поступки привели к тому, что все придворные избегали общества поэта, а императорские шпионы следили за каждым его шагом.

Чтобы найти влиятельных покровителей, Ли По приходилось много путешествовать. Но дороги нравились ему, поскольку он любил скитаться по свету.

Его вторая жена умерла при родах; с третьей он развелся по обоюдному согласию через несколько месяцев брака; с четвертой Ли По прожил до самой смерти.

В 757 году шестнадцатилетний сын императора, великий принц Лин, возглавил армию и флот, чтобы подавить восстание Ань Лу-Шаня. Не зная об истинных замыслах принца, Ли По примкнул к его свите.

— Мне исполнилось сорок семь, но моя сила и подвижность остались прежними. Я думал, что

слава воина мне не повредит, и мечтал о высоких постах, на которые мог назначить меня император. По крайне мере он мог дать мне пенсию.

К несчастью, планы Лина раскрылись. Его сторонников убили или предали суду, а Ли По приговорили к смерти по обвинению в заговоре. Не желая убивать такого известного поэта, император изгнал его в дальнюю провинцию и позволил Ли По вернуться ко двору только в возрасте шестидесяти лет. Получив прощение, старый поэт отправился в долгий путь домой — к своим детям и четвертой жене. Во время плавания по реке он перепил вина и попытался поймать свое отражение в воде. Однако забава кончилась трагично. Он выпал за борт, простудился, заболел воспалением легких и через несколько дней скончался.

— Неужели ты действительно верил, что можно схватить отражение в воде?спросил Фрайгейт.

— Да. И выпей я тогда еще одну чашу, мне бы это удалось. В тот миг я понял, что могу удержать его в своих руках, и мне захотелось совершить подвиг, который другие люди считали невозможным.

— А что бы ты делал со своим отражением? — спросил его Нур.

— С его помощью я стал бы императором! Один Ли По мог победить пятьдесят воинов! Два Ли По завоевали бы весь Китай!

Он громко засмеялся, давая понять, что знает о нелепости своего хвастовства. Однако у его собеседников имелись большие сомнения по этому поводу.

— Похоже, ты самый великий из всех любителей вина, — с улыбкой произнес Фрайгейт.

На Земле Ли По прошел вдоль и поперек все большие реки Китая. И когда после смерти он очнулся на берегу Реки, его снова потянуло в дорогу. Однажды ночью, в маленькой бамбуковой хижине, где ему дали приют, его разбудил человек в капюшоне и маске. Это был Таинственный Незнакомец, который вовлек в свои дела и Ричарда Бертона, и многих других землян. Но скольких бы людей ни смутил этот этик-отступник, Ли По оказался одним из немногих, кому удалось добраться до башни.

— А что это тебе дало? — спросил Нур. — Разве ты как-то изменился, побывав в стенах башни? Может быть, ты стал лучше или хуже?

— В отличие от тебя, еретика мусульманина, я не верил в потусторонний мир. Мне с детских лет внушили мудрые слова, что духовные страны —

это не нашего ума дело. Думая о смерти, я всегда считал, что моя плоть сгниет и станет прахом. Поэтому воскрешение на берегу Реки разрушило почти все мои представления о мире. Я начал искать богов, поднявших меня из мертвых, но выяснилось, что их нет, как нет и демонов, о которых рассказывали христианские вестники ада. Мир Реки построили обычные люди, и они знали о потустороннем мире не больше меня, хотя и прилетели с другой планеты. Этики тоже оказались невежами, спотыкавшимися во тьме. Так где же те, кто может осветить нам путь, чтобы мы, маленькие язычки огня, отыскали создавшее нас Пламя?

— У нас в Америке обычно спрашивали: «Где найти вчерашний снег?» сказал Фрайгейт. — А отвечали примерно так: «Он растаял, что стать сегодняшним снегом».

В конце своих странствий по Земле и Миру Реки Ли По достиг Туманной башни. Он совершенно не изменился, о чем, как сказал Нур, можно было только сожалеть. По мнению мавра, Мир Реки предназначался для духовного преобразования людей. Услышав такие слова, высокий и красивый китаец засмеялся. На его дьявольском лице появилась холодная усмешка, а в зеленых глазах

сверкнули искорки безумного веселья.

— Любое совершенство меняется только к худшему.

Его апартаменты походили на внутренние покои дворца одного из могущественных китайских императоров. Он воспроизвел по записям из компьютера множество знаменитых украшений и прибавил к ним свои картины, которые изображали сцены жизни Мира Реки.

— У меня есть то, что не имели императоры. Но чтобы сравниться с ними, мне потребовались бы миллионы подданных, сотни жен и тысячи наложниц. В данный момент у меня нет ни одной жены, и даже самый презренный слуга мог бы сейчас смеяться надо мной, как над жалким нищим. Хотя я знаю, что делать. Я знаю, как перехитрить свою судьбу.

Ли По часто вспоминал светлый образ женщины, которой посвятил не меньше двухсот поэм. Но поскольку они терялись среди девяти тысяч других его произведений, ни один историк не упоминал о ней в биографических работах.

Семья его четвертой жены жила в Восточном Лу — в северной провинции Китая, которая в двадцатом веке называлась Шаньдуном. Поселившись там, Ли По построил дом неподалеку от

кабака своего тестя. Клиентов этого заведения обслуживала молодая девушка по имени Синь Ши, или, по-английски, Звездная Ложка.

— Она была самой красивой женщиной, которую мне когда-либо приходилось встречать. Я надеюсь, Алиса и Афра простят меня за такие слова. Вы обе свежи и привлекательны, как утренний рассвет. Но, думаю, вам хватит ума признать, что на свете бывают и более изумительные женщины.

Звездная Ложка говорила мягко, как ласковый ветерок, и ее элегантные манеры абсолютно не вязались с атмосферой кабака и поведением его посетителей. Она появилась на свет из лона наложницы прославленного монарха и, вполне возможно, была плодом его благородного семени. К ее великому огорчению, это отцовство поставили под сомнение, так как мать Звездной Ложки поймали на измене с одним из охранников дворца. Незадачливых любовников обезглавили, девочку продали богатому торговцу, и тот начал спать с ней, когда Звездной Ложке исполнилось десять лет. Позже он отдал ее шестерым сыновьям, которые по очереди испытывали на ней свою юношескую удаль. Однако удача отвернулась от их семьи, и после смерти торговца

девушку продали моему тестю — хозяину кабака. Она стала его наложницей, и ее жизнь переменилась к лучшему, хотя, конечно, большого счастья он ей не дал.

Когда я увидел ее в кабаке, в моем сердце вспыхнула любовь. Я всегда отличался страстной натурой, но такого чувства мне еще испытывать не доводилось. Она родила от меня ребенка, который умер через несколько дней от лихорадки. Мы скрывали наши отношения, не желая создавать проблем под собственной крышей. У моей жены случались припадки ревности и безрассудного насилия. Однажды она даже вонзила нож в мое плечо. Короче говоря, ни я, ни Звездная Ложка так никому и не сказали, кто был отцом погибшего ребенка.

Если бы Ли По нуждался в друге, он выбрал бы мужчину. Но ему требовалась женщина. Вот почему его мысли обратились к Синь Ши. Позже он мог отыскать и своих старых товарищей, любивших теплый мужской разговор, веселое застолье и возвышенные речи. Однако первой на повестке дня стояла Звездная Ложка, и успех его плана зависел только от того, свободен ли ее ватан.

Все началось в 97000 году до нашей эры, когда на Землю прилетели предшественники этиков.

(Лога говорил, что они приступили к проекту около 100000 года до нашей эры, но он округлял даты и свободно накидывал целые тысячелетия.) Более точный компьютер отсчитывал время с 97000 года до нашей эры, и значит, Синь Ши, появившаяся на свет в 721 году по западному исчислению, значилась в архивах памяти как урожденная 97724 года.

Зная год рождения и местность, в которой она родилась, Ли По приступил к настойчивым поискам. Он надеялся, что агенты этиков не оставили без внимания дворец великого монарха и сделали о его обитателях хотя бы несколько фильмов.

На самом деле записей оказалось мало. Очевидно, династия Тан не представляла для этиков большого интереса. Обнаружив это, Ли По сам нарисовал портрет Звездной Ложки, благо его память схватывала все, как когти орла.

Машина экстраполировала рисунок и реконструировала лицо Синь Ши, каким оно выглядело в детстве. Используя полученную модель, компьютер просканировал все файлы по этому периоду времени и отыскал ее — причем не раз, а трижды. Ли По едва не танцевал от восторга, хотя главная радость была еще впереди.

Видеоаппаратура этиков фиксировала не толь-

ко физические тела, но и ватаны людей. Поэтому, используя выделенные кадры, как основу поиска, компьютер просканировал восемнадцать с лишним миллиардов ватанов, которые находились в центральном колодце башни. Если бы Звездная Ложка жила в долине, ее ватан находился бы рядом с телом. То есть вся затея потерпела бы крах. Но компьютер нашел Синь Ши, и уже через пятнадцать минут конвертер переслал ее в жилище Ли По.

Потрясение оказалось настолько сильным, что она долго не могла прийти в себя. Ее последняя смерть приходилась на те ужасные дни, когда питающие камни восточного берега перестали наполнять граали людей. Вместе с ордами других она пересекла Реку, чтобы в смертельной бою добыть себе немного еды.

И там ее убили. Умирая, Звездная Ложка не знала, что воскрешений больше не будет. Она надеялась пробудиться вновь на берегу Реки. Вместо этого ее перенесло в какое-то странное место, которого просто быть не могло в долине.

Рядом с ней стоял соотечественник, лицо которого кривилось в дьявольской усмешке.

— Представляете! — рассказывал Ли По. — Она сначала приняла меня за демона. Впрочем, в

этом Синь Ши ошиблась лишь наполовину. Она не узнавала меня, пока я не заговорил. Но потом на нее нахлынули воспоминания о былом, и она впервые за долгое время заплакала.

Ему потребовалась вся ночь, чтобы объяснить ей суть происходивших событий. Поведав историю о башне и этиках, он уложил Синь Ши в постель и уговорил ее немного поспать. О, как ему хотелось лечь рядом с ней! Однако он смирил свое нетерпение и ушел в другую комнату.

— Я не из тех, кто насилует женщин. Она сама должна захотеть стать моей.

Утром Ли По познакомил Звездную Ложку со своими друзьями. И она действительно оказалась очень красивой и изящной. Ее рост не превышал пяти футов; стройное худощавое тело имело все необходимые округлости; а длинные ноги и большие темнокоричневые глаза притягивали взгляды мужчин, как мощные магниты. Китаянка носила одежду, к которой привыкла на Земле, но она совершенно не подходила под описание поэта. Мир Реки менял людей по-своему.

И от прежней Синь Ши остался только тихий и ласковый голос. Она свободно говорила на эсперанто, владела дюжиной языков, но, к сожалению, не знала английский.

Бертон все еще сердился на Ли По за самовольное решение, но его гнев уже понемногу утихал. Звездная Ложка стояла перед ним, и укорять китайца в нарушении их соглашения было бы не очень прилично. Это лишь расстроило бы женщину и привело к большому спору с Ли По — если только не к дуэли. В любом случае Бертон потерял бы свой авторитет. Кроме того, ситуация в их группе изменилась. Преодолев последнюю опасность, они вновь превратились в восемь сильных личностей, которые отныне не нуждались в вожаке. А значит, каждый из них мог поступать по своему.

Бертон выжал из себя улыбку, но сердитый голос выдал его чувства:

— Сколько женщин ты еще планируешь воскресить?

— Не больше дюжины, — с усмешкой ответил Ли По. — Я же не маньяк.

Бертон фыркнул, и китаец, взглянув на него, продолжал:

— Потом я воскрешу шесть бездельников Бамбуковой рощи — моих верных и лучших друзей. Да вы не бойтесь, они вам понравятся. Это милые и забавные люди. Хотя им тоже захочется женщин… Плюс мои достойные родители, сестры и

братья, и тетя, которую я очень любил. Да! И мои дети! Пожалуй, я найду их первыми…

— На помощь! Вторжение! — с шутливой гримасой закричал Фрайгейт. — Нам снова грозит «желтая опасность».

— Что ты сказал? — спросил Ли По.

— Ничего. Я уверен, что все мы будем счастливы и довольны.

— Я тоже с радостью встречу тех, кого ты захочешь воскресить, — ответил китаец.

Фрайгейт улыбнулся и похлопал поэта по плечу. Он гордился дружбой с этим человеком, хотя, как и другие, находил его иногда несносным.

Глава 14

Питер Джейрус Фрайгейт родился в 1918 году в северном Терре-Хоте, штат Индиана, неподалеку от реки Уобаш. Он считал себя рационалистом, но втайне верил, что каждое место на Земле имеет свое уникальное психическое свойство.

К примеру, почва в местечке Виго несла в своей структуре не только особые качества коренных аборигенов, но и темперамент белых колонистов, которые вышвырнули отсюда всех краснокожих. Поэтому его психика, пропитанная испарениями индейцев и хужеров, уже не могла избавиться от них, независимо от того, сколько испарений иных народов он получал в других местах и в другие времена.

— В некотором смысле я состою из крови краснокожих и пота белых поселенцев.

Время от времени в его голосе появлялась хужеровская гнусавость, и этим он сильно напоминал Гарри Купера — актера, который снимался в фильмах о Монтане. Слово «мыться» Пит произносил как «мыца». «Ведро» у него всегда оставалось «бадьей», а «Иллинойс» — «Эллинойсом».

В детстве он посещал секту Христианской Нау-

ки, религия которой соединяла в себе индусскую и буддистскую философии. Благодаря туповатой и невротичной Мэри Бейкер-Эдди этот религиозный коктейль пришелся по вкусу некоторым янки. Поначалу родители Питера причисляли себя к баптистам и членам епископальной церкви. Но потом случилось «чудо», которое изменило их духовную ориентацию. У тети его отца обнаружили рак, и когда врачи выписали ее из больницы, чтобы она отправилась в мир иной из собственного дома, а не с казенной койки, какой-то приятель посоветовал ей почитать для успокоения души скандально известный «Ключ к писаниям». Она прочитала эту книгу, и ее рак рассосался. После этого почти все Фрайгейты в Терре-Хоте стали преданными последователями Мэри Эдди и церкви Иисуса-ученого.

Будучи ребенком, Питер часто путал Иисуса с учеными, о которых он читал в семилетнем возрасте, — Франкенштейном, Дулиттлом и Ван Хеслингом. Двое из них тоже занимались воскрешением мертвых, а Дулиттл, который позже слился со Святым Франциском, еще и разговаривал с животными. Одаренный мальчуган с богатым воображением представлял себе бородатого Христа в лабораторном халате. Именно

здесь тот проводил свободное время, когда не бродил по фермам и не проповедовал свои научные открытия.

— Пора приступать. Как считаете, Иуда? Мне кажется, эту ногу надо пришить сюда, но я понятия не имею, откуда взялся этот глаз и куда нам его присобачить.

Эта беседа происходила в тот момент, когда Иисус пытался воскресить Лазаря. Проблему усложняли другие тела, которые находились в могиле перед последним погребением. Пролежав три дня в расщелине под жарким солнцем, Лазарь уже успел разложиться и рассыпаться на части — что, в общем-то, и привело к неразберихе с органами. Из-за тяжелого запаха Иисус и его ассистенты, Иуда и Петр, носили поверх хирургических масок военные противогазы.

Рядом с ними располагались гигантские реторты с булькавшей жидкостью; чуть поодаль находились статические генераторы, стрелявшие разрядами из круглых металлических шаров; у стен стояли книжные шкафы и лучшее оборудование голливудских лабораторий. Питер тогда еще не видел фильма о Франкейнштейне, который вышел на экраны в 1931 году. Однако в шестилетнем возрасте его водили на немой кино-

фильм о безумном ученом, поэтому он прекрасно знал, как выглядят научные лаборатории.

Иуда нервничал по поводу расходов. Он исполнял роль казначея в организации доктора Христа и лучше всех понимал, насколько они зависели от добровольных пожертвований верующих.

— Эта операция влетит нам в копеечку, — хрипло сказал он великому ученому.

— Да, но подумай о рекламе. Когда миллионер Иосиф из Аримафеи услышит о наших результатах, он вложит в нас столько шекелей, что нам их хватит на оживление целого кладбища. Мы спишем эту операцию на его счет, и он получит за свою благотворительность шестипроцентную скидку на налог.

Позже, размышляя о своих фантазиях, Фрайгейт поймал себя на том, что тогда он еще не знал о рекламе и налоговых скидках. Скорее всего, он немного реконструировал свои детские вымыслы, хотя они казались ему ничем не хуже многих изданных книг.

Эта версия о Христе-ученом приохотила юного Фрайгейта к чтению научной фантастики. По горло занятый Свифтом, Твеном и Дойлем, Баумом, Дюма и Гомером, он едва находил время для Библии и карманного издания Джона Банья-

на, иллюстрированного Доре. В его запутанных лабиринтах подсознания религиозные тексты смешивались с работой ученых, которые спасали человечество от неминуемой гибели. Те прежние журналы и книги научной фантастики проповедовали рационализм и неодолимую силу логики. Юный Питер верил, что только наука может вывести людей из той кутерьмы, которую они наворочали за последнюю сотню тысячелетий. Родившись в высокоразвитом технологическом обществе, он тогда еще не знал, что в каждом ребенке присутствовали каменный, бронзовый и железный века — багаж, который нес на свой плечах каждый мысливший человек. Некоторым счастливчикам удавалось избавиться от части этого груза, но никто и никогда не отбрасывал его полностью.

Впрочем, возможно, Нур исключение?

— Даже в тех эпохах имелось много хорошего и желанного, ответил мавр. Зачем же мне избавляться от этого?

Когда Фрайгейту исполнилось одиннадцать, его родители впали в религиозную апатию. Они перестали посещать Первую Церковь Христа-ученого на Гамильтон-бульваре, но отец настоял на том, чтобы их старший сын по-прежнему ходил

на все церковные собрания. Отвозить его на Гамильтон-бульвар не хотелось ни отцу, ни матери, поэтому они устроили Питера в воскресную школу пресвитерианской церкви, которая находилась на Аркадия-авеню недалеко от их дома.

И тогда на полной теологической скорости он ушел с головой в теорию предопределенности. Однако и она не излечила его от контузии души и философских травм, нанесенных необъясненными противоречиями.

— После этого мир стал для меня больничной палатой для выздоравливающих, — рассказывал он Бертону. — Хотя я, конечно, кое в чем преувеличиваю.

К тому времени Фрайгейт уяснил, что людей награждали с небес только в том случае, если их жизни были наполнены хорошими делами, а сами они непоколебимо верили в существование Бога и самодостаточность Библии.

— Однако пресвитериане утверждали обратное. Они говорили, что нет большой разницы в том, какими являются люди, — тщеславными грешниками или примерными христианами. За тысячи лет до создания вселенной великий Бог уже определил, что этот нерожденный человек будет спасен, а тот нерожденный человек будет

проклят. Их вера очень похожа на теорию Твена о глобальной предопределенности событий. В тот миг, когда первый атом столкнулся со вторым, цепь событий замкнулась в определенном направлении, и отныне все явления заданы углом и скоростью, с которыми эти два атома врезались друг в друга. Если бы угол и скорость имели другие значения, наш мир выглядел бы совершенно иначе. Таким образом, жизнь человека определена во всем, и ничего уже нельзя изменить. Или, выражаясь языком двадцатого века, мы запрограммированы на все сто процентов.

Вся хитрость божественного замысла заключалась в том, что люди не могли сказать себе: «Какого черта?» — и жить распутной безответственной жизнью. Мы верили в непреложность христианского уклада, и, что хуже всего, нам приходилось следовать этим правилам. От нас требовалась вера в Бога, и при этом нам запрещали быть лицемерами. Но до самой смерти человек не знал, куда определена ему дорога — в рай или в вечное пламя ада.

Если верить словам пресвитериан, каждый из нас мог грешить всю жизнь.

Если Бог отметил человека как спасенного, великий грешник раскаялся бы в последний

момент и вкусил вечного блаженства. Но кто мог дать гарантии, что это случится с нами?

Наверное, мне следовало рассказать родителям о своей духовной агонии.

Они избавили бы меня от сомнений и объяснили, что на свете нет таких вещей, как ад и предопределение. По крайней мере, они успокоили бы меня. Но я стеснялся говорить им об этом и молча страдал. А может, во всем виноваты проблемы с общением? Тогда остается только сожалеть, что мои родители не знали, чему на самом деле меня учили в воскресной школе, до которой можно было дойти пешком. Короткая прогулка в ад сомнений и отчаяния.

— Неужели ты так сильно страдал? — спросил Бертон.

— Это случалось лишь иногда и длилось недолго. Будучи смышленым и любознательным мальчишкой, я понимал, что взрослые в церкви играли в какую-то свою игру. Они только притворялись, что верят в предопределение, а сами в реальной жизни придерживались абсолютно других принципов. И уж, конечно, они не страдали от сомнений и сожалений по поводу их странной доктрины. Они признавали ее лишь на словах и забывали о ней, едва выходили из

церкви, — а возможно, и еще быстрее.

Читая о жизни Твена, я видел, что он тоже не верил в свою безбожную и механическую вселенную. Марк Твен выбирал одни пути и отвергал другие; он всю жизнь совершал волевые поступки, хотя и много говорил об отсутствии свободной воли у людей.

В двенадцатилетнем возрасте Фрайгейт стал закоренелым атеистом.

— Вернее, искренне верующим в науку и считающим ее спасительницей человечества. Я имею в виду науку в руках разумных людей. В то время до меня еще не доходили мудрые слова Свифта, который утверждал, что большинство людей по своей сути являются тупыми иеху.

Он поспешил внести поправку. Большинство людей превращались в иеху лишь время от времени, и только малая часть всегда оставалась поросшим шерстью зверьем. Впрочем, и их хватало с избытком.

— На самом деле наука могла стать нашей спасительницей только в одном единственном случае — если бы ее не использовали во вред. Но люди всегда и во всем доходят до крайности, и, видимо, зло является сутью наших душ. Я понял это только после тридцати пяти лет. Как и у Данте,

мой маленький челн, выплыв на середину жизни, находился еще по ту сторону адских врат.

— Как много времени тебе понадобилось на такую маленькую истину, сказал Нур. — Неужели так трудно понять, что, несмотря на разум, люди остались животными? Гуманность требует сил; вот они и ведут себя, как звери. Так и проще и легче.

— Вот именно, — поддержал его Бертон. — В нас живут не только люди из палеолита, но и двуногие обезьяны. Хотя мне не хотелось бы оскорблять обезьян.

Долгие годы Фрайгейт считал, что у человека вообще не существует души.

И вот однажды его осенила крамольная мысль: если Бог не дал людям бессмертного начала, то они сами должны создать его для себя. Питер написал рассказ, в основу которого легла идея об искусственно созданных душах. Эти синтезированные образования обеспечивали бессмертие, которым Бог не пожелал одарить людей.

В те времена еще никто не касался этой темы. Фрайгейт развил ее до научно-фантастической новеллы, и она получилась довольно интересной. В ней он выразил свое глубинное убеждение в том, что люди должны спасать себя самостоя-

тельно. Бессмысленно ждать спасителя, который, прилетев с небес или другой планеты, искупил бы грехи человечества.

— В чем-то я, конечно, ошибался, но не во всем, — рассказывал Фрайгейт. Мы нашли свое спасение в синтетических душах, но их создали не люди, а внеземные существа.

— Ватан — это еще не спасение, — возразил Нур. — Это только средство, чтобы приблизиться к концу. Спасение может прийти только из глубины сердца.

И оно приходит само по себе.

Слияние науки и религиозных побуждений привело к созданию Мира Реки. Но ватаны завели этиков в тупик. С их появлением наука угасла, как закат солнца, и ведущие позиции заняла метафизика.

Тем временем люди продолжали свое существование, двигаясь в потоке событий и забот. Нравилось им это или нет, но они спали, питались и влюблялись, удовлетворяли старые потребности и искали новые. Задавая вопросы компьютеру, они часто не получали ответов, однако у них оставалась надежда, что однажды им их дадут.

Познакомившись со Звездной Ложкой, Фрай-

гейт немного поболтал с ней о жизни в долине и на Земле. Он с трудом понимал ее эсперанто, поскольку последние полсотни лет китаянка жила среди своих соотечественников восьмого века нашей эры и итальянских сабинов пятого века до Рождества Христова. Ее речь имела множество незнакомых слов, заимствованных из других языков. Устав от путаницы, Питер сослался на дела, извинился и ушел в свои апартаменты.

Его, как и Бертона, тревожил поступок Ли По, который без ведома коллег отважился на воскрешение Звездной Ложки. Впрочем, их группа нуждалась в новых членах; восьмерых человек не хватало для того, чтобы внести в их маленькую общину свежесть и разнообразие встреч. Лишения и беды сплотили их в одно целое — в большую и крепкую семью. Тем не менее, они часто действовали друг другу на нервы и ссорились по пустякам — за исключением Нура.

Фрайгейт не возражал против новых воскрешений, но прежде чем что-то делать, требовалось все взвесить и обсудить с остальными. Ему не нравились поспешные действия, революции, поллюции и тому подобная истерика.

«А ведь Ли По открыл плотину, — размышлял американец. — И теперь остальным тоже захо-

чется воскресить своих друзей. Но мы не готовы к колонизации Туманной башни. У нас нет никаких квот по количеству и составу людей».

Очевидно, эта проблема волновала не только Бертона и Фрайгейта. Однако Ричард, их палочка-выручалочка, не мог взять ситуацию под свой контроль.

Будучи храбрым, сильным и настойчивым человеком, он не имел задатков лидера и годился в вожди только тогда, когда требовались крутые и насильственные меры. Для мирных времен он абсолютно не подходил.

Группа охотно приняла бы руководство Нура эль-Музафира, но тот ни за что не согласился бы стать их лидером. Его ум, доброта и предусмотрительность могли бы помочь им в сложившейся обстановке. Однако мавр утверждал, что стремление к анархии контролировать невозможно.

Глава 15

Когда экран начал показывать рождение Звездной Ложки, она едва не упала в обморок. Бертон не ожидал от нее таких эмоций. Его удивило обилие слез и криков. Как и многие западные люди, он считал китайцев расой «непроницаемых азиатов». Неудержимый и почти маниакальный характер Ли По казался ему исключением, которое лишь подтверждало правило. Смущенно отозвав китайца в сторону, он поделился с ним своим недоумением. Ли По громко рассмеялся и сказал:

— Наверное, китайцы твоей эпохи старались не выражать своих эмоций при странных и опасных ситуациях. Но я и Звездная Ложка принадлежим седьмому веку. Неужели ты думаешь, что мы похожи на них? Это то же самое, как сравнивать тебя и англичан седьмого века.

— Ты прав, а я достоин упреков и наказания, — пошутил Бертон.

— Мне кажется, ее тревожит не столько то, что она видит сейчас, как то, на что ей придется смотреть в дальнейшем, тихо произнес Нур.

При виде картин чужого прошлого они чувство-

вали смущение и беспокойство. По этой причине Бертон предложил выбрать для общих встреч и совместных ужинов одно из пустовавших помещений. Закрасив стены, они избавились бы не только от экранов, но и от стыда за свои прошлые поступки.

Все согласились, и на этом их очередная встреча закончилась. Вернувшись к себе, Бертон дал компьютеру особые указания и заказал двух андроидов, которые через тридцать секунд появились в камере конвертера. Один из них во всем походил на полковника Генри Корселлиса в годы его командования Восемнадцатым полком бомбейской пехоты. Второй андроид представлял собой копию сэра Джеймса Аутрэма — героя индийской компании и представителя ее величества в Адене.

Корселлис невзлюбил Бертона из-за пустяка. На одной из офицерских пирушек Ричард наскоро сочинял эпиграммы на своих друзей. Зная вздорный и обидчивый нрав командира, он пропустил его имя в своей шутливой перекличке.

Однако Корселлис потребовал куплет про себя, и Бертон продекламировал следующую эпитафию:

Вот могила полковника Корселлиса,

Где лежит его бренное тело.
Все остальное находится в аду,
И надо сказать — за дело.

Как он и ожидал, полковник рассердился, и они поссорились. С тех пор Корселлис превратил службу Бертона в сущий ад.

— Хотя я сам виноват. Знал, что так получится, а все равно полез на рожон.

С Аутрэмом вышла другая история. Когда этот офицер стал генералом Индийской армии, он затеял травлю сэра Чарльза Неприера, которого Бертон считал примером для себя и других солдат. Чтобы поддержать товарища по оружию, Ричард начал издавать «Газету Карачи», в которой помещал статьи и письма, посвященные защите отважного офицера. Аутрэм воспринял это как личный вызов и пообещал при первом удобном случае отправить Бертона под пули на передовую. Годами позже, когда капитан Индийской армии Ричард Фрэнсис Бертон попросил разрешения исследовать Сомали, Аутрэм отказал ему в просьбе.

В то время его отказ почти ничего не значил, но генералу удалось ограничить субсидии на африканские исследования.

И вот теперь Корселлис и Аутрэм стояли перед

ним. Первый андроид был в форме полковника, второй носил штатский сюртук. Их лица ничего не выражали.

Они могли улыбаться, но только по команде — и лишь в том случае, если это значилось в программном списке их действий.

— Вы, две задницы! Приступайте к покраске комнат. Все необходимое для работы найдете вон там, — сказал он, указывая на шкаф.

Андроиды не обратили на его жест никакого внимания.

— Посмотрите туда, идиоты! Туда, куда показывает мой палец. Этот шкаф называется конвертером. Там вы найдете лестницы, распылители и краску.

Процедура малярных работ вам известна. При любой нештатной ситуации обращайтесь ко мне.

Сначала Бертон хотел запрограммировать их так, чтобы перед началом работы они облизывали его сандалии. Но потом он посчитал это детским и совершенно бессмысленным актом. Если бы его сандалии вылизывали настоящие обидчики, он бы действительно получил удовлетворение. А так… Хотя Корселлис и Аутрэм не согласились бы лизать его обувь. Да и он не стал

бы воскрешать их — даже в качестве своих лакеев. Бертон давно уже понял, что, унижая других, человек унижает и себя.

Тем не менее неловкие движения двух его слуг доставили Бертону удовольствие, и он даже похихикал, когда они направились к конвертеру. Как жаль, что реальные Аутрэм и Корселлис не могли полюбоваться его работой. О, как они негодовали бы и плевались от злости!

Он вздохнул и подумал о том, насколько жалкой выглядела его месть. Если бы все это увидел Нур, он наверняка бы сказал:

— Такие действия и чувства недостойны тебя, мой друг. Ты становишься ничем не лучше своих врагов и этих жалких протеиновых роботов.

— Значит, мне следовало подставить другую щеку? — прошептал Бертон, продолжая вслух воображаемую беседу. — Но я не христианин. Кроме того, я не встречал таких христиан, которые подставляли бы другую щеку после первого удара.

Ему приходилось поддерживать свой образ честного и прямолинейного человека, поэтому он решил не показывать своих андроидов остальным землянам.

То, что сошло с рук Алисе, стало бы позором для Бертона. Кроме того, создавая роботов с лицами

Гладстона и Дизраэли, Алиса не имела к ним никаких предубеждений. Ее просто забавляло, что на вечеринке им прислуживали два премьер-министра.

Через полчаса Бертон покинул свои апартаменты, хотя ему и не хотелось оставлять андроидов без присмотра. При любой проблеме, которая выходила за рамки программы, они либо игнорировали ее, либо останавливались в ожидании дальнейших указаний. Однако он больше не мог оставаться рядом с экраном, который показывал его прошлое. Время от времени последовательность записанных событий меняла свою хронологию, и в этот день экран демонстрировал эпизоды трехлетнего возраста, в которых его наказывал наставник.

— Я сказал ему, что он дышит, как больная собака, — прошептал Бертон. — И слишком много пердит. А этот ублюдок начал меня бить…

В ту пору он еще не умел читать, но наставник уже обучал его латыни. В свои десять лет Бертон знал латынь не хуже репетитора и свободно говорил на ней.

— Но я выучил ее назло этому висельнику. Ему так и не удалось выбить из меня врожденную способность к языкам. К сожалению, многие дети

ненавидят предметы, которые им преподают учителя с охапкой розог. Для них это одно и то же.

Экран с его воспоминаниями появился на стене рядом с дверью, которую он только что закрыл. Бертон сел в летающее кресло, стоявшее у двери, и развернул его в противоположном направлении. Экран тут же переместился на другую стену. Вставив в уши затычки и опустив на лоб длинный козырек, Бертон погрузился в чтение книги. Очевидно, компьютер не имел указаний переносить экран на пол. Во всяком случае, фильм из детства не мешал ему заниматься своими делами.

Он вновь углубился в учебник грамматики этрусского языка, составленный римским императором Клавдием. Эту книгу Бертон воспроизвел по файлам компьютера. На Земле она считалась утерянной в средние века, но агент этиков отснял ее копию почти сразу же после того, как Клавдий дописал последнюю страницу. Пока земные лингвисты оплакивали потерю этого шедевра, он спокойно хранился в записях предусмотрительных этиков.

Перелистывая страницу, Бертон поднял голову и взглянул на экран. На него смотрело раскрасневшееся и разъяренное лицо Мак-Кланахана. Затычки в ушах не пропускали звук, но Бертон

читал слова по губам. Наставник вновь срывал на нем злость, ругая, оскорбляя и предрекая адские муки. Он снова кричал, что маленького Ричарда унесут с собой черти и что для него уже готова раскаленная сковорода, на которой жарят маленьких своевольных негодяев.

Бертон не видел своих губ, но явно кричал в ответ: «Тогда там и встретимся!» Малыш, очевидно, хотел уйти, но наставник поймал его за руку и отстегал розгой. И Бертон знал, что он не плакал и не просил прощения, а упрямо сжимал губы, чтобы Мак-Кланахан не получил удовольствия от его обиды и унижения. Наставник сердился все больше и больше, и его удары становились больнее. Но он не мог отхлестать мальчишку так, как ему бы того хотелось.

Отец Ричарда одобрял применение розг, считая что они прививают детям послушание и любовь к наукам. Однако он не потерпел бы избиения сына.

Бертон снова опустил голову и, превратив свое внимание в острый меч, начал нанизывать на него этрусские слова и правила грамматики. Прочитав две страницы, он зажмурился и попытался представить их в уме. Они возникли перед ним, как на экране. Бертон открыл глаза, проверил

точность своей памяти и удовлетворенно улыбнулся. Он по-прежнему впитывал в себя слова, как губка.

Конечно, изучение языков во многом зависело от способности запоминать, но для живой речи требовался этруск. Бертон подумывал воскресить одного для практики. А что он делал бы с ним потом? Поймав себя на этом проклятом «что потом?», Бертон усмехнулся и покачал головой.

И тут его осенило. Он мог изучать этрусский язык по таким же фильмам, какой теперь показывали ему. Почему бы не прокрутить воспоминания мертвых людей? И зачем ему живой этруск, когда можно обойтись и мертвым?

Произнеся кодовое слово, он велел компьютеру сформировать на стене экран. На его вопрос, можно ли просматривать чужие воспоминания, машина ответила, что их действительно можно извлекать и показывать в виде фильма.

Однако некоторые записи не подлежали воспроизведению из-за команд запрета, введенных ранее.

Бертон взглянул на часы. По его расчетам андроидам уже полагалось закончить работу.

К тому времени на экране воспоминаний появился Неаполь, где их семья отдыхала после

долгого путешествия по южной Европе. Ричарда снова колотил наставник, но на этот раз Дюпре — дипломированный выпускник Оксфорда.

По словам Фрайгейта, их жизни прокручивались, как фильмы. Но прежде чем показать основные кадры, сначала демонстрировали анонс из отрывков.

Наблюдая за жизнью в Неаполе, Бертон вспомнил, что в тот период он часто занимался онанизмом в компании с соседскими мальчишками. Подумав о том, что эти сцены могут увидеть его друзья, он покраснел и вспотел от смущения.

А что же им делать с бесчисленными посещениями отхожих мест или с невыносимо откровенными сексуальными сценами? Он еще раз похвалил себя за идею окрасить то помещение, где они будут встречаться друг с другом. Бертон знал, что делал, когда решил покрыть краской стены своей квартиры. И догадывался, что остальные поступят так же — если, конечно, они имели мозги.

Он вернулся в зал и осмотрел помещение. Все экраны находились под толстым слоем краски. Андроиды только что-то закончили работу в спальне и перешли в коридор. Англичанин понимал, что ему не раз захочется взглянуть на свое

прошлое. Он велел протеиновым роботам оставить несколько комнат неокрашенными. Теперь Бертон сам мог выбирать время для просмотра своих воспоминаний.

А может быть, и нет. Он выругался и щелкнул пальцами. Подойдя к консоли дополнительного компьютера и включив дисплей, Бертон взглянул на экран и улыбнулся. Там не было ненавистных картин. Очевидно, для демонстрации воспоминаний компьютер мог использовать только стены.

Аутрэм доложил, что покраска закончена. Бертон приказал андроидам разобрать лестницы и отнести в конвертер полные и пустые баллончики.

Дезинтегрировав их, он велел Корселлису и Аутрэму войти в камеру преобразователя. Как только дверь за ними закрылась, энергия полыхнула огнем, и от роботов не осталось даже щепотки золы.

На миг ему показалось, что в глазах андроидов промелькнула мольба. Но они не имели разума и инстинкта самосохранения.

Стены, пол и потолок зала выглядели отталкивающе белыми. Бертон решил разрисовать их незатейливым орнаментом, но в это время раздался сигнал вызова. Подойдя к дисплею вспо-

могательного компьютера, он увидел на экране лицо Фрайгейта.

— Я осмотрел маленькие миры на верхнем этаже башни, — сказал американец. Интересно, что компьютер не показывает там прошлого. Возможно, этики обезопасили свои заповедные места какими-то программами, которые не удалось переделать даже Снарку. Но у меня есть другая причина, по которой мы должны встретиться около этих комнат. Они очаровали меня иллюзией свободы. Во всяком случае мне там гораздо лучше, чем в своей квартире, и я хочу предложить нашей группе перебраться туда. Пусть каждый выберет себе мир на свой вкус. Мы можем менять там все что угодно. Лично я уже знаю, какой будет моя крохотная вселенная. А то центральное помещение между комнатами мы могли бы использовать для общих встреч и торжественных церемоний.

Тем же вечером они встретились на центральной площадке «преднебесного» уровня, чтобы обсудить предложение Фрайгейта.

— Вы можете посмотреть эти места сами, — говорил американец. — Они просто сказочны.

Он напомнил им, что сечение башни делилось на тридцатиградусные сегменты. Острые усе-

ченные концы двенадцати частей, соединяясь вместе, образовывали круглую центральную площадку.

— С высоты птичьего полета этот уровень выглядел бы как зодиакальная карта. Она тоже разделена на двенадцать частей или двенадцать домов:

Водолей, Овен, Телец, Близнецы и так далее. Если вы не против, мы могли бы выбирать себе комнаты по этому принципу, то есть по датам наших рождений.

— А зачем? — спросил де Марбо.

— Я только предлагаю способ выбора. Используя зодиакальный метод, мы могли бы избежать лишних споров. Хотя на мой взгляд, все эти комнаты одинаковы, и причин для разногласий, в принципе, не существует. Но решать, конечно, вам.

Все сказали, что им по душе такой выбор сегментов.

— А я не знал, что ты веришь в такую чепуху, — произнес Терпин, похлопав Фрайгейта по плечу. — Все эти астрологические карты — просто забава для климактерических дам.

— Я не верю в астрологию. Однако кое-что знаю о ней. Взять хотя бы Ли По. Согласно западному

календарю, он родился 19 апреля 701 года. То есть он — Овен и принадлежит первому дому, принципом которого является энергия. Мы все знаем Ли По, и он действительно очень энергичен.

— Это еще мягко сказано! — самодовольно отозвался китаец.

— Кроме того, первый дом является домом исследователей и путешественников, что вполне соответствует склонностям нашего друга. Твои положительные качества описываются тремя словами: свободой, оригинальностью и динамикой.

— Верно! Мне надо побольше узнать об этой западной астрологии.

— Твоими отрицательными качествамиявляютсябезрассудство, самонадеянность и лживость, — с улыбкой продолжал Фрайгейт.

— Что ты сказал? Ты назвал меня лживым? Возможно, я и бываю безрассудным — хотя в мои времена это называли храбростью. Но как ты мог обвинить меня в самонадеянности и лжи?

— Не обижайся, Ли. Я только повторяю то, что астрология говорит о твоем знаке. Человек способен преодолевать свои недостатки. И, очевидно, ты победил все плохое, чем наделила тебя судьба.

— Питер имеет в виду, что отрицательные качества могут превращаться в положительные, — добавил Бертон.

— Тебе подходит дом Овна? — спросил Фрайгейт.

— Конечно! Он же первый!

Американец повернулся к Алисе:

— Ты родилась 4 мая 1852 года. Ты Телец, и твоим домом управляет Венера.

Можно сказать, что ты очень эмоциональна.

— Подумать только! — произнес Бертон, и Алиса метнула в него сердитый взгляд.

— Тельцы — это смиренные строители. Твои положительные качества — преданность, зависимость и терпеливость. Ты ведешь непрерывную борьбу со своими желаниями, жадностью и гордостью.

— Что-то я этого за собой не замечала, — тихо сказала Алиса.

— Тебе подходит второй дом?

— Да, конечно.

Фрайгейт приблизился к Томасу Терпину, который, покуривая папироску, время от времени прикладывался к бутылке бурбона.

— Твой выход на сцену жизни пришелся на 21 мая 1873 года. Попав в дом Близнецов, которым

управляет Меркурий, ты обрел такие черты, как гениальность, пластичность и способность к творчеству. Люди искали твоего общения и протекции…

— Продолжай, парень. Ты мне нравишься!

— Но твоими отрицательным качествами являются… хм-м… двуличие, поверхностность и непостоянство.

— Это наглая ложь, приятель! Я никогда не был двуличным! Где ты набрался такой чепухи?

— Никто тебя ни в чем не обвиняет, — ответил Фрайгейт. Если у тебя нет отрицательных качеств, значит, ты их просто преодолел.

— Так вот запомни! Я не двуличный! А если тебе не нравится моя осмотрительность и обходительность, мы можем общаться с тобой и по-другому.

Возможно, у тебя сейчас плохое настроение, но зачем же портить его остальным? Это, парень, добром не кончается.

— Ты согласен занять третью комнату?

— Она ничем не хуже других, а возможно, даже и лучше.

— Среди нас нет рожденных под знаком Рака, — сказал Фрайгейт. — Поэтому четвертое помещение останется пустым. Пятый дом — Лев, которым управляет Солнце. Его представители

отличаются жизнестойкостью и драматизмом. Это я о тебе, Марселин. Ты родился 18 августа 1782 года?

— Да, — ответил де Марбо.

— Львы царственны…

— Верно!

— …привлекательны…

— Совершенно верно!

— …и очень внушительны.

— Трижды верно!

— Однако их плохими качествами являются напыщенность, деспотичность и тщеславие.

Француз покраснел и нахмурился. Остальные громко захохотали.

— Вот он и тебя уложил на лопатки! — давясь от смеха, сказал Терпин.

— Так ты принимаешь пятый дом или нет? — спросил барона Фрайгейт.

— Учитывая, что мы просто развлекаемся с астрологией, я беру эту комнату. Но прошу не путать мои задатки лидера с деспотизмом! Да, у меня действительно есть чем похвастать, но разве вы слышали от меня похвальбу? Я не тщеславен и никогда, слышите, никогда не был напыщенным человеком!

— Никто и не собирается это оспаривать, — дву-

смысленно ответил Фрайгейт. Давайте перейдем к шестому дому — дому Девы, который управляется Меркурием.

Представители этого знака склонны к анализу событий и ведут общественную жизнь. Ты, Афра, родилась 22 сентября 1640 года и, как все Девы, наделена практичностью и благоразумием.

— Никогда такой не была и не буду, — сказала Афра.

— Но помимо всего прочего Дева излишне критична, чопорна и часто страдает ипохондрией.

Бен язвительно рассмеялась:

— Это я-то чопорная? С моей репутацией и непристойными драмами?

— Тебе подходит шестой дом?

— А почему бы и нет?

— О чем ты говоришь? — возмущенно вскричал де Марбо. — О каком доме может идти речь? Я думал, мы будем жить вместе! Неужели я чем-то обидел тебя, моя маленькая капусточка? Неужели моя любовь больше ничего не значит? Если ты заведешь собственный дом, мы… черт возьми… больше не будем делить одно ложе под одной крышей. Подумай об этом! Неужели я тебе надоел?

Она похлопала его по руке.

— Успокойся, мой боевой петушок. Я по-прежнему тебя люблю. Но… Мы всегда вместе, никогда не расстаемся, и наша близость становится слишком уж докучливой. Кроме того, мне хочется иметь свой собственный мир.

Представляешь, мы построим два дома и будем ходить друг к другу в гости.

Одну ночь ты проводишь в моем мире, другую — я в твоем. Ты будешь захватывать мою империю и увозить меня в плен. Или я, как венценосная королева, буду приглашать тебя к себе с дружеским визитом для обсуждения некоторых интимных дел.

— Даже не знаю, что сказать, — ответил барон.

Афра пожала плечами:

— Если нам это не понравится, мы снова будем жить вместе, как и прежде.

Неужели ты боишься, Марселин?

— Я? Боюсь? Как ты могла подумать такое! Хорошо, Питер! Я беру себя пятый дом, а Афра — шестой. В худшем случае мы останемся соседями.

— С толстой стенкой, разделяющей вас. Но только стены делают соседей хорошими друзьями.

— И плохими любовниками, — добавил Бертон.

— Ты слишком циничен, мой друг, — сказал де Марбо.

— Весы и Скорпион, то есть седьмая и восьмая комнаты побудут пока пустыми, — сказал Фрайгейт. — Девятый дом принадлежит Стрельцу, которым управляет Юпитер. Основой образ поведения определяется экспансией внутрь и во вне. Стрелец любит философствовать, что вполне соответствует харатеру Нура. Согласно древней науке, ты общителен, склонен к логике и пророчествам.

— А что еще? — спросил Нур.

— Отрицательными качествами являются грубость, фанатизм и нетерпимость.

— Все это было в моей юности, но там и осталось. Я давно уже распрощался с ними.

— Козерогов среди нас нет, и поэтому мы переходим к моему знаку — Водолею. Одиннадцатый дом управляется Сатурном, который любит поучать других, и Ураном, раздающим дары возможностей. Водолей облагораживает окружение. Он соединяет в себе находчивого дипломата и благородного альтруиста. К сожалению, его отрицательными качествами является эгоизм, эксцентричность и импульсивность.

— И ты признаешь себя виновным в этом? —

спросил Бертон.

— Более-менее. А теперь, Дик, перейдем к тебе. Ты родился 19 марта 1821 года. По идее, Рыбы должны содействовать гармонии, но в твоем случае…

Впрочем, ладно. Обойдемся без критики. Рыбы управляются Нептуном и Юпитером.

Первый превращает людей в идеалистов, а второй побуждает к экспансии. Тут, пожалуй, возражений нет. Положительными качествами являются интуиция, привлекательность и артистичность.

— Но в то же время, как ты мне уже говорил, я сделал из себя доморощенного мученика, — добавил Бертон.

— Теперь нам предстоит разойтись по новым домам, — подытожил Нур. — И мы понесем туда груз добрых и недобрых качеств. Жаль, что нельзя оставить эти чемоданы за дверью и двинуться в путь налегке.

Глава 16

Переезд в «небесный пирог» <Это выражение аналогично «журавлю в небе».> потребовал небольшой подготовки.

Обследовав свои маленькие миры, обитатели башни какое-то время не знали, сохранять их в прежнем виде или создавать что-то новое — на собственный вкус и лад. Кроме Нура, которому понравилось помещение с зеркалами, все остальные решили изменить обстановку огромных комнат. Пока орды андроидов и роботов занимались реконструкцией, люди размышляли над деталями, просматривали файлы компьютера и выбирали для себя те или иные элементы оформления. Затем они вносили поправки в чертежи, и строительные конвертеры претворяли их мечты в реальность.

В конце концов Нур передумал и сказал, что останется в своей квартире.

Он планировал посещать мир зеркал только для того, чтобы медитировать там на отражениях.

Бертон тоже не захотел менять свои апартаменты, чем удивил почти всех друзей. Он всегда

считался неисправимым бродягой, который терял покой, если оставался на одном месте больше недели. Свое нежелание переезжать на верхний этаж Бертон объяснил тем, что еще не закончил создание личного мира. Затеяв строительство арабского дворца, он возвел его до середины, а затем ликвидировал все, что уже сделал. Через некоторое время англичанин вновь приступил к строительным работам и по прошествии двух недель приостановил их на неопределенный срок.

— Скорее всего, Дик догадывается, что это будет его последний дом, и поэтому не хочет переезжать туда, — сказал Нур. — Куда бы он отправился дальше?

После переезда шести членов группы друзья подготовили центральную площадку для торжества и устроили там новоселье. Оно получилось не очень радостным, так как посреди праздника Бен и де Марбо поссорились друг с другом. Француз перебрал и вспылил, когда Афра вновь отказалась жить в его мире. Потеряв на собой контроль, он начал обвинять ее в том, что она к нему охладела.

— Я имею право на свой мир, — надменно ответила она. — Тем более что этот мир я создала

сама.

— Место женщины рядом с мужчиной, которого она любит! И ей следует идти за ним, куда бы он ни пошел!

— Мы уже говорили с тобой на эту тему, — резко ответила она. — И мне уже надоели твои упреки.

— Мадам, вам следует находиться под моей крышей. Это не только просьба, но и мое условие! Иначе как я могу вам доверять?

— Вы хотите сказать, сударь, что я не могу отойти от вас даже на минуту?

Какая же это любовь, черт возьми, если нет и капли доверия! Неужели вы считаете меня дешевой шлюшкой, которая при малейшей возможности прыгает по кроватям других мужчин, как блоха? Или вы относитесь так ко всем женщинам?

Стыдитесь, барон! А как же вы оставляли в одиночестве свою жену, когда были солдатом? Наверное, надевали на нее пояс верности…

— Не сравнивайте себя с моей женой! — закричал де Марбо. Она выше любых подозрений!

— Да здравствует новый Цезарь! — насмешливо ответила Афра. Между прочим, жена настоящего Цезаря наставила мужу вот такие рога! Неужели вы думаете, мой драгоценный кусочек дерьма,

что ваша супруга чем-то от нее отличалась?

Барон взъярился и, перейдя на французский, начал выкрикивать проклятия и оскорбления. Афра гордо отвернулась и скрылась в дверном проеме шестого дома.

Когда круглая дверь закрылась, она заплакала. В тот миг ей казалось, что она теряла своего любовника навсегда. В ссоре с де Марбо говорила не Афра, а ее эмоции, и теперь опыт зрелой женщины подсказывал ей, что она перегнула палку. Скольких же мужчин она оттолкнула от себя подобным образом? Пусть не сотню, но, пожалуй, больше двадцати. Афра даже не помнила некоторых по именам. Хотя она знала, что вскоре вспомнит их, увидев на экране в картинах прошлой жизни. Правда, в этом маленьком мире она могла не бояться навязчивого прошлого.

Поднявшись по ступеням на верхнюю площадку, она открыла дверь и шагнула в свой мир. Рядом с дверью находилось еще одно летающее кресло. Афра села в него, взлетела на сотню футов и понеслась вперед. Под ней простирались тропические джунгли с полосками узких рек, блестевших при свете искусственной луны. Из темной массы растений доносились крики ночных птиц; мимо нее проносились силуэты

летучих мышей, которые ныряли в кроны деревьев всего лишь в нескольких футах под ее ногами. Свет полной луны был в два раза ярче сияния земного ночного светила. Крупные звезды напоминали созвездия экваториальной Южной Америки. На небольшой прогалине мелькнула тень огромного животного — скорее всего ягуара. Чуть сбоку слышался плеск и ревели аллигаторы. Ветер овевал ее лицо и теребил подол вечернего платья.

Она направила кресло к большому озеру в центре джунглей. Его воды серебрились широким кольцом вокруг великолепного дворца. Афра воссоздала его по образу того миража, который видела однажды, путешествуя из Антверпена в Лондон. Призрачный дворец возник неподалеку от корабля, словно по волшебству. Видение напугало всех, кто находился на палубе, но Афра не могла отвести от него глаз.

Сказочное строение имело четыре этажа. Его стены, выложенные мрамором различных оттенков, окружали ряды резных и винтообразных колонн. Их обвивала цветущая лоза, а на шпилях в порывах бриза реяли узкие флаги. На каждой колонне виднелись фигурки маленьких купидонов, которые, казалось, поднимались вверх,

помогая себе взмахами небольших трепещущих крыльев.

Дворец видели все, кто находился на палубе корабля. Но откуда пришло это видение? Обычно миражи отражали реальные вещи. Но неужели в Англии или на континенте имелся такой фантастический дворец, построенный в стиле рококо?

Это необъяснимое видение не давало Афре покоя всю оставшуюся жизнь — как на Земле, так и в Мире Реки. Она попросила компьютер объяснить ей смысл явления, но машина лишь сослалась на ее биографию, написанную Джоном Джилдоном. Эта книга, изданная после смерти Афры Бен, заинтересовала ее и возмутила неточностями и откровенной ложью. Она запросила всю доступную литературу, связанную со своим именем, и прочитала произведения Монтегю Саммерса, Бернбаума и Сэквилла-Уэста. Все вышеназванные авторы усердно пытались отделить истину от романтики и измышлений. Однако это им не удалось. И упрекать их тут было не в чем. Официальных документов о ней почти не существовало, а ее новеллы, пьесы и поэмы либо искажали исторические факты, либо вообще не имели к ним никакого отношения.

Своим отцом Афра считала цирюльника

Джеймса Джонсона из Кентербери. Ее мать умерла через пару дней после родов, и малышку вместе с братом и сестрой усыновили их родственники — Джон и Эми Эмис. В ту пору они и представить себе не могли, что маленькая девочка станет первой англичанкой, которая будет жить на деньги, полученные от литературной деятельности. К сожалению, антологии последующих веков не пожелали включить в свои подборки ее прозу и поэмы, поэтому до читателей двадцатого века дошла лишь одна новелла, представленная критиком, как второстепенный образчик классики.

Ее блистательное внедрение в доселе мужскую литературу шокировало многих писателей и критиков. Их пристрастные и мстительные замечания приводили ее в бешенство, и она отвечала на них в том же духе, без жалости и промедлений. Будучи первопроходцем в дебрях женоненавистников и самодовольных ничтожеств, Афра страдала от жгучих уколов и брошенных камней.

Но она проложила путь тем многочисленным толпам женщин, которые связали свою судьбу с бумагой, ручкой и карандашом.

В детстве она была нервным и болезненным ребенком. Тем не менее Афра без проблем пере-

несла шесть тысяч миль тяжелого и опасного путешествия в Суринам — английскую колонию на севере Южной Америки. Благодаря протекции влиятельного родственника, лорда Уиллоуби Паремского, ее приемный отец получил высокий пост в суринамской колонии. Однако во время плавания через Атлантический океан Джон Эмис умер от «лихорадки». Несмотря на потерю, Афра радовалась жизни и восторгалась всем тем, что дарила ей экзотическая страна.

Она подружилась со старым черным рабом, которого выкрали из королевской семьи какого-то племени в Западной Африке. Его чудесные истории о родине и особое положение среди рабов стали основой романтической новеллы, которую она написала через несколько лет. Афра назвала ее «Оруноко — царственный раб».

— Мне никогда не забыть тех счастливых лет в стране нескончаемой весны.

За апрелем и маем там шел июнь, после которого вновь начинался апрель.

Деревья цвели, зеленели и плодоносили в одно и то же время. Я бродила среди рощ, собирала апельсины, лимоны, цитроны и инжир или наслаждалась ароматом мускатных орехов. Воздух пьянил благоуханием растений. В лагунах и

каналах лах цвели огромные водяные лилии, а над ними летали ярко раскрашенные попугаи и канарейки. Птицы тва-тва издавали звуки, похожие на удары серебряного гонга. Какаду кричали: «Qu`est-ce que dit? Qu`est-ce que dit?» Я писала стихи на странном наречии, которое наполовину состояло из африканских слов и наполовину — из английских. Мы с сестрой ходили в церковь и слушали проповеди о великом Боге, которого звали Гран Гадо; а потом священник рассказывал о его жене Марии и сыне Йези Кисто. Время от времени с гор спускались индейцы, и я видела в их руках сумки, полные золотого песка.

Однако в этом земном раю случались и неприятности. Я часто болела малярией.

А однажды меня спасло от смерти только снадобье негритянского колдуна.

В 1658 году, когда Афре исполнилось восемнадцать лет, ее семья вернулась в Лондон. В девятнадцать она вышла замуж за Ханса Бена — пожилого, но богатого голландского купца. Отсутствие приданого возместили красота, образованность и ум. Но более всего сердце старого купца пленила ее цветущая молодость. Пользуясь своими связями, он устроил жену при дворе Чарльза Второго.

— И это правда, что ты стала любовницей короля? — спросил Фрайгейт.

— Однажды его величество действительно предложил мне переспать с ним в летней беседке, но в то время я уже дала клятву верности своему супругу. В наши дни измена считалась тягчайшим грехом. К тому же я была беременной… хотя позже у меня случился выкидыш. Надо сказать, что я любила своего старого мужа и знала, как оскорбит его подобная неверность. Я любила человека, а не его кошель.

В 1665 году несколько кораблей ее мужа затонули с грузом при штормах или попали в руки пиратов. Потеряв почти все свое состояние, Ханс Бен скончался от сердечного приступа и оставил молодую вдову с пятьюдесятью фунтами. К тому времени, когда она получила работу, у нее осталось только сорок фунтов. Благодаря связям при королевском дворе, Афра стала агентом секретной службы и отправилась в Антверпен для выполнения шпионского задания. Та информация, которую она получала о голландском флоте, ценилась очень высоко, но ее основным заданием являлась слежка за англичанами-отступниками, проживавшими в Голландии. В те времена из Англии бежали многие, и против Чарльза Второго

готовился тайный заговор.

— Да ты настоящий Джеймс Бонд! — воскликнул Фрайгейт.

— Что?

— Это я так, к слову. Не обращай внимания.

— Мне особенно рекомендовалось завести дружбу с Уильямом Скоттом, чтобы в дальнейшем склонить его к возвращению в Англию. Он не пожелал уезжать из Голландии без твердых гарантий короля, но все же согласился сотрудничать со мной. А потом у меня кончились деньги. Я послала письмо Джеймсу Хелселлу, виночерпию короля и моему непосредственному начальнику. В своем донесении я попросила его оплатить добытую мною информацию и тем самым поддержать последующую шпионскую деятельность. Однако ответ так и не пришел. Во втором официальном послании я написала о том, что мне пришлось заложить фамильное кольцо, чтобы обеспечить себе пропитание и крышу над головой. Не получив ответа, я послала два письма: Хелселлу и моему другу Томасу Киллигрею, который тоже состоял на секретной службе. Чтобы выпросить пятьдесят фунтов на оплату долгов, я отправила сведения о голландском флоте и сообщила о своих успехах со Уильямом Скоттом.

Но мое начальство по-прежнему молчало.

Написав отчаянное письмо государственному секретарю, лорду Арлингтону, я рассказала ему обо всем, что сделала, и о том, в какую нищету ввергли меня его подчиненные. Мне грозила долговая тюрьма, но лорд Арлингтон плевать хотел на мой позор и страдания.

— А ты не думала о том, чтобы перейти на службу к голландцам? — спросил Бертон.

— Я? Никогда!

Бертон возмущенно покачал головой.

— Значит, уже тогда британское правительство пренебрегало своими солдатами и шпионами.

— Потом я снова написала лорду Арлингтону и попросила направить мне сто фунтов для уплаты долгов и возвращения в Англию. Он так и не потрудился ответить. За свою службу я не получила ни одного пенни, ни слова благодарности от родины и ее чиновников. Может, меня просто сочли за жалкую дуру и бедствующую тупицу? Не знаю… Но, наверное, они не нуждались в моих услугах. Случайно встретив своего знакомого, Эдварда Батлера, я заняла у него сто пятьдесят фунтов и в январе 1667 года отправилась домой.

Утомленная, больная и по уши в долгах, Афра вернулась из Антверпена в Лондон. Она ужас-

нулась, увидев руины города, разрушенного Великим пожаром.

Впрочем, это бедствие имело и положительную сторону, так как пламя уничтожило сотни тысяч крыс и миллионы вшей, которые разносили чуму. Однако Афре было не до пожара и чумы. Мистер Батлер требовал возвращения ссуды, а лорд Арлингтон и король по-прежнему игнорировали ее просьбы об оплате выполненного поручения. Через месяц наступила неизбежная расплата, и Афру бросили в долговую тюрьму.

— Заключенных там кормили только за деньги. Те, у кого их не было, умирали от голода. В тюрьмах свирепствовали болезни, и микробы, врываясь в камеры, как дикари-краснокожие, уничтожали всех без разбора. Смерть очень демократична: она не смотрит на сословия. Ее маленькие посланцы убивали богатых и бедных, старых и молодых.

После Великого пожара многие тюрьмы сгорели или пришли в негодность. В Ньюгейте велись восстановительные работы, и поэтому Афру отправили в Южный Лэмбет. Тысячи люди, потеряв в огне все свое имущество, попадали сюда за долги. В лэмбетскую тюрьму обычно сажали нищих, и она всегда считалась самой грязной и

переполненной. Но после пожара там стало хуже в десять раз, и каждая камера превратилась в чистилище.

— Даже странно, что мне удалось выжить, хотя бывали такие моменты, когда я молила Бога о смерти. Вонь немытых тел и лохмотьев, мерзкий запах от больных, страдавших кровавым поносом, невыносимое зловоние открытой канализации — разве это можно забыть? Вокруг вопили испуганные и истощенные дети. Я затыкала уши от криков тех, кто сходил с ума и впадал в бешенство.

Кашель и рвота, драки, жестокость и воровство, абсолютная невозможность побыть наедине с собой… Если надо было сходить по малой или большой нужде, это приходилось делать в камере с дюжиной других женщин, которые тыкали в тебя пальцами и отпускали непристойные шутки… Половину той пищи, которую приносила мне мать, отнимали охранники, а я платила им дань, чтобы они не насиловали меня, как остальных… Вот так я и жила, изо всех сил сопротивляясь болезням, которые роились в отвратительном воздухе этой адской дыры. Да что там ад! Мы бы только радовались его пламени после месяца судорог от холода и сырости! В каких бы грехах

ни обвинял меня Господь, я искупила их все!

Двое охранников обещали подкармливать ее мясом, овощами и вином, если она будет отдаваться им обоим одновременно.

— Хорошо что мать достала немного денег. Если бы не ее помощь, голод довел бы меня до крайности, и я, наверное, согласилась бы на их уговоры. Мой живот выл от голода, и я уговаривала себя не опускаться до мольбы. Хотя иногда мне казалось, что охранники все же предпочтительнее голодной смерти.

Возможно, меня остановило только то, что один из них, горбатый одноглазый урод с гнилыми зубами, имел французскую болезнь…

— Сифилис или гонорею? — спросил Фрайгейт.

— Скорее всего и то, и другое. Какая разница? В любом случае, благодаря усилиям матери, я избежала их грязных лап. А потом Киллигрей оплатил мои долги и снабдил меня небольшой суммой, чтобы я могла стать на ноги. Правда, этих денег хватило ненадолго.

Афра замолчала и печально улыбнулась. Улыбка делала ее неотразимо красивой.

— Я приврала, сказав, что мне хотелось умереть в тюрьме. На самом деле меня ужасала идея самоубийства. Я никогда не уважала тех, кто поднимал

белый флаг над своим поверженным духом. По крайней мере, я стояла до конца, с остервенелой яростью отбивая атаки смерти… Наверное, поэтому она и отпустила меня с миром.

Я вышла из тюрьмы, худая как скелет. Друг оплатил мои долги, но они появились у матери, которая сделала все возможное, чтобы выручить меня из беды. А я ничем не могла ее отблагодарить. Я осталась без крова, одежды, косметики и книг.

Ей исполнилось тридцать лет. В те времена ее сверстницы обычно уже выглядели как старухи. Многие теряли зубы, и от их гнилых десен исходило кошмарное зловоние. Женщины без мужа, отца и брата — на худой конец, дяди или парочки кузенов — становились легкой добычей мужчин. В случае изнасилования несчастная жертва могла обратиться в суд. Но, как правило, это ни к чему не приводило. Закон служил только богатым и знатным особам. Судьи, адвокаты, приставы и присяжные открыто брали взятки и легко уступали просьбам тех, кто мог им заплатить.

В ту пору женщины сочиняли и прозу и стихи, однако на непрофессиональном уровне. В основном, этим занимались дочери сельских священников, у которых не было других развле-

чений, или знатные дамы, пытавшиеся прослыть мечтательными и немного эксцентричными особами. Ни одна из англичанок даже не пыталась зарабатывать себе на жизнь с помощью чернил и пера.

Афра знала, что может писать интересно, остроумно и увлекательно, а главное, ей не требовалось высасывать темы из пальца. Получив прекрасное образование, она ни в чем не уступала маститым писателям, которые считали создание новелл и пьес сугубо мужским делом. Чтобы занять достойное место в плотных рядах профессиональных литераторов, ей пришлось одолеть немало врагов и пройти сквозь колючие дебри предвзятой критики.

В отличие от многих сверстниц и словно назло превратностям судьбы Афра с годами становилась все более привлекательной и красивой. Она гордилась здоровыми и ровными зубами, которые ей удалось сохранить до самой старости.

Очевидно, ее красота и здоровье объяснялись тем, что Афра провела детство в Суринаме, где вместе с пищей и водой получала какие-то особые минералы.

Впрочем, главную роль здесь, конечно, сыграла ее наследственность. Несмотря на небольшой

рост, она обладала длинными ногами, хотя юбки той эпохи сводили на нет это преимущество. Положение спасала мода на декольте, и ее полные крепкие груди разили мужчин наповал. Прекрасные желтые волосы, большие голубые глаза и густые черные брови придавали ее лицу необычайную привлекательность, хотя общее впечатление немного портили длинный нос и короткая нижняя челюсть. Однако помимо очарования Афра имела еще и волю, которая несла ее по жизни, как упряжка из шести лошадей.

В свое время она раз и навсегда решила не выходить замуж снова. Ее перу принадлежала фраза, вошедшая в сборники великих афоризмов: «Брак — это отрава любви; семейные узы напоминают ссуду, взятую у друга; поэтому я не даю и не прошу никаких клятв!»

И еще она писала:

Согласно строгим правилам чести,
Красота вознаграждается любовью,
А не подлой посулой богатства
И дешевым колокольным звоном.
Отчего она становится бесчестной?
От того, что спит на грязном ложе
Тошнотворного богатого шута,
Ненавистного для плачущего сердца.

Видишь ты имущество вдовы,
Гроб супруга, как ступень к свободе?
Но ее уже не будет!
Нет, не будет, милая блудница...
Забери назад свою любовь
И верни шуту его монеты.
Не клади в его тугой кошель
Бриллианты девичьего сердца.

Несмотря на все эти слова, Афра вложила сокровища своей души в руки очень неверного мужчины. Адвокат Джон Хойл без зазрения совести пользовался и ее телом, и деньгами. А платил презрением и вероломством. А однажды ему чуть не удалось разбить ее сердце на мелкие куски. (В 1692 году, уже после смерти Афры, Хойла убили в кабацкой драке. Об этом ей рассказал Фрайгейт.).

— Один историк утверждал, что твой Хойл придерживался атеистических взглядов и открыто проповедовал гомосексуализм. Он развращал молодежь и поносил Иисуса Христа.

— Во всем этом, кроме последнего, обвиняли и Сократа, ответила Афра. — Но Джон не подходит под твое описание. Просто он не любил меня... Разве что в самом начале...

— Что бы ты сделала, если бы встретила его в долине? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю. У меня нет к нему ненависти. Хотя… Скорее всего, я ударила бы его ногой в пах, а потом поцеловала бы и повела в свою хижину. Или прогнала бы с глаз долой. Надеюсь, мы с ним никогда не увидимся снова.

Афра стала известной, вернее, скандально известной писательницей. Ее окрестили Астрой, по имени звездной девы из мифологии древних греков. Эта дочь Зевса и Фемиды — или, возможно, Титана и Эос — во время золотого века наделяла людей блаженством. С наступлением железного века она покинула Землю, и боги поместили ее среди звезд, как созвездие Девы.

В особняк Афры стекались великие литераторы и их прихлебатели, юные сценаристы и трепетные вдохновенные поэты. Некоторым из них даже удалось побывать в ее постели.

— Однако многие мужчины негодовали по поводу моего успеха, а критики осуждали мои произведения только из-за того, что они были написаны женщиной.

Едва ворочая залитыми ромом мозгами и потирая веки, покрытые сифилитическими язвами, они называли мои пьесы пошлыми и непристойными. Эти люди воплощали порок, но затыкали рот любому, кто начинал писать об этом. Они так

упорно оберегали людей от неприглядной правды, что иногда казалось, будто на Земле живут лишь ангелы и херувимы.

Афре удалось скопить небольшое состояние, которое постоянно истощали светские приемы и ее непомерная щедрость. Она часто сетовала на то, что ее никто не любил, но любовников у нее хватало с избытком. На сорок шестом году жизни она перенесла несколько жестоких и очень мучительных приступов артрита, которые в дальнейшем и довели ее до смерти.

— Мне кажется, последствия сифилиса так же фатальны, хотя и менее заметны.

Писательский труд постепенно превращался в мучение, и бывали времена, когда ручка выскальзывала из ее слабых дрожащих пальцев. Но она продолжала писать и писала с упоением. Ее новелла «Оруноко», занявшая достойное место в английской литературе, вышла в свет незадолго до смерти Афры. 16 апреля 1689 года она завершила свою долгую битву с завистью, предубеждениями и ненавистью пуританского общества.

Вильгельм Оранский — голландский принц, ставший королем Англии — довольно холодно относился к миссис Бен, считая ее безнравствен-

ной и скандальной женщиной. Тем не менее, по его приказу Афру Бен похоронили в Вестминстерском аббатстве.

— Вот это да! Меня погребли среди величайших из великих? Меня, дочь простого цирюльника?

— В мое время этого тоже никто не понимал, — сказал Фрайгейт.

— И в мое, — отозвался Бертон. — Надо будет воскресить одного из ваших современников, чтобы разобраться в этом вопросе.

— Байрона тоже собиралисьпохоронитьвВестминстерском аббатстве, продолжал Фрайгейт. — Но за свои непристойности и богохульства он не был удостоен такой чести. А вот ты ее заслужила.

— И я, — сказал Бертон. — Хотя мне тоже отказали в кусочке земли среди освященных стен. Я заслужил эту честь не меньше любого из тех, кто покоится в аббатстве, но для ниггера Дика там места не нашлось.

Здесь, в Мире Реки, Афра Бен испытала множество разочарований и бед. Но она прожила свою жизнь достойно, и ей не за что было стыдиться. Судьба привела ее в башню, и вот теперь она рассталась с очередным любовником. Афра снова могла сойтись с де Марбо. Хотя теперь это каза-

лось маловероятным.

Впрочем, свято место пусто не бывает. И она не собиралась затягивать свое одиночество.

Глава 17

Пока андроиды строили его личный мир, Питер Джейрус Фрайгейт занимался исследованиями. В отличие от других, он не захотел отказываться от «фильма воспоминаний». И прошлое захватило его целиком и полностью. По ходу дела у Питера появились вопросы, на которые ему никто не мог ответить. Некоторые кадры вызывали слезы и боль, но он заставлял себя смотреть на них снова и снова. На одной из свежеокрашенных стен своей квартиры Питер оставил нетронутым большой квадрат. Он проводил перед ним не меньше часа в день, и в эти моменты прошлое выпрыгивало на него из своих глубин, проникая в мозг через глаза и уши.

Экспериментируя с «фильмом», Фрайгейт понял, что компьютер не настаивает на просмотре всех воспоминаний. Если Питер просил показать ему определенный период времени, машина охотно выполняла эту просьбу.

Позже выяснилось, что компьютер имел таймер, определявший даты и года, к которым относились те или иные воспоминания его подопечного. Фрайгейт мог заказать для просмотра

любой эпизод, если только знал день, в который произошло это событие. Иногда он называл лишь приблизительную дату, а затем сканировал ближайшие участки до тех пор, пока не находил того, что ему хотелось увидеть.

Позже Питер начал замечать, пробелы в своем «фильме». Однажды он выбрал для просмотра 27 октября 1923 года. Ему захотелось сделать выборочную проверку, но этот день оказался пустым. В его памяти не сохранилось о нем никаких воспоминаний.

Компьютер объяснил ему причину подобного явления.

В клетках памяти не хватало места для записи всех восприятий. Механизм мнемонического комплекса стирал все, что считал несущественным для выживания человека, и оставлял резервные места для более ценных событий. Хотя, с другой стороны, часто бывало так, что память сохраняла, казалось бы, совершенно незначительные события.

В свою очередь, ватан мог записывать все человеческие переживания.

Этики полагали, что он вообще ничего не упускал. Однако их слова пока оставались только теорией, поскольку ни один ватан не поддавался

какой-либо проверке. Эта яркая многоцветная сущность своей красотой и безмолвием напоминала Сфинкса.

Компьютер подсчитал, что Питер прожил 55188000 минут. Из них в настоящий момент имелся доступ к 22075200 минутам. Однако это еще не означало, что запись каждой минуты проводилась в полном объеме. В клетках памяти находилось множество фрагментов. И если бы Фрайгейт захотел узнать их число и общую продолжительность, компьютер мог бы дать ему такую информацию.

— Почти две трети фильма о моей жизни осталось на полу монтажной комнаты, — прошептал он. — О Боже! Если бы я начал смотреть этот фильм от начала до конца, мне потребовалось бы 15330 дней! По двадцать четыре часа в сутки целых сорок два года!

Но как могла небольшая кучка серого вещества хранить в себе так много информации? Каким образом в человеческий череп вмещалось так много миллионов и даже миллиардов миль видеопленки?

Фрайгейт попросил показать ему «контейнер», в котором содержался «фильм» его жизни. Компьютер выполнил приказ, и Питер увидел на

экране желтую сферу размером с клюкву. Она была заполнена лишь наполовину.

Больше всего Фрайгейта интересовал самый ранний период детства. Когда ему исполнился год и три месяца, к ним в Терре-Хоту приехала в гости бабушка, которая жила в Канзас-Сити. Она около месяца помогала матери по хозяйству и присматривала за маленьким Питом. По какой-то необъяснимой причине Фрайгейт полагал, что бабушка, исполняя роль няни, относилась к нему очень плохо. Не то чтобы он считал ее садисткой или грубой женщиной, но слишком уж легко она выходила из себя. Основой этих подозрений стали видения, которые Питер переживал во время визитов к психоаналитику. Слегка соприкоснувшись со своими детскими воспоминаниями, Фрайгейт решил, что подавленным и покорным ребенком он стал из-за нечутких и неосторожных действий бабушки. Ему казалось, что именно она посеяла в нем семена тех отрицательных качеств, которые так буйно расцвели в его юношескую пору.

Психоаналитик из Беверли-Хиллз придерживался иного мнения. Однако он согласился провести с ним несколько сеансов на эту тему. Скорее всего он подметил у клиента неосознанное

желание свалить всю вину за свои недостатки на нормальную и добрую бабушку.

Слегка смущаясь, Фрайгейт прокрутил тот период на большой скорости и нашел эпизод, когда бабушка приехала к ним в гости.

Его подозрения оказались необоснованными. Но Фрайгейту понадобилась неделя, чтобы убедиться в этом. Поведение бабушки ни в чем не подтвердило его фантазии. Она не трясла и не шлепала малыша и уж тем более не пугала и не бранила маленького Пита. Иногда бабушка что-то бурчала себе под нос, но она говорила по-немецки, и Фрайгейт не понимал ее даже сейчас. Компьютер мог перевести эти слова на английский, но Питер не посчитал их столь важными.

Что бы она там ни говорила, ее бормотание не могло оказать на него какого-то негативного воздействия. Она ни разу не сердилась на малыша за его плач и мокрые пеленки. Успокаивая Пита, бабушка пела ему немецкие колыбельные и мягко покачивала на руках или коленях.

— Ладно, черт с ним! — сказал себе Фрайгейт. — Перейдем к другой теории.

Скорее всего мой слабый характер зависел от генетической предрасположенности, а не от воздействия окружения.

Он рассказал Нуру о своих исследованиях. Маленький мавр со смехом произнес:

— Имеет значение не прошлое, а настоящее. Нельзя винить вчерашний день за промахи, совершенные сегодня. Мы живем в настоящем времени, и только сейчас ты можешь менять себя и свое отношение к прошлому.

— И все же «фильм воспоминаний» — это уникальный инструмент для психоанализа, — не унимался Фрайгейт. — Жаль, что мы не имели таких вещей на Земле. Пациенты и доктора могли бы просматривать сомнительные периоды жизни и очищать их от вздорных фантазий и отрицательных эмоций. Увидев, что происходило на самом деле, пациент понимал бы суть событий и основывался в своих действиях на верных предпосылках.

— Может быть, но вряд ли. Ты знаешь теперь о себе все. По крайней мере будем считать, что это вполне возможно. «Фильм» разрушил твой надуманный образ, который ты создал, чтобы считать себя всегда и везде абсолютно правым. Он убедил тебя, что остальные люди обращались с тобой нормально, а не походили на монстров и вампиров. Или, наоборот, «фильм» показал эпизоды, когда с тобой действительно обходились ужасно.

Мы можем сказать, что ты теперь удовлетворил свое любопытство, отследив все эти болезненные и унизительные моменты. Ты исполнил свое желание и увидел мир таким, каким он был на самом деле. Сейчас ты стоишь на краю обрыва, собираясь прыгнуть в бездну будущего. Но после такого прыжка ты уже не будешь Питом из прошлого, и поэтому тебе не хочется делать шаг вперед.

Вместо этого ты играешь с прошлым, хотя оно может служить лишь трамплином для предстоящего прыжка или просто мерилом твоего прогресса. Вот такие твои дела!

— А ты разве не смотришь свой «фильм»? — спросил Фрайгейт.

— Нет. Он меня не интересует.

— Неужели тебе не интересно увидеть своих молодых родителей или товарищей по играм?

Нур похлопал себя по голове.

— Они все там. Я могу собрать их вместе, когда захочу.

— Значит, ты считаешь наши «фильмы» пустой тратой времени? Но зачем тогда Снарк устроила этот кинофестиваль? Зачем она дала нам шанс увидеть каждую секунду наших жизней?

— Однако она не лишила нас при этом ини-

циативы. Мы можем смотреть эти «фильмы», а можем и не смотреть. Я думаю, Снарк учитывала возможность покраски стен. И мы просто провалили экзамен, когда начали малярные работы.

— А какое наказание нас ждет за этот провал?

Нур пожал плечами.

— Скорее всего, наказанием будет самоистязание. Я расцениваю это как еще одну неудачу на пути прогресса.

— Но ты сказал, что тебе не нужен просмотр воспоминаний.

— Да, я в нем не нуждаюсь. Но ты и остальные не похожи на меня. Каждый из нас уникален по-своему.

— Может, это просто самоуверенность?

— Все зависит от точки зрения. То, что ты считаешь самоуверенностью, другой человек может воспринимать как вполне обычную вещь.

— Вам, суфиям, нравится играть в афоризмы, — сказал Фрайгейт. — Но вы редко следуете советам, которые даете.

Нур засмеялся. У американца появилось чувство, что он не прошел какую-то проверку. Питера по-прежнему мучила мысль, что он не оправдал надежд Нура, которые тот возлагал на него, как на своего ученика. Он понимал, что никогда

не станет таким же совершенным мастером, свободным от неврозов и слабостей, всегда исполненным логики и сострадания. Однако его раздражало превосходство Нура, и он чувствовал себя униженным, когда мавр поправлял его или указывал на недостатки. Суфий желал ему только добра, но гордость шептала Фрайгейту, что его вновь отвергают, считая недостойным возвышенных истин.

— Суфии не пугаются неудач, — сказал Нур.

— А что ты скажешь, если я попрошу тебя взять меня в ученики?

— Поживем — увидим.

— Я от многого отказался, но тогда мне придется забыть почти обо всем, прошептал Фрайгейт. — Хотя, если мне это надоест, я всегда могу вернуться к прежней жизни.

— Прежде всего тебе следует избавиться от привычки начинать дела и тут же их бросать. Настоящее намерение не должно истощаться так быстро.

— Тогда и цель должна быть действительно великой.

— Что ты этим хочешь сказать?

Не найдя достойного ответа, Фрайгейт рассердился.

— Ты прожил сто тридцать два года, но не научился объединять свои противоположности в единое целое, — сказал Нур. — Ты разделен внутри себя на сравнительно неплохого консерватора и не всегда хорошего либерала. Ты — трус и храбрец. Тебе ненавистно принуждение, но в твоем подсознании живет насильник, которого ты пытаешься подавить. Тем не менее эту часть психики можно взять под контроль и превратить ее в силу, которая ускорит твой прогресс на истинном пути. Ты…

— Лучше скажи мне что-нибудь такое, чего бы я не знал, сердито проворчал Фрайгейт и торопливо ушел от маленького мавра.

Иногда такую же барабанно-философскую дробь выдавал и Ли По. Ему нравилось говорить с Фрайгейтом о процессе становления «округлым», то есть о превращении человека в «целостную личность». По его мнению, это достигалось уравновешиванием инь и ян — своих отрицательных и положительных качеств.

Однако сам Ли По был абсолютно неуравновешенным. Фрайгейт восхищался его энергичностью, поэтической одаренностью и состраданием, изумительными лингвистическими способностями и отвагой, незапятнанной страхом. Но

с другой стороны — а натуры, как известно, многогранны, — китаец обладал чрезмерной склонностью к деспотизму и абсолютно не желал видеть в себе те качества, которые делали его навязчивым и агрессивным. Кроме того, он много пил, хотя и не походил на тех пьяниц, которых Фрайгейт когда-то знал.

Питер считал, что Ли По, несмотря на свое явное превосходство во многих аспектах, имел не больше шансов на «продвижение», чем он сам. Из восьми обитателей башни только Нур, Алиса и, возможно, Афра Бен со временем могли стать кандидатами на «продвижение». Но была ли эта стадия такой желанной?

Теоретически человек, приближаясь к этическому совершенству, завершал свое существование в физической вселенной. Его ватан исчезал из поля действия датчиков и поэтому считался поглощенным аурой божества. То есть он сливался с той невыразимой сущностью, которую люди называли Аллахом, Богом, или Космическим Абсолютом.

Теория утверждала, что ватан становился частью Творца, теряя свою индивидуальность. С тех пор сознание «продвинувшегося» погружалось в вечный экстаз, уровень и качество которого оста-

вались недосягаемыми для физического тела.

— Все это красивые слова, — размышлял Фрайгейт. — А вдруг ватан просто разрушается и исчезает? Сначала красивый пузырь из эктоплазмы, а потом — ба-бах! Но мне бы не хотелось превратиться в ничто? Великий нуль, зеро, нада! Неужели кто-то к этому стремится? А чем хуже обычная смерть? Возможно, она даже лучше. Последний вздох — и прощайте тревоги, душевные муки, разочарование и одиночество. О Смерть, где твое жало?

Однако смерть не имела жала. Хотя, с другой стороны, она и не жужжала, как оса.

Что-то находишь, что-то теряешь — это неизменный закон вселенной.

Вечная и совершенная экономика божественного мироздания.

— Возможно, я и параноик, но все это напоминает мне большую жульническую игру. А каковы мотивы и цели? Жулик должен что-то получить. Так кто же мечет карты в этой игре? И что сейчас стоит на кону?

Иногда Питеру казалось, что его мозг распухает от этих мыслей, как дрожжевое тесто в маленькой кастрюльке. Он чувствовал, что черепная коробка вот-вот взорвется, как баллон под боль-

шим давлением. Наверное, это объяснялось тем, что его мысли почти ничем не отличались от горячего пара.

— Подумать только! Мне сто тридцать два года, а я по-прежнему веду себя как студент-второкурсник. Неужели я так и останусь им навсегда?

Этот второкурсник — умный дурачок, который сидел в нем всю жизнь — отвергал любые советы Нура и не давал избавиться от балласта тревожных мыслей. Вместо этого он выставлял их напоказ и переводил скорый поезд "П.

Фрайгейт" на запасные пути Великой железной дороги. К примеру, как сейчас: на станции П.К.Б.Р. — «питающих камней на берегу Реки».

Он наткнулся на тайну, о которой Лога никогда не упоминал. Хотя, возможно, этик рассказал бы им об этом, если бы его не убили. Как оказалось, питающие камни на обоих берегах Реки служили не только электрическими разрядниками для подпитки индивидуальных граалей. Они наделяли людей напитками, пищей и прочим добром, но помимо этого содержали в себе аппаратуру наблюдения. С помощью своих машин-соглядатаев этики могли видеть и слышать все, что происходило в зоне захвата питающих камней.

Обнаружив это, Фрайгейт углубился в иссле-

дования, однако их масштаб привел его в замешательство. Взяв за начало первый питающий камень в полярной зоне, он начал сканировать правый берег Реки. Каждые две секунды компьютер подключал экран к очередному камню. Через некоторое время Питер понял, что при такой скорости он потратит двести тридцать два дня на обход лишь первой из двух цепочек больших граалей. После этого он стал пропускать по двадцать камней и в течение десяти секунд наблюдать из двадцать первого за окружающей обстановкой. Мелькание человеческих тел, Реки, равнины и гор немного замедлилось, но через час его терпению пришел конец. Он понял, что ему не охватить одним взором все человечество. Тем более что восемнадцать миллиардов находились не в долине, а в записях компьютера и колодце ватанов.

Но оставшееся количество могло лишить сил кого угодно.

— Как всегда, слишком грандиозно, — прошептал он себе под нос. — Мои амбиции на световой год опережают возможности. Я, словно Один, повис на ветке дерева за тысячи лиг от своих фантазий, и они умчались вперед, как восьминогий Слепнир.

Фрайгейт лишь изредка определял национальность людей, которые возникали перед ним на экране. Некоторые из них предпочитали оставаться голыми, однако большая часть носила юбки или набедренные повязки. Женщины добавляли к этому незатейливому наряду небольшие куски полупрозрачной материи, которые заменяли им бюстгальтеры. Расовая принадлежность узнавалась без труда, хотя иногда он сомневался в верности своих суждений. Перед ним мелькали лица: испанские, итальянские, среднеевропейские, греческие, арабские… Но чтобы точно установить национальность, требовался язык. Из динамиков доносились слова на тысяче диалектов, и он не отличал их друг от друга. К счастью, большинство людей говорило на эсперанто.

Через два часа он почувствовал усталость.

— Ладно, хватит скакать, как блоха. Перейдем от коллективного просмотра к личному знакомству!

Не заметив ничего интересного вокруг камня, на котором он остановил свой выбор, Фрайгейт подключился к следующему. К тому времени наступил полдень. Обитатели долины обедали на берегу, болтали, играли в карты или ловили

рыбу. Некоторые расходились по хижинам или скрывались из виду в бамбуковых зарослях. Питер выяснил, что аппаратура наблюдения могла не только показывать крупный план, но и улавливала разговоры людей на расстоянии до трехсот футов. Очевидно, в камне находился направленный звуковой усилитель.

В особом режиме компьютер демонстрировал на экране то, что доводилось наблюдать лишь немногим. Фрайгейт с восхищением следил за яркими многоцветными ватанами, которые крепились к головам людей и завивались над ними искрящимися смерчами. Благодаря небольшому опыту Питер с первого взгляда определял «плохие» и «хорошие» цвета ватанов, хотя термин «плохой» не обязательно означал зло. Черные и красные зигзаги указывали на слабости характера и на склонность к обидам и гневу. Флуктуация и изменение цветных сегментов отражали душевноэмоциональный настрой. По размерам и форме пятен можно было судить о работе подсознания, определять состояние здоровья, да и всей нервной системы. Например, ватан больного человека мог иметь множество черных полос. Однако для более точного анализа требовалась помощь компьютера или опытного специалиста,

поскольку при визуальной оценке могли возникать серьезные ошибки.

Глава 18

Внезапно он заметил человека с черным ватаном. На багровокрасных краях энергетического вихря скользили маленькие пурпурные молнии. Судя по мощному телосложению, этот мужчина вряд ли болел каким-то неизлечимым недугом. Его рост достигал шести футов; белокурые волосы ниспадали на мускулистые плечи, а лицо с голубыми глазами можно было бы назвать красивым, не будь оно так искажено от гнева. Он осыпал проклятиями женщину, которая испуганно пятилась от него и прикрывалась руками от пощечин. Мужчина говорил очень быстро, и его английская речь изобиловала блатными словами. Однако Фрайгейт уловил, что рослый блондин обвинял эту хрупкую женщину в измене. Люди, собравшиеся вокруг них, неодобрительно качали головами, но никто из их не вмешивался в ссору.

Потом ватан мужчины стал абсолютно черным. Он схватил женщину за длинные волосы и начал избивать ее правым кулаком. Она упала на колени и попыталась вырваться, но он злобно дернул ее за волосы и нанес несколько сильных ударов по лицу. Из носа, рта и разбитой брови

потекла кровь. Женщина перестала кричать, и ее тело безвольно обвисло. Как только мужчина выпустил волосы, она упала на траву. Изо рта хлынула кровь, и в красную лужицу у ее щеки выпали выбитые зубы.

Он начал избивать несчастную ногами, но люди, подбежавшие к нему, оттащили его прочь. Жертва неподвижно лежала на земле.

Из ближайшей хижины выскочил мужчина. Упав на колени перед женщиной, он приподнял ее голову и со стоном прижал к своей груди. Что-то прошептав, юноша нежно опустил любимую на землю, поднялся на ноги и быстро зашагал обратно к хижине. Все это время убийца, вырываясь из рук дюжих молодцов, кричал, что это сука и грязная шлюха принадлежала ему. Он мог делать с ней все, что хотел, и она получила то, что давно заслуживала. Что же касается Траки — парня, с которым она спала, то он, Билл Стэндиш, убьет его так же, как и эту маленькую стерву.

— Еще слово, и мы тебя повесим, — сказал мужчина, державший его за руку. А веревка по тебе давно уже плачет.

Юноша — очевидно, тот самый Траки — вновь появился в дверном проеме.

Увидев в его руке длинное копье, Стэндиш

вырвался и побежал к Реке. Человек, который грозил ему веревкой, повернулся к Траки и закричал, чтобы тот остановился. Не обратив на приказ вожака никакого внимания, юноша обогнул толпу людей и метнул копье. Наконечник вонзился в спину Стэндиша под правой лопаткой. Блондин упал лицом вниз на мелководье, но тут же поднялся и начал нашаривать древко копья дрожащей рукой. В этот момент Траки сбил его с ног ударом кулака. Дюжина мужчин бросилась за ним следом. Они схватили кричавшего юношу и оттащили его от Стэндиша. Блондин изогнулся и, заорав от боли, выдернул кремневый наконечник из спины. Подбежав к Траки, он вонзил ему в живот копье и, прежде чем другие успели остановить его, поднял на древке пронзенное тело.

Фрайгейта замутило. По лицу потекли крупные капли пота. Но он решил досмотреть эту драму до конца. У него появились кое-какие планы по поводу Стэндиша.

Один из мужчин, побежавших к убийце, сжимал в руках большую дубовую дубину. Он ударил ею Стэндиша по голове, и тот просев в собственную плоть, рухнул в воду. Его вытащили на берег, и какой-то мужчина, обследовав рану на голове, раздраженно сказал:

— Тебе не стоило бить его так сильно, Бен. Он мертв!

— Стэндиш сам напросился, — ответил мужчина с дубиной. Да и какая разница?

Я думаю, мы бы все равно его повесили.

— Твое мнение еще не закон! — вскричал его оппонент.

— Успокойся, док! Если кто и заслуживал смерти, так это Стэндиш, угрюмо проворчал мужчина, и большая часть людей согласилась с его последними словами.

Фрайгейт узнал о смерти блондина раньше всех. Он видел, как его ватан исчез, будто унесенный магическим ветром. Питер отключил экран и велел компьютеру выявить синтетическую душу Стэндиша. Поскольку с момента смерти не прошло и пяти минут, это оказалось несложным делом. Однако после него в колодец уже успело попасть семнадцать других ватанов.

— Сколько раз убивали Стэндиша до этого случая? — спросил у компьютера Фрайгейт.

Машина ответила, что в Мире Реки блондин погибал уже трижды.

Мог ли компьютер найти и показать воспоминания Стэндиша об этих трагических минутах?

Ответ был положительным.

Объяснив машине свое понимание термина «жестокость», Питер велел провести беглый подсчет всех эпизодов жестокости в жизни Стэндиша.

— Начиная с пятнадцати лет.

Для начала компьютер определил год, с которого следовало начинать поиск. Потребовался час, чтобы выявить моменты жизни, интересовавшие Фрайгейта. Первый из них — в указанный период — произошел на вечеринке, устроенной в честь пятнадцатилетия Стэндиша в 1965 году.

— Так! — прошептал Питер. — Значит, он родился в 1950 году.

Компьютер прокрутил ему «фильм» об этом дне рождения. Мать Стэндиша, толстая низкорослая неряха, вполне соответствовала его отцу — большому пузатому мужчине с испитым лицом, на котором выступали синие вены. Гости, в основном, состояли из уличных дружков Стэндиша. Дом выглядел загаженным и грязным, а мебель — старой и сломанной. Судя по замечаниям гостей, глава семейства иногда подрабатывал плотником, но большую часть времени проводил в соседних барах. Стэндиш перепил кислого пива, и его вытошнило прямо на пирожки с салом и сандвичи с болонской колбасой. После этого

вечеринка закончилась. Когда гости разошлись, пьяные родители начали выкрикивать друг другу оскорбления и непристойности. В один момент ссора едва не перешла в драку, но потом угасла, как раздавленный в пепельнице окурок. Фрайгейт вздохнул и отключил экран.

Он объяснил компьютеру, что этот эпизод являлся примером вербальной жестокости. Ему же хотелось увидеть физическое насилие. Велев машине продолжать поиски в период с 1965 по 1975 год, Питер отправился на ужин, который проходил в квартире Ли По.

Во время ужина он узнал, что остальные тоже вели самостоятельные исследования. Например, Алиса пыталась найти своих троих сыновей, родителей, брата и сестру.

— Ты хочешь их воскресить? — поинтересовался Фрайгейт.

В ее темных глазах мелькнула тревога.

— Честно говоря, я еще не знаю. Мне просто хочется увериться, что с ними все в порядке. Впрочем, если кто-то из них умер, я, наверное… что-нибудь сделаю.

Она понимала, что любой из ее родственников, чей ватан оказался в колодце, мог навсегда остаться в небытии. Воскресить своих родите-

лей или детей могла только она сама. Однако ее тревожила возможность их появления в стенах башни — вернее, их вероятное отношение к ней и реакция на то, какой она стала. Что, например, скажет ее мать, узнав о любовной связи с таким отвратительным мужланом, как Дик Бертон?

Кроме того, встреча с родственниками могла привести к большим разочарованиям. В ее эпоху родители не находили зазорным помыкать и командовать своими детьми. Но в Мире Реки не существовало различий в возрасте; все выглядели одинаково молодыми. К тому же, после многолетней разлуки и родители и дети стали совершенно другими людьми. Между ними пролегла зияющая пропасть, такая же огромная, как этот новый и жестокий мир.

И преодолеть ее могли немногие.

Но Алиса любила их — мать, отца, сыновей, сестру и брата.

Фрайгейт отметил, что она ничего не сказала о своем муже Реджинальде Джервисе Харгривзе. Однако Питеру хватило ума не упоминать об этом.

— Значит, ты еще их не нашла? — спросил он у Алисы.

Отпив глоток вина из чаши, она произнесла:

— Пока нет. Я дала компьютеру их имена, а также даты рождения и смерти.

К сожалению, мне ничего не известно о смерти Кэрила, но я надеюсь найти какие-то сведения в копиях тех книг и газет, которые воспроизвела для меня машина. Все это требует времени. Если кто-нибудь из них умер, я обязательно их воскрешу. Но если они живы, отыскать их будет непросто. Конечно, компьютер может начать сканирование по всей цепи питающих камней, однако для успешного поиска мои родственники должны оказаться в зоне досягаемости особых датчиков. И даже тогда вероятность обнаружения не будет превышать сорока процентов.

«Если Алиса никого не найдет, это освободит ее от решения главного вопроса, — подумал Фрайгейт. — Она боится их воскрешения и в то же время мечтает о нем».

— А тебе не хочется воскресить Льюиса Кэрролла? — спросил он.

— Нет.

Она не стала объяснять свой ответ, и, судя по ее поджатым губа, дальнейшие расспросы Питера не привели бы ни к чему хорошему.

Покинув застолье, Фрайгейт ушел в свои апартаменты. Вместо того чтобы сразу лечь в постель,

он решил перед сном посмотреть несколько эпизодов из прошлого Стэндиша. Они настолько ошеломили его, что заснуть ему в эту ночь больше не удалось. Грязный необразованный подросток превратился в мерзкого и жестокого алкоголика. Фрагменты «фильма» воспроизвели всего пару дней, но Фрайгейту стало до того тошно, что после этого он вообще перестал интересоваться воспоминаниями Стэндиша.

В то время блондин нигде не работал. Он жил в домике сестры на окраине небольшого среднезападного города. Его двадцатилетнюю сестру можно было бы назвать привлекательной, если бы она следила за собой и хоть иногда проявляла признаки ума. Ее дочь, белокурая голубоглазая малышка, выглядела немного полноватой для своих трех лет — что, очевидно, объяснялось плохим питанием и огромным количеством «коки», которое девочка поглощала каждый день. Фрайгейт осмотрел запущенную гостиную. Сестра блондина, которую звали Мейзи, лежала на почти развалившейся софе и пила пиво. Малышка, спрятавшись за потертое кресло, баюкала в углу потрепанную тряпичную куклу. Время от времени на экране появлялась бутылка виски, которую Стэндиш подносил ко рту.

Судя по беседе, брат и сестра решили опохмелиться после вчерашней попойки.

Стэндиш перевел затуманенный взгляд на сестру.

— Где Линда? — спросил он.

— Там, — буркнула Мейзи, махнув рукой в сторону стула.

— Линда! Иди ко мне! — громко позвал блондин.

Малышка, прижимая куклу к груди, неохотно покинула свое убежище.

Стендиш расстегнул молнию на штанах и вытащил возбужденный член.

— Смотри, какая игрушечка. Ты когда-нибудь видела такую штуку?

Девочка отступила назад. Стендиш закричал, чтобы она подошла поближе.

Мейзи, покачиваясь, поднялась с кушетки.

— Что ты делаешь, трахнутый придурок?

— Заткнись, сучка. Сейчас трахнутой станет твоя дочь.

Фрайгейта затошнило, но он не стал отключать экран, надеясь, что Мейзи заступится за дочь. Однако та, поспорив немного с братом, махнула рукой и вновь улеглась на софу.

— Ладно, какая к черту разница! — сказала она,

прикладываясь к бутылке. Все равно ей от этого никуда не деться. А так будет о чем вспомнить. Надо же! В три года! Собственный дядя!

И она захохотала визгливым пьяным смехом.

— Вот и я так думаю. Помнится, в семь лет тебя уже долбили во все дыры, верно?

Мейзи ничего не ответила. Стендиш повернулся к девочке.

— Иди сюда.

Она покачала головой, и он закричал:

— Иди сюда, сучонка! Или хочешь, чтобы дядя Билл задал тебе трепку? Не бойся, дура! Тебе понравится…

Фрайгейт не выдержал и отключил экран. Не в силах унять дрожь, он велел компьютеру прокрутить «фильм» на три дня вперед. В то время Стэндиш уже находился за решеткой. Вместе с ним в тюремной камере сидели двое других преступников, и он хвастался им, как нарезал резьбу у дочери своей сестры.

— Маленькая стерва давно хотела этого. И я дал ей то, на что она напрашивалась. А что тут плохого, правда?

— Бедная малышка, — прошептал Фрайгейт. — О Боже!

Отыскав в памяти компьютера телесную мат-

рицу Стэндиша, Фрайгейт хотел разрушить этот файл — разрушить до такой степени, чтобы ватан безжалостного насильника никогда не нашел пристанища в новом теле и был обречен на вечное блуждание в холодных просторах вселенной.

Кусая губы и все еще сотрясаясь от дрожи, Питер встал из-за пульта и зашагал взад и вперед по комнате.

— Черт побери! — шептал он. — Вот же дьявол! Надо отправить его в ад, вернуть обратно и снова бросить в адское пламя! Нет, возвращать обратно не надо! Пусть веками горит в геенне огненной! — Он подбежал к пульту и прокричал:

— Когда я произнесу пароль, убери из памяти все, что составляет телесную матрицу Стэндиша!

Машина ответила, что для подобной процедуры он должен ввести свой персональный код, трижды подтвердить приказ об уничтожении телесной матрицы другого человека, а затем произнести пароль, который бы подтвердил правомочность доступа к программе разрушения.

— Тогда поставь телесную матрицу Стэндиша на задержку, приказал Фрайгейт. — Я не позволю этому скоту еще раз возродиться в долине.

Через несколько часов он почувствовал стыд

за свои импульсивные поступки. Кто он такой, чтобы осуждать других людей? И все же, Стэндиш, изнасиловав ребенка, заслуживал… полного забвения.

На следующий день он рассказал о своем эксперименте Нуру. Мавр поднял брови и со вздохом сказал:

— Мне понятен твой гнев. Я не видел того, о чем ты говорил, но меня тоже одолевает ярость. Этот человек показался тебе неисправимым, и он вновь доказал, что Мир Реки не улучшил его характера. И все же, не забывай — у него еще осталось время, чтобы измениться к лучшему. Я знаю, ты не веришь в исправление таких людей, однако этики дали каждому из нас определенный срок для спасения своих душ. Лога не зря увеличил это время. Очевидно, он имел на то основания. Поэтому смири свои чувства, Пит. Ты не должен вмешиваться в их план.

— Но его нельзя подпускать к людям! — вскричал Фрайгейт.

— Возможно, его нельзя подпускать даже к самому себе, ответил Нур. — Тем не менее он должен пройти свой путь до конца. Сейчас тобой движет месть. И это понятно. Но не поддавайся ей. В повторных воскрешениях заложен глубо-

кий смысл.

— Смысл! Какой смысл?

— Ты и сам все прекрасно знаешь. Смерть — великий учитель. Ее уроки помогли спастись многим — даже самым жестоким и, казалось бы, неисправимым.

Вспомни Геринга. Это самый яркий пример, но я уверен, что мы могли бы отыскать и множество ему подобных.

— Стэндиш умер в возрасте тридцати трех лет, — сказал Фрайгейт. Напившись, он угнал грузовой фургон и, проезжая перекресток на красный свет, врезался в борт рейсового автобуса. Я не знаю, к каким жертвам привела его выходка, но это не имеет сейчас значения. Ясно одно — Стэндиш никогда ничему не научится. Не жди от него раскаяния и стыда. Его не изменят и тысячи смертей!

Он никогда не изменится! Никогда!

— Я понимаю тебя, — ответил Нур. — Но, уничтожив его телесную матрицу, ты примешь на свои плечи непосильный груз вины.

— А почему же этики не страдали от вины? Они знали, что придет время, когда миллиарды людей будут осуждены на вечное забвение.

— Праведное негодование затуманило твой ум.

Ты только что изложил причину, по которой не имеешь права вмешиваться в судьбы людей.

— Я? Ты хочешь сказать… По плану этиков нам отведен определенный срок.

Лога решил, что дополнительное время поможет многим достичь спасения. Но разве лишний год, или месяц, или день что-нибудь изменят?

— Основываясь на своих домыслах, Лога вмешался в планы этиков, и события сбились с пути. Я думаю, мы совершили ошибку, приняв сторону Логи.

— Теперь ты противоречишь самому себе.

— Я часто так поступаю, — с улыбкой ответил Нур.

— Тогда решим так, — предложил Фрайгейт. — Пусть матрица Стэндиша стоит пока на задержке. Я считаю, это никому не повредит. Однако если те восемнадцать миллиардов ватанов вновь начнут возрождаться в долине, я уничтожу файл с его записью.

— На это имеет право только та маленькая девочка. Спроси ее, захочет ли она обрекать человеческую душу на вечное страдание.

— Мне некого спрашивать. Она умерла от дизентерии в пятилетнем возрасте.

— Значит, ее воскресили в Мире Садов. Воз-

можно, она стала одним из агентов, к записям которых у нас нет доступа.

«А почему я так настаиваю на этом? — спросил себя Фрайгейт. Неужели потому, что почувствовал власть над судьбой Стэндиша и других безволосых иеху? Власть сладка и любит лесть. Но она не для меня, потому что вместе с ней приходит ответственность. О, да! Я всегда пытался уйти от ответственности. В пределах разумного, конечно».

Глава 19

Другие все еще ломали голову по поводу того, кого им воскрешать в своих личных мирах. Однако Томас Мильен Терпин давно уже для себя все решил.

Прежде всего он хотел воскресить Скотта Джоплина, Луи Шовена, Джеймса Скотта, Сэма Паттерсона, Отиса Саундерса, Арти Мэтьюса, Юби Блейка и Джо Джордана. Этих парней он знавал в веселые дни своих рэгтаймов. Многие из них считались хорошими музыкантами, хотя самыми великими были, конечно, Джоплин и Човин. Том и сам играл на пианино, как ангел, но те двое парили на три небесных круга выше него, и он восхищался ими.

А как насчет женщин? Многие, кого он знал на Земле, зарабатывали себе на жизнь, торгуя телом. Однако некоторые из них выглядели очень мило и имели уживчивый характер. Однажды в долине он влюбился в женщину, которую до сих пор не мог забыть — красавицу Менти из Древнего Египта. Том решил, что обязательно поселит ее в своем мире, если она окажется в числе восемнадцати миллиардов убитых. Он не

видел ее тринадцать лет, но надеялся, что она не забыла их страстные ночи. Менти родилась в Мемфисе, в семье рыночного торговца. Благодаря смуглой коже она ничем не отличалась от черных и, главное, ничего против них не имела. Конечно, Египту и Мемфису было далеко до штата Теннесси, однако в списке на воскрешение Том поставил Менти на первое место.

Он даже сочинил для нее рэгтайм «Моя египетская красавица». Попивая джин, Терпин мечтал о той ночи, когда она услышит эту прекрасную музыку и поймет всю глубину его любви.

Самым классным местом в Терпинвиле должно было стать кафе «Бутон розы».

Оно не претендовало на оригинальность — все то же старое кирпичное здание на 2220-й Макит-стрит в черных кварталах славного Сент-Луиса. Однако Том решил сделать его десятиэтажным, из золота высшей пробы, с алмазами и изумрудами, от которых рябило бы в глазах. И чтобы на фронтоне сияли огромные золотые буквы Т.Т. — Томас Терпин.

Он грезил о мостовых с золотой брусчаткой и стоянках, где будут припаркованы роллс-ройсы, кадиллаки, студебекеры, мерседесы и корды. Вокруг раскинется небольшой городок из трех-

этажных строений, с золотыми крышами и огромными рубинами вместо дверных ручек.

«А что если сделать унитазы из золота? Парни просто сойдут с ума! Да, с унитазами это классная идея!»

На главной аллее перед «Бутоном розы» он построит великолепный фонтан, который день и ночь будет орошать бурбоном золотое пианино. Чуть дальше три фонтана с шампанским, джином и мятным ликером будут изливать свои струи на статуи Джоплина, Шовена и Терпина. При виде мебели и украшений Терпинвиля старый хрен Д.П.Морган позеленел бы от зависти. Но этому усатому пирату никогда не увидеть подобной роскоши.

В его городе найдется любой инструмент, который только может пригодиться — сотни роялей, скрипки, барабаны, трубы. Слугами станут андроиды — все как один с белой кожей. Они будут называть Тома «хозяином» или «боссом», а его друзей — «масса» или «госпожа».

За городом раскинется лес с рекой, ручьями, болотами и крутыми холмами, вкруг которых будет петлять бетонная дорога. Классное место для гонок на машинах под визги подруг и азартные крики друзей! В лесу и на болотах он планировал

развести различную живность: кроликов, кабанов, куропаток и уток, гусей, фазанов, индеек и лис. В реке будут водиться черепахи, крокодилы и множество крупной рыбы. Любой охотник продал бы душу за такое райское место.

— Неужели ты думаешь, что хорошие времена будут длиться вечно? — спросил его Нур.

— По крайней мере, до тех пор, пока будет существовать эта башня, ответил Том.

Усмешка Нура вызвала у него необъяснимую тревогу.

— Что бы ты там ни говорил, я сделаю себе самый балдежный мир, пообещал он Нуру и с того момента, ссылаясь на свою личную вселенную, называл ее «Балдежной планетой Терпина».

— Да, парень! — прошептал он сам себе. — Ты одолел долгую дорогу!

— Что ты сказал? — переспросил его Нур.

— Я прошел долгий путь, который начался в Саванне, штат Джорджия, в старой и ветхой лачуге. Через несколько лет после моего рождения отцу удалось сколотить неплохое состояние, и мы перебрались в большой первоклассный дом. Не какой-нибудь там бордель, а красивый дом, в котором прежде жили богатые белые люди. Потом нашей семье начал угрожать ку-клукс-клан, и

нам пришлось перебраться поближе к Миссисипи. Мне говорили, что в честь отца и его братьев одну из улиц Саванны назвали позже Терпин-Хиллом. Вот каким крутым был мой папаша.

Стычки с белыми и проблемы с законом привели к тому, что семейство Терпинов перебралось в Сент-Луис. Там они поселились в черном районе, который пользовался дурной репутацией. Папаша Джон открыл салун «Серебряный доллар» и купил конюшню, где разводил беговых лошадей. Все это оказалось прибыльным делом.

— Мой папа говорил, что после отмены рабства он ни разу не работал на других людей. Свое добро наша семья защищала зубами и кулаками. А отца уважали за силу рук и крепкий череп. Он так и говорил — самый крепкий череп к западу и востоку от Миссисипи. Если кто скандалил в его заведении, он хватал человека за запястье, выкручивал руку и одним ударом сбивал с ног.

Люди потом ходили, шатаясь, целую неделю. Но зато никто не смел посылать моего папашу на три буквы.

Как и многие негритянские музыканты, Том научился играть на пианино самостоятельно. Но в отличие от других он знал ноты.

— Когда мне исполнилось восемнадцать, мы

с братом Чарли поехали на Запад посмотреть страну. Потом нас потянуло на поиски золота, и мы провели в Неваде целый год. Однако при виде наших жадных глаз самородки и золотой песок уходили на недосягаемую глубину. Короче, мы вернулись домой с пустыми карманами.

Я умер 13 августа 1922 года. Старуха с косой имела череп покрепче, чем у моего папаши, и без труда свалила меня с ног. В ту пору смерть была единственной честной дамой в Сент-Луисе. Она не брала взяток ни товаром, ни телом, ни деньгами. Поэтому я махнул на все рукой и отдал концы. Детей у меня не завелось, но люди назвали меня отцом рэгтайма нашего старого и доброго Сент-Луиса.

— Ты оставил жене большое состояние, а твой брат Чарли получил хорошую должность, — сказал Фрайгейт. — Он стал первым черным полицейским, который дослужился до офицерского звания. Его смерть пришлась на Рождество 1935 года, и, если верить газетам, он завещал семье сто пять тысяч долларов.

Приличные деньги по тем временам.

— И очень большая сумма для ниггера, — добавил Том. — Так ты говоришь, он умер в 1935 году?

— Я попросил компьютер порыться в файлах памяти и отыскать книгу, которая называлась «Те, кто играл рэгтайм», — сказал Фрайгейт. — Если машина ее найдет, я сделаю для тебя копию. В этой книге многое написано о тебе, и, почитав ее, ты будешь собой гордиться.

— Для этого мне не надо никаких книг. Но я с удовольствием полистал бы твою книжку.

Через день после того, как компьютер закончил строить Балдежную планету, Том Терпин посетил свои владения. В десять часов утра он вступил в новый мир, и его сердце дрогнуло от счастья. Небо сияло голубизной, и лишь вдали виднелось несколько далеких и нежных, как хлопок, облаков. Том спустился по ступеням и вышел на площадку, где его ожидали андроид-шофер и розовый мерседес-бенц с откидным верхом. Белокожий андроид, с голубыми глазами и желтыми волосами, казался самым уродливым существом на свете. Но Терпин сам придумал для него такое лицо. Робот носил розовую форму, традиционную для шоферов начала двадцатого века. «Почему розовую? Под цвет машины», как скажет Том своим друзьям.

Он сел на заднее сидение и тихо произнес:

— Домой, Джеймс. Домой, мой мальчик.

Красавица машина плавно тронулась с места, мотор заурчал, и они помчались по длинной извилистой дороге. Над ними искрился светом зеленый свод, образованный ветвями высоких деревьев.

— Хм-м. Не слишком ли узкой получилась дорога? — спросил себя Том. — А впрочем, какого черта? Транспорта тут будет немного.

Когда лес поредел, они поехали вдоль озера. На водной глади покачивались утки, лебеди и гуси. Цапли и журавли ловили на мелководье рыбу и лягушек. Отовсюду доносился гогот и причудливые крики птиц.

Дорога увела их от Терпинвиля к торцу огромного помещения.

— Если бы я не знал, что тут стена, то никогда бы не догадался, прошептал Том. — Такое впечатление, словно дальше тянется лес, а за ним начинаются холмы. Если не упрешься лбом, то и не поймешь, что это иллюзия.

Терпинвиль располагался в середине помещения — примерно в двух целых и семи десятых мили от входа. Однако извилистая дорога, петляя между холмами, занимала не меньше десяти миль. Кроме того, Том мог отправиться в город по другой проселочной дороге, которая была

длиннее первой почти в два раза.

Время от времени за деревьями мелькали золотые крыши города, и его сердце наполнялось гордостью. «Том! Это же все твое!»

Когда они выехали из темного леса и помчались к ажурным воротам Терпинвиля, ему захотелось увидеть толпы встречающих людей, цветы и большой духовой оркестр. Однако город пока оставался безлюдным и тихим.

— Столица призраков перед своим пробуждением! Но настанет час, и ее заполнят голоса людей!

Машина остановилась перед «Бутоном розы». Том вышел на главную аллею и направился к центральному фонтану. Сняв с декоративного крюка серебряный кубок, он зачерпнул крепко пахнувшую жидкость и попробовал ее на вкус.

— О парни! Это лучшее, что есть на свете! Теперь нужна только старая компания, музыка, сигаретный дым и смех… Мне надоело пить в одиночку и болтать с самим собой.

Он вошел в «Бутон розы» и вызвал лифт, украшенный драгоценными камнями.

Поднявшись на третий этаж, Том торопливо осмотрел свой кабинет, устроился в кресле рядом с огромным пультом и приступил к поиску.

Через три недели он понял, что при желании может воскресить не только сорок человек, но и целых две тысячи.

— Это будут небеса для бедных ниггеров, — сказал он своим семерым товарищам на одном из званых вечеров, которые они проводили все реже и реже. — Балдежный мир, где исполняются любые желания. Ребята будут в полном отпаде!

Том усмехнулся, заметив, что Фрайгейт вздрогнул при словах о «небесах для ниггеров». Питер был либералом и находил такие термины омерзительными.

Том и сам не потерпел бы их от других — тем более от белых. Но он употреблял эти слова без всяких стеснений. Когда Фрайгейт спросил его, почему он так поступает, Том ответил, что это старая земная привычка, от которой он никак не мог избавиться.

— Ты взрослый человек и достаточно долго жил в Мире Реки, сказал Нур. За такое время можно избавиться от любой дурной привычки.

— А разве она кому-то мешает?

— Самоуничижение как метод лечения душевных ран, — с усмешкой сказал Фрайгейт.

Том Терпин молча отошел к другому концу стола.

— Когда ты пригласишь нас взглянуть на твой мир? — спросила Афра.

— В следующую пятницу. Устроит? Такого вы еще не видели, поверьте! Я рассказал о вас друзьям, и они не против, чтобы вы пришли. Но только знайте свое место. Вы там будете в гостях.

Терпин засмеялся и удалился в свой личный мир.

— После шестидесяти семи лет, проведенных здесь, на нем еще гноятся язвы Земли, — тихо произнес Фрайгейт.

— Он никогда не станет «продвинувшимся», если не искоренит в себе это зло, — сказал Нур. — Я имею в виду последствия расового произвола.

Порожденное на Земле зло не всегда умирало в Мире Реки. Однако, по мнению Нура, человечество в общей массе продвигалось вперед к этическому и духовному совершенству.

— То есть, говоря простым английским языком, ты утверждаешь, что многие стали лучше, чем были? — спросил Бертон.

— Да. Мир Реки углубляет нашу человечность. Но изменения редко происходят без боли. — Помолчав какое-то время, Нур добавил: У Тома много хороших качеств. Он веселый и отважный человек, и с ним легко общаться, если никто не

наступает ему на пальцы. Однако он никогда не сожалел о своем сутенерстве. А человек, заставлявший женщин торговать своим телом, сам является духовной проституткой. Том целиком и полностью увяз в этом отвратительном и грязном промысле. Ему приходилось бить и убивать. Вот он и променял сочувствие к людям на презрение и цинизм.

Наступила тишина.

— И что же дальше? — спросил Фрайгейт.

— Говоря о Томе, я имею в виду каждого из вас. Вы спрятались в своих маленьких мирах, позабыв о других и о своей первоначальной цели. Но разве может человек развиваться в вакууме?

— Конечно, может, — ответил Фрайгейт.

— Хорошо. Посмотрим, что из этого получится, — произнес Нур.

В отличие от семерых товарищей, мавр решил остаться в своей прежней квартире.

— Ее для меня вполне достаточно.

— Но это вызовет осложнения, — сказал Бертон. — Некоторые из недавно воскрешенных могут польститься на свободные миры. И тогда, чтобы захватить их, они пойдут на все — даже на кровопролитие.

Глава 20

Бертон, Фрайгейт и Бен беседовали об ограничениях на воскрешение людей.

— Только не надо оживлять актеров, режиссеров и кинозвезд, — сказал Фрайгейт. — Это отъявленные эгоисты, зараженные противоречиями и недоверием.

Какое-то время они могут казаться прекрасными собеседниками, но потом из них начинает вылезать себялюбие, и они становятся настоящими чудовищами.

— Значит, накладываем запрет на всех актеров? — спросил Бертон.

— На всех, — поддержала Бен. — Я их тоже знала. Просто страшно подумать, во что они превращали мои пьесы.

— Конечно, здесь могут быть некоторые исключения, — сказал Фрайгейт. Однако продюсеров сюда точно пускать не стоит. Таких безжалостных и хладнокровных существ можно держать только в террариуме для крокодилов.

Запомните мои слова! Не воскрешайте продюсеров — особенно из Голливуда. Это не люди, а что-то зубастое, прожорливое и отвратительное.

— Я так понял, их можно отнести к одному подклассу с политиками, произнес Бертон.

— О, да. Политики и чиновники вообще не достойны упоминания. Лжецы и предатели с гибкими спинами.

— Неужели все? — спросила Бен.

— Как будто ты сама не знаешь, — ответил Бертон.

— Я встречалась лишь с немногими и поэтому не могу судить об остальных.

— Тогда положись на мое слово, — сказал Бертон. — Итак, политикам вход воспрещен. А что вы скажете о священниках?

— Все представители духовенства — священники, раввины, муллы, экзорцисты, шаманы — по своей сути похожи друг на друга, как братья, произнес Фрайгейт. — И в то же время они очень разные. Некоторые из них — правда, очень немногие — являются примером для подражания. Но остальные… Лично я отношусь с подозрением к тем, кто возомнил себя духовными лидерами. Каковы их настоящие мотивы?

— Тогда я вычеркиваю попов из списка, — подытожил Бертон. Это все те же политики и лжецы, которые манипулировали людьми и использовали их веру для своей наживы. Во всяком

случае, в башню мы их не пустим.

— Никаких раввинов, мулл, архиепископов и их преподобий, добавил Фрайгейт. — Все, что приложимо к попам, приложимо и к ним.

— Монахинь и настоятельниц?

— Долой! — прокричал Бертон, сжав кулак и указав большим пальцем на пол.

— А где же ваши исключения? — с усмешкой осведомилась Афра.

— Давайте пока не будем тратить на них время, — предложил Бертон.

— Что вы скажете о продавцах подержанных машин? — спросил Фрайгейт.

Бертон и Бен недоуменно посмотрели друг на друга.

— Это феномен двадцатого века, — объяснил Фрайгейт. — Хорошо, забудем о них. Я просто буду следить, чтобы они не просочились в башню. Хотя, учитывая их пронырливость, вряд ли мне это удастся на сто процентов.

— А доктора?

— Какие-то общие правила к ним не приложимы. Однако многие из них, попав в Мир Реки, растеряли свою духовность. Здесь они почти не имели авторитета.

Поэтому будем подходить к их оценке осто-

рожно.

— Адвокаты?

— Среди них есть прекрасные люди, но встречается и абсолютное дерьмо, сказал Фрайгейт. — Будем внимательны. Да, кстати, я обнаружил телесную матрицу Будды! Того самого исторического Сиддхартху!

— А какое отношение он имеет к адвокатам? — спросил Бертон.

— Никакого. Но Будда… Он отмечен в записях, и о нем есть «фильм». Если вы хотите взглянуть на живого Гаутаму Будду, вам просто надо запросить компьютер. И что самое интересное, он никогда не воскрешался в Мире Реки.

Умерев на Земле, Будда стал «продвинувшимся».

— Теперь все ясно! — сказал Бертон, словно действительно понял что-то важное и доселе скрытое от человеческих глаз.

— Что тебе ясно?

— Семь дней назад я отыскал файл об историческом Иисусе Христе, ответил он.

— Я тоже его нашел, — сказал Фрайгейт.

— Тогда ты знаешь, что, воскреснув в Мире Реки, он пережил здесь несколько смертей и умер последний раз около двадцати лет назад. Иисус

тоже стал «продвинувшимся». Но, очевидно, Будда был более «продвинувшимся», чем он.

— Гаутама жил на Земле дольше Иисуса, — напомнил Фрайгейт.

— Мои слова — не упрек, а констатация факта.

— Между прочим, я обнаружил записи о Святом Франциске Ассизском, сказал Фрайгейт. — Он тоже воскрешался на берегах Реки. Умерев десять лет назад, этот человек перешел на стадию «продвижения».

— Интересно, сколько пап и кардиналов, верховных священников и верующих достигли «продвижения»? — спросила Бен.

— Ни одного, — ответил Фрайгейт. — Во всяком случае, я таких не обнаружил.

Но у меня и не было цели отслеживать их всех. Если хотите, я могу поставить перед компьютером задачу. Пусть, например, найдет двенадцать пап…

— Включая первого — Святого Петра, — добавил Бертон.

— Петр считался не папой, а первым епископом Рима, — поправил его Фрайгейт.

— Он что, действительно там был?

— Да, его казнили в Риме. Тем не менее, он по-прежнему живет на Реке.

Петр трижды умирал, но пока еще не дошел до статуса «продвинувшегося».

— Значит, мы можем воскресить его и узнать всю правду об Иисусе и христианстве? — с восторгом спросил Бертон. Впрочем, тут есть одно «но».

Слова не могут являться объективной истиной. Даже в устах такого человека.

— Записи Иисуса хранятся в памяти компьютера, — сказал Фрайгейт. — Его ватан исчез, однако мы можем посмотреть «фильм» о его жизни.

— А как Святой Павел?

— О, Святой Павел! — с улыбкой ответил Фрайгейт. — Сначала он следовал ортодоксальному иудаизму. Потом стал фанатичным христианином и, пожалуй, больше всех извратил учение основателя. Попав в Мир Реки, Павел фанатично проповедовал заповеди шансеров. Но поскольку Церкви Второго Шанса нужны верующие, а не фанатики, они вышибли его вон из своих рядов. Теперь, насколько я знаю, он увлекся учением доуистов.

— Доуистов?

— Я расскажу о них как-нибудь в другой раз. Что же касается Павла, то он живет на Реке. Я нашел его хижину и немного понаблюдал за ним. На вид неприятный коротышка, но оратор, конечно,

изумительный. Павел отказался от безбрачия, и, судя по слухам, огонь его страсти пытаются погасить сразу несколько женщин.

Фрайгейт показал им ватаны трех мужчин, которых он поместил в свою коллекцию из-за их маниакального стремления к насилию и огромной известности в двадцатом веке. Бертон слышал эти имена от других обитателей долины, но сам о них почти ничего не знал. Адольф Гитлер появился на свет за год до его смерти. Иосифу Джугашвили, более известному, как Сталин, в год смерти Бертона исполнилось одиннадцать лет. Мао Цзе-дун родился в 1893 году.

— Я поставил их матрицы на задержку, — сказал Фрайгейт. — Мне не хватило времени на просмотр их жизней в Мире Реки, но по отдельным эпизодам я понял. что они нисколько не изменились. Их ватаны имеют такую же окраску, как у Ивана Грозного. Его я, между прочим, тоже отыскал.

— Ты считаешь, что нет никакой надежды на их исправление? — спросил Нур.

— Да. Во всяком случае, на данный момент. Они по-прежнему остались садистами и убийцами, которые испытывают оргазм от массовой резни.

Патологические психопаты.

— Но Лога говорил, что в Мире Реки нет настоящих психопатов. На предварительной стадии воскрешения их тела излечили, устранив химический дисбаланс, который вызывал отклонения психики.

Фрайгейт пожал плечами:

— Да. Я знаю. Но дисбаланс элементов здесь ни при чем. Они по-прежнему сеют раздор и совершают зверские преступления. Поэтому они и только они ответственны за свои поступки.

— Возможно, ты прав. Но это еще не повод для уничтожения их матриц. Мы не должны укорачивать время, отведенное им на исправление. Пути судьбы неисповедимы. Они могут претерпеть какие-то радикальные изменения характера и, увидев свет истины, спасти свои души. Вспомни Геринга.

— Геринг раскаялся и признал свою вину много лет назад. А эти существа — Сталин, Гитлер, Мао и Иван Грозный — по-прежнему готовы и фактически жаждут убивать любого, кто встанет на их пути. Они рвутся к власти — безмерной власти, которая давит других людей и разрушает все, что ей противостоит.

Знаешь их лозунг? Кто не с нами, тот против нас! А ты говоришь, что они не параноики! Эти

люди полностью оторваны от реальности. Они не воспринимают мир таким, какой он есть, и поэтому стараются превратить его в ту мерзость, которая так близка их загаженным душам.

— Но многими людьми управляют те же желания.

— Зло бывает маленьким и большим!

— Ты хотел сказать, что бывают маленькие и большие пакостники. На свете нет такой вещи, как абстрактное зло. Зло всегда состоит из конкретных дел и конкретных исполнителей.

Устав от их перебранки, Бертон начал проявлять нетерпение:

— Истинная философия обретается не в беседах, как думают некоторые мудрецы, а в решительных действиях. Пит, ты много говоришь о том, что хотел бы сделать. Почему? Не потому ли, что ты боишься совершать поступки? Мне кажется, твой страх исходит из чувства самонеудовлетворенности.

— Просто я придерживаюсь правила: «Не судите, да не судимы будете».

— Ты веришь, что тебя не будут судить, если ты воздержишься от осуждения других? — насмешливо спросил Бертон. — Чепуха! Никто еще не избежал сплетен и болтовни людей. Даже святые

не могли удержаться от осуждений, хотя и делали вид, что это идет во благо их оппонентам. Порицание и брань заложены в нас на подсознательном уровне. Они так же рефлекторны, как сокращение мышц или выделение слюны. Вот почему я говорю: осуждайте налево и направо, когда и где захотите, кого угодно и сколько угодно.

Нур засмеялся и добавил:

— Но не вынося другим приговор.

— А почему нет? — с дьявольской усмешкой воскликнул Бертон. Почему нам не дозволено то, что делают другие?

— Не так давно я нашел профессионального судью, увешанного дипломами и лицензиями, — произнес Фрайгейт. — Человека, который сидел в круглом зале мэрии и судил людей во времена «сухого» закона. Мальчишкой я читал о нем в газетах и часто слышал рассказы отца об этом кривом и продажном винтике муниципальной системы. Судья безжалостно рассовывал по тюрьмам местных торговцев спиртным и штрафовал пьяниц, которых ловили в подпольных барах.

Однако у него имелся огромный подвал, заполненный ящиками с виски и джином.

Он покупал и перепродавал спиртное через доверенных контрабандистов, позволяя им за это

проворачивать свои делишки.

— Питер! Чем ты там занимаешься? — удивленно воскликнул Нур.

— Я просто не мог сопротивляться этому, — ответил Фрайгейт.

Бертон понимал увлеченность Фрайгейта — или, по крайней мере, считал, что понимает. Злые люди имели определенный магнетизм, который притягивал к ним всех остальных — и злых, и добрых, и в черно-белую полоску. Зло сначала привлекало, а потом отталкивало. Парадоксально, но, оказывается, отторжение могло вызывать влечение.

— Любопытная вещь, — сказал вдруг Фрайгейт, словно решил поведать им мысли, которые не давали ему покоя. — Никто из них не считал себя злым. Я имею в виду Гитлера, Сталина и Мао, судью из Пеории и того насильника Стэндиша.

— Когда Геринг признал свершенное им зло, это стало первым шагом к его духовному спасению, — сказал Нур. — Но что ты собираешься делать с ними… с Гитлером, Сталиным и другими?

— Я поставил их матрицы на задержку, — ответил Фрайгейт.

— То есть ты до сих пор не решил, что будешь

делать с ними.

— Матрицы останутся в целости и сохранности. Но если компьютер начнет воскрешать те восемнадцать миллиардов, которые погибли в долине, среди них не окажется многих моральных уродов. Знаете что я придумал? Я хочу, чтобы эти убийцы посмотрели на себя глазами тех людей, которых они насиловали и унижали!

Лицо Фрайгейта покраснело. Его глаза расширились и заблестели.

— Пусть они испытают боль от собственных злодеяний! На этот раз им не уйти от возмездия! Там, на Земле все было по-другому. Но здесь сама судьба определила нам роль судей! И если понадобится, мы не только вынесем приговор, но и приведем его в исполнение!

— Между прочим, приостановка в воскрешении людей вызвана не судьбой, а обычной аварией, — сказал Нур.

— Разве? — спросил Фрайгейт.

Нур улыбнулся и пожал плечами:

— Возможно, ты прав. Но тогда нам тем более надо действовать осмотрительно и разумно.

— Ты призываешь к осмотрительности? — возмутился Бертон. А о ком нам заботиться? Об этих подонках?

— О-о! — воскликнул мавр, поднимая вверх указательный палец. — Не будем торопиться! Возможно, это просто очередная проверка. Неужели вы не чувствуете, что за нами все время следят? Я имею в виду не компьютер, а тех, кто может им пользоваться.

— Очередная незнакомка? — с усмешкой спросил Бертон.

— Не знаю. Но я чувствую посторонний взгляд. А как ты, Дик?

— Галлюцинациями не страдаю.

— Я тоже чувствую, — сказал Фрайгейт. — Но это ничего не значит. Меня всю жизнь преследует мысль… что за мной кто-то наблюдает.

— Кто может наблюдать за наблюдателем? — с улыбкой спросил Нур. — Кто посмел судить судью?

— Не обижайся, Пит. Эти суфии все немного с приветом, произнес Бертон.

— Гитлер, Сталин, Мао и Иван Грозный имели на Земле огромную власть, продолжал Фрайгейт. — Они заняли исключительно важные места в мировой истории. И вот теперь…

— И теперь ты, безгласный и сирый, получил над ними власть, закончил за него Нур.

— Хотел бы я, чтобы они попались мне не здесь,

а в самом начале своих злодеяний, — сказал Фрайгейт.

— И тогда бы ты нажал на кнопку «Ликвидация»?

— О Иисус! Не знаю! Наверное, нажал бы…

— А что если кто-то нажмет кнопку, чтобы уничтожить тебя? — спросил Нур.

— Мои грехи не так велики, — ответил Фрайгейт.

— Их размер зависит от мнения того, кто давит на кнопку, сказал Нур. Или от суждений тех, кому повредили твои грехи.

Бертон встал и направился к двери. Но, прежде чем уйти, он подошел к столику, где сидели Звездная Ложка, Ли По и его друзья — семь поэтов и художников, которых воскресил китаец. Простившись с их шумной компанией, англичанин хотел было удалиться, но тут на его плечо легла изящная ладонь.

— Нам с тобой надо увидеться еще раз, — тихо шепнула Звездная Ложка. Как можно скорее.

— Конечно, еще увидимся, — ответил Бертон.

— Я имела в виду тайную встречу. Наедине, — сказала она и, заметив пристальный взгляд Ли По, быстро вернулась к столу.

Бертон не поверил своим ушам. Она сама за-

хотела «увидеться». При других обстоятельствах он пришел бы в восторг от такого предложения. Однако ситуацию осложняла дружба с Ли По. Пусть китаец и не имел законных прав на Звездную Ложку, но он считал ее своей женщиной. Эта встреча вызвала бы у него обиду и ревность, и он никогда не простил бы старому другу подобного поступка.

«Она свободная женщина, — убеждал себя Бертон. — Ли По дал ей жизнь, но она — человек, а не собственность. Хотя, возможно, китаянка думает по-другому. Тем не менее, если бы Звездной Ложке понадобилось встретиться с ним по каким-то обычным делам, она могла бы сделать это открыто, предупредив Ли По. Значит, ей действительно захотелось…»

Такой эгоист, как Ли По, не сразу поверил бы в измену женщины, которую он любил. «Я самый лучший. Разве можно предпочесть другого мужчину?» Но потом последовала бы буйная сцена с криками, напыщенными обидами и угрозами.

Возможно, Ли По вызвал бы Бертона на дуэль. Хотя и вызов и его принятие в равной степени выглядели бы глупо. Ли По родился в 701 году; Бертон — в 1821-м. И тот и другой не признавали кодексов чести своих эпох и понимали, что

сражаться за женщину нелепо. И все же Ли По разорвал бы с ним дружеские узы. А Бертон этого не хотел.

С другой стороны, Звездная Ложка — живое существо. Воскрешая ее, Ли По мог бы учесть, что она будет жить своей жизнью. Эта женщина — свободный человек, а не прежняя рабыня его тестя.

Ее покачивающиеся бедра походили на звонящий колокол. Прекрасный колокол под короткой юбкой. Динь-дон! Динь-дон!

Бертон вздохнул и попытался забыть о своей жаждавшей восставшей плоти.

О, как же долго она оставалась без дела! Он устал от одиночества. Устал от аскетизма! Устал! Устал! Устал!

Но если они познают друг друга — не в библейском смысле слова, — будет ли она и дальше столь соблазнительной и желанной? Что если она не заслуживает тех жертв, на которые ему придется пойти? А что пойти на них придется, он не сомневался.

«Я так и остался семидесятилетним стариком, несмотря на свое молодое тело. А оно бунтует и рвется в бой! Гормоны трубят боевой сигнал вопреки богатому жизненному опыту! Правду

говорят, что в головке члена нет ни стыда, ни совести. Но надо добавить, что там нет и мозгов!»

В принципе, Бертон мог бы оживить любую из девяти с половиной миллиардов женщин. Но в тот момент он хотел только ее — странную и прекрасную, загадочную и почти неземную. Это не было любовью; никакой разумный человек в свои сто тридцать шесть лет уже не трепещет в сетях романтической любви. Нет! Его сейчас звала природа! И кто бы только знал, как сильно она звала!

Из восьми с половиной миллиардов мужчин, информация о которых хранилась в файлах, пожалуй, только шестнадцатая часть достигала возраста Бертона. Из них в романтику любви не верила, возможно, тоже шестнадцатая часть. Так что он мог составить компанию лишь немногим из немногих.

Он включил экран, вызвал для просмотра «фильм жизни» и устало откинулся на спинку летающего кресла. Через пять минут компьютер отыскал заказанное событие, которое Бертон пережил в возрасте тридцати девяти лет. В ту пору он находился в Лондоне, подготавливаясь к путешествию в Мекку. А поскольку Бертон планировал выдать себя за мусульманина, он решился

на обрезание. Эта мера была необходима, иначе случайные попутчики могли распознать в нем «неверного» и разорвать на части. Он знал, что мусульмане обычно оправлялись на корточках, прикрывая полами халатов интимные части тел. Но в долгом пути могли произойти любые непредвиденные случайности. Поэтому Бертон сделал себе обрезание, используя вместо обезболивающего средства полкварты пшеничного виски.

Он сцепил пальцы рук и приказал компьютеру подключить неврально-эмоциональное поле. От внезапной боли его зубы непроизвольно сжались, откусив при этом кончик сигары. Мысли затуманились и расползлись по черепу, как маленькие черепашки. Невральное поле передало ему все ощущения, которые он пережил в момент обрезания. Бертон снова почувствовал опьянение.

Однако оно не могло заглушить адской и жгучей боли.

— Хватит! — закричал он. — Убери невральное поле.

Боль тут же прошла. Но была ли она на самом деле? Он вздрогнул, вспомнив призрачное ощущение того тянущего медленного отделения плоти.

Бертон не был мазохистом. Он пошел на эту

муку только для того, чтобы умерить свое желание. И эмоциональное поле помогло. Правда, не надолго.

Глава 21

Когда-то давно Фрайгейт сказал Бертону, что на Земле так и не удалось установить личность Джека Потрошителя. Но, поскольку Потрошитель должен быть в долине Реки, его можно здесь отыскать, хотя шансы наткнуться на него крайне ничтожны. Еще меньше шансов, что он сознается, даже если его найти. К тому же в преступлениях может сознаться какой-нибудь самозванец. Короче говоря, решение загадки тут не более вероятно, чем на Земле.

Все это Фрайгейт говорил задолго до того, как они с Бертоном попали в башню. Теперь они находились в таком месте, где шансы отыскать человека, известного под именем Джека Потрошителя, сильно возросли. У Фрайгейта был список нескольких кандидатур, хотя не исключено, что настоящего Потрошителя между ними не было, но компьютер мог по крайней мере найти их в своих файлах.

Однако Фрайгейт не стал заниматься этим проектом, поскольку по уши погрузился в другие исследования, а именно в составление собственной родословной. Башня, по его словам, была

настоящим раем для специалиста по генеалогии. Ему не надо было разыскивать труднодоступные и зачастую утерянные документы, как-то: завещания, налоговые и земельные акты, постановления судов о наследстве, опеке и лишении прав, окружные хроники, газеты, кладбищенские, военные и пенсионные записи и прочие зыбкие следы людей, которые могли — или не могли — быть вашими предками. Здесь вы пускали по следу компьютер, предложив ему в качестве отправной точки самого себя, и он уже раскручивал вашу родословную, начиная с родителей. Вы видели на экране, как выглядели ваши родители в разное время, где он или она бывали, смотрели на их жизнь их собственными глазами и глазами окружающих. Иногда приходилось подождать, пока компьютер, взяв за основу ватан одного из ваших предков, искал соответствующий ему ватан в своих файлах, а затем устанавливал ватаны его родителей. Когда возникало сомнение по поводу отцовства, компьютер сравнивал генетический код ребенка и родителя и определял их взаимоотношения. Если было доказано, что данный ребенок не мог родиться от данного мужчины, компьютер исследовал гены потенциальных отцов.

Определить их было несложно, ибо компьютер мог просмотреть прошлое матери и в точности выяснить, когда и с кем она вступала в половую связь, после чего физические характеристики подозреваемого или подозреваемых проверялись на генетическую идентичность.

Бертон нашел все это интересным, но сейчас ему не хотелось заниматься собственной родословной. Его всегда интересовали истории садистских и зверских убийств, и он читал все газетные репортажи об убийствах в Уайтчепеле. Решив запустить операцию «Потрошитель», как он ее называл, Бертон запросил у компьютера список всех соответствующих книг на английском языке, содержащихся в файлах. Кем бы ни был агент этиков, который занимался сбором литературы о Потрошителе, дело свое он выполнил на совесть. Фрайгейт, оторвавшись на пару минут от своей работы, просмотрел список и выбрал книгу, с которой, по его мнению, Бертону следовало начать.

— Я бы на твоем месте прочел для начала книгу Стивена Найта «Джек Потрошитель: окончательная разгадка», опубликованную в 1976 году. Она произвела на меня впечатление не только скрупулезным исследованием вопроса и блестя-

щими, убедительными выводами, которыми мог бы гордиться сам Шерлок Холмс, но также тем, что, по-моему, это единственная книга, дающая правильные ответы. Хотя некоторые критики указывали на ее недостатки. Но в любом случае, прав ли автор, или не прав, или же прав только наполовину, она послужит для тебя хорошим трамплином, с которого ты сможешь нырнуть в кровавый океан этой тайны.

Было немного странно держать в руках книгу, скопированную с произведения, увидевшего свет через восемьдесят семь лет, после его смерти.

Но Бертон не стал углубляться в эти ощущения, ибо чудес в башне было так много, что дивиться им всем не хватало времени. Он проглотил 270 страниц за три часа. Когда он отложил книгу, то мог уже по памяти почти безошибочно воспроизвести по крайней мере четвертую часть текста.

Будь эта книга опубликована во времена его земной жизни, Бертона возмутила бы нелепость содержавшихся в ней обвинений. Или нет? Разве по зрелом размышлении, зная о тайных маневрах верхов в борьбе за власть, зная о бесчеловечных и совершенно аморальных поступках, совершаемых представителями правительственных кругов и высшего света ради того, чтобы

удержаться у власти, — разве не счел бы он заключения, приведенные автором книги, вполне правдоподобными?

Выводы же, к которым пришел господин Найт после широкого и глубокого расследования, а также в результате размышлений с применением метода дедукции, заключались в следующем.

В 1888 году бедные слои населения Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии были — или казалось, что были, — на грани революции. Радикалы левого толка, социалисты и анархисты, громогласно обличали притеснения и бедственное положение рабочего класса. Правительство было не просто встревожено — оно было напугано до смерти, и многие представители высшего класса считали, что сама монархия находится под угрозой. Они слегка перебарщивали: полнейшее незнание собственного народа заставляло их забывать о глубоком консерватизме народных масс. Те жаждали вовсе не изменений в монархической структуре, а постоянной работы, хорошей зарплаты, еды, нормального жилья и хоть какой-то экономической стабильности. Они хотели жить как люди, а не крысы.

Королеву Викторию, по мнению правящего класса, никто не посмел бы свергнуть с трона,

но она была стара и в то время уже непопулярна После смерти королевы на престоле окажется ее сын Эдуард (Берти). А он настолько распутный, упрямый и аморальный тип, что скрыть его поведение от народа будет просто невозможно.

В то время в высших эшелонах британского правительства было много франкмасонов, не исключая и премьер-министра маркиза Солсбери. Найт утверждал, что именно эти высокопоставленные масоны на самом деле управляли за троном страной, и они боялись, что с падением монархии их тайное общество лишится власти.

По смерти отца трон должен был унаследовать старший из живых сыновей Эдуарда — Альберт Виктор Кристиан Эдуард, герцог Кларенс и Эйвондейл, а для близких просто Эдди. Жалкий, ничтожный человечек (по викторианским меркам), он обожал вращаться под вымышленным именем в богемных кругах, был бисексуалом и как-то даже зачастил в мужской бордель. Хуже того: влюбившись в помощницу лавочника Анну Элизабет Крук, с которой его познакомил художник Уолтер Сикерт, герцог тайно обвенчался с ней. Этот брак являлся противозаконным со многих точек зрения, но самым опасным и недопустимым было то, что Эдди взял в жены

католичку. По закону английский монарх не имел права жениться на католичке. Эдди не был королем, но вскоре запросто мог им стать. На королеву неоднократно совершались покушения; к тому же она была стара, а батюшка Эдди, принц Эдуард, мог в любой момент загнуться от неумеренного питья и обжорства, венерической болезни, от пули ревнивого мужа, революционера или маньяка либо от любой другой болезни, против которых в ту пору не существовало никаких профилактических и лекарственных средств, кроме сопротивляемости самого организма.

Список гнусных преступлений Эдди довершило в апреле 1888 года рождение ему дочери Анной Крук. Дитя, таким образом, доводилось правнучкой королеве Виктории и двоюродной сестрицей тем персонам, которым предстояло править страной под именами Эдуарда VII и Георга VI.

Это переполнило чашу терпения королевы, и она послала премьер-министру лорду Солсбери сердитую записку с требованием принять все меры, дабы о скандале не пронюхали газеты и общество.

Солсбери, в свою очередь, дал задание обеспечить секретность врачу королевы и своему собрату-масону, сэру Уильяму Галлу. Сэр Галл

был блестящим человеком и выдающимся, по викторианским меркам, врачом, а кроме того, отличался странным и извращенным чувством юмора и совершенно очевидной шизофренией (очевидной для последующих поколений). Он славился своей добротой и сочувственным отношением к пациентам, но порой бывал холоден, жесток и непреклонен. Последние черты его характера, впрочем, проявлялись лишь в общении с пациентами из низших сословий и их родственниками. Он был любящим хозяином для своих домашних животных — и в то же время сумел оправдать, к своему глубокому удовлетворению, некоего вивисектора, который медленно поджаривал живых собак на плите, пока они не умирали во время его экспериментов.

Выполняя тайный приказ Галла, комиссар полиции, тоже масон, послал специальных полицейских агентов, велев им совершить налет на квартиру Уолтера Сикерта и Анны Крук. Эдди препроводили от Сикерта во дворец, а Крук — в приют. Галл засвидетельствовал невменяемость Анны, хотя она была в ту пору совершенно нормальна, и остаток своих дней бедная женщина провела в приютах и работных домах. В 1920 году, уже действительно помешанная, она скончалась.

Эдди ее больше так и не увидел.

Полиция хотела изловить также Мэри Келли, молодую ирландку, бывшую свидетельницей нечестивого, брака. Возможно, Галл намеревался объявить безумной и ее. Но какую бы судьбу он ей ни уготовил, на сей раз доктор просчитался. Ирландке удалось просочиться сквозь полицейскую сеть и затеряться в лабиринтах Ист-Энда. Позже она какое-то время заботилась об Алисе Маргарет, дочери Эдди и Анны, и вместе с ребенком сопровождала Сикерта в его длительной поездке в Дьепп. Будучи во Франции, Мэри Джейн Келли изменила свое имя на Мари Жаннетт Келли.

По прошествии нескольких лет Келли снова пришлось скрываться в лондонском муравейнике, то бишь Ист-Энде. Здесь она начала опускаться и превратилась в конце концов в одну из тысяч больных алкоголичек-проституток, влачивших жалкое и безнадежное существование. Как и ее сестры по профессии, Келли считала себя счастливой, если ей удавалось заработать на джин, даривший блаженное забытье, на жалкую еду, не дававшую сдохнуть с голоду, и убогую крышу над головой.

Тем не менее она не чувствовала себя одинокой, и самыми закадычными ее подружками

были Мэри Энн Николе, Энни Сиффи по прозвищу Торговка и Элизабет (Длинная Лиз) Страйд, — все как одна больные и вечно голодные пьянчужки, обреченные на скорую гибель, даже если бы Джека Потрошителя не существовало.

Пируя с ними в кабачках или на убогих квартирках и утопив в золотистых волнах алкоголя обычную осторожность, Келли поведала своим подругам о связи принца Эдди с Анной Крук и об ужасном конце этой любовной истории. И так, во время очередной попойки, родилась мысль о шантаже принца Эдди.

Впрочем, Найт предполагал, что четверка проституток занялась вымогательством, потому что ее принудила к этому банда опасных убийц Старого Николса.

Но, какими бы побуждениями они ни руководствовались, сама идея была крайне опасной и глупой. Солсбери давно оставил попытки найти Келли, поскольку ни он, ни полицейские шпионы не слыхали, чтобы она кому-нибудь проболталась о браке наследника. Пока свидетельница держала рот на замке, она не представляла опасности для власти, которую воплощал в себе маркиз Солсбери. Однако, получив записку с требованием денег за молчание, Солсбери снова привел

карающую машину в действие.

Понукаемый премьер-министром, Галл отреагировал немедленно. Отдав приказ замять эту историю раз и навсегда, Солсбери даже не задумался над тем, каким образом Галл собирается выполнить задание. Как бы сильно ни хотелось премьер-министру заткнуть шантажистам рот, он наверняка пришел бы в ужас, доведись ему узнать о намерениях Галла. Упечь простолюдинку в приюты и работные дома на всю жизнь — это, с точки зрения Солсбери, была лишь печальная необходимость. Но он никогда не отдал бы приказа убить женщину и разрубить ее на куски. Тем не менее, когда по Лондону прокатилась серия убийств, Солсбери ничего иного не оставалось, как только принять все возможные меры для защиты Джека Потрошителя.

Кучера, который возил наследника на дом к Сикерту и в другие места, где Эдди предавался не подобающим принцу развлечениям, звали Джон Нетли. После того как Эдди и Анну Крук разлучили, Галл подкупом и угрозами заставил кучера хранить молчание. Теперь, принимая во внимание характер возницы, Галл рассказал ему в общих чертах, как он собирается наказать шантажисток. Нетли с радостью согласился ему

помочь. А поскольку Сикерт знал главных действующих лиц трагедии, хорошо ориентировался в закоулках Ист-Энда и в свое время не отказался от денег за неразглашение сведений о связи Эдди и Крук, Галл и его привлек на подмогу. Художник не хотел принимать участия в убийствах, однако понимал, что если он откажется, то его самого убьют.

Карета Нетли, в которой сидели Сикерт и Галл, появилась в районе Уайтчепела. Проведя небольшую разведку, Галл с Сикертом заманили к себе Мэри Энн Николе, пообещав заплатить за услуги. Польщенная тем, что два таких элегантных джентльмена вообще обратили на нее внимание, и гадая, каким же извращениям они собираются предаться, Николе села в карету. Галл предложил ей бокал вина (Найт считал, что вино было отравленное), а когда она потеряла сознание, перерезал ей горло от уха до уха, выпотрошил внутренности и всю изрубил. Сикерт высунулся в окошко кареты, и его стошнило.

После чего карета свернула на темную и мгновенно опустевшую улочку Бакс-роу, где Нетли с Сикертом выгрузили тело и бросили на мостовой.

Несмотря на то что они знали расписание

полицейского обхода, преступники скрылись буквально за несколько минут до появления констебля.

Через восемь дней троица нанесла следующий удар. Энни Сиффи по прозвищу Торговка была найдена мертвой во дворе дома номер двадцать девять на Хэнбери-стрит. И тоже с перерезанным от уха до уха горлом. Тонкая кишка ее вместе с лоскутом кожи от брюшной полости лежала возле правого плеча, все еще соединенная жилкой с остальными внутренностями. Два кожных среза с нижней части живота валялись в луже крови над левым плечом жертвы.

На сей раз Галл отнес потерявшую сознание женщину из кареты во двор, где и подверг ее ритуальному надругательству в сумеречном свете.

Двадцать девятого сентября Галл убил двух проституток. Первое убийство пришлось совершить впопыхах, поскольку Длинная Лиз Страйд сесть в карету. отказалась. Нетли и Сикерт поймали ее на улице и держали, пока Галл перерезал ей глотку. Но изувечить ее Галл не успел. Услыхав, неподалеку громкие голоса, доктор не захотел рисковать и тащить тело жертвы в карету.

Троица поспешно ретировалась.

Позже тем же вечером было совершено еще

одно убийство, и на сей раз Галл, как видно, не спешил. Кэтрин Эддоуз нашли на площади Митры (не в районе Уайтчепела). Часть носа у нее была отрезана, мочка правого уха почти отсечена, лицо и шея исполосованы каким-то острым инструментом, кишечник вынут, а левая почка и матка отсутствовали.

К сожалению — с точки зрения Галла, а также, несомненно, Кэтрин Эддоуз, — Сикерт перепутал ее с Келли. Кэтрин не входила в число доверенных лиц ирландки, абсолютно ничего не знала о делах Эдди и Крук и погибла только оттого, что художник в сумерках принял ее за Мари Жаннетт Келли. Хотя ошибка была обнаружена сразу же после того, как женщине перерезали горло, Галл настоял на исполнении ритуала. Зачем упускать такую возможность? К тому же она была просто шлюхой, и, если кто-то из полицейских нападет случайно на след, убийство Эддоуз собьет его с толку.

Поздним вечером девятого ноября последняя и самая главная жертва — Мэри Келли — была подвергнута наиболее зверскому расчленению. Ритуал длился два часа. На этом серия убийств Джека Потрошителя прекратилась.

Бертон нашел записи, касающиеся Галла, Нет-

ли, Келли, Крук, Сикерта, Солсбери, принца Эдди и Страйд. По непонятным причинам, которые компьютер не мог объяснить, файлы Торговки и Николе обнаружить не удалось. Впрочем, компьютер обещал продолжить поиск.

Бертон просмотрел видеозаписи всех событий, начиная со встречи Эдди и Анны Крук и кончая, убийством Келли. Часть записей он прокручивал повторно, хотя его дважды вырвало: в первый раз, когда Галл обрабатывал Эддоуз, а во второй — во время расчленения Келли. Бертон всегда считал, что у него крепкий желудок, но, по-видимому, переоценил свои возможности.

Затем он ознакомился с помощью компьютера с некоторыми эпизодами из жизни участников дела Потрошителя в долине Реки. Анну Элизабет Крук воскресили, вернув ей рассудок, но стерев память о событиях, происшедших с 1888 по 1920 год.

Шизофрению сэра Уильяма Галла, похоже, удалось приостановить. Через двадцать лет после первого воскрешения его вовлек в религиозную секту доуистов сам основатель секты, Лоренцо Доу.

Для кучера Джона Нетли, утонувшего в Темзе, а затем воскрешенного на берегу Реки, все это ока-

залось серьезным потрясением. Шесть месяцев он вел себя как истинный христианин (в согласии с идеалами христианства, а не обычной практикой поведения христиан). Но когда первый шок прошел и Нетли убедился, что его не собираются наказывать за грехи, он тут же вновь обрел свою земную натуру — натуру скользкого, развратного, эгоистичного и хладнокровного преступника.

Художник Уолтер Сикерт быстро обратился в веру Второго Шанса и дослужился до звания епископа.

Длинная Лиз Страйд и Мэри Келли были воскрешены в долине рядом друг с дружкой. Пять лет они были неразлучными подругами и добрыми соседками. Ни одна, ни другая не стали здесь проститутками, хотя и обзавелись любовниками, но пили горькую по-прежнему. Потом Страйд ударилась в религию и вступила в популярную буддийскую секту нихиренитов. Келли бросила ее, отправившись вверх по Реке, и, после множества приключений, осела в мирном районе. Обе они погибли в те страшные времена, что наступили после поломки питающего камня на правом берегу Реки.

В общем, долгие странствия для всех них пока что закончились. Убийцы и жертвы существо-

вали нынче только в виде телесных матриц и ватанов, которые плавали в водоворотах центрального колодца.

Глава 22

Расследование дела Потрошителя было закончено; загадка решена. Теперь Бертон мог вернуться в свой личный мир, но по какой-то необъяснимой причине медлил. Хотя откладывать возвращение не было никаких оснований. Его раздражало это подсознательное раздвоение, поэтому он решил, с ним покончить.

И все же перед уходом Бертон еще раз погрузился в размышления о том, что он пережил, наблюдая эти две недели, за чужой жизнью. Мир, увиденный глазами проституток, ужаснул, его и потряс. На своем веку Бертон повидал немало дикости и грязи, часто сталкивался с несправедливостью и угнетением, но ничто не шло в сравнение с чудовищно бесчеловечной действительностью лондонского Ист-Энда 1880-х годов. В этот сравнительно небольшой район было втиснуто восемьсот тысяч человек, которые почти постоянно голодали, питались помоями и радовались хоть такой еде, которые пили, когда могли себе это позволить, а зачастую — и когда не могли, которые жили в грязных, сырых, кишащих паразитами комнатенках с облупленными стена-

ми, были жестоки друг к другу, невежественны, суеверны, а главное, что хуже всего, лишены всяческой надежды.

Бертон и раньше знал, что жизнь обитателей Ист-Энда не сахар, но только пожив среди них, пусть даже опосредованно, он ощутил, что само существование этой клоаки вызывает в нем чувства отвращения и вины. Да, вины — ибо он понял, что за этот ужас ответственны все, кто предпочитал его не замечать.

С какой-то точки зрения, извращенной, однако не лишенной резона, Потрошитель совершил акт милосердия, вырвав тех голодных, изможденных и больных проституток из безысходного мрака их жизни.

Опять-таки, сам не желая того, он заставил Англию обратить внимание на преисподнюю, от которой она отвращала свои взоры. Результатом стали громкие требования перемен, и немалая часть злачных трущоб была снесена, а взамен построены более приличные жилища. Но со временем нищета и горе вновь достигли прежнего уровня — который не так уж сильно изменился, — и Ист-Энд был забыт теми, кому не приходилось здесь жить.

Фрайгейт был заинтригован, услыхав о резуль-

татах расследования Бертона.

— Теперь тебе нужно выявить землевладельцев, которые наживались на этой чудовищной нищете, и покарать их, предав вечному забвению.

— Это марксизм, — откликнулся Бертон.

— Я презираю практику коммунизма, но в нем есть великие идеалы, — сказал Фрайгейт. — Я также презираю практику капитализма, во всяком случае во многих аспектах.

— Но и у него есть свои идеалы, — заметил Бертон.

Он посмотрел на Фрайгейта и рассмеялся:

— Разве хоть одна социально-политическая и экономическая система в мире сумела приблизиться к своим идеалам? Разве не все системы растленны?

— Конечно. Поэтому… растлители должны быть наказаны.

Нур эль-Музафир обратил их внимание на то, о чем они и сами знали, но как-то позабыли.

— Неважно, что они… мы… делали на Земле. Важно то, что мы делаем сейчас. Если растлители и растленные изменились к лучшему, они должны быть вознаграждены не меньше тех, кто всегда оставался добродетелен. А теперь

позвольте мне определить, что есть добродетель… — сказал он и улыбнулся:

— Хотя не стоит. Вы устали от «мудреца из башни», как вы порой называете меня. Мои истины приводят вас в смущение, даже когда вы с ними согласны.

— Кстати, к вопросу о том, кого следует воскрешать и кого бы нам хотелось видеть в своей компании, — вмешался Фрайгейт. Возьмем, например, Клеопатру. Мы с вами были бы рады увидеть ее во плоти и послушать правдивый рассказ о том, что происходило в те времена. Но царица любила вгонять острые булавки в груди своих рабынь, наслаждаясь их болью и корчами. Шекспир не упомянул об этом, когда писал «Антония и Клеопатру». Джордж Бернард Шоу в пьесе «Цезарь и Клеопатра» тоже обошел сей факт молчанием. И с точки зрения литературы они были правы. Могли бы мы с вами поверить в гений и величие Клеопатры и Цезаря или сопереживать их трагедии, если бы нам показали их варварский садизм и кровожадную жестокость? Однако мы с вами живем в реальном, а не вымышленном мире. Так что, хотели бы вы видеть Клеопатру, Цезаря или Антония своими соседями?

— Нур скажет: все зависит, мол, от того, какими

они стали теперь.

— И будет прав, конечно. Он всегда прав. И тем не менее… — Фрайгейт обернулся к Нуру:

— Ты элитарист. Ты веришь, и наверняка правильно делаешь, что только избранные наделены врожденной способностью стать суфиями или их философскиэтическими эквивалентами. И еще меньше, по твоему мнению, тех, кто достоин «продвижения». Большинство людей просто не в состоянии достичь необходимого этиче-ского уровня. Жаль, но такова суровая действительность.

Природа избыточна в отношении тел, но не менее избыточна она и в отношении душ. Природа устроила так, что большая часть мошек становится пищей для птиц и жаб, и она же устроила так, что большая часть душ не увидит спасения — и хотя они не сгинут, как мошки, в птичьем желудке, но достигнуть положенного уровня не сумеют.

«Продвижение» — удел немногих, а большинство подобно мошкам, идущим на прокорм.

— Разница в том, — возразил Нур, — что мошки безмозглы и лишены души, в то время как люди разумны и понимают, что им надо делать. Должны понимать, по крайней мере.

— Разве Бог, если он и есть природа, может быть столь расточительным и кровожадным? — спросил Бертон.

— Он наделил человечество свободой воли, — сказал Нур.Не его вина, если люди не сумели ею воспользоваться.

— Да, но ты сам говорил, что генетические дефекты, нарушения химического баланса, мозговые травмы и социальная среда могут влиять на поведение личности.

— Влиять — да. Но не определять. Нет. Я подчеркиваю это. Существуют определенные ситуации и обстоятельства, когда личность лишена свободы воли.

Но… только не у нас, не в Мире Реки.

— А что, если бы этики не дали нам второго шанса?

Нур с улыбкой развел руками:

— Да, но Бог устроил так, что этики дали нам этот шанс.

— Который, согласно твоим воззрениям, большинство людей проморгали.

— Но вы ведь тоже так считаете, разве нет?

Бертон с Фрайгейтом не нашлись, что ему возразить. Они частенько заходили в тупик, когда рассуждали с Нуром о серьезных материях.

Разговор закончился, экраны потускнели, и Бертон вышел в коридор.

Сначала он решил снять кодовое слово, которым запиралась квартира, и освободить ее для любого желающего. Но потом передумал. Ему может потребоваться убежище, где никто не сумеет его отыскать.

Не взяв с собой ничего, кроме лучемета, одетый только кильт из полотенца, Бертон вышел в коридор. На противоположной стене коридора тут же осветился экран. Не обращая внимания на изображение — там на Бертона с угрожающим видом надвигался отец, Бертон уже и забыл почему, — он подошел к летающему креслу, припаркованному у стены. Потом обернулся и взглянул в другую сторону коридора. Оттуда донесся громкий треск. Бертон потянулся было за лучеметом, но остановился, когда до него дошло, что это за треск.

Чуть погодя из-за угла в нескольких сотнях ярдов молнией вывернул мотоцикл. Водитель держал машину под крутым наклоном, чтобы сделать поворот, не снижая скорости. Затем мотоцикл выпрямился и, сопровождаемый картинками из прошлого мотоциклиста, вспыхивавшими на стенных экранах, понесся прямо

к Бертону. Водитель, крупный негр в, шлеме с очками и черном кожаном обмундировании, блеснул белоснежными зубами.

Бертон стоял рядом с креслом, не шелохнувшись, хотя руль мотоцикла чуть было не задел его.

— Поберегись, мать твою так! — крикнул чернокожий, и его оглушительный хохот волной докатился до Бертона.

Бертон выругался и велел компьютеру включить экран связи, чтобы поговорить с Томом Терпином. Пришлось подождать несколько минут, прежде чем ухмыляющаяся рожа Терпина появилась на экране. Его окружал обычный антураж — мужчины и женщины в крикливых одеяниях, громкая болтовня и пронзительный смех. Том был одет в костюм начала двадцатого века в яркую и контрастную клетку, а на голову нацепил алый котелок с длинным белым пером. Во рту у него дымилась громадная сигара. Со времени их последней встречи Том прибавил по меньшей мере десять фунтов.

— Как жизнь, дружок?

— Не так весело, как у тебя, — мрачно ответил Бертон. — Том, у меня к тебе жалоба, и вполне законная.

— А нам законные жалобы ни на фиг не нужны, верно?откликнулся Том, выпустив тугую серую струю дыма.

— Твои ребята носятся по коридорам на мотоциклах, машинах и Бог знает на чем, — сказал Бертон. — Мало того, что меня уже стукнули два раза, так еще вонь от бензина и лошадиного дерьма стоит невыносимая. Можешь ты как-то их урезонить? Они опасны для окружающих.

— Ни черта я не могу, — по-прежнему улыбаясь, ответил Том. — Это мои ребята, все верно, я здесь король. Но у меня нет полицейских, как ты знаешь.

К тому же роботы убирают конские какашки, а вентиляторы развеивают дым. Ты ведь слышишь, когда они приближаются, правда? Просто посторонись, и все дела. Там же у тебя скучища смертная. Разве мои ребята не развлекают тебя хоть немножечко? Знаешь, Дик, та слишком долго живешь один. Так у тебя вся кровь в жилах закиснет. Почему ты не заведешь себе подружку? А еще лучше — сразу четырех. Может, тогда ты перестанешь дуться как мышь на крупу!

— Так ты ничего не сделаешь?

— Не могу. И не хочу. Эти ниггеры — жутко вспыльчивый народ. — Он ухмыльнулся. — Со-

седи — вечная проблема, верно? А знаешь, Дик, ты просто пристрели их, если они будут тебе досаждать. Никто не пострадает. Я воскрешу их, и мы все вместе посмеемся. Конечно, в следующий раз они тебя тоже могут пристрелить. Ладно, увидимся, Дик. Всего хорошего.

Экран потускнел.

В душе у Бертона все кипело. Однако он ничего не мог поделать, разве только развязать локальную войну. А это ему ни к чему. И все-таки… Он уселся в кресло и отправился в свой личный мир. Там его никто не потревожит, а когда он заселит свой мир, то уж постарается, чтобы соседи у него были не только дружелюбными, но и покладистыми. Хотя поспорить Бертон любил, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как словесный поединок.

Сворачивая за угол, из-за которого появился мотоциклист, Бертон чуть было не снес кому-то голову. Вздрогнув, он рванул на себя рычажок в подлокотнике, и кресло взмыло вверх. Пятеро стоявших в коридоре людей пригнулись, но, лети кресло чуть пониже, аварии было бы не избежать.

Сердце у Бертона от неожиданного столкновения забилось как бешеное. Он остановил кресло,

развернул его и приземлился на пол. Двое мужчин и три женщины были ему незнакомы, но не выглядели опасными. Совершенно нагие, они не могли никуда спрятать оружие. Более того, они сами были явно напуганы, и не знали, что делать. Не приближаясь к Бертону, они заговорили с ним по-английски. Один — на британском английском, с выговором образованного человека, другой на кокни, одна из женщин с шотландской картавостью, другая — с ирландской напевностью, а третья и вовсе с иностранным акцентом, скорее всего скандинавским.

Бертон сделал навстречу им два шага и вдруг остановился.

— Боже мой!

Он узнал их. Галл, Нетли, Крук, Келли и Страйд.

Глава 23

Бертон, как правило, быстро реагировал на любую ситуацию, редко застывая от изумления или страха. Но встреча с этой пятеркой была настолько неожиданна и невероятна, что он ошеломленно пялился на них во все глаза.

Будь они совсем ему незнакомы, он бы просто удивился, но то, что он так хорошо их знал и считал существующими лишь в записях, напрочь сбило его с толку.

А пятеро людей, естественно, были ошарашены почище Бертона. Они не имели ни малейшего понятия, куда их занесло и почему. По крайней мере, судя по выражениям их лиц, никто им ничего не объяснил. Кто бы ни воскресил этих пятерых, он просто бросил их на произвол судьбы. «Возможно, — подумал Бертон, собравшись немного с мыслями, — возможно, это не простое совпадение, что они очутились тут, рядом со мной. Но кто — кто, ради всего святого — мог это сделать? И зачем?»

Галл стоял на голых коленях, глядя вверх с молитвенно сложенными руками, и что-то беззвучно шептал. Нетли был похож на загнанного в

угол зверя — съежившегося, рычащего, готового к прыжку. Три женщины уставились на Бертона, широко распахнув глаза. Страх на их лицах боролся с надеждой: они боялись, как бы он не оказался каким-нибудь исчадием ада, и надеялись, что он все-таки будет их спасителем.

Бертон, улыбаясь, медленно пошел им навстречу и остановился футах в пяти.

— Вам не о чем беспокоиться, — сказал он, подняв руку. Совсем наоборот.

Если вы перестанете трястись и последуете за мной, я объясню вам, что с вами приключилось. И позабочусь о том, чтобы вы чувствовали себя как дома.

Кстати, меня зовут Ричард Фрэнсис Бертон. А вам нет нужды представляться. Я знаю, кто вы.

Он вошел в распахнутую дверь, откуда они, по-видимому, недавно вышли.

Пятерка потянулась за ним — и тут Бертон снова услышал отдаленный рев мотоциклетного мотора. Он остановился в дверях. Остальные сбились в стайку за его спиной. Коридор задрожал от треска, мотоцикл вырулил из-за угла, выпрямился и пронесся мимо них. Чернокожий наездник помахал им затянутой в перчатку рукой:

— Ну, как тебе это нравится, сукин ты сын?

Бертон повернулся и увидел, что его гости замерли от удивления и еще больше — от страха. Ничего удивительного. Никто из них отродясь не видал мотоцикла, да и вообще машин с двигателями внутреннего сгорания. Он и сам не видел их в своей земной жизни, но привык к ним по фильмам и книгам еще до того, как попал в башню.

— Позже я вам все объясню, — сказал Бертон.

Он велел им садиться, и они послушно уселись, но тут же заговорили все хором.

— Я знаю, что у вас много вопросов, — перебил их Бертон, до, пожалуйста, придержите их до поры до времени. Сначала вам нужно выпить.

Нет. Сначала он принесет им из конвертера кильты, лифчики и накидки.

Пока что они слишком шокированы и не замечают своей наготы. Хотя, привыкнув к виду обнаженных тел на берегах Реки, они, быть может, и не сконфузятся. Но гости тем не менее с благодарностью приняли одежду и начали облачаться.

Нетли немного расслабился, хотя по-прежнему подозрительно поглядывал на Бертона.

— Вам надо выпить, — повторил Бертон. — Что кому налить?

Абстинентов, похоже, среди них не водилось.

Нетли, Страйд и Келли попросили джина, Галл — скотч с водой, Анна Крук — вина.

— В желудках у вас, конечно, пусто, но, я думаю, вам сейчас не до еды, сказал Бертон, раздав им спиртное. — Когда захотите, можете заказать что угодно и сколько угодно. Здесь, в отличие от долины, вам не придется довольствоваться тем, что дают питающие камни.

Они заглотнули выпивку так быстро, что Бертон налил им по новой. Гости слегка порозовели, оживились и, казалось, горели желанием послушать Бертона.

— Вы, случайно, не тот самый сэр Ричард Бертон, знаменитый исследователь Африки и лингвист? — глубоким баритоном спросил его Галл.

— К вашим услугам.

— Боже мой, я так и подумал! Вы похожи на него, только выглядите моложе.

Я посетил несколько ваших лекций в Антропологическом обществе.

— Да, я помню, — отозвался Бертон.

Галл взмахнул рукой, расплескав пару капель виски из кварцевого кубка:

— Но… все это… Где мы?

— Всему свое время.

Галл и Нетли наверняка узнают друг друга — если еще не узнали, — хотя и не виделись более сорока лет. Узнают ли они женщин, Бертон сомневался. Анну Крук доктор видел всего несколько минут, когда удостоверял ее невменяемость, к тому же на ней сейчас не было викторианской одежды, а свои черные волосы она коротко остригла. (Кстати, Анна немного напоминала сейчас принцессу Александру, матушку Эдди. Возможно, именно потому Эдди, явно страдавший эдиповым комплексом, и воспылал к ней любовью.) Джон Нетли видел Анну Элизабет Крук, любовницу принца Эдди, много раз, однако даже если он узнал ее, то вида не подал. Может, просто не хотел признаваться. Если она не поймет, кто он такой, ему же лучше. Но почему Крук не узнает его? Правда, он сейчас без усов, и все-таки… Может, ее забывчивость объясняется шоком и отсутствием викторианской одежды? К тому же после их последней встречи прошло немало лет.

Что же до Келли, то Сикерт с Галлом схватили ее на темной улице, заволокли в темную карету и напоили отравленным вином. Страйд тоже видела Нетли и Галла мельком и в сумерках.

Бертон не знал, с чего начать: то ли объяснить им, что это за башня и как они сюда попали, то

ли представить их друг другу. Он предвкушал их реакцию, когда они поймут, в чьей компании оказались, но побаивался, что фурор от такого открытия слишком надолго задержит объяснения. С другой стороны, объяснения будут довольно долгими, и за это время они, возможно, сообразят, кто есть кто.

— Во-первых, позвольте вас друг другу представить, — решился Бертон.

— Что до нас с Анной, так это не обязательно, дорогуша, проворковала Келли. — Мы старые подружки. И с Лиз тоже.

— И тем не менее, — усмехнулся Бертон, — я обязан исполнить долг вежливости, да и мужчины наверняка хотят с вами познакомиться.

Он сделал паузу — о, какая восхитительная ситуация! — и произнес:

— Элизабет Страйд, Мэри Джейн Келли и Анна Элизабет Крук! Позвольте вам представить сэра Уильяма Галла и Джона Нетли.

Последовавшая за этим сцена оправдала все его ожидания. Галл побелел и застыл с кубком, поднесенным ко рту. Нетли тоже побелел, замер на мгновение, потом выпрыгнул из кресла и попятился, не спуская с женщин глаз.

— Теперь я узнала тебя! — воскликнула Анна,

вскочив на ноги и показывая дрожащим пальцем на Галла. — Это ты, подлый лекаришка, объявил меня сумасшедшей! А ты, — обвиняющий перст ткнул в сторону Нетли, — ты увез моего Эдди, когда нагрянула полиция!

— Он также дважды пытался убить вашу дочь, — услужливо добавил Бертон. А этот человек, миссис Страйд и миссис Келли, — он указал на Галла, — этот человек вас обеих убил. С помощью своего сообщника.

— Помоги мне, Господи! — воззвал Галл, бухнувшись на колени. — Помоги мне, Господи, и прости, если на то будет воля Твоя!

— Это было давно, — огрызнулся Нетли. — Какая теперь разница? Вы все трое живы и здоровы, верно? Кто старое помянет, тому глаз вон!

— Видите ли, — сказал Бертон, — Страйд и Келли знают, что вы их убили, но за долгие годы, прожитые ими на берегу Реки, никто не рассказывал им об убийствах Джека Потрошителя. Поэтому они…

— Он! — прервала его Келли, ткнув пальцем в Галла. — Он — Джек Потрошитель?

— Такой личности вообще не существует, то есть Джек не один человек, а целых три. Но именно Галл написал подметные письма, просла-

вившие имя Потрошителя, и вообще был головой всего этого дела. Вы, Келли, еще не знаете, что он сделал после того, как убил вас. Помните, Келли, как изуродована была Кэтрин Эддоуз? Так это ерунда по сравнению с тем, что Галл сотворил с вами. Описать мне, как он вас расчленил?

— Нет! Нет! — возопил Галл, поднимаясь с колен. — Даже теперь, хотя я примирился с Господом, мне не забыть моих злодеяний!

— А я? — спросила Страйд. — Что случилось со мной?

— Вам просто перерезали горло, только и всего. Галл не успел исполнить над вами кровавый ритуал.

— Только и всего?! — взвизгнула Страйд. — Только и всего! По-вашему, этого мало?

Не переставая визжать, она бросилась на Галла, растопырив скрюченные пальцы. Он не отпрянул, хотя и поморщился, когда ее ногти вонзились ему в лицо. Нетли шагнул было к нему на помощь, но потом нерешительно отступил.

Бертон оторвал визжащую женщину от доктора. Галл потрогал свои окровавленные щеки, но ничего не сказал.

— Я бы с радостью вырезала ему все кишки и держала у него перед глазами, пока бы он не

подох, — пробурчала Келли.

Она подошла к Длинной Лиз, обняла подругу за плечи и увела рыдающую женщину в угол.

— Все. Покончим с трагедиями, мщением и упреками, — заявил Бертон. — Что вы будете делать потом — это меня не касается. А пока ведите себя прилично и внимательно выслушайте меня. Вас необходимо просветить, и, хотя мне не очень улыбается заниматься вашим образованием, я обязан это сделать. Я просто не могу вас бросить здесь, как щенят.

Сначала он велел им рассказать, как они появились из конвертера. Да-да, из того громадного куба, что стоит в углу этой самой комнаты. Как выяснилось, в конвертере они пробудились от смертного сна, после чего открыли дверцу и вылезли в комнату. Обследовав соседние помещения, они вышли в коридор, где как раз в то время пролетал Бертон на своем кресле.

— Так вы никого больше не видели? — спросил он.

Они дружно ответили, что нет.

Бертон повел Галла в ванную комнату, где, как и следовало ожидать, нашлась бутылочка с заживляющей раны жидкостью. Кровь мгновенно свернулась, а через сутки царапины затянутся

совсем.

Он спросил гостей, голодны ли они. Нетли с женщинами сказали «да»; Галл покачал головой. Бертон принял у них заказы и переадресовал их конвертеру.

Пока они насыщались, сидя за маленькими столиками, Бертон пустился в долгое повествование о Мире Реки, о тяготах пути к башне, куда он добирался со своими спутниками, и о том, что они здесь обнаружили. За время рассказа он осушил два высоких кубка скотча, а гости подчистили все, что было у них на тарелках.

— Теперь вы немного в курсе событий, — заключил Бертон. — Я знаю, что у вас осталась тысяча вопросов, и вам понадобится время, чтобы научиться общаться с компьютером. Но пока я предлагаю вам здесь переночевать — если хотите, я дам вам снотворные пилюли, — и мы с вами встретимся завтра. Я познакомлю вас со своими восемью товарищами. Возможно, не лично, но хотя бы на экране.

— Откуда нам знать, что эти два подонка не убьют нас во сне еще раз?пробурчала Мэри Келли.

— Да мне и в голову такое не придет! — воскликнул Галл. Я переменился; я давно уже другой

человек! Поверьте мне, леди, я глубоко раскаялся в своих преступлениях и пытался — вернее, пытаюсь — жить по-христиански, как учит нас святая вера. Я не только не причиню вам зла — я защищу вас от любого, кто посягнет на вашу жизнь или честь!

— Красиво заливаешь, — презрительно усмехнулась Лиз Страйд.

— Я говорю совершенно искренне, мадам, поверьте мне!

— Я думаю, он не врет, — сказал Бертон. — Но вы, дамы, можете спать в отдельной комнате. Я скажу вам кодовое слово, и никто, кроме меня и вас троих, не сможет проникнуть в вашу спальню.

Показав им, как получить из конвертера еду и напитки, Бертон вышел. Но не отправился в свой мир, а вернулся к себе в апартаменты. Поскольку завтра предстояло обучить новичков элементарным вещам, лучше быть к ним поближе.

По пути к себе он все размышлял о том, кто же воскресил эту пятерку.

Кто бы он ни был, чувство юмора у него довольно зловещее. Но кто мог это сделать? О том, что Бертон занимается расследованием дела Потрошителя, знали только Фрайгейт и Нур, а уж

они-то не стали бы так шутить. Тогда кто? Лога и монгольский агент мертвы. Неужели — Бертону не хотелось даже думать об этом — здесь бродит еще какой-нибудь Снарк?

Только Бертон улегся в кровать, как на стене появился экран. А на нем — несчастное лицо Звездной Ложки.

Быстро говоря на эсперанто и мешая слова со слезами, она спросила у Бертона позволения прийти к нему в квартиру.

— Зачем?

— Я устала делить По с пятью другими женщинами, хотя он почти не уделяет нам внимания. То пьет со своими дружками, то занимается исследованиями. А кроме того… я не желаю его объятий.

Бертону не надо было спрашивать, чьих объятий она желает.

— Ли По в курсе, что ты мне звонишь?

— Да. Я сказала ему час назад. Он рвал и метал, а потом…

— Он не бил тебя?

— Нет, он женщин не бьет, надо отдать ему должное. По крайней мере, не физически.

— Ну и что потом?

— Потом? Ах да! Он улыбнулся, благословил меня и сказал: он, мол, надеется, что я с тобой

буду счастлива. Правда, тут же все испортил, прибавив, что он в этом сомневается.

— Я хочу потолковать с ним, — сказал Бертон, вставая с кровати и надевая кильт.

Черные глаза Звездной Ложки расширились:

— Зачем? Ты думаешь, я лгу?

— Нет, конечно, нет! Просто мне не хочется, чтобы он думал, будто я боюсь встретиться с ним лицом к лицу. А кроме того, мне будет неприятно, если он решит, что я увел тебя тайком.

— О, так он не думает! Я сказала ему, что ты понятия не имеешь о том, что я тебя хочу.

— А вот это как раз вранье, — сказал Бертон, не упрекая ее, однако.

Вранье вранью рознь, и ложь китаянки относилась к «невинной» категории. А кроме того, кто он такой, чтобы упрекать кого-либо за лицемерие? — Я все-таки поговорю с ним, если он не спит.

— Нет, он не спит, но он не велел, чтобы его беспокоили. У него сейчас женщина. Он только что ее воскресил. Сказал, что она заменит меня. Бедняжка.

— Возможно, — откликнулся Бертон. — Хотя сейчас она, должно быть, преисполнена к нему благодарности за воскрешение из мертвых.

Бертон не был влюблен в китаянку. Однако он не считал любовь обязательным условием для приятной связи между мужчиной и женщиной. Он, безусловно, любил Алису — ну и куда их завела эта любовь?

— Ладно, приходи, — сказал он. — Я велю компьютеру впустить тебя.

Звездная Ложка прекратила хлюпать носом и просияла, словно солнышко на рассвете.

— Только поправлю макияж и соберу свои вещички. Ты же хочешь меня, правда?

— Не хотел бы — не приглашал, — ответил Бертон.

Заснуть ему удалось только в пятом часу.

Глава 24

Бертон позвонил трем женщинам в их спальню, а затем обоим мужчинам, которые ночевали в отдельных комнатах. Пожелав им доброго утра, он сказал, что велел компьютеру обучить их, как с ним работать. После чего пригласил их прийти вечером на еженедельное собрание восьмерки — вернее, теперь уже больше чем восьмерки.

— Потом можете делать все, что вам заблагорассудится. Я буду позванивать вам время от времени или даже загляну, если вы не против. А вы можете звякнуть мне, если возникнут какие-нибудь вопросы.

Все пятеро не скрывали своего разочарования. Они явно считали, что он должен быть при них неотлучно, пока они не приспособятся к здешней жизни. Но делать было нечего.

Бертон с китаянкой позавтракали, откушав яиц au beurre noir <С пережаренным маслом (фр.).>, оладушков с черникой и инжира со сливками. Потом они полетели в маленький мирок Бертона, Телем, названный в честь мифической страны, описанной Рабле в «Гаргантюа и Пантагрюэле». Девизом ее, согласно старику-французу, было

«Делай что хочешь». Бертон переиначил его в «Делай, что хочет Бертон».

Возможно, впрочем, что ему следовало назвать свой мир Багдадом-в-Башне. В центре его Бертон соорудил небольшой город с замком, похожим на место действия «Тысячи и одной ночи» в представлении романтика или голливудского продюсера. Из западного угла просторного помещения вытекала река и, обогнув город, скользила змейкой к востоку, теряясь в песках пустыни неподалеку от входа. Вокруг города бродили свирепые львы и леопарды, а также стада газелей, антилоп, страусов и прочих пустынных жителей. В речке плавали крокодилы и бегемоты, а джунгли кишели обезьянами, виверрами и птицами.

Все население Телема в данный момент состояло из китаянки и самого Бертона. Он собирался позже поселить здесь приятных для себя людей, однако не торопился.

В двадцать ноль-ноль они со Звездной Ложкой явились на вечеринку, хотя и не без приключений. Чернокожий мотоциклист, теперь уже с чернокожей женщиной за спиной, вихрем промчался мимо, махнул рукой и крикнул, на сей раз, правда, без ругани:

— Эй, Бертон, что происходит?

Через несколько секунд они увидали, как по коридору бредет сама по себе большущая свинья, цокая копытцами.

— Бог ты мой! — воскликнул Бертон. — Это что за диво?

— Не знаю, — ответила Звездная Ложка. — Я говорила с Афрой сегодня днем, и она тоже несколько раз натыкалась на каких-то незнакомцев. В основном они, наверное, из мира Тома Терпина. По крайней мере, она так думает, поскольку они чернокожие. Но как-то она столкнулась с дюжиной человек, похожих с виду на цыган.

— Цыган? Кто их мог воскресить?

Они вошли в квартиру Нура, окунувшись в море веселого шума и смеха.

Алиса тоже была здесь, одетая по своей любимой моде двадцатых годов. Она мельком улыбнулась им, но так и не подошла поговорить. Бертон ожидал, что вызовет всеобщее удивление, появившись в паре с китаянкой. Однако Ли По, похоже, уже всем разболтал. Если он и ревновал, то не показывал вида.

Реалист по натуре, китаец понимал, что демонстрация ревности не только ничего не даст, но и заставит его потерять лицо. Кроме того, Ли По

не страдал от отсутствия компании или секса. Он успел воскресить уже сорок мужчин и сорок семь женщин, бывших его знакомыми в прежней земной жизни.

Семь женщин были его любовницами, каждая в свой день недели. Но сегодня он привел с собой только одну.

— Они сопровождают меня на наши встречи по очереди, сказал китаец Бертону.

— Со временем им наскучит этот гарем, и они воскресят себе каждая по мужчине, — откликнулся Бертон. — Что ты тогда будешь делать?

— Ничего, — улыбнулся Ли По. — Я не тиран. Я просто воскрешу себе новых подруг. Рано или поздно это неизбежно произойдет, поскольку нынешние мне надоедят. Или же я им надоем, как ни трудно мне в это поверить.

Бертон представил себе кишащий людьми мир Ли По. Когда наступит перенаселение, избыток выплеснется в квартиры. То же самое творилось сейчас в мире Тома Терпина.

— Дружище, я просто не знаю, что сказать, — пожал плечами Терпин. — Я начал их воскрешать, а потом они вышли из-под контроля. Они сами начали воскрешать людей, те — тоже, и пошло-поехало. Теперь с этим воскрешением сплошная

морока.

Бертон рассказал ему о чернокожем мотоциклисте.

— Это Билл Уильямс, — ухмыльнулся Терпин. — Я понятия не имею, кто его поднял из мертвых. Я мог бы выяснить, конечно, но что толку? Кстати, он не американский негр. Он русский.

— Русский?

— Ага. У него была занятная жизнь. Тебе надо бы как-нибудь с ним поболтать.

Бертон, когда вошел, сразу заметил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли.

Они стояли в двух углах — мужчины в одном, женщины в другом, общаясь только между собой. Бертон провел их по комнате, чтобы представить присутствующим.

Но Фрайгейт, похоже, успел распустить о них слухи, поэтому, хотя новенькие и вызывали любопытство, с Галлом и Нетли многим из гостей было не по себе. Да кому угодно стало бы не по себе в, компании двух третей нечистой троицы, составляющей Джека Потрошителя. На Нетли это подействовало столь угнетающе, что он довольно рано ушел. Бертон, выйдя в коридор, втихаря приказал компьютеру последить за бывшим кучером.

Заметив, что Страйд, Крук и Келли чувствуют себя не в своей тарелке, Нур подошел к ним и быстро их развеселил. Он одинаково свободно держался со сливками общества и его низами, с образованными людьми и необразованными, богатыми и бедными, быстро вписываясь в любую компанию и нигде не теряя достоинства. Через некоторое время к ним присоединились Афра Бен с Фрайгейтом, и Нур оставил своих подопечных, остановившись в конце концов возле Галла. Бертону стало любопытно, и он подошел к ним поближе.

Галл рассказывал Нуру о Лоренцо Доу — человеке, который обратил доктора в свою веру. Доу родился в Ковентри, округ Толланд, штат Коннектикут, в 1777 году. Обладавший богатым воображением, впечатлительный мальчик, увидав однажды ангела — по крайней мере, так он утверждал, — сделался набожным не по годам. В юности он стал странствующим священником, связанным, правда не очень тесно, с методистской церковью. Он был самым активным и известным из всех раннеамериканских миссионеров. Его знали повсюду — от штата Мэн до Южной Каролины и от Нью-Йорка до пустынных берегов Миссисипи. Прослышав о том, что где-то

живет хотя бы горстка людей, он отправлялся в путь на лодке, в повозке, верхом или пешком и произносил им свои эксцентричные и бессвязные проповеди.

Когда его воскресили из мертвых в Мире Реки, он был удивлен, однако не слишком. «Кое в чем я ошибался, — заявил он своим воскресителям, — но в основном был прав».

Доу не сомневался, что ангел, виденный им в детстве, был одним из создателей Мира Реки — мира, представляющего собой этап, пройдя который достойные могли продолжить свою жизнь в лучшем мире. Как и шансеры, он верил, что все должны стремиться к моральному и духовному самоусовершенствованию. Но, в отличие от шансеров, Доу не верил, что конечной целью является растворение в божественной сущности. Нет, эта Река — нечто вроде чистилища, в котором Бог и его ангелы дают людям еще один шанс.

Те, в ком свершится великая духовная перемена, перейдут в другой мир, где их воскресят опять. Неудачники же умрут здесь, навсегда обратившись в прах.

— Встречал я ваших ангелов, — сказал Бертон. — Они всего лишь мужчины и женщины. Кстати, все они, кроме одного, родились на

Земле и умерли там детьми. Монат — единственное исключение. Негуманоид внеземного происхождения, он возглавлял весь этот проект. Оглянитесь вокруг — разве наша башня похожа на ангельское сооружение?

— Безусловно, похожа, — ответил Галл. — Этот Лога, о котором вы говорите, он… Он, должно быть, падший ангел.

— Вы просто спятили, приятель, — заявил Бертон и отошел.

— Этот человек воскресит массу своих единоверцев, — сказала Звездная Ложка, — и скоро в коридорах шагу нельзя будет ступить, не наткнувшись на кого-нибудь из них. Они не дадут нам покоя. — Мы укроемся в Телеме. Туда они не пролезут.

— Неприступных мест, как и людей, не бывает.

Звездная Ложка пришлась Бертону впору, как приходится по ноге мягкая и удобная туфля. И не только в переносном смысле. Когда Бертон снимал обувь, он тут же забывал о ней до тех пор, пока не приходила пора надевать ее снова. Китаянка, казалось, не имела ничего против того, что ее игнорировали, когда Бертон был занят исследованиями или работал с компьютером. Она и сама немало времени проводила за пультом. В

общем, она была чудесной подругой, занимательным собеседником и старалась не быть Бертону в тягость. Умная, образованная, Звездная Ложка хорошо знала китайскую поэзию, прекрасно рисовала и изумительно играла на китайской лютне. Страстная, искушенная в любовных играх и раскрепощенная, она, однако, не возмущалась, если Бертон, поглощенный своими занятиями, не прикасался к ней целую неделю.

Звездная Ложка жаловалась лишь на то, что не может переселить сюда своих родителей. Мама ее жила в долине, отца же китаянке найти не удалось.

— Ты не будешь возражать, если я все-таки сумею перетащить их сюда?спросила она как-то. — Возможно, когда-нибудь мне это удастся. Они могут поселиться в отдельной квартире, чтобы не мешать тебе. А я буду навещать их только с твоего согласия.

— Конечно, — согласился Бертон. — Можешь переселить сюда всех своих братьев и сестер. А также тетушек, дядюшек и кузенов.

Он не мог бы помешать Звездной Ложке, даже если бы захотел, но не собирался говорить ей об этом. Зачем разочаровывать человека, который так хочет вам угодить? Да, она была прекрасной

подружкой.

— Меня удивляет, что она так и не стала здесь более самостоятельной, чем была в долине Реки, — сказал Фрайгейт, когда Бертон заговорил с ним на эту тему. — Конечно, она воспитана в традициях китайской культуры восьмого века, но в долине ей пришлось столкнуться со многими другими культурами.

Обыкновенно жизнь на берегу Реки эмансипирует женщин.

— Не всегда, — возразил Бертон. — У нее была трудная жизнь, и это еще мягко сказано. Ты же знаешь ее печальную земную историю. А в долине ей пришлось не легче. Ее там насиловали много раз, хотя, похоже, это не причинило ей особых душевных страданий.

— Похоже-то похоже, но не забывай, что она очень сдержанна.

— Ну конечно, восток — дело тонкое.

— Она очень красива.

— Исключительно. Должен признаться, я польщен тем, что она так страстно меня желала. И все же… я по-прежнему предпочел бы белую и не столь блестящую блондинку, которая была бы предана мне.

— Если найдешь такую и сумеешь воскресить,

будь осторожнее со Звездной Ложкой. В ней куда больше огня, чем кажется.

Через несколько дней после вечеринки Бертон с китаянкой собрались навестить Фрайгейта в его мире и уселись в специальные кресла, сконструированные Бертоном. Они были больше обычных и находились внутри герметичных пластиковых сфер трехдюймовой толщины. Лучеметы, торчавшие из оболочки, могли стрелять в любых направлениях — вперед, назад, вверх и вниз.

— Кого ты боишься? — спросила Звездная Ложка, увидевшая бронированные кресла впервые.

— Я никого не боюсь, — ответил он, — но я почти никому не доверяю. По коридорам рыщет слишком много неизвестных личностей. К тому же у нас нет никакой уверенности, что в башне не прячется кто-то из этиков.

Кресла взмыли над минаретами и куполами, покрытыми золотым сплавом, в котором сверкали громадные драгоценные каменья, и полетели над рекой и джунглями к выходу. Бертон нажал кнопку на пульте, передававшую по радио закодированную команду «сезам, откройся». В кресле Звездной Ложки такой кнопки не было, ибо Бертон отказался сообщать ей код. Она нерешительно спросила его почему, и он объяснил

ей, что не хочет рисковать: а вдруг ее кто-нибудь схватит и выпытает кодовое слово?

— Но кому это нужно? — удивилась она.

— Возможно, никому. Однако это не исключено.

— А что, если кто-нибудь схватит тебя?

— Я предусмотрел такую возможность.

Китаянка не стала спрашивать, какие, меры предосторожности он принял.

Ведь эту информацию у нее тоже могли выудить под пытками.

На круглой площади не было ни одного человека, только роботы убирали мусор. Остановив кресло перед входом в мир Фрайгейта, Бертон громко окликнул американца по имени. Через несколько секунд на экране появилось лицо хозяина. Дверь распахнулась, и кресла вплыли в тесную прихожую. Вторая дверь открыла перед ними мир, в котором солнце стояло десятью градусами ниже зенита, температура была восемьдесят пять по Фаренгейту, а воздух перенасыщен влагой. Они пролетели над очень густыми буйными джунглями, над речкой с притоками и над большими полянами. В воде и по берегам ползали громадные зубастые крокодилы. Перед глазами то и дело мелькали головы здоровенных

рептилий на длинных шеях, а однажды через поляну грузно протопал ископаемый ящер в тяжелой броне. Над креслами носились крылатые ящеры — птеродактили. Всех этих чудищ не было в архивах этиков, поскольку они прибыли на Землю через семьдесят миллионов лет после того, как вымер последний динозавр. Но Фрайгейт создал компьютерные копии ископаемых, и теперь они царили в джунглях. В центре бробдингнежского помещения стоял каменный монолит двухсот футов вышиной с гладкими крутыми стенами, на которые невозможно было забраться. На верху монолита находилась резиденция американца — на плоской поверхности в десять акров посреди острова стоял особняк в стиле середины XIX века, окруженный широким рвом, в котором плавали утки, гуси и лебеди. Бертон со Звездной Ложкой приземлились на зеленой лужайке возле дома.

Питер Фрайгейт сидел в окружении трех собак на веранде в кресле-качалке, слушал «Музыку на воде» Генделя и потягивал мятный коктейль.

На коленях у него лежал сиамский кот. Собаки — настоящие собаки, а не компьютерные копии — с лаем спрыгнули с веранды и подбежали к Бертону.

Громадный ротвейлер, немецкая и шотланд-

ская овчарки, они все втроем носились вокруг гостя, виляли хвостами и поскуливали от удовольствия, когда он их поглаживал. Фрайгейт встал, лишив кота удобного ложа, и поздоровался с гостями. Одет он был в белую льняную рубаху, расшитую египетскими иероглифами, и белый же льняной кильт по колено.

— Приветствую вас во Фрайгейтландии, — сказал он с улыбкой. — Присаживайтесь. — Он кивнул на два кресла-качалки. — Что будете пить?

Фрайгейт хлопнул в ладоши, и в дверях появились два андроида в лакейских ливреях.

— Что, похожи? — спросил хозяин. — Я сделал их точными копиями двух президентов, которых всегда не любил. Одного зовут Хитрюга Дики, а другого — Ронни. Вот этот, у которого вид проныры, Дики. — Фрайгейт помолчал. — Хозяйка дома спустится через минутку.

— Так ты решился в конце концов обзавестись подругой?удивился Бертон.

— Да. Собаки и кошки — замечательные друзья, они никогда вам не противоречат. Но я соскучился по разговорам и другим вещам.

Слуги принесли напитки — скотч для Бертона и вино для Звездной Ложки.

Бертон вытащил из кармана гаванскую сигару, и Дики, моментально подскочив к нему, щелкнул зажигалкой. Ронни поднес огонек к сигарете китаянки.

— Да, такая жизнь по мне! — сказал Фрайгейт. — Я летаю над джунглями и с огромным удовольствием наблюдаю за своими динозаврами. А чтобы тираннозавры не пожирали бронтозавров, я кормлю их мясом на раздаточной станции возле монолита. Но все равно поддерживать баланс между хищниками и травоядными довольно трудно. В один прекрасный день мне это, наверное, надоест. И тогда я ликвидирую юрский период, заменив его меловым. Я собираюсь последовательно воссоздать все эволюционные периоды до эпохи плейстоцена. И на нем остановлюсь. Мне всегда ужасно нравились мамонты и саблезубые тигры.

Глава 25

Бертон отмахнулся от мухи.

— Неужели тебе необходимо такое правдоподобие?

— Тут и москиты тоже есть. Вечерами мне приходится скрываться от них в доме. Я не хочу, чтобы здешний мир был стерильным раем без мошек. В свое время я проклинал мух, москитов и муравьев и не мог понять, зачем Господь наводнил ими Землю, отравляя нам существование. Теперь я понимаю. Они для меня источник наслаждения. Когда они закусают тебя до смерти — не в буквальном смысле, разумеется, — и ты наконец укроешься в каком-то недоступном для них местечке, само их отсутствие доставляет несказанную радость.

Звездная Ложка посмотрела на него так, будто он слегка с приветом. Но Бертон понимал американца. Чтобы испытать настоящее удовольствие, нужно сначала помаяться. Оправдать существование зла, безусловно, нетрудно. Не будь его на свете, откуда бы мы знали, что добро — это добро? Хотя, возможно, зло не так уж необходимо. Иначе почему этики всеми силами стремились свести

его к минимуму?

В этот миг из дома вышла женщина. Обворожительная — рыжеволосая, зеленоглазая, белокожая, длинноногая, полногрудая, с осиной талией. Черты лица у нее были не правильные: нос чуточку длинноват, верхняя губа малость коротковата, а глаза посажены немного глубже, чем надо. Но вместе они создавали прекрасное, значительное и незабываемое лицо. Женщина была пяти футов и семи дюймов ростом, в белом декольтированном платье из мерцающей ткани с разрезом на левом бедре, в белых босоножках на высоких каблуках. Ни драгоценностей, ни жемчугов. Только на правой руке блестел серебряный браслетик.

— Познакомьтесь: Софи Лефкович, — с улыбкой представил ее Фрайгейт. — Я встретился с ней на конференции писателейфантастов в 1955 году. После этого мы переписывались и время от времени встречались на других конференциях. Она умерла в 1979 году от рака. Ее дед с бабкой переехали из России в Кливленд, штат Огайо, в 1900 Году, а отец женился на местной уроженке, чьи предки, испанские евреи, переселились в НьюАмстердам в 1652 году. Забавно, но я однажды виделся с первым иммигрантом из их рода,

Абрамом Лопесом. Правда, мы друг другу не понравились; он оказался ярым фанатиком. А Софи была домохозяйкой, но принимала активное участие в деятельности множества организаций, в том числе и Национальной женской организации. Кроме того, она заработала кучу денег писанием книг для детей под псевдонимом Бегония Уэст.

— Я уверен, они прелестны, — серьезно сказал Бертон. — Но ты же сам предостерегал меня от воскрешения писателей, помнишь?

— Да, многие из них прогнили насквозь, но не все.

Софи оказалась умной и интересной собеседницей, хотя и чересчур склонной к каламбурам. Она, похоже, была чрезвычайно благодарна Фрайгейту за свое воскрешение, а тот, в свою очередь, искренне ею восхищался.

— Мы, естественно, собираемся воскресить еще кое-кого. Иначе, без компании, мы быстро осточертеем друг другу. Хотя выбрать подходящие кандидатуры — дело нелегкое.

— Он ищет совершенства, которого все равно не найдет, — заметила Софи. Те, что совершенны, уже стали «продвинувшимися». Я ему говорю: выбирай более или менее подходящих, а если они

нам не понравятся, пускай выметаются отсюда.

— Если так будет продолжаться, — сказала Звездная Ложка, башня скоро лопнет от перенаселения. Каждый воскрешенный начинает тут же воскрешать себе приятелей.

— В башне свободно может разместиться пара миллионов человек, возразила Софи.

— Но если каждый из них воскресит еще по четыре человека, население начнет расти в геометрической прогрессии, — сказал Бертон.

— Это бы еще полбеды, — вмешался Фрайгейт. — Нам грозят неприятности похуже. Намедни я разговаривал с Томом Терпином. Он говорит, две парочки из его мира пытаются обзавестись детьми. Они велели компьютеру исключить из своего рациона противозачаточные химические вещества. Том рассердился и сказал им, что, если женщины забеременеют, им придется покинуть Терпинландию. А они заявили, что им плевать.

Собеседники приумолкли, потрясенные новостью. Этики сделали все возможное, чтобы исключить появление детей, поскольку пространство Мира Реки не было рассчитано на прирост населения. А кроме того, свободные места предполагалось заселить воскрешенными, родившимися на Земле после 1983 года.

— Весь проект летит псу под хвост, — сказал Фрайгейт.

— Хуже — к чертям в преисподнюю! — отозвался Бертон. — Если он еще не там.

— Ну, по-моему, на преисподнюю это мало похоже, — улыбнулась Софи, обводя рукой их личный мирок.

В воздухе раздавались птичьи трели — анахроничные звуки, поскольку птиц в мезозойскую эру еще не было, — и попискивание парочки енотов, тоже забредшей из более позднего времени. Снизу доносились басовитые гортанные крики бронтозавров, топот тираннозавров, носившихся с грохотом пассажирского поезда или снежной лавины. Птеранодоны, размах крыльев у которых достигал тридцати футов, хрипло каркали, как простуженные вороны.

— Это временное явление, — отозвался Бертон.

Андроиды Дики и Ронни принесли еще спиртного. Фрайгейт с Бертоном, возможно вдохновленные присутствием андроидов, начали беседовать на свою любимую тему — о свободе воли и предопределении. Фрайгейт утверждал, что свободная воля играет более значительную роль в человеческой жизни, нежели механические, химические или ядерные элементы. Бертон,

напротив, доказывал, что в большинстве случаев выбор людей предопределен химическим составом их организмов и привитыми в раннем детстве условными рефлексами.

— Но некоторым людям удается изменить свой характер к лучшему, — сказал Фрайгейт. — Они занимаются этим осознанно, прилагая немало труда, и усилием воли преодолевают рефлексы, порой изменяют даже врожденный темперамент.

— Я признаю, что свободная воля имеет значение в жизни некоторых людей, заметил Бертон. — Но лишь немногим удается эффективно использовать этот инструмент. В большинстве своем люди подобны роботам. А счастливое меньшинство способно развивать свою свободную волю только потому, что им позволяют это делать гены. Таким образом, даже свобода воли зависит от генетической предопределенности.

— Должен тебе сознаться, — промолвил Фрайгейт, — что я запросил компьютер, проводили ли этики какие-то исследования в области свободы воли и предопределения. Не с философской, а с чисто научной точки зрения. Компьютер сказал, что у него гигантская база данных, поскольку первые этики, предшественники Моната, ра-

ботали над этой проблемой, а затем их работу продолжили люди Моната и их последователи, земные дети, выросшие в Мире Садов. У меня не было времени, чтобы просмотреть базу или хотя бы часть ее, но я, наверное, все равно ничего бы не понял. Поэтому я попросил выдать мне краткие выводы. Компьютер сказал, что проект еще не закончен, но с некоторыми выводами он может меня ознакомить.

Этики давным-давно составили список всех хромосом, установили их функции и проанализировали взаимовлияние генов. Поэтому когда они нас воскресили, то заменили испорченные гены здоровыми. С точки зрения физической, химической и электрической мы оказались в идеальных условиях.

Так что любые развившиеся потом недостатки имели чисто психологическое происхождение. Конечно же, наши психические и социальные рефлексы были оставлены. Если мы хотели от них избавиться, то могли это сделать строго самостоятельно. Он или она должны были прибегнуть к свободной воле, если таковая у них имелась и если они хотели к ней прибегать.

— Почему ты мне об этом не рассказывал? — спросил Бертон.

— Не сердись. Я просто хотел выслушать твое мнение, прежде чем открыть тебе правду.

— Ты просто хотел подставить мне подножку, а потом потоптать лежачего!

— Почему бы и нет? — улыбнулся Фрайгейт. — Ты такой заядлый спорщик, такой убежденный, догматичный и самоуверенный, что... Ну, я и подумал: неплохо бы раз в жизни заставить тебя послушать, а то ты постоянно подавляешь собеседника.

— Что ж, если это поможет тебе самоутвердиться, я не против, — улыбнулся Бертон. — В былые времена я наверняка бы взбеленился. Но во мне тоже произошли перемены.

— Да, однако ты заставишь меня когда-нибудь заплатить за это.

— Нет, не заставлю, — сказал Бертон. — Я прибегну к данной мне свободе воли, дабы усвоить сей урок. Буду лелеять ее и беречь.

— Посмотрим. И тем не менее...

— Выводы!

— Я постараюсь изложить их нормальным человеческим языком. Мы не совсем роботы, хотя Сэм Клеменс и тот писатель, о котором я рассказывал тебе, Курт Воннегут, утверждали обратное. Они говорили, что наше поведение и мысли сто-

процентно определяются событиями прошлого и химическим строением наших организмов. Теория Клеменса утверждала, что все, происходящее ныне, предопределено всем, происходившим прежде. Скорость, с которой первый атом при рождении Вселенной столкнулся со вторым атомом, и угол, под которым они разлетелись, начали цепочку событий, разворачивающихся в определенном направлении. Мы — результат того первоначального столкновения. Ударься первый атом о второй с другой скоростью либо под другим углом, и мы были бы иными. Воннегут об этом не говорил ничего, однако он утверждал, что мы действуем и мыслим так, а не иначе из-за «негодных химикалий», как он их называл.

Как Клеменс, так и Воннегут порицали зло, но они игнорировали тот факт, что сама их философия снимает со злодеев вину за содеянные преступления.

Ведь согласно их теории, личность не может не поступать так, как поступает.

Спрашивается, зачем тогда так много писать о злодеях и клеймить их, если те ни за что не несут ответственности? Разве может убийца отвечать за свое преступление, разве могут богачи не эксплуатировать бедняков, а бедняки — не

позволять себя эксплуатировать, разве можно винить избивающего детей человека за жестокость, пуританина за нетерпимость и узколобость, либертинца за сексуальную распущенность, судью за мздоимство, куклускскановца за расовые предрассудки, либерала за его слепоту по отношению к открыто провозглашаемым намерениям и кровавым методам коммунистов, фашиста и капиталиста за использование грязных средств для достижения якобы благих целей, консерватора за презрение к простым людям и за благовидные предлоги, которыми он оправдывает их эксплуатацию? Можно ли обвинять Ивана Грозного, и Жиля де Реца, и Сталина, и Гитлера, и Чан Кайши, и Мао Цзэдуна, и Менахема Бегина, и Ясира Арафата, и Чингисхана, и Симона Боливара, и террориста Ирландской революционной армии, бросающего бомбу в почтовый ящик и отрывающего детям ноги? Можно ли их всех винить? Нет, если ты принимаешь основы философии Клеменса и Воннегута. Убийца, растлитель, насильник и расист так же не заслуживают порицания за свои преступления, как люди добродетельные не заслуживают похвалы. Все они ведут себя так из-за своих генов, или химических процессов, происходящих в их организме, или из-за психосо-

циальной обработки. Так зачем же тогда писать о преступлениях, если сами писатели не в силах заклеймить преступников?

А затем, согласно их собственной философии, что так уж они запрограммированы. То есть никакой их личной моральной заслуги тут нет.

— Стало быть, эти двое утверждали, будто мы просто бильярдные шары, которые ждут столкновения с другими шарами и попадают затем в назначенный им угол? — спросил Бертон, терпеливо ожидавший выводов.

— Да.

— Мне хорошо известна эта философия. Я даже написал о ней поэму, как ты знаешь. И все-таки даже те, кто не верит в свободу воли, всегда поступают так, будто она у них есть. Такова, наверное, человеческая природа. Возможно, это заложено в генах. А теперь, если ты не возражаешь, давай перейдем к выводу.

— Вывод не один, их несколько, — сказал Фрайгейт. — Вопервых, исследования этиков доказывают, что умственный потенциал различных рас одинаков. Все они имеют в запасе равное количество гениев, людей блестящего ума, просто умных, не очень умных и дураков. В 1983 году, когда я умер, мнения на сей счет были весьма

противоречивы. Тесты на интеллект вроде бы показали, что средний уровень негроидной расы на несколько пунктов ниже уровня белой. Теми же тестами было установлено, что уровень интеллекта монголоидной расы на несколько пунктов выше, чем у белой. Многие уверяли, что эти тесты некорректны, что они не учитывают влияние социума, экономических возможностей, расовой предвзятости и так далее. И они были правы. Тесты этиков доказывают, что все расы обладают равным интеллектуальным потенциалом.

Это противоречит твоим земным наблюдениям, Дик. Ты утверждал, что белые умнее негров. Ты, правда, признавал, что американские негры способны стать более «цивилизованными» и интеллектуально развитыми по сравнению со своими африканскими собратьями. Но объяснял это тем, что у чернокожих янки большой процент «белой» крови от смешанных браков.

— На Земле я много чего говорил не правильно, не отрицаю, — с жаром возразил Бертон. — Но, проведя шестьдесят семь лет в тесном, хотя и не всегда добровольном общении с представителями всех рас, национальностей и племен, о которых ты, быть может, даже не слыхал, я изменил свое мнение по поводу многих вещей. Я

с чистым сердцем могу назвать любого ниггера своим братом.

— Я бы на твоем месте не стал употреблять слово «ниггер». Оно слишком явно выдает твои прежние заблуждения.

— Ну, ты понял, что я хотел сказать.

— Да. Я помню строчку из твоего стихотворения «Разговор с камнем», где ты критикуешь белого американца за то, что он не хочет назвать… э-э… ниггера… своим братом. Впрочем, не тебе было бросать в него за это камень.

— Я уже не тот, каким был прежде. Когда как следует потрешься среди людей, к тебе волей-неволей пристанут частички их кожи. И наоборот.

— Ну, ты и на Земле изрядно потерся среди людей. Мало кто путешествовал так часто, как ты, общаясь при том со всеми классами, богатыми и бедными.

— Это было слишком недолго. А здесь не только другие условия — я здесь не просто терся среди них. Я был потрясен и вывернут наизнанку. Такое не проходит для психического механизма даром.

— Давай воздержимся от механистической терминологии, — сказал Фрайгейт.

— Психический механизм — совершенно точ-

ный термин.

— Психика не мотор, но тончайшее и сложное поле, создаваемое волнами. И не одно, а множество полей, я бы сказал, суперполе. Как и свет, оно существует одновременно в виде волн и частиц, то есть психических волниц — волниц, образующих гиперкомплекс.

— Выводы!

— Ладно. Личность — это полуробот. Каждый из нас подчиняется требованиям биологического механизма, то бишь тела. Когда ты голоден, ты ешь или пытаешься раздобыть еду. Никому еще не удавалось возвыситься над собой настолько, чтобы обходиться без еды и не умереть с голоду. Повреждения черепно-мозговой и нервной системы, рак, химический дисбаланс — все это может повлиять на твои мыслительные способности, сделать тебя сумасшедшим, изменить твои побуждения и отношения. Невозможно силой воли подавить необратимые изменения, вызванные сифилисом, ядами, мозговыми травмами и так далее. И все мы рождаемся с набором генов, определяющих основное направление наших интересов и вкусов, даже в еде. Не всем нравятся бифштексы, помидоры или скотч.

Опять-таки, некоторые рождаются с таким

набором хромосом, который делает их эмоционально более косными по сравнению с другими людьми. То есть они не могут так же легко, как окружающие, приспособиться к новым явлениям и переменам. Они придерживаются старины и тех элементов культуры, что были заложены в них с юности. Другие же рождаются более податливыми и адаптируются с легкостью. Но иногда рассудок и логика могут повлиять на волю личности, и та преодолевает собственную косность, размягчает, так сказать, свою собственную натуру.

Возьмем, к примеру, человека, воспитанного в догматах ортодоксальной христианской веры. Я имею в виду такого верующего, который воспринимает каждое слово Библии буквально. Он верит, что мир был сотворен за шесть дней, что был вселенский потоп, Ной с ковчегом, что Господь остановил вращение Земли, чтобы Иисус Навин со своими кровожадными иудеями успел при свете дня победить не менее кровожадных аморреев. Еву соблазнил змей, а она, в свою очередь, заставила Адама съесть плод с дерева познания добра и зла. И так далее. Как и его собратья по религии, этот человек игнорирует накопленные человечеством знания, доказыва-

ющие факт эволюционного развития. Он читает Библию — и не замечает, что, хотя Земля там нигде впрямую не зовется плоской, это явно подразумевается. И, опять-таки, он не воспринимает буквально требование Христа возненавидеть отца своего и мать свою. Он просто не замечает всех этих несообразностей. Он прячет их в потайные уголки сознания. Или же стирает их из памяти, как с пленки.

Но некоторые ортодоксы все же сталкиваются с доказательствами, которых хотели бы не замечать. Железо ударяет о кремень, и искра падает на огнеопасный материал. Пожар, естественно, неизбежен. Человек продолжает читать и находит все новые доказательства, возможно, презирая и браня самого себя за «греховное» любопытство. Но он узнает все больше и больше. В конце концов рассудок убеждает его, что он был не прав, и человек становится либеральным христианином, или атеистом, или агностиком.

Где-то его генетическая защита дала течь, а может, там изначально была трещина, которая только и ждала, когда в нее хлынет вода.

Но в любом случае человек сумел прислушаться к доводам рассудка лишь потому, что его генетический склад это позволил.

— Мне казалось, ты говорил, что гомо сапиенс наполовину робот, произнес Бертон. — Но ты описываешь роботов стопроцентных.

— Нет. У роботов нет разума. Они умеют пользоваться логикой, будучи соответственно запрограммированы. Но если вы представите роботу доказательство того, что его программа ошибочна, он не сможет отвергнуть инсталлированную программу. А люди могут. Иногда. К тому же роботам не приходится объяснять причины своих поступков. Они просто делают что-то так, а не иначе, между тем как люди должны объяснить, почему они делают то-то и то-то, и они создают логическую систему для оправдания своего поведения.

Система может быть построена на ложных предпосылках, однако в рамках собственного построения она, как правило, логична. Хотя и не всегда.

Так вот этики утверждают, и могут это доказать, что даже самые генетически неподатливые натуры, даже подвергшиеся самой суровой обработке личности способны освободиться — хотя бы отчасти — из своей клетки, вырваться за рамки той формы, в которой они были отлиты. То, что это удается лишь избранным, этики объясняют

наличием свободной воли и демонстрацией ее возможностей. Зажатые в тиски, связанные путами люди не хотят меняться. Они счастливы в своем убожестве.

— И этики могут это доказать?

— Да. Хотя я должен признать, что недостаточно образован, чтобы оценить их находки. Я не знаю высшей математики и микробиологии. Тем не менее я принимаю их доказательства.

— То есть абсолютной и окончательной уверенности у тебя нет, не правда ли? — спросил Бертон. — Ведь до тех пор, пока ты не в состоянии точно оценить представленные ими доказательства, ты не можешь знать доподлинно, что их открытия истинны?

— Ну, если так поставить вопрос, то конечно. Но некоторые вещи приходится принимать на веру.

Бертон громко расхохотался.

— Если тебе не хватает умения, чтобы самому произвести исследования, откуда ты можешь знать, что прочитанное тобою в книгах по химии, или астрономии, или биологии — правда?покраснев, воскликнул американец. — Как ты можешь утверждать какие-то истины, не будучи в силах воспроизвести опыт? И даже если ты его воспроизведешь, то вполне можешь ошибиться или

склониться к противоположной точке зрения, потому что…

— Потому что я склонен к ней генетически? — насмешливо перебил его Бертон. — Потому что я запрограммирован верить в то, а не в иное?

— По-твоему, выходит, человек вообще ни во что не может верить!

— Правильно, — согласился Бертон.

— Но ты сам высказывал немало мнений, основанных на наблюдениях других людей, когда жил на Земле. И зачастую совершенно неверных мнений.

— Это было на Земле.

Собеседники ненадолго умолкли. Женщины между тем разговаривали о своих матерях. Но Фрайгейт заметил, что Софи одновременно прислушивается и к их беседе. Она подмигнула ему и махнула рукой, чтобы он не прерывался.

Фрайгейт вновь подхватил тему разговора, словно мяч, с которым он собирался сделать девяностоярдовую пробежку.

— Году в 1978-м, если не ошибаюсь, — осторожно начал он, я прочел в книге по психологии, что один из десяти человек рождается лидером. Авторы предполагали, что это генетически определенная черта. Этики доказали правдивость их

предположения и даже определили генетический комплекс, ответственный за эту черту.

В той же книге говорилось, что десять процентов гомо сапиенс всегда испытывали склонность к гомосексуализму. Подчеркиваю — склонность. Не все десять процентов были гомосексуалистами на практике, но тенденция тем не менее сохранялась. Так обстояли дела, когда этики начали создавать архивные записи человечества. Предположительно, так было и на заре рода человеческого.

Итак, склонность к гомосексуализму определена генетически. Меня особенно заинтересовал этот факт, потому что в 1983 году, вернее, даже раньше, воинствующие гомосексуалисты заявили, будто их сексуальная ориентация — результат сознательного и свободного выбора, будто они специально стали такими, поскольку предпочитают именно этот способ сексуальной жизни.

Тогда получается, что, достигнув определенного возраста, мы сами осмысленно выбираем себе линию поведения. Но они не учли или же проигнорировали тот факт, что если это правда, значит, и гетеросексуалы тоже осознанно и свободно решают стать гетеросексуалами. Однако это не так.

Гетеросексуалы таковы от рождения.

— А как же быть с теми… — начал было Бертон.

— Ты собирался спросить: как быть с теми, кто, имея гомосексуальные наклонности, ведет себя как гетеросексуал? И как быть с бисексуалами? Или с теми, кто женится на женщине, однако имеет гомосексуальную связь на стороне?

Существуют разные степени гомосексуальности… и гетеросексуальности, естественно, тоже. А потом, когда в обществе было опасно открыто быть гомосексуалистом, людям приходилось скрывать свои наклонности. Но в любом случае гомо-и гетеросексуальность не являются предметом выбора. Это качества врожденные.

Кстати, с точки зрения этики здесь нет разницы. Гомосексуализм как таковой не имеет отношения к морали. Личность его не выбирает. Важно то, что она делает со своей гомо-или гетеросексуальностью. Вот это уже вопрос моральный. Насилие и садизм являются злом вне зависимости от того, гомосексуалист ты или нет.

— Вы так громко говорите, — вмешалась Софи, — что я не могу вас не слушать. Так вы, стало быть, рассуждаете о свободе воли, предопределении, генах и выборе? Меня ужасно интересовали

все эти вопросы, когда я училась в колледже. Интересовали по-настоящему. Я страстно спорила, я с наслаждением злилась на тех, кто со мной не соглашался, обзывая их тупыми козлами. Но, окончив колледж, даже немного раньше, я поняла, что… в общем… глупо думать, будто философские споры могут что-либо решить. Они бесконечны, ибо окончательных и неопровержимых решений не существует. Такие споры могут быть занятны — но бесплодны. Умозрительны. Увы, но это так. Поэтому я прекратила в них участвовать. Если кто-то хотел обсудить со мной философский вопрос, я просто меняла тему разговора или разворачивалась и уходила, хотя и старалась не выглядеть грубой.

— И ты была права! — воскликнул Фрайгейт. — Безусловно права! Но суть-то в том, что этики вынесли эти вопросы за рамки дискуссий. Они доказали свои утверждения. Мы больше не блуждаем в потемках!

— Возможно. Тут я не могу не согласиться с Диком. Возможно. Но это неважно. Как говорил Будда? «Трудитесь о собственном спасении с великим тщанием». Кем бы этот господин или госпожа Тщание ни были. Я долго искала господина Тщание, даже позаимствовала для этого у

Диогена фонарь. Впрочем, древний грек в нем и не нуждался. Если он сам был честен, зачем ему искать честного человека?

В общем, все мы, как заметил Дик, ведем себя так, словно обладаем свободой воли. Поэтому какая нам разница, существует ли она на самом деле?

Я, например, знаю, что я — и только я — ответственна за нравственность своего поведения. Наследственность, среда — все это оправдания. А оправдания и алиби я презираю. Раса, национальность, племя, родители, религия, общество — тоже оправдания. Я сама решаю, кем мне быть. Вот и весь разговор!

— И поэтому ты сожгла вчера суфле? — осведомился Фрайгейт. Ты не просто забыла про него — ты решила его кремировать?

Фрайгейт и Лефкович залились смехом.

— Вы сами готовите? — спросил Бертон.

— Да, конечно, — ответила Софи. — Я люблю заниматься стряпней. Особенно не по принуждению. Вчера я готовила ужин и забыла присмотреть за суфле.

Зачиталась, а оно…

Разговор перешел на кулинарные темы, затем на другие и в конце концов завершился обедом.

Совместная трапеза — обычай более древний, нежели беседа.

Глава 26

На Рождество у двери в мир Терпина собралось множество гостей. Бертон — и не он один — с удивлением взирал на толпу, приведенную Галлом. Их было по меньшей мере сорок человек, все доуисты, с которыми Галл познакомился в долине. Благодаря своим тогам и сандалиям они походили на римлян, однако римляне никогда не носили головных повязок с большой алюминиевой буквой "Д".

— «Дэ», — сказал Галл. — С этой буквы начинается «Доу» и «добро».

— «Дурак» и «дерьмо» тоже начинаются с этой буквы, пробормотал кто-то из толпы.

Галл не обиделся, по крайней мере не подал вида.

— Верно, друг мой, кем бы вы ни были, — с достоинством произнес он. Дурак и дерьмо тот, кто не становится на путь истинный.

— На дорогу дебильную, — отозвался тот же голос.

— Дрянную, — подхватил кто-то из толпы.

— Дьявольская дребедень, — откликнулся третий.

— Двурушник долбаный!

— Мы привыкли к оскорблениям и нападкам «вэ, эс, е-часть людей», сказал Галл. — И тем не менее всем, даже самым закоренелым грешникам, предлагаем обрести благодать.

— Что, черт возьми, значит «вэ, эс, е-часть»? — тихо спросил женский голос.

— Не знаю, — отозвался Бертон. — Но это не означает «все-часть», как можно было бы подумать. Галл и его последователи отказываются дать объяснение. Они говорят, когда вы это поймете, на вас снизойдет благодать и вы станете одним из них.

— Это было бранное словечко, которым Лоренцо Доу частенько обзывал своих врагов, — пояснил Фрайгейт. — Не Бог весть какое ругательство, хотя звучит оно, безусловно, обидно, поскольку враги никогда не могли его понять.

— Не надо было их приглашать, — пробурчал де Марбо. — С ними и побеседовать-то нормально невозможно. Они тут же начинают обращать вас в свою веру. Том должен был заранее сообразить.

— А кто вообще воскресил Галла? — спросила Софи. — Ни один человек в здравом рассудке такого бы не сделал.

— Никто не знает, — ответил Бертон. — Я спра-

шивал у компьютера, кто воскресил Галла, Нетли, Крук, Страйд и Келли, но он ответил, что данные были доступны лишь одной персоне. А кому — не сказал.

На двери в светящемся круге появилось лицо.

— Дед Мороз! — воскликнул Фрайгейт.

У человека на экране была пушистая белая борода и длинный красный колпак, отороченный белым мехом. Правда, кожа у него была темнее, чем обычно бывает у Деда Мороза.

— Да, я Дед Мороз! — подтвердил Терпин. — Том Ха-Ха-Ха! Терпин собственной персоной, если точнее.

— Счастливого Рождества! — выкрикнуло несколько голосов.

— И вам тоже! — откликнулся Терпин. — У нас, ребята, снега до фига — правда, не такого, к какому вы привыкли. Я так думаю, во всяком случае. Вы такие приличные ребята, ха-ха-ха!

Дверь отворилась, и в ней тут же образовался затор, поскольку кресла, парившие впереди, старались пролететь в нее одновременно. В основном это были китайцы из компании Ли По, нагрузившиеся различными напитками ниже трех футов под килем. До приглашения Терпина они и слыхом не слыхали о Рождестве, но теперь

жаждали узнать о нем побольше. Ли По тычками и незлобивой бранью заставил их достроиться, чтобы они пролетали в двери по одному. За ними последовал Бертон со Звездной Ложкой, потом — доуисты, учтиво пропустившие вперед две группы, возглавляемые Галлом. Бертон заметил, как они обмениваются друг с другом понимающими и скорбными взглядами, не забыв о недавних оскорблениях толпы. Они явно не разделяли веселого оживления китайцев.

После доуистов появились Страйд, Келли и Крук, одетые в элегантные, хотя и слишком броские платья викторианской эпохи, с бриллиантовыми сережками в ушах и множеством перстней с огромными бриллиантами, изумрудами и сапфирами. Бертон ничуть не удивился, увидав рядом с ними незнакомые мужские лица. Анну Крук сопровождал один мужчина; обе ее товарки шли под ручку каждая с двумя кавалерами.

Футах в двадцати за ними шествовал расфуфыренный Нетли, блистающий драгоценными каменьями, с двумя дамами по бокам.

А за Нетли ввалилась толпа человек в двадцать, поразившая Бертона.

Значит, цыган и правда кто-то воскресил. На

них были экзотические одеяния, знакомые Бертону, поскольку он не раз общался с цыганами в Англии и Европе.

Он собирался спросить, кто же был их благодетелем, но забыл. А когда вспомнил, было уже поздно.

Длинная вереница гостей, летела под полуденным солнцем над лесами, болотами, дорогами и рельсами. Да-да, Терпин провел у себя железную дорогу!

Кресла приземлялись в условленном месте, на улице Луи Шовена, один конец которой был огорожен и превращен в посадочную площадку. Малый Сент-Луис, он же Терпинвиль, сиял рождественскими огнями и бурлил праздничной кутерьмой.

Бертону показалось, что двухтысячное население города выросло за несколько последних недель вдвое. Улицы кишели танцорами и гуляками в причудливых карнавальных нарядах. Все это скорее походило на масленицу, чем на святки.

Пять оркестров играли каждый свою музыку — рэгтайм, диксиленд, «горячий» и «холодный» джаз, а также негритянские духовные гимны. Повсюду с радостным лаем носились собаки.

Гости начали пробираться сквозь толпу, которая совала им в руки бутылки со спиртным, сигареты и сигары с марихуаной и гашишем. Запах алкоголя и травки казался почти осязаемым, а глаза у прохожих были красные, как у кроликов.

Терпин, по-прежнему в наряде Деда Мороза, стоял на переднем крыльце своей громадной краснокирпичной резиденции, приветствуя прибывающих гостей.

— Сыплется снежок, радуйся, дружок, становись в кружок!крикнул Терпин. — Дайте пять, братья и сестры!

Фрайгейт единственный понял, что это значит. Он протянул вперед руку ладонью вверх, и Терпин хлопнул по ней.

— Правильно, браток!

Пока остальные проделывали тот же ритуал, Фрайгейт объяснил Бертону, что здесь, должно быть, много воскрешенных негров конца двадцатого столетия.

Диковинное приветствие было как раз из той эпохи.

— Вот что он имел в виду, когда говорил, что у них полно снега! Фрайгейт показал на двух чернокожих, сидящих на ступеньках с совершенно

отрешенным видом. — Должно быть, накачались героином, то бишь «снежком» в просторечии.

Терпин был весел и очень оживлен, не пьян. Глаза его глядели ясно, речь звучала отчетливо. Кто угодно мог упиться здесь в сосиску, только не гостеприимный Том.

Гости вошли в вестибюль «Бутона Розы», громадный, как центральный вокзал, и так же набитый народом. Вдоль стен тянулись двадцать длинных стоек, золоченых или полированного красного дерева, за которыми белые андроиды в смокингах готовили коктейли. Бертону, шедшему за Терпином, пришлось переступить через несколько бесчувственных мужских и женских тел.

Хозяин подвел их к большому лифту, и они поднялись на третий этаж. Там перед ними распахнулась дверь кабинета, бывшего, по словам Алисы, точной копией приемных покоев Бэкингемского дворца.

Том усадил гостей и, встав у стола футов двадцати длиной, пристально оглядел их своими черными глазами, прежде чем начал тронную речь.

— Я здесь хозяин, — сказал он, — и я управляю этим миром, как машинист паровозом. Это мой

долг. Но я позволяю своим подданным веселиться как им вздумается. В большинстве своем они славные ребята и ведут себя пристойно, не выходя за установленные мною рамки.

Однако я знаю, что кое-кто из них сам не прочь стать хозяином, поэтому слежу за ними, как пес следит за блохами. Вернее, это делает за меня компьютер. Загвоздка в том, что многих из здешних обитателей я не выбирал. Я изучил прошлое всех, кого воскресил самолично. Но я не мог предугадать, кого они, в свою очередь, выберут и захотят воскресить.

Кроме тех, кто жаждет занять мой трон, люди в моем мире делятся в основном на две категории. Большинство из них весельчаки и прожигатели жизни, бывшие на Земле шлюхами, сутенерами и музыкантами. А в другой категории — церковники: последователи «новой волны», шансеры и новые христиане. Они вопят, обличая кутил, а те вопят, чтобы к ним не лезли с проповедями.

— Почему бы вам просто не избавиться от них и не начать все сначала?спросила Звездная Ложка.

Бертон удивился. Китаянка редко говорила, если к ней не обращались впрямую или не просили высказать ее мнение. Да и сам вопрос показался Бертону странным, совершенно не в ее харак-

тере.

Терпин развел руками:

— Как же я могу это сделать?

— Должны быть какие-то способы. Компьютер…

— Я не массовый убийца. Да, в свое время я был парень крутой, но я не собираюсь убивать людей только ради собственного спокойствия. А потом, держать их в узде — это хоть какое-то занятие. — Он усмехнулся и добавил:

— Пора загнать их с улицы в «Бутон Розы». У нас тут, в конце концов, вечеринка, хотя собрать этих бездельников не так-то просто.

Он обогнул стол, что-то сказал, и на стене появилось светящееся круглое пятно. Терпин произнес несколько кодовых слов, после чего обернулся, ухмыляясь еще шире. — Я всемогущ, ребята! Я великий маг Мерлин и волшебник из города Оз в одном лице, темном, как десятидолларовая гаванская сигара! Я великий бог Терпинус, черный Зевс, могучий Тор Громовержец, шаман, насылающий дождь, главный продавец панацеи, мистер Человечий Кукловод!

В течение трех минут солнце заволокло тучами, которые быстро густели и чернели. В открытые решетчатые окна со свистом влетел ветер, зади-

рая подолы тог, кильтов и юбок.

— Вы и глазом моргнуть не успеете, как они все сюда примчатся. Злые будут, что намокли, но это все фигня.

— Некоторые валяются на улице в отключке, — сказала Алиса. Что будет с ними?

— Пускай прочухаются. Им это только на пользу, да и помыться многим из них не мешает. А простуда им не грозит.

Терпин проинструктировал гостей, как вести себя, чтобы отвязаться от пьяниц, если те вздумают к ним приставать.

— Но вообще-то они не должны. Я приказал им обращаться с вами дружелюбно, несмотря на то что вы белые.

— А с нами? — осведомился Ли По. — Мы-то не белые!

— Для них — белые. Для них все, что не черное, белое. С точки зрения семантики такое определение довольно точно, хотя и не слишком тонко.

Последняя фраза отчасти позабавила Бертона и отчасти раздосадовала. Том Терпин сознательно перескакивал с правильного английского языка на жаргон гетто, словно хотел подразнить своих слушателей. А может, просто разыгрывал из себя шута. Или и то и другое вместе. В глубине души у

него до сих пор гнездился комплекс неполноценности, внушенный правящим белым классом его эпохи. Он мог этого не осознавать, но факт был налицо. Если верить Фрайгейту, американские негры преодолели комплекс расовой неполноценности, во всяком случае пытались, и заявляли, что они гордятся своей черной кожей.

Однако Терпин продолжал носить шутовской колпак, даром что теперь в нем не было нужды.

Хотя, как сказал Нур, цветом кожи вообще гордиться глупо, что белым, что черным. Можно гордиться лишь тем, что ты человек, да и то желательно не слишком задирая нос.

— Конечно, — отвечал ему Терпин, — но прежде нужно пройти определенные стадии, и гордость своей чернокожестью — одна из них.

— Хорошо сказано, — отозвался Нур. — Только не стоит застревать на этой стадии. Нужно взбираться на следующую ступень.

Они снова спустились в вестибюль, как называл его Терпин. Задолго до входа в зал их обдало волной громкой музыки, болтовни, раскатистого смеха, а потом цунами из алкогольных паров и табачного и наркотического дыма накрыло их с головой. Здесь было все население мира, включая и тех, кто пребывал в бессознательном

состоянии. Их внесли в зал андроиды и уложили вдоль стеночки.

— Тусуйтесь, ребята! — крикнул Терпин, махнув гостям и показывая на толпу.

Представлять вновь прибывших не было надобности, поскольку Терпин показывал их лица и имена на экранах. Гости тем не менее колебались. Было непросто вот так подойти к незнакомым людям и вступить в разговор. Доуисты, шокированные и скандализованные происходящим, явно сожалели о том, что вообще сюда пришли. Терпин, заметив это, поманил к себе группку, стоявшую возле стойки бара. Люди пробрались через столпотворение и завязали с гостями беседу. Хозяин выбрал их специально, чтобы сломать лед, и сделал правильный выбор. По крайней мере, так казалось сначала. Среди них были шансеры и новые христиане, которые подошли к доуистам. Хотя основополагающие принципы их верований были различны, все три религии теоретически провозглашали себя терпимыми и мирно настроенными по отношению к инаковерующим. К тому же у них были и общие точки соприкосновения — неприязнь к злоупотреблению спиртным и полное неприятие табака и наркотиков.

Человек, который составил компанию Бертону, был шести футов и трех дюймов ростом, широкоплечий, с мощной грудной клеткой и массивными конечностями. На нем были белая замшевая головная повязка, белый лайковый жилет, белый замшевый пояс с большой серебряной пряжкой, украшенной рельефной волчьей головой, обтягивающие белые замшевые брюки и белые замшевые сапоги до колен. Широкое скуластое лицо и длинный орлиный нос делали его похожим на индейца, но вывернутые губы и курчавая шевелюра выдавали негритянскую кровь. Когда он улыбался, то становился даже по-своему привлекательным.

Он представился Бертону, пожав ему руку и возвестив глубоким басом, что он, Билл Уильямс, рад познакомиться с капитаном сэром Ричардом Фрэнсисом Бертоном. Последнему, впрочем, показалось, что негр произнес его титулы не без издевки.

— Том Терпин не назначал меня вашим верным индейцем, проводником и телохранителем, — продолжал с усмешкой Уильямс. — Я вызвался добровольцем.

— О? — Бертон удивленно вздернул брови. — Могу я спросить почему?

— Можете. Я читал про вас; вы меня заинтриговали. А кроме того, Терпин много рассказывал мне о том, как вы привели его и других через горы в эту башню.

— Я польщен, — отозвался Бертон. — Но небольшой зуб я на вас все-таки имею. Почему вы хотели задавить меня своим мотоциклом?

— Если бы я хотел, то давно задавил бы! — рассмеялся Уильямс.

— А ругались зачем?

— Просто так. Летуны действуют мне на нервы. А потом, мне хотелось испытать вашу выдержку. Я ничего не имел лично против вас.

— Вы так любите задирать белых?

— Иногда. И, если по справедливости, вы не станете меня за это упрекать.

— Разве шестьдесят семь лет, проведенные в долине, ничуть не изменили вашего отношения?

— Совсем от него избавиться невозможно. Хотя я больше не впадаю в горячку. Это как тупая зубная боль, к которой я давно привык, — сказал Уильямс. — Хотите выпить?

— Белого вина. Любого сорта.

Бертон решил сохранить трезвую голову.

— Давайте поднимемся в какую-нибудь комнату наверху. Там будет спокойнее, и нам не

придется орать, чтобы услышать друг друга.

— Отличная мысль, — согласился Бертон, гадая про себя, что у негра на уме.

Они ввалились в лифт вместе со смеющейся, галдящей, дурачащейся толпой.

По пути наверх то и дело раздавались громкие визги, когда соседи по лифту распускали руки и щупали соседок. Не успели они доехать до второго этажа, как кто-то испортил воздух, и вся толпа разразилась веселыми негодующими криками. Тем не менее, когда открылась дверь, виновного вышвырнули на пол головой вперед.

— Народ веселится от души, — пробормотал Уильямс. — Но это ненадолго. Вы вооружены?

Бертон похлопал по карману пиджака:

— Лучемет.

Комнаты, мимо которых они шли, были битком набиты людьми. В одной дюжина мужчин и женщин смотрели фильм на стенном экране. Бертон из любопытства остановился и глянул на стену. Этот фильм Фрайгейт настойчиво рекомендовал ему посмотреть — о том, как американские комики Лорел и Харди продавали в июле рождественские елочки в Лос-Анджелесе. Публика покатывалась со смеху.

— Это новые христиане, — пояснил Уильямс. —

Мирный и безобидный народ.

Такие вежливые, что не могли отказаться от приглашения Терпина. Но они не смешиваются со здешней толпой.

За углом, дальше по коридору, они нашли пустую комнату. По пути Бертон любовался репродукциями картин. Рембрандт, Рубенс, Давидова «Смерть Марата», много русских художников — Кипренский, Суриков, Иванов, Репин, Левитан и другие.

— Почему такое обилие славян? — спросил Бертон.

— Есть причина.

Они взяли из конвертера выпивку. Бертон сел и закурил сигару.

— Я не американец, как вы знаете, — помолчав, промолвил Уильямс.

— Терпин сказал мне, что вы русский, — отозвался Бертон, выпуская дым. Сам бы я в жизни не догадался.

— Я родился в черном гетто города Киева. Тогда меня звали Родион Иванович Казна.

— Занятно, — сказал Бертон. — Я и не знал, что в России были негры… Ах нет, беру свои слова обратно. У русских действительно были чернокожие рабы.

Пушкин был потомком одного из них.

— Очень мало кто об этом знает, поскольку российские правители тщательно скрывали сей факт, но в разных городах России в гетто жило около двенадцати миллионов черных. Они были потомками рабов. Русские обыватели так же хотели с ними смешиваться, как американские белые — со своими неграми, и правительство, правда, негласно, одобряло и даже насаждало такую мораль.

Несмотря на это, межрасовые сношения все-таки происходили. Чистоту крови не сохранишь в неприкосновенности, как ни старайся. Восставший член не знает предрассудков. Один из моих прадедов был белый русский, а дед так и вовсе узбек. Азиат, он даже говорил на каком-то тюркском языке, так и не выучил русский.

Зато меня как следует выучили марксизму. Я стал верным сторонником принципов Маркса — в том виде, как он их изложил, но не в том, какой они приняли на практике в России. Я вступил в партию, однако очень скоро понял, что достичь в ней командных вершин мне не светит. Мой удел — сидеть внизу, оставаясь вечным стрелочником.

Я бы попробовал пойти в армию, но черных

всех поголовно загоняли в Сибирь охранять границу с Китаем. Политбюро не желало оставлять нас на западе. Мы привлекли бы к себе внимание, и тогда сразу стало бы известно, как нас притесняют. А Советам это было ни к чему, тем более что они вечно тыкали Америку носом в расовую дискриминацию. Поэтому нас старались убрать с глаз долой.

В школе я учился отлично, хотя качество обучения там было похуже, чем в школах для белых. Конечно, меня подогревали честолюбивые устремления, но не только. Я хотел учиться, хотел все знать. Читал гораздо больше, чем задавали, и особенно преуспевал в языках. Это одна из черт, которая меня в вас и привлекла. То, что вы знаете так много языков.

Начальство прослышало обо мне в основном потому, что они искали агитаторов, которых можно было бы внедрить в Штатах. Меня попросили предложить свои услуги добровольно, и я согласился. Без особого энтузиазма, разумеется. Я не хотел наводить их на подозрение, будто я соглашаюсь лишь для того, чтобы потом исчезнуть в Гарлеме. Вообще говоря, у меня не было намерения предавать их. Я знал, кто они такие и как ко мне относятся, но я был русским марксистом

и презирал капитализм.

Хотя в ту пору я уже не верил в осуществление Марксовой мечты об отмирании государства после того, как пролетариат возьмет власть во всем мире. Это казалось мне утопией. Мне легче было поверить во второе пришествие Христа; оно, по крайней мере, было возможно, хотя и маловероятно. Но стоит правящему классу забрать в свои руки власть, и он нипочем ее не выпустит. По крайней мере до тех пор, пока революционеры не вырвут ее силой, а затем новые верхи ухватятся за бразды правления крепче прежних. Естественное отмирание государства, упразднение законов, полицейского насилия и бюрократического аппарата, самоуправление личностей на основе любви, добросердечия и самоотречения — все это чушь собачья. Никто в нее по-настоящему не верил, хотя партийцы делали вид.

С другой стороны, никто особенно и не старался воплотить эту догму в жизнь. А на энтузиастов смотрели как на дураков или контрреволюционеров.

Уильямс, ускользнув с польского сухогруза, затерялся в дебрях Гарлема.

Там он занялся своей ПиА (пропагандой и агитацией) среди множества черных и белых

либерально настроенных групп. Но три недели спустя подхватил гонорею.

— Это было мое первое, но отнюдь не последнее венерическое заболевание.

Судьба ополчилась против меня. Только я вылечился от этой постыдной болезни, как тут же заразился ею снова. Я попал в Соединенные Штаты Гонококкии и никак не мог оттуда выбраться. Выздоровев вторично, я решил воздерживаться от секса. Ничего не вышло. Я был слишком озабочен. Трижды снаряд в одну и ту же воронку не падает, сказал я себе. По статистике я никак не мог заразиться еще раз. Но заразился.

Кагэбэшный связник прознал о его болезни, доложил по начальству и передал Уильямсу депешу. «Ваши социальные болезни, — говорилось в ней, угрожают вашей безопасности и мешают эффективно работать. Держитесь подальше от женщин и грязных общественных уборных!»

После чего при встрече с Уильямсом связник всякий раз осведомлялся, нет ли у него гонореи. Уильямс, который начал избегать женщин и заработал тем самым репутацию гомосексуалиста, честно докладывал, что триппера нет. К счастью, связник не спрашивал его о сифилисе. Уильямс в ту пору как раз подвергся жестокому нападению

бледной спирохеты.

— Клянусь, я понятия не имею, откуда ее подцепил. Я был целомудрен, как Робинзон Крузо до встречи с Пятницей. Я не знаю. Некоторые люди просто подвержены несчастным случаям. Может, я как раз один из тех редких бедолаг, проклятых судьбой или диалектическим материализмом, которые подхватывают бактерии на ветру и через замочную скважину? Может, я склонен к венерическим заболеваниям? Этакий одинокий сексуальный бродяга, вечно натыкающийся на бандитов — Иессеев и Иаковов из мира микробов? Но одно я знаю точно: особого толка от моего шпионажа, подрывной деятельности и пропаганды не было.

Слишком много времени я проводил в кабинетах врачей.

Узнав, что сотрудники ФБР, а может, и ЦРУ, расспрашивали о нем врачей, Уильямс доложил об этом связнику. Через час ему велели уехать в Лос-Анджелес и внедриться в организацию чернокожих мусульман. Связник дал Уильямсу автобусный билет, объявив, что КГБ не может себе позволить оплачивать воздушные полеты.

По дороге на запад Уильяме подцепил гонорею на заднем сиденье автобуса.

— Да, Бертон, вам смешно! Теперь я и сам могу над этим посмеяться. Но тогда, поверьте, мне было не до смеха.

Рассказ Уильямса, с лирическими отступлениями и длинными вставками, длился уже целый час. Бертону было интересно, хотя он и понимал, что уединяться слишком надолго не совсем учтиво.

Биллу Уильямсу удалось-таки стать членом организации черных мусульман.

Но когда его товарищи узнали, что у него гонорея — которой он заразился уже в Лос-Анджелесе, вылечив подхваченную в автобусе, — они вышвырнули его вон.

А затем, прослышав о том, что он шпион — правда, ошибочно приняв его за агента ФБР, — пустили по его следу убийцу.

Начиная с этого момента Бертону стало трудно следить за рассказом.

Нужно было вычертить схему, чтобы удержать в памяти все побеги, перестрелки и передряги, которые пришлось пережить несчастному Уильямсу. Он удрал в Чикаго, оттуда — в Сан-Франциско, где его избили и изнасиловали в баре для геев. Пораженный гонореей с носа и кормы, как он выразился, Уильямс бежал в какой-то

городок штата Орегон, предварительно ограбив кагэбэшного связника, отказавшегося его финансировать.

В дверях появилась Звездная Ложка.

— Я тебя обыскалась, — тихо заметила она.

— Входи! — пригласил ее Бертон. — Ты же знакома с Биллом Уильямсом, верно?

— Очень приятно увидеть вас снова, мистер Уильямс, — с поклоном произнесла китаянка. — Дик, вы, как я вижу, увлеклись беседой. Извини, что помешала вам. Я вернусь на вечеринку, если ты не против.

Бертон спросил ее, где она будет, и Звездная Ложка сказала, что Терпин принимает избранных гостей в своих апартаментах. Он попросил ее разыскать Бертона и пригласить его туда.

— Я приду чуть позже, — сказал Бертон.

Китаянка поклонилась еще раз, попрощалась с Уильямсом и ушла.

— Какая красивая женщина! — вздохнул Уильямс.

— Да, она знает, как сделать мужчину счастливым.

— А вы знаете, как сделать счастливой ее?

— Само собой! — воскликнул Бертон.

— Только не горячитесь, я не хотел вас оби-

деть. По-моему, она из тех натур, что глубоко чувствуют, хотя и сдержанны внешне. Я неплохо определяю характеры людей с первого взгляда. Пришлось научиться, чтобы выжить.

— У нее была очень трудная жизнь, — сказал Бертон. — Просто чудо, как ей удалось не сойти с ума.

— Таким образом вы пытаетесь тонко намекнуть, что не мне одному пришлось страдать?

— Вы слишком подозрительны, друг мой.

Продолжение рассказа заняло еще полчаса. Уильямс женился на глубоко религиозной чернокожей женщине, которая, к несчастью, не смогла отказать своему пылкому духовнику. Результат: у Билла снова триппер. Подавив в себе желание убить жену, он решил заняться охотой, таким образом сублимируя свои кровожадные устремления в убийстве птичек и зайчиков. Во время охоты его смертельно ранили выстрелом из-за кустов. Умирая, он все гадал, кто же его подстрелил: агент КГБ, ЦРУ, организации черных мусульман, албанцев или же Армии Спасения? Сама АС за ним не охотилась, но одна солдатка из ее рядов вполне могла его прихлопнуть. В бытность свою в Лос-Анджелесе Уильямс сделал вид, что обратился в христианство, под воздействием

проповеди майора Барбаро. Затем он вступил в ряды Армии Спасения, где влюбился в капрала Рейчел Годжин, и не без взаимности. В то время он считал, что вылечился от всех венерических болезней, но, после того как они с Рейчел предались нежной страсти, обнаружил, что Немезида снова нанесла ему удар. Больше того — он заразил и свою возлюбленную.

Уильямс пообещал жениться на ней, однако кольцо врагов сжималось, и он бежал, спасая собственную шкуру. Капрал Годжин, похоже, немного повредилась в уме из-за его внезапного исчезновения, а также из-за слишком бурной реакции на благоприобретенную болезнь, к которой Уильямс уже попривык.

Будучи в Портленде, он слыхал, что женщина, похожая на Рейчел, расспрашивает о нем с пушкой в руках.

— В общем, все жаждали моей крови, кроме разве «Гудвилл индастриз», да и то я в этом не уверен.

— Какой же урок вы извлекли из своего… э-э… кандидовского опыта?

— Вы говорите в точности как Нур.

— А вы с ним разговаривали?

— Конечно, — ответил Уильямс. — Я тут всех

знаю. И очень хорошо.

— Но какой же все-таки урок? — переспросил Бертон.

— Я понял, что всю жизнь был игрушкой в чужих руках и больше ею быть не желаю. В долине я сделал все, чтобы этого не допустить. Если ситуация складывалась так, что меня швыряли наземь, я старался как можно быстрее усесться на своего обидчика верхом. Мне надоело быть пешкой, которой вечно жертвуют. Поэтому…

— …здесь вас в жертву никто не принесет. Я правильно понял? — сказал Бертон, вставая.

— Пусть только попробуют!

Уильямс расплылся в улыбке, веселой и злой одновременно.

— Посидите еще минутку, пожалуйста. Скоро я вас отпущу. Я хотел спросить: за последние пару недель вас ничто не удивило? Не приключилось ли с вами нечто совершенно неожиданное и непонятное?

— Не припоминаю, — нахмурясь, медленно ответил Бертон. Тут лоб его разгладился. — Разве что… Да, я был крайне удивлен… но вы к этому не можете иметь никакого отношения. Я до сих пор не могу понять, кто воскресил Нетли, Галла, Крук, Страйд и Келли.

— Вы имеете в виду людей, причастных к делу Джека Потрошителя?

— Откуда вы знаете? — Бертон старался не выдать своего удивления.

— Просто я наблюдал за тем, как вы просматривали их файлы.

Бертон вскочил с кресла с перекошенным и красным лицом.

— Черт побери, так вы за мной шпионили! Какое право вы имели…

— Потише, приятель! — прервал его Уильямс, тоже вставая с кресла и по-прежнему улыбаясь, хотя и сузив глаза. — Вам, значит, можно шпионить, а за вами нельзя? Не кидайтесь камнями в стеклянном домике, друг мой.

Бертон на мгновение онемел.

— Знаете, тут большая разница, — выдавил он наконец. — Я наблюдал за умершими. А вы шпионите за живыми, за своими соседями!

— А вы разве не подглядывали за живыми из питающих камней в долине?

— Как вы смеете лезть своими грязными лапами в мою личную жизнь!

— Грязь к грязи не пристанет, — отозвался Уильямс. На лице его все еще сияла улыбка, но тело все подобралось, готовое отбить атаку.

— Ладно, — сказал Бертон. — Но вы до сих пор не объяснили мне, зачем вам понадобилось воскрешать этих патологических убийц.

— Бывших убийц. А что касается причины… Видите ли, я коллекционирую и изучаю типы религиозного сознания. Меня это заинтересовало еще на Земле, где я частенько сталкивался с разными верованиями. Марксисты… они религиозны, хотя и отрицают это, черные мусульмане, Армия Спасения, буддисты, южные методисты — кого я только ни видал! Я тоже человек верующий, хотя и по-своему. Именно я вызвал к жизни новых христиан, нихиренитов и шансеров, которые живут в Терпинвиле, а также доуиста Галла. Потом уж он сам принялся воскрешать своих единоверцев. Кстати, я не собираюсь на этом останавливаться.

Бертон не знал, верить ему или нет, а потому просто фыркнул и зашагал из комнаты.

— Не злитесь так, сэр Ричард! — крикнул ему вдогонку Уильямс и оглушительно расхохотался.

Глава 27

По пути к лифту Бертон обернулся и увидел, как Уильямс спускается по ступеням, очевидно, собираясь присоединиться к толпе гуляк в вестибюле. Негр поднял голову и помахал Бертону рукой сквозь решетку перил, улыбаясь, с довольным видом. Был ли рассказ Уильямса правдой, или он все нафантазировал?

В Мире Реки у людей не осталось причин для лжи. Они находились вне общественных институтов, которые принуждали людей — или, по крайней мере, казалось, что принуждали, — создавать себе защитные оболочки и публичные имиджи. Но большинство, казалось, не замечало того, что такая необходимость отпала, или просто не могло расстаться со старыми ненужными привычками.

Что же до лестницы, то это хорошая идея, решил Бертон. Нужно немного размяться. Он завернул за угол, миновал двери лифта и зашагал по длинному коридору к лестнице. Музыка и голоса, смутно доносившиеся до него раньше, умолкли совсем. Тишину нарушал лишь звук его шагов. Но когда он прошел мимо комнаты, находившейся рядом с

лестничной клеткой, ему почудилось, что где-то раздался вскрик. Бертон остановился. Крик был негромкий, еле слышный, так что вполне вероятно, что ему просто померещилось. Но нет! Крик повторился еще раз — и, похоже, он доносился из-за двери.

Стены в комнатах были звукоизолирующими, но не стопроцентно, как стены башни. Бертон приник ухом к резной дубовой двери. Криков больше не было; теперь в комнате раздавался мужской голос. Слов Бертону разобрать не удалось, однако тон говорившего был злобным и угрожающим.

Бертон попробовал покрутить дверную ручку. Она повернулась, но дверь не открылась. Бертон заколебался. Судя по всему, там внутри двое, и, возможно, они не хотят, чтобы им мешали. Если его выставят за то, что он вмешался в ссору двух любовников, выйдет настоящий конфуз. С другой стороны, сконфузить его не так-то просто, а если там, не дай Бог, совершается преступление, то его необходимо предотвратить.

Бертон с силой стукнул кулаком три раза в деревянную дверь, потом дважды пнул ногой. Женщина начала кричать, но крик тотчас же оборвался.

— Откройте! — заорал Бертон и снова ударил в дверь.

Мужской голос прокричал что-то вроде «Убирайся к чертовой матери!» По крайней мере, так Бертону послышалось.

Он вытащил из кармана лучемет и вырезал дырку вокруг замка. Пихнув замок вместе с дверной ручкой внутрь, Бертон сразу прижался к стенке. И, как выяснилось, правильно сделал. Прогремело три выстрела, три пули расщепили толстое дерево. Стреляли — Бертон предположил, что стрелял мужчина, — из тяжелого ручного оружия, скорее всего из автоматического пистолета сорок пятого калибра.

— Бросай оружие и выходи! Руки за голову! У меня лучемет! — крикнул Бертон.

Мужчина разразился ругательствами и заявил, что убьет любого, кто попробует войти.

— Сопротивление бессмысленно! Ты в ловушке! — сказав Бертон. — Выходи, руки за голову!

— Можешь…

Голос мужчины внезапно оборвался, заглушенный звуков удара.

— Я вырубила его, Дик! — раздался дрожащий голосок Звездной Ложки.

Бертон толкнул дверь и прыгнул в комнату,

держа лучемет наготове. На толстом восточном ковре ничком лежал голый, чернокожий человек. На затылке у него запеклась кровь. Рядом валялась, золотая статуэтка, запачканная кровью.

Бертон выругался. Звездная Ложка стояла совсем обнаженная, с синяками на лице и руках. Один глаз начал заплывать. По полу была разбросана разорванная в клочья одежда. Рыдая и всхлипывая, китаянка подбежала к Бертону, и он прижал к себе ее вздрагивающее тело. Но, увидав, как мужчина пытается подняться с пола, Бертон отпустил Звездную Ложку. Подобрал автоматический пистолет, взялся за дуло и шарахнул мужчину по затылку. Тот беззвучно свалился обратно.

— Что стряслось? — спросил Бертон.

Она не могла вымолвить ни слова. Бертон подвел ее к столу и налил стакан вина. Она выпила, расплескав половину жидкости на подбородок и шею.

Не переставая плакать, китаянка полузадушенным голосом рассказала, что случилось, хотя Бертон уже почти все угадал. Она шла к лестничной клетке, как вдруг из комнаты вышел мужчина и загородил ей дорогу. Улыбаясь, он спросил, как ее зовут. Она ответила и попыталась

пройти мимо, но он схватил ее за руку и заявил, что хочет поразвлечься. У него никогда еще не было китайской женщины, и он уверен, что она просто душка, и так далее.

Несмотря на ее сопротивление, мужчина затащил Звездную Ложку в комнату.

От его поцелуя, разящего виски, ее чуть не стошнило. Она попыталась закричать, и тут он зажал ей ладонью рот, пихнул ее так резко, что она упала на пол, потом запер дверь на замок и сорвал со своей жертвы одежду.

К тому времени когда Бертон услышал ее крик, Звездную Ложку изнасиловали уже три раза.

Бертон связал насильника, взял из конвертера успокойтельное и протянул несчастной женщине стакан воды. Потом завел ее в ванную комнату и принялся поливать водой из душа, пока она отмывалась, все еще дрожа и плача.

Вытерев Звездную Ложку, Бертон заказал, в конвертере одежду, помог ей одеться и уложил на диван. После чего сел за пульт компьютера и вызвал Терпина.

— Вот сукин сын! Ну я ему покажу! — хмуро заявил Терпин, выслушав рассказ. Он посмотрел на человека, распростертого на полу, и добавил:

— Это Крокет Данауэй. Вечно от него одни

неприятности. Я давно наблюдаю за ним.

Подождите, я сейчас приду.

Вскоре Том Терпин в сопровождении нескольких гостей вошел в комнату.

Алиса, Софи и Афра сразу же взяли шефство над Звездной Ложкой и увели ее в соседнюю комнату. Терпин вытащил шприц, полный адреналина, и вколол Данауэю в задницу. Через минуту тот застонал и встал на четвереньки. Увидав незваных гостей, он вытаращил глаза и прохрипел:

— Что вы тут делаете?

Терпин не ответил. Данауэй встал, доплелся до кресла, плюхнулся в него, нагнулся и уронил голову в ладони:

— Башка раскалывается — ну просто подохну сейчас!

— Подохнешь, только не от головной боли, — резко заявил Терпин.

Данауэй поднял голову. Налитые кровью, чуть раскосые глаза его вперились в Терпина.

— О чем ты говоришь? Эта сучка повесилась мне на шею, а когда я ее ублажил, разоралась и начала звать на помощь. Я тут вообще ни при чем, это все она, косоглазая шлюха. Видно, заслышала, что ее мужик приближается, и решила устроить спектакль.

— Она не могла меня услышать, — отозвался Бертон. — Я шел себе по коридору, и, если бы не услышал ее крик, так и прошел бы мимо. Это ты во всем виноват, приятель.

— Господом Богом клянусь, ничего я не делал! Она сама попросила меня, чтобы я ее развлек.

— Что толку спорить? — сказал Терпин. — Сейчас мы проглядим твою память и узнаем правду.

Данауэй зарычал и спрыгнул с кресла. Но до двери не добежал — ноги под ним подкосились, и он рухнул на пол.

— Ага! — воскликнул Терпин. — Так я и думал. Данауэй, здесь у нас насильникам не место. Ты, голубчик, здорово влип!

Данауэй поднял голову, пуская слюни изо рта:

— Нет! Господом Богом клянусь…

Терпин велел двоим своим телохранителям усадить его в кресло за пультом компьютера.

— Через пару минут нам все станет ясно!

Данауэй попытался было воспротивиться, но, получив две плюхи, обессиленно сник. Его усадили в кресло, и телохранитель велел компьютеру показать на экране воспоминания Данауэя за последний час. Пока демонстрировалось неопровержимое доказательство его вины, насильник трясся и мычал что-то нечленораздельное.

— Я не просто убью тебя, — сказал Терпин. — Я сотру твою телесную матрицу.

Ты никогда больше не сделаешь такого ни с одной женщиной. Тебе конец, Данауэй!

Луч, выпущенный из лучемета Терпина, оборвал истошные вопли насильника.

Данауэй упал на пульт головой, на которой виднелись две аккуратные дырочки.

— Киньте его в конвертер и кремируйте, — велел Терпин своим телохранителям.

— Ты действительно собираешься стереть его матрицу?спросил Нур.

— Почему бы и нет? Он никогда не изменится.

— Ты не Бог.

Терпин нахмурился было, но тут же рассмеялся:

— Ну и хитрый же ты, Нур! Ты совершенно заморочил мне голову своими религиозно-философскими рассуждениями. 0'кей. Значит, не стирать? А он, вернувшись в долину, начнет насиловать и избивать других женщин. Ты согласен взять это на свою совесть?

— Этики в мудрости своей устроили так, чтобы все злодеи, даже самые отъявленные, жили до конца проекта. Без исключений. Я верю этикам. Они наверняка знали, что делают.

— Да? — откликнулся Терпин. — Если они такие умные, то почему не раскусили Логу? Почему не приняли мер предосторожности против него и ему подобных? Он порушил все их расписание и программу.

— Я, например, не уверен, что они не приняли мер предосторожности против подобных Логе, личностей, — спокойно сказал Нур.

— Может, объяснишь? — не понял Терпин.

— Пока что у меня нет объяснений.

Том Терпин задумчиво закурил громадную сигару.

— О'кей, — сказал он наконец. — Будь по-твоему. Поскольку сейчас людей в долину не отправляют, Данауэй никому не причинит там зла. Но когда… если… компьютер начнет снова перемещать людей сюда, пускай даже не думает трогать Данауэя с места без моего согласия. Которого я, возможно, не дам. Я просто не знаю, какое у меня в то время будет настроение.

— Да таких данауэев, которые, словно гиены, только и жаждут вырваться на свободу, миллионы! — сказал Бертон. — Какой смысл судить и казнить одного?

— Потому что он изнасиловал твою женщину! — ответил Терпин.

— Но она не моя собственность, я и не хочу говорить за нее, — заметил Бертон. — Почему бы… Поскольку она пострадавшая, почему бы нам не предоставить решение ей самой?

Алиса, выйдя из спальни, услышала его слова.

— Ну Дик! — воскликнула она. — Так, значит, она не твоя собственность и может сама говорить за себя? Подумать только, от кого я это слышу! Ты здорово изменился.

— Надеюсь.

— Жаль, что ты не сделал этого раньше, до того как мы расстались, сказала Алиса. — Знаешь, мне даже как-то обидно. Ты живешь с этой китаянкой без году неделю, и она уже вызвала в тебе такие перемены.

— Она тут ни при чем.

— А кто при чем? Господь Бог? Дик, ты просто невозможен.

— Как она? — спросил Нур.

— Неплохо — насколько можно после… такого. Мы с Афрой и Софи присмотрим за ней несколько дней. Если, конечно, Дик не против.

— Конечно, я не против, — сказал Бертон не без внутреннего сопротивления. — Это очень благородно… самоотверженно… с вашей стороны.

После снотворного, рекомендованного компью-

тером, Звездная Ложка уснула.

Бертон с Фрайгейтом вынесли ее на носилках через боковую дверь и положили на заднее сиденье огромного «доблера» с паровым двигателем. Терпин повел машину по серпантину вниз, к выходу. Там Бертон перенес китаянку в кресло, положил к себе наколени, быстро проделал короткий путь до входа в свой мир, потом более длинный — до замка Арабских Ночей, возвышавшегося в центре. Остальные следовали за ним. Алиса и Софи, раздев спящую и уложив в кровать, вышли из ее комнаты.

— Когда проснется, она будет вполне здорова, — сказала Софи. — Физически, я имею в виду. Но умственно и эмоционально…

Женщины договорились, что будут по очереди ухаживать за Звездной Ложкой. А Бертона позовут, как только она проснется. Он протестовал, уверяя, что в этом нет необходимости. Он будет сидеть возле ее кровати до пробуждения, а потом сам за ней присмотрит.

— Позвольте нам тоже принять в ней участие, — сказала Софи.

Бертон сдался и сказал, что они будут заботиться о несчастной вместе; он понимал причину их настойчивости. Женщины глубоко сочувство-

вали Звездной Ложке, потому что сами не раз подвергались насилию. Им искренне хотелось помочь ей; это непреодолимое влечение, если можно так выразиться, было свойством их натуры.

— Прирожденные сиделки, — сказал Бертон Фрайгейту.

— Везет же некоторым!

Американец вовсе не иронизировал. Он завидовал людям, которые с радостью служили своим ближним.

Звездная Ложка встала к завтраку. Хотя она выпила только немного чаю и поклевала кусочек тоста, китаянка чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы принять участие в застольной беседе. Она, казалось, радовалась обществу трех женщин, которым несколько раз даже удалось ее рассмешить. Но Бертона сторонилась и пресекала его попытки завязать разговор, отделываясь односложными фразами, кивками или покачиваниями головой.

Через пару дней три женщины распрощались и ушли. Звездная Ложка тут же прекратила подолгу отрешенно глядеть в пустоту и занялась усердной работой с компьютером.

— Она уходит от реальности, — пожаловался

Бертон Нуру и Фрайгейту. — Хотя нельзя сказать, что уходит в себя. Она по уши погрузилась в исследования.

Когда я к ней обращаюсь, она прерывает работу — не знаю, что ее так увлекло, меня в это не посвящают, — и слушает, что я ей говорю. Но я часами, вернее, днями, пытаюсь вернуть ее прежнее «я», и все впустую.

— Хотя ее насиловали уже не раз, — заметил Фрайгейт.

— Наверное, это потрясение оказалось последней каплей. Оно терзает ее, как незаживающая рана.

Бертон не рассказал друзьям, что Звездная Ложка ненадолго оживилась лишь тогда, когда он спросил ее, как бы ей хотелось покарать Данауэя. Она ответила, что не хочет стирать его матрицу. Он, безусловно, заслуживает вечного забвения, но она не в силах принудить себя к такому решению.

Конечно, Данауэя надо наказать — возможно, наказание послужит ему уроком, хотя Звездная Ложка сильно в этом сомневалась. В конце концов она заявила, что не хочет думать ни о каких карах и приговорах. Она желала бы просто забыть обо всем, но не могла.

Лицо ее снова стало пустым и отрешенным, и китаянка умолкла.

Нур поговорил с ней, но потом признался, что не сумел пробиться к ее душе и впустить туда хоть лучик света. Душа ее была омрачена. Он только надеялся, что не навеки.

— Она что, теперь всегда будет такой? — осведомился Бертон.

Нур пожал плечами:

— Этого никто не знает. Кроме, возможно, самой Звездной Ложки.

Бертон был разочарован, а потому зол. Он не мог выплеснуть свою злость на китаянку, так что отыгрывался на Фрайгейте с Нуром. Понимая его состояние, они до поры до времени терпеливо сносили оскорбления. Но вскоре Нур сказал, что увидится с Бертоном, когда тот придет в себя. Фрайгейт вроде как почитал своим долгом принять на себя львиную долю гнева Бертона, то ли во имя старой дружбы, то ли потому, что какая-то часть его души наслаждалась словесными баталиями. Однако через час после ухода Нура Фрайгейт встал с кресла, швырнул недопитый стакан в стенку, заявил: «Я убираюсь отсюда» — и убрался.

Несколько минут спустя в комнату вошла

Звездная Ложка посмотрела на пролитое виски, на задумчивое лицо Бертона, а потом вдруг подошла к нему и поцеловала в губы.

— Мне гораздо лучше, — сказала она. — Я думаю, что сумею снова стать той веселой женщиной, какой ты хочешь меня видеть и какой я сама хочу быть.

Отныне ты не должен тревожиться обо мне. Только вот…

— Я счастлив, — ответил он. — Но что-то тебя все-таки беспокоит?

— Я… Я еще не готова делить с тобой постель. Я и хотела бы, да не могу. Хотя я верю, Дик, что придет время, когда я сделаю это с огромным удовольствием. Ты просто наберись терпения. Время — лучший лекарь.

— Повторяю — я счастлив. Я могу подождать, хотя все это несколько неожиданно. Что вызвало такую метаморфозу?

— Не знаю. Просто так случилось.

— Забавно, — произнес Бертон. — Возможно, когда-нибудь мы узнаем. А пока что поцелуй меня покрепче, если ты не против, ладно? Я обещаю не увлекаться.

— Ну конечно, я не против. Жизнь Бертона вернулась в обычную колею и стала почти такой же,

какой была до изнасилования Звездной Ложки. Китаянка сделалась более разговорчивой, даже агрессивной, особенно во время вечеринок. То есть словесно агрессивной — она охотно вступала в споры и высказывала свою точку зрения. Но по-прежнему, как и во время депрессии, проводила много времени за компьютером. Бертон не возражал. У него тоже были свои проекты.

Глава 28

Все люди, думал Нур, замечают, что в детстве время течет гораздо медленнее. В подростковом возрасте оно чуть ускоряет свой ход, в юности — переходит на медленный бег, который становится все быстрее и быстрее по мере взросления. Когда вам уже шестьдесят, время, которое казалось в молодости плавной, лениво текущей широкой рекой, становится вдруг узким и бурным потоком. К семидесяти оно мчится вперед как бешеное, пенясь у крутых порогов. К восьмидесяти — падает вниз стремительным горным водопадом, исчезая за кромкой жизни, уходящей у вас из-под ног в бездонную пропасть, куда время мчится так самозабвенно, точно хочет покончить с собой. И с вами тоже.

Если в девяносто лет вы обернетесь на собственное прошлое, детство покажется вам нескончаемо длинной широкой дорогой, уходящей к невообразимо далекому горизонту. Но последние лет сорок… какими короткими были они, как они быстро промчались!

А потом вы умираете и воскресаете на берегу Реки, и тело ваше снова становится таким, каким

было в двадцать пять лет, даже лучше, поскольку все ваши болячки благополучно исчезли. Казалось бы, теперь, когда вы молоды опять, время снова станет для вас медлительным потоком. А детство уже не должно вспоминаться столь далеким, как в последние годы земного существования.

Ан нет. Мозг, заключенный в молодом теле, состоит из молодых тканей, но содержит все старые воспоминания и переживания. Если на Земле вы умерли в возрасте восьмидесяти лет и прожили затем сорок лет в Мире Реки, то время в ваши сто двадцать несется стремниной. Оно торопит вас, подталкивает и понукает. Давай, давай вперед, говорит оно. Некогда отдыхать. Времени нет. И мне, времени, тоже не до отдыха.

Тело Нура прожило уже сто шестьдесят один год. Поэтому, оглядываясь на свое детство, он видел его где-то в туманной дали. И чем старше он становился, тем длиннее казалось ему собственное детство. Если он доживет до тысячи лет, то детские годы растянутся в памяти лет этак на семьсот; молодость — на двести; зрелость — на пятьдесят девять, а остальное время сожмется в один-единственный год.

Друзья Нура тоже порой упоминали об этом

феномене, хотя и не задумывались о нем. Насколько он знал, никто, кроме него, не углублялся в размышления о времени. А Нур был просто поражен, когда Бертон как-то обмолвился, что они, дескать, поселились в башне пару месяцев назад. На самом деле прошло уже семь месяцев. Бертон отложил возвращение в свой личный мир на несколько недель — а задержался на два месяца.

Не замечать стремительного бега времени им — и Нуру в том числе — помогало то, что они перестали смотреть в календари. Они могли, конечно, приказать компьютеру показывать каждое утро на стене дату и месяц, но здесь, где время значило не больше, чем в стране гомеровских лотофагов, друзья не стали отдавать такой приказ. Сообщение Терпина о том, что он собирается справлять Рождество, могло бы их потрясти, однако у них не было точки отсчета, чтобы заметить, как много времени уже прошло.

Именно это пренебрежение часами и датами, наплевательское отношение к бегу времени и объясняло то, что они до сих пор откладывали дело, которым собирались заняться сразу же, как только добрались до башни. А именно — воскрешением своих товарищей, погибших во время нелегкого пути: титантропа Джо Миллера, Логу,

неандертальца Казза, Тома Микса, Умслопогааса, Джона Джонстона и многих других. Они заслужили право жить в башне, и восьмеро, которым удалось уцелеть, собирались восстановить справедливость. Время от времени они вспоминали об этом, правда, нечасто. Но по каким-то причинам все тянули и откладывали.

Нур не мог оправдать себя тем, что и его, как всех остальных, закружил неудержимый водоворот времени. Он просто пренебрег этим крайне важным делом.

Правда, он был более прочих занят всякими исследовательскими проектами, но компьютеру потребовалось бы полчаса, чтобы найти матрицы погибших — если таковые остались, — и еще несколько минут для подготовки к их воскрешению.

Интересно, если прожить миллион лет, будет ли тогда казаться, что детство длилось семьсот пятьдесят тысяч лет? И сожмутся ли последние двести пятьдесят в одно столетие? Способен ли мозг проделать такой фокус со своим восприятием?

Время, если смотреть объективно, всегда бежит с одной и той же скоростью. Машина, наблюдая за жизнью людей в долине Реки, считает, что

каждый день их равен предыдущему, а стало быть, сегодня они могут сделать не меньше, чем вчера. Но в людском сознании не станет ли время бежать все быстрее? И не будут ли они успевать с каждым днем все меньше и меньше? Чисто физические действия, как-то: вставание, завтрак, душ, зарядка и так далее — наверняка не претерпят никаких перемен. Но как будет с умственными и эмоциональными процессами? Не замедлятся ли они? И не замедлится ли тогда сам процесс изменения к лучшему, то есть главная цель, поставленная перед ними этиками? Если так, то этики должны были дать им больше ста лет для достижения морального и духовного совершенства, дающего право «продвижения».

Впрочем, была одна неоспоримая реальная причина, по которой людям отводилось не больше столетия. Энергию, необходимую для наполнения питающих камней, поддержания жизни в башне и воскрешения мертвых, получали из тепла, излучаемого расплавленным никелево-железным ядром планеты. Запасы энергии были огромны, но и потребление тоже. Этики могли подсчитать, что за сотню лет, отведенную для группы людей, родившихся с 100 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры, плюс

за вторую сотню для тех, кто родился после 1983 года, энергетические ресурсы планеты истощатся окончательно. Термоэлектронные конвертеры поглощают столько тепла, что за два столетия остудят планетное ядро до критического уровня.

Этик Лога никогда не упоминал об энергетических ограничениях. Хотя наверняка знал о них и, возможно, именно поэтому так переживал и чувствовал себя виноватым. Нур, размышляя об этом, попросил компьютер представить ему расчет энергии, необходимой для двух проектов. Он догадывался, каким будет ответ. Все правильно: даже ядро этой планеты, чуть превышающее размерами земное ядро, потеряет свое ослепительно белое сияние и по прошествии двухсот лет станет красным и тусклым.

Родители и близкие родственники Лога по-прежнему жили в долине Реки.

Каждый из них хоть раз был убит и ни один не стал «продвинувшимся». Лога вмешался в проект и избавился от этиков с их агентами для того, чтобы его семья моглажить дольше положенного срока и, как он надеялся, достичь того уровня, откуда начинается «продвижение».

Это, однако, не означало, что первый проект не будет закончен через сто лет. Лога мог спасти сво-

их близких, удостоверившись, что их телесные матрицы не сотрут, а ватаны не выпустят в свободный полет до скончания Вселенной или даже дольше. Он вполне мог закрыть первый проект по расписанию и запустить второй, с тем лишь небольшим отклонением, что его родственники продолжат жить в долине. Они станут частью второй группы и таким образом получат дополнительное столетие.

Но почему Лога не устроил так, чтобы компьютер попросту скрыл информацию об определенных лицах, которые должны были сгинуть, но были по-прежнему живы? Логе удавалось заставить компьютер мухлевать и в куда более заметных вещах.

Возможно, он, рисковавший по мелочам, не решился рискнуть самым важным — с его точки зрения, разумеется. Он хотел быть абсолютно уверен в удаче, хотя достижение такой уверенности требовало еще большего риска. Лога знал, что за год или два до завершения текущего проекта из Мира Садов прилетит космический корабль, который привезет с собой команду этиков и записи телесных характеристик людей, предназначенных для второго проекта. Логе нужно было избавиться от новоприбывших, которые могли

помешать его планам.

Он распорядился, чтобы всех их схватили или убили, как только они выйдут из корабля в ангар.

К несчастью, кто-то добрался до Логи, убил его самого и стер его телесную матрицу.

Все улики указывали на то, что это сделала монголка — агентка, убитая Нуром. Но улик было слишком мало. Нур не мог понять, как женщине удалось проникнуть в башню, какую роль она здесь играла и, если на то пошло, не прячется ли она где-нибудь в башне по сей день.

Нур с друзьями собирались посвятить этой загадке столько времени, сколько потребуется, чтобы ее разгадать. Однако все, кроме него, похоже, отложили ее на потом, слишком увлеченные властью и удовольствиями, которые предоставляла им башня. Они, безусловно, не отказались от намерения решить загадку — они просто не имели понятия о том, сколько времени уже пролетело.

Нур не мог решить, стоит ли пенять друзьям на их забывчивость. Его собственные усилия прояснить вопрос с помощью компьютера не дали никакого результата. Почему им должно повезти больше?

С другой стороны, именно Алиса Харгривз придумала, как перехитрить компьютер, когда они попали в магический лабиринт. Ни ему, Нуру, ни другим это в голову не пришло. Глядя на своих друзей, Нур понимал, что они не считают решение загадки таким уж неотложным делом. Для них вообще не осталось ничего неотложного, кроме наслаждения, которое доставляла им сокровищница компьютера. И они, так сказать, растягивали удовольствие.

Однако они ошибались, если думали, что Нур не замечает еще одной катастрофы, надвигающейся на всех парах. Ли По дал ей начальный толчок, когда бездумно принялся воскрешать людей, не помышляя о последствиях. Затем Терпин воскресил многих своих знакомцев по Земле и долине Реки. Те, в свою очередь, начали воскрешать всех, кого хотели видеть рядом с собой. И пошло-поехало. Терпинвиль был уже переполнен; Терпин пригрозил, что выгонит всех новоприбывших. Те и ухом не вели — ведь они в любой момент могли перебраться в какой-нибудь незанятый мир или свободные апартаменты. И там продолжать размножение.

Большинство из воскрешенных понятия не имели ни о каких компьютерах, даже о при-

митивных и ограниченных машинах земного производства. Здесь же их знакомили с машиной, которая превращала их в каком-то смысле в полубогов. Но люди есть люди, и многие из них начнут злоупотреблять своей властью, по неведению или с умыслом. Уильямс, к примеру, воскресил участников убийств Потрошителя исключительно шутки ради, хотя и достаточно злобной шутки. Нур не видел в этом особого вреда, разве что Нетли мог стать неуправляемым.

Остальные выглядели порядочными людьми. Галл, если воспользоваться забавной христианской терминологией, «родился свыше», а три женщины вообще никогда не были ни злы, ни властолюбивы. Хотя мужчины, которых они себе воскресили, могли оказаться кем угодно. Что же до жителей Терпинвиля, то они вообще почти не изменили своим земным привычкам. Город, населенный бывшими сутенерами, проститутками, продавцами наркотиков, грабителями и убийцами, представлял большую потенциальную опасность. Особенно если его обитатели имеют доступ к компьютеру.

Нур неоднократно, хотя и тщетно, пытался внушить своим друзьям, что компьютер — это джинн, выпущенный из бутылки, или ифрит,

вырвавшийся из-под ига соломоновой печати. Или же, как выразился Фрайгейт, чудовищный Франкенштейн с неограниченной кредитной карточкой. Человек, прибегающий к почти неограниченной мощи компьютера, мог неожиданно обнаружить, что кто-то другой использует эту мощь против него. Потенциал машины до сих пор оставался неизвестным. Чтобы безопасно пользоваться ею, надо было изучить все ее возможности, а это требовало кропотливой и долгой работы.

К примеру, Бертон, наблюдая за действующими лицами дела Потрошителя, не учел, что сам подвергается наблюдению. Если бы он догадался вовремя, то мог бы предотвратить шпионаж. Теперь, когда он знал, что такое возможно, Бертон приказал компьютеру сохранять в секрете все свои исследования. Но не исключено, что он опоздал. Пятеро людей, в том числе и Нетли, человек весьма ненадежный, были уже воскрешены. Более того, не исключено, что Уильямс, если ему хватило смекалки, велел компьютеру втихаря нарушить приказы Бертона, касающиеся секретности.

В общем, любой, кто первым доберется до компьютера, мог обставить остальных.

Только тот, кто изучит список возможностей компьютера целиком, будет способен себя защитить. Себя и других. Если только еще не поздно. Кто-то мог уже ввести в машину команды, чтобы доступ к контрольным цепям был открыт лишь ему одному.

Нур собирался выучить наизусть весь перечень возможностей машины, а затем позаботиться о том, чтобы компьютер не допускал к управлению собой людей, которые могут употребить его способности во зло. Это, разумеется даст самому Нуру большую власть над людьми, живущими в башне. Но он-то знал, что не станет пользоваться ею в неблаговидных целях.

Однако сейчас Нур собирался заняться другими делами. Часы, отведенные им на дневную работу, истекли. Пора было идти и поужинать с женщиной, которую он воскресил, — с его земной супругой, мало видевшей его на Земле, поскольку он вечно скитался в поисках знаний и истины. Нур многое ей задолжал и теперь хотел отдать долги.

Глава 29

Алиса устраивала Безумное Чаепитие первого апреля, в день смеха.

Это было также прощальное чаепитие, не для Алисы, которая никуда не собиралась, а для «декораций» и андроидов ее мира. Устав от мотивов Страны Чудес и Зазеркалья, Алиса решила все переменить. Ее гости в последний раз посмотрят на диковинный антураж, а потом она даст команду компьютеру убрать его и заменить чем-нибудь другим. В данный момент, говорила она, у нее есть несколько проектов нового оформления. И, возможно, гости во время чаепития подбросят ей еще какие-нибудь идеи.

Но сначала следовало составить список гостей, и это сразу вызвало затруднения… Алиса намеревалась пригласить только семерых друзей вместе с их спутницами. Но Ли По выразил желание привести всех своих «жен». Алиса ответила, что лучше бы он взял какую-то одну. Ту, например, чья очередь делить с ним постель выпадет на первое апреля. Ли По заявил, что остальные его жены, а также его друзья и их подруги будут обижены, если не получат приглашения. В конце

концов, помещение у нее достаточно большое, чтобы он мог привести с собой маленькую компанию (человек около ста, по его подсчетам). Сорок мудрецов (вернее, теперь уже пятьдесят) и их очаровательные подруги будут вести себя прилично. Чуточку шумно, быть может, но ведь Алиса хочет, чтобы чаепитие прошло весело и оживленно, не так ли?

Алиса умела быть очень упрямой, однако она обожала Ли По, хотя и считала, что он слишком много пьет и развратничает. В компании он был незаменим, но, как видно, решительно настроился взять с собой друзей. В конце концов она сдалась, послав китайцам общее приглашение.

Фрайгейт сказал, что они с Софи придут с удовольствием. Но Софи — она такая общительная! — успела уже воскресить по десятку мужчин и женщин, с его разрешения, разумеется. Они были ее близкими друзьями, с которыми она общалась в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и — хочешь верь, хочешь нет, только не смейся, пожалуйста, — в Каламазоо, штат Мичиган.

Алиса озадаченно спросила, с чего он решил, что она будет смеяться.

— Каламазоо, — со вздохом ответил Фрайгейт, — как и некоторые другие американские

города или городские районы, типа Пеории, Поданка и Бербанка, превратились в притчу во языцех, став предметом насмешек, подтрунивания и издевок. Точно так же, как город Готам в английском фольклоре позднего средневековья, немецкий Шильдбург, город Хелм в еврейских историях и Беотия древних греков. Вообще-то Каламазоо и другие американские города несколько отличаются от прочих, которые я упомянул. Разница в том…

Алиса вежливо выслушала, а потом заметила:

— Ты собирался спросить меня, приглашу ли я друзей Софи, но слегка отвлекся. Поскольку их всего двадцать, пускай приходят, я буду рада их видеть.

Фрайгейт поблагодарил ее, хотя и без особого удовольствия. Дело в том, что, в отличие от общительной Софи, он был не то чтобы отшельником, но, скажем, человеком не очень общительным. Разумеется, он радовался, что у них с Софи появилась какая-то компания. С другой стороны, постоянное присутствие посторонних начинало его тяготить. Мир для Фрайгейта никогда не мог быть слишком просторным.

Де Марбо и Бен тоже захотели привести с собой людей, которых недавно воскресили. Алиса

согласилась, но, когда экран погас, горестно вздохнула.

Вначале она планировала вечеринку человек на тридцать. Теперь их набралось уже сто три. Пока что.

С Бертоном, слава Богу, с точки зрения количества не было проблем. Они со Звездной Ложкой так еще никого и не воскресили.

— Да, кстати, — проговорила Алиса, — я приготовила небольшой сюрприз.

— Для всех или только для меня? — осведомился Бертон.

— В общем, для всех, хотя ты, возможно, будешь удивлен больше других.

— Я хорошо изучил тебя, Алиса, — сказал он с улыбкой, делавшей его похожим на Мефистофеля. — У тебя все на лице написано. Ты только что пожалела о своих последних словах. Тебе неловко, что они у тебя вырвались. Так что это за сюрприз — новый мужчина?

— Иди к черту! — разозлилась Алиса и велела компьютеру прервать связь.

Она здорово изменилась в последнее время. Никогда и ни за что на Земле она не послала бы человека к черту, как бы ее ни разозлили. Даже своего мужа.

Походив взад-вперед, чтобы успокоить расшалившиеся нервы, Алиса позвонила Нуру.

— Добрый день, Алиса! — сказал он. — Очень рад тебя видеть. Могу я перезвонить через минутку? Я разговариваю с Томом Терпином. У него… — Нур помедлил, потом махнул рукой:

— В общем, это неважно.

— Извини, что помешала, — произнесла Алиса. — Я просто хотела… Ладно, я перезвоню через полчаса.

Закусив губу, Алиса пыталась сообразить, приглашать ли ей Уильяма Галла с его доуистами. Он был, в конце концов, баронетом и придворным врачом королевы Виктории. Однако Алиса уже потеряла тот пиетет к титулам, что был присущей на Земле и поначалу в долине Реки, поэтому высокие связи доктора ее не волновали. К тому же он был убийцарасчленитель. Но, с другой стороны, он раскаялся и стал священником Церкви Доуистов. Алиса же, хотя и утратившая христианскую веру, по-прежнему старалась вести себя похристиански и считала, что темное прошлое Галла ее не касается. Он был занимательным собеседником, по крайней мере пока не начинал обращать вас в свою веру. Тогда он становился скучнейшим занудой. Но Алиса решила взять с

доуистов слово, что они не будут читать проповедей на ее вечеринке.

В конце концов она позвонила Галлу. Тот был настолько благодарен, что Алиса даже растрогалась.

— Я собираюсь пригласить также Анну Крук, Элизабет Страйд и Мэри Келли, сказала она. — Надеюсь, это не будет вам неприятно.

— Нет, конечно! — откликнулся Галл. — Это ваш праздник, к тому же мы с миссис Страйд вполне поладили, если не считать некоторых разногласий по вопросам теологии. Миссис Крук и миссис Келли держатся со мной холодно, что более чем понятно, однако я надеюсь со временем их смягчить. Уверяю вас, что буду вести себя достойно и ни в коем случае не испорчу вам вечер.

Потом Алиса позвонила трем женщинам, и они сказали, что жутко рады и обязательно придут. Можно им привести с собой кавалеров? Алиса, хотя и не жаждала их видеть, с улыбкой согласилась. Итак, число гостей выросло до ста пятидесяти одного, поскольку с Галлом придет его дама и еще тридцать два человека. Страйд и Крук приведут по одному поклоннику, а Келли, как всегда, явится под ручку с двумя.

Когда Алиса позвонила Нуру во второй раз, он

уже освободился.

Поблагодарил за приглашение и сказал, что он и Айша почтут за честь прийти на прием. У него только что состоялся серьезный разговор с Томом Терпином.

Оба они были встревожены из-за тех двух женщин, что забеременели. Первая будет рожать через четыре месяца; вторая — на две недели позже.

— Том сто раз им говорил, что у младенцев не будет ватанов. Поскольку этики не планировали здесь деторождения, то, естественно, не оставили никаких устройств для создания ватанов. Я спрашивал у компьютера, есть ли у него схемы, по которым можно было бы построить генератор ватанов, но он ответил, что ничего подобного в его файлах нет. А это означает, как ты, наверное, помнишь, что дети, лишенные ватанов, будут лишены и самосознания.

Внешне они будут вести себя нормально, совершенно как дети с ватанами. Но отсутствие самосознания превратит их в биологические машины — очень сложные, почти совершенные, и все-таки машины.

— Да, я знаю, — сказала Алиса. — Но что же делать?

— Если женщины согласны родить и вырастить нечто вроде андроидов, это, в конце концов, их личное дело. Но проблема в другом. Их пример может вдохновить остальных, которые тоже захотят детей, и вскоре башня окажется переполнена людьми, добрая половина из которых будет лишена души. И что тут начнется, когда перенаселение заставит их бороться за пространство? Войны.

Страдания. Смерть. Думаю, ты сама это прекрасно понимаешь.

— Да, но… — начала Алиса.

— Терпин пригрозил, что вышвырнет их вон, если они не прервут беременности. Но им плевать. Они просто уйдут со своими мужьями в квартиры и будут жить там. В общем, эта маленькая неприятность скоро вырастет в очень большую. Кому-то… нам… придется принять чрезвычайные меры, чтобы предотвратить опасность и чтобы подобное не повторялось впредь.

— Ты имеешь в виду… убить младенцев?

— Мне не хочется даже думать об этом, меня это страшно удручает, но другого выхода нет. Младенцы-то на самом деле андроиды, и уничтожить их — все равно что вывести из строя робота. Конечно, андроиды выглядят совершенно

как люди и до какой-то степени ведут себя как люди. Но они не обладают самосознанием; в них нет того, что делает гомо сапиенс человеком. Нельзя позволить этим младенцам вырасти — их нужно ликвидировать сразу, пока они ничего не понимают.

Алиса знала, что смерть их будет мгновенной и безболезненной. Младенцев поместят в конвертер и в течение микросекунды распылят до атомов. Но Алиса все равно пришла в ужас.

Добросердечный Нур, безусловно, и сам был в ужасе. Но он знал, что это необходимо, и, если Терпин не сумеет уничтожить новорожденных, Нуру придется сделать это собственноручно.

— Если бы у нас был генератор ватанов, — продолжал Нур,я бы настоял — и, надеюсь, почти все бы со мной согласились, — чтобы для этих двоих детей сделали исключение. Мы бы создали им ватаны, приняв все меры для того, чтобы исключить рождение новых детей. Любую женщину, которая приказывает компьютеру избавить ее от бесплодия, следовало бы казнить и хранить ее телесную матрицу до того дня — если он вообще наступит, — когда компьютер снова начнет воскрешать в долине людей. Любого мужчину, который сознательно сделает женщину беремен-

ной, тоже нужно казнить. Хотя…

— Да?

— О Аллах! Это вовсе не обязательно. Как же я не догадался? Достаточно просто запретить компьютеру выполнять те команды, которые могут привести к беременности. Почему мне это раньше в голову-то не пришло? А теперь…

— А что теперь? — спросила Алиса.

Нур махнул рукой, не желая отвечать на вопрос.

— Но тогда я не вижу причины убивать младенцев, — заявила Алиса. — Двое детей — не такая уж большая проблема.

Нур вздохнул с облегчением, хотя выглядел по-прежнему встревоженным.

Возможно, потому, что так поздно додумался до столь очевидного решения.

— Кое-что нужно проверить немедленно, — сказал он, покачав головой. — А вдруг кто-нибудь уже отдал компьютеру приказание беспрекословно выполнять желания любого, кому захочется стать способным к зачатию? Из двух противоречащих друг другу приказов основным для компьютера будет тот, что отдан раньше. Единственные, кто мог изменить эту установку, были Лога и та женщина, которую я убил… если

я действительно убил ее. Погоди минуточку. Я проверю.

Алиса могла его подслушать, но никогда не стала бы делать этого без разрешения. Через минуту экран напротив нее осветился вновь, и на нем показалось лицо Нура. По его сердитому выражению она сразу поняла, что случилось.

— Зря я надеялся. Кто-то успел меня опередить. Он — или она — сделал так, что теперь любой желающий сможет иметь детей. Компьютер не говорит, кто дал ему команду.

— Боже мой! — воскликнула Алиса. И, подумав, сказала:

— Дик говорил мне про того черного парня, Билла Уильямса, который воскресил Галла и компанию.

Может, это он?..

— Я не знаю. Возможно, мы не узнаем этого никогда. Не исключено, что приказ отдала Вандал Гудал или Сара Келпин, то есть одна из беременных женщин. Как бы там ни было…

С Нуром редко случалось такое, чтобы ему не хватало слов. Но сейчас он явно растерялся.

— Нужно сообщить Тому, — предложила Алиса. — Пускай принимает меры.

— Я сейчас же ему позвоню, — откликнулся

Нур.

Алиса настроилась, что придется подождать минут десятьпятнадцать. Но экран на пульте осветился уже через шесть минут. И, к удивлению Алисы, на нем показался не Нур, а Том Терпин с перекошенным и побагровевшим даже сквозь черную кожу лицом.

— Вызываю всех! — крикнул он.

«Всех», как поняла Алиса, относилось к семерке друзей. Но что он делает на центральной площади в виде буквы О, куда выходят двери всех миров, подобно кускам торта, сходящимся к сердцевине? И почему самая его любимая женщина, Даймонд Лил Шиндлер, и самые близкие друзья — Шовен, Джоплин и другие музыканты со своими подругами тоже там толпятся?

— 0'кей! Я вижу вас всех! Я взбешен! Я совершенно взбешен, слышите вы?

— Успокойся, Том, — послышался ровный и мягкий голос Нура. — Расскажи нам, что стряслось.

— Они вышвырнули меня вон! — взревел Том. — Смяли охранников, схватили меня и моих друзей и выставили! Они сказали, что я больше не король Том!

Меня свергли! Мне запретили там появляться! До свидания, сукин ты сын, сказали они, прощай,

адью, гудбай, аддиос!

— Кто — они? — спросил голос Бертона. — Там заводилой, часом, не Билл Уильямс?

— Нет, не он! Он два дня уже как убрался в один из пустующих миров. Это сделали Джонатан Холи и Гамильтон Биггс! То есть они были заводилами!

Алису, наверное, представляли им обоим, но она не помнила таких имен.

— В общем, чего-то в этом духе следовало ожидать, — произнес Нур. — Ты мало что… ты ничего не можешь сделать, Том. Почему бы тебе не переехать в какой-нибудь из пустых миров? Только заселяй его поосторожнее, чем первый.

— Я даже этого не могу! — вскричал Том, резко всплеснув руками и хлопнув ими по бедрам. — Даже этого! В одном из них Уильямс. Другой захватили цыгане.

Я знаю, потому что сам видел, как они выходят оттуда. А в остальные четыре мне тоже хода нет! Кто-то запер их кодовым словом! Не знаю кто, но подозреваю, что Холи с Биггсом. Они придерживают эти миры для прироста населения — а может, заперли их просто из вредности, чтобы мне насолить!

— Могло быть и хуже, — сказал Нур. — Они

могли убить тебя.

— Да, Полианна <Героиня одноименной повести Э. Портер, неисправимая оптимистка.>, могло быть и хуже!

Терпин разрыдался. Шиндлер, крупная чернокожая женщина, обняла его. Он рыдал у нее на груди, а она улыбалась, вспыхивая драгоценными камушками, вставленными в зубы. На Земле она была одной из самых знаменитых бандерш злачного района Сент-Луиса, а также одной из любовниц Терпина.

Алиса подождала, пока Том высвободился из объятий Даймонд Лил, и предложила:

— Ты вместе с друзьями можешь поселиться у меня, Том. Остальные — Бертон, де Марбо, Афра, Фрайгейт и Нур — поспешили сделать аналогичное предложение.

— Нет, — сказал Том, вытирая глаза громадным фиолетовым носовым платком, в этом нет необходимости, хотя все равно спасибо. Мы просто переберемся в апартаменты. — Он поднял вверх кулак и заорал:

— Я вам еще покажу, Холи и Биггс, и все прочие долбаные Иуды! Я вам так покажу! Вы еще пожалеете, подонки! Остерегайтесь Тома Терпина, это я вам говорю!

Алиса не видала экрана, который появился, очевидно, перед Томом на стене. Но она услышала громкий смех и торжествующий голос:

— Вали отсюда, рева-корова!

Том зарычал от обиды и ярости и принялся дубасить кулаком по стенке.

Алиса выключила свой экран. Ну и что дальше?

А правда — что? Это была лишь первая неприятность, случившаяся накануне Безумного Чаепития. Которое, как Алиса говорила потом всем и каждому, кто мог ее слышать — а таких осталось немного, — было, без всякого преувеличения, самым худшим в ее жизни.

Глава 30

Утром первого апреля Бертон со Звездной Ложкой завтракали на балконе своей спальни. Небо было чистое, ветерок — легкий и прохладный, ибо так велел Бертон. Окрестности то и дело оглашались трубным ревом слонов и львиными рыками. На стол упала тень птицы Рух с размахом крыльев в сорок футов — внешний вид ее придумал сам Бертон, а воспроизвел компьютер. Когда тень упала на Звездную Ложку, китаянка вздрогнула.

— Птица запрограммирована так, что не станет на нас нападать, — сказал с улыбкой Бертон.

— Это дурное предзнаменование.

Бертон не стал спорить. Ли По и люди восьмого века до Рождества Христова, которых он воскресил, были умными и многоопытными, но так и не сумели освободиться от суеверий. Ли По, пожалуй, был наиболее гибок, но даже он порой реагировал серьезно на такие вещи, над которыми должен был посмеяться или вовсе не заметить.

Бертон задумался: нужно ли человеку отрешиться от суеверий, чтобы достичь «продви-

жения»? Разве абсурдные верования мешают личности стать милосердной и отзывчивой по отношению к своим ближним, отказаться от ненависти и предвзятости? Да, мешают — если вызывают страх, жестокость и приводят к иррациональным поступкам. Может ли человек, который при виде черной кошки, перебегающей дорогу, боится всяческих напастей, оставаться тем не менее «хорошим» человеком? Нет — если он швырнет в кошку камнем или начнет, поддавшись тревоге, выплескивать свое раздражение на окружающих.

— Ты тоже боишься, — заметила Звездная Ложка.

— Что? — уставился на нее Бертон.

— Ты трижды постучал по дереву. По столу.

— Ничего подобного!

— Не хочу противоречить тебе, Дик, но ты постучал.

— Серьезно? — Бертон оглушительно расхохотался.

— Что тут такого смешного?

Бертон объяснил, и она улыбнулась. Впервые за много дней, подумалось ему, она не выглядит такой далекой и отрешенной. Что ж, если он должен строить из себя дурака, чтобы ее развеселить,

то он не против.

— Я не спросил, как ты себя чувствуешь.

— Хорошо.

— Надеюсь, ты скоро повеселеешь.

— Спасибо тебе, Дик.

Бертон подумывал, а не предложить ли Звездной Ложке, чтобы компьютер изъял из ее памяти все пережитые страдания, в особенности изнасилования.

Компьютер мог вырезать их, как хирург — воспаленный аппендикс. И хотя такая операция лишит китаянку многих воспоминаний, быть может, нескольких лет в совокупности, зато освободит от мучительных раздумий. С другой стороны, несмотря на то что воспоминания исчезнут, их эмоциональное воздействие останется. Его компьютер вырезать не в состоянии. Не исключено, что Звездная Ложка по-прежнему будет чувствовать отвращение к сексу, даже не понимая почему.

Мозг должен вылечить себя сам, но он редко бывает искусным целителем.

Звездная Ложка поднесла ко рту вилку с кусочком форели и начала жевать, глядя задумчиво вниз на дворцовые сады, бегущую в джунглях реку и пустыню вдали. Проглотив, она сказала:

— Я хочу, чтобы у тебя была еще одна женщина, Дик. Такая, которая даст тебе то, в чем ты нуждаешься. Которая сможет смеяться и любить. Я не против — я не только не против, я буду очень рада.

— Нет, — ответил Бертон. — Нет. Это очень благородно с твоей стороны — и очень по-китайски. Я восхищаюсь культурой и мудростью твоего народа, но я-то не китаец!

— Китай тут ни при чем. Это просто здравый смысл. Я не хочу быть — как ты выразился недавно? Собакой на чем?

— Собакой на сене. Так называют эгоистов, которые сами не могут воспользоваться тем, что им принадлежит, но и другим не дают.

— Я не собака на сене. Пожалуйста, Дик, тогда я буду чувствовать себя не такой несчастной.

— Но и я не буду счастлив.

— Если тебя смущает присутствие здесь второй женщины, посели ее в квартире и навещай. Или… я могу уйти.

— Люди — не андроиды, — возразил он со смехом. — Я не могу воскресить женщину и держать в заточении ради собственного удовольствия. Во-первых, я ей, возможно, не понравлюсь. А во-вторых, даже если понравлюсь; ей потребу-

ется общество других людей. Она захочет быть свободной личностью, а не одалиской в клетке.

Китаянка протянула руку через стол и накрыла ладонь Бертона своей:

— Это очень плохо.

— Что плохо? То, о чем мы говорим?

— Это и многое другое. Все. — Звездная Ложка махнула рукой, как бы обводя всю Вселенную. — Плохо. Все плохо.

— Нет, не правда! Что-то плохо, а что-то и хорошо. Просто на твою долю выпало чересчур много плохого. Но у тебя есть время — полно времени, — чтобы получить и свою долю хорошего.

— Нет. — Она покачала головой. — Хорошее не для меня.

Бертон отпихнул от себя полупустую тарелку. Андроид тихонько убрал ее со стола.

— Я останусь и поговорю с тобой, если хочешь. У меня много работы, но ты для меня важнее.

— У меня тоже есть работа, — сказала китаянка.

Бертон встал, обошел вокруг литого золотого стола и поцеловал женщину в щеку. Ему было любопытно, чем она занимается, но, когда он спрашивал ее об этом, Звездная Ложка отвечала, что ничем интересным и что она бы лучше по-

слушала о его исследованиях.

И все же, когда они вылетели из замка в бронированных летающих креслах, мысль о вечеринке, похоже, развеселила китаянку. Она щебетала без умолку, рассказывая о каких-то забавных случаях из своего детства, и даже рассмеялась несколько раз. Бертон подумал, что ей не на пользу проводить так много времени в одиночестве или только в его компании. Хотя, когда они посещали еженедельные сборища, китаянка выглядела отрешенной и подавленной.

Во время полета Бертон обратился к Звездной Ложке по радиопередатчику:

— Рано утром я пытался дозвониться до Терпинвиля. Который, по-видимому, скоро переименуют. Но не смог. Очевидно, нынешние правители города не отвечают на звонки.

— А зачем ты им звонил?

— Из любопытства. Хотел посмотреть, насколько воинственно они настроены.

Не исключено, что они — или он — не удовлетворятся властью над Терпинвилем.

Возможно, узурпатор захочет захватить всю башню.

— Какой в этом смысл?

— А какой смысл был вышвыривать Терпина

и садиться на его трон? Я позвонил Тому тоже, проверить, как он. Мрачный — чернее тучи. Возможно, впрочем, что более уместно слово «багровее». Он по-прежнему жаждет мести, хотя и понимает, что шансов у него никаких. Бунтовщикам достаточно просто затвориться в своем мире.

Они вылетели через дверь в центральную зону. Бертон с удивлением воззрился на бурлящую толпу народа. Здесь были Терпин, Луи Шовен, Скотт Джоплин и другие музыканты, изгнанные из Малого Сент-Луиса. Их, похоже, выбросили оттуда без всего, лишь в той одежде, что на них была. Здесь же толпилось еще не менее сотни чернокожих, некоторых из них Бертон узнал.

Что-то, по-видимому, стряслось и с Фрайгейтом, Софи и их друзьями. Они яростно жестикулировали и кричали, но слова тонули в оглушительном гвалте, в который вливался также хор голосов с экранов, демонстрировавших прошлое людей из толпы.

Тут из своего мира вылетел Ли По с друзьями, и их вопросительные возгласы усилили общий шум и гам.

Бертон со Звездной Ложкой приземлились на пол. Бертон встал и крикнул:

«Что за базар?», однако его расслышали только ближайшие соседи.

Фрайгейт вырядился на вечеринку самым причудливым образом: громадный алый галстук-бабочка, лимонно-желтая рубашка с огромными серебряными пуговицами, широкий небесно-голубой пояс, белые штаны в облипочку с алыми лампасами и лимонножелтые высокие сапоги. Лицо у него было сейчас почти под цвет бабочки.

— Мы вылетели из моего мира, — возбужденно затараторил он, и обнаружили здесь Нетли с дюжиной человек. Все они были вооружены лучеметами и пистолетами, и Нетли заявил, что, если я не скажу ему кодовое слово, он пристрелит нас на месте! Ну я и сказал, а что мне оставалось? Он со своей бандой забрался внутрь, и запер дверь… и… в общем, полный аут! Нас вышвырнули вон! Как котят! У меня отобрали мой чудесный мир!

— А также у меня и моих друзей, — промолвила Софи.

Она была одета в древнеегипетском стиле, а-ля Клеопатра. Урей на короне, обнаженный торс с большой красивой грудью — как, интересно, воспримет это Алиса? — и длинная юбка, разрезанная спереди почти до промежности. Она

не забыла даже посох, увенчанный египетским крестом. Ее друзья были одеты в азиатские и европейские костюмы разных эпох.

— Мне надо было вылетать осторожнее! — прокричал Фрайгейт. Проверить, свободен ли путь, прежде чем высовываться за дверь! — Не стоит запирать сарай, когда лошадь уже сперли, заметила Софи. — А также рыдать над пролитым молоком. Простите за банальные фразы, но в критических ситуациях почему-то всегда тянет на трюизмы. С языковой точки зрения такие ситуации не слишком плодотворны.

К ним подошел Том Терпин во фраке и цилиндре.

— Неделя сплошного бандитизма! — сказал он. — Везет им нынче.

— А это кто такие? — спросил Бертон, показав на удрученных и ошарашенных чернокожих.

— Это? Хорошие ребята, церковники. Шансеры, новые христиане, обновленные баптисты свободной воли и нихиреиты. Биггс и Холи выставили их через пару минут после того, как Пит лишился своих владений.

Из двери лифта вышли Страйд, Крук и Келли со своими мужчинами. Бертон предоставил Тому объяснять им, что случилось, а сам, вызвав

на стену экран, позвонил Алисе. Карие глаза ее округлились, когда она увидела сцену за Бертоном и услышала гомон толпы. Бертон рассказал ей, в чем дело, добавив:

— Боюсь, это испортит твою вечеринку.

— Ничего подобного, — возразила она. — Я этого не допущу. Конечно, Том с Питом успокоятся не сразу, но в конце концов возьмут себя в руки. А этим беднягам, которых вышвырнули вон бандиты, скажи, пусть приходят ко мне на вечеринку, если захотят. Конечно, они и так не помрут здесь с голоду и найдут где поселиться. Но ты все равно передай им мое приглашение. Я жду вас всех.

Бертон подошел к беспорядочно толкущимся изгнанникам, попросил тишины, добился ее и передал приглашение Алисы. Все охотно его приняли. У них не было летающих кресел, но они могли получить кресла из конвертера, стоявшего в прихожей Алисиного мира.

Фрайгейт заказал в конвертере выпивку для своей компании, чтобы залить горе по дороге в гости. Софи взяла высокий бокал с джином, однако заметила:

— Я думаю, нам сейчас не до веселья, Пит. Мы должны изучить список возможностей компьютера и ввести все мыслимые запреты. Нужно

предусмотреть все, что только может прийти в голову этим подонкам.

— Мысль хорошая, — сказал Бертон, хотя обращались не к нему. — Но Алиса обидится, если вы пропустите прием. К тому же я уверен, что узурпаторы сейчас начнут бурно праздновать свою победу, так что в ближайшем будущем нам ничего не грозит.

— Возможно, вы и правы, — откликнулась Софи, — но все-таки я считаю, что завтра мы должны собраться и попробовать все вместе сообразить, чего эти сволочи могут выкинуть еще.

— После вечеринки головы обычно варят не ахти, — сказал Бертон. — Но я позвоню вам и всем остальным завтра утром около десяти. Устроим большое толковище.

В прихожую вошел Нур со своей подругой. Остановился, огляделся и направился сквозь толпу к Бертону. «Айша-бен-Юсуф», — представил он другу свою спутницу, тоненькую смуглую женщину, еще ниже Нура ростом. Красавицей она не была, но улыбалась очень обаятельно.

— Я позже тебе все объясню, — сказал Нуру Бертон. — А сейчас пора выбираться из этой толкучки.

Повернувшись к своему креслу, Бертон увидел

Галла с группой доуистов, одетых в длинные белые развевающиеся на ходу балахоны. Они изумленно вертели головами.

Бертон поднял кресло в воздух, направив его в широкий дверной проем.

Потом взмыл вверх футов до двухсот и помчался над густым дубово-сосновым лесом Глущобой к огромной поляне у подножия высокого холма, на котором стоял особняк Алисы. Поляна площадью в триста футов, совершенно гладкая и плоская, была покрыта вечнозеленой травой. Сбоку на ней возвышалось чертово колесо, рядом располагались «русские горы», карусель и маленький каток, а посредине чего только не было: уйма столиков, уставленных блюдами и бутылками, белые тенты и эстрада, где андроиды наигрывали вальс, коттеджики типа римских вилл для отдыха, крокетное поле, площадки для бадминтона, танц-площадка из полированного дерева и множество андроидов-слуг, выглядевших как персонажи двух знаменитых книг Льюиса Кэрролла.

Под гигантским дубом на краю поляны стоял домик с трубами в виде заячьих ушей и с крышей, покрытой заячьим мехом. Перед ним располагался большой стол, накрытый для чае-

пития, и множество стульев. За столом сидели Мартовский Заяц ростом с человека, Болванщик и маленькая девочка. Одета она была в точности как Алиса на иллюстрациях Тенниела, но длинных белокурых волос у нее не было. Алиса велела, чтобы андроид выглядел как она сама в десятилетнем возрасте.

— Ай да Алиса, разошлась не на шутку, — пробормотал Бертон, направляя кресло к подножию холма.

Сама хозяйка стояла возле кресла, похожего на трон в Уэстминстерском Холле. Рядом, возле похожего трона, стоял высокий белокурый мужчина.

— Алисин сюрприз! — пробурчал себе под нос Бертон. — Так я и думал!

Он был уязвлен и злился на себя за то, что ему не все равно. Значит, он лгал самому себе, когда думал, что Алиса ему безразлична.

Выглядела она потрясающе. В своем любимом наряде двадцатых годов, но без шляпы, поскольку правила земного этикета в Мире Реки потеряли свою власть. Ее короткие черные волосы алебастрово блестели на солнце. Мужчина, судя по Алисе, был около шести футов и четырех дюймов ростом. На нем был наряд шотландского предводителя — шерстяной клетчатый кильт,

кожаная сумка мехом наружу и прочие причиндалы. Спустившись пониже, Бертон разглядел, что клетка на кильте черно-красная, клана Роб Роя. Стало быть, мужчина — потомок знаменитого шотландского разбойника и, таким образом, дальний родственник Бертона. Широкоплечий, мускулистый, лицо красивое, хотя и очень мужественное. Он улыбнулся, увидав Бертона в халате и тюрбане, и, точно взмах меча, перерезающего веревку и опускающего подъездной мост, улыбка отворила закрытый уголок в памяти Бертона. Да это же сэр Монтейт Магленна, шотландский баронет и лорд! Бертон встречался с ним в 1872 году, когда выступал в Лондоне перед Британской национальной ассоциацией спиритистов.

Бертон тогда еще сильно разобидел публику, заявив, что не верит в духов и не видит в них никакой пользы, даже если они существуют. Молодой баронет немного поболтал с Бертоном на приеме, устроенном после лекции. Оба они путешествовали по американскому западу, оба были археологами-любителями. Они провели полчаса в увлекательнейшей беседе, пока остальные, надеясь улучить момент, чтобы защитить спиритизм, ходили вокруг и недовольно фыркали.

Алиса с улыбкой чуточку злорадной, или ему

показалось?представила Магленне Бертона и Звездную Ложку. Бертон пожал баронету руку, и оба мужчины в один голос выпалили:

— Мы знакомы!

Они поговорили пару минут, вспоминая о своем давнем знакомстве, пока очередь желающих поздороваться с хозяйкой или представиться ей не вытянулась длинным хвостом, и тогда Бертон спросил:

— Алиса, а ты-то его откуда знаешь?

— О, мы с Монти познакомились в 1872 году, когда мне было двадцать, а ему — тридцать, на балу у графа Пертширского. Мы потанцевали немного вместе…

— Мы танцевали до упаду, — вставил Монтейт.

— …и после этого несколько раз встречались. А потом он уехал в Штаты, где чуть не умер, подстреленный случайно каким-то бандитом, и вернулся только в 1880 году. Я в ту пору была уже замужем.

— Я не мог поддерживать с ней переписку, — сказал Магленна. — Одно письмо с объяснениями я все же послал, но оно до нее не дошло. И поэтому…

Несколько андроидов по сигналу Алисы подняли кресла, на которых прибыл Бертон со Звездной

Ложкой, и потащили их через поляну к восточному краю.

Быстрее и эффективнее было бы отвести кресла на парковочную стоянку по, воздуху, но у Алисы не хватило то ли времени, то ли желания "инсталлировать андроидам программу управления креслами.

Бертон послушал Алису, которая в деталях рассказывала Звездной Ложке о том, как она горевала, когда думала, что Магленна потерял к ней интерес. В середине рассказа Бертон решил, что с него довольно, извинился и бесцельно бродил по поляне, пока к нему не подошла Звездная Ложка.

— Ты знал про мистера Магленну? — спросила она.

— Нет! — отрезал Бертон. — Она ни разу не упоминала б нем за все долгие годы, что была со мной!

— Как замечательно, что они в конце концов воссоединились. Подумать только: если бы не ты, они, возможно, никогда не нашли бы друг друга!

Звездная Ложка сияла довольной улыбкой. Радовалась Алисиному счастью?

Или, несчастная сама, злорадствовала, понимая, как неприятно Бертону появление Магленны? Горе порой слишком сильно коверкает

души людей, и их единственной отрадой остается мысль о том, что другие тоже страдают.

Глава 31

Бертон со Звездной Ложкой пошли покататься на «русских горах», но китаянке от всех этих взлетов-падений-кружений стало плохо, и ее стошнило прямо на сиденье. Управляющий аттракционом андроид, которого подозвал Бертон, велел двум своим помощникам вычистить кресло.

— Ты сегодня что-то очень нервничаешь, — заметил Бертон.

— Меня пугают все эти страшилища, — ответила она, обведя поляну рукой.

Китаянке, естественно, не были знакомы те создания, которыми Кэрролл населил Алисины книги и которых настоящая Алиса вызвала к жизни. Поскольку их экзотическая внешность не была привычна Звездной Ложке по книгам, она все время нервно вздрагивала.

Особенно пугал ее Бармаглот, точно сошедший с иллюстрации Тенниела. Его чешуйчатое туловище походило на тело истощенного дракона, и кожистые крылья были вполне драконьими, но длиннющая худая шея и узкая морда, похожая на лицо очень злобного старика, а также нелепо

длинные пальцы на передних лапах отличали его от прочих драконов, встречающихся в мифах, легендах или художественной литературе. Был он громадный, тринадцати футов ростом, когда стоял на задних лапах. К счастью, он не расхаживал по поляне, а рыскал в загородке под гигантским дубом, беспрестанно щелкая длинным хвостом.

— Я его боюсь, — сказала Звездная Ложка.

— Ты же знаешь: его запрограммировали так, чтобы он никого не трогал.

— Да, знаю. А вдруг случится какой-нибудь сбой? Посмотри на эти чудовищные зубы! Их всего четыре, по два вверху и внизу, но ты только представь, что будет, если они в тебя вонзятся!

— Тебе нужно выпить, — решил Бертон и повел ее к столу.

За столом прислуживали андроиды в виде Лакея-Леща, ЛакеяЛягушонка и Белого Кролика. Первые двое носили наряды восемнадцатого века и белые напудренные парики, как изобразил их Тенниел. У Белого Кролика были розовые глаза, жесткий белый воротничок, галстук-шарф, пиджак в клеточку и жилет.

Золотая цепочка, прицепленная запонкой к петличке в жилете, другим концом была прикреплена к большим часам в жилетном кармане.

Белый Кролик то и дело вытаскивал часы и глядел на них.

— Он великолепен! — усмехнулся Бертон.

— Мне они не нравятся, — прошептала Звездная Ложка, как будто андроидам было не все равно, даже если бы они ее услышали. Глянь, какие у него громадные и выпученные глазищи!

— Это чтобы тебя лучше видеть, моя дорогая!

Почувствовав, как на них упала чья-то тень, Бертон задрал голову. Тень отбрасывало кресло де Марбо, который летел во главе стайки из тридцати с лишком друзей. И сам барон, и некоторые из его приятелей были одеты в гусарские мундиры. Остальные красовались в мундирах фельдмаршалов, хотя никто из них не дослужился до такого чина. Большинство дам были одеты по моде 1810-х годов.

Несколько минут спустя прибыли Афра и еще дюжина гостей. «Пожалуй, все приглашенные в сборе», — подумал Бертон. И ошибся. Как только последний из друзей Афры Бен отошел от хозяйки с хозяином, на поляне взревел мотоцикл.

Впереди сидел Билл Уильямс, а сзади к нему прижималась чернокожая женщина, которую Бертон видалв коридоре. На голову Уильямс нахлобучил типично русскую каракулевую шап-

ку, но все лицо у него было разрисовано, как у шамана, на голом торсе висело ожерелье из человечьих костей, а ноги обтягивали черные кожаные брюки, заправленные в сапоги. Что до женщины, то она перещеголяла даже Софи: на ней не было вообще ничего, кроме блестящего колье с громадными бриллиантами и сложнейшей росписи из множества красочных фигур, которая покрывала все ее туловище и ноги.

Бертон не знал, что Алиса пригласила Уильямса. Судя по выражению ее лица, она уже об этом сожалела. Но тем не менее, как подобает учтивой хозяйке, улыбнулась и представила парочку Магленне. Тот, широко раскрыв глаза и так же широко ухмыляясь, пожал женщине руку. Бертон пожалел, что стоит слишком далеко и не слышит, о чем они говорят.

Фрайгейт подкатился к Бертону и ткнул пальцем в сторону опоздавших:

— Настоящая сенсация! Поистине последние станут первыми.

— Да уж, — хмыкнул Бертон.

— Софи не знает, восхищаться ей или злиться.

Мимо проскакал Белый Рыцарь на своей жалкой кляче. Шлем у Рыцаря был откинут, открывая лицо, точь-в-точь как у самого Кэрролла, только

с длинными белыми висячими усами. На поясе у него висели ножны с громадным прямым обоюдоострым мечом, а к седлу был приторочен чехол, из которого торчала деревянная рукоятка большой палицы, утыканной острыми шипами. За спиной у Рыцаря болтался вверх дном ящик с откинутой крышкой. Это было, как написано в «Зазеркалье», собственное изобретение Белого Рыцаря — ящик для одежды и бутербродов. Надевал его Рыцарь вверх дном для того, чтобы в ящик не попадал дождь, зато все остальное из него выпадало.

За ним ехал Черный Рыцарь на черном скакуне — зловещая фигура в черных латах, в шлеме в виде конской головы и с большой палицей в руках.

Потом мимо прошли, мирно беседуя, Морж и Плотник в бумажной шляпе и кожаном фартуке. Позади них на тонких паучьих лапках семенило штук сорок Устриц, и у каждой из них торчали из-под панциря длинные усики-антенны с глазами на концах.

— Алисе пришлось немало потрудиться, чтобы все так подготовить, — сказал Фрайгейт. — Представляете, сколько деталей нужно было ввести в компьютер!

— Ой, смотрите! — воскликнула Софи, показы-

вая на дерево. Глазам своим не верю!

Чеширский Кот!

Когда они подошли к дереву, кот, бывший размером со здоровую рысь, начал исчезать. Сначала пропал хвост, потом задние лапы, после них — передние, потом шея и голова. Осталась только улыбка, паривша я в воздухе над веткой, где он сидел. Друзья обошли ствол, пытаясь обнаружить какой-нибудь механизм, но ничего не нашли.

— Надо будет спросить Алису, как это делается, — сказал Бертон. — Хотя она, возможно, и не знает. Компьютер получил задание — и выдал научно-волшебный результат без каких-либо объяснений.

Тут они увидели Грифона с Черепахой Квази, которые чинно шествовали неподалеку, разговаривая на ходу. Грифон был существом с туловищем льва и орлиными крыльями и головой. У Черепахи Квази тело было черепашье, весом не меньше шестисот фунтов, а голова и задние ноги — коровьи. Она медленно ползла, потом вдруг остановилась, оттолкнулась от земли короткими, но невероятно мощными передними лапами, и выпрямилась. Качаясь и опираясь на кончик панциря, раскорячив коровьи ноги так, что копыта почти целиком ушли в землю, Чере-

паха со слезами на глазах запела изумительным контральто:

«Блаженный суп, зеленый и густой, нас ждет под крышкой супницы простой!»

Но когда она дошла до припева и заблажила «Блаже-э-нная еда-а-а!», то потеряла равновесие и грузно свалилась на спину, не переставая петь. Шестеро андроидов не без труда перевернули ее, после чего Черепаха снова поползла вперед, распевая во весь голос.

— Я пойду посижу немножко где-нибудь, Дик, — сказала Звездная Ложка. — Я устала, а эти животные, — она кивнула на Грифона, выглядят такими страшными! Я знаю, что они не опасны, но…

— Хорошо, я проведаю тебя позже, — сказал Бертон.

Он проводил ее взглядом, пока она не добралась до западной кромки поляны и не уселась в удобное кресло. Очень толстый, лысый и старый на вид андроид — должно быть, Папа Вильям — подошел к ней и, очевидно, спросил, не нужно ли ей чего-нибудь, потому что Звездная Ложка помотала головой и губы ее шевельнулись.

Бертон бродил по поляне, разглядывая Червонную Королеву и других андроидов, имитирующих

живую карточную колоду. Спереди они выглядели в точности как на рисунках Тенниела, но в профиль были гораздо толще — около трех дюймов, как прикинул Бертон. Компьютеру пришлось пойти на это отступление, чтобы воплотить фантазию в реальность. Андроидам необходимо было место для мускулов, органов и крови. Лица их были нарисованы на продолговатых телах, и, хотя рты не двигались, — голос исходил именно из них.

— Чудо что такое! — восхитился Бертон.

Рядом с ним оказалась Афра Бен.

— Да, верно! — откликнулась она. — Хотя у меня такое ощущение, будто я впадаю в детство. Я говорю это вовсе не в упрек Алисе. Мы так упорно боролись, чтобы попасть сюда, мы пережили столько опасностей и испытаний, что теперь расслабились и ненадолго превратились в детей. Нам нужно немножко поиграть, правильно я говорю?

— К сожалению, время для игр миновало, — ответил Бертон. То, что случилось с Терпином и Фрайгейтом, может в любую минуту случиться и с нами.

Бертон подошел к столику и попросил у живой шахматной фигуры — Ладьи — стаканчик скотча

и тонкую гаванскую сигару. Держа стаканчик в одной руке и сигару — в другой, Бертон зашагал к крокетному полю. Оно было такое же, как в книге: рытвины и борозды, выгнутые дугой карты-андроиды, служившие воротцами, фламинго вместо молотков, а вместо шаров — ежи. Поскольку Алиса не была ни жестокой, ни тем более кровожадной, она наверняка велела компьютеру организовать нервную систему птиц и животных так, чтобы им не было больно Терпин, похоже, забыл про все свои печали и наслаждался игрой в крокет.

Прошел час. Бертон выпил еще два стаканчика скотча. Покатался на карусели, на «русских горах», поглазел немного на оркестр. Большинство музыкантов были в облике Лакея-Леща и ЛакеяЛягушонка, а дирижировал ими Ящерка Билль — огромное пресмыкающееся в плоской шляпе и с сигарой во рту.

Их запрограммировали играть самую разную музыку, от вальсов до диксиленда и классики. В данный момент они выдавали какую-то дикую варварскую какофонию — должно быть, рок-н-ролл, решил Бертон, которому рассказывал о рок-н-ролле Фрайгейт. Послушав немного, Бертон понял, почему Фрайгейту так хотелось

стереть всю музыку подобного типа из архивных записей.

Мимо вразвалочку прошли Безобразная Герцогиня и Червонная Королева, обмениваясь репликами:

— Рубите им головы! С плеч долой!

— Лупите его, пока не зачихает!

Бертон вернулся к крокетному полю, поиграл, побродил вокруг, останавливаясь поболтать со знакомыми, а затем немного посмотрел на Безумное Чаепитие. Девочка-андроид, игравшая Алису, была очаровательна: в ее громадных темных глазах таилась та же мечтательность, что и у настоящей Алисы. «Можно понять, подумал Бертон, — почему мистер Доджсон влюбился в десятилетнюю девочку».

Когда Болванщик сказал: «С тех пор Время для меня палец о палец не ударит И на часах все шесть…» <Л. Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес», пер. Н. Демуровой.>, Бертон пошел прочь. Смотреть эту сценку один раз было забавно, но повторение навевало скуку.

Почувствовав желание размяться, Бертон сыграл в волейбол. Игра получилась веселая и живая, и Бертону очень нравилось наблюдать за подругой Билла Уильямса, когда она подпрыгивала,

чтобы отбить мяч. Притомившись и вспотев, Бертон уселся в кресло. Траляля и Труляля спросили его, чего он желает. Бертон заказал мятный коктейль. Два гротескно жирных андроида подошли к столу и заспорили — так было запрограммировано, разумеется, — кому из них обслуживать Бертона. Пока длился их забавный и жаркий спор, Бертон наблюдал за Синей Гусеницей, сидевшей неподалеку на громадном мухоморе и курившей кальян. Жаль, конечно, что все эти создания будут уничтожены. Но, с другой стороны, Бертон понимал, почему Алиса устала от них.

Он немного поглазел на танцующих. Оркестр играл что-то незнакомое.

Бертон окликнул проходившего мимо Фрайгейта:

— Что это за музыка и как называются вращательные телодвижения, которые выделывают танцоры?

— Точно не знаю, — отозвался Фрайгейт. — Мелодия знакомая, что-то из двадцатых годов двадцатого века, но не помню чья. А танец называется «Черное дно».

— Почему его так назвали?

— Понятия не имею.

Алиса и Монтейт, казалось, наслаждались

буйным ритмом. Наконец-то она нашла себе партнера, разделяющего ее любовь к танцулькам. Бертон к ним всегда был безразличен. Он и танцевалто всего пару раз в своей жизни, когда показывал европейские танцы чернокожему африканскому вождю.

К Бертону подошли жирные двойняшки Траляля и Труляля. Но на подносах у них не было заказанного напитка.

— Что за… — начал было Бертон, и тут музыка оборвалась на середине такта.

Бертон встал и уставился на эстраду. Музыканты отложили инструменты и сходили по ступенькам вниз.

— В чем дело? — спросил Фрайгейт.

Алиса ошарашенно смотрела на музыкантов.

— Это не было запланировано, — догадался Бертон. По спине у него побежал холодок.

Коротышка де Марбо подбежал к Бертону, выпучив голубые глаза.

— Что-то неладно! — воскликнул он.

Бертон развернулся на месте на триста шестьдесят градусов, обозревая окрестности. Андроиды торопливо направлялись к лесу, прибавляя шаг, — все, кроме Черепахи Квази, которая упала на спину и верещала, суча ногами. Хотя нет, не

все. Часть андроидов бежала к западному краю поляны, то есть к подножию холма. Среди них были Черный и Белый Рыцари на своих скакунах, Лев с Единорогом и Грифон. Они остановились возле подножия и повернулись лицом к поляне.

Тем временем остальные андроиды скрылись под сенью громадных дубов.

— Похоже, придется тебе помахать шашкой, Марселин, — сказал Бертон, взглянув на ножны де Марбо, из которых торчала рукоятка сабли. — Сколько у тебя… твои гусары все вооружены?

— Ну конечно, — ответил де Марбо. — У нас двадцать сабель.

— Скомандуй своим ребятам «Шашки наголо!» — сказал Бертон. Слушай, Марселин, я думаю, нас сейчас атакуют. Кто-то явно загнал в андроидов агрессивную программу. В планы Алисы это не входило.

Бертон оглянулся. Звездной Ложке, по-видимому, в голову пришла та же мысль. Она бежала в сторону «русских гор».

— У тебя военный опыт больше, — сказал Бертон французу. Давай командуй! А сам, повернувшись, заорал:

— Все сюда! Живо! На полусогнутых!

Некоторые из гостей устремились к нему.

Остальные застыли как вкопанные.

Одним из первых к Бертону подбежал Магленна, таща за руку Алису.

— Что стряслось? — спросил он.

— Пока не знаю. — Бертон посмотрел на Алису. — Ты тоже не понимаешь?

Алиса покачала головой:

— Нет. Может, за этим стоит Снарк? Что же нам делать?

— Командовать будет Марселин, — ответил Бертон. — Но я думаю, нам надо двигать к креслам. Вы с Монтейтом сядете к кому-нибудь на колени. Мы не сможем пробиться сквозь них, — он махнул в сторону мрачных фигур, охранявших западный край поляны, — без серьезных потерь.

Де Марбо что-то быстро говорил по-французски своим друзьям. Но внезапно прервался и уставился на юг. Андроиды выходили из леса с оружием — копьями, мечами, булавами и кинжалами.

Бертон развернулся, оглядывая северную и восточную оконечности поляны.

Там из леса тоже выходили вооруженные андроиды. И те, что шли с восточной стороны, спешили перерезать гостям дорогу к летающим креслам.

— Слишком поздно, — сказал Бертон.

Де Марбо выкрикивал команды на эсперанто, чтобы всем было понятно. Люди начали строиться неровным квадратом с гусарами по восточному краю.

— Пойду за оружием! — крикнул Бертон французу.

— Куда? — спросил де Марбо.

— Музыкальные инструменты. Их можно использовать как дубинки.

Он побежал к эстраде, за ним рвануло еще несколько человек. Андроиды, шедшие с севера, то есть ближе всего к эстраде, не ускорили шага и не издали ни звука. Если бы они побежали, то успели бы перерезать Бертону дорогу. Он вооружился саксофоном, другие похватали гитары, альты, флейты, валторны — все, что могло быть использовано как оружие.

Они быстро вернулись на свои места в неровном квадрате, который построил де Марбо. Француз трепетал от предвкушения, голубые глаза его горели, круглое лицо сияло улыбкой.

— Ну, дорогие мои! — крикнул он гусарам. — Сейчас вы покажете этим чудищам, как сражались солдаты Наполеона!

Голос его заглушил громкий утробный рев. Все обернулись к южному краю поляны, где возвы-

шался на задних лапах Бармаглот, вытягивая змеиную шею и разинув пасть с четырьмя зубами. К счастью, он не сразу напал на людей, как боялся Бертон, а опустился на все четыре лапы и медленно зашагал к ним, не прекращая реветь.

Бертон стоял на западной стороне строя, лицом к зверям и Рыцарям. Как только Бармаглот двинулся вперед, звери и кони с Рыцарями начали неспешно приближаться к людям.

Андроиды надвигались на квадрат со всех сторон, стройными рядами и совершенно безмолвно.

Бертон внезапно обнаружил, что Звездной Ложки нет среди гостей. Она забралась сбоку на «русские горы» и сидела, как на жердочке, возле верхушки перекрестья.

Идти за ней было поздно. Звать ее вниз — значит привлечь к ней внимание андроидов. Быть может, они ее не заметят. Да и потом, она сама себе хозяйка.

Нет, это он зря. Будь у него возможность добраться до кресла, он полетел бы к ней и забрал ее отсюда.

Глава 32

— Их втрое больше, чем нас, — громко сказал Бертон всем, кто мог его слышать. — А крупные зверюги и Рыцари каждый стоят десятерых. Но все-таки постарайтесь отобрать у андроидов копья и палицы. Если кто-то из них упадет, хватайте его оружие.

Де Марбо повторил этот совет так, чтобы услышали все.

— О Господи! — воскликнула чернокожая женщина, одна из шансеров. — Как же нам быть? Мы не можем проливать кровь! Мы пацифисты, мы люди мирные перед оком Всевышнего!

— Черт побери, женщина! — крикнул Бертон. — Это же не люди! Они машины!

Защищать от них свою жизнь — никакой не грех!

— Верно! — подхватил один из негров. — Не грех! Сражайтесь, братья и сестры! Сражайтесь во имя Господне, не зная греха! Разорвите их в клочья!

Какая-то группка, скорее всего обновленные баптисты свободной воли, запела духовный гимн.

— Если будете петь, вы не услышите моих приказов!

Квадрат под предводительством француза двинулся к креслам. Бертон, шагавший в арьергарде, то и дело оглядывался назад. Рыцари и звери не прибавили шагу: очевидно, их запрограммировали сближаться с определенной скоростью.

Бармаглот замыкал ряд андроидов, шедших с южного края поляны. Атака чудовища будет самой опасной, и против него надо бы выставить по крайней мере шестерых вооруженных саблями мужчин. Бертон выругался. Эх, ему бы саблю вместо этого саксофона!

Живой квадрат — женщины внутри, мужчины снаружи, в виде защитной оболочки, — быстрым шагом приближался к рядам андроидов, которые стояли перед креслами. Здесь эти твари столпились гуще всего — их было штук двести, если не больше. Тот, кто спланировал бунт, правильно угадал, что гости постараются добраться до транспортных средств. Чтобы залезть на вершину холма и укрыться в особняке, пришлось бы атаковать больших зверей и Рыцарей, а вид у них был такой устрашающий, что люди, естественно, избрали более легкий путь.

И вдруг шедшие впереди разразились прокля-

тиями и воплями.

Бертон подпрыгнул, чтобы посмотреть, что их так напугало, и, увидев, как кресла взмывают в воздух без седоков, застонал.

Андроиды, укрывшиеся за передними рядами, запускали кресла в полет. Даже если бы людям удалось пробиться через заслон, сбежать по воздуху они уже не могли; им пришлось бы уходить дальше в лес, где за ними началась бы охота.

Де Марбо мгновенно это понял и велел всем остановиться. Но люди продолжали рваться вперед, расталкивая соседей локтями, пока гусары де Марбо не остановили их наконец. Француз тут же побежал к арьергарду, ставшему теперь авангардом.

— Нужно пробиваться в особняк! — крикнул он. — Дик, возьми с собой парней и дуй на левый фланг! Доверяю вам самое главное — защищать нас от Бармаглота!

Бертон поспешил выполнить команду. Андроиды продолжали приближаться, медленно и безмолвно. Они были уже в шестидесяти футах от людей.

Бертон с гусарами вырвался на передний край левого фланга, пробиваясь сквозь толпу, которая с трудом разворачивалась в обратном направ-

лении. Люди, не приученные к дисциплине и напуганные, естественно, нарушили строй: кто-то бежал быстрее других, расталкивая соседей, а кто-то, как и следовало ожидать, упал, и бегущие наступали на лежавших. Бертон успел мельком взглянуть на авангард, который, во главе с французом, вступил в борьбу с Черным и Белым Рыцарями, со Львом и Единорогом, Моржом, Грифоном и Шалтаем-Болтаем. И вдруг прямо перед ним возникла разинутая в реве пасть Бармаглота с четырьмя блестящими зубами и слюной, стекавшей с верхней губы.

Бертон изо всех сил швырнул в нее саксофон, и страшилище машинально захлопнуло пасть, ткнувшись носом Бертону в грудь. Тот задохнулся, отлетел назад и покатился, стараясь восстановить дыхание. Несколько женщин упали на него сверху Выплюнутый чудовищем саксофон приземлился рядом с его вытянутой правой рукой. Бертон схватил инструмент. Одна из чернокожих женщин, барахтавшихся на верху кучи, пронзительно взвизгнула и взмыла в воздух, схваченная Бармаглотом. Зубы, вонзившиеся в ее тело, сомкнулись. Женщина обмякла и затихла. Чудовище одним взмахом головы отбросило ее в сторону, потом вытянуло змеиную шею вниз и.

схватило еще одну визжащую жертву.

Бертон, не успев отдышаться, скинул с себя оставшихся женщин, прокатился вперед и побежал мимо громадной правой передней лапы страшилища.

Навстречу ему, держа в руках длинные копья, двинулись Траляля и Труляля с бесстрастными жирными лицами Бертон с воплем бросился к ним, замахнувшись саксофоном.

Андроидов запрограммировали лишь на определенные действия, хотя таких было немало. Но команды избегать хвоста Бармаглота в них не вложили, хотя любой человек сразу сообразил бы, что под эту плеть лучше не попадаться. В результате двойняшки были сбиты с ног громадным чешуйчатым хвостом. И не просто сбиты. Хвост раздробил им все кости. Близнецы с жалобными стонами рухнули на поляну.

Бертон обернулся и задрал голову. Бармаглот его не замечал; он был занят убийством очередной женщины. Бертон побежал к хвосту и подождал, пока тот дернется влево. Он успел увидеть при этом голову и плечи Уильямса, бегущего к парковочной площадке. Андроиды неуклюже метали в него копья и пытались изрубить мечами, но он уворачивался, продолжая

свой отчаянный заячий бег. Больше Бертону глядеть на него было некогда. Он прыгнул вперед, приземлился и схватил копье, которое выронил Траляля или Труляля. Потом выпрямился, отпрыгнул назад и, схватив копье обеими руками, всадил его чудовищу в бок. Копье вошло в плоть до половины древка; из раны фонтаном брызнула кровь. Монстр оглушительно взревел и поднялся на задние ноги, выронив жертву из пасти.

Бертон повернулся и побежал, еле успев увернуться от кончика хвоста. На него тут же набросился зеленью кабан с желтыми и влажными кривыми клыками.

Бертон подпрыгнул, пытаясь его оседлать, но соскользнул и упал на траву, задушив при этом зверя голыми руками. Рядом на земле ничком лежала тройка червей, слабо шевеля паучьими ножками. Бертон вскочил, выхватил у карты копье и всадил его в живот Болванщику, взмахнувшему саблей прямо у него перед носом. Болванщик свалился навзничь, раскинув руки в стороны и не пытаясь, как инстинктивно сделал бы человек, обхватить ими древко. Лицо его тем не менее исказилось от мучительной боли.

Бертон вытащил копье и подхватил саблю Болванщика. Теперь он не чувствовал себя таким

голым и беспомощным; теперь в руках у него было оружие, которым он владел как никто другой. На него моментально накинулись Лакей-Лягушонок, гигантский филин и Безобразная Герцогиня. Самым опасным противником среди них был филин, с его тяжелым туловищем, острым клювом и хлопающими крыльями. Бертон отсек ему полкрыла, разрубил пополам древко копья Лакея-Лягушонка, одним махом снес филину голову, выбил у Герцогини из рук копье и рассек ее поперек на две части.

Рукопашные схватки кипели по всей поляне; противники сражались поодиночке и кучками. Многие люди обзавелись трофейным оружием. Хотя враг превосходил их числом, у людей было одно веское преимущество. Андроиды не умели толком обращаться с оружием и не были способны на импровизации. Они просто перли напролом, выставив перед собой копье или рубя с плеча мечом, но выбить оружие из рук противника не могли. Поэтому те из людей, кому удалось вооружиться, успешно крушили врага. Каждую минуту еще один человек обзаводился оружием. И все же, поскольку людей было значительно меньше, они не могли защищать свои фланги так, как им бы хотелось.

В первую очередь нужно было справиться с большими зверями и Рыцарями. А уж потом — если повезет, — можно прикончить и более мелких тварей.

Бертон, воспользовавшись короткой передышкой, быстро огляделся, стараясь понять, как идет сражение. Алису он не видел, но Звездная Ложка по-прежнему сидела высоко на «русских горах». Она, конечно, могла бы спуститься и помочь им, но, видимо, перепугалась, и Бертон ее за это не винил. Поляна оглашалась хриплыми криками, истошными воплями, визгами, стонами и ревом. Черный и Белый Рыцари по-прежнему сидели на конях, молотя людей по головам тяжелыми колючими палицами. Белый Рыцарь так и не надвинул шлем, и лицо его казалось таким безмятежным, словно он вел непринужденную беседу о погоде.

Мертвый Единорог лежал, пронзив рогом грудь гусара. Саблю убитого еще не успели подхватить живые. Лев, рыча, поднялся на задние лапы и хватил передней лапой женщину, разорвав ей грудь до кости. Но бока и грива его были залиты кровью, в том числе и своей. На глазах у Бертона один из гусар замахнулся, держа саблю обеими руками, ударил Льва в спину чуть пониже гривы,

и зверь упал.

Какая-то негритянка неслась верхом на Морже, вцепившись в него одной рукой, а другой нанося ему удары кинжалом. Морж споткнулся и свалился на спину, подмяв под себя наездницу. Но он был слишком изранен, чтобы, перевернуться, и только ревел, беспомощно шевеля ластами.

В Бармаглота всадили уже три копья, но он по-прежнему буйствовал и как раз в тот момент, когда Бертон взглянул на него, разорвал очередную жертву пополам.

Тут на Бертона невесть откуда прыгнул розовый фламинго, трепеща крыльями и пытаясь достать его когтями. Бертон отсек ему голову, мгновенно развернулся, отбил занесенный для удара меч Белого Кролика, схватил обтянутую перчаткой лапу и рванул его на себя. После чего, так и не дав Кролику опомниться, саблей перерезал ему шею.

Потом ему пришлось защищаться от шорька — существа размером с собаку, похожего на помесь хорька, ящерицы и штопора. Длинный трехфутовый нос мешал зверю, поскольку его нужно было закинуть за спину, прежде чем укусить.

Бертон срубил ему нос и бросился к трем живым картам — червонной двойке, пиковой четверке и

трефовому валету. Они шли бок о бок, с копьями наперевес, но Бертон собирался напасть на того, что слева, и прикончить его, прежде чем остальные очухаются. Но, поскользнувшись на залитой кровью траве, упал и с размаху въехал ступнями прямо в ноги средней карты. Четверка пик повалилась было ничком, но ее плоское туловище перевернулось в воздухе и шлепнулось, пролетев над Бертоном. Остальные двое медленно и неуклюже начали поворачиваться к нему. Бертон, прижимая к себе саблю, откатился в сторону, вскочил и прикончил обоих.

Тут Бертону наперерез бросился Мартовский Заяц с моргенштерном в руках.

Моргенштерн — это такое средневековое оружие, состоящее из двухфутовой деревянной палки, к которой прикреплена цепь со стальным шаром, усеянным колючками. Если умеючи, им можно пробить даже Латы. Бертон слегка попятился, уворачиваясь от шара, пролетевшего прямо у него перед носом, и отсек Зайцу лапу, сжимавшую деревянную палку. Тот завопил, как было запрограммировано при ранениях, однако не бросился бежать, подобно человеку. Он просто стоял на месте, пока потеря крови не заставила его упасть.

Бертон увидал, как еще один Морж, последний, свалился под яростными ударами трех человек. Но к ним подоспел Белый Рыцарь и убил двоих, между тем как Бертону пришлось отвернуться, чтобы отразить нападение Плотника и Комара размером с цыпленка. Разделавшись с ними, он напал со спины на Черную Королеву, снес увенчанную короной голову с плеч и еле успел отскочить от Чеширского Кота. Громадная морда этого создания, по величине не уступающего рыси, была измазана кровью; он, очевидно, растерзал не одного человека. Кот с воем прыгнул на Бертона, растопырив когтистые лапы, но англичанин сразил его саблей прямо между глаз. Сам он при этом не сумел удержаться на ногах, но когда поднялся, то обнаружил, что с котом покончено.

И вдруг что-то пребольно стукнуло Бертона по затылку. В глазах у него потемнело, и он упал на колени, так и не увидев, кто на него напал. Сейчас он был легкой добычей для любого желающего, однако на помощь ему ринулся какой-то человек, которого англичанин не узнал. Он только услышал звон мечей, попытался встать, но упал на четвереньки, поникнув головой. Потом почувствовал, как чья-то рука поднимает его

вверх. Бертон начал понемногу приходить в себя, хотя затылок раскалывался просто невыносимо. Оказалось, что спас его не кто иной, как Монтейт Магленна. В руках у шотландца был кровавый обоюдоострый меч. Одежда на нем висела клочьями, из многочисленных ран сочилась кровь.

— Еле успел, — сказал он хриплым голосом. Бертон посмотрел на Билля Ящерку, на его залитую кровью плоскую шляпу и палицу, лежащую на земле возле трупа.

— Спасибо, — сказал он. — Я скоро оклемаюсь.

— Вот и ладно, — отозвался Магленна. — Нужно пришить этого проклятого Бармаглота. Приходите на подмогу, когда соберетесь с силами.

И блондин побежал, высоко воздев обеими руками меч, точно легендарный клеймор своих предков. У Бармаглота к тому времени от постоянных ударов копьями началось внутреннее кровоизлияние. Кровь, стекавшая из пасти монстра, не могла быть только кровью его жертв. Он стоял на всех четырех лапах, по-прежнему бил хвостом, хотя и не так энергично, и вертел головой из стороны в сторону, устрашая своим ревом обступивших его людей. Никто из них не осмеливался подойти поближе; они подпрыгивали к чудовищу, быстро наносили удар и отскакивали

подальше от все еще опасной головы. За ними стоял небольшой заслон, отбивая все попытки андроидов напасть на группу, атакующую Бармаглота, сзади. Слава Богу, людям хватило ума хоть как-то организоваться.

Бертон посмотрел кругом, стараясь побороть тошноту и головокружение.

Белый Рыцарь и его конь лежали на земле, но Черный Рыцарь, которому помогали несколько карт, Папа Вильям, пара Орлят, два Белых Кролика, Плотник и вездесущие шорьки, рубил головы налево и направо. Конь его оскальзывался в лужах крови, но не упал даже тогда, когда споткнулся о кучу трупов. Бертон застонал, почувствовал укол в сердце. Так много человеческих тел! И так много андроидов еще осталось! Некоторые из них не сражались, а добивали раненых людей. Им, видно, дали команду не вступать в драку со следующим противником, пока они не прикончат побежденного.

Внезапно Бертон увидел Алису. В руках она держала шпагу, а платье ее было все в крови. Она вырвалась из общей мясорубки и могла теперь удрать в особняк. Возможно, ей в голову пришла такая мысль, поскольку Алиса бросила на вершину холма парочку тоскливых взглядов. Но потом

повернулась, сбежала по склону вниз и всадила клинок прямо Плотнику в спину.

Звездная Ложка спускалась с «русских гор», собираясь то ли присоединиться к сражающимся, то ли бежать в более безопасное укрытие.

Бертону некогда было это выяснять.

Он повернулся и зашагал к стоящему спиной Додо, который добивал раненых. Под крыльями у попугая были короткие ручонки с человечьими кистями, как на иллюстрации Тенниела. Но из-за того, что ручки были слишком короткие, удары Додо наносил неуклюже и несколько раз рубил по шее, прежде чем она падала с плеч. Бертон снес ему голову одним махом как раз в тот миг, когда попугай собирался прикончить одного из китайцев.

Бертон мельком подумал: «Куда, интересно, подевался Ли По?» И сразу же увидел его — высокий китаец стоял на большом столе, отбиваясь от троицы карт тоненькой шпагой, Они тыкали в него копьями с трех сторон, но он уворачивался от ударов, приплясывая и отпихивая древки одной ногой, а сам колол их рапирой. К нему подбежал залитый кровью Фрайгейт с каким-то странным оружием. Бертон не сразу сумел определить, что у него в руках. Но когда американец начал

молотить им по головам карт, до Бертона дошло. Да это ж Гусеницын кальян! Фрайгейт мигом расправился с двумя картами, а Ли По дважды ранил третью.

Бертон снова повернулся и пошел туда, где люди сражались с Бармаглотом. Магленна бежал прямо на чудовище, высоко подняв меч.

«Взы-взы — стрижает меч» <Л. Кэрролл, «Алиса в Зазеркалье», пер. Д. Орловской.>, — вспомнилось Бертону.

Дюжина мужчин и женщин по-прежнему изматывали чудовище; еще дюжина защищала их спины. Пока Магленна бежал, половина защитников пала, и несколько андроидов тотчас набросились на атакующих Бармаглота людей.

Четверо человек были убиты ударами в спину, а остальные оказались зажаты между чудовищем и андроидами. Магленна ни на кого не обращал внимания. Едва Бармаглот наклонил голову, чтобы сомкнуть зубы на черепе очередной жертвы, как Бертон услыхал боевой шотландский клич, прокатившийся по поляне.

Магленна, без сомнения, собирался перерубить чудовищу тонкую шею. Но, к несчастью, труп, с которого он прыгнул, слегка повернулся у шотландца под ногой, и кончик меча лишь оцарапал

чешуйчатую шею. Шотландец с размаху шлепнулся лицом в грязь, а меч его отлетел далеко в сторону. Магленна проворно вскочил на ноги, оглядываясь в поисках оружия, но тут Бармаглот раскрыл пасть и выронил безжизненное тело прямо на шотландца. Тот сбросил с себя труп и встал. Гигантские челюсти поймали его голову вместе с плечами, и корчащееся тело баронета взмыло вверх. На землю оно упало уже без головы и плеч, которые чудовище выплюнуло минутой позже.

Несмотря на оглушительный шум сражения, Бертон услышал пронзительный Алисин крик; у него был богатый опыт по части ее криков. Обернувшись, Бертон увидел, как она застыла в ужасе, зажав ладонью рот. Глаза ее казались громадными черными провалами.

Он увидел также Черного Рыцаря, несущегося галопом прямо на него с поднятой кверху колючей палицей. Черные доспехи и шлем в виде конской морды придавали ему поистине устрашающий вид. А цокот копыт напоминал барабанную дробь перед падением ножа гильотины.

Бертон перекинул саблю в левую руку, подобрал с земли копье и приготовился к броску.

Целился он не в самого Рыцаря, а в его скакуна. Когда закованный в латы андроид приблизился на расстояние тридцати футов, Бертон метнул копье, и его острый массивный наконечник вонзился лошади под лопатку.

Конь упал, перекувырнувшись через голову. Всадник подлетел вверх и с громким лязгом приземлился на траву Бертон, взяв саблю в правую руку, побежал к лошади, которая пыталась встать на ноги, и перерезал ей яремную вену. Конь, как Рыцарь, тоже был запрограммирован убивать: он кусался и лягался, пока его всадник махал палицей, поэтому нужно было обезвредить его в первую очередь.

Рыцарь недвижно лежал ничком. Бертон перевернул тяжелое тело и открепил шлемные зажимы. Ему нужно было убедиться, что андроид погиб, а не просто потерял сознание. Увидев лицо Рыцаря, Бертон вздрогнул. Это было его собственное лицо.

— Очередная Алисина шуточка, — пробормотал он.

Поднявшись, Бертон глянул на убитого и подумал: «До чего же странно смотреть на свой труп!» Потом он перевел взгляд на поляну и подножие холма.

Поляна была усеяна мертвыми телами, кое-где они были навалены кучами.

Единственной стоящей, фигурой в этом направлении была Алиса, только что вытащившая шпагу из тела Шалтая-Болтая. По щекам ее катились слезы, смывая кровь и грязь.

Тут Бертон увидел Звездную Ложку, которая бежала вниз по склону с двумя лучеметами в руках. Она сумела-таки добраться до особняка, но лишь для того, чтобы вынести оттуда оружие и обеспечить людям победу, хотя не знала даже, остался ли ктонибудь, кроме нее, в живых.

Бертон повернул голову. В той стороне на ногах еще стояло с десяток андроидов, не считая Бармаглота. С ними сражались трое человек — Ли По, кто-то из негров и белая женщина, одна из подруг Афры Бен. На глазах у Бертона женщина упала под градом ударов.

Бармаглот, часто и неровно дыша, заковылял к кучке сражающихся.

Приблизившись к ним, он повернулся задом и смел хвостом трех андроидов вместе с негром. Ли По пронзил шпагой Белую Королеву и рванул к парковочной площадке. Там все еще стояли три кресла.

Откуда-то сбоку вынырнул Фрайгейт и тоже по-

мчался к креслам. Оставшиеся в живых андроиды изрубили упавшего негра и бросились в погоню.

Бармаглот, качнув головой слева направо, увидел Бертона и потопал к нему.

На поляне было теперь сравнительно тихо, и вдруг тишину разорвал треск мотора. Билл Уильямс, окровавленный, но улыбающийся, с шумом вывел свой мотоцикл из-за маленького домика с трубами в виде заячьих ушей и мохнатой крышей, Бертон понятия не имел, как Билла туда занесло и почему там оказался его мотоцикл. Возможно, негр запрятал его туда в суматохе, намереваясь удрать в подходящий момент. А возможно, и даже более вероятно, он просто выжидал удобного случая, чтобы оседлать своего железного коня. Или же, спрятав машину, потерял сознание из-за ран, а потом очнулся и решил осуществить свой первоначальный план. В общем, как бы там ни было, парень собирался сделать то, до чего мог додуматься только он один.

Пока страшилище подбиралось к Бертону, не реагируя на новый источник звука, Уильямс разгонялся, все больше увеличивая скорость. Лавируя между трупами, а то и наезжая на чью-то вытянутую руку или ногу, мотоцикл несся прямо на Бармаглота и на всем ходу впилился

ему в ребра.

Удар был настолько силен, что Бармаглот свалился набок. Уильямс, перелетев через него, рухнул на землю. Чудовище вытянуло голову вверх, во всю длину шеи, издало могучий утробный рев и сдохло.

Бертон подбежал к Уильямсу, перевернул его. Негр был мертв. Лицо его было все расквашено, шея сломана.

Последние андроиды, несмотря на очевидное поражение их войска, направились к Бертону, как велела им программа. Но дойти до него не смогли.

Кресла Фрайгейта и Ли По врезались в них и продолжали лупить андроидов с воздуха до тех пор, пока они не упали без сил. Тогда оба друга слезли с кресел и завершили начатое.

Бертон услыхал за спиной чей-то тихий вскрик. Обернувшись, он увидел, что Звездная Ложка поскользнулась и упала лицом вниз, выпустив из рук оба лучемета, чтобы смягчить падение. Он подошел к ней и поднял. Рыдая, она приникла к его груди.

Наступившую тишину нарушали только рыдания Алисы, Звездной Ложки и Фрайгейта. В живых остались лишь они, Бертон и Ли По. Хо-

тя нет. На гигантском мухоморе по-прежнему сидела Синяя Гусеница, да еще уцелела одна бегемошка, существо слишком мелкое, чтобы программировать его для убийства.

Но они, конечно же, были не в счет.

Бертон чувствовал такую усталость и опустошенность, каких не испытывал ни разу за свою долгую жизнь. Все тело его онемело от боли, мир вокруг казался чужим и уплывал куда-то вдаль.

— Кто же мог сделать такую ужасную подлость? — плача, повторяла Алиса.

Действительно, кто?

В этот миг Уильям Галл застонал и воссел из мертвых.

Глава 33

Сплошь заляпанный кровью, доктор был, однако, цел и невредим, если не считать огромной шишки на затылке.

— Я лишился чувств, и на меня свалился кто-то из убитых. Андроиды не заметили меня.

Он осторожно дотронулся до шишки и поморщился.

— Вам очень повезло, — бесстрастно заметил Бертон. — Думаю, вы единственный из упавших, кому не перерезали горло.

Почему повезло именно Галлу? Почему не могли уцелеть Нур, или де Марбо, или Бен?

Впрочем, это не имеет значения, сказал себе Бертон. Их можно воскресить.

И в ту же секунду до него дошло, что убийца наверняка позаботился о том, чтобы воскресить их было невозможно. Зачем убивать людей, если они запросто могут вернуться к жизни? Чего ради тогда затевать такую бойню?

Ладно, они это выяснят. А сейчас им надо оправиться от усталости и шока. Необходимо убрать кровавое месиво с поляны и кремировать мертвых.

— Пойдемте в дом, — предложил он. — Здесь мы ничего путного не высидим.

Но прежде всего Бертон решил принять меры предосторожности, чтобы защитить себя и остальных.

— Были в доме андроиды, когда ты ходила туда? — спросил он у Звездной Ложки, подобрав оба лучемета.

— Я никого не видела, — отозвалась китаянка. Голос ее был так же лишен всякого выражения, как и лицо.

— Нам придется все делать самим, — сказал Бертон. — Андроидам больше нельзя доверять.

Он вдруг остановился Лучемета были подозрительно легкими. Бертон открыл приклад лучемета, посмотрел на гнезда, куда вставлялись батареи, и выругался. Они оказались пустыми.

— От этих лучеметов никакого толку, — проговорил он, показав пустые гнезда Звездной Ложке.

— Извини. Я была слишком взволнована и не заметила. — Она поежилась. Хорошо, что мне не пришлось пустить их в ход.

— Да. Наш противник умен. Хотя… Они тащились к вершине холма, с трудом переставляя ноги, точно шли по дну колодца с патокой.

— Что «хотя»? — спросила китаянка.

— Почему убийца не дал андроидам лучеметы? Тогда нас перебили бы запросто. Никто не смог бы уцелеть.

— Возможно, убийце нравится вид крови, — сказал Ли По, услышав его слова. — А может, он хотел, чтобы мы погибли мучительной смертью и до конца не теряли надежды уцелеть. Что нам, кстати, и удалось…

— Он на этом не остановится, — заметил Бертон.

— Он проиграл, — возразил китаец. — Стоит нам только воскресить своих друзей, и тогда ему… — Он осекся, широко разинув рот. — О Боже! А вдруг он запретил их воскрешать?

— Вот именно, — сказал Бертон. — Что ж, скоро мы это узнаем.

Их нагнал Фрайгейт, постоянно оглядывавшийся назад. Бертон тоже обернулся посмотреть, что так занимает американца. Позади них по склону медленно тащился Галл.

— Может, я слишком подозрителен, — сказал американец, — но разве вам не кажется странным, что его не убили, когда он упал? У меня нет никаких оснований его подозревать, и тем не менее он все-таки был Джеком Потрошителем. А

вдруг он запрограммировал андроидов так, чтобы они его не убивали? Или даже дал им команду стукнуть себя легонько по затылку, если мы начнем побеждать. Мне ужасно неприятно все это говорить, но теперь нам нельзя рисковать.

— Я думал то же самое, — отозвался Бертон. — И все же его рассказ звучит правдоподобно.

Остальной путь они проделали в молчании. Небо было по-прежнему голубое, а солнце стояло примерно там, где должно было находиться в шесть часов.

Бертон вспомнил слова Болванщика: «А на часах все шесть…»

В лесах снова запели птицы, белка сердито кого-то бранила — должно быть, одного из Алисиных котов. Напуганные шумом битвы дикие зверушки было примолкли, но теперь, когда стало тихо, вернулись к своей обычной жизни.

Весь этот шум и вавилонское столпотворение ничего не значили для них.

Невинные лесные твари жили исключительно настоящим; прошлое было забыто.

Бертон позавидовал их невинности и тому, что они не осознают бега времени.

Взобравшись на вершину, друзья остановились перевести дух в большом чудесном саду,

усаженном цветами. Бертон глянул на небо — не осталось ли там кресел, прижавшихся где-нибудь к голубой тверди. Они будут висеть, пока не кончится запас энергии, а потом плавно опустятся на верхушки деревьев.

Бертон и его спутники вошли в огромный пустой особняк — по крайней мере они надеялись, что он пустой, — и обшарили все комнаты с оружием в руках.

Удостоверившись, что никто не прячется в засаде — ни андроид, ни человек, — они приняли душ и, надев простые, но чистые халаты, встретились в просторной библиотеке. К тому времени противошоковые таблетки, которыми снабдил их компьютер, уже оказали свое действие. Но ощущение крайней усталости и подавленности осталось. Спиртное почти не помогало. Есть никому не хотелось.

— Ладно, чего тянуть, — сказал Бертон, усаживаясь за компьютерный пульт.

Ему было страшно задавать этот вопрос, но он его задал. И компьютер сообщил именно то, что Бертон так боялся услышать.

Воскресить погибших — Нура, Терпина, Софи, де Марбо, Афру и прочих было невозможно. Кто-то наложил запрет, и компьютер отказался

назвать имя.

— О Господи! — простонала Алиса. — Мы с Монти были вместе всего шесть дней, и теперь я потеряла его навеки!

— Не навеки, — откликнулся Бертон. — Мы найдем способ отменить запрет.

Когда-нибудь.

— Нужно предупредить остальных, — сказала Алиса.

— Остальных? — переспросил Бертон. — А-а, ты имеешь в виду жителей Терпинвиля, Нетли с компанией и цыган!

— Предупредите цыган, — вмешался Фрайгейт. — Плевать нам на тех, кто вышвырнул нас с Томом из наших миров. Они не заслуживают никаких предупреждений. Чего они заслуживают, так это… в общем…

— Я понимаю твои чувства, — сказал Бертон. — Но они в каком-то смысле наши союзники. Снарк — или кто-то еще, кем бы ни был этот убийца, — не ограничится нападением на нас.

— Откуда ты знаешь? — спросил Фрайгейт.

— Я не знаю, но предупредить их мы обязаны.

Сперва он попробовал дозвониться в Терпинвиль. Но, хотя связь работала исправно, никто не отвечал. Экран же сплошь был залит мутным

темно-янтарным светом, в котором ничего не удавалось разглядеть.

Бертон уже собрался попробовать вызвать Нетли, как вдруг Ли, По воскликнул:

— Погоди! Мне кажется, я что-то видел!

— Что? — спросил Бертон, сощурив глаза, словно это могло помочь.

— Что-то темное. Движущееся, — ответил Ли По.

Остальные сгрудились возле пульта, пристально вглядываясь в экран.

— Я ничего не вижу, — заявил Бертон.

— У тебя нет моих орлиных глаз, — возразил Ли По и ткнул пальцем. — Вот оно! Неужели не видишь? Темное и движется очень медленно!

Чуть погодя Бертон тоже заметил зыбкое темное пятно. Оно перемещалось еле-еле, бесконечно долго подплывая поближе. Прошло несколько минут, и наконец очертания стали более отчетливыми.

— Это же человек! — ахнула Алиса.

Бертон попросил компьютер сделать изображение посветлее, если возможно.

Жидкость — а это, бесспорно, была жидкость, раз человек в ней плыл, — слегка осветилась. Прошло еще несколько минут, и они увидели

лицо чернокожего человека с выпученными глазами и разинутым ртом.

— Не знаю, что там стряслось, — проговорил Бертон, — но, похоже, что-то ужасное. Терпинвильский экран для принятия сигналов извне находится в комнате рядом с кабинетом Тома. И эта комната явно наполнена водой или какой-то другой жидкостью.

— Не может быть! — воскликнула Звездная Ложка.

— Еще как может! Компьютер способен сделать что угодно.

— Попробуй звякнуть Нетли, — посоветовал Фрайгейт.

Бертон так и сделал. На сей раз жидкость на экране была более прозрачной. В глубине все сливалось, теряя черты, но вблизи темнело какое-то пятно, похожее на диван. Рядом с ним виднелся какой-то небольшой черный предмет, слишком расплывчатый, чтобы его опознать. Однако он несомненно плавал. Это могла быть пластиковая бутылка, наполовину пустая, которую воздух вытолкнул наверх.

— Жидкость определенно другая, — промолвил Бертон.

— Спроси компьютер, может, он знает, что там

случилось, сказал Фрайгейт.

— Не будь ослом! — Бертон бросил на него сердитый взгляд. — Убийца наверняка отдал компьютеру команду не давать нам никаких ответов.

— Почему ты так уверен? Возможно, Снарку без разницы. Может, он даже хочет, чтобы мы знали. И вообще, если он не сомневался, что убьет нас всех, на кой ему было вводить запреты — вопросы-то задавать будет некому!

— Все может быть. Извини, я погорячился.

Бертон спросил у компьютера, записал ли тот недавние события, происходившие в Терпинвиле и мире Фрайгейта. Тот ответил утвердительно.

Бертон велел вывести на экран запись Терпинвиля начиная с того момента, когда туда хлынула жидкость.

Все они до сих пор были уверены, что аудио-и видеосообщения внутри личных миров могут осуществляться лишь через локальную компьютерную сеть, соединенную кабелями, пролегающими по дну мира. Но Снарк — таинственный убийца — ухитрился преодолеть видеобарьер и подключиться к местной сети. На экранах появились отдельные участки стены, ограждавшей мир Терпина, и Бертон с друзьями увидели на-

воднение с высоты птичьего полета. На глазах у изумленной публики вода в фонтанах, в реке, на болотах и в озере сменилась янтарной жидкостью — бурбоном, как сказал компьютер в ответ на вопрос Бертона.

— Бурбоном?

Бертон, не веря своим ушам, попросил компьютер повторить ответ.

Да, подтвердил тот, бурбоном.

Виски хлестало из всевозможных источников с чудовищным напором. Струи фонтанов взмыли почти под потолок бробдингнежского помещения; река, озера и болота быстро набухли от притока бурбона.

— Зуб даю — бурбон там самого лучшего сорта, — пробормотал Бертон.

Охваченные паникой жители Терпинвиля на разных видах транспорта рванули к выходу. За сотню летающих кресел разгорелась настоящая драка, с воплями и поножовщиной. Те, кому кресел не досталось, не менее яростно сражались за автомобили, мотоциклы и экипажи с лошадьми. Поезд был набит под завязку, люди лезли на крыши вагонов и автомобилей. Счастливчики в креслах быстро долетели до выхода — и поняли, что не в силах отпереть дверь. Люди, шедшие

пешком и ехавшие наземным транспортом, утонули, не успев достичь дверей.

Если бы они не запаниковали, то могли, бы заказать летающие кресла в конвертерах массы-энергии и добраться до выхода. Где обнаружили бы тщету своих усилий.

Хотя виски текло бурным потоком, емкость ему нужно было наполнить поистине необъятную, так что уровень жидкости поднялся всего на четверть высоты стен. Люди в креслах взмыли под потолок и задохнулись — то ли от испарений, то ли из-за недостатка кислорода. Некоторые могли быть еще живы, хотя ненадолго. Уровень виски, правда, подниматься перестал, но жидкости было вполне достаточно, чтобы прикончить уцелевших.

— Какая жуткая смерть! — сказал Бертон. И, оглядев бледные лица друзей, добавил:

— И все-таки посмотрим, как погиб мир Нетли.

Там картина была точно такой же, только вместо виски отовсюду хлестал джин. Самый высокопробный, разумеется.

Бертон был почти уверен, что компьютер откажется воскрешать погибших в обоих мирах, и его предчувствие полностью подтвердилось.

Цыгане шли по коридору, ведущему к колодцу

с ватанами, — возможно, хотели полюбоваться местной достопримечательностью, — когда навстречу им выехал большой робот на колесах и всех перестрелял из лучемета. Десять минут спустя тот же робот вычистил залитый кровью пол и отвез трупы к конвертеру, где превратил их в пепел.

— Значит, в живых остались только мы шестеро, — сказал Бертон. — Вернее, семеро, если считать вместе со Снарком. Но…

— Что «но»? — после долгой паузы не выдержала Алиса.

Бертон ничего не ответил. Он думал о том, что убийца мог гораздо легче расправиться с ними, если бы он — или она — затопил также Алисин мир. Почему же он выбрал другой способ? Или он натравил на них экзотических андроидов исключительно забавы ради, потакая своему извращенному чувству юмора? И поэтому превратил обаятельные создания из двух фантастических книжек для детей в кровожадных чудовищ?

Более вероятно, впрочем, что убийца сделал исключение для Алисиного мира потому, что сам — или сама — был в числе гостей. И этот гость хотел своими глазами увидеть, как его — или ее — враги, которых он, должно быть, страстно

ненавидел, погибнут в кровавой бойне.

И этот гость, опять-таки, запрограммировал андроидов так, чтобы его они не тронули.

Бертон знал Алису, Питера Фрайгейта и Ли По слишком давно, чтобы подозревать их. Стало быть, остаются только двое. Уильям Галл, который уверял, что переменился и стал глубоко верующим человеком, однако же убил в свое время пятерых женщин. И Звездная Ложка — но у нее, насколько Бертон знал, не было никаких мотивов.

Однако Галл пробыл в башне слишком недолго, чтобы научиться управлять компьютером с таким умением, вернее, даже изобретательностью, какие проявил убийца.

Звездная Ложка работала с машиной часто и усердно, но могла ли она за столь короткий срок приобрести познания, неведомые даже тем, кто общался с компьютером значительно дольше?

Наверное, все-таки объявился Снарк номер два.

И тогда они все шестеро полностью в его власти.

С другой стороны, может статься, что кому-нибудь из шестерки все-таки удалось досконально изучить возможности машины и организовать

убийства.

Но зачем?

— Мы должны просмотреть воспоминания каждого из нас за последние шесть недель, — заявил Бертон, вставая с кресла.

— Я слишком вымотался для такой процедуры, — возразил Фрайгейт.

Алиса, Галл и Звездная Ложка тоже запротестовали, ссылаясь на усталость.

— Давайте отложим просмотр на завтра, когда отдохнем, предложила Алиса.

— В любом случае это пустая трата времени, — сказала Звездная Ложка. Ясно же, что убийца записал фальшивые воспоминания.

— Да, я знаю. И все-таки нужно проверить.

Они просидели еще около часа в гнетущей тишине, изредка обмениваясь угрюмыми репликами. Наконец Фрайгейт заявил, что не прочь немножко подкрепиться. Остальные тоже решили перекусить и, вопреки ожиданиям, съели довольно много. Выпито тоже было немало, так что компания стала более оживленной, если не сказать беспечной. Тогда Бертон заговорил о том, что не давало ему покоя с той самой минуты, когда они вошли в особняк.

— Наш враг закрыл выход в Терпинвиле и мире

Нетли. Стало быть, он вполне может проделать то же самое и здесь. Поскольку убить нас с помощью андроидов ему не удалось, он может прибегнуть к беспроигрышному варианту с наводнением. Лучше нам убраться отсюда в какую-нибудь квартиру.

Они обсуждали этот вопрос довольно долго, и в конце концов Алиса, по предложению Бертона, приказала открыть дверь, ведущую в центральную зону. На экране они увидели, что приказ ее исполнен.

— Это еще не значит, что Снарк не сможет закрыть ее в любую минуту, пробурчал Бертон.

— Тогда пошли отсюда, — сказал Фрайгейт. — Только кто помешает Снарку запереть и квартиру тоже?

— Не знаю, — ответил Бертон. — Но там он нас по крайней мере не затопит.

Они заказали в конвертере летающие кресла и полетели над сумеречным миром под имитацией полной луны. Никто не проронил ни слова по поводу трупов, оставшихся на поляне. Убирать их было некогда; вороны, орлы и ястребы склюют человечью плоть. Если люди когда-нибудь вернутся в мир Алисы, то застанут здесь лишь голые кости.

Выпив на ночь еще по рюмочке, все шестеро, за исключением Бертона и Звездной Ложки, разошлись по отдельным спальням. Китаянка сразу же запрыгнула на кровать и, пробормотав: «Спокойной ночи, Дик», заснула. Бертон последовал ее примеру через несколько минут и, вопреки ожиданиям, тоже моментально уснул. Пробудился он через четыре часа — бессонница, вечная спутница его жизни, вцепилась в него не хуже Старого Морехода. Китаянка, повернувшись к нему спиной, тихо посапывала. Бертон встал с кровати, надел халат, пошел в гостиную и заказал большую чашку кофе. Прогнав таким образом усталость, он снова сел за пульт. Через пять часов Бертон ввел в компьютер все мыслимые команды и запреты, способные защитить его квартиру. Однако он был уверен, что не сумел всего предусмотреть. Нужно будет, решил Бертон, с утра попросить остальных дополнить список.

— Давным-давно нужно было это сделать, — проворчал он себе под нос.

Он решил не ждать, пока спящие соберутся к завтраку. Люди настолько устали, что могли проспать до полудня. Не придумав ничего более интересного, Бертон начал просматривать коридоры. Начал с ангара, расположенного на

вершине башни, спустился на один уровень, потом на другой. Это заняло немного времени, поскольку с первого взгляда было видно, что центральная площадка пуста, а в малых мирах, кроме зверей, нет никого живого.

Сканирующее устройство принялось за шестидесятый уровень, пробегая по коридорам и заглядывая в комнаты. Вскоре оно дошло до коридора, внутренняя стена которого была одновременно частью стены колодца с ватанами. Здесь, как помнил Бертон, можно было увидеть массу ватанов воочию.

— Стой! — крикнул он.

И уставился на изогнутую прозрачную стенку колодца.

Красивые, яркие, разноцветные, то разбухающие, то сжимающиеся крутящиеся субстанции, называемые ватанами, исчезли. Колодец был темен и пуст.

Глава 34

Питер Фрайгейт пришел в гостиную первым. Остановился, посмотрел на Бертона, на лежащий рядом с ним лучемет, на полуоткрытую дверь в коридор.

— Что все это значит?

Только Бертон открыл рот, чтобы ответить, как в комнату вошел Ли По.

— Выпей сначала кофейку, Пит, — сказал Бертон.

— Как ты, Дик? — спросил китаец.

— Не спал почти всю ночь. Работал.

Ли По тоже глянул на оружие и дверь, удивленно нахмурил брови, но не проронил ни слова.

— Ты ужасно выглядишь, — заявил Фрайгейт, налив себе кофе из кофейника, стоявшего на столе. — Черные круги под глазами… Ты похож на задрюченного енота. Чем ты занимался?

— Чувствую я себя тоже ужасно, — медленно проговорил Бертон. — Я чувствую… Как бы вы чувствовали себя, если бы знали, что близок конец света? Вернее, если бы он уже наступил, причем на самом деле?

Фрайгейт, не поморщившись, выпил целую

чашку горячего кофе.

— Конец света наступает каждую секунду, — промолвил он.

Бертон не понял, что хотел сказать американец, да и не хотел этого выяснять. Скорее всего, фраза американца была чисто риторической.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ли По, отхлебнув глоточек кофе.

— Наверное, лучше мне подождать, пока мы не соберемся все вместе. Не хочу повторяться.

— Вот еще! — возмутился Фрайгейт. — Выкладывай, что стряслось!

Бертон рассказал им про пустой колодец.

Ли По побледнел, но промолчал.

— Потом я проверил телесные матрицы, — сказал Бертон. Мне пришлось принудить себя это сделать, поскольку я не хотел знать, что с ними случилось, хотя в душе уже знал. Но проверить было необходимо, и я проверил.

— И они… они… — запинаясь, проговорил Фрайгейт.

— Они все стерты. Все тридцать, пять миллиардов и шестьсот сорок шесть миллионов. Без исключения. Все. И за это время в колодец не поступило ни одного нового ватана.

— Удар за ударом, — пробормотал китаец.

— Значит… когда мы умрем, — сказал Фрайгейт после долгой паузы, — то умрем навеки.

— Вот именно.

Выдержав еще одну длительную паузу — только катастрофа вселенских масштабов могла заткнуть Ли По рот так надолго, мельком подумалось Бертону, — Фрайгейт влил бренди в недопитую чашку кофе и залпом заглотнул дымящуюся жидкость. Китаец привстал, собираясь последовать его примеру, но, покачав головой, рухнул обратно в кресло. Бертон впервые в жизни видел, чтобы Ли По отказался от выпивки.

Лицо у Фрайгейта чуточку зарумянилось от бренди. Он выпил еще, на сей раз без кофе, и произнес:

— Снарк отменил эту автоматическую функцию… Я хочу сказать, отныне мы не сможем воскресить ни одного человека?

— Верно.

— Но мы можем дожить до прилета обитателей Мира Садов, и они вновь запишут наши данные. Иначе все мы тоже навсегда утратим шанс на бессмертие.

— Конечно, — откликнулся Бертон. — Но когда они сюда прилетят, наше время выйдет. Если мы не будем готовы к «продвижению», наши матри-

цы просто сотрут — вместе с нами самими.

Он встал, плеснул себе еще кофе, глянул на бутылку бренди, но удержался.

— Я сразу же спросил об этом у компьютера. Я, конечно же, был в шоке, ругал себя последними словами, проклинал все на свете — ведь сразу после того, как мы вернулись от Алисы, я ввел в компьютер команду, чтобы он не стирал телесные матрицы. Но было слишком поздно, хотя тогда я этого не знал, поскольку эта идиотская машина не сказала мне, что моя команда запоздала.

Компьютер должен был сказать, но Снарк велел ему не выдавать никаких данных, пока о них не запросят.

— Все мы плетемся в хвосте у событий и постоянно опаздываем, — убитым тоном промолвил Фрайгейт. — Порой я думаю, а не заставил ли Снарк машину излучать какое-нибудь поле, подавляющее нервную систему, чтобы оболванить нас?

— Сомневаюсь, — отозвался Бертон. — Мы ведь ничего подобного не ожидали — просто играли в игрушки, как дети. Однако…Бертон приподнял салфетку, под которой лежал желтый шарик размером с клюкву. — Я поработал, покуда вы

спали.

Это сфера, в которую записывают телесную матрицу. Я велел компьютеру сделать копию для себя. Сейчас она пуста, но мне просто хотелось на нее посмотреть.

И когда я взял ее в руки, меня осенило… это всего лишь теория, но она вполне правдоподобно объясняет некоторые факты. В частности, она дает ответ на вопрос о том, как Снарку удалось проникнуть в мир Алисы, Терпина и твой — вернее, в мир Нетли. Ведь подготовить все эти убийства снаружи попросту невозможно.

Тут в гостиную вошла Алиса. Бертону пришлось повторить весь рассказ и подождать, пока она немного оправится от удара.

— Во-первых, — продолжал затем Бертон, — я не думаю, что это сделал Снарк.

То есть я не верю, что в башне прячется кто-то из этиков. Нур уничтожил их последнюю агентку, хотя полной уверенности, в этом, конечно, быть не может.

Но убийства в личных мирах совершил кто-то из нас. Я имею в виду — из уцелевших.

— Галл! — воскликнул Ли По, — вскочив с кресла и дрожа всем телом. — Или Звездная Ложка! Но почему?

— Возможно, Галл взялся за старое, — кивнул Бертон, — хотя в таком случае он, видно, совсем ополоумел. Звездная Ложка? Тогда она тоже должна была сойти с ума. Однако если кто-то из них и спятил, то успешно скрывает это. Но сначала дайте мне досказать мою теорию.

— Сначала… прости, что прерываю, — вмешался Фрайгейт, мы должны учесть, что убийца — не обязательно Галл или Звездная Ложка. А вдруг это кто-то, кого мы даже в глаза не видали? В конце концов, Уильямс воскресил Галла и других участников дела Потрошителя. И цыгане тоже появились невесть откуда.

Мы не знаем, кто их поднял из мертвых, но я подозреваю, что это сделал тот же Уильямс — шутки ради или чтобы нам досадить. Хотя, возможно, он тут ни при чем. Разве не могло случиться так, что кто-то воскресил маньяка, который и стал нашим вторым Снарком?

— Я попросил компьютер проверить, есть ли в башне другие люди, кроме нас. Он доложил, что никого не обнаружил. Тогда я затребовал список всех воскрешенных, и их количество в точности совпало с моими расчетами. Но компьютер, опять-таки, мог утаить какие-то дополнительные данные, о которых я не догадался поинтересо-

ваться.

— В общем, опять сплошная неопределенность, — сказал Фрайгейт, махнув рукой.

— Как обычно. И все же я полагаю, что существование Таинственного Незнакомца в башне маловероятно. — Бертон поднял желтый шарик. — Вот как, по-моему, он — или она — проделал этот фокус.

Убийца заказал в конвертерах несколько копий своей телесной матрицы.

Компьютер выполнил заказ, поскольку я ввел запрет на подобные просьбы слишком поздно. Дело было сделано.

Так у Снарка номер два появилась возможность проникнуть в миры Терпина, Фрайгейта и Алисы. Я думаю, теперь ему ничего не стоит пробраться и в другие миры, а также в некоторые квартиры.

Для этого ему достаточно было поместить один такой шарик со своей записью в какой-нибудь стоящий на отшибе конвертер, которым сравнительно редко пользуются. Скорее всего, Снарк припрятал такие же шарики в других легкодоступных местах и наверняка носил парочку с собой в карманах.

Потом Снарк убил себя в пустой запертой квартире, предварительно договорившись с ком-

пьютером, чтобы тот воскресил его в конвертере, стоящем в чьем-либо мире.

Конвертер, в котором остался умерший Снарк, дезинтегрировал его тело, чтобы никто на него случайно не наткнулся.

А попав в мир Алисы, Снарк номер два принялся за дело. То есть начал словесно программировать андроидов, когда они не были в поле зрения Алисы с Магленной. Хотя, возможно, их запрограммировали еще до появления Магленны.

Поскольку Снарку приходилось работать тайком, ему потребовалось по меньшей мере несколько недель, чтобы все подготовить.

Что касается двух затопленных миров, то эта команда была отдана снаружи.

Этики считали, что их личные миры стопроцентно защищены от вторжения извне. Да им, в общем, и не приходилось серьезно задумываться над вопросами безопасности, ибо они считали башню неприступной крепостью. Они, конечно, знали, что среди них есть предатель, однако не думали, что он угрожает им лично.

Но человек изобретательный запросто мог затопить малые миры, дав компьютеру команду увеличить приток жидкости, пока население мира не утонет.

— Все это звучит правдоподобно, — сказала Алиса, — но как Снарку удалось запереть выходы из миров? И как он мог увидеть, что там творится, когда началось наводнение? Компьютер отпирает и запирает двери только в ответ на кодовые слова и никогда не передает изображений из малого мира, кроме тех, что заказывают его обитатели. Эти запреты никто не в силах отменить.

— Но их можно обойти. Снарк, проникнув с помощью своих шариков в чей-либо мир, заказал в конвертере камеры, поднял их к самому потолку, скорее всего ночью, и закрепил там. Главный компьютер действительно передает волновые импульсы через стенные сети только по строго определенным каналам.

Но в то же время ему ведено передавать за стены миров импульсы, адресованные конвертерам, вспомогательным компьютерам и устройствам связи. Для него нет разницы между аппаратурой, установленной этиками, и той, что появилась позже. Он воспринимает все новые устройства как вполне законные.

— А как же с дверьми? — не унималась Алиса.

— Снарк обработал их извне каким-то веществом, которое затвердело и не давало механизмам открыть двери — ведь они открываются

наружу.

Это означает, что Снарк задраил двери во время твоей вечеринки, Алиса.

Он — или она — убил себя, воскрес в одной из квартир, полетел оттуда к центральной площади и обработал двери двух миров. Потом скомандовал устройствам, подающим воду, перейти на бурбон и джин и начал затопление.

После чего снова совершил самоубийство, воскрес и явился к тебе в гости, ожидая, когда андроиды пойдут в атаку. Во время битвы Снарк принял все меры, чтобы не пострадать от андроидов. Его или ее планы не осуществились полностью, но Снарка, я думаю, это не смутило. У него есть еще возможность завершить задуманное.

— Ага! Значит, в число подозреваемых входят только гости вечеринки!воскликнул Ли По. — Стало быть… это Галл либо Звездная Ложка.

— Не обязательно, — возразил Фрайгейт — Снарком может быть кто угодно, коль скоро он умеет проникать в разные миры. Возможно, это кто-нибудь из воскрешенных, кого мы с вами знаем или должны были бы знать. В конце концов, мы не видели всех трупов в мирах Терпина и Нетли, то есть в моем. Нужно узнать — а вдруг

там кого-то недостает?

— Сначала нам нужно всерьез заняться Галлом, и Звездной Ложкой.

Пропустить их через сито, — сказал Бертон.

И тут же подумал: «Если кто-то из них так дьявольски умен, он, очевидно, предвидел, что у нас хватит сообразительности сузить круг подозреваемых до двух, пусть даже мы не Шерлоки Холмсы!»

— Вот почему у тебя на столе лучемет? — спросил Ли По, словно прочитав его мысли. — На случай встречи со Снарком?

— Да. Если кто-то из них появится в двери с оружием в руках, меня не застанут врасплох.

— Но раз они… вернее, кто-то из них… в состоянии убить себя и воскреснуть где угодно, — сказала Алиса, — что может помешать Снарку явиться сюда? — Она показала на открытую дверь в коридор.

— Ах, это! — откликнулся Бертон. — Видишь ли, я скопировал modus operand <Образ действий (лат.)> убийцы. Сегодня рано утром я задраил двери Галла и Звездной Ложки.

Бертону не надо было объяснять собравшимся, зачем он так поступил.

Убийца, обнаружив, что дверь не отпирается,

быстро поймет почему. И тогда у него останется лишь один выход, к которому Снарк прибегал уже не раз.

Совершить самоубийство и воскреснуть где-нибудь в другом месте.

— А что, если Снарк сделает вид, будто ничего не понимает, и попросит выпустить его? — спросил Фрайгейт.

— Мы будем держать взаперти их обоих. Рано или поздно Снарк не выдержит и удерет.

Сиюминутные треволнения как-то сгладили шок от известия об исчезновении ватанов. Друзья отвлеклись от пугающей мысли о том, что следующая их смерть окажется последней, равно как и смерть жителей долины. А также от раздумий о том, что все их страдания в этом мире были тщетны.

"Нет, — подумал Бертон. — Они не были тщетны, и нас воскресили не зря. Мы прожили гораздо дольше, чем смели надеяться прожить на Земле. Нам вернули наши молодые тела, и мы боролись и любили со всем пылом юности, полные здоровья и сил. Мы жили без оглядки, на всю катушку, мы трудились в поте лица, стремясь достичь заветной цели. А цель того стоила. И если нам удастся дожить до прилета обитателей Мира Садов, то…

Хотя нет. Первая фаза проекта завершится, и мы должны будем умереть, чтобы освободить место для следующих воскрешенных.

Но что толку сейчас об этом думать? Сейчас самое главное — изловить Снарка".

— Экран! — воскликнул Фрайгейт.

Бертон встал и подошел к угловому пульту. С экрана озадаченно смотрел Галл.

— Доброе утро, — сказал он, увидев Бертона. — Не знаю, в чем дело, но я не могу открыть дверь.

— Странно, — ответил Бертон. — Вы спросили у компьютера почему?

— Конечно, но он говорит, что не знает.

— Мы попробуем что-нибудь сделать, — пообещал Бертон. — Но вы не морите себя голодом. Закажите завтрак, а мы тем временем посмотрим, в чем дело.

Когда экран погас, Бертон попросил компьютер показать свою спальню.

Комната тут же появилась на дисплее — Бертон не был уверен в том, что спальня не отрезана от связи, — но кровать оказалась пуста. Звездной Ложки не было видно, хотя она могла зайти в ванную. Бертон, удостоверившись, что аудиопередача тоже в порядке, громко окликнул ее по имени. Потом еще раз — но китаянка так и не

появилась.

— Она сбежала.

— Где ее тело? — спросил Фрайгейт.

— Не знаю, — ответил Бертон. — Нужно выяснить.

Друзья, вооруженные лучеметами, отправились по коридору к спальне.

Бертон вместе с Ли По начали плавить лучами затвердевшую массу, которой была задраена дверь. Повалил густой едкий, дым, они закашлялись и вынуждены были подождать, — пока кондиционеры не всосали ядовитые пары. Когда фиолетовая стеклянистая масса полностью расплавилась, Бертон кодовым словом открыл дверь и осторожно вошел, держа лучемет наготове. Спальня и ванная были пусты.

— Она, должно быть, покончила с собой-залезла в конвертер и велела ему испепелить себя, — предположил Фрайгейт.

— Но где она намеревается воскреснуть? — отозвался Бертон. — Вот какую загадку нам надо разгадать.

— Ты, похоже, не очень удивлен, Дик, — сказала Алиса.

— Да, не очень. Я всегда считал, что у Галла было слишком мало времени, чтобы научиться

так искусно работать с компьютером, как требовалось Снарку.

— Бога ради! — воскликнул Фрайгейт. — Но зачем ей было это делать? Что она имела против нас? Она должна была нас ненавидеть! Всех и каждого! Но за что?

— По-моему, — проговорил Ли По, — за ее веселым лицом всегда таилась неизбывная грусть. Жизнь слишком часто бывала к ней несправедлива — так часто, что стала ей невыносима. Звездная Ложка столько выстрадала, ее так много раз насиловали и унижали, что нападение Данауэя переполнило чашу. Я думаю — возможно, я ошибаюсь, хотя мне так не кажется, — она решила, что всем нам лучше умереть. Раз ей самой хотелось умереть — стало быть, и другим так будет лучше. Она не раз говорила мне о том, как ей жаль, что нас всех воскресили, какой это ужас, что человек не может найти покоя даже в смерти.

А тебе она говорила что-нибудь подобное, Дик?

— Неоднократно.

— Нет, за этим кроется что-то еще, — сказал Фрайгейт. Если она хотела умереть навеки, ей достаточно было просто стереть свою матрицу.

— Она же не в себе, — возразил Бертон. —

Возможно, она считала, что оказывает всем живущим большую услугу, ибо им не придется страдать так, как страдала она. К тому же ей наверняка хотелось лишить обидчиков возможности издеваться над окружающими.

Бертон был потрясен деяниями Звездной Ложки до глубины души, потрясен как никогда в жизни. Но ненависти к ней не испытывал. Каким бы чудовищным, непростительным и непоправимым ни был ее грех, он просто не мог возненавидеть эту помешанную страдалицу. Он жалел ее. Он даже горевал о ней.

Но убить ее придется, никуда не денешься. Пока она жива, всем им грозит смертельная опасность, к тому же гибель станет для нее избавлением от мук.

Бертон был уверен, что она собиралась сама покончить с собой, но только после того, как убьет всех людей в башне. Она наверняка жалела, что не может расправиться со всеми жителями долины. Ну что ж — ей оставалось утешаться тем, что после смерти их уже никто не воскресит.

Глава 35

— Чушь собачья!

— Что? — спросила Алиса.

— Мы не имеем ни малейшего представления о том, что творится в ее сдвинутых мозгах. Да это и неважно. Нам важно ее остановить.

Раздался громкий сигнал. Бертон вздрогнул, хотя и ожидал вестей, и подошел к пульту. На экране появилась схема уровней башни; по коридору двигалась крохотная, но яркая оранжевая точечка. В углу экрана высветилась надпись: «Уровень 4, коридор 10».

Остальные столпились за Бертоном.

— И что теперь? — спросил Фрайгейт.

— Она, по-видимому, вышла из комнаты, в которой воскресла, — сказал Бертон. — Стены комнаты, естественно, закрашены, так что картины прошлого Звездной Ложки ей не видны: по-моему, компьютер вообще показывает их только тогда, когда тот, к кому они относятся, может их видеть. Я велел машине отметить на схеме эти картинки, когда они появятся. Звездная Ложка, без сомнения, скомандовала компьютеру не сканировать те помещения, где она находится.

Но она не в силах запретить ему сопровождать ее сценами из прошлого — ведь в коридорах-то стены не закрашены.

— Она умна, — произнес Ли По. — Она скоро поймет, что ты следишь за ней по дисплею. То, что в состоянии сделать мы, сможет и она. Ей достаточно просто попросить компьютер показать ей наши картинки.

— Да, — согласился Бертон, — однако с нашим компьютером кто успел, тот и съел. Более ранняя команда для него закон. А я велел ему не показывать Звездной Ложке нашего местонахождения.

— Она это сразу поймет, как только компьютер откажется выполнить ее просьбу, — сказал Ли По. — И станет еще осторожнее.

— Осторожной она будет в любом случае, — заметил Бертон и обернулся к Фрайгейту:

— Пит, иди выпусти Галла. Введи его в курс дела и дай ему лучемет.

У нас сейчас каждый человек на вес золота.

Фрайгейт нехотя ушел.

— Мы можем остаться в квартире, — сказал Бертон. — Звездная Ложка не сумеет задраить дверь, пока та открыта. Зато она может подстроить нам ловушку — к примеру, запрограммировать робота, чтобы тот расстрелял нас из лучемета, как

только мы высунем головы наружу, — поэтому оставаться здесь не стоит Оранжевая точка остановилась у шахты лифта под номером ВС-АЗ-2.

— Она направляется к нашему коридору, — проговорил Бертон. — Пора, у нас мало времени.

Он встал и прошел в коридор, ведущий к спальням. Фрайгейт только что закончил обрабатывать дверь и ждал, пока рассеется дьм. Дверь в спальню Галла распахнулась.

— Скажи ему, пускай задержит дыхание и выходит! — крикнул Бертон.

Все остальные разошлись по своим спальням и похватали лучеметы с запасными батареями. Пока они вооружались, Бертон следил за экраном. Когда все собрались в гостиной, он изложил им свой план. Галл был совершенно сбит с толку, поскольку Фрайгейт почти ничего не успел ему объяснить. Но, выслушав краткие наставления Бертона, бывший доктор кивнул и выбежал из гостиной.

Когда все покинули квартиру, Бертон велел компьютеру запереть дверь, которая выходила в коридор как раз посередине между двумя шахтами лифта.

Звездная Ложка в этот момент была у входа в правую шахту на четвертом этаже.

Друзья побежали по коридору к лифту, а Алиса, отстав от них, нырнула в одну из квартир с правой стороны. Там она спряталась в темноте за дверью, оставив ее приоткрытой. Отсюда, с расстояния четырехсот пятидесяти футов, Алиса могла держать дверцу лифта под прицелом.

Добежав до перекрестного коридора, четверо мужчин разделились. Шахта лифта находилась в центре перекрестка, и в каждом углу коридора были сделаны глубокие ниши, чтобы большие машины могли ее объехать. Войти в лифт можно было с четырех сторон. Ли По с Галлом свернули по перекрестному коридору направо и заняли позицию футах в ста от шахты лифта за полуоткрытыми дверями квартиры. Бертон промчался вперед и притаился в комнате тоже футах в ста.

Фрайгейт должен был свернуть на перекрестке влево и спрятаться за дверью в двухстах футах от шахты.

Когда Звездная Ложка выйдет из лифта, то окажется под прицелом пяти лучеметов.

В комнате, где стоял Бертон, было темно, светился лишь экран на пульте.

Бертон следил за оранжевой точкой, ожидая, когда она войдет в лифт и поднимется на третий этаж.

— Она не больно-то спешит, — пробурчал он себе под нос.

Что она делала сейчас? Пыталась представить все возможные ловушки? Или просто собиралась с духом?

Рано утром Бертон взял из конвертера сто фунтов пластиковой взрывчатки, облетел в кресле семь шахт и, работая в лихорадочном темпе, прилепил ее вокруг дверей близлежащих лифтов. Внизу, у порога, он класть взрывчатку не стал, поскольку Звездная Ложка могла ее заметить. Но когда она выйдет из шахты, то уже не успеет удрать, даже если увидит пластик. Дистанционный взрыватель сработает быстрее.

Труды Бертона вполне могли пойти прахом, если Звездная Ложка выберет дальнюю шахту. Но и в этом случае, стоит ей пройти рядом с заминированной дверью, как раздастся взрыв.

Бертон осмотрел коридор и дверцу лифта. Потом снова глянул на экран.

Ага! Оранжевая точечка поднималась вдоль линии, изображавшей ту самую шахту, что они взяли в кольцо.

Бертон съежился за дверью. Через несколько секунд в лифте появился прозрачный шар с сидящей в нем Звездной Ложкой. Шар остановился,

зависнув в шахте лифта, и Бертон разглядел его в деталях. Он в точности походил на его собственное бронированное кресло, только тяжелых лучеметов из него торчало еще больше.

Звездная Ложка сидела к Бертону спиной, потом повернула голову, и он увидел ее бесстрастный профиль.

Броня какое-то время выдержит луч, даже если поставить лучемет на предельную мощность. Только если беспрерывно бить лучом в одну точку, он сможет расплавить пластик. Но Звездная Ложка не будет висеть на месте.

Больше всего Бертона удручало то, что китаянка, даже если они ее убьют, тотчас воскреснет в каком-нибудь башенном закоулке. Любая победа ее врагов будет для них лишь полупобедой, а для нее — временным отступлением. И все-таки они должны сражаться и надеяться, что успеют схватить Звездную Ложку до того, как она покончит с собой или будет убита. Или же им повезет, и они найдут шарики с матрицами китаянки, так что ее следующая смерть окажется последней.

Бертон так и думал, что она появится в бронированном кресле. Он рассчитывал, что броня защитит китаянку от гибели и она лишь потеряет сознание при взрыве. Именно поэтому он

прикрепил у каждой двери всего по три с половиной фунта взрывчатки, да и то сомневался, не переборщил ли.

— Давай же! Давай! Чего ты ждешь! — тихо шептал Бертон.

В ту секунду, когда сфера двинется из центра шахты к выходу, он отойдет от двери и, зажав руками уши, прижмется к стене, чтобы не оказаться на пути ударной волны. Так же поступят и остальные.

Звездная Ложка наконец решилась. Оглядев перед собой коридор, она увидела, что все квартиры закрыты, кроме одной. Бертон надеялся, что китаянка решит, будто все они прячутся в этой квартире. Обзор перекрестного коридора покажет ей ряды открытых по обе стороны дверей — так было почти повсюду в башне.

Убедившись, что китаянка движется к выходу из лифта, Бертон отошел от двери на несколько футов. И тут же потерял сознание, так и не услышав взрыва.

Когда он очнулся, не совсем еще придя в себя, то сразу закашлялся, окруженный клубами дыма. Бертон сел, прислонясь спиной к стене, потом попробовал встать, но не смог. Силы оставили его, а мысли разбегались, точно грибники при

виде медведя. С трудом поднявшись наконец, он заковылял по комнате, из которой кондиционеры усердно высасывали дым. Экран на пульте светился по-прежнему, показывая оранжевую точку в коридоре за углом. Бертон смутно вспомнил, что именно там сидят в засаде Ли По вместе с Галлом.

Ну что ж, по крайней мере теперь он сообразил, кто он и что с ним. Хотя двигался по-прежнему замедленно.

— Нужно идти туда и схватить ее, — сказал он себе. Губы шевелились с мыслями в унисон, однако собственного голоса Бертон не слышал, как не слышал и голоса своей земной жены Изабел, что-то кричавшей ему со стенного экрана.

Когда Бертон добрался до двери, в голове у него немного прояснилось, и он понял: что-то тут неладно. Взрыв оказался гораздо сильнее, чем было запланировано. Неужто он дал такого маху в расчетах? Или случилось нечто непредвиденное?

Бертон оглянулся, увидал на полу свой лучемет, вернулся назад, подобрал его и снова направился к двери. Вместо густых клубов в воздухе осталась лишь легкая дымка. Бертон разглядел на полу коридора далеко разбросанные куски прозрач-

ной сферы. По-видимому, она была сделана из какого-то бьющегося материала. Взрыв произошел у входа, ближайшего к Бертону. Очевидно, кресло, направляясь к двери, активизировало взрыватель. Дополнительный взрыв удвоил силу взрывной волны — но не настолько же, черт возьми, чтобы превратиться в ураган!

Должно быть, сам шар был напичкан взрывчаткой, и вся она рванула, когда сработала ловушка Бертона. Или же так совпало, что шар взорвался сам, едва выплыв из шахты.

Сидел в нем, конечно же, андроид, точная копия Звездной Ложки, которого она выслала вперед в качестве жертвенной пешки.

Голова у Бертона все еще болела. Мысли его карабкались по отвесному склону, стремясь добраться до вершины, где они могли построиться и стать грозной силой. Большинство из них уже залезли наверх, но построиться не успели. Почему картинки из прошлого сопровождали андроид, а не настоящую женщину?

Не сразу, но до Бертона все же дошло, что китаянка, должно быть, выпустила андроид из комнаты первым. А этот идиот компьютер принял копию за оригинал и начал показывать на стенах картинки. Настоящая женщина тем вре-

менем вышла из своего убежища… закрыв лицо капюшоном или маской… и поднялась в незаминированном лифте.

Вот она, легка на помине! Вылетела из-за угла, из того коридора, где прятались Ли По и Галл. Как Бертон и ожидал, китаянка сидела в бронированном летательном аппарате, точной копии первого шара. Лицо ее было открыто и, в отличие от бесстрастной маски андроида, искажено дьявольской улыбкой. Губы шевелились, что-то неслышно бормоча.

Машина пролетела до середины коридора, миновав шахту лифта — Бертону было видно сквозь открытые двери, — потом остановилась и повернулась на четверть оборота, лицом к коридорной стене. Что стряслось с Ли По и Галлом?

До сих пор не очухались после взрыва? Или сдуру напали на китаянку, когда она пролетала мимо? Бертон томился неизвестностью; даже если они и кричали, он ничего бы не услышал, поскольку был оглушен взрывом.

Машина, паря в шести футах над полом, остановилась возле одной из дверей и развернулась. Из-под сиденья выполз ствол, просунулся в отверстие в корпусе и выстрелил фиолетовой жидкостью. Голова у Бертона, по-видимому, еще

шла кругом, иначе он сразу бы узнал эту клейкую массу. Звездная Ложка задраивала дверь, за которой, по ее предположениям, прятались люди. Пусть даже полной уверенности у нее не было, она решила не откладывать эту операцию.

Бертон мельком увидел, как из-за приоткрытой двери другой квартиры высунулась и тут же скрылась темная головка. Звездная Ложка, сосредоточенно ведя машину вдоль кромки двери Бертоновской квартиры, Алису не заметила.

На стене за спиной у китаянки сияло большое пятно — очевидно, сцены из ее прошлого. После того как андроид взорвался, компьютер переключил картинки, пустив их следом за настоящей женщиной. Теперь, когда она была у цели, Звездную Ложку не волновало, что враги узнают, где она находится.

Возможно, она даже желала этого, надеясь, что они рискнут напасть на нее.

Тут в поле зрения Бертона с лучеметом в руках показался Ли По. Увидев женщину, он отступил назад. Повезло ему, что она не заметила ни его, ни сопровождавшие его картинки, которые вспыхнули за ним в нише.

Слева в кабине машины виднелся небольшой видеоэкран. Стало быть, китаянка может связать-

ся с компьютером и узнать, не сбежали ли пятеро из квартиры, а если сбежали, то куда.

Фиолетовая жидкость на двери и прилегающей части стенки тем временем уже затвердела. Бертон думал, что теперь китаянка приземлится, но она начала поливать двери новым слоем. Очевидно, хотела задраить их поосновательнее.

У Бертона оставалась минута, возможно две, прежде чем китаянка покончит с дверью и пустится на поиски. Он подошел к конвертеру и дал компьютеру задание. Того, что Звездная Ложка может его подслушать и таким образом напасть на след, Бертон не опасался. Он давно уже приказал компьютеру не давать ей сведений ни о ком из них пятерых. Китаянка могла просмотреть на экране все квартиры в башне, кроме тех, где прятались люди. Правда, отказ компьютера снабдит Звездную Ложку отрицательной информацией, и она сможет вычислить их местонахождение.

Бертон открыл конвертер, нагнулся и вытащил одной рукой тестообразную массу — три и три четверти фунта пластиковой взрывчатки. Отнес ее к выходу, прилепил на дверь и вернулся назад. Захлопнул крышку конвертера, через две секунды открыл — и достал со дна дистанционный взрыватель. Подойдя к двери, Бертон воткнул

длинный тонкий металлический пруток, торчавший из маленькой коробочки, во взрывчатое вещество.

Запустив механизм взрывателя простой голосовой командой, Бертон выглянул за дверь и ахнул. Звездная Ложка каким-то образом умудрилась застукать Алису, очевидно, с помощью термоакустического детектора. Алиса сделала единственно возможную вещь: заперла двери кодовым словом. И теперь Звездная Ложка задраивала дверь.

Бертон выпрыгнул в коридор, прицелился, и ярко-алый луч в полдюйма толщиной, вырвавшись из закругленного наконечника лучемета, ударил в бок прозрачной сферы. Если бы ему удалось пробить броню, он пронзил бы голову Звездной Ложки возле левого уха. Но на корпусе вспыхнула ослепительная точка, и китаянка, тотчас заметив ее, рванула правой рукой рычажок на пульте. Машина, крутанувшись, отплыла от двери и помчалась прямо на Бертона.

Глава 36

Бертон бросился бежать вдоль стены, надеясь скрыться за следующей дверью. Если китаянка его не собьет, если она пролетит мимо квартиры как раз во время взрыва, если он успеет спрятаться… Ему хотелось оглянуться и посмотреть, насколько быстро летит за ним машина. Звездная Ложка могла разогнаться и проскочить ловушку до того, как сработает взрыватель. Но оглядываться было некогда, это замедлит бег, да и ничего ему не даст.

Схватившись за дверь, Бертон с такой скоростью метнулся в квартиру, что стукнулся левым плечом о косяк и отлетел вовнутрь. В дверном проеме мелькнуло два алых луча. Возможно, другие лучи попали в дверь. «Это неважно, подумал Бертон. — Я успел». Ударная волна сшибла его с ног, но на сей раз она была слабее предыдущей.

Бертон встал, молясь про себя всем богам, и, цепляясь за дверь, выглянул наружу. Поскольку дыма было немного, он сразу увидел машину у стены напротив той квартиры, где он заложил взрывчатку. Прозрачный шар отбросило взрывом через коридор и ударило о стену. Звездная Ложка

была без сознания.

На глазах у Бертона машина снова набрала скорость и понеслась к перекрестку, где врезалась в другую стенку и застыла на месте, точно приклеенная.

Ли По и Фрайгейт с лучеметами в руках выбежали из-за углов и подскочили к Бертону.

— Она попалась в мою ловушку, — сказал он. — Но нужно поскорее вытащить ее из машины, пока она не оклемалась.

— Где Алиса и Галл? — спросил Фрайгейт.

— Потом, все потом, — отмахнулся от него Бертон. — Давай сюда шприц для подкожных впрыскиваний. А ты, Ли По, живо за мной.

Фрайгейт вытащил из поясной сумки шприц. Пока Бертон сверлил лучом дыру в броне, китаец побежал в ближайшую комнату и заказал в конвертере лестницу и две стремянки, чтобы забраться в машину. Бертон хотел взять китаянку живой и в то же время пытался как можно скорее продырявить корпус. Если она начнет подавать признаки жизни слишком рано, он продырявит и ее тоже.

Однако Ли По обернулся очень быстро, и они успели сжечь запорный механизм на люке, а китаянка все лежала, не двигаясь. Бертон забрался

в машину, взял у Фрайгейта шприц, сделал женщине укол, после чего, нажав на кнопку, опустил машину на пол. Они отнесли Звездную Ложку в ближайшую комнату, раздели, обыскали ее одежду и уложили китаянку в конвертер, чтобы компьютер мог обследовать ее нервную систему. Тот ответил, что мозг у женщины слишком сложен для андроида.

— Похоже, мы ее словили, — сказал Бертон. — Только… что, если она предвидела такую возможность и велела компьютеру выдать ложный ответ? А сама где-то рыщет сейчас по этому лабиринту.

— Не верится мне, чтобы она такое предвидела, — возразил Ли По. — Она наверняка считала себя неуязвимой в своей бронированной машине. Я склонен поверить компьютеру.

— А я хочу все проверить.

Хотя Бертон в душе был согласен с китайцем, он тем не менее намеревался тщательно обшарить всю башню. Только тогда он немного успокоится.

Оставив Фрайгейта сторожить пленницу, Бертон с Ли По освободили Алису.

Она не впала в истерику, но явно нуждалась в хорошей дозе спиртного, чтобы успокоить нервы. Алиса уже думала, что ее замуровали в комнате

навеки или по крайней мере на такой долгий срок, который покажется ей вечностью.

На обратном пути они увидели Галла, лежавшего ничком на полу в коридоре. Ли По сказал, что Галл попал под луч Звездной Ложки, предназначавшийся Бертону.

— Он, должно быть, выскочил из комнаты как раз в тот момент, когда я нырнул в свою, — объяснил китаец. — А зачем — понятия не имею. Только мы заняли свою позицию, как он заявил, что не может воспользоваться лучеметом.

Убивать андроидов — дело другое, они не люди, но стрелять в Звездную Ложку ему не позволяет вера.

— Ему надо было сразу об этом сказать и остаться с Алисой, буркнул Бертон.

— По-моему, он вышел в коридор, чтобы попробовать увещеваниями пронять Звездную Ложку, — заметил Ли По. — Он был такой же чокнутый, как и она.

Посовещавшись, они решили, что было бы жестоко сажать Звездную Ложку под замок в надежде вылечить ее безумие. Задав компьютеру несколько вопросов, друзья выяснили, что криогенная технология этиков значительно превосходит земную. Она позволяла заморозить

человека в течение секунды, не повредив тканей организма, — что они и сделали. Звездная Ложка будет ждать в своем морозильнике прилета обитателей Мира Садов.

Отдохнув денек, друзья принялись за обыск. Первым делом они отправились в ту комнату, откуда появилась Звездная Ложка, когда решила покончить с ними. Компьютер отказался отвечать на вопрос, где находится квартира, но запись со схемой передвижений оранжевой точки выдал без разговоров. Попасть в комнату на сто шестнадцатом уровне — этики считали этажи не снизу, а сверху — оказалось нетрудно. Звездная Ложка не заперла дверь, поскольку была уверена, что после схватки в живых останется она одна.

Друзья осторожно вошли в просторное помещение, от которого в две стороны бежали коридоры. В каждом из них было по пять комнат, все запертые, кроме одной. Бертон попытался было их открыть, но тщетно. Однако просмотреть их не составило труда — стоило лишь попросить компьютер просканировать помещения. Бертон почти сразу пожалел о своем любопытстве.

Единственным узником, кого он узнал из запертых поодиночке мужчин, был Данауэй — тот самый чернокожий, который изнасиловал Звезд-

ную Ложку в Терпинвиле. Еще там сидели три китайца, двое белых, индеец, двое негров и неандерталец. Ли По узнал одного из китайцев.

— Это Ван Чи Мао, мелкий императорский чиновник. Я как-то раз встречался с ним. А позже мне рассказала о нем Звездная Ложка. Он изнасиловал ее, когда ей было десять лет.

Четверо узников что-то бессвязно лепетали, явно выжив из ума. Двое были на грани помешательства. Данауэй и еще один тип впали в кататонию. Девятый спрятался под кроватью и ни за что не хотел вылезать, когда Бертон позвал его через динамик.

По стенам, потолку и полу каждой комнаты бежали картинки из прошлого Звездной Ложки. Бертон снова и снова смотрел глазами китаянки на сцены насилия, разворачивавшиеся в цвете на громадных экранах с усиленным звуком.

Бежать от этих сцен узники могли только в сон, что было непросто, в безумие или смерть. Но покончить с собой тоже было почти невозможно. Обнаженные, узники не могли сделать из одежды веревку. Конвертеры кормили их только хлебом, мясом без костей и овощами. Мебели в комнатах не было никакой, кроме кроватей, состоявших из простой рамы с матрасом. В ванных

— только писсуары и краны с холодной водой над маленькими тазиками. Ни мыла, ни полотенец, ни туалетной бумаги.

— Да, она им отомстила, — содрогнулась Алиса. — Страх-то какой!

— Поэзия справедливого возмездия, — сказал Фрайгейт, воплощенная в жизнь с помощью науки.

— Помочь мы им ничем не можем, — заметил Бертон. — Разве что отключить конвертеры и дать им умереть с голоду.

Но компьютер, когда его спросили об этом, заявил, что не может подчиниться без приказа Звездной Ложки.

Не найдя ничего примечательного в гостиной китаянки и спальне, друзья перешли к тем помещениям, которые компьютер отказывался сканировать. Но хотя таких набралась целая дюжина, пробраться за двери или даже стены без дверей, за которыми находились комнаты, никак не удавалось. В конце третьей недели друзья прекратили бесплодные попытки. Они хотели обследовать еще одно помещение — просторное и глубокое подземелье, предварительную камеру воскрешения, где Бертон проснулся много лет назад. Но попасть в нее тоже не смогли.

— Значит, и Звездной Ложке это не удалось, — заключил Бертон.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала, они задумались о своем будущем. Они не могли ни выйти из башни, ни воскресить себе подруг и друзей. Их осталось четверо: трое мужчин и одна женщина — и больше никого.

Будущая жизнь их, подумалось Бертону, будет не просто скучной. Это будет психологическая Сибирь, эмоциональный ледниковый период. Конечно, они четверо знали друг друга уже много лет, вместе прошли через бесчисленные испытания и составляли прекрасную команду — просто лучше не придумаешь. Им не придется притираться друг к дружке, что так часто изматывает людей, вынужденных жить вместе, но со временем одни и те же лица наскучат им до смерти. Им потребуется общество других людей — любовниц, хороших друзей и просто случайных знакомых.

«Не хлебом единым жив человек», — сказал как-то раз один мудрец. Он мог бы добавить, что никто не может жить полной жизнью без людей — без многих людей.

Жители Мира Садов, прилетев сюда, застанут тут четверку чокнутых.

Странненькую четверку, с вывертами и заско-

ками. Сдвинутых отшельников.

Безумцев.

Немаловажной была и сексуальная проблема. Алиса не возьмет себе в любовники всех троих, а может, не возьмет и вовсе никого. Алиса твердо верила, что заниматься любовью можно только с тем, кого любишь.

Как-то вечером мужчины сидели в креслах на балконе дворца в мире Бертона, где все они жили уже месяц. Искусственное солнце стояло десятью градусами выше искусственного западного горизонта, а троица, потягивая спиртное, ждала, когда придет Алиса. Ли По говорил о том, что чем больше времени проходит, тем менее отвратительной кажется ему мысль обзавестись постельной партнершей в виде симпатичного андроида женского пола.

— Да разве ты сможешь забыть о том, что они не люди и вообще полудебилы? — возразил Фрайгейт. — С ними не поговоришь, как с настоящей женщиной. Ты все время будешь помнить, что их страстность — сплошная симуляция, механическая и бездумная. 0'кей, ты получишь сексуальное облегчение. Однако этого недостаточно.

— Все верно, — ответил Ли По. — Но это лучше, чем ничего.

— Ой ли? — усомнился Бертон.

На балкон вышла Алиса. Мужчины сразу переменили тему — не потому, что боялись смутить Алису предметом беседы, а просто не хотели, чтобы она переживала из-за того, что ничем не может им помочь. Разговор зашел о результатах их сегодняшних исследований. Бертон занимался диалектами, сформировавшими язык Ура, предшествовавший семитским языкам. Ли По учил английский и французский так, чтобы свободно читать на них поэзию. Фрайгейт смотрел все снятые на Земле кинофильмы (или по крайней мере сохраненные этиками). Алиса же увлеклась новым для себя занятием — писанием маслом.

За обедом, поданным андроидами, они поговорили о до сих пор не разгаданном таинственном убийстве Логи и о том, кто же была та женщина, которую убил Нур.

Бертон, отодвинув кресло от стола, вытащил из кармана рубашки сигару, закурил и задумчиво сказал:

— Я бы посвятил решению этих загадок всю свою жизнь, если бы хоть на миг поверил, что мои усилия не напрасны. Но я убежден, что компьютер не захочет — не сможет — приблизить нас к разгадке ни на шаг. Пока не прилетят оби-

татели Мира Садов, нам этой тайны не раскрыть. А может, и после тоже.

— Вам не придется ждать так долго!

Алиса вскрикнула. Бертон ахнул, отпихнул кресло и встал, повернувшись на голос, который так их поразил.

В дверях столовой стоял улыбающийся Лога.

Глава 37

Лога уже не был похож на разжиревшего турка. Его одежда — небесно-голубой кильт, распахнутая желтая рубаха с голубыми драконами и голубые сандалии — открывала крепко сбитое, мускулистое тело без единой унции лишнего веса.

Он был безоружен.

— Пожалуйста! — проговорил Лога, подняв руку. — Если вы успокоитесь, я все объясню. Но сначала извините за неожиданное вторжение.

— Ты всегда любил театральные эффекты, — сказал Бертон, немного придя в себя.

— Точно.

— Как ты попал сюда? — спросил Ли По.

— Я все расскажу, дайте только, срок. Впрочем, отменить кодовое слово для меня пустяк. В конце концов, это же я управляю башней.

Он подошел к шкафу рядом с дверью и налил в кубок коньяка. Алиса, прижав руку к груди, села в кресло. Мужчины переглянулись, понимая друг друга без слов: «Если этик сделает хоть малейшее, угрожающее движение, мы все одновременно набросимся на него».

Но Лога вел себя совершенно непринужденно и, казалось, радовался встрече. Хотя это ничего не означало. Он был превосходным актером. «А вообще-то, — подумал Бертон, — с чего бы ему иметь что-то против нас?»

— Пожалуй, я не ошибусь, если предположу, что твоя… гибель… была просто фокусом, который подстроил компьютер? — спросил он вслух. — И что ты наблюдал за нами с тех пор, как исчез.

Лога повернулся к ним лицом, раскорячив толстые ноги, как будто стоял на шаткой палубе.

— Да, — подтвердил он с улыбкой. — Я знаю, что вы учитывали такую возможность.

— Значит, ты шпионил за нами! Подслушивал! — взъярился Бертон.

— Все до единого словечка, кроме как в тех комнатах, что вы закрасили.

Это была блестящая идея, хотя я никогда и не сомневался в вашем уме и изобретательности. Потому-то я и выбрал вас своими агентами. Правда, не скажу, чтобы вам удалось полностью выйти из-под наблюдения. Когда вы пользовались вспомогательными компьютерами, я подключался к ним.

Он отхлебнул коньяку, разглядывая сидящих поверх кромки кубка.

— Ужасно приятно, когда есть с кем поговорить, — произнес он, отставив кубок. — И не просто с кем-то, вы люди особенные. Вы мне очень близки. Хотя я понимаю, что в данный момент вы на меня сердитесь. Я вас не виню, и все же не сомневаюсь, что, выслушав мой рассказ, вы простите меня.

— Я так не думаю, — сказала Алиса, сощурив глаза и поджав губы. — Не знаю, в какую игру ты играешь, но ты ответственен за гибель… — Она осеклась, точно пораженная какой-то мыслью. Щеки ее еще сильнее залились румянцем.

— Я повторяю: мне жаль, что пришлось пропустить вас через такую эмоциональную мясорубку. Но вы уцелели — вы уцелели бы, даже если бы погибли, поскольку это зависело от меня.

Мне необходимо было убедиться, что вы в состоянии справиться с управлением башней, что вам можно доверять и что большая, почти неограниченная власть вас не испортит. Я верил, что вы выдержите испытание, но моей уверенности было недостаточно. Я должен был дать вам власть на практике. Истинный характер человека проявляется не в словах, а в поступках.

Правда, несколько ошибок вы все-таки допустили. Вам следовало воскресить ваших товарищей,

погибших по дороге в башню. Вы, конечно, вскоре так и сделали бы, если б вам не помешали обстоятельства. И тем не менее я был разочарован, потому что хотел и их подвергнуть проверке.

— Большинство из них сделали бы то же самое, что и мы, проговорил Бертон.

— Я знаю, но мне хотелось, чтобы они доказали это на практике.

— Они доказали все, что могли, по пути сюда, — возразил Бертон. — И мы, кстати, тоже.

— До некоторой степени, — согласился Лога. — Но главной проверкой было ваше поведение в башне. Терпин, к примеру, оказался не слишком разборчив в выборе воскрешенных друзей. Так же как и ты, Ли По. Ты здорово дал маху со Звездной Ложкой.

Ли По пожал плечами:

— Откуда мне было знать?

— Но ты извлек из этого какой-то урок?

— Я учусь даже быстрее, чем обижаюсь, — ответил китаец. Если бы я мог начать все сначала, то приказал бы компьютеру не давать воскрешенным в руки ничего, что они могли бы использовать против меня.

— Отлично. Но сумел бы ты наложить аналогичное ограничение и на себя самого? Ты ведь

тоже можешь стать опасным для окружающих. К тому же воскрешенные могли отнять у тебя могущество и власть, несмотря на все меры предосторожности.

— Кто-нибудь же должен управлять, — сказал Ли По. — У кого-то в руках все равно будет власть — хочешь не хочешь, а кому-то придется ее доверить.

— Вопрос в том, — заметил Бертон, — достойны ли мы доверия?

— А если бы вы воскресили кого-то, считая его достойным доверия, но ошиблись? Этот человек мог бы отнять у вас власть и воспользоваться ею в целях, которые показались бы вам неприемлемыми!

Лога отхлебнул еще и принялся мерить столовую шагами.

— Вы считаете мое исчезновение преступным, потому что в результате были стерты телесные матрицы и таким образом потеряна надежда на бессмертие для всех воскрешенных. Но это не так, и мне жаль, что вы поверили, будто я способен допустить такую чудовищную подлость. На самом деле…

— Ты велел компьютеру сделать его собственный дубликат, а может, такой дубликат уже

существовал, — прервал его Бертон. — Матрицы в нем и хранятся.

Или же компьютер всего один, но он выдавал нам ложные данные.

Лога остановился, удивленно глянул на Бертона, а потом разразился смехом.

— Когда ты до этого додумался?

— Минуту назад.

— Я действительно, перед тем как исчезнуть, велел компьютеру сделать запасной вариант!

— Значит, когда мы впервые попали в башню и спасли компьютер от гибели — все это было напрасно? И Геринг зря пожертвовал собой?

— Нет, тогда все было взаправду. И это меня так напугало, что я тотчас же приказал машине создать дубликат. В сущности, дубликат и стал основным компьютером, поскольку первый я отдал вам как игрушку.

— По-моему, создание запасного варианта — стандартная техническая, процедура, которую должны были проделать с самого начала, — заметил Фрайгейт.

— Мы думали, что компьютер не может выйти из строя, во всяком случае настолько сильно. Мы считали его неуязвимым.

— Да, а «Титаник» считался непотопляемым.

— Так кто же была та монголка, которую убил Нур? — спросила Алиса.

— А-а! Она была всего лишь персонажем, созданным для того, чтобы озадачить вас и заинтриговать. Кто-то же должен был нести ответственность за мою гибель, ну, я и подсунул вам монголку, чтобы вы помучились, пытаясь разгадать тайну моего убийства. Хотя она изначально была для вас неразрешимой.

— Стало быть, женщина была андроидом? — сказал Фрайгейт.

— Конечно.

— Кое-кто из нас говорил, что Нуру слишком легко удалось с ней покончить, — проронил Фрайгейт.

Бертон попыхивал сигарой, надеясь, что внешне он более хладнокровен, чем внутри.

— Спасибо за объяснение, — сказал он. — Хотя не жди от меня благодарности за наши страдания и кровавую бойню, которую ты допустил. Но, как ты заметил, мы должны были испытать все на собственной шкуре, и я не сомневаюсь в чистоте твоих намерений. Тем не менее, по твоим собственным словам, характер проявляется не в желаниях и намерениях, но в поступках. Поэтому я хочу задать тебе самый главный вопрос. — Бер-

тон немного помолчал. — Можем мы остаться в башне? Или должны вернуться в долину?

— А чего бы вам хотелось? — усмехнулся Лога.

— Я не могу говорить за всех, но я лично предпочел бы остаться здесь.

Остальные высказались в том же духе.

— Почему? — спросил Лога.

— По двум причинам, — ответил Бертон. — Во-первых, здешняя жизнь мне больше по душе — если не считать последних событий, спровоцированных тобой.

Здесь я могу учиться, приобретать такие познания, ради которых я на Земле продал бы собственную душу, если бы верил в ее существование и если бы мне кто-то предложил ее купить. К тому же жизнь тут гораздо комфортнее, почти как в раю — то бишь в раю материальном, как люди себе его представляли. А во-вторых, смею надеяться, что я достоин здесь находиться. По-моему, я уже близок к «продвижению», по крайней мере насколько мне это дано. Если ты отошлешь меня обратно в долину, разочарование и недовольство ничуть не повысят мой этический уровень. Скорее, напротив, понизят его.

Лога спросил остальных, хотят ли они остаться по сходным причинам, или же ими движет что-то

другое. Ответы, в общем, не слишком отличались от того, который дал Бертон.

— Прежде чем я скажу вам о том, что вы так отчаянно жаждете узнать, я хотел бы ненадолго отвлечься. Бертон, когда ты заявил, что близок к «продвижению», насколько тебе это дано, ты бессознательно сказал чистую правду. И сильно возбудил мое любопытство. Скрывается ли за твоей репликой какой-то подтекст? Есть у тебя какие-то подозрения, смутные догадки по поводу…

Лога улыбнулся и снова хлебнул коньяку. Он явно ждал, что Бертон продолжит оборванную им фразу. Зря надеялся. Бертон понятия не имел, на что намекает Лога.

— Договаривай, раз начал, — сказал Бертон. — Догадки о чем?

— Ладно. Тебе говорили — и я сам, и Церковь Второго Шанса, — что, когда ты достигнешь определенного нравственного уровня, когда научишься сочувствовать и сострадать, когда избавишься от неврозов и психозов, тогда, мол, ты будешь готов «продвинуться». То есть после смерти тебя уже не воскресят в долине Реки. Твой ватан исчезнет — его уже нельзя будет засечь нашей аппаратурой. Тебе говорили, будто твой ватан, или душа, если тебе так больше нравится,

улетит к Богу, то есть сольется с божественной сущностью. В общем, это объяснение звучит достаточно логично, и люди в него верят. Но…

Лога сделал еще глоток и оглядел присутствующих, словно пытаясь предугадать их реакцию на свои слова. Вид у него был безумно довольный.

— Но печальная правда такова — хотя я не уверен, так ли она печальна, — что ни один ватан никуда не исчез, ни один не достиг «продвижения», пока тела, в которых они существовали, продолжают воскресать!

Бертон был удивлен гораздо меньше, чем полагалось бы. Когда-то давно он предположил возможность такого варианта, но отверг ее. Алиса была в шоке; похоже, она решила не верить больше никогда и никому. Ли По улыбнулся и погладил свои усы. Фрайгейт сидел с непроницаемым лицом.

Бертон вспомнил заявление компьютера о том, что такие личности, как Будда и Иисус Христос, достигли «продвижения». Значит, все это было вранье.

Компьютер дал им заведомо ложную информацию. Но почему? Да потому, что Лога ему так приказал, чтобы иметь возможность обманывать их и впредь.

— Так что же тогда правда? — вздохнув, спросил Бертон. На сей раз ты скажешь нам правду или нет? Прости мою недоверчивость, но ты так часто лгал!

— А ватаны? — раздался дрожащий голос Алисы. — Ты говорил нам, что они искусственного происхождения. Что, если бы та древняя раса их не создала, у нас бы не было души. Это правда? Истинная правда?

— Кто знает, что есть истинная правда? — сказал Лога. Все сущее и есть истина. Древние действительно создали ватаны, и мы, их продолжатели, позаботились о том, чтобы ватаном был наделен каждый человек на Земле. Но то, что ватаны отлетают к Богу или обретают божественность — не правда.

Возможно, в один прекрасный день это и впрямь произойдет. Я не знаю. И никто не знает.

Зато правда, что вы можете быть бессмертными, хотя и относительно. До конца Вселенной вы не доживете, но в принципе можете прожить миллион лет, а то и два-три или больше. Если сумеете найти планету земного типа с горячим ядром и будете иметь в своем распоряжении аппаратуру для воскрешения.

К сожалению, бессмертие позволено не всем.

Если бессмертных будет слишком много, жизнь превратится в сущий ад, и кто-то непременно захочет подчинить себе остальных, захватив контроль над воскрешающими машинами. Но сотня лет после земной смерти дается каждому человеку без исключения, чтобы он доказал, что может жить в мире и гармонии с собой и окружающими, хотя бы в разумных пределах человеческого несовершенства. Те, кто сумеет это доказать, обретут бессмертие после того, как завершатся оба проекта.

— Так, значит, нравственные требования и стандарты вовсе не так высоки, как нам все время внушали? — медленно проговорил Бертон.

— Они достаточно высоки, но вполне достижимы для сорока процентов воскрешенных.

— А остальные шестьдесят процентов? — спросила Алиса.

— Их телесные матрицы будут уничтожены.

— Это жестоко.

— Да. Но необходимо.

— А потом? — встревоженно спросил Фрайгейт.

— Выживших доставят в виде желтых шариков с телесными матрицами на Землю.

— На Землю? — изумился Бертон. Он был уве-

рен, что Земля погибла, хотя никто ему впрямую об этом не говорил.

— Да. Жизнь на Земле практически погибла от радиации после войны с применением водородных и нейтронных бомб. Но жители Мира Садов очистили планету — на это у них ушло сто шестьдесят лет — и вновь заселили ее растительной и животной жизнью. Земля будет готова, принять вас — людей, которые не станут подвергать ее надругательствам и медленно губить загрязнением И…

— Так, значит, нам не позволят иметь детей? — спросила Алиса.

— На Земле — нет. Для них там просто не хватит места, зато самим вам будет уютно и просторно. Вам никого не придется распихивать локтями. Но в нашей Вселенной миллионы планет с разумной жизнью, и если вы хотите детей, то можете отправиться туда.

— На Землю! — мечтательно повторил Бертон. Его охватила такая ностальгия, что даже заныло в груди. Конечно, Земля будет не та, которую он оставил, но топография ее наверняка не изменилась. А если честно сказать, так это и хорошо, что Земля уже будет не та.

— Должна признаться, мне трудно все это пе-

реварить, сказала Алиса. — Я была прилежной прихожанкой англиканской церкви, потом, попав сюда, потеряла веру и стала агностиком, а совсем недавно начала всерьез подумывать о том, чтобы примкнуть к Церкви Второго Шанса. И вдруг…

— Лога! — сказал Бертон. — Раз ты наконец решил сказать нам правду, то ответь еще на один вопрос. Почему ты предал своих друзей этиков и изменил течение предначертанных ими событий? Ты утверждал, будто не мог вынести мысли о том, что твои близкие не сумеют достичь «продвижения». Это правда?

«Продвижения» не в старом смысле, а в том, о котором ты только что рассказал. Неужели ты развязал эту кровавую войну против своих же товарищей только затем, чтобы дать своим родителям и другим родственникам больше времени?

— Клянусь всем святым, что когда-либо было, есть и будет на свете, — это правда!

— Тогда я совершенно ничего не понимаю, — сказал Бертон. Как ты, с четырех лет выросший в Мире Садов, мог пройти все проверочные испытания? Если стандарты этиков имеют хоть какое-то значение, хоть какую-то ценность, почему тебя

не уничтожили? Как ты сумел превратиться в преступника? Пусть даже из благородных побуждений, но ты же стал преступником! Или ты был сначала нормальным этиком, а потом вдруг сошел с ума? Но если ты свихнулся, что может помешать другим «продвинувшимся» впасть в безумие?

Глава 38

Лога побледнел, поставил кубок на стол и снова повернулся к ним. Он улыбался, но глаза у него бегали по сторонам, точно он пытался увидеть кого-то еще, кроме сидевшей компании.

— Я не безумен!

— Да ты только вспомни, чего ты натворил ради горстки людей! — сказал Бертон.

— Я не безумен! Я сделал это из-за любви.

— В любви тоже есть свое безумие, — не сдавался Бертон. Откинувшись в кресле, он выпустил струю дыма и добавил:

— Впрочем, в данный момент меня совершенно не волнует, спятил ты или нет. Но ты так и не ответил на главный вопрос. Должны мы вернуться в долину или можем остаться здесь?

— Я думаю, вы можете остаться, — ответил Лога. — По-моему, вы достигли такого уровня, когда вам можно доверять, и будете отныне жить в любви, наслаждаясь обществом друг друга. Кстати, вы вполне можете воскресить еще кого-нибудь. Я собираюсь переселить сюда своих близких и показать им, как они должны себя вести, если хотят стать бессмертными. Некоторые из них…

— Значит, некоторые из них вызывают у тебя сомнения?перебил его Бертон.

— Нам говорили, что оценка духовного уровня личности для «продвижения» производится автоматически, — нагнувшись через стол и глядя на Логу в упор, сказал Фрайгейт. — Что решение не зависит от людских суждений. Так кто же будет нас судить?

Бертон раздраженно зыркнул на американца, хотя и сам не раз задавался таким вопросом. Но главный вопрос он только что задал. А остальные могли и подождать.

— Судить будет компьютер. Людей, участвующих в проекте, накормят такой едой, от которой они заснут и умрут. Потом компьютер просмотрит их ватаны.

Как вы знаете, цвет ватана и его ширина свидетельствуют о нравственном развитии индивидуума. Те, что будут признаны годными, воссоединятся на Земле со своими телами. Остальные же будут выпущены в космос — пускай летят куда хотят.

— И все это на основании суждения машины? — сказал Фрайгейт.

— Ее суждения безупречны.

— Пока никто не вмешивается, — заметил

Бертон.

— Это маловероятно.

— Благодаря тебе — еще как вероятно! — сказал Бертон.

— Меня здесь не будет! — заявил Лога, кинув на него свирепый взгляд.

— А где же ты будешь?

— Я сяду на один из кораблей, что стоят в ангаре, и улечу на необитаемую планету.

— Ты мог это сделать в любую минуту, как только освободился от своих товарищей этиков и их агентов, — вмешался Фрайгейт. — Почему ты попросту не забрал свое семейство и не улетел?

Лога посмотрел на Фрайгейта так, словно не в силах был поверить, что кто-то способен сказать такое.

— Нет, я не мог так поступить.

— Но почему? — спросил Бертон. — Это было бы вполне логично.

— Потому что они не готовы. Они бы не выдержали проверки. Компьютер бы их забраковал и обрек на гибель.

— Ну что за чушь ты несешь? — изумился Фрайгейт. — Какое тебе дело до компьютера и его оценок? Вы поселились бы на какой-нибудь планете и жили бы себе спокойно. Ни тебя, ни твою

семью там и за тысячу лет никто бы не нашел!

Лога нахмурился. На лбу у него выступила испарина.

— Ты не понимаешь! Они бы там не выжили! Они не смогли бы «продвигаться». Я не могу забрать их отсюда, пока они не достигнут такого уровня, когда сумеют совладать с бессмертием.

Друзья переглянулись, сказав друг другу взглядами: «Он спятил».

Бертон вздохнул, наклонился вперед, пошарил под столешницей и нащупал на полочке лучемет, лежавший там со дня постройки замка. Поставив пальцем боковой ограничитель на парализующую мощность, он молниеносно вытащил оружие и нажал на язычок, служивший спускателем. Очень бледный красный луч ударил Логу в грудь, и этик свалился навзничь.

— У меня не было другого выхода, — сказал Бертон. — Он безнадежный псих, и он наверняка отправил бы нас назад в долину. А что бы он натворил потом — одному Богу известно.

Фрайгейт, по приказу Бертона, сбегал и принес из конвертера шприц с необходимым количеством снотворного. Бертон остался на страже, готовый выстрелить еще раз, если Лога начнет шевелиться. Организм у этика был поистине мо-

гучим; выстрел, который парализовал бы любого человека, привел его лишь в полубессознательное состояние.

Несколько минут Бертон шагал по балкону, пытаясь сообразить, что же делать с Логой дальше. Его необходимо было оставить в живых. Едва он умрет, как тотчас воскреснет в каком-нибудь укромном уголке. И тогда четверке уцелевших придет конец, поскольку Лога полностью подчинил себе компьютер.

Если этика поместить в криогенную камеру, машина все равно сочтет его ватан свободным от тела и воскресит Логу где-нибудь в башне. А если его разбудить, но посадить под замок, он сумеет покончить с собой, какие бы меры предосторожности они ни принимали. Пусть даже им удастся хирургическим путем изъять из его мозга смертельный яд, приводимый в действие всего одним произнесенным про себя кодовым словом, Лога сможет проглотить свой язык и задохнуться. Язык, конечно, можно отрезать, но Бертон понимал, что на такое у него никогда не хватит духу.

В принципе, Логу можно было регулярно накачивать снотворным. Однако Бертон сомневался, сумеет ли этик прожить в таком состоянии тридцать три года. А просить компьютер проска-

нировать память Логи, чтобы найти спрятанные им шарики с матрицами, было бессмысленно. Компьютеру наверняка приказано не выполнять подобных заданий.

Бертон вдруг остановился и улыбнулся. Есть выход!

Разработка плана заняла два дня, поскольку необходимо было продумать все до мелочей. Стоит им допустить хоть одну ошибку — и Лога в конце концов победит.

Бертон заказал компьютеру создать андроида, как две капли воды похожего на Логу по виду и по голосу. Внутреннее строение андроида тоже было идентично оригиналу, за исключением мозгов, которые у этика были гораздо сложнее. Будь андроид стопроцентной копией, он во многих аспектах стал бы самим Логой и вел бы себя соответственно. Единственная разница, хотя и весьма существенная, заключалась бы в том, что андроид не обладал бы самосознанием.

Бертон словесно запрограммировал андроида на языке этикой, а затем велел ему передать парочку приказов компьютеру. Машина проверила отпечатки голоса, электрическое поле кожи, форму лица и тела, цвет кожи, волос и глаз, форму ушной раковины и химический состав запахов и

потовых выделений Логи.

Кроме того, компьютер сверил отпечатки пальцев, кисти и ступни.

К несчастью, несмотря на то что результаты проверки его удовлетворили, компьютер отказался повиноваться андроиду, пока тот не скажет кодовое слово.

— Какая жалость! — сказал Бертон друзьям. — Все упирается в одно лишь слово или фразу, однако вариантов может быть больше миллиона!

Ответом ему было угрюмое молчание; даже Ли По в кои-то веки не раскрыл рта.

Через две минуты Алиса, которая напряженно хмурилась и кусала губы, нарушила тишину:

— Я знаю, что никто из вас не верит в женскую интуицию. Я и сама в нее не верю в общепринятом смысле. Мне кажется, это одна из форм логического мышления, не подчиняющегося правилам логики, будь то аристотелевской или символической. И, кстати, я не думаю, что «женская интуиция» — можете называть ее как хотите — присуща исключительно женщинам. Да, так о чем бишь я?

— Вот именно — о чем ты? — поддразнил ее Бертон.

— Вообще-то идея совершенно дикая и глупая. Вы сочтете меня полной идиоткой!

— Мы будем рады любому предложению, — серьезно сказал Бертон. — Я обещаю не смеяться.

— Мы тоже, — поддержал его Фрайгейт. — А даже если мы и посмеемся, какая тебе разница?

— Дело в том, что моя догадка совершенно бессмысленна, сказала Алиса. Хотя, с другой стороны, возможно, какой-то смысл в ней все-таки есть.

Лога любил выкидывать всякие фокусы, довольно детские, на мой взгляд, но тем не менее…

— Что «тем не менее»? — нетерпеливо спросил Бертон.

— Это просто догадка. Шансы, что она подтвердится, ничтожно малы. Но…

Я не знаю. Попробовать можно. Много времени это не займет.

— Бога ради, да не тяни же! — воскликнул Бертон.

— Помните вы, что крикнул Лога перед своей мнимой смертью?

— «Ай цаб ю», — сказал Бертон. — На языке этиков это значит «Кто ты?»

— Верно. А не мог он дать нам ключ, произнести настоящую кодовую фразу?

Он был бы дико доволен, понимая, что мы нико-

гда ею не воспользуемся. До нас просто не дойдет, что это самый главный ключ, открывающий доступ к компьютеру. И Лога не мог удержаться, чтобы не бросить нам его. Мы-то думали, что он обращается к своему убийце, но такой личности, как мы теперь знаем, просто не существует. И в то же время…

— Он совсем, должно быть, спятил, если решился играть с нами в такие игры, — проговорил Бертон.

— Ну так что?

— Это вздор, но проверка займет всего минуту, откликнулся Фрайгейт. — Что мы теряем? А потом, Алиса у нас хоть и скромничает, но психолог она действительно блестящий.

— Благодарю, — сказала Алиса. — Я не очень-то хорошо разбиралась в людях, когда попала в Мир Реки, но мне пришлось развить в себе сей талант, чтобы выжить.

Они вошли в комнату к спящему андроиду. Бертон ласково разбудил его, дал ему чашечку кофе, а затем медленно и внятно объяснил, что от него требуется. Андроид встал лицом к стенному экрану и произнес:

— Ай цаб ю.

На экране вспыхнули буквы алфавита этиков.

— Это значит: «К работе готов», — сказал Бертон.

Потом андроид заявил, что передает главное управление компьютером Бертону. Но компьютер отказался выполнить приказ.

— И что теперь? — приуныл Фрайгейт.

Бертон, подозвав к себе андроида, вышел с ним в коридор, хотя и не был уверен в необходимости такой предосторожности. Но он не хотел рисковать.

Проинструктировав андроида, Бертон из дверей наблюдал за тем, как он отдает команды. И компьютер подчинился.

Друзья бросились поздравлять друг друга, обнимать, а Ли По даже что-то сплясал.

Андроид приказал компьютеру воскресить в долине всех, чьи имена содержатся в памяти, за исключением нескольких лиц, внесенных в отдельный список. Таким образом, отныне процесс воскрешения будет продолжаться вплоть до завершения проекта.

Андроид также заявил, что хочет отменить все меры безопасности, касающиеся его самого, то есть Логи. Компьютер мгновенно ответил, что команда выполнена, и показал схему, на которой были отмечены все тайники, где Лога спрятал

свои матрицы.

— Отлично! — улыбнулся Бертон. — Если нужно общаться с компьютером через андроида, пускай. Это я переживу.

У них ушел целый час, чтобы собрать все тридцать девять желтых шариков, рассованных по разным комнатам и этажам.

— Я был бы полностью уверен, что Лога не сможет воскреснуть без нашего ведома, — сказал Бертон, — не будь он таким хитрецом. А вдруг он припрятал парочку матриц, не поставив компьютер в известность?

— В таком случае он не сможет воскреснуть, — откликнулся Фрайгейт, поскольку компьютер, не зная о существовании матрицы, не выполнит операцию воскрешения.

— Лога мог сунуть шарик в конвертер, соединенный с компьютером только как с источником связи. А процесс осуществило бы периферийное устройство.

— Значит, мы прикажем главному компьютеру докладывать нам обо всех необычных командах. Лога запретил машине выдавать данные об использовании энергии, но мы же сняли этот запрет!

— Придется пойти на риск. Мы не можем сидеть

сложа руки из-за того, что остается крохотный шанс на воскрешение Логи.

Друзья согласились с Бертоном и начали сызнова заселять башню, предварительно вычистив как следует три личных мира. Все трое единодушно поддержали предложение Бертона рассказать обитателям долины Реки всю правду, от начала и до конца.

— Этики считали необходимым распространять полуправду с помощью Церкви Второго Шанса, поскольку верили в силу религиозного чувства. Но я верю, что нужно рассказать всю правду, приятна она или нет. Мы воскресим здесь группу людей, дадим им пожить немного в башне, а потом отправим их в долину, снабдив фотографиями и кинопроекторами на батарейках. Это должно убедить скептиков. Правда будет распространяться очень медленно из-за громадного населения и длины долины Реки, но со временем дойдет до каждого. Конечно, найдутся такие, кто откажется верить. Что ж, пускай это будет их личное горе.

Логу поместили в морозильную камеру.

Ли По воскресил своих друзей; Алиса — Монтейта Магленну и еще нескольких человек, включая своих сестер Эдит и Роду; Фрайгейт —

Софи Лефкович и двадцать ее товарищей; Бертон — блондинку Логу из племени древних тохаров, Сирано де Бержерака, титантропа Джо Миллера, неандертальца Казза, Тома Терпина, барона Жана Марселина де Марбо и многих других, избранных Логой для борьбы с этиками.

Шесть месяцев спустя Бертон пригласил всех жителей башни, числом уже более двухсот, к себе во дворец на обед. Когда со столов убрали посуду, он велел андроиду ударить в огромный бронзовый гонг у себя за креслом. Потом встал и поднял кубок с вином.

— Граждане башни, прошу внимания! Я предлагаю тост. За нас. — Все выпили, и Бертон тут же продолжил:

— Еще один тост. За всех, имеющих двойное гражданство — земное и Мира Реки!

Он поставил кубок на стол.

— Все мы живем здесь уютно и счастливо, и я молю Бога, чтобы так продолжалось до прибытия жителей Мира Садов. А может, и после тоже. Но, когда придет срок, мы будем вынуждены, хотим мы того или нет, вернуться на обновленную Землю или же кануть в небытие. Я надеюсь и верю, что все здесь сидящие будут признаны достойными переселиться на Землю, где мы будем

наслаждаться жизнью до тех пор, пока не остынет земное ядро, после чего сможем переселиться на новую планету. Впрочем, это случится через много миллионов лет — и кто знает, как все изменится за столь долгое время?

Бертон сделал паузу, отпил вина, снова поставил кубок и оглядел своих гостей.

— Насколько я понимаю, конвертеры будут питаться энергией земного ядра.

Но ее придется тратить лишь на воскрешение тех, кто умрет на Земле, а поскольку население будет избранным и немногочисленным, энергии потребуется немного. Питающих камней там не будет, и конвертеры не станут снабжать нас пищей. Мы будем выращивать себе пропитание сами, в земной почве. Земля, если все пойдет по плану, предусмотренному этиками, превратится в чудесную и спокойную планету, где воцарится мир и гармония — хотя я сомневаюсь, что лев возляжет рядом с ягненком. По крайней мере, если будет голоден. Львы никогда не соглашались считать траву питательной едой.

И, конечно же, даже признанные достойными «продвижения» не будут совершенны. Ни один человек, за очень редкими исключениями, которые служат для нас недосягаемым примером, не

способен достичь совершенства.

Гости смотрели на Бертона так, словно тщетно пытались понять, к чему он клонит.

— Некоторые из вас, я уверен, с большим удовольствием предвкушают будущую жизнь на Земле. Вы знаете, что там вас ждет множество интеллектуальных приключений, ибо возможностей для научных исследований и художественного творчества на Земле будет не меньше, чем в башне. И вы радуетесь при мысли о безмятежной, упорядоченной и безопасной жизни. Такая перспектива наполняет ваши души восторгом.

Бертон запнулся и нахмурился.

— Однако у нас есть альтернатива той Земле, которую я описал. Обследовав космические корабли, стоящие в ангаре, я убедился, что они не нуждаются в высокопрофессиональных экипажах для управления. Сами по себе суда эти очень сложны, но даже двенадцатилетний ребенок, после недолгого обучения, сможет привести такой корабль в любую точку Вселенной. Если, конечно, у него хватит топлива.

Фрайгейт улыбнулся и, подняв руку, сложил большой и указательный пальцы в колечко.

— Что, если мы откажемся возвращаться на Землю с ее утопическим раем?продолжал Бер-

тон. — Что, если мы предпочтем другой образ жизни? Ведь даже если нам удастся полюбить описанную мною Землю, еще не сказано, что все мы туда попадем!

Зато мы все без исключения можем сесть на корабль — на все корабли, что есть в ангаре, если захотим, — выбрать по каталогу навигационной системы девственно чистую планету и улететь туда.

Что ожидает нас там — нас, разношерстную группу почти бессмертных людей разных рас, наций, языков и эпох? Конечно, не та роскошная и легкая жизнь, какой мы наслаждаемся здесь, или более скромная, но не менее легкая жизнь на Земле. Даже взяв с собой записи научных и технических достижений этиков, мы практически не сможем ими пользоваться в течение нескольких столетий. Нам придется долго ждать, пока население планеты увеличится настолько, чтобы хватило рук для черной и трудной работы по добыче сырья и его обработке.

Этики разместили генераторы ватанов с записывающими устройствами на многих планетах, как и на нашей Земле в свое время. Мы сможем иметь там детей, поскольку они будут рождаться с ватанами, а стало быть, будут обладать само-

сознанием и свободой воли. Но, — Бертон вновь внимательно оглядел аудиторию, — если кто-то из нас или наших детей умрет, то останется мертвым надолго. Возможно, навсегда. Сумеют ли этики проследить наш путь, мы выясним сразу, как только прибудем на место. Не исключено, что нас признают достойными и позволят жить дальше. А может, и нет. Но в любом случае… если мы умрем рано, то это будет надолго, поскольку этики доберутся до нашей планеты, быть может, лишь через много тысячелетий. И даже если наши потомки сумеют построить необходимую для воскрешения аппаратуру, откуда нам знать, захотят ли они нас воскрешать? Мы не в силах предугадать, какая политическая, религиозная и экономическая ситуация сложится на планете к тому времени. Наши потомки могут решить, что лучше оставить нас покойниками.

И это далеко не самое худшее, что может с нами случиться. Сначала, когда мы высадимся на планету, построим своими руками жилища, возделаем землю, посеем зерно и пожнем урожай, дадим жизнь первому поколению, мы будем довольно-таки гармоничным обществом. Но по прошествии веков и тысячелетий наш общий язык, эсперанто, разделится на диалекты, а затем

и на языки, которые будут отличаться друг от друга не меньше, чем французский от албанского. И хотя смешанных браков будет много, некоторые группы наверняка сохранят свои расовые особенности, и наш отважный новый мир поделится на расы.

Разные языки и разные расы. В точности как на старой Земле. Зато нам не грозит однообразие.

И как бы ни старались мы воспитывать детей с любовью, со временем, после смены нескольких поколений, а то и гораздо быстрее, население планеты станет таким же, каким оно было на прежней Земле.

Дамы и господа! Приложив немало усилий, пережив неисчислимые трудности и опасности, создав по возможности наиболее справедливое общество для всех, мы тем не менее неизбежно станем свидетелями его деградации. Как и на Земле, оно расслоится на сильных и слабых, бедных и богатых, ведущих и ведомых, смелых и трусливых, глупых и умных, открытых и замкнутых, дающих и берущих, милосердных и равнодушных или жестоких, отзывчивых и черствых, нежных и грубых, мучителей и жертв, разумных, полубезумных и ненормальных.

Там будет ненависть, но и любовь, отчаяние,

но и радость, поражения, но и победы, горе, но и счастье, безнадежность, но и надежда.

Бертон мельком посмотрел на слушателей, охватив все лица единым взглядом. Они предчувствовали, что он скажет дальше — если не точные слова, то смысл наверняка.

— Зато… жизнь наша будет полна разнообразия, богата всеми красками спектра, чего не сможет дать нам безопасное существование на Земле.

Дух приключений не покинет нас.

Мы откажемся от земного рая, но захватим толику рая с собой — и, я уверен, немалую долю ада. Может ли рай существовать в пустоте? Если не будет ада, как вы узнаете, что живете в раю?

Я спрашиваю вас, друзья мои, и даже тех, кто, возможно, не хочет быть мне другом, что мы выбираем? Новую Землю? Или неизведанное?

Аудитория молчала. Наконец голос Фрайгейта разорвал тишину:

— Это что, риторический вопрос? Куда ты сам собрался, Дик?

— Ты знаешь куда, — ответил Бертон.

И махнул рукой, показывая на звезды.

— Кто со мной?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотя автору, конечно, хотелось бы верить, что каждое его слово останется запечатленным в сердцах читателей навеки, некоторые события предыдущих четырех романов о Мире Реки, быть может, потускнели в чьей-то памяти. Поэтому представляю вам краткое изложение приключений, завершающихся в книге «Боги Мира Реки».

* * *

Ричард Фрэнсис Бертон, знаменитый (или печально знаменитый) английский исследователь, лингвист, писатель, поэт, воин и антрополог умирает в 1890 году после Рождества Христова в возрасте шестидесяти девяти лет. Вопреки своим ожиданиям, он пробуждается от смертного сна в просторном помещении, где в воздухе парят миллиарды тел. Все они человеческие, за исключением одного, которое находится рядом с Бертоном. Это тело, хотя и гуманоидное, явно не относится к виду гомо сапиенс. Бертон не успевает выбраться из помещения, поскольку появляются двое человек в каком-то летательном

аппарате, и он теряет сознание.

Когда Бертон снова приходит в себя, он лежит обнаженный на берегу широкой реки в узкой долине, зажатой с обеих сторон высокими неприступными горами. Тело у него такое, каким было в двадцать пять лет, только без шрамов. И он всего лишь один из тридцати пяти миллиардов людей, воскрешенных под неведомыми небесами на берегах реки длиною в десять миллионов миль.

Воскрешение, как покажут последующие события, не было вызвано сверхъестественными силами. Его обеспечила научнотехническая аппаратура, изобретенная существами, которые в начале первой книги («В тела свои разбросанные вернитесь») остаются неизвестными. Существа эти зовутся этиками, и они разместили записывающие устройства на Земле задолго до того, как там появился первый обезьяночеловек. (По крайней мере, так Бертону и другим было сказано по ходу развития событий.) Устройства записали данные всех без исключения людей, начиная от момента их зачатия и кончая смертью.

И, как выясняется в книге четвертой, под названием «Магический лабиринт», души (а на языке этиков — «ватаны») имеют искусственное происхождение. Такой штуки, как естественная

душа, не существует; душой наградили человечество этики.

Обитатели Мира Реки поначалу считают, что в долине воскрешены все люди, жившие на Земле приблизительно с 2 000 000 года до Рождества Христова по 2008 год христианской эры. Но вскоре выясняется, что умершие до пятилетнего возраста дети, умственно отсталые люди и явные психопаты не воскресли в Мире Реки. Их, как Бертон узнает от этикаотступника, пробудили от смерти на планете под названием Мир Садов. В долине Реки — это станет известно в следующей книге — находятся люди, жившие примерно с 99 000 года до Рождества Христова по 1983 год христианской эры. А когда текущий проект этиков будет завершен, они воскресят тех, кто умер после 1983 года.

Этики — наследники нескольких предшествующих цивилизаций, в том числе и негуманоидных, — взяли на себя нелегкий труд записать и воскресить разумные виды жизни множества планет по всей Вселенной. Не сделай они этого, все разумные виды умирали бы навеки.

Несколько этиков, маскируясь под землян, распространили в Мире Реки религиозную концепцию «продвижения». Жители долины, не

соответствующие определенным и весьма высоким этическим стандартам — иными словами, не сумевшие стать «хорошими», не смогут жить дальше. По истечении столетия проект будет закрыт, и те, кто не достигнет надлежащего уровня нравственного развития, умрут навсегда. Ватаны же «продвинувшихся» сольются с божественной сущностью.

Эта концепция насаждается этиками с помощью различных религий, в том числе, например, Церкви Второго Шанса. Миссионеры шансеров обучают заодно своих последователей говорить на эсперанто. Смешение народов из разных эпох и времен настоятельно требует языка, понятного для всех.

Бертона и некоторых других героев посещает некий этик, скрывающий свое имя. Бертон зовет его «Икс», или «Таинственный Незнакомец». Икс (он же Лога, член Этического Совета Двенадцати, как выясняется в книге «Магический лабиринт») вынашивает планы, противоречащие планам его товарищей этиков.

Объяснений этому он приводит множество, однако настоящая причина его отступничества изложена в книге четвертой. Икс вербует некоторых из воскрешенных, чтобы те помогли ему

совершить переворот. Среди избранных оказываются Бертон, Сэм Клеменс, Сирано де Бержерак, гигантский титантроп по имени Джо Миллер и другие незаурядные мужчины и женщины.

Река, как они узнают, вытекает из маленького моря на северном полюсе планеты, прочерчивает своими извивами и изгибами одно полушарие, огибает южный полюс, а затем, проделав такой же извилистый пусть по другому полушарию, впадает обратно в свой источник — полярное северное море.

С каменного дна этого моря поднимается ввысь исполинская башня, воздвигнутая этиками, — их штаб-квартира, в которой находится громадный протеиновый мозг компьютера. Там же расположен и центральный колодец, где хранятся ватаны умерших, покуда их тела существуют в виде записанных матриц. Как только человека воскрешают, ватан немедленно воссоединяется с его телом. В этой емкости, то есть в ватане, содержится вся память личности, а также ее самосознание. Без ватана человек был бы не в состоянии сохранить целостность своей личности.

В книге первой («В тела свои разбросанные вернитесь») описываются в основном устройство Мира Реки и попытки Бертона удрать от этиков,

которые обнаружили, что его воскресил в предварительной камере некий их коллега-предатель. Бертон во время бегства совершает 777 самоубийств, но в конце концов попадается этикам в руки. Его допрашивает в башне Совет Двенадцати, один из членов которого — отступник. Этики подключаются к памяти Бертона, надеясь увидеть предателя его глазами. Однако тот тайно перестраивает некоторые компьютерные цепи и в результате заставляет Совет поверить, что все воспоминания Бертона о допросе стерты. На самом же деле Бертон возвращается в долину с нетронутой памятью.

В книге второй («Сказочный пароход») американский писатель Сэмюэль Клеменс мечтает о постройке большого колесного речного парохода, чтобы проплыть по реке до ее источника, а затем пробраться в башню. Но он довольно долго не может осуществить свою мечту, поскольку планета бедна железом и другими металлами. Икс отклоняет большой железо-никелевый метеорит с его естественного пути, чтобы тот упал в долине, и таким образом снабжает Клеменса металлом. Но пароход у писателя крадет его партнер, король Иоанн Безземельный, брат Ричарда Львиное Сердце. Сэм клянется, что построит новое судно,

поймает Иоанна и отомстит.

В книге третьей («Темные замыслы») Клеменс, преодолевая многочисленные трудности, заканчивает строительство второго парохода, который у него тоже пытаются украсть. После его отплытия другая группа людей строит дирижабль и улетает на нем к башне. Но в башню проникает только один член команды — и не возвращается оттуда. На обратном пути экипаж разоблачает Икса, затесавшегося к ним в команду, но тому удается ускользнуть, а дирижабль гибнет от взрыва бомбы, подложенной Иксом, В книге четвертой («Магический лабиринт») встречаются два тяжеловооруженных речных парохода. В результате сражения оба они тонут, а капитаны их погибают почти со всей командой. Среди уцелевших — Бертон и еще несколько человек, завербованных Иксом. Они поднимаются вверх по реке в маленькой лодочке, потом карабкаются по скалистой горной гряде, опоясывающей северное море. Бертон уверен, что Икс тоже среди них. И когда путники проникают в башню через вход, тайно подготовленный Иксом, Бертон наконец устанавливает личность Таинственного Незнакомца.

А между тем из-за долгого отсутствия жителей

— этиков и их агентов (убитых Иксом) — механизмы башни остались без присмотра и нуждаются в настройке. Но поскольку настраивать их некому, клапан, регулирующий поступление морской воды, заклинивает, и протеиновые мозги компьютера оказываются под угрозой. Если клапан срочно не починить, то компьютер сломается, и весь проект будет обречен, а все телесные матрицы погибнут.

В числе отряда смельчаков находится также Герман Геринг, бывший нацист и рейхсмаршал Третьего Рейха. Он раскаялся в своих земных злодеяниях и обратился в веру Второго Шанса. Геринг жертвует своей жизнью, пытаясь добраться до клапана и починить его, однако терпит неудачу. Кажется, ничто уже не спасет компьютер от гибели — а вместе с ним погибнут все надежды на бессмертие тридцати пяти миллиардов человек.

Но Алиса Лидделл Харгривз, проявив недюжинную изобретательность, придумывает способ, как преодолеть самоубийственное подчинение компьютера определенным запретам, и спасает проект.

Таким образом обитатели долины получают дополнительное время, которое позволит им, как уверяет этикотступник Лога, достиг-

нуть нравственного уровня, необходимого для «продвижения». В остальном же проект будет возобновлен в своем первоначальном виде. Однако этики — коллеги Логи — и их агенты воскрешены не будут, поскольку они помешают выполнению его планов.

Действие книги пятой, «Боги Мира Реки», начинается через несколько недель после событий, изложенных в «Магическом лабиринте».

Филип Хосе Фармер

Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки

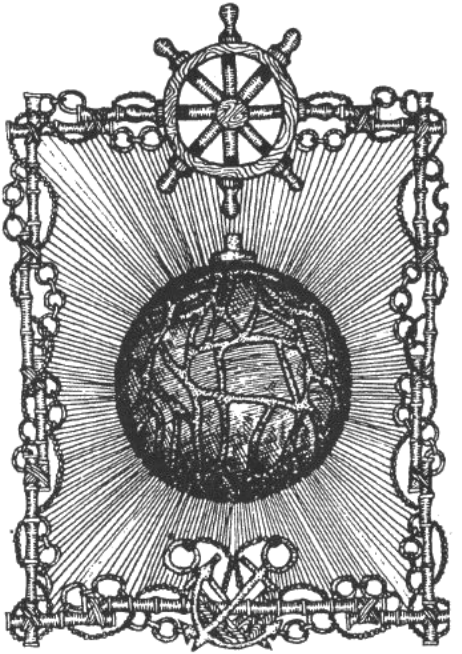
ФИЛИП

ФАРМЕР

Легенды Мира Реки

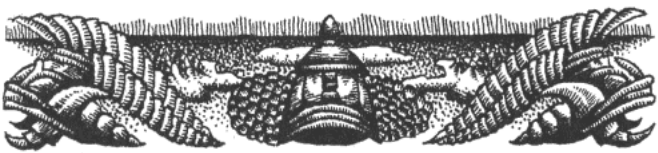
Тайны Мира Реки

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002



ЛЕГЕНДЫ МИРА РЕКИ

Легенды Мира Реки
Предисловие[17]



То, что сейчас перед нами — сборник рассказов разных писателей об одной планете. Это — Мир Реки, первый роман о котором был написан мною и опубликован в 1971 г. Первый роман назывался *«Восстаньте из праха».* Второй — *«Сказочный корабль»* появился в том же году. Затем вышли *«Темные замыслы», «Магический лабиринт»* и *«Боги Мира Реки».*

Книга, которая у вас в руках — мировая антология. То есть, в каждом из рассказов действие происходит в Мире Реки, но все они написаны разными авторами. Этим писателям дана была «карт бланш» относительно ситуаций и характеров, но они должны были следовать построению

---

[17] notes: 17

Foreword by Philip Jose Farmer Copyright © 1992 by Philip Jose Farmer.

и морали Мира Реки так, как было задано мною. Однако, если действие происходит на планете, где протекает река почти в восемнадцать миллионов миль длиной и которая населена более чем тридцатью шестью биллионами и шестьюстами миллионами человеческих существ, которые жили и умерли на Земле в промежуток со 100 000 до н. э. до 1983 н. э., писатели не особенно связаны.

«Через темную реку» — ведущий рассказ, написанный мною. *«Дыра в аду»* — короткий, но сильный рассказ Дэйна Хелстрома — это имя впервые появляется в печати. *«Забавы Мира Реки»* Дженнингса — первая юмористическая история о Мире Реки, какая только написана. *«Веселые молодцы Мира Реки»* Бетанкура — посвящена герою, хорошо известному в западном мире. Что ж, это кстати. *«Рай для дураков»* принадлежит перу Эда Гормана, хорошо известному писателю детективных сюжетов, и это его первый научно-фантастический рассказ. Главный его герой, как можно убедиться, — автор детективов, хорошо известных в двадцатом веке. *«Незаконченное дело»* Вейнберга, *«Всяк человек бог»* Резника и Мальзберга и *«Два вора»* Тертлдава представляют находчивую добродетель и высокую степень воображения, какие мы вправе ожидать от этих

писателей.

А на самом деле я, как один из издателей, отбирая эти рассказы для включения в антологию, очень доволен тем, что они основываются на концепции другого писателя и тех исторических персонажах, о которых они предпочли написать.

Надеюсь, вам эти рассказы понравятся так же, как и мне.

Филип Фармер

Филип Хосе Фармер
Через темную Реку[18]
1

— Как? Ты прописывал лимонный сок, чтобы лечить холеру? Ты вылечивал детей, которые не могли дышать так долго, что их личики становились синего цвета? И молодых женщин в истерическом припадке? Ты засовывал свой мизинец им в задний проход? Presto! Changeo! И они навсегда избавлялись от инфантилизма и от раздражения кожи?

— Что? Вы ищете женщину, которая, как

---

[18] notes: 18

CROSSING THE DARK RIVER by Philip Jose Farmer Copyright © 1992 by Philip Jose Farmer

предполагают, родила ребенка где-то на Реке? Ребенка? В этом мире, где все стерильны и ни одна женщина не забеременела? И вы верите, что это правда? А как насчет того, чтобы купить Бруклинский мост?

— Нет? Тогда как же насчет осколка от Истинного Креста? Ха-ха-ха! И вы верите, что этот ребенок, полученный в результате партеногенеза, — Иисус Христос, родившийся снова, чтобы спасти нас, жителей Долины? И вы пустились в путь вверх по Реке, чтобы найти этого младенца? Да за кого вы себя считаете? За одного из Троих Волхвов? Ха-ха!

Вот потому-то доктор Эндрю Пэкстон Дэвис не останавливался подолгу ни на одном месте, пока его не задержал Ивар Бескостный. Он бродил по Верхней Долине, редко останавливаясь, точно как на Земле, где он был бродягой из бродяг. В 1800-х в ранних 1900-х он бродил по многим городам Соединенных Штатов. Там он читал лекции и практиковался в своем искусстве врачевания, а иногда основывал колледжи по остеопатии. Денвер, Колорадо, Куинси, Миссури, Питтсбург, Пенсильвания, Цинциннати, Огайо, Лафайетт и Индианаполис, Индиана, Даллас и Корсикана, Техас, Бэйкер Сити, Орегон, Лос-Анджелес, Кали-

форния — и многие другие места.

Потом он основал невропатию, эклектическую дисциплину лечения. В ней соединились все лучшие черты остеопатии, хиропрактики, магнетизма, гомеопатии и других систем безлекарственной медицины. Он пропагандировал это вдохновленное Богом Евангелие по всей стране. И написал четыре толстые книги, которыми пользовались остеопаты и офтальмологи и читались многими лечащими наложением рук по всем Соединенным Штатам.

— Из хождения взад и вперед по Земле и из бродяжничества вверх и вниз по ней.

Это был ответ Сатаны Богу, когда Он спросил:

— Откуда ты взялся?

Так нужно было бы сказать и об Эндрю Пэкстоне Дэвисе. Но Дэвис чувствовал отвращение к Сатане, примером для него был Иов, который «был совершенен и прям, и тем, кто боялся Бога и сторонился зла».

С тех пор, как Дэвис проснулся в Мире Реки, он страдал от мучений Иова. Все же, он не колебался в своей вере больше, чем Иов. Должно быть, этот мир сотворил Бог, но Великий Искуситель тоже здесь присутствовал. Для того чтобы это понять, достаточно взглянуть на здешних жителей.

Жители Мира Реки чаще всего видели во сне потерянную Землю. Единственным исключением был кошмар о массовом воскрешении в День Великого Крика, когда все мертвые кричали одновременно. Ну и звук должен был получиться!

Доктор Эндрю Пэкстон Дэвис часто просыпался, испуская стоны, иной раз крики, стряхивая с себя этот кошмар. Но бывало, что он видел другой сон, который расстраивал его куда больше.

Например, ранним и все еще темным утром пятой годовщины Дня, он болезненно очнулся от внушенного Миром Реки кошмара. Не ужас, но стыд и унижение написали сценарий для этого драматического сна.

Он получил диплом доктора медицины в медицинском Колледже Раша в Чикаго в 1867 году. Но, много лет проработав врачом в сельских местностях Иллинойса и Индианы, он стал недоволен своей практикой. Он всегда был правдоискателем, а тут убедился, что новая наука и искусство лечения, установленные доктором Эндрю Тэйлором Стиллом, повсюду пробивает себе дорогу. Дэвис был одним из первых, кто закончил обучение в заново открытой школе остеопатии в Кирксвилле, Миссури, в 1893 году.

Но, в результате исследований и исканий, он

решил, что одной остеопатии недостаточно. Отсюда — его собственная наука и учрежденный им колледж невропатии в Лос-Анджелесе. Когда он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет от рака желудка — в его кошмарах повторялась в том числе и та долгая агония — он все еще был главой процветающего медицинского учреждения.

Однако медицинская наука значительно усовершенствовалась со времени его рождения в 1835 до его смерти в 1919 году. И далее она развивалась с невероятной скоростью. Люди из последних лет двадцатого столетия, информировавшие его об этом, рассказывали Дэвису такие вещи, которые звучали чем-то вроде фантастических романов Г. Д. Уэллса.

Тем не менее, в течение первых двух лет его пребывания в Мире Реки он с гордостью рассказывал врачам, которых встречал, о своих знаниях и свершениях. Он также укрепился в вере в новое рождение Спасителя. Так много людей над ним смеялось, что он сделался крайне осторожным в своих рассказах докторам медицины о том, что практиковал искусство излечения. Он хотел бы стать столь же скрытным и в откровенностях о своей задаче непрофессионалам. Но как он смог бы найти Святую Мать и Святое Дитя, если бы

Дэвис не рассказывал людям о том, как он их ищет?

Этим утром Дэвис проснулся и лежал весь в поту, причиной которого вовсе не была температура. Через некоторое время он смутно припомнил один сон, предшествующий тому сну, который вызывал насмешки и глумление.

Он стоял на вершине холма возле башни и как раз начал спускаться с холма, когда услышал, что его зовет король. Дэвис обернулся и посмотрел вверх сквозь сумерки, которые окутывали все его сны. С вершины башни на него пристально смотрел Ивар Бескостный. Как обычно, король слегка улыбается. Рядом с королем Энн Пуллен, королева не только страны Ивара, но и всех шлюх всего мира, высунулась в пространство с верхней стены. Ее обнаженные груди свисали над вершиной камня. Потом она подняла одну грудь и швырнула в Дэвиса.

Внезапно рядом с этими двумя появился Шарко Стряпчий. Шарко, человек, который был бы невероятно несчастен, если бы мог понять, как он отвратителен. Но Шарко неспособен был вообразить, чтобы он мог кому-то не понравиться. Ему не раз давали прочные доказательства: пинки, шлепки, проклятия — в том, что его любят

вовсе не все, не раз его жестоко избивали. Все же его ум не воспринимал этих доказательств, а хранил свой собственный образ неоспоримым и несокрушимым.

Эти трое были самыми значительными существами во время пребывания Дэвиса на земле Ивара. Он хотел бы посадить их в ракету и выстрелить ими куда-нибудь в звезды. Таким образом он бы предохранил их от нового возрождения где-нибудь на Реке — а тем самым, избежал бы новой встречи с ними. Кроме как в своих кошмарах, разумеется.

Позже, через несколько часов после рассвета, Дэвис поднимался на холм к башне, закончив рыбную ловлю в Реке. Он ничего не поймал и потому был в дурном настроении. Вот тут-то он и встретил сумасшедшего, наряженного клоуном.

— Доктор Фаустролл, мы полагаем?

Человек, говоривший до странного ровным голосом, протягивал невидимую визитную карточку.

Дэвис посмотрел на кончики большого и указательного пальцев, как будто бы этот человек действительно держал в них визитную карточку.

— Отпечатана огненными буквами, — объяс-

нил этот человек. — Но, чтобы их увидеть, вы должны обладать огненным сердцем. Однако же, воображаемые овалы лучше всего видны в воображаемом неосвещенном треугольнике. Чем темнее место, тем ярче высвечивается шрифт. Как вы могли заметить, теперь утро, и солнце вполне ярко светит. По крайней мере, так кажется.

Этот тип, как все нездоровые люди Земли, должен был быть воскрешен без малейших следов умственного заболевания, которым он страдал на Земле. Но он опять сошел с ума.

На его лбу было начертано что-то вроде каких-то математических формул. Круги у глаз раскрашены желтым, а нос — черным. На верхней губе нарисованы зеленые усы. Рот покрыт ярко-красной губной помадой. На груди красовался вытатуированный голубой вопросительный знак. К веревке, свисающей с плеча и до самого живота, привязана сушеная рыба. Его длинные, густые и очень черные волосы были уложены в форме птичьего гнезда, и прическа держалась, слепленная серой грязью.

А когда этот человек наклонил голову, стала видна верхняя часть яйца в этом гнезде. Дэвис легко смог его увидеть, потому что незнакомец был меньше ростом, чем он. От движения головы

яйцо не скатилось. Значит, оно, должно быть, приклеено рыбьим клеем к макушке. Деревянное раскрашенное псевдо-яйцо, понял Дэвис, предназначено для того, чтобы думали, будто его снесла кукушка. Вполне уместно. Незнакомец, безусловно, был кукушкой.

Единственной одеждой этого клоуна было большое зеленое полотенце, обвязанное вокруг бедер. Серый цилиндр его грааля помещался повыше босой ступни. У большинства людей были мешки из рыбьей кожи, вмещавшие нехитрые пожитки. Мешка у этого типа не было, он обходился даже без оружия. Зато нес бамбуковую удочку.

Незнакомец сообщил:

— На Земле мы были король Убу. Здесь мы доктор Фаустролл. Мы действительно заслужили этого повышения. Кто знает? Возможно, мы еще заработаем себе путь на самый верх и сделаемся Богом — по крайней мере, займем его пустующий трон. А в настоящий момент мы — патафизик, доктор патафизических наук, к вашим услугам. Это не особенно удобная степень, в некотором смысле, но во всех смыслах это степень высокая, она включает Фаренгейта и Келвина.

Он начал укладывать свою воображаемую карточку в воображаемый карман воображаемого

пиджака.

Дэвис сказал:

— Я ее возьму, — и протянул руку. Если отнестись к этому патафизику с юмором, чем бы ни была эта наука, это, по крайней мере, предотвратит его враждебное отношение.

Дэвис поднял свою руку к обнаженной груди, чтобы изобразить, будто достает визитную карточку из внутреннего кармана пиджака. Он протянул ее:

— Эндрю Пакстон Дэвис, доктор медицины, Оф. Д., Н.Д., Д.О., Д.Ц.

— А где же остальной алфавит? — спросил Фаустролл, все еще придерживаясь ровного тона голоса. Но притворился, будто взял карточку, прочел ее, затем положил в свой пиджак.

— Я сварил из него суп, — ответил Дэвис. Его голубые глаза подмигнули.

Карие глаза доктора Фаустролла повторили подмигивание, он улыбнулся:

— Теперь, если вы будете так добры, чтобы проводить нас к правителю этого места, неважно, как ее — или его — имя, мы представимся, и, возможно, представим более, чем единственную нашу личность, и попросим места — или мест.

Дэвис вздрогнул:

— Как? Вы не знаете, где находитесь? Стража вас не остановила? Как же вы прошли мимо них?

Доктор Фаустролл указал на невидимый предмет у своей правой ноги:

— Мы пронесли нас через границу в нашем чемодане. Стража его не заметила. Была полночь и облачно. Кроме того, мы дремали.

— Это должен быть очень большой чемодан, если вы в него поместились. Все вы?

— Он очень маленький, но там достаточно места для нас и для нашей совести, — объяснил доктор Фаустролл. — Мы вынимаем совесть из чемодана только тогда, когда намерены ею воспользоваться, что случается не часто. Или когда ее нужно проветрить.

Он поднял грааль одной рукой, а другой — удочку.

Дэвис прикрутил к талии полотенце и взялся за рукоятку своего граальчика. Его хорошее настроение испарилось. Этот тип начинал ему надоедать, а Дэвису не хотелось опаздывать на свидание с королем.

Приняв серьезный вид, он сказал:

— На вашем месте я бы выбрался из этого места как можно быстрее и незаметнее. Если вы этого не сделаете, вы будете работать вместе с теми

несчастными — вон там.

Он показал на берег Реки. Фаустролл повернулся, чтобы внимательно рассмотреть массу потеющих, изможденных, орущих мужчин и женщин. Казавшиеся крошечными фигурками на таком расстоянии, они изо всех сил старались втащить или втолкнуть в Реку при помощи бревен с приделанными к ним колесами необработанный блок гранита в форме куба и размером с хорошее бунгало. Передняя стенка гранита стояла на двух деревянных катках, обильно смазанных рыбьим жиром, таким образом блок погружали в воду.

— Они строят пирамиду под поверхностью Реки? — предположил Фаустролл.

— Неужели вы должны нести такую бессмыслицу? — рассердился Дэвис. — А почему вы не спрашиваете, зачем я даю вам совет убираться отсюда со всей возможной быстротой, с какой только ваши ноги могут вас унести?.. То есть, если вы на это способны, в чем я сильно сомневаюсь.

— Не существует такая вещь, как бессмыслица, — не согласился Фаустролл. — На самом деле то, что вы называете бессмыслицей, содержит куда больше смысла, чем то, что вы называете смыслом. Или, возможно, не существует такой конкретной абстракции, которую мы обозначаем

термином — смысл. Но ведь если нет смысла, так нет и бессмыслицы. Мы сказали.

2

Дэвис вдохнул:

— Если вы не возражаете рискнуть тем, чтобы попасть в рабство, и, возможно, подвергнуться пыткам, пошли со мной. Не говорите же, что я не пытался вас предупредить.

Они стояли на краю покрытой травой, точно ковром, равнины. Теперь они начали подниматься по склону подножья холмов. Дэвис, рыжеволосый человек среднего роста и правильного сложения, за исключением слишком больших рук, вел своего спутника. Сумасшедший шел медленно, потому что он изучал окружающую местность. Хотя горы поднимались прямо до высоты в двадцать тысяч футов, холмы шириной в милю и такой же ширины должны по обе стороны Реки шириной в милю были типичны для большей части русла Реки, но не такова была человеческая деятельность. Многие мужчины и женщины вырезали большие блоки камня из вертикальной поверхности горы и спускали их с подножья. Трава на пути тяжелых предметов

была сокрушена, почва помята. Но трава была такая жесткая, что она не гибла.

Недалеко от нижнего края основания горы лежали дополнительные дубовые бревна на колесах, предназначенные для того, чтобы передвигать блоки через долину. Посередине долины несколько групп людей затягивали веревки, повязанные вокруг блоков, а другие люди суетились у задней стороны блоков.

Когда их притащат к краю Реки, их поместят на колеса и спустят в воду.

Как в большинстве мест, за несколько ярдов от берегов Река была мелкой, а берега всего на несколько дюймов возвышались над Рекой. А затем уровень дна внезапно опускался, точно скала, по крайней мере, на милю вниз, где находилось самое дно, где водилось множество рыб самых странных видов.

Не только берег кишел людьми, но и сама Река была полна кораблей и лодок, маленьких и больших. И два громадных деревянных крана на берегу были близки к завершению.

На другом берегу Реки происходило то же самое. Даже за то время, пока Фаустролл наблюдал, два гигантских каменных блока на той стороне соскользнули с колес в воду и исчезли. В потрево-

женной воде образовалось множество пузырей, которые лопались.

Внезапно Фаустролл догнал Дэвиса.

— Мы не делаем выводов поспешными скачками, — заметил он, — и даже не подходим к ним шагом. Но нам кажется, что это рабочие пытаются заполнить Реку. И не особенно в этом преуспевают.

— Дамбу строят, — объяснил Дэвис. Он ускорил шаг. — Ивар и тот, другой дурень на том берегу, король Арпад, намерены загородить течение каменными блоками, даже если это займет у них сто лет. Тогда они смогут препятствовать любым судам проскальзывать мимо стражи ночью. И еще они будут брать пошлину с торговых судов, плавающих вверх и вниз по Реке мимо этого места. А еще Ивар думает, что он сможет прорваться через горы к противоположной стороне долины. Он захватит страну на той стороне и будет ею править. А для торговли с другой стороной будет использовать туннель. И еще у Ивара есть мечта, что прорубание туннелей поможет открыть большие месторождения железа. Гордость идет перед неудачей. Он будет страдать участью известного Нимрода, который построил Вавилонскую башню, считая, что сможет завоевать хозяев неба…

— Как же им удается резать гранит кремневыми инструментами? — удивился Фаустролл.

— А им и не удается. Но эта территория благословенна — или проклята — подземными залежами меди и олова. Это единственное месторождение на тысячи миль в любую сторону отсюда. Ивар и его армия викингов и франков захватили эти земли три года назад, вот почему у него есть бронзовые инструменты и оружие.

Поднимаясь на холм, они услышали громкий взрыв — это взорвали скалу черным порохом. Когда они остановились на вершине, они услышали громкий звон. Под ними, за небольшой долиной, виднелся более высокий холм, на вершине его стояла большая круглая башня из гранитных блоков. Ее основание окружал ров.

Под ними двоими в долине виделись кузницы, литейные мастерские, большие плавильни для изготовления руды, содержащей олово и медь, и круглые бамбуковые хижины, где жили рабочие, с крышами конической формы из листьев. Грохот, жара и вонь удушающей волной прокатились по двум наблюдателям.

— Люди притащили с собой с земли ад в это прекрасное место, — сказал Фаустролл. — Им бы искать духовного прогресса, а не материальных

выгод и завоеваний. Вот почему, как мы верим, нас поместили в это чистилище. Конечно же, без науки патафизики им не удастся выполнить свою задачу. С другой стороны, влево или вправо, нам неизвестно, не получилось ли это все случайно. Но случайное не обязательно означает бессмыслицу.

Дэвис фыркнул, выразив свое презрение к этому замечанию.

— И что же такое патафизика? — спросил он.

— Друг наш и собрат-доктор, давайте-ка заполним брешь, образованную нашим разговором и нападкам на определение патафизики. Почти невозможная задача, ибо патафизика не может быть объяснена не в патафизических терминах.

Патафизика — это наука о реальности, находящейся за пределами метафизики. Она лежит настолько далеко от метафизики, как метафизика лежит за пределами физики — в одном направлении, или в другом, или, возможно, еще в каком-нибудь. Патафизика — наука особая, о законах, управляющих исключениями. Улавливаете мою мысль до сих пор?

Дэвис только закатил глаза.

— Патафизика, обратите внимание, может быть центром материи, патафизика — наука о во-

ображаемых решениях. Но только воображаемые решения реальны.

Дэвис простонал, как будто получил легкий удар ниже пояса.

— Для патафизики все предметы равны, — продолжал Фаустролл. — Патафизика, некоторым образом, наука хладнокровная. И это тоже — главный вопрос, по крайней мере, один из них. То есть, все предметы патафизичны. И все же — немногие люди занимаются патафизикой.

— И вы хотите, чтобы я это понял? — спросил Дэвис.

— Не сразу. Возможно, никогда. И вот — последний замок, который требуется завоевать. За пределами патафизики нет ничего. Это последняя инстанция.

— Что означает?

Фаустролл проигнорировал этот вопрос. Вместо этого он провозгласил:

— Она позволяет каждому мужчине, каждой женщине прожить свою собственную жизнь как исключение, не руководствуясь никакими законами, кроме как его (ее) собственными.

— Анархия? Так вы анархист?

— Оглянитесь вокруг. Мир был создан для анархии. Мы не нуждаемся ни в какой власти, кроме

своей собственной. И все же люди не позволят нам быть анархистами — пока что.

— Скажите это Ивару, — посоветовал Дэвис. Он засмеялся, потом добавил: — Хотел бы я увидеть его физиономию, когда вы будете ему это втолковывать.

— А-а, но что вы скажете о мозгах, прячущихся за этой физиономией? Есть у него мозги?

— О, мозги у него есть! Но его мотивы, приятель, его мотивы!

Они опустились с холма и затем поднялись на вершину другого, более крутого и высокого, чем предыдущие. Мост опустился, но у его внешнего конца оказалось много солдат. Большинство из них играли в настольные игры или в кости, вырезанные из рыбьих. Некоторые наблюдали за состязаниями по борьбе и шуточные поединки. Их конические бронзовые шлемы опускались до самого носа и покрывали частично щеки. Несколько человек щеголяли кольчугами, сделанными из бронзы или соединенных вместе деревянных колец. Все были вооружены мечами и кинжалами, у многих были копья. Кожаные щиты, обшитые бронзой, стояли рядом с ними. У специальной деревянной стойки находились тисовые луки и колчаны, полные стрел с брон-

зовыми наконечниками. Некоторые солдаты говорили между собой на эсперанто, другие — на варварских языках.

Часовые по обе стороны от моста не сделали никакой попытки остановить этих двоих. Дэвис сказал:

— Я королевский остеопат, к королю Ивару. Так как вы со мной, они понимают, что на вас нападать не надо.

— Я люблю, когда на меня нападают, — обиделся Фаустролл. — Кстати, что значит — остеопат?

— Вы никогда не слышали об остеопатии? — Дэвис приподнял свои рыжеватые брови? — Когда вы умерли?

— В День Всех Святых, хотя я не святой в католическом смысле этого слова, в 1907 году. В Париже, который, возможно, вы слышали, находится во Франции, кто знает, на расстоянии скольких световых лет отсюда?

Дэвис сказал только: «А-а!» Это объясняло безумие и вырождение. Он был французом, и, возможно, богемным художником, одним из тех аморальных безбожников, бедолаг, бесчинствующих в трущобах Монмартра или на Левом берегу, или еще где угодно, где только процветала подобная низменная жизнь. Один из этих дадаистов,

или сюрреалистов, или кубистов, или как там их называют, чья безумная живопись, скульптура и писанина ясно показывали, что их создатели насквозь прогнили от греха и сифилиса.

В этом мире никакого сифилиса не было, зато греха — хоть отбавляй.

— А мой вопрос? — напомнил Фаустролл.

— Ах, да! Во-первых — это система лечения заболеваний, она основана на распространенной вере в то, что большинство болезней происходят от давления смещенных костей на нервы и тому подобное. Остеопаты борются с травматическим давлением тем, что устанавливают правильное давление. Разумеется, в ней гораздо больше всего; чем только это. Вообще-то мне редко приходится лечить короля от чего-то серьезного, у него великолепное физическое здоровье. Можно так выразиться, что он держит меня — держит в рабстве, так будет точнее, — как королевского массажиста.

Фаустролл поднял брови и спросил:

— Горечь? Недовольство? Ваша душа, она исходит желчью?

Дэвис не ответил. Они прошли большую прихожую и поднялись по каменным ступеням узкой винтовой лестницы на второй этаж. Пройдя через

маленькую комнатку, они ступили в очень большую, высотой в два этажа и очень прохладную.

Бесчисленные отверстия в стенах пропускали сюда достаточно света, но сосновые факелы и лампы на рыбьем жире делали комнату нарядней. В центре на возвышении стоял длинный дубовый стол. Вдоль него расставлены были дубовые стулья с высокими спинками с резными изображениями норвежских символов, богов, богинь, змей, троллей, чудовищ и людей. Другие столы, поменьше, располагались вокруг большого, а в западной стене находился громадный очаг. Стены украшены были щитами, оружием и большим количеством черепов.

Около десятка мужчин и женщин стояли в ряд, ведущий к громадного сложения мужчине, сидящем на стуле. Сбоку о его стул опиралась дубовая рукоятка бронзового топора.

— Просители и жалобщики, — тихим голосом объяснил Дэвис Фаустроллу. — И преступники.

— А-а, — пробурчал Фаустролл. — Человек с Топором!

— И добавил: — Название одной из наших поэм.

Он показал на красивую блондинку с обнаженными грудями, сидящую на стуле с высокой

спинкой за несколько футов от королевского трона.

— А она?

— Королева Энн, первая кобылица в стойле Ивара, — тихо объяснил Дэвис. — Не сердите ее. У этой потаскушки адский темперамент.

Ивар Бескостный, сын полулегендарного Рагнара Волосатая Задница, бывшего премьером-супергероем эры викингов, поднялся со стула. В нем было, по меньшей мере, шесть футов шесть дюймов роста. Поскольку единственной его одеждой было голубое, как море, полотенце, его массивные плечи, руки, грудь, ноги и плоский перевязанный веревкой живот были открыты. Несмотря на его величину, из-за его быстрых и грациозных движений он больше напоминал пантеру, чем льва.

Единственным его украшением была широкая бронзовая лента вокруг правого предплечья. На ней были изображены три охотничьих рога, соединявшиеся вместе мундштуками и образовывающие трехногую фигуру. Трискелион был священный символ величайшего из северных богов, Одина.

Длинные, волнистые, цвета красной бронзы волосы Ивара ниспадали на его очень широкие

плечи. Его лицо во времена земной жизни Дэвиса называли бы «имеющим суровую красоту». Было, однако, в нем что-то коварное. Хотя Дэвис и не смог бы определить эту черту, которая заставляла его вспоминать о Братце Лисе, он всегда видел перед собой этого персонажа, когда перед ним был король.

Ивар не был единственным военачальником девятого столетия после Рождества Христова во время датского вторжения в Англию. Там правило много местных королей, но обычно английские ораторы двадцатого века знали имя единственного из них. Это был Альфред, которого более поздние поколения будут называть Великим, хотя его сын и внук не меньше заслуживали этого звания. Хотя Альфред спас Уэссекс от завоевания, он не остановил датчан от того, чтобы они захватили большую часть остальной Англии. Ивар был мастером-стратегом в первых датских армиях. Позже он сделался со-королем Дублина вместе с великим норвежским воином-победителем, Олафом Белым. Но династия Ивара правила Дублином в течение многих поколений.

Когда Дэвис и Фаустролл приблизились к королю, Дэвис тихонько предупредил:

— Только не называй его Бескостным. Никто

не может назвать его так прямо в лицо, чтобы не пожалеть об этом. Можешь называть его Иваром, хотя, как он мне поведал, в Норвегии его эпохи его имя было Ингвар. Языки меняются: Ингвар стал Иваром. Его прозвище в старой Норвегии было — Беспощадный, но на их языке это звучало похоже на «Бескостный». Более поздние поколения переиначили его прозвище. Но не называй его и «Беспощадным». Если же назовешь, ты обнаружишь, почему его так прозвали.

3

Доктор Дэвис был удивлен.

Он был уверен, что король сейчас же погонит гротескно раскрашенного и болтающего чепуху француза в загородку для рабов. Вместо этого Ивар велел Дэвису приготовить помещение в башне для Фаустролла, хорошее помещение, не какую-нибудь крошечную и бедную каморку.

— Его научили боги, и он святой. И я нахожу, что он интересен. Последи, чтобы о нем как следует позаботились, и приведи его сегодня вечером на пир.

Хотя эта обязанность была привилегией королевского стюарда, Дэвис не стал возражать.

И даже не спросил Ивара, что он имел в виду, ссылаясь на богов. На Земле Ивар был высоким жрецом скандинавского бога Одина и продолжал ему служить, пока за несколько лет до смерти не был крещен и не перешел в христианскую веру.

Дэвис считал, — возможно, этот напоминающий лиса датчанин решил, что ему не повредит это сделать. Ивар был человеком, способным использовать все лазейки. Но после того, как он воскрес на Реке, викинг отверг обе религии. Тем не менее, на него до сих пор оказывали влияние обе, но куда сильнее та вера, которой он придерживался большую часть жизни.

Ивар отдал свое распоряжение на родном языке, вместо эсперанто. Ивар называл эсперанто «этот монотонный, регулярный, скрипучий и грубый язык». Дэвис достаточно хорошо выучил древненорвежский, чтобы общаться с ним. Две трети говорящих на этом языке происходили из Дублина, где Ивар был королем викингской твердыни, пока он не умер в 873 году. Но большинство из этих людей были наполовину ирландцами, и на них в одинаковой степени влияли германский норвежский и кельтский гэльский. На последнем Дэвис умел говорить, хотя не так хорошо, как по-норвежски.

Так как франки составляли одну четвертую населения Иварова королевства, будучи возвращены к жизни на той же территории, что и датчане, Дэвис немного знал и этот язык. Франки явились сюда из эпохи Хлодвига (умер в 511 г. н. э., в Париже), известный последующим поколениям как Кловис I. Он был королем западных, или салианских франков и завоевателем северной части римской провинции галлов.

Эндрю Дэвис и Энн Пуллен, королева Ивара, были единственными англоговорящими людьми в этом королевстве, кроме нескольких рабов. Дэвис разговаривал с ней только тогда, когда не мог этого избежать. Это бывало нечасто, потому что она любила, чтобы он постоянно давал ей сеансы лечения, во время которых она делала все, что могла, чтобы расстроить его подробными историями многочисленных своих сексуальных встреч и извращений. И она нагло настаивала на том, чтобы он массировал ее груди. Дэвис отказался делать это и нашел поддержку у Ивара, которого, кажется, развлекала эта ситуация.

Никогда Энн Пуллен не признавалась Дэвису, что ей известно, с какой силой он ее ненавидит. Оба, однако, прекрасно знали, как каждый из них относится к другому. Единственным препятстви-

ем для нее отправить его рабом в каменоломни был Ивар. Хотя он слегка презирал Дэвиса, в глубине души он его любил. Он и уважал американца за его знания, особенно в области медицины, и любил слушать рассказы Дэвиса о чудесах его эпохи, о стальных лошадях, движущихся при помощи пара, о беспарусных кораблях, о телеграфе и радио, об автомобиле, аэроплане, о громадных состояниях, награбленных американскими баронами и о фантастической водопроводной системе.

О чем Дэвис никогда не рассказывал Ивару, так это о том, что говорили ему врачи конца двадцатого столетия, которых он встречал — к его огорчению. То есть, то, что многое из лечения пациентов на Земле, введенного им, было основано на неверной медицинской информации. Однако Дэвис был убежден, что его невропатическое лечение, не использовавшее лекарств, оказало пациентам неизмеримые услуги. Безусловно, уровень их выздоровления был выше, чем у тех пациентов, которые прибегали к традиционным докторам и методам лечения.

С другой стороны, врачи допускали, что в области психиатрии, уровень излечения душевнобольных африканскими врачами-колдунами

был таким же, как и уровень пациентов психиатрических больниц. Это допущение, считал он, или недооценивало медицину двадцатого века, или переоценивало колдунов-докторов.

Некоторые из его информаторов допускали, что большое количество физически больных людей поправляются без помощи врачей, или — могли бы поправиться без таковой.

Дэвис объяснял это раскрашенному безумцу по пути в его комнату, хотя его и раздражало то, что ему приходится оправдываться. Фаустролл, кажется, не особенно интересовался. Он только пробормотал:

— Знахари — обманщики. Все обманщики. Единственные истинные целители — это мы, патафизики.

— Я все еще не знаю, что такое патафизика, — сказал Дэвис.

— Она не нуждается ни в каком вербальном объяснении. Только понаблюдайте за нами, переведите наши физические движения и вербальные выражения в свет правды, векторы четырехмерной ротации в фоны правдивости.

— Братец, да тебе нужно иметь разумное основание для твоей теории, и ты должен выражать ее в ясных логических терминах!

— Красно твое лицо, но холодно в комнате!

Дэвис поднял руки над головой:

— Сдаюсь. Не знаю уж, почему я вообще обращаю внимание на то, что ты говоришь! Мне бы следовало быть поумнее. Все же…

— Все же ты способен оценить, хотя и как в тумане, что истина исходит из моих слов! Ты не хочешь этого признавать, но не можешь не признать. Это хорошо. Большинство безволосых двуногих обезьян не имеет ни намека на это, никак не отзываются. Они, точно тараканы-пруссаки, потерявшие усики, а потому не могут ничего ощущать, пока не уткнутся своими хитиновыми головами в стену. Но шок от столкновения заставляет онеметь даже более слабые органы, при помощи которых они мыслят.

Фаустролл взмахнул своей бамбуковой удочкой в сторону Дэвиса, вынуждая его отступить, чтобы не получить по носу костяным крючком.

— Теперь я пойду поищу жидкие тела для тех, кто дышит жабрами.

Фаустролл вышел из комнаты. Дэвис пробормотал ему вслед:

— Надеюсь, пройдет много времени, пока я увижусь с тобой снова.

Но Фаустролл был вроде дурной мысли, кото-

рую никак нельзя отогнать из головы. Через две секунды он уже снова пробрался в комнату.

— Мы не знаем, какова была история королевского остеопата на Земле, — спохватился Фаустролл, — или каков был твой квест, твой светящийся грааль. Есть один постоянный грааль — это Истина. Но есть и временный, и он может превратиться в постоянный (если вообще имеется что-нибудь постоянное), грааль, или необходимые предметы. Или золотое яблочко — это ответ на вопрос: Кто воскресил нас, поместил нас сюда — и почему? Извини. Это не вопрос, это вопросы. Конечно, ответ может быть и такой, что это вообще не имеет значения. Даже если так, нам бы хотелось знать. И опять-таки, как ты сможешь найти ответы на все эти вопросы, если ты не мог их найти на Земле?

Возможно, существа, которые ответственны за этот Мир Реки, знают ответы, которых мы так отчаянно искали на Земле. Мы убеждены, что эти существа из плоти и крови, хотя плоть может не быть протеином, а кровь может не содержать гемоглобина. Не то что Бог, который, если Он и существует, есть дух, и таким образом у него отсутствуют органы для образования звуковых волн, хотя Он, кажется, вполне способен произ-

водить гром и молнию и катастрофы, и, таким образом, должен быть способным образовывать собственные приспособления для устной речи, — не то, что Бог, эти существа должны иметь уста и языки, зубы и, некоторым образом, руки. А потому они смогут нам сказать то, о чем мы хотим знать. Если мы сможем их найти. Если они захотят открыться.

Это наша теория — а мы никогда не теоретизировали беспомощно — наша теория, что Река со всеми своими поворотами и извивами образует гигантский иероглиф или идеограмму. И он будет, не то что иероглифы древних майя или египтян, его тотчас можно будет понять. Откровение придет со светом понимания, а не с падением звезд луны тогда, когда луна станет кроваво-красной, а планеты расколются надвое, и не с приходом Зверя, чей номер 666, и всех этих образов, пробужденных Святым Иоанном.

Дэвис заговорил куда более горячо, чем рассчитывал:

— Чушь! В нашей первой жизни вера, и только вера имела ответы, вера в божественный труд, как сказано в Библии. Как на Земле, так и здесь.

— Но здесь-то нет Святого Писания!

— Есть — в нашем сознании! — громко возра-

зил Дэвис.

— Оно записано здесь! — и он постучал пальцем по виску.

— Как тебе известно, никакая жизнь после жизни, описанная в любой религии, не похожа на эту. Однако мы не спорим. Мы утверждаем истину и движемся дальше, оставляя истину позади себя — но также и неся ее с собой. Но истина достигнута тогда, когда человек перестает размышлять. Это сделать тяжело, признаем. И все же, если мы способны подумать о том, чтобы оставить мысль, мы сумеем перестать думать. Таким образом, когда барьер к постепенному ментальному осознанию сдвинут, молекулы истины проникают в диафрагму.

— Безумие! Чистое безумие! И богохульство!

Фаустролл стал выходить из двери. Оглянувшись через плечо, он сказал:

— Мы идем, и все же это иллюзия. Память об этом событии остается в памяти. Так что — мы все еще здесь, мы не ушли.

Эндрю Дэвис вздохнул. Ему, конечно, приходилось мириться со многими вещами. И почему он только не дал французу уйти и продолжать свое паломничество вверх по Реке? Почему? Для этого у него были веские причины. Во-первых, если бы

француза поймали шатающимся во владениях Ивара, его бы сделали рабом — и, возможно, высекли бы. Во-вторых, если бы он все-таки выбрался из границ королевства, он все-таки не был бы в безопасности от того, что его не поймают через несколько дней. Королевства на протяжении пятидесяти миль вверх по Реке заключили между собой соглашение возвращать рабов в те государства, откуда те сбежали. В-третьих, он мог бы предпринять гарантированно надежный способ освобождения. Но для этого ему нужно совершить самоубийство. И тогда он воскреснет где-нибудь далеко, но мысль о том, чтобы покончить с собой, слишком тяжела, чтобы ее осуществить.

Но, хотя сознание его знало, что он будет снова жить, тело отказывалось этому верить. Его клетки яростно сопротивлялись идее самоубийства; они настаивали на том, чтобы выжить. Более того, он отвергал идею самоубийства, хотя она имела вполне рациональную основу. Как христианин он совершит грех, если убьет себя. Все ли это еще грех в Мире Реки? Он сильно в этом сомневался. Но его непредрасположенность к такому концу в течение всей его долгой жизни заставляло Дэвиса действовать так, как если бы это действительно был грех.

Кроме того, если бы Дэвис покончил с собой, у него было столько же шансов быть воскрешенным в нижнем течении, сколько и в верхнем. Если бы такое случилось, он был бы вынужден проходить через ту самую территорию, где уже бывал. И его снова могли бы захватить и обратить в рабство в любом из сотни штатов, прежде чем он доберется хотя бы до страны Ивара.

Если бы он проснулся далеко выше по Реке, Дэвис оставил бы цель своего квеста позади. И до того, как он дошел бы до самого конца Реки, он так и не узнал бы, то проскочил через место своей цели. И тогда ему придется снова проделать весь путь с самого начала.

А что если история о женщине, которая дала жизнь ребенку в долине Реки, была ложной? Нет, этого Дэвис не допускал. За его исканиями стояла не только вера, но и логика. Этот мир был окончательным испытанием для тех, кто верит в Иисуса как спасителя. Пройди это испытание — и следующая ступень будет настоящим Раем. Или истинным Адом.

Церковь Второй Попытки имеет некоторые ложные доктрины, и это — очередная ловушка, расставленная Сатаной. Но Дьявол достаточно изощрен, чтобы просунуть некоторые истинные

доктрины среди ложных. Сторонники Второй Попытки не ошибаются, когда претендуют на то, что этот мир предложил всем душам человеческим еще одну возможность очиститься от духовной грязи. Но что эта церковь проглядела или преднамеренно проигнорировала, так это то, что она давала и Сатане вторую возможность заграбастать тех, кто избежал его когтей на Земле.

Дэвис посмотрел в широкое сводчатое застекленное окно. С высоты, на которой он находился, он мог видеть холмы, равнину и Реку, а также холмы, равнину и горы на противоположном берегу. Арпад (умер в 907 году н. э.) правил территорией длиной в двенадцать миль. Он был вождем семи монгольских племен, называемых мадьярами, которые оставили бассейн реки Дон в 889 году н. э., те места, где расположится впоследствии Россия, и мигрировали к западу, к Паннонийской равнине. Это была область, которая впоследствии станет Венгрией. Арпад воскрес среди того населения, которое было частично древними аккадами, а частично юго-восточными азиатами из каменного века, и еще с десятью процентами самых различных людей. Хотя он был мадьяр, принадлежа к меньшинству здешнего населения, он стал королем благодаря силе его личности и

своим безжалостным методам.

Арпад был союзником Ивара, и кроме того партнером по проекту дамбы. Его рабы трудились дольше и в более тяжелых условиях, и с ними обращались куда более жестоко, чем с рабами Ивара. Норвежец не был так свиреп и более великодушно обращался с рабами. Он не хотел доводить их до восстания или до самоубийства. Рабы Арпада бунтовали дважды, и, число самоубийств было среди них гораздо выше, чем среди рабов Ивара.

Кроме того, Ивар не доверял Арпаду. Этого следовало ожидать. Ивар не доверял никому, и у него были причины не полагаться на мадьяра. Его шпионы докладывали ему, что Арпад в пьяном виде хвастался — а пьяным он бывал частенько — что убьет Ивара, как только дамба будет построена.

Если норвежец и собирался прибегнуть к оружию и убить Арпада первым, он об этом молчал. Хотя временами он сильно пил, но язык свой придерживал. По крайней мере, он исходил из интересов государства.

Дэвис же был убежден, что один из двух королей не собирается ждать окончания работ по строительству дамбы. Когда-нибудь, возможно,

в течение двух последующих лет, один из них нападет на другого. Дэвис, по принципу, что из двух зол следует выбирать меньшее, надеялся, что Ивар одержит верх. В идеале, хорошо бы, чтоб каждый из них сверг другого. Что бы там ни случилось, Дэвис намеревался бежать с этой территории в сумятице битвы.

4

Должно быть, Дэвис смотрел в окно дольше, чем ему казалось. Фаустролл покинул башню и спускался с холма, держа удочку на плече. И за несколько шагов позади него пробиралась неизбежная шпионка. Женщина по имени Гроа. Она тоже несла удочку, и Дэвис наблюдал, как она позвала француза. Тот остановился, и они начали беседовать. Через минуту они уже шагали к Реке бок о бок.

Гроа была рыжеволосая красавица, дочь норвежского викинга из девятого столетия, Торстейна Рыжего, сына Олафа Белого, и странной женщины Ауд Глубокомысленной. Торстейн был убит в сражении после того, как завоевал северную часть Шотландии. Именно это событие заставило Ауд эмигрировать в Исландию

и сделаться предшественницей большинства исландцев двадцатого века.

Без сомнения, Торстейн жил где-то на Реке и воевал с какими-нибудь врагами, пытаясь захватить над ними власть — или, в ином случае, он воевал, чтобы не дать врагу власти над собой. Власть была главной действующей силой человечества на Земле. Как на земле, так и здесь. До сих пор. Пока Спаситель — Спасительница? — не вырастет и не выполнит волю Божию над Его созданиями.

Должно быть, Ивар приказал Гроа, чтобы она завлекла француза. Ей требовалось узнать, правдива ли его история. Хотя король, казалось бы, принял Фаустролла как имеющего для него ценность, он, наверное, задавал себе вопрос, не послан ли этот человек Арпадом, чтобы убить его. Гроа его испытает, прощупает и, если будет необходимо, пойдет на то, чтобы переспать с ним. Она — похотливая бабенка. После она обо всем доложит Ивару.

Дэвис вздохнул. Что за жизнь эта жизнь после смерти! Почему нельзя устроить так, чтобы каждый жил в мире и доверии. Если уж люди не могут все полюбить друг друга, они могли бы, по крайней мере, быть терпимыми.

Нет, они не способны на это по той же причине, по какой не могли так жить на Земле. Это в натуре у Homo Sapiens. Во всяком случае, в натуре большинства мужчин и женщин.

Но… здесь их условия так отличаются от земных! Все так устроено, что никто не должен тяжко трудиться ради хлеба насущного, никто не нуждался в доме и прочих предметах первой необходимости. Если бы люди могли все быть пацифистами, если бы они были честными и сочувствовали друг другу, не нужно было бы, чтобы ими управляли другие. А француз-то прав, хотя Дэвису не хотелось бы признаваться в этом даже самому себе. Предоставленная новому типу людей, анархия могла бы здесь быть полезной.

Очевидно, кто бы ни поместил сюда человечество, он устроил Долину Реки так, что люди, не нуждаясь в том, чтобы проводить много времени за работой, имели достаточно времени, чтобы совершенствовать себя духовно. Но только те, кому-то понятно, стали бы совершенствовать себя, изменились бы к лучшему и дошли бы до любой стадии, которую приготовил для них Кто-то.

Этот Кто-то, однако, должен быть Бог. Дэвис в этом ни капли не сомневался, для него вовсе не было тайной идентификация создателя этого ме-

ста. Большой тайной было только то, почему он устроил этот промежуточный дом для однажды умерших вместо райского обиталища, описанного в Библии.

Для себя Дэвис допускал, что Библия довольно туманно описывала особенности этого убежища для спасенных, для святых. Она куда конкретнее относительно жилища грешников, проклятых.

Почему же, если столь многие люди ропщут, Бог не дал им какого-то утешения? Какого-то знака? Какого-то маяка, к которому люди могли ринуться как мотыльки могут лететь к свету? Хотя это и не лучшее из сравнений, теперь Дэвису оно пришло на ум. В любом случае, где знак, маяк, писание в небесах?

Дэвис знал. Это рождение ребенка у девственницы. В мире, где мужчины и женщины стерильны, одна женщина составила исключение. Она забеременела от Святого Духа и зачала. Бог совершил чудо. Младенец, как говорили, женского пола. Сначала, услышав это, Дэвис был шокирован. Но, спокойно поразмышляв на эту тему и призвав на помощь логику, попытавшись преодолеть свое первоначальное представление, он сделал вывод, что не следует расстраиваться или лезть на рожон. На Земле Спаситель был мужчиной.

Здесь — женщина. Почему бы и нет?

Бог справедлив, а он, Дэвис, кто такой, чтобы допрашивать Божественное Существо?

— Дэвис! — позвал его сзади грубый голос. Он подскочил и резко крутанулся, больно ударившись головой.

На пороге стоял Шарко-крючкотвор, вечный и верный раб, о ком Дэвис грезил ночью.

— Подними свою задницу, Дэвис! Великая Блудница Вавилонская желает, чтобы ты провел с ней сеанс лечения! Живо!

— Вот скажу я королеве, как ты о ней отзываешься, — пообещал Дэвис. Он вовсе не собирался этого делать, просто хотел посмотреть, как побледнеет этот льстивый тип. Что он и сделал.

— А, так она тебе не поверит, — сказал раб. — Она терпеть тебя не может. Скорее уж мне поверит, чем тебе. Да и сомневаюсь я, чтобы она была оскорблена. Примет это за комплимент.

— Если бы это не было противно моей натуре, я дал бы тебе сапогом в зад, — заметил Дэвис.

Раб, цвет лица которого восстановился, фыркнул, повернулся и, хромая, начал спускаться в зал. Дэвис вышел из комнаты. Он наблюдал за этим человеком, спускаясь вслед за ним. Хотя Шарко был воскрешен в возрасте своих двадцати пяти

лет, а зрение его восстановилось до единицы, теперь он представлял собой настоящую развалину. Сломанная в нескольких местах правая нога никак не срасталась, нос его так и не восстановился после того, как сместилась переносица. Он не мог как следует дышать из-за своего носа и из-за того, что у него все еще были смещены несколько ребер. Один глаз был выбит — и так и не восстановился полностью. Лицо его постоянно перекашивалось и дергалось от тика.

Все это происходило из-за того, что его избили рабы, над которыми он служил надсмотрщиком. Не в состоянии больше терпеть его удары, пинки и другое несправедливое обращение, они поработали над ним однажды поздней ночью — и таким образом выпустили наружу свою ненависть к нему. В его хижине оказалось слишком темно, чтобы он мог опознать напавших, хотя он, как и все остальные, знал тех из своих людей, которые были злоумышленниками. Если можно было бы по справедливости считать их злоумышленниками. Большинство можно было так назвать, хотя их поступок был оправдан как самозащита.

Ивар тоже так решил, когда он выслушал свидетелей. Он решил, что Шарко нарушил правила, установленные королем. Эти правила были

введены ради эффективности труда, вовсе не из человечности. Но они были нарушены, и спина Шарко кровоточила от сорока ударов плетки из рыбьей кожи. Все рабы надсмотрщика наносили ему по удару. Наблюдая за процессом, Ивар остался весьма доволен.

Шарко тогда опустился в звании до раба в каменоломнях. Но его увечья не позволяли ему работать хорошо, и через шесть месяцев его назначили башенным рабом. Помимо прочих обязанностей, Ивар пользовался им как скамьей, когда ему хотелось присесть в таком месте, где стул был недоступен.

Крючкотвором же его прозвали из-за рассказа одного из его земных клиентов, который ныне оказался гражданином Иварова королевства. Клиент этот рассказывал, как Шарко обвел его вокруг пальца, и он, клиент, не смог найти в суде справедливость. Этот бывший клиент был среди тех, кто избивал Шарко.

Крючкотвор был достаточно нескромен, чтобы поделиться с некоторыми приятелями своими планами мести тем, кто так несправедливо с ним поступил. Хотя Дэвис и не думал, что он заслужил ненависть Шарко, он был среди намеченных для какой-то ужасной мести. Крючкотвор был не

настолько полон бахвальства, чтобы говорить даже о том, что отомстит Ивару. Он знал, что произойдет, если король услышит об этой угрозе.

Шарко согнул спину, подволакивая одну ноги и бормоча что-то себе под нос, продолжая идти через зал. Он был истинный Калибан, как подумал Дэвис, шагая вслед за этим чудовищем по залу к крутой винтовой лестнице.

Дэвис чувствовал себя крайне неуютно. Ему казалось, что события в этом королевстве близки к точке кипения. Назревающий конфликт меду Арпадом и Иваром, появление гротескного и беспокойного Фаустролла, рост напряженности между ним, Дэвисом, и королевой, да еще ненависть Шарко добавляла к ситуации кое-что, от чего она могла кончиться взрывом в любое время. Дэвис это чувствовал. Хотя логически он не мог предсказать, что извержение вулкана произойдет скоро, он его предвидел.

Или, возможно, это ощущение было вызвано его внутренними конфликтами. Он сам готов был разорваться изнутри — и исчезнуть, так как очень уж хотел дождаться подходящего момента для бегства.

На Реке ждали его мать-девственница и младенец. Они-то этого, конечно, не знали. Но Дэвису

предстояло сыграть большую роль в событиях, которые приведут к открытию второго Спасителя в этом мире. Хотя, вероятно, было чистой воды эгоизмом так думать, но Дэвис был в этом убежден.

Он вошел в большую комнату, где ждала его королева Энн. Она лежала на остеопатическом столе, который сконструировал Дэвис. Но, обнаженная и распростертая там, она выглядела так, как будто бы ждет любовника. Две ее прислужницы хихикнули, когда увидели Дэвиса. Они были чернокожими, а на Земле прислуживали арабской семье начала двадцатого века. После воскрешения они прожили свободными всего год, а теперь снова стали рабынями.

Они должны были сочувствовать Дэвису, наблюдая его унизительные обязанности. Вместо того они развлекались.

5

— Помассируй мне мышцы бедер с внутренней стороны, — велела Энн. — Они у меня немеют.

Она говорила тихо, а между фразами громко смеялась. Ее необычайно яркие цвета зеленых листьев глаза не отрывались от лица Дэвиса. Хо-

тя он старался сохранить на своей физиономии невыразительность, ему очень хотелось рявкнуть на нее, плюнуть ей в лицо, а потом пусть бы его вырвало прямо на ее тело. Иезавель! Алая Женщина Великая Блудница Вавилонская!

— Когда постоянно лежишь на спине, вращая тазом, надолго задрав кверху ноги, эти мышцы очень перегружены, — объяснила она. — И почти такое же напряжение, когда я сверху. Иногда мне приходится отдыхать между постоянной крутней вниз-вверх и вращением бедрами. Но потом я опускаюсь на него сфинктерной мышцей, так что по-настоящему я передышки-то не получаю. Ведь это сфинктер, да, доктор?

Дэвис так хорошо знал человеческое тело, что ему не надо было смотреть, что он делает в данный момент. Он отвернулся от нее, полузакрыл глаза, продолжал мять ее плоть. Какая у нее мягкая кожа! Какие мускулы! Иногда, если он находился в подобном полудремотном состоянии между сном и явью, он осознавал, что его пальцы работают с плотью. Не ее плотью, разумеется. Такой рефлекс происходил из-за памяти пальцев, помнивших тысячи тел, с которыми он работал на Земле.

— Не придвигайся слишком близко к личной

собственности короля, — предостерегла она. — Дотронешься до нее — и король может тебе руки отрубить.

Если бы он так поступал, подумал Дэвис, десятки мужчин в этом королевстве стали бы безрукими.

— Не больно-то ты мужчина, — заметила королева. — Настоящий мужской член поднял бы это полотенце до самой талии, так что край бы разорвался.

Девчонки-рабыни захихикали, хотя не понимали по-английски. Но они долгое время слышали подобные фразы на эсперанто. Они поняли, что королева говорит что-то колкое и унижающее.

Дэвис представил себе, как его руки смыкаются вокруг горла королевы. Много времени не потребовалось бы.

— О, Господи! — начал он молиться сразу же. — Избавь меня от подобных грешных мыслей!

— Может быть, — предложил он, — помассировать тебе колени? Они, кажется, очень напряжены.

Энн нахмурилась и уставилась на него тяжелым взглядом. Потом улыбнулась и рассмеялась:

— О! Так ты предлагаешь?.. Да, сделай это. Я провела много времени на коленях. Но когда они

на подушке, это не так трудно.

Однако вместо того, чтобы прийти в ярость, как он ожидал, она развеселилась. Кроме того, королева выглядела в каком-то смысле торжествующе, как будто бы специально добивалась, чтобы он сказал что-то оскорбительное для нее, даже косвенный намек был победой. Однако, возможно, она вовсе не рассматривает его реплики как оскорбление. Шлюха вполне могла бы подумать, что он делает ей комплименты.

А ему-то какое дело до того, что она думает? Если быть честным перед самим собой, для него это значило много. Если бы ее не останавливал Ивар, она могла бы устроить ему невыносимую жизнь, мучить его, сделать с ним или ему все, что хотела. Дэвис не слышал о том, чтобы она была жестокой, за исключением поддразнивания в сексуальном плане, которое нельзя ставить в один ряд с убийством или пытками. Но Дэвис не имел гарантии, что она не сможет такой стать. Особенно в обращении с ним.

Энн Пуллен была его землячка, американка, хотя всегда вызывала у него тошноту. Энн родилась около 1632 года в Мэриленде, в семье квакеров, но, когда члены ее семьи вместе с остальными перешли в епископскую церковь, она отправилась

в ад. Это были ее собственные слова. Четырежды она была замужем за владельцами табачных плантаций в Виргинии и Мэриленде. Она пережила всех своих мужей.

И неудивительно, думал Дэвис. Она любого мужчину изведет, если не своими непрекращающимися сексуальными требованиями и неверностью, так темпераментом и своеволием.

Большей частью она жила в Вестморлендском графстве, Виргиния, между Потомаком и рекой Раппаханнок. В ее эпоху в этой области была масса густых лесов и больших болот, но дороги отсутствовали. Путешествовать можно было главным образом по реке или по ручьям. Да и плантации не напоминали то, во что они превратились позднее. Там не было красивых, снабженных большим количеством колонн построек и широких хорошо содержавшихся лужаек. Дома собственников были скромными, конюшни сложены из бревен, а куры и свиньи бродили по двору. Воровство свиней было обычным дело даже для собственников плантаций. Деньги были редки, главной единицей для расчетов служил табак. Люди обладали необычайно горячим темпераментом и любили судиться, хотя неизвестно, почему.

По собственному своему свидетельству Энн была однажды приговорена к десяти ударам плеткой по обнаженным плечам из-за ее клеветнических и скандальных речей против некоего мистера Пресли. Кроме того, однажды она напала на жену своего брата голыми руками.

Было зафиксировано в Книге Записи Событий графства в 1677 году, что Энн Пуллен поощряла свою дочь Джейн стать «самой примечательной и заметной шлюхой в Виргинии». Но Дэвис вынужден был допустить, что в строгом смысле этого слова она вовсе не была шлюхой. Она прелюбодействовала потому, что ей это нравилось, и денег за это не брала.

В Книге Записей также говорится, что мать Джейн, Энн Пуллен, развратила собственную дочь тем, что поощряла ее совершать адюльтеры и опрокидывать весь институт брака.

Муж дочери, Морган Джонс, более чем однажды (как зафиксировано в суде) запрещал любому мужчине, развлекающемуся с Джейн, вывезти ее из графства, или увезти ее по реке или ручью.

Было также записано, что Энн Пуллен объявила, будто бы у Джейн не было никакого мужа в то время, поскольку Джонс умер, и она (Энн) не понимает, почему бы ее дочери не получать

удовольствие от этого мира точно так же, как любой другой женщине. Кроме того, Энн было безразлично, кто был отцом ребенка ее дочери, поскольку некий Уильям Элмс увез ее в Англию, как он и обещал.

Энн была феминисткой задолго до этого движения, единственной пионеркой его в те дни, когда это было опасно. Была она также распутницей, хотя Дэвис считал, что это автоматически следовало из ее желания женского равноправия.

Однако такие земные отношения не должны появляться в Мире Реки. Даже Дэвис соглашался, что, настаивая на некоторых ограничениях подобной точки зрения, Энн определенно выходила за их пределы. В семимильных сапогах.

Королевство Ивара было устроено по образцу Старой Норвегии. Поскольку женщины (но не рабыни!) в дохристианскую эру имели намного больше прав, чем таковые в христианских странах, они имели даже еще больше прав в Мире Реки. Во всяком случае, в этом королевстве.

Теоретически Энн могла бы развестись с Иваром по простому заявлению, что она этого желает, и при этом могла взять с собой свое имущество. Не половину королевского, то есть, принадлежащего королю. Свой граальчик, свои полотенца,

свои личные принадлежности и рабынь — все это принадлежало ей по праву.

Но развод, кажется, им не угрожал. Ивара Энн сильно развлекала, даже когда на него сердилась, и он получал удовольствие от ее раскованных и талантливых занятий любовью. Ивар знал, что у нее есть любовники, но ему, кажется, на это было наплевать.

Он сомневался, чтобы Энн с каким-нибудь любовником стала составлять заговор, чтобы убить его. Она хорошо знала, с какой стороны ее вагина намазана маслом.

Так что Эндрю Дэвис вынужден был страдать от того негодования, какое она на него обрушивала. Тем временем, он мечтал о божественным путем родившемся ребенке далеко в верхнем течении Реки. Он пытался еще и придумать безопасный способ покинуть эту страну. И думал о том, как избежать того, чтобы его захватили другие держащие рабов государства, находящиеся между ним и его целью.

Выполняя свой христианский долг, он пытался молиться за Энн, но молитвы эти звучали так неискренне даже для него самого, что Дэвису было понятно: Бог не обратит внимания на его просьбы простить Энн и позволить ей увидеть

Свет.

Когда ее процедура была закончена, Дэвис вышел из комнаты, как он делал всегда. Он был зол, раздражен, с него лился пот, желудок его бунтовал, а руки тряслись.

О Боже, сколько я еще должен это выносить? Я молю Тебя, не продолжай же больше подвергать меня злу и искушению проклинать Тебя, как Ты делал с Иовом!

Ровно в полдень грейлстоун во дворе башни изверг гром и молнию. Дэвис вышел из той комнаты, где он ждал, когда это произойдет. Стоять во дворе возле камня означало рискнуть слухом. Хотя его грааль наполнился отличной едой и питьем, аппетита он не чувствовал. Тем, что не съел сам, он поделился с приятелями за большим столом в зале. Чашу с бренди, пачку табаку и сигареты с марихуаной он отложил в сторону. Он мог бы сохранить для себя половину спиртного и гвозди для гроба, но лучше он отдаст их Эйштейну Болтуну, главному сборщику налогов у Ивара.

Таким образом Дэвис платил свои налоги вдвойне. Это давало ему возможность почти половину месяца выливать алкоголь в канаву и крошить сигареты. Дэвис проделывал это тайно, потому что многие пришли бы в ярость, узнав

о таких потерях. Они бы доложили королю, а тот конфисковал бы дополнительный «товар» и наказал его.

Никогда в течение своих двух жизней Дэвис не пробовал спиртного и не курил. Вообще-то на Земле он не пил даже ледяной воды, потому что она влияет на здоровье. Он терпеть не мог потакать королю и его порокам. Но, если бы он того не делал, он бы пострадал от «кошки-девятихвостки» или сделался бы рабом в каменоломнях. Или его ждало бы и то, и другое.

В тот вечер, вскоре после заката, Дэвис отправился в большой зал, построенный недалеко от берега. Именно там Ивар предпочитал ужинать, выпивать и бражничать среди своих приятелей и приживалов. (Дэвис вполне допускал, что сам он числился среди последних. Но у него не было выбора). Зал был выстроен в древнем викингском стиле: единственная громадная комната, с личным столом Ивара на возвышении и во главе других столов, стоявших на полу. Такое возвышение не использовалось на Земле у полудемократичных викингов. Это было новшество, введенное Иваром. Опорные столбы украшены были резьбой, изображающей головы людей, богов, животных и символы, взятые из древ-

ней религии. Среди этих часто повторяющихся изображений встречались добывающие золото карлики, драконы, змей Мидгарда, обвивающий всю Землю, кони, медведи, инеистые великаны, Тор с его молотом, одноглазый Один — иногда с его воронами Хугином и Мунином на плечах, — свастики, повернутые вправо, рунические фразы и Скидбландир, магический корабль, который после использования можно было сложить и унести в мешке.

Сегодня, как и всегда, мужчины и женщины слишком много пили, и разговаривали поспешно и яростно, хвастовство и высокопарные фразы гремели в зале; люди ссорились, а иной раз и дрались. Ивар давно запретил дуэли со смертельным исходом, потому что в них он потерял слишком много хороших воинов. Но враждующим не возбранялось идти друг на друга с кулаками и драться ногами, а король не хмурился, если кому-то выбивали глаз, повреждали яички, отрывали уши или откусывали носы. Хотя это отнимало потом три месяца, но глаза, носы и и уши снова вырастали, а яички сами по себе восстанавливались.

Дэвис привык к этим вечерним сборищам, но не любил их. Да еще то и дело до него доходил

тошнотворный запах пуканья, сопровождаемый громким хохотом и похлопыванием по бедрам. Королева Энн, сидевшая по левую руку от Ивара, хохотала едва ли не громче всех, когда проявлялась эта примитивная форма юмора. Сегодня она закрутила полотенце себе вокруг шеи, концы его чуть прикрывали груди. Но она не больно-то заботилась, чтобы держать их так, как подобает.

Со всеми другими запахами смешивался еще аромат пойманной в Реке рыбы, зажаренной наполовину только с одного конца.

Дэвис, будучи королевским остеопатом, сидел за королевским столом. Он бы предпочел такой стол, какой стоял бы как можно дальше от этого, если бы только мог. Это дало бы ему возможность тихонько улизнуть после того, как все слишком напьются, чтобы заметить его. Однако сегодня он был заинтересован в том, чтобы наблюдать и по возможности подслушивать разговоры доктора Фаустролла и Ивара Бескостного. Француз сидел по правую руку от короля, на самом почетном месте за столом. Он внес в этот пир удививший всех вклад в виде пойманной им рыбы, гораздо больший, чем остальные рыбаки. Однажды, когда общий гул немного ослаб, Дэвису удалось услышать, как Ивар расспрашивает Фаустролла

о причинах его удачи.

— Это не удача, — ответил француз. — Это опыт и умение. Плюс врожденная сноровка. Мы жили главным образом рыбой, которую ловили в Сене, когда жили в Париже.

6

— Париж, — повторил Ивар. — Я был там с моим отцом Рагнаром; сыном Сигурда Хринга, когда мы, норвежцы, приплыли вверх по Сене в марте, а франки не ожидали викингов в такое раннее время года. Год был 845, так мне говорили. Правитель франков, Карл Лысый, разделил свою армию надвое. Я посоветовал отцу напасть на меньшие силы, что мы и сделали. Мы убили их всех, за исключением ста одиннадцати пленников. Этих мой отец сейчас же повесил, всех разом, в жертву Одину, на островке в Сене, а другая часть франкской армии наблюдала за нами. Должно быть, полные штаны наложила от ужаса.

Мы дошли дальше, до самого Парижа, городок-то оказался куда меньше, чем тот громадный город, о котором мне рассказывали остальные. В Пасхальное воскресенье, самый святой день для христиан, мы штурмовали Париж и убили

многих из тех, кто поклонялся Спасителю. Один был к нам добр.

Ивар улыбнулся под стать саркастическому тому своего голоса. Он не верил в богов, языческих или христианского. Но Дэвис, внимательно наблюдая за ним, увидел выражение его лица и прищур глаз. Вероятно, они выражали ностальгию, или, возможно, какую-то бездонную тоску. Дэвис уже видел это выражение десятки раз до сегодняшнего вечера.

Мог ли безжалостный и безумный охотник до власти тосковать о чем-то ином, чем то, чем он теперь обладает? И не желал ли он также избавиться от этого места и его ответственности, и от всегда грозящей опасности, что его убьют? Имел ли он, подобно Дэвису и Фаустроллу, цели, какие многие посчитали бы за идеалистические или романтические? Не хотелось ли ему избавиться от своих ограничений и стать свободным? В конце концов, могущественный властитель такой же пленник, как раб.

— Одноглазый Один нас благословил, — повторил Ивар, — хотя, возможно, это просто было совпадение, что у Карла Лысого вышли серьезные осложнения с другими франкскими государствами и с его амбициозными братьями. Вместо

того, чтобы воспрепятствовать нам идти вниз по Сене, он заплатил нам семь тысяч футов серебра, чтобы мы оставили его королевство. Что мы и сделали, хотя вовсе не обещали не возвращаться туда позже.

До сих пор Фаустролл не прерывал короля, хотя время от времени на его физиономии показывалось отвращение. Он пил быстро и много, кубок его никогда не пустовал. Раб за его спиной хорошо следил за этим. Раб еще и давал французу сигареты, после того как тот покончил с собственным запасом. Раб был Шарко, очевидно, ему поручил король сегодня прислуживать Фаустроллу.

Шарко хмурился, то и дело его губы шевелились. Слова его тонули в оглушающем шуме — и хорошо, подумал Дэвис. Дэвис-то умел читать по губам — и английский, и эсперанто. Знал бы Ивар, что говорит Шарко, он бы его высек, а потом зачислил его в команду мойщиком гальюнов.

Наконец, француз со стуком поставил свою деревянную чашу на стол, отчего все окружающие, в том числе и Ивар, вздрогнули.

— Ваше величество нас извинит, — произнес он громко.

— Но вы все тот же, что были на Земле. Вы ни на дюйм не прогрессировали; вы все тот же рас-

проклятый варварский пират, вы по-прежнему оскорбляете других, вы все тот же старый лицемер, который умер в Дублине. Но мы не оставляем надежды относительно вас. Мы знаем, что философия в ее практической форме патафизики — ворота к истине для вас. И, хотя на первый взгляд, вы кажетесь простаком-дикарем, мы-то знаем, что вы — гораздо больше этого. Нас в этом убедил наш короткий разговор в Зале.

Многие, сидящие за столом, в том числе Дэвис, были скованы, точно морозом, хотя они повращали глазами в сторону друг друга, а затем уставились на Ивара. Дэвис ожидал, что тот схватит свой боевой топор, всегда находившийся у него под рукой, и отхватит Фаустроллу голову. Но викинг даже не покраснел, и сказал только:

— Мы побеседуем с тобой позже об этой философии, которая, мы надеемся, содержит больше мудрости и меньше чепухи, чем речи всех этих ирландских попов, мужчин в женских юбках!

«Мы» Ивара Дэвис понял как подражание и поддразнивание Фаустролла.

Затем Ивар поднялся, молчание последовало за тремя ударами в громадный бронзовый гонг.

Ивар заговорил громко, голос его раздавался во всех углах громадного зала:

— Пир закончен! Сегодня мы собираемся рано лечь спать, хотя я подозреваю, что многие из вас не уснут до тех пор, пока кое-что у вас не перестанет подниматься!

Толпа зароптала от удивления и разочарования, но за этим последовал смех над королевской шуткой. Дэвис состроил гримасу в отвращении. Энн, видя его выражение лица, широко улыбнулась.

— Мы еще не все съели и не все выпили, — продолжал Ивар, — не по этой причине я прекращаю пир. Но мне пришло на ум некоторое время тому назад, что завтра — трехлетняя годовщина основания моего королевства. Это был день, когда я, раб грязного тирана скоттов Эокайда Отравителя, поднял восстание вместе с Арпадом, тоже рабом, и с двумястами рабов, большинство которых сидят теперь на почетных местах в этом зале. Мы тихо задушили стражников вокруг зала Эокайда. Он со своими телохранителями все спали, чтобы прошло действие опьянения, находясь в безопасности, как они считали, в своем зале с толстыми стенами на высоком холме. Мы сожгли бревенчатое строение и убили тех, кто умудрился выйти из огня. Всех, кроме Эокайда, а его мы захватили в плен.

На следующий день я казнил его, вырезав у него на спине орла, так же, как я поступил с королем Эллой из Йорка и с королем Эдмундом из Восточной Англии, с некоторыми другими моими врагами, которых я принес в жертву Одину.

Дэвид содрогнулся. Хотя ему никогда не приходилось видеть своими глазами этот особый способ казни, он множество раз слышал о нем. Жертву укладывали лицом вниз, его позвоночник разрезали, а легкие вытягивали из него и укладывали у него на спине, образуя грубое изображение орла с распростертыми крыльями.

— Я решил, что мы должны все рано лечь спать, а завтра рано встать. Рабы получат выходной день, им дадут много еды и питья. Все будут праздновать. Мы все поработаем, чтобы добыть много рыбы, а вечером начнем празднество. Устроим игры и соревнования в стрельбе из лука, в метании копий и в борьбе, а те, кто на кого-нибудь злится, смогут бороться со своими врагами до смертельного исхода, если таково будет желание.

В ответ на это толпа громко закричала и загудела.

Ивар поднял руки в знак призыва к молчанию, потом добавил:

— Отправляйтесь спать! Завтра мы будем веселиться и благодарить богов, кто бы они ни были, которые создали этот мир, за то, что мы свободны от жестокого правления Эокайда, мы свободные люди!

Толпа разразилась радостными криками, а потом устремилась прочь из зала. Дэвис, держа в одной руке свой грааль, направлялся к башне и был уже на полпути подъема на первый холм, когда за его спиной раздался ровный голос Фаустролла:

— Подожди меня! Мы пройдем остальной путь с тобой вместе!

Дэвис остановился. Через некоторое время француз, не спеша, поравнялся с ним. Тяжелые испарения виски, смешанные с запахом рыбы, окутывали его, и слова он произносил не совсем внятно:

— Mon ami! Mia amico![19] То, что наступает на пятки дня — это прекрасно, разве не так? Существа, которые сжигают в ночной вазе свои неземные призраки, как это вдохновляет!

Мудро — выше человеческой мудрости, они с нами не имеют ничего общего. Но они велико-

---

[19] notes: 19
Мой друг *(франц., итал.)*

душны в своем великолепии!

— Гмм-м! — произнес Дэвис.

— Весьма наблюдательное замечание. Скажи мне, друг мой, как ты думаешь, что является истинной причиной того, что Ивар прекратил пир?

— Что?

— Не доверяю я козлу, который ведет за собой тех, кого можно стричь. Государственные деятели и политиканы, генералы и адмиралы, они редко открывают свои истинные намерения. У Бескостного на уме что-то такое, что не понравится его врагам. И его людям тоже.

— Какой ты циничный, — заметил Дэвис.

Он посмотрел через Реку. Долины и холмы в королевстве Арпада были темными, за исключением рассеянных костров часовых, да на верхушках сигнальных бамбуковых башен горели факелы на расстоянии полумили друг от друга, образовывая линию длиной в десять миль.

— Циничный? Синоним для опыта. И для того, чьи глаза долго были открытыми и чей нос чутко улавливает испорченность, как нос шерстистого существа, которое некоторые считают другом человека. Помни, наш вождь происходит из страны, где что-то подгнило, если перефразировать

Эйвонского Барда.

Они снова пошли. Дэвис спросил:

— Что такого сказал Ивар, чтобы пробудить твои подозрения?

— Ничего — и все. Мы ничего не принимаем на веру. Значение слов и выражение лица, твердость предметов, постоянство вселенной, то, что огонь всегда жжет кожу, что определенная причина всегда приводит к определенному результату, а то, что поднимается вверх, должно опуститься. Не всегда это оказывается неизбежно.

Он размахивал вокруг себя цилиндром своего грааля, чтобы все это перечислить.

Дэвис не чувствовал себя склонным беседовать о метафизике или вообще о чем-нибудь. Тем более, не с этим типом, который говорил бессмыслицу. Но он принял приглашение Фаустролла присесть во дворе башни и некоторое время поболтать. Возможно, он сможет выяснить, почему Фаустролл подозревает, будто Ивар что-то задумал. Не то, чтобы это составляло какую-то разницу. Что он может сделать здесь, чтобы что-то изменилось?

Возле ряда факелов, воткнутых между кирпичами стены, стоял столик. Они сели. Француз открыл свой грааль и вытащил металлический

сосуд, до половины налитый виски. Дэвис взглянул на формулу, начерченную краской на лбу у этого странного человека. Он посещал лекции по дифференциальному исчислению в медицинском колледже и был знаком с обозначениями. Но, если не знать, к чему относятся символы, невозможно понимать, что они обозначают, или как их употреблять. Он прочел: «O — a + a + 0 =…»

Фаустролл сказал:

— Значение этой формулы? Бог в точке на касательной между нулем и бесконечностью.

— Что обозначает?

Фаустролл произнес ровным голосом, как будто бы когда-то запомнил наизусть из лекции:

— Бог по определению не имеет изменения, но нам должно быть позволено…

— Это что, очень долго? — спросил Дэвис.

— Слишком долго для сегодняшней ночи — и, вероятно, для вечности. Кроме того, мы лучше выпьем. Мы можем ясно все себе представить, но наше тело устало и мозг не работает на все восемь оборотов.

Дэвис поднялся:

— Тогда отложим на завтра. Я тоже устал.

— Да. Ты лучше сможешь понять наши тезисы, если у нас будет перо и клочок бумаги, чтобы из

изложить.

Дэвис пожелал французу спокойной ночи и оставил его сидящим за столом и уставившимся на темный виски, как будто бы это был хрустальный шар, раскрывающий будущее. Он направился наверх, в свою крошечную комнатушку. И только у самой двери вспомнил, что сбился в своем разговоре с Фаустроллом. Француз его запутал. И так и не сказал Дэвису, что он заподозрил насчет Ивара.

Дэвис пожал плечами. Завтра он выяснит это. То есть, если язык этого безумца опять не заведет в сторону. Прямая линия для француза не является кратчайшим путем между двумя точками. В самом деле, он, возможно, отрицает полностью ценность Евклидовой геометрии.

У Дэвиса также появилось беспокойное ощущение того, что почти психопатическое поведение Фаустролла скрывает весьма острый ум и знание естественных наук, математики и литературы, намного превосходящие его собственные. Его нельзя было рассматривать как просто ненормального.

Дэвис толкнул незапертую дверь на деревянных петлях. Выглянул сквозь незастекленное отверстие во тьму, освещенную лишь перепол-

ненным звездами небом. Но это освещение было такое же, если не сильнее, как свет полной земной луны. Сначала все казалось мирным. Все, кроме часовых, отправились спать. Потом Дэвис заметил тени, движущиеся в долине под башней. Когда глаза его привыкли к этому бледному освещению, он увидел, что в этой тени скрывается большое количество людей.

Сердце у Дэвиса внезапно сильно забилось. Захватчики? Нет. Теперь он увидел Ивара Бескостного в коническом бронзовом шлеме и в длинной кольчуге, с боевым топором в руке, вот он спускается с холма по направлению к скоплению людей. Позади него идут его телохранители и советники. Они тоже вооружены и в броне. У каждого по два бронзовых меча, упрятанных в ножны, кроме того, многие несут копья и боевые топоры. У других — сосновые факелы и мешки. В мешках, как сразу догадался Дэвис, — пороховые бомбы.

Фаустролл оказался прав. Никакого празднества завтра не будет — разве что пир в честь победы. Король солгал, чтобы скрыть военную операцию. Тем, кто — пока что — в операции не участвует — солгали. Но избранным воинам приказали собраться тайно в определенное время.

Внезапно звездный свет был закрыт легкими облаками. Облака быстро начали темнеть. Дэвис больше не мог видеть Ивара и вообще никого из людей. И вот послышался звук отдаленного грома, и первый зигзаг молнии показался на севере.

Вскоре разъяренный дождь и электрическое неистовство, которые часто случались по ночам, окажутся в королевствах Ивара и Арпада. Как волки на овечье стадо, подумал Дэвис. А Ивар и его армия станут вроде древних ассирийцев, кинувшихся с холмов на евреев, как писал этот поэт — как же его?[20]

Но кого собирается убивать Ивар?

7

Ветер плевался дождевыми каплями в окно, прямо в лицо Дэвису. Скользнула новая полоса тьмы и отрезала от поля зрения Дэвиса людей. Гром грохотал ближе, точно угрожающий бандит. Стрелы молний, короткие вспышки лучей фонаря Господня (искали ли они честного человека?) с

---

[20] notes: 20

Дэвис вспоминает стихотворение Дж. Г. Байрона *«Поражение Сеннахериба»* (из цикла *«Еврейские мелодии»,* 1815 г.):

«Ассирияне шли, как на стадо волки,
В серебре их и злате сверкали полки»…

шумом освещали место действия. Дэвису удалось разглядеть Ивара и его людей, которые бежали через вершины ближайшего холма к Реке. Он видел и другие массы людей, точно гигантские амебы, сползали они с холмов на равнину. Это были воины, спешащие присоединиться к Ивару. Более крупные скопления жителей долин, ожидающие прихода короля, были, как оказалось, материнским корпусом амебы.

Новая вспышка — и разрывающая небо полоса, на этот раз ближе, открыла большое количество лодок в плавнях, которые были пустыми долгое время. Эти лодки, должно быть, приплыли недавно с верхнего течения. Много судов около самого берега: гребные лодки, долбленые челноки, катамараны, килевые суденышки, драккары, торговые суда с широкими парусами — галеры. Паруса их были свернуты, и все они ощетинились копьями.

Воины Ивара со всех частей королевства пробрались сюда под покровом ночи. Конечно, должны быть еще части, которые будут атаковать противоположный берег, владения Арпада, вверх по Реке. Атака, вероятно, направлена против мадьярского королевства. Теперь Дэвис не понимал, почему он так удивлялся и гадал, что

задумал король. Однако Ивар был непредсказуем, и было рискованно держать пари о любых его дальнейших ходах.

Секретность, с какой выполнялась операция, производила на Дэвиса сильное впечатление. Он и понятия о ней не имел, а ведь он часто бывал в обществе короля. Операция, хотя в ней участвовали тысячи людей, которые каким-то образом не открыли ее планы своим женам, поистине была крайне впечатляющей.

Но молнии собирались раскрыть вторжение арпадовым часовым. Разве только некоторые из людей Ивара перешли Реку раньше и убили часовых.

Через некоторое время центр бури бушевал над территорией, хорошо видной Дэвису. Теперь воины сгруппировались у берега и садились в лодки. Так часто и ярко сверкали молнии, что Дэвис мог видеть продвижение нападающих. Они казались ему многоногими фигурами, а отдельные люди в них не были видны на таком расстоянии сквозь пелену дождя.

Дэвис втянул в себя воздух. На противоположном берегу Реки тоже готовился к сражению флот.

Через несколько секунд позади войск Ивара

на берегу стали собираться еще группы людей. Дэвис простонал и пробормотал:

— Арпад сыграл подлую игру!

Силы Арпада собрались дальше, выше по Реке, и теперь крадутся вдоль берегов, чтобы подойти к флангу Ивара. Желающий захватить врага врасплох сам оказался застигнут врасплох; хитрую лису перехитрили. Мадьяр собирается зажать своего прежнего союзника между двумя силами. Но это легче спланировать, чем выполнить. Люди Ивара, находящиеся на берегу, хотя и были застигнуты врасплох, но не побежали. Они яростно сражались, а их береговые силы численно превосходили силы врага. Скоро воины Ивара в лодках присоединятся к тем, которые сражаются на берегу. Они плыли к открытому берегу и к заводям со всей скоростью, на какую только способны весла. Хотя сидящие в лодках не могут вернуться к берегу так, чтобы люди быстро высадились, они все-таки смогут все выйти на берег до того, как следующие силы врагов прибудут с противоположного берега. И они опрокинут засаду — если только Ивар имел к этому отношение. Он был очень холодным и быстрым мыслителем.

Его люди, ветераны многих сражений, легко не ударяются в панику.

Тем временем, флот Арпада находился примерно в четверти мили от места своего назначения. Командир, который, как догадывался Дэвис, был сам Арпад, не такой человек, чтобы отставать от своей армии, имел две альтернативы. Он мог приказать, чтобы лодки возвращались на берег и там ждали неизбежного истребления от войск Ивара. Или же Арпад мог продолжать плыть прямо вперед, надеясь, что участники засады задержат людей Ивара на достаточно долгое время, чтобы ему успеть высадить на берег свою армию.

Дождь усилился. Теперь Дэвис видел битву как сквозь загрязненные очки. А затем, пять или шесть минут спустя, ливень начал ослабевать. Худшее осталось позади, буря утихала, но гром и молния все еще свирепствовали над землей. Постепенно звездный свет между тучами обнаружил, что в схватку вмешалась третья сила. Это был большой флот, который должно быть, недавно обогнул изгиб Реки на расстоянии полумили к северу. Дэвис не мог распознать, кто были моряки. Но единственно, кто мог подойти с севера, было войско Торфинна Раскалывающего Черепа.

На Земле Торфинн был графом Оркнейских островов и части северной Шотландии. Хотя он был могучим воином, о чем свидетельствовало

прозвище, он умер в 963 году в собственной постели. «Соломенная смерть», как называли ее норвежцы, не была той судьбой, к которой он стремился. Только те мужчины, которые были убиты в сражении, попадали в Вальхаллу, Зал Убитых, где днем герои бились друг с другом ежедневно, и убитые воскресали, чтобы сражаться на следующий день; где еда и хмельной мед были лучше, чем что бы то ни было на Земле, и где по ночам Валькирии Одина вывинчивали мозги пьяных героев.

Но Торфинн проснулся в долине Реки вместе с остальными: с храбрыми и трусливыми, с монархами и рабами, с уважаемыми и презираемыми, с честными и бесчестными, с искренними и лицемерами, с учеными и невеждами, с богатыми и бедными — и со счастливыми и несчастными.

Однако же оказалось, что Мир Реки во многих отношениях похож на Вальхаллу. Мертвые вставали на следующий день после смерти, — хотя редко в том же месте, где они умерли; пища и питье были великолепными; роковые раны быстро заживали; отрезанная нога или выбитый глаз снова отрастали; встречались женщины таких сексуальных качеств, о каких не слыхали в Вальхалле. Конечно, валькирии никогда не

жаловались и не надоедали, но ведь они были мифическими существами, а не реальными.

А кто был он, Эндрю Пэкстон Дэвис, пацифист, христианин и добродетельный раб, что он делает, стоя здесь и наблюдая за битвой между язычниками? Теперь, теперь, именно теперь — время сбежать.

Он живо сунул свои немногие пожитки в мешок из рыбьей кожи и схватил рукоятку своего грааля. Как араб в ночи, я украдкой ухожу, подумал он. За исключением того, что мне не надо складывать свой шатер, которого у меня нет. Он быстро вышел из своей каморки и заторопился вниз по узкой винтовой лестнице. Он никого не встретил, пока не вышел во двор. Там Дэвис разглядел впереди темную фигуру. Он остановился, сердце его заколотилось сильнее, чем если бы это было вызвано бегом. Но вспышка молнии обнаружило лицо той особы, которая взывала в нем такой страх.

— Доктор Фаустролл!

Француз попытался отвесить поклон, но вынужден был ухватиться за край стола, чтобы не упасть вниз лицом.

— Доктор Дэвис, я полагаю? — пробормотал он.

Американец собирался поспешно миновать

его, но задержался из-за человеколюбивого импульса. Он сказал:

— В Ахероне волнения, дорогой мой друг. Теперь пора нам обрести свободу. Ивар собирался совершить вероломную атаку против Арпада, но Арпада осенила та же самая идея — выступить против него. Расплачиваться нужно дьяволу, и Торфинн, союзник Ивара, только что появился. Воцарился хаос. Мы имеем отличную возможность убраться отсюда во время этой неразберихи.

Фаустролл приложил руку ко лбу и простонал:

— Вверх по Реке? Наши главные цели — стремиться к тому, что, возможно, не существует?

— Подумай, друг! Ты что, хочешь остаться рабом? Теперь настало время, мы получили единственную возможность, какой у нас вообще когда-либо может быть!

Фаустролл наклонился, чтобы взять свой граль и удочку. Он снова застонал и произнес:

— La merde primitive! Дьявол использует нашу голову как наковальню.

— Я иду, — предупредил Дэвис. — Ты можешь идти со мной или нет, как желаешь!

— Твоя забота о нас трогательна, — откомментировал француз. — Но мы действительно не

должны бежать. Хотя мы побывали в зависимости на всю жизнь, мы никогда не были рабом. Не то что биллионы с ограниченным и свиноподобным мозгом, мы всегда были свободны.

Далекая вспышка слабо осветила Фаустролла. Его глаза вращались, как будто бы он пытался разглядеть что-то неуловимое.

— Тогда оставайся здесь и будь свободен в своих несчастных узах! — закричал Дэвис. — Я чувствовал, что мой долг сообщить тебе, что происходит!

— Ты самый надоедливый человек, какого я когда-либо встречал! Овод по-своему приносит пользу, особенно если он снабжен не только передним, но и задним жалом.

Дэвис фыркнул и отправился прочь. Но, как только он начал спускаться с холма, на котором стояла башня, он услышал, что Фаустролл зовет его.

— Подожди же нас, друг мой! Если ты и в самом деле таков.

Дэвис остановился. Он не мог утверждать, что ему нравился этот гротескный тип. Но… что-то в абсурдном французе взывало к нему. Возможно, подумал Дэвис, это говорит во мне врач. Этот человек сумасшедший, и я должен о нем поза-

ботиться. Может быть, я смогу когда-нибудь его вылечить.

Но более вероятно, это что мне не хочется остаться одному. Компания безумца лучше, чем никакой. Иногда.

Гром и молния обрушились на долину. Через несколько минут яркие зигзаги и грохочущий шум будут вне поля зрения и слуха. Тогда, как почти всегда бывает, как будто бы где-то закрыли клапан. Тучи исчезнут минут через тридцать — или около того. И наполненное звездами небо прольет свой бледный огонь на бледное оружие воинов и на их темную кровь. И это сделает зрелище более легким для Фаустролла и для него, Дэвиса.

Теперь Дэвис смутно слышал пугающие его звуки сражения. Резкие пронзительные крики, лязг мечей, бой барабанов, а потом — рев черных пороховых бомб, разрушающих себя во взрыве света. Дэвис также осознал, что башня, в которой, как ему казалось, нет ни одной живой души, полна жизни, точно встревоженный муравейник. Силуэт Дэвиса был высвечен многими факелами большого количества людей, устремившихся с башни.

Среди них бежала и Энн Пуллен. Она набросила

себе на плечи тяжелое полотенце, и еще одно, длинное, обернула вокруг талии. Но ее побелевшее лицо и струящиеся вниз светлые волосы были живыми под пламенеющим факелом, который она держала высоко.

Другие люди пробегали мимо Дэвиса на своем пути вниз с холма. Был там Шарко, бежавший со скоростью, которую позволяла ему его волочащаяся нога. В одной руке он нес грааль, в другой — меч, а большой мешок был приторочен к его боку.

Люди, очевидно, бежали или чтобы присоединиться к Ивару в сражении, или найти место, откуда они могли бы наблюдать его вблизи. Более вероятно — второе. Если они подумают, что дела оборачиваются против Ивара, они тоже убегут.

Дэвис выхватил факел у какой-то рабыни, когда она мчалась мимо него. Она протестовала, но не стала с ним драться. Дэвис высоко держа факел, указал на Реку:

— Пошли!

Легче сказать, чем сделать. Как раз когда они достигли края равнины, они вынуждены были остановиться. Мимо пробиралось большое количество мужчин, многие несли факелы. Дэвис взглянул на круглые деревянные шлемы, об-

шитые кожей и покрытые перьями, широкие темные лица, глаза с глубокими складками. Он простонал. Затем воскликнул:

— Еще люди Арпада! Это, должно быть, второй фланг!

Они не были мадьярами, но солдатами из старинных горожан Сибири, служившие Арпаду, образовывавшие десять процентов населения королевства. Они выглядели куда более похожими на американских индейцев, чем на эскимосов или чукчей. Группа в шесть или семь человек оторвалась от остальной массы и галопом помчалась к ним. Дэвис взвыл:

— Беги! — и сам помчался назад, вверх по холму.

Сзади послышался топот босых ног по мокрой траве и влажной грязи. Но это оказался Фаустролл.

Когда он наполовину поднялся на холм, Дэвис оглянулся назад. Их больше не преследовали захватчики. Обнаружив, что этих двух мужчин им не убить так легко, они снова присоединились к армии.

Через некоторое время они с Фаустроллом перестали взбираться на склон холма, а спустились на край равнины. В течение десяти минут свет

звезд затуманился облаками.

— Пора искать лодку, — предложил Дэвис.

Медленно и крадучись они шли между хижинами. То и дело приходилось обходить трупы. Большинство из них были женскими, но некоторым из женщин удалось убить вторгшихся врагов до того, как их зарезали.

— Никогда не кончающаяся история, — вздохнул Дэвис.

— Когда они научатся прекращать убийства, насилия, грабежи? Неужели не могут понять, что это ничего им не дает? Не могут…

— Они не понимали на Земле, откуда им понять это здесь? — спросил Фаустролл. — Но может быть, здесь это увязающий процесс. Мы имеем не только вторую попытку, но множество шансов. А потом, в один прекрасный день — пуфф! Злые, мелочные, вредные и лицемерные исчезнут! Давай надеяться, что это не означает, что здесь не останется никого. Или, возможно, это способ, благодаря которому все так и сбудется. — Он вдруг умолк, показал и объявил: — Эврика!

Здесь было множество лодок, причаленных к берегу или стоящих на якоре за несколько футов от него. Они выбрали себе каноэ с небольшой мачтой. Но, как раз когда они сталкивали каноэ с

травы в воду, они вздрогнули от воя, раздавшегося у них за спиной:

— Подождите! Бога ради, подождите! Я хочу с вами!

Они обернулись и увидели, что за ними ковыляет Шарко. Он тащил еще второй мешок, довольно большой, у себя за спиной. Несомненно, подумал Дэвис, он наполнен добычей, награбленной Шарко по дороге. Несмотря на страх, его предательская натура взяла верх.

Дэвис сказал:

— Здесь нет места для троих.

Тяжело дыша, Шарко остановился в нескольких футах от них.

— Мы можем взять лодку и побольше.

И он быстро повернулся, глядя вниз по течению. Отдаленный шум неожиданно стал слышаться с более близкого расстояния. Свет звезд упал на темную и неразличимую массу, приближающуюся с юга. Крики и звяканье бронзы усиливались оттуда. На несколько минут шум перестал двигаться по направлению к Дэвису. Затем звуки прекратились, и группа людей опять стала приближаться, теперь гораздо быстрее.

Кто бы ни были эти люди, гнавшиеся за сбежавшими, их убили. Но позади тех из них, кто остался

жив, слышались шум и крики. Люди, бежавшие в сторону Дэвиса, побежали.

— Возьмем одну из лодок! — завывал Шарко. — Они все схватят, и у нас ни одной не останется!

Дэвис подумал, что это хороший совет, но он вовсе не намеревался брать этого нытика с собой. Он продолжал помогать французу сталкивать каноэ. Оно соскользнуло в воду. Но к нему, разбрызгивая воду, подобрался Шарко, зашвырнул туда свой грааль и мешки и начал забираться сам. Дэвис схватил мешки и бросил их в воду. Шарко взвыл от ярости и нанес кулаком удар по подбородку Дэвиса. Оглушенный, Дэвис пошатнулся назад и упал в воду. Когда он, брызгаясь, поднялся, он увидел, что Шарко идет за мешками. Он прыгнул в лодку и выбросил оттуда грааль крючкотвора. Это заставило Шарко закричать еще громче. Без грааля он должен или умереть с голоду, или обходиться той пищей, которую ему удастся выпросить, и рыбой, которую поймает.

Фаустролл, все еще стоя в воде, согнулся пополам от хохота.

Гнев Дэвиса отступил и сменился отвращением к себе самому. Он терпеть не мог Шарко, Но презирал себя за то, что его ненавидит и за то, что вышел из себя. Трудно действовать

по-христиански, когда имеешь дело с такими «неряхами-мешочниками» (это слово он узнал от живших в конце двадцатого века).

Но у него больше не было времени сосредотачиваться на собственных ошибках. Бегущие мужчины остановились совсем близко к нему. Они казались сильно запыхавшимися, хотя это было не единственной причиной их остановки. Это были Ивар и около пятидесяти его норвежских и франкских воинов, да еще с десяток женщин. Одной из них была Энн Пуллен. Ивар истекал кровью, хотя не был тяжело ранен, а с боевого топора, которым он все время размахивал, тоже капала кровь. Он, вероятно, часто пускал его в ход против преследователей. Некоторые из его людей спорили и доказывали, что не надо останавливаться. Сначала Дэвис вообще не понял, что произошло. Послушав некоторое время, пока он залезал в каноэ, он понял их ситуацию.

Очевидно, тыловая атака застала Ивара врасплох. Но его люди были сплоченными, а воины Арпада отступили. Как только это произошло, Арпад во главе своего флота начал штурмовать берег. В свалке рукопашного боя Ивар убил Арпада.

— Я отрубил ему руку с мечом, — кричал

Ивар. — И тогда его войска растерялись и побежали. Мы их перебили!

8

Но у Торфинна Раскалывающего Черепа были свои планы. Он отправил часть своей армии обежать западный берег. Пока они это выполняли, он атаковал тыл Арпадова флота. Это отчасти объясняло панику среди людей Арпада на восточном берегу.

Затем Торфинн решил — а может быть, он принял это решение уже давно — предать Ивара. Таким образом, он стал бы хозяином не только своего королевства, но и земель Арпада и Ивара.

Ивар со своими солдатами не ожидали предательства, но быстро сориентировались и яростно сражались. И все-таки, они были вынуждены бежать, и охотничьи псы Торфинна лаяли совсем у них по пятам.

Ивар вскричал по-норвежски:

— Предатель! Предатель! Нет веры, нет веры! Торфинн поклялся Одином на священном кольце, что мы с ним — братья!

Дэвис не мог не улыбнуться при всей своей тревоге. Из того, что он знал о северных королях и их

братьях, он был убежден, что нет ничего необычного в том, что они пытаются убить друг друга. На самом деле, это типично для большинства королевских родов средневековья, независимо от национальности.

Да, он находится среди варваров, и он только что собирался освободиться от них, когда Норны распорядились иначе — чтобы солдаты догнали его. Нет, подумал он, это вовсе не Норны, три Судьбы древней скандинавской религии в облике трех женщин. Это Бог так определил. Я так долго был среди викингов, что начинаю думать так же, как они.

Тем временем Ивар перестал бредить. В одном из внезапных перемен настроения, характерных для него, он смеялся над собой:

— В конце концов, Торфинн только сделал то, что мог бы проделать и я, если б у меня были условия. Воспользоваться случаем — и повернуть события! Захватить власть! Власть!

Фаустролл, сидевший теперь в каноэ, позвал его:

— Ваше величество, достойный потомок великого короля Убу! Мы верим, что власть — это то, что мотивирует почти все поступки людей, и власть является более значительной причиной

для самых рациональных и лживых поступков, чем религия, хотя то и другое никак не связаны! Вы — истинный сын Адама, не говоря о Еве, и, возможно, потомок того падшего ангела, который видел, что дочери людские прекрасны, и шли к ним, и возлежали сними! Иди, иди, иди, сын наш! Размышляй над властью, поклоняйся ей, слушайся десяти тысяч ее заповедей! Но мы — глас вопиющего в пустыне! Кричать о джунглях, удобренных никогда не кончающейся жаждой власти в ее десяти тысячах проявлений, — вот истинное дерьмо вселенной!

— Но все же — иногда имеется Святой Грааль. Ищите его, находите его, хватайте его! Спасайтесь посредством его! В Граале вы найдете величайший фонтан власти! Но он делает все остальные виды могущества бессильными!

Советники Ивара болтали между собой, когда Фаустролл говорил, но умолкли, когда их вождь поднял руку. На некотором расстоянии, недостаточно большом, чтобы успокоить взвившиеся нервы Дэвиса, раздавались крики воинов Торфинна, которые бежали вслед за беглецами.

— Бога ради! — буркнул Дэвис. — Давайте сядем в лодку и уплывем!

— И странный же ты человек, доктор Фа-

устролл! — закричал Ивар. Тронутый, какими-то богами тронутый. Ты, должно быть, послан ими! Или случаем, о котором я так много слышал от людей более поздних времен, с тех пор как пришел в этот мир. Как бы то ни было, ты послан мне. Так что, вместо того, чтобы тебя убивать, что принесет мало пользы, разве что избавиться от твоего присутствия, да и тогда ты можешь мне попасться снова, — я поеду с тобой. Возможно…

Ивар помолчал с секунду, пока остальные рядом с ним сильно встревожились. Затем он заревел:

— По лодкам!

Никто не возражал, хотя немногие из самых агрессивных воинов вздохнули. Они разобрались по суденышкам, хотя и без паники. Ивар громко выкрикивал команды, распоряжаясь, кому в какую лодку сесть. Дэвису он скомандовал быть вместе с Фаустроллом и Энн Пуллен, заняв самое большое судно с местами для четырнадцати гребцов. Ивар сел на руль, когда гребцы начали свою работу, и развернули большой парус.

Ивар громко расхохотался и объявил:

— Норны снова мне улыбнулись! Это, должно быть, те лодки, которые люди Арпада пригнали на берег для атаки на фланге!

Дэвис, Пуллен и Фаустролл сидели на скамье как раз рядом с рулевым. Француз воскликнул:

— Возможно, это знак от них, чтобы вы навеки оставили эту территорию!

— Как? Чтобы я позволил Торфинну с его тролличьим сердцем каркать, будто он победил Ивара Рагнарссона?

Он заорал по-норвежски на воинов, которые все еще не сели в лодки:

— Эй, вы там! Хельги, Кетиль, Бьорн, Транд! Столкните пустые лодки в воду! Поглумимся-ка над нашими врагами, пока они в бешенстве пляшут на берегу и произносят проклятия и угрозы, которые повредят нам не больше, чем плевки против ветра!

Хельги Умник взревел:

Бескостный их без лодок
Оставил, без добычи.
Безголовый Торфинн,
Будешь без удачи!

Те, кто был достаточно близко, чтобы слышать, разразились хохотом. Ивар тоже смеялся, пока не подавился, что успокоился Дэвиса, который, услышав вису, встревожился. Датчане выходят из себя, когда кто-нибудь употребляет прозвище,

которое они не желают слышать.

— Слова мне нравятся, — признал Ивар. — Но, Хельге, размер у тебя подкачал. Скверно. Но если принять во внимание, что мы спешим, и что размер у тебя всегда хромает, как будто бы это новорожденный жеребенок, пробующий скакать…

Он снова хохотал несколько минут. Потом, опомнившись, взревел:

— Гребите, как будто дочь Локи, ведьма Хель, хватает вас за лодыжки холодной, как у покойника, рукой, чтобы стащить вас в ад. Согните спины, как будто вы — лук Улла, а ваши руки — стрелы бога длиной в сто лиг! Грести, грести, грести!

Бывали, наверное, гребцы такие же неутомимые, как норвежцы, но не было гребцов лучше. Но эти люди побывали в рукопашном бою, а ничто не требует столько энергии. Тем не менее, они налегли на весла так, как будто бы всю долгую ночь спокойно спали.

Их враги на берегу остались далеко позади. Звездный свет мерцал на громадной массе вдоль восточного берега, движущейся вверх по Реке. Позади они оставили около полумили. Флот Торфинна, по крайней мере, часть его, рьяно пустился вслед. Не так уж рьяно, наверное, поскольку его воины тоже утомились от битвы.

— Направимся в королевство моего брата, Сигурда Земля-В-Глазу! — громко велел Ивар. — Это далеко, но наши преследователи устанут раньше нас. Тогда мы будем в безопасности и сможем бездельничать, пить густое сладкое лишайниковое пиво и ликер из грааля, сколько душа попросит.

Мы также восполним там недостаток красивых женщин. Или vice versa[21].

Гребцам не хватало дыхания, чтобы расхохотаться, хотя некоторые пробовали.

Сигурд был одним из немногих людей, которым Ивар доверял и, вероятно, был его единственным достойным доверия братом. В молодости он был могучим викингом. Но, достигнув среднего возраста, повесил свой меч на стену и стал мирным и справедливым правителем Сьеланда, самого крупного датского острова. Королевство, которое Сигурд основал, придя в Мир Реки, находилось в четырехстах милях от земель Ивара. Однажды Сигурд навещал своего брата, а Ивар гостил у него дважды. Дэвис каждый раз виделся с Сигурдом. Стройный, хитрый, на белке правого глаза красное родимое пятнышко, из-за которого Сигурд и получил свое земное прозвище. Родимое пятно

---

[21] notes: 21
Наоборот *(франц.)*

прошло, когда он очутился здесь, а прозвище осталось.

Мысли Дэвиса прервали какие-то крики у него позади. Он встал и оглядел приподнятую рулевую палубу. К лодке, где находились Хельги и еще трое, в воде приближался человек. Хотя Дэвис не мог разглядеть пловца, он понял. Что это должен быть Шарко. Очевидно, он просил взять его в лодку. Но гребцы смеялись, проплывая мимо, и вскоре Шарко, все еще крича, остался позади.

Волна сочувствия пробежала по Дэвису. Шарко был лгун, мошенник, хвастун, задира и трус. Но все же — этот человек не мог поверить, что есть люди — и таких много, — которые его не любят. Мысль была патетической, и Дэвис в ту минуту пожалел его.

Дэвис сел и посмотрел на Энн, которая сидела рядом с ним. У нее надо головой было повязано маленькое голубое тонкое полотенце, точно шарфик, какие женщины а Земле носят в церкви. У нее на лице застыло странное выражение, смесь нежности и тоски. Или это так показалось Дэвису, хотя кто знает, о чем думает эта сучка. И все же — она выглядела, точно мадонн, мать младенца Иисуса, изображенную на росписи, которую Дэвис видел в церкви.

Интересно, подумал он, не так ли она выглядела, когда была ребенком. Что стерло с ее лица эту нежность, эту доброту?

И тут она повернула голову и спросила:

— Какого черта, на что это ты глазеешь, похотливая деревенщина?

Дэвис вздохнул, находя удовлетворение в том моменте, когда он жалел ее из-за ее утраченной невинности. И ответил:

— Да ни на что особенное.

— Воображаешь, что можешь со мной так разговаривать, раз мы оказались рядом, — огрызнулась она. — Но я этого не забуду.

— Ваше величество напоминает короля Людовика XIV французского, о котором кто-то сказал, что он никогда ничего не забывает, — сказал Дэвис. Потом добавил, затаив дыхание: — И тот же человек сказал, что король никогда ничему так и не научился.

— Что-о?

Как не по-христиански с моей стороны, подумал Дэвис. Почему я не могу научиться подставлять другую щеку? Не надо было ей ничего говорить. Молчание мучеников.

Позже Ивар перевел четверых с задней лодки на свою. Поздним утром ведущая лодка флота

Торфинна оказалась далеко впереди остальных. За час до полудня она оказалась на расстоянии летящей стрелы от судна Ивара. Ивар повернул лодку кругом, сбил стрелами семь человек, протаранил врага и взял на абордаж. Дэвис и Фустролл сидели на своих местах, когда кипела битва. Энн Пуллен ранила нескольких человек их своего женского лука. Какова бы она ни была, подумал Дэвис, храбрости ей не занимать. Но надеюсь, что она не повернется и не застрелит и меня.

Ивар потерял шестерых, но убил всех врагов, кроме тех, кто попрыгал в Реку. Остальные лодки Торфина еще не показались. Ивар захватил лодку противника и оставил свою. Он со своей командой продолжали плыть дальше с веселыми песнями.

К тому времени, как они добрались до Сигурдова королевства, они прошли, по крайней мере, через сорок кошмаров наяву. Или так почудилось Дэвису, хотя норвежцы просто наслаждались этими кошмарами. Одни битва следовала за другой, и одно бегство за другим. Государства на сотни миль вверх по Реке от бывшего королевства Ивара тоже находились в состоянии кровавой бойни. Войны на земле Ивара, кажется, заразили насилием другие страны, ни одна из которых не

была стабильной. Рабы бунтовали, а короли и королевы пытались воспользоваться ситуацией, чтобы нападать друг на друга Дэвис считал, что только эта полуанархия способствовала тому, что флот Ивара продвинулся так далеко. И даже при этом все суда, кроме четырех, первоначально вышедших в путь, были потоплены или захвачены. Те, кто все пережил, жили рыбой, которую они ловили, плывя вверх по Реке. То и дело, их отпускали на сушу, чтобы они пополнили свои Граали. Но, даже когда люди выглядели мирными и дружественными, викинги нервничали. За улыбками их хозяев могли таиться планы захватить гостей в рабство.

— О Господи, — молился Дэвис, — прошу Тебя, останови это убийство, разбой и насилие, муки сердечные, грабежи, ненависть и разврат. Сколько это может продолжаться?

Так долго, как люди позволят себе совершать все эти ужасные деяния, подумал он, Господь не собирается вмешиваться. Но, если так, он имеет в уме Своем благую цель…

Через несколько часов после рассвета флот прибыл в королевство Сигурда. Или — туда где оно было. Совершенно очевидно, что и оно разорвано на части борьбой, войну, кажется, принес

сюда ветер.

Мужчины и женщины, напившись пьяными, резвились, размахивая оружием и несколькими отрубленными головами. Большинство бамбуковых хижин и деревянных построек горели, повсюду валялись трупы. Как только флот приблизился к берегу, целая орда забралась в лодки и начала грести по направлению к судам Ивара.

— Кто они такие? — удивился Ивар. И тут же спохватился: — Неважно. Плывите дальше!

— А где же ваш брат? — спросил Дэвис.

— Он, наверное, спасся бегством. Надеюсь на это. Что бы с ним ни случилось, спасти его я не могу. Нас слишком мало.

После этого он много часов молчал, расхаживая взад и вперед по небольшой палубе. Он много хмурился, а один раз ударил себя в грудь ладонь. Однажды он испугал всех людей в лодках, закинув голову назад и завыв продолжительно и печально.

Бьорн Огрубевшая Нога, стоящий около Дэвиса, осенил себя Торовым молотом и задрожал.

— Крик самого великого волка Фенриса исходит из его горла, — сказал он. — Ивар действует так, словно собирается стать берсерком! Готовьтесь защищаться. А еще лучше — прыгайте в Реку!

Но Ивар прекратил выть и огляделся вокруг, как будто бы его только что перенесли сюда из-за миллионов миль. Затем он зашагал к переднему краю палубы и воззвал:

— Остеопат! Клоун! Давайте сюда!

Неохотно, зная о том, что действия норвежца непредсказуемы и часто их следует ужасаться, Дэвис поднялся по короткой лесенке вместе с Фаустроллом. Дэвис не догадывался, о чем думает Фаустролл, но он сам был готов последовать совету Бьорна.

Ивар посмотрел на них сверху, на лице его возникло какое-то выражение, которое невозможно было прочесть.

— Вы двое низкого ранга, но мне случалось наблюдать, что даже у раба может быть больше мозгов, чем у его хозяина. Я слышал, как вы говорили каждый о своих поисках — дух их, признаюсь, я не понимаю. Но вы меня заинтриговали. Особенно когда вы говорили о тщетности и пустоте вечной борьбы за то, чтобы завоевать больше земли, больше собственности и больше власти. Возможно, вы правы. На самом деле, я не знаю. Но несколько минут тому назад какой-то дух овладел мной. Возможно, меня схватил бог, который нас создал, кто бы он ни был. Неиз-

вестный и безымянный бог. Чем бы ни было это странное состояние, я вдруг почувствовал себя опустошенным, как будто бы мой мозг и кровь вылились из меня. Это ужасное ощущение скоро прошло, и я увидел смысл вашей мудрости. И в этот самый миг я был ошеломлен бесполезностью всего, что я до сих пор сделал. Я понял, что устал вечно сражаться за то, чтобы получить власть, а потом воевать за то, чтобы иметь еще больше власти. Слава кажется золотой. Но на самом деле она свинцовая.

Он улыбнулся им, потом посмотрел им через головы на север. Когда Ивар опять заговорил, он продолжал смотреть мимо них. Это выглядело так, подумал Дэвис, как будто бы Ивар рассматривает что-то и в самом деле очень величественное.

Фаустролл тихонько прошептал:

— Он видит, как туманна соединительная точка между нулем и бесконечностью.

Дэвис не успел ничего сказать, потому что Ивар уставился на него и на француза. Когда Ивар говорил, он требовал полного вашего внимания, и чтобы его не прерывали. Но Дэвис подумал — нет, это не то, что бы оно ни значило. Это… не могу вспомнить греческий теологический термин…

это означает полное внезапное перерождение духа. Похожее на изменение состояния духа и цели, которое Савл испытал на дороге к Дамаску… он фанатически преследовал христиан… великий свет появился, даже когда он замышлял смерть для всех христиан… он упал ненадолго, парализованный… когда же очнулся, он стал ревностным учеником Христа. Внезапно, неожиданно, непредсказуемо ни для кого. Воодушевление, торопящее вас к Северному Полюсу, поворачивает вас помимо вашей воли и направляет к Южному Полюсу. Были зарегистрированы похожие мистические или психологические преображения духа.

Дэвис ощутил ужас. Только через несколько секунд холод, который прошел по его коже, исчез.

Однако, напомнил он себе, этот неожиданный поворот не всегда совершался к добру. Хотя это случалось редко, тут совершался поворот от добра к злу. Как будто бы Сатана, подражая Богу, тоже дотрагивается до его души.

— Бог не говорил словами, — продолжал Ивар. — Но ему и не надо было слов. Он сказал, что я должен идти вверх по Реке, пока не приду к ее истоку, неважно, как далеко он окажется. Там я найду мощь сверх всякой мощи.

— Всегда так — мощь, власть, — буркнул Фа-

устролл. Он произнес это так тихо, что Дэвис едва расслышал его, и Дэвис был уверен, что до Ивара слова француза не дошли.

— Вы оба, меситель больной плоти и насмешник над все, что люди считают здравым смыслом, — сказал Ивар, — тоже имеете свои цели. Один хочет найти младенца, рожденного девственницей. Другой надеется отыскать истину, которая ускользает от всех людей от самого рождения человечества.

— Он сделал паузу, потом продолжал: Хотя вы не воины и взгляды у вас странные, вы можете быть чем-то вроде спутников, в которых я нуждаюсь для долгого пути. Что вы скажете?

Тон его был таким, словно он оказывает снисхождение этим приглашением. Но все же он рассматривал его как комплимент.

Фаустролл ответил:

— Король Убу и два его шута в поисках Святого Грааля? Ну что же, я с удовольствием пойду с тобой.

Дэвис не колебался:

— Почему бы и нет? Возможно, мы все ищем одно и то же. Или, если это не так, мы найдем одно и то же.

Примечание автора

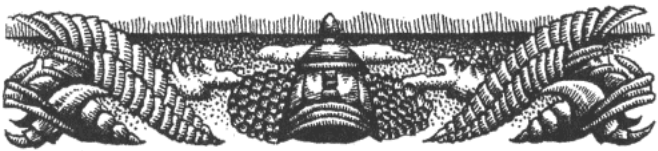
Очевидно, что приключения этой троицы будут иметь продолжение и будут включены в том II мировой антологии Мира Реки.

У меня сильное ощущение, исторической непрерывности, которое усилилось, пока я изучал свою генеалогию. К настоящему моменту у меня имеются 275 доказанных американских предков и несколько европейских. Так что я решил — почему бы не использовать некоторых из них в Мире Реки, где живут теперь все, кто когда-либо жил и умер? Я так и сделал.

Таким образом, все названные по именам герои этой истории, кроме Фаустролла (Альфреда Жарри) и Шарко, мои прямые предки. Доктор Эндрю П. Дэвис — мой пра-пра-дедушка (1835–1919). Он был выдающимся человеком, эксцентричным правдоискателем и новатором. Энн Пуллен — моя девять раз пра-бабушка. Согласно судебным отчетам, она была настоящим исчадием ада, вспыльчивая и распутная женщина в эпоху, когда было крайне опасно для женщины быть такой. Что до моих отдаленных предков, Ивара Бескостного и других викингов, мужчин и женщин, их ныне живущие потомки в 1991 году насчитывают

много миллионов. Разумно принять на веру, что, по крайней мере, три четверти моих читателей могут быть в числе этих потомков.

Дэйн Хелстром
Дыра в Аду[22]



Его перо часто устремлялось в Ад. Теперь он, которому полагалось бы быть в Раю с его обожаемой Беатриче, попал в яму — такую, как описал в «Чистилище».

Годами он искал на Реке единственную женщину, которую когда-либо по-настоящему любил, свет его жизни и его поэзии. Теперь он находился в темнице, куда засадил его человек, которого он по-настоящему ненавидел.

Яма площадью в восемь квадратных футов и глубиной двенадцать футов находилась на вер-

---

[22] notes: 22

A HOLE IN HELL by Dane Helstrom Copyright© 1992 by Dane Helstrom.

шине холма. Стенки ее были из дубовых стволов, наклоненных вовнутрь. (Весь мир, думал он, имеет наклон внутрь и держит меня в тюрьме). Яма была в тени, за исключением того времени, когда солнце светило прямо над головой. О, благословенное солнце! О, быстро движущееся солнце! Остановись на своем пути!

По самые лодыжки в сточных водах стоял Данте Алигьери, с опрокинутым кверху лицом. Рассвету уже час. Скоро появится проклятый враг Данте, Бенедикт Каэтани, папа Бонифаций VIII с 1294 по 1303. Данте узнает, что Бонифаций приближается, потому что он слышит лай и вой псов. И все же — нет собак в этом месте, которое может быть Чистилищем, а может быть — и Адом.

Через несколько минут он застыл. Тявканье, лай и вой звучали слабо. Как будто бы он только что различил звуки, исходящие из трех голов Цербера, противного природе пса Сатаны, охранявшего вход в Чистилище. Вскоре эти звуки сделались громкими, и он увидел владельца собак.

— Еще одно данное Господом утро, — провозгласил Бонифаций. — Время мне первый раз помочиться. Я крещу тебя, синьор Алигьери, во имя тех, кого ты с такой ненавистью отправил

в Ад!

С закрытыми глазами Данте вытерпел дождь, который обрушился на него отнюдь не с небес. Минуту спустя он открыл глаза. Папа сбросил свое одеяние и деревянную тиару в форме пчелиного улья. Собаки — обнаженные мужчины и женщины, стоящие на руках и коленях или на руках и пальцах наг — рыскали вокруг краев ямы. Ошейники из рыбьей кожи были прикреплены к своре, которую держали мужчины и женщины двора Бонифация. Кобели, стоящие у края ямы и параллельно с ней, задрали по задней лапе, чтобы облегчиться в чистилище.

Бонифаций навис над ямой своими ягодицами, в то время как двое слуг держали его за руки, чтобы он не упал назад.

— Во имя тех, кого ты несправедливо поместил в Ад в своей порочной поэме, даю тебе хлеб и вино лишенных благословения! Ешь это и славься в пресуществовании твоего павшего бога, Люцифера!

И тут же дюжина собак опорожнила содержимое своих кишечников. Только стоя в центре ямы, можно было избежать того, чтобы в тебя попали.

После года такой жизни, думал Данте, он должен быть задохнуться нечистотами, ежедневно

выливаемыми в яму. Но множество червей, поедающих экскременты, держали их уровень на высоте его лодыжек. Бонифаций выпрямился было, но снова согнулся, когда несколько рабов стали лить воду между ягодицами папы. Тем временем, собаки лаяли, выли, скулили и визжали.

Данте закричал:

— Да заставит тебя Бог вечно носить железную тиару, раскаленную добела, в Его гневе!

— Данте Алигьери никогда не научится!. — взвизгнул папа. — Ему ли пасть на колени, этому непреклонному флорентийцу, и умолять прощения у тех, с кем он обошелся жестоко и несправедливо? Нет, не ему! Его ум — такое же дерьмо, как то, в котором он живет!

Ты совершил богохульство, когда написал обо мне в «Чистилище», будто бы я нахожусь в Аду, когда я еще был жив! Даже Господь не помещает людей в Ад до того, как они умрут!

— Ты был и есть воплощение зла! — вскричал Данте. — Разве человек, служащий Богу, сотворит собак из людей, неважно, какова их вина!

Бонифаций взвизгнул:

— На колени, свинья, гвельф проклятый, сознайся, что ты несправедливо обошелся со мной, покайся истинно! Тогда сможешь продолжать

путь, чтобы искать твою любимую Беатриче! Хотя тебе следовало бы искать Бога, а не такую шлюху, как она!

— Фиг тебе! — заорал Данте. И он откусил свой большой палец и запустил в Бонифация.

— Данте сам себя осудил сидеть в яме; он признается в своей вине и грехе. Так продолжай же страдать в своем справедливом наказании!

Тут папа, рабы, охранники и свора собак ушли. Четверо стражников остались, дабы убедиться, что он не найдет никакого способа покончить с собой.

Сегодня ночью, как каждую ночь, разразится такой ливень, что он сможет лечь в воду и утонуть. Проделать это будет означать совершить не прощаемый грех, такой грех, который автоматически принесет проклятие душе. Будет ли это грех в этом мире? Ведь здесь, если человек умирает, он вновь поднимается к жизни через двадцать четыре часа, хотя вдалеке от того места, где умер. Есть ли это в таком случае грех — убить себя? Логика говорит, что нет. Все же, он не мог быть уверен. То, что Бог запретил на Земле, должно быть запрещено и в этом мире. Или заповеди здесь каким-то образом изменены, чтобы подходить условиям?

Не отстраняясь от хлюпающей мягкой жижи у себя под ногами, он шагал взад-вперед. Раздумья его перешли от не имеющего ответа вопроса к самоубийству в этом мире и конфликтам, кипевшим, во время его жизни. Когда он был спокоен и логичен, что бывало не часто, он говорил себе, что кровавые ссоры между гибеллинами и гвельфами или между темными и светлыми гвельфами насчет политико-религиозных убеждений не имели никакого значения теперь.

Громадное большинство бунтовщиков никогда и не слыхали об этих конфликтах — и зевали бы от скуки, если бы им об этих распрях рассказали. Только на этой территории, где жили итальянцы его эпохи, старая ненависть свирепо разгоралась. Все же ее следует забыть. В долине Реки возникают гораздо более важные проблемы, которые требуют решения. Если с ними не разобраться, спасения им не достигнуть.

Но не смог ни забыть, ни простить.

Ровно в полдень загромыхали грейлстоуны. Эхо, разносимое горами, едва успело утихнуть, когда он услышал, что к нем приближаются собаки. В скором времени лай и вой, смешанные с щелканьем плеток, раздавались над ним и вокруг него. Данте посмотрел вверх, прикрывая глаза от

солнца. Крик вырвался из его груди, он упал на колени. Потом произнес:

— Беатриче.

Бонифаций обнаженный стоял у края ямы с плеткой в руке, он объявил:

— Твой долгий поиск окончен, синьор! Сегодня утром работорговцы доставили сюда твою возлюбленную шлюху! Вот она, славная сучка, которая должна гореть в пламени!

Данте отвел глаза, но заставил себя снова взглянуть. И снова закричал от ужаса.

Она, обнаженная, стояла на четвереньках. Она плакала, ее лицо настолько исказилось, что он не смог бы узнать ее. Но нечто, какой-то божественный элемент, что-то вроде молнии, блеснувшей между небом и землей, озарило его сознание, исходя от нее. Он мгновенно понял, что это Беатриче.

Бонифаций, ухмыляющийся, как лиса перед тем, как съесть цыпленка, потянул ее за свору и пнул под ребра, хотя и не сильно. Она послушалась его приказа подойти к самому краю ямы и встать очень близко. Потом он передал поводок стражнику и встал на четвереньки позади нее.

— Сучку надо брать сзади, — крикнул он.

Она закричала:

— Данте!

Другой стражник взмахнул плетью и огрел ее по плечам. Она опять закричала.

— Не разговаривать! — приказал Бонифаций. — Ты бездушная псина, а собаки не разговаривают!

Он устроился над ней. Она закричала, когда он проник в нее.

Данте снова и снова подскакивал вверх и выл, как собачонка. Но он не мог прыгнуть так высоко, чтобы схватиться за край.

— Смотри, смотри, грешник! — приказывал Бонифаций.

— Я не пес, но я оседлал, точно кобель, сучку, которую ты так любил!

Данте хотел закрыть глаза, но не мог.

И тогда Беатриче потянулась вверх и подняла вместе с собой Бонифация. Хотя стражник свирепо дернул за поводок, он не смог ее остановить. Она в этот момент была сильна, как будто ангел отмщения влил в нее свою священную свирепость.

Она повернулась кругом и ухватилась за Бонифация. Крича и визжа, оба свалились в яму, поводок вырвался из руки стражника. Она устроилась на папе верхом и ударами заставила его пустить ветры. И тут же начала рвать его нос

зубами. Она перестала кусаться только когда копье, брошенное стражником, вонзилось глубоко ей в спину.

Она произнесла, задыхаясь:

— Мать тв… хочу… умереть навсегда, — и скончалась.

Стражники закричали на Данте, чтобы он отошел от папы. Тот спихнул труп женщины в сторону и с трудом поднялся на ноги. Данте, плача от горя и ярости, вытащил копье из своей любимой и воткнул его острие в брюхо папе. Потом дернул его и начал поворачивать.

Стражник, который только что спрыгнул в яму, побежал к Данте с копьем наперевес, но поскользнулся в нечистотах и тяжело упал лицом вниз.

Данте поднял копье, чтобы пронзить-стражника. Он колебался. Если он убьет стражника, его тоже пронзят копьем. Но слуги папы сделают это только для того, чтобы помучить его, а после, вероятно, опять бросят его в яму.

Когда стражник, поскользнувшийся в нечистотах, попытался встать, Данте вскричал:

— Беатриче! Подожди меня!

Он упер тупой конец копья в бревенчатую стену, а острие вонзил себе в желудок. Несмотря на агонию, он продолжал надвигаться на острие,

пока оно целиком не вошло в него.

Он совершал грех самоубийства. Но это был единственный способ бегства. Если он действительно отправится в Ад из-за своего злодеяния — если это было злодеяние — он охотно уплатить полную цену.

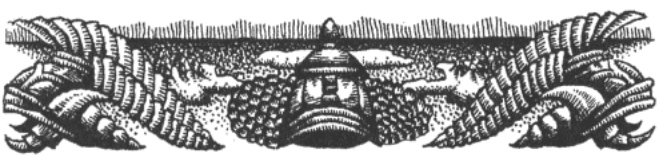
Беатриче находилась от него на расстоянии вытянутой руки. Потом, в течение двух минут, она исчезла.

Но ее можно будет снова найти.

Хотя бы пришлось искать ее сто лет, он найдет ее.

Конечно же, Бог понимает его великую любовь к ней. Не станет же он ревновать из-за того, что его создание, Данте Алигьери, любил Беатриче больше, чем он любил своего Создателя.

Последняя мысль Данте растворилась во тьме… Прости… не хотел так…



Аллен Стил
Благословенная земля[23]
1

— Мне не хватает моего золотого зуба, — сказал Кейт.

Он сидел на краю дубового помоста, болтая ногами над бамбуковой планкой. У «Зомби Мерси» был перерыв во времени репетиции. Несколько титантропов, рабочих сцены, нашли себе занятие, проверяя электрический кабель, не прогорела ли изоляция из рыбьей кожи, и перестраивая массивные громкоговорители.

В звуковой кабине, установленной в середине амфитеатра на открытом воздухе, король разглагольствовал перед каким-то несчастным техом о периодически повторяющихся проблемах питания для микрофонов; ему не было слышно ни слова из того, что говорилось, но унизанный кольцами королевский указательный палец качался взад и вперед, и голова теха поочередно кивала, качалась, кивала, качалась, как будто бы отмечая время: да, сэр Элвис, нет, сэр Элвис, да,

---

[23] notes: 23

GRACELAND by Allen Steele Copyright© 1992 by Allen Steele.

сэр Элвис, нет, сэр Элвис…

— Зуба у тебя не хватает…

Сидя рядом с Кейтом, прислонившись спиной к монитору, Джон прикурил кривой «косячок» от зажигался и втянул дым в легкие.

— Ну и что? У меня вот очков не хватает.

— Ну-у, ты всегда был очень похож на эльфа в этих очках…

— Конечно же, нет, — буркнул Джон. На секунду он задержал дыхание, потом сделал выдох. У них за спиной Сид уныло отрабатывал начальные пассажи «Анархии в Соединенном королевстве» на своем бас-кларнете. Брайана нигде не было, видно, как обычно. — И кстати, я никогда не верил этой истории о том, как ты разбил себе рот, когда въехал на «кэдди» в бассейн в Холидей Инн…

— Вовсе не «кэдди», — настойчиво возразил Кейт, — это был чертов «линкольн Континенталь», и я так здорово сломал себе передний зуб, когда вылезал из воды и карабкался на борт, убегая от медноголовых…

— Да, да. Слыхали мы всю эту жалобную историю много раз. — Джон передал косячок Кейту. — И вовсе я не выглядел эльфом в очках. Терпеть я не мог эти контактные линзы, которые

Эпштейн заставил меня носить.

— Слышно о нем что-нибудь в последнее время?

— Нет, с тех пор, как он присоединился к даоистам… кроме того, Йоко нравились очки…

— Ой, Бога ради, парень, когда ты прекратишь болтать о своей старушке? — Кейт поднял одну из барабанных палочек и рассеянно почесал ею свою загорелую спину. — Я хочу сказать, что ты становишься большим котом, чем Фрэнк Синатра…

— Господи! — Джон строго посмотрел на него. — А что, Синатра здесь?

Кейт передернул плечами:

— Не то чтобы я слыхал о нем. Просто поговорка, которую я подцепил у одного из янки. — Он сделал сильную затяжку и передал окурок Джону. — Пигпен меня научил так говорить, — припомнил он. — Или это был Лоуэлл…

— О'кей, так со мной регулярно бывает… — Джон мрачно посмотрел на пустые бамбуковые скамейки перед сценой. Рассеянно полез под кильт и почесался. — Но мне все равно ее не достает, — сказал он нежным голосом. — Хорошая баба была. И певица тоже хорошая.

Кейт состроил гримасу, но мудро удержал рот

закрытым. С мгновение они оба помолчали, слушая, как Сид с трудом продирается через «Боже, храни королеву», — версия панков, которую трое других членов «Зомби Мерси» отказывались исполнять во время представлений. Кейт наклонил голову в сторону парня.

— То есть, я хочу сказать, ты считаешь — юный мистер Ритчи тоскует по Нэнси? — спросил о тихим голосом. — Эта мерзавка была просто отрава. Даже когда она показалась здесь два месяца назад, он велел ей отвалить, не то он опять ее проведет…

Голова Сида вздернулась:

— Не говорил я! — закричал он.

Джон взглянул на него через плечо:

— Полегче, парень, — буркнул он. — Этот, не от мира сего, всего только шутит.

Сид не довольствовался объяснением. Он схватил гитару, снял перевязь с плеча и швырнул инструмент на сцену, напугав одного из титантропов.

— Вы, старые пердуны, меня тошнит от вас, — пробурчал он, шагнув к занавешенной двери, ведущей на сцену.

— Так давай, стошни, — сказал ему вслед Кейт. — Только сначала убедись, что ты не дела-

ешь это опять прямо в посудину со своим ланчем. Ха-ха-ха-ха-ха!

Маниакальный смех Кейта был одной из немногих черт, которые так нравились в нем Джону. Он стряхнул с себя печальные воспоминания о физиономии своей жены, когда подошел, чтобы взять косячок из пальцев Кейта.

— Вовсе он не скучает по Нэнси, — сказал он, — но я полагаю, он скучает по поездке верхом на старой белой лошадке.

— Точно так же. Это его, в конце концов, и прикончило, — Кейт нахмурился, задумчиво постучал барабанными палочками у себя между ногами. — Начинаю думать, что то же самое сделало и спиртное, которое я лакал…

— Вы оба целыми неделями покупали его друг другу, насколько я припоминаю…

— Да. Так и есть. — Озорная улыбка снова появилась на его добродушной физиономии. Я-то хоть состариться умудрился, пока начал брюзжать. А этот парнишка — да он едва достаточно взрослый, чтобы бриться…

— Надеюсь, я помру, прежде чем состарюсь, — пропел Джон.

— Роджер был трепач, и Пит тоже. Бык слишком мало говорил, и слава Богу…

— И правда. Что я чувствую насчет Джорджа…

— Ах-ха-ха-ха-ха! Господь предпочитает баси-стов… или кларнетистов! — Кейт поднял палец, чтобы пощупать свои молодые неповрежденные передние зубы. — Но мне, знаешь ли, все еще не хватает моего переднего зуба. Он был такой классный. Птички считали, что он сексапильный. Думаешь, я смогу найти другой…

— Эй! Вы что себе воображаете, что вы тут делаете?

Джон и Кейт оглянулись на звук баритона с южным акцентом. Король выходил из правой кулисы, хлопая в ладоши, чтобы призвать к вниманию.

— Черт, — буркнул Джон, потихоньку гася окурок у себя за спиной и загораживая его ладонью.

— Мне казалось, я предупреждал, — заревел Король, — никаких наркотиков во время работы!

Кейт непонимающе глядел на него:

— Но мы не работаем, друг, — произнес он безумно мягким голосом. — Мы чай пьем. — Он показал на полуденное солнце. — Вот, видишь? Время чаепития.

Лицо Короля посинело от злости.

— Не вижу, чтобы тут было накрыто к чаю, сынок! Все, что я здесь вижу — это чертова мари-

хуана, которую я велел вам не курить во время репетиций! Ну, так верните сюда Сида и Брайана, и чтоб вы были уверены, что вечером сможете так играть, что от вас только задницы останутся, потому что сегодня после обеда пароход приходит, слышите вы меня?

— А кто у них звезда? — спросил Джон.

— Другой оркестр! — заорал король. — И они-то останутся звездами всю неделю, потому что вы, английские дырки в заднице, не можете свое дерьмо при себе удержать, а вот американские парни могут, и не нравится мне ваше отношение, и я считаю, все вы играете, как английские педики, и мне начхать на то, что вы были из Битлов…

— Говоря откровенно, — прервал его Джон, — мне тоже.

Эти слова заткнули его собеседника, но Джон не мог отказать себе в том, чтобы поиграть в ножички немножко подольше. Он прочистил горло, опираясь подбородком на ладонь правой руки.

— А скажи-ка, — спросил он, — все еще злишься на меня за свои фильмы?

Король нахмурился, но ничего не сказал; он никогда не был искусен в быстрых ядовитых ответах. Кейт скрыл ладонью свою мечтательную улыбку.

— Черт бы побрал долбаных английских уродов, — наконец проворчал он и начал пробираться назад к пульту. — Думаете, что это вы изобрели рок-н-рол…

Солнце высветило буквы, выложенные из полудрагоценных камней на спине его жилетки: ЗД — Займись Делом. Джон наблюдал, как уходит Король, некоторым образом печалясь за него. Года два назад, когда Элвис начинал ими руководить, он еще обладал полученной сразу после воскрешения стройностью, красотой и сексуальностью, оставшимися от зрелых годов его Солнечной Студии. Теперь он опять начинал становиться тучным, к общему негодованию, только еще хуже: он давал своим волосам расти как попало, и зад его отвисал под кильтом. Хуже всего, что он превратился в зеркальный образ своего старого менеджера, хотя без искупающих качеств полковника. И петь он совершенно не мог. Зато он был Королем Благословенной Земли; если вам не хотелось быть рыбаком, фермером или рабом, вы играли по его правилам.

— Он был куда симпатичнее до того, как умер, — прошептал Кейт.

Джон засунул бычок в рот и задумчиво пожевал его, собирая на язык остатки жженой травки.

Потом встал и грубо хлопнул барабанщика по плечу.

— Все мы были симпатичнее, — ответил он. — Теперь давай, друг. Назад, к жернову.

— Рок-н-ролл, — прошептал Кейт.

2

Остров был известен как Благословенная Земля.

Через тридцать лет после Дня Воскрешения это было единственное место в мире, где можно было услышать живой рок-н-ролл, и существование его в значительной степени обеспечивали влиятельность и божья искра Элвиса. Он кое с кем договорился из власть имущих, набрал в команду титантропов, за два-три года отыскал воскресших музыкантов, сделал переводы песен… И вот наконец Элвису удалось организовать небольшую колонию на маленьком островке за сто миль вверх по Реке от Пароландо, нераскрытом скоплении грязи и камней, где обретались два невостребованных грейлстоуна. Не совсем неожиданно он решил назвать этот остров Благословенной Землей. Так его и занесли на пароходные карты, название, под которым

он стал известен сотням тысяч жителей Долин, услышавших о нем…

Остров Благословенная Земля имел только одно приносящее прибыль занятие: рок-н-ролл, исполняемый живо и громко. Элвис оказался достаточно оборотист, чтобы не посадить свои оркестры на речные пароходы и не отправить их в концертные туры вверх и вниз по великой Реке; существовало еще слишком много нецивилизованных мест, где его группы могли потерять не только Граали и с таким трудом организованное оборудование, но и жизни. Вместо того он благоустроил остров и дал знать, что супергруппы играют на нем шесть вечеров в неделю, восемь месяцев в году, и пускай все желающие приезжают к нему. Билеты можно приобрести на пристани в обмен на все, в чем нуждается пятьдесят постоянных жителей Острова Благословенная Земля, будь то рыба, материя, обработанные металлы, инструменты, открытые Граали, речные продукты, дополнительное спиртное и сигареты, новые зажигалки, драгоценные и полудрагоценные камни, поклонники (особые поклонники) за неделю торговли получали доступ в обнесенный частоколом амфитеатр острова Благословенная Земля.

Каждую неделю к пристани причаливал другой пароход, выгружал очередных сто с лишним пассажиров, которые совершали торгово-обменную поездку вверх или вниз по Реке через Остров Благословенная Земля. Они окружали свои грузы на причале, потом отправлялись в торговые будки на подветренном берегу острова, где находился грейлстоун для посетителей. Допускалось пребывание на Благословенной Земле ровно на неделю, с разрешением за дополнительную плату посещать амфитеатр. Однако, поскольку все оружие конфисковывалось на причале титантропами и посещение амфитеатра было скорее приятным, немногие отказывались платить. Это было место, где многие воскрешенные могли провести настоящие каникулы в новом мире.

Разумеется, Благословенная Земля имела свои обязательства и необходимость кое-что оплачивать. Надо было не только давать взятки соседним проживающим на Реке национальностям, чтобы они защищали постоянных жителей острова от вражеских нашествий, но и все театральное оборудование — от электрогитар до относительно простых приспособлений для улучшения звука и до гидроэлектрогенераторов, которые обеспечивали все энергией, — подлежало налогам,

отдаваемых жителям Пароландо и Новой Богемии, которые, в свою очередь, получали львиную долю от прибылей Острова Благословенная Земля. В результате такой системы на острове было довольно мало возможностей для персональных благ постоянным жителям острова. Так как считалось, что Король часто держит многих под наблюдением, трудно было бы не работать как следует. То есть, если стирание пальцев до кости игрой на грубых медных струнах ежевечерне нельзя считать работой…

На Благословенной Земле было два постоянных оркестра, и они каждый вечер в концертный сезон менялись. Один оркестр — американцы, Возрожденный Уондер Крик: Лоуэлл Джордж, певец и гитарист; Дуан Оллмен, гитарист; Берри Окли, басовая гитара, Род «Пигпен» Мак-Куэн, аккордеонист и гармонист, Деннис Уилсон, барабан и — когда она была трезва и способна добраться до сцены — Дженис Джоплин, вокалистка. Крикеры придерживались стиля графства Мэрин, который находил теплый прием у большинства жителей Долины, учитывая аграрные условия, с которыми они столкнулись со Дня Воскрешения; нетрудно было добиться успеха исполнением «Гордой Мэри» или «Смотри, как Река течет».

С другой стороны — «Зомби Мерси», которые находились в явно невыгодном положении. Им досталось смешанное наследство групп Битлз, Роллинг Стоунз, Ху и Секс Пистолз, и квартет мог справляться всего с несколькими номерами, приемлемыми для среднего уровня жителя Долины, но звук у них больше приближался к исполнению Британского Нашествия (обоих из них), выдаваемый гитарами хард-рок, который, кажется, не устраивал большинство публики. Песни вроде «Холодный турок» и «Как мне надоели США» не говорили много публике, так удалившейся от проблем героина или Дядюшки Сэма. Отсюда — оба оркестра имели противоположные репутации. Если Дженис начинала бессвязно бормотать под действием лишайникового вина, с ней рядом всегда находился ее старый друг Пигпен, который ее выручал. А «Зомби Мерси» заслужили себе дурную репутацию тем, что на сцене иной раз начинали тузить друг друга, а за сценой устраивали кулачные бои и выяснения отношений… а Сид не мог отрицать, что иногда плевался в передние ряды публики, если слышал от них презрительные насмешки.

Не раз Элвиса спрашивали покровители Благословенной Земли, почему нельзя найти и нанять

других воскресших рокеров. Обычно Элвис отделывался тем, что бормотал: «неплохая идея, друг, я над ней подумаю» или — «мы, знаете ли, выправляем контракт» — но настоящая причина состояла в том, что те музыканты, которых отыскали за долгий период его поисков талантов, были единственными, кто до сих пор считал, что они имеют отношение к музыке. Джими Хендрикс был жив, но местом его пребывания стал теперь Соул Сити, где он изредка играл блюзы в дуэте с Робертом Джонсоном; никто из населения за пределами штатов африканского наследия никогда не слышал их исполнения. Хэнк Уильямс и Пэтси Клайн женились и владели фермой по нижнему течению, как и их ближайший сосед, Большой Боппер. Ронни Ван Зандт и Стив Гэйнс стали рыбаками; Бадди Холли и Ричи Вэйленс содержали небольшую авиакомпанию, полеты по Новой Богемии. Боб Марли имел репутацию революционера, тайно путешествующего по Долине Реки с целью вдохновлять и организовывать восстания угнетенных наций-рабов повсюду, где только он и его шайка проафриканцев могла их найти. Бон Скотт стал безнадежным наркоманом, бродягой без грааля, везде, где только мог, он садился на корточки и выпрашивал необходимые

продукты и предметы в любой деревне, которая готова была его принять.

И никто не знал, что случилось с Джимом Моррисоном… если он на самом деле умер в Париже, когда все поверили, что так с ним и произошло.

3

Незадолго до заката грейлстоун распределял обед с обычными своими звуками и яростью. Поскольку публика сняла свои Граали, титантропы отворили деревянные ворота в частоколе амфитеатра и позволили вновь прибывшим войти внутрь. Между тем, под факелами, окружавшими сидячие места, сотня вновь воскрешенных сидела на бамбуковых скамьях или стояла, ожидая, что оркестр займет места на сцене. Летний вечерний бриз доносил разные смешанные запахи — жареной рыбы, лишайникового вина, табака и сигарет с марихуаной — вместе с негромким жужжаньем голосов, нетерпеливыми свистками и хлопаньем ладоней. Звуки и запахи рок-н-ролла.

— Десять минут до начала, Джон.

Джон вернул занавес из рыбьей кожи на место: он раздвинул его на полдюйма, чтобы взглянуть на публику от входа за сценой. Он обернулся, что-

бы посмотреть на костлявую молодую женщину, которая тихонько подошла к нему сзади.

— Уже прижал его для тебя, любовь моя, — сказал он терпеливо.

Она в явном смущении замигала; он ущипнул складку на занавесе:

— Видишь?

Мэри Уэст Винд покраснела и опустила глаза в пол, смутившись из-за того, что вовремя не поняла предерзостный намек. Джон широко улыбнулся ей, чтобы показать, что он ничего такого не имел в виду, и она заметно успокоилась. Мэри Уэст Винд была цветущим ребенком из Сан-Франциско, пока шесть таблеток ужасного ЛСД не отправили ее навсегда на земляничные поляны. Здесь, на Благословенной Земле она служила рабочей сцены и дежурной поклонницей для обоих оркестров. Однако она была такая милая и невинная, что ни один из рокеров — и даже Сид, даже в самые распутные моменты — не осмеливался изнасиловать ее, хотя Джон полностью осознавал, что она отдает ему особое предпочтение.

— Король меня просил поручить тебе разыскать Брайана, — робко поведала Мэри. — Хочу сказать, я знаю, где он, но я не могу… хочу сказать,

я не должна…

Джон вздохнул и протер ресницы большим и указательным пальцами. Зрение у него теперь стало совершенным, но ему все еще не хватало его очков. Точно как у Кейта с его прогнившим золотым зубом.

— Знаю, знаю, — пробурчал он. — Проклятье… ладно уж, пойду поищу нашего искателя приключений.

Он начал отходить от занавеса; Мэри почтительно отступила, чтобы дать ему пройти к короткой лесенке, ведущей в артистические уборные. Повинуясь внезапному импульсу, Джон наклонился и по-братски быстро клюнул ее в щеку.

— Всегда стой на своем, дорогая, — шепнул он ей на ушко. Мэри захихикала и опять покраснела, пока Джон скакал вниз по ступенькам.

Помещение за сценой было длинным деревянным сараем, разделенным на отдельные уборные и большую «зеленую комнату»[24], помещавшуюся как раз позади выхода на сцену. Члены группы «Возрождение Уондер Крик» собирались в зеленой комнате, ожидая своего вечернего выхода.

---

[24] notes: 24
Артистическое фойе.

Дуан репетировал щипки на отсутствующей гитаре, Берри, Лоуэлл и Пигпен играли в покер, Деннис дремал на кушетке в углу, а Дженис, как всегда, начинала напиваться. Как и сам Джон, все они нарядились в простые кильты, сандалии и рубашки или жилетки из кожи морского окуня.

Давно миновали дни тщательно продуманных театральных костюмов, вместе с вытянутыми в длину лимузинами и перегруженными дорогами, шампанским в охлажденных ведерках и подаваемыми обедами из пяти блюд, хрустальными бокалами для пунша, наполненными кокаином, и агентами, которые указывали в контракте непременные пять фунтов конфет M&M's, да еще чтобы вытащили все красненькие…

С другой стороны, не хватало также многих людей, обычно болтавшихся прежде в помещении за сценой: излишне пестро одетых диск-жокеев, фотографов-неудачников, готовых запечатлеть вас, пока фотоаппарат вспыхивает вам прямо в лицо, так что фотография может быть опубликована в следующем номере «Биллборд», студийных репетиций, загромождающих коридор, движения руками и плечами в попытке затолкать втершихся сюда раболепных победителей местных состязаний с копиями альбомов, которые вы

больше всего ненавидите, бормочущих пустомель, пристающих к вам, когда вы пытаетесь проложить себе путь в туалет, и, конечно же, поклонников с их спутанными волосами и разбитыми губами, которым не терпится трахнуть рок-звезду, так чтобы они смогли описывать это событие еще десять лет в своих воспоминаниях; или, по крайней мере, заставить своих регулярных любовников невероятно ревновать.

Учитывая все это, Джон был только счастлив, что все эти модные и претенциозные обычаи теперь удалены со сцены. Оставалась только музыка, чистая и простая, точно в заброшенном розовом саду, очищенном от лоз с широкими листьями и удушающими сорняками… Хотя некоторые вещи остались такими же…

Он прошел через зеленую комнату и спустился в короткий и узкий коридорчик к артистическим уборным. Сид был в своей комнате, очевидно, распростерся на кровати, его гитара прислонена к стене. Джон просунул голову в дверь, просунул пальцы в рот и резко свистнул.

— Вставай, вставай, убийца юный! — заорал он. — Время концерта!

Ресницы Сида зашевелились:

— Пошел ты… чертов хиппи, — пробормотал

он из глубины своих наркотических галлюцинаций.

Но Джон уже вышел в зал, прошел по короткому боковому коридорчику, ведущему к двери на сцену. Внизу он услышал голоса, но не остановился, чтобы посмотреть. Вероятно, Король взывает к силам ада ради кого-то другого, ради воображаемого или истинного проступка…

Дверь комнаты Брайана была заперта. Джон остановился и приложил ухо к пробковой панели; он слышал изнутри слабые стоны удовольствия между биением тела о тело. Он усмехнулся: Брайан занимается своим обычным предконцертным делом. И каждый вечер новая девушка; все, что ему для этого требовалось, это заглянуть в ближайший лагерь зрителей и поискать, пока не найдет птичку, которая не станет возражать, чтобы ее трахнул человек, учивший Мика Джаггера петь. Если бы все жители Долины не стали стерильными в День Воскрешения, Брайан, вероятно, целую деревню населил бы своими незаконнорожденными отпрысками к сегодняшнему дню…

Но хватит — значит хватит. Пора работать. Джон набрал в легкие побольше воздуха, потом подавил желание заорать. Вместо этого он ти-

хонько постучал костяшками пальцами в дверь, зажал свой нос большим и указательным пальцами другой руки.

— Телеграмма для мистера Джонсона! — объявил он в нос.

Облегченный вздох и женское хихиканье с той стороны двери.

— Иду! — весело отозвался Брайан.

— Уверен, что идешь, — обрадовался Джон. — Осталось пять минут!

— Увидимся в полпятого.

Опять подавленный смех.

— Прекрасно, сэр.

Джон мог не беспокоиться о том, чтобы Брайан вовремя пришел на сцену, это Сид доставлял всем сплошные неприятности. Теперь надо найти Кейта; еще ниже он мог слышать сверхактивное «ратта-тап-тап» — удары барабанных палочек по мебели. Кейт был наэлектризован и готов к представлению, как обычно. Ну, если только он снова не устроил полный погром в своей комнате…

Когда он повернулся, чтобы пройти по коридору в другую сторону, Джона напугал тяжелый удар по его плечу. Он подскочил на полфута вверх, потом обернулся, чтобы обнаружить массивную волосатую фигуру титантропа, загородившую

коридор.

Джон облокотился о стену, ухватившись рукой за колотящееся неистово сердце.

— Ой… Билли, это ты, — едва выдохнул он. — Ты меня вусмерть напугал, друг.

Билли был один из титантропов, которые работали на острове. Хотя у оркестров и групп редко возникали проблемы с людьми из слушателей, которые искали бы пути к артистическим уборным, Элвис настаивал на том, чтобы один из титанов был записан в штат как обеспечивающий безопасность.

Билли охранял дверь выхода, мимо которой Джон только что прошел. Никакого списка гостей было не нужно: если Билли называли имя — как делал Брайан каждый вечер — Билли помнил это имя неделями, даже месяцами, и пропускал его носителя. А если кто-нибудь пытался его надуть или проложить мускулами путь к уборным, таким посетителям обычно давали урок перелета через частокол.

— Шозалею ваш бешпокоить, — произнес Билли с обычным своим акцентом, — но кто-то у двери наштаивает ваш видеть.

Билли выглядел раздраженным, как если бы только из-за того, что ему приходилось сгибаться

почти пополам, чтобы не стукнуться о потолок своим громадным черепом. Джон вздохнул: положение звезд рока умерло в этой жизни после смерти, но это обстоятельство все еще не препятствовало некоторым ревностным любителям стремиться получать автографы в самое неподходящее время.

— Скажи им, я уже собираюсь на сцену и повидаюсь с ними позже, — начал он.

— Он шкажал, он лучче повидает ваш шейчаш, — настаивал Билли. Прежде, чем Джон успел ответить, он добавил: — Он ш Церкви Второй Попытки, шкажал, што ш тех пор ваш жнает.

Билли сделал паузу, затем еще добавил:

— Он шкажал, это вазно. Шкажал, его имя — Дзим.

Джон растерянно смотрел на Титана:

— Джим? Я не знаю никого по имени…

Он осекся. Долгую-долгую секунду Джон простоял, таращась на Билли, пытаясь осознать, что он сказал ему. Когда до него дошло, что это значило, первым его импульсом было громко закричать, чтобы примчались Кейт и Брайан… черт, не только они, но еще и Дуан, и Пиг, и Дженис, и Мэри Уэст Винд, и кто-нибудь еще, кто помнил это волшебство, любого в пределах слышимости

его голоса, кто помнил Ящерного Короля.

Джон вобрал в себя воздух.

— Извини, — пробормотал он, потом проскользнул под правую подмышку Билли и медленно пошел назад к пересекающему путь коридору. Позади он слышал нервный стук барабанных палочек, слабый женский вскрик оргазма. Все вокруг него было звуком: треньканье немых струн Дуановой гитары, чей-то смех над устарелой шуткой, отдаленное хлопанье ладоней в публике, ждущей увидеть ожившие легенды их прошлого. Джон пустился галопом…

Он остановился на перекрёстке коридоров, вылупившись на открытую дверь. Свет факелов снаружи высветил фигуру в длинном одеянии, полуразличимую, стоявшую за дверью…

Никто его, тем не менее, не окликнул. Никто не сделал жеста узнавания, никто не сделал знакомого движения по коридору ему навстречу. Только похожая на монаха фигура в строгом коричневом платье, на шее у которой висело спиральное ожерелье из рыбьей кости, ждала на самом пороге уборной. В темной яме капюшона лицо, в котором чудилось что-то знакомое, впервые увиденное много лет тому назад в Торонто, когда их имена вместе красовались на афише…

— Джим? — прошептал он. — Джим, неужели это ты?

— После концерта, Джон. — Голос звучал очень низко, но ошибки быть не могло — это тот самый голос. — Приходи сюда, когда отыграешь.

И фигура растаяла в тенях, дав двери снова медленно затвориться.

Джон глазел на нее до тех пор, пока Кейт не стукнул его одной из своих барабанных палочек и не напомнил ему, что люди ждут. Впервые за тот промежуток времени, который хоть кто-то мог помнить, Джон опоздал выйти на сцену.

4

Концерт «Зомби Мерси» продолжался около часа; никто не удивлялся, а меньше всех — Джон, что выступление вышло неудачным.

Джон давным-давно уже понял, что истинной проблемой группы было то, что при всей расстановке звезд, все ожидали услышать свой любимый репертуар Битлз, Роллинг Стоунз или группы Ху, или Секс Пистолз. Однако между возможностями членов каждого оркестра была большая разница, которая не могла быть легко преодолена тем, что все они были британские

рокеры; это все равно что ждать сотрудничества Нэта Кинга Коула и Джими Хендрикса лишь на том основании, что они оба — черные американские музыканты.

В то время как для Кейта, например, было возможно в совершенстве выстучать атомную атаку во вступлении к мелодии «Я вижу на Целые мили», Джон затруднялся в пении слов. Хотя Джон и Брайан были вполне счастливы исполнять «Рубиновый вторник» — единственную песню, общую для двух их групп, — Кейт почти засыпал на своих барабанах, а Сид строил гримасы на публику, показывая, как ему скучно. Джон отставал от Сида в песне «Анархия в Соединенном Королевстве»; Брайан строил страшные рожи при маниакальном звуке басов и ударах по струнам гитар, а Сид с трудом выдерживал деревянные духовые инструменты Брайана при исполнении «Не всегда получишь то, что хочешь». Единственная песня, в которой все четыре музыканта сыгрались вместе, была «Суета-маята», несмотря на то, что было совершенно ясно: этот номер публика все еще связывала с Чарльзом Мэнсоном; даже когда оркестр выдавал повторные аккорды, слишком многие лица слушателей выглядели так, словно на сцену вдруг выползли четыре гигантских

таракана. Мэнсон и его оркестранты буквально испортили эту песню на веки-вечные.

И только когда три остальные члена группы покидали сцену, чтобы дать Джону спеть «Вообрази» в качестве финала, толпа зрителей, казалось, просыпалась от ступора, в котором сидела с остекленевшими глазами, и даже подхватывали припев.

Хотя это вовсе не было так уж неожиданно: именно эта песня затрагивала струнки в сердцах жителей Долины, которые, в конце концов, оказались возрожденными в мире без границ, стран или флагов. В заключение песни Джон вставал из-за самодельного пианино среди растущих аплодисментов, один раз раскланивался — и благодарно покидал сцену.

Все в полном составе уже слонялись по зеленой комнате; Кейт боролся врукопашную с Дуаном, Брайан начал разговор с Дженис, Берри и Деннисом, а Сид молча устроился в уголке, вылупившись на всех присутствующих с презрением некогда бывшего в моде панка. Джон прошел мимо них совершенно незамеченным, остановился возле своей уборной, чтобы положить гитару на кровать, потом несколько мгновений постоял, нерешительно вглядываясь в пакет, обернутый

рыбьей кожей, лежавшей на столе.

— Что за черт, — пробормотал он про себя.

Затем он вытащил из пакета косячок, вышел из комнаты и направился вниз по коридору, к выходу.

Билли занимал свой пост, сидя возле открытой задней двери на громадном дубовом табурете. Когда Джон появился, великан вскочил.

— Он вше здет ваш, — доложил он. — Я шпрошил, мозет он в васу комнату пойдет, но он не жахотел.

— А, черт… извини, Билли, вше в порядке, — титантропический акцент Билли был некоторым образом заразителен. — Поговорю с ним за дверью.

Билли понимающе кивнул. Джон похлопал его по волосатому предплечью и вышел из здания.

Окруженная деревьями территория позади сценического сарая была темной, ее освещали только два мерцающих наполовину выгоревших факела, обозначавшие путь к внешним домам. Джон слышал ритмические удары ладоней публики, вызывавшей вторую группу выйти на сцену. Глаза его привыкли к полутьме после ярких огней сцены и стали оглядывать тени.

— Джим? — тихонько позвал он. — Эй! Джим?

Закутанная фигура, которую он видел раньше, вышла из тени дуба.

— Здесь, — сказал спокойный голос внутри поднятого капюшона.

Джон сделал шаг вперед, затем нерешительно остановился.

— Если это в самом деле ты, — ответил он, — дай мне увидеть твое лицо.

После секундного колебания руки этого существа задвигались в темных складках его одеяния и опустили капюшон. Еще через мгновение он ступил еще дальше в полосу света, демонстрируя себя Джону.

Это был и в самом деле Джим, но совсем не тот Джим, которого он помнил. Его темные волосы больше не спускались до плеч, вместо того они были коротко подстрижены, очень коротко, почти как у монаха. Лицо все еще отличалось поразительной красотой, но знакомое сияние мужественного мальчика совершенно исчезло, оставив только нейтральное, почти блаженное выражение. Джим, во всяком случае, умер, раздавленный пьянством, его внутренние ощущения были похищены алкоголем и наркотиками.

Теперь он выглядел снова омолодившимся, но выглядел как закутанный в плащ силуэт,

стоящий в этом скудном освещении, точно он материализовался из одной из поэм Уильяма Блейка, который произвел на него, студента факультета искусств, громадное впечатление.

— Ты немного изменился, — констатировал Джон.

Глаза Моррисона блеснули под тяжелыми веками:

— Мы никогда не были с тобой близки, Джон, так как же ты можешь судить, насколько я изменился? — Он поднял руки, рукава соскользнули вниз. — Может, я всегда такой и был.

Джон усмехнулся:

— Никогда не видел тебя в таком одеянии на обложке альбома «Роллинг Стоунз». — Джим только во все глаза глядел на него, нисколько не развеселившись. Джон вытащил косячок, который он прихватил, выходя из своей комнаты. — Не присоединишься ли ко мне для небольшой затяжки? — Джим не ответил. — Что, больше не употребляешь наркотики, а? А что если нам пойти и подцепить каких-нибудь девчонок в таком случае? — Ответом снова было молчание. — Ну, почему бы тебе не пойти со мной и не найти дело для твоего члена, в память о старых временах, а?

Глаза Джима на секунду зажмурились, он как

бы сдерживал себя.

— Я теперь вне всего этого, — ответил он невыразительно. — Но — да, ты прав. Я переменился.

— Вот я и то заметил, — Джон вставил в рот косячок, прикурил от зажигалки и втянул в себя терпкий дым. В одной жизни человек носит облегающую черную кожу и французские шелковые рубашки, а в следующей украшает себя мешковиной и золой. Фокусы. — Ты концерт слышал? — спросил он, выдыхая через нос.

— Слышал.

— Не совсем, конечно, восторженный отзыв… — Джон наклонил голову в сторону двери. — Эй, а почему бы тебе не войти — и я тебя представлю другой группе? Большинство из них думает, что ты не исполнял этого, но они с удовольствием дадут тебе посидеть среди них. Господи, ты же, по крайней мере, сможешь получше них исполнить «Зажги мой огонь».

Слабая попытка улыбнуться.

— Вероятно… но я больше не пою.

— Правда? — Джон начал было следующую затяжку, но внезапно почувствовал себя дураком. Он наклонился, чтобы выплюнуть окурок в траву, потом отбросил его подальше. — Какая потеря… — Он сделал паузу, глядя в сторону неис-

пользованного окурка. — Знаешь, наверное, я тебе не говорил, но ты был действительно очень, очень хорош. Я даже чуточку завидовал твоему голосу. И некоторые вещи, которые ты писал, особенно стихи…

— Не для того я сюда пришел, Джон.

— Так какого дьявола ты сюда пришел, Джим? — Джон в запальчивости сложил руки на груди и уставился на ученика. — Пришел, чтобы важно постоять тут и посмеяться в рукав над дураком, который все еще поет пять вечеров в неделю «День триппера»?

— Я не смеюсь над тобой.

— Боже! — вскричал он, внезапно по горло сытый этим разговором. — Ты рассуждаешь, как вонючий священник!

Джон импульсивно резко повернулся и начал пробираться назад, к двери. Он уже был почти внутри сарайчика. Билли, приподнявшись с табурета, готов был отойти у него с дороги — когда Джон так же импульсивно повернулся назад.

— Из всех людей в мире, — рявкнул он, указывая пальцем на фигуру в плаще, — я мог бы, по крайней мере, от тебя ждать честности!

Лицо Джима оставалось пассивным, но на мгновение в его глазах короткой вспышкой

мелькнуло раздражение.

— Я так мало тебе сказал, — голос его звучал спокойно.

— До сих пор говорил главным образом ты.

На несколько мгновений они уставились друг на друга. Через дверь Джон слышал доносившийся из коридора крик: «Ты, гребаный, трахнутый-перетрахнутый, с какой стати ты выдаешь эту гребаную песню, как…» и — «Катись отсюда, ты, пидор!» Судя по этим звукам, выясняют отношения после концерта Кейт и Сид.

— Билли, поди, прекрати это, пожалуйста, — пробормотал Джон, не глядя через плечо.

Он услышал, как табурет двинулся назад, и Билли начал маневрировать своим телом размером с хороший бьюик, пробираясь в коридор. Если Сид неблагоразумно не попытается опять стукнуть Билли, исход стычки можно считать решенным. Джон поколебался, затем пошел назад туда, где Джим терпеливо поджидал его.

— Ну, так говори же, — предложил он.

5

Далеко за полночь Джон лежал в своей палатке, разглядывая длинный деревянный центральный

шест.

Мэри Уэст Винд крепко спала рядом с ним, большая часть простыней обернута вокруг ее нагого тела. Повинуясь порыву, он привел ее в свою палатку после представления; они занимались любовью с неистовостью подростков, все же, несмотря на свой пыл, она уснула почти сразу после того, как кончила. Джон, однако, почувствовал почти облегчение; он не был расположен разговаривать, на самом деле он чувствовал отдаленность от нее, даже посреди их любовных судорог. Они использовали друг друга каждый в собственных интересах: она, наконец, затащила в постель сексуального на вид парня с задней обложки «Познакомьтесь с Битлами», а он нашел временное облегчение от внутренних темных мыслей.

Теперь он лежал обнаженный поверх одеял, прислушиваясь к прохладному ночному бризу, припоминая другую позднюю ночь в иной жизни.

Как он выходил из машины со своей женой, держа под мышкой записи передачи на студии, сделанные в тот день. Обычная толпа собирателей автографов и фэнов повисли на передней дверце Дакоты. Пройдя на тротуар, Йоко шагала

впереди него, расчищая ему дорогу в открытую арку входа в здание. Он чувствовал себя довольным сегодняшней работой, предвкушая, как будет играть со своим маленьким сыном, прежде чем его уложат спать…

Откуда-то сзади него позвал голос какого-то молодого человека:

— Мистер Леннон?

Поворачиваясь, он увидел затененную фигуру в боевой стойке за каких-нибудь пять футов, целящуюся из пистолета прямо в него.

Едва ли миг суматохи, он хотел что-то сказать… пока громкий пистолетный выстрел, вспышка из дула, страшная сила пяти пуль, которые вогнали в него…

Как он повернулся кругом, как кричало в агонии тело, как сознание онемело от того, что только что произошло, как он не мог поверить, что в него только что стреляли… как, спотыкаясь, приближалась Йоко… Боже, в него стреляли… Он умирает, говоря что-то, что он не может припомнить, своей дорогой жене, а привратник уже мчится к нему…

Сирена скорой помощи, кричащие голоса, кругом полисмены, холодная поверхность тротуара… беглый взгляд на молодого человека, стоящего на

кромке тротуара и читающего книгу в бумажной обложке… его укладывают на носилки… тошнота, слабость, ощущение, что он уходит за пределы пространства и времени…

— Вы знаете, кто вы? — мягко спрашивает бесплотный голос фараона перед концом…

Что ж, констебль, по крайней мере, я думаю, что знаю. То есть, всего миг тому назад имя было у меня на кончике языка, как раз перед тем, как какой-то ненормальный олух меня подстрелил.

Я однажды с королевой за руку здоровался, и я абсолютно уверен, что играл однажды «Стадион», если вы об этом спрашиваете. Но, если только вы дадите мне несколько минут, я уверен, что смогу найти правильный ответ. Мммм… вы не станете возражать, чтобы ответ был неоднозначный, нет?

— Не так уж, к чертям, и смешно, — прошептал он себе самому.

— Мы не можем позволить вам продолжать, — сказал тогда Джим. — Слишком вы опасны.

Не думая об этом в действительности, Джон медленно перекинул ноги через край кровати; они начали отдыхать на грубых деревянных досках, на которых была раскинута палатка, и в течение нескольких секунд он вглядывался в

темноту, прислушиваясь к ритмичному дыханию Мэри.

— Нам дается шанс, ты что, не понимаешь? — Голос Джима был почти умоляющим. Нас принесли сюда старики, каждый из нас из незапамятных времен, чтобы достигнуть персонального спасения через наши личные дела. Мы еще можем добиться единения с Богом, Джон, но только если дадим себе шанс…

Он мог слышать, как течет Река в темноте. В нижнем течении, где-то недалеко, выдолбленные каноэ плавно проделывают путь к Благословенной Земле, в них гребут члены Второй Попытки, которые ждали этого часа, когда все на острове будут спать.

Но ты и другие оживили старые пути. Вы принесли технику на этот остров, где некогда существовать только поддерживающие жизнь грейлстоуны, и вы используете эту технику, чтобы проповедовать зло. Вы снова принесли поклонение идолам, дебоши, похоть всевозможных видов… все то самое, что я сам осуществлял до возрождения…

Джон наклонился и поднял с пола кильт, который Мэри сорвала с него. Его взгляд блуждал по различным предметам, лежащим на столах

и стульях вокруг его палатки — по запасной одежде, по его граалю, по резной деревянной табакерке и других сделанных вручную предметах украшательства, подаренных ему посещающими его поклонниками, по гитаре, — пока его глаза не остановились на длинном плоском предмете в углу.

Я-то надеялся, что ты можешь присоединиться к нам, но теперь вижу, что это невозможно. Все, о чем я прошу теперь, — чтобы ты получил мое свидетельство и понял, почему мы сделали то, что должны сделать, почему я привел их сюда…

Джон протянул руку и взялся за нож из рыбьей кости, вытащил его из ножен. Слабое красноватое сияние отразилось на его блестящей белой поверхности.

Рок должен умереть, Джон…

Он огляделся; через открытые клапаны палатки он увидел неожиданное сияние огня из амфитеатра.

Ты должен это признать…

И он исчез в глубоких ночных тенях.

— Черта лысого я это сделаю, — шепнул он огню. Сжимая нож в кулаке, он вышел из палатки.

По всему лагерю уже раздавались крики, крики удивления, гнева, шока, отчаяния. Он видел, как

из палаток выскакивают люди, недоверчиво глядя на огонь, который пожирал территорию сцены. И вот пошли новые языки пламени, поменьше, помещение за сценой, столбы для усилителей, пульт, все по очереди охватывало пламя, а отдаленные фигуры, закутанные в плащи, перебрались через частокол и осуществляли поджог амфитеатра.

Все здесь сделано из дерева; раз сюда пустили огонь, все погибнет за считанные минуты.

Жар обдал его кожу. Он услышал, как в гневе ревет Элвис. Он видел сквозь деревья, как люди из публики движутся к осажденной сцене. Кто-то невдалеке пронзительно кричал от смертельной боли, внезапно крик прекратился, когда другой нож нашел пассивное горло сторонника Второй Попытки.

— Джон? — позвала его Мэри откуда-то сзади. — Джон, что происходит?

Джон проигнорировал ее. Где-то в центре пожара ждал его Джим, прыгая с факелом в руке, поджигающий драгоценное звуковое оборудование и акустические приспособления, и его, Джона, собственное, грубое, но незаменимое пианино. Музыкальная техника, по мнению группы религиозных фанатиков, бывшая корнем зла,

подвергалась систематическому уничтожению.

Джон сделал еще несколько шагов в ночь. Не особенно трудно будет найти Джима. Он должен убедиться в том, что тот умрет, прежде чем покинет Благословенную Землю; он только не сказал Джону, что собирается сделать, и Джон пытался убежать от грубой реальности угрозы тем, что взял к себе домой маленького цыпленка-хиппи. Если курить достаточно наркотиков и достаточно долго трахаться, можно избежать соприкосновения со всем на свете. Дьявол, когда доходило до этого, он был классным мировым чемпионом, когда нужно было избежать ответственности.

Нет, хватит. Только не тогда, когда что-то, что он любит, поджигают факелами.

Мэри все еще выкрикивала его имя, когда он сделал еще несколько шагов в темноту, его ладонь покрывалась потом, держась за рукоятку ножа. Найти этого трахальщика. Схватить его за шею. Взрезать его распроклятую глотку…

— Вы знаете, кто вы такой? — снова спросил его безымянный полисмен в машин «скорой».

Он остановился у следа. Он почувствовал, как его колени дрожат, а он нагнулся к земле.

Он вспомнил клуб «Пещера». Он вспомнил зал Альберт-Холл. Он вспомнил первые американ-

ские гастроли и группы, которые рыдали над клочками земли, где он проходил. Он вспомнил, как поехал в Индию в то время, как умирал Эпштейн. Он вспомнил финальное представление на крыше в Лондоне с ребятами до того, как они стали считать это освобождением. Он вспомнил, как влюбился в Йоко. Он вспомнил их антивоенную демонстрацию — и все другие бесчисленные протесты и демонстрации против войн и насилия. Он вспомнил, как родился Джулиан, потом — Шон. Он вспомнил тот единственный раз, когда встречался с Моррисоном, за сценой в Торонто, когда еще гремели Пластик Оно Бэнд и Дорз. Он вспомнил, как написал песню о том, что нужно дать шанс миру…

— Господи Боже, — шепнул он, — что же я наделал?

Он не помнил, как бросил нож. В действительности, он помнил только то, как Кейт уселся рядом с ним на траву, зажег сигарету с марихуаной и предложил ему.

6

— Не видел ничего подобного с тех пор, как мы в кабаках играли, а, дружище? — сухо спросил

Кейт.

Джон посмотрел на сигарету и тряхнул головой:

— Не совсем точный звук, — продолжал Кейт, — но ритм хороший, и под него можно танцевать. Ах-ха-ха-ха-ха!

Впервые смех его звучал искусственно. Джон продолжал молча вглядываться в горящий амфитеатр. Свет огня отражал верхушки деревьев, человеческие силуэты, носящиеся взад и вперед мимо сцены; в воздухе пахло горящим деревом. Титантропам удалось сформировать бригаду с ведрами из разных музыкантов и зевак, но непохоже было, чтобы это принесло какую-то пользу.

Амфитеатр Благословенной Земли был на пути к тому, чтобы стать историей, чтобы его отстроить требовалось нечто большее, чем постоянная обаятельность Короля. Кейт подобрал нож и играл с ним, как будто бы собирался поиграть в ножички и делал первый круг.

— Знаешь, ты ведь мог его остановить, — сказал он спокойно.

Джон вскинул на него тяжелый взгляд.

— Я хочу сказать, — продолжал Кейт, — я видел, как вы вдвоем болтали, поэтому полагаю, что ты знал о том, что произойдет…

— Но убивать его бессмысленно.

— Гммм, что-то тут есть. Но почему ты, по крайней мере, не дал знать остальным?

— Я не думал, что он, и в самом деле, имел это в виду. До той минуты, пока стало уже слишком поздно. — Джон с минуту подумал, потом пожал плечами. — Не уверен, была бы какая разница или нет. Элвис вышвырнул бы его с острова, но на этом дело бы не кончилось. Если бы даже мы остановили его на этот раз, он бы просто явился снова позже.

Взгляд его вернулся к пламени.

— А так эти дырки в заднице получили, что хотели. Теперь они больше не вернутся.

— Верно. — Кейт воткнул нож в землю, сделал одну затяжку и передал сигарету Джону. Джон смотрел на него с мгновение, потом взял косячок из рук барабанщика.

— Ну что же, я считаю, это ужасно глупо.

— Ты не собираешься никому рассказывать, нет?

Кейт выпустил дым и нахмурился:

— А что, я похож на наркомана? — Он отрицательно покачал головой. — Но что заставляет тебя думать, что будет еще следующий раз?

Джон цыкнул, допустив, чтобы сигарета горела

между его пальцами.

— Вот что, друг. Тебе бы лучше знать. Так легко рок-н-ролл убить нельзя. — Он опять посмотрел на сигарету, потом погасил ее о землю. — Я хочу сказать, ты можешь изгнать его из школ и сжечь все пластинки Биттлов, и всем мозги перепилить, что это дьявольская музыка, и все такое прочее, но слишком это сильный зверь, чтобы его свалить.

— Он махнул рукой по направлению к огню. — Значит, сцену подожгли факелами. И что с того? Мы ведь всегда можем построить новую. Рок-н-ролл никогда не умрет.

— Раз ты так говоришь, — Кейт снова подобрал косячок, выпрямил согнутую бумагу и осторожно прикурил снова. Откуда-то издалека они услышали еще один пронзительный крик. Интересно, подумал равнодушно Джон, может, это Джим.

— Но вообще-то в следующий раз, — пробормотал Кейт, — вряд ли мы будем петь у Элвиса?

Джон лукаво улыбнулся:

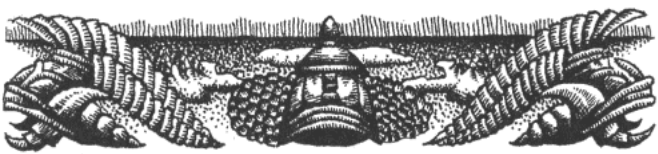
— Только если он вернет мне мои очки, — сказал он, наблюдая за тем, как дым и огонь поднимаются в свет восхода на бесконечной Рекой.

— Да, — согласился Кейт. — Правильно. А мне

— мой золотой зуб.

— Да не начинай ты опять про этот гребаный золотой зуб!

Майк Резник, Барри Н. Мальзберг
Всяк человек Бог[25]



Селус молча пробирался по труднопроходимой лесной тропе, иногда бросая взгляд назад и стреляя туда. Он особенно не беспокоился: шорох сухих листьев и веток предупредит его, если преследователь подберется к нему слишком близко.

Он увидел небольшой ручей, остановился, чтобы утолить жажду, потом зашел до середины ручья в воду, повернулся налево и прошел с четверть мили, затем выбрался на берег.

На другой стороне чаща была гуще, и ему доставляло немало труда продираться сквозь нее.

---

[25] notes: 25

EVERY MAN A GOD by Mike Resnick & Barry Malzberg Copyright © 1992 by Mike Resnick & Barry Malzberg.

Он вгляделся вдаль натренированным взглядом, отыскал кривое дерево, которое заметил прежде чем входить в густое скопление деревьев, и, Я используя его как отметку своего пути, сделал большой полукруг, огибая самые труднопроходимые заросли терновника.

Через некоторое время он дошел до дерева. Он знал, что за ним простирается травянистая равнина, недостаточно большая, чтобы быть саванной, но именно такая, какую он должен беспрепятственно перейти, один и невооруженный.

То и дело он осматривал землю, чтобы найти следы каких-нибудь животных, но ничего не видел.

Он выбрался из последнего кустарника и стоял на краю равнины. Тишина была почти осязаемой: ни птиц, ни обезьян, ни даже жужжания насекомых. Он прикинул, что сможет перебежать через равнину в безопасности к лесу позади нее, вероятно, за три минуты, но колебался, не привлечет ли он внимания каких-нибудь хищников, которых может раздразнить вид бегущего человека, а потому он начал идти не спеша, осторожно, все ощущения его были напряжены.

К собственному удивлению, Селус проделал весь путь к деревьям, не увидев никакого

признака жизни, даже такого небольшого его свидетельства, как бабочка. На некоторое время он был охвачен сомнением: неужели его лесное чутье покинуло его в этом странном новом мире? И тут он заметил едва видимые признаки кого-то: сломанный прутик, поврежденный листок, человеческий волос, зацепившийся за низко свисающую ветку, и понял, что все еще находится на верном пути. Бартон проходил здесь.

Разумеется, Бартон не знает, что Селус следует за ним; тот пробудился в Мире Реки не позднее, чем вчера. Эти два человека встречались только однажды, и не более, чем на двадцать минут, в Занзибаре.

Но, когда Селус проснулся в Мире Реки и начал искать ответы, немногие люди, которых он встречал, упоминали того, второго англичанина, исследователя, говорили, что он проходил по этому пути перед Селусом, и, складывая вместе обрывочные кусочки сведений, он решил, что это Бартон, и немедленно начал его выслеживать.

Каждый сам по себе, эти два человека открыли половину Африки; вместе они могут отыскать какой-то способ прояснить тайны Мира Реки.

И все же, в течение последних трех часов, он начал сознавать, что, пока он выслеживает Бар-

тона, кто-то другой выслеживает его. Это мог быть друг, это мог быть враг — но один и невооруженный, каким он был, он не имел намерений оставаться легкой добычей, если это был враг. Он готов встретить своего преследователя, но сделает это на своих собственных условиях.

Он прошел еще милю, все время насторожившись, все еще отказываясь верить, что такой примитивный нетронутый лес абсолютно лишен животной жизни. Наконец, он замедлил шаг. Деревья стали реже, и, если бы он захотел поставить ловушку, не было никакой уверенности, что он не найдет лучшего места для нее дальше.

Он взял веревку, которую сплел, отыскал крепкое дерево, нависающее над тропой, по которой он пробирался, и перекинул через него веревку. Поманипулировал ею на краю ветки и воспользовался своим весом, чтобы опустить ветку на такой уровень, где он мог бы достать ее и привести в определенное положение. Затем привязал один конец веревки к дуплу дерева, старательно сделав так, чтобы она не была видна тому, кто будет приближаться в том направлении, в каком только что шел он сам. И установил ловушку, прикрыв петлю листьями и палочками.

Недостаточно удовлетворенный этим, он на-

шел несколько упавших веток и тщательно расположил их вдоль тропинки, стараясь, чтобы они выглядели естественно, так, чтобы тропа постепенно сужалась и его добыча неизбежно должна была ступить одной или обеими ногами в назначенный круг.

Наконец, он отступил назад, чтобы осмотреть свою работу. Она никогда не обманула бы леопарда, этого самого осторожного из животных, но он не мог вообразить себе ни одного другого живого существа, включая и человека, которое заметило бы хотя бы единственный прутик, лежащий не на месте. Селус был охотником, не следопытом, ему не хватало ощущения тяжести ружья в руках, но слишком много лет он провел в буше, чтобы не подметить, как туземцы, не имеющие ружей — хотя они, возможно, стали бы пользоваться ими, как дубинками, если бы овладели ими, — ловили зверей для того, чтобы их есть.

На секунду он пожалел о том, что его друг Теодор не с ним. Знание буша может завести далеко, и тогда, даже посреди зарослей, вы обнаруживаете, что даже еще больше вам нужно знание государственных дел. И никто не способен очаровать толпу, будь это республиканцы, демократы, британцы или массаи, как Рузвельт.

Селус вспомнил прошлый раз, когда он его видел. Это было ровно восемь лет тому назад — или восемь тысячелетий? — когда он устраивал первое профессиональное сафари в истории континента и без всякого умысла создал громадный новый бизнес, когда нанял охотников, трапперов, кожевников, гончаров, поваров, ребят, обустраивающих лагерь — общей сложностью пятьсот человек — для африканской охоты экс-президента.

А потом Рузвельт опять вернулся на должность президента, и началась великая война, и, хотя ему было уже за шестьдесят, и большую часть своих лет после сорока и до пятидесяти он провел в буше, он остался британцем до мозга костей, и немедленно вызвался собрать полк, чтобы форсировать Ган возле Танганьики.

Да, теперь Селус все это живо Вспоминал. Как он вел своих людей через границу, как потом они плыли на плотах вниз по реке Руфиджи. Сражения, победы. А потом, когда он сидел и завтракал возле совей палатки, из ниоткуда выскочила немецкая пуля и нашла для себя самое подходящее место прямо у него в горле. Он попытался вскрикнуть, но захлебнулся в собственной крови.

Он всегда ожидал, что смерть найдет его в Африке, возможно, в когтях льва или между бивней слона, возможно, он умрет от какой-нибудь тропической болезни, возможно, в каком-нибудь сражении, против реки Ган. Но умереть вот так, сидя и прихлебывая чай…

Теперь он припомнил, что тогда пытался крикнуть: Бессмысленно! Бессмысленно!

Как у человека, жизнь которого что-то значила, его смерть тоже должна была иметь смысл, и получилось, как будто война и немецкая пуля сговорились лишить его жизнь смысла. Что значат книги, которые он написал, что значит его обращение из охотника в сторонника экологии, борющегося за сохранение природы, что значит его служба Империи, если последним действием его жизни должно было стать клокотание в горле, когда он выплевывал изо рта чай с кровью пополам? Его жизнь читалась, как книга, которая шла к кульминации, а потом, на последней странице, обратилась в фарс. Возможно, эта новая земля, этот Мир Реки, был создан, чтобы дать ему второй шанс, и, когда его рука осторожно искала рану, более не существующую, он молчаливо решил использовать его.

Внезапно Селус услышал резкое «крак» — звук

ломающейся веточки, и он снова стал охотником. Он тихо растаял в буше, ожидая, чтобы его преследователь подошел ближе — и еще ближе — к тому, что он теперь считал своим местом охоты, затем он скорчился и ждал с жутким терпением одного из хищников, на которых прежде так часто охотился.

Шаги приблизились, и Селус поборол искушение выглянуть сквозь кусты, чтобы определить природу своего преследователя. Это станет ясно меньше, чем через минуту, если только он не сделает какой-нибудь глупости, чтобы выдать свое местоположение, а он не для того прожил до начала седьмого десятка, чтобы быть глупым.

Еще тридцать метров, прикинул Селус. Теперь — двадцать, теперь десять, теперь…

— Что происходит? — требовательно спросил разгневанный голос. — Выпустите меня сейчас же!

Селус выпрыгнул из своего убежища и обнаружил, что его ловушка зацепила белокожего блондина, который перекувырнулся вниз головой, с одной ногой, подвешенной в самодельном лассо.

— Кто вы такой и почему меня преследуете? — вопросом ответил Селус.

— А на кого я похож, дурень этакий? — рявкнул человек.

— Вы похожи на человека, который находится не в том положении, чтобы выставлять требования, — сказал Селус.

— Человека? — пронзительно выкрикнул пленник. — Вы что, не можете узнать бога, когда поймали его?

* * *

Хьюи Лонг посмотрел на Бетховена и подумал: «Ах ты, хитрый ублюдок! Ты еще хитрее, чем я бы когда-нибудь подумал, — но ты тоже тут заперт, разве не так? Для тебя это вовсе не по-другому, чем для меня».

Они упорно пробивали себе путь из города на равнины, а вокруг них сражающиеся разновидности красношеих — именно так он, во всяком случае, их воспринимал — казалось, поднимались и падали в грязь, крича на него, чтобы он продвигался, чтобы двигался назад, чтобы убирался отсюда. Или, может быть, Хьюи все это сочинил, может быть, они вовсе ничего не говорили. Может быть, и не было тут никаких красношеих, а у него просто галлюцинация, и он навоображал себе целую кучу их. Может быть,

это просто какой-то отвратительный сон, а он лежит себе на спине в здании Капитолия, спиртное бродит у него в желудке, а кровь струится из него, и люди плачут, вынося его. Может быть, он проснется в белой комнате, и к его голове прикреплены разные трубочки, а все это останется позади.

Однако Бетховен казался достаточно реальным. Солидный немецкий парень, пять футов шесть дюймов, крепкого сложения, а по всей поверхности щек — прыщи.

Хьюи продолжал продвигаться, он тянулся вперед, прыгал, проходил взад и вперед по грязи, не очень-то преуспевая из-за моросящего дождя и из-за того, что красношеие на расстоянии приободряли его (или ему хотелось так думать).

Это истинное проклятие, проклятая жареная рыба, такая непритязательная, проклятие пробираться по этой грязи, а еще и этот Бетховен прицепился сзади, приноравливая шаг к его шагу, а назад еще более длинный путь, думал он.

Но ничего нельзя с этим поделать. Это была идея Бетховена — покинуть город. Для Хьюи в этом был какой-то смысл: определенно не было никакой причины, чтобы цепляться за этот город, сражаясь за пищу, а еще сильнее сражаясь

за внимание, пытаясь освободить немного пространства между пестрыми ордами, желающими его смерти. (Это было условие для Хьюи в этом месте, проницательность, которой он доверял, на которую полагался из непосредственности старого эксперимента; там люди настолько поглощены собой, что они могли убить его). Если Бетховен хотел уйти, для Хьюи Лонга все было в порядке. Бетховен имел свои причины, у Лонга были другие, но суть заключалась в том, чтобы образовать расстояние между ними и остальными.

О, он хотел бы избавиться и от этого персонажа, но Бетховен привязал его к себе этими сверкающими глазами, этими глубокими страстными глазами, выпуклыми, которые Хьюи Лонг мог понять, видев их тысячи раз.

— Императора нет, — сказал Бетховен, — я думал, что он там, но я ошибся.

Что ж, с Хьюи все в порядке. В Америке тоже нет никаких императоров, если не считать, что каждый человек король. Каждый человек сам себе король; это дошло до него, а дальше дойдет еще лучше.

— Император мертв, — снова повторил Бетховен. — Все умерли, все умерло. Это должно быть единственным объяснением. Вот почему мы

здесь. В смерти нет ничего, кроме предательства. Конечно, я это видел в Missa Solemnis, в торжественной мессе. В конце, глухой и безумный, я мог видеть все до самого дна. Хотя, здесь я не глухой; я наполнен звуком и светом, но нет цели. Императора нет.

— Ты неправ, — солгал Хьюи. — Иногда император есть.

Все, что угодно, чтобы успокоить Бетховена, чтобы отвлечь его от этой странной угрюмой ярости, которая находит на этого человека. Между тем, надо идти, не обращая внимание на компанию, которая у тебя имеется. У Босса свои планы. Дайте ему перерыв, дайте ему равную возможность в этой неразберихе, и он сможет найти способ, чтобы все осуществилось для него. Выбраться из города — это достаточно приличный первый шаг. Вообще-то это не столько город, сколько большой лагерь. Бетховен называл это городом, но это верно, действительно, для иного времени и места нужна другая терминология.

Ладно, сказал он себе, только продолжай идти.

— Пфуй, — сплюнул Бетховен.

Было странно, как Хьюи удается понять некоторые немецкие односложные слова, и никакие другие, как язык Бетховена выделяется среди

иностранной речи и понятного эсперанто. Это было другое обстоятельство, которое для него слишком сложно, нечто такое, о чем ему не хотелось говорить, не хотелось размышлять…

— Император меня предал, — сказал Бетховен. — Сначала он, потом остальные. Все они. И оставили нас тут разбираться с этим предательством.

— Ты, вроде бы, слегка ранен, сынок, — сказал ему Хьюи. — Тебе надо чуток успокоиться.

— Надо начинать сначала, — не слушал его Бетховен. — Они это обещали, этого я ищу. Но как может быть новое начало, когда все da capo, и опять, и опять, и ничего fine.

— Я тебя не понимаю, — не без доброты заметил Хьюи.

— Я могу следить за некоторыми твоими словами, но не все их понимаю. — Он сделал паузу, пытаясь найти какую-то общую тему. — У меня, знаешь, тоже не все ладно. В один момент я иду через здание Капитолия, а в следующий уже сердце вроде бы взрывается, как ракета, несущая тебя прямо в небо, и я смотрю на этот проклятый потолок, а после просыпаюсь здесь. Не так-то это легко, знаешь ли. Тебе было легко, знаю, — а меня убили, сынок, укокошили, прикончили. Убили

меня, потому что знали, что я буду следующим президентом. — Он сделал паузу, чтобы запасти воздуха в легких. — Знаешь, так дьявольски тяжело пережить такой переход — только что ты был почти что следующий президент — и вдруг просыпаешься в этом вонючем месте. Это странное, такое странное дело.

О, он мог идти, если хотел. Старый талант был при нет, нить языка, которую он мог размотать, — оказалось, что она заботится сама о себе в этом гнездышке мира. Каждый человек король, а я — их президент, подумал он. Даже Бетховен, кажется, приведен в ужас, вроде наконец замолчал и отвернулся от него.

Хьюи улыбнулся потайной улыбкой. Все продолжать и продолжать заседать в Сенате, открывать заседания, возражать против конституции Соединенных Штатов, его любимого документа, величайшего документа в истории всего мира, продолжать и продолжать — с жестяной баночкой, прикрепленной к бедру, так, что он мог облегчаться в середине речи и при этом не покидать трибуны, сражаться с обструкцией — это означало находить новое значение глагола «говорить».

Если он обдумает истинное значение «слова»,

это будет гораздо труднее и более вызывающе, чем то, что произошло с ним здесь. То немногое, что он мог выполнять здесь, в Мире Реки, он делает даром, и это немногим более, чем выстрел в небольшом зале. Настоящее дело было то, что ему удавалось выполнять в Сенате и в предвыборной кампании. Да, он был чудом для своего возраста, это было дьявольски очевидно. А потом его кишки оказались на полу в Капитолии, и теперь он очутился здесь.

До настоящей минуты рядом не было никого, чтобы выслушать или произнести проклятие. Все здесь, даже хорошенькие женщины, работавшие моделями или ночными «бабочками» по пятьдесят долларов, перед кем он мог высказаться, у всех у них хватало своих неприятностей, больших неприятностей, и во многом таких же, как у него.

Прежде всего, они все умерли. Они когда-то закрыли глаза и испустили дух спокойно или каким-то насильственным путем; и следующее, что они осознали — это то, что они пришли в себя в этом вонючем месте вместе с миллионами других. Это была дьявольская травма, и, кажется, таковы были общие условия этого места — и приходилось это понять, и один только этот дар

слегка давил на всех. Очевидно, единственное, что можно здесь сделать — это умереть, что было ужасным.

— Ты же знаешь, что я прав, — сказал Бетховен.

Он снова был расположен к беседе. Он вытащил один из своих грязных носовых платков из какого-то внутреннего кармана, вытер со лба струящийся пот так, как это делали в его эпоху, и дружески предложил платок Хьюи.

Хьюи с отвращением покачал головой. Самое подходящее слово тут было «пфуй», лучше не выразишься.

— Не надо, — отказался он. — Не хочу. Нет необходимости.

Ничего подобного, никогда в мировой истории не было такого, о чем он думал сейчас. Он вспомнил, как стоял у одного из рукавов дельты, борясь со своей боязнью аллигаторов и одновременно почти ожидая, что эти твари выползут из болота и вцепятся в его лодыжки, и все время он пытался удержать толпы их у залива.

Это было одно — но это — это совершенно иное. Удивительно, как ты чувствуешь, что твой опыт приготовил тебя к тому, чтобы иметь дело с целым рядом активной деятельности, а потом

выясняется, что тот опыт совершенно бесполезен и ни к чему не применим. На самом-то деле он рассчитывает на Бетховена куда больше, чем композитор полагается на него. И ни от чего этого не стало легче, когда немец схватил его за локоть и заставил остановиться, устремив на него сверкающий взор.

— Слушай! — сказал Бетховен. — Ты слышишь их?

* * *

— Ладно, — решил Селус, подходя к бледному блондину и обрезая петлю. — Так почему ты меня выслеживал?

— Я не обязан тебе отвечать, смертный, — блондин пытался растереть затекшую ногу.

— Что заставляет тебя думать, будто ты бог?

— Думать, будто я бог? — возмутился тот. — Я и есть бог. Я это объявил.

— Только и всего? — легкомысленная улыбка выдавала, как это забавляет Селуса.

— Довольно с меня твоих оскорблений! — огрызнулся тот. — Я целые города истреблял за гораздо меньшее!

— Ах, неужели?

— Да. А теперь помоги мне встать.

Селус поставил ногу на грудь своего пленника и тяжело надавил.

— Или убей меня за это, или приготовься дать какие-то объяснения, — потребовал он.

— Я тебя убью! — завизжал блондин, снова пытаясь встать. И снова Селус надавил ногой.

— Я всякое терпение с тобой теряю, — объявил он. — Кто ты такой и почему меня преследуешь?

— Я Гай Калигула Цезарь, и я не даю объяснений никому.

— Калигула? — повторил Селус, поднимая бровь.

— Ты обо мне знаешь?

Селус кивнул.

— Тогда склонись передо мной ниц, воздай мне должное уважение и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Ответь на мои вопросы — и тогда, возможно, я подарю тебе жизнь.

— Я бессмертен, — сообщил Калигула. — Я не могу умереть.

Селус усмехнулся:

— Где ты считаешь, ты находишься, и как ты полагаешь — каким образом ты сюда попал?

На секунду Калигула задумался.

— Мне приснился сон, — сказал он. — Мне

приснилось, будто мои слуги зарезали меня, разрезали на кусочки. А потом я, будто бы, проснулся на берегу широкой реки. Но это был только сон, потому что теперь я здесь.

— Это не сон.

— Тогда здесь, наверное, небеса.

— Это не небеса, — сказал Селус. — Могу тебя в этом уверить.

— Это должны быть небеса, — упрямился Калигула. Внезапно он оглянулся кругом: — Но где Юпитер? Где Марс и быстроногий Меркурий? И еще важнее — где Венера? Где Афродита? Где Елены в нашем распоряжении? Где женщины?

— Этого я тебе сказать не могу, — усмехнулся Селус, — хотя знаю о твоей репутации.

— И она вполне заслужена, — оживился Калигула. — Кто, кроме меня, знает все сто один способ ублажить Венеру и из ее удовольствия извлечь свое собственное? — Он сделал паузу, уставившись на Селуса. — А ты что за бог?

— Меня зовут Фредерик Кортней Селус, и я не бог. С другой стороны, ты меня не побьешь ни в том, чтобы доставлять женщинам удовольствие, и ни в чем другом.

— Тогда ты просто демонстрируешь свое невежество, — заявил Калигула. — Ты незнаком с

великолепной техникой, в которую я посвящен. Но у тебя, конечно же, нет императорского фаллоса с божественной устойчивостью.

— Ты и в самом деле много о себе мнишь, да? — спросил Селус.

— А почему я не должен быть о себе высокого мнения?

— Могу тебя заверить, здесь нет никаких богов.

— Никаких? — Калигула дотронулся до себя знакомым и, по мнению Селуса, отвратительным способом. — Тогда — я последний и, стало быть, величайший. Приказываю тебе сейчас же дать мне встать.

— Ты можешь и сам это прекрасно проделать.

— Я тебе покажу, как вставать, в такое время, о котором тебе и во сне не приснится, — пообещал Калигула, и пристально вгляделся в него. — Ты, должно быть, один из слуг богов. Так подними меня и отведи к ним, или плохо тебе будет, Фредерик Кортней Селус.

— Я убил больше слонов, львов и буффало, чем ты можешь сосчитать, — сообщил Селус. — Не заставляй меня добавить к этому списку еще и бога.

— Я не могу умереть, — конфиденциально

поведал ему Калигула. — В Риме пробовали, но из этого получилось только то, что я поднят на небеса.

— Ну, это не совсем небеса, — объяснил ему Селус.

— Если я оказался здесь, оно должно быть так.

Селус отступил назад и позволил Калигуле подняться на ноги, несколько секунд понаблюдал за ним.

— Так почему ты меня преследовал?

— Я ищу город богов, — ответил римлянин. — Я видел, как ты исчез в лесу, и решил, что ты знаешь, где этот город и приведешь меня туда.

— Ты ошибся.

— Бог не может ошибаться, — убежденно сказал Калигула. — А потому — ты лжешь.

— Это правда, что я ищу город, — согласился Селус. — Любой город. Должна же быть какая-то сила, управляющая этим миром, какие-то правила и те, кто их вырабатывает, и, поскольку правители не заявили о себе на берегу Реки, я решил пойти и исследовать их цивилизацию. Я шел по следу сэра Ричарда Бартона, имя которого так же неизвестно тебе, как и мое. Оно, кажется, теперь забыто, но я надеюсь опять его возродить. Не знаю, куда он направился, но допускаю, что

у него тоже хватило ума, чтобы разыскивать правителей этих мест, и надеюсь объединить с ним усилия, прежде чем он достигнет своей цели. Вот и все.

— Почему я должен тебе верить?

— Ты волен верить всему, чему хочешь, — пожал плечами Селус. — Ты также точно волен идти собственным путем. Я только предупреждаю тебя сейчас: не преследуй больше меня, следующая моя ловушка может оказаться не такой приятной.

Он повернулся и пошел было, но Калигула закричал:

— Подожди!

Селус остановился и повернулся лицом к римлянину:

— Что такое?

— Я устал, и нога болит. Я разрешу тебе нести меня, пока я не обрету свою силу.

Селус хихикнул:

— Очень великодушно с твоей стороны, но я думаю, что как-нибудь обойдусь без этой чести.

Он повернулся, чтобы уйти, а римлянин взгромоздился ему на спину, вцепился ногтями в глаза и укусил за плечо.

Селус опрокинулся наземь, перекатился и

умудрился схватить Калигулу за руки и резко их вывернуть. Римлянин закричал и ослабил свою хватку, а Селус поднялся на ноги.

— Только тронь меня — я тебя убью! — пригрозил он.

— Ты мне больно сделал! — пожаловался Калигула. Внезапно он начал плакать, как ребенок. — Почему все хотят сделать мне больно?

Селус воззрился на него и ничего не ответил.

— Ты что, не знаешь, что тебе не разрешается дотрагиваться до бога? — рыдал Калигула. Вдруг слезы исчезли, чтобы смениться улыбкой. — И все-таки я восхищаюсь твоей храбростью, Фредерик Кортней Селус. Может быть, я разрешу тебе быть моим военачальником. Мы прорежем кровавую тропу среди моих врагов.

— Весьма великодушное предложение, — саркастически заметил Селус, — но в настоящую минуту я — единственный враг, которым ты располагаешь.

— Чепуха, — отрезал Калигула. — Разве лес не наш враг? Разве не скрывает он ту тропу, которую мы ищем? — Он отщипнул небольшую отмершую веточку от ближайшего дерева. — Я возьму эту добычу, чтобы доказать, что мы его завоевали!

— Думаю, что Гиббон поймет эту проблему, —

буркнул Селус, во все глаза уставившись на римлянина, когда тот отправился собирать другие доказательства в память победы.

— Ну? — спросил Калигула, когда его руки были полны. — Не стой же там! Нам еще надо отыскать город — и мир, чтобы завоевать его!

— Думаю, что мы отыщем город куда быстрее, если разделимся, — предложил Селус.

— Великолепное предложение, — отозвался Калигула.

— Но тогда кто будет наполнять мне ванну и приносить еду?

— А я-то думал, что я военачальник!

— Ты тот, кем я желаю тебя сделать, — пояснил Калигула. — А иначе — какова цель того, чтобы быть богом и на первом месте?

— Память у тебя короткая, — сказал Селус.

— Моя память совершенна.

— Но ты уже забыл, что произошло в прошлый раз, когда ты пытался мне приказывать.

— Это другое дело, — возразил Калигула. — Это было до того, как я сделал тебя своим военачальником и до того, как мы поставили лес на колени. — Он помолчал. — Завтра утром я создам какую-нибудь женщину, чтобы мы ею наслаждались, и, может быть, нескольких птиц, чтобы они

воспевали наш приход, и мы отправимся маршем искать город.

Селус отрицательно покачал головой.

— Я сейчас же ухожу.

— Тогда я должен идти с тобой.

— Не могу я ждать у следующей своей ловушки. Ты можешь целую вечность вставать вверх ногами, или же прокалываться на острых палках на дне ямы.

— Я позволил тебе меня поймать, — возмутился Калигула. — Я старался захватить тебя, и это оказался простейший путь встретиться с тобой.

— Да уж, конечно, — сказал Селус.

— Не умничай со мной, смертный, не то ты рискуешь навлечь на себя мой божеский гнев.

— Это возможность, которой я должен воспользоваться, — на Селуса слова Калигулы не произвели впечатления.

— Самое меньшее, что я сделаю — это заставлю членов моей стражи проткнуть тебя.

— Сначала найди их, а уж после я буду об этом беспокоиться.

— Тогда я сам это сделаю, — пообещал Калигула, хватая самую длинную и острую ветку, какую мог найти, и размахивая ею, как мечом.

— Только сделай шаг ко мне, и я оберну эту

штуку вокруг твоей шеи, — пригрозил Селус.

— Ты всего лишь смертный, — напомнил Калигула с издевательским смехом.

— Никогда раньше не обращал внимания на прихоти сумасшедших, когда жил в первый раз, — сказал Селус. — Не собираюсь менять свои привычки и в этой жизни.

Калигула воззрился на него, ошеломленный:

— Почему все не кончилось, когда я умер?

— Империя?

— Весь мир. Как он может продолжать крутиться без меня?

— Он великолепно обошелся без тебя, — констатировал Селус.

— Кто меня сменил? Неужели сам Юпитер спустился, чтобы сесть на трон?

— Тебя сменил Клавдий.

— Этот старый дурак и калека? — Калигула даже взвыл с досады. — Теперь-то я знаю, что ты лжешь! Он едва мог выговорить собственное имя!

— Зато он не объявлял войну кучке деревьев, — заметил Селус.

— Я всегда знал, что он трус, — Калигула помолчал, пытаясь снова нащупать нить разговора. — Ну, не стой же так. Нам еще предстоит

отыскать город.

Селус пристально смотрел на него долгое мгновение и решил, что, вероятно, лучше уж знать, где этот ненормальный находится каждую секунду, чем допустить, чтобы тот выскочил из-за кустов в самый неподходящий момент. Наконец, он пожал плечами.

— Следуй за мной, — сказал он.

* * *

— Ты слышишь их? — повторил Бетховен.

Хьюи Лонг с размаху остановился и посмотрел Бетховену через плечо, вглядываясь в даль мимо композитора, в дымку и туман текущей Реки.

— Слышу что? — удивился он. — Ничего я не слышу. Вот разве что чайки, может быть — зов какой-то птицы. Вот и все. Ничего из ряда вот выходящего.

— Лошади, — сказал Бетховен. — Войска Наполеона. Они идут за нами.

— Не слышу я лошадей, — сказал Хьюи.

— Они посылают войска конников с копьями и мушкетами, — с полной убежденностью сказал Бетховен. — Они знают, где мы. Таков был их план все время. Нас собираются убить, как свиней. — Он повернулся к Хьюи. — Я тебя пре-

дупредил, — продолжил он. — Мы должны были выбраться оттуда еще три дня назад. Я же сказал, пошли, давай, уйдем, но ты хотел остаться.

— Подожди-ка минуточку, — сказал Хьюи. — Ты неправ. Нет никаких войск, никаких лошадей, никаких мушкетов. Только обычные звуки. — Agitato, это было одно из бетховенских слов. Вот что происходило где-то впереди.

— Спокойно, сынок, — сказал Хьюи Лонг, — ничего такого не происходит, чего мы не могли бы остановить.

Но Бетховен вышел из равновесия, он дрожал и трясся, слезы струились из его удивленных глаз, громадный лоб весь исходил потом. Музыкант задыхался, он схватил большое полотенце, заменяющее ему плащ, потом неуклюже упал в грязь и барахтался там, хватаясь за свои колени.

Какой-то припадок, вроде эпилептического, решил Хьюи. Мне бы следовало задержаться, побыть с самим собой, попытаться понять это место, прежде чем что-то начало происходить. Но, когда я пришел в себя в этом сумасшедшем мире, он был первым человеком, которого я увидел, он помог мне и каким-то образом привел в сознание. Как я мог его оставить?

Все же, это непонятно. В течение одного момен-

та, окруженный телохранителями, ты шагаешь в вестибюль Капитолия навстречу истории, будущему и собственной судьбе, точно во сне, — и в следующую минуту ты сокрушен на пол, удивленный, мертвый, — и беседующий с этим немецким музыкантом.

Сколько же может человек вынести? Сколько он может по-настоящему понять? Для него это слишком много. Ты делал все, что мог, несмотря ни на что, ты пытался извлечь смысл из бессмыслицы, но это уже слишком.

Бетховен начал кашлять и содрогаться.

Не следовало мне этого делать, думал Хьюи. Надо было остаться там, где была жареная рыба, остаться в этих лесах, искать местного законодателя. Действительно, может быть, это для меня не было бы достаточно, может быть, мне следовало бы стать губернатором. Вот этого для меня, безусловно, было бы достаточно. Я бы посылал пароходы вверх и вниз по реке, играл бы с девицами, иногда брал бы взятки… Но что я вместо того сделал? Поехал в Вашингтон и взбесил Ф. Д. Р.[26], а потом опять отправился в Капитолий, чтобы встретить пулю, которую для меня приго-

[26] notes: 26
Ф. Д. Р. — Франклин Делано Рузвельт.

товили. Каждый человек король, но иной раз и королей убивают.

Теперь слишком поздно, подумал он, слишком поздно. Они меня достали, дьявольски меня достали. Черт, может, это и были лошади, то, что слышал на расстоянии Бетховен, может быть, Бетховен прав, может быть, вся эта чертова наполеоновская гвардия гонится за нами.

— Пошли, Людвиг, — позвал он. — Вставай! Давай, уйдем из этого чертова города. Это же была твоя идея, ты забыл?

Бетховен, наконец, тяжело поднялся на ноги, бормоча что-то о предательстве и о героях и о грубых ударах судьбы, и Хьюи понял, что скоро он будет в порядке. Как только человек начинает говорить, как свойственно ему, он в порядке. Это нечто такое, что ты быстро начинаешь понимать в Мире Реки.

* * *

— Почему мы остановились? — требовательно спросил Калигула.

Селус присел на корточки, рассматривая землю.

— Кто-то проходил этой тропой не так давно.

— Несомненно, это был твой друг Бартон.

— Он не совсем мой друг, — поправил Селус. — И это был не он. Я потерял его след за целые мили отсюда. Это был кто-то, кто очень спешил, наполовину бежал. Кроме того, кто бы он ни был, он никогда не носил ботинок. Пальцы ног у него спрямленные, но на концах сходятся вместе.

— А какое нам до этого дело?

— Еще не знаю.

— Тогда — зачем мы остановились?

— Впереди нас могут быть люди, и они могут не быть дружественными.

— Они падут на колени и станут мне поклоняться, и, может, я в своем великодушии позволю некоторым из них жить, — объявил Калигула — и устремился мимо Селуса.

На мгновение англичанин чуть не поддался искушению схватить его за руку и дернуть назад. Потом он пожал плечами. Какого черта, если уж кто-то получит первый выстрел из ружья или стрелу из лука, лучше пусть этот сумасшедший, чем он.

И он пустился вслед за богом-блондином.

* * *

В первые же минуты их знакомства, несколько дней назад, Бетховен обратился к Хьюи Лонгу со

словами:

— Они нам лгали. С начала, с самого начала, мы были обмануты.

— Ложь — это то, на чем все держится, — объяснил ему политический деятель. — Без лжи, сынок, не было бы никакой политики. Была бы просто кучка людей, колотящих друг друга дубинками, чтобы посмотреть, кто окажется наверху. Это ложь приводит суету к четкому построению, понимаешь меня?

— Нет, — покачал головой Бетховен. — Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Все казалось таким ясным у него в голове до того, как он начал говорить, а потом куда-то уплыло, просто покинуло его. Все из-за того смешения понятий, которые произошли в результате слишком длинных разговоров и мыслей с этим дурацким американцем. — Но ты, конечно же, видишь, что об этом месте не говорят правды. Оно непохоже ни на что такое, что мы видели прежде, это что-то совсем иное.

— Это правда, сынок, — согласился Хьюи. — Все здесь какое-то иное, потому мы и должны обратиться к высшим властям за объяснением ситуации.

— Но ситуация не такова, как ты думаешь, —

сказал Бетховен — и ему хотелось произнести длинную речь, обращенную к политику, о природе мысли и о различных типах лжецов, с которыми он всю свою жизнь вынужден был бороться, но поразительная триада до-минор из первых тактов симфонии до-минор, самая громкая, какую он слышал с тех пор, как оглох, вырвалась из него на этом месте, прошла, громыхая, сквозь силу света и оставила его удивленным и онемевшим.

— До-минор, до-минор! — произнес он неистово. — Это вся жизнь, неужели ты не понимаешь, тонизирующая к доминантному до — и снова назад!

Он вспомнил, как было в последние годы, до того, как его поразила глухота, когда музыка казалась такой абсолютной в своей чистоте и силе, что даже Hammerklavier казался только подготовкой к тому, что он мог бы сделать. А потом — потерять слух, потерять терпение, потерять все из-за льстивых несчастных дилетантов, которые сделали легкость возможной, они-то все время понимали, что он медленно опускается — ниже своего собственного позора.

— Хватит! — заорал он вдруг. — Хватит!

Он услышал, как триада переходит в мажор, и

вот уже грохочущая до-мажорная триада посылает сигнал к финальным аккордам после того, как переступает через басы.

— Не могу понять, как это случилось, — обратился он к Хьюи Лонгу. — Не было вообще никакого указания на эту судьбу. Ни намека на молитву или свет. Даже когда я разорвал занавес в Missa Solemnis, там не было ничего похожего на это, только акры и акры кладбища, мертвецы в гробах, мертвецы без гробов, они поднимались, пели, медленно поднимались…

— Ох, сынок, — слова Лонга звучали по-доброму, — тебе бы в самом деле надо прекратить всю эту чушь. Ты только душу свою терзаешь тревогой, и ты так никуда и не придешь.

Все это было до того, как Бетховен осознал, что они должны уйти из города, что путь к освобождению лежит в пустынных пространствах далеко за пределами оград, когда он все еще пытался постичь какой-то смысл в этих обстоятельствах.

Как глуп он тогда был! Теперь ему кажется, что он стал на целые годы старше, хотя, конечно, миновало всего несколько дней. Разговаривая с этим несчастным Лонгом, прибытие которого в то же самое оглушающее и гибельное государство, какое Бетховен так хорошо помнил, он

наблюдал — он чувствовал не только симпатию, но какую-то необходимость, нужду выбраться отсюда и освободить этого человека от ужаса, воплощенного и проявляющегося при первом же взгляде на Мир Реки.

Он сделал для Лонга то же самое, что для него до своего исчезновения в плоскогорья сделал крестьянский мальчик из Стокгольма: утешил его, успокоил, снял с него свирепый страх, в каком перед ним впервые открылась новая ситуация, а потом убедил его поискать более безопасное и изолированное пространство, где Лонг мог бы, наконец, найти какой-то смысл в том, что с ним произошло.

Бетховен и сам тогда не особенно понял, что такое Мир Реки, но он постарался облечь в короткие понятные фразы то, что знал, чтобы дать Лонгу кое-что, в чем тот нуждался, чтобы каким-то образом оправиться и отойти от первоначального ужаса.

И вот они оказались здесь, и Лонг медленно начинал привыкать.

— Сынок, — Лонг ласково дотронулся до макушки Бетховена, мягко подталкивая его вперед, — мы остановимся ненадолго и отдохнем, если ты не возражаешь.

— Но нас преследуют! Они в любую минуту могут оказаться здесь.

— Знаю, — не стал спорить Хьюи, — но я чувствую, что у меня почти готова речь. Я хочу обратиться к войскам. Я был в свое время прекрасным оратором, и теперь, я считаю, пора сделать мои способности известными здесь.

* * *

Они, наконец, добрались до конца леса. На последней миле деревья сделались реже, кустарник тоже не был таким густым, и вот Селус смотрел через большую опушку. Он остановился, положив руки на бедра, пытаясь определить, куда пойти дальше. Далеко на расстоянии с левой стороны он увидел маленькое озерцо.

Вдруг он услышал позади дикий, почти нечеловеческий крик. Он мгновенно резко повернулся, как раз в ту минуту, когда Калигула заносил у него над головой огромное бревно. Он поднял руку, чтобы смягчить удар, но опрокинулся на спину, прежде чем римлянин нанес смертельный удар.

— А ты храбрец! — пробормотал Калигула, колотя его обеими руками. — Я возьму твою храбрость себе!

Селус пытался перекатиться, так, чтобы осво-

бодиться от веса блондина, но у него все еще кружилась голова от удара.

— Слезай с меня! — рявкнул он. — Ты безумец!

— Как я съел своего нерожденного сына, так я съем твое сердце!

Селус почувствовал, как теряет сознание, а Калигула пригнул свою голову к груди англичанина и откусил большой кусок.

Должно быть, ужас того, что должно произойти, помог Селусу обрести свежий приток адреналина, и он жестко вонзил свое колено в яички Калигулы. Римлянин испустил пронзительный крик фальцетом, покатился по земле и начал непрестанно кричать.

У Селуса кровь струилась из торса по животу, он вскочил на ноги и осмотрел себя так тщательно, как только мог. На самом деле было бы неплохо несколькими стежками зашить рану, но в этом мире раны заживали, как по волшебству. Кроме того, от львов и леопардов он получал и похуже; если бы зубы Калигулы не содержали инфекции, — а причины не считать их таковыми не было — это было бы только временным досадным неудобством.

Но все-таки рана дьявольски болела, и он подошел к павшему богу и снова пнул его, на этот

раз по голове.

Но Калигула на это не реагировал, он все еще выл и потирал свои яички, и все, что Селус получил от этого удара, была острая боль в ноге.

Он поискал веревку, которую нес свернутой у себя на плече, нашел ее там, где недавно упал, и подошел к Калигуле. Прежде, чем римлянин смог оказать сопротивление, Селус связал ему руки за спиной, а потом несколько раз обвязал веревку вокруг его шеи, оставив десяти футовый поводок.

— Порядок, — констатировал он. — А ну, встать!

Он дернул за веревку, и Калигула, задыхаясь и давясь, неуклюже поднялся.

— Ты делаешь мне больно! — негодовал он.

— Ты хотел меня убить, — отвечал Селус.

— Но ведь это большая честь — умереть ради удовольствия бога, — сказал Калигула, искренне удивленный реакцией Селуса.

— Обойдусь без этой чести.

— Тогда ты просто дурак!

Селус дернул за веревку, и Калигула снова стал задыхаться.

— А как насчет того, чтобы бог умер ради моего удовольствия? — спросил он.

— Богохульство! — закричал Калигула, кидаясь на Селуса с опущенной головой.

Селус отступил вбок — точно так же он отступил бы от носорога, если бы тот наклонил голову в его сторону. Вместо того, чтобы пустить пулю ему в ухо, как он сделал бы с носорогом, Селус просто подождал, пока Калигула достигнет конца веревки, а потом быстро и сильно потянул.

Римлянин совершил курбет в воздухе и тяжело приземлился на спину.

— Я, наверное, руки сломал! — завыл он.

— А я-то думал — боги не могут ощущать боль, — сардонически произнес Селус.

— Помоги же мне! — ныл Калигула. — Мне больно!

— Помогу, — Селус приблизился к нему. — Я даю тебе три секунды, чтобы ты встал, прежде чем я опять лягну тебя по яичкам!

— Нет! — пронзительно закричал Калигула, вскакивая.

— Моя персона священна! Ты никогда больше ее не тронешь!

— Так-то мы понимаем друг друга, — Селус подошел к нему и ударил по лицу.

Он ожидал, что Калигула выругается, или заплачет, или, может быть, даже захихикает.

Вместо того римлянин посмотрел на него, как будто ничего не случилось, и сказал, как ни в чем не бывало:

— Я думаю, скорее всего мы найдем город у Реки. Городам нужна коммерция, а на этом озере большой торговли не выйдет.

Преодолев удивление, Селус согласился с пленником.

— Ладно, — сказал он. — Пошли к Реке. Ты впереди.

— Мы могли бы воспользоваться лошадьми, — заметил Калигула, направляясь направо.

— Если мы их найдем, я тебя на них обменяю, — пообещал Селус.

— Не пристало торговцам обменивать богов, — Калигула внезапно принял высокомерный тон.

— А все-таки, что сделало тебя богом? — поинтересовался Селус.

— Я провозглашен богом.

— Кем провозглашен?

— Мною самим.

— Только и всего?

— Никто никогда этого не оспаривал.

— Так-таки никто?

— Ну, никто из тех, кто оставался жить в течение следующего часа.

— Прекрасная работа, если ты можешь ее выполнять, — сухо откомментировал Селус.

— Я и есть бог, — настаивал Калигула. — Без меня не будет ни ночи, ни дня, ни дождя, ни солнечного света. Когда я умру, небеса разверзнутся и изольют потом черной лавы, которая убьет все живое и покроет всю землю.

— Это должно утешать тебя в час нужды, — сказал Селус.

— Ты что, не веришь мне?

— Если ты бог, создай нам парочку лошадей. Если не сможешь — прекрати болтать: тебе понадобится вся твоя сила для марша, который нам предстоит.

— Я умею создавать лошадей, — убежденно заявил Калигула. — Я могу вызвать их к жизни прямо здесь, сию же минуту.

— Почему же ты этого не делаешь?

— Потому что ты осмелился поднять руку на бога. Ты не заслуживаешь того, чтобы ехать верхом.

— А ты заслуживаешь того, чтобы идти пешком? — спросил Селус.

— Я бог. Я не чувствую ни боли, ни усталости. Солнце — мой брат, я не могу обжечь себе кожу. Трава — моя возлюбленная: она обновляет меня

с каждым шагом, который я делаю.

— Как тебе повезло.

— Я не нуждаюсь ни в еде, ни в воде, ни во сне, — продолжал Калигула. — Сегодня же вечером, попозже, когда ты не сможешь больше бодрствовать, я превращусь в змею и выжму из тебя жизнь. И тогда, — продолжал он будничным тоном, — я съем твое сердце и, вероятно, еще твои зрачки, потому что у тебя великолепное зрение, и тогда я отправлюсь искать город.

— Раз ты способен на все это, я полагаю, ты не станешь возражать, если я для безопасности привяжу тебя к дереву, прежде чем лягу спать? — спросил Селус.

— Нисколько, — вежливо заверил его Калигула. — Я ничего другого и не могу от тебя ожидать, хотя, конечно, ничего хорошего для тебя из этого не получится.

Еще одну милю они прошли в молчании, а потом Селус остановился, заставив Калигулу давиться, когда тот достиг конца веревки.

— Ты уже устал, смертный? — спросил Калигула.

— Помолчи. — Селус поднял свободную руку и заслонил ею глаза от солнца.

— Что ты там видишь? — спросил Калигула.

— Не уверен. Что-то. Это может быть группа людей.

— Они идут поклоняться мне, без сомнения.

— Или убивать тебя.

— Я не могу умереть.

— Попробуй остаться благоразумным настолько, чтобы запомнить, что ты больше не император и никогда не был богом, и держи рот на крючке, пока я не пойму, друзья эти люди или враги.

— Я превращусь в птичку-колибри, так что они не смогут меня видеть до тех пор, пока я не узнаю, почему они здесь, — быстро согласился Калигула.

— В очень тихую птичку колибри, — напомнил Селус.

— Начинай идти.

— Лететь, — поправил Калигула.

— Да что угодно.

— Я не могу лететь, — вдруг объявил Калигула. — Ты связал мне крылья.

— Даже у птиц есть ноги, — заметил Селус.

— И правда. Ты очень мудр. Некоторым образом, я буду почти сожалеть, когда вскрою тебя и съем твои внутренности.

И тут, тихонько щебеча про себя, римлянин повел англичанина через саванну по направлению

к кучке людей.

Приказ, казалось, исходил изнутри у него, как это всегда бывало, когда в нем как бы образовывался часовой механизм.

— …Здесь я, как у себя дома, — сказал Хьюи Лонг. — Подойди! Я хочу с тобой говорить.

В туманном свете инфернального солнца Хьюи показалось, что он видит начало какого-то движения перед собой, но потом снова оказалось, что это, вероятно, всего лишь иллюзия. Зато он привлек внимание Бетховена: музыкант скорчился на месте, сел на корточки, глядя на Хьюи этими странными сверкающими глазами, взглядом безумного человека.

— Позвольте мне рассказать вам о моем друге, великом музыканте, — продолжал Хьюи. — У него есть планы. Он хотел попасть в город и найти императора, чтобы свести и с ним старые счеты, но он переменил свои планы. И знаете почему? Не знаете?

Ответа на вопрос не было, только какой-то грохот слышался на расстоянии, да чье-та дыхание. Однако надо завоевать доверие, тогда можно их привлечь.

— Он оставил эту мысль, — сказал Хьюи, — потому что, подобно вам, он думал, что в городе нет

ничего такого, что там сплошная суета, что кто-то приходит, а кто-то уходит, но что перевоплощение не имеет никакого смысла, и императора невозможно найти, потому что император может находиться за тысячу миль, совсем в другом месте. И он сделался разочарованным, он устал от шума, от жары, от ощущения, что совсем ничего невозможно изменить, ничего нельзя сделать. — Хьюи сделал паузу и огляделся вокруг, выжидая возможный ответ. — Но теперь я здесь, чтобы сказать вам, что мой друг увидел все по-иному, что он понял природу своей участи, и он должен преодолеть свое упрямство, потому что; император на самом деле там, он там ради всех нас, и все, что нам нужно, можно найти в том городе желаний. Правда о Мире Реки снизошла на нас.

Теперь он знал, что завладел их вниманием.

— Знаете ли вы, в чем истина? — продолжал он. — Она здесь для всех нас. Это и есть истина. Нас наградили всей мощью, всеми возможностями, всеми основными условиями в этом дьявольском месте. Каждый мужчина король, каждая женщина королева! Мы можем делать все, что захотим, все мы короли и королевы наших владений, мы ждем присуждения титула, мы ждем, чтобы на нас надели плащ обладания. И вот поэтому мы

собираемся изменить образ жизни. — Он выдержал драматическую паузу. — Мы собираемся вернуться. Мы собираемся исправить город.

— О чем это ты болтаешь? — спросил кто-то. С британским акцентом, с проглатыванием звуков, почти неразличимый в густом тумане, но Хьюи мог разобрать то, что говорилось. — Да ты не в своем уме, произнес голос. — Вы, американцы, дерьма не видали!

— Где этот человек? — закричал Хьюи. — Дайте мне увидеть человека, который такое говорит! Выйдите вперед и возражайте мне! Если у вас есть храбрость, чтобы так поступить, тогда у вас есть храбрость, чтобы вернуться в город.

— Никакая не храбрость, — сказал голос, принадлежащий тщедушной фигуре, которая вышла из тумана и опустилась перед ним на одно колено, скорчившись в грязи под пеньком, на котором стоял Хьюи. — Эй, друг, почему ты это все не бросишь и не посмотришь правде в лицо? Мы заблудились. Мы заблуждаемся так же, как это было с нами всегда. Почему ты не дашь нам спать? Почему не дашь нам выбраться из этого ужасного места?

— Если у тебя хватило храбрости сказать это, — ответил Хьюи, — должно хватить храбрости и на

то, чтобы отсюда уйти. Мы можем снова вернуть себе город. Мы можем найти свои души в этом месте. Мы можем исправиться и начать все снова.

Он в этом уверен, подумал Хьюи. Ведь не только его собственный голос в нем убеждал его в осуществлении всего, о чем он говорил, но и какой-то признак того, что они начали. Он спустился со своей трибуны в виде пня, разглядывая британца, который подкусывал его, а за этим бритом — толпа оборванцев, которые собрались все вместе, самая худшая армия, какую он когда-либо видел — и все же это была армия, если смотреть в том направлении, можно было так считать.

— Бетховен, — позвал Хьюи, — встань и выдай нам марш! Выдай нам марш, ты меня слышишь? Мы собираемся снова отвоевать этот город!

И, больше не думая об этом, не останавливаясь, чтобы поразмышлять над комичностью и бессмысленностью своего предложения, Хьюи Лонг протолкался сквозь них и начал приближаться к городу.

Внезапно зазвенел чей-то голос:

— Это очень большой город, а у вас очень маленькая армия. Если вы намерены его взять, вы нуждаетесь в преимуществе, чтобы как-то уравнять силы.

— Что? — спросил Хьюи, поворачиваясь лицом к тощему бородатому незнакомцу, только что подошедшему. — Что вы имеете в виду?

Селус улыбнулся и предъявил молодого блондина, который сражался со связывающей его веревкой.

— Бога, — пояснил он. — Настоящего позолоченного бога.

Калигула поднял взгляд на этого человека и сказал:

— Он прав. Это в точности то самое, чем я являюсь. Ты немедленно меня развяжешь. Ты освободишь меня от этих веревок, иначе я прокляну…

— Вот он как разговаривает, — вмешался Селус. — Всю дорогу, и ничего подобного вы никогда не слышали. Но ты можешь дать ему попробовать. В конце концов, он не только лелеет планы — большие планы, — но как можно потерпеть поражение, если в авангарде у тебя бог? В любом случае, — заключил Селус с вкрадчивым жестом, — предоставляю решить тебе. Распоряжайся им, как пожелаешь.

Калигула внимательно осмотрел другую пару: человек с взъерошенными волосами с ненавистными чертами Клавдия, но моложе, гладколицый

человек со смешными руками и странными жестами. Не были они похожи на тех военных, каких ему бы хотелось получить, но, с другой стороны, приходится использовать то, что получаешь. При дворе — или вне двора, или вне стен города, приходится жить так, как получается, окруженными дураками и сумасшедшими, получая приказы от нижестоящих.

— Что ж, — произнес Калигула с высокомерным наклоном головы, привлекая внимание гладколицего, который казался наиболее разумным, вероятно, самым почтительным из всех, — вы собираетесь меня освободить? Или бросаете мне вызов и навлекаете на себя мое ужасное проклятие?

— Вот так он разговаривает, — повторил Селус. — Почти все время. Я ничего не могу с ним поделать, возможно, вы сможете.

— Да, — ответил гладколицый, его взгляд наполнился почтительностью, или, по крайней мере, должным пониманием происходящего. — Да, думаю, что мы можем это сделать. — Он протянул руки и начал возиться с веревкой. — Стой спокойно, — сказал он, — и дай мне освободить этого бога от его алтаря, — он улыбнулся Калигуле. — Моя латынь не такова, чтобы ею пользоваться,

по правде говоря, она никогда не была моим сильным местом. Как ты сказал твое имя?

— Живей развязывай меня, — приказал Калигула, — и узнаешь мое имя и мое проклятие, все мои обстоятельства…

— Все время он так разговаривает, — снова повторил Селус. — Я-то одинокий человек, привык к тихим местам. Вот вы с ним и управляйтесь, а с меня хватит, спасибо.

— Со всех нас довольно, — сказал гладколицый. Но вообще-то удивительно, сколько человек может вынести. — Он пристально поглядел на Калигулу, опустился на колени, потянул за узел. — Всяк человек бог — такова моя философия. А что еще привело бы нас сюда?

— Божественность ограничена, — возразил Калигула. — Она подобает только одному из нас.

— О, успокойся, — сказал его освободитель. — Успокойся и прекрати болтать, хотя бы на минуту. Бетховен, подойди и наступи на эту веревку, ладно? Так мы его никогда не освободим.

Они усердно наклонились для того, чтобы прислуживать ему. Калигула принял горделивую позу, наклонил голову под углом, чтобы найти солнце, тонкие лучи, проникающие сквозь тяжелые катящиеся облака. На мозг его давил один

образ, картина, которая возникала сама по себе, непрошено, и он не мог ее убрать. Склоненный, в таком же положении, как сейчас, он прижался к камням, его живот отяжелел и вспучился, колени ощущают холодную сырость камней, а руки вцепились в рукоятки.

И позывы на рвоту.

* * *

Не имея инструментов, на которых он мог бы исполнить мелодию в этом месте, где нет даже ударных, Бетховен все-таки исполнил им марш, когда они стали пробираться то вверх, то вниз, во главе с этим типом, который называл себя Калигулой. Это был Турецкий Марш из «Афинских развалин», не самый его любимый, но достаточно хороший для мычания вместе с пронзительными деревянными духовыми инструментами и рокотанием барабана — эффекты, которые он мог воспроизвести в голове, если не своим бормочущим и стонущим голосом.

Взять город — это была и идея Селуса, отвоевать город. Не то чтобы она когда-либо была у них на первом месте, не то, чтобы город, который следует взять, находился повсюду. Что можно было бы сделать? Но римский император, этот стран-

ный юноша с горящим взором, кажется, знал свое дело: у него была уверенность Наполеона и безумие архиепископа, и он шагал в конце их строя странным шаркающим шагом, и это, если не королевские права, убеждало, да еще такая решимость, какую Бетховен мог оценить.

Селус и Хьюи Лонг, шагая вперед, глубоко погрузились в свою беседу. Время от времени какая-нибудь фигура отскакивала от толпы, струившейся сбоку, и кидалась на римского императора, потом с ревом отлетала обратно.

Ничего подобного этой процессии Бетховен никогда не видел. Он в свое время написал достаточно маршей и контрдансов, всякого хлама и музыки для развлечения, но никогда он не видел такой группы людей, как эта.

Он мог сказать, что обстоятельства переменились с тех пор, как они наткнулись на Селуса и Калигулу, освободили Калигулу от его пут и направились назад, к тому месту, откуда он ушел. Все пошло совсем не так, как раньше. Воздух стал гуще, он прочищал ноздри Бетховена, и толпы сбоку нажимали с таким напором, какого он никогда не знал раньше. Всяк человек бог, сказал Хьюи Лонг, и в самом деле, этому Калигуле уделялось столько внимания, сколько Бетхо-

вен никогда не видел. Может быть, и в самом деле в конце этого пути что-то есть, Бетховен не знал, и не стоило об этом размышлять. Надо было только брать питание и продолжать путь вместе с остальными: римскими императорами, галльскими императорами, демократами, свободными, архиепископами и рабами — все они одно и то же. Здесь был какой-то внутренний смысл, но он о нем не думал. Не с этой музыкой, ревущей у него в голове, «cymbalio»[27] грохочут, педаль барабана с яростью работает, пытаясь прорвать экран его сознания.

Когда они подошли к холму и взглянули на изгородь, где возвышались над Рекой домишки, Селус ощутил триумф, доказательство своей правоты.

— Видишь? — повернулся он к Хьюи Лонгу. — Я же говорил вам, что мы сюда доберемся. Я знал, что это всего лишь дело поворота — а потом вернуться, что никто нас не остановит! — И в самом деле, никто их не останавливал, а они действительно собрали вокруг себя определенную группу людей, которых не испугали ни жара, ни суровые условия, ни выходки Калигулы. — Теперь мы

[27] notes: 27
Цимбалы *(ит.)*

совершаем следующий шаг.

— А что такое — следующий шаг, сынок? — спросил Хьюи Лонг. Прогулка его не освежила, ничего в Мире Реки, кажется, не имело того эффекта, какой могло иметь в той жизни, которую он привык считать цивилизованной. — Предполагается ли, что я должен произнести речь? Есть там какое-то место, которое нам полагается занять? Уполномочены ли мы что-то взять на себя?

В его глазах сверкнул какой-то безумный огонек, и он внезапно показался Селусу не только странным, но, возможно, и опасным человеком. Конфиденциальность между ними Прошла, и он был теперь просто разжиревшим американским политиком без избирателей.

— Я совершенно уверен, все это теперь решится, — сказал Селус. — Как только нас увидят, как только узнают, что мы сюда вернулись, для нас сделают соответствующие приготовления.

Хьюи Лонг воззрился на него с тем странным доброжелательным выражением, которое могло внезапно и странным образом перейти в грубость, и сказал:

— Не понимаю, о чем ты говоришь, сынок. Правда, не понимаю.

Селус пожал плечами:

— А разве кто-нибудь из нас понимает? Разве кто-нибудь из нас действительно знает, что происходит в этом проклятом месте?

— Я знаю, — вступил в разговор Калигула. — Я точно знаю, что происходит. — Он повернулся к ним, тело его было насторожено, взор свиреп и настойчив. — Теперь, — произнес император, — теперь мы приведем все это к концу. — Он поднял руку, уставился на Селуса, потом на Лонга, затем перевел взгляд на других, которые начали собираться вокруг. — Приведите мне девственницу, — приказал император. — Сейчас же — приведите мне девственницу!

* * *

Но, разумеется, он знал, что такова была их миссия, что именно она ждала их здесь все время. Калигула ощущал, как божественность поднимается в нем, почувствовал в эти жгучие минуты полноту своей нужды и медленно опустил взор на ряд поклонников и последователей, чтобы высмотреть в их рядах женщин. Он чувствовал, как знакомая мощь шевелится глубоко внутри него. Они не посмеют отказать, потому что скоро они узнают его истинную власть.

— Приведите мне девственницу, — повторил

он, — или скоро вы все будете мертвы. Я произнесу над вами проклятие, и он обратит вас в навоз, коим вы являетесь.

Он протянул руки, хватая Селуса в неожиданное и крепкое объятие, потом отбросил его от себя с силой, рожденной вместе с безумием у него внутри, и помчался к той туманной линии, которую видел перед собой.

— Я вас буду иметь! — взвыл он. — Всех вас буду иметь! — Судьба наполнила его чресла так грациозно, как будто бы это была кровь и сексуальный призыв той девственницы, которую он жаждал. — Вы еще узнаете мою божественность! — кричал Калигула. — Я открою ворота этого города в игре в помазание, и я поимею вас всех, так, как было приказано!

Он потянулся, схватил чье-то тело, с жестокостью пощупал его в разных местах руками, ища груди, ища знакомые половые органы, забавное ощущение судьбы переполняло его. О, это место великолепно! Он не оценил его прелести до настоящего момента. Потому что он поистине был здесь богом. Он мог с любым из них сделать все, что захочет. Почему он не понял этого раньше? Они все боги.

Он начал взбираться на это тело, его нужда воз-

растала. Он никогда и не мечтал, что может быть место, подобное этому, но вот же оно — здесь. Это было удивительно, грандиозно, потрясающе. В его голове возникла цепочка вскриков, и он уцепился за нее, ухватил ее, и позволил вскрикам отправить его на место.

* * *

Бетховен смотрел в отчаянии. Никогда он не видел ничего подобного. Даже когда чернь штурмовала ворота Парижа в 1789, там не было ничего похожего, он был в этом убежден. Хьюи Лонг уставился на зрелище, посмеиваясь. Селус потирал руки и в викторианской ярости кричал на Калигулу… но никто не подвинулся к юному императору в том небольшом пространстве, которое тот расчистил, пока продолжал свой жестокий и странный акт.

Цимбалы в голове Бетховена умолкли, пикколо тоже, и все, что осталось — это гудение басов в трио симфонии до-минор, эта чудовищная адская пляска.

— Что же мы делаем? — спросил он Хьюи Лонга. — Неужели это то, чем мы стали? Неужели это конец для нас?

Его постигло внезапное внутреннее озарение:

Лонг и Селус уговорили их повернуть к воротам города специально для этой, цели, так чтобы это мародерство и насилие могло быть предпринято, и Калигулу развязали, чтобы он повел их, потому что только Калигула смог без колебаний управиться со всем, что необходимо.

— Неужели вы не собираетесь остановить это? — продолжал Бетховен.

Лонг закусил губу, покачал головой в знак отрицания. Селус пожал плечами: казалось, он зачарован происходящим, заинтересованный, но не вмешивающийся.

— Отсюда я даже не вижу, мужчина это или женщина, — сказал Селус.

— Разве тут есть разница? — спросил Хьюи Лонг.

— Тогда я это остановлю!

Бетховен, не совсем осознавая, что делает, бросился на округлившиеся тяжелые бока императора, чувствуя такое отвращение, какого никогда не знал. Тот, другой император, Наполеон, предал его, но образ его был безликим, все это не походило на теперешнее. Это был бунт. Это было похабно, отвратительно, это было отрицание всего, ради чего он прожил свои пятьдесят семь лет, стремясь такое уничтожить. Свобода — да,

но свобода для всех, а не только для больных рассудком и злобных людей.

— Прекратите! — заорал он, проталкиваясь к ним. И тогда он ощутил на себе руки Хьюи Лонга, громадные руки, которые тянули его назад.

— Нет! — сказал Хьюи Лонг. — Не останавливай его! Для этого-то мы сюда и пришли — чтобы видеть.

* * *

— Всяк человек бог, — сказал Хьюи Лонг. Селус воззрился на американца в шоке и одобрении. — Так вот зачем нас взяли сюда, — продолжал Лонг. — Чтобы мы могли поступать так, как хотим.

Бетховен пытался вырваться из его объятий, предвидя, как он будет наблюдать бегство Калигулы, скорчившегося, точно насекомое и думал: прав ли этот человек.

Прав американец, каждый человек бог, и мы явились в это проклятое место для того, чтобы сделать из себя самих богов, будь они даже самые презренные на вид. Это ответ, который лежит в самом сердце этого города; это то, что мы всегда понимали.

Всю свою жизнь он стремился, как должны

делать и остальные, к такому положению, а теперь, когда он его нашел, остается только подчиниться.

— Подчиниться! — кричал на Бетховена Селус. — Да будет так! Делай так, как ты хочешь! — Он разглядывал на расстоянии лагерь, ближайшие силуэты, которые в неотложности нужд Калигулы расступились, чтобы освободить место. Я бы это сам сделал, если бы мог, подумал Селус, и я так сделаю. Сделаю. — Теперь я понимаю, зачем мы вернулись к берегам Реки, — сказал он, обращаясь к Хьюи Лонгу.

— Это все время нас ждало, да?

Лонг улыбнулся, тряхнул головой, протянул руки Селусу. Выражение его лица было странным, абстрактным. Бетховен, боровшийся в сильной хватке Лонга, вдруг сдался, опустился на колени, потом нагнулся к земле и потерся лбом о грязь.

— Вы его не остановите, — пробормотал Бетховен. — Ничего не может снова прекратиться. Это ответ, да? Вот что вы хотели дать мне понять, вот почему вы привели меня обратно — чтобы унизить меня.

— Не знаю я об этом ничего, сынок, — возразил Хьюи Лонг. Он слегка улыбнулся и поглядел на Селуса. — Но мы считаем, что теперь знаем

ответ, да?

— Да, — подтвердил Селус. Перед ним повисла туманная и прочная дымка, он мог бы ее смахнуть одним движением руки, но предпочел этого не делать. — Да, я понимаю. Всяк человек бог. — Он взглянул на зачарованного угрюмого Бетховена. — Даже ты, — сказал он. — И я, и все остальные. Вот что должно нам открыться.

Голос Калигулы проблеял сквозь дымку, сквозь поразительную тишину Мира Реки. Селус услышал пение императора, затем томительный крик его облегчения. Будь я проклят, подумал он, а затем: да, наверное, я проклят. Наверное, мы все прокляты. Что точно то же самое, что и быть свободным.

* * *

— Так он, конечно, положил того цыпленка в горшок, да? — спросил Хьюи Лонг. — Посмотрите на человека, который поставил машину в гараж. — Он крякнул и подивился, что скажет на это Селус. — Так скажи, — обратился он к Бетховену, который теперь тихонько всхлипывал у него за спиной, — что, как ты думаешь, сказал бы англичанин?

— Mussessein[28], — сказал Бетховен. — Ess mussein.

* * *

Великолепный в своих делах, победоносный относительно своего облегчения, бог Калигула вышел из нейтральной формы, которая служила ему так хорошо, — однако, ее было достаточно для настоящего времени, хотя, конечно, будет и получше, — и посмотрел на своих подданных, расположившихся лагерем на расстоянии, упавших на колени, чтобы служить и изменять ему.

— О да, — спокойно произнес он. — О да, измена и служение — это ведь одно и то же.

Он привел в порядок свою одежду, встал, отпихнул набок признак своего возвращения и шагнул к небольшому пространству, освобожденному для него слугами Мира Реки, к его трибуне, откуда он будет говорить. Он соберет их вокруг себя и отдаст им команды, и тогда начнется истинная и окончательная природа его царствования. Издалека он слышал пронзительные крики, воздающие ему почести, а скоро явится сам Клавдий, чтобы свидетельствовать, чтобы склониться

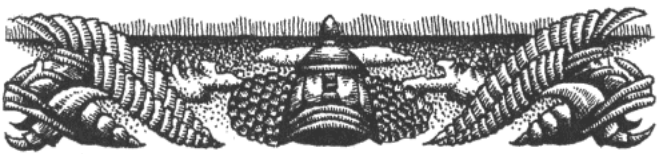
---

[28] notes: 28
Так должно быть *(нем.)*

перед ним и служить ему. Всяк человек бог, да…

… но этот бог, даровавший Мир Реки, его терпимость, его безумие и его сокровища… этот бог — человек.

Филип К. Дженнингс
Забавы Мира Реки [29]



Неужели даже смерть стала неопределенной и неуверенной? Разве мы смеемся сами над собой? Или ты и есть Насмешник?

Голос деланно улыбающегося человека эхом разносился от трона. П. Г. Вудхаус, вынужден был встать на колени, по обе стороны от него — стражники, и важная шишка — этот парень Аль-Хаким, перешел на другую систему речи, в которой Плам вынужден был признать исключительно блестящий арабский.

---

[29] notes: 29

B LANDINGS ON RIVERWORLD by Philip C. Jennings Copyright© 1992 by Philip C. Jennings.

«Сказать, что Бог говорит, это значит — предположить, что он когда-нибудь может молчать. Этот… этот мир Реки — не реальность, это кодекс законов, а потому послание, и не от Бога. Но здесь подразумевается послание вроде загадки друзов, а потому в тысячу раз более обманчиво. Что ты знаешь об Обманщике?»

Могучая цепь мысли Хакима казалась почти логичной. Какой-нибудь парень из Оксфорда мог бы проследить, каким образом одно предположение ведет к следующему, и каждый вывод более мрачный, чем предыдущий.

— Ну, теперь — опровергни это! То есть, кодекс и все!

Плам только моргал глазами, обремененный привычками близорукого периода жизни, пытаясь что-то разглядеть в зале, выложенном громадными плитами. Его дух определенно нуждался в поддержке. Случайный наблюдатель этого скопления рядов людей в черных одеяниях и белых тюрбанах — означенный наблюдатель мог бы легко перескочить к выводу, что он «здорово влип».

Не вывод хотел бы Плам Вудхаус осознать. Смерть могла потерять большую часть горечи в третий и четвертый раз, но в последнее свое

воскрешение он был лишен даже возможности поесть, и его вера в лучшую природу человечества испытала разочарование.

— Если ты принимаешь меня за Дьявола или думаешь, что с ним знаюсь, я должен ответить словами, которые выше моего знания. Нет. Я хочу сказать, я так не думаю.

«Истина знает, что она имеет в виду».

— Полагаю, что да, — согласился Плам. В минуты отчаянного беспокойства его улыбка становилась до невозможности широкой и казалась почти ужасающей. — Но я не могу поручиться ни за кого, кроме самого себя, а я встречался со многими парнями и девицами в последние несколько жизней… — Глаза его сузились от внезапного понимания. — Кроме того, разве вы не говорили, что мы могли бы не быть самими собой? В данных обстоятельствах я не знаю, как доказать свою добросовестность.

— Мы терпим здесь только один народ и один язык. Определенно, я никогда не слышал, чтобы так говорили по-арабски, как ты, — загрохотал Аль-Хаким со своего высокого и отдаленного сиденья. — Тем не менее, это арабский — в некотором роде.

Он поразмышлял, а сбоку копьеносцы пока-

чивались в ожидании, готовые сокрушить этого неверного по мановению пальца.

— Ты прожил несколько жизней? После пира посети нас лично в нашем саду, и мы выслушаем твои показания.

Плам решил, что это благоприятная новость, и снова вздохнул полной грудью. Четыре часа этого настоящего существования могли бы стать восемью, а потом шестнадцатью… Он социально неприспособленный, да, но он всегда очаровывал — ну, не каждого. В его последнем воскрешении Ганс Хорбигер на него надулся, да еще как! Все же Аль-Хаким би'Амр Алла подобреет, слопав немного ветчины, к тому же при свидании tete-a-tete[30] многое проще…

Плам почувствовал, как его хлопнули по плечу. Его труд закончен, но дело при дворе продолжается — дело о перерыве на ланч в соответствии с неумолимым режимом работы местных грейлстоунов.

Один из копьеносцев посадил его в альков с несколькими другими джентльменами и взял его завтрак. На сцену выступило обычное волшебство, и завтрак вернулся к нему немногим менее

---

[30] notes: 30
Наедине *(франц.)*

часа спустя, чтобы Плам мог его открыть.

Плата за этот сервис состояла из всей порции его сигарет и алкоголя. Плам едва ли возражал против того, чтобы благословить мозолистую ладонь местным фининспекторам. В какой-нибудь день обида может дать себя знать, но на данный случай он смотрел шире. Сделавшись любезнее после еды из цыпленка, перца, лука и сметаны, он попытался заговорить с окружающей его группой смуглых людей по-французски. Французский язык дипломатии, незаменимый при обмене государственными тайнами, — но его хромающие попытки ne marche pas[31].

Немецкий? Carpe diem[32] могло бы с таким же успехом быть вьетнамским рецептом для приготовления рыбы. После некоторых попыток преодолеть робость и прочистить горло похожий на бандита посетитель осмелился продемонстрировать свой английский:

— Не надо дат Иисуса. Он тебя спросит. Из всего вычти шестьсот сорок.

Плам с полным ртом лучезарно улыбнулся. Апаш продолжал:

---

[31] notes: 31
Не удались *(франц.).*

[32] notes: 32
Лови день *(лат.)*

— Не всегда одно и то же число, потому у них годы короче. Но, если ты жил на земле после 1200 года его времени, он заинтересуется тобой.

Плам проделал математическое Действие. Что касается шестисот, эта часть была легкой: тысяча триста — тра-та-та. Тысяча триста сорок два. Можно округлить: пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Он спросил:

— А хочу ли я быть интересным?

Апаш засмеялся. Он мог бы сказать touche, но норманнское завоевание не дошло до Аризоны.

После пудинга Плам попробовал облегчить свою ситуацию среди этой толпы:

— Ох, жизнь после смерти полна досуга.

Ирония, очевидная в этой фразе по-английски, не выдержала перевода. Он восстанавливал веселое настроение, вызывая этим полное молчание слушателей, пока двое в черных одеяниях — и много же вышло бы кильтов из этой зря потраченной материи! — не подошли и силой не поставили его на ноги.

Местная жандармерия промаршировала с ним налево и повела через крытый портик в коридор без крыши. Коридор, обжигаемый полутропическим солнцем, раздваивался, по обе стороны шли камни, похожие на хорошо отполированные

зубы. Отлично сказано, подумал Плам, всегда он был искусен в подборе метафор и сравнений.

Далее его путь лежал через неглубокий пруд, и снова на свежий воздух. Некоторое время все трое оставляли мокрые следы ног, потом лабиринт расширился, чтобы перейти в поле — маленькое, даже для крикетного матча.

Хаким ждал под деревом. Если смотреть на него вблизи, он мог похвастать героическим семитским лицом: точно ассириец, только что сошедший с фрески, минус борода и украшения. На расстоянии от него стояли два стражника, расстояние было настолько безопасным, насколько это можно было позволить, но Плам все-таки вспомнил все эти библейские истории — насчет волков в поле и о горах отрезанных голов.

Он поклонился, неуверенный в местных обычаях, его эскорт отошел, присоединившись к другим стражникам, Хаким сразу приступил к делу:

— Когда ты умер?

Плам ринулся навстречу опасности:

— В 1380 году, — он немного преувеличил, — после того, как Мухаммед сделал свое дело, чем бы оно ни было.

— Ты даже вычислил. Хорошо, — таким тоном, как сказал бы: «хороший щенок…» или «хороший

неверный».

Хаким прошел по кругу:

— Ты получишь хижину. Видишь этот ряд? По хижине каждому моему историку. Я в этом мире оказался отстающим, так что будешь мне помогать. На кого ты нарвался?

Этот Аль-Хаким би'Амр Алла имеет кое-что на своей стороне: он знает, как вывести человека из равновесия.

— В твоих нескольких жизнях, — добавил Хаким. — Гитлер? Ленин?

Плам покачал головой:

— Царица Билкис. Это было в мое первое воскрешение. Они с мадам Блаватской установили теткократию женщин, которые на земле прожили долгие жизни и научились не воспринимать дерзких реплик. Эта Блаватская — она ввела эту религию в действие, когда я был школьником. А… э…

— Да?

— Я прекрасно умею организовывать издание газет; это только в реальной жизни я неудачник. Хотите знать всех голливудских типов, которых я встречал на Земле? Кинозвезды. — И он продолжил: — Кларк Гэйбл, Фред Эстер, бродвейские парни.

— Царица Билкис — мифическая фигура, — заметил Хаким.

— Для мифа она была уж очень фигуристой, — ответил Плам. — Она весила больше меня на стоун или два… и чертовски настаивала, чтобы я выучил арабский. Кто еще? Соседи Билкис из-за реки нацеливали ружья на принца Фердинандо Монтесиноса, который претендовал на то, что был раньше кем-то важным. Но тут я бесполезен, я имею в виду, что не могу сказать, была ли Ровена дочерью Хорсы или Хенгиста[33].

— Ровена? — Хаким обладал даром терпения.

— Вверх по Реке шли сплетни о том, что она вышла замуж за Райдера Хаггарда, но аллах его знает, за сколько королевств от меня это случилось; где-то вдалеке царства императора Алексия. Меня убили из-за Билкис, неужели не знаете? Я пошел грудью на копье из-за того, что мое новое зрение было слишком хорошим.

Плам мчался дальше на всех парусах, раз уж ему удалось завладеть вниманием Хакима:

— Настоящий-то я был слепой, как летучая мышь. Снимал очки только перед тем, как ложиться спать. Мне нужно было, чтобы все перед

---

[33] notes: 33

Хорса и Хенгист, в 449 г. руководили первым германским вторжением в Британию.

глазами все расплывалось, не то не заснуть. Весь период перед Билкис и ее синедрионом тетушек страдал бессонницей, как никто другой. Я был пьян в драбадан, когда принц Фердинандо причалил к берегу со своей армадой.

«Вторжение!» — закричали местные. «Вторжение? Что? Где?» — я зевнул, нащупывая свою дубинку.

Черные глаза Хакима пристально впились в него, несмотря на отклонение от темы.

— Но ты, может, знаешь о Ленине, — прервал он. — И о большевистском движении? Они уже достигли полного коммунизма в твою эпоху на Земле?

Безусловно, эта резкая перемена темы означает что-то глубокомысленное, подумал Плам.

— Ленин умер… простите мою математику… лет за пятьдесят до меня. Россия продолжала отправлять и возвращать спутники. Они покупали мои книги, разве вы не знаете? Покупали их — будь здоров! Массу чертова времени я потратил, придумывая, что сделать с их рублями — потому что мои герои были идиоты-капиталисты, и им это нравилось.

— Так ты писал книги.

— Беллетристику. Музыкальные тексты. За-

бавные.

Хаким игнорировал эти слова.

— Пятьдесят лет. И дело Ленина процветало?

Это у орла есть такая привычка — клюнуть здесь, клюнуть там — и делают паузы между кусками, чтобы поразмышлять над своей добычей. У Хакима крутая внешность орла — и все время на свете в его распоряжении.

— Красные-то? Ну, в некотором смысле, поднимались по каменным ступеням из громадного количества мертвых к высоким материям. Политика не была моей стихией. Когда настало лето, человек перестает жить ужасами зимы, а я летний человек.

Хаким кивнул в ответ на эту метафору. Он заговорил с задумчивым сочувствием:

— А все эти люди в черных одеяниях — люди зимние. Это делает религия. Они мигрируют вверх и вниз по Реке, целыми неделями, потому что слышали, что их Хаким вернулся после своего исчезновения. Я должен завоевывать новые грейлстоуны, чтобы кормить их всех, а потому мои соседи меня ненавидят. Возможно, они правы. Ведь мессии — зло, разве нет?

Плам пожал плечами. За несколько часов пребывания здесь он находился под впечатлением,

что мистер Аль Хаким би'Амр Алла был богом во плоти для друзов, которые доминировали на этом участке Реки. Он был Мухаммедом современности. Такт требовал, чтобы он проявил желание проклинать этого человека в лицо.

Он размышлял — что сказать? Пока он раскидывал мозгами, Хаким оставался непроницаемым.

— Твоя хижина. Последняя в углу. Мы туда пойдем.

И они пошли. Там оказалась кровать, небольшой стол, дверь и окно. Во время участия во Второй Мировой войне у Плама бывало и похуже. Куда хуже. Учитывая нехватку зданий в районе Реки, эта бамбуковая коробочка могла сравниться с многокомнатным номером в Ритце.

Богоподобный и, вероятно, злой Хаким сделал жест — это твое, — и удалился. Плам вошел внутрь, положил свой грааль на стол и попробовал матрац. Вместе пружин были веревки, но оказалось удобно.

Личная жизнь!

Лицо Плама вытянулось. Неплохо, что досталось и такое, но Мир Реки продолжал оставаться адом. Ни бумаги, ни чернил, ни прессы. Как ему здесь функционировать? Единственное, что он делал хорошо, было ему недоступно. А за исклю-

чением этой деятельности, он полный дурак. Его роль «советника по истории» была просто дурацкой. Ни один человек, вынужденный пребывать в двадцатом столетии, не обратил меньше внимания на его особенности.

Кроме того, Хаким. Когда Плам говорил, проявлялись причуды его ума. Хаким был такой же непостоянный, как и он, но при одной ужасающей разнице: у него в мозгу была целая бездна. В перемене тем он следовал хитрому ментальному алгоритму, который губил его собеседника.

Говоря о литературе, Плам всегда находил, что дурно проникать в психологию своих отрицательных героев. Теперь же, когда он был действующим лицом рассказа, вместо того, чтобы его писать, у него появилось иное ощущение. Плам сожалел, что ему ничего неизвестно о внутренних побуждениях его автора. Он был бедным мулом Хакима, ведомым при помощи морковки и палки, но почему?

Почему Хаким намекал, что на самом деле он вовсе не выдумка, которую почитают его поклонники? Что-то не сходилось. Что здесь происходит? Через некоторое время Плам встал и вышел в «сад» — этот гигантский окруженный резиновой стеной луг для игры в крикет — чтобы проверить,

не имеют ли его сотоварищи, советники по истории, каких-либо соображений.

Он получил целые фонтаны информации. Бывший торговец галантерейными товарами из Смирны указал направо, на стену, противоположную их ряду хижин.

— За ней — женская сторона, — объяснил он. — Хаким проводит с ними гораздо больше времени. Мы — запасная команда. Он использует нас, чтобы проверять их факты. Когда Мария ему рассказывает о том, что Кемаль Ататюрк делает то-то и то-то, он рыскает кругом, чтобы убедиться в этом.

— Мария?

— Предполагается, что мы не знаем их имен, — пояснил Набух ад-Наср, который считался экспертом по политике Среднего Востока за две тысячи лет до того, как Хаким стал Имам-Халифом. Плам нашел странным, что современник Ветхого Завета должен скакать с бодростью юноши и быть таким же легкомысленным мальчиком, как боец афганского сопротивления — несмотря на свою любовь к макияжу и тщательно подведенные глаза, этот последний был экспертом по девяти военным организациям, воевавшим с советскими захватчиками.

Ни один из перечисленных выше, если по-честному, не был арабом: они были турок, аморит и патан. Но это было необходимое условие для здешнего проживания, которое они заставили себя принять, и поэтому у них были хижины, в то время как Джим Апаш вынужден был ютиться в лагере в углах, пока не станет разговорчивым. Плам повторял имя в арабском звучании, как будто бы по-английски «Мария» произносится иначе. Прежде чем он успел рассмеяться над самим собой из-за собственной глупости, Джим ответил на ломаном арабском:

— Она лучшая королева гарема. Она много говорит о Ленине.

— О Гитлере тоже, — сказал галантерейщик.

— Хаким ревнивый. Он думает — он сравняется в истории с этими двумя, — вставил юный иракский принц, убитый в какой-то стычке в 1950-е.

Плама удивила и откровенная враждебность принца, и общая свобода слова внутри этих стен, но большинство заговорщиков попали сюда тем же путем, как и он, «проехав по дешевому билету». Они были наполовину готовы и почти хотели умереть опять.

Существовали худшие виды наказания, чем смерть. Можно было услышать о королевствах,

где процветало рабство: слепых, обездоленных заморышей держали в тюремном заключении, украв у них грааль. Если бы Хакиму была нужна репутация насильника, он мог бы поступить таким же образом. Но он этого не делал. Это давало передышку. Это заставляло думать, — а не имеет ли Хаким в душе чего-то доброго — и пытаться узнать это.

Плам Вудхауз уснул, размышляя над этой проблемой и не найдя ответа. Ежедневные дожди начинались как раз перед рассветом. На завтрак дали булочку и горячий суп с вермишелью, стражники отбирали обычную таксу. Для несуществующей трубки Плама не будет никакого табака, а после — никакой пишущей машинки, которой можно было бы занять себя, никакой аудитории для последнего приключения в Замке Вежливой Обходительности. Что остается? Чего стоит такая жизнь?

В тот день, ближе к вечеру, добрый человек Хаким и его приближенные навестили мужскую сторону сада, бродя из хижины в хижину для разговоров с местными жителями. Добравшись, наконец, до Плама, мастер оккультных наук друзов разыгрывал радушного хозяина:

— Что неладно? — спросил он после того, как

Плам выразил ему благодарность за свое жилье. — Не хотел бы ты пройтись по этой стране зимнего благочестия? Я и сам чувствую себя ограниченным в пространстве, поэтому мы организуем походы и экскурсии, и пикники. Ты не должен думать, будто ты пленник.

Неужели?

— Нет, дело не в этом. Я просто… Я просто… я посвятил себя тому, чтобы писать, — ответил Плам. — Шестьдесят с лишним лет я только этим и занимался. Писать — и гулять, или заниматься борьбой теперь, когда я опять в силе. Собаки. Я любил собак. Но нет для меня ничего лучше, чем заполнять словами чистую бумагу.

Он отвернулся в сторону, волна его эмоций дошла до крайности. Он взволнованно продолжал:

— Я ни разу не видел в Мире Реки бумагу!

Хаким взял Плама за руку, как священник мог бы взять дрожащую руку горюющей вдовы, и дружески похлопал по ней.

— Я могу принести тебе бумагу! Мы делаем ее из бамбука. Я знал, что тут что-то есть. Людей ко мне присылают с некоторой целью. Вчера я не знал, для чего ты, но теперь это становится ясным.

— Аллах не послал бы тебе П.Г.Вудхауза, чтобы писать забавные рассказы, — ответил Плам. Даже

при том, что его настроение взмыло на слабых крыльях надежды, он восставал против величия концепций Хакима.

— Ты должен иметь веру! Вселенная разбита, — ответил Хаким. — Логические требования, чтобы все случайные цели соединили начало с концом в круге времени, и каждое звено этой круглой цепи, когда ты об этом подумаешь, остается тем же самым звеном, каким оно было восемьдесят биллионов лет назад. Тот же самый Хаким встречает того же П.Г.Вудхауза, но, благодаря Аллаху, предназначение этого вечного цикла циклов этого Великого Удара и падения нас не касается. Физическая вселенная треснула, и Его благодать чинит ее своими инструментами. Я не знаю ничего, кроме того, что испытываю на опыте — я сосуд этой милости. Я ей доверяю. Когда я был моложе, я использовал ее плохо, хотя милость знает путь, как сделать дурные вещи хорошими.

— Я не был уверен вчера. Ты казался дурным: насмешником. Человеком анти-друзианского характера в мире, человеком, который высмеивает верования друзов. Но теперь ты можешь доказать себе сам. Пойдем. Мы должны пошептаться.

Удалившись от своих стражников в хижину Плама, Хаким приложил палец к губам:

— Это тайна, которую ты не сможешь выдать: мои помощники убьют тебя, если заподозрят правду. Говорят, что за девятьсот лет до твоего времени я оставил Каир и бежал моих почестей и титулов. Я писал письма из того места, где прятался следующие три десятилетия. Эти письма наставляли людей в религии. Ложь, ложь! Но, естественно, мне было бы интересно прочитать их самому. Узнать, что я сказал! В День Воскрешения мы все проснулись в Мире Реки, нагие и лишенные книг, и нет у меня никакого способа процитировать себя самого.

Хаким подошел к окну, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. Через минуту он вернулся.

— Отсюда мой интерес к чернилам и бумаге. Все, что я должен сделать — все, что могу сделать, — это опубликовать столько текстов, сколько смогут здесь вспомнить те, кто старше меня. Мы все с энтузиазмом относимся к этому проекту, по разным причинам, моя — это выжить.

— Выжить? Но…

— Я знаю, я воскресну, если все, что они сделают — это убьют меня. Но подумай, что они могут сделать хуже. Подумай также: ведь я не умер ни

разу с того утра в Каире, когда «погрузился в оккультизм». Я не привык к этой идее, как ты. Но я не просто трус, который разыгрывает забияку из самозащиты: преданность этих людей дает мне поразительные возможности. То, что я тебе сказал, — правда. Если я не сумасшедший, говоря это, я — один из сосудов милосердия самого Аллаха. Для этого я рожден, и я ощутил в себе эту мощь.

Плам прочистил горло. Почему я? — подумал он про себя. Если этот парень исповедуется каждому посетителю, которого встречает в течение сорока восьми часов… Есть один шанс, что он действительно сумасшедший.

К счастью, Хаким сохранил нить разговора без активной помощи Вудхауза.

— В твоей земной жизни Аль Хаким би'Амр Алла ничего для тебя не значил. Ты никогда обо мне и не слышал до вчерашнего дня.

— Ммм… Э-э-э… Я догадываюсь…

— Мало кто обо мне слышал за пределами секты африканских друзов. Но, пока по приказу моей сестры меня не умертвили, я был Лениным своей эпохи. Я правил из Каира, а Каир был такой великий город, какой когда-либо была Византия. Более великий, чем Дамаск, более великий, чем Рим!

Будучи сосудом Бога, я ненавидел религию. Я не входил ни в какую партию — я их все ненавидел. Я разрушил Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Я уничтожил святые места пилигримов, включая и священный Хадж в Мекке и Медине. Но я управлял через моих шиитов, моих поклонников, а они были пресыщены. Христиане и евреи страдали куда больше, чем мусульмане.

Какая была польза призывать людей, приверженных Библии, к отступничеству, если они все были противниками Ислама? Мое решение состояло в том, чтобы создать новую религию — без священников и жрецов и упрощенную, так что фанатизм мог бы работать на меня, и Аллах послал мне прозелитов, чтобы выполнить эту работу. Если бы у нас было больше, чем четыре года… если бы восемь — или двадцать… — Хаким вздрогнул. — До того, как появился я, мусульмане, христиане и евреи мирно жили в моей области. Я дал прецедент угнетения, но не дожил до того, чтобы увидеть, что он выполнил свою роль как следует — это всегда было несправедливое угнетение, оно так и не стало справедливым. Годы спустя правители продолжали мучить христиан с упорным рвением. Через поколение франки ответили Первым Крестовым Походом.

На этой драматической точке Хаким сделал паузу. Плам уловил его Цель. Очевидно, этот человек нуждался в том, чтобы его обвинили — или поверили ему. Вчера он почти просил о том, чтобы его считали воплощением зла.

— Значит, это ты устроил все это.

— Весь этот вред. Бесполезное кровопролитие во имя религии, потому что я хотел сломать эти установления, а не использовать их.' Разве я не должен был прославиться через столетия за мои ошибки? Возможно, Ленин был более великим, чем я. Он преуспел там, где у меня не получилось.

Плам покачал головой:

— Вот в этом и вердикт. Не в том, как сложилась моя прежняя жизнь. Во всяком случае, ленинская религия коммунизма — не вижу, чтобы она была лучше, чем другие. Люди некоторым образом за нее умирали.

Хаким улыбнулся:

— Мне нравится, как ты оцениваешь труд. Но мы с Марией предвидели твои оговорки. Тайны внутри тайн! Это — та тайна, которую я не могу выдать. Исключительная женщина!

Он снова подошел к окну и заговорил более рассчитанным на публику голосом:

— Для тебя мои женщины не существуют. Ты никогда не будешь полезным для них по той же мерке, как мои любимцы. Ничего скандального в тебе нет. Никакой энергии, какую я мог бы взять и использовать. Я просто дам тебе бумагу и чернила и доверюсь насчет результата.

На этой ноте он удалился, только в этом однокомнатном сооружении не хватало пространства для выхода. Для выразительного отступления требуется три шага, ну, два, если там имеется дверь, которой следует драматически хлопнуть. Но Хаким на третьем шаге был уже вне помещения, говоря о чьей-то предстоящей казни.

Повестка дня у тирана была весьма заполнена делами. Плам восстановил в памяти последние десять минут и решил, что этот человек снова его достал. Одолел его. Больше всего из своих произведений он гордился вовсе не английской лирикой и не искусством рассказчика. Нет, он высоко ценил сюжеты этого Руде Голдберга, полные точных до мелочей и невероятных совпадений. Ему стоило громадных трудов собрать их вместе — это была более тяжелая работа. Гораздо легче было избавиться от многословия.

Хаким? Хаким был живым заговором. Едва ли можно удержаться от того, чтобы сочинить

историю о дервише вроде него, который вертится рядом. Это Вудхаузу не нравилось. Реальность есть реальность, а сочинительство — сочинительство, и никогда эти две категории не должны встречаться. Ему-то всегда нравились персонажи его рассказов, но нравятся ли этим персонажам их автор? Результат пришел вместе с местью, ибо Хаким имел над ним авторскую власть.

Плам взорвался. Что здесь было ценного, так это слуги, самозванцы. Вещи, знакомые каждому читателю. А как насчет любовной линии? Или наводящей ужас тетушки? Что ж, по другую сторону стены такого сколько угодно, — там, в женском саду.

Да, он мог бы что-то из этого сделать. Это могло быть своего рода терапией. Если Хаким сдержит свое обещание насчет бумаги, ГІламу удастся написать рассказ: вежливая обходительность в Мире Реки, что-нибудь, чтобы восстановить свое ощущение равновесия. Что-нибудь такое, чтобы поставить Хакима на место.

Осторожнее. Лучше всего вести тонкую игру, принимая во внимание весь этот чертов фанатизм. Актерский состав может играть в костюмах и масках. Это обстоятельство создавало хорошую проблему, и весь остаток дня и вечер Вудхауз

посвятил разработке замысла.

К утру он все добавлял подробности и хотел бы все их запомнить. Хаким и его команда снова пришли с дневным визитом.

— Люди, которые одновременно умирают — они что, воскресают в одном и том же месте? Ты слышал какие-то разговоры об этом? Любовники и тому подобное?

Плам в недоумении заморгал глазами:

— Я… я не знаю.

— Сделаем эксперимент. Набуч и Афганец могут быть любовниками где-нибудь в другом месте, с моего благословения, — голос у него дрогнул, точно у новичка, впервые севшего перед микрофоном. — Неестественных пороков здесь не терпят.

— А-а…

Плам сосредоточился, глядя на двух советников по истории, которых подвели к большому дереву. Прижали к стволу. Привязали. Если такое случается часто, немудрено, что имеются свободные хижины для вновь прибывших, как он сам.

Хаким подошел сзади и протянул ему пакет:

— Бумага, перья и чернила. Не смотри так, как будто бы это тебя огорчает.

Плам собрал драгоценные предметы и заковы-

лял в свою хижину. Он слышал удары копий. Но они не прозвучали одновременно.

Примерно в течение часа после того Вудхауз нашел, что писать невозможно. Сюжет должен был крутиться вокруг американского магната, производящего резиновые игрушки, который основал культ, объединяющий здоровье и религиозность, нечто вроде адвентизма седьмого дня. У этого парня был счастливый брат-двойник с пристрастием к алкоголю…

Оба близнеца был Хаким, хороший Хаким и плохой. Но кровь застывала в жилах у Плама при одной мысли об этом ужасном человеке, об этом водовороте противоречий. Его замерзшие жилы оттаяли только после того, как он отложил этот рассказ в долгий ящик и принялся за новый.

На каком языке писать? На арабском. Если так, рассказ должен быть коротким. Пламу не справиться как следует с пятью тысячами слов не на родном языке.

А какой алфавит использовать? Он бросил перо и стоял. Болтовня о превратностях судьбы! Ну, тогда пусть будет римское написание. Если все бывшие обитатели Земли украсят собою пейзаж в каком-нибудь месте Мира Реки, должны найтись дюжины, даже сотни, которые будут

наслаждаться хорошим арабским языком, историей, сочиненной наугад.

Он вернулся к столу и начал писать.

* * *

Пламу понадобилось много дней, чтобы набрать скорость. Даже в лучших обстоятельствах требуется неделя, чтобы написать рассказ в пять тысяч слов. Хаким Терпеливый понять этого не мог. При своем шестом посещении он похлопал по законченным Вудхаузом страницам:

— Ничего не могу разобрать в твоем дурацком шифре. Если в этом писании есть действительно какой-то смыл, прочти мне вслух, чтобы доказать.

— Я… я ужасно, — растерялся Плам. — Мне авторитеты говорили, чтобы я никогда не читал вслух.

— А ты попробуй.

Состроив гримасу, Плам взял в руки первую страницу и начал ораторствовать. Он заикался и мэкал, пропуская строчки, возвращался назад и чесал в голове.

— У-ух! — вскричал Хаким после двух минут пытки. — Давай сюда! Я знаю, что надо сделать.

Он вышел с полузаконченным произведением

Плама. Вудхауз поник от своего поражения. Да, он потерпел поражение — а почему нет? Как он только мог подумать, что будет иначе? Разве Гитлер стал бы смеяться над остротами, написанными на пиджин-немецком, переведенным на еврейский? Джентльмены вроде Ленина никогда не славились своим чувством юмора, разве не так? Хаким не составляет исключения. Хаким, который мог держать его здесь и не допускать ни к какой аудитории!

Настроение Плама сделало для него вид рабочего стола невыносимым. Он вскочил и направился в сад, обходя большие круги по его краям, поворачивая от центрального дерева. Что сделал Хаким с его злосчастной рукописью? Использовал вместо туалетной бумаги? Бросил в реку?

На каждый пятый раз он менял направление своих кругов. По часовой стрелке — против часовой стрелки — по часовой стрелке опять. Он услышал смех с женской стороны стены. На ум пришло слово «гоготание», слишком жесткое для того, чтобы вообразить гогочущую девушку. Жизнь по ту сторону стены была приятной. Светило солнце.

Может быть, если бы он распростерся орлом у ствола того дерева, какой-нибудь стражник

услужливо метнет копье в направлении его фигуры.

— Хаким обманщик! — крикнул бы он тогда, чтобы воодушевить это ничтожество. — Никогда он не сочинял ваше писание! Все это — ложь!

Ну, довольно. Плам ушел с тропы, где он весь горел в траве, лучше уж превратить себя в мишень.

Когда он подошел к дереву, появился Хаким из боковой аллеи, лицо его сияло улыбкой.

— Отлично! Потрясающе!

Он вручил Пламу его страницы и снова отбыл, человек, привыкший неожиданно уходить. Так обычно и бывает с твоей текущей критикой, подумалось Вудхаузу. Ты хочешь, чтобы они не пропустили ни одной детали отличного великолепия: эта строчка, эта шутка, это удачное выражение, — а они вместо этого только гудят.

Мир только что повернулся на сто восемьдесят градусов, можно выразиться. И Плам тоже. Он вернулся в хижину…

Девичий смех. Девичий смех над его рассказом? Значит, они там о нем знают? Кто-то знает. Как она может выглядеть?

Наверное, она здоровенная. Тот тип женщины, который ржет. Ах, нет. Там, конечно, была эта

ржущая, но почему бы не быть и еще другой женщине? Кто его знает, какова там плотность населения? Могли слышать десятки ушей. Губы лепетали: «Вудхауз. Может ли это быть тот самый? Тот Вудхауз?»

Плам был одиноким человеком, он жил в обществе созданий его собственного воображения. Уберите эту проклятую стену, и он все еще останется одиноким. Лучше уж так. Он может притворяться, будто там есть люди, которые о нем думают. Люди, которых он смог взволновать.

Нет, не надо притворяться. Он и в самом деле мог взволновать их. Он мог бы к ним попасть. Он сел за стол, воодушевленный новыми амбициями. Рассказ? Книга! И по-английски, особенно первый черновик. Довольно этой таинственной путаницы!

* * *

Когда Плам погрузился в осуществление своего грандиозного замысла, время так и помчалось вперед, с регулярными перерывами для того, чтобы в очередной раз перекусить. Он чуть ли не негодовал на эти перерывы, которые становились еще хуже из-за официальности приносившего еду человека, который никогда не забывал отбирать

табак, марихуану и алкоголь; и/или жевательную резинку-наркотик. Никакие изменения в ментальном состоянии в резиденции друзов не допускались!

Хаким навещал Плама ежедневно, а затем сделал перерыв в своих визитах, отправившись путешествовать по своим владениям. Плам продолжал усердно писать. То и дело он выходил погулять, чтобы размяться, его крупное тело настаивало на своем собственном здоровье.

Первая глава оформилась. Она останется первой главой. Первые главы других авторов становились главами двенадцатой или семнадцатой, прежде чем их книги были закончены, или в процессе работы их убирали, или основательно перерабатывали. Но не таков был метод П.Г.Вудхауза.

Он одолел главу вторую. Хаким возвратился из своего королевского путешествия. Он собрал первые густо исписанные страницы Плама и ощутил на себе остроту вудхаузовского гнева:

— Эй! Ты что это такое делаешь?

— Ты же сказал, что это уже готово. Мария хочет посмотреть.

Плам настаивал на выполнении обещаний. Хаким нахмурился и ушел.

Через несколько часов стражник возвратил страницы. Плюс трубку. Плюс пачку табаку. Повернулся и ушел. Плам сплясал вокруг своей хижины, выкурил полную трубку и вернулся к работе.

Он трудился, пока золотой вечер не потускнел и не унес свет, а тогда предпринял еще одну прогулку, радостно кивнув Джиму Апашу, галантерейщику из Смирны, и новоприбывшему, французскому алжирцу, с тлеющим негодованием по поводу всего арабского. Иракский принц величественно поклонился Пламу, когда тот проходил мимо, это не был приветственный поклон, но нечто вроде обвинения. Слух о подаренной трубке уже распространился.

Никакой дворецкий не появился с виски и содовой в девять тридцать, когда Плам отправился спать.

Его разбудило чье-то шиканье:

— Ш-ш-ш!

Кто-то был у него в хижине.

— Пожалуйста! — шепнула она. — Не шумите!

Плам начал шарить около себя, потом вспомнил, что в очках он больше не нуждается. Он заговорил с чьим-то надушенным силуэтом:

— Как вы сюда попали? Кто вы?

— Я так и знала, что это вы. Я должна была увидеть. — Она говорила на английском теплого юга, где-то между Альпами и Гангом. — Мне нравится ваш рассказ. Трубка была моей идеей.

— А-а. — Когда он полностью пришел в себя, Плам был охвачен ужасом: — Это же… вы должны вернуться назад. Это безумие! Нас за это убьют!

Тень покачала головой. Кровать Плама скрипнула, когда она села с краешку.

— Хакиму не приходит в голову, что воскрешения происходят наугад. Он подозревает в них цель. Для него каждый или опасен, или полезен. Я? Я одна из приносящих пользу. Если его алхимики смогут создать экстракт из наркотической жевательной резинки, и снова сделают из его людей детей, я должна буду их развивать некоторым образом — ради свободы? Так он говорит — добра и свободы. Он говорит, что должен устроить великое шоу из друзоизма, но в глубине души он против. Выживание! Прежде всего, он должен остаться живым здесь, где его положение уникально.

Это было точное резюме того, о чем уже говорили Пламу, но ее слова только слегка затрагивали тот факт, который лил воду на его мельницу.

— Он чертов обманщик. Никогда он не писал

их писание. Он просто с толку сбивает.

— У нас в вашем замке Вежливого обхождения всегда действовали обманщики, — напомнила женщина. — Я думаю, ему это нужно. Ему нужно попасть в аллегорию, как человеку с добрыми намерениями. Ваша книга будет взывать к новым людям, которых мы создадим. Любители ортодоксальности ее возненавидят. Вы будете громоотводом для их молний. Страна друзов будет для вас тюрьмой, но ваша книга проникнет в более широкий мир.

— Пока, с не слишком виноватым видом, Хаким не прикажет меня убить.

Посетительница покачала головой:

— Не вижу, как он сможет это осуществить. Создание племени «летних детей» посреди этой духовной зимы. Его тоже убьют. И новеньких. Но мы снова воскреснем, понимая, как воссоздать себя концентрированной эссенцией наркотика для жевания. Отношение лета к зиме ускорит наш путь.

Плам разобрал черты славного лица — хотя оно было отягощено заботой и менее красивым, чем могло быть. Она наклонилась и поцеловала его.

— Вы чистое лето — если только у вас нет какой-то тайной глубины.

Плам заколебался:

— Нет, никакой глубины нет. Я всегда избегаю глубины.

Она улыбнулась:

— Да, вы героически мелки. Вы сможете написать свою книгу? Книгу о добром самозванце Хакиме?

Плам неуклюже склонился, чтобы удобнее было похлопать лодыжку своей соблазнительницы.

— Он послал вас. Ваши ноги сухие. А сюда никак не попасть сухим. По пути — лужа. Разве только Хаким проходит так каждый раз. У него есть тайная дорога.

Женщина повела головой из стороны в сторону:

— Я никогда раньше не бывала на этой половине. Я хотела пойти. Так это было возможно. Я использовала летнюю сторону Хакима. Кроме того, с вами я в безопасности. Я сказала Хакиму, что вы не темпераментный мужчина. Любой, кто воспитывался в английской школе для мальчиков и любит борьбу и бокс — я сказала ему, что вы определенно скрытый гомосексуалист, или, возможно, педофил…

— Ну, знаете ли!

Она приложила палец к его протестующим

губам:

— Так легче. Я, видите ли, должна быть вашим издателем.

— Так вы — Мария?

— Мария Монтессори. Выдающийся мировой эксперт по детскому образованию! — Она продолжала с горькой иронией: — Если вы бесполезны в Мире Реки без бумаги, представьте себе меня без юных умов, которыми нужно руководить.

Вудхауз ощутил тепло ее тела. Рука, которой он проверял ее ноги, скользнула вверх, чтобы ощутить ее фигуру. Эта кровать, в конце концов, не так уж велика, даже если он прижмется к стенке в наполовину возбужденном состоянии.

— Ах, — сказал он. — Ах!

Она откинулась. На некоторое время наступила неразбериха: колени и локти стали тем, чем они на самом деле были.

— Почему Ленин? — недоумевал Плам после первого страстного объятия. — Зачем вся эта болтовня насчет Ленина и Гитлера?

— Они украли мои идеи о пластичности юных умов. Новый человек коммунизма. Гитлерюгенд. Получите детей достаточно рано, и вы сделаете из них все что угодно.

Поцелуй — и продолжение лекции:

— Конечно, направление у них было неверным, но концепция! Чистая доска! Коммунизм оправдал себя — или нет? Если мы опять создадим взрослых детей и обратив их в… Вы изобрели слова: «Летние люди». Это то, что нам нужно.

— Вы уверены в Хакиме? Вы ему доверяете?

Мария засмеялась:

— Я всегда могу его перехитрить, в любой день. Ведь я здесь, правда? Пусть он меня убьет. Я вернусь с моими знаниями куда-то еще и начну жить по собственному режиму. Так что я не беспокоюсь. Ну, довольно. Хватит об этом говорить. Боже, какое у тебя большое расстояние от ног до головы! И такие мягкие волосы — как у ребенка!

На следующий день Плам закончил главу вторую и предпринял прогулку. На его тропинку вышел иракский принц.

— А-а, комнатная собачка аристократа!

— Простите?

— Мне сказали — вы пишете о герцогах и графах. Высший слой. Обыкновенные люди для вас недостаточно хороши.

— Мои герцоги и графы вполне обыкновенны, — ответил Вудхауз. — На самом деле, я заодно с массами. Во всяком случае, с теми массами, которые покупают «Сатердей ивнинг пост».

— Презренные массы. Хаким их презирает. Вы не предполагаете, что он мне сказал? Он делает дурные вещи только потому, что от него их требуют. Я слыхал за свои несколько жизней, что политические деятели хнычут о таких вещах. Имели ли иные из них смелость, чтобы ожидать от своих подданных самого лучшего? Или они потворствуют худшему?

— Полагаю, и то, и другое, — пробормотал Плам.

— Да. А вы знаете, что за человек Хаким, и, тем не менее, пишете для него?

Плам покраснел:

— Я пишу то, что пишу. Любой, кто что-то в это вкладывает, — идиот. Вы бы поняли, если бы когда-нибудь читали мою ерунду.

— А вы обращались к людям по нацистскому радио во время Второй Мировой войны, чтобы они вкладывали в это значение, правильно?

Краска на лице Плама усилилась:

— Это была ошибка. Я находился в изоляции и был наивен. Не хотел, чтобы люди обо мне беспокоились. Я не знал, что мое чириканье и блеяние принесут страдания лондонцам, которых бомбят.

— Перестань ты его донимать, — сказал сзади

Джим Апаш.

Принц ухмыльнулся:

— Я слышу голос Хакимова индийского скаута. Того, кто бегает на свободе и выслеживает уклоняющихся от работы по сломанным прутикам. А твой арабский усовершенствовался.

— Не давай ему тебя задевать, — сказал Джим, обращаясь к Пламу, игнорируя разгневанного иракца.

— Спасибо. Постараюсь.

— Потому что, когда мы здесь начинаем драки, иногда стражники казнят всех замешанных. Я видел такое.

Плам состроил гримасу, но, дурные новости или нет, а готовность Джима помочь была вознаграждена.

— Ты куришь? Не разделишь ли со мной трубочку?

Улыбкой Джим выразил согласие. Оказавшись в хижине, вдали от ушей принца, Плам спросил:

— Э, так об этом сломанном прутике…

— Это про то, что Мария ночью здесь была? Ничего об этом не знаю. Есть там такой камень, который поворачивается, но я и о нем ничего не знаю. Третий слева, по ту сторону от лужи.

Плам пыхнул трубкой и посмотрел поверх нее.

— Я твой должник. Что до этой женщины — понимаешь, я изучаю архетипы. Тиран, вампир и дурак. Издатель, редактор и писатель. Разницы нет — Нью-Йорк или Лондон. Бандиты Двойного Дня не мечут копья с таким воодушевлением, но надо делать поправку на местные обычаи. — Плам вздохнул. — Может быть, я здесь не останусь. Наш иракский друг, кажется, настроился на то, чтобы совершить еще одно «дешевое путешествие». Я мог бы ускорить путь для нас обоих.

Джим улыбнулся, его смуглое лицо расплылось в дыму.

— Копьеметатели Хакима практиковались. Они достигли хороших результатов. Если правду говорят о людях, убитых в одно и то же время, вы с ним можете кончить тем, что воскреснете бок о бок.

— Не хочу этого, — Плам рассмеялся.

Он сделал еще одну затяжку и передал трубку. Через пять минут окрашенных никотином размышлений Апаш кивнул и вышел. Плам повернулся к бумаге и начал главу третью.

* * *

Четвертая глава обретала форму. Жулик Ван Дорп вышел из спальни с дохлым котом под прокуренной курткой и налетел на свою служанку. Как раз в этот момент в хижину Плама вторгся целый отряд рабочего персонала, вынесли его кровать и начали устраивать другую, побольше, «потому что ведь вы такой высокий».

Эта кровать была длиннее и шире. Ночью Мария опять посетила его и ушла через два часа, унося главы с первой по третью.

— Вот увидишь, — шепнула она. — Железное дерево подходит. Мы режем его для нашего печатного станка. Это будет выглядеть потрясающе.

Плам проинструктировал ее в издательском деле:

— Сначала ты вдоволь порезвишься на полях рукописи. Потом я буду переписывать. Потом ваша сторона сделает набор и выпускает первую корректуру. Я смотрю, негодую и исправляю все вкравшиеся ошибки. И только после этого выпускается тираж.

— В мое время я была писателем, — заверила его Мария. — Не волнуйся. Я знаю это дело.

Она ушла. Плам услышал знакомое хихиканье

иракского принца под самой его дверью.

— Эй, стра-а-а-жа! Смотрите, что у нас здесь творится — ха-ха!

Тишина. Плам высунул голову и увидел, что кто-то убегает по траве. Он почесал в затылке. Разве Мария Монтессори в прежние времена не была пацифисткой? Вот она, здесь, удирает в крайней спешке…

— Ха-ха!

Какая-то другая фигура нанесла удар, второй — из-за кустов — и снова скрылась. Иракский принц немного похныкал, а Плам отступил, чтобы дать ночи скрыть свои секреты. В садах Хакима это всегда оказывалось самой мудрой тактикой.

Плама беспокоило открытие, что убийства больше не вторгались в его работу. В его сон — да, но, несмотря на бессонницу, он ввел преподобного Панкрофта в главу шестую, и неважно, что он должен был умчаться из бедного дома во Франции. Уличный мальчишка Тоби Уинкельман напал на кухарку, которая уволилась в день важного обеда…

У Марии Монтессори оказалась легкая рука. На третье свое посещение она шепнула насчет «Сиджилл, журнала, номер один, с местными известиями, обозрением, краткой проповедью

о славе Хакима» — и о книге Вудхауза, которая будет печататься с продолжением.

— Мы пошлем его вверх и вниз по Реке на малагасийском, на растафарийском, на фригийском, шангском, английском, эсперанто и французском. Хакиму нужна пища для его орд. Он будет распространять подписку среди соседей, плата продуктами, или мы на них нападем.

— Издатель-тиран! — вздохнул Плам. — Неужели ты не написала статей за мир? Разве ты не поддерживала пацифистские конференции перед Второй Мировой войной?

— Да. И, если я смогу сделать эту работу, у нас будет мир, — ответила Мария Монтессори.

Через несколько дней стражник вручил еще порцию табака и корректуру страниц Плама, «которые вот-вот будут напечатаны». Вероятно, потому что Фатима, корректор, плохо знала английский, она совсем не правила важную прозу Вудхауза. Все ошибки были по части запятых, заглавных букв и кавычек. Плам их исправил и перенес все внимание на главу восьмую. Добрый старый «жулик» спрятался на балконе, у него не было никаких путей к спасению, только по водосточной трубе…

Для жулика все обернулось еще хуже, полное

унижение приближалось для него в главе двенадцатой. Появились новые советники по истории и стали соседями Вудхауза. «Сиджилл» выходил на деревянном печатном станке. Каботажные суда Хакима ходили на восток и на запад, добывая выгоду из подслащенной религии, в которую оккультный мастер, по его словам, не верил.

Молчание. А где же восторженные отзывы, адресованные редактору? Пресс-конференции? Литературные обеды? Согласно слухам, на дальней стороне планеты были открыты месторождения металла величиной с холм. Антиподы употребляли его, чтобы делать пароходы и радиоустановки.

Дело отправки журнала за пределы границ облегчалось в результате подобных сплетен: иммигранты друзы подтверждали разговоры о металлическом пароходе, «приближающемся в эту сторону»!

Ничего из них не попало во второй номер. «Институт» Марии завоевал шесть колонок славы, похвалы и почестей, весьма слегка коснувшись фактов: экстракт из каучуковых наркотиков улучшил ментальность немногих детей нескольких опытных подчиненных, дети лепетали и бегали по идеальной классной комнате, которую

она им оборудовала.

Хорошие новости заключалась в том, что самые мощные из наркотиков оказывали постоянное воздействие на «зимние» личности. А дурные новости? Они превращали их в животных.

— Я должна обнаружить в них души, — сказала Мария Пламу во время следующего ночного визита. — У меня еще есть надежда. В один прекрасный день, когда они овладеют речью, мы сможем понять, что мы делали неправильно. Как мы нанесли им травмы. Они смогли бы нам рассказать.

— А что говорит Хаким? — спросил Плам.

Мария вздохнула:

— Я должна исправить свою ошибку, или — она может обернуться злом. Я потеряла влияние. Он ведь политик. Это дело о летних и зимних людях — на некоторое время он принял эту идею как свою собственную, но…

— Он пустился в рискованное предприятие, да? А теперь хочет прекратить свои потери?

Она покачала головой:

— Пока еще не совсем так. — Ее глаза наполнились слезами: — Разве я не заслуживаю, чтобы он действительно наказал меня? Но ведь создатели этого мира не снабдили нас экспериментальным

материалом — животными. Что мы еще могли сделать?

— Шшш, я слышу голоса. Люди так кричат.

— Боже! — Мария стала шарить по краю кровати в поисках своей одежды.

— Живо. Прячься. Я посмотрю, что происходит.

Пароход из металла идет скоро. Делая двадцать миль в час, «Потемкин» обгонял все, что встречал на пути. Он шел чуть ли не быстрее слухов о нем. Ни один человек во владениях Хакима не думал о возможности такой скорости, пока огни его иллюминаторов не засверкали на Реке. Вырванный из постели какой-то женщины с женской половины, Хаким вызвал милицию. Вооруженные и бдительные граждане столпились на берегу. «Потемкин» скользил совсем рядом, его имя начертано такими символами, которые могли прочесть немногие друзы. Влево долина сужалась, и могучее чудовище пыхтело, переходя на следующий свой режим.

Сгустились тучи как предвестник дождя, и все же гудящее население не возвращалось в постели. В мужском саду консультанты по истории и стражники собирались в кучки и взволнованно переговаривались. Плам вошел в дом и объявил Марии дурную весть. Как ей незамеченной вы-

скользнуть отсюда?

Для этих тайных рандеву кто-то снабдил ее мужской одеждой.

— Я похожа на мужчину? — нервно спросила она, хорошенько закутавшись. — Пойду к выходу выпрямившись, как будто у меня в заднице кочерга.

Плам поморщился. В качестве мужчины она выглядела крайне неубедительно.

— Подожди минутку. Я создам прикрытие. — Он выбежал из хижины. — Джим, Джим! Давай подеремся!

— Что-о? — устав от ночной драмы, Апаш вернулся к своему отдыху под деревом и закутался в одеяло. Он приподнялся на одном локте.

Плам опустился на колени и толкнул его плечом.

— Ты, чертов краснокожий! Я твой скальп сниму!

— Эй!

— Покричи еще! Вот так!

Джим ударил Вудхауза справа. Он встал. Плам тоже встал, заревел и напал снова.

Джим пнул его ногой. Плам ухватил его за ногу и заплясал на одном месте. Группа стражников бросилась к ним:

— А ну, прекратите! Что это вы затеяли?

Плам отпустил ногу Джима и встал на четвереньки, заскакал лягушкой:

— Наступил апрель с дождями, — заорал он что есть силы, сверкая безумными глазами. — Спрячемся в глубокой яме!

— Хочешь быть убитым? — заорал Джим. — Ты что, спятил?

Ну, теперь Мария уже ушла. Плам поднялся и отряхнул пыль.

— Извини. Я что-то разволновался. Теперь мне лучше.

Стражники буркнули:

— Иди-ка в свою хижину!

Плам кротко подчинился.

На другой день Хаким оказался слишком занят, чтобы проверить безумие Плама. Копьеносец пришел за корректурой третьего номера, он унес листы за запретную черту. Следующий номер журнала приходилось выпускать в поспешности, он содержал проповедь Хаким о ночном приходе «Потемкина» и о том, что это значит.

Вообще, соседние королевства могли и обидеться. Они должны были меньше бояться друзов после того, как увидели, что их техника отстает. Теперь следовало проповедовать им снова мир-

ное состояние умов.

Снова торговцы отправились на охоту и вернулись с новостями. «Потемкин» прервал свое долгое путешествие в конце Реки. Растафарийцы развлекают матросов парохода на своих берегах в нижнем течении.

Хорошей новостью было то, что журнал пользовался большим спросом как у русских, так и у жителей Ямайки, так что добытчики вернулись нагруженные продуктами. Самый медленный дошел до дому как раз перед самым появлением огней: несколько часов тому назад «Потемкин» бросил якорь и прервал свой курс.

С мостика парохода закричал офицер, сначала на эсперанто, потом на английском:

— Доставьте нам П.Г.Вудхауза!

Такова была изоляция Плама, что первый намек на это появился тогда, когда садовую стражу удвоили. Это место кишело копьеносцами.

— Я мог бы выйти к ним, — заявил Плам генералитету друзов, который взглянул на него в негодовании. — Я бы не хотел, чтобы была какая-то борьба. Не ради себя. Джим, что происходит?

Джим протолкался к нему, вернувшись с какой-то экскурсии по дворцу.

— Хаким окопался. Он упрям.

Ясно, что Апаш имел еще что-то сказать.

— Ну? — торопил его Плам.

— Ты заложник. Хаким тебя убьет, если они нападут. Он им так сказал.

— Черт!

У входа в сад завязалась какая-то суматоха.

— Пропустите меня! — потребовала Мария королевским тоном. — Я иду от Хакима.

Плам рванулся к ней:

— Что…?

— Эти, с Ямайки, — она просто захлебывалась. — Они вынудили к этому русских. Ты только cause celebre[34]? Нечто, что сделает войну популярной. У тебя есть поклонники среди русской команды, которые считают, что ты и есть то, из-за чего весь сыр-бор разгорелся, и поэтому они сделают все. Я знаю правду, и Хаким тоже. Этот ультиматум — только для того, чтобы унизить друзов, но что он может сделать? Копья против ружей!

— Предполагается, что я должен сочувствовать забияке? — недоверчиво спросил Плам. — Он угрожал…

— Знаю. Он всю душу продал за власть. Теперь

---

[34] notes: 34
Громкое дело *(франц.).*

для него нет ничего слишком низкого. — Мария Монтессори развязала узел и сбросила одежду. Обнаженная, она подошла слишком близко. — Поцелуй меня. Мы умрем вместе.

— Какого черта!

Это оказалось последней соломинкой для разъяренных стражников. На дальней стороне каменной стены загрохотала большая пушка. На этой стороне стражники потащили Плама и Марию к стволу дерева.

— Убить насмешников! Это все их рук дело!

— Мы попытаемся снова — вместе! — закричала Мария.

— Другую смешную книгу!

Орудие снова бухнуло. Каменные стены в тронном зале Хакима задрожали. Одновременно полетели копья в саду оккультного мастера.

— И вот — мы здесь, — объяснил Плам президенту республики Пароландо Файрбрассу. — Я никогда не слышал об этих «одновременных воскрешениях». А вы?

Файрбрасс покачал своей крупной головой.

— Это желание Хакима. Но всегда бывает первый раз, — заключил Плам.

Мария налила себе еще бокал вина и уютно устроилась на стуле возле камина.

— Эти снабженцы — таинственные незнакомцы. Агенты. Боги за занавесом, которые шныряют вокруг нас, как шпионы. Пароландо полон слухов. — Она посмотрела на Плама.

— А что ты думаешь о своем друге Джиме?

— О Джиме?

— Кто еще мог бы устроить нам такое уникальное «дешевое путешествие»? Сам Хаким?

— Хаким! Что мне делать с этим человеком? — спросил президент Файрбрасс. — Он действует как совершенный негодяй.

Глаза Плама расширились:

— Джим? Да! Может быть, в конце концов, это и был Джим! Я помню, как говорил ему: тиран, вампир, дурак. Издатель, редактор, писатель. Зачем бы еще посылать нас троих возродиться в величайшей литературной Мекке Мира Реки?

Мария поставила свой бокал:

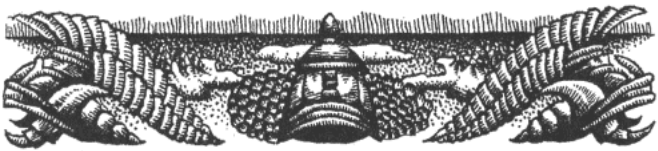
— Ты гораздо лучше сойдешь за издателя, чем Хаким.

— Я тоже так думаю, — просиял Плам. — Я могу заставить мои сюжеты работать гораздо лучшее вообще без всяких злодеев. Почему бы реальной жизни не быть сюжетом?

— Пью за это! — Мария, Плам и президент Файрбрасс подняли бокалы, произнеся послед-

ний тост.

Гарри Тертлдав
Два вора[35]



Алексей Комнин скрестил руки на груди.

— Вы слышали мои требования, — сказал он по-арабски, на единственном языке, на котором могли объясняться он и соседи Нового Константинополя вниз по Реке. — Выполните их — или столкнетесь с последствиями.

— Вы неверные. Мы не намерены вам уступать.

Идрис Алума был представителем султана борну в Новом Константинополе. Высокий, худощавый и черноволосый, он возвышался над Алексеем. Чтобы выразить презрение, он сплюнул к ногам басилевса.

---

[35] notes: 35

TWO THIEVES by Harry Turtledove
Copyright © 1992 by Harry Turtldove

Солдаты Алексея зароптали и угрожающе потрясли копьями с кремниевыми наконечниками. Алексей воздел руку.

— Пусть язычник удалится с миром. Довольно скоро он пробудится, нагой и лысый, где-нибудь у Реки далеко отсюда. — Он произнес это по-гречески, на языке, на котором его люди говорили между собой, а затем перевел для Идриса Алумы.

Большой темнокожий человек с презрением рассмеялся.

— Может быть, тебя извлекли из ада, чтобы поселить рядом с нами здесь на Реке, христианский пес, но тебя, а не кого-то иного, обратит в бегство Аллах, когда встретятся наши воинства. — Он повернулся на пятках и удалился в направлении отрезка Речного берега, где жители повиновались султану борну Мусе ар-Рахману.

Алексей наблюдал за ним, мысленно спрашивая себя, а не следовало ли дать солдатам возможность отвести душу. И тряхнул головой, ответив себе «нет»; он поступил правильно. Если бы Идрис Алума не вернулся в город борну, Муса отомстил бы, замучив Михаила Палеолога до смерти с последующим возрождением в иных краях. Алексей Комнин ничего не имел против убийства, но убийство без цели — это глупость и

пустая трата сил.

Он повернулся к своему брату Исааку, который стоял, как обычно, по правую руку от него. Эти двое были почти близнецы, особенно с тех пор, как возвратились к жизни на берегу Реки в одном и том же юном возрасте. Оба они были чуть ниже среднего роста, но крепкие и мускулистые. У обоих — узкие лисьи мордочки с широкими лбами; оба смуглые и черноволосые. Исаак чуть посветлей Алексея. Но лучше всего вы отличили бы одного от другого, если бы заметили, что черты Исаака более открытые и дружелюбные, чем алексеевы. Алексей правил во время своей достопамятной жизни; Исаак лишь помогал ему.

— Будет война, — сказал Алексей.

— Судя по всему, да, — согласился Исаак. — И война не из легких.

— Нет, — хмурь на лице Алексея была черной, точно борода, которую он больше не мог отпустить. Временами его раздражало, что без бороды он выглядит, как евнух. — Почему мы воскрешены рядом с этими грязными мусульманами? — Будь он менее благочестив, он поразился бы милости Божией. Вверх по течению от Нового Константинополя обитали краснокожие язычники, который хотели одного: чтобы их не

беспокоили. И, поскольку с другой стороны располагались владения борну, басилевс счастлив был сделать им одолжение. Исаак сказал:

— Они неверные, но они отважны. Если мы встретимся с ними в открытом бою, мы потеряем множество наших лучших воинов, тех, без кого нам не обойтись. А это означает, что если кто-либо на этом участке Реки преуспеет в объединении нескольких маленьких государств под своей рукой, мы окажемся под угрозой.

— Знаю. — Алексей опять нахмурился. Это его целью было господствовать над здешним участком Реки. Опираясь на ромейское большинство, он успешно подчинил себе меньшее по численности сообщество земледельцев из Египта Птолемея III. Как только египтяне приняли христианство, они стали такими же добрыми подданными, как и его народ — возможно, и лучше, ибо их верность была прочнее. Некоторые из них говорили по-гречески до воскрешения; а теперь греческим владели все.

— Войны ждать недолго, — предупредил брата Исаак.

— Если мы не начнем ее по-своему, Муса ар-Рахман развяжет ее так, как сам считает нужным, ибо он любит нас не больше, чем мы его.

— Это я также знаю, — ноздри Алексея раздулись, и он сделал долгий глубокий вздох. Он тут же вздохнул, выпуская воздух. Ему не хотелось говорить то, что требовалось сказать дольше. — И войну начнем мы, брат мой. Но прежде, чем начнем, я намерен отправиться в Шайтаун.

Кустистые брови Исаака взлетели до линии волос.

— Ты хочешь снестись с этими… с послерожденными?

Ни в одном греческом словаре не содержалось слова «опистапнропой» — люди, пришедшие после; население Нового Константинополя изобрело это словцо для обозначения обитателей Реки, которые жили на Земле много столетий спустя после их времени.

— Ведает Бог и святые, что я не питаю к ним любви, — признался Алексей. Послерожденных отличала слабость в вере; что делало их ненадежными, и тяга к оккультизму, что представляло опасность. Алексей еще раз вздохнул. — Но они соседствуют с борну с другой стороны. Если удастся привлечь их на свою сторону, язычники падут, точно созревшие колосья в пору сбора урожая.

— Давай удостоверимся, что жатва будет нашей, а не людей из Шайтауна, — предостерег

Исаак. Наконец Алексей нашел в их беседе нечто забавное.

— Брат мой, я был басилевсом ромеев тридцать семь лет. Кто-нибудь хоть однажды перехитрил меня за все годы моего правления?

Исаак не ответил. Алексей знал, что ему нечего ответить. Алексей одолел мятежников из числа своего народа, турок, печенегов и норман; он даже преподал урок западным варварам, которые называли себя крестоносцами и забрал у них для ромеев большую часть земель, которые они отвоевали у сельджуков в Анатолии. Возможно, кто-то у бесконечной Реки и превосходил его хитростью, но он сомневался.

И словно прочитав эту хвастливую мысль в его уме, Исаак заметил:

— Тем не менее, будь осторожен. Шайтаунский басилевс не дурак.

— И это истинно. Хотя, он не именует себя Императором. Он не франк, но пользуется одним из их титулов, и называет себя мэром.

— Хотел бы я знать, почему, — протянул Исаак.

— А кто знает, почему послерожденные ведут себя так, а не иначе? — ответил Алексей. — Их обычаи еще непонятней, чем обычаи франков, и ты знаешь, каково мне об этом говорить.

Никаких франков не оказалось поблизости от них у Реки, за что Алексей благодарил Бога. Немытые невежественные, дурнопахнущие грубые дикари, которые имели любезное обыкновение убивать любого, кто оказывался у них на пути. Император потер голый подбородок.

— Так о чем шла речь? А, да, о послерожденных из Шайтауна. Ты знаешь, они выбрали своего мэра не за храбрость, не по рождению и не в силу каких-то разумных причин. Нет, они велели всем, кто желал ими править, произносить речи, а затем выбирали из них одного, поднимая руки, мужчины и женщины, все вместе. Демократия. Так они это называют. Если ты спросишь меня, я скажу, что это чушь.

— Демократия, — Исаак сплюнул в грязь. На том греческом, на котором беседовали два Комнина, это слово означало «власть толпы». Как указывал Алексей, это казалось бредовым способом управлять государством, но Шайтаун процветал. Исаак добавил:

— Тебе действительно нужно отправиться туда самому?

— А кого бы ты предложил послать? — отпарировал Алексей. — Единственные двое, кому я доверил бы такое дело — ты и Михаил Палеолог.

Если я вытащу Михаила из города борну, Муса, несомненно, догадается, какова моя цель. А ты, брат мой, лучше как солдат, нежели как посол. Не хочу проявлять к тебе неуважения, но, если ты станешь иметь дело с их мэром, он тебя проглотит, а твоими косточками почистит зубы.

Поскольку это было правдой, Исаак только и мог, что с укором взглянуть на брата. Он сказал:

— Как ты хотя бы предполагаешь добраться до Шайтауна? Ты отпустил Идриса Алому, и черные мусульмане вот-вот узнают, какие предстоят неприятности. И Муса ар-Рахман тоже не дурак. Он будет ждать, что ты попытаешься ударить его в спину подобным образом. Будь я на его месте, я держал бы на Реке плоты день и ночь. Ты хочешь, чтобы тебя выудили и стали пытать, затем дали время выздороветь, а затем снова подвергли пыткам — и так до конца твоих дней, год за годом?

— Хочу ли я этого? Конечно, нет. Но мне нужно попасть в Шайтаун, и не думаю, что я мог бы сойти за истинного подданного Мусы, чтобы пробираться через его владения. — Алексей рассмеялся. Исаак тоже, хотя больше в тон брату, нежели веселясь. Черные из племени Мусы ар-Рахмана составляли около двух третей народа борну. Большинство остальных были невысокими,

золотокожими, плосколицыми и узкоглазыми. Надежды, что Алексей успешно сойдет за представителя тех или других, в сущности, не было.

— Отлично. Значит, придется плыть по Реке, но мне это тоже не нравится, — сказал Исаак. Алексей рассмеялся.

— Вот ты каков, кесарь византийского басилевса; если я пропаду, ты станешь императором. И все-таки, ты предупреждаешь меня. Что ты за брат, а? — Он знал, каков ответ: верный брат. Верный брат, особенно среди изменников-ромеев, дороже рубина. Это Алексей тоже знал. Он с искренней теплотой хлопнул Исаака по спине.

— Между прочим, у меня есть мысль…

* * *

Буря улеглась незадолго до зари. Река бежала меж берегов, вздувшаяся и колышущаяся. По течению плыл всякий мусор: стволы деревьев, стебли бамбука, обломки разрушенных хижин, разметанных суденышек и плотов.

Исаак Комнин хихикнул.

— Если бы мусульмане вышли нынче ночью высматривать тебя, кое-кто из них утонул бы, и мы бы встретили несколькими меньше, когда пробил бы час.

— Что верно, то верно, — отозвался Алексей. — Я… — Его слова прервал утренний грохот грейлстоунов. Ослепительный синий огонь взметнулся в воздух на высоту в три человеческих роста. Когда он угас, население Нового Константинополя толпой подалось вперед, взглянуть, что сегодня окажется в Граалях. Алексей взял свой с не меньшим любопытством, нежели остальные. Открыл державшуюся на петлях крышку и улыбнулся, когда густой аромат защекотал его ноздри. Черный хлеб, мед, овсянка с большими кусками моллюсков и тунца, легкий кувшинчик вина и набор курительных палочек, которыми его народ, преимущественно торговал с теми, кто ими увлекался. И…

— Воспламенитель! — радостно воскликнул он. Его грааль принес лишь горсточку таких с момента воскрешения.

— Хороший знак, — согласился брат.

— Больше, чем знак, — ответил Алексей. — Это еще и доброе оружие. Сегодня вечером я возьму его вместе с ножом. Если борну обнаружат меня, я спалю язык любого, прежде чем он криком предупредит остальных. — То была бравада, и он знал это. И все же новая вещь придавала уверенности, не появись она, он бы и не подумал, что

она может пригодиться в пути.

Остаток дня он провел, обсуждая свои планы, пока его не затошнило от них, а Исаака еще пуще. Большая часть того, о чем они переговорили, имела отношение к событиям, которые вряд ли произойдут. Но Алексей в своей жизни на Земле видел достаточно маловероятных происшествий, чтобы полагать, что хотя бы некоторые из них вдруг да и стрясутся: и, как правило, те, о которых вообще не подумаешь. Он был из людей, которые как можно меньше предоставляют случаю.

Солнце в красочном великолепии село за горы на западе. Когда сумерки сгустились, становясь ночью, Алексей спустился к Реке. Там его ждала команда во главе с братом. Когда они принялись простираться перед ним ниц, он взмахнул рукой, давая понять, что этого не нужно.

— У нас нынче ночью много дела, друзья мои.

Он сдернул красновато-пурпурный набедренник — цвета, какой в Новом Константинополе дозволялось носить только ему (любые куски ткани этого цвета, появлявшиеся в Граалях, либо приберегались для него, либо использовались для внешней торговли). Теперь же император заменил его несколькими темно-синими длинными полосами ткани, так что остались видны

только голова, ладони и стопы.

Ухая и ругаясь, все сообща спихнули в Реку большой тис. Последний канат из травянистого волокна, присоединенный к дереву, не был обрублен, чтобы дерево не унесло течением. Исаак Комнин шлепнул Алексея по спине.

— Отправляйся с Богом, и пусть Он доставит тебя домой целым и невредимым.

— Ты так говоришь просто потому, что не хочешь обременять себя властью, — заметил Алексей.

Исаак рассмеялся.

— Истинная правда, брат мой. Тростник не забыл?

— Здесь. — Алексей показал ему растение около двух локтей в длину. Это был, собственно, не тростник, который он срезал бы на Земле, а тонкий побег бамбука с продолбленными перемычками. Но он годился.

Алексей соскользнул в воду. Прохладная, но не ледяная. Басилевс ухватился за корень, волочившийся позади тиса. По команде Исаака один из его людей острым куском кремня перерезал последний канат. Тис медленно тронулся вниз по Реке. Берега заскользили мимо. Поселения в Новом Константинополе сосредоточились вокруг

грейлстоунов. Как только грейлстоун, от которого он заряжал свой грааль, скрылся позади, все вокруг поглотила тьма — и так продолжалось почти милю. Алексей бросил взгляд на дальний берег Реки. Там горело даже еще меньше огней; обширный участок того берега населяли охотники и собиратели, еще более дикие, чем кочевники-печенеги. Они даже не отличались достаточной свирепостью, чтобы стать достойными союзниками против борну; если бы да, то Алексей попытался бы с ними поладить. Что-то куснуло его за ногу. Он дернулся и замолотил ногами по воде. Кар кун испустил скорбный зов, который дал имя этой рыбе, и со всплеском пропал. Они были трусишками и питались отбросами, и самих их не стоило есть, если находилось что получше. Алексей радовался, что избавился от этой дряни.

Могло оказаться похуже. К нему могла подплыть Рыба-Дракон. Обычно эти твари не нападали на лодки и людей на Реке. А если и да, пострадавшие обычно возрождались на другом отрезке Реки.

Еще один грааль, еще один ромейский городок. Его назвали Фессалоники в честь второго города империи Алексея. Жители развели костер. Алексей видел пляшущих вокруг огня мужчин

и женщин. Музыка черепаховых лир и высокие голоса едва долетали до его ушей. Он улыбнулся. Уж лучше бы ему теперь плясать у костра, чем плыть по Реке во мраке.

Посреди следующего отрезка в полной темнотище еще один каркун, фыркая, подплыл к Алексею, надеясь, вне сомнений, что это мертвая туша. Басилевс ударил рыбу кулаком. Она ущипнула его за ногу, прежде чем бежать. Он надеялся, что нога не закровоточила. Кровь в воде привлекла бы Рыбу-Дракона куда вернее, чем что-либо еще.

Последним городом ромеев перед границей с борну была Никея. На границе полыхало несколько ярких костров: подразделение ромеев несло дозор, следя за неверными. Менее чем в полутора сотнях шагов стоял пограничный дозор черных, равный по численности дозору Алексея. Борну скакали вокруг костров под бой барабанов из бамбука с покрытиями из шкур красной рыбы. Они потрясали копьями с кремневыми наконечникам и выкрикивали угрозы ромеям через границу. Большинство ромеев и, пожалуй, к счастью, их не понимало.

Алексей поглядел вперед. И очень скоро заметил на Реке факелы. Борну, как он узнал после самого своего воскресения, происходили из

пустынных областей Африки; они были непривычны к воде. Но они также не отличались глупостью и понимали, что если Новый Константинополь пожелает снестись с Шайтауном, Река — естественный путь для посланцев.

Басилевс нырнул и поплыл дальше под водой. Он попытался убраться как можно дальше под тисовый ствол. Лишь верхушка полого бамбука выдавалась над поверхностью воды. Другой конец путник держал во рту. И дышал через бамбук, глубоко, медленно и размеренно. Трактат по военному делу, созданный за сотни лет до его эпохи, который он однажды прочел, сообщал, как славяне использовали этот прием, чтобы их не заметили ромеи. А теперь, как ему подумалось, басилевс ромеев оборачивает его против варваров. Глаза он оставил открытыми, хотя вода вокруг была черной, как тушь. Затем сквозь непрестанно колеблющееся зеркало поверхности он увидел полыханье факелов. Он знал, что борну с факелами пристально вглядываются в Реку. И если приметят его бледную кожу, несмотря на темные ткани, в которые он завернулся, если, волей недоброго случая, они разглядят конец его дыхательной трубки и поймут, что это… Если случится одно или другое, басилевсом станет

Исаак. Алексей только надеялся, что борну, в конечном счете убьют его, а не станут пытать почти до смерти, чтобы потом дать оклематься, и опять все сначала.

Свет факелов потускнел и пропал, по мере того, как дерево плыло все дальше. Алексей испустил вздох облегчения через свой полый бамбук. Еще некоторое время он оставался под водой, дабы всплеск при выходе на поверхность не выдал его врагам. Но довольно скоро потребовалось выставить голову. Нужно было наблюдать за землями, мимо которых текла Река, чтобы знать, когда он минует владения борну и попадет в область Шайтауна. Следовало также высматривать на Реке плоты и лодки. Он не удовольствовался одной цепью дозоров, будь он Муса ар-Рахман, а он не смел предположить, будто султан менее осторожен, нежели он сам.

Разумеется, ему понадобилось погрузиться и дышать через трубочку еще два раза. Но люди борну, очевидно, не нашли ничего подозрительного в дереве, плывущем вниз по течению после бури. Хотя, казалось, один из их факелов реял прямо над его головой, они ни разу не пошарили в воде копьями.

После третьего ряда плотов на Реке не оказалось

никаких сторожевых мусульманских постов. Алексей проплывал мимо одного их поселения за другим. Он устал и начал замерзать оттого, что так долго находится в воде, но охотно выносил и усталость, и холод ради выигрыша, который могло ему дать путешествие.

Борну, как ему представилось, укрепили свою границу с Шайтауном еще основательней, чем границу с Новым Константинополем. Палисад из бамбука и дерева бежал от Реки к непроходимым горам, ограничивавшим с суши каждую область.

Вскоре после того, как Алексей миновал палисад, он оторвался от тиса и стал грести к берегу. Бамбуковую трубочку он сохранил: кто мог бы предвидеть, когда она опять ему пригодится.

Он с всплеском выбрался на берег. Часовые Шайтауна были бдительны: едва он успел вылезти из воды, как кто-то окликнул его:

— Эй! Кто ты и какого дьявола тут делаешь?

Это он разобрать сумел, хотя очень мало понимал на их языке. Жители владений Мэра называли свой язык английским, но он едва ли напоминал язык, которому император научился у англов и саксов из своей Варяжской Гвардии — тех, что покинули Англию после того, как ее прибрал к рукам Вильгельм Завоеватель. Алек-

сей, которому довелось иметь дело с Робером Гискаром и его сыном Богему ном, тоже не жаловал норманнов.

Он ответил на диалекте послерожденных англов, как можно старательнее:

— Я Алексей Комнин, басилевс Нового Константинополя. Я хочу видеть вашего Мэра.

— Что такое? — Последовало резкое восклицание; ничего для Алексея не значащее. — Проклятие! Возможно, это ты и есть. — И часовой закричал громче. — Эй, Фред, Лу, сюда! И пусть один встанет здесь вместо меня, ладно? Этот тип говорит, что он Алексей с верховьев, и что он хочет видеть мэра Далея. Мне надо отвести его к Йвочести.

Подошел то ли Фред, то ли Лу. Кто бы он ни был, он нес факел.

— Ага, это Алексей, порядок… Я его уже однажды видел. Лады, Пит, ты его обнаружил, тебе его, стало быть, и вести. Будет проситься к нам, это наверняка.

Алексей уловил смысл сказанного только отчасти, но понял, что Пит препроводит его к мэру. И пошел в ногу с шайтаунским часовым. Всю дорогу до обиталища мэра Далея Пит забрасывал его вопросами. Почему ему нужно видеть мэра?

Имеет это отношение к борну? Если нет, то о чем пойдет речь? Алексей счел бы такое любопытство несносным в одной из своих подданных. Но обитатели Шайтауна слыли равно привыкшими вольно говорить со своими вышестоящими и любителями до невозможности совать повсюду нос. Алексей нашел благоразумным прикинуться, будто владеет английским хуже, чем на самом деле.

Мэр обитал во дворце недурных размеров. Алексей счел явной причудой такое изобилие окон, выходящих на улицу. В Новом Константинополе, как и в утраченной имперской столице, принято было строить дома с окнами, выходящими во внутренний двор. Но дворец окружало достаточно стражей, чтобы воровство было легким делом.

Пит переговорил с часовым у дверей, слишком быстро, чтобы Алексей что-то понял. Затем обернулся и сказал:

— Ты не прочь подождать, пока встанет солнышко? Не стоит будить Йвочесть среди ночи.

Алексей поразмыслил и решил закатить скандал. Он выругался по-гречески, а затем завопил по-английски во всю глотку:

— Я басилевс, чтоб вам провалиться! Вы за-

ставляете меня ждать, как будто я торговец рыбой! — Если мэр до сих пор спал, то теперь уж точно проснулся…

Выслушав еще кое-что в том же роде, часовой ушел внутрь. Мэр Далей появился несколько минут спустя в сопровождении худого рыжеволосого мужчины с костяным крестом на кожаном ремешке вокруг шеи. Далей прогремел что-то на своем искореженном английском. Худой мужчина сказал на латыни, которую Алексей понимал:

— Я отец Бойл, переводчик Йвочести. Он спрашивает, что это за дело такое, которое не может подождать до утра.

— Я настолько же правитель, насколько и он, и я здесь, — ответил Алексей. — Так и скажи ему. «К тому же он выскочка, а я басилевс ромеев», — подумал он, но вслух не произнес. Далей заговорил снова:

— Отлично. Давайте приступим к делу.

Алексей махнул рукой на священника-переводчика: это он и сам понял. Он изучал Йвочесть. Как и любой другой житель Мира Реки, мэр Ричард Дж. Далей был физически совершенен и в расцвете молодости. Это не прибавляло ему красоты; он смахивал на борца-профессионала. Но глаза… Может, с ними сыграл шутку свет факелов, но

Алексей так не думал. В этих холодных серых глазах содержалось нечто большее, чем юношеский опыт. Алексей поспорил бы, что Йвочесть прожил долгую жизнь и совершил немало тайного и хитрого. Исаак утверждал, что у самого у него такой взгляд, неудивительно, что басилевс узнал его.

Вслух он произнес:

— Мы скоро собираемся сражаться с борну. Мы хотим, чтобы вы к нам примкнули. Вместе мы сможем сокрушить черных неверных, завладеть их Граалями и умножить богатства равно Шайтауна и Нового Константинополя. Это достаточно заманчиво звучит, чтобы так рано вызвать тебя из постели, мэр?

Далей не говорил на латыни, ему пришлось подождать, пока отец Бойл не переведет. Даже после того, как священник умолк, лицо мэра не переменилось. «Да, хорош», — подумал Алексей с невольным восхищением. Далей ответил:

— Может быть. Смотря, когда вы начнете войну, и что она даст нам. У меня нет лишних людей, чтобы бросать кого-то в Экспресс Самоубийств.

Эта Via Suicida странно прозвучала на латыни, но Алексей понял: Далей не хочет, чтобы верные ему люди погибли и воскресли далеко-далеко ниже по Реке. Алексей тоже не хотел терять своих

сподвижников. Он сказал:

— Вот почему я предлагаю союз. Вместе мы возьмем в клещи и превзойдем численно людей борну. Наши потери будут невелики.

— Да, это может удаться, — согласился Далей. — Я тоже не против увидеть, как наши ленивые черные соседи работают на живых, а не лежат на траве, опустошив свои Граали, словно они в раю благосостояния. Да. Это заманчиво. Говори дальше.

Даже после того, как священник перевел до конца, Алексей не все понял. Особенно сбил его с толку «рай благосостояния». Похоже было также, что мэр Далей презирает людей борну только за то, что они черные. Это смутило Алексея. Не их вина, что у них черная кожа. Но они, наделенные свободной волей, выбрали ложную веру — Ислам — и однажды (он продолжал верить в это, несмотря на воскрешение в Мире Реки) поплатятся муками Ада за свою ошибку. Однако, разница во взглядах с мэром ничего не значила. Он сказал:

— Итак, мы союзники? Не назначить ли нам день, когда решится судьба черных неверных? — Если Йвочесть не любит борну из-за цвета кожи, Алексей напомнит ему об этом.

— Не все так просто, — ответил мэр Далей. — Хо-

рошо одно: черные не позволяют нам столкнуться друг с другом. Когда мы станем соседями, нам придется постоянно следить друг за дружкой. Муса немало докучает мне, особенно, когда его жеребцы являются и крадут белых женщин, и весьма часто — но это просто докука, если ты все правильно понимаешь. А стать соседями для нас может оказаться откровенно опасно.

Алексей воззрился на Йвочесть с внезапным уважением. Если мэр понимает подобные вещи, он действительно неглуп. Подумав немного, Алексей предложил:

— Давай тогда согласимся с тобой заранее, кто из нас станет распоряжаться каким грейлстоуном борну. Споры, разрешенные до времени, не перерастают позднее в тяжелые ссоры.

Но мэр Далей покачал головой.

— Этого недостаточно. Я слыхал, что ты большой проныра, и теперь я это вижу. Так что рано или поздно Шайтаун и Новый Константинополь станут воевать. Мы оба не против отхватить как можно больше, такова наша природа. Я прав или нет?

— Думаю, ты прав, — признал Алексей. Он именно так понимал положение, но намеревался помалкивать. Повадка Йвочести была иной, пря-

мой до грубости. Басилевс спросил:

— Как ты полагаешь выйти из затруднений?

— А вот как, — ответил Далей. — Большая война равно нанесла бы ущерб твоей стране и моей, и, кто бы ни победил, он бы вышел из драки настолько помятым, что не устоял бы перед кем угодно достаточно сильным, кто явился бы сверху по Реке. Так что давай договоримся: мы вместе идем против борну, заметано. Но при этом я буду называть тебя вице-мэром Шайтауна, а ты меня… как бишь там у вас кличут шишку номер два?

— Кесарь, — подсказал Алексей.

— Отлично. Тогда так ты и станешь меня называть. Понял, к чему я клоню?

— Понятно, — медленно проговорил Алексей. Если он примет условия мэра Далея, тот из них, кто убьет другого, будет править и Новым Константинополем, и Шайтауном. Отныне жизнь станет неспокойной для двух властителей, но их сподвижники окажутся вне опасности. Алексей добавил:

— Но, видишь ли, у меня уже есть кесарь. Он…

— У меня тоже есть вице-мэр, — прервал его Далей. — Невелика важность. Существенней другое. Надо это сделать, если Шайтаун и Новый Константинополь окажутся друг с дружкой по

соседству. Я прав или нет?

Алексей собирался сказать, что его кесарь — его родной брат, единственный из людей, каких он когда-либо знал, на которого он может полностью положиться. И последнее, чего он желал бы — это заменить Исаака кем-то, кто далеко не прочь его убить. Но Далей недвусмысленно дал понять, что Шайтаун не поможет против борну, если будет отвергнуто его условие. А если Новый Константинополь схлестнется с борну один, то, даже победив, он окажется уязвим для нападения тех, кто ниже по Реке. Лучше поставить под удар себя самого, чем свою империю, решил он.

— Сделаем по-твоему, — ответил он мэру. — Как только борну окажется разгромлен, ты станешь называть меня вице-мэром, а я назначу тебя кесарем. — «И поглядим, что случится потом», — добавил он про себя. Далей протянул руку. Алексей взял ее. Пожатие руки мэра было скорым, твердым и бесстрастным, точно рычаги и приводы, которые поднимали императорский трон в Константинополе высоко в воздух, дабы поразить посланцев варваров. Далей, что скверно, не действовал как варвар, он не показывал на лице, что он думает. Алексей напомнил себе, что у послерожденных было несколько сотен лет

после его времени, чтобы научиться хитрости. Он надеялся, что получил в этом достаточный опыт за свою долгую жизнь.

Как только мэр получил, чего хотел, он спешно стал крайне деловитым.

— Давай-ка все обсудим, — сказал он. — Если мы что-то затеваем, надо все провернуть как следует. Думаю, мы справимся, но нужно все заранее подготовить…

Взошло солнце, а Далей и Алексей все еще сговаривались. Только гул грейлстоунов побудил басилевса заметить, что теперь им не нужны факелы. Один из подручных Далея принес им завтрак: яичницу с беконом, поджаренный хлеб с фруктовым, слаще меда, джемом и горячее горькое питье, называемое кофе. Алексей не увлекался кофе, но выпил ради вежливости. После того, как он осушил свою чашку, он почувствовал себя гораздо бодрее, чем мог бы после долгой бессонной ночи.

Звание мэра Далея было отнюдь не воинским, но он весьма здраво смотрел на стратегию. Если все пойдет, как они с Алексеем наметили (что редко случается на войне), борну окажутся размолото их силами, точно зернышко верхним и нижним жерновами. А план Далея касательно

возвращения Алексея в Новый Константинополь был сама простота:

— Мы отправим тебя как матроса, на одной из наших лодок и скажем черным парням, что они тут же нарвутся на войну, если попытаются обыскивать что-нибудь, что от нас плывет. Как ты думаешь, годится?

— Превосходно, клянусь Богоматерью, — сказал Алексей. К его удивлению, Йвочесть нравился ему все ощутимей. Если бы только можно было достаточно доверять этому послерожденному, чтобы без опаски отвернуться на миг, из него вышел бы славный кесарь. По всему выходило, что он мог бы стать нешуточным врагом, если не дать ему поступать по-своему. Алексей улыбнулся. Конечно, он намерен сдержать свое обещание Далею…

* * *

Войско ромеев пересекло границу незадолго перед рассветом. Несколько часовых пустили в солдат стрелы. Куда больше убежало с воплями вглубь страны.

— Принимай решение я, а не Муса, я бы настоял, чтобы шайтаунскую лодку обыскали и забрали меня, если обнаружат, — сказал Алексей

Исааку. — Но мэр Далей был прав: люди борну не решились ссориться одновременно с ним и со мной, и я благополучно вернулся домой.

— Я тоже этому рад, — ответил Исаак Комнин. — Судя по всему, что ты рассказал, когда вернулся, опистантроп — это слишком много для простого честного старого солдата вроде меня. — Он рассмеялся, чтобы показать, что не стоит особенно брать в голову его слова.

Алексей тоже рассмеялся.

— Не все сразу, брат мой. Первое, что требуется сделать — это избавиться от Мусы ар-Рахмана. Только после того, как борну перестанет быть опасностью, таковой станет Шайтаун… если, конечно, только Вочесьсь не намерен выжидать с тем, чтобы мы и мусульмане обескровили друг друга, а затем прибрать к рукам то, что останется. — То, что он не обдумал такую вероятность раньше, свидетельствовало об искусстве Далея убаюкивать собеседника. А ведь еще одна новая забота…

С каждым шагом, которые делали ромеи, видно становилось все дальше. Солнце встало, когда войска подтянулись к ближайшему от границы грейлстоуну. Воины борну выкатились из городка, выросшего вокруг грейлстоуна. Как и

люди Алексея, они были вооружены копьями и луками, каменными топорами и мечедубинами с деревянной основой и кремниевыми или обсидиановыми вкладышами. И, подобно ромеям, они также носили несколько слоев полотна, как броню.

На этом сходство заканчивалось. Солдаты Алексея шагали, построившись правильными ромбами с пустой серединой, и солдаты внешнего ряда держали щиты из дерева и рыбьей кожи, дабы прикрыть себя и товарищей от метательного оружия. Борну презирали и правильное построение, и щиты. Вопя: «Аллах акбар!», они толпой кинулись на своих недругов-христиан.

Исаак Комнин подождал, пока черные не подойдут совсем близко, и тогда прокричал:

— Стреляйте!

Сотни стрел вылетели одновременно. Стрелки доставали из-за плеча все новые и новые стрелы и пускали их почти беспрерывно. Их луки, изготовленные из челюстей Рыбы-Дракона, были лучше любых, какими они располагали в прежней земной жизни.

И даже теперь пало не так уж много борну. Полотняная броня защищала их от стрел в большинстве случаев. Но некоторым стрелы угодили

в лицо, других ранило в руку или в икру, и таким образом, они выбыли из схватки. Ромеи почти не понесли потерь.

Скорбь черных воинов возросла, когда стороны схватились вплотную. Они были такими же храбрецами, как их враги, возможно, храбрее — ромеи редко выказывали больше отваги, нежели требовал случай. Но у борну каждый бился отдельно, они понятия не имели, что битва может быть чем-то иным, нежели совокупностью поединков.

И дорого платились за подобное понятие. Для Алексея и Исаака на первом месте стоял успех войска как единого целого, а личная слава — на одном из последних. Алексей сражался в первых рядах, это верно, но больше для того, чтобы воодушевить своих сподвижников, нежели из любви к бою. Его куда больше заботила власть, которая достигается в итоге войны, чем война как таковая. Борну, один за другим, налетали на него. Он легко угадал их замысел: если он падет, с ним иссякнет и боевой дух его воинства. Он знал, что они заблуждаются; Исаак, пусть отнюдь не дипломат, но солдат хоть куда. Алексей предпринял ряд нападений, учитывая, что сопротивление борну рухнет, как только он убьет Мусу ар-Рахмана.

Басилевс был вооружен здоровой дубиной с

каменной оконечностью. То было оружие здравомыслящего и трезвого человека: такое, которое раздробит кости даже сквозь полотняную броню. Высокий, истошно вопящий черный воин направил копье ему в лицо. Он уклонился, подступил поближе, замахнулся своей дубиной. Ребра его противника были достаточно крупной и не такой ускользающей мишенью, как голова басилевса. Черный воин испустил стон. Розовая пена выступила из его носа и рта, и он рухнул. Наступающие ромеи втоптали его в грязь.

Совершенно внезапно борну прекратили бой и кинулись в бегство. Алексея одолевало искушение развернуть свои порядки и начать преследование, но он отказался от этого: пусть разгромленные мусульмане посеют панику на пути войска Нового Константинополя. Не мог он быть уверен и в том, что борну не пытаются заманить его в засаду.

Завидев приближающихся ромеев, женщины, вереща, кинулись прочь из деревни, окружавшей грейлстоун. Это убедило Алексея, что он действительно одержал достойную победу. Когда некоторые из его воинов явно пожелали вырваться из рядов и припустить за женщинами, он воззвал к ним:

— Мы получим столько этих девок, сколько нам будет угодно, когда побьем борну. А пока не стоит их преследовать, утрата дисциплины все еще опасна.

Ряды не расстроились. В отличие от противника, ромеи знали цену дисциплине; они могли отложить развлечение ради более существенного выигрыша позднее. Алексей ощутил гордость за них. Вперед, где-то далеко, в небо поднимался дымок.

— Это то, на что мы надеемся? — спросил Исаак.

— Должно быть, — ответил Алексей. — Мэр Далей пообещал, что шайтаунцы сожгут палисад, который построили борну, чтобы от них защищаться. Послерожденные, похоже, искусны в поджогах и знакомы много с чем, помимо нашего жидкого огня. — Еще один повод для беспокойства, — тут же подумалось ему. Но не теперь. Пока что нужно думать, прежде всего, о Мусе ар-Рахмане.

Алексей отослал отряд наполнить Граали у грейлстоуна захваченного городишки. Некоторые из Граалей принадлежали солдатам, другие были отняты у пленных мусульман. А сам басилевс со своими главными силами продолжил

наступление. У снабженческого отряда имелись повозки, чтобы доставить нагруженные Граали (минус спиртное, курево и жвачка грез) к остальным силам. Борну придется остаться голодными, но это уж им так не повезло.

— Как ты думаешь, они попытаются отразить нас на подступах к столице? — спросил Исаак.

— Я бы не стал, если бы угодил в заварушку, вроде этой, — ответил Алексей. — Но кто может с уверенностью прочесть мысли Мусы? Он может раздробить силы, выступив сразу против нас и шайтаунцев, или может попытаться сперва разбить одного противника, а затем повернуть, и немедля обрушиться на другого. Но я на его месте ожидал бы нападения там, где городские укрепления благоприятны для успешной обороны. И не представляется, чтобы мы быстро могли выгнать его из-за стен голодом, что весьма скверно.

Исаак прыснул:

— Граали заметно усложняют всю эту возню с осадами, по сравнению с тем, к чему мы привыкли.

Тут и там лучники борну стреляли из укрытия по наступающим ромеям. Они наносили немного ущерба. Разведчики Алексея захватили парочку из них, перерезали им сухожилия и отобрали гра-

али. Если застрельщики и пытались замедлить продвижение армии басилевса, то потерпели неудачу.

Муса поступил так, как предполагал Алексей. После первой попытки сопротивления, не появлялось сколько-нибудь крупной борнусской силы, чтобы бросить вызов ромеям. Второй прибрежный граальный городок борну оказался полностью покинут жителями, когда его достигли ромеи. Население бежало вниз по Реке, прихватив Граали. Та же картина ждала Алексея в третьем городке, где он остановился, чтобы наполнить Граали для полуденной трапезы.

Четвертый городишко вниз по течению от границы с Новым Константинополем был столицей борну. Здешний грейлстоун был не крупней прочих, так что обычное население не превышало численностью население других городков, но Муса ар-Рахман уделял своему городу куда больше внимания. Высокая стена была выстроена из крепкого дерева и бамбука и прикрыта полотном на случай поджога. Второй этаж султанского дворца возвышался даже над этой стеной. Там укроется Муса, если потеряет остальной город, как подумалось Алексею.

У стены теснились черные воины, провывшие

ромеям свой вызов. Исаак Комнин нахмурился при виде их.

— Это место было бы мало радости осаждать, даже если бы они не смогли получать еду из своих Граалей.

— Не буду спорить, брат мой. Однако… — Алексей кивнул музыкантам, сопровождавшим войско. Пронзительный вопль флейты и гулкие удары барабана велели воинам изменить построение. Алексею не хватало военных труб, но в Новом Константинополе не нашлось бы достаточно меди даже на одну.

Передовые ряды его войска расступились, пропустив вперед инженерное подразделение, которое перемещалось в середине ромба. Солдаты подтянули повозки (совершено отличные от тележек фуражиров) поближе к стене. С ними двигались щитоносцы, оберегая их от града стрел и дротиков, пущенных борну.

Человек у заднего края каждой повозки орудовал полотняными мехами. Полотно устилало также внутренность длинных бамбуковых труб, которые другие солдаты нацелили на верх стены. Люди у мехов прокричали предупреждение, и щитоносцы, превосходно обученные, проворно убрались с дороги.

Золотистая жидкость вырвалась из бамбуковых труб. Целившиеся воспламенили ее тщательно сберегавшимися зажигалками. Полдюжины потоков струящегося пламени взметнулась и стала поливать стену и воинов на ней.

Алексей наблюдал с холодным удовлетворением, как неверные с воплями мечутся туда и сюда, разнося повсюду пламя. Жидкий огонь просочился между полотнищами. В несколько секунд стена занялась.

У некоторых черных воинов хватило храбрости и ума оставаться на своих постах. Они стали заливать водой из ведер взлетающее языками пламя. Басилевс улыбался, слыша их горестные возгласы, ибо пламя не унималось. Это был не в точности тот состав, который греки применяли в Константинополе; никто в этом странном новом мире пока еще не нашел нефть, текущую из расселин в скалах. Но жир Рыбы-Дракона оказался недурным заменителем. Стоило смешать его с лигроином, серой и некоторыми другими составляющими, тайну которых инженеры, которые знали в этом толк, отказывались открыть даже Алексею, и получалась адская смесь, которая горела, пока не иссякнет, или пока ее не закидают песком.

Борну, однако, ничего об этом не знали, да и научиться у них не хватило времени. Все больше их карабкалось по стене, то срывалось или прыгало вниз по мере того, как распространялось пламя. Ромеи приветствовали криками густой черный дым, поднимавшийся в небо.

Алексей дал новый приказ музыкантам. Их пронзительная музыка перекрыла шум. Воины Нового Константинополя послушно образовали клин. «А с этими солдатами можно что-то сделать, — подумал Алексей. — Они одновременно отважны и послушны.»

С оглушительным треском обрушилась часть стены. Взметнулись искры. Завизжали флейты. Выкрикивая имя Алексея и «Христос с нами!», греки хлынули в город.

Свирепый бой бушевал несколько минут. Затем борну прекратили сопротивление и принялись сбегаться к цитадели. Алексей встретился взглядом с Исааком. Братья ухмыльнулись. Если загорелась столь основательно сооруженная стена, каким веселым костром вспыхнет скоро дворец Мусы ар-Рахмана. Столица борну мало отличалась от их столицы.

Кое-кто из черных тоже это понял. Подразделение воинов в пятьдесят вломилось прямым

ударом в войска Алексея, отчаянно пытаясь вновь оттеснить солдат Нового Константинополя за городские стены. Возглавлял это подразделение крючконосый мужчина в полной полотняной броне и с сияющими медными кольцами в обеих ушах и одной ноздре. Такую роскошь мог выставить напоказ только сам Муса. Султан заметил Алексея в тот же миг, в который Алексей узнал его.

— Выходи на смертельный поединок! — крикнул он по-арабски. — Пусть победитель правит обоими народами!

Алексей стал приближаться к нему. Но, когда Муса ар-Рахман устремился навстречу тому, что предполагал как единоборство, Исаак Комнин и три других ромея, также ввязались в бой. Алексей разнес череп султана своей дубиной, но впоследствии так и не понял, оказался ли удар смертельным.

Борну взвыли от ужаса при виде такого вероломства. Алексея это не обескуражило.

Как и варвары-франки, которые осложнили ему жизнь своим крестовым походом, они были достаточно глупы, чтобы считать войну делом чести. Война ведется ради победы, только и всего.

Гибель их правителя повергла борну в уны-

ние. Вскоре вопящие женщины препятствовали продвижению ромеев больше, нежели черные солдаты. Воины борну поднимали руки и отдавали свои Граали в знак того, что сдаются.

— Оставьте в живых как можно больше! — прокричал Алексей. — Если они падут, мы лишимся пищи и прочих благ, которые они станут нам отдавать.

Муса составлял исключение для этого правила. Он был слишком хитер, слишком опасен, чтобы держать его как граального раба — пусть лучше возродится где-нибудь подальше от Нового Константинополя и там не дает людям покою. Можно было также калечить его каждые несколько месяцев, но Алексею это не подходило. У него имелись свои понятия о чести, и беспричинная жестокость в них не входила.

Вскоре лишь дворец султана еще держался против ромеев. Алексей послал туда говорящего по-арабски вестника, чтобы передал:

— Сдавайте оружие и Граали, и с вами не станут дурно обходиться. Иначе мы применим против вас жидкий огонь. Вы можете впоследствии возродиться, но смерть ваша будет медленной и отвратительной. Решайте быстро, или мы приступим.

Он ждал. И когда уже готов был приказать инженерам выйти вперед, ворота дворца распахнулись. Стали выходить один за другим удрученные черные воины. Свои луки, копья и дубины они бросали в кучу справа от ворот. Мало-помалу куча выросла в гору. Оружие было не хуже того, которым бились ромеи. Алексей решил приберечь его на будущее.

Ответственные за снабжение стали собирать у мусульман их Граали. Борну расставались с ними еще неохотней, чем с оружием. Лишившись Граалей, они полностью оставались на милость победителя. Отныне, если они не станут повиноваться, не получат и еды. О, кое-кто может ускользнуть и не пропасть, питаясь рыбой, плодами и клубнями растений, который встречаются повсюду от самого берега до предгорий. Но участок земли, на котором проживет тысяча людей с Граалями, позволит жить без них разве что горстке.

После того, как победители приняли все оружие и Граали, архивчеты Алексея принялись спрашивать имена мужчин, женщин и подростков борну. Свитки из бамбуковой массы заменяли здесь пергамент и папирус, которые использовали писцы в Константинополе. Франки, как

вспомнилось Алексею, поражались, какие мелочи записывали его чиновники. Но как бы кому-то удалось управлять государством, если не занести в списки всех, кто его населяет?

Солнце начало опускать за горы на западе. Когда грейлстоун города — отныне его города — прогремел и исторг пламя, басилевс наконец почувствовал, насколько устал. Пришлось тут же опять заставить себя взбодриться, ибо один из разведчиков, которые ходили вниз по течению от бывшей столицы борну, со всех ног примчался обратно, крича:

— Сюда движется войско!

Один из темнокожих, должно быть, немного научился греческому с тех пор, как возродился у Реки, ибо рванулся к горе оружия. Вдогонку прыгнул ромей и пронзил его копьем. Тот лежал, корчась в предсмертной муке.

— Прикончить, — распорядился Алексей. Один из воинов расколол череп борну. Пусть какой-нибудь властитель далеко-далеко отсюда разбирается с этим смутьяном, — подумал Алексей.

Едва дыша, прилетел другой разведчик.

— Идут шайтаунцы, — доложил он. Ромеи возопили, словно желали, чтобы им отозвались

далекие горы. Алексей немедля приказал, чтобы весть перевели на арабский. Отчаяние борну усугубилось.

С отрядом отменно вооруженных телохранителей Алексей вышел приветствовать союзников. Шайтаунцы завыли от восторга, когда узнали его в тускнеющем свете. На миг обе победоносные армии ликовали сообща в мире и согласии. Но мэр Далей выступил навстречу Алексею тоже в окружении телохранителей. Далей заговорил. Отец Бойл переводил его наполовину понятную речь на латынь.

— Все действительно вышло так, как мы замышляли. Как часто случается подобное на войне?

— Нечасто, — ответил Алексей, поражаясь, насколько хорошо этот послерожденный смыслит в войнах. Но это не имело значения. Теперь, как сказал мэр Далей, они победили. Алексей вышел из-за спин телохранителей и протянул руку мэру. Далей раздвинул своих солдат, чтобы ее пожать. На один краткий и славный миг их союз колебался на грани искренней дружбы. Затем Далей произнес:

— Когда ты полагаешь прибыть в Шайтаун и принести присягу, как вице-мэр?

Любопытный вопрос, как подумалось Алексею. Но так, мимоходом. И он снова сосредоточился на том, что надлежит теперь делать, каков и в чем ожидается выигрыш, и какова вероятная цена. Он сказал:

— Думаю, разумно было бы сперва навести порядок и разместить гарнизоны на землях, которые мы нынче завоевали. Из твоих людей многие уже на месте, поскольку вы берете пять из прибрежных грейлстоунов борну против наших четырех. Но нам еще предстоит оторваться от Реки, чтобы взять добавочный камень внутри суши, который нам причитается. Возможно, нам предстоят еще кое-какие стычки, хотя Муса и сосредоточил своих вдоль Реки. Я посещу тебя… гм… в течение недели. А затем ты прибудешь в Новый Константинополь, и тебя помажут как нашего кесаря.

Алексею стоило немалых усилий говорить ровно. Чужеземец — кесарь ромеев. Такое уже случалось однажды, когда Юстиниан II вознаградил болгарина Тервела за поддержку в гражданской войне. Алексей по-прежнему считал это позором. Но ему нужен был Далей, как Юстиниану некогда Тервел. Он не постоял бы за ценой… на свой лад.

Отец Бойл перевел его слова для мэра. Далей

сказал что-то на английском. Священник нагнул голову, затем опять повернулся к Алексею:

— Йвочесть дозволяет мне сказать тебе несколько слов от себя. В наше время и в нашей стране земли, которыми правил Константинополь чаще называли Византийской Империей, нежели Римской. Слово византийский стало мало-помалу означать в нашем английском языке искусную, изощренную и хитрую дипломатию. Познакомившись с вами, ваше величество, я вижу теперь, насколько не случайно это слово.

— Ты мне льстишь, — голос Алексея неожиданно прозвучал как мурлыканье. Впрочем, главное, когда слышишь лесть — получить от нее удовольствие, не дав вскружить себе голову. — Можешь передать Йвочести, что у него самого в этом отношении отнюдь не убогие способности.

Далей разразился хохотом:

— Конокрад конокрада легко распознает, — заметил он. Это побудило рассмеяться и Алексея, и снова они ощутили себя почти друзьями. Но басилевс видел, что улыбка мэра Далея никогда вполне не доходила до проницательных глаз. Да, они были одной породы, спору нет, и каждый пытался вертеть другим.

Басилевс еще раз кивнул Йвочести, затем

отступил к телохранителям. Скоро нагрянет беда, — подумалось ему, — если шайтаунцы не отойдут от этого граалегорода. Граница, о которой договорились два правителя, проходила на полпути между этим поселением и следующим ниже по Реке.

Усталость опять охватила Алексея, на этот раз — неодолимо. Завтра будет достаточно времени побеспокоиться о границах.

* * *

Михаил Палеолог и другие важные персоны из Нового Константинополя присутствовали при вступлении Алексея Комнина в должность вице-мэра Шайтауна: после исчезновения борну, Палеолог был назначен послом басилевса при мэре Далее. Но Исаак Комнин остался дома, так что вероломство Далея не могло бы сгубить одним разом всех предводителей ромеев.

Алексей поймал себя на том, что завидует брату. После-рожденные, может быть, изощренные политики и ловкие ремесленники, но их церемонии скучны до предела. Йвочесть произносил речь, которой все не было и не было конца. Алексей пытался некоторое время вникать в диалект после-рожденных, но оставил эту затею, как

только пришел к выводу, что Далей в действительности говорит ни о чем.

Басилевс ожидал, что отец Бойл призовет его к присяге вице-мэра. Это несколько смущало его: некоторые из подданных Алексея считали последователей папы Римского, таких как Бойл, схизматиками. Но оказалось, что клятву у него должен был принять какой-то человек, весь в черном полотне; Далей через Бойла представил его как судью Коркорана.

— Судья? — переспросил Алексей. — У него светское звание?

— У нас церковь отделена от государства, — ответил отец Бойл. Алексей пожал плечами. Это поразило его, как нечто то ли непостижимое, то ли откровенно безумное. Но вообще-то, не его дело, как шайтаунцы управляют своей страной.

— Поднимите правую руку, — сказал судья Коркоран, и Алексей повиновался. Судья произнес слова присяги:

— Вы торжественно клянетесь, что будете выполнять обязанности вице-мэра Шайтауна честно и, насколько вам позволяют ваши способности, и да поможет вам Бог?

В сущности, особых обязанностей у вице-мэра не было. Присяга не затрагивала ни одно из тех

разногласий, которые имелись между теологами Константинополя и Рима. И отличалась поразительной простотой. Алексей сказал:

— Клянусь.

Все ликующе завопили. Как и присяга, обычай мэра Далея справлять праздники был простым, но основательным. Йвочесть прогудел:

— А теперь давайте выпьем.

И служители внесли на подносах фляжки вина и виски.

После возрождения в Мире Реки Алексей пристрастился к виски. Ему нравилось, как оно обжигает горло, а затем согревает, попав в желудок. Он отхлебнул из фляжки.

— Когда ты прибудешь к нам, — сказал он мэру, — я тебе покажу, как мы обмываем дела.

Йвочесть кивнул и сам потянулся за фляжкой.

* * *

Когда мэр Далей, покинув лодку, ступил на берег, он подошел к Новому Константинополю меж двумя рядами факельщиков. Хор пел ему хвалы. Прелестные девушки бросали цветы ему под ноги. Он улыбался во весь рот.

— Обалдеть можно, — признался он, когда встретился с Алексеем перед императорским

дворцом.

— А почему бы и нет? — доброжелательно отозвался Алексей. — Ты знаком с моим братом Исааком, как я полагаю, носящим пока титул кесаря.

— Надеюсь, он не держит на меня обиды, — заметил Далей, возможно, искренне. Его прежний вице-мэр был полным ничтожеством, а вовсе не его братом. Но Исаак лишь улыбнулся и покачал головой. Йвочесть просиял.

— Славно. Славно.

— А вот экуменический патриарх Нового Константинополя, Евстратий Гарид, — сказал Алексей, указывая на мужчину в ослепительно-золотом. Большинство ромейских священников очень тяжело переживали утрату бород здесь, на Реке, но Гарид всегда отличался гладким подбородком, в прежней жизни он был евнухом. После того, как он воскрес во плоти вместе с прочими жителями Нового Константинополя, и у него, впервые во взрослом состоянии, появились яички, его целомудрие подверглось тяжким испытаниям, особенно вследствие эротически возбуждающего действия жвачки грез, но он оставался добрым и благочестивым человеком.

Далей вежливо поклонился. Отец Бойл тоже,

что, учитывая его вероятное отношение к Константинопольской церкви, могло потребовать немалого самообладания. Патриарх, голос которого звучал октавой ниже, чем Алексей помнил по своей прежней имперской столице, сказал:

— Готов ли мэр Шайтауна принести присягу как кесарь Нового Константинополя?

Алексей перевел это с греческого на латынь для Бойла, а тот переложил на английский послерожденных.

— Готов, — торжественным голосом ответил Йвочесть.

Присяга, к которой привел мэра Далея Гарид, была много пышнее и обязывала куда к большему, нежели та, которую принес басилевс судье Коркорану. Она взывала ко всем трем ликам Святой Троицы, к Божьей Матери и целому воинству святых (среди прочих — и к Святому Андрею, покровителю Константинополя) и навлекала на него анафему и проклятие, если он отступит от нее хотя бы на йоту.

— Итак, будешь ли ты верен своему слову, во имя Отца, Сына и Святого Духа? — закончил патриарх.

Далей перекрестился.

— Да, клянусь именем Отца, Сына и Святого

Духа.

— Склони голову, — приказал Гарид. Когда Йвочесть подчинился, патриарх помазал его маслом из рыбьего жира, которому был придан сладкий аромат добавлением духов, полученных из грааля.

Алексей водрузил на голову Далея травяной венок, окрашенный в алый цвет.

— Слава нашему кесарю! — воскликнул он. Жители Нового Константинополя закричали: «Ура!» вместе с делегацией из Шайтауна. Хор запел гимн хвалы и благодарения.

— Что теперь? — спросил вновь испеченный кесарь.

«Когда будем праздновать?» — так понял Алексей его слова. Он сказал:

— Нам осталось еще одно перед тем, как начнется пир.

— Далей скрестил руки на могучей груди и принялся ждать. Басилевс возвысил голос:

— Возведя Йвочесть в звание кесаря, я оставил моего брата Исаака без подобающего ему титула. Поскольку он одновременно плоть от моей плоти и моя правая рука, с вашего согласия, жители Нового Константинополя, я предлагаю ему достоинство Себастократора, августейшего правители,

и достоинство указанного звания да будет между моим званием басилевса и званием кесаря.

— Да будет так! — вскричала толпа, которую хорошо подготовили. Себастократор, звание, которое Алексей изобрел еще на Земле, было тем самым, которое Исаак Комнин носил большую часть своей земной жизни; в Новом Константинополе басилевс вновь упростил иерархию. Но старый титул сохранялся на случай, если когда-нибудь пригодится, как, например, сегодня. Алексей не перевел на латынь для отца Бойла, что провозглашает Исаака Себастократором; чем дольше мэр Далей останется в блаженном неведении того, что происходит вокруг него, тем лучше для басилевса. Выяснилось, однако, что отец Бойл достаточно понимает по-гречески, чтобы догадаться, в чем дело. И это не удивило Алексея; мэр лишь доказал свое благоразумие тем, что держал у себя в свите кое-кого, кто знаком с языком Нового Константинополя. С Алексеем в Шайтауне тоже была парочка англоговорящих. Он мог с точностью до секунды определить, когда Йвочесть осознал, что его провели. Не иначе, как у Далея были в роду кельты, кожа-то у него отличалась такой же белизной, что и у любого франкского крестоносца. И в один миг он стал

красным, как кирпич.

— Какого дьявола! — провыл он столь яростно, что у Алексея не возникло сложностей с пониманием.

Евстратий Гарид почти закончил приводить к присяге Исаака. Он умолк на полуслове и с вопросом в глазах посмотрел на Алексея.

— Продолжай, отче, — спокойно произнес василевс. И Гарид стал продолжать. Лишь после того, как он завершил помазание вновь провозглашенного Себастократора, тем самым сделав титул Исаака неснимаемым, Алексей счел нужным обратить внимание на недовольного кесаря. Он повернулся к мэру Далею и произнес елейным голосом:

— Почему ты огорчен? Я провозгласил тебя кесарем Нового Константинополя, как и обещал. Будь у нас золото, я бы возложил на тебя корону, а не эту повязочку, но она не менее хороша, чем та, которая досталась Исааку.

Далей швырнул наземь красный венок.

— Ах ты, сукин сын, ты меня одурачил!

— Видит Бог, это неправда, — ответил Алексей. — Ты поставил мне условием нашего союза, чтобы я назвал тебя кесарем. Я согласился, и союз принес нам все, на что мы надеялись; государ-

ства борну нет, и мы честно поделили его землю между Шайтауном и Новым Константинополем. Ты ни разу не требовал у меня не назначать кого-либо на должность между моей и твоей. Я сделал это для безопасности моего государства. Но чтобы я тебя одурачил? Я отрицаю это, и отрицаю с чистой совестью.

Мэр вылупился на него. Лишь холодный расчет способен унять гнев Йвочести — так и случится: он со своей делегацией будет отдан на милость ромеев, если они вздумают вмешаться. Но Далей даже не взглянул в сторону толпы; он не сводил глаз с Алексея. А затем раскатисто захохотал.

— Ах ты сукин сын, ну ты меня и одурачил! — повторил он снова. Слова — почти те же, что и минуту назад, но тон — совершенно иной.

Мэр шлепнул басилевса по спине, достаточно увесисто, чтобы тот закачался.

— Теперь, когда тебе известно, каков я, возможно, нам окажется проще жить друг с другом в мире. Я заметил, что, помимо прочего, вы, опистантропы, считаете, будто любой, кто жил до вашего времени, глупее вас. Разве ты предложил бы такую договоренность кому-либо из своих современников? Они бы тебя без труда раскусили, вот и я тоже.

— Большинству это не удалось бы, видит Бог, — ответил Далей. О том, что он замышлял убийство, он не упомянул, точно так же, как не упомянул и Алексей. В сущности, это входило в правила игры.

Йвочесть снова рассмеялся, еще громче прежнего.

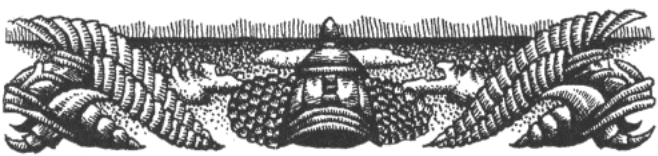
— Отлично! Я кесарь, а на все прочее плевать. Хотя, знаю, чем я займусь, как только ворочусь в Шайтаун.

— И чем же? — спросил Алексей.

— Назначу себе Товарища Мэра, чем же еще?

Настал черед смеяться басилевсу.

— Вполне справедливо. А теперь давай пировать.



Эд Горман

Рай для дураков[36]
1

Мне послышался чей-то голос, но я попытался его не слушать. Мне не хотелось просыпаться. Мне снилась квартира на Эдди-стрит в ту солнечную осень 1921 г., несколько недель спустя после рождения моей дочери Мэри Джейн — и моя жена, такая нежная и очаровательная в те дни, перед самым моим предательством, которым кончился наш брак.

А затем — нечто большее, чем просто голос. Меня звали, торопливо и настойчиво, небольшие ладошки трясли меня за плечи, и кто-то снова и снова повторял:

— Мистер Хэммет, прошу, ну проснитесь, ну проснитесь же!

Первым, что я почуял, был дождь, его прохладный и чистый запах исходил от зеленой листвы вдоль Реки, и его капли глухо постукивали по крыше из деревянных обломков, в которой я жил.

Я открыл один глаз и подтянулся на локте, поглядев на кроликообразного человечка, который

---

[36] notes: 36

FOOL'S PARADISE by Ed Gorman Copyright © 1992 by Ed Gorman.

меня тряс.

Он не больно-то нравился мне там, на Земле. В смысле, его произведения; лично-то мы знакомы не были, и он ничуть не заметней понравился мне здесь, в Мире Реки. Во всех биографиях его представляли как эдакую снедаемую мукой романтическую натуру, но, как и большинство людей, соответствующих такому описанию, он был нытиком, прожектером и неустанным нарциссом.

— Простите, что я вас разбудил, мистер Хэммет.

— Ага. И не стоило будить.

— Мне нужна ваша помощь, мистер Хэммет. Отчаянно нужна.

Он всегда называл меня мистер Хэммет. Полагаю, из-за волос. Они поседели еще в молодости, и, независимо от того, насколько дамы уверяли, что из-за них я выгляжу «особо притягательно», я из-за них выглядел также старше своих лет. Даже теперь, когда, как и большинству обитателей Мира Реки, мне было только двадцать пять, волосы у меня опять отросли совсем белые.

Я сел на постели. Потер глаза и позволил себе мощный зевок. А затем двинул его кулаком. О, не такой уж и крепкий вышел удар, я не выбил

ему зубы и не разбил нос, но мой кулак оглушил его и оттолкнул на фут-другой, а это уже было неплохо.

Он бережно коснулся своего рта, высунул кончик языка и слизал с губы кровь.

— Зачем вы это сделали, мистер Хэммет?

У меня отроду не было особенно радужного настроения по утрам. Мой отец был таким же, и дед тоже. Хотел бы я свалить это на предков, а не брать на себя. И мне особенно не по нутру, когда кто-нибудь, как мой непрошеный гость, будит меня ни свет ни заря.

Я вскочил, забыв вовремя пригнуться. И поднял на своей седой голове всю тростниковую крышу. Точно шляпу надел.

Он заухмылялся было, но я показал ему кулак, и его ухмылка мигом исчезла. Я поставил крышу на место. Затем прошел через хижину, сел в углу по-индийски и налил себе воды. До меня по-прежнему доносился чистый и добрый запах дождя. Увы, я не мог сказать ничего подобного о своем госте.

Теперь, когда я вполне проснулся, я впервые взглянул на него как следует. Он пользовался скверной репутацией в Мире Реки, вечно соблазнял юных девушек, а затем покидал их — та самая

женоненавистническая игра, в которую постоянно играл известный сатир Казанова. Но Казанова хотя бы был откровенен: он желал утолить свою козлиную похоть. А По окутывал все романтическим туманом и бредовой темной поэзией.

— Что, побили камнями?

— Я это отрицаю, мистер Хэммет.

— Кончай балаган, и отвечай на мой вопрос.

— Нет, не побили.

— Ты станешь уверять меня, что больше не тянешься к жвачке?

— Я прибегаю к ней иногда.

— Иногда. Гм-гм…

— Я знаю, что вы обо мне невысокого мнения.

Я вздохнул. Не выношу ханжества, и особенно — когда сам в него впадаю, а тут я внезапно понял, что веду себя по отношению к этому типу как жуткий ханжа.

— Послушай, — сказал я, — учитывая, какую жизнь я вел прежде на земле, я не имею права морально осуждать других. И, разумеется, я чертовски не желаю корчить из себя проповедника и говорить кому-то, что он — снисходительный к себе распутник, использующий любого, с кем вступает в общение.

Он улыбнулся.

— Полагаю, для меня где-то здесь был сделан какой-то намек.

— Да, судя по всему, был.

— Я знаю, что я такое, мистер Хэммет.

— В самом деле?

— Верьте мне или нет, сознательно я этого не делаю. Это просто вроде… Так само получается. Я хочу сказать, что у меня нет цели кого-то использовать… Просто… Так уж выходит.

Я опять вздохнул.

— Что я могу сделать для вас в это прекрасное солнечное утро, мистер По?

— Зовите меня, пожалуйста, Эдгаром. Как и все остальные.

— Давайте-ка заключим договор.

— Насчет чего?

— Вы будете звать меня Дэшиэл, а я вас — Эдгар.

Он опять улыбнулся. Во всех книжках он представлен красавчиком, но по-настоящему это не Так. Рот и подбородок у него для этого слишком вялые. Но есть нечто мощное в его темных глазах, подлинная сила, некий род безумия, который зачаровывает, если вглядеться. Уверен, это в нем сродни дару заклинателей змей, богатых священников и политиканов., драпирующихся в тогу

патриотизма.

— Я согласен, Дэшиэл, — сказал он.

— Ты пришел сюда кое-что мне рассказать.

— Да.

— Так расскажи.

— Боюсь, что кое-кто пытается убить Арду.

— Маловероятная история для Мира Реки. Здесь нет смерти.

— Здесь нет смерти как таковой. Если человека убивают, он возрождается где-то в другом месте. А если кто-то затеял убить женщину, которую любит мужчина, и она возрождается в другом месте, так что он не сможет больше ее найти, ибо Мир Реки так огромен — разве это не то же самое, что и ее смерть, верно?

— Полагаю, в этом ты прав. — Я поглядел на его длинные изящные ладони. Некоторые назвали бы их аристократическими. Они дрожали, и довольно сильно.

— С чего бы кому-либо понадобилось бы ей вредить?

— Не знаю. — Но по тому, как он это сказал, твердо и непререкаемо, я понял, что он *лжет*.

— Я больше такого рода вещами не занимаюсь, сам знаешь.

— Ты служил Пинком.

— Следует говорить Пинкертон. Пинком нас называла пресса. А на нее мне всегда было плевать. — Я отпил еще воды, а затем глубоко вздохнул. — Возможно, ты этого не знаешь, Эдгар, но я кончил тем, что тоже стал писателем. Не таким хорошим, как ты, может быть, но достаточно сносным, чтобы оставить прежнюю работенку и жить на гонорары до конца своих дней. Или, всяко, вроде того.

— Что ты хочешь сказать?

— А то, что я утратил хватку.

— Нынче ночью она пошла прогуляться, и кто-то пустил в нее стрелу. Промазав лишь на столечко, — он изобразил кончиками большого и указательного пальцев, сколь невелико было расстояние. — А неделю назад кто-то пытался утопить ее, в то время как она купалась в Реке. А еще за несколько дней до того кто-то пытался столкнуть ее с горной тропы.

— Ей удалось его увидеть?

— Нет. Меня не было ни при одном из этих случаев. Но если бы я там был… — его мессианские темные глаза устремились вдаль. — Ей иногда бывает зверски трудно сосредоточиться. А это может обернуться опасностью, когда тебя кто-то выслеживает.

В Мире Реки есть лишь один способ постоянно утрачивать сосредоточенность.

— Ты хочешь сказать, что приобщил ее к жвачке?

— Нет! — Он почти орал. — Она сама приобщилась. Я даже не знал, что она этим балуется, пока не стало слишком поздно.

Жвачка грез появляется в каждом граале. Большинство из нас отвергает ее, не желая тратить свою жизнь на фантастические видения. Пробуждение в Мире Реки для большинства из нас достаточно фантастично.

Но я опять начинал впадать в ханжество, эту мою черту всегда здорово не выносила Лилиан. Но, в конце концов, у Лилиан было множество черт, которые не выносил я, особенно, когда ближе к концу своей жизни на Земле, я определил путем дедукции истинную природу наших отношений.

— Кто мог бы желать ей вреда? — спросил я.

— Не знаю.

— Или почему?

— Этого тоже не знаю.

— Она не могла этого просто вообразить?

— Стрела в нашей хижине. Я предположил, что ты захочешь поговорить с Ардой. И прикинул,

что потом тебе может понадобиться взглянуть на стрелу.

— Ничем не могу помочь, Эдгар.

— То есть, не хочешь.

— Как тебе угодно.

На его глазах выступили слезы, и так внезапно, что я не понял, как он мог их изобразить, даже если учесть его театральность.

— Дерьмо собачье, — буркнул я. — Достаточно скверно, когда женщина пытается воздействовать на меня слезами. Но мужчина…

— Ты хотя бы понимаешь, как сильно я ее люблю, Дэшиэл? Хоть сколько-нибудь?

Теперь, вдобавок ко слезам, все его тело принялось содрогаться. Я глядел на него с отвращением. Черт побери, что за слабак. Но тут же понял, насколько слаб сам, просто в совершенно ином роде, и тогда я отрешился от проповеднической дури и сказал:

— Прошло много времени с тех пор, как я был Пинкертоном, Эдгар. Очень много времени.

— Ей действительно нужна помощь, Дэшиэл. А не то кто-нибудь отнимет ее у меня навсегда.

Чокнутый поэт и нимфетка-наркоманка. Не тот ли это род клиентов, о которых мечтают все частные детективы?

2

Проплавав минут эдак двадцать, я опять выбрался на берег, вернулся к хижине и приготовился к новому дню.

Теперь мне уже начинала нравиться мысль расследовать это дело. В Мире Реки много всякого, но только не волнующего, по крайней мере, не на том участке берега, куда угодил я. Здесь представлены две культуры и две исторические эпохи: первая — это группа бизнесменов и их родных из пригородов Балтимора около 1907 г., а вторая — жители Сан-Франциско конца 1950-х. Я принадлежал к последним, когда умер и возродился в Мире Реки, где бы ни находился и чем бы в действительности ни был.

Когда я вернулся на берег, я увидел там добрых балтиморцев, занятых переноской материалов для хижин в окружающий лес. Даже здесь, в этом чистилище, в которое мы угодили, добрые трудолюбивые обыватели желают поселиться в отдельном пригороде. Они убеждены, и вполне справедливо, что половина тех, кто бороздит Реку в своих каноэ — подонки общества. И мог ли я не согласиться с ними, когда одним из наших по-

следних посетителей был Уайт Эрп, который на полном серьезе предложил, чтобы мы отобрали шесть самых смазливых бабенок из окрестностей и организовали бордель, которым он счастлив будет управлять за хорошую долю в предприятии?

Дождь не тревожил добрых граждан. Их вдохновляла идея, и ничто не могло их остановить. Они выполняли свою работу непрерывно и неутомимо, точно лесные муравьишки.

Сан-францисканцы не были ни столь крепки, ни столь деловиты. Они сидели себе под навесиками из листвы, пережевывали жвачку грез, посматривали, как течет мимо Река и махали рукой всяким встречным, которые по ней плыли. Один парень сообщил мне, что видел однажды настоящий НЛО, полный маленьких зелененьких марсиан, которые помахали ему. Такие вот радости приносит жвачка грез.

Я махнул рукой гражданам-трудягам, а затем помахал наблюдающим за Рекой. И пошел вверх по илистому скользкому склону к маленькой хижинке, которая стояла над обрывом над глубоким оврагом. Там жил Эдгар По.

Никакой тебе двери, лишь длинная циновка, дающая некоторое относительное уединение. Из-за нее, очевидно, заслышав, как я приближаюсь,

прозвучали слова молодой женщины:

— Входите, мистер Хэммет.

Внутри все так и смердело речным илом. Пол устилали большие тяжелые лопатообразные листья, которые граждане-обыватели приносили из лесу и по-христиански делили с Другими, доказывая тем самым, что не все капиталисты дурные люди и способны творить добро даже Для коммунистов, вроде меня.

Она была привлекательна, что правда, то правда. Она сидела на корточках у задней стенки в чем-то вроде белого платья, насколько его позволяла смастерить жизнь у Реки. И все-таки ее нежное печальное лицо и маленькое, но обильное формами тело были отмечены истинной красотой.

— Я сказала ему, что вы придете.

— Эдгару?

— Да. Он не очень-то верит в человечность, боюсь. Но и я не больно-то верила бы. При той жизни, которая ему выпала. Достаточно того, как безжалостно его избивал отчим. Эдгару до сих пор снятся кошмары.

Она довольно успешно вызывала во мне жалость к По. Но с ним было легче иметь дело, когда он представал передо мной как снисходительный

к себе художник.

— Из какой вы эпохи? — спросил я.

— Из 1930-х. Мой отец большой ваш поклонник. Он судья и обожает читать о раскрытии тайн. — Протянув руку, она коснулась большой груды цветов, которые увядали внутри хижины. Даже запах у них пропал от этого дождя, прохлады, да еще в тени под этим кровом.

Тут ее лицо изменилось. Только что она была влекущей молодой девушкой, из тех, кого в мое время неучтиво называли кисками — и вдруг стала осунувшейся и озабоченной молодой женщиной.

— Взгляните.

Откуда-то из-под листьев, образовывавших пол глинобитной хижины, она извлекла длинную стрелу с металлическим наконечником. Поскольку металлы в нашем мире были величайшей ценностью, я, вопреки себе, был поражен.

Она вручила мне стрелу. Я повертел ее в пальцах, осматривая, не суетясь на предмет отпечатков пальцев. Криминологическая лаборатория в Мире Реки возможна разве что самая паршивая.

Хорошо сработано. Наконечник, древко, выемка — все совершенного образца. Поскольку мне довелось самостоятельно изучать средние

века, я определил, что острие сделано из железа, выплавки, характерной для XIV века.

— Эдгар рассказал вам, что случилось?

— Да.

— Кто-то пытается убить меня, мистер Хэммет.

— Можно называть меня Дэшиэл.

Ее ответ был робок — точнее, она лишь наклонила голову, да так, что выглядела теперь еще моложе и куда уязвимей, чем прежде. Она сказала:

— Я боюсь. И не хочу, чтобы кто-то послал меня в какое-нибудь другое время.

— Я вас не корю.

Она подняла глаза.

— Думаю, дело в О'Брайене.

— В ком?

— В Ричарде О'Брайане. Одном из балтиморских бизнесменов. Он женат, но ему это, кажется, все равно.

— Он вам когда-либо угрожал?

— Не совсем. Но он ждет, пока Эдгар не отправится вниз по Реке, и тогда он сюда проберется. Он сущая чума.

— Наверное, что-нибудь менее заразное.

— О, он — самая жуткая зараза. Хуже нет. Однажды ночью он сцапал Эдгара и попытался

его утопить. Думаю, еще до того, как вы сюда попали.

— Не следует ли мне поговорить с кем-нибудь еще?

Она призадумалась. И как раз собиралась ответить, когда тонкий крик, вроде птичьего, наполнил воздух.

Мы сидели в пропахшем дождем молчании и глядели друг на друга: маленькая подружка Эдгара, печальная и нежная — и я. Птица кричала столь жалобно, что я коснулся своей руки и ощутил, что она холодна и покрыта гусиной кожей.

— Какие птицы так кричат? — В Мире Реки не было птиц. Вообще.

Женщина улыбнулась.

— Это Роберт.

— Кто такой Роберт?

Но мне не требовалось спрашивать, ибо внезапно отлетела в сторону длинная циновка, служившая дверью, и на пороге встал мальчик, лет, наверное, десяти, смуглый, точно американский индеец, столь основательно забрызганный илом, что это выглядело как боевая раскраска. У парнишки были песчаного цвета волосы и настороженные голубые глаза. Он носил вокруг бедер полотенце, удерживаемое магнитной за-

стежкой. И в целом, он умудрялся придавать себе вид, равно устрашающий и торжественный, как это водилось у юных сорванцов с незапамятных времен. И несмотря даже на то; что он изрядно промок под дождем, от него пахло потом и вонью. На поясе у него качались ножны, и в них покоился клинок из кремния, тяжелый и смертоносный. И почти комический контраст с этим клинком составлял букетик в правой руке: голубые, желтые и розовые цветы, из тех, что растут на лесных опушках.

— Это тебе, — сказал Роберт.

Она улыбнулась ему и протянула хрупкую ладонь. Цветы в ее костлявых пальцах посреди этой убогой хижины были как взрыв ярких красок лета.

— Я зайду позже, — сказал мальчик. И, пока говорил, глазел на меня. Он не пытался скрыть неудовольствие, вызванное тем, что я здесь.

— Но, Роберт… Ты не хочешь, чтобы я представила тебя мистеру Хэммету?

— Нет, спасибо, — буркнул он.

И пропал, хлопнув циновкой-дверью и сбежав по бурому глинистому склону в холодную серебряную морось.

— Бедный Роберт, — вздохнула она после того,

как ропот дождя окончательно заглушил шлепанье ребячьих ног.

— Я бы сказал, что он переживает больше, чем просто легкое увлечение.

— Мне его так жаль. Я всегда влюблялась в тех, кто старше меня в его возрасте. Для взрослых это всегда забавно, но когда вы молоды… Это очень болезненно.

— Кто он?

Она пожала плечами.

— Он живет у женщины, которую называют Лесной Ведьмой.

— Слыхал о такой.

— Она не ведьма. А просто очень грязная баба с запасом тарабарщины, которую обрушивает на детишек, чтобы отпугнуть.

Я поднял стрелу.

— Возможно, я пойду в лес и повидаюсь с ней. Не исключено, что она сможет что-нибудь сказать мне об этом. — Я улыбнулся. — Учитывая, что она ведьма, и все прочее.

Я встал, стараясь не выпрямляться слишком резко. Хижины Мира Реки не рассчитаны на людей двадцатого столетия.

— Полагаю, я начну с О'Брайена.

— Остерегайтесь его. Он очень коварен.

Я подумал о годах, проведенных в тюрьме, я отбыл их до конца, хотя простого раскаяния и неприверженности к коммунизму было бы достаточно, чтобы меня освободили. Я знавал немало пронырливых людишек в то время, равно в тюрьме и в комитете Конгресса, которые заботились о том, чтобы я сидел. Я подумал о старом Дике Никсоне, в сущности, не том лукавом типе, каким он казался, а скорее, о печальном безумце, которого слишком любила мать и недостаточно отец. Уайльд или кто-то другой сказал о родителях: «иногда мы их даже прощаем»?

— Думаю, я могу с ним справиться, — заметил я.

— Очень мило с вашей стороны.

Я поднял циновку, закрывавшую дверной проем.

— Избегайте ненужного риска.

Она улыбнулась.

— Вам не стоит беспокоиться. Эдгар дал мне вот это.

И в изящной руке тут же возник огромный каменный нож, извлеченный из-под листьев.

— Он также подсказал мне, куда всаживать. Прямо в мужскую промежность.

Она сказала это с таким напором и страстью,

что я чуть было не схватился за мошонку из потребности, в самозащите. Упоминание о кастрации не так-то легко пролетает мимо мужских ушей.

— Надеюсь, мне представится случай себя испытать, — призналась она. — И посмотреть, действительно ли я маленькая беспомощная девочка, или по-настоящему сильная молодая женщина.

Я рассмеялся.

— Почему-то я думаю, что вы пройдете испытание на отлично.

Она подхватила мой смех.

— Если честно, то я тоже. Мне, право, жаль дурня, который вздумает искушать судьбу.

Я кивнул в знак прощания и вышел из хибарки. И принялся спускаться по склону там, где росла трава. Она пахла свежо и крепко. В небе, изменчивом, точно калейдоскоп, перемещались и вихрились темные облака. Ребенком я всегда боялся грозы, внезапная прохлада и запах дождя всегда повергали меня в отчаяние. Полагаю, это началось после того, как моя сестра Реба пропала на полчаса, и мои родители с ума сходили, ища ее повсюду в окрестностях, а между тем на востоке собиралась гроза. Гроза всегда означала, что моя

сестренка снова исчезла, хотя я уже взрослый, а Ребу давным-давно отыскали целую и невредимую в соседском доме.

3

Становище было столь же убогим, сколь и все прочее в Мире Реки. Мы принесли сюда с собой все наши умения, верно, но нам не хватало нужных материалов. Хорошим примером служат «пригороды» — чуть больше, чем расставленные по кругу хижины на лесной полянке. У восточного края стоит мужчина, держа грубое копье, а позади него четверо детишек явно заняты игрой в шарики — сидят на корточках в кружок на грязной и голой земле.

Мужчина с копьем шагнул вперед и произнес:

— Вы мистер Хэммет.

— Я самый.

— Не то, чтобы вам не рады, мистер Хэммет, но мы предпочитаем жить сами по себе. Поэтому у нас двадцать четыре часа в сутки выставлен часовой.

Если в его обязанности входило свирепое поведение, то он с ними справлялся неважно. Здоровенный верзила, да, но уж больно учтив, а

это не к лицу предполагаемому мордовороту.

— Я бы хотел видеть мистера О'Брайена.

Он ухмыльнулся. Чем-то он смахивал на переросшего ребятенка.

— Ну что же, это избавляет нас обоих от хлопот.

— Не понял…

— О'Брайена здесь нет… — Он наклонил копье в направлении глинобитных лачуг. В этот миг от домишка к домишку пробежал мальчик, за которым со смехом гналась юная девушка. — Он где-то там на Реке. — Верзила кивнул в сторону Реки. — И я не могу помешать ему туда ходить. Все, что я должен делать — это охранять поселок.

— А что именно кажется вам таким опасным в нас, что вы держитесь особняком?

— О, ничего личного, мистер Хэммет. Просто мы добропорядочные балтиморские христиане, приверженные устоям, а вы из Сан-Франциско. Для нас это все равно что другой мир. Но мы не питаем к вам ненависти. Каждый день наш проповедник, и мы с ним вместе молимся за ваши души.

— Ну, это чертовски любезно с вашей стороны.

Он передернулся при слове «чертовски», а затем принялся раздумывать, а не насмехаюсь ли

я над ним. Тут я оставил его и направился к Реке. Прежде чем я вышел из лесу и отыскал узкую извилистую тропу, бегущую параллельно воде, я услышал вдали мерное «хлысть-хлысть». И понять не мог, что бы это значило.

Я двинулся по этой тропинке, не обращая больше внимания на капли, шлепавшиеся с зеленых листьев у меня над головой; и там, где тропа огибала великолепный, пушистый куст, я отыскал О'Брайена. Он был высок, с виду — типичный ирландец, и всей своей повадкой выражал угрозу, старательно и несколько театрально. В руках он держал большой лук, из которого одну за другой пускал стрелы в почерневший от дождя древесный ствол. Стрелы издавали то самое «хлысть-хлысть», которое я слышал. Маленькая женщина с печальным лицом, казавшаяся старше, чем она, вероятно, была, бегала за стрелами и приносила их обратно. Создавалось впечатление, будто она напрягала все свои силы, выдергивая их из дерева. Было нечто вызывающее в том, как он обращался с этой измученной женщиной.

Женщина первая меня увидела. Она несла ему последнюю стрелу, когда бросила случайный взгляд на меня и кивнула в моем направлении.

Он обернулся и воззрился на меня в упор.

— Это еще кто, черт побери?

— Это мистер Хэммет, — ответила женщина. — Он прославленный писатель и умер, примерно, через тридцать лет после нас.

— Заткнись, безмозглая сучка, — сказал он, вручая ей лук. Затем шагнул ко мне. — Или не знаешь, как меня тошнит от того, что ты вечно встреваешь?

Женщина выглядела так, словно он ее отхлестал.

Я остановился, примерно, в пяти футах от него.

— Вы О'Брайен?

— А если да, так что?

— Мне нужно с вами поговорить.

— О чем?

— Кое о чем личном. — Я кивнул в сторону женщины.

— Может быть, ваша жена могла бы чуток отдохнуть.

— С каких это пор вас заботит моя жена?

Женщина, усталая, грязная и взвинченная, подошла к нему, как если бы он был великим каменным идолом, а она неустанно молилась ему.

— Я вернусь в поселок и отдохну.

— Да. Как будто ты уже недостаточно наотдыхалась.

У меня возникло ощущение, что он вот-вот закатит ей пощечину. Я не забияка, и никогда не был забиякой, но он мне достаточно не понравился, чтобы мне доставило удовольствие вздуть его даже, если потом он поколотит меня.

Он принялся пихать ее. Она едва не упала наземь, но я схватил ее за руку и поддержал. Она вперила в меня взгляд, полный извечной скорби и страха. Женщин вроде этой было немало по всему Западу в мои дни, их жизнь шла счастливо, пока им не стукнет шестнадцать, а затем они становились, считай, рабынями при свирепых мужьях и печальных одурелых детишках и жили горячим черным кофе, невысказанными словами и не встретившими отклика молитвами.

Я хотел ее поддержать, ничего чувственного, только поддержать из чистой доброты, в которой ей так долго отказывали.

А затем я замахнулся. Я не собирался его бить, в сущности, я едва ли осознавал, что делаю, но как раз, когда мой кулак устремился к его лицу, она толкнула меня под локоть, и мой кулак по дуге пролетел мимо.

— Я не хочу, чтобы вы пострадали, мистер Хэммет, — сказала она, торопливо обежала большой пушистый куст под косым серебристым дождем

и пропала.

— А ты, похоже, задира? — рассмеялся О'Брайен.

— Ты бы вполне мог обходиться с ней чуточку получше.

— А ты видишь, какая она из себя? Она позволила себе состариться. То же самое было и в Балтиморе. Черт, она не так уж скверно выглядела, когда возродилась у Реки, но тут же все опять покатилось к дьяволу. — Он ухмыльнулся. — Мне нужна какая-нибудь свежая милашечка, пока мои причиндалы еще на что-то годятся.

— Ты об Арде?

Его глаза сузились. Плоский нос, который, как ни странно, сообщал ему грубую привлекательность, стал на вид еще свирепей.

— А что там с Ардой?

— Кто-то пытается повредить ей. — Я наклонился и подобрал одну из его стрел. Точь-в-точь, как та, которую Арда показала мне в своей хижине. Я поднял глаза и встретился с ним взглядом. — Недавно кто-то пустил в нее стрелу.

— Ей нужен мужчина.

— У нее есть мужчина.

— Это Эдгарчик, что ли? — Он скорчил рожу. — Он нюня, какого я еще не видел.

— Кажется, она так не думает.

— А какого дьявола тебе во всем этом?

— У нее создалось впечатление, будто кто-то пытается разлучить ее с По. — Я поднял стрелу. — Точно такую же стрелу пустил в нее покушавшийся.

— Ты хочешь сказать, что я в нее стрелял?

— Не исключено.

Тогда он попер на меня, но он был слишком тяжелым, чтобы двигаться быстро, и я переместился вправо, пока он подавался влево.

— Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— Это мое дело.

— У тебя есть жена. Почему ты не попытаешься уделить ей немного времени?

Но я опять впадал в ханжество. Тогда я подумал о своей жене, то, которую оставлял на Эдди-стрит с дочкой, в то время как сам уходил, чтобы в подпитии принимать восхваления Лилиан и ее лощеных друзей. Я был не в том положении, чтобы читать моральные проповеди даже мужлану вроде О'Брайена.

Он выхватил из моей руки стрелу и сказал:

— Будь я на твоем месте, я бы отсюда смылся.

— Не забудь о том, что я тебе сказал. Арда хочет, чтобы ты оставил ее в покое.

— А я считаю, что это других не касается.

Он тут же развернулся и, подобрав лук, пустил стрелу прямехонько в твердую, отполированную сердцевину дерева. Нетрудно было вообразить, как он стрельнет в меня.

4

Следующие двадцать минут я брел по тропе, которая завела меня в самую лесную чащу. Наверное, скорее, от тоски, нежели по иным причинам, я принялся исследовать различные тропинки, проверяя, куда они выходят.

В нашем прежнем мире я всегда изучал уйму карт, особенно когда работал на Пинкертона на различных железных дорогах, и, будучи прирожденным следопытом, получал от этого немалое удовольствие.

В любом случае, как я уже заметил, Мир Реки не изобиловал возможностями для захватывающих занятий.

Я широко шагал по тропе, бежавшей под тяжелым кровом из ветвей и листвы, когда заметил женщину. Она лежала на земле лицом вверх.

Даже издалека я увидел, что она неряшливая и какая-то чудная. Мне также бросился в глаза кро-

воподтек на ее лице сбоку, который понемногу смывали капли дождя, проливавшиеся с листьев наверху.

Я подбежал поближе, встал рядом с не на колени и стал переворачивать ее, чтобы лучше разглядеть сморщенное и грязное лицо, когда… Когда со мной сыграли одну из самых почтенных разбойничьих шуток.

Оставьте беспомощную женщину любого возраста на тропе, и какой порядочный мужчина не подойдет выяснить, что случилось. Я и подошел, как любой другой — и как раз тогда кто-то вышел из-за дерева и лихо огрел меня по макушке. Я только и успел ощутить, что краткую вспышку боли, а затем меня обступила тьма.

5

Я очнулся в большой хижине. Огонь горел в яме посреди глиняного пола. От пламени исходило приятное тепло. Но вот только воняло в этом месте изрядно. Кто бы здесь ни жил, я не назвал бы их чистюлями.

Две женщины сидели по другую сторону от пляшущего огня и наблюдали за мной. В отсветах пламени кожа их приобрела оттенок, каким

отличаются индейцы, а яркие черные глаза еще усиливали впечатление. Они сидели под целой грудой полотенец. У одной из уголка рта торчала трубка. Та самая неряха. Ее сестра — я предположил, что они сестры из-за их весьма примечательного сходства — трубки не курила и была совсем лысой. На ее блестящем черепе плясал алый и золотистый свет.

— Вы мистер Хэммет.

— Как будто.

— Мы рады познакомиться с вами, мистер Хэммет.

— Нетрудно догадаться по тому, как вы меня грохнули.

— Нам просто требовалось убедиться. — До сих пор со мной говорила только лысая.

— Убедиться в чем?

— Что вы подходите для нашего поручения. — На этот раз подала голос седоволосая. — Кстати, я Елена, а это моя сестра Стефания.

Я не без усилия сел. Елена протянула мне чашку с чем-то дымящимся. Я заглянул внутрь и не увидел, чтобы на дне что-то ползало. Так что я начал прихлебывать. Это оказался чай. И хороший. Просто отменный.

— Знаю, вы, вероятно, думаете, что мы индей-

цы, но это не так, — сказала Стефания. — Мы вообще-то французы. Наши родители явились в Балтимор из маленького городка недалеко от Парижа. И во всяком случае мы попали в Мир Реки с мистером По и другими. К несчастью, у нас не было ничего общего с ними там, дома, и здесь тоже нет ничего общего.

Я поглядел на Елену.

— Это вы — Лесная Ведьма?

Ее сестра захихикала.

— Не поощряйте ее. Она как раз этого и хочет. Она уже начинает верить всем тем выдумкам, которые наплели вокруг нее люди, — заметила Стефания.

— Значит, она не ведьма?

Стефания снова прыснула.

— Едва ли. — Улыбнулась. — Хотя, поспорю, мистер По желает, чтобы это было правдой.

— Почему? — полюбопытствовал я.

— Потому что однажды ночью Елена застукала его в лесу с другой женщиной. Будь она действительно ведьма, мистер По мог бы попросить ее наложить чары на Арду, так, чтобы Арда не злилась на него из-за его неверности.

Я подумал об Арде, о ее печальном маленьком личике и глазах, и о том, как драматично пред-

ставляет По свою верность ей. Но даже с Ардой он не мог не обращать внимания на других девушек.

Я снова пригубил чай и сказал:

— Вы собирались объяснить, зачем меня стукнули.

— Объяснение достаточно простое, мистер Хэммет, — ответила Стефания. — Мы хотим, чтобы вы кое-что украли для нас нынче ночью и всего лишь желали убедиться, что вы крепче, чем кажетесь.

— Мы слышали, что вы работали Пинкертоном, но, честно говоря, ваш вид не показался нам воодушевляющим.

— Ну, возможно, ради вас я согласился бы прибавить несколько фунтов.

На этот раз засмеялись обе мои собеседницы.

— И что я должен для вас украсть?

— Мы в точности не знаем, — ответила Стефания. — В этом-то и сложность.

Елена предложила мне еще чаю. Я согласился. Елена сказала:

— Есть один маленький мальчик по имени Роберт, который живет здесь, в лесу.

— Да, я с ним знаком.

— Ну, так Роберт вообще-то очень славный

парнишка, но у него есть тайна.

— Тайна?

— Да, и он не желает ею с нами поделиться, — сказала Стефания.

— Тогда откуда вы о ней знаете?

— А оттуда, что как-то ночью мы увидели, что его бьет мистер О'Брайен.

— Бьет Роберта?

— Да, — сказала Стефания. — Мне нравится бегать по лесу ночью — то есть, изображать ведьму. Это дает людям повод для сплетен, к тому же само по себе забавно. Короче, я бежала лесом и увидела Роберта, привязанного к дереву, и мистера О'Брайена, который ударял его снова и снова. Я попыталась остановить мистера О'Брайена, но он просто-напросто прогнал меня. Похоже, он не боится ведьм.

— Это потому, что ты — не ведьма, — напомнила ей Елена.

— Одним словом, он все требовал и требовал, чтобы Роберт открыл ему свою тайну. Но Роберт не открыл. Он очень храбр для такого маленького мальчика, — она вздохнула. — Затем он взял что-то у Роберта. Кусок бумаги. Вытащил из кармана и побежал. Я пряталась в кустах, и все это видела. И когда он исчез, я подбежала и отвязала Роберта.

— И Роберт не сказал вам, что украл у него О'Брайен?

— Нет. И мало того, когда я об этом заикнулась, мальчик разревелся и убежал.

— Так что вы хотите, чтобы я украл…

— Клочок бумаги, который мистер О'Брайен отнял у бедного маленького Роберта в ту ночь.

— Превосходно, — заметил я. — Итак, у меня уже два клиента.

— Вы иронизируете, мистер Хэммет, верно? — сказала Елена. — Насчет того, что превосходно иметь двух клиентов?

— Разумеется, иронизирует, Елена. Пинкертоны всегда иронизируют.

— Разве вы не хотите помочь бедному маленькому Роберту, мистер Хэммет? Разве не хотите? — произнесла Елена.

Ну и что я ей должен был на это ответить?

6

Весь остаток дня ушел у меня на то, чтобы найти Роберта, и все-таки я нашел его по чистой случайности, приблизившись по тропе к огромному каменному грибу, где он стоял, глядя на Реку.

Я подошел к нему настолько осторожно, на-

сколько мог. Я не хотел его спугнуть. Но он учуял меня, развернулся, увидел, кто это, нахмурился и припустил прочь. Он помчался по тропинке вдоль Реки. Дождь сделал бег по ней небезопасным. Несколько раз он поскользнулся, удирая. Несколько раз, преследуя его, поскользнулся я.

Я знал, что окончательно упущу его, если не прибегну к чему-нибудь недостойному. Я остановился, нагнулся и подобрал камешек. Бросил его с восхитительной точностью и угодил мальчику прямехонько в подколенную ямку. Боль от удара была достаточной, чтобы он упал, и, как раз когда он шлепнулся в грязь, я налетел на него.

Когда я рывком поднял его на ноги и прислонил к ближайшему дереву, он был весь в грязи. Он выглядел так, как если бы гримировался, чтобы представлять негра. Он здорово сбился с дыхания, я тоже, и вот мы стояли, и косой серебристый дождь смывал с него грязищу, а мы оба, приоткрыв рты, издавали прерывистое «хы-хы-хы» в лицо друг другу.

— О'Брайен отнял у тебя клочок бумаги как-то ночью, — сказал я. — Я хочу знать, что там было.

— Не твое дело.

— Малыш, я могу сломать тебе руку.

— Ломай. Мне начхать.

— Кто-то пытается убить Арду. Тебе и на это начхать?

— Я люблю Арду.

Подавляющее большинство мальчишек так запросто об этом не сообщило бы. Мальчишки, как правило, слишком робки и замкнуты, чтобы нечто такое выдать. Но было столько отчаяния и боли в скорых словах этого сорванца, что я понял: ему нужно произносить их вслух и часто.

— Ты ей тоже нравишься. Она мне сказала.

Его глаза обшаривали глинистую тропу, по которой мы сюда прибежали.

— В этом-то и беда.

— В чем?

— Я люблю ее, но ей только нравлюсь.

Тут я поступил так, как обычно поступают взрослые, когда говорят с ребятишками о романтической любви.

— А ты не думаешь, что она малость старовата для тебя?

— Она может быть старовата для меня, но она слишком молода для этого По.

— Полагаю, здесь ты попал в точку.

Его лицо стало печальным, и я пожалел, что так повел разговор и не подумал, как следует, что же ему сказать.

— Тебе нравится жить в Мире Реки?

Он передернул плечами.

— Здесь ничуть не хуже, чем в Балтиморе, где я жил. Хотя бы крыс нету. — Он поднял газа и заговорил голосом, слишком усталым для его юных лет. — Я никогда раньше никого не любил.

— Это может быть довольно болезненно.

— У меня в желудке тошнота, насколько это болезненно. Она не должна любить его. Она должна любить меня.

Я не без усилия напомнил себе, что ему всего десять лет. И спросил:

— Ты ее когда-нибудь ненавидел?

Это его озадачило.

— Ненавидел? Нет. Я же сказал: я ее люблю. И это правда.

— Ну, иногда, когда очень сильно кого-нибудь любишь, можно его при этом и здорово ненавидеть за то, что у него над тобой столько власти.

— В этом нет никакого смысла.

— Может, смысла и нет, но это правда.

Он улыбнулся.

— Когда я слышу что-то в этом роде, я думаю, а хочется ли мне вообще стать взрослым.

Я рассмеялся.

— Думаю, это миф.

— Что?

— Да будто вообще существуют какие-то взрослые. Мы просто ребятишки покрупнее. И всяко быть так называемым взрослым — это гадость. Действительно.

— Ты на самом деле думаешь, что кто-то хочет ее убить?

— Ну, если даже и нет, то он, несомненно, очень ловко притворяется, будто да.

— Я бы не стал выяснять, кто это. Я сам его убью, если узнаю. — Он коснулся своего жуткого ножа, облаченного в кожу. Я помедлил с минуту и попросил:

— Расскажи мне о бумажке, которую у тебя отнял О'Брайен.

— Это касается только меня и О'Брайена.

— А я подумал, что мы с тобой скоро станем друзьями.

— Это здесь совершенно ни при чем. Бумажка — это тайна. — Лицо его стало суровым, взгляд тоже. — Я заполучу ее назад так или иначе.

— Она может тебе повредить.

— Я его не боюсь.

— Ты не собираешься рассказать мне о бумажке?

— Не-а.

— И не хочешь, чтобы я тебе помог?

Он пожал плечами.

— О'Брайен боится тебя не больше, чем меня.

— Но все-таки мы вдвоем…

Он опять улыбнулся.

— Хотите верьте, хотите нет, мистер Хэммет, но тьма народу боялось меня там, в Балтиморе.

— Охотно верю.

— Может, я маленький и не шибко крутой, но я решительный, — он снова коснулся своего ножа. — И когда кто-нибудь меня обсирает… — Новое пожатие плеч. — Ну, я способен стать совершенно безжалостным.

— Держу пари, что это так, малыш. Держу пари.

И с этими словами я покинул его. Там, на тропе. Кивнул в знак прощания и потопал туда, откуда пришел. Он выждал минуту-другую, а затем двинулся следом за мной через подлесок. Я несколько раз пытался оторваться от него, пускаясь бегом. Он ударялся в панику и производил слишком много шума в зарослях. Не заметь я его прежде, наверняка обнаружил бы теперь. Но парню было всего десять, и для своего возраста он казался истинным Кожаным Чулком. Когда мне было десять, я жил-поживал в славном уютном домике

среднего класса и охотился на уточек с отцом в солоноватых болотах у Чесапикского Залива.

Мне не приходилось заботиться о себе и поддерживать себя настолько, насколько довелось бедняге Роберту.

7

Два часа я лежал у себя в хижине, слушая шум дождя. Он вызывал в памяти Сан-Франциско и то время, когда я еще жил с женой и дочерью, а она, совсем маленькая, вечно спрашивала: «Мокро, папочка? Мокро, да?» — чуть завидит переливающиеся, как хрусталь, бусинки на окнах нашей небольшой квартирки.

Я поспал, во всяком случае, часть времени, но то был тревожный сон несчастливца, и, когда я пробудился, я взвыл, ибо по моему колену ударил камешек — и тут же упал.

В липком мраке хижины я прыгнул вперед и схватил камешек. Кто-то обернул его запиской и для верности основательно обвил записку бечевой. Записка гласила:

«В сумерках на поляне у грейлстоуна.»

Эти указания вызывали одно осложнение: учитывая, что идет дождь и кругом мгла, как я смогу

догадаться, что дело — к сумеркам?

Я прождал два часа на вершине густого дерева близ поляны. Мятный аромат листьев наполнял мне ноздри. Кора была скользкой, точно драконья спина.

Стало темно. Дождь не унимался. Существует меланхолия, которую может навеять на меня только холодный дождь, и нечто подобное я испытывал, сидя на ветке. Мне хотелось поговорить с женой и дочкой.

Она была в плаще и в капюшоне, и сперва я не признал ее, когда она бежала через поляну от одного края леса до другого.

И как только я осознал, что вижу Арду, что-то маленькое в тени выступило вперед, и с тетивы сорвалась стрела. Я услышал зловещее «вввив-ззж» наконечника, погружающегося в плоть. Затем женщина завопила, сдавленно, ибо звук приглушила мокрая земля, в которую жертва зарылась лицом. К этому моменту я уже знал и то, кто на нее покушался. Возникло побуждение пуститься вдогонку за Робертом и отлупить его, чтобы излить свой гнев, но я понимал, что первым делом следует подойти к Арде.

* * *

Она была совсем легкой, когда я нес ее вверх по склону к хижине, где жили они с По. По наверняка услышал мое приближение. Прежде чем я поравнялся с хижиной, он стоял в дверях. И вот, как всегда, театрально побежал мне навстречу, раскинув руки. И, пока я вносил ее в хижину, семенил сбоку. Он не предложил, чтобы я поделился с ним моей ношей, и не сделал ничего другого, разве что жалобно ворковал какую-то чушь, обращаясь к Арде. Мы усадили ее у стены поближе к огню.

— Ты можешь вытащить стрелу? — спросил По, с желтым в сиянии пламени лицом. Он был не в себе.

— Наверное, это стоило бы сделать тебе. Она — твоя подруга.

— Меня от этого… затошнило бы. Чувствовать, как эта дрянь выходит из ее тела… Нет, я для такого не гожусь. — Мольба равно был в его голосе и глазах. Я вздохнул. Мне тоже не доставляло никакого удовольствия вытаскивание стрел.

Я приблизился к Арде и опустился на колени. Она была без сознания. Я пощупал ее лоб. Ее уже лихорадило от яда. Пульс был слабый. Я действо-

вал со всей возможной быстротой. Когда стрела была уже на полпути, я услыхал шум в дверях и взглянул туда.

Роберт без лука стоял там и глядел на меня.

— Как она, мистер Хэммет? — Он был весь в слезах и дрожал.

— Какого дьявола ты еще спрашиваешь, малыш? После того, что натворил?

Он порывался было еще что-то сказать, но я его оборвал:

— Заткнись ко всем чертям. Я пытаюсь сосредоточиться.

В свете огня засверкали слезы в его глазах. Затем дверной проем опустел. Роберт исчез.

Я извлек стрелу минут за двадцать, и прошло вдвое больше, пока Арда не очнулась и не принялась горестно рыдать, глядя на По с любовью, столь очевидной, что меня одолело смущение. Ну какого черта ей приглянулось такое ничтожество?

Он находился в дальнем от нас конце хижины. Нет, он не придуривался тогда, отказываясь мне помочь. Он и сейчас старался не взглянуть мимоходом на рану.

Я убрал стрелу, очистил рану и перевязал плечо. И как раз собирался встать, когда увидел, что

ее веки затрепетали и поднялись. Она легонько притянула меня к себе и приложила свои мягкие теплые губы к моему уху. И поведала мне наконец обо всем.

* * *

Капли дождя били по воде, точно пули. Луны не было. Я нашел его на самом берегу. Он сидел себе, не чувствуя ни сырости, ни холода, и не тяготясь одиночеством. Я сел рядом с ним в темноте.

Дождь был холодный и непрерывный. Я сказал:

— Она рассказала мне.

— Так я и думал.

— Она могла умереть.

— Знаю, — он вздохнул. — Раньше всякий раз бывало легче. Нам ничего не требовалось делать. Просто она говорила ему, что кто-то пытался утопить ее, столкнуть ее со скалы, пустил в нее стрелу. И ей не приходилось ничему такому неприятному подвергаться.

— Но на этот раз она попросила тебя по-настоящему ее ранить.

— Правда, — сказал он.

Она все объяснила мне там, в хижине, которую делила с По. Она знала, что он ей постоянно изме-

няет. И перепробовала все, чтобы остановить его. Ничто не действовало.

Вместе со своим другом Робертом она стряпала байки о том, как кто-то пытается ее убить. Она думала, что уж это-то должно подействовать. Эдгар начнет настолько беспокоиться за нее, что прекратит бегать по бабам. Несколько недель По был верен ей, но затем принялся за старое: выскальзывал наружу по ночам и спешил в лес на очередное свидание.

Именно тогда Арде пришла мысль, что ее должны ранить. Пусть Роберт стащит лук О'Брайена и стрелу — точно так же, как стащил одну стрелу раньше, чтобы показать Эдгару. Но на этот раз пусть ранит ее на самом деле. После такого события, разумеется, даже По не сможет больше изменять.

Но Роберт разозлился на нее однажды ночью, потому что понял, что она любит его не так, как своего По. Он написал Эдгару письмо, где сообщил о плане, который придумали они с Ардой. О'Брайен подсмотрел, как он пишет, и отнял у него письмо. Он замыслил шантажировать Арду. Либо она станет с ним спать, либо он передаст По письмо Роберта. Роберт был в ужасе. Он понимал, что ему не следовало писать такое письмо,

понимал, что никогда по-настоящему не вручил бы его адресату.

Но теперь то, что письмо у О'Брайена, ничего не значило. Там, в хижине, Арда уже рассказала По обо всем.

— И он опять удерет от нее к кому-нибудь, да, мистер Хэммет?

— Ты имеешь в виду По?

— Угу.

— Боюсь, что да, Роберт.

— Не больно-то он мне нравится.

— Мне тоже.

— Вот только хотел бы я не так сильно ее любить.

— Когда-нибудь ты ее совсем разлюбишь.

— Вы имеете в виду, я смогу смотреть на нее так, чтобы у меня желудок не стягивался в узел?

— Ты сможешь смотреть на нее и поражаться, какого черта ты потратил столько времени на любовь к ней.

— А с вами такое когда-нибудь случалось?

— Много раз.

— Она жутко красивая.

— Жутко красивая, — согласился я.

— И ее стоит любить, потому что она не беспокоится, где тебя носит все время.

— Ну, полагаю, в пользу этого есть некоторые обстоятельства.

Он вздохнул.

— Может быть, я пока не готов перестать любить ее, мистер Хэммет.

— Странно от тебя такое слышать, Роберт.

— Может быть, однажды она еще увидит, каков По на самом деле.

— Вполне возможно, Роберт.

— И тогда, может быть, захочет пойти за меня замуж.

— Такая вероятность всегда сохраняется, Роберт.

Он долгое время хранил молчание, затем поглядел на меня и сказал:

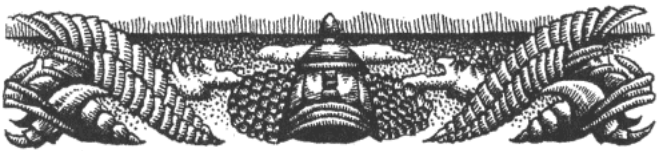
— Вы разбираетесь в этом не лучше, чем я, а, мистер Хэммет?

Ну, уж здесь-то мне точно следовало расхохотаться. Я взъерошил ему волосы и произнес:

— Нет, черт меня возьми, Роберт, нет, черт возьми.

Джон Грегори Бетанкур

Веселые молодцы Мира Реки [37]



Мужчина во всем зеленом, как на театральной сцене, остановился у вершины каменистого утеса, одна рука его затеняла глаза от солнца.

Его длинные, до плеч, волосы цвета пшеницы слегка шевелились от бриза. Он держал тисовый лук, а колчан бамбуковых стрел висел через плечо. Солнце освещало его лицо, а за спиной темнел густой лес, и он выделялся на фоне деревьев, являя собой примечательную фигуру.

Внизу Река делала поворот, она казалась бесконечной серебристой лентой, насколько мог видеть глаз. На дальнем берегу, на расстоянии с полмили вверх по Реке, стоял город — скопление ветхих сорока или пятидесяти бревенчатых домов. От кирпичных труб поднимался дым, а мужчины и женщины, одетые в яркие наряды

---

[37] notes: 37

THE MERRY MEN OF RIVERWORLD by John Gregory Betancourt Copyright© 1992 by John Gregory Betancourt.

разных расцветок, передвигались между домами.

Он слышал, как низкий женский голос напевает мелодию, которую он не помнил, на языке, которого он не знал. Его молодцы должны были его предупредить, если бы там была какая-то опасность, но он все-таки не любил сюрпризов. Позже он поговорит об этом с Биллом или Туком.

Не спеша, он отнял правую руку от глаз. Единым движением резко повернулся, выхватил лук и поставил стрелу.

Это была полуобнаженная женщина с кожей цвета шоколада, и она несла связку бамбука. Она уронила бамбук в беспорядочную кучу, рот ее раскрылся от удивления и страха. Робин видел, что волосы у нее длинные и черные, а юбка сплетена из травы. Ее обнаженные груди были маленькие и загорелые.

— Ya linya! — выдохнула она. — Me ton fevin!

Опустив лук, Робин вскочил на низкий камень и осмотрел ее сверху донизу. Голос его прозвучал низко и мощно, когда он спросил:

— Говоришь ли ты на языке нашего короля, на английском?

Женщина начала пятиться.

Робин свистнул. Леса вокруг внезапно на-

полнились движением — две дюжины людей соскочили с деревьев, с кустов, казалось, даже с самого воздуха. Все были одеты в зеленое, у каждого был лук.

— Я Робин Гуд, — сказал он. — Добро пожаловать в Шервуд, миледи!

Завизжав от ужаса, женщина повернулась и побежала в гущу деревьев. Робин откинул голову назад и расхохотался.

— Сэр Робин, — напомнил высокий мужчина, которого он называл Маленьким Джоном, — на Реке…

Робин повернулся, чтобы проследить за взглядом своего друга.

По изгибу реки приближался один из самых странных речных кораблей, какие ему приходилось видеть. Они уже встречали на Реке три других, но этот…

Он был громадным, добрые две сотни футов от заостренного носа до плоской широкой кормы, с каждой стороны имелось по два колеса, а третье колесо взбаламучивало воду позади. Три высокие палубы были замысловато сработаны из дерева, а с расположенной в центре рубки поднимались две трубы. Солнечный свет отражался от застекленных окон и от того, что выглядело как медные

поручни. Несколько десятков людей двигалось на двух верхних палубах, выполняя разную работу, а на нижней вооруженные мечами стражники несли бдительную вахту.

— Невероятно! — воскликнул Робин. Он так и уставился на это зрелище, на лице у него появилось задумчивое выражение.

— Что ты думаешь? — спросил у него дородный брат Тук.

— Никогда я не видывал ничего подобного, — вздохнул Вилл Скарлет.

— Кто мог его построить? — спросил Маленький Джон.

— Ты лучше спроси — где они достали металл, — сказал Мач.

В прошлой жизни он был гражданским инженером и склонялся к практическим вопросам.

— Ты видишь эти окна? Это же стекло! Настоящее стекло!

— Я думаю, — объявил Робин, садясь, — мы подождем, когда этот речной корабль пойдет обратно. Вилл, Бен, обследуйте-ка холм. На другой стороне должен быть грейлстоун. Если туземцы мирные, мы здесь переночуем.

— Да, Робин, — сказал Вилл Скарлет. И они с Беном Тейлором проскользнули в лес, точно тени.

Пока Робин внимательно вглядывался в тот берег, глубоко погрузившись в свои мысли, остальные его люди начали устраивать лагерь, расчищая территорию, собирая дрова, укладывая круг камней, чтобы разжечь костер. Через минуту Родин открыл свой дорожный пакет, вытащил небольшой квадратик сигаретной бумаги, крошечный глиняный кувшинчик с затычкой и резное перо из рыбьей кости. Он открыл кувшин, окунул перо в жидкие сероватые чернила и начал писать. Почерк у него был мелкий и педантичный.

Когда Робин закончил, он обернул бумагу вокруг рукоятки стрелы, привязал ее туда веревкой из человеческих волос и вернул стрелу в колчан. Теперь это был вопрос времени.

* * *

Туземцы оказались на удивление мирными, если учесть языковой барьер. Они были застенчивыми, спокойными и по-своему простыми, все жили в травяных хижинах вокруг грейлстоуна. Они позволили Робину и его людям поместить их граальчики в неиспользованные прорези грейлстоуна, а потом собрались в дальнем конце деревни, чтобы соблюдать осторожность.

Робин насчитал двадцать пять мужчин и тридцать женщин. Он заметил, что каждый из мужчин держит наготове длинное копье с наконечником из рыбьей кости, хотя ни один не делал враждебных движений.

— Полинезийцы, — предположил брат Тук, — или с каких-нибудь других тихоокеанских островов. — Он побывал социологом прежде, чем его завербовали в шайку веселых молодцев; одна из причин, по которым он к ним присоединился, была — повидать побольше народу, воскрешенных на берегах Реки. — Возможно, они никогда не видели белого человека в своей естественной жизни.

Кивнув, Робин забрал свой граальчик из грейлстоуна после того, как прогремел разряд.

— И какова, ты считаешь, возможность, что они нападут?

Тук поколебался:

— Они были дружественным народом. Но я бы не хотел испытывать нашу удачу.

— Тогда пошли, — скомандовал Робин остальным своим людям. Назад, к Реке. Не будем рисковать гостеприимством тем, что станем есть у них на виду.

Он повел их назад к скале. Вилл Скарлет стоял

на страже, внимательно глядя, не проплывет ли речное судно.

— Никаких его признаков, — доложил он. Робин медленно кивнул:

— Уверен, что на этот раз у них задача разведать что-то, — сказал он. — Они вернутся.

— Это на таком-то судне? — выразил сомнение Маленький Джон, и его кустистые брови сошлись на переносице. — Им бы дойти до конца Реки. Для чего бы им возвращаться сюда?

— Да по любой из десяти причин.

Робин присел на корточки и открыл свой грааль. Там он нашел хрустящие вафли, маленький пакетик того, что выглядело вроде орехового масла, ломтики сушеного мяса и бутылочка бренди… так же, как обычные табак, марихуана и жвачка грез.

Робин откусил кусочек мяса и продолжал:

— Во-первых, пароход — один из самых ценных на Реке, прекрасно оборудованный, — но он сжигает дерево. Они должны будут приставать к берегу всякий раз, когда оно кончается. Уверен, что они останавливаются только на безопасных заранее предусмотренных базах, а если они хотят разведать новую территорию, они вообще не станут останавливаться. Когда у них останется мало

горючего, они помчатся домой. Может, через два дня, может, через три. Во-вторых, у них на борту недостаточно народу для продолжительного путешествия. Был бы это мой кораблик и собирался бы я уехать далеко, я бы доверху набил его вооруженными людьми. Каждый тиран на Реке попытается его украсть, если у них будет хотя бы полшанса.

— Тень Роберта Фултона, — пробормотал почти про себя Маленький Джон.

— Но если ты неправ, — сказал Вилл Скарлет Робину.

Робин сверкнул ослепительной улыбкой:

— Если он не вернется через неделю, мы отправимся дальше.

* * *

В прежние деньки, до Воскрешения, Робин был хорошо обученным классическим актером по имени Эдмонд Хоуп Брайор. Начиная с шестилетнего возраста, он двадцать два года играл на сцене маленькие роли, до своего перехода в Голливуд и к голубому экрану. После трех трагических любовных историй, восьми легко забытых вестернов (критика отмечала больше лошадей, чем его актерский талант), и одного гангстерско-

го фильма, в котором в самом конце его убивает юный Спенсер Трейси, он совершил большой прыжок к игре на телевидении, прослыв enfant terrible[38].

Роль Робина Гуда в показываемом дважды в неделю сериале «Робин Гуд и его веселые молодцы» начинающего драматурга Дюнона Петворка должна была сделать его героем десятка тысяч детей. Он точно это знал, когда подписывал контракт. Он знал также, что никогда не достигнет быстрого успеха в кино, так же как не достиг его на сцене.

Но только Диаболо, белый жеребец с дурным характером, когда продюсер настоял на том, чтобы он поехал на нем верхом, сбросил его на первой же съемке «Робина Гуда и его веселых молодцев». Настоящих воспоминаний после этого у Эдмонда уже не было, он только запомнил, что видел, как пол киносъемочного павильона помчался навстречу ему.

Сломанная шея, как он понял, немедленная смерть — или около того.

За три года странствий по берегам Реки он ни разу не встретил никого, кто бы подтвердил его

---

[38] notes: 38
Ужасный ребенок *(франц.)*.

подозрения. Он часто думал, что это и неважно: он все равно оставил свою прежнюю жизнь и принял другую: жизнь Робина Гуда. Это была роль, играть которую он родился, мечта с самого детства, из которой он никогда так и не вырос.

Он формировался как единственный сын двух трагических актеров, по их образцу, ему преподавали красноречие, танцы и музыку вместо игр и отдыха. Он понимал, что его таким образом испортили и изнежили. Проснувшись на Реке, он решил начать все с начала, жить той жизнью, которую всегда хотел для себя, полной приключений и романтики. Так начались его скитания.

Он принял имя Робин Гуд и начал путешествовать по Реке, борясь с любой несправедливостью, которую обнаруживал, прикидываясь, будто он ищет короля Ричарда Львиное Сердце. Актерская игра, да, но она его странным образом удовлетворяла. По пути он повстречал остальных, имевших желание разделить с ним его задачу, и из их числа он составил свою шайку веселых молодцев. Казалось, что его сон обратился в явь. Он даже уговорил уставшего от политики Авраама Линкольна взять на себя новую политическую карьеру и принять роль Маленького Джона. С тех пор они стали близкими друзьями.

* * *

Две ночи спустя чья-то легкая рука тронула Робина за плечо. Он проснулся мгновенно — и увидел над собой таинственную физиономию Мача.

— Ты был прав, — сказал Мач. — Он вернулся.

Робин вскочил и помчался к скале, забравшись настолько близко к краю, насколько ему хватило смелости. Пароход готов был причалить; окна сияли ясным желтым светом, точно маяки в темноте. И что за фонари такие у них на борту, подумал он. Что за люди смогли так быстро цивилизовать этот мир?

— Зажигайте костер, — скомандовал Робин.

Остальные послушались, бросая дрова сверх на угли и раздувая их, пока не получился хороший костер.

К тому времени, как пароход поравнялся со скалами, Робин приготовил лук и свои особые стрелы. Он две недели когда-то тренировался в стрельбе из лука для телевизионного шоу; продюсеры собирались рекламировать его как лучшего лучника двадцатого века. К собственному удивлению, он обнаружил, что у него к этому есть талант, и за три года практики на Реке он довел

этот талант до совершенства.

Робин прицелился, потом выпустил стрелу. Уже через миг его взгляд не мог разглядеть ее в темноте, потом она ударила в дверь лоцманской рубки, и над водой послышалось громкое «трынк».

Дверь открылась. На секунду высветился силуэт приземистого широкоплечего мужчины. Он увидел стрелу и записку на ней, схватил их и захлопнул дверь. Колеса парохода продолжали стучать.

— Они не остановились, — сказал Тук.

— Остановятся.

— А что, если они не понимают по-английски? — настаивал тот.

Мач вспомнил:

— Пароход — американское изобретение. Они будут говорить по-английски.

— А что ты им сказал, Робин? — спросил Маленький Джон.

— Уверен, что ты одобришь — правду.

Джон наклонил свою большую голову:

— Да, но которую из них?

— Свою, — улыбнулся Робин.

* * *

Судно замедлило ход, но не остановилось. Почти что казалось, как будто внутри происходили какие-то бурные споры. Наконец, оно начало разворачиваться, громадное заднее колесо остановилось. Пароход медленно плыл вниз по Реке по течению, прочь от них.

— А это еще что значит? — спросил братец Тук.

— Это значит, что они не хотят знакомиться с нами в темноте, — разъяснил Маленький Джон. — Они поплывут по течению, а потом пустят в ход колеса и вернутся к нам.

— В точности мои соображения, — одобрил Робин. Он уселся, скрестив ноги: — Будем ждать.

* * *

Пароход появился через час после рассвета, слабо попыхивая, дым из трубы оставлял двойную серую полосу в воздухе. Робин сел и начал махать своим луком. То же стали делать и его молодцы.

Судно замедлило ход; его колеса поворачивались с достаточной скоростью для того, чтобы держаться чуть впереди Робина и его людей. Матросы, одетые в черное с белым, засуетились

на палубе. Они сняли маленькую шлюпку, погрузили ее в воду, два человека начали быстро грести к скалам. На борту еще два человека, вооруженные короткими кривыми саблями, не спускали бдительного взгляда с Робина и его людей.

Робин начал спускаться к скалистому берегу. Остальные последовали за ним. Он добрался до места как раз к тому времени, когда шлюпка достигла мелей, и вышел по воде вперед, чтобы помочь им выбраться на берег.

— Bonjour, — поздоровался один из вооруженных саблями людей. — Je m'appelle Claude de Ves. Je suis..[39]

Робин перебил, качая головой:

— Я по-французски не говорю. Вы говорите по-английски?

— Немного, — ответил тот с сильным акцентом. — Я Клод де Вэ с... ну, с парохода «Belle Dame»[40].

— Кто ваш капитан? — поинтересовался Робин.

— Мосье Жюль Верн.

— Писатель?

---

[39] notes: 39
Добрый день. Меня зовут Клод де Вэ. *Я... (франц.)*

[40] notes: 40
«Прекрасная дама» *(франц.)*.

— Оиі.[41]

Для Маленького Джона и для большинства остальных это имя ничего не значило, как понял Робин. Он наскоро сделал объяснения относительно знаменитого французского знатока техники и писателя, который предвидел изобретения всего, начиная от подводной лодки и кончая атомной энергией.

— Вот это человек, — восхитился Маленький Джон, — и я бы очень хотел с ним познакомиться.

— Да, он великий человек, — подтвердил Клод. — Ваше письмо… alors, не знаю этого слова по-английски — но капитан хочет встретиться с вами.

— Прекрасно! — воскликнул Робин. — Потребуется всего четыре или пять рейсов, не более, чтобы перевезти нас всех.

— А вы главный? — спросил Клод.

— Да.

— Мосье Верн желает, чтобы только вы посетили его.

Робин взглянул на Маленького Джона:

— Как ты думаешь?

---

[41] notes: 41
Да *(франц.)*.

— Если этот Верн такой великий человек, как вы говорите, вам нечего опасаться.

— В точности мои мысли, — Робин посмотрел на Клода де Вэ. — Очень хорошо, ваше условие принято.

Он пробрался по воде в лодку и сел. Его молодцы столкнули их в более глубокую воду, и люди Верна развернулись и начали грести к пароходу усиленными гребками.

Один раз Робин обернулся и увидел, что Маленький Джон стоит на берегу, глядя на него с непроницаемым лицом. Робин помахал ему и крикнул:

— Я скоро вернусь!

* * *

Сам пароход был техническим чудом, но, присмотревшись с близкого расстояния, Робин начал замечать мелкие детали, которые говорили о том, что судно — результат более примитивной техники, чем он заподозрил сначала. Стекла в окнах были затуманены и вздувались пузырями, которых было немало. По меди сильно стучали, чтобы придать ей форму поручней, следы молота были ясно видны. Когда Робин спустился на нижнюю палубу, он заметил в лесенке гвозди с

квадратными шляпками. Пароход строился вручную, он уверился в этом, и представлял собой результат фантастического приложения чисто физического труда.

— Мосье Верн в своей каюте, — объявил Клод.

Он подвел Робина к люку, затем громко постучал.

Ответил слабый голос.

Клод открыл люк и отступил, чтобы Робин мог войти первым. Робин неуклюже вошел.

Его глазам понадобился всего миг, чтобы приспособиться к полумраку внутри. Когда он смог видеть, он разглядел бледного человека с короткими и тонкими черными волосами, лежащего в постели. В воздухе стоял сладкий запах, напоминающий тот, какой бывает у мяса, слишком долго пролежавшего на солнце. Инфекция, — подумал Робин.

— Мосье Верн?

Жюль Верн кивнул. Несмотря на его болезнь, в его взгляде горел огонек, которого Робин не мог отрицать. Верн держал ту записку, которую Робин привязал к стреле.

— Так вы претендуете на то, что вы сэр Робин Локсли? — спросил он на английском, почти лишенном акцента.

— А я и есть он, — ответил Робин. — Я в восторге от знакомства с вами, сэр.

— Возьмите тот стул, и мы побеседуем, — предложил Верн.

Робин так и сделал.

— У вас британское произношение девятнадцатого века, я бы сказал, — продолжал Верн. — Как вы это объясните?

Робин передернул плечами:

— А вы был поняли саксонский?

— Touche [42].

— И кстати, это произношение двадцатого века.

И прежде, чем он успел это осознать, Робин обнаружил, что он рассказывает о том, как он взялся за роль Робина Гуда, о своих приключениях и злоключениях на Реке, о том, как он и его молодцы стараются искоренять несправедливости в этом новом мире.

Верн то и дело кивал, жадно слушая.

— Поистине, жизнь — это ряд любопытнейших событий, — сказал он. — Неделю назад мне был нужен кто-то вроде вас. На самом деле, я чуть не умер из-за этого.

---

[42] notes: 42
Здесь: сдаюсь *(франц.)*

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Робин.

Верн вздохнул и откинулся на своей постели, закрыв глаза. Он вдруг стал выглядеть усталым и хрупким. Когда он снова заговорил, это был голос старика:

— Когда я проснулся на Реке и обнаружил, что я молод, мне казалось, будто Бог создал этот мир для меня одного…

* * *

Теперь (как говорил Верн) я мог выполнять такие вещи, о которых в течение моей жизни я только мечтал. Все мои изыскания, все мои книги и писания, они неумолимо привели меня к этому моменту.

Я поклялся создать совершенное общество. Эта новая цивилизация будет смоделирована по примеру старого человечества, но все отклонения и ошибки должны быть устранены. Человечеству здесь дается второй шанс, почувствовал я, и нам следует как следует воспользоваться им.

Я был достаточно счастлив тем, что воскрешен посреди группы состоящей главным образом из французов конца девятнадцатого столетия. Среди нас оказались и русские — из нашего будущего,

жившие на двадцать или тридцать лет позже нас, китайцы из другого века (я не мог определить их место в истории; в моих знаниях по части Востока кое-чего не хватает), и еще несколько других людей из разных периодов нашей мировой истории.

Китайцы немедленно сплотились все вместе и ушли в поисках того китайского, что в состоянии были найти; к моему сожалению, мы так и не преодолели языковой барьер. С другой стороны, русские остались с нами. Был среди них один пламенный юноша с непроизносимым именем, который просил нас называть его Лениным, начал проповедовать массам социализм, но его голоса никто не хотел слушать. Большинство людей было довольно жить естественной жизнью, поедая пищу из металлических рогов изобилия; они загорали на речных берегах, жевали наркотические палочки и с гедонистической страстностью вступали во внебрачные связи.

Ленина убили на вторую неделю его пребывания здесь. Но то, что он говорил, заинтересовало меня. Идея о том, что все люди равны, разумеется, является странной, но организационная система, которую он обрисовал, казалась стоящей, даже практичной в наших текущих обстоятельствах.

Я соединил его идеи с моими. Когда я поговорил со своими приятелями, я нашел среди них многих инженеров, которые сочувствовали моим новым идеям. Имена их вам ни о чем не скажут, потому что они никоим образом не были знаменитостями, но они были упорными людьми, хорошо знающими в пределах своего поля деятельности, и не боялись тяжелой работы.

Сначала мы отдалились от остального населения, найдя отдельный Рог изобилия в холмах. Здесь мы начали систематическое изучение почвы и возможного сырья. Там были месторождения железа, олова и меди, и добывать их было легко. Деревья могли снабжать нас дровами для костров и инструментами. И должен признаться, мы использовали все, что могли, в человеческих трупах, попадающихся нам — кости были нашими первыми инструментами.

В течение нескольких месяцев мы создали коммуну, основанную на научном планировании. Когда мы обсуждали свои дела, мы пришли к согласию во мнениях, что наше воскрешение было некоторым испытанием и что для того, чтобы доказать достоинства нашего вида, мы должны бороться за создание более совершенного общества при помощи доступных материалов.

Нет нужды говорить, как это было трудно. Но по мере того, как к нам присоединилось больше людей, мы находили силу в нашем количестве. Возводились дома, строился частокол, чтобы защитить нас от наших соседей и каких-нибудь мародерствующих животных, каких мог бы приютить этот мир.

Скоро мы выплавляли бронзу, потом — железо. Песок, после некоторой обработки, оказался подходящим для изготовления грубого стекла, который вы видите на окнах «Belle Dame». За три месяца мы построили процветающий город, где каждый мужчина и каждая женщина трудились, десять часов в день для общего блага. Моя мечта осуществлялась, приобретая определенную форму прямо у меня на глазах.

Разумеется, наше общество было технократическим. Управлял им наш Технократический Совет Инженеров со мной во главе. Когда нам пришло в голову, что мы должны попытаться собрать лучшие элементы этого нового мира в одном месте, мы отправили эмиссаров. Наши посланники-ученые отправились за тысячи миль вверх и вниз по Реке, убеждая всех инженеров и ученых, каких они встречали, присоединяться к нашему делу.

И опять замысел осуществился. Люди из всех эпох собирались вокруг нашего новорожденного общества. Какие лаборатории мы устроили — там было на что посмотреть! У нас были заводы, водопровод и даже часы — уже через год. Каждый успех воодушевлял нас на дальнейшее продвижение вперед. Строились железные дороги, соединяющие Рога изобилия. Шары, наполненные горячим газом, поднимались в воздух. Картографы начали составлять карты нашего нового мира. И наконец, мы начали строить этот пароход.

Нет, не перебивайте — дайте мне закончить рассказ. Я уже близок к концу.

Возможно, у нас закружилась голова от успехов. Мы разрешали каждому, кто хотел, присоединяться к нам — каждому. Это оказалось ошибкой. В одно прекрасное утро мы проснулись и обнаружили, что наше общество потонуло в неквалифицированном «пролетариате», если использовать ленинское слово.

Среди тех, кто к нам присоединился, был человек по имени Капоне. Он пришел к нам с группой своих последователей. Он был небольшого роста, быстрый, гладко говорил. Капоне предложил выделить чиновников, чтобы они имели дело с

нашим населением в целом. Мы, конечно, уже видели необходимость в администрации и полиции, но никто из Совета в действительности не хотел возглавлять столь приземленные дела. Мы все были учеными, мечтателями, мы смотрели в будущее. У каждого из нас были свои проекты, за которыми нужно было смотреть. Мы предоставили Капоне управляться с такими делами, это казалось идеальным решением, так как позволяло нам сосредоточиться на своей работе.

Капоне дал нам всем телохранителей. В то время это казалось хорошей мыслью, но теперь я понимаю его планы. Он хотел изолировать нас от населения, так чтобы ему нас контролировать и держать в руках. Я слыхал о многих изобретениях двадцатого века к тому времени — о том, что люди ходили по луне, о спутниках, компьютерах, телевидении, — и я хотел достижения всех этих технических чудес — и еще большего. Возможно, это и ослепило меня. Я хотел за месяцы перескочить через столетия, я жаждал прорваться к высшей точке человеческих технических достижений за промежуток в несколько лет.

Вероятно, это и в самом деле было наказанием за мою гордыню. Возможно, это была слепая глупость. Однажды я проснулся — и обнаружил,

что я пленник. Мои телохранители стали моими тюремщиками. Я — и другие технократы — не были больше во главе общества. В течение одной ночи наше правительство пало в бескровном бою. Аль Капоне взял вверх.

Он был умный человек, я это допускаю. Когда мы встретились с ним в палате Технократического Совета — мы на полу, он на низком троне — пояснил, кто обвиняется. Когда Леонардо да Винчи осмелился выступить против него с речью, Капоне забил его насмерть деревянной дубинкой. Кровь, кровь! Это было так ужасно… самый ужасный момент в моей жизни.

Я мечтал увидеть Капоне мертвым, но никто из нас ничего не мог сделать, оставалось только согласиться на все его требования. Вероятно, если бы попытались выступить против него, мы бы разделили судьбу Леонардо. Подчиниться — было единственно правильно. Даже при том, что я знал, что воскресну где-нибудь в другом месте на Реке, я не мог ему противостоять… Стыдно сказать, я боялся смерти и боли, которую он мне причинит перед кончиной.

После этого Капоне держал нас на коротком подводке. Мы никогда не появлялись перед народом в одиночку, никогда ни с кем не разгова-

ривали ни о чем, кроме наших технократических проектов, и то всегда при строгом наблюдении наших стражников. Капоне хотел, чтобы я как можно скорее осуществил самый любимый из моих проектов: речной пароход; догадываюсь, почему мне давали минимум свободы. Большинство других технократов были заперты в своих комнатах, принуждаемые работать над чертежами машин, которые полностью осуществят другие люди без их участия.

Как я выяснил позже, большая часть корпуса инженеров и работающих ученых привели к тому, что произошло. Капоне был жадной свиньей. Он переименовал наш небольшой город в Новое Чикаго и начал брать пошлину с каждого в виде табака, марихуаны и жвачки грез.

Те, кто не проявлял достаточной искусности и умения, оказались сосланы в рабочие команды в горах, добывать металлы или рубить деревья, чтобы обеспечивать технические нужды Нового Чикаго.

Следующий год стал поистине мрачным. Но строительство речного парохода было близко к завершению, и, хотя Капоне решил превратить его в плавучий бордель и казино, его наличие обещало надежду многим из наших ученых.

Ночью накануне испытательного путешествия «Belle Dame», они устроили восстание. При помощи луков, которые они изготовили в свободное время, они расстреляли стражу того здания, где жили я и другие технократы, и освободили нас.

За какие-то секунды они объяснили свои безумные планы. Мы захватим пароход и отправимся основывать новое технократическое государство. На этот раз мы не станем повторять ошибок, которые привели Капоне к власти. На этот раз мы действительно создадим совершенный мир.

Если говорить короче, Капоне каким-то образом узнал о попытке освободиться. Он отправил отряд своих людей остановить нас — а скорее, убить нас, поскольку пароход был готов. Если никому из ученых доверять нельзя, наша польза для него кончилась.

Дошло до борьбы в рукопашную. Я об этом когда-то писал, изучал кулачные бои, но сам оказался мало приспособлен к настоящей схватке насмерть. Один из лейтенантов Капоне вскрыл мен живот мечом. Я упал без сознания.

Проснулся я здесь, на борту «Belle Dame». Горсточка людей подобрала мое лежащее тело, с боями прорвалась на пароход и отчалила. Когда вы встретились нам, мы искали на реке другое ме-

сто для нашего технократического государства.

Когда Верн закончил свой рассказ, Робин сидел задумавшись. В каждом слове звучала правда, он не сомневался в истинности всей истории.

— Так вы ищете, — сказал, наконец, Робин, — место, похожее на прошлое ваше обиталище, с доступными месторождениями металлов и богатого лесов, с легким выходом на Реку и с Рогом изобилия — с тем, что мы называем грейлстоуном.

— Правильно, — Верн опять приподнялся с постели, немного морщась от боли. — Вы знаете такое место?

— Мы пропутешествовали тысячи миль вдоль Реки, всегда в сторону верхнего течения, — сообщил Робин. — Я следил, нет ли по пути металлов, и знаю такие места, где найдены свинец и медь. Но железная руда? Нет, ее нет.

Верн снова откинулся на подушки.

— Тогда, вероятно, мы пропали, — сказал он. — Провидение привело нас к тому месту, и мы в своей гордыне там не преуспели, не заметили опасностей, которые навлекли на себя.

— Провидение могло свести нас вместе по какой-то причине. Вы не удивляетесь совпадению всего этого?

— Вы это о чем?

Робин встал и начал шагать по каюте.

— Вас выставили из вашего города этот головорез и его люди. После этого, вы встречаете меня, человека с группой последователей, которые ищут, как бы им побороть несправедливости мира. Вы можете придумать более подходящее сотрудничество?

— А вы думаете о том же, что и я?

— Если вы считаете, что мы могли бы завоевать власть в Новом Чикаго и отнять ее у Капоне, — тогда да.

— Я должен это обдумать, — заявил Верн. Насилие никогда не было ответом на мировые проблемы.

— Но иногда оно единственное решение, — отрезал Робин.

Верн закрыл глаза.

— Найдите Клода, — попросил он. — Пусть он приведет ваших людей на борт. Мы снова побеседуем позже.

В этот день Вилл Скарлет, который когда-то провел целый год, обучаясь на медика, пока не бросил эту специальность, пришел осмотреть Жюля Верна. Робин надеялся, что он сможет помочь технократу. Из всех, кто находился на борту,

Вилл был ближе всего к специальности врача.

Пока все ожидали прогнозов, Робин встретился с Маленьким Джоном в салоне, красиво украшенной комнате: на всех столах были выложены из костей гигантской рыбы, жившей на дне Реки, вполне сходившей за слоновую кость, мозаики, изображающие растения. Робин всего два раза видел таких рыб… один раз рыбий труп длиной в двадцать футов выкинуло на берег, другой раз — такую рыбу ел рыбак, когда Робин со своими людьми проходили через его город. Интересно, подумал Робин, откуда Верн достал столько этих костей, что смог расщедриться и пустить их на украшения. Может быть, речных рыб водилось больше в окрестностях Нового Чикаго.

Робин с Маленьким Джоном придвинули стулья и уселись друг к другу лицом. Эти двое всегда принимали главные решения; бывший президент был мудрым человеком, блестящим во многих отношениях, и его советы много значили для Робина.

— Не уверен, что мне нравится дело с этим типом Капоне, — начал Маленький Джон.

— Мы с ним справимся достаточно легко.

— Эдмунд — да ты послушай сам, что говоришь!

— Я себя слышал.

— Ты актер, а не герой. Допускаю, было забавно играть эту игру с тобой, бродить по холмам, как это делали бы Робин Гуд и его молодцы. Это было роскошно, возможность осуществить мои мальчишеские мечты. Но, вероятно, настало время заканчивать этот маскарад. Мы вовсе не разбойники из зеленого леса, мы же цивилизованные люди. И напугать Капоне будет не так-то легко.

— А я и не хочу пугать его. Я хочу заставить его прекратить — или, если это будет невозможно, убить — и пусть воскреснет за миллион миль оттуда.

— Сомневаюсь, что мы сможем это сделать.

— Ты что, забыл все, что мы совершили?

Кустистые брови Линкольна сошлись на переносице.

— Мы напугали нескольких крестьян так, что они перестали быть рабами грейлстоуна. Мы прекратили несколько пьяных потасовок. Исследовали тысячи миль этой проклятой Реки. Вот и все. Мы вовсе не Армия мщения, и мы не кулак Бога. Этот Капоне — опасный преступник. Он окружил себя своей личной армией, если правда то, что поведал тебе Верн. Двадцать бойцов против двух сотен — это же самоубийство.

— То есть ты хочешь сказать, что мы должны оставить его там строить величайшую криминальную империю в истории человечества?

— Я вовсе не говорю. Я говорю, что мы не можем захватить город, действуя как разбойники. Тут нужен план, стратегия и масса терпения.

— А как насчет удачи?

— Ты невозможен!

— Маленький Джон…

— Называй меня Авраамом!

— Ладно, Маленький Авраам. Я всегда чувствовал, что должен осуществлять свое призвание. Жизнь всегда на меня наседала: сначала это были мои родители, потом — труппа, а потом — куча агентов. Я всегда знал, что предназначен для чего-то великого. А после нашего воскрешения это ощущение стало во мне еще сильней, чем всегда. То, что я взял на себя роль Робина Гуда, наша встреча с Верном и этот пароход, все это вместе, — привело к настоящему моменту. Это судьба. Жребий брошен, я слышу зов судьбы.

Линкольн встал:

— Пора покончить с твоими детскими мечтаниями, — сказал он. — Если мы собираемся захватить с Капоне Новый Чикаго, нам нужен человек, способный вести нас, а не персонаж из

книжки.

— Ты уверен?

— Вполне.

Авраам Линкольн повернулся и вышел из комнаты.

Робин Гуд, урожденный Эдмонд Брайар, долго сидел в одиночестве, погруженный в задумчивость.

Прогнозы Вилла Скарлета были многообещающими: он промыл и перевязал рану Жюля Верна, затем аккуратно зашил ее — и теперь чувствовал уверенность, что его пациент со временем совершенно выздоровеет.

— Сложность в том, что он потерял много крови и получил скверную инфекцию, — доложил он. — К счастью, никакие жизненно важные органы не повреждены.

Для Робина это была замечательная новость.

— Можешь ли ты еще что-нибудь сделать для него? — спросил он.

— Пусть спит. Это для него сейчас лучшее лекарство.

— Хорошо, — обрадовался Робин, кивая. — Побудь с ним. Дай мне знать, если что-то понадобится.

Через два дня Жюль Верн послал весточку, что

он снова хочет видеть Робина. Верн выглядел значительно лучше, подумал Робин сразу, как только вошел в каюту. Цвет лица вернулся к нему, а голос стал сильнее в более властным.

— Я решил одобрить ваш план, — сообщил он без всякой преамбулы. — Мы вернемся и попробуем отвоевать Новый Чикаго. Подробности я оставляю на ваше усмотрение — я человек науки, не насилия, как показали недавние события. Все, что вам понадобится, я устрою. Итак, каковы ваши планы?

— Пока у меня их еще нет, — сказал Робин. — Мы с Маленьким Джоном должны изучить город, подсчитать наши ресурсы и оценить силы врага, прежде чем начнем что-нибудь.

— Весьма мудро, — медленно кивнул Верн. — Я проинструктировал Клода де Вэ, чтобы он оказал вам любую помощь, в которой вы будете нуждаться. Все наши разнообразные таланты в вашем распоряжении, сэр.

— Спасибо, — поблагодарил Робин. — Выше доверие ко мне не напрасно. Вы не будете разочарованы.

Робин не придерживался никаких ложных иллюзий относительно себя самого или предстоящей задачи: он знал, что она будет трудной, что

борьба будет кровавой и сильной, что в результате некоторые из его людей, — а быть может и он сам, — погибнут. Но он также знал, что у Капоне необходимо отобрать власть и что он единственный человек, способный выполнить это успешно.

На следующий день Клод де Вэ устроили для Робина и его людей экскурсию по пароходу. Они увидели паровые машины, приводившие в движение пароходные колеса, и громадные бункеры, где хранились дрова для топок; осмотрели лоцманскую рубку и роскошные салон; каюты и трюмы.

Робин решил, что пароход имеет невероятно громадные возможности, но они не смогут его использовать для нападения. Он был слишком большой и заметней — если Капоне увидит, как он приближается, у него будет масса времени подготовиться, чтобы встреть его. Кроме того, превосходящие силы Капоне легко одержат верх над Верном и его людьми. Нет, решил Робин, прикинув неравенство между ними, им придется полагаться на собственные мозги, чтобы одержать верх.

Пароход стучал лопастями, плывя вверх по Реке, три недели, одолев сотни миль, пройдя мимо

тысяч разных цивилизаций. Ацтеки, минойцы, современные японцы, индийцы семнадцатого столетия… тут было все разнообразие народов.

В течение всего этого времени Робин беспощадно тренировал своих молодцев и людей Верна в искусстве стрельбы из лука. Они изготавливали соломенные мишени в форме людей и стреляли в них снова и снова позади рубки лоцмана. Задняя стенка рубки покрылась дырами и стружками от бесчисленных наконечников стрел.

Вечерами Робин и его молодцы изготавливали новые луки и стрелы, им помогала команда Верна. В результате через некоторое время у каждого мужчины и женщины на борту насчитывалось по два лука и по две дюжины стрел. Робин ощущал уверенность — и Маленький Джон склонялся к тому, чтобы с ним согласиться, — что для взятия Нового Чикаго им понадобится каждый человек, находящийся на борту.

Когда они оказались в неделе пешего пути до Нового Чикаго, «Belle Dame» замедлила ход и снова подошла к берегу. На этот раз с нее сошел только один Робин. Пароход должен был вернуться через три недели, чтобы подобрать его; тем временем, он подождет далеко отсюда вниз по Реке, где Маленький Джон, Вилл Скарлет и

остальные будут продолжать тренировать команду Верна в стрельбе из лука.

У Робина была простая миссия: он сделает разведку, осмотрит Новый Чикаго, оценит силы Капоне и вернется.

Путь до Нового Чикаго оказался абсолютно лишенным событий, а потому разочаровывал. Местное население вдоль Реки оказалось редким: большинство, как узнал Робин, мигрировало в Новый Чикаго еще в первое время его существования. С тех пор, как власть захватил Аль Капоне, оставшееся население мигрировало вниз по Реке… к этому привели слухи о лагерях для рабов… — все казалось одинаково безумным и одинаково невозможным.

Оставался один день пути до Чикаго — и тут он нарвался на патруль головорезов Капоне: шестеро мужчин, вооруженных мечами и щитами. Они тотчас окружили Робина, обнажили мечи.

— Бросай оружие, — приказал их начальник с жестокой усмешкой, — тогда мы, может быть, оставим тебе жизнь.

Робин стоял, опершись спиной о дерево, лук натянут, стрела на тетиве, полная готовность выстрелить.

— У тебя никаких шансов, — отрезал Робин. —

Еще шаг — и ты мертв. — Его стрела прицелилась начальнику в грудь. — Стрела пройдет сквозь этот щит, который ты держишь, как нож в масло.

Начальник с некоторым беспокойством отступил.

— А ну, — начал он, — ты же не можешь…

— Я слышал, там, впереди, есть город, где люди с искусными умениями могут найти для себя хорошую жизнь — продолжал Робин. — Так это правда — или нет?

— А что ты умеешь?

— Делаю оружие.

— Какое именно?

— Всякое — от луков до пушек.

— Говоришь — пушки?

— Так и есть.

Ухмыляясь, мужчина отступил и вложил меч в ножны.

— Что ж ты сразу не сказал, друг? У нас тут есть проблемы с туземцами, а потому никакая предосторожность не излишняя. Добро пожаловать в Новый Чикаго, все в порядке — у босса всегда найдется местечко еще для одного человека, владеющего полезным ремеслом.

Робин опустил лук:

— Я думаю, — сказал он.

Первым впечатлением Робина было то, что Новый Чикаго — жемчужина, спрятанная в навозной куче. Оригинальный город, окруженный частоколом, был в точности таким, как описывал его Верн.

Улицы были широкие, дома построены на обсаженных деревьями проспектах, отходивших радиусами от большой центральной площади. Громадное здание совета — теперь дворец Капоне — стоял в точности в центре города.

Но рядом с частоколом, однако, тянулись трущобы. Мужчины и женщины с голодными изможденными лицами смотрели, как Робин и люди Капоне шли мимо них. Между Новым Чикаго и Рекой понастроили тысячи сооружений из бревен, глины с Реки и бамбука, без всякого учета порядка или санитарных норм. Вонь человеческих отходов вызывала тошноту.

Робин прикрыл рот и нос куском тряпки. Есть ли такая степень деградации, до какой не может опуститься человек? — дивился он.

— Не беспокойся, — шепнул ему человек, шедший справа от него, как бы давая ответ на невысказанные мысли. — Как правило, вонь из Писстауна до самого города не доходит.

— Хорошо, — сказал Робин.

В воротах частокола стража отобрала у Робина его лук и колчан, Робин не протестовал: он знал, что это та маленькая цена, которую он платит за информацию, которую получит.

К его удивлению, его сейчас же повели в маленький беленый дом, стоящий перед центральной площадью. Два стражника сопровождали его в помещение. На двери висела медная табличка с выгравированным именем: «А. Эйхман».

— Заходите, — пригласил молодой человек с песочного цвета волосами, он говорил с сильным немецким акцентом. Пожалуйста, сэр.

Робин опустился на деревянный стул с прямой спинкой. Стул слегка скрипнул под его тяжестью. Робин позволил своему взгляду бесцельно поблуждать по комнате, — она была пуста, если не считать одного письменного стола, — потом он снова посмотрел на тонкое неулыбчивое лицо Эйхмана.

Перед Эйхманом лежал лист бумаги. Он окунул перо в глиняную чернильницу и спросил:

— Имя?

— Робин Хантингтон, — потом Робин произнес это имя по буквам. Перо Эйхмана заскрипело.

— Дата смерти?

— Год тысяча восемьсот сорок шестой с рожде-

ния нашего Господа.

Эйхман записал, потом сделал паузу, изучая Робина взглядом.

— Что умеете?

— Я был мастер-оружейник.

— Отлично, отлично, — Эйхман записал это тоже, затем положил бланк на небольшой поднос в углу стола. Открыл ящик, достал карточку. Бумага выглядела грубой и толстой, но слова на ней были напечатаны каким-то типографским шрифтом. Эйхман вписал в карточку имя Робина и целый ряд цифр.

— Это ваша идентификационная карточка, — объяснил он. — Носите ее с собой все время. Вам она понадобится, чтобы входить в здания и выходить из них, использовать Рог изобилия для еды и брать инструменты и оборудование для работы. — Он улыбнулся. — Вам повезло, что вы специалист по оружию — босс увлекается оружием. Он хочет иметь пистолеты как можно скорее, и, если вы будете работать старательно и этим его осчастливите, вы найдете, что ваши преимущества и привилегии громадны. Положение таково, что вы скоро будете среди элиты в научной команде.

— Выглядит для меня неплохо, — заметил Ро-

бин.

Эйхман сделал знак стражникам:

— Найдите ему место в спальнях.

На следующее утро в оружейной мастерской Робин познакомился с тремя другими кузнецами-оружейниками, работающими на Капоне. Глава оружейного проекта, голландец по имени, Эмиль Ван Дескол, умерший в 1865 году, провел Робина по всей мастерской. С десяток подмастерьев от семнадцати до двадцати или двадцати одного, вырезали вручную ружейные стволы и рукоятки пистолетов и строгали кремни для затворов.

Несколько пистолетных стволов были окованы железом, а каналы их стволов полировались.

— Как вы видите, — пояснил Эмиль, прогресс у нас медленный. Железо бедное, наши методы ковки еще беднее, а работа утомительная и отнимает много времени. Пройдут месяцы, если не годы, прежде чем у нас будет хоть один стреляющий пистолет.

Робин нахмурился. Он не был экспертом, но ему показалось, что прогресс в изготовлении оружия был гораздо быстрее, чем говорил Эмиль. Однако он не упомянул о своих подозрениях.

— Здесь будет ваше место, — Эмиль указал на пустой стол и скамью в задней части мастер-

ской. — Каждый из нас работает над оружием по собственному чертежу. Вы будете обеспечены всеми инструментами, какие вам понадобятся, и помощниками тоже. Жизнь дешева, чем больше людей мы займем на изготовлении оружия, тем лучше, если вы меня понимаете.

— Думаю, понимаю. — Робин начал улыбаться. У Эмиля был хороший собственный легкий приработок… до тех пор, пока он выглядит занятым и приносящим пользу, он будет защищен от капризов Капоне. Тем временем, он вытащит столько людей из трущоб Писстауна, сколько сможет.

И Робин понял тогда, что он нашел союзника. Он только должен убедить Эмиля.

* * *

После десятичасового рабочего дня, когда другие заторопились поместить свои Граали в грейлстоун, голландец взял Робина за руку и задержал его. Робин остался, полный любопытства.

Эмиль сказал:

— Вы не оружейник.

— Не знаю, о чем вы говорите, — ответил Робин.

— Я за вами наблюдал, и увидел, что вы не

имеете ни малейшего представления о том, что делаете. Если вы здесь для того, чтобы за нами шпионить, — начал было Эмиль.

— Именно так, — подтвердил Робин, понизив голос. — Меня послал сюда Жюль Верн.

Пораженный, Эмиль отступил на шаг:

— Верн — так он еще жив?

— Да. Он хочет захватить Капоне и освободить Новый Чикаго.

— Я бы приветствовал этот день! — по лицу Эмиля потекли слезы. — Верн был моим хорошим другом. Где он? Я хочу знать обо всем, что с ним произошло!

Робин дал ему краткий отчет обо всем, что случилось с Жюлем Верном с тех пор, как он спасся на пароходе. Голландец беспрестанно кивал со счастливым лицом.

— Я должен что-то вам показать, — шепнул Эмиль, когда Робин кончил свой рассказ.

Голландец провел его в заднюю комнату. Несколько досок не были прибиты к полу, он поднял их, открывая тайник. Внутри лежали десятки пистолетов и мушкетов.

— Это наши отходы, — сказал он с гордостью. — Все они работают в совершенстве, так что, разумеется, мы не можем отдать их Капоне.

Когда он приходит посмотреть, Как двигается наша работа, мы стреляем при нем из дефектных пистолетов и ружей. Когда они взрываются, мы говорим ему, что есть проблема в кузнечном процессе. Когда мы их дальше совершенствуем, мы говорим, пистолеты будут действовать. — Он усмехнулся. — Он же дурак. Один из людей Капоне даже перестал следить за использованным металлом.

— Сколько же у вас оружия? — спросил Робин.

— Тринадцать кремневых пистолетов, восемь ружей.

— Мне нужно уходить отсюда через пять дней, чтобы снова присоединиться к Верну и его людям. Через десять дней после того мы вернемся. Вы будете готовы нам помочь?

— Да, — Эмиль затаил дыхание. — Нужно только подать нам сигнал.

— Пылающая стрела на рассвете, — сказал Робин. — Наблюдайте, когда она появится. Через две минуты после того, как она пролетит по небу, присоединитесь к нашей атаке.

* * *

Эмиль и еще два кузнеца-оружейника прикрывали Робина еще несколько дней. Как оружейник

— даже новичок — Робин, как обнаружилось, имел права и привилегии, в которых отказано было большинству других жителей Нового Чикаго.

Он нашел, что может свободно передвигаться по городу, заглядывая в темные углы, в уме составляя карту его улиц. Он даже побывал на крышах некоторых домов — «потому что глазеть на звезды — мое хобби», как он выразился.

Было бесчисленное множество мест, откуда можно ударить. Малые ворота на северной стороне Нового Чикаго, кажется, представляли собой лучшие возможности для вторжения: по ночам их запирали на засов с внутренней стороны, и за ними наблюдал только один стражник.

Кроме того, Робин узнал, что Аль Капоне каждое утро рано покидает свой дворец, чтобы в сопровождении Эйхмана и нескольких доверенных лейтенантов понаблюдать за своими излюбленными проектами.

Такой рутинный обычай требовал более пристального наблюдения, так что однажды утром Робин посетил городскую библиотеку (там по памяти воссоздавали прославленные произведения, и заинтересованные читатели могли просматривать новые версии «Моби Дика», «Войны и мира» и «Маленького домика в прериях»).

Поскольку здание фасадов выходило на центральную площадь, Робин ясно видел Капоне — маленького круглолицего человечка с сильными руками и плечами, который переходил через площадь.

Разбойник непрерывно курил, его слова перемежались короткими и резкими движениями рук. У Капоне и его сопровождающих займет, вероятно, минуты три, чтобы перейти площадь от дворца до здания офиса Эйхмана.

Робин взглянул на верхние части крыш, окружающих площадь, и подумал о засаде. Да, подумалось ему, чем больше он изучал детали, тем сильнее верил в возможность успеха.

На третий его вечер в Чикаго Эмиль опять отвел Робина в сторону.

— Я устроил для тебя возможность уйти завтра, — сказал он. — Нам нужен кремний. Ты пойдешь к открытому месторождению, которое ты заметил несколько недель назад во время скитаний. С тобой пойдут два наших подмастерья, чтобы принести кремний.

— А как же стражники?

— В первый день тебя будут сопровождать семь человек. Когда ты доберешься до границы территории Капоне, шесть из них повернут назад.

Капоне должен держать под наблюдением весь город, он не может тратить стражников на такие мелкие задания. — Эмиль подмигнул. — Кроме того, в моих конфиденциальных донесениях Эйхману я упоминал, как ты счастлив здесь и как старательно работаешь. Они любят лояльность в таких людях, как мы, а? — Он от души расхохотался.

* * *

На рассвете следующего утра можно было увидеть, как Робин и два семнадцатилетних подмастерья оружейной мастерской стоят у главных ворот. Все было устроено так, как обещал Эмиль: стражники ждали их, и они даже вернули лук Робина.

— У тебя будет двойная обязанность, — объявил стражник, который должен был все время сопровождать их, грузный на вид наемник с проседью по имени О'Брайен. — Держи ребятишек в порядке, сам не нарушай порядка — и никаких неприятностей.

— Хорошо звучит, — сказал Робин.

* * *

На четвертую ночь, когда они были вне города, Робин пустил стрелу в спину О'Брайена, когда тот спал. Быстро, живо и без боли по стандартам этого мира. Ни на миг Робин не почувствовал угрызений совести. Это и на смерть-то непохоже, подумал он.

На следующий день О'Брайен проснется, обнаженный и сконфуженный, возле грейлстоуна за сотни или даже за тысячи миль отсюда.

Два подмастерья в ужасе уставились на Робина. Они явно навострились бежать.

— Успокойтесь, — обратился к ним Робин. — Не собираюсь я вас убивать. Я здесь с секретным заданием и мне пришлось освободиться от нашего стражника. Вы или можете побыть со мной еще несколько недель… и вас щедро вознаградят, когда мы из этого выберемся… или можете возвратиться в Новый Чикаго. Но если вернетесь, будьте осторожны, чтобы Эмиль не имел ничего общего с вами. Он знает, что происходит, он даже устроил весь этот поход за кремнием. Вы должны будете пристроиться в Писстауне, или вас отправят в рабочие лагеря до конца жизни.

— Мы с вами пойдем, — произнесли они ду-

этом.

Робин кивнул: именно такого ответа он и ожидал.

— Обыщите тело О'Брайена и заберите все ценное, что у него есть. Щит и меч — мои. Потом спрячьте тело там, где его никто не найдет.

Оба мальчика поспешили повиноваться ему. Робин остался сидеть на месте и наблюдать. Он не знал, останутся ли они с ним — или удерут в Новый Чикаго при первой же возможности, или просто сбегут в другое поселение где-нибудь по нижнему течению Реки. На самом деле это не имело никакого значения, думал он, он вернется на борт «Belle Dame» на следующий же день. Даже если мальчишки попытаются предупредить Аль Капоне, он на пароходе опередит их на пути в Новый Чикаго.

* * *

«Belle Dame» стояла на якоре на середине Реки, точно в том месте, о котором договаривались. Маленький Джон и остальные практиковались в стрельбе на палубе. Стрелы прилаживали к тетиве, стреляли, подбирали их и снова стреляли по соломенной мишени. Робин заметил, что люди Верна значительно усовершенствовались за те

дни, что он отсутствовал.

Подмастерья только широко разинули рты. Робин похлопал обоих по спине и спросил:

— Ну, что вы теперь думаете?

— Но это же пароход мосье Верна! — выговорил, наконец, Жак, младший из двоих.

— А вот и мосье Верн! — вскричал Пьер. Он в ужасе уставился на Робина. — Так вы шпион мосье Верна?

— Правильно.

Робин поднял руки ко рту, сложил ладони рупором и приветствовал «Belle Dame». Все, находившиеся на палубе, бросили свои дела и столпились у поручней, неистово махая руками.

Пароход поспешно сняли с места, и через двадцать минут Робина и мальчишек благополучно взяли на борт.

Жюль Верн первым пожал Робину руку:

— Мои поздравления! — прогудел он. Выглядел он вполне здоровым, щеки покрыты румянцем, длинные каштановые волосы неистово развевались на ветру. — Я знал, что вы вернетесь невредимым!

— И у меня хорошие новости, — поспешил обрадовать его Робин. — Взять город будет легче, чем мы рассчитывали.

— Так не держите нас в неизвестности! Что вы обнаружили?

Робин поднялся на две ступеньки по направлению ко второй палубе и обернулся. И его молодцы, и команда «Belle Dame» обратили к нему жадные взоры. Набрав в легкие побольше воздуха, он начал простым языком рассказывать во всех подробностях то, что произошло, и подробности того, как он думал захватить города. Клод де Вэ делал синхронный перевод для членов верновской команды, которые не владели английским достаточно, чтобы понимать.

Слышались удивленные возгласы, когда он рассказал об оружейниках и о союзнике, которого нашел в Эмиле ван Десколе.

— Итак, — заключил Робин, — я думаю, у нас не так мало шансов захватить у Капоне Новый Чикаго. Я уверен, что мы сможем это сделать. Это будет трудно, жестоко, и некоторые из нас несомненно погибнут. Но в этом мире, где смерть — лишь некоторое неудобство, нам нечего бояться. Давайте же выпьем за наш успех!

Под крики одобрения он повел всех в салон, где нашлось достаточно напитков, чтобы каждый человек, находящийся на борту, мог подхватить тост. Когда это было сделано, Жюль Верн велел

всем трижды прокричать «ура!» в честь Робина.

И сам Робин, взлетев на высшей точке их эмоций, почувствовал себя так, как будто он летит и никогда не опустится на землю.

* * *

— Мне кое-что понадобится, — сказал Робин.

Разговор происходил на следующий день; они с Жюлем Верном сидели в салоне парохода «Belle Dame», на полной скорости направляясь вверх по Реке, к Новому Чикаго.

— Если это в моей власти, вы же знаете, что я предоставлю их вам, — заверил Жюль Верн.

— Первое, — сказал Робин. — Мне нужно что-то вроде портативного перископа, чтобы наблюдать за Капоне и его людьми из укрытия.

— У нас на борту есть зеркала, — ответил Жюль Верн.

— Достаточно просто вмонтировать их в коробку и устроить так, чтобы вы могли смотреть через стены или из-за угла.

— Второе — мне нужен тонкий лист металла, примерно в дюйм толщиной и в восемь дюймов длиной — но в то же время, он должен быть прочным.

— В нас есть лишние куски поручней. Один из

них можно обрезать по этим размерам.

— И еще нужно что-то воспламеняющееся — идеальной была бы пропитанная маслом тряпка — и спички, чтобы быстро ее поджечь.

— Кремень и сталь устроят?

— Если это все, что есть — должны устроить.

— Это так, мы еще не открыли залежей серы. Что еще?

— Ничего, кроме удачи.

— А это, друг мой, — сказал Жюль Верн, — зависит от провидения.

Когда приблизились к Новому Чикаго, команда погасила все огни, и пароход вели в темноте. Робин стоял впереди, изучая береговую линию. То и дело сквозь деревья слабо мелькали огоньки из человеческих поселений. Над головой бледно светили незнакомые созвездия, испуская тусклый свет, который заставлял волны Реки переливаться легким серебром.

Несколько матросов молча сидели на носу, свесив ноги за борт, передавая инструкции назад, в лоцманскую рубку. Лоцман избегал, насколько возможно, песчаных берегов.

Наконец, они обогнули поворот Реки, и Новый Чикаго, находившийся еще на расстоянии трех или четырех миль, показался вдалеке. Тысячи

огней и костров освещали небо во всех направлениях на целые лиги.

— Думаю, надо причаливать здесь, — сказал Робин. — Отсюда пешего ходу около часа. Мы можем там быть перед рассветом.

— Хорошо, — одобрил Верн. Он поднял свой лук. — На этот раз я готов к встрече с Капоне.

— Нет, — сказал Робин. — Я хочу, чтобы вы оставались на борту. Вы слишком ценный человек, чтобы рисковать вами в бою.

— Я не проехал весь этот путь… — начал было Верн.

Мач перебил его:

— Вспомните о ваших ранах, сэр. Они еще не полностью вылечены. Если швы разойдутся…

Клод де Вэ шепнул что-то на ухо Верну по-французски. Жюль Верн нахмурился, но в конце кивнул и повернулся к Робину:

— Вы все, кажется, объединились против меня в этом вопросе. Значит, так тому и быть. Возьмите всех людей, какие вам требуются, я останусь на борту «Belle Dame», пока успех не станет делом решенным.

— А если на вас нападут? — спросил Робин. — Конечно, вы нуждаетесь в каком-то количестве людей, чтобы защищать пароход.

— На «Belle Dame» имеется несколько сюрпризов для любого, достаточно глупого, чтобы на нее напасть, — и Жюль Верн подмигнул. — Что до моей команды, мне нужно пять сильных человек, не больше.

— Очень хорошо, — согласился Робин, — хотя я бы с радостью оставил с вами вдвое больше.

Верн поднялся с внезапной решимостью:

— Давайте посмотрим лодки, — предложил он. — Чем скорее Новый Чикаго будет свободен, тем я буду счастливее.

Выйдя на палубу, Верн отдавал команды, и пароход подошел как можно ближе к берегу. К этому времени команда спустила четыре лодки. Робин и его молодцы сошли на берег первыми, за ними последовала команда Верна. «Belle Dame» отступила обратно и начала плыть вниз по Реке вместе с течением, прочь от Нового Чикаго. До рассвета Верн должен прятаться за поворотом Реки.

Робин оказался во главе команды не менее пятидесяти двух лучников. Команда в восемь человек, включая Жака, Пьера и Верна, остались на борту «Belle Dame».

Когда люди собрались все вместе, чтобы идти на Новый Чикаго, Робин тихонько спросил Клода

де Вэ, что он сказал Верну в салоне.

— Э? — де Вэ хохотнул. — Только то, что он слишком ценный человек, чтобы рисковать им в такой атаке. Его ум нам понадобится для того, чтобы восстанавливать город и вернуть технократии ее прежнюю славу. Как он сможет это сделать, если умрет от ран — от старых ли, или получит новые?

— Очень логично.

— Да уж, именно к логике мосье Верн прислушивается более всего.

Робин разделил всю партию людей на три группы, одной руководил Клод де Вэ, другой — Маленький Джон, третьей — он сам.

— Будет меньше риска, что нас выследят, если мы будем двигаться быстро и маленькими группами, — объяснил он.

— Маленький Джон, следуйте за мной через пять минут. Клод, двигайтесь через пять минут после Маленького Джона.

Те кивнули в знак понимания. Де Вэ перевел это для французов.

— Помните, предупредил Робин свою группу, — мы можем первыми попасть в какую-то неприятность. Если стража привяжется к нам, сначала стреляйте, а уж после отвечайте на во-

просы. Стрел у нас много, не бойтесь их тратить.

Он в последний раз оглядел своих людей, встретившись глазами с каждым и со всеми. Все подняли луки, переминаясь нетерпеливо, как охотничьи собаки перед охотой. Наконец, Робин им кивнул, убедившись, что они готовы. Резко свистнув, он повернулся и мягко зашагал в темноту. Они шли след в след за ним.

* * *

Тот час, когда они шли, был самым длинным в жизни Робина.

Малейший шум ночи, каждый треск ветки, каждый шелест листьев бил его по нервам. Он останавливался, жестом призывал своих людей к молчанию и прислушивался. Обычно это был ветер или какое-нибудь пробегающее животное. Дважды, когда им удавалось притаиться, патрули Капоне проходили от них в нескольких ярдах; стражники Капоне громко переговаривались, их мечи и щиты то и дело лязгали. Как они были самонадеянны, убежденные в своей неуязвимости здесь, думал Робин. Он давал им спокойно проходить мимо, чтобы создать впечатление, что эта ночь проходит совершенно нормально.

Они обошли стороной вонючую трясину

Писстауна, держась по возможности по ветру. Северная сторона частокола выходила на целое море пеньков, усыпанных свежими небольшими побегами; лес на сотни ярдов от Нового Чикаго был вырублен на дрова. Точно призраки, они передвигались от одного укрытия к другому, пока не подошли к частоколу на двадцать ярдов.

Пока остальные ждали под прикрытием, Робин и Вилл Скарлет подскочили к боковым воротам, которые Робин заметил в те дни, когда жил в городе. Робин приложил ухо к ограде и услышал ровный храп с другой стороны. Единственный стражник на своем посту заснул.

Робин изобразил это Виллу жестом, а Вилл вытащил длинную тонкую полоску меди, которую изготовили люди Верна. Вилл кивнул и вставил полоску между дверью и столбом, осторожно продвигая ее кверху. Она задела засов. Вилл подвинул полоску влево, потом вправо, затем снова вверх — и засов поднялся со своего места.

Кончиками пальцев Робин отворил дверь. Вилл проскочил внутрь, взялся за засов и тихо опустил его. Оба проникли внутрь.

Возле ворот они нашли стражника, расположившегося на стуле с высокой спинкой с открытым ртом. Он тихо храпел. Робин приладил

стрелу и наклонился вперед, так что наконечник коснулся горла стража. Тот проснулся с испуганным стоном.

— Еще один звук — и ты мертвец, — предупредил Робин. — Вилл, свяжи его!

Вилл Скарлет сделал так, как ему сказали. В несколько минут стражник был крепко связан полосками от его же одежды, а во рту у него прочно сидел кляп. Он мог только глядеть на них расширенными глазами.

Робин повернулся и распахнул ворота во всю ширь и помахал рукой в сторону подлеска. Остальная часть его группы, по трое и по четыре, прошла за стену.

Когда они все вошли, Робин напомнил каждому куда идти и что делать.

— Ждите горящую стрелу, — приказал он. — Это будет знак, что атака началась.

Его молодцы рассеялись, растаяв во тьме улиц и аллей, точно туман.

* * *

Рассвет обнажил холодное серое небо, дул резкий ветер, обещавший дождь. Робин, Маленький Джон и еще пятеро вскарабкались на крышу здания, выходившего к центральной площади.

Луки были натянуты, стрелы лежали под рукой.

— Он выйдет из центральных дверей, — объявил Робин. Он передал каждому по очереди маленький перископ, сделанный Верном; они посмотрели с его помощью с конька крыши на площадь. — С ним будут, по крайней мере, четверо, возможно, и больше. Лучшее время стрелять — когда они окажутся посреди площади. Я дам сигнал. Идет?

— Не уверен, что лучший ответ — это убийство, — сказал Маленький Джон.

Робин повернулся лицом к другу:

— Эйб, он преступник и убийца.

Линкольн закусил губу.

— Если бы я был уверен, что мы сможем благополучно захватить его и сделать нашим пленником, — продолжил Робин, — я бы попробовал. Ты же знаешь, я не хочу, чтобы Капоне оставался на свободе и устроил где-нибудь в другом месте на Реке вторую преступную империю. Но мне приходится уравновешивать возможные потери с его потерями. Это — лучший путь.

Маленький Джон печально тряхнул головой:

— Возможно, ты и прав. Даже если так, я нахожу идею убить его отвратительной.

— Это же не убийство, — напомнил Мач. — Он

не умрет.

— Но, тем не менее, он это так почувствует.

— Верно, — согласился Робин.

Он взял перископ у Мача и взял наблюдение на себя. Секундой позже отворилась главная дверь дворца.

Робин понизил голос до шепота:

— Приготовиться. Они выходят! — Он выбрал стрелу и приготовился встать и выстрелить. Вокруг него сделали то же самое.

— На счет «три», — предупредил Робин. — Каждый целится в Капоне. Это маленький человечек с круглым лицом, в центре группы. Раз… два… три!

На счет «три» все семеро встали и выстрелили.

Или свист стрел в воздухе, или внезапное движение на крыше дали Капоне нужное предупреждение. Гангстер подтолкнул одного из своей свиты, и тот получил две стрелы в грудь и одну в ногу. Это был Эйхман, как заметил Робин. Немец покачнулся с удивленным выражением лица и скончался.

— Стража! — заорал Капоне. Он схватил другого человека и заслонился им, как щитом. — Сюда, стража! Лучники на крыше! Стража!

Робин выстрелил второй раз, стрела прошла

над головой у Капоне на расстоянии ладони. Гангстер продолжал отступать, все еще призывая помощь.

Тем временем, молодцы Робина убили остальных лейтенантов Капоне. Их тела лежали на площади, окруженные все увеличивающимися лужами крови, стрелы составляли странные углы с их телами.

Робин спокойно поставил третью стрелу, тщательно прицелился и выпустил ее. На этот раз он попал в того лейтенанта, которого Капоне использовал как свой щит, мгновенно его убив. Бандит продолжал держаться за труп впереди себя, подтащил его вверх по ступеням и прошел в двери невредимым.

— Опускайтесь! — скомандовал Робин. Его молодцы снова скорчились так, что их не стало видно. — Черт, черт, черт! — ругался он, колотя себя по ноге кулаком. — Я должен был его пристрелить!

— Это не обязательно, — напомнил Маленький Джон.

Робин состроил гримасу:

— Мы захватим его позже, если удастся, — сказал он. — Пора начинать вторую часть нашей атаки. Мач?

Мач достал кремень и сталь. Робин взял стрелу, вокруг ее рукоятки была привязана вымоченная в масле тряпка. Мач выбил искру, пока тряпка не загорелась, тогда Робин встал и выстрелил. Стрела аркой пронеслась по небу, яркая и горящая, ясный сигнал для всех, посвященных в замысел.

— Давайте надеяться, что другие преуспеют лучше нас, — произнес он мрачно. — Я отвлеку стражников. Маленький Джон, ты остаешься здесь и наблюдаешь, на случай, если Капоне опять выйдет. Остальные, разойдитесь и ищите опасности. Если сможете, привлекайте людей на нашу сторону.

С криком «Боже, храни короля!» Робин встал и побежал по коньку крыши. С индейским боевым кличем он перескочил на крышу соседнего дома. Снизу раздавались крики, стража заметила его и начала охоту.

Робин усмехнулся и помчался к следующему зданию, на расстоянии десяти футов от второго и на шесть футов ниже. Ладно же, он предоставит им веселую охоту. Он добежал до края, прыгнул — и повис над тридцатью футами пустоты. Затем, с ворчанием, он ударился о крышу второго здания и потянулся, чтобы ухватиться. Его нога поскользнулась на деревянной дранке, и он упал

вперед, ища опору для рук. Он проехал еще футов шесть, пока нащупал ее.

Подтянувшись и поднявшись на ноги, Робин посмотрел вниз. За ним наблюдали двадцать или тридцать стражников, вытащив мечи из ножен. Их крик поднялся вверх, и Робин снова побежал.

Он вел их с крыши на крышу. В следующие десять минут он нашел, что число стражников тревожно выросло — теперь внизу его преследовало человек сто, по крайней мере, ожидая, когда он поскользнется или окажется в ловушке.

Наконец, охоте пришел конец, потому что Робин оказался на крыше здания собраний. Он стоял на коньке крыши, озираясь в кажущейся растерянности, как будто бы не зная, куда оттуда деваться. Затем он спустился к открытому окну второго этажа и залез туда.

Стражники кинулись к зданию en masse[43]. Когда они вошли, Робин помчался вдоль балкона, который выходил на первый этаж, привлекая их внимание.

Остановившись в самом центре балкона, Робин поднял обе руки и закричал, чтобы все замолчали. Отчасти к его удивлению, стражники

---

[43] notes: 43
Всей толпой *(франц.)*

остановились и уставились на него.

— Я пришел, — закричал он, — чтобы освободить этот город от тирании! Посмотрите вокруг — вы окружены моими людьми! Сложите оружие, иначе вас убьют!

Впервые слуги Капоне начали оглядывать зал для собраний. Лучники Робина неподвижно ждали, подпирая стены. Теперь сорок пять из них шагнули вперед, прицеливаясь.

Среди стражников поднялся внезапный растерянный гул голосов. Недоуменные вопросы, неуверенные требования, сердитые угрозы.

Робин закричал им:

— Бросьте оружие и положите руки за головы! — потребовал он. — Это последнее предупреждение!

Один за другим мечи начали падать на половицы. Двое из молодцев Робина вышли вперед и начали их собирать, в то время как другие держали стражников под угрозой стрел.

Ухмыляясь, Робин сошел вниз, чтобы взять на себя командование.

На улице он уже мог слышать отдельные выстрелы из пистолетов. Это кузнецы и подмастерья заботились о тех стражниках, которые еще оставались. После этого речь шла только об

окончательном уничтожении противника.

* * *

Город полностью сдался Робину и его людям. К полудню закончились последние схватки, и последние приверженцы Капоне были разоружены и заперты в зале для собраний вместе с остальными. Все говорили, что окружены триста сорок четыре стражника и офицера Капоне. Еще шестнадцать человек было убито и еще восемнадцать — тяжело ранено, считалось, что они не доживут до утра… главным образом, благодаря заслугам новых чикагцев, которые сводили счеты со своими бывшими тюремщиками. В самом конце к восстанию присоединилось население всего города. Робин не потерял ни одного человека.

Однако никаких признаков Капоне не было видно. Робин решил, что диктатор каким-то образом выбрался из города и сбежал. Но при такой полной победе это не казалось большой потерей. Надо только позднее отправить повсюду патрули, чтобы отыскать Капоне. Учитывая все, что сделал для города Робин, он полагал, что тиран не отыщет много друзей, которые захотят помочь ему бежать.

В этот день, когда «Belle Dame» приплыла по-

ближе со своей сокращенной по численности командой, Робин поднял красный флаг над зданием совета в знак того, что все хорошо. С «Belle Dame» послышался долгий гудок в ответ.

На улицах уже играли музыканты, мужчины и женщины танцевали на площади с радостной непринужденностью. Ворота города широко распахнули; многие жители Нового Чикаго и Писстауна объединились в праздновании.

Эмиль ван Дескол, оружейники и их подмастерья организовались в полицейские части, под угрозой их пистолетов сохранялся полный порядок. Поистине, в Новом Чикаго начиналась новая эра!

* * *

— Смотрите! — закричал Мач, хватая Робина за руку и указывая на Реку.

Робин потратил целую минуту, чтобы понять, о чем он. Две шлюпки оторвались от берега и плыли к «Belle Dame». В ведущей лодке сидел… Аль Капоне!

Робин живо прикинул. В шлюпках сидело двенадцать человек, все вооруженные убийцы. Команда «Belle Dame» состоит из восьми человек, двое из них почти совсем мальчики. Им не вы-

держать против Капоне и его приспешников.

— Они, должно быть, ждали у воды, — догадался Мач.

— Мы же не охраняли ничего, только город. Они увидели шанс удрать и захватить его снова… а тут еще «Belle Dame» появилась совершенно не вовремя.

Робин почувствовал, как электрический ток ударил по всему его телу.

— Нам надо их остановить! — закричал он. — Если они захватят пароход…

— Готовьте две лодки, — скомандовал Маленький Джон. — Я приведу сюда вооруженных ребят. Еще не слишком поздно. Мы сможем остановить Капоне.

Робин с Мачем помчались к воде.

* * *

Прошло десять минут, — и двадцать вооруженных людей из Нового Чикаго заняли шлюпки на берегу. Робин вынужден был беспомощно стоять и наблюдать, как Верн и его люди стремительно носятся по палубе «Belle Dame», задраивая люки, привязывая к окнам деревянные ставни, делая се и вся, что только было в их силах, чтобы защититься до того, как Капоне и его головорезы

смогут подняться на борт. Наконец, Верн затолкал всех в лоцманскую рубку, задраил люк и, по предположению Робина, закрыл рубку на засов изнутри. Возможно, Верн сумеет продержаться достаточно долго, чтобы Робин мог спасти его.

Когда шлюпки Капоне поравнялись с «Belle Dame» и разбойник со своей свитой начал карабкаться на борт, вдруг начала происходить странная вещь. Робин вынужден был долго моргать и протирать глаза, чтобы убедиться, что это не галлюцинация.

Пароход начал тонуть.

Или, может быть, более подходящим словом будет «погружаться под воду», потому что вовсе не казалось, будто это катастрофа: не последовало никаких взрывов, когда холодная вода ударила в паровые котлы, а судно опускалось ровно, нос и корма одновременно. Все документальные фильмы, какие Робину приходилось видеть о тонущих кораблях, показывали, как они переворачиваются вверх кормой, а затем исчезают в глубине.

— Это еще и подводная лодка, — выдохнул Мач.

— Но трубы… — начал Робин.

— Может быть, они все время торчат из воды, — предположил Мач.

— Не понимаю, — сказал Маленький Джон. — Судно тонет — или нет?

— Нет! — Робин с облегчением разразился хохотом. — Это блестящий человек! Так вот почему он знал, что его пароход невозможно захватить силой — он погружается в воду, когда на него нападают!

— Держись подальше от парохода, — спохватился Мач, — когда он уйдет под воду, будет такой откат волны, что он может захватить нас.

Они отошли от «Belle Dame» ярдов на сто, наблюдая как она продолжает погружаться. Капоне и его головорезы вылезли из шлюпок, когда начали карабкаться на борт, и теперь они могли только залезать все выше и выше — сначала по одной палубе, потом по другой, когда обе они покрывались водой. И вот, наконец, они стоят на крыше пилотской рубки, тщетно цепляясь за дерево мечами, изрыгая проклятия Верну и его адовой машине. Потом вода накрыла и рубку, и все они оказались в воде, упорно барахтаясь.

— Рыба, — пробормотал Маленький Джон. — Пароход ее поднял наверх.

— Где? — спросил Мач.

Джон показал, и Робин тоже увидел: четыре или пять темных силуэтов быстро двигались в

воде. Через какие-то секунды они достигли Капоне и его приспешников и утащили их под воду. Вода окрасилась ярко-красным.

В горле у Робина появился комок, он сглотнул. Быть сожранным рыбами… нет, это не та судьба, которую он пожелал бы кому бы то ни было, даже Аль Капоне.

В течение нескольких недель в Новом Чикаго постепенно восстанавливался нормальный порядок. Люди выполняли свою работу, над приспешниками Капоне велись судебные процессы (каждого приговорили к пяти годам тяжелого физического труда в шахтах), а сам Жюль Верн восстановил научный совет, чтобы продолжать свои исследования и заново изобретать все то, что потеряло человечество.

Робин и его люди были объявлены героями города и удостоены всех почестей, какие только мог предложить Жюль Верн. Верн лично повесил Робину на грудь медаль Капитана Немо во время праздника, когда отмечали десять дней освобождения города.

В конце вечера, когда Робин и его молодцы вернулись на свои временные квартиры, мысли Робина блуждали по Реке и по тому, что еще лежит перед ними. Он понял, что пора уходить,

чтобы продолжать странствия.

— Я думаю, — вымолвил он, наконец, — что пора нам двигаться. Что скажете, ребята?

Все приветствовали это предложение радостными криками. Число веселых молодцев увеличилось до тридцати восьми, пока они гостили в Новом Чикаго; оказалось, что многим надоело жить в городе, они тосковали по свободе и по дороге, открытой приключениям.

На рассвете следующего утра Робин и его люди собрались у городских ворот. Жюль Верн и большинство жителей Нового Чикаго пришли проводить их. Было много грустных прощаний.

— Робин, — торжественно произнес Маленький Джон.

— Мне очень жаль, Робин. Я не знаю, как это выразить, так что скажу просто.

Робин повернулся к нему:

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Авраам Линкольн снял шапку.

— Я решил остаться здесь, — объявил Маленький Джон.

— Что-о? — Робин уставился на него.

— Извини, Робин, — произнес Линкольн своим низким могучим голосом. — Я искал свое место в этом мире, и думаю, что нашел его здесь. Жюль

Верн и его ученые нуждаются в таких, как я. Их проблемы происходят от их правительственной системы. Они не рассчитывают на простой народ. Если бы их поиски научных усовершенствований больше ориентировались на живых людей, чем на машины, Капоне никогда не взял бы над ними верх.

— Но что ты можешь сделать? — спросил Робин.

— Я уже побеседовал с мистером Верном. Он согласился дать мне написать проект конституции, чтобы управлять этим городом и его населением. Демократия должна жить, и Новый Чикаго будет ее столицей. Теперь ты понимаешь, почему я должен остаться?

— Наверное, да, — торжественно выговорил Робин. Он положил руку на плечо Линкольна. — Желаю тебе всего наилучшего, друг мой. — Оба поспешно обнялись. — До свидания, Авраам.

— До свидания, Робин.

Робин сглотнул, отступил на шаг и оглядел остальных веселых молодцев. Один из новеньких стоял позади, высокий юноша с прямыми черными волосами и открытой улыбкой.

— Маленький Джон, — окликнул его Робин. — Отныне ты будешь нашим новым Маленьким

Джоном.

— Pardon, Monsieur Robin?[44] — переспросил Маленький Джон растерянно.

Другой веселый молодец перевел ему слова вожака, и улыбка медленно озарила его лицо, когда он понял:

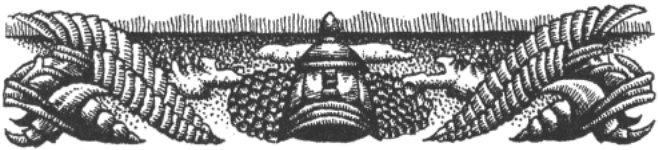
— Merci! — закричал он. — Merci bien, Robin![45]Робин вздохнул про себя, но не показал этого. Он еще это прозвище заработает. В конце концов, что дурного может быть в том, что француз будет играть Маленького Джона? Он не может быть хуже первого Маленького Джона, который все пытался ввести у веселых молодцев нечто вроде того, что он называл «Министерством веселых прогулок».

Итак, усилив свою шайку, Робин Гуд возглавил ее поход из Нового Чикаго, продолжая искать справедливости и короля Ричарда Львиное Сердце.

---

[44] notes: 44
Извините, мосье Робин? *(франц.)*.

[45] notes: 45
Спасибо! Большое спасибо, Робин! *(франц.)*



Роберт Вейнберг
Незаконченное дело[46]
1

— Они идут! — прокричал Джим Боуи, приметив дрожь в воздухе в нескольких футах от места, где стоял. Вместе с почти пятьюстами прочими гражданами Новых Афин он ждал ланча у городского грейлстоуна. Перемещения, хотя и происходили сплошь и рядом, всегда вызывали тревогу среди горожан. Невозможно привыкнуть к тому, что люди материализуются из ничего.

Толпа: мужчин и женщин — поровну, на вид всем, приблизительно, лет по двадцать пять, поспешно попятилась от огромного каменного гриба. Едва ли через пять секунд после предупреждения Боуи мужское тело, нагое и безволосое,

---

[46] notes: 46

FINISHED BUSINESS by Robert Weinberg Copyright © 1992 by Robert Weinberg.

материализовалось у самой громады грейлстоуна. К запястью было присоединено неизменное ведерко для съестного, а близ него возникло с полдюжины полотенец. И как только мужчина окончательно воплотился, грейлстоун взревел, точно гром, и синее пламя взметнулось в небо футов эдак на двадцать.

— Кушать подано, — радостно провозгласил Билл Мейсон. Тщательно обогнув еще не очухавшегося новичка, он вскарабкался на грейлстоун и забрал свое ведерко. Открыв, тщательно посмотрел, что внутри.

— Эй, Боуи, у меня бутылочка бурбона. Я уступлю ее тебе за часть шоколада, который ты поднакопил.

Мгновенно позабыв о незнакомце, горожане поспешили к своим Граалям. Боуи продолжил исследование. Времени поговорить с вновь прибывшим еще будет навалом. В Мире Реки всегда есть время. А сперва надо подкрепиться.

Простонав, переместившийся потер голову и сел. Боуи, изучая содержимое ведерка, поглядывал краем глаза на незнакомца. Несколькими месяцами ранее вновь прибывший в считанные секунды после материализации превратился в берсерка. И умертвил трех граждан Новых Афин,

пока его не отправили дальше. С тех пор Боуи всегда заботился, чтобы его нож был под рукой, чуть кто поблизости воскресает.

Между тем, его друг Сократ, неизменно добрый самаритянин, встал на колени близ незнакомца. Маленькое безобразное личико философа озабоченно сморщилось.

— Ты не хочешь чего-нибудь съесть? — прозвучал вопрос грека на эсперанто, лингва франка Реки. — Воскрешение вызывает аппетит. Или так мне говорили.

Новичок, высокий и худощавый, с приятным лицом и синевато-серыми глазами, нетвердо помотал головой.

— Нет, спасибо, — ответил он на том же языке. — Последнее, что я помню — это орава каннибалов, всаживающих в меня ножи. Они хотели, чтобы я остался на обед, лучше не скажешь. — И расхохотался во всю глотку. — В сущности, полагаю, на обед у них был я. И это на какое-то время отбило у меня охоту к еде.

— Каннибалы! — ахнула поблизости какая-то женщина, и ее лицо слегка позеленело. — Но ведь пища с грейлстоунов…

— У каждого свой вкус, — заметил Сократ, пожав плечами. — И одним людям труднее угодить,

чем другим.

Открыв свой грааль, философ вытащил бекон, латук и сандвич с помидором. Основательно откусив, он показал свою еду соседу. — Ты твердо отказываешься? Или, возможно, чашечка кофе лучше подошла бы тебе?

— Может быть, через несколько минут, — ответил незнакомец. Его взгляд скользнул по толпе. Наконец, он остановился на Боуи, приметном своей светлой кожей и волнистыми рыжими волосами.

— Кажется, я слышал твое имя, — пробормотал новичок в изумлении.

Боуи нахмурился. Голос звучал по-знакомому.

— Ты не узнаешь меня, Джим?! — вскричал тот, обуреваемый сильными чувствами. — Ах ты старый сукин сын.

Боуи от удивления разинул рот. Все в Мире Реки возрождались в двадцатипятилетием возрасте и полностью безволосыми. Мужчине, голос которого он услышал, было пятьдесят, когда они в последний раз виделись. Он воззрился на вновь прибывшего, пытаясь совместить его облик с тем, который помнил. Глаза новичка, синевато-серые, как и у Джима, «глаза убийцы», как называли их мексиканцы, разрешили его сомнения. Его рот

расплылся в бурной улыбке.

— Чтоб мне стать аллигатором с хвостом колечком! — воскликнул он. — Дэви Крокетт!

Они обнялись со слезами на глазах.

— Немало прошло после Аламо, — заметил Боуи.

— Не так уж и много, — хмуро отозвался Крокетт. — Но мы можем поговорить об этом позднее. Как ты?

Прежде чем Боуи успел ответить, Крокетт повернулся к Сократу.

— Пожалуй, я выпью кофе, дружище. И, наверное, откушу разок-другой от этого сандвича. Всякий раз, как встречу старого приятеля, чувствую голод.

— Там, на Земле, — сказал Боуи несколько минут спустя, наблюдая, как его старый друг поглощает все, что ему предлагают великодушные горожане, — все что угодно вызывало у тебя голод. Не могу сказать, что ты сильно изменился.

— Мне доводилось есть куда лучше прежнего со Дня Воскрешения, — промычал Крокетт между двумя откусываниями. — Жизнь чуток легче, когда не нужно охотиться, чтобы хоть чего-то пожрать. — Он обвел рукой всю видимую окрестность. — Кто живет в здешних краях? — спросил

он, выделив из толпы нескольких женщин попривлекательней. Они носили полотенца вокруг талии, точно набедренники, а грудь оставляли обнаженной. Крокетт ухмыльнулся. — Как я понял, чужаки. Но не то, чтобы не мне не нравился их стиль одежды.

Боуи закудахтал.

— Для них чужаки как раз мы. Большинство здешнего народа — древние греки, как мой приятель Сократ. Одни из Афин, другие из Спарты. А остальные — отдельные техасцы нашей эпохи, немного французов пятнадцатого века, и еще несколько дюжин из разных периодов и мест. Вот этот, Билл Мейсон — из двадцатого века. Он сказал мне, что мы стали знаменитостями после того, как умерли. Наши имена попали в исторические книжки и во всякое такое.

— Обо мне сочинили песню, — самодовольно сообщил Крокетт. — Я научился кое-каким куплетикам от хорошенькой юной леди чуть ниже по Реке. Хочешь послушать?

И, не дожидаясь ответа, запел. Боуи скорчил рожу. После воскрешения голос Крокетта не стал лучше. Он по-прежнему звучал, точно у страдающей лягушки-быка.

— Хватит, прекрати! — велел он, как только

бравый переселенец с Дикого Запада закончил первый куплет. — Пора возвращаться в нашу хижину. Мы живем втроем: я, Сократ и Мейсон. Там полно места. Хочешь поселиться у нас?

— А другие не против? — спросил Крокетт. — Не хочу никому навязываться.

— Со мной все в порядке, — сказал Мейсон, который, проходя мимо, услышал вопрос. Он пожал Крокетту руку. Приземистый и кряжистый парень, он казался карликом рядом с обоими шестифутовыми друзьями с Запада. — Я преподавал историю там, на Земле. Поговорить с кем-то вроде тебя, это все равно, как если бы мечты сбылись.

— У меня также нет возражений, — добавил Сократ. И улыбнулся. Крепко сбитый, с небольшим лицом и круглыми глазами, он отличался гротескным уродством. — Наш дом — твой дом.

— Вы оба очень добры, — сказал Крокетт. Улыбнулся и кивнул привлекательной женщине, прошедшей мимо них. — Нет проблем с женщинами или чего-то такого?

— Я посещал нескольких леди, — сказал Боуи, и его синие глаза заискрились, — но ничего серьезного. Неохота себя связывать. То же самое касается и Билла. А Сократу хватило его прежней женушки.

— Все мужчины должны жениться, — торжественно провозгласил философ. — Если тебе достанется хорошая жена, ты будешь счастлив и удовлетворен. Если достанется дурная, станешь философом. — Безмятежно пожал плечами и улыбнулся. — Я примечательный философ.

Крокетт прыснул.

— Не сомневаюсь. Вашу хибару легко найти?

— Вверх по склону, примерно в сотне ярдов от города, — ответил Боуи. — А что? Куда ты идешь?

— Да тут одна маленькая леди подмигнула мне, пока вы, простаки, зевали, — сказал Крокетт, подбирая грааль и полотенца. — Думаю, я потрачу немного времени, чтобы узнать ее лучше. Вечерком приду.

Затем на миг всякое добродушие испарилось с его физиономии, и голос стал ледяным:

— И тогда мы поговорим об Аламо, Джим. И о нашем приятеле Сант-Аннушке.

2

Пятеро собрались у ревущего костра в ту ночь. Крокетт появился у хижины Боуи на закате, широко улыбаясь, но отказываясь сказать хоть что-нибудь о том, чем занимался весь день.

— Я слишком джентльмен, чтобы распускать язык, — ответил он на всех их вопросы.

Никто не видел смысла в том, чтобы упомянуть, что его избранницей была Клио Афинская, славившаяся в здешней общине своей исключительной любвеобильностью. Он довольно скоро о ней услышит, как в свое время Боуи и Мейсон. И многие другие.

Пятым в их обществе был человек с тихим голосом, который откликался на имя Исаак. Высокий, прекрасно сложенный, с примечательными чертами лица и темно-русыми волосами, и с глазами, столь печальными, каких Боуи ни у кого прежде не видел. Склонный к уединению, этот человек жил сам по себе на краю леса.

И хотя он не страдал приверженностью к жвачке грез, по ночам его преследовали кошмары, которые он отказывался с кем-либо обсуждать. Часто в полуночные часы его крики долетали до города, вызывая у всех, кто их слышал, холодную дрожь. Многие из греков считали, что он проклят богами. Несколько раз в неделю, ближе к ночи, Исаак появлялся у хижины Боуи, чтобы молча посидеть у огня. И, хотя он бегло изъяснялся на латыни, греческом и эсперанто, он редко что-либо говорил, если только к нему непосредственно

не обращались; и даже тогда его ответы были коротки и по существу. Сократ полагал, что Исаак голодает по человеческому обществу, но не по ответственности дружбы. Боуи, которому доводилось встречать похожих людей в пограничье, всегда сердечно приветствовал гостя.

— Ты помнишь, как умер? — спросил Крокетт, небрежно пошевеливая в огненных лоскутьях костра бамбуковой палкой. — Не здесь, а в первый раз, на Земле?

Вопрос мог касаться каждого, но он задал его именно Боуи. И техасец ответил ему:

— Я довольно здорово измотался ко времени, когда по мою душу пришли мексиканцы. И пневмония, и сломанные ребра, и все, что хотите, словом, карты были выложены. Не то чтобы это много значило для верховых. У них глаза были налиты кровью, если ты понимаешь, о чем я. — Он сделал паузу, как если бы мысленно перебирал все подробности. — Я сидел, прислонившись к задней стене, когда услышал, как они едут. И решил: это лучше, чем помереть в постели. Когда они в конце концов поперли на меня, я одарил одного свинцом в грудь, а другому ножом вспорол кишки. Тут меня подвели ноги, и я рухнул на пол. Наверное, прямо тогда я и умер. Потому что

следующее, что я помню — это как пробудился на травке у Реки, как и все прочие, четыре года назад.

— Они выволокли твое тело во двор и подбрасывали, ловя на штыки, — сказал Крокетт. И, содрогнувшись, уставился в жаркий огонь. — Солдаты отменно тебя мертвого изуродовали. И то же самое сделали с несколькими другими. Отвратительное было зрелище. Я видел все от начала до конца.

— Видел? — в изумлении переспросил Боуи. — Значит, ты уцелел, когда мексы взяли форт?

— Угу. Я и трое других сразу сдались, чуть увидели, что дело безнадежно. Нам показалось, что это самое лучшее.

— Но во всех книгах по истории говорится, что ты погиб в Аламо, — вставил Билл Мейсон.

— Лишнее доказательство, что не следует верить всему, что читаешь, — сказал Крокетт со слабой улыбкой. Затем лицо его стало хмурым. — Практическое значение имеет, что я там и умер. Санта-Анна не был в тот день в настроении миловать. Его парни довольно быстро нас прикончили.

— Что? — воскликнул Билл. — Как?

— Прежде чем они атаковали, генерал велел

своим солдатам: «Пленных не брать». И он не шутил. Так что, когда нас привели, Санта-Анна на нас даже не взглянул. А просто повторил приказ. И его чертовы кавалеристы прямо на месте закололи нас штыками. Испуская последний вздох, я поклялся, что посчитаюсь с этим черствым ублюдком. И с самого дня Воскрешения ищу его повсюду.

— Что ты намерен делать, если найдешь его? — спросил Мейсон. — Это местечко устроено так, что вырывает жало у мщения. Убьешь кого-то, а он возрождается где-нибудь подальше. Руку отрежешь — отрастет.

— У меня по этому поводу есть кое-какие мыслишки, — заметил Крокетт, и его зубы недобро сверкнули. — Самое трудное — это разнюхать, где наш Генерал. У этой Реки народу, как собак нерезаных.

— Все человечество с начала и до двухтысячного года, — сказал Билл Мейсон. — По крайней мере, так уверяют некоторые. Тридцать или сорок биллионов, чуть больше или чуть меньше.

— Слишком большие числа, чтобы я с ними совладал, — вздохнул Крокетт. — И все-таки я терпелив. Даже если поиски займут тысячу лет, я его найду. Заметано.

— А что суетиться-то? — спросил Боуи не без горечи. — Билл прав. Месть ничего больше не значит. Не стоит хлопот.

Крокетт глубоко вздохнул и покачал головой.

— Это непохоже на Джима Боуи, которого я знал. Люди болтали, что он то ли шестерых, то ли семерых убил на дуэли в Луизиане, прежде чем податься на Запад. Кое-кто верил в то, что можно восстановить справедливость и заставить виновных платить за их делишки. И его не заботило, куда они подались, на небеса или в пекло. И не много ли с этим хлопот.

Боуи пожал плечами.

— Теперь у нас другая жизнь. Никакого обрыва впереди. Там, на Земле, в первый раз, жизнь что-то значила, поскольку мы знали, что где-то притаилась смерть. И это не давало раскиснуть, если ты понимаешь, куда я клоню. Я не жалуюсь, но это, конечно, не то, чего я ожидал от великого Потом. Чертовски унылое местечко.

— Что-нибудь неладно с этим миром? — неожиданно спросил Сократ. — Или, возможно, с нами самими?

— А? — Боуи хмуро покосился на него. — Это ты на что намекаешь?

— Ты — человек, который побуждает события

свершаться? — отозвался философ, — или тот, кто согласен просто ждать и позволять событиям и обстоятельствам вертеть собой?

Боуи заколебался, обдумывая ответ.

— Я всегда считал себя хозяином своей судьбы, — наконец изрек он. — Никто и никогда не говорил Джиму Боуи, что он может делать, а чего нет.

— И все-таки ты испытываешь уныние в этом мире безграничных возможностей, — сказал Сократ с явным призвуком сарказма в голосе. — Это довольно странно.

— Безграничных возможностей? — переспросил Исаак, совершенно неожиданно для них всех. Впервые, насколько они помнили, этот загадочный человек заговорил не для того, чтобы ответить на обращенный к нему вопрос. — Я не понимаю!

— По какой причине все человечество возрождено у этой великой Реки? — спросил Сократ с горящими от возбуждения глазами. — Чтобы двигаться к совершенству, как нам говорят последователи Церкви Второй Попытки? Благородная цель, но, как я подозреваю, недоступная большинству из нас. Или мы здесь для того, чтобы закончить то, что оставили незавершенным,

когда умерли. Разве может любой из нас сказать, что, когда он ушел, все его мечты сбылись, цели были достигнуты, побуждения удовлетворены? У кого из нас не осталось какого-нибудь недоделанного дела? Возможно, странствие с целью отомстить не самое благородное из предприятий, но оно дает какую-то цель жизни нашему другу Крокетту.

— Carpe diem, — сказал Билл Мейсон. — Пользуйся сегодняшним днем.

— Вот именно, — произнес Сократ. — Великолепная мысль. Мы должны быть верны нашей собственной природе. Самый прямой путь к достойной жизни — это быть в действительности тем, чем мы кажемся.

— Я тоже так думаю, — отозвался Крокетт. — Ну что, Джим. Ты можешь сидеть тут, наращивая жир, а можешь помочь мне найти Санта-Аннушку и преподнести ему то, чего он заслуживает.

С мгновение Боуи не шевелился, переваривая слова Сократа. Греческий философ обладал поистине сверхъестественным умением натыкаться на истину несколькими простыми вопросами. В течение месяцев Боуи изводило беспокойство. Жизнь в Новых Афинах не бросала никакого вызова этому человеку с переднего края. Появ-

ление Крокетта лишь яснее обозначило пустоту его существования здесь. Поиски Санта Анны ничего для него не значили. Его прошлое умерло в Аламо. Он избавился от старых обид и былой ненависти. И все же, задумавшись, он внезапно осознал, что и так, и эдак хочет куда-то податься. В мгновенном озарении ему открылось, что повод для выхода в путь ничего не значит. Важно было само странствие, а не его конечная цель.

Смысл жизни в том, чтобы жить, а не в том, чем она кончится. Возможно, как раз поэтому все человечество и оказалось возрождено на берегах, казалось, бесконечной Реки.

— Что же, — сказал он, и на его губах медленно появилась улыбка. — Полагаю, мне отнюдь не вредно сменить обстановку.

С восторженным воплем Крокетт схватил Боуи за плечи.

— Вот это другое дело! Мы двое снова вместе, ищем неприятностей!

— Эй, — окликнул их Билл Мейсон. — Не забудьте и меня. Я не искатель приключений, но есть на Реке несколько человечков, которых я не прочь повидать. Джек Руби и Ли Харви Освальд для начала.

— Почему бы нет, — одобрил его решение Кро-

кетт. — Нет причин, по которым мы бы не могли высматривать и этих ребяток. Кто бы они ни были, ко всем чертям.

— Я бы тоже не против присоединиться к вашей экспедиции, — неожиданно проговорил Исаак. Впервые, с тех пор, как Боуи с ним познакомился, в измученных глазах этого человека блеснула надежда. — Мои страшные сны сводят меня с ума. Только один человек может меня от них избавить. И он тоже должен жить где-нибудь на Реке.

Боуи взглянул на Сократа.

— А как насчет тебя, мой друг? Хочешь отправиться с нами? Или тебе достаточно хорошо и здесь?

— Когда я дожил до старости, — ответил философ не без едкого сарказма, — добрые граждане Афин проголосовали за то, чтобы предать меня смерти, поскольку я развращал молодежь этого города. Слишком многие из людей воскресли в здешней общине. Недавно они опять начали ворчать по поводу моих бесконечных вопросов. Они думают, что я насмехаюсь над богами. К несчастью, они правы. Одной чаши с цикутой достаточно. Лучше мне пуститься в дорогу с вами, чем ждать второго смертного приговора. А если я умру, пусть это случится из-за моей глупости,

а не из-за чужой. Кроме того, — добавил он, — я спрашивал многих и многих: «Что есть справедливость?» И за все мои годы еще не получил удовлетворительного ответа. Возможно, где-нибудь на Реке существует ответ на мой вопрос.

— Решено, — подытожил Крокетт. — Завтра стоим каноэ — и в дорогу!

— Подожди минутку, — сказал Боуи, поднятием руки призывая к молчанию. — Я согласился помочь тебе найти генерала, но я не замышляю совершать самоубийство. Сколько раз ты уже умирал, ведя поиски в одиночку?

— Семь, — ответил Крокетт. — Или, может быть, восемь. Я уже и счет потерял.

— Так я и прикидывал, — сказал Боуи, что-то поспешно обдумывая. Крокетт не сильно изменился с тех дней в пограничье. Великолепные замыслы, но мало терпения для отработки деталей. — Единственный способ чего-то достичь — это остаться живыми. Возможно, смерть здесь и не навсегда, но она рассеет нашу компанию на все четыре ветра. Так что надо разрабатывать планы. Большие планы. Плавание в каноэ — это не то. Нам понадобится судно. И хорошее. Плюс команда, чтобы ею править.

— Судно? — удивился Крокетт. — И команда?

Зачем?

— Я кое-чему научился от кое-каких чудиков, переместившихся сюда за последние несколько лет. Не все обитатели берега Реки так дружелюбны, как граждане Новых Афин. Взять, к примеру, твоих дружков-каннибалов. У нас впятером не такой уж большой шанс продержаться. Но будь нас побольше — дело другое. Вот почему важна команда.

— Спартанцы, — внезапно и пылко вмешался Билл Мейсон. — с тех самых пор, как они разгромили тех налетчиков-викингов в прошлом году, они ищут себе применения.

— Ты угадал мою мысль, — обрадовался Боуи. — Я видел их в действии. Закаленные дисциплинированные бойцы, которые знают, как драться вместе. Как раз то, что нам нужно.

— И жаждут приключений, — подхватил Сократ. — Позвольте мне завтра переговорить с Лисандром Спартанским. Он был у них флотоводцем и знает их лучших моряков. Хотя, подозреваю, что невыносимая скука и его побудит присоединиться к нам.

— А как насчет корабля? — спросил Крокетт. — Или все это еще тоже надо обдумать?

— Может быть, — улыбаясь, произнес Боуи. —

Вполне возможно.

3

На следующее утро Боуи, Крокетт и Мейсон прошли милю вниз по Реке до следующего грейлстоуна.

— Здесь живет Торберг Скафхогг, — сказал Боуи, когда они шагали по прибрежному песку. — Иногда мы встречаемся, чтобы немного выпить.

Увидев неодобрение во взгляде Крокетта, Боуи протестующе поднял руки.

— Знаю, о чем ты думаешь. Ничего подобного. Больше никаких пьяных кутежей. Я получил хороший урок в Аламо. Чуть все ребра себе не переломал тогда, свалившись с укреплений. И принес куда больше ущерба себе, чем мексиканцам. — Лицо Боуи стало торжественным. — Помимо прочего, в те дни меня не больно-то заботило, жив я или мертв. Особенно после того, как холера унесла мою жену и нашу малышку. Выпивка помогала мне забыться. Все переменилось после воскрешения. Жизнь кажется совсем другой, когда знаешь, что Мария жива где-то у Реки. Я исправился. — Техасец улыбнулся. — Может, мне бы следовало подумать о вступлении в Церковь

Второй Попытки.

— Угу, — сказал Крокетт, выгнув брови. — Что ты думаешь об этих их проповедниках? Много ли толку в их теории, что мы воссозданы вновь, дабы могли всем скопом стремиться к святости? — Дэйви рассмеялся. — Не могу вообразить старого Энди Джексона, этого воплощенного дьявола, с ореолом.

— То, что нам в жизни дана вторая попытка, поражает меня, как прекрасная идея, — заметил Боуи. — Не говоря уже о третьей, четвертой и не знаю, которой еще. Но люди — это люди. И неважно, сколько раз кто возрождается, изменяются-то они не сильно. По крайней мере, так я понимаю.

— А что это за Торберг, о котором ты упомянул? — спросил Крокетт, меняя тему. — И зачем он нам?

— Около двенадцати месяцев назад, — ответил Билл Мейсон, — флот из шести кораблей викингов явился сюда, идя вниз по Реке. Предводителем у них был Олаф Трюггвасон, норвежский король десятого века, и они искали, где бы им обосноваться. Им удалось покорить две другие долины, и они рассчитывали, что с нами будет не больше хлопот. Никто из них не подумал о спартанцах.

— Там было что-то около тысячи норвежцев,

охочих до грабежа, на этих корабликах, — подхватил Боуи, продолжая рассказ. — Они никогда прежде не встречали организованного сопротивления. И вот устремились на берег, полагая, что одолеют нас одним махом. Три тысячи греков, закаленные в боях ветераны из лет, полных межгородских войн, встретили их у самой воды. Песок покраснел от крови.

— Викинги бились отважно, — опять заговорил Мейсон, — но — никакой сплоченности. Каждый дрался сам по себе. Спартанцы, которых с детства приучили действовать отрядами, сражались дружно и слаженно. В одиночку мало кто из них мог бы тягаться с такими противниками. Но сообща они их одолели. Ко времени, когда пал король Олаф, большинство его сподвижников тоже погибло. Немногие оставшиеся, большей частью ремесленники и мастеровые, которые поддерживали их корабли в хорошем состоянии, сдались. Лисандр Спартанский предложил им выбор. Присоединиться к нашей общине, чтобы делиться своими знаниями и умениями или погибнуть от меча. В мире, где смерть ничего не значит, милосердия больше не существует. Норвежцы все до одного выбрали жизнь. Торберг Скафхогг — один из них.

— А их суда? — спросил Крокетт.

— Сгорели в ходе боя, — ответил Мейсон. — К счастью, нам удалось собрать большинство клепок и болтов.

В Мире Реки, где почти не водилось полезных ископаемых, железо ценилось дороже золота. Без него не может существовать современная технология. Поэтому велись войны за металл.

— Где они нашли руду? — поразился Крокетт. — Здесь невозможно копать. Трава чертовски крепкая.

— Знаешь об этих зажигалках, который иногда появляются в Граалях? Ходят слухи, что один американец по фамилии Эдисон экспериментировал с ними и так и эдак, чтобы раскрыть их тайну. Парочку раз его укокошило, но он не отступался. И так и не установил, как они действуют. Но то, что он узнал, не менее важно. Эдисон открыл, что если поместить до конца использованную зажигалку в грааль, большая часть оболочки испаряется, и остается немного железа и меди. Не ахти сколько, но, учитывая, что каждый в долине получает в самом начале одну зажигалку, и обычно дожидается новой, примерно раз в шесть месяцев, за несколько лет можно накопить немало ценного сырья. Викинги использовали этот

металл, чтобы изготовить болты и клепки, а также несколько секир. Топорики достались лишь бойцам и кое-кому из корабельных мастеров. Скафхогг, их самый прославленный ремесленник, получил один. И по-прежнему им пользуется. Норвежцы не признают пил и предпочитают рубить дерево топорами. Погоди, скоро увидишь, как пользуется своим Торберг. Он в этом сущий гений.

— И это не единственный его талант, — сказал Боуи. И вытащил длинный нож из ножен драконовой кожи. Клинок из закаленной стали полыхнул на утреннем солнышке. — Он изготовил его для меня по моему рисунку, — продолжал Боуи. — Точно так же, как Рэзин создал оригинал. Не очень хорошо сбалансирован, но уж всяко лучше, чем меч из панциря роговой рыбы. Единственный нож Боуи на всей Реке, как я подозреваю.

— Однако, — заметил Крокетт. — Как ты думаешь, а не мог бы этот Торберг сработать для меня винтовку?

— Вероятно, — ответил Боуи. — Некоторое время назад мы даже состряпали немного пороху для взрывчатки. Но чем ты станешь ее заряжать? Деревянными пулями?

— У, черт! — рявкнул Крокетт. — Не подобает мужчине разгуливать без ружья. Мне не хватает моей Бетси.

— А вон и Скафхогг, — прервал их Мэзон, указывая на человека в отдалении. — Такое прозвище дал ему король Олаф в десятом веке, — добавил он чуть погодя. — Оно означает «Меткий удар» и намекает на его кораблестроительное искусство.

В сотне футов от них у длинного деревянного верстака стоял коренастый и массивный человек, поглощенный обработкой деревянной доски сверкающим стальным топором. Могучие мускулы колыхались на его руках и плечах при каждом движении. Длинная светлая коса металась вправо-влево по спине.

— Эй, Торберг! — крикнул Боуи, когда они подошли поближе.

Норвежец прервал работу и поднял глаза. Суровые и резкие черты лица смягчились, когда он узнал техасца.

— Эй, Боуи, — откликнулся он. — Добро пожаловать и тебе, и твоим друзьям.

Последующие десять минут они потратили на откровенно пустую болтовню. Торберг говорил на эсперанто с изрядным акцентом, и частенько трудно было разобрать, что он сказал. Однако

этот славный мастер обладал проницательным и живым умом. Он выразил удовольствие по поводу знакомства с Крокетом, и даже согласился выслушать куплетик из песни о метком стрелке.

Исполнение его вызвало у Боуи жуткие страдания. Он совершенно некстати задумался, а показало ли хоть раз это дивное изобретение, называемое телевидением, представление о его жизни. Он мысленно пообещал себе, что задаст этот вопрос Биллу Мейсону как-нибудь наедине.

Серенада закончилась, и Торберг показал им свою последнюю затею: мощное дубовое кресло, которое он сооружал для одного из новоафинян. Разговаривая, он ударял топором по будущей спинке, обтесывая ее с точностью отличного хирурга.

— И что привело вас в мой скромный дом? — спросил он смахивая крохотную щепку с волос. — Думаю, не просто желание показать Крокетту мои изделия?

— Нам нужно построить лодку, — сказал Боуи, не видя причин для околичностей. — Боевой корабль, вроде тех, какие ты тесал для короля Олафа и его людей. Мы замышляем путешествие вниз по реке.

Норвежец не казался сколько-нибудь удив-

ленным.

— Следуйте за мной, — велел он. И, повернувшись, двинулся прочь от Реке в сторону леса. Он явно прекрасно знал, куда направляется. После пяти минут скорой ходьбы он казались у основания могучего дуба, вздымавшегося вверх на добрую сотню футов.

— Вот и киль для вашего корабля, — с гордостью провозгласил он. — Я знал со дня нашей встречи, что когда-нибудь вы обратитесь ко мне с такой просьбой. Это было у вас в глазах. Раньше или позже все настоящие мужчины бросают вызов великой Реке.

— Потрясающее дерево, — присвистнул Дейви Крокетт.

— Ну и длиннющий выйдет кораблище.

— На Земле для короля Олафа я построил один вдвое длиннее, — заметил Торберг. — Великий драккар, который он называл «Длинный змей».

Викинг обвел рукой окружавший их лес.

— Боги давно предчувствовали ваши замыслы. Они позаботились о том, чтобы здесь выросло много прекрасных дубов на доски и шпангоуты для нашего судна.

Боуи кивнул. Не то, чтобы он веровал в скандинавских богов, но он находил весьма необычным,

что как бамбук, так и дуб, настолько великолепно растут в здешних долинах. Как будто невидимые хозяева этого мира бросали вызов людям: стройте корабли и обследуйте Реку. Техасец задался вопросом, а узнает ли он когда-нибудь правду. И хочет ли по-настоящему узнать.

— Чего ты потребуешь взамен? — спросил он у Торберга, прекратив отвлеченные рассуждения. Не стоит увлекаться вопросами, на которые нет ответов.

— Плыть с вами, — немедля заявил Торберг, никого из них не удивив. — Вам нужен кормчий, чтобы править вашим кораблем. Я вам подойду. В конце концов, — добавил он, — ни у кого из вас нет опыта в управлении боевым кораблем на этой Реке. А я уже водил такое судно, направляя весь флот короля Олафа.

— Мы тебя берем, — сказал Боуи со смехом. — Сколько времени уйдет на постройку подобного чуда?

— С помощью других кораблестроителей, — после короткой паузы произнес Торберг, — три месяца. Добавь еще две недели, чтобы обучить команду. Чуть больше, чем через сотню дней, мы сможем отчалить.

Боуи обернулся к Крокетту.

— Твое мщение подождет сто с небольшим дней?

— Ты, зараза, — отпарировал его друг. — Я не против поторчать здесь немного, коли знаю, что буду вознагражден.

— Решено, — объявил Боуи. — Торберг, собери своих друзей и приступайте к работе. Если понадобится любая помощь, дайте мне знать. А мы тем временем завербуем добровольцев и соберем припасы.

Бурное ликование всколыхнулось в техасце и наполнило его, вырываясь наружу. Впервые с самого Дня Воскрешения он почувствовал себя по настоящему живым. Как хорошо снова служить делу. Любому делу.

— Ты уже выбрал название для корабля? — ухмыляясь, спросил Крокетт.

— Думаю, что да, — ответил Боуи. — Если только джентльмены не возражают, я назову его «Незаконченное дело». Потому что в этом причина всей затеи. В незаконченном деле.

4

Ровно сто десять дней спустя они отплыли. Помимо Боуи и его друзей, команда состояла из

шестидесяти греческих моряков, возглавляемых Лисандром Спартанским. Большинство их служило под его началом на Земле и получило основательную закалку в ходе долгой войны между Спартой и Афинами.

Была достигнута общая договоренность, что Боуи станет предводителем экспедиции. Истинный человек из народа, техасец был одним из немногих новоафинян, который не имел врагов. Он, в свою очередь, назначил Лисандра своим старшим помощником.

Греческий воитель был опытным полководцем и умелым мореплавателем, жаждавшим действия и приключений. Он прожил шестьдесят лет и воскрес двадцатипятилетним, и его радужные ожидания занятно контрастировали с невеселыми воззрениями Сократа на человеческую природу. Эти двое частенько заводили долгие и жаркие споры, в которых демократизм Афин сталкивался со спартанским милитаризмом.

Корабль Торберга оказался истинным чудом викингского кораблестроения. Сотня футов в длину и двадцать в ширину по бимсу, с отверстиями для двадцати пяти весел по каждому борту. Единственную мачту подпирали два тяжелых дубовых блока — пяртнерсы. При попутном ветре с

поднятым парусом этот скорый и поворотливый корабль делал десять узлов в час.

Как и все подобны ему суда, он строился снаружи внутрь. Т-образный киль, вырубленный из гигантского дуба, который Торберг показывал Боуи, прогибался в середине, так что во время сражения корабль мог вращаться волчком. К нему была присоединена тонкая обшивка из дубовых досок, каждую из которых вырубили из отдельного дерева, от коры и до сердцевины. К форштевню и ахтерштевню, они же — носовой и кормовой стояки — доски были прикреплены круглошляпочными гвоздями и болтами, и затем соединены друг другом внакрой переплетенными и просмоленными побегами железного дерева. Корпус получился невероятно легким, но весьма водоустойчивым, как бы его ни испытывала стихия. Весило судно менее тридцати тонн с полной нагрузкой — командой и всеми припасами, и осадка его составляла менее трех футов. Боуи и его друзьям казалось, что корабль почти что летит над Рекой. Торберг позаботился даже о деревянных катках, которые они уложили в глубине трюма, и на которые можно было поставить корабль, чтобы вытащить на берег, если понадобится.

У кормы находился руль, примерно, в десять футов длиной, вырезанный из цельного куска дуба. На полуюте стояла модная баллиста. Мачта поднималась всего на тридцать футов, но парус, сшитый из перепонок рыбы-Дракона, простирался на сорок футов в ширину…

Спартанцы легко приноровились к новому кораблю. Это судно с единственным парусом и огромными веслами не столь уж отличалось от чуть более сложных трирем, на которых они хаживали в былые дни, сражаясь за Спарту. После нескольких испытательных пробегов с новой командой, Торберг объявил, что она достойна его детища. И вот сто девять дней спустя после начала работ, кораблестроитель-викинг сообщил Боуи, что все готово.

Техасец, жаждавший как можно скорее тронуться с места, тут же приказал грузить на борт припасы. Он никогда не видел смысла в долгих прощаниях и решил отчалить на следующее утро.

Все население Новых Афин высыпало их провожать. Лица в толпе отражали смешение чувств, изменявшихся от гнева до радости, от зависти до презрения. Но Боуи не обращал на них внимания. Он никогда не отличался терпением и был счаст-

лив, что отплывает.

Наконец, последние из припасов были погружены, гребцы сели на весла, Торберг встал к рулю. Осталось только сняться с якоря и поднять парус. Боуи воздел руку в прощальном жесте.

— Речь! — крикнул голос с берега. — Речь! Речь! — эхом отозвалось множество других.

Захваченный врасплох, Боуи молчал, не зная что сказать. Сократ, стоявший рядом с ним на полуюте, не страдал излишней скромностью. Он немедленно шагнул вперед.

— Мои друзья и добрые соотечественники, — зазвенел его голос, побуждая замолчать всех, кто галдел в толпе. — Сегодня отважнейшие сыны Новых Афин отплывают в великое странствие. Мы отправляемся на поиски богов, этих чудесных существ, которые, как многие из вас нелепо настаивают, воскресили нас на берегах этой могучей Реки. Что до меня, то я не могу себе представить, как мы найдем их, ибо всем вам хорошо известно, что я сомневаюсь в их существовании.

Большинство в толпе вежливо кивало, ничуть не прислушиваясь к тому, что говорил философ. Некоторые даже зааплодировали. Однако, Боуи заметил немало несчастливых лиц.

— Готовься трогать — пробормотал он Торбергу,

когда послышались первые возгласы неодобрения.

— Однажды в прошлом я стоял перед таким благородным собранием, — продолжал Сократ. — В тот примечательный день вы любезно приговорили меня к смерти за развращение молодежи Афин.

Недовольные возгласы стали громче, но философ словно не замечал их.

— Как образцовый гражданин, я повиновался вашей воле. Впрочем, в сердце своем я знал, что если бы цикуту дали всем в Афинах, кто был виновен в подобном преступлении, город опустел бы.

Теперь толпа выглядела жутко. Граждане единым потоком хлынули вперед, готовые вытащить корабль На берег и разорвать Сократа в клочья. Всякая дрянь, которую швыряли рассерженные афиняне, полетела в корабль.

— Поднять якорь, — поспешно приказал Боуи, в то время как камень просвистел мимо его головы. — Быстрее!

Корабль устремился прочь от брега, точно сорвавшаяся с тетивы стрела. Через несколько секунд он был на середине Реки.

— Если я повстречаюсь с богами, — прокричал Сократ, насмехаясь над толпой на берегу, — я

непременно предупрежу их о том, как вы учтивы.

— Мило и дипломатично, — сказал Боуи с тяжелым вздохом, когда берега Новых Афин скользнули за пределы видимости. — Отныне прошу тебя об одной любезности. Произноси любую речь сперва передо мной.

— Я не мог покинуть их, не сказав им нескольких мудрых слов, — ответил Сократ, судя по голосу, ничуть не сокрушенный. — По меньшей мере, они на долгие годы запомнят наше отбытие.

— Можешь повторить все еще раз, старая жаба, — провозгласил Дейви Крокетт, присоединяясь к ним. Во время речи он стоял на носу. Как-то во хмелю во время дружеского спора с месяц назад, Сократ обмолвился о своем земном прозвище. С тех самых пор Крокетт постоянно им пользовался.

— Это напоминает мне о временах, когда добрые люди из Тенесси проголосовали за мою отставку, — продолжал Дейви. — В своей прощальной речи я пожелал неблагодарному сброду провалиться в преисподнюю. А затем собрал друзей понадежнее, и мы махнули в Техас.

— Еще один дипломат, — улыбаясь, заметил

Боуи. — Неудивительно, что тебя столько раз убивали со Дня Воскрешения. Говорить правду — не лучший способ найти много друзей.

— Я бы поспорил с этим, — сказал Крокетт. — Но такова одна из радостей жизни на Реке. Можешь быть честным, насколько тебе угодно, и не беспокоиться о последствиях. — Он сделал на миг паузу, затем продолжал. — Хотя есть резон в том, чтобы чаще просыпаться голым и безволосым нежели этого не делать. И, возможно, умеренность все-таки лучше.

— Держись середины, — добавил Сократ.

— Аминь, — подхватил Боуи, а затем сосредоточил внимание на Реке. Так началось великой плавание.

5

Первые несколько недель пронеслись стремительно. Они неплохо проводили время, останавливаясь каждый день в нескольких деревнях. На этом отрезке Реки преобладали цивилизации Бронзового Века, и путники встречали теплый прием у многочисленных китайских поселенцев, обитателей здешних берегов.

Всякий раз, когда представлялась возможность,

Боуи и его люди пользовались расположенными среди лесов грейлстоунами. Это снижало их зависимость от дорожных припасов и создавало поводы для встреч и знакомств с местными жителями. Ради безопасности они спали на борту в палатках из кожи Рыбы-Дракона. Сократ всякий раз, когда мог, околачивался на берегу, ведя философские споры с любым желающим. А в них редко оказывался недостаток. Обычно вокруг него собиралась толпа. Одним из главных человеческих проявлений повсюду на Реке казалась готовность обсуждать, в чем смысл жизни, а также все «что», «как» и «почему», связанные с Великим Воскрешением. И Сократ всегда спрашивал: «Что есть справедливость?» И нигде не услышал ответа, который бы его удовлетворил.

Дэйви Крокетт прочесывал каждый новый городишко, высматривая своего давнего недуга Санта-Анну. Исаак сопровождал Крокетта, и его печальные глаза разыскивали в толпах встречных человека, опознать которого мог только он. Ни один из двоих не добился успеха.

Боуи установил одно твердое правило: никаких попутчиков без веских причин. Он знал, что в любом случае на корабль быстро набьются гулящие девицы и прочая шушера. Техасец ясно дал всем

понять, что не возражает против любых забав, но им место на берегу, а не на корабле. И любой, кого это правило тяготит, волен уйти. Все остались.

Спартанцам же строгие порядки на борту и вовсе пришлись по душе. Воспитанные в коммунистическом государстве, которое превыше всего ставило долг, они гордились своей суровостью духа, равно как и физической выносливостью. Лисандр не упускал случая напоминать своим людям об их наследии.

— Не забывайте, — повторял он всякий раз, когда кто-то сетовал на скудость питания или на разразившийся ночью ливень, — что мы не сброд, мы — спартанцы.

Боуи, всегда, когда это получалось, беседовал с местными старейшинами о том, что лежит впереди. Довольно часто главы общин знали о том, что творится в пяти-десяти ближайших деревнях. До сих пор их плавание протекало безмятежно, но Боуи знал, что рано или поздно беда нагрянет незванной-непрошенной. И хотел заблаговременно подготовиться к встрече с ней.

К сожалению, не все знали, что таится за поворотом. На двадцатый день плавания они покинули гостеприимную китайскую деревню без малейшего понятия о том, чего вправе ожидать за

ближайшей речной излучиной. Жители деревни, довольные своей судьбой, никогда не пытались исследовать местность за естественными границами своих владений. Другие экспедиции, которые прошли через их долину из поселений выше по Реке, не возвращались из низовий. Боуи обеспокоено следил, как сужаются огромные каменные стены по мере их приближения к концу занятой китайцами области. Торберг, отдававший себе отчет в неопределенности их положения, держал корабль на середине Реки. Он надеялся, что это даст им несколько дополнительных мгновений для подготовки к отражению угрозы с любого из берегов. Скандинав не убирал рук с руля. Чем уже становилась Река, тем быстрее бежало течение. Даже не используя ни весла ни парус, они теперь развили скорость больше пятнадцати узлов.

— Будьте начеку, — предупреждал Лисандр своих парней, расхаживая взад-вперед по кораблю. — Помните. Мы спартанцы.

Они мчались к следующей долине, и белоголовые волны высоко подбрасывали их темный корабль.

— Следи за стремнинами, — промолвил Торберг, борясь с неподатливым рулем. — Завидите

камни — кричите.

Горы теснились у воды с обеих сторон. Скалы вздымались, казалось, на множество тысяч футов над головой. Солнечный свет проникал сюда лишь через узкую щель, и вокруг царили переменчивые сумерки.

Долина оказалась чем-то чуть большим, нежели узкий плах с неизменными грейлстоунами на расстоянии мили один от другого. И — никаких признаков людей или человеческого жилья.

— Пусто, — провозгласил Боуи; по его спине катились мелкие капли пота. «Незаконченное дело» порхало по волнам, направляясь к следующему горному ущелью.

— Никого, — подхватил Крокетт. — Но что впереди?

И это они узнали мене, чем через час. Хотя мощные потоки и сильные волны били по их кораблю, он способен был бы вынести и суровые морские шторма. Они провели его через узкую теснину в конце необитаемой долины, где лишь свет пролился на них — и более ничего примечательного — и вдруг оказались в огромном безмятежном озере, миль эдак в десять диной и в четыре шириной.

— Навались, — немедленно приказал Лисандр.

Его спартанцы, всегда бдительные и внимательные, тут же заработали веслами.

— Здесь совсем слабое течение, — сказал Торберг, ослабляя хватку. — Худшее позади.

— Может да, а может нет, — откликнулся Билл Мейсон, не сводя взгляда с ближайшего брега. Мощный деревянный палисад бежал по большей части пляжа, начисто отрезая его от воды. Стены обходил дозором облаченные в кожу воины, вооруженные копьями и мечами. Дозорные молча следили за кораблем, не совершая ни единого движения. Откуда-то из-за укреплений протрубил рог. В сотне футов ниже по Реке отозвался второй. А затем — третий, еще дальше.

— Это предупреждают о нас, — сказал Боуи. — Лисандр, побыстрее.

— Я полез в воронье гнездо, заявил Крокетт и, подтягиваясь на руках, принялся карабкаться по невысокой мачте к обзорной площадке наверху. У него было самое острое на борту зрение.

— По ту сторону озера — тоже стена, — доложил он несколько секунд спустя. — И построена она точно так же, как эта. По всему видать, на обоих берегах заправляют те же люди.

Фарватер отклонился вправо на полмили вперед.

— Держимся середины, — сказал Боуи Торбергу. Между тем над пляжем разнеслось эхо множества рогов.

— Прямо по курсу — корабли, — крикнул Дейви. — Да примерно такого же размера, как и наш. Быстро идут от берега.

— Выглядят мирно? — спросил Боуи, уже зная, каков ответ.

— Не похоже. На них полно вооруженных людей. Прямо тьма. И целые оравы народу подбадривают их с берега. Похоже, они знают, что делают. Мы не первые, кого сюда занесло, Джим.

— Пираты, — брезгливо поморщился Боуи.

— Или хуже, — предположил Сократ, натягивая панцирь и шлем из драконьей кожи. Он несколько раз рубанул воздух роговым мечом, приноравливаясь к весу клинка. — Они могут быть граалепоработителями.

Боуи выругался. Рожденный на Юге США в конце восемнадцатого столетия, он считал рабство вполне приемлемым, когда дело касалось других. Столкнувшись с такой же перспективой для себя, он закипел от гнева.

— Заряжай баллисту, — проревел он. — Готовь гранаты. Если эти ублюдки хотят драться, мы научим их кое-чему по военной части!

— Спартанцы, готовьтесь к бою, — распорядился Лисандр, облачаясь в броню и обнажая меч. Половина гребцов оставила весла и стала надевать доспехи, в то время как остальные гребли в прежнем ритме. Как только первая половина снарядилась для боя, она села на весла, а вторая стала готовиться. Все в целом заняло лишь несколько минут, и при этом скорость корабля сколько-нибудь заметно не снизилась.

«Незаконченное дело» обогнуло излучину Реки, и грянула война. Огромные камни, швыряемые с берега катапультами, шлепались в воду поблизости. Над головой свистели громадные стрелы. Два неприятельских судна, движимые тройными командами гребцов, стали приближаться с обеих сторон. По берегам тысячи глоток вопили в возбуждении.

— Римские триеры, — произнес Исаак, и гнев окутал облаком его обычно унылые черты. Облаченные в кожу Рыбы-Дракона и вооруженный двумя короткими мечами, он больше не выглядел кротким тихоней. — Их корабли заметно тяжелее нашего. И легионеры не моряки. Если мы сможем оторваться, они нас не настигнут. Однако остерегайтесь, — мрачно продолжал он, — если они подберутся достаточно близко, чтобы пойти на

абордаж. На суше или на воде римляне бьются, точно загнанные в угол тигры.

— Можно подумать, ты ими восхищаешься, — заметил Боуи, не отрывая взгляда от приближающихся боевых судов.

— Я большую часть жизни провел в легионах, — ответил Исаак, и в его голосе зазвенела гордость. — Но затем, однажды я понял, что путь мой ошибочен.

И отвернулся, прежде чем Боуи успел задать ему новый вопрос. И тут же настала пора действовать.

— Сдавайтесь! — проревел командир одной из трирем, бывшей теперь менее чем в ста ярдах. — Сдавайтесь, и останетесь целы.

— Черта с два, — фыркнул Боуи. Он взглянул на Билла Мейсона, ожидавшего приказов у баллисты. Учитель истории, ко всеобщему удивлению, великолепно стрелял из огромного арбалета, Он утверждал, что обязан своим искусством таинственной организации, которую называл СКА. Боуи предположил, что эта группа — нечто вроде ТВ, МАМ и ИРС, о которых часто упоминал мимоходом этот не всегда понятный человек из будущего.

— Готов, Билл? — спросил он, и на него сни-

зошло невероятное спокойствие. Боуи узнал это чувство. То самое ледяное безумие, которое овладевало им когда-то на Земле во время многочисленных дуэлей. Рэзин, его братец, называл это боевой яростью.

— Давай-ка пропалим этих засранцев прямо на воду. Огонь!

Мейсон выстрелил. Грозная арбалетная стрела, взвизгнув, пронеслась на водой к ближайшему судну. Историк дополнил ее несколькими уникальными усовершенствованиями. Пустоты внутри вызывали визг в полете, а смесь жира, мульчи и пороху воспламеняла снаряд в считанные миги. Мейсон называл свои снаряды «Коктейлями Молотова» и обещал, что результат будет смертоносным.

Первый выстрел оказался мимо. Снаряд пролетел мимо самого паруса триремы и, не нанеся врагу ущерба, рухнул в воду. И все-таки командующий на корабле получил предупреждение, что ему может грозить смертельная опасность. С палубы «Незаконченного дела» видно было, как римляне карабкаются на мачту. Но поздно.

Проревев, в пиратский парус вонзился второй снаряд из баллисты. В один миг дюжина огненных языков стала лизать дерево и драконью

мембрану. Когда загорелась палуба, вверх густо повалил черный дым. Вопя в страхе, римляне попрыгали с пылающего корабля в Реку. Несколько доблестных воинов осталось и попытались бороться с огнем, но с малым успехом. Трирема беспомощно дрейфовала, лишенная управления, больше никому не угрожающая.

— Берегись второго корабля! — завопил Крокетт, соскальзывая с мачты на палубу, — они быстро идут к нам.

Прикрываясь черным дымом с первой триремы, другой корабль рванулся к ним, точно акула, почуявшая кровь. Он был менее, чем в сотне футов от «Незаконченного дела», и быстро приближался, его нос был повернут точнехонько навстречу их носу. Неизбежно было столкновение, равно сокрушительное для обоих судов.

— Не жалей весел! — прокричал спартанцам Лисандр.

— Греби, пока в щепки не разлетятся!

Крякая от усилий, Торберг всем своим мощным телом навалился на руль. Корабль задрожал и подался вправо. В тот же миг командир триремы отклонил свой курс влево.

Носы двух кораблей встретились, оглушительно затрещало дерево, обе команды кувырком

покатились по палубе. Но силу удара смягчила резкая перемена направления. Ни одному из судов не был причинен значительный ущерб. Они лишь колыхались теперь в нескольких ярдах друг от друга, а матросы на борту поднимались и подбирали оружие. Римляне пришли в себя первыми. С торжественным ревом они перебросили абордажный мостик на палубу «Неоконченного дела». Металлический шип, вделанный в дальний конец трапа, удерживал корабли вместе. За несколько секунд легионеры перелетели по мостику и хлынули на палубу. Двое первых погибли, едва ступив на нее. Сократ, без всяких чувств на лице, всадил свой меч в глаз первому, мгновенно убив его. Ни секунды не медля, грек развернулся и нанес второму противнику удар в голову тыльной стороной ладони. Тот зашатался и ослабил бдительность. Клинок философа вонзился ему в горло, изодрав его в клочья. Афинянин, столь прославившийся в веках как мудрец, участвовал в тех войнах, и был известен по всей Греции как безжалостный и опасный противник в бою.

Прочим нападающим повезло немногим больше. Лисандр уже успел сплотить своих воинов и крикнул им:

— Спартанцы, вперед!

Те ответили стремительным натиском, который очистил палубу от абордажников. Но еще не одна сотня римлян была готова к новому вторжению. Они толпились у мостика, связывавшего два корабля. Если не удастся снести мостик, «Незаконченно дело» обречено.

Сверкнули два меча; Исаак вскочил на узкую доску с неистовыми глазами и ликом, искаженным гневом.

Он не пытался хоть как-нибудь защититься от неприятельских ударов, а бился в яростном безумии, сопоставимом с исступлением скандинавского берсерка. Рубя направо и налево, он сваливал по воину каждым ударом. Малая ширина мостика не позволяла римлянам взять числом. И никто не мог его остановить.

Легионеры пытались. Легионеры умирали. Их товарищи, видя, чем это кончается, пятились подальше от опасного места по своей палубе.

Исаак в одиночку расчистил абордажные мостки и удерживал их. Кровь струилась из дюжины ран, а он жег полыхающим взглядом команду триремы, словно призывая римлян показать себя. А затем, прежде чем кто-либо из них откликнулся, прыгнул обратно, на палубу «Неоконченного дела».

— Убери эту дрянь — без всякой надобности возопил Боуи. С дюжину спартанцев уже возилось с цепким крюком, который удерживал мостик. Дубовые доски негодующе взвизгнули, когда из них вышли железные когти. Неистово возликовав, греки спихнули мостик в Реку.

— Спартанцы, на весла, — распорядился Лисандр. Настало время побыстрее убираться.

Дейви Крокетт небрежно поднял сосуд, сделанный из сухих листьев и глины, извлеченный из рундука на полуюте. Сбоку у сосуда болтался короткий отрезок лозы.

Уравновесив этот предмет на ладони, Крокетт поджег лозу зажигалкой, которую держал в другой руке. Затем, пожав плечами, метнул сосуд через щель меж двумя кораблями.

Секунду спустя прогремел взрыв.

Ошеломленные римляне завопили от боли, когда сотни крохотных осколков кварца и кремния наполнили воздух.

— У, зараза, не подвела! — заулыбался Крокетт, поджигая вторую гранату. — Эх, вот запалы короткие.

Легким движением запястья, он перекинул гранату на трирему. Боуи вздохнул с облегчением, когда та взорвалась в гуще врагов. Слишком

уж беспечно относился Крокетт к смерти и разрушению.

— Давайте-ка отсюда выбираться, — сказал Боуи, когда спартанцы принялись грести, — пока наш Крокетт нас всех не отправил в преисподнюю.

Б

Две недели спустя и в тысяче миль дальше они узнали больше, чем могли пожелать о грядущем возмездии. Измаявшись за несколько дней без стоянки, они встали на якорь у мирной египетской деревушки. Пока их команда отдыхала на берегу, Боуи расспрашивал старейшин о дороге. Рядом Сократ обучал Дейви Крокетта тонкостям боя. Как вдруг в дверях палаты совета появился Билл Мейсон. Лицо у историка было белым, как простыня, а взгляд — такой затравленный, что Боуи стало не по себе.

— Ты способен хоть ненадолго? — спросил Мейсон. Голос его дрожал.

— Разумеется, — ответил Джим. — А что такое?

— Я хочу, чтобы ты пообщался с двумя женщинами, — загадочно ответил Билл. И поманил пальцем Сократа с Крокеттом. — Вы двое не мо-

жете пойти с нами? Важное дело.

Что-либо еще он говорить отказался. Все четверо быстро прошли через маленькое поселение и вступили в неизменный лес, раскинувшийся от самого пляжа до гор, приблизительно в миле от воды. У них заняло примерно двадцать минут, чтобы дойти до цели.

— Местные жители рассказали мне об этих женщинах и об их пленнике, — сказал Мейсон, когда они к грубой хижине, приютившейся под громадными деревьями. — Не желая верить тому, что я услышал, я пришел сюда нынче утром. И вскоре пожалел, что пришел.

— Потрудись объяснить, что ты имеешь в виду, Билл, — попросил Дейви Крокетт, взгляд его перескакивал с места на место. Этот ветеран боев с индейцами всегда был начеку в лесной чаще.

— Выслушайте, что они вам расскажут, — промолвил Мейсон вместо ответа. — И тогда сами достаточно скоро все смекнете.

Жилище казалось покинутым. Грубая хибара, сложенная из неотесанных бревен, приметная, в первую очередь, большой деревянной клеткой в нескольких футах от двери. И никаких признаков живой души.

Тут в клетке что-то шевельнулось.

— Никогда не слышал ни о каком зверье на Реке, — пробормотал Крокетт, сощурив глаза. Заглянул меж прутьев. — Ах, черт! — в голосе его чувствовалось потрясение, даже ужас. — Да там человек! Слепой. И пальцы на руках и на ногах отрублены.

— Это чтобы мерзавец не мог удрать. — Говорившая была хорошо сложена, с длинными вьющимися иссиня-черными волосами, откинутыми за плечи. Она стояла в дверях хижины, держа в руках заряженный арбалет. И, судя по ее виду, неплохо умела с ним управляться.

— Я не причиню вам зла, джентльмены, — продолжала она на эсперанто с мощным акцентом лондонских кокни, — но слишком многие являлись сюда замышляя выпустить на свободу вот этого нашего дружка. А этого нельзя позволить. Вот я всегда и готова дать отпор.

— Если бы мы хотел освободить этого беднягу, — сказал Боуи, в котором начал закипать гнев, — один арбалет нас не остановил бы.

— А поэтому моя подружка целится в тебя из леса из другого, приятель, — улыбаясь, произнесла женщина. — Кэти, поздоровайся с этими милыми джентльменами! — крикнула она своей невидимой помощнице.

— Только без шуток, гости дорогие, отозвалась вторая, которой никто из них в упор не замечал. — Я могу уложить вас всех четверых за меньшее время, чем кто-то успеет дотронуться до моей Мэри.

— Прошу, не выказывай свою доблесть, — обратилась к ней женщина, которую она назвала Мэри. — Я узнала нашего утреннего посетителя. А вот эти, насколько я понимаю — твои друзья, с которым ты хотел нас познакомить? Ну, что же, джентльмены, прошу садиться. Выслушайте мой рассказ, а потом сообщите мне, по-прежнему ли вам хочется свободы для этого недоноска.

— Пожалуйста, делайте, как она велит, — сказал Мейсон. — Очень важно, чтобы вы услышали ее историю.

— Лады, — прогудел Дейви Крокетт, плюхаясь на траву. — Но я не согласен, чтобы человека держали в клетке, точно дикого зверя. Что бы он ни натворил.

— Это смотря с какой точки зрения, — усмехнулась Мэри. — Я, например, тоже никогда не была сторонницей насилия. Мы с Кэти зарабатывали как могли, бултыхаясь на спине, — она хихикнула. — Впрочем, много раз случалось заниматься этим и стоя.

— Лишь бы джентльмены нам платили, — добавила Кэти, — это самое главное.

— Это не была хорошая жизнь, но не была она и плохой, как у некоторых других в те денечки, — продолжала Мэри.

— Во всяком случае, мы не голодали.

— Англия, 1888 год, — тихо вставил Мейсон.

— Так или иначе, жизнь Кэти оборвалась тринадцатого сентября. Один из дружков-джентльменов перерезал ей горло. То же самое случилось и со мной на моей квартире шестого ноября.

— Кожаный фартук. Так его называли в газетах после первого убийства, — пронзительным голосом вставила Кэти.

— Я все об этом слышала от одной девушки, которая умела читать. И никогда не обращала большого внимания на ту историю. Думала, не моя забота.

— Он поджарил и сожрал одну из почек моей Кэти, — сказала Мэри, упомянув об этой жестокости сухим и бесстрастным тоном. — И этот тип писал о своих подвигах в агентства новостей со всеми подробностями. Называл себя Джек Потрошитель.

Боуи содрогнулся, не в состоянии сдержаться. Да что это за чокнутый, который пожирает части

тела своих жертв и выбирает для себя титул, наподобие Потрошителя.

— Его преступления стали известны всей Англии, — сказал Мейсон, историк навеки. — Джек Потрошитель убил пять женщин, последняя из которых — Мэри, и чудовищно изуродовал их тела. Это продолжалось несколько месяцев. Затем он исчез, не оставив следов. Многие гадали, кто он, но никто так и не узнал истину.

— Я никогда не видела его, — сказала Мэри. Этот тип перерезал мне горло сзади. Ничегошеньки не помню. Как и все вы, я умерла, а затем проснулась голая здесь, на песочке у воды. Первый день был чудной. Почти никаких британцев вокруг, а все больше эти египетские джентльмены и леди. Страсти какие: все нагишом и прочее. Я послонялась туда-сюда, пытаясь найти кого-нибудь, кто понимает по-английски. И тут наткнулась на Кэти. Даже без волос мы друг дружку мигом узнали. Я помнила, как она умерла, а поэтому сообразила, что Красный Джек, вероятно и до меня добрался. Казалось жуть до чего странным, что мы вдвоем опять ожили в одном и том же месте. Вообразите наше удивление, когда, поискав немного, мы узнали, что все пять жертв Потрошителя воскресли здесь неподалеку.

— Мне все это здорово не по душе, — вставил Крокетт.

— В первый месяц ничего не случилось, — продолжала Мэри, — разве что мы пытались привыкнуть к этому новому миру. Египтяне обходились с нами очень мило. Мы зажили припеваючи. А затем начались убийства.

— Потрошитель? — спросил Боуи.

— Он самый, — ответила Мэри. — Мы пятеро сразу узнали его работу. Оказывается, здесь воскресли не только жертвы, но и убийца. Этот паршивец убивал сзади, перерезая горло ножом. А затем уродовал трупы. Разрезал на кусочки, выпускал кишки и так далее. И, конечно, все убитые были женщины.

— У нас ушло шесть недель на то, чтобы поймать его, — сказала Кэти. — Шесть долгих недель мы его выслеживали и ждали, когда он ошибется. И наконец дождались и поймали его. Взяли с поличным голубчика — по личным причинам. — И она расхохоталась над своей нескладной шуткой.

— Там тоже было кровавое месиво.

— И кто же он такой? — спросил Мейсон.

— Да пошлый зануда из среднего класса, у которого папаня умер от триппера, — ответила

Мэри. — Он винил в смерти старикана всех шлюх в целом и решил, что разрешит проблему своим ножом.

— А я думал, душевнобольные исцелились перед воскрешением, — сказал Боуи.

— Да не был он помешанным, — отозвалась Мэри, — во всяком случае, по его мерке. Потрошитель считал, что оказывает услугу обществу. И стал думать так же, когда возвратился к жизни. Треклятый маньяк был убежден, что женщины служат дьяволу. И считал своим святым долгом карать их за аморальное поведение.

— А таких кругом полным-полно, — ухмыльнулся Дейви Крокетт. — Ему поди, не продохнуть было.

— Он убил двенадцать женщин за эти шесть недель, — угрюмым голосом продолжала Мэри. — Как только мы его сцапали, этот гад попытался покончить с собой. Может, он и был немного не того, но не совсем придурок. Потрошитель знал, что на Реке навсегда не умирают. И что он родился бы где-то в другом месте, где никто о нем знать не знает. А чего еще мог бы пожелать убийца? Эта круговерть с воскрешениями означала, что может убивать всех, кого ему ни приспичит — и совершенно безнаказанно.

— Здесь смерть — это лучший способ ускользнуть, — подхватила Кэти. — Потому-то мы и не могли позволить ему загнуться. Фараон отдал Потрошителя нам, чтобы мы с ним делали, что хотим. По его словам, то, что мы пострадали от преступлений Потрошителя на Земле, дает на право наказывать его в загробной жизни. И Мэри придумала, что и как.

— Вы решили держать его здесь живым, — сказал Боуи, который начал кое-что понимать, — чтобы он не мог повредить кому-то еще.

— Именно так, дружок, — сказал Мэри. — Мы даже калечить его не собирались. Может мы и низкого рождения, но мы не дикари. А затем Потрошитель попытался убить Энии Чэпмен во время попытки к бегству. Тогда-то мы и отрезали ему все двадцать пальцев и вырвали глаза. И заперли его в этой клетке. С тех пор — никаких сложностей. Мы пятеро караулим его по очереди. Больше — чтобы не позволить ему покончить с собой. Не шибко какое удовольствие, но ведь кто-то должен это делать. — Женщина опустила арбалет. — Вы услышали мой рассказ. Все еще хотите освободить Потрошителя?

Боуи медленно покачал головой.

— Нет. Но должно быть лучшее средство спра-

виться…

— Я жду, когда о нем услышу, — перебила Мэри. — Какие бы там боги нас ни воскресили, они не подсказывают нам, когда и как поступать. Ваш друг сказал мне, как называется ваш корабль. Ну, так я вижу и наше положение. Если мы позволим Потрошителю помереть, он возродится и снова станет убивать. А держать его живого — немногим лучше. И та и эдак он — незаконченное дело.

Дэйви Крокетт молча взирал на искалеченного мужчину, скорчившегося у дальней стены клетки. Потрошитель жевал жвачку грез, блуждая в мире своего бредового воображения. Техасский вояка покачал головой и отвернулся.

— А что вы делаете, когда его пальцы опять отрастают? — спросил он.

— Снова отрубаем, — сказала Мэри. — И еще раз, и еще раз, и еще раз.

На обратном пути к кораблю Сократ, который не проронил ни слова во время всей этой встречи, высказал мысль, которая вертелась в голове у каждого.

— Что бы это ни было, — печально провозгласил он, — но это не справедливость.

7

После встречи с Потрошителем и его тюремщицами, Дэйви Крокетт прекратил разговоры о Санта-Анне и отмщении. Очевидно, он более основательно призадумался о своей цели. Не раз и не два течение последующей недели Боуи заставал своего друга поглощенным беседой с Сократом. Во время этих тихих бесед Крокетт ни разу не улыбался.

Самая суть их предприятия оказалась под вопросом еще в тысяче миль ниже по Реке. «Незаконченное дело» причалило у китайской деревни, по обычным причинам. Спартанцы во главе с Лисандром прошагали в дальний конец пляжа, чтобы устроить атлетические состязания. Крокетт, Мейсон, Сократ и Торберг остались на борту, играя в бридж колодой самодельных карт. Историк научил этой игре остальных несколько недель назад, и с тех самых пор они играли при любой возможности. Исаак, как всегда молчаливый, наблюдал за ними.

Как обычно, Боуи потратил большую часть времени на встречи с деревенскими старейшинами. Каждая стоянка на Реке воспламеняла в

нем желание узнать, что там дальше. При всех опасностях и неизвестностях путешествия, он больше не тосковал. А это в Мире Реки много что значило.

Возвращаясь на корабль ближе к концу дня, Боуи вдруг обнаружил, что рядом с ним идет явный индоевропеец.

— Месье Боуи, как я полагаю? — спросил незнакомец. И, хотя он заговорил на эсперанто, не было сомнений, что это француз.

— Я самый, — ответил техасец. — Я тебя знаю?

— Безусловно, нет, — ответил француз. — Я Морис Леблан, в прошлом математик из Тура.

— Весьма любопытно, — заметил Боуи, не сбавляя шагу.

— Но мне-то в этом что?

— Сегодня утром я видел, как прибыло ваше судно. Позднее, от друга из высокого совета я узнал вашу историю. Вы и ваши друзья посвятили себя, несомненно, благородному предприятию! Для меня было бы великой честью, если бы вы дозволили мне к вам присоединиться.

— Прошу прощения, — ответил Боуи, — но мы не подвозим. — Он подхватил эту фразу у Мейсона и часто ею пользовался. Половина тех, кого они встречали, желала попасть на борт «Незакон-

ченного дела». — У нас нет места.

— Разумеется, разумеется, — закивал Леблан. — Но у меня, так сказать, свое незаконченное дело на Реке. И, помимо прочего, я желаю заплатить за проезд.

Боуи улыбнулся. Настойчивость француза невольно тронула его.

— Ничто так не ценится на Реке, как металл, — заявил он, осматривая Леблана сверху вниз изучающим взглядом.

— Которого у вас нет.

— Ага, — заметил Леблан с лукавой и торжествующей улыбкой. — Ваш материализм выдает вас, mon ami. В этом нашем загадочном новом мире есть одно, что ценится больше, чем железо и сталь. Information.

— Продолжайте, — сказал Боуи. Они уже были в виду корабля, но он туда не спешил. — Что вы знаете такого, что я хотел бы услышать?

— Согласно словам моего друга из совета, вам нужны вести о некоем мексиканском государственном деятеле по фамилии Санта-Анна. Мне известно о нахождении генерала. В благодарность за провоз я с радостью сообщу вам все, что о нем знаю. Включая и то, где он теперь.

Боуи рассмеялся.

— А ты кого ищешь на Реке, французик?

— Другого математика, — ответил Леблан, — по имени Пьер де Ферма. Я бы хотел обсудить с ним известную теорему, его последнюю теорему, которая ставила в тупик математиков Земли, включая и меня, в течение веков. Я должен узнать истину.

— Странная причина для плавания вниз по Реке, — произнес Боуи, качая головой. — Сам-то я никогда не увлекался цифрами. Идем со мной, узнаем, что думают другие.

Никто не возражал против условий Леблана. На планете с тридцатью пятью биллионами населения искать одного человека было все равно что выискивать на пляже одну-единственную песчинку. Француз был прав. Знание стоил дороже чего угодно в Мире Реки, включая и железо. И все единодушно проголосовали за включение его в экспедицию в обмен на сотрудничество.

— Шесть раз я умирал со Дня Воскрешения, — провозгласил Леблан, располагаясь поудобнее на полуюте. — По натуре я человек тихий и замкнутый. Я не люблю борьбу и любого рода насилие. Однако я также француз, и время от времени оказываюсь вынужденным выступать в защиту своего собрата по человечеству от варварства.

Превыше всего я верю в свободу, равенство и братство.

— Почем мне так трудно вообразить, будто ты — ласковая ручная зверушка? — спросил Крокетт, ухмыляясь. — ты в этом уверен, Леблан?

— Возможно, годы проведенные в Иностранном Легионе, выдают меня больше, нежели мне хотелось бы, — сказал француз, и глаза его блеснули. — Уверяю вас, я без веской причины не срываюсь.

— Мы два сапога пара, Леблан, — сказал Крокетт. — В лучшем случае, я держу себя в руках часика два в неделю.

— Вот-вот, — признался француз. — Что и привело вот уже к нескольким моим насильственным кончинами в этом нецивилизованном мире. Но что важно для нас сегодня, так это моя самая последняя смерть всего несколько недель назад. — Приветливое лицо Леблана стало собранным. — Если, как многие предполагают, расположение цивилизаций на Реке следует историческому порядку, то я попал сюда из долины в нескольких миллионах милях от здешних мест. Там обитали индейцы из Южной Америки семнадцатого века. Во время моего пребывания среди них, эти обычно мирные туземцы бились не на

жизнь, а на смерть с оравой захватчиков с севера, которые уже покорили дюжину соседних долин. Ко времени моей гибели в незначительной стычке с противником, с юга только-только прибыли большие подкрепления. По моему скромному разумению, назревала война покрупнее.

— Вероятно, одна из сотен, которые происходят у Реки, — вставил Боуи. — Воскрешение, разумеется, не изменило суть человеческой природы. По сравнению с нами, силы ада — ни рыба, ни мясо.

— Не то чтобы меня не занимали твои приключения, Леблан, — сказал Крокетт, — но как вписывается в эту картину Санта-Анна?

— К этому я и веду, — отозвался француз. — Армада захватчиков, а только это название и подходит, представляла собой флот с испанцами шестнадцатого века на борту под предводительством Филиппа Второго Испанского. Их требования к индейцам были недвусмысленными: принять католичество или умереть. Королю в его миссии содействовал бесславный глава инквизиции Торквемада.

Сократ вздохнул:

— Сколько слез, наверное, пролили боги над преступлениями, совершенными во имя их.

— Мои друзья-туземцы были беспомощны про-

тив захватчиков. Лишь своевременное прибытие сил с юга спасло их от уничтожения. И догадываетесь ли вы, кто вел подмогу?

Крокетт простонал:

— Санта-Аннушка. Он всегда хвастался, что он — человек народа. И брат индейцев.

— Этими войсками командовали три человека. Вы совершенно верно угадали насчет Санта-Анны. Двое других были — Симон Боливар, имя которого я помнил, и неизвестный мне человек: Че Гевара. Казалось, все они посвятили себя спасению индейцев от Филиппа и Торквемады.

— Вот так новости, — с горечью пробормотал Крокетт.

— Как я могу укокошить сукина сына, если он герой? Кроме того, прикончить его было бы без толку, коли уж он просто снова родится где-то в другом месте. — И техасский вояка поднялся на ноги. — Может, наше плавание было, в конце концов, не такой уж великой идеей. Может, какие бы дела мы ни оставили незаконченными на земле, о них стоит забыть.

— Ты предлагаешь прекратить плавание? — спросил Боуи.

— Не знаю, — пробурчал Крокетт. — Как-то это неожиданно, и я не шибко уверен, что нам

стоит продолжать. Кроме того, если Леблан прав, Санта-Анна — в пяти миллионах миль от нас. А это порядочно.

— Мы должны плыть дальше, — тихо сказал Исаак. Его взгляд окинул всех собеседников и остановился на Боуи. — Ты понимаешь почему.

— Думаю, что да, — признался техасец, и печаль наполнила его голос. — Ты внимательно слушал, верно?

Исаак кивнул.

— Я был там. — Прошла минута, прежде чем он продолжил. Я был центурионом в римской армии и служил в Иудее под началом Понтия Пилата. Подразделение, которым я командовал, осуществляло казни врагов Рима. В тот судьбоносный день в Иерусалиме нам приказали предать смерти троих: двух воров и одного подстрекателя. Я был хорошим солдатом и все исполнил. Те трое были распяты. — Исаак поглубже вздохнул и, когда принялся продолжать, голос его то и дело спотыкался. — Я сам вбил гвозди в руки человека по имени Иешуа. Как в течение многих лет проделывал много раз. Только от того осужденного я услышал вместо проклятий или криков боли спокойный шепот: «Я прощаю тебя, сын мой. Ты лишь выполняешь волю Божию». — Слезы

заструились по лицу Исаака. — А затем, когда мы подняли крест, взгляд его глазах… этот взгляд… эти глаза… — римлянин замолк на миг, не в силах продолжать. Никто не издавал ни звука. Никто бы нечего не мог сказать, чтобы уменьшить боль. — Я должен его найти, — сказал Исаак. — Он опять где-то снова живет в том мире. Только он может даровать мне мир. Вот почему я не могу прекратить поиски. И не прекращу их.

— Ну, — заговорил Билл Мейсон, с трудом подбирая слова, — я еще так и не нашел Джека Руби. И я хотел бы задать королю Ричарду Третьему несколько вопросов о Лондонском Тауэре.

— И не забудьте Ферма, — добавил Леблан. — Математика требует, чтобы я продолжил охоту.

— Возможно, месть — это не ответ, — сказал Крокетт.

— Но кто знает? Может быть, ко времени, когда мы повстречаемся с Санта-Аннушкой, генерал примется за старое. Забудьте все, что я говорил. Что значит миллион миль для Дэйви Крокетта, короля Пограничья?

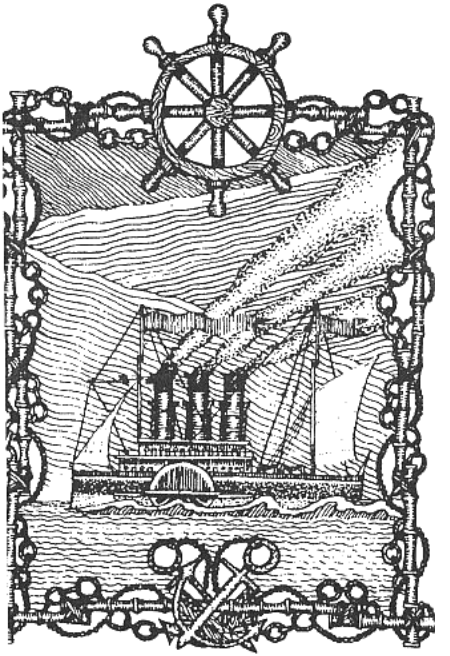
Боуи ухмыльнулся.

— Целую минуту я почти что опасался, как бы вы, ребята, не приняли неверное решение. Рад видеть, что вы вовремя проснулись. Жизнь без

вызовов ничего не стоит. А поскольку смерть — вне вопроса, полагаю, мы должны жить как можно достойней. А теперь хватит переживать. Зовем спартанцев на борт и отчаливаем.

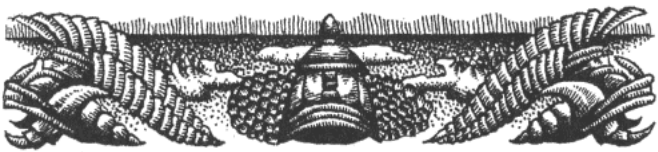
Сократу, как всегда, требовалось сказать последнее слово.

— Может ли быть, — торжественно вопросил он, и слабое подобие улыбки выдавало его истинные чувства, — чтобы мы, люди, неверно понимали главную причину нашего воскрешения? Возможно, неведомая нам сила создала Мир Реки не для нашего исправления, но для своего. Наши зигзаги и блуждания могут быть отражением истинной цели куда более значительного начинания. Порой я подозреваю, что Властители Реки играют нашими судьбами ради своих собственных затей. И не являемся ли мы всего лишь актерами, стремящимися завершить для этих богов… их незаконченное дело?



ТАЙНЫ МИРА РЕКИ

Тайны Мира Реки
Филип Хосе Фармер
Вверх по светлой Реке[47]
1



Ветер дул со скоростью пятнадцать миль в час. Эндрю Дэкстон Дэвис наклонился ему навстречу, но не слишком сильно. Он стоял на краешке тисовой дощечки в пятнадцать футов длиной. Толщина доски составляла три дюйма, ширина — четыре с половиной дюйма. Тридцать футов ее длины поддерживал единственный брус под углом в сорок пять градусов, другой конец которого был прикреплен к зданию башни. За пределами бруса остальные двадцать футов доски были вроде трапа для ныряния. Дэвис, решившись

---

[47] notes: 47

UP THE BRIGHT RIVER by Philip Jose Farmer Copyright© 1993 by Philip Jose Farmer.

вылезти на самый конец, чувствовал, как трап прогибается от его веса.

Земля под ним отстояла на расстоянии трехсот футов, но он мог явственно слышать рев и крики толпы, а иногда — обрывки слов какого-нибудь ее представителя. Опрокинутые кверху лица по большей части выражали нетерпение или злобу. Немногие явно ощущали страх или сочувствие к нему.

Там, где кончалась доска, начинался пустой промежуток в двенадцать футов. За ним начинался конец другого трапа, такой же длины и ширины. Но от веса Дэвиса конец доски, на котором он стоял, прогибался и опускался на пять дюймов ниже второго трапа.

Если Дэвис сумеет перепрыгнуть с одной доски на другую, он будет свободен. Император обещал, что любой преступник, который сможет это проделать, получит разрешение в целости и сохранности уехать из страны. Однако нельзя было предпринимать такую попытку или отказаться от нее по выбору. Все главные преступники приговаривались к такому испытанию.

Люди, собравшиеся внизу, боялись за него или надеялись, что он свалится. Их отношение зависело от того, поставили ли они за или против него.

У него за спиной, стоя на платформе башни, другие заключенные издавали ободряющие крики. Дэвис не знал двоих из них и не имел понятия о том, в чем заключались их преступления. Остальные были его товарищами, если можно их так назвать, которые все вместе предприняли далекое путешествие и были захвачены в плен жителями Королевства Западного Солнца. Это были викинг Ивар Бескостный, сумасшедший француз Фаустролл и проклятие Дэвиса, — красивая, но нечистоплотная Энн Пуллен.

Дэвиса выбрал император Пачакути, чтобы он прыгал первым. Он-то как раз хотел бы оказаться в конце очереди. Если бы он отказался прыгать, его столкнули бы с башни стражники.

Ивар закричал на старонорвежском. Хотя ветер относил слова далеко от губ великана, Дэвис слышал их, как будто они звучали далеко-далеко:

— Покажи им, что ты не боишься! Беги смело, без страха! Беги с быстротой Хуги, великана, имя которого означает Мысль! А потом лети, как будто обладаешь птичьей кожей Локи! Молись своему богу, и обещай, что не принесешь позора ему колебаниями! И нам тоже!

Голос Фаустролла был резким и пронизывал ветер. Он кричал по-английски:

— Неважно, если у тебя не получится и ты упадешь, мой друг филистер! Одно мгновение ужаса, катарсис для тебя и для нас, а завтра ты проснешься целехонький, как всегда! Что, если ты извинишь мою откровенность, значит сказать совсем немного!

Что касается Энн Пуллен, то она или ничего не сказала, или ее голос перехватил ветер.

То, что предположил о нем Фаустролл, было, за исключением ругательств, правдой. Сегодня он умрет, на рассвете он будет восстановлен. Но, возможно, он окажется дальше вниз по Реке, и ему придется начинать свое путешествие опять с начала. Эта перспектива заставляла его трусить почти так же перед тем, что ему нужно будет делать в ближайшие двадцать секунд. Ему было дано всего две минуты, чтобы предпринять попытку.

— Десять футов, Эндрю Рыжий! — сказал Ивар, когда император произнес его приговор. — Десять футов! Это всего ничего! Я пробегу по этой доске, как олень, я воспарю с ее конца, как ястреб, и опущусь на другую доску, как рысь, прыгающая на добычу!

Смелые слова. Хотя Ивар был шести футов шести дюймов роста и обладал невероятной силой,

он весил больше двухсот тридцати фунтов. Требовалось поднять большое количество мускулов и костей. Чем тяжелее бегун, тем больше прогнется под ним дерево. Ему не только придется перепрыгнуть, нужно будет еще подскочить вверх, чтобы достигнуть конца другого трапа.

У Дэвиса было то преимущество, что его рост равнялся всего пяти футам шести дюймам, а весил он только сто сорок фунтов. Но разницу составляла степень куража у прыгуна. Повидал он таких мужчин и женщин, которые вполне могли бы преодолеть промежуток, если бы страх не удерживал их.

Никаких колебаний, внушал он себе. Сделай это! Покончи с этим! Вложи в прыжок все, что у тебя есть! Но в желудке у него ныло, и он дрожал.

Он молился Богу, когда рысью помчался назад к башне и поворачиваясь, чтобы встать лицом к доске. Пятидесяти футов не было достаточно для хорошей пробежки. На такой дистанции он не сможет развить максимальную скорость. Но как есть, так и есть. Этого никак не избежать, никаких уважительных причин. Все еще молясь, он полусогнул колени для начального приседания и прыгнул изо всей силы. Тошнота и трусость

прошли, или он теперь их не сознавал, он чувствовал себя так же, как было с ним в 1845, ему было десять лет и он совершал прыжок через ручей с другими фермерскими мальчишками, возле Баулинг Грин, графство Клей, Индиана. Тогда он был отмечен славой своего здорового молодого тела и ощущением бессмертия.

Теперь же его дух и тело стали едины, так же едины они были, когда он совершил тот победный прыжок на Земле. Он стал стрелой, нацеленной на конец доски за пустотой. Крики его товарищей, рев толпы и громкий отсчет начальником стражи секунд слились в один голос. Его босые ноги шлепали по дереву так же, как они шлепали по грязи, когда он победил в соревнованиях со школьными друзьями. Но тогда-то при неудаче он рисковал только промочить ноги.

Конец планки приближался гораздо быстрее, чем он считал возможным. Дальше находилось расстояние, которое ему придется преодолеть, короткое в действительности, но длинно-длинное в его представлении. А поддерживающий брус опускался. Всего на несколько дюймов, но легкое отклонение от горизонтального положения может его подвести.

Он сильно оттолкнулся ногой и стал подни-

маться выше, выше и выше. Под ним зияла пустота. Он думал: «О Боже, которому я всегда хранил верность, избави же меня от этого зла!» Но совершенно неожиданный экстаз пронизал его. Он ощущал, что рука Бога не только подняла его, но окутала его экстазом, какой знал мало кто, кроме святых.

2

Вчера Эндрю Пэкстон Дэвис тоже был высоко над землей. Но над ним не действовал никакой приговор, и он не боялся немедленно умереть. Он цеплялся за перила бамбуковой площадки, представляющей собой воронье гнездо, а оно раскачивалось на сильном ветру. У него начиналась морская болезнь, хотя никакого моря в этом мире не было.

Сияющий на раннем утреннем солнышке, город внизу скрипел, как будто он был кораблем под полным парусом. До того он поднялся по многим лестницам и взобрался на множество приставных лесенок, минуя массу этажей, чтобы достичь самого верха сторожевой башни, самого высокого сооружения скелетообразного здания, которое само по себе было городом. Хотя Дэвис

стоял там всего две минуты, он чувствовал себя так, словно целый час простоял на вахте судна во время сильного шторма. Но обзор все-таки определенно был мирным и ничем не потревоженным. Буря бушевала внутри него самого.

Река бежала к северу тридцать миль, прежде чем повернуть налево и обойти горный хребет. Таким образом, обозначалась верхняя граница этого королевства. К югу, на расстоянии двадцати миль, Река делала другой поворот. Это была нижняя граница маленькой, но могущественной монархии. Инка Пачакути правил на обоих берегах Реки в пределах этих границ, и ему не подчинялись, только рискуя мучительными пытками, рабством или смертью.

Сразу за окраиной города на севере находился Храм Солнца, пирамида с плоской вершиной, высотой в сто пятьдесят футов, построенная из камня, земли и дерева. Внизу, под Дэвисом, располагались Город Эшафота, Город Многих Мостов, Город, Раскачивающийся На Ветру. Воздушные владения Пачакути Инки Юпанки, правившем на Земле с 1438 по 1471 н. э. Перуанцы того времени знали его как великого завоевателя и императора Пачакути.

Город, который построил Пачакути, не походил

ни на один город, известный на Земле, и был, вероятно, уникальным в Мире Реки. Вид с верхней площадки самой высокой наблюдательной башни привел бы в экстаз большинство зрителей. Он заставил Дэвиса чувствовать себя так, словно его подбросили кверху.

Часовой инка ухмылялся. Зубы его давно стали коричневыми от постоянного пережевывания листьев какао. Он множество раз видел здесь Дэвиса, его восхищало постоянство этого человека.

Однажды стражник спросил Дэвиса, зачем он сюда ходит, если это место всегда вызывает у него болезнь. Дэвис ответил, что здесь, по крайней мере, он может спрятаться от еще более тошнотворных горожан этого Города.

Но, внезапно вдохновившись, Дэвис добавил:

— Чем выше я поднимаюсь от земли, тем ближе становлюсь к Окончательной Реальности: Истине. Там, наверху, я, возможно, увижу Свет.

Часовой выглядел растерянным и несколько устрашенным. Он отошел от Дэвиса как можно дальше. То, чем Дэвис с ним не поделился — так это тем, что не только высота и раскачивание заставляют его ощущать головокружение. Он еще чувствовал себя больным оттого, что жаждал увидеть ребенка, которого не могло быть, как не

было многих других. Но он не хотел допускать, что это могло быть правдой. Он был убежден, что где-то вверх по Реке есть женщина, которая родила ребенка в мире, где ни одна женщина до сих пор о таком и не задумывалась. Более того, Дэвис был убежден, что такой ребенок мог родиться от непорочного зачатия и что это было перевоплощение Иисуса.

Снизу слабо доносились звуки болтовни людей, родившихся далеко в Кишве, Аймаре, Самните, Китае бронзового века, и еще десятки других наречий, позвякиванье обрывков слюды на ветру, пронзительные звуки свистков и флейт и барабанный бой. Все это взлетало кверху, окутанное запахом жарящейся рыбы.

Если не считать храма и города, равнины и подножья холмов выглядели как большинство других территорий вдоль Реки. Грейлстоуны в форме грибов, бамбуковые хижины с коническими крышами, рыбацкие лодки, большие военные и торговые суда на веслах и парусах, люди, движущиеся вокруг на равнинах, примыкающих к Реке, — ничего из этого не было необычным. Но города и храма было более чем достаточно, чтобы привлекать мужчин и женщин из далеких мест вниз и вверх по Реке. Точно земные туристы, они

были зеваками, которым приходилось платить, чтобы их только допустили сюда. Их сушеная рыба, деревянные, кремневые, изготовленные из рыбьих костей и кремния инструменты и оружие; кольца и статуэтки, контейнеры из свинца, сигареты, жвачка грез и охра обогащали королевство. Даже рабы до некоторой степени наслаждались этим многообразием.

Через некоторое время, когда Дэвис стоял там, глядя на север, в направлении невидимого Света, над самой площадкой показалось человеческое лицо. Мужчина приподнялся с лестницы при помощи сильных рук и выпрямился. Он так и навис над Дэвисом и часовым. Его бронзово-рыжеватые волосы достигали уровня плеч, глаза большие и светло-голубые, лицо угловатое, но красивое. На нем был кильт, сделанный из синего полотенца, ожерелье из раскрашенных рыбьих костей и шапка, украшенная кусками дерева, вырезанного в форме перьев. На поясе из загорелой человеческой кожи висел большой каменный топор.

Несмотря на внешность дикаря, у него тоже была какая-то своя задача. Во время бегства из его бывшего королевства он, кажется, был охвачен каким-то откровением. По крайней мере, он сказал об этом Дэвису. Что это было, он держал про

себя. Дэвис не мог утверждать, что озарение, или что это там такое было, изменило его характер к лучшему, но Ивар был намерен пропутешествовать к концу Реки. Дэвис предполагал, что там, как викинг считал, он найдет те существа, которые создали эту планету и восстановили мертвых с Земли. И они откроют Окончательную Реальность, Истину.

Ивар Бескостный говорил с Дэвисом на старонорвежском раннего девятого столетия, эпохи викингов.

— Вот ты здесь, Эндрю Рыжий, массажист, наслаждаешься видом и своей тошнотой. Ты видел Свет?

— Не своими собственными глазами, — ответил Дэвис.

— Но мое сердце видит его.

— Что видит сердце, то видят и глаза, — заключил Ивар.

Теперь он стоял рядом с Дэвисом, громадные руки вцепились в поручни, его массивные ноги крепко упирались в медленно покачивающуюся площадку. Хотя он смотрел на север Речной долины, он не пытался увидеть Свет Дэвиса. И не искал свой собственный Свет. Как всегда, когда он находился здесь, он собирался составить план

побега, глядя на целое королевство, распростершееся под ним. То, что он был генералом одного из полков инков, было недостаточно, чтобы задержать бывшего королем на Земле и в Долине.

— Мы здесь слишком уж долго застряли, — проворчал он. — Верховье Реки манит, и нам предстоит еще пройти много миль.

Дэвис с тревогой взглянул на часового. Хотя аймара не понимал языка Ивара, он все равно может доложить Пачакути, что эти двое подозрительно о чем-то переговариваются. Тогда Пачакути потребует, чтобы Дэвис и Ивар объяснили ему, о чем они говорили. Если же он не будет удовлетворен их ответами, он подвергнет их пыткам, чтобы вырвать у них правду. Подозрительность кишела повсюду в этой стране, как вызывающие лихорадку миазмы. Вследствие этого, она была полна шпионов.

Как выразился однажды Ивар, человек не в состоянии пукнуть так, чтобы Инка не услышал.

— Я пойду вверх по Реке сегодня вечером, — заявил Ивар. — Ты можешь отправиться со мной, хотя ты и не великий воин. Да, кое-какая ловкость у тебя есть, в драках ты приносил пользу, и у тебя есть веская причина покинуть эти места. Я тебе это говорю, потому что могу доверять, ты не

выдашь меня, если решишь остаться. Это похвала — ведь доверять можно немногим.

— Спасибо, — поблагодарил Дэвис. В его интонации сквозил сарказм, но он понимал, что викинг, согласно своим представлениям, делает ему комплимент. — Я пойду с тобой — ты на это и надеялся. Какие у тебя планы? И почему сегодня? Чем отличается сегодняшняя ночь от всех остальных?

— Ничем. Мое терпение кончилось. Я устал ждать событий, которые могли бы открыть путь. Я сделаю свое собственное событие.

— Кроме того, — вспомнил Дэвис, — Инка слишком заинтересован в Энн. Если ты будешь еще ждать, он сделает ее одной из своих наложниц. Я предлагаю — пусть она отправится с нами.

— Правильно.

— И Фаустролл?

— Безумный может остаться здесь — или пусть идет с нами, если хочет. Спроси его, захочет ли он нас сопровождать. Предупреди, чтобы он оставался трезвым. Если он напьется, он от нас отстанет, возможно, в виде трупа.

Дэвис с Иваром понизили голос, когда Ивар объяснял свои планы. Потом викинг спустился с вороньего гнезда. Дэвис остался там еще неко-

торое время, так, чтобы часовой не подумал, что они затеяли заговор и что им не терпится начать коварный труд, направленный против Инки.

В полдень Дэвис был у грейлстоуна на берегу Реки. После того, как верхушка камня извергла гром и молнию, он подождал, пока надсмотрщик не вручил ему большой цилиндрический грааль. Он отошел в сторону поесть то, что ему предложили, шагая медленно и высматривая в толпе Фаустролла. У него не было для этого много времени. Его встреча с Инкой была назначена через час, а этот проклятый язычник не принимал никаких извинений за опоздания от своих подданных.

Через несколько минут Дэвис заметил француза, который сидел на земле, скрестив ноги. Он ел и одновременно болтал с друзьями. Внешность француза больше не была такой гротескной. Он отмыл свои черные волосы от глины и грязи, образующих гнездо на голове, в центре которого лежало деревянное яйцо кукушки. Теперь волосы у него свисали ниже плеч. У него не было больше крашеных усов, и он стер написанную краской математическую формулу у себя со лба. Он только изредка употреблял равноударные словечки, которые некогда отличали всю его речь. Перемена

в нем заставила Дэвиса поверить, что Фаустролл начинал возвращаться к своей святости.

Но его удочка неизменно была в руке, и он все еще называл себя «мы». Он настаивал на том, что употребление местоимения «я» делает искусственное различие между субъектом и объектом, что каждый человек является частью одного сообщества, называемого «человечество», и что это сообщество — только небольшая часть еще более обширной вселенной.

«Мы», включая Великого Уби, то есть Бога, а также всего, что не существует, но может быть названо, а также прошедшее, настоящее и будущее. Он считал эту триаду неразделимой.

Фаустролл раздражал, злил и вызывал отвращение у Дэвиса. Но, по какой-то причине, Дэвис одновременно чувствовал что-то вроде привязанности к нему, он был, против своей воли, очарован Фаустроллом. Возможно, это происходило из-за того, что француз тоже искал Окончательную Реальность, Истину. Как бы то ни было, их толкование этой истины сильно различалось.

Дэвис ждал, пока Фаустроллу не случилось посмотреть на него. Он сделал ему знак рукой, подняв ее на уровень лба, растопырив пальцы.

Фаустролл слегка кивнул, в знак того, что принял сигнал, но продолжал оживленную болтовню на эсперанто. Через несколько минут он поднялся, потянулся и объявил, что идет убить рыбу. К счастью, никто не предложил сопровождать его. Оба встретились на самом берегу Реки.

— Что у нас на уме? — спросил француз по-английски.

— Ивар задумал сегодня к ночи уйти, я иду с ним, Энн Пуллен — тоже. Приглашаем тебя. Но ты не должен напиваться.

— Что такое? Мы, конечно, шутим?

— Мы не развлекаемся, — отрезал Дэвис.

— Мы иногда отравлены, но мы никогда не пьяны.

— Оставь, — велел Дэвис. — Сегодня никакого шутовства. Ивар обещал убить тебя, если ты напьешься, и это не пустая угроза. А ведь тебе известно, что случится с нами, если нас поймают. Так ты идешь с нами — или нет?

— Мы никогда не покидаем места. С другой стороны, мы никогда не находимся на одном месте. Это слишком по-земному и вряд ли можно вынести. Да, мы будем сопровождать вас, хотя ответ на Великий Вопрос, незаконченная сторона формулы, может быть здесь, в этой мелкой мет-

рополии, отличающейся неопределенностью и нестабильностью, а не, как мы надеемся, далеко вверх по Реке.

— Вот что предлагает Ивар, — объяснил Дэвис.

Фаустролл выслушал, не перебивая, — нечто такое, что бывало с ним редко, потом кивнул:

— Мы верим, что это такой же хороший план, как любой другой, а возможно, он лучше многих. Что не означает, что он вообще имеет какие-то достоинства.

— Очень хорошо. Встречаемся в полночь у скалы Многих Лиц.

Дэвис сделал паузу, потом добавил:

— Не знаю, почему Ивар настаивает на том, чтобы взять с собой Энн Пуллен. Она скандалистка и неряха.

— А! Мы так ее ненавидим, что, должно быть, любим ее!

— Чушь! — рассердился Дэвис. — Она презренная, испорченная, порочная, дрянь из дряней. Рядом с ней Великая Блудница Вавилона смотрится святой.

Фаустролл захохотал:

— Мы верим, что она — существо, которое имело и имеет силу интеллекта и характера, чтобы освободиться от связей, ограничений и запре-

тов, к которым мужчины понуждают женщин с начала времен, или, может быть, незадолго до них. Она в грош не ставит могущественных мира сего, но щиплет за хобот того бога, которому ты поклоняешься, и хилые общипанные пенисы мужчин, которые поклоняются ему. Она…

— Она будет гореть в аду так же несомненно, как горит спичка, которой чиркнули, — перебил Дэвис, глаза его сузились, кулаки сжались.

— Многие спички не загораются, потому что у них нет достаточных условий для воспламенения. Но мы согласны с последними словами бессмертного Рабле: «Занавес! Фарс окончен! Я отправляюсь, возможно, в поисках большего простора!» Если бы мы умирали навсегда, так бы оно и было. В аду недостаточно огня, чтобы всех нас сжечь.

Дэвис широко развел руками и растопырил пальцы, чтобы выразить безнадежность:

— Молю Бога, чтобы он заставил тебя увидеть свои ошибки, прежде чем будет слишком поздно!

— Благодарим вас за добрую мысль, если она добра.

— Ты непрошибаемый, — ответил Дэвис.

— Нет, я проникающий.

Фаустролл удалился, оставив Дэвиса воображать, что именно он имел в виду.

Но Дэвис поспешил уйти, чтобы успеть вовремя на свое дневное занятие. Точно так же, как он был королевским массажистом для Ивара Бескостного, когда Ивар был королем территории на дальнем юге этого государства, Дэвис был теперь первым массажистом у Пачакути. Его работа злила и раздражала его, потому что на Земле он был доктором медицины, и весьма хорошим, а после — остеопатом. Он ездил по многим местам в США, читая лекции и находя большое количество коллег по остеопатии. Когда он начал стариться, он основал и возглавил колледж в Лос-Анджелесе, основанный на эклектической дисциплине, невропатии. Там применяли лучшие теории и технологии безлекарственной терапии: остеопатию, хиропрактику, ханемазизм и всякое другое. Когда Дэвис умер в 1919 году в возрасте восьмидесяти четырех лет, его колледж все еще процветал. Он был убежден, что колледж будет расти и образует новые ветви по всему миру. Но люди из конца двадцатого века, которых он встречал, говорили ему, что они никогда не слыхали ни о нем, ни о его колледже.

Семь лет тому назад Ивар был вынужден бе-

жать из своего царства из-за измены своего помощника, Торфинна Разбей-Череп. Дэвис, Фаустролл и Энн Пуллен ушли вместе с Иваром. Они не знали, чего ожидать от Торфинна, но предвидели, что им это не понравится.

После многих битв, пребывания в рабстве и побегов, все это время двигаясь вверх по Реке, их захватили в плен подданные Инки. И здесь они оставались, перенося все, что им пришлось, и замышляя когда-нибудь обрести свободу.

Ивар был терпелив, точно лиса, наблюдающая за соблазнительной курицей, но его терпение иссякло. Почему именно викинг не был увлечен идеей освободиться самому по себе, Дэвис не понимал. Ведь они стали бы для него обузой — с точки зрения Дэвиса, во всяком случае. Но не поддающийся анализу магнетизм держал эту четверку вместе. Одновременно с тем, что они привлекали друг друга, они и чувствовали друг к другу отвращение. Они вращались друг возле друга по какой-то замысловатой орбите, которая даже у астронома вызвала бы головную боль, если бы он попытался ее вычислить.

Около десяти минут перед своим запланированным появлением по солнечным часам Дэвис уже был в здании, занятым двором Инки. Это бы-

ло строение из четырех стен и крыши, сидящей на пересечении множества балок на сто футов над землей. Скелетообразный город скрипел, стонал и раскачивался вокруг, над ними и под ними. Снаружи дома было шумно, а внутри только чуточку потише. Хотя Инка сидел на бамбуковом троне на возвышении, выслушивая своих просителей, люди, окружавшие его, громко разговаривали друг с другом. Дэвис протиснулся сквозь них и стоял теперь за несколько футов от возвышения. Через некоторое время Инка поднимет барабан из рыбьей кожи, ударит трижды и удалится в маленькую комнатку в женщиной, которую выбрал для удовлетворения королевской похоти. После этого Дэвис будет массировать королевское тело.

Пачакути был коротышом, с темной кожей и ястребиным носом, высокими скулами и толстыми губами. Вокруг бедер его короткой приземистой фигуры было обвязано длинное зеленое полотенце, служившее кильтом, а красное полотенце с голубым краем покрывало его плечи, как плащ. Его головной убор составляло свернутое тюрбаном полотенце, отороченное кругом из дуба, из которого торчали длинные поддельные перья разных цветов, вырезанные из дерева.

Был бы Пачакути обнаженным, часто думал

Дэвис, он бы не выглядел монархом. Весьма немногие раздетые короли могли бы соответствовать своему званию. В самом деле, даже сейчас, в его наружности не было ничего более примечательного, чем в любом из его подданных. Но его манеры и поведение были определенно королевскими.

Кто же была та женщина, которая сегодня разделит королевское ложе? Дэвис думал, что ему это безразлично. И тут он увидел, как его bete noir[48], Энн Пуллен, сопровождают два стражника, а за ними следуют еще два. Толпа отступила перед ней. Когда она дошла до помоста, она остановилась, повернулась кругом и улыбнулась, обнажая красивые белые зубы, расположенные позади ярко накрашенных губ.

Хотя Дэвис испытывал к ней отвращение, он признавал сам себе, что она красива. Эти длинные золотистые косы, поразительно изящное тонкокостное лицо, торчащие груди совершенной формы, которыми она гордилась, тонкая талия и бедра и длинные стройные ноги делали ее похожей на богиню. На Венеру, какой та была бы, если бы Праксителю случилось мечтать об

---

[48] notes: 48
Черная овечка *(франц.).*

Энн Пуллен. Но ведь она такая шлюха, подумал Дэвис. Хотя, Елена Троянская, вероятно, тоже была шлюхой.

Стражники провели ее в дверь той комнаты, где ждал ее Инка. Через какой-то миг она уже вошла в комнату, а стражники впустили большеглазого низенького священнослужителя, который наблюдал за потенцией Инки во время его половых сношений. Когда король окончательно выбивался из сил, королевский свидетель выходил и комнаты и объявлял, сколько раз Инка овладел своей женщиной.

Толпа будет ликовать и поздравлять своих соплеменников. Королевство будет продолжать процветать; все хорошо в его городском мире.

Но берегись, если Инку постигнет неудача.

Дэвис никогда не ругался. По крайней мере, на Земле. Но теперь он выругался:

— Черт ее побери!

Она отдается Инке и станет теперь одной из его жен, возможно, любимой. Но почему? Она что, поссорилась с Иваром, с тех пор как он сходил на сторожевую башню? Или Инка искушал ее такими предложениями, что она больше не могла отказывать ему? Или она, грешница и проститутка, отвратная тварь из ноздрей Господа,

просто решила, что ей хочется возлечь с Инкой, прежде чем она сегодня ночью сбежит из этого королевства? Говорят, что этот человек имеет необыкновенную мужскую мощь.

Какова бы ни была причина, Ивар все равно узнает о ее неверности. Правда, ему случалось в прошлом прощать ей измены, но тогда Энн сохраняла благоразумие и выбирала время, когда он и сам был с другой женщиной. Со стороны Энн совокупляться с Инкой чуть ли не при всем честном народе, как оно было, — оскорбление, наносимое Ивару. Хотя он обычно хорошо владел собой, он мог бы отреагировать так же безошибочно, как зажженная спичка, поднесенная к пороху.

— Что нашло на эту женщину? — пробормотал Дэвис. — В дополнение к целой орде мужиков?

Энн Пуллен была из Америки конца семнадцатого столетия, которая жила — а жила она самой полной жизнью — в Мэриленде и Вестморлендском графстве, Виргиния. Рожденная в квакерской семье, она перешла в лоно епископальной церкви вместе с большинством ее семьи, табачных плантаторов. Она выходила замуж четырежды: мужчина по фамилии Пуллен был ее последним мужем. Когда она завела первого любовника и когда у нее был последний, она точ-

но не знала. Но они у нее появлялись и исчезали, по крайней мере, в течение сорока лет ее бурной земной жизни.

Как она заявляла — и это случилось во время публичной записи, — она не видела причины, почему бы женщине не наслаждаться той же свободой, которая является привилегией мужчин. Хотя в ее эпоху это было опасное убеждение, она избежала арестов за распутство и адюльтер. Однако дважды ее чуть не высекли по решению суда, когда она обвинялась в нападении на женщину, которая ее оскорбила.

Возможно, изоляция Мэриленда и Виргинии, где она жила, дала ей возможность избежать сурового наказания, которому она бы подверглась в более цивилизованной области, расположенной у моря. Или, может быть, это было благодаря горячей и драчливой натуре, диким обычаям и свободному духу вестморлендцев ее времени. В любом случае, на Земле она была ужасной грешницей, как считал Дэвис, а в мире Реки она стала еще хуже. Церковь Христа, к которой он принадлежал, заставляла его презирать ее и возмущаться ею. В то же время, он горевал, потому что ее, несомненно, будут жечь в аду. Иногда, хотя он стыдился после себя самого, в своих виде-

ниях он упивался ее корчами и криками во время мучений адских.

Итак, нынче Иезавель вдруг решила совокупиться с Пачакути. Она не могла сделать больше, чем это, чтобы создать трудности. Разве что сказать Инке, что Ивар, Дэвис и Фаустролл собираются покинуть это королевство. Но даже она не будет столь низкой тварью.

Или будет?

Дэвису захотелось улизнуть от двора, но он не смел сердить Инку. Он был вынужден слушать крики и стоны экстаза, издаваемые императором и Энн Пуллен. Придворные и солдаты прекратили свою болтовню, чтобы их послушать, что делало все еще хуже для Дэвиса. Особенно из-за того, что они ничуть не были шокированы. Вместо того, они ухмылялись, хихикали и щипали друг друга. Несколько женщин и мужчин щупали друг друга, а одна пара уже открыто совокупилась на полу. Дикари! Животные! Где та молния, что будет жечь их — в преддверии ада? Где отмщение Господне?

Через несколько часов священнослужитель вышел из комнаты. Улыбаясь, он прокричал, что Инка все еще отличается мужественностью, требуемой богами и его народом. Государство

будет процветать; хорошие времена продолжается. Все, кроме Дэвиса и парочки на полу, шумно приветствовали это известие.

Некоторое время спустя рабыни внесли в комнату чаши и кувшины с водой и полотенца — чтобы выкупать и вытереть Инку и Энн. Когда они вышли, верховный священнослужитель подошел, чтобы совершить очистительный ритуал. Когда с ним было покончено, слуга объявил Дэвису, что император готов принять его. Сжав зубы, но пытаясь в то же время улыбаться, Дэвис вступил в комнату беззакония. Но — несмотря на омовение, от обоих все еще несло потом и обильными сексуальными выделениями.

Энн, совершенно обнаженная, развалилась на ложе. Она вытянулась, когда он вошел, потом повернула к нему свою грудь. Одно из ее главных удовольствий было демонстрировать перед ним свое тело. Она знала, в какое негодование это приводит его.

Император, тоже обнаженный, возлежал на массажном столике. Дэвис подошел, чтобы обрабатывать его. Когда он закончил, ему было велено массировать Энн. Когда император встал со столика, рабы одели его в великолепный церемониальный костюм, великолепный, по

крайней мере, по стандартам мира Реки. Потом он покинул комнату, и толпа приветствовала его радостными криками.

Энн взгромоздилась на массажный столик и повернулась к нему передом. Она сказала на виргинском диалекте своего времени:

— Давай, протри меня как следует, Энди. Император ворочал меня и так, и эдак. Я обучила его многим позам, которых он и не знал на Земле, и он всеми ими воспользовался. Был бы не таким святошей, я бы и тебя научила.

Две женщины-прислужницы оставались в комнате, но они не понимали по-английски. Дэвис, пытаясь, чтобы голос его не дрожал от гнева, спросил:

— И что, как ты думаешь, собирается делать с этим Ивар?

— А что ему делать? — легкомысленно ответила она вопросом. Тем не менее, мышцы ее слегка напряглись. Потом она добавила: — А тебе-то какое дело?

— До греха есть дело каждому.

— Именно те самые слова я могла бы ожидать услышать от вонючего проповедника.

— Вонючего? — переспросил Дэвис.

— Распущенный идиот.

Дэвис массировал мышцы плеч. Он нашел бы весьма легким делом двигать свои пальцы все выше, сомкнуть их вокруг ее шеи и стиснуть. Хотя он не был крупным мужчиной, руки у него были очень сильные. На минутку он почти осознал, как такая фантазия овладевает его сознанием. Но истинный христианин не убивает, как бы ни сильно было искушение. С другой стороны, ведь в действительности он не убьет ее. Завтра же она появится где-то в другом месте и будет наводить порчу на других. Хотя — далеко отсюда.

— Распущенный, — повторила она. — Ты так меня ненавидишь из-за того, что в глубине души тебе бы хотелось переспать со мной. Старый Адам в тебе мечтает меня изнасиловать. Но ты загнал это желание в тени своей греховности, в Старого Рогача, который там скорчился и притаился. Я так говорю, потому что знаю мужчин. Там, в глубине, они все братья. Все, все, говорю тебе!

— Шлюха! Дрянь! Ты лжешь! Ты хотела бы познать, всех мужчин в мире, вот и…

Она резко повернулась. Она улыбалась, но глаза ее сузились:

— Познать всех мужчин! Ах ты, идиот сладкоречивый! Ты что, не умеешь выражаться на добром английском? Уж не говорил бы «гоп», пока не

перескочишь!

Хотя Дэвис еще не закончил массаж, он вышел из комнаты. Фырканье и хихиканье рабов неслось ему вслед сквозь все бамбуковые стены, которые он проходил. Они ни слова не поняли, но интонации голосов его и Энн и ее жесты можно было легко прочесть.

Вспомнив о чем-то, он вернулся в комнату. Энн сидела на столике и вертела своими длинными ногами. Кажется, она была довольна собой. Дэвис встал в дверях и сказал:

— Ты знаешь, что решил Ивар для нас сегодня ночью?

Энн кивнула и ответила:

— Он мне говорил.

— Значит, у тебя была последняя утеха твоей похоти?

— Я играла в животное о двух спинах с королями, но никогда не делала этого с императором. Теперь — если бы мне только найти бога, который взял бы меня, как Зевс взял Леду. Или великого бога Одина — Ивар клянется, что происходит от него. Бога, у которого жизнеспособность продолжается вечно, и нет никаких угрызений совести впоследствии, и он всегда был бы добр ко мне. Вот тогда моя жизнь была бы совсем полной.

— Меня вырвет, — предупредил Дэвис и снова вышел.

— Это одна из форм извержения спермы, — громко сказал она ему вслед.

Дэвис спустился по тысячам ступенек, все это время удивляясь, зачем эти ненормальные язычники выстроили такой неудобный город. Достигнув земли, он поискал Фаустролла вдоль берега Реки, пока, наконец, не обнаружил, что тот ловит рыбу с пирса. Бамбуковая корзина француза содержала семь-восемь видов полосатых рыб, которых называли зебрами. Он описывал своим собратьям-рыбакам сложность той науки, которую изобрел. Он называл ее патафизикой. Дэвис мало что в ней понимал. Так же мало, вероятно, разбирались в ней и люди, сейчас его окружавшие. Они кивали в ответ на его объяснения. Но озадаченное выражение их лиц показывало, что мыслями они так же далеки от него, как бывало большинство его слушателей. И то, что Фаустролл не очень хорошо владел языком суахили, определенно не помогало им понять его.

3

— Патафизику, — монотонно провозглашал Фаустролл, — трудно определить, потому что для ее определения нам приходится употреблять непатофизические термины.

Он должен был применять французские слова, перемешанные с суахили, потому что «патафизика» и многие другие термины отсутствовали в языке инков. Таким образом, он еще больше сбивал с толку свою аудиторию. Дэвис решил, что Фаустроллу не так уж и важно, понимают ли его слушатели. Он говорил исключительно для самого себя, с целью убедить самого себя.

— Патафизика — это наука о той области, которая находится за пределами метафизики, — продолжал Фаустролл.

— Это наука воображаемых решений, наука особых, кажущихся исключений. Патафизика считает, что все предметы равны. Все предметы патафизичны. Но только немногие люди применяют патафизику сознательно. Патафизика — не шутка и не мистификация. Мы серьезны, мы не смеемся, мы истинны, как ураган.

Почему-то он добавил по-английски по непо-

нятной Дэвису причине:

— Патафизика синаптична, не имеет отношения к синоптике.

Очевидно, он оставил язык инков. Он продолжал по-французски:

— В заключение, хотя ничего никогда не может быть окончательно завершено, мы ничего не знаем о патафизике — и все же, знаем все. Мы рождаемся со знанием ее — и, в то же самое время, рождаемся абсолютно невежественными относительно нее. Наша цель — двигаться вперед и обучать невежд — то есть, нас, пока мы все не просветимся. Тогда человечество, как мы, к несчастью, знаем теперь, будет трансформировано. Мы станем такими, какими предполагал нас видеть Господь, во многих отношениях, в любом случае, даже если Бог не существует, но, насколько нам известно, оборотная сторона его — хаос, а, зная истину, мы в нашей телесной форме окуклимся и превратимся в подобие истины. Что будет достаточно.

Так вот он, подумал Дэвис, тот самый человек, который в самом деле подходит к определению Энн — «слабак». И все же… и все же… в словах Фаустролла есть какой-то смысл. Убрать только словесные украшения, и получается, что он

говорит о необходимости для людей смотреть на вещи под другим углом зрения. Что это говорил тот араб конца двадцатого века, которого он встречал так много лет тому назад? Абу ибн Омар цитировал… как бишь его имя? — а! - человека по фамилии Успенский. «Думайте другими категориями» — вот оно! «Думайте другими категориями». Абу говорил: «переверните предмет, посмотрите на его нижнюю сторону. Говорят, что часы круглые. Но если циферблат повернут к нам Верным углом, часы эллипсоидны… Если бы всем приходилось думать иными категориями, особенно в эмоциональной, семейной, социальной, экономической, религиозной и политической областях, человеческие существа избежали бы многих проблем, которые делают их жизни такими несчастными».

— На Земле этого не случилось, — возразил тогда Дэвис.

— Но здесь это возможно, — настаивал Абу.

— Полная возможность! — согласился Дэвис. — Если все не обратятся к Господу, к Иисусу Христу, за спасением.

— Если бы истинные христиане, не были ханжами, эгоистами, слабовольными, несчастными, узколобыми существами, какими являются боль-

шинство из них… Я оскорблю вас, если скажу, что вы один из них, хотя вы станете это отрицать. Значит, оно именно так и есть.

Дэвис тогда подошел поближе, чтобы ударить того человека, но отвернулся, дрожа от ярости, и покинул его.

Он все еще приходил в негодование, когда вспоминал обвинения Абу.

— Фаустролл! Мне надо с тобой поговорить, — окликнул его Дэвис по-английски.

Француз обернулся и предложил:

— Начинай.

Дэвис рассказал ему насчет Энн и императора. Фаустролл сказал:

— Ты можешь сообщить Бескостному об этой пикантной ситуации, если она тебя задевает. Мы бы не хотели быть с ним по соседству, когда он о ней услышит.

— О, он о ней услышит, хотя и не от меня. Вся местность здесь — лава слухов и сплетен. Ты все еще намерен бежать из этих мест сегодня ночью, как договорено?

— С Иваром, или без него, с Энн и с тобой — или без вас?

Он указал куда-то мимо Дэвиса и добавил:

— Кто-то ему уже сообщил.

Дэвис повернулся. Настоящий город, состоящий из скелетов башен, начинался за полмили от берега Реки. Викинг шагал по площадке по направлению к входу на лестницу. В руке он сжимал рукоятку громадного каменного топора. Кроме того, он нес еще очень большой заплечный мешок. Дэвис предположил, что в нем — грааль Ивара. Но он так раздулся, что там должно было быть что-то еще. Даже на таком расстоянии Дэвису было видно, что лицо и тело Ивара были ярко-красными.

— Он собирается убить Инку! — воскликнул Дэвис.

— Или Энн, или обоих, — заключил Фаустролл.

Было слишком поздно ловить его. Если бы даже им это удалось, они бы не смогли его остановить. До того они несколько раз видели его в состоянии безумной ярости. Он вполне мог бы обрушиться на их скальпы своим топором.

— Он не пройдет мимо телохранителей Инки, — сообразил француз. — Думаю, единственное, что нам остается делать, это следовать по нашему плану и уходить ночью. Энн и Ивара там не будет. Нам с тобой придется уходить без них.

Дэвис понял, что Фаустролл крайне расстроен: он сказал «я», а не «мы».

К тому времени викинг достиг третьего этажа и прошел через него.

На мгновение он исчез за полупрозрачной стеной из кишок рыбы-дракона.

— Я чувствую, что вроде бы бросаю его, — сказал Дэвис. — Но что мы можем сделать?

— Мы передумали, что является прерогативой, в самом деле, даже обязанностью философа, — объявил Фаустролл.

— Самое меньшее, что мы можем сделать, это последовать за ним и подвергнуться тому же, что произойдет с ним. Мы даже, вероятно, сможем каким-то образом помочь ему.

Дэвис вовсе не считал так. Но он не хочет позволить этому дурню проявить больше храбрости, чем это делает он сам.

— Прекрасно. Давай, пошли.

Они положили свои пожитки в заплечные мешки и заспешили в город. Вскарабкавшись на разные лестницы и лесенки, они оказались на том этаже, где находилось жилище Инки. Они увидели много суетящихся людей и услышали большой шум. С большого расстояния слышался такой гвалт, какой может поднять только большая толпа. В то же время, они почувствовали запах дыма. Пахло совсем не так, как бывает,

когда в жилище горит множество огней, чтобы приготовить пищу. Следуя в направлении шума и отстраняя людей, бегущих к лестницам и лесенкам, они вышли на небольшую площадку.

Строения вокруг нее, в большинстве бамбуковые с половинными стенами, были правительственными учреждениями. «Дворец» Инки был самым большим зданием, высотой в три этажа, но узким. Хотя там имелась крыша, стен было всего ничего. Дальняя его сторона примыкала к главному эшафоту города.

Аромат дыма сделался сильнее, и кругом носилось больше мужчин и женщин. Двое пришедших никак не могли ничего понять в этом шуме и криках, пока Дэвис не уловил слово, означающее на суахили «пожар». И только тогда они осознали, что вся эта буря вовсе не вызвана Иваром. Или, возможно, и вызвана. Дэвис вспомнил о громадном заплечном мешке Ивара. Может, там у него были сосновые факелы и земной сосуд, наполненный лишайниковым алкогольным напитком?

Сильный ветер нес облака на юг, что объясняло, почему запах дыма был таким стойким на нижних уровнях. Было бы опасным подходить ко дворцу. Бамбуковый пол площади теперь быстро горел, и им необходимо было обойти это место

кругом. Насколько им было известно, на другой стороне пол тоже загорелся. Возле них работала пожарная команда, энергично поднимая большие ведра с водой при помощи шести лебедок. Через многие открывшиеся пространства между комнатами и этажами Дэвис заметил цепочки людей, передающих ведра с водой из реки.

Все это произошло очень быстро.

Теперь Дэвис различал явственный запах горящей плоти. И он разглядел несколько тел, лежащих в пламени. Несколько секунд спустя сквозь прогоревший пол упал чей-то труп на этаж ниже.

Казалось невозможным, чтобы один человек мог устроить все это разрушение.

— Ну что, и теперь пойдешь? — спросил Дэвис. — Ивар обречен, если он уже не мертв. Нам бы лучше спуститься на землю, пока не попали в огонь.

— Рассудок не всегда превалирует, — отформулировал Фаустролл. — Но с пожаром это бывает.

Они, кашляя, отступили, пока огонь не рассеялся достаточно для того, чтобы они могли увидеть, что происходит. Внешняя сторона здания была от них за несколько ярдов. Рядом была лестница и несколько отверстий в полу, чтобы спускаться

через них по приставным лесенкам.

Но они не могли туда добраться из-за толпы, которая их окружала. Путь к основной лестнице и к приставным лесенкам был запружен рычащим, визжащим и дерущимся народом. Некоторые из них падали прямо на головы спасателей на этаж ниже.

— Возможно слезть по балкам внешнего здания! — взвыл Фаустролл. — Давай попробуем сбежать по ним!.

К тому времени и у других появилась та же мысль. Но пространства для всех оказалось достаточно.

Когда Дэвис с французом попали на землю, руки и ноги у них тряслись от усилий, а ладони, животы и ноги были как следует ободраны. Они пробились сквозь толпу и вскоре оказались близко от Реки.

— Теперь пора оценить маленькое парусное суденышко и поплыть вверх по реке, — заметил Фаустролл.

Дэвис поглядел на скелетообразное здание и на народ, суетящийся вокруг и все еще выходящий из него. Бригада, орудовавшая ведрами, к этому времени завершила свою работу, хотя всего несколько минут назад он поспорил бы на

что угодно, что весь город обречен. Дым исчез, за исключением нескольких струй.

У них с Фаустроллом вещи все еще были при себе. А на рыбачьем судне, стоящем на якоре за несколько ярдов от берега, хватало шестов, сетей и копий. Вполне достаточно.

Когда они вперевалку добрались до лодки, они увидели какого-то мужчину со смуглой кожей, темноволосого, с близко посаженными глазами, лежащего на полу лицом кверху. Его челюсти медленно двигались.

— Жвачка грез, — определил Фаустролл. — Он сейчас где-нибудь среди инков Перу, в мозгу его видения страны, которую он когда-то знал, но по-настоящему она никогда не существовала. Или, может быть, он летает быстрее света среди звезд, где-нибудь на краю безграничного.

— Ничего такого великолепного, — с отвращением возразил Дэвис. Он указал на вздыбленный пенис мужчины. — Он грезит о том, что лежит с самой прекрасной женщиной в мире. Если у него есть для этого воображение, в чем я сомневаюсь. Эти люди — невежественные и грубые крестьяне. Высшая точка их мечтаний — легкая жизнь без всяких обязательств, без хозяев, которых надо слушаться, масса еды и пива, и чтоб каждая жен-

щина была рабой их любви.

Фаустролл взобрался на борт.

— Ты просто описал рай, друг мой, то есть, мир Реки. Если не принимать во внимание хозяев, которых надо слушаться, и того, чтобы каждая женщина была рабой любви, ты так причудливо описал ту часть человечества, которая носит вельветовые облегающие штаны. Избавься от хозяев и согласись, что многие женщины будут тебя презирать, но зато есть много других, которые не будут, и ты получишь невообразимый мужской идеал жизни в загробном мире. Однако, не так уж скверно. Определенно шаг вперед от нашей родной планеты.

Что до этого парня, он рожден среди бедноты и жил среди нее. Но бедняки — соль земли. Мы не имеем в виду под солью экскрецию, создающуюся определенными геологическими явлениями. Мы имеем в виду соль, остающуюся на коже после большого количества труда и сильного потения, соль, аккумулирующуюся от недостатка мытья. Этот вонючий минерал и пласты гниения, отделяющиеся от кожных клеток, и есть соль земли.

Дэвис залез в лодку, встал и указал на брызжущий пенис мужчины:

— Ого! Ниже, чем животное! Давай-ка, выбро-

сим обезьяну за борт и отправимся.

Фаустролл засмеялся.

— Без сомнения, он мечтает об Энн, нашей местной Елене Троянской. Что ж, мы тоже это делали — и не стыдимся. Однако, откуда ты знаешь, что он не мечтает о мужчине? Или о своей любимой ламе?

— Ты тоже отвратителен, — поморщился Дэвис. Он наклонился и ухватил мужчину за лодыжки. — Помоги мне.

Фаустролл просунул руки лежащему под мышки и поднял его.

— У-ух! Почему притяжение усиливается, если мы поднимаем труп или пьяного, или находящегося под действием наркотиков? Ответь нам, друг наш филистимлянин. Ладно, ответим за тебя. Это потому, что сила тяжести не есть неварьирующаяся сила, всегда отвечающая тому, что мы называем законами физики. Сила тяжести меняется в зависимости от обстоятельств. Таким образом, в противоположность учению Гераклита, то, что поднимается, не всегда опускается.

— Лопочешь, как обезьяна, — недовольно буркнул Дэвис. — Ну, начали! Раз, два, три!

Мужчина плюхнулся в воду набок, вынырнул на поверхность, потом, бессвязно что-то бормоча,

поднялся. Он оказался в Реке по пояс и пошел к берегу.

— Благодари же нас за ванную, в которой ты так давно нуждался! — засмеялся Фаустролл и начал поднимать заменяющий якорь камень.

Но Дэвис показал рукой на берег и заметил:

— Вот они идут!

Солдаты в деревянных шлемах и с копьями в руках бежали по направлению к ним.

— Кто-то на нас донес! — и Дэвис застонал в досаде.

Через две минуты их уже вели к тюрьме.

4

Ивара и Энн не убили. Викинг сражался с большой группой солдат, убивая и раня многих из них, все же он каким-то образом достиг своей цели, хотя из многочисленных ран у него струилась кровь. Его залитый кровью топор с треском опустился на голову Инки, и Пачакути перестал быть императором. Ивар не предпринял попытки убить Энн. Единственной причиной, что он этого не сделал, было то, что его сбили с ног сейчас же, как только он размозжил череп Инки.

По закону Королевства Восходящего Солнца

Ивара следовало сохранить живым, чтобы подвергать многодневным пыткам до тех пор, когда его тело уже не сможет их воспринимать. Но тот, кто захватил власть, придумал другое. Тамкар был начальником полка, но не являлся законным наследником трона. Он немедленно поднял свое войско против солдат Пачакути, поубивал их и объявил себя Инкой. Его люди убили других военачальников, оставшиеся из тех полков подчинились новому Инке. Это что касается традиции в порядке наследования.

Хотя публично Тамкар объявил Ивара вне закона, в душе он должен был бы благодарить его. Он приговорил викинга к Прыжку Смерти, но это давало Ивару крошечный шанс победить и быть изгнанным из королевства. Энн Пуллен, Фаустролл и Дэвис не принимали участия в убийстве Пачакути, все же их на суде признали виновными в связи с викингом. На самом деле новый Инка просто избавлялся от тех, кого считал опасными для себя. Он собрал человек двадцать мужчин высокого ранга и заставил их прыгать с мостика. Это не удалось никому, кроме двоих. Народу это понравилось, хотя многие были разочарованы, потому что не все потерпели неудачу. Тамкар разыскал еще других, кто, как он

подозревал, мог отнять у него трон. Их, наряду с преступниками, заставили выполнить Прыжок. Толпа любит зрелища. После такой раскачки наступило главное событие. Теперь Ивар и его товарищи имели удобный случай привести в дрожь публику. Не говоря уже о них самих.

Через две недели после смерти Пачакути Дэвиса и остальных его союзников ровно в полдень привели к башне. Их содержали в тюрьме, так что у них было пространство для усиленной практики. Они практиковались в прыжках в длину на дорожке и над ямой с песком, приготовленных для тех, кто осужден на Прыжок Смерти. Народ любит хорошее зрелище, а императору нравилось то, что нравилось народу. Он сидел на стуле на возвышении, с которого тянулась дощечка к свободе.

Били в барабаны и дули в единорожьи рога. Толпа собравшаяся внизу, громко одобряла объявление о первом прыжке.

Фаустролл, стоя позади Дэвиса, напутствовал:

— Помни, друг наш. Степень силы тяжести зависит от положения того, кто ее вызывает. Если была бы такая вещь, как удача, мы попросили бы, чтобы она была с тобой!

— Удачи и тебе тоже, — поблагодарил Дэвис.

Интонация у него получилась очень нервной, даже в собственном восприятии.

Начальник королевской стражи прокричал, что он начинает счет. Прежде, чем кончились две минуты. Дэвис пробежал по тридцатифутовой дощечке, сильно оттолкнулся от ее края правой ногой и воспарил вверх. Именно тогда экстаз охватил его. Впоследствии он поверил, что это было единственным, что привело его к спасению. Это было дано ему Богом, без сомнения. Он был спасен тем самым Существом, которое спасло Даниила в львином логове.

Тем не менее, он тяжело упал вперед, так как его ноги, сразу за пальцами, застряли в конце дощечки. Грудью и лицом он больно ударился о твердое тисовое дерево, находившееся в конце доски. Его руки вцепились в доску, хотя ему вовсе не грозило свалиться с нее. Прежде, чем встать, он немного полежал. Приветствия, крики «ура!» и радостный шум поднимались над толпой с земли… Дэвис не обращал на них внимания, когда прыгнул с доски на площадку, после чего стражники отвели его в сторону. Сердце у него быстро колотилось, и долгое время он не мог унять дрожь. К тому моменту уже Фаустролл бежал по дощечке, лицо его исполнилось решимости.

Он тоже воспарил, хотя Дэвис сомневался, что француза охватил тот же экстаз, какой испытал он. Он не отклонился ни на дюйм, но сумел заставить себя упасть вперед. Если бы он упал назад и таким образом повис в воздухе, он бы свалился вниз.

Он широко улыбался, когда встал рядом с Дэвисом.

— Мы такие великолепные атлеты! — воскликнул француз.

В третий раз забили барабаны и зазвучали рога. Энн, так же обнаженная, как ее предшественники, причем кожа ее побелела от страха, побежала по трапу. Склонившись вперед, работая руками и длинными стройными ногами, она без колебаний перепрыгнула через пустоту.

— Какова смелость! Какова отвага! — воскликнул Фаустролл. — Ну и женщина!

Дэвис, несмотря на неприязнь к ней, заметил себе, что француз прав. Но ее храбрости и силы было недостаточно, чтобы удачно приземлиться. Конец доски стукнул ее по диафрагме, а локти зацепились о дерево. Дыхание со свистом вырывалось из нее. Примерно мгновение она висела, перебирая ногами. Ее попытки восстановить дыхание были мучительными. Тогда она вытянула

руки и стала двигать ладонями по краю доски. Лицо уткнулось в дерево. Она начала скользить назад, захват ее пальцев ослабел.

Ивар взревел, его голос прорвался сквозь бурные крики толпы и шум людей, стоявших на площадке:

— Ты же валькирия, Энн! Держись! Ты можешь сделать это! Подтянись вверх — и вперед! Я встречу тебя на площадке! Если я упаду, мы опять с тобой встретимся где-нибудь на Реке!

Это удивило Дэвиса. В течение двух недель их тюремного заключения Ивар ни слова не говорил, обращаясь к Энн. И она с ним не разговаривала.

После его криков Энн улыбнулась, хотя сделала ли она это от отчаяния или от радости услышать слова Ивара, было вопросом. Она обливалась потом, лицо ее даже несколько увяло в сильном сопротивлении, она подтянулась вперед, и вот ее ноги перестали свисать. Тогда она перекатилась на спину и лежала так, вытянувшись, а груди у нее быстро поднимались и опускались. На ее диафрагме сохранился красный след от удара. Две минуты спустя она встала на четвереньки и проползла несколько футов. Потом поднялась на ноги и нетвердо, но с гордым видом прошла к площадке.

Фаустролл обнял ее, возможно, несколько с большим энтузиазмом, чем позволяла скромность, когда она присоединилась к нему. Она немного поплакала, Фаустролл тоже плакал. Но они отделились друг от друга, чтобы проследить за Иваром, когда снова загремели барабаны и завыли рога.

Громадный мужчина ступил на трап, его бронзово-рыжие волосы так и сверкали на солнце. Как до него делали другие прыгуны, он наклонялся, приседал и подпрыгивал в качестве разминки. Но вот он согнулся, губы его шевелились, считая секунды вместе с начальником стражи. Затем он выпрямился и побежал, работая массивными ногами. Планка прогнулась от его веса. Его левая нога соскользнула вниз всего за несколько дюймов от конца. Он выпрямился, болтая ногами.

Он свалился за фут от конца победной доски. Руки его протянулись и схватились за края деревянной поверхности близко от ее конца. Планка опустилась, немного поднялась и вновь прогнулась. Она громко затрещала.

Дэвис закричал ему:

— Вставай на доску! Она сейчас сломается!

Ивар уже раскачивался, отклоняясь назад, чтобы уловить момент для рывка вперед, так что ему

удалось поставить ногу на планку. Как только он пробрался вперед, сильный шум толпы объявил ему, что доска сломалась. Энн пронзительно кричала. Дэвис затаил дыхание. Фаустролл взвыл:

— Mon dieu!

Ивар зарычал и скрылся из поля зрения. Дэвис кинулся вперед и прижался животом к поручням. Планка продолжала переворачиваться. Но викинга не было видно.

Дэвис наклонился сильнее. Там, за тридцать футов от него, внизу, Ивар свисал на руках с покосившейся балки. Когда он качнулся в сторону башни, он достаточно продвинулся, чтобы ухватиться за одну из горизонтальных балок, протянувшихся вдоль главной постройки. Свисая с балки, за которую он держался руками, он ухитрился передвинуться ближе к зданию. Но он, должно быть, соскользнул и упал. Но снова он спасся, ухватившись за поперечную балку, находящуюся под углом в сорок пять градусов к внешней части городской постройки. Его тело, должно быть, сильно ударилось об эту балку, а руки скользили вниз по наклонному дереву, оставляя следы размазанной крови.

Когда они остановились там, где другая стоящая под углом балка соединялась с той, за которую

он цеплялся, он изо всех сил постарался подтянуться. И это ему удалось. Потом ему нужно было вскарабкаться назад, наверх, и он попал на площадку, где стоял Дэвис. Не сделай он этого, он бы не был освобожден.

К тому времени Тамкар оставил свой трон, чтобы поглядеть через площадку вниз, на викинга. Он состроил гримасу, когда увидел, как Ивар медленно, но уверенно пробирается вверх по внешней стороне здания. Но даже Тамкар вынужден был подчиняться правилам Божьего суда. Никому не разрешалось вмешиваться в то, что делал Ивар. Только ему предстояло добраться до площадки — или упасть. Прошло десять минут, или около того, и появились бронзовые волосы викинга, а за ними его ухмыляющееся лицо. После того, как он перевалил через поручни, он на некоторое время прилег, чтобы восстановить силы.

Как только он смог встать, он обратился к Тамкару:

— Без сомнения, боги покровительствуют нам четверым. Они предназначили нас для более великих подвигов, чем быть твоими рабами.

— Я так не думаю, — возразил император. — Вас освободят, как приказывают боги. Но далеко вы

не уйдете. Сразу к северу от нашего государства вас схватят дикари, и вы больше не будете свободными. Постараюсь убедиться в этом.

С мгновение было похоже на то, что Ивар собирается броситься на императора. Но копья королевских стражников были наготове для него на этот случай. Ивар расслабился, улыбнулся и произнес:

— Посмотрим.

Дэвис чувствовал себя опустошенным. Божий суд был достаточно ужасен. Теперь, после того, как они его пережили и остались невредимы, они снова попадают в руки зла. Здесь, по крайней мере, у них было вдоволь пищи. Но сразу же за верхней границей Королевства Восходящего Солнца, земля по обе стороны от Реки была занята людьми, которых лучше избегать. Они давали своим рабам достаточно еды, чтобы те работали: им доставляло наслаждение распинать рабов на крестах и привязывать их на долгое время в мучительных положениях; они получали удовольствие от того, что ели их. Если вы были их пленниками и внезапно вас начинали обильно кормить, вы понимали, что главная цель — сделать вас пожирнее для основного блюда.

Дэвис подумал, что ему было бы лучше, если

бы он упал и умер. По крайней мере, тогда у него были бы равные шансы проснуться снова далеко к северу от этих мест.

Он все еще пребывал в дурном расположении духа, когда лодка увозила их в пределы того, что инки называли Страной Зверей. Два матроса начали спускать треугольный парус. Дэвис сидел вместе с другими пленниками в середине суденышка. Руки их были связаны впереди веревками из рыбьих кишок. Они были обнаженными и с собой везли только свои пожитки. По обе стороны стояли стражники с копьями.

Начальник стражи объявил:

— Не пройдет и нескольких минут, и вы все будете свободными. — Он захохотал.

Очевидно, император послал весть диким зверям о том, что скоро у них будут новые рабы в качестве его дара. Группа смуглых, но белых людей стояла у причала на правом берегу. Они размахивали копьями с кремневыми наконечниками и большими дубинками, исполняя дикий танец, солнце сверкало на их блестящих светло-серых шлемах из рыбьей чешуи. Дэвис раньше слышал, что они, как предполагалось — какое-то североафриканское племя, и жили где-то в каменном веке. Зрелище заставило его обливаться

потом и ощущать боль в желудке. Но пока что они не нападали на лодки.

Ивар, сидевший рядом с Дэвисом, тихо сказал:

— Нас четверо. Стражников десять. Трое матросов не в счет. Нас больше. Когда я дам команду, Фаустролл и я нападем на них, со стороны кормы. Ты, рыжеволосый и ты, Энн, атакуете других. Свои мешки используйте как молоты, раскачайте их за ручки.

— Счет в нашу пользу! — повторил Фаустролл и рассмеялся. — Вот это согласуется с патафизикой!

Ивар наклонился и сделал усилие, чтобы развязать веревку, держащую его руки вместе. Лицо его покраснело, мышцы походили на змей, шевелящихся под кожей. Стража только глумилась над его усилиями. Но челюсти у них отвисли, когда веревка лопнула, и он, рыча, вскочил, размахивая вещевым мешком. Твердый нижний конец задел подбородок стражника. Ивар схватил его падающее копье другой рукой и метнул его в живот другому стражнику.

Инки не ожидали сопротивления. Они были убеждены, что, если что-то и возникнет, приручённые рабы легко будут приведены в порядок. Но викинг обезвредил для борьбы двух стражни-

ков через какие-то секунды после того, как она началась.

Дэвис и Энн размахивали своими мешками с хорошим результатом. Его мешок отправился вверх и попал в промежность ближайшего стражника. После этого у него не осталось времени, чтобы видеть, что делают его товарищи. Наконечник копья поразил его в бедро, и тут же человек, который его ранил, упал, когда мешок Дэвиса стукнул его сбоку по голове.

Все закончилось за пять секунд. Матросы выпрыгнули в воду. Ивар побежал к рулевому, который прыгнул за борт. Выполняя команды викинга, произносимые утробным голосом, женщина и двое мужчин подняли парус. Дикари на берегу громко заорали и немедленно начали садиться в лодки. Забили барабаны, очевидно, передавая сигнал тем, кто находился выше по Реке, чтобы они перехватили лодку рабов.

Те были близки к тому, чтобы сделать это. Но Ивар, превосходный моряк, избежал врагов и затем оставил их позади. Они плыли на север, к свободе.

5

Прошло восемнадцать лет после побега из Земли Зверей. Беглецы много боролись за свободу, несколько раз их захватывали в плен, пострадали от нескольких сотен неприятных происшествий и десятков ран. Но они прожили в этом государстве, Джардине, в течение семи лет, в относительном спокойствии и довольстве.

С Эндрю Дэвисом разделяла хижину Рэчел Эйбингдон, дочь американской четы миссионеров. Дэвис обратил ее в свою веру: в то, что искупитель родился снова на Реке, и что однажды они должны найти его. Тем временем, они проповедовали среди местных жителей, не особенно успешно, зато у них появилось около десятка учеников. Материально Дэвис процветал. Много мужчин и женщин ежедневно приходили к нему, чтобы делать массаж или лечить остеохондроз. За лечение они платили предметами, которые он мог обменивать на другие товары, если он того желал, и их мешки изобиловали изысканными продуктами. Жизнь была легкой. Горожане не жаждали власти, во всяком случае, политической. Дни для Дэвиса проходили так, как будто

бы он находился в стране праздных мечтателей. Золотые дни рыбалки и счастливые вечерние сидения вокруг костров, поглощения еды и разговоры плавно переходили из одного в другое.

Ивар Бескостный стал военачальником армии, организованной исключительно в целях защиты. Но соседние государства за тысячи миль вверх и вниз по Реке не находились в состоянии войны. В качестве военного он не имел особенно много дел, кроме того, чтобы тренировать солдат, проверять пограничные стены и время от времени проводить маневры.

Энн давно уже перестала жить с Иваром. К удивлению Дэвиса, она ударилась в религию. То есть, если Церковь Второй Попытки можно было назвать религией в истинном смысле этого слова. Миссионеры, которых он слышал и с которыми мог поговорить, требовали верить в Создателя. Но они утверждали, что вся земная религия на преуспела в том, чтобы объявить их божественно воодушевленными. Создатель (они избегали слова — Бог) создал существо, превосходящего человека, незадолго до великого воскрешения земных мертвецов.

Это были некие ангелы из плоти и крови, они назывались Творцы, их миссия заключалась

в том, чтобы спасти все человечество от него самого и поднять на уровень духовности — тот же, что у Творцов. Мужчины или женщины, которых не удается таким образом поднять после неопределенно долгого количества времени, были обречены. Они будут вечно бродить по пустоте в виде наделенных сознанием и лишенных материальности существ без воли.

— Этика сторонников Второй Попытки очень высока, — усмехнулся однажды Дэвис во время разговора с Энн. — Они не обращают внимания на сексуальную мораль постольку, поскольку принимаются во внимание силы устрашения.

— Сексуальная мораль была необходима на Земле, — объяснила ему Энн, — чтобы защищать детей. А еще — венерические заболевания и нежелательные беременности причиняли большие страдания. Но здесь-то нет таких болезней, а женщины не беременеют. В действительности, самым могучим элементом сексуальной морали на Земле была концепция собственности. Женщины и дети были собственностью. Но здесь нет ничего подобного собственности, никакой личной собственности. Во всяком случае, кроме личного грааля да нескольких полотенец и инструментов. Большинство из вас, мужчин, все

еще не усвоило эту идею. Если быть справедливыми, так много женщин тоже этого не понимает. Но все вы в один прекрасный день научитесь.

— Ты все еще потаскушка, — зло сказал Дэвис.

— Потаскушка, которая тебя-то вовсе не желает, хотя ты и хочешь меня. В тот день, когда ты это поймешь, ты будешь на один шаг ближе к истинной любви и к спасению.

Как всегда, Дэвис, сжав зубы и сцепив ладони, удалился, и все тело его напряглось. Но ему было невозможно оставаться вдали от нее. Ведь если бы он перестал с ней разговаривать, он никогда не смог бы привести ее к истинному спасению.

Фаустролл два года назад объявил себя Богом.

— Тебе больше не нужно искать, друг наш, — сказал он Дэвису. — Вот он, перед тобой, Спаситель. Сходство во плоти с человеком, которое мы приняли, не должно тебя обманывать. Это необходимо, чтобы помешать тебе и всем нам остальным быть ослепленными нашей славой. Прими же нас как своего Бога, и мы разделим нашу божественность с тобой.

— В самом деле, ты уже божественен. Что я сделаю, так это открою тебе, как ты сможешь ее реализовать и как действовать, осуществляя свое славное предназначение.

Фаустролл был безнадежен. Философия его была вздором. И все же, по какой-то причине, Дэвис не мог не слушать его. И он делал это вовсе не для развлечения, как раньше считал, и не из-за того, что мог бы заставить Фаустролла увидеть Свет. Вероятно, это было из-за того, что ему нравился Фаустролл, несмотря на его приводящие Дэвиса в ярость замечания. Было что-то в этом французе.

Дэвис месяцами не видел Ивара, когда однажды Ивар вплыл в его поле зрения. «Вплыл» — подходящее слово: Ивар был как громадный корабль, целый линкор. Позади него шел куда меньший человечек. Он был коротышкой, худым, черноволосым и черноглазым. Лицо у него было узким, нос громадный и с горбинкой.

Ивар заревел на эсперанто:

— Эндрю Рыжий! Все еще мечтаешь найти женщину, которая даст рождение второму Христу? Или ты уже бросил эту задачу?

— Вовсе нет!

— Тогда почему же ты сидишь на своей заднице день за днем и неделя за неделей, месяц за месяцем и год за годом?

— Вовсе я не сижу! — с негодованием воскликнул Дэвис. — Я многих людей обратил, которые отвергали Христа! Или таких, которые никогда о

Нем не слыхали, которые не бывали в состоянии благодати!

Ивар махнул рукой, как бы отвергая значительность всего этого.

— Да ты бы мог их поместить под одной крышей в маленькой хижине. Ты что же, собираешься вечно болтаться здесь, когда, несмотря на все твои знания, твой Иисус находится на верхней Реке и ждет, чтобы ты появился и чтобы он мог послать тебя проповедовать?

Дэвис почуял какую-то ловушку. Викинг ухмылялся, как будто бы собирался наброситься на него.

— Куда больше смысла поджидать Его здесь, — сказал Дэвис. — Он придет в один из дней, и я буду готов приветствовать Его.

— Лентяй, лентяй, лентяй! Правда-то в том, что тебе нравится жить тут, где никто не собирается убить тебя или превратить в раба. Ты делаешь слабые попытки читать проповеди, а большую часть времени проводишь на рыбалке — или кроешь свою женушку!

— Да посмотри-ка ты сюда, — начал Дэвис.

— Я уже здесь — и я смотрю. И то, что я вижу — это человек, который когда-то был огнем, а теперь он остыл и боится испробовать трудностей

или страданий.

— Неправда!

— Я упрекаю тебя, но я упрекаю и себя самого. У меня тоже была мечта отправиться вверх по Реке, пока я не доберусь до ее устья. Я надеялся найти там те существа, которые создали этот мир и которые вызвали наше воскрешение. Если бы они не ответили на мои вопросы добровольно, они бы сделали это по принуждению. Я это обещаю, хотя они, кажется, неизмеримо могущественнее меня.

Но я забыл свою мечту. Выражаясь твоими словами, я был как дома в Сионе. Но это место — не Сион.

Дэвис кивнул в сторону человека, который пришел с Иваром:

— Кто это?

Большая рука Ивара подтолкнула маленького человечка вперед:

— Его зовут Бахаб. Он новенький. Бахаб араб, — Он родился на Сицилии, когда его народ захватил этот остров. Не знаю уж, где он жил согласно твоим представлениям, но это неважно. У него имеется интересная историйка, которая мне напомнила о том, что я позабыл. Говори же, Бахаб!

Человечек поклонился. Он заговорил высоким

голосом и с сильным акцентом — на эсперанто. Хотя некоторые употребляемые им слова отсутствовали в местном лексиконе, Дэвис из контекста понял их значение.

— Я уверен, вы меня извините за такое внезапное появление и за то, что я, возможно, помешал. Я предпочел бы сидеть с вами за чашкой кофе и хотел бы познакомиться с вами до того, как начну мою историю. Но некоторые люди такие варвары, или, я бы сказал, у них иные привычки.

— Неважно, — громко перебил Ивар. — Начинай же свою историю!

— А-а, да. Несколько лет тому назад я был в верхней части Реки, далеко отсюда. Я разговаривал с человеком, у которого оказались удивительные новости. Не знаю, правда это или нет, хотя ничего не приобретал, если и лгал мне. С другой стороны, иные люди лгут просто ради удовольствия говорить неправду, сыны шайтана. Но иной раз, если ложь произносится просто для развлечения…

— Не собираешься ли ты заставить меня пожалеть, что я привел тебя сюда? — заорал Ивар.

— Прошу прощения, ваша милость. Человек, с которым я разговаривал, сказал, что у него есть любопытная история. Он много бродил, вверх и вниз по этой долине, но никогда не встречал ни-

чего такого удивительного. Кажется, он однажды побывал в одной местности, где некая женщина, которая дала клятву остаться в девицах, зачала.

— О, Бог мой! — воскликнул Дэвис. — Может ли такое быть правдой?

Бахаб ответил:

— Я не знаю. Я не был свидетелем этого события, и я скептически настроен. Но другие, которые там были в то время, поклялись, что этот человек сказал правду.

— Ребенок! Ребенок! — воскликнул Дэвис. — Это был мальчик?

— Увы, нет. Это был младенец женского пола.

— Но этого быть не может! — удивился Дэвис.

Бахаб помолчал, как будто бы размышляя и ожидая, не назовет ли его Дэвис лжецом. Потом он улыбнулся:

— Я только говорю вам о том, что тот человек и остальные, — а всего их было пятеро — рассказывали мне. Непохоже, чтобы все они сговорились мне лгать. Но, если это вас оскорбляет, я ничего более не скажу.

— О, нет! — поспешил заверить его Дэвис. — Я вовсе не оскорблен. Наоборот. Пожалуйста, продолжайте.

Бахаб поклонился, затем добавил:

— Все это произошло за много лет до того, как я попал на ту территорию. Теперь этот ребенок должен быть совсем взрослым, — если такой ребенок был. Возможно, та женщина не сохранила девственность, как поклялась, возможно, отец ребенка — какой-нибудь мужчина. Но это уже было бы достаточным чудом, так как все мужчины и женщины, кажется, стерильны.

— Но ребенок — девочка? — переспросил Дэвис. — Этого не может быть!

— Я разговаривал с умными мужчинами и женщинами конца двадцатого века, по христианским меркам, они называют себя учеными, — заверил его Бахаб. — Они мне объяснили, что, если бы женщина забеременела благодаря химическим методам, родился бы ребенок женского пола. Я не понимаю их болтовни насчет «хромосом», но они меня уверяли, что девственница может зачать только девочку. Они также сказали, что в их времена такого никогда не случалось. И ни в какие времена до них — тоже.

— Они не принимают во внимание Бога в своей науке, — объяснил Дэвис. — Однажды такое случилось… когда родился Христос.

Бахаб выглядел недоверчивым, но ничего не сказал.

— То, что по твоему предположению должно случиться, — вставил Ивар, — и то, что случается на самом деле, часто не одно и то же. Ты все еще не знаешь правды. Единственный путь, который ты можешь себе определить, это отправиться вперед и убедиться самому. Ведь не можешь же ты не заинтересоваться только потому, что младенец был женского пола? Были женщины-богини, ты это знаешь.

— Ты прав, Ивар, — согласился Дэвис. — Я должен найти эту женщину и ее дочь и поговорить с ними. Признаюсь, ты прав и в том, что я позволил лепи и покою убаюкать себя и чуть не заснул.

— Едем! Я тоже спал! Но я устал от этой бессмысленной жизни. Мы построим лодку и поведем ее вверх по Реке!

— Рэчел будет довольна, — сказал Дэвис. — Я так думаю.

Рэчел была в нетерпении скорее ехать, хотя и она была разочарована в том, что Спаситель оказался женщиной.

— Но вообще-то мы не знаем, правдива ли эта история, — сказала она. — Или это может быть полуправда. Возможно, младенец был мужского пола, но злые люди переиначили историю, сделали ребенка девочкой. Это ложь, которую начал

Дьявол. У него так много замыслов, чтобы ввести верующих в соблазн и заставить ошибаться.

— Мне не нравится так думать, — заявил Дэвис. — Но ты, возможно, права. Какова бы ни была правда, мы должны ее обнаружить.

Фаустролл выразил желание поехать с ними.

— Это непорочное рождение может быть патафизическим исключением. Патафизика, как мы отмечали многократно, есть наука об исключениях. Мы сомневаемся, что подобное случилось, потому что не помним, чтобы мы это сделали. Нам будет приятно разоблачить шарлатанов, которые клялись, что именно так и случилось.

Энн Пуллен заявила, что остается в Джардине. Никто, однако, и не просил ее их сопровождать. Дэвис думал, что обрадуется, когда услышит эту новость. Но он почувствовал внезапную боль. Он не понимал, почему так разочарован и почему чувствует стеснение в груди. Он презирал эту женщину.

Месяц спустя лодка была закончена, славное суденышко с единственной мачтой и двадцатью веслами. Ивар подобрал команду, мускулистых мужчин и испытанных в боях женщин, все они жаждали оставить позади легкую жизнь. Только двое из учеников Дэвиса были допущены в лодку

Ивара, и это потому, что они не возражали, чтобы драться в процессе самозащиты. Остальные, все пацифисты, должны были следовать за ними на меньшем судне.

На рассвете назначенного для отплытия дня они собрались у грейлстоуна. После того, как камень с грохотом послал в воздух белые вспышки, путешественники подняли свои Граали, наполненные теперь различными продуктами, пивом, сигаретами и жвачкой грез. Дэвис хотел отдать табак, пиво и жвачку команде, хотя предпочел бы выбросить все это в Реку. Так как завтрак для них был назначен на борту попозже тем же утром, они начали садиться в лодку с пирса. Воздух был прохладным, но Дэвис дрожал больше от волнения.

Долгое время он сознавал, что чего-то в его жизни не хватает. Теперь он понял, что это было желание предаваться исследованиям и поискам приключений. На Земле он путешествовал, разъезжая по всем Соединенным Штатам, читая лекции и основывая остеопатические колледжи. Он встречался с враждебностью местных врачей и публики, провоцируемой докторами медицины. Он испытал насмешки, освистыванья, смертельные угрозы и брошенные в него тухлые

яйца. Но он упорно продолжал свою кампанию, и, в конце концов, он и его коллеги победили.

В мире Реки он редко оставался подолгу на одном месте, разве что его обращали в рабство. Он был земным бродягой, передвигающимся то туда, то сюда, и моряком, отваживавшимся на далекие путешествия. Он не испытывал настоящего счастья, пока у него не появлялась цель, манящая его в дальние земли.

Ивар стоял на задней палубе возле рулевого и ревущим голосом выкрикивал приказы. Он тоже был счастлив, хотя и жаловался на нерасторопность и неуклюжесть команды.

Двое норвежцев с узловатыми мышцами начали отвязывать веревки, держащие судно у причала. Они прекратили, когда Ивар заревел на них, чтобы они подождали. Дэвис услышал крик какого-то мужчины и оглянулся на берег. Верхушка солнца как раз осветила горы; в его лучах растворялась серость, незнакомец был освещен. Он бежал через долину, махая руками и взывая на эсперанто:

— Не уезжайте! Подождите меня! Я хочу ехать с вами!

— Лучше бы у него была веская причина нас задержать, — громко сказал Ивар. — Не то попа-

дет он в воду!

Дэвиса заинтересовал таинственный незнакомец, но он тоже почувствовал что-то безотчетное. Не было ли это предвестьем беды? Не принес ли этот человек неприятные новости? Хотя Дэвис не имел никаких причин это подозревать, он почувствовал, что был бы счастливее, если бы этот человек вовсе не появлялся.

А тот добежал до пирса и остановился, тяжело дыша, его дорожный мешок болтался у него в руке. Он был среднего роста, но длинноногий. У него было красивое лицо сильного мужчины, удлиненное, узкое, хотя отчасти затемненное черной шляпой с широкими полями, сидящей на макушке. Из-под тени от шляпы виднелись темные глаза. Длинные волосы, падавшие из-под шляпы, были блестящими и черными. Плечи его прикрывал черный плащ. Вокруг пояса он обвязался черным полотенцем. Его сапоги были из блестящей черной рыбьей шкуры. На черном поясе укреплены деревянные ножны, из которых торчала рукоятка рапиры — тоже из рыбьей кожи. Если бы оружие было сделано из железа, это было бы уникально для данной местности.

— Что тебя сюда принесло и почему ты каркаешь, как ворона, предвещая нам несчастье? — за-

ревел Ивар.

— Я только что услыхал, что вы отправляетесь вверх по Реке, — сказал незнакомец глубоким голосом. Его эсперанто тяжело перебивалось родным языком, в котором, должно быть, было много резких звуков. — Всю дорогу с гор я бежал бегом, чтобы застать вас. Я бы хотел записаться в команду. Вы найдете, что я подходящий спутник. Я отлично умею грести, и я превосходный лучник, хотя из-за последних событий утратил свой лук. И драться могу.

Он выдержал паузу, затем добавил:

— Хотя я и был когда-то мирным человеком, теперь я живу шпагой.

Он вытащил свою рапиру. Она и в самом деле была стальная.

— Многих людей она пронзила.

— Твое имя? — заорал Ивар.

— Откликаюсь на Ньюмена.

— Я ожидаю и получаю беспрекословное послушание, — предупредил Ивар.

— Вы его получите.

— Какова твоя цель?

— Конец Реки, хотя я не спешу попасть к нему.

Ивар захохотал, потом сказал:

— У нас есть кое-что общее, хотя, я полагаю,

многие пытаются туда попасть. У нас найдется для тебя место, если ты действительно хороший гребец. Поднимайся на борт. Позже в свою очередь сядешь грести.

— Спасибо.

Лодку оттолкнули от пирса, и два норвежца прыгнули на палубу. Вскоре судно уже шло вверх по Реке. Когда подул утренний бриз, гребцы вставили весла в уключины, подняли косой парус, и команда уселась, чтобы перекусить.

Ивар спустился с палубы, чтобы побеседовать с людьми средней части судна. Остановился над новичком.

— Какую интересную историю ты нам принес?

Тот посмотрел на него снизу вверх:

— Я их много знаю.

— Все мы знаем, — сказал Ивар. — Но какую ты считаешь самой интересной?

Ньюмен прикрыл ладонью глаза, как бы для того, чтобы загородиться от света, пока он копается в своей внутренней пустоте. Кажется, нащупывал какое-то сокровище.

Наконец, произнес:

— Пожалуй, самый забавный был человек, который претендовал на то, что он Иисус Христос. Ты о нем знаешь — или ты жил в те времена и в том

месте на Земле, где о нем ничего не слыхали?

— Моими богами были Один, Тор и другие, — проворчал Ивар. — Я принес им в жертву многих христиан на Земле. Но ближе к концу жизни я стал христианином. Ты мог бы сказать, что больше из желания оградить себя, чем по истинной вере. Когда я попал в этот мир и нашел, что это не Вальгалла и не Рай, хотя здесь больше похоже на Вальгаллу, чем на Рай, я отверг обе веры. Но трудно не взывать к родным богам, когда я в них нуждаюсь.

— Те, кто никогда не слыхал об Иисусе на Земле, слышали о нем здесь, — сказал Ньюмен. — Но ты-то достаточно знаешь о нем, так что мне нет нужды тебе объяснять, кто он такой.

— Да уж как я ни старался знать о нем поменьше, мне это никак не удавалось, — ухмыльнулся Ивар. Он указал на Дэвиса: — Вот этот человек, Эндрю Рыжий, то и дело о нем болтает.

Дэвис протиснулся поближе к Ньюмену и заявил:

— Мне не терпится услышать твою историю, незнакомец. Но этот человек, который претендует на то, чтобы быть Христом, не может быть Им. Он на небе, хотя, возможно, он и перевоплотился в женщину в этом мире. Или так говорят неко-

торые. Мы с моей женой плывем вверх по Реке, чтобы найти ее.

— Удачи вам, хотя есть шанс, что она может оказаться и в низине Реки, — ответил Ньюмен. — Но я надеюсь, ты не обидишься, если я скажу, что ты будешь разочарован, даже если найдешь эту женщину?

— Довольно! — оборвал Ивар. — Давай историю!

— Я попал на определенную территорию вскоре после того, как человека, называющего себя Иисусом, распял фанатический средневековый монах, немец. Его звали Крамер Молот. Распятый человек все еще был жив, так что ты поймешь, как скоро после этого события я туда прибыл. Ну, если короче, так я с ним говорил, прежде чем он умер. А после я разговаривал с мужчиной, который жил во времена того, распятого человека, и в том же месте на Земле, и хорошо его знал. Этот человек подтвердил, что умерший на кресте действительно был Иешуа, как называл его свидетель.

Я был очень близко к нему, когда он произносил свои последние слова. Он закричал: «Отец! Они знают, что делают!

Не прощай их!» Это звучало так, как если бы

его опыт в этом мире лишил его веры, какую он имел на Земле. Как будто бы он знал, что человечество не стоит спасения — или что он не сумел выполнить свою миссию.

— Невозможно! — воскликнул Дэвис.

Ньюмен холодно воззрился на Дэвиса:

— Так я лгу?

— Нет, нет! Я не сомневаюсь в правдивости твоего изложения случившегося. Но я не могу поверить, что тот человек на кресте на самом деле был Иисус. Он не первый и не последний из тех, кто говорил, что он Спаситель. Некоторые могли искренне поверить, что они таковыми и были.

— Как ты расцениваешь показания свидетеля?

— Он лгал.

Ньюмен пожал плечами.

— Мне-то все равно.

Рэчел тронула Дэвиса за плечо:

— Похоже, что ты встревожен.

— Нет. Я рассержен.

Но он был и расстроен, хотя понимал, что не должен бы.

В тот вечер судно пристало возле грейлстоуна. После того, как камень испустил гром, команда поела. Они поедали и только что пойманную и приготовленную местными жителями рыбу.

Дэвис сидел в кружке у бамбукового костра. Фаустролл сидел рядом.

Француз сказал:

— Твоя жена была права, когда заметила, что ты казался встревоженным рассказом Ньюмена. И наверное, до сих пор не успокоился.

— Моя вера не рухнула и даже не пошатнулась, — заверил его Дэвис.

— Так ты говоришь. Твое тело и твой голос выдают, что ты погружен в черные мысли.

— Свет рассеет тьму.

— Возможно, друг, — согласился Фаустролл. — Ну, поешь немного рыбы. Она великолепна. Это то, во что можно верить.

Дэвис не отвечал. Вид грязных губ Фаустролла и мысль о поверхностной натуре француза вызывала у него тошноту. Или тошнота возникла по другой причине? Он был гораздо более расстроен, чем хотел признаться Рэчел или Фаустроллу.

— Этот незнакомец, он говорил так авторитетно, — вспомнил Фаустролл. — Конечно, так говорят все сумасшедшие.

— Сумасшедшие?

— Есть что-то нездоровое в этом человеке, хотя он владеет собой. Ты этого не заметил? Одет в черное, как будто в трауре.

— Просто он напоминает еще одного корыстного авантюриста, — объяснил Дэвис.

Фаустролл положил руку на плечо Дэвиса:

— Есть кое-что, что мы должны тебе сказать. Может быть, мы неверно выбрали время, мы видим, что ты в такой меланхолии. Но раньше или позже, ты, который ищет Свет, должен открыть на это глаза, хотя Свет может оказаться не того цвета, которого ты ожидал.

— Да? — Дэвис крайне заинтересовался.

— Мы говорим о том случае, когда ты перепрыгнул через пустоту между планками Пачакути. Ты говорил, что был охвачен духовным экстазом, как только твоя нога оторвалась от доски. Экстаз поднял тебя в воздух, как будто ты был шаром, надутым газом. Ты прыгнул выше, чем должен был, выше, чем был способен. Ты говорил, это дал тебе Бог. Но…

Дэвис, сидя, выпрямился. В глазах мелькнул интерес:

— Да?

— Ты преодолел промежуток и опустился на планку. Но твоя нога зацепилась за ее конец. В результате ты приземлился больно и мучительно. Ты мог бы тогда свалиться с планки, если бы не схватился за нее сбоку.

Фаустролл умолк. Дэвис спросил:

— Ну и что из этого?

— Экстаз — это прекрасно. Он благополучно перенес тебя. Но потом — ты зацепился за планку. Пришла реальность, экстаз исчез.

— И что из этого?

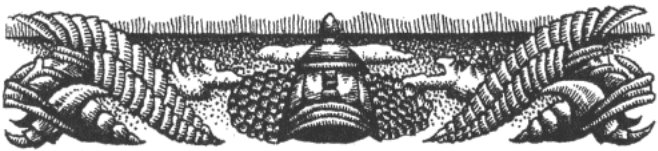
— Мы проводим аналогию, возможно, прибегаем к иносказанию. Вспоминай тот прыжок, друг, в то время как твое странствие есть поиски того, что может быть воображаемым. Экстаз нематериален и дается временно. А реальность жестока и продолжительна и часто мучительно и больно калечит. Что ты станешь делать, если обнаружишь, что та женщина вовсе не была беременна, и никакого ребенка нет?

Реальность может быть дубинкой, которая расшатает твою возможность снова ощущать тот экстаз. Мы надеемся, и это тебе на благо, что ты никогда не найдешь этого ребенка.

Подумай об этом.

Джоди Линн Най

Коль не по нраву пьеса королю...[49]



— Нет, вы слушайте те строчки, которые произносите, — просил свою труппу Вильям Шекспир. — Если вы станете просто декламировать, вы не вызовете сочувствия у публики. — А вы, сэр, — он повернулся лицом к одному из актеров, — вряд ли они будут переживать за вас. Вы гнусный непорядочный негодяй, выдумщик, лжец и клеветник. Ваше наказание, по крайней мере, в высшей степени заслужено.

— Виновен, как сам грех, милорд, — ухмыльнулся Вашингтон Ирвинг, облокачиваясь о поручни судна «Город Лондон». — Не могу не надеяться на сочувствие. Оно в натуре человеческой. Сожалею, Вилл. Попытаюсь еще раз быть нераскаявшимся Люцио. Повторю снова, мера за меру.

Вилл отвернулся, чтобы слегка улыбнуться

---

[49] notes: 49

IF THE KING LIKE NOT THE COMEDY by Jody Lynn Nye Copyright © 1993 by Jody Lynn Nye

каламбуру молодого человека.

— Ну, так сделайте это. А вы, герцог, умоляю, попытайтесь быть более величественным. Вы же центральная фигура, из-за вас все и случается.

Аристофан резко кивнул ему. Из-за своих черных, как вороново крыло, бровей и курчавых, точно у барана, волос, он все время выглядел строго, но Вилл понял, что это выражение лица скрывает могучее чувство юмора. Он был также неисправимой «сухопутной крысой» и страдал всякий раз, когда Труппа Шекспира путешествовала по Реке на какие-нибудь гастроли. Он неверной походкой прошелся по палубе и ухватился за поручень рядом с Ирвингом. Его оливкового цвета лицо побледнело.

— Скоро мы пристанем к берегу, амики Виль?

— Как только увидим знамя, мой друг, — пообещал Шекспир, — но только если народ Алкополандо падет в пределах границ тех, кто готов принять и выпустить на сна сушу такими, как мы есть. Строчку, пожалуйста, мистер Ханг.

— «Честь в том залог, — ты женишься на ней», — тотчас выдал Ханг Йи, сидевший на бочке против двери каюты. Их суфлер никогда не нуждался в том, чтобы обращаться к тексту: он был записан в его вместительной памяти.

Внезапный шум прервал их беседу.

— Эй, Вилл, — взывал к нему Гарун Бакстер, размахивая деревянным рогом. — Так мы играем финал или нет? У Уэббера как раз достаточно пороха для того, чтобы мы еще разок пробежали пьесу, прежде чем остановиться и снова повторить.

— Ты прав, Гарун. Очень хорошо! Начнем! — Вилл хлопнул в ладоши и перекричал весь шум голосов на трех ведущих суднах. — И — раз, два, три!

* * *

Когда он проснулся в этом мире, голый и безволосый, Шекспиру достаточно повезло, чтобы попасть среди большого количества людей, явившихся сюда из его собственной эпохи, из Англии конца семнадцатого века, включая даже двух актеров его компании из Стратфорда — уж это было просто чудо! Поскольку здесь не было нужды бороться за одно только выживание, казалось в высшей степени естественным продолжать с того места, где они остановились. В течение короткого промежутка времени Малый Стратфорд, под каким названием стала известна тесная группа лесов и опушек, хвасталась тем, что явля-

ется единственной организованной театральной труппой и вверх, и вниз по Реке.

Ведущая актриса была сестра Маргарет, бывшая монахиня, которая обожала шекспировские драмы и разражалась истерическим смехом каждый раз, когда слышала реплику «Офелия, иди в монастырь!», хотя ни разу не объяснила, почему. Раз уж она пережила потерю своей религии, монашеской одежды и безопасности монастыря, они с Биллом стали неразлучны. Не будучи красавицей с точки зрения других мужчин, она обладала сияющими темными глазами и густыми черными волосами — два качества, которые Вилл всегда считал привлекательными. Фигура у нее отнюдь не была сформирована из одних костей, что ценили уроженцы двадцатого века, но она была пышной и обладала теплыми изгибами тела. В этой комедии она играла миссис Овердан, но она уже успела побывать няней Джульетты, Элизабет Вудвилл и аббатисой Эмилией, все она исполняла с одинаковой самоуверенностью. Она изображала ведущую хора и играла мелкие роли, и все же у нее оставалась энергия для того времени, когда они вдвоем оставались наедине. Поистине Господь призывал служить себе самых невообразимых женщин. Она была удивитель-

ным адресатом сонетов.

Остальные три драматурга пришли в Малый Стратфорд по одному. На второй год после воскрешения по Реке приехал Ирвинг вместе с Хангом Йи — в лодчонке из бамбука, нечто вроде рыбацкого судна. Американец оказался дружественно настроенным и сердечным, всегда готовым погасить любой спор при помощи юмора. Ханг Йи был просто сокровищем. Он держал в уме все тексты, какие он когда-либо читал, какие бы они ни были банальные, но среди них — все пьесы Вилла. Другой житель двадцатого века называл этот талант «зрительной памятью». Что бы это ни было, Вилл благословлял это качество, Потому что всякий раз, когда появлялся любой незнакомец из шестнадцатого столетия и узнавал, кто он такой, он требовал отрывок из одной из его пьес. Как автор своих произведений, он хранил в памяти определенное количество им написанного, но в качестве драматурга он вечно вынашивал новые проекты и расстраивался, если его аудитория требовала всего лишь тех же старых вещей.

Аристофан прибыл в Малый Стратфорд с группой Второй Попытки, и, когда они двинулись дальше, он остался, говоря, что нашел свою церковь. Английский у него был неважный, но

вразумительный. Он быстро совершенствовался в этом языке, пока учился переводить собственные произведения, так что затем уже смог писать на английском и на эсперанто. Вилл был знаком с классиками, поскольку без стыда и совести заимствовал строки своих исторических пьес у афинян. Аристофан философски относился к тому, что его использовали как источник для заимствования реплик. Он признавался, что и сам почерпывал свои идеи у предыдущих драматургов и историков, и ему было небезынтересно, что они думают о нем. Что делало его несчастным, так это то, в то время как все остальные были равны в языке, популярности и качестве представления, современная публика все же предпочитала произведения Шекспира его пьесам.

Англичанин двадцатого столетия, Уэббер, пробудился на пятый год Воскрешения около центрального грейлстоуна Малого Стратфорда. В его лице труппа потрясающе талантливого музыканта. На электронном «рояле», который колонии удалось выторговать за целый сезон пьес, поставленных Шекспировской труппой, Уэббер сочинил цикл зажигательных мелодий, и инструментальных, и для пения. Почти в каждом случае его музыкальный темп был много быстрее, чем

песни и баллады из времен Вилла. Уэббер убедил его, что эта музыка будет популярной у современной публике, которая составляла в любом случае около четверти населения. Другие музыканты, как Бакстер, иные располагающие самодельными инструментами из дерева, кости и струн из кишок, тоже нашли свой путь в театральное объединение, и, таким образом, получился неплохой оркестр под руководством дирижера Уэббера.

С годами Малый Стратфорд получил свою долю жителей двадцатого века из области развлекательной индустрии. Почти все эти люди в самом деле появились у грейлстоунов в течение нескольких лет, и они называли развитие труппы «примитивным». Некоторые оставались, в том числе две высокие актрисы, одна с чистой кожей, гладкой, как лед, которая уверяла, что она однажды играла мать Гамлета, а другая — с золотисто-рыжими волосами и насмешливой улыбкой, которая могла что-то сделать в любой роли, какую ей давали, будь это оруженосец, звезда или хозяйка гостиницы. Вилл был также рад присутствию темнокожей американки; Шери Бэнгс, которая когда-то работала «техническим редактором» на Бродвее. Вилл напряженно думал, пытаясь представить себе громадный город,

о котором рассказывала эта девица, на месте крошечной деревушки Костуолд, какой в его дни был Бродвей. Уэббер, главный советчик Шекспира относительно последней человеческой эры, презирал почти всех людей, которые появлялись впоследствии, отвергая их как «испорченное отродье» из Большого Голливуда.

Предметы собственности были среди других практических эффектов, доступных труппе. Костюмы при отсутствии шерсти, полотна, шелка или хлопчатобумажной материи могли изобретательно изготовляться только из запаса полотенец, а они собрали их массу. Таким же образом декорации делались главным образом из деревянных столбов, задрапированных раскрашенными полотенцами и плакатами с надписями о том, что они изображают. Легче всего было ставить «Макбета»: для него требовался всего лишь «горящий очаг», да повернутая противоположной стороной лестница, изготовленная во время пути вниз по Реке для «Ромео и Джульетты». Столь малое количество театрального реквизита делало легким транспортировку пьес и актеров на борту парусных судов, главными из которых были «Анна Хатавей» (Вилл все лелеял надежду, что когда-нибудь оригинал увидит на

борту свое имя и объявится), «Город Лондон» и «Елизавета Р.». Каюта Вилла, которую он делил с Маргарет и наиболее изысканными и ценными предметами реквизита, располагалась на корме главной палубы «Города Лондона». На каждом из более крупных пароходов могло спать сорок человек, а флотилия из более мелких судов везла остальных членов их бродячей труппы, так же, как и большую часть реквизита.

Аристофан не испытывал трудностей относительно бедного убранства сцены или недостатка костюмов. Он научил Вилла кое-каким приемам вырезания масок. Они вместе поставили «Облака», сделанные из пластмассы несравненным и незаменимым Хангом Йи, под музыку Уэббера. Шекспир пришел в восторг от этой постановки и не мог дождаться премьеры.

Еще одной принадлежностью, ради которой труппа трудилась целый сезон или даже больше, было печатное приспособление. Применяли разработанную тяжкими трудами технику Мира Реки, используя ящик, называемый людьми из двадцатого века «аккумулятивной батареей», при помощи цепи ее присоединяли к гигантским взрывающимся «грибам» грейлстоунов, и те трижды в день давали питание этому устрой-

ству и трансформировали энергию в музыку, свет и речь. Туда, куда полагалось помещать грааль, вставляли свинцовые листы, а они питали внутренность громадного керамического предмета в форме урны, представляющий собой глиняный слой изоляции. Из этой урны более мелкие проводки из свинца проходили через регулирующуюся угольную батарейку, а она в меньших дозах питала ту часть механизма, где отсутствовали подвижные кружочки, которые, усвоив уроки Уэббера, Вилл привык называть «клавишами». Он научился также писать на современном английском и пользоваться гибкой проволокой. При том же напряжении молнии из «урны» обеспечивали еще и питание для рояля Уэббера и для двух прожекторов, — бесценная драгоценность, которая поступила к ним из Пароландо, за много тысяч грейлстоунов выше по Реке. Все эти приспособления путешествовали с ними всякий раз, когда труппа отплывала.

И они плавали. Хотя «этики» снабжали их пищей и одеждой и необходимыми принадлежностями для постройки навеса, театральный народ жаждал аплодисментов публики. Специалисты по развлечениям отчаянно нуждались в том, чтобы привлекать внимание. Лесть делала

их способными взлетать выше, чем любые десять порций жвачки грез. Более того, после нескольких лет работы Малый Стратфорд нуждался все в большем количестве дерева, тканей, краски, чтобы ставить пьесы и заставлять зрителей захотеть приходить снова и снова.

Вилл постоянно фантазировал, что в один прекрасный день он встретит свою патронессу, королеву Елизавету. У него не было ни малейшего сомнения, что одно из крошечных королевств около Реки принадлежит ей; но никто из его вездесущих людей еще не докладывал ему о том, что таковое обнаружил. Он не знал, какими преимуществами он будет обладать, имея покровительницу в этом мире, где каждый человек обладал тем, что у него уже было, то есть, ничего плюс грааль, плюс то, что может предоставить ему его генетический ум. Здесь не было золота, не было земель, чтобы их распределять, довольно мало защиты от беглых рабов и пиратов, от ливневых дождей. И все же он жаждал ее одобрения, которым наслаждался при ее жизни.

Так как не было возможности обмениваться деньгами, труппа собирала товары соответственно цене допущения на их представление. Порция вина, кусок дерева, несколько драгоценных

листов бумаги служили билетами для входа в бродячий театр. Дерево и краски были самыми необходимыми предметами. За цену шестидесяти упаковок голубых теней для глаз его труппа поставила полностью все представление «Легенда о спящей лощине» по книге Ирвинга, музыка Уэббера.

Преодолевая трудности, раз в сезон маленькие парусные суда ходили вверх по течению, чтобы вернуть грузы в Малый Стратфорд. Вечной угрозой были пираты. Не однажды труппа становилась жертвой объединенных пиратских рейдов, и становилось еще хуже, когда нападающие понимали, что здесь им не могут ничего предложить, кроме дерева и открытых тюбиков губной помады. Раньше или позже явится один из пиратов из бывшей публики и узнает, что где-то среди бамбуковых лодчонок спрятано электронное оборудование, и тогда все будет потеряно. Труппе приходилось заботиться о том, чтобы выглядеть безвредными, бедными, беспечными, но недоступными — довольно трудная комбинация условий.

И все же, последние несколько лет дела шли хорошо. Каждый шаг назад уравновешивался и перевешивался четырьмя шагами вперед.

Участники театра, включая самого Вилла, были суеверны до крайней степени, выбирая некоторые счастливые пьесы и обращаясь к различным богам и святым, более не существующим, чтобы им дали безопасно пройти по этим коварным водам. Их слава распространялась в пределах расстояния в несколько тысяч грейлстоунов, там, где их ждали и приветствовали, и все же, труппа стремилась увеличить свою территорию, чтобы привлечь новых поклонников. Развлечений было мало, и их нужно было искать далеко в Мире Реки, так что труппу Вилла почти всегда принимали хорошо. Он чувствовал, что может счастливо продолжать вечно.

Весьма неравномерное распределение технических средств настоятельно заставляло труппу правильно выбирать площадки для представлений. Им приходилось избегать тех мест на берегах, где не стояли на якоре никакие другие суда. Если у окружающего народа не хватало металла, один вид тщательно изготовленных деревянных декораций Вилла и содержащихся в образцовом порядке кораблей вызывали у аборигенов желание перевернуть все до последнего бревна и мешка, пока они не находили острые режущие инструменты.

И Вилл поневоле находил, что нуждается в вооруженной милиции, чтобы сопровождать и охранять «урну» Фуллера, рояль, освещение и счетную машину, пока эти предметы находились на берегу.

Он наклонился через борт и наблюдал, как ловкие серебристые рыбки подхватывают крошки, которые он ронял в воду, когда волны плескались о борт. Все парусные суда были построены на манер испанских галеонов, глубоко уходили под воду в центре, но высоко поднимались на корме и на носу. Каюта Вилла, которую он делил с Маргарет, выходила у кормы на главную палубу.

— Мастер Шекспир! Эй!

Он взглянул вверх на девушку, поставленную наблюдать за берегом, его взгляд устремился в том направлении, куда она показывала. На берегу справа от них белело знамя, сделанное из белых полотенец, прибитое к широким воротам палисада. Оно гласило: «Добро пожаловать, театральный корабль!»

— Наконец-то! — выкрикнул Аристофан. — Приехали!

Маргарет гордо стояла с ним рядом, когда Вилл выступил навстречу триумвирату, управлявшему Алкаполандо. Первый консул, по имени

которого называлась вся нация, склонился над ее рукой.

— Приятно познакомиться, леди Маргарет, мистер Вилл, — заверил консул Капоне, становясь навытяжку.

Он был крупный и широкоплечий, а нос его выглядел так, как будто бы кое-кто нарочно скосил его метким ударом. На руках и на лице у него были шрамы, выглядящие так, словно их нанесли нарочно. Синяя и зеленая татуировка украшали его грудь и предплечья.

— Мы в таком восторге от вашего знамени, господин консул! — Маргарет мило улыбнулась ему. — Не часто нам приходится видеть такое… доброжелательное приветствие. Никто раньше не вывешивал ради нас знамя.

— А-а, да, у нас тут творятся большие дела, — грациозно ответил Капоне. — Я давно уже ваш поклонник, мистер. Вилл.

Вперед протиснулись остальные два консула, и Капоне представил их. Как и Капоне, они были крупные мужчины, их длинные черные волосы перевязаны узкими ленточками.

— Филипп Македонский и Кохиз с Великих Равнин. Они тоже большие ваши поклонники. И еще приглашены почетные гости из двух-трех мест

по нижней Реке. — Капонэ скосил глаза за суда Шекспировской Труппы — Они еще не прибыли.

Шекспир положил дружественную руку на предплечье Капоне, и его повели на огороженную частоколом территорию населенного пункта. Люди из его труппы и остальные два консула последовали за ними. За загородкой раскинулся большой поселок из бамбуковых хижин, над ними нависало величественное состоящее из трех равных частей здание, стоящее на крутом берегу и выходящее на равнину Реки. Все это место было вычищено, как миска нищего, и все жители, каких Вилл мог увидеть, если они не крутились вокруг приезжего театра, с деловым видом спешили выполнять свои обязанности.

— Тогда разрешите нам, добрый консул, побеседовать с вами о… о непривлекательной стороне нашего партнерства, до того, как подойдет труппа. Тем временем, — Вилл оглядел остальных через плечо, — моя труппа устроит все так, что мы сможем начать сразу же, как только прибудут ваши гости.

Ирвинг бросил на Вилла насмешливый взгляд и пошел за греческим драматургом назад к суденышкам, чтобы начать разгрузку оборудования.

— Какая прелестная местность, — заметила

Маргарет, оглядывая все вокруг расширенными глазами.

Она стремилась выглядеть невинной, но в каждой детали занималась надувательством, насколько только было возможно. В ее прошлой жизни Маргарет обучалась в церковной школе, и Вилл знал, что она ничего не упустила из тех уроков. Целый ряд настойчивых пожатий его руки ее пальцами сообщил ему, что она заметила здесь железные инструменты и электрическое оборудование. Теперь было безопасно обнаружить их собственную технику. Это была хорошая новость, он зависел от своих механических устройств.

— Милорд консул, мы рады возможности развлечь и позабавить вас, — начал Вилл, снова уводя разговор к делу. — Мы предлагаем сегодня показать две пьесы. Одна будет готова вскоре после ланча, а вторую мы покажем после обеда. А в антракте у нас есть музыканты, жонглеры и фокусник, который выдает разные шутки на современном английском, в то время как выполняет свои чудеса. Утром мы снова отправляемся в путь, оставив вам нашу благодарность и, мы надеемся, счастливые воспоминания о себе.

— Звучит заманчиво, — сказал Капоне. Двое других лучше понимали английский, чем гово-

рили сами, и они предоставили первому консулу вести основные переговоры. Они только кивали. — А что насчет пьес?

— Дневная пьеса будет комедия в стиле древней Греции. Музыкальное переложение «Облаков» Аристофана и Уэббера.

Шекспир, повернувшись вокруг грязной «площади», указал назад, по направлению к воротам. Кучка копьеносцев, более, чем обычно, оживленная своим заданием, выносила на берег тридцати футовый фаллос, сделанный из дерева, обтянутого материей.

— Вот центральный орнамент декорации. Смело, но традиционно.

— Уберите его, — возмутился Кохиз, сердито взмахнув рукой в направлении громадного члена. — Он оскорбляет нас. Такая вещь при публике есть непотребство.

— Сказать вам по правде, Вилл, — Капоне положил свою массивную руку на плечи драматурга, отводя его в сторону, — я бы лучше посмотрел одну из ваших пьес, чем что-то из этого древнего грека, если вы меня понимаете.

— В послеобеденном спектакле мы покажем «Комедию ошибок», — протестовал Вилл, — которую написал я.

— Лучше бы посмотреть «Ричарда Третьего», — предложил консул. Его голос сделался еще тише. — У меня есть свои причины, так что я хочу, чтобы вы показали эту пьесу. Есть возражения? — Этот вопрос прозвучал угрозой, которую Вилл решил не замечать.

— Никаких, сэр. Тогда, — галантно произнес Вилл, обращая свою реплику и к двум другим консулам, — мы лишим вас «Комедии ошибок», которая повествует о глупости ошибок, милорды, и вместо нее дадим вам славную постановку этой драмы. Думаю, вы найдете достоинство в предложении моего соотечественника.

— Нет. Мы хотим две ваших пьесы, вполне традиционных, но ничего нового или слишком грязного. Не знаю я этого Аристократа, или как там вы его назвали.

— Сэр, его имя — Аристофан, оно так же достойно запоминания, как ваше или мое.

— Забудьте о нем. Будет две ваших пьесы — или ничего. Покупатель всегда прав, верно?

— Верно.

Вилл вздохнул, думая, как он будет объяснять греку, что опять современная публика не оценила его достоинства. Единственное, что делало новость не до конца скверной, так это то, что

самому Аристофану нравилась заглавная роль в «Ричарде Третьем», драме почти для одного актера, с массой возможностей для «навязших в зубах сцен», как выражались его современные коллеги. — И много ожидается публики?

— Все население, — с широкой улыбкой заявил Капоне.

— Алкаполандо — это страна, где вы можете видеть демократию по римскому образцу, так что когда одному из нас достается какое-то удовольствие, такое же получает каждый.

— И у вас есть все для каждого? — спросила Маргарет, затаив дыхание.

Вилл договорился о справедливой цене услуг его труппы и сопроводил Маргарет назад к кораблям, неся туда новости об условиях спектакля и о своих наблюдениях. Гигантский фаллос был возвращен на берег и убран прочь, его заменили тронами, бочками и другими никогда не меняющимися стандартными знаменами. Фуллеровская урна была извлечена из потайного убежища, заземлена и свинец поместили куда надо, чтобы дождаться полудня.

Труппе с постоянным репертуаром легко было настроиться на ходу, сменяя один текст другим. Все костюмы, имевшиеся в их распоряжении, бы-

ли под рукой, а реквизит был сделан так, чтобы подходил для любой пьесы. Состав актеров, разумеется, знал свои роли. Несколько женщин из хора «Облаков» должны были подоткнуть волосы, чтобы играть юных принцев, приговоренных к заключению в Тауэр, а еще несколько — чтобы изображать лордов, которых убьет Ричард.

Как Вилл и предвидел, Аристофан был возмущен:

— Вся эта современная публика, они не понимают хорошего театра, — жаловался греческий драматург. Драматическим жестом он повязал себе на грудь белую материю и принял героическую позу. — Пойду, порепетирую мой текст с Хангом Йи. Он, по крайней мере, видит достоинства классического театра.

Вилл не стал ему возражать, он погрузился в собственные мысли. Какую причину на самом деле мог иметь консул Капоне, настаивающий на такой специфически исторической драме, как «Ричард Третий»? Ни один из консулов не принадлежал к шекспировской эре. Должно быть, репертуар был важен для одного из ожидающихся гостей. Вилл почувствовал возбуждение. «Ричард Третий» было проклятием от души монарха из Плантагенетов. Возможно, Капоне нужна эта

пьеса ради Елизаветы? Вилл взволновался при мысли, что он увидит ее опять, положит свои произведения к ее ногам после столь долгого времени. Он решил, что это предоставление должно быть лучшим из всех, какие были когда бы то ни было представлены по этому сценарию, чтобы доставить ей удовольствие.

В крайне хорошем настроении Вилл съел свой ланч. Труппа собралась вокруг него ярдов за сто от грейлстоуна, наполнившего для каждого рог изобилия, все они пробегали строки пьесы между кусками цыпленка в остром соусе из шафрана со сметаной. Все воодушевились перед спектаклем. Даже Аристофан преодолел уныние и разразился хохотом в ответ на примитивные шуточки неугомонного Ирвинга в перерыве между декламацией своих строк.

— Что за негодяй этот Капоне, — заявил Ханг Йи. — Ему подходит твоя строчка: «Они так грубо подражают людям».

— Здесь большое население, Вилл, — сказала Маргарет, изящно вытирая руки о траву. — Недостаточно большое, чтобы опустошить все грейлстоуны, но, кажется, здесь необычные толпы. Я считала, что с нескольких кораблей в гавани будет меньше.

— Вероятно, Капоне и его фавориты обладают такой властью, что никто из них не хочет отсюда уезжать, — предположил Аристофан. — Все идет хорошо, смотрите: у них куда больше вещей, чем у нас, и здесь так много толстых горожан.

— Кажется, слишком хорошо, чтобы быть правдой, — откомментировала Шери, услышав последнюю реплику. — Кроме того, что как обычно, всякое дерьмо пытается нас клеить, все идет, как швейцарские часы.

— И я тоже верю в вашу пословицу «нет боли — нет воли», — сказал Вилл задумчиво, возвращаясь на землю от своих мечтаний о том, как он становится на колени перед Елизаветой для обряда посвящения в рыцари и соответствующих почестей. — Не возьмете ли кого-то из своих в центр деревни? Посмотрите краски и вино, или что там еще будет в большом количестве, но держите уши открытыми, чтобы не пропустить сплетен.

* * *

Шери и ее шпионки вернулись, чувствуя беспокойство.

— Здесь всего больше, чем я могу рассмотреть, братец. Кроме одного: здесь есть рабы Грааля. Ви-

дела я этих тощих парней, раздирающих листья железного дерева на волокна. Они не выглядят достаточно сильными, чтобы выполнять какую-то другую работу. Разговорчики Большого Дяденьки Капоне насчет демократии по римскому образцу — просто кусок дерьма.

— Мудрейший путь — предосторожность, — настаивала Маргарет, похлопывая пальцем по верхушке своего грааля.

— Все, кто не участвует в спектакле, остаются в лодках. Если вы будете выглядеть богатыми, они вас за богатых и будут считать, и…

— Ну, ну, милая, — перебил ее Вилл. — У нас нет доказательств, что эти люди что-то замышляют против нас.

— Береженого бог бережет, — напомнил Уэббер, оттопыривая нижнюю губу. — Я хочу, чтобы весь оркестр все время охраняли. Индийский консул так пялился на мой рояль — я могу назвать это только крайней алчностью. Не хочу превращать «Комедию ошибок» в «Симфонию застигнутых врасплох».

В невероятно быстрый срок труппа установила три занавеса, которые служили кулисами, отделением для оркестра и будкой для освещения. Алкаполандоанцы с интересом наблюдали, как

устанавливаются декорации и как каждый актер появляется, одетый и загримированный для первой пьесы.

Постановка «Ричарда Третьего» шла на удивление хорошо. Греческому драматургу нравилась реакция толпы на его дергающуюся походку и быстроту, подобную молнии, с которой менялись его настроения, и он играл соответственно им. Юморист в нем отступил перед славой изображающего в избытке жестокость Ричарда. Публика затаила дыхание в сценах убийства Кларенса и детей и съежилась, когда урод Герцог Глостерский принялся хитроумно ухаживать за изысканной утонченной Анной.

Королеву Ричарда играла Сенг Хай, стройная китаянка из четырнадцатого века, она в труппе была инженю. Она могла бы также исполнить роль Адрианы в «Комедии ошибок» позже. Сочувственные возгласы раздались со стороны публики, когда она отшатнулась от объятий Аристофана. Уэббер ввел тремоле, чтобы усилить настроение ужаса.

Будучи сам крупным блондином, Шекспир изображал приговоренного Георга, Герцога Кларенса. Он наслаждался своей пьяной пошатывающейся походкой на сцене, заканчивая тем,

что погружал голени в бочку с мальвазией (бочку на сцене изображала только передняя ее половина). Когда он погружался в нее, рабочий сцены выплескивал в воздух стакан с разбавленным водой вином, и Вилл испускал пьяный вопль, который быстро перебивался неразборчивым бормотанием. Не особенно тонко, но эффектно. Когда публика начинала кричать в беспокойстве, Вилл трепал рабочего по плечу, падал на четвереньки и уползал со сцены.

После этого он был свободен и мог смотреть из-за кулис. Аристофан работал превосходно. Его первоначальная разочарованность из-за того, что его пьесу заменили одной из «старых штуковин» Вилла, очевидно, рассеялась, и он держал публику в большом напряжении. В центре первого ряда вокруг Триумвирата сгруппировались их помощники, переполненные восторгом.

Вилл изучал каждое лицо в публике, ища Елизавету. До того, как началась пьеса, он был слишком занят, чтобы выходить и встречать приходящих гостей. Она должна быть здесь; все его органы чувств говорили ему, что он находится в несомненном присутствии королевской особы.

Но нигде среди незнакомцев не видел он рыжеволосой головы. Недалеко от представительного

мужчины с орлиным клювом вместо носа сидела белокожая леди с каштановыми волосами, вьющимися у нее над ушами, но она была единственной женщиной в первом ряду. Вилл почувствовал разочарование. Постойте — а вот за ними сидит высокая женщина с тюрбаном, накрученным вокруг головы, с тонким профилем… Нет, это вовсе не она: снова разочарование. Госпожа не пришла. Тряхнув головой, чтобы отогнать свои необузданные иллюзии, Вилл пошел в заднюю часть «театра», чтобы проверить освещение.

* * *

Когда он приблизился к шатру Шери, дородный мужчина с арбалетом шагнул ему навстречу.

— Ты куда? — проревел он.

— Хочу посмотреть на остальных из моей труппы, — с достоинством отвечал Вилл. — Я хозяин этой театральной компании. — Мужчина заколебался, а Вилл смело сказал:

— Я могу ходить повсюду, где захочу. Ваш первый консул меня заверил, что я в этом городе свободен.

— О, да, — мужчина улыбнулся и опустил арбалет. — Валяйте, идите.

Что-то очень много стражников было рас-

ставлено вокруг для удобства Вилла. Возле осветительного столика в трехслойном шатре Шери нервно посмотрела на него и со значением шевельнула левым плечом. Вилл посмотрел в ту сторону. Там стоял лучник, опираясь спиной об одно из знамен. Вилл успокаивающе похлопал Шери по предплечью и вышел. Другие стражники следили за рабочими сцены, когда те носили реквизит туда и сюда с кораблей. И еще один отделился от остальных и сопровождал Вилла всю дорогу до корабля. На причале стояли два арбалетчика и внимательно оглядывали всех проходящих.

— Это больше, чем почетная стража, Вилл, — шепнула ему Маргарет, когда он вернулся к последним сценам и к поклонам.

Аристофан произносил свой монолог. Публика встретила его горькую улыбку своей.

— Капоне не боится за нашу безопасность. Он просто не хочет, чтобы мы уехали.

— Чепуха, женщина, — отмахнулся Вилл. — Мне плевать на выражение лица этого человека, он меня не волнует. Я убежден, он попытается нас обмануть при расчете, как всегда делают другие господа и дамы — и на нижней Реке, и на верхней. Никто не ценит наше время, как будто

бы все, что мы делаем, несущественно.

— Вилл, — перебил их Бакстер. — Вилл, они заплатили вперед!

Шекспир умолк на полуслове и посмотрел на исполнителя на рожке для подтверждения. Бакстер усиленно закивал, показывая на кипу узлов в кулисах. Это было почти беспрецедентное явление во всей их деятельности. Остальные повернули к нему заинтригованные лица.

— Вот теперь я встревожен, — выговорил Вилл.

Дэнни Бакарди, первый исполнитель на духовых инструментах, вставил свое замечание:

— До меня дошли слухи, когда мы ходили, торгуя, что Триумвират хочет нас здесь задержать с выгодой для себя. Им нужны наши корабли, Вилл. Они возьмут нас в рабство, заберут наши суда, и, что бы это ни значило, на борту «Лондона» есть телеграф…

— Они не получат мое оборудование, — сказал Уэббер.

— Или меня.

— Один из них ущипнул меня за… — пожаловалась Сонг Хай, показывая назад и краснея.

Остальные нашептывали друг другу истории о подобной же агрессии. Ханг Йи заставлял пьесу

продолжаться на сцене, делая знаки и шипя на каждого актера перед тем, когда подходила его или ее реплика. Было просто невероятно, что кто-то мог сосредоточиться на роли, если учесть, что творилось за занавесом.

— Я тоже видел, — подтвердил Аристофан, когда сошел со сцены для короткого отдыха. — Женщина, которая пыталась защитить свою честь пощечиной, была опрокинута стражником на землю. Здесь женщин совсем не уважают.

— Что мы можем сделать? — задал вопрос Ирвинг. — Они между нами и пристанью.

Пьеса пришла к завершению. Ричард пал в битве с Ричмондом, который говорил с Дерби о будущем Англии. Во время долгой церемонии вызовов актеров Вилл напряженно думал. Он гримасничал, улыбался, кланялся и уходил за занавес, предоставляя звездам своего представления принимать долгие аплодисменты.

Ему удалось придумать один-единственный план, который был дерзким и требовал в качестве своей худшей стороны пожертвовать только одним актером. Нет причин, чтобы остальные страдали из-за его глупости, когда высадились здесь по его настоянию, не имея особо распространенной информации об истинной природе

народа Алкаполандо — это ему нужно принять на себя все удары, а остальные пусть останутся свободными. Взамен за их преданность на нем лежала ответственность за их безопасность. Он шепотом сообщил свой план Маргарет и Хангу Йи, когда занавес упал в последний раз. Маргарет побледнела от удара, но невозмутимый Ханг Йи пообещал распространить новость среди остальных членов труппы.

* * *

Консулы подошли поздравить театральную компанию в конце пьесы, особенно расхваливая основного актера.

— Этот Аристокрасис — ценная собственность, о'кей, — сказал Капоне, похлопывая греческого драматурга по плечу.

— Завтра ты сможешь здесь еще что-то такое же замечательное, или, может быть, мы дадим тебе выходной день. Я еще не решил.

— Прошу извинить меня, сэр, — вмешался Вилл. — Завтра мы уезжаем, сразу после завтрака, как договаривались.

— Черта с два вы уедете, — рявкнул консул. — Вы нам понравились, вы остаетесь. Правильно? Мы… продлеваем ваш контракт до неопреде-

ленного будущего. Вам нужна публика — мы предоставим вам лучшую публику, каждый вечер, — маленькие светлые свинячьи глазки Капоне сделались мечтательными. — Я стану предметом зависти каждого дона вверх и вниз по Реке. Им придется приезжать ко мне, чтобы посмотреть на вас. — Он принял более деловой вид.

— Кроме того, я мог бы использовать ваши кораблики, так что я их конфискую. Не слишком быстры, зато устойчивы. И такие большие! Они мне нравятся. Их высокие борта выдержат много стрел, прежде чем потонут. Здорово для авангарда стражи. Так что вы остаетесь. Финал. Итак, что у вас имеется на завтрашний день?

Страхи Вилла подтвердились. Он отвел первого консула в сторонку.

— Поговорим о будущей программе позже, ладно? Если планировать заранее больше, чем на день вперед, может случиться неудача.

— О'кей, — согласился Капоне с беспокойством. И Вилл понял, что американец может верить большому количеству суеверий, как его народ. Это нечто, на чем он сможет сыграть в дальнейшем.

— Милорд, мы можем предложить кое-что

более волнующее, чем «Комедия ошибок» на сегодняшний вечер. Надеюсь, вы извините замену.

Консул, кажется, был раздосадован.

— Что-нибудь, написанное вами? Я не хочу больше никакой иностранной ерунды. То есть, этот парень хороший актер, но все-таки… Этот громадный член вызвал у моих людей отвращение.

— Нет, сэр. Я уже отказался от произведения моего собрата сегодня, хотя, даю на отсечение мою голову, когда-нибудь вы придете к тому, что они вам понравятся, — сказал Вилл, излучая откровенность, которой он не чувствовал. Он устремил свои большие глубокие глаза на Капоне, желая, чтобы тот поверил его словам. Капоне с трудом стряхнул его чары, потом пожал плечами:

— Д-да, разумеется. И что это такое?

— Я бы сыграл для вас «Бурю», мою любимую пьесу среди других произведений, которые написал. А я сам, — добавил он с притворной скромностью, — буду играть Просперо. Лучшей роли нет. В будущем я, без сомнения, услышу ваши похвалы спектаклю сегодняшнего вечера.

— Потрясающе! — воскликнул его собеседник.

* * *

Обед проходил в подавленном настроении. Арбалетчики нависали на них с некоторого расстояния, когда труппа собралась на избранном ими склоне холма, разговаривая вполголоса.

— Ты не можешь предлагать это всерьез, Вилл, — сказала Сонг Хай, все еще всхлипывая. Она отказалась есть, хотя Ирвинг, бывший долгое время ее верным товарищем, пытался соблазнить ее отборнейшими кусками из обоих их обеденных сосудов. — Ты не можешь жертвовать собой.

— Я готов, — сообщил Вилл, — но, если все обойдется, мне не придется на это идти. Хитрость удастся, это должно так быть.

— План простой, — объяснил Ханг Йи, методично откусывая кусок хлеба. — В конце «Бури» сцена постепенно пустеет, освобождаясь от актеров. Когда каждый из вас заканчивает свою роль, он — или она — любым способом продвигается к кораблям и уносит с собой все, что может, чтобы не привлекать внимания. Наблюдают не за всеми кораблями. Самый большой интерес представляют, кажется, три крупнейших из них, стража стоит только на причалах, где они пришвартованы. За другими присматривают разве что из

любопытства. Вы сможете тихонько прыгнуть в воду в любом месте берега — и проплыть или пройти по воде под сваями.

— Но нас слишком много! — возразил Аристофан. — Нам никогда отсюда не выбраться.

Его слова невольно прозвучали слишком громко. Стража, вероятно, уловила последнюю фразу, потому что они пододвинулись ближе. Вилл подтолкнул Сонг Хай локтем.

— Сцена вторая, — шепнул он.

Девушка, сидя, выпрямилась и продекламировала на самых громких нотах своего голоса:

— Если своим искусством, мой дорогой отец, ты смог заставить эти дикие волны так бушевать, успокой их!

Стражники застыли и, казалось, ничего не понимали.

— Репетиция, джентльмены! — объяснил Вилл. — Имеешь ли ты достаточно фантазии, чтобы ступить на борт?

Стражники моментально повернулись к труппе спиной. Худое лицо Ханга Йи сморщилось в улыбке без участия губ.

— Мы выберемся, — пообещал Шекспир. — Сыграйте свои роли — и идите каждый своей дорогой, и когда-нибудь мы еще будем вспоми-

нать сегодняшний вечер и смеяться.

* * *

Залитая светом факелов декорация «Бури» выглядела неистовой и таинственной жуткой. Вилл чувствовал, что она будет в совершенстве соответствовать его самому дерзкому представлению в жизни. В течение пьесы члены труппы при помощи разных незаметных знаков пытались проститься с ним, а он пытался предвидеть все трудности, какие могут у них возникнуть, когда они начнут все заново без него. Траурные же мысли ему следует отложить на более позднее время.

— Если мы больше не встретимся, милая Маргарет, — шептал ей Вилл, стоя рядом с ней в кулисах в то время, как разворачивалась первая сцена пьесы, — я хочу, чтобы ты руководила труппой. Тебе все доверяют. Ты разбираешься в практических делах нашего сообщества и можешь улаживать дрязги лучше, чем любой из троих моих собратьев-драматургов. Кое-кто немного поворчит, но в конце концов тебе будут только благодарны за то, что ты их избавишь от каждодневных мелких забот.

— Почему ты тогда сам выполняешь эти обязан-

ности? — спросила Маргарет, пытаясь сохранить легкомысленную интонацию, устраиваясь поуютнее в сгибе его локтя. Он обнял ее.

— Я получаю удовольствие, выполняя их, — весело произнес Вилл. — Взываю к твоему милосердию, дорогая моя, ты это уже знала. Иди. Твоя реплика. Прощай. Пока мы снова не встретимся. Я люблю тебя.

С поцелуем на устах она пробралась вперед, чтобы спрятаться за высокой задрапированной ширмой, которая изображала поросшую мхом скалу. Он ощущал на губах вкус ее слез и пытался отогнать все сожаления, прилаживая на место фальшивую бороду и совершая преображение из драматурга в волшебника.

Представление продолжалось с большим успехом. Сонг Хай в роли Миранды выглядела вполне изящной. Ею сильно восхищались в первом ряду, где между консулами свободно циркулировало вино в больших глиняных кружках, перепадало и их преданным приверженцам, и гостям. В перерыве между кружками один из мужчин громко воскликнул, что он бы хотел приобрести ее для себя. Фарфоровые щеки девушки вспыхнули, и она содрогнулась, но, прирожденная актриса, без всякой паузы продолжала декламировать свою

роль. Маргарет в роли Сикораке, матери Калибана, которую можно было видеть только в тени, когда ее отвратительный сын впервые упомянул ее, выбралась из-за своей скалы и исчезла за кулисами. Она отправилась на пристань, чтобы приготовить корабль к отплытию и собрать всех младших членов труппы, если ей не помешают это сделать люди Капоне.

* * *

Как и было договорено, каждый член труппы по очереди уходил. Сначала Калибан, потом придворные, потом Миранда и Фердинанд, и, наконец, танцующий дух Ариэля, оставив Просперо одного, величественно стоящего во мраке, освещенным единственным факелом, который он держал в руках, если его помощники достаточно быстро смогут работать, большие сценические фонари можно будет унести, завернутыми в паруса, на сходни. Если не смогут — все это оборудование останется вместе с Биллом.

К настоящей минуте другие кораблики, без сомнения, уже тихонько отплыли от причалов, повернув паруса по ветру. Они поплывут не туда, куда надо, следуя дуновению ночных ветров, а не дневных, но, раз они уже будут далеко, их никто

не остановит. Вилл понимал, что только оппортунизм отдал его и его труппу в руки Триумвирату, что только он один должен расплатиться за ту ошибку, что они высадились здесь. Если обращение с ним Триумвирата будет слишком жестким, ему придется всего лишь вызвать у себя роковой сердечный приступ, и тогда к утру он будет свободен — где-нибудь в другом месте. Без своей любимой труппы, но все-таки он будет свободен, чтобы начать заново.

Наконец, наступило время для эпилога. Сцена была пустой и темной, только Вилл, освещенный, как фокусная точка. Он должен удержать внимание своих зрителей достаточно долго, чтобы быть уверенным, что все свершилось благополучно.

Он шагнул вперед, на авансцену, зная наощупь, как близок он к самому краю, как будто бы он на этой сцене родился. Речь Просперо прозвучала как мольба к Триумвирату. В ней говорилось о его обстоятельствах, как будто бы была написана специально для сегодняшнего случая. Вилл молча прочистил горло и начал:

«Разрушены все чары, и отныне
Завишу я от слабых сил моих.
Оставите ль вы здесь меня в пустыне?

Увижу ль я Неаполь и родных?
Мой брат прощен, я — снова на престоле:
Останусь ли я здесь по вашей воле?
Заклятия вы разорвите круг,
И бремя уз падет от ваших рук.
Участья дух пускай благоприятно
Повеет вновь, наполнив паруса,
Иль мой корабль погибнет безвозвратно.
Нет духов у меня, и чудеса
Я силой чар творить не в состояньи,
Я, как колдун, виновный в волхованьи,
Жду гибели — когда от злой судьбы
Спасенья не даруют мне мольбы,
Несущие для всех грехов прощенье.
Как для себя вы ждете отпущенья
Всех ваших вин, так с вами наряду
Себе от вас я оправданья жду».[50]

Царственным жестом Шекспир перевернул факел и выпустил пламя на сцену у своих ног,

---

[50] notes: 50
Перевод О. Чюминой

посылая в полной темноте сигнал своим кораблям отчаливать. Он испытал острое, точно после удара ножа, сожаление, ощущение, что последняя вульгарная искра от его факела будет окончанием его драматической карьеры. Завтра его жребием станут зависимость от грааля, голод и безысходность. Не станет больше Шекспира, писателя, директора, менеджера шекспировской компании Малого Стратфорда. Он стоял, ожидая, чтобы стража подошла и взяла его.

В течение долгого-долгого мгновения публика молчала. А потом грянули аплодисменты, вырастая из нескольких робких ударов ладонями, от которых пошло эхо, словно удары дождя по крыше, преображаясь в истинный гром одобрения. Стоя со склоненной головой, он принимал все это как свою лебединую песнь.

Овация не прекращалась. Когда аплодисменты все продолжались и продолжались в темноте, Вилл почувствовал надежду. Может быть, не было нужды ему оставаться после всех. Может быть, его чары смогут удержать их на долгое время. Вилл поднял взгляд. Если этот оглушительный звук будет продолжаться еще в течение нескольких ударов его сердца, у Вилла будет масса времени, чтобы добежать до корабля. По-

пробовать стоит. Он ведь знал каждый дюйм сцены, даже в темноте. Подняв полы своего одеяния выше бедер, он отступил от лежащего факела и тихонько побежал от сцены влево.

Позади него продолжались бурные аплодисменты, крики:

— Автора! Автора!

Ритмический топот ног звенел по опушке.

«Эх, Вилл, — подумал он, — ведь это самый прекрасный момент твоей карьеры, — и ты со всех ног от него удираешь. О, все же, если бы ты остался, — да ведь это были бы самые продолжительные вызовы, какие ты только знал!»

Вдалеке от сцены его глаза начали привыкать к темноте. Он видел, как мерцают звезды сквозь пелену дыма, идущего от деревенских хижин. Стуча босыми ногами по центру города, он отыскал маленькую тропинку, ведущую к набережной. Стражи там не было. Очевидно, Капоне сказал правду, когда уверял, что все — или почти все — будут допущены на сегодняшнее представление. А уж на набережной, возле кораблей, непременно будет ждать стража. Он мог надеяться только на то, что милиция с ними поладила.

Тяжелый костюм Просперо мешал ему бежать. На бегу Вилл стащил его через голову и отбросил

в сторону. Маргарет рассердится, заквохчет, что она столько времени потратила на эту искусную вышивку, но Вилл может потом приплыть за костюмом, чтобы взять его на борт. Никакая работа не стоит его жизни; с этим-то она с радостью согласится.

Перед ним замелькали заостренные штакетины, украшенные звездами и светом факелов по ту сторону от частокола. Вилл почти добежал до раскрытых ворот, когда какая-то тень шевельнулась, становясь между Биллом и свободой. Она подвинулась, и факел за воротами осветил лицо человека, которого Вилл видел среди публики, человека среднего роста с черными волосами и задумчивым унылым лицом. Вилл остановился, от шока оперся на пятки. Попался, так близко к свободе! Он оглянулся, ожидая, что следующим из тени выйдет Капоне.

Незнакомец положил правую руку на молот с железной головой Тора, висящий у него на кожаном поясе. Оружие было темным от свежей крови, которая стекала к его ногам на землю. Шекспир сглотнул комок. Он боялся за членов своей труппы. Он не слышал никаких звуков, кроме шума ветра и воды за воротами.

— Мастер Шекспир! — Это был не крик, но

шипение, издаваемое темноволосым. — Вильям Шекспир, из бывшего Стратфорда?

— Я и есть он самый, сэр, — ответил Вилл, с трудом извлекая голос из сдавленного горла.

— Ричард, бывший герцог Глостер, к вашим услугам.

Вилл почувствовал, как кровь ударила ему в ноги. Он покачнулся. Ему следовало сразу узнать: красивые черты Плантагенетов так же четко отпечатались на его лице, как слова на проклятой рукописи пьесы. Король Ричард, чье короткое царствование непосредственно предшествовало его патронам, Тюдорам, — из всех мест этого города он ходит по моим дорожкам, — подумал Вилл, перефразируя реплику, которую часто произносил один из его актеров, желая подчеркнуть неудачное совпадение. За то, что Вилл оскорбил его так вопиюще, король размозжит ему голову мощным боевым молотом. Вилл очнется возле грейлстоуна далеко отсюда, вдалеке от всех, с кем он работал почти три десятилетия. Он чуть не расплакался из-за всех своих развеянных мечтаний, думая о том, что придется начинать все сначала, быть может, за миллионы миль отсюда. Или еще хуже, Ричард задержит его здесь, пока Триумвират и их стражники не поймут, что

птички улетели и оставили его отвечать на их вопросы. Но Вилл оставался верен врожденному уважению к короне Англии: все, что он мог сделать, это отвечать и ждать последствий. Он отвесил глубокий поклон:

— Милорд!

— Шш-ш! — Ричард прервал его жестом. Его глаза горели тем внутренним огнем, который Шекспир много раз видел в глазах его правнучатой племянницы Елизаветы, он испугался. — Так что же, я — урод, калека, злобное существо, сэр? Разве я сидящий в банке паук, отвратительная горбатая жаба? Вы видите здесь хотя бы малейший намек на горб? — Он повернулся к Виллу здоровой мускулистой спиной. За исключением несколько увеличенных мышц на правой руке и плече, без сомнения, из-за ношения боевого молота, тело было такое же здоровое, как у любого жителя Земли или Мира Реки.

— Нет, сэр, — робко согласился Шекспир. — Не вижу.

Ричард снова повернулся и поклонился, слегка наклонив голову:

— Я хотел только прояснить факты. Благодарю вас. Все остальные обвинения, которые вы сделали, тоже неправда. Представление сегодня было

прекрасным и трогательным, мастер Шекспир. Я и сам терпеть не мог этого ублюдка. Этот негодяй Капоне намеревался меня оскорбить, но у меня куда больше возможностей, о каких он и мечтать не смеет. Приезжайте когда-нибудь в Борсмарч. Вам будут рады. — Он посмотрел Виллу через плечо. — А теперь вам лучше идти, друг. Я завесил камеры наблюдения тряпками, но они скоро поймут происходящее, как понял я, и окажутся здесь, преследуя вас и вашу труппу. Стражники на причале, — он состроил гримасу, — мертвы. А остальных я задержу на некоторое время. Идите же!

— Милорд, я вас благодарю, — Вилл понимал, что лопочет неразборчиво, но шок, последовавший за шоком, подействовал ему на мозги.

— Уходите! — нетерпеливо подгонял Ричард.

Он вытащил молот из петли и повернулся лицом к воротам, подталкивая Вилла за них.

Вилл не нуждался в дополнительном импульсе. Он побежал.

Трап «Города Лондона» был уже поднят, но Ирвинг с Аристофаном бросили Виллу веревку, которая упала на причал, медленно разворачиваясь по мере того, как корабль отходил. Вилл пробрался между разбросанными телами страж-

ников Капонэ и ухватился за нее до того, как она размоталась до самого конца. Он спрыгнул с причала в воду и предоставил друзьям втащить его на борт после того, как они повернули паруса по ветру.

— Все хорошо, что хорошо кончается, а? — спросил Ирвинг, когда Вилл достиг поручней и, пропитанный влагой, повалился на палубу.

Тяжело дыша, Шекспир кивнул. Остальные опустились перед ними на колени, ища синяки и сломанные кости.

— Едва спасся! Никогда, никогда больше!

— О, ты снова так поступишь, — уверенно заявила Маргарет, притягивая его к себе в сокрушительном объятии и протирая ему лицо полотенцем. — И снова, и снова, глупец ты, потому что ты не можешь жить без аплодисментов!

Четверо драматургов переглянулись. Ирвинг ухмылялся:

— Мне сдается, протест леди слишком основателен!

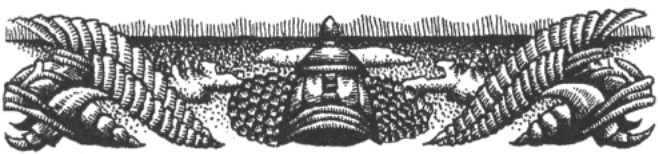
* * *

— Какая великолепная цитата! — заметил Уэббер, когда Вилл рассказал труппе историю своего спасения и неожиданной встречи с покойным ко-

ролем. — Быстрее, запиши ее, пока не забыл. Мы сможем ее вставить в программку в следующем же месте, где дадим «Ричарда Третьего». «Я и сам терпеть не мог этого ублюдка». Великолепно!

— Мы не будем опять играть его так, — задумчиво произнес Вилл, внимательно вглядываясь в звезды, когда труппа уплывала. — Я намерен переписать пьесу.

Джерри Олшен
Так уж мы устроены [51]



С раздирающим слух свистом выпустив пар, и внушительно прогремев якорной цепью, речной пароход «Ненаемный» завел машину и взбил на воде пенистый хвост, медленно наращивая скорость против течения.

— Пое-е-ехали, — задумчиво протянул Руал

---

[51] notes: 51

BECAUSE IT'S THERE by Jerry Oltion Copyright © 1993 by Jerry Oltion.

Амундсен. Он стоял на берегу, чуть поодаль от самой гущи народу, вопившего и махавшего руками.

То был рослый темноволосый мужчина с проницательными голубыми глазами и орлиным носом — но он сутулил плечи и волочил ноги, что придавало ему сходство со школьником, только что завалившим испытания по орфографии.

— А, скатертью дорожка сукиным сынам, — отозвался его спутник. Роберт Пири был чуть пониже Амундсена, с рыжеватыми волосами и глазами скорее серыми, нежели голубыми, но в этот миг они так и сверкнули.

— Зелен виноград? — спросил Амундсен.

— А, иди ты… — Пири отвернулся и стал карабкаться по косогору к деревеньке из бамбуковых хижин. — Ну, дожили, шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на еще одну чертову полярную экспедицию. Шустрят, словно котята…

То был второй пароход за два года, двинувшийся с подобной целью вверх по Реке, а сколько парусных лодок, весельных, суденышек с гребными колесами и даже подводных прошло мимо все туда же за минувшее десятилетие, прибрежные жители и счет потеряли.

Всем хотелось открыть Северный Полюс и

взглянуть на таинственную башню, которая высилась там, согласно молве.

— Кошек здесь нет, — указал Амундсен.

Пири сплюнул на траву Речного берега.

— Кстати, это меня здесь раздражает ничуть не меньше. Ни кошек, ни треклятых собак. А что за полярная экспедиция без собак?

— Да брось ты. Можно дойти до полюса и без собак. У Скотта получилось.

Роберт Скотт месяц спустя после Амундсена достиг земного Южного Полюса и почти весь путь проделал пешком.

— Разумеется. И умер голодной смертью на обратном пути.

Добравшись на высокую равнину над Рекой, Пири развернулся и оглядел головы толпы; на волне, оставленной пароходом, весело носилось около дюжины любителей серфинга, их ярко раскрашенные треугольные паруса туго натянул постоянно веющий вниз по Реке ветерок. Труба парохода снова просвистела.

— Большинству этих ублюдков тоже суждена голодная сметь, если их только по дороге где-нибудь не пришибут. Они не тянут на подлинных исследователей.

Амундсен сорвал стебелек высотой по колено и

принялся жевать его с мягкого конца.

— Они хотя бы куда-то тронулись, — заметил он. — Пытаются чего-то достичь.

Пири набрал побольше воздуху, готовясь разразиться одной из своих блестящих инвектив, но миг спустя просто-напросто глубоко вздохнул и устало произнес:

— Придержи лошадей, Амундсен. — Отвернулся и опять зашагал вверх по круче, но Амундсен не мог удержаться от заключительного выпада. Он ухмыльнулся и заявил:

— Лошадей здесь тоже нет.

В деревенской таверне подавали три или четыре разных вида домашнего пива и самогон, который в холодную ночь мог сойти за водку. Всем этим напиткам было далеко до выпивки, которую получали из конвертеров массы-энергии, именуемых в здешних краях Граалями — но недостаток качества с лихвой возмещался количеством. Граали никогда не обеспечивали больше чем на порцию-две на каждую трапезу; если кому хотелось больше, нужно было либо изготовлять самим, либо приобретать у изготовителей.

Ни Амундсен, ни Пири не были настоящими выпивохами, но после того, как они загрузили свои Граали у общинного грейлстоуна тем вече-

ром, оба потянулись вместе с толпой обедающих к таверне, где разговор, естественно, крутился вокруг парохода. Как и ожидалось, кто-то спросил, почему они не присоединились к экспедиции, на что Пири, как и ожидалось, ответил:

— Потому что жаль времени на такую хреновую затею, вот почему. Им предстоит переть незнамо сколько миллионов миль вверх по Реке, описав при этом не одну сотню зигзагов по планетке, затем одолеть горы, да еще и море переплыть — и для чего? Чтобы водрузить флаг на башенку, которую построил там кто-то другой? И каков смысл?

— А каков смысл в том, чтобы торчать здесь? — говорящая была высокой, крепко сбитой бабой с волосами цвета платины до пояса и чудесным мягким пушистым мехом по всему телу. Ее звали Гресса и, по ее утверждению, она была йети. Ее шерстка была недурным подтверждением ее претензий, но прочие ее особенности, больно человеческие, вызывали у окружающих скептицизм. И Пири принадлежал к скептикам.

— Сударыня, — сказал он. — Я что-то не вижу, чтобы вы лично направились в полярные области, а, казалось бы, у вас на то больше оснований, чем у разных прочих, если заявления о вашем происхождении сколько-нибудь правдоподобны.

— Полюс-молюс, — проворчала она. — Впервые в жизни мне тепло. Кроме того, разговор идет о вас. Едва ли кто-либо на Реке воскрес ближе тысячи миль от кого-нибудь, кого знал прежде, а вы с Амундсеном очухались рядышком. Вы не считаете, что за этим что-то стоит?

Громкий хор одобрения пронесся по кабаку, но Пири заставил его умолкнуть, брякнув пустой пивной кружкой по стойке из полированного дуба.

— Может быть, за этим что-то и стоит, — сказал он. — Может быть, создания, которые воскресили нас здесь, хотят, чтобы мы добрались до Северного Полюса. Ну, и, насколько дело меня касается, это уже достаточное основание устраниться. Я буду делать, что хочу я, а не то, что велит мне делать какой-нибудь сраный чужой бог.

На миг в баре воцарилось молчание. Никто не чувствовал, что счастлив быть отданным на милость создателям Мира Реки. Вся система верований большинства воскрешенных была сметена одним ударом в день воскресения, и доктрина Церкви Второй Попытки с ее квазииндуитскими идеями искупления через самоочищение была убогой заменой той утраченной вере, которая прежде влекла человечество вперед. Жители Ми-

ра Реки нуждались в новых концепциях, которые придали бы значение их новой жизни, и им не нравилось, когда кто-то об этом напоминает.

Голос Амундсена нарушил неловкую тишину.

— Вот почему, как я думаю, нам следует двинуться на юг. При всем внимании к Северному Полюсу, никто не подумал о другом пути.

Пири фыркнул.

— Север, юг, а разница-то в чем? Мы живем в искусственно сконструированной среде. В любых исследованиях, которые мы предпримем, не больше смысла, чем в действиях муравья, исследующего нашу кухню.

— А в том, чтобы упереться, точно осел, немного больше смысла?

На это Пири не нашел другого ответа, кроме взмаха пустой кружкой в сторону бармена.

— Знаешь, что я думаю? — продолжал Амундсен. — Я думаю, что ты скис. Когда-то ты был самым неуемным парнем, какого я знал, но с тех пор, как мы пробудились здесь, ты за поворот заглянуть боишься. Ты гавкаешь повсюду, точно бывалый пес, а ведешь себя, как немощная старушонка. Ты…

— Достаточно, — и Пири поставил кружку.

Амундсен покачал головой.

— Нет. Недостаточно. Ты был первым человеком, который встал на верхушке земли, а этому миру позволил победить себя без борьбы. Ты превратился в хнычущего, трусливого… — Что он еще мог сказать, не прозвучало — помешал кулак Пири. Поскольку оба сидели, удар вышел не самым мощным, но достаточным, чтобы сбить Амундсена с табурета. Он грянулся о деревянный пол, увлекая с собой Грессу. Прочая публика взвыла от восторга, когда он кое-как поднялся и с размаху врезал Пири, швырнув того о стойку. Это могло и кончиться, но крики: «Давай! Вмажь ему!» сделали примирение невозможным и, в любом случае, Пири явно не казался настроенным на мировую. Он качнулся вперед, отходя после удара Амундсена, воя по-волчьи, и дал Амундсену прямой толчок в грудь. Это обеспечило ему достаточно простора, чтобы встать. Завсегдатаи таверны попятились, с шумом задвигав столы и стулья, и образовали вопящее и ликующее кольцо вокруг двух драчунов. Ни один из них не обращал ни малейшего внимания на толпу. Они встали на расстоянии вытянутой руки друг от друга и забоксировали, точно марионетки, полностью поглощенные своим нелепым занятием. Сперва более длинные руки Амундсена дали ему

преимущество и помогли пустить Пири кровь из носу и выбить зуб, но, похоже, это лишь распалило гнев противника. В конце концов он закатил такой удар, что послал Амундсена кувырком через спину, и тот, падая, ударился головой о край стола. И больше не встал.

Шумно сопя, с кровью, текущей из носу и изо рта, Пири наклонился, дабы убедиться, что Амундсен еще дышит: Удовлетворенный как тем, что Руал жив, так и тем, что сам он отстоял свою честь, победитель закинул левую руку побежденного за свое левое плечо и поднял его.

— Кто-нибудь, помогите дотащить его домой, — попросил он.

Гресса тут же подставила плечо, и вдвоем они выволокли бесчувственного путешественника из таверны.

Они пропустили бы завтрак, если бы Гресса не проторчала с ними всю ночь, но как только первые лучи солнца упали в хижину через единственное окно, снежная женщина поднялась с койки Пири, собрала их Граали и отнесла зарядить к общинному грейлстоуну.

Несколько минут спустя гром массоэнергетического преобразования прокатился по долине. Амундсен сел со стоном: ныли синяки. Пири на

своей койке напротив поднялся на локте.

— Что, жив-здоров? — спросил он.

— Думаю, что да. А ты?

— В ажуре.

— Славно. — Амундсен потер шею, качая головой из стороны в сторону, будто проверяя, все ли на месте. Пири прочистил горло разок-другой, затем неуверенно спросил:

— Разве… Я что, действительно скис?

Амундсен настороженно оглядел его.

— Скажем, ты не тот самый Роберт Пири, которого я знавал на Земле.

— Дерьмо.

Норвежец ухмыльнулся.

— А все еще говоришь, как он.

— Но не подкрепляю слова действиями, так? — Пири сел и принялся натягивать штаны. — Ты прав: мне было страшновато исследовать, что там за поворотом.

Амундсен покачал головой.

— Я это сказал просто, чтобы тебя завести.

— Ну, и подействовало. Вероятно, потому что так и есть.

Молчание тянулось с полминуты, пока Пири одевался.

Наконец, Амундсен спросил:

— И что же ты собираешься делать?

Пири пожал плечами.

— Полагаю, идти с тобой к Южному Полюсу.

Лицо Амундсена озарилось, точно у мальчишки.

— В самом деле?

— Угу. В самом деле. Как ты деликатно указал мне вчера вечером, мне здесь нечем больше заняться.

В открытых дверях появилась Гресса с тремя Граалями.

— Что это было? Какого-нибудь рода связующий мужской обряд? — спросила она.

— А? — спросили оба.

Она поставила Граали на плетеный столик у стены против двери.

— Мужики-йети, бывало, тоже такое проделывали. У них много что накапливалось против друг друга во время жизни всю зиму в пещере, и в один прекрасный день они принимались биться, как одурелые, а на следующий день шли вместе на охоту, как ни в чем ни бывало. Я этого никогда не могла понять.

Амундсен рассмеялся.

— Полагаю, это некий род примитивного обряда. У собак это тоже случается.

Пири проигнорировал его и открыл свой граааль.

— Ага, сосиски. И яйца. Прибережем сосисочки, из них можно будет сделать пеммикан.

— Пеммикан? — спросила Гресса.

— Сушеное мясо с жиром. — Объяснил Пири. — Высокоэнергетическая пища для путешественников. И хорошо сохраняется. Мы сможем достаточно запасти, пока строим воздушный корабль и добываем остальное.

— Воздушный корабль? — воскликнули хором Амундсен и Гресса.

Пири поглядел на них, точно на двух идиотов.

— Конечно, мы полетим по воздуху. Не стоит с боями мотаться взад-вперед по Реке ближайшую сотню лет; можно соорудить гондолу и попасть туда месяца через два.

Амундсен вылез из постели и начал одеваться.

— И давно ты это обдумываешь? — спросил он.

— Примерно, с трех часов утра, — отозвался Пири. — Давай, поторапливайся, а не то время идет, а у нас сегодня дел навалом.

Переводя взгляд с Пири на Грессу, Амундсен поднял брови, изобразив нечто в стиле А-Что-Я-Сделал? — но он улыбался.

* * *

Раз уж Пири принялся за дело, другим трудно было с ним тягаться. За последующие несколько месяцев он напрочь позабыл о покое, учась делать пеммикан из рыбы и той пищи, которую обеспечивали Граали, моделируя и изготовляя полярную одежду из тяжелого полотна, производившегося из местного варианта хлопка, и конструируя воздушное судно из кишок и плавательных пузырей пожирающих людей рыб-драконов, пойманных в реке. Они с Амундсеном в равной степени отличались дотошнейшим вниманием к мелочам, ибо каждый постиг цену заблаговременной подготовки во время исследований на Земле.

Им с энтузиазмом содействовали другие жители деревни, то ли из чувства гордости, что экспедиция выступает из этой части Долины, то ли просто потому, что это помогало развеять скуку обыденной жизни у Реки.

Соседи экономили еду для пеммикана из своих Граалей, рыбаки состязались, кто принесет самую большую рыбу-дракона для газового шара, а инженеры из всех эпох сотрудничали, разрабатывая машину для маневрирования. Металл

был редкостью в Мире Реки, и они построили паровую машину с замкнутым циклом из железного дерева и бамбука, использующую в качестве рабочей жидкости легко испаряющийся и конденсирующийся рыбий жир вместо воды.

— Вы свихнулись, — сказал им Пири, когда они показали ему рабочую модель. — Да слыханное ли дело — машина на рыбьем жире?

Инженерная команда включала разработчика снаряжения для компьютеров, моряка начала двадцатого века, римского строителя акведуков и коротышку с наклонным лбом и мощными надбровными дугами, утверждавшего, что он изобрел колесо.

— Это совсем как нефтяные двигатели, которые мы применяли на моторных катерах там, на Земле, — пояснил моряк. — То были двигатели с замкнутым циклом. Вся прелесть рыбьего жира — в том, что жир пропитывает и сохраняет деревянные детали, а заодно обеспечивает смазку. Вы сможете облететь вокруг света, прежде чем конструкция износится.

— Если бы мы смогли взять достаточно горючего, возможно, — признал Пири. — Но мы не можем. Кроме того, я не желаю, чтобы где-либо поблизости горел открытый огонь — у нас все-

таки водород.

— А кто что-нибудь говорил об огне? — пожали плечами инженеры. — Будет применяться энергия солнца.

Далее они продемонстрировали недоверчивому Пири, как газовый шар можно сделать почти прозрачным, пропитав его жиром, и как внутри можно разместить отражающую поверхность, с тем, чтобы она фокусировала солнечный свет на трубкообразном котле, подвешенном на продольной оси под шаром.

Этой поверхностью можно управлять снаружи с помощью сверхсильных магнитов-застежек, снятых с одежды, полученной из Граалей, дабы зеркало следовало за солнцем, перемещавшимся по дуге в течение дня, а также — дабы корректировать движение при изменении угла в зависимости от широты. Система способна развивать лишь несколько лошадиных сил, и этого недостаточно, чтобы противостоять лобовому ветру, но достаточно, чтобы аппарат отыскивал подходящие воздушные потоки и не потратил сотни часов на дрейф в нежелательном направлении.

Поскольку им предстояло находиться в воздухе несколько недель, чтобы додрейфовать до

полюса, требовалось тщательно сохранять их запасы водорода. Газ надлежало получать путем электролиза с помощью электроразрядников с грейлстоунов, разделяя воду на водород и кислород. В полете они станут регулировать высоту, выпуская лишний водород или сбрасывая балласт, смотря по обстановке. Когда весь балласт окажется выброшен, останется только одно направление: вниз. А вероятность найти другой отрезок Реки, где они смогли бы приземлиться для пополнения запасов, не рискуя быть убитыми или порабощенными, представлялась ничтожной: так что сперва планировался тяжелый корабль, который постепенно будет становиться все легче и легче, приближаясь к полюсу. Это была та самая базовая стратегия, которую они применяли в своих земных экспедициях на собачьих упряжках. Они выступали с десятками людей и сотнями собак, тянувших тяжело нагруженные сани, а, по мере использования припасов и создания тайников для обратного путешествия, отсылали обратно людей с собаками, пока не оставалась лишь легконагруженная мобильная группа с единственными санями, совершая последний рывок к полюсу.

На этот раз не предстояло образования тайни-

ков с запасами для возвращения, но, несмотря даже на это, рассчитав свое потребление по максимуму и прикинув, сколько и какого снаряжения им может понадобиться, они поняли, что в состоянии будут взять кого-то третьего. Гресса немедленно ухватилась за эту мысль, подчеркивая, что провела свою жизнь на Земле в холодном климате вообще без всякого особого снаряжения. Пири обрадовался, что она будет рядом, а если Амундсен не пришел в бурный восторг, то он, хотя бы, не возражал.

Наконец настал день, когда все было готово к запуску. Припасы были загружены, газовый шар — растянут на веревках, и народ с нескольких окрестных миль собрался взглянуть, как вылетают исследователи. Они произнесли небольшую прощальную речь в открытую дверь и окна плотно окруженной гондолы, затем, под ликующие крики и аплодисменты, отдали швартовы и стали медленно подниматься в небо.

Они уже совершили с дюжину тренировочных полетов; единственной разницей было то, что сегодня внизу ревела толпа, которая мало-помалу растаяла. Горы, разделявшие изгибы реки, тоже ушли вниз, и так — пока аппарат не поднялся на несколько тысяч футов выше горных пиков.

Воздух здесь был холоден, и в тишине раздавался лишь негромкий скрип веревок о дерево, в то время как гондола плыла под продолговатым шаром.

Как только полет выровнялся, они стали тянуть за канаты управления, продетые через крышу и пущенные вокруг снаружи шара. На канатах были закреплены магниты, которые перемещали внутреннюю отражающую поверхность в положение, из которого свет утреннего солнца фокусировался на котле на оси шара. Несколько минут спустя машина в хвосте гондолы завращалась с негромким «чуфф-чуфф-чуфф». Пропеллер, длинная, круто изогнутая деревянная лопатка, медленно набрал скорость, по мере того, как система разогрелась, и еще через несколько минут мерно замельтешил на низкой скорости. Аппарат поплыл в воздухе, лениво откликаясь рулям высоты и направления. Теперь мягкое гудение пропеллера и шепот ветра, скользящего мимо окон, наполнили гондолу.

Масляный пар, струившийся из машины через внутренний радиатор, нагревал жилой отсек, прежде чем, сконденсировавшись, вернуться в котел. Пассажирам было довольно тепло, но крайней мере, пока длится день, а для ночи они

располагали тяжелой одеждой и спальными мешками. Груды оборудования и балласт обеспечили заодно изоляцию. При полном грузе, свободного места оставалось немного; его имелось чуть больше, чем занимал маленький стол и несколько футов незанятого пола — только-только сидеть, стоять или лежать. Это смахивало на жизнь в чулане с едой, шкурами, палатками, ранцами и прочим, распиханным по углам.

К счастью, в мире за окнами было столь же просторно, сколь тесно было в гондоле. Планета смотрелась сверху как гигантское вспаханное и орошаемое с помощью каналов поле: долины протянулись меж отрезков Реки на запад и на восток, насколько достигал глаз. Облака и туман над водой делали расстояния заметно меньшими, чем естественный горизонт, но никто из путешественников не сомневался — каналы простираются на тысячи миль.

Аппарат стал дрейфовать на юго-запад, в направлении преобладающего ветра, пересекая долины под углом. Три пассажира наблюдали за крохотными следами лодок на воде внизу и совсем крохотными людьми на берегу; людьми, жившими в нескольких милях от них, но за горами, и в силу этого — навеки чужими тем, что

населяли соседнюю долину.

Все утро они дрейфовали, и в полдень подкрепились, как привыкли, когда эхо грома от грейлстоунов внизу указало, что настал час. Вскоре после того Амундсен заполз в свой спальный мешок и натянул на глаза маску, чтобы удалось уснуть. Аппарат требовал постоянного управления, дабы они, чего доброго, не врезались в гору или не попали в воздушный поток, идущий на север — и он вызвался держать первую ночную вахту. Пири и Гресса все послеполуденное время развлекались, любуясь пейзажем внизу. Миль эдак через сотню направленность долин с востока на запад сменилась более заметной ориентацией север-юг, затем они некоторое время бежали в направлении юго-запад — северо-восток. Стало очевидным, что не только сама Река меандром обходит всю планету, но и долины тоже образуют свой меандр, более крупный. Пири пораскинул мозгами, а не могут ли сверхизлучины означать некоего космического послания, но им не удалось уловить хотя бы намек на таковое с того небольшого участка планеты, который открылся им во время дрейфа.

К вечеру Грессу утомило это зрелище. Подавив зевок, она сказала:

— Здесь наверху довольно славно, но, признаться, я думала, что у нас будет больше приключений.

ГПири негромко рассмеялся:

— Я всегда говорил: «Чем более драматичны твои экспедиции, тем более ты неумел». — Затем его улыбка чуть заколебалась, и он добавил. — К тому же, у нас еще масса времени для приключений. Не стоит звать неприятности; довольно скоро они сами нагрянут.

Несмотря на предостережение Пири, несколько последующих дней также прошло без событий. В связи с отсутствием крупных масс суши или океанов, что усложнило бы дело, а также наклона оси, погода в Мире Реки изменялась куда более предсказуемо, чем на Земле. Исследователи медленно дрейфовали к югу, поднимаясь и падая, да порой перемещаясь восточнее или западнее в поисках благоприятного воздушного течения или с тем, чтобы обойти грозовые тучи, но преодолели тысячи миль без сучка без задоринки. Они стартовали чуть севернее экватора: утром восьмого дня Пири взялся за секстант и определил, что они теперь находятся на сорок пятом градусе южной широты, более чем на полпути к цели. Денька через два они увидели другой воздушный корабль

далеко-далеко на западе. Много больше, чем их аппарат, истинный дирижабль, и с двигателем помощней. Курс — на север.

— Еще один рывок не к тому полюсу, — ухмыляясь, заметил Пири.

— Если только они уже не побывали на юге и не возвращаются домой, — отозвался Амундсен.

Эта мысль побудила Пири скукситься. Он молча следил за дирижаблем, пока тот не пропал из виду, и был в скверном настроении весь остаток дня.

— Он вспоминает свои неприятности с Куком, — сообщил Амундсен Грессе, когда Пири отправился спать. — Фредерик Кук утверждал, что достиг Северного Полюса за год до Пири, но заявил это лишь за неделю до того, как Пири вернулся из экспедиции. И похитил у Пири все фанфары, ведь даже когда публика начала сомневаться в словах Кука, было слишком поздно унимать болтунов. Некоторые даже сомневались в том, что совершил Пири. Был жуткий скандал. Рухнула их дружба, разумеется, и едва не рухнула наша, когда я отказался поносить Кука вместе с остальными.

— И он говорил правду? — спросила Гресса. — Он первым добрался до полюса?

Амундсен передернул плечами.

— Кто знает? Он говорил, что да, но даже я вынужден был признать, что он явно подтасовывал факты в своих интересах. — Он улыбнулся, вспоминая. — А еще один исследователь по имени Петер Фрейхен любил повторять: «Кук был лжецом и джентльменом, Пири — ни тем, ни другим». Он был, несомненно, прав в отношении последнего, а, возможно, и насчет обоих.

Гресса рассмеялась, оглядывая Пири в спальном мешке.

— Со мной он всегда был образцовым джентльменом, — добавила она. Амундсен подхватил ее смех.

— Рыцарство, дорогуша. Он умер до его смерти.

По мере приближения к полюсу, воздух делался все холоднее, а ветры вели себя все менее предсказуемо. Частые изменения высоты в поисках потоков, бегущих на юг, означали больше выпущенного водорода и сброшенного балласта, и чем дальше, тем существенней. Горы в приполярной зоне обыкновенно были ниже и с более плавными южными склонами, предположительно, чтобы солнце лучше освещало долины, но это ничуть не помогало путешественникам, поскольку более скромные возвышенности почти всегда

омывали южные ветры. Приходилось оставаться на большой высоте, чтобы попасть в воздушную массу; втягивающуюся внутрь и питающую непрерывный отток воздуха наружу.

— В некотором смысле слова, это хорошие новости, — заметил Амундсен, когда Гресса спросила его, почему это так. — Это означает, что существует, вероятно, полярное плато, где воздух теряет тепло, отдавая его в космос, и не нагревается снова снизу. Остывая, он опускается, а, когда приближается к земле, ему некуда деваться, кроме как течь от полюса, при условии, что почва холодная. Если она теплая, то он просто снова поднимется, но если холодная, то воздух станет и дальше остывать и набирать скорость, стекая по склону, подталкиваемый новыми воздушными массами сзади.

— И что в этом хорошего? — спросила Гресса. — Это означает лобовой ветер до конца пути, верно?

— Только если мы существенно снизимся, чего мы не сделаем. Мы будем лететь высоко, набрав воздуху в меру низкого давления. А обратно мы полетим низко, и у нас, таким образом, будет попутный ветер. Но, говоря о хороших новостях, я имел в виду плато. Это означает, что полюс

на суше или хотя бы на льду — и куда более вероятно, что мы сможем добежать до него на лыжах, где бы нам ни пришлось сесть. Было бы слишком ожидать, что ветры доставят нас на самый полюс. — Он сделал паузу, затем мягко сказал. — Кроме того, если здесь ледяная шапка, значит, куда менее правдоподобно, что кто-нибудь тут живет.

— О, — произнесла Гресса, оглядывая Пири, который стоял у носового окна и смотрел на юг, как будто хотел стать первым, кто вообще увидит полюс. — Да, полагаю, это и впрямь хорошие новости.

Ночью, вместо того, чтобы опуститься, так как газовый шар охладился, и они утрачивали плавучесть, они сбросили балласт, дабы поддержать высоту в идущем на юг потоке воздуха. Пири отправился спать, в то время как Амундсен проснулся и заступил на вахту, а через несколько часов его сменила Гресса. Амундсен провел холодные часы раннего утра, сидя у переднего окна наблюдения, завернутый в спальный мешок, и слушая, как тихонько посапывают его товарищи. Ночью, когда солнечная машина не работала, это был единственный звук в гондоле. Пар от их дыхания непрерывно замерзал на окнах, и

Амундсен приоткрыл переднее на несколько дюймов и выглянул в щель. Звезды давали как раз достаточно света, чтобы увидеть грубые очертания местности внизу. Там чередовались светлые и темные полосы: хребты заснеженных гор разделяли речные долины. Прежде в ночи речные берега усеивали крохотные рыжие пятнышки сотен костров, но теперь костры догорели, там, внизу, все спали.

Звезды непрерывно светились там, где их не заслонил большой шар. На такой высоте и при таком холодном воздухе нынче выдалась самая ясная ночь, какую до сих пор наблюдали путешественники. Амундсену показалось, будто они парят на краю самого космоса. Следя за тем, как медленно вращаются вокруг полюса незнакомые созвездия, он думал, насколько иначе сложилась бы его жизнь, родись он на пятьдесят лет позднее, чем родился. Столько всего случилось на Земле после его смерти. Человек прошелся по Луне. И добрался бы до других планет, может быть, даже — до других звезд, не останови экспансию человечества проект Мир Реки. И он был бы среди первопроходцев.

И все-таки, наверное, для него еще есть надежда. Кто знает? Жизнь в Мире Реки — полнейшая

загадка. У смерти вырвано жало, и тем самым снят временной барьер. Они все остальное человечество могут быть сейчас пленниками на чужой планете, но кому известно, что может таить будущее? Звезды и здесь были в небе, и здесь манили, и Амундсен, по крайней мере, и здесь рвался к ним всей душой исследователя. И этого у него не могли отнять чужаки.

Тут уши его навострились, он оглянулся назад, на приборы и понял, что слишком долго витал в облаках. Воздушный корабль потерял высоту. Тихо, чтобы не разбудить Пири или Грессу, он открыл мешок с песком и высыпал его через специально проделанное отверстие в палубе. Сверился со статоскопом, с более чувствительным альтметром, который регистрировал малейшие изменения высоты, и увидел, что показания на обоих по-прежнему падают. Опорожнил еще один мешок.

А они все падали. Озадаченный, он выглянул в окно и увидел, что поверхность планеты еще довольно далеко внизу, но видна менее отчетливо. Ее покрывал тонкий облачный слой.

Амундсен опорожнил новый мешок балласта. Статоскоп стабилизировался, даже показал некоторый взлет, но несколько минут спустя они

опять начали падать.

Неужели в газовом шаре открылась течь? Амундсен опять высыпал песок, и шар восстановил нейтральную плавучесть. Затем проверил измеритель давления. Стабильное. Но через минуту они опять начали спуск.

Это не могло быть просто работой нисходящего потока — не на такой высоте. Ближе к земле кружат конвекционные потоки: теплый воздух поднимается от Реки, а холодный падает с ледяных горных вершин, но все это происходит лишь в нескольких тысячах футов над горами, а их корабль находится куда выше.

Впрочем, это ненадолго. Скорость спуска все нарастала, как заметил Амундсен. Он снова выбросил балласт, затем опять выглянул из окна. Облачный покров становился толще. Амундсен не хотел туда угодить. Тогда они понятия не будут иметь, где горы, и запросто могут врезаться в любую.

Тут его осенило. Если они не теряют водород и не попали в нисходящий поток, они каким-то образом стали набирать вес. А единственное, что могло произойти — это оледенение. Ночь ясная, планета основательно отдает тепло в космос, и внизу, на земле, воздух достиг наконец точки

росы. Холодный газовый шар представляет собой превосходную поверхность для конденсации.

— Охо-хо, — сказал он вслух. Затем, топнув ногой по палубе, проорал. — Лед! Просыпайтесь!

ГПири вскочил, сев, точно кролик из детской книжки.

— Что неладно? — спросил он.

— Оледенение, — ответил Амундсен. — Давай, вышвыривай балласт. Я полез наверх сбивать лед. — Он выхватил лыжную палку из груды их имущества, обернул ее конец рубашкой и привязал ее, чтобы получилась мягкая дубинка, затем открыл верхний люк и вскарабкался вверх по снастям, находившимся между гондолой и шаром.

Пири выбрался из спального мешка и натянул тяжелую парку и леггинсы. Как только стало достаточно пространства для маневра, Гресса проделала то же самое, и оба начали опустошать мешки с балластом.

— Эдак у нас скоро весь балласт выйдет, — заметил Пири несколько минут спустя… — И, в любом случае, на хрен нам от этого пользы. Падаем, и все тут.

Они слышали, как Амундсен наверху лупит своим орудием по нижней части газового шара

и ругается.

— А ну, пошел, у, зараза, давай отсюдова!

Осколки льда загремели по гондоле, когда ему удалось кое-что сбить, но он не преуспевал существенно заметней, чем двое, выбрасывающие балласт.

— Дерни за канаты рефлектора, — крикнул он через люк. — Наверняка удастся скинуть хоть сколько-нибудь этой дряни.

— Неплохая мысль, — согласился Пири. И потянул за регулирующие канаты, ведущие к лентам с магнитами, окружавшим шар. Сперва они сопротивлялись, затем поддались. Мимо окон пролетело куда больше льда, но аппарат продолжал снижаться.

— Вонючее падло все еще валится! — проорал он. И сказал Грессе. — Продолжай опорожнять мешки. — А сам схватил другую лыжную палку, обернул ее конец и вылез, чтобы присоединиться к Амундсену.

Пространство между гондолой и шаром заполнил лабиринт заиндевелых канатов, расширяющийся кверху и образующий сеть над шаром.

— Придется забраться на самую верхотуру, — сказал Амундсен напарнику. Используя сеть как лестницу, он, подтягиваясь, стал карабкаться,

кистями рук и стопами цепляясь за веревки снизу, чтобы удержаться, и останавливаясь через каждые несколько ступеней, дабы поколотить своей мягкой дубиной по всему, что оказывалось в пределах досягаемости. Пири занимался тем же с другой стороны, двигаясь зигзагами взад-вперед, с тем, чтобы обползти как можно большую часть выпуклой поверхности.

Они думали, что лиха беда начало, пока висели, как пауки, под округлыми боками шара в нескольких тысячах футов от земли; но когда они одолели полпути, лед сделался куда толще, а осколки, которые они сбивали лыжными палками, забрызгали прямехонько по рукам и лицам. Вдобавок, холодный воздух проносился вверх мимо них — теперь, когда корабль падал, взметывая лед повсюду вокруг них. Туманный вал внизу вздымался им навстречу.

— Песок кончился! — Прокричала из гондолы Гресса. Ее голос чисто прозвенел в морозном ночном воздухе.

— Вышвыривай мебель! — крикнул в ответ Пири. — Выкидывай все, без чего мы можем обойтись!

— А как же люди под нами?

— А ну их в жопу! Ты не думаешь, что их куда

чувствительней пришибет аппаратом?

Веревки заскрипели, и корабль колыхнулся у них под ногами — Гресса отворила дверь и выкинула в ночь стулья, но и эта мера не остановила падения. Пири и Амудсен, как безумные, колотили по шару, но лед на верхушке пристал к оболочке, словно клей, а в такелаже застревала немалая доля того, что им удавалось сбить. Гресса отодрала от стены стол и послала его следом за стульями.

— Что теперь? Еду или снаряжение? — прокричала она.

— Выкинь палатки, — велел ей Амундсен. — Мы сможем сшить новые из оболочки шара, когда приземлимся.

Гресса разинула рот.

— Палатки из оболочки? А как же мы попадем домой?

— Похоже, нам предстоит Экспресс Самоубийств, если только не повезет, и мы не заручимся помощью местных жителей, чтобы починить аппарат.

— Экспресс самоубийств? А стоит ли на это пускаться лишь для того, чтобы попасть к полюсу? Думаю, я бы предпочла просто вернуться домой обычным путем и попытаться все начать заново.

Пири фыркнул.

— Ха! Да попробуй поверни обратно из здешних краев! Выбрасывай палатки, и спальные мешки заодно! Построим иглу, и будем там спать одетыми. В крайнем случае, можно выкинуть и что-нибудь из еды: вся она нам и так, и эдак не понадобится при путешествии в один конец.

Воя с досады, Гресса начала выполнять его приказ, сверяясь со статоскопом всякий раз, когда через дверь отправлялся очередной груз. Аппарат ухнул в облака, и всех ужаснула вероятность расшибиться в лепешку о вершину горы, но в конце концов их судно замедлило спуск и остановилось, ни обо что не ударившись.

— Мы опять поднимаемся! — прокричала Гресса.

Пири и Амудсен прекратили лупить по шару.

— Как скоро? — спросил Амудсен.

— На несколько сотен футов в минуту. Стой, а теперь — быстрее.

— Ух-ху. Перестарались. Вероятно, придется выпустить немного водороду, а не то взлетим слишком высоко.

Действительно, несколько минут спустя они рванули вверх через облака, точно ракета, веревки заскрипели, и еще больше льда свалилось

по мере того, как шар расправлялся во все более разрежающемся воздухе. Амундсен слез по снастям обратно в гондолу и помог Грессе стабилизировать высоту, потянув канат, связанный с водородным клапаном на крыше их шара, и попытавшись выпустить как можно меньше, но зная, что если они выпустят недостаточно, шар разорвется от внутреннего давления, и тогда они рухнут, точно камень, навстречу верной смерти.

Наконец, они стабилизировались на высоте 15 000 футов, но это было все равно, что ехать на йо-йо. Разреженный воздух на большой высоте оказывал куда меньшее сопротивление движению, и ничтожнейшее нарушение равновесия швыряло их вверх или вниз на сотни футов, прежде чем они успевали его восстановить. Когда скапливающийся лед снова стал вызывать снижение, Пири, который оставался снаружи, должен был его скалывать, но если он сбивал слишком много, Амундсену приходилось выпускать водород, дабы воспрепятствовать нежелательному подъему. На это у них ушел остаток ночи, время от времени они менялись местами, так что никто из них не рисковал замерзнуть насмерть снаружи на обледеневающем шаре.

— Мы словно погоняем упрямого мула, —

заметил Амундсен во время одного из своих дежурств. — Бедную скотину приходится бить, чтобы она шла куда надо.

— Ха! Ты, в конце концов, не так уж отличаешься от Скотта! — Смеясь, заявил Пири. Роберт Скотт выступил в свою полярную экспедицию с сибирскими лошадками, которые тянули его сани.

Амундсен не рассмеялся.

— Надеюсь, что нет, — сказал он. — Лошади Скотта пали еще до того, как он по-настоящему выступил.

— Мы уж больше, чем просто выступили, — обнадежил его Пири. — Не беспокойся, мы еще куда-нибудь доведем нашего переросшего мула.

* * *

Заря не спешила заняться на столь высокой широте, но когда солнце наконец выглянуло из-за горизонта, лед стал таять, и приходилось снова и снова выпускать водород, чтобы не взвиться чересчур высоко.

— Гм, похоже, полет близится к концу, — сказал Пири, расхаживая взад-вперед по такой просторной отныне гондоле. — Балласта больше нет, если только мы не пожелаем выкинуть все оставшееся снаряжение и жратву. Мы можем

проболтаться в воздухе до конца дня, но, когда ночью опять начнется охлаждение, мы пойдем вниз в последний раз.

— Если бы я только не задурила и не выкинула слишком много, — пожаловалась Гресса. — Это все я виновата.

Амундсен возразил:

— Чепуха. Если бы не сбросила все, что сбросила, мы бы врезались в землю и угробились. Или утонули бы в Реке. А пока складывается так, что у нас — еще целый день для полета, попутный ветер дует в спину, и до цели — лишь несколько сотен миль. Мы сядем как можно дальше к югу и посмотрим, нельзя ли получить помощь у местных жителей. Если нет, что же, пройдем, сколько осталось, пешочком.

— Хотел бы я знать, какой из протоков Реки уходит дальше прочих к югу, — заметил Пири долинки, проплывающие во многих милях внизу. Теперь, когда путешественников отделяло от полюса лишь несколько градусов широты, все больше и больше отрезков реки совершало последний поворот и вновь отступало на север, и по обе стороны оставалось по участку русла, которые бежали дальше. Один из них должен протянуться дальше всех прочих, и если исследователям при-

дется сесть на Реке, предпочтительна его долина. Но не было способа угадать, что это за участок, пока они фактически не доберутся до конца.

Весь день двигатель на рыбьем жире нес их вперед с неизменным чуф-чуф, прибавляя несколько миль в час к скорости их дрейфа на юг. Но солнце так низко стояло над горизонтом, что двигатель выдавал лишь несколько процентов от своей работы на экваторе. Пири честил его и так, и эдак, ибо машина почти что стала мертвым грузом, и если бы слова могли нагревать котел, их колымага могла бы облететь вокруг света в течение дня, но Пири преуспел лишь в нагревании своих легких и ушей своих спутников.

Позднее, когда настал вечер, и, судя по всему, следовало бы выбрать наобум какую-нибудь долинку, они увидели в отдалении полярную ледяную шапку.

— А вон самое южное ответвление Реки, — сказала Гресса, указывая далеко на запад, где с дюжину параллельных каньонов юг-север огибало прочие ровной кривой и омывало основание ледяной шапки, точно замковый ров.

— Следует нам двигать туда или попытаться достичь самой полярной шапки? — спросил Амундсен Пири.

— Мы на широте восемьдесят пять градусов, — ответил Пири. — Лишь в нескольких сотнях миль до полюса. Если удастся дорваться до шапки, мы сможем за несколько дней пробежать то, что осталось, на лыжах.

— А если не удастся, вся жизнь может уйти на то, чтобы лазать по горам, дабы всего-навсего пересечь последние несколько дюжин долиночек, — усмехнулся Амундсен.

— Если подадимся к самому южному руслу, нам предстоит взобраться, по меньшей мере, на одну гору, — указала Гресса. — И эта последняя перед ледяными просторами выглядит почти вдвое выше остальных.

Она была права. Горы, разделявшие речные излучины, были достаточно низкими при таком масштабе, но полярное плато возвышалось на тысячи футов над тем, что его окружало. На расстоянии трудно было судить, но граница плато смахивала на гладкую скалу.

— Слушайте, надо брать курс на шапку, — произнес Пири.

Амундсен, изучавший местность внизу, долгое время ничего не говорил. Солнечный двигатель давал ничтожно мало на этой широте; они были, практически, отданы на милость ветра, и сила

Кориолиса сносила их к востоку, так как воздушные массы над полюсом втягивались внутрь. Если они попытаются сместиться на запад, они почти наверняка ненамного продвинутся вперед, на юг, и все, чего они достигнут — это меньшее приближение к цели.

— Отлично, — сказал он наконец. — Берем курс на шапку.

И начались состязания с наступающей ночью. На их высоте день длился дольше, чем на земле под ними, но все же они находились недостаточно высоко, чтобы оказаться в крохотной области двадцати четырех светлых часов над полюсом. В любом случае, солнечный свет, проникающий в атмосферу под таким малым углом, нес мало тепла, и когда шар стал охлаждаться, аппарат начал свой последний спуск. Когда двигатель, наконец, прохрипел и заглох, они сбросили его за борт, но это дало им лишь недолгий взлет на тысячу футов или вроде того, прежде чем они снова не начали падать. Они стали рыться в рюкзаках, выбрасывая лишнюю одежду, кухонную утварь, снова еду — все, чего только было не жаль. К концу Пири даже начал отпиливать куски от самой гондолы.

Наконец, они продрейфовали над последним отрезком Реки. Скала у границы полярного плато

и впрямь оказалась отвесным обрывом не менее мили высотой, и, миновав его, они ликующе завопили, обнимая друг друга, и запрыгали, пока весь аппарат не заколыхался точно пьяный мотылек. Но и теперь отнюдь не все было позади. Они находились в тысячах футов над поверхностью планеты, в потоке, движущемся на юг, но ниже дули противные ветры, под которые они вот уже два дня как старались не угодить. Нужно было продрейфовать как можно дальше вглубь полярного плато, а затем совершить быстрый спуск ко льдам, прежде чем противные ветры не снесут их обратно к Реке.

И они растянули дрейф, насколько смогли, избавившись от своих незаменимых лыж и рюкзаков, полных оборудования, и даже от Граалей, чтобы хватило сил еще на полмили, зная, что все, сброшенное на лед, они смогут опять подобрать после посадки, но вот уже в гондоле ничего не осталось, а они спускались в поток воздуха, летевший на север.

— Ускоряй спуск, — сказал Пири, когда увидел, что их сносит назад, и Амундсен дернул за канат клапана. Водород со свистом вырвался из верхушки шара, и скорость падения сделалась нешуточной. Они неслись вниз не так стреми-

тельно, как тогда случилось первое оледенение, но посадка предстояла жесткая.

— Готовьтесь, у самого льда — прыгаем, — предупредил Пири, но вместо того, чтобы подойти к двери, он вылез через верхний люк на крышу гондолы и вытащил нож из ножен.

— Ты что делаешь? — спросил его Амундсен.

— Собираюсь распороть шар, когда сядем, — ответил Пири. — А не то его сразу же унесет за скалу.

Амундсен, судя по его виду, не прочь был поспорить, но он не хуже Пири понимал, что все деревянное в гондоле, ткань оболочки шара и даже опутывающие его веревки — это надежда выжить на льду полярного плато. Он кивнул и сухо заметил:

— Будь осторожней.

Они спускались под все увеличивающимся углом, так как их подхватил ветер, дующий у поверхности. Чем ближе к земле, тем больше обозначался рельеф — внизу раскинулась покатая равнина со снежными холмами, напоминавшая замерзший на полном движении бурный океан. Темные скалистые хребты пробивались через лед, там и сям были рассыпаны валуны. Низкое положение солнца вызывало густые, словно за-

води, тени, где могло таиться все, что угодно.

Край скалы, находившейся лишь в нескольких милях от них, казалось, взмывал вверх к горизонту, резкая белоснежная линия не позволяла определить топографию внизу, даже когда скала приблизилась. Когда скала оказалась примерно в миле от аппарата, а тот был еще на высоте нескольких сотен футов, Пири прокричал:

— Выпускаем газ! Надо, чтобы вовсю пукнуло, или прощай, шапка!

— Мы здорово грохнемся! — прокричал в ответ Амундсен, но миг спустя он, очевидно, решил, что это лучше, чем если их убьет, швырнув на горы, с юга огибающие Реку. Он потянул за канат клапана, как если бы мог этим подтянуть аппарат к ледяной поверхности.

Лед рванулся им навстречу, но не менее быстро приближался и гребень скалы. Гресса присела на корточки в дверях, готовая прыгать, если станет похоже на то, что их унесет за скалу до посадки, но гондола упала, не долетев до гребня сотни футов.

Ударившись, она крутанулась, и, не удержавшись на месте, прокатилась волчком еще с дюжину футов в сторону обрыва, но примерно фут мягкого снега поверх льда затормозил падение, и она, заколебавшись, остановилась посреди

облака белой метели. Амундсена бросило на пол гондолы, но миг спустя он пополз к двери и вывалился наружу, в снег. Пири висел на снастях, как безумный, полосуя шар ножом.

— Брось его! — прокричал Амундсен. — Прыгай!

Аппарат, избавившийся от веса двух людей, опять потянулся в воздух. Прорези, которые сделал Пири в нижней части шара, едва ли на что-то влияли.

Ругаясь, он соскочил с гондолы, пролетел пятнадцать футов и, очутившись в снегу, вонзил туда нож, точно ледоруб, что помогло ему затормозить лишь в двенадцати футах от обрыва.

Аппарат оторвался от гребня скалы, один раз повернулся вокруг себя и пропал за скалой в нисходящем потоке, Пири произнес.

— Ну, вот и прилетели. А теперь — самое веселое.

Они брели на запад в сгущающихся сумерках, ища снаряжение, выброшенное за борт, но снаряжение нашло их само. Они пробивались на край длинного сугроба север-юг, когда услышали сверху низкий рык, и над головами у них появилось с полдюжины мохнатых белых созданий. Создания были нагружены шкурами, рюкзаками

и едой, точно мародеры, возвращающиеся после удачного налета на спортивный склад.

Увидав Пири, Амундсена и Грессу, они выронили добычу, хором заухав и закрякав от изумления. И тут Гресса прокричала:

— Дерьмо собачье, я знаю этих ребяток! — и побежала им навстречу. Они рассеялись, вопя, но Гресса протренькала что-то на их родном языке, и один из них задержался, подхватил со снегу побольше добра и, колеблясь, отступил на несколько шагов, явно узнав ее, но столь же явно не уверенный, что означают ее наряд и ее спутники. Гресса подошла к нему, что-то лопоча, и миг спустя, он избавился от напряжения, и они принялись обниматься, точно влюбленные после долгой разлуки. Когда он наконец выпустил ее, она обернулась к Пири и Амундсену и крикнула:

— Эй, познакомьтесь с моим братом!

* * *

Встреченные принадлежали к племени йети, численностью около тридцати, которые жили в пещерах, окружавших один-единственный грейлстоун в нескольких милях к западу. Они приняли у себя путешественников, и впервые с тех пор, как они покинули дом, исследователи

поели горячего. Затем все уселись у костра близ входа в самую большую пещеру и стали обмениваться рассказами.

Йети мало что нашлось рассказать: грейлстоун обеспечивал их пищей и топливом, но на плато не водилось никакой дичи для охоты, и никто пока что не отыскал дороги вниз, на другие земли.

Пири задал им лишь один вопрос: не выступали ли когда-нибудь к полюсу они или кто-то другой. Гресса перевела, и, когда ее брат ответил, сказала:

— Кийика говорит, что никогда ни о чем таком не слыхал. Никто отсюда ни разу не удалялся больше, чем на два дня пути на юг, так как в этом направлении больше нет грейлстоунов. Он говорит, что есть другие племена йети, разбросанные по всему краю полярной шапки, но он также никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь из них ходил к полюсу.

— Спроси его, не поможет ли он в этом нам, — сказал Пири.

Гресса перевела и, когда брат ответил, рассмеялась и пояснила:

— Он говорит: «А почему бы и нет? Тут все равно больше делать нечего».

Пири улыбнулся.

— Отлично. Тогда вот что… — и он стал описывать, как переносят еду от тайника к тайнику, создавая вспомогательную цепь от базового лагеря на всем пути к точке, откуда главная команда сможет совершить последний рывок к полюсу.

Они провели последующие несколько дней, запасая пищу и чиня лыжи и рюкзаки, пострадавшие при падении на лед. Оба — и Пири, и Амундсен, жаждали поскорее закончить то, что начали, но предыдущие ошибки на Земле научили обоих не слишком полагаться на удачу. И они терпели, пока все не было готово, прежде чем снова выступить в путь, на этот раз — с дюжиной помощников-йети.

Они бежали на лыжах по десять-двенадцать часов в день и строили снежные иглу, чтобы спать по ночам. Йети на лыжах не ходили, но их широкие мохнатые лапы действовали как снегоступы, и, если они теряли в скорости, то брали свое выносливостью. Они возвращались парами, пара уходила каждый день назад, по цепи, в то время как оставшиеся спешили вперед.

Наконец, примерно в каких-нибудь пятидесяти милях от южного полюса, последняя пара йети покинула их троих, готовых завершить путешествие, в которое они пустились за полпланеты

отсюда. Они одолели половину расстояния за один день, затем пришлось провести два дня в иглу, в то время как вокруг гуляла метель, и было практически ничего не видно. Они выбрались из убежища утром третьего дня, местность вокруг усеивали самоцветы: грани свежевыпавших снежинок преломляли красноватые лучи низкого солнца на самый разный манер. В такой близости от полюса ветер был совсем нежным, и они вновь выступили на юг, совершая на лыжах длинные нетерпеливые рывки и покрывая три-четыре мили в час. Чем ближе к цели, тем пристальней они обозревали горизонт впереди, ища признаки того, что кто-нибудь другой уже прошел здесь, но ничто не нарушало однообразия белой пустыни.

И вот, когда, по их подсчетам, их отделяло от полюса около пяти миль, Амундсен указал на несколько градусов вправо и спросил:

— Что это?

— Где? — переспросил Пири, всматриваясь.

— Я вижу у горизонта что-то, торчащее вверх.

Пири сощурился и заметил:

— Скала.

— Довольно высока для скалы.

— Значит, это высокая скала, ишь, курва.

— Может быть, это каирн, — предположила

Гресса. — Может, кто-то нас все-таки обскакал.

— Нет, — заявил Амудсен. — Высота этой штуковины — футов двадцать.

— Значит, это треклятые чужаки, — со вздохом произнес ГІири. — Они поставили башни на обеих концах. — И оглянулся на пройденный путь, как будто и впрямь подумывал, что стоит податься обратно, не дошагав до самого конца. Но он тут же покачал головой и вновь устремился вперед. Амундсен и Гресса молча последовали за ним.

Казалось, башня становится тем выше, чем заметней они приближались, и они начали понимать, что недооценили ни ее размеры, ни расстояние до нее. Положившись на сухие расчеты, они неверно определили количество миль до полюса. Они преодолели еще десять миль, прежде чем поравнялись с башней — гладким стальным цилиндром в двадцать футов шириной и в сотню высотой.

Мерное низкое гудение, почти на пределе слуха, наполняло воздух и вызывало дрожь в почве; несколько минут спустя стало заметно, что цилиндр медленно вращается против часовой стрелки.

— Мировая ось, — со смехом изрек Амундсен. — Ну и хохма!

— Да насрать мне на их хохмы, — огрызнулся Пири и, развязав штаны, пустил струю. Его моча замерзла, едва плеснула на металл. Гресса объехала на лыжах цилиндр и ахнула:

— Эй, сюда!

Амундсен и Пири поспешили к ней вокруг столба, и увидели, что Гресса стоит на коленях над двумя телами. Они насквозь промерзли. Одно было небольшим, с длинными темными волосами и тяжелым носом, другое — более изящным и точеным.

— Кук, — произнес Пири, уставившись на смуглого.

— Скотт, — сказал Амундсен, поглядев на второго.

Пири сокрушенно покачал головой.

— Может быть, мне не следовало клясться, что мы с ними встретимся в преисподней.

Гресса наклонилась и вытащила кусок бумаги из сжатого кулака мертвеца.

— Они оставили нам записку, — объявила она.

Пири принял у нее бумагу, точно ядовитую змею, и, держа в вытянутой руке, стал читать:

— «На семьдесят третий день двенадцатого года после Воскрешения, Фредерик А. Кук и Роберт Ф. Скотт достигли этого места, Южного

Полюса этой необычайной планеты, которую мы волей-неволей называем теперь домом…» Богоматерь собачья, да сколько лет они тут валяются! «Любым другим, которые сюда придут, наши сердечные поздравления по случаю завершения этого труднейшего предприятия, и просим вас всех помнить, что лишь те, кто преодолевает чудовищные препятствия, такие, как здесь и теперь, найдут то, чего ищут в своих сердцах». У, воз и маленькая тележка!

— Ничего подобного, — возразил Амундсен. — Это нагая истина. И это куда милосердней, чем записка, которую я оставил Скотту, когда побил его на Южном Полюсе Земли.

— Ха! Послушайте дальше. «Если Роберт Пири или Руал Амундсен когда-либо явятся сюда, мы считаем, что счет отныне сравнялся, и оставляем здесь наши тела как доказательство нашего достижения. Приглашаем вас присоединиться к нашему новому предприятию — взойти на высочайшую вершину этой планеты, каковая ею ни оказалась бы. Мы не спешим к ней на всех парах, и, поскольку Скотт уже однажды замерз насмерть и, как он мне говорит, это менее чем приятно, полагаю, вы отыщете нас в более тропическом климате в последующие годы. Искренне ваш Фре-

дерик А. Кук». Пири скомкал записку и швырнул ее на грудь мертвому сопернику. — Воображала чертов, — прорычал он.

Амундсен кивнул.

— Разумеется, воображала. Или ты не понимаешь, что в этом-то и загвоздка.

Пири не ответил. Он лишь уставился куда-то вдаль.

— А в чем загвоздка? — полюбопытствовала Гресса.

Амундсен сказал:

— Он советует нам не сдаваться. Если кто-то тебя побил, не ной, потому что у тебя всегда есть возможность взять верх в чем-то другом. Племя, которое воскресило нас на этой планетке, пытается приручить нас. Одомашнить. Но мы не можем им этого позволить. У людей вроде нас в крови жажда сберечь древнюю искру, сохранить нашу свободу и целеустремленность даже в плену. — Он указал рукой на столб около них. — У Пири была правильная позиция минуту назад: да насрать мне. Насрать на всю ситуацию, на любого, кто пытается управлять нашей жизнью. Делайте, что вам угодно, и здесь, и везде.

— Ты словно читаешь некие огненные письмена между строчками, — заметил Пири.

— А они там и есть.

Пири угрюмо сверкнул глазами.

— Значит, насрать? И продолжать в том же духе, как будто это что-то значит?

— А это кое-что значит. Это значит, что мы живы. Что мы собираемся делать дальше — вернуться, чтобы хандрить на берегу Реки, видя, как другим достается все удовольствие? Давайте сделаем то, что предлагает Кук: отыщем высочайшую вершину этого мира и взберемся на нее.

— Даже если он уже будет махать нам оттуда флагом?

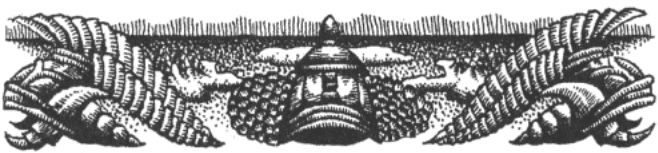
— Даже если так. Мы поставим наш флаг рядом, и все вместе покажем нос здешним богам. А затем придумаем что-нибудь похлеще. Например рванем к звездам.

Пири оглядел два тела у своих ног. Забавно было видеть, как его с Амундсеном соперники простерты на льду, и знать, в то же время, что они разгуливают на просторе где-то в другом месте, срывая чьи-то тщательно продуманные планы.

Его хмурое лицо медленно разгладилось. Он ухмыльнулся и произнес:

— Значит, к звездам? Черти полосатые. Разумеется. Стоящее было бы дело.

Оул Гоинбэк
Край чудес[52]



Крики страдания и боли наполнили ночь. Долгие и пронзительные, от которых плоть стынет, словно клинок превосходно заточенного ножа, царапающего кость. Сидящий Бык медленно греб, изо всех сил удерживая каноэ на середине Реки, подальше от безумия, охватившего берега.

Он хмуро наблюдал, как языки огня, треща, набрасывались на тростниковые хижины, уничтожая то, что еще недавно было деревней. Когда пламя — умышленно пущенное завоевателями с противоположного берега — взметнулось в ночи, стали видны тени, бившиеся и умиравшие среди разгула насилия.

---

[52] notes: 52

A PLACE OF MIRACLES by Owl Goingback Copyright© 1993 by Owl Goingback.

Не впервые он стал свидетелем подобного дикого зрелища и слушал душераздирающие вопли. Мальчиком он слышал, как его мать заходится в погребальных причитаниях, вскоре после того, как воин из племени Ворон пресек жизнь его отца, Вновь Возвращающегося. В скорби мать обрезала волосы, а руки изранила кремниевым ножом. Юным воином он слышал вопли женщин и детей, тела которых разрывали в клочья пули бледнолицых. Позже, когда он был никчемным стариком, он лил горькие слезы при криках недокормленных ребятишек, страдавших и умиравших от эпидемий кори, инфлюэнцы и коклюша. Болезней бледнолицых. Их стоны не давали ему покоя даже во сне до того дня, когда он умер.

Сидящий Бык не сомневался в том, что мертв. Он очень хорошо помнил свою смерть. Это случилось недоброй холодной ночью зимой в Канаде. Он крепко спал, и его внезапно разбудил грохот ударов: дверь его крохотной хижины распахнулась, и внутрь ворвалось около двенадцати племенных полицейских. Хотя эти полицейские тоже были индейцами — некоторые даже из его племени, — они были подкуплены долларами и виски бледнолицых и делали грязную работу.

Они дошли до самой Канады, чтобы арестовать Сидящего Быка и вернуть его в резервацию Стендинг Рок.

Судя по всему, бледнолицые боялись, что назревает новая индейская война. Они сочли, что танец духа, начатый Уовокой, прорицателем Пайюте — это призыв к кровопролитному восстанию. Где им было понять, что танец духа — это всего-навсего священный обряд, молитва Великому Духу, дабы изменил жизнь и сделал такой, какой она была до прихода бледнолицых. Сидящий Бык тоже пытался исполнить танец духа, но это оказалось не для него. Он не верил больше, что осталась надежда для его народа. И не думал, что танец может обратить вспять нашествие белых поселенцев, которые пожирали все кругом, как саранча. Но имя его было слишком известно, и бледнолицые обвиняли его во внезапной популярности танца духа и в том, что он подстрекает индейцев к беспорядкам. Они не видели его таким, каким он теперь стал: старым усталым индейцем, который сложил оружие и оставил тропу войны, чтобы провести в мире свои последние годы.

Его последователи собрались снаружи и глядели через открытую дверь, как полицейские

выволакивают Сидящего Быка из постели и заставляют стоять нагого и дрожащего посреди хижины. Негодуя, как они посмели с ним, святым человеком, так обращаться, он воспротивился аресту. Во время борьбы кто-то выстрелил. Сидящий Бык не знал наверняка, кто стрелял: полицейский или один из его людей. Неважно. Кто бы ни выстрелил, а вина пала на него. И, хотя он не был вооружен, один из племенных полицейских выхватил пистолет и пальнул ему в бок.

Рыдая от боли, Сидящий Бык схватился за бок и осел на пол. Лежа там с медленно текущей из раны кровью, он наблюдал, как Генри Тяжелая Голова, индеец из тех, что крутятся у форта, вышел вперед, взвел курок и разрядил пистолет ему в голову. Когда пуля пробила череп, была ослепительная вспышка, боль, а затем стало темно.

Сидящий Бык провел рукой по голове, ища место, куда ему попали. И пальцы ничего не обнаружили: ни шишки, ни раны, ни пятна засохшей крови. Ничего. Даже шрама. Он исцелился. Пропали и все шрамы, которые он получил при жизни в боях и лишениях. Даже хромоты, от которой он страдал после того, как ему выстрелил в ногу вождь племени Ворон, больше не наблюдалось. В сущности, тело его не было уже старым разбитым

сосудом, вместилищем духа того, чей расцвет миновал. Оно стало молодым и крепким, как тогда, когда глаза его успели повидать не более двадцати зим.

Он вновь потер голову ладонью и содрогнулся. Пропали и его длинные шелковистые волосы, которыми он так гордился при жизни. Голова его, гладкая, точно у младенца, была в день Воскрешения покрыта лишь коротенькими-волосенками.

Это всего-навсего волосы. Они снова вырастут.

Сидящий Бык нахмурился. Если он действительно в мире духов, это совершенно не походило на то, чего его приучили ожидать. Здесь не было необозримой равнины с золотыми травами и тихими реками, о которых говорили знахари и племенные старейшины. Равнина-то была, но совсем маленькая, тянувшаяся лишь около мили по обе стороны широкой Реки. Дальше лежали лесистые холмы, а за ними — крутые снежные горы.

Бизоньи стада не слонялись по травяным просторам. Орлы не парили над головой. В сущности, после пробуждения он не увидел ни одного зверя или птицы. Правда, в Реке водилась рыба, а по ночам из земли выползали черви, но он никогда не считал рыб и червей своими братьями.

Впрочем, хотя в этой стране не хватало зверья и птиц, с людьми обстояло иначе. Их тут имелось предостаточно. Огромные толпы. И все — бледнолицые.

О, Великий Отец, ты совершил ужасную ошибку. Ты отправил меня не в то место. Это не страна духов моего народа. Это рай бледнолицых.

Его немало рассердило, что ему предстоит провести вечность с теми, кто украл священные Черные Холмы, сжег селения его народа и перебил всех бизонов, что обрекло детишек на голод. Он бы раскрасил лицо и вновь выступил на тропу войны, но нигде не имелось ружей, как ни ищи, а врагов — слишком много, чтобы воспользоваться лишь луком и стрелами. Поэтому он решил не воевать, а выдолбить каноэ из поваленного ствола и пуститься в нем вниз по Реке в поисках своего народа. До сих пор его путешествие было безуспешным.

Пламя, пожиравшее деревню, взметнулось выше, еще ярче осветив бой, идущий на берегу. Главная схватка завязалась вокруг одного из больших грибовидных камней, где наполнялись едой железные ведерки.

Трижды в день голос Великого Духа гремел над землей, и его копья из истинного огня взле-

тали в небо от грибовидных камней. И всякий раз в любом из ведерок, поставленных на такой камень, чудесным образом появлялась пища. К несчастью, многие из обитателей страны духов были недовольны тем, что находили в своем ведерке, и пытались украсть что-нибудь из чужих. Жадность, как представлялось, не была пороком, который бледнолицые оставили, когда перешли в иной мир.

На свое ведерко он глядел с презрением. Оно напоминало ему жестяные котелки, в которых стража разносила бобы и протухшую свинину, когда он был военнопленным в Форту Рэндалл. Две порции в день на индейца. Даже в раю бледнолицых все нормировано.

Он перевел взгляд от сражения на маленькую девочку, лежащую на носу каноэ. Совсем юное существо. Девять зим, в лучшем случае, десять. Кто-то избил ее. Все лицо в синяках, верхняя губа порезана и распухла. Вполне возможно, что ее вдобавок изнасиловали: порезы и синяки имелись на бедрах и внизу живота.

Он принял ее за мертвую, когда вытащил ее нагое тельце из Реки, но уловил слабое биение сердца. Очень слабое. И, когда он поделился с ней дыханием, ее маленькие легкие снова стали

дышать. И теперь он наблюдал, как ее грудная клетка медленно вздымается и опадает, как трудятся ее легкие, втягивая воздух в израненное тело.

Ее дух силен. Он отказывается уходить.

Уходить? А куда отсюда уходят? Разве можно умереть, если ты уже мертв? Но Сидящий Бык знал, что такое возможно. Он видел, как умерло несколько человек с тех пор, как начал свое странствие неделю назад.

Но куда уходят души отсюда? Или за этой страной — еще одна?

Возможно, после вторичной смерти духу позволяют перейти в лучшее место, туда, где раскинулись прерии и бродят стада бизонов, как в краю, о котором он тоскует. А потом он, наверное, может явиться в новый мир, не менее странный, чем тот, по которому сейчас движется Сидящий Бык.

Он все сидел и смотрел на девочку, и вот она кашлянула и открыла глаза. На лицее ее мгновенно появился испуг. Она захныкала и попыталась вылезти из каноэ. Сидящий Бык медленно поднял правую руку ладонью вперед — в знак дружбы — и заговорил на своем родном языке. Недоумевающий взгляд поведал ему, что она не понимает.

Он улыбнулся и попытался заговорить по-английски.

— Не бойся. Я тебя не обижу.

Она воззрилась на него, наверное, решая, стоит или не стоит ему доверять.

— Где… Где я? — спросила наконец она.

— В безопасности, — ответил индеец. — Я вытащил тебя из воды.

Она села и огляделась, на миг задержав взгляд на пылающей деревне.

— Мне холодно, — пожаловалась она и скрестила руки на груди.

У Сидячего Быка не имелось одеяла, но оказался при себе большой кусок ярко расписанной ткани, вроде той, из которого был сделан его набедренник. Он накинул ткань ей на плечи, а концы подоткнул под ноги.

Пошарив за спиной, он достал свое ведерко и поставил меж лодыжек. У девочки ведерка не было; должно быть, кто-то отнял. Вору от ведерка не будет никакой пользы, открыть чужое ведерко невозможно. Но без него девочку ждет верная голодная смерть. Индеец открыл свое ведерко и достал оттуда маленькую фляжку виски. Сидящий Бык никогда не касался губами отравы бледнолицых, но хранил ее на случай, если поже-

лает с кем-нибудь торговать. А сейчас это было как раз то, что нужно, чтобы согреть маленькое тельце.

Подавшись вперед, он поднес фляжку к ее губам, чтобы она отпила. Она отхлебнула] немного и дико закашлялась.

Он попытался уговорить ее сделать еще глоток, но она отказалась.

— Как тебя зовут? — спросил он, возвращая фляжку в ведерко.

— Крисси, — прошептала она.

— Хорошее имя, — заметил он, кивая. — Оно напоминает мне звук, который издают сверчки. Крисс, крисс, криссс… си.

Она улыбнулась.

— А тебя как зовут?

— Я Тантака Ийотаке.

Она сморщила носик.

— До чего глупое имя.

— Для тебя глупое, но у моего народа оно считается могучим.

— А что оно значит?

— Сидящий Бык.

Ее глаза расширились и наполнились благоговением.

— Ты слышала обо мне?

Она кивнула.

— Учительница нашего третьего класса читала нам рассказ о тебе.

Сидящий Бык был доволен, что он так известен, особенно — существу, столь юному.

— И что учительница говорила обо мне?

— Она говорила, что ты был вождем…

— Не вождем, — поправил он. — Знахарем.

— …и что ты убил генерала Кастера.

— Да, говорят, что я его убил. Не знаю. То был день великого смятения. Повсюду скакали солдаты. Вопили женщины. Шла стрельба. — Он пожал плечами. — Может быть, и я его убил.

Крисси поразмыслила с минуту.

— Не думаю, что ты его убил, а не то ты не попал бы в рай.

Сидящий Бык нахмурился.

— Может быть, мы не в раю.

— Нет, в раю, — возразила она, и в голосе ее зазвучал гнев. — Моя мама говорила, что все хорошие люди попадают в рай, когда умрут. А я вела себя хорошо.

Сидящий Бык указал на горящую деревню.

— Сюда допустили и дурных людей.

Крисси ничуть не смутило его замечание.

— Это потому, что Иисус здесь еще не побывал.

Когда он придет, он вышвырнет отсюда всех дурных. И пошлет их в другое место. И все будет в порядке. Рай прекрасен. Увидишь.

Они обсудили эту тему. Крисси, убежденная, что они на Небесах, рассказала все, что выучила об этом в воскресной школе. Но индейца это не поколебало. Он отказывался верить, что они — в месте, столь поразительном, как Небеса, которые описывала Крисси, в краю чудес. Ему пока что не доводилось видеть никого, кто летал бы на крыльях — Крисси называла их ангелами — или поля цветов, где весь день, смеясь, играли дети. До сих пор он только и видел, что горе и нужду, которые знавал при жизни.

Но, несмотря на расхождение во мнениях, Сидящий Бык получал громадное удовольствие от общества Крисси. Она была глотком свежего воздуха в этом зловонном мире. А он всегда любил детишек; и неважно, какого у них была цвета кожа.

Раздосадованная тем, что ей не удалось переубедить Сидящего Быка, Крисси нетерпеливо затопала ножкой.

— Подожди, вот придет Иисус, — она сморщила носик.

— И он докажет, что мы на небесах. Он…

Вжитть!

Кровь брызнула в лицо Сидящему Быку, когда из самой середины груди Крисси вырвался наконечник стрелы. Иззубренный каменный наконечник на тонком деревянном древке — уже, чем его мизинец.

— О, — сказала Крисси, и ее рот раскрылся. Она скосила глаза на стрелу, торчащую из ее груди, кровь капала с древка. — О-о-о-о… — И медленно подняла голову, глядя с вопросом на Сидящего Быка. Она пыталась сказать что-то еще, но ее глаза закатились, и она рухнула вперед. Из спины торчало древко с оперением.

— Нет! — возопил Сидящий Бык, схватив копье и встав во весь рост посреди каноэ.

Он настолько увлекся разговором, что позволил каноэ подплыть опасно близко к берегу. Их заметили. Каноэ, где сидело шестеро мужчин, мчалось наперехват. Оно было менее, чем в пятидесяти футах, и стремительно приближалось. Передний в нем стоял, прилаживая новую стрелу к своему луку. Прежде чем он успел выстрелить, Сидящий Бык отвел назад руку и метнул копье.

Копье полетело прямо, поразило цель и глубоко прошло в живот стрелка. Тот возопил от муки, когда копье — его наконечник был из рога

рогорыбы — разорвало плоть и кишки, а затем задело спинные мышцы и позвоночник. Раздался громкий всплеск, когда стрелок свалился в Реку.

Другого копья у индейца не было. Не было и времени, чтобы взяться за лук и стрелы. Чужое каноэ уже подошло вплотную. Схватив боевую палицу с каменной головой, он прыгнул и миг спустя приземлился среди врагов.

При жизни Сидящий Бык славился как свирепый воин. В двадцать пять лет он стал главой воинского союза избранных, который назывался Твердые Сердца, и носил их пояс. После смерти он отличался не меньшей храбростью и был не менее искусен как боец. И сейчас, один против пятерых, он стоял, точно взбешенный гризли, среди тех, кто посмел на него напасть.

И, едва обрел опору под ногами, как мощным ударом палицы раздробил вражеский череп. Быстро переступив через трепещущее тело, он напал на следующего, уже поднимавшегося, с каменным ножом в руке. Сидящий Бык отбил удар ножа, нацелившегося ему в живот, и ответил жестоким ударом в челюсть, рассеяв зубы противника по воде. Противник свалился за борт. Внезапное перемещение веса опрокинуло каноэ, и Сидящий Бык вместе с тремя оставшимися

противниками полетел в воду. Нырнув под перевернувшееся суденышко, Сидящий Бык вытащил из-за пояса нож с каменным лезвием и подплыл сзади к следующей жертве. Обхватил ее за шею и повлек под воду. Жертва брыкалась и пихалась, стремясь освободиться, но Сидящий Бык удерживал ее, снова и снова коля в спину. Почувствовав, что тело жертвы обмякло, индеец ослабил хватку и всплыл на поверхность. Рассекая воду, он оглядывался, ища двоих оставшихся, но они пропали из виду. Судя по всему, либо утонули, либо доплыли до берега. Изнуренный, Сидящий Бык подался обратно к своему каноэ, осторожно подтянулся и перевалился в свое крохотное суденышко.

Крисси лежала на носу лицом вниз в луже крови. Подавшись вперед, Сидящий Бык бережно приложил кончики пальцев к ее шее. Она была еще жива. Пульс прощупывался, пусть слабо. Стараясь не задеть стрелу, пронзившую Крисси, индеец подвел руку девочке под спину и тщательно перекатил свою спутницу набок. И тут ее глаза открылись.

— Привет, мой сверчок, — сказал он, заставив себя улыбнуться.

— Мне нехорошо, — пожаловалась Крисси. — Так болит, прямо скверно.

— Тсс… Лежи спокойно.

Она кашлянула и посмотрела на него: пристально, испытующе.

— Я умираю?

Сидящий Бык не солгал.

— Да.

Слезы побежали по ее щекам.

— Это нечестно, ведь я уже умерла. Почему я снова должна умереть?

Он не нашел, что ей ответить.

— И я теперь увижу Иисуса?

Сидящий Бык перебрал все, чему его выучили при жизни… все, что говорили индейские колдуны, которым он верил и священники бледнолицых, которым не верил.

— Да, — сказал он, кивая.

Слабая улыбка приподняла уголки рта Крисси — нежная и трепетная, словно крылья бабочки, затем исчезла.

— Ты подержишь мою руку?

Сидящий Бык протянул ладонь и взял Крисси за руку, переплетя ее пальцы со своими.

— Спасибо, — пролепетала она, медленно закрывая глаза.

Сидящий Бык наблюдал, как ее грудь вздымается и опадает, вздымается и опадает. И вот

— остановилась.

Сидящий Бык похоронил, Крисси примерно в миле вниз по Реке, футов в сотне от берега, в месте, где никто не жил. Он покрыл большими камнями, которые собрал у воды, а в центре поместил грубый деревянный крест. Он знал, что ей нужен крест.

После того, как все было готово, он присел и закурил трубку, вознося молитвы за душу маленькой девочки, которая тронула его сердце. И как раз кончил молиться и выбивал пепел из трубки, когда заметил приближающегося человека.

Хотя он видел сотни бледнолицых с тех пор, как воскрес в стране духов, в этом было нечто особенное, нечто, смутно знакомое. Он, несомненно, видел этого человека когда-то и где-то раньше, но он не мог вспомнить, где и когда.

Отложив трубку, индеец встал. Повернулся лицом к белому, который приближался, изучая его черты. Тот был худощав и мускулист, шагал, держа голову прямо и расправив плечи. У него была повадка предводителя, того, кто привык распоряжаться.

Но не ранее, чем этот человек оказался в десяти футах от него, Сидящий Бык его наконец узнал. В тот же миг и человек узнал Сидящего Быка.

— Ты, — прорычал человек, выхватив каменный нож из-за опояски своего набедренника.

Он выглядел после смерти совсем иным, чем при жизни. Ярко-синюю форму с блестящими медными пуговицами сменили пестрый набедренник и сандалии из рыбьей кожи. Не было больше ни длинной шевелюры, ни висячих усов. Но глаза все те же: холодные, проницательные глаза, в которых полыхало честолюбие, жадность и — да, возможно, и безумие.

Сидящий Бык схватился за свою палицу.

Пусть тот выглядел много моложе, чем когда они виделись в последний раз, и при нем не было его армии с длинными ножами, Сидящий Бык узнал бы его повсюду. Это был тот самый человек, который украл Черные Холмы. Человек, который принес так много страданий и горя индейцам.

— Кастер! — процедил сквозь стиснутые зубы Сидячий Бык. И устремился вперед, размахивая палицей.

Палица поразила генерала Армстронга Кастера в висок, свалив его наземь. Генерал попытался приподняться, но Сидящий Бык вновь ударил его и прикончил.

Тяжело дыша, Сидящий Бык глядел на безжизненное тело Кастера. Он видел сотни, если не

тысячи бледнолицых после воскресения. Вероятно, миллионы их жили у Реки. И наткнуться на того, которого он больше всех ненавидел при жизни, здесь и теперь было поистине поразительно. Что это, если не…

Чудо.

Холодок пробежал по спинному хребту индейца. Он поднял голову, почти что ожидая увидеть, что небо полно летающих людей.

Ангелы.

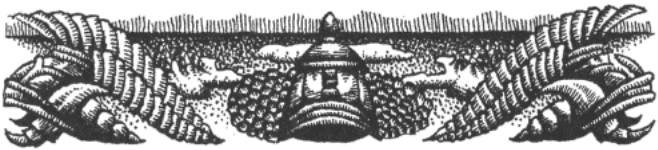
Он улыбнулся, вспоминая, что сказала Крисси, ибо ее слова теперь дали ему надежду — надежду, что он когда-нибудь отыщет свой народ и необозримые прерии, по которым он тосковал. В конце концов, он — в краю чудес, где все возможно.

Да, Крисси, Небеса — это и впрямь поразительное место.

Роберт Шекли
Представления Дягилева[53]

[53] notes: 53

DIAGHILEV PLAYS RIVERWORLD by Robert Sheckley Copyright © 1993 by Robert Sheckley.



Не стану задерживаться, сеньоры, на том, с чего или как все это для меня началось, ибо начало было одним и тем же для каждого, кто обнаружил, что возродился в этом месте, называемом Мир Реки. Все мы очнулись нагими и безволосыми, лежащими на короткой траве у берега бесконечной Реки. Близ каждого, присоединенный к запястью коротким ремешком, обнаружился предмет утвари, получивший название грааля: металлический цилиндр с несколькими отделениями внутри. Это чудесный источник пищи. Когда его вставляют в одно из углублений большого серого камня — из тех, что именуют здесь грейлстоунами, в периоды, сопровождаемые дьявольскими синими электрическими разрядами и низким воем, напоминающим шум внезапной бури высоко в горах, грааль наполняется пищей и питьем, появляется и наркотик, называемый жвачкой грез, а также спирт, а порой и вино, и почти всегда — табак.

Когда я возвратился к жизни, первым, о чем я

подумал, была моя смерть серым утром 1587 г., когда я сидел в своей келье в Саламанке, и усталость нахлынула на меня, а в жилах развилась внезапная слабость, которая подсказала мне, что конец близок. У меня было мало надежды вручить мою душу Господу. Я не много об этом думал, по правде говоря, ибо тому, кто прожил свою жизнь, как конквистадор и спутник братьев Писарро в Новом Свете, в Индиях, нет большой пользы думать, была его жизнь хороша или дурна. Мы, испанские конквистадоры, вызвались совершить известное деяние, и не особенно заботились, как осуществляем свою миссию. Жизнь дешево ценилась в те дни и в тех краях, и наша не стоила больше любой другой. Мы жили за счет меча, и от него же умирали, и я был достаточно поражен уже тем, что уцелел в те жаркие дни, и в дальнейшем прожил достаточно долго, чтобы волосы мои поседели, а смерть пришла ко мне в постели в университетском городке Саламанке, том самом, где я получил степень столь много лет тому назад. Помню, как я подумал, когда священник склонился надо мной и боль и апатия охватили меня: «Ну что же, вот и конец всему». Но я и догадываться не мог, что за порогом смерти лежит здешний Мир Реки.

В те первые дни на берегах Великой Реки я усвоил, вместе с прочими, недавно возрожденными, как пользуются Граалями и кое-что об условиях жизни в этом месте. Позднее я обнаружил, что был исключительно удачлив в том, насколько постепенно происходило мое знакомство с Миром Реки, ибо возродился на спокойном выступе Речного берега, где никто не хозяйничал, равный среди других, недавно возродившихся и вспомнивших себя, и равно невежественный.

Моими товарищами в те первые дни по воскрешении были наемники из Свободных Отрядов, которые вершили славные дела в Италии своего времени. То были умелые солдаты из Англии и Германии, и среди них — ни одного испанца. Мы общались на смеси испанского, французского, итальянского и немного — каталонского. Было не слишком трудно обмениваться мыслями, весьма примитивными. Как обычно в таких местах, имелись те, кто возродился на день или на неделю прежде других. И они показывали нам, как нужно обращаться с Граалями. И вот мы беседовали и размышляли о нашем жребии в Мире Реки, и пытались решить, что нам делать с собой.

И вскоре решение само к нам явилось. Немного прошло после моего воскрешения, когда отряд

примерно в пятьдесят человек приблизился к нам строевым шагом по берегу Реки. Мы сразу увидели, что они вооружены, а мы все слишком ясно осознавали, что безоружны. У нас под рукой не оказалось ничего, пригодного для боя в этом жутком месте, даже палок и камней. Тогда мы сгрудились поплотнее и постарались придать себе грозный вид, невзирая на нашу наготу, и стали ожидать, что предпримут вновь пришедшие.

Они шагали в строгом порядке — сорок или пятьдесят сурового вида мужчин, вооруженных деревянными палками и необычного вида мечами, которые, как мы позднее узнали, изготовлялись из рыбьих костей. Они были в броне, сделанной из крепкой сушеной кожи некоторых видов больших рыб, таившихся в глубинах Реки. Их предводитель имел более роскошное облачение, нежели его спутники, и его шлем из рыбьей чешуи украшали знаки различия. Он пожелал поговорить со старшим над нами.

До сих пор мы как-то не позаботились решить, кто из нас старший. Новое окружение полностью поглотило наше внимание. Поскольку я оказался лучше других знаком с языком вновь явившихся, а именно — с латынью, которую изучал в свое время в Университете в Саламанке, мне и выпало

быть нашим представителем.

— Что вы за народ? — спросил я, решив держаться потверже.

— Мы римские солдаты из легиона Фламиния, — ответил предводитель. — Я Руф Север, и меня избрали трибуном, дабы я представлял этих людей. А вы кто?

— Мы новички в этом месте, — поведал я ему, — все мы умелые бойцы, и предводителя у нас нет, за отсутствием такового я, Родриго Исасага, буду нас представлять, ибо лучше, чем другие, знаю ваш язык. Мы ожидаем сведений касательно того, каковы наши возможности.

— Вы должны радоваться, что повстречали меня, — сказал Руф. — Вы смотритесь, как довольно неплохой отряд. Но вас ждет несколько нелегких препятствий. Во-первых, вы не говорите на языке этих мест, который называется северным, хотя, как я понимаю, это его искаженная и упрощенная версия. Я советую вам выучить его как можно быстрее. Во-вторых, вы — ничьи люди в месте, где сильный быстро порабощает слабого. Здесь, в поселениях вдоль Реки, немало таких, кто счастлив был бы захватить вас и заставить себе служить. Они станут забирать большую часть пищи и все питье из ваших Граалей, а вам

оставлять лишь достаточно, чтобы вы жили полуголодными. Я предлагаю вам вступить в мой легион до того времени, когда вы сможете сами о себе позаботиться.

— Вас около пятидесяти, — заметил я. — Это не очень мощная армия.

— Это верно, — согласился Руф. — Но мы дисциплинированы, и у нас имеется то преимущество, что мы знали друг друга в прежней жизни. Это редкое везение в здешних местах.

Я поблагодарил его за сведения и попросил разрешения обсудить то, что он сказал, с моими товарищами. Затем сообщил им то, что узнал. Они все до одного решили присоединиться к Руфу. Я тоже. Не то, чтобы меня сильно восхитил этот римлянин. Но показалось, что лучше к кому-нибудь примкнуть, пока я не получу каких-то представлений о здешних условиях.

Так что встали в строй и зашагали следом за Руфом с его легионерами. Нас была дюжина. У римлян отыскалось несколько лишних дубинок, которые они предоставили в наше распоряжение. И мы двинулись в поход вверх по Реке.

Я провел несколько дней в этой римской армии и понял, что у них лишь чуть больше представления о том, что они делают, чем у нас.

Благоприятный каприз судьбы был причиной тому, что все они воскресли вместе. Руфус был прежде центурионом. Оглядевшись вокруг, он быстро организовал их и отыскал для них оружие, какое мог. Вскоре они увидели, что в этом месте каждый каждому волк. Они решили выйти в поход, и неважно, в каком направлении. Они надеялись отыскать других легионеров, а, возможно, и целый римский город или, в крайнем случае, галльский городишко, ибо некоторые из этих римлян были выходцами из Галлии.

Так проходили наши первые дни во время похода по плоскому Речному берегу, и нам встречались люди множества различных цивилизаций.

То была приятная прогулка, синьоры, несмотря на то, что римляне двигались хорошим шагом. Наш путь лежал по левому берегу Великой Реки, средоточия этого мира. Она напомнила мне Амазонку, где я имел честь служить под началом дона Франсиско де Орельяна, общества которого мне так отчаянно не хватало ныне. Но не было подлинного сходства меж этими двумя реками. Амазонка течет по миру буйных и густых джунглей. Когда туда попадешь, быстро начинает казаться, что это скорее море, нежели река. Трудно было продвигаться по любому из ее берегов,

настолько они заросли. Наша река, по контрасту, была похожа на нечто искусственное, и текла между плоскими и пустынными берегами. Примерно в миле от воды вздымались холмы, которые вскоре переходили в башнеобразные скалы, высочайшие, какие я когда-либо видел, а мне довелось видеть французские Альпы.

Как я сказал, то была сперва почти прогулка, а не военный поход, поскольку мы не были отягощены пожитками. Продовольствие можно было получать каждый вечер, и вода всегда была под рукой. Наши Граали были легкими. Мы также несли с собой полотенца, появившиеся близ нас при воскрешении. Они служили одеждой и постелями. Римляне даже соединили кое-какие из них вместе магнитными ремешками, дабы соорудить для себя подобие привычной римской одежды. Из полотенец делались также вещевые мешки, а, если оторвать от них полосы (это очень трудно, ибо ткань исключительно крепка), можно было привязывать разные предметы к телу — обычай, который мы переняли.

Вдоль берега Реки были рассеяна большие серые грейлстоуны, где мы были в состоянии останавливаться и получать продовольствие. Людей мы сперва видели очень немного. То был

ненаселенный отрезок Реки. Мы были в походе почти неделю, прежде чем наткнулись на сколько-нибудь крупные скопления народу. И тут нас ждала полная неожиданность. Ибо то были не европейцы, а китайцы.

Впервые мы увидели Детей Востока на заре восемнадцатого дня нашего похода. Они носили на своих темных волосах тканые повязки. Они были вооружены примерно так же, как римляне. Лица у них были плоские, желтоватого оттенка, почти такие, какие описывал мессер Марко Поло в отчете о своих странствиях.

Мы остановились и попытались с ними заговорить. Несколько из них до некоторой степени знали итальянский, и мы услышали, что они служат Хубилай Хану, который выстроил укрепленный город неподалеку. Нам сказали, что великий хан неизменно рад пришельцам, ибо ему всегда охота послушать о нравах и обычаях людей из дальних краев. Римляне ничего не слыхали о нем, ибо он родился много спустя после их времени. Но я был способен сообщить им, что Великий Хан возглавлял империю большую, чем Римская.

Я также расспросил китайцев о местонахождении Марко Поло, но они не располагали

сведениями о нем. Мы переговорили между собой и решили отправиться с китайцами в их лагерь.

Ксанаду был крупной бамбуковой деревней, расположенной на равнине и обнесенной стеной, сооруженной из ветвей больших деревьев, произрастающих на холмах поблизости. Здесь царили чистота и порядок, улицы тщательно убирались, равно как и дома из бамбука. Дети Востока работали умело. Их город выглядел как процветающее место.

Нас провели к Великому Хану почти немедленно. Хубилай Хан не был сам китайцем, как я узнал, но монголом. То оказался человек среднего роста, довольно полный, с плоским круглым лицом и взглядом, исполненным достоинства. Говоря от имени своих спутников из Свободных Отрядов, я сообщил ему, откуда мы, и что с нами случилось. Хубилай сказал, что возродился в Мире Реки, как и прочие из нас, но несколькими годами ранее, и, видя общественный беспорядок, который охватил воскресших, попытался учредить государство и подчинить людей каким-то правилам. Китайцы и монголы встали под его знамена, и до сих пор дела в его государстве шли хорошо.

Его разочаровало, что мы не принесли ничего для торговли, но он провозгласил, что мы сво-

бодны выбирать, продолжить наше путешествие или оставаться здесь, сколько нам угодно. В любом случае, мы вправе пользоваться грейлстоунами, разбросанными по его владениям, если только станем делать это подобающим образом.

— Но подумайте как следует, стоит ли вам идти дальше, — заметил хан. — Я отправлял посланцев, чтобы взглянули, каковы мои соседи, и некоторые из них сущие дикари. Вы не обнаружите столь хорошо налаженных дел, если двинетесь дальше вверх по Реке. Я предлагаю вам здесь поселиться. Мы подыщем вам женщин, поскольку в настоящее время наслаждаемся некоторым их избытком, и вы будете в безопасности.

Это предложение, хотя оно и было разумно, не вполне меня устраивало. Я прошел через столь странное и ошеломляющее событие, как воскрешение в новом мире не для того, чтобы сидеть в бамбуковой деревне и получать каждый день свою порцию, как добропорядочный обыватель. Я принадлежал к поколению, которое плавало в Индии с Франсиско Писарро. И, хотя я уже скончался однажды, мне еще рано было отдыхать.

Большинство наемников согласилось со мной, но Руф и большая часть римлян поразмыслили как следует и решили остаться. Прочие же вновь

выступили в путь, и теперь нас насчитывалось около сорока.

Пространствовав еще несколько недель по малонаселенным местностям, мы набрели на большую прибрежную деревню рыбаков-саксов десятого века с низин реки Эльбы. Здесь жило также немного венгров восьмого века и еще меньше шотландцев девятнадцатого, последние держались замкнуто. Эти саксы никогда не переселялись в Британию, в отличие от многих своих земляков. Здесь, в Мире Реки, они построили свою деревню внутри широкой излучины. Они соорудили лодки из бамбука и дерева и довольно успешно в них рыбачили. Лодки были небольшими, но удобными и вполне плавучими. Ни китайцы, ни римляне до сих пор не сходили на воду, но мы почти сразу увидели преимущества такого способа путешествия. Путешествовать по воде представлялось более безопасным, нежели как-либо иначе, более скорым и менее утомительным.

Мы на некоторое время задержались у саксов, и как раз здесь я повстречал Герту. Это случилось однажды вечером, когда мы сидели у костра, рассказывая истории и напевая песни нашей родной страны. За разговорами пошли танцы, и каждый

показывал, как принято танцевать в его родном краю. Когда настал мой черед, я сплясал хоту. Я неплохо поупражнялся в танцах еще мальчиком и, осмелюсь утверждать, что наши испанские танцы красотой превосходят танцы многих других народов. Однако для хоты требовался партнер и, оглядев лицо вокруг нашего костра, я выбрал хорошенькую юную девушку с льняными волосами и спросил ее, не потанцует ли она со мной.

Герта сразу усвоила нужный шаг, и мы снискали известные аплодисменты. В Саламанке в мои студенческие дни я раз или два танцевал за плату, и мне говорили, что я мог бы недурно этим зарабатывать, если бы пожелал продолжать.

Герта была само изящество. Ее маленькое, прекрасно сложенное тело, то открывающееся, то скрываемое висящими полотенцами, легко совершало величавые движения испанского танца. Аплодисменты все усиливались, и сидевшие вокруг завалили нас кушаньями и питьем.

Позднее, разговаривая, мы обнаружили, что у нас неблагополучно с общим языком. Но Герта уже начала усваивать северный, лингва-франка Реки, и вскоре мы стали неплохо объясняться, причем, выяснилось, что у нас с ней столько общего, сколько может быть у мужчины и жен-

щины. В ту же ночь мы поселились в одной хижине и все еще живем вместе.

Поскольку существовало немного способов проводить время на берегах медленной Реки, где пища сама собой появлялась в наших Граалях, и один день был похож на другой, мы с Гертой разучивали все новые и новые танцы. Я показал ей шаги огненного фламенко, который танцевали в Андалузии, севильяну, сегидийю и прочее, и она с чудесной робостью и изяществом перенимала их у меня. Достаточно ей было повязать свои гладкие светлые волосы черным полотенцем и властно выгнуть спину, Герта вполне могла сойти за цыганку из Гранады или из Трианы в Севилье. Единственное, чего не хватало, это гулкого топота, столь характерного для танцев Андалузии. Но для этого требовались туфли с подковками и дощатый помост, а у нас ни того, ни другого не было.

Тем не менее, мы старались как могли. Однажды я изготовил для нее гребень в испанском вкусе и показал, как надо делать прическу, характерную для цыганок. Полотенце заменило мантилью.

Казалось, эти безмятежные дни будут продолжаться вечно. Но вот, совершенно неожиданно,

наш лагерь подвергся нападению немалых сил налетчиков, которые незамеченными подобрались в ночи и нагрянули перед самой зарей. Они явились из города Оксенстрьерна, большого поселения скандинавов, которые недавно обосновались в окрестностях. Большинство из них было шведами и датчанами седьмого и восьмого веков, прежде — воинов из той оравы, что опустошала Европу и Англию столько времени до Норманнского Завоевания. То были беспокойные люди и сильные бойцы, весьма приверженные к крепким напиткам и склонные то и дело бесчинствовать. И вот они ворвались в саксонский лагерь глухой ночью, когда часовые задремали. Было большое сражение по всему лагерю и вверх, и вниз по Реке от него. Когда все кончилось, большинство наших друзей-саксов оказалось убито, а нас с Гертой бросили к ногам их короля, Эрика Длинная Рука, чтобы он поступил с нами на свое усмотрение.

— Что вы умеете делать? — спросил король.

— Мы можем вступить в твое войско и хорошо служить тебе, — сказал я.

Он покачал толовой.

— У нас сейчас достаточно бойцов. Нет у нас недостатка и в граальных рабах. — Он обернулся

к своим людям. — Можно вполне придать и этих смерти.

— Погоди! — крикнул я. — У нас с Гертой есть кое-что, что могло бы оказаться вам полезно.

— И что же это?

— Время тяжело тянется в этом мире, — пояснил я. — Здесь достаточно еды и питья, но очень мало развлечений. Мы с моей женой танцоры, искусные в восхитительных плясках моей родной Испании. Мы будем вас развлекать.

Эрика позабавило это предложение.

— Хорошо, — сказал он. — Покажите, как вы пляшете. Мы отложим казнь на несколько минут и полюбуемся, насколько лихо вы горазды притоптывать или — насколько убого спотыкаться.

И мы с Гертой задали представление, выкупая свою жизнь. Должен заметить, он и впрямь было недурным. Ежели где-то не хватало тонкости, мы это более чем возместили отчаянной яростью. Герта все хорошо запомнила, и мы сплясали несколько хот, затем — несколько разных севильян, и наконец — таинственную сегирийю, которая никогда не оставляла зрителей равнодушными. В конце концов викинги зааплодировали и согласились сохранить нам жизнь.

Миновала та кровопролитная ночь, и оказа-

лось, что викинги — довольно славные ребята. Мы с Гертой свободно передвигались по их владениям, и жизнь скоро вошла в колею. День проходил за днем, и не случалось ничего примечательного, пока, примерно две недели спустя, с одного из охранных постов не привели нескольких пленников.

— Мы застигли их у нашего грейлстоуна, — сказал дозорный.

Я присутствовал при допросе. Услышав, как они переговариваются по-испански, я встрепенулся. Среди прочих лиц было одно, которое я узнал.

— Гонсало! — вскричал я. Ибо то и впрямь был мой старый капитан Гонсало Писарро, брат Франсиско Писарро, одно время управлявший Перу.

— Здорово, Родриго, — сказал мне Гонсало. Он держался холодно, несмотря на свое отчаянное положение: высокий, отлично сложенный мужчина с большим ястребиным носом и острыми темными глазами. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь неплохо устроился и живу, — сообщил ему я.

— Я танцор, Гонсало, и предлагаю тебе заняться тем же. Насколько мне помнится, у тебя когда-то славно выходили хота и сапатеадо, и ты мог исполнить вдобавок кое-что из плясок Южной

Америки, пусть, не так хорошо, как Франсиско.

Гонсало Писарро немедленно спросил меня, не встречал ли я его брата, которого он разыскивал. И был разочарован, когда я ему ответил, что нет. Что до того, чтобы стать танцором, то сперва он осмеял мое предложение. Для него, одного из первых конквистадоров, завоевателя Кито и прочих прославленных краев, на короткое время полного хозяина в Перу после убийства его брата Франсиско, это показалось шагом вниз. Он поклялся, что предпочтет умереть, сохранив честь незапятнанной. Но то было лишь пустозвонство. Когда подошло время делать выбор, он сам представился Эрику Длинная Рука как танцор, вроде нас, только еще лучше. И так убедительно хвастался, что ему дозволили присоединиться к нам с Гертой.

Было ясно, что ему понадобится партнерша, и он отыскал ее, не теряя много времени. Он подцепил русскую женщину, которую недавно приняли в этом викингском поселении. Ее звали Катрина, и она была отчасти цыганского происхождения, темноглазая, с буйной гривой — красавица, которая вполне могла явиться из Кордовы или Херес де ла Фронтера — насколько это касалось внешности. Она была проворна и

легконога, и очень быстро усваивала новые танцы. Они с Гонсало непрерывно ссорились с самой встречи, ибо Гонсало был изрядный козел и чуть что, приглядывался к очередной медлительной скандинавской милашечке. Но они с Катриной, похоже, пришлись друг другу по вкусу, вопреки этому, а, возможно, даже и благодаря. Как бы там ни было, отношения их, судя по всему, устраивали обоих.

Теперь, когда плясали две пары, дело пошло веселее, а вскоре добавился еще один танцор — Педро Альмарго. Этот старый товарищ Гонсало был ему первым врагом в тревожные дни в Андах, когда центральная Южная Америка стала призом, за который бились и который вырывали один у другого разные конквистадоры. Более того, Гонсало казнил Альмарго, — когда захватил Кито, за что теперь принес извинения. Альмарго ответил, что не держит обиды по поводу столь пустяшного происшествия. А сейчас куда важнее то, что впереди. И он стал усердно учиться танцам с новой партнершей, маленькой и трепетной провансалочкой из Экса.

* * *

Затем и другие испанцы из конквистадорских дней нашли к нам дорогу, ибо молва в мире реки разлеталась быстрее, чем птицы. Пришел Альберто Тапиа и братья Вальдавиа, завоевывавшие Чили, и Себастьян Ромеро, служивший у Бальбоа. Путь в нашу Оксенстьерну отыскал даже бравый Эрнандо де Сото. Примкнули к нам и представители иных народов, и что важно — Бронислава из России, которая привела своего брата; она утверждала, что брат был прославленным танцором своего времени. Звали его Вацлав Нижинский.

Этот Нижинский оказался странным и угрюмым созданием, упорно твердившим, что больше он не танцует, но предложившим стать нашим хореографом — то есть, обеспечить всю труппу номерами, которые будут исполняться совместно. Сперва он мне не особенно понравился: на вид ни рыба ни мясо, с длинным черепом и диковинными, изящными, по-женски нежными движениями. Он был весьма силен, но большой чудак и вечно сторонился людей. Он становился крайне бдительным, когда кто-нибудь новый приходил в Оксенстьерну.

— Кого ты ищешь? — спросил я его однажды.

— Не спрашивай. Лучше даже не называть его имя.

— Да будет, Вацлав, имена не жгутся.

— Как бы он здесь не объявился.

— Неужели он настолько дьявол, что его и назвать нельзя?

— Самый жуткий из всех возможных. Он завладел моей душой давным-давно, и непременно вернется, чтобы заполучить ее опять.

Я узнал у Брониславы, что он ссылался на некоего Дягилева, который был балетным импресарио во времена, когда все они жили — в конце девятнадцатого столетия и начале двадцатого. Под началом этого Дягилева Нижинский удостоился своих величайших триумфов в «Видении Розы», «Щелкунчике», «Сильфиде» и многих других постановках. Он был ведущим танцором в труппе, а сама труппа пользовалась мировой известностью.

— Так что же там было неладно? — спросил я. — На что Вацлав хотел бы пожаловаться?

Бронислава покачала головой, и ее взгляд устремился вдаль.

— Да было что-то в Сергее Дягилеве, что-то жуткое и ненормальное. Он никому передохнуть не давал. Но дело не в этом. Балетные танцоры

привыкли к тяжелой работе. Здесь что-то другое. Я только и могу назвать это дьявольским. Он страшил Вацлава и, в конечном счете, довел до безумия.

* * *

Каким-то образом, даже если учесть, что миллионы, а то и биллионы людей возрождались в Мире Реки, я знал, что Дягилев найдет Нижинского. И поэтому меня не удивило, когда однажды в Оксенстьерну прибыла новая группа людей. То были путешественники и торговцы, явившиеся из дальних краев. Они имели кое-что для продажи — мешки из сушеной рыбьей кожи, многое другое из рыбы, а также доски, грубо отесанные, выпиленные из огромных железных деревьев. Доски пришли из некоего места вниз по Реке, где существовали железные орудия.

В числе прочих явился мужчина среднего роста с печальными темными глазами и плоским помятым лицом. Его нельзя было назвать красавцем, но в нем чувствовалась воля к власти. Он подошел к нашей палатке, когда мы репетировали.

— Вы танцоры? — спросил он.

— Именно так, сеньор, — отозвался я. — А вы кто?

— Я человек, который умеет обращаться с танцорами, — ответил он.

Вацлав, находившийся в другой палатке и репетировавший, вышел, увидел вновь прибывшего, и у него отвисла челюсть.

— Сергей! — вскричал он. — Неужели, ты?

— Никто иной, мой друг, — сказал пришедший. — Будь добр, объясни своему другу, кто я.

Вацлав обернулся ко мне. Его темные глаза полыхнули, и он произнес:

— Это Сергей Дягилев. Он великий импресарио, великий создатель танцевальных трупп.

— Любопытно, — заметил я. — Но ты мне не нужен, Дягилев. Наша труппа уже сложилась.

— Не сомневаюсь, — проговорил Дягилев. — Я всего лишь хочу посмотреть ваше представление.

Дягилев посетил наш вечерний спектакль и подошел к нам, когда все закончилось. В тот раз мы выступили неплохо. Из мест было занято больше половины, что для нас означало хороший сбор. Я предложил Дягилеву стаканчик вина. Мы, латиняне, сбываем северянам свой спирт в обмен на вино. Похоже, тот напиток был с французской винодельни, но мне не хватало более терпкого испанского питья.

Этот Дягилев возбудил у меня нешуточные подозрения. Особенно учитывая, что он занимался тем же делом, за которое принялся я. Я прекрасно догадывался, что уступаю ему по этой части. Удача, привалившая мне в этом занятии, главным образом, благодаря моей склонности к языкам, ибо, при всей скромности моих познаний, они были основательней, нежели у других вокруг меня. Я не очень-то высоко оценивал свои таланты. Если этот человек действительно был когда-то всемирно признан, как уверял меня Нижинский, он мог, несомненно, куда лучше моего руководить танцевальной труппой. Но я не видел причин помогать ему вытеснить меня из моего дела. Я поклялся себе, что убью его прежде, чем позволю этому случиться. В Мире Реки существовало достаточно мало занятий, кроме как драться или быть рабом. И никто не отказался с легкостью от хорошего дела, если уж повезло его найти.

Дягилев сразу же попытался развеять мою настороженность.

— Вы делаете замечательную работу, сеньор Исасага. Сразу видно, что вы не имеете хорошей танцевальной школы. Но что из того? Вы преуспели не хуже любого другого. Однако, я полагаю, что

одно или два усовершенствования могут быть внесены без ущерба для вас или ваших людей, и с немалым выигрышем.

— А именно? — спросил я.

— Сперва милости прошу со мной в мой лагерь, — пригласил меня Дягилев. — Есть кое-что, что я хотел бы вам показать. Да, и прихватите всех ваших людей. Им это будет любопытно.

* * *

Мы отправились вместе с Дягилевым вниз по Реке, его лагерь находился примерно в миле ниже по течению по правому берегу. Со мной была вся наша труппа. Гонсало из предосторожности захватил оружие. А именно — медный кинжал, который выиграл в кости у одного из скандинавов. Еще полдюжины испанцев взяли дубины. Даже у наших женщин имелись при себе маленькие кремниевые ножи или камни с заостренным краем, которые прятали в поясах. Дягилев, несомненно, заметил это, но всем своим видом выражал безразличие.

В труппе Дягилева было лишь восемь человек, и мы не увидели у них оружия. Это вызвало у нас облегчение; хоть здесь-то забот не предстоит. И, в любом случае, половина их была женщины.

Дягилев угостил нас пивом, которое они варили из корней, листьев и дрожжевых грибов. Неплохое пиво. Затем предложили полюбоваться искусством его людей. И вот мы улеглись на траву, а они стали танцевать. Среди них были имена, о славе которых я узнал лишь позднее: Алисия Маркова, Михаил Фокин и божественная Анна Павлова.

Никто из нас никогда прежде не видел ничего подобного. Возможно, русским и не хватало нашего испанского огня. Но это был единственный недостаток, который мне удалось найти, если вообще недостаток. Во всем же остальном, включая и умение правильно дышать, они нас всячески превосходили. Маркова парила как бабочка, и приземлялась, точно пушинка. Павлова была воплощенная поэзия. Уму непостижимо, на что это походило. Мы бурно аплодировали. Нижинский смотрел на них со слезами в глазах. В конце русские танцоры умоляюще протянули руки к нашему Нижинскому, который взирал на них в отчаянном безмолвии. Он отвернулся от них, покачивая головой и бормоча: «Я больше не танцую». Но они не отступали, и Дягилев присоединился к их мольбам, так что наконец Нижинский поддался и повторил, как мне объ-

яснили позднее, одно из своих соло из «Видения Розы»...

* * *

Потом мы сидели все вместе и пили вино. Дягилев сказал Нижинскому:

— Я знал, что найду тебя, Вацлав. Вот мы и снова вместе.

— Я танцевал для тебя, Сергей! — вскричал Нижинский. — Но больше никогда танцевать не буду!

— Посмотрим, — заметил Дягилев.

После того, как мы повстречали этого русского, все для нас переменилось. Было только разумно объединить наши труппы. Не возникло разговора, под чьим руководством. Но без особых стараний Дягилев шаг за шагом прибирал нас к рукам. Предложение здесь, идея там — а идеи у него были превосходные. Именно он позаботился о постройке деревянного помоста, чтобы слышно было, как отбивают ритм пятки наших танцоров. И, разумеется, никто иной как он видоизменил башмаки, чтобы лучше стучали. Для большего впечатления он ввел занавеси. Ему же мы были обязаны сценическим освещением и декорациями. Не противоречили его предложения и духу

испанского танца. Он разбирался в этом получше моего, хотя испанцем и не был. Вне сомнений, этот человек был конквистадором танца. Я боролся, ибо по натуре упрям, и наконец решил, что лучше быть помощником гения, чем независимым средней руки импресарио второразрядной танцевальной труппы.

Большинство из нас к этому привыкло. Но не Гонсало. Ему противна была сама мысль, что Сергей им помыкает. Он ощетинивался, скалил зубы, но наконец и он сдался. Усовершенствования Дягилева сделали наши представления куда привлекательней.

Вскоре наша слава начала распространяться. Люди являлись в Оксенстьерну отовсюду, чтобы взглянуть на наши представления. И Сергей Дягилев начал задумываться о производстве музыкальных инструментов. В этом ему помог другой наш новобранец, Мануэль де Фалья, испанец, родившийся много спустя после моего времени, и славившийся в свои дни, мне сказали, как композитор. Этот де Фалья был смугл и невысок, он много лет прожил в Париже и кое в чем совершенно офранцузился. Даже при наших примитивных костюмах из полотенец и листьев он выделялся как своего рода щеголь. Он начал

с создания для нас простых ударных инструментов, которые делались из бамбука и дерева. Затем он придумал, как смастерить гитару. Резонатор изготовили из расщепленных стволов бамбука, прочно связанных рыбьим клеем, тщательно отшлифовали его, а затем отлакировали. Гриф — из позвоночника рыбы с обрезанными отростками, ключи — из осколков раковин. На струны пошли рыбьи кишки, подбритые до нужного диаметра. Было трудно добиться, чтобы струны подходили, но де Фалья работал с невероятным терпением, и некоторое время спустя обитатели Мира Реки впервые увидели в этом мире струнный инструмент. С настройкой затруднений не возникло: у этого человека был абсолютный слух.

Как только он по ней ударил, свершилось буквально чудо. Под звуки гитары, даже такой примитивной, наши танцы наполнились истинной жизнью. Наша труппа перестала быть чем-то лишь чуть большим, нежели новшество. Мы оказались способны задавать настоящие представления.

Не хватало только певцов. Вскоре их у нас стало двое: мужчина и женщина. Она была испано-алжиркой, он — мавром из Алжира. Они были мужем и женой на Земле, им удалось снова

отыскать друг друга в Мире Реки. На Земле они выступали в Кадисе и в Танжерской Касбе. Они пели в истинном стиле фламенко, канте хондо древних дней, и теперь центра наших представлений сместился, ибо то были настоящие артисты. Де Фалья сочинял для них музыку, а Нижинский разрабатывал новые танцы для нашей труппы.

У нашего предприятия начался период расширения, немало новых танцоров желало к нам поступить. Дягилевская Антреприза Испанского Танца, как мы теперь назывались, стала одним из немногих работодателей в этом уголке Мира Реки. А возможно, и во всем Мире Реки, как нам представлялось. Везде и повсюду можно было стать солдатом, рабом или наложницей. А помимо этого, предложения работы были малочисленны, и ходить искать требовалось долго.

* * *

Королевство Оксенстьерна было слишком маленьким, чтобы претендовать на роль могучей державы. Но скандинавы не желали присоединяться ни к одной из других держав в том краю. По одну сторону раскинулось славянское королевство Станислава Второго, по другую — японское государство. И в том, и в другом численность

превосходила нашу как десять к одному. Тогда Эрик Длинная Рука проявил некоторый дипломатический талант, объявив свои владения зоной свободной торговли, находящейся под покровительством трех крупных держав в окрестности. Его владения включали маленький остров, образовавшийся в полумиле от берега и почти четыре мили побережья. В этих краях приветствовали любого, кто приходил с миром. Тому, кто вступал в Оксенстьерну, перевязывали оружие шнурами мира, и разрывать их до ухода из страны строго запрещалось. Тех же, кто рвал, по закону, передавали племенным или городским властям для суда и наказания.

И вот, начинание наше процветало, сеньоры, равно, как и город Оксенстьерна. Народ со всех концов прибывал, чтобы торговать в наших пределах. И не только торговать. Оксенстьерна предлагала нечто, чего не могло дать ни одно другое место по соседству: ощущение безопасности, возможность отдохнуть от государственных забот и постоянных заговоров на предмет того, кто кем правит и что с этим делать. На этой новой Земле, в Мире Реки, в связи с тем, что здесь более или менее удовлетворялась нужда в пище и крове, оставались вопросы, кто кем правит и

какого бога следует почитать. У людей появилась возможность посвятить все свое время делам религии и государства. Но здесь в первую очередь проявляли себя наиболее агрессивные. Другие, составлявшие большинство, относились к подобным вещам с исключительным безразличием, и еще меньше беспокоились по поводу цвета кожи, роду-племени и языка. Язык повсюду был мешаниной того и сего, и, в конечном счете, всем нам пришлось выучить якобы норвежский, но в действительности, искусственный северный, чтобы беседовать друг с другом. Мы вполне могли бы назвать нашу планету Вавилоном.

Многих из тех, кто воскрес в Мире Реки, заботила мысль об их превосходстве. Для них высочайшим благом являлась способность властвовать над своими товарищами, часто во имя некоей устаревшей доктрины, вплоть до такой, как расовая чистота. Впрочем, ныне, как и в прошлом, нашлось немало таких, кто не шибко о чем-то подобном беспокоился, и хотел только жить в мире.

Первыми среди тех, кто проповедовал расовую чистоту, были наши испанские конквистадоры. Признаю это с сожалением. Вы заметите, сеньоры, что я себя от них отделяю. Мир всегда был

местом многоязыким, и ни один мир не сравнится в этом с Миром Реки, где наши языки на каждом шагу сменяют один другой вдоль берегов в несколько миллионов миль.

Но наши конквистадоры были, возможно, не столько расисты, сколько люди, привыкшие по-детски важничать в духе старой испанской доктрины Viva yo! По той или иной причине, они стали стекаться под единое знамя: испанцы из всех времен и краев, равно как и креолы из Мексики и Южной Америки.

Гонсало Писарро между тем не сидел праздно. Имя Писарро звучало достаточно громко для всех, говоривших по-испански. Грянуло поветрие воспоминаний о былых днях, когда испанское оружие не знало себе равного в большинстве известных нам уголков на Земле, и этому способствовал тот факт, что большинство иных испанских героев почему-то не объявилось в Мире Реки. Никто не знал местонахождения Сида, или Кортеса, или Франсиско Писарро, или Бальбоа, или кого-то еще из наших великих воителей. Это неудивительно, разумеется, для страны с тридцатью-тридцатью пятью биллионами душ. Достаточно поразительно то, что здесь был сам Гонсало.

Другие испанцы стали находить дорогу в наш лагерь. Не только конквистадоры, конечно, и не сплошь испанцы из Испании. Население Испании никогда не было так велико. Кое-кто происходил из Кастилии, Арагона и Эстремадуры, сердца Испании, совсем маленького участка земли. Явились прочие испанцы: андалузийцы и каталанцы, а также креолы в больших количествах, испанцы, рожденные в заморских краях — в Мексике, Колумбии, Венесуэле, Аргентине.

И так, мало-помалу, в течение недель, затем — месяцев, испанский мир начал восстанавливаться вокруг Дягилева и Гонсало Писарро. Не все, конечно, пришли как танцоры. И наша Оксенстьерна процветала даже без прямых налогов на тех, кто являлся торговать. Были, конечно, налоги на тех из нас, кто обитал здесь постоянно. Но они были низкими, ибо скандинавы, ныне оказавшиеся в меньшинстве, видели, что дела все больше налаживаются, и единственное, чем они могут этому и впредь способствовать — это хорошее обращение с нами.

Между тем Дягилев, отчаявшись когда-либо сколотить чисто балетную труппу и обеспечить по-настоящему хороший аккомпанемент и оркестр, стал черпать из источника драматических

представлений всей старой Европы. Он вводил элементы комедии дель арте, других видов малой драмы и скетчей. Но русский балет с испанским танцем продолжали преобладать, и таково было положение вещей, когда к Эрику Длинная Рука явился посланец и объявил, что менее, чем в трех сотнях лиг вверх по реке обнаружена крупная индейская монархия. Он сказал, что там властвуют инки, и нынешний правитель именует себя Атауальпа.

Вести об инках Атауальпы, оказавшихся так близко вверх по Реке, взбудоражили испанцев. Конквистадоры, которые составляли ядро танцевальной труппы, так и не привыкли к своему статусу плясунов. И менее всех — Гонсало. Его ум все еще воспламеняли воспоминания о том, на какую высоту он поднялся в Южной Америке. И, хотя он был полностью лоялен к своему брату Франсиско, его не тревожило, что брат так и не объявился. Равно, как и ни один из двух оставшихся братьев. Он был единственный Писарро в округе, и нет причин сомневаться, что ему это нравилось. Теперь ему стала ясна его задача: ему суждено повести испанцев к величию, которое ждет впереди. Когда испанцы услышали, что он подумывает во второй раз захватить королевство

инков, они сперва сочли его безумным. Но то был род безумия, который им пришелся по вкусу.

— Мы совершили это однажды, — указал он, — и соотношение сил было более чем не в нашу пользу. Их наверняка не меньше миллиона. А нас — сто восемьдесят человек. Теперь нас больше.

— Не намного, — заметил Тапиа.

Гонсало всю ночь разглагольствовал перед ними у костра. Он был отменным оратором, и в голосе его звучала полная убежденность. Он напомнил им о былых победах испанского оружия. Он заявил, что их жизнь теперь — ничто, если не сквернее. Они — воители, конквистадоры. А чем они занимаются? Потешают публику за вознаграждение. Такого нельзя терпеть. Особенно теперь, когда блеснула надежда на что-то лучшее, на свершение, которое поставит на уши Мир Реки и увенчает их неувядаемой славой.

Толки о исходе слышались по всему лагерю. Сохранить эти замыслы в тайне оказалось невозможным. Испанцы чесали языками. И чем больше, тем привлекательней казалась идея. Викинги, правители Оксенстьерны, слышали, но решили не обращать внимания. Они не желали, чтобы на них свалилась гражданская война из-за нескольких сотен спятивших испанцев. Эрик

Длинная Рука давно ожидал чего-то подобного. Ему требовалось распространить дальше свои торговые связи. Чем с большим числом народов он сможет заключить союзы, тем лучше станет его положение. И вот он решил послать свою труппу танцоров вверх по реке на судах, которые их всех вместят, и поглядеть, нельзя ли достичь каких-нибудь договоренностей с этими инками.

Он также охотно вручил Гонсало и прочим письма, милостиво дозволяя им владеть всем, что они смогут завоевать выше по Реке. Это именно Гонсало пришло в голову заполучить никчемную бумагу, ибо Гонсало хотел придерживаться строгой традиции и прикидывался, будто считает Эрика своим сувереном, которому обязан хранить верность как когда-то королю Испании (в тот раз он изменил присяге, но это ведь случилось давным-давно).

Русские считали весь план верхом безумия, но ехали с труппой, чтобы танцевать. Они не верили, что, когда дойдет до дела, испанцы действительно что-нибудь предпримут. Им представлялось нелепым, как можно драться за власть в варварском королевстве, когда в танцевальной труппе все настолько благополучно. Дягилев согласился участвовать в поездке и

представить труппу индейцам. Он видел в этом новую возможность распространения культуры вверх по Реке. Нижинский, как обычно, сказал очень мало. До чего все-таки странный тип. Даже воскрешение в Мире Реки не избавило его от привычки к уединению. И не исцелило от обыкновения рассеянно глядеть в пространство. Он был не менее сумасшедшим в Мире Реки, нежели когда-то на Земле.

Мы, испанцы, собрали целый флот каноэ и плотов и начали путешествие вверх по Реке. Соседние государства, тянущиеся по берегам, пропустили нас. Нас не отпускало странное недоброе предчувствие. Сама по себе Река была спокойна, но необычные темные тучи беспрерывно сгущались во время пути. Казалось, сами небеса предрекают, что грядет нечто великое.

Несколько недель спустя мы пересекли границу страны инков. На сторожевом посту, где находилось несколько дозорных, нам предложили подождать, пока они не пошлют за разрешением для нас посетить Королевство Солнца, как называлась их империя.

Наконец, разрешение пришло, и мы двинулись дальше вверх по течению с несколькими их чиновниками на борту, исполнявшими обя-

занности проводников. Еще два дня спустя они велели нам высадиться на берег. Отсюда надлежало идти пешком.

Гонсало чувствовал себя крайне взвинченным, его прямо лихорадило. Его испанцы были вооружены настолько, насколько могли себе это позволить люди в Мире Реки. У них имелось несколько стальных мечей и множество деревянных с вставленными в наконечники кремниевыми остриями. Были также копья и ножи и один или два арбалета, сооруженные с большими усилиями и затратами. Индейцы, которых мы видели по дороге среди холмов, не представлялись вооруженными.

Наконец, мы достигли города Инков, который назывался Мачу Пикчу в честь их утраченной столицы на Земле. Город был воздвигнут на самом высоком хребте холмов перед самыми-самыми непреодолимыми горами.

Место выглядело довольно неприветливо. Почему они построили город здесь, а не на более благодатных низменностях? Никто не мог бы нам это сказать. Мачу Пикчу был сооружен преимущественно из бамбука, но оказался куда выше и великолепнее, нежели что-либо, виденное нами прежде, и уж всяко несравним с Оксенстьерной.

Многие здания насчитывали по три и даже четыре этажа, и здесь не сооружали, как в прочих местах, отдельных хижин, но дома соединялись один с другим и образовывали всего дюжину огромных домищ, которые тянулись на несколько акров.

Мы, танцоры, собрались на квадратной площадке на плоской вершине холма. Перед нами на фоне трехэтажных бамбуковых зданий восседал, окруженный свитой, великий Инка.

Индейцы были облачены в роскошные одеяния, сооруженные из вездесущих полотенец, и вооружены самыми разнообразными и невероятными бамбуковыми мечами, щитами, луками и стрелами. Свита бесстрастно взирала на приближающихся испанцев.

— Ваше Величество, — сказал Дягилев на великолепном испанском, на котором инки объяснялись с окружающим миром, хотя между собой они общались на языке, называемом кечуа. — Мы прибыли к вам из далекой страны ниже по Реке. — Дягилев оделся настолько официально, насколько ему удалось. Он не нашел, правда, заместителя моноклю, который нашивал на Земле. Надменный и крайне уверенный в себе, он поклонился Инке. Властитель кивнул.

— Начинайте представление.

И танцоры бурно двинулись с места. Пляску сопровождали барабаны различных размеров, флейты и несколько примитивных волынок, недавно пополнивших наш оркестр. То было красочное зрелище: танцоры фламенко, мужчины и женщины, топающие и вертящиеся перед Инкой, который, равно как и его вельможи позади него, любовался этим с непроницаемым лицом.

Испанские танцоры разошлись вовсю. Я слышал, как Дягилев говорит Нижинскому:

— Что это за танец они исполняют? Я не припомню ничего подобного.

— Наверное, они сами его придумали и отрепетировали, — ответил Нижинский. — Никогда прежде этого не видел.

Танец достиг пределов возможного. Прозвучала последняя нота, и танцоры замерли на полном ходу. И тогда Гонсало Писарро вскричал:

— Сантьяго! Во имя Господа, вперед!

Танцоры сорвали с себя костюмы. Под костюмами оказалась броня из рыбьей чешуи и готовое к бою оружие.

Я стоял близ Гурджиева, ошеломленный, в ужасе от их глупости, и все-таки от души жалея, что я не с ними — а они угрожающе приближались к

Инке. Но Атауальпа не дрогнул и, когда испанцы достаточно приблизились, небрежно взмахнул правой рукой.

Передний ряд индейцев позади властителя преклонил колени. За ними стояли другие индейцы, и в руках они держали ружья. То было грубое огнестрельное оружие, больше напоминавшее аркебузы, чем винтовки, но самое настоящее — и стрелки явно прицелились, готовые открыть огонь.

Гонсало и его люди стали, как вкопанные. Атауальпа сказал:

— Итак, ты — Гонсало Писарро.

— Да, — подтвердил Гонсало, — это я.

— Я и прежде встречался с семьей Писарро, — заметил Инка.

— Итоги той встречи хорошо известны, — отозвался Гонсало.

— Но сегодня, — произнес Инка, — огнестрельное оружие — у нас. Вот и вся разница, верно?

На это у Гонсало не нашлось что ответить. Инка поднял руку. Одна из дверей отворилась, и два стража-индейца вывели оттуда какого-то человека. Он был высок и широкоплеч. Руки его были связаны за спиной, и вокруг шеи тоже виднелась веревка, за которую его вели индейцы. Я сразу

узнал, кто это. Гонсало тоже.

Наконец, Гонсало удалось отдышаться.

— Франсиско! Это ты.

— Да, это я, — желчно подтвердил Франсиско Писарро, говоря с трудом, ибо мешала веревка.

Танцевавшие собрались вместе в кружок — спина к спине, с оружием наготове, собираясь подороже отдать свои жизни. Но Инка провозгласил:

— Стойте! У нас нет ссоры с вами, плясунами. Нет. И с испанцами тоже. Нам нужны только Писарро. Франсиско мы уже заполучили. Теперь сюда явился Гонсало, и здесь он должен остаться.

Танцоры что-то залопотали между собой, но их было лишь несколько сотен человек, а их окружали тысячи индейцев, у некоторых из которых имелись заряженные ружья.

Дягилев первым среди нас пришел в себя.

— Что вы собираетесь делать с братьями Писарро? — спросил он.

— Я поставил перед собой цель собрать их, — ответил Атауальпа. — Вот у меня уже двое, и еще двоих надлежит разыскать.

— И что станет со всеми этими Писарро? — Не унимался Дягилев.

— Это не твоя забота, — заметил Атауальпа.

— Мы — в новом мире.

Инка хмуро кивнул.

— Но от старого нам достались счеты, которые не оплачены. Тебе стоит вспомнить обо всем, что совершили Писарро со мной и с моим народом. Здесь самое худшее, что мы можем — это убить их, и они вернутся к жизни где-то в другом месте. Но если кто-либо из вас считает, что это несправедливо, я дозволяю любому из вас заменить любого из Писарро, и тогда мы отпустим одного.

Настало долгое молчание. Никто не вызвался.

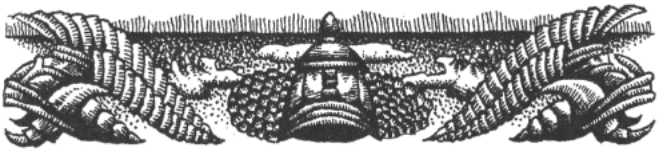
И, разумеется, не предлагал себя Дягилев, которого это не касалось, и не вышел вперед я, более не конквистадор, но директор танцевальной труппы и помощник гения.

Инка рассмеялся.

— Ну, а теперь, все вы, сеньоры и сеньориты, убирайтесь отсюда, пока я не передумал.

Этим все и кончилось. Такая вот история, сеньоры, о том, как танцевальная труппа Дягилева во второй раз достигла успеха и развлекала человечество по всему Миру Реки. А заодно и история братьев ГПисарро и того, как они вторично встретили свой жребий в стране индейцев.

Роберт Сэмпсон
Тайные преступления[54]



Ветер задул сильнее. Он налетал на серый борт ялика и разрывал туман в метр толщиной, который лежал надо всей поверхностью реки, точно белая глазировка на темном пироге.

Пинкертон еще больше ссутулился в своем лике. Он с обидой вглядывался в ночное небо Мира Реки. Оно полыхало над головой обильнейшими звездными россыпями — да какими россыпями — толчеей солнц: зеленых, как яблоки, алых, топазовых и льдисто-голубых.

Он с неудовольствием подумал, что даже ночь в этом треклятом мирке не такая, как надо. Светло, слишком светло, слишком бурная иллюминация в небе. Он теперь находился против владений

---

[54] notes: 54

secret CRIMES by Robert Sampson Copyright © 1993 by Robert Sampson.

Нового Рима, места, где все начеку. Опасного края для одинокого путника.

Он скосил взгляд через плечо в сторону левого берега. На таком расстоянии часть его тела, видимая над туманом, может показаться просто дрейфующей корягой.

Еще несколько минут его могут не обнаружить. Но скоро требуется заявить о себе. Вот-вот возникнет в пределах видимости каменная пристань, крайняя точка, где ему будет дозволено высадиться. За пристанью, простираясь вниз по Реке, никому не ведомо насколько далеко, раскинулись Сады Тиберия, тайные и запретные, как предостерегли его датчане, непревзойденные в своей строгой красоте. Для неприглашенного посетителя — верная гибель.

Во время их последней встречи в датских владениях около сотни километров вверх по течению король Канут IV предупредил его не выказывать явного любопытства касательно садов. Ради своей безопасности, он должен в открытую подойти к пристани, плеснуть веслами, позволить увидеть лодку и громко приветствовать скрытых стражей.

То был единственный разумный способ явиться в Новый Рим. Честно и открыто. Не то, чтобы

они поверили его честному лицу, каким бы невинным он ни казался. Они подозревали всех и каждого. Неплохая военная доктрина, пусть неудобная гражданская политика. Он не встретит никого, свободного от подозрений в Новом Риме Тиберия Юлия Цезаря Августа.

Холодный воздух омыл его лицо, оледенив лоб, волосы над которым уже начали подниматься ряд за рядом. Оставив ненадолго весла, он задрожал и плотнее натянул шаль на крепкие плечи.

Возможно, в полукилометре впереди он уловил неверное бледное мерцание у черного берега. Еще несколько минут дрейфа — и он различит каменную пристань, как ее описывали датчане. На некотором расстоянии позади пристани сгрудились бамбуковые хижины, их не рассмотреть в неверном свете. Стражей он не увидел. Но знал, что они здесь.

Он сплюнул, дабы избавиться от зловонного привкуса, и схватился за весла. Лодка наискось перерезала течение, нацелившись на темный берег. Мимо проскользнула неясная масса грейлстоуна. Он возбуждения у путника защекотало в горле — то же пряное удовольствие, которое он испытывал, когда пробирался замаскированный по территории конфедерации давным-давно,

разнюхивая секреты мятежников для генерала Мак Клеллана.

Наконец, пристань выросла перед ним, бледная по контрасту с черной-пречерной водой. Он поднял весла, брызнувшие каплями. Ялик проскрежетал о камень. И тут же три человека материализовались в ночи там, где только что никого не было. Рысцой припустили к нему. Сияющее небо четко обрисовало их шлемы. Римские легионеры, вне сомнений. У каждого на левой руке — круглый щит. Острые копья, прославленные римские пилумы, в правой — наготове, внаклонку.

Он подумал, что это прямо, как если бы он попал на картинку в книжке. Громко и четко, на простом эсперанто, всеобщем языке Реки, Пинкертон воззвал:

— Добрый вечер. Я могу пристать здесь на ночь?

Внезапно стражи застыли на дальнем конце пристани. Один из них торопливо прокричал:

— Прочь из воды! Быстро! Быстрее же!

Пинкертон метнул швартовы к причальным столбам.

— Иду.

Двигаясь с нарочитой уверенностью, он выва-

лил на пристань свой вещмешок.

— Яйца Юпитера! — прорычал страж. — Да вылезай ты из лодки!

Он тяжело устремился к Пинкертону: правое плечо — вверх, словно для защиты от удара. Крепкие пальцы обхватили пинкертонову руку.

Он выволок американца на пристань и потащил к берегу. Второй страж подхватил вещмешок и швырнул через пристань на сушу. Он напряженно вглядывался в туманную воду. Римляне с вновь прибывшим, как безумные, пронеслись несколько ярдов вверх по травянистому склону. Выпустив руку Пинкертона, страж развернулся, чтобы обозреть Реку. Дыхание вырывалось у него изо рта. Он потер лицо мощной лапищей.

— Рыба-Дракон, — пояснил он. — Река ими кишит. Прибиться к берегу в такую темную пору значит спасти жизнь. Они бы и из воды высунулись, чтобы тебя цапнуть.

Рыба-Дракон! Пинкертон задумался. Он немало о них знал. И знания холодом скользнули вдоль костей. Речные Драконы дорастали до невероятных размеров и свирепости. Обычно — не всегда — они были падальщиками. Но также и нападали. Мене двух недель назад он видел одну такую тварь, взметывавшую пену на плаву в лучах солн-

ца, пасть — прямо туннель, и у входа — частокол грязных белых зубов. Тот дракоша откусил корму у маленькой лодочки — с обеими сидевшими там ребятами. Американец тихо вздохнул.

— Рыба-Дракон, — повторил он и сплюнул. — Почему их тут вокруг столько развелось?

— Да кто знает. Дай-ка на тебя взглянуть.

Их руки принялись ловко обшаривать его на предмет оружия.

— Только нож, — сказал старший. — Я заберу его пока. Ну, пошли.

Они окружили его ловко и умело. По одному с каждой стороны и один сзади. Здоровенные, основательно сложенные, во впечатляющей броне.

— У вас тут всех пришельцев берут под стражу? — спросил Пинкертон.

Охранник справа ухмыльнулся.

— Тебе предстоит встреча с Богиней. Она разберет, кто ты такой.

— Гость или пища для Дракончика, — прогремел тот, что слева. Ему это казалось несколько забавным.

— Что за Богиня? — спросил Пинкертон. — Я думал, здесь правит Тиберий.

— Когда он здесь, то правит, — заметил страж. — Поблагодари своих домашних богов, если его

сегодня не будет. Не то можешь получить приговор, который тебе не понравится.

Умолкнув на этой мрачной ноте, они зашагали к деревне по траве, которая пружинила под ногами, точно отменная проволока. По их приближении к скоплению хижин Пинкертон стал улавливать резкий запах сушащихся рыбьих шкур. Где-то в темноте женский голос выл от невыразимого горя.

Большое поселение, как подумал Пинкертон, когда они петляли среди зданий. Похоже, четыреста-пятьсот человек только здесь, поблизости. Возможно, столько же — в скоплении домишек по ту сторону грейлстоуна. Нет, — спохватился он. — Нет, рановато оценивать. — И опять накатил недавний стыд. Будучи офицером разведки Мак Келлана на Полуострове, он оценил численность войск Ли в двести тысяч. И прокололся. Изрядно прокололся. Здорово напортачил. То был самый жуткий момент в его карьере. Один из двух самых жутких. И о втором он сокрушался куда больше.

Лицо его помрачнело при воспоминаниях.

— Ах, Дингус, — подумал он, — мы тебя тогда упустили, дерзкий бесстыжий вор. Другие звали тебя Джессом Джеймсом, Робин Гудом или

еще Бог знает как. Болваны. Для Пинкертона ты был Дингусом, позорным провалом сыскного агентства. Мы верили, что возьмем тебя наконец, уже окружали. Да только Боб Форд выстрелил первым. И послал Дингуса туда, где Пинкертонам его не достать.

Провал.

Он с усилием прогнал ненужные мысли. Жди и наблюдай, верь тому, что перед глазами. Будь терпелив. Скептичен. На Полуострове он полагался на сообщения дезертиров, шпионов, рабов. Двадцать лет спустя после гражданской войны бывшие конфедераты все еще издевались над ним и уничтожали его репутацию. Разумеется, его подсчеты не были столь откровенно неверны. Разумеется, нет.

Тусклый свет лился вверх из-за хижин, заливая бледно-желтым стены из расщепленного бамбука. Стражи вели Пинкертона вперед, к ярко озаренному широкому пространству. Примерно в двадцати метрах от них раскинулось основательное бамбуковое сооружение с деревянными столбами впереди, покрытыми искусной резьбой и окрашенными в розовый, голубой и зеленый. Лампы на рыбьем жире полыхали перед массивной дверью, на которой черной и красной

красками был изображен некто - с посохом в египетском стиле.

У этой двери стояли по стойке смирно четыре стражника в шлемах. В руках они держали пилумы с остриями из расколотого кремния. Вдоль торцовой стены маячили в тени еще несколько воинов. Командир материализовался из тени, чтобы переговорить с охранниками. Один из них приоткрыл огромную дверь, откуда вырвался неожиданно аромат сандала, и пропал внутри.

Они ждали в молчании почти пятнадцать минут. В течение этого времени стражи у дверей не шелохнулись и даже не скосили глаза на Пинкертона. Но он сомневался, что мог бы пробежать пять шагов, прежде чем в его теле засядет несколько кремневых наконечников. Пока он стоял, разглядывая раскрашенную дверь, тонкое и протяжное причитание взнеслось к небу вдалеке среди хижин у него за спиной. Пинкертон резко оглянулся.

— Что это? — спросил он ближайшего из стражи.

С мгновение ему казалось, будто тот не обратил внимания на вопрос. Затем страж украдкой поглядел вбок. И, едва разняв губы, пробормотал:

— Одна из тибериевых вдов.

— Вдов?

— Тихо, эй там, — огрызнулся командир.

Последовало суровое молчание. Отдаленный вой позади возносился и угасал, точно бечева летела по ветру.

Наконец со скрипом распахнулась дверь. Страж поманил их внутрь. Они миновали небольшую, тускло освещенную прихожую и прошли по широкому коридору, увешанному цветными полотнищами и плетеными тростниковыми циновками. Было душно от благовоний. В конце коридора командир остановился и произнес что-то на тарабарском языке, которого Пинкертон не смог определить. Неожиданно голая женская рука протянулась из-за драпировок и откинула занавес. Наружу хлынул теплый желтый свет.

Пинкертона препроводили в ярко освещенное помещение, наполненное густыми ароматами, увешанное цветными тканями и населенное, насколько ему показалось, одними женщинами.

Перед ним, выпрямившись в кресле, гордо красовалась молодая особа в тонком до прозрачности платье. Ее веки были выкрашены в голубой цвет, а глаза казались огромными из-за густо подведенных ресниц. Лицо ее под изысканно уложенными темными волосами было тонким и

удлиненным, с прямым, несколько заостренным носом и бледной кожей, ощутимо напудренной. Она подняла руку с маленькими пальчиками:

— Подойди, плавающий по ночам. — Ее мягкий голос звучал отстраненно.

Белый свет взорвался в глазах Пинкертона. Удар бросил его вперед. Он упал, осознавая лишь, что его ударили по загривку, и что ни в коем случае нельзя лишаться чувств. Миновал промежуток времени, который он не мог измерить, и чернота перед глазами рассеялась. Он обнаружил, что стоит на четвереньках, и во рту препогано.

Сзади прогремел голос командира:

— На колени перед Богиней.

Американец заморгал, чтобы зрение прояснилось, и гортанно проговорил:

— В моей стране не принято вставать на колени.

— Диковинная страна, — заметили особа на троне. — Можешь посмотреть на меня и назвать свое имя.

Откинувшись на корточки, он поднял голову, превозмогая боль и поглядел ей в лицо. Ее губы, густо-алые, как у гулящей девки, полыхали на белизне кожи. Она смахивала на раскрашенную куклу. Но холодная сталь звучала в ее голосе, а

взгляд, умный и лишенный чувствительности, был темен от зрелости. Он сказал спокойно и отчетливо:

— Меня зовут Аллан Пинкертон. Основатель Национального Детективного Агентства Пинкертона в Чикаго, Иллинойс, Соединенные Штаты Америки.

Аллан Пинкертон, родился в Глазго, Шотландия, 1819 г., сын сержанта полиции. Эмигрировав в 1847 г. в Штаты с женой, он нашел, что правоохранительная деятельность ему больше по вкусу, чем его прежнее ремесло бондаря. Он стал помощником шерифа, затем получил назначение первым детективом в новом полицейском подразделении Чикаго. Но его мучило честолюбие. В 1850 г. он вышел в отставку, чтобы организовать, вместе с двумя сыновьями, частное детективное агентство.

— Детективное агентство, — произнесла молодая женщина. — И что это значит?

— Это организация, которая защищает от преступлений. Разыскивает преступников. Детектив разоблачает тайные преступления и добивается наказания за них.

За раскрашенным, точно маска, лицом, промелькнули какие-то чувства.

— Тайные преступления, — пробормотала она. — Красиво звучит, Аллан Пинкертон, детектив. И ты всегда добивался наказания за тайные преступления? И никогда не тратил сил впустую?

— Мы действовали успешно, — отрезал он. — Даже исключительно успешно. Но совершенство встречается только на Небесах, а не в делах человеческих.

— Или в делах богинь, — она рассмеялась, ее смех походил на белое сияние. — Даже у богинь случаются порой неудачи. Так, признаюсь, мне не удалось определить, почему одинокий мужчина является ночью по этим ужасным водам искать нашего гостеприимства.

Если уж лгать, надо сказать как можно больше правды. И он незамедлительно ответил:

— Я последовал совету датчан, что живут выше по течению. Они предостерегали от граалепоработителей на дальнем берегу. И сказали, что здесь безопасней странствовать ночью, пока я не окажусь вне угрозы. Они предложили мне попросить приюта в Новом Риме.

Каждое слово было правдой. Пусть это — не вся правда.

— Мы встречались прежде с граалепоработи-

телями, — сказала женщина. — Они понимают язык клинков. А что понимают датчане? Их король, Канут IV, слывет святым. Я заметила, что из святых получаются неудобные соседи. Их превосходство в сфере духа ведет к неумению управлять делами в их временном обиталище.

Пинкертон покачал головой.

— Я ничего об этом не знаю. Они были со мной достаточно любезны.

Она была не столько красива, сколько невероятно женственна. Роскошная мягкость ее женских чар струилась вокруг, как если бы его овевал порывистый теплый ветер. В то же время он видел, насколько точно она его оценивает, и понимал, что ее разум спокоен, холоден и опасен. Богиня улыбнулась.

— Я открыла в тебе много такого, чего не понимаю. Просвети меня. Разве ты не нашел утешения у женщины, коли путешествуешь один?

— Я ищу своих, — сказал он. — Когда я пробудился… или воскрес… словом, как бы ни называлось то, что случилось с нами, я обнаружил, что я — не на Небесах, на которые я надеялся, но и не в Преисподней, которой страшился. Ничего не поймешь. — Он сделал паузу, зная, что большинству людей свойственно слишком много объяснять, и

что их собственные языки доводят их до беды. Но играть в молчанку было в этом месте еще опасней. И он медленно продолжал. — Я проснулся среди чужих. То были дружелюбные, бесцельные люди. Им недоставало честолюбия и энергии. Они боготворили палки. И вдобавок — ни жены, ни сыновей, сама понимаешь. Моего дела больше не существует. Моя страна неизвестна. Я не в состоянии отказаться от семьи, своего дела и страны. Вот я их и ищу.

И Дингуса тоже, прошептала какая-то затаенная часть его существа. Когда-нибудь я отыщу Дингуса и наконец-то вычеркну этот провал из моего послужного списка.

Он заметил, что Богиня рассматривает его с лукавой снисходительностью, которая его тут же стала изрядно раздражать. Она сказала:

— Мудрецы говорят, вдоль Реки живет больше людей, чем песчинок в пустынях Египта. — Она медленно покачала головой, полусочувственно-полуигриво. — О делах столь значительных, никто из нас, как я подозреваю, не вправе утверждать что-либо наверняка. Я знаю только, что Ка вновь вернулся к каждому из нас. И что вновь священное солнце согревает нашу кровь. Мы вновь в объятиях жизни. Или для тебя недоста-

точно, Пинкертон, детектив, что жизнь снова раскинулась перед тобой?

— Не достаточно, — рявкнул он. — Я слишком многое оставил незавершенным.

— Смерть уничтожила все прежние обязательства, — сказала она. Он почувствовал себя так, как если бы его наставляла кукла. — В твои руки передана вторая жизнь, свежая и новая. Располагай ею, как пожелаешь.

— Обязательства, — произнес он, задержав глаза на алом изгибе ее рта, — никогда не уничтожаются. Мы обязаны завершать то, что оставили незаконченным.

Ее крохотная рука плавно взмыла в сторону, ему показалось, что так она выразила игривое презрение.

— Боюсь, мы никогда не сойдемся во мнениях, — заявила она, одаряя его призрачной улыбкой.

Под зыбкой тканью ее платья вздымались мягкие купола ее грудей. Он поспешил отвести глаза. Неприязнь к ее мягкости, ее благовониям и крикливой боевой раскраске, к ее неподобающему одеянию, к ее позерской отстраненности и смеху свысока, проплыла сквозь него, словно ядовитый дым.

Она согнула пальцы. Верзила командир вышел из-за спины Пинкертона и встал — весь внимание — у ее кресла.

— Марий, — распорядилась она, — предложи этому усталому страннику хижину для ночлега.

Она не взглянула прямо на Пинкертона. Он почувствовал, что в ее глазах мелькнула утонченная насмешка, как будто она почувствовала, что он пялится на ее грудки.

— И предложи ему воспользоваться грейлстоуном, — добавила она и наклонилась вперед, пробормотала несколько неразборчивых слов. Затем произнесла громче. — Возможно, мы с ним еще поговорим, если я почувствую к этому склонность.

Пинкертон с усилием встал на ноги, и его выпроводили из зала. Когда они проходили сквозь занавеси, он оглянулся и увидел, как ее маленькое, стройное, все в белом, тело, скользнуло и затерялось среди женщин. К своему удивлению, он внезапно проникся к ней мимолетным теплым чувством, как будто она была прелестным ребенком, требующим его заботы. Затем вернулась неприязнь. Какой позор, — с яростью подумал он. — Вдруг отозваться телом этому распущенному ребенку. Вечно Сатана смеется над

мужчинами. Одолей адскую похоть дисциплиной и самоотречением.

Очутившись снаружи, он глубоко вздохнул, очищая легкие от ее липкого от благовоний воздуха. Стражи с любопытством глазели на него. Марий уронил лапищу на его плечи.

— Оказывается, у нас — почетный гость, ребята, — с удовольствием сообщил он. — Я проведу его в хижину для гостей. Флавий, а ну-ка быстро к Реке и смотри в оба. Богиня ожидает, чтобы ты нынче походил дозором во славу Нового Рима. Так позаботься о своей драгоценной шкуре. — Отвернувшись, он тяжело хлопнул Пинкертона по спине. — Ну что же, мой новый друг, идем со мной.

Они вышли из освещенного огороженного пространства и попали во вьющиеся среди темных хижин проходы. И снова раздался долгий скорбный вопль. Некоторое, время они шли молча. Марий стремительно шагал, все время поворачивая, и Пинкертон вдруг понял, что они описывают замкнутый круг. У него заныло под ложечкой. Богиня говорила со стражем еле слышно. Мозг Пинкертона лихорадочно перебирал возможные версии.

Задержка означала, что требуется время для

приготовлений чего-то, что касается, несомненно, его. Но, желай они его смерти, как здраво подумал он, он бы уже был убит. В сущности, он их пленник. И, чего доброго, с ним играют, точно кошка с мышью, намереваясь цапнуть без предупреждения и, доведя до ужаса, заставить говорить начистоту. Вполне возможно. Он сверлил глазами могучие плечи шагавшего впереди римлянина и чувствовал, как кровь приливает к щекам и ко лбу. Он до головокружения жаждал действия.

Словно подслушав его мысли, Марий сказал:

— А ты удачлив. Беседа не закончилась тем, что с тебя спустили шкуру. — И он хихикнул себе под нос. — Это более, чем просто везение. Наверняка Богине понравилось твое рыло.

Пинкертон шумно втянул воздух.

— Я думал, в Новом Риме правит Тиберий. Кто она?

Он, скорее, почувствовал, чем увидел изумление Мария.

Верзила так и гоготнул.

— Клеопатра.

— Господи Боже, — поразился Пинкертон. — Этот ребенок?

— Она самая. Та Клеопатра. Клеопатра VII,

Филадельф Филопатор Филопатрис. Та, которая когда-то ловко провела Цезаря и Марка Антония. Клянусь брюхом Марса, ты озадачен. Да, у нее не такая уж пышная грудь. Но она умеет мыслью разогнать в небе тучи. Возможно, как раз это привлекло к ней Юлия.

— Так кто она Тиберию? Императрица? Супруга?

— Да нет же. Совместное правление, так это можно назвать. Она заставляет Тиберия попотеть. Он не очень-то путается под ногами.

— Довольно странно.

— Она правит. Он веселится. — Марий издал резкий звук, слишком железный для смеха. — В своем веселом убежище. И не стоит слишком любопытствовать насчет Тиберия, и как он веселится.

Очевидно, они прошли немало. Марий остановился перед крохотной бамбуковой хижиной с крышей из тяжелой травы, кончики которой свисали, точно нестриженые лохмы. И сказал Пинкертону:

— Вот твоя хижина, милостью Богини, которая могла бы бросить тебя дракошкам так же запросто, как отправить спать со всеми здешними удобствами. Я велю кому-нибудь проводить тебя

к грейлстоуну утром.

— Я бы хотел получить обратно нож.

— Терпение. Нельзя допустить, чтобы ты зарезался, пока ты наш гость.

Марий затопал прочь. Пинкертон задержался на миг в дверях хижины, вдыхая влажный ночной воздух. Аромат ее сандала все еще исходил от его одежды. Это безмозглые датчане не упомянули о Клеопатре. Небрежная, неумелая работа. Тут пришло тошнотворное ощущение, что они не удосужились объяснить и другие важные вещи. На какой-то жуткий миг ему почудилось, будто он бредет наощупь в высокой траве, где на каждом шагу — ядовитые змеи. Учуял бы он заранее их невежество, отказался бы от поручения Канута, хотя было оно, вроде, проще простого.

Он осторожно взмахнул рукой, выражая раздражение. Если он мог обшаривать Конфедерацию Южан, постигая их хитрости, сможет, разумеется, и добраться до силы Нового Рима. Это ему раз плюнуть.

Он нетерпеливо развернулся и вступил в хижину.

Внутри неярко горела на бамбуковом столе небольшая лампа на рыбьем жире, освещая блюдо с фруктами и холодным мясом.

У дальней стены стояла кровать, на которую был брошен его вещмешок. Близ нее — бамбуковый стул.

В тени у стула, наполовину видимый в колеблющемся свете, обозначился некто, укутанный в темно-серую ткань. Его сердце подскочило. Он приблизился.

— Я ждала тебя, — раздался вкрадчивый шепот. — Богиня желает, чтобы ты взялся за ее поручение.

С мгновение он стоял молча. Но с видом не столько застигнутым врасплох, сколько приводящего в порядок мысли. Внезапно он указал на стул.

— Добро пожаловать, Богиня, — сказал он. — Садись, пожалуйста. Здесь недостаточно великолепная обстановка для твоего положения. Но, как ты понимаешь, мне это лишь предоставлено.

Она вышла вперед на свет, сбрасывая свободный серый балахон.

— Меня раскусили, — сладко пролепетала Клеопатра.

Движением, плавным, точно струйка дыма, она присела.

Надушилась она пуще прежнего. Громадные глазищи сияли.

— Как это было ловко, — воскликнула она. — Ты узнал меня в один миг. Садись. — Она улыбнулась ему откровенно шаловливо. — Мы можем обойтись без таких утомительных формальностей, как коленопреклонение. Это — лишь официальная церемония, на которой мы настаиваем, собственно, чтобы прививать среди наших подданных привычку нас почитать.

Он осторожно сел. В неверном свете ее лицо, скрытое под яркими красками, казалось рожицей задиристого ребенка. Она сказала:

— Сегодня, когда ты описал свое привычное занятие, меня разобрало любопытство. Теперь, когда ты показал свое искусство, признаюсь, меня охватило восхищение. Ты вызываешь истину из всякой тени.

— Ты очень любезна.

— В Новом Риме, — сказала она ему, — одинокой женщине, сколь угодно высокородной и могущественной, нужно много друзей. Точно так же чужестранец в Новом Риме может, если желает, удостоиться благодарности высоких лиц. Учитывая эти взаимозависящие обстоятельства, я надеюсь, что ты согласишься стать моим другом.

Он сразу понял, что эта женщина избрала его орудием в какой-то личной интрижке. Его при-

бытие к хижине задержали так, чтобы она вошла первой. Ее тяжкие благовония обеспечивали уверенность, что он ее легко распознает. И это позволит ей восхититься им, обезоружить его и взять на службу.

Подавшись вперед, она подставила свое личико под свет лампы.

— Ты и догадаться не можешь, как срочно твоему другу нужно твое умение. Ты много лет раскрывал тайные преступления. Не так ли?

— Такова работа детектива.

— Значит, тебя, несомненно, привела к нам сама Исида. В этом месте, как ты увидишь, мы строим новый город, город, посвященный чистоте солнца. Солнце для большинства здесь — это египтянин, охваченный крепким металлом немногочисленных римлян. К сожалению, немногих, ибо они — упорные строители. Вместе мы возведем город, более дивный, чем Мемфис или Александрия, и более прославленный, нежели сам Рим. Этой цели мы посвятили нашу новую жизнь. И все-таки с самого начала самоотверженных трудов, у нас совершаются тайные преступления. Гнусные преступления, как подсказывает мне мое сердце. Ты слышал, как воют в ночи женщины?

— Да.

— Если бы мужчины сокрушались, как они, ты услышал бы и мужские голоса. Женщины горюют по исчезнувшим мужьям. Мужчины, вероятно, оплакивают своих жен. Кто знает? Мужчина и женщина вдруг исчезают среди ночи. И не возвращаются.

Он сдержанно заметил:

— Они могут и куда-нибудь переселиться.

— Бросив семью и все имущество? Вряд ли.

Он пораскинул мозгами.

— Ваши границы хорошо охраняются?

— Каждое государство обязано защитить свои рубежи от происков соседей. Стражи не сообщают, чтобы кто-то к нам проникал.

— Тогда все очень просто, видишь ли. Одно из двух. Либо стражи подкуплены, либо исчезнувшие люди по-прежнему в Новом Риме.

— Не так просто, Пинкертон, детектив. — Она опустила глаза, сомкнула колени, сжала над ними побелевшие руки: образ растерянной и перепуганной женщины. Он любовался ею с усмешкой, но не без восторга. Она умела устраивать представления. Она прошептала:

— Они все были мои сторонники, понимаешь ли. Мои друзья. Каждый получал особое пригла-

шение в сады Цезаря.

Его лицо было непроницаемо.

— В Сады?

— В Сады Тиберия. Они лежат чуть южнее пристани, где ты высадился. Там император построил виллу и выкопал озеро. Он живет там в добровольном затворничестве. Его покой охраняют несколько преторианцев.

— Едва ли он может править оттуда.

— Он правит посредством меморандумов, — объяснила она. — Я их получаю предостаточно, можешь поверить. — Ее расширившиеся глаза впились в сыщика. — Ты должен понять. Тиберий умелый властитель. В нем есть гений семьи Юлиев, позволяющий выбирать в пределах возможного.

Она ждала, что он скажет. Наконец, сыщик спросил:

— И что еще?

— Он также, — сказала женщина, выговаривая слова с утонченной робостью, — склонен к помрачениям духа. Его способности, возможно, как мы можем сказать, встречают препятствия в виде взрывов ярости. Они начинаются ни с того, ни с сего, а потом проходят. Как буря, тревожащая небеса.

— Ты подозреваешь его в убийствах?

— Да кто знает. Кто знает. Есть одна трудность, друг детектив. Как соправительница, я должна знать. Я чувствую, он не мог умертвить этих людей в приступе безумия. Но я должна удостовериться. Я должна это узнать ради Нового Рима.

Он отклонился назад, закрыв глаза. Он чувствовал, что поддается ее женственности, ее смышленості, вкрадчивой мольбе в ее голосе. Она предположила:

— Ты никак обиделся? Я ошиблась, обратившись к тебе за советом?

Ее пластичность и проницательность обессиливали. Он покачал головой:

— Я пытаюсь понять, чего ты желаешь.

— Сегодня ночью он пригласил нескольких из тех, к кому я привязана и кому доверяю отобедать с ним в Садах. Если они почуют опасность, что они могут сделать? Кто из всех нас может отказаться от приглашения императора? Я желаю, чтобы ты проник в Сады незамеченным и проследил, если я права, как совершаются тайные преступления императора. Или, если я неправа, убедился в их отсутствии. Можешь сделать такое, как друг для друга?

— Ты сказала, что там охрана.

— Марий командует преторианцами, хотя назначен руководить моей верной египетской стражей. Он проведет тебя в Сады. Тебя не заметят.

— И когда я вернусь?

— Завтра ночью. Я приму твой доклад в этой хижине. — Так как он не ответил немедленно, она кротко добавила. — Есть такие, которые шепчутся, будто ты датский шпион, подосланный самим Канутом, чтобы разнюхать наши тайны. С какой радостью я по твоем возвращении опровергну эту клевету.

Подобные шелковые угрозы не нужны, подумалось ему. В конце концов, он не удержится и согласится ей помочь. А какой у него выбор?

Он изобразил пустую улыбку и потянулся, чтобы коснуться ее теплой руки. Если он потом расскажет, что прикоснулся к Клеопатре, это будет нечто.

— Дуракам везде мерещатся шпионы, — сказал он. — Я могу тебе помочь. Когда придет Марий?

— В течение часа. Поешь и отдохни. К сожалению, ночь тебе предстоит долгая.

— Детективу не привыкать, — заметил он и проводил ее до дверей.

После того, как она растаяла в ночи, он вер-

нулся к столу и принялся подкрепляться. Хоть и здорово она ему не нравилась, его не могло не восхищать ее искусство. Какой бы из нее вышел оперативник!

Итак, в его распоряжении час, чтобы прикинуть, что все это значит. Тридцать лет работы детективом позволяли ему безошибочно угадывать, если клиент лжет. А она лгала. Господи, да к концу — вранье на вранье. И, по какой бы причине она его ни впутывала, это почти наверняка не имело ничего общего с тайными преступлениями Тиберия.

Кончив есть, он опорожнил на постель свой мешок. Из того, что смахивало на утолщенный шов вдоль нижнего края, он извлек узкую рогатку около двадцати сантиметров длиной. Она была сделана из драконьей шкуры и стянута обрывком полотна, а внутри лежала тщательно засыпанная песком шишечка из железного дерева. Он придирчиво оглядел оружие, хмурясь, заметил, что оно уже изрядно потерлось. Жалкая замена свинцу и плетеной коже. Но сойдет. Он подбросил рогатку на ладони, взвешивая. Что-то такое не вредно приберечь, если блуждаешь в ночи. Опустив рогатку за пояс, повязанный под свободной рубахой, он растянулся на постели и

закрыл глаза.

Менее чем через час в дверь тихонько постучали. Он поднялся, зевая и протирая глаза, проклиная скверный привкус, который, похоже, никогда не уйдет изо рта. Тяжело топая, вывалился из хижины. Марий стоял и ждал, завернутый в тяжелый плащ. Не проронив ни слова, он подал Пинкертону знак: мол, следуй за мной, и двинулся куда-то. Воздух был пахучим, холодным и сырым.

За несколько минут они выбрались из лабиринта дорожек меж хижинами на ухабистую травянистую равнину, которая плавно сбегала к Реке. Марий шел впереди строевым шагом, неизменным, как барабанный бой. Его голова и плечи нечетко возвышались в невероятном мельтешении звезд.

После двадцати минут молчаливого марша верзила-легионер остановился. Впереди возникла простирающаяся в темноту направо высокая черная масса: стена или ограда. За ней, где-то в глубине, раздавался стук барабана и нестройный смех, звучавший слабее, чем удары сердца Пинкертона. Он взвинтился. Кожа стала тугой и сухой, руки онемели. Выводы из его рассуждений тревожили его. Не то, чтобы он располагал

для этого достаточными сведениями. Но вообще-то, данных никогда не бывает достаточно. И пользуешься теми, которые можно заполучить, а затем прислушиваешься к двусмысленным нашептываньям интуиции. Марий сказал в ухо Пинкертону:

— Впереди бамбуковая чаща. Мы воспользуемся тропой для стражей. Сад — с той стороны.

Пинкертон ухватился сзади за пояс верзилы, и тот повел его в неясную мглу. Они петляли то вправо, то влево по кругу скоплений бамбука, посаженного, как заподозрил Пинкертон, чтобы замаскировать вход. Довольно долгое время они пробирались ощупью, совершенно без света, по предательски неровной почве, окруженные слабым горьковатым бамбуковым запахом. И внезапно вышли на открытое место. Перед ними раскинулась темная гладь искусственного озера почти в триста метров шириной. Какое-то каменное сооружение соединяло озеро с Рекой. Глубоко вдаваясь в сушу, озеро оканчивалось у празднично освещенной виллы. В каменном дворике между виллой и водой растянулась на ложах горстка мужчин и женщин. Перед ними под барабанный бой и блеяние рогов-раковин подскакивала кучка танцоров. Марий прыснул:

— И живут же эти патриции.

— Надо бы подойти ближе, — заметил Пинкертон.

Взвинченное состояние отступило. Теперь мозг его работал спокойно и быстро. Он последовал за Марием по краю бамбуковой заросли к месту, где озерный берег выгибался в сторону виллы. Оживление в каменном дворике было менее чем в сотне метров. Они присели на корточки, наблюдая.

— Который здесь Тиберий? — спросил Пинкертон.

— Сомневаюсь, что он вообще вышел, — Марий кивнул в сторону освещенного окна в ближайшем крыле виллы. — Он там, у себя. Подбивает счета. Он любит охотиться за медяками.

— Хотелось бы поглядеть, на что он похож.

— Старый зануда, весь в прыщах. Он тебе не обрадуется.

— Полагаю, что ты прав, — согласился Пинкертон.

Возбуждение пробежало по собравшимся во дворике. Несколько человек вскочило на ноги, уставившись на проход в освещенный внутренний двор, разделявший передние и задние помещения виллы. Оттуда начали выходить

вооруженные стражи. Марий рывком поднялся. Скосив глаза назад, в сторону Реки, он шепнул: «Дозор идет!» — с явным изумлением. Пинкертон повернулся, чтобы взглянуть. И его глаза, ослепленные ярким светом, ничего не разглядели. Марий негромко огрызнулся:

— На этот час дозор не намечен. Они здесь все прочешут. Живо отсюда!

— Куда?

— На виллу. Больше некуда. И, возможно, ты все-таки увидишь нашего славного императора. Потопали. — Его жесткая, словно тиски, лапища схватила руку сыщика выше локтя. И они стали пробираться прочь, держась поближе к бамбуковой изгороди. Пинкертон бросил взгляд в сторону дворика. Вечеринка расстроилась. Двойная колонна легионеров затопала через двор. И среди них, точно самоцвет в дорогом венце, шагала Клеопатра с надменно вскинутой головой. Она была в белом, ткань держалась с помощью ярких шарфов, на голове — прихотливый золотой убор. Пинкертон оторопело воззрился на нее, в миг забыв обо всем на свете.

— Клеопатра!

Марий замер на ходу, оглянулся и что-то пробормотал на живой и сочной латыни, не требо-

вавшей перевода. Он был до предела ошеломлен. Он опять вцепился в руку американца.

— Идем!

Теперь, очутившись против виллы, они метнулись через открытую лужайку к флигелю, затем проскользнули под освещенным окном, зарешеченным и затянутым чем-то прозрачным. Марий замедлил ход, прислушавшись, нырнул за угол вдоль отштукатуренной стены. Они тут же погрузились во тьму, густую, как тесто.

— Здесь дверь, — предупредил Марий. — Всегда запертая. Но если ты знаешь, как их открывать, попробуй.

Тепло возникло под ребрами сыщика и весело растеклось по всему телу. Лишь дисциплина помешала ему улыбнуться. Итак, несмотря на все сомнения, он рассуждал верно.

Задание было откровенным розыгрышем сверху донизу. Сплетением лжи. И не потому что глубокий скептицизм профессионала-детектива никогда не принял бы отсутствия часового, уединенную дверь и легкость доступа. Но прибытие Клеопатры озадачивало. Здесь обнаруживалась какая-то неувязка.

Металл перешепнулся с металлом. Мариус крякнул. Что-то резко звякнуло, и во мгле обо-

значилась полоса тусклого света. Пинкертон приготовил свою рогатку и последовал за Марием в длинный полусумрачный коридор, где крепко пахло сырой штукатуркой. В двадцати метрах впереди он пересекался с другим, более широким, мощеным красными плитками. Свет лампы дрожал на кремового цвета стенах. Марий знаком велел идти вперед. Никакого укрытия коридор не предполагал: голые стены, запертые двери — отменная ловушка. Когда они были на полпути, в освещенном коридоре отворилась со скрежетом невидимая дверь, выпустив наружу сумятицу голосов. Застучали приближающиеся шаги.

Марий куда-то метнулся наискось. Распахнул дверь в левой стене и втянул туда Пинкертона. Быстр закрыл дверь, оставив щелочку, и тут же прильнул к ней глазом. Сварливый голос проворчал;

— Да-да. Я приду, когда освобожусь. Спешки нет.

Пинкертон приложился спиной к стене. Шевеля в пальцах свое оружие, он проворно огляделся. Они стояли в длинном и широком помещении, где имелось изобилие столов, скамей без спинок, шкафов любых размеров, и царила гнетущая

тьма. Для этого мира, как подумал сыщик, немалым благом оказалась бы керосиновая лампа. Коптилки на рыбьем жиру мерцали вдоль большого стола через весь зал, заваленного свитками и письменными принадлежностями. Пинкертон осмотрел тени позади стола, и его взгляд из-под тяжелых бровей казался отсутствующим. Сварливый голос вскричал из коридора:

— Держите эту бабу под пристальным наблюдением. Предложите ей чем-нибудь перекусить. Не допускайте их во дворик. И пусть те, кто у ворот, ждут моего знака. Или, клянусь сосцами Юноны, они тоже поплавают.

Загремели, приближаясь, шаги. Марий запер дверь и отпрянул к середине зала. Он о чем-то озабоченно размышлял. Пинкертон подошел к нему. И сказал приглушенно:

— Здесь полно солдатни. Не прикасайся к мечу.

Изумление полыхнуло в глазах Мария. Его тело слегка колыхнулось, словно он получил удар дубиной в грудь.

— Насчет убийства и думать забудь, — с наслаждением предупредил его американец. И поспешил спрятать свою рогатку. Марий не дотронулся до меча и не посмел взглянуть ни на

что, кроме лица Пинкертона. И, пока пялился на него, дверь с глухим шумом распахнулась. В зал вступил Цезарь Тиберий.

Император был высоким мужчиной с внушительными плечами и суровым худощавым телом. Двигался он так, как будто у него ныли суставы, почти не размахивая руками и чуть наклонив вперед голову. На его лбу и подбородке гноились россыпи темно-красных прыщей. Шрамы от уже исчезнувшей сыпи пятнали щеки. Он хмуро воззрился на двух посторонних, как если бы у него был полон желудок скорпионов. Мариус поднял руку в приветствии.

— Аве, Цезарь!

Тиберий, пылая гневом, резко заметил:

— Ты опоздал. Это нетерпимо. — Затем пронзительнее.

— А это и есть человек Канута?

Марий украдкой поглядел вбок на Пинкертона. И не без затруднения произнес:

— Это человек, которого ты приказал сюда привести.

Тиберий прорычал:

— Эта цаца, Клеопатра, это царственное чудо в перьях, за которой ты ходишь по пятам днем и ночью, Марий, соблаговолила известить меня

не далее, как час назад, что некий тип прибыл с поручением от Канута, или она так утверждает. — Он озирал Пинкертона с мрачным подозрением. — Тьма сладких слов, вне сомнений. Тьма легковесных обещаний, не стоящих отрыжки. Явился болтать да болтать, а заодно шпионить и шпионить.

Пинкертон флегматично произнес:

— Исключительно болтать.

Застигнутый врасплох. Слепой, ошеломленный, ничего не понимающий. Уцепившийся за слова Тиберия. Выжимающий каждое слово в поисках смысла. Тиберий неприветливо изучал его.

— Твой друг Канут дурак, и ты тоже, коли служишь ему.

От гнева лицо Пинкертона напряглось, а в глазах потемнело. Он кротко заметил:

— Канут не друг мне и не хозяин.

Насмешка искривила лицо Тиберия.

— Мне известно о каждом твоем разговоре с ним. Втайне. Мне известно, когда ты отбыл из датских владений. Втайне. Мне известно, когда ты высадился в Новом Риме. Все втайне, но тайны-то никакой.

Римский шпион при датском дворе. Или шпио-

ны. Клеопатра тоже знала.

— Заговоры, — сказал Тиберий. — Лжецы. Красивые слова. — Он желчно осмотрел Пинкертона. — Нынче ночью разговора не будет. Раз пришел без предупреждения, на внимание рассчитывать не приходится. Можешь поприсутствовать на нынешних увеселениях. Возможно, завтра или послезавтра… Время дорого. Стража!

Из тени в глубине выступило четверо вооруженных стражей, безмолвных, точно приход смерти. Ничто не дрогнуло на вышколенном лице Мария. Тиберий распорядился:

— Препроводите этих двоих к Озеру. Они могут полюбоваться зрелищем вместе с остальными гостями. И с Этой Женщиной.

Стражи вывели Пинкертона из зала по коридору во внутренний двор и оставили на краю двора внешнего. После того, как они удалились, Марий мимоходом огляделся. В пределах слышимости — никого. Он пробормотал Пинкертону:

— Значит, Владычица Нила не полностью тебя провела?

Пинкертон ответил:

— Убийство было единственным, что имело смысл. Ей нужен был труп, на который можно все свалить. И нет иных причин, по которым я здесь.

Ей не нужен доклад о преступлениях Императора. Да кто бы здесь поверил на слово чужаку?

Марий сдержанно ухмыльнулся.

— Что же, ты оказал мне услугу-другую. Я даже не учуял тех стражей.

— Ты действительно убил бы Тиберия?

Ухмылка угасла. Глаза Мария заблуждали. Он безразлично сказал:

— Не знаю.

Они молча зашагали к полукругу лож. Самоупреки раздирали ум Пинкертона, точно когтистые звери. До чего он был уверен в себе. Так спокоен. Настолько не догадывался, как поверхностно он проник в суть вещей. Среди этих людей с их опытом в искусстве измены неряшливость умственной работы может оказаться роковой. Они его на кусочки разорвут. Он сплюнул, чтобы очистить рот. Он уже умер однажды, и такой смертью, какая выпала немногим. Не хочется снова умереть. Да еще и так скоро.

Они приблизились к озеру. В нескольких метрах от воды на обеденном ложе томно простерлась Клеопатра. Вокруг нее судачили две женщины и с полдюжины мужчин. Она выглядела предельно соскучившейся. Золотой головой убор покоился близ нее на ложе.

Пинкертон спросил:

— Почему Клеопатра сказала Тиберию, что я посланец датчан?

— Кто знает, что на уме у царицы? — Марий пожал плечами и остановился на полушаге. — Здесь мы расстанемся. Вы, посланцы, имеете право сидеть близ владычиц. Простые солдаты терпеливо стоят позади. — Он бесшумно отступил.

Когда Пинкертон приблизился к ложам, Клеопатра взглянула в его сторону, улыбаясь, точно лезвие ножа.

— А, детектив.

— Блистательный посланец, — уточнил он.

Искорка непринужденного веселья пробежала по ее лицу.

— А я и не подозревала, что ты остроумен. — Тем, кто ее окружал, она сказала: — Это так утомительно, но государственные дела постоянно требуют заботы. Я должна поговорить с этим человеком. Вы не будете слишком возражать? Кажется, у воды происходит что-то любопытное.

Этот мягкий намек был понят, и тараторящие гости переместились поближе к озеру. Молодые женщины зажгли скопления свечей, установленные на восьми маленьких плотах. Надето на этих особах явно было очень немного. Клеопатра

коснулась соседнего ложа.

— Можешь устроиться здесь. Тиберий явно получил мое послание. Я только что узнала, что он приказал немедленно доставить тебя к нему. Его осведомители наводнили двор Канута. Не объяви я тебя тайным послом, тебя бы зарезали как шпиона.

— Твоя весть вызвала у него раздражение, — сказал сыщик.

— А он вечно чем-то раздражен. Итак, высокий посланец, чем ты отблагодаришь меня за спасение от Тиберия?

Гнев накатил на него без предупреждения и, отхлынув, на время лишил голоса. Он тлеющим взглядом воззрился на воду, где молодые женщины прилаживали поверх пылающих свечек нечто из бамбука и непрозрачных плоскостей. А, фонари, догадался он. Овалы розового, голубого, золотого и зеленого весело засветились на фоне черной воды.

— Ты послала меня на смерть, — проворчал он. — И еще ожидаешь благодарности?

— Я тебя послала. Я тебя спасла. Ты жив моей милостью.

Он сказал:

— У каждого есть друзья или враги. Одно или

другое. Кто-то лжет мне, морочит меня. Это враг. Враг. Только одно. Ничего другого. На веки вечные.

Молодые женщины рассмеялись, входя в озерную воду. Развивая шнуры, лежащие на плотах, они тихонько отплыли от берега, толкая перед собой фонари. Мужчины с берега одобрительно закричали.

— Следи за своим голосом, — кротко посоветовала Клеопатра. — Слова далеко разносятся в приозерном воздухе.

— Она с любопытством изучила его острым взглядом из-под арочек подведенных бровей. — Не стоит негодовать, мой бедный детектив, столь суровый и несгибаемый. Ты, разумеется, знаешь, что все союзы — дело временное. Предложено — прими, когда это сулит тебе преимущества. Такова мудрость управления деревнями или империями. И ей научил меня Божественный Юлий.

Чинно выпрямившись, держась от нее на расстоянии, он прорычал:

— Я все меряю иной меркой.

Мужчины расхохотались и завопили вслед плывущим женщинам. Двое или трое бросились в озеро и, плеща, устремились к фонарям.

— Я не насмехаюсь над твоими привычками. Но мы далеки от твоей Америки и всего, что там принято.

— Далеки! Мы все умерли. Куда уж дальше.

— Тогда прими то, что мы — живем. Почему или где — не так уж важно.

Он не ответил ей сразу, а сидел, сердито оглядывая свои квадратные ладони, неподатливая мыслящая колода, перебирающая скверные воспоминания. В воздухе повисли ее благовония. Наконец, он промолвил:

— Я умер отвратительной смертью. От гангрены — гангрены языка. К тому моменту я был полностью парализован. В течение нескольких лет, Боже правый. Когда умираешь подобным образом, ни этот вкус, ни этот запах не оставляют. Даже под наркотиком. Даже во сне. Лежишь и чуешь, как гниешь заживо. Этот запах и ныне у меня во рту.

Еще несколько мужчин кинулось в озеро, чтобы доплыть до фонарей. Другие мужчины и женщины носились вдоль берега, криками подбадривая пловцов. Клеопатра сказала:

— Смерть когда-то была смертью. Но не теперь, и не в этом загадочном месте. Я это наверняка знаю: когда умираешь здесь, опять приходишь

в себя в другом месте у Реки. И твое тело возвращается к тебе без единого порока, как бы ты ни умер.

— Но разум остается неизменным, — сказал он. — И помнишь все. Забывать не дозволено. Я помню слишком многое. О неудачах, смерти, о всяческих мерзостях. Невыносимо!

— Мы в Древнем Египте считали, что душа совершает восхождение от жизни к жизни, проходя через бесчисленный цикл и все более очищаясь.

— Мы не в Древнем Египте и не в Америке, — заметил он. — Мы в самой Преисподней.

Она не ответила ему. С озера донесся восторженный женский вопль. Неистово раскачивался ослепительно-зеленый фонарь.

Наконец, он сказал тяжелым голосом:

— То место охранялось нынче ночью.

— Тиберий очень осторожен, — она махнула рукой в сторону озера. — Даже здесь.

Он уже заметил часовых, расставленных с промежутками вдоль берегов. Наблюдая за ее лицом, он сказал:

— Они находились там не для того, чтобы защищать Тиберия от меня. Они должны были защитить его от Мария. Полагаю, он считает, что Марий больше не надежен.

— Таково и мое заключение, — веско изрекла она. — И этим подтвердила, что целью ее записки Тиберию было отвлечь подозрение от Мария на вновь прибывшего. Она добавила: — К нам приближается Тиберий. Ты мне еще что-то собираешься сказать?

Он повернулся к ней, весь в исступлении:

— Зови своих солдат. Спасайся, если можешь. Похоже, нынче ночью он перебьет всех нас.

— Мои солдаты хорошо обучены и верны. Я приняла кое-какие меры. А, Цезарь, наконец-то. Как очаровательно смотрятся фонари на воде.

Тиберий навис над ними с воспаленным и раздраженным лицом. Тяжелый темный плащ окутывал его от шеи до лодыжек.

— Эти молодые дурни погасят все огни, брызгаясь, как сумасшедшие.

Он поднял свою властную руку и взмахнул ею. У водной кромки часовой прикоснулся пламенем к длинному факелу и, засветив его, стал им размахивать, описывая ослепительные дуги.

— Довольно! Довольно! — прокричал Тиберий. — Ты хочешь выжечь нам глаза? — Он простерся на ближайшем ложе. — Как они могут купаться? Воздух словно лед. Этот плащ слишком легок.

Факельщик погрузил пламя в воду. Оно с шипением угасло. Он быстро отступил на берег, бросив острый внимательный взгляд за спину. Наблюдая за происходящим, Пинкертон почувствовал, что воспоминания замерцали в глубине его я, точно блуждающие огоньки.

Клеопатра сказала Тиберию:

— Поскольку ты позабавил меня фонарями, я принесла несколько огненных безделушечек, чтобы развлечь тебя. — И протянула томную руку к трем грубым мешкам, громоздящимся у самой воды.

— Эти вонючие греческие выдумки. От них столько дыму, что и задохнуться недолго. Фу, мерзость.

— Они совершенно особенные, — возразила Клеопатра.

— Их приготовили в твою честь.

А, стража у Реки, — вспомнилось Пинкертону. Они, как безумные, рванули вверх по берегу, едва поглядели на воду. И его словно окатили холодной водой. Резко выпрямившись на ложе, он искоса поглядел на дальний край озера. Под ослепительным небом на воде точно шкура светилось сероватое пятно. Рябь от плещущихся пловцов тревожила поверхность. Больше ничего.

— ...такая грязь в стойлах, — говорил Тиберий, — что Геркулес отвел реку, чтобы их очистить. Ты знаешь об этом его подвиге. Здесь содержится глубокая мораль. Божественный Август выл от бешенства, когда моя мамаша, эта ведьма Ливия, лезла к нему, чтобы он все это читал и об этом думал. Я тоже выл. Но она не позволяла мне от них отмахиваться.

Со стороны реки по поверхности озера, удлиняясь, побежали тонкие линии. Пинкертон не мог их ясно разглядеть. Его сердце забилось гулко и жестко. Клеопатра игриво полюбопытствовала:

— И какую мораль, мой император, вынудила тебя извлечь отсюда твоя матушка?

На озерной поверхности возникли новые линии. Они быстро распространялись в длину, образовали сеть, и эта сеть подступала все ближе к фонарям на плотах и визжащим пловцам.

А, вот оно что: Тиберий дал знак своим людям открыть шлюз между озером и Рекой. Рыбы-драконы, коварные ночные охотники, целой стаей входили в озеро.

— Мораль очевидна. Что бы ни надлежало очистить, очищай как следует. Используй все необходимое для этой работы и проделай ее основательно, без слабости и сожаления.

— Будь то конюшни или, если продолжить сравнение, империя?

— Верно, — вскричал Тиберий, перекатившись на ложе, чтобы оказаться к ней лицом. Казалось, он любезен и весел.

— Сметай грязь, врагов, осложнения, все двусмысленное одним решающим ударом. Один раз применить насилие сполна менее отвратительно, чем много раз по капле.

Близ золотого фонаря пловец, лениво барахтавшийся на спине, вдруг исчез в чавкнувшей воде. Пинкертон сорвался с ложа.

— Рыба-Дракон? — проревел он.

— А, да, — с удовлетворением произнес Тиберий. — Похоже, они нынче довольно ленивы.

Поверхность озера возмутилась, закачав легкие плоты с огнями. Кто-то исступленно завопил. Вода вспенилась, и скользкая черная масса высунулась на поверхность, а затем с шумом нырнула обратно. Взбаламученная вода забила по пловцам. Их белые руки замолотили по ней. Розовый фонарь взметнулся в воздух и пропал. Раздавались все новые и новые крики, перекрывавшие тяжелые всплески, признаки того, что в толще воды продвигаются какие-то массивные туши. Длинные тела проскальзывали между пляшу-

щими фонарями и темновато светились под звездами. Они бились и метались. И набрасывались на купающихся.

Двое мужчин мощными гребками устремились к берегу. Один исчез в забурлившей воде, и нечто сомкнулось над ним, точно клыкастая пасть. Второй достиг берега. И как только вылез из воды, часовой кинулся вперед и ударил его тупым концом копья. Купальщик рухнул обратно в озеро, и его увлекло под воду, лишь забили в воздухе бледные ноги. Клеопатра сказала:

— Мой император, я не могу понять страсть римлян к зрелищам с убийствами.

— Это возбуждает, — расплылся в улыбке Тиберий. Он стал похож на кота. — Очищение. Восхищение отвагой. Смотри, смотри…

На дальнем берегу преторианцы позади чащи копий гнали остальных гостей Тиберия к воде. Двое воспротивившихся получили уколы остриями и были оттеснены в толпу. Еще один бросился на кремниевый наконечник. Его тело со всплеском упало меж тех, кого уже загнали в озеро. Они вопили и колотили по воде ногами. И повсюду выныривали Рыбы-Драконы, бившие безжалостно и наверняка. Вопли звучали недолго.

— Так много смертей подряд — одно зануд-

ство, — заметила Клеопатра. — Едва ли я могу одобрить твой вкус, Тиберий.

— Не пройтись ли нам по берегу? — спросил он, взмахнув могучей рукой. — Эти рыбы славные убийцы, на них стоит полюбоваться.

— Удовольствие представляется сомнительным. Посиди лучше со мной и порассуждай с присущим тебе очарованием о Риме после Цезаря.

— Я настаиваю на прогулке, — сказал он, и нечто новое возникло у него на лице, исказив его; лицо задрожало, задергалось, поистине ужасно — от уголков рта. Снисходительно тряхнув головой, Клеопатра соскользнула с ложа.

— А, ну что поделаешь… Но доставь мне удовольствие, дозволь гулять с тобой под руку при свете моих хорошеньких огонечков. Я сама их для тебя засвечу. Или я не чту твое величество, Тиберий?

Взяв свечу, она упорхнула к мешкам, выстроенным вдоль края воды. Тиберий обернулся к Пинкертону.

— Присоединяйся. Я не могу пренебречь посланцем восхитительного Канута Датского. — Он с хлопком водрузил мощную руку на плечи детектива, и в этот миг ножны меча, скрытого под

плащом, стукнули американца по ногам. — Тебе по вкусу наше скромное развлечение?

— Боже мой! — вскричал Пинкертон. — Убийцы!

— Надо очистить конюшни, — откликнулся Тиберий, показывая большие квадратные зубы.

И тут вспыхнул яркий свет. Он полыхнул по ним, внезапный, как удар, слишком сильный, чтобы его могли вынести их глаза. От изумления у Тиберия отвисла челюсть. С неожиданным проворством он отскочил от Пинкертона, и одна его рука нырнула под плащ. Клеопатра бежала к ним, защищая голову трепещущей тканью. Вокруг нее каскадом бушевали искры. Позади ее стройного тела подрагивали толстые столбы белого и алого пламени.

— Красиво, правда? — вскричала она, едва дыша.

Со стороны виллы раздались смятенные возгласы и тяжкий топот бегущих. Не сбавляя шагу, Клеопатра выхватила длинный нож и полоснула им Тиберия поперек горла. Неглубоко. Император шарахнулся. Взревев, он вырвал из ножен свой короткий меч. Кровь обрызгала его тогу. Клеопатра снова взмахнула ножом. Удар пришелся по его незащищенному запястью; он отшатнулся, спо-

тыкаясь. Просвистел его меч. Пинкертон сделал шаг вперед и пальнул в голову императора из рогатки. Он промазал, но все-таки его снаряд ударил Тиберия в плечо у самой шеи. Тиберий закачался и едва не выронил меч. Клеопатра бросилась на него с безмятежным лицом и громадными, в черных обводках туши, глазищами. Изящным движением она всадила нож в шею Тиберия сбоку. Безумный вой вырвался изо рта императора. Лезвие, вспоров ему шею слева, нанесло рану, кровавую, но не смертельную. Он рубанул Клеопатру, промахнулся, взял под козырек, защищая глаза от бешеного света. Она метнулась прочь к самому краю озера. Пинкертон дважды пальнул из рогатки в висок императору. Тот ринулся вперед, с неимоверными усилиями держась прямо. Упал на одно колено. Оперся на руку.

Со стороны виллы послышался смятенный рев, крики и резкий звон клинков. Пинкертон увидел толпу солдат, бившихся между собой. Эти вспышки, подумал он, все еще занятый поисками решений, — эти вспышки послужили знаком для людей Клеопатры, которые теперь завязали бой с преторианцами. Его взгляд вновь сосредоточился. К его ужасу, он увидел, что император через силу поднимается. Клеопатра стояла у са-

мой воды, как статуя. И держась за левую руку кистью правой. Сквозь пальцы струилась кровь. Позади нее в неспокойной воде шуршало нечто длинное и черное. Увидев это, Пинкертон нечленораздельно завопил и опять нацелился в голову Тиберия из рогатки. Ничего не произошло. А затем — без всякого соприкосновения, без всякого удара, от которого задрожала бы рука, его оружие раскололось по всей длине. Песок высыпался. Все распалось на кусочки. В пальцах осталось только несколько обмякших клочьев.

Тиберий всадил меч в тело Клеопатры. Она упала набок, ухватившись руками за клинок. Тиберий вырвал меч и упал на колени рядом с ней. И принялся рубить ее яростными ударами, вкладывая в каждый всю силу от плеча. И крякал, словно дрова колол.

Пинкертон побежал вперед. Сомкнул пальцы под императорским подбородком и запрокинул ему голову назад. С мгновение он смотрел сверху в это жуткое, искаженное, окровавленное лицо. А затем сломал Тиберию шею. Немного погодя высвободил бьющееся в конвульсиях тело. Оно лежало, подергиваясь и смердя поверх неподвижной белой массы, которая недавно была Клеопатрой.

Пинкертон зарыдал пересохшим ртом и заставил себя выпрямиться. И можно было подумать, это движение призвало дьявола. Водная поверхность взорвалась у края. Жуткая громадина вздыбилась над водой, блестящая черная башня. Пена брызнула сыщику на лицо. Сквозь пену угадывался нечеткий образ белой, как яйцо, пасти с острыми клыками, устремившейся к нему. В следующий миг он катался и вопил, лягая влажные камни. Поблизости тяжело шлепнулось здоровенное тело, заслонив освещенный двор виллы. В слепом ужасе он пополз прочь. Что-то обхватило его. Он повалился, яростно лягаясь, убежденный, что его настигла все-таки Рыба-Дракон. Но нет, на него навалился какой-то тяжелый человек. Он сопротивлялся.

— Да прекрати ты, — прокричали ему. — Все в порядке.

И перед его взглядом возникло искаженное лицо Мария.

Пинкертон выдохнул:

— Клеопатра, — и попытался вскочить на ноги. Он тут же едва не рухнул снова. Повиснув на шее у Мария, он вприпрыжку засеменил к озеру. Остановился.

На каменных плитах вперед лежал лишь ко-

роткий меч. Тел не осталось. За краем дворика что-то толстое шарило в воде.

— Я не мог прийти вовремя, — объяснил Марий, медленно и неестественным голосом. — Бился с преторианцами. Со своими. Не успел прорубиться.

К ним бежали люди. Обернувшись, они оказались лицом к острым кремниевым наконечникам полудюжины копий. Лица позади древков оцепенели от возбуждения.

Ноги у Пинкертона сделались как ватные. Он почувствовал, что не в состоянии думать. Вновь сплюнув гниль изо рта, он проорал этим рожам:

— Император мертв. Вы ничего не можете изменить.

У них у всех потемнели глаза. Линия копий зашаталась и расстроилась. Пинкертон спросил:

— Чьи вы люди?

— Стражи Клеопатры, господин. Мы явились на световой сигнал, как было приказано. Мы сразу пришли.

Пинкертон произнес:

— Клеопатра мертва. Они оба мертвы. Их уволокла Рыба-Дракон. Любимчики императора вышли из воды и пожрали своего хозяина.

Марий шагнул вперед рядом с Пинкертоном.

Поддерживая американца одной рукой, он прогудел:

— Вы знаете меня, центуриона Мария Домиция, начальника стражи Клеопатры. Все эти месяцы мы защищали ее. И вы, и я. Нынче ночью мы не смогли ее защитить. Ни против Тиберия, ни против его рыбок. Что же, для вас в этом нет позора. Никто не мог бы такое предотвратить. И помните: сегодня ночью вы крепко высекли тибериевых мальчишек. Вы и я, щит к щиту. Вы можете этим гордиться. А теперь надо пойти рассказать обо всем остальным. Мы потеряли императора. И поступим, как принято у солдат в таком скорбном случае: изберем своего императора, и пусть гражданские нас одобрят. Выборы состоятся завтра. Все понятно?

Он хмуро, но с теплотой воззрился на них, и Пинкертон ощутил, как жутко и твердо взыграли мускулы в могучем теле верзилы.

— И давайте вести себя дисциплинированно. Как вы держите оружие? Оно вихляет, точно бедра храмовых шлюх. Пилумы оземь!

Тупые концы древков сухо стукнули о каменные плиты.

— Артелий, отведи их на виллу и там распусти.

Они наблюдали, как солдаты шагают прочь. Когда те были за пределами слышимости, плечи Мария обмякли. Страдание прорвалось в его взгляд. Он жалобно сказал Пинкертону:

— Я любил ее, может, ты это знал, может и нет. Я римлянин, я верен моему императору, и все-таки я любил ее. Ты бы мог примирить одно с другим?

Пинкертон покачал головой.

— Вот и я не мог, — вздохнул Марий. И медленно двинулся прочь. Его шаги застучали через каменный дворик.

Ну вот, — подумал сыщик. — Было у меня два провала, стало три. Голова у него ныла от позора и презрения к себе. Три, чтобы размышлять о них каждые сутки днем и ночью. Три. И невозможно умереть. И невозможно очиститься.

— Я в самом брюхе преисподней, — прошептал он.

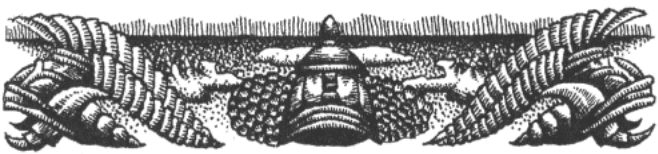
Он нетвердо зашагал к краю дворика. Не обращая внимание на темную воду, он наклонился и поднял меч, валявшийся в луже крови. Снял с заточенного края пучок темных волос, крепко пахнущий сандалом.

— Любовь, — сказал он. — Господи, меня тоже настигла любовь?

Он отшвырнул меч. Задержал ненадолго в руке

душистые волосы, потер их меж пальцами. А затем бросил в озеро — со всего размаху, точно что-то смертельно опасное. После чего повернулся и зашагал в сторону виллы.

Брэд Стрикленд
Медаль героя[55]



Страсть к писанию была сильна во мне, когда я жил, застарелой, когда я умер, и настоятельной после странного пробуждения на берегу Реки, когда вокруг меня оказалось столько моих братьев — и даже аббат. Припоминаю теперь, как, после пробуждения, мы уставились друг на друга и каждый монах хотел, но не смел задать вопрос: это Рай? Или Чистилище? Или…

И все эти странные существа, окружавшие нас, люди с коричневой кожей и лепечущие на ино-

---

[55] notes: 55

HERO'S COIN by Brad Strickland Copyright © 1993 by Brad Strickland.

земном языке, а другие — с желтыми волосами, и произносят слова, которым мы понять почти не можем, и чудные эти грейлстоуны, и все прочее. Отец Лупиан (тот самый, смерть которого я видел за десять лет до того, как сам я изошел кашлем и помер) взял на себя заботу о нас, помог прийти в себя, устроил так, чтобы восстановить орден, возобновить хронику. Мы еще и крыши-то над головой не имели, а он придумал способ очищать бамбук и обрабатывать волокна, превращая в бумагу, и он обнаружил те рыбьи кости, из которых мы изготовили перья, и ягоды, из которых сделали чернила. Если это Чистилище, он сказал, так давайте искуплять грехи воздаянием хвалы Господу, писанием ради славы Его.

Так шли месяцы, и я, брат Эльфстан, возобновил ту работу, которую делал я на Земле, ту, что отмечает ход времени, увековечивая годы при помощи чернил и пера. Войны пылали вокруг нас, но Братство, будучи бедным и безобидным, переживало бури. Время от времени принимали мы к себе вновь пришедших, мужчин и женщин нашей эпохи из родной нашей страны, и из других. Постепенно научились мы другим способам речи, другим средствам вести Хронику.

И так случилось, что я встретил человека, ко-

торому суждено было стать величайшей моей досадой и величайшим мне другом. Однажды утром, перед рассветом, отправился я на Реку удить рыбу, и лежал он там, обнаженный, грааль у него на запястье, перемещенная душа. Я привел его в чувство, и он заговорил на странно измененном языке, который через тысячу лет после моей эпохи на Земле был английским:

— Что это за место?

Я ему объяснил, где он находится, и рассказал о Братстве. Он кивнул — что, мол, понял, — встал, и мы повернули к монастырю. Отец Лупиан приветствовал незнакомца, предложил ему убежище и материю на кильт и попросил остаться столько, сколько он пожелает. Незнакомец его поблагодарил — на нашем языке, не на эсперанто, хотя акцент у него был иноземный и непривычный. Я проводил его в келью, а после поспешил к молитве.

Позже отец Лупиан отвел меня в сторонку, чтобы спросить:

— Что это за человек?

— Не знаю, отец. Думаю, что он из более позднего времени. Телосложение у него великолепное.

— Верно, но это ничего не доказывает. Как говорит нам писание и как Господь видел и открыл

здесь нашим глазам, в древние времена жили на Земле великаны. — Старик — забавно, как даже теперь, когда мы выглядели ровесниками, все монахи считали брата Лупиана стариком, — вздохнул.

— Наблюдай за ним хорошенько, брат Эльфстан. Что-то в нем мне не нравится.

Я и наблюдал — до такой степени, что стал его другом. Немо — ибо он так и не сообщил нам своего имени, и так уж отец Лупиан начал его называть — Немо, — Немо, как я упоминал, был человеком прекрасного сложения и обладал насмешливыми голубыми глазами. Он с радостью работал наравне с нами, монахами, разделяя с нами наши скромные обязанности по строительству, уборке, расчистке участков, — но никогда к нам не присоединялся в служении Господу. Во время еды он брал из своего грааля ту пищу, которая давалась, а другим предлагал алкоголь, табак и жвачку грез. Пил он умеренно, предпочитал воду вину. И разговаривал сначала редко.

Сначала, повторяю, потому что с течением времени он начал по кусочкам рассказывать мне свою историю, и кусочки эти постепенно у меня в голове стали собираться в мозаику. О своей жизни на Земле он вовсе не говорил, но все

вспоминал тот ужасный и странный день, когда проснулся здесь. Он и несколько других людей оказались среди свирепого племени, маори он их называл, которые имели злой умысел против тех, у кого кожа белая. Он рассказывал о резне, которая началась не так скоро после воскрешения; о том, как он и его товарищи бежали, точно безумные, и о том, как он и несколько остальных, наконец, спаслись.

Такова была поверхностная часть его истории, но под ней я уловил кое-что еще, что происходило. Немо не подчеркивал свою роль в спасении, но я догадался, что он это был, кто разработал план, чтобы их группа сопротивлялась воинам, он это был, кто, наконец, их вывел оттуда, и на него смотрели все как на вождя после.

— И тогда ты их повел? — спросил его я, когда мы работали бок о бок, возводя стену нового спального корпуса.

Немо посмотрел в сторону, и глубокий голос его зазвучал тише:

— Вовсе нет. В ту ночь, когда все спали, я незаметно ушел от них и оставил их с другими вождями. Понимаешь, я ведь не был тем человеком, за которого меня принимали.

Я ждал, чтобы он заговорил о своей смерти и

перемещении сюда, потому что большинство людей, которые таким образом нашли путь к монастырю, поступили бы так, от удивления и отчасти от страха. Однако он никогда так и не упомянул об этом, и по сей день я представления не имею, что за судьба привела его к нашему месту на Реке, догадываюсь только, что она должна была быть очень мучительной и неприятной. Впоследствии он всегда изо всех сил старался не умереть, даже в тех случаях, когда смерть избавила бы его от тяжелого периода или от угнетения.

Более года оставался он в монастыре, тихий и нетребовательный, в глубине души довольный, что помогает нам, и давал нам моментально советы, когда бушевала буря войны между живущими на той стороне Реки, восточным племенем, которое домогалось главенства над нашими соседями вверх по Реке, — а те были волосатым коренастым народом и, казалось, едва ли когда-нибудь привечали у себя хоть одну человеческую душу. Благодаря его вмешательству и его советам, мы были избавлены от сражений, и обе воюющие стороны смотрели на монастырь как на то место, где могли залечивать их раны до тех пор, пока тела их не исцелятся. В конце концов, именно он урезонил обе стороны, именно он сделал так, что

война перешла в мирные отношения, которые всем казались справедливыми и продолжались долго.

К тому времени отец Лупиан переменил свое мнение о Немо.

— Скажи нам, кто ты, — не раз просил его аббат. — Ибо я сердцем чувствую, что ты герой.

— Нет, — твердо возражал Немо, — вовсе не герой. Пусть имя, которое вы мне дали, будет моей полной историей.

Не раз я слышал об этом изменении, или о его вариантах. Когда еретики из числа тех, кому давался Второй Шанс, переходили в другую веру, иные из наших братьев поддавались их речам и следовали за ними, но Немо отказывался это делать. И я вместе с ним. Ибо к этому времени я решил, что старая вера не содержит истины, по крайней мере, относительно жизни после смерти. Здесь был не Рай, не Ад и не Чистилище. Просто это место было, и мы вместе с ним. И все-таки трудно уничтожить старые привычки, так что я вместе с остальными оставался верен нашим формам поклонения Богу.

По крайней мере, до тех пор, пока однажды отец Лупиан не собрал вместе все братство и не рассказал, что ему было видение во сне.

— Благословенны мы за пределами всякого воображения, — сказал он нам. — Ибо было мне откровение Господа нашего, и поведал Он мне, кто есть наш миротворец, и открыл мне имя нашего Немо. Он не молится с нами, потому что у него нет нужды молиться, как делают грешники. Немо — это сам благословенный Святой Петр, камень, на котором построена была Святая Церковь.

Некоторые ему поверили, но когда Немо почувствовал их изменившееся по отношению к нему поведение, он стал что-то подозревать. Когда же, наконец, услышал он эту историю, он рассердился, хотя слишком многие братья слишком твердо придерживались мнения о нем, чтобы можно было это отрицать с прочным успехом. В течение дня Немо оставил обитель. Чувствуя себя лучше с ним, чем со своими прежними братьями, я ушел с ним.

— Вовсе я не Святой Петр, — жаловался он мне после многих дней пути. — И вообще — никакой я не герой. Почему люди не могут этого понять?

— Людям нужны герои, — объяснил я ему. И добавил, немного помолчав: — Я сам видел короля Альфреда, позднее прозванного Великим, когда я еще жил на Земле.

— И он был героем? — спросил мой товарищ с горькой улыбкой.

Я хорошо запомнил этот день. Было мне пятнадцать лет, и я недавно пришел в монастырь, так как мои родители решили, что младший сын среди стольких детей, безусловно, предназначен для священного сана. Король пришел вместе с отцом Лупианом, а мы, все остальные, стояли, выстроенные в ряды, солдаты армии Господней. Я задрожал, когда король приблизился ко мне. Он улыбнулся и дотронулся до моего плеча.

— Короли не кусаются, мальчик, — сказал он и пошел дальше…

— Нет, — медленно ответил я своему товарищу. — Он был человеком.

— Это то, о чем в этом месте все забывают, — буркнул Немо.

На следующий день мы двинулись дальше.

Я мог бы рассказать длинное повествование о нашем путешествии, о временах, когда оба мы имели склонность ссориться, о женщинах, которые чуть ли не оттеснили меня, следуя за этим человеком, этим героем, который отрицал свои достоинства. Наши странствия продолжались много лет и привели нас ко многим переменам. Мы повидали те части Реки, где для людей работа-

ли огнедышащие машины, и те части, где обитали волосатые великаны, — так же, как жили они за много лет до цивилизации. Мы наблюдали войны — и мирные королевства. Мы задерживались в одних местах и спешили пройти через другие. И героев мы встречали — десятками, сотнями.

В каком-то месте, разорванном войной на четыре лагеря, мы видели человека по имени Шерман, который собрал вокруг себя других людей своей эпохи, они объединились в армию и, казалось, преклоняются перед разрушением ради него самого. Он взял нас в плен и держал в тюрьме до тех пор, пока Немо не разработал для него стратегию, из-за которой два лагеря его противников начали воевать друг против друга и предоставили Шерману успешно разделаться с третьей стороной. К тому времени, как он нас освободил, два враждебных ему военных лагеря настолько истощили силы друг друга, что Шерман восторжествовал над всеми.

— Вы, должно быть, генерал Ли, — настаивал Шерман.

— На вид вы на него не похожи, но, клянусь Богом, вы, наверное, генерал Ли.

— Я никто, — возразил Немо, и, купив себе свободу ценой страданий и смерти сотен, мы

отправились дальше.

Мы пришли в бедную местность на одном из речных островов, в место, часто страдавшее от Речных пиратов, бравших в плен многих здешних мужчин и женщин. Там провели мы два земных года, и Немо сделал гениальное и простое изобретение, которое переменило способ жизни островитян. Он заметил, что течение Реки расщепляется, на одной стороне острова оно сильнее, чем на другой. Он научил островитян сплести прочные сети из речных водорослей, и в них ловили не рыбу, а сокровища. Потому что к этому времени движение по Реке стало постоянным, и каждый день приносил вести или слухи о новых крушениях, новых потерях. Редко сети не ловили что-нибудь ценное: металл, оружие, свободные Граали. Благодаря обмену и планам, островитяне стали достаточно сильными, чтобы защищать себя, и наступил, наконец, день, когда они предложили Немо стать королем острова.

— Потому что, — утверждали он, — ты, безусловно, сам Архимед.

Так что мы двинулись дальше.

Одно время мы плыли на большом речном судне, двигавшемся при помощи пара, заплатив за проезд своим трудом, и там мы встретили

человека по имени Клеменс, который, вроде был отличался горечью суждений и кислым юмором. Мы познакомились с женщиной, которая клялась, что она Клеопатра, и с другой, которая утверждала, что она Гвиневера. Обе были просто женщины, и ничего более. Однажды нам встретилась страстная черноволосая женщина, которая расхохоталась, когда услышала имя моего друга.

— Я — Никто, — объяснила она. — А вы кто?

Ее звали Эмилия, и несколько месяцев она и Немо были любовниками; а потом в стычке с пиратами она погибла, а Немо спасся, и я тоже. Немо искал ее, зная, что где-то на Реке она должна возродиться, но Река очень длинная, и мы ее больше так и не нашли.

Пока мы странствовали, наступали перемены, как казалось, все быстрее и быстрее. Воздух стал наполняться коммерцией, как и сама Река; над нами пролетали воздушные шары, дирижабли и летающие аппараты, они добирались до среднего слоя атмосферы и падали, как погрузневшие ангелы. Мы познакомились с человеком по имели Линдберг, который мечтал пролететь вокруг всего мира на одном из этих сооружений, — я подумал, что он одержим каким-то видом сумасшествия.

И после каждой встречи, после знакомства с каждым новым героем, Немо меня спрашивал, получил ли я урок. Я всегда ему отвечал, что нет. Он хотел, чтобы я признал, что не бывает никаких героев, что есть только мужчины и женщины, а некоторые из них выполняют больше других, но в душе они такие же. Я не мог этого признать, потому что, в конце концов, мы повстречали всего несколько сотен так называемых героев, и, хотя на деле все они оказались обыкновенными смертными, это может и не быть правдой касательно остальных. Мы некоторое время провели среди людей Второй Попытки, в одном из тех мест, где они собираются, и они пытались убедить Немо в том, что все мужчины и женщины потенциальные герои, что наша надежда на спасение лежит в совершенствовании себя в этом существовании. Он вежливо их выслушивал, помогал в том, в чем мог, и шел дальше.

А я? Сказать по правде, давным-давно, во время моей жизни на Земле, я потерял основы своей веры, хотя даже здесь я продолжал соблюдать ее формальности. Возможно, я молился пустым небесам, но ведь — кто знает? И хотя вера моя умерла, каким-то странным образом, она осталась, даже если я стал веровать только в саму

веру, а не в Бога.

Так наступило время, когда преображения прекратились, когда воскрешения перестали совершаться. Тревога и страх бежали вниз и вверх по Реке, а войны — которые, как предполагалось, должны закончиться теперь, когда Смерть была постоянной, — разражались снова, с новой злобой, с новым насилием. И тогда, всего три недели тому назад, мы попали в руки того, кто называет себя Иудой Ужасным, который слышал о нашем грядущем приходе и который посадил нас вместе в каменную камеру. Он подверг Немо страшному допросу, когда он вернул моего друга в нашу камеру, Немо был сломлен телом.

— Он считает меня человеком, способным делать чудеса, — пробормотал Немо. — Он верит, что я могу дать ему оружие, с помощью которого он завоюет весь Мир Реки.

И, как часто бывало на Земле, я ухаживал за больным и выслушивал исповедь. Немо во время наших странствий завоевал определенную репутацию, репутацию выдумщика и изобретателя, советчика и мудреца. Как многие обладающие властью и малым умом люди, Иуда считал, что один золотой ключик открывает секрет подавления других, и в моем друге он видел этот ключик.

Трижды пытал он Немо, и каждый раз мой друг возвращался все слабее. Это утро было последним. Я видел, как во дворе, на глазах у хмурого смуглого Иуды, голову Немо отделили от тела. Два стражника, которые вели меня назад в камеру, по пути заговорили со мной, спрашивая меня, вознесется ли Немо.

— Нет, — отвечал я печально.

— Да, вознесется, — настаивал один из стражников. — Иди быстрей, Эльфстан, Друг Героя, и, когда ты заговоришь с ним в своих молитвах, замолви словечко за стражников, которые освободили тебя.

И вот я здесь, в печальной ночи, еду вниз по Реке на торговом судне и пишу эти строки в память друга. Люди уже обращались со мной с заметным ужасом, а некоторые шептали, что Немо был сам Мессия.

Не был он Мессией.

В последние свои наполненные болью часы Немо рассказал мне свою земную историю. Жил он в двадцатом столетии от рождения Спасителя Нашего, в одном из городов Нового Света, и был он — ночным сторожем. Прожил он шестьдесят четыре года и умер от сердечного приступа, один, поздно ночью, в библиотеке, где работал. Два года,

рассказывал он, служил он солдатом на великой войне; а после сорок лет он охранял по ночам библиотеку — и читал. И это чтение, говорил он мне, убедило его, что в конце не было никаких героев, просто мужчины и женщины, которые делают все, что в их силах, чтобы встретить свои трудности и пережить их. Его чтение дало ему знания многих языков и многих изобретений, и это знание сопровождало его в Мире Реки, где он достиг славы и окончания своей судьбы.

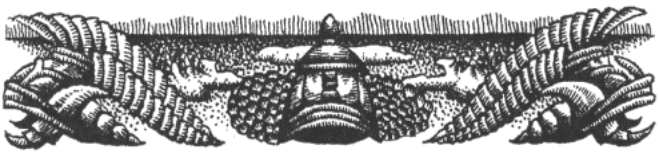
Возможно, он был прав насчет себя самого, и возможно, был он при всем при том, самый обыкновенный смертный. Но здесь, в Мире Реки, его имя окружено величием, и боюсь я, что люди ждут от меня, чтобы я написал его евангелие. Так каков же должен быть его девиз? Что все мы обыкновенные, даже те, кого мы называем по ошибке «великими»? Или напротив, что все мы необычны, даже те, кого мы считаем ничтожными и низкими?

Потому что, как и героизм, вера — медаль о двух сторонах. Да поможет мне Бог, в которого я больше не верю, да поможет он всем нам. Все мы потом придем к этому кону, который теперь ожидает нас, и что бы там ни было, уничтожение или преображение, для меня оно не может насту-

пить слишком рано. Я его приветствую, что бы я там ни нашел.

А что до Немо, настоящее имя которого я теперь пишу впервые, да станут его сомнение и его вера, которые две стороны одной и той же медали, тоже моими. Прощай же, Джон Адамс Смит, и requiescat in pace[56].

Джон Грегори Бетанкур
Дух человека, дух жука[57]



Когда я пробудился у кромки воды, я был нагим, точно зверь. Полированная палка, толщиной в мою ногу, деревянная — хотя я не мог бы сказать, из какого она дерева, свисала с моего запястья, держась на тонком шнуре. Я отбросил ее и вско-

---

[56] notes: 56

Покойся с миром *(лат.)*

[57] notes: 57

human SPIRIT, BEETLE SPIRIT by John Gregory Betancourt Copyright © 1993 by John Gregory Betancourt.

чил на ноги, издав крик тревоги:

— Ай-яй-яй-яй-яй…

Звук поплыл, будто напев, наполнив воздух, и, стоя на месте, я чувствовал запах своего пота, выступавшего, точно звериный.

— Ай-яй-яй-яй-яй…

Я должен был очутиться в мире духов, ибо ясно помнил свою смерть. Я до сих пор слышал, как шаман нашего племени ноет надо мной, пытаясь изгнать болезнь из моего тела. Я помнил боль в кишках, острую, как нож, и помнил жар, из-за которого мир казался мне подобным дереву в бурю.

— Нгосок, — прошептал я с последним вздохом, назвав человека, который меня околдовал. Почему я здесь? Какой дух или бог наказал меня? Или я назвал не того человека — и Нгосок невиновен? Я крепко зажмурил глаза и закусил губу, пока не ощутил на языке сладкую и теплую кровь. Духи, летите прочь, прочь, прочь!

Крики страха постепенно замерли. Я открыл глаза, но ничто не изменилось. Все, кто был на берегу Реки, озирались с испугом, даже с отчаянием. Некоторые сделали наугад по несколько шагов туда или сюда; откуда-то издали раздался женский вопль, он все не умолкал, не умолкал, не умолкал.

Среди всех, кто был вокруг, я стоял ближе прочих к воде. Я подбежал к ней, сел на корточки и поглядел на свое отражение. Невероятный ужас. Я всегда знал, что человека отличают от зверя по том, что его украшает: татуировка на щеках и веках, раскраска на груди и руках. Все, кто пробудился со мной, выглядели достаточно похожими на людей, с темно-бурой, как у меня, кожей, широкими скулами, плоскими носами — но были совершенно безволосыми, с головы и до промежности. И теперь, глядя на свое отражение, я коснулся собственного голого черепа, ощутил пустоту подмышками, опустил взгляд на свои безволосые детородные части. Я был гладок, точно новорожденный, и моя крайняя плоть оказалась отрезана, так что виднелся мой член: розовый, ничем не прикрытый. Хуже того, сотни татуировок которыми я так тщательно украшал свое тело в течение пятидесяти восьми лет жизни, исчезли.

Я с трудом узнавал себя. Кто со мной пошутил? Какой дух на такое способен? Наверняка это Змей Глаха, подумал я, встав, он — известный плут. А кто еще мог бы разбудить меня в ином мире подобным образом? Или, возможно, это испытание? Жук Кокоти всегда испытывал нас, пытаясь

доказать, что человек не лучше, чем обезьяны на деревьях.

Хмурясь, я зашагал против течения, пытаясь понять, где я, мои босые ноги шлепали по отмелям, и серебристые рыбки метались прочь. Свободное пространство, наверное, двадцать шагов в длину, раскинулось между Рекой и огромным полем травы высотой по грудь. Мы все пробудились на берегу Реки. Далеко-далеко за травами виднелись холмы, усеянные деревьями. А впереди я приметил рощу старого толстого бамбука, которая доходила почти до самой воды.

Если это какое-то испытание, устроенное духами, я его выдержу, — решил я. Я провел две сотни человек, мужчин, женщин и детей моей деревни через тридцать три поры дождей, и знал повадки духов не хуже, чем наши племенные старейшины.

Я ходил вместе с духами растений и животных более сотни раз. Они хитрецы, эти духи: иногда игривы, иногда суровы, иной раз помогут, иной — нет… Но они никогда ничего не делают без причины. И моя задача — открыть причину, если я смогу. От того, способствовал я возникновению причины или препятствовал, зависит, насколько она согласна с моими желаниями. Здесь, в мире

духов, лишь одно можно знать наверняка: я мало на что могу положиться, кроме моего разума.

Несколько ветвей толщиной с большой палец омывались водой Реки. Я подобрал их по одной и проверил на прочность. Две первые со щелчком раскололись. Третья оказалась твердой, точно закаленный огнем дуб, и конец ее был достаточно острым, чтобы копать. Я быстро очистил ее от листьев.

Если человек не зверь, он должен доказать это, украсив себя. И я определил свою первую цель так: украситься. Сойдет и раскраска, поскольку у меня не имелось ни туши, ни костяных игл для татуировки.

В двадцати шагах от бамбуковых зарослей я нашел место, где Река более глубоко врезалась в берег. Я осторожно вступил в воду и зашел туда, где мне было по колени. Пальцы моих ног, согнувшись, погрузились в теплую мягкую гущу речного дна, ища раковины или камушки, но не находя. Место показалось удачным, и я копал острым концом палки, пока не достиг глины в нескольких пядях внизу. Когда я накопал горсточку и поднял ее на свет, оказалось, что она бледно-серая, почти белая. Я с сомнением помял ее пальцами. Грубая, легко крошится, но сойдет,

за неимением лучшей.

Я плюнул в нее и стал разминать, пока не получил вещество нужной мягкости, после чего нанес круги и прямые линии на щеки и на нос. Затем провел по четыре прямые линии — знак воина — на груди и на руках.

Разрисованный, больше не выглядящий подобием зверя, я побрел было к берегу и вдруг остановился. Толпа темнокожих и безволосых мужчин и женщин — не меньше, чем население целой деревни — стояла у воды, наблюдая за мной.

— Где мы? — спросил один. Выговор у него был чудной, он так коверкал слова, что их едва ли можно было понять, и все-таки я их разобрал. Он был рослый, широкий в плечах, со взглядом воина, и сразу же понравился мне: это хороший человек, подсказало мне что-то внутри меня.

— Это, конечно, мир духов. — ответил ему я. — Нас испытывают.

Некоторые из женщин закричали. Я сурово поглядел на них, и они затихли.

— Я Хьюйан сын Йагны, — объявил я им всем, — глава Мобоаси.

— Ты лжешь! — возразила одна женщина, выйдя вперед. — Я знала Хьюйана. Он был стариком!

Я оглядел ее с головы до пят и, хотя она была тонкой, точно угорь и на двадцать лет моложе, чем когда я видел ее в последний раз, я внезапно понял, кто это.

— Марага, — сказал я ей, — твой брат Кианано был моим лучшим другом с самого детства. Твой муж Котаби вместе со мной двенадцать раз ходил в набеги на Ономи. Я Хьюйан. Или ты не узнаешь меня?

Она сощурилась, затем сказала:

— Ты слишком молод и красив. Хьюйан был стар и весь в шрамах, когда умер.

— Мое тело сотворено заново, — ответил я. — Духи сделали это со всеми нами. В том числе и с тобой.

Воин, который заговорил со мной первым, все время кивал своей безволосой головой.

— Я слышал о Мобоаси, — медленно произнес он. — Говорили, что они свирепые враги и великодушные друзья.

— Это правда, — согласился я.

— Я Зона из Аваи, сорок лет — охотник.

— Сорок? — усмехнулся я. — Да ты совсем юнец, едва ли мужчина.

— Похоже, духи нас всех изменили, — заметил он. И простер руки к небесам. — Благодарю вас,

духи, за то, что опять сделали меня молодым!

Кто-то вскричал:

— Это верно. Я видел сорок пять весен, пока не умер.

Кто-то другой:

— А я видел пятьдесят две!

— Если мы все здесь, — сказал я, — это должно быть по какой-то причине.

Все стоявшие на берегу одобрительно загудели.

— Мы должны построить деревню, — продолжал я, — и установить эту причину. Только тогда духи будут довольны.

Марага продолжала изучать меня.

— Ты говоришь, как говорил Хыойан, — согласилась она. — Его душа пылает внутри тебя; я вижу это в твоих глазах.

— Иди помоги мне, Марата, — попросил я ее. Наклонившись, я накопал горсть глины и протянул ей. — Мы люди, а не звери. Мы должны раскраситься, а затем надо выстроить деревню.

Марага побрела ко мне по воде, взяла глину у меня из руки и, как старшая женщина, начала отдавать приказы женщинам и девушкам, наблюдавшим с берега. К моему изумлению, никто не спорил: они все ждали, когда кто-то

возглавит их, как догадался я. Несколько девушек побежало принести листья с деревьев, а другие стали шарить в высокой, по грудь, траве, ища личинок и ягоды, чтобы, смешав их с глиной, изготовить разные краски. Зона подошел ко мне и стал копать глину голыми руками. Когда еще с дюжину мужчин вступило в Реку, чтобы помочь, я вручил свою палку Зоне, чтобы он копал для них для всех.

— Ты будешь моей правой рукой, — шепнул я ему на ухо. — Набери достаточно глины, чтобы раскрасить каждого мужчину, женщину и ребенка, а затем подойди ко мне у деревьев. Мы выберем место для нашего поселения.

Он кивнул и принялся за работу, мускулы на его склоненной спине заиграли, точно ветер заколыхал траву. Пока я наблюдал, пот начал выступать каплями на его лбу и верхней губе. Он был очень сильный.

Я выбрался на берег и двинулся к мужчинам, которые застряли сзади. Их было двадцать или тридцать, некоторые — на вид — мальчики лет восьми-десяти… некоторые — такие ж, каким теперь стал я.

Нехотя, как мне показалось, они приблизились. Я увидел страх и смятение в их глазах, и понял,

что это люди, которым нужен сильный вождь, их требовалось возглавить.

— Вы будете нашими охотниками и воинами, — сказал я им. У меня в руках еще оставалось немного глины, и я использовал ее, чтобы начертить им круги под глазами и линии вниз от переносицы. Зона послал мальчика, который принес мне еще глины, когда она у меня кончилась, и мне удалось раскрасить их всех, не прерываясь. Не такие уж и яркие вышли следы, но теперь сразу стало видно, что это — мужчины из рода людского.

— Вы должны сделать копья из бамбука, — велел им я.

— Жизнь деревни зависит от вас и от той добычи, которую вы принесете. Пока вы охотитесь, мы построим дома. Вернитесь до темноты. А теперь ступайте!

Они похлопали себя по груди и бегом побежали к бамбуку. Мой взгляд задержался на последнем, долговязом юноше лет двадцати двух-двадцати трех, лысом, как и прочие, но с сердитым блеском в темно-карих глазах. Что-то знакомое было в том, как он двигался, и я почувствовал отчетливое беспокойство. Не встречал ли я его в нашем прежнем мире? Я нахмурился. Если да, то мы на-

верняка были врагами — пожалуй, как я подумал, лучше не поворачиваться к нему спиной.

Как глава своей деревни в течение тридцати трех лет, я был хорошо знаком с такой опасностью, как измена. Многие говорили против меня в те годы, но мой язык был по-обезьяньи гибок и проворен. Я мог переговорить любого в деревне, так вески и убедительны были мои доводы.

Крепкий руками и острый взглядом, я принял плащ из перьев на двадцать пятом году и привел мой народ к вершине его могущества. Бесстрашие отличало Мобоаси под моим предводительством, и враги немало боялись его. То, что вождем был я, помогло нам отнять новые охотничьи угодья у Гонаки и Аколоа. Благодаря мне, как вождю, мы похитили каноэ и женщин у презренных Моуандо и навеки увели их из той вонючей деревни. Духи улыбались мне, когда я предводительствовал Мобоаси, и к моему смертному часу имя Хьюйана жило уже во многих песнях и сказаниях.

Когда я остановился наверху береговой кручи, я заметил другую толпу безволосых мужчин и женщин, собравшихся слева от меня. Они был не темнокожими, а белыми, точно мякоть кокоса.

Это что, духи? — подумал я. Не могут ли это быть те самые духи, которые нас сюда принесли?

Они все стояли вокруг чудного дерева, не похожего ни на одно, какое я видел раньше. Сверху оно было серебряным, точно рыбья чешуя, но не таким сияющим. Низкое, но широкое: вершина его занимала пространство, которого хватило бы для целой деревни; и в нем имелись отверстия, прорубленные глубоко в серебряной оболочке. Ствол был маленьким, и едва ли казался достаточно крепким, чтобы его поддержать.

Некоторые из белокожих карабкались по его слегка наклонной поверхности, просовывали руки в дыры. Как и у моего народа, у них были странные деревянные палки, привязанные веревочками к рукам. Пока я наблюдал, сперва один из них, а затем другой вставили свои палки в дерево. Палки, похоже, очень легко и естественно туда вошли.

— А, — сказал я себе, — для этого-то палки и предназначены. Но зачем требуется вставлять их в отверстия? Это показалось мне лишенным смысла.

Возможно, духи, которые привели нас сюда, помогут обнаружить предназначение этого дерева позднее? На миг я пожалел, что отбросил свою палку, но затем понял, что она все еще должна быть там, где осталась лежать… В конце концов,

кто ее заберет?

Проглотив комок, я набрался храбрости, чтобы заговорить с белокожими духами или призраками, или кто они еще были. Пока я шел к ним, некоторые заметили меня и стали указывать другим, лопоча резко и заунывно на язык, которого я не понимал. Казалось, они возбуждены тем, что видят меня и не то чтобы недружелюбны.

Остановившись в двадцати шагах от них, я стал их изучать. Хотя кожа у них была белой, они не выглядели, точно призраки: лица их казались странно резкими, а носы выдавались слишком далеко. Судя по всему, они также были смущены не меньше, чем мой народ. А что если и они — из какого-нибудь далекого племени?

Я стал очень медленно приближаться, раскрыв руки ладонями вверх, чтобы показать, что не имею недоброго умысла. У белокожих не было ни копий, ни ножей, насколько я мог видеть, но они бы могли бросать в меня камни или пустить в ход руки… или даже воспользоваться для драки этими палками, привязанными к их запястьям. Возможно, некоторые из них говорят на моем языке, — подумал я. Возможно, они в состоянии объяснить, для чего духи доставили всех нас сюда.

Их глава и те, кто, наверное, были двумя из его копьеносцев, хотя у них не имелось копий, вышли вперед, чтобы со мной поговорить. У главы был огромный носище — я пытался на него пялиться, но этот носище торчал в мою сторону, точно указывающий палец — а глаза были голубые как мелкая лужица. Бледные красновато-бурые пятнышки покрывали его плечи. Честное слово, никогда не видел никого похожего.

— Хэйтейр, — сказал он мне низким спокойным голосом. Осторожно выставил вперед ладонь и, когда я поглядел на нее, он медленно потянулся, взял мою правую руку в свою и подвигал обеими вверх-вниз, прежде чем выпустил мою руку.

— Я Хыойан из Мобоаси, — сказал я.

Он покачал головой и коснулся своей груди.

— Уильям Берд, — сказал он. — Берд. Сахви? Берд.

— Бьерд, повторил я, торжественно кивая. На это меня хватило. Я указал на себя. — Хьюйан.

— Хи-уээ-ан, — повторил он.

Я улыбнулся, и он улыбнулся в ответ. Я указал на странное дерево.

— Его сюда послали духи? — спросил я.

Он покачал головой и произнес что-то непонятное. Я тоже покачал головой. Нам предстояло

обучить его нашему языку, если мы вообще собираемся чего-то добиться. И все-таки он явно был предводителем этих странных белокожих людей, поскольку вышел поговорить со мной, и я решил выказать ему всю учтивость, какой требовало его положение. Он мог бы стать ценным союзником в случае нападения другого племени или диких зверей, как подумал я. Если окажется, что эти люди опасны, мы всегда сможем их прогнать.

Он указал на человека слева от меня, такого же белокожего и с таким же большим носом, хотя глаза у него были цвета перезрелых бананов.

— Карвар. — Затем указал на человека справ от меня, который был ниже и тоньше, с глазами, такими же темными, как мои. — Шэй, — сказал Берд.

— Карвар, Шэй, — повторил я, кивая, и двое белокожих кивнули в ответ.

— Идем, — сказал я Берду. Я указал на тот участок Реки, где Зона все еще копал глину, чтобы женщины ее месили. Я сделал шаг к Реке, — идем, Берд.

Кажется, он понял, чего я хочу; он отвернулся и быстро переговорил со своим Карваром, и Карвар повернул и заспешил назад, дабы встать у странного серебряного дерева.

Берд сделал три шага в сторону Зоны и вопросительно посмотрел на меня. Я подтянулся к нему, и мы зашагали бок о бок, как равные, а копьеносец по имени Шэй следовал за нами. Пока мы шли, я указал сперва на небо, назвав его, затем на Реку, затем на траву и деревья. Всякий раз Берд старательно повторял, что говорил я. Его готовность учиться была хорошим знаком, как я решил, и сулила хорошее будущее обеим нашим деревням. Он станет говорить на моем языке, как разумный человек, через несколько лун. Когда мы приблизились, Зона и другие мужчины прекратили работу и настороженно уставились на нас. В глазах Зоны, как мне подумалось, что-то мелькнуло: он уже видал прежде таких, как Берд. Мы с Бердом остановились на берегу.

— Это мой друг Берд, — сказал я громко. — Он глава белокожих людей выше по Реке. — Я указал на чудное дерево. — Другого человека зовут Шэй, и он копьеносец Берда.

Зона приблизился, выйдя из Реки.

— Мы не должны иметь ничего общего с белокожими людьми, — сказал он негромко, но веско. — Они опасны.

— Почему? — спросил я, тоже понизив голос.

— Я видал прежде белокожих, вроде Берда. Они

поселились в лесу недалеко от моей деревни. И все время — бол-бол-бол о своей белой богине, Деве Марии, и заставляли нас почитать ее как главу всех духов. — Он сплюнул. — Они дарили нам подарки, чтобы мы почитали Деву Марию: ножи с лезвиями, которые сверкали, как солнце, яркие бусы, ткани, вроде тех, что носили они; миски и чаши, которые не бьются.

— Ты говоришь на их языке? — спросил я.

— Совсем чуть-чуть. Хотя, на нем могут говорить и другие здесь. Очень много людей стало почитать Деву Марию и жило при белокожих, как их рабы.

Я нахмурился. Вот уж действительно, скверные новости: вместо друзей и вероятных союзников я впустил к нам пауков. Уголком глаза я изучал Берда, который глазел на мужчин, копающих глину, с непроницаемым лицом. Кого он видел в нас… рабов? Союзников? Нечто совершенно иное?

— Мы должны держаться от них подальше, — решил я.

Зона кивнул.

— Это мудро.

— Если только, — продолжал я, — они не согласятся присоединиться к нам и жить по-нашему среди нас.

— Не согласятся, — заявил он.

— Посмотрим.

Прочие глинокопатели ушли обратно вываливать глину на Речной берег, пока мы беседовали, а Марага и большинство других женщин возвращались, завершив поиски с годными для краски ягодами и листьями. Женщины сели и начали возиться с глиной. Некоторые жевали ягоды и листья, сплевывая их, когда образовывалась мякоть; некоторые толкли личинок и насекомых бамбуковыми палками. Сама Марага смешивала ягоды, листья, насекомых и глину умелыми пальцами, занявшись сперва красной и синей, а затем зеленой и желтой красками, которые выложила на более широкие зеленые листья.

Я подвел Берда и его копьеносца к женщинам, сел на корточки и знаком попросил присесть Берда. После краткого колебания, он послушался, а за ним — и его копьеносец.

Большим и указательным пальцами каждой руки я взял красную и синюю краски и стал рисовать круги и линии на щеках Берда, его руках и груди. Он не шевелился, пока я не закончил, а затем только один раз кивнул.

Правда, когда я двинулся к его копьеносцу, тот вскочил и сжал руки в кулаки. Затем разразился

какими-то сердитыми словами. Я вытаращился на него в растерянности. Или он не хочет опять стать человеком?

Я поглядел на Берда, и Берд сурово заговорил со своим копьеносцем. Тот покачал головой, отступил на шаг и встал, словно готовясь обороняться. Одна из женщин, почти девочка, в сущности, с крохотными, едва набухшими грудями и узкими бедрами, — возможно, год, как пережившая первое кровотечение, после которого посвящают в женщины, — подалась вперед и встретилась со мной взглядом.

— Прости за то, что вмешиваюсь, вождь, — сказала она, опустив, как подобает, глаза. — Но белый человек говорит: «Эй, ты, дикарь, прочь от меня свои грязные руки».

— Ты понимаешь их речь? — спросил я.

— Да, вождь.

— Как тебя зовут?

— Нону, вождь.

— Подойди и сядь рядом со мной. — Она подошла и села на корточки, все еще глядя в землю. — Как ты выучила язык белокожих?

— Я родилась в их убежище.

Это слово ничего для меня не значило. Должно быть, они так называют свое поселение, решил

я.

— Вот что ты ему скажешь, — произнес я. — Если он не зверь, он должен раскраситься, чтобы доказать это. А если он зверь, он должен уйти.

Она произнесла несколько слов, и я видел, как лицо шея становится красным, точно солнце на закате. Он что-то прорычал Берду, повернул и подался прочь к странному серебряному дереву. Я хмыкнул ему в спину, затем плюнул ему вслед. Зверь… Что за копьеносцев избрал себе Берд? Они будут бесполезны в бою, если настолько не привыкли к послушанию. Берд сказал мне что-то, и Нону перевела:

— Ты знаешь, что с нами случилось?

— Мы в мире духов, — ответил я, и дальше, с помощью переводившей Нону, мы умудрились более-менее поговорить. Берд и большинство остальных белокожих, как выяснилось, были из деревни далеко к востоку от нашей, из места, называвшегося Новая Зеландия. Это название ничего для меня не значило. Он тоже решил, что нас перенесли сюда боги — и главного из них он называл Иисус, — но с какой целью, он не знал.

Судя по всему, наши мысли во многом совпадали. Когда я поведал ему о своем намерении построить обнесенную стеной деревню, он со-

гласился, что это хорошая мысль: никто из нас не знал, какие звери разгуливают в ближайшем лесу. Он предложил помощь белокожих, и я ее принял. Любой из белокожих сможет жить в нашей деревне, как пообещал я, если только они выучат наш язык, украсятся, как подобает человеку и признают меня главой. Он быстро согласился.

— Я скажу моим людям, — ответил он. Поднявшись, он отошел, пятясь, затем повернулся и побрел к странному серебряному дереву.

— Следуй за ним, — шепнул я Нону. — Послушай все, что они скажут, затем вернись и передай мне.

— Да, вождь, — сказала она и вступила на четвереньках в траву, высотой по грудь. Я увидел, как шелохнулось несколько стеблей, затем Нону исчезла.

Марага встала передо мной на колени. Ягодным соком она окрасила несколько стебельков травы в красный и синий и, пока я смотрел, переплела эти стебельки вокруг моего предплечья. Я был первый, кто здесь раскрасился; теперь я стал первым, кто носил знак храбрости.

— Ты это хорошо сделала, — заметил я, изучая ее работу.

— Моего мужа здесь нет, — проговорила она. — Мне нужен мужчина, чтобы я заботилась о нем, а он бы меня защищал. Я умею усердно работать, Хьюйан, как ты знаешь.

— Да, знаю, — ответил я, озадаченный.

— Сделай меня своей женой, — попросила она. — Мы оба достаточно стары, чтобы не играть в какие-либо обряды. Мы нужны друг другу.

— А как насчет того, что твой муж Котаби был моим лучшим другом? — спросил я. — Могу ли я украсть жену у лучшего друга?

— Котаби умер через год после тебя. Он не возродился в мире духов: я его искала. Таким образом, почему бы тебе не взять меня в жены?

Ее слова показались мне здравыми.

— Да будет так, — произнеся. — Отныне ты моя жена.

— А ты мой муж.

Я наклонил голову, и такова была наша свадьба. Следующий час мы потратили на то, чтобы украситься. Марага разрисовала мне голову и спину; я разрисовал ее. Вокруг тем же самым занимались сто двадцать два жителя моей новой деревни.

Нону вернулась так же тихо, как и ушла, и немедленно явилась, чтобы сообщить все мне. Она сделала все, как было велено, сказала она, и

пробиралась в траве, пока не оказалась на расстоянии плевка от Берда и прочих белых. Ни один из них даже не взглянул туда, где она пряталась. Пока она сидела передо мной, рассказывая, что услышала, Марага принялась рисовать красные и синие круги на ее лице, шее и голове.

— Берд передал им твое предложение, — сообщила Нону, и они об этом много спорили. Их женщины и мужчины не хотели раскрашиваться, правда, вождь, у них нет такого обычая! Но Берд убеждал их, что им нужна наша защита от зверей. «От каких зверей?» — полюбопытствовал кто-то. Они не видели ни одного, не считая нескольких крыс, шмыгавших в траве, и один из мужчин поймал рыбу. Большинство их решило не приходить. Берд и несколько мужчин хотят присоединиться к тебе. Они говорят, наш народ знает, как выжить в диком краю, а им надо научиться тому, что мы знаем.

Зона тоже прислушивался.

— Они опасны, — сказал он. — Никого из них не следует принимать!

Несколько других повторили его слова: здесь многие слышали о белокожих и об их духе Деве Марии, как мне показалось, но только Нону говорила на их языке.

— Я здесь вождь, — сказал я. — Таково мое решение. Мы сможем использовать больше крепких рук, чтобы построить дома. А если они не станут такими, как мы, мы их изгоним.

На такое они согласились. И все-таки я чувствовал, что они держат гнев на белокожих и недовольны моим решением. Однако, я был вождь, и слово мое стало законом.

Берд и пятеро других белокожих: двое мужчин и две женщины — показались довольно в скором времени. Двое из мужчин держали в руках скверно сделанные бамбуковые копья и переминались с ноги на ногу, так как все собрались и принялись их разглядывать. Все они повязали коврики из травы на свои половые органы, что побудило Марагу и прочих женщин хихикать. Меня это так не позабавило.

— Передай им, чтобы сняли плетенки, — велел я Нону.

— Если они присоединяются к нам, пусть ведут себя, как мы. Они ничего не добьются, если станут прятаться за травой.

Когда Нону повторила мое распоряжение, Берд немедленно снял свою повязку. Три других мужчины сделали это медленнее и почти без всякой охоты. Женщины не сделали.

— Марата, — тихо сказал я, — возьми женщин и укрась их.

Она созвала других женщин из нашей новой деревни, и те немедленно явились, взяли двух белокожих женщин под руки и увели подальше от нас, мужчин. Я знал, что Марага добьется от них, чтобы сняли плетеные коврики: она уже заявляла о себе как отличная старшая женщина. Нону поколебалась, глядя на меня, но я отправил ее следом за остальными. Ей надлежит оставаться с женщинами, если мне понадобится, чтобы она переводила Берду, я ее позову.

Белые мужчины выглядели очень настороженно. Один из них, полуподнявшись, пытался без особого успеха прикрыть пах руками. Я фыркнул: ну, сущие дети, как подумалось мне, ничего не знают о мире вокруг и о том, что как происходит. Мы сделаем их людьми.

— Не пугайте их, — приказал я мужчинам вокруг меня.

— Двигайтесь медленно. Они пока еще звери, но мы можем превратить их в людей, требуется время и терпение. Сперва мы должны их разрисовать. Кто мне поможет?

— Это ошибка, но я помогу, — вызвался Зона. Он подобрал лист, где лежала синяя краска, по-

дошел и встал сбоку от меня, и вместе мы стали раскрашивать остальные участки тела Берда. Прочие мужчины чуть погодя тоже взяли листья с краской и принялись разрисовывать трех оставшихся белокожих.

Когда мы закончили и отступили, чтобы полюбоваться нашим искусство, я должен был признаться, что оно подействовало: Берд выглядел почти как настоящий охотник с рисунком из черных точек, сбегавшим по рукам и щекам, пересеченным яркими красными и синими линиями. Голову его мы окрасили синим, как и мою. Позже, после того, как будут возведены стены вокруг деревни, нам хватит времени на то, чтобы сделать оболочки для детородных членов и сплести косички из трав и звериной шерсти, дабы украсить шнурами руки, ноги и шеи: тогда мы действительно станем опять людьми. А сейчас надо сосредоточиться на основном, что требуется для выживания.

И я повел всех мужчин к бамбуковой роще. Там я легко различил признаки появления моих охотников: с помощью камней они срезали стебли бамбука, а затем заострили их, чтоб вышли копья. Зона подобрал камни оттуда, где их бросили охотники, раздал их остальным, и мы

стали ломать самый высокий и тяжелый старый бамбук на стены для деревни. Настолько часто, насколько удавалось, я поглядывал в сторону травяного поля, где большинство женщин, включая и двух раскрашенных и лишенных ковриков белокожих, усердно собирали траву и вили веревки. Другие искали пригодные в пищу растения и насекомых, чтобы добавить их к тому, что принесут охотники. Третьи собирали брошенные деревянные палки, которые были привязаны к нашим запястьям, когда мы проснулись — и я решил, что это неплохая мысль, так как мы еще можем найти для них применение.

Полдня уйдет на то, чтобы обнести бамбуковой оградой место нашего поселения, как я знал, и несколько месяцев на то, чтобы окончательно устроить все остальное. Впереди ждала уйма работы. И все же ее надлежало сделать, и чем скорее мы начнем, тем раньше кончим.

Я принялся таскать бамбуковые шесты толщиной в мою руку и вдвое длиннее меня от рощи до места, где работали женщины, и складывать их. Я решил, пусть наша деревня стоит вокруг того места, где сейчас заняты делом женщины.

Приостановившись, я покосился на небо. Солнце начало клониться к западу; скоро оно окрасит

небеса ярко-красным, желтым и рыжим. И тут я, вздрогнув, осознал, что на небе два солнца: большое, освещавшее землю, и другое, поменьше и побледнее, рядом. То, второе было слишком крохотным и ярким, чтобы принять его за луну. Мы действительно попали в страну духов, подумал я с благоговением.

Зона принес еще бамбуковых шестов, бросил их рядом с моими, и вдруг рядом возникло маленькое воинство, волочащее бамбук. Когда Зона отправился за новыми стеблями, я присоединился к нему. Было хорошо поработать, напрячь крепкие молодые мышцы рук, которые так долго вели себя как старые и слабые. Белокожие трудились наряду с нами, и, хотя никто никому ничего не сказал, работа их была не хуже нашей. Когда я указал на это Зоне, он лишь нахмурился.

Мы только-только начали устанавливать частокол, как раздался оглушительный шум, подобный грому. Я оглянулся в сторону становища белокожих и увидел синие молнии, вспыхнувшие вокруг огромного серебряного дерева, которое обступили белокожие. Молнии исчезли так же внезапно, как и вспыхнули.

Все прочие тоже замерли, и я слышал издалека, как кричат белокожие — хотя не мог бы сказать,

радуются они или сердиты. Я оглянулся, приметил Нону и велел ей взять Берда и Зону и сходить посмотреть, что случилось. Она быстро перевела, и все трое побежали к дереву.

— За работу! — приказал я. И все остальные вновь приступили к своему делу: мужчины поднимали огромные бамбуковые шесты, а между тем женщины привязывали их травяными веревками, чтобы держались. Некоторые из женщин еще работали в поле, собирая охапки трав на постели и крыши, плетя новые веревки, гамаки и циновки.

Мы покончили с наружной стеной и привязывали на положенное место деревенские ворота, когда вернулись Берд с Зоной. Нону несла одну из тех загадочных деревянных палок, которые были привязаны к нашим запястьям, когда мы открыли глаза, только с палки был снят кончик, и оказалось, что внутри она полая, и в ней лежат какие-то разноцветные предметы.

Нону поставила сосуд торчком посередине деревни. Все собрались посмотреть.

— Это сосуд Берда, — сообщила мне девочка. — Он поставил его на огромное каменное дерево перед тем, как прийти к нам, и после того, как засветилась молния, он сам собой наполнился

едой и сокровищами.

— Это не палки, а священные сосуды, — сказал Зона. — Все сосуды белокожих наполнились!

Все возбужденно загалдели. Берд о чем-то переговорил с другими белокожими, они повернулись и помчались к серебряному дереву. Я не корил их: если бы мой священный сосуд наполнился пищей, я бы тоже захотел его забрать… Но мудро ли это: есть пищу, которую подают духи?

И тогда я подумал о наших собственных сосудах, но Марата уже сообразила, что следует их проверить.

— Они пусты, — сообщила она, показав один, который ей удалось открыть. — Духи не наполнили их для нас.

Вокруг меня зароптали, но я сурово посмотрел на людей, и все умолкли. Берд сидел, скрестив ноги, перед своим сосудом и вытаскивал одну вещь за другой. Кажется, он узнавал многие из них. Хотя я — нет. Среди них была маленькая палочка с серебряным кончиком. Когда Берд щелкнул по ней пальцем, появился огонек. Я отступил на шаг.

— Это что за колдовство? — спросил я.

— Это не колдовство, — ответила Нону. — Белокожие называют их зажигалками и используют,

чтобы разводить огонь. Маленький камешек сыплет искрами, от которых загорается кусочек промасленной тряпки.

— Это послано духами, — сказал я с уверенностью, которой не испытывал. Маленькая палочка, которая дает огонь. Чудо. — Мы хорошо поедим, когда вернутся наши охотники!

Похоже, это всех взбодрило. Тут Берд вытащил из сосуда странного вида бурую пищу, понюхал, улыбнулся и предложил попробовать всем, кто рядом. Никто не взял. Пожав плечами, Берд откусил сам. Духи также наполнили чашку внутри его сосуда дымящейся бурой жидкостью. Он осторожно пригубил. Когда я подался вперед, чтобы постичь ее запах, он предложил мне отпить, но запах был горький; у меня от него увлажнились глаза, и я отмахнулся.

Другие белокожие возвращались с огорченными лицами и пустыми священными сосудами. Они что-то пробурчали Берду, который пожал плечами, а затем передал им кое-что из пищи, которая досталась ему. Они разделили ее и поглотили за время нескольких биений сердца.

— Они говорят, что другие белокожие украли их пищу и сокровища, — поведала мне Нону. Марага склонилась и шепнула мне на ухо:

— Должны ли мы терпеть воров, которые крадут пищу и сокровища у жителей нашей деревни?

— Пища была не в нашей деревне, — заметил я. — Откуда тем белокожим было знать, что эти вернутся. Мы бы сами забрали их пищу и сокровища, если бы представился случай.

Она вынуждена была признать, что я прав.

Берд покончил с едой и стал доставать из своего сосуда новые вещи. На самом дне он нашел большое полотнище, красное и зеленое. Марага подалась вперед, с изумлением помяла ткань в пальцах и поглядела на Берда.

— Это мне? — спросила она. Нону перевела.

Берд улыбнулся и вручил ей ткань. Тут вся деревня устремилась вперед, хватая что попало и крича:

— Мне! Мне! — громкими голосами.

Когда самый маленький мальчик выбрался из свалки с бердовой огненной палочкой, я вырвал ее у него из рук.

— Только вождь может зажигать огонь, — сказал я ему. Он как будто собирался заплакать, но вместо этого нырнул обратно и вскоре появился с другим сокровищем, чашей Берда, теперь пустой. И убежал с ней, радостно голося.

Марага уже разрезала полотно Берда на полосы тростинкой, которую заострила палкой. Первой полосой она обвила мою левую руку. Та очень ярко выделялась на моей темной коже, и я стал гордо расхаживать, предоставляя ей шумно восхищаться.

Берд коснулся моей руки. Я настороженно взглянул на него. С помощью Нону, он сказал мне:

— Ты должен был велеть своим людям поставить их священные сосуды на каменное дерево.

— Мы не можем принимать дары от духов, пока не узнаем, почему приведены сюда. Если мы станем есть их пищу, мы должны им служить, осуществляя их цели.

— Как вы обнаружите, каковы их цели? — спросил Берд.

— Я должен пойти и поговорить с ними, — ответил я. — Они сообщат мне, какой дух привел нас сюда и почему. Только тогда мы сможем решить, что делать дальше.

— Как ты найдешь этих духов?

— Они везде, — сказал я в нетерпении, указывая на траву, на бамбук, на саму Реку. — Мир полон ими. Во всем живом и неживом обитает его дух.

Он кивнул, поняв меня наконец. Марага косну-

лась моего локтя.

— Охотники, — объявила она.

— Мы еще поговорим поздней, — сказал я Берду. — Если у тебя есть вопросы, спроси Нону. Она будет твоим наставником среди нас.

— Благодарю, — произнес он. Но я уже следовал за Марагой туда, где в середине нашей маленькой огороженной деревни стояли охотники.

Старший вышел вперед и бросил передо мной дневную добычу: два маленьких крысообразных создания и змею, висящую на бамбуковом шесте.

— Здесь скверная охота, — сказал он. — Никакой дичи нигде, крупнее этой.

Я нахмурился. Едва ли они принесли достаточно для всей деревни.

— Несколько мальчиков пошли к Реке бить рыбу копьями, — продолжал старший из охотников, — им больше повезло. — Он поманил пальцем, и вперед выбежало два мальчика. Они несли около двадцати рыбин, надетых за жабры на бамбуковый стебель. Некоторые рыбины были малы и худы, но имелось две, не меньше, чем с небольших собачек. А большинство — промежуточных размеров. Я не удержался от улыбки. Пира не предвидится, но мы, безусловно, не ляжем спать голодными.

Женщины собрали достаточно топлива для костра и, после того, как Берд дал мне наставления по использованию зажигалки, я воспламенил от нее наш костер. Поскольку духи дали ее Берду, а Берд сам передал нам, я решил, что пользоваться ею безопасно.

Когда поднялось пламя, и дрова защелкали и затрещали, женщины приступили к приготовлению ужина. Я поглядел в небо и увидел, что начали появляться звезды: они были чужими, и не образовывали знакомых созвездий, которые я наблюдал всю свою жизнь, и я призадумался, а что это предвещает. И тут же напомнил себе: мир духов теперь наш.

Когда упала тьма, стали слышны непонятные звуки со стороны становища белых. Я подхватил копье, знаками предложил Берду сделать то же самое, и мы вышли вместе поглядеть, что там происходит.

И увидели у дерева духов нелепое зрелище: большинство белокожих разбросало свои травяные плетенки и священные сосуды и каталось по земле, корчась, точно собаки в жару. Принято отворачивать взгляд и не обращать внимания на мужчин и женщин, когда те соединяются, но здесь и с этими что-то было неладно. С ними

творилось нечто жуткое. Можно было подумать, что белокожими овладели злые духи. То было совокупление не мужчин и женщин, но дикого зверья.

Вскоре я заметил мертвую белокожую женщину, задушенную, судя по всему. В нескольких шагах позади нее лежал мужчина, которому нанесли не менее сотни смертельных ран бамбуковым ножом. Нож все еще торчал из его груди.

— Приготовься, — предупредил я Берда, вздымая копье, чтобы показать ему, что от него требуется. Он тоже поднял свое копье и покрепче за него взялся.

Обогнув дерево духов, мы нашли еще два мертвых тела. Затем среди совокуплявшихся пар я приметил Клэя и указал на него Берду. Берд побежал к своему другу, заговорил с ним, но Клэй только злобно прорычал и взмахнул кулаком. Когда Берд попятился, Клэй поднялся и бросился на него, вопя и молотя руками. Я поспешил встать бок о бок с Бердом, чтобы его защитить. Когда Клэй поглядел на меня, глаза его были дикими и пустыми, и я всадил копье ему в живот. Он раскрыл рот, остановился и задержал на мне взгляд. Я высвободил копье и ударил его по лицу тупым концом. Он рухнул, обмякнув, и больше не шеве-

лился, то ли уже мертвый, то ли умирающий.

Берд воззрился на меня с бледным лицом. Пролопотал что-то невразумительное, затем отвернулся, пал на колени, и внезапно его вырвало. Или он никогда прежде не видел крови и смерти? Странно было такое видеть. Он вел себя, как мальчишка во время первого набега.

Женщина, которую терзал Клэй, вскочила на ноги и молча зашлепала во тьму. Я подобрал два куска красной ткани, которую она бросила в грязи. Духи не разгневаются, если я их возьму, так подумал я.

Теперь я видел достаточно, чтобы мои подозрения подтвердились. Что бы ни стряслось с прочими белокожими, Берда это не затронуло: раскраска на его лице и груди пометила его как человека, и злые духи оставили его в покое.

— Пошли обратно, — сказал я ему, и когда я двинулся в сторону нашей деревни, он опомнился и последовал за мной. Как только мы приблизились к воротам, некто небольшой и темный метнулся на меня из травы, вереща, словно обезьяна. Я бросил копье, схватил нападавшего за руки и взметнул небольшое тело в воздух.

То был Джока, один из самых младших в деревне. Всего восьми-девяти лет, тонкий, как

тростинка, но весьма крепкий и жилистый. Он лягался, пока Берд не схватил его за ноги, и мы вдвоем не повалили его наземь и не уселись на него, чтобы помешать ему кусаться и брыкаться.

Он что-то жевал. Берд протянул руку, разжал его челюсти и вытащил что-то белое, чудо избежав потери пальцев. Оно выглядело во мраке, точно бледный слизняк. Берд с подозрением понюхал его, затем передал мне. Оно было мягкое, липкое и теплое наощупь. Пахло оно сладко и приятно.

— Жвачка, — сказал Берд. Он изобразил, как будто что-то достает из сосуда, — и я понял, он имеет в виду, что эта белая жвачка лежала там, да, я был прав, духи попытались одурачить нас своими подарками. Если бы мы поставили свои сосуды на дерево духов, мы бы теперь вели себя не лучше, чем белокожие.

Я оглянулся на чудо-дерево, вслушиваясь в крики, рыдания и стоны белых мужчин и женщин, одержимых злыми духами. Возможно, как подумалось мне, жвачка — это вроде джавары, которую мы изготовляли и применяли с великой осторожностью, чтобы приобщиться к миру духов. Похоже на то.

Маленький Джока затих. Он позволил мне поднять его, и я понес его в деревню, держа в руке

белую жвачку.

* * *

Мы заперли деревенские ворота. Пока женщины хлопотали вокруг Джоки, я созвал всех мужчин. Они собрались вокруг меня, и я поведал им обо всем, что видел у камня духов на стоянке белокожих.

— Духи скверно пошутили с ними, — сказал я, показывая жвачку. — Жвачка — это подобие джавары. Она отворяет души тайным силам.

— Значит, они все теперь одержимы, — произнес Зона.

— Это правда, — подтвердил я. — Они не позаботились о защите, как мы. Никто из них не раскрасил тело, чтобы обозначить себя как человека.

— Мы должны изгнать их отсюда, — твердо сказал Зона. — От них будет одна беда, если они останутся. — И многие другие одобрительно зашумели. Но я все-таки покачал головой.

— Мы ничего не вправе делать, пока я не посовещаюсь с духами, — возразил я. — У меня теперь есть жвачка. Я воспользуюсь ею и увижу, кто привел нас в это место, и с какой целью. Лишь тогда мы сможем действовать.

Зона поразмыслил немного, затем кивнул.

— Это мудро, — признал он.

Я сел у огня, вглядываясь в пламя и прислушиваясь к своему сердцу, затем положил в рот жвачку и стал медленно пережевывать. Вкус был странный, и сладкий, и горький одновременно; Не похоже ни на что, что я пробовал прежде. И сперва мало что произошло. Постепенно пламя начало становиться зеленым, затем синим, и поднялось передо мной, точно цветная гора. Я почувствовал, как по всему телу пробежал жар, закрыл глаза и ощутил, что парю над землей, словно птица. Я опустился на землю в месте, во многом напоминавшем лес в мире, где мы прежде жили. Здесь были пестрые птицы на деревьях вокруг и обезьяны, судачившие и носившиеся по веткам, и красные с золотом бабочки, порхавшие над головой. Я вдыхал запах щедрой сырой земли, и теплый ветерок овевал мою кожу. Я поглядел на руки и обнаружил, что на них вернулась татуировка; я выглядел настолько человеком, насколько был прежде. Широкая тропа вела через поляну, и я пошел по ней. Ветви деревьев сплелись над моей головой, сделалось темнее. Я подошел к старым осыпавшимся камням. На вершине каменной кучи восседал громадный

черный жук.

— Ты Кокоти? — спросил я. И почувствовал, что дрожу от страха. Никогда прежде я не оказывался лицом к лицу с великим духом.

Я Кокоти, — подтвердил жук. Голос у него был высоким и сильным. — Почему ты пришел в мир духов, человек?

— Я пришел в поисках ответов.

— Каких ответов ты ищешь?

— Почему мы возродились в мире духов?

— Вы не лучше обезьян, — сказал жук. — И неважно, как вы раскраситесь.

— Ответь на мой вопрос, Кокоти, — произнес я смелее.

— Ты поднимаешь на меня руку?

— Нет, — ответил я. — Ты — величайший из духов, Кокоти, и все люди страшатся тебя. Но ответь на мой вопрос, Кокоти и, возможно, я помогу тебе в благодарности.

— Это высокая цена.

— Я заплачу ее.

Жук помолчал, его шесть огромных черных лап колыхались в воздухе.

— Вы в мире духов, — изрек он наконец, — вы не мертвы, человечек, но пока что еще и не живы. Вы, дерьмо дикого пса, должны это знать.

— Тогда что мы такое?

— Вы будущее, — был ответ. — Вы все — будущее. — Тут он подался вперед и откусил мою голову сияющими черными челюстями.

* * *

Я пробудился, холодный, оцепенелый, с раскрытым от боли ртом. Скудный свет просачивался в деревню через бамбуковую ограду на востоке; небо было серым. Я почувствовал, как по моему лбу ударила капля дождя, затем другая.

Огонь иссяк. Я поднялся и огляделся. Зона и Марага не спускали с меня глаз. Глаза их припухли, похоже, они не спали всю ночь. Копье Зоны лежало у его ног. Он охранял меня.

— Ты здоров? — спросила Марага.

— Да, — ответил я.

— А духи…?

— Я видел Кокоти, — сказал я. — Он говорит, что это не мир духов. Это новое испытание.

— Мы это уже знаем, — заметил Зона.

— Да, — согласился я.

Мужчины, женщины и дети распростерлись там и тут по всей деревне, чья-то голова — на чьем-то животе или берде, руки переплетены. Мужчины и женщины спаривались. Только бело-

кожие спали, каждый в одиночестве, отдельно в дальнему углу. И еще был один человек, который лежал позади Зоны и Мараги. Я увидел, что он не дышит.

— Что случилось с этим? — спросил я.

— Берд убил его, — напрямик объяснил Зона.

— Что? — вскричал я. Марага сказала:

— Он пытался умертвить тебя, пока ты путешествовал в мир духов.

Я содрогнулся при мысли об этом. Если кто-то умирает, пока его душа странствует в чужом мире, она пропадет там. Это ужасная участь.

— Кто мог на такое пойти? — спросил я. — В этом нет смысла.

— Взгляни на его лицо, — предложила Марага.

Я подошел к мертвому, встал на колени и перевернул его. Кровь прилила к его правой щеке там, где щека упиралась в землю, и образовалось черное пятно, краска на лице оказалась смазана. Это был тот самый охотник, который вчера заставил меня насторожиться. Мне подумалось тогда, что мы знакомы. Сегодня в утреннем свете я узнал его окончательно.

— Нгосок, — прошептал я.

— Ты назвал его, как своего убийцу, прежде чем умереть, — напомнила Марага. — И мужчины

нашей деревни убили его в ту ночь.

То была правда: он околдовал меня в нашем прежнем мире, послав злых духов в мой желудок, чтобы убить меня. Теперь он стал на сорок лет моложе, и непонятно, как мне не удалось узнать его сразу. Не иначе как он опять пустил в ход колдовство.

— И Берд его убил? — спросил я.

Зона кивнул.

— Белокожие пустили огонь по траве у дерева духов. Мы все были у ворот и наблюдали за пламенем, когда услышали позади клич воина. Его издал вот этот, — он пихнул Нгосока пальцами ноги, — и бежал на тебя с копьем. И вот-вот всадил бы его тебе в спину. Берд схватил копье, метнул его и убил Нгосока.

— И то был славный удар? — спросил я.

— Прямо в сердце, — ответила Марага. — Не иначе, как ему помогли духи.

Я вспомнил, как нынче ночью спас Берда от Клэя. Теперь Берд спас меня в свой черед. Если, выбросив сосуды, мы прошли первое испытание, то, позволив Берду и другим белокожим присоединиться к нам, выдержали второе. И я сказал об этом Мараге и Зоне.

— Это правда, — признал Зона. — Сами духи

направляли тебя. И, хотя мне по-прежнему не нравятся белые, и я им не доверяю, Берд другой.

— Из него выйдет человек, — произнес я.

Я медленно подошел к воротам, распутал их и распахнул. Мы с Зоной стояли плечом к плечу, глядя в сторону дерева духов. Трава все еще немного тлела, и столбы грязно-серого дыма взлетали от нее к небу, но тяжелый дождь зашлепал вокруг, и я знал: он окончательно погасит огонь.

Вы будущее. Сколько еще испытаний предложит мне Кокоти, прежде чем окажется удовлетворен? И каково будет следующее из них?

— Надо, чтобы они стали людьми, — сказал я, осознав наконец эту истину. А ведь эта задача все время была у меня перед глазами. Величайшее из испытаний, когда-либо посылавшееся Кокоти. — Ты говорил, что белокожие пришли к твоему народу в прежнем мире, и велели почитать Деву Марию. Белокожие заблуждались. Нет никакой Девы Марии. Есть лишь Кокоти, он здесь и все еще испытывает нас.

— Что мы должны делать? — спросил Зона.

— Прежде всего, мы должны разрисовать белокожих, — сказал я, — чтобы защитить их от злых духов. Затем мы должны забрать их сосуды и уничтожить, ибо через них приходят злые духи.

Белокожие должны присоединиться к нашему народу и жить среди нас, как мы.

— Все вместе? — спросил Зона, сдвинув брови.

— Да, — ответил я, и мысленно увидел это: белые и темные, все работают вместе, строя величайшую деревню, какую когда-либо видели духи. Это может случиться. И это случится.

Вы все будущее.

Все мы. Я знал, что речь шла и о белых. Я оперся о плечо Зоны и поведал ему о своем видении, поведал обо всем, что открыл мне Кокоти. Он согласился с моим толкованием.

— Но что если белокожие к нам не присоединятся? — спросил он. — Они никогда еще не жилил среди нас, как мы.

— У тебя есть копье, — заметил я. — И у меня тоже. Если они не станут людьми, нам придется поступить с ними, как с опасными зверями, и убить их. Когда их души возродятся, они постигнут истину.

— Истину, — отозвался он. — Это хороший замысел. Кокоти прав. Когда мы начнем?

— Немедленно, — ответил я. — Разбуди остальных мужчин. И Нону. Пусть говорит от нашего имени с белокожими. Еще рано, белокожие будут сонными и беспомощными. Некоторые, возмож-

но, до сих пор одержимы злыми духами.

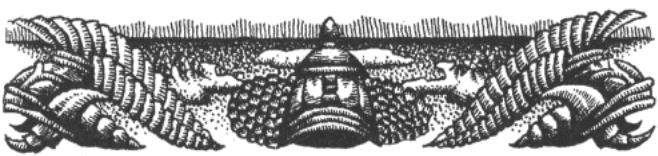
— Да, вождь.

Впервые он так назвал меня. Он признал меня окончательно. Вот и еще одно испытание позади, как подумал я. Ты никогда не остановишься, Кокоти?

Пока Зона будил остальных, я глядел на травяное поле и мечтал. Я думал, что все мы вместе войдем в этот мир, каждый мужчина и каждая женщина, служа Кокоти и другим духам. Белые мы или темнокожие, хоть зеленые, хоть пурпурные, неважно, какого цвета у нас кожа. Наше возрождение в этом мире было только началом.

Вы будущее. Вы все будущее.

Я постараюсь, чтобы так и вышло.



Дэвид Бишоф. Дин Уэсли Смит

Не вернуть[58]
1

Расколот кубок золотой, — рыдать колоколам!
Летит с тоской душа святой к стигийским берегам.

Эдгар Аллан По «Линор»

Солнце било ему в глаза. Он опустил капюшон и поправил грубую ткань, чтобы лучше бросала тень. Он сощурился, глядя на дальний берег мутной и темной Реки, разлившейся здесь на милю в ширину. Да, привычная травянистая равнина и привычный величественный хребет, покрытый нетающими снегами, вроде того, что обрамляет и эту безумную Долину Не Умерших. Между ними — скалы, низкие деревца, рощи железного дерева. Клочья дыма над ними парят, точно души, бежавшие из гробниц, закрепленных за поселениями. Ничего сколько-нибудь непривычного. Однако на самом краю этого однообразного леса перед этими однообразными горами, вздымающимися над однообразной Рекой, стоит здание, и у этого

[58] notes: 58

NEVERMORE by David Bischoff & Dean Wesley Smith Copyright © 1993 by David Bischoff & Dean Wesley Smith.

крупного одинокого двухэтажного здания имеются трубы и щипцы. Щипцов, похоже, около семи, но он не мог сосчитать их отсюда. И все-таки за пятнадцать лет, что он странствует в Послежизни, он еще не видывал такой архитектуры.

Семь щипцов. Готорн гордился бы.

И опять-таки: возможно, Готорн здесь.

Эдгар Аллан По вскинул ранец, содержавший все, чем он обладал в этой новой жизни: его грааль, кое-что из запасной одежды, письменные принадлежности, пачка листов, покрытых каракулями, бутылки, жвачка, и то, особое, что Привело его сюда, и перебросил через плечо. Глаза его все еще были затуманены, и Демонический Напиток все еще гремел цепями в его голове. Возникло искушение сделать глоточек из бутылки, чтобы грохот поутих, но поэт решил не поддаваться. Если его пребывание на Земле не научило его ничему другому, то научило хотя бы, что от того, кто ищет себе занятие, не должно разить алкоголем. Нынче ночью он получил свою порцию: рацион эля и вина, брошенный в его грааль вместе с обедом, а затем — слишком много пойла из лишайника, которым снабдили его немцы пятнадцатого века с той стороны Реки. Волоча свое двадцатипятилетнее тело к берегу в

сторону пирса, он чувствовал себя почти таким же старым и больным, как, когда в сорок лет умирал в Балтиморе. «Упокой, Господи, мою бедную душу», — прошептал он в больнице Медицинского Колледжа Вашингтона и умер.

Но вовсе не это было у него на уме.

Знакомые речные запахи достигли предела и, как всегда, ему от них сделалось дурно. Они напоминали ему, как пахло в районе Феллз Пойнт, когда виски и болезнь мозга доконали его среди шума и вони портовых таверн. Тем не менее, он успокоил свой больной дух, пообещав ему снова, что мир ждет в конце путешествия, мир в объятиях его дорогой утраченной Сисси.

По добрался до пирса, где всегда причаливало множество лодок. На одной из причальных свай сидел человек. Пристань качнулась, как только Эдгар ступил на нее, и у него ухнуло в желудке. Но он удержался на ногах и справился с приступом голода и зашагал к тому человеку вдалеке.

На скверном немецком он спросил незнакомца, не принадлежит ли тому одна из лодок.

— Йа, — ответил незнакомец и указал в сторону крепкой на вид гребной шлюпки, построенной из дерева, значительно превосходившей, по мнению Эдгара, лодки из кожи Рыбы-Дракона,

с которыми ему слишком часто приходилось мириться в его странствиях. Затем По спросил, говорит ли незнакомец по-английски, и ощутил большое облегчение, когда тот ответил: «Да». За эти годы он выучился объясняться на многих наречиях, включая и дурацкое эсперанто, которое, похоже, становится все более популярным. Однако, он до сих пор чувствовал себя куда уютнее с английским, несмотря даже на то, что был вполне привязан к французскому, на котором, ведомом критиками и авторами, подобным Бодлеру, сохранились и живут на Земле, как слышал По, его сочинения.

— Мой добрый друг… дом там, за Рекой… Это, случайно, не Дом с Семью Щипцами?

— Да.

До сих пор — поистине примечательный словарь.

— Великолепно! В таком случае, человек с твоей осведомленностью в литературе, несомненно, вспомнит, кто я, если я скажу, что я — мистер Эдгар Аллан По! — Он сказал это, напыщенно взмахнув рукой, желая, чтобы вместо поношенного капюшона на голове у него была превосходная касторовая шляпа, которую он снял бы. Как ему не хватает костюма его време-

ни! О, фрак, о, сапоги, о, галстук… Творческому человеку надлежит выглядеть определенным образом. В здешней удобной, но непримечательной одежонке никогда не угадаешь, кто перед тобой. Сплошная неразбериха. Славно было бы опять отрастить усы и бакенбарды, равно как и пышные вьющиеся черные волосы вокруг этой луковицы, называемой головой. Только и осталось от его выразительной наружности, что горестные темные глаза, надутые насмешливые губы и аристократический нос — все унаследовано от матери-актрисы.

Незнакомец-толстяк, и как только он ходит, — поглядел на него с безразличием и недоумевающе пожал плечами.

— Гм… Ну, разумеется, мои рассказы дошли до тебя, хотя бы у лесного костра однажды мрачной ночью. Мне дали понять, что сами рассказы уцелели, если не точный порядок слов и не мое имя… «Падение дома Эшеров»… Может быть, «Черная кошка»… Разумеется, «Маска Красной Смерти»… — при каждом названии собеседник качал головой. По выпрямился во все свои пять футов восемь дюймов и одернул свой костюм с видом уязвленного достоинства. — Что же, полагаю, ты еще однажды удостоишься чести их услышать.

Не могу вообразить, чтобы они добрались до здешних краев, о таком и подумать странно. И все же, блистательному автору приятно представить себе, что его творения распространяются со скоростью света! — он прочистил горло. — В любом случае, мне надо переправиться через Реку.

— Разумеется, это я вам могу устроить, сударь. Однако, я бесплатно не перевожу.

— Но, добрый сэр, я писатель… Там — место моих устремлений, дом, где, разумеется, будут рады прибытию такого, как я. Несомненно, они вознаградят вас за потраченное время и силы.

Собеседник начал утрачивать интерес к нему. И вернулся к своему прежнему занятию: починке сети.

Дела шли неважно. Темперамент По вынудил бы его взорваться и позлиться некоторое время, а затем найти какой-то другой способ переправы. Однако отчаяние и головная боль не позволили ему сделать больше, чем несколько шагов. Он развернулся и зашагал обратно к сваям.

— Послушай, друг, я — человек небогатый. Отчисления с продаж не добрались до меня в этом существовании. Я очень мало могу предложить для бартера.

— Что у тебя есть?

Эдгар опустил сумку и прикинулся, будто роется в ней.

— Небольшое количество изумительного крепкого напитка… немного жвачки грез… — он содрогнулся при мысли о том, что придется расстаться с одним из двух.

— Йа. Может быть.

— Несколько моих новых стихотворений, записанных собственноручно и с автографами… Могу обещать копию моего нового опыта «Колокола Реки», он, несомненно, будет много чего стоить когда-нибудь!

Собеседник поворотил.

— Стихи! А какой прок рыбаку от стихов? Уж если нам что и нужно, барды поют бесплатно!

Эдгар подавил ярость.

— И, конечно, вот этот жалкий предмет торговли. — И он достал из сумки ту загадочную вещь, которая привела его сюда.

То была книжка. Или, возможно, нечто вроде журнала. По не мог бы определить, уж больно неряшливый вид имело печатное издание. Но любое вообще печатное издание представляло собой некоторый интерес для издателя и автора вроде Эдгара Аллана По. Подобная вещь свидетельствовала о существовании издательства, что

означало работу для души, казалось бы, обреченной на нищенское существование, несмотря на то, что книги Эдгара По, похоже, распродавались миллионными тиражами на множестве языков. Настоящая книга, переплетенная в рыбью кожу, на грубой бумаге с неряшливо отпечатанным текстом. И на обложке выгравированы автор и заглавие:

Эдгар Райс Берроуз

«Воскрешенный Тарзан».

По вручил книжку рыбаку. Глаза рыбака расширились и вспыхнули. Он заулыбался.

— Да! Да! Тарзан! — Книжка исчезла у него за пазухой, прежде чем у Эдгара возникла возможность передумать. — Великолепная сделка! Садись, садись! Я тебя перевезу.

Испытывающий некоторое замешательство, но счастливый, что все уладилось, Эдгар Аллан По двинулся за рыбаком к его лодке, готовый к приступу речной болезни.

2

О, будь вся юность долгим сном одним,
Чтоб пробудился дух, объятый им, Лишь
на рассвете вечности холодной; Будь
этот сон печален безысходно.
Эдгар Аллан По «Мечта» [59]

Разумеется, дрянь. По, естественно, прочел эту книжку. Несколько раз. Не больно-то много находилось в этом мире, как провести время и, несмотря на то, что роман был вздорный и скверно написан, сам факт, что это беллетристика, доставлял удовольствие человеку, который в свое время пожирал книги. Будь у него достаточно бумаги, он написал бы одно из тех язвительных обозрений, которыми некогда так славился, хотя ему бы вряд ли попались газета или журнал, дабы его опубликовать. Разумеется, все это галиматья! Человек, выращенный обезьянами в Африке, открывает, что он английский лорд. Вся его жизнь полна самых невероятных приключений, на что беспрестанно намекается множеством заголовков, в основном, бездарных. И затем… Он воскрешен в Мире Реки и продолжает искать особу по имени Джейн.

---

[59] notes: 59
Перевод Ю. Корнеева.

Несмотря на неуклюжее построение фразы и вызывающую чувствительность автора, По вынужден был признать, что повествование не лишено увлекательности. И его собственные поиски дорогой утраченной Вирджинии, которая скончалась в 1847 г. в двадцать пять лет, вызывали в нем безусловное сочувствие к поискам лорда Грейстока. И все же этот Берроуз явно много ниже его собственного литературного уровня. Однако — книга. И предполагается существование издательства. Это совсем другое дело!

Немец высадил его на дальнем берегу Реки без особых церемоний, а затем поплыл назад с новым трофеем, припрятанным за пазухой. Неважно, — подумал По, отряхивая плащ, словно избавляясь от грязи всей этой сделки. Если это — то самое место, за которое По его принял, то, несомненно, скоро он получит что-нибудь другое, если пожелает… И, честно говоря, если так, то это будет литература повыше качеством.

По достал бутылку и отхлебнул немного. Пахнет — ну и к черту! Он помрет без глоточка. И тогда от него не будет никакой пользы этим людям. Спирт блаженно обжег горло. По глотнул еще разок-другой и, почувствовав себя много лучше, убрал бутылку в ранец и зашагал к этому дому.

«Дом с семью щипцами». Издательство.

Намек на грубой деревянной вывеске не был для него темен. Это побудило его задуматься, а не стоит ли за предприятием его современник Натаниэль Готорн. Он не был уверен, что это окажется благодатная случайность. Но не сомневался, что человек, которого на Земле не раз доставали шипы его критики, охотно все простит и забудет в здешней новой жизни. И все-таки По призадумался, а не следовало ли подойти к этому месту с алой буквой «К», означающей «критик», пришпиленной к плащу, в надежде, что эта шутка исцелит все раны?

Опять же, едва ли он мог представить себе человека, вроде Натаниэля Готорна ответственным за выпуск этой дичи, этой жуткой безвкусицы… Этого «Тарзана».

Дом был большой, и все же не казался прочным. Конечно же, в нем чувствовался привкус готики со всеми этими щипцами и трубами, слава Богу. Он стоял во отдалении от любых других признаков цивилизации и, по правде говоря, выглядел нелепо на фоне этой однообразной равнины и низкого леса. Тем не менее, у Эдгара заныло сердце. На Земле он всю жизнь прожил в городах, и, - о! - как ему не хватало грохота конных повозок

по булыжнику! Монолитов из кирпича и извести с уютными огоньками в мягких недрах, полные запахов цивилизованной пекарни и вкусов самого разного пива.

Направо была небольшая роща, и он услышал, как там рубят дерево. Крепко сбитый, могучего вида малый с квадратным лицом и короткими волосами усердно трудился, заготовляя топливо. Он что-то басисто пел, то пугающе провывая строфу, то снижая голос до шепота. Что-то наподобие «Техасской желтой розы». Пот брызгал с его лба после каждого удара топором по бревну. В какой-то миг, пока Эдгар стоял и наблюдал за ним, дровосек просто-напросто уронил топор и принялся биться с неким воображаемым внезапно напавшим врагом. Затем вновь подхватил топор и возобновил работу.

— Прошу прощения, — сказал По, удостоверившись, что между ним и этим примечательным лицом — несколько ярдов.

Дровосек обернулся, вскинул топор в боевую позицию и вдавив голову в плечи, словно изготовившаяся к обороне черепаха. Он пробурчал нечто вроде: «Кром».

Эдгар поспешил поднять руки, показывая, что у него нет оружия.

— Извини, что напугал. Я всего лишь безобидный посетитель.

Тот немного расслабился, но в глазах его сохранялась настороженность.

— Проклятие, мистер, — сказал он, растягивая слова на юго-западный характерный манер. — Здесь приходится следить, кто подкрадывается со спины.

— Подкрадываться едва ли было моим намерением, — сказал По. — Я полагаю, что пришел к издательству «Дом с Семью Щипцами»?

Дровосек опустил топор.

— Еще бы! Может, вы книжку хотите купить?

— Я здесь по нескольким причинам… увы, приобретение книги не является одной из них, хотя я и знаком с вашей продукцией. Позвольте мне представиться. Меня зовут Эдгар Аллан По, и я, помимо прочего, ищу работу.

Лицо дровосека разительно переменилось.

— Елки-моталки! — Изумление и радость сменили подозрение — У, зараза! Приделай к этой башке длинные волосы и усы, и вид будет точь-в-точь как на картинке. — Он хлопнул себя рукой по ляжке. — О, заливисто-хрустальный, мелодичный перезвон, легкий звон, звон, звон, звон — звон, звон, звон…

— Ясный, чистый, серебристый этот звон, — закончил Эдгар строфу за него.

Подобное волнение вызывала всегда встреча с кем-нибудь, знакомым с его творчеством. Такое происходило редко, но он это всегда ценил. По улыбнулся и кивнул, согретый этой щедрой улыбкой южанина. И, прежде чем что-либо подумал, уже тряс эту могучую руку.

— Страшно рад познакомиться, сэр. А звать меня Говард. Роберт Ирвин Говард. Вы не слышали обо мне, и слышать не могли. Я из двадцатого века. И тоже стишки пишу.

— Что же, судя по всему, я пришел, куда надо.

— Вот уж в самом деле… Идемте, выпьем вместе. Не могу прийти в себя. По! Ге Фе прямо в штаны наложит!

Эдгар позволил этому медведю препроводить себя в дом. Южный акцент сдабривал гостеприимство особой щедростью, а перспектива выпить бросала на ситуацию розоватый отсвет.

Человек по фамилии Говард обвел его вокруг дома, и По увидел на задворках другое, одноэтажное сооружение.

— Уборная, полагаю?

Говард от души расхохотался и хлопнул своего нового задушевного друга по спине.

— Боже мой, да нет! Это печатня. Я позднее покажу. А сейчас нужно как следует тяпнуть.

Эдгар позволил провести себя в высокую, хорошо освещенную комнату с длинным дощатым столом, раковиной, плитой и очагом, где висел котелок, в котором явно что-то варили или кипятили, если требовалось. Говард подошел к шкафу и достал кувшин и две кружки.

— Надеюсь, ты не против эля, — все мы целыми галлонами получали его из граальчиков и берегли для особых случаев. Полагаю, визит гиганта литературы можно считать действительно чем-то особым.

— Да. Эль — это замечательно.

Он так жаждал, что сгодилось бы все на свете. Но об этом По упоминать не стал. Он принял кружку, позволил Говарду провозгласить тост, а затем выпил. Эль был темным, крепким и пенистым — он осушил почти всю кружку в несколько глотков и мгновенно забыл обо всех своих несчастьях.

Говард шлепнул себя по губам и рыгнул.

— Мы тут все писатели… и, позволь мне сказать, тебя тут оценят. Все писатели, кроме Иоганна и его рабочих, конечно.

— Иоганна?

— Иоганна Гутенберга! Это он помог нам запустить издательство! Ну что, Эдди, как насчет по второй?

По с радостью позволил вновь наполнить свою кружку. И отхлебнул вволю.

— Беллетристика. Вы печатаете беллетристику. Самое дивное роскошество в этом мире.

У Говарда запылали глаза.

— Это самый важный вклад, который мы можем внести в развитие человечества! Как может великий, писатель, вроде тебя, даже подвергать это сомнению?

Эдгар пожал плечами.

— Полагаю, я все эти годы был озабочен другими делами.

Говард смягчился.

— А, просто ты не повстречался с другими ребятами, с которыми можно столковаться и работать. Вот и все.

Расхрабрившись от выпивки, По сказал:

— Вне сомнений, вы пожелаете издать мои новейшие рассказы и стихи!

Говард несколько сник.

— Ну, мистер По, не так-то все просто. Полагаю, мы ухватимся за этот шанс, если у нас будет регулярный журнал или вроде того. Тебе надо обо

всем этом переговорить с Берроузом. Он у нас ответственный, поскольку соображает, что да как… Но прямо сейчас мы не можем выпускать такую прорву книг, и те, которые издаем, должны использоваться для бартера, чтобы получить все необходимое. Поэтому нам приходится выпускать книжечки, которые популярны… которые нарасхват пойдут, знаешь ли…

— Отсюда «Воскрешенный Тарзан»?

— Угу. Народ его до дыр зачитывает. Берроуз был прав. Человек-обезьяна приносит большую часть того, что нам нужно, прямо сейчас.

— Понятно. Ну, тогда, может быть, какая-нибудь издательская работа…

— А, дерьмо! Да не суетись ты, слышишь? Эдгар Аллан По! Думаю, мы сумеем подыскать для тебя работенку, если ты хочешь, — внезапно завелся Говард, и Эдгара поразило, какая бездна между мрачными настроениями этого парня и его отзывчивостью.

Их диалог внезапно прервало появление высокого изможденного типа с выступающими вперед челюстями, держащего в руке миску и жующего на ходу нечто, похожее на кукурузные хлопья с молоком. Говард вскочил.

— Ге Фе! Гляди, кто у нас сидит, только что от

Реки притопал. Эдгар Аллан По! Эдди, а это Говард Филипс Лавкрафт. Но зови его для краткости просто Ге Фе!

Вновь пришедший поставил свою миску и сложил руки, взгляд его стал холодным и настороженным.

— Эдгар Аллан По. Вот уж позор, — произнес он с резким акцентом Новой Англии, — что нас не разбросали по этой примечательной планетке с Удостоверениями Воскрешенных в лапках с целью идентификации. Лично я уже встретил пять Наполеонов Бонапартов и не менее двадцати двух Иисусов Христов.

— Не позволяй старому Ге Фе тебя доставать… Он с севера. — Говард встал и принялся оживленно размахивать руками. — Заткнись, Лавкрафт, это он! Он может декламировать свои стихи.

— Боб, сочинения Эдгара Аллана По школьники и поклонники учили годами. Одно то, что человек может прочесть стихи, знает подробности из нескольких рассказов и, возможно, кое-какие факты биографии, не означает, что это он и есть. — Лавкрафт сел за стол. Впрочем, несмотря на его суровые слова, По уловил колебания в голосе этого человека. Он почувствовал, что Лавкрафт в действительности очень хотел бы поверить,

что встретил Эдгара Аллана По. Но почему?

Поэт передернул плечами и выпил снова.

— Разумеется, пудинг — сам себе доказательство. Мои произведения доказывают, что я — это я, и если вы хотите меня проверить, вреда не будет.

Лавкрафт фыркнул и подался вперед, пристальней изучая гостя.

— Ты внешне довольно-таки похож на него. М-да… Если ты действительно Эдгар Аллан По, прими мои искренние и глубокие извинения. Ты должен понять, что я считаю себя не просто исследователем творчества По… но мои собственные непритязательные произведения — результат влияния огромного корпуса блистательных творений, которые он доверил печати.

— Благодарю! — воскликнул По. Такая лесть! Он почувствовал себя в обществе, если не равных, то хотя бы добрых собеседников. И дело тут было не просто в алкоголе. — Вы не могли бы рассказать мне подробнее о том, как вы здесь работаете? И, возможно, нам удастся определить, чем и как я смогу доказать вам свою полезность.

— Секундочку. Я пойду и приведу остальных. В любом случае, сейчас более-менее время для перерыва на кофе. — Говард покачал головой

— Эдгар Аллан По. Это всех свалит с ног. — И ушел, мыча «Техасскую желтую розу», задержавшись у дверного косяка на краткий миг для удара по воображаемому противнику, вскоре он уже брел через двор к другому зданию, чтобы созвать остальных сотрудников.

По предложил Лавкрафту выпить с ним, но тот отказался, сославшись на время суток. По спросил, как Лавкрафт испытал его влияние, и каким образом оно выразилось в сочинениях Лавкрафта. Собеседник тонко улыбнулся, а затем описал тип коротких рассказов, полных тьмы и мрачных настроений, где представлены Темные Боги, затаившиеся у грани людского восприятия, жаждущие вернуться и все пожрать. Когда По слушал, его большие глаза сделались еще больше.

— Признаюсь, от ваших слов начинаешь дрожать.

Именно тут Говард, топая, ввалился обратно и торжественно представил Эдгара Аллана По другим писателям, которые помогали в печатне Гутенбергу.

— Вот этот — Фредерик Фауст, мистер По, — сказал Говард, указывая на более высокого и крупного, привлекательного, с точеным лицом человека. — Или, как он был некогда известен на

Земле многим читателям… Макс Бранд. Тридцать миллионов опубликованных слов. Он — машина для писательства, и первоклассная.

— Эдгар Аллан По, — сказал Фауст, сердечно пожимая руку Эдгара. — Не могу и описать, какое удовольствие… Все, что я написал, не стоит и одного из ваших рассказов или одного стихотворения. Я бы предпочел быть великим поэтом, нежели стряпать бойкие приключенческие и научно-фантастические романы… Возможно, вы могли бы взглянуть на один из моих текущих опытов и сделать какие-то замечания.

— Остерегайтесь, — вмешался Лавкрафт. — По был известен как весьма суровый критик.

— Он не сможет быть суровей ко мне, чем я сам к себе, — возразил Фауст. — Я написал уйму вестернов, мистер По. Ковбои да индейцы, знаете ли. Черт, но я жажду выдать все-таки что-нибудь значительное.

— Полагаю, что я сам жаждал сберечь душу и тело посредством моего литературного труда, — заметил По. — И в этом потерпел горестную неудачу.

— Я не смог притащить Берроуза. Он пошел ненадолго к Реке, строить себе там ранчо, где собирается поселиться, — сказал Говард. — Он

уже накопил изрядную гору всякого добра, благодаря своему «Тарзану». А этот, вон там — Лестер Дент. Он же Кеннет Робсон. Он следующий по выпускам со своим персонажем. Как бишь там называется твоя эпопея, Лес?

Тот, еще один весьма здоровый образчик мускулистого мужества, как заметил По, взял в свою лапу хрупкую ручку поэта и крепко пожал.

— «Доктор Севидж в Мире Реки», и только. Добро пожаловать, мистер По. Насколько это важно для меня, чем нас больше, тем веселее.

— Доктор Севидж? — озадачено переспросил По.

— Док Севидж. Так зовут этого чудика, — ответил Дент, принимая у Говарда кружку эля. И пожал плечами. — Действующее лицо из популярных журналов в 1930-е. Никакой основы в английской литературной традиции, конечно — но интересный тип. Не знаю, просветил ли вас Боб насчет того, что мы здесь делаем. Если коротко, то просто пытаемся снова приучить людей читать. То, что мы пишем — не просто подарок кучке снобов в залах и салонах.

С этими словами Дент рассмеялся от души, казалось, наполнив своим «хо-хо-хо» всю комнату.

— В сущности, никаких залов и салонов больше

нет. И не могу утверждать, что мне их недостает, если уж напрямик. То, что мы делаем, предназначено для какого-нибудь Джо с лишней палочкой жвачки грез или бутылкой виски, за которую он может классно провести время, а заодно и кое-чему научиться в результате сделки.

— Кажется, вы ориентируетесь только на английских читателей…

— Видите ли, надо с чего-то начинать, — сказал Фауст, наливая себе при этом элю.

Эдгар вскинул голову, раздумывая.

— Да, в самом деле. И, будучи отнюдь не одним из этих снобов, я всегда способствовал продвижению к читателю добрых, хорошо рассказанных приключенческих баек. Могу сослаться на «Рукопись, найденную в бутылке», «Спуск в Мальстрем» или «Золотого жука».

— Дерьмо, — произнес Говард. — Мистер По, фактически, основоположник детектива, таинственной истории и ужастика. Не знаю, понимаете ли вы это, сэр, но тьма всяких английских профессоров твердит, что вы способствовали организации большинства журналов, которые давали нам средства к существованию на Земле.

— В самом деле, — сказал По. — Ну, так, похоже, я заслужил еще кружечку, а?

Дент рассмеялся, и Фауст присоединился к нему.

— Чертовски верно. Может быть, нам следует позвать старину Берроуза, чтобы познакомить с этим парнем. Эдгар Аллан По! Боб, сам знаешь, у нас припасен целый бочонок такого эля, есть кое-что для сандвичей и хлеб. Думаю, мы можем прекратить на сегодня работу в печатне и познакомиться друг с другом, а?

По, довольный, поднял кружку.

— О, и не найдется ли у кого-либо из ваших ценных сотрудников лишней порции жвачки грез?

3

Это было давно, очень давно,
В королевстве у края земли,
Где любимая мною дева жила, —
Назову ее Аннабел Ли;
Я любил ее, а она меня,
Как только любить мы могли.

Эдгар Аллан По «Аннабел Ли» [60]

Как и предполагал По, у него немного времени отняло убедить этих ребят в основательности сво-

---

[60] notes: 60
Перевод В. Рогова.

их литературных, а также издательских качеств чистым обилием прекрасно произнесенных и отформулированных фраз. Он всегда был привержен к будущим работодателям, душевным ребятам, щедрым на воркованье и комплименты, и теперь, согревшись несколькими кружками доброго питья, проникся энтузиазмом по поводу этого поразительнейшего проекта и надеялся немало способствовать нескончаемым выпускам приключений Тарзана и Дока Севиджа, а, возможно, и этого Конана, о котором Говард затеял треп после третьей кружки.

После ланча с обещанными Андреевичами и нового питья из початого бочонка, новичка провели по издательству. Сперва ему показали скромные комнатки, которые авторы использовали равно как штаб-квартиры и логова.

— Славно, солнечно и тихо, — заметил По. — Чего еще может хотеть писатель? — И подумал: ранчо и хозяйства, как этот стяжатель Берроуз. Но решил держать свои мысли при себе. Дело, в конце концов, прежде всего.

Затем будущие коллеги отвели его в печатню, где находился пресс. Там в одном помещении вовсю трудилось несколько немецких пареньков, изготовлявших бумагу, в то время как в другом

еще несколько немцев усердно переплетали новое издание «Воскрешенного Тарзана». А Эдгара ввели в центральное помещение, где представили самому Иоганну Гутенбергу. Гутенберг, который явно неплохо выучился объясняться по-английски, хотя и с сильным акцентом, без церемоний приветствовал новичка:

— Йа, йа, гут. Еще один писатель. Вы пишете книги. Я их печатаю. Вот и славно. Йа. — И опять погрузился в работу.

Эдгар, признав, что ему мало что известно о запятнанном краской металле и дереве, которые его окружали, упомянул, что выглядит это куда более прогрессивно, чем процесс, посредством которого отпечатали, как он читал, знаменитую Гуттенбергову Библию. Фауст и Дент сообщили, что подкинули кое-какие идеи немцам, которые на них жадно набросились и ввели существенные улучшения.

— Это не вполне типография Франклина, — заметил Лавкрафт, которого уговорили хлебнуть капельку шерри во время ланча. — Но для здешних краев — недурно.

— А знаете, раз у вас столько писателей, — сказал По, — то не могли бы вы изготовлять бумагу подешевле, а переплеты покрепче и учредить

периодическое издание… с тем, чтобы решать, какие самые популярные рассказы и романы с продолжениями печатать в виде книг?

— Этот парень хочет возродить дешевые журнальчики, — ухмыльнулся Фауст. — И, откровенно говоря, мы тоже… Мы над этим работаем, мистер По. Поверьте мне… работаем над этим. Как вы думаете, почему нам нужно больше издателей и авторов?

Это безмерно польстило Эдгару. По возвращении он настоял, чтобы был поднят тост за новый проект — журнал «Семь Щипцов», и туда он наверняка с удовольствием включил бы криптографический раздел, к изумлению и восторгу читателей. К этому времени начала действовать послеланчевая жвачка грез, и По испытывал совершеннейшую эйфорию. После всех этих многолетних бесплодных странствий по этому чуждому миру в поисках друзей и дорогой Вирджинии, он наконец нашел хотя бы друзей. А воссоединение с воскрешенной женой, его цель в этой Послежизни? Внутри все еще ныло, но верный алкоголь смягчил страдания.

Бочонок был еще наполовину полон. Писатели сели за выпивку и начали обмен опытом. Лестера Дента попросили объяснить, как возник их

издательский дом, и Лестер, сделавший лишь несколько крохотных глоточков пенистого пива, поведал об этом в отрывистой и все-таки притягательной манере.

— Полагаю, делу способствовало то, что мы все оказались на том же участке Реки. Первое, чего мне захотелось, это разыскать других сочинителей. Дьявол, я даже не знал, почему. Какой в этом был прок? Когда я был живой, я писал, большей частью, стремительными рывками, тратя куда больше времени на исследования новых уголков мира. — Он улыбнулся. — В сущности, там и тогда писательство куда важнее для меня, чем я воображал. — Он пожал плечами. — Между мной и Нью-Йорком — миры и старушка-смерть. Не доберешься. Полагаю, писательство не просто в крови, оно в душе… Ну, короче говоря, я дал объяву. А именно — соорудил знаки и расставил их близ грейлстоунов на нескольких пятимильных отрезках вдоль Реки. Там были слова: «Встреча писателей».

Взял нескольких из тех, что подвернулись вверх и вниз по Реке в области Америки двадцатого века и стал привлекать тех, кого, как я счел, стоило втянуть. Они явились из любопытства, полагаю, но большинство, казалось, не сильно

прониклось тем, что я задумал. Хемингуэй был слишком занят охотой, преследованием женщин и путешествиями, Фолкнер был занят выпивоном и жвачкой. Стейнбек был занят тем, что пытался понять, почему он здесь, и не прекращал ныть и жаловаться. То же самое с большинством других писателей. Не могу сказать, может, они теперь опять пишут, хотя, большинство не показалось особенно заинтересовавшимся.

А что случилось, так это то, что Ге Фе и Роберт уже переговорили между собой о том, как бы затеять издательство, и, когда я на встрече принялся развивать мои идеи, они завелись с ходу. Присоединились ко мне, помогли созывать новые встречи, и так мы нашли Фреда. Впрочем, Эдгар любезно перенял дело, и для меня это было кстати, поскольку в практических вопросах он соображает лучше моего.

«Послушай», — сказал мне как-то Эдгар. — «То, о чем мы здесь говорим, вероятно, уже обдумывается где-то еще. Вместо того, чтобы затевать что-то здесь, давай спустимся немного по Реке и поглядим, не работает ли кто над печатным станком или чем еще».

Дент пожал плечами.

— Ну, все это заняло некоторое время. Поиски

тоже. Но несколько лет назад, черт нас возьми, если мы не набрели на это местечко — и не так уж далеко от мест, где говорят и читают по-английски, что делает его прямо-таки золотым дном. Кого мы здесь нашли, если не Джо Гуттенберга? Он как раз делал более или менее то, чем занимался раньше дома, ну и мы кое-что отпечатали на этой основе, а затем начали нововведения. Эти чудики нашли неподалеку руду, и не так уж сложно оказалось изготовить настоящий пресс. Ну, при наших познаниях в сочетании с навыками Джо, не так уж много прошло, прежде чем мы приступили к стряпне.

Ну, а Берроуз все это время строчил да строчил… Полагаю, мы все карябали. Но мы прочли его опус, и, поскольку Тарзан — самый популярный персонаж, мы сочли, что он, естественно, годится для первой книги. Остальное — история. Так что вы здесь видите, мистер По, начало писательской колонии… а надеюсь, что также издательской империи.

Слова, мистер По. Приключения да идеи, чтобы поддержать души миллионов, чтоб они жили. У нас есть планы… грандиозные планы… И, полагаю, мы искренне счастливы, что вы теперь с нами.

Все это прозвучало, словно музыка, для Эдгара По, и явилось достаточным поводом для новых возлияний и дальнейших тостов.

— А скажи-ка нам, Эдди, на что были похожи твои дни в этом мире? Что ты поделывал? — спросил Говард, акцент его от выпивки еще усилился.

— С вашего дозволения, — заговорил Дент, прежде чем По смог ответить, — мне надо наведаться в деревню. К обеду я вернусь, и, возможно, принесу что-нибудь на десерт, а? Добро пожаловать на борт, мистер По. Ожидаем, что завтра приступите к работе, если и когда достаточно очухаетесь.

Эдгар поднял прощальный тост за одного из новых благодетелей, а затем опять ухнул на скамью. В голове у него все плыло от сочетания жвачки грез с отменным пивом. И того и другого изрядно… Давненько он не был способен настолько себя побаловать. Яркие краски трепетали и мельтешили. Дружелюбные, участливые лица писателей висели, точно милостивые луны в добром небе… И, о! — звезды капали в этом небе огненными слезами.

Словами, в которых звенело торжество читающего стихи, которые изобиловали аллитераци-

ями, были насыщены ассонансами и сдобрены звукоподражаниями, Эдгар Аллан По поведал свою историю. Он рассказал о воскрешении на берегу Реки, о том, как несколько недель считал себя сумасшедшим, плывя куда-то наугад в состоянии бреда наяву.

— Я твердо верю, что умер от поражения мозга, а не от пьянства. Не могу отрицать, что алкоголь воспалил рану в моем больном мозгу, но если бы там не было этой дыры, я бы не умер. Я подумал, видите ли, что приговорен к какому-то странному местечку в преисподней, и что мой ослабевший разум не смог вынести отчаяния, и поэтому я его утратил. Я блуждал много-много дней, прежде чем снова не стал самим собой. К этому времени, увы, я оказался очень далеко от моего времени и моего народа, ибо, откуда я знал, что воскрешение совершалось партиями, в соответствии с родом-племенем и эпохой, а часто даже и страной! Ибо, когда я пришел в чувство и стал кое-что понимать, моя первая мысль была о моей дорогой жене. Я обрел надежду воссоединиться с ней… Милая Вирджиния! Моя родная Сисси! Я устремился обратно в направлении, в котором, как мне чудилось, пришел, от поселения китайцев девятого века, методы которых верну-

ли мне разум. Однако, когда я, наконец, нашел во второй раз обитателей Америки девятнадцатого века, та, что была мне дороже жизни, Вирджиния Элиза Клемм По оказалась потеряна для меня точно так же, как, когда ее не стало в ту ужасную зимнюю ночь 30 января 1847 года.

— С тех пор, — продолжал он после долгого гробового молчания, во время которого писатели терпеливо ждали, — я везде искал мою любимую. Ее поиски стали моей целью в здешнем мире. Воссоединиться духовно и телесно, ибо эта бренная оболочка не будет исцелена, пока ее нет со мной. — После того, как он снова подкрепился элем, он коротко описал свои странствия, весьма красочные, но тронутые душевной меланхолией, в поисках своей милой кузины, на которой он женился, когда ей было тринадцать, и которая при жизни вдохновляла его на великие творения. Когда, наконец, его свистящие слова растворились в безмолвии, никто из взволнованных писателей опять долго не нарушал тишины.

Эту атмосферу прогнало рявканье Боба Говарда.

— Печальные дела, мистер По. И я вас хорошо понимаю.

— По щекам этого здоровяка бежали слезы. —

Первое, что я стал делать — это искать Мо. И нашел, но не сразу. У нее здесь теперь дом, и я знаю, куда податься, чтобы ее навестить… Но, знаете ли, мистер По, теперь, когда у меня здесь дружки и это издательство… Ну, я не так уж много теперь думаю о Мо…

— Во-первых, это Боб, а во-вторых, мы постоянно заваливаем тебя работой! — фыркнул Фауст.

Верзила смутился.

— Черт возьми! Я даже завел парочку постоянных подружек! Признаться, куда ни кинь взгляд, а это место куда лучше, чем даже Техас.

По вздохнул.

— Я тоскую только по жене. Моя душа, моя жена. Я поработаю здесь некоторое время, да, и я ценю это место как убежище. Однако, все вы должны знать, что моя конечная цель не оно, а объятия моей милой.

Фаусту это показалось крайне забавным, и он начал рассказывать обо всех, кого встречал, и кто был счастлив, что избавился от своей земной супруги. Однако, как если бы окончание рассказа было для По сигналом, что узы сознания можно расслабить и дальше, он обнаружил, что его раскисший мозг уносится прочь, словно воздушный шар — а затем — хлоп! — и все пропало.

Ему снились бредовые сны.

Он видел величественные дворцы на диковинных планетах, меченосцев и воителей с четырьмя руками, и экипажи, летавшие по воздуху. Там были яркие цвета и красочные слова, прекрасные дерзкие герои и нежные полуодетые девы. Его сны были наводнены всеми красками фантазии, бегства от жизни и восторга, и он изумлялся, ибо каким-то образом знал, что он — патриарх, создавший эти миры…

— Мистер По!

Он осознал, что кто-то трясет его.

— Мистер По, вам пора бы проснуться и принять немного воды и пищи, а затем мы уложим вас в постель!

По открыл затуманенные глаза.

Боб Говард нависал над ним, точно обеспокоенный медведь.

— Прочь из моих грез, жалкий подражатель! — прорычал Эдгар. Его непротрезвевший взгляд устремился на человека по фамилии Лавкрафт, и вновь взыграла желчь. — Вернись к своим скверным стихам и оставь меня в покое. О, Смерть, Смерть, Смерть — или уже и в Смерти нет мира? — Он вскочил. — Джентльмены, послушайте! Ибо я возвещаю, — завопил он по-пьяному на

пределе дыхания. — Смерть это ложь. Самая грязная и гнусная ложь!

В углу возникло оживление, и внезапно человек по фамилии Дент, тот, у которого где-то странствовал доктор, вышел вперед.

— Гм… Этого-то я и боялся. Вы двое знаете историю этого чудилы. Почему вы дали ему столько пойла и жвачки?

— Потому что я великий и прославленный Эдгар Аллан По! — возопил Эдгар. — Прибавьте к По слог Эт, и готово определение для моего сердца и души.

Лавкрафт передернул плечами.

— Один разгульный денек нам, разумеется, не повредит…

Говард покачал головой, явно и сам не в лучшей форме.

— Бедняге, кажется, чертовски нужно опохмелиться.

— Джинни? Принеси нам, пожалуйста, немного еды и кофе. Может, нам удастся протрезвить великого человека, прежде чем мы уложим его в постель. А утром он скажет нам спасибо.

По встал и неистово замахал на него руками.

— Скотина! Я чувствую твой сарказм… Как ты смеешь издеваться над болью, которая проникла

в мою жизнь в незапамятные времена. Как ты смеешь…

И больше он ничего не сказал. Ибо из туманного угара видений выплыл образ, который, разумеется, был призраком, и все же казался столь же вещественным, как эти заурядные и грубые писаки, которые его окружали.

Она была невелика ростом, с темно-русыми волосами и очаровательными глазами цвета фиалки. И все-таки, она была не такая бледная, как когда-то… Казалось, она пышет здоровьем и полна жизни.

— Привет, Эдди, — сказала Вирджиния Клемм По, уперев руки в бедра. — Я вижу, ты не сильно изменился.

4

И рой теней, глумливый рой,
Из тусклой двери рвется — зыбкой,
Призрачной рекой…
И слышен смех — смех без улыбки.

Эдгар Аллан По «Заколдованный замок» [61]

---

[61] notes: 61
Перевод Н. Вольпина.

Это зрелище подействовало, точно холодный душ. По вышел из своих грез наяву, протрезвел и ошалел. Его глаза не могли ошибаться, и женщина перед ним, безусловно, не была бредовым видением.

— Сисси? Моя милая! — поразился он. — Может ли такое быть… Это ты… Значит, мои поиски окончены?

— Может, тебе лучше выпить чего-нибудь, не содержащего алкоголя, Эдди? А затем поговорим. Согласен?

— Родная моя… Дай мне тебя обнять. О, ты не знаешь, как истосковалась по тебе моя душа… — Он нетвердыми шагами двинулся к ней.

— Эдди, не нужно таких мелодрам. Мы должны поговорить, как двое взрослых, но лишь когда ты проспишься. — И отошла под защиту крепко обнявшего ее Лестера Дента.

По смотрел, не веря своим глазам, потрясенный до предела. То, как этот неуклюжий варвар держит Сисси. То, как этот боров на нее пялится. Их отношения были слишком понятны. Эдгар пытался что-то сказать и закашлялся, лишь в итоге геркулесовых усилий из его губ прозвучало нечто членораздельное.

— Здесь подлинный Аид, а ты — демон, который

меня терзает! — Ярость нахлынула волной, и, прежде чем он сообразил, что делает, он бросился на писателя. Дент увернулся, отодвинув Вирджинию подальше от опасного места, а затем, шагнув вперед, нанес Эдгару основательный удар в щеку. Эдгар опрокинулся через стол и стукнулся об пол позади стола, обрызгавшись пролитым элем. Боль только раззадорила его. Он, пошатываясь, встал, мокрый и грязный. Он не мог вынести столь ужасного зрелища. Тут он приметил большую емкость, полную эля. Поднес ее к губам и стал пить, еще и еще: Никто не остановил его. Он пил, чтобы заглушить сердечную боль, забыть о страданиях, и осушил бы все до конца, но тут чья-то рука потянула его за рубашку.

— Эдгар, Эдгар, пожалуйста, побереги себя.

Он поглядел сквозь туман, рядом стояла Сисси и умоляюще смотрела на него. Он протянул руки, и она отступила, легко увернувшись от Эдгара. Дент опять оттеснил ее и угрожающе встал между ними.

— Я чуток удивлен, но, похоже, здесь слишком большое совпадение, — заметил Дент. — Опять же, в мире, где случалась тьма всякого такого рода, чего я видел, полагаю, все это — сущие пустяки. Послушай, Эдди, мы с Джинни счастливы.

Нельзя цепляться за то, что случилось, кто знает, сколько лет назад.

— Но я искал… О! Эти долгие годы… Одну тебя, Сисси… Лишь тебя!

— Прости, Эдди, но он прав, — она поглядела на него с сочувствием, но без раскаяния.

— Но, Сисси… наша небесная любовь… наша верность… Как ты могла забыть…

— Видишь ли, По, — вмешался Дент. — Джинни никогда не рассказывала мне обо всем; и, полагаю, что я — невежественный сукин сын, коли не усек, что это она о тебе вспоминала. Может, дело в том, что я не так уж много читал твоей нездоровой бредятины. Но, должен тебе сказать, гнусный пьянчуга, что ты всегда был бестолочью и ослом, а теперь, насколько я вижу — ты напыщенная бестолочь и осел.

По шагнул вперед, чтобы вновь на него наброситься, но Говард сделал шаг навстречу и схватил его за руку.

— Мистер По, кое-кто из нас не хочет, чтобы вы здесь убились.

— Вы отравили ум моей дорогой жены! Я это вижу! Теперь я это вижу! — возопил поэт.

— Нет, Эдди. Мне с ним лучше.

Ден вновь выступил вперед.

— Парень! Мистер эксперт в психологии! Ты женился на своей кузине, когда ей было тринадцать. В краю, откуда я родом, тебя назвали бы кровосмесителем-педофилом! А затем ты годами заставляешь бедную девочку страдать от твоего пьянства, наркомании, отвратительных выходок… А как с поддержкой? Тебе, маленькому проныре, нужно было тяжелее работать… Неудивительно, что бедняжка захворала туберкулезом и скончалась.

По не слушал его. Он вновь обернулся к Вирджинии, умоляюще глядя на нее.

— Вернись ко мне, Сисси. Мое сердце взывает к тебе.

— Нет, Эдди.

— Но… Этот человек… он ничтожество. В литературе я значительно превосхожу его… Как ты вообще могла его выбрать?

— Я не говорила тебе, Эдди, но мне никогда особенно не нравилось то, что ты писал. Я считала, что твои стихи и рассказы слишком холодные. — Она посмотрела на Дента, не скрывая восхищения. — Лес, хотя он… Лес может рассказать историю… — она погладила его по груди. — И он знает, как сделать даму счастливой во всех других отношениях!

Это было подобно явлению некоего жуткого зверя, изрыгнутого из его глотки: этот вой. Эдгар Аллан По выл и вопил и орал и рвал на себе волосы. Казалось, черви точат клетки его мозга. Казалось, стены этого дома, смыкаются, надвигаясь, точно бока ящика, зарытого глубоко в зловонной земле.

— Да будет вам, мистер По, — буркнул Говард. — Смотрите на все проще. Не одному вас выпало тяжелое времечко. Слышали бы вы, что сказала мне Мо, когда я ее нашел!

Обезумевший от скорби, неспособный более выносить, как нарастает эта мерзость, По бежал. Он вырвался через дверь в сумерки. Его мозг пылал в огне.

— Нет! — провыл он. — Нет!

Он зашатался, и боль, казалось, промчалась сквозь его голову на огненных крыльях. Точь-в-точь, как в ту сырую ночь в Балтиморе, когда он слонялся по барам в Феллз Пойнт. Не могла ли вернуться та болезнь мозга, вновь возбужденная открытием ужасной правды? А что, если она опять разрушает его жизнь, и на этот раз навсегда? Хотя здесь, и он это знал наверняка, все было так, как он прежде смутно угадывал и выражал в искусстве: душа не погрузится опять

в забвение после смерти, но станет возвращаться снова, снова и снова, как бы она ни гнила и ни разлагалась.

Запахи Реки ударили в ноздри, и он побежал к Реке. Вода! Прохладная, прохладная вода… Унять боль, облегчить страдания, надо только на миг… Он заспешил к Реке, и был почти у воды, когда его схватили сзади. Он тяжело упал, и от удара едва не потерял сознание. Вздохнув, он поддался дурноте и скользнул во тьму без сновидений.

5

Ужели все — и сон, и бденье,
Лишь сновиденье в сновиденьи?
Эдгар Аллан По «Сон во сне» [62]

— Док! Быстрее!

Крик человека, звавшегося Монк, пронесся, вибрируя, через одурманенное сознание человека, звавшегося Севидж. Он вновь опер свое мускулистое тело о валун, в то время как другие герои вокруг него лежали в объятиях Леты, и газы из Нижнего Мира наполняли их легкие. Они не были мертвы, благодарение Господу, однако, и

---

[62] notes: 62
Перевод М. Квятковской.

это скоро неизбежно добавится к их участи, если только не затворить здешний проход к Темные Земли.

Из дышащей газами черноты колодца щупальце твари по прозванию Ктулху, ища жертву, поднялось над туманами.

Док Севидж рванулся изо всех сил, какими располагал.

Эдгар Аллан По строчил, как безумный.

Писать здешними примитивными орудиями было трудно, но не то, чтобы невозможно. В любом случае, он один из колонии писателей привык долго писать вручную, так что, в известном смысле, обладал таким преимуществом, как беглость пера.

Он сделал перерыв, поднялся и прошелся, отвлекаясь от приключений героев. Взяв ближайший стакан с элем, отпил, совсем немного. Затем бросил себе в рот еще одну палочку жвачки грез и стал задумчиво ее пережевывать. Сочинению этой эпопеи, казалось, содействовали эль и жвачка — довольно любопытно… Хотя пером его двигали отчаяние и решимость.

Никто иной как Говард побежал за ним вдогонку в ту жуткую ночь и оглушил его сзади. На следующий день при нем неотлучно находился

Лавкрафт, которому помогал Говард, и отвлекал его от желания выпить едой, чаем и обещаниями жвачки. Когда жар, Наконец, спал, с ним поговорил Говард и дал ему надежду.

— Что мне теперь делать? — спросил Эдгар. — Цель моей жизни в этом мире утрачена! И умереть нельзя.

— Эх, приятель. Я могу посочувствовать, — сказал верзила. — Вот что я скажу. Делай то, что делаем мы, писатели. Пиши. Пока все не выпишешь. У нас есть бумага, перья и еда, да еще мы заполучили гения, который страдает. И печатный станок у нас имеется. Для меня это смахивает на удачную комбинацию.

И тогда По ощутил, что еще может быть надежда и согласился на сотрудничество. Если он сможет сочинить произведение в духе того, что выдавали эти ребята… и показать своей дорогой Вирджинии, что он может накарябать вещицу куда лучше тех, что стряпает этот жалкий писака Лестер Дент, то, пожалуй, Вирджиния к нему еще вернется…

Да! Словам Э. А. По вновь суждено звенеть в сознании рода людского! Только теперь эхо их будет не столь смертоносным, несмотря даже на то, что в них по-прежнему будет его литературный дар!

Писать, писать, писать!

Слова изливались стремительно, как никогда прежде. Говард дал ему кое-что из их писаний и своего киммерийского героя Конана. Лавкрафт обеспечил поистине блистательными негодяями и охотно объяснял вещи из миров Дока Севиджа и Тарзана, которых По не понимал.

Но По вкладывал сюда свой гений и чувствовал, как тот струится сквозь алкоголь и жвачку грез, чтобы принять четкие очертания на бумаге.

И какая великолепная получалась история! Рассказ о попытке Темных Богов завладеть Миром Реки, сорванной лишь ценой величайших жертв новой командой литературных героев, которым блистательный поэт дал второе дыхание в своей прозе.

По глубоко вздохнул и опять сел за работу.

Через час было готово, он аккуратно сложил страницы последней главы и затопал вниз по лестнице в общую залу. Он нечасто спускался сюда, и вообще избегал мест, где запросто мог наткнуться на Вирджинию и Дента.

Ел он большей частью у себя и надолго уходил гулять. Однако, в своих целях, он порой соглашался видеть их вдвоем — столько времени, сколько это не было невыносимо. Ничего, вот прочтет она

его шедевр, и увидит, насколько заблуждалась.

Он застал Говарда и Лавкрафта греющимися у огня и торжественно вручил им последнюю главу. Они быстро прочли рукопись и, когда дочитали, Говард заговорил первым.

— Ну, знаешь ли, как я уже говорил раньше, я не совсем таким представляю себе Конана из Киммерии… Но, черт побери, это хорошо.

Лавкрафт покачал головой.

— Нет, Боб, это великолепно.

По с трудом улыбнулся.

— Благодарю вас.

— Теперь все, что нам остается — это получить одобрение Берроуза, — сказал Говард. — И мы запустим это в производство сразу после «Док Севидж встречает Голиафа».

По, усталый, но счастливый, последовал за этими двумя в печатню.

Берроуза там не было, но был Дент, его правая рука. Говард с удовольствием изложил новости, а затем — последнюю главу «Стенаний Героев» и свое о ней мнение. Дент пожал плечами.

— Прочту. Но, знаете ли, не могу сказать, что все, что я уже прочел, меня сильно увлекло. Слишком многословно для такого, как я. Действие, говорят вам. Надо, чтобы события все время двигались…

И, разрази меня гром, если мне нравится мысль о том, что Док Севидж стал писать стихи!

— Но среди них — кое-что из моих лучших стихов! — воскликнул По.

— Может быть. Но уж чересчур вольно ты обращаешься с моим персонажем, — сказал Дент. — Угу, я прочту. Но, предупреждаю… Не похоже, что это в скором времени будет оттиснуто.

— Что такое? — вскинулся По.

— А ничего. Я показал Берроузу первую половину. Ему здорово не понравился тот кусок, где Тарзана погребли заживо, а затем он воскрес у древних греков, которые попытались его опустить.

— Но здесь такая великолепная символика! — запротестовал Лавкрафт.

— Возможно.

Эдгар начал закипать.

— Великое просится наружу. Дайте обратно рукопись. Я хочу показать Вирджинии.

— Она уже читала, приятель. Я показал ей, как только ты попросил. Все по-честному, и мне жаль, что у нас с тобой сложности. Конечно, ты попал в учебники английского, а я нет, но я на тебя за это не в обиде. Короче, Джинни это прочла, и вот что велела тебе передать: «Кажется, его влечение к

нездоровому непреодолимо. Бедняга». Не думаю, что у нее будет охота читать ваши новые вещи, мистер По. Вы сейчас делаете действительно хорошую издательскую работу для нас, и, полагаю, мы опубликуем ваши рассказы и стихи, когда запустим журнал… Но вам не хватает того, что требуется, чтобы написать хорошую книжку о Доке Севидже, по моему скромному мнению. Равно, как и по мнению Босса.

— Дерьмо! — сказал Роберт И. Говард.

— Полная дичь! — заметил Г. В. Лавкрафт.

Эдгар Аллан По тихо повернулся и опять направился в свою комнату собирать вещи.

Как ни странно, он не чувствовал ничего.

Абсолютно ничего.

6

Пей, забудь Линор навеки —
И покой вернется в грудь!
Каркнул Ворон: «Не вернуть!»
Эдгар Аллан По «Ворон» **[63]**

Долгое время внутри была пустота.

Тяжелое оцепенение охватило его душу. Когда

---

[63] notes: 63
Перевод В. Бетаки.

он их бросил в тот день, он собирался уйти далеко, как можно дальше от печатного станка и колонии писателей. Однако внезапное безразличие увело его только на несколько дюжин миль вниз по Реке, где он повстречал группу австралийских аборигенов. Они выносили его присутствие без жалоб. Однако Эдгар был настолько замкнут в себе, что даже не мог погрузиться с ними вместе во Времена Сновидений.

Так и случилось, что прошли месяцы и, когда вниз по Реке явилась весть, принесенная перепуганным путешественником-американцем, что беда обрушилась на Дом с Семью Щипцами, По был физически не так уж далеко от издательства, не дальше, чем душой.

— Наци, — сказал тот человек.

И это слово было неизвестно Эдгару По.

— Давай я попробую объяснить. Я участвовал во второй мировой войне и боролся против них во Франции. Национал-социалистская партия. Они заправляли в Германии в 1940-е. Теперь, кажется, они прибрали к рукам печатню. Форменный позор. Я с удовольствием читал эти книжки. А теперь взгляни, какую пакость они выпускают!

Путник порылся в своем тюке и выудил книжку, которая, как сразу подметил Эдгар, была куда

изящней обрезана, переплетена и прочее. Он вслух прочел заголовок: «Тарзан юбер аллес»?

— Да. Чертова нацистская пропаганда. Они превращают «Семь Щипцов» в нечто вроде политической машины.

По с мгновение изучал книгу, затем вернул, поблагодарив. Он вернулся в маленькую палатку, которая здесь служила ему жильем, с намерением ухлопать весь запас жвачки грез и порцию спиртного, которыми сегодня обеспечил его грааль. Однако, когда он уже лег и потянулся за жвачкой, что-то задержало его руку.

Он вспомнил, как Лавкрафт болтал о расовой чистоте и о том, как в свое время восхищался фашизмом. По не вполне разбирался в политических теориях, возникших после его смерти, но от того, что он слышал об этих наци, у него по жилам побежал холодок. Ему никогда особенно не нравились черные, и он никоим образом не был аболиционистом. Но ему не пришлись по вкусу и та глобальная ненависть и геноцид, в которых, как он слышал, были виновны наци.

В ту ночь, вместо того, чтобы жевать и пить, он до утра пролежал без сна, размышляя. Размышляя, впервые за долгое время в этом мире с ясной головой.

И когда занялась заря, он начал путь вверх по Реке.

7

В Галааде, близ Святыни,
Есть бальзам, чтобы заснуть?
Каркнул Ворон: «Не вернуть!»
Эдгар Аллан По «Ворон». [64]

Он нашел Говарда Филлипса Лавкрафта в городе, не доходя три мили до Издательства «Семь Щипцов».

По задержался здесь, чтобы поглядеть, не известны ли здешним жителям — большей частью, немцам четырнадцатого века — какие-то подробности о том, что случилось в колонии писателей. Они провели его в маленький домик, где лежал человек, весь в бинтах — и это был Лавкрафт. Едва ли в сознании.

— Эдди! Эдди! Боги, он вернулся! Ужасно! Просто ужасно!

— А Вирджиния… и остальные… они все целы? — спросил По.

Лавкрафт покачал головой.

---

[64] notes: 64
Перевод В. Бетаки.

— Берроуз мертв. Остальные… они капитулировали, хотя, не знаю, как долго они смогут стряпать чернуху для этих хмырей, пока не попытаются покончить с собой, чтобы от этого избавиться. О, как я ошибался, как ошибался, Эдди!

И рассказал ему, что случилось.

Отряд в сорок человек явился к ним однажды, примерно месяц спустя после ухода Эдгара. Они задавали на ломаном английском вопросы о печатне, и, после того, как они пообещали дать припасы за несколько книг, их всюду провели и все показали. В самом конце они выхватили оружие и осуществили захват издательства. Берроуз был в тот день с ними и наблюдал. Все они сражались. Берроуза, в назидание коллегам, забили дубинами насмерть.

— Их два предводителя сказали, что они Адольф Гитлер и Йозеф Геббельс, но Фауст убежден, что они самозванцы, которым удалось сплотить кое-кого из старых наци. Однако, план их неглуп. Они намерены использовать наши книги и наших персонажей, чтобы повлиять на читателей этого мира… и вымостить дорогу для преобладания их философии.

Затем он рассказал, как бежал после жестокого избиения, когда он однажды отказался браться

за перо.

— Мне повезло, я нашел у реки вытащенный на берег плот. И я просто забрался на него и поплыл. Эти добрые люди подобрали меня, но, боюсь, я долго не протяну. Тем не менее, когда я снова воскресну, я опять разыщу моих друзей. В моей земной жизни я слишком много времени провел затворником, а теперь у меня есть тяга к настоящей дружбе.

— Он глубоко вздохнул, содрогаясь, и продолжал. — И я теперь знаю истинную цену тому, что я… тому, что мы делаем, как писатели… — раздался новый вздох, и По дал больному воды. — Наши опыты, и неважно, какое чтиво мы карябаем, это грозная сила, По.

Эдгар кивнул.

— Думаю, что написанные мной слова были моим спасением… И, разумеется, это единственное хорошее, что я делал в своей жалкой жизни.

— А Вирджиния?

— Вирджиния отреклась от нас и стала любовницей типа, который утверждает, что он Гитлер.

— Понятно.

— Прости.

— Полагаю, мистер Дент сказал бы то же самое.

— Да. Я уверен, ему хотелось бы поговорить с тобой… хотя, не знаю, что можно сделать. Сорок сильных вооруженных типов. Они уже ищут авторов-прозаиков, чтобы на них работали. Подозреваю, скоро они смогут убить Говарда, Фауста и Дента, и станут вертеть их персонажами, как захотят. Что мы можем сделать?

— Во-первых, мой друг, ты должен выкарабкаться. Нельзя, чтобы ты умер и перенесся на сотни тысяч миль отсюда. Во-вторых, надо подождать… Я постараюсь вернуться.

Лавкрафт пообещал собраться с духом.

По направился к старшему в немецком поселении и отдал ему всю свою выпивку и жвачку грез за наилучший возможный уход для своего раненого друга. Он немного поспал, а затем одолел последний отрезок пути до Издательства «Дом с Семью Щипцами».

8

«Лежу я недвижно,
Лишенный сил,
И каждый мускул
Как будто застыл.
Мне лучше: не мучит

Горячечный пыл».

***Эдгар Аллан По «К Анни»*[65]**

Эдгару противен был один вид этих людей. Что за отвратительные назойливые солдафоны. В особенности, двое, звавшиеся Гитлер и Геббельс. Имело ли хоть какое-то значение, что они самозванцы? Разумеется, и у тех, за кого они себя выдавали, не могло оказаться более гнусных душонок.

— По? Эдгар Аллан По? — переспросил Геббельс. — Кажется, я читал кое-что из ваших рассказов.

— Да, я автор, а также издатель с неплохим опытом. И я ищу работу.

По всегда отличался талантом по части подобострастия и лести, и теперь он сполна им воспользовался, разглагольствуя о том, как все теперь, при нацистах, превосходно налажено.

— Почему вы хотите на нас работать?

— Я стану работать на любого, кто сможет достаточно заплатить мне выпивкой и жвачкой, — ответил По. — И, кроме того… Я работал здесь раньше и был изгнан. Для меня было бы немалым удовольствием утереть нос моим преж-

---

[65] notes: 65
Перевод. М. Зенкевича.

ним работодателям, которые, как я понимаю, ныне утратили свободу.

Тут человек, звавшийся Гитлер, улыбнулся.

— Да-да, Йозеф, у него есть причина здесь работать и, кажется, я о нем слышал. Особенно он известен своими рассказами… Человек, который хорошо пишет и добровольно согласен сотрудничать — это ценное приобретение.

— Да-да, согласен… Но сперва мы должны наставить его по части нашего дела, — сказал Геббельс.

— Признаюсь, то, что я слышал о вашей философии, весьма занимает меня. Необходимо установить хоть какой-то порядок в этом погрязшем в анархии мире… И почему бы не дозволить править могучей чистокровной расе? Я сам из такой породы, и мне явственно видно наше превосходство, — сказал По.

Геббельс не был полностью удовлетворен. Он приказал привести Лестера Дента. Глаза Дента расширились, когда он увидел Эдгара. А, поняв, что Эдгар здесь делает, он запылал гневом.

— Ах ты, сволочь!

— Дент, — сказал По, — может быть, «Семь Щипцов» станет печатать то, что я пишу.

— Предатель!

— Достаточно. Уведите его, — приказал Гитлер. — Сегодня с вас дополнительная глава «Блицкрига герра Доктора Севиджа», или вас немилосердно выдерут.

Эдгара препроводили в уютную комнату и обеспечили пером и бумагой. Во время обеда он в непринужденной обстановке побеседовал с новыми работодателями и опять увидел свою земную жену Вирджинию, сидящую рядом с Гитлером. У нее хватило такта опустить глаза и глядеть в пол, и вся та ненависть, которой проникся к ней бывший муж, в один миг развеялась. При первой же возможности он отвел ее в сторону.

— Вирджиния, мы все должны удержаться, да?

— Эдди… Почему ты вернулся?

— Работать. — Он поглядел на нее своими проницательными глазами и миг спустя понял, почему она сделала то, что сделала. — Ты его любишь, этого Дента, я прав?

— Да.

Он ощутил приступ былой ревности. Как это было легко — позволять вырываться бурным и неконтролируемым эмоциям — и теперь, без жвачки и выпивки, он все еще чувствовал боль, но, похоже, его интеллект лучше контролировал ситуацию.

— Вот почему ты теперь с этим Гитлером… чтобы оставаться поближе к Денту и помочь ему, чем только сумеешь.

— Да, Эдди. Прости. Я была так молода… и так больна все время… Я так и не повзрослела. Но повзрослела здесь. Я изменилась.

По кивнул.

— Настала пора, когда ты сможешь помочь Денту и другим. Для этого я здесь, Сисси. Я пришел не для того, чтобы работать на тиранов.

— О, Эдди… — эти яркие глаза, казалось, опять наполнились любовью. Он почувствовал, что снова жив. — Это чудесно… То есть… Что я могу сделать?

— Как вооружены эти мерзавцы?

— Мечами. Луками и стрелами. И дубинками, разумеется. Они с таинственным видом вспоминают те чудесные пушки, которыми располагали в прежней жизни.

— Отлично. Значит, у нас есть шанс. Сисси, мы не можем их побить в драке, но мы можем уничтожить то, чем они готовы воспользоваться — и в суматохе скрыться вместе с остальными.

Он открыл ей свой план, и она, едва дыша, согласилась помочь.

Как выяснилось; Вирджиния бойко хозяйнича-

ла и в доме, и в печатне, и знала всех охранников. По было даровано право ходить повсюду. Вдвоем они пробрались в погреб, где хранились припасы, включая и несколько бочонков дистиллированного лишайникового спирта, который берегли, по настоянию Берроуза, «для возможного медицинского применения». По в свое время не раз требовал доступа к спирту, но ему отказывали, и приходилось довольствоваться одним элем. Теперь он был рад, что так обернулось. Припасы не охранялись, и оказалось достаточно легко вынести два небольших бочонка.

— Отнеси этот бочонок в печатню, Джинни, и там вылей все на сухую бумажную массу. А затем, не теряя времени, возьми факел и подожги. И что есть духу беги к деревьям — спрячешься там, прежде чем наци сообразят, что ты сделала.

— А как ты? И как Лес и остальные?

По ухмыльнулся.

— Встретимся за деревьями.

Она обняла его, поцеловала в щеку и взяла бочонок. Он выждал несколько минут, а затем понес второй бочонок в общую залу. К счастью, там было пусто. В одном углу валялась громадная куча недавно завершенных копий «Тарзан Юбер Аллее». Он увлажнил книги половиной

содержимого бочонка, а остальное разбрызгал по деревянному полу, стенам и мебели. Затем вернулся в свою комнатушку.

Из его окна открывался превосходный вид на печатню. Внутри все еще было темно… Нет. Засветилось! Свет колеблется. Он услышал далекое шлепанье шагов — это удирала в ночь Вирджиния.

Теперь дело времени, чтобы языки пламени вырвались из окон, и охранники поняли, что стряслось.

Он спустился в общую залу, где загодя приметил груду мечей. Еще минута — и поднимется тревога.

— Пожар! — вскричал кто-то. — Пожар в печатне!

Возбужденный галдеж и резкие приказы зазвучали в ночи. Тщательно держась в тени, он наблюдал, как пять человек несутся вниз по лестнице. Затем взял четыре меча и дубинку и вскарабкался наверх, туда, — где, как он знал, держат авторов. Для удобства наблюдения, всех их заперли в одной, самой большой комнате. Теперь, выглядывая из-за угла, По видел, что на посту остался только один охранник… И, похоже, того больше занимало творившееся в соседнем

здании, нежели его прямые обязанности. Бросив на полу мечи, По тихо подкрался к часовому и со всей силы обрушил дубину ему на затылок. Часовой упал, глухо стукнувшись об пол. Эдгар не медля метнулся к двери и поднял тяжелый засов, на который были заперты авторы.

— Мистер По! — воскликнул Роберт Говард.

— Ты?! — поразился Дент. — Что там творится?

— Я устроил вам побег. Боюсь, что издательство «Дом с Семью Щипцами» должно перебраться в более надежную гавань. Вирджиния подожгла второе здание, и наци теперь, вне сомнения, пытаются подавить огонь. Я, в свою очередь, собираюсь подпалить эту конуру, так что у них будет хлопот полон рот, пока мы основательно удалимся. Джентльмены, вот мечи, предлагаю вам разобрать их, и молиться Богу, чтобы не пришлось пустить их в дело.

Он подобрал последний оставшийся меч после того, как Фауст, Говард и Дент вооружились. Повел их вниз, в общую залу.

— Быстрее, Боб… горящее полено из очага.

Боб Говард не терял времени.

— Но Вирджиния… Разве можно ей доверять? — произнес Дент. — И почему ты это затеял, По?

— Во-первых, друг мой, Вирджиния сделала то,

что сделала, ради тебя. И теперь спасает тебя. Верности, как представляется, присущи различные измерения в этом мире. Что касается меня… Может быть, я чувствую ответственность за своих литературных эпигонов…

Фауст хихикнул.

— Ну, знаешь ли… Спасибо.

Говард вернулся с пылающей головней.

— Будь добр, подожги вот эту кучу дряни, Боб, — попросил Эдгар, указывая на груду «Тарзан Юбер Аллее».

Говард усмехнулся.

— Верное дело.

Бумага быстро занялась, но они не могли стоять и смотреть, когда разгорится вовсю.

— Через задний ход и вверх по склону к деревьям, — приказал По. — Там мы встречаемся с Вирджинией. А затем скрываемся.

— Но Гутенберг… Нам нужен Гутенберг, чтобы начать все снова, — встревожился Фауст.

— Я теперь достаточно знаю о типографском деле, чтобы снова начать когда и где угодно, — вмешался Дент. — Эдгар прав. Мы все подпалили — и наутек.

Они выскочили в темноту и рванули вверх по склону. По видел, как пылает, словно голова ги-

гантской спички, их печатня, и как наци тщетно пытаются залить пламя водой. Ах, до чего ярко горит бумажная масса! Не хуже, чем пламя в душах и сердцах читателей.

— Готт им Химмель! — этот крик вырвался через несколько минут после того, как пламя кулаком ударило в окно самого дома с щипцами. Залаяли другие голоса. Кто-то кому-то указывал пальцами.

— Нас увидели! Поспешим! — скомандовал По.

И с раскрасневшимся лицом помчался к деревьям. Скоро за ними снарядят погоню… До низких деревьев оставалось лишь несколько ярдов. Пока они спешили в укрытие, что-то просвистело мимо ушей По.

— Стрелы! — крикнул Дент. — Черт! Быстрее, быстрее же!

У самого края леса По ощутил удар в спину и понял, что в него попали. Он покачнулся, но справился с собой и побежал дальше. Шумно дыша и постанывая, он несся за остальными. Сперва не болело, и он решил, что рана пустяковая, но ко времени, когда они углубились в лес, Эдгар понял, что у него был шок… А теперь боль заявила о себе, точно предвестие страшной бури.

— Лес! Боб! — вскричал кто-то.

— Джинни, — сказал Лестер Дент. — Сюда. Скорее! Надо бежать.

Кто-то стройный и гибкий отделился от теней и примкнул к ним.

— Я уже ходила по этому лесу до самых холмов. Я знаю пещеру, где можно спрятаться.

— Тогда веди нас к ней, — пропыхтел Дент.

По сдерживался, скрывая ото всех свою боль, и ему удалось не отстать, хотя он и тащился в хвосте. В сущности, получалось, что ему помогла та боль, которой всегда была полна его жизнь. Он годами выносил кошмар в душе и в голове; разумеется, можно вынести то, что теперь ноет в спине.

Рычащие голоса наци неясно зазвучали позади них, и, несмотря на то, что лихорадка вызвала в мозгу Эдгара жаркую одурь, Вирджиния довела до пещеры их всех.

— Есть выход с той стороны на случай, если нас отыщут… Но я предлагаю задержаться здесь немного, — сказала она.

— Вероятно, они сейчас вернутся и попробуют бороться с огнем, — заметил Фауст. — В любом случае, отдых мне весьма кстати.

— Превосходная идея, — подхватил Эдгар. — Не поможет ли мне кто-нибудь удалить эту стре-

лу, — он зашатался и упал на колени.

— Эдди! — ахнула Вирджиния.

— Мистер По!

Им не хватало света, но они постарались, как могли. И все-таки у них выдалась долгая мучительная ночь, и к утру Эдгар потерял много крови.

Когда заря коснулась вершин, Фредерик Фауст вернулся из беглой разведки.

— Оба здания сгорели дотла, — сообщил он. — Отменная работа, По.

— Ты не забудешь, что я тебе сказал, и где искать Лавкрафта? Явитесь туда, заберете его и начнете где-то в другом месте, — сказал По. Лестер Дент встал перед ним на колени.

— Не поддавайся, дружище. Ты нам тоже нужен.

По слабо покачал головой.

— Нет, я долго не протяну. Идите и начните все снова… Я разыщу вас… Или, возможно, затею своё дело… Да… думаю, это была бы славная идея. — Он подавился и обнаружил, что у него рот полон крови. Он позволил ей хлынуть изо рта и мучительно глотнул воздух.

— И все же, несомненно, вы скорее заведете новую печатню, и твой Доктор Севидж снова будет

спасать умы и сердца читателей.

— Эдди, Эдди… — произнесла Вирджиния. — Спасибо тебе. Прости меня, ладно? И найди нас, если сможешь. Найди нас…

— Великолепная мысль; В любом случае, я никогда не был значительным издателем.

Он чувствовал, как жизнь по капле покидает его, и все-таки он знал, что это еще не конец, что он воскреснет на берегах великой Реки во многих милях отсюда — но, как ни странно, к нему пришел покой.

— Мистер По, — сказал Говард. — Я бы хотел знать, насколько много значат мои сочинения для людей. Возможно, я бы дольше прожил. Я лишь надеюсь теперь, что вы не сомневаетесь: то, что писали вы, значило немало… такого не добиться никому из нас.

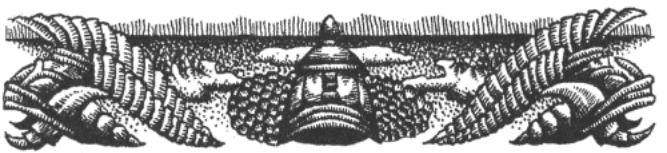
Слабая кривая улыбка коснулась уголков рта Эдгара Аллана По.

— Сомнения? — он покачал головой. — Не вернуть.

И его душа погрузила весла в другую древнюю и знакомую реку.

На этот раз, не ужасаясь.

Лоуренс Уотт-Эванс
Старые солдаты[66]



Опытный генерал Джордж С. Пэттон оглядел свои войска и улыбнулся; возможно, не все они американцы, но довольно славная компания, тем не менее — даже чокнутые римляне и сирийцы. Он знал, где остановиться.

Когда он впервые пробудился в этом мире, миль эдак на двести выше по течению, окруженный всеми этими треклятыми немцами и уроженцами Азии, кто бишь они там — повсюду оказалось полным-полно нацистов и бывших нацистов, он даже подумал, что он в аду. Он бы помог всем и каждому организоваться, но, когда он огляделся как следует и увидел всех этих людей, которые

---

[66] notes: 66

OLD SOLDIERS by Lawrence Watt-Evans Copyright © 1993 by Lawrence Watt-Evans.

умерли примерно в то же время и в тех краях, что и он — на развалинах гитлеровского Рейха, он понял вдруг, что они в любую минуту могут заметить, что генерал Джордж С. Пэттон, Ирландия, командующий Третьей Армией США, главный навозный жук оккупационной армии союзников, больше не располагает армией, которая его поддержит.

И пусть он был там самым жалким сукиным сыном — или нет, несмотря на свою репутацию — он был только один, а их несколько десятков. Азиаты не в счет, поскольку никто из них не знал ни слова ни по-английски, ни по-немецки, ни на латыни, ни на любом другом языке, о котором имели хоть какое-то представление он или немцы. Главное — разница между ним и фрицами.

И тогда он объявил, что отправится ненадолго в разведку и подался вниз по течению с граалишком в лапе, и все тащился, ища местечко получше.

Когда он нашел, наконец, ребят, чесавших по-английски, это оказались американцы — то что надо — но из будущего, из начала 1980-х, и смахивали они на букет анютиных глазок. Ими помыкали сирийцы первого века, и он поразился, как американцы — американцы! — могли

такое допустить. Он подумал, не поднять ли их на восстание.

Затем он познакомился с предводителем сирийцев.

Он по-прежнему настаивал на кое-каких переменах, и американце поддержали его, и вот теперь он здесь. Эти ребятки выглядели как анютины глазки, но теперь, окидывая взглядом армию, которой он командовал, он чувствовал себя довольным. Из ребяток кое-что вышло.

Они смотрели на него и ждали. Он заговорил:

— Кое-кто из вас, глядя, как я стою здесь, точно важная шишка, наверняка думает: «Почему я должен позволить, чтобы меня кокнули ради этого типа или ради императора?»

— Он сделал выразительную паузу и проорал: — Да ничего вы не должны! Ни я, ни император не хотим, чтобы вас кокнули ради нас или ради кого-то еще. Никто никогда не выигрывал войну, померев. Войну можно выиграть, заставив окочуриться сукиных сынов на другой стороне! — Несколько солдат улыбнулось, но большинство было слишком на взводе; и они просто пялились на него, как прежде. — Возможно, кое-кто из вас думает: «Эге, если меня укокошат, невелика беда, проснусь где-нибудь в другом местечке, и

делов», — продолжал Пэттон. — И если вы рассуждаете подобным образом, вас и укокошат, потому что вы тогда не будете биться так свирепо, как можете, и вы не увидите угрожающее вам копьецо или дубинку, пока не станет слишком поздно. И что же, — спросите вы. — Он выступил вперед, на край помоста, и закричал им. — Вот что я вам скажу! Вы здесь хорошо устроились, парни! Я видел, что творится вверх по течению отсюда. Стоит вам пуститься по Скоростному Шоссе Покойников, и вы рискуете вляпаться в говно где угодно на этой чертовой Реке! Вы можете оказаться в граальном рабстве у какой-нибудь гоп-шараги, похуже той, за которую мы сражаемся; можете стать пленниками у пещерных жителей, которые отрубят вам копыта, чтобы вы не драпанули, а не то еще, чего доброго, с вас заживо спустит шкуру какой-нибудь варвар-извращенец… Здесь вам лафа, поверьте мне! Возможно, Новый Рим — не лучшее из чертовых поселений на всей этой сраной Реке, но лучшее, какое я видел за пятнадцать лет после того, как все мы продрали тут глаза, голые, точно слизняки. Не будь это так, я бы сюда не завербовался и не был бы готов вести ораву добрых американских ребяток в бой, вроде нынешнего. Очень даже неплохо, что эти ублюдки

по другую сторону стены хотят ее взять, и наша задача позаботиться о том, чтобы у них ни хрена не вышло! Так что завтра, когда мы выступим, вы будете драться не за меня и не за императора, нет, вы будете драться за хорошую житуху для вас самих!

И прозвучало нестройное «Ура!»

— Итак, все вы должны выйти и — кровь из носу, а чтобы угробили тех ублюдков, а сами не вздумали помирать за вашу страну!

Теперь «ура» вышло погромче и подружнее, и Пэттон махнул солдатам рукой. А те завопили, взмахивая копьями. Пэттон отступил, улыбаясь и делая ручкой, после чего спустился с помоста.

Внизу ждал вестник с белым жезлом, что означало государственное дело.

— Что такое? — спросил Пэттон. Он говорил по-английски. Привычка.

— Император желает видеть тебя, генерал, — сказал вестник на том же языке, отдавая честь.

— Как, прямо сейчас?

— Да, генерал.

— Зачем?

— Не знаю, генерал; возможно, он желает обсудить завтрашний бой.

— Дерьмо, — пробурчал Пэттон. — Мы с этим

уже покончили.

— Я передал послание, генерал; какой ответ мне надлежит сообщить императору?

Пэттон размышлял приблизительно три секунды, затем передернул плечами и рявкнул:

— К черту. Я иду с тобой.

Двадцать минут спустя, посланец поскребся о входную завесу шатра из драконьей кожи, в то время как часовые по обе стороны приветствовали Пэттона. Вестник скользнул в сторону, и Пэттон вступил в шатер.

— Аве, цезарь император, — произнес он, совершив рукой нечто, являвшееся поразительным компромиссом между тем, как он отдавал честь на Земле, и древнеримским приветствием, здесь преобладавшим. Он не проорал слова так, как подобало бы истинному римлянину, но нассать ему на это было; он ведь не римлянин, собственно, он — американец и второй человек здесь.

— Привет, Джордж, — сказал Германик Цезарь, император Нового Рима по-английски из-за своего столика. — У тебя похабный выговор.

— Угу, согласен… — У Пэттона не было настроения продолжать прямо сейчас старый спор — не теперь, когда надо готовиться вести ребят в бой. Свыше десяти лет император брюзжал на его про-

изношение, стоило ему хоть словечко вякнуть по-латыни; Пэттон брал свое, поправляя Германика по части грамматики. Может быть, Германик и законно унаследовал престол, но изъяснялся он до сих пор, как солдат. А Пэттон, возможно, и был солдатом, но учил латынь по отличным ученикам, где в качестве образца преподносились речи Цицерона и его преподаватели были нетерпимы к вульгаризмам. К несчастью, в тех учебниках давался мертвый язык, поэтому у Пэттона был жуткий акцент; как утверждал Германик, его латынь звучала, точно собачий лай. А, поскольку больше половины местного населения происходило из США двадцатого века, Пэттону, по правде, начхать было, что его латынь не в порядке; здесь все говорили либо по-английски, либо на этом кретиническом эсперанто, где грамматика еще более ублюдочная, нежели в солдатской латыни императора. Германику эсперанто пришлось вполне по вкусу, Пэттон его не выносил.

— Что тебе нужно, Мэнни? — спросил Пэттон по-английски.

— Закрой завесу и присядь, — сказал Германик, указывая на складной походный табурет.

Генерал повиновался.

— Выпей.

Пэттон заколебался, и все же принял деревянную кружищу виски.

— Пришло посольство от Пяти Мудрецов, — сообщил ему Германик. — Они прибыли вверх по Реке несколько часов назад.

Пэттон фыркнул.

— Поздновато, не правда ли?

— Может, и нет, — ответил Германик. — Они хотят сдаться.

— О, ради Бога… — на миг Пэттон слишком завелся, чтобы говорить. Германик сидел и наблюдал, как его лучший полководец переваривает этот невкусный кусок, и наконец заливает его виски.

— Лады, Мэнни, — сказал наконец Пэттон. — Я знаю, придется их принять — но просто, во избежание спора, скажи мне, что случится, если мы их не примем, а просто пойдем на приступ, как намечено?

— Прежде всего, тогда многие будут убиты, — ответил Германик. — Возможно, в том числе — и ты.

— И тогда захлопаю гляделками в миллионе миль вниз по течению, — вздохнул Пэттон, протягивая кружку, чтобы ее наполнили по новой. Германик сделал ему одолжение и подхватил

свою кружищу.

— Возможно, ты не сможешь поступить умнее, если твои люди узнают, что ты отказался принять сдачу, — сказал он.

— Солдаты не любят драться ни за что. Особенно ваш брат американец.

— Они вовсе не мои братья, они… — Он осекся. Сорок лет — не такая уж большая разница. Он оставил эту тему и спросил. — Мудрецы стали бы сражаться?

Германик сделал движение раскрытой рукой — римский аналог пожимания плечами.

— Говорят, что нет. Что, — скорее, приняли бы яд и взорвали свою столицу, чем пережили бы позор сокрушительного поражения.

— И ты им веришь?

— Не вполне. Я не знаю, на что они способны.

— Думаешь, они искренне хотят сдаться?

Германик вздохнул.

— Думаю, да, — ответил он.

— Каковы условия?

— Примерно, как ты ожидаешь. Мы можем занять земли Пяти Мудрецов, рабы отходят к нам, захотим — освободим… — он неуверенно умолк.

— Освободим, — сказал Пэттон. — Ты мою позицию знаешь, Мэнни.

Германик кивнул и выпил.

— Никаких репараций, никаких судов за военные преступления, никаких пыток; у всех Мудрецов есть право на уход в изгнание. Ничего фантастического; они знают, что побиты, и просто хотят спасти шкуру.

— Мы бы их в любом случае не стали пытать, — уточнил Пэттон.

— Им это знать неоткуда. Кроме того, этим могли бы заняться их бывшие подданные, если бы мы позволили.

Пэттон выпил и спросил:

— Что ты сказал послам?

— Что сообщу им свое решение утром.

Пэттон вздохнул.

— Значит, похоже, я командую чертовой оккупационной армией. — Он потягивал виски, затем добавил. — Опять.

— Так складывается, Джордж.

— У, черт, вот ведь привязалось… — Он опрокинул в горло остатки питья и вновь протянул кружку. Германик любезно налил ему по новой. С мгновение оба сидели и молча размышляли. Затем Пэттон спросил:

— Ты этим удовлетворен, Мэнни?

— Чем? — переспросил Германик. — Сдачей

или жизнью в целом?

— Да всем сразу.

Германику не пришлось долго раздумывать.

— Ничуть, — сказал он.

— Я тоже, — признался Пэттон. И, промолчав несколько секунд, заметил. — Хотя, казалось бы, мы должны быть довольны. В смысле, мы получаем все, что нам нужно. — Он указал на императорский грааль. — Нам просто все дают трижды в день.

— Однако, это не то, чего мы хотим, — уточнил Германик.

— Нет, не то, — согласился Пэттон, хлопаясь спиной об один из шестов, поддерживающих шатер. Затем поднял глаза. — Так чего ты такого хочешь, чего не получил, Мэнни?

— Мне нужен Рим, — незамедлительно ответил Германик. — Настоящий Рим. Тот самый, которого меня лишили эти мошенники — мой дядя и сукин сын Пизон, когда подбили мою жену меня отравить.

Пэттон кивнул.

— Но ты хотя бы здесь сколотил империю, — заметил он.

— Если можно назвать империей тысячу стадий речного берега с грейлстоунами и хижинами,

где мне приходится отвечать перед избранным сенатом, — ответил Германик. — Да что это за империя, если она меньше сотни стадий в ширину?

— Тебе лучше, чем мне, — пробормотал Пэттон.

— А что такое? — спросил Германик. — Тебе-то что нужно?

— Что мне нужно, — ответил генерал, — так это, черт возьми, настоящая война. Такая, которой что-то достигается.

— Мы чего-то достигаем. Мы расширяем империю.

— О, да. Но я не об этом. Разумеется, мы освобождаем людей, помогает им начать славную веселую жизнь, хотя не так уж много требуется для этого сделать, поскольку Граали обеспечивают все насущные нужды. Но мы никогда не освободим все, поскольку эта чертова Река непомерно длинна, и нет способа сколотить здесь действительно большую империю, и, если сперва это выглядело как вызов, то теперь мы достаточно велики, чтобы никто не хотел с нами схлестываться. Мы показываемся на пороге, и все, у кого правительство хуже нашего, просто сдаются, дабы избежать бойни. — Он фыркнул. — Либо так, либо их всех перебьют. И не потому,

что мы такие блистательные чертовы вояки, а просто, потому что численное превосходство — двенадцать к одному.

Германик пораскинул мозгами.

— Это только предложение, — сказал он наконец, — и, надеюсь, ты не станешь его даже рассматривать, но, может быть, тебе следовало бы отплыть подальше вниз по течению, и начать где-нибудь заново, если ты хочешь войны, которую не выиграешь наверняка.

Пэттон прорычал.

— Да не в том дело, что в любой войне обеспечена победа, или — не совсем в том. Просто они ограничены. Мне нужна такая, в которой я мог бы сделать что-то новое. Такая, где враг по-настоящему сопротивляется, да, но, чтобы, одновременно, меня не ограничивал треклятый десятимильный фронт с этой долбаной Рекой посередке. — Он снова осушил кружку. — Не больно-то много можно сделать на такой местности, — посетовал он. — А солдаты… Ну, бойцы-то они ого-го, но ни брони, ни артиллерии, ни чертовых лошаденок для конницы, самое лучшее, что можно выдумать — это наши дурацкие повозки и гренадеры, а все прочие, знай себе, топают с копьями и секирами, металлов, видишь ли, ни хрена — ну, можно так

воевать, а?

— Как уж выходит, — сказал Германик. — У тебя хотя бы есть гранаты. Впрочем, у меня их не было, когда я шел на Арминио.

— На Арминия, — машинально поправил его Пэттон. — И перед тобой лежали леса и поля, ты мог двинуться в обход, мог ударить во фланг, в тыл… А здесь мы деремся, точно в каком-то дурацком поливальном шланге.

— Мы его звали Арминио, — настаивал на своем Германик. — Интересно, куда его занесло.

Пэттон пожал плечами.

— Вероятно, он оказал бы сопротивление не лучше, чем эти проклятущие китаезы или кто-либо еще, кого мы смахнули.

— О, не знаю. Он был вояка что надо, этот Арминио, не какой-нибудь надсмотрщик за рабами. Тебе бы он даже понравился.

Пэттон хмыкнул. Оба уже неплохо набрались, и в случае с Пэттоном это означало, что его речь станет делаться чем дальше, тем невнятней.

— Хотел бы я, чтобы он заправлял в следующей стране вверх по Реке — может, он бы нам дал настоящий бой.

— Что же, он хотя бы не сдался, едва заслышал бы твое имя, как поступил этот ублюдок Валь-

дхейм.

— Да, черт, ни при чем тут мое имя, — пробурчал Пэттон. — Просто он понимал, что мы превосходим его численностью и орудиями, и что мы не собираемся просто перекувырнуться и сыграть в ящик. И что половина его солдат дезертировала бы и перебежала бы к нам. У нас тут слишком легкая житуха, Мэнни.

— Что бы там ни было, я должен теперь выслушать его в Сенате. О, если бы он дрался, тогда мы могли бы его убить. Или был бы я и впрямь император и не обращал бы внимания на Сенат.

Пэттон кивнул.

— Итак, тебя обосрали, потому что тебе не удалось стать императором, — сказал он.

— А этому моему придурку-сыну удалось, — напомнил ему Германик. — Император Сапожок. Эх, не стоило нам так его называть. А я еще думал, что дядюшка Тиберий опозорил нашу семью — да по сравнению с моим родным сыном он — совершенный пример римской добродетели!

— Тебе не удалось сделать из парнишки человека.

— Из меня вышел бы император получше, это точно!

— А из меня вышел бы президент что надо, если

бы мой джип не перевернулся.

— Если бы тебя еще выбрали. Мне-то хоть об этом не приходилось беспокоиться, — и Германик скорчил рожу. — Я правлю теперь, благодаря твоим землякам, но я не правил в Риме.

— Велика важность, — заметил Пэттон. — Пока что ни у кого не хватает духу идти против тебя. В смысле, по-настоящему.

— Пока нет, — мрачно согласился Германик. — Думаю, Вальдхейм наводит переправу.

Пэттон пьяно улыбнулся.

— Может, мне следовало бы взбунтоваться, — предложил он.

— О, заткнись, Джордж, этого еще не хватало! — отмахнулся Германик. — Что за манера губить дружбу. Кроме того, я думал, тебе нужен настоящий бой, а не словесные перепалки.

— Тогда, может быть, мне следовало бы вызвать тебя на поединок, — не унимался Пэттон. — Вооружились бы копьями и щитами и стыкнулись бы, а победитель получил бы империю.

— Это, вероятно, вызвало бы гражданскую войну, — ответил Германик.

— Ну, и что из того, черт возьми? — Пэттон заводился все больше. — Может, это как раз то, что нам надо!

Германик завозился на табурете, поразмыслил и покачал головой.

— Нет, Джордж. Большинству жителей Нового Рима не нужны неприятности. Если мы затеем войну, они просто уберут нас обоих. Мэгги не Планкина, но она, вероятно, столь же охотно отравит меня, если я учиню что-либо подобное. А когда нас не станет, они, скорее всего, изберут Вальдхейма.

— Угу, ты прав, — признал Пэттон и откинулся назад.

— Мне жаль тебя, Джордж. Ты такой же драчун, каким был Фламма.

Пэттон незряче заморгал.

— Кто-кто?

— Фламма, — повторил Германик. — Был такой гладиатор. — Он произнес это слово, скорее на латинский, нежели на английский лад. — Ему четырежды предлагали свободу и возможность покинуть арену. Он всякий раз отказывался.

— Глэдиэйтор, — задумчиво проговорил Пэттон, произнеся это слово на английский лад.

— Гладиатор, — повторил Германик, как требуется на латыни. — Тебе знакомо это слово, не так ли?

— Конечно, я знаю это треклятое словцо, Мэн-

ни! — Пэттон выпрямился. — Оно что на латыни, что по-английски. Я просто думал об этом.

— О чем здесь думать-то?

— А вот о чем, — сказал Пэттон, аккуратно ставя свою пустую кружищу на императорский столик. — Почему у нас их нет?

Германик хмуро воззрился на него.

— Потому что у нас нет рабов, Джордж. Ты и твои приятели-американцы об этом позаботились.

— Но, Мэнни, — сказал Пэттон, — нам и не нужны рабы. Здесь. Если отбросить чокнутых, кроме Фламмы, свободным людям не хотелось идти в гладиаторы, потому что их убивают. Но мы в мире Реки, здесь помрешь, хлоп — и вот уже шустришь где-то в другом месте. И если кто тебя убьет — это не проблема. Черт, да это место могло быть стать классной Вальгаллой — дерись хоть весь день, а погибнешь — ну так что, встанешь на другое утро!

— Где-нибудь далеко.

— Что же, проигравший всегда что-то теряет.

— Если задействовать добровольцев, мы их всех довольно скоро изведем.

— А мы кликнем клич вверх и вниз по Реке. Все, кто хочет драться, идите к нам, сюда.

Германик задумался. И наконец сказал:

— Мне нужно выработать условия сдачи, а тебе предстоит надзирать за оккупацией. Но мне здорово не хватает Игр. Это было бы не так, как в Риме, но возможно…

* * *

Постройка арены шла куда быстрее, чем ожидал Германик; очевидно, многие добрые граждане Нового Рима успели соскучиться не меньше, чем они с Пэттоном. Инаугурационные Игры, которые открывались футбольным матчем, состоялись лишь пять месяцев спустя после того, как Земли Пяти Мудрецов капитулировали и добавили империи несколько тысяч человек, большей частью китайцев эпохи Мин.

После футбола (Красные побили Зеленых со счетом 28:7), начались гладиаторские бои, и Германик почти плакал, глядя на знакомое зрелище. Оружие было больше из камня и дерева, чем железное, но все остальное — точь-в-точь, как он помнил.

Точнее, почти все остальное. Благодаря американцам, новоримляне не так подавали знаки, и настаивали на использовании своих дурацкий вверх-вниз большой палец. Но все было доста-

точно похоже.

И в Играх участвовал Джордж Пэттон с мечом, у которого была каменная кромка, а против него вышел громадный африканец с сетью, сплетенной из травы и бамбуковым трезубцем; естественно, Пэттон предпочел роль секутора, то есть преследователя, в то время как преимущество было на стороне ретиария, или человека с сетью.

Германик наблюдал за ними с любопытством — но и с унынием. Пэттон переоценил себя. Африканец поверг его в течение нескольких минут; и обязан был посмотреть на императорскую ложу, дожидаясь знака — но он был новичком, как и все они, и здорово распалился; он не медля всадил трезубец в горло Пэттону.

Затем он вспомнил об императоре и поглядел на него довольно-таки по-овечьи.

Пэттон заморгал и сел.

Его грааль был рядом, равно как и груда одежды, а утреннее солнце обрызгало вершины гор.

Очевидно, он умер. Но все-таки, это было… Он стал искать нужное слово.

— Доброе утро, — сказал кто-то на эсперанто.

Пэттон поднял глаза и обнаружил, что его приветствует комитет из трех мужчин и женщины;

один из мужчин. — северный европеец, остальные — типичные азиаты.

— Ты в стране, которую мы называем Шамбалло, — сказал европеец. — Тебе нечего бояться; мы мирные люди и не держим рабов.

Повезло.

— Рад слышать, — отозвался Пэттон. Встал на ноги и огляделся. Деревья, чертовски знакомая Река, грейлстоуны…

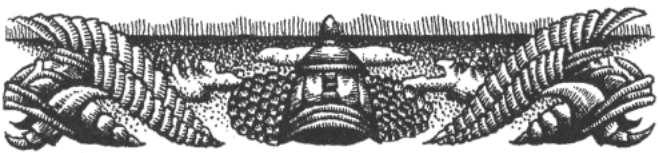
Вот забавно-то. Да, хоть его и убили, но все-таки, он всласть позабавился. Он так не веселился с тех пор, как сдались нацисты.

Он вспомнил, как ему вдалбливали, что благородные римляне были отчасти звери, и это подтверждают их игры на арене. Может быть. Может быть, и он — зверь, раз уж он так жаждет драки — но все-таки ведь это потеха, и никто по-настоящему не пострадал. Он утратил Новый Рим, но вот он здесь, целый и невредимый.

Вот уж впрямь Вальгалла. Он бился и пал одной потехи ради, и встал опять. И ему захотелось того же самого по новой.

— Так, — сказал он, поднявшись, — и чем у вас тут можно позабавиться?

Эстер М. Фриснер
Легенды[67]



Владычица Колхиды прохаживалась вдоль восточной стены и обратно; ее серые глаза подмечали всякую мелочь в войсках, толпившихся на прибрежной равнине внизу. Она сложила руки под тяжелым плащом и поглаживала медные змейки браслетов, перевивавшиеся над самыми ее локтями. Прикосновение их глаз-самоцветов к кончикам пальцев необычайно успокаивало. Каждая грань, каждая кристаллическая связь, взятая у камня, добавляла блеска гранату ногтей, но ничего не убавляла и не могла убавить.

«Я камень и змея, — думала она. — Я Река и невидимое море».

— Владычица? — знакомый низкий голос, дав-

---

[67] notes: 67

LEGENDS by Esther M. Friesner Copyright© 1993 by Esther M. Friesner.

но удостоившийся тайного презрения, пробудил ее от блужданий в дебрях философии. Она развернулась лицом к огромному воину. Плащ, его дар, помешал ей двигаться по-настоящему, порхая, он повис на ней и потянул назад, как когда-то, прежде, крохотные ручки, вцепившиеся в одежду…

— От них явился посланец, Владычица, — сказал воин. Он был весь почтение. Вооруженные мужчины за его спиной, которые называли его Сид, то есть господин, никогда бы не сказали, сколь угодно откровенно, что Родриго Диас де Вивар был когда-либо менее, чем безгранично почтителен к Владычице Колхиды.

Она, знавшая скрытое лицо истины, хотела бы рассмеяться. Истина была далеко не забавна, однако в груди вздымалось столь жаркое чувство, что если бы она не рассмеялась, то разразилась бы огненными слезами.

— Посланец, — повторила она. — Они настолько мне доверяют? — Ее губа выгнулась. — Они не боятся, что я поступлю с их человеком, как с ними, или с той фиванской сукой или с моим братцем?

Родриго был чужд иронии. По правде говоря, он как раз этим и гордился: честный прямой рубака, выше скользких влияний придворных, которые

отроду не брались за меч и не проливали доброй жаркой крови. И все-таки, для Владычицы сказать ему правду — а именно, что он заносится почище их, столь презираемых им за дерзкую заносчивость, означало бы навлечь простую, откровенную здоровую трепку.

И вот он бесхитростно пожал плечами и объявил:

— Их посланец — женщина.

Владычица Колхиды не смогла удержаться от того, чтобы на лицо ее не хлынуло удивление. Ее раскосые глаза широко распахнулись, тщательно выщипанные и подведенные брови взлетели.

— Они прислали ко мне одну из их шлюх? Я верну ее им по кусочкам.

Родриго покачал тяжелой головой. Ей вспомнились охотничьи псы ее отца: широкогрудые, косматые, безжалостные.

— Сомневаюсь, что это — образчик их лагерных шлюх. Сама увидишь. Я приказал ей ждать тебя в большом зале.

Владычица Колхиды наклонила голову, давая понять, что все выслушала. Темные, как виноград, локоны прошуршали по ее щекам, вызвав трепетание плоти. Как долго она не знала по-настоящему нежной ласки? Лапы Родриго были

суровыми и тяжелыми, как и все в нем. Для него, почти все время находившегося на поле битвы на этой его последней службе, время было слишком ценно, чтобы тратить его на всякие предварительные затеи на ложе любви. Когда она оставила его, идя в зал к этому странному посланцу, ей почудилось, будто она слышит, как неистовый ветер доносит до ее ушей слова Родриго: «Я рыцарь из Кастальи. И жить для меня — служить».

«Как бык служил корове», — подумала она. — «Прыг — за дело — утолил — ушел».

И вспомнились другие руки — те, что извлекали дрожь золотых звуков из натянутых струн ее тела, тех, что задерживались, тех, что вели к встрече с другими нежными губами, которые не прекращали сладостного поиска, пока она не слышала, что ее собственный голос умоляет дать ей умереть — умереть сейчас, настолько погруженной в наслаждение, что она ныне больше не Владычица Колхов, но рабыня губ, рук и…

Предательские руки. Изменнические губы. Ее собственное тело обернулось изменником, служа этим губам, этим его рукам. Ее тело, в свой черед, предало ее разум, ее сердце — самую ее душу, пока он не пересоздал ее в образе своих собственных нескончаемых измен.

Ясон, мой Иуда.

Владычица улыбнулась своему кастильскому рыцарю Родриго, охранявшему ее мысли. Если бы он смог их прочесть, опять отлупил бы ее.

Как-то раз, не так уж давно, она оказалась достаточно дурой, чтобы высказать свои мысли начистоту этому грубому лицом и повадкой кастильцу. В ее словах содержался насмешливый намек на богиню-девственницу, которую он почитал. Ее не показалось, что это дурно. Смертные не могут умалить славу богов, так отчего не отозваться о них шутя иной раз? Он не стерпел. После того случая она постаралась досконально изучить имена всего богов, которым поклонялся Родриго, чтобы ее никогда больше не подвел острый язычок.

В любом случае, нынче лучше помалкивать.

— Не проводишь ли ты меня в зал, мио Сид? — спросила она, награждая его самым своим разящим взором, темным и тягучим, точно полуночное море. Упоминание его давнего титула было одним из мелких приемчиков ее рассчитанной лести.

— Наши бойцы, все до одного, проводят ночь внутри стен. Я должен немедленно проверить часовых. — Он обернулся и ушел без дальнейших

церемоний, оставив ее одну дышать свежим воздухом.

Путь с укрепления в большой зал был долгим и непрямым. Вниз, по узким винтовым лестницам в каменных колодцах, продымленных черной и жирной копотью факелов. То там, то тут лестница расширяется, и возникает ниша, где сидит на корточках усталый стрелок, прильнув взглядом к бойнице в камне, в ожидании приказов или каких-либо передвижений войска на равнине. Если она останавливалась и прикладывала пальцы к стене, она ощущала, как гудит весь замок — точно пчелиный улей.

В большом зале в очаге полыхал яркий огонь, изгонявший медлительную прохладу из-под высоких сводов. И все-таки Владычица Колхиды немого плотнее обернула плащом свои стройные плечи. Степные ковры, которые выткала она сама, состязались с теми, что были сотканы граальными рабами, изгоняя холода, которые чувствовала, казалось только она. Ничего не выходило. Если она когда-либо умрет, то от холода.

В черном дубовом кресле с искусно вырезанными львами, поддерживавшими подлокотники, сидела женщина и глядела в огонь: посланец. Направленная с какой-то неизвестной целью

осаждающей армией, она излучала во внешнее пространство загадочную безмятежность. В час, когда напряжение боев минувших и боев грядущих одолевало каждого от низшего из граальных рабов и до самые высокопоставленных обитателей замка, эта вновь прибывшая казалась не ведающей страстей. Она даже не поняла, что в зал вступил кто-то еще, хотя обутые ноги Владычицы, ступая по каменным плитам, вызывали эхо до самых стропил.

Владычица Колхиды измерила взглядом чужую женщину, сидевшую у огня и не догадывавшуюся, что она больше не одна здесь. Что же, Родриго не солгал. То была не армейская шлюха. Судя по всему, у этого создания едва ли достаточно мозгов, чтобы раскинуть ноги, если какому-нибудь мужчине захочется того, что между ними.

«Она смотрит в огонь, но не так, как присуще мне, — подумала Владычица. — Немногим дано читать послания пламени, но почти все одержимы подобным желанием. Она лишена даже этого. Она ничего не ищет среди пляшущих искр. Ни намека на будущее, ни грез о настоящем. Эти ее плоские голубые глаза бледны, почти как зеркало льда. И все, что она видит — это горящие поленья.

Вслух Владычица сказала только:

— Добро пожаловать.

Посланница резко вскинула голову и вздрогнула. Встала, суетливо комкая ладонь в ладони, затем расправила полы своего безобразного бурого одеяния и присела в неуклюжем приветствии.

— Твое Величество, — произнесла она, склонив голову с узлом тонких, как паутинки, тускло-золотистых волос.

Владычица рассмеялась с тем, чтобы позволить расслабиться этой неотесанной бедняжке. Простая учтивость в отношении гостя, ибо она сразу увидела, что ей нечего бояться этого создания, и можно без колебаний разделить с ним хлеб и соль.

— Ты ошибаешься, — сказала она. — Я не царица. Меня называют Владычицей Колхиды.

— Медея, — это имя вырвалось изо рта женщины, точно язычок ящерицы, метнувшейся, чтобы поймать жирную муху. Не потрудившись подняться из своего почтительного поклона, она добавила. — Ты разрубила на куски своего брата, чтобы помочь Ясону похитить Руно. Ты разбросала их за кормой „Арго“, и твоему отцу пришлось задержаться, чтобы собрать тело для погребения, и вы с Ясоном смогли скрыться из глаз.

У Владычицы отвисла челюсть, как если бы говорившая встала из своей нелепой позы и увесисто хлестнула ее по лицу. И все же злорадства или осуждения в том, что сказала женщина, было не больше, чем целеустремленности в созерцании огня. Душа Владычицы затрепетала: никогда еще она не встречала человека, который был бы весь на виду.

— Итак, ты знаешь предание, — вот и все, что ответила Владычица.

— Предание? — На миг в бледных глаза мелькнуло любопытство. Но лишь на миг.

— Сомневаюсь, что ты» слышала правду о содеянном мною, учитывая, откуда ты явилась. — Владычица постаралась, чтобы ее голос прозвучал оживленно, как если бы шутка могла разбудить жар в потухших угольях. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что, будь я всего лишь героиней мифа, я бы здесь сейчас не стояла и не говорила бы с тобой. Легенды спят в книгах вечным сном. Только те, кто однажды жил… получили право снова вкусить воздуху в этом мире.

— О… — Ничего, даже улыбки. — Полагаю, что да.

— Прошу тебя, поднимись, — сказала она, стараясь, чтобы голос оставался низким и ровным.

Женщина послушалась. — Мне передали, у тебя есть для меня вести?

— Да. От твоих сыновей. Они…

— Погоди. — Она не желала ничего выслушивать от своих сыновей. Никогда. Разумеется не нынче. — Сперва позволь мне подобающе принять тебя. Я не царица, но дочь царя. Я прикажу, чтобы тебе принесли угощение.

Медея знаком предложила гостье опять занять свое место в кресле со львами. Сама она присела на скамью у огня. Когда она хлопнула в ладоши, вступили рабы. Они явились не слишком скоро, но с начала осады она привыкла обходиться немногими слугами. Едва ли теперь стоило тратить силы, чтобы бить ленивых. Кажется, что-то ее от этого отвадило.

— Принесите нам подношенье для желанного гостя, — велела она двум худым девушкам с лицами, как слоновая кость, отозвавшимися на призыв.

— Можно чаю? — спросила посланница. — У вас водится чай? Я не пью вина. Мне не по нраву ни одно из вин, какие я здесь пробовала.

— Чаю, — Владычица кивнула, одобряя пожелание гостьи и бросила взгляд на рабынь. Обе заспешили прочь, шелестя длинными платьями.

Молчание ворвалось в зал, точно прилив, наполнив его, когда они исчезли. Владычица ощутила это молчание, будто еще более тяжелый плащ на спине. Ее гостья сидела строго и чопорно, мягкие белые ладони сложены на коленях, обтянутых платьем с высокой горловиной. В ее светлом невыразительном взгляде был холод талой воды, которая бежит весной с горных вершин. Если сейчас кто-то и нарушит молчание, то пусть не это ледяное пугало.

— Итак, — Медея почувствовала, что ее любезная улыбка начинает причинять боль, так часто Владычица прибегала к ней с весьма слабым желанием улыбнуться. — У тебя не возникло трудностей, когда ты шла ко мне через наши войска?

— Нет. — И больше никаких слов, никаких чувств. Или это — глаза краба-отшельника, затаившегося во тьме своего панциря. Или змеиные?

— Я изумлена, — продолжала Владычица. — Ты не особенно похожа на вестника.

— Меня всегда учили, что если ты можешь что-то сделать, то делаешь. — Голос женщины взлетел почти до визга.

— Я могу приносить вести. Почему мне требуется выглядеть иначе, чем теперь?

А! Да никак за этим стеклянистым взглядом Владычица приметила вспышку уязвленной гордости? Возможно, это созданьице — все-таки человек?

— Прости меня, — косящий взгляд Медеи выражал одновременно сожаление и насмешку. — Там и тогда, где и когда я росла, вестники, которые проходили между воюющих сторон, всегда были мужчины, иногда — полномочные посланцы врага, всегда в броне. И даже если бойцы, которые служат мне здесь и сейчас приходят из других времен и мест, они во многом разделяют мои представления: они ожидают, что посол будет выглядеть именно так.

— Я принесла письмо, — бесхитростно сообщила женщина. Она переместилась немного и стала рыться в кармане безобразного бурого платья, прежде чем вытащила сложенный во много раз лист бумаги.

Владычица нехотя приняла его у нее из рук. Письмо было написано рукой ее старшего сына, Эсона, названного по деду со стороны отца. В нем указывалось, что получателю надлежит, соблюдая законы войны, дозволить этой женщине, его уважаемой няне, Госпоже Иссе, свободно пройти.

— Госпожа Исса, — произнесла Медея вслух. И

свершилось чудо: женщина прыснула натянуто и хрупко.

— Так они меня звали. Когда я их нашла, они были еще слишком малы, чтобы правильно произнести мое имя, да и что здесь значат имена? Они были детьми, обыкновенными голодными детьми. Я стала о них заботиться, и они выросли. Вот и все.

— Да… И эта война. — Она вернула письмо. — Итак, ты была их няней. Как это случилось?

Женщина пожала пухлыми, слегка округлыми плечами.

— Я нашла их, а они меня.

— Ты любишь детей.

Новое пожатие плеч.

— Я не чувствую к ним неприязни. Я не много думаю о них так или иначе, правду сказать.

— У тебя когда-нибудь были свои?

— Я никогда не выходила замуж.

— Да, но… — Тут Владычица Колхов осеклась. Впереди — земля, по которой надлежит ступать осторожно. Хранимая достопочтенным Родриго, она повстречала слишком много душ, которые разделяли причудливые понятия о нравственности своего хозяина. Отдав ему свое тело, но не принеся обетов, она явно упала в глазах таких

мужчин, да и женщин. Не то чтобы Родриго когда-либо заикался о браке. Напротив, он дал ей знать, что если когда-либо ему удастся отыскать вновь свою верную жену Химену, все переменится. О, Медея по-прежнему сможет делить с ним ложе, когда ему угодно, но должна будет являться и покидать его тайно, скрывая это даже от граальных рабов. Его ночной горшок станут выносить с большей шумихой.

Это было бы опять как в Фивах, как горестно подумала она. Только там никто не глядел на нее сверху вниз за то, что она возлежала с Ясоном и принесла ему детей без брачного обряда. Когда ее возлюбленный ухватился за возможность жениться на этой суке-царевне Креусе, Медее не грозила утрата ни положения, ни чести. В самом деле, они все трое могли бы счастливо жить вместе, если бы только не сучкин папаша.

Старый дурень Креон! Он боялся, что мои сыновья отберут однажды состояние еще не рожденных щенков его дочери. Вот почему он явился ко мне, грозя изгнанием. Что же, я уняла его страхи, верно? Я удалилась, как он и требовал. Более того, перед уходом я позаботилась, чтобы угроза, связанная с моими детьми, вообще не возникла для его внуков.

— Ее улыбка так и не появилась в глазах. — Если бы вообще могли выйти какие-то внуки из утробы мертвой дочери.

Медея сполна одарила своей притворной улыбкой странную гостью. И подумала: «Пусть маска встретится с маской».

— Что же, госпожа Исса, мне следует поблагодарить тебя за то, что ты так хорошо их воспитала. Они выросли, как я вижу, предводителями народа, и отменными воинами.

— Ты… Тебя это радует? — Легкая неуверенность заставила ее голос запнуться.

— Меня не радует война, которую они затеяли против нас… Против меня… если это то, что ты хочешь знать. Я не безумна. — Медея достаточно часто изучала свой образ в зеркале, чтобы знать, как сверкают ее зубы, как тщательно отработанные изменения лица способны очаровывать и обезоружить. Какое мелкое колдовство! И все же, это все, чем я по-настоящему владею. Так бы и заплакала. — Важно то, что они выросли и стали бойцами. У нас в Колхиде это всегда ценилось.

— Здесь не Колхида, — отозвалась женщина голосом, слишком бесстрастным, чтобы в нем проскользнула тревога, будь здесь преисподняя. — Все переменилось.

— Возможно. Но мы постараемся держаться за то, что, как мы надеемся, не переменится.

— О, здесь все меняется. — Госпоже Иссе недоставало даже отсветов огня истинного философа. Неважно, как хозяйка могла бы принять ее замечания, было ясно как день, что гостья просто болтает от нечего сказать.

— Если пожелаешь. — Настал черед Медеи пожать плечами. — По меньшей мере, эта мысль дает мне какую-то надежду.

— Надежду? — Это слово было повторено просто из вежливости. Не более.

Или нет ничего в этом мире или за его пределами, живого или мертвого, что могло бы высечь искру обеспокоенности, страсти из этого существа? — поразилась Медея. Она вспомнила единоборца своего царственного отца — того, которого одолел в схватке Ясон, того, которого миф потом превратил в многочисленные ряды воинов, облаченных в бронзу, взошедших из посеянных зубов дракона. Всю свою жизнь этот человек посвятил служению ее отцу, пока всяческие следы человеческих чувств, кроме жажды боя, не стерлись в его душе, сердце и глазах.

Похоже, я наконец-то нашла тебе подходящую невесту, Гидра, — подумала Медея. И сказала:

— Да, — по-прежнему улыбаясь. — Надейся на перемены. Это послание ты принесла мне от моих сыновей…

— Ты надеешься, что они простили тебя, — мертвые глаза женщины опять оборотились к огню.

— Это было бы… утешением.

— Ты имела в виду облегчение. — Эти слова были брошены в пламя. — Тогда закончилась бы осада, закончились бы убийства, остановилось бы кровопролитие…

— Это так? — спросила Медея, внезапно подавшись вперед со скамьи. Хищник, подобравшийся перед прыжком на добычу. — И это — твоя весть для меня? Что осаду снимут? Что все кончено?

Женщина, которую звали Исса, лишь сказала:

— Полагаю, решать предоставлено тебе.

Владычица Колхиды отпрянула, точно ее отпихнула огромная рука. И в удивлении спросила:

— Что ты имеешь в виду?

— Я просто хористка, поющая их песнь в эти дни, — сказала она без злобы, вообще без признака каких-либо чувств. — Я не могу прикидываться, будто понимаю, что они имели в виду, давая мне поручение. Я спросила их, когда они сказали мне, что я должна передать: «Какой смысл она

найдет в этих словах?» Они отмахнулись от меня, говоря: «О, она догадается». Теперь я могу сообщить тебе сами слова? Мальчики отказались их писать, и, боюсь, что если я еще помедлю перед тем, как сказать их тебе, я их пожалуй, забуду. Я постаралась их выучить, но для меня в них нет смысла. Я думала, они хотя бы окажут мне любезность и растолкуют кое-что, но…

— Говори, — пальцы Медеи вцепились в полированное дерево скамьи.

— Они сказали: «Передай матери, что если она сколько-нибудь способна воткать огонь в шерсть, пора пришла».

— Огонь… в шерсть. — Владычица Колхиды почувствовала, что губы ее стали сухи и ломки, словно бумага — или как если бы плоть обуглилась до кости. Женщина не предлагала повторить послание, и Медея ее не просила.

Воротились рабы с чаем и пирожками. Владычица Колхиды подала угощение собственными руками, хотя мысли ее блуждали далеко-далеко. Она подметила с легким и неприятным содроганием, как непроницаемое лицо Иссы озарилось откровенным удовольствием при виде пищи. Эта рыжая набивала себе рот лакомствами, как будто не надеялась, что когда-нибудь впредь наестся.

Себе Медея взяла лишь самую малость. Послание светлоглазой Иссы лишило ее аппетита. Кроме того, если она не насытится теперь, не беда, она всегда успеет подкрепиться и позднее. Не требовалось жаться насчет запасов пищи, пока Родриго охранял объединенные Граали замка. В этом, как и во всех делах, касающихся войны, он действовал толково.

Мысли Владычицы сосредоточились не на пище. Или не совсем на ней.

Почему мои сыновья осаждают нас, прекрасно зная, что у нас никогда не будет недостатка в пище до тех пор, пока у нас — наши Граали? О, да, они могут убивать наших воинов на поле брани, и убивают, но и так, и эдак, — мы можем ждать столько же, сколько и они. Почему они выбрали именно такой способ ведения войны, вопреки мнению всех остальных? В этом мире есть существа, знания которых о войне выходят далеко за…

Она вздохнула, затем содрогнулась. Кто мог бы объяснить, почему они действуют именно так. То были ее дети, порождение ее тела, благословенные или проклятые ее благородной кровью. Девять месяцев она была их миром, а они ее миром — многие годы после того. Даже Ясон

явился, как ничтожное мгновение перед любовью, которую она к ним испытывала. В недобрый час именно эта самая всепожирающая любовь облекла ее крыльями безумия и огня, побудив ее совершить требуемое жертвоприношение. Она желала бы поклясться перед всеми богами, что, когда ее нож опустился на те два горла, сыновья молча даровали ей прощение и понимание. Почему она теперь не может их понять?

Исса шумно чавкала, но поглощала предложенное ей не без своего рода утонченности. Это позабавило даже Владычицу, которой так исключительно мало доводилось забавляться в последнее время. Она вспомнила щенка, который был у них когда-то в Колхиде, отпрыска любимого отцовского охотничьего пса, явно тронутого. Это пухлое создание росло то ли не ведающим о своем предназначении в земной жизни, то ли безразличным к нему. Охотиться, рвать, умереть, напоровшись на клыки вепря и обагрив их? Нет, оно предпочитало слоняться по женским покоям, страстно моля о внимании и ласке легкомысленных девчонок. Оно жило, чтобы их смешить, и чтобы, смеясь, они на несколько мгновений забывались.

Ты можешь дать мне забыться, Исса? — подума-

ла Медея, следя, как та глотает и плещет. — Может твое невольное шутовство помочь мне позабыть, как я на самом деле бессильна? Я, черная колхидская ведьма — бессильна! О, какую шутку я сыграла с собой самой! Почему она не смешит меня?

Непригодный к охоте песик давно мертв. Однажды он слишком надолго задержался близ одной юной рабыни, любимой царем. Девушка стояла на коленях на полу и ласкала шалуна, когда явился Ээт, повелевший ей подняться и следовать с ним на ложе. Песик издал свой обычный нерешительный рык — ему не понравилось, что вдруг прервалось это изумительное почесыванье за ушами — и сделал несколько неловких шагов вслед царю. Отец Медеи шагнул ему навстречу, обнажив бронзовый кинжал. Он зажал рукой собачью морду, вздернул повыше голову звереныша и одним ударом перерезал ему горло. Пес поднял жалостливые глаза на своего хозяина и умер, и кровь текла по его пятнистой груди и бокам. Когда рабыня испустила негромкий возглас ужаса и сострадания, Ээт дал ей пощечину.

— От него не было никакого проку на охоте. Невелика потеря, — заметил царь и дернул девушку за волосы, чтобы привлечь к себе внимание.

Медея все это видела. Совсем малышка, она сидела у детского ткацкого станка в женских покоях и училась куда большему, чем просто возня с шерстью. Ее няня и наставница была из скифов. А у них говорили, что скифские женщины колдуньи, все до одной.

Но, будь она настоящей колдуньей, как бы она оказалась у нас в рабстве? А затем, меня тоже называют колдуньей.

То была шутка, черная шутка, а смех должен быть еще черней. Если послание Иссы действительно означало то, что представилось Медее, скоро у нее почти не останется времени вообще для любого смеха.

Чай исчез, пирожков тоже не осталось. Владычица Колхиды наблюдала, как ее гостья облизывает последние крошки с губ, а затем чопорно вытирает губы полотняной салфеткой.

— Я рада видеть, что ты получила столько удовольствия от нашего скромного угощения, госпожа Исса, — сказала Медея.

— У меня всегда было пристрастие к сладкому, — призналась та. — Но, помилуй, я уже сказала тебе, что я на самом деле не госпожа Исса.

— Но так тебя зовут мои дети. — Медея под-

нялась со скамьи. — И если я когда-либо увижу их вновь столько времени спустя, думаю, мне стоило бы приноровиться к их обычаям.

— Ты… ты идешь со мной? — Исса заморгала.

— Такова была цель послания, приманить меня. — Она хотела добавить: «Я угадала?» Но знала, что нет надежды получить прямой ответ от этого создания.

Женщина выглядела раздосадованной. Впервые Медея увидела, что ее тупые черты хоть что-то выразили.

— Если они желали только этого, могли бы так и сказать. Прежде всего, такое послание было бы куда легче запомнить. А не то я утратила покой, как бы не забыть хоть слово или не сказать неверное слово, в то время как, насколько я понимала, каждый слог их послания был наподобие… О, не знаю! Наподобие дурацкого тайного языка, который они запомнили, когда были маленькими, и ты… — Она осеклась, поняв, наверное, что теперь сказано, скорее, словом больше, чем словом меньше.

— Когда я убила их? — уточнила Владычица.

Исса хранила молчание.

— Чего ты боишься? — не отступалась Медея. — Это правда. Разве они не рассказали тебе все от

начала до конца?

— Не сразу.

Исса произнесла это через силу, как тот, кто терпеть не может разглашать тайны, даже те, которые уже всем известны.

— Ну, тогда в конце. Но они должны были когда-нибудь тебе сказать. Или, если нет, ты все равно не могла бы не узнать этого. Я услышала, едва ли не сразу, как пробудилась, что вся эта отвратительная история попала в миф. Когда я еще только приняла это… благословение новой жизни, я имела глупость вообразить, будто нам дано во всех отношениях начать сначала. Каким младенцем я была! Как только я узнала, что это я… Поняла, что это действительно снова я, — она крепко постучала кулаками по своей груди, — …я, во плоти, а не какой-нибудь блуждающий призрак… я пыталась получить все, что мог обещать подобный дар.

— Обещать… — другая повторила это слово так, как будто ни разу не слышала его, иначе как в паре с «и не исполнить».

Медея навострила уши, уловив эту весьма слабую зацепку. Ее раскосые глаза заискрились.

— Значит, то же самое случилось и с тобой, кто бы ты ни была.

— Была и есть. Я уже сказала: здесь ничто не меняется.

— Я это усвоила. Возможно, было бы лучше, если бы мы возродились, ничего не зная, даже наших имен. Но, кажется, боги жестоки во всех мирах. Когда я встретила других, недавно пробудившихся, как и я, и сказала им, кто я, они отказались мне поверить. Медея — такой же вымысел, как и единорог! — воскликнули они. И мне пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить их, что даже мифы должны так или иначе корениться в реальности. — Ее рот передернулся, и лицо скривилось. — О, я способна много в чем убедить.

— Ты хотела, чтобы они знали, кто ты на самом деле? — Холодные глаза Иссы по-прежнему были пусты. — Тебе следовало знать, как они откликнутся, если ты убедишь их.

— Ужасом, — согласилась Медея. — Отвращением. Омерзением. Ты, наверное, слышала байки, который рассказывали аргивяне о своих небесных богах. Только у отца есть право уничтожать своих детей. Ради прихоти. Я действовала не из прихоти, но попробуй, скажи это им.

— Но если ты знала, как станут к тебе относиться, если поверят, почему ты так упорствовала?

Владычица Колхиды не могла удержаться от

того, чтобы не поглядеть на это неказистое и унылое существо с некоторой жалостью.

— Потому что в мифе, которым я стала, больше жизни, чем в женщине, какой я была. Таков закон природы: выживает сильнейший.

Пухленькие ладошки Иссы принялись неистово обтирать кусок невидимого мыла.

— Миф… — Ее гладкий белый лоб сморщился, точно от боли.

— Тебе нехорошо? — спросила Медея. — Может, наша пища не подошла тебе? У меня есть кое-какие целебные травы…

— Нет, нет.

— А, понятно…

Итак, ты слышала всю историю: как я обманула дочерей Пелия обещанием омолодить их отца, дабы они умертвили его; как мне почти удалось отравить Тесея, сына Эгоя. И если бы я знала, как свои пять пальцев столь много темных искусств, как ты думаешь, почему Ясон не встретил свой жребий на дне винного кубка? Почему именно моим детям пришлось платить за лукавство этого развратника?

Исса встала.

— В самом деле, не нужно, спасибо. Мне уже лучше. Я могу отвести тебя к ним, если хочешь.

Медея отдала легкий поклон, наполовину насмешливо.

— Если только возможно.

Рабыни принесли плащ гостьи. Он был не так плотен и тяжел, как медеин, но неплохо служил хозяйке. Страж проводил двух женщин к главным воротам замка. Там ждал Родриго.

Как я и предполагала. Владычица Колхиды не могла не улыбнуться. Он предсказуем. До невозможности, до нелепости предсказуем. Мне нет надобности читать будущее по его внутренностям — хотя, какое это было бы удовольствие! — он открывает мне его каждым своим действием.

Разумеется, Родриго пришел сюда, чтобы их перехватить; у него повсюду были шпионы. Точь-в-точь, как у ее отца. Зная, что она живет с мужчиной, одержимо стремящимся раскрыть любую тайну, она старалась не хранить тайн. Она не могла лишить его большего удовольствия, чем то, которое он испытал бы, поймав ее на чем-нибудь за руку. А лишать его любого удовольствия стало для нее величайшим удовольствием из всех.

— Позволь узнать, Владычица, куда ты направляешься? — спросил он.

— Это Госпожа Исса, которая вырастила моих

сыновей, — ответила она. — Они послали ее ко мне с поручением. — Разумеется, он уже все знал, вот она и старалась предельно тщательно все повторить.

— А что это за болтовня об огне и шерсти? — осведомился он, выслушав ее. Медея передернула плечами.

— Это не болтовня, а дерзкая насмешка надо мной. Тебе ведомо мое прошлое, господин мой: огнем, вплетенным в шерсть, я погубила однажды свою соперницу. Я своими руками приготовила для нее брачный подарок: великолепное одеяние, протканное золотой нитью, спряденной из шерстинок самого Руна. Но, когда она его примерила, золото превратилось в нити неугасимого огня. Она умерла в муках, заживо сгорев дотла. — Рот Владычицы Колхиды скривился с одной стороны. — И теперь мои сыновья говорят мне, что она вернулась. Креуса.

— И что в этом тебе? — не понял он. — Ты умертвила ее однажды. Думаешь, она позволит тебе сделать это второй раз?

— Этот мир основан на вторых попытках. — Поднятый вверх уголок ее рта дернулся от недоброго веселья. — Вряд ли я могла бы предоставить ей возможность убить меня.

Его рука упала на ее предплечье, словно приговор.

— Я обеспечиваю безопасность этого замка ради тебя, Владычица. Я служу одной тебе, отказываясь сдаваться. У твоих сыновей нет со мной ссоры. Я бы мог бросить тебя на милость им давным-давно и сберечь жизни многих добрых солдат. А ты так спокойно идешь в их лагерь? Точно овца, отбившаяся от стада? — Его хватка становилась все крепче, пока она не стиснула зубы, не позволяя ему заметить, как ей больно. — Я это запрещаю.

— Нет с тобой ссоры… — Она оборотила свою боль в смех, подобный звону бьющегося стекла.

Нет ссоры! Как у Ясона и его пиратской шайки не было ссоры с ее отцом, царем Ээтом. В мифе рассказывается о том, как доблестное предприятие привело аргивских головорезов — все герои, и каждый — родич небесных богов — в земли Колхов. Они искали Золотого Руна, сокровища, которое стерег не смыкающий глаз дракон. Так говорит миф.

Правда часто безжалостна к людям, только приглядись. Руно представляло собой в действительности овечьи бурдюки с золотым песком, намытым в колхских речках, похищенные Ясо-

ном и его шайкой из дворца Ээта. Аргивяне намеревались лишь разведать, что да как, чтобы вернуться, приведя больше кораблей и больше мечей, если в стране действительно есть чем поживиться.

И вот она увидела его. Миф говорит, что, по воле Афродиты, волшебная стрела Эрота пронзила грудь Медеи, и та внезапно влюбилась в фессалийского разбойника. Что же, пусть миф называет любые имена, ущерб не станет меньше. Бесстыдная, как сука в горячке страсти, она стала домогаться этого золотоволосого юноши из чужих краев. Как и он, она думала, что лишь совершает разведку, когда пробиралась в зал, где он спал со своими людьми. Но, когда она стояла над ним, вдыхая лунный свет с его лица, он проснулся и протянул руку — и там, где он коснулся ее, пробежала огненная искра.

Креуса, прости меня; я научилась волшебству неугасимого пламени у него.

Она повела его из зала в свою спальню. Она повела его из своей, постели в сокровищницу своего отца. На страже стоял Гидра, единоборец Ээта. Он услышал шум шагов и взял копье наперевес, готовый к бою. Когда она выступила из тени и негромко окликнула его по имени, он

успокоился. Она завязала с ним разговор, и этим достаточно притупила его бдительность, чтобы он не услышал, как Ясон подбегает и набрасывается на него. Бронзовый клинок фессалийца неловко полоснул стража по горлу, но смерть не требует от исполнителей утонченности. Если быть столь же слепым ко всяким мелочам, сколь она, смерть — вполне можно назвать подобную пакость доблестным поединком.

А для Медеи важнее всего было то, что Ясон победил. Она смотрела на Гидру, валявшегося в луже крови, в то время как ее любимый выволакивал небольшие, туго набитые мешочки из неохраняемой кладовой. Гидра знал ее с детства и охотно катал ее на плечах. (Он не испытывал к ней истинной любви, она никогда не заблуждалась на этот счет, даже когда выросла. Он чтил в ней кровь ее отца, не больше и не меньше). Она полагала, что ей следовало бы почувствовать нечто большее, чем облегчение от того, что он оказал ей любезность и умер тихо.

У нее не было ссоры с Гидрой, равно как и у Ясона и его удальцов — ссоры с Ээтом. И разве это удержало ее от соучастия в бесславном убийстве доблестного борца и в грубой краже отцовских сокровищ сладкоречивым фессалийцем с золо-

тыми кудрями?

Она часто задавалась вопросом, а что если она вдруг встретит Гидру — здесь, в мире ужасов и чудес? И если да, то что я смогу ему сказать?

Ее смех наполнил главный двор замка. Холодные глаза Родриго сузились под насупившимися бровями, оценивая ее душевное состояние.

— Наше нелегкое положение забавляет тебя? — Не ослабляя хватки, он переместил руку на ее запястье, его костяшки побелели, и ей показалось, будто он вот-вот искрошит ее хрупкие косточки своей мощной лапой. Ее смех иссяк. — Может, я зря не позволил им до тебя добраться. Может, как раз это мне следовало сделать давным-давно.

— И что тебе помешало? — она с трудом прошептала эти слова, превозмогая боль. Его хватка ослабела, и она оказалась в состоянии опять подогревать свои чувства.

— Я дал тебе слово, как рыцарь и человек чести. — Он говорил так, словно сам себе верил, и ей с трудом удалось удержаться от того, чтобы не рассмеяться вслух. Владычица Колхов бросила на своего властелина свой самый чарующий взор.

— Мои сыновья тоже люди чести, — сказала она. — Разве за все дни этой осады пытались они хотя бы раз воспользоваться военными машина-

ми, которые сравняли бы этот замок с землей?

Родриго через силу признал, что она права.

— И все-таки, что дает тебе уверенность, что они не сделают тебя своей заложницей, раз уж ты оказалась у них в руках?

— Заложницей? С какой целью? Чтобы захватить замок? — Она позаботилась, чтобы ее лицо выражало одну только нежность к ее господину, чтоб не было и намека на снисходительность. — Замок нужен им лишь потому, что он служит мне укрытием. Если я стану их пленницей, цель будет достигнута.

— И ты умрешь.

Для него это действительно важно? — подумала она. — Или это новое представление, разыгрываемое ради удовольствия этих солдат, его свидетелей? Или — и она понимала, что это правда — или он всего-навсего боится моей смерти, потому что знает, что ему без меня не удержать замок?

Она помнила время, когда замок был только ее, когда она распоряжалась им по праву опеки. Его подлинный владелец и главный строитель давно исчез. Даже имя его сделалось не более чем шепотом в ее памяти. Она отказывалась об этом думать. Ей хотелось быть счастливой. Как

тогда, после разрыва с Ясоном, как и теперь, она не способна спокойно принимать то, что все ее возлюбленные, все до одного, покидают ее ради соперника. Будь то ясонова сучка-царевна или эгеев байстрюк Тезей, явившийся к отцу, ответ Медеи оказывался неизменным. И жалким.

На этот раз соперник у нее прекрасней любой женщины и сильнее любого сына. На этот раз новую любовь ее возлюбленного не облечешь в пылающую шерсть и не предложишь ей чашу с отравой. Разве можно отравить Реку? Река востребовала его — не откровенно и безжалостно, как смерть, быть может, но более коварно: песней сирены о странствиях, обещаниями приключений, открытий, загадок… Вода всегда поет скитальцам. Но, прежде чем удалиться, он оставил ей замок, наказав беречь, и поведал, как удержать его от тысячи Родриго.

А когда Родриго встал у ворот со своим войском из оборванных наемников и прихлебателей, я отдала ему замок — а себе оставила только знание, как его удержать. Уж если меня зовут колхидской ведьмой, я вполне могу приберечь для себя столь скромную чародейскую хитрость, а? О, Медея, и как тебе не наскучит пускать разбойников в свою постель? О чем я думала? И кто для меня, по

правде признаться, Родриго; чем я его сделала? Или это способ наказать неверного возлюбленного за то, что покинул меня? Второй Ясон? Вторая попытка.

Вторая попытка.

— Господин мой, — сказала она, стараясь ничем себя не выдать. — Допустим, я умру. Я могла бы уже умереть множество раз. Войска моих сыновей снабжены оружием, которое не различает целей. Стрелы не спрашивают имен. Ты думаешь, я никогда не предвидела подобную случайность? Я обо всем позаботилась, уверяю тебя. Поступить иначе…

— Означало бы не оправдать доверия, которое оказал тебе владелец замка. Знаю. — Родриго совершил непроизвольное движение, поглаживая не отросшую здесь, в Мире Реки, бороду. Медея ни с того, ни с сего спросила себя, а впрямь ли эта растительность на подбородке прибавляла ему привлекательности в те дни, когда он ею обладал.

Этого я о нем не знаю, — подумала она. — И этого я о нем не желаю знать. И все-таки мы двое кое в чем поразительно схожи. Мы оба прикованы к преданиям о нас.

— Да, — ровно сказала Медея. — Владелец этого

замка много раз говорил мне, сколько замыслов ему пришлось задействовать, сколько источников строительных материалов пришлось исчерпать, сколько простой и тяжелой работы пришлось вложить, чтобы здесь поднялся замок. — Она бросила взгляд на запертые ворота. Песнь Реки слышалась даже через створки из железного дерева. — Я поступила бы дурно, если бы, следуя прихоти, развеяла прахом все его труды.

— Значит, ты понимаешь, почему я запрещаю тебе идти.

— Он цеплялся за свое решение упорней, чем травы Долины Реки — за почву. — Пусть даже ты хозяйка этой твердыни, порой долг хорошего слуги — призвать хозяина увидеть свои ошибки.

Она вложила ладонь в ладонь Родриго, ощутила, как груба его кожа и замечталась, вопреки себе, о том, что загрубелые от соли и солнца руки Ясона не стали бы так сурово скрести ее плоть. И все же она принудила свои губы нежно улыбнуться.

— Когда-то, Родриго, как давно, для нас больше не может иметь значения, когда-то ты служил лучшему господину, чем я. Ты верно ему служил, даже когда твои враги побудили его переменить-ся к тебе и отправить тебя в изгнание. Я слышала

от твоих людей, какой неколебимой оставалась твоя любовь к тому твоему господину все годы несправедливого изгнания.

— Люди, которые за мной идут, слишком хорошо знакомы с преданием, и слишком плохо со мной, — заметил Родриго. — Я служил моему королю Альфонсо, как и любой добрый рыцарь. Я принес ему присягу. Первая моя клятва верности была дана его брату Санчо, который прежде него властвовал в Кастилии и пал от руки убийцы. — Он бросил на Медею взгляд, от которого ей сделалось тревожно. — Я знал, что Альфонсо не был полностью свободен от подозрений в пролитии крови брата, но доказательства отсутствовали, а страна нуждалась в короле. И я дал клятву верности моему новому властелину вместе со всеми остальными рыцарями Кастилии. Я сдержал слово. И любовь здесь ни при чем.

И никакой любви…

Она почувствовала, что ее улыбка затвердевает, точно высохший мед.

— Итак, мы согласны, ты и я, что верность слову важнее, чем любовь. Я тоже дала слово. Я пообещала сберечь и сохранить этот замок. Так я и сделаю. — Она отступила от ворот, знаком предложив ему следовать за собой.

Позднее, когда главные ворота замка закрылись за ней, Владычица Колхиды поправила на плечах легкий плащ Иссы и с блаженством вдохнула воздух свободы. Перед ней в сумерках лежала равнина, а позади равнины, среди палаток вражеского лагеря, ее ждали сыновья. Ее сыновья… И никто другой.

Медея прикоснулась к груди, где был спрятан кинжал. Его, конечно же, найдут, и отберут у нее, прежде чем она хотя бы вступит в палатку своих детей. Они что-то заподозрят, если она не придет, неся смерть.

И пусть подозревают, им все равно ничего не узнать.

Кинжал у нее на груди был в действительности дар для ее сыновей — такой превосходный стальной клинок, такая редкость! В конце концов, это их дар мне — ее кровь во второй раз, — подумала она. — Кинжал — самое меньшее, чем я могу их отблагодарить. Подлинная смерть, которую она несла, таилась в ином месте — в изящных шпильках, удерживающих ее волосы. Они не были остры, нет, иначе их непременно сочтут оружием и заберут у нее — лишь округлые, невинные, на вид украшения на концах стерженьков, были в действительности затыч-

ками, а в полой сердцевине каждой шпильки… яд. До чего поразительно, что она, которую миф объявил владеющей тайнами тысячи ядов, оказалась в мире, где отравы не существовало. (Даже одеяние из шерсти и огня, которое она послала Креусе, едва ли было отравлено, если отбросить выдумки. Она пошла к той суке со свежей кровью своих детей на руках, безумная для каждого часового, который страшился богов. А следовательно — святая. Она изрекла пророчество, или то, что ей удалось заставить звучать как бред — и они провели ее к царевне, ибо гремящие слова даже самому тупому из стражей худо-бедно давали понять, что она произносит речи, касающиеся грядущей радости их царственной госпожи. А затем, когда Креуса, точно обалдевшая корова, пялилась на безумицу-северянку, как просто оказалось обратить исступленный пророческий танец в орудие смерти).

Все, что я соткала — это узоры, бегущие вперед и назад по сучкиному чертогу. Все, что сделала — танец с бормотанием самой дикой невнятицы, но с именами Креусы и Ясона, раздающимися достаточно часто, чтобы эта молокососка не решилась приказать стражам остановить меня или заткнуть мне рот. Кровь на моих руках тоже

оказалась кстати. Хотела бы я знать, я только думала об этом, или действительно лица моих умерщвленных малышей изгнали в ночную тьму мою душу? Так трудно понять, оглядываясь назад, где заканчиваются домыслы и начинается правда жизни. И притом — чья правда?

Так я плясала, воспользовавшись своим безумием, истинным или притворным, как прикрытием, которое поможет мне оглядеться и найти в ее чертоге то, что принесет ей смерть. Если не останется ничего другого, я пообещала себе вырвать клинок у одного из стражей, хотя я и заплачу за это жизнью на месте. А все оказалось легче легкого. Она любила, чтобы ее чертог был ярко освещен, эта царевна. Чаши с горящим маслом стояли на высоких бронзовых стеблях, точно огненные цветы, по всему чертогу. Я улучила минутку, схватила две из них и опрокинула на эту дурищу. И пока масло пропитывало ее шерстяное свадебное одеяние, а пламя весело взбегало по нему, я бросилась прочь. Стражи были слишком оглушены воплями — сухая промасленная шерсть так хорошо горит — чтобы меня преследовать. Их всех одолело их собственное безумие, то, которое позже сберегло их головы на плечах, когда весть об их роковом промахе дошла до царя.

«О, повелитель, нас не в чем винить! Прибыл сверток с великолепным свадебным одеянием, даром для твоей царственной дочери. Она немедленно надела его в восхищении, и ее немедленно пожрал огонь, с помощью колдовства вплетенный в шерсть черной ведьмой из Колхиды».

Медея рассмеялась про себя и погладила шпильки в волосах, точно верных охотничьих псов. Скоро их пустят по следу. Это стоило ей дней и недель отчаянных одиноких усилий на грани истинного безумия, но она своего добилась: она брала ежедневную порцию жвачки грез из своего грааля, пережевывала, заглатывая как можно меньше слюны, и сплевывала в подставленный сосуд. Когда накопилось достаточно, она тщательно проварила все это на огне, и получила малую долю поистине жуткого зелья.

В замке была граальная рабыня, которая однажды пронеслась по замку, вопя и неистовствуя, точно взбесившийся лев. Родриго, не выносивший жвачки грез, следил, чтобы его самые доверенные порученцы обшаривали все Граали, изымая дьявольское зелье (но грааль Владычицы? О, нет, нет, кто осмелился бы?). А рабыня получила только то, что ей скупо уделила хозяйская рука. Следовательно, она действительно

обезумела. Иначе с чего бы она схватила ножи бросилась на самого Родриго? Именно это сказал Родриго, когда вытирал кровь девушки со своего меча. Именно тогда Владычица Колхиды поняла, что изготовленный ею из жвачки грез яд действует.

И он одолеет тебя, Креуса.

Она пересекла равнину без происшествий. Как она и ожидала, ее остановил передовой дозор ее сыновей. «Я Медея», — все, что требовалось сказать. Ее немедленно препроводили к ним, лишь после самой краткой задержки. Кинжал, как ее уверяли, будет возвращен ей перед уходом.

Если они намерены позволить мне уйти, — подумала она, когда страж придержал для нее завесу входа в палатку. Дайте мне только снова увидеть морду этой девки, дайте мне во второй раз убить ее, и я умру счастливая.

Палатка была огромная, ярко расписанная, окруженная воинами в отличной одежде и броне, с превосходным оружием. Она ощутила странный прилив гордости за сыновей, ставших столь могущественными людьми. Они восседали в креслах из резного дуба, вроде тех, который лучше всего помнили, на шеях и на руках у них сверкало серебро. Вопреки себе, она обнаружила,

что к ее глазам подступают слезы. Так вот что такое — встретиться лицом к лицу с тем, что могло бы быть!

Старший поднялся, чтобы приветствовать ее. Лицо его было непроницаемо. В нем нет порочности Ясона! — подумала она, изучая темные волосы и ровные глаза цвета грозовых туч. А поглядев на младшего, подивилась, насколько Иолай — образ своего проклятого отца, и почувствовала, что ее сердце рвется ему навстречу.

— Добро пожаловать, мать, — сказал Эсон без малейшего намека на издевку в голосе. — Не хочешь присесть? — И указал на кресло, которое освободил. Других сидений здесь не было.

— Я лучше постою, — ответила она.

— Да, именно стоящей я тебя лучше всего помню. — Эсон отвернулся от нее и опять сел на свое место. Между ним и его братом стоял маленький столик, где ждали чаши с вином. Эсон взял одну и добавил. — С ножом в руках. Ты помнишь, Иолай?

Тот мотнул золотыми кудрями. Она увидела, как дрогнули широкие плечи ее младшенького. Он плакал? Она шагнула к нему, но малыши-призраки потянули ее за полу и не дали подойти к живому мальчику.

Ее саму поразил хрип в ее голосе, когда она произнесла:

— Вам следует знать, что я пришла сюда тайно. И должна снова быть в замке, прежде чем откроются Граали для ужина. Если нет, мой военачальник придет к выводу, что вы убили меня, и возобновит войну.

— Войну? — Как странно знаком голос ее Эсона! — Это не война.

Скажи это мертвым, — подумала она. А вслух заметила:

— Тогда что это? Такая трата усилий. Зачем? Просто, чтобы увидеть меня?

— А почему бы нет? — Ее собственный апломб, это легкое поднятие брови. — После того, как мы с Иолаем выросли, нас стало занимать, а есть ли ты или отец среди воскрешенных душ? Наши поиски начались много ранее, чем мне хотелось бы думать, и оказались лишь наполовину успешными. Если только… Может, ты знаешь, где его искать?

— Нет, — это слово просыпалось пылью. — Если бы знала, то лишила бы вас удовольствия его прикончить.

— Ты думаешь, мы хотим этого? Иолай, тебе платить! Я поставил на то, что она все взвешивает

на своих весах! — Эсон поставил чашу, потянулся через стол и дружески стукнул брата кулаком по руке. Брат сидел, как прежде: отвернувшись и уперев взгляд в дальний конец палатки. Старший снова поглядел на мать и сказал:

— Добрые менее чем добры к убийцам родичей, матушка. — Смерил ее взглядом. — Или так говорят мифы. Нам всего лишь хотелось поговорить с тобой, хотя бы чтобы узнать, как ты избежала змеиных бичей, которые они, как известно, назначили тем, кто пролил родную кровь.

— Вы простите меня, если я вам не поверю, — отозвалась она. — Но знайте, что вы можете поверить мне со всей определенностью, если я вам скажу, что стоит вам отнять жизнь у меня, Родриго отнимет у нее.

— У нее? — мгновенное замешательство всколыхнуло холодное море эсоновых глаз, затем в них вспыхнуло понимание. — А, ты имеешь в виду нашу няню? Вне сомнений, ты оставила ее заложницей. Это была твоя мысль?

Владычица Колхиды кивнула.

— Иначе он не позволил бы мне идти. А получив ваше послание, я не могла не явиться.

У Эсона скривился рот, и это лишь с натяжкой можно было бы назвать улыбкой. Он обратился

к брату.

— Иолай, забудь, что ты мне должен. Мы квиты. Я думал, она ни за что не проглотит наживку. — И сказал ей: — Я не так хорошо все помню, как надеялся. Мне казалось, что ты хитрее, матушка. Правда вижу, ты все еще винишь других за свои прихоти. Он не позволил бы уйти? Как если бы ты была рождена не для того, чтобы поступать по-своему!

Она открыла рот, чтобы прокричать: «Что вы можете знать обо мне?» Более чем две тысячи лет спустя слова были слишком знакомы: «Я поступила так с вами, мои малыши, не потому что я хотела, а потому что меня вынудил ваш отец! Что вы можете знать об изгнании? Отняв у вас жизнь, я облегчила вам участь. И нет здесь моей вины».

Медея плотно сжала губы и вновь овладела собой. Двойные шпильки в волосах — вот обещание, которое ее поддерживало.

— Значит, то была ложь, ловушка. Креусы здесь нет. Теперь, полагаю, вы меня убьете, и Родриго расправится с госпожой Иссой. Это для вас ничего не значит. Вы побились об заклад и выиграли.

— Мы бились об заклад, — согласился Эсон, — но мы ничего не выиграли, а лишь потеряли тебя. — Он налил еще вина и опять плюхнулся

на сиденье. — Скажи ей, Иолай. Тебя до сих пор мучают жуткие сны. Ты ей большим обязан.

Золотая голова не шевельнулась, но Медея услышала, как заговорил ее младший. Голос у него был тихим и нежным, неуловимым, как весенняя тучка.

— Мы не солгали. Мы не утверждали, что Креуса здесь. Ты это лишь предположила. Не следует нас упрекать за то, что ты так поняла наше послание.

— Что? — Ярость всколыхнулась в ее груди. Провели! Провели! Кое-кто заплатит кровью!

— Вы лжете мне сейчас, утверждая, будто не солгали. А что еще я могла бы подумать, когда ваши слова были так ясны — огонь в шерсти?

— Ты подумала: это соперница. Та, что угрожает отнять мужчину, который тебе… для тебя… — его голос пресекло рыдание, — так дорог. Дороже всего на свете.

— Ты несешь чушь, — вскипела Медея и прошлась по палатке. — Ох уж, эти загадки! Если вы имеете в виду вашего отца, его здесь нет. Я никогда не видела его и ничего о нем не слышала в этом мире. Если имеется в виду истинный владелец замка, он тоже неведомо где, и моя ревность к нему не пролетит и пяти бросков копья от этой

палатки.

— А ты воспламенила бы саму Реку, чтобы выжечь рану, которая нанесена твоему честолюбию, верно, матушка? — язвительные слова Эсона задели глубоко. — Мы не имели в виду ни того, ни другого.

— Остается Родриго. — И гнев ее мгновенно иссяк. Она почувствовала изнурение. — Тогда вы ошибаетесь, утверждая, что он мне дорог. Я его никогда не любила.

— Что общего имеет любовь с тем, как дорого ты что-либо ценишь — это выше того, что ты любишь, к чему истинно привязана? — Голос Иолая, как теперь казалось, доносился издалека. — Ты достаточно часто твердила, что любила нас.

— Ээт, — Эсон стал загибать палец при каждом имени.

— Ясон, Эгей, все возлюбленные, которых ты заводила после него до дня своей смерти, все возлюбленные, появившиеся после Дня Воскрешения, строитель замка, Родриго… Сколь многих из них ты любила? По-настоящему любила? Или то были всего лишь твердые тела, необходимые, чтобы придавать форму плащу всепожирающего пламени по имени Медея?

— Вы безумны, — она просто устанавливала, но

не обвиняла. — Вы оба не в своем уме.

Эсон покачал головой.

— Мы знаем, что такое безумие. Мы много раз сталкивались с ним после твоего кровавого часа. Дети быстро учатся. Мы уже тогда усвоили, как его распознавать. Дети также смекалистые звереныши. Мы усвоили, что безумие — более верное оружие, чем самый острый клинок.

— Что ты этим…?

— О, сама знаешь, такова правда, матушка. Разве не твое собственное безумие привело тебя сюда на поиски соперницы? — Он рассмеялся. — Сюда!

— А теперь возвращайся в замок. — Иолай повернулся к ней лицом, и холодная ненависть в его глазах ударила ее по сердцу, словно молот. — Она Там. И ждет. Сделай с ней все, что тебе вздумается — все, что сможешь. Но если тебе пришлось просить у него дозволений покинуть твою собственную крепость, как ты думаешь, позволит ли он тебе нанести ущерб его законной жене?

Ее губы шевельнулись, но она не смогла исторгнуть слова. Теперь оба сына наблюдали за ней, жадно и сурово, точно ястреб, готовый броситься на добычу. Она знала, что ее боль не тронула их; имело значение лишь то, что они видят: ей

больно. С усилием, которое ей прежде ни разу не доводилось затрачивать, она смогла наконец произнести:

— Химена?

— Ты знаешь, как здесь могут меняться имена, — сказал Эсон.

И она поняла. Исса… Точно шипение, точно звук, который возникает, когда чешуйки земной змеи трутся о камень, прежде чем змея заползет в свою нору.

— Заложница, которую ты так легко и с такой охотой оставила. — Эсон улыбался. — Цена твоего прихода сюда, и этой поразительной встречи родных.

— Соперница, которой ты так боялась. Она была с ним наедине все это время, дольше, чем ты здесь с нами. — Руки Иолая дрожали, точно у старика. Они сомкнулись вокруг его чаши с вином, и он пил, пока дрожь не унялась. Пальцы, более длинные и точеные, чем у Ясона, смахнули густо-красную каплю с губы. — Каково себя чувствуешь, когда тебе в горло входит нож… матушка?

Она не помнила, как покинула палатку, как отыскала дорогу обратно по равнине. Она только и знала, что кто-то, безусловно, вернул ей ее кин-

жал, потому что чувствовала сбоку его вес.

Звезды ярко осветили ее тропу, но она бежала во тьме. Не было слез, которые затуманили бы ее зрение, но все же местность по обе стороны от ее стучащих оземь ног расплылась. Казалось, даже трава, распрямляющаяся позади, насмешливо шепчется, даже могучий голос Реки звучит в ее ушах злобно и ехидно. Во время бега шпильки выбились из прически. Одна упала и потерялась, но другую она цепко схватила и прижала к груди, точно святыню, укрыв ее у самого сердца.

— Отворите! — крикнула она, колотя в ворота из железного дерева. — Отворите быстрее!

Один из ее людей откликнулся, поднял засов и впустил ее. Та крохотная часть ее мозга, которую не охватил огонь, неуместно поразилась, а как она должна выглядеть в его глазах, чтобы его лицо настолько побелело от ужаса. Она сжала кулаки и потребовала, чтобы к ней привели заложницу.

Другие солдаты подошли поближе, чтобы расслышать ее неистовые приказы. За все время службы ей и Сиду они никогда еще не видели ее такой. И ничто иное, как этот круг молчаливых перепуганных глаз, наконец, привело ее в чувство. Она понизила голос и провела рукой

по волосам.

— Простите меня, — сказала она спокойней, и все же, не утратив властности. — Там, откуда я явилась… Как они обошлись со мной… — она знала, что эти мужчины скорее поддержат беспомощную женщину, нежели одержимую, и поспешила приноровиться к их представлениям. — Я узнала нечто, касательно заложницы, которую наши недруги так ловко подсунули нам; это измена. Доблестный Родриго должен услышать обо всем сразу, и только из моих уст. Но сперва мне нужно ее увидеть.

— Владычица, твое желание будет исполнено, — отозвался один из ее собственных людей. — Но измена? Заложница пальцем не шевельнула против нашей крепости или наших людей с тех пор, как ты отбыла…

— Чистое везение. Если аспид скользит мимо твоей босой ноги, не стоит предполагать, будто все прочие змеи в дальнейшем будут столь же учтивы. Она не рассчитывала, что я так скоро вернусь. Она думала, что у нее есть время для осуществления ее замысла.

Он по-солдатски белозубо улыбнулся.

— Сейчас она узнает, что времени нет. — Его рука сомкнулась на рукояти короткого меча. — Я

приведу господина Родриго. Он в оружейной, проверяет наше оружие. Он пожелает, чтобы ему доверили честь предать смерти эту змею.

— Нет, — настойчиво заявила она. — Ни слова ему, пока я не увижу. Моя беседа с нашими врагами дала мне больше, нежели они рассчитывали. Они плотно плетут свою паутину, ложь за ложью, и порой то там, то тут дозволяют проглянуть правде. Было бы грехом казнить заложницу, если то, что они мне поведали о ней, окажется лишь очередным враньем, какова бы ни была его цель. — Ее неистовые глаза не отпускали его, когда она добавила. — В награду за всю вашу верную службу и послушание, я бы хотела избавить вас от пролития невинной крови.

Они знают миф обо мне лучше, чем меня самому, — подумала она, наблюдая за кругом этих сильных мужчин, отпрянувших при ее словах. — Я привыкла думать, что в этом нет ничего хорошего; теперь понимаю, что заблуждалась. Когда я заговариваю об ужасе, неизбежном при пролитии невинной крови, они дрожат лишь потому, что эти слова выходят из моих уст. Это власть. А власть вызывает повиновение. Невинная кровь… увидеть моих мальчиков — и тех скользких на язык воителей, которыми они стали, кто бы от-

ныне подумал о них, как о невинных?

Она дала воинам понять, что Родриго не должен пока что узнать о ее возвращении. Пока утром не откроются Граали, пусть он верит, что она все еще в стане врагов. Стражи, которые уже видели ее, дали слово чести, что сохранят тайну. (Родриго обратил честь в государственную монету внутри замковых стен. Она молча поблагодарила его за эту столь полезную ей глупую выходку). Лишь один из воинов повел ее в помещение, где оставалась заложница. И ее там не было. Лицо стража сделалось предательски алым, когда Медея потребовала ответить, где эта тварь. Ему даже не потребовалось вымолвить хоть слово.

Опочивальня Родриго находилась в покое бывшего хозяина. Родриго не было там, но была женщина. Она раскрыла рот и натянула одеяло на маленький пухлый подбородок, когда вступила Медея.

Владычица Колхов порыскала по спальне взглядом. Графин вина стоял на буфете под развешанным на стене любимым острым оружием Родриго, но Медея вспомнила, что эта стерва не выносит вина. Она обернулась к своему человеку:

— Принеси чаю. — Он исчез в один миг, не задав

ни вопроса и затворив за собой дверь.

Некоторые время обе женщины не занимались ничем, а лишь удерживали друг дружку в бледных чашах своих глаз. Затем Медея спросила:

— Он уже знает, кто ты в действительности?

Исса покачала головой. Ее золотисто-рыжие волосы, теперь распущенные, падали, тонкие и прямые, чуть ниже плеч.

— Я не собиралась… Он был таким… Я не могла защититься… Никогда раньше я…

— Прекрати болтать. Меня бы не взволновало, если бы ты трахнулась с половиной наших парней. — Она с удовольствием подметила мелкую дрожь, пробежавшую по телу Иссы. — А, но как он поразится, когда узнает, с кем возлежал нынче ночью!

— Ты… знаешь? — (Медея кивнула). — И тебе все равно?

— О, мне не все равно, госпожа! Очень даже не все равно. Но все не так, как тебе представляется. Мы не обменивались клятвами любви, он и я, так что я бы назвала его свободным. Ведь именно клятва могущественнее всего, а?

— О, да! — Исса расслабилась, и даже улыбнулась. — Клятва — это все, — сказала она, и как раз тихонько отворилась дверь, и вошел Медеин

человек с чаем.

Подбросить яд оказалось нетрудно. Госпожа Исса ничего не заметила, занятая одеванием и приведением в порядок скудных волос. Медея выдернула затычку из полого стерженька, спрятанного на груди, и ловко опрокинула содержимое в чашку соперницы перед тем, как разлить чай. Исса глядела на стену, где висело оружие Родриго, и ее глаза сверкали. Вес кинжала у пояса успокаивал.

«Надеюсь, ее демоны толкнут ее туда,» — думала Медея.

— Это было бы совершенством. Что бы Родриго ни рассказывал мне о своей жене, он ни разу не упоминал, чтобы она владела оружием. А я, с другой стороны… Да, пусть схватит меч! И кто после этого назовет меня лгуньей, когда я сожмусь в крохотный, орошенный слезами комочек, повторяя, что действовала только ради самозащиты?

В комнате стояло лишь одно кресло. Медея заняла его, предоставив сопернице угнездиться на краешке кровати. Они прихлебывали чай и беседовали о Родриго: как он неотразим, как он ни разу ни от одной женщины не услышал «нет». Довольно скоро Владычица Колхов с удовольствием подметила набегающий в плоских

голубых глазах тонкий туман. Еще немного… Нужен только булавочный укол, чтобы ее демоны вырвались на свет.

— Мне его для тебя не жалко, — промолвила Медея. — Если честно, то дарю его тебе.

— Даришь? — женщина заморгала. — Точно земельный надел… Как собственность. Нам было обещано… Но он… — остальное пропало в невнятном бормотании.

— Разумеется, дарю. Видишь ли, это мой замок, а не его, и даже я лишь держу замок по доверенности. Однажды тот, кто распоряжается в этом замке, станет распоряжаться и руслом Реки ниже его.

— Он сказал… сказал, что замок будет наш, — глаза Иссы метнулись из стороны в сторону. — Он пообещал. Лишь тогда…

Все лучше и лучше. Владычица Колхиды с трудом подавила победный клич. Он пообещал ей замок, вот как? До чего похоже на него, дарить то, чем он не владеет. Возможно, у нарушенного обещания достаточно острый край, чтобы направить ее туда, куда мне надо.

И она сказала своей намеченной жертве:

— Мне нужна рука Родриго, чтобы помогать удерживать замок, но все остальное в нем — твое.

А все, чего я прошу в обмен — это использовать то влияние, какое у тебя есть, чтобы он и впредь оставался послушным вассалом. Я не против уступить его тебе, — солгала она. — Но не уступлю этот замок ему.

— Жар… Какой жар… — Исса начала колыхаться, стирая со лба несуществующий пот вялыми белыми ладошками.

— Где он? Это только сплетни. Замок наш. Он сказал, что наш! — Ее блуждающий взгляд вперился в Медею и стал пронзительным. Водянистые голубые глаза сверкали, полыхали, горели исступленным холодом. Она вскочила с постели. — И теперь замок достанется ей?

— Да, ей, — откликнулась Медея, подавшись вперед в кресле. Она с радостью наблюдала, как в глазах этой ледышки пляшут демоны. О, почувствуй, как жажда убийства вздымается в тебе, Химена! Пусть твоя мышиная душонка поверит, будто ты в силах со мной тягаться! Или ты не видишь эти мечи на стене? Не слышишь, как холодный металл поет твое имя? Представь себе, как сладостно было бы обагрить один из них моей кровью. Попытайся подняться против меня, дрянь. Только попытайся.

— Она его никогда не уступит. Я не уступлю.

Он не твой, и никогда твоим не был, что бы ни пообещал Родриго — но замок мой. Ты понимаешь? Мой.

Стенания ледышки возросли до отчаянного воя.

— О, матушка! — вскричала она, вся во власти дурмана.

— Матушка, да как ты могла такое допустить? — Она ринулась к стене с оружием, сорвала оттуда короткий меч и, развернувшись, налетела на не торжествующую больше Владычицу. Медея сорвалась с кресла как раз перед тем, как по нему ударил клинок. Ну и сила! — подумала она. — Даже чтобы удержать такой маленький клинок, сила ее рук… Я-то думала, она схватит меч и замахает им кое-как, и тогда я… Второй рубящий удар попал совсем близко и отсек кусок ткани ее одеяния. Она кинулась по полу на четвереньках, точно крыса, отчаянно желая оказаться как можно дальше отсюда.

— Это все ты виновата, Эбби! — взвизгнула соперница, вздымая над головой меч. — Он ни за что не нарушил бы обещание, которое дал мне, если бы не ради тебя! Жадная свинья!

Медея проворно откатилась в сторону, чтобы избежать удара сверху вниз. И тут же почув-

ствовала, как теплая влага растекается от плеча. Оказывается, она была недостаточно быстра. Она выхватила кинжал, желая хотя бы взглянуть в лицо демонам, которых призвала.

Дверь спальни распахнулась.

— Что такое? — прогремел голос Родриго. Медее удалось заметить мертвое тело своего верного солдата, распростертое снаружи, за дверью, прежде чем рыжая фурия набросилась на великана-рыцаря, вопя:

— Я любила тебя, а ты нарушил обещание! Ты отдал его ей! О, как я любила тебя!

Родриго потянулся за своим мечом. Медея не больше одной секунды упивалась надеждой на то, что сейчас осуществится ее план, и Химена падет от клинка Родриго. Кастильская тяжелая сталь даже не покинула ножен, прежде чем короткий меч врезался в шею Сида, и брызнула алая кровь. Рыцарь опрокинулся, и одержимая прыгнула на него сверху, рубя его по голове, хотя ясно было, что он уже мертв.

Владычица Колхиды почувствовала, что у нее распухают глаза от впитанного ими ужаса, пока украдкой подбиралась к двери.

Рука схватила ее за полу и неистово дернула назад. Медея таращилась в голубые глаза, где не

было ничего, кроме крови.

— Здесь есть и твоя вина, — провыла Химена, дыша тяжко, словно зверь. — Я бы никогда не убила их, если бы не оказалась покинутой.

Боги… Что я вижу? Ее слова… — Медея не могла шевельнуться, пригвожденная к месту духом из своего мифа. Она осторожно коснулась своего лица, в трансе, наполовину ожидая, что пальцы трогают черты Ясона.

— Я никогда… Кто… За кого ты меня принимаешь? — спросила она.

Теперь слезы ручьем катились из глаз рыжей.

— Это твоя вина, твоя! Если бы ты не умерла, он никогда бы не женился на ней: на этой толстой пошлой Эбби, нашей мачехе. Эмма сказала, что нам не нужна мачеха. Он обещал оставить нам ферму, а потом решил оставить ей и переписал завещание. Как будто она и так недостаточно получила, свинья! Эмма говорила мне, ты всегда учила ее, что обещание — дело святое, его дают перед лицом Бога. А он и так уже нарушил немало обещаний. Ради спасения его души, я не могла бы позволить ему новое вероломство. Я бы ни за что не совершила подобного, будь у меня выбор. Я любила моего отца! О, матушка, матушка, зачем ты нас покинула?

Кем бы ни было это одержимое демонами сознание, у Медеи вдруг возникло ужасное подозрение, кем оно не является. И все же требовалось спросить.

— Хи… Химена?

Сверкнул грозный взгляд.

— Как ты меня назвала?

Отлично. Теперь — новая попытка. Порой чье-то настоящее имя способно разрушить власть самого жуткого безумия и развеять дурман.

— Исса?

Хриплый смех.

— И ты не можешь правильно произнести Лизбет, в твоем возрасте, матушка? Ты лопочешь, как ребенок! Так или иначе, он всегда называл меня Лиззи. — Голова ее наклонилась, точно у готового к нападению быка. Она подступила к Владычице Колхов на шаг, еще на шаг. — Меня пытались обвинять в их смерти, там, в суде, но это была ложь. Вот почему им так и не удалось меня приговорить. Одному Богу ведомо, на ком действительно вина. — Еще шаг. Клинок взлетает, словно звонкая трель. — И ты тоже.

Мысленно Медея призвала черную колесницу, запряженную драконами, которой наградили ее мифы. А перед глазами видела только меч. Слова

Иолая отдались в ее ушах: «Мы не солгали. Мы не утверждали, что Креуса здесь. Ты это лишь предположила». Она увидела лица обоих, когда они еще были маленькими, отраженные в крови Родриго у края лезвия.

Ее кровоточащее плечо негодующе заныло. Она устала от вторых попыток. Ее руки раскинулись. Она обняла все, чем была в действительности, позволив вымыслам соскользнуть, точно слишком тяжелому плащу.

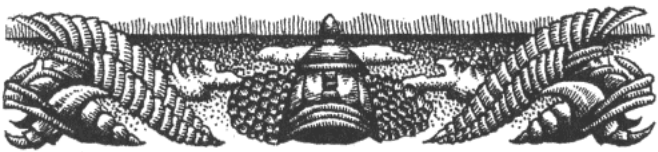
— Вина за их смерть — на мне, — сказала она впервые за обе свои жизни, и склонила голову, чтобы принять удар меча.

Рик Уилбер
Стивен обретает отвагу[68]
Первая подача:

[68] notes: 68

STEPHEN COMES INTO COURAGE by Rick Wilber Copyright © 1993 by Rick Wilber.

Когда кто-нибудь падает, собирается толпа



Стивен Крейн делает три твердых шага влево и ныряет, протянув руку в перчатке, за жестко поданным мячом в середину.

Он запоздал на долю секунды, ибо зазевался, думая, что Бэйб, которая подает впервые за неделю или больше, и выглядит что надо, легко вышибет Редди Буллера. Буллер, в конце концов, из бриттов и крикетист, он больше привык к мячам, которые отскакивают от тесных воротец, чем к стремительным подачам, пущенным левой рукой. Разумеется, он должен был оказаться не готов справиться с высокой и жесткой подачей Бейб.

Но Буллер оказался ловок, он с размахом отбил первую подачу, как будто с детства играл таким образом. Обычно он малость неуклюж и осторожен, он куда лучше организует оборонительные

учения на их сборах, чем в бейсбол играет. Но для каждого бьет его час. Мяч, отбитый Редди, пролетел на середину мимо Бейб, которая только и смогла, что нелепо взмахнуть рукой в его сторону, когда мяч проносился. Стивен, прорываясь к нему, а затем подныривая, надеется только сбить мяч и добиться новой подачи.

Но у богов этого паршивого места имелись свои замыслы, и мяч, совершив чудной прыжок, шлепается аккуратненько в переплетение стивеновой корзинообразной перчатки. Краткий миг Стивен лежит и ругается. Чертовщина?! Неужели он не может сделать здесь что-то не то, неужели ему не положено!

Затем он думает об игре и о товарищах по команде и поднимается на колени, вырывает мяч из перчатки, сшитой из драконьей кожи, немедля крепко бросает Лу. Буллер на шаг обойден. Игра закончена. «Красные чулки» Стивена — 8, «Тайные агенты» Джозефа — 7. «Чулки», вопя, поздравляют друг дружку и Стивена, налетают на него. Большую часть игры они оставались позади и предполагали, что проиграют, пока дело не решил удар Стивена снизу, который довел их счет до восьми. И вот, благодаря безупречной игре, он смог удержать первенство, они победили.

Стивен поднимается из грязи и принимает счастливые рукопожатия ребят из команды. Второй бейсболист, Нелли, который перевелся к ним за месяц до того после встречи с рыбой-драконом вверх по Реке, первый добирается до Стивена. Он обхватывает плечи товарища рукой и улыбается во весь рот.

— Ты классный игрок, Стивен. Чертовски удачно подпрыгнуло. Парень, ты действительно на высоте. Продержись этот жаркий участок, сколько можешь. О'кэй?

— Еще бы, Нельсон, еще бы, — говорит Стивен и кивает. Но ему недостает духу ответить такой же ослепительной улыбкой. Просто повезло. Слишком повезло, совсем как с мячом, который он отразил подачей раньше, мяч должен был пролететь, но у него словно были глаза, он как скакнул в дальний конец площадки, и Стивен посчитался с Паем за бросок вперед.

Такое теперь творилось в течение месяцев с тех пор, как ему приспичило устроить эти прелестные сборы вниз по великой Реке. Стивену только и выпадало, что счастливые случайности, летящие мячи сами собой падали, наземные подскакивали гладенько, подачи — сплошь мощные и прямо на середину. Как-то чертовски

неправдоподобно, и Стивен мало-помалу стал беситься. Можно подумать, все предопределено в этой незадачливой второй жизни, все тщательно закреплено и завязано, и все происходит исключительно так, как намечалось, как планировалось.

Он этого не выносит, ему это противно, он боится.

Вторая подача: Открытая лодка

«Отаго» — огромный, пусть дышащий на ладан, речной плот, скользит вниз по течению торжественным мерным шагом, и кажется, это береговая линия движется мимо, туда, вверх по течению, где пропадает за дальним горизонтом, словно в пропасть рушится, навсегда оставаясь во вчерашнем дне.

Стивен оперся о поручень по левому борту, с наслаждением делает глубокий вдох и раздирает бейсбольный мяч, который держит в руках. Он уже содрал сшитую из кожи оболочку, и теперь медленно вытягивает пучки изнутри, то и дело обрывая нити и пригоршнями роняя в Реку.

Дважды в день такой мяч появляется в его

граале. Мячи — все из иной эры, где-то далеко в будущем, на ярлычках — название лиги и фамилия ее президента, ничего ему не говорящие. Но игроки его команды, многие из которых — оттуда, из будущего, радуются этим мячикам, восторгаются ими, и Стивен понимает ребят. Именно мячики побудили его начать это странное путешествие. Мячики, ничто иное, дали им всем цель в этой странной новой жизни.

Стивен находит, что нелегко определить, почему мячики преподносятся ему. Однажды из озорства в студенческие дни в Сиракузах он съел почти целый мяч и, разжевав грубую шерстяную нить и залив ее виски. Возможно, подумалось ему, как раз поэтому у него и появляются теперь мячики.

Или, более вероятно, тут же думает он, что это просто прихоть местных богов. Они хотят, чтобы он здесь играл в свою игру, и таким способом настаивают на своем. Идти против них столь же трудно, сколь и против течения Реки.

Он снова думает о том, как проходила вчерашняя игра, о решившем ее исход броске, который он совершил, об удачах и успехах последних нескольких месяцев. Похоже, вряд ли он может как-то и чем-то воспротивиться происходящему.

Он несколько раз ударяет о поручень тем, что осталось от мяча, напоминая себе осязаемостью своих действий, что каким-то образом она реальна, эта новая жизнь. Это не лихорадочный бред, как ему почудилось сперва. И не фантазия. Все слишком реально.

Он пустился в это исследовательское плавание просто для того, чтобы попутешествовать по Реке, порассказывать свои сочинения, познакомиться с людьми, живущими по берегам, возможно, даже найти Кору, свою любимую из первой жизни. С того первого дня, когда он нашел Джозефа, нагого и дрожащего, не оправившегося от потрясения после свирепого набега татар, все, казалось, встало на свои места. Они могли плыть по Реке, приставать там, где представлялось безопасным, рассказывать, заводить знакомства, что-то узнавать об этой новой жизни.

Это, как они думали — способ большему научиться, найти еще что-то, о чем можно писать, опять вместе над чем-то работать, старым друзьям, которые снова вдвоем. Как много они теперь расскажут!

И бейсбол был замечательным поводом! Спорт известен в некоторых из деревень, куда они прибывают, сколько удовольствия, и достаточно

невинного для многих, способ отвлечься от страхов и тревог новой жизни — так что их затею со сборами приветствовали в большинстве мест, где швартовался их плот.

Иногда, конечно, возникали сложности, но Буллер, который был с ними с самого начала, подвернулся им как нельзя кстати. Он обучал мужчин совместным боевым действиям: добрую дюжину женщин борьбе один на один, и все — кое-какой основополагающей тактике.

Инструктаж оказался небесполезным. Драки разражались в нескольких из городишек, где они играли, а раз или два — почти бунты. Но Буллер и его ребята с бейсбольными битами и копьями всегда наводили порядок.

Два месяца назад у жителей одной деревни случился территориальный спор с соседями ниже по течению. Деревенские предположили, что сборы — это хитрость, чтобы выманить их из-за частокола, и решили перехитрить Стивена и его команду. Они выпустили посмотреть игру женщин и нескольких мужчин, а затем, на третьей подаче, остальные мужчины в неистовстве выбежали наружу, словно готовые нападать муравьи. Последовавшее сражение дало Буллеру возможность доказать, что ежедневные трени-

ровки стоят усилий. Ребята ловко построились в оборонительное каре, и все вместе, пятьдесят человек, стройно промаршировали полмили обратно к плоту.

Жертв не оказалось. И Буллер особо подчеркнул это, когда они погрузились на борт. Смерть не имела здесь такого значения, как в их прежней жизни, но избежать ее означало оставаться командой, участвовать в сборах, так что слова Буллера вызвали шумное «Ура!» на плоту.

Вся та история существенно повлияла на Буллера, как думает Стивен. С того дня парень стал заметно увереннее в себе. Возможно, вчерашний лихой буллеров бросок был своего рода отражением этой новой уверенности. Все к лучшему. Стивен рад за Буллера, рад, что тот получает, что ему требуется от этой второй жизни. Стивен желал бы сказать то же самое и о себе. Писательство или его отсутствие, вот что беспокоит Стивена. Он вышвыривает твердую сердцевину мячика в Реку, столь же разочарованный в себе, сколь и счастливый за Буллера. В действительности-то здесь живется хорошо, и грех ему жаловаться.

Он родился заново, и здоровым, и, может быть, это достаточный повод отбросить глупые тревоги и позволить себе наслаждаться жизнью. Он жив,

он дышит, он рассказывает то, что когда-то писал, он играет в бейсбол — о чем еще может просить здравомыслящий человек?

Он делает глубокий вдох и оценивает даже это простое действие. Здесь нет туберкулеза, который когда-то сожрал его легкие. Боль прошла, нет беспомощных попыток хватать ртом воздух, чудовищного изнурения, хрипа в легких.

Я хочу свободы, — думает он. Хочу быть свободным, бороться против равнодушной природы, выигрывать и проигрывать. Жить и умереть. Мне нужна свобода. И тогда, как он думает, он снова смог бы писать, создавать драмы, основанные на здешних конфликтах. А пока все идет как идет, рассказывать не о чем. Стивен убежден, что боги этого места контролируют всех и вся. Его загадочные бейсбольные успехи — доказательство тому.

О, признается он себе, он всегда умел играть хорошо и, видит Бог, он любил эту игру в своей прошлой жизни. Он смеется, вспомнив, как мяч и виски стоили ему его образования в Сиракузах, когда ему предложили уйти добровольно или подвергнуться исключению. О, заблуждения молодости.

Он всегда не забывал встряхнуться с битой и перчаткой среди скуки чинных занятий.

Но здесь, и он это знает, его успехи слишком многочисленны, его умение слишком возросло. Кто-то, как он думает, желает, чтобы он отличился на этих сборах, кто-то, не на шутку могущественный, позаботился, чтобы так и вышло. И этот кто-то, как он убежден, должен быть тем самым, кто привел их всех сюда, кто их контролирует. Пугающая, поистине жуткая мысль для Стефана: все, что он делает, все, что делают они все — контролируется и предназначено для некоей более значительной цели.

То, что его используют, что им манипулируют, что он — крохотная деталь какой-то крупной махинации, злит Стивена и нагоняет на него тоску. Несмотря на все хорошее, что, вроде бы, совершается вокруг него, он боится будущего и ненавидит его. Он качает головой. Может, где-то в этой ненависти таится сюжет, но его еще предстоит найти; а он пока что пересказывает свои прежние сочинения и живет день за днем, плывя с ребятами вниз по Реке.

Сзади раздается шорох и терпеливое попыхивание вновь раскуриваемой сигары.

— Тебя что-то расстроило, юный Стивен?

Это Джозеф Конрад, его друг и совладелец Большой Речной Бейсбольной и Литературной

Компании, тихо подобравшийся со спины. Стивен поворачивается к нему и улыбается.

— Я просто ломал себе башку по поводу извращений здешних мест, Джозеф. Временами я все это жуть до чего ненавижу.

— А, — Джозеф небрежно кивает. — У тебя вызвала досаду вчерашняя победа, верно? Тот счастливый прыжок мяча…

— Удачный прыжок.

— Удачный. Удары, явно сплошь для тебя безопасные. Выигрыши. И все это тебя тревожит?

— Это неестественно, чтоб мне провалиться.

— Мы в неестественном месте, Стивен. И оба это знаем. Оно иное. Мы теперь иные. Правила здесь изменились, и мы тоже должны измениться. Это то, что мы сказали, когда пустились в нашу славную затею.

Он держит сигару в вытянутой руке.

— Моя восхитительная сигара, например, здесь совершенно не на месте, как ты думаешь? И весь мир совершенно не на месте, ей Богу.

Как мы оба уже говорили, Стивен, и ты, и я, нам просто надо сделать с этим, что мы можем. Мы можем умереть завтра, сам знаешь, и больше никогда не увидеть друг друга. Давай просто наслаждаться жизнью. В конце концов, — говорит

он, — какой у нас выбор?

Стивен отворачивается, чтобы поглядеть на берег, с мгновение ничего не говорит, затем вздыхает.

— Я знаю, ты прав, старый друг. Действительно, ничего не остается, кроме как продолжать в том же духе, плыть вниз по Реке, рассказывать несколько историй здесь и там, попытаться занять самих себя и немногих других, как получится.

— И порой поиграть в бейсбол, который ты так страстно любишь.

— И поиграть в бейсбол, — соглашается Стивен. — Есть, как минимум, это. Есть игра.

И Стивен улыбается Джозефу, своему доброму другу, который страдал, умер, и уже однажды переместился в этом скверном мире, а сейчас невозмутимо попыхивает сигарой. Джозефово приятие всего этого, как думает Стивен, должно бы послужить для него уроком. Джозеф даже находит здесь о чем писать, начал несколько новых повестушек, поговаривает о романе.

— Может, тебе просто действительно все время везло, знаешь ли, — замечает Джозеф. — Или, Стивен, возможно, это даже искусство. — И ухмыляется при этой мысли, прежде чем выпустить

дымок в сторону берега.

Третья подача: Запрокинутое лицо

Несколько часов спустя Река стала шире и замедлила течение, так что здесь она кажется почти озером. Огромный плот едва движется, так ленива здесь Река, а день настолько теплый, что его апатия вполне под стать вялости потока. Стивен обнаруживает, что снова стоит у своего любимого поручня и машет рукой незнакомцам, которые пришли к Реке посмотреть, как плывет мимо их команда. Плот должен приближаться к Отваге. Как всегда, уже разошлась молва, что прибывают бейсболисты. Скоро соберется еще одна большущая толпа.

Судя по тому, что говорили ему в Новом Ганнибале после вчерашней игры, плот доберется до Отваги в разгаре дня. У Стивена, Джозефа и остальных игроков останется достаточно времени, чтобы разбить площадку, обозначить дорожки, выстроить небольшой помост и разослать глашатаев, чтобы объявили об игре.

А завтра — полная программа. Бейсбол в полдень, сразу же после наполнения Граалей.

«Красные чулки» против «Тайных Агентов» плюс те игроки, которых сможет выставить Отвага, дабы получить возможность играть на любой из сторон. Их всегда сколько-нибудь есть. Бывает даже, когда в городишке имеется уже собственная команда, готовая играть; и «Чулки» с «Агентами» объединяются в команду «Все Звезды», выставляющую игроков против местной девятки.

Завтра — сотая игра на их сборах, а это событие. «Красные Чулки» хорошо себя проявили во время поездки — восемьдесят выигрышей против двадцати проигрышей. «Тайные Агенты», составленные, главным образом, из крикетистов, жаждут усовершенствоваться и, как всегда, будут присматривать для себя новых игроков, откуда получится.

В начале поездки, когда вдоль берегов тянулись городки начала двадцатого столетия, они, вроде, частенько сталкивались с толковыми командами. В двух городках никто из местных по-настоящему не понимал, какими бейсбольными талантами они располагают, пока не прибыл плот.

В НьюНью, например, население было поглощено войной с соседним городком, где жила уйма ирландцев, и никто не думал о чем-нибудь

столь безобидном, сколь бейсбольная команда. Но затем, согласившись играть, горожане поняли вдруг, что среди них живут Билли Гамильтон, Уилли Килер, Пай Трэйнор, Уолли Пипп и Лу Гериг. Действуя вместе плечом к плечу у крепкого частокола, они едва ли беседовали о спорте, настолько они были заняты тем, чтобы обеспечить себе безопасность от вторжений поселившихся ниже по Реке ирландских кельтов.

Набрав целую команду, игроки из НьюНью назвались «Железные Кони» и побили «Все Звезды» со счетом 20:5.

Когда на другое утро плот отчаливал, Гериг, Пипп и Килер находились на борту. На следующий день в Килкенни участники сборов играли в бейсбол с воинственными ирландцами, разделив местных игроков между своими двумя командами, и все прошло превосходно. А после игры имели место восхитительные танцы. Джозеф называл это бейсбольной дипломатией, и, похоже, она действовала.

Так шли дела в течение года плавания. Они подбирали игроков, двигаясь своей дорогой и отпускали других, сходивших на берег. Так Кен Бойер играл шесть месяцев, пока не встретил женщину в Нью Луисе два месяца назад. И остал-

ся там, дабы зажить с ней своим домом. То же самое произошло с Джо Джексоном примерно месяц спустя.

Стивен думает, а чем же все это кончится. Они просто спускаются вниз по Реке; у них нет планов вернуться вверх по течению, и сердечные прощания были бы прощаниями навсегда, не будь этот мир так коварен, и перемещения в новые тела так прихотливы. Бэйб впервые покинул их, отыграв лишь месяц, и остался в маленькой деревушке, где его провозгласили королем, пообещав, кажется, вечное изобилие жвачки грез, виски и женщин. После нескольких бурных месяцев он был низложен и казнен, и переместился в деревню лишь в нескольких днях пути вниз по течению от их плота. Он благополучно воссоединился с участниками сборов и, похоже теперь, в итоге происшедшего, стал хотя бы несколько тверже следить за своим поведением. Стивен хотел бы знать, сколько это продлится.

Завтра после игры Стивен и Джозеф отвлекутся от дел и примут участие в граальной пирушке, как это происходит в каждом городке. Эта часть Реки населена людьми с рубежа столетия или из первых последующих десятков лет, так что произведения обоих писателей здесь известны

и уважаемы. Они выступают перед большими толпами, в большинстве случаев это благодарная публика, народ, которому не хватает того, что эти писатели когда-то ему предлагали.

Разумеется, не всегда дела шли именно так. Фактически, в большинстве городов имена Крейна и Конрада не были известны. Но умение хорошо и занимательно рассказывать привлекало почти всех, велось повествование по-английски, по-польски или на эсперанто. Во многих случаях у местных уже имелся свой рассказчик, и Стивен с Джозефом охотно приглашали его к себе на помост. Поистине поразительно, кто и что только не повстречались им здесь — от древних до восхитительной оратории Роберта Бернса за последнюю неделю. Они попытались вовлечь Бернса в свои сборы, но тот отказался, так как был счастлив в Килмарноке и собирался зажить там припеваючи с Клариндой. И еще он поговаривал о новых стихах. Итак, завтра, как догадывается Стивен, предстоит обычный успех. Полуденные Граали, затем бейсбол, затем вечерние Граали перед выступлениями с рассказами.

На каждой остановке по Реке Стивен, кажется, все лучше и лучше вспоминает свои произведения. Легче всего было вспомнить самые короткие:

«Открытую лодку», «Запрокинутое лицо». — они достаточно легко опять пришли на ум… Он смог воссоздать их даже в первые несколько месяцев после воскрешения, когда все еще пытался найти способ изготавливать бумагу и чернила.

С тех пор прошел год. И в последние девять месяцев, после того, как он нашел Джозефа, нагого и хнычущего в нескольких сотнях миль выше по течению. Стивен вспоминает чем дальше, тем больше. «Красную кокарду», разумеется, «Мегги», «Чудовище» и стихи в большом количестве.

Для Джозефа это оказалось труднее. Очень многое сперва вспомнилось ему лишь на родном польском и затем, не имея возможности где-то что-то записать, разве что отыщется где-нибудь сланец или меловой камень, он снова переводил все, как когда-то. В уме. Сперва это стоило ему жутких мучений. Хотя впоследствии Джозеф был счастливей, ему здорово поднимала настроение новая работа.

Новые рассказы и повести словно помогают ему развивать память, пока они путешествуют вместе. Недавно он сообщил Стивену, что почти готов рассказывать совершенно новую повесть. «Спуск на плоту», так он ее назвал. Не хватает лишь концовки.

Стивен улыбается всякий раз, когда Джозеф упоминает об этом, он счастлив, что Джозеф способен создать что-то новое. Стивен хотел бы того же и для себя, но прежние обстоятельства и характеры, похоже, больше не годятся, а Стивен не готов работать с новыми. Пока.

И все-таки рассказывать старые произведения — это достаточно хорошо для Стивена, а если Джозеф может сочинять что-то новое, тем лучше. И так, и эдак все путем. И теперь, каждый по своим причинам, они плывут вниз по Реке, все время вниз, развлекая, рассказывая и играя в бейсбол.

Четвертая подача: об Отваге

Впереди с берега раздается крик. Собралась толпа, машут руки, возбужденный гул голосов несется через Реку. Это Отвага, где ждут Стивена. Он стоит, выпрямившись во весь рост и машет им, крик нарастает. Плот прибыл!

Стивен начинает улыбаться и шагает туда, где стоит Джозеф. Оба глядят друг на друга, кивают, пожимают друг другу руки. Именно такие мгновения — лучшие в их путешествии. Стивен оборачивается и взывает к игрокам, называя их всех прилепившимися кличками: Дабл Экс, Же-

лезный Конь, Черный Бэйб, Нелли и так далее.

— Ребята! Мы на месте. Помните, кто вы! «Красные Чулки» и «Тайные Агенты», черт возьми, цвет бейсбола этого мира. Давайте, парни, поселимся здесь всласть, но постараемся избежать неприятностей. Бейб, — и он указывает пальцем на ухмыляющегося Бэйба Рата, — может рассказать нам, что случается, если нарываться, верно?

Общий смех.

Команда у них дивная, вне сомнений. Стивен любит каждого. Такие таланты, такие игроки! Он и понятия не имел, что бейсбол может к этому привести, тогда, в прежней жизни. Их игроки способны творить чудеса. Нельсон, второй игрок — просто волшебник со своей перчаткой и невероятно цепкой лапой. Новая женщина-игрок, Бэйб Дидриксон, лучший атлет, нежели большинство мужчин. Джош Гибсон, черный парень, который так спокойно стоит позади, ловит мячи ловчее, чем Стивен мог бы себе представить, у Джоша — поистине благословенная скорость, сила в руках и отменный удар — вполне под стать его хитрости.

— Ребята, — продолжает Стивен, поднимая руки, чтобы их всех унять. — У нас самая невероятная команда, которая когда-либо где-либо

собиралась. Вы все это знаете. Насколько нам известно, миллионы оживших людей живут вдоль берегов этой Реки. То, что игроки в бейсбол и его любители способны подобным образом собраться вместе, превосходит любые ожидания. Но вот мы здесь, все вместе, и готовы играть для здешней славной публики. Я могу лишь попросить вас играть в полную силу, играть честно, и пусть лучшая команда выиграет.

— И это будут «Красные чулки», Стивен. Можешь биться об заклад, — рычит Бэйб, уже немного навеселе от виски, которое нашел в полдень в граале, когда плот причаливал близ грейлстоуна.

Игроки дружно орут в ответ, их радость, как в зеркале, отражается в толпе на берегу, когда плот причаливает.

Плот здесь! Бейсболисты здесь! На день или два суровая обыденность новой жизни позабыта. На день или два пришла пора поиграть в бейсбол, получить удовольствие, пусть недолгое, в этой второй жизни. Игроки спрыгивают с плота и кидаются в толпу.

Отвага, как выясняется — городок середины двадцатого века, первый, в который они попали из этой эры более чем за два месяца. Полови-

на жителей — черные из пыльного Детройта, остальные — белые из сельской местности. Джош Гибсон здесь герой, а также Бэйб, Лу и несколько других.

Здесь все пройдет хорошо, очень хорошо, в самом деле. Стивен, сходя вместе с Джозефом на берег последним, вопреки себе, настроен на лучшее.

— Мы здесь делаем хорошее дело, Джозеф. Хорошее дело, — говорит он своему другу. — Я знаю, у меня бывают иногда эти жуткие сомнения, эти ужасные депрессии. Но я вижу и понимаю, что мы делаем нечто, как минимум, достойное усилий, для этих людей.

— Мы даем этим людям радость на день или два, юный Стивен. Это само по себе прекрасно. А то, что столь многие из нас делают это с удовольствием, уже просто вознаграждение для нас, я бы сказал.

Стивен смеется на это при мысли о подобном вознаграждении за игру в бейсбол. Затем хлопает друга по плечу, и они оба, вполне счастливые на миг, шагают по узкой тропе к городишку.

Пятая подана: девушка с улицы

Позднее, на пятой подаче, местная команда, собранная отважцами, фактически, выигрывает: двенадцать — три.

Стивен проявил себя просто ужасно. Отмахнулся от двух верных шансов с наземными мячами, прозевал легкий бросок Нелли Фокса, который вывел бы из затруднительного положения с помощью крайне нужной двойной игры, и дважды промазал. Он счастлив, как никогда. Именно этого ему так давно хотелось, каких-нибудь скверных мячей, ошибок, убогой игры и борьбы за успех. Это похоже на что-то настоящее, думает он. Это жизнь.

Резкий и низкий полет мяча по прямой в разрыв между третьим и коротышкой. Дидриксон ныряет влево, но ей не достать. Стивену, до предела протянувшему биту, хватает времени для двух шагов, не более, после чего он выбрасывает тело во всю длину, чтобы добраться до мяча. Ловит перчаткой, держит в ней в течение секунды, и сразу — жесткая посадка в грязь, и мяч, высвобожденный толчком, выскакивает. Дидриксон, поспешив на выручку, хватает мяч и перебрасы-

вает второму туда, где ждет Нелли. Они хотя бы защитились от одиночного удара.

— С тобой все в порядке, Стивен? — спрашивает Дидриксон, протягивая руку, чтобы помочь ему встать.

— Все отменно, — говорит он, принимая руку, поднимаясь и с улыбкой вытирая грязь на лице. Наконец-то все по-настоящему, — думает он. Настоящая игра, вот это дело. Чудесно.

А затем, смахивая грязь с кильта, поднимает взгляд и видит Кору.

Кора, его любимая, идет по травянистой лужайке, которая отделяет игровое поле от крытых камышом хижин Отваги. На ней — кильт, подпоясанный у талии, и больше ничего. Даже издалека Стивен видит в ней ту красоту, которая воззвала к нему жизнь тому назад, когда она заправляла борделем в Джексонвилле и рассмеялась перед ним однажды, лишь однажды — и покорила его сердце.

— Кора! — вопит он и бежит к ней с поля, забыв об игре.

— Кора! Кора!

Она смеется, увидев его, и машет рукой. Его Кора, с темными волосами, падающими на плечи и на соски округлых грудей, с длинными нога-

ми, бредущими в высокой траве. Его Кора, его любимая.

Они встречаются, обнимаются и падают в траву, смеясь и лопоча, точно детишки. В том другом мире, где они впервые встретились, они бы изощрялись в остроумии по поводу того клише, которое воспроизвели здесь.

Последнее, чего хотел бы Стивен в этой жизни — романтическое видение обретенной истинной любви. И Кора, когда он познакомился с ней, ведущей дела в Отеле «Дрим», не была невинной простушкой.

За это он любил ее, за ее опытность, за ее силу. Его чувство отрицало понятие о романтической любви, столь несовместимой с окружающим миром.

Их любовь не была искусственным приспособлением, полученным из средневековой придворной поэзии, не была изобретением культуры, основанной на отрицании трудностей реальной жизни и торжестве кодекса чести рыцарей, которые убивали крестьян во имя Божие.

У них была честная любовь, физическое взаимное притяжение, которое связало их уже соитием, взаимными жаром и страстью, равно как дружба связала беседами, взаимным восхищением и

честностью.

Но здесь, теперь, он падает с ней в траву, точно шестнадцатилетний, вспыхнув от робкого волнения. Он хочет раствориться в ней, слиться воедино, в ослепительное и жадное пламя. А Кора?

— О, Стивен, Стиви, Стиви, — говорит ему, когда они катятся в обнимку. — Я нашла тебя, я нашла тебя. Мой Стиви, мой Стиви, мой Стиви, — ее литания говорит обо всем, что она прямо сейчас может вложить в свой голос. Крепкие объятия мало-помалу ослабевают, хотя они и не выпускают друг друга.

— Кора. О, Боже, это ты, это действительно ты. Не могу поверить. Ты! Здесь! — говорит Стивен, когда они наконец устраиваются. Он сидит на ней, здесь, в траве, поднимает голову, смотрит один миг в небо, голубую скорлупку над ними, балдахин над ними, а затем опять глядит на любимую.

— Кора. Я уже думал, что не увижу тебя снова, любовь моя. Никогда. Этот мир так громаден, и здесь такая прорва народу. Я о таком и думать не смел. И вот ты здесь.

— Стиви, — снова говорит она, так просто, и улыбается ему. Он наклоняется, чтобы поцело-

вать ее, начинает с губ, затем целует ее глаза, ее лоб, ее щеки, ее шею, эту безупречную белую шею, которую впервые увидел целую жизнь назад.

И он видит синяки сбоку и сзади на этой белой шее. Они уже бледные, но когда-то были довольно жуткими, это для него очевидно.

— Что это, любимая?

— Мне пришлось нелегко, Стивен. Этот мир может быть жестоким. Дикость… — она отмахивается от неприятной мысли.

— Что они с тобой сделали, Кора? — Он соскальзывает с нее, усаживается с ней рядом, снова спрашивает. — Что они сделали с тобой? Это кто-нибудь здешний? — Он думает, что мог бы созвать команду, отыскать негодяя и убить его, отправив в какое-то другое место на Реке. Или возможна медленная пытка, пусть не так-то легко умрет.

Но Кора объясняет, что все не так просто. Она усаживается сбоку от него и говорит:

— Я пришла, чтобы предостеречь тебя от него, Стивен. Он в нескольких днях путешествия вниз по Реке. Он готов биться с вами и поработить вас, как уже сделал с другими. Вы не должны туда плыть. Я бежала неделю назад, чтобы отыскать тебя и предупредить. Ты должен меня послу-

шаться.

— Конечно, Кора, конечно, — говорит он, а затем встает и поднимает ее. Что случилось с его Корой? Что учинил с ней этот тип?

Он оглядывается на поле и до него доходит, что игра продолжается без него. Нельсон дружески машет ему. Что за славные парни, они добры к нему, как всегда. Он опять садится и тянет к себе, вниз, Кору. Скрестив ноги, они усаживаются друг против друга в высокой траве. Он берет Кору за руки. И просит:

— Расскажи о нем. Расскажи об этом чудовище.

Шестая подача: чудовище

Она пытается заговорить, но вдруг разражается слезами.

— О, Стиви… Дорогой мой. Последний год, этот самый долгий год…

Она вздыхает. Успокаивается. Начинает снова:

— Когда я ожила здесь, милый, милый Стивен, я была в таком жутком смятении. Я никак не могла понять, что со мной случилось. Это Небеса? Ад? Я не знала. Полный хаос. И Луис, Луис Бота, так его зовут, оказался рядом и помог избавиться от

смятения. Это был сильный мужчина, такой уверенный в себе, и любезный, даже участливый.

В тот первый день он взял меня за руку и увел от грейлстоуна, ото всех остальных, копошившихся и блуждавших в смятении. В течение дней, буквально нескольких дней, Луис начал организовывать нас, сплачивать. Он прирожденный вожак, Стивен, был таким в своей первой жизни и очень легко встал на подобное место во второй. А жил он прежде в дебрях Африки. И знал, как выжить. Было так легко следовать за ним. Мы начали сооружать укрытия, используя бамбук, деревья и траву.

Под предводительством Луиса мы, сперва десятки, а там и сотни, усвоили, чего следует ожидать от Граалей. Мы поняли, что мы все вместе в одном и том же кошмаре — или в раю, что бы это ни было. Настало поразительное время. Первые несколько месяцев прошли чудесно, в своем роде. Все-таки жизнь, да еще — и здоровье, и молодость. Восхитительно.

И Луис старался, чтобы я всегда была рядом. Это началось как дружба, не более того. Я все еще думала, что не сегодня-завтра найду тебя, мой милый. — И она улыбнулась ему. — А затем, по мере того, как шли недели, ужас обнаруживался

все яснее, предводительство Луиса оборачивалось совсем другой стороной. Всякого рода люди проникали в наш грааль и присоединялись к нам под руководством Луиса. Они были откуда угодно, из когда угодно, Стивен. Новые буры, вроде Луиса, группа римлян из времен Христа, и затем кое-какие чернокожие африканцы. Кафры, так он их назвал. И сперва приветствовал. Десятки таких. Как и все прочие, они следовали за ним во всем, пока один из них однажды не убил одного бура.

Строили новый частокол, и тот африканец, рослый, величественный, гордый, вождь в своей первой жизни, помогал поднять бревно. Тут, во время подъема оно выскользнуло и раздавило ногу одному из африканцев. Бур, один из тех, что были близки к Луису, подошел с копьем и убил этого парня. Именно так. Убил, всадив копье ему в грудь и сказав, что так быстрее и проще, чем ждать, когда заживет нога. Вот так, сходу, запросто.

Вождь обезумел, вопя, подлетел к буру, толкнул наземь, вцепился, вырвал у него копье, окровавленное после убийства, и всадил в грудь буру тем же самым движением.

Тут настал ад кромешный, хаос, невиданная схватка между африканцами и большинством

белых. Когда все закончилось, африканцы были частью мертвы, частью в плену или убежали.

С того дня Луис переменился. Он собрал вокруг себя своих друзей, а всех прочих принялся держать в страхе — и обшаривает нашу долину в поисках новых «кафров», чтобы поработить их. Их там теперь десятки, и все — рабы.

Тогда я поняла, что надо уходить, это было нечто такое, в чем я не могла участвовать, хотя Луис все еще считал меня своим другом, которому он доверяет.

О, Стивен, я попыталась уйти. Сперва я была такой дурой, что поделилась с ним своими планами. Я хотела спуститься по Реке и поискать тебя. — Она содрогнулась. — Он не отпустил меня. Сперва уговаривал остаться, затем, когда я снова и снова об этом заговаривала — все жестче, запрещал. Так продолжалось неделями, Стивен, затем прошли месяцы, все это время он сколачивал свою маленькую империю, и все больше буров стекалось к Луису непрерывно, пока их не стали сотни. Я поняла, что он меня ни за что не отпустит. Мне оставалось лишь улизнуть незаметно, и я попыталась это сделать.

Я начала сооружать плот, который с самого начала строительства спрятала у берега. Я никому

не могла доверять, все они упорно и слепо верили ему. Работа заняла у меня куда больше времени, чем я рассчитывала, и оказалась куда труднее. Но в конце концов я смастерила из дерева, бамбука и лозы нечто сносное, нечто такое, что достаточно далеко унесло бы меня по Реке из его лап. И вот я подумала, что теперь могу начать новую жизнь, начать искать тебя, мой любимый. Она покачала головой. — Он знал о моих планах все эти дни, знал о плоте, и только ждал, когда я попытаюсь удрать — и тогда он еще с четырьмя или пятью бурами, его коммандос, так он их называл, поймали меня в то время, как я сталкивала плот в реку. — Она поглядела на Стивена. Ни улыбки, ни признака каких-либо эмоций. — С тех пор это был сущий ад, и длился он недели. Он сказал, что я изменила ему. Я пыталась умереть, я молила его дать мне умереть. Но он лишь качал головой и с печалью говорил мне, что не может меня отпустить.

Затем мы услышали о ваших сборах, Стивен. Путники, спускавшиеся по Реке, рассказали о вашем огромном плоте и о бейсболе. О бейсболе! Я знала, что там должен быть ты, милый Стивен! И о том, как вы рассказываете.

И у Луиса возник грандиозный план, Стивен,

когда он услышал о том, кто с вами плывет. Буллер, этот твой военный, Рэдвер Буллер. Они были заклятыми врагами в прошлой жизни, Стивен, твой Буллер и Луис Бота. Они бросали один против другого армии в Южноафриканской войне. Тысячи пали в боях, которые вели эти двое. И в конце Луис Бота вынужден был сдаться войскам Буллера.

Теперь он считает, что ему представилась возможность отомстить. При этом он глубоко религиозен, и усматривает здесь промысел Божий. Он убежден, что сам Господь предлагает ему попытаться исправить то, что не вышло в прошлой жизни. Он хочет убить или поработить вас всех, а Буллера постоянно пытать, не давая ему умереть, чтобы отомстить за буров, которые погибли, защищая свою землю от Буллера и его англичан.

О, Стивен, он чудовище. Он может быть таким разумным и гнусным. С его точки зрения, разумно, чтобы кафры находились в рабстве и работали на буров, которые строят новое общество.

И это он говорил мне вечер за вечером, мне в моей хижине, а сам он сидел рядом со мной, и разглагольствовал допоздна, пытаясь снова перетянуть меня на свою сторону. Сперва

он умасливал меня, затем увивался за мной, и наконец избил. — И она коснулась синяков на шее. — «Новая великая цивилизация», — твердил он мне много вечеров подряд, Стивен, — «где белые могут быть свободны, и все станут процветать». Я понимала, что должна найти способ предостеречь тебя, мой родной, и несколько дней назад мне наконец повезло. Он ушел со своими коммандос в набег, дабы привести новых африканцев взамен тех, что бежали или умерли.

Тут разразилась буря, примчавшаяся со стороны Реки, я видела из своей хижины темно-зеленые ряды туч. Огромный смерч вывернулся из облачной гряды — настоящий торнадо — и двинулся прямо на нас. Он разнес деревню, обломки хижин летали везде и всюду. И после стольких недель для меня внезапно оказалось так просто уйти. Я бежала. — Она улыбнулась ему. — Я шла пешком три дня, милый Стивен, без грааля и почти без пищи, и вот я здесь, мой родной, чтобы предупредить вас: Луис готов, он готов напасть на вас, он намерен захватить Буллера и сделать его рабом, поскольку говорит, что смерть для такого врага — слишком мягкая кара.

Она выговорилась, и теперь может только смотреть на своего Стивена и держать его за руки.

Он обнимает ее.

— Милая Кора, родная моя Кора, — говорит он, и они идут вдвоем в сторону игрового поля, навстречу «Красным Чулкам» и «Тайным Агентам» и всем тем планам, которые они должны выработать.

Седьмая подача: невеста обретает Отвагу

Церемония предельно проста, горят факелы, невеста облачена в нехитрый кильт, на женихе такой же наряд. Джозеф Конрад — шафер. Его помощники — Редвер Буллер, Джош Гибсон и Сэтчел Пэйдж. Среди публики — Лу Гериг, Нельсон Фокс и еще дюжина, и все улыбаются до ушей, переживая счастливый миг.

Проповедник Ро совершает обряд, в конце которого соединяет руки новой пары, желает им долгой жизни, любви и счастья. Они обнимаются и целуются.

Восьмая подача: военный эпизод

После венчания, после приема, где еда и пи-

тье были в изобилии, с нижнего участка Реки рысцой возвращаются разведчики. На Отвагу маршем идет войско, будет здесь завтра в разгар утра. Буллер улыбается, собирая своих старших помощников, чтобы обсудить стратегию. Ему представился случай изменить прошлое. Здесь не будет ни Скион Копа, ни Маджубы. На этот раз он разгромит Боту и свершит возмездие, или умрет — счастливый, что попытался свершить.

По мере того, как идет ночь, мужчины и женщины являются в лагерь бейсболистов, предлагая помощь в бою. Их не так много, дюжины две, все — африканцы, бежавшие из крааля Боты и слышавшие, что грядет заварушка. Это, как говорит один из них Буллеру на эсперанто, битва, в которой они не могут не участвовать.

Стивен испытывает возбуждение, испуг, радость — все сразу. То будет первый случай, когда ему предстоит биться, хотя, и казалось бы, его сочинения намекают на иное. Впервые он увидит сражение вблизи. Ближе некуда. И он думает, что его дело правое. Если грядущий бой предопределен волей богов здешних мест — да будет так. Сражаться здесь, как он думает — дело достойное, и он пойдет в бой вместе с Корой.

Он кое-как вздремнул на несколько часов, а за-

тем они с Джозефом и Корой и еще несколькими десятками сторонников направляются к лесу, где станут ждать приближения противника.

Утро нового дня в самом разгаре, в их распоряжении час или около того, не больше. Буллер и его люди укрепились на небольшом холме, возвышающемся к югу от городка. Скион Коп, так он назвал холмик в честь того, где был трагически разгромлен в прежней жизни, и он добьется, чтобы здесь вышло иначе. Их около сорока на холме, а в войске, идущем на них — в три раза больше. Буллер видит высокого и худощавого человека впереди — Луиса Боту. Буллер надеется, что Бота угодит в точно такую же западню, как та, которую он сам расставил в той, предыдущей схватке. У Буллера только сорок бойцов на холме, но есть в пятьдесят под предводительством Стивена и Джозефа, скрытые в лесу в четверти мили вглубь берега от холма, готовые обойти с флангов нападающих и появиться у них в тылу, перерезав путь к отступлению. И еще есть тайное оружие Буллера, третий отряд еще в пятьдесят человек, ожидающий за частоколом городка. Буллер полагает, что Бота ни о чем таком не подумает, промарширует мимо прибрежного городка и нападет на холм в жажде добраться до Буллера

и англичан.

Если так и выйдет, отряд из городка перекроет обратную дорогу и, взаимодействуя с силами в глубине суши, зажмет буров в гибельные тиски, и те окажутся между тремя воинствами.

Конечно, все получается не так просто после того, как завязывается сражение. Болта не глупец и не доверяет жителям городка. Он посылает небольшой отряд атаковать городок и выяснить, насколько сильные его защитники. Они атакуют, бросая воспламененные копья в частокол, и поверх его — на дома. Защитники отвечают тем же и, соответственно, проявляют себя как кафры. Там Джош Гибсон, возглавивший большую часть горожан и около дюжины беглых рабов из крааля Боты. Горожане остаются за своим частоколом, и это укрепляет Луиса Боту в представлении, что они трусы. Он оставляет отборную группу в двадцать человек, чтобы не давали покоя защитникам укреплений, а остальных ведет дальше на штурм холма.

Буллер наблюдает за ним со своей высотки и улыбается.

Штурм начинается всерьез как раз во время полуденной граале-вспышки грохота. Буры бегут к холму, копья летят через головы передних,

пущенные теми, что позади, и приземляются в английских траншеях. Люди Буллера уклоняются от копий и ждут приближения буров. Еще несколько мгновений. И еще несколько мгновений. И вот — запускают свои копья, а затем, казалось бы, безрассудно и дерзко, контратакуют, сбегая с холма с копьями, бейсбольными битами и подбадривающими криками.

В то же время позади буров в глубине берега Стивен и Джозеф тоже ведут в наступление свой отряд, выходя из лесу с поднятыми копьями и вопя. Стивен, устремившийся в бой, сперва чувствует, что угодил в хаос и неразбериху. Он неистово замахивается, видит рожу, разнесенную его бейсбольной битой, отражает удар копья и лупит по новой башке, сам получает основательный удар по башке, падает на колени, на выручку приходят Джозеф с одной стороны и Кора с другой, они вытаскивают его из гущи сражения за несколько мгновений, после чего глядят друг на друга и улыбаются, а затем, взвопив, опять бросаются в бой.

Ворота в частоколе отворяются, и выходят местные жители, детройтцы, черные и белые — все вместе, вооруженные дубинами, копьями и одолженными у бейсболистов битами, во главе

— Джош Гибсон.

Небольшой отряд буров, который стоит снаружи, в один миг опрокинут, те, кто уцелели при первом натиске, бегут, спасаясь. Большинству это не удается.

Буры стиснуты с трех сторон. По численности силы, примерно, равны, но буры охвачены смятением, не знают, куда развернуться, чтобы встретить врага. Некоторое время они бьются храбро, и есть потери с обеих сторон, но они окружены и знают это, и в конце концов начинают сдаваться.

В течение часа великая битва завершена. Десятки убитых, десятки пленных, немного спасшихся бегством. Бота весь в синяках, но в целом, не пострадал.

Буллер принимает его капитуляцию, устроив небольшую церемонию на вершине Скион Коп. Бота передергивается, услышав название этой скромной горушки.

Происходит нечто большее, чем небольшой праздник. Бич этой части Реки взят в плен, его войско разгромлено. Стивен сперва испытывает подъем, даже эйфорию. Кора едва ли может его унять. Все было так героически, поразительно, славно, совсем не так, как, по его представлениям

должна идти война.

Тогда Кора уводит его обратно на поле битвы. Мертвые и раненые распростерты повсюду, их отдых мучителен. Шагая через поле, Стивен находит тело Лу Герига, голова разбита дубиной, половина сломанного копья торчит в боку. Рядом лежит их ловкий Билли Гамильтон, пригвожденный к земле копьем, пробившим грудь. А чуть поодаль, у подножия холма — Джозеф. Сперва Стивен не видит у него никаких ран, даже ушибов. Он думает, что Джозеф спит или потерял сознание от удара. Касается друга. Тот еще теплый. Опускается на колени, протягивает руку, трогает дорогое лицо. Глаза Джозефа открываются. Он улыбается и произносит:

— Теперь тебе есть, о чем написать, Стивен, а? Кончилась моя повесть. Начинается твоя, да?

Джозеф заходится в диком кашле, кровь брызгает изо рта. Стивен пытается его успокоить, обнимает, и тут натыкается рукой на закаленный в огне конец копья, выступающий из груди Джозефа. Копье угодило ему в спину, а затем острие обломилось.

В течение нескольких минут Джозеф, ничего больше не сказав, умирает. Стивен плачет. Он знает, что Джозеф снова жив где-то в другом

месте на Реке, все-таки рыдает в голос. Какое безобразное, отвратительное зрелище. Кругом разит кровью, стоит вонь от выпущенных кишок и от начавшегося на жаре разложения трупов.

Стивен отстраняется от своего друга, пошатываясь, встает на колени, затем вскакивает. Он успокаивается, стоя это легче. И ковыляет, держась за Кору, назад к лагерю.

— Больше никогда, — говорит он ей. — Никогда больше, Кора. О, Боже.

Она ничего не отвечает ему, а Только гладит его волосы, в то время как он лежит на спине, опустив голову ей на колени.

— О, Боже, — повторяет он. — Да как это мы такое друг с другом творим?

На это у нее ответа не находится.

Девятая подача: «Красные Чулки» Отваги

Бейсболисты отбывают нынче утром. Теперь Редди Буллер возглавляет «Тайных Агентов». Бейб Рат будет возглавлять «Красные Чулки». Ни один не уверен, насколько хорошо у них пойдет, — но Бэйб обещает держать всех в форме, включая себя.

Несколько буров, еще неделю назад заклятые враги, присоединились к сборам. Не сразу удалось приучить их к мысли, что черные игроки — равные им, но несколько тренировок в минувшие два дня оказали на них отрезвляющее воздействие, теперь они лучше понимают, кто умеет играть, а кто нет. Они научились избегать кое-каких слов, и, в первую очередь — слова «кафр». Еще несколько буров попросили разрешения остаться в Отваге, и их приняли. Что было то прошло, как говорит новый мэр, и они нам в любом случае пригодятся.

Мэр Стивен Крейн ведет горожан к речному берегу, где крики ура, взмахи рук и слезы провожают плот. Затем Стивен, одной рукой обнимая жену, ведет всех обратно в городок. У них полно дел, надо приглядеть, как будет восстановлен частокол, а затем организовать местную бейсбольную команду.

Вчера прибыл путник и долбленом каноэ с посланием из Ганнибала в нескольких милях вверх по Реке. Жители Ганнибала слышали о битве и посылают свои поздравления и благодарность: они были бы следующими в списке Боты. А также, добавил вестник, «Слоны» Ганнибала вызывают Отвагу на игру через две недели. Стивен принял

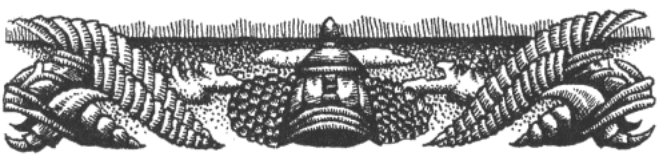
вызов, теперь он должен организовать в Отваге новые «Красные Чулки» и обеспечить их подготовку.

Кора, его милая Кора экспериментирует с речными тростниками, дабы научиться делать из них бумагу. Она, помимо прочего, услышала, что вестник пожелал, чтобы Стивен рассказал новые повести.

Стивен считает, что сделает это с удовольствием. Вчера вечером, разговаривая с Корой, он уже начал кое-что новое. Он думает, что это будет целая повесть, и Ганнибал услышит ее первым.

«Повесть об Отваге» — вот как он собирается ее называть.

Роберт Вейнберг
Рулетка в Мире Реки[69]
1



[69] notes: 69

RIVERWORLD ROULETTE by Robert Weinberg Copyright© 1993 by Robert Weinberg

Тишина, решил Джим Боуи, больше всего раздражает его в Мире Реки. Она была неестественной, она действовала на нервы. Всю свою жизнь он был окружен ее звуками. А теперь их не было.

По ночам леса должны были быть наполнены шумом. Множество раз он ловил себя на том, что тщетно прислушивался, ожидая услышать совиное уханье, нескончаемое стрекотание сверчков.

Где здесь скрип ветки, когда олень осторожно ступает, пробираясь к воде, где пронзительный крик охотящейся дикой кошки, учуявшей добычу? Не существовало таких звуков в Мире Реки. Только пустая человеческая болтовня нарушала уединение темноты.

Вздыхая, Боуи повернулся к огромному костру, пылающему недалеко на берегу. Почти шестьдесят человек сбились в полукруг вокруг огня, тихонько беседуя о себе самих. Каждый вооружен щитом из драконьей кожи и мечом из рыбьей кости.

Закаленные воины с угрюмыми лицами, они были готовы к бою. Греческие солдаты под командованием Лисандра Спартанского, эти люди служили командой корабля «Незаконченное дело». Джим Боуи — известный дуэлянт, спеку-

лировавший участками земли, умело дравшийся ножом и герой Аламо — был их капитаном.

Его судно было пришвартовано у берега менее чем за сотню футов, едва различимое в отсвете костра. Его охраняли есть строитель, норвежец Торберг Скафхогг, римский центурион, который теперь называл себя Исааком Искателем, и небольшая группа спартанских добровольцев.

В то время как никто не ожидал никаких неприятностей, Боуи считал, что нужно приготовиться к любым неожиданным событиям. Все могло случиться в Мире Реки, — очень часто оно и случалось.

— Слишком уж дьявольски спокойно, — объявил Дэви Крокетт, внезапно появляясь из ниоткуда сбоку от Боуи.

Рука техасца инстинктивно схватилась за огромный кинжал у себя на поясе. Изрыгнув проклятие, он повернулся к другу.

— Ну тебя к черту, Дэви, — сердито рявкнул он, — прекрати свои штучки. — Боуи из всех сил набрал побольше воздуха в легкие. — Ненормально для человека двигаться так тихо. Когда-нибудь ты так подкрадешься, когда я буду думать об индейцах, и я тебя изрежу на ленточки, прежде чем пойму свою ошибку.

— Извини, Джим, — хихикнул Крокетт. Он хотя бы издавал какие-то звуки. — Вовсе я не хотел тебя напугать, нет. Сам себя иной раз забываешь. Началось уже?

— Ты только-только успел, — Боуи показал рукой по направлению к костру.

Только что в круг вступил невысокий коренастый блондин. Драматическим жестом он поднял руки над головой. Немедленно все разговоры прекратились.

— Джентльмены, — объявил Билл Мейсон, историк двадцатого столетия и организатор представления, — сегодня мы предлагаем вам еще один вечер — образовательный и развлекательный — мы вспомним несколько великих исторических имен. Пожалуйста, обращайтесь с ними со всей вежливостью и уважением, которых они заслуживают.

Боуи хмыкнул в ответ на уведомление Мэйсона. Обычно спартанцы вели себя настолько прилично, насколько можно было требовать от любой публики. Однако мрачно настроенные греки довольно важничали и не особенно хорошо принимали сарказм — факт, который не оставался незамеченным для еще одного члена их экспедиции, афинского философа и учителя Сократа.

Мастерски владеющий острым языком и ранящим остроумием, которое не раз причиняло ему неприятности, мудрец наслаждался, если ему представлялся случаи задеть своих товарищей по путешествию. До сих пор Джиму Боуи удавалось сохранять мир. Но каждый спектакль давал повод для нового вызова. Часы любительских спектаклей, как называл их Билл Мэйсон, устраивались всякий раз, когда им удавалось найти безопасный приют. Несмотря на то, что в Мире Реки обитали биллионы жителей, там существовало множество небольших долин, лишенных жизни. Узкие полоски берега и леса, где отсутствовали грейлстоуны, обеспечивали им приятный отдых от неистовых столкновений культур, обычно заполняющих все их время.

Не имея насущных забот о своем снабжении, авантюристы расслаблялись, чинили лодки и устраивали атлетические соревнования. По вечерам наиболее инициативные члены команды под предводительством Мэйсона развлекали остальных. Сегодня предстояло десятое подобное представление со времени начала их пути два года тому назад, и историк обещал какой-то особый сюрприз в ознаменование этого. Боуи ждал в предчувствии чего-то недоброго.

— Вместо нашей обычной программы, — объявил Мэйсон, как бы напрямую давая ответ на беспокойство Боуи, — я решил, что мы попробуем кое-что другое. Совершенно другое. Например, сегодня вечером не будет лекций о справедливости и морали.

Спартанцы дико заорали в знак одобрения, потому что эти лекции были специальностью Сократа. Мэйсон сделал рукой знак, призывающий к тишине.

— А также никаких фокусов и никаких рассказов о спартанском героизме. Сегодня мы займемся тем, что в мою эпоху называлось фестивалем песни. «Пойте вместе с нами».

— Звучит безобидно, — сказал Боуи, поворачиваясь к Крокетту.

Но пограничника рядом уже не было. Он исчез так же тихо и незаметно, как и появился. Громадный техасец передернул плечами и сосредоточил внимание на Мэйсоне. Так или иначе, он подозревал, что Крокетт долго не выдержит.

— Каждый из наших участников много долгих часов потратил на то, чтобы запомнить и ввести в употребление песню. За исключением определенных ключевых слов, которые создают особый резонанс, мы перевели эти песни на эсперанто,

чтобы вы все могли понять смысл. Послушайте же лирические песни в исполнении наших певцов. Определенные фразы, особенно в конце каждого куплета, повторяются снова и снова. Это — припев, идея его свободно заимствована у вашего же греческого театра. Когда вам станет понятно, что вы их знаете, присоединяйтесь пожалуйста. В фестивале участвуют все.

Мэйсон сделал паузу, глубоко вдохнул в себя воздух.

— Итак, поприветствуем нашего первого исполнителя, Деви Крокетта!

Воя от восторга, спартанцы начала стучать мечами о щиты, создавая невероятный грохот. Общительный Крокетт, обладающий бесстрашием перед лицом опасности, был любимцем греков. Широко улыбаясь, он вступил в круг.

Зоркий взгляд жителя границы обвел толпу. Глаза его на миг встретились со взглядом Боуи, и он подмигнул. Мысленно громадный техасец простонал. Он молил Бога, чтобы Крокетт не вздумал спеть тематическую песью из телевизионного шоу. Это была бы такая мука, что ни один человек ее бы не выдержал.

То, что они оба с Крокеттом стали легендарными фигурами, приятно щекотало фантазию

Боуи. Но тот факт, что Крокетта обессмертили в такой песне как «Король Дикого Запада», разъедал все его внутренности. Техасец терпеть не мог признаваться в этом, но он завидовал славе своего друга.

Согласно Биллу Мэйсону, существовало когда-то шоу Джима Боуи у того таинственного чудотворного посредника, которого называли телевидением. К несчастью, историк не мог припомнить ни одной подробности этой программ, а мене всего — ее основную песню. Мэйсон окрестил это шоу «фиаско». Боуи не совсем был уверен в значении этого слова, но чувствовал, что это что-то не очень приятное.

Приняв соответствующую позу, Крокетт начал петь: «В шестнадцать лет, той ночью роковой»…

Боуи вздохнул с облегчением. Вместо баллады о подвигах Крокетты в этой песне говорилось о трагической истории молодой девушки, которая умерла из-за любви. Хотя Крокетт был едва способен правильно выводить мелодию, слова песни звенели чисто и без фальшивинки. Большая часть смысла прошла мимо Боуи, но то, что он понял, вызвало слезы у него на глазах.

К тому времени, когда Крокетт дошел до третьего припева, все вокруг костра подхватили: «Во

цвете лет, во цвете лет!», — завывали они.

Весело улыбаясь, Крокетт закончил песню, вызвав бурный триумф. Он с трудом протолкался к Боуи, а у него за спиной спартанцы грохотали мечами о щиты в знак одобрения.

— Что, удивил я тебя? — спросил пограничный житель, глаза у него так и горели.

— Да уж ясное дело, — согласился Боуи. — Это тебя Мэйсон научил такой песенке?

— Ты никогда не поверишь, — засмеялся Крокетт. — Он целую команду нас гонял несколько недель. Говорит — рок какой-то там, хотя я не понимаю, какой тут рок — злой и счастливый.

— Ш-ш-ш! — зашипел на него Боуи. — Леблан готовится начинать. А в отличие от тебя, у этого французика хороший голос!

Морис Леблан был странной комбинацией солдата и ученого. Ветеран Французского Иностранного Легиона, он ценил хорошую драчку почти также, как Крокетт. Из-за своего легкомысленного характера его на Реке убивали раз десять. Леблан верил, что надо жить в полную силу, даже если это означало, что ты будешь умирать гораздо чаще, чем предпочло бы большинство людей.

Несмотря на необузданность своей натуры, француз также посвящал себя математике и

естественным наукам. Он присоединился к их компании ради надежды найти одного из своих соотечественников, Пьера де Ферма, который жил за сотни лет до его рождения. Согласно рассуждениям Леблана, Ферма был единственным человеком, который мог ответить на вопрос, не дававший покоя математикам уже сотни лет.

Насколько Боуи мог понять, решение этой проблемы не имело никакого применения в жизни на Реке. Да и не являлся таким уж важным. Техасец не мог понять, почему Леблан так или иначе заботится об этом вопросе, но он хорошо понимал, что лучше не спрашивать. Все члены команды «Незаконченного дела» искали ответы, которые оказались недоступными для них на Земле. В этом странствии никто никогда не спрашивал человека о его мечте, какой бы чудной она ни казалась.

— Моя песня, — торжественно объявил Леблан, — называется «Удовлетворение». Хотя я мало смысла нахожу в ее словах, я чувствую, что нахожусь в полном согласии с эмоциями, выраженными автором. Я тоже не могу найти удовлетворения. По крайней мере, до тех пор, пока не осуществится моя цель. А свобода, равенство и братство существуют повсюду на этой

могучей Реке. Если вы готовы, я начинаю.

Песня следовала за песней, каждая из них опиралась на энтузиазм, вызванный предыдущей. Они пели «Гордую Мэри», «Прибой в США», «Эта страна — твоя страна» и десятки других. Зачастую большая часть слов не имела никакого смысла — или немного — для присутствующих, но всем — казалось на это наплевать.

Лисандр Спартанский внес свой вклад в общее настроение, пустив по кругу все бутылки с вином, которые он конфисковал у команды за мелкие нарушения судовых правил в течение последних нескольких месяцев. К полуночи, хотя никто не был пьян в полном смысле этого слова, никто не был и особенно трезв.

Боуи поражался казавшемуся неистощимым количеству лирических песен, подобранных Мэйсоном. Историк как-то сознался в том, что был «trivia addict», что, насколько Боуи мог уразуметь, означало, что он набивал свой мозг возможно большим количеством бесполезной информации. И все-таки, сегодняшнее представление превышало любые прежние всплески воспоминаний Мэйсона.

Сократ как раз начал вдохновенно исполнять «Времена всегда меняются», когда случилось

неожиданное.

Из темноты раздался громкий мужской голос:

— А-а, костерок! Я странник-неудачник. Могу я подойти?

Пятьдесят спартанцев, мгновенно протрезвев, вскочили на ноги, взяли наизготовку мечи и щиты. И Боуи мгновенно зажал в руке кинжал.

— Заходите и представьтесь, — объявил Боуи. — Я не отказываю в помощи ни одному человеку, если он в ней нуждается.

К костру метнулось единственная фигура. Этот человек был почти обнажен, если не считать набедренной повязки из листьев, грааль свисал с его толстого пояса, обвивающего талию. С него, худого и темноволосого, ручьями стекала вода. Выглядел он очень усталым.

— Меня зовут Пол Бойтон, — представился незнакомец нетвердым голосом. На эсперанто он говорил с сильным ирландским акцентом. — Я хотел бы хоть что-нибудь поесть. И глоток виски, если вы можете дать мне глотнуть.

Боуи махнул ему рукой, чтобы он садился к костру. Остальные отыскали для него еду и питье. Незнакомец поедал то, что ему предложили, с жадным аппетитом.

— Я Джим Боуи. Моего высокого друга зовут

Дэви Крокетт. Этот коротышка — Сократ, величайший философ мира. И так далее.

— Я слышал с Реки, как вы пели, — сказал Бойтон, поедая второй сандвич. — Хотя слова были мало мне понятны, они меня убедили, что вы не в союзе с ними. Так что я решил попробовать и поплыл к берегу.

Бойтон потянулся за третьим сандвичем:

— Я находился в воде почти двое суток, без еды и питья. Несколько раз я уже готов был сдаться и дать себе утонуть. Но отказался сдаваться. Этих гадов нужно остановить.

— Эй, Бойтон, — перебил его Крокетт. — Как насчет того, чтобы перестать молоть языком воздух? Кто они такие, эти друзья, о которых ты толкуешь?

— Нацисты, — ирландец выплюнул это слово, как будто бы произносил ругательство, — и их трижды проклятый вождь, Адольф Эйхман.

2

Между глотками виски Поль Бойтон рассказал свою историю.

— Никогда я не сидел на одном месте и не тратил свою жизнь понапрасну, — начал ир-

ландец. — Хотя я родился в Дублине, я вырос в Соединенных Штатах. В пятнадцать лет я сбежал из дому и поступил в Объединенный Флот. Я никогда не оглядывался назад.

После Гражданской войны я дрался вместе с революционерами в Мексике, а потом участвовал во франко-прусской войне. Потом мне надоело подчиняться военному режиму, и я присоединился к знаменитой Парижской коммуне. Но та жизнь не была для меня достаточно волнующей. Так что некоторое время я участвовал в заговоре против испанцев за освобождение Кубы. Когда это осуществилось, я поехал в Южную Африку и добывал алмазы.

Бойтон глотнул еще бурбона и потянулся за следующими сандвичем.

— Все же я продолжал поиски счастья и возглавил первую спасательную службу в Атлантик-Сити, Нью-Джерси, и лично спас семьдесят одного человека. Благодаря этому рекорду на меня обратил внимание К. С. Мерримен, питтсбургский фабрикант, который сделал проект первого специального костюма для спасения пассажиров трансатлантических пароходов. Мерримен нанял меня испытывать его оборудование, и я согласился.

Водоупорный костюм сделал спасательную службу возможной в тяжелейших океанских условиях. В октябре 1874 я испытал новое спасательное оборудование, проплыв более тридцати миль в море, я прыгнул с парохода и добрался до Корка, Ирландия. Шесть месяцев спустя я переплыл Английский канал, большую часть пути на спине, куря сигарету.

— Это неладно, — заметил Крокетт, — чтобы человек проводил столько времени в воде.

Бойтон кивнул в знак согласия:

— В мое время плавание считалось пустой тратой времени, точно так же, но меня использовали так, что это помогло кое-что изменить в отношении к нему. Я плавал на Рейне, на Сене, на Тибре, на Миссури и даже на Миссисипи. Ища необыкновенной судьбы, я завербовался в перуанский флот и взорвал чилийский корабль, подплыв к нему в гавани и подложив 125 фунтов динамита ему под киль. Наконец, я вышел в отставку, осел в барах Нью-Йорк Сити. Я благополучно умер в 1924 году.

— И проснулся здесь, в Мире Реки, — улыбнулся Билл Мэйсон, — чтобы встретить свой самый великий подвиг.

— Верно, — кивнул Бойтон. — Подумайте об

этом, джентльмены. Река длинной в миллионы миль! Какой громадный выбор для человека моих способностей! Моя цель — проплыть по ней по всей ее длине.

— Ты совсем чокнутый, — объявил Крокетт, не, любивший ни воду, ни купанья. — Зачем так затруднять себя?

— В Мире Реки — почему бы и нет? — возразил Бойтон.

— Если судить по тому, что вы мне рассказали о вашей цели, моя имеет куда больше смысла.

— Может, и больше, — ухмыльнулся Боуи. — Но расскажи-ка нам об этих ребятах наци из соседней долины.

Улыбка сошла с лица ирландца.

Они просто дьяволы. Встречал я некоторые довольно странные культуры, плавая выше по Реке. Но ни одна из них не сравнится с этими германцами по жесткости.

— Это как-то бессмысленно, — нахмурился Билл Мэйсон. — Наци происходят из моей эпохи, с 1920-х по 1940-е, если точнее. Согласно всем сведениям, Река заложена в весьма грубом хронологическом порядке. Мы все еще проплываем через античные времена. Леблан сделал некоторые расчеты, пока ты сушился. Он считает,

что фашисты должны располагаться за десять миллионов миль — или еще дальше — вниз по течению.

— Более того, — перебил француз, — во всех моих пере-воскрешениях я никогда не встречал более десятка выходцев из двадцатого веке на одной и той же территории — будь то мужчины или женщины. Подозреваю что боги Мира Реки задумали так по определенной причине.

— Что же они имели в виду? — спросил Боуи.

— Кто я, чтобы испытывать разум богов? — спросил Леблан, делая интонацией своего голоса предельно ясным, что он чувствовал себя совершенно некомпетентным. Но из того, что я видел и что множество раз демонстрировал наш друг Мэйсон, наши друзья-современники весьма удобно устроены относительно науки и техники. Они так не ошеломлены чудесами нашего нового дома. Мне кажется, боги боятся того, что могло бы случиться, если бы слишком многие из них смогла бы собраться в одном месте. Возможно, их беспокоит, что эти люди могли бы открыть.

— Ладно, — сказал Бойтон. — Если эти проклятые нацисты служат каким-то примером, я ничуть не стану бранить богов.

— Почему же вы не продолжаете свою исто-

рию? — терпеливо напомнил Боуи. Его товарищи были неглупыми и любопытными, но иной раз слишком много болтали.

— Я плыву вверх по течению теперь уже около двух лет, — сказал Бойтон. — С течением-то я мог бы справиться, но это похоже на какой-то обман. Я всегда рад испытанию. Обычно я плыву от одной долины до другой, а ночую каждый раз в новом месте. Кстати, по большей части я повсюду встречаю дружественный прием. Большинство людей захвачены моей попыткой и обращаются со мной хорошо. С распространением эсперанто общение перестало быть проблемой. Это была прекрасная жизнь.

— А нацисты? — напомнил Боуи.

— К ним-то я и клоню, — успокоил его Бойтон. — Четыре дня назад я вылез на берег в долину недалеко от этой. Как только я вылез на берег, меня окружили около десятка мужчин, вооруженных копьями и мечами. Они потребовали, чтобы я им сказал, кто я такой и зачем сюда прибыл. Их вождь был громадное чудовище, шести футов роста и весил хорошо за пятьдесят фунтов. Носил он чудовищный топор, который можно размозжить человеческую голову одним ударом. Несколько других мужчин называли его Голиа-

фом, и у меня не осталось никаких сомнений, что это и был легендарный великан из Библии.

Титан был за то, чтобы убить меня сейчас же, но некоторые из них убедили его, что их хозяин может захотеть допросить меня. Так я предстал перед Адольфом Эйхманом.

Бойтон остановился, взгляд его театрально бродил по сторонам, пытаясь охватить всю компанию. Мастер по плаванию, он был также и мастером рассказывать истории.

— Размеры Голиафа делали его ужасающим. Интеллект Эйхмана выполнял то же самое дело. Я нашел, что самый ужасный из этих двоих — немец. Гигант был созданием страсти, Эйхман же держал свои желания под строгим контролем. Он никогда не разрешал своим эмоциям мешать своим планам. Это был холодный, бесчувственный маньяк. Настоящий монстр.

Ирландец проглотил свой виски одним глотком. Он уже должен был как следует набраться, но его рассказ держал его в холодном трезвом состоянии.

— Маленького роста человек, с крысиной физиономией, Эйхман, допрашивал меня несколько часов. Он выражал большой интерес к цивилизациям, живущим вниз по Реке от его поселения.

Чувствуя, что я не открываю ему ничего такого, что он не мог бы узнать и сам, я говорил свободно и правдиво.

Очевидно, то, что я рассказал, сильно понравилось немцу. В течение короткого времени он начал хвастаться планами о подчинении «нечистокровных рас», окружающих его территорию. Эйхман намеревался установить нацистскую империю. «Новый Рейх», как он ее называл, управляемую своими учениками. Чудовищную истину, скрывающуюся за этими планами, я не понял до следующего утра.

— Так вообще-то кто они такие, эти парни нацисты? — спросил Крокетт.

Билл Мэйсон скорчил гримасу:

— Позор двадцатого века.

Спокойно и без эмоций историк описал подъем и падение Третьего Рейха. Когда он кончил говорить, мертвая тишина воцарилась среди сообщества.

Лисандр Спартанский наконец развеял чары:

— Стража на берегу Реки должна быть усилена. Мы не можем дать этим чудовищам захватить нас врасплох. — Лицо его побледнело, он поднялся:

— Я скоро вернусь.

— Тринадцать миллионов безвинно убитых, — прошептал Сократ. — Преступления этих нацистов превосходят всякое воображение. А я думал, что когда-нибудь постигну справедливость. Может ли подобное понятие существовать в формах, которые позволяют такое сумасшествие?

— Хуже всего то, — сказал Бойтон, — что теперь, когда они вновь возродились в Мире Реки, они собираются снова делать то же самое.

— То есть — что? — воскликнул Боуи. Он почувствовал, как в нем образуется твердый клубок ярости. Ярость убийства, как называл это его старший брат. — Что ты этим хочешь сказать?

— Эйхман меня допрашивал, пока не стемнело. Наконец, он утомился от этого разговора. Меня, голодного и изможденного, его помощники поволокли в бамбуковую загородку, за которой жили несколько сотен обнаженных женщин. Этих несчастных держали, как я скоро узнал, и оставили в живых только для сексуальных удовольствий нацистов. Ни одного мужчины во всей тюрьме не было. И вот там я начал подозревать худшее. Но женщины, приведенные в ужас своими тюремщиками, отказались со мной разговаривать. И только при наступлении дня мне удалось узнать всю правду о новое Рейхе.

— Конечно, самоубийство… — начал было Билл Мэйсон.

— Нужно много смелости, чтобы убить себя, — перебил Бойтон. — Гораздо в большей степени, чем обладали эти бедняги. Эйхман отбирал только тех рабов, которые панически боялись смерти. Ни одна женщина обладающая сильным духом, не была допущена в тюрьму.

— Не нравится мне то, что ты рассказываешь, — заявил Дэви Крокетт, глаза его сузились. — Скажи мне, что я неправильно сужу об этих наци.

Бойтон глубоко вдохнул в себя воздух.

— Боюсь, что все это слишком правдиво. На следующее утро я наблюдал резню. Боже моей, — голос его дрогнул от эмоций, — если бы я только мог уничтожить воспоминания о ней в своем мозгу!

Долина не была обширной. Она содержала три грейлстоуна. Или так мне показалось, судя по тому, что совершалось при свете дня. Нацисты собрались вскоре после восхода солнца и разбились на три группы. Наблюдая за ними, я понял, что они уже проделывали подобное раньше — много раз. Два отряда маршем двинулись прочь, очевидно, к другим грейлстоунам, а третий остался в деревне.

— И сколько человек в каждом отряде? — спросил Боуи.

— Пятьдесят или шестьдесят, — ответил Бойтон. — И все они — крупные сильные парни, вооруженные мечами и кинжалами.

— Они превышают нас числом, получается трое на одного, — прикинул Боуи. Да, это куда больше, чем количество, с каким может справиться наша команда. Даже если застать их врасплох.

— Трудно будет застать их врасплох, — заметил Бойтон.

— Главное поселение окружено огромной стеной, ворота только одни. Днем их держат открытыми, но при закате солнца их закрывают. И Голиаф охраняет их.

— Чем великан выше, тем тяжелее он падает, — напомнил Крокетт.

— Под пристальным наблюдением нацистов женщины из загородки были отправлены к грейлстоуну, и им было разрешено поместить туда их граальчики. И мне тоже. Как только мы стадом потащились в свою тюрьму, наши тюремщики сделали тоже самое.

— Судя по тому, что ты описываешь, — нахмурился Боуи, — оставалось свободным расстояние для пятисот свободных грейлстоунов. Что озна-

чает, что много новых людей будет трансформировано в эту долину сегодня утром.

Бойтон кивнул, лицо его побледнело.

— Что составляет около двух тысяч новых пришельцев, если учесть еще два грейлстоуна. — Голос его упал до шепота: — Ежедневно две тысячи человек.

Глаза его наполнились ужасом, который только он один мог видеть и ирландец продолжил:

— В обычное время энергия вспыхнула, и пятьсот новых людей материализовались вокруг грейлстоуна. Наобум выбранные образчики из числа тех, кто умер накануне где-нибудь в других местах Мира Реки, теперь вернулись к жизни на новой территории. Но для большинства это было всего на мгновение.

— Безумие, — откомментировал Сократ. — Чистое безумие.

— Но не по мнению Эйхмана, — поправил Бойтон. — Его люди работали быстро и эффективно. Это были настоящие эксперты по убийству, они так много раз участвовали в этом ритуале. Проходя среди родившихся заново, они перерезали глотки всем цветным. Краснокожим, чернокожим, желтым, — и те мгновенно умирали. Не пощадили ни одного.

Они убивали и женщин, кроме нескольких, оказавшихся наиболее привлекательными. Этих присоединили к остальным, сидящим в тюрьме. В том нацистском аду женщины использовались только как дающие сексуальное наслаждение — ни для чего другого они не предназначались. Те, кто не мог удовлетворить этому требованию, были убиты.

— А что было с остальными мужчинами, которые немедленно не уничтожили? — спросил Боуи.

— Их, как стадо, согнали всех вместе и поместили на другую огороженную территорию, недалеко от грейлстоуна. Все еще слабые и с трудом державшиеся на ногах после перерождения, большинство их них без всякого протеста делали все, что от них требовали. После завтрака Эйхман и несколько его помощников допросили пленников. Некоторым, добровольным рекрутам или воскресшим нацистам, позволили жить. С остальными быстро расправились.

Позже женщинам из тюрьмы позволили наполнить их Граали и съесть содержимое. — Голос Бойтона снова дрогнул. — Это было, точно в аду. Мы ели, окруженные свежими трупами, их тела еще не успели остыть. Везде была кровь.

Потом рабы, разделенные на небольшие партии, собрали все трупы вместе и выбросили их в реку. Когда я это понял, у меня появился шанс на спасение. Я оторвался от своей группы и нырнул в воду. Я добрался до середины Реки, почти все время плывя под водой. Несколько стражников пробовали последовать за мной, но никто из них не смог даже приблизиться. Вскоре они отстали. Очевидно, почувствовали, что я знал, что делаю.

— Почему ты плыл вверх по течению? — поинтересовался Боуи.

— Я же попал туда с нижнего течения, — объяснил Бойтон. — В двух поселениях за нацистами живут сторонники Церкви Второго Шанса. Славные люди, но пацифисты. Они ни по какой причине не станут сражаться. Единственная моя надежда найти помощь для уничтожения этих нелюдей была — направиться по Реке верх.

— Чтобы убивали тысячи людей каждый день, — покачал головой Крокетт. — Это же бессмысленно. Зачем они это делают?

— На это ответить нетрудно, — сказал Билл Мэйсон. — Эйхман исказил основной закон Мира Реки, чтобы приспособить его к своим загребущим рукам. Он создает расу так называемых Хозяев Наци, не по рождению, но по отбору внеш-

них данных. Это безжалостно и антигуманно, но он медленно достигает тех результатов, которые ему нужны и никто не в состоянии его остановить.

Всякий раз, когда кто-то умирает на Реке, эти люди возрождаются на следующий день в другой местности. Насколько мы можем судить, эти возрождения не имеют закономерности. Любой человек из любой эпохи может возникнуть где угодно. Эйхман пытается собрать армию нацистов. Поэтому ежедневно он и его палачи убивают всех неугодных членов колонии. Это обеспечивает появление на следующее утро громадного притока новых воскресших. Поскольку ежедневно на Реке умирают миллионы людей, прибытие новых жертв нескончаемо. Закон случайности почти гарантирует, что некоторые из прибывших будут обладать качествами пригодными для империи Эйхмана.

Это похоже на промывание грязи на дне Реки в поисках золота. Вы перебираете массу ила для того, чтобы найти несколько крупинок. Эйхман рассортировывает людей, а не камни, но принцип тот же самый. Он делает свою игру против невероятного количества материала, но с неограниченными денежными средствами. Назовем

это некоторым образом рулеткой Мира Реки.

— Все-таки, я не понимаю, как он ухитряется добиваться своего, — недоумевал Крокетт. — Я могу догадываться, что это получается со всеми теми, кто возрождается и все еще находится без сознания. Но не возьму в толк, как ему удается так легко убивать основное население долины.

— Это вопрос, на который мы, вероятно, никогда не найдем ответа, сказал Боуи. — Да, на самом деле, это и неважно. Настоящая дилемма, перед которой мы стоим — что мы с этим собираемся делать?

С минуту никто не говорил ни слова. Затем Сократ, совесть группы, высказал то, что нужно было произнести:

— Мы отправились в это странствие для того, чтобы завершить свои дела, не законченные на Земле. Может ли остаться среди нас хоть какое-то сомнение насчет того, что эта колония варваров, этих сумасшедших наци, должна быть уничтожена? Что они — часть незавершенного человечеством дела?

3

Был небольшой спор насчет того, как следует действовать. Боуи и Крокетт были ветеранами войн с индейцами и Аламо. Лисандр являлся одним из величайших военачальников Спарты. Сократ участвовал во множестве сражений, и на Земле, и в Мире Реки, так же, как Исаак Искатель и Морис Леблан. Все они соглашались, что есть только один способ одержать победу над нацистами. К сожалению, отсутствовало согласие начет того, кто будет выполнять самую опасную часть этой миссии.

План их состоял из двух частей. Во-первых, следовало нейтрализовать количественное преимущество нацистов. Это можно было сделать только повернув суда вверх по Реке и набрав отряды добровольцев воинов их тех цивилизаций, которые они уже посетили. Никто не волновался о том, удастся Ли это.

Большинство населения этой части Мира Реки вели свое происхождение от негритянских царств Куша, Гордые, надменные воины, которые некогда завоевали Египет, они охотно позволят себя призвать к предстоящей битве.

Путь вверх по Реке займет несколько дней, и потребует от всей команды «Незаконченного дела» бороться с течениями Реки. Тем временем, небольшая группа людей должна просочиться в нацистский лагерь. Описание фашистского поселка, которое дал Бойтон, делало совершенно ясным, что им необходима пятая колонна внутри крепости. Кто-то должен открыть ворота для вторгающихся. Иначе сражение будет долгим и кровавым, без какой-либо гарантии успеха. Проблем заключалась в том, что все с «Незаконченного дела» хотели отправиться. И каждый из них считал, что лучше других подготовлен к этой задаче.

Как капитан экспедиции Боуи принял решение в последней инстанции. Как он и ожидал, никто не оказался доволен его выбором. Особенно поскольку он был одним из двух выбранных людей. Вторым был Лисандр Спартанский.

— Это неразумно, — пробовал спорить Деви Крокетт. — Вы с Лисандром единственные разумные голоса во всей проклятущей экспедиции. Посылать туда вас обоих — да это же самоубийство, это безумие!

Боуи пожал плечами:

— Ты просто злишься, потому что я выбрал

Лисандра пойти со мной, а не тебя. Не могу утверждать, что не понимаю твоих чувств. Но Лисандр не болтун, как ты. Если эти кушиты нуждаются в том, чтобы их убеждать, тут ты и Сократ будете на месте. Билл Мэйсон человек находчивый, но он не боец. Эти черные вас уважают.

Крокетт кивнул:

— Не могу сильно возразить против твоих слов. Мы с кушитским королем поладим. Как-то всю ночь вместе выпивали, и прочее. И он даже хотел, чтобы я остался и женился на его сестре.

— Я же говорил, — обрадовался Боуи. — Лисандр со словами плохо управляется. Он молчаливый. Слишком уж, чертяка, задумчив, чтобы убедить кушитов помочь. Но он несгибаемый, как гвоздь, будет драться до последнего. Он не такой, как ты, и это лучший выбор для того, чтобы защищать меня со спины.

— Ты меня убедил, — сдался Крокетт, — но не могу сказать, чтобы я был счастлив по этому поводу. Ни чуточки.

У Билла Мэйсона были другие волнения. Он поделился ими с Боуи незадолго до того, как «Незаконченное дело» отправилось вверх по Реке.

— Лисандр спартанец, — напомнил он обеспокоенно.

— Я этого и не отрицаю, — пожал плечами техасец. — И что тут неладно, Билл?

— Надеюсь, что ничего, — ответил Мэйсон. — Для тебя, да и для нас тоже. Пойми меня правильно. Мне Лисандр очень нравится. Он всегда рядом с нами, во всех наших приключениях. Но он воспитан в Спарте, в одном из самых милитаристских обществ, какие только существовали. Спартанцы и в самом деле верили, что их граждане больше одарены, чем другие народы — что они, так сказать, высшая раса, предназначение которой — управлять. Такой взгляд на вещи здорово близок к эйхмановскому.

Боуи нахмурился:

— Ты думаешь, Лисандр может сговориться с нацистами в их программе?

Историк покачал головой:

— Я не знаю, Джим. Надеюсь, что нет. Но все возможно.

— Ну, — возразил Боуи, — я Лисандру доверяю. Никогда мне не казалось, что он один из тех, кто предает своих друзей, каков бы ни был повод. В глубине души я чувствую, что он тот самый человек, который должен меня сопровождать в этом походе. Все-таки — ценю твое предостережение. Буду держать глаза открытыми.

— Эйхман — дьявол, — предостерег Мэйсон. — Из всех нацистских вождей он был самым бесчеловечным. И самым хитрым. Он человек опасный.

Боуи улыбнулся своими тонкими губами, без всякого юмора:

— Я тоже, Билл. Я тоже.

4

Боуи и Лисандр выждали два дня после того, как их друзья отбыли, прежде чем они отправились в свое путешествие. Появляться слишком скоро после побега Бойтона было бы подозрительным. И Боуи был намерен провести в нацистской крепости как можно меньше времени.

Они гребли в четком ритме, быстро направляя бамбуковое каноэ по воде. Работа была тяжелая, требующая всех сил, на разговоры их не оставалось. Что вполне устраивало Боуи. Глубоко в его душе полыхало холодное белое пламя гнева.

Он всем сердцем верил, что не может быть никаких компромиссов со злом. Нацистов с их безумными планами необходимо остановить.

Волна отвращения прошла по нему, и глаза его сузились. Немцы могут и должны быть побежде-

ны. Его ли усилиями, или кого-нибудь другого. Это едва ли имело значение. Потому что в Мире Реки ничего на самом деле не кончается. Зло, как и добро, вечно.

Простейший путь покончить с нацистской угрозой было — убить всех, кто участвует в их планах. К несчастью, на другой же день все виновные должны снова возродиться в каких-то других местах на Реке, свободно смогут опять лелеять свои планы. И никто не будет остерегаться их истинных намерений, никто не узнает об их прошлых преступлениях. Боуи считал это крайне несправедливым. В отличие от сторонников Второй Попытки, он не мог забыть и простить.

Согласно учению церкви Второй Попытки, человечество вновь возродилось на Реке с особой целью. Сторонники этой религии учили, что цель существования состоит в том, чтобы достигнуть объединения с Богом. Каждая личность может достичь собственного спасения путем любви и всеобщего отрицания насилия. Жизнь в Мире Реки предоставляла человечеству вторую попытку достижения своей цели. Освобожденные от бремени доставать пищу, воспитывать детей и беспокоиться относительно смерти, люди теперь могут полностью сосредоточиться на том, чтобы

прийти к бессмертию духа.

Боуи не очень-то выносил сторонников второй попытки. Будучи человеком действия, он считал их философию терпимости и гармонии невероятно наивной. Быть пацифистом на Реке означало, вероятно, твердую гарантию бесчисленных возрождений. Человечество в целом не было готово отринуть десять тысяч лет насилия, при всех чудесах, какие устроили боги Мира Реки.

Сократ отформулировал это лучше всего:

— Если бы боги предпочли, чтобы мы стали овцами, они воскресили бы нас с овечьими мозгами. Так как мы вернулись людьми, то и должны действовать по-человечески.

Лисандр слегка ткнул Боуи веслом, прервав его размышления.

— Я вижу отмель, о которой рассказывал Бойтон. И шестеро доброжелателей ждут нас на берегу.

Шестеро могучего сложения мужчин наблюдали, как каноэ приближается к берегу. Один из них нависал над остальными своими квадратными плечами и огромной головой. Черноволосый великан с крошечными свинячьими глазками вылупился на приближающееся суденышко с нескрываемой враждебностью. В руках он сжи-

мал самую большую и толстую дубинку, какую Боуи когда-нибудь видел. Для того, чтобы успешно совершился их план, этот человек должен умереть.

— Убийство этого чудовища может быть подвигом, — пробурчал Боуи, когда они с Лисандром прыгнули в воду, чтобы привязать каноэ, которое они выволакивали на сушу.

— Пусть его вид тебя не пугает, — шепнул ему в ответ Лисандр. Они были уже меньше чем в дюжине ярдов от прибрежной полосы. — Человек подобных размеров должен быть медлительным и неуклюжим. Нося столько веса, он будет легко уставать. Слабое место, у него — ноги.

— Сам ад свидетель, что для меня они выглядят деревьями, — буркнул Боуи. Потом болтать было некогда.

Как только они вышли из воды, их окружила встречающая группа. Каждый был вооружен и мечом, и кинжалом, у нескольких были еще и копья. Никто из них вроде бы не был настроен дружественно.

— Кто вы такие и что вам нужно? — спросил мускулистый блондин с надменной улыбкой на лице. — Чужестранцам запрещен вход на нашу землю.

— Тогда вам, ребята, надо было поместить плакат посередине реки, — ответил Боуи, медленно и спокойно растягивая слова. Возможность внезапной смерти всегда успокаивала ему нервы, особенно с тех пор, как ему стало известно, что смерть наступает не навсегда. — Поскольку его не было, мы и решили остановиться и оглядеться.

— Этот ответ является… — начал было блондин, но внезапно умолк на полуслове, видя, что Боуи вынул огромный стальной кинжал и начал чистить им свои ногти.

— Я Джим Боуи, — представился техасец самым приятным тоном. — Мой друг, Лисандр Спартанский. Помимо того, что он был одним из величайших военачальников в истории, он великолепно владеет мечом. Не тот человек, которого я хотел бы иметь своим врагом.

Лисандр использовал минутное замешательство, вызванное появлением кинжала Боуи, чтобы вытащить собственное оружие. Он держал меч с твердой уверенностью человека, который знает свою собственную ловкость.

Боуи хмыкнул, его кинжал блеснул на солнце.

— Эти мечи из костей морской щуки — неплохое оружие. Но их не сравнить с настоящим стальным лезвием. В руках настоящего специ-

алиста такой ножик, как этот, может в секунду взрезать человеку кишки. Выпотрошит все его внутренности на песок, прежде чем он глазом успеет моргнуть. — Боуи усмехнулся. — А я лучший специалист, ребятки. Самый лучший.

— Так ты Джим Боуи? — спросил другой член берегового патруля, и в голосе его звучал страх. — Изобретатель легендарного ножа Боуи? Который погиб вместе с Дэви Крокеттом при Аламо?

Мысленно Боуи состроил гримасу. Невозможно избавиться от легенды, придуманной Крокеттом.

— Это все равно, — ответил он. — Кинжал изобрел мой брат Рэзин. Но я и есть тот, кто убил в поединках шесть человек, пользуясь им.

— Слишком много трепа, — перебил черноволосый великан. Он поднял громадную дубинку себе на плечо. — Так мы их убиваем — или нет?

— Определенно нет, Голиаф, — объявил человек, который узнал имя Боуи. Он был пониже ростом, чем его товарищи, с темно-русыми волосами и карими глазами, он отвесил вежливый полупоклон. — Я Фриц Мюллер. Ребенком я читал о ваших несравненных подвигах. Для меня большая честь с вами познакомиться.

Затем, как бы отвечая на ропот своих товарищей, Мюллер продолжил:

— Наш вождь, герр Эйхман, тоже был страстным поклонником американских пионеров. Уверен, он будет в восторге, когда узнает, что вы здесь.

— Буду рад приветствовать, — сказал Боуи, укладывая кинжал в ножны, но продолжая держать его за рукоятку. — Мне всегда нравились социалисты.

Пока они все шли по берегу, Боуи исподтишка наблюдал за Голиафом. Если рассматривать его вплотную, великан выглядел еще более впечатляюще, чем на расстоянии. Он обладал руками невероятных размеров с пальцами, как сосиски. Грудь у него вдвое превышала размер груди нормального человека, на ней выдавались мышцы.

Вспоминая совет Лисандра, Боуи внимательно присматривался к тому, как Голиаф передвигался. Гигант шел медленно и далеко не грациозно. С каждым шагом он хрюкал от боли и был осторожен, чтобы не вывихнуть лодыжку или колено. Техасец Боуи почувствовал себя более уверенно. Он не смел недооценить невероятную силу великана, но понял, что тот никоим образом не является неуязвимым. Раз уж Давид сумел убить Голиафа, так сможет и Джим Боуи.

5

Нацистский поселок был точно таким, как описывал Пол Бойтон. Он напомнил Боуи форты его эпохи, и он подумал — уж не помогал ли строить кто-то из его, Боуи, современников?

Солидный земляной вал в пятнадцать футов высоты и пять футов толщины окружал весь комплекс построек. Через каждые пятьдесят футов была деревянная амбразура, внутрь форта вела приставная лестница. Единственным входом в поселок были массивные железные ворота. Бойтон был прав. Если эти ворота не будут открыты изнутри, немцы будут в полной безопасности от нашествия извне.

Поселок был приблизительно футов в пятьсот шириной. В центре находился основной грейлстоун, который снабжал обитателей едой и питьем. В Мире Реки невозможны были долгие осады, потому что обороняющиеся никогда не испытывают нужды в продовольствии. Но нападающие, отделенные от своих грейлстоунов, страдали от отсутствия припасов.

Слева от грейлстоуна возвышалась бамбуковая загородка, упомянутая ирландцем. На мгновение

Боуи бросил туда взгляд, но сейчас же отвернулся. Единственный способ как-то помочь пленницам был — игнорировать их. И все-таки он чувствовал на своей спине их взгляды, когда молча проходил мимо.

Сейчас же за загородкой пестрел целый ряд небольших хижин, которые, как определил Боуи, были жилищами нацистов. В задней части форта находилась вторая загородка, где не было заметно никаких признаков жизни. Согласно рассказу Бойтона, Боуи понял, что это был загон, где держали потенциальных членов колонии.

Дом Эйхмана, не особенно удививший Боуи, был самой богатой постройкой в поселке. К одной из его стен был приделан крест с изогнутыми концами. Боуи узнал свастику.

Их с Лисандром провели в небольшую прихожую. Они оставались там под присмотром зорких стражников, которых насчитывалось около полудюжины. Фриц Мюллер пошел докладывать об их присутствии вождю. Через несколько минут немец вернулся, лицо его сияло от возбуждения:

— Герр генерал Эйхман примет вас, джентльмены, немедленно! — объявил он с гордостью. — Он считает честью для себя принять таких знаменитых гостей. Пожалуйста, следуйте за мной.

При всей куртуазности Мюллера, Боуи отметил, что стражников он не отпустил, и те тоже следовали за ними.

Небольшой и стройный Эйхман по сравнению со своими подчиненными напоминал змею. Боуи сразу вспомнил тех политиканов, которых он знал когда-то на Земле. Единственная особа, которая что-то значила для Адольфа Эйхмана, был Адольф Эйхман.

После стакана отличного бренди и нескольких слов вежливости, немец перешел прямо к делу:

— Мне сказали, что у вас есть удивительный кинжал, герр Боуи. Не возражаете, если я на него посмотрю?

— Вовсе нет, — согласился Боуи. Он вытащил кинжал и, держа его рукояткой вперед, протянул Эйхману.

— А вы доверчивы, — замети нацист, поворачивая стальное оружие в руках.

— У вас же есть ваша стража, — напомнил Боуи.

— Да, есть, — согласился Эйхман. Все еще держа кинжал в руках, он улыбнулся техасцу: — А что бы вы подумали, герр Боуи, если теперь, когда ваш бесценный стальной кинжальчик находится у меня, я скомандую своим людям уничтожить

вас обоих прямо сейчас?

Боуи рассмеялся и покачал головой:

— Я бы подумал, что вы совершаете страшную, ужасную ошибку, мистер Эйхман. А я не думаю, что вы тот тип человека, который совершает ошибки.

— Не уверен, что понимаю вашу логику, — Эйхман казался растерянным.

— Разумеется, у вас в руках мой стальной кинжал. Один кинжал. И не очень-то много можно сделать с одним кинжалом. С другой стороны, знание того, как такое оружие делается…

Эйхман резко вздохнул:

— В Мире Реки нет железной руды.

— Лезвие, которое вы держите в руках, говорит о другом, — возразил Боуи.

— И вы его изготовили? — спросил немец.

— Секрет стали, — спокойно вымолвил Боуи, — мне известен. Убейте меня — и вы его потеряете. Навсегда. — Техасец выдержал паузу, давая своим словам дойти до Эйхмана. — Не возражаете теперь вернуть мне кинжал, мистер Эйхман? Без него я ощущаю себя голым.

— С радостью, — Эйхман протянул ему оружие. — Мой вопрос, разумеется, был чисто теоретическим.

— Разумеется, — сухим эхом отозвался Боуи.

Эйхман встряхнул головой, как будто припоминая нечто очень важное:

— Торопясь познакомиться с таким знаменитым историческим лицом, я совсем упустил из виду свои обязанности хозяина. Я убежден, что вы и герр Лисандр охотно воспользуются удобным случаем отдохнуть после вашего путешествия. Герр Мюллер проводит вас в свободную хижину. За обедом мы снова побеседуем.

— Мне это подходит, — кивнул Боуи.

Они благополучно проникли во враждебный лагерь. Теперь оставалось только открыть ворота в надлежащий момент. Что, заключил Боуи, бросая последний взгляд на Голиафа, могло быть куда более значительным подвигом, чем он рассчитывал.

6

После обеда Эйхман не стал тратить времени понапрасну, делая свое предложение:

— Вы владеете могущественным секретом, герр Боуи, — сказал он. — Я же владею армией, чтобы им воспользоваться. Вместе с вами мы сможем устроить значительные перемены на Реке.

— Нож у меня есть, — кивнул Боуи, откидываясь назад на стуле. — Но вот армии-то я не вижу. Дело в том, что в этом месте маловато жителей.

В большой комнате эйхмановского дома их сидело шесть человек. Вождь нацистов, трое его ближайших сторонников, Боуи и Лисандр.

И только один стражник, Голиаф, стоял терпеливо около двери, громадная дубинка покоилась на его плече. Его взгляд, точно дрель, буравил спину техасца, ожидая, чтобы тот допустил хотя бы малейший промах.

— Требуется время, чтобы собрать расу господ, — сказал Эйхман. — Время и решимость. Каждый день мы еще немного приближаемся к осуществлению наших планов создания нового Рейха, новой империи, обагренной кровью низших рас.

— Говорите-то вы много, — заметил Боуи. — Но смысла тут мало. Может, позаботитесь объяснить, о чем вы?

Эйхман встал со стула и скрестил руки на груди.

— Человечество можно разделить на две группы, герр Боуи. Овец и волков. Правители и рабы. Мы с вами волки. Так же, как и все, кто тут с нами находится. Раньше мы правили на земле. И

точно так же мы предназначены для того, чтобы править в Мире Реки.

С самого моего возрождения в этом непонятном новом мире я работаю ради этой цели. Щедрое провидение привело меня в эту колонию, где я объединился с несколькими офицерами из моего земного существования. Вместе с ними мы составили план воссоздания Рейха путем процесса отбора лучших и отбрасывания негодного материала. Медленно, но уверенно мы собираем подходящих членов для нашей новой империи.

— Отбора? — переспросил Боуи.

— Первоначальными жителями этого места были древние египтяне. Участники цивилизации, сосредоточенные на смерти и жизни после смерти, они жили здесь в состоянии шока и недоумения. По всем своим верованиям они принадлежали к подземному миру, где они должны жить таким же образом, как жили на Земле. Эти дурни не могли примириться со своим существованием на Реке. Не представляло никакой трудности убедить их в том, что их переместил на окончательное место отдохновения какой-нибудь недоброжелательный бог или колдун. И что только одновременным массовым самоубийством они могут привести в порядок

космический баланс.

— Оставив вас и ваших товарищей единственными живыми людьми во всей деревне, — заключил Боуи, пытаясь, чтобы его голос звучал твердо.

— Именно. И с тех пор мы поддерживаем этот статус, добавляя к нашему населению только тех, кто разделяет наши взгляды, наши цели и наше арийское наследие. Плюс еще некоторые исключительные личности, как, например, мой друг Голиаф. Всех остальных мы убиваем.

— Довольно радикальный способ создавать армию, разве не так? — спросил Боуи, его терпение уже готово было взорваться.

— Не совсем так, — сказал германец. — Я знаю, что вы думаете, но я отнюдь не бесчеловечное чудовище. Ведь убийство в Мире Реки ничего не означает, совсем ничего. Это, в полном смысле слова, временное неудобство. Большинство тех, кого мы убиваем, вероятно, так и не осознают, что они еще раз умерли. Мы просто отправляем их еще в одно путешествие немного быстрее.

— А как насчет женщин? — Лисандр заговорил впервые.

Эйхман пожал плечами:

— Игрушки для сексуальных забав, ничего

больше. Опять-таки, если они предпочитают, смерть приносит им моментальное освобождение. — Немец снова сел. — В конце концов вы, американцы, убивали тысячами краснокожих индейцев в продвижении на Запад? И разве не в Спарте детей сбрасывали с горной вершины, чтобы испытать их жизнеспособность? Не проповедуйте же мне мораль, господа. На ваших руках тоже есть кровь.

Боуи медленно поднялся, то же сделал и Лисандр.

— Мне нужно некоторое время, чтобы обдумать ваши слова. Завтра утром я сообщу вам свое решение.

— Это приемлемо, — согласился Эйхман. Он выдержал минутную паузу, в то время как Боуи с Лисандром направились к двери. — Помните, герр Боуи. Я могу править с вашей помощью. Я могу править без вашей помощи. В любом случае я буду править.

Очутившись снова в своей хижине, Боуи повернулся к своему помощнику:

— Ну как, Лисандр, что ты думаешь о мистере Эйхмане и о его маленькой речи? Появились ли у тебя какие-то другие мысли? Не искушает ли тебя хоть чуть-чуть его предложение?

Греческий военачальник сплюнул на пол.

— В Спарте мы высоко ценили силу и храбрость. Но без чести они ничего не значили. Эти люди делают себе добычу из слабых и беспомощных. У них нет чести. Будет такое удовольствие разбить их!

— В точности мои мысли, — одобрил Боуи. — Лучше перекрести пальцы, чтобы Крокетт и наши друзья явились сюда сегодня же ночью. Потому что иначе наша завтрашняя встреча с Эйхманом не будет приятной.

7

Свист рогатой совы пробудил Боуи от его сна без сновидений. Затаив дыхание, он ждал, чтобы этот звук повторился. Меньше чем через минуту, свист раздался снова сквозь темноту ночи. Сигнал Крокетта.

Прокравшись к Лисандру, Боуи ничуть не удивился тому, что нашел грека бодрствующим, глаза его горели от возбуждения:

— Меня он тоже разбудил, — шепнул военачальник. — Осмелимся ли мы ответить?

— Думаю — лучше не надо, — ответил Боуи. — Нет у нас причин отказываться от наших

намерений. Заставишь замолчать часового у двери?

— С удовольствием, — Лисандр тихо схватился за свой нож из рыбьей кости одной рукой. И молча нырнул в черноту в передней части комнаты.

— Сделано, — доложил он через несколько секунд, втаскивая в комнату обмякшее тело. — Кругом, кажется, никого. Возможно, все окажется проще, чем мы думали.

— Сомневаюсь, — возразил Боуи, вынимая кинжал из ножен. — Это никогда не бывает легко.

Как обычно, он оказался прав. Голиаф, Эйхман и дюжина нацистов ждали их у ворот поселения.

— Герр Боуи, — окликнул нацистский вождь. — Я в вас сильно разочаровался. Собрались уходить, не попрощавшись. Хотя, должен признаться, я ничего другого и не ожидал. От вас, американцев, всегда одни неприятности.

— Это мы, правильно, — холодно произнес Боуи. Эйхман, очевидно, не подозревал об участниках набега по другую сторону стен. Все стражники с поста у ворот окружили его. Остальной лагерь спал, ничего не зная. Что означало, что может произойти что угодно. — От нас одни неприятности.

Он взмахнул рукой с кинжалом в сторону Го-

лиафа.

— Подойти-ка, великан, — поманил он. — Посмотрим, как ты на самом деле крепок.

— Убей этого дурня, — сердито пролаял Эйхман. — И его друга тоже.

С ревом предвкушения радости великан неуклюже шагнул вперед. Его громадная дубинка просвистела в воздухе, нацеленная прямо на голову Боуи. Но техасца там уже не было. Двигаясь с удивительной скоростью, он неожиданно ловко присел, так что Голиаф не мог его достать, и полоснул его по бедру.

Вскрикнув от неожиданности и боли, гигант неистово лягнул ногой. На этот раз Боуи подпрыгнул — и опять избежал удара. На груди Голиафа, точно по волшебству, появилось кровавое пятно.

— Да возьмите же его, идиоты! — взвизгнул Эйхман, обращаясь к своим людям, загипнотизированным этой стычкой.

— За Спарту! — вскричал Лисандр и ринулся в атаку.

Греческий воин, ветеран сотни боев, рубился и мечом, и кинжалом, неся смерть врагам. Он был опытным бойцом врукопашную, не то что его противники. За несколько секунд земля покрылась кровью нацистов.

Пыхтя и хрипя, Голиаф стоял, не сводя глаз с Джима Боуи. Напоминающий животное, великан заревел во всю глотку. Наклонившись, он ощупывал рану у себя на груди. Поднес пальцы ко рту и лизнул кровь языком.

Пот струился по спине Боуи. Все, что он до сих пор проделал, только заставило великана взбеситься. Необходимо было нанести сто таких ран, чтобы остановить чудовище. А у него не было на это ни времени, ни силы.

— Да возьми же его! — закричал Адольф Эйхман, хватая Боуи сзади.

Руки немца сомкнулись вокруг шеи Боуи, заставив голову откинуться назад в смертельном захвате. Кружась за пределами поля зрения техасца, нацист захватил его врасплох.

Боуи отчаянным жестом двинул Эйхмана кулаком в живот. Немец застонал от боли, но отказался выпустить противника. Краешком глаза Боуи заметил, как Голиаф подковылял ближе, массивная дубинка поднялась для смертельного удара. Если ему не вырваться, Боуи — мертвец.

Для тонкостей времени не оставалось. Вытянув назад руку, державшую кинжал, Боуи погрузил лезвие глубоко в бок Эйхмана. С силой изогнувшись, Боуи продвинул оружие как можно глубже

в желудок нациста. Кровь и кишки, как после взрыва, ударились Боуи в спину. С отвратительным бульканьем немец бездыханным упал на землю.

Когда прекратилось давление на его шею, Боуи перекатился набок как раз в ту секунду, когда сокрушительная дубинка Голиафа опустилась. Техасец вскричал от боли, когда массивный кусок дерева задел его левое плечо. Глотая слезы боли, он с трудом поднялся на ноги.

Голиаф стоял неподвижно, разглядывая безжизненное тело Адольфа Эйхмана. Медленно гигант поднял глаза и поискал ими Боуи. В его взгляде сверкнуло безумие.

— Ты убил господина, — объявил великан. Глубоко дыша, он поднял массивные руки к лицу, предоставив забытой дубинке упасть на землю. — Он был Господин — Господин! Да я тебя за это на куски разрублю!

Боуи с руганью отступил от великана подальше. Его плечо дьявольски болело. Дубинка, вероятно, сломала ему несколько костей. Шее тоже было не лучше. А Голиаф теперь стал безумным, по-настоящему безумным. Пора принимать отчаянные меры.

С трудом поворачиваясь назад, Боуи молил

Бога, чтобы Голиаф оставался неподвижным еще на несколько секунд. Торберг Скафхогг предназначил свой кинжал для точного употребления. Боуи только уповал на то, что лезвие обладало теми же свойствами, что и его земная модель. От него зависела его жизнь.

За пять ярдов от великана он остановился. Собирая воедино скрытые резервы силы, Боуи выпрямился.

— Вот он я, высоченный парень. Бегу. Пора заканчивать эту нашу маленькую дуэль. Ну, давай прямо сейчас.

Глаза Голиафа расширились в берсерковской ярости. Изо рта капала слюна, он сделал шаг вперед. Потом другой. Что было именно тем, чего ждал от него Боуи.

Техасец отвел руку назад и изо всех сил пырнул кинжалом приближающегося гиганта. Торберг изготовил лезвие в совершенстве. Оно совершило один полный замах в четырнадцать футов. И вонзилось по самую рукоятку в грудь великана, как раз над сердцем.

Глаза Голиафа сверкнули от внезапного шока, он шагнул вперед еще два шага прежде, чем испустил дух. Он был мертв еще до того, как стукнулся о землю.

— А я уж начал раздумывать, как ты собираешься покончить с этим сукиным сыном, — откомментировал Дэви Крокетт. — Рад, что увидел это собственными глазами. Иначе и не поверил бы.

Боуи устало повернулся к жителю приграничья.

— Когда же ты прибыл?

— А мы ждали снаружи, чтобы вы, ребята, открыли ворота, — объяснил Крокетт. Как я этот гвалт услышал, уж и ждать невтерпеж стало. Так что наши и несколько кушитов перебрались через стену. Лисандр немного помог, а после уж ворота открыл, так что еще и остальные смогли войти.

Крокетт помахал рукой по направлению к хижинам нацистов:

— Они услышали эти звуки и, кажется, правильно ухватили ситуацию. Эти ребята кушиты неплохие бойцы, если их разозлить. Не думаю, что наци имеют шанс уцелеть.

— Вот и хорошо, — произнес Боуи, чувствуя, как у него кружится голова, — потому что я собираюсь потерять сознание.

8

К тому времени, как Боуи вновь пришел в нормальное состояние, события в бывшей нацистской колонии стабилизировались. Воины-кушиты были беспощадны в сражении с эйхмановскими головорезами. Кроме женщин, запертых за загородкой, никто из колонистов не пережил эту ночь.

Следующее утро увидело начало новой эры, когда около двух тысяч людей материализовалось в долине. Мужчины и женщины из разных областей Реки, они представляли собой самое разнообразное смешение, когда-либо поселявшееся в одной местности. Краснокожие, чернокожие, желтокожие, белокожие, — они явились из сотни различных эпох и мест Земли. Они были хорошими союзниками, поскольку все одинаково пережили смерть — и это их смягчило. В течение недели они создали свое правительство в этом районе и стали заниматься каждодневными проблемами жизни на Реке.

— Пора нам двигаться дальше, — объявил Билл Мэйсон Джиму Боуи в один солнечный день.

Сломанные кости в плече у техасца уже зажили,

и он раскладывал пасьянс на палубе «Незаконченного дела». Кроме небольшого сторожевого патруля, остальная команда наслаждалась долгим отпуском в городе.

— У меня возражений нет, — ответил Боуи. — Смерть разбросала нацистов по всей Реке. Сомневаюсь, что Эйхман когда-нибудь получит другой случай претворить свой план в действие. А если и получит, кто-нибудь снова его сокрушит. По крайней мере, я на это надеюсь. В любом случае, нет для нас причины задерживаться здесь еще.

— Есть еще последнее, — Билл Мэйсон улыбнулся.

Он махнул рукой Дэви Крокетту, Сократу и Торбергу Скафхоггу, собравшимся на палубе. С ними были привлекательная молодая женщина, которую Боуи не знал.

— Джоан Вэнс, познакомьтесь с Джимом Боуи, — представил Мэйсон. — Джоан — одна из новеньких, воскресших здесь. Как и я, она из двадцатого века. И, как и я, она любительница джаза.

Мэйсон кивнул остальным:

— Джентльмены, вы готовы?

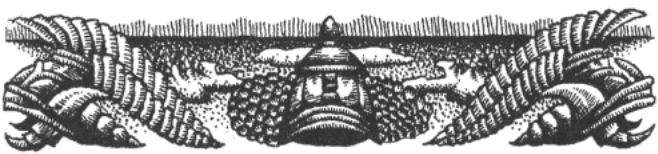
Это получился очень странный квартет для Мира Реки: герой пограничья, греческий фило-

соф, строитель викинговских кораблей и историк из двадцатого века. Но главное была — идея. И слова.

«Джим Боуи, Джим Боуи, он был авантюрист. Джим Боуи, Джим Боуи».

Боуи удовлетворенно вздохнул, давая песне проплыть над ним. Пусть другие ищут на Реке то, что им надо. Он доволен. Для него не осталось незаконченного дела. И в конце концов, он получил воспевающую его песню.

Филипп Хосе Фармер
Кода[70]



Сперва я нашел Рабиа. Затем нашел артефакт, и думаю, что это — тот самый Артефакт. Что важнее, Рабиа или Артефакт?

Рабиа говорит, что мне не нужно выбирать

---

[70] notes: 70

CODA by Philip Jose Farmer
Copyright © 1993 by Philip Jose Farmer

между Путем и Артефактом. Нет и не может быть выбора между Путем и машиной.

Я не уверен.

Мой разум, единственная истинная машина времени, движется назад. И опять назад. А затем движется вперед из этого самого мгновения.

Вот я сижу на скале, которая окаймляет верхушку монолита. Солнце жжет мой правый висок и правый бок. Мой разум тоже горит, но весь, до самой середины.

Я на вершине двухтысячефутового гранитного монолита. Он поднимается над равниной не более чем в сотне футов от Берега Реки. Последние сто футов монолит ослепительно полыхает. Конец у него срезанный. То, что монолит фаллической формы, думаю, случайность. Но я не уверен, что все и вся в этом мире случайность. Даже очертания гор, которые ограничивают долину Реки, и само направление русла Реки, могут иметь равно практическое и символическое значение.

Я хотел бы разгадать это значение. Бывают времена, когда я его почти ухватываю. Но оно ускользает, как вода, которая бежит в Реке.

Вершина монолита, мое обиталище, мой физический мир, полыхает, образовывая круг в

шестьсот футов диаметром. Не много. Но достаточно.

С земли не видно, но этот круг вроде чаши. Внутри ее лежит большой слой плодородной почвы, быстро растет бамбук, есть кусты и дождевые черви, которые едят растительный перегной, а также людские экскременты. В центре чаши высится гигантский дуб. У подножия бьет источник, воду поднимают по всему монолиту с уровня земли не знаю уж какие хитрые приспособления, которые творцы этого мира скрыли в камне. От источника вода бежит на север мелким ручейком. Он расширяется, образуя озерцо, а затем водопадом низвергается через узкую трещину в каменном ободке. Радужные рыбы живут в ручейке и озерце. Они около восьми дюймов длиной, если их поджарить или испечь, вкус изумительный. А неподалеку от дерева — грейлстоун.

Мне никогда не требовалось много на Земле. Здесь мне нужно даже меньше, хотя, в духовном смысле, больше. Я подобен христианским отшельникам Темных Веков, которые сидели в одиночестве на высоких столпах годы и годы в африканской пустыне. Большую часть времени они медитировали, или они так утверждали. Они редко сдвигались из своей сидячей позы. Если

так, то ну и язвы же у них были на заднице.

Я часто встаю и прохаживаюсь, а иногда бегаю вдоль самого края моего тесного мирка. Бывает также, что карабкаюсь на мое трехсотфутовое дерево, прыгаю с ветки на ветку, а по самым крупным сучьям даже бегаю взад-вперед.

Человечество, как утверждают, произошло от обезьян. Если так, я, в каком-то смысле слова, регрессировал до обезьяны. Что из того? Столько радости в моих играх на дереве. И, кажется, имеет смысл завершить круг: обезьяна — человек — обезьяна. Это похоже также на символ движения Реки от Северного полюса к Южному и обратно к Северному.

То, что уходит, должно приходить обратно. В иной форме, возможно. Но важна сущность. Дух формируется внутри материи. Без материи у него нет сосуда. Конечно, я не имею в виду Дух. Затем настает время, когда материальное умирает. Дух тоже умирает? Не больше, чем бабочка, когда превращается из куколки во взрослое насекомое.

Дух может отправляться в место, где, в отличие от этой Вселенной, но наподобие того, как обстоит с духом, материя не нужна. Или это просто мысли, порожденные надеждой, защищающей от страха смерти? И, таким образом, ничего не

значащие. Из десяти желаний не создашь кусок пирога.

То и дело странным кажется произносить «Я» — в первом лице единственного числа. Много лет в этом мире я называл себя Доктор Фаустролл, и все, с кем я встречался, думали, будто это и есть мое имя. Много раз я и впрямь забывал, что с рождения носил имя Альфред Жарри. Литературный персонаж, которого я выдумал на Земле, стал мной. И у меня не было индивидуальности. Фаустролл был лишь частью всеобъемлющего «мы». Но здесь, в этом месте на Реке, где-то в северном умеренном поясе планеты, «мы», которое было «я» в самом начале, а затем стало «мы», опять превратилось в «я». Все равно, как если бы бабочка регрессировала до куколки, а затем вновь воспарила бабочкой.

И что же, второе «я» превосходит первое? Не знаю. Есть ли какое-нибудь место на Реке, которое лучше любого другого? Не знаю. Но я знаю, что мы, мои спутники и я, странствовали и бились много лет на многих миллионах миль Реки, поднимаясь все выше по течению, хотя часто то был путь с севера на юг или на восток, или на запад, ибо Река блуждает, извивается и делает петли. Но мы неизменно шли против течения.

Затем мы остановились, чтобы отдохнуть ненадолго, как и раньше делали во время странствия, когда уставали от сражений, от плавания и от общества друг дружки. Здесь я встретил Рабиа. И остался.

Ивар Бескостный, наш вожак, огромный бронзововолосый викинг, не казался удивленным, когда я сказал ему, что не отплываю с ним поутру.

— В последнее время ты как будто думал куда больше, чем подобает мужчине, — заметил он. — Ты всегда был чудным, явно отмеченным богами, человеком с мозгами набекрень. — Он приподнял бровь, ухмыльнулся, косясь на меня, и продолжал. — Или твой дух ослабел из-за того, что тебя прельстила эта смуглая женщина с носом ястреба и глазами лани, которую ты здесь встретил? Она разожгла в тебе страсть? Я заметил, что прежде ты не был падок на женщин. Это так? Ты отрекаешься от нашей цели ради пары великолепных грудей и жарких бедер?

— Плоть здесь совершенно ни при чем, — ответил я. — В сущности, Рабиа соблюдала целомудрие всю свою жизнь на Земле, была девой, святой. Воскресение во плоти здесь не изменило ее отношения к земным страстям. Нет, безуслов-

но, не влечение к ее телу удерживает меня здесь. Это влечение к ее разуму. Нет, вовсе не это. Меня влечет к Богу!

— А! — сказал викинг. И больше ничего на этот счет не говорил. Пожелал мне удачи и подался прочь.

Я провожал взглядом его широкую спину и чувствовал какое-то сожаление, я что-то утратил. Но мне показалось, что его утрата куда больше моей. Много лет назад он испытал то, что я могу назвать только мистическим мигом. Из темного неба, когда мы уходили на лодке от врагов, твердо решивших с нами покончить, его охватило нечто яркое. Это было очевидно, хотя он никогда об этом не упоминал. Но с того самого мига он потерял желание завоевать участок мира Реки, править им и расширять свои владения настолько, насколько позволят ему его оружие и ум. И он никогда больше не нападал ни на человека, ни на целое государство. Он бился только ради самозащиты, хотя и весьма свирепо.

Его тело и душа всегда тянули его вверх по Реке. Однажды, как он хвастал, он доберется до моря у Северного Полюса и пойдет на приступ огромной башни, которая, как говорили многие, там стоит. И он возьмет за горло обитателей башни,

заставляя их признаться, кто они, почему сотворили эту планету и Реку, как воскресили всех земных мертвецов и перенесли сюда, и почему это сделали.

Эта клятва дает повод считать его простаком. Во многих отношениях так и есть. Но он — не просто жестокий, кровожадный и охочий до грабежей дикарь. Он крайне проницателен, весьма любопытен и очень наблюдателен, особенно касательно тех, кто проповедует веру в богов. Он когда-то был языческим жрецом и чародеем у себя дома, и теперь скептически относится ко всем религиям. Незадолго до конца жизни, когда он был королем в Дублине, его обратили в христианство. Он согласился просто на всякий случай — а вдруг эта вера окажется истинной. Ведь он ничего не проиграл бы.

Он умер в 873 г. Р. Х. После воскресения, став снова юношей на берегу Реки он отверг крест и стал агностиком, хотя упорно призывает Одина и Тора, когда ему приходится жарко. Привычки — дело упрямое. Иногда случается умереть не раз и не два, прежде чем отомрет привычка. То может быть одним из посланий Мира Реки.

Натура Ивара определенным образом изменилась. Теперь вместо мощи воителя и государя он

возжаждал мощи знания истины. Шаг вперед, да. Но — недостаточный. Как он собирался применить свои знания? Я подозревал, что для него может быть великим искушением заполучить знание, вырвав его у владык этого мира, если такое вообще получится, исключительно себе на благо. Он желал истины, но не Истины.

И еще был Эндрю Дэвис, американский врач, остео- и невропатолог. Он умер в 1919 г. Р. Х. Но пробуждение у Реки, хотя и смутило его, не заставило отвергнуть его фундаменталистскую Церковь Христову. Как и многие верующие, он прибег к обоснованию, что Мир Реки — место испытания для тех, кто причисляет себя к христианам, предусмотренное промыслом Божиим. И то, что о нем не упоминается в Библии, лишь новое доказательство неисповедимости путей Господних. Когда он услышал молву, что некая женщина зачала и родила мальчика, он поверил, что это вновь родился Сын Божий. И пустился вверх по Реке, чтобы отыскать женщину и ребенка.

Несколько лет назад он встретил человека, который знал Иисуса на Земле. Этот человек поведал Дэвису, будто снова встретил Христа на берегу Реки. И свидетельствовал о казни Иисуса

христианскими фанатиками. И признал тогда Дэвис, что этот Иисус был еще одним безумцем, который вообразил себя Мессией? Нет! Дэвис сказал, что свидетель солгал. Он был орудием Дьявола. Полагаю, вполне возможно, что где-нибудь в этом мире у женщины случилась ложная беременность. И что рассказ об этом исказился за много лет, распространившись на много миллионов миль. Результат: молва утверждает, будто женщина родила в мире, где все мужчины и женщины бесплодны. И, разумеется, ее дитя — сам Спаситель.

Так Дэвис отправился с Иваром в его лодке, а я остался. Дэвиса не больно-то увлекало путешествие к предполагаемой башне среди предполагаемого Северного Полярного Моря. Он надеялся, жаждал найти Сына Девы где-нибудь к северу отсюда, и броситься в благоговении к ногам сына. Которому теперь должно быть, приблизительно, тридцать лет — если он существует. А это, безусловно, не так.

После того, как Ивар и его люди отплыли, прошло семь лет. За это время я повстречал множество десятков групп мужчин и женщин, которые пробирались вверх по Реке, чтобы штурмовать башню. То были страстные искатели

истины, за что я их уважаю. Один из них был мужчина, утверждавший, что он араб. Но кое-кто из его спутников говорил, и я нашел этому подтверждение, что он в действительности был англичанином, который жил в девятнадцатом веке. Более или менее мой современник. Его фамилия была Бартон, в свое время он пользовался известностью, примечательная личность, автор многих книг, говоривший на многих языках, сильный фехтовальщик, легендарный исследователь многих стран в Африке и кое-где еще. Его спутники сказали, что он случайно пробудился в палате предвоскрешения, созданной теми же таинственными существами, которые сотворили и планету. Они опять усыпили его., но ему с тех пор опять доводилось встречаться с ними, и они его разыскивали. С какой целью, не знаю.

Подозреваю, что эта история — одна из множества занимательных баек, которыми полнится Мир Реки. Если кто-либо сможет добраться до башни, одолев множество неодолимых на вид препятствий и схватить владельцев башни за горло, то у него бы это вышло. По крайней мере, такое впечатление он на меня произвел. Но он уплыл вверх по Реке, и больше я о нем ничего не слышал. Другие искатели последовали за ним.

Все это время я был учеником Рабиа, арабской женщины, которая жила с 717 по 801 гг. Р. Х. Она родилась в Басре, городе на Шатт-аль-Араб, реке, рождающейся у слияния Тигра и Евфрата. То была территория древней Месопотамии, где некогда возникла цивилизация Шумеров, за которой последовали Аккадская, Вавилонская и Ассирийская, и многие другие, которые возникали и рушились, и покрывались прахом. Родной город моей наставницы, Басра, находился недалеко от Багдада, которые, как мне говорили, был столицей мусульманского государства, называемого Ирак, в середине двадцатого века. Рабиа была суфием, и пользовалась известностью в мусульманском мире в свое время и позднее. Суфии — это мусульманские мистики, чей нетрадиционный подход к религии часто навлекал на них преследования правоверных. Это меня не удивило. Повсюду на Земле догматики ненавидели тех, кто ищет, и здесь, в Мире Реки, ничего не изменилось. Не так уж странно и то, что после смерти суфии часто становились святыми для правоверных, когда больше не казались опасными. Рабиа открыла мне, что довольно долго существовали иудейские и христианские суфии, хотя и немногочисленные, и что они приняты

как равные суфиями-мусульманами. Любой, кто верует в Единого Бога, может стать суфием. К атеистам взывать не стоит. Но есть и другие требования к суфиям, и они очень суровы. Также, в отличие от догматиков, мусульманские суфии искренне веруют в равенство мужчин и женщин, что для догматиков неприемлемо.

Многие мои друзья из Парижа конца XIX — начала XX века (Аполлинер, Руссо, Соти и многие другие, имя им легион и они — легенда, великие поэты, писатели, живописцы, порвавшие с догматизмом во имя будущего, где они теперь?) скривились бы или с презрением расхохотались бы, если бы узнали, что я стремлюсь сделаться суфием. Иногда я и сам над собой смеюсь. Кто лучше пригоден для такого?

Рабиа говорит, что она шествовала по Тропе ввысь, пока не познала предельный экстаз при виде Славы Божией. Возможно, и я на это способен. Гарантий нет. Она — моя наставница, но лишь я сам через свои собственные усилия могу достичь того, чего достигла она. Это совершали и другие, пусть совсем немногие. А затем она добавляет, что мои устремления могут оказаться тщетными. Бог избирает тех, кому дано постичь Путь, Тропу, Истину. Если я не избранный, tant

pis, je suis dans un de ces merdiers, quel con, le bon Dieu![71]

Почему я, Альфред Жарри, некогда называвший себя Доктор Фаустролл, сатирик, издевавшийся над лицемерами, филистерами, ортодоксами и самоослепленными глупцами, разоблачитель и преследователь прочих, мертвых душой, твердолобых, увязших в болоте истово верующих… почему я теперь взыскую Бога и желаю трудиться так, как никогда доселе не трудился, чтобы стать рабом Божиим, не говоря уже о покорности Рабиа? Почему я это делаю?

Есть много объяснений, в основном — психологических. Но психология никогда и ничего не объясняет удовлетворительно. Я наслушался о Рабиа в течение некоторого времени и пошел послушать ее саму. Я всегда изучал и портретировал абсурд, и не желал упустить тот особый род абсурда, который представляла собой она… Я думал поболтаться на краю толпы ее учеников, жаждущих знаний и праздно любопытствующих. То, что она говорила, не казалось отличным от того, что проповедовали другие представители многих вероисповеданий. Разговоры о Пути и

[71] notes: 71

Тем хуже, значит, я в полном дерьме, какая же зараза этот боженька! *(франц.)*

о Тропе — дешевка, различаются лишь имена основателей сект да их последователей.

Но эта женщина, казалось, излучала нечто такое, чего я никогда не подмечал в других. И в ее словах мне почудился смысл, даже если они были, согласно логике, абсурдны. А затем она бросила на меня взгляд краем глаза. И словно ударила молния, и объединились позитивные и негативные ионы. Я увидел нечто неопределимое, но магнетическое в этих черных оленьих глазах.

Короче, я выслушал ее внимательно, а затем поговорил с ней, и пришел к убеждению, что то, о чем она говорит — крайний абсурд. Но «Верую, ибо абсурдно». Это изречение не выдерживает логического анализа. Но, вообще-то, оно для такового и не предназначалось. Оно взывает к духу, а не к разуму. В нем есть тонкий смысл, уловить который не легче, нежели винные пары. Нос обоняет их, а рука удержать не может.

Далее — метод обучения, следовать которому требует от посвященных наставник-суфий. Его предназначение — вести учеников вверх физически, умственно и духовно. Часть его — ничто не считать само собой разумеющимся, просто потому, что так принято. Су фи никогда не верит

в то, что «всякий знает», «говорят, что…» Я и сам такое отверг, но метод оценки суфиев отличен от моего. Я подчеркивал несообразности. Они прививают посвященным привычку оглядывать любую вещь со всех сторон, а также учить непосвященных, если это возможно. Я никогда не верил, что моя сатирическая поэзия, романы, пьесы и живопись просветят хотя бы одного-единственного филистера. Я взывал лишь к умам тех, кто уже был со мной согласен.

Итак, под руководством Рабиа я продвигался все дальше, хотя и не очень скоро. Я служил ей и физически, обязанный приносить одно и уносить другое, во всякий момент бодрствования ожидающий приказа. К счастью, она любила рыбачить, и мы много часов предавались этому столь милому мне занятию. Я служил также ей духовно, слушая ее рассуждения и замечания о наблюдениях, раздумывая о них, отвечая на ее бесчисленные вопросы, предназначенные для проверки того, насколько я понимаю ее наставления и насколько двигаюсь вперед. И служба моя должна была продолжаться, пока я ее не покину или, пока, как и она, достигнув высокой степени совершенства, не запылаю экстатическим пламенем Единого.

С другой стороны, а что еще важного я совер-

шил?

Когда Рабиа услышала это мое замечание, она упрекнула меня:

— В жизни есть место веселью, но слишком часто оно указывает на легкомысленный ум и недостаток чувства ответственности, — заметила она, — а это — существенное нарушение в характере. Или боязнь того, над чем смеются. Помедитируй над этим. — Сделала паузу, затем добавила. — Думаю, ты веришь, что можешь добиться того, что увидишь Единого моими глазами. Но я — только учитель. Ты один способен найти Путь.

И немного спустя после этого она решила вскарабкаться на вершину монолита. Здесь, если вершина окажется необитаемой, она хотела остаться надолго. Она предполагала взять с собой троих из своих учеников, если те пожелают ее сопровождать.

— И как долго, о сосуд внутреннего света, мы там пробудем? — спросил я.

— Сперва пусть наши волосы отрастут настолько, что достанут до икр, — отвечала она. — Затем мы острижем их наголо. И когда, после множества стрижек, мы накопим достаточно волос, чтобы сделать из них веревку, которой хватило

бы, чтобы спуститься сверху на землю, тогда мы покинем монолит.

Срок показался долгим, но четверо из ее учеников заявили, что последуют за ней. Я был одним из них. Гаворник, чех из шестнадцатого века, колебался. Он признался, что, как и те, кто отказался с ней идти, боялся лезть наверх. Но в конце концов сказал, что попытается преодолеть недостаток храбрости. Он пожалел об этом решении по дороге наверх, поскольку мог пользоваться только пальцами рук и ног, чтобы цепляться за выступы, впадины и неровности скалы, а многие из них были совсем маленькими. Но он добрался до вершины. И там улегся и дрожал в течение часа, прежде чем обрел достаточно сил, чтобы встать. Гаворник был единственным, кто боялся. Но и он победил свой страх. Таким образом, он оказался самым храбрым среди нас. Хотел бы я, чтобы он с такой же храбростью выбрался из своего Я, с какой вскарабкался на скалу. Впрямь я ли этого желаю? В конце концов, он мог бы избавить меня от моего Я.

Через три дня после того, как мы попали на вершину, я нашел Артефакт. Я шел к небольшому озерцу порыбачить, когда увидел что-то, торчащее из грязи у корней большого куста. Не знаю

уж, как я его различил, ибо оно было запятнано грязью и лишь слегка выступало наружу. Но я отличался любознательностью и подошел к нему. Склонившись поближе, я разглядел, что верхушка у него в форме луковицы. Коснулся. Твердая, как металл. Поковырявшись в мягкой земле вокруг, я вытащил нечто, сделанное человеком. Или кем-то разумным, в любом случае. Это был цилиндр около фута в длину и три дюйма в диаметре. И на каждом конце — луковица в натуральную величину.

Крайне взволнованный, я отмыл его в ручейке. То был черный металл — и никаких кнопок, панелек, реостатов или чего там еще. У меня, конечно, не имелось ни малейшего понятия, кто создал эту штуку, и что она может, и почему ее оставили или потеряли на этой почти неприступной скале. В тот день я позабыл о рыбалке.

После того, как в течение часов ощупывал находку, вертел ее в руках, стискивал и так далее, надеясь отыскать способ ее активировать или открыть секцию, где окажется пульт управления, я отнес ее к Рабиа и остальным. Рабиа выслушала меня, затем сказала:

— Ее могли оставить здесь случайно создатели этого мира. Если так, они не боги, вопреки

предположениям многих. Они — люди вроде нас, хотя могут отличаться строением тела. Или, возможно, эта вещь была оставлена здесь с некоей целью, входящей в их план. Неважно, кто ее сделал и для чего она предназначена. Это не имеет никакого отношения ко мне или к вам. Это может быть лишь задержкой, препятствием, камнем преткновения на Тропе.

Меня ошеломило столь явное отсутствие научного любопытства — или какого-либо иного. Но, по размышлении, я признал, что наставница по-своему права. К несчастью, я всегда слишком интересовался математикой, физикой и технологией. Я не хвастаюсь (хотя, почему бы и нет?), но я весьма поднаторел в этих отраслях науки. Фактически, я однажды спроектировал машину времени, в отношении которой множество народу почти убедилось, что она будет действовать. Почти, повторяю. Никто, включая меня, никогда не построил ее, чтобы проверить здравость идеи. Потому что путешествия во времени представлялись невозможными в соответствии с наукой тех дней. Порой я задумываюсь, а не следовало ли мне все-таки ее построить. Возможно, путешествия во времени невозможны большей частью. Но не исключено существование момен-

тов, когда они весьма возможны. Я патафизик, а патафизика, помимо всего прочего — наука об исключительном.

Рабиа не приказала мне избавиться от Артефакта и забыть о нем. Как ее ученик, я обязан повиноваться ей, хочется мне этого или нет. Но она достаточно хорошо знала меня, чтобы догадываться, что мне нужно поэкспериментировать, пока я не оставлю попытки определить назначение этого предмета. И возможно, она надеялась преподать мне важный урок вследствие моей готовности на время уклониться с Тропы.

На третий день после того, как я нашел таинственную вещь, я сидел на ветке большого дуба и рассматривал эту штуку. И тут услышал голос. Женский голос, говоривший на языке, которого я не знал и никогда прежде не слышал. И он исходил из одной из луковиц на концах цилиндра. Меня это настолько напугало, что я замер на несколько секунд. Затем приложил конец к своему уху. Тридцать секунд спустя лепет прекратился. Но затем из луковицы на другом конце заговорил мужчина.

Когда он умолк, зеленый луч, достаточно яркий, чтобы увидеть его днем, вырвался наружу. Но он угас в четырех футах от своего источника, луко-

вицы. И, угаснув, породил в воздухе картинку. Движущуюся картинку. Там ходили и разговаривали, вполне различимо, трехмерные персонажи. Всего действовало трое, и все — красавцы: монгольский по типу мужчина, индоевропейская женщина и женщина-негритянка, все — в тонких одеждах, наподобие древнегреческих. Они сидели за столиком с выгнутыми ножками, которым резьбой было придано сходство с животными, неизвестными земной зоологии. Они оживленно беседовали друг с другом и, то и дело, говорили что-то в приборы, в точности такие же, как и тот, что у меня в руке. Затем их образы растаяли в свете солнца. Я попытался вернуть их, повторяя последовательность нажатия пальцев на цилиндр, после которой они появились. Ничего не произошло. И не ранее, чем ночью трое суток спустя я оказался способен активизировать этот прибор. На этот раз образы были не ярче. Очевидно, прибор автоматически приспосабливался к избыточному освещению. Изображение представляло собой какое-то место на Реке и, похоже, там стоял день. Обычные мужчины и женщины в полотенцах удили рыбу и беседовали. Говорили они на эсперанто. За Рекой виднелись круглые бамбуковые хижины с тростниковыми кровлями

и множество народу. Ничто не представляло особого интереса. Разве что один из мужчин выглядел поразительно похоже на мужчину в проекции первого эпизода, встречи за столом.

Из этого я сделал вывод, что творцы Мира Реки, а у меня не оставалось сомнений, что это и есть его творцы, разгуливают среди обитателей Речных берегов, замаскированные под таковых. Какая-нибудь машина, сделавшая эту запись, должна быть установлена в валуне или в одном из несокрушимых и несгораемых железных деревьев, каковые растут здесь повсеместно.

В тот миг, когда проектировалась новая сцена, присутствовали Рабиа и Гаворник. Она заинтересовалась, но сказала:

— Это не имеет с нами ничего общего.

Однако, Гаворник взволновался, и был немало разочарован, когда картинка угасла. Я позволил ему попытаться реактивировать прибор после того, как не справился сам. Он тоже не справился.

— Должен быть какой-то способ им управлять, — сказал я. — Я установлю, каков он, если даже сотру его пальцами, нажимая то здесь, то там.

Рабиа нахмурилась, затем улыбнулась и заявила:

— Это можно до тех пор, пока твоя игрушка не мешает тебе шествовать по Тропе. Не вредно получить немного удовольствия, если по существу оставаться серьезным.

— Любое удовольствие по существу своему серьезно, — заметил я.

Она задумалась на миг, затем улыбнулась и кивнула.

Но я стал одержим возней с Артефактом. Когда следовало сосредотачиваться на словах Рабиа, я думал о приборе. Когда я только мог, я удалялся на дерево или усаживался на ободке монолита. И пережил моменты, когда казалось, будто я на краю того, что написал на Земле о боге. То была формула, к которой я пришел. Ноль равен бесконечности. Формула Бога и, порой, как казалось, моя душа, если она у меня вообще имелась, избавлялась от бренной плоти. Я был близок к тому, чтобы осознать всем существом истину, таящуюся за моим уравнением. Я почти что сорвал маску с Реальности.

Когда я поделился этим с наставницей, она сказала:

— Бог — это математическое уравнение, но Бог — это также и все что угодно другое, хотя Дух отделен от Самости.

— Я не могу увидеть больше смысла в том, что говоришь ты, чем в том, что сказал я, — ответил я.

Она только заметила:

— Возможно, ты приближаешься к Единому. Но не с помощью этой игрушки. Не принимай ее за свой Путь.

В ту ночь, пока остальные спали, я сидел на ободке и наблюдал за кострами далеко внизу. Люди сидели или плясали вокруг огня, или же падали спьяну на землю. И тогда я стал думать о годах, прожитых в прежнем мире и здесь, и проникся к этим людям жалостью, смешанной с отчаянием. А также к себе и своей Самости.

Я написал множество пьес, рассказов и стихов о тупицах, лицемерах, дикарях, глупцах и об эксплуататорах жалких и обреченных масс. Я насмехался надо всеми, над хозяевами и массами, с их пороками и низким интеллектом. И все же была ли в том их вина? Не родились ли они, чтобы сделаться тем, чем стали? Не действовал ли каждый из них в соответствии с тем, чего не мог превзойти? Или, если немногие обладали чутьем и склонностью к озарениям, и храбростью действовать, полагаясь на них, разве и они не родились для этого?

Так можно ли просто восхвалять или осуждать любого из нас? Те, кто, казалось бы, подняли себя за шнурки своих ботинок на более высокий уровень, сделали это лишь потому, что их врожденные качества сотворили их судьбы. Они не заслуживают ни порицания, ни хвалы.

Мне показалось, что нет такой вещи, как изначально свободная воля.

Так, если я тоже достигну экстаза и блаженства, как Рабиа, то лишь потому, что меня ведет наследие моей плоти. И потому что я достаточно долго проживу. С чего бы Рабиа или меня следовало вознаградить, если Бог, так сказать, пожелал этого? И есть ли в этом честность или справедливость? Эти ничтожества и пошляки, скачущие внизу, не могут быть ничем иным. Не можем и мы с Рабиа претендовать на превосходство в добродетели. Где же тогда честность и справедливость?

Рабиа сказала бы мне, что на все есть Божья воля. Однажды, если я достигну определенного уровня духовного развития, я постигну Его волю. Если нет, значит, мне назначена участь одного из тех ничтожеств, коими прежде полнилась Земля, а ныне полнится Мир Реки. С другой стороны, наставница часто говаривала, что все из нас способны достичь единения с Богом. Если Он

этого желает.

В этот миг мои суетливые действия с прибором, кажется, активизировали его. Зеленые лучи вылетели из обеих луковиц, изогнулись — нет, то не мог быть настоящий свет — и встретились в двенадцати футах от меня. И в точке соединения возникло мужское лицо. Оно было огромным и хмурым, и зазвучали слова, которые казались угрожающими. Несколько минут спустя, в то время как я сидел, не двигаясь, словно загипнотизированный доктором Месмером, эту тираду прервал женский голос. Он был приятный и ласковый, но, тем не менее, полный силы. Еще несколько минут спустя разгневанное лицо стало мягче. И вскоре уже улыбалось. А затем передача прекратилась.

Я вздохнул и задумался. Что это значило? Имеет ли оно какой-то особый смысл для меня? И если да, то почему?

Меня вывел из задумчивости голос Рабиа. Я обернулся и встал, глядя ей в лицо. Оно выглядело суровым в ярком звездном свете. Гаворник стоял позади нее.

— Я видела и слышала, — сказала она. — И теперь понимаю, куда это тебя ведет. Ты размышляешь о разгадке тайны, связанной с этой

машиной вместо того, чтобы приобщаться к Тайне, данной Богом. Это никуда не годится. Для тебя настало время выбирать между Сотворенным и Творцом. Пора!

Я колебался долгое время, а она стояла без всякого движения в теле или на лице. И наконец, я протянул ей прибор. Она взяла его и передала Гаворнику.

— Возьми это и погреби там, где он не найдет, — распорядилась она. — В этом нет для нас никакой ценности.

— Я этим немедленно займусь, наставница, — сказал чех. Он исчез в кустах. Но на рассвете, когда я гулял вдоль ободка, усталый от бессонницы и недоумевающий, вполне ли правильно поступил, я увидел Гаворника. Он спускался вниз по расселине в камне, через которую мы вступили некогда в этот маленький мир над миром. Его грааль был привязан к спине. Артефакт покачивался у него на груди на конце волосяной веревки, обвивавшей его шею.

— Гаворник! — крикнул я. Я подбежал к краю ободка и поглядел вниз. Чех был не очень далеко от меня. Он поглядел вверх, огромными и одурелыми глазами и ухмыльнулся.

— Поднимайся обратно! — прокричал я. — Или

я сброшу на тебя камень!

— Нет, не сбросишь! — проорал он. — Ты выбрал Бога! А я выбрал эту машинку! Она настоящая! Она твердая, имеет практическую ценность и может дать ответы на мои вопросы, в отличие от воображаемого существа, в подлинности которого меня на время убедила Рабиа! Для тебя это никчемная игрушка, так не все ли тебе равно? Или ты передумал?

Я колебался. Я мог последовать за ним вниз и там вырвать у него прибор. Я жаждал этого; меня сокрушало чувство утраты. Я слишком поспешил накануне, слишком благоговел от присутствия Рабиа, чтобы думать ясно.

И вот я стоял, глядя вниз на него и на Артефакт, долго-долго. Если я попытаюсь отнять у него машинку, возможно, мне придется его убить. А затем окажусь среди многих, которые могут пожелать завладеть машинкой и убить меня, чтобы ее заполучить, если повезет.

Несколько раз Рабиа говорила нам:

— Убивать ради вещественных благ или во имя идеи — это зло. Это уводит с Пути.

Я боролся с собой, подобно тому, как боролся Иаков с ангелом у подножия Лестницы. То была не спортивная схватка, а суровая и отчаянная

борьба.

И затем я прокричал вниз Гаворнику:

— Ты пожалеешь о своем выборе. Но я желаю тебе удачи, желаю найти ответы на твои вопросы! Это не мои вопросы!

Я обернулся и вздрогнул. Рабиа стояла в десяти футах позади меня. Она не сказала ни слова, поскольку не хотела влиять на события. Я, я один должен был сделать выбор.

Я ожидал от нее похвалы, но она произнесла лишь одно:

— У нас много работы, — обернулась и зашагала к лагерю. Я последовал за ней.

Фармер Ф.

Ф24 Легенды Мира Реки. Тайны Мира Реки: Рассказы / Ф. Фармер; Пер. с англ. Г. Усовой, Т. Усовой; Худож. М. Калинкин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 652, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-012000-1

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир самой увлекательной и самой своеобразной саги за всю историю приключенческой научной фантастики!

Добро пожаловать в Мир Реки!

В мир, порожденный полетом воображения первого Великого мастера фантастики нового тысячелетия — Филипа Хосе Фармера!

В мир странной планеты, опоясанной миллиономильной Рекой. Рекой, на берегах которой загадочные «творцы» создали «искусственный рай». «Рай», в котором возрождаются ВСЕ люди, жившие когда-то на Земле. Возрождаются на берегах Великой Реки...

ISBN 5-17-012000-1

9 785170 120000